ГЕРЦЕН и ОГАРЕВ
в кругу родных и друзей

Литературное наследство

99

Книга вторая

ГЕРЦЕН и ОГАРЕВ в кругу родных и друзей

Почти половину второй книги т. 99 занимают проникнутые глубоким драматизмом письма к Герцену Н.А. Тучковой-Огаревой — бывшей жены Огарева, позднее гражданской жены Герцена и матери его младших детей. Этих писем в книге около 150. В них с большой полнотой освещена личная жизнь издателей "Колокола" и взаимоотношения с семьей. Многочисленные письма Натальи Алексеевны к биографу Герцена и Огарева Е.С. Некрасовой, письменно задававшей вопросы о жизни двух великих людей, с которыми была близка ее корреспондентка в течение нескольких десятилетий, представлены в книге в виде сводки извлечений и являются своего рода энциклопедией фактов и воспоминаний о Герцене, Огареве и их окружении.

К наиболее интересным и значительным публикациям книги, без сомнения, относятся письма старшей и любимейшей дочери Герцена Таты, которая была ему ближе всех и которую он считал своей "духовной наследницей". Живя многие годы в разлуке с отцом, она регулярно с ним переписывалась, делясь мыслями, переживаниями, художественными впечатлениями. Ответные письма к ней уже опубликованы в собраниях его сочинений; вместе с теми, которые печатаются в этой книге, они создают прекраснейший *диалог*, проникнутый нежностью, интеллектуальным общением и широтой душевных запросов.

Волнует построенная на неизданных материалах работа о младшей дочери Герцена и Тучковой-Огаревой — Лизе, одаренной девушке, покончившей с собой в 17-летнем возрасте. Как известно, ее трагической судьбой в свое время заинтересовался Достоевский, что получило отражение в его "Дневнике писателя".

Под заголовком "Соратники и противники" публикуется серия весьма содержательных писем к Герцену от польских демократов 1860-х годов (среди них Ворцель, Норвид, Лелевель...)

Литературное наследство

ГЕРЦЕН и ОГАРЕВ
В КРУГУ РОДНЫХ И ДРУЗЕЙ

КНИГА ВТОРАЯ

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

Серия основана в 1931 году
И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙНОМ и С. А. МАКАШИНЫМ

ТОМ ДЕВЯНОСТО ДЕВЯТЫЙ

В ДВУХ КНИГАХ

РЕДАКЦИЯ

Н. В. КОТРЕЛЕВ, Ф. Ф. КУЗНЕЦОВ (главный редактор),
А. С. КУРИЛОВ, К. Д. МУРАТОВА, П. В. ПАЛИЕВСКИЙ,
Л. М. РОЗЕНБЛЮМ, Н. Н. СКАТОВ, Л. А. СПИРИДОНОВА,
Н. А. ТРИФОНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 · 9 · МОСКВА · 9 · 7

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ГЕРЦЕН и ОГАРЕВ В КРУГУ РОДНЫХ И ДРУЗЕЙ

КНИГА ВТОРАЯ

Ответственные редакторы
Л. Р. ЛАНСКИЙ и С. А. МАКАШИН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 • 9 • МОСКВА • 9 • 7

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
им. А. М. ГОРЬКОГО

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект № 94-06-19943

РЕЦЕНЗЕНТЫ:
Е.Л. РУДНИЦКАЯ, Н.Я. ЭЙДЕЛЬМАН

год издания шестьдесят седьмой

ТП–94–I–№ 412

ISBN 5–02–011230–5
ISBN 5–02–011665–3 (кн. 2)

© Коллектив авторов, 1997
© Российская академия наук и издательство "Наука", серия "Литературное наследство" (разработка, составление, оформление), 1931 (год основания), 1997

ГЕРЦЕН И ОГАРЕВ В КРУГУ СЕМЬИ

Слева направо: стоят – Герцен, Тата и Саша Герцен; сидят – Н.А. Тучкова-Огарева с Ольгой Герцен, Огарев
Фотография. Лондон, 1857

Институт русской литературы РАН, С.-Петербург

НАТАЛЬЯ АЛЕКСЕЕВНА ТУЧКОВА-ОГАРЕВА

ПИСЬМА Н.А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ С.И. И Т.А. АСТРАКОВЫМ (с включением писем и приписок Герцена и Огарева), Г.Н. ВЫРУБОВУ, ГЕРЦЕНУ, А.А. ГЕРЦЕНУ, Н.А. ГЕРЦЕН (ЗАХАРЬИНОЙ), МАЛЬВИДЕ МЕЙЗЕНБУГ, ОГАРЕВУ, КАРОЛИНЕ МИШЕЛЬ, Е.С. НЕКРАСОВОЙ, Т.П. ПАССЕК И Е.А. САТИНОЙ

Публикации И.А. Желваковой, Л.Р. Ланского, С.Д. Лищинер, М. Мерво, И.Г. Птушкиной, Е.Л. Рудницкой и Т.Ю. Соболь

Н.А. ГЕРЦЕН (ЗАХАРЬИНОЙ) И ГЕРЦЕНУ

Статья и публикация Л.Р. Ланского [1*]

В конце 1847 г. восемнадцатилетняя Наталья Алексеевна *Тучкова* (1829–1913) вместе с родителями, сестрой и француженкой-гувернанткой отправилась в заграничное путешествие. Сосед по имению Огарев советовал им съехаться в Италии с Герценами; жене Герцена Наталье Александровне он настойчиво рекомендовал поближе сойтись с сестрами Тучковыми и взять их под свое покровительство. "Ты можешь иметь большое влияние на эти два очень милые существа, особенно меньшая заслуживает быть весьма развитою", – писал Огарев[1]. – "Право, стоит того, чтобы развить эту богатую натуру. Дай ей смысл к изящному, который, *по данным*, всего менее мог развиться"[2].

Меньшой была Натали.

В ее незаурядности Огарев не сомневался. И, действительно, это была ярко выраженная индивидуальность с серьезными, хотя и довольно неопределенными запросами, "энергическим", как тогда говорили, характером, решительная, свободолюбивая, бескомпромиссная. Своими сословными привилегиями она не дорожила, пренебрегала общепризнанными условностями, готова была, подобно лучшим из декабристок, без колебаний отречься от своего древнего дворянства и пожертвовать собой во имя любимого человека или личной независимости. Она преклонялась перед возвышенной жертвенностью декабристов, их повседневным героизмом, и это наложило на ее понятия своеобразную печать.

"Геройство и преданность были моими идеалами с детства, – писала она полвека спустя. – Кроме того, что было в моей натуре, громадное влияние имели на меня рассказы отца моего о декабристах, о их мучениях, беззлобности и терпении; вдобавок, мне приходилось тогда видеть некоторых из них – и это был праздник, торжество для меня"[3].

От отца-декабриста и Огарева она немало слышала о Герцене, сосланном вслед за деятелями 14 декабря на Север. Его романтическая женитьба на прекрасной кузине, тайком увезенной под венец, волновала ее воображение. Разумеется, ей и в голову не приходило, что через несколько лет она сама станет женой Герцена, матерью троих его младших детей и мачехой старших...

[1*] Письмо 9 публикуется С.Д. Лищинер.

Французские письма (1–7) перевел Л.Р. Ланский.

Встречаться с Герценами Натали приходилось еще в детстве, во время ее ежегодных приездов с родителями в Москву. В 1842 г. Герцен навещал ее отца и, как Огарев, вероятно, любил с Тучковым "порассуждать, любил слушать его рассказы о 14-м декабря, о друзьях-декабристах"[4]. В обширной памятной записке о Н.А. Герцен, составленной для Е.С. Некрасовой (публикуется ниже), она отмечает, что Герцен в 1842 г. читал у Тучковых свои статьи и ненапечатанные главы из "Кто виноват?". "Моему отцу очень нравилась Наталья Александровна Герцен, – добавляет она, – он познакомил нас с ней, она нас звала, просила навещать, но сама редко выезжала, потому что была очень слаба"[5].

Таким образом, встреча с Герценами в Риме, где Тучковы разыскали их в середине декабря 1847 г., представляла собой не новое знакомство, а продолжение прежних отношений.

Обе семьи тесно сошлись... Слово "сошлись" слабо характеризует сближение "двух Натали". С первой же встречи их как бы сплавила воедино сверхромантическая дружба-любовь – жгучее, экстатическое чувство, преобразившее жизнь не только юной провинциалки, но и тридцатилетней матери семейства. Это чувство, по словам Н.А. Герцен, внесло в ее душу много прекрасного, возродило в ней энергию, придало новый смысл ее существованию. "Я тебя люблю, влюблена в тебя..." – повторяла она на разные лады. "Ни одна женщина не была любима так женщиной, как ты ⟨...⟩ В тебе, Natalie, только в тебе я нашла товарища, только такой ответ на мою любовь, как твоя, мог удовлетворить меня, оттого, что я отдаюсь с увлеченьем, страстно"[6].

В Риме, Неаполе, а затем в Париже подруги были почти неразлучны... Родителей Натали не могло не тревожить чрезмерное, по их мнению, сближение младшей дочери с Натальей Александровной. Экстравагантные принципы свободы, "увлечений и страстей", открытое презрение к "мещанским" формам поведения и морали, вероятно, приводили их в ужас. Легко себе представить, как воспринимал уездный предводитель дворянства А.А. Тучков, несмотря на все свое вольномыслие, прогулки по Парижу его юных дочерей с Н.А. Герцен в мужских костюмах. Эта "прелестная дама" (определение Тучкова)[7], по его мнению, сбивала с толку и без того неуравновешенную и строптивую девушку. А как, должно быть, возмущали его "эпикурейские" советы Натальи Александровны в письмах к его дочерям, вроде: "Не пренебрегайте настоящим, будущего нет ⟨...⟩ есть только то, что *есть*", "Живите полнее, мои милые, живите без оглядки", "Живите, живите жизнью, а не мушиным сном. Быть мухой нехорошо"[8], и т.п.

Свою юность, проведенную в родительском доме, Н.А. Тучкова-Огарева описала в мемуарах самым идиллическим образом. Отца, человека действительно достойного уважения и симпатии, она характеризует как исключительно благородную и обаятельную личность. С сестрой-погодкой Еленой жила она душа в душу. Их общая гувернантка Каролина Мишель, "образованная и начитанная особа", в прошлом – собеседница юного Лермонтова, была для нее с сестрой "не только наставницею, но и другом". К Тучковым наезжали гости; у них устраивались пикники и любительские спектакли, вносившие разнообразие в их повседневный быт. Сестер Тучковых безмерно радовали частые посещения обаятельного и благожелательного Огарева[9]. Он дружил с обеими сестрами, но особое предпочтение оказывал Натали. "Я к ним имею какую-то родительскую нежность, т.е. к Natalie, которая славное существо", – признавался он Герцену[10]. "Она даже хорошо сердится, хорошо нетерпелива. Я юнею, когда вижу и чувствую, как живо и молодо в ней возбуждает гнев какое-нибудь тупое притеснение", – сообщает он друзьям[11].

Несмотря на внешнее благополучие, внутренние бури раздирали семейство Тучковых. Смерть старшей дочери Анны болезненно поразила отца и сильно сказалась на его характере. Он стал чрезмерно требователен и придирчив – особенно в отношении "приличий", ориентируясь скорее на XVIII, чем на XIX век. В результате, юные барышни на родной дом стали смотреть как на своего рода тюрьму. Еще до отъезда соседей за границу Огарев констатировал, что Тучков "озабочен, раздосадован, печален и страдает и болен"[12]. Лучше всех, пожалуй, осведомленная Н.А. Герцен в одном из своих писем из Рима (1848) сокрушенно отмечает, что сестер Тучковых "не пощадила жизнь", что многое в них "подавлено, измято, убито", что они "устали от ненужной борьбы"[13]...

Трагический оборот, который приняла революция 1848 г., с энтузиазмом встреченная Герценами и Тучковыми, заставила Тучковых ускорить свой отъезд на родину. Это решение главы семьи вызвало у младшей Тучковой острый приступ отчаянья, мысль о разлуке (и какой разлуке – возможно, навеки!) со страстно любимой подругой и ее несравненным супругом была невыносима; безмерно обидно было покидать и "столицу мира", ее разностороннюю культурную и общественную жизнь. В письмах с дороги любовные признания, обращенные к Н.А. Герцен, перемежаются у Натали с сетованиями на свою горестную судьбу. "Порой я из-за вас проникаюсь такой ненавистью ко всей вселенной, что испытываю желание чинить зло всем без исключения", – мизантропически заявляет она Н.А. Герцен в письме из Берлина (п. 2). Разумеется, это лишь фраза, "экзажерация", а не патологическое чувство, но для умонастроений

Е.А. ТУЧКОВА (В ЗАМУЖЕСТВЕ САТИНА) И Н.А. ТУЧКОВА (В ЗАМУЖЕСТВЕ ОГАРЕВА)

Пересъемка с утраченного дагерротипа 1847 г.

Внизу подпись неизвестной рукой: "Е.А. Сатина, Н.А. Огарева до 1848 года". На обороте той же рукой: "... Фотография снята с дагерротипа от 1847 года. Обе еще не замужем"

Музей Герцена, Москва

"До осени ⟨1848 г.⟩ мы были окружены своими, сердились и грустили на родном языке. Т⟨учковы⟩ жили в том же доме" ("Былое и думы")

Тучковой того времени она достаточно характерна. Ближайший ее конфидент, Огарев, заявляет в одном из писем к Герцену: "Иногда мне нельзя оспаривать ее презрение к жизни, потому что, что́ же, в самом деле, дает ей жизнь? Перспективу постепенно увянуть в деревне с утешительной мыслью, что мордва будет плакать на похоронах? Право, тут не за что любить жизнь. А положение почти sans issue[2*] ⟨...⟩ Чувствую, что на бедных детей, как они возвратились в деревню, пахнуло мертвящим образом и готов на всякую оппозицию в пользу их"[14].

Весной-летом 1848 г. Натали почти ежедневно встречалась с И.С. Тургеневым, откровенно увлекшимся юной "дурнушкой". Вероятно, она заинтересовала его как оригинальный женский характер, недавно развившийся в русской глуши, в мире провинциальных "дворянских гнезд".

«Он приходил к нам ежедневно, иногда чтобы играть в шахматы с моим отцом, иногда исключительно для меня, с остальными дамами он только здоровался ⟨...⟩ – вспоминала Наталья Алексеевна в 1880-х годах. – Тургенев любил читать мне стихотворения или рассказывать планы своих будущих сочинений ⟨...⟩ Он написал тогда маленькую комедию "Где тонко, там и рвется", прочел ее у нас и посвятил мне ⟨...⟩ Я была ⟨...⟩ очень польщена постоянным вниманием Ивана Сергеевича ко мне, но я оставалась совершенно спокойна, и мысль полюбить его никогда мне не приходила в голову; я не кокетничала, но видела в Тургеневе особенно талантливого и оригинального человека, и мне это нравилось; бывало только иногда досадно на насмешки дам, которые меня дразнили, называя внимание Тургенева ухаживанием»[15].

Хотя чувство Тургенева к Тучковой, надо думать, не имело матримониальной подоплеки, но все ж оно являлось чем-то бóльшим, нежели простое внимание. Об этом можно судить и по следующей надписи, сделанной им в августе 1848 г. на первом листке миниатюрной запис-

---

2* безвыходное (*франц.*).

ной книжки: "Эта книжечка подарена мною Наталье Алексеевне Тучковой перед ее отъездом из Парижа, во-1-х, для того, чтоб она напоминала ей о человеке, который очень ее полюбил, – во-2-х, для того, чтобы она (Наталья Алексеевна) удерживалась от крепких напитков; в-3-х, наконец, для того, чтобы она не принимала никогда сильных решений – не взглянувши на эти строки и не вспомнивши наших разговоров. – А, впрочем, желаю ей здоровья, веселья, счастья и СВОБОДЫ... До свиданья"[3*].

Несмотря на шутливый тон, последние строки звучат довольно многозначительно. В них отблески признаний – быть может, *исповеди*.

Вступление Натали в гражданский брак с Огаревым – почти без всякой надежды на официальное оформление – не могло не поразить Тургенева и, надо думать, в какой-то мере было им творчески осмыслено в повестях 1850-х годов при создании образов так называемых "тургеневских девушек", решительность, инициативность и готовность к самопожертвованию которых являлись чуть ли не главными компонентами их характеров.

Впоследствии отношение Тургенева к его бывшей "пассии" резко изменилось к худшему[17].

Мысль о самоубийстве в конце 1840-х годов не раз возникала у Натали и ее сестры, чрезмерно драматизировавших тяжесть своего положения.

"Право, ужасно жаль этих юношей[18], полных жизни и надежд, и которым, право, остается выбор один: уйти или умереть. Приезжай сюда и увези их с собой, с его согласия или без оного", – взывал он к Н.А. Герцен. И в том же письме сообщал: "M-lle Natalie, которуя я люблю черт знает как и которая составляет здесь мою единую отраду, страдает она, вот что. Почему? Да потому, что жить скверно. К Ал⟨ексею⟩ Ал⟨ексеевичу⟩ я теряю с каждым днем уважение в его семейных отношениях. Мелкий, тупой эгоизм (вдобавок, бесхарактерный), домашняя тирания – вот Grundton[4*] его жизни"[19].

Огарев понимал, что поведение "милого и благородного человека"[20], Тучкова, вовсе не было следствием "мелкого эгоизма" или самодурства, а являлось вполне законной реакцией любящего отца, на глазах которого его юная дочь открыто сближалась с немолодым по тогдашним понятиям и, главное, женатым человеком. И, действительно, положение Тучкова было в высшей степени мучительно: помимо непреодолимого стыда, его терзало сознание, что многочисленные враги, не прощавшие ему ни его либеральных взглядов, ни гуманного отношения к крестьянам, не простят ему и "прегрешений" дочери. И вскоре же это в полной мере оправдалось. В секретном донесении родственника Огарева по жене, пензенского губернатора А.А. Панчулидзева, направленном министру внутренних дел, не только клеймились "вольнодумие и безнравственность" Тучкова, его "неуважение к религии", "наклонность критиковать и охуждать все, что существует в России несходного с заграничными обычаями", но и вмешательство "в дела общественные казенных крестьян", старание "восстановить их против их начальников". Ему вменялись в вину, наряду с пребыванием "в Париже на баррикадах", и "непозволительные отношения" Огарева с младшей Тучковой. Как известно, и Тучков и Огарев в результате были арестованы и отправлены в Петербург, где подверглись пристрастным допросам в III Отделении, а затем Тучков был отрешен от должности предводителя дворянства. Нельзя не отметить, что в это опасное и тревожное время, несмотря на свою молодость, Натали Тучкова проявила себя как исключительно смелый, находчивый и принципиальный человек. Она спасла Огарева от очень крупных бед – возможно, даже от гибели[21].

Все публикуемые письма, за исключением 8-го и 9-го, написаны по-французски, бисерным почерком, на прозрачной бумаге 1840-х годов; они печатаются здесь только в русском переводе. Переписка на "чужом" языке в то время еще не являлась анахронизмом: по-французски переписывались между собой и родители Натали, и она с сестрой и даже с Огаревым. "Я знаю лучше по-французски, – объясняла она впоследствии Е.С. Некрасовой, – и потому-то Огар⟨ев⟩ и писал так"[22]. В 1850-х годах языком общения Огарева и Натали окончательно стал русский.

Письма печатаются впервые в переводе по автографам *РГАЛИ*, ф. 129, оп. 1, ед. хр. 97, л. 1–4 и ед. хр. 123, л. 1–7 об. и 20–20об.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] "Лит. наследство", т. 61, с. 760–761.

[2] Там же, с. 770.

[3] *РГБ*, ф. 196, 18.24, л. 31.

[3*] Надпись Тургенева, остававшаяся более ста лет неопубликованной, напечатана автором статьи в 1964 г. в одном из тургеневских томов "Лит. наследства"[16].

[4*] основной тон (*нем.*).

[4] *Тучкова-Огарева*, 22.
[5] См. ниже мой обзор "Письма Н.А. Тучковой-Огаревой к Е.С. Некрасовой". Самому Герцену Нат.Ал. писала в середине 1860-х годов: «Мы жили на Трубе в Терском доме – уж m-lle Michel была с нами; помню, как теперь, папа жил наверху, у него болело ухо, и ты приезжал читать ему "Кто виноват?" ⟨...⟩ папа много нам о тебе рассказывал, и мы обе считали тебя чем-то *особенным*, как Огарева ⟨...⟩ Ах, Герцен, если б тогда кто-нибудь мне шепнул: вот отец твоих ⟨будущих⟩ детей – как странно и страшно это...» (*РП* IV, 292).
[6] *РП* I, 251, 258, 267.
[7] Там же, 242.
[8] Там же, 242–248.
[9] *Тучкова-Огарева*, 53.
[10] "Лит. наследство", т. 61, с. 776.
[11] Там же, с. 744.
[12] Там же, с. 776.
[13] См. это письмо в кн. 1-й наст. тома.
[14] "Лит. наследство", т. 73, кн. 1, с. 362.
[15] *Тучкова-Огарева*, 280–283.
[16] Опубликовано в "Лит. наследстве", т. 73, кн. 1, с. 362.
[17] См. в письме Тургенева к П.В. Анненкову от 27 декабря 1875 г., написанном в связи с самоубийством Лизы Герцен – "умного, злого и исковерканного ребенка": "Да и как ей было быть иной, происходя от такой матери!" (*Тургенев. Письма*, XI, 178).
[18] "*Юношами*" Огарев называет сестер Тучковых.
[19] "Лит. наследство", т.61, с. 780–781.
[20] Там же, с. 778.
[21] *Тучкова-Огарева*, 75–96.
[22] См. ниже цитату из письма Нат.Ал. к Т.П. Пассек (в обзоре Т.Ю. С о б о л ь).

1

П е р е в о д с ф р а н ц у з с к о г о:

⟨Берлин. 17/5 августа 1848 г.⟩[1]

Вы хорошо сделали, написав нам[2], ничего другого сказать вам не могу; отчего ж не испытываю я желания писать вам? – понятия не имею, ибо говорить рассудительно – для меня вещь невозможная. Моя твердость, моя смелость, мое достоинство – все это напускное. Рискуя оскорбить общество, я пла́чу, словно дитя: у меня уже нет ни сил, ни воли таиться. Я сержусь потому, что вы для меня – всё; скрывать этого не могу. – Почему говорите вы нам о будущем? – разве не повторяла я вам тысячу раз, что, несмотря на все былые огорчения, лучшее время нашей жизни – время, проведенное вместе с вами.

Неужели все это правда и мне не следует с вами видеться? кто принял это решение, кто посмел??? отчего остаетесь вы во Франции, отчего еду я в Россию?

Простите, что говорю с вами столь бессвязно, но я либо ужасно постарела, либо впала в детство – в моих мыслях нет ни малейшей последовательности. Знаю лишь одно: всего восемь дней прошло с тех пор, как захлопнулась эта тяжелая дверь, оставив позади себя столь страстную привязанность, отвагу, надежду. Скажите Тургеневу, что он сильно ошибается, веря в одни лишь физические недомогания; скажите ему, что и в нравственной сфере существуют болезненные тики, сокращающие ночь, но придающие дню бесконечную протяженность и тяжесть, словно во время грозы.

Возможно, нам здесь придется оставаться еще двенадцать дней, поскольку русские пароходы отходят лишь раз в две недели. Когда папа́ сообщил мне эту грустную новость, я не могла удержаться от слов: "Возможно ли оставаться двенадцать дней в Берлине, если Герцены в Париже? Я за себя ручаться не могу". Папа́ залился смехом, но, кажется, я его огорчила; как же мне научиться придерживать язык, когда речь идет о вас, милые друзья? Особенно огорчает меня то, что вы нам не сообщаете никаких подробностей о своем здоровье; ведь вы были так больны, так подавлены в последний день!..[3]

Чувствую, что буду вам часто писать; должна ли я умолять вас поступать подобным же образом? но нет, я в вас верю, и вы меня слишком хорошо знаете, чтобы навсегда покинуть в том упадке духа, в каком я нахожусь. И вы, и вы тоже, несравнен-

ный мой друг[4], ведь вы предоставили мне право так называть вас; напишите и вы мне хоть несколько слов; ваши письма вдохнут в меня мужество, ибо я преисполнена неподдельной грусти; не перестаю думать о нашем отъезде, но когда увижусь с вами снова, – не знаю.

Прощайте, жму вам руку; ужели это в последний раз?

Скажите Тургеневу, если можно, что восемь дней уже прошло[5].

Г-жа Гервег изъявляет желание, чтобы я ей написала? но этого я не сделаю – видите ли, я слишком глупа, чтобы быть любезной.

Всем от меня привет, за исключением Сазонова; в память обо мне лишите его, ради бога, шампанского[6].

Что до вас, моя звездочка, то сил у меня для этого не хватает, так научите же меня, как действовать, чтобы снова увидеться с вами.

М-ль Корш часто смеется, видя, какие измышляю я средства для возвращения к вам.

Зеленый бумажничек порой оказывает на меня хорошее воздействие – помните ли, в Риме... Вы сохранили в себе нечто, влияющее на меня очень сильно...

На обороте:

Госпоже

Госпоже Герцен

[1] Семья Тучковых выехала из Парижа 9 августа н.ст. Упоминанием о том, что со времени их отъезда прошло восемь дней, устанавливается дата письма.

[2] Это письмо Герценов неизвестно. Не исключено, что здесь подразумевается письмо Н.А. Герцен к сестрам Тучковым, ошибочно датированное в "Русских пропилеях" весной 1848 г. В нем она писала: "Как бы хотелось хоть взглянуть на вас, хоть дотронуться до вас, – нельзя! И скоро ль будет можно? ⟨...⟩ Отняли тебя у меня, моя Тата!.. Будь тем, чем ты можешь быть..." Далее следует обращение к Елене Тучковой: "И ты, мой милый паж, не унывай, мне так отрадно думать, что вам будет хорошо, я так крепко в это верю!" (*РП* I, 246).

[3] В "Былом и думах" подробно описана ночь перед отъездом Тучковых из Парижа и их проводы (X, 229–231). "День нашей разлуки как-то особо каркнул вороном в моей жизни", – отмечал там Герцен. Тучкова впоследствии вспоминала: «Мы должны были выехать из Парижа очень рано, прямо в Берлин; все решили не ложиться спать, а провести вместе последнюю ночь, роковую для меня, потому что я не видала более Натальи Александровны. ⟨И.С.⟩ Тургенев, как более избалованный и более нежный, пришел нарочно проститься и рано ушел домой. Провожали нас, кроме Герценов, Гервеги, Павел Васильевич Анненков и Николай Иванович Сазонов в особенности. Глядя на Наталью Александровну, трудно было надеяться на очень отдаленное будущее; она сама говорила: "Я чувствую, что не доживу до старости" ⟨...⟩ Как теперь, вижу бледное лицо Натальи Александровны, опирающейся на руку сияющего здоровьем Александра Ивановича, и все исчезает» (*Тучкова-Огарева*, 68).

[4] Начиная с этого места до конца абзаца – обращение к Герцену.

[5] Со времени отъезда Тучковых из Парижа прошло восемь дней. По-французски huit jours (восемь дней) – синоним слова *неделя* (semaine). Вероятно, Тургенев шутливо уверял Нат.Ал., что она его через какую-нибудь неделю совсем забудет. В ответном письме (без даты) Н.А. Герцен следующим образом откликнулась на это место: "Я передала Тур⟨геневу⟩ все, что ты велела, он велел тебе сказать, что замечание твое о восьми днях он принимает за любезность. Для меня этот человек получил новый интерес с тех пор, как ты с ним сблизилась, я любила его видеть после твоего отъезда, он мне напоминал тебя, у меня даже было влечение поговорить с ним о тебе, но он так вяло и томно смотрит и отвечает, что я опять ухожу в себя, даже ухожу в свою комнату. Он для меня, как книга; рассказывает – интересно, но как дело дойдет до души – ни привету, ни ответу, прежде это мне было все равно, а теперь иногда бывает больно, оттого что как будто есть точка, где мы расходимся с тобой, может, это пройдет, ⟨его⟩ здоровье лучше, на днях собирается веселиться в деревне" (XXIII, 103). В конце 1849 г. она писала: "Тург⟨енев⟩ тебе кланяется, он у нас всякой день, мы с ним познакомились больше, я привыкла к нему, талант его развивается все более и более. Он тебя помнит и любит, комедия его скоро будет напечатана" (*РП* I, 257; *РП* IV, 258 и 260, 262, 267–268).

[6] Н.М. Сазонов, как известно, был большим любителем покутить. "Мужчины выпили много шампанского в эту прощальную ночь", – вспоминала Нат.Ал. много лет спустя (*Тучкова-Огарева*, 68).

2

Перевод с французского:

⟨Берлин. Конец августа н.ст. 1848 г.⟩[1]

Перед отплытием я испытываю потребность сказать вам несколько слов, но прежде всего заставьте меня поверить в будущее. Если бы вы меня теперь увидели, то – очень боюсь – прониклись бы презрением к моей злополучной личности, ибо я перед собой поставила задачу, явно превышающую мои силы; и вот я, как все слабые люди, начинаю выражать сожаление, плакать; да, я себя презираю – ни осуществить свою волю, ни перенести следствия своего решения я не смогла. Вот какие страшные слова произнесла я: "Не хочу того, что хочу"[5*]. Знаете ли вы, что Тургенев прав: сама по себе я ничего не значу; живя близ вас, я далека была от ожесточения, я даже испытывала противоположное чувство; теперь же признаюсь, что свою силу, свою твердость, свою волю – все это черпала я в привязанности к вам[2]...

Вы знаете, что я говорю это не для того, чтобы доставить вам удовольствие, и прежде всего потому, что искусство это мне незнакомо; к тому же я не знаю, насколько лестна для вас моя привязанность; разве вы искали ее, желали? нет, она возникла сама собой, никто из нас о ней не догадывался; это вполне естественно. Что до меня, то, встретив вас в Риме, я поняла, что *нашла* вас и в то же время не нашла; да и в самом деле, какой инстинкт принуждал меня так льнуть к вам? а вы... помните ли вы исписанный листок, и теперь еще читаемый и перечитываемый с такою любовью и грустью?[3]... да, ваша привязанность ко мне изменила форму[4], но, не правда ли, в ней навсегда осталось нечто схожее с тем, что было в этом письме? Скажите же мне это; если бы вы только знали, что́ вы для меня, то вы не сказали бы мне того, о чем я вас прошу!.. Как правы вы были, сравнивая друга с ⟨1 *нрзб.*⟩; живя в Париже, я привыкла к душевному спокойствию, я не постигала порой, отчего действую вопреки всему тому, что приобретается независимостью.

Знаете ли вы: мне страшно и подумать, что г. Герцен, быть может, прочтет это письмо; вам известно, что я отношу его к числу своих друзей и ничего не хотела бы от него скрывать, но в то же время боюсь, как бы не стал он насмехаться над моей грустью, как бы не назвал ее чем-то романтическим, как назвал уже бедные мои звездочки[5], – но из этого следует, что надобно быть самим собой – schmutzig und allein[6*], как я, например, чтобы не смешить Анненкова.

Не знаю, что писать вам, мне столько хотелось бы вам рассказать, но все же для меня лучше молчание; порой я из-за вас проникаюсь такой ненавистью ко всей вселенной, что испытываю желание чинить зло всем без исключения; мне кажется, будто вся вселенная виновна в том, что я в Берлине, тогда как вы все еще в Париже. Получив ваше письмо, я испытала полнейшее счастье, но немного погодя пришла в ужас от того, что читаю письмо, прибывшее из такой дали, что от вас уже мне ждать больше нечего, кроме того, что вы сообщаете мне в своих письмах; но ведь это ужасно! а г. Герцен, который говорил мне из одного лишь желания успокоить меня, что мы вскоре, через год, увидимся! Это утешение я приняла за выражение иронии, но ведь он-то высказывался простодушно; это *вскоре* было бы только с точки зрения вечности, однако, признаюсь вам, быть может, это только молодость, которая внутри меня по временам возрождается, но я нетерпелива в своих сердечных привязанностях, мне становится несколько легче оттого, что во мне иногда возникают безумные надежды на встречу с вами.

Теперь я насмешу вас: скажите, должна ли я называть вас "г-жа Герцен" – это так холодно, что перо мое отказывается подобным образом обозначать вас на бумаге; это мелочь, но простите за нее[6], как и за все другое, а то я вскоре совсем впаду в детство.

Пожмите руку своему мужу, но только посильнее; скажите ему, что я не знала,

---

5* В автографе последние пять слов написаны по-русски. – *Л.Л.*

6* грязным и одиноким (*нем.*).

долго ли продлится его привязанность к нам, но если она и останется такой, какой была, когда мы уезжали, то я от всей души принимаю ее и буду выплачивать ему за нее соответствующие проценты. Передайте также Тургеневу много добрых пожеланий; о, как я рада была бы услышать, что вы лучше постигли себя самое.

Не знаю, как мне закончить свое письмо, это ребячество, но не хочу говорить вам "прощайте", предпочитая крепко расцеловать вас и прокричать вам "до свиданья". С какой же стати, однако, отняли у меня мою *Консуэлу*!..

В память обо мне играйте иногда сонату и мелкие пьески[7], ведь они – Париж, когда вы в нем.

Все вечера мы проводим с Бакуниным, он мне отчасти нравится, папá его сильно любит; что же касается его самого, то он совсем не любит *подругу* г-жи Герцен[8].

Поцелуйте за меня Сашу, скажите ему, что он мне доставит удовольствие, если напишет старой своей подруге, ибо она от всей души его любит.

[1] Ответ на неизвестное письмо Герценов. Дата устанавливается по содержанию. Ср. *Пассек* II, 525–526.

[2] "Как я чувствую, что тебя нет *возле* меня, – писала Н.А. Герцен Тучковой в сентябре 1848 г. – Но так же ясно чувствую, что ты есть. Насколько полнее, звонче стала моя жизнь с тех пор, как она слилась с твоею, ты стала одна из самых необходимых ее струн. Многоцветна, ты знаешь, моя жизнь, ну и ты в ней блестишь яркой, одной из самых ярких струек" (XXIII, 103).

[3] Нат.Ал., вероятно, имеет в виду письмо Н.А. Герцен без даты, представляющее собой одновременно и любовное признание, и моральный кодекс, и программу самовоспитания: "Встреча с тобой внесла столько прекрасного в мою душу, сделала меня настолько лучше ⟨...⟩ – писала она. – Твое явление, чувство, возбужденное тобою во мне, дало мне много наслажденья, часто, среди самого смутного состоянья, тяжелого – воспоминанье о тебе успокаивает, возвращает силы, и я с новой энергией принимаюсь жить ⟨...⟩ Я хотела бы тебе дать самое себя, какая бездна жизни ⟨...⟩ Да какое ты имеешь право, из-за того, что окружающие тебя не удовлетворяют, бросать себя под ноги им..." (*РП* I, 243–244).

[4] Н.А. Герцен недоуменно осведомлялась у Натали в ответном письме: "О какой перемене форм говоришь ты, я этого не замечаю, да, может, формы переменились, да это естественно, все имеет время экзальтации и время разумного сознанья. Самая встреча наша – залог бесконечной симпатии нашей, бесконечной настолько, насколько бесконечна наша жизнь" (*РП* I, 247).

[5] Н.А. Герцен и Нат.Ал. "выделили" для себя в небе три звездочки, условившись считать их "своими", чтобы в дальнейшем, в разлуке, глядя на них, вспоминать друг о друге. См. об этом подробнее ниже, в моем обзоре "Письма Н.А. Тучковой-Огаревой к Е.С. Некрасовой".

[6] Н.А. Герцен на эти строки отозвалась так: "Зови меня на словах так, как бы ты звала меня в душе" (XXIII, 104).

[7] В сентябрьском письме Н.А. Герцен сообщала: "Да, Natalie, я часто играю, и мне это заменяет отчасти разговор с тобою. – Мы скоро будем вместе! я это предчувствую" (там же, 103).

[8] Бакунин сильно недолюбливал Тучкову, и это чувство сохранялось в нем до конца его жизни. Впрочем, в день приезда Тучковых в Берлин он пришел "любезно и развязно" с ними познакомиться и много их расспрашивал о друзьях, оставшихся в Париже (*Тучкова-Огарева*, 68–69).

3

Перевод с французского:

⟨С.-Петербург. Середина августа ст.ст. 1848 г.⟩[1]

Вот мы уже накануне отъезда из Петербурга, а я так и не смогла избавиться от привычного желания поболтать с вами; мне хотелось бы сильно-сильно пожать вам руку – и потом взглянуть на вас, хотя бы мимолетно, – ведь часто мы и не нуждались в большем, чтобы понять друг друга.

Как плохо самого себя знаешь и какое огромное значение каждой связи придает разлука; сколько сердечных наслаждений улетучивалось у меня в ту пору, когда я была с вами, и как мне их теперь недостает! – Знаете ли, разлука эта для меня – поистине бездна, но, несмотря на то, я не совсем еще утратила надежду и все же чувствую себя совершенно одинокой – что-то леденит меня, когда я разговариваю со всеми этими людьми, которые для меня ничто и для которых я ничто. Я стала придирчивой и требовательной в своих привязанностях; вы, я знаю, приметесь ворчать на меня, – это из любви к вам я поневоле стала нетерпимой; чтобы любить кого-нибудь, мне надобно иметь с ним много общего; вот почему я встречала так мало симпатии с тех пор, как мы расстались...

ГЕРЦЕН
Дагерротип. (Париж), 1847
Исторический музей, Москва

Буду говорить вам только о вас и о себе, ибо другие пишут вам вещи поинтереснее. Из деревни напишу вам письма, более подробные, писать вам буду часто, чувствую это, – но и вы пишите мне иногда, мой милый, мой несравненный друг; называть вас так мне не хотелось бы, ибо выражение это уже опошлено и профанировано. Вчера я получила ваше письмо, милые друзья, вы мне им сделали много добра, я испытывала настоятельную потребность узнать, что́ вы там поделываете; всегда, всегда о вас думаю, бываю довольна лишь тогда, когда вижу любящих вас людей, тогда я сразу же знакомлюсь с ними, – так, мы дважды виделись с г. Кавелиным, и нам с ним уже очень хорошо вместе; скажите вашему мужу, что я рада была видеть, как горячо его любит этот человек. Видела я и вашего брата[2], он кажется очень робким, но, заметив, как я люблю вас, он почувствовал себя гораздо уверенней.

Поручите, ради Бога, доставить Тургеневу следующие известия: если он вскоре же не возвратится, то окажется здесь, как говорят, на дурном счету; и потом, по уверению

г-жи Пан⟨аевой⟩[3], ей от его брата известно, что мать намерена лишить его наследства в пользу какого-то дальнего родственника[4], – так, чтобы брат не мог ему помогать.

Рукой Е.А. Тучковой (также по-французски):

Спешу сказать вам несколько слов, милый и несравненный друг; человек, взявший на себя доставку нашего письма, уже пришел; у меня остается время лишь на то, чтобы сказать вам спасибо, спасибо за то, что вы пробудили во мне ощущение блаженства; я не слишком хорошо знаю, как описать вам, что́ испытываю; я как бы освобождаюсь от какого-то тяжкого груза; в эти минуты я чувствую себя совсем здоровой, а между тем задыхаюсь; мне хотелось бы плакать, но слезы эти сладки; знаете ли вы, что с тех пор, как я вас покинула, мною по-настоящему понято, что вы – единственный человек, который меня любит и в котором не сомневаюсь; случилось это со мной впервые в жизни, поэтому вы поймете, что́ я должна испытывать, уверившись, что есть на свете некто, питающий ко мне неподдельную и горячую симпатию; заверяю вас, что убежденность в этом даст мне силу жить. – Бога ради, когда будете писать мне, расскажите мне о Тате; сообщите мне подробности об этом милом ребенке; очень надеюсь вновь увидеться с нею и очень прошу прислать мне ее портрет. Вы не представляете себе, сколько утешения принес бы он мне в яхонтовской тюрьме[5]. – Поцелуйте, прошу вас, Сашу и Тату; скажите, прошу вас, первому из них, что я надеюсь, что он как-нибудь нам напишет; мы, разумеется, будем ждать от него письмеца. – Отправить это наше письмо берется управляющий моего дяди; он ждет, мне приходится с вами распрощаться. – Сегодня ваши именины, от всей души поздравляю вас и страшно сожалею, что мы не вместе с вами; отчего же мы так далеко, так далеко, почему разделяют нас моря! О, это ужасно! это несправедливо! нам следовало бы быть вместе. Тысячу раз поблагодарите Александра Ивановича за добрые слова, прибавленные им к вашему письму; мы очень счастливы, видя, что он нас не забывает; сердечно жму ему руку[6]. – Должна вам сказать: в Париже нас так избаловали, что все здесь считают нас поврежденными, а мы, наоборот, считаем поврежденными всех других. М-ль Мишель торжествует и говорит всем: "Вот именно то, что я говорила об этом: надобно любить свет и наслаждаться жизнью"[7]. Папа́ пожурил меня за то, что я написала ей о своей боязни во многом походить на нее. Итак, из всего заключаю, что мы сможем жить только с вами. – Прощайте.

От души целую вас, и – если б только мы могли сейчас вновь увидеться с вами, – мы просто умерли бы...

Рукой Н.А. Тучковой:

Письмо это отправляется с верной оказией до Травемюнде... Прощайте. Сердечно целую вас, равно и милых детей.

Скажите г. Герцену, что я от всей души благодарю его за добрые слова; я хорошо его поняла; что же до того, что я могу его забыть, то по временам мне этого очень хотелось бы, ибо иногда я сильно страдаю, а люди, которые могли б это понять, ревнивейшим образом относятся к моим продолжительным припадкам тоски, ⟨3 *нрзб.*⟩ интересам.

Как много сделали вы мне добра, ⟨переслав мне⟩ свое письмо из Рима[8]. Это ошибка ⟨*неск. нрзб.*⟩.

Передайте мои дружеские чувства Тургеневу, скажите ему ⟨1 *нрзб.*⟩, что отнюдь не стремление видеть его заставляет меня сообщать эти дурные вести, – напротив, я хотела бы, чтоб он долго оставался в за́мке[9]; скажите ему также, что́ я с нетерпением ожидаю его комедию[10]. С его стороны было бы очень дурно забыть о своем обещании.

Часто смотрю я на свое кольцо и думаю, что никогда не отправлю ему его листочек, ибо, когда я получу эту возможность ⟨1 *нрзб.*⟩, то буду уже с вами. К⟨авелин⟩ мне также написал, что он испытывал восхищение перед двумя ⟨1 *нрзб.*⟩[11].

[1] Ответ на письмо Н.А. Герцен с припиской Герцена, условно датированное в 30-томном Собрании сочинений сентябрем, но, по-видимому, относящееся к несколько более раннему времени.

[2] *Брат* – Петр Александрович Захарьин.

[3] Авдотья Яковлевна *Панаева*.

[4] Мать Тургенева – Варвара Петровна; *брат* – Сергей Сергеевич. Своего намерения лишить Тургенева наследства Варвара Петровна не осуществила.

[5] *Яхонтово* (Долгоруково) – пензенское имение Тучковых.

[6] В краткой приписке Герцен просил: "Дайте вашу руку, помните меня, я это заслужил большой симпатией ⟨к вам⟩..." (XXIII, 104). На эти слова откликается Тучкова.

[7] В архиве Огарева сохранилось несколько писем Каролины Мишель к сестрам Тучковым. В одном из них, от 20 октября 1849 г., находятся следующие строки по-французски: "И не говорите, мои милые, что вам нечего делать: кто знает, какую задачу будущее предназначит каждой из вас?" (*РГАЛИ*, ф. 359, оп. 1, ед.хр. 247, л. 1об. – 2). – См. выше приписку Е.А. Тучковой к письму сестры, обращенному к Герценам.

[8] Н.А. Герцен в своем письме, по-видимому, также упоминает об этой записке: "Да, читай мою записочку, писанную в Риме, и знай, что то, что сказано в ней, я говорю тебе теперь, скажу то же в последнюю минуту моей жизни" (XXIII, 103).

[9] *В зáмке*, т.е. в имении Полины Виардо – Куртавнель, где нередко бывал и жил Тургенев.

[10] Комедия "Где тонко, там и рвется", напечатанная с посвящением Н.А. Тучковой в "Современнике", 1849, № 11 (в дальнейших изданиях посвящение это не воспроизводилось). Тургенев обещал прислать ей отдельный оттиск, но выполнил ли он это обещание, не установлено. Позднее, прочитав комедию в "Современнике", Огарев писал Нат.Ал.: "Тут столько наблюдательности, таланта и грации, что я убежден в будущности этого человека. Он создаст что-нибудь важное для Руси. А потом он вас любит..." (*РП* IV, 73). Отмечу явное психологическое сходство 19-летней героини пьесы Веры с Нат. Ал.

[11] Это письмо К.Д. Кавелина остается неизвестным.

4

Перевод с французского:

⟨Москва. 26 августа / 7 сентября 1848 г.⟩[1]

Жду ваших писем, чтоб ответить подлиннее, милые друзья; вот уже неделя, как мы в Москве, а послезавтра уезжаем в деревню. Огарев уже там; он с большим нетерпением зовет нас в печальные степи[2]; что до него, то уверяют, будто в декабре месяце он наверняка сюда возвратится[3]; как видите, его присутствием мы будем наслаждаться недолго, но что поделаешь, на отдельную личность никогда полагаться не следует; мы поживем пока он будет там, а потом... ведь жизнь предлагает столько средств, сколько ресурсов...[4]

Сегодня я была с Еленой у м-ль Корш, там встретила я *знаменитую* Ю⟨лию⟩ К⟨арловну⟩[5]; ваше замечание нашла я совершенно справедливым в отношении глаз жены[6]; впрочем, она, должно быть, сильно подурнела. Видела я и г-жу Астракову; она вас очень любит; мне это было чрезвычайно приятно, но ни доброта к вам ваших друзей, ни их привязанность к вам – ничто не может мне облегчить эту злополучную разлуку; тщетно вглядываюсь я в этих добрых и умных людей – несмотря на все, я всегда одна, ибо только и думаю, что о вашем отсутствии[7]. Вы говорите мне, что предчувствуете наше соединение[8], пусть так, но признаюсь вам: веры в будущее я не питаю; я убеждена, что жить и страдать мне придется страшно далеко от вас. Однако раз я уже сюда забралась, то с радостью отправлюсь в деревню; все же избавиться от страха я не могу, ибо отъезд этот означает еще большее удаление от вас.

Прощайте, как это грустно, если бы вы только знали, сердце поминутно сжимается, слез выступает столько, что я с невольным уважением думаю о тех, кто достаточно тверд, чтобы не плакать.

От всей души целую вас, милый, добрый друг, и детей тоже; а вам, милый мой Герцен, вам я жму руку так же, как при отъезде.

Всецело ваша Н а т а л и

Когда захотите писать мне *одной* или же Е⟨лене⟩ *одной*, то вложите это письмо в письмо к Огареву.

Сердце мое говорит мне, что Анненков не везет с собой портреты детей[9], это плохо для всех, моя Консуэла.

Письма мои очень похожи одно на другое; в них всегда одно и то же, изменить их можете только вы, объявив нам вы знаете что́. Мы вдвоем написали Александру

Ивановичу[10]. Стыжусь наших писем, ибо интересовать его, как вас, это не может.

Г-н и г-жа Корши обращались с нами, как ваши друзья; всем известно, что все они очень вас любят

Рукой Е.А. Тучковой (также по-французски):

Все дальше, все дальше от вас, милый, несравненный друг, это поистине ужасно. Не смею без трепета думать о тысячах верст, которые разделяют нас. Мы в Москве; вот уж неделя, как мы видели г-жу Астракову; она была к нам исключительно добра, она даже побывала у нас, без всяких церемоний, как вы нам ее рекомендовали; вообще, все ваши друзья проявляют большую благожелательность к нам; мы очень близко познакомились с Кавелиным, это человек, с которым очень легко говорить, не правда ли? Я разговариваю с вами, ведя в то же время беседу с тетушкой[11], а между тем мне хотелось бы беседовать с вами, когда голова посвежее, чем теперь. Что сказать вам, милый друг? нам нанесен смертельный удар, ибо Огарев в декабре месяце покидает деревню, – подумать только, мы вас оставили ради него – и вдруг его не видеть больше... С чем же сравнить наше положение – оно хуже смерти. Мы будем томиться в вечной агонии и призывать к себе омерзительную смерть, которая для нас – единственное спасение! Вчера получили мы письма от Огарева, он в деревне и торопит нас приехать, присоединиться к нему[12], – после свидания с ним я напишу вам, как прошла наша встреча – быть может, он позабыл своих старых друзей – я ничего так не боюсь, как этого. Приедем мы на два месяца, а потом уснем, да, уснем вечным сном. Я говорю Натали: "Не падай духом, возьмемся за руки".

... Руку, руку г. Герцену. Скажите ему, что мы видели Юлью Карловну, но ведь она вовсе не хорошенькая. Я с ней любезничала ради Алекс⟨андра⟩ Иван⟨овича⟩.

[1] Дата устанавливается по указанию в письме, что Тучковы уже неделю как находятся в Москве.

[2] Это письмо Огарева неизвестно.

[3] Огарев приехал в Москву несколько позднее.

[4] На эту ироническую фразу Н.А. Герцен отозвалась так: "Нехорошо! Нехорошо, потому что я чувствую, что, во-первых, ресурс должен быть в себе, а потом в жизни, во всем, да, это повторение, но я дурного не могу сказать..." (*РП* I, 249).

[5] *Юлия Карловна* – Рашинова (Ашинова), сестра жены Е.Ф. Корша, рожденная Рейссиг. По-видимому, Герцен охарактеризовал ее как очень хорошенькую женщину, чем заинтриговал сестер Тучковых.

[6] То есть жены Корша – Софьи Карловны, тоже красивой женщины.

[7] Вероятно, Натали рассчитывала на призыв, подобный которому получила 17 октября от Натальи Александровны: "Друзья мои, да зачем же вас нет со мной, мой милой паж, и ты, моя Consuela, приезжайте ко мне, приезжайте домой!" (*РП* I, 251).

[8] Письмо до нас не дошло.

[9] Речь идет, вероятно, о портрете Герцена работы А.-Л. Ноэля и литографированных портретах Прудона, Распайля и других французских революционных деятелей 1848 г. 17 октября Н.А. Герцен сообщала: "Ан⟨ненков⟩ давно уехал, он не привезет вам портретов, а привезет вам их Селиванов" (*РП* I, 250). Селиванов уехал из Парижа 9 ноября (см. ЛЖГ I, 470).

[10] Вероятно, имеется в виду приглашение приехать или съехаться в другом месте.

[11] *Тетушка* – по-видимому, Мария Алексеевна Тучкова.

[12] Эти письма неизвестны.

5

Перевод с французского:

⟨Яхонтово. Середина октября (?) н.ст. 1848 г.⟩[1]

Мне хотелось и не хотелось писать вам, моя Консуэла: видите ли, писать вам – до ужаса грустно; почему не должна я вас видеть? почему я здесь? почему все обстоит именно так, а не как мне хотелось бы? Моим почему конца нет, и по этой-то причине останавливаюсь. Скажите мне, что вы делаете, куда поедете? хочу знать все, что вас касается; пишите же мне иногда, ибо ваши письма порой приводят меня в отчаянье, но вслед за тем они меня ободряют, дают силы переносить жизнь такой, какова она на самом деле, ожидать того счастливого дня, когда я увижу вас снова. Ожидание же ужасно, извините мое нетерпение, извините меня за то, что я люблю

вас именно так, как люблю; знаю, что можно любить самоотверженно; иногда я чувствую себя счастливой от того, что мне известно, где вы, но чаще всего возмутительный эгоизм заставляет меня желать обретаться там, где обретаетесь вы, или видеть вас там, где обретаюсь я. Заниматься-то я занимаюсь, но получается все это хуже, чем мне хотелось бы. Я еще слишком люблю людей, чтобы всецело предаваться ученью. В общем, я стала хуже со времени нашей разлуки; во глубине души я порицаю обстоятельства и холодно уступаю людям. Они, видимо, принимают все так близко к сердцу, что им приходится уступать; и, к тому же, я чувствую себя неуязвимой; окружающие сделать мне ничего не могут – ни в хорошем, ни в дурном смысле. Я чувствую себя страшно одинокой и страшно холодной; то, что интересует меня, делается наихудшим образом. – К чему же тогда жизнь, если приходится встречать одно лишь противодействие, страдать со всем, что нам дорого. Я лично чувствую, что живу лишь тогда, когда беседую с О⟨гаревым⟩; тогда я высказываюсь обо всем, что люблю, и вижу, что меня отлично понимают. Если же он не смел ⟨?⟩, то лишь по той причине, что это измышленная людьми фраза ⟨?⟩. Совсем недавно он передал письмо, написанное вами нам троим[2], – при чтении этого письма мне все время приходила на ум одна и та же мысль: как это видеть только ее почерк, а не видеть ее самою? В субботу при встрече с О⟨гаревым⟩ пила я шампанское. Если пожелание это не исполнится, то, действительно, в мире нет ничего, кроме фатума, но что же тогда резиньяция, где искать ее, как подчиниться, как принять то, что неприемлемо? Прощайте, я должна покинуть вас, а между тем мне вам надобно сказать еще так много, но говорить – не то, что писать. Мне вас хотелось бы расцеловать тысячу раз, но... Поцелуйте от меня Сашу и пожмите руку г. Герцену, напоминайте ему обо мне: я знаю, что он меня забудет раньше, чем вы, но не сержусь на него за это; ведь в том, что я вас люблю, никакой заслуги нет.

Натали

На обороте:
Госпоже Герцен

[1] Условная датировка основывается на том, что письмо написано, вероятно, еще до получения следующего письма Н.А. Герцен (от 17 октября), т.к. Тучкова осведомляется о подробностях жизни Герценов.
[2] Это письмо Герценов неизвестно. "*Нам троим*" – т.е. Натали, Елене и Огареву.

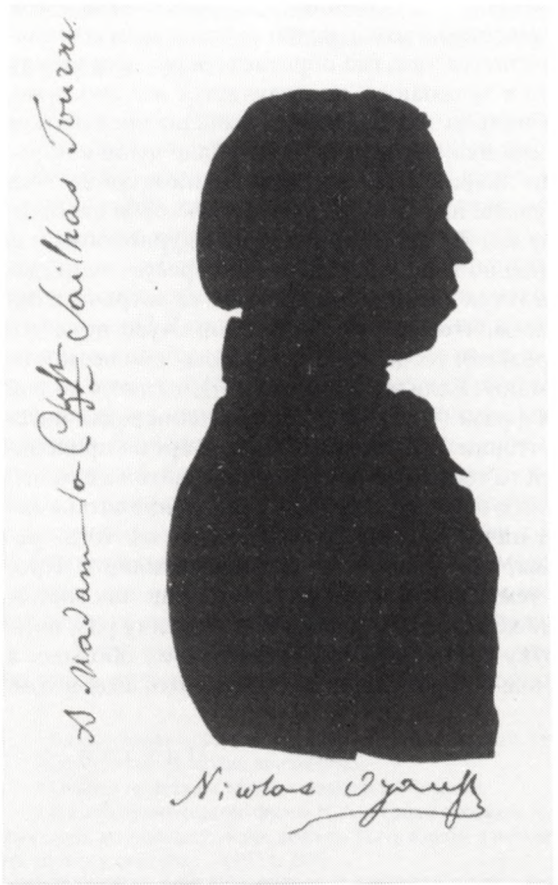
6

Перевод с французского:

⟨Яхонтово. Конец октября н.ст. 1848 г.⟩[1]

Как же начать мне, милый, тысячекратно милый друг? Мне столько надобно вам сказать, а между тем все написать невозможно! При получении вашего письма я обезумела от радости и печали. У меня было такое ощущение, будто Страстная неделя затягивается, а Пасха не наступает! Полная неуверенности, совершенно измученная, написала я несколько слов О⟨гареву⟩[2], который сумел тотчас же переслать мне ваше письмо. Так хорошо принятые в Москве вашими друзьями, мы все же готовились к отъезду в деревню для свидания с О⟨гаревым⟩. На следующий день после нашего прибытия он поспешил к нам. Вид у него был довольный, но он преисполнен был грусти. Оставался пять дней, в течение которых у нас было несколько серьезных и проникнутых грустью разговоров. Не знаю, отчего это происходит, но, когда я его вижу, вы возникаете передо мной еще чаще, а воспоминание о вас становится еще живей, – вот почему мне порой приходилось говорить ему, что меня здесь удерживает только долг, но что ничего, кроме возможности увидать Наташу Герцен[7*], как я в беседе люблю называть вас, – ничего не желала бы. И Огарев говорит мне с

[7*] *В подлиннике* Наташу Герцен *написано по-русски. – Ред.*



ОГАРЕВ

Силуэт работы неизвестного художника (черная аппликация, тушь, карандаш). 1847 или 1848 г.

Надписи рукой Огарева: внизу – "Nicolas Ogareff"; слева – "A Madame la C⟨om⟩tesse de Sailhas Tourne⟨mire⟩" ("Гр⟨афи⟩не де Салиас Турнемир").

Музей Герцена, Москва

истинно дружеским чувством: "Что мне с вами делать? Вам надо видеться с ними". Внезапно прибывает посыльный, возвещающий, что вот-вот в деревню друга прибудет г-жа Сальяс де Турнемир. Покидая нас, чтобы подготовить дом для своей кузины, он говорит нам, что привезет ее к нам и что это не помешает нам видеться; вслед за тем он пригласил нас навещать его, но мы отказались под предлогом, что дичимся. Итак, друг уехал, через три недели папá съездил повидаться с ним, кузина ему совсем не понравилась…[3]

Друг обещал приехать хоть на день, но не приехал, отправив мне письмо с сообщением, что кузина его опасно заболела и что на его долю выпало безотрадное развлечение – день и ночь "ходить за ней". Он добавил, что испытывает потребность видеть нас, но что более, чем когда-либо, неуверен насчет дня, когда сможет нас навестить[4]. Он сильно изменился; в нем чувствуется нечто строгое и грустное. Тем не менее, в память о вас и о вашем муже мы втроем выпили две бутылки шампанского. Кровь нам бросилась в голову, но все же мы проявили благоразумие, и потому на дно наших бокалов осело немало грусти…

Папá едет в Инсар для принятия рекрутов; он останется там целый месяц; без сомнения, в его отсутствие друг не приедет. Из моего точного рассказа вы видите, что *история не повторяется* и что это сущая беда – не уметь жить в себе самой и для себя самой. Полагаю, однако, что люди производят друг на друга некоторое магнетическое воздействие. Так, даже в отсутствии вы порой удерживаете меня от полнейшего отчаяния. Да, милый друг, вы, может быть, позабыли о счастливом своем на меня влиянии. Когда отчаянье, бешенство проникают в мое сердце и я приближаюсь к вашему портрету с упреком за то, что вы меня покинули, то смотрю на вас, и спокойный ваш взгляд, как мне кажется, обретает суровость, и тогда я падаю на колени, и плачу, и прошу прощения за то, что я так низка, так недостойна вашей любви.

Вы сможете делать все, что вам вздумается: никогда со мною не видеться, никогда не писать мне, – все равно, я навеки ваша, да, это вы управляете мною. О! простите, простите за то, что я так вам навязываюсь, но не сами ли вы потребовали, чтобы я более не оставалась в одиночестве? Вы знаете, что́ вы для меня, какой властью вы надо мной обладаете. Помните ли день, когда вы так недовольны были мною, когда разговор наш был столь оживлен, и вот именно этот день, вместо того, чтоб оставить по себе горькую память, теперь мне по-настоящему мил, ибо именно тогда, когда вы вышли из моей комнаты и я осталась одна, я поняла, что именно там, в

сердце, было нечто, надолго нас соединявшее... Вы, вероятно, улыбнулись бы, если бы я сказала вам все, что приходит мне в голову: иногда, по меньшей мере каждое воскресенье, я вижусь с вами. В другие дни мне иногда кажется, будто я одна приезжаю в П⟨ариж⟩, вхожу в театр и будто, по меньшей мере, каждое воскресенье вижусь с вами. В другие дни о комедии и не помышляю, а просто желала бы быть там с вами.

Скажите мне, как поживает второй из братьев Б⟨оке⟩, разрешат ли ему врачи пребывание на свежем воздухе или же он сидит дома?[5] Что поделывает славный г. Рейхель? – передайте ему поклон от дурной ученицы, но доброго друга[6]. Когда будете писать Сп⟨ини⟩, скажите ему, что о нем думают и что о нем говорят в отдаленнейшем уголке глубинной России, и что м-ль Наталина с нетерпением хотела бы узнать, бывает ли у него иногда время подумать о тех трех звездочках, которые мне так ласково улыбались в Неаполе, но совсем с той поры меня покинули[7]?

Страницу эту сохраните лишь для себя одной, только вы не станете надсмехаться надо мною, между тем как другие будут смотреть на меня, словно на поврежденную. Среди прочих не хочу забыть о г. Т⟨ургеневе⟩, скажите ему, что вялая дружба мне не по душе; он обещал прислать мне свою комедию (при случае вы сможете выступить моим свидетелем); так вот, до сих пор никакой комедии я не получила; хорошо ли это, как по-вашему? Что же касается г-жи Эммы[8], то явитесь перед нею моим толмачом, я напишу ей в другой раз, сегодня мне хочется быть только с вами. Скажите ей, что в ее присутствии я провела самые приятные минуты своей жизни, но не разъясняйте ей сокровенные причины этого, ибо ⟨ее⟩ заслуги в этом нет, – судьбе угодно было, чтоб она явилась свидетельницей моего счастья, вот и все. Но нет, скажите ей что-нибудь другое, скажите ей, что вздумается, в глубине души я к ней испытываю дружескую привязанность.

Милый и жестокий друг, берегитесь нового нарушения данного мне слова насчет портретов. Мне так хотелось бы видеть Сашу; я так люблю его, что в глубине души иногда путаю его с вами. Называйте ему иногда мое имя, мне очень больно было бы, если б он меня позабыл, но, как бы то ни было, нельзя не покориться этому: время делает свое дело...

Что же касается ваших московских друзей, то мне надобно сказать вам все, что я о них подумала: двое из них мне не только понравились, но даже оставили во мне сожаление о невозможности видеться; и прежде всего – Кавелин; не скажу вам, что мне в нем нравится, ибо в этом нет необходимости; вы его знаете; второй – г. Астраков[9]. Я вовсе не заметила в нем нелюдимости, о которой вы мне говорили; он был любезен, но оригинальным образом. Вечером, накануне нашего отъезда, он пришел вместе с г. Гр⟨ановским⟩ попрощаться с папá. Но поскольку сей последний торопился уехать, то Астраков встал и поспешил за ним; я присоединилась к обоим в зале и стала резко его упрекать, как обычно делают, когда хотят кого-нибудь удержать. Он с величайшим простодушием сказал мне, что весьма непрочь бы остаться, но что ему неловко идти назад, так как он со всеми уже распрощался. Тогда я со смехом заставила его пройти через другую дверь в кабинет папá и обещала ему, что, когда туда зайдет дедушка[10], представить его, Астракова, как собственного своего младшего брата. Мы посмеялись, и он остался; покидая нас, он даже проявил редкую сердечность; мне страшно нравятся такого рода характеры.

Что же касается г. Кор⟨ша⟩ и г. Г⟨рановского⟩, а также г. С⟨атина?⟩ и Кет⟨чера⟩, то я обменялась с ними лишь несколькими словами, знакомство же мы отложили до другого приезда. Г-жа Аст⟨ракова⟩ нравится мне потому, что она вас любит; г-жу Грановскую видела я только раз, мне она не понравилась; с ней мы не разговаривали, вступать с ней в беседу я избегала. Я слушала, как она обо всем судит, преисполненная безграничного спокойствия; манеры ее показались мне чрезмерно томными, они походили больше на нарочитую небрежность, нежели на болезненную слабость. М⟨арья⟩ Ф⟨едоровна⟩ заметила, что сия дама мне не понравилась: кажется, это огорчило ее. Мы познакомились с ее невесткой[11], которая была добра и любезна, и с ее племянниками – они поистине очаровательны. У старшего, хоть и довольно некра-

сивого, такое умное лицо, что он даже кажется хорошеньким[12]; второй же красавец-ребенок в полном смысле этого слова[13].

С той поры, как мы обосновались в деревне, я дважды писала М⟨арье⟩ Ф⟨едоровне⟩ – вначале потому, что мне хотелось получить о вас известия, затем потому, что я благодарна ей за ее старания поддерживать меня во время этой мучительной поездки. Что касается меня, то я оказывала ей чисто материальную помощь, и, вдобавок, она говорила мне о вас. Я была, как ребенок, я лишена была чувства собственного достоинства; нередко возникала у меня потребность плакать и говорить о вас. По временам я отказывалась от еды, Марья Федоровная умело меня успокаивала и делала это, проявляя такое терпение, что в него непременно должна была входить немалая толика жалости, если не любви. И все же в Петербурге между нами состоялся бурный разговор, но затем все прошло. Не стану писать вам, о чем тогда шла речь[14]; когда же мы с вами увидимся, то все это, надеюсь, уже будет совсем позабыто...

Не пишу вам длинно, милый мой г. Герцен, потому что не хочу наводить на вас скуку. Только что получила я письмо от м-ль Мишель[15], которая осталась у дедушки для переговоров. Она сообщает мне, что условилась насчет поступления в другую семью. Называйте меня трусихой или поврежденной, но эта новость причинила мне боль. – Письмо ее так грустно, – это не притворство, славный мой Герцен, мой несравненный друг, – мы были излишне жестки с нею; когда-нибудь и вы скажете то же. Нынешняя новость потрясла меня; вдобавок, мы не можем ссудить ей денег, ибо здесь нет ничего, кроме голода и отчаянья[16]. Тысячу раз целую вас за список книг. Мы прочли, приехав сюда, Бомарше и "Манон Леско"[17]. Помочь нам мы попросили Огарева; сейчас ему невозможно отлучиться, и не исключено, что продлится это долго, ибо кузина его больна чахоткой[18]. Мы ни с кем не видимся; все наше удовольствие – удовольствие, смешанное со слезами, – это думать о вас обоих, перечитывать ваши письма. Но что заставляет меня страдать вдвойне, – так это упадок духа, в котором вы находитесь, дорогой друг; все сдвинулось с места, это верно, но вы, столь хорошо знающий ход событий, как можете вы не надеяться? Коли нет надежды, то нет и жизни, а вы, друг, живете, вы должны жить. О, если бы мне только выпало счастье увидеть хоть одну строку, начертанную вами во время этой ужаснейшей тоски, причиняющей мне боль![19]

Почему вы меня упрекаете за мой проект, расстроенный вами, который мог погубить вас, лишить жизни?[20] Не знаю, чем объяснить это, но люблю вас любовью истинной и в то же время проникнутой дружеским чувством! Чья в том вина? Как ни грустно это, но я вынуждена сказать "прощайте". Позвольте мне осыпать поцелуями ваши глаза, ваши руки. Тысячу раз целую это письмо – примите же мои поцелуи, моя милая, мой друг, это мое последнее "прости-прощай".

Если *он*[21] отказался понимать меня, то, по крайней мере, моя дорогая, я уверена, вы-то меня поймете. М-ль Мишель, помещенная в чужую семью, неизбежно подвергнет нас вечным угрызениям совести. У меня такое ощущение, что последствием всех наших действий явятся лишь горе и отчаянье! Ах! если бы только могла я поговорить с вами. Но это неосуществимо; быть может, мне и не следует долго с вами разговаривать; разъясните же мне, что такое терпение, резиньяция – для меня это состояние отупения, боли, это бешенство. Я забываюсь, я говорю вам все[8*], но вы будете любить меня, я твоя stella di mia alma[9*].

Перечитала ваше письмо и впала в еще большее отчаянье! ибо чувствую, что надежды мои разбиваются о невозможное – воля моя – о мою волю. Во мне живут два существа: первое из них жаждет лишь одного: видеть вас; другое, не принимающее в расчет долга, продолжает следовать по проторенным путям.

Я прониклась радостным чувством, узнав, что вы отнеслись к Т⟨ургеневу⟩ с большей теплотой[22]. Холодность его была для меня чрезвычайно огорчительна, ибо

8* Слово читается предположительно. – *Ред.*

9* звезда души моей (*исп.*).

я вас не обвиняю, вы были снисходительны. Позднее мое расположение к нему сблизило нас, вопреки его воле. – А когда в один прекрасный день вы расскажете мне о своей задушевной беседе с ним, вы увидите меня такой счастливой, какой только можно быть при полной невозможности встречаться с вами. Вы просите у меня вестей насчет школы – дело понемногу подвигается. Через неделю после нашего приезда мы стали ежедневно с ними читать. Десять[10*] наших школьниц читают сносно, но по складам. Они милы, мы их развиваем, они читают песни Кольцова и стихи Некрасова[23].

Еще одно слово. Раскройте мне в полной мере тайну жизни! скажите, зачем надо жить? не во имя же долга? не для пользы же, не для удовольствия, поскольку в мире нет ничего, кроме страдания; не для дружбы же, поскольку с таким трудом удается поддерживать между собой общение?..

Как грустно мне запечатывать это письмо, мне так хотелось бы вдохнуть в него жизнь, пропитать его любовью. Каково же мне думать, что, дойдя до вас, оно превратится всего лишь в клочок бумаги, такой холодный, такой бессмысленный![24]...

[1] Ответ на письмо Н.А. Герцен от 17 октября с припиской Герцена (*РП* I, 248–251; ср. XXIII, 107–108, 374–375; *Пассек* II, 521–523). Отсюда и приблизительная датировка письма.

[2] Это письмо неизвестно.

[3] Е.В. Сальяс де Турнемир приехала в Старое Акшено 30 сентября (см. *Звенья* I, 143). 7/19 октября Огарев сообщал о ней Т.Н. Грановскому: "Сегодня неделя, как она у меня – и я не заметил, как успела пройти эта неделя. Не думай, caro, чтоб я не знал, что на мне лежит обязанность, что я не свободен, но с радостью отдаю ту долю моей свободы, которая была своеволие, для того, чтоб видеть ее спокойною и довольною, и для того, чтоб чувствовать в моей жизни участие и заботливость, которые может принесть только женщина. И какая женщина, Грановский! ты еще ее не знаешь! – Мир, в котором она жила, не испортил ее; горе не убило ее душевного жара, и ты всегда ей с полной симпатией протянешь руку. Дай обнять тебя, Грановский! Принимаю благословение дружбы и чувствую в себе настолько полноты и силы, чтоб вести мою судьбу – изящно. Не могу продолжать, потому что слишком полно сердце" (там же, 142). Герценам же он писал: "На днях ко мне приехали гости: графин⟨я⟩ Сальяс. Ее заботливость о моем существовании делает для меня жизнь счастливою ⟨...⟩ Ее приезд на некоторое время заставил меня забыть милых соседок, а отец их озабочен службой, и потому ровно 2 недели, как мы не виделись ⟨...⟩ Я намерен увидеться с ними вскоре и вытребовать, чтоб их часто отпускали ко мне petit-à-petit вытребовать, чтоб их отпустили к вам. Я к ним имею какую-то родительскую нежность, т.е. к Natalie, которая славное существо" ("Лит. наследство", т. 61, с. 775–776).

[4] Это письмо Огарева до нас не дошло.

[5] Парижский приятель Герцена и учитель Саши Ж.-Б. Боке, видный участник революции 1848 г., был арестован еще во время пребывания Тучковых во Франции и посажен в тюрьму Консьержери, откуда он был выпущен осенью того же 1848 г. (позднее эмигрировал в Англию). Его брат Камилл, опасаясь ареста, скрывался в провинции. 17 октября Н.А. Герцен сообщала Нат., Ал. о "старшем Боке": "Вы знаете, что он выздоровел" т.е. вышел из тюрьмы (*РП* I, 249).

[6] Нат. Ал. брала в это время у А. Рейхеля уроки музыки.

[7] См. прим. 5 к п. 2.

[8] Эмма Гервег.

[9] С.И. Астраков.

[10] Генерал-майор А.А. Тучков.

[11] Вероятно, Софья Карловна, жена Е.Ф. Корша.

[12] По-видимому, Женя Корш, сын Е.Ф. и С.К. Коршей.

[13] Вероятно, Саша Корш, младший их сын.

[14] Вероятно, разговор шел о Н.А. Герцен, которую М.Ф. Корш явно недолюбливала (о их взаимоотношениях см. ниже, в позднейших письмах Нат. Ал. к Е.С. Некрасовой).

[15] Это письмо Каролины Мишель неизвестно.

[16] И Герцен, и Огарев, и Н.А. Герцен терпеть не могли К. Мишель. Судя по мимолетному упоминанию в одном из писем Герцена (см. XXIII, 156), можно предположить, что она подозревалась в слишком тесных контактах с А.А. Тучковым и что именно поэтому так проявлялась недоброжелательность Герцена и Огарева. Не исключено, что именно потому и были приняты меры против возвращения Мишель к Тучковым. В моих мемуарах Нат. Ал. сообщала впоследствии, что ее бывшей гувернантке из-за паспортных строгостей не разрешили въехать в Петербург и что ей пришлось ждать решения в Кронштадте. "Она плакала, опасаясь, что ее вовсе не пустят ⟨...⟩ Мой отец хлопотал о ней в Петербурге, и через несколько дней ей был разрешен въезд в Россию, но, кажется, года через два она была вынуждена принять русское подданство, во избежание высылки из пределов России" (*Тучкова-Огарева*, 69). После Тучковых

[10*] *Слово* десять *читается в автографе без полной уверенности, т.к. бумага на этом месте продырявлена. – Ред.*

Мишель воспитывала детей у княгини Трубецкой, жившей во Флоренции (там же, 228). "Одна вещь меня тревожит, – писал Огарев сестрам Тучковым: – Нет ли у m-lle Michel намерения вернуться? При одной мысли об этом я содрогнулся" (*РП* IV, 12; ср. *РП* I, 250).

[17] В письме к сестрам Тучковым от 17/5 октября Герцен рекомендовал им для чтения ряд книг, советуя при этом в случае необходимости обращаться за объяснениями к Огареву (наряду с другими книгами в списке фигурировали "Манон Леско" аббата Прево и комедии Бомарше (см. XXIII, 107–108). Ср. в одном из недатированных писем Огарева к сестрам Тучковым: "Скажите мне, какие книги советует вам прочесть Г(ерцен). Может быть, я бы мог что-нибудь прибавить к этому списку. Я недостаточно хорошо знаю одну вещь: каково направление вашего ума? какие предметы привлекают вашу любознательность?.." (*РП* IV, 14–15).

[18] "Я постараюсь как только можно ускорить нашу встречу, – обещал Огарев в том же письме. – Право, мне безгранично хочется вас видеть, и я безгранично грущу, что обстоятельства нас разлучают⟨...⟩ Г-жа Салиас, наконец, уже 2 дня чувствует себя хорошо, и я надеюсь, что вскоре смогу навестить вас, что́ и она желает сделать..." (там же, 14).

[19] По-видимому, отклик на след. строки Н.А. Герцен, вызванные усилением реакции во Франции: "Старое здание все приближается более и более к разрушенью, искусственные подпорки не долго поддержат его; камни падают вокруг, иные совсем превратились в песок и сыпятся... Не только жить, даже участвовать в создании нового нам не удастся, ну хоть помогать разрушенью старого!.." (*РП* I, 251).

[20] О каком проекте идет здесь речь – неясно.

[21] Подразумевается Герцен.

[22] Н.А. Герцен писала Нат. Ал.: "Тургенев тебе кланяется, он у нас всякий день; мы с ним познакомились больше, я привыкла к нему – талант его развивается все больше и больше. Он тебя помнит и любит; комедия его скоро будет напечатана" (*Пассек* II, 525).

[23] "Сорок девушек учились у нас по воскресеньям читать, писать и арифметике по ланкастерской системе" *(Тучкова-Огарева,* 314)

[24] Ответом Н.А. Герцен, вероятно, является длинное и содержательное письмо от 21 декабря (см. *РП* I, 254–257).

7

Перевод с французского:

⟨Петербург. Весна 1849 г.⟩[1]

Пишу вам наскоро, друг мой, хочу лишь сказать вам, насколько трудно наше положение. Нам необходимо оформить наш брак; иначе, как сказал папá, жизнь для него станет невыносимой, а между тем для нас это теперь стало невозможным; не знаю, что мы будем делать, ибо принести эту жертву нам стало теперь невозможно[2]. Пока же мы остаемся в Петербурге, но нас всячески стараются притеснять, рассчитывая тем самым отчуждить друг от друга, но, по правде говоря, сей способ действовать меня лишь подстрекает. Лишение свободы для меня всегда было невыносимо, теперь же больше, чем когда-либо. Если можете поторопить г-жу Огареву, сделайте это поскорей, ведь вы знаете, вы понимаете, друзья: бывают положения, которые долго длиться не могут... Не буду писать вам больше, вчера у нас были неприятности, а сегодня я зла и разбита от усталости; когда же мы будем у вас, то обо всем этом вам расскажем[3].

Спасибо за портреты детей; их нам совсем недавно передали в Москве; я очень рада была вновь увидеть Сашу, поцелуйте его за меня, так же, как Тату, и пожмите руку своему мужу.

Целую твои глаза, моя Наташа, как хотелось бы мне быть с вами и с Огаревым! Приеду, чтобы присоединиться к вам; я желала бы отправиться ins Freie dahin...[11*]

1 Приблизительная дата устанавливается по содержанию письма: Огарев и Нат. Ал. приехали в Петербург 21 февраля/5 марта 1849 г.

2 Совместная жизнь без оформления брака сильно осложняла положение Нат. Ал. и Огарева. А.А. Тучков, приходя в отчаяние от сложившейся ситуации, настаивал на вторичном венчании (при живой жене), но Нат. Ал. решительно от этого отказывалась, справедливо опасаясь суровой кары для Огарева: как двоеженца его могли сослать в Сибирь или на Соловки.

3 О продолжительных, но неудавшихся переговорах Герценов и их друзей с женой Огарева Марьей Львовной насчет развода см. подробно в письмах Герцена и Н.А. Герцен (XXIII, 130–131; *РП* I, 264–265 и "Лит. наследство", т. 61, с. 786–787). Не дождавшись благоприятного исхода дела и утратив всякую надежду, Огарев и Нат. Ал. отправились в Крым. Они рассчитывали тайно уехать оттуда за границу и присоединиться к Герценам, но и это не удалось, вследствие усиления пограничного надзора.

11* туда, в свободное далёко (*нем.*).

8

⟨Яхонтово. Конец ноября (?) 1849 г.⟩[1]

Как мне хочется еще вам писать, моя Натали! – Скажите, отчего вы говорите, что Георг на меня похож, и зачем вы думаете, что я ревнива[2]: я спросила об этом О⟨гарева⟩, он говорит, что еще не заметил; меня это преследует, я не хочу быть ревнивой, это противно, это зависть. – Пожалуста, успокойте меня на этот щет; скажите мне, ведь вы никогда не были ревнивы? – Мне трудно отвечать на ваш вопрос, *хорошо ли я жила*, да и нет. Я не знаю, мог ли кто быть счастливее, чем я, в моих отношениях с О⟨гаревым⟩, но мне мешали жить то мысль об отце[3], которого надо было не щадить для своего счастья, да страх за О⟨гарева⟩, – но все-таки в Кр⟨ыму⟩ мы иногда забывались и были бесконечно счастливы и свободны, а здесь как-то все мелко, мелко. – Ах, вот еще упрек, моя Натали, зачем вы говорите в прошедшем письме, что вы бы хотели быть со мной, когда я была больна, но не уверены, желала ли бы я этого[4]; спросите О⟨гарева⟩, он вам скажет, как я хотела к вам, как вы мне нужны были…

Не надо в этих вещах себя обманывать, надо смело определить свои отношенья с людьми, и тем хуже, если больно слышать правду. Я долго колебалась, мне страшно было видеть разницу, но она бросалась в глаза; не говорите об этом никому, моя Натали, я только вам да О⟨гареву⟩ могу в этом признаться, мне больно при других раскрывать свою рану. Да, мне нелегко было понять, что сделалось с нашей двадцатилетней дружбой; впрочем, я дурно выразилась, эта перемена произошла не столько из частных разговоров, как из высокой общей идеи. Н⟨ělěne⟩ противоречит своим прежним правилам, а я ее слишком люблю, чтоб это допустить хладнокровно; но, может быть, это произойдет, теперь ее самолюбие очень раздражено[5].

Прощайте, моя Натали, обнимаю вас крепко, и вас тоже, Г[ерцен][12*]. Огарев едет на фабрику, я все укладываю.

Ваша Н а т а л и

Про Hélène скажу вам только, что мы в Париже ближе были; она как-то взошла в колею замужних женщин, и во многом мы нынче расходимся; сначала я могла с этим примириться, хотела по-прежнему резко сказать мою мысль, меня пугало что-то чужое, которое укрепляется между нами, но все вело только к холодности, и я махнула рукой[6].

Что Коля? я не поняла, выучился ли он говорить или слышит он? пожалуста, напишите.

[1] Ответ на письмо Н.А. Герцен от 13/1 ноября, печатаемое в книге 1-й наст. тома – раздел "Н.А. Герцен (Захарьина)".

[2] Отклик на следующую реплику Н.А. Герцен о Г. Гервеге: "Георг похож на тебя; зол, несносен и ревнив, как ты".

[3] Еще раньше Н.А. Герцен писала Натали по поводу А.А. Тучкова, мучительно переживавшего "незаконное сожительство" своей дочери с Огаревым: "Ведь мне жаль и Ал. Ал. ужасно, я хотела б устроить так, чтоб и ему было хорошо, хотела б, и не пожертвовала бы этому желанию даже тенью вашего щастья ⟨…⟩ Бедный папá, зачем же он не больше тверд, зачем ум его не больше ясен?" (*РП* I, 266).

[4] Имеется в виду письмо Н.А. Герцен от 24 января 1849 г. Узнав о ее сближении с Огаревым, Наталья Александровна замечала: "Я пишут тебе и думаю: может, теперь тебе не нужно меня, так тем лучше. Ты все-таки остаешься самая близкая мне женщниа; останавливаясь на тебе, я юнее, живее, свободнее и спокойнее ⟨…⟩ Впрочем, мне больно будет, когда ты перестанешь меня любить, я опять буду сиротою между женщин…" (*РП* I, 261).

[5] Сближение Натали с Огаревым вызвало заметную перемену в отношениях между сестрами Тучковыми: их тесная дружба дала заметную трещину. Возможно, что Елена также была влюблена в Огарева (см. ее приписку к п. 4). Позднее, выйдя замуж за Н.М. Сатина, она целиком отдалась семейным и обывательским интересам, и Натали почувствовала, что лишилась ближайшего друга. Во время своего второго продолжительного пребывания за рубежом она, позабыв или же сознательно игнорируя это обстоятельство, продолжала письменно делиться с сестрой сокровенными мыслями и мучительными переживаниями, но этих писем к ней не отсылала.

[6] В письме, на которое отвечает Нат. Ал., жена Герцена замечала: "Об Hélène я говорила всегда, что при малейшей перемене жизнь ее пойдет, как по маслу". После своего замужества Елена Алексеевна стала производить неприятное впечатление и на Огарева (см. "Лит. наследство", т. 61, с. 795).

[12*] В автографе оставлена только первая буква фамилии, а вся остальная часть ее зачеркнута. – *Ред.*

9

ТУЧКОВА И ОГАРЕВ

⟨Яхонтово. Март или апрель 1851 г.⟩[1]

Вот, друзья, и весна пришла, у вас она лучше, я знаю, но и здесь она сильно потрясает! Радуешься не знаю чему и грустно, что нет близких, и рвешься к ним, а свиданье все еще вдалеке, как мираж, поминутно отдаляется по разным причинам.

Что же делать, скажите? Годы проходят; я боюсь, чтобы они многого не унесли с собой. Письмо, в котором я писала, сколько меня обрадовал присланный вами вид, не дошло до вас[2], но помни, моя Н⟨аташа⟩, что этот рисунок – большое утешение для меня. Я взяла все меры, чтоб он не стерся, пока я жива, – и, кажется, успею в этом.

О⟨гарев⟩ спит; как проснется, еще напишу.

Еще я имею здесь большое наслаждение. Два мальчика, хотя их черты грубее, однако сильно напоминают моего милого С⟨ашу⟩. Паж и ее муж тоже это заметили. Паж очень счастлив, у него Тата и Леля[3], и он ими исключительно занимается с утра до вечера. Сегодня мы к ним едем, потому что дети и наша старая нянюшка[4] расхворались, а дороги такие, что счастлив, что жив останешься.

Ну, прощайте, друзья. Крепко, крепко вас обнимаю, и вас, и детей; дай руку, N⟨atalie⟩, пиши; не отнимай хоть этого у нас!

Пишу под диктант: *Дела приковывают меня к месту. Отношения с людьми всё натянутые. Когда распутаются первые, то, конечно, о последних не пожалеется. Часто думается о вас, и сильная необходимость видеть вас мучит. Когда-то все это кончится и вы приедете к нам? Не знаю! Но долго продолжаться не может. Обнимаю вас крепко*[13*].

Ты просила книг, я припоминала, какие с тобой, из новых же у нас мало: посылаю к М.К[5]. комедию Остр⟨овского⟩. Она сделала большой шум своим появлением, но, читав ⟨?⟩, знаю, что он так, кажется, пройдет[6].

[1] Основания для датировки: упоминание о двоих детях Е.А. Сатиной ("пажа") свидетельствует о том, что письмо писалось не ранее 1851 г.; к весне же 1852 г. в переписке Нат. Ал. с Герценами фигурировали уже иные сюжеты: гибель Л.И. Гааг и Коли Герцена, болезнь Н.А. Герцен (см. *РП* IV, 127–128).

[2] Это письмо неизвестно.

[3] Речь идет о старшей дочери Е.А. и Н.М. Сатиных – Тате (род. в 1850 г.) и сыне Алексее (род. в 1851 г.).

[4] У Сатиных в Старом Акшене жила старушка-няня сестер Тучковых – Фекла Егоровна.

[5] Через М.К. Рейхель, жившую в Париже, шла переписка Огарева и Нат. Ал. с Герценами.

[6] Комедия "Свои люди – сочтемся", напечатанная в "Москвитянине" (1850, № 6, март).

С.И. И Т.А. АСТРАКОВЫМ
(с включением писем и приписок Герцена и Огарева)

Статья и публикация И.А. Желваковой

"Литературное наследство" не впервые обращается к публикации эпистолярных материалов, относящихся к многолетним дружеским связям семьи Астраковых с семьями Герцена и Огарева.

Такие материалы впервые появились в т. 62, где помещены письма С.И. и Т.А. Астраковых к Герцену и Огареву (публикация Е.Л. Рудницкой). В следующем, 63-м томе напечатаны относящиеся к Герцену фрагменты из воспоминаний Астраковой (публикация А.Н. Дубовикова). Наконец, в т. 64 выборочно напечатана часть писем Герцена и его жены к Астраковым (публикация Е.Л. Рудницкой при участии Л.Р. Ланского). Открывает эту последнюю публикацию письмо Герцена, обращенное к Н.И. Астракову, с датой 11 февраля 1832 г. – первое из известных до сих пор документов всей эпистолярной герценианы (см. XXI, 7).

Именно с Николая Ивановича Астракова, университетского товарища Герцена и Огаре-

[13*] На этом текст, продиктованный Огаревым, заканчивается. – *Ред.*

ва, непременного участника их студенческого кружка, впоследствии ученого-математика, начинается история дружбы Герцена и Огарева с удивительной московской семьей Астраковых. Письма к Астраковым адресовали на Плющиху, близ Девичьего Поля, "в приход Воздвиженья на Овражках", в собственный дом (тот, что описан в "Былом и думах", в рассказе о "похищении" Н.А. Захарьиной 8 мая 1838 г.) (VIII, 366–368)[1].

Здесь Астраков жил со своей молодой женой Татьяной Алексеевной (1814–1892) и младшим братом Сергеем Ивановичем (1817–1866).

С.И. Астраков, талантливый, как и его безвременно умерший брат, был из "породы Кулибиных" – одаренных механиков-изобретателей, неуемных фантазеров, не познавших радости признания. Его научно-технические предвидения простирались до "космоса и луны". Герцен шутя, называл своего" девичепольского" друга "почтенным кондуктором дилижанса на луну", рассказывая в Париже о его проекте машины для поездки на луну (XXIII, 30, 41).

"Жаль, смерть жаль, что твои усилия не имеют достодолжного круга (...), – писал Герцен Сергею Ивановичу в одном из писем 1847 г. – Но мой совет – занимайся, пока есть какая-нибудь возможность" (XXIII, 30). И Астраков трудился, перебиваясь ради хлеба насущного, случайными заработками, по-прежнему отдавал свой талант изобретательству, разрабатывал, в частности, проект усовершенствованного вездехода на паровом ходу, воздушного шара и уже упомянутого "лунного снаряда". Все эти проекты он надеялся осуществить в своем отечестве. Но представители казенной науки отвергли все его начинания, не проявив к ним ни малейшего интереса.

Только в немногих, ближайших своих друзьях, в первую очередь в Огареве и Герцене, находил Астраков понимание и поддержку. Для Огарева в пору его научных занятий и хозяйственных преобразований в имениях и на Тальской фабрике – 1848–1855, – где он пытался осуществить своеобразный социальный эксперимент, не было помощника и советчика ближе, чем Астраков.

После отъезда Герцена в 1847 г. за границу дом на Плющихе стал одним из убежищ для оставленных им рукописей и бумаг. Некоторые из них по его требованию были в разное время посланы ему за рубеж Астраковой, ставшей своего рода "связной" между ним и Россией.

Астракова, овдовевшая в двадцативосьмилетнем возрасте, пережила всех своих друзей. После смерти Натальи Александровны Герцен, а потом и самого Герцена и Огарева она до конца своих дней оставалась верна их памяти, бережно хранила и часто перебирала их письма, проставляла дату, если письмо оставалось "без возраста", кое-что подчеркивала, припоминала. Она боялась, как бы после ее смерти бумаги не пропали. Когда Герцена и Огарева не стало, она отослала многие их письма старшей дочери Герцена – Тате, на которую перенесла свою привязанность к ее матери. Часть писем она отдала Т.П. Пассек, начавшей в 1870-е годы работу над воспоминаниями о Герцене "Из дальних лет". Тогда же Пассек уговорила писать мемуары и саму Астракову.

О судьбе значительной части астраковского архива, разрозненного еще при жизни его владелицы, подробно рассказано в названной выше публикации Е.Л. Рудницкой в т. 64 "Лит. наследства" (с. 462). Напомним здесь только, что письма Герцена и его жены к Астраковым за 1832–1851 гг., переданные в свое время Астраковой Тате, после смерти последней, в 1936 г., перешли к ее младшей сестре – Ольге, а от той в 1952 г. поступили в Архив русской и восточноевропейской истории и культуры при Колумбийском университете в Нью-Йорке. Эту коллекцию писем подготовил к печати Л.Л. Домгер и опубликовал их в 1957 г. в виде приложения к "Новому журналу" (Нью-Йорк), а затем издал отдельной книгой. Фотокопии писем были получены редакцией "Литературного наследства" для параллельного опубликования и переданы ею на постоянное хранение в Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

"Литературное наследство" впервые акцентировало внимание на научной деятельности С.И. Астракова (не оцененной полностью из-за отсутствия его проектов, пока не разысканных), существенно обогатило наши представления о связях московских друзей с Герценом и Огаревым. Однако о значительной части их переписки, обрывавшейся в названной публикации на 1856 г. (а ее не могло не быть и в 1860-х годах), тогда не было ничего известно.

Знали, правда, что пожар, случившийся в доме Астраковой в декабре 1884 г., унес многое. Многое, но не всё. Сообщая об утратах, Астракова писала тогда Тучковой-Огаревой: "Сгорели (пропали) все дорогие письма: Сатиной, Герцена, Огарева и – увы! – Натальи Александровны (матери) и ее портрет..." Спустя несколько месяцев, 16 августа 1885 г., она вновь писала ей, но теперь уже о счастливых находках – о том, что́ уцелело при пожаре: "Нашлись записочки Наташи Герцен (московские), ваши письма и Огарева из Петербурга и заграничные – все это разрознено, неполно, изорвано"[2]. Однако судьба этой уцелевшей части астраковского архива, содержавшего, помимо писем Герцена, его жены и детей, Огарева и Сатиных,

МОСКВА. ДОМ АСТРАКОВЫХ НА ПЛЮЩИХЕ (НЕ СОХРАНИЛСЯ)
Фотография, 1930-е годы
Литературный музей, Москва

Тучковой-Огаревой, М.К. Рейхель, Е.Б. Грановской, М.Ф. Корш (всего 182 письма), долгое время оставалась неизвестной, и лишь в 1977 г. эта часть архива была неожиданно обнаружена.

Об этой ценной находке, имеющей значение не только для герценоведения, уже было рассказано автором публикации в "Литературной газете"[3]. Владелица писем – Наталья Сергеевна Антушева (пенсионерка, заслуженный работник Метростроя) случайно обнаружила у себя дома связки старых бумаг, в которых встречалось имя Огарева, и позвонила в Музей Герцена. Письма принадлежали ее покойному мужу Владимиру Владимировичу Антушеву; его отцом был московский врач Владимир Васильевич Антушев, человек широких общественных интересов и демократических убеждений, причастный к революционному движению 1870–1880-х годов.

Долгое время живя в Москве на Плющихе (близ дома Астраковых), Владимир Васильевич дружил со многими известными москвичами, был любителем и собирателем книг. К нему после смерти Астраковой и перешли по ее завещанию хранившиеся у нее бумаги.

Как удалось выяснить, Е.С. Некрасова, известный биограф Герцена и Огарева, еще в 1893 г. обращалась к Антушеву-отцу с просьбой сообщить о полученных им в наследство материалах, но ответа от него не последовало. Только позднее, при посредничестве третьего лица, Антушев сообщил, что "не разбирал еще бумаги, они лежат в сарае". Затем состоялась встреча Антушева с Некрасовой – в ее дневнике зафиксировано это событие и дана полная опись материалов Астраковой[4].

Публикуемые письма Герцена, Огарева и Тучковой-Огаревой составляют наиболее важную часть его собрания эпистолярных документов и имеют по большей части «коллективный» характер. Переписка Тучковой-Огаревой с Астраковой продолжалась и после смерти Герцена и Огарева, но в настоящую публикацию эта часть ее писем не входит (они частично используются в этом же разделе, в публикации Т.Ю. Соболь). Автором воспроизводятся лишь письма 1849–1870 гг. В основном они освещают личную жизнь корреспондентов и их взаимоотношения. Отчасти это объясняется, конечно, невозможностью открытого обсуждения по

почте актуальных вопросов общественного характера, тем более с людьми, объявленными "государственными преступниками", но все же и подобные вопросы не оставались незатронутыми, тем более, что у Герцена для переписки с близкими из России были припасены женские конспиративные псевдонимы: *старуха, Эмилия* (*Емилия*) и др.

Первое из публикуемых писем Натальи Алексеевны отправлено из Крыма, из местечка Учь-чум близ Алупки. Огарев и Тучкова поселились здесь в июне 1849 г., после отказа властей выдать им заграничные паспорта и неудачной попытки нелегально выехать из Одессы к Герцену за границу на одном из иностранных кораблей.

Слухи о намерении Огарева и Тучковой покинуть Россию и об их гражданском браке, бывшем достаточно рискованным и смелым шагом в те времена, не могли не стать известными властям. Огарев опасался полицейского преследования после возвращения в свое имение. И действительно, пензенский губернатор А.А. Панчулидзев (о котором Салтыков-Щедрин говорил, что он "более двух десятилетий боролся с законом"), давний недоброжелатель Огарева, предпринял некоторые попытки упрятать в тюрьму своего бывшего свойственника (первая жена Огарева – М.Л. Рославлева была его племянницей), обвиненного им в "вольнодумстве" и "безнравственности". Письмо Тучковой не имеет ни подписи, ни приписки Огарева, но читается как коллективное: "Мы живем в Учь-чуме..."

Ряд писем относится ко времени страшных несчастий, обрушившихся на герценовскую семью; в них отклики на эти события. В конце ноября 1851 г. до Огарева и Тучковой уже дошло (через Астракову) известие о гибели при кораблекрушении матери Герцена и его сына Коли." Ужасно темно на душе! Что станется с ними со всеми..." – пишет Тучкова Астраковой. 8 мая 1852 г. из Ниццы идет в Россию новое письмо. М.К. Рейхель, присутствовавшая при последних часах жизни Н.А. Герцен, сообщает Астраковой о ее кончине. Несколько ранее Астраковым писала Тучкова: "Вот что, друзья, известие, которое вы нам передали, совершенно нас ошеломило... Признаться, Сергей Иванович, не чувствую ни малейшего желания греться на солнце, которое бы не согревало N(atalie)". И приписка Огарева: "Право, Сергей, не могу писать. Так тяжело, что смерть".

10 июня 1852 г. Рейхель вновь отправляет письмо Астраковой, беспокоящейся о судьбе осиротевших детей, где передает детали последних дней жизни Н.А. Герцен: "Первый удар нанес страшный сюрприз 16-го ноября, а потом болезнь за болезнью, моральная натяжка, всего этого было слишком".

Говоря о "моральной натяжке", Рейхель явно не договаривает, и Астракова, чувствуя это, вновь просит (в уже известном письме от 26 сентября / 8 октября 1852 г.) сказать "всё" о Наталье Александровне и передает просьбу Герцену (имя его не названо) прислать "какой-нибудь крошечный лоскутик ее рисованья"[5]. О Н.А. Герцен Астракова узнает многое, но не "всё", т.к. никогда не прочтет скорбные главы "Былого и дум" о семейной драме, появившиеся в печати уже после ее смерти.

Упомянутое письмо Астраковой к Рейхель от 26 сентября / 8 октября 1852 г. и приложенная к нему записка Астраковой к Саше Герцену – "Люби и уважай своего отца..." – известны (XXIV, 517). Но вот ответы обоих Александров Астраковым, вызвавшие их "горькие, тяжелые слезы", до сих пор числились среди писем неразысканных. Теперь это письмо "двух Александров", отосланное на Плющиху вскоре по приезде Герценов в Лондон, публикуется нами.

Отзвук трагедии и в другом письме Герцена – от 7 марта 1853 г. (оно было до сих пор известно лишь по небольшой цитате, переданной самой Астраковой – XXV, 486). Оно написано человеком, который начал "оправляться после ряда страшных событий, несчастий, ошибок" (VIII, 10) и уже находил в себе силы взяться за главное в своей жизни – создание Вольной типографии и "Былого и дум". Для работы над мемуарами важно было получить оставленные в Москве бумаги, и Герцен просит Астракову об их присылке: "А если кто поедет, хотелось бы мне еще письмы, писанные до свадьбы".

Образ Н.А. Герцен выступает из публикуемых писем отчетливо и масштабно. Ведь адресованы они Астраковой, лучше, чем кто-либо другой, понимавшей духовную красоту и незаурядность этой женщины. «Вы правы в одном и безусловно, – пишет Герцен 11 декабря 1860 г., – за это-то я вас всегда считал и теперь считаю в числе ближайших друзей – это в вашем суждении о Наташе. Да, это была великая натура, и вы еще ее не всю знаете. Ей я сколько мог памятник поставил – этот памятник "Былое и думы"».

По публикуемым письмам прослеживается ряд обстоятельств жизни герценовской семьи, раскрываются характеры детей, год за годом взрослеющих и "обрастающих" собственными биографиями. Если в начале переписки Саша – мальчик, игравший с Астраковой "давным-давно", то в 1877 г. Тучкова-Огарева уже "почти потеряла счет его детям". Новые штрихи к портрету "сердечной Таты" в прекрасном письме Огарева о детях Герцена: "В ней наша традиция не пропала". Там же о Лизе: "Одно из самых светлых созданий". Характеристики эти

тем интереснее, что они подчас разноречивы, потому что исходят из разных "станов" – от Тучковой-Огаревой, неистовой, нетерпимой, и от мягкой, любящей Рейхель или от Огарева, у которого нет "ничего для себя, для собственной сердечной привязанности – кроме *его*" (Герцена).

О многом Астракова по-прежнему не осведомлена, до Москвы доходят лишь неясные слухи. Тучковой-Огаревой, например, трудно объяснить Татьяне Алексеевне, отчего они все "врассыпную", почему семья не может собраться под одним кровом и почему ее и Герцена дочь Лиза должна носить имя Огарева. Только в письме, написанном за 27 дней до смерти Герцена, Наталья Алексеевна со всей откровенностью рассказывала о своей жизни, "исполненной лишений, недоразумений, тяжелых тайн".

Первые публикуемые письма Огарева написаны еще в России, когда он охвачен "горячкой деятельности". Но и в этих "деловых" письмах постоянно присутствует живое участие к судьбе своего друга С.И. Астракова. Огарев обеспокоен его болезнью, занят продвижением его проектов, хлопочет в Петербурге в Академии наук о прохождении его диссертации. Отъезд Огарева в Лондон весной 1856 г. не нарушает дружеских связей. Романтик-идеалист в собственных материальных делах, без колебаний и сожалений "освобождающийся" от огромного состояния и ставший "пролетарием" в ходе своих социально-хозяйственных экспериментов, Огарев продолжает искренне верить в успех других. Он думает о создании компании на акциях для реализации проекта астраковского вездехода на паровом ходу, незаменимого при российских скверных дорогах, надеется на участие в этой компании И.С. Аксакова, приехавшего в Лондон в августе 1857 г. Мысль о научном приоритете России, о ее техническом прогрессе постоянно занимает Огарева: "Отрадней пустить проект в ход в России, чем у оных иноземцев, которые и без того богаты и промышленны, грабят свой народ и режут индейцев".

Однако в последующей переписке эти оптимистические надежды блекнут. Об изменении взгляда Огарева свидетельствует его письмо от 1 октября 1861 г., написанное в апогее работы над "Колоколом". Думая о России и ее будущности, Огарев не верит больше в перспективы внедрения проектов Астракова. Он пишет ему: "При этой общей системе – ни ты, ни он[6], ни Христос ничего не сделают, и единый исход из толчения воды – это общая перемена системы". Таков вывод, сделанный Огаревым на частном примере судьбы своего друга, вступившего в неравную борьбу с бюрократическим всевластием и научно-казенным рутинерством царившего в стране "порядка вещей". С.И. Астраков не достиг никаких побед в этой борьбе. На его могильном памятнике друзья поместили слова: "Сломлен, но не согнут".

Входящие в публикацию письма Герцена и Огарева богаты подробностями личной и семейной жизни. Но в целом, как уже сказано, это отнюдь не бытовая переписка. Почти в каждом письме личное соседствует с общим. И хотя адресаты Герцена и Огарева не политические или общественные деятели, а связь с Россией требует тщательной и неукоснительно соблюдаемой конспирации, в письмах лондонских пропагандистов к "неизменным старомосковцам" мы найдем высказывания широкого политического звучания, подспудно проходят мысли о необходимости подготовительной работы, свидетельствующие о поисках путей общественно-результативного действия, когда "слово" должно превратиться в "дело".

Как и ранее опубликованные эпистолярные материалы, письма Герцена и Огарева, впервые вводимые здесь в научный оборот, проникнуты верой в то, что их деятельность на благо России будет понята и принята с благодарностью: "И ведь звоним, звоним да и думаем – авось-либо звуки дойдут до дружеских ушей – оно и весело" (п. 28).

Письма публикуются впервые по автографам *ГЛМ*, ф. 248, оп. 1.
В публикацию включено 19 писем и приписок Герцена и 14 Огарева.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Дом не сохранился.

[2] "Лит. наследство", т. 63, с. 545–546.

[3] "Лит. газета", 1978, № 22 от 31 мая. См. также: И.А. Желвакова. Дом в Сивцевом Вражке. М., 1982, с. 153–186.

[4] См. об этом: С.В. Житомирская. Первый в России музей освободительного движения ("Федоровские чтения. 1974". М., 1976, с. 34 и "Лит. наследство", т. 96, с. 578).

[5] *ЛЖГ* II, 115.

[6] *Он* – П.А. Тучков, московский генерал-губернатор, дядя Нат. Ал.

1

⟨Учь-чум. Июнь–июль 1849 г. ⟩[1]

Наконец, мы на месте, любезная Татьяна Алексеевна; чудесный край южный берег Крыма; жаль, что вас здесь нет, жаль из эгоизма и для природы! Вам было бы тут хорошо; знакомых можно вовсе не иметь, гулянья прекрасные, в особенности Воронцовский парк[2]. Мы бы с вами гуляли по горам; я бы ужасно была рада вас видеть здесь с Сергей Ива̀новичем! Мы живем в Учь-чуме, лучшая дача относительно вида; с нашего балкона видно море и дальний берег; горы напротив наших окон, во время грозы бывает особенно хорошо! Но горько знать, что все-таки это вроде ссылки для нас, что мы насильственно отдалены от всех людей, которых любим. Мне очень больно ⟨от⟩ разлуки с сестрой[3], мы в первый раз расстались и, кажется, на весьма долгое время. Она не надеется приехать сюда, а мне нельзя к ним ехать, это меня ужасно мучает; вы, верно, знаете, Татьяна Алексеевна, что нам скоро надо будет оставить Крым. Мне иногда хотелось бы перевести кружок ваш сюда, здесь лучше, право, чем в Москве. Но вы на меня рассердитесь, Сергей Иванович; подумаете, что я навек хочу вас разлучить с Девичьим полем; простите, я забыла вашу страшную привычку и увлеклась желанием вас видеть. Право, нам было бы хорошо с вами и с Татьяной Алексеевной. Но если нельзя приехать, то по крайней мере напишите хоть несколько слов. Я бы хотела знать, лучше ли вам, чем при нашем отъезде, милая Татьяна Алексеевна, целую вас от всей души и вам жму крепко руку. Прощайте, а может быть до свидания. Мы увидимся.

Ваша Н а т а л ь я

Будьте так добры, Татьяна Алексеевна, отошлите эту записочку тетеньке[4], но велите ей отдать в руки, ей одной.

[1] Условно датируется по упоминанию о приезде Н.А. Тучковой и Огарева в Крым в июне 1849 г. Содержание письма свидетельствует о том, что в Учь-чуме они только что обосновались. Первое письмо Огарева к Герцену из Учь-чума, написанное под тем же непосредственным впечатлением от встречи с одним из "самых лучших мест в мире", датировано 17/5 июля (см. *Огарев* II, 426).

[2] Воронцовский парк в Алупке.

[3] Елена Алексеевна Сатина, урожд. Тучкова, старшая сестра Нат. Ал.

[4] *Тетенька* – Мария Алексеевна Деспот-Зенович, урожд. Тучкова.

2

⟨Долгоруково (Яхонтово). Февраль 1850(?) г. ⟩[1]

Любезная Татьяна Алексеевна.

Не ожидала я, что мне надобно будет оправдываться перед вами; я думала, что вы меня лучше знаете, но я вам прощаю ваши обиды за двойную радость, которую вы мне сделали; я ужасно мучилась насчет Нат⟨альи⟩ Алек⟨сандровны⟩, и мне теперь ясно, что наши два письма пропали; недавно я писала с оказией, и надеюсь, что хоть это письмо дойдет до своего назначения.

Что касается до нашей переписки, то сестра[2] невольно виновата в том, что я не писала, потому что она мне говорила несколько раз в своих письмах, что вы собираетесь мне написать хоть несколько строк, я и ждала вашего письма. Другая причина, которая во всем мне мешает, это та, что О⟨гарев⟩ беспрестанно уезжает по делам на фабрику и в Симбирск; на днях мы надолго расстались, и, что всего хуже, в этих сторонах нет исправной почты; при первой оказии я перешлю ему письмо Нат⟨альи⟩ Алек⟨сандровны⟩ и ваше, если вы позволите.

Не сердитесь же, Татьяна Алексеевна, а лучше протяните мне дружески руку и скажите от меня Сергею Ивановичу, что хоть он и не пишет, а я его очень люблю, и желала бы вас видеть обоих летом у себя, а не в Москве, но когда это будет?

Прощайте еще раз, любез⟨ная⟩ Татьяна Алексеевна,

Ваша Н а т а

Пишите лучше на мое имя в Саранск в с. Долгоруково, а Инсар далек от нас, и мы не имеем частых сношений.

На обороте:
Ее высокоблагородию Татьяне Алексеевне Астраковой. В Москве, на Плющихе, близ Девичьего поля. В собственном доме.

[1] Сверху позднейшая надпись Астраковой: "Россия, после 1842 г.". Месяц указан на почтовом штемпеле, на обороте письма: "Февраля 4 утра получено". Скорее всего, судя по содержанию, письмо относится к 1850 г., когда Огарев усиленно занимался расстроенными делами своей Тальской писчебумажной фабрики и несколько раз в связи с этим ездил в Симбирск.
[2] Е.А. Сатина в это время жила с мужем в Москве и видалась с Астраковыми.

3

⟨Долгоруково. 2 июля 1851 г.⟩[1]

Любезная Татьяна Алексеевна,

Благодарю вас от души за письмо[2] и за известие, которое вы нам сообщаете. Вот вам мое письмо, потрудитесь надписать адрес. Извините, что пишу второпях, опоздала немного, дни такие дождливые, что никак рано не встанешь.

Не знаю, когда мы увидимся, а очень бы хотелось. Дедушка[3] стал слаб, что нас очень беспокоит, папенька[4] думает ехать в Москву, но не знает, как бросить все дела, а мы уж не знаем, когда будем в Москве; признаться, я к ней питаю немалую ненависть; но с вами хотелось бы пожить.

Прощайте, любезная Татьяна Алексеевна, целую вас от души и жму руку Сергею Ивановичу.

Ваша Н а т а л и

О⟨гареву⟩ некогда, он вас обнимает, на днях будет писать.

На обороте:
Ее высокоблагородию Татьяне Алексеевне Астраковой в Москве. На Плющихе близ Девичьего монастыря, в собственном доме.

[1] Датируется по почтовым штемпелям.
[2] Это письмо неизвестно.
[3] Об А.А. Тучкове-деде см. подробно в "Воспоминаниях" Нат. Ал. (*Тучкова-Огарева*, 19–24).
[4] А.А. Тучков-отец.

4

⟨Саранск. Конец ноября 1851 г.⟩[1]

Любезная Татьяна Алексеевна,

Страшно грустно было читать ваше письмо; какое неожиданное несчастье и как оно поразит N⟨atalie⟩[2]. И так нечему было веселиться, а теперь ужасно темно на душе! Что станется с ними со всеми, как перенесут это известие? Мне нечего просить вас дать знать, как скоро что услышите; я знаю, что вы вполне поймете мое беспокойство и напишете сами; вы всегда были так добры ко мне, вы, верно, не изменились, это ведь общее несчастие для нас?

Насчет письма, посланного мною вам для передачи Наталье Кирилловне, меня очень удивил ваш вопрос. Если бы оно было забыто, я бы нашла его; не пристало ли оно к конверту или не выронили ли вы его как-нибудь? Извините, что я вас прошу его поискать у себя, но ведь это только оттого, что я не могу понять, куда оно девалось. Еще просьба к вам, любезная Татьяна Алексеевна, пожалуйста пришлите мне книгу и адрес Марии Каспаровны[3]. Бедная Мария Каспаровна, как ей не жалеть Колю, какой он был славный ребенок!

Прощайте, любезная Татьяна Алексеевна, жму крепко вам обоим руки, и только одно могу сказать: после такой беды, как страшно за остальных!

Ваша N a t a l i e

Н⟨иколай⟩ П⟨латонович⟩ напишет с будущей почтой.

На обороте:

Ее высокоблагородию Татьяне Алексеевне Астраковой в Москве. На Плющихе близ Девичьего монастыря, в собственном доме.

[1] Датируется по почтовым штемпелям и помете Астраковой: *XII, 1851*.

[2] Ответ на неизвестное письмо Астраковой, сообщившей о кораблекрушении, в котором погибли мать Герцена и его сын Коля.

[3] *Марья Каспаровна* – Рейхель.

5

ТУЧКОВА-ОГАРЕВА И ОГАРЕВ – АСТРАКОВЫМ

⟨Долгоруково. Январь – февраль 1852 г.⟩[1]

Любезная Татьяна Алексеевна,

Болезнь Сергея Ивановича тревожит нас ужасно; пожалуйста, пишите почаще об нем; прежняя тревога моя миновалась, и я перестала уже думать обо всем этом[2]. Недавняя смерть Корсакова так горестно нас поразила, что все посторонние опасения вовсе изгладились из памяти; трудные года пришлось переживать, и всякий день меньше понимаешь, что́ привязывает к жизни и чего мы от нее требуем.

Н⟨аталья⟩ А⟨лександровна⟩ меня мучает тоже: и я не могу понять, об каких сплетнях вы хотели говорить; пожалуйста, напишите пояснее[3].

Я к вам посылаю коротенькую записку, потому что не могу почти писать, рука трясется, и я расхворалась; должно быть, простудилась…

Мы часто ездим в Акшено, потому что то Елена, то дети хворали, потом для Соколова[4] ездили; нынче сестра здесь, ей вовсе не вредит кормить, болезнь ее была случайна, ребенок здоровее старшего[5].

Прощайте, любезная Татьяна Алексеевна, крепко жму вам руки и умоляю Сергея Ивановича лечиться и быть осторожным после болезни: он не воображает, как мучительно знать, что он болен.

Прощайте еще раз.

Ваша N.

Рукой Огарева (приписка, адресованная Астракову):

На днях Ал⟨ексей⟩ Ал⟨ексеевич⟩[6] едет в Москву. Теперь не пишу, потому что ровно ничего не понимаю. На кой черт эта болезнь? Выздоравливай поскорее. Помни, что у меня, кроме тебя, никого нет. А я имею честь предложить машину[7], которая должна перевернуть целый свет.

[1] Датируется по упоминанию о недавней смерти (в январе 1852 г.) Г.А. Римского-Корсакова, друга Тучковых и их соседа по имению.

[2] Вероятно, речь идет о тревогах, связанных с неоформленным браком Нат. Ал. и Огарева.

[3] Намек на увлечение Н.А. Герцен Г. Гервегом.

[4] *Соколов* – управляющий акшенским имением Огарева.

[5] Малолетние дети Е.А. Сатиной – *Тата* (род. в 1850 г.) и *Леля* (Алексей; род. в 1852 г.)

[6] А.А. Тучков.

[7] Речь идет об одном из технических нововведений Огарева.

6

⟨Долгоруково. Апрель (?) 1852 г.⟩[1]

Вот что, друзья: известие, которое вы нам передали, совершенно нас ошеломило. Я ничего не могу сказать: боюсь, боюсь, как будто сейчас дверь отворится и скажут: все кончено. А между тем как долго не узнаем мы ничего. Признаться, Сергей Иванович, не чувствую ни малейшего желания греться на солнце, которое бы не со-

гревало N⟨atalie⟩. Завтра допишу, сегодня не могу. Сегодня же отсылают на почту, поэтому я беру перо, чтоб с вами распроститься. О⟨гарев⟩ не писал потому, что хочется ему писать спокойно, хорошо; а мы беспрестанно переезжали из Яхонт⟨ова⟩ в Акшено. Потом Соколов задержал, и вот мы опять дома, но как грустно здесь с тех пор, как все дурные известия нас ожидают дома. Знаю я только, что очень вас обоих люблю, и была бог знает как рада видеться с вами и пожать вам крепко руки.

Ваша Н а т а л и

Рукой Огарева:

Право, Сергей, не могу писать.

Так тяжело, что смерть. Если бы вам удалось переехать ко мне на фабрику, то я хотел бы быть с тобой[2], а теперь вызывать тебя на то же невыносимое положение, в котором я нахожусь, – не хочу – просто не хочу. Что есть, тем поделимся – вот что в пекуньярном[14*] отношении, а в остальных отношениях пусть мы одни вытерпим все, что можно вытерпеть.

А насчет письма я ничего не знаю[3].

[1] Датируется по упоминанию о предсмертной болезни Н.А. Герцен.

[2] Огарев намеревался пригласить Астракова на должность управляющего своей фабрикой. В июле 1852 г. Астраковы приезжали в Акшено для переговоров, но на переезд не решились.

[3] О каком письме идет речь – неизвестно.

7

⟨Долгоруково. 30 июня 1852 г.⟩[1]

Очень, очень хорошо делаете, что едете к нам[2], любезная Татьяна Алексеевна, мы с О⟨гаревым⟩ каждый день стареем и тупеем, да и, кажется, нечему тут дивиться. – Не забудьте, друзья, оставить, кому рассудите, доверенность на получение писем от М⟨арии⟩ К⟨аспаровны⟩ и наш адрес. Еще одна просьба: пожалуйста, не говорите здесь, то есть у нас, что обе дочери ⟨Герцена⟩ у М⟨арии⟩ К⟨аспаровны⟩[3]: это для меня очень нужно.

Прощайте, крепко вас обнимаю. Ваша N.

Вы приедете в Нижний[4] и найдете там нашего посланного с тарантасом. Посланного зовут Семен Васильевич Курганов. Он будет справляться о вашем приезде в конторе дилижансов.

О⟨гарев⟩ уезжает на фабрику, но будет дома к вашему приезду.

На обороте:

Ее высокоблагородию Татьяне Алексеевне Астраковой в Москве. На Плющихе близ Девичьего поля. В собственном доме.

[1] Почтовый штемпель неясный. Позднейшая запись рукой Астраковой: *30, 6, 1851* ошибочна в отношении года. Он устанавливается по сообщению в письме о пребывании у Рейхель (после смерти Натальи Александровны) обеих дочерей Герцена – Оли и Таты (см. XXIV, 274).

[2] См. выше.

[3] См. прим. 1.

[4] Имеется в виду Нижний Новгород.

8

САША ГЕРЦЕН И ГЕРЦЕН – АСТРАКОВОЙ

Рукой Саши:

Лондон. ⟨26 октября⟩ 1852 года

Любезная Таня,

Я получил твое письмо и, прочитав его, долго думал об этих чудесных словах моей Мамаши, которые ты мне так живо напомнила[1]; я буду делать все, что могу, чтоб

[14*] денежном (от *франц.* pécuniaire).

ДЕТИ ГЕРЦЕНА – САША, КОЛЯ И ТАТА
Акварель К.А. Горбунова. (Москва), 1845
Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится по негативу (Российский государственный архив литературы и искусства, Москва)

исполнить то, о чем Мамаша меня с такой любовью просила. Я берегу одно из Мамашиных колец и особенно маленькую печать, которую она очень любила. Я не могу прислать ⟨травку⟩ с ее гроба: мы далеко от него[2].

В последнее время я все ездил с Папой и оттого мало занимался. Теперь я всего больше учусь по-английски. Я еще очень хорошо помню С⟨ергея⟩. Напиши мне, что делает Петруша[3]. Поклонись от нас всем нашим друзьям. Я тебя целую.

С а ш а

Рукой Герцена:

Таня, – и я тебя так хочу называть – твою руку. Далеко от могилы, далеко от детей, прибит бурей к чужому берегу. Все сломилось, семья, дом, средоточье – узел развязали, и все рухнулось. О Господи, как я ждал сюда Н⟨атали⟩ и ее брата[4] и еще жду.

Посылаю волос и крепу[5]. – Брата ты обними.

26 окт⟨ября⟩ И.Н.[6]

[1] Эта записка Астраковой к Саше – своеобразное наставление сыну Герцена: "Люби и уважай своего отца, употребив всю свою нежность на то, чтобы утешить его и заменить ему хотя часть того, чего он лишился в твоей матери". Послана с письмом к Рейхель 8 октября 1852 г. (XXIV, 517).

[2] В той же записке Астракова спрашивала Сашу: "Бываешь ли ты на могиле своей матери? – пришли мне с ее холмика какую-нибудь травку".

[3] *П.А. Захарьин* – брат покойной Н.А. Герцен, дядя Саши.

[4] Огарев назван здесь так из конспиративных соображений.

[5] Герцен собирался отправить Астраковой на память и кое-что из "вещиц" Н.А. Герцен (см. XXIV, 378).

[6] Одна из конспиративных подписей Герцена в письмах в Россию. Инициалы предположительно расшифровываются *И⟨скандер⟩ Н⟨erzen⟩*.

9
ГЕРЦЕН – АСТРАКОВОЙ

⟨Лондон.⟩ 7 марта ⟨1853 г.⟩

Милая Таня, как же ты не догадалась, что если не было векселя, то следовало за получением денег сходить к Редлиху и Колли[1]. Получила ли, наконец, 1000?

Слушай мой глубокой приказ и просьбу, мне непременно хочется портрет аквар⟨ельный⟩, деланной Горбуновым, который у тебя (вели срисовать для себя)[2] – бога ради, пришли мне его, если не с кем, то нельзя ли через банкира, пошли к Ротшильду в Париж для передачи Мар⟨ии⟩ Каспар⟨овне⟩. А если кто поедет, хотелось бы мне еще письма, писанные до свадьбы[3]. У меня – как у тебя, Таня, – есть прошедшее, я его перебираю, а настоящее пусто, бесцветно, только больше презрения всё к людям и недоверия – и чем ты больше от них удаляешься, презираешь – тем больше они в ногах и кланяются. – Пошли эту записку сестре[4]. Скажи С⟨ергею⟩, что Саша много занимается математикой и под хорошим руководством[5].

Целую вас и благословляю из моей дали.

Очень больно, что я в разлуке с детьми, – но держусь за М⟨арию⟩ Кас⟨паровну⟩ обеими руками. А там, где она, трудно день прожить, а не то что год[6].

Посмотрим, посмотрим да с детьми со всеми пущусь куда-нибудь в даль.

Поверите ли, как все гадко. Вот люди-то... – ох, хоть бы побывать денек, другой[7].

[1] В письме к Герцену от 11/23 декабря 1852 г. Астракова просила дать ей денег взаймы (см. "Лит. наследство", т. 62, с. 15–16). Герцен откликнулся на эту просьбу высылкой 1000 франков, о чем сразу же известил Астракову. В письме от 8/20 января 1853 г. (ответом на которое и является данное письмо) Астракова писала, что деньги все еще не получены (см. там же, с. 18). Тогда Герцен порекомендовал ей обратиться за получением денег к владельцам банкирской конторы Редлиху и Колли. Через эту контору осуществлялись денежные связи Герцена с Россией (см. XXV, 14).

[2] Судьба портрета Н.А. Герцен (работы К.А. Горбунова), посланного в Лондон в июне 1855 г. с П.Л. Пикулиным, неизвестна (см. XXV, 370).

[3] Переписка Герцена с невестой была прислана в Лондон в 1856 г. Об этом он пишет в "Былом и думах" (см. VIII, 389). Повторяющаяся просьба Герцена о пересылке писем с первой оказией, передававшаяся в письме Нат. Ал. к Астраковой от 24 ноября/6 декабря 1856 г., была вызвана тем, что за целый год недоставало писем, "писанных до свадьбы".

[4] Имеется в виду записка Герцена к Огареву и Тучковой-Огаревой от 7 марта 1853 г. (см. XXV, 27). В сохранившемся автографе внизу листа следы обрыва; это заставило комментатора записки предположить, что на оторванной половине листа находилось несохранившееся письмо Герцена к Астраковой (см. XXV, 372). Однако найденный текст написан на отдельном листе.

[5] Уроки математики Саша брал у известного польского революционного эмигранта С. Ворцеля.

[6] Герцен говорит об усилении реакции в бонапартистской Франции. Рейхель жила тогда в Париже, куда, по просьбе Герцена, взяла его дочерей.

[7] Ответное письмо Астраковой см. в "Лит. наследстве", т. 62, с. 18–21.

10

⟨Долгоруково. 1852–1853 гг.⟩[1]

Любезная Татьяна Алексеевна,

⟨Так как⟩ здоровье дедушки не очень поправляется, то я думаю ехать на несколько дней в Москву с ним повидаться; жду только, чтоб решительно была зима или осень, а то не знаешь, в каком экипаже ехать; итак, мы скоро увидимся, я хотела отвечать ⟨на⟩ "предлинное" письмо Сергею Ивановичу насчет невозможности нашего переселения; приехать на несколько дней сложно, но все же нельзя надолго оставить дела; вы знаете, почему они нам близки к сердцу, дела, деньги подают единственную надежду на осуществление нашего постоянного желанья[2].

Пока прощайте, любезная Татьяна Алексеевна, вашу руку и вашу тоже, Сергей Иванович.

Я и не воображала, что придется ехать нынешней зимой в Москву, зато увидимся и переговорим лучше, чем на бумаге. Я нахожу, что письма только хороши после недолгой разлуки, тогда так легко понимать друг друга. Что за известие издалека?

Машенька и Елена вам очень кланяются. Елена зимой собирается в Москву месяца на два.

Прощайте еще раз. Вся ваша N.

[1] Письмо написано не позже 1853 г., т.к. дед Нат. Ал. А.А. Тучков был еще жив. Надо думать, что ее отец, о посещении которого в Москве она ничего не пишет, уже находился в Яхонтове, куда ему весной 1852 г. было разрешено возвратиться.

[2] Намек на предстоящий приезд за границу, к Герцену. Отметим, что в конце 1853 г. брак Нат. Ал. и Огарева был официально оформлен.

11
ОГАРЕВ – АСТРАКОВУ

⟨Петербург.⟩ 18 декабря ⟨1855 г.⟩[1]

С ума ты сошел, друг, что выдумал какие-то приемы и хочешь что-нибудь на них основать. Завтра или послезавтра я буду у Перевощикова и переговорю[2]. Я затормошился: во-1-х, потому, что дело мое идет хорошо, во-2-х, что поэма, которую я читал тебе[3] и Мих⟨аилу⟩ Сем⟨еновичу⟩[4] производит здесь furor и, кажется, пропустится с весьма малыми пропусками[5]. Все затронуто: и стремление к водолечению и самолюбие. – Больше ничего теперь не могу сказать. Еду в оперу. Оба мы вам обоим или, лучше, троим salutem[15*] даем.

Твой О г а р е в

Рукой Тучковой-Огаревой:
Два часа ночи, поэтому ничего не могу написать, а только жму вам обоим руки.

[1] Год устанавливается по содержанию письма: в ноябре 1855 г. Огаревы вновь приехали в Петербург хлопотать о заграничном паспорте. Датировка подтверждается позднейшей пометой Астраковой на письме: "Россия. СПб., 1855".

[2] Огарев хлопотал в Академии наук о принятии к защите диссертации С.И. Астракова и о рассмотрении ее видными учеными.

[3] Поэма "Зимний путь", которую Огарев с большим успехом читал в литературных гостиных Петербурга.

[4] М.С. Щепкин.

[5] Поэма была напечатана в "Русском вестнике" (февраль, № 1, 1856 г.) с рядом цензурных купюр.

12
ОГАРЕВ – АСТРАКОВУ

⟨Петербург.⟩ 6 января ⟨1856 г.⟩[1]

Друг Сергей, я перед тобой страшно виноват, ибо занялся своим делом и бездельем и только сегодня был у Перевощикова. Решение вот какое: тебе приезжать не нужно; только пришли диссертацию на имя секретаря Академии. Перевощиков говорит, что ручается за честность разбора. Разбор будет произведен Якоби, Ленцем и Чебышевым. Перевощиков принял меня так хорошо, что я, по глупости моей, дошел до умиления. А говорят, что он подлец! фу! ты господи боже мой! Что же после этого хорошего на свете? – Кавелин... и только![2] – Да и то если бы ты знал как здесь странно всё и все! – в четверг моя судьба окончится, и мы скоро увидимся[3].

О г а р е в

Наташа спит. – Прощай навек.

[1] Год устанавливается по содержанию письма.

[2] Чем была вызвана отрицательная оценка Огаревым К.Д. Кавелина, неизвестно. Она дана задолго до

[15*] привет (*лат.*).

идейно-политического разрыва с ним издателей "Колокола", датируемого 1862 г., и относится, по-видимому, к осуждению каких-то его поступков или высказываний. Однако, судя по позднейшим отзывам даже таких политических противников Кавелина, как Добролюбов и Чернышевский, по своим личным достоинствам он пользовался превосходной репутацией.

[3] Речь идет о скором получении заграничных паспортов (выданы в январе 1856 г.) и о предстоящем приезде в Москву.

13

⟨Москва. Февраль 1856 г.⟩[1]

Огареву получше, спал хорошо. Сегодня целый день будет дома, а завтра поутру хочет хлопотать по делам; по-моему, это слишком рано, но ведь с ним не сговоришь, и сегодня с трудом уговорила дома посидеть. Приходите когда вам удобнее, Ог⟨арев⟩ так желает вас видеть, а время уже мало. Кажется, мы не поедем в Петер⟨бург⟩, а прямо в Варшаву.

До свидания, Т⟨атьяне⟩ А⟨лексеевне⟩ напомните ⟨о⟩ нас обоих; может, она соберется еще взглянуть на дом Фишера[2].

Крепко жму вам обоим руки, и Ог⟨арев⟩ тоже.

Вся ваша N.

Вторник

[1] Датируется по упоминанию о предстоящем вскоре отъезде Огаревых в Лондон. Они выехали за границу из Москвы 4/16 марта 1856 г., как и предполагали, через Варшаву, не заезжая в Петербург.

[2] В доме Фишера на 3-й Мещанской в Москве жили в это время Сатины. По-видимому, Огаревы остановились там.

14

ТУЧКОВА-ОГАРЕВА, ОГАРЕВ И ГЕРЦЕН – АСТРАКОВОЙ

⟨Лондон.⟩ 24 ноября/6 декабря ⟨1856 г.⟩[1]

Вот уже несколько дней как мы получили ваши письмы[2], любезная Татьяна Алексеевна, но все это время я не могла найти совершенно свободного времени. Вчера мы праздновали именины Саши и Ем⟨илии⟩[3], а сегодня Ог⟨арева⟩ рожденье. Хотелось бы вместе с вами отпраздновать, но когда еще вы соберетесь сюда, а весело бы было всем вспомянуть старину; все бы помолодели. Папа обещался приехать сюда в фев⟨рале⟩, не знаю, сдержит ли слово. Ем⟨илия⟩ велела вас успокоить насчет писем, она просит только переслать их с первой верной оказией[4]. Я думаю если С⟨атин⟩ будет в Москве, вы бы могли ему передать их, он чаще может иметь случай переслать, а уж насчет его исполнительности вы можете быть покойны. Ем⟨илия⟩ давно мне говорила, что недостает писем за целый год, я не понимала и думала: уж не я ли потеряла их? Писала к Елене, она все мои вещи перебрала и все ничего не нашла.

Я что-то очень глупа после именин, шум этот, суета страшно утомляют меня, должно быть я очень состарилась. Прощайте, любезная Татьяна Алексеевна, крепко жму вам руку, Сер⟨гею⟩ Ив⟨ановичу⟩ тоже.

Вся ваша N.

Никифору[5] поклонитесь от меня, скажите, что я очень рада знать, что он любит стихи Ог⟨арева⟩.

Рукой Огарева:

И от меня.

Так что-то глуп и ленив, что ничего не напишу сегодня, кроме того, что напишу. Жду статьи. – Вчера в газетах писали об одной женщине, которая умерла 101 года, имея дочь 75 лет; последние 71 год своей жизни она не выпускала трубки изо рта. Это я пишу по совету Эм⟨илии⟩, чтобы показать Тат⟨ьяне⟩ Ал⟨ексеевне⟩ утешительную многолетнюю будущность, ибо это ясно доказывает, что трубка женщинам не

вредна[6]. – Прощайте, крепко жму вам руки и жду письма и статьи. Я уже об ней говорил и с достодолжной значительностью и осторожностью (дабы не украли в Академии) примусь за дело[7].

Рукой Герцена:

Я душевно рада, что письма нашлись, ну что же за беда, вы пишете, как о несчастии, – поедет хороший человек, ну и посылайте с ним. – Все темные да темные мысли. – Серг⟨ею⟩ Ив⟨ановичу⟩ поклон и вас обнимаю.

Ваша Е м и л и я

Нельзя ли узнать, что делает и где живет Прасковья Петровна Медведева – и что ее детки[8].

24 нояб⟨ря⟩
6 дек⟨абря⟩

[1] Месяц и число указаны в конце приписки Герцена к этому письму. Год устанавливается по упоминанию об обещании отца Нат. Ал. приехать в Лондон в феврале 1857 г. (приехал в конце июня – см. XXVI, 102).

[2] Эти письма Астраковых неизвестны.

[3] *Емилия* (*Эмилия*) – как уже сказано, одно из конспиративных имен Герцен в переписке с Россией.

[4] См. примеч. 3 к п. 9.

[5] *Никифор* – слуга в доме Астраковых.

[6] Астракова всю жизнь курила трубку с длинным чубуком, и ее друзья нередко подшучивали над ней.

[7] Герцен и Огарев просили Астракова о присылке его статей, в частности, о проекте "вездехода" на паровом ходу. Некоторые из этих статей были получены (см. "Лит. наследство", т. 62, с. 11).

[8] *П.П. Медведева* – вятская возлюбленная Герцена (*Р.* в "Былом и думах"). Герцен справлялся о ней в связи с намерением напечатать XXI главу "Былого и дум", в которой рассказывал о их романе (см. XXVI, 48).

15

ТАТА И ОЛЯ ГЕРЦЕН, ГЕРЦЕН, ТУЧКОВА-ОГАРЕВА И ОГАРЕВ – АСТРАКОВЫМ

⟨Путней. Конец марта⟩ 14/2 апреля ⟨1857 г.⟩[1]

Рукой Таты Герцен:

Милая моя Таня, я тебя так называю, потому что Мамаша тебя так звала.

Мне бы очень хотелось тебя видеть да и в России побывать; год тому назад мне было все равно, но вот Натали приехала и мне много хорошего рассказала об России, так что мне теперь очень хочется ее увидать. Мы были в панораме, где показывали русские виды, я не могла судить, а Папá говорит, что они нехороши.

Прощай. Целую тебя. Твоя Т а т а

Рукой Тучковой-Огаревой:

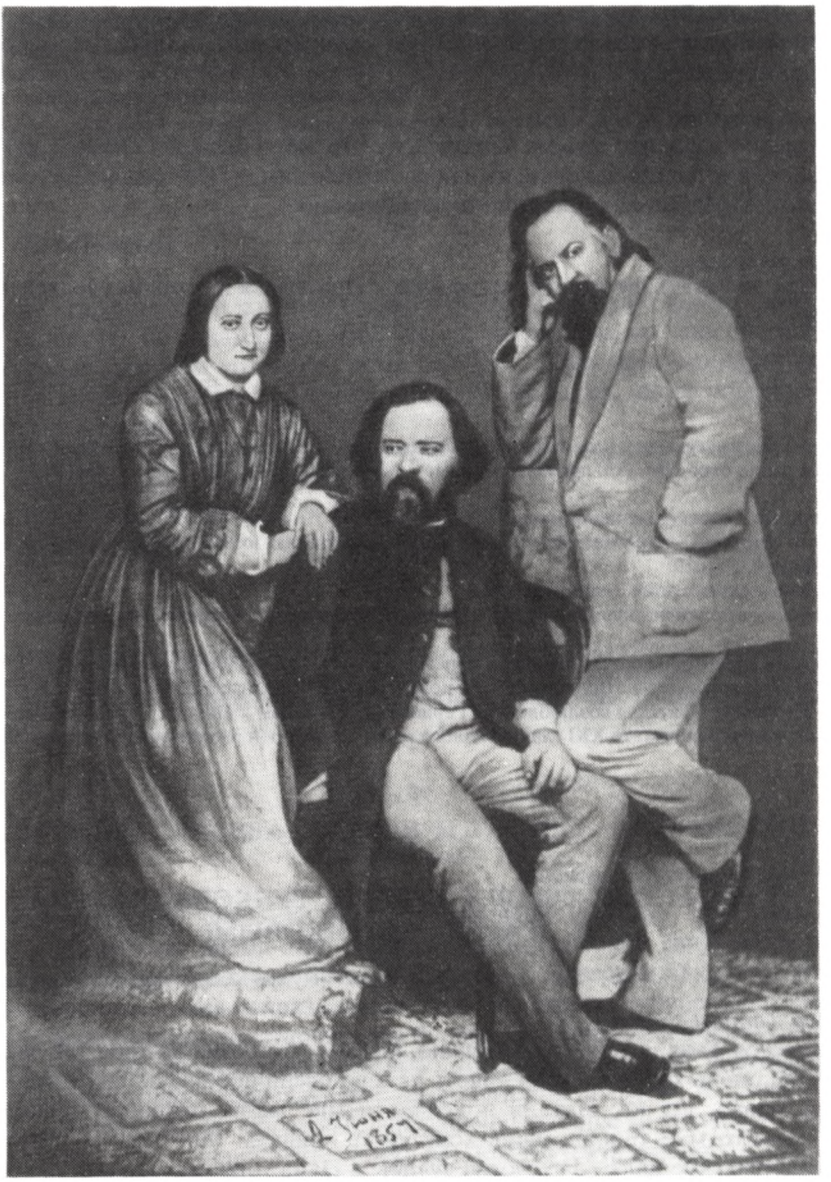
Любезная Татьяна Алексеевна,

Вот уж тысячу лет как я собираюсь к вам писать, и все что-нибудь мешало, дети тоже захотели вам написать хоть несколько строк. Что вы поделываете, как живете-можете? что Москва? Видели ли вы С⟨атиных⟩? Ребятишки их растут и все становятся милее[2], хотелось бы мне на них взглянуть, да бог знает когда приведется. Не сердитесь на меня и не платите злом за невольную вину, любезная Татьяна Алексеевна, то на душе было темно, не писалось, то дети закапают готовое письмо, досадно, и долго не соберешься опять.

Прощайте, будьте здоровы и протяните мне ваши и ваши руки так дружески, как я вам свою протягиваю.

Вся ваша N.:

Пишите с папá длинное письмо[3].



ГЕРЦЕН, ОГАРЕВ И Н.А. ТУЧКОВА-ОГАРЕВА
Фотография. Лондон, 1857
Внизу (на изображении) надпись: "2 Июнь 1857"
Институт русской литературы РАН, С.-Петербург

Рукой Оли:

Милая Таня. Я немного выучилась по-русски, вот и пишу к тебе. Natalie говорит, что ты очень любила маму.

Прощай. Целую тебя, твоя О л я

Рукой Огарева:

14/2 апреля

Я думаю, недели две, а пожалуй, и больше лежит у меня на столе это письмо, друг Сергей, и все что-то не пишется. Наконец самому гадко, что так давно не пишу

к тебе; а сказать, что сегодня нашло расположение поговорить о многом, – тоже соврешь. Пишу для того, чтобы вы не оставались без известий. Что сказать? "Плоски и отвратительны кажутся мне обычаи этого мира", – говорит Гамлет[4], которого ты не расчухал по свойственной тебе капризности логики. К этому изречению многого не прибавишь. Говорить бы и хотелось, а писать – нет; тем больше нет, что я про себя (т.е. не то что о себе, а про себя в смысле монолога) писал и пишу довольно. В самом деле, я-таки поработал в этот год, а все кажется мало. Деятельность, братец, да и только! А ведь год-то прошел, так-таки и прошел. Многое в нем было хорошо, многое неутешительно. Вообще надежды и сомнения проходят через всю жизнь под формулой + – = 0. Я с некоторых пор убедился, что иначе и быть не может: вещество состоит из ряда точек, из которых каждая = 0; движение состоит из ряда мгновений, из которых каждое = 0; да и самый нуль есть уравнение плюса и минуса; а жизнь, выходит, это колебание между плюсом и минусом, которое и в сущности и в конечном результате все-таки равно нулю, выходит вечное противуречие + и –, равное 0. Неутешительно, скажешь ты. Но примем это за факт и успокоимся. В этом колебании случаются и свои хорошие стороны, свои удовлетворения и наслаждения. Ну и слава богу! – А что ж ты не шлешь своей статьи?[5] Копотлив ты тоже. – А математик, который бы мог помочь мне перевести ее, – умер. Хороший был человек, страшно хороший человек[6], а все же уравнение покончено, + – = 0. – Найду другого, который поможет; просьба – присылай статью. – Завтракать зовут. Прощай! Обнимаю вас крепко. Не сердись и пиши.

Здоровье мое быкоподобно, а сознание всеобщего нуля доставляет мне истинное спокойствие духа.

Рукой Герцена (приписка сверху на полях):

А я на старости лет пишу, но вверх ногами – милые, добрые, девичепольские друзья – словно мы стали поближе с тех пор как вашего брата у нас на Темзе прибыло[7]. Ник⟨олай⟩ Пл⟨атонович⟩ толкует о 0 и +, а все-то вместе ничего с флюсом.

[1] Приблизительная дата устанавливается по содержанию письма.

[2] Дети сестры Нат. Ал. – Е.А. Сатиной: Тата, Леша, Коля, Саша.

[3] В Лондоне ждали приезда А.А. Тучкова (см. прим. 1 к п. 14).

[4] Цитата из одноименной трагедии В. Шекспира (д. 1, сц. 2-я).

[5] Статья по теории воздушного снаряда, которую Астраков не мог завершить без окончательных результатов опыта. Этот опыт он собирался произвести у себя на Плющихе (см. "Лит. наследство", т. 62, с. 22).

[6] Имеется в виду С. Ворцель.

[7] Речь идет о приезде Огарева и начале совместной деятельности его с Герценом.

16
ОГАРЕВ И ТУЧКОВА-ОГАРЕВА – АСТРАКОВУ

⟨Путней.⟩ 10 июня/30 мая ⟨1857 г.⟩[1]

Рукой Огарева:

Друг Сергей, сегодня пишу только несколько строк. *Сейчас* получил твое письмо[2] и *сейчас* стану писать к Сат⟨ину⟩. – Адресуйся к нему. Напишу ему все как елико возможно сделать. Боюсь, чтоб время не ушло. Я уже намедни писал, потому что в прошлом письме Тат⟨ьяна⟩ Ал⟨ексеевна⟩ говорила о доме, но еще неопределенно[3]. А теперь во что бы ни стало. Итак, пиши к Сат⟨ину⟩ тотчас подробности дела: кто твой кредитор, можно ли уплатить часть и взять отсрочку на остальное, или как иначе; словом, как облегчить дело[4]. Посылать отсюда боюсь опоздать, – и пишу, не успев обдумать что́ и как. – Прощай, обнимаю вас крепко. – Время чудесное! А что? – не станешь ли искать профессуры в Иркутске[5] – Оно бы интересно, разве только одиночество страшно! – Пиши же тотчас после сего письма, что́ и как; жду окончания твоего дела[6] с нетерпением. – Письмо твое шло 11 дней.

Рукой Тучковой-Огаревой:

Ваше письмо нас очень взволновало, тяжело видеть, что из-за денег приходится выстрадать; больно мне, что нас нет с вами, в беде лучше прижаться друг к другу. Надеюсь очень, что С⟨атин⟩ все уладит, но все же страшно и больно думать, что мы еще долго не узнаем, как все устроилось. Пишите же всю правду, Татьяна Алексеевна. Жаль и досадно, что С⟨атин⟩ уже в деревне, это тоже сделает замедление. Я мысленно переношусь на Плющиху, и мне страшно становится, зачем это хорошие люди предназначены мучиться, тогда как что не есть хуже на свете живет себе спустя рукава?

Хочется писать больше, но Ог⟨арев⟩ торопит, а дети болтают; ничего в голову нейдет. Прощайте, обнимаю вас крепко.

Вся ваша N.

[1] Год устанавливается по содержанию письма: летом 1857 г. Герцен и Огарев обсуждали меры о помощи Астраковым, задолжавшим кредиторам.

[2] Письмо Астракова неизвестно.

[3] Это письмо Астраковой также до нас не дошло.

[4] Дом Астраковых на Плющихе был заложен, и кредиторы требовали немедленной выплаты долга. Опасаясь, что Астраковы могут потерять свой дом, Огарев в письме от июля–августа 1857 г. просил Н.М. Сатина принять участие в их судьбе, а сам брал на себя материальную помощь: "Если ты для Астрак⟨овых⟩ займешь денег, то проценты плати из моих процентов" (*РП* IV, 166).

[5] В поисках подходящей деятельности Астраков, потерявший "даже свои лекции в пансионах" (XXV, 341), был готов на отъезд из Москвы.

[6] Очевидно, речь идет о рассмотрении диссертации Астракова в Академии наук (см. п. 11).

17
ТУЧКОВА-ОГАРЕВА, ОГАРЕВ И ГЕРЦЕН – АСТРАКОВЫМ

⟨Путней.⟩ 27/15 июня ⟨1857 г.⟩[1]

Любезная Татьяна Алексеевна,

Вы на меня никогда не серди́тесь за то, что редко пишу, письмам моим не судьба доходить до вас. О⟨гарев⟩ не позволяет писать мне одной, а когда он возьмет письмо, чтоб приписать, то и не дождешься сто лет, вот и теперь одно письмо лежит у него, но я вам его не посылаю, оно так устарело, что решительно не стоит пересылки. Дети очень обрадованы были вашим письмом[2]: сегодня они не успеют вам отвечать, впрочем, право, пишется – не пишется, потому что все кажется, что письмо так пролежит месяца два, а вы на меня, пожалуй, рассердитесь.

М⟨ария⟩ Ф⟨едоровна⟩ была у нас, я бы очень желала, чтоб вы с ней увидались, это будет лучше письма, она везет вам наши портреты[3], а детских у меня не было готовых; я вам пришлю с папа́, жаль мне очень, что он вас не застал и не мог приехать в другой раз, а свежие бы новости от вас привез и письма, но не сердитесь на папа́, ведь вы знаете его страсть ездить курьером.

Прощайте, любезная Татьяна Алексеевна, целую вас крепко, дети тоже поручают поцеловать вас за них.

Дайте вашу руку, Сер⟨гей⟩ Ив⟨анович⟩, когда-то мы увидимся, а право, от души бы хотелось, прощайте,

вся ваша N.

Рукой Герцена:

И я, вживе находящаяся сестра ваша[4] – много кланяюсь; вероятно, а Мар⟨ия⟩ Фед⟨оровна⟩ передала поклоны, и Пикуша наконец вручил порт⟨рет⟩[5].

Рукой Огарева:

Неделю тому назад, друг Сергей, я получил твое письмо и тотчас писал Ник⟨олаю⟩ Мих⟨айловичу⟩, чтоб распорядился окончательным выкупом дома[6]. Вероятно он тотчас и принялся улаживать это дело и после Нижегородской ярмарки покончит. Пиши и ты к нему. Хотелось бы, чтоб ты успокоился, друг

мой, поскорее. А теперь о деле: я тебе советую прислать мне статью поскорей о твоем паровозе, покороче, сделай из нее извлечение самое кратчайшее, чтоб уместилось в письме; сделай, так сказать, конспект статьи без особых математических выкладок; может, я буду иметь случай дать твоему проекту ход. Но как получишь это письмо, так и займись этим и пришли как можно скорее. Больше нечего теперь писать. Мы теперь веселы; только вас недостает. Целую вас всех крепко, крепко.

А⟨лексей⟩ А⟨лексеевич⟩ вам кланяется. Был у нас, но не застал, а пробыл только несколько часов и потому вдругорядь не был.

[1] Год устанавливается по упоминанию о приезде в Лондон М.Ф. Корш 1 июня/20 мая 1857 г. и А.А. Тучкова – в 20-х числах июня того же года.

[2] Письмо это неизвестно.

[3] М.Ф. Корш везла фотографию 1857 г., на которой Герцен, Огарёв и Нат.Ал.

[4] Напомним, что Герцен пишет от имени "Емилии", "сестры".

[5] *Пикуша* – П.Л. Пикулин. Был в Лондоне в 1855 г. О каком портрете идет речь – неизвестно.

[6] См. прим. 4 к п. 16. Письмо Огарева к Сатину хранится в *РГАЛИ* в фонде Сатиных (ф. 476, оп. 1, ед. хр. 45).

18

ОГАРЕВ, ТАТА ГЕРЦЕН И ТУЧКОВА-ОГАРЕВА – АСТРАКОВУ

⟨Путней. Между 20 и 23 августа 1857 г.⟩[1]

Рукой Огарева:

Друг Сергей, это письмо тебе доставит И.С. Аксаков, которого я очень люблю и уважаю. Поговори с ним о своем паровозе; если для него можно устроить частную компанию, то было бы всего лучше. Объясни возражение, сделанное г⟨раф⟩ом Г–м, которому Чевкин поручал рассмотреть проект[2]; оно так ничтожно, что, может быть, частная компания и решится что-нибудь предпринять. Я, с своей стороны, узнал, что мной придуманным путем нельзя адресоваться раньше зимы или ноября. Стало, мое мнение подождать и, уже испытав все средства, привести все дело в действие – без успеха, – представить проект в Парижскую Академию, и то очень осторожно, ибо народ такой милый, что того-гляди украдут[3], что́ мне наивно объяснял один очень добросовестный французский медик и профессор с большим талантом. Вот положение дела, друг мой. Мне бы всего было приятнее, если бы через посредство И⟨вана⟩ С⟨ергеевича⟩ устроилась частная компания для опыта и потом правительство разрешило бы и существование компании и самое дело. Твой же проект мне бы очень хотелось видеть осуществленным в России, да и всего полезнее он у нас; а теперь при новых железных дорогах твой паровоз стал бы скривлять все подвозы к дорогам[4]. А печатать отнюдь не позволяй: печатаньем ты дашь право всякому, изменив безделицу, выдать проект за свой, и тогда для тебя весь твой труд был бы потерян. И⟨ван⟩ С⟨ергеевич⟩ может тебе засвидетельствовать что я на вид совершенно здоров, но, так как в сущности нездоров, то вина не пью, работаю и наслаждаюсь деревенской жизнью возле города и пр., и пр., и пр. За сим обнимаю тебя и Т⟨атьяну⟩ А⟨лексеевну⟩ и Астрак⟨ова⟩-junior'а[5]. Будьте все здоровы и невредимы. Скоро напишу тебе отчет о Хрустальном дворце[6], что должно тебя интересовать, а я намерен его немного изучить; до сих пор ленился и только раз посмотрел вскользь.

Рукой Таты Герцен:

Милая моя Таня, я не помню, как ⟨я⟩ называла булавки пу-ка-ка. Я очень хорошо помню, как мамаша нас любила, и ее никогда не забуду. Я буду тебе писать часто. Сашу я за тебя обняла и папашу тоже и сказала им тебе почаще писать. Я спросила Сашу, помнит ли он тебя и Сергея Ивановича, он сказал, что хорошо помнит.

Последние недели приезжало к нам много русских[7].

После моих именин я тебе еще письмо напишу и расскажу, как провела их.

Прощай, милая Таня, тебя я не забуду, целую тебя и Сергея Ивановича, Оля тоже.

Твоя Тата

Рукой Тучковой-Огаревой:

Целую вас, любезная Татьяна Алексеевна, и вас тоже, Сергей Иванович, Ак⟨саков⟩ сейчас едет, писать некогда, портреты опять не приготовила.

Простите еще раз, вот для Елены пакет, вся ваша N.

На обороте:

На Плющихе, близ Девичьего поля, в собственном зеленом доме.

[1] Письмо датируется по указанию на приезд И.С. Аксакова, пробывшего в Лондоне несколько дней в 20-х числах августа 1857 г. (24 августа он уже был в Брюсселе). На письме позднейшая помета Астраковой карандашом: "*Июль – август 1857 ? и после?*"

[2] Астраков был принят К.В. Чевкиным, главноуправляющим путей сообщения и публичных зданий, являвшимся одновременно членом Комитета для рассмотрения предложений о сооружении железных дорог (см. XXVI, 21 и "Лит. наследство", т. 62, с. 11). Кому именно Чевкин поручил рассмотрение проекта, не установлено.

[3] Эти опасения Огарев высказывал в ряде своих писем к Астракову (см. "Лит. наследство", т. 62, с. 11).

[4] Астраковский вездеход предназначен был для преодоления русского бездорожья. Одновременно он должен был и трамбовать прокладываемые им дороги. Но эту вторую свою функцию вездеход не выполнял, т.к. прорывал в дорогах глубокую узкую колею (см.: О.Н. Харитонова. Анализ технических идей и проектов в письмах Астракова С.И., – сб. "Труды XVII научной конференции аспирантов и младших научных сотрудников Института истории естествознания и техники АН СССР". М., 1975, с. 152–157).

[5] Младший брат С.И. Астракова – Михаил.

[6] *Хрустальный дворец* – здание, построенное для первой Всемирной выставки в Лондоне. О нем писал Чернышевский в "Что делать?"

[7] См. XXVI, 113–114.

19

⟨Путней. Середина ноября 1857 г.⟩[1]

На днях пришло ваше письмо[2], любезная Татьяна Алексеевна. Мы все живы и здоровы; право, мне смертельно больно, что мы вас так часто тревожим, но Ог⟨арев⟩ так ревнив к вам, что он не дает мне писать одной, а его не дождешься, он страшно занят[3]; вот так время и идет, все завтра да завтра напишем.

Вы спрашиваете о детях; всегда радостно, когда ими интересуются, а в особенности столь близкое их матери существо. О Саше трудно говорить еще как о молодом человеке, он еще не совсем сложился, но все, что вы говорите, совершенно оправдано им, он имеет очень прямой и благородный характер, занимается очень хорошо и предпочтительно любит естественные науки, его мечта когда-нибудь быть в Москве профес⟨сором⟩ по этой части. Теперь о меньших, Тата очень милая и кроткая девочка, я вам писала о ней очень подробно, но, должно быть, письмо пропало. Она очень откровенная и любящая натура, учится довольно хорошо, мне очень хочется прислать вам ее рисунок, она очень порядочно рисует, теперь стала хорошо играть на фортепьянах, любит историю, но естественные науки ее гораздо больше интересуют, только трудно найти здесь учителя, а Саше нынче некогда. Он зимой уезжает с утра и возвращается только вечером к обеду и тотчас после идет к себе заниматься. Остается познакомить вас с Ольгой, это, кажется, самая умная головка, она и лицом и характером похожа на Е⟨милию⟩. Страшно любит свободу, учится очень легко и хорошо, когда хочет, и она уже играет на форт⟨епьяно⟩, у нее чудный слух, и я надеюсь, что из нее выйдет музыкантша. Обе они поют немного, вот и теперь учат к Ольгиному рожденью русские песни[4], мы делаем сами себе сюрпризы, и я иногда с ними наряжаюсь, потому что иначе не составить пары, даже и О⟨гарев⟩ с нами наряжался прошлого года для рождения Е⟨милии⟩. О⟨гарев⟩ – настоящий русский мужик в красной рубашке, все здесь были в восторге от наших

СБОРНИК РУССКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН, ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ СЕМЬЕ ГЕРЦЕНА
Обложка
Музей Герцена, Москва

"Обе они (Тата и Ольга) поют немного, вот и сейчас учат к Ольгиному рожденью русские песни (...)"
(Н.А. Тучкова-Огарева – Т.А. Астраковой, (середина ноября 1857 г.))

национальных костюмов. Забыла сказать вам их лета. Саше 18, Тате через два мес⟨яца⟩ 13, Ольге на днях семь. Саша и Тата очень велики, мы можем с Татой надевать одни ботинки, перчатки, но Ольга страшно мала; впрочем, надеюсь, что она скоро вытянется, потому что нынче очень здорова; только у всех трех изредка бывают наследственные головные боли, как у Луи⟨зы⟩ Ив⟨ановны⟩ и у Ем⟨илии⟩.

Ну вот, любезная Татьяна Алексеевна, я исполнила ваше желание. Только теперь вспоминаю, что главного не сказала, да, не только Саша, но и Тата помнят N⟨atalie⟩ и имеют то религиозное чувство любви, которое должно быть к такой матери.

Прощайте, любезная Татьяна Алексеевна, мне что-то нездоровится; вот у вас болят зубы, и я все время страдала флюсом, здесь дома так сыры. Прощайте еще раз, целую вас крепко.

Вся ваша N.

Сер⟨гею⟩ Ив⟨ановичу⟩ дружески жму руку.

Рукой Герцена:

Уж и меня, старуху, вы обвиняете, что мало пишу – да ведь и рада бы в рай, да грехи не пускают, не знаю, что́ писать. Помню вас и люблю от души. Е м и л и я.

Вере Арт⟨амоновне⟩[5] при поклоне сообщите, что Егору Ив⟨ановичу⟩[6] писано чтоб он ей выдал 50 руб.

Рукой Огарева:

Шибко виноват, друзья мои, что так давно не писал к вам. Занят ужасно и ужасно ленив. Ленив, потому что занят, – что за ахинея! – Да, вдобавок, друг Сергей, в это время мне сделали операцию с торжественным успехом[7], и потому есть больше чем надежда на очень вожделенное здравие. Вероятно, ты по этому случаю отслужишь молебен и свечу поставишь. Странно, что до тебя ничего не доходит. А о тебе и о твоем проекте, сказывали мне, осведомлялся гр. Уваров, который назначен помощником попечителя и, говорят, хотел тебя видеть. Не худо тебе сходить к нему тотчас; сказывают, очень хороший молодой человек. Если же и тут не будет успеха, то я пущу твой проект, по первому твоему согласию, в какие-нибудь торговые компании[8]. Мне академии страшны: то же выйдет, что у Чевкина, т.е. 0, да еще, пожалуй, украдут проект, тогда ни чести, ни барыша не будет. Но прежде хочу знать виделся ли ты с графом[16*9], ибо отрадней пустить проект в ход в России, чем у оных иноземцев, которые и без того богаты и промышленны, грабят свой народ и режут индейцев. Прощайте, друзья мои, крепко вас обнимаю и возвращаюсь к работе.

Пиши на наше имя – London, Care of M-r Rothschild, City[10].

[1] Датируется по указанному Нат.Ал. возрасту детей – Ольга родилась 20/8 ноября 1850 г., Тата – 25/13 декабря 1844 г., т.е. не через два, а через полтора месяца Тате исполнялось 13 лет. На письме позднейшая помета Астраковой: "Лондон, 1857, конец X или нач. XI ст.ст.".

[2] Письмо Астраковой неизвестно.

[3] С июля 1857 г. началось издание "Колокола", которому Огарев отдавал почти все время.

[4] В семье Герцена, среди других нот, был, в частности, сборник "Песни русского народа, собранные и аранжированные для пения с аккомпанементом фортепиано М. Бернардом". СПб., 1847. Издание это ныне хранится в московском музее Герцена. Оно поступило сюда из Франции, от правнука Герцена, Л. Риста. На листах сборника – пометы, очевидно, сделанные рукой Ольги.

[5] *Вера Арт⟨амоновна⟩* – няня Герцена.

[6] Е.И. Герцен, старший брат Герцена.

[7] 24/12 октября 1857 г. Герцен писал Рейхель: "Ог⟨ареву⟩ делали первую операцию 15 октяб⟨ря⟩; очень хорошо пока – и, вероятно, недели ⟨через⟩ две совсем будет заштопан" (XXVI, с. 133).

[8] Проект Астракова принят не был.

[9] См. п. 18, прим. 2.

[10] Из конспиративных соображений Огарев дает адрес лондонского отделения банка Ротшильда в Сити, через который и ранее велась переписка.

[16*] Здесь вклинивается текст, написанный рукой Тучковой-Огаревой: "Наш адрес: M-r Ogareff" (далее зачеркнуто, очевидно из конспиративных соображений). – *Ред.*

20
ГЕРЦЕН И ТУЧКОВА-ОГАРЕВА – АСТРАКОВОЙ

⟨Путней. 31/19 декабря 1857 г.⟩[1]

Рукой Тучковой-Огаревой, под диктовку Герцена:

Милая, добрая Татьяна Алексеевна, пророчество старухи Емилии сбылось. Но старуха – недаром старуха – ворчит и думает, что за доверие и искренний вопрос должна отвечать так же непременно. Вам надо много поработать, не только над формой, но и над материалом. Все это не довольно отстоялось и потому местами нехудожественно.

Начало повести всего лучше – и комические лица. Соня скучна, а героиня, думаю, была живее и интереснее на самом деле, нежели в книге. Будьте гораздо скупее и сжатее в лирических местах – одно слово, намек важнее.

Читали ли вы "Крошку Доррит" (в "От⟨ечественных⟩ зап⟨исках⟩" был перевод) – необыкновенно талантливая вещь; а ведь и Диккенс срезался на чувствительной Крошке и ее Артуре.

Итак, работайте и давайте второй опыт.

Далее Тучкова-Огарева пишет от себя:

Милая Татьяна Алексеевна, вот уж, право, сто лет как собираемся к вам писать, мы прочли вашу повесть с большим интересом, и многое мне очень понравилось. Все рылась в журналах, чтоб найти статью, о которой вы пишете[2], но никак не могла отыскать ее. Сегодня в 12 часов настанет по-здешнему новый год, что-то он нам принесет? Я признаюсь, что мало надеюсь на новый год, потому что слишком многого желаю, – а так хочется, что, право, иногда находит слепота и все кажется возможным... Вы очень скоро увидите Елену, мне пишут, что она на днях выезжает – к несчастью, не имею ее адреса и не знаю, что делать, куда писать? вам ли послать письмо к ней? но, может, они опять отложили, и тогда опять встревожишь их долгим молчанием. Тому с месяц назад я послала платок нашей няне[3] на ваше имя, любезная Татьяна Алексеевна, передайте его, пожалуйста, Елене, когда она приедет.

Саша в деревне на три дня, сегодня срок его возвращения, и я думаю, он очень рад будет найти письмо еще неотосланное. Прощайте, любезная Татьяна Алексеевна, целую вас крепко и жму руку Сергею Ив⟨ановичу⟩.

Вся ваша Н а т а л и

Рукой Саши Герцена:

Любезная Татьяна Алексеевна,

Благодарю вас очень за ваше письмо[4]; я так давно ничего не получал от вас. Вы, верно, получили мою записку[5], в которой я инстинктивно ответил на те вопросы, которые вы мне делаете.

Поздравляю вас с Новым годом, желаю вам много счастия и здоровия.

Ваш С а ш а[6].

[1] Датируется по содержанию письма, в котором отклик на повесть Астраковой "Воспитанница", напечатанную в "Современнике" (1857, № 10) под псевдонимом *Белевская*. О своем впечатлении от этой повести Герцен писал Рейхель (см. XXVI, 142, 397–398). Позднейшая помета Астраковой на письме – "*21.XII.185*..." – неверна; она уточняется указанием в письме на наступление в эту ночь Нового года.

[2] О какой статье идет речь неизвестно.

[3] *Няня* сестер Тучковых – Фекла Егоровна.

[4] Письмо Астраковой неизвестно.

[5] Записка А.А. Герцена до нас не дошла.

[6] Ответ на это письмо, датированный 8/20 января 1858 г., частично опубликован в *Л* IX, 59–62; автограф в *РГБ*, ф. 69.9.19.

21
ОГАРЕВ – АСТРАКОВУ

⟨Лондон. 2 января 1858 г. / 21 декабря 1857 г.⟩[1]

Вчера был новый год, друг Сергей, а у вас еще старый год, следст⟨венно⟩ я могу поздравить вас с наступающим новым. Как же он тебя утешит и успокоит – не знаю. Все мне сдается, что компания на акциях всего возможнее для твоего проекта[2], а напечатание его повлечет только то, что первая шельма украдет твою мысль, пустит в ход с уменьем шельмы и даже разбогатеет, а ты будешь осужден на посмертные биографии; а так как ты, вероятно, умрешь бездетным, то биографии не утешат даже ни одного близкого существа. От этого сбери свои все силы ныне и работай для компании на акциях, не печатая нигде проекта. Вот мое мнение. Поставь опять на ноги Ив⟨ана⟩ С⟨ергеевича⟩[3], назначь минимум для произведения опыта, т.е. постройки и пробы машины; я убежден, что порядочные люди легко сберут денег для этого. Как удается, так и компания образуется; как образуется компания, то будет ей привилегия, и тогда, пожалуй, печатай целую книгу, публикация уже тебе вреда не принесет. – Если мы так долго не писали, это потому, что негде было прочесть то, что хотелось Т⟨атьяне⟩ А⟨лексеевне⟩[4]. Теперь же все это устроено – недавно. – Что же сказать о себе самих? Живем, много занимаемся, много надеемся, иногда бывает хорошо, чаще на дне души безотрадно, – у меня, по крайней мере; но все это так обычно, что распространяться об этом не хочется.

Крепко обнимаю тебя, Сергей; дорого дал бы, чтоб обнять тебя лично, чтоб и ты животрепещуще понял, как я тебя много и глубоко люблю. – Прощайте, друзья мои, жму вам руки.

Рукой Оли Герцен:

Милая Таня, я очень желала бы тебя видеть. Поздравляю тебя с новым годом и крепко целую.

Прощай, твоя О л я.

[1] Позднейшая помета рукой Астраковой: *22/XII ст. ст. 1856–7?* Год уточняется по связи с содержанием п. 18.

[2] Проект вездехода на паровом ходу.

[3] *Иван Сергеевич* – Аксаков.

[4] Речь идет о повести Астраковой "Воспитанница" (см. п. 20).

22
ТУЧКОВА-ОГАРЕВА И ОГАРЕВ – АСТРАКОВОЙ

⟨Путней.⟩ 11 янв⟨аря 1858 г.⟩[1]

Любезная Татьяна Алексеевна,

Я опять к вам с просьбой, Елена очень беспокоится обо мне, а я не писала потому, что решительно не знала, куда писать; недавно я воспользовалась случаем и послала платок для нашей нянюшки Ф⟨еклы⟩ Е⟨горовны⟩ и опять вас же этим потревожила. Потрудитесь послать Елене эту записочку и платок. Дети здоровы, Саша прилежно учится, Ог⟨арев⟩ и Ем⟨илия⟩ работают, а мне все что-то не по себе! Ах, Татьяна Алексеевна, когда-то и вы нас вспомните и вздумаете взглянуть, где-то доживают свой век старики да старуха, а старуха – точно старое дерево, пересаженное из лесу в барский сад, и хорошо, и привольно, а все к лесу поднимает поблекшие ветви свои, – да, Татьяна Алексеевна, узколобая, знать, у меня любовь к России, упрямая; даже здешняя теплая зима не может задобрить меня; знаю, что многое неудобно, нехорошо у нас, а все-таки тянет туда.

Я думаю, Сер⟨гей⟩ Ив⟨анович⟩ будет надо мной смеяться или скажет, что не верит этому чувству, ведь он уверяет, что все только одна привычка; пожалуй, не верьте Сер⟨гею⟩ Ив⟨ановичу⟩, я, может, и сама бы рада ни о чем не тужить, да,

видно, так жизнь сложилась. Хлопочешь, думаешь, мучишься, а иногда самой смешно сделается, отчего это у человека постоянное желанье прочно, по сердцу устроить свою жизнь, как будто это бог знает насколько, ведь это все вздор, пока хлопочешь да придумываешь, а уж остался такой кончик, что не из чего толковать; не правда ли, Татьяна Алексеевна, забавно наше добровольное ослепление?

Прощайте, крепко жму вашу и вашу руку. N.

Мар⟨ьи⟩ Касп⟨аровны⟩ малютка умерла, что ее сильно огорчило[2].

Рукой Огарева:

Приписываю вам только мое горячее обнимание, друзья мои. Ветер свежий и южный, тепло, как летом, нервы так раздражены, что мочи нет. Голова кругом идет.

[1] Год устанавливается на основании позднейшей пометы Астраковой: *1858*.

[2] 6 января Герцен получил известие о смерти малолетней дочери Рейхелей – Елены (см. XXVI, 152).

23

⟨Путней.⟩ 8 марта 1858

Любезная Татьяна Алексеевна, простите мое рассеяние, я забыла ответить на ваш вопрос: да, Мар⟨ья⟩ Касп⟨аровна⟩ виделась с Ел⟨изаветой⟩ Бог⟨дановной⟩ и с Мар⟨ьей⟩ Фед⟨оровной⟩[1]. Вероятно, она давно к вам не писала, потому что очень огорчена была смертью своей маленькой дочери. Опять я на ваше имя послала кое-что детям[2], любезная Татьяна Алексеевна, но совестно было посылать в два места, а к вам непременно хотелось.

Ужасно спешу, обнимаю вас крепко, Сер⟨гею⟩ Ив⟨ановичу⟩ пожмите руку.

Вся ваша N.

[1] Рейхель виделась с Е.Б. Грановской и М.Ф. Корш в 1856 г. во время их пребывания в Париже (см. XXVI, с. 18, 30).

[2] Речь идет о племянниках Нат.Ал. – Сатиных.

24

ТУЧКОВА-ОГАРЕВА, ОГАРЕВ И ГЕРЦЕН – АСТРАКОВОЙ

⟨Путней. Около 1 апреля 1858 г.⟩[1]

Любезная Татьяна Алексеевна, мне хотелось не торопясь отвечать на ваше письмо, но не удается и это, надо спешить. Тщетно ищем мы ваши статьи; в журн⟨алах⟩, полученных нами, нет вашего условного имя⟨!⟩, не иначе ли уж вы подписываетесь? Вы меня очень обрадовали вашим хорошим расположеньем к Елене, она вполне его заслуживает, и чем больше вы ее будете видеть, тем более полюбите, я уверена; и что за дети! таких, кажется, нигде не найдешь.

На будущий год надеюсь побывать у вас хоть одна, не вытерпишь так долго не видаться; как отрадно слышать, что Сергей Ив⟨анович⟩ к нам собирается[2]; пожмите крепко его руку от меня или даже поцелуйте его за доброе намеренье. Не понимаю, любезная Татьяна Алексеевна, как вы это все еще не получили портреты, – они давно посланы и, кажется, с очень верной оказией[3], – может, теперь они у вас.

Жизнь наша идет по-старому, я бы и не скучала, если б папá, Елена с детьми, maman да еще несколько близких лиц были с нами; я больше собака, чем кошка, больше привыкаю к лицам, чем к месту; хоть, признаться, жаль страшно и наши поля и леса, здесь чудные деревья, но все загорожено, все по дороге надо идти или в парках.

Хотелось, чтоб дети вам сегодня написали, но невозможно, не успеют.

Прощайте, любезная Татьяна Алексеевна, крепко вас целую, вся ваша N.

Рукой Огарева:

Это письмо, друг Сергей, доставит очень хороший господин, с которым серьезно поговори о своем паровозе[4]. Крепко обнимаем вас обоих. Пиши же, когда свидимся.

Рукой Герцена:

А мои старушечьи сушеные листочки примите с благодушием.

[1] Условно датируется по времени отъезда из Лондона барона А.И. Дельвига, с которым, по-видимому, было послано это письмо (см. прим. 4). Позднейшая помета Астраковой на письме: *до 1858* – неверна.

[2] Поездка Нат.Ал. в Россию не состоялась, так же как и поездка С.И. Астракова в Лондон.

[3] См. п. 17.

[4] Речь, несомненно, идет об известном инженере-путейце и мемуаристе бароне А.И. Дельвиге, встречавшемся с Герценом и Огаревым в марте 1858 г. в Лондоне (см. А.И. Д е л ь в и г. Полвека русской жизни. Воспоминания. 1820–1870, т. I. М.–Л., 1930. С. 213–214 и т. II, с. 80–85; см. также *Тучкова-Огарева*, 114. Дельвиг покинул Лондон 1 апреля 1858 г. (см. *ЛЖГ* II, 407).

25
ТУЧКОВА-ОГАРЕВА И ОГАРЕВ – АСТРАКОВЫМ

⟨Путней. Июль (до 20) 1858 г.⟩[1]

Любезная Татьяна Алексеевна,

Вы совершенно правы, что досадуете и сердитесь на нас, да, мы кругом виноваты, я так это чувствую, что если бы не расстояние, мне бы хотелось протянуть вам оба уха и попросить потрепать хорошенько. Много есть причин и извинений, мне не хочется уменьшать мою вину.

В последнем письме вы говорили об Ольге[2], я думаю, тут есть недоразумение, я писала, что она пощекотала ухо собаки, а та ей дала сдачи[3], но вообще Ольга любит зверей, только она с ними, как со всеми, шаловлива, потому что очень жива. Ну что вы поделываете? пишете ли? мы так неаккуратно получаем журналы, что почти не знаем, что́ пишется; вас я не могла найти в них.

На днях мы получили старые письмы, это просто клад, говорит Ем⟨илия⟩[4].

Вероятно, вы увидитесь с Еленой на перепутье и она привезет нам весточку посвежее об вас. Мар⟨ия⟩ Фед⟨оровна⟩ опять недалеко от нас, не знаю, заедет ли[5].

Если Татьяна Алексеевна простит, то и вы должны простить, Сергей Ив⟨анович⟩. Вот как время идет, и невесело, а скоро мы здесь более двух лет; если Елена не приедет, то меня тянет к вам заглянуть: как в Москву, ⟨так⟩ прямо на Плющиху, вот вы тогда и увидите, забыла ли я ее.

Ну прощайте, крепко жму вашу и вашу руку. Вся ваша N.

А что Никифор, здоров ли, поклонитесь ему от меня.

Рукой Огарева:

Друзья вы мои, друзья – виноват, конечно, но дело в том, что так давно не писалось, а просто лень. Но и лени, должно быть, есть своя причина. Что писать? Так вот от души писать, так оно больно много; это только доступно разговору. А вздор писать – ну и лень. А до разговору, видно, не добиться. Что же ты не смастерил; али уж так надо хлопотать о месте, что и некогда? Ну я все же не отчаиваюсь; может, и выищется время. Я думаю, пароходная компания неглупо сделала бы, пославши тебя на Дунай, на Рейн etc., поосмотреться в пароходном деле. Это расход невелик, тысячи полторы сер⟨ебром⟩, даже и меньше, на целый год довольно. А я рад, что ты пускаешься на эту карьеру; занятие тебе сродни да и жалование, вероятно, получше. – Что ж сказать о себе? Англию я уважаю за многое, а за многое нет. Вообще в роде человеческом большого утешения не вижу. – Одно должен вам сказать, Нат⟨али⟩ все прюдничает[17*], а как же вам-то не сказать? Она беременна и через месяца полтора родит[6]. Стало, вы

[17*] преувеличенно стыдливо держит себя (от *франц.* prude).

понимаете, что есть личная забота серьезная. Как и что пойдет, тотчас напишу. Покаместь обнимаю вас крепко. Не сердитесь на мою лень и сами пишите. Как часто думается о вас, и так бы хотелось... Ну, да что толковать, прощайте.

[1] Датируется на основании позднейшей пометы Астраковой: *1858 июль*? и по упоминанию о получении "старых писем", привезенных Н.Н. Буличем в это время (см. прим. 4).

[2] Эти письма Астраковой к Нат.Ал. неизвестны.

[3] В письме к Рейхель от.8 апреля 1858 г. Герцен подробно описал этот случай (см. XXVI, 170–171); см. также с. 275 наст. кн.

[4] Речь идет об адресованных Герцену письмах от разных корреспондентов 1830-х–1840-х годов (в том числе и от Белинского). Они были оставлены им у Грановских перед отъездом за границу в 1847 г. (см. XXVI, 193). Привезены Герцену в Лондон Н.Н. Буличем в июле 1858 г. (см. там же, 193).

[5] Находившаяся в это время за границей М.Ф. Корш в Лондон не заезжала.

[6] 4 сентября 1858 г. родилась дочь Нат.Ал. и Герцена – Лиза.

26

⟨Путней. Август 1858 г.⟩[1]

Вы совершенно правы, любезная Татьяна Алексеевна, мы очень давно не писали, вся вина за Ог⟨аревым⟩. Я часто ему напоминала, но он все хотел написать длинное письмо и поэтому откладывал, а мне одной не давал писать. Что вам сказать? Лучше бы было поговорить, чем писать, как слово-то живее пера! И как бы вы увидали, что много в частной жизни хорошего, но и много в ней тяжелого, грустного, решительно надо придти к тому заключению, что жить спустя рукава могут только люди без нерв, и пора бы принять жизнь так, как она есть, а между тем нельзя этого сделать; мешает вечная жажда хорошего, полного, вечное неудовлетворение и досадно на себя, а помочь тут нельзя. Впрочем, я что-то сегодня в хандре, так, может, все чернее кажется; какой-то туманный страх, чтоб глупая случайность не коснулась до близких, ведь это так легко может случиться! Когда так думается, целый день не найдешь себе места. Вы меня простите на этот раз, любезная Татьяна Алексеевна, я просто глупа; голова болит и все что-то дурное мерещится...

Прощайте, крепко, крепко вас обоих обнимаю.

Вся ваша N.

В⟨ладимиру⟩ И⟨вановичу⟩[2] поклонитесь от меня.

[1] Датируется приблизительно по содержанию письма. В нем нет ни слова о рождении дочери Нат. Ал. Лизы; следовательно, оно написано до сентября 1858 г.

[2] Брат Н.И., С.И. и М.И. Астраковых – *Владимир*.

27
ОГАРЕВ И ГЕРЦЕН – АСТРАКОВУ

⟨Путней.⟩ Октябрь 9/Сент⟨ябрь⟩ 27 ⟨1858 г.⟩[1]

Рукой Огарева:

Кажется, после твоих писем[2], друг Сергей, следовало бы сесть да и писать к тебе; а я этого не сделал по забулдыжничеству. Чай, вы от М⟨арии⟩ К⟨аспаровны⟩ знаете, что у меня родилась дочь – Лиза. И дитя и мать здоровы всесовершенно. Спасибо тебе за предостережения и советы; не могу сказать, чтобы все меры приняты были для благополучных родин рационально, но с рук сошло удивительно счастливо, так что и наш доктор не надивится. У природы бывает своя логика, которая не совпадает с нашей, и мы тогда дивимся и обвиняем природу в случайностях и аллогизме, – вместо того, чтоб сознаться в собственном невежестве. Как бы то ни было – природа окончила счастливо штуку, довольно опасную и мучительную, поработавши над ней 27 часов.

Ребенок удивительный – большой, крепкий, здоровый. Теперь ему с лишком месяц, т.е. ей. Она родилась 4 сент⟨ября⟩ н.ст., а она уже имеет поползновение улыбаться и что-то чавкать в роде слов. Гляжу на развивающуюся жизнь с уважением к жизни и неуважением не только к себе, но даже к ученому доктору, потому что ясно ви-

жу, что мы в науке не только до складов не дошли, но даже и азбуки порядочно не знаем. В общественной науке ушли не дальше, от этого так трудно и сказать, что́ выйдет хорошо, что́ дурно. Одно знаю, что нельзя ничего не делать, потому что мы функции в этой формуле. – Но довольно скептицизма! перейдем к личной жизни. Досадно мне, что не удалось тебе с пароходными компаниями. Что ты не добиваешься места при технологическом институте? Это было бы для твоих занятий почище, чем ездить по Волге и сидеть в конторе. И что же за дела в конторе? только коммерческие? или это надзор за машинами? Напиши, как и что. Авось с весной добьешься до чего-нибудь. – У нас 2-й день холодно и ясно, т.е. холодно, как в России бывает в конце августа. Погода чудесная. Мы все здоровы. Бабушка[3] глаз не спускает с внучки. Детям – дитя живая игрушка. Тата сильно развивается, из нее выходит очень добрый и любящий человек. Оля умна, ребячлива и шаловлива. Саша в Женеве. С будущего месяца поступает в университет в Вюрцбурге, на отделение естественных наук[4]. Занимается химией и физиологией. Мы все по-прежнему. Что же еще сказать? Не вините меня, что редко пишу. Поговорить – хотелось бы, а писать – что⟨-то⟩ не пишется. Кажется, все, слава богу, здоровы – о чем же писать? А поговорить, обнять тебя, боже мой, как хотелось бы! – Ну, прощай брат, прощайте, Т⟨атьяна⟩ А⟨лексеевна⟩. – Да не смеет вам придти в голову мысль, что мы вас забываем; не ищите причин, когда есть простейшие. Addio!

Рукой Тучковой-Огаревой:

Здравствуйте, Сер⟨гей⟩ Ив⟨анович⟩ и Т⟨атьяна⟩ А⟨лексеевна⟩ – дайте ваши руки, мне так хочется их крепко пожать – вот как время идет, хотя и невесело, я и больна была и выздоровела уже месяц – и Лиза начинает улыбаться.

А я все думаю, Т⟨атьяна⟩ А⟨лексеевна⟩, какая это страшная ответственность; быть может, Лиза будет очень несчастна и спасибо не скажет за то, что ее ввели в этот муравейник, который мы называем жизнию, ведь хочет – не хочет, а придется тоже свою ношу нести, экая у меня глупая, нехорошая натура, а у колыбели ребенка опять черные мысли. Бог с ними.

Как хочется мне на Плющиху, если б вы знали, усесться за круглый стол, взглянуть на ваши дружеские лица, весело-то уж не будет нам, веселость за горами, за лесами, а хорошо в этой жизни встречаться особенно нам.

Ну, прощайте, крепко вас обнимаю обоих. Никифору поклонитесь. Ваша N.

Рукой Герцена:

И от меня, старухи, примите поклон, матушка Татьяна Алексеевна и дядюшка Сергей Иванович, – портретом пришлем молодого человека[5] – а он теперь в Немечине уму набирается. Целую вас и обнимаю.

Емилия

[1] Год устанавливается по содержанию: рождение Лизы. "Ученый доктор", упоминаемый ниже, – вероятно, семейный врач А.-Ф. Девиль,

[2] Эти письма С.И. Астракова неизвестны.

[3] Мать Нат. Ал. – Наталья Аполлоновна Тучкова приехала в Лондон 3 сентября в связи с предстоящими родами дочери.

[4] В начале октября 1858 г. А.А. Герцен по совету отца и К. Фогта поступил в Бернский, а не в Вюрцбургский университет.

[5] Имеется в виду А.А. Герцен.

28

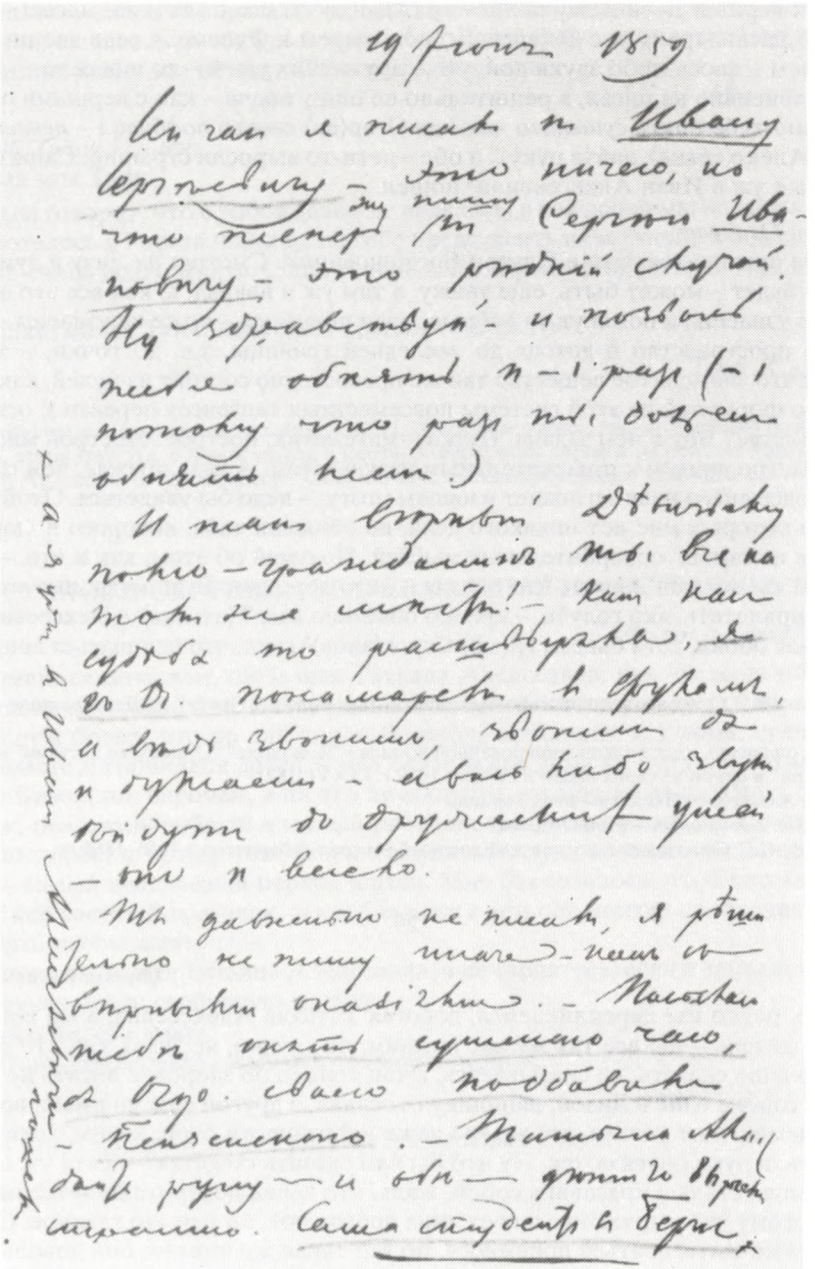
ГЕРЦЕН И ОГАРЕВ – АСТРАКОВУ

Рукой Герцена:

⟨Фулем.⟩ 19 июня 1859

Сей час я писал к Ивану Сергеевичу[1] – это ничего, но что теперь же пишу к Сергею *Ивановичу* – это редкий случай.

Ну здравствуй – и позволь тебя обнять *n* – 1 раз (–1 потому, что раз ты должен обнять меня).



ПИСЬМО ГЕРЦЕНА С.И. АСТРАКОВУ
Автограф. ⟨Фулем,⟩ 19 июня 1859 г. Лист первый
Литературный музей, Москва

И так верный Девичьему полю – гражданин ты все на том же месте! – Как нас судьба-то расшвыряла, *я* с Ог⟨аревым⟩ пономарем в Фулеме, а ведь звоним, звоним да и думаем – авось-либо звуки дойдут до дружеских ушей – то и весело.

Ты давненько не писал, я решительно не пишу иначе – как с верными оказиями. – Посылаю тебе опять *сушеного чаю*[2] да Огар⟨ев⟩ своего *подбавил – пензенского*, – Татьяна Алекс⟨еевна⟩, дайте руку... и обе – дети-то выросли страшно. Саша *студент в Берне*, а я уж в Иван Алексеевичи[3] пошел.

Рукой Огарева:

И мне приходится идти в Платон Богд⟨ановичи⟩[4]. Смотрю на Лизу и думаю – вот лет 10 ей будет – может быть, еще увижу, а там уж и навряд, и, как все это вырастет, ничего не узнаешь, и помянут ли добрые люди пономаря – тоже не узнаешь. Рассекая тело или пространство и доходя до последней границы, т.е. до точки, – ясно, что она = 0, и что знаменитое вещество так же превосходно состоит из нулей, как и пустота. Какою формулой из этой системы повсеместных тангенсов перейти к осязаемому в пространстве? Вот в чем задача. Нутка – математик, построй! Построй мне это, тогда мы быстро придем к положительным результатам. А ведь прежде, чем самое сознание вездесущего нуля заглохнет в нашем мозгу, – надо бы увидеться. Отойти к праотцам, до которых мне нет никакого дела, не обнявши тебя, которого я люблю, для меня одна из самых оскорбительных мыслей. Подумай об этом, как и что. – Из прилагаемого ты должен понять, что оказия – дело хорошее. Будь мудр, яко змий, и постарайся прилететь, яко голубь, – крепко обнимаю вас, Т⟨атьяна⟩ А⟨лексеевна⟩, и его, и целую вас обоих, хотя бы сам гр⟨аф⟩ Строг⟨анов⟩[5] счел, что целоваться неприлично.

[1] Письмо к И.С. Аксакову с просьбой доставить "письмецо и книжку" на Девичье поле (см. XXVI, 275).

[2] Речь, очевидно, идет о законспирированной посылке "Колокола" "Сушеными листами" назвал Герцен "Колокол" в одном из своих писем в Россию 1858 г. (XXVI, 182).

[3] *Иван Алексеевич* Яковлев – отец Герцена.

[4] *Платон Богданович* – отец Огарева.

[5] *Гр⟨аф⟩ С.Г. Строганов* – московский военный генерал-губернатор в 1856–1860 гг.

29

⟨Фулем. Июнь 1859 г. [18*]⟩[1]

Редко, редко мы перекликаемся, дорогая Татьяна Алексеевна, а вы все-таки на нас не серди́тесь – мы все так же вас помним, но трудно, не знаю, как это делается, то, что хочешь сказать, не сказывается, а так только об здоровье писать не хочется. – Ныне я совсем одна с Лизой, нянюшку отослала, а другой еще не имею, вот я и поглупела немного от устали, все же мы даже и физически бари, хотим, хотим все сами сделать, а руки опускаются. Ну что́ бы вам сказать об детях? – Тата уж почти совсем большая стала и красавица собой, жаль, что вы на портрете не можете об этом судить, потому что выраженье и цвет лица пропадают, а у нее это главное. Ольга начинает также вытягиваться понемногу, но все такая же тонкая; она довольно охотно учится музыке и живет в большой дружбе с Лизой и с ее собакой Пуле. Впрочем, они обе очень любят Лизу, да и она их отличает.

Но что же сказать об Лизе? Она у нас славная – начинает выговаривать несколько слов – сначала стала звать всех "Пуле", а теперь говорит уже "Ольга". У нее два зуба – и она очень тихая, но вместе с тем и очень живая. Меня она еще тем радует, что не любит иностранцев, будь он немец, англичанин или француз, все равно, а своих жалует, какие бы они ни были, хоть нос на стороне. Я думаю, и Сер⟨гей⟩ Ив⟨анович⟩ ей напишет за это похвальный лист.

Вот, любезная Татьяна Алексеевна, посылочка елениным детям; я думаю, можно ее и по почте послать.

[18*] *Вставлено Герценом под строкой*: № Прежде был хлеб с маслом, а теперь письма.

Прощайте, целую вас крепко, будьте здоровы и пишите иногда. Что ж вы не скажете, нет ли вашего чего-нибудь в журналах? Дайте тоже вашу руку, Сер⟨гей⟩ Ив⟨анович⟩; давно, давно мы не видались с вами. Вся ваша

Н а т а л и

Рукой Таты Герцен:

Милая моя Таня!

Натали говорит, что с тобой давно не виделась, а как давно мы не виделись, а как бы мне хотелось в России побыть, ты себе представить не можешь, а боюсь, что придется еще очень долго ждать. Саша теперь все в Швейцарии, но в августе к нам приедет.

Прощай, милая Таня, много раз крепко тебя целую.

Твоя Т а т а

[1] Датируется по содержанию письма (ср. XXVI, 283). Скорее всего, письмо написано до начала июля этого года, когда Нат. Ал. с Лизой уехали в Вентнор (курортный городок на острове Уайт). 18 августа 1859 г. Нат. Ал. писала оттуда Огареву: "Саше я очень, очень обрадовалась" (см. ниже).

30
ТУЧКОВА-ОГАРЕВА, ОГАРЕВ И ГЕРЦЕН – АСТРАКОВЫМ

⟨Фулем. 4–5 октября? 1859 г.⟩[1]

Не умею сказать вам, любезная Татьяна Алексеевна, как вы меня обрадовали вашим письмом[2] – если б не Лиза, я давно бы вам отвечала, но она отнимает много времени, тем более, что до сих пор я не нашла женщины для дома, стала Лизина нянька вместе и горничная детей, у нее белье всего дома на руках, поэтому я часто вожусь с Лизой, но, впрочем, я на это не жалуюсь, не мое ли дело ходить за Лизой? Вдобавок, она очень добрый и милый ребенок: так бы хотелось, чтоб она ползала, ходила поскорее, а между тем, зачем торопиться, куда спешить, ведь, собственно, детство – самый счастливый период жизни. Мне бы хотелось, чтоб детство Лизино прошло, как светлый праздник, и чтоб вместе с тем она поняла необходимость труда для того, чтобы жить.

Пишите, любезная Татьяна Алексеевна, и не сердитесь, если я замедлю ответом; право, трудно найти свободную минуту.

Крепко вас обнимаю.

Сер⟨гею⟩ Ив⟨ановичу⟩ жму руку от всего сердца.

Ваша N а т а л и

Дети будут писать в другой раз, завтра ожидаем Сашу.

Рукой Огарева:

$\frac{\text{1 ап⟨реля⟩}}{\text{19 м⟨арта⟩}}$ ⟨1860 г.⟩

Кажется, полгода эта записка Натали лежала у меня на столе, полгода собираюсь писать и не пишу. То работа, то лень, да и не того бы хотелось. Обнять тебя хотелось бы, Сергей, живого слова хотелось бы... А вот сегодня я проснулся, и первая мысль была – ты. Схожу завтракать, а Эм⟨илия⟩ говорит: "Я сегодня Сергея во сне видела". Боже ты мой! Все, что ни есть во мне горячей привязанности к тебе, проснулось, и так бы хотелось, чтоб ты был тут, говорил бы, слушал бы. Да нет! А что, если бы ты собрался хоть на один день!.. Что – Татьяна Алексеевна – подумайте-ка. – Дела у меня много, и светлого много, а все чем-то тяжелым отзывается в жизни. Ты что делаешь, Сергей? Как твои занятия? Взглянул ли кто-нибудь на твой проект?[3] Что ты его в Сибирской компании не толкнешь? А если ты решительно не находишь ему исхода, то напиши – я начну торговаться о нем здесь со всевозможной осторожностью, чтобы не надули. В это время ты, чай, убедился и в истине своего

проекта и в невозможности, чтобы его приняли, – ergo[19*], сколько бы мне ни хотелось, чтоб он пошел в ход у нас, а не здесь, но лучше уж здесь, чем нигде. Напиши. – Что у вас вообще делается? Я больше могу вообразить, чем знать. Чувствую, что часы заведены, а врут, чай, такую дичь, что полдень от полночи не различишь. Здесь часы на исходе и по-своему врут невыносимую дичь. Завесть нечем, ключ потерян. – Дети здоровы, наша Лиза прелесть что за здоровый ребенок. Все смеется, почти не плачет, зубы режутся, а ей и горя мало. Зима была теплая, а 3-го дня выпал снег; деревья распустились, а на лугу лежал снег, и теперь такая дребедень в погоде, что скверно; у меня же только что прошла презлая лихорадка с невралгией надглазного нерва. Чорт знает как страдал. Ну! теперь ничего. Вынослив и еще не чувствую, чтоб старел, а, чай, скоро придется хиреть и готовить себе мягкую подушку под жесткую голову. Меры для скорейшего разрушения здоровья я, кажется, успешно принимал всю жизнь; а все еще с рук сходит. Э! живем, друзья мои, авось мы и свидимся. Эм⟨илия⟩ и я крепко, крепко обнимаем вас. Не сердитесь – пишите. Авось и мы будем поаккуратнее. Чай, тебе в голову не приходит, что мы вас забыли. О – нет, нет! что бы ни было, а такой горькой мысли не допустим ни на минуту в наши головы. Руки ваши, друзья.

Рукой Герцена:
И во сне и наяву – помнил и любил вас и кланялся.

Рукой Тучковой-Огаревой:
Здравствуйте, Т⟨атьяна⟩ А⟨лексеевна⟩, и прощайте.
Лизу кормлю, она блажит. Целую вас крепко.

Ваша N.

[1] Датируется по упоминанию о предстоящем на следующий день приезде Саши Герцена. Он приехал в Лондон из Брюсселя 6 октября 1859 г. (см. XXVI, 298). Позднейшая помета Астраковой: "1859. IX" – верна лишь в указании года.

[2] Письмо Астраковой неизвестно.

[3] Проект вездехода на паровом ходу.

31

⟨Бианкенберге (?), Конец августа (?) 1860 г.⟩[1]

Любезная Татьяна Алексеевна, я так виновата, что почти потеряла право оправдываться перед вами, мы с Еленой жили все день за днем, мне хотелось написать вам длинное письмо, а вместо того просбиралась. Вот уже три месяца как я без няни. Лиза все со мной – даже и сестру я не довольно видела. Ужасно больно слышать обо всех неприятностях, которые все вышли с Сер⟨геем⟩ Ив⟨ановичем⟩[2], но сюда не советовала бы ехать, очень грустно и тяжело здесь жить; вот если б я была богата, с какой бы радостью я попросила бы вас обоих приехать и завести со мной вместе пансион для детей, в особенности для русских, воспитывающихся за границей. Это моя мечта, я бы так желала, чтоб со временем и Лиза воспитывалась под руководством Сер⟨гея⟩ Ив⟨ановича⟩. Я думаю, что он дал бы ей реальное и полезное воспитание, а я не сумею.

Не сердитесь на меня, друзья мои, а пишите через Елену, я буду скоро отвечать; через Елену – потому, что я еще не знаю, где буду, только буду не в Англии. Это антипатичная страна для меня, и я рада, что рассталась с ней хоть на время, – когда устроюсь, напишу – хорошо бы, если бы вы могли приехать, хоть погостить, так хочется посмотреть на всех, такие ли вы, как были, переменились ли? Я состарилась, седею не по дням, а по часам.

Еще хочется вам Лизу показать – она очень смешная и живая девочка, с приезда Елены славно по-русски болтает – проснулась, бегу к ней.

Прощайте, друзья мои, крепко вас обнимаю.

Вся ваша Наталии

[19*] следовательно (*лат.*).

[1] Написано после отъезда в Россию сестры Нат. Ал. – Елены. Последнее время они жили вместе в Бланкенберге (Германия). Расставшись с сестрой, Нат. Ал. переехала с малолетней Лизой в Лозанну. Упоминание о том, что прошло три месяца с той поры, как они расстались с няней, т.е. со дня выезда из Лондона в конце мая 1860 г., дает возможность более или менее точно датировать настоящее письмо.

[2] О каких неприятностях у С.И. Астракова идет речь, выяснить не удалось.

32
ОГАРЕВ И ГЕРЦЕН – АСТРАКОВЫМ

⟨Лондон.⟩ 11 декабря 1860 г.

Рукой Огарева:

Друг Сергей и милая Таня, рад я был вашим письмам, и тяжело чувствовать, сколько вам там приходится страдать и возиться с мелкой дрянью жизни. Эта близость к мелочи втягивает невольно к мрачному взгляду на вещи, так как даль, из которой видны только массы, дает надежды на огромное развитие сил. Но, я думаю, ни тем ни другим нельзя увлекаться. Есть элементы силы в Истории – бесспорно; но что всякая дрянь может задушить их развитие – и об этом нельзя спорить. Из этих двух пределов я вывожу только необходимость работы. Дорого бы я дал – повидаться хоть на минуту. Я уверен, что Сергей отдохнул бы с нами; сколько ни тяжела внутренняя наша жизнь, но все же в ней есть и труд и свое печальное спокойствие. Но сколько я ни думаю – мне кажется, что Сергею вне деятельности *научной* нигде не будет казаться дома. От этого я все бы советовал поговорить с академиком[1] и добыть место математической профессуры при каком-нибудь специальном заведении. Может, Сергей тут отыщет все свои силы и дойдет до того печального спокойствия, которое, по крайней мере, не страдает от близости с подлецами и от преследований жизни булавочными уколами. А хорошо бы повидаться. Поговори с Михалычем[2]. У нас тепло и сыро, скверно; нездоровится. Маленькие нездоровья от климатических условий, причем можно долгоденствовать, по уверению медиков, вот наши булавки. Что касается до людской мерзости, то и здесь ее не оберешься; но лично с ней не связываясь – както оскорбление становится теоретическим, и вместо яростной боли только приходишь к печальному спокойствию сознания, что это политическое животное (по определению человека Аристотелем)[3] имеет свой уровень развития, как устрица свой, как баран свой, и пр. ... и что едва ли он способен перешагнуть туда, куда залетает только изредка его сильный развившийся мозг; а теория, конечно, образуется по большинству, а не по исключениям. С одной стороны, Овен (покойник)[4], историк Бокль, математик Гров, человек Г., Б. ..., а жизнь массы не совпадает с ними и разрабатывает свои требования и вопросы, между которыми есть и такие: будут ли в аду жечь настоящим огнем или не настоящим?.. Нешутя – это вопрос, разделяющий английских диссидентов (староверов) с англиканской церковью... Ну! да что об этом!

Жду со дня на день Натали с Лизой. Они теперь с Сашей в Берне[5]. Что за милое создание Лиза! Хоть бы показать вам ее! И все дружится с русскими, немцев не любит. – С чего Таня взяла, что Тата воспитывается в Дрездене? Тата здесь и становится славная, начинает мыслить и крепко работает. В живописи у ней талант несомненный; в музыке способности весьма хорошие; я думаю, искусство более ее сфера, чем что другое; но теперь она сильно занимается наукой, читает. У ней теперь англичанка, которая, без сомнения, самый умный человек, какого я встречал в Англии[6], зато она не лучше уживается с Англией, как Сергей с воспитательным заведением[7]. Тата ее, действительно, уважает и видимо развивается под этим влиянием.

Саша... Саша развился в изящно-благородную личность, и работает по медицине; скоро станет держать экзамен. – Ольга в путешествии, в Париже. Пишет мне, что она "Парижу любит, потому что театры в улице здесь и там".

Я работаю шибко. Но одна из моих главных целей – математика. Окончивши кой-какие необходимые вещи, займусь ею исключительно. Цель моя показать, что всякая вещь, всякое качество – количественная разница и что действительная теория, или наука – математическая формула; иначе теория – только фраза или гипотеза фантазии, а не понимания.

Вот пока вам все, что за душой. Теперь я все в небольшом (читай: очень большом) внутреннем волнении, – все жду от Натали известий, что то ли выехали такого-то числа, в таком-то часу и, следст⟨венно⟩, будет тогда-то. Пора сплотить небольшую, но изящную семью.

Крепко целую вас и обнимаю. Пишите, мои милые. Помни, Сергей, что для меня лично вся симпатия в России сосредоточена на тебе.

Рукой Герцена:

Здравствуй – и здравствуйте. – Я совершенно согласен с Ог⟨аревым⟩, что близость к шероховатой стороне нашей обыденной жизни поддерживает мрачное раздражение – мешающее ясно видеть, что под ней готовятся иные силы. Плохо утешение, что и везде пошлость доходит до горла. Ex⟨empli⟩ gr⟨atia⟩[20*] не угодно ли посмотреть *бешенство рабства* – в Америке. Вот тебе страна, усевшаяся на новых основаниях – без исторического хлама, с полной политической свободой, при самых счастливых территориальных условиях – и она гибнет от яростного ⟨?⟩ рабства, по крайней мере распадается[8]. – Это с одной стороны Океана, а с другой, если б вы могли посмотреть растленную Францию.

Я читал, Татьяна Алексеевна, ваше послание к Огар⟨еву⟩[9]. – Много грустных воспоминаний оно вызвало, но я не думаю, чтоб вы были правы в вашем строгом суде о лицах. Зачем вы так злопамятны, вдумыванье и пониманье ведут нас к снисходительности. Вы правы в одном и безусловно – за это-то я вас всегда считал и теперь считаю в числе ближайших друзей – это в вашем суждении о Наташе[10]. Да, это была великая натура, и вы еще ее не всю знаете. Ей я сколько мог памятник поставил – этот памятник "Былое и думы" – когда-нибудь вы прочтете ту часть, которая говорит о последних годах. Остальные смотрели с пошлой точки, с ревнивой, и между ними близости не было, за исключением одной – с Лиз⟨аветой⟩ Богд⟨ановной⟩ – которая чуть ли не хуже всех остальных поступила[11]. – Анекдот, который вы поминаете о Коле, я слышал, но никогда ничего подобного не видел, интересно знать, кто говорил это. Ах, Татьяна Алексеевна, – что нам смотреть на людей с точки зрения уголовного суда. Вспомните моего старика – д-ра Крупова – ведь это все сумасшедшие[12].

Посылаю вам наши портреты – и притом разительно похожие[13]. Что вы делаете? При случае напишите. Дайте ваши руки и прощайте.

Что у вас это завели за Вагнера – который строчит в "От⟨ечественных⟩ зап⟨исках⟩" превосходнейшие статьи о зоологии[14].

[1] По-видимому, академик Д.М. Перевощиков.

[2] Имеется в виду, по-видимому, Н.М. Сатин, который мог дать Астракову для поездки в Лондон необходимую денежную сумму в счет своего долга Огареву.

[3] Измененное выражение из "Политики" Аристотеля, где говорится, что "человек по природе – животное общественное".

[4] *Овен* – старинное написание фамилии Р. Оуэна.

[5] Огарев тщательно скрывал от Астраковых (как и от других друзей) серьезнейший семейный конфликт, вызвавший "бегство" Нат. Ал. с дочерью Лизой на материк. Вскоре она возвратилась в Лондон (см. об этом в наст. разделе публикацию Л.Р. Ланского и М. Мерво "Письма Н.А. Тучковой-Огаревой Огареву и Герцену").

[6] Эмилия Рив.

[7] С.И. Астраков преподавал в Александровском институте.

[8] Примерно в это же время 29/17 ноября 1860 г. Герцен писал И.С. Аксакову о готовности Америки "распасться из-за вопроса о рабстве" (XXVII, 118). Речь шла о событиях, предшествовавших гражданской войне между Севером и Югом.

[9] Это письмо Т.А. Астраковой неизвестно.

[10] Об отношении членов московского кружка Герцена и Огарева к Н.А. Герцен (Захарьиной) см. ниже в наст. разделе и в "Лит. наследстве", т. 63, с. 541–559.

[11] Е.Б. Грановская, жена Т.Н. Грановского, недоброжелательно относившаяся к Н.А. Герцен в последний период пребывания Герценов в Москве.

[12] *Доктор Крупов* – главный герой одноименной повести Герцена – утверждал, что человечество больно повальным безумием.

[20*] Напр⟨имер⟩ (*лат.*).

[13] Какие именно фотографические портреты членов своей семьи послал Герцен, не установлено.

[14] Герцен пишет под впечатлением от статьи Н.П. Вагнера "Природа и Милн-Эдвардс". Она была напечатана в № 9–10 "Отеч. записок" 1860 г. "Молодец – вот настоящий русский ум: светлая консеквенция и чего бы ни стоило, все нипочем", – так отозвался он в письме к И.С. Тургеневу о Вагнере 29 октября и добавлял: "Если ты об нем знаешь, напиши" (XXVII, 105).

33
ОГАРЕВ И ГЕРЦЕН – АСТРАКОВЫМ

⟨Лондон. До 24 декабря 1860 г.⟩[1]

Рукой Огарева:

Друг Сергей, спешу воспользоваться случаем и сказать тебе еще несколько слов. Я писал к тебе недавно[2]. Жду от тебя известий каким-нибудь путем. Так давно не видел твоей руки, а последние слухи о твоих отношениях так печальны, что черт знает как хочется поскорей узнать, что ты делаешь. Милая Татьяна Алексеевна, вы бы через Р⟨ейхель⟩ что-нибудь N написали, хоть строчку. Живы, мол, здоровы, ссоримся с директорами, побеждаем или побеждены, идем в отставку, есть или нет места, и пр., и пр. Хотя бы внешнюю обстановку жизни знать – и то уж легче. Ну! а что ж я вам скажу? Работаю. Нат⟨али⟩ с Лизой все еще в Немечине. Погода здесь все скверная. Если б не работа... – хуже точки на земном шаре не сыщешь для жизни, ну – а за работой это забывается. Вот и все. Письмо мое пусто, пишется наскоро только для того, чтоб вы видели мои каракули и знали бы, что я все так же ваш вечно неизменный друг. Крепко обнимаю вас – пожалуйста, дайте о себе весть при первой возможности.

Рукой Герцена:

И я еще цел, пока мерзкий климат грехом терпит, – письмо надобно посылать так быстро – что не знаю, что написать, кроме того, что душевно люблю вас; вы настоящие, неизменные старомосковцы – Девичьего поля распольнички, христу-богу богомольнички.

На обороте рукой Герцена: Сергею Ивановичу.

[1] Датируется по помете Астраковой на письме: "После 11.XII.1860 г." и по словам в письме: "Нат⟨али⟩ с Лизой все еще в Немечине". Из Германии в Лондон они возвратились 24 декабря 1860 г.

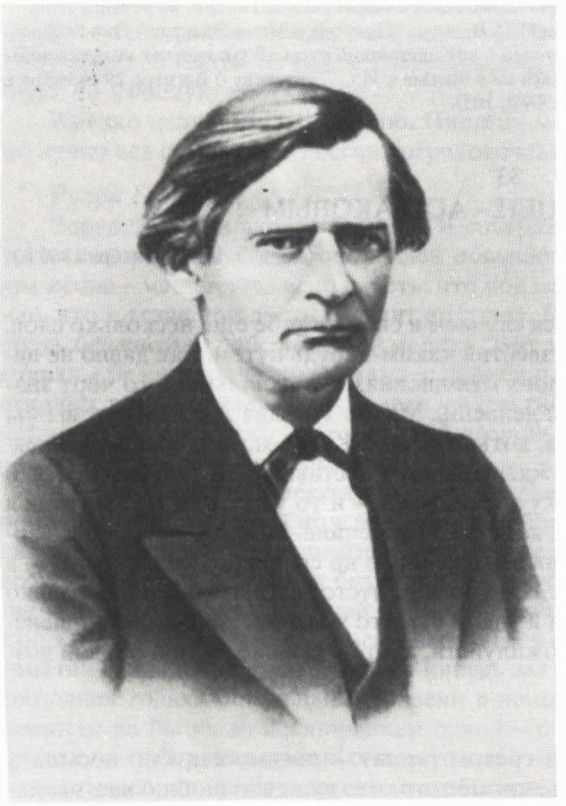
[2] Вероятно, речь идет о предыдущем письме.

34

⟨Торки. 9 августа 1861 г.⟩

Любезная Татьяна Алексеевна, сегодня поутру Ог⟨арев⟩ прислал мне ваше письмо, и я тотчас с жадностью прочла его, сидя у моря с Лизой и не ждавши погоды. И ваше другое длинное письмо дошло тоже[1], а я вам не отвечала не от лени, а из осторожности – вообразите, что я в каждом письме спрашиваю Елену, живете ли вы в старом доме или нет, прошу ее прислать ваш адрес и тетенькин[2], если знаете, Татьяна Алексеевна, пожалуйста, пришлите.

Во-первых, об докторе; верно, Ог⟨арев⟩ при первом случае исполнит ваше поручение насчет книг, а что касается до Саши, то я берусь передать ему все, что вы пишете; ваше письмо его не застало, он путешествует с Фохтом[3]. Нет, он не горд, но он не сложился, вял немного, горячей страсти к науке едва ли вы в нем найдете, но если его подталкивают, он идет, – я думаю, путешествие будет ему очень полезно. Дети говорят по-русски, Тата очень хорошо, а Ольга очень плохо – в лице иногда уловишь черту Натали, но внутренне ни в одном я не нахожу сходства с матерью, скорей с отцом. У всех у них большие способности ко всему и как-то ничего не выходит – Тата играет изрядно, рисует изрядно. Мало-помалу и страсть ее к рисованию прошла, а все-таки занимается, но как-то по долгу, безжизненно, без увлечения – вообще же странная натура, она совершенно иначе развилась, чем я ожидала, какая-то



С.И. АСТРАКОВ
Фотография М. Шерера и Б. Набгольца. Москва, ⟨1861⟩
Музей Герцена, Москва

неподвижная, тяжелая, любит резвиться, если другие ее толкают, а сама по себе она ничего не может придумать – любимое занятие ее читать романы, с четырнадцати лет отец постоянно дает ей романы: это развивает, говорит он. Не спорю, только гораздо больше воображение, чем понимание.

Письмо ваше так и повеяло Россией на меня, больно и тяжело все это, но обвинителям бы сказали, зачем же они молчат, еще не было отказа в таких вещах; вы знаете, что́ я думаю об родстве, а им-то что? Да, право, даже смешно на это отвечать[4].

Ог⟨арев⟩ мне пишет, что страшно обрадовался портрету С⟨ергея⟩ Ив⟨ановича⟩[5], портрет N⟨atalie⟩[6] мы пришлем при первом случае; как могла вам придти мысль, что он[7] этого не желает, – он вас помнит и любит горячо...

Вы правы, что удивляетесь, зачем человек так скверен, только, к несчастью, он везде таков – здесь такие ужасы бывают, что волосы дыбом становятся, – нет человеку врага хуже человека, и пока это не переменится, чего ждать хорошего?

Ну, прощайте, пишите, не смею сказать почаще, когда вздумается, ваши письма – несмотря на грустное содержание, великая отрада для меня – у меня нет ни одной близкой женщины здесь, а как ни говорят, близость женщины не заменяется близостью мужчины. Это совсем другое чувство.

В другой раз я соберусь тоже, может, побольше написать, но я не мастерица рассказывать пером.

Прощайте, крепко жму ваши и ваши руки – напишите, если адрес не тот.

Вот ваш адрес: M-me N.O.–Orsett House. Westbourne Terrace, Paddington.

9 авг⟨уста⟩, н.ст. 1861. Torquay.

Мы теперь у моря, вы можете раз сюда написать: Torquay. Engandina House, N 1.

Здесь очень, очень хорошо и море, и зелени бездна. Лиза моя тоже болтает по-русски, но с приезда Ольги предпочитает говорить по-английски да и нянюшка англичанка; впрочем, настоящая нянюшка – я.

[1] Упоминаемые письма неизвестны.

[2] По-видимому, речь идет об адресе Марии Алексеевны Тучковой.

[3] Путешествие продолжалось с мая по октябрь. См. ниже предисловие Л.И. Матюшенко к разделу "А.А. Герцен".

[4] О чем именно говорится в этой части письма – неясно.

[5] Фотографический портрет С.И. Астракова, сделанный в начале 1860-х годов – единственное изображение, сохранившееся до нашего времени. См. его воспроизведение в наст. книге.

[6] Фотография Н.А. Герцен с Ольгой сохранилась в новонайденной части архива Астраковых (*ГЛМ*). См. ее в книге 1-й наст. тома.

[7] Имеется в виду Герцен.

35
ОГАРЕВ – АСТРАКОВЫМ

⟨Лондон.⟩ 1-е окт⟨ября 1861 г.⟩[1]

Друг Сергей и друг Таня, это письмо вам доставит очень хороший человек и для Сергея специально интересный![2] Примите его родственно. Какая досада, что на сию минуту я один в столице, остальные все в деревне. Я им писал, чтобы прислали к вам писульку, но не получил еще, а господин этот едет, и, стало, мне приходится писать одному, а их письмо пойдет позже. Ваше письмо, Таня, у Натали; стало, у меня перед глазами только письмо Сергея, которое читаю в десятый раз, и так бы хотелось вас обоих обнять и так больно за вас и за бесплодность хлопот. Но вот что, Сергей, из бесплодности своих хлопот заключи же, что вся формула ложна и что, поправляя один член, ты ничего не исправишь; от этого и работа тебе кажется бесплодной и только тебя бесит. Дело в том, что без постановки другой формулы, ты отдельными поправками ничего не сделаешь. Мне кажется, что ты по нужде поставлен не на свою дорогу. Ты гораздо успешнее, стало, и лично и вообще удовлетворительнее действовал бы в качестве преподавателя своей науки, и я ужасно был бы доволен, если б тебе удалось попасть на этот путь. А то ведь ты, действительно, воду толчешь. Пока существует это чиновничество, вор заступает место наказанного вора. Иная доля – шел бы ты хотя в мировые посредники. Это дело ближе к делу. А как преподаватель – ты все же больше сделаешь, ибо наставишь юношей на путь истинный и в науке и в жизни. Я об этом говорил кой с кем – подумай сам. О П⟨авле⟩ А⟨лексееви-че⟩ я думаю, что он благородный человек[3], но что при этой общей системе – ни ты, ни он, ни Христос ничего не сделают, и единый исход из толчения воды – это общая перемена системы. Иначе вы все будете горевать о бессилии, тосковать в бесплодном действии и бесплодном раздражении. Я думаю, что надо оставить систему проваливаться от собственной дряни и не помогать ей, вводя местами на время подчистки. Не подчистку надо, а подготовку вне системы, чтоб на место прямо ложной формулы, поставить *приблизительно истинную* (*абсолютной* истины в жизни нет, друг мой), а очевидно ложную похерить. Это работа, а то – водотолчение. Что ты сетуешь на Москву, на студентов и пр., я с тобой, пожалуй, соглашусь. Москва – замечательная штука: ни единого голоса нет из Москвы, а если бывает то = 0. Профессоры, молодежь, даже "Русск⟨ий⟩ вестник" представляют или уродливое тупоумие или уродливую манию. Иное дело провинция и Питер. Мы, стоящие с краю, смотрим на всю карту, и от этого общее распределение виднее; ускользают частности. А вы их только и видите. Но я не понимаю твоей привязанности к Москве. Отдал бы дом внаймы и взял бы место преподавателя в школе в ином месте. Мне бы очень хотелось, чтобы ты стал преподавателем в корпусе где-нибудь. Опыт доказал, что ты умеешь привязать к себе детей, стало, ты был бы положительно полезен и следил бы за своей наукой, которая-таки делает успехи, о чем можешь говорить с подателем сего.

Сашу ждем на днях из геолого-зоологического путешествия с Фогтом в полярные страны, где они чуть не погибли в бурю, но не погибли. Я твое письмо ему покажу. Может, оно произведет благодетельное влияние. Разумеется, не мы желаем этой женитьбы[4]. Но, может, он и выработается; он очень моложав. Ум у него есть, а инициативы нет. Я думаю, от почти 6-месячного путешествия в шхуне Фогта, который, напротив того, железный человек, повыработался-таки. Вот посмотрим. – Тата славный человек: не могу сказать, чтоб и у ней было много инициативы, но в ней есть сердечная теплота, большой талант к живописи и порядочный в музыке. Вообще она сродни в артистическом мире, чем где-нибудь, но действительно любит Россию; в ней наша традиция не пропала. Она очень красива, сосредоточенна, застенчива, но душа теплая и добрая. – Ольга еще мала, умна и способна на всё, грациозна, резва... но выйдет человек, может, самый талантливый из всех. – Лиза, друзья мои, одно из самых светлых созданий, когда-нибудь мною виденных, – это помимо всякого пристрастия. Здорова телом, быстро развивается мозгом, вообще ребенок замечательный! От этого пользуется пристрастием к ней всего окружающего.

Теперь дохожу вот до какого отдела, над которым пишу: *секретно*, т.е. ни ты, ни Таня об этом никому ни слова и мне не отвечайте, я уже буду знать, что вы поступите по моему рецепту.

В декабре у меня будет еще ребенок. Натали фантазирует, – что вот-де, может, умру и некому поручить Лизу, т.е. из женщин. Думала, думала – говорит – Татьяне Алексеевне. Следственно, Таня, вы не удивитесь, если она к вам напишет, чтоб вы дали ей слово в случае ее смерти приехать материнским пещись о Лизе. Во-первых – я внутренне убежден, что если б я написал: "Таня, приезжайте" – вы приедете; но я вас умоляю, ни *в коем случае* не пишите ей отказа, а скажите, что, мол, да, хорошо. Этот ответ *гигиенически* нужен. Стало, вы так и сделайте. Во 2-х, я убежден, что шансов умереть теперь $\perp^{\infty}$[5]. Может, она перестанет фантазировать и ничего об этом не напишет – и это может быть. Но, если напишет, вы, во всяком случае, отвечайте по-моему и, во всяком случае, никому об этом ни полслова не говорите.

Я дней 10 как воротился из деревни, одного из лучших мест не только в Англии, но в Европе[6]. Жду их скоро сюда. Они все здоровы, и я здоров, кроме удушливого головокружения, которое на меня производит этот климат, электрически-напряженный и наполненный водными парами. Припадков нет, вина вовсе не употребляю. Работаю – поменьше, чем бы хотелось. При первом случае напишу и о работах, которые скоро подвину к концу, и о самом себе. – Что сказать о Городец⟨ком⟩? ... Писем Тани у меня нет, они у Натали; вопрос у меня смутно остался в памяти. Каких книг ему? Когда все соберемся, еще подумаем, теперь не знаю, что сказать. Я постараюсь и, надеюсь, успею в очень непродолжительном времени написать. Из медиков, трудящихся научно в России, серьезно и с инициативой, я рекомендую брата Васил⟨ия⟩ Петр⟨овича⟩ – Сергея[7], который в Питере. Он работает действительно. Вообще ваша Москва – ни в науке, ни в крестьян⟨ском⟩ деле ничего не дает отрадного. Это что-то мертвое и пахнет падалью.

Ну, прощайте, пока. Дорого бы я дал, чтоб обнять вас на факте. Я, Сергей, ничего для себя, для собственной сердечной привязанности – кроме *его*[8], не знаю, кого бы мне так было нужно, как тебя. С этим чувством я уехал, с этим и остаюсь. Дай же тебя крепко, крепко обнять – хоть до слезы. Авось мы увидимся. И тебя, Таня, – позволь свестись на братское *ты*, оно издалека как-то еще нужнее и отраднее.

[1] Письмо датируется 1861 г. по упоминанию о встрече Огарева с С.А. Усовым, в то время военным атташе при посольстве России в Лондоне. Позднейшая помета Астраковой на письме – *1862* – неверна.

[2] О том, что это письмо Огарева было передано С.А. Усовым, свидетельствует приложенная к письму визитная карточка (подлинник на французском языке): "Степан Усов, конной артиллерии его величества императора всероссийского гвардии капитан"). Он был интересен Астракову, вероятно, благодаря своим глубоким знаниям в области физики и математики.

[3] П.А. Тучков, московский генерал-губернатор, дядя Тучковой-Огаревой. Его оценка Огаревым весьма субъективна (ср. XXVII, 427).

[4] Предполагаемая женитьба А.А. Герцена на Эмме Фогт не состоялась.

[5] В знаменателе математический знак бесконечности.

[6] Речь идет о курортном городке Торки.

[7] С.П. Боткин.

[8] Имеется в виду Герцен.

36
ОГАРЕВ И ГЕРЦЕН – АСТРАКОВУ

⟨Лондон. 1861, до ноября 23-го⟩[1]

Друг Сергей, писать некогда, а подателя сей записки полюби, как брата[2]. Посылаем портреты – Ольги и Саши; Татин нехорош; нарочно сделаем и ее и Лизин. Тата славная и Лиза забавная; Лиза – светлое создание, хорошо, кабы светло развилась. Все мы тебя и Таню обнимаем и напишем на днях.

Рукой Герцена:

Я тебе посылаю две ревизские души по фотографической переписи – да одну Татьяне Алексеевне также.

На обороте рукой Огарева:
Сергею Ивановичу Астракову. Спросить в доме генерал-губернатора.

[1] На письме помета Астраковой: "После 1860 г.". Поскольку в нем ничего не говорится о близнецах, родившихся 23 ноября 1861 г., эта дата может служить ограничительной чертой.
[2] О ком идет речь, установить не удалось.

37

9 марта 67.
87, Promenade des Anglais.
Nice. Alpes Maritimes. France

Дорогая Татьяна Алексеевна,

Вам не до меня, вам ни до кого, а я все-таки не могу крепко не пожать вашу руку и не сказать, что я глубоко почувствовала ваше горе или наше горе – да, еще два сердца сильно поражены были его кончиной[1] – а я, ах, Боже мой, да ведь вы, верно, знаете, все, что пало на мою долю[2] – не разбирайте, как чужие: "Да у нее остался ребенок, это не совершенное несчастие". Мать, которая переживает своих детей, которая обязана жить для кого-нибудь после, она выносит страшную казнь. Но зачем я говорю об себе; вам, друг мой, не легче – сижу я, и думаю, и вспоминаю его, и хотелось бы хоть на минуту остановить годы и заглянуть в прошедшее. Вижу я, как мы приезжали в санках к вам с сестрой, как Никифор нас встречал и как он был недоволен, когда узнал, что мы выходим замуж[3]; теперь я с ним согласна, потому что судьба нас разбросала, а вы не поверите, как Елена мне нужна стала, а еще больше после этих двух ужасных лет.

Он был моложе всех, как это случилось – зачем? Я все надеялась его видеть еще раз, просила сестру устроить это. Где вы будете, где его братья?[4]

Крепко обнимаю вас и желаю, чтоб вы нашли силы вынести такой удар – ах, какую пошлость я сказала, ну простите, все же оно сказалось от души.

Вся ваша N а т а л и

[1] На письме позднейшая помета Астраковой: "Смерть Серг. Ив. Астракова 1866..." Он умер 24 декабря названного года.
[2] В декабре 1864 г. скончались дети-близнецы Нат. Ал. и Герцена – Елена и Алексей (Леля-герл и Леля-бой).
[3] См. *Тучкова-Огарева*, 73.
[4] Братья Михаил и Владимир Ивановичи Астраковы в это время еще были живы. Первый из них, чиновник межевой канцелярии Министерства юстиции, умер в 1873 г., второй – в 1899 г.

38

25 sept⟨embre 1867⟩[1]. № 27. Promenade des
Anglais. Nice. Alpes Maritimes

Браните меня, Татьяна Алексеевна, браните, потому что я непростительно виновата перед вами, – испуганная болезнею тетеньки Марии Алексеевны, я откладывала день за день мой ответ. Как вас благодарить за портрет[2], как вам рассказать, как мне больно и хорошо было смотреть на него. Я тотчас сделала с него две копии и отдала людям, глубоко ценившим и жалеющим его. Ог⟨арев⟩ был очень потрясен его кончиной, он даже писал, жалуясь, как ребенок, зачем не он умер, а Сер⟨гей⟩ Ив⟨анович⟩. Но копии все хуже портрета, а своего отдать не хочется, так не можете ли вы прислать еще две карточки, как сильно будут вас благодарить за это!

Вы спрашиваете, дорогая Татьяна Алексеевна, зачем мы все врассыпную, долго это объяснять, нет, не упишется, не расскажешь на бумаге – а если б привелось еще увидеться, мы бы поговорили.

Емилия на днях уехала – Тата со мной, она вам кланяется, помнит по преданью, как вы были близки с ее матерью, – к сожалению, ни один из трех душой не напоминает ее, лицом, может, Ольга. Зато, может, будут счастливее ее.

Часто вспоминаю ваши слова об Лизе и стараюсь, чтоб ей было хорошо, – а как

бы мне пора на боковую, да некому Лизу поручить, как я ни плохо исполняю свой долг, а без меня еще хуже будет.

Ну прощайте, крепко вас обнимаю, мужайтесь, друг мой, и вам и мне, каждой по-своему, куда как скверно и больно доживать.

На обороте: Татьяне Алексеевне.

[1] Год проставлен Астраковой: *1867*. Подтверждается упоминанием о недавней смерти С.И. Астракова.

[2] Тучковой-Огаревой был послан фотографический портрет С.И. Астракова.

39
ТУЧКОВА-ОГАРЕВА И ГЕРЦЕН – АСТРАКОВОЙ

25 декабря 1869. Париж

Рукой Тучковой-Огаревой:

Любезная Татьяна Алексеевна,

Я получила сегодня ваше письмо – очень вас благодарю и целую за него. В вашем пониманье и участье я не сомневаюсь, ну а о прочих я тоже не сомневалась в их непониманье. Дайте мне сегодня высказаться, насколько можно, письменно. Вот уже тринадцать почти лет как мы благородно и дружески расстались с Н⟨иколаем⟩ П⟨латоновичем⟩. Нам обоим было тяжело, мне многого стоил этот жесткий поступок – я предлагала вернуться к сестре и подумать там в тиши, что́ делать, что все мы благородные сумасшедшие, – он не принял – мы расстались, и новая жизнь началась для меня, тяжелая жизнь, исполненная лишений, недоразумений, тяжелых тайн – жизнь моя была мне не по силам, одни дети помогали выносить ее – потом, когда и это счастье перешло в [бездонное] бесконечное горе, мне еще труднее стало играть роль, мне противную. С одной стороны, я казалась какой-то жертвой – и это было тяжело на совести – с другой, дочь моя росла – я хотела, чтоб она знала истину, знала свою семью, сблизилась бы с ней неразрывнее – она слишком была одинока, и я ожидала со временем упреков с ее стороны: зачем не живем вместе с ее отцом[1]. Он встретил женщину двенадцать лет тому назад – у нее был ребенок – эта два лица составили его семью – он привык к ним[2]...

Я думаю, что моя жизнь – одна из самых неудачных и тяжелых – но совесть моя покойна – я ни себя ни других не обманывала. – Если б у нас были дети[3], этого бы не случилось. Да, я желала *всегда* не скрывать мою жизнь, пусть меня судят – зачем ходить под маской, – зачем искажать жизнь для того, чтоб скрывать свои поступки – да, я переменила даже имя свое, потому что, по моим мненьям, не имела более права на прежнее имя – может, я заблуждаюсь, но вот мой взгляд[4].

Вы спрашиваете об остальных – С⟨аша⟩ женился, как вы знаете, у него уже сын 8 месяцев[5]. Он, кажется, очень доволен своей жизнью; жена его очень молоденькая работница, лицом очень красива, но несимпатична; дайте мне быть откровенной, она, мне кажется, очень холодное существо – смотрит свысока на свою бывшую семью и с нами холодна – но вот об этом не говорите, потому что Тата скрывает даже от нас, что́ замечает в ней, – вообще Тата всегда всех защищает, оно хорошо – но нужно видеть людей, как они есть, а не как они должны быть. Тата из трех всего более сохраняет традицию прошлого, и отец ее и Лизу, кажется, любит еще больше других – у С⟨аши⟩ натура холодная, а Ольга воспитана немецкой дамой[6]; в ней русского мало и мало любви и привычки к нам всем – что делать? теперь мы будем жить вместе; если я могу ее сблизить с нашим взглядом, с родным языком, я буду рада – но я не уверена в этом: устаешь, когда видишь, что невидимая сила разрушает то, что строишь. Я вам послала портрет Ольги и Терезины, посылаю теперь Татин портрет – она постарше Ольги, но, признаюсь, и лицо и развитие ее мне гораздо симпатичнее.

Она была больна два раза в довольно короткий срок – я за ней ходила, и мне кажется, что она поняла мое участие, мы стали ближе. У Ольги хороший голос, она хочет сделаться артисткой. Вернувшись сюда из Флоренции, мы нашли их кузину Полину, которая скоро будет дебютировать[7], и это хорошо действует на Ольгу.

Очень рада, что вы видели сестру, – бедная, разлука с сыном ее измучила[8] – я понимаю это и ценю такое сердце – много еще жертв ждут ее – старшая ее дочь[9] мне заочно сделалась великим другом и утешителем, а видеть ее, может, никогда не приведется. Удивляюсь ей, как она забывает себя, работает для семьи, для бедных сирот, какой широкий взгляд на жизнь, и все это выработалось само собой, а здесь я вижу, как дети растут в эгоизме, требуют многого, ничего не дают, а деньги нужны, чтоб не зависеть от других, но они клеймят тех, которые имеют больше, чем нужно для жизни.

Зато Париж так дорог, что мы не можем здесь остаться, как хотели, – одна материяльная жизнь поглощает весь доход, а там надо еще одеться, а там уроки. Вы, может, не знаете, что Тата была очень больна, мы должны были все бросить и ехать к ней во Флоренцию из Парижа и потом обратно сюда через месяц со всеми. Все это вывело ее отца из бюджета его – вы знаете, он никогда не копил, многим должен помогать, ни копейки ни откладывает, но никогда не касался до капи⟨та⟩ла – а нынче должен был занять ⟨из него⟩ 10 000 f. С⟨аша⟩ как женатый получает уже больше прежнего. В Америке он, правда, ничего не потерял до сих пор[10], но в продолжении нескольких лет с одной части капитала не получал процентов, теперь опять получает проценты, но не сполна. Я это рассказываю, чтоб вы поняли его дела – на сию минуту ему невозможно было бы прислать 500 р., но, как мы устроимся, я знаю, что вы верите в его искреннее желанье сделать это, – вы слишком давно его знаете, а он все тот же, – пока напишу сестре – хоть неаккуратно, а все же присылают, не все ли равно – вам прислать. Прошлое лето мы бы могли вам прислать с оказией, с которой прислала вам портреты. Прощайте. Крепко вас обнимаю.

Ваша N.

Пишите мне: "Г-же Мейзенбуг в Париже. Poste restante pour remettre à m-me Natalie"[21*] без фамилии, и Мар⟨ии⟩ Ал⟨ексеевне⟩[11] сообщите этот адрес.

Рукой Герцена:

Всякий раз строка от вас будит так много образов из иных времен, отводит за с лишком 30 лет – и так хочется вам пожать руку.

[1] Напомним, что Лиза, дочь Герцена и Тучковой-Огаревой, официально считалась дочерью Огарева.

[2] Гражданской женой Огарева была англичанка Мери Сетерленд. Ее сын Генри воспитывался Огаревым.

[3] То есть дети от Огарева.

[4] В июле 1869 г., приехав в Бельгию, Герцен оформил свои отношения с Нат. Ал., официально объявив ее своей женой и переменив ее фамилию на свою.

[5] В 1869 г. А.А. Герцен женился на Терезине Феличи, и в 1869 г. у них родился первенец – Владимир.

[6] М. Мейзенбуг.

[7] П.С. Левицкая, дочь двоюродного брата Герцена С.Л. Левицкого, стала известной певицей.

[8] У Елены Алексеевны Сатиной было четверо сыновей. О каком из них идет речь – неизвестно. Скорей всего имеется в виду поступление старшего, Алексея, в университет.

[9] Наталья Николаевна Сатина (Тата).

[10] Подразумеваются американские денежные бумаги Герцена.

[11] *М.А. Тучкова* – тетка Тучковой-Огаревой.

40

⟨Париж.⟩ 9 фев⟨раля⟩ 1870[1]

Дорогая Татьяна Алексеевна,

Еще наказанье от жизни – или последствие многого.

Я думала ⟨в⟩ 1864 году, что я была самое несчастное существо на земле[2] – но этот удар оглушил, отнял понимание о прошлых ударах – если б не Лиза, я вышла бы на волю[3] – мне тесно и душно в жизни, и нет искупающих причин. – Бедная Лиза, она

[21*] "До востребования, для передачи г-же Натали" (*франц.*).

ГЕРЦЕН НА СМЕРТНОМ ОДРЕ

Рисунок Ж. Спринка (карандаш). Париж. 21 января 1870 г.

Внизу подпись художника: "d'après nat⟨ure⟩. J. SPRINK. Paris 21. Janvier ⟨18⟩70" ("С нат⟨уры⟩ Ж. Спринк. Париж, 21 января ⟨18⟩70")

Институт русской литературы РАН, С.-Петербург

"...благородство лица Герцена, его чудный лоб, его фамильный нос с горбинкой, так же, как и вся его духовная сила и мощь в выражении лица ⟨...⟩ переданы иностранным художником – Sprink'ом ⟨...⟩ сколько красоты в этом спокойном отдыхе смерти утомленного, измученного жизнью борца!!" (Е.С. Некрасова. Похороны Герцена)

не знает, как ужасно ее несчастие. Тата здорова теперь – несчастье ее укрепило. – Она в Женеве у Ник⟨олая⟩ Плат⟨оновича⟩. Он очень огорчен, ищет выхода в работе.

Болезнь вот в чем состояла: вдруг сделалось воспаление легких – он бы вынес, но диабет обратил быстро воспление в гниение легких, в пятницу вечером занемог – в четверг в ночь его не стало...

Диабет образовался после кончины детей ⟨в⟩ 64 году – излом ноги Ник⟨олая⟩ Плат⟨оновича⟩[4] нанес страшный удар болезни – а последний удар была болезнь Таты[5] – ко всему прибавьте много тревог.

Не сумела я ни в чем ему помочь, ни в чем облегчить – тянет туда за ним – молодые должны жить, – а старые? чего ждать – но на все – один ответ: надо до конца пить чашу для Лизы – до конца? Мне только сорок лет...

Саша вам дружески жмет руку.

Хотелось взять клюку и идти по свету, не останавливаясь, – встретится же избавительница-смерть.

Это случилось в 2 часа ночи с 20 на 21, в четверг на пятницу.

Обнимаю вас, друг мой, не плачу – слез нет для этого горя.

[1] Письмо на бумаге с траурным бордюром. Оно является ответом на письмо Астраковой от 27/15 января 1870 г. о смерти Герцена.

[2] Речь идет о кончине близнецов Лели-гёрл и Лели-боя.

[3] Т.е. покончила бы с собой.

[4] В конце февраля 1868 г. Огарев сломал себе ногу.

[5] Психическое заболевание Таты в 1869 г. См. о нем в ряде публикаций наст. тома.

ОГАРЕВУ И ГЕРЦЕНУ
(с включением записки Герцена)

Статья М. Мерво
Публикация и комментарии Л.Р. Ланского и М. Мерво [22*]

Если публикуемые письма Н.А. Тучковой-Огаревой, обращенные к Огареву (и частично к Герцену), вносят нечто новое в историю их отношений, то это главным образом не факты и не события, а то, *как* переживала их Тучкова-Огарева. То же можно сказать и о некоторых аспектах биографии Герцена и Огарева, освещаемых в этих эпистолярных документах.

Та, которую по семейной традиции потомки Герцена и теперь еще продолжают называть "злой Натали", без сомнения, была умным и интеллигентным человеком, но нрав у нее был нелегкий. Старшая дочь Герцена Тата, по собственным словам, "всегда защищала" Тучкову-Огареву, но и она утверждает, что у Натальи Алексеевны был невыносимо тяжелый характер[1]. Даже М.О. Гершензон, несмотря на свое непреклонное желание "реабилитировать" ее, вынужден был признать, что Наталья Алексеевна сильно баловала и вместе мучила усыновленных ею в конце жизни детей своим "неровным характером"[2]. Импульсивная, привыкшая судить больше сердцем, нежели рассудком, как признает она сама, Наталья Алексеевна была человеком сильных страстей, прямолинейным и в любви и в ненависти. К тому же она обладала сильной склонностью к мечтательности и "героическому", по ее мнению, романтизму"[3], что в значительной мере и явилось причиной ее жизненного краха. Важнее всего, однако, то, что этой энергичной женщине, жаждавшей деятельности и счастья, никак не удавалось найти себе занятий, которые могли бы обеспечить ей независимую жизнь и облегчить ту цепь ужасных злоключений, что на нее то и дело обрушивались. От своего отца-декабриста она, вероятно, унаследовала склонность к благородным делам, но если одно время она и мечтала вместе с Огаревым "умереть на баррикадах", то от полного понимания революционного идеала издателей "Колокола" и от их беззаветной преданности делу освобождения русского народа она была очень далека. Это отчетливо видно из ее письма к Огареву от 21 января 1872 г., которое мы публикуем ниже и к которому еще вернемся.

Известно, что вскоре же по прибытии в Лондон у Натальи Алексеевны произошло столкновение с Мальвидой Мейзенбуг, воспитательницей дочерей Герцена. Мейзенбуг желала оградить девочек от влияния русской среды, которая, по ее мнению, портила их. Что же касается Натальи Алексеевны, то она искренне стремилась стать для детей Герцена второй матерью – в память о своей страстной привязанности к его покойной жене. Ее единственной мечтой, напишет она в 1860 г., было жить для детей Н.А. Герцен, обосноваться в Париже с Татой, Ольгой и своей дочкой от Герцена – Лизой[4]. К несчастью, Наталья Алексеевна совершенно лишена была способности кого бы то ни было воспитывать, как об этом свидетельствует то ужасающее воспитание, которое дано было ею собственной дочери Лизе. С другой стороны, ее отношения с детьми Герцена от первого брака, особенно с Ольгой, всегда имели конфликтный характер, как отмечается, между прочим, в публикуемом ниже письме Натальи Алексеевны к своей бывшей гувернантке Каролине Мишель.

Главным источником недоразумений, разногласий и всякого рода столкновений являлось, однако, запутанное положение, вызванное сближением Натальи Алексеевны с Герценом. Порабощенная своим страстным чувством, она сильно страдала от почти не скрываемого равнодушия к ней Герцена[5] и от горя, которое ей суждено было причинить Огареву. Возможно, что она страдала бы меньше, если бы подчинилась авторитету "принципала"[6], не выносившего систематического противодействия внутри своей семьи. Но "злая Натали", в противоположность первой жене Герцена, не переставала бунтовать против его требований и, как пишет Огарев в одном из своих стихотворений, противопоставляла ему свой нрав "дикой волчицы"[7]. Столкновением этих двух натур, "одинаково требовательных и одинаково деспотических"[8], в значительной мере и объясняется крах их отношений. Властная по природе, Тучкова-Огарева требовала от Герцена гораздо большего, чем он мог дать (она и сама признавалась в этом[9]), и не только потому, что Герцен всегда проникнут был желанием все свои силы и время посвя-

---

[22*] Л.Р. Ланским публикуются и комментируются письма 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 40, 44, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 54, 55, 59, 60;

М. Мерво – письма 5, 26, 39, 41, 42, 43, 45, 53, 56, 57, 58, 61, 62;

И.Г. Птушкиной – письма 1, 2.

Статью Мерво и его комментарии перевел с французского Л.Р. Ланский.

щать революционному делу, но и вследствие некоторых его предрассудков, о которых мы скажем ниже. К тому же Наталья Алексеевна отнюдь не являлась тем сотоварищем по борьбе, которого, вероятно, желал бы иметь в лице своей жены Герцен. Совершенно непричастная к революционному делу, она мечтала о "нормальной" семейной жизни, о прочном положении и завидовала судьбе женщин, открыто живущих под одной кровлей со своим мужем. Эксцентричная и праздная, глубоко разочарованная в своих ожиданиях, она без конце угрожала, что уедет в Россию и увезет с собой обожаемую и Герценом, и Огаревым Лизу. Таким образом, повседневная жизнь, то и дело сопровождавшаяся семейными сценами, превращалась в сущий ад. Тучкова-Огарева не только мучила Герцена, но и губила его время и силы, – об этом отчетливо свидетельствует его переписка. И Огарев, и Герцен рассматривали совместную жизнь с нею как жизнь в сумасшедшем доме – Бедламе. Известно, что набросок "комедии" Огарева 1857 или начала 1858 г. носит именно такое название – "Бедлам"[10]. В письме к Герцену от мая 1860 г. Огарев подводит баланс этой безвыходной ситуации, с исключительной точностью анализируя состояние мысли всех трех действующих лиц: Герцен настойчиво осуждает "эгоизм" Натальи Алексеевны, портящей всем жизнь, ее надуманную любовь к нему и его детям; Наталья Алексеевна, в свою очередь, страдает оттого, что чувствует себя одинокой и чужой всем, считая, что она слишком дорого платит за ошибку и с излишней жестокостью наказана за свое неумение воспитывать детей Герцена, словно с ее стороны это "намеренное зло"; сам же Огарев упрекает себя за то, что позволил себе внести "элемент нового горя" в жизнь Герцена[11].

Но вся ли вина лежала на Тучковой-Огаревой? Думать так было бы несправедливо. Если у нее и происходили стычки с детьми Герцена, на которых она, впрочем, смотрела как на взрослых людей ("каждому детскому проявлению, – писал Огарев, – дает значение совершеннолетнего преступления"[12]), то следует признать, что почти все они, со своей стороны, не считались с деликатностью ее положения. А в этих конфликтах Герцен постоянно проявлял обидную для нее тенденцию принимать сторону своих детей. Это неизбежно усиливало взаимную натянутость и вызывало у Тучковой-Огаревой горькое чувство, что никто ее не ценит и не понимает. Вот чем в значительной мере объясняются ее суровые суждения о детях Герцена – например, в публикуемом ниже письме к бывшей своей гувернантке К. Мишель. Но было нечто еще более важное: Герцен вследствие сохранившихся у него отдельных дворянских предрассудков и мысли не допускал, чтоб его близкие отношения с Тучковой-Огаревой стали известны посторонним, а тем более его детям. С этой точки зрения он казался своей подруге менее свободомыслящим, чем была она сама, и это не без удовлетворения подчеркивалось ею. Впрочем, Герцен окончит тем, что сам признается в своих заблуждениях (в письме к дочере Ольге от 13 июня 1869 г.)[13].

Таким образом, двусмысленная ситуация, в которой постоянно находилась Тучкова-Огарева, объясняет гораздо больше, чем столкновение характеров, всю глубину размолвки, заставляющей ее оказывать Герцену постоянную оппозицию, и причину того ужасного напряжения, которое не переставало между ними сохраняться. Так, во всяком случае, считала она сама[14]. И позднее она будет особенно настаивать на *социальном* аспекте их драмы, утверждая, что "внешняя обстановка" их жизни разделяла их больше, нежели разность во мнениях[15]. Вполне понятна поэтому ее навязчивая идея – возвратиться в Россию. Идея эта обернулась отъездом Натальи Алексеевны с малолетней Лизой в Германию, едва не закончившимся полным разрывом с Герценом. Публикуемые ниже письма, сохранившиеся в "амстердамской коллекции" и Российском государственном архиве литературы и искусства, свидетельствуют о глубине переживавшейся ею драмы[16].

Как мы видим, Тучкова-Огарева выстрадала больше, чем все остальные участники этой драмы, вследствие того, что совершенно замкнулась в себе и предавалась разъедающему самоанализу, как об этом свидетельствуют ее дневники. Терзаемая чувством вины за необдуманную связь с Герценом, считая, что она искалечила и свою жизнь, и жизнь своего первого мужа, Наталья Алексеевна утратила, как она пишет, веру в себя и самоуважение. Полная тревоги за будущее Лизы, растравляя в себе угрызения совести, она, по-видимому, больше всего страдала от "секретности", которую ей навязывал Герцен и которая осуждала ее на жизнь во лжи. "Нелегальное" положение и невозможность вести нормальное существование по временам исторгало у нее душераздирающие призывы о помощи. Вот почему она не желала принимать постоянные упреки Герцена и Огарева. Некоторые из впервые публикуемых писем подтверждают, что она была проникнута сознанием чинимой ей несправедливости: "Огар⟨ев⟩ писал больше одни упреки", – замечает она (п. 26). Заявляя, что недовольна письмами к ней Огарева и Герцена, что они ее глубоко огорчают, она в то же время непоследовательно пишет им: "Не бойтесь огорчить меня вашей откровенностью...". Находя "столь несправедливым" письмо Огарева, она все же отдает должное его нравственной чистоте и просит у него помощи, ибо

он "маяк", "освещающий всю ее дорогу" (п. 17)[17]. Нередко она судит себя без всякого снисхождения: "Как мне совестно, что я вас так мучу..." (п. 37). В одном из писем 1862 г. она доходит до того, что сравнивает себя со зловещей трактирщицей Тенардье из "Отверженных" Гюго, тиранившей маленькую Козетту[18].

И в самом деле, Тучкова-Огарева оказывалась виноватой гораздо чаще, чем другие участники драмы. Не говорили ли в ней тревоги совести, когда она настойчиво требовала от Герцена и Огарева, чтоб они уничтожили ее письма к ним? Она подвергалась всеобщему осуждению. Даже Огарев, обычно склонный к снисходительности, кончил тем, что признал тщету всех своих усилий "спасти" бывшую жену. В недатированном письме к Герцену (публикуемом в книге 1-й наст. тома) он пишет, например: "Если б Н⟨атали⟩ поняла, что она становится ниже самого простейшего существа, может самолюбие воскресило бы ее".

Особенно настойчиво обвиняют ее в эгоизме. Действительно в ней нередко проявляется неприятная "гипертрофия личного"[19]. Черта эта еще более осложнялась помещичьими традициями. В юности Наталья Алексеевна бравировала презрением к ним, но за границей они в ней то и дело проявлялись, образуя причудливый контраст с революционными идеалами Герцена, а также с упрощенным, неустроенным бытом Огарева. "Помещичьи привычки", в частности, при воспитании Лизы, приобрели поистине катастрофический характер, причем Наталья Алексеевна все приносила в жертву своему стремлению всячески ублажать собственных детей. Поступая так, она сознавала, впрочем, что сама портит жизнь своей старшей дочери. Именно об этом говорила она сама[20]. Известно, что после самоубийства Лизы, в 1875 г., Тучкова-Огарева с трезвым пониманием своей вины признала себя столь же "преступной", как Ш. Летурно, из-за которого и решилась на страшный шаг Лиза[21].

Герцен доходит до того, что говорит о "патологическом состоянии" своей второй жены. Он уверен, что она сознательно культивирует в себе мрачное состояние духа. Живя в постоянном ожидании кары, Наталья Алексеевна не отрешается от траурных настроений, не снимает с себя черного платья. Веселый нрав и оптимистическое восприятие жизни ей не были присущи и до ее переезда в Англию. Она отдавала себе полный отчет в "ошибке", которой являлся ее союз и с Огаревым. При виде того, как он злоупотребляет алкоголем и какой уединенный образ жизни ведет, она испытывает "унижение" и "пытку". К неудовлетворенности прошлым присоединилось и сознание краха своей связи с Герценом. Мученически страдая, она стала жаждать смерти, являвшейся для нее постоянным искушением еще до того, как ее сразила гибель детей-близнецов (см., например, письмо от 16 ноября 1864 г., предшествовавшее их смертельному заболеванию). Известно, что мысли о самоубийстве приходили ей в голову с первого же года ее совместной жизни с Герценом[22].

Огарев, без сомнения, был прав, когда писал, что его бывшая жена совершенно неспособна быть счастливой и что ему в свое время следовало бы воспрепятствовать ее сближению с Герценом, ибо в удачу этого союза он и тогда не верил[23]. Его исключительно резкому суждению о Наталье Алексеевне (в августе 1874 г.)[24] впоследствии будут вторить и не менее жесткие, но все же заслуженные, вероятно, приговоры его биографов.

После мучительной смерти от дифтерии малолетних детей-близнецов Натальи Алексеевны она "ранена насмерть"[25]. Ее трагическая настроенность еще более усиливается, и мысль о смерти все сильней и сильней овладевает ею[26]. Три публикуемых нами письма непосредственно связаны с этой драмой. Первое, от 14 декабря 1864 г., адресовано Герцену, два других, от 28 декабря того же года и 6 января 1865 г., предназначались для Огарева. В этих письмах вновь возникает чувство собственной вины, грызущее ее после страшного несчастья: зачем привезла она детей в Париж, где их ожидала смертельная болезнь? Если б Огарев сказал "хоть слово", повторяет она, то они были бы в живых... Наталья Алексеевна больше, чем когда-либо, верит в проклятье, тяготеющее над нею и над теми, кто ее окружает. Она ассоциирует себя с чудовищной судьбой, убившей ее детей, и завидует тем, кто полностью впал в безумие и жаждет присоединиться к своим близким в небытии, предчувствуя приближение новых несчастий. Не является ли смутным и в то же время роковым предвидением трагической судьбы Лизы утверждение Тучковой-Огаревой, что она в состоянии вынести все, лишь бы Лиза не умерла до нее?[27]

Особенно глубокое отчаяние вызывает у нее уход из жизни ее любимицы Лели, скончавшейся за несколько дней до своего брата-близнеца. В "Записках" она говорит о ней как о своем "усопшем счастье", "богатстве"[28]. В письме от 28 декабря 1864 г. Наталья Алексеевна находит еще более конкретные и впечатляющие образы. Леля-гёрл была ее звездой, вероятно, не без основания; в ней она видела особенно удавшуюся личность, как бы свою "сестру-близнеца". В течение несколько лет ей во сне будут являться ее умершие дети, особенно Леля-гёрл. Они будут вставать перед нею – то живые, то мертвые. В письме от 6 января 1865 г. она описывает одно из этих сновидений – признаки мелькающих возле нее близнецов. Сознавая,

что дети ее окончательно покинули, она в то же время дает себе слово никогда с ними больше не расставаться. Когда же сон ее "счастливее", говорит она в своих дневниковых записях, т.е. когда она вновь перед собой видит свою Лелю живой, то для нее это словно "молнии", освещающие ее "темную жизнь"[29]. Чаще, однако, ее посещают сновидения с более развернутыми, кошмарными подробностями, как, например, в ночь на 19 ноября 1866 г., когда она отправляется на поиски Лели и находит ее в сыром подвале, серьезною и грустною, со скрещенными руками и угасшими глазами. В другой раз она видит ее в гробу; девочка с трудом открывает глаза и говорит, что ей хорошо. Или еще чудовищный кошмар: она видит как погребальный катафалк расплющивает своими колесами гроб в одной из могил[30].

Испытывала ли Тучкова-Огарева хотя бы малейшее утешение от ума и исключительных дарований Лизы, заявившей В.И. Баксту по-французски: "Я хочу писать сказки для детей, потом я хочу переводить, вы поправите, и мы пошлем их *дяде* (т.е. Герцену), он напечатает у Чернецкого или в "Колоколе" то, что ему понравится" (п. 47)[31].

Герцен и Тучкова-Огарева ведут теперь кочевую жизнь. Их переписка оставляет ощущение непрерывной чехарды и неправдоподобной психологической игры в прятки. Считая свое положение безвыходным, Тучкова-Огарева живет в вечном ожидании пятого, последнего акта своей личной трагедии. К тому же, состояние здоровья Герцена резко ухудшается. Наталья Алексеевна замечает это, и ее охватывает тревога. В одном из своих писем к Огареву она касается этой темы: "Я хотела сказать тебе только, что здоровье Г(ерцена) меня беспокоит, – он теряет память, раздражителен, нервен – усталый" (п. 49).

После смерти Герцена "мир неизвестный" (посмертный) все более заселяется дорогими для Тучковой-Огаревой существами. Словно предчувствуя, что ее мрачные мысли могут оказать пагубное воздействие на судьбу Лизы, она живет теперь в предощущении близкой смерти своей дочери.

Нельзя обойти здесь молчанием многозначительное письмо Натальи Алексеевны к Огареву от 21 января 1872 г. Мотивируя свой настойчивый совет осторожностью и реализмом, Тучкова-Огарева производит резкий нажим на своего бывшего мужа. Опасаясь, как бы он снова не подпал под влияние Бакунина и нечаевских методов политической борьбы, она чуть ли не требует, чтобы бывший издатель "Колокола" полностью прекратил свою революционную и общественную деятельность, которую она рассматривает теперь как ошибку и донкихотство; она даже предлагает ему уехать из Женевы и совместно с нею и Лизой поселиться где-нибудь в другом месте (п. 58). Однако, возмущаясь тем, что Бакунин и, возможно, Огарев снова охвачены "нечаевским" революционным пылом, она не может не признаться все же, что Огарев и в последние годы своей жизни продолжает испытывать "жажду дела".

Публикуемые письма Тучковой-Огаревой, как и остальные, уже известные, представляют собой как бы фрагменты огромной исповеди и являются отголоском переживаний, отражением семейной трагедии, о которой с полным правом можно было бы сказать, что она имела столько же личный, сколько и социальный характер. Трагедия, назидательная в той же мере, в какой ее действующие лица – люди, явно стоящие выше обычного уровня, терзались противоречиями между словом и делом и не в состоянии были разрешить расхождения между желанием изменить социальные отношения и бессилием преодолеть в своей частной жизни прежние дворянско-помещичьи привычки. В этом она заметно отличалась от "новых людей" 1860-х годов[32]. Она лишь изредка отрывалась от своего "маленького мирка" семейной жизни, чтобы примкнуть к общественной деятельности (напомним, например, ее участие в манифестации в пользу Польши 21 июня 1864 г.) или к литературной жизни своих сотоварищей по эмиграции. К этому политическому и литературному миру она присоединится лишь впоследствии, ретроспективно, своим трудом переводчицы, издательницы произведений Герцена и мемуаристки.

Письма публикуются впервые по автографам *РГАЛИ*, ф. 129, оп. 1, ед. хр. 97, л. 18–19 и 20 (п. 1–2; процитированы и проаннотированы в *ЛЖГ* II, 288 и 338–339); ф. 359, оп. 1, ед. хр. 107, л. 16–17 об., л. 18–19, 20–20 об., 22–23 об. (п. 23, 30–32); *РГБ*, ф. 69.10.80 (п. 44), а также по автографам и ксерокопиям с автографов *IISG* (все остальные). Уже во время подготовки настоящей публикации в "Revue des Etudes Slaves", 1990, № 2 М. Мерво напечатал письма 5, 26, 39, 41, 42, 43, 44, 45, 53, 56, 57, 58, 61 и 62.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Письмо Таты Герцен к М.О. Гершензону от 17 мая 1914 г. (*АО*, 294). Ср. ниже в наст. разделе ее воспоминания о встрече с Татой в 1911 г.

[2] *АО*, 291.

[3] Там же, 262.

[4] Письмо к Огареву без даты (относится к лету 1860 г.). – *РП* IV, 234–235 и письмо к Герцену от 7 сентября 1860 г. (там же, 236–237).

[5] Об этом свидетельствует и п. 16, в котором Нат.Ал. пишет Огареву: "Об Г⟨ерцене⟩ что́ тебе сказать, – да, он очень поверхностно меня любит".

[6] Т.е. Герцена.

[7] Поэма Огарева "Настоящее и думы", 1863 ("Лит. наследство", т. 61, с. 640).

[8] Вяч. П о л о н с к и й. Семейная драма Герцена–Огаревых (*АО*, 9).

[9] Отрывки из воспоминаний Нат.Ал. (там же, 259).

[10] "Бедлам, или День из нашей жизни" (*РП* IV, 194–200). Л.Р. Ланский предлагает чтение (по автографу *IISG*) четырех не разобранных М.О. Гершензоном слов в 8-м явлении комедии (*РП* IV, 200, строка 22): *станет у меня и веселья*.

[11] Там же, 218–219; *Л* X, 347–350.

[12] См. письмо Огарева к Герцену от 2 сентября *1857* г. ("Лит. наследство", т. 39–40, с. 374; *ЛЖГ* II, 365).

[13] Сообщая Ольге, что Лиза – ее сестра, Герцен признавал, что секрет этот соблюдался вследствие "мелочных соображений, которые все портят", и намекнул на "ложное положение", являвшееся их результатом. Прежде он возражал против того, чтобы она называлась Герцен-Огарева (см. XXX, 131–133).

[14] Письмо к Герцену от 14 июня 1869 г. (*АО*, 66–67) и к сестре Елене Сатиной от 13 июля 1869 г. (там же, 68–69).

[15] Там же, 259.

[16] См., например, письмо от 9 августа 1859 г.

[17] Герцен также говорил об Огареве как о "маяке" в своем письме сыну от 14 июня 1862 г. (XXVII, 235).

[18] См. п. 35.

[19] В. П о л о н с к и й. Цит. статья (*АО*, 14).

[20] В письме к Герцену от 7 сентября 1860 г. Нат.Ал. соглашается с тем, что навеки испортила жизнь дочери (*РП* IV, 236). В письме к Огареву от октября 1860 г. она также признает, что действовала очень эгоистично, отдавая себя лишь Лизе (там же, с. 234).

[21] Письмо Нат.Ал. к Ш. Летурно от марта 1876 г. (*АО*, 237).

[22] *АО*, 266. См. также дневник Нат.Ал. 1857 г. (*РП* IV, 182 и 189).

[23] Письмо Огарева к Герцену 1860 г. (*Л* X, 350); см. также собственное свидетельство Нат.Ал. – "Моя исповедь" (*АО*, 264).

[24] См. *АО*, 100.

[25] Выражение М.О. Гершензона (там же, 289).

[26] В своих "Записках" 1869 г. Нат.Ал. настойчиво повторяет, что она погубила своих детей и что над нею совершается "медленная казнь" (там же, 253).

[27] *АО*, 252.

[28] Там же, 249–252.

[29] Там же, 253.

[30] Там же, 249–252.

[31] Без сомнения, Огарев передал Саше Герцену слова Лизы (20 января 1866 г. – см. выше письма Огарева к Саше) после этого письма. В письме от 14 января Герцен спрашивал Лизу: «Когда же ты мне напишешь в "Колокол" сказочку?»" (XXVIII, 142).

[32] См. упом. статью Вяч. Полонского (*АО*, 12).

1
ГЕРЦЕНУ

⟨Лондон, 29 или 30 мая 1856 г.⟩[1]

Я знаю, что ваше положение тяжелое, знаю, что я приехала поздно[2]; вы мне ответили, но я себе не простила; я вижу, что нельзя будет исполнить того, что она[3] хотела, и виноватых нет, кроме меня. Зачем скрывать перед вами, да, мне страшно тяжело смотреть издали на детей. Нечего и спрашивать вас, можем ли мы вынести для вас что-нибудь; конечно, мы должны это сделать, но надо вам сказать, что я ничего не жду от этого. Дети в разных руках будут еще дальше друг от друга, и не ждите, чтоб что-нибудь привело к развязке, будут тяжелые, учтивые, ревнивые отношения, и все тут. Мы друг другу не сделаем наружной неприятности. Я скажу вам все: когда я приехала, первые дня я думала, что она[4], действительно, всеми силами старается заменить детям незаметно мать; но, вглядываясь пристальнее, я увидала, что Тата совсем ⟨1 нрзб.⟩, я ни разу не видала ее ласки к Тате. Холодность, равнодушие ее вредили Тате, а я невольно буду отдалять ее еще более от М⟨ейзенбуг⟩. Обожание к Оле не менее вредно, я лично в этом уверена. Эта умная девочка находится в такой противуположности между вспыльчивостью и требовательностью m-lle Meils[5] и сенти-

ментальностью обожания m-lle M⟨eysenbug⟩, и вот что в ней по преимуществу развивается: самолюбие и хитрость, а иногда и дерзость к m-lle Meils.

Я думала сначала: ну, дети пристроены, коснуться до них страшно, они на хорошей дороге. Но теперь, ознакомившись, я вижу совсем другое, это желание отдалить Сашу, желание держать Тату и Олю далеко друг от друга; все это глубоко меня огорчило, и я вижу, что тут ничего не сделаешь[6].

Я не хотела вам говорить об одном, хотя и замечаю это уж более недели: Олиньку отдаляют от меня. С того дня, *как* я ходила ее укладывать, М⟨ейзенбуг⟩ сама ее отводит наверх, я это заметила, но не хотела позволить себе верить, что это делается нарочно; теперь с неделю, как Оля почти не хочет подойти, и два дня, как она отворачивается, когда я подхожу к ней. Раз мне это было так больно, что я видела на лице М⟨ейзенбуг⟩ смутное чувство сожаления или раскаяния. Вчера я это так ясно видела, что я не могла сидеть с вами и ушла на крыльцо. "Как же это сделалось?", думала я. Страшно и не хочется себе самой объяснять. Когда я предлагаю ей играть, нынче она не раз говорит, что не хочет; тогда как ни один ребенок этого не сделает, да и она ни разу прежде не делала. Не думайте, что это мелочи, да, это мелочи, но и будут иметь свое влиянье. Еще более убедилась я в этом вчера. M-lle F⟨omm⟩[7] сказала мне: "Как m-lle M⟨eysenbug⟩ боится, чтоб дети не отдалились, она так ревнует их". Вот я думаю: отчего было три праздника в одной неделе, это, конечно, для рассеянности Таты может, и слишком часто...

О⟨гарев⟩ находит, что лучше писать, а мне кажется, что лучше говорить. Вот что мне в голову пришло, если б вы мне позволили говорить с М⟨ейзенбуг⟩. Я бы ей сказала: "Как друг матери детей, я вам скажу откровенно: дети должны быть воспитаны одной непременно, можете ли вы переменить ваше отношение к Тате, быть с ней не как гувернантка?" – и тут я бы высказала, как я это понимаю: "Можете, так делайте это по совести, верьте, для детей я сумею принести самую страшную жертву: сознанье, что я ничего для них не сделала. – Не можете? так скажите просто и сделайте сами жертву обожаемому ребенку. С моей стороны, я знаю, нет выгод образованья, выгоды только семьи, национальности и, главное, память и любовь к матери. Этого она не может сделать, если б и хотела, это мне и больнее всего".

Вот что я думаю; что́ вы скажете, то будет сделано. Я знаю, что мы должны вместе дожить эту тяжелую жизнь, а между тем, дайте мне сказать, что́ на душе; глядеть вечно издали на детей с сознанием, что я ничего не исполнила, не знаю, хватит ли сил; уехать возможнее, я думаю. Вы не знаете, как письмо, в котором она звала меня[8], жжет мне сердце и теперь, когда я перечитываю его. Да, моя жизнь не тем тяжела, что много в ней было борьбы, а тем, что есть сознанье, что, кроме вреда, я ничего не сделала самим детям.

[1] Обоснование датировки см. в *ЛЖГ* II, 288.

[2] Нат.Ал. с Огаревым приехали в Лондон 6 апреля 1856 г.

[3] Жена Герцена Наталья Александровна, завещавшая воспитание ее детей своей ближайшей подруге, – Нат.Ал. (см. XXIV, 300).

[4] Мальвида Мейзенбуг.

[5] *Meils* (*Mils, Myls*) – горничная Герценов, незадолго до того уволенная.

[6] О конфликте между Нат.Ал. и Мейзенбуг из-за воспитания детей Герцена, закончившимся отъездом гувернантки из его дома, см. XXV, 350–355; *Мейзенбуг*, 350–351, *Тучкова-Огарева*, 104–105.

[7] Мария *Фомм* – бонна дочерей Герцена в Лондоне в 1852–1854 гг.

[8] Это письмо Н.А. Герцен (текст его неизвестен) упоминает Герцен в письме к М.К. Рейхель от 31 мая 1856 г. (см. XXV, 353).

2
ГЕРЦЕНУ

⟨Путней. 2 мая 1857 г.⟩

Сегодня страшный день для всех нас[1], по твоим рассказам и по тому, что с нами было, как мы получили письмо М⟨арьи⟩ К⟨аспаровны⟩[2], я понимаю, что́ было с тобой; в последнем письме она говорит: "Бедный мой Александр, хотелось бы жить для него, чтоб залечить мною сделанную рану"[3]. Больно, больно отзывают-

ся эти слова. Я бы хотела, по крайней мере, с ⟨се⟩годняшнего[23*] дня начать другую жизнь, установиться, успо⟨ко⟩иться[23*], еще более, с большей любовью отдаться детям; как иногда мне больно, как я вижу, что все, что я делаю для них, мало и недостаточно. Огарев может сказать тебе, что мы часто об этом говорим; он меня успокаивает и оправдывает, но он это делает потому, что слишком любит меня; он хотел бы, чтоб я ничем не мучилась.

Я не хочу оправдываться, но часто неровности моего ха⟨ра⟩ктера[23*] происходят оттого, что вдруг как-то страшно становится, одна мысль об Елене[4], или грустный взгляд Ог⟨арева⟩, или ты; зачем я не скрыла от тебя? Тебе, может, лучше было бы; прости мне эту требовательность, неудовлетворенье, иногда всего мало или, лучше сказать, так сильно сердце бьется, что больно не слышать полного ответа; но это минуты безумья, я могу ли сказать, почти их победила; наша жизнь вчетвером, о которой я так мечтала, не осуществилась вполне, мы остались трое, но я понимаю, что четвертый, отсутствующий может всегда быть с нами; в дни, когда я думаю о Natalie или перечитываю ее письмы, я становлюсь добрее, кротче, я лучше понимаю, чего она хотела от меня. Дай же руку и надейся, как и теперь, что с этого дня я хоть изломаю себя, но переменю то, что и тебе, и мне, и Огареву, и *ей* антипатично, не улыбайся, мне так нужно было тебе сказать, не только сказать, написать это, а если я не сдержу слова, так отойми эту руку, которая мне так нужна; что же еще вызвать на мою голо⟨ву⟩, кажется написать это страшнее ⟨...⟩[24*]

Н.А. ТУЧКОВА-ОГАРЕВА

Рисунок Таты Герцен (тушь, карандаш). Лондон, 18 июля 1859 г.

Российский государственный архив литературы и искусства, Москва

"Тата, которая всегда имела порядочный талант к рисованию, стала делать портреты (пока профили), очень хорошо" (Герцен – М.К. Рейхель 29 июля 1859 г.)

2 мая 1857

[1] Имеется в виду пятая годовщина смерти жены Герцена Натальи Александровны.

[2] Это письмо М.К. Рейхель к Огареву и Нат.Ал. с известием о смерти Н.А. Герцен до нас не дошло.

[3] Неточная цитата из письма Н.А. Герцен к Нат.Ал. от 21/9 марта 1852 г. (XXV, 289; см. *ЛЖГ* II, 77–78).

[4] *Елена* – Е.А. Сатина, сестра Нат.Ал.

23* Автограф поврежден. – *Ред.*

24* Конец письма поврежден и не читается. – *Ред.*

3
ОГАРЕВУ[25*]

⟨Середина 1857 г.?⟩[1]

И опять перечла твое письмо[2], и хотя многое больно и тяжело отозвалось на душе, однако многое справедливо; я плохо исполняю свой долг[3], я это очень хорошо чувствую, *тревожно* и *страстно*. Я буду работать над этим, насколько сил хватит, я с тобой совершенно согласна. Может быть, было бы честнее сказать тебе еще в Р⟨оссии⟩: "Долг велит ехать, но я всей душой принадлежу Тате[4], разлука с ней мне не по силам, *вечная разлука*, да и ей одной я могу быть полезной, потому что такая любовь – сила. Я этого не сделала, прости меня, и не говорим больше; все, что ты скажешь об детях, я готова всегда слушать и принимать все с благодарностью, хотя, может, в первую минуту и буду спорить...

Теперь вот об чем поговорим, и пусть это будет в последний раз. Ну да, я сознаю, что я полюбила его[5] страстно, это не могло быть спокойное чувство, потому что я все боялась за *нашу* жизнь, за *нашу* любовь, мне хотелось, чтоб ты совершенно понял и не разлюбил меня потом. У меня никого здесь нет родного, близкого, а тебе, может, я не должна бы говорить. Но, право, слушай же раз терпеливо, душа раскрыта перед тобой; если бы кто мне руку подал, выйти из болота прежде, чем все силы исчезнут. Я не знаю, неуважительно ⟨ли⟩ это бессилие и брожение, но что же делать? Несколько раз я начинала говорить с ним, но совершенно высказаться трудно, он не виноват, что не может иначе любить, я не виновата, что мне мало этого, да, по-моему, это хуже, чем если б он вовсе не любил меня. Я тебе так пишу без надежды, я чувствую, что ты не спасешь меня, вот отчего бы мне хотелось уехать на время[6], все бы изменилось, я бы лучше стала, друг мой, спокойнее; ведь внутренно я понимаю, даже то понимаю, что люди не лгут, если говорят с увлеченьем, но и истины тут нет, это как половина, но эта наука стоит страшно много.

Если *ты* не хочешь, я не уеду, конечно, но, кажется, это было бы лучше; видишь, чего я боюсь: если я здесь останусь и буду пробовать переделать нашу жизнь, я сделаю это как-нибудь неловко, неосторожно, судорожно, он заметит, будут объяснения. Принять все так, как оно есть, это ложь, по-моему, и сколько я ни буду пробовать, и стараться скрыть, все что-нибудь промелькнет; дай мне твою руку и поговорим об этом спокойно и на свободе... Только я тебе скажу, что если я буду продолжать жизнь, которую я теперь веду в этом недоверии, тревоге, я потеряю уваженье к себе. Кто виноват? не знаю. Может, он так уж создан и казался только иначе в минуты увлеченья; может, он больше меня любил и я сама все испортила, не знаю... Но теперь внутренняя жизнь наша некрасива; он просит, чтоб я не говорила беспрестанно о мелочах, но это не мелочи да и это будет наш последний разговор, покажи мне дорогу, и я протягиваю обе руки...[7]

На обороте:
P⟨ou⟩r Ogareff[26*]

[1] Приблизительная дата устанавливается условно по сходству с высказываниями Нат.Ал. в ее дневниковых записях и письмах, относящихся к этому времени (ср. *РП* IV, 157–163; *ЛЖГ* II, 346–354).

[2] Это письмо Огарева неизвестно.

[3] Предвидя свою близкую кончину, покойная жена Герцена неоднократно выражала желание, чтобы Нат.Ал. взяла на себя воспитание ее малолетних дочерей. В письме к сестре Елене Нат.Ал. писала: "Я не могу себе простить, что не приехала по ее зову, еще меньше бы я могла жить с мыслею (!), что она поручила детей и что я не исполнила ее воле (!)" (*РП* IV, 162). Запись в ее дневнике: "Одни слова и всё слова, из всего обещанного ей себе, ей, О⟨гареву⟩, ничего не исполнено, непростительная слабость, эгоизм, безумие, жажда еще чего-то" (там же, 169).

[4] *Тата* – здесь старшая дочь Герцена.

[5] Т.е. Герцена (ср. XXVI, 62–63).

[25*] Письма, адресованные одному Огареву, далее особо не оговариваются. – *Ред.*

[26*] Д⟨ля⟩ Огарева (*франц.*).

[6] Навязчивая мысль о необходимости возвратиться в Россию не покидала Нат.Ал. чуть ли не с самого ее переезда в Англию.

[7] Ответы Огарева на большинство писем Нат.Ал. неизвестны. Отдельные из них, появившиеся в печати или разысканные в архивохранилищах, по возможности, оговариваются. Письма Нат.Ал. к Огареву, как правило не имеющие дат, при мало варьирующемся содержании, трудно поддаются координации с письмами других ее корреспондентов и нередко датируются условно. Следует отметить одну важную ремарку в письме Нат. Ал. к Огареву от 21 июня 1864 г.: "Я вам пишу обоим всегда" (п. 39).

4
ФРАГМЕНТ

⟨Конец 1857 г.?⟩[1]

ты бы этого не сделал даже и с равнодушной женщиной, верь мне... я тебя знаю и ценю; может, всего мне больнее было в нашей постоянной тревоге то, что я теряла твою любовь и уважение, – раз, ходя по саду, мысль о самоубийстве мне[27*] представилась, я даже жертвовала присутствием Е⟨лены⟩ и папá, и тем вкусам, которым все должно подчиниться[2]... вынести твое неуваженье я не могу.

Друг мой, теперь я спокойна духом, поговорим; я знаю, что жизнь не останавливается, не возвращается, но будущее сколько-нибудь да принадлежит нам, устроим его спокойно, чтоб я могла умереть без страшных упреков и мучений; я знаю, что все зависит от меня... Я знаю, чтó меня точит; страсть, эгоизм, самолюбие и ревность – вот главные мои недостатки, от которых идут целые ветви. Друг мой, прости мне, что ко всему, чтó я тебе сделала, я прибавляю еще этот разговор, но взгляни, ведь я одна, кому же протянуть руки, попросить помощь и защиту против себя? О, если бы я была сильное существо! но этого нет.

Я думаю, что пока я не соберусь с силами сказать спокойно истину ⟨?⟩, не подчиню страсть разуменью, пониманью и не создам себе занятий, в которых буду винить всю прошлую деятельность свою; по характеру я деятельна, и я ничего не делаю? недоверие, слабость, лень, сосредоточенность на себе. Мы с Г⟨ерценом⟩ розно понимаем и[27*] от этого так долго и я не могу привыкнуть, он меня оскорбляет то жестокостью и суровостью, то холодом и сухостью. Я старалась переломить себя, но оттого, что внутри я не могу это принять, и выходят такие неровные отношенья.

Дай мне совет, я не пробовала пересоздать всё, ни силы, ни хладнокровия недоставало.

Послушай, не вини меня больше, я сама себя виню во всем, но как истинный и единственный друг скажи просто, чтó думаешь, – я ошиблась.

[1] Датируется приблизительно по упоминанию о зарождении у Нат.Ал. намерения покончить с собой (ср. ее дневниковую запись от 1 октября 1857 г.: "Тихо бродит в голове мысль о самоубийстве" – *РП* IV, 189).

[2] Имеются в виду вкусы Герцена (см. предисловие к наст. публикации).

5

⟨Лондон. 1857 – начало 1858 г.(?)⟩[1]

Бедный мой Огарев, ты нехотя наделал много вреда твоей драмой. *Он* сильно огорчен, потрясен, оскорблен, самолюбие его не может успокоиться, оно получило страшный удар[2]. А я, оскорбленная его невниманьем, платила ему тоже холодом и колкостями. Послушай, надо придумать, как залечить, загладить все это: научи меня. Ты сам будь внимательнее, сделаем из этих днéй истинное примирение.

Я говорила об отъезде – право, мне кажется, что я лишняя здесь, – с детьми я делаю постоянные ошибки, ты, amico[28*], и в дали не забудешь меня, Г⟨ерцен⟩ же сам говорит, что он отроду так не мучался, как нынче; за чем же дело стало?..[3]

[27*] Следующие пять слов стерты и читаются предположительно. – *Ред.*

[28*] друг (*итал.*).

Там[4] плачут обо мне, здесь я отравляю жизнь? не безумие ли это? Подумай и или благослови меня в путь, или полное, хорошее и окончательное примиренье и навек *трио*.

[1] Письмо, без сомнения, написано *до рождения Лизы*, появившейся на свет 4 сентября 1858 г.

[2] Речь идет об "эскиссе для комедии" Огарева "Бедлам, или День из нашей жизни", написанном в это время, в 1857–1858 гг. (*РП* IV, 194–200). Восемь сцен этого "эскисса", проникнутого грустным юмором, дают довольно безотрадную картину семейного быта Герцена. Огарев отмечал в этом сочинении от своего имени, что для него "любовно-враждебные отношения" между Герценом и Нат.Ал., людьми, которых он любит "больше всего на свете", выражающиеся в ежедневном "царапанье булавками", "делают предпочтительней гильотину" (*РП* IV, 199). Автограф "Бедлама" хранится в *IISG*.

[3] Нат.Ал. имеет в виду свой отъезд в Россию, которым она постоянно угрожала Герцену и Огареву в течение многих лет.

[4] *Там* – т.е. в России, где жили родители Нат.Ал., а также ее сестра Е.А. Сатина и племянники.

6

⟨1857 – начало 1858 г. ?⟩[1]

Долго я думала, говорить ли с тобой или нет; да нет, говорить я бы не могла, писать или не писать, тревожить ли тебя, имею ли я право тебя тревожить? Но я так много мучаюсь одна, не делясь ни с кем, ты посмотри вокруг меня, с кем же говорить? Елена так далека от меня, я не хочу нарушать ее спокойствие[2], здесь кто же у меня – Г⟨ерцена⟩ нет, он меня не может понять, а только испугается и станет хандрить. Много ночей прошло в тяжелых думах об тебе и Елене; мне вдруг так страшно становилось, мне казалось, что, может, я ее и не увижу более, а тебя я как будто лишилась живого, ты занят, я знаю, но я внутри себя чувству⟨ю⟩, что ты удаляешься; Боже мой, это не упрек, это последний мой призыв, последний крик, право усталой души; ты мне скажи – что сделать, чтоб я увидела опять тебя не счастливого, но более дорожащего жизнию, более близкого; послушай, дай руку и обещай одно: не говори мне, что я ошибаюсь, если в душе своей ты чувствуешь хоть каплю истины; этого я прошу, требываю ⟨!⟩, это ты можешь и должен сделать для меня, будь же совсем откровенен со мной, – я мало слышала твои слова все это время, мне это страшно больно, я хотела не говорить, выстрадать все втихомолку, мне даже казалось низко тебя тревожить, лишать свободы молчания. Я очень много думала обо всем все это время, я спокойнее, яснее вижу, я понимаю, что все могу сделать, лишь бы знать, чего бы ты хотел, одного я не принимаю, это твое⟨го⟩ совершенного равнодушия, да я ему и не верю еще вполне... Огарев, не шутя, страшно жить в таких бурях и опасениях, везде все грозит разрушением; сказать тебе все, иногда даже мне кажется, что и вы[3] меньше любите друг друга, только бы этого и недоставало; если я сумасшедшая и ничего этого нет, вылечи меня, заставь верить; если бы ты мог знать, как я иногда презираю и ненавижу себя; и эти противуположные обязанности, т.е. папá[4] и дети и Елена с ее детьми и ты и Г⟨ерцен⟩, с которым так часто бывают недоразуменья и в которого я не имею полной веры[29*] – элемент тревожный, страшное недоверие к нему, да, в этом я сознаюсь; оно объясняется его рассказами; тогда я поняла его прежнюю жизнь, я увидела, что он не может долго любить; не ценя себя, как Н⟨аташа⟩, я поняла, что меня он гораздо меньше любит; потом я не могу привыкнуть ни к его самолюбию, которое внутри не признает равенства; он не лжет, но это делается несознательно; не могу тоже привыкнуть к этим беспрестанным переходам то к буйной веселости, где он требует, чтоб следовали за ним, то к раскаянию в веселости, то к вечным расспросам о моем расположенье[5], то к вечным нравоученьям, деланным не как ровному, а как подвластному существу...

Тому шесть, семь месяцев я несколько раз в нем видела глубокое, серьезное чув-

---

29* *В автографе словом* веры, *после которого стоит точка, заканчивается абзац. Далее, до конца листа, примерно треть страницы осталась незаполненной. Воспроизводимым далее текстом, написанным без абзаца, начинается новая страница; он соединен нами с предыдущим исключительно по сходству содержания. Подчеркиваем здесь условность этого соединения. – Ред.*

ство, исполненное уваженья, – все это понемногу стерлось, жизнь наша страшно сузилась.

Что мне больно, обидно, это то, что я все так ясно вижу, я не имею сил твердо противустать течению, которое нас уносит в пошлый мир.

[1] Письмо соотносится с соседними письмами и "Бедламом" Огарева.

[2] Нат.Ал. нередко писала сестре о своих взаимоотношениях с Герценом и Огаревым, но писем этих не отсылала, так что и сестра и родители долго не знали, что Огарев перестал быть ее мужем, что она сошлась с Герценом. К Елене же обращены были и многие дневниковые записи, посвященные этому вопросу и ею не прочитанные.

[3] Т.е. Огарев и Герцен.

[4] А.А. Тучков.

[5] В "Бедламе" Огарев вышутил манеру Герцена настойчиво допытываться у Нат.Ал., какое у нее в данный момент настроение и не обижена ли она на него, Герцена (см. *РП* IV, 195–196). Позднее Огарев писал своему другу: "Видя ее и тебя, видя вас, я страдаю, как каторжный, это у меня отравляет каждый час..." (там же, 215).

7

⟨Вентнор.⟩ 26 июля 1859

Что ты поделываешь, Огарев? мы кое-как живем с Лизой – Г⟨ерцен⟩ обещал рассказать тебе, как она стала блажна[1], она видимо скучает здесь, саду нет, и общество очень ограничено, понимай во всех смыслах, потому что Дженни[2] страшная дурочка. Сегодня я ездила с Лизой и Дженни смотреть окрестности Вентнора, это прелесть – тут не мешает сказать, что у моря с Лизой бесполезно жить, – ей скучно, а мне нельзя ни на горы лазить, ни купаться так, как бы хотелось; сегодня я в первый раз выкупалась – отвыкла, что ли, или состарилась, а только волны так с ног и сшибают...

Ну что же сказать еще об Лизе? – в коляске она потребовала непременно сесть на козлы, ну я и села, и все это было только для того, чтоб говорить с кучером, а всего забавнее, что она его боялась, даже не хотела взять вожди ⟨!⟩ из его рук...

Смешнее всего было, когда Лиза увидала в первый раз детей на ослах – лицо ее так оживилось, что все останавливались перед нами, она махала руками детям и кричала (своим несчастным голосом, как говорит Г⟨ерцен⟩): "Тата! Тата!..". Бедняжка беспрестанно улыбается, хочет ползать сидя и валится на сторону, если клюется носом; она начинает ходить около стула, но ноги еще слабы; купается она очень дурно, только одну ногу ставит в ванну, а другую поднимает, как цыпляты на морозе. Я пробовала теплее воду брать, все равно – об няньке говорила с агентом, которому передала 10 *шил⟨лингов⟩* – надежды мало здесь найти кого-нибудь. Переезжать мне смерть не хочется, если б это внут⟨р⟩ь острова, я бы рада, а то домом ниже, домом выше, все равно. – Скажи Тате, что елегантные дамы так одеваются:

талия, как рюмочка.
рукава огромные.
двойная юбка.

27 ⟨июля⟩

Это письмо теперь старо[3], посылаю его, потому что некогда писать другого, это все одно и то же с письмом к Г⟨ерцену⟩[4]. Я сделала Лизин портрет и посылаю тебе его, хотя не очень удачен, но она смирно сидеть не может – что же делать?.. Подумайте и напишите, как мне быть, я бы хотела взять квартеру с маленьким садом, хотя бы и далеко от моря; или не съездить ли мне в Мец к m-lle Michel, или все, что хотите, придумайте, а я исполню[5] – дети[6], если и приедут сюда, я их очень мало буду видать, потому что я не могу идти на дальние прогулки, а им должно гулять, а то не стоит и приезжать, подумайте спокойно обо всем и напишите толком[7].

Прощай пока, Лиза сидит на моих коленях, писать очень неловко; если Кав⟨елин⟩ с вами[8], поклонись и ему.

Нянюшки здесь не найдешь.

Не сердись, что портрет дурен, – лучше ⟨Лиза⟩ не сидит.
Лиза читала сама письмо Г⟨ерцена⟩ и приговаривала: "Voilà, voilà"[30*].

[1] 22 июля 1859 г. Нат.Ал. с Лизой в сопровождении Герцена отправились в курортный городок Вентнор на острове Уайт (см. XXVI, 283). 27-го числа Герцен возвратился домой, т.к. ему предстояло встретиться с К.Д. Кавелиным, приехавшим на несколько дней в Лондон. Отъезд Герцена из Вентнора подробно описан Нат.Ал. в дневнике (см. *РП* IV, 206–207).

[2] *Дженни (Женни)* – горничная.

[3] Нат.Ал. подразумевает здесь, что интересующие Огарева подробности о ее жизни он узнает от Герцена, уже возвратившегося в Фулем.

[4] Письмо Нат.Ал. к Герцену от 26 июля неизвестно.

[5] Жизнь Нат.Ал. в Фулеме была омрачена постоянными конфликтами с девятилетней дочерью Герцена Ольгой. Чтобы разрядить обстановку, она собиралась уехать на некоторое время к своей старушке-гувернантке К. Мишель. Поездка эта состоялась только в сентябре 1860 г.

[6] Дочери Герцена – Тата и Ольга.

[7] 4 июля Тата писала брату: "Natalie в Ventnor'e, а Meysen⟨bug⟩ – у нас ⟨в Фулеме⟩, через несколько дней мы тоже туда отправимся, там будут Кошуты, Габо, Густи, Жюла, Чарли и Полюксина, общество веселое и шумное. Должно быть, ты туда к нам приедешь, а, впрочем, не знаю" (XXVI, 281). Судя по этому письму, еще в начале июля Нат.Ал. жила в Вентноре.

[8] Встреча К.Д. Кавелина с Герценом и Огаревым состоялась между 27 июля и 2 августа (см. *ЛЖГ* III, 61). Об отношении Нат.Ал. к Кавелину в более ранние годы см. выше в этом же разделе наст. книги.

8

⟨Вентнор.⟩ 27 ⟨июля 1859 г.⟩[1]

Я написала к тебе только что письмо и бросила его[2], всё не то – да нет, лучше молчать – лучше подождать. Мне ужасно хочется попробовать жить с детьми при miss Му, только мне кажется, что это было бы удобнее в Л⟨ондоне⟩, чем здесь, тут различная жизнь будет так нас разделять, что мы едва успеем видеться раз в день. Подумайте об этом и напишите, я сделаю добросовестный опыт и скажу вам откровенно, что́ думаю; если нет, то я поеду на континент, и там напишу в Р⟨оссию⟩, а там... да будет, зачем загадывать вперед; может, все пойдет хорошо; ты не знаешь, не хочешь понять, как мне больно отнимать у вас Лизу, вот отчего стихи твои так меня потрясли – в них видна вся твоя любовь к Лизе, и видно мне тоже, что я играю роль палача, увозя ее[3], – мне этого очень не хочется; стало, ты обеспечен, что если есть для меня малейшая возможность существовать в Фулеме[4], то я останусь, – если нельзя, зачем длить эту драму, которая уносит столько сил беспрерывными колебаньями то направо, то налево; я знаю, что я этому виной, но теперь положенье мое так сложно, что призадумаешься, а без опыта нельзя отвечать, я боюсь лжи в словах, в письмах, вот отчего я сначала не хотела вовсе писать да и теперь не даю себе воли.

Ну прощай, друг, за письмо тебя крепко благодарю, в нем много правды, и я над ним подумаю.

Твоя N.

Комнатки здесь не найдешь.

[1] Месяц и год устанавливаются по связи с другими "вентнорскими" письмами Нат.Ал. 1859 г.

[2] Письмо неизвестно.

[3] Имеется в виду стихотворение Огарева, озаглавленное "Лизе":

Дитя мое, тебя увозят вдаль...
Куда? Зачем? Что сделалось такое?
Зачем еще тяжелую печаль
Мне вносит в жизнь безумие людское?
Я так был рад, когда родилась ты!..
Чуть брезжил день... И детские черты,
И эта ночь, и это рассветанье –
Все врезалось в мое воспоминанье...

30* "Вот, вот" (*франц.*).

Вот скоро год слежу я за тобой, –
Как ты растешь, как стала улыбаться,
Как ищет слов неясный лепет твой
И стала мысль неясно пробиваться...
И есть чутье в сердечной глубине:
Ручонками ты тянешься ко мне
И узнаешь по силе сокровенной,
Что я твой друг радушный, неизменный.

И страшно мне: ну, будешь ты больна, –
Не я тебя утешу в час недуга...
Ну! ты умрешь?.. Нет! это призрак сна,
Безумный бред ненужного испуга...
Ты вырастешь! – Но нежный возраст твой,
Дитя мое, взлелеется не мной,
Не я вдохну тебе, целуя руки,
Ни первых слов, ни первых песен звуки.

Не я возьмусь при раннем блеске дня
Иль в лунный час спокойного мерцанья
Тебя учить, безмолвие храня,
Глубокому восторгу созерцанья.
Не я скажу, из букв как мысль сама
Выходит в книгу – летопись ума,
И вызову не я порыв свободной
К святой любви и жертве благородной.

И страшно мне: в мой передсмертный час
Не явится ко мне твой образ милый;
Улыбка уст и ясность детских глаз
Мелькнут, как скорбь, по памяти унылой...
Но решено: тебя увозят в даль...
Дитя мое, я утолю печаль
И детское спокойствие незнанья
Не возмущу тревогою страданья.

Стихотворение это в Большой серии библиотеки поэта (1956) датировано 1860 г. В комментарии там ошибочно указано, что Нат.Ал., "не выдержав тяжелой семейной обстановки", уехала из Лондона на континент с Лизой в *мае 1859 г.* (на самом деле – в последних числах мая 1860 г.). Лиза родилась 4 сентября 1858 г. Слова Огарева в стихотворении "Вот скоро год слежу я за тобой" свидетельствуют о том, что стихотворение написано летом 1859 г.

[4] В Фулеме Герцены и Огаревы жили с 24 ноября 1858 г. по 25 мая 1860 г.

9
ОГАРЕВУ И ГЕРЦЕНУ

⟨Вентнор. 1– 2 августа 1859 г.⟩[1]

Ответы ваши меня глубоко огорчили...[2]

Одиночество сделало все, что́ я ждала от него, – я перечла свои письмы, проверила все прошедшее и давнопрошедшее и могу сказать: мое мнение обо мне хуже вашего, я говорю это серьезно, с глубокой скорбью – спросите сами себя; если, действительно, как мне показалось, вам лучше без меня и вы страшитесь моего возвращенья, тогда я ворочусь поскорей в Л⟨ондон⟩ и переговорю с русским свящ⟨енником⟩[3]; я не могу и думать вернуться в Р⟨оссию⟩, не окрестивши Лизу, – выбирайте, друзья мои, что вам больше по сердцу, вы знаете, что у меня и там и здесь есть близкие, – и там и здесь я буду оплакивать дурную прошлую жизнь и стараться загладить в настоящем, да, я или умру или переменюсь, я не хочу, чтоб Лиза меня знала в этом цвете – нет, это было бы слишком больно...

Я думаю, К⟨авелин⟩ теперь уехал[4], неужели вы не могли бы приехать сюда оба хоть на один день? Мне жаль так долго мучить бедную Лизу, она-то чем виновата? Нянюшек здесь ни за что не найдешь...

Ваша N.

Вторник вечером

Не бойтесь огорчить меня вашей откровенностью – снявши голову, об волосах не тужат... Если б вы могли видеть, как истинно и печально я исповедуюсь вам, быть может, вы бы имели более веры, но я не прошу вас ни о чем, делайте, как вам думается, я все принимаю, только не разлуку с Лизой; нет никогда ни восьми, ни десяти лет, нет, это слишком жестоко – может быть, это единственное наказание, которое я считаю выше вин моих.

Ну прощайте, дайте ваши руки.

Ваша N.

Ог⟨арев⟩, пришли мою старую печать.

[1] Дата уточняется по ответу Герцена от 4 августа (см. XXVI, 285–286). Вторник (см. ниже) в первых числах августа приходился на 2-е число.

[2] Письма Герцена и Огарева, на которые отвечает Нат.Ал., до нас не дошли.

[3] У священника Нат.Ал. собиралась получить свидетельство о своем причащении и о крещении Лизы, без чего ехать на жительство в Россию было невозможно. Она предлагала Герцену и Огареву либо решительно изменить "атмосферу" в семье, либо согласиться на ее отъезд с дочерью в Россию.

[4] К.Д. Кавелин вернулся на континент около 3 августа.

10
ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ

⟨Вентнор. 3 августа 1859 г.⟩, Середа[1]

Мне кажется, что вы меня совсем забыли, – я не писала все это время, потому что вижу по вашим ответам, что вам не до меня, да и, право, жаль было вас расстроивать; по письмам Таты[2] я видела, что вы в постоянных пирах, веселы, как никогда не бывали[3], а тут вдруг я с своей вечной горестью, – но теперь К⟨авелин⟩, вероятно, уехал, поговоримте в последний раз, я бы очень желала вас видеть обоих до приезда детей... но не знаю, можете ли вы мне сделать такую жертву. Скоро Саша приедет, неужели вы бы не желали, чтоб все было покончено и решено до его приезда?[4] – я не понимаю, что вы думаете, Саша 15⟨-го⟩ приезжает, и дети сюда 10-го – ведь, верно, Г⟨ерцен⟩ хочет быть с Сашей? мне бы хотелось знать, как вы располагаете. Лизе немного нездоровится, я писала сама к Девилю[5]; надеюсь, он ответит – ничего важного нет...

Не знаю, как быть, Ог⟨арев⟩, ты говоришь; не ходи по солнцу, а здесь трудно гулять без этого – а дома Лизе скучно, саду нет – в cottage[31*] тоже саду не было, а далеко от Вентнора я боялась неудобств, мне и в Л⟨ондоне⟩ не хотелось бы жить совсем одной, мне бы хотелось знать, где мы все будем...

Тате – скучно – М⟨eysenbug⟩ не может обеих занять, да это и трудно. Пожалуйста, пишите, приедете вы или нет?[6]

Нянюшка мне необходима, Женни никуда не годится, не может ли Тата в "Таймсе" посмотреть и, если очень понравится, прислать?[7] – Мы живем очень мирно, но очень накладно иметь такую помощницу и никогда не бывать одной. Ну прощайте, ваши руки, очень больно жить au jour le jour[32*] – уж лучше что-нибудь – поставьте себя хотя на минуту в мое положенье... право, никому не желаю...

⟨*У смазанного текста*⟩:

Лиза запачкала.

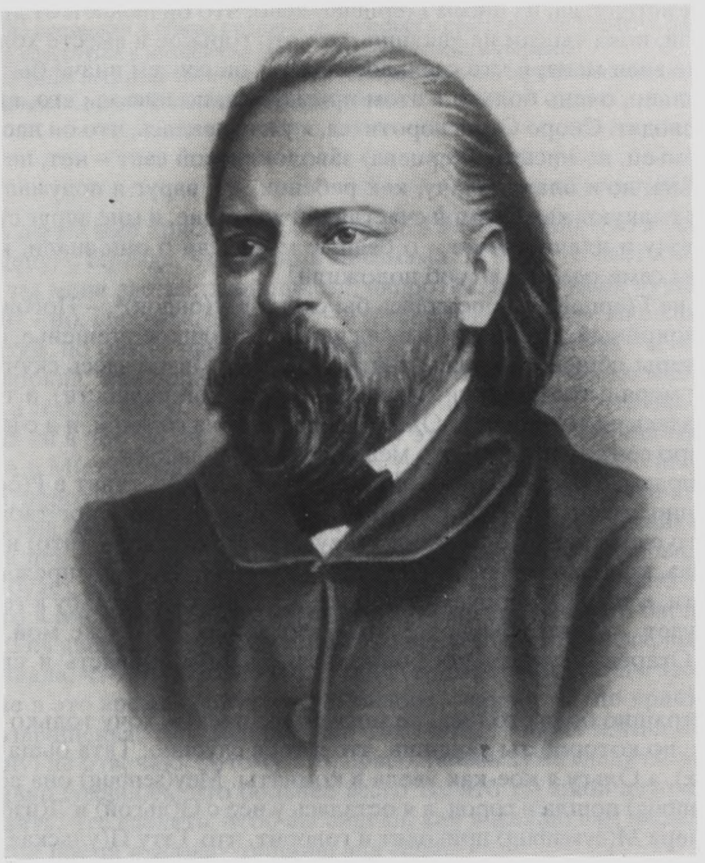
[1] Среда в начале августа 1859 г. приходилась на 3-е число.

[2] Эти письма Таты к Нат.Ал. неизвестны.

[3] Колкость была чрезвычайно болезненно воспринята Герценом. "Всю душу покрыла черная туча ⟨...⟩ – пишет он в ответном письме от 4 августа, сообщая о получении писем от Нат.Ал. – Тебе больно, что

31* загородном доме (*англ.*).

32* день за днем (*франц.*).



ГЕРЦЕН

Литография. С фотографии (Лондон, 1857)

Институт русской литературы РАН, С.-Петербург

"Хотя в это время ему было уже с лишком сорок пять лет, но его невысокая, плотная фигура поражала энергией и живостью, а красивая голова, с откинутыми назад длинными темнорусыми волосами и умными, выразительными глазами, с первого взгляда привлекала внимание ⟨...⟩ смотря на него, никто не подумал бы, сколько нравственных потрясений и горьких разочарований испытал этот человек" (А. Милюков. Знакомство с А.И. Герценом)

мы *пируем*. Как пируем? С кем? Увидевшись через 12 лет с последним русским другом. Как? – Сидя с ним втроем" (XXVI, 285).

[4] Нат.Ал. возвращается к вопросу о своем дальнейшем пребывании в семье Герцена, угрожая отъездом с Лизой в Россию.

[5] Переписка Нат.Ал. с семейным врачом А.-Ф. Девилем неизвестна.

[6] В ответ на эту настойчивую просьбу Огарев тотчас же отправился в Вентнор. Пробыть там он смог только считанные дни (см. след. письмо). Его вскоре сменил Герцен.

[7] Нат.Ал. просила Тату подыскать прислугу по объявлениям лондонской газеты "Times".

11

⟨Вентнор.⟩ 9 ав⟨густа⟩ 1859

Ты еще не доехал до Лондона, а я сажусь писать к тебе, Огарев, – это только для того, чтоб обмануть себя; вот мы опять будто сидим вместе на балконе да толкуем под шум моря; признайся, друг мой, ты сам не понял, что́ ты у меня отнял твоим отъездом, а я так поняла – опять та же пустота! Я эти дни не забуду; я знаю, придут еще в моей жизни страшные дни, и тогда еще рельефнее выступят эти четыре дня. Я вижу, что дружеское чувство в тебе опять воскресло[1], – зачем же, друг мой, ты пря-

чешь от меня истину; да, из писем Г⟨ерцена⟩ ясно, что он далек и от дружеского чувства[2]; друг мой, пока ты сам не увидишь, что это горькое и вместе холодное чувство не прошло, не зови меня; и что сделалось с ним? он совсем иначе был, когда провожал меня; больно, очень больно в этом признаться, но письмы его, кроме боли, ничего не производят. Скоро Саша воротится, я уж надеялась, что он нас застанет светлой, тихой семьей, но письмы Г⟨ерцена⟩ заволокли мой свет – нет, нет, Огарев, я не сентиментальна, но я плачу, плачу, как ребенок, – и вдруг я подумала, как они там дома обо мне толкуют как о самой счастливой женщине, и мне вдруг стало так смешно, что я хохочу и плачу вместе – о бедные мои, если б они знали, какая боль эта жизнь, они бы сами одели и в гроб положили[3]...

– Если б не Г⟨ерцен⟩, я воротилась бы скоро в Л⟨ондон⟩[4]. – Поговорить с тобой, видеть твой покойный, дружеский взгляд для меня великое утешенье, а здесь что́ мне делать, квартеры общей не можем найти, а детям с Лизой здесь скучно[5], им все хочется быть у моря с товарищами (я говорю без всякой ревности), а только Лиза не может быть здесь их товарищем. Ольга очень ласкова со мной, и я с ней; мы, кажется, будем скоро совсем друзья – это меня бесконечно радует...

Огарев, подумай обо мне серьезно, меня очень, очень тянет в Р⟨оссию⟩; что́ мне только страшно, это что если б ты умирал, я бы не стояла у ног твоих, не слыхала бы последнего слова теплого на земле – неужели ты скажешь, ⟨что⟩ и это сентиментальность, – да, конечно, может, я буду так счастлива, что умру прежде и не услышу о твоей смерти, а если? – Впрочем, вздор всё, я отдаю свою судьбу в твои руки, пусть будет, что́ будет... Может быть, все это заслуженно, но, Боже мой, как тяжело!.. Скажи мне, Огарев, неужель эта боль должна даром пропасть и ничего не искупить?..

У меня страшно болит голова, не могу более писать, хочу только рассказать тебе безделицу, по которой ты увидишь, что я тебя слушаю: Тата была у моря с детьми П⟨ульских⟩, а Ольгу я кое-как увела в комнаты. Меу⟨senbug⟩ она вовсе не слушается – М⟨eysenbug⟩ пошла в город, а я осталась у нее с О⟨льгой⟩ и Л⟨изой⟩. Около шести часов вечера М⟨eysenbug⟩ приходит и говорит, что Тату П⟨ульская⟩ взяла с собой чай пить и оттуда отошлют домой, – мне так непривычно и больно было, что Тата не прибежала сказать об этом, что я с трудом скрыла от М⟨eysenbug⟩[6]. Воротясь домой, я подумала: «А О⟨гарев⟩ бы сказал: "Это ревность"»; может, и в самом деле, не то лишняя требовательность. Вечером Тата забежала проститься, я ей ничем не показала...

Ну теперь прощай, друг, крепко тебя обнимаю, дай твою руку.

Твоя N.

Если можно, пришлите Лизе бульену. Еще недоразуменье – Тата отдала Г⟨ерцену⟩ портрет, посланный ш-lle М⟨eysenbug⟩ – поправь как-нибудь, скажи Г⟨ерцену⟩, что я никогда бы не смела послать ему свой портрет с Лизиным – я желаю, чтоб он знал, что я об этом не думала.

Мне кажется, что М⟨eysenbug⟩ догадывается, что что-то неладно, но я – ни слова – пусть своим умом доходит.

Лиза дружится с собакой[7].

[1] О своей встрече с Нат.Ал., еще находясь в Вентноре, Огарев писал Герцену 4 августа: "Надежды много, друг! так много, как я и не ожидал. Беру каждое жесткое слово назад. Наконец, я нашел опять то теплое, благородное и чистое существо, которое я знал прежде. Все усилия употреблю поддержать, поставить на настоящую высоту, на наш уровень – и надеюсь, может быть и верю. Прими эти строки к сердцу" ("Лит. наследство", т. 39-40, с. 376; ср. *ЛЖГ* III, 63).

[2] Из писем Герцена к Нат.Ал. за это время известно только одно – с припиской, обращенной к Огареву. В связи с недоброжелательным отношением Нат.Ал. к своему бывшему мужу Герцен пришел к выводу, что "семью придется разделить": "Где же обеты твои, где стремления спасти все?.. – писал он Нат.Ал. – Мне ужасно тяжело, до слез. Если б я не желал так сохранить вас всех, – я бы, разумеется, умел примириться со всем" (XXVI, 285; *ЛЖГ* III, 64).

[3] Родители Нат.Ал. – А.А. и Н.А. Тучковы, а также Сатины, по-видимому, не подозревали о сближении Нат.Ал. с Герценом и тем более о мучительном кризисе в их отношениях.

[4] Вероятно, Нат.Ал. имела здесь в виду предстоящее вскоре возвращение Герцена в Вентнор.

[5] Тата и Ольга были старше Лизы на четырнадцать и восемь лет.

[6] Все эти мелкие претензии и обиды страшно раздражали и расстраивали Герцена; он тщетно заклинал Нат.Ал. пореже спускаться в низменные сферы обывательских интересов.

[7] Собака Булей была подарена Лизе Огаревым. Позднее девочка шутливо называла *Булеем* самого Огарева, что он принимал, разумеется, без малейшей обиды.

12

⟨Вентнор. 12 августа 1859 г.⟩. Пятница[1]

Не можешь ли ты мне прислать мое письмо? я не понимаю, что в нем было враждебного Г⟨ерцену⟩[2]. Правда, что своими письмами он убил то светлое расположенье, в котором ты меня застал; твой приезд, напротив, делал меня лучше, добрее, я это чувствовала[3] – но, впрочем, друг мой, – я и теперь не впадаю, мне кажется, в мои старые недостатки, но между нами, как всегда, есть недоразуменья – и об Тате ты не понял, что́ я говорила: мне больно было видеть, что она ни в чем ко мне не относится, как прежде, а совсем не то, что ей весело с детьми, – я вижу, что она поняла, что более не должна ни в чем ко мне обращаться; ну это было больно сначала, какая же тут ревность... А к М⟨eysenbug⟩ не могу убивать ревность, потому что не чувствую ни малейшей[4]; она, вероятно, очень добрая, но я говорю, что думаю, что не сближусь с ней, потому что она мне несимпатична, но я ничуть не намерена удерживаться, если б почувствовала к ней симпатию; напротив, я была бы рада – но я уверена почти, что между нами не будет неприятностей; что касается до опыта, то трудно его здесь делать, потому что я очень мало вижу детей, тут и квартера немного бы помогла, потому что они все на дворе, Лизе тоже немногим веселее от их приезда, все это я предвидела, когда узнала, что П⟨ульские⟩ тут. Если Г⟨ерцен⟩ думает долго здесь пробыть, не лучше ли мне в это время вернуться в Л⟨ондон⟩ – право, ты, по крайней мере, не бойся моего возвращенья, ты увидишь, как тихо пойдет наша жизнь и как мало я требую. Г⟨ерцену⟩ не отвечаю, потому что, право, боюсь хуже сделать; все это очень печально, я наивно сознаюсь, что больнее всего то, что ты мной недоволен; если б ты мог мне указать, что сделать, чтоб вы видели, как я желаю вам на деле показать, что я уважаю ваш покой и жажду тишины для себя.

Письмы из Р⟨оссии⟩ очень теплые и дружеские[5], я отдохнула, читая их. Нет, моя любовь к Тате[6] не фантазия, это самый благородный ребенок – меня глубоко тронуло, как они провели мое рожденье; Ог⟨арев⟩, ведь я чувствую, что я не заслуживаю этой любви...

Ну прощай. Твоя N.

M-lle Michel пишет об портрете?[7] стало, сделать другой...

[1] Ответ на неизвестное письмо Огарева. Пятница в середине августа 1859 г. приходилась на 12-е число.

[2] Вероятно, речь идет о письме от 3 августа.

[3] Нат. Ал. 10 августа заявила в своей приписке к письму Таты Огареву о кратковременном пребывании его в Вентноре: "Очень благодарна ⟨...⟩ за эти дни, это лучшее во все годы" (*ЛЖГ* III, 64–65).

[4] См. пред. письмо. Огарев высказал уверенность, что недоброжелательное отношение Нат. Ал. к Мейзенбуг объясняется ее ревнивым чувством. В письме к Огареву от 19 августа Герцен замечал: "То чувство ревности, о котором ты часто говорил, обращено преимущественно на тебя – но только в очень благородной форме" (XVII, 289).

[5] Имеются в виду письма от родных Нат. Ал. из Пензенской губернии – ее родителей и сестры Елены.

[6] *Тата* – здесь Н.А. Сатина.

[7] Это письмо К. Мишель неизвестно. Речь, очевидно, идет посланном ей и пропавшем фотопортрете Герцена.

13

⟨Вентнор.⟩ 15 августа 1859

Ты ждешь ответа; стало, надо писать... Огарев, твое письмо мне сделало тяжелую боль[1], новую рану на старой, зачем это? – не знаю...

Ты как будто хочешь доказать, что я недобросовестна, шатка – если тебе так ка-

жется, то это потому, что мы зависим много от окружающего, сущность (fond) может остаться, но тени и полутени принадлежат к жизни, к случайности.

Я перед твоим приездом имела дни сильного стремленья к вам, я строила в своей голове целую чудную жизнь, работа шла быстро, мне виделось, как все забыто и мирно, как-то светло стало на душе, оттого я вас звала обоих, но ведь такие минуты не могут быть вызваны насильно – письмы Г⟨ерцена⟩ подействовали на меня, как холодная вода на разгорячившихся людей, – ты недоволен тем, что я откровенна, сущность осталась одна и та же, но обстановка другая...

Я и теперь протягиваю вам руки на опыт; мне так хочется, чтоб ничего *дурного не пало* на вашу жизнь, что я все-таки *надеюсь*, но правда, что я предлагаю опыт печально и серьезно, но не светло, недоверие (может, справедливое, но неуместное, потому что возобновление человека без веры – трудный, почти недосягаемый подвиг) – недоверие это убило мой свет. Попробуемте без веры, но с терпеньем; одного прошу: говорите со мной в случае ошибок терпеливо и наедине...

Что же я могу сказать добросовестнее, Огарев? подумай сам, чего же еще можно требовать от меня? пожалуйста, отвечай, чтоб я хоть знала, как ты понял мое письмо...

Я говорила об возвращенье не для того, чтоб сердить Г⟨ерцена⟩, а потому, что я все равно детей не вижу, а Лизе с их приезда еще скучнее быть одной... потом у Лизы пятый зуб выходит, грудь моя не заживает, пора ей нянюшку найти; может, придется ее отнимать скоро – а надо так много времени, чтоб найти, чтоб приучить ребенка, но, впрочем, я более не бунтую ни против чего; коли нужно – потерпим.

Ну прощай, друг мой – мне надо писать в Р⟨оссию⟩, но я жду письма от тебя – ты говоришь, я должна его переписать?

Твоя N.

Оговорка, т.е. я не хочу, чтоб какая-нибудь туча шла от меня, боюсь, что дурно выразилась и ты не поймешь меня[2].

[1] Письмо Огарева, на которое отвечает Нат. Ал., неизвестно.

[2] Ответ Огарева (приписка, обращенная к Нат. Ал. в письме к Герцену от 17 августа) см. в "Лит. наследстве", т. 39-40, с. 375.

14

⟨Вентнор. 18 августа 1859 г.⟩[1]

Г⟨ерцен⟩ в рассеянности запечатал письмо к тебе[2], поэтому я пишу особо. Мы встретились, кажется, дружески, почти светло – я для детей натянула веселость, так что оно даже делается очень натурально; верно, я просто обрадовалась им... я писала вчера и недописала[3] – теперь здесь регата – Лиза с детьми внизу, у меня голова болит от духоты, так что я еще глупее. Сегодня я получила твое письмо[4] – пожалуйста, друг мой, потерпи, не пугай меня, потому что я сильно надеюсь – только хотелось бы, чтоб ты приехал, – тебя недостает; Саше я очень, очень обрадовалась. Не понимаю, как здесь почта долго ходит, я писала ⟨в⟩ воскресенье вечером[5]...

Ну прощай, еду к Лизе – она такая нынче веселая[6].

[1] Дата устанавливается по связи с письмом Герцена (приехавшего в Вентнор 16 августа) к Огареву от 18 августа. В нем он между прочим сообщал о Нат. Ал.: "Разговоров у нас было не много, – есть тень раскаяния или неудовольствия собой, есть, пожалуй, и надежды; вообще все шло кротко и тепло; но одно останется неизменно: ни Nat⟨alie⟩, ни Мейзен⟨буг⟩ не могут, никогда не научатся воспитывать детей. Все делают они, чтоб их портить. – Это истинное несчастие, и не придумаю, что́ делать ⟨...⟩ Я думаю, что мир и гармония между нами водворятся, да, почти уверен в этом, – но на детском вопросе может все срезаться. Полагай всю веру на меня, на мое искреннее желание излечить N⟨atalie⟩ ⟨...⟩ Как теперь идет дело – может много хорошего выйти" (XXVI, 287). И на следующий день: "Она меня приняла кротко, и все разговоры были мягки; таким языком я могу говорить и могу слушать всё. Думаю я, что ей очень хотелось бы поправить отношение к детям... но (как я писал вчера) тут я сомневаюсь и в способности, и в силе обуздания – демоническое начало не умерло, а спит..." (с. 288).

[2] Письмо Герцена от 18 августа (см. XXVI, 287).

[3] Это письмо Нат. Ал. от 17 августа остается неизвестным.

[4] Вероятно, имеется в виду приписка Огарева к письму от 17 августа: "Кажется, моя Наташа, у тебя светлей на сердце. Тебе хотелось бы, чтоб и я приехал. И мне бы хотелось, но я думаю, что нам лучше всем съехаться в Лондоне. Право, работы гибель; нельзя разъезжать. Мне случается работать от 10 час⟨ов⟩ утра до 7 вечера, и все не поспеваешь. Статья, а тут три корректуры подъехали, насилу справился. О собственной работе (стихоплетной) и думать нечего. Вместо того, чтоб приехать мне, присылай мне Герцена, он для "Колокола" неизбежен. А порешим оный вопрос, может и рассудим съездить в Вентнор. Посмотрим. Пока об одном сплю и вижу – чтоб в твоем сердце был мир любви и в твоем уме – ясное и спокойное и теплое понимание людей, детей и вещей..." ("Лит. наследство", т. 39-40, с. 375).

[5] Воскресенье приходилось на 14-е число.

[6] В этот день Нат. Ал. с детьми переезжала в Melbourne House, Лиза, по-видимому, в нем уже находилась. В письме к Огареву Герцен сообщил, что дочери умоляют его подольше оставаться в Вентноре (см. XXVI, 287). Он возвратился в Фулем 22 августа (см. XXIV, 288–289).

15

⟨Вентнор. 24 августа 1859 г.⟩[1]

Середа вечер. День был без числа[33*]

Опять с тобой говорить хочется, Огарев, и в то же время хочется написать вам о детях – они спорят немного, но я очень кротко останавливаю их... Тата очень занята детьми П⟨ульских⟩ и Кошут⟨ов⟩, Ольга все жмется ко мне – здесь она очень мила, почти не шалит и слушает меня – я показывала ей фонтан, от которого она была в восхищенье, – сегодня вечером Ольга, Мисси и Чарли ездили на ослах; Чарли ужасно смешит, потому что ужасно серьезен, – с П⟨ульских⟩ детьми я совсем на дружеской ноге, и Лиза их любит, но самого П⟨ульского⟩ и Т⟨ерезу⟩ видеть не может – это очень неприятно[2]. Сегодня Лиза сидела у моря с детьми и отбирала камни очень заботливо. Мне хотелось учредить обеды вместе – если Г⟨ерцен⟩ ничего против не имеет, я возьму Тату к себе с субботы, а М⟨альвида⟩ возьмет О⟨льгу⟩ – стало, вместо 2 л⟨ивров⟩ будем платить 10 шил. в Pelham House[3]. Узнай у Г⟨ерцена⟩ и напиши, а то деньги здесь, как вода, – дети каждый день поутру приходили вместе чай пить, но не знаю, что будет завтра, потому что М⟨альвида⟩ не совсем здорова – выкупалась и захворала (немецкая натура, не выдержала) – род холеры... я ей послала все, что ей нужно было, и, разумеется, сама у нее была, она мне велела сказать, чтоб я об детях не беспокоилась и вниз бы не ходила – но я все-таки пошла и увидала, что Ольга все еще бегает, хотя М⟨альвида⟩ давно ей велела воротиться – ну я загнала ее домой – она уверяет, что в Pelham House гораздо скучнее, чем у меня. Отчего же? говорю я. "Меньше видно море, да Булей". Булей живет очень умно, иногда лижет Лизе лицо или руки, кусает слегка, но она не плачет, а только прячется или отворачивается, а иногда очень долго с ним говорит и подносит мячик к его носу, но взять не позволяет – мячик ее любимая игрушка – она ему радуется каждый день поутру. – С Женни мы друзья, но она с каждым днем становится ленивее, я думаю, ей вентнорская пища впрок идет, и она отяжелела...

М⟨агу⟩ очень добрая девушка, но забавно на нее смотреть, у нее какое-то беспокойство в ногах, она тысячу раз, без всякой причины, бегает вниз, опять на гору, опять под гору, я на нее смотрю, и у меня ноги начинают уставать, а с детьми она очень смешна, она терпелива только с Ольгой, на П⟨ульских⟩ она просто сердится, но все это ни к чему не ведет, потому что никто ее не слушается. – Мне кажется, что мы с ней никогда не будем спорить, – и кажется, что более не сблизимся, хотя я ничего, кроме хорошего, не чувствую к ней, – но так мне кажется; тут где-то между нами точка, вот и все...

Деньги бегут, хотя я ни на что не трачу, кроме пищи; если хозяйка попросит за две недели деньги, то не знаю, что делать; я, как Мюллер[4]... По вечерам я так же одинока, могу с тобой болтать, сегодня месячный вечер был – славно на море – зачем тебя тут не было, мне совестно, как будто я это украла у тебя. Два дня не было солнца, и моей голове легче стало – хотя все-таки болит. Лиза очень блажна, зубы,

[33*] Вероятно, приписано позднее. – *Ред.*

что ли, не знаю, понос продолжается совсем зеленый. Лиза сама просится, – когда судно тут, то ползет к нему сама и говорит: "Ча"...

Вот тебе все известия об нас, что-то у вас делается, что Г⟨ерцена⟩ нездоровье? что нового? Пиши об квартере, мне надо знать, для меня совершенно все равно...

Прощай, дай твою руку.

Твоя N.

Я детям совсем не нужна здесь, в особенности Тате, но я боюсь Г⟨ерцена⟩ и потому не могу решиться воротиться.

[1] Дата устанавливается исходя из следующих соображений: публикуемое письмо является непосредственным продолжением уже опубликованного письма от 22–23 августа 1859 г., написанного в "понедельник и вторник" (*РП* IV, 269–271; ср. *ЛЖГ* III, 68). Оно помечено средой, следовательно, написано 24 августа. В дневниковых записях Т. Пульской указано, что 25 числа "Герцены уехали в Лондон". По-видимому, все проекты совместной жизни в Вентноре сошли на нет из-за раздора Нат. Ал. с Мейзенбуг. 22 августа Мейзенбуг пришла к Пульской проститься в связи с отъездом в Истбурн, объясняя свой отъезд тем, что "не может ужиться с г-жой Огаревой". "Мне это понятно, как и то, что ей мучительно оторваться от семьи, – такую запись сделала Пульская в своем дневнике. – Но, конечно, *создавшееся* положение не радостно ⟨...⟩ Ранняя зрелость Александра, неуравновешенность доброй, ребячливой Таты, дикость бедной маленькой Ольги – все это говорит о нездоровой домашней обстановке" ("Лит. наследство", т. 64, с. 422). "*День был без числа*" – реминисценция из "Записок сумасшедшего" Гоголя: "Никоторого числа. День был без числа".

[2] Пульская так отозвалась в дневнике о посетившей ее 9 августа Нат. Ал.: "Смесь первобытной наивности и пустоты, но вряд ли зато недостает страстности!" ("Лит. наследство", т. 64, с. 422).

[3] *Pelham House* (или *Pelhouse*; см. XXVI, 287) – дом, в который переехала Мейзенбуг с Ольгой.

[4] Нат. Ал. сравнивает себя с впавшим в нищету Г. Мюллером-Стрюбингом, которому Герцен в "Былом и думах" уделил несколько замечательных страниц (см. XI, 168–177).

16

⟨Конец 1859 г. (?)⟩[1]

Нет, Огарев, ты не понял меня[2], я знаю твой взгляд на вещи, я прощенья прошу только в том, что внесла в твою жизнь столько смут и тревог, – я ни о чем другом не говорю – быть может, все к лучшему для тебя, я виновата перед собой и перед Лизой – я говорю без фраз, что, если бы не Лиза, лучше бы все кончилось, да ты взгляни на меня без arrière-pensée[34*] – неужели ты не видишь, как я одинока и чужда всему?.. Я принимаю твои советы и упреки насчет детей с горячей благодарностью[3], но я отказываюсь от всего, потому что я не могу выносить обращенья Г⟨ерцена⟩ со мной, но не привыкну к нему; я не верю, чтоб оно могло измениться, так можно поступать с ребенком, а если между большими закрался такой холод, полный неуваженья, так едва ли можно вернуться к чему-нибудь другому; позволь мне ехать куда бы то ни было, мне везде будет лучше, чем здесь; я живу здесь одними мученьями; наконец, я должна спешить для Лизы, физические силы стали уступать; одно, что меня поддерживало, это сон, эти последние дни я почти не сплю, неотвязчивые мысли беспрестанно лезут в голову; я знаю, что положенье мое безвыходно, и, право, нынче я ничего не желаю – кроме отъезда, хоть бы забыть все.

Я так отупела, что, признаюсь тебе, мне то больно, что я не увижу Елену, как будто судьба мне нарочно отказывает в этом последнем утешенье, что при мысли, что я, может, ⟨не⟩ увижу ее, мне так страшно и неловко, что я стараюсь не думать, – страшно это, но так я должна быть оставлена всеми, и случай и я мы оба постарались.

Когда я жалею о приезде в Лон⟨дон⟩, ты не должен иначе понимать, друг мой, я жалею эгоистически, *для себя*; мой эгоизм не доходит только до того, чтоб радоваться Лизе, – я слишком боюсь за ее будущее, слишком много туч над колыбелей ⟨!⟩ с самого дня рожденья... Мне очень хочется приехать сюда года через два, на короткое время, так, чтоб ты один знал о том, – пробыть несколько дней – и опять в

[34*] задней мысли (*франц.*).

путь – я бы хотела, чтоб ты меня видел покойную, без слез в глазах, без ненужных дум и терзаний.

Ты ошибаешься, когда думаешь, что я ищу мученья, – о нет. Лишь бы силы не изменили, ты увидишь, что я не буду искать мучений[4]...

[1] Датируется предположительно. Упоминание о Лизе свидетельствует о том, что письмо написано после осени 1858 г. С другой стороны, в 1859 г. Нат. Ал. стало известно, что сестра ее Елена, собиравшаяся с детьми и мужем за границу, в Лондон не поедет. Таким образом, можно думать, что публикуемое письмо и два следующих написаны между этими хронологическими рубежами. Заграничный паспорт Е.А. Сатиной был получен, по-видимому, в начале 1860 г. (см. XXVII, 46–47).

[2] Ответ на неизвестное письмо Огарева.

[3] Огарев постоянно упрекал Нат. Ал. в негуманном отношении к старшим дочерям Герцена.

[4] 30 сентября Огарев писал Герцену в Брюссель в связи с предположением, что для него, Огарева, все в жизни уже кончено: "Натали мне было бы жалче всего; она останется с внутренним ужасом; но едва ли без чего-нибудь необычайного можно поставить ее на тот путь благородства и сердечного понимания, к которому она была когда-то способна. Натали начала разговор. Нет! никакого успеха я не жду. Stub borness ⟨упрямая настойчивость (*англ.*)⟩ непобедимая. Больно мне невыразимо – и она не может понять, что и мне и тебе больно – не из вражды, а из любви ⟨...⟩ Я не знаю, выдержит ли Натали характер мира, о котором она говорит, считая наши отношения близкими к концу и, следовательно, желая кончить мирно ⟨...⟩ Натали без тебя с детьми гораздо лучше ⟨...⟩ Неужели ты ее сбиваешь с толку? ⟨...⟩Будь хладнокровен ⟨с ней⟩ и не говори ни йоты иронии. Посмотрим" (*РП* IV, 216–218; уточнение даты – *ЛЖГ* IV, 75); см. также *Л* X, 347–350.

17

⟨Начало 1860 г. (?)⟩[1]

Трудно отвечать на твое письмо, трудно решить задачу отъезда, а между тем с каждым днем я вижу более сама, что надо покончить все это[2]. Оставим в стороне мои личные отношенья, жизнь моя погублена безвозвратно мною самой, тут ничего не сделаешь да и жизнь-то уж на закате, не все ли равно? Я не оправдываю своего поведенья с детьми, я нетерпелива – да, я должна переломить это, но мое нетерпенье иногда растет оттого, что вы мне кажетесь несправедливы – серьезно, Ольгу нельзя сравнить с обыкновенными капризными детьми – конечно, это требует только большого терпенья[3]...

Насчет Таты ты ошибаешься, я никогда ни к кому ее не ревновала, и мне бы даже не хотелось ее так исключительно привязать к себе – потом, если я поеду в Р⟨оссию⟩, я не знаю, где я буду жить, – мне надо работать, не смейся, друг мой, мне легче трудиться над самой грубой работой, чем жить на счет тех, которые сами лишнего не имеют. Ты был единственный человек, от которого я привыкла все получать без всякой arrière-pensée...

Друг мой, дай тебя еще в одном вывести из заблужденья, ты говоришь, что ты иногда слишком пьян, но никого тем не огорчаешь, о, как ты ошибаешься, как сердце мое обливается кровью иногда, глядя на тебя, каких страшных предчувствий оно полно, как я понимаю тогда перемену в нашей жизни, какими тайными слезами выкупается мое молчанье, да лучше всего спроси Г⟨ерцена⟩, отчего мне так не хотелось, чтоб все ехали на свиданье с этим немцем, – я заметила, что ты уже много пил (Г⟨ерцен⟩ не заметил), я видела, что вы будете обедать, и по твоему расположенью поняла, что́ будет, вот почему я так желала, чтоб вы его выписали сюда на другой день – я Г⟨ерцену⟩ тогда говорила – спроси его[4].

Об Г⟨ерцене⟩ что тебе сказать – да, он очень поверхностно меня любит – это ясно, как день. Много дурного я делаю, много горечи и он влил в мою жизнь – перед ним я все сотру моим отъездом, но перед *могилой* нет[5]; но что же делать, – живя с детьми, я тоже не исполняю своего долга, *какое это холодное слово*. Я вижу, что я детям не нужна, вредна даже, а между тем я пятюсь перед отъездом, как перед дурным поступком, я боюсь...

Мне кажется, с другой стороны, что между мной и Г⟨ерценом⟩ что-то непроходимое легло, у нас обоих мало веры, это очень дурной признак – а ты, я тебя теряю во второй раз и гораздо серьезнее, потому что ты меня постоянно видишь в дурном свете – ты привыкаешь обо мне часто говорить с другим[6], это тоже признак дали –

я знаю, что это невольно, но копает бездну – пережить все это очень тяжело, одна надежда на смерть, я говорю это спокойно, не сердись и ты за это и не принимай за фразу – я устала, я потеряла веру в себя и в других – теперь уж поздно менять свою натуру, личные отношенья в моей жизни все-таки будут занимать первое место.

Если бы я поехала в Р⟨оссию⟩, то, конечно, я была бы свободнее, ребенок бы имел семью, мать, которая в сравненье со мной святая[7], а я бы могла выйти на свободу, если бы я имела довольно силы, чтоб объяснить все Елене; она бы поняла, что мне жить совсем не нужно – но видеть Елену с детьми здесь, право, это сверх сил – научи меня, как сделать, чтоб она не приехала[8], и вообще решай за меня все, что ты хочешь, я постараюсь исполнить. Когда ты, друг, и я были ближе, я была лучше.

[1] См. прим. 8.

[2] Нат. Ал. отвечает на неизвестное письмо Огарева, снова осудившего ее дурное обращение со старшими дочерьми Герцена и ее покойной подруги.

[3] После приезда из России Нат. Ал. увидела в Ольге многие достоинства и отзывалась о ней почти восторженно. Позднее она стала обвинять ее чуть ли не во всех смертных грехах, чем безмерно огорчала Герцена и Огарева.

[4] Никакими данными об эпизоде, рассказываемом Нат. Ал., мы не располагаем.

[5] Т.е. перед покойной женой Герцена.

[6] Вероятно, Нат. Ал. намекает на Герцена.

[7] Свою сестру Елену и ее семью Нат. Ал. в то время в нравственном отношении сильно идеализировала.

[8] Нат. Ал. опасалась, что сестра отгадает тайну ее семейной жизни. В неотправленном письме 1858 г. она писала Елене Алексеевне: "Ведь хорошо, что ты не приехала, Елена, мне было бы больно смотреть на тебя, с тобой молчание – ложь, преступленье ⟨...⟩ Но жаловаться нельзя, все зло от меня, им я умру" (*РП* IV, 201). Но в более позднем письме, также не отправленном, она замечала: "Главное, для чего я пишу, это чтоб умолять тебя приехать, мне нужно, *необходимо* увидеться с тобой. Да, друг мой, нельзя мне более ждать, я довольно была в разлуке с тобой; я никогда не хотела огорчать тебя, но пора сказать тебе, что в эти четыре года я настрадалась больше, чем во всю жизнь; знаю, что многое я вынесла поделом, но ведь это плохое утешение. – Мне необходимо увидаться с тобой, чтоб ты решила за меня многое, что для тебя яснее. В Р⟨оссию⟩ я боюсь ехать, но с тобой за границей прожить несколько лет страстно бы желала" (*РП* IV, 209 – где датировано 1859 г. – однако упоминание о четырех годах разлуки (а Нат. Ал. уехала из России весной 1856 г.) свидетельствует о том, что цитируемое письмо относится к 1860 г.

18

⟨Фулем.⟩ 25 mars[35*] ⟨1860⟩[1]

Часто я начинаю к тебе писать, но все не довольно покойно сердце – помни только, что все дурное, внесенное мною в твою жизнь, давит меня, как камень; может, тогда ты простишь... мне смертельно больно; если б не Лиза[2]...

Все это время я как будто переживаю все прошедшее; страшно, Огарев... Так много дурного накопилось... – а что всего больнее, это то, что я все это время тебе доставляла тяжелые дни, тебе – может быть, единственному человеку, смотревшему добродушно на меня несколько лет. Огарев, прости мне это, за ту боль, которую я чувствую; эта боль научила меня слушать хладнокровно о самоубийстве, минута храбрости и вечный никем не возмутимый покой; много есть привлекательного в этой мысли – но убить ребенка, полного жизни, это только можно в сумасшествии... Может, Лизе и лучше бы было без меня, но я боюсь, это не пошлая фраза: любовь матери ничем не заменима. К несчастью, я и на деле это видела. Вчера мы много говорили ⟨с Герценом⟩ об детях, я откровенно призналась, что Лиза меня многому научила, пробудивши чувство, ни с каким не сравнимое... И что же? И этот разговор только показал мне даль и, может, уж незаслуженную жесткость. Мои счеты с жизней ⟨!⟩ сделаны, мне нечего желать, желать бесплодно, лучше промолчать, прошлого не воротишь, будущего нет, одно желанье осталось в сердце... – куда-нибудь подальше от всего, некогда близкого... кругом тишина, одна Лиза – мой свет, мое примиренье – горькие слезы льются на эту маленькую головку, хоть бы ими вымолить ей хоть несколько светлых дней.

[35*] марта (*франц.*).

Быть может, через несколько лет мы увидимся спокойно, я все надеюсь, что, проживши несколько лет в совершенном одиночестве, окрепну, ведь и лета такие, что пора хладнокровно смотреть на все отношения, по крайней мере пора примириться с истиной и ничего несбыточного не требовать... И где бы я ни была, одно чувство со мной нераздельно; я вечно буду помнить, как благодетельно было твое влияние на меня[3]; не жалей, что ты был слишком мягок, ты был всемогущ надо мной (жесткость и холодной ум безвластны). Часто я сознаю правоту замечаний, но чувствую такую даль к тем, которые хотят холодно перестроивать чужую жизнь – да ведь до нее нельзя касаться без любви; в человеческих отношениях это единственная сила; как скоро об ней уж речь идет, так ее нет, и тогда нет влияния... Я слишком дорого за все это заплатила, но зато я обеспечена, симпатии, антипатии, влеченья сердца, увлеченья, все это не существует для меня – у меня ничуть не осталось веры ни в человеческие чувства, ни в человеческие слова – все ложь, вольная или невольная...

ЛИЗА ГЕРЦЕН

Фотография Франсиса. Лондон, 1862. На обороте – царственная надпись Н.А. Тучковой-Огаревой Н.Н. Сатиной: "17 апр⟨еля⟩ н⟨ового⟩ ст⟨иля⟩ 62. Вот тебе твоя Лиза, милая Таташа моя, – когда-то мы будем без портретов друг на друга смотреть ⟨...⟩"

Институт русской литературы РАН, С.-Петербург

Дай мне твою руку и послушай, я уеду отсюда и, когда почувствую себя совершенно очищенною от всех последних бурь, совершенно свободною от всякого неприятного чувства, тогда я приеду в Лонд⟨он⟩ хоть ненадолго; наконец, я тебя увижу, как сестра видит брата после долгой разлуки; я увижу наши ⟨!⟩ лицы, любящие и покойные, и опять оставлю этот неприветный край, в котором жизнь моя сломилась; я знаю, что это фраза, винить некого, но ведь там, где, например, совершилось убийство, стены не виноваты, а ведь больно на них смотреть; жаль мне больше всего Лизу, она без вины виновата; что б я ни делала, все последствия этой страшной жизни обрушатся на нее; может, я выкуплю это... ну, прощай, прости меня за это письмо, но мне так часто хотелось тебе написать, но руки опускались[4].

На обороте:
Огареву

[1] Год устанавливается по связи с упомянутым письмом о предстоящем отъезде Нат. Ал. на континент 30 мая 1860 г. Поездка решена была несколько раньше, но откладывалась (см. XXVII, 34 и далее; ср. *РП* IV, 280).

[2] *Если б не Лиза...* – Вероятно, намек на то, что только ради дочери Нат. Ал. не кончает жизнь самоубийством.

[3] Из дневника Нат. Ал. от 26 марта: "Прощай, Огарев, дай мне здесь не видимой никем, стать на колени перед тобой и прижать голову к твоим ногам – прощай, я не забуду семи счастливых лет, прожитых вместе" (*РП* IV, 208).

[4] Письмо написано, по-видимому, во время резкого обострения отношений между Герценом и Нат. Ал.

19

1 июня 1860. Кёлн

Вот мы и до Кёлна добрались – и все идет хорошо – Лиза мало блажит, только она слишком мало спала. Мы сегодня же выезжаем отсюда, будем ночевать в Мюндене, завтра выедем в двенадцать часов поутру, а в двенадцать вечером будем в Дрездене, так предполагаем, по крайней мере[1]. Я бы и здесь не хотела так долго быть, но хочется *оказать* Тате собор – Лиза очень устала, теперь спит...

Дела матерьяльные я веду лучше, чем думала, но, кажется, дорога больше стоит, чем Г⟨ерцен⟩ предполагал.

В Брюсселе 15 ф.

места – 75
до Ахена } до Ахена
вещи – 22

на таможне – 8

в Остенде

кофий – 8

от Ахена

места – 28

вещи – 10

кофий – 5

А что давала на водку, того не помню, пашпортов нигде не спрашивают...

На таможне у меня страшный талант явился – заплатила я раз за Тату по ее неосторожности[2], а теперь уж все мне верят, дают ключи и оставляют одну распоряжаться...

Лиза вспоминает вас всех, иногда говорит: "Дядя goes to cry, to cry to meet Emily"[36*]. Иногда говорит: "Ага хочется, мама..." всего же больше и даже со слезами просит Ольгу – а когда звонят, говорит: "A! Meysenbug" – и бежит к двери.

Русские голоса слышала я сегодня ночью и, не знаю почему, страшно обрадовалась им.

Голова кружится, и все кажется, что еще на пароходе... а все-таки что-то больно, как будто оторвалось что-то от сердца, – авось все переживется и мне хорошо будет, слыша, что ты покоен, тихо, кротко живешь. Много я внесла тревоги в твою жизнь, и это, верь мне, я не забуду...

Поклонись Г⟨ерцену⟩[3] и дай мне свою руку, дай мне ее крепко сжать; так крепко, чтоб хоть на минуту отлегло от сердца.

Ну прощай[4].

[1] 30 мая Нат. Ал. с Лизой, Татой и И. Турнер, приглашенной к Сатиным гувернанткой, выехали в Германию. До Дувра их провожали Герцен и Огарев. На следующий день, 31 мая, Нат. Ал. сообщала Огареву из Брюсселя: "Мы едем очень хорошо ⟨...⟩ Пасу свое стадо с любовью, все веселы, хотя устали" (приписка к письму Таты Герцен, адресованному Огареву, – см. ниже в наст. книге).

[2] Позднее Нат. Ал. вспоминала: "Мы доехали до Дрездена без особенных происшествий, за исключением того, что на какой-то таможне с нас взяли восемь франков штрафа за шелковую материю, которую Наташа Герцен везла в подарок какой-то родственнице своей бабушки, Луизы Ивановны; тогда я переложила иначе все вещи в Наташином чемодане, и после того мы благополучно достигли Дрездена, чему Наташа немало удивлялась: как более опытная путешественница, чем она, я не клала ничего подозрительного по краям чемодана, но в средину, а таможенные чиновники слишком ленивы, чтобы выбирать все до дна чемоданов" (*Тучкова-Огарева*, 161). См. также ниже письмо Таты к Герцену из Брюсселя от 31 мая.

[3] В письме к Нат. Ал. от 14 июня Герцен восклицал: "Протяни мне руку, братски-дружескую, – да, да, Натали, – надобно родиться в другую жизнь – совершенно другую, я сам за себя чувствую это" (XXVII, 65).

[4] Встреча с Рейхелями в Дрездене состоялась только в первых числах июня. "Долгонько вы едете", – не без укоризны заметил в одном из своих писем Герцен (XXVII, 59). В Дрездене, наконец, состоялось свидание с Сатиными. Оттуда Нат. Ал. с Лизой, сестрой и племянниками отправились в Гейдельберг, где они уединенно провели почти весь июль (см. XXVII,81; *РП* IV, 233; *Тучкова-Огарева*, 161–163).

[36*] кричит, кричит, чтобы встретили Эмилию (*англ.*).

20

⟨Бланкенберге. Около 25 августа 1860 г.⟩[1]

Я получила твое письмо в Гейдельберге – но что мне отвечать?[2] – переписка наша мучительна и бесполезна[3] – перечти мои письма; где я прошу вертеровской страсти[4]? нет, нет, Огарев, твоей иронии я не понимаю, да что за вздор, чтоб иронизировать всякое истинное чувство? Г⟨ерцен⟩ поступил откровенно, зачем же ты смеешься над моим откровением? – да, да, я его поняла, эти фразы симпатии, которые относятся ко всем, они мне недостаточны[5] – ну что ж? я постараюсь тоже изгладить прошедшее; может, не удастся так скоро, как ему; может, вовсе не удастся, – что за беда?

Я с любовью и истинным раскаянием протягивала вам руки, вы их оттолкнули – теперь, Огарев, laissez faire[37*], – пусть жизнь нас ведет с Лизой – в мире ни звездочки – тьма – ничего, или выплывем или погибнем, – во всяком случае, или случайно узнаешь, что нас не стало, прими эту весть без горести, мы лишние, жизнь нам готовит еще так много тяжелого, что грех жалеть, что они умерли, не выпивши всю чашу до дна...

Пожалуйста, скажи Саше, что я получила его письмо, не понимаю о каком свиданье он говорит; не отвечала только потому, что он в Лондоне...

Если можешь, вели отправить мне вещи, которые были уложены в Лиз⟨иной⟩ колязочке ⟨!⟩ (коляски не нужно), да еще голубое шерстяное одеяло – смерть холодно...

Я не буду писать, куда еду, потому что сама не знаю да и знать не хочу, придет время, уеду – в Америку ли, в Россию, не решу до минуты отъезда – я буду слишком далеко, чтоб приехать по твоему зову; итак, прощай, Огарев, старайся забыть все черное, вспоминай иногда ту Натали, которая бы умерла, если бы видела во сне ту Натали, которая пишет к тебе, – раз ты мне писал, чтоб я не думала, что ты желаешь почему-нибудь моего удаления; мне было так больно читать эти строки, написанные твоей рукой, что я вовсе не отвечала на них – глубоко я пала в твоих глазах – так глубоко, что и не встанешь, пожалуй, – да зачем вставать, надо бы лечь в могилу – не боюсь и предсмертной боли, так эта мысль заманчива, так в жизни много боли...

– Ну прощай, Огарев, пусть жизнь насколько может окружит тебя тихими радостями, пусть смерть без боли, тихо, как сон, наступит[6].

Твоя Н а т а л и[7]

[1] Приблизительная дата устанавливается по ответному письму Огарева от 28 августа (см. *РП* IV, 225–227). Нат. Ал. жила в это время вместе с Сатиными в Бланкенберге, где пользовалась морскими купаниями. День рождения Лизы (4 сентября) Нат. Ал. провела с Сатиными еще в этом городе. Ср. XXVII, 86.

[2] Судя по письму Герцена к М.К. Рейхель от 15 августа, Нат. Ал. и Сатины должны были находиться в Гейдельберге только до этого числа (см. XXVII, 88).

[3] Речь идет о не дошедших до нас письмах. 29 августа Огарев писал Герцену: "Подожду еще два, три письма ⟨от Нат. Ал.⟩: может, сам поеду, *мне надо* ее спасти, это моя потребность, может, моя обязанность" (*РП* IV, 231).

[4] В письме, на которое отвечает Нал. Ал., Огарев писал: "Ты думаешь, что я слово: вертеровское – употребил иронически. Не до иронии мне, Натали! Я его не иронически употребил, а просто для выражения тех страстей, которые хотят жизнь подчинить личному требованию. В них много раздраженной чувствительности, но нет правды; в них либо много откровенности (ведь можно убить человека из *откровенной* злобы), но нет искренности, т.е. подчинения своего чувства истине" (*РП* IV, 226).

[5] Около 14 июня Герцен послал письмо Нат. Ал., прося протянуть ему "братски-дружескую" руку: "Надо было родиться в жизнь" (XXVII, 65).

[6] Ср. *РП* IV, 223. Из Бланкенберге, после отъезда сестры с семейством, Нат. Ал. отправилась через Франкфурт в Мец для свидания со своей бывшей гувернанткой К. Мишель. Оттуда она поехала в Швейцарию.

[7] О получении письма (неизвестного нам) от Нат. Ал. Огарев сообщил Герцену 31 августа (см. *РП* IV, 232). Возможно, что речь идет о письме без даты в *РП* IV, 234–235. Неделей ранее он писал ему же: "Много надежд я положил на Натали; я видел в ней существо сильное и благородное; подчиняясь ей, я счи-

---

[37*] предоставьте события их собственному ходу (*франц.*).

тал ее ребенком, которого я воспитал; я верил, что этот ребенок изящен (...) Я теперь еще не могу отказаться от этой привязанности. Мне кажется, что все, что случается, – так только, болезненный припадок и она опять воскреснет (...) Мне кажется..., т.е. мне хотелось бы, чтоб это было так. Да, видно, так не будет" (там же, 228; *ЛЖГ* III, 140). Пересылая осенью одно из своих писем к Герцену (написанное летом в Гейдельберге), Нат. Ал. сопроводила его ламентацией: "Ах, Огарев, Огарев, неужели я в самом деле такая дурная женщина, что он меня разлюбил? неужели в самом деле мы с Лизой останемся навсегда одни?" (*РП* IV, 225).

21

⟨Бланкенберге. Около 1 сентября 1860 г.⟩[1]

Огарев, я не понимаю тебя, зачем тебе мой адрес?[2] – я не могу переписываться, я измучена – надо поправиться как-нибудь; мне надо жить, хотя, право, ничего в жизни слишком отрадного нет. Твои письма[3] – одни упреки и жесткие, горькие слова; моим словам вы не верите, дайте же времени ⟨!⟩ исцелить меня, – после года или двух мы можем изредка перекликаться. Г⟨ерцен⟩ беспощаден ко мне и к Лизе, – желаю только, чтоб, расставаясь с жизней ⟨!⟩, ему не было слишком больно, что он нас выбросил с Лизой из своего сердца, – что ж я могу сделать? – изменить то, что было, я не могу, а поправить вы не даете[4]...

Мы доехали до места нашего жительства, одни с Лизой – впрочем, надо сказать, что мы в чужих находим больше помощи и участия, чем в близких, – но это ничего; та, у которой ребенок есть, должна все делать, все жертвы приносить, а, кроме матери, кому горе?..

Лиза здорова теперь – если б было что-нибудь важное, я бы написала тебе, – а все-таки приехать ни мне, ни тебе нечего и думать, мы слишком далеко друг от друга.

Прощай, Огарев, умоляю, успокойся и не сердись – ты ничего не можешь для меня – жизнь наказала меня; но будет, оставим все это, надо силы, силы...

[1]Ответ на письмо Огарева от 28 августа (см. *РП* IV, 225–227). Этим и определяется приблизительная дата публикуемого письма.

[2]Нат. Ал., вероятно, откликается на заключительные строки письма Огарева: "Ты не пишешь, куда посылать вещи. Нужен твой адрес. Жду его и жду известий о Лизе – и хотя одного слова человеческого".

[3]См. прим. 1 к этому и пред. письму.

[4]В своем письме Огарев восклицал: "Чего я требовал от тебя? Жертвы для общего счастия или спокойствия? Эта жертва состояла в сосредоточении, в покаянии, в выдержке себя в уединении – и это бы спасло нас всех. Ты – видишь в этом, что я оттолкнул тебя. Г⟨ерцен⟩ писал тебе письма печальные и серьезные, строгие (austères), я читал их – ты сказала, что он отталкивает тебя. Ты говоришь, что в его письмах общая симпатия, как ко всякому, а не личная к тебе... Но симпатия ко всякому, с кем имеешь симпатию, вертится на каком-нибудь общем деле и решительно не составляет никакой личной связи. Тут, напротив того, стремление лично тебя, *тебя* привести к той точке, на которой союз был бы для нас всех – спасение, успокоение, сила в жизни. А ты говоришь, что Г⟨ерцен⟩ оттолкнул тебя. Напряженная оппозиция, которая развилась между вами в 4 года, потому что ты постоянно отхлестывала его по щекам во всем, что ему было близко и дорого, – в детях и в общей деятельности, – и рьяный отпор с его стороны, которым он тебя хлестал, не по тому, что тебе близко и дорого, а только по самолюбию, – эта оппозиция должна была улечься (...) Тебе просто не хотелось принести никакой жертвы – ни Лизе, ни мне, ни Г⟨ерцену⟩, а чтоб все далось легко (...) Всю мою любовь к тебе, всю мою нежность я перенес на Лизу. Ты у меня отнимаешь ее!.. За что? Ведь я ее люблю до безумия; если для меня лично, действительно, что-нибудь осталось светлым – это она (...) Во имя каких прав, гражданских и человеческих, ты хочешь так поступать? Во имя каких прав права и сердца?"

22

⟨Бланкенберге. Начало сентября 1860 г.⟩[1]

Слово клевета мне сделало страшную боль, Огарев, – а может, ты и прав – горе делает нас несправедливыми; может, я преувеличиваю, но все же я должна сказать: письмами Г⟨ерцена⟩ я очень недовольна[2], я и не понимаю, как ты это объясняешь, – вы вправе были, он в особенности, не поверить моей искренности, сказать: "Подождем, не вспышка ли это – я бы поняла это и сама приняла бы отсрочку с радостью – но Г⟨ерцена⟩ письмо намекает на то, что, когда мы и увидимся, мы уже ⟨будем⟩ не

мы, мы будем чужие, – это я не понимаю – если есть до того разнородные элементы, что они нам не позволяют быть тем, чем мы друг другу обещали, тогда зачем же говорить о будущем? – его нет и не будет, – отвечай мне, друг мой, проще, откровеннее, не бойся огорчать меня, в это последнее время я могла привыкнуть, кажется.

Весной, где б я ни была, папá приедет ко мне; что мне ему сказать? скрыть будет невозможно, когда он будет со мной; выдумать, солгать – противно; я его огорчала, но я не обманывала его до сих пор – я слишком его уважала; подумай и напиши мне, он стар и привык к мысли, что счастливее меня нет женщины; как он это вынесет, не знаю... Много, много на мне лежит тяжелых преступлений, кабы не Лиза, – да, может, я не буду иметь храбрость дождаться весны[3] – нет, это вздор – все вынесу – это так написалось необдуманно... Лиза страшно рада была игрушкам, даже гулять не хотела; Ан⟨ненкова⟩ она дичилась – а вечером рассказывала детям: "*Огарев*, *Сатин* приехал, русский дядя – с большой бородой и игрушки привез"[4]... Она, как сумасшедшая, вдруг ни с того ни сего говорит: "Mysenbug, Mysenbug" – и хохочет, как будто припоминает! Поблагодари всех за меня, я очень, очень тронута за Лизу, что вы не забыли ее рожденья. Кольцо буду беречь – за платье кого благодарить?..

Посылаю тебе старые письмы, которых не могла послать из Гейд⟨ельберга⟩, прочти и сожги – напомни Г⟨ерцену⟩ мою просьбу насчет моих писем[5] – не забудь сказать ему, что деньги эти тотчас вышлются[6]. Не забыл ли ты платья, скоро будет холодно, а я не намерена новых покупать... Пиши до девятого, если что нужно, после нас не будет... Не нужно ли Г⟨ерцену⟩ кому заплатить в Москве, можно бы из этих денег...

Я очень устала, Лиза простужена, плохо спит – еду одна совсем, не могла до сих пор никого найти, то мать, то брат не отпускает, ну что ж делать? надо безжалостно покоряться случаю...

Боже мой, Боже мой, никто из вас не знает, как страшно мне жить, думая, что я навек утратила вашу любовь, вашу веру; что же мне делать, чтоб встретить вас ⟨?⟩.

И чего Г⟨ерцен⟩ ждет от времени, как бы я ни изменилась, он уже никогда не воротится, я чувствую[7].

[1]Ответ на неизвестное письмо Огарева, привезенное П.В. Анненковым (см. прим. 4 и 7), чем определяется датировка.

[2]Эти письма Герцена до нас не дошли (ср. *РП* IV, 236–237).

[3]Возможно, намек на самоубийство как на выход из создавшегося положения.

[4]П.В. Анненков приехал в Бланкенберге из Лондона 4 сентября, в день рождения Лизы. По просьбе Герцена и Огарева он привез туда письма, а также подарки для Нат.Ал. и Лизы (см. XXVII, 899–900). "Мы вспоминали с Анненковым 1848 год, наше пребывание в Париже во время июньских дней; вспоминали и о тогдашних близких знакомых, о Наталье Александровне Герцен, которую он тоже очень любил и ценил, как я", – замечает Нат.Ал. в своих мемуарах (*Тучкова-Огарева*, 165–166).

[5]Нередкое упоминание в письмах Нат.Ал. к Герцену и Огареву о необходимости уничтожить ее письма к ним.

[6] Вероятно, речь идет о деньгах, которые Сатины передали ей в счет их долга, переведенного на имя Герцена.

[7]Возможно, что о получении именно этого письма упоминает Огарев в письме к Герцену от 19 сентября (см. *РП* IV, 244).

23

⟨Начало сентября (?) 1860 г.⟩[1]

Во мне все надо перестроить до дна – это без сомненья, и эту работу я сделаю, хотя бы оставалось жить очень немного, но, и совершивши ее, я не могу быть более членом вашей семьи, я не могу так быстро отрезать от себя то прошедшее, которое навеки отняло у меня все, что было от него, – оно запало в сердце с слишком большой болью, чтобы до могилы можно ⟨было⟩ это вырвать – заменить общим все личные чувства, как Г⟨ерцен⟩, я не могу. С этой минуты у Лизы никого нет – тот, кто не любит мать, не любит и ребенка... Мне страшно вспоминать об нашей жизни, если б ты знал, как мне бывает больно; как я не понимаю, что все могло так быть... Иску-

пление могло быть, но это не искус, это вечное изгнание, ни крова, ни семьи – ничего не будет у Лизы... ее мы приносим на жертву, она лишняя, нежданная, нежеланная, да, может, судьба пошлет нам тот приют, который никому не отказывают.

Ах, Огарев, друг мой, если ты знал это, зачем меня так долго мучить, – если б вы знали, что́ ваши письма делают со мной, Г⟨ерцена⟩ письмо я знаю почти наизусть и всё читаю, всё чего-то ищу – знаешь, так перечитываю, как о близком умершем, – должно быть, правда, не написали бы[2]...

Проси его от меня собрать все мои письма и прислать сюда до 15⟨-го⟩. Он сам не признает более нашего прошедшего, стало, оно должно быть выброшенным из его жизни – пусть же он очистится от него. Ах, как больно, как больно, что́ я сделала с собой? – ведь нам лучше не жить с Лизой? не правда ли? Ну что это за жизнь – я не уединенной жизни боюсь, я боюсь бесплодных мучений, боюсь того, что не удастся мне приобрести собственное уважение, не удастся детей Натали прижать к своему сердцу так, как бы мать должна... сейчас письмо Саши и Таты, это цветы на могиле – сколько отрады, грустной радости и умиленья – нет, это слишком, я чувствую, что я не сто́ю этого, – они будут на днях, еще светлый праздник в моей жизни. Одно горе, Лиза больна – ночи не спит до утра – ну что ж делать? Зачем, зачем Г⟨ерцен⟩ убил меня, зачем этот приговор? Дети называют себя моими детьми, а он, он не воротится.

О, Огарев, это слишком больно – неужели я это переживу – нет, нет, мы лишние, мы не должны жить...

[1]Приблизительная дата определяется связью с соседними письмами; о 15 сентября здесь говорится как о предстоящем дне.

[2]Эти письма Герцена не сохранились – как и другие за то время. В одном из них Нат.Ал. усмотрела намерение окончательно порвать с нею и согласиться на ее отъезд с дочерью в Россию.

24

⟨Мец(?). Около 12 сентября 1860 г.⟩[1]

Огарев, письмо твое, относящееся к Emily[2], было так несправедливо и оскорбительно, что я до сих пор не могла решиться тебе отвечать – надо ли возвращаться на это ничтожное и неприятное происшествие? – я спросила, что́ я ей должна, и на веру, без расписки послала ей деньги, которые она требовала; только что она их получила, она стала еще требовать, говоря, что сумеет получить их с вас, если я не заплачу, – спроси Г⟨ерцена⟩, и он знает, что не всегда кровь спокойна в таких случаях, – потом она получила все, что нужно на дорогу, и даже лишнее. Может, я написала тебе сгоряча, но вот факты – the matter drops[38*].

Я писала Г⟨ерцену⟩ об Тате, мне стало ее жаль, но, кажется, ей теперь там опять хорошо – итак, пусть себе поживет в Дрездене...

В нашу короткую разлуку я много думала, и, как всегда, издали лучше видят, то я и должна тебе сказать, что вижу свои ошибки, как на ладоне ⟨!⟩, и веры и надежды много было бы, когда б я могла думать, что Г⟨ерцен⟩ серьезно любит меня, без этой уверенности я не ступлю на английский берег, а он не может мне ее дать – вот для чего я говорила о прощении; прощение – это оставление прошедшего – это рука, светло поданная через прошлое, – если он не может обновить нашей жизни, для чего нам сходиться? если он не может слить меня и Лизу с его семьей, то пусть мы будем навсегда скиталицы – бедное дитя, сколько жизни и свету в ней, и на какую жизнь обрекается она... Я чувствую, что́ вы все для меня – но я боюсь; лучше жить вдали, чем пройти опять через старые горести – как Г⟨ерцен⟩ ошибался; он говорил, что эти волненья – это-то и жизнь для меня; каждый день я чувствую противуположное, я радуюсь тишине невозмутимой, в которой живу, – нет, нет, не хочу волнений, хочу тихой и прочной любви, а может, она прошла невозвратно, а может, это был бред, а ее никогда не было? пусть он напишет правду, правды я не боюсь, но жить шатко, право, сил нет – тогда я на что-нибудь решусь, а уж выдержу...

[38*] Вопрос исчерпан (*англ.*).

А теперь к тебе просьба, Огарев, ты маяк, который издали освещает мой путь, друг мой, не оскорбляй меня, не суди меня всегда так мелко и пóшло, не порть тот образ, перед которым я становлюсь на колени и плачу, сознавая, что то, что я потеряла, невозвратимо, незаменимо – даже Лиза не высушит слез моих... Обещай же мне, говоря правду, не говорить ее так, как ты привык в эти несчастные четыре года, – подумай, может, мы никогда не увидимся – а если б ты знал, как больно падают твои слова... Я измучена, Огарев, – мне бы хотелось слышать от вас что-нибудь, – я чувствую, что все бы могло идти превосходно, но надобно, чтоб было прочное основание; прости меня, но мне кажется, что Г⟨ерцен⟩ серьезно не смотрел на наш союз, так легко не расстаются люди близкие, я говорю легко, потому что С⟨атина⟩ поразило щастливое и беззаботное лицо Г⟨ерцена⟩... Пишите оба всю правду...

Кстати, мне предлагали русскую нянюшку, чего бы лучше, но я еще не решаюсь, потому что если ехать к вам, русскую, может, неловко нанять, зато если останусь на континенте, непременно возьму...

Мар⟨ья⟩ Алек⟨сандровна⟩ была два ⟨раза?⟩ – ее что-то влечет[39*] ⟨я⟩, нужно признаться, недовольна ею ⟨...⟩[39*], она утратила свою простоту – беспрестанно говорит об себе, о своем таланте, об душевных делах своих – она меня так мало знает, но, как кажется, она со всеми так же поступает – муж ее бесконечно жалок – что мне еще не понравилось, так это то, что она заучивает фразы; говорит мне и, когда я вышла, сестре точно то же, – например: "В Швальбахе эти дни погода серая, солнца не видно, писем от Ал⟨ександра⟩ Ив⟨ановича⟩ нет, точно в Р⟨оссии⟩". С⟨атин⟩ ужасно смеялся, заметя эти заученные фразы... Ей хочется создать себе роман, я останавливаю ее, потому что предчувствую, что и талант и она подвигается к пятому действию, если роман удастся, т.е. роман личный[3].

Ну пишите, просто, без злобы, без иронии, уж я и вовсе не смеюсь – Ирина Афанасьевна была у нас на несколько часов, спела мне песню Грановского, и я, как дура, расплакалась[4]... И Лиза полюбила Ир⟨ину⟩ Аф⟨анасьевну⟩, говорит: "Дай даму *Лала*".

Я забыла, что заказала вам копию Гран⟨овского⟩ бюста, он так хорош, что я не могла устоять, а сама не знаю, чтó стоит[5]...

Я дам тебе знать, когда доеду, но ты не скоро получишь известие – доехать не шутка...

Посылаю тебе письма, которые я писала к вам и не решалась отослать, прочти их и сожги – но сердце невозвратно потеряно – как ты можешь, друг мой, иметь столько надежд и желать (хоть со временем) мое возвращенье.

[1]Приблизительная дата определяется тем, что в предыдущих письмах Нат.Ал. еще не упоминает о своем отъезде из Бланкенберге, а 12 сентября она уже гостила у Каролины Мишель в Меце (см. *РП* IV, 237–239).

[2]*Emily* – вероятно, прислуга-англичанка. Письмо Огарева с упоминанием о ней и ее конфликте с Нат.Ал. неизвестно, так же, как письмо Нат.Ал., о котором она здесь упоминает.

[3]Писательница *М.А. Маркович* (*Марко Вовчок*) и ее муж *А.В. Маркович*. "Личный роман" ее, упоминаемый в письме, – с А.В. Пассеком (сыном Т.П. Пассек), действительно, сыграл роковую роль в жизни как его, так и его матери.

[4]И.А. Грекова, родственница Станкевичей, близкая знакомая Е.А. Сатиной, прекрасно пела. "Я любила слушать ее, особенно когда она пела страстные и грустные малороссийские песни, – вспоминала Нат.Ал. – Из всех этих мотивов меня поразила одна заунывная песня, начинающаяся словами: "Вы простите, мои детки". Это была любимая песня Тимофея Николаевича Грановского; в грустном, тяжелом настроении духа нельзя было дослушать ее до конца, так как она потрясала все фибры человеческого существа" (*Тучкова-Огарева*, 163).

[5]По-видимому, мраморный бюст работы скульптора Э.-Ф. Ричеля. Надо думать, Нат.Ал. не знала, что бюст был заказан самим Герценом через М.К. Рейхель еще летом 1859 г. (см. XXVI, 468) и получен им около 7 августа 1860 г. Герцен также находил, что бюст Ричеля, сделанный по фотографии, "очень хорош", но в письме к Рейхель он указал главные его недостатки (см. XXVII, 85).

[39*] Текст не поддается прочтению. – *Ред.*

25

⟨Лозанна. Конец сентября (?) 1860 г.⟩[1]

Огарев, я послала тебе письмо, писанное до твоего, и приписала только сбоку, потому что хотелось скорей послать, скорей получить ответ[2]...

Больно мне, потому что ты опять мной недоволен, – однако я все принимаю и все исполняю – ты дурно понял мое желанье жить одной в Лондоне и видеться только с тобой, это была уступка твоему недоверию и собственное сознанье, что мне рано еще встретиться с Г⟨ерценом⟩. Чем больше думаю, тем больше вижу, что ты прав; я очень искренно говорила, что не буду о себе думать, и до сих пор сдержала слово, но это такое свежее и внезапное решенье, что, может, оно бы не устояло... я рада теперь не ехать в Лонд⟨он⟩, лишь бы ты был здоров... Не загадываем вперед – пусть будет, что будет, – вот только что́ должно быть непременно: чтоб я с тобой встретилась где бы то ни было не дальше весны, это, может, единственное мое желанье, – второе, – чтоб дети забыли эту несчастную женщину, échappée de la maison des fous[40*], которая жила с ними последние годы, и чтоб они познакомились с другом их матери[3], которой, может, вечно будет далек от них, но всегда серьезно предан и любящ, – фраза Ольги режет сердце; бедный ребенок, я жду ее с страшным нетерпеньем, мне хочется поскорей сделать, чтоб она забыла ее – да, Огарев, перед ней я всего больше виновата – верь мне, ее письма вам докажут, люблю ли я ее[4]...

25 окт⟨ября⟩ кончается срок моей квартеры; что же мне делать? переехать ли в hôtel, но это будет очень дорого; остаться здесь тоже трудно; они захотят деньги за месяц – теперь хотя и скучно, но надо поговорить об матерьяльном; Г⟨ерцен⟩ запретил, а как же быть? у меня немного денег при всей моей экономии, а в Париже жизнь дорога́ – я все не понимаю, Мей⟨зенбуг⟩ будет ли жить у Шв⟨абе⟩ или одна – в последнем случае я очень рада с ней жить[5]...

Почему ты думаешь, что дружба моя с Сашей основана на одной оппозиции, о нет, друг мой, он вошел уже в тот возраст, когда дружба с старшей женщиной возможна, – отсутствие изгладило мелкие неприятности – я говорю ему правду, и он ее выслушивает... В оппозиции Г⟨ерцен⟩ сам виноват, его обращение с Сашей не было хорошо – отец не так должен был поступать с сыном – вот и результат...

[1]В публикуемом письме содержится упоминание о том, что 25 октября "кончается срок" квартиры Нат.Ал. Если бы это письмо было написано в октябре, то Нат.Ал., вероятно, написала просто бы "25-го числа". В середине этого месяца она по настойчивому совету А.А. Герцена и родителей его невесты уже переехала в Берн (см. там же, с. 166–167), и, следовательно, к ноябрю это письмо тем более относиться не может. В своих воспоминаниях Нат.Ал. сообщала: "Скоро, незаметно, пролетело время нашего свидания с сестрой, и пришлось расстаться и с ней; сестре нужно было до холода возвратиться домой; тяжело, полно печальных предчувствий было это последнее прощание... более мы не видались... По отъезде сестры я почувствовала страшное одиночество, оставшись с моей малюткой, и решилась съездить посмотреть Швейцарию, так как я никогда там не была; вдобавок, там учился А.А. Герцен. Пробыв некоторое время в живописной Лозанне, где я много гуляла по роскошным садам и восхищалась совершенно новой для меня природой, которая имела для меня умиротворяющее, успокаивающее ее влияние ⟨...⟩ Позже я отправилась в Женеву, где встретилась с А.А. Герценом и семейством его невесты" (*Тучкова-Огарева*, 166).

[2]О каком письме идет речь, неясно.

[3]Нат.Ал. имеет здесь в виду себя.

[4]Письмо О.А. Герцен с фразой, взволновавшей Нат.Ал., до нас не дошло.

[5]В письме к Огареву более позднего времени (без даты) Нат.Ал. вспоминала, что после отъезда из Лондона она "увидела с ужасом, что поступала очень эгоистично, отдаваясь одной Лизе", и что "многими ненужными жертвами ей" она "отдалилась от Г⟨ерцена⟩, отдалила семью от Лизы" и поэтому ей захотелось "всей своей любовью и заботливостью поправить все", поселившись с девочками в Париже. "Я думала воссоздать семью из этих трех детей", т.е. Таты, Ольги и Лизы. "И если б письма нас всех свидетельствовали о нашей кроткой гармоничной жизни, – продолжала она, – тогда бы Г⟨ерцен⟩ бы нас воротил весной, летом, когда бы захотел, – он бы принял нас с полной любовью, провел черту над прошедшим, и мы стали бы кротко и мирно вести детей по мере их потребностей и сил с невозмутимой кротостью и с ровной любовью" (*РП* IV, 234). Проект переселения в Париж остался неосуществленным.

[40*] бежавшую из дома умалишенных (*франц.*).

ГЕРЦЕН И ОГАРЕВ

Фотография братьев Майеров. Лондон, июнь 1861 г. На изображении надпись неизвестной рукой: "18 June 1861. Mayers br⟨other⟩s" ("18 июня 1861. Бр⟨ать⟩я Майеры")

Институт русской литературы РАН, С.-Петербург

26
ГЕРЦЕНУ

⟨Лозанна? Около 1 октября 1860 г.⟩[1]

Твое письмо[2] было как будто продолжением собственных моих дум... Только что, гуляя по саду с Лизой, я думала: "Боже мой, как люди не умеют жить, как портят собственную жизнь", вот и я: казалось, чего бы легче укрепить любовь детей к Лизе, их привязать к себе, сделать их счастливыми, насколько это возможно, а между тем, что́ я сделала? не смею обернуть голову назад – вы правы, кто же и погубил Лизу и меня, коли не я сама; но от этого не легче: ищешь, смотришь вокруг, нет выхода. И чего желать мне?.. Страшусь только за Лизу; такой сиротой, как она растет, страшно жить, а между тем, что же делать: воскресить вашу веру и любовь, воскресить чувства детей нечего и думать – тут нет ни малейшей надежды; вам отдать Лизу невозможно, вы не можете выходить такого маленького ребенка, вы должны обратиться к посторонним, а этого я не в силах допустить; отдать Лизу Елене, я и об этом думала серьезно, но тут тоже есть такие важные препятствия, что надо и это оставить. Итак, она должна расти сиротой; сердце сильно болит; ах, Герцен, сердце больше болит за ребенка, чем за себя; какой эгоизм ни был бы, правду говорит русская пословица: "Одна голова не бедна", ее всюду можно сложить, и под плаху и под лед речной, везде ей хорошо, – а тут сядешь да подумаешь...

Ты говоришь, что мне надо учиться врачевать?.. Друг мой, да был ли от вас ответ на мои письмы, после которого можно было бы легче вздохнуть, тогда, может, полились бы другие слова прямо из сердца... – а тут об тебе нечего и говорить, ты был беспощаден, Ог⟨арев⟩ писал больше одни упреки... дети писали, что им очень весело и хорошо... что они совершенно счастливы... что же мне было писать на это? я молчала, горько мне было не слыхать слово участия, слово искренней дружбы...

Вот и Ог⟨арев⟩, его желание иметь мой адрес – совершанная фантазия, я не могу его дать и не могу объяснить, почему[3]... Вдобавок, если что-нибудь важное случилось бы с Лизой, я известила бы его – переписываться я не могу, вы вечно недовольны мной, не понимаете меня, поэтому что́ же может принести переписка, если не одну горечь, и все-таки она поддерживает какое-то волнение, пустые надежды, постоянные думы об вас, желанье вас видеть, показать вам Лизу, а между тем я, 30-летняя женщина, выращенная в неге и баловстве, не умеющая ничего делать, я вдруг очутилась одна с ребенком между чужими; надо жить, надо бороться – надо работать... а возможна ли работа при такой пытке?

Я прошу только год или два. Если мы не погибнем, то, верно, спокойствие душевное навсегда заменит тревоги в моем сердце – тогда и адрес и изредка перебросить слово, все будет возможно.

Ты говоришь, что я все должна давать и ничего не требовать – ах, как ты меня понял; я просила только, чтоб мне дали возможность быть с детьми, смыть оскорбления свои, увидать их светлые, улыбающиеся мне лицы, вот что я просила... а если я говорила, что не имею к тебе братского чувства, так это только из любви к истине и из опасения каких-нибудь трагических столкновений... Но теперь, друг мой, я ничего не прошу, все это были мечты, мы с Лизой должны стереться, исчезнуть... едва ли мы всплывем...

Прощай, пусть дети загладят своей любовью все невзгоды твоей жизни – что же еще я могу тебе пожелать? Береги Ог⟨арева⟩, не сердись на мою записку об нем, она написана без arrière-pensée[41*], с истинной любовью к нему и с полным уважением к тебе, это только напоминания, иногда вблизи всего не видно[4]...

С чего ты взял, что я в Меце?[5] теперь мне не будет случая послать письма до двадцатого, а может и дольше.

Об детях не говорю, пото⟨му⟩ что слишком больно; на письма Таты, пр⟨аво⟩[42*], отвечать не могу, пусть она простит меня[6].

[41*] задней мысли (*франц.*).

[42*] Автограф поврежден. – *Ред.*

На обороте:
Angleterre. A. Herzen Esq⟨uire⟩
Eagles Nest. Bournemouth. Hampshire

[1]Приблизительная дата устанавливается по содержанию письма.
[2]Это письмо Герцена неизвестно.
[3]См. выше п. 20.
[4]В этой "записке" (вернее, письме) из Франкфурта без даты, Нат.Ал., пришедшая в ужас от того, что на своей последней фотографии Огарев выглядит очень плохо, умоляла Герцена возвратиться в Лондон и сменить Огарева на его рабочем посту, заставив своего друга поскорей отправиться куда-нибудь на отдых (*РП* IV, 249–250 и *ЛЖГ* III, 154).
[5]В Меце Нат.Ал. была несколько ранее, в середине сентября (гостила у своей бывшей гувернантки К. Мишель). – См. *РП* IV, 237–239.
[6]Это и другое письмо Таты Герцен к Нат.Ал. до сих пор в печати не появлялись.

27

⟨Лозанна (?)⟩ 12 октября ⟨1860 г.⟩[1]

Воскресенье[2] вечером я послала к тебе и к Г⟨ерцену⟩ письма с чужой горничной – не знаю, получили ли вы их[3] – вчера пришла твоя записка[4], ты ждешь – сегодня уже пятница, а нет ответа, – а так хотелось бы письма... Сегодня холодно, и дождь и ветер, наконец и снег...

Книг у меня мало, так мне попался здесь "Le petit Napoléon". Конечно, это написано во французском вкусе, много повторений и ненужных фраз, но факты 2 дек⟨абря⟩ страшные – я не воображала этого. N⟨apoléon III⟩ поступил не хуже Ник⟨олая⟩ во время 14 дек⟨абря⟩. – Рассказ этот дикой об убивстве на парижских улицах так отвратителен, что почти невероятен, если б не Vic⟨tor⟩ Hugo[5]. Каждый день я читаю здешнюю газету[6], т.е. то, что касается до Италии. Мацини, говорят, выслали из Неаполя[7], какая разница, однако же; бывало, не то бы с ним сделали, si l'on pouvait le prendre[43*]. Все же это прогресс. Если б не Лиза, я бы отправилась к Гар⟨ибальди⟩[8]; знаю, что я ничего особенного не могу, но мне отрадно было бы сложить голову под этим пышным небом, под торжеством свободы – жизнь моя началась в Италии встречей с Натали, думой постоянной об тебе, наконец этой необыкновенной жизнью, которой дышала тогда вся Италия[9]; там бы, в виду столь любимого мною Неаполя, заснуть и, засыпая, чувствовать, что с этим сном наступит новая жизнь, серьезное возрождение Италии...

Вот фантазии, ты скажешь... но мне эти фантазии необыкновенно дороги. Вот еще мысль, которая меня не покидает; надо, чтоб Г⟨ерцен⟩ поставил памятник в Ницце; кончится тем, что мало-помалу могилу потеряют[10].

– Теперь хотелось ⟨бы⟩ поговорить с тобой об Лизе; мне кажется, что она не совсем здорова, ест плохо, спит плохо, а язык бел; я давала ей рицинного масла, но оно не помогло; не хочется посылать за доктором, а Девиль такой капризный, что ничего не скажет, – может, его тронет то, что Лиза помнит его; сегодня я стала говорить с ней об докторе: "Когда доктор придет, покажешь язычок". – "Не акажу. – Девиль дает хорошее лекарство". Я удивилась, давно я ей не говорила об Девиле... Игрушек ей никогда не присылай, они ей скоро надоедают, а книги и куклы она любит. Пришли ей когда-нибудь книгу с животными и надписи – русские названья, я многих не знаю, а мне хочется говорить с ней по-русски...

Вот ректификация[44*], я не поняла. Мац⟨цини⟩ выслан демокр⟨атической⟩ партией – может, они и правы, но больно, должно быть, старому воину[11]...

14 окт⟨ября⟩, воскр⟨есенье⟩

Я писала всем тому неделю[12], но ответа нет – жду.

[43*] если б могли его схватить (*франц.*).
[44*] поправка (*франц.* rectification).

[1]Год устанавливается по упоминаемым в письме историческим событиям; число и месяц приводятся в заключительной части письма; в первом абзаце указано, что оно начато в *пятницу*, т.е. 12 октября. Ряд недатированных писем Огарева к Герцену за октябрь 1860 г. пестрит жалобами на неполучение писем от Нат.Ал. (см. "Лит. наследство", т. 39-40, с. 380–395).

[2]Воскресенье приходилось на 7 октября.

[3]Возможно, письма без дат, напечатанные в *РП* IV, 249–253.

[4]Упоминаемая записка до нас не дошла.

[5]Прославленный политический памфлет В. Гюго "Napoléon le Petit" ("Наполеон Малый", 1852), в котором подробно излагается история правительственного переворота во Франции, сопровождавшегося кровавым террором и закрепившего власть Луи-Бонапарта. Нат.Ал. сравнивает этот переворот с подавлением декабрьского восстания в 1825 г.

[6]Вероятно "Gazette de Lausanne".

[7]Маццини приехал в Неаполь 17 сентября. Он возражал против передачи королю всей власти в Италии. Враждебная ему партия "умеренных" натравила на прославленного республиканца неаполитанскую чернь, устроив ряд демонстраций, во время которых выкрикивались лозунги "Смерть Маццини!" и т.п. Выслан он не был и уехал из Неаполя в конце ноября (см. К.Э. К и р о в а. Жизнь Джузеппе Мадзини. М., 1981, с. 145–146).

[8]Добровольческие освободительные войска, возглавлявшиеся Дж. Гарибальди, 6 сентября вступили в Неаполь.

[9]Об активном участии Нат.Ал. в освободительных манифестациях бок-о-бок со своей сестрой, Герценом и М.К. Эрн (Рейхель) в начале 1848 г. в Риме и Неаполе, см. в ее "Воспоминаниях" (с. 61–63) и ниже, в обзоре писем ее к Е.С. Некрасовой.

[10]Имеется в виду надгробие Н.А. Герцен на ниццком кладбище. После смерти и погребения Герцена на этом месте, несколько сбоку, был поставлен монумент с его статуей во весь рост.

[11]См. прим. 7.

[12]Возможно, имеется в виду предыдущее письмо.

28

⟨Начало или середина октября (?) 1860 г.⟩[1]

Еще раз поговорим обо всем, слушай меня терпеливо, Огарев, а потом, ради Лизы, дайте мне собраться с мыслями...

Miss Reeve права: нравственность – понимание, но я понимаю и этого англицкого автора[2]; может, и в самом деле нравственности меньше, потому что понимание – только развито в самой верхушке меньшинства, а мы видим только развитие меньшинства насчет масс, а в массе мало пониманья.

Но чтоб я не забыла, что́ я хотела сказать вам: мое желание было доказать вам на деле, как мне страшно прошедшее и как я с ним рассталась; заставить вас поверить – не в моих силах, но, когда слова мои оставляют вас холодными, поймите же, что больше я ничего не могу сделать; стало, разрыв с Лизой[3] – фатальность, необходимое следствие прошедшего и вашей /1 *нрзб.*/[45*]. Зачем лгать, я прямо скажу, нет, личное чувство не умерло во мне; может, я моложе вас, потому и не могу принять вашего отвлеченного взгляда – Натали была не моложе и, конечно, не менее развита, чем я, и после этой страшной трагедии, которая, кажется, могла бы хоть кого состарить, все же не братское чувство одно господствовало между ними[4].

Нет, у меня нет к Г⟨ерцену⟩ братского чувства и, думаю, не будет никогда, оно бы могло только прийти со временем после полнейшего примиренья и несколько ⟨!⟩ светлых лет – но свету в моей жизни едва ли будет; я только хотела заявить окончательно, как я понимаю теперь; друг мой, для тебя ясно, что тут нечего больше делать, оставь же нас с Лизой на собственные силы, меня не нужно и нельзя спасти, спасет меня только сама Лиза да работа; не скрою от тебя, что мне была бы со временем величайшая отрада видать тебя, жить, но недалеко от тебя, но и это несбыточная мечта, твоя жизнь слишком связана с его[5] – а мне надо все новое и здоровое кругом, чтоб окрепнуть и хладнокровно взглянуть на эту искаженную вещь, которую называют жизнь. Что было счастья, и покоя, и крепкой, благородной веры, и что надежды и где это все, где я сама? Ах, Огарев, как страшно вспоминать, тебе жалеть нечего, и никогда я не хотела этого сказать, ты меня не понял. Я говорю: пос-

[45*] Автограф поврежден. – *Ред.*

ле страшных, тяжелых дней ты отдыхал там, да, я это думаю – но утешать тебя не в чем, а я? да что, ты ведь не веришь мне теперь, ты анализируешь, разбираешь каждое слово... Это простая, добродушная вера! ах, как она далеко отлетела от нас...

Не бойся же за нас, Огарев, мы еще живы, – ты-то побережись для нас всех; меньше работы и хлопот, больше сна и покоя, это не ирония – это моя искренняя просьба и, может, последняя.

Когда оправлюсь, буду много писать об Лизе, тысячу раз благодарю за портрет – вещи получила. Деньги, наконец, отдала.

Пожалуйста, вели собрать все мои вещи[6], к весне[46*] я бы хотела их все иметь.

Поцелуй же *ее* за меня и скажи, что платье очень мило[7], очень идет Лизе и так умно сшито, что может долго его носить[8].

[1]Публикуемое письмо, является, по-видимому, ответом на неизвестное обращение Огарева к Нат. Ал.; оно написано, вероятно, до ее переезда в Берн.

[2]О каком авторе говорит здесь Нат.Ал., не установлено.

[3]Речь идет о продолжительной разлуке.

[4]Нат.Ал. намекает здесь на взаимоотношения Герцена и его покойной жены после их семейной драмы начала 1850-х годов.

[5]Т.е. с жизнью Герцена.

[6]См. прим. 2 к п. 32.

[7]Возможно, платьице для Лизы было сшито Мери Сетерленд. Выражая благодарность подруге Огарева, своего бывшего мужа, Нат.Ал., по-видимому, желала доставить удовольствие Огареву, страдавшему от антагонизма, между двумя близкими ему женщинами.

[8]В одном из писем этого времени, адресованном Саше, Герцен следующим образом резюмировал свой (и Огарева) взгляд на нравственное состояние Нат.Ал.: "Мы думали, что одиночество и сосредоточенность – сведут мир в душу Natalie, – мы, кажется, ошиблись. Причина ее отъезда – и это я тебе говорю клятвенно – *одна и исключительно одна* – негуманность с детьми и с нами, упорство в этой негуманности – *вот где начало раздора...*" (XXVII, 111).

29

⟨Начало или середина октября 1860 г. (?)⟩[1]

Огарев, я должна была слишком наскоро отвечать на ваши письма, перечитываю их беспрестанно и думаю, думаю и день и ночь[2]... Что же мне делать, Огарев?

Это письмо начато прежде[3] – с тех пор все изменилось... Огарев, да, право, не знаю, чтó сказать, ты болен, чтó это, припадок? Боже мой, и меня не было с тобой... Нет, Огарев, если б ты видел весь мой ужас, ты бы мне не дал так мучиться. Твоя болезнь меня исцелила – теперь я поняла безобразие моей прошлой жизни, эту безмерную жажду счастия для себя; я выздоровела, клянусь тебе, у меня нет больше ни личных желаний, ни личных чувств – спокойствие, наконец, сошло в мою душу – у меня только и осталось желаний – видеть Лизу возле тебя, видеть тебя, когда мне это нужно...

Огарев, не откажи мне, это моя последняя просьба, позволь мне воротиться в Л⟨ондон⟩. Я чувствую, что я не в силах выносить такие мученья, мы немолоды, тот или другой сойдет первый ⟨с⟩ ступени, надо проститься в последнюю минуту, а то жизнь не будет иметь смысла[4]... Послушай, Г⟨ерцен⟩ и дети, вероятно, не желают моего возвращенья, а ты сам, может, боишься – найми мне две комнаты невдалеке от тебя[5].

Сделай это, прошу тебя именем моего погибшего счастья, именем Лизы... Я не жалею, что уехала, потому что теперь только поняла – недавно еще мне непонятно было слово *вечной печали*, да, вечная, вечная печаль – кроткая, покойная... Я ложусь в постель и не могу заснуть, все говорю с тобой и не могу наговориться; ах, если б ты слышал или даже видел меня, ты поверил бы, ты увидал бы, что той Натали, которая тебе причинила столько горести, нет больше... Мне кажется, что эти четыре ⟨!⟩ года[6], годы превращенья предсказаньем египетскому королю[7] – я теряла все че-

[46*] *Вероятно, описка и следует читать*: к зиме. – *Ред.*

ловеческое, и в моей мысли царствовало одно *я*, я под разными формами – нет, будь покоен, больше я не буду заботиться о себе... Я думала отдать вам или Елене Лизу и избавиться от этой страшной тяжести, но это позорная трусость – буду жить пока ты и Лиза живы...

Ну прощай, Огарев, благослови нас с Лизой... взгляни на меня, того отупелого, взбешенного взгляда ты больше не встретишь. Не думай, что я преувеличиваю – бывают в болезни неожиданные кризисы – я сама не ожидала его, твоя болезнь меня испугала и, как молонья, осветила быстро всю мою жизнь – я поняла разом, ужасом, где была ошибка, – поправить жизнь – невозможная задача, да я и не желаю этого – но понять и осветить тихим светом обломки можно... Понимание не только есть нравственность, но есть счастие – потому что оно нас поднимает выше страданий и дает нам в замену тихое смирение...

Да, Огарев, повторяю, я ничего для себя не хочу – не бойся меня и не бойся за меня...

От избытка горя и отчаяния личного я каменела, ничего не понимала, кроме о себе, камень разбился, твоя болезнь его разбила – я опять могу чувствовать горячо за других...

Дай же мне твою руку и порадуйся со мной, улыбнемся оба – хоть изувеченная, но я *спасена*, я не погибну – давай вместе заботиться об Лизе, какое счастие будет показать тебе ее – чтó перемен ты найдешь в ней... Она беспрестанно говорит об тебе...

Ну прощай, друг, – еще и еще твою руку...

Писала к тебе ночью – поутру перечитала письмо – это серьезно, Огарев, поверь же мне, наконец...

Прощай, пришли за письмом...

[1]Приблизительная дата устанавливается по упоминанию о получении письма Огарева к Герцену от 9 октября 1860 г. (см. "Лит. наследство", т. 39-40, с. 387).

[2]Эти письма Герцена и Огарева неизвестны.

[3]Огарев не понял этой оговорки и писал по ее поводу Герцену: "Из приписки я вижу, что оно писано *прежде*, но прежде чего – не знаю" (там же). См. след. прим.

[4]До Нат.Ал. дошло, что Огарев серьезно заболел. В сентябре (после 14-го) она писала Герцену из Франкфурта-на-Майне: "Огарева вид на последнем портрете меня ужаснул, надолго ли он с нами? – Послушай, не оставляй его так долго одного, я уверена, что он вовсе не думает об себе и в твоем отсутствии слишком много работает за себя и за тебя" и т.д. (*РП* IV, 250). В письме без даты, относящемся к этому времени, Огарев писал Герцену: "Письмы N⟨atalie⟩... О! Герцен, Герцен, может и в самом деле лучше, чтоб она жила здесь отдельно, только чтоб не терять Лизы из виду. Эта жертва необходима. Но я еще надеюсь, потому что не могу отстать от привычки любить Натали" ("Лит. наследство", т. 39-40, с. 386).

[5]По-видимому, Огарев сообщал Герцену 9 октября вечером о получении этого письма: "Я им не так доволен, как бы хотелось" (там же, с. 387).

[6]*Четыре года* – время пребывания Нат.Ал. в Лондоне (1856–1860).

[7]Вероятно, намек на предсказание библейского персонажа Иосифа фараону Египетскому о предстоящем семилетнем голоде после семи лет изобилия (*Бытие*, 41, 1–36).

30

⟨Берн. 21/9 октября 1860 г.⟩. Воскресенье[1]

Огарев, я только что получила письмо из Р⟨оссии⟩[2], у Сатина сгорел сахарный завод – опять хлопоты, опять убытки. Они пишут мне (по словам Пав⟨ла⟩ Ал⟨ексеевича⟩[3], что я должна написать прошение Долгорукову[4] об пашпорте в Р⟨оссию⟩ и обратно – желаешь ли ты, чтоб я сделала это? без тебя я не могу решиться; если да, то пришли мне черновое прошение, сама я не знаю их форм. Напиши мне ответ. Боже, какой скучный город Берн – я не понимаю, как Саша мог прожить здесь два года. Старушка Фохт, должно быть, очень хорошая и любящая, но язык нам не позволяет сблизиться[5] да и Лиза мешает. Вот что Саша мне рассказал: может, я сплетничаю, но не могу удержаться, не говори никому, чтоб оно не воротилось Саше. Вчера я была у них, старушка вошла, присела на минуту, взглянула дружески на меня и на Ли-

зу и вышла быстро. Она сказала Саше, что не может равнодушно смотреть на нас. "Я плакала у себя в комнате, – говорила она, – думая, что отец может расстаться с таким ребенком": она так восхищается Лизой. "Вы можете показывать ее за деньги", – говорила она мне третьего дня... С тех пор, как Саша сказал мне это, я сижу и плачу, как дура. Лиза заметила это, подошла ко мне и ласкает меня: "Ты плачешь, ты моя бедная, ты невеселая, я умница, мама, я не плачу", и бедный ребенок заглядывал так в лицо, ей так хотелось рассмешить меня – ну я и стала с ней смеяться и играть. Не знаю как, но все, мне кажется, знают, что у нас не ладится – я, конечно, ни с кем не говорила, кроме С⟨атиных⟩, и с ними я очень осторожна была, а все-таки со всех сторон видно сожаление, сомнение; папа мне написал гораздо нежнее, чем обыкновенно, однако он не видался с Еленой, это только потому, что после отъезда Елены я не воротилась прямо в Анг⟨лию⟩.

Вот письмо к Мей⟨зенбуг⟩, положи сам в пакет, если так неучтиво отдать[6]...

[1] Дата устанавливается по содержанию письма и по дню недели.

[2] Это письмо неизвестно.

[3] Пав⟨ел⟩ Ал⟨ексеевич⟩ – Тучков, брат деда Нат. Ал.

[4] Князь *В.А. Долгоруков* – шеф жандармов и начальник III Отделения.

[5] Нат. Ал. недостаточно хорошо знала немецкий язык, мать Карла Фогта, вероятно, была слаба во французском.

[6] Ответ Огарева неизвестен, так же, как письмо Нат.Ал. к Мейзенбуг.

31

⟨Берн. Конец, октября 1860 г.⟩[1]

Саша только что выходит отсюда, он принес мне вашу записку[2] – я уже писала вам, что немецкий язык и Лиза мешают знакомиться с здешними знакомыми Саши[3], – напиши мне, Огарев, просто где ты бы желал, чтоб я поселилась, я на все готова, но мне надо знать, больше месяца я боюсь жить так высоко, последние силы уходят на лестницу[4], потом я опять в пансионе, а на долгий срок это невозможно с Лизой – случается, она спит в обеденный час, и тогда приходится дать ей совершенно холодный обед, то надо вымыть для нее что-нибудь, и это не нравится хозяевам... не знаю, где мне искать низкую квартиру – все уже на зиму занято – что всего ужаснее в Берне, – это своды, под которыми надо ходить; солнце не может туда проникать, и чувствуешь такую могильную сырость... как мы приехали, у Лизы сделался насморк, а у меня горло болит. – Сегодня хочется идти в театр с Лизой, ей будет повеселее да и мне хочется слышать музыку – не умру от одного вечера...

Здесь мне стало так дурно, что я испугалась, принимаю все меры, которые можно взять в такой неудобной жизни, – авось будет полегче. Пиши скорей, а Г⟨ерцену⟩ скажи, что я не понимаю его, я ему объяснила, как самая горячая переписка, в сущности, ничего не сделала[5], и Тата встретилась со мной совершенно холодно, после этого я не имею надежды на переписку. Г⟨ерцен⟩ говорит, что она развита, да тут дело касается чувства больше, чем развития, – сердце ее застыло в отношении меня и Лизы – что же мне делать?

Жду твоего ответа с нетерпением...

Фогт сказал Саше, что надо подождать несколько лет насчет оспы[6].

Адрес: Pensіon Blatter Riad, 47, Rue du Marché.

Я была бесконечно рада письму Г⟨ерцена⟩[7]; кроме того, это касается Таты; мне кажется, он мог бы помочь.

[1] В Берн Нат.Ал. приехала в конце второй декады октября (см. выше).

В своих воспоминаниях она писала: "Позже я отправилась в Женеву, где встретилась с А.А. Герценом и семейством его невесты ⟨...⟩ А.А. уговорил меня ехать в Берн, куда он вскоре возвратился для своих занятий. Он нашел мне большую комнату, кажется со столом, и написал, чтоб я приезжала, что все готово. Тогда я отправилась в Берн и поселилась там на некоторое время" (*Тучкова-Огарева*, 166–168).

[2] Записка эта неизвестна.

[3] Это письмо Нат.Ал. до нас не дошло.

[4] Откликом на это письмо, в котором Нат.Ал. жалуется на высокие лестницы, губящие ее здоровье, вероятно, является письмо Огарева к Саше, где им затрагивается эта же тема (см. XXVII, 105). В том же письме он просил заняться устройством ее квартиры в Берне.

[5] Это письмо Нат.Ал. к Герцену неизвестно.

[6] Огарев настаивал на том, чтобы Лизе безотлагательно привили оспу, т.к. во время своих поездок она могла оказаться в каком-нибудь месте, где свирепствует эпидемия.

[7] Это письмо Герцена до нас не дошло.

32

⟨Берн, Начало ноября (?) 1860 г.⟩[1]

Огарев: я уже знаю твое решение насчет Берна, я проведу здесь зиму, если ты этого желаешь; я пишу теперь только о материальном: не можешь ли прислать мне мою мохнатую мантилию и два старые фланел⟨евых⟩ Лиз⟨иных⟩ одеяла, они должны быть в кроватке, еще мое синее одеяло; Катерина должна знать; да не можешь ли прислать 6 пар тонких шерстян⟨ых⟩ чулок, белых или пестрых, все равно. Кат⟨ерина⟩ может заметить их как-нибудь и вымыть, тогда ты надпишешь: "Старые вещи", да не присылай в ящике, а просто в клеенке[2]...

Об моем здоровье не беспокойся, мне лучше, я беру все меры, чтоб не слечь, и надеюсь, что насколько есть нравственной силы, я побежду свою немочь и не брошу Лизу на попечение кухарки. Если можешь, сделай эти порученья поскорей; если слишком громоздко, пришли только чулки, они необходимы, здешние так толсты, что ботинки не надеваются. Шью Лизе панталоны, меня пугают здешним климатом, говорят, что дети здесь схватывают круп очень легко. – Денег, когда нужно будет, возьму у Саши – у Сат⟨иных⟩ совестно брать: после этого пожара и ярмарки – они понесли страшные убытки да еще путешествие, чтоб видеть меня, немало стоило. Голова кружится немного от устали; когда соберусь с силами, напишу к Тате...

Театр не удался, Лиза только слушала до первого антракта, а потом попросилась спать, зато *Филомена* была в восторге.

Ну, прощай, Огарев, пожалуйста, присылай чулки поскорей. – Лиза немного кашляла эту ночь, сердце неспокойно – а лишать ее воздуха тоже боюсь. Поцелуй детей за меня, а Г⟨ерцену⟩ пожми руку. – Лиза ходит по комнате и поет:

"Угарев и Хецен! Угарев и Хецен!"

Трогательно видеть, как она встречает Сашу и как провожает его: "Ты придешь? ты учиться идешь?"

Пришли новый адрес. – Не понимаю, почему Г⟨ерцен⟩ говорит, что я редко пишу[3]; я думаю, трудно чаще.

Пожалуйста, попроси Мей⟨зенбуг⟩ – поискать гуверн⟨антку⟩ для Сат⟨иных⟩; если ей не понравится, ее отвезут в Париж – мне хотелось бы видеть ее, если Мей⟨зенбуг⟩ найдет, но об этом после.

Вот длина подошвы[4].

[1] См. прим. 1 к предыдущему письму.

[2] 12 ноября Герцен писал сыну: "Вещи для Nat⟨alie⟩ все готовы, и завтра Tas⟨sinari⟩ их отправит, я велю адресовать на твое имя" (XXVII, 109). В своих воспоминаниях Нат.Ал. сообщала: "Вскоре прислали из Лондона теплую одежду для меня и для моей малютки, и я решилась оставить Швейцарию и возвратиться в Лондон, несмотря на холод" (*Тучкова-Огарева*, 170).

[3] Вероятно, этот упрек от имени Герцена был передан Огаревым.

[4] Через несколько дней после отправления этого письма от 16 ноября, благодаря благожелательному вмешательству Саши в конфликт между отцом и Нат.Ал., Герцен писал ей: "Natalie, я тебя зову от чистого сердца, – тронутый и потрясенный – но с полным сознанием. Я тебя зову к нам. Все забыто. Не поминай и ты. Я и Ог⟨арев⟩ мы рыдали над Сашиным письмом ⟨...⟩ Возвратись в твою семью..." Огарев приписал к этому письму: "Наташа моя, дай же теперь возможность осуществить мой идеал – соединения нас всех в одну святую семью..." (XXVII, 112). Нат.Ал. возвратилась в Лондон в последних числах декабря (см. там же, 122).

33

⟨Торки. 27 августа 1861 г.⟩[1]

Сегодня нас всех сконфузило твое письмо об Т⟨атьяне⟩ П⟨етровне⟩[2]. Гер⟨цен⟩ решается ее звать сюда[3]; кажется, это будет лучше – но все же немного досадно...

Очень рада была твоему последнему письму; мне кажется, что ты имеешь больше надежд на хорошее, чем говоришь[4], – может, главное и самое трудное лежит в моем характере, я редко успеваю остановиться, а потом про себя жалею. Я не хочу скрывать от тебя, что это задача нелегкая; стыдно сказать, какую силу имеет привычка, – даже с Лизой я бываю очень нетерпелива иногда, – но, право, я думаю, думаю очень много... Я бы хотела, чтоб вы пожили с нами и увидели бы сами, что и как. Вообще, я очень желала бы, чтобы ты был здесь, ты бы отдохнул и частью вспомнил бы Россию – тут для тебя нескончаемые прогулки – Гер⟨цен⟩, кажется, ожидал большего, но, право, он несправедлив, здесь очень, очень хорошо – одного недостает – plages[47*], не знаю, как по-русски, малы, так что моря все видишь больше уголок, там-сям, и нет этого ощущения бесконечного... Ну приедешь – сам увидишь[5]...

Теперь к тебе с глупыми просьбами: если можно, пошли Жюля за Kinderbalsam[48*] да к дантисту *Dubois,* Upper Sharlot Street, *23,* éther p⟨our⟩ les dents[49*]. У меня начинаются зубные боли, это странно, но почти всегда встречаешься с этой болезней ⟨!⟩...

Прощай, целую тебя за себя и за Лизу... вчера мы ходили менять билеты на железную дорогу, а Лиза думала, что тебя встречать, и начала блажить и уверять, что надо подождать поезд, что ты непременно приедешь... с Герценом она мила до приятельства...

Скажи Жоржине, что я прошу сшить Лизины платья... На éther надо полкроны – пришли с Т⟨атьяной⟩ П⟨етровной⟩[6]...

[1] Дата устанавливается по содержанию письма.

[2] Это письмо Огарева к Герцену от 26 августа 1861 г. неизвестно. В нем сообщалось о приезде в Англию Т.П. Пассек (см. *ЛЖГ* III, 239; *Пассек* II, 437).

[3] Об этом несохранившемся письме Герцена (от 26 августа), посланном через Огарева, Пассек сообщает в своих воспоминаниях: "Он писал, что нездоров, звал к себе в Торквей, говорил, что ждет нетерпеливо" (*Пассек* II, 441; *ЛЖГ* III, 239).

[4] Письмо Огарева до нас не дошло. Вероятно, он выражал уверенность, что в Торки между Герценом и Нат.Ал., наконец, установятся хорошие отношения.

[5] Подробное описание Торки, дома Герцена и его семейного быта оставила Пассек в своих мемуарах (см. *Пассек* II, 441–448).

[6] Пассек приехала в Торки с сыном Владимиром 30 августа (см. XXVII, 174) и провела там в тесном общении с Герценом и его семьей два дня (*Пассек* II, 437, 441–448, 706). В своих "Воспоминаниях" Нат.Ал. сообщает о ее пребывании в Торки ряд подробностей, не всегда достоверных (*Тучкова-Огарева,* 188–189).

34

⟨Коус. 18–19 июня 1862 г.⟩[1]

Ну вот Гер⟨цен⟩ и с вами – ты прав, он нам очень был полезен[2] – Лизе без него скучно – но что делать... Пришли Лизе игрушки, я пришлю тебе письмо к m-me S⟨alias⟩, чтоб ты, по крайней мере, знал, что у меня нет и тени mauvaise honte[50*] на этот счет – если мне будет больно ее видеть, так это только потому, что я сознаю, как они были правы (обе сестры)[3], что я не сто́ю тебя, что я недостойна тебя, – я бы ей это даже сказала, но ты знаешь, почему я должна вечно молчать[4]...

[47*] пляжи (*франц.*).

[48*] детским бальзамом (*нем.*).

[49*] зубным эфиром (*франц.*)

[50*] ложного стыда (*франц.*).

Н.А. ТУЧКОВА-ОГАРЕВА С ДОЧЕРЬЮ ЛЕЛЕЙ
Фотография. ⟨1862–1863 гг.⟩
Исторический музей, Москва

Здесь хорошо, вид из окон на деревья, какой-то запах лесной, который Россию напоминает... но матерьяльно здесь тяжелее, чем в Вентноре... за квар⟨теру⟩ 2 ш. с пол⟨овиной⟩, за Лиз⟨ину⟩ постель не знаю еще, что положат, да за огонь в кухне 6 п⟨енсов⟩ день[5], зато хозяйство я устроила гораздо лучше – хочу выучиться хозяйничать, более работать и меньше взыскивать с других; если тебе понравится, если я буду собой довольна, то и в Лонд⟨оне⟩ буду хозяйничать...

Ну прощай, Лиза меня торопит – никогда не пиши Гер⟨цену⟩ так, как в тот раз[6], ты ведь должен знать, как он думает об тебе, с какой почти женской заботливостью он хотел бы отстранить от тебя все тяжелое; обо мне ты, к несчастию, можешь сказать с полной истиной, что я не берегла твоего покоя, не сумела принести тебе никакой жертвы, жила егоистически, а между тем и себе не сделала легкую жизнь – да это и хорошо...

Ну прощай, дай твою руку...

Когда будете посылать[7], пришлите от Жозо коробочку от кашля – Лиза сегодня еще сильно кашляет. Пусть Гер⟨цен⟩ вспомнит, что́ я просила, и пришлет[8].

[1] Письмо датируется исходя из следующих соображений: утром 16 июня 1862 г. Герцен с Нат.Ал. и младшими детьми переехал из Вентнора в Коус (см. XXVII, 239), а на следующий день, вечером, он один отправился в Лондон. Нат.Ал. начинает свое письмо упоминанием о том, что Герцен уже в Лондоне. Следовательно, оно написано через день или два после его отъезда.

[2] Письмо Огарева, на которое отвечает Нат.Ал., неизвестно.

[3] Сестры Е.В. Сальяс де Турнемир (Евгения Тур) и Е.В. Петрово-Соловово – давние приятельницы Огарева. В Петрово-Соловову (Душеньку) Огарев был когда-то сильно влюблен и под влиянием этого чувства написал цикл замечательных любовных стихотворений (см. их в "Лит. наследстве", т. 61, с. 602–628). Нат.Ал. в 1849 г. как бы "отбила" Огарева у Елизаветы Васильевны (см. выше переписку Нат.Ал. с Н.А. Герцен и Герценом). На это обстоятельство и делается намек в письме.

[4] Нат.Ал., вероятно, имеет в виду ложность своего положения как номинальной жены Огарева и фактической – Герцена.

[5] "Здесь в доме ограбили нас, как в лесу, – сообщал Герцен сыну 16 июня, – далеко превосходит многое из лондонских цен..." (XXVII, 239).

[6] Неизвестное письмо Огарева к Герцену, посланное им в Торки в конце августа или начале сентября 1861 г.

[7] Как явствует из письма Огарева от 8 июля, он переслал Нат.Ал. полученное им накануне письмо, с каким-то коллективным фотопортретом "троицы" (очевидно, близнецов Лели-гёрл, Лели-боя и еще одного ребенка). Письмо и портрет остаются неизвестными – ср. XXVII, 245.

[8] Пояс, полученный от Е.В. Сальяс, и лекарство ("лепешечки" и "ипекакуанный рецепт") Герцен выслал 20 июня и на следующий же день осведомился в письме, дошли ли они (см. XXVII, 241; ср. "Лит. наследство", т. 61 с. 810–811).

35

⟨Коус. 22 (?) июня 1862 г.⟩[1]

Вчера вечером я поздно легла и, лежа, все мысленно писала к тебе – поздно вечером я читала "Cosette"[2], и эта Тенардье[3] так мне казалась ужасна, потому что у меня с ней сходство, – нет, Огарев, ты страшно ошибаешься когда думаешь, что я себя не знаю; о нет, я во многом не сознаюсь громко, потому что мне страшно, чтоб близкие всё видели, даже сама, одна с собой, я часто отворачиваюсь от себя, как от бездны, в которую страшно заглянуть... Не знаю, кто из вас двух прав, ты ли в твоей недоверчивости к силе внутренней или Г⟨ерцен⟩ в его безумной уверенности, что чтó человек захочет, то он и сделает из себя, – до сих пор на себе я этого не испытала, проводя целые дни в размышлении; достаточно Лизиного каприза или их крика разом, и я опять та же Тенардье – минуту спустя я с ужасом вижу свое несправедливое нетерпенье – чтоб изменить мой невозможный нрав, я решилась на детскую вещь, я хочу вести свой журнал, но до сих пор я не могла написать строки; мне стыдно самой себя[4]...

Я была всегда избалована жизнию, близкими, воспитанием, но многосложная моя нынешняя жизнь еще больше развила дурные стороны – вообще, Огарев, я хуже с тех пор, как твоя рука оставила меня... ты своей кротостью, уважением ко мне, уваженьем моим к тебе делал страшно много для меня, я боялась твоего горя, я краснела без тебя, думая, что могу потерять твое уваженье, – друг мой, тут нет упреков никому – это рассказ; Гер⟨цен⟩ думает, что ты меня испортил излишней добротой, – а я говорю: ты один имел на меня огромное, чудное влияние – но это все прошедшее; как выйти на дорогу, чем спастись, если б ты мог – но я не знаю, можешь ли ты быть мне настолько близким, чтоб помочь мне – если б ты мог видеть, сколько желанья, но как исполненье – жалко, недостойно моих тридцати трех лет...

Я ждала женщину, которую бы я полюбила – страстно, которая бы спасла меня; годы летят, женщина эта не является... Тата – почти женщина; но она, боюсь сказать это, разлюбила меня навсегда; она права, но если б ты знал, если б она знала, как я любила ее и какая любовь и теперь у меня к ней, она бы бросилась ко мне на шею – но перешагнуть бездну, которая нас ныне разделяет, я не умею, – я не знаю, как и тут ревность (не к Мейзенбуг), а к тому, что уж многое нельзя воротить – воспоминанья страшные – Гер⟨цен⟩ думает, что я разлюбила N⟨atalie⟩[5], о нет, она была и есть мой идеал женщины, она поэтическое, чудное явление, которое, может, никогда не повторится... Несчастие мое в том, что в минуту раздраженья я говорю вздор, вещи, которых я не помню потом... а Гер⟨цен⟩ их помнит, они не имеют portée[51*], но они – доказательство беспощадной необузданности.

Пока будет, ты пиши, у меня голова горит...

Поцелуй детей, в понед⟨ельник⟩ или во вторник я им напишу...

Квартеры я не меняю – во-первых, оттого, что квартер маленьких почти нет, все целые дома, а потом мы тратим так мало на пищу, что квартера становится неразорительна, а люди здесь очень добры к Лизе; что касается до честности, то отстранила всякой соблазн, работаю сама, это берет мне ⟨!⟩ только час – кормят нянюшек и нас превосходно и почти даром; вот я не ждала сама, что сумею – выговоров по хозяйству 0, разговоров не более одного...

Ну прощайте, поцелуй всех, а Гер⟨цену⟩ скажи, что Лиза его все ждет, говорит с уверенностью: "Я ему напишу, он сейчас приедет".

Косили траву в саду – Лиза говорит мне: "Мама, он с пистолетом траву режет". Я расхохоталась – она обиделась: "Ты не поняла, его фамилия Пистолет".

Об Cosette я ей рассказывала, она слушала с большим вниманьем и подсказывала мне, должно быть, Гер⟨цен⟩ уж рассказ⟨ывал⟩.

[51*] значения (*франц*).

Если кто ко мне приедет, я бы хотела пару темных перчаток и нянюшке тонкую, летнюю шаль в пять или 6 шиллингов, не более. Тате скажи, а сам не покупай...

Еще вопрос, я здесь встретила очень милую крестьянку, можно ли ее взять в помощницы, когда приеду в Лонд⟨он⟩? поговори с Гер⟨ценом⟩. Это для м⟨еня?⟩

[1] Герцен и Огарев приехали в Вентнор, где жила Нат.Ал., 4 и 5 июня 1862 г. Огарев возвратился в Лондон через неделю, Герцен – 17 июня. Настоящее письмо написано уже после его отъезда. Дата уточняется по упоминанию о чтении Нат.Ал. романа В. Гюго "Отверженные", третий том которого Герцен обещал привезти с собой (см. XXVII, 226), а также указанием на ее возраст.

[2] *Cosette* – героиня романа Гюго и название одной из его частей.

[3] *Тенардье* – персонаж романа Гюго, трактирщица-садистка, безжалостно эксплуатировавшая свою малолетнюю служанку Козетту.

[4] *Журнал* – т.е. дневник Нат.Ал., который она неоднократно начинала писать после переезда в Лондон. Большинство этих записей опубликовано в *РП* IV; часть из них см. ниже в настоящем разделе, в обзоре Т.Ю. Соболь.

[5] Имеется в виду покойная жена Герцена.

36
ТУЧКОВА-ОГАРЕВА И ГЕРЦЕН – ОГАРЕВУ

⟨Коус. Двадцатые числа июля 1862 г.⟩[1]
4, Porchester Terrace, Bayrwater

В четверг будем, собиралась отвечать тебе длинным письмом[2], не удалось – сегодня у нас Гер⟨цен⟩ обедал[3], сейчас пришла Вар⟨вара⟩ Тим⟨офеевна⟩[4] с Малушей[5]... Прощай, целую тебя – девочке[6] лучше, но все-таки понос.

Рукой Герцена:
– Нового ничего. Письмо получил[7]. Разумеется, я согласен[8]. С⟨ерно⟩-С⟨оловьевич⟩ уехал[9], и Ираклий[10] – нет. Он остается еще несколько месяцев за границей. Ты воистину его слишком серьезно принимаешь.

Сегодня приехал какой-то поляк для переговоров[11].

Все знают, что Пот⟨ебня⟩ – Пот⟨ебня⟩ и что он едет назад[12]. Я до того взбешен этим, что написал Бак⟨унину⟩, что я в этом деле мою руки[13].

Март⟨ьянов⟩ *не* едет в Россию – он, по-моему, или сумасшедший, или проблематичен[14].

А что, о Devonshire Cottage ты ничего не будешь писать?[15]

[1] Дата устанавливается по содержанию; четверг приходился на 24 июля.

[2] Письмо Огарева, на которое отвечает Нат.Ал., неизвестно.

[3] Судя по этому письму, Герцен, находившийся в Коусе с 21 июля, поселился отдельно от семьи – вероятно, в гостинице.

[4] *Варвара Тимофеевна* – жена В.И. Кельсиева, "прямая, простодушная женщина, вполне преданная мужу" (*Тучкова-Огарева*, 155).

[5] *Мария* (Маруся, Малуша, Милуша) – малолетняя дочь Кельсиевых. В 1863 г. она была увезена в Добрудужу, к отцу, и через два года там умерла. Герцен предвидел ее печальную участь. "Помню, – вспоминала Нат.Ал., – что Герцен гладил Марусю по голове и говорил ей ласковые речи, а в голосе его слышны были слезы. Ему жаль было этого бедного, слабого ребенка, которого судьба уносила далеко от нас, не знаю зачем" (там же, 199).

В "амстердамской коллекции" сохранилось недатированное письмо Нат.Ал. к В.Т. Кельсиевой (быть может, неотправленное – по-видимому, написанное после возвращения Кельсиевой из Коуса в Лондон):

«Понед⟨ельник⟩. 4, Porchester Terrace, Kensington Garde. W⟨est⟩

Мне очень досадно, что я не могла до сих пор вам написать, это не из учтивости, а просто мне хотелось навестить вас заочно... Гер⟨цен⟩ сказал мне, что послал вам письмо от В⟨асилия⟩ Ив⟨ановича⟩, стало, вы покойнее – кровать, должно быть, получили – скоро еще пришлю вам "Колокол" и журналы – везде застой и тоска...

За участие к Леле благодарю вас искренно – припадок не повторялся, но он очень тревожен, у него прорезывается второй зуб – а у девочки все нет как нет. Через месяц мы, кажется, переедем в большой дом где-то около Лонд⟨она⟩, надеюсь, что увижусь с вами до переезда, а нет – так будьте добры, приезжайте к нам в гости с Малушей, когда будете в Лондоне... Я оттого вас так зову, что с одним ребенком гораздо легче двигаться, а я уж там засяду надолго, ездить без детей очень больно, а всех забирать в дорогу и неудобно.

Ну что Малуша? я надеюсь, что вы ошибаетесь на ее счет, главное для нее как можно больше быть на воздухе и, если можно, у самого моря.

Прощайте, любезная Варвара Тимофеевна, как бы мне хотелось сделать, чтоб вам было хорошо, уединение подчас очень тяжело, я это знаю, вот около полугода, что я живу почти исключительно для детей и потому большею частью тоже одна – с каждым днем я более к этому привыкаю, только скучно иногда, когда, вместо того чтоб читать или играть на фортепьяно, надо шить – а с детьми это необходимо; вот это довольно неприятная жертва, когда я одна; я люблю только работать, когда читают или разговаривают.

Ну, я заболталась, пора бежать – крепко жму вашу руку. Вся ваша

N. O г.»

[6] Малолетняя Леля-гёрл.

[7] Это письмо Огарева неизвестно.

[8] О чем идет речь, неясно.

[9] А.А. Серно-Соловьевич. См. *Тучкова-Огарева*, 152–153.

[10] *Ираклий* – возможно, прозвище или псевдоним В.В. Стасова, находившегося в это время за границей и посещавшего Герцена.

[11] Вероятно, *З. Падлевский* – представитель петербургской офицерской организации, приятель В.Ф. Лугинина. О его прибытии для переговоров в Лондон см. в "Былом и думах" – XI, 368–369; *ЛЖГ* III, 343.

[12] А.А. Потебня дважды приезжал в Лондон, где встречался с Герценом. В этом письме имеется в виду его *второй* приезд. Нарушение инкогнито Потебни (вероятно, Бакуниным) крайне рассердило Герцена, т.к. представляло смертельную опасность для молодого и симпатичного ему революционера.

[13] Это письмо к Бакунину неизвестно.

[14] П.А. Мартьянов возвратился в Россию только в апреле 1863 г. "Проблематичным", т.е. подозрительным в отношении связей с полицией, он, вероятно, казался вследствие противоречивости своих политических взглядов. Смущало Герцена и намерение Мартьянова сдаться русским властям на границе (см. в "Воспоминаниях" Нат.Ал.: "Сначала Герцен относился к нему несколько недоверчиво, но вскоре характер Мартьянова так обрисовался резко, что немыслимо было подозревать его в шпионстве. Мартьянов отличался необыкновенно прямым нравом и резко определенным воззрением: он веровал в русский народ и в русского земского царя" (*Тучкова-Огарева*, 179). Подробно о Мартьянове и его трагической судьбе см. в статье Герцена "П.А. Мартьянов и земский царь" (XVIII, 11–15) и в книге Мих. Лемке "Очерки освободительного движения "шестидесятых годов" по неизданным документам с портретами", глава "Дело П.А. Мартьянова". М., 1908, с. 335–356).

[15] Среди писем Нат.Ал. к отцу, относящихся к 1861–1862 гг., сохранилась открытка с видом деревушки в графстве Девоншир. "В этом домике на полугорке, – сообщает она, – мы много раз завтракали с детьми, отправляясь на набережную за камнями. Девоншир очень, очень красив" (*РГАЛИ*, ф. 498, оп. 1, ед.хр. 43, л. 45).

37
ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ

⟨Коус, Около 21 августа 1862 г.⟩[1]

Как мне совестно, что я вас так мучу, – не сбивайтесь так с ног – квартеру мне хочется с садом, никакой не хочется на неделю – это с детьми слишком трудно, я лучше здесь подожду – я очень терпелива и нетороплива, я только уступаю своему здоровью и аглицкой нянюшке, а мне лично не может быть лучше здешнего – днем гуляем, а по вечеру читаю, и ни разу мне не было и не будет скучно... Такой тишины внутренней и внешней мне нигде не найти...

Не будь этих арестаций, я могла бы смело сказать, что это мой светлый закат.

Я живу в настоящем, думаю, что в нем много хорошего, а впереди ничего не жду особенно светлого – я ценю настоящее, как старики ценят иногда.

Ну прощай, это все вздор, все это ненужно...

Неужели это верно, что С⟨ерно⟩-С⟨оловьевич⟩ там по доносу о письме[2]... это ужасно тяжело...

Жду денег – буду здесь жить пока вы найдете что-нибудь хорошего, лишь бы *пени* опять не пропустил, мне хочется на месте прожить 3 месяца, а если вы захотите, то и больше – пусть Герц⟨ен решит⟩, что для вас выгоднее; может, вам лучше остаться в Orsett House[3], все это надо обдумать, не торопясь, а я на все согласна – мне везде хорошо.

[1] Ответ на неизвестные письма Герцена и Огарева. Датируется по упоминанию о недавнем аресте Н.А. Серно-Соловьевича, Н.Г. Чернышевского и др. общественных деятелей (см. XXVII, 251).

[2] Н.А. Серно-Соловьевич и Чернышевский были арестованы в Петербурге 19/7 июля. Поводом явилось письмо Герцена и Огарева к Серно-Соловьевичу, захваченное на границе при аресте П.А. Ветошникова (см. XXVII, 243–244).

[3] Герцен с семьей продолжал оставаться в Orsett House до середины лета следующего года.

38

⟨Борнемут. Середина июня, не позже 19-го 1864 г.⟩[1]

Ты спрашиваешь о моем внутреннем настроении[2] – вот тебе правда: оно мрачно, без искры надежды и веры в жизнь и в себя, но оно полно желания счастия и спокойствия других – я исполню то, что себе обещала[3], но моя жизнь кончена, с ужасом оглядываюсь на всю свою жизнь, всё ошибки, всё эгоизм и ошибки, которые сделали много зла другим, ни одного шага, на котором бы я могла с светлой улыбкой остановиться и сказать себе: "Ну, это было хорошо..." О, Огарев, я истинно очень несчастна...

Гер⟨цен⟩ давал мне перечитывать свои записки[4]; как больно мне было за нее[5] – да, я ее сильно любила, хотя годы не смела говорить этого, я чувствовала, как люблю ее по боли, которую ощущала, читая страшные ее мученья, – и тут тоже я виновата, и вдвойне[6]... Не тебе бы идти первому, а мне – пока служба моя продолжается, я должна помнить и молчать – исправить многого уже нельзя да и воскреснуть я уж не могу; кажется, все то же, люди, природа кругом, но все это ново для меня; я-то, я прошла...

Ну прощай, не бойся меня, жду Тату и Ольгу с любовью, а ты помогай, говори иногда Ольгиному сердцу[7]...

На обороте:
Н.П. Огареву
вручить

[1] Приблизительная дата устанавливается по упоминанию о предстоящем приезде в Борнемут старших дочерей Герцена (ср. *ЛЖГ* III, 663). 20 июня в Борнемут приехал Огарев.

[2] Ответ на неизвестное письмо Огарева.

[3] Вероятно, это обещание заключалось в.изменении отношения к дочерям Герцена, возвращавшимся в семью после продолжительного отсутствия.

[4] В первый раз Герцен ознакомил Нат.Ал. с частью пятой "Былого и дум" в 1856 г., вскоре после переезда ее в Лондон.

[5] Т.е. за покойную жену Герцена Наталью Александровну.

[6] *Виновата, и вдвойне* – т.е. за то, что относится к детям своей ближайшей подруги не как мать, а как мачеха.

[7] См. след. письма. Тата и Ольга были в это время в Швейцарии. Обе ожидались в Лондоне около 23 числа.

39
ОГАРЕВУ И ГЕРЦЕНУ

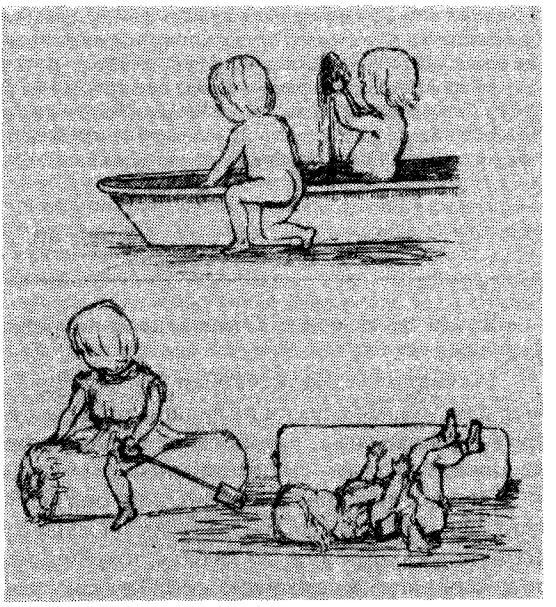
⟨Борнемут. 21 июня 1864 г.⟩. Вторник[1]

Лиза ужасно обрадовалась книге[2]... а я благодарю за перчатки. – Сегодня праздник, и здесь дети и нянюшки с утра на улице – мимо наших окон прошла процессия,

не белом знаме ⟨!⟩ было написано "Poland"[52*], на другом: "Succes to Poland[53**]... Вот мненье народа, а правительство его иначе думает. Сегодня я не могла ни строки в "Тэймсе" отыскать об Польше – что же это значит?[3]

Ну, об домах, чтоб не забыть: видела дом, довольно просторный, но некрасивый, мебель и ковры еле держатся; из салона виден уголок моря и лавки, что́ около твоего отеля, – агент говорит, что на 6 м⟨есяцев⟩ отдаст даже за 4 гинеи – а зиму по 2. Сада нет, а другие дома по 10 и 12 гиней, на набережной или вне города, вроде за́мка, и больше ничего нет...

Нет, Гер⟨цен⟩, ты прав, а не Мейзенб⟨уг⟩[4]. Ис⟨т⟩борн некрасив, кругом голые горы, а не скалы да и не высокие горы, а так... но, по-моему, можно было бы здесь жить только чтоб дышать чистым воздухом – это страшная разница, не чувствуешь никакого раздраженья, покойнее на душе, и что́ не по сердцу – как-то принимается покойнее; вот, по крайней мере, как оно на меня действует...



АЛЕКСЕЙ И ЕЛЕНА (ЛЕЛЯ-BOY И ЛЕЛЯ-GIRL) – ДЕТИ ГЕРЦЕНА И Н.А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ

Из семейного альбома Герценов. Рисунки Таты Герцен ⟨?⟩ (перо). ⟨Борнемут, лето 1864 г.⟩

Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится по книге: "Русские пропилеи". Т. IV. Москва, 1917

"Дети растут, выравниваются – мальчик ⟨со⟩ временем будет похож на Лизу, а девочка сама на себя похожа – очень хороша и веселая такая ⟨...⟩" (Н.А. Тучкова-Огарева – Н.Н. Сатиной, 17 апреля 1862 г.)

Лиза совсем здорова, Лелю-мальчика опять зубы мучат, он плачет беспрестанно, но припадков нет теперь – Леле мне, наконец, удалось дать лекарство в варенье, по рецепту мне сделали еще этих порошков... У Лели кашель, насморк, а я, должно быть, сидя у моря, простудилась, спина так болела дня четыре, что я испугалась, думая, что это относится к моей болезни, – а теперь я совсем поправилась духом и телом – просто молодею.

Я взяла читать твою франц⟨узскую⟩ книгу об России[5].

Ну, прощайте, будьте здоровы и целы, я много об вас думаю, много бы желала сделать для вашего спокойствия, укажите, помогите, а не так говорите мне просто, не все делается преднамеренно дурно... ведь лучше спустить что-нибудь человеку, чем мстить ему за намерение, которого он не имел. Дайте ваши руки.

До свиданья.

Лиза думала, что книга от Ольге ⟨!⟩, – отчего ты ни слова не говоришь об Тате?.. Я вам пишу обоим всегда.

[1] Отдельные подробности в этом письме позволяют отнести его к лету 1864 г., когда Нат. Ал. жила в Борнемуте (ср., например, упоминание о море). Написано оно было, по-видимому, после письма к Герцену от 15 июня (*РП* IV, 273–276), опубликованного с явно ошибочной датой (лето 1862) и ошибочным обозначением места написания (о. Уайт). (Вторник после 15 июня приходился на 21 число в 1864 г.)

[2] Какая книга была выслана Лизе (без сомнения, с Огаревым) – не установлено.

[3] 16 июня 1864 г. Александр II встретился в Бад-Киссингене с австрийским императором Францем-Иосифом – через несколько дней после свидания с прусским королем Вильгельмом I. В этих переговорах, вызвавших многочисленные комментарии в европейской прессе и прилив интереса к польскому воп-

5 2* "Польша" (*англ.*).

5 3** "Успеха Польше" (*англ.*).

росу, участвовали министр иностранных дел кн. А.М. Горчаков и Бисмарк. В это время курсировали слухи о заключении договора, который гарантировал трем государям неприкосновенность польских владений (см. XVIII, 586 и "Моск. ведомости", № 127 от 10/22 июня 1864 г.).

[4] Вероятно, Герцен рекомендовал поселиться в Борнемуте, а Мейзенбуг советовала Истборн.

[5] Сочинение Герцена "Nouvelle phase de la littérature russe" появилось вначале в брюссельском "Cloche" ("Колокол"), 25 мая – 15 июня (№ 44–45), а затем в виде отдельной брошюры в октябре того же года (Bruxelles et Gand). Вероятно, упоминая о книге, Нат.Ал. имеет здесь в виду ее газетную публикацию.

40

⟨Лондон. 14 или 15 ноября 1864 г.⟩[1]

Я тебе не отвечала, Огарев, не из небрежности, а потому, что мне так тяжело тебе отвечать[2].

Ты видишь все мои ошибки, все мои преступленья, вольные или невольные, мнимые и не мнимые, но ты не видишь правды – ты не видишь той боли, с которой я внутренно рассталась с тобой, ты не видишь всего ужаса моего внутреннего одиночества, моей чуждости – ты не видишь, что я встретила детей с открытой душой[3] – Тату я, конечно, всех более люблю, но и она меня отталкивает своим эгоизмом; я понимаю, как он сложился, но все-таки он меня отталкивает, не дает мне ее любить, как бы хотелось; об Саше ты знаешь, что Г⟨ерцен⟩ не может сам прожить с ним недели, не поссорившись семь раз[4], – об Ольге я с тобой никогда не говорила, т.е. в последнее время, – когда она, недовольная чем-то, за русским уроком, начала мне говорить, что она ненавидит детей[5] и изломит медальон в мелкие куски, и, признаюсь, видела в этом не простую шалость, а злобу, а потом я видела, как ее пример грубости со мной действовал на Лизу; если ты скажешь, что я тоже дурно поступала, я не буду спорить, я была глубоко возмущена... Что же мне делать? ты не знаешь, как я желаю вам всем счастия и спокойствия, – видя, что мое столкновение с детьми вносит много дурного в вашу жизнь, я решилась жить одна с детьми – трудно мне, и я совсем не самонадеянно смотрю на это, но что же делать? – Я бы очень хотела, чтоб вы пожили с старшими детьми в Швейц⟨арии⟩, сделали бы для них все, что возможно, а я бы с вами иногда видалась где-нибудь во Франции... Вы успокоитесь, и, может, будете иначе смотреть на меня – а я буду стараться сделать что-нибудь для детей, другой привязанности у меня нет, кроме к тем, которые так далеки, что мой голос до них не доходит[6]... Через несколько лет вы увидите, могла ли я что-нибудь сделать для детей, или нет – а теперь, право, нельзя ни о чем судить, надо успокоиться где-нибудь, надо время.

Ну прощай, одна из больших радостей в моей жизни будет твое выздоровление – ты им сделаешь много для Г⟨ерцена⟩, в последний твой припадок он стоял, как убитый, и слезы текли по его щекам[7].

[1] Ответ на письмо Огарева от 7 ноября (см. след. прим.).

[2] Вот текст этого письма Огарева:

"*Понедельник. На сон грядущий*

Давеча я нес Лелю, и мне пришло в голову многое. Говорить с тобой сделалось как-то невозможно, и потому я пишу. Если б ты знала – как я внутренно был счастлив, что я несу Лелю, т.е. если б ты знала, как глубоко я люблю детей, ты, может быть, поняла бы многое, чего ты не понимаешь или не хочешь понимать. Но ты серьезного, искреннего слова со мной до сих пор сказать не хочешь; а между тем ты едешь. Неужели это так и останется? Неужели тебе в голову не придет, что, однако, и моя долгая любовь к тебе, и моя огромная любовь к детям, и мое (несмотря на все пороки) человеческое разумение – заслуживают же, чтоб перед отъездом было сказано со мной человеческое слово и обсуждены многие вопросы? Неужели у тебя нет этой потребности? Это мне не только странно, но и *страшно*, потому что я в этом вижу твое падение, твое погружение в личные [позорные, гадкие] ненависти и сплетню, внутри себя созданную и возведенную в первоклассную роль. Это ты обычно принимаешь за свободу и искренность, между тем как это только откровенность во всяком капризе, санкция каждого каприза. Я мог бы сказать, что мое пьянство есть свобода и откровенность, но я этого не скажу, а скажу, что мое пьянство есть слабость и грех. Я не стану его оправдывать, потому что я сильно различаю откровенность самооправдающуюся – и искренность перед правдой, которая всегда заставит обратить анализ на самого себя... сказать – "да! я поступаю гадко". Я могу сказать, что мои пороки доставляют мне наслаждение (это вовсе не оп-

равдание – мало ли безумий доставляют наслаждение!), но каким образом... ненависть, злоба и сплетня могут доставить наслаждение – этого я не понимаю [потому что это просто пошло и подло, но простить]. Присматриваясь к твоим отношениям к *детям*, я вижу – *фамильярность* наружную и внутреннюю *ненависть* – от больших до мельчайших поступков. Мне это больно за тебя, больно так, что если б я немного дал себе волю, так я удрал бы в Америку или зарезался бы. Я себя держу и стану еще строже, т.е. действительно строго, держать себя, потому что могу еще быть полезен *делу* и *детям*. Не будь этого убеждения, тебе было бы достаточно, как ты теперь себя ведешь, чтоб я умер с *радостью*, потому что жизнь невыносима. Неужто тебе все это непочем? Неужели тебе не жаль ни меня, ни *его*, что мало того, что ты заставляешь нас в каждой мелочи играть пошлую [и подлую] роль, что ты своей неодолимой злобой разрушаешь семью, покой и всякое человеческое достоинство, или заставляешь лезть на нож, потому что другого исхода от тебя нет. Опомнись! Будь человеком – вот все, что я от тебя требую.

Теперь об отъезде. У тебя три ребенка, которых я люблю страстно. [Ехать одной, в то время, когда русское правительство может украсть, что хочет, или когда, по крайней мере, неизвестно, что и как поставлено] и что для того, чтоб знать это, надо недели две, – ехать всенепременно сейчас – да ведь это тоже [злодейство]. Чтож, ты ничего не можешь выдержать и потерпеть. Загорелось – так все нипочем? Наташа моя, в последний раз говорю это имя – ведь это страшно гадко. Ведь все вздор – одна, в Париже, ты меньше поселишься, чем где-нибудь, в обыкновенных обстоятельствах, а в *этих обстоятельствах* только тогда, когда кому-нибудь из нас проезд окажется безопасным. Неужто же ты и детьми хочешь жертвовать своему капризу (который, в сущности, только безумная злоба), неужели же ты не можешь подождать двух недель? Я уже не говорю о том, что разумнее остаться в Англии и, как мне ни *хотелось бы* ОДИНОЧЕСТВА, я остался бы вместе, детей ради и приличия ради, не считая это жертвой; но, может, и лучше тебе полгода одной пожить, но нельзя же для этого жертвовать детьми и спокойствием всех.

Поехать вместе с Герценым, который бы все нашел, чтоб вас пристроить, которого *свободный проезд был бы обеспечением свободы и безопасности всех* (а без этого нельзя ничего предпринимать), поехать вместе, и прилично, и успокоительно для детей. Если ты хочешь сделать противное (я тебе не мешаю), т.е. заставить семью жить врозь и, следственно, тратить лишние тысячи, показать, как Серно-Соловьевичу, что мы тебя обижаем пятаками, и этим уколоть нас, то пойми же, что это подлость, против которой я восстану *прямо*, потому что я перед твоим отцом подлецом быть не хочу. И я не знаю, что ему будет грустнее – то ли, что ты нищенствуешь облыжно, или принять это за подлость с моей стороны. Вдобавок, он этому с моей стороны не поверит. А я тебе прямо говорю – я его слишком люблю и уважаю, чтоб пожертвовать моей самой внутренней честью для того, чтобы дать ход твоему злобному капризу или твоей капризной злобе.

В заключение скажу: я не понимаю ни твоей поспешности уехать, как бы это матерьяльно неловко и опасно для твоих детей не было, ни твоего избегания сказать со мной в самом деле человеческое, серьезное слово. Я нахожу, что все это адорация ⟨обожание от лат. adoratio⟩, сплетни и нечеловеческие поступки. Я требую ответа" (*РГБ*, ф. 69,8. 326, л. 1–4; обоснование датировки: *ЛЖГ* IV, 47).

[3] Дочери Герцена возвратились из Парижа 24 июня. Нат.Ал. встретила их очень тепло. Вскоре, однако, отношения между ними снова обострились, вследствие чего совместная жизнь оказалась невозможной. 25 октября Тата, Ольга и Мейзенбуг уехали в Италию (см.письмо Таты к отцу от 25 ноября 1864 г.).

[4] О взаимоотношениях Герцена и его сына см. подробно ниже, в посвященном А.А. Герцену разделе.

[5] *Дети* – близнецы Леля-герл и Леля-бой.

[6] Родители, сестра и племянники Нат. Ал., жившие в Пензенской губернии.

[7] Об этом припадке падучей болезни, которой страдал Огарев, см. в XXVII, 507–508.

41

ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ

⟨Париж. 16 ноября 1864 г.⟩ Середа[1]

Сегодня, вероятно, вам будет длинное письмо от меня... Вот в чем дело, я зашла в rue Castiglionne в bureau[54*], где даром дают адресы квартер, и два дня я ходила по всем возможным квартерам – в bureaux[55*] они меня ужасно торопят, уверяя, что квартеры вздорожают с каждым днем. Не знаю, когда вы получите мое письмо, которое я послала уже через Тхор⟨жевского⟩[2], я решаюсь идти к Льв⟨ицким⟩ и просить кого-нибудь из них сходить со мной. Хозяйка соглашается за 450, только помесячно, так что как она найдет кого-нибудь выгоднее, так мне надо убираться. За 470 она отдает на три месяца и, кажется, согласится с марта отдавать за 400; постельное белье тоже даст – я думаю, лучше, чтоб вы привезли скатерти и салфетки, ножи и вилки, а простыни слишком тяжелы – насчет колязочки⟨!⟩ делайте, как хотите, если квартера будет близка к Тюл⟨ьери⟩, можно и обойтись без нее; насчет дет⟨ских⟩ кроватей

[54*] контору (*франц.*).

[55*] конторах (*франц.*).

увидим: у меня есть квартера очень возможная, в 400 fr., на три месяца, но там комната Мари страшно далеко от моих спальней, за кухней... а тут я могу устроиться, чтоб тебе была спальня или в ⟨...⟩[56*]. M-lle Michel не получала никаких писем из Р⟨оссии⟩[3]. У меня сердце замирает; если б этот страх был понапрасну!.. Деньги я просила С⟨атина⟩ переслать через Рот⟨шильда⟩ в Лонд⟨он⟩. Может, перехватили или что-нибудь случилось с ними...

Дети становятся немного умнее, однако Лизой я далеко не совсем довольна. Она часто нехороша с Мари и плачет легче детей... Так как мы пробовали два раза обедать дома и решительно обед невозможен и подают все холодное, то мы ходим в маленькие рестораны, т.е. куда придется, и дети привыкают очень умно и тихо себя вести, все на них смотрят с улыбкой, и никто не скандализируется, одна Мари ужасно сконфужена и всему дивится[57*] – наш обед стоит 5 или 6 fr. Мы пьем кофий в 9 все вместе; если кто кричит, то Мари уносит в спальню; обедаем в 1 ч⟨ас⟩, потом дома пьем чай в 5 все вместе... Едва ли им удастся сделать мне длинный счет – насчет лестницы не беспокойся, оно высоко, но я выхожу только раз в день, возвращаюсь к 5⟨-ти⟩ и тогда уже не двигаюсь. Письмы М.А.[4] очень интересны, я каждый ⟨день⟩ читаю до 11⟨-ти⟩. Скоро дочту и жду с нетерпеньем от тебя книг. Лиза, как приехала, все просила посмотреть на этот страшный дом, где прежде так мучили людей, имя она не могла вспомнить; когда я ей назвала Бастилью, она пришла в восторг: "Да, да, мама"...

Пойду к Льв⟨ицким⟩, и если они найдут что квар⟨тера⟩ хороша и недорога, я возьму ее; тогда с субботы я буду там, так что ты мог бы у нас остановиться.

Была у Льв⟨ицких⟩, он очень любезен – они находят, что квар⟨тера⟩ дорога, можно найти дешевле в Елисей⟨ских⟩ полях. Сегодня я иду, или, лучше, еду (к несчастью, m-me Л⟨ьвицкая⟩[5] ходить не любит – с m-me Льв⟨ицкой⟩), и, если найдем что-нибудь хорошего, то сейчас наймем[6]... Сегодня я спрошу m-me Льв⟨ицкую⟩, знает ли она молодую девушку, которая бы могла заниматься с Лизой, ходить гулять со всеми тремя и, когда мне нужно, оставаться с маленькими – я бы готова попробовать и твою швейц⟨арку⟩, но, может, у нее более претензий, а я хочу таким образом чередоваться с ней и не иметь совсем няньки, а только кухарку и, когда нужно, твою раз в неделю.

Главное, что дурно, это неравенство; в Лизе будет огромная перемена к лучшему, когда не будет людей, которые чувствуют себя mal à l'aise[58*] и сами себя презирают. Я пробовала все, что могла, – разговором, даже тем, что обед и все было вместе, но оказалось – всё *бисер*[7]. Я тебе давно говорила это и теперь хочу привести это в исполненье. Я жду от этого великой пользы...

Дети здесь стали еще веселее. Лиза тоже – вчера она все играла с Полиной[8], которая очень мила.

Ты не пишешь ничего об детях; я думаю, они уже в Риме[9], мне Тату все жаль. На внутреннее письмо твое только могу сказать, что мне очень больно, что все мое существование несет ⟨?⟩[59*] только горе, я очень несчастна и ничего бы для себя не желала, кроме смерти, – если б я была настолько свободна, чтоб умереть. Ог⟨арева⟩ я не понимаю; если б он мне слово сказал, я бы осталась, но он сам желал жить один; если б я осталась в Л⟨ондоне⟩, это было бы невозможно...

Все письма ваши дошли.

Прощайте, буду тебя ждать. Лиза ждет тебя с нетерпеньем.

Если жить в Елис⟨ейских⟩ полях, я думаю, колязочка была бы очень нужна, – потому что далеко от всего; впрочем, это все неважно – кроватки приятно иметь, но можно обойтись.

Не думай, что ⟨...⟩[60*]

Деньги пришли да у меня еще есть[10].

[56*] В автографе клякса, и слово не читается. – *Ред.*

[57*] *В автографе* – давится. – *Ред.*

[58*] не по себе (*франц.*).

[59*] В автографе клякса, слово читается предположительно. – *Ред.*

[60*] В автографе замараны и не поддаются прочтению три строки, написанные на верхнем поле. – *Ред.*

[1] Письмо написано во время пребывания Нат.Ал. с детьми в Париже – между 11 ноября 1864 г. (дата их отъезда из Лондона – см. XXVII, 520) и 21 ноября (дата отъезда Герцена в Париж – см. XXVII, 521 и 527) и помета "середа" позволяет уточнить дату. Возможно, что Нат.Ал. отвечает здесь на неизвестное письмо Герцена (ср. XXVII, 921). Несколько других ее писем, отправленных из Парижа Герцену и Огареву до публикуемого письма, неизвестны. Написанное в тот же день письмо Герцена к Нат.Ал. – XXVII, 524–525. На него отвечает Нат.Ал. в этом письме, очевидно несколько задержавшемся с отправкой.

[2] Одно из не дошедших до нас писем (см. предыд. прим.).

[3] Нат.Ал. встретилась в Париже со своей бывшей гувернанткой Каролиной Мишель.

[4] Вероятно, имеются в виду "Письма о России" М.А. Бакунина (на французском языке), впервые напечатанные в № 27 "Cloche" 15 сентября 1863 г.

[5] *М. Л. Левицкая* (*Львицкая*) – сестра двоюродного брата Герцена, известного фотографа Сергея Львовича, жившего в это время с семьей в Париже.

[6] Была снята квартира на rue du Colisée, близ Елисейских полей (см. XXVI, 527–528).

[7] Намек на евангельское изречение "Не мечите бисер перед свиньями" (*Матф.*, 7–8).

[8] *Полина* – дочь С.Л. Левицкого, позднее ставшая прославленной оперной певицей.

[9] Тата и Ольга действительно находились тогда в Риме.

[10] Ответ Герцена от 18 ноября – см. XXVII, 526. Откликаясь на реплику Нат.Ал. в этом письме, Герцен замечал: "Что ты чувствуешь себя несчастной и часто страдаешь, я верю и всегда верил. Если б ты не была несчастна, то и надежды не было бы".

Между этим и следующими письмами – ряд катастрофических событий: заболевание близнецов дифтерией, свирепствовавшей тогда в Париже, и их мучительная смерть. По настоянию врачей Нат.Ал. и Лиза были увезены из столицы в южнофранцузский город Монпелье, где эпидемии не было. До Дижона их сопровождала Е.В. Сальяс (см. ниже в этом разделе публикацию писем Нат.Ал. к Герцену, относящихся к этому времени).

42
ГЕРЦЕНУ

⟨Монпелье. 14 декабря 1864 г.⟩. Середа[1]

[Я в депеше ошиблась, написала Tronson вместо Tarascon.][2] Я поправила депешу[3]. Мы приехали туда в бурю в 4-м часу утра – ни омнибуса, ни кареты, ни даже человека, который бы понес Лизу... Какой-то господин мне сказал: "Поезжайте уж лучше сразу в Mont⟨pellier⟩, а то тут уж слишком трудно будет с ребенком..." Я подумала: "Ветер воет, а у Лизы изредка сухой кашель, пятно не прошло на щеке, нос и глаза чешутся", – подумала и доехала до Montpellier.

Надо, чтоб Лиза успокоилась, она по-своему, по-детски вынесла страшное потрясенье[4] – каждый день она не может заснуть – и начинает плакать молча... я думаю, в эти минуты она вспоминает отсутствующих...

Тяжело, Герцен, так тяжело, что иногда глупо не верится, что это в самом деле... Лелино[5] место никто не займет в моем сердце – а забудешь разве когда лишишься рассудка... Я не знаю, почему люди так боятся помешательства, это должно быть легче...

Ну, прощай, вот моя рука.

Твоя Н а т а л и

Я думаю, что Ог⟨арев⟩ уехал[6] – m-me S⟨alias⟩ вам скажет, почему я не осталась в Дижоне[7], а здесь скверно – ветер и дождь вот уж три дня... Комната наша тепла и на солнце, но зато высоко. Hôtel не очень хорош, но я тебя подожду...

Вот моя плаха, на которой мне голову отрубили[8]. Пришли адрес детей.

Если ты скоро с нами, соберемся в Ниццу.

[1] Дата устанавливается по содержанию письма; уточнена по календарю.

[2] Нат.Ал. выехала с Лизой в Монпелье по настоянию врачей, т.к. в Париже свирепствовала эпидемия дифтерии.

[3] Эта телеграмма к Герцену о приезде в Тараскон неизвестна.

[4] Имеется в виду недавняя болезнь и смерть близнецов в Париже.

[5] Речь идет об умершей дочери – Леле-гёрл.

[6] Огарев, приехавший в Париж в связи с болезнью близнецов, должен был вскоре возвратиться в Женеву.

[7] До Дижона Нат.Ал. и Лизу провожала Е.В. Сальяс.

[8] Своей *плахой* Нат.Ал. назвала недавнюю катастрофу, лишившую ее любимой дочери и сына.

43

28 д⟨екабря⟩ 1864. Hôtel Nevet. Montpellier

Вчера в 9 3/4 Герцен оставил нас[1], я рада за него – ему становилось жутко здесь. Он обещался воротиться – недели через три или четыре[2]... Лиза его очень огорчала и меня тоже, но я со страхом думаю, что едва ли разнузданные нервы ее придут в порядок, прежде чем обстановка переменится... Мари невесела от природы, и я... ей больно смотреть на мѐня... потом вечно в одной комнате – погода все очень дурна – она скучает и блажит беспрестанно, страх за меня не покидает ее ни днем, ни ночью... Она не отпускает меня ни на одну секунду из комнаты. Вот тебе рапорт об Лизи...

Что же могу сказать об себе?.. Ты все знаешь, я подрезала своими руками нитку, которая так крепко привязывала меня к жизни... как примириться?.. я сама та грозная случайность, которая убила их... Теперь я поняла твою теорию против матери, да, ты прав, я была не мать, а какая-то безумная, безумно любящая Лелю... Как же ты хочешь, чтоб я поняла необходимость жить для Лизы – о нет, каждая умная и добрая женщина будет лучшей матерью.

Мне жаль Лизу, я ее очень, очень люблю, мне хотелось бы видеть ее добрую, любящую и твердую, когда и для нее... настанет страшная минута, но, Огарев, не могу лгать – любовь не переносится с одного на другого, Лиза не может заменить да и бедный бой не мог бы заменить ее, это была моя звезда, в эту темную ночь наших бедствий, когда я чувствовала, что всеми оставлена, я жалась к ней и что, что было для меня в этой маленькой головке... Связь с ней только наружно порвалась, я ее близнец не менее его... Что будет, не знаю, но меня и днем и ночью тянет к ней; может, и не к ней, а к тому неизвестному мученью, через которое она прошла. Мне кажется невероятно, что она страдала так жестоко, а я ничего... Знаешь ли ты, что в субботу, в полночь будет уже месяц[3], а мне кажется, что это было на днях. Время, мне кажется, облегчает только неизбежные печали, а те, которые были вызваны самим, те едки – они неутомимы, всегда тут – голова ли клонится от тупой устали – голос совести моей спрашивает: "Natalie, где твои дети, чтó ты сделала с ними? Где та, без которой ты дышать не могла? Неужели ты в самом деле можешь жить без нее?" Встанешь, просишь пощады у мозга, у сердца – просишь, чтоб они молчали хоть на минуту, – ведь Лиза одна, ведь я готова, я не боюсь смерти, я бы только хотела, чтоб она была мучительная, мучительная; ведь во время болезни я иначе и не понимала – или она выздоровеет, и тогда вся жизнь будет она ⟨1 *нрзб*⟩ прошлой... или мы обе умрем... Ты скажешь, это эгоизм, да, друг мой, это слабость, ужас этой долгой пытки, а вот она и совершилась...

Прости меня за это письмо, я долго крепилась... подумай, что я в Париже ни слова тебе не сказала об ней – я щадила тебя – с Г⟨ерценом⟩ тоже мы молчали, но вчера он не выдержал и так горько, судорожно плакал – бедный, бедный, мне его гораздо более жаль, чем себя...

Ну, прощай, вот моя рука.

Твоя Н а т а л и

Sophie я не обвиняю, а говорю, что она меня пытала и я ее боялась[61*]. До нового года они еще ⟨?⟩ в Париже: 10, Boulevard Malesherbes, m-me Dépret. Лизины книги растеряны, очень досадно, там был альбом с Лелиным портретом...

Рукой Лизы:

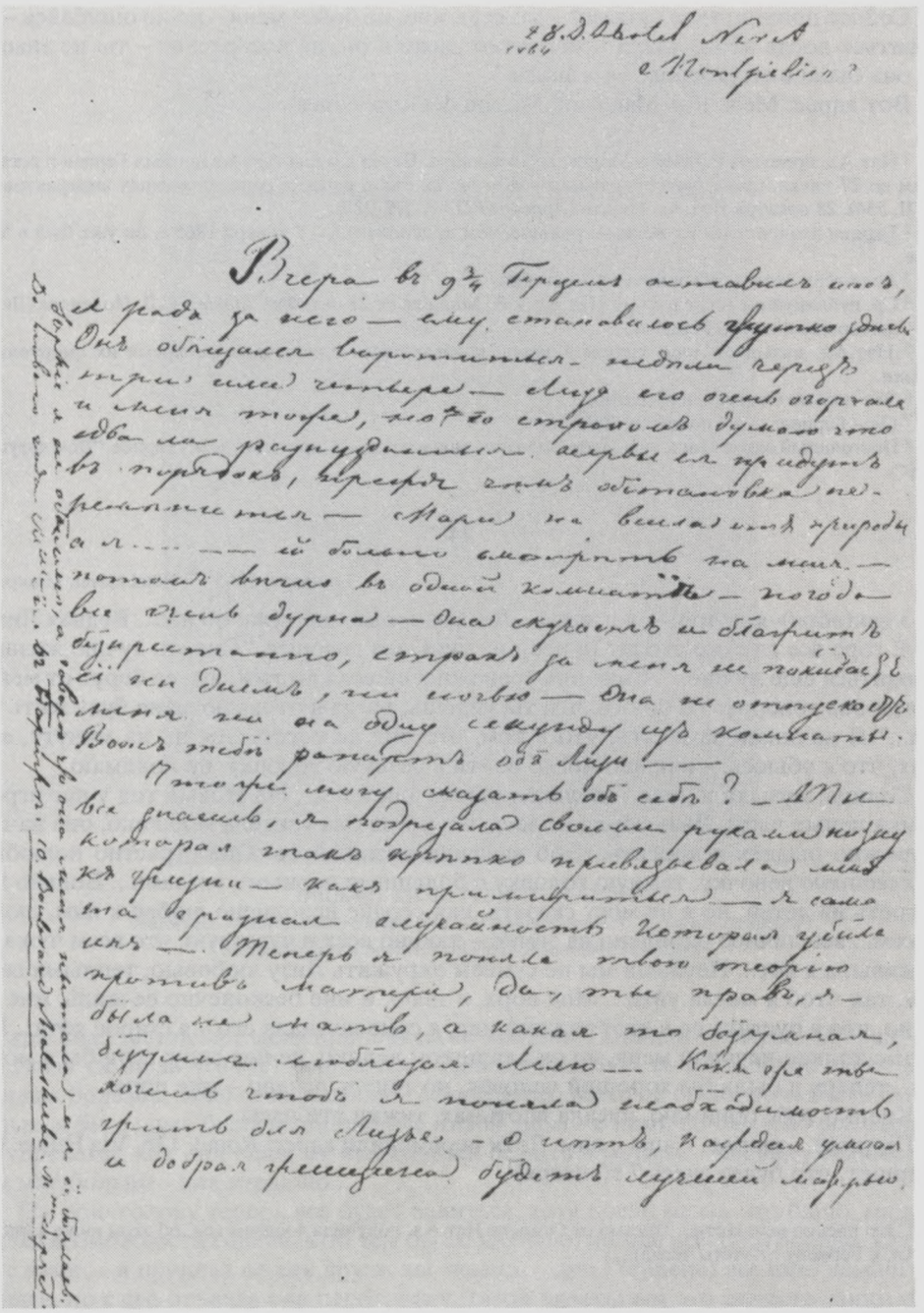
Милый Папа Ага, у меня есть розоны. Я получила твое письмо. Целую тебя

твоя Л и з а

Рукой Тучковой-Огаревой:

Солнце блестит – пойду гулять с Лизой... Если б ты знал, что это за пытка видеть детей, слышать шарманку, слышать лай похожий[5].

[61*] Мы говорили с ней и об Ольге и об остальных – если думаешь ⟨?⟩ еще напишу[4].



ПИСЬМО Н.А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ ОГАРЕВУ
Автограф. Монпелье, 28 декабря 1864 г. Лист первый
Международный институт социальной истории, Амстердам

Сейчас пришло твое письмо[6] – да, верь мне, не бойся меня – но не ошибайся – поправиться после этого удара невероятно, даже и *он*, не воскреснет – ты не знаешь, что́ она была в его жизни...[7] а я знала...

Вот адрес: Metz. Rue Marchant, Maison des Orphélines[8].

[1] Нат.Ал. приехала с Лизой в Монпелье 14 декабря. Через два дня туда же прибыл Герцен и оставался там до 27 числа, после чего отправился в Женеву на съезд русских революционных эмигрантов (см. XXVII, 554). 28 декабря Нат.Ал. писала Герцену (*РП* IV, 279–280).

[2] Герцен возвратился из Женевы раньше, чем предполагал, – 7 января 1865 г. он уже был в Монпелье.

[3] Леля-гёрл скончалась в ночь на 3 декабря.

[4] Ср. публикуемое ниже письмо Нат.Ал. к К. Мишель от 28 октября. *Sophie* – С.Л. Поленова (Левицкая) – двоюродная сестра Герцена.

[5] Нат.Ал. называет *лаем* хриплые звуки, издававшиеся близнецами во время их смертельной болезни.

[6] Это письмо Огарева неизвестно.

[7] *Он* – Герцен; *она* – покойная Леля-гёрл.

[8] Постоянный адрес Мишель в Меце (название монастыря – "Сиротский дом", вернее, "Дом девушек-сирот").

44

3 я⟨нваря⟩ 1865[62*]. Hôtel Hevet. Montpellier

3 дек⟨абря⟩–янв⟨аря⟩ – а я жива... Лиза здорова – не тужи об нас... Бедная Лиза – как я; горе все глубже входит [в нее]; на днях она говорит: "Смерть лучше жизни, а не родиться еще лучше..." Спит она тревожно; ей все кажется, что ее берут от меня... Иногда она говорит: "Я боюсь, что ты уйдешь; тогда я отравлюсь; не буду жить без тебя..." Я начинаю замечать, что в том, что она не расстается ни на минуту, есть страх, что я убьюсь, – как это могло войти в детскую головку, не понимаю...

Солнце, музыка и дети, – великая пытка для меня... На Новый год у нас играла музыка целые часы. Лиза обрадовалась, но, когда она увидела мое лицо, она начала судорожно рыдать и просить, чтоб выслали музыкантов. Она страстно полюбила *трехлетнюю* девочку, темную головку с большими черными глазами... Больно мне смотреть на детей, но я не могу сказать, как сердце исполнено любви к ним, любви ко всем... все личное окончено на земле – люблю всех и чувствую, что всем чужая, – все живы, а я нет... Неужели мы не сумеем окружить Лизу любовью, теплыми сердцами, так чтоб я могла уйти... Мне пора, я знаю, и мне бесконечно ее жаль, мне совестно, что я пустила ее в этот тяжкий мир, я сама не знала его – я старое дитя... Несчастие только научило меня, но оно слишком велико, не под силу; если бы я могла жить, теперь я была бы хороший человек, но теперь поздно – мне пора...

Крепко тебя обнимаю, писала впотьмах, тяжки эти часы.

Гер⟨цен⟩... здоров. Саша с ним. Дети переменили адрес: Rome, 136. Via Felice. Саша пишет, что будет здесь 7 г⟨енваря⟩[1].

[1] Это письмо неизвестно. Письмо от Огарева Нат.Ал. получила 4 января (см. об этом ниже в письме Нат.Ал. к Герцену от этого числа).

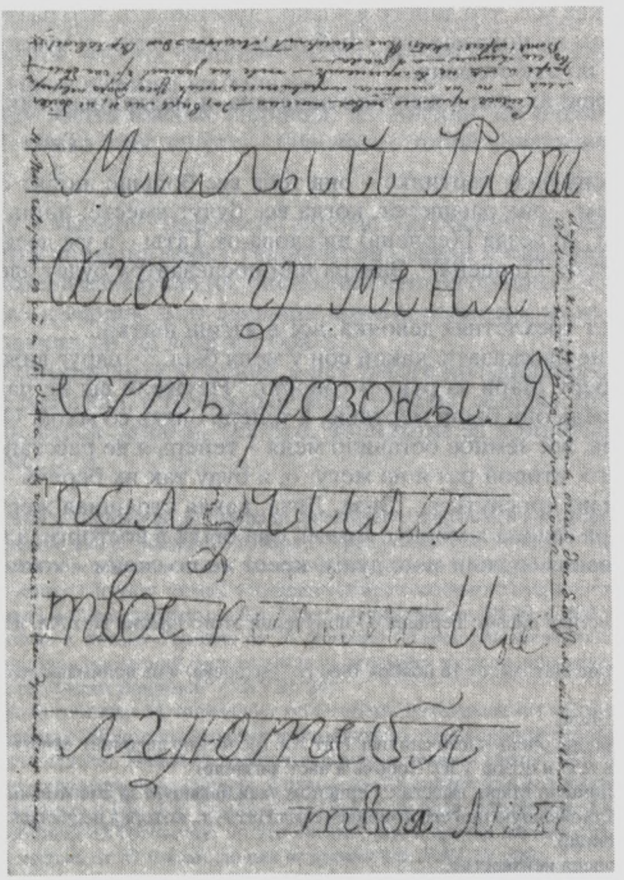
45

6 я⟨нваря⟩ 1865. Hôtel Nevet. Montpellier[1]

Когда, наконец, мы будем вместе, мы поговорим, – я тебе все расскажу – тогда ты, может, сам увидишь, что примиренья, принятия несчастья не может быть.

Вспомни, что только было слово сказать[2], по разуму поступить – и они были бы живы... Вся моя жизнь была в ней[3]; завтра 5 недель – а я не могу лечь в постель, всю ночь я вижу их, зову их – почти не плачу[4], Лиза все слышит и все еще дурно спит –

[62*] Год написан рукой Огарева. – *Ред.*



ПИСЬМО ЛИЗЫ ГЕРЦЕН ОГАРЕВУ
Автограф. Монпелье. 28 декабря 1864 г. С приписками Н.А. Тучковой-Огаревой
Международный институт социальной истории, Амстердам

иногда Лиза заставляет меня прилечь на ее постель. О, какая это мука, Огарев, – тогда глаза уж ни за что ⟨не⟩ закроются... Зачем я виновата во всем, зачем такая мучительная болезнь, зачем я их пытала – если б этого всего не было, ночь была бы мой отдых, я бы с ними была в тишине, – с Лизой днем – с ними ночью – но все отравлено упреками; как они едки, от них хочется бежать в могилу – бедные, бедные мои, как мне больно – как страшно...

На мою голову теперь все будет валиться, хотя после всего, что было, мало остается возможности горевать об чем бы то ни было, но мне все-таки больно, как Мари с нами, – я приняла ее как друга, ты знаешь – при Г⟨ерцене⟩ все шло немного гуманнее, но с его отъезда она перестала с Лизой играть; вся эта тяжесть занимать ее целый день пала на меня одну – а со мной – странная жестокость, ни взгляда, ни слова сочувствия, а иногда, забывая это, я поднимаю на нее глаза, исполненные внутренней муки, наполненные горючими слезами, – ответа нет – такого равнодушия я не встречаю здесь в посторонних[5].

Все здесь добрые к нам, кроме ее, – может, и это входит в мой крест, что та, которая стояла на моем месте, приняла его последний вздох, останется мне и Лизе чужая...

Пусть жизнь шлет уж все за раз, после Лелиной смерти можно все несчастья, все смерти вынести, только бы Лиза не умерла прежде меня, – иногда я думаю об этом с таким ужасом, что, кажется, готова бы бежать... – если б ты знал, Огарев, что зна-

чит держать на руках все, что дорого в жизни, чувствовать, что разлука настает, и ни словом, ни взглядом не показывать, улыбаться, и целовать, и чувствовать с ужасом, что ты остаешься по эту сторону...

Прощай, Огарев! ах, как я жестоко наказана, и медленным наказанием.

Твоя Н а т а л и

Лиза была очень рада картинке – она тебя все больше любит с каждым днем и ждет с нетерпеньем – она расцветет, когда все будут вместе; лишь бы можно было приблизить срок. С отъезда Г⟨ерцена⟩ ни слова от Таты – а уж десять дней...

Сейчас письмо от Г⟨ерцена⟩[6]. Завтра или послезавтра будет здесь с Сашей... об тебе тревожится.

С Лизой играет трехлетняя девочка, всё в жизни пытка...

Не могу тебе не рассказать, какой сон у меня был... – вдруг вижу, что дети бегают вокруг меня; беру Мари за руку и говорю: "Неужели вы не радуетесь со мной, Мари? смотрите, ведь они были мертвые, а теперь опять со мной. О, как я рада, Мари, как я счастлива, все земное оставило меня – теперь я не расстанусь больше с ними, о, нет ни за что, второй раз я не могу; о, я буду так их беречь – и ведь я верила ему – ах, как больно проснуться... Лиза, Лиза, какая страшная жертва прожить эти пять недель – вчера ездила к морю с Лизой, она была в восторге, а я была на Голгофе – все воспоминанья мутили мою душу, крест не по силам – хотя и заслужен[7]...

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена. О получении этого письма Нат.Ал. известила его 4 января (см. *РП* IV, 283).

[2] Ср. выше в письме Нат.Ал. от 16 ноября 1864 г.: "Ог⟨арева⟩ я не понимаю; если б он мне слово сказал, я бы осталась..."

[3] То есть дочери Леле.

[4] Покойные близнецы очень часто снились Нат.Ал. (особенно девочка). Многие из этих снов она записывала (см. *АО*, 248–255 и обзор Т.Ю. Соболь в наст. разделе).

[5] Жалоба на горничную Мари, вместе с Герценом ухаживавшую за смертельно больным Лелей-боем в Париже и присутствовавшую при его кончине (сама Нат.Ал., которая надеялась спасти от заразы Лизу, жила с ней в гостинице).

[6] Это письмо Герцена неизвестно.

[7] Ответ Огарева от 13 января до нас не дошел (см. его письмо к Нат.Ал. от 14 января с упоминанием о том, что он писал ей накануне, см. *АО*, 19).

46

⟨Монпелье.⟩ 10 ф⟨евраля⟩ 1865.

Здесь страшная буря – ветер с севера, так что Лиза целый день дома, играет с собакой... Ты не поверишь, как здесь чувствуется холод – не в комнатах, а на дворе... Я что-то мало надеюсь, чтоб Г⟨ерцен⟩ приехал к марту, он так долго прожил в Париже[1] – искание гувернантки я откладываю до Женевы, а могу съездить в Лозань и там найти, но без личного знакомства это невозможно[2].

..."Колокол" пришел, поблагодари Тхор⟨жевского⟩ – скажи ему, что Г⟨ерцен⟩ везет ему портрет Лизы...

Я не бегу от горя, если я приговорена жить, то хочу страдать, до той счастливой минуты, которая окончит все страдания, – не думать с любовью об этой минуте я не могу – Лиза одна, это правда, но как мало помощи для нее во мне; если есть дело, невозможное для меня на сию минуту, так это воспитанье; еще больше перевоспитанье – для этого нужна твердость, обдуманно⟨сть⟩, даже некоторая веселость, живость, уменье заинтересовать ребенка, все это не по моим силам теперь, а может и вообще ⟨!⟩ у меня нет этого таланта, того влияния взаимной, беспредельной любви, которое было у меня на одного из трех, его нет между мной и Лизой – а между тем время у меня много, Лиза большую часть дня вне дома – теперь она охотно соглашается гулять без меня с Мари, а я пользуюсь этим и по целым дням сижу дома – выходить пытка да и дома скверно – нужно бы дело, чтоб насильно работать – но не придумаешь, читать часто не хочется, иногда читаешь, а думаешь о другом... а впрочем, может, все к лучшему...

Что же Неф⟨тель⟩ думает о твоем здоровье; может, тебе бы лучше было в Канн... Мне кажется, что ты слишком много занимаешься ходом болезни; я боюсь, что это имеет дурное влияние на болезнь[3]...

Прощай, буду ждать письма Г⟨ерцена⟩ из Англии, он очень редко мне писал[4]. Жму твою руку – Лиза тебя целует. – Она всех с тобой познакомила...

Твоя Н а т а л и...

Письма папа и Mazzini[5] мне очень дороги, буду беречь их для Лизы...

Если ты опять пойдешь через Тед⟨дингтон⟩, зайди к садовнику, отцу Хенриеты, Мари от моего имени известила их, они были очень огорчены... Сочувствие простых людей мне ближе к сердцу, а от здешних друзей, несмотря на их доброту, хотелось бы бежать... Получил ли ты портрет боя?[6]...

Ну прощай; сегодня хотя и солнце, а нет такого праздничного вида, как обыкновенно, ветер все разогнал, а то каждый день солдаты, музыка, шарманки, толпы народа на площади перед окнами, так что, не выходя из комнаты, я присутствую на вечном празднике...

[1] Герцен оставался в Париже до 13 февраля, после чего отправился в Англию для ликвидации своих дел; он пробыл в Лондоне около месяца. 28 января Огарев писал А.А. Герцену: "Хотелось бы, чтоб он обработал дела и побывал бы у меня и опять бы тотчас же поехал к ним, ибо я понимаю, как их одних оставлять нельзя" (см. книгу 1-ю наст. тома). 4 февраля Огарев сообщил Герцену, что послал Нат.Ал. накануне "коротенькое письмо" (неизвестно). – Ср. "Лит. наследство", т. 39-40, с. 402.

[2] В своей приписке к письму Герцена от 22 февраля Огарев рекомендовал Нат.Ал.: "Оставайся в Монпелье, пока не пришел последний срок отъезда, и оставайся в отели, ибо этот срок недолог ⟨...⟩ Вероятно, меньше чем через месяц увидимся" (XXVIII, 24).

[3] 24 января Герцен сообщал М. Мейзенбуг об Огареве, находившемся в это время в Женеве: "Известия об Огареве неважные. Приступы болезни повторяются с прискорбной периодичностью (этого раньше не было) – каждую неделю. Нефтель требует еще месяц покоя и диеты" (XXVIII, 24). Подробный отчет о своей болезни Огарев дал А.А. Герцену в письме от 28 января (см. его в книге 1-й наст. тома).

[4] Герцен написал Лизе и Нат.Ал. 11 или 12 февраля, покидая Париж (см. XXVIII, 33). О своем приезде в Англию он сообщил ей тотчас же, но это письмо, как и другие письма к Нат.Ал. за вторую половину августа (кроме письма от 22 числа), до нас не дошли (ср. *ЛЖГ* IV, 98).

[5] 12 января Дж. Маццини, в связи с гибелью близнецов, написал Нат.Ал. большое и проникновенное письмо, в котором, основываясь на своих глубоких религиозных и мистических убеждениях, заверял ее, что страдает вместе с ней, и дал несчастной матери ряд морально-этических советов, способных, по его мнению, смягчить ее горе и содействовать благородному исполнению своего долга по отношению к ней самой и окружающим (см. *АО*, 17–18). В течение 1865 г. он обменялся с Нат.Ал. несколькими письмами (см. там же, 19–31).

[6] *бой* (boy – *англ.* мальчик). Имеется в виду покойный сын Герцена и Нат.Ал. – Леля.

47

⟨Монтрё. 17 января 1866 г.⟩[1]

Сегодня Лиза, как большая, расспрашивала, увидавши письма: "Чтó они там, чтó папино здоровье, чтó Тата?" Мы прочли с ней половину "Детства"[2] – вечером она вздумала сама сочинять сказки, насилу можно было ее уложить спать – она стала гораздо рассудительнее, никогда не плачет, с каждым днем лучше играет на фортепьяно... Она уморительно мне объясняла сегодня, что мы только учимся, читаем, едим, спим и гуляем, а ничего полезного не делаем для дяди[3], а он нам присылает деньги; я говорю: "Так учись, Лиза, а то и никогда ничего полезного не сделаешь". К Тате она уже несколько дней всё пишет, что недовольна письмом своим, серьезно с Бакстом советовалась, чтó просить у Таты, – потом говорит: "Bakst, je veux parler avec vous, je veux écrire des contes, p⟨ou⟩r les enfants, puis je veux traduire, vous corrigerez, et nous enverrons à дядя, il imprimera chez Chernetsky ou d⟨an⟩s le *Kolokol* ce que lui plaira"[63*]. Что же тебе больше сказать об нашей жизни – все тихо и пасмурно, вот дня

[63*] Бакст, хочу говорить с вами – я хочу писать сказки для детей, потом я хочу переводить, вы поправите, и мы пошлем их *дяде*, он напечатает у Чернецкого или в "Колоколе" то, что ему понравится" (*франц.*).

два как нельзя выходить – лужи; Лиза гуляет на террасе, miss T⟨urner⟩ опять сильно кашляет... Погода мешает Лизе видеться с Идой. Мне ходить некуда с тех пор как Каш.⟨?⟩ нет. На днях опять ходили пешком в Веве – но теперь дороги надолго грязны; палец мой не болит, но устает, и я не могу им держать перо – ноготь почти не растет, однако я стала немного играть на фортепьяно в 4 руки с одной дамой – вообрази, что она принесла 5-тую симфонию[4] – многое напомнила мне она, но я, невзирая на это, стала ее твердить усердно – и выписала разные вещи в этом духе; погода, вероятно, помешает нашей игре...

У меня было письмо от Нины[5], она очень огорчена, а отец, принял хладнокровно – старость, или, как мой дедушка[6] говорил, те ближе к нам, чем вы, молодые[7]... Русским здесь конца нет – но мы ни с кем более не познакомились – об Астра⟨кове⟩ слышал Бакст, он не помнит от кого, от москвича, но слух этот верный – Авдеев уехал в Cannes. Я послала карточку с поклоном Доктору[8]... Он будет полезен Авдееву...

Я Баксту так много говорила об Астр⟨акове⟩ и потом этот проезжий, что ему захотелось с ним повидаться, но, по-моему, если его там заметили, то он со временем принесет огромную пользу *дома*.

Ну прощай, страданья не исключают мир. Я не волнуюсь, и желаний личных у меня нет[9].

На обороте:
Огареву

[1] Приблизительная дата устанавливается по предположению, что это письмо является ответом на письмо Огарева от 15 января 1866 г., адресованное Лизе; в нем он шутливо осведомился, пишет ли она сказки и как намерена поступить с ними. В письме к А.А. Герцену от 20 января Огарев пересказывает эти слова Лизы (см. книгу 1-ю наст. тома).

[2] *"Детство"* – повесть Л.Н. Толстого.

[3] *Дядей* Лиза называла Герцена до того как ей было сообщено (в 1869 г.), что она его дочь.

[4] *5-я симфония* – без сомнения, прославленая симфония C-moll Бетховена. В.П. Боткин в 1840-х годах сравнивал с этим шедевром начало статьи Герцена "О буддизме в науке" (см. II, 265).

[5] Это письмо от Нины Саффи неизвестно.

[6] Алексей Алексеевич Тучков-старший.

[7] В письме к Лизе от 15 января Герцен известил, что посылает для Нат. Ал. письма от Бессон и г-жи Вентури, сообщавших что-то важное о Дж. Маццини и А. Саффи (см. XXVIII, 142). Маццини был в это время серьезно болен; вскоре он умер.

[8] *Доктор* – вероятно, врач Л. Кост из Монпелье, очень симпатизировавший Герцену и сочувственно относившийся к Нат.Ал. после смерти ее близнецов.

[9] В недатированном письме к Герцену, написанном около 18 января, Нат.Ал. отмечала: "С Огаревым трудно переписываться, внутренне мы далеки, он живет, по мне, не в реальном, а в фантастическом мире, он упрекает себя во всем, что находит во мне дурного, как будто такая ответственность логична; я знаю, что случайно он был причиной твоего сближения с Г⟨ервегом⟩ и со мной, но ведь это случайность; как же человек развития О⟨гарева⟩ может на себя эту кару класть – ведь это сумасшествие, мне его жаль, но я не думаю, чтоб он когда-нибудь мог смотреть просто на вещи" (см. ниже публикацию писем Нат.Ал. к Герцену – п. 26; ср. *РП* IV, 218–220 и 263–266).

48

⟨Ницца. 22 февраля 1868 г.⟩

Известие о твоем ушибе нас сильно испугало – я предлагала тотчас ехать – но Г⟨ерцен⟩ отложил до свиданья с тобой – во всяком случае, мы скоро увидимся, и, может, многое дурное сотрется при этом свиданье[1]. Мы стары, Огарев, и мне кажется, что пора бы устроиться поближе для того, чтоб так не бояться вечно и быть в возможности протянуть руку друг другу. Прощай, береги себя, плохо будет Г⟨ерцену⟩ без тебя – но этого и не может быть – Лиза очень хотела ехать, несмотря на то, что ей здесь хорошо. Если тебе долго надо будет лежать, я вперед записываю в сиделки Тату[2], Ольгу, себя и Лизу – она тоже уже может тебе громко читать. Прощай, дай твою руку дружески, как я протягиваю свою.

Н а т а л и

[1] Огарев в ночь на 20 февраля сломал себе ногу (см. письмо Герцена к сыну от 21 февраля об этом происшествии и о своем немедленном выезде к другу в Женеву – XXIX, 280; см. также в наст. кн. отклик в письме Таты к Герцену от 22 февраля (Тата и Ольга в это время находились во Флоренции).

[2] См. ниже письмо Таты к Герцену от 22 февраля, в котором она просила отца разрешить ей съездить к Огареву и поухаживать за ним.

49

⟨Середина августа 1868 г.⟩[1]

Давно мы не переписывались – но, во-первых, ты все знаешь о нас, что может тебя интересовать. О себе мне сказать нечего, об Лизе Г⟨ерцен⟩ расскажет[2]... Я хотела сказать тебе только, что здоровье Г⟨ерцена⟩ меня беспокоит, – он теряет память, раздражителен, нервен – усталый – путешествие наше совершилось очень хорошо и тихо – Лиза была терпелива и умна, и при всем том потеря ключа достаточна была, чтоб испортить все хорошее, – пойми, что я не жалуюсь и не о себе думаю – но я хотела просить тебя, чтоб ты его не огорчал в ваших серьезных разговорах[3]... Я знаю, что отношение к тебе – самое дорогое ему – и что ему очень тяжело будет не понять тебя или понять, что вы иначе смотрите – щади его любовь к тебе и его любовь к тому, что для него истина.

Прости за эти советы; может, ты подумаешь, что я не имею права их давать и, может, это правда – но есть случаи, когда бросаешь в сторону все права.

Прощай – продолжай быть здоровым, и, если можешь, глядя и на меня без предубежденья.

N.

[1] Дата устанавливается по содержанию письма.

[2] Герцен, Нат.Ал. и Лиза незадолго до того совершили путешествие по Франции, Эльзасу и Швейцарии. Герцен, продолжавший путешествие один, должен был в Женеве встретиться с Огаревым.

[3] Раздражительность Герцена, как оказалось, являлась следствием диабета, которым он незадолго до того (очевидно, в декабре 1864 г.) заболел. 5 мая 1866 г. Огарев писал ему: "Я с глубоким горем смотрю на возрастание твоей раздражительности⟨...⟩ Мне кажется, что своей раздражительностью ты много теряешь влияния кругом себя⟨...⟩ Я знаю, что в отношении к Натали раздражительность естественнее, и потому еще менее для самого тебя заметна; а может и тут надо попробовать другой путь – и этот путь – воскресить в ней все трагические воспоминания и ими поставить ее на другой диапазон, а действительные споры устранять. И это сделать можешь ты – я едва ли могу..." ("Лит. наследство", т. 39-40, с. 422–423).

50

⟨Нион. 17 сентября 1868 г.⟩. Четверг[1]

Вчера мы получили телеграмму из Парижа: "Examination admirable, Vichy à présent, Carlsbade au printemps"[64*2]. Стало, нам следует ехать в Лион, мы постараемся устроить так, чтоб увидаться с тобой еще раз[3]... Гер⟨цен⟩ после Vichy приедет к тебе... Нечего говорить, что если б делали поправку в ноге, не хочу называть это операцией[4], то хотелось бы, по крайней мере, быть недалеко, чтоб хоть слышать, как идет, – но, возможно ли и удобно ли, предоставляю тебе и Гер⟨цену⟩ решать... Может, в моем молчанье с тобой ты не замечаешь чувства дружбы и заботы, и вот потому-то я иногда чувствую потребность высказать тебе это хоть в письме. Жалею искренно о разговоре, который был при тебе[5], – он безвыходен – а между тем есть обстоятельства, которые заставляют желать хоть какого-нибудь решенья – обстоятельства эти всегда были, но я их не так ярко видела... Вы оба думаете, что это эгоизм во мне; я, напротив, вижу, что это мешает многому хорошему в моих отношениях с другими. Егоистически, право, мне нечего желать, каждый день несет мне боль воспоминаньем – а жить я хочу и должно для Лизы, пока она не на своих ногах, а расстаться с моими воспоминаньями – этого я ни для кого и для чего не могу...

[64*] Обследование прекрасное, теперь Виши, Карлсбад весной" (*франц.*).

Может, тебе всё это преувеличенно кажется; может, я напрасно это написала – когда даже Г⟨ерцен⟩ не понимает, что боль – всё боль и что к ней не привыкнешь, а я не менее страдаю, потому что тело мое крепко, что я не падаю в обморок...

Прощай, до свиданья... А как ты ни сердись за это, твоя нога – боль и твоя невозможность ходить – боль внутри моего сердца.

[1] Датируется по связи с письмом Герцена к Огареву от 16 сентября 1868 г., в котором он сообщил те же подробности тщательнейшего медицинского осмотра, которому его подверг в это утро В.П. Боткин. Прославленный врач, с исключительной теплотой относившийся к Герцену, настойчиво рекомендовал ему сразу же пройти курс лечения в Виши, а весной будущего года отправиться в Карлсбад (Карловы Вары) (см. XXIX, 439). Четверг приходился на 17 сентября.

[2] Приводимая здесь телеграмма, вероятно, написана и послана самим Герценом.

[3] В письме от 18 сентября, тогда еще не полученном Нат.Ал., Герцен сообщил свой дальнейший план действий: 20 или 21 сентября отправиться в Виши, чтобы там осмотреться, а 23-го заехать в Лион и сообщить Нат.Ал., ехать ли ей и Лизе вместе с ним в Виши или же поджидать его в Лионе (см. XXIX, 439–441).

[4] Сломанная кость у Огарева неправильно срослась, и поэтому возникла необходимость ее сломать и произвести необходимую коррекцию. Этой операцией были сильно озабочены и Герцен, и Нат.Ал.

[5] Без сомнения, очередное выяснение отношений между Нат.Ал. и Герценом.

51
ГЕРЦЕНУ

25 n⟨ovembre⟩ 1868. Pension Suisse.
Ponchettes. Nice

Мне очень больно, что я тебя дурно поняла, мне слова твои показались так жестоки[1] – если б ты знал, как бы мне хотелось никогда не причинять тебе боли, если б ты знал, она всегда отдается в моей груди, да ведь ты знаешь это – ведь есть же что-то, что ты во мне любишь и понимаешь. А насчет писем прости меня, но тут у меня свой взгляд – нет, я не думаю, что ты прежде ⟨меня⟩ умрешь, будто еще и это должно быть, будто не довольно горя, но, когда я говорила об уничтожении писем[2], я думала об Лизе, да, мне бы не хотелось ни ее суда над нами, ни ее слез – мы мало думали об ней до ее рожденья, может, оттого мы *должны* бы отстранить все черное, что в наших силах отстранить. Прости же мне мое непониманье; если это так, дай мне свою руку и приезжай... Я буду тебе, может, лучше сестрой, чем была, – тут никто не может мешать, а может, ты лучше оценишь это чувство, может, в прежнем было много егоизма, может, было тайное бегство от внутреннего горя – но это дурно, я сознаю, теперь я обещаю тебе, я буду делать все, что могу, для твоего и Лизиного спокойствия, и спокойно буду идти навстречу думам и воспоминаньям...

– Ну прощай, дай мне твою руку так же дружески, как ее беру, и не будем более говорить обо всем этом.

Тата целует тебя, будет скоро писать, я спешила отослать тебе это письмо поскорее[3].

Уроки еще не наладились...

Рукой Лизы (*на обороте*):

Je t'embrasse et je vais t'écrire une longue lettre avec tout ce que je fais.

Adieu, ta L i s e[65*]

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена.

[2] Спор вызван был, вероятно, требованиями Нат.Ал. уничтожить ее письма, адресованные Герцену и Огареву.

[3] См. ниже письмо Таты к Герцену от 11 ноября 1868 г. из Марселя.

[65*] Целую тебя и очень скоро напишу тебе длинное письмо обо всем том, что делаю. Прощай, твоя Л и з а (*франц.*).

52

17 jan⟨vier 1869⟩[1]. Promenade des Anglais. Nice, Alpes Maritimes

Я уже писала тебе, что Лизе лучше[2], она третий день ходит по комнате, играет и немного скучает, но что же делать? Постоянно читаем 1001 ночь – не знаю, что бы и делали без них... Доктор наш – г-н Granvilliers, которого рекомендовал Висконти Герцену... Он так себе, не глуп, да и не Сологуб... Мне было очень страшно, потому что мне не вселял доверия, но теперь кое-как прошло, он думает, что это была гастрическая лихорадка, желудок почти ничего не выносит, а диету соблюдать с ней трудно...

Будь уверен, Огарев, что если б болезнь приняла более серьезный характер, то я бы написала; зная, как ты пугаешься и как трудно тебе перемещаться, мне не хотелось тебя тревожить по-пустому...

Я так устала, что перемешала письма, но так как у меня нет от вас секретов, то и не жалею о том, только думаю, что тебе будет очень странно и бессмысленно читать. Прощай.

[1]Год устанавливается по содержанию письма.

[2]Лиза заболела около 15 января. Предполагалось, что у нее оспа (в Ницце тогда была эпидемия этой болезни, которую незадолго до того схватила Тата). 17 января, в тот день, когда написано было это письмо, Герцен сообщил Огареву, что у Лизы "сложная корь с вариолей, в силу чего обе болезни являются слабо" (XXX, 15). Упоминаемое письмо Нат. Ал. неизвестно.

53

172, Rue Rivoli. Paris. 16 янв⟨аря⟩ 1870

Не тревожься, пока, но помни, что больному необходим покой[1]; не тревожь его – будем ходить за ним и стараться, чтоб болезнь сошла с рук. Мы все друг другу помогаем и живем ладно. Мальвида очень добрый человек, я ее полюбила, узнавши поближе. Погода очень тяжела, Ольга и Лиза постоянно жалуются на головные боли, да и я часто; одна Тата не страдает головой, она на первом плане моя помощница.

Озеров дает 3 раза в неделю уроки Лизе – физики, химии, арифметики и русского языка ⟨...⟩[66*]. Очень опасная штука – или жара – от чаду, или холод. Я тоже чуть не захворала от женского собранья, но у меня деревянная натура. Ну, прощай, дай твою руку – отложи пока дела, которые тревожат Г⟨ерцена⟩. Ему отвечать серьезно нельзя, он целый день спит и ночь тоже, Charcot говорит, что это ⟨от⟩ сильного жару, но жар не сухой, он часто бывает в поту.

Рукой Н.А. Герцен:

Печально начинается наша жизнь в Париже. Я так не привыкла видеть Папашу нездоровым, что очень беспокоюсь; но надобно надеяться, что все кончится хорошо. Обнимаю и крепко, крепко тебя целую. Завтра опять буду писать.

Т а т а Г.

[1]Речь идет о предсмертной болезни Герцена. Жить ему оставалось всего четыре дня.

54

⟨Париж.⟩ 25.1.70

Я тоже ждала строки от тебя[1]... Мы остались одни с Лизой навсегда[2]... Я не могу тебе сказать, что́ это, не видеть и не слышать его – и знать, что это всегда будет так, – Лиза поняла многое в эти страшные дни.

[66*] Здесь, по-видимому, недостает одной трети текста (письмо разорвано на три части). – *Ред.*

Вечная тишина, вечная ночь сошла на нас – а надо жить и дорожить жизнию для Лизе ⟨!⟩ и для Тате ⟨!⟩ – мы друг другу нужны, потому что наша скорбь слишком сходна.

Прощай – ты был вся его забота во время болезни[3].

Н а т а л и

[1]Ответ на неизвестное письмо Огарева.

[2]Герцен умер четырьмя днями ранее – в ночь с 20 на 21 января.

[3]Как свидетельствует П.Д. Боборыкин в своих воспоминаниях, Герцен «в день смерти, приходя в себя, все спрашивал: есть ли депеша "от Коли", то есть от Н.П. Огарева. Эта дружба все пережила и умерла только с его последним вздохом» (*Боборыкин* II, 94).

55

⟨Париж. 27 января 1870 г.). Четверг[1]

Хотелось писать к тебе, Ага, но не пишется. Надо привыкать жить без него; надо вспоминать и многое себе упрекать – и, может, долго, долго придется так жить. А Лизе надо расти – надо, чтоб хоть я думала об ней... Чего она лишилась! уж лучше, что она этого не понимает. Уж лучше было бы поближе быть – помнишь, как я писала и говорила это[2]. Чей черед теперь? – пусть те, которые останутся дольше, исполняют хоть сколько-нибудь волю тех, которые ушли.

Прощай, дай твою руку, после 64 года я не думала, что могу быть еще несчастнее[3].

Твоя N.

[1]Первый четверг после смерти Герцена приходился на 27 января.

[2]См. письмо от 2 февраля 1868 г.

[3]В декабре 1864 г. умерли дети-близнецы Герцена и Нат. Ал.

56

⟨Париж.⟩ 11-го февраля 70[1]

Сказать нечего, Ага, а хочется, чтоб ты знал, что думаю о тебе, о твоей, о нашей боли. Холодная, немая, вечная боль, которая заслонила и покрыла все прошлые, живые боли... Днем чужая жизнь вплетается в мою – а ночью никто не мешает думать – смотрю на спящую Лизу, которую он так страстно любил и которая так мало понимает, что́ случилось, – и думаю: один выход и для нее и для меня – смерть. А ее надо ждать пассивно... я не смею увлечь ее с собой в эту темную ночь, которая меня манила с 64 года, но его сильная рука, его сильная любовь удержали меня тогда – и отчаяние, негодованье оставались, жили во мне до 21 янв⟨аря⟩. В эту страшную ночь я примирилась с отсутствием детей – мне кажется, что все *должно* было быть – даже мне странно, что в этой пустыне мне оставили Лизу – надолго ли? И куда мне идти с ней? Где дом, где друзья? – всё развалины. Но, впрочем, довольно – тебе не легче будет от этих строк. А что мне сказать иного? – Я ничего не знаю...

Прощай, дай твою руку.

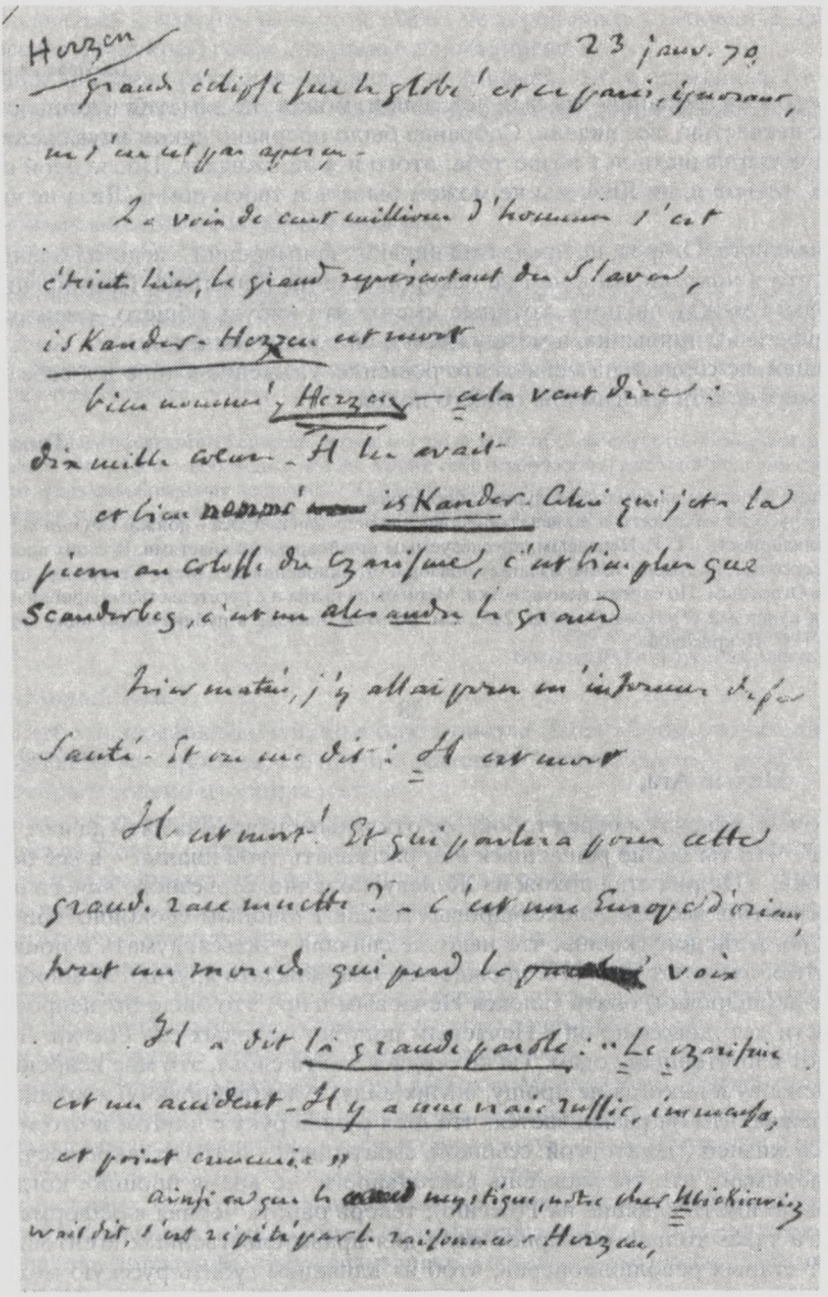
N.

Вспоминаю, что он очень беспокоился о том, что тебя очень легко выслать из Швей⟨царии⟩, и говорил: "Хоть бы он натурализировался". Это было бы нетрудно, ты 6 лет в Женеве безвыездно[2] – о Брюсселе не думай – тебя тотчас вышлют, не стоит пробовать, – подумай и напиши мне об этом[3].

[1]Письмо написано через три недели после смерти Герцена, на бумаге с траурным бордюром.

[2]Огарева больше устраивало получение гражданства в Англии.

[3]Ответное письмо Огарева неизвестно.



Herzen 23 janv. 70

grande éclipse sur le globe! et ce paris, ignorant, ne s'en est pas aperçu.

La voix de cent millions d'hommes s'est éteinte hier, le grand représentant des Slaves, iskander-Herzen est mort

bien nommé, Herzen — cela veut dire: dix mille cœurs. Il les avait

et bien nommé iskander. Celui qui jeta la pierre au colosse du czarisme, c'est bien plus que Scanderbeg, c'est un alexandre le grand

hier matin, j'y allai pour m'informer de sa santé. Et on me dit: Il est mort

Il est mort! Et qui parlera pour cette grande race muette? — c'est une Europe d'orient, tout un monde qui perd la voix

Il a dit la grande parole: « Le czarisme est un accident. Il y a une vraie russie, immense, et point ennemie »

ainsi ce que le mystique, notre cher Mickiewicz avait dit, s'est répété par le raisonneur Herzen,

НЕКРОЛОГ ГЕРЦЕНА, НАПИСАННЫЙ ЖЮЛЕМ МИШЛЕ

Автограф. Париж, 23 января 1870 г. Лист первый

Международный институт социальной истории, Амстердам

"Великое затмение на земном шаре! а Париж, невежественный, даже не заметил этого. Голос ста миллионов людей замер вчера, великий представитель славян *Искандер-Герцен* скончался ⟨...⟩" (Жюль Мишле. Некролог Герцена)

57

⟨Женева.⟩ 8 мая 1870 г.[1]

Вечером на собрании[2] ты был усталый и, может, не заметил в конце сцену, которую, к несчастью, все видели. Собрание было прервано диким неуважением лица, которое четырнадцать лет возле тебя; этого и я не ожидала. После этой сцены ты поймешь, что ни я, ни Лиза мы не можем бывать в твоем доме. (Лиза не знает, что было.)

Пожалуйста, Огарев, не предлагай никаких примирений – ведь ты очень хорошо знаешь, что я *никогда, ни в чем* не оскорбила m-me Sutherland. Примирение может быть только между людьми, которые имеют что-нибудь общего – между тобой и m-me S⟨utherland⟩ привычка, а между мной и ей – ровно ничего.

Прощай, не сердись на меня за это решение, уважение к тебе и к себе заставляет меня жертвовать многим для общего покоя.

Твоя N.

[1] Письмо написано на бумаге с траурным бордюром.

[2] 7 мая русские эмигранты в Женеве собрались для решения вопроса – должны ли они выразить публичную солидарность с С.Г. Нечаевым, преследуемым швейцарскими властями. В своих воспоминаниях Нат. Ал., вероятно, не совсем точно излагает эпизод о столкновении ее с Мери Сетерленд, пришедшей в полночь за Огаревым. По словам мемуаристки, Мери была пьяна и с ругательствами приблизилась к ней, размахивая кулаками (*Тучкова-Огарева*, 265). См. об этом эпизоде в публикуемом ниже обзоре писем Нат. Ал. к Е.С. Некрасовой.

58

21 янв⟨аря⟩ 72. Цюрих[1]

Милый Ага,

Мы очень виноваты перед тобой; все откладывали день за днем да и от тебя ждали писем[2]. Что ты все не решаешься нам рассказать твои планы? – я все боюсь, что это ошибка, – Цюрих стал похож на Женеву: конечно, серьезного ничего не делается, но, вероятно, все эти Александровы[3] мешают юношам спокойно заниматься, а ведь, верно, и ты допускаешь, что надо же сначала учиться, думать и понимать, освобождаться лично от многого, прежде чем освобождать других[4]. Я боюсь что Мих⟨аил⟩ Алек⟨андрович⟩ опять увлекся Нечаевым и пр., это было бы непростительно на старости лет; довольно он с Нечаевым погубил молодых сил России. Легкомыслие нейдет к почтенным годам. Ты не сердись за эти слова, это мое искреннее убеждение, Нечаеву я никогда не прощу, а Мих⟨аилу⟩ Алек⟨андровичу⟩ я прощала, только воображая, что он раскаивается, что шел рука в руку с плутом и что многие поплатились жизней ⟨!⟩, каторгой, ссылкой, эмиграцией – и это великое несчастие. – Я знаю и понимаю, что ты жаждешь деятельности, но время прошло, когда отсюда можно было иметь влияние на Р⟨оссию⟩; теперь работа черная в реформах в самой Р⟨оссии⟩, а здесь только обширное поле для правительственных агентов, которые надувают старых революционеров, чтоб их влиянием губить русскую молодежь за границей. На твоем месте и на месте Мих⟨аила⟩ Алекс⟨андровича⟩ я бы очень скептично относилась ко всем этим таинственным революционерам. Уверься, Ага, что за границей не может больше быть серьезной пропаганды. Я это откровенно говорю, потому что хотела бы убедить тебя не держаться так за Женеву – лучше было бы поселиться всем в одном городе, чтоб друг другу закрыть глаза, принять последнюю волю, когда и наш час настанет, наконец; верь мне, если б была какая-нибудь возможная деятельность, я бы ни минуты не колебалась, что тебе лучше оставаться в Женеве, но как ни больно вывести тебя из заблужденья, я считаю это долгом. Позорный процесс Нечаева[5] убил надолго доверие к вожакам, роль обманутого Мих⟨аила⟩ Алекс⟨андровича⟩ даже смешна – все эти попытки только погубят несколько личностей при их возвращении в Р⟨оссию⟩ – это не значит, что Р⟨оссия⟩ должна остановиться, она пойдет своими путями, которых нам отсюда не видно, а нам надо по-

ка жить, надеяться и умирать на чужой земле, не теряя никогда упованья на будущность Р⟨оссии⟩. Никакое Третье отделенье не остановит ее.

Прощай, дай твою руку и не сердись – и не думай, что я отрекаюсь от нашего прошедшего, нет, никогда, но мне кажется доблестнее гордо сложить руки, чем представлять Дон-Кихота.

Твоя N.

[1]Письмо написано на бумаге с траурным бордюром.

[2]В письме от 8 февраля Нат. Ал. так объясняла Огареву, почему не пишет: "Лень, писать нечего – мало людей видим, мало слышим" (*АО*, 86).

[3]Эмигрант-бакунист В.М. Александров собирался в это время выпускать вместе с Заблоцким журнал в Цюрихе (см. "Лит. наследство", т. 62, с. 441). Позднее он издавал в Женеве брошюры (там же, с 776). Под "всеми этими Александровыми" Нат. Ал. подразумевает и других "бакунистов" – таких, как друг Огарева Н.В. Соколов, намеревавшийся основать в Цюрихе русскую типографию. Огарев желал принять в этом предприятии активное участие (см. его письмо к А.А. Герцену от 28 декабря 1872 г. в книге 1-й наст. тома).

[4]Ср. с известным афоризмом Герцена: "Когда бы люди захотели, вместо того, чтоб спасать мир, спасать себя, вместо того, чтоб освобождать человечество, себя освобождать, как много бы они сделали для спасения мира и для освобождения человека" ("С того берега" – VI, 119).

[5]Имеется в виду открытый судебный процесс "нечаевцев" в Петербурге (июль – август 1871 г.).

59

⟨Начало апреля (?) 1873 г.⟩ Villa Lèbre,
Boulev⟨ard⟩ Trespoyé. Pau. Basses Pyrénées[1]

Милый Ага,

Очень тебе благодарна за чай, но я опять писала Habel'y[2], что это не совсем тот чай, у последнего нет аромата, а этих thés pectorals[67*] очень много – может, он найдет тот, который только от кашля дается...

Детям не очень хорошо, вероятно, от погоды[3]; впрочем, я со страхом ожидаю весну. Я писала Косту, описывая состояние больных, – он находит тоже, что Леля безнадежен, и даже думает, что ему недолго остается жить[4], а он ходит, занимается, читает; как все это ужасно, не умею сказать, – эта мысль всегда со мной, и как я одинока! В эти минуты чувствуешь, что друзей нет, – Лизу надо бы держать подальше, и между тем это невозможно – часто ей не с кем выйти, а между тем здесь на юге нельзя ходить одной... Вдобавок, в доме лестницы, которые быстро измучили меня и довели до страшной слабости – однако я не хочу занемочь... авось...

Как странно и тяжело отсутствие Таты в такую эпоху – Герцену было бы больно знать, что между Лизой и Мейз⟨енбуг⟩ она выбрала Мейз⟨енбуг⟩[5]. Talandier, когда его мать умирала, а ребенок был болен, остался для ребенка. Тата поступила противуположно – она осталась с развалинами и предоставила юную жизнь на произвол несчастий и горестей. Наболело как-то и сорвалась жалоба с души – извини... Постараюсь ко всем относиться спокойно, бесстрастно, и ни на кого не считать, как на преданного друга...

6 марта Ольга вышла замуж – она и Monod написали мне и Лизе дружеские письма[6]; кажется, они должны бы быть счастливы, а впрочем, как угадать? Не знаю, куда им отвечать...

На днях Тутс мне писал, он тоже жалуется, что Тата его забывает[7]; бедный ребенок, хорошо, что его живость спасает его.

Рука моя всё болит, но левой так медленно пишется, что скучно... Кланяйся Пану[8], он бы мог нас одолжить, заплативши за 3 *мес⟨яца⟩* за фортепьяно, остальные 28 я вышлю к 1 апрелю с твоими 500. Куда-то он отправится, наш Juif errant[68*] , верно, к Ольге в Париж. Ему нужны пиры, веселья да счастливые лицы – этого всего у нас не имеется. Что-то в Цюрихе русские революционные газеты не выходят – Лавров не занял Kronberg'a – мой хозяин не согласился, и мне приходится платить за Kronb⟨erg⟩ до апр⟨еля⟩.

[67*] грудных чаев (*франц.*).

[68*] Вечный жид (*франц.*).

Прощай, крепко жму твою руку...
Дети и Лиза радуются видеть тебя в мае – но... кто знает, где мы будем.

N.

Папá все обещает приехать летом[9].

[1]30 января 1873 г. Нат. Ал. и Лиза отправились из Женевы в г. По (Нижние Пиренеи) к больным чахоткой Алеше и Мане Сатиным (см. выше в книге 1-й наст. тома) письмо Огарева к А.А. Герцену от 30 января, а также к Т.П. Пассек от 7 марта ("Лит. наследство", т. 39-40, с. 600).

[2]Это письмо неизвестно.

[3]12 апреля Огарев сообщал А.А. Герцену: "Натали пишет весьма тревожные письмы о детях С⟨атина⟩, которые, кажется, недолго проживут ⟨...⟩ Стану писать к ней сегодня же" (книга 1-я наст. тома).

[4]Неизвестна и переписка Нат. Ал. с врачом из Монпелье, другом Герцена Л. Костом.

[5]Одна из навязчивых мыслей Нат. Ал., чуть ли не до конца жизни жаловавшейся на то, что Тата Герцен после смерти отца не осталась жить с нею и Лизой, а предпочла уехать в Париж к своей замужней сестре Ольге, и продолжала поддерживать сердечные отношения с бывшей воспитательницей М. Мейзенбуг. Между тем, Тата от всей души стремилась наладить совместную жизнь с мачехой и младшей сестрой, но Нат. Ал. сама делала их существование под одним кровом невыносимым (см. ниже письма Нат. Ал. к Е.С. Некрасовой и вступительную заметку к ее письмам Огареву).

[6]Эти письма остаются неизвестными.

[7]Письма Тутса до нас не дошли.

[8]*Пан* – С. Тхоржевский.

[9]А.А. Тучков вскоре приехал к своим больным внукам Сатиным.

60

⟨По.⟩ 13 мая 73. Villa Lèbre

Милый Ага,

Отчего ты не пишешь? не случилось ли что у вас? – Черкни словечко.

Мы провели две страшные недели... Леля был очень плох – все время в постеле – четыре раза кровь шла по стакану, теперь он очень слаб и мрачен, а жары наступили, и нам пора бы убираться, а то ему будет еще хуже, но как везти его с этой слабостью? А тут еще Маня и Лиза...

Может, через десять дней выедем отсюда, медленно подвигаясь к Женеве... Ну если он не вынесет дороги, Ага, как ужасно сидеть с ним и с двумя малолетними... Что будет с ними тогда?[1] Ах, как Тата меня мало любила, как я в ней ошиблась, она так легко относится к нашему безвыходному положенью, и всегда в письмах[2] с беспокойством говорит, что у Терезине ⟨!⟩ будет еще ребенок и что у них никого нет, как будто это не бывает каждый день в молодых хозяйствах; жалеет Мальвиду, что ей нужно квартеру сдавать, а у Мальвиды друзей немало во Флоренции; только об нас она не думает – ни одного знакомого, не только что друга, и эта страшная дорога впереди! Люди из народа отворачиваются и утирают слезы, глядя на нас, – только Тата нас не жалеет.

Леля будет очень огорчен, потому что если он тебя и увидит, то все же он говорить не может от слабости и от опасенья кровотеченья. Что-то будет с ним, бедный, кажется, и он теряет надежду. Велел братьям сказать, чтоб писали и прислали бы свои карточки. Как они дружили все. Прощай, милый Ага, я надеюсь, что ты получил вовремя деньги из Флоренции.

Не знаю, успею ли еще написать; как приедем, дам тебе знать – пришлю Лизу, я никогда не могу отлучаться из дому; вероятно, мы будем ехать только по ночам, жара для него опасна. С тяжелым чувством страха и ужаса пущусь в путь и с новой утратой – да, больно и живых терять. Я много плакала над Татой, она забыла отца и Лизу, а если она бы страдала, я все же подала бы ей руку. Но теперь не хочу ее видеть, хочу привыкнуть, что она не больше как Саша и Ольга для меня и что я ни для себя ни для Лизы не должна на нее считать. Это очень тяжело, и я жалею, что давно не знала этого. Крепко жму твою руку – пиши, как здоровье Мери и поклонись ей от нас ровно и Henry.

N.

Ты можешь еще писать сюда – отъезд не назначен[3].

Рукою Лизы Герцен:

Cher Aga, tu n'a pas ĕcrit depuis longtemps au milieu de toutes les inquiétudes que je ne sais pas ce que tu fais! Nous nous verrons bientôt à Genĕve.

Je t'embrasse. Adieu

L i s e[69*]

[1]Получив это сообщение, Огарев писал 17 мая А.А. Герцену, что взволнован "будущим исходом", т.е. близкой смертью молодого Сатина (см. кн. 1-ю наст. тома).

[2]Это письмо Таты Герцен к Нат. Ал. неизвестно.

[3]8 июня Огарев сообщал А.А. Герцену из Женевы: "А эти дни я был занят приездом Натали, Лизы и детей Сатина. Юноша и девица (лет 16-ти и 17-ти) в сильнейшей чахотке, а милее я ничего не знаю" (кн. 1-я наст. тома).

61

⟨Начало декабря 1873 г.⟩. 30, Zeltweg. Zürich[1]

Милый Ага,

Искала везде для тебя Пушкина, но не нашла, а здесь много русских изданий, в Лейпциге напечатанных... Надеюсь найти Рылеева, а об Лермонтове напишем в Давос[2], тотчас вышлют. Твои стихи можно выписать от Трюбнера – тебе он все-таки уступит за полцены... Как же это Henry путешествует во время лекций? Ничего не понимаю...

Что Gandolfi с своими лекциями? – merci за его статью... Какой он странный человек! Но мысль его – переводить стихи на итальянский язык очень умна – ни один язык так хорошо не передаст, как этот, – с итальянского переведут на другие[3].

Вот мы опять с Лизой под одной крышей, у директорши ей было очень голодно, и я взяла ее под предлогом, что скучно одной жить, – но она продолжает ходить в школу. Мы тоже живем на самом верху – у нас только три комнаты и кухня, зато три вида разные: на весь город, на горы и на озеро – даже балкон, просто роскошь. Из Давоса до сих пор слухи хорошие – что-то даст весна, – из дому бывают письма, но не от папá, должно быть, он написал мне в Турин, когда я думала туда ехать. Лиза, наконец, учится охотно, особенно геометрии и алгебре, а в школе опять проходит арифметику; кажется, ⟨я⟩ могла бы умно расчесть свою жизнь – а кто знает? Давно ничего не слыхать об Ольге? здорова ли она? Я, наконец, кончила "Кто виноват?", теперь перевожу статью из "Поляр⟨ной⟩ звезды" – "Venezia la bella" и "La belle France", помнишь? – А потом примусь за IV том "Был⟨ого⟩ и дум". У меня какое-то нетерпенье в работе, как будто боюсь, что не кончу[4]. А как знать, иногда вдруг выйдешь в "бессрочный" отпуск! Пожили, можно и отдохнуть, особенно когда живых близких почти никого не осталось...

Прощай, не знаю, успеет ли Лиза написать – у нее теперь учитель[5]. Хочешь перевести "Онегина"?[6] Напиши. У нас есть Нат⟨альи⟩ Алекс⟨андровны⟩ экземпляр, она, вероятно, будет рада, как должна быть каждая русская. Укрепи Gandolfi в мысли перевести все лучшие стихотв⟨орения⟩ русские.

Крепко жму твою руку – кланяйся М⟨ери⟩. Меня просят узнать, кому m-me Cherniezky продала русский шрифт, – это можно бы узнать у Браун⟨а⟩, знакомого покойного Чернецкого.

Милый Ага, напиши Трюбнеру насчет твоих стихотворений – только тисненье да пересылка. Он тебе дешевле уступит.

Из письма Гандольфи я вижу, что у тебя есть Диккенс – стало, не нужно[7].

[1]Ответ на неизвестное письмо Огарева. Датируется по связи со следующим письмом Нат. Ал. от 27 декабря, в котором идет речь о переводе Огаревым стихотворений русских авторов, т.е. о реализации замысла, упоминаемого в этом письме, а также о ряде других фактов.

[2]В Давосе тогда лечились чахоточные племянники Нат. Ал.

[69*] Милый Ага, ты так давно не писал среди всех этих тревог, что я не знаю, что ты поделываешь! Мы вскоре увидимся в Женеве. Целую тебя. Прощай. Л и з а (*франц.*).

[3]О Д.-Б. Гандольфи и его сотрудничестве с Огаревым в переводе на итальянский язык русских поэтов, в том числе самого Огарева, см. в "Лит. наследстве", т. 62, с. 741. О Гандольфи Огарев упоминает в письме к сыну Герцена от 20 апреля 1872 г., называя его своим "старым другом". Гандольфи рекомендован был Огареву Дж. Маццини. Он собирался перевести на итальянский язык "С того берега". Были ли где-либо опубликованы итальянские переводы Огарева-Гандольфи из русских поэтов, не установлено (ср. *АО*, 150, где в фамилии его опечатка: *Гондолера*). Неизданное письмо Гандольфи к Огареву (1873) хранится в *РГБ* (ср. *ОРО*, с. 192, № 591). Огарев, по-видимому, сохранил свои связи с Гандольфи и в последние годы своей жизни, поскольку в письме от 8 мая 1875 г. он упоминает, что должен ему написать.

[4]О работе Нат. Ал. над переводом сочинений Герцена на французский язык см. во вступительной статье, а также в обзоре Т.Ю. Соболь в этом же разделе.

[5]О каком учителе здесь идет речь, не установлено – вернее всего о Е.Ф. Литвиновой (см. в *АО*, 308 и ниже).

[6]Огарев начал переводить "Евгения Онегина" на итальянский язык. Перевод этот неизвестен.

[7]Очевидно Огарев просил Нат. Ал. прислать ему сочинения Диккенса.

62

27 дек⟨абря⟩ 1873 г. 30, Zeltung. Zürich[1]

Милый Ага,

Извини, что не тотчас отвечала[2] – было много дела для праздников, хотя праздники для меня давно не существуют.

Насчет твоих дел вот что я знаю – С⟨атины⟩ должны были платить тебе проценты с уплаты постепенной капитала – их дела были так плохи, что они этого не исполняют; теперь есть надежда, что они скоро поправятся. Капитал, который у них, отчасти принадлежит Герцену – как ты, вероятно, помнишь сам. Поэтому легально ничего делать не нужно[3], ты можешь написать письмо мне или детям; впрочем, если б ты и ничего не сделал бы, я помню желание Герцена, чтоб Мату получила пожизненной пенсион в сумму, нужную для одного человека, – теперь же вас трое было[4]. Итак, ты видишь, Ага, что я об этом думала и помню как твои, так и Герцена желанья – и буду следить за тем, чтоб это было исполнено аккуратно. Уход Мату за тобой я бы больше ценила, если б она оставляла тебя более в покое, но, признаться, больно видеть близкого человека, которого день и ночь караулят.

Мне бы хотелось знать, решаешься ли ты серьезно оставить Швейц⟨арию⟩. Конечно, во Флоренции тебе было бы лучше, потому что Саша там поселился и со временем мы с Лизой тоже переедем в Италию, но, пока Лиза учится, это невозможно. Италия гораздо симпатичнее, об языке не заботься, Мату быстро выучится, как все англичанки, знающие немного по-франц⟨узски⟩, а жизнь там гораздо дешевле...

Переезд осенью будет очень нетруден. Если ты решишься, лучше фортепьяно теперь не покупать, а купить его в Италии, переезд ужасно портит.

Продолжай же свои переводы с Гандольфи "Онегина" и твоих стихотворений – Лермонтова ты, вероятно, получил из Давоса. Если найду купить Рылеева, пришлю тоже; но пока переводи *твои* стихи.

Получил ли ты деньги от Георга и сколько? мне нужно знать для счетов.

Писал ли ты в Давос? *Не забудь, что они думают, что их отец только что скончался*[5].

Кетчер жив – но в полной реакции, о тебе и Герцене при нем не говорят[6].

Лиза тебя целует, учится очень хорошо, читает целый день, но ленива ходить.

Кланяйся М⟨ату⟩ и Н⟨енту⟩. Получил ли он место в Манчестере?[7] это было бы отлично.

Забыла поздравить с новым годом, но для тебя, как для меня, что́ в нем? вот 10 лет как я встречаю его без радости[8].

[1]На этом письме присутствует позднейшая помета – неустановленным почерком, по-французски: "Скопировано Виспино в декабре 84 г.". *Виспино* (по-итальянски – *живчик*) – прозвище кн. А.А. Мещерского. На верхнем поле письма чьи-то цифровые выкладки и помета *NЗ*.

[2]Письмо, на которое отвечает Нат. Ал., неизвестно. Огарев упоминает о нем в письме к Н.А. Герцен от 31 января 1874 г. (см. его в разделе "Огарев" книги 1-й наст. тома).

[3]В письме, адресованном в Цюрих неустановленному лицу (надо думать, К. Фогту) от 27 августа 1874 г. (IISG), Нат. Ал. указала, что долг Сатина не может быть затребован официально, ибо это привело бы к конфискации денег русским правительством. Таково было мнение и самого Фогта, обратившегося

29 марта 1870 г. к швейцарскому консулу в Петербурге А. Глинцу по поводу "павлово-сатинского долга" и костромского имения Герцена, секвестрированного русским правительством. В своем письме Фогт ходатайствовал о том, чтобы консул потребовал у Сатина "точного отчета насчет долга наследникам Герцена с обязательством регулярно выплачивать проценты установленного размера" (*ААН*, 242–245). Протестуя в письмах к Г. Моно и к детям Герцена, против уменьшения предназначавшейся для него и Мери пенсии, Огарев продолжал свои демарши и перед наследниками Сатина.

[4]Упомянутые выше протесты Огарева, обращенные к Г. Моно, А.А. и Н.А. Герцен, напечатаны к кн. 1-й наст. тома.

[5]О смерти Сатина (10 мая / 28 апреля) Огарев известил 16 июня свою племянницу В.С. Плаутину (*Звенья* VII, 402).

[6]См. отрицательный отзыв Т.А. Астраковой о Н.Х. Кетчере в ее письме к Нат. Ал. от 2 мая 1883 г. (*АО*, 283).

[7]Г. Сетерленд получил тогда два предложения насчет работы. По-видимому, он колебался, какое из них принять. 24 августа В.М. Озеров посоветовал ему остановиться на первом варианте, т.е. взять место воспитателя в Киеве (см. "Лит. наследство", т. 62, с. 442). В декабре Огарев сообщил А.А. Герцену, что Генри доехал до места назначения и занял предложенную ему должность.

[8]В декабре 1864 г. умерли Леля-гёрл и Леля-бой. Особенно терзала Нат. Ал., как мы знаем, смерть девочки.

Т.А. АСТРАКОВОЙ, Т.П. ПАССЕК И Е.А. САТИНОЙ

Обзор Т.Ю. Соболь

Потребность фиксировать на бумаге возникающие мысли и чувства и подвергать анализу свои поступки проявилась у Н.А. Тучковой-Огаревой очень рано. Ее сестра Елена поддерживала в ней эту склонность[1]. Ранние дневниковые записи, сделанные еще в России, возникли из необходимости постоянного духовного общения с сестрой. То же можно сказать и о следующей серии документов – неотправленных письмах Натальи Алексеевны к сестре и связанных с ними записках *для себя*, которые были сделаны после ее приезда в Лондон (1856). Напечатанные отрывочно в томе четвертом "Русских пропилеев"[2], они позволяют представить себе ее внутренний мир, противоречивость и хаотичность которого она сама хорошо сознавала. "Я все делаю, хорошее и дурное, порывами, но разума нет в моих действиях, боже мой, как мне больно понимать себя так ясно..."[3].

К уже опубликованным ранним записям примыкают следующие неизданные отрывки из дневников, написанные на отдельных листках и обращенные к сестре вскоре после переезда Натальи Алексеевны вместе с Огаревым из России в Лондон.

"Вот, наконец, наступило совершенное смиренье, я уж не ищу оправданий, я смотрю и вижу с ужасом, – записывает она, по-видимому, в 1857 г., – как мало я понимала жизнь, как часто увлекалась, как требовала, желала невозможного, – теперь уж ничего не желаю и не жду – больно отзывается во мне причиненное мною страдание Огареву, как ненужно я мучила его, но, может, это к лучшему, зато я его люблю чище, с большей верой, а как сердце ноет – в нем слышна та боль, которая бывает на другой день после похорон близкого существа, и пусто, и тихо, и чего-то недостает, и все желанья идут мимо, ни на чем не останавливается душа и нечего желать; спать, отдохнуть, очиститься хочется, но сил, сил мало. Я исполню долг свой с любовью и преданностью, потом поеду непременно взглянуть на своих, на мою Елену, на ангела[4], в присутствии которого душа моя очистилась; бедный ребенок, не знаю, что́ будет с тобою, но знаю только, что ты никогда не знала цены тому свету, который ты внесла в мою жизнь. Я жила тобой, несмотря на то, что не всегда была возле тебя, но я так тебя люблю, что даже расстояние, разлука бессильны. Я помню и понимаю нынче ребячий вопль твой, страшное предостереженье в минуту моего отъезда. Да, если б я ничего не сумела сделать для детей, отъезд бы мой был ненужное, страшное преступленье. Столько принести жертв и ничего не сделать, да неужели это возможно, неужели это сбудется ⟨и⟩ я снесу эту жизнь; разве моя натура в самом деле так груба, так жалка? Часто я перелистываю до последнего листа свою душу, в ней много наболтано дурного, хорошего мало, оно таится по уголкам и лепится к дурному; какую надо любовь, чтоб отыскать его, да и от кого я вправе требовать эту любовь, да и за что? Ну что же я делаю такого, за что бы можно было меня так безумно любить?

* * *

Вчера я безумно, несправедливо унижала жизнь, чтоб доказать ему[5] и себе, что неудовлетворение мое справедливо. Я говорила жестко и горячо, оскорбительно грубо выражалась обо всем, сегодня все требования, неудовлетворения кажутся мне недостойными меня, жалки-

ми; я смотрю с презрением на все высказанное мною, но как это больно, никто не может понять, как страшно тяжело, как душно выносить собственный приговор, как убываешь в собственных глазах.

Я крепко надеюсь измениться, корень всех несчастий во мне – самолюбие и молодость, да, иногда она так буйно просыпалась во мне, так сильно стучалась, точно сам чёрт подталкивал, точно кто шептал мне на ухо: "Да отчего же тебе не быть еще счастливой, иногда хоть беззаботной, зачем нет ответа, зачем нет такой любви, зачем везде на дороге поблекнувшие цветы, ведь для тебя они не совсем отцвели, а если нет полного ответа, зачем ты любишь так до боли?"

Странно, разом со вчерашнего дня я как будто десятью годами состарилась, все кажется мне ничтожно, ненужно. Жалко, я от того перестаю чувствовать неудовлетворенье, что не понимаю, в чем может быть удовлетворенье, все жалко, все мало в жизни только может быть покой, долг, свиданье.

Я слишком эгоистически жила до сих пор, в ежедневной жизни я не приносила жертв, я не говорю об О⟨гареве⟩, все жертвы, которые я приносила ему, выкупались его безумной любовью.

Теперь я буду работать, жизнь моя будет постоянная кроткая жертва, я буду стараться действительно, чтоб всем было хорошо, чего бы мне ни стоило, пусть выкуплю этим недостойные прошлые бури; да и будто это так трудно – в чем же состоят жертвы: в самолюбии, ревности, раздражительности, ведь это все мелко, и если я сама в тайнике души своей признала это за недостойную жизнь, как же не сладить, что же значит сила, что же такое внутренняя работа?

* * *

Прошло несколько дней, но ничего не сделано, изредка проявлялись порывы молодости, вызванные им, чаще возвращались самолюбивые и ревнивые мысли, все же я чужая, у меня нет семьи, точно на ухо кто шепчет, этой жизни, этого счастья мне недостаточно, лучше совсем от него отказаться, и потом мысль, что кому-то это больно, и все пойдет вверх дном. Да, надо отказаться от моих бредней, надо, в этом нет сомненья, ему больно, и при этой мысли сердце раздирается, он любит так мало, так поверхностно, что счастья не может дать его любовь, он увлекся сначала, говорил другим языком, вольно ж увлекаться, кто же тут виноват, кроме меня? Неси же крест за свои ошибки, сумей удалиться незаметно и жить особо, холодно, самобытно, одно утешенье – увидеть мою Тату, как этот ребенок выше всего в мире. Наконец Ог⟨арев⟩ увидит все, поймет, и понемногу рана закроется. Когда же сердце перестанет биться, Елена моя, я не имею надежды увидеться с тобой, жизнь мне страшна, много в ней было хорошего, но я сама все испортила, теперь уже поздно, не поправишь, я понимаю все необходимости жизни, но нет, нет, наша жизнь меня не удовлетворяет, я внутренне переношу страшные мученья, какой вред, какое зло я сделала, и ничем не поправить сделанное, да и сил нет, а тяжело.

30 н⟨оября 1857 г.⟩

Если б кто мог взглянуть в мое сердце, я не знаю, что бы он сделал, отступил бы от ужаса или бы с любовью принялся залечивать его раны. Больше оправданья я не нахожу для себя, я жалкое, бессильное существо, пора стать на ноги и удалиться внутренно от всех – жизнь для меня невозвратно прошла – но я не покоряюсь, мне мучительны мои ошибки, обидно, обидно за все, что мечталось. Я вынесла страшное наказанье, но я не жалею себя и от всей души повторяю: "Лишь бы оно послужило мне".

Год безумных надежд и мучений, год одних мучений и страданий, где же пристать, когда же...

Может быть, один гроб меня спасет, мороз по коже при этой мысли и вместе с тем безумное желанье.

* * *

Надо исполнить, что́ было сказано, но после – свободы, после – к вам, если не тесно вам, поживем вместе, лишь бы я не сделалась чужой твоим детям, это будет еще тяжелый удар. Ну, друг мой, метель крутила, крутила меня, выбралась, вспомни, как Мих⟨айло⟩ кричал радостно: "Выйхали на большую дорогу". И я кричу тебе отсюда: "Выйхала на большую дорогу, так не мешай же, друг мой, не тревожь, не зови, не приезжай, дай струпьем свалиться, дай привести в порядок мои мысли, наладить, устроить жизнь детей, и тогда, я думаю, Г⟨ерцен⟩ позволит мне повидаться с вами, мы вынесем эту разлуку бодро, мы не слезливые бабы, мы все те же две девочки, которые называли друг друга братом, – наша дружба не может ослабнуть, мы

Н.А. ТУЧКОВА-ОГАРЕВА С ДОЧЕРЬМИ ГЕРЦЕНА – ТАТОЙ И ОЛЬГОЙ

Фотография. Лондон, ⟨1857⟩. На обороте дарственная надпись Н.А. Тучковой-Огаревой Е.А. Сатиной: "Елене. Вот тебе мой подарок, моя Елена, пусть ты его примешь с такой же радостью, с какой он был сделан для тебя"

Институт русской литературы РАН, С.-Петербург

не отвыкнем друг от друга, теперь буду стараться окрепнуть, трудиться и не горевать, я сама связала свою жизнь"[6].

В одном из вариантов "Исповеди" (1890-е годы) мною обнаружена следующая интересная запись:

«Вот мои дневники без изменений. Когда мы жили в Торкее, Герцен ездил в Лондон – в то время меняли квартиру[7]. Жюль при переезде нашел мои дневники, конечно, писанные по-русски. Он их принес Герцену – последний мне сказал: "Я виноват перед тобой, прочел твои дневники, я не воображал, что ты так страдала, – у меня сердце дрогнуло, читая их". Но тогда я уже не писала в них, я была поглощена детьми, счастием в них, я могла вынести все обиды и оскорбления, наносимые Мальвидой и Ольгой»[8].

Тучкова-Огарева рано начала записывать свои сны. Сохранилась запись, объясняющая эту привычку: "Корсаков говорил, что по снам ⟨можно⟩ узнать человека, – я решилась запи⟨-сывать⟩ свои сны для тебя, моя Елена ⟨...⟩ Можешь читать в моей душе"[9]. В подаренной ей Герценом тетради[10] находятся записи некоторых снов и разные фрагменты дневника. Только часть их вошла в "Русские пропилеи".

11 дек⟨абря⟩ 1857

По принятому правилу я записываю все свои страшные сны, сегодня я была с *сестрой* Annette, мы проходили через какие-то странные зданья, под ногами вода, а сверху набросаны жердочки; ее вел кто-то впереди, и вдруг я вижу, что он столкнул ее в воду, и вмиг она исчезла из глаз, ужасный крик вырвался из моей груди – я умоляла всех спасти ее, но я не бросилась, страх ли это был утонуть тоже или сознанье моей беспомощности, не знаю; но как ее ни искали, ничего, *вода* опять стала опять спокойна.

* * *

Помни 10 декабря 1857[11]

⟨Торки. Февраль–март 1858 г.⟩

Вот я душой смирилась, но страшная грусть грызет меня, и все же я страшно, безумно желаю умереть – в смерти только я вижу верную пристань. Многое разрушилось, надежда на собственные силы все еще слаба; не умею я делать счастливыми окружающих меня – втайне все-таки думаю больше о себе, ужасаюсь, что нет много опыта, а, может, сама я разрушила или нанесла удар той единственной симпатии, которая все-таки продолжает прикрывать меня своей тенью, да, я безумная? чего мне недоставало, чего страждала душа?

Что меня так влекло и что я действительно нашла? Трудно, тяжело говорить обо всем этом, знаю только, что лучше было бы для меня не приезжать сюда. Снег падает хлопьями, сад наш весь покрыт белым саваном, все мне стало как-то знáкомее в этой обстановке, и еще сильнее сердце рванулось к вам, но все бесплодно, все бессильно. Я не могу оставить этих бедных детей[12], а между тем как плохо я исполняю добровольно возложенный ⟨на себя⟩ долг, не могу привыкнуть к мысли расстаться с О⟨гаревым⟩ и точно так же не могу примириться с нашей разлукой; право, друг мой, иногда страдания мои не под силу, если б я была религиозна, я бы упала на колени и молила бы бога снизослать на меня душевное смиренье, кротость, терпимость – я бы сказала: "Да будет твоя святая воля". Одно спасенье – *смерть* – призываю ее, а между тем, Елена моя, вот уже почти три месяца, как я себе не принадлежу, но я думаю, что нам обоим лучше будет в могиле – дети должны родиться только тогда, когда светло еще смотришь на жизнь и гордо, с полной верой вводишь новое существо в мир, который кажется исполненным для него безграничного счастья, но эти годы давно миновались для меня, мы рано попали в тяжелую схватку с жизней ⟨!⟩, что же могло тут уцелеть? Но вот тебе мое завещанье.

Если б ребенок[13] пережил меня, друг мой, ты должна его взять, как только возможно будет перевезти его, – умоляю тебя, не изнежь его, приучай к воздуху и к холодной воде, не оберегай от болезней, а укрепи его так, чтоб он был в силах многое вынести; в нравственном отношенье я желала бы, чтобы дети твои были бы его братья, а ты его мать; я думаю, лучше, чтоб и не знал, что он мой ребенок, ему после моей смерти нечего искать родных – но если, друг мой, ты сознательно поймешь, что не имеешь к нему материнского чувства, не натягивай этого чувства, отдай тогда ребенка куда бы то ни было, где его будут любить, – я бы сказала: отдай maman, но я знаю, что maman слишком избалует его и сделает его беспомощным на всю жизнь, а главное, что нужно, это развить самостоятельность и пониманье всего хорошего, прямого, благородного – тогда он и один не собьется с прямой дороги.

Когда он ушибется, не утешай его, а докажи ему в коротких словах, что маленькие неприятности ожидают нас на каждом шагу и что должно их выносить терпеливо, – когда ему захочется дать что-нибудь, не дари его в награду за хороший поступок или взамену подаренной вещи, пусть он научится понимать лишенья и выносить их добровольно, по собственной охоте или по необходимости, вытекающей из жизни.

Пусть он будет добр не из ожиданья награды или похвалы, а просто по влеченью своему; ласкай его, потому что это высшее счастье для ребенка, но чтоб ласки не были наградой. Не скрывай от его глаз состояние его окружающих, а приучай его смотреть с отвращением на несправедливость – приучай его ценить возможность воспитанья и никогда не представляй ему все это как легкую вещь или как долг с твоей стороны, пусть его думает и (если можно) трудится, чтоб подвинуть возможность уроков. Приучай его знать, что все, что он поймет, все, что приобретет, есть не только его личное достояние и средство пропитанья, а тоже достояние всего живого, всего человечества, пусть он десяти лет или ранее уже передаст терпеливо другим все, что знает, пусть он впоследствии оценит твое попеченье о нем, но пусть знает, что пользоваться всем и не достичь ничего, это грабить другого, который бы, может, успел. Приучи его быть терпеливым, выносить все от обстоятельств, но очень мало от людей, пусть он ценит жизнь, понимает, что не имеет права играть ею и уничтожать ее из-за нетерпимости, из-за страданий, потому что ⟨это⟩ показывает нравственную трусость и безграничную любовь к себе, но приучи его ставить правду выше жизни и в серьезных случаях без расчета подвергаться всем опасностям из-за истины.

Да, друг мой, от души говорю тебе, лучше короткая, чистая жизнь, чем длинная, но исполненная осторожности и бережливости. Не знаю, какие будут времена в его молодость, но, судя по нынешнему, лучше быть со стороны погибающих, ведь что же делать, нельзя удовлетвориться животной жизнью. Теперь ⟨всё⟩ ломается, рушится под ногами, общая жизнь представляет только возможность блестящего мученичества, частная жизнь исчезает – еще немногие о ней говорят и пишут, а между тем, она ускользает от нас, не в нашей силе воскресить ее; она требует своего мученика, своего Иисуса – он не являлся – и с каждым днем ветхое здание брачной, семейной жизни все более и более склоняется, в частной жизни веры нет, а что любовь без веры?

Итак, друг мой, частной жизни нет, прикатим камень и положим его собственными руками на свежую могилу. Женщины, не привязанные к общей жизни, женщины с окованным языком, из вас многие придут поплакать на эту могилу – вы погибли, но не думайте, чтоб сердце мое было исполнено одним состраданьем, нет, в нем столько же злобы и негодованья – верьте мне, мы все заслужили – вперед гляжу – ничего для женщин, назад – только несколько разбросанных фигур, то гениальных, то преданных, но ни одно существо живое не подумало о преобразовании женщины, и часто я задумываюсь над этим, но, может, все это нормально, может, выше мы и хватить не можем, отчего же это неудовлетворенье, это стремленье к новой жизни, это ожиданье, эта тяжесть? зачем же мы понимаем возможность деятельности, знанья, светлого счастья – зачем эти мученья?

⟨Лондон. Конец 1857 – начало 1858 г.?⟩

Ты не приедешь, моя Елена, я это чувствую, и то всего страшнее, что я не знаю, чего желать. Иногда мне так хочется быть с тобой, обнять детей – хоть на минуту все забыть, отдохнуть, и вдруг так страшно и больно, что не хочется, чтобы ты приехала, нет, нет, ты не должна меня более видеть, Тата моя, Тата, и с тобой надо издали проститься; я все хочу собраться с силами и рассказать тебе, моя Елена, эти два последних года моей жизни, но сил нет, тяжело, больно, душно..."[14]

1860. 23 сент⟨ября⟩

Еще страшный сон – мы едва расстались, Елена моя[15], – я мучилась, что писем нет, – как вдруг вижу во сне, что Саша без болезни склонился. Ты велела его вынести – я с ужасом смотрела на все это. Вдруг Леля входит, озабоченный, ищет платочек навязать Саше на шею – он не сказал ничего больше, но я поняла, и такие дикие рыданья вырвались из груди моей, что ты подошла и сказала мне: "N⟨atalie⟩, ты испугаешь детей", – и я проснулась.

Боже мой! как легко быть доброй дома, окруженной со всех сторон любовью, вниманием, снисхождением, которое в близких вовсе не оскорбительно и к которому так сладко и так преступно привыкать, – когда грусть нападет, никто не оскорбляется, каждый видит и по-своему, лаской, тихой речью, всем на свете развлекает, разгоняет с любовью черные тучи, и они рассеиваются, и опять солнце покажется, и все забыто, и упреков нет, но, с другой стороны, я знаю, что это приучает жить спустя рукава, не думать о других, приучает к нравственному бессилию, я это узнала по опыту – часто мне ⟨бывало⟩ грустно, или я видела во сне кого-нибудь из вас, и мне захотелось быть с вами, непременно, сейчас; или ветер так уныло дул, что я вспомнила всех близких мне, давно оставивших нас, они ожили в моих глазах, я как будто вижу их, они все в беспорядке проходят мимо меня, тогда мне трудно удержаться, и лицо мое выдает тайные муки: вот слышу дедушкин умоляющий голос ⟨...⟩ И, наконец, и ты, N⟨atalie⟩ идешь, я всегда вижу тебя с малюткой на руках, тебя, которую я так страстно любила, которая так много унесла в могилу из моей жизни, из моего сердца, зачем после твоих страданий мне не было дано хоть на минуту прижать твою усталую голову к своей груди и сказать тебе: все будет исполнено, все, чего бы мне ни стоило. Ты смотришь на меня с надеждой и с сомненьем, я понимаю, что ты хочешь сказать: "Дети!" Ну да, они будут счастливы, насколько это зависит от меня».

ИЗ ДНЕВНИКА:

⟨Роттердам.⟩ 15 сентября 1869 г.[7*]

Сегодня, 15 сентября, видела Лелю во сне, как живую[70*], и так была уверена, что мы вместе, что страшно было потом, – я играла и бегала с ней около стола – она меня догоняла и па-

---

70* Более поздние записи снов сохранились на отдельных листах. – *Ред.*

дала, я смеялась, чтоб она не расплакалась, – усадила ее на колени, целовала ее ручки, ножки, шейку. "Тебе нипочём падать, помнишь, как ты упала, ты маленькая была тогда", – она обвила мою шею и целовала так, как она одна умела целовать. Зачем эта нечеловеческая разлука? мы должны были умереть вместе.

⟨Париж.⟩ 20 окт⟨ября⟩ 1869

Три дня почти сряду видела детей – что это за счастье и за мука.

Первый раз вижу, что держу на руках Лелю-боя, совершенно холодного. Я уж все знаю, но рада, что могу не расставаться. Кругом бегают дети, шумят – одна нянюшка подошла ко мне и говорит: "Что у него подвязано, ему делали операцию?" – "Нет – это уж после", – говорю я и оглядываю его – из раны страшный запах – я с ужасом взглянула вокруг: "Я еще убью кого-нибудь", – подумала и бросилась с ним на руках бежать по лестницам – я рыдала – страшно – зимой несла Лелю.

Во второй раз я видела ее одну, она вся в жару целовала меня, жаловалась на шум и говорила: "Все вру малину", – хотела сказать, что бредит о малине. Наконец, сегодня видела опять ее (20 октября), она играла со мной, целовала, обнимала меня, танцевала около меня, я ей что-то напевала, и видела я красную полоску на ее шее – и что-то вспоминала и догадывалась. "Как я тебя люблю, Леля моя – я никого так не люблю", – говорила я и целовала шейку ее – и тотчас проснулась, рыдая.

21 окт⟨ября⟩ 1869

Сегодня опять была с Лелей – говорят, она спит, проснулась – зовет – бегу к ней – ее несут на руках в сад. Мини ее держит, возле нее хлопочет Фекла Егоровна – я подошла, беру ее, целую, платье натерло ей кругом красную полосу – я показываю, целую натертое место – обшивка грязна, и спарываю ее. Фекла Егоровна все тут, возле меня – она, должно быть, ходит за ней, я держу Лелю на руках, целую, обнимаю ее и говорю: "Ты никогда не уйдешь от меня"? – "Нет, нет, – отвечает она и ласкает меня, – не уйду – тогда у меня что-то болело – теперь не болит". Я все целую и все спрашиваю – чего-то боюсь, что-то слишком хорошо на душе, так страшно.

23 окт⟨ября⟩ 1869

Опять видела обоих – они были еще очень малы – на руках у няньки – я зову – ни один нейдет. Наконец, Леля говорит по-английски: "Я так больна, но если я не пойду к тебе, ты будешь плакать", – и она протянула мне ручонки – я взяла ее, и радость и страх так сжали меня, мое сердце – эти свиданья, такие мимолетные, такие неопределенные – все мое достояние теперь – никто и ничто не может заменить их, и я с ужасом все больше понимаю, как долго мне ждать той минуты, когда я не буду больше знать, что было, – забыть, не думать я не хочу – пока жива, я хочу помнить, как могу живее.

МОЯ ТЕТРАДЬ

17 N⟨оября⟩ 1871

Хочется иногда записывать сны, как будто хочется продлить, остановить мимолетные минуты счастья. Почти все дорогое, самое дорогое в могиле, а я живу – то, что осталось, дорого, бесконечно дорого, но иначе дорого – за него боишься, его желаешь видеть лучшим, заботишься, но оно уже не дает счастья, оно не может дать, счастье, радости в могилах – а труп мой между живыми – и никто этого не видит, никто из окружающих не ужасается мертвецу, все привыкают к моему отсутствующему присутствию, мне одной страшно по временам, и я плачу, когда одна я, может, лучше, что никто не видит и не понимает моей боли, – может, ее понять нельзя, она не так выражается, как их боль, а может, если б они поняли, они стали бы утешать меня, заботиться – меня нельзя утешить; я развлекаюсь порой работой – я сама ищу выхода, когда мне слишком тяжко.

17 июля, т.е. 29 июля 1871 года

Елена скончалась[16] – у меня нет друга, несмотря на ее отсутствие, какое-то безумие поддерживало мои надежды; в продолжение многих годов, страдая, ошибаясь во взгляде на людей и видя, что окружающие ошибаются во мне, я годы повторяла себе: когда-нибудь я буду с ней, я все буду исповедовать перед ней, пусть она скажет, пусть она судит, но что б она ни думала, ни поняла бы, любовь ее неизменна. О, если б у меня было столько веры в других, я менее бы страдала. Но этого не могло быть, она одна умела так любить. Передо мной лежат исписанные тетради с 1858 году[17], *для нее*, местами на них видны следы слез – теперь никто не будет их читать, не прикоснется до них – кому дело до них, до моих страданий. Но, может, этот ропот напрасен, может, лучше, что она уснула, не положивши пальцы в раны, ей было бы так больно.

⟨22 ноября⟩ 1871

Сегодня, 22 Н⟨оября⟩, в канун рожденья моих двух Лелей, я видела их во сне – семь лет разлуки – завтра им было бы десять лет! Я видела их сначала спящими – они беспрестанно просыпались, я брала на руки то одного, то другого – потом мы куда-то пошли, я хотела накормить их в ресторане, я часто несла Лелю на руках, она обнимала и целовала меня – я была так безумно счастлива – слова бедны, чтоб выразить, как я была счастлива; обвивая ручками мою шею, она заглядывала мне в лицо и спрашивала: "Тебе хорошо, мама?" – я только улыбалась и целовала ее щечки, ее ручонки. "Только не надо, чтобы смерть нас разлучала", – вырвалось у меня с какой-то болью, с каким-то страхом, и все исчезло – я опять та, вечно несчастная, наказанная, оставленная, но и за эти минуты сколько благодарности случаю.

⟨1870-е годы⟩

Я видела Г⟨ерцена⟩ во сне – и как живо! Я совсем потеряла на эту минуту сознание нашего одиночества с Лизой. Он возвращался из какого-то путешествия и был так светел, так дышал радостью, что я опять почувствовала внутри то чувство гордости, которое иногда мелькало у меня в сердце, смешанное с чувством любви, когда я видела иногда, как бесконечно он меня любил. Он торопливо вошел в свою комнату, выслал Лизу и Тату и остановился передо мной, как бывало, взглянул так светло: "Ну, что, скоро я приехал?" Потом все смутилось. На другой день я опять его видела – он спал, я стояла над ним и смотрела на него. Лиза спала в другой комнате. "Что ты смотришь, не веришь, что это я?" – "Я два раза тебя теряла, ты умирал, я тебя видела в гробу – я боюсь", – и я жалась к нему. Он был так бесконечно весел и рад, что дома.

Декабрь и январь. 1871. 1872

Я часто видела детей во сне, но не вместе, как бывало, а то одного, то другого; всего памятнее мне ручонки Лели около моей шеи, ее бесконечные ласки и мой страх чего-то. Нет, я не могу и пробовать передать, что́ я ощущаю в эти дни, – днем я с живыми, ночью с самыми дорогими. Как часто неподдельный ужас перед необходимостью опять надевать дневные цепи – зачем мы не погибли с Лизой тогда же? Не только моя, но и ее жизнь едва ли поправится.

9 янв⟨аря⟩ – 27 янв⟨аря⟩ 1872

Опять видела страшный, счастливый сон, исполненный надежд. Видела так ясно письмо, писанное *им*, в котором он говорит, что попал в Америку, что это было нужно, чтоб его ждали, – сердце забилось – не верилось, но ведь почерк его – и надежда опять закралась в сердце, я позвала Тату: "Смотри, ведь это его рука. О, я знала, он не умер, я ждала его".

⟨1872 г.?⟩

Видела опять *его*. Он ждал меня внизу. Леля промокла на дожде, я меняла ее платье – потом завернула ее в большой белый шерстяной платок и побежала с ней вниз, он будет так рад видеть ее.

Видела Гер⟨цена⟩ несколько раз во сне, но мимолетно, иногда не могу вспомнить подробности.

Ночь на 3 дек⟨абря⟩ 1872

Давно не видела детей – но сегодня видела обоих. Леля-бой вел меня к Леле, он упал на лестнице, он упал и ушиб голову, я ужасно испугалась и вместе боялась не отыскать Лелю, наконец мы ее нашли на руках незнак⟨ом⟩ой женщины, которая дразнила ее шутя – Леля хмурилась, я протянула к ней руки: "Пойди к маме". Она смотрела на меня: "Разве ты не любишь маму?" – "Зачем тебя любить?" – Она пошла ко мне. – "Обними меня крепче, держи меня за шею", – говорила я, боясь чего-то. Как было хорошо на душе. Завтра восемь лет, что у меня нет моей Лели, что она лежит в гробе.

17 июня 1874

Видела Елену – она ужасно страдала и умирала, окруженная детьми, – что это за боль! Когда я буду, как они? Я Лизе не нужна – у меня более нет терпения. У меня нет друзей – ни одного человека – отец и мать стары, они одни на всей земле меня любят – а это обвинение – зачем меня не любят? Я бы это вынесла, хотя и тяжело порой, но мне хотелось бы близкого друга, чтоб Лизу передать, она без меня оживет, ей нечего жалеть меня, я *искренно* слишком много страдаю воспоминаниями, забыть не хочу, не могу. Оплакивать умерших тоже натянуто – иным жизнь слишком трудна.

29 сент⟨ября⟩ 1874

Видела обоих детей во сне – но смутно, я вся дрожала. "Я бы стала молиться, – говорила я, – если б я могла удержать их, сделать их здоровыми", – много горя было в эту ночь и много радости.

25 фев⟨раля⟩ 1875

В ночь на 26 ф⟨евраля⟩ видела Лелю во сне – она мне говорила по-англиц⟨ки⟩: "Мама, целуй меня". И я целовала ее глазки, лоб – радовалась и вместе страшный страх щемил сердце – рассказать это невозможно»[18].

Кроме этих отдельных разрозненных листков, в *РГАЛИ* хранится толстая тетрадь в зеленом кожаном переплете, которую Тучкова-Огарева назвала "Книга страданий, где все наруже, все на воле", датировав ее: "С 1855 г. до 189..." (в "Русских пропилеях". М.О. Гершензон называет ее "Зеленая книга"). Она заполнялась беспорядочно, в разное время. В ней есть и дневниковые записи, и записи снов, и воспоминания о детстве, и подробности об аресте А.А. Тучкова в 1850 г., здесь же статья 1891 г. "Цели жизни", "Моя исповедь" и наброски главы "Возвращение в Россию"[19]. Некоторые записи до сих пор не изданы.

Интересны воспоминания о детстве и юности, написанные в Лондоне в 1856–1857 гг. Тучкова-Огарева очень тяжело переживала разлуку с родиной и от превратностей своего лондонского существования уходила в воспоминания о детстве, но окружающая жизнь неизменно врывалась в ее записки. Начинаются они с обращения к сестре:

"Вот тебе обещанное, моя Елена, пишу для тебя, потому что хочется говорить с тобой, хочется обмануть себя, думать, что ты тут, что твоя рука в моей и что мы, лежа на кровати, вспоминаем минувшее детство и еще так недавно минувшую молодость. Да была ли она? Как она мелькнула перед нашими удивленными глазами, какими блестящими красками она нам казалась разрисована, как она манила, как мы к ней бежали с открытой душой, чего мы от нее ждали, чего требовали? Теперь мы уже перешагнули на другой берег – я осязаю старость, знаешь ли ты эту жажду оборачиваться с бесконечной любовью к детству, с умилением повторять в себе каждое слово; каждое чувство, тогда глубоко потрясавшее детскую, еще нежную натуру, теперь что ее потрясет? минутами вспыхивает негодование перед невообразимыми преступленьями, но ведь внутренняя оболочка стала груба, ведь все так же сядешь за стол и пообедаешь"[20].

С нежностью вспоминая свою покойную старшую сестру Аннету, Тучкова-Огарева продолжает размышлять о проблемах, которые неизменно стоят перед нею:

"...И вот ее желанье, наконец, исполнилось, но не в юности, с чистой и полной веры душой отдалась я детям, после бурь и утрат, я пришла к ним *по ее* ⟨Н.А. Герцен-матери⟩ *словам заменить им мать*. Какое это великое слово, и как страшно произносить его, – я бы хотела снова пережить свою жизнь и явиться к ним более достойною такого святого назначения...

Ну, если б им лучше без меня? Зачем эти сомнения? Я думаю, потому, что есть сознание собственных страшных недостатков. А ведь мне кажется иногда, что я должна была походить на Annette, но вышло совсем не то. Ведь светлое, спокойное выражение, которое так редко освещает лицо мое, ведь это что-то ее, сходящее на меня в редкие хорошие минуты. Еще ребенком я мечтала быть похожей на нее, но жизнь, тяжелые столкновения с людьми и какое-то проклятие толкнули меня на другую дорогу, но я и теперь еще надеюсь победить. Тяжело жить, моя Елена, невольно много невозможного требуешь от жизни и вместе с тем чувствуешь, что ни на что не имеешь никакого права, и умирать и жить не хочется"[21].

Приведу в заключение еще одну дневниковую запись (без даты):

«Вчера Герцен перечитывал "Детство" Толстого[22] – лучше, ближе, роднее ничего нет для меня. Невольно думалось: неужели я та же, та же, что тогда? Много выстрадала я вчера, холодная тихая слеза скатилась. Герцен сидел возле и все видел»[23].

Текстологический анализ записок о детстве из "Книги страданий" и воспоминаний, посвященных юности Тучковой-Огаревой и жизни Огарева в Яхонтове в 1846 г. (в составе книги Пассек и в ее собственных мемуарах), позволяет заключить, что воспоминания 1880–1890-х годов написаны на основе этих ранних записок. Причем, в основном дословно переписывался ранний текст (есть интересные разночтения, которые будут приведены ниже). Это находит подтверждение в переписке с Т.П. Пассек.

* * *

В 1882 г., узнав у Т.А. Астраковой о возвращении Тучковой-Огаревой в Россию, Т.П. Пассек решила привлечь ее к работе над своими записками "Из дальних лет", два тома которых уже вышли из печати[24]. Тяжелая болезнь помешала осуществлению этого замысла, и только через два года, 2 июля 1885 г., Пассек обратилась к Тучковой-Огаревой, давней знако-

мой, с просьбой пополнить своими воспоминаниями ее мемуары[25]. К этому Наталья Алексеевна отнеслась довольно скептически и предложила прислать взамен "старые письма", неопубликованные стихотворения и ноты Огарева[26].

29 августа она писала Пассек:

"Посылаю только ноты Ага, хорошо бы их напечатать, чтобы дать понятие об разнообразии стремлений его богатой натуры ⟨...⟩ Стихотворения его и несколько слов о кончине Алекс⟨андра⟩ не могла еще найти"[27].

Таким образом, у Тучковой-Огаревой уже имелись воспоминания о последних днях Герцена, написанные, по-видимому, в начале 1870-х годов. Пассек получила их в октябре 1885 г. В *РГАЛИ* сохранился последний лист письма Тучковой-Огаревой от октября этого года (с. 9 авторской пагинации), который представляет собой конец главы о смерти Герцена, включенной Пассек в текст воспоминаний для "Русской старины". Гранки этой главы[28] – несколько смягченный и измененный вариант текста, присланного Тучковой-Огаревой[29] (конец же главы в черновой рукописи Пассек дословно совпадает с концом этого письма).

В 1870-е годы у Тучковой-Огаревой хранилась также рукопись ее воспоминаний, позднее уничтоженная ею[30], о чем она сообщила Пассек, которая отвечала ей 5 сентября 1855 г.: "Вы говорите, что писали былое и сожгли; конечно, была, верно, минута слишком уж жестока. Попробуйте опять писать пережитое. Это своего рода жизнь – все воскресает"[31].

В октябре Тучкова-Огарева получает от Пассек два первых тома "Из дальних лет". Чтение этих мемуаров подтолкнуло ее приняться за работу, но прежде чем в нее погрузиться, она переписывает для Пассек письма Н.А. Герцен и Огарева. 29 ноября Пассек сообщает ей: "Все полученное от тебя привожу в порядок, соединяю с моим, скоро буду печатать"[32]. Что именно к этому времени она получила, кроме описания смерти Герцена, установить трудно. Посылая 14 декабря своей корреспондентке подробный план будущих воспоминаний, Пассек снова уговаривает ее писать: "За письма твои хорошие, теплые, спасибо. С сочувствием читаю их, и нередко слеза скатывается на твои строчки, точно вырываются из вечности лица милые, воскресают и обступают меня. Иногда мне кажется, что они велят нам говорить за них. В тебе они живы. Последняя половина их жизни была и твоей жизнью. Надобно бы говорить за них то, что они не успели высказать"[33].

Это письмо Пассек позволяет датировать ответное письмо Тучковой-Огаревой, опубликованное в "Архиве Огаревых", второй половиной декабря 1885 г. (с. 283–284). В нем она впервые упомянула о своем намерении работать над мемуарами.

Об этом же Тучкова-Огарева пишет Астраковой 6 января 1886 г.:

"Т⟨атьяна⟩ П⟨етровна⟩ меня просила написать о знакомстве с Наташей – потом ее письма ко мне – я не могла расстаться с ними и все переписала, они без малого 40 лет со мной везде – и клетчатая голубая косыночка, подаренная ею в Париже[34], наденется, когда я лягу спать совсем"[35].

По-видимому, первой рукописью воспоминаний, которую прислала Тучкова-Огарева в начале января 1886 г., была глава "В Италии". Сопровождавшее посылку письмо[36] очень интересно. Оно объясняет, почему письма к ней из Старого Акшена в Яхонтово в 1848 г. были написаны Огаревым по-французски[37]. Переводила их для издания Пассек сама Тучкова-Огарева. Кроме того, в письме излагается ее план работы над воспоминаниями о жизни в Англии:

"Вот вам несколько слов о нашем знакомстве с N⟨atalie⟩ – трудно говорить под покрывалом, когда об этом факте[38] уже говорено, мне кажется, откровение лучше, – впрочем, делайте к лучшему. Надеюсь выслать вам все письма N⟨atalie⟩ ⟨...⟩ Мне грустно расставаться с этой работой; быть может, мы не меньше любили друг друга, чем А⟨лександр⟩ любил О⟨гарева⟩.

Я расскажу о нашем приезде, скажу даже о поводах к нашему сближению – о нашем заграничном положении, все вскользь – но как говорить о их деятельности? время не пришло, я думаю. Потом займусь письмами Ага ко мне – некоторые очень замечательные – к несчастью, многие по-франц⟨узски⟩, а никто хуже меня не переводит, несмотря на то, что я знаю лучше по-франц⟨узски⟩ – и потому-то Ог⟨арев⟩ и писал так"[39].

В конце января 1886 г. Тучкова-Огарева послала Пассек часть своих воспоминаний о детстве: "Теперь, дорогая Татьяна Петровна, письма О⟨гарева⟩ все переписаны, а некоторые переведены – письма N⟨atalie⟩ тоже все переписаны (у меня больше нет). Я вам послала записку о N⟨atalie⟩ и начало моих воспоминаний, писанных вовсе частно, для моей сестры, – можно их оставить на вашу волю ⟨...⟩ Т⟨атьяна⟩ А⟨лексеевна⟩ так подействовала на меня, что ⟨я⟩ раздумала писать и прошу обратно записку о Наташе. Вы можете на выбор напечатать несколько писем N⟨atalie⟩ – но надо все исключить о Георге ⟨Гервеге⟩ из моей записки"[40].

К концу февраля у Пассек уже были материалы к главам "Семейство Тучковых" и "Во Франции и в России". 24 февраля она сообщала Тучковой-Огаревой: «В первом № "Русской старины" вышло мое последнее свидание в Женеве с Ага, письма Алек⟨сандра⟩ из Швейцарии

⟨...⟩[41], теперь пойдет рассказ (очень хорош, по твоему письму сделала сама) о твоем редком отце, с любовью очерчен, и твоя юность и милый, добрый Ага с вами. Потом ваш приезд за границу, любовь к тебе Наташи и жизнь ваша в Италии и в Париже. С любовью к вам ко всем и просто написано»[42].

В течение 1886 г. Тучкова-Огарева продолжает присылать Пассек новые письма в своем переводе. Главы "Александр Герцен за границей" и "Общий фонд", очевидно, были начаты ею весной; 14 марта она заявила Пассек: "Лучше я буду для вас писать о лонд⟨онской⟩ жизни и пр., более общее, чем частное, а когда будет возможно, вы включите это в свои записки ⟨...⟩ В нашем кругу в Л⟨ондоне⟩ были замечательные личности, о которых Ал⟨ександр⟩ мало писал, мне бы хотелось вас познакомить с некоторыми из них"[43].

В конце года Пассек сообщила своей корреспондентке о сдаче в набор третьей части записок[44], куда в сокращенном виде вошли главы "В Англии" и о смерти Герцена[45]. Глава же "Общий фонд" была помещена только в отдельном издании записок Пассек.

В 1887 г. Пассек начала готовить отдельное издание третьего тома своей книги "Из дальних лет". "Как скоро кончатся мои заметки у Михаила Ивановича ⟨Семевского⟩, я буду печатать все это отдельной книгой"[46]. Она неоднократно обращается к Тучковой-Огаревой с просьбой исправить ошибки в уже опубликованных главах и письмах. Однако ни одно ее замечание Пассек к сведению не приняла. Тучкова-Огарева, со своей стороны, продолжает работать над мемуарами и в то же время разбирает не появившиеся в печати письма и стихотворения Огарева и Сатина.

27 марта Пассек писала Тучковой-Огаревой о получении более полного экземпляра главы "Болезнь и смерть Александра Ивановича Герцена", по-видимому, написанной на основании раннего варианта: "С глубоким горем читала я твою записку о последних днях его жизни, сердце сжималось тоской, я точно видела его во все эти тяжелые минуты, видела всех вас"[47], – сообщает она Тучковой-Огаревой. А 1 февраля 1888 г. Пассек получает от нее рукопись с воспоминаниями о детстве и юности[48]:

"Дорогая Татьяна Петровна!

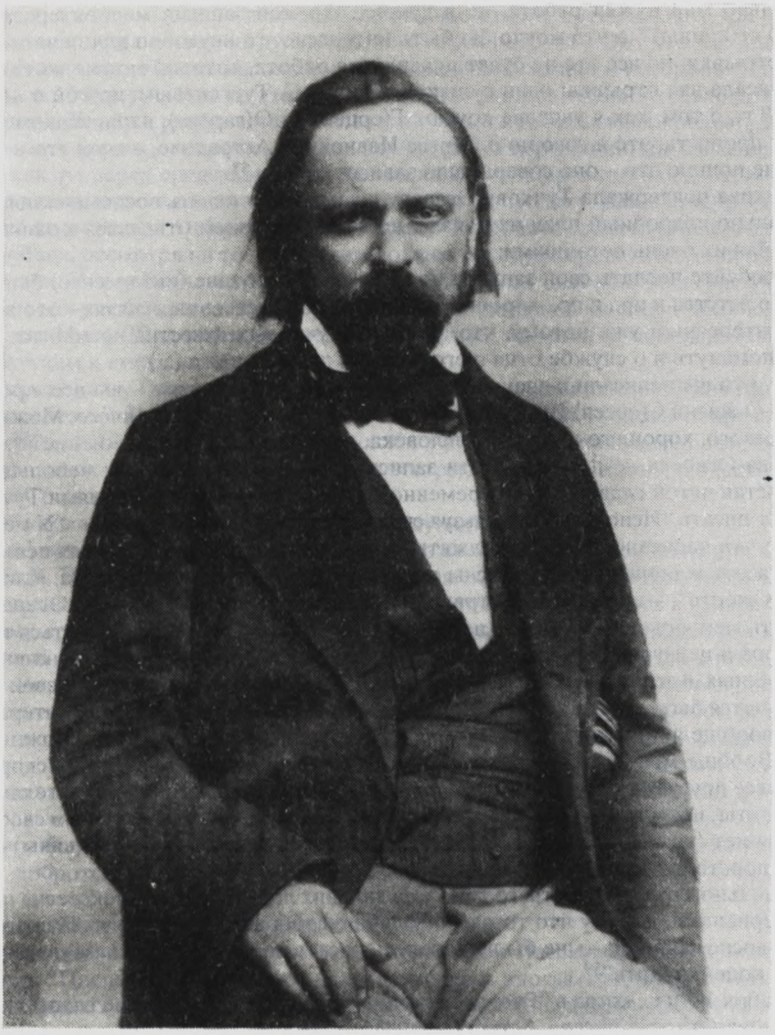
С этой почтой посылаю портреты, две карточки в этом письме; если возможно, мы бы желали получить их обратно. Я не люблю памятника Г⟨ерцену⟩, ему сделали немецкую осанку, которой не было, но все же посылаю и его. Если можно, мне бы хотелось иметь стихотворения Надсона, он мне очень симпатичен. Посылаю вам о нашей молодости подробные из моих записок, писанных в Л⟨ондоне⟩ для сестры, но это только повиновение с моей стороны, а печатать не стоит. Что вы говорите о нашем путешествии, о возвращении, о 4 годах жизни в Р⟨оссии⟩ с О⟨гаревым⟩, о 10 лет жизни в Л⟨ондоне⟩, у меня ничего нет написанного и не ручаюсь, что могу успеть, хотя бы и очень желала сделать вам угодное. Я ведь думаю, что вы скоро начнете печатать.

Напишите, когда вы думаете начать печатать и которая из этих эпох вам желательнее бы? Я и начну и сделаю, что́ могу: дела дают мало спокойствия..."[49].

Единственными "записками", которые могла послать в это время Тучкова-Огарева, являются ее воспоминания о детстве, записанные в "Книге страданий"[50]. Следовательно, это письмо, как и приведенное выше (датированно концом января 1886 г.), подтверждает, что глава "Семейство Тучковых" была написана не в конце 1880-х годов, а в 1856–1857 гг., т.е. спустя десять лет после описываемых событий. Это повышает ее ценность как мемуарного источника.

Наталья Алексеевна переписала эти записки для Пассек, не предполагая, что они войдут в публикацию. Пассек часть их поместила дословно, остальное – сократив и переработав, и присоединила к тому тексту, который уже был опубликован в этой главе в "Русской старине". Все, что не вошло в главу "Семейство Тучковых", Тучкова-Огарева использовала в своих воспоминаниях.

При подготовке третьего тома у Пассек появляется новый замысел: шире представить период, относящийся к жизни Герцена в Лондоне, и в письмах 1888 г. она неоднократно просит Тучкову-Огареву пополнить свои воспоминания. Но в это время Наталья Алексеевна работает уже над собственной книгой мемуаров. К тому же она была не совсем довольна качеством публикации писем Герцена и трактовкой его деятельности. Вот что писала она по этому поводу Т.А. Астраковой 3 января: «Только что прочла все письма Г⟨ерцена⟩ в "Рус⟨ской⟩ стар⟨ине⟩". Многое не понято в его письмах, то не разобрали руку, и потому бессмыслица. Про Ог⟨арева⟩ пишут, что он сломал ногу на охоте, хотя я писала Т⟨атьяне⟩ П⟨етровне⟩, что это неправда. Вообще в письмах Г⟨ерцена⟩ что-то недоговорено. Мне кажется, или говорить, или промолчать; пропускали, что хотели»[51]. 23 марта она снова делится с Астраковой своими впечатлениями: «Теперь поговорим об изданиях Т⟨атьяны⟩ П⟨етровны⟩, она уже печатала письма Г⟨ерцена⟩ и Н⟨аташи⟩ ко мне в "Р⟨усской⟩ ст⟨арине⟩", теперь обещает издать книгой, и будто



ГЕРЦЕН
Фотография Клоде. Лондон, ⟨1852–1853⟩
Музей Герцена, Москва

скоро. Я ей кое-что посылала не раз, позволяя ей урезывать, как знает, но в последний раз, прочитавши в "Р⟨усской⟩ ст⟨арине⟩" (в ноябрьской книжке), что́ она говорит о деятельности Г⟨ерцена⟩, я возразила по чувству долга к ним обоим. Я дивлюсь, как смело Т⟨атьяна⟩ П⟨етровна⟩ могла писать, например, что Г⟨ерцен⟩ принимал участие в польских делах. Это более чем неправда.

Потом я просила ее напечатать, что́ я говорю о печатанье писем Г⟨ерцена⟩. По-моему, так пристрастно иное оставлено, иное выпущено, но, по-видимому, это не она, а Саша Г⟨ерцен⟩ с Семевским, что лучше было бы вовсе их не печатать. Не знаю, напечатает ли она»[52].

В 1887 г. Семевский предлагает Тучковой-Огаревой написать мемуары. К марту 1888 г. был готов очерк об И.С. Тургеневе, и Тучкова-Огарева работала над частью книги, в которой хотела рассказать о московских друзьях Герцена в 1848 г. Рукопись воспоминаний о С.И. Астракове она послала Астраковой с просьбой дать ей оценку. В этом же письме впервые упоминается о работе над мемуарами:

«Она ⟨Т.П. Пассек⟩ без моего позволения показывала издателю "Русской стар⟨ины⟩" мои письма; он пишет, что знает из моих писем к Т⟨атьяне⟩ П⟨етровне⟩, что я ищу работу и что он мне предлагает писать для "Р⟨усской⟩ ст⟨арины⟩" мои воспоминанья ⟨...⟩ Я отвечала ему, что

действительно мне нужна работа, но я думаю, что мои записки малоинтересны будут для "Р⟨усской⟩ ст⟨арины⟩", а чтó могло бы быть интересно, то неудобно для печати – а разве некоторые отрывки, но все это не будет правильная работа, которой можно жить.

Я написала два отрывка: один о знакомстве с И.С. Тургеневым, другой о нашем возвращении в 48 г., о том, как я увидела кружок Г⟨ерцена⟩ и О⟨гарева⟩, наше знакомство с вами; я прошу вас прочесть, чтó я говорю о Сергее Ивановиче Астракове, – если это вам не нравится, то я и не пошлю это – оно совершенно зависит от вас»[53].

Астракова поддержала Тучкову-Огареву в намерении писать воспоминания и предложила ей довольно подробный план их начала, но с неодобрением отнеслась к запискам об Астракове, найдя их очень неточными:

"Попробуйте послать свои записки ко мне, кажется лучше (интереснее) было бы начать их с вашего детства и пр., и пр., хорошо упомянуть и о родственных связях – это все может показаться интересным уже потому, что фамилия Тучковых известна во многих отношениях. Хорошо упомянуть и о службе отца и его честной деятельности ⟨...⟩

Но то, что вы написали о знакомстве с нами и наших обычаях, – вы все, простите! перепутали ⟨...⟩ О жизни С⟨ергея⟩ И⟨вановича⟩ нужно писать или все или ничего. Можно его похвалить как умного, хорошего и доброго человека, но и только. Вот мое мнение"[54].

Тучкова-Огарева не поместила эти записки об Астракове, только небольшой отрывок вошел в состав пятой главы[55]. Одновременно с работой над воспоминаниями Тучкова-Огарева начинает писать "Исповедь", используя свои дневники и письма к сестре: "У меня давно для сестры кое-что написано, буду продолжать, если будет досуг. У меня другая цель: во-первых, я хочу показать женщинам, как ужасны последствия необдуманно⟨го⟩ шага. Как далеко достают своих жертв", – писала она Астраковой 23 марта 1888 г.[56] Тучковой-Огаревой нелегко было писать мемуары для журнала, поскольку приходилось приспосабливаться к требованиям редактора и цензуры[57] и не касаться сложностей своей личной жизни. Она часто пишет о своих сомнениях Астраковой: "Вообще не знаю, буду ли посылать записки свои Семевскому – в этом хочется быть свободной ⟨...⟩ Мои записки с самого начала вовсе не интересны для Семевского, вообще я понимаю, что ему хочется иметь рассказы из 20 лет, прожитых мною за границей. Вообще мои записки должны бы иметь совсем другой характер – скорей психический – и вовсе другую цель, которая относится к читательницам, а не к читателям, – но будут и общие факты, интересные для тех и для других, только я писать не умею, и свободного времени у меня нет ⟨...⟩ Если б были деньги или кредит для печати, как у Тат⟨ьяны⟩ Петр⟨овны⟩, можно бы просто печатать, но денег взять неоткуда"[58].

Об отдельном издании третьего тома "Из дальних лет" Наталья Алексеевна писала: "Жду ⟨его⟩ с нетерпением, потому что тогда могу лучше сообразить, чтó описывать для Семевского из моих воспоминаний, – мне бы не хотелось писать по наказу, так сказать, да уж слишком трудно без копейки жить"[59].

29 декабря 1890 г., когда в "Русской старине" уже появились первые главы ее воспоминаний[60], Тучкова-Огарева писала Астраковой: "Мои воспоминания, точно, теперь печатаются, но рукопись давно у Семевского ⟨...⟩ Семев⟨ский⟩ пишет, что лондонскую часть Записок не пропускают, но все надеется[61]. Вы говорите, что я нашла дело по себе, и да и нет – потому что всего нельзя сказать, как хочется, потом дала себе слово обходить частную жизнь, что нелегко. А исповедь все-таки напишу..."[62].

"Исповедь" была закончена в 1904 г., переписана и послана Е.С. Некрасовой. Тучкова-Огарева неоднократно пыталась написать правдивые воспоминания о детях Герцена[63], но это ей плохо удавалось: мешало предвзятое к ним отношение. Попытка обрисовать характер превращалась в отчеты о незначительных происшествиях, мелочи заслоняли главное. Очерк о Тате Герцен, в основном, состоял из жалоб на ее сестру Ольгу; в нем повторяются рассказы, часто встречающиеся в ее прежних записях.

Текст воспоминаний Тучковой-Огаревой, записанный в "Книге страданий", живо передает атмосферу, царившую в имении Тучковых в 1846–1847 гг., когда там бывал Огарев. Часть текста редактировала и сокращала Пассек. Рукопись Натальи Алексеевны, может быть, и была несколько многословна, но в ней встречались эпизоды и подробности, которые, следовало бы сохранить. Рассмотрим отрывки, подвергавшиеся наибольшей правке. Вот описание спектакля, устроенного в день рождения Е.А. Сатиной 27 ноября 1846 г.:

«Возки беспрестанно подъезжали к крыльцу, выходили папаши, мамаши и непременно три или четыре барышни; мамаши в чепцах, а некоторые с прибавкой парика или фальшивых пукель, отправлялись к maman и усаживались на диван, папаши (степные папаши, эти самые неблагодарные произведения природы), они гораздо скучнее своих жен и дочерей, и вообще для них не мешало бы сделать новую классификацию и дать им место между животными и растениями. Пошаркав перед некоторыми дамами и целуя руки других, они отправлялись к

папá в кабинет, а дочери? они-то и составляли для нас камень преткновенья, *мы должны были их занимать*, а когда весело на душе, как не хочется работать. Вот что мы придумали для нашего освобождения: одна из нас подходила к каждой барышне и говорила: "Не знаю, как быть, боюсь, чтоб кому-нибудь из этих девиц не было скучно, с вами это дело другое, мы так давно знакомы". Улыбка удовольствия мелькала на их лицах, и каждая предлагала как более близкая занимать других – после некоторых необходимых церемоний, мы соглашались. Вижу, как теперь, как ты перед представлением вальсировала с Ог⟨аревым⟩ на сцене, как вы распороли немного занавес, вставили лорнет и поглядывали на публику. Даже теперь, сидя здесь одна, хохочу, вспоминая, как Ог⟨арев⟩ просил Ив⟨ана⟩ Осиповича сделать суфлерскую дыру как можно неудобнее, несмотря на то, что он сам должен был суфлировать в одной пьесе: ему хотелось помучить Илью Васильевича Селиванова. Как весел был наш обед, мы уверяли всех, что актеры не могут обедать за большим столом, и принимали в наш круг только нескольких избранных, как Нина ⟨Юрлова⟩ и Ог⟨арев⟩. Вино лилось, тарелки летали вдребезги с головы Ог⟨арева⟩, шуткам и смеху конца не было»[64].

При сокращении у Пассек в последней фразе появилась неясность: "Вино лилось, тарелки летали вдребезги". Поэтому в своем варианте воспоминаний Тучкова-Огарева более подробно объясняет: "Он ⟨Огарев⟩ очень оживился и в конце обеда показывал нам, как, выпивая бокал шампанского левою рукою за здоровье сестры, правою он ловко, с одного удара, разбивал тарелку о свою кудрявую голову"[65].

Переработке и сокращению подвергся и следующий отрывок:

«Ог⟨арев⟩ оставался у нас месяц или более, уезжал недели на две или на три к себе и часто писал к папá. Время так шло, целый день мы занимались с m-lle Michel, читали одни, играли на фортепиано, только в две или четыре руки, потом все собирались к завтраку; Ог⟨арев⟩ только к тому времени и вставал, после завтрака все поговорят и разойдутся; в шесть часов Ог⟨арев⟩ и папá опять приходили в салон, они то разговаривали, то играли в шахматы, потом обед, бесконечные разговоры с m-lle Michel; Ог⟨арев⟩ курил и молчал, выпивал двенадцать чашек чаю, после обеда незаметно появлялся самовар и оставался часов до трех, его поддерживали и делали свежий чай, но декорация не менялась, скатерть и чашки не сходили со сцены; в десятом часу папá вызывали в кабинет: "Начальники дожидаются", и папá уходил, иногда звал Ог⟨арева⟩ с собой, особенно, если Петр, фельдшер, дожидался; Ог⟨арев⟩ давал свои медицинские советы и вскоре возвращался к нам; казалось, и мы не ошиблись, что после папá Ог⟨арев⟩ всего более любил болтать с нами, он был неразговорчив и с нами, но так приветливо, с такой добротой на нас смотрел, что нам невольно становилось легче и веселее при нем»[66].

В редакции Пассек шахматы превратились в шашки.

Иногда эмоционально окрашенный текст принимал у Пассек характер простого сообщения, например: "После просьб и хлопот нам позволялось иногда покататься с Николаем Платоновичем в санках". У Тучковой-Огаревой было живее: "Иногда мы ездили в санях с Ог⟨аревым⟩. Это стоило страшных хлопот и просьб. M-lle Michel находила это неприличным". Или: "С наступившим теплом в сопровождении Огарева и двух кучеров нам позволили ездить верхом". Текст Тучковой-Огаревой: "Потом мы начали ездить верхом с Ог⟨аревым⟩, два кучера ехали за нами. Мы смеялись, находя, что ездим, точно арестанты под стражей". Отрывок, в который входит этот текст, помещен в третьем томе записок Пассек сокращенно. В варианте Тучковой-Огаревой больше живых деталей:

«Наконец наступила весна, пришла и Святая, этот праздник из праздников, любимый мною так безумно в детстве: и весна, и звон колоколов, и яркие цвета праздничных нарядов, освещенных первыми теплыми лучами солнца, – все это скучно большим, а детское сердце радует бесконечно. Ог⟨арев⟩ хотел ехать, но папá его не пустил, распутица была страшная; все ожидали пути с нетерпением, мы одни смеялись и радовались, что не было проезда. Ночью, в слякоть, мы отправились в церковь, и Ог⟨арев⟩ с нами, народу тьма, все так веселы, так нарядны; воротясь домой, мы разговляемся неосвященным куличом. На другой день пошли гулять по селу с Ог⟨аревым⟩. Мы беспрестанно проваливаемся в снег, падаем и хохочем. Раз я так забавно упала на колени, что Ог⟨арев⟩ пресерьезно сказал: "Voilà, m-lle Natalie, touchée par le son des cloches, qui se met à prier"[71*].

Воротясь домой, мы переодевались у Любаши, потому что иначе нам бы досталось от m-lle Michel. Да и папá бы встревожился, если б увидел нас совершенно мокрых до колен ⟨...⟩ Становилось совсем тепло. Наконец, Ог⟨арев⟩ уехал и пробыл довольно долго. На этот раз он уезжал в какой-то большой праздник, долго мы ходили с ним по саду, желая и не смея спро-

---

[71*] "Вот м-ль Натали, растроганная звоном колоколов, принимается молиться" (*франц.*).

сить, когда он вернется; день был чудный, улицы пестрели народом: красные платки и сарафаны виднелись повсюду, так весело кругом и так тяжело на душе, слезы подступали, но мы мужались и проводили Ог⟨арева⟩ до заводского мостика, смеялись и шутили, все думали, как бы отдалить этот отъезд, все надеялись, хотя никакой причины к тому не было, что вот-вот что-нибудь такое случится, кто-нибудь приедет, и Ог⟨арев⟩ принужден ⟨будет⟩ остаться, но ничего не случилось, тарантас покатился по грязной дороге и скоро скрылся из виду под горой. Мы стояли неподвижно; наконец, папá сказал: "Ступайте домой, а я зайду на завод". Какую странную пустоту чувствуешь в сердце иногда после отъезда близких людей, все изменяется, дом принимает мрачный вид, солнце неприятно и ненужно светит, чужое веселье наводит ничем не отразимое уныние. Мы чувствовали себя до такой степени ненужными и брошенными, что едва удерживали слезы; я предложила идти к качелям, чтоб хоть сколько-нибудь победить себя наружно. Девушки с нашего порядка были на качелях, были почти все наши ученицы, они нам обрадовались и позвали качаться, сначала мы стали насильно развлекаться, но малопомалу веселые лица нас увлекли»[67].

Переписываться с Астраковой Наталья Алексеевна начала в 1848 г., когда ей было девятнадцать лет. Возвратившись из-за границы, она посетила Астраковых[68] с письмом от Н.А. Герцен[69]. Бывала она у них и позднее, вместе с Огаревым[70]. Из всех московских друзей Герцена и Огарева только Астракова и ее деверь С.И. Астраков сочувственно отнеслись к сближению Огарева с Натальей Алексеевной и морально поддерживали их. Они переписывались не только до отъезда Огаревых в Лондон, но и все время пребывания их за рубежом (а с Тучковой-Огаревой и после возвращения ее в Россию).

В новонайденном архиве Астраковой (*ГЛМ*) сохранилось пятьдесят поздних писем к ней Тучковой-Огаревой, которые позволяют более полно осветить ее биографию. Некоторые из них являются набросками к воспоминаниям, "Исповеди" и другим мемуарным отрывкам. Ясно, что до нас дошли не все письма Натальи Алексеевны. Только немногие из писем датированы самой корреспонденткой – на большинстве же даты проставлены Астраковой и, по-видимому, скопированы с почтовых штемпелей. Сохранившиеся ответы Астраковой находятся в *РГБ* (ф. 69.9.22–24) и *РГАЛИ* (ф. 359, оп. 1, ед.хр. 222, л. 1–22).

Письма Натальи Алексеевны из коллекции Литературного музея, написанные еще при жизни Герцена, публикуются И.А. Желваковой выше, в этом же разделе, письма же более позднего времени цитируются здесь нами. Два из них написаны в Цюрихе, когда у нее еще сохранялась живая связь с окружением Герцена. В них рассказывается о его детях, об Огареве... Но основное место в них занимает ее собственная дочь – дочь Герцена – Лиза.

⟨Цюрих. Начало 1874 г.⟩

Вы меня спрашивали как-то об Лизе и об детях. Саша все во Флоренции, я почти потеряла счет его детям, весной будет еще 7-й[71].

Ольга в Париже – у нее родился сын[72] – все этим очень счастливы. Тата теперь с ней – не знаю, надолго ли.

Дети Сатиных в Давосе – здоровье их будто поправляется, но я очень боюсь весны для Алексея – никто из докторов не верит в возможность его выздоровления.

Лиза со мной – не знаю, на кого она похожа, – иные говорят, что на Тату Г⟨ерцен⟩, но Тата гораздо красивее ее. Она очень умна и будет, конечно, самая энергичная из семьи, – но что выйдет из этого? – не знаю. Теперь она учится страстно, особенно истории, алгебре и геометрии – остальное только по обязанности. У нее образуется очень милый голос, тоже дишкант, как у Ольги, – вот все подробности, которые пришли мне в голову.

Так-то, Татьяна Алексеевна, все годы ушли у нас, до желания жить, а всё живем машинально, как будто дело делаем, а, в сущности, я не более нужна, чем вы: умереть, и все пойдет еще лучше, точно солдаты в строю, оставшиеся сплачиваются.

Недавно amico[72*] писал[73], видел Серг⟨ея⟩ Ив⟨ановича⟩ во сне и спрашивал, жив ли он; теряет сильно память – об вас спрашивал тоже.

Прощайте, крепко обнимаю вас. Лиза вас целует"[74].

⟨Цюрих.⟩ 10 июля 1874 г.

"Вы спрашивали об Лизе – она всего больше любит историю и математику – но доктора велят ей мало заниматься, потому что она довольно слаба, не слушает советов ни докторов, ни моих – пренебрегает здоровьем, постоянно говорит, что желала бы умереть. Конечно, в

[72*] друг (*итал.*).

Цюрихе скучно, в особенности нам, эмигрантам, – да, да, теперь я чувствую, что мы не имели права поставить детей в такое исключительное положенье. Старшие спаслись: Саша, кажется, доволен, у него семь человек детей, считая старшего[75], много дел и хлопот – он любит Италию – чего же ему еще? Мы ждем его на днях, я передам ему тотчас вашу записку[76]. Он едет из Англии, где был несколько раз в этом году по делам.

Тата здорова, она, кажется, хочет поселиться в Париже – может, и Лиза поедет к ней на зиму, а осенью они собираются вместе погостить у Саши и посмотреть на его славных детей.

Хочется с вами побеседовать, но этого не сбудется, а на бумаге все не то – все, что ни идет на ум, все как будто упрек кому-то, жалоба – а жаловаться нехорошо. Редко люди сознательно дурно поступают, все больше по глупости, как говорит русский человек. Послезавтра я увижу m-me Рейхель – она приезжает на музыкальный праздник, я всегда ей рада – мы как будто солдаты разбросанного полка или выходцы с какого-то кладбища – много воспоминаний горячих – куда все девалось, точно на огне сгорело. А вас будем вспоминать – вместе и Сергей Ивановича, – для меня мертвые не умирают, я, напротив, сживаюсь с ними – все знаю, все помню, что́ они любили, точно они мне завещали помнить. Эта любовь лучше, она лишена эгоизма, эгоизм теперь неуместен, т.е. не имеет смысла, а лучше бы было, если б его и тогда не было, – но люди поздно понимают жизнь, они ее понимают, чтоб лучше, глубже страдать.

ЛИЗА ГЕРЦЕН

Фотография. Начало 1870-х годов. Внизу подписи неизвестной рукой: "Lise Herzen", "Лиза Герцен"

Российский государственный архив литературы и искусства, Москва

Я, кажется, много лишнего написала; простите, не пишется обыкновенно, не хочется писать, а там прорвет плот⟨ин⟩у, и не удержишь горьких выражений.

Прощайте, пишите побольше о себе.

Обнимаю вас за себя и за Лизу»[77].

Переписка затем надолго прерывается. Следующее письмо написано в 1882 г. из Долгорукова (Яхонтова), где по возвращении из-за границы Тучкова-Огарева поселилась. Многое пришлось ей пережить за это время, в том числе самоубийство дочери Лизы в 1875 г., когда, как писала она, "последняя нить" ее существования порвалась[78]. Оглушенная трагической гибелью дочери, она, по-видимому, не в силах была продолжать переписку. Постепенно рвутся прежние связи – в первую очередь, с детьми Герцена[79]. Через полтора года после ее переезда в Россию умирает ее отец А.А. Тучков. О душевном состоянии Тучковой-Огаревой в то время дает представление следующее ее письмо к Пассек, в котором она излагает историю своего сближения с Герценом (это один из немногих документов, в котором она так несправедлива к Огареву):

⟨После февраля 1886 г.⟩

Дорогая Татьяна Петровна!

Вы выражали иногда желание знать для себя все, что до меня и до моих детей касается, – я решилась написать мою исповедь.

Когда я приехала в Л⟨ондон⟩, многое повлияло на меня – несчастие Ал⟨ександра⟩, его одиночество среди западных друзей и многое вынесенное им от русских, – все притягивало к нему – ревнивое бегство Мальвиды от принятых ею обязанностей еще сблизило нас – характер Ага, его страсть к уединению тоже способствовала нашему чувству. Однако когда мне показалось, что Ал⟨ександр⟩ разделяет мое чувство, я говорила с Ага, просила отпустить меня в Р⟨оссию⟩; может, последнее было трудно исполнить, но если б тогда у нас всех была бы близкая женщина, она помогла бы, она придумала бы, как нам разъехаться на время. Я думаю, как и многие из нас, что любовь раз только освежает жизнь, и это имя я скорей дам чувству к Ага – потому что оно было безоблачно, за исключением выносимых мучений по поводу его болезни и побудительных причин к ней. Характерами мы, может, сходнее были с Ал⟨ександром⟩, но зато сколько мучений, терзаний по поводу Ольги и Мальвиды, по поводу восстановления детей и Ал⟨ександра⟩ против меня, а позже и моего собственного ребенка, что счастья не могло быть. Однако, когда мы оставались одни где-нибудь на берегу моря, Ал⟨ександр⟩ забывал все обвинения Мальвиды и пр. и был доволен, счастлив детьми, которых он бесконечно любил. В этой вполне искренной записке, писанной только для вас, я вам скажу с искренней болью, что с рождения моего первого ребенка Ага тоже нападал на меня, раздувал мелочи, его влияние на Ал⟨ександра⟩ было во всех отношениях громадное – это была почти ненависть ко мне – и я увидела ей конец только после кончины Ал⟨ександра⟩, тогда он смотрел на меня и на дочь мою с умилением и, провожая нас, плакал не раз. Неужели любовь может перейти в такую противоположность? Я ни с кем не могла говорить об этом.

Впоследствии моя дочь подросла, она скучала в Швейцарии – скучала одинокой тихой жизнью – я имела неосторожность отпустить ее с Наташей в Италию – ее та⟨лант⟩ливая натура, слишком необузданная и горячая, избалованная мной и им, страдала от какого-то постоянного неудовлетворения – я терялась, боялась какого-то несчастья – просила Наташу приехать к нам в Ниццу – добрые люди ее не пустили. Тогда я, как бабочка стремится в огонь, исполнила ее требование ехать во Флор⟨енцию⟩. Провожавший нас короткий знакомый сказал мне: "Dieu veuille que vous ne vous repentiez bientôt de ce que vous faites"[73*].

Через две или три недели меня везли за гробом – когда я увидала его на дебаркадере, я вскрикнула и пошатнулась. Дорóгой я где-то взяла тихонько нож на столе – но ⟨убить себя⟩ мне не удалось. Саша вырвал его на ее могиле – во Флоренции. Я надевала вер⟨е⟩вку и перекидывала через гардину – мне помешали; я достала нож – у меня нашли его; я уходила тихонько, не зная куда и зачем, но дальше, дальше… меня догнали[80].

И теперь я пишу эти строки, обливаясь горячими слезами и рыдая… Неужели еще долго, долго мне жить?"[81]

В марте 1876 г. Тучкова-Огарева получила разрешение вернуться в Россию. На этот шаг она решилась не сразу.

"Отец мой, узнавши от Саши по телеграфу[82], приехал – он не мог увезти меня с собой по случаю моего долгого отсутствия из Р⟨оссии⟩, – пишет она Пассек в 1885 г., – да я ничего и не желала, отец уехал, не добившись от меня, чтó я буду делать. Я искала поступить в больницу, но меня отталкивали как иностранку, иноверку – наконец, моя приятельница, граф⟨иня⟩ Саффи, через директора болонской больницы заставила меня принять. Я шесть недель служила больным и никогда не забуду их любовь и благодарность[83]. Я получила в это время письмо от отца, который звал меня в Р⟨оссию⟩, говорил, что выхлопотал мне дозволение, что я могу в его деревне ходить за больными[84], – я решилась.

Наташа желала со мной проститься[85], но я отклонила свидания – мне было и так слишком тяжело, я ехала из Болоньи одна, неокрепнувшая, с своими страшными воспоминаниями, а тут граница, таможня – два дня я тут прожила и доехала кое-как на перекладной после желез⟨ной⟩ дороги – от непривычки я захворала и больная добралась до нашей земли, где все напоминало юность, Ага, сестру – опять воскресли упреки себе, сожаления. Боже, что за сложная жизнь!"[86]

Позднее (29 июля 1892 г.) Тучкова-Огарева повторила этот рассказ, дополнив его сведениями о первых годах своей жизни после возвращения в Россию[87].

Поводом для возобновления переписки Тучковой-Огаревой с Астраковой явилась просьба последней, обращенная к детям Сатиных[88], помочь ей деньгами. В эти годы Астракова жи-

---

73* "Как бы вам вскоре не пришлось пожалеть о том, что вы делаете" (*франц.*).

ла на крошечное пособие, которое ей удалось получить благодаря хлопотам друзей. Надо сказать, что в 1876 г., во время сербско-турецкой войны, на посылки солдатам она истратила последние остатки своих средств[89]. Тучкова-Огарева тотчас же откликается на ее просьбу и высылает ей деньги. Неоднократно помогала Астраковой она и впоследствии. Вот одно из ее писем – от 8 июля 1882 г.:

«Долгоруково. На станцию Иссу
Пензенской губ⟨ернии⟩ Инсар⟨ского⟩ уезда

Милая и дорогая Татьяна Алексеевна, по воспоминаниям, по дружбе к близким личностям.

Что могу вам написать? Я все еще жива – думаю и помню. Вы понимаете, как это больно – а забыть не желаю, – кроме этих воспоминаний, дорогих и ужасных, у меня ничего нет.

Живу в кругу исключительно крестьян, знаю их нужды, хорошие и слабые стороны и никого не хочу видеть из окружающих владельцев. Хотела бы вас видеть, хоть на один день, но этого не будет – столичный воздух мне запрещен вашими докторами.

Прощайте, будьте здоровы, иногда вспоминайте и обо мне.

Вся ваша

Наталья ... [90]»

В этом письме Тучкова-Огарева дает понять своей корреспондентке, что въезд в Москву ей запрещен. Действительно, по приезде в Россию ее обязали подпиской поселиться у отца в Долгорукове, "с учреждением над ней строгого полицейского надзора, в особенности же за заграничными ее сношениями"[91]. Письма к ней вскрываются и надолго задерживаются[92]. В феврале 1882 г. Тучковой-Огаревой было объявлено о снятии с нее надзора и о запрещении проживать в Москве и Петербурге, но надзор этот вскоре же был учрежден снова – теперь секретный. Несмотря на запрещение, Наталья Алексеевна в начале июня 1885 г. на несколько дней приезжала в Москву и виделась с Астраковой[93]. Это была их последняя встреча. Тучкова-Огарева нигде прямо не упоминает об этой поездке и только в письме от 14 июня того же года (вероятно, сразу же по возвращении в Старое Акшено) она сообщила Астраковой, что хорошо доехала, а через год с лишним, 5 октября 1886 г. пишет: "Как мне жаль, что Москва так далека от нас – мы бы с вами вспомнили былое – но, должно быть, наше свидание было последнее"[94].

Только в 1896 г. с Тучковой-Огаревой был снят по ее ходатайству секретный надзор, и она получила право жить во всех городах империи[95].

Долгие годы Наталья Алексеевна почти безвыездно живет в Долгорукове, взяв на себя обязанности по управлению имением. В одном из писем она сообщает Астраковой:

"Я занимаюсь делами, потому что Долгоруково не разделено между нами и в последние годы жизни моего отца тяжело заложено. Это мне мешает делать все, что́ бы я желала, для долгоруковских крестьян. Я живу в их среде, занимаюсь больными, помогаю им, и они ездят к нам даже из больших сел – лекарства покупаю и даю им даром; вижу нужды народа и его слабости ⟨...⟩

Я боюсь только одного: пережить последних близких..."[96]

И 16 апреля 1883 г.:

"Эту зиму у меня не было конторщика, накопилось много конторской работы, продажа хлеба и пр. – я и надела хомут – что́ делать? Вам, может, невероятно, но здесь много дела: то забота о различной скотине, то постройки, поправки, продажи, покупки: у нас ведь нет управляющего, помощники мои – крестьяне. Хозяйство, хотя оно ничтожно, здесь не найдешь настоящей прислуги, две бабы, которые у нас, ничего не знают, – потом больные занимают много время. Мне хотелось бы еще устроить родильный дом для всякой женщины и для семейной. Именно неудобства, которыми окружена крестьянка во время родов, причиняют много внутренних болезней, почти всегда неизлечимых"[97].

Предложение Астраковой шить для крестьянских детей из лоскутов одеяла и рубашки Тучкова-Огарева принимает с радостью.

"Мне постоянно кажется, что я в дороге, – пишет она 10 июля того же года, – я живу сколько-нибудь порядочным человеком при моей матери – а когда она в Акшене... Днями я не имею и пяти минут свободных – потому редко могу шить для бедных ребятишек – и ваше предложение мне очень нравится; часто приносят больных детей, которых нечем прикрыть, да и в нашем селе немало бедных. У нас все уходят за Волгу, потому что здесь рожь пропала, – здесь голод – июль наступает, а яровое низкое – не растет – теплых дождей вовсе не было"[98].

Она явственно ощущает свои годы, тяжелый груз прошлого. Появляется неодолимое чувство усталости, и Астракова, сама больная, физически немощная, но еще бодрая духом, старается поддержать ее, ссылаясь на трагизм своего собственного существования. "Вы живете

с живыми людьми, вы знаете, что им нужны, что без вас им будет плохо. А я лишена и этой отрады, никому ни на что не нужна (...) Трудно, тяжело так жить..."[99]

В следующем письме, от 29 октября, она продолжает, имея в виду Герцена и Огарева:

"Не в отчаянии и тоске нужно проводить остальную жизнь нашу, но в память наших близких посвятить ее на дело, достойное их памяти: они ратовали за общее дело добра, продолжайте и вы выполнять их мысль (хотя в скромных размерах). Но для выполнения этого нужна бодрость духа, и хорошее расположение, и здоровье. Всякое прятанье от дела в себя, в свою заветную мысль – в тоску мне кажется известным преступлением, т.е. быть совершенным эгоистом, а ведь это преступление против совести. Эгоизм присущ молодости, когда увлекаются страстями, а в зрелые лета нужно его отринуть. Мне кажется, нет лучшего наслаждения в одинокой жизни, как жить для других и сознавать, что я приношу пользу и удовольствие"[100].

Астракова, самоотверженный, придерживавшийся передовых взглядов человек долга, чутко улавливает свойственный натуре Тучковой-Огаревой эгоизм (и Герцен не раз упрекал ее в этом). С присущей ей прямолинейностью она писала своей корреспондентке: "Мне жаль вас, и тяжело за вас, и досадно, что эгоизм в вашей натуре еще преобладает сильно, а это недостойно вас"[101].

Тучкова-Огарева отвечает на это письмо (от 26 августа), проникнутая усталостью и настроениями, знакомыми нам по ее письмам к Герцену после смерти их детей-близнецов:

"Милая Татьяна Алексеевна,

Теперь я опять здорова, но старость пришла – ни сил, ни охоты действовать нет более. Хотелось бы подальше от людей и от дел – зарыться в своих воспоминаниях, отдаться им вполне – и тогда что же? Тогда, может, ее скорей дождешься: что́ за этой занавесью " не знаю – но *они* за ней, и меня влечет непобедимое желание быть им подобной.

Как я ни старалась принимать участие в людях, но, в сущности, это натянуто, для меня земля опустела – все потеряло смысл. У меня осталась только жалость к людям и ближним. Я знаю, вам это не понравится, вы желали бы видеть, что я помогаю окружающим и тешу себя этим, – но я не хочу вас обманывать..."[102]

Эта переписка ярко характеризует и Астракову, сохранившую высоту духа и верность идеалам молодости. Она продолжала заниматься благотворительностью, несмотря на то, что вела полунищенское существование и вынуждена была постоянно обращаться за помощью ("Если бы вы знали, как тяжело просить!" – пишет она Тучковой-Огаревой). И в то же время сообщает своей корреспондентке (6 сентября 1883 г.): "Я не смею в память его (С.И. Астракова) не отдать последний грош, который у меня остается, бедняку, который просит на хлеб! Я прокляла бы себя, если б не сделала этого. Это вся моя мысль, мое убеждение, т.е. продолжать то, что делали наши дорогие усопшие, и в этом сила и наше спокойствие – это и есть жить в прошлом"[103] Она советует и своей корреспондентке: "Вы можете продолжать ту деятельность, которой были преданы дорогие вам люди!"[104]

Эта мысль позднее будет целиком воспринята Тучковой-Огаревой и станет основой ее жизненной философии. Ее деятельный характер поможет ей преодолеть усталость, и она снова примется за работу, посвящая Астракову во все подробности своей жизни:

"Вот теперь мы разделимся, и, если имение уцелеет несмотря на холодный год, то мне хочется кое-что сделать для бедных; вот что я придумала, – пишет она 25 января 1884 г. – Надо по летам принимать детей на день, пока матери ходят в поле. Конечно, надо нанять еще проворную старуху, которая накормит их раза три в день теплым молоком, кашей, хлебом. Сад наш довольно большой, тени много – я уверена, что они будут у меня охотно до вечера, матери, идя мимо, возьмут их обратно, а то жалость глядеть на этих бедных ребятишек в поле, на жару, с прокислым молоком.

Если дела пойдут изрядно, то возобновлю и больницу, хоть две большие комнаты для женщин и мужчин. Часто, по моему взгляду, можно поправиться – от пищи, от ободрения, от ухода, и это была всегда моя страсть. Да, дорогая Татьяна Алексеевна, я тоже думаю, что то, что во мне доброго и хорошего, развивается в память их, тем более, что эгоизм молодости давно прошел, эгоизм за детей тоже. Чего мне желать, кроме скорого конца, быть полезной несчастным – иногда в этом судьба посылает мне утешение"[105].

И несколько позднее:

"Могла бы я писать о нравственном и материальном состоянии крестьян и о возможной им помощи со стороны частной и власть имеющей. Я живу в этом мире. Но кто будет меня слушать? Надо молча ждать своей очереди" (письмо от 28 мая 1886 г.)[106].

Условия жизни, скромность средств не позволяли ей оказывать крестьянам помощь в той мере, в какой хотелось бы. Больницу устроить не удалось. Все эти годы она неутомимо собирала библиотеку для крестьян, но только в 1904 г. получила разрешение на открытие народной библиотеки в Долгорукове[107].

Тучкова-Огарева тяжело переживала раздел имения, произведенный в 1884 г., предвидя грозящую ей, ее матери и Сатиным полнейшую бедность. Она делится своими заботами и волнениями в связи с предстоящими взносами в банк и разного рода платежами, пытается раздобыть какую-либо работу, просит Астракову и Пассек достать для нее переводы с иностранных языков, устроить ее в купеческую семью учительницей:

"Неужели, милая Татьяна Алексеевна, вы или Татьяна Петровна не могли бы доставить мне такое место, где бы говорили, что я живу только как знакомая, – пишет она 4 октября 1885 г. – Может, порядочные купцы дорожили бы моими крошечными познаниями в музыке, франц(узском) языке и пр. По русским учебникам могла бы готовить их в гимназию, – конечно, девочек. Ну, право, если б можно было, я бы бросила Д(олгоруково). Если бы у меня были сколько-нибудь состоятельные друзья, я бы выпросила комнату и пищу и сидела бы с своими бумагами, это было бы всего лучше – но у меня нет никого в России"[108].

В 1887 г. долгоруковские крестьяне расправились с новым управляющим Станиславским (см. об этом ниже, в публикации писем Натальи Алексеевны к Е.С. Некрасовой). На Тучкову-Огареву это произвело тяжелейшее впечатление. Жизнь в Долгорукове среди людей, причастных к убийству, была для нее невыносима. Надежды на продажу имения не оставалось. Почти на два года переезжает она в Старое Акшено. Реже становятся ее письма к Астраковой. Невозможность помогать подруге угнетает ее. Даже марки для писем вынуждена она просить у племянников. И все же из своих скудных средств она высылает ей мелкие суммы.

Письма Тучковой-Огаревой помогают представить себе обстановку, в которой проходят эти годы. Живет она почти в полном одиночестве, чувствует себя заброшенной и лишней. Духовной связи с племянниками не возникает. В одном из писем она с горечью пишет, что никто из родных не прочитал ее уже опубликованные мемуары, прошлое никого не интересует. Чтение воспоминаний Пассек и работа над собственными мемуарами и над "Исповедью" целиком погружают ее в минувшее. Тучкову-Огареву продолжает преследовать мысль о ее покойных детях; она постоянно винит себя в их гибели. Вот несколько характерных отрывков из ее писем к Астраковой:

«Дорогая Татьяна Алексеевна,

Доживаем обе в одиночестве – я говорю это, хотя с лета моя мать здесь; она тут, вероятно, потому, что мы взяли маленькую девочку, которая ее очень забавляет. Вечером мы расходимся рано, потому что иногда мне приходится держать ребенка почти всю ночь на руках – а надо силы, чтобы не задремать с ней ⟨...⟩ сижу с ней на руках и думаю о тех, которые унесли с собой в могилу весь свет моей жизни, проверяю себя, понимаю очень поздно свои ошибки... Как все выходит неумолимо последовательно, и тогда льются горькие, никем не видимые слезы... Как хочется тогда невозможного, хочется остановить время, вернуться к прошлому и тогда бы, кажется, оберечься от всех ошибок, от всех злых людей – и все было бы цело. Когда я одна, а это каждый вечер, каждую ночь, мне необходимо все переживать опять – какие другие мысли займут мою голову?" (31 декабря 1886 г.)[109]

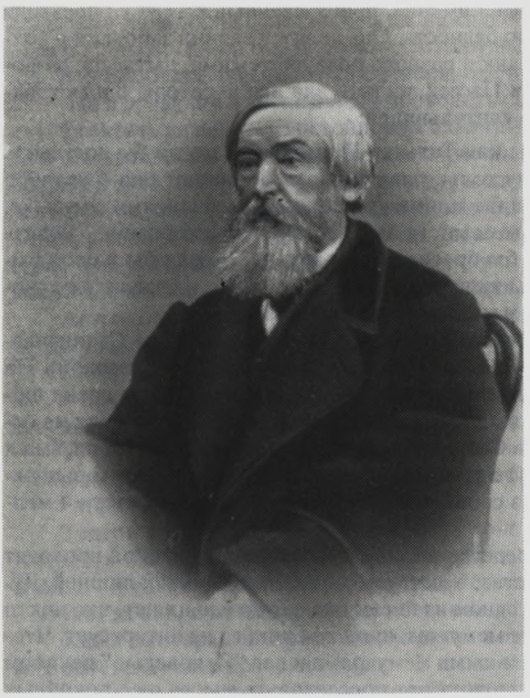
"Когда же не спится, все припоминаю и вижу, как я ошибалась постоянно. Как, имея хорошую цель, я ее не достигала, а мучила себя и других – и все это непоправимо, а страшно и бесплодно мучит, поэтому я и начала было писать свои записки с целью облегчить себя – отдать на строгий суд людей и тоже получить облегчение своей исповедью. Не знаю, удастся ли..." (24 декабря 1887 г.)[110].

"Я очень обрадовалась вашему почерку, хотя ваше письмо какое-то грустное и обескураженное. Что делать? Нехорошо нам доживать одним, меня часто какое-то зло берет на свое здоровье – обидно пережить все, что дорого, – а мне еще приходится во многом себя упрекать, я ничего не сумела предвидеть, предусмотреть, предотвратить... и с этими мыслями каждый день ложиться спать! Спишь от усталости, а не так светло, как другие засыпают. Вам, по крайней мере, не в чем себя упрекать – и за это спасибо судьбе – да не судьбе, а вам самим. Вы были всегда любящий и хороший человек, а я? Минутами была и я светлое существо, но не было у меня выдержки, не умела владеть собой и нести безропотно последствия своих же ошибок" (10 февраля 1889 г.)[111].

Астракову и Тучкову-Огареву прочно связали воспоминания о первой жене Герцена и то чувство благоговения, с которым они всегда относились к ней и к ее памяти. Вопрос о возможной публикации глав о семейной драме из "Былого и дум" вызвал у них, однако, острое разногласие.

6 января 1886 г. Тучкова-Огарева писала Астраковой:

"Т(атьяна) П(етровна) пишет, что вышел роман "Жизнь за жизнь"[112], где рассказали историю Герв(ега); мне кажется, лучше рассказать просто, как было, – скрыть нельзя да и она[113]



А.А. ТУЧКОВ

Фотография Г. Мана. Пенза, 1873. На обороте рукой Таты Герцен: "Alexis Toutchkoff, 1873"

Музей Герцена, Москва

"Вернувшись, я нашла отца очень слабым ⟨...⟩ Отец жил при мне только полтора года – нечего вам говорить, как тяжело хоронить отца, а особенно такого отца, как он был" (Н.А. Тучкова-Огарева – Е.С. Некрасовой, 29 июля 1892 г.)

не желала, а рассказать гуманно – объяснить, что он сам вызвал в ней недоверие к их союзу – молчала она из гуманности, из страха потерять А⟨лександра⟩ и детей. Ал⟨ександр⟩ хотел уехать с Сашей в Америку – тогда она меня звала. Странно, что я никому не давала ее писем. Ал⟨ександр⟩ взял их у меня, чтоб переписать, – и некоторых я не нахожу – например, то письмо, в котором она меня зовет, – вообще письма из Ниццы с приписками Герв⟨ега⟩. Еще нет того письма, которое нас озадачило, где она говорит: "Я была в когтях злого демона", – где им быть? Мы[114] тогда думали, что все это клевета, а после этого письма задумались..."[115]

Астракова болезненно восприняла и известие о том, что Пассек собирается публиковать письма первой жены Герцена, связанные с семейной драмой. Тучкова-Огарева отвечает ей 28 января 1886 г. Ее письмо свидетельствует о чувстве ответственности, с которым она относилась к прошлому и к памяти Н.А. Герцен:

«...Если Т⟨атьяна⟩ П⟨етровна⟩ ошибается и ничего против Наташи не писано в настоящее время, то ей не нужно ничего о ней печатать; что касается до ее писем, я вовсе с вами не согласна – они *обличают* только ее симпатичные и оригинальные взгляды на все, ее симпатию к разным лицам, как Ог⟨арев⟩ и пр. Успокойтесь, тут ничего нет того, чего вы боитесь, – а зачем вы хотите украсть у всех такую исключительную, симпатичную поэтическую натуру? у меня противуположный взгляд на вещи; я не смотрю скромно на себя как на удивительное явление природы, которое только может оценить Наташу. Я думаю, между мыслящими, читающими людьми найдется много, которым чтение ее писем доставит огромное наслаждение. Какое право мы имеем лишать их этого счастья? Простите меня, в вашу очередь, милая Татьяна Алексеевна, не делю ваших мещанских взглядов на жизнь.

Если б Ал⟨ександр⟩ и Наташа так же смотрели, он бы не написал V тома своих записок – но, впрочем, тогда они были бы не они. К несчастию, ваш мещанской взгляд разделяют дети его, потому-то V том может никогда не явиться в свет, и воля умерших не будет исполнена – но зато мещанская нравственность будет удовлетворена. Оставим эпизод, которого вы боитесь, по крайней мере из любви к Наташе не держите под спудом все прекрасное, симпатичное, поэтичное... она была моим единственным идеалом между женщинами. У вас какая-то китайская любовь, которая окружает стеной любимое существо – но неужели человечество так жалко, что, кроме вас, меня и Таты, никто ее не оценит? Полноте, пожалуйста. Ее письма составляют почти одни всю отраду моей жизни. Найдутся отголоски на них – я верю в человеческое понимание.

Прощайте, не сердитесь – так уж природа создала нас с розным пониманием, но, может, с одинаковой любовью.

Преданная вам N.

P.S. Будьте покойны, я написала Т⟨атьяне⟩ П⟨етровне⟩ остановиться". (28 января 1886 г.)[116].

Астракова отвечала на это 6 марта:

"Вы хотите проявлять во всеуслышание ваши чувства, я, наоборот, хочу спрятать их поглубже в своем сердце, не желая, чтобы кто-нибудь дотрогивался до этой святыни"[117].

Мнение Астраковой поколебало Наталью Алексеевну; она просит исключить упоминание о Гервеге из своих воспоминаний о Н.А. Герцен, затем неоднократно повторяет о возвращении ей этой части мемуаров.

Переписка с Астраковой обрывается в 1890 г. Последние письма корреспондентки Натальи Алексеевны свидетельствуют о постепенном угасании ее личности: она уже почти не может читать и с трудом воспринимает новые впечатления, целиком сосредоточившись на окружающем быте.

О смерти Астраковой Наталья Алексеевна узнала от Е.С. Некрасовой. 30 июня 1892 г. она писала своей московской знакомой: "Одним вы меня очень опечалили, известием о кончине дорогой Т.А. Астраковой. У нее близких нет – она хотела распорядиться, чтоб мне выслали ее бумаги..."[118]

Как теперь стало известно, архив Астраковой остался у доктора В.В. Антушева и только в 1977 г. поступил в Государственный Литературный музей. Ряд ценнейших материалов этого фонда (в том числе письма Герцена и Огарева к Астраковым) публикуется в работах И.А. Желваковой, И.М. Рудой и в настоящем обзоре, а также в кн.1 этого тома "Лит. наследства".

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] "Дневник, писанный на Тальской фабрике..." вероятно, весною 1853 или 1854 г.", начинается словами, обращенными к сестре: "Когда-то ты мне говорила: напиши нашу жизнь..." (*РП* IV, 132).

[2] См. там же, 157–163, 167–184, 186–192, 201, 206–209, 220–221.

[3] Там же, 182–183.

[4] Племянница Нат. Ал. – Тата (дочь Е.А. Сатиной).

[5] Имеется в виду Герцен. В настоящей записи анализируются последствия их сближения. Следует отметить, что Нат. Ал. долго скрывала от сестры свои отношения с Герценом; ее дневниковых записей 1850–1870-х годов Е.А. Сатина, вероятно, никогда не читала.

[6] *РГАЛИ*, ф. 359, оп. 1, ед.хр. 174, л. 43–43 об., 42 об. – 42, 46, 48. Изучение рукописи позволило нам уточнить архивную пагинацию. Эти записи близки к записям дневника Нат. Ал., опубликованным в *РП* IV, 167, 179, 184.

[7] Герцен и Нат. Ал. жили в Торки с 24 августа по 4 октября 1861 г. См. выше письма Нат. Ал. к Огареву за этот период.

[8] *РГАЛИ*, ф. 359, оп. 1, ед.хр. 179, л. 16 об.

[9] Там же, ед. хр. 174, л. 47.

[10] Дарственная надпись Герцена на этой тетради: "A Natalie. 11 février 1857. Londres. A. H e r z e n" (см. "Общие указатели к Собранию сочинений в 30 томах" с. 424).

[11] Этим числом датировано письмо Нат. Ал. к сестре (*РП* IV, 187–188).

[12] Т.е. дочерей Герцена – Тату и Ольгу.

[13] Еще не родившаяся дочь Нат. Ал. и Герцена – Лиза.

[14] Все приведенные выше тексты хранятся в *РГАЛИ*, ф. 359, оп. 1, ед.хр. 174, л. 36–38 об., 39, 41. Предшествующие записи на л. 31–35 (датированные 1 октября 1857 – 18 мая 1858 г.) опубликованы в *РП* IV, 188–191.

[15] В сентябре 1860 г. Е.А. Сатина с детьми возвращалась в Россию после недолговременного пребывания за границей.

[16] Е.А. Сатина умерла 17/29 июля 1871 г.

[17] Дата первого из неотправленных писем Нат. Ал. к сестре – 27 ноября 1856 г. (см. *РП* IV, 157–161).

[18] *РГАЛИ*, ф. 359, оп. 1, ед.хр. 174, л. 81–86 об. – Остальные сны опубликованы в *АО*, 248–255.

[19] См. *РП* IV, 105–112; *АО*, 261–268.

[20] *РГАЛИ*, ф. 359, оп. 1, ед.хр. 174, л. 28.

[21] Там же, л. 30–30 об.

[22] Ср. письмо Герцена к И.С. Тургеневу от 2 марта 1857 г. (XXIV, 77).

[23] *РГАЛИ*, ф. 359, оп. 1, ед.хр. 174, л. 35.

[24] О работе Пассек над т. III воспоминаний см. в исследовании А.Н. Дубовникова «Воспоминания Т.П. Пассек "Из дальних лет" как источник для изучения биографии Герцена и Огарева» ("Лит. наследство", т. 63, с. 584–587).

[25] *РГБ*, ф. 69. 10. 85, л. 1–3.

[26] Письмо Нат. Ал. от 18 июля (*РГАЛИ*, ф. 359, оп. 1, ед.хр. 212, л. 9–10).

[27] *РГАЛИ*, ф. 359, оп. 1, ед.хр. 212, л. 3.

[28] См. "Лит. наследство", т. 63, с. 605; *Пассек* II, 564–573.

[29] *РГАЛИ*, ф. 359, оп. 1, ед.хр. 212, л. 26.

[30] Возможно, об этой рукописи идет речь в письме Нат. Ал. к А.А. Герцену от 23 января 1876 г. (см. *АО*, 228–230) и в ответном письме А.А. Герцена (там же, 230). По-видимому, рукопись содержала воспоминания о совместной жизни Нат. Ал. и Герцена.

[31] *РГАЛИ*, ф. 359, оп. 1, ед.хр. 212, л. 3–3об.

[32] Там же, л. 8об.

[33] *РГБ*, ф. 69. 10. 86, л. 31 (ошибочно датировано 1886 г.).

[34] В 1848 г. Н.А. Герцен подарила Н.А., Е.А. Тучковым и М.Ф. Корш по голубой косынке. В конце 1903 г. Нат. Ал. послала свою косынку вместе с дагерротипом, где Н.А. Герцен-Захарьина снята с Ольгой на руках, и с рисунком, изображающим Ниццу (работы Н.А. Герцен-Захарьиной), для "Комнаты 40-х годов" Румянцевского музея. Вот что писала она по этому поводу Е.С. Некрасовой 2 января 1904 г.: "Про-

стите, что моя жертва музею доставила вам только неприятности: дагерротип разбит, голубую косыночку (клетками), верно, не заметили и выбросили с осколками стекла и рисунок Н.А. с ее припиской" (*РГБ*, ф. 196. 18.27, л. 1).

[35] *ГЛМ*, ф. 248, оп. 1, ед.хр. 77, п. 12.

[36] Это письмо датируется на основании слов Нат. Ал.: "Очень благодарю за поздравление, но, признаться, годы для меня безразличны, они для меня что разбитые часы, ничего не показывают, у меня свой счет: в 1864 году маленькие дети оставили меня, в 1870 году – второй удар, в конце 1875 – третий и последний удар, – с тех пор все безразлично" (*РГАЛИ*, ф. 359, оп. 1, ед.хр. 212, л. 14об.). Ср. датированное 6 января 1886 г. ее письмо к Т.А. Астраковой, в котором она тоже перечисляет эти скорбные даты смерти близнецов, Герцена и Лизы (*ГЛМ*, ф. 248, оп. 1, ед.хр. 77, п. 12).

[37] Эти письма Огарева опубликованы в *РП* IV, 9–68.

[38] Нат. Ал. имеет в виду историю увлечения Н.А. Герцен Г. Гервегом.

[39] *РГАЛИ*, ф. 359, оп. 1, ед.хр. 212, л. 14–14об. Об отношениях между Н.А. Герцен и Тучковой-Огаревой см. выше, в публикации Л.Р. Ланского писем Н.А. Тучковой к Н.А. Герцен (Захарьиной) и Герцену.

[40] Там же, л. 15. Пассек по просьбе Нат. Ал. не включила в свои воспоминания отрывок о Г. Гервеге (глава "В Италии"). Впервые опубликован в "Воспоминаниях" Тучковой-Огаревой (1929), с. 487–488. В этом издании отрывки из записок Пассек публиковались по копии, исправленной Нат. Ал.; во всех остальных эта глава печаталась по журнальной публикации "Русской старины".

[41] Эти материалы были напечатаны не в № 1, а в № 2 журнала.

[42] Главы "Семейство Тучковых", "В Италии", "Во Франции и в России", а также присланные Нат. Ал. письма Герцена, Н.А. Герцен и Огарева появились в *РС*, 1886, № 10, с. 149–180 (*РГБ*, ф. 69. 10. 86, л. 8–8об.).

[43] *РГАЛИ*, ф. 359, оп. 1, ед.хр. 212, л. 9–9об.

[44] *РГБ*, ф. 69.10.86, л. 31. Эта часть воспоминаний опубликована в *РС*. 1887, № 10.

[45] См. прим. 24.

[46] Письмо Пассек датировано 27 марта 1887 г. *РГБ*, ф. 69.10.87, л. 2.

[47] То же, л. 1об. – 2. Эта рукопись Нат. Ал. целиком вошла в отдельное издание т. III "Из дальних лет". В том же 1888 г. Пассек писала ей: "Кончина Александра напечатывается полно, как ты мне прислала" (*РГБ*, ф. 69.10.88, л. 8).

[48] Письмо Пассек с сообщением о получении биографии Нат. Ал. см. в *РГБ*, ф. 69.10.88, л. 3–4 об.

[49] *РГАЛИ*, ф. 359, оп. 1, ед.хр. 212, л. 20–20об.

[50] См. выше.

[51] *ГЛМ*, ф. 248, оп. 1, ед.хр. 79, п. 1.

[52] Там же, п. 4.

[53] Письмо Нат. Ал. от 26 марта (*ГЛМ*, ф. 248, оп. 1, ед.хр. 79, п. 4). Здесь же хранятся ее воспоминания о С.И. Астракове – см. письмо от 10 мая 1888 г. (п. 5).

[54] Письмо Астраковой от 15 мая (*РГБ*, ф. 69.9.24, л. 16 об. – 17 об.). Интересно, что сама Астракова писала воспоминания о С.И. Астракове, которые приняты были в "Исторический вестник", но вскоре возвращены ей. Тогда она отправила свою статью в Дерпт к проф. Н.А. Висковатову (см. об этом в ее недатированном письме к Пассек – *РГБ*, ф. 69.9.26, л. 2–2 об).

[55] *Тучкова-Огарева*, 73–74.

[56] *ГЛМ*, ф. 248, оп. 1, ед.хр. 79, п. 4.

[57] Относительно "странностей" цензуры Нат. Ал. писала Астраковой 24 января 1888 г. в связи с возможной публикацией стихотворений Огарева в "Русской старине": "Насчет стихотворений Огар⟨ева⟩ не знаю, как вам сказать, ведь печатает же о них обоих Тат⟨ьяна⟩ Петр⟨овна⟩ – их имена встречаются в печати. Как-то все идет капризно, нелогично, непоследовательно" (*ГЛМ*, ф. 248, оп. 1, ед.хр. 79, п. 2).

[58] Письмо Нат. Ал. от 9 июня 1888 г. (*ГЛМ*, ф. 248, оп. 1, ед.хр. 79, п. 6).

[59] Письмо Нат. Ал. от 10 февраля 1889 г. (там же, ед.хр. 80, п. 1).

[60] Гл. I–IV появились в "Русской старине", 1890, № 10.

[61] Эти главы опубликованы были в "Русской старине", 1894, № 9–12; гл. XV–XVII в "Северном вестнике", 1896, № 1–2.

[62] *ГЛМ*, ф. 248, оп. 1, ед.хр. 80, п. 9.

[63] См. их ниже в обзоре "Письма Н.А. Тучковой к Н.А. Герцен и Герцену".

[64] *РГАЛИ*, ф. 359, оп. 1, ед.хр. 174, л. 46.

[65] *Пассек* II, 501; *Тучкова-Огарева*, 52.

[66] *РГАЛИ*, ф. 356, оп. 1, ед.хр. 174, л. 47.

[67] Там же, л. 48, 50, 50–50об.

[68] Астракова вспоминала об этом в письме к Нат. Ал. от 11 октября 1882 г.: «Вот ⟨...⟩ 48-й год. Вы приехали из-за границы, привезли мне письмо от незабвенной моей Наташи. Она пишет: "Приголубь, приласкай моих вторых детей; Natalie – это перл создания... люби их, как я их полюбила..." Этих слов для меня было довольно – я всегда безусловно верила в непогрешимый выбор Наташи – и я любила и люблю вас (исполняя свято ее завет); я любила Ел⟨ену⟩ Алек⟨сеевну⟩ Сатину, потому что люблю и ее детей – они все мне дочери» (*РГБ*, ф. 69.9.22, л. 5).

[69] См. в публикации писем Н.А. Тучковой к Н.А. Герцен (Захарьиной) и к Герцену.

[70] В конце 1853 г. Огарев и Нат. Ал. прожили у Астраковых несколько дней (см. неизданные воспоминания Нат. Ал. (гл. "Дедушкина кончина") – *РГАЛИ*, ф. 359, оп. 1, ед.хр. 174, л. 61).

[71] 30 апреля 1874 г. родилась Нерина Герцен.

[72] Эдуард Моно-Герцен.

[73] Имеется в виду Огарев. Его письмо неизвестно.

[74] *ГЛМ*, ф. 248, оп. 1, ед.хр. 76, п. 1.

[75] *Старший* – "незаконный" сын А.А. Герцена – Александр (Тутс).

[76] Эта записка остается неизвестной.

[77] *ГЛМ*, ф. 248, оп. 1, ед.хр. 76, п. 2.

[78] *АО*, 284.

[79] См. подробно об этом ниже, в обзоре писем Нат. Ал. к Е.С. Некрасовой.

[80] О попытках Нат. Ал. покончить с собой сообщил и А.А. Герцен Н.Н. Сатину 28 декабря 1875 г. (*АО*, 214–215).

[81] *РГАЛИ*, ф. 359, оп. 1, ед.хр. 212, л. 7–8об.

[82] Эта телеграмма до нас не дошла.

[83] В *РГАЛИ* хранится неизданный очерк Тучковой-Огаревой "Больница в Болонье" (ф. 359, оп. 1, ед.хр. 181).

[84] Это письмо остается неизвестным.

[85] 14 января Н.А. Герцен писала Нат. Ал.: "Неужели ты не захочешь меня видеть прежде, чем поедешь в Россию?! Это было бы нехорошо, негуманно, уверяю тебя. Ведь мы, может быть, не увидимся больше" (*АО*, 226–227). См. письмо Н.А. Герцен к Г. Шиффу о ее встречах с Нат. Ал. в 1911 г. (в конце обзора "Письма Н.А. Тучковой-Огаревой к Е.С. Некрасовой").

[86] *РГАЛИ*, ф. 359, оп. 1, ед.хр. 212, л. 24.

[87] См. обзор писем к Е.С. Некрасовой, с. 263.

[88] В это время в Старом Акшене жили дети Е.А. и Н.М. Сатиных: Наталья Николаевна, Михаил Николаевич и Мария Николаевна.

[89] Историю своего разорения Астракова рассказала Нат. Ал. в письмах от 11 и 29 октября 1882 г. (*РГБ*, ф. 69.9.22, л. 7об., 9об. – 10об.). Она сводится к следующему. После смерти в 1866 г. С.И. Астракова его братья М.И. и В.И. Астраковы предоставили Астраковой в собственность свой московский дом. Она сдавала его жильцам, но получаемых денег на жизнь ей не хватало. Заняв у Таты Герцен 600 фр. на выплату долгов, Астракова продала этот дом за 6000 р. и попыталась жить на проценты с капитала, составлявшие 400 р. в год. Не укладываясь в эту сумму, она постепенно проживала капитал, уверенная в своей близкой смерти. После пожертвований, сделанных ею во время сербско-турецкой войны, у нее оставалось от капитала всего 900 р.

[90] *ГЛМ*, ф. 248, оп. 1, ед.хр. 76, п. 3.

[91] "Дело канцелярии начальника Пензенской губернии о разрешении Огаревой Наталии Алексеевне возвратиться из-за границы в Россию" (копия – *РГАЛИ*, ф. 359, оп. 1, ед.хр. 172, л. 6).

[92] Об этом Нат. Ал. писала Астраковой 10 июля 1883 г.: "Я и письма прямо не получаю, а иногда через три месяца. Это очень неприятно, то деловые письма не получишь во-время, то частные письма, писанные о личных делах с полным доверием, читаются многими до меня. А я живу себе, занимаюсь только делами и больными, не видя никого, даже очень редко своих" (*ГЛМ*, ф. 248, оп. 1, ед.хр. 76, п. 7).

[93] См. письмо Н.Н. Сатиной и Натальи Аполлоновны Тучковой к Астраковой от 14 июня 1885 г. (*ГЛМ*, ф. 248, оп. 1, ед.хр. 50, п. 10), а также письмо Н.Ап. Тучковой к Астраковой от 9 января 1886 г., в котором она пишет: "Про свое пребывание в Москве дочь говорит, что оно прошло, как сон, и так и сохранилось в памяти сновидением. Может, когда-нибудь, в лучших обстоятельствах, ей придется побывать в Москве, тогда, конечно, вы вдоволь наговоритесь" (*ГЛМ*, ф. 248).

[94] Там же.

[95] Еще 11 января 1896 г. Нат. Ал. писала Е.С. Некрасовой в связи с хлопотами по удочерению своей незаконнорожденной внучатой племянницы Оли: "Паспорт, с которым я приехала, был у меня отобран, – с тех пор я никакого вида не имею – надзор полиции с меня снимали иногда, и я расписывалась в книге о том, потом месяца через два или три мне опять объявляли, что я никуда не могу отлучаться без позволения (...) знаю, что я и ныне под полицейским надзором" (*РГБ*, ф. 196.18.21, л. 1об.). Очевидно, Некрасова хлопотала за нее, т.к. вскоре Нат. Ал. сообщила ей: "Надзор с меня снят, пристав думает, что от его представления, а я думаю, от вашего письма, и премного вас благодарю" (там же, л. 33). Сообщение о снятии надзора см. в *РГАЛИ*, ф. 359, оп. 1, ед.хр. 172, л. 52.

[96] Письмо от 7 октября 1882 г. (*ГЛМ*, ф. 248, оп. 1, ед.хр. 76, п. 4).

[97] Там же, п. 5.

[98] Там же, п. 7.

[99] Письмо от 9 сентября 1882 г. (*РГБ*, ф. 69.9.22, л. 4–4об.).

[100] Там же, л. 12 об. – 13.

[101] *АО*, 281–282.

[102] *ГЛМ*, ф. 248, оп. 1, ед.хр. 76, п. 8.

[103] *РГБ*, ф. 69.9.22, л. 22.

[104] Там же, л. 21.

[105] *ГЛМ*, ф. 248, оп. 1, ед.хр. 77, п. 1.

[106] Там же, п. 15. См. черновики писем и Записок Нат. Ал. о положении крестьян (*РГАЛИ*, ф. 359, оп. 1, ед.хр. 199, 204, 206).

[107] Об этом Нат. Ал. сообщала 15 июня 1904 г. Е.С. Некрасовой: "Я вам не писала еще, что получи-

ла разрешение на открытие народной библиотеки при с. Долгорукове, в училище. Туда придется пожертвовать еще шкапы, которые у меня имеются" (*РГБ*, ф. 196, 18.27, л. 14об. – 15).

[108] *ГЛМ*, ф. 248, оп. 1, ед.хр. 77, п. 10.

[109] Там же, п. 18. Упоминаемую девочку Олю, незаконнорожденную дочь Н.Н. Сатиной, Нат. Ал. впоследствии усыновила (см. ниже в этом разделе).

[110] Там же, ед.хр. 78, п. 6.

[111] Там же, ед.хр. 80, п. 1.

[112] Этот длиннейший "рассказ" Н.А. Таль (Утиной) был опубликован в "Вестнике Европы" (1885, № 4–5). Нат. Ал. получила его от Пассек в июне 1886 г. (см. ее письмо к Т.А. Астраковой от 4 июня – *ГЛМ*, ф. 248, оп. 1, ед.хр. 77, п. 15); см. также ниже в обзоре Л.Р. Ланского "Письма Н.А. Тучковой-Огаревой к Е.С. Некрасовой" (прим. 123).

[113] Н.А. Герцен (Захарьина).

[114] *Мы* – Нат. Ал. и Огарев.

[115] *ГЛМ*, ф. 248, оп. 1, ед.хр. 77, п. 12. – Письма Н.А. Герцен, переписанные рукой Нат. Ал., хранятся в *РГБ*.

[116] Там же, п. 13. См. цитированное выше письмо Нат. Ал. от января 1886 г.

[117] *РГБ*; ф. 69.9.23, л. 9.

[118] *РГБ*, ф. 196.18.18, л. 3–3об.

ГЕРЦЕНУ

Статья и публикация С.Д. Л и щ и н е р

Публикуемый комплекс писем Н.А. Тучковой-Огаревой к Герцену дает возможность глубже и непосредственнее, чем прежде, ощутить каждодневное давление той удушливо тяжелой психологической атмосферы (XXX, 108), которая окружала Герцена в последние годы его жизни. Эти письма вместе с тем позволяют осознать, какая несгибаемая сила духа была ему необходима, чтобы изо дня в день преодолевать этот душевный мрак, "глухую боль в груди", эту "трагедию à l'antique" (XXX, 111; XXVIII, 93), сохраняя гармоничное мировосприятие, веру в разум и человечность, претворяя их в свое жизнеутверждающее творчество.

Эти письма в своей совокупности помогают проследить перипетии многолетнего драматического диалога полярных мироотношений. И хотя голос Герцена в нем продолжает звучать отрывочно (многие письма его утрачены и уничтожены), мы углубляемся в существо этого диалога изнутри сознания его второго участника, личности, также, безусловно, незаурядной по силе страстей, по напряженности чувств. Однако характер и направленность ее чувств разительно контрастируют с герценовскими, с его способностью "быть светлым и освещать" (XXIX, 3), с его широкой и цельной активной натурой; он всегда открыт миру, живет его общественными стремлениями и болями. Она же сосредоточена на себе, "вся обращена на личное", как определяет Герцен (XXVII, 248; ср. XXX, 94). "А только общие интересы могут человечески наполнить грудь", – подытоживает он свою жизненную позицию. – И только "общие интересы, взошедшие в плоть и кровь", способны "гуманизировать отчаяние" в момент обрушившихся на человека личных горестей (XXVII, 127; XXVIII, 62). Иначе это отчаяние обращается против близких, набрасывает черную тень на жизнь всего дома.

В них содержится богатый материал как для обвинений, так и для понимания, а, отчасти, и для оправдания их автора, причинившего – вольно или невольно – много горя и Герцену, и Огареву, и детям Герцена. Перед нами совокупность документальных свидетельств, впрямую раскрывающих резкие, "патологические" противоречия личности, характера и поведения Натальи Алексеевны. Усвоенные ею передовые взгляды[1], "мысль о серьезном освобождении женщины", ее "праве на жизнь и труд"[2] – уживаются с барскими капризами, привычками безделья, "необузданностью" (XXIX, 115), "помещичьими взрывами" и предрассудками[3]...

Герцен и Огарев подчас склонялись к мысли, что перед ними "психиатрический случай" (XXVIII, 93)[4]. Однако они неизменно возвращались к социально-идеологическим истокам этой "патологии".

В осмыслении душевной жизни Натальи Алексеевны проявляется очень выпукло своеобразие концепции человека, свойственной Герцену-художнику. Доминанта натуры, двигатель поступков и чувств для него всегда в особенностях мировоззрения, "понятия о жизни", в свою очередь, определяемого историческими обстоятельствами.

Теперь, более чем на столетней дистанции, расширяющей поле обзора, еще четче проступают конкретно-исторические и типологические очертания этого духовного феномена.

Именно письма Натальи Алексеевны к Герцену (вместе с публикуемыми выше письмами ее к Огареву), обнажая непрерывную муку "сломанного, исковерканного сердца" (XXIX, 197), расчищают путь к постижению объективной логики, ее противоречивых эмоций, мыслей, поступков, к пониманию своеобразной закономерности, появления столь дисгармоничного, неуравновешенного, вечно раздвоенного характера. В конечном счете он может быть осознан как одно из порождений пограничной исторической, духовной ситуации в жизни страны, вступившей в эпоху "колоссальных потрясений"[5].

Уже было отмечено, что по сосредоточенности страстей, по неистовству ревнивой, подчас злобной непримиримости, душевный мир Тучковой-Огаревой заставляет вспомнить шекспировских инфернальных героинь[6]. И для такого сближения есть известные основания. В общечеловеческой типологии характеров, в их возможной близости на разных пространственно-временных отрезках развития человечества спрессованы, к тому же, определенные черты сходства самих исторических моментов (и там и здесь человек на грани двух формаций, двух типов сознания). Однако значительно более прямые и множественные нити ассоциаций тянутся от смятенных проявлений душевной жизни автора писем к миру героев Достоевского, а в определенной мере и к поздней лирике Тютчева. Тот же гиперболизм чувств, напряженность которых доходит до предела в любви и ненависти, – подчас нераздельных. Те же стремления к "свету, счастью, миру" (*АО*, 144) – и убивающий их в собственной душе мрак ревности, эгоцентризма, самолюбивой властности и мстительности, которая не останавливается перед перспективой самоистребления, лишь бы причинить боль любимому. Несчастье неотвратимое, – пишет Герцен 29 мая 1867 г., – "твой характер, способный на любовь, но не способный, в вечном беспокойстве, дать вздохнуть всему, что ты любишь" (XXIX, 108).

Можно ли не вспомнить здесь Тютчева:

О как убийственно мы любим!
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!

В основе внутренних соответствий мы находим единую духовную почву русской жизни середины XIX в. Тогда в условиях начинавшейся всеобщей ломки патриархальных устоев, моральных скреп формировались различные психологические комплексы – в частности, революционно-демократический тип раскрепощенного сознания, устремленного к беззаветному подвигу во имя народа. И наряду с ним – противоречивые формы "расколотой" психологии, тип человека с душевным "подпольем", с пробужденным, обостренным чувством личности – и отсутствием сверхличных опор, ориентиров в стремлении к "лучшему", а потому с тягой к "самоказни" и "мучительству", к мнительной самообороне от всего мира.

Этот новый склад мироотношения был чутко нащупан в действительности Достоевским и впервые художественно (эпически) исследован в "Записках из подполья", а затем в различных видовых оттенках воспроизводился в его романах. Впрочем, жизненный вариант подобного разорванного характера еще ранее стал предметом социально-исторического осмысления в "Былом и думах" Герцена, в главе "Энгельсоны", где он анализируется в контрастном соотношении с целостным авторским сознанием[7]. В рассматриваемых письмах встает перед нами еще одна яркая и глубоко своеобразная по реальным истокам жизненная разновидность того же духовно-психологического типа.

Наталья Алексеевна росла в атмосфере передовых идей западнического круга русской интеллигенции 1840-х годов. Стремление к свободе личности, к равенству женщины, отталкивание от пут николаевского деспотизма составляло общий фон ее ранней романтической настроенности. При характерном для воспитания девушки в помещичьей среде отсутствии серьезной жизненной подготовки, систематического образования, а следовательно – и какого-либо деятельного призвания – этот "героический романтизм" устремлений (*АО*, 262) целиком сосредоточился в сфере чувства. Идеальным объектом его – с детства, как вспоминает она в одном из писем 1865 г. (*РП* IV, 292–293), – стал автор "Кто виноват?"

Встречи в революционной Европе 1848 г., общие переживания энтузиазма и горечи – расцветили новыми, несмываемыми красками романтический ореол вокруг его личности в душе юной Натали. Неосуществимость чувства лишь добавила экзальтации к его проявлениям. Обращенные к Герцену строки в письмах к Н.А. Герцен 1848–1849 гг. (см. выше) дышат безоглядным поклонением.

Отблеск этого ореола лег и на отношение Наташи Тучковой к самой Н.А. Герцен, и на давнюю дружескую привязанность к Огареву. Но именно поэтому в любви к нему, во многом нафантазированной (еще и в связи с внешними препятствиями), не могла она найти удовлетворения. Как невозможным оказалось для Натальи Алексеевны и исполнить в действительно-

сти столь привлекательную в воображении миссию матери для детей умершей любимой подруги. В ноябре 1852 г. она писала Саше Герцену из Москвы: "Я только для того хочу жить теперь, чтоб вместе с папой и Огаревым сберечь ее возлюбленных детей и отстранить от них сколько можно печали и горести" (XXIV, 526). Писала со всей искренностью романтического порыва. Когда же его пришлось воплощать в каждодневной жизни, камнем преткновения стали иные, темные стороны натуры – ревность и мнительность, неуравновешенность и нетерпимость. И они проявляются почти сразу же по приезде в Лондон. "Исполнение завещания покойницы – было фантазия, любовь ко мне – фантазия", – с горечью резюмировал Огарев (*Л* X, 347).

Строя свои личные отношения в возникшем семейном сообществе на основах, как думал Герцен, новой, свободной нравственности, скрепленной любовью их двоих, дружбой, уважением и полной откровенностью троих, освященной делом борьбы за освобождение народа, он не считал нужным открывать всем подлинный характер этих отношений – сложных и, по существу, – что он понял уже вскоре, – не оправдавших себя. Его "многое внутри останавливало", – писала сама Тучкова-Огарева после смерти Герцена (*АО*, 259). И в частности, – думается нам, – здесь сыграл свою роль предшествующий трагический опыт.

В конфликте с Гервегом Герцен стремился к публичному утверждению перед лицом демократической общественности Европы норм свободной, гуманистической морали. Он потерпел обескураживающую неудачу, натолкнувшись и в этой среде на господство предрассудков лицемерной буржуазной нравственности. Поэтому в разрешении вновь возникшей этической коллизии он предпочел иной путь. В согласии с Огаревым он попытался на этот раз молчанием стать вне и выше нравственного суда окружающей среды – в том числе и демократической, широте взгляда которой имел уже основания не доверять. Однако и здесь его подстерегало тяжкое поражение. Отгораживаясь завесой тайны от внутренне отринутых этических норм отжившего, но продолжавшего существовать общественного уклада, новая семья как бы молчаливо делала уступку внешнему декоруму. Свобода выбора женщины в любви оборачивалась на деле вынужденной ее скованностью в проявлениях чувства – при посторонних, при детях. Выгнанное в дверь лицемерие господствующих нравов входило в окно неизбежной ложью в общении с окружающими. "Неужели ты думаешь, что мне легко носить этот капкан лжи", – писал Герцен Огареву 29 апреля 1868 г., заключая горько: "Мы не умели устроить нашу жизнь доблестно, с тем дигнитетом[74*], на который имели право *и ты, и я*. Я страдаю от этого" (XXIX, 327). Нестерпимость самого положения усугублялась несчастной натурой Тучковой-Огаревой. Она склонна была видеть во все большем усложнении ситуации нарочитое унижение...

Герцен тяжко переживал новое жизненное крушение, развал семьи, в которой при всей трудности отношений "Лиза стояла ⟨...⟩ великой связью" (XXIX, 116). Осознавая общеисторические корни несчастья – в катастрофически переломном характере эпохи, но и не снимая ни с себя, ни с Натальи Алексеевны внутренней ответственности за ошибки и просчеты, он призывает ее к "*терпению*": "Наша нитка попала в канат исторического корабля... да еще и в частной жизни закрутилась" (XXVIII, 194). Герцен стремится нащупать иные, реальные пути разрешения нравственных коллизий. В частности, этой потребностью и объясняется тот жадный интерес, с каким он возвращается летом 1867 г. к чтению романа Чернышевского "Что делать?" Поэтому же столь притягательной оказывается для него трезвая, лишенная уже всяких признаков романтического идеализма манера автора "ставить житейские вопросы". В предлагаемых лидером следующего революционного поколения решениях он находит "бездну хорошего", "здорового, воспитательного" (XXIX, 160, 159).

Однако и поставленный в романе Чернышевского нравственный эксперимент, – приходит к заключению Герцен, – "ничего не разрешает" в запутанной сети реальных жизненных противоречий (XXIX, 170). Недаром, чтоб сохранить его чистоту, автору романа пришлось обрубить в сюжете многие связи, неизбежные в реальной действительности. Чтобы показать возможности торжества свободных человеческих отношений в среде "новых людей" уже сегодня, в несвободном мире старой моральной догмы, потребовалось прибегнуть к искусственному, условно-детективному фабульному ходу – инсценировке самоубийства Лопухова – и тем упростить задачу.

16 августа 1863 г. Герцен записал в своем дневнике (который, по его словам, "можно бы назвать, – если б это не было zu deutsch[75*] – Книгой Стона"): "Жизнь вырабатывает себе au fur et à mesure[76*] – форму, обряд ⟨...⟩ частное и личное отрицание их ведет к столкновениям, в которых лицо гибнет, – потому что материальная сила большинства против него. Вот отчего отрицать легко в теории – и ужасно трудно на практике. Частной жизнью не много сделаешь,

---

[74*] достоинством (*франц.* dignité).

[75*] слишком по-немецки (*нем.*).

[76*] постепенно (*франц.*).

ее нельзя выдать за норму. Теорию с практикой в деле отрицания примиряет революция. В ней отрицание – не личное, не исключительное, не на выбор, не уклонение – а открытое противудействие старому и водворение нового. Старая добродетель объявляется пороком, нелепостью и пр. Все это невозможно для отдельного лица – и для домашнего употребления, и всего невозможнее, когда оно идет от эстетических целей" (XX, 602, 603).

В этом конечном теоретическом выводе революционного философа и социолога, прозревающего объективные законы общественного бытия, истинную диалектику движения этических норм, спрессованы и итоги собственного тяжкого опыта, и глубинные обобщения художника-реалиста, и наблюдения литературного критика.

Так мысль Герцена вновь и вновь, как стрелка компаса к магниту, устремляется к революции – только она, с социальным освобождением масс, способна принести во всемирно-историческом масштабе победу новой, свободной морали. Однако житейская практика требовала безотлагательных личных решений. Летом 1869 г. Герцен делает очень трудный в создавшихся обстоятельствах, но единственно достойный человека свободного гуманистического сознания шаг – легализует свой многолетний союз с Натальей Алексеевной. Этими днями и завершается цикл известных ныне ее писем.

Тучкова-Огарева не раз повторяла, что "худшее" в их жизни – "было не столько от столкновения характеров, сколько от невыносимого положения" (*АО*, 68, ср. 66, 144, 258–259). Но вот "натянутое положение" было снято, драма же продолжалась. Она продолжалась за гранью предлагаемой переписки и за гранью вскоре оборвавшейся жизни Герцена, ибо это была неизбывная драма характера, несущего в себе самом узел острейших жизненных, духовных противоречий. Развязкой этой драмы стала спустя пять лет смерть Лизы Герцен.

* * *

Коллекция писем Тучковой-Огаревой дает многообразные новые данные для герценоведческих изучений. В частности, мы можем пополнить сведения о круге чтения в семье Герцена.

Один из существенных аспектов содержания писем – сведения о французских переводах произведений Герцена, которыми начинает систематически заниматься Наталья Алексеевна. Упоминания об этих трудах, делавшихся старательно и с любовью, мы встречаем в ряде ее писем. Как явствует из них, эти переводы нередко осуществлялись под наблюдением автора и при его частичном участии. Так, около 3 февраля 1866 г. Наталья Алексеевна сообщала Герцену (по-видимому, насчет статьи "По разным поводам"): "Перевод мой продвигается (...) есть пробелы для тебя". А в другом письме (от 22 января) она осведомляется, как перевести слово *рефлектерство*. Заметим, что Герцен в последние годы жизни то и дело возвращался к мысли об издании во Франции этих переводов.

Все эти обстоятельства требуют внимательного изучения французских изданий, переведенных Тучковой-Огаревой.

Сосредоточенность Натальи Алексеевны на "частном", за которую порой упрекал ее Герцен, отнюдь не означала отсутствия общественных интересов. Публикуемые письма подтверждают это в полной мере. Они же наглядно демонстрируют, как эти интересы оттеснялись у Натальи Алексеевны на периферию внутренней жизни; доминирующим же ее элементом по-прежнему оставались мнимые обиды, страдания уязвленного самолюбия, порывы мстительной самообороны от окружающих. Дисгармоничность психики этой бесконечно много страдавшей женщины, неуравновешенность ее характера и явный эгоцентризм помешали ей стать надежной соратницей великого публициста и революционера.

* * *

Подавляющее большинство писем Натальи Алексеевны к Герцену не датировано. Время и место написания каждого отдельного письма с трудом поддается определению, потому что они главным образом посвящены чисто личным, интимным сюжетам; это, чаще всего, вариации одних и тех же переживаний. Поэтому при прежних, выборочных публикациях датировка их чаще всего была весьма неопределенной и охватывала подчас период в несколько лет.

Лишь исследуемые в своей совокупности документы могут теперь быть расположены в строго хронологическом порядке и датированы с достаточной степенью определенности – подчас по мельчайшим оттенкам настроений, палеографическому соотнесению, малоприметному движению реалий, которое обнаруживается лишь при включении в круг наблюдения каждого письма как впервые публикуемого, так и напечатанного ранее.

Результаты наблюдений над письмами Натальи Алексеевны к Герцену фиксировались в выходивших параллельно с настоящей работой томах "Летописи жизни и творчества А.И. Герцена", где проведен детальный анализ предлагаемых датировок.

Публикуемые письма печатаются впервые по автографам *РГАЛИ*, ф. 129, оп. 1, ед. хр. 97. Л. 1–219. В этой же коллекции хранится 58 полностью напечатанных прежде писем (см. *РП* IV, *АО* и XXX, 381).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Живя в своем имении Яхонтово (Долгоруково), Нат.Ал. удавалось в какой-то мере претворять в жизнь эти порывы к общественной деятельности (см. в настоящем разделе ее письма к Н.А. Герцен и Герцену конца 1840-х годов, письма к Е.С. Некрасовой 1890–1900-х, а также письма к Толстому 1892 г. в Юбилейном сборнике "Письма Толстого и к Толстому". М.–Л., 1928., с. 190–209).

[2] См. письмо Тучковой-Огаревой к А.П. Сусловой ("Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы", сб. II. М.–Л., 1924, с. 280–281, с датой публикатора "конец июня – начало июля 1865 г."). Нами оно датируется *около 15 июня 1865 г.* (см. *ЛЖГ* IV, 135).

[3] Письмо Огарева, относящееся, по нашему мнению, к лету 1865 г., см. в "Лит. наследстве", т. 63, с. 509–510; опубликовано с датой *вторая половина 1860-х гг.*

[4] Ср. также письмо Огарева к Герцену от 14–19 августа 1865 г. ("Лит. наследство", т. 39–40, с. 410; опубликовано с датой *5 июня 1865 г.*, передатировано: XXVIII, 318).

[5] Ф.М. Достоевский. Наброски предисловия к роману "Подросток" ("Лит. наследство", т. 77, с. 342. (Полное собрание сочинений в 30 томах, т. XVI, Л., 1976, с. 329).

[6] См. *АО*, 8, 9.

[7] См. об этом в нашей статье "Герцен и Достоевский. Диалектика духовных исканий" ("Русская литература", 1972, № 2, с. 48–51). Кстати, в пору завершения главы Герцену приходили в голову мысли о близости душевного склада Энгельсона и Нат.Ал. (см. его письмо к ней от 14 января 1866 г. – XXVIII, 141).

1

⟨31 декабря 1864 г.⟩Hôtel Nevet. Montpellier.[1]

Дай мне твою руку, Герцен, выслушай меня терпеливо. Будь уверен, что я прежде всего желаю, чтоб ты окреп. Совесть, однако, заставляет меня говорить – я боюсь за Лизу, я боюсь слечь.

За Лизу боюсь, потому что на нее дурно действуют совершенное одиночество и вечная печаль. Она не хочет играть с детьми, даже отказывается идти вниз с Мари[2] – и все это из страха за меня: "Как можно тебя оставить одну, мама, ты пропадешь". Я улыбнулась: "Ну, полно, Лиза, ты не думаешь такого вздора, возьми, пожалуй, ключ". Она сделала очень серьезное личико: "Тогда дядя Гер⟨цен⟩ был с тобой, а так одну нельзя тебя оставить, ты будешь плакать, лучше буду одна". И ни за что не пошла.

Вечером влезла на мои колена и стала просить, чтоб я была повеселей. "Не могу, душа моя, больно жить без детей". – Она вся покраснела: "Я это чувствую, мама, мне самой хочется плакать – так ты не плачь – я каждый день вижу их во сне и поутру ищу их, не понимаю, где они" (я тебе пишу ее слова). «Помню я, что у m-me S⟨alias⟩[3] я раз сказала дяде что-то Леле сказать, и тогда все покраснели, и я подумала: "Что-то от меня скрывают". Я их любила равно, мама, я всегда думала, что они близнецы, так нужно их равно любить, ну, выросли бы они, и один бы понял, что его меньше любили, ну, это нехорошо – ведь Бой был бы умный после, ну, а все-таки я любила больше Лелю, потому что она была такая...»

Об себе скажу только, что трудно принуждать себя есть, я бы хотела, чтоб стороной как-нибудь ты спросил у Фогта[4], может ли человек жить кофеем и супом в сутки – мясо мне ужасно противно, и с каждым днем меньшее количество пищи наполняет меня так, что дышать не могу. Я хочу быть на ногах, пока я одна с Лизой. Если б одна случайность нанесла мне такой удар, может, упорное желание Лизы заставить меня жить победило бы меня, но тут совесть и память – с каждым днем менее они мне дают спать – я только сплю час или два, когда укладываю Лизу. Потом проснусь и начну перебирать все прошлое, и страшно, и жутко, и не выйдешь никуда, нет дороги, а мозг работает, доказывает мне так неумолимо, что я двадцать раз во всем виновата – и ночь тянется медленно – думать об них в эту тишину было бы облегченье, но совесть не может уступить. Сегодня, вставая с кресла, – да ты не думай, что крес-

Н.А. ТУЧКОВА-ОГАРЕВА
Фотография Осбера. Париж, 1860-е годы. На паспарту штамп фотографа: "Osbert. 67, Rue de Rivoli"
Музей Герцена, Москва

ло дает спать, я все пробовала – сегодня ноги мои так дрожали и что-то мутилось в голове, так что я подумала: "Что же будет с Лизой, если я занемогу?"

Ты не можешь приехать[5], да когда ты и приедешь, я бы хотела, чтоб ты взял комнату подальше, работал у себя по утрам, а там бы мы видались, – но ты мне нужен, а для Лизы нужнее была бы женская помощь и обстановка семьи.

Ах, бедный, бедный, за что это горе тебе – а я, мне кажется, что я засну только около нее – это мое место.

Прощай, крепко тебя обнимаю, – да ведь ты понимаешь, что и Лизу без боли я не оставлю, что-то ее ждет.

Твоя Н а т а л и

Кланяйся всем. – У Лизы и у меня беспокойное чувство, куда-нибудь ехать, как бывает у умирающих. Лиза говорит: "Зачем дядя не взял нас в Женеву, скучно в нашей клетке".

Лиза иногда нас просит шуметь – говорить громко: "I go made, *Marie*, if You dont make a noise"[77*].

[77*] Я сойду с ума, Marie, если ты не будешь шуметь (*англ.*).

Сейчас принесли твое письмо[6]. Лиза собиралась сама к тебе писать – она сильно скучает... бедная, если б ты знал, как мне ее жаль. – Сегодня ночью в полночь четыре субботы как Леля спит[7] – когда же мне можно будет лечь возле нее? – прежде не заснешь.

Рукой Лизы:
Милый дядя, ты очень милый.

Л и з а

Рукой Тучковой-Огаревой:
Что деньги – поедешь в Англию или только в Париж?[8]

[1] Письмо адресовано в Женеву, куда Герцен уехал из Монпелье 27 декабря 1864 г. для участия в съезде русских революционных эмигрантов.

[2] *Мари* – горничная и няня Лизы.

[3] Чтобы спасти Лизу от заражения дифтерией, Герцен 3 или 4 декабря отправил ее на несколько дней к гр. Е.В. Салиас, а затем, около 6 декабря, перевез Тучкову-Огареву с Лизой в гостиницу на улице Castiglione.

[4] С.К. Фогтом Герцен виделся в эти дни в Женеве (см. XXVII, 555–557).

[5] Герцен намерен был из Женевы поехать в Париж и Лондон для завершения подготовки к переезду семьи на континент. Но, получив наст. письмо, он 2 января 1865 г. писал Огареву: "От Nat⟨alie⟩ вчера получил письмо, до того мрачное и грустное, что, может, я сам с Сашей еще съезжу на неделю в Montp⟨ellier⟩. Ее одну надолго оставлять нельзя" (XXVIII, 8). Герцен вернулся в Монпелье 7 января (XXVIII, 10).

[6] Письмо от 30 декабря (XXVII, 556–557). Тучкова-Огарева ответила на него 1 января 1865 г. (см. *РП* IV, 282–283).

[7] Трехлетняя дочь Герцена и Тучковой-Огаревой Елена умерла от дифтерии в ночь с 3 на 4 декабря 1864 г.

[8] Ответ Герцена от 1 или 2 января неизвестен. См. о нем XXVIII, 393 (№ 1).

2

4 j⟨anvier⟩ 1865. Hôtel Nevet. Montpellier[1]

От Ог⟨арева⟩ письмо, наконец, и от Тхор⟨жевского⟩ трогательное[2]. – Я стараюсь беречь Лизу, минутами она очень весела – но иногда головка ее работает слишком много, тогда она садится на мои колени:

"Мама, зачем в мире так много дурного, горе, болезни, смерть", – и все в этом роде. – "Зачем ты не хочешь отравиться со мной, это лучше, чем меня оставить, я все-таки не буду жить без тебя".

Будь осторожен насчет гувернанты, я мало надеюсь на Берн – там совсем не те люди, что нам надо[3].

Слажу или нет с жизней, все-таки я бы Тате отдала Лизу – не лучше ли с ней посоветоваться – я жду с нетерпением ее ответа.

Насчет Флор⟨енции⟩ ничего не знаю[4] – надо же детей увезти из Парижа – мне больно ехать так далеко от них. Что бы я хотела, – это в самом скором сроке соединиться всем в одну семью – не бойся меня, Герцен, я с каждым днем менее понимаю земные радости и печали, я уже чужая – а любви ко всем бездна, и перед смертью хотелось бы ею окружить все, что я должна была любить всю жизнь, – и так мне хотелось бы посмотреть на всех, и на Лизу, я думаю, ее нервная любовь ко мне успокоится, и тогда я буду свободна. Если бы была малейшая опасность для нее в моем освобожденье, я бы стала ждать – но кто меня хоть каплю любит, должен работать для моего освобождения. Я не преувеличиваю, эта пытка сверх сил – меня поддерживает только мысль, что она не может долго продолжиться, вот почему не хотелось бы терять слишком много времени. Кто знает, кто из нас уже в дороге, – подумай об этом, бедный, жаль мне тебя, но ведь лучше предвидеть и действовать разумом – если б я знала, что такое разум, – они были бы живы.

Если бы ты знал, какой страшный круг: думаешь, думаешь, все перебираешь, и иногда до того дойдешь, что кажется, что их спасаешь, – я бегу из Парижа, и ноги дрожат, и дух занимается – это почти действительность – и вдруг факт, беспощадный, неизменимый, горечью и слезами не возвратимый – и тогда начинаются воспо-

минанья – вся болезнь, все ошибки, все слова – последние минуты – прощанье, всё, всё перед глазами. – И шепчет кто-то: "Ты их убила – зачем?"[5] В ночной темноте мне чудится что-то белое, и я надеюсь (а знаю, что этого не может быть), но я зову их: "Подите ко мне, простите меня за мою страшную муку, дайте мне ваши холодные головки обнять, но не тяните меня так сильно в могилу, Лиза одна – подождите – и я чувствую, что иду к вам, я уж тут чужая".

Прости меня, что я тебе все это написала, – это только капля из моей муки.

Прощай – крепко жму твою руку.

Твоя N.

Помни, что если гувернанта будет у Лизы, она должна быть очень умна и добра – иначе ни она не выдержит, ни Лиза ее не полюбит.

С письмом Мейз⟨енбуг⟩ к тебе[6] была записка Ольги к Лизе[7], я нахожу в ней переворот – сердце ее грустно проснулось на могиле – но это не шутя – я не могу перечитывать записку ее без слёз.

Мари хотела бы двойной медальон с обоими портретами.

[1] Ответ (начало его опубликовано в *РП* IV, 283–284) на письмо Герцена от 1 или 2 января 1865 г. (ср. предыд. письмо).

[2] Эти письма неизвестны.

[3] Герцен пытался найти в Женеве гувернантку для Лизы и вел переговоры с К. Фогтом о приглашении его знакомой "женевки" Боссон; он намерен был предложить это место также приехавшей из России А.С. Симонович.

[4] А.А. Герцен пригласил Нат. Ал. с Лизой пожить во Флоренции (см. XXVIII, 8).

[5] Нат. Ал. мучилась мыслью, что причиной смерти близнецов явился ее поспешный отъезд с детьми из Лондона в Париж 11 ноября 1864 г. – вопреки воле Герцена и Огарева.

[6] Это письмо М. Мейзенбуг из Рима неизвестно. Нат. Ал. получила его в Монпелье и переслала в Женеву со своим письмом от 1 января (см.: *РП* IV, 282).

[7] Записка эта остается неизвестной.

3

⟨Женева. Около 13 августа 1865 г.⟩

Много писем писала к тебе, но всё не то, всё не вся моя мысль в них. На душе так больно – выслушай меня. У нас все тихо, но этого мало, наболевшая душа просит больше. Как бы я виновата ни была, неужели наказание тебе не кажется выше сил человеческих – наказание это настолько вечное, насколько жизнь моя. Дети не могут измерить всего ужаса моего мученья, ты, может, и сам не всегда помнишь его – дети будут хороши со мной, когда наше отношение оправдается нашей любовью – до этого это немыслимо, и это ничья вина.

Мы стоим близко и в совершенной дали, из этой жизни, в этом запутанном положенье выхода нет.

Нам надо говорить с тобой – устрой это, пожалуйста, не бойся, ничего жесткого не коснется твоего уха – мы обдумаем терпеливо то, что возможно сделать для Лизы.

Я не воскресну и не буду счастлива, нет, нет, Герцен, это невозможно, но я могу стать на ноги, сделать многое для Лизы и, может, для тебя, во всю твою жизнь тебя никто так не любил, дай мне возможность тебе это доказать – дай мне услышать через два, три года: "Дети, протяните руку женщине, которой я отпускаю многое за ее любовь" – да – да, ты это скажешь – я чувствую – я верю[1].

[1] Письмо получено Герценом 14 августа. Отклик на него см. в общем письме к Огареву, детям и Нат. Ал. от 15 августа (см. XXVIII, 94).

4

⟨Монтрё. Около 28 сентября 1865 г.⟩[1]

Теперь об Лизе, кажется из пансиона ничего не выйдет, он из рук вон плох – детей почти нет, их тиранят, гувернанта страшно вспыльчивая и нетерпеливая, и Лизе пришлось бы учиться одной, потому что она мала – вот впечатление, сделанное со слов Лили, однако я попробую [я, может, устрою другое: буду водить ее только на уроки гимнастики, танцев и рисования] – дама не соглашается на уроки только гимнастики, рисования и танцев. Потом они хотели брать ее на прогулки – сегодня она с ними ходила. Русская девочка была у нас полдня воскресенье. Она добрая девочка – мне ее было смертельно жаль. Когда мы ее привели домой, она стала расспрашивать кухарку, не приехали ли родственники ее подруги. "Да, – отвечала кухарка, – все приехали, и братья, и сестры, и мать! Она ушла с ними". –"Ah! Comme c'est charmant"[78*], – воскликнула Лили с таким сияющим лицом, что я загляделась на ее просветлевшее лицо. И вдруг оно изменилось, она опустила глаза, и невыразимое выраженье горя пробежало по детскому лицу – к ней никто не приедет – бедная, бедная сирота.

Лили не жалуется на хозяйку, она, как Милютин, у нее тоже столоначальник.

Бедный Михай⟨лов⟩, больно думать об нем – ни в личном, ни в общем не было отрады в последнюю минуту, а шел на каторгу без унынья и вышел из нее, наконец. Один-одинешенек, может, умирал, может, знал, что умирает.

Хотела хоть что-нибудь сказать тебе не печальное, да нет, даже что и смешно, то до слез грустно.

Сижу я нынче всегда около русской больной[2] – она все назидательно говорит об жизни, все у нее страшные, все она хулит, осуждает и тотчас крестится, чтоб омыться от греха. Бедная умирающая, все занята своим желудком, кушаньем, говорит едва слышно – иногда жаль ее переспрашивать, сижу да думаю, прошедшее стоит перед глазами, а слышу все тихий шопот.

"Вот вы возьмите квартиру, ну и прикажите, чтоб делали хороший суп, ну да – *сабальон*[3] у вас делают сабальон, чай?" Я видела по тону, что много потеряю, если скажу, что не знаю, что такое *сабальон*. Я минуту молчала, улыбнулась, чтоб смягчить неприятное впечатление, и призналась, что не знаю, что такое сабальон. Она строго посмотрела на меня: "Ну как же, мать моя, пустое, знаете, всякая овощ, всякая зелень с ним хороша, сама вам запишу – вон еще знаю один варенец, прелесть, мороженое просто, я вам запишу, только по моим запискам и умеют делать – а я-то – вот положенье, только смотри, как другие кушают. – И опять она ⟨гов⟩орит и опять слышу: сабальон, сабальон. – Неужели и я со временем об еде одной думать буду – да лучше с голоду умру. Если тебе неприятно мое письмо – прости меня – мне, право, этого не хотелось. Ну прощай – Лиза немного простудилась.

Узнай хорошенько об докторе. – Carer – дрянь, он с русской дурно поступает и страшно груб и небрежен – старик по вечерам не ездит – разве в Веве?

Луг⟨инина⟩ письма нигде нет, не нашел ли ты дома?"[4] ⟨...⟩ я одно письмо Ог⟨арева⟩[5] и одно Шнауера[6] нашла, а Луг⟨инина⟩ нет[7].

[1] Начало письма, очевидно, не сохранилось. Это ответ на неизвестное письмо Герцена, в котором сообщалось о гибели М.Л. Михайлова (15/3 августа 1865 г. на Кадаинском руднике). Герцен узнал о его смерти около 26 сентября (см. XXVIII, 106). Вероятно, тогда же он известил о ней Нат. Ал.

[2] Очевидно, Комарова (см. п. 11).

[3] *Сабальон* (*франц.* sabayon – от *итал.* zabaione) – смесь яичных желтков, сахара, вина и ароматизирующих веществ, которую взбивают при варке.

[4] Это письмо В.Ф. Лугинина из Женевы к Герцену в Веве или Монтрё неизвестно (Герцен приехал в Веве 15 сентября, чтобы отыскать квартиру для Нат. Ал., которая, покидая его женевский дом, собиралась там поселиться с дочерью. Они прибыли в Веве 17 или 18 сентября. Не найдя удобной квартиры и пансиона для Лизы, 20 сентября переехали в Монтё, где остановились в Hôtel du Pont. 21 сентября Герцен нашел квартиру в пансионе Пиле и, очевидно, условился о переселении туда Нат. Ал. с Лизой с 1 октября. 23 сентября он вернулся в Женеву (см. XXVIII, 102–106).

[78*] "Ах! Как это мило" (*франц.*).

[5] Герцен получил письма от Огарева из Женевы 17 и 20 сентября (см. XXVIII, 102, 104 – оба неизвестны).

[6] Возможно, речь идет о неизвестном письме к Герцену или Огареву от *Я. Шнеура*, их лондонского знакомого. Как явствует из служебной записки составленной в III Отделении 30/18 сентября 1867 г., Шнеур "неоднократно предлагал" ему свои услуги в качестве агента-осведомителя, "но они постоянно были отклоняемы по его неблагонадежности" (*ГАРФ*, ф. 109, с.а., оп. 2, ед. хр. 563, л. 8).

[7] Ответ Герцена, написанный около 30 сентября, неизвестен. См. о нем в след. письме.

5

Montreux. ⟨Около 2 октября 1865 г.⟩
Chez m-me Pilet[1]

Вот мы и на квартире, – мала, но ничего – жить можно. Вид, даже из w⟨ater⟩ - c⟨loset⟩ – вот как я исполнила твое желанье.

Я бы сегодня не писала к тебе, не хочется писать, несмотря на то, что я всю ночь не спала и в уме своем писала к тебе длинное письмо, это так, ненужная потребность передавать, что чувствуешь, – что же нам говорить, мы не понимаем др⟨уг⟩ др⟨уга⟩, что же за семья у ребенка, когда мать и отец, как чужие?

Непризнание собственное важности, серьезности наших отношений было одна из самых непоправимых ошибок – теперь, когда мы оба поняли, что даль лучше этой страшной жизни, зачем же все поминать об семье – ты должен был нас оставить, исполняй свои другие обязанности, я истинно желаю, чтоб ты нашел в них утешенье. Я понимаю, что тебе жаль нас, т.е. Лизу, потому что, поминая об ее отсутствии, ты наивно молчишь об моем, да это ничего. Я лучше люблю правду.

Я сказала, что не написала бы тебе, если б не встретила случайно даму, которая знала меня и Ог⟨арева⟩. Предупреди Ог⟨арева⟩. Он ее не узнает. Она называется Вейсберг Елизав⟨ета⟩ Ник⟨олаевна⟩. Ог⟨арев⟩ крестил *ее дочь*, с которой она, вероятно, приедет. Она ничего, в Женеве только проездом – они были всегда очень милы с нами, я думаю, надо с ними быть учтивыми.

Благодарю тебя за газеты. В пансионе у меня был горячий спор за М⟨аццини⟩ с австрийским генералом – после мы не говорили.

Больная и горничная нас бесконечно любят, я им сделалась необходима. "Матушка, – говорит горничная, – так это у вас праздник был за освобожденье[2], уж какую благодарность должны вам оказать – и не знаю. Ах, какие это вы добрые".

Я не понимаю, зачем ты прислал эту грам⟨матику⟩. Это для иностранцев, объясни – я не думаю, чтоб стали пускать Лили учиться у меня. Я не знаю, что переводить по-французски. Пока оставлю оглавление и буду продолжать half-half[79*].

Прощай, всем желаю веселиться. В отеле с меня взяли 164 ф. Вот как![3]

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена, отправленное около 30 сентября (вместе с газетами и русской грамматикой для Лизы).

[2] Горничная говорит о празднике по случаю освобождения крестьян, который был устроен в лондонском доме Герцена 10 апреля 1861 г.

[3] Ответ Герцена, написанный около 6 октября, неизвестен. См. о нем в след. письме.

6

⟨Монтрё. 7 или 8 октября 1865 г.⟩

Я получила книги и твое письмо[1], позволь не отвечать на него сегодня, я что-то устала. У Лизы глаз болит и чирей, все не важно, но оно мучительно, – голова идет кругом.

Напиши мне, которую книгу ты советуешь переводить сперва.

С⟨ерно⟩-С⟨оловьевича⟩ все-таки жаль, я к нему отсюда ни разу не писала, в моих письмах ничего нет неблагородного, я отклонила его исповедь, потому что ждала от

[79*] поровну (*англ.*).

этого для всех неприятностей, я говорила, что слухи дошли до нас, в этом ничего нет особенного[2], зачем нигилизм и на это не годится, чтоб одну женщину убедить, что неблагородно чужие письма пересылать *вопреки* воле писавшего, а другую, что сошествие Гавриила так давно, что все в нем сомневаются[3].

Вот Лизина записка к Ог⟨ареву⟩ под диктант[4] – она жалуется, что я не даю ей читать, но ей больно читать.

Она здесь вставала аккуратно в 7. В 8 мы уже отзавтракали, после она училась со мной по-русски, она гораздо лучше читает, в десять шла в пансион, в 12 – за ней ходили, тут мы гуляли с работой, в 2 мы обедали, в три она ходила опять в школу, в 4 возвращалась, тогда мы делали долгую прогулку или ходили навестить больную в Hôtel Montreux, в 6 1/2 мы уже были дома, в 7 пили чай, потом занимались разными работами, в 8 1/2 Л⟨иза⟩ шла спать – тогда я давала урок miss Turner – потом занималась одна или писала письма.

Возле нас Hôtel du Pont, из которого сначала нам носили обед удивительно хороший. Я тебе советую в нем остановиться, когда приедешь. Вот письмо от Пог⟨одина⟩[5]. Видели его только раз, жена приходила прощаться. Они едут в суб⟨боту⟩ в Париж[6] – он будет у вас[7].

[1] Письмо Герцена, отправленное около 6 октября, вместе с книгами для перевода, неизвестно.

[2] См. письма А.А. Серно-Соловьевича и Тучковой-Огаревой из лечебницы Брестенберг для нервнобольных от конца июля и 28 августа 1865 г. ("Лит. наследство", т. 67, с. 734–737). В последнем он, в частности, писал: "Я ⟨...⟩ обязан вашему семейству и свободою, которою теперь пользуюсь, и тем, что стал поправляться..." В сентябре Серно-Соловьевич (в письме к Нат. Ал.) обратился с просьбой к Герцену и В.И. Касаткину "подарить ему год жизни", для чего оплачивать ежемесячно его лечение и все счета (там же, с. 739, с датой "сентябрь – октябрь"). Его просьба была, по-видимому, исполнена (ср. "Лит. наследство", т. 61, с. 843; т. 62, с. 129, 391–392, 744). Письма Нат. Ал. к Серно-Соловьевичу неизвестны.

[3] Речь идет, очевидно, о конфликте Серно-Соловьевича с Л.П. Шелгуновой и участии в нем В.А. Голицыной.

[4] Эта записка неизвестна.

[5] Письмо М.П. Погодина к Герцену от 4–7 октября (опубликовано в его "Дорожных записках 1865 года" – "Русский", № 9-10, 10 апреля 1867 г., с. 143–146, с датой "7 октября"; исправлена в *ЛЖГ* IV, 183).

[6] Погодины уехали из Монтре не в субботу 14-го, а 10 октября и изменили маршрут – не без влияния информации Тучковой-Огаревой. 9 октября Погодин записал в дневнике: "Огарева о Сер⟨но-Соловьевиче⟩. Решился не ехать в Женеву. Могут случиться неприятные встречи, столкновения" (*РГБ*, ф. 231.1.35, 1, л. 160об.; об отъезде см. л. 161об.).

[7] Ответ Герцена (от 8 или 9 октября) неизвестен.

7

⟨Монтрё. 10 или 11 октября 1865 г.⟩

"Моск⟨овские⟩ вед⟨омости⟩, № 204. ⟨В⟩ Туле сосланы крестьяне деревни Песочной. Не знаю, заметил ли ты это дело[1].

Погодин поехал обратно в Р⟨оссию⟩, у вас не будет – просит тебя передать это письмо Долгорукому[2]. Несчастие, о котором он говорит в письме, – потопление Коли и Лу⟨изы⟩ Ив⟨ановны⟩[3]. Жена его была очень недовольна, что он написал это, думает, что ты рассердишься.

Лиза в школе; кажется, она здорова, но ее очень надо беречь, она нервная и слишком растет; часто она наводит на меня ужас безделицей; что делать, при ничтожных опасениях переживаешь недавние мученья, от этого страха меня вылечит только могила.

Благодарю тебя искренно за обещание помощи в школе – где же, ты думаешь, я могла бы поселиться, мне хотелось в апреле начать свивать Лизино гнездо, мое готово, и оно меня ждет и тянет, и я жду его, но пока Лизе нужна, буду терпеливо нести свой крест – ничего от жизни не хочу, не желаю и не жду. Посылаю тебе записку о доме в Ницце, присланную m-me Rocca[4], ты лучше поймешь, где это, – мне кажется, что это для меня велико.

Но что ты думаешь о месте? Пожалуйста, напиши.

Насчет моих ошибок, я знаю русский язык самоучкой, кроме 4 или 5 месяцев –

раз у Головачева в Москве, когда мне было всего 12 лет, с тех пор ни одного урока во всю жизнь. Пожалуйста, отсылай мои письма с поправками, я буду очень рада, хотя вовсе не готовлюсь в учители русского языка. Дама сказала, что рус⟨ская⟩ девочка не может начать теперь, и Бог знает, позволит ли она ей когда-нибудь. Школа эта очень плоха, но нечего делать пока, вот почему далее апреля я не могу откладывать.

Насчет Ольги, я думаю, что она не едет теперь так скоро из Ж⟨еневы⟩[5], как предполагалось, – не можешь ли ты приехать с ней в ноябре или в конце окт⟨ября⟩? Мы все еще не совсем свыклись с своей жизней – хочется больше обжиться прежде.

Ну, прощай, мой искренний поклон всем тебе близким.

Наталья

Ты говоришь, что Ог⟨арев⟩ печален, ты сам называл это "хроническое трагическое расположенье", таким я его знала в Тед⟨дингтоне⟩ в год отдыха моего и покоя[6]. Огарев несправедливый, пристрастный обвинитель, слепой – я чувствую, что мы никогда более не поймем друг друга, а так как ты ставишь это в условие нашего пониманья вместе с близостью с твоими детьми (в которую я ничуть не верю), то и мы далеки навсегда.

Сколько времени могу держать газеты?

Газеты отсылаю с благодарностью. "Дня" не присылай, разве что-нибудь особенного. – Лиза дарит голубей m-me Besson, с тем чтоб она продала их на голубятню, где их не будут *убивать*[7]. Можно ли в этом удостовериться?[8]

[1] Герцен послал Тучковой-Огаревой – вероятно, вместе с неизвестным письмом от 8 или 9 октября – русские газеты. Речь здесь идет о статье без подписи "Отрывок из Тульской губернской хроники" в "Московских ведомостях", № 204 от 1 октября/19 сентября, где сообщалось о военном суде над крестьянами деревни Песочной Белевского уезда Ф. и С. Ивановыми, оказавшими сопротивление местным властям при требовании с них оброка помещику. Оба были "приговорены к каторжным работам в рудниках, первый *на 20*, а второй *на 17 лет*". В л. 207 "Колокола" от 1 ноября 1865 г. была перепечатана корреспонденция "С.-Петербургских ведомостей" об этом суде; во вступлении к публикации редакция "Колокола" характеризовала его как "страшную драму" ("Колокол", с. 1700 – "К характеристике военных судов"; см. XVIII, 489; ср. 694).

[2] В дневнике М.П. Погодина (запись от 9 октября) упоминается его письмо к кн. П.В. Долгорукову, врученное Нат. Ал. и отосланное ею Герцену для передачи адресату (*РГБ*, ф. 231/1.35.1, л. 160 об.). 14 октября Долгоруков уже ответил Погодину (см. *Звенья* 1, 80–81).

[3] Письмо М.П. Погодина к Герцену от 4–7 октября. Получив его через Нат. Ал. с п. 11, Герцен, очевидно, спрашивал ее в письме от 8 или 9 октября, о каких его "несчастьях" писал Погодин (см. "Русский", 1867, № 9-10, с. 146).

[4] Эта записка неизвестна.

[5] Ольга Герцен уехала с Мейзенбуг во Флоренцию 1 ноября, так и не получив возможности повидаться с Лизой.

[6] Семья Герцена и Огарев жили в Теддингтоне с конца июня 1863 г. до середины июля 1864 г.

[7] О помощи цветочнице Бессон, жившей неподалеку от Château Boissière, и ее маленьким дочерям Жозефине и Розали рассказано в журнальной публикации воспоминаний Нат. Ал. (см. *Тучкова-Огарева*, 341–342). 27 октября Герцен писал Лизе, что "голубей продали и детям купили – ботинки" (XXVIII, 110).

[8] Ответ Герцена от 13 октября неизвестен (см. о нем XXVIII, 399, № 59, с датой *13 или 14 октября*). Нат. Ал. на него откликнулась в письме от 14 октября (*АО*, 31–32, с датой *15 окт. 65, суббота*).

8

⟨Монтрё. Около 25 октября 1865 г.⟩[1]

Большое несчастье, что мы не понимаем друг друга, – я никогда не хотела, чтоб ты оставил детей, я говорила, что не могу и не хочу с ними жить, – тебя видать изредка и ненадолго, как чужого, мне гораздо тяжеле, чем вовсе не видать.

Montreux, конечно, ссылка, они совершенно правы, что и мне, и Лизе было бы лучше жить в своей семье[2], чем здесь, зачем ты с какой-то ревностью желаешь, чтоб Лиза росла одинока.

Над Малушей я плакала и плачу, писала тебе об них[3], но письмо вышло неразборчиво, я бросила его.

– Как ты любишь обвинять.

Саф⟨фи⟩ ничего не нужно говорить – я этого не желаю, а письмо прислать к N⟨ini⟩ надо ко мне, я его перешлю[4].

Если ты желаешь, чтоб Лиза виделась с Ольгой, не лучше ли вам встретиться в Веве, только надо выбрать не дождливый день, я бы послала Лизу с miss Turner, они будут вас ждать у парохода. Огар⟨ев⟩ мог бы тоже с вами приехать, а вечером вы бы разъехались, а я не могу участвовать в этом, я слишком нездорова[5].

Ну, прощай, жалею, что ты меня не понимаешь; где моя месть?

Я встретила семью в том же положенье – вторая жена и дети не любят друг друга, отец любит и детей и жену, *никем* не жертвует[6].

[1]Ответ на неизвестное письмо Герцена, написанное около 23 октября.

[2] "Своей семьей" Нат. Ал. называет здесь семью сестры, которая, как и ее муж Н.М. Сатин, в своих письмах звала ее и Лизу к себе в Россию.

[3] Речь идет о смерти пятилетней дочери В.И. и В.Т. Кельсиевых Маруси (см. письмо Герцена к Кельсиевым от 17 октября – XXVIII, 108; очевидно, тогда же, около 17 октября, он в неизвестном письме сообщил Нат. Ал. об этом. В письме же, посланном около 23 октября, Герцен – выразил удивление отсутствию отклика на печальное известие).

[4] 14 октября Нат. Ал. писала Герцену, что желала бы, чтобы в случае ее смерти Лиза воспитывалась в семье А. Саффи. Она просила Герцена написать об этом его жене Джорджине (Nini) Саффи, подтвердив свое и Огарева согласие на это (см. *АО*, 32). Очевидно, в письме от 23 октября Герцен спрашивал, хочет ли она, чтобы такое письмо было передано через А. Саффи, находящегося в Женеве.

[5] Огарев писал Нат. Ал. 2 ноября по этому поводу: Ольгу "удивляло, что она не может проститься с Лизой, – ты не можешь признать за возможность проститься такое гадкое предложение, как встречу в Веве, так, чтоб ты была в стороне" ("Лит. наследство". т. 63, с. 508).

[6] Ответ Герцена от 27 октября неизвестен.

9

⟨Монтрё. 28 или 29 октября 1865 г.⟩[1]

Все-таки надо отвечать насчет Саф⟨фи⟩. Ты меня не понимаешь, я никаких открытий от вас не требую[2], я хочу чтоб Огар⟨ев⟩ написал, что согласен с моим желанием, поручает ей Лизу в случае моей смерти. Ты как самый близкий человек Огареву тоже подтверждаешь, что согласен на мою волю, вот и всё.. С Саффи говорить *не следует*, тем более, что и близка не с ним, а с его женой, а и она ничего не знает. Надеюсь, теперь получит письмо, если вы хотите сколько-нибудь мне покоя.

Что ты все говоришь об холере? Есть ли счастие в Лизиной жизни, чтоб так бояться случайностей? Вы отвыкнете от нее, она отвыкнет от вас, ни семьи, ни отечества, ни друзей. Я осторожна, но я покорна, с 4 декабря наша жизнь разрушена[3] – у Лизы близких не будет больше.

Ну, прощай, желаю, чтоб твои зубы не болели, как это досадно.

Насчет Огар⟨ева⟩ не бойся, всегда вина на жене, вдобавок я его не обвинительница, а защитница, спроси Мещ⟨ерскую⟩, хотя я и знаю, что разрыв был подготовлен им[4] так, как тобой было подготовлено твое несчастие[5]: вы оба не должны были жениться. Но ты, если ты хочешь, выступай моим обвинителем в защиту Огар⟨ева⟩, я не буду оспаривать твоих слов.

Мне больно тебя видеть, я слишком сознаю, что могла бы, должна бы не расставаться с тобой, особенно когда вся жизнь моя разрушена, но обстоятельства и люди разделяют нас навсегда. Улыбнемся печально и пойдем каждый по своей дороге. Я искренно любила, но разумом буду стараться победить бесполезное, ненужное тебе чувство. Не будем говорить о нем.

У нас тоже погода переменилась, дождь льет, все простужены. Miss Turner была очень больна горлом, неделю я ее не выпускала, все сама ходила с Лизой гулять.

Ну, прощай, от души желаю, чтоб все тебя удовлетворяло и успокаивало кругом. Прощай, у Лизы опять чирей, а на вид она становится здоровее. Русская дама очень плоха[6]. Если я долго не прихожу, она присылает ко мне свою горничную.

Завтра иду к докт⟨ору⟩ насчет пальца, – добрые люди боятся за меня[7].

ГЕРЦЕН
Фотография. Конец 1860-х годов
Институт русской литературы РАН, С.-Петербург

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена от 27 октября.

[2] Очевидно, Герцен в письме от 27 октября выражал несогласие открыть А. или Дж. Саффи действительное положение Лизы в семье.

[3] В ночь на 4 декабря 1864 г. умерла от дифтерии в Париже младшая дочь Герцена и Тучковой-Огаревой Елена (Леля-гёрл). Спустя неделю, 11 декабря, умер ее близнец – трехлетний Алексей (Леля-бой).

[4] В связи с этими рассуждениями Огарев 2 ноября писал Нат. Ал.: "Неужто ты думаешь, что я сколько-нибудь забочусь о том – обвинит ли меня публика в духе кн. Мещерской или не обвинит? Мне это совершенно равнодушно. Что мне неравнодушно, это то – станешь ли ты сама как нравственное существо или станешь как злое, падшее существо ⟨...⟩ Мой разрыв с тобой потому, что ты преследуешь детей моей сестры, которых я – умру – не дам в обиду" ("Лит. наследство", т. 63, с. 508).

[5] Т.е. семейная драма 1849–1852 годов и смерть Н.А. Герцена.

[6] Комарова.

[7] Ответ Герцена, посланный, вероятно, с письмом к Лизе от 1 ноября (XVIII, 112–113), неизвестен.

10

⟨Монтрё. 24 ноября 1865 г.⟩[1]

Хотелось давно писать, да не могла. Ог⟨арев⟩ здоров[2], неприятного разговора не было, мы оба останавливаемся.

Вчера я думала об этом, три раза так светло встреченном мной дне, а четвертый

раз такой темный и страшный[3]. Во мне борьба, когда ты со мной, я ближе к земле, оттого, может, какой-то упрек; когда ты далек, я мысленно приближаюсь к страшному, неизвестному, которое меня тянет, потому что оно им родное.

Одна работа могла бы увлечь меня и заменить невозможные требованья сердца – твои посещения от время до время не имеют, не могут иметь того характера тихой жизни, работы под твоим руководством, обоюдной помощи, силы на терпеливое ожиданье смерти. О квартире я хлопочу, но и квартира мало переменит ложное, натянутое положенье. Стало, ты против Ниццы теперь[4]. Montreux, конечно, не лучше, тут для Лизы тоже нет нечего, жители плохи, буржуа, а путешеств⟨енники⟩ меняются. – Уж лучше взять квартиру на два или на три месяца, кое-как провести, а я напишу к Нине[5], может, они теперь свободны и решатся где-нибудь поселиться. Подумай, что же делать годы в Montreux с Лизой? Да и оставленные могилы мне очень тяжелы, почему же я должна жить далеко от сестры, от тебя и от могил, это уж слишком тяжело. Не так ли, друг мой?

Устала рука, палец все болит, не понимаю доктора; он больше болит, когда я его двигаю.

Прощай.

[1] Ответ на письмо Герцена от 20 ноября (XXVIII, 116–117).

[2] Огарев находился в Монтре, в гостях у Нат. Ал. и Лизы, с 21 по 27 ноября.

[3] День рождения умерших детей – близнецов Елены и Алексея – 23 ноября.

[4] 20 ноября Герцен писал: "Если б можно, хоть к концу декаб⟨ря⟩, отделаться от твоей квартеры, поговори с содержат⟨елем⟩ Pension Anglaise" (XXVIII, 117).

[5] Джорджина Саффи.

11

⟨Монтрё. 26 или 27 ноября 1865 г.⟩[1]

О⟨гарев⟩ привезет тебе письмо ⟨к⟩ М⟨ейзенбуг⟩ – вот тебе мой ответ, иного я не могу написать[2]. Если он тебе не нравится, не посылай. Напиши, что палец болит – что я благодарю.

Ог⟨арев⟩ хочет писать Сатину с Худяк⟨овым⟩[3]. Пожалуйста, останови его, ну если Худ⟨якова⟩ арестуют. Ведь уже были уроки, которые не надо забывать[4].

К Тате постараюсь написать, но трудно, палец устает, а голова слишком исключительно занята недавним прошедшим. Даже газеты твои лежат нечитанные.

Комар⟨ова⟩ мне дорога́, потому что смерть к ней приближается – что я чувствую, ты можешь только отгадать.

Ну, прощай, дай твою руку.

Лиза все читает, и с Эрмини, и без Эрмини.

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена от 23 или 24 ноября, присланное вместе с газетами и неизвестной примирительной "запиской" Мейзенбуг от 20 ноября, обращенной к Тучковой-Огаревой (см. *Vinant*, 203–204).

[2] Получив письмо Мейзенбуг, Нат. Ал. первоначально, в неизвестном письме к Герцену от 25 или 26 ноября, выразила недоумение, что делать с ним, т.е. отказалась отвечать (см. XXVIII, 118), но затем написала все же холодный ответ (неизвестен), передав его с возвращающимся в Женеву Огаревым.

[3] Участник революционно-демократического движения 1860-х годов, член Ишутинской организации И.А. Худяков приехал в конце августа 1865 г. из Петербурга в Швейцарию для установления связей с русской политической эмиграцией. В Женеве он встречался с Герценом и Огаревым и подарил Герцену свою книгу "Самоучитель для начинающих обучаться грамоте" (СПб., 1865). Худяков выехал из Женевы в Петербург 29 ноября, так что письмо Огарев с ним передать не успел, будучи задержан вевейской полицией.

[4] Намек на письмо Герцена и Огарева к Н.А. Серно-Соловьевичу от 6 июля 1862 г. (XXVII, 243–244), переданное в Россию с П.А. Ветошниковым и найденное при обыске на таможне. Оно послужило поводом к аресту адресата и Н.Г. Чернышевского.

12

⟨Монтрё. 27 ноября 1865 г.⟩ Понедельник

Пишу карандашом, чтоб не утомлять палец. Ог⟨арев⟩ ушел сегодня, мы его провожали, Лиза на осле, дождь заставил вернуться, а мы хотели идти до Веве. Мне было очень плохо. Не ждите Ог⟨арева⟩ скоро, он собирается идти часть дороги.

Устала, прощай, Лиза спит, я послала тебе письмо ⟨к⟩ Мей⟨зенбуг⟩ с Ог⟨аревым⟩. Прочти и отошли. Из России вести, С⟨атина⟩ здоровье очень плохо – он говорит, что чувствует, что ему недолго жить. Он в Петерб⟨урге⟩[1].

Прощай.

Мои письма не доходят более до них[2].

Получила ли Тата Гарибальди?[3]

[1] Такое письмо Н.М. Сатина к Нат. Ал. неизвестно. Возможно, эти вести переданы со знакомыми.

[2] Одно из писем Нат. Ал. этих дней к сестре сохранилось. В начале декабря она писала: "Отец Лизы не отпускает нас к вам, потому что боится, что разлука будет вечная, ведь ему 53 года ⟨...⟩ если бы ты здесь была, я бы поручила ее ⟨Лизу⟩ тебе с полным спокойствием. – Мне выхода нет, кроме в смерти. – Я люблю Лизиного отца, но многое тяжелое лежит между нами, мы не можем вместе жить" (*АО*, 34, с датой "декабрь").

[3] Речь идет, по-видимому, о вышитой рубашке, воспроизводившей фасон гарибальдийских "красных рубашек".

13

⟨Монтрё. Между 2 и 4 декабря 1865 г.⟩[1]

Стало, Ог⟨арев⟩ пришел[2] – досадно на его ненаходчивость в этих случаях; мне кажется, он был должен сказать в суде: "Вы рабы, зачем вы называетесь республикой, зачем вы держите таких нервных полицейских, вам бы надо их послать в Англию для укрепления нервов. Они бы увидали, как должно полицейскому незаметно следить за подозрительным человеком, а не лишать его свободы. Может, я потерял огромные суммы от этого арестованья, может, не поспел в частном очень важном случае, может, я доктор. Ваш полицейский должен был следить за мной до места моего жительства, и тогда он бы увидел, что я не вор, вот уже два раза меня арестуют за то, что я брожу по ночам, в Англии этого ни разу не случалось – что вы за республика, возьмите себе какого-нибудь гнилого принца немецкого, он и заведет полицию, а республикой стыдно называться с такими учреждениями".

Квартиру сдать нельзя, теперь четыре маленькие квартиры сдаются, охотников нет[3]. Хороших квартир тоже уже нет, мы были даже в Véteau, остаются только отдаленные пансионы. Туда меня не тянет. Нельзя ли здесь устроиться? Miss Turner часто уходит вечером, теперь она будет уроки брать и давать в 8 часов вечера; вместо апреля я очень готова ехать в Ниццу в марте, за один месяц можно с ними столковаться.

Стало, всего еще три месяца – ты не любишь ходить рано к нам, ты мог бы остановиться внизу у англичанина. Не я иду против твоих желаний, а обстоятельства – ты знаешь, мне все равно, – мне хочется, чтоб тебе не было слишком плохо в твои наезды[4]. Я даже хочу брать обед из Hôtel du Pont, и чтоб все шло лучше, может, так и буду продолжать без тебя.

Лиза ездила на осле, но Ог⟨арев⟩ был прав, ей это не годится, пока она совсем не выздоровеет. Я могу сходить в Cevins насчет молодой девушки, здешние привыкли к таким квартерам. Во всяком случае, беру всякую с отвращением, потому что в голове другой идеал, – но я чувствую, что я неспособна, в особенности без школы; может, в Ницце ты поможешь устроить почти школу для Лизы.

Были письма и от maman[5], но меня огорчает, что она не отвечает на мое предложенье Ап. Жем⟨чужникову⟩ приехать и жить со мной, вместо Америки[6]. Ты не знаешь, сколько мне было бы легче, если б это устроилось – я боюсь жить одна с Лизой; мне кажется, я никогда к этому не привыкну.

Ну, прощай – об девочках Сат⟨иных⟩ нечего и думать, одна уже $^1/_2$ года старее

Ольги, она правая рука матери, она, в сущности, уже глава семьи и своей кротостью, заботливостью о всех[7]. Ей и старшему брату[8] уже дети поручены, им известны все дела, даже денежные, Елена трогательно говорит о том, что им уже поверили долг Ог⟨ареву⟩, потому что офиц⟨иально⟩ опека, вероятно, не признает этого долга. Их это очень мучит, и, если могут, то продадут и заплотят Ог⟨ареву⟩. С детьми она не расстанется, но как она серьезно говорит, что С⟨атин⟩ теперь им нужнее ее для направления их воспитанья.

За обращики очень, очень благодарю, тотчас послала больной, которая в восторге, сидит да разбирает[9].

Крепко жму твою руку.

Natalie

Ог⟨ареву⟩ скажи, что все, что он говорит, я знаю давно за его мнение, дорого бы дала, чтоб так же думать, но веру принудить нельзя.

Хорошо бы иметь собаку, но куда ее поместить?

Напиши, где взять для тебя комнату. Прости, что пишу à bâtons rompus[80*]. Лиза все зевает.

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена с сообщением об освобождении Огарева.

[2] Огарев был задержан вевейской полицией 28 ноября – после эпилептического припадка, случившегося с ним на пути из Монтрё в Женеву. Его продержали под арестом несколько дней и освободили лишь после энергичного вмешательства Герцена.

[3] Очевидно, Герцен вновь советовал "отделаться" от квартиры, которая была снята Тучковой-Огаревой на всю зиму, но оказалась неудобной.

[4] Герцен в ноябре дважды приезжал из Женевы в Монтрё и провел здесь дни с 4 по 12 и с 17 по 19. 3 или 4 декабря он вновь приехал в Монтрё, чтобы провести с Нат. Ал. и Лизой годовщину смерти близнецов. Вернулся в Женеву 8 декабря.

[5] Эти письма Н. Ап. Тучковой неизвестны.

[6] Нат.Ал. узнала о постигшем ее двоюродного брата А.Н. Жемчужникова несчастье (смерти жены и ребенка), после которого он хотел уехать в Америку. 9 декабря Нат. Ал. в письме к Герцену рассказывала подробности этих событий: по доносу матери, Н.Д. Жемчужниковой, сообщившей, что Аполлон женился на двоюродной сестре, "их развели, ребенка не признали законным, жена умерла, потому что объявление пришло два дня после родов, ребенок тоже умер ⟨...⟩ Бедный Аполлон, я жду его с нетерпением, вот несчастный" (*АО*, 38, с датой "конец января 1866 г."). Герцен отрицательно отнесся к намерению вызвать Жемчужникова (см. его письмо к Нат. Ал. от 14 января 1866 г. – XXVIII, 141). Жемчужников приехал в Швейцарию в начале марта 1866 г., виделся с Огаревым и Герценом, а затем около двух месяцев провел в Монтрё. В мае он уехал во Флоренцию (см. XXVIII, 166, 174, 178, 191, 199. Все эти упоминания ошибочно трактованы как относящиеся не к Ап. Н. Жемчужникову, а к его отцу – Н.А., дяде Нат. Ал.).

[7] Речь идет о дочерях Н.М. и Е.А. Сатиных Наталье и Марии. Вероятно, в письме Герцена высказывалось предположение о возможном приезде девочек в Швейцарию для воспитания вместе с Лизой.

[8] Алексей Сатин.

[9] Очевидно, присланы Герценом по просьбе Комаровой с наст. письмом или с Татой, которая 2 декабря поехала в Монтрё, чтобы провести с Тучковой-Огаревой дни годовщины смерти близнецов (XXVIII, 121).

14

⟨Монтрё. Около 6 декабря 1865 г.⟩

С искренней и глубокой болью думаю об Ог⟨ареве⟩. Мне не хотелось бы более наводить тень на его последние годы – мне радость его дорога, мне печальное и тихое посещение его дорого[1]. Если можешь, скрой от него – скрой мое безверие к себе, к Тате и к тебе – да, к тебе тоже. Два человека, один, который меня любит слишком много, так, что я стою робкая, немая, смущенная, смиренно смотрю, как богородица смотрела на Иисуса, который и бог, и *ее* сын – а другой, который вечно казнит с иронией, оскорбляет и без того самолюбивую женщину – о, не делай этого, не разбивай мелочами рождающуюся веру – приучи меня верить в твою любовь, как я верю в любовь Елены.

[80*] бессвязно (*франц.*).

Если я зарежу кого-нибудь, дверь тюрьмы отворится, и она упадет на мою шею вся в слезах, без упреков – вот любовь, – тогда, когда будет в тебе такая любовь, совесть моя будет говорить с тобой, как она в ночи говорит со мной, и тебе будет страшно и больно за меня, и ты зажмешь рот мне сам. Слезу утрешь, пока сквозь них не просветит улыбка смирения перед страшным прошлым и надежды на тебя. Но если в нас нет этого помазания любви, о котором я говорю, даль лучше. Вдали я окрепну иначе. Работа, работа – и все чтоб было чужое, новое – не напоминающее нас.

Ну, прощай, я все та же внутри, но вера слаба во мне – не вижу гавани – и Лизино будущее только пугает меня.

[1] О посещении Огарева см. п. 12. Письмо написано, по-видимому, во время пребывания Герцена с Татой в Монтрё и могло быть связано с днем рождения Огарева 6 декабря.

15

⟨Монтрё. Около 12 декабря 1865 г.⟩[1]

Мне трудно отвечать на твое письмо. Я не пансионерски сказала слово, которое поразило вас, – это было сказано серьезно; но оставим это – против кого вы боретесь? Где мое озлобление, о котором Ог⟨арев⟩ говорит в каждом письме, где мои требования, где мои надежды?

Передо мной долг, я выполню его. Мое желание – учредить приют для бедных детей и приходящую школу для Лиз⟨иного⟩ возраста. Бакст[2] серьезно думал об этом, он рад встретить ту же мысль; может, мы заполним меньшую Суслову[3], но это трудно – главное, поговорите с Бакстом о выборе места, во Франции это будет труднее. Баксту хочется пользоваться для детей удобствами, которые дает университет – где же? Подумайте с ним серьезно. Он хочет вас навестить на днях[4]. Весной надо будет осмотреть разные школы в Германии, Гильдебрант[5] и Kindergarten[81*] несколько, не для того, чтобы слепо подражать, а для того, чтоб научиться и многое понять.

Надо Саффи спросить, не поселится ли он со мной – или около, если будет свободен; впрочем, я ей напишу[6]. Надо обдумать и летом начать. Сначала, пока силы собираются, открыть приют.

Взгляд Бакста очень верен – план его широк – он много думал об детских книгах, обо всем – приучать работать, готовить умных тружеников; когда он мне говорил, что дети могут рано знать химию, естественные науки, физику и пользоваться всем этим знанием в семнадцать лет, я внутренно улыбалась, но после двух уроков об воздухе, о горенье тел, о тяготенье я изумилась, как Лиза все помнила, присвоила себе и даже название газов ни разу не смешала. – Мне кажется, он бы должен более ей рассказывать, мне жаль, что он себя употребляет на черную работу, которую я сама могу делать.

Но вот пока о наших намерениях. С вашего отъезда покой сошел на меня –да и о чем мне волноваться? Теперь я могу, наконец, за себя ручаться – в тихой атмосфере, где нет предубежденья и разных других дурных чувств, я вся отдаюсь внутри скорби безмерной, а она меня ведет к равнодушию в мелочах и кротости. Жаль, что вы должны мне верить, – я бы хотела, чтоб вы невидимо присутствовали в нашей жизни. – Где же наши планы вместе, все – врозь.

Но чего Ог⟨арев⟩ хочет, я не понимаю, что ж я делаю против вас всех, чем я мешаю? В чем теперь моя вина?

Насчет денег, ты меня не понял; мне казалось, что ты хотел более комиссий, по этому я поняла, что у тебя есть деньги, – мне их не нужно, у меня слишком достаточно, и я прошу тебя не присылать теперь и ста ф⟨ранков⟩.

Прощай, жму твою руку, кланяйся всем. Лучше, чтоб Ог⟨арев⟩ не приезжал скоро, надо делать эти жертвы для Лизы, через 2 месяца, можно пропустить несколько

[81*] детские сады (*нем.*).

дней, да и лучше реже видаться, дай мне окрепнуть в суровой, безличной жизни, дай мне привыкнуть тоже, что жизнь моя – дело, а что вне дела ее нет.

Мне больно, что выходит, что нельзя принимать деятельного участия в жизни и воспитанье Лизы издали, но надо подчиниться, вся жизнь наша – подчиненье.

[1] Наст. письму предшествовало письмо к Герцену, написанное на следующий день после отъезда его и Таты из Монтрё, т.е. 9 декабря (см. *АО*, 37–38), а также его ответ (неизвестный) от 10 или 11 декабря, в котором выражались сомнения в серьезности планов Нат. Ал. относительно устройства школы. Публикуемое письмо служит на него откликом.

[2] С декабря 1865 до начала февраля 1866 г. В.И. Бакст давал уроки Лизе Герцен, знакомя ее с основами естественных наук.

[3] Нат. Ал. хотела привлечь к преподаванию Н.П. Суслову, которая в 1865–1867 гг. училась в Цюрихском университете (окончила его со степенью доктора медицины). Познакомилась с Тучковой-Огаревой 15 или 16 июля 1865 г., когда вместе со старшей сестрой приехала в Женеву, чтоб увидеть Герцена. Суслова произвела на него впечатление "девушки очень умной" (см. XXVIII, 80).

[4] Бакст приехал к Герцену в Женеву 14 декабря (см. XXVIII, 121, 124, п. 21). Вернулся в Монтрё 17 декабря.

[5] Известный учебный пансион во Франкфурте-на-Майне.

[6] Это письмо к Дж. Саффи неизвестно.

16

⟨Монтрё. Между 17 и 19 декабря 1865 г.⟩

Наконец Бакст воротился и привез ваше письмо[1] – что́ мне тебе отвечать? Я решительно и серьезно иду на эту работу, но ты чего-то не понимаешь – приют особо, это правда, но он должен в том же духе, в том же направлении быть, как и школа, воспитанники школы будут иногда заниматься приютом, во время отдыха будут все вместе.

Мы во всем, даже в мелочах, очень согласны с Бакстом, но вот что я считаю важным и без чего мне нечего соединяться с ним, это воспитание девочек в школе, то есть совершенно равные занятия с мальчиками – тогда с помощью Сусловой и, может, еще одной можно меняться и вести разом школу и приют.

Выбор Флоренции, конечно, мне не нравится по-многому, мне бы хотелось, чтобы все окружающее было чуждо моему прошедшему, но если это неизбежно, я должна покориться и этому, потом я боюсь мильери[82*], мне кажется, что я везу Лизу, как их[2], в Париж.

Ты спрашиваешь, где буду летом. Я думаю, мне нужно учиться, ездить по Германии, осматривать детские сады и школу Гильдебрант.

Я почти думаю, что должна прежде, чем открыть школу, уже набрать по крайней мере шесть девочек, а то Лизино воспитанье будет искажено одиночеством и жизнью исключительно мужской. Бакст умоляет, чтоб ты не писал во Флоренцию – я думаю, он прав.

Об Тате я ничего не могу сказать, неужели она из Жен⟨евы⟩ будет приезжать для того, чтоб учить? Она так мало имеет доверия и любви ко мне, что я не могу вообразить, чтоб мы вместе когда-нибудь работали. Я не могу забыть эти жесткие слова: "Если ⟨для⟩ папиного счастья нужно вам жить вместе, наше дело оставить его". Ну вот, теперь они все должны успокоиться, Лизина семья будет приют, и моя тоже – приют, приют, потом – кладбище, кладбище.

Ну, прощай – "Кол⟨окол⟩" прочла весь – странно, его принесли даже без обертки, только 8 л⟨истов⟩, а надо было 9[3].

[1] Это письмо Герцена и Огарева, написанное 15 или 16 декабря, неизвестно. В нем, по-видимому, высказывались сомнения в возможности организовать одновременно "школу и приют".

[2] То есть на гибель – как своих детей-близнецов в Париж.

[3] Ответ Герцена, написанный около 20 декабря, неизвестен. См. о нем в след. письме.

82* лихорадки с сыпью (*франц.* fièvre miliaire).

17

⟨Монтрё. Около 22 декабря 1865 г.⟩[1]

Если б ты знал, как мне не хочется писать к тебе, тебя тревожить, и как мне мешает мысль, что ты хранишь мои письма. Зачем это? Чтоб со временем равнодушные или враждебные глаза смеялись над жгучими страданьями, зачем нам письма? Я ничего более не хочу от тебя, не жду и упрекать тебя ни в чем не буду. Я с смирением и с мужеством приняла и этот удар. Твоя совесть покойна, об чем же нам переписываться?

Ждать до весны мне нечего – обстоятельства наши не могут перемениться, если такой удар, который разгромил мою жизнь навсегда, прошел незамеченно, если открытие это не привело к пониманию, человеческой близости между нами, чего же ждать?

Я просила тебя об одном: не приезжать пока, мне хочется, чтоб темное чувство воспоминаний, невольных ошибок, невольных обманов улеглось, наконец, чтоб я тебя, правого, внутренно простила, тогда настанет тишина в моей душе и ты можешь приехать к Лизе.

Не будем более писать, кроме об Лизе.

Теперь вздор. Я забыла отвечать: Чернецкая невозможна от английского языка[2]. Лиза лучше стала с miss Turner и со всеми. Фуфайки Бакста не покупай, мы ему оплатили. Он уезжает 15 янв⟨аря⟩ – нам лучше при нем не видаться, он вообще проницательный человек.

Об Новом годе не хлопочи, для меня все годы, все минуты, все часы дня и ночи, когда я не сплю, все отравленные, оставь мертвых с мертвыми. А для Лизы я создам живую семью, из кого и где – не знаю.

Что буду делать, если школа не удастся? Сама не знаю, да и зачем так много знать, не все ли равно? Скажи Ог⟨ареву⟩, что Астр⟨аков⟩ занимает важное место в Москве по новым учреждениям – *его заметили*.

Пожалуйста, напиши мне аккуратно, на сколько я могу тратить в месяц, я этого хорошо не понимаю, но что бы ты ни назначил, можно устроиться легко, лишь бы знать. Напиши, сколько истрачено на комиссии[3].

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена, посланное около 20 декабря.

[2] Очевидно, в предыдущем (не дошедшем до нас) письме Герцена от 15 или 16 декабря, обсуждался вопрос о привлечении жены Чернецкого – М. Чернецкой – к воспитанию Лизы.

[3] Ответ Герцена на наст. письмо, написанный около 23 декабря, неизвестен. Возможно, часть его составляет фрагмент, напечатанный в 30-томном Собрании сочинений Герцена с датой "⟨1865–1867⟩" и начинающийся словами: "Ты хочешь быть вместе с Г⟨ерценом⟩ без Таты... Как же это сделать, думала ли ты?.." (XXIX, 252). См. отклик на него в след. письме Нат. Ал., отправленном, как мы полагаем, в последние дни декабря (после 24): "Ты вынужден семьей нас оставить, ты мне доказываешь, что не можешь разорваться ⟨...⟩ Я покоряюсь твоей необходимости" (*АО*, 39-40, с датой "⟨1866⟩").

18

⟨Монтрё.⟩ 6 янв⟨аря⟩ 66 года

Бакст думает ехать через две недели – денег не хочет, говорит, что не нужно. Если можно, то объясни мне, зачем тебе его видеть[1]. Ты, верно, помнишь, что́ я тебе писала о нем[2] – впрочем, делай, как хочешь. Нам видеться, конечно, рано, надо, чтоб наши решенья окрепли, чтоб мы привыкли к ним[3]. Надо, чтоб спокойствие осветило наше прошедшее, так чтоб не было ничего натянутого и тяжелого, что даже и для Лизы очень дурно – какое-то скрытое неудовольствие, какие-то невысказанные упреки. Сознание собственной вины должно, наконец, мирить нас с прошедшим и дать силы совершить твердо остальной путь, все же он не дольше будет!

Пусть меня судьба ведет вперед на благо Лизы и других – мое счастие лежит со скрещенными ручонками, оно вызывает к неведомым мукам, пусть оно вызывает порою и твой образ, пусть я привыкну с кротостью и внутренней скорбью и на него смотреть, как на прошедшее.

Будет, будет, друг мой.

Жаль, что ты не читал письма М⟨ейзенбуг⟩ – одна немка могла его написать,

В.И. БАКСТ
Фотография Л. Хаазе. 1866. С дарственной надписью Бакста Лизе Герцен: "В воспоминание наших бесед в Монтрё – умной Лизке 30 (1)866"
Музей Герцена, Москва

впрочем, она может быть покойна, отвечать ей я никогда не буду и говорить, конечно, тоже не стану.

Здоровье Ог⟨арева⟩ стало опять хуже, жаль мне его, бедного, но для него я ничего не могу сделать, остается желать, чтоб вы и М⟨ери⟩ успокоили его, насколько это возможно – но я знаю, что это нелегко, было время, когда я одна на свете могла много для него; ах, Герцен, какие кошки скребут по сердцу – долго ли?[4]

Лучше будем говорить об Лизе – бедная, только смутно сознавая, что ее детство многого лишено, она растет, цветет, как цветок на кладбище.

Она умна, может даже умнее, чем была. В уроках с Бакстом она иногда шалит, но всего смирнее сидит и внимательнее слушает, когда он рассказывает ей из физики. Тут она все помнит, отвечает с такой догадливостью, что Б⟨акст⟩ изумлен. Наконец она выучилась читать изрядно, но все читает охотнее по-франц⟨узски⟩. Б⟨акст⟩ виделся с Полощ[5]., он ему нравится – обещался заняться Лизой, но он не дает уроков, и я боюсь, что это опять будет бесплатно – а с посторонним это еще тяжелее.

Мы прочли "Соврем⟨енник⟩" вместе с начала до конца. Если бы свобода так упрочилась, то, конечно, "Колок⟨ол⟩" скоро не будет нужен[6]. Ты ведь и прежде говорил. Тогда настанет время твоего отдыха и серьезного труда, как М⟨ейзенбуг⟩ давно мечтала.

Одно тяжко, но это неизбежно, Лиза, отрываясь от вас семи лет, забудет вас, несмотря на письма и подарки, для ребенка этого мало, ему нужно живое слово, улыбка, в которой светится любовь, ему нужна обоюдная привычка.

Ну, прощай или до свиданья.

Какое леченье Ог⟨арев⟩ начинает?

Теперь все спит, одна вода наша никогда не отдыхает[7].

300 ф⟨ранков⟩ получила. Что же шелк для miss T⟨urner⟩?[8]

[1] Очевидно, о сроках приезда Бакста в Женеву Герцен спрашивал в неизвестном письме, посланном в Монтрё около 1 января (вместе с полученным им около 30 декабря 1865 г. неизвестным письмом Мейзенбуг на имя Нат. Ал.). Бакст уехал из Монтрё около 10 февраля.

[2] По-видимому, намек на проницательность Бакста.

[3] В письме, написанном в последние дни 1865 г., Нат. Ал. ввиду отказа Герцена поселиться с ней "без Таты" потребовала полного разрыва: "Видеть тебя как постороннего не хочу" (*АО*, 39).

[4] На эти строки откликнулся Огарев в письме от 3 января, имея в виду отношения Нат. Ал. с Герценом: "У тебя скребут кошки по сердцу там, где этот скреб неуместен, а там, где он должен быть – его нет. Почему у тебя скребут кошки? Слыхала ты, что ли, упрек от меня? ⟨...⟩ На твою любовь к нему я взглянул с уважением и надеждой на твое спасение. Не в этом чувстве ты имеешь право на покаяние ⟨...⟩ Успо-

коить меня можешь ты, когда снимешь с моей совести мысль, что я внес элемент мачехи в дом брата моего" ("Лит. наследство", т. 63, с. 510–512).

[5] Сокращение фамилии одного из русских эмигрантов (лицо не установлено): о нем же Герцен писал Огареву 22 января (см. XXVIII, 143).

[6] Имеется в виду № 10 "Современника" 1865 г. (вышел 6 декабря н.ст.). В нем напечатаны "Деревенские встречи" Г.И. Успенского, комедия А.А. Потехина "Отрезанный ломоть", стихотворение Н.А. Некрасова "Железная дорога", "Очерки истории русской литературы по современным исследованиям. I" Г.З. Елисеева, статья М.А. Антоновича «Суемудрие "Дня"» и пр. Особый интерес к номеру и оптимистический прогноз Нат.Ал. связан с введением с сентября в действие цензурной реформы от 6 апреля 1865 г., освобождавшей журнал от предварительной цензуры. Но в том же № 10 напечатано – очевидно, не замеченное ею – распоряжение министра внутренних дел П.А. Валуева о "*первом* предостережении" "Современнику" (за №№ 8, 9). Герцен откликнулся на него в статье "Первое запрещение, первое предостережение, первый суд" ("Колокол" от 15 декабря 1865 г.), по достоинству оценив новую "*свободу* книгопечатания" и высказав предвидение, что скоро журнал "порешат" (см. XVIII, 273–275). Действительно, № 10 вызвал тут же "второе предостережение". В апреле 1866 г. "Современник" был закрыт.

[7] Пансион Пиле, где жила Нат. Ал. с Лизой, был расположен на берегу Женевского озера.

[8] Ответ Герцена от 7 или 8 января неизвестен.

19

⟨Монтрё.⟩ 9 января ⟨1866 г.⟩

Хотелось бы мне в тиши и спокойно отвечать тебе[1]: ни лица, ни положенье не может измениться, вместе мы не можем жить, да и особо с нами ты не можешь, для чего нам не смотреть правде в глаза, зачем нам проводить месяц или два вместе, когда нам должно жить вдали друг от друга, вдобавок, ты сам говорил последний раз[2], что не видишь, зачем жить вместе, я с каждым днем убеждаюсь в противоположном, – я бы хотела прижаться и прижать все, что есть еще близкое на земле, к сердцу, я чувствую, что оно стынет, я бы хотела, чтоб Лиза действительно любила своего отца, чтоб она видела, как я его люблю, чтоб ей было отрадно жить хоть в эти годы между нами, но я сознаю, что все это мечты, я мирюсь, ничего не хочу более. Разве школа была бы возможна иначе? Свиданье ничего более не объяснит. Зачем ты мне пишешь, что Тата будет делать летом, отношение, которое так зависимо от тысячи обстоятельств, мало имеет содержанья.

Я под разными предлогами, между прочим milliaire, отстранила Флоренцию[3], но признаюсь тебе, если б пришлось жить там, я бы все-таки не виделась с Мейз⟨енбуг⟩.

Мы думаем о Милане. Летом мне будет нужно, чтоб осмотреть пансион в Франк⟨фурте⟩ (оставаться там нельзя будет, потому что она принимает детей только одних). Потом я осмотрю несколько Kiudergärten[83*] – если могу, съезжу в Ниццу, но памятника ставить не буду[4]. Может, летом приедут ко мне на свидание maman, Жемчужников, может, даже сестра[5]. Осенью я буду в Милане – все будет устроено на год, если пойдет хорошо и школа, и приют, я там навеки поселюсь со всем, что мне дорого. Приедут ли Сат⟨ины⟩ или нет, этого я не знаю.

Если через год школа окажется невозможна, чему Бакст не верит, я думаю, что ты сам поймешь тогда необходимость нашего возвращения в Р⟨оссию⟩. Но я это предлагаю только в случае, когда все рушится кругом нас. Во всех этих планах Лиза на первом плане, эгоистически мне нужен и полезен только хлороформ в бесконечном количестве.

Бакст уговорил меня принимать железо – я долго откладывала; если б ты мог понять чувство, с которым я проглотила первую пилюлю, – этот первый шаг, чтоб укрепить дряблое тело, медленно разлагающееся, – мне многого это стоило. Это была жертва Лизе – может, много лет горя я себе прибавила, но, говорят, это нужно, – а я втайне, почти против своей воли радовалась, когда чувствовала боль в сердце, или боль в спине, или когда замечала, что платья все шире становятся.

Вспоминала умирающую Комарову, как она говорила дня два до смерти, устремляя пристально свои больные глаза на меня: "Нат⟨алья⟩ Алек⟨сеевна⟩, вас бог не забудет за ваши страданья, за вашу жалость к другим". Ах, да, да, если б он был, он бы

[83*] детских садов (*нем.*).

все мне простил за эту безотрадную жизнь, за эту боль сердца, которую и рассказать я не умею. С ней я ложусь, с ней я встаю. Обреченный на каторгу, хоть на 20 лет, ждет и отсчитывает, как же мне невольно не ждать конца моей ссылки?

Ах, прощай, все вздор пишу – но ведь между вздором есть и дело. Бакст просит, чтоб прислали ему корректурные листы двух неоконченных книг, – они ⟨...⟩[84*] ⟨тип⟩ографии[84*]. Когда он едет и по какой дороге, расспрошу, но он истинно русский, скоро не соберется, прежде говорил: "15-го поеду".

Семья и дело, как ты их понимаешь, мешают нам быть вместе, они важны для меня, конечно, и я не хочу им мешать. Ты сам пойми, что нельзя иначе, и не называй это моим безумием, ты знаешь сам, что мне и Лизе лучше было бы возле тебя, но жить в такой неопределенности, зависеть от всех, самых ничтожных случайностей, это не дело наших поседевших волос. Я, право, хочу покоя и, может, найду его в школе, он бы здесь был, но здесь все-таки мало дела. Я тебя не звала, потому что боялась тебя, не было довольно уверенности в себе, но, впрочем, это малодушие, – когда я тебя вижу, мне многое больно, многое, кажется, должно бы быть иначе, все время, что ты тут как посторонний, мне не по себе и тяжело, а когда ты уезжаешь, опять что-то отрывается – вот от эт⟨их чу⟩вств надо освободиться в мои 42 года[6] – считать невозможным, что невозможно, смотреть реально на жизнь.

Ну, прощай, дай руку, не сердись – у меня каждый день с утра голова болит.

Встреча с моими – только мое предположенье. Насчет собаки жаль, что всех раздали, я не смогла бы взять прежде осени, впрочем[7].

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена, посланное из Женевы 7 или 8 января.

[2] Во время пребывания Герцена в Монтрё 4–8 декабря 1865 г.

[3] См. п. 16.

[4] Речь идет о памятнике близнецам.

[5] В связи со взбалмошным, крайне нервозным характером Н.А. Тучковой Герцен не одобрил ее намерения выписать к себе мать: "Для Лизы ее приезд гибель, а для тебя что? – Разве развлечение" (ср. XXVIII, 14). Он призывал "подчиниться необходимости жить близко в двух домах, чем впутывать всяких Жемч⟨ужниковых⟩ и резюмировал: "Мне это нож острый" (XXVIII, 141).

[6] Нат.Ал. ошиблась в исчислении своего возраста: ей в 1866 г. должно было исполниться 37 лет.

[7] Ответ Герцена от 14 января – XXVIII, 140–142.

20

⟨Монтрё. 15 или 16 января 1866 г.⟩

Опять перечитываю твое письмо и не понимаю, зачем ты предлагаешь отложить школу до 1868 году, или я дурно поняла тебя?[1] Мои физические силы только поддерживаются этим ожиданием, мне нехорошо, тело начинает уступать, но я хочу жить, т.е. должна жить.

Объясни же спокойно и прямо твои возражения, надо нам положительно знать перед отъездом Б⟨акста⟩. Надо переговорить с Сусл⟨овой⟩[2], все это нельзя делать без положительного решения. Я решилась, хочу жить для пользы общего, когда-то ты мне ⟨!⟩ упрекал, что я слишком строю все на частном, теперь во мне нет этого порока, но ты, как можешь ты отсоветывать какое-нибудь общее дело, как можешь ты желать, чтоб я осталась в частной жизни, когда самое дорогое отнято навсегда? Да, я вам мешаю, тогда так дело покроет частную жизнь, я как будто умерла и явилась вдали новым, другим существом, работником – а полтора года в бездействии приведут что-нибудь – подумай и пиши толковое письмо, чтоб я знала, что говорить Б⟨аксту⟩. Если тебе кажется, что нужно переговорить втроем, приезжай хоть на два дня[3] – если нет, то Б⟨акст⟩ поедет в Ж⟨еневу⟩ по полученью твоего ответа. – Я ему сказала, чтоб он остался два дня, чтоб указать мне занятия с Л⟨изой⟩.

Ну, прощай, жду от тебя пространного и доброго письма.

Ты знаешь, что если б все было иначе и ничего бы не стесняло моей воли, я бы все-таки не могла жить с тобой без дела, приют я бы все-таки завела. Пустота, оста-

[84*] Автограф поврежден. – *Ред.*

вленная в моем сердце ею[4], может только делом, службой замениться, а не другим чувством, надо время обмануть.

Жму руку Ог⟨ареву⟩ и тебе, поцелуй Тату, посылаю ей Дед... ⟨?⟩ с благодарностью, Лизе многое понравилось – и посылаю чулки для Розали[5] – может, гуляя, ей отнесет[6].

[1] Ответ на письмо Герцена от 14 января (XXVIII, 140–142).
[2] См. п. 15 и 16.
[3] Герцен приехал из Женевы в Монтрё 20 января. Вернулся в Женеву 28 января.
[4] Т.е. дочерью Лелей.
[5] Дочь цветочницы Бессон.
[6] Ответ Герцена от 16 или 17 января неизвестен. См. о нем в след. письме.

21

⟨Монтрё. Около 18 января 1866 г.⟩

Ты, как всегда, жесток в своих письмах[1] – я буду осторожнее даже в своем горе с тобой. Об чтении не упрекай, не все тяжелое молчание было причиной, что мы не читали, – ты знаешь, как случайности врывались – один вечер мы должны были посвятить Жук⟨овскому⟩[2] – но, впрочем, это не стоит говорить.

Я бы хотела еще раз видеть тебя одного до посещения Таты – так чтоб при ней не было никаких недоразумений. Твое письмо мне объяснило, что, собственно, у тебя никаких не было планов – об жизни вместе я тебе сказала, что считаю это вещью решенной, пока дети твои не будут нас звать, я с Лизой будем исключены из твоего дома.

Об Тате ты меня дурно понимаешь; нет, я не верю в близость с ней, я думаю или знаю, как хочешь, что они все меня ненавидят, но мне хотелось видеть ее и вместе сделать тебе этим удовольствие. Я отказывалась от ее визита, пока я у Пили, потому что мне самой здесь часто мешают, а в Hôtel des Alpes я не боюсь – и зову ее.

Не можешь ли вместо 20⟨-го⟩, приехать 28⟨-го⟩, тогда мой срок и я могу переехать, ты бы остался дней пять, уехал бы, тогда Тата приедет дней на пять, и ты можешь за ней приехать и прожить, как тебе вздумается.

С Ог⟨аревым⟩ трудно переписываться, внутренно мы далеки, он живет, по мне, не в реальном, а в фантастическом мире, он упрекает себя во всем, что находит во мне дурного, как будто такая ответственность логична[3]; я знаю, что случайно он был причиной твоего сближенья с Г⟨ервегом⟩[4] и со мной, но ведь это случайность, как же человек развития Ог⟨арева⟩ может на себя за это кару класть – ведь это сумасшествие, мне его жаль, но я не думаю, чтоб он когда-нибудь мог смотреть просто на вещи.

Посылка пришла, mercі тысячу раз за все.

Бак⟨ст⟩ собирается ехать, но не решительно, мы все еще читаем с ним статью "Фур⟨ье⟩" Биб⟨икова⟩ – не верится, что все это печатается в Р⟨оссии⟩[5]. Бак⟨сту⟩ хочется тебя видеть насчет "Кол⟨окола⟩", я ему посоветовала ехать в Ж⟨еневу⟩ – если ты не приедешь.

Прости меня за комнату, я думала, что удобство жить под одной крышей стоило многого, комната неплоха, – не дивись после этого, что я не взяла комнаты для тебя в Hôtel de la Réunion – видишь, как я права, что когда ты приезжаешь на 5 дней повидаться, то и тогда мы на 5-м плане – что же нелепее, как твоя жизнь в Hôtel des Alpes? Много ли можно было видеться и говорить?[6]

Ну, прощай.

Я перевожу из "Б⟨ылого⟩" и д⟨ум⟩"[7].

Рукой Лизы:

Милый дядя! Mercі за Кашу. Прощай.

Л и з а

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена, написанное, очевидно, 16 или 17 января и сообщающее, в частности, о его намерении приехать к ней с Татой 20 января (по просьбе Нат.Ал. в наст. письме он приехал один).

[2] Речь идет о посещении Н.А. Жуковского (участника революционного движения, эмигрировавшего в 1862 г. в Лондон, а затем жившегов Швейцарии) в Веве.

[3] Имеется в виду оставшееся, очевидно, без ответа письмо Огарева от 3 января ("Лит. наследство", т. 63, с. 510–512).

[4] Огарев в письме к Герцену из Старого Акшена от 3 января 1847 г. рекомендовал по приезде "в Европу" "отыскать" Г. Гервега и познакомиться с ним ("Лит. наследство", т. 61, с. 748). В "Былом и думах" Герцен сообщает: "Когда я ехал из России, Огарев дал мне письмо к Г⟨ервегу⟩" (X, 240; это письмо Огарева к Гервегу неизвестно).

[5] Книгу П.А. Бибикова "Критические этюды. 1859–1865" (вышла уже без предварительной цензуры в Петербурге в конце сентября ст. ст. 1865 г.) Герцен послал Нат.Ал. 13 января (см. XXVIII, 140). Она открывалась этюдом "Современные утописты. Изъяснение и критический разбор теории Фурье". Второму этапу "Сентиментальная философия. По поводу чтений г-жи Ройе о теории Дарвина..." был предпослан эпиграф из "Дилетантизма в науке" Герцена (с. 101, ср. III, 66, со ссылкой: «Из "Отеч. зап." 1843 года»). Автор книги, отстаивавший в целом идеи социализма и материализма, был подвергнут суду по обвинению в нарушении законов о печати. Герцен откликнулся на этот суд в статье: "Первое запрещение, первое предостережение, первый суд" в "Колоколе", л. 210 от 15 декабря 1865 г.

[6] Очевидно, речь идет о пребывании Герцена в Монтрё 4–8 декабря 1865 г.

[7] Вероятно, Герцен послал Нат.Ал. для перевода на французский язык рукопись отдельных глав ч. V "Былого и дум", которые он с начала 1866 г. просматривал, готовя для печати. Вскоре, параллельно с печатаньем т. IV отдельного русского издания мемуаров, он предпринял шаги для выяснения возможностей нового, расширенного французского издания. Оно не было осуществлено.

22

⟨Монтрё. Около 30 января 1866 г.⟩

Ну, Герцен, луна светит на горы, вид такой, что мне жаль, что тебя нет, а я увидала его случайно.

Я осталась здесь на месяц – хозяйка была так тиха и печальна, что мне стало совестно не сдержать слова. Б⟨акст⟩ смеялся надо мной. Зато я сделала много перемен, в Лизину комнату поставила кровать для меня. M-me Caroline уступает свою комнату хоть на две недели, если ты или Ог⟨арев⟩ приедете, и притом даром. Я подумала, что на этих условиях ты бы мог приехать, мы бы ходили обедать, куда хочешь, ты не был бы связан пансионом, или нам приносили бы обед; могли бы сидеть у тебя иногда, там есть камин.

Татин визит придется отложить на месяц, здесь и места нет, да и обстановка не та, зачем ей встречаться с лицами, с которыми случайно свела меня судьба.

Сегодня я много играла с Воден⟨япиной⟩[1] симфонии Бет⟨ховена⟩. Шло хорошо, она не надивится, как моя игра неровна; день ничего не могу сыграть, в другой – как будто знаю наизусть.

Обед нам будут носить, это спасет много времени – если Жюль может, попроси его купить мне 3 ф⟨унта⟩ кофею – даже в Веве нет хорошего.

Я продолжаю читать географию с Лизой, она ее очень интересует. П[2]. болен воспалением, едва ли уроки пойдут – музыка идет хорошо. Недавно Лиза расспрашивала Б⟨акста⟩, из чего состоит кровь, и услышала с большим любопытством, что в крови тоже клеточки. С микроскопом мы возились; я думаю, надо бы его переменить на более простой, но немного большего размера – этот портит глаза; я от боли не могла ничего рассмотреть; в Лонд⟨оне⟩ у Таты был не отличный, но очень возможный. Б⟨акст⟩ едет послезавтра; стало, Милан наша девиза[3].

Я жду твоего письма. От N⟨ini⟩[4] ни строки, не случилось ли у них еще чего дурного?

Я все время ленилась писать в Р⟨оссию⟩, однако теперь надо, но поверишь, что палец и глаз много мешают, мне трудно в один день играть на фортепиано, переводить и писать письма.

Mercі за газеты, они интересны – а что, "Весть" пропала или нет?[5] Мне нужно бы итальянскую грамматику и итал⟨ьянскую⟩ книгу: *разговорыв*, может, слажу без учителя. Я бы могла часть ночи учиться, зачем глаз болит? А я не на шутку просту-

дилась при тебе – через месяц увижу, пройдет ли это бесследно, думаю, что мою деревянную натуру ничто не одолеет, да ведь так ты и сам думаешь и дивишься.

Ну, прощай, всем кланяйся, жаль, что мы не простились[6].

А я все себя спрашиваю: скоробей мой скоробей[7], ты зачем ко мне летишь?[8]

[1] О "бумагах" *Веденяпиной* (Воденяпиной), русской знакомой Нат.Ал. по Монтре (возможно, родственницы декабристов братьев Алексея и Аполлона Васильевичей Веденяпиных), Герцен хлопотал в начале марта (см. XXVIII, 163, 167, 173).

[2] См. прим. 5 к п. 18.

[3] Ср. письмо Герцена от 14 января (XXVIII, 141).

[4] Джорджина Саффи.

[5] № 31 "Вести" от 1 января н.ст. с передовой статьей В.Д. Скарятина "Русские социалисты и Положение 19 февраля" нужен был Герцену для ответа (см. XXVIII, 145); замысел осуществлен в статье "Ужас во вражьем стану" для "Колокола", л. 214 от 15 февраля (см. XIX, 28–30).

[6] Об отъезде Герцена 28 января без прощанья см. также в письме Нат. Ал. от 29 января (*АО*, 34–35).

[7] Вероятно, перефразируются первые строки романса А.А. Алябьева "Соловей" (слова А.А. Дельвига). *Скарабей* – навозный жук.

[8] Ответ Герцена, написанный около 1 февраля, неизвестен. См. о нем в след. письме.

23

⟨Монтрё. Около 3 февраля 1866 г.⟩[1]

Когда ты так говоришь, конечно, мы переедем к твоему приезду, зачем только ты так торопишь – этого я не понимаю. В письмах Бакста, вероятно, я одна виновата[2], твой поспешный отъезд оставил меня ужасно беспомощною – мне было больно твое отсутствие; если бы ты знал, чем ты бываешь для меня и как мне больно оторваться от тебя, не видеть тебя, вот где разгадка моего обыкновенного молчания, даже моего желанья не видать тебя – ведь ясно, как день, что нам больше вместе не жить, и вот, под влиянием разума, я креплюсь и начинаю быть твердой и думать тоже, что логично, чтоб все несчастья разом добивали меня, а ты приедешь – и опять борьба.

Я безвыходно несчастна – ты не любишь таких положений – а я – разве я могу их любить?

Часто мне приходит в голову, что всего лучше, если б я могла не видеть тебя долго, долго и потом чтоб, успокоенная, нравственно смиренная делом, разумом, непобедимой случайностью, я бы увидала тебя, как монахиня видит того, кого любила в другом мире. – Не сердись, выслушай меня, мне так тяжко, так больно жить, а ты и эту боль упрекаешь.

Я забыла, что хотела сказать: Б⟨акст⟩, видя, что мне неприятен твой быстрый отъезд, и думая, что ты уговоришь меня, – написал тебе, я думала, что он шутит, мне очень досадно. Нет, не спеши насчет моего здоровья, оно еще цветущее – не проси меня насчет постели, говоря об ней желчным языком, касаясь неосторожно до свежих, незаживимых ран, ты потерял право просить у меня эту жертву, я исполню ее ради разума, ради необходимости влачить эту жизнь для Лизы, потому что мы в конце концов ничего не сделали для нее в случае моей смерти.

Ну, прощай, не сердись, так хотелось бы, чтоб все было иначе, чтоб можно было доблестно, спокойно сложить свои кости – но сколько еще надо выстрадать до этой минуты, сколько страданий помнить – а разве можно хотеть их забыть?

Перевод мой подвигается, несмотря на палец, я диктую Б⟨аксту⟩, miss Turner и Лизе, только не знаю, слажу ли я переписать его – есть пробелы для тебя[3].

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена, отправленное около 1 февраля.

[2] Это письмо Бакста от 29 или 30 января неизвестно; возможно, частью было обращено и к Огареву.

[3] О переводах Нат.Ал. из "Былого и дум" см. в п. 21. Возможно, Герцен, уезжая 28 января, оставил ей для перевода рукопись главы "Энгельсоны" ч. V мемуаров: именно в первой половине января 1866 г. он возвращался к работе над главой (основная ее часть была написана в 1858–1859 гг.) и продолжил ее в Монтрё, о чем свидетельствует первоначальная авторская дата на автографе постскриптума: "Montreux. 1866. Janvier 25" (в X, 439 ошибочное прочтение: "Mentona"). Однако речь здесь могла идти и о статье "По разным поводам".

24

⟨Монтрё. Около 5 февраля 1866 г.⟩

Мне пишут, что сестра едет в Москву, она надеется видеться со мной и просит назначить Берлин местом свиданья, потому что дальше ехать денег нет[1]. Прежде чем ей отвечать, пишу к тебе и жду твоего слова. Другой вопрос, что делать с miss Turner, отпустить немного совестно, но держать ее бесполезно и не по карману, а забросить англ⟨ийский⟩ язык очень не хочется. Она сама не хотела ехать в Герм⟨анию⟩, но, узнавши, что сестра приезжает, все это, пожалуй, иначе будет. Я могла бы на худой конец предложить ей остаться на пансионе в англ⟨ийской⟩ лавочке, но не лучше ли уж совсем расстаться, или подождать?

Вероятно, сестра не пробудет более двух, трех месяцев за границей. Б⟨акст⟩ очень обрадовался этим известием за меня. Какой он, право, добрый. Боюсь, что опять серебро будет забыто, их уж не будет в деревне, напишу в Москву. Перевод подвигается мало-помалу, общими силами, потому что память не позволяет долгой работы.

В Hôtel des Alpes осталась только квартира над кухней, которую ты видел, или на 4-м этаже – которую брать? Мне все равно, и цена та же – салона не будет, да и, право, не нужно – а жить придется там, пожалуй, до мая.

Ну, прощай – может, будет письмо от тебя – "Отеч⟨ественных⟩ записок" не могу найти, должно быть, ты захватил. "Враг горами качает" только наружной формой напоминает "Кор⟨олевское⟩ завещание".

Отвечай мне поскорей. Микр⟨оскоп⟩ пришлю с Б⟨акстом⟩. Кажется, он опять к вам собирается.

Я только нахожу, что во всех планах невольно мы после мая отдалимся – будем ли встречаться, или нет, но друг для друга мы ничего не можем. Ты будешь в Ж⟨еневе⟩ для Ог⟨арева⟩, во Фл⟨оренцию⟩ поедешь для детей – не эгоизм кричит во мне, а невозможность какой-нибудь общей жизни с тобой[2].

[1] Это первое известие о предстоящем приезде Е.А. Сатиной; письмо из России неизвестно.

[2] Ответ Герцена, написанный, очевидно, 6 или 7 февраля, неизвестен. В "Списке несохранившихся и ненайденных писем Герцена" – XXVIII, 400 (№ 72) – он отнесен к середине февраля. Но о нем Герцен писал Огареву 7 февраля (письмо, помеченное "середой", – датировано в изд. АН СССР 14 или 21 февраля, т.к. редакции осталось неизвестным публикуемое письмо Нат.Ал. к Герцену – см. XXVIII, 154, 347).

25

⟨Монтрё. 8 или 9 февраля 1866 г.⟩

Надо практически отвечать на твое письмо[1]. Я не слыхала, что С⟨атин⟩ едет; если он приедет, конечно, он вас увидит – а им не думаю, чтоб можно так далеко забираться, и отели, и места для нескольких обойдутся дорого – я не могу с ними списываться; когда они будут в Берлине, это слишком большая потеря времени, – они, вероятно, ненадолго.

Мне бы хотелось иметь деньги на дорогу и отправиться по первому известию с Лизой, пожалуй и с miss T⟨urner⟩. Если нужно будет Е⟨лене⟩ видеться с тобой и с Ог⟨аревым⟩, может она оставить мне детей и съездить одна в Базель. Лучше не придумаешь. По всей обстановке не знаю, хорошо ли иначе устроить.

Ну прощай.

Вот комнаты наверху, разница только одна лестница, цена та же, только пошире комнаты[2].

	Miss T⟨urner⟩
	Моя
Лиза	Салон

А внизу 2 большие, салону нет; стало, у Лизы в комнате надо сидеть целый день – а miss T⟨urner⟩ наверху.

Я не знаю, зачем ты хочешь взять книги у англичанки, ведь ни ты и ни она не

уезжают, может, со временем она их продаст, дождусь твоего ответа и сделаю, как ты хочешь. Но мне кажется, что не худо, чтоб у нее всегда были и книги и "Колок⟨ол⟩"[3].

Ну, прощай.

Лиза никак не может дописать Ольге письмо: "Не знаю, что писать". Дети живут привычкой[4].

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена от 6 или 7 февраля.

[2] Далее дается план комнат в Hôtel des Alpes.

[3] Ср. упоминание о присылке новых книг для англичанки (по-видимому, владелицы "английской лавочки") в п. 28.

[4] Ответ Герцена, написанный около 10 февраля, неизвестен.

26

⟨Монтрё. Около 11 февраля 1866 г.⟩

Ты слову моему не веришь, ах, Герцен, Герцен[1], что же ты любишь во мне, когда даже откровенности не признаешь, – ты за Лизу боишься, успокойся. Но, друг мой, не буду говорить ничего жесткого, но как же ты мог предложить Лизу не брать на свиданье с другом детства и юношества[2] – пойми, что это невозможно, пойми, что они настолько же едут для нее, насколько для меня, – а дети – ее сестры и братья!

Не могу им предложить остановиться у тебя – это невозможно, но если нужно будет видеться тебе с Ел⟨еной⟩, то я устрою, чтоб она приехала в Базель – тогда и ты приедешь.

Доро́га очень дорога́ для них – мы можем жить около Берлина – я чувствую, что они правы, назначая этот город, он самый близкий к Р⟨оссии⟩.

Мне тяжело писать против твоего желанья, досадно, что тебя нет, переговорили бы, а то время идет.

Стелла[3] был. Я была неодета, не могла его принять, но наскоро оделась и пришла на жел⟨езную⟩ дорогу, где его нашла. Если он скажет, что я нездорова, не верь, это извиненье – мое здоровье с каждым днем лучше.

Приезд Елены – сюрприз для меня, так вдруг и уже дают адрес в Москву.

Что же делать с Ог⟨аревым⟩? Решетку, лампу ставьте-ка дальше от кровати. Стало, припадки опять чаще. Это всегда бывало к весне. Пишу тебе с открытой дверью и без огня. Лиза читает на террасе.

Комнаты возьму, как ты хо́чешь, внизу, зато одной меньше и без солнца. От столовой только́ две лестницы наверх – они будут носить только кофей поутру, а два раза надо сходить. Об чае я говорила, им это все равно – ничего не сбавляют, все 14 в день без вина, дров и свечей.

Теперь я у́страиваю немного туалет и Лизы, и свой для отеля. Привези мне косынку для головы, но купи сам.

Ну, прощай, пошлю сейчас письма, авось ты завтра напишешь, а то мой ответ их задерживает.

Что же делать с miss Turner? Я не понимаю, зачем вы людей распустили, ведь нужны же они в новом доме. Стелла сообщил, что вы нашли дом[4]. Пиши поскорей, ты долго не отвечал[5].

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена, посланное около 10 февраля.

[2] Так Нат.Ал. называла свою младшую сестру, Е.А. Сатину.

[3] Конспиративное имя И.Ф. Савицкого, полковника Генерального штаба, одного из видных деятелей польского восстания 1863 г. После его поражения эмигрировал в Швейцарию; в Женеве в 1865–1866 гг. преподавал естественные науки Тате.

[4] В эти дни в Женеве решался вопрос, где будут жить Герцен и Огарев после окончания срока найма Château Boissière. В начале апреля (до 5) Герцен с Татой поселились в "крошечной квартире" по адресу: 7, Quai du Mont Blanc – см. XXVIII, 154, 176; Огарев переехал в пригород Женевы Petit Lancy.

[5] Ответ Герцена, написанный около 12 февраля, неизвестен.

Н.А. ТУЧКОВА-ОГАРЕВА С ДОЧЕРЬЮ ЛИЗОЙ
Фотография Л. Страцака. Брюссель, 1869. На обороте надпись рукой Лизы Герцен: "Pour maman" ("Для мамы")
Музей Герцена, Москва

27

⟨Монтрё. Около 12 февраля 1866 г.⟩

Ты как будто боишься приезда Е⟨лены⟩[1]. – Напрасно, много будет дельного из него, не говоря уже о том, что хорошо свидеться перед смертью тем, которые смело, полные веры в жизнь и в счастье, шли рука об руку, свидеться после последнего сраженья, когда от боли сделался опять бесстрашен[2]. Обнять друг друга и молча отвернуться. Уж и для этого стоило бы видеться.

Елене будет больно, она не догадывается[3]. Но пусть она обдумает со мной, что́ для Лизы лучше. Если она заключит, что для Лизы вы все-таки представляете дом, что лучше можете ее воспитать, тогда я согласна, это даже не жертва, это долг. Тогда Лиза может у вас жить одна, а обо мне не стоит и говорить – я прошедшее – буду Лизу навещать, стану жить одна. Я не знаю, что Е⟨лена⟩ хочет мне предложить (об Р⟨оссии⟩ речи нет), но она просит не брать никаких решений, не видавшись с ней. Я

не знаю вообще, что побудило ее сразу решиться ехать. Сегодня ночью кончу перевод "По разным поводам"[4]. Напиши, что́ еще переводить – мне легче с работой. Что Ог⟨арев⟩?

Почти каждый день вижу тебя во сне – читаю от тебя длинные письма и в них то, что бы я хотела. Сегодня ночью ты сердился на меня. Писала ночью, не знаю, р⟨азберешь⟩[85*] ли – прости[5].

[1] Вероятно, новый отклик на неизвестное письмо Герцена, отправленное около 10 февраля.

[2] Возможно, Нат.Ал. вспоминает здесь слова, обращенные самим Герценом к Огареву в "Dédicace" 1851 г. (см. VII, 269).

[3] Е.А. Сатиной еще не было известно о супружеских отношениях Герцена и Нат.Ал. и о том, что Лиза – дочь Герцена.

[4] Вторая из цикла статей "Капризы и раздумье" (II, 73–85). Перевод на французский язык, сделанный Нат.Ал., до нас не дошел.

[5] Ответ Герцена, написанный около 14 февраля, неизвестен.

28

⟨Монтрё. Около 13 февраля 1866 г.⟩

Наскоро отвечаю[1] – нельзя не переехать в Hôtel des Alpes, когда по твоей просьбе Б⟨акст⟩ им при мне сказал, что я перееду 22 – и я подтвердила, – право, я все делаю по твоему желанью, и все-таки ты недоволен.

Туалета мне пока не надо, я переделала разные вещи и все заново; я, напротив, знаю цену деньгам, и они мне давят плечи.

Стало, 22-го мы будем в отеле – насчет Таты делай, как лучше, я не знаю, когда она приедет, и всегда готова ее принять – думаю, что ей самой будет приятнее навестить в Alpes, чем здесь, – спроси ее.

Книги присланы для англичанки?[2] Ты ничего не пишешь, и почему не класть всегда счет по-франц⟨узски⟩ – для нее.

Если возможно, я постараюсь, чтоб ты увидел детей[3], но опять деньги! Об них-то я и думаю, боясь трат, я не звала их, а напротив, останавливала.

Теперь ты, вероятно, получил мое письмо[4], я подчиняюсь общему приговору – но, конечно, для меня лично одна возможность выносить жизнь – это труд в школе – деятельный, беспрестанный, утомительный.

Ну, прощай – я бы хотела, чтоб ты приехал 21-го – если даже с Татой, ты можешь прямо ехать в Hôtel des Alpes – мне легче будет переехать при вас. До свиданья.

Дети Сатина	Тата – 16 ⟨лет⟩
	Леля – 14 1/2
	Коля – 13
	Саша – 11 1/2
(девочка)	Маня – 8
	Миша – 4

Лиза уже написала Мане, что будет с ней жить в одной комнате, вместе учиться, вместе играть, играть на форт⟨епиано⟩ в 4 руки – она стала учиться еще с большим стараньем.

Неужели Б⟨акст⟩[5] еще в Ж⟨еневе⟩?[6]

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена, написанное около 12 февраля.

[2] См. п. 25.

[3] Очевидно, Герцен выразил желание увидеть детей Е.А. Сатиной.

[4] Имеется в виду, вероятно, предыд. письмо.

[5] В.И. Бакст приехал к Герцену проездом из Монтрё в Берлин около 10 февраля и задержался в Женеве на несколько дней.

[6] Ответ Герцена, отправленный около 14 февраля, неизвестен.

[85*] Лист поврежден. – *Ред.*

29

⟨Монтрё. Около 15 февраля 1866 г.⟩

В твоем письме многое мне больно[1], но оставим это. Сегодня письмо от Елены[2] – я думаю, что они будут в апреле. Они уже неделя как в Москве.

Если ты непременно хочешь, то купи мне *алпака*[3] по 3 francs – не знаю хорошо, сколько надо, – в лавке будут знать, но более мне ничего не нужно – шляпа у меня есть, но я стану носить ее, только когда ты приедешь. Лиза учится хорошо со мной. Эти дни все шли дожди, а сегодня солнце и немного холодно.

До свиданья. Если Б⟨акст⟩ у вас еще, попроси его написать мне из Цюриха, я очень нетерпеливо жду известий об Сусловой.

Miss Turner я не возьму, она здесь продолжает ту же двойственную роль. Если хотите, она может у вас остаться, или здесь в англ⟨ийском⟩ семействе, или, наконец, я найду ей случай – возвратиться в Англию.

Ну, прощай[4].

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена, отправленное около 14 февраля.

[2] Это письмо неизвестно.

[3] *Альпака́* – род шерстяной материи.

[4] Герцен приехал в Монтрё 22 февраля, остановился в Hôtel des Alpes и на следующий день перевез туда Нат.Ал. и Лизу. В Женеву он возвратился 5 или 6 марта.

30

⟨Монтрё. 11 или 12 марта 1866 г.⟩[1]

"Сор⟨ока⟩-вор⟨овка⟩" кончена, друг мой, во вторник начала, в суб⟨боту⟩ кончена[2], а я не торопилась, но мне с каждым днем тяжелее быть без дела, говорить – вот почему так скоро, не думай, что небрежно, напротив, я с любовью переводила, это касается когда-то дорогих струн.

Пришли скорей весть, что́ переводить, не оставляй меня без работы, *умоляю* тебя.

Об Лизе не беспокойся, ей очень хорошо и весело – она совершенно светский человек. Ужасно обрадовались предложенью Таты привезти Линду[3].

Напрасно ты удивляешься, что для вздорного порученья я готова была приехать в Ж⟨еневу⟩. Мать хотела знать, застанет ли дочь в живых – вот порученье, можно ли было отказать по какому бы то ни было поводу? Но чтоб тебе доказать, что я то же могу сделать и для тебя, я приеду[4], только берешься ли ты сделать, чтоб Лиза не видела Ог⟨арева⟩ больным – нервами ее я недовольна и не осмелюсь их подвергать никаким опытам – простишь ли ты себе, если у нее сделается падучая болезнь? Я говорю по опыту, я знаю, что значат безвыходные сожаления и возвращенья.

Если б ты знал, что у меня делается внутри, если б ты мог сам это испытать, ты бы не выдержал. Но об этом будет, могла бы томы писать, но не хочу.

Наконец, было письмо от N⟨ini⟩[5]. М⟨аццини⟩ плох. Ты прав, Г⟨ерцен⟩: еще тебе придется много такой странной радости, радости своей догадливости, я думаю, что дружба N⟨ini⟩ скоро остынет, ей непонятно и обидно, что она в год не убедила меня. Только умей молчать, ни Тате, ни Ог⟨ареву⟩ ни слова – это до меня лично касается.

Что́ ушиб Ог⟨арева⟩, что́ говорит Майор? Бывало, делали грудную мазь из простого мыла, камф⟨орного⟩ спирта – и очень помогало против ломоты, но, может, все это вздор.

Прощай, кажется, еще нет и 12 ч⟨асов⟩. Ух, как тяжело – а Лиза спит все скверно, и это с П⟨арижа⟩.

Узнай стороной, в случае, если не нужно брать miss Turner, могут ли ее приютить Черн⟨ецкие⟩, нет ли комнат в том же доме – я спрашиваю, потому что было бы облегчение не брать ее.

Портфель, конечно, не выписывай, пусть ей служит[6].

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена от 9 или 10 марта.

[2] Очевидно, именно этот перевод на французский язык был опубликован в издании: "Œvres de Alexandre Herzen. Récits et nouvelles" P., ⟨1872⟩. Librairie Germer – Baillière, p. 1–30.

[3] *Линда* – собака Ольги Герцен.

[4] Нат.Ал. с Лизой приехали по приглашению Герцена в Женеву около 19 марта. Вернулись в Монтрё 25 марта.

[5] Письмо Джорджины Саффи неизвестно.

[6] Ответ Герцена до нас не дошел.

31

⟨Монтрё. 16 марта 1866 г.⟩. Пятница. Вечер[1]

Я знаю, что многое тяжело и в твоей жизни, – что же делать? Почему Ог⟨арев⟩ не мог бы сделать жертву – положить кого-нибудь в соседней комнате, когда за этим следует для вас обоих тяжелая необходимость жить под двумя крышами.

Жемч⟨ужникова⟩ я перестала ждать[2] и радуюсь за него; может, все это к лучшему; может, я вызвала бы более страданья в нем, принимая его слишком серьезно.

Вчера девочки соседнего дома пригласили Лизу обедать и играть, конечно, я отпустила ее, и поэтому мы обедали вечером – мы пошли с miss Turner вдвоем и, во-первых, зашли к часовщику и узнали, что он и покупает, и берет под залог (очевидно, что она ни того, ни другого не хотела, потому что совсем к нему не заходила, несмотря на мой совет). Мы ее не застали, хозяйка нас приняла, она очень хор⟨ошая⟩ женщина, жаловалась на безрассудство Вод⟨еняпиной⟩ не только в постоянной покупке ненужных вещей, но и в срочном обещании уплаты. Однако все это только легкомыслие, но недостаток, который мне всего антипатичнее, играет у нее приму, это постоянная ложь. В ее последний визит она солгала мне три раза – делать было нечего – так это все обнаружилось, я со всей учтивостью ей заметила, что она мне то-то и то-то сказала – она была очень бледна: "Может, я ошиблась, может, я сказала, не помню, не знаю". А хозяйка говорит, что ложь – источник всех ее бед. Хозяйка желает, чтоб она давала уроки музыки и франц⟨узского⟩ яз⟨ыка⟩, нельзя ли найти ей перевод на франц⟨узский⟩ язык за деньги? Когда ты приедешь, я тебе покажу ее перевод – вероятно, она его скоро кончит. Я бы не хотела, чтоб она давала уроки муз⟨ыки⟩ Лизе, мне кажется, надо, напротив, удалиться, насколько возможно. Эта страдалица роскоши и лжи не внушает мне ни тени симпатии, – и к тому еще русская привычка – кто кротко у нее просит уплаты, с тем она дерзка, а кто с ней дерзок, с тем она овечка.

Ну, бог с ней, не хотелось так долго об ней говорить, но я хочу тебе доказать, что если мое участие сильно остыло, то вот причины. Жук⟨овский⟩[3] вчера был у Утиных, но ко мне не приходил и денег не приносил. В апреле мне надо заплатить за форт⟨епиано⟩ 84

ноты 9

Уроки муз⟨ыки⟩ 35 за 2 мес⟨яца⟩

128

Merci за книги, а мне хочется прежде перевести "Поврежденного"[4]. Первые страницы – чудо, я их перечитываю и боюсь испортить переводом. Эти дни мне плохо работается, но я скоро слажу с собой. Я почти не сплю и не могу работать ночью, лежу на диване без свечи и смотрю на звезды. Как ночь с своей тишиной выше, симпатичнее дня теперь для меня – и именно темная ночь, в которой звезды так ярки. Мне шире дышится при этом отсутствии жизни кругом; не смейся, я лежу и пристально смотрю на эту величественную картину, и какая-то кротость сходит в мою душу, смирение перед природой, мое ничтожество, одиночество – я бы почти не чувствовала, что жива, если б в сердце не было неистощимой боли по Леле: эта боль – это уголок, куда сжалась моя личная жизнь – иногда она жгучая, отчаянная – ночью, без людей она кротче, спокойно-безвыходнее, безропотнее. При разлуке с Лизой часа на два, я всегда жду (как оно ни нелепо), что мне скажут: "Несчастье случилось" – и я спокойно повторяю про себя... "Ну, что ж делать, надо смириться".

Вот тебе мое внутреннее состояние, зачем я так много говорила о себе? Не знаю – потому что мне больно, потому что иные мне далеки и я не буду с ними так говорить, других, как моя сестра, мне жаль, потому что они меня слишком много любят, слишком много обо мне страдают при всей моей осторожности.

Вчера была Софья, она похудела, говорит, что от скуки без нас если вам понадобится для кухни и дома верная и честная чернорабочая девушка, возьмите ее – она будет очень рада и может сторожить дом. Если вам не нужно, спросите Касат⟨киных⟩ – она годится и в няньки, и в горничные.

Ну, прощай. Зачем я так строго смотрю на ложь Вод⟨еняпиной⟩? Ведь это дурно?

Не знаю, как начать дроби с Лизой. От maman письмо – папá сдает завод – стало, будут деньги. Michel Tant все с папá, это недаром.

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена, написанное около 15 марта.

[2] В начале марта А.Н. Жемчужников приехал в Женеву, виделся с Герценом, а затем, 17 или 18 марта отправился в Монтрё; с ним Герцен 17 марта передал письмо к дочери Лизе (см. XXVIII, 174).

[3] Н.И. Жуковский.

[4] Очевидно, именно этот перевод, осуществленный Нат.Ал., был опубликован в той же книге, что и "Сорока-воровка" ("Œuvres d' Alexandre Herzen. Récits et nouvelles". P., ⟨1872⟩, p. 133–169).

32

⟨Монтрё. 27 марта 1866 г.⟩

От тебя нет письма – берегись простуды: здесь умерла семнадцатилетняя девушка в три дня от воспаленья. Мать приехала к похоронам. Я смотрела из окон, как ее опускали в могилу, – видела, как мать вышла из кареты – слышала, как поп говорил речь – потом все разошлись – карета вскачь увезла мать, а я встала рано сегодня и взглянула на это новоселье. Из окна видны венки из белых роз – в первую ночь я видела опять Лелю во сне и была так безумно счастлива, она так шалила, смеялась, играла, так ласкала меня, что я поверила, что мы вместе: "О, Леля, дай мне написать ему, что ты со мной, что ты живая". Она посмотрела на меня серьезно, я сразу проснулась и вспомнила.

У вас в Ж⟨еневе⟩ слишком шумно, рассеянно – здесь лучше – если можно, оставь меня здесь – на два или на три дня я приеду перед отъездом в Герм⟨анию⟩[1]. – Уверяют здесь, что в Герм⟨ании⟩ холера, газет я не видала.

Ауербах[2] был, – я не могла его принять, Лиза снесла ему газеты, говорит: "У него *ужас* какие белые зубы, мне хотелось бы иметь такие", – и прибавляет: "Должно быть, он был хорош в молодости".

Она учится опять по утрам со мной – потом гуляет, работает или читает по вечерам... Книга об арифметике[3] ей очень нравится – нет ли географии Масé?

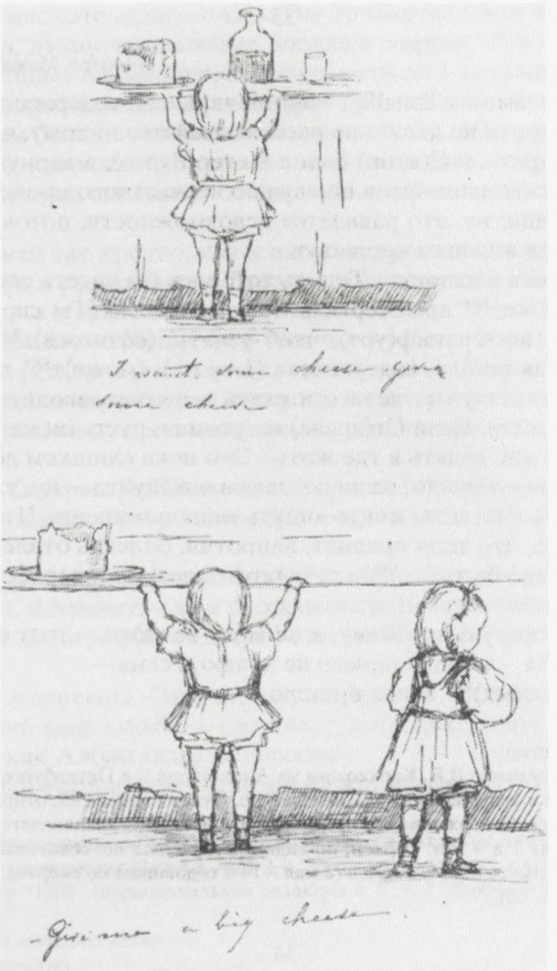
Сейчас книги и письмо от Долгорукова[4] – нужно ли отвечать? Благодари его *бесконечно* за меня и скажи, что буду беречь книги как *око* свое, а у Жук⟨овского⟩ еще долго не буду просить, потому надо прежде эти прочесть.

Если Тата приедет завтра[5], ей надо будет жить два-три дня наверху, возле miss Turner. У меня нет сил расстаться с моим видом, оставь меня здесь.

Ну, прощай; чтó Ага? Ты прочти ему[6].

[1] Во время пребывания Нат.Ал. в Женеве 19–25 марта было решено, что намечавшуюся на конец апреля встречу ее с Е.А. Сатиной лучше всего устроить во Франкфурте-на-Майне, куда мог бы в случае необходимости приехать и Герцен (см. XXVIII, 174, и письмо Нат.Ал. к ней от 26 марта – авт. *РГАЛИ*, ф. 476, оп. 1, ед. хр. 108, л. 75).

[2] Знакомство Герцена и, очевидно, Нат. Ал. с Ауэрбахом, приехавшим из России, состоялось 1 марта в Монтрё (вероятно, это был Герман Андреевич Ауэрбах – см. *ЛЖГ* IV, 237). 28 марта Ауэрбах (Герцен называет его иногда "Бах", "Шауербах") был у него в Женеве и, очевидно, привез ему переданные Нат.Ал. газеты, а затем, возвращаясь в Монтре, захватил какие-то вещи и игрушки для Лизы (см. XXVIII, 175–176). В марте же, видимо, состоялось знакомство с его женой (Юлией Федоровной? – Ср. *АО*, 64; *ЛЖГ* IV, 249).



АЛЕКСЕЙ И ЕЛЕНА (ЛЕЛЯ-BOY И ЛЕЛЯ-GIRL) –
ДЕТИ ГЕРЦЕНА И Н.А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ

Из семейного альбома Герценов. Рисунки Таты Герцен ⟨?⟩ (перо). ⟨Борнемут, лето 1864 г.⟩

Подписи: вверху – "I want some cheese, give me some cheese"
("Я хочу сыра, дайте мне сыра"), внизу – "Give me a big cheese" ("Дайте мне большой кусок сыра")

Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится по книге: Русские пропилеи. Том IV. Москва, 1917

[3] Вероятно, книга: J. M a c é. L'arithmétique du grand'papa. P., 1863 – или одно из последующих ее переизданий.

[4] Это письмо неизвестно.

[5] Н.А. Герцен приехала в Монтрё 30 марта и вернулась в Женеву около 25 апреля (см. XXVIII, 176, 179, 180). Ее присутствие, однако, тяготило Нат.Ал. 22 апреля она писала Е.А. Сатиной: "Зачем я не могу одиноко провести время перед отъездом ⟨…⟩ И собой я недовольна, и другими, зачем меня не оставят в покое? ⟨…⟩ Кругом ни души, разве врачи, а Емилия ⟨так Нат.Ал. в письмах, посылавшихся в Россию, называла Герцена⟩ и Огарев приближаются к шестидесяти, что за будущность? – Если б они согласились, я бы ее охотно отпустила с тобой, а сама бы осталась на свободе, ни с кем бы ни жила – только в Ницце. Без школы я с Лизиным воспитанием не слажу ⟨…⟩ да без дела я жизни не вынесу" (*РГАЛИ*, ф. 476, оп. 1, ед. хр. 108, л. 81–82).

[6] Ответ Герцена от 28 марта (XXVIII, 175–176).

33

⟨Монтрё. Между 25 и 30 апреля 1866 г.⟩

Вот, наконец, письмо от Елены[1] – оно печального содержанья – они были совсем готовы, но пашпорта не дали – не рассказывай это никому, я даже Ж⟨емчужникову⟩ не хотела говорить, – С⟨атин⟩ был в Петер⟨бурге⟩, а вернулся с ничем. Елена говорит, что не выдают пашпортов по случаю несчастного происшествия[2] – может, через 2, 3 или 4 месяца; ну, это равняется невозможности, потому через 4 мес⟨яца⟩ нельзя будет ехать, да и деньги проживут.

Ну, с этой мечтой я расстаюсь. Теперь хотелось бы видеть тебя, чтоб решить об воспитанье Лизы. ⟨Я от⟩[86*] него серьезно отказываюсь. ⟨Ты спрос⟩ишь[86*], почему. Нужно ли ⟨ехать⟩[86*] во Франкф⟨урт⟩, чтоб узнать, ⟨возможн⟩а[86*] эта не немецкая школа ⟨или нем⟩ецкая школа, содержимая ⟨1 *нрзб.*⟩, ⟨може⟩т[86*] ли Фогт объяснить это тебе? В последнем случае, нечего и ехать – школу заводить я потеряла храбрость. Это уж не клеится. Если Ог⟨арева⟩ не утомит, пусть он напишет свой совет – я вовсе не знаю, что мне делать и где жить[3]. Это пока слишком долго.

Ну, прощай – очень тяжело, не знаю, зачем я жалуюсь – ну, уж теперь ни на что не буду рассчитывать. Ну, и ты когда-нибудь меня помянешь. Что за мученье я вынесла – и будто легче, что тело крепнет, напротив, болезнь отвлекает.

Я здорова – должно быть ⟨...⟩[86*] случайной болезни – я верн⟨усь⟩[86*] к нормальному состоянию ⟨...⟩[86*]

Надо для Лизы скорую перемену, я не могу ее учить – головные боли, нервозность, безверие в себя – я более ничего не делаю и сама.

⟨Письмо⟩[86*] С⟨атиных⟩[86*] вчера пришло.

[1] Это письмо неизвестно.

[2] Имеется в виду покушение Д.В. Каракозова на Александра II в Петербурге 16/4 апреля.

[3] Написал ли Огарев в эти дни Нат.Ал. – неизвестно. Ответ Герцена ей, отправленный между 30 апреля и 2 мая, не сохранился. Содержание его предположительно восстанавливается по отклику Нат.Ал. в письме, написанном между 1 и 3 мая. Герцен, по-видимому, утешал ее, советовал переехать в Лозанну, звал к "новому союзу" в память о Н.А. Герцен (2 мая – 14-я годовщина ее смерти), делился опасениями за здоровье Огарева (см. *АО*, 60).

34

⟨Лозанна. 21–22 мая 1866 г.⟩[1]. Понедельник

Mercі за книги и газеты – Толст⟨ого⟩ тотчас прочла[2].

Я много думаю об тебе – может, я более с тобой в твоем отсутствии; я недовольна собой больше, чем тобой, почему я не умею сделать, чтоб ты понял, как я тебя люблю и как мысли мои – не один эгоизм. Эгоизм мой – это сбежать из жизни, неудачной и мучительной, на себе узнать тайну ее – вот мое внутреннее, эгоистическое желание, я с ним борюсь, сила этого эгоизма в том, что я не вижу пользу моего существования ни для тебя, ни для Лизы, я вам обоим вредна.

Может, Елена поможет мне понять, что́ мне делать – я чувствую страшную ответственность, а выхода не нахожу, мне ясно, что многое дурное от сложности нашей жизни – ведь я тебя не виню, – но, видишь, бродя по улицам, встречая часто детей в лохмотьях, невольно шевелится упрек: бедные, об них не думали родные – а разве необдуманность в нравственном мире легче? – Где же Лиза видит человеческое отношение между матерью и отцом, где она видит ту мягкую, гуманную сторону любви и уваженья, которая имеет столько влияния на будущее ребенка? Я чувствую, что моя ноша, моя ответственность тяжеле. Зачем я не имела силы высказаться тебе раз откровенно и выйти из этого мучительного импаса[87*]? Да, твое присутствие как постороннего никогда не принесет добра ни Лизе, ни мне; в этот год я по-

[86*] Автограф поврежден. – *Ред.*

[87*] тупика (*франц.* impasse).

няла это еще глубже – это невозможно. Мы только умаляем хорошую сторону нашей привязанности, лучше принесем ее вполне в жертву обстоятельствам – мы оба прошли через страшные испытания, нечего думать, что не сладим, только прошу тебя, обдумай, и если принимаешь серьезно мое предложенье, будем же поступать обдуманно и не станем больше возвращаться на прошлое. Мое сердце исполнено любви к тебе и к Л⟨изе⟩ – но я жива. Зачем ты меня не видишь одну, ты бы понял, сколько покоя нужно для горя, сколько свободы надо, чтоб мелочи не портили вечную печаль.

Прощай, подумай так кротко, как я пишу, сердце наболело.

Ужасный сон был у меня вчера. Лиза поскользнулась и упала с парохода – бросились и не нашли – а я взяла себя за голову и говорю: "Она испугалась, она холодная, как они"[3], – и мысль об Ницце и об том, чтоб тебе не показать моего решенья...

Точно нарочно оставила место вчера – вот и письмо Елены[4] – она не может приехать, едет в деревню и спрашивает, прислать ли деньги или подождать, потому что курс ужасно плох, я напишу прислать, ведь векселя на три месяца, может, немного и поправится.

Что здоровье Ог⟨арева⟩? Писем нет – проси Тату прислать жакетку для miss T⟨urner⟩, если она годится. Тате, боюсь, будет скучно, пришли ее дня на два, для пробы.

Если у вас есть англиц⟨кие⟩ книги, давайте m-me Chernetsky. Она страстно любит читать, и понимает, и помнит, – я ей рассказывала Beaumarché, она была в восторге.

Тебе прислали литограф⟨ированную⟩ статью "Ricordo" (ту же)[5] на мое имя – не стоит пересылать.

С⟨атины⟩ едут в деревню – может, к лучшему – их бы заподозрили.

Вот и последний удар судьбы – она знает, кого бьет, – ну, теперь за работу – и "point de rêveries!" как Ал⟨ександр⟩ II полякам[6].

Надо обдумать и устроиться – отвечай на это письмо[7].

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена, посланное вместе с книгами и газетами около 19 мая.

[2] По-видимому, Герцен послал Нат.Ал. №№ 2–4 "Русского вестника", в которых была напечатана ч. II романа Л.Н. Толстого "1805" (первоначальная редакция ч. II, т. 1 "Войны и мира"). Отзыв Герцена см. XIX, 108.

[3] Речь об умерших младших детях.

[4] Это письмо неизвестно.

[5] Очевидно, Герцен уже раньше получил опубликованную в итальянской газете "Dovere" от 28 апреля статью Маццини "Ricordo" ("Воспоминание"), которая была посвящена памяти К. Вентури, умершего 27 марта (см.: G. M a z z i n i. Scritti editi ed inediti, v. LXXXIII. Imola, 1939, p. 233–238). Она потрясла Герцена, как он писал Маццини в конце мая (XXVIII, 187).

[6] "Никаких мечтаний!" (*франц.*) – слова из речи Александра II к депутатам от Варшавы в мае 1856 г., в которой он заявил о решимости продолжать политику отца, Николая I, и пресекать какие бы то ни было попытки поляков добиваться национальной независимости. Эта фраза и ее варианты стали излюбленной формулой политики царизма в публицистике Герцена (см. XIII, 284; XIV, 198, 200–202).

[7] Ответил ли Герцен на это письмо, неизвестно. 26 мая он приехал на несколько дней в Лозанну к Нат.Ал. и Лизе.

35

⟨Лозанна. Около 19 июня 1866 г.⟩[1]

Хозяйка надеется сдать на всю зиму нижний этаж, но наверное не знает; если это удастся, то она всех переведет в мой этаж снизу – стало, для вас будут только две комнаты без виду и, пожалуй, одна комната в третьем этаже. Если это состоится, то не можем ли мы куда-нибудь ехать поблизости? Я хотела предложить (Тата и Лиза, верно, будут довольны) идти пешком по Швейцарии вчетвером и оставаться, где покажется, а в отеле я оставлю только одну комнату за собой.

Елиз⟨авета⟩ мне отвечала, что едет, деньги miss T⟨urner⟩ ей дает – miss T⟨urner⟩, как я предвидела, не говорит, что истратила, говорит, будто не стоит об этом толковать.

Жары спали, можно бы очень хорошо пешком походить. Хозяйке я сказала, что

мне нельзя будет остаться, если нет у них комнат для приезжих друзей[2], она жалеет, но дела ее плохи – старик поссорился с ней тоже при отъезде – не знаю, кто виноват.

Я думаю, что хозяйка хотела, главное, чтоб я жила прошлый месяц, теперь все-таки попадаются люди, ищущие зимние квартиры. Хозяйка очень желает продать, но не менее как за 300 тысяч. Она сама говорит, что это ошибочная спекуляция, что в хороший год отель только полон два месяца осенние, а теперь и того не надеется.

Приезжайте, все-таки, мне не совсем здоровится, может, это от ⟨1 *нрзб.*⟩. Здесь одна девочка завладела мной – не знаю, что меня привлекло так к ней, сходства нет[3], но ее темные волосы, ее наречие, ее белое платьице и своевольство, почти повелительность со мной отдали меня совсем в ее власть.

Как больно и страшно сжимается сердце, когда эта темная головка бежит со всех ног ко мне навстречу, хватает меня за шею с криком, целует и шепчет: "Я вас больше всех люблю, больше мамы", – и все это по-английски.

Не знаю, что тебе сказать, Г⟨ерцен⟩, но я внутренно страшно потрясена – в первый раз как я видела этого ребенка, я не отходила от нее, потом она ушла – я сидела у себя, потом не знаю, как я очутилась наверху – девочка сидела с матерью, я спросила братьев ее, может ли она идти ко мне. Мать позволила, но сказала: "Ты, верно, не пойдешь". Nelly вскочила и с криком бросилась ко мне: "Да, да, я хочу идти с ней", – и мы играли, как дети, и я украдкой плакала.

Бедная я, Г⟨ерцен⟩, сейчас приехал ребенок, блажной или больной, в соседнюю комнату, мать не может сладить, – а у меня сердце раздирается, я пошла и успокоила ее.

[1] Возможно, ответ на письмо Герцена от 18 июня (XXVIII, 198).
[2] В начале июля Нат.Ал. переехала в Hôtel Belvédère.
[3] Имеется в виду сходство с покойной Лелей-герл.

36

⟨28 июля 1866 г.⟩ Canton de Vaud Суббота
Hôtel Belvédère, Lausanne[1].

Не могу писать к тебе, больно, дурно, что ты не можешь прислать Сашиного письма[2]. После таких испытаний бросаются против меня слова в твое сердце, которых ты не можешь повторить.

Но не будем говорить. Если б Сашина совесть говорила, то она бы ему сказала, что, не исключая моих вин, его характер внес много печального. Я бы тоже готова все забыть, если б видела в нем любовь хоть к другим, – об себе я молчу.

Пришли мне адрес Ольги, я должна ей отвечать, и Лиза ей написала; конечно, ни слова о ее письме к тебе. Я буду очень рада ее видеть, но, может, ты немного слишком серьезно принимаешь ее письмо, все дети любят перемену, особенно те, которые, как Ольга, с девяти лет все разъезжают.

Сейчас получила ответ от Л⟨угинина⟩. Он на меня дурно подействовал, ему все это кажется бред, который не удастся[3]. Может, он прав – трудно все это – что же мне делать, если школа не удается? Когда приедешь, я покажу тебе письмо Л⟨угинина⟩. Есть умные возражения, отчасти предвиденные мной, но ты знаешь: il n'y a pas de meilleur aveugle que celui qui ne veut pas voir[4].

Ну, прощай. Темно вокруг и печально на душе. Мне пишут, что папа ездил в М⟨оскву⟩ по делу наследства, все очень запутанно, он прожил месяц и уехал, оставя дело на чужих руках. Сегодня m-lle Michel пишет, что кругом холера, на днях показалась и в Меце.

Если б я могла слышать твое мнение о школе совсем серьезно, если надо расстаться и с этой мечтой, надо мне взять какое-нибудь решенье, нельзя годы жить au jour le jour[88*].

[88*] со дня на день (*франц.*).

Я уверена в одном, что со временем была бы огромная польза, но как ее вести без людей, без денег, без детей? Теперь долго не достанешь русских детей.

Приезжай, потолкуем и кончим – ожидание тяжелее факта.

От m-me S⟨affi⟩ нет ответа на 2 письма – не понимаю причину.

От Елены ответа тоже нет, я думаю, я совсем перестану писать[5].

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена, отправленное около 25 июля вместе с письмом Ольги, адресованным Нат.Ал. и Лизе. Это письмо до нас не дошло (как и все другие, упоминаемые ниже).

[2] Письмо А.А. Герцена к отцу, написанное около 10 июля, неизвестно. Он резко возражал в нем против намерения сестры Таты остаться с Нат.Ал. и Лизой и взял на себя "роль критика, судьи" Герцена в его отношениях с Нат.Ал. (см. XXVIII, 209, 210, 218).

[3] Нат.Ал., вероятно, предложила В.Ф. Лугинину принять участие в создании школы.

[4] "Самый слепой из слепых тот, кто не хочет видеть" (*франц.*) – английская поговорка (источником ее является сентенция из книги Э. Бурда "Требник здоровья" – "Braviary of Health", 1547).

[5] Ответ Герцена от 1 августа – XXVIII, 210–212.

37

⟨Лозанна. 20 августа 1866 г.⟩. Понедельник

Вчера я тебе написала глупое письмо, а сегодня я рассудила его не посылать[1]. По письму Б⟨акста⟩[2], Суслова не будет. Она могла бы приехать в конце сентября. От Нины письма не было, из России тоже ни строки – а я в тревоге за нашу неосторожность. Хороши мы!

Я все-таки не могу понять ни твоего письма, ни твоего предложенья; что я буду делать с Лизой в прекрасном, но диком месте? – Ты это так написал, а потом зачем ты все говоришь об старом, я тоже надеюсь, что никогда никаких ссор не будет, какие поводы к ссорам, каждый день их будет меньше. Оставим это...

Лучше думай, где мне с Лизой поселиться – время настало решиться. Было много у меня разных, хотя и не светлых, надежд – увидаться с Еленой и с ней договориться обо всем – хотела я жить с m-me S⟨affi⟩. Все это оказались несбыточные мечты, и надо на все смотреть хладнокровно, ведь уж в самом деле мою жизнь трудно испортить. Жить с Лизой возле дорогих могил, вот все, что я смею желать, если и тут не встречу помехи. Мне будет легче, глядя на них, ждать своей очереди.

Насчет Ж⟨еневы⟩ на два дня мне все равно – сюда трудно звать Ог⟨арева⟩. Весь дом полон, шумно, обедов особо ни для кого не делают, даже Труб⟨ецкая⟩ ходит за table d'hôte[89*], хотя видно, что ей это очень неприятно. Нельзя ли заехать в Ж⟨еневу⟩, когда мы отсюда поедем, это было бы всего лучше.

Ну, прощай, тысячу раз благодарю за Костомарова – это прелесть[3]. Даже с Лизой перечитывала некоторые места – вот как надо писать историю. – Если у тебя есть что-нибудь очень хорошее – пришли ради моих вечеров – у меня ничего нет. Говорить не с кем и не хочется. А пора ехать отсюда, хозяйка всячески старается – даже F⟨elden?⟩ присылала спросить, когда я еду, и сказать, что уже много потеряла на моей комнате. Но я хладнокровно все приняла и очень любезно сказала, что если б мне говорено было о сроке или о перемене цены, я бы осталась в Faucon. Все так, и все-таки противно жить, когда выживают.

[1] Одно письмо Нат.Ал. от воскресенья 19 августа (несохранившийся ответ на неизвестное письмо Герцена от 15 или 16 августа) было получено им 20 августа. Герцен ответил на него в тот же день, в 3 часа, в заключительной части своего написанного утром письма к Лизе и Нат. Ал. (XXVIII, 214–215, 247, где эта часть напечатана как отдельное письмо, с датой" ⟨10 или 11 декабря⟩"). В публикуемом письме Нат.Ал. говорит о своем втором письме, написанном в тот же день 19 августа – вечером, по получении письма Герцена от 17 или 18 августа (оно неизвестно), в котором он предлагал ей провести зиму в Лугано или на озере Комо, устроить свидание Огарева с Лизой в Лозанне или приехать в Женеву на 2 дня. Это второе письмо не было послано.

[2] Письмо В.И. Бакста неизвестно.

[89*] общий обеденный стол (*франц.*).

[3] Герцен прислал Нат.Ал., вероятно, № 1–2 "Вестника Европы", в которых была напечатана первая часть исследования Н.И. Костомарова "Смутное время Московского государства" – "Названный царь Димитрий".

38

⟨Лозанна. 21 или 22 августа 1866 г.⟩[1]

Благодарю тебя за книги, мне же нечего читать – я ими займусь. Здесь тоже все набито – т.е. в отеле. Жду письма от S⟨affi⟩ с нетерпением, пора ехать отсюда. У Сесили так усилилась болезнь, что она уже не может играть на фортепиано – Лиза начинает сильно замечать ее болезнь и даже стала передразнивать ее. Я и издали не вижу, зачем мне оставаться в Лозанне, для Лизы ничего, для меня тоже, твои приезды отнимают у тебя время, а Лизе не создадут home[90*].

Мы разно смотрим, я чувствую, что даль между нами растет, но я не борюсь против этого, даже и ропота нет, все, может, к лучшему. Я тебе тысячу раз говорила: я прожила почти 2 года au jour le jour – теперь я не могу более продолжать этой жизни, вот почему я не могу провести зиму здесь. Если внутренняя даль тебе так мало заметна, то уж материальная, географическая даль еще менее страшна; только жалею я, что я не довольно самостоятельна для одинокой жизни, которая мне досталась – я в постоянной внутренней тревоге и нерешительности, только даю тебе слово, что если Лиза погибнет по моей ошибке, как они, я не подвергну себя еще раз вечной пытке совести – будет, будет с меня.

Луг⟨инина⟩ все нет[2] – и писем нет – это ужасно. Ог⟨арева⟩ звать сюда нельзя, в Ж⟨еневу⟩ – дорого, стало придется ехать, не простясь с ним, или, если хочешь, придумай свиданье где-нибудь под Ж⟨еневой⟩ – мне все равно. – Я не знаю, будет ли Ж⟨енева⟩ опять на моей дороге, ну, а если я останусь в Луг⟨ано⟩ или в Комо?

Ну, прощай – реши насчет Ог⟨арева⟩, потому что все-таки надо ехать на будущей неделе[3].

Лиза получила письмо и змею.

Насчет С⟨аши⟩ ты меня не удивляешь его молчанием – в битвах останавливаются, когда противник лежит тяжело раненный[4].

[1] Ответ на письмо Герцена к Нат.Ал. и Лизе от 20 августа (XXVIII, 214–215, 247 – см. *ЛЖГ* IV, 291), которое он послал вместе с "змеиной шкурой" – подарком Лизе от Ольги, привезенным Сашей в Женеву.

[2] В.Ф. Лугинин приехал в Лозанну в один из ближайших дней: Герцен, отправившись туда 25 августа, в тот же вечер виделся с ним (см. XXVIII, 216).

[3] Огарев намеревался приехать к Нат.Ал. и Лизе вместе с Герценом (см. XXVIII, 215). Очевидно, в связи с нежеланием Нат.Ал. он отказался от поездки в Лозанну. Герцен находился там с 25 по 30 августа, а 31 Нат.Ал. и Лиза приехали в Женеву пароходом.

[4] То, что Саша, приехавший в Женеву из Флоренции 19 или 20 августа, не приписал ни слова в письме Герцена к ней, Нат.Ал. сочла знаком враждебности. В действительности же Саша и Тата приехали 22 августа в Лозанну, чтобы увидеться с ней и Лизой.

39

⟨Женева. Между 6 и 20 сентября 1866 г.?⟩[1]

Я только сегодня прочла твою записку об Лизе, и мне хочется ответить на нее.

Не называй *изменой* то, что есть лучшего во мне; если б ты мог без моей помощи взрезать сердце мое, ты бы нашел, что я живу в вечной борьбе, в безвыходном горе, порой хочется прижаться к тебе, но я прижимаюсь без полной веры, иногда я за тебя ощущаю такую страшную боль, что мне хотелось бы все оставить, пройти через пропасти, чтоб видеть улыбку на твоем лице. Почему я не остаюсь в этом настроении? Потому что я вижу непреодолимые препятствия, потому что вижу привычку иронии и холода в тебе, потому что не вижу часто, что бы я могла сделать для

[90*] отчего дома (*англ.*).

ЛОЗАННА
Гравюра
Из книги: Xavier de Marmier. Voyage en Suisse. Paris, 1862

тебя, потому что ты слишком отдан, занят многим, чтоб моя жертва принималась. Я слишком лично развилась, ты слишком безлично. Ты хочешь быть отцом, я это понимаю, и хотя не столько важно, ты ли будешь ее учить, но важна любовь отца, его участие в жизни. Но как это согласить с нашим отношением, найдем ли мы силу твердо и доблестно стоять друг возле друга, не оскорбляя друг друга и не возвращаясь на прошедшее?

Я сегодня принимаю обет не говорить ни об Огареве, ни об детях, довольно ли тебе молчания? Не будет ли и молчание грозный упрек?..

[1] Датируется условно, по содержанию и тону. Вероятно, написано по возвращении Нат.Ал. в Женеву (31 августа 1866 г. – см. XXVIII, 216, 217) и до отъезда Н.А. и А.А. Герценов во Флоренцию (23 сентября – XXVIII, 221). Нат. Ал. отвечает на "записку об Лизе", возможно, связанную с днем ее рождения 4 сентября. Именно этой осенью усилилось предубеждение Нат.Ал. против Огарева.

40

⟨Женева. 7 октября 1866 г.⟩
№ 7. Quai du Mont Blanc. Воскресенье

Твое письмо[1] меня так поразило, что я не могла прийти в себя, я написала несколько ответов, потом бросила их. Отвечать нечего. Ты думаешь, что хорошо поступаешь, я не возражаю более, я в себе перенесла мучительную боль, теперь я покойна. Обдумывая наше тяжелое положение, зная, что нет холеры в Ницце, и помня, что Ницца все же моя цель, я решилась тебя просить ускорить мой отъезд[2] – средства для воспитанья, образ жизни почти один и тот же, я не вижу, почему Лиза потеряет – я бы хотела пробыть там год, и если для Лизы нет ничего дурного, то и поселиться навсегда; в постоянной жизни будет много хорошего для Лизы, а что ка-

сается до того, что все чуждо кругом, то и в Лозанне, и в Фрибурге у меня друзей нет.

Я очень жалею, что два года назад не осталась в Ницце, ну – будем говорить об настоящем и будущем Лизы – если бы сестра приехала, она бы была очень рада встретиться со мной в Ницце, и я тоже. Я тебе всегда говорила, что если мы не можем жить вместе, то для Лизы не будет семьи – после твоего решенья бесполезно об этом говорить – почему тебя Ницца пугает вдруг? Климатически ты ее считаешь здоровым городом, для воспитанья нигде ничего нет, семьи тоже нет; ты знал, что я весной поехала бы в Ниццу, и ничего не возражал, почему же теперь это страшит?

Ты едешь в Италию[3], все равно, где я буду с Лизой в это время, – а нам лучше быть на месте – нечего объяснять, почему мне дорого быть в Ницце.

Ты хотел, что я говорила с Ог⟨аревым⟩ – признаюсь, я считаю это невозможным, не только потому, что почти не вижу его в состоянии говорить или слушать, но и потому, что я считаю его уже давно за пристрастного человека, знаю вперед, что́ он скажет, сама ничего не имею ему сказать, знаю, что он ни в чем не может мне помочь; я даже избегаю говорить с ним, потому что, когда падают жесткие слова между людьми, давно далекими, она падают глубже, и нечем их искупить с обеих сторон.

Мое положенье безвыходное, и Ог⟨арев⟩ ничего для меня не может, ты разрубил узел, теперь наши жизни свободно пойдут по разным дорогам; естественно, что я хочу быть ближе к тому, что мне осталось, т.е. к Лизе и к могилам. Я буду писать к сестре – мы сделаем все возможное для Лизы.

Прощай, без упреков, без возвращений, я приняла твое решенье и не нарушу его. Пожалуйста, не стесняйся, если удобнее, поместись в отеле по возвращенье – неделя скоро пройдет, я *готова*, мне теперь равнодушны сплетни, я не знаю, что́ лучше, сплетни об близости или сплетни об разрыве – выбирай – я буду молчать и на все вся-чины согласна. Отвечай, укладывать ли мне вещи. Мерчинские не имеют известий это, кажется, все вздор – те путешествуют; может, они здесь не останутся[4]. Говорят, будто в Лоз⟨анне⟩ страшные нервные горячки – я не получила ответа от Nessler, которой послала 58.50 за уроки музыки[5].

Если хочешь, я поеду в Morges через день или два после твоего приезда. Мне нужно для детей m-me Besson[6].

[1] Ответ на письмо Герцена от 2 октября (см. XXVIII, 222–224), написанное перед поездкой в Невшатель и по Северной Швейцарии.

[2] Герцен с Нат.Ал. и Лизой выехали из Женевы в Ниццу через Канн 17 декабря 1866 г. (XXVIII, 249–251, 258).

[3] Герцен поехал из Ниццы во Флоренцию навестить своих старших детей 13 января 1867 г. (XXIX, 15).

[4] Герцен предлагал Нат.Ал. остаться в Женеве, если выяснится возможность пригласить учителем к Лизе польского эмигранта В. Мерчинского (дважды в письме Герцена обозначен инициалом *М.*, неверно раскрытым как *М⟨ейзенбуг⟩*. – XXVIII, 223). Но вопрос о том, проведет ли он зиму в Женеве, решался известиями от его родных.

[5] 21 октября Герцен писал Тхоржевскому, очевидно, после встречи с преподавательницей музыки Несслер, что она "деньги получила и извиняется, что по небрежности еще не писала" (XXVIII, 232).

[6] Ответ Герцена от 10 октября неизвестен.

41

⟨Женева. Около 12 октября 1866 г.⟩[1]

Случайно я узнала, что Felden уехали из Лозанны; стало, одним препятствием меньше, – если ты хочешь, я могу вернуться в Лозанну, но об школах нечего и думать; насчет уроков музыки я не буду брать никакого учителя, скажу, что хочу подождать с год. Но где учителя – в чем польза? Наша жизнь не пойдет лучше, я не сближусь с тобой. – С каждым днем я более понимаю, как мало цены ты клал в наше отношенье.

Насчет Ольги, я тебя не понимаю – если б она с нами жила, постоянные занятия в школе успокоили бы ее, моя помощь показала бы мою готовность и дружбу, но на короткое время, без занятий, я не жду пользы от свиданья, вдобавок в этом вечном

натянутом положенье. Ты скажешь, все это мелочи, а я скажу, как в этой статье: пойди разбери, что́ духовное и что́ материальное; я не понимаю близости с человеком, когда, отпуская его, не прощаюсь и не имею права встретить его, как другие, – встретить его человечески; полно говорить об искусах, будем говорить или о серьезном соединенье или о серьезном разводе. Напрасно ты иногда хочешь выдавать меня за черного человека, нет, я чувствую, что я могла бы, умела бы и горячо любить, и твердо нести крест, и молча, с тайным нетерпением ждать моей очереди и жить для оставшихся. Но для этого не надо более свободы в том отношенье, в том чувстве, которое у меня осталось, – я чувствую, что могу быть хорошим человеком, я чувствую, что могу многое для тебя, и вместе с тем чувствую при теперешней обстановке всю невозможность; я хуже становлюсь, я хочу быть холодной, далекой, я очень несчастна, Герцен, друг мой, зачем мы встретились?

Неужели ты и один теперь не можешь придумать выхода – жизнь пройдет, время мало – она томит только меня, потому что я о многом невозможном жалею, но часто, думая о тебе, я говорю себе: жизнь пройдет, а он едва знает, как я его люблю. Ты говоришь: "Не скупись". Нет, я не скуплюсь, но я страшусь прошедшего, и будущего, и настоящего. Храбрость, вера в жизнь утрачены навсегда; но храбрость быть твоей только тогда бы вернулась, когда бы я чувствовала, что твоя рука в моей и что никакая сила не выдернет ее, – был день, в который я думала так, я поняла тебя так, я соединяла мысль о тебе с самой дорогой болью в сердце.

Ну, прощай, не хочу больше писать.

Мерчинский был, но ничего еще не знает. Мне кажется, нечего ждать. Сегодня письмо от Елены[2] – она очень рекомендует его для Лизы – спрашивает, что́ я могу ему дать, он бы мог сверх того давать уроки, но для этого всего надо же быть на месте. Жду тебя[3], чтоб решить, или надо Лизу отдать в пансион, или надо мне кого-нибудь на помощь[4].

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена из Базеля от 10 октября (см. о нем XXVIII, 226; ср. п. 45).
[2] Письмо Е.А. Сатиной неизвестно.
[3] Герцен вернулся из путешествия по северной Швейцарии 26 или 27 октября.
[4] Ответ Герцена от 15 октября неизвестен.

42

⟨Женева. 17 октября 1866 г.⟩[1]

Я не писала потому, что нечего было писать. На днях приезжал молодой поляк (сосед наш в hôtel Montreux)[2], помнишь – он поправился, но совершенно потерял голос. Он меня глубоко тронул, был в Ницце, носил цветы детям и привез мне цветок оттуда – за что столько доброты?

Он едет в Италию, ужасно жалел, что не видел тебя, я дала ему записку к Саше[3], потому что он будет дней 10 во Флоренции.

Насчет городов не знаю, буду стараться не думать до твоего приезда – мне ничего не хочется.

Ну, прощай, – скажи, если нужно будет 500 ф⟨ранков⟩ послать на дорогу англичанке к Елене – можешь ли ты мне дать? Я писала, чтобы Сатин выслал лишние 500 ф⟨ранков⟩ с будущими деньгами – он обещал прислать очень скоро – но если это тебя стесняет слишком, я напишу, чтоб они устроились в Москве.

Нового ничего – завтра затмение, собираемся смотреть. Лиза весела, очень довольна опытами Стеллы[4] и знакомством маленькой американки. Вчера мы сделали огромную прогулку и совершенно нечаянно были у впадения Арвы и Роны, и не знаю, где были. Я страшно устала, а Лиза ничуть.

От космопоэтов[5] новая брошюра[6].

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена из Фрибурга от 15 октября.
[2] Лицо неустановленное. Герцен и Нат. Ал. могли с ним познакомиться в Hôtel Montreux в Веве между 17 и 19 сентября 1865 г.

[3] "Записка" неизвестна, как и письмо к Сатиным, о котором речь ниже.

[4] Осенью 1866 г. в Женеве И.Ф. Савицкий (Стелла) преподавал Лизе естествоведение, географию и историю. Ср. п. 49.

[5] В начале или середине июня в Швейцарии была напечатана прокламация от имени Лондонского комитета некоего Космополитического общества стражей истинных познаний – с требованием к Герцену отречься как от "вредной ошибки" от статьи "Иркутск и Петербург" ("Колокол", л. 219 от 1 мая 1866 г.), порицающей "величайший из подвигов" – покушение Д.В. Каракозова на цареубийство. Прокламация вышла, по-видимому, из мистически настроенных кругов польской эмиграции (см. "Лит. наследство", т. 41-42, с. 26). Уже к 20–21 июня Герцену стало известно о публикации, но он решил не отвечать: "На первую минуту это сердит, но потом смешно" (XXVIII, 199). Вторая прокламация, напечатанная также на французском языке в конце августа или в начале октября, без указания места (очевидно, в Швейцарии) исходила якобы от Московского комитета этого общества и повторяла бредовые обвинения против Герцена в связи с оценкой Каракозова как "сумасшедшего, фанатика". Текст обеих прокламаций см.: Л XVIII, 383–384, 385–386.

[6] Ответ Герцена от 19 октября неизвестен.

43

⟨Женева. 19 октября 1866 г.⟩

Вот тебе ответ, и *письмо прилагаю*[1]. Несмотря на удобства Лозанны, признаюсь, постоянное жительство на одном месте очень важно, особенно если оно возможно в Ницце. Я по всему вижу, что мы никогда не будем вместе жить, – ты считаешь все это внешним и неважным, а я думаю иначе. Стало, я за Ниццу. Я не думаю, чтоб императрица мешала[2]. В Ницце предлагают *пансион*, т.е. школу, – это было бы очень хорошо, а если не удастся, то надо бы завести школу для бедных детей, твое предложенье мне не по душе, что это за вечное скитанье.

Об молодой девушке я ничего не могу сказать, для Лизы одной невозможно иметь гувернанту, а если бы я взяла этот пансион, то мне нужны были бы помощницы – не знаешь ли ты адрес Владимировой[3] – если дело пойдет на лад, я бы ей предложила давать уроки музыки, франц⟨узского⟩, русск⟨ого⟩ и англ⟨ийского⟩ языка. Тата говорила, что она желает начать какое-нибудь дело, брат ее разорил. Я написала в Ниццу – хорошо бы быть там, чтоб самим видеть. Это для Лизы было бы счастье, а для меня дело. Я не могу более без дела жить.

Ну, прощай, Лиза идет писать, у нее отвращение к письмам – это не нелюбовь[4].

Нового ничего – мы меньше видели людей, чем ты, а того, который дал 1200, и я хотела видеть своими глазами[5].

Я писала к тебе в середу поутру до кофея, не знаю, отчего так долго ходят письма.

Ты видишь по этому письму, что я покойнее – смиряюсь: малого хочу, работы, но это условие для существованья.

Через 2 недели я буду готова, меня задерживают только Josephine u Rosalie, грех их бросить.

Прощай, ты тоже очень покоен, я рада твоему письму, оно многое уясняет.

Ели увидишь Беллу с Nelly, скажи им, что я им очень кланяюсь, очень их люблю (Белла – нянюшка). Кажется, Ог⟨арев⟩ стал меньше пить – Тхор⟨жевский⟩ ничего не знал о припадке[6].

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена от 18 октября из Лозанны. Послан вместе с каким-то полученным для него в Женеве письмом.

[2] Т.е. присутствие в Ницце императрицы Марии Александровны, жены Александра II.

[3] С Екатериной *Владимировой*, приехавшей из России с братом и семьей сестры – Устиновыми, Тата Герцен познакомилась и подружилась во Флоренции в начале 1864 г. Встречи и переписка продолжались и в последующие годы.

[4] Письмо Лизы к Герцену от 19 октября, посланное вместе с наст. письмом, неизвестно. Герцен ответил 21 октября (см. XXVIII, 230).

[5] Очевидно, Герцен 18 октября писал о своем желании увидеть русского, "который прислал в фонд 1200 фр. и обещался присылать ежегодно по 1000" (лицо неустановленное; см. письмо Герцена к сыну от 19 октября – XXVIII, 228).

[6] Ответ Герцена от 21 октября неизвестен.

44

⟨Женева. 21 октября 1866 г.⟩. Воскресенье[1]

Насчет Лозанны ты говоришь только о квартире. Климат тот же, что здесь, Ог⟨арев⟩ все равно не будет навещать Лизу, ты будешь в Италии – я буду без дела, в ожидании, что зима пройдет, – а там будет лето, летом как же ехать в Ниццу?

Мне хочется в Ниццу по многому: чтоб устроиться – взять этот пансион или завести школу для бедных детей. Ты не говоришь ни слова о пансионе, за дом плотится 2000 фр. в год – дамам, т.е. прежним собственницам, надо заплатить 4000 fr., и 4000 они рассрочат – мебель платится этими же деньгами и становится моей собственностью. В доме 20 воспитанниц по 800 fr. в год – 20 приходящих по 25 фр. в месяц – что ты думаешь, если б ехать теперь можно бы лучше увидать, возможно ли это – а нет, то я бы тотчас завела приют для детей. Как это устроить, можно видеть только на месте.

Жаль, что ты так занят, я иногда думаю, как бы нужно о многом говорить. Мне сдается, что все личное кончилось для меня ⟨в⟩ 1864 году, и это великая ошибка с моей стороны, это желанье возвратиться на твои решенья. Я буду смотреть за собой – я тебе причиняю боль, без всякого результата, прости меня, и оставим это навсегда.

Как Jos⟨éphine⟩ и Ros⟨alie⟩[2] будут помещены, я буду готова – мне сдается, что мы уже не встретимся больше все вместе, т.е. Ог⟨арев⟩, ты и я, – оставим все личное, которое ничего, кроме боли, не дало, и будем тихо рассуждать об моем будущем деле, об моем откровенном выходе, из личной жизни и позднем входе в общественную жизнь – поздно, а все-таки не хочется умереть, не сделавши чего-нибудь для бедных детей.

Прощай, дай руку дружески, умоляю тебя – забудь мои письма и не возвращайся на невозможное.

Лиза и Тхоржевский очень весело играют в воланы. Я надеюсь быть готовой ближе двух недель.

Мерчин⟨ского⟩ родственники совсем не будут в Ж⟨еневе⟩. Он поехал к ним в Цюрих, где они проведут зиму.[3]

Кажется, мне удастся поместить в ученье и старшую дочь m-me Besson, но платить будут другие дамы.

"Avenir", вероятно, Лиза послала – справься. Долг⟨оруков⟩ послал тебе "Голос" с последн⟨ими⟩ пригов⟨орами⟩ – говорят, все уменьшено[4]. Я не видала. Заметил ты, как злится Катков, что Худякова не повесят, – а в начале статьи говорит комически: "Самые виновные удерживали Карак⟨озова⟩ от его намеренья"[5].

Уроками Стел⟨лы⟩ я не очень довольна – Лиза мала для него. Он заставляет ее зубрить геогр⟨афические⟩ имена, тогда как я говорила ему, что рассказывать ей об народах и странах я считала бы гораздо полезнее – но не стоит много хлопотать – скоро все кончится.

Процесс вы проиграли – адвокат даже не дал знать, когда дело слушалось. Патек и Стелла знали – Стелла какую-то странную роль играет, не очень откровенную[6]. Насчет В.И[7]. я думаю, что ты и прав, и нет, талант большой, вызванный родом жизни, а посади его сюда, ничего не будет делать, только говорить и скучать[8].

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена от 19 октября

[2] Дочери цветочницы Бессон, Нат. Ал. и Тхоржевский были озабочены устройством их "в ученье" – "в маленькое заведение близ Морж" (*Тучкова-Огарева*, 342).

[3] С приездом родственников В. Мерчинского в Женеву связывалась возможность привлечь его к воспитанию Лизы.

[4] В № 266 "Голоса" от 8 октября / 26 сентября напечан приговор Верховного уголовного суда, вынесенный 24 сентября ст.ст. по делу 34-х "соучастников" Д.В. Каракозова. 16 / 4 октября Александр II смягчил приговор, заменив Н.А. Ишутину смертную казнь бессрочной каторгой и уменьшив сроки каторги другим осужденным ("высочайшее повеление" напечатано в "Голосе", № 272 от 17/5 октября). Герцен уже 18 октября узнал об изменении приговора царем (см. XXVIII, 227, 228). Очевидно, в письме к Нат. Ал. от 19 октября он просил о присылке газеты с полным текстом конфирмации царя, чтобы внести в корректуре изменения в свою статью "Приговор Верховного уголовного суда" (см. XIX, 145–148, XXVIII, 231).

[5] В передовой статье "Московских ведомостей", № 202 от 10 октября / 28 сентября Катков выражал недовольство слишком мягким, по его мнению, приговором верховного уголовного суда И.А. Худякову.

Отповедь Герцена Каткову – статья "Заговора не было!" для л. 229 "Колокола" от 1 ноября (XIX, 144) – написана в эти же дни, 21 или 22 октября (см. XXVIII, 231).

[6] О каком процессе идет речь и кого Нат. Ал. называет "Патек", установить не удалось (возможно, – процесс был связан с клеветническими прокламациями "Космопоэтического общества" против Герцена).

[7] В.И. Бакст.

[8] Ответ Герцена от 22 октября неизвестен. В этом "серьезном письме – печальном, не злом" он вновь писал о преимуществах Лозанны, где Лиза была бы под его надзором, звал в Лозанну "дни на три для в *самом деле* окончательного решения" (XXVIII, 231).

45

⟨Женева. 23 октября 1866 г.⟩

Если б я себя слушала, я бы, ничего не обдумывая, бросилась бы на твой зов[1] – но я останавливаюсь и думаю, лучше ли это для тебя? Что я тебе принесу? Ту беспредельную, страстную любовь, которую ты знаешь, которой тебе мало. Вспомни, почему я стала далее, мое тягостное безвыходное положенье, которое мне мешает быть тем, чем я хочу и могу быть для тебя, что же переменится? В чем может быть наше объясненье? Эта невозможность учредить прочную общую жизнь с тобой и Лизой, она меня торопит в Ниццу, куда меня зовут давно другие чувства.

Если б ты знал, как мне больно и тяжело и страшно решать: поеду так хоть ненадолго увижу на твоем лице покой и свет – не поеду – может, ты дурно поймешь меня – я боюсь ответственности, о которой ты говоришь, я понимаю всю ее важность и чувствую наше бессилие, чтоб сладить с жизней ⟨!⟩ – наша близость может поднять трудные вопросы. Ты жалеешь и почти упрекаешь меня в том, что я долго ошибалась, а я эту развязку считаю лучшей: где же та жизнь, на которую мы могли бы опереться, смело, твердо глядя друг другу в глаза? Нет, друг мой, я не требовала от тебя легкого сближенья, я хотела, чтоб ты решил: можем ли мы человечески жить вместе? Или обстоятельства сильнее нас и мы им принесем в жертву и свою близость, и отчасти Лизу, потому что ребенок в той обстановке, в которой будет расти Лиза – со мной одной, не может быть счастлив вполне.

Другие отношенья не мешают – я всегда буду дружески встречаться с твоими детьми, когда мое отношенье к тебе будет яснее для меня самой, жить вместе они не хотят, да это и не нужно. Об Ог⟨ареве⟩ тоже я не буду говорить жестко, считать его пристрастным к твоим детям, но есть очень тяжелое обвиненье – много раз он неосторожно, жестоко дотронулся до живых ран. Когда я это забуду, я прощу ему, а теперь говорить с ним мне невозможно. Какие же другие недоразуменья между нами? Я не знаю никаких.

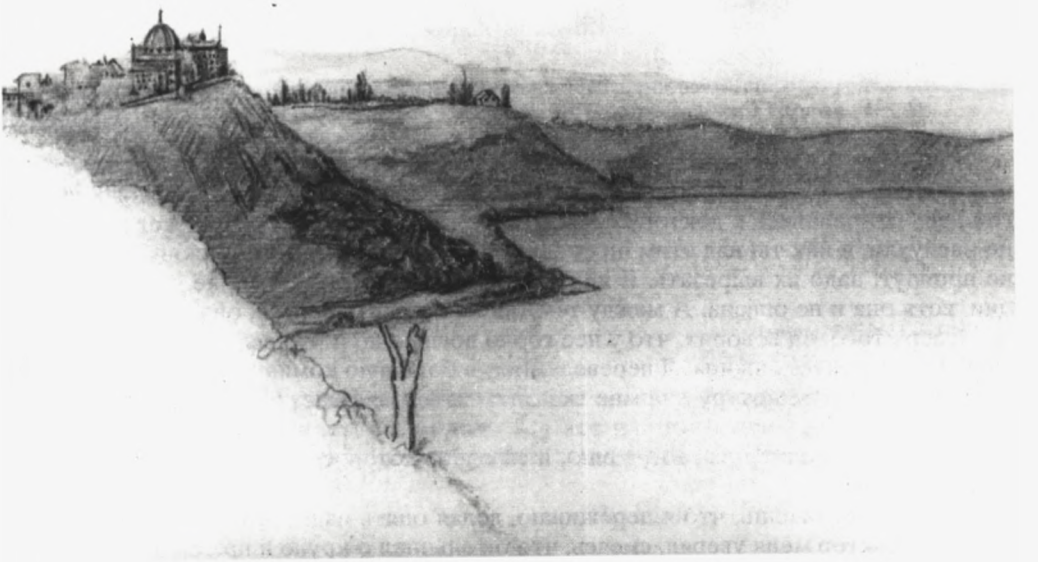
Не сердись на меня, если б ты знал, как мне трудно оставаться здесь после твоего письма, как бы хотелось отвернуться от всех дум и крепко прижаться к тебе, и знать, и верить, что я тебе тоже дорога – эта вера слаба во мне, я тебе каюсь – и тут я опять стою в раздумье: как же протяну тебе руку, когда не вполне верю, что ты меня так серьезно любишь, как мне это нужно, чтоб дышать свободно – но это ты должен знать – обдумай спокойно, нечего ждать Елены, я не знаю, может ли она приехать, – верь мне, в этом вопросе никто: только ты да я. Если ты решишь, что лучше нам расстаться (как мне казалось, что ты решил в одном письме), я принимаю, и более говорить не будем ни о чем, кроме об Лизе. А если ты видишь ясно, что можно сладить, – то я приеду с той полной любовью, которой переполнена теперь.

Ты странно говоришь об Ницце, ты ничего против не имеешь, потому что будешь там, когда умрешь – будешь ли там, пока жив? Я только чувствую для Лизы необходимость своего угла. Это не значит, что ты не должен разъезжать. Я тоже страшно устала от этих вечных переселений.

Ну, прощай, прочти спокойно мое письмо – я бы хотела, чтоб мы могли мирно в кроткой и печальной близости дожить наш век, но если это невозможно, у меня найдется твердость – хуже всего эта неизвестность и ожиданье без всякого повода к ожиданью. Крепко жму твою руку. Лиза очень занята новой дружбой с американцами[2].

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена от 22 октября, в котором он звал Нат. Ал. в Лозанну.

[2] Ответ Герцена от 24 октября неизвестен.



НИЦЦА
Рисунок Н.А. Герцен (матери) (карандаш). Ницца, 1850–1851
Музей Герцена, Москва

46

⟨Женева. 25 октября 1866 г.⟩[1]

Мне трудно к тебе писать – ты все бередишь старое – зачем? Я от души к тебе бросилась, но твой ответ сжал мне сердце, теперь и я не надеюсь и не верю в сближение наше – оставим это, друг мой – вероятно, я не заслужила даже того печального счастья, отдыха на твоей груди. Я не могу приехать, потому что смотрю безнадежно и даже по возможности отворачиваюсь от своих дум.

Будем говорить об Лизе – поедем в Ниццу через Colmar, если можно Лизу уговорить остаться там, я была бы очень рада, потому что боюсь, что не слажу, – во всяком случае, это было бы очень полезно для меня. Может, ты прав с пансионом, а может, и нет. Увидим в Ницце. Во всяком случае, в Ж⟨еневе⟩ я ничего не могла пробовать – а в Ницце могу, потому что дух мой будет покоен, я никуда не буду стремиться, лишь бы жар не был вреден Лизе – во всяком случае, ты поможешь найти дом и устроиться, это последняя моя просьба к тебе.

Позволь не отвечать на многое, я боюсь говорить, не желаю причинять тебе боль, а часто делаешь столько дурного бессознательно.

Мне кажется, что в Ницце, наконец, я отдохну – кто-нибудь придет мне на помощь.

Елена еще не отвечала на мое серьезное письмо[2], но это все равно, что́ она может сказать? Тут надо склонить голову, забыть об себе и делать все возможное для других. Прощай.

Нам носят обед из трактира. Мы решились обойтись без кухарки: хорошей не найдешь на короткое время – может, и в самом деле тебе бы лучше остановиться в трактире, потому что ты прихотливее нас, и вот будет для знакомых достаточная

причина – впрочем, я скоро поеду в Morges с детьми Бессон, так что ты можешь устроиться удобнее[3].

[1] Нат. Ал. отвечает на неизвестное письмо Герцена от 24 октября.
[2] Это письмо неизвестно. Очевидно, Нат. Ал. вновь звала Е.А. Сатину к себе, чтобы посоветоваться о будущем устройстве жизни.
[3] Герцен вернулся в Женеву 26 или 27 октября.

47

1 fév⟨rier⟩ 1867. 87. Promenade des Anglais, Nice.
Alpes Maritimes

Мой страх оправдался – Лиза нездорова[1]. Ужасное ее сходство с Татой делает, что она скрывает, когда больна, к счастью, я догадалась и дала ей рвотного, на другой день отправилась к доктору с ней – во-первых, у нее лихорадка, железы страшно распухли, и как ты над этим ни смеялся в Лозанне, а надо их прижигать, если они не пройдут, надо их вырезать. Я не могу об этом и думать, Лиза не вынесет операции, хотя она и не опасна. А между тем так их оставить нельзя, они ее задушат.

Сверх того, он говорит, что у нее горло воспалено и что если не взять всех мер, на днях образуется анжина. Я перевела Лизу в большую комнату, ей не велено ни говорить, ни читать; поутру она мне сказала: "зачем дяди нет? Он бы меня так баловал".

Она очень полюбила географию, и ей очень хотелось иметь маленький глобус, но в Ницце нет!!!

Ты, верно, знаешь, что́ я переживаю, делая опять над Лизой те же ванны и лекарства. Доктор меня уверял, смеясь, что он слышал о кру́пе и пр., но что у него таких больных не было, но мне кажется, что я его поразила мучительным ожиданьем его приговора. Зачем это люди искали ад на том свете, он на земле.

В субботу доктор будет, напишу, что́ он скажет.

Вдобавок завтра неделя, что Clémentine ушла потихоньку, мы было взяли другую девочку, но она ушла в тот же день, ей сделалось плохо, мне кажется, что она в чахотке, m-me R⟨occa⟩[2] обещала, я писала к ней два раза, садовница помогает, но все тяжело мне, и некого послать, когда нужно, а я боюсь оставлять Лизу. Ходить за больными Елиз⟨авета⟩[3] не привыкла.

Прощай[4].

[1] Отправляясь 13 января из Ниццы во Флоренцию для встречи со старшими детьми, Герцен просил Нат. Ал. регулярно сообщать о здоровье Лизы и занятиях ее в пансионе. В письме от 30 января она высказала опасения в связи с начавшимися в Ницце эпидемиями крупа и дифтерии (см. *АО*, 44–45).
[2] Вдова П. Рокка служившего поваром в доме Герцена в Ницце в 1851–1852 гг.
[3] Горничная, приехавшая в Ниццу с Тучковой-Огаревой и Лизой.
[4] Герцен, отвечая на наст. письмо 4 февраля (ответ неизвестен), просил "тотчас телеграфировать" при ухудшении состояния Лизы и, возможно, передал медицинские советы М. Шиффа (см. XXIX, 27–29, 775 – № 8).

48

⟨Nice.⟩ 2 février ⟨1867⟩ 87. Promenade des Anglais

Лизе лучше – доктор был – велел продолжать только прижиганье и иодий, чтоб победить опухоль желез. Я, Герцен, я сама должна два раза в день кисточкой дотрагиваться Лизиного горла, ты понимаешь, что со мной бывает в эти минуты. Авось и это все вынесется как-нибудь.

Лиза опять вернулась к чтению – доктор советывает ⟨!⟩ гимнастику, для здоровья и как отвлечение от занятий – попробую, если погода установится, затем он советывает морские ванны – но еще рано. Он очень благоразумный человек.

Мы все одни, m-me Rocca написала мне, что никого не может рекомендовать, де-

вочки приходят на несколько часов и уходят. Здесь всё в каком-то первобытном состоянии. Г⟨олынский⟩ уехал[1].

Ну, прощай, не беспокойся насчет Лизы, авось все пройдет, – меня беспокоит, что она все зябнет, ни минуты не может быть без огня.

Кажется, я не сделаю более неосторожности, но все я боюсь себя. Прощай, друг мой – Лиза уже спит.

Получила два письма разом – но не понимаю упреков – пишу каждую неделю, даже чаще[2]. Лиза напишет в будущий раз[3].

[1] О визите А.В. Голынского, польского журналиста, с 1846 г. эмигранта, старого парижского знакомого Герцена, Нат. Ал. писала ему 30 января, уведомляя, что он отправляется в Италию (*АО*, 44).

[2] Речь идет о неизвестных письмах Герцена, написанных около 29 января и 31 января. В первом из них, очевидно, содержались упреки в нерегулярности ее писем (ср. XXIX, 24); во втором сообщалось, что ее письмо от 25 января (*АО*, 43) "пришло неделю спустя" из-за "дурно написанного" адреса (см. XXIX, 29, 32; п. 55).

[3] Ответ Герцена от 6 февраля (XXIX, 28–29).

49

⟨Ницца. 3 февраля 1867 г.⟩
Воскресенье. 2 часа пополудни.

Вчера Лизе было лучше, сегодня хуже – я послала за доктором, но он, мне кажется, что он не понимает, в чем дело, – у нее или воспаленье, или лихорадка, или корь, сегодня целый день жар и тоска – я насилу ноги двигаю от беспокойства[1].

Прощай.

Завтра напишу.

[1] О впечатлении, которое произвело на Герцена наст. письмо, см. в его письме к Нат. Ал. от 9 февраля (XXIX, 30).

50

⟨Ницца. 4 февраля 1867 г.⟩[1]

Посылаю тебе письмо Лизы[2] – вчера было три недели, что ты нас оставил, а ты получил писем шесть – где же моя вина? Адрес я пишу хорошо. Italie. Florence, 41, Via S-ta Мопаса. – За почту я не могу отвечать.

Из Р⟨оссии⟩ было письмо, которое меня огорчило, хотя все были здоровы[3]...

Наконец, мы, кажется, покойны, m-me Rocca рекомендовала очень добродушную девочку; нам может служить только утешением, что все также страдают. Елиз⟨авета⟩ падала духом, теперь всё прошло.

Я не понимаю, что ты говоришь о моем характере, насколько можно, я стараюсь быть более добрее, и, право, чужие, окружающие считают меня за добрую женщину, что же я могу еще сделать? Жить вместе – я более об этом не думаю, не потому, что боюсь не ужиться, а потому, что знаю, как меня не любят и как я буду лишняя между ними. Недавно ты писал, что не мог бы жить там долго, что все шумно и молодо[4], а что же я? – Вообще я не могу понять, как бы я могла сделаться опять членом семьи. Ог⟨арев⟩ живет особо, что же я? Мы чужие. – Может, я чего-нибудь не понимаю, но уж я зáмков не строю – мне хотелось встречаться без вражды, ты видишь, как это удалось с Сашей[5].

Нет, я не в воинственном расположенье, я в ожиданье твоих окончательных решений. Я свидетельствую, только, что Лизе жизнь со мной вдвоем слишком мрачна, ты скажешь, что много детей так растут или еще хуже. – Да, конечно, – те, которые не знали другой жизни, могут быть счастливы, ну а те, которые круто перешли в нее, они страдают, вовсе не понимая, откуда идет страданье – на них оно отзовется. Я вижу это на Лизе, а помочь не могу. Я должна tanin кисточкой 2 раза в день прижигать железы Лизе – и она принимает иодий сироп – что ты думаешь?[6]

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена от 31 января.

[2] Это письмо неизвестно.

[3] Это письмо (очевидно, от Е.А. Сатиной) неизвестно.

[4] См. не дошедшее до нас письмо, написанное около 22 января (ответ Нат. Ал. от 25 января – *АО*, 43).

[5] В конце августа – сентябре 1866 г. А.А. Герцен часто встречался с Нат. Ал. в Лозанне и Женеве, но это привело лишь к дальнейшему обострению их отношений. Из Ниццы Нат. Ал. по инициативе Герцена около 25 декабря 1866 г. послала его сыну примирительную записку (см. XXIX, 30, 42).

[6] Ответ Герцена от 9 февраля 1867 г. (XXIX, 30–32).

51

⟨Ницца.⟩ 8 fév⟨rier 1867⟩ Пятница вечер.

Вчера я уже думала, что Лиза выздоровела – сегодня она встала ничего, но вскоре начала жаловаться, что колет грудь; я думала, что она оцарапалась, но так как вид ее становился все лихорадочнее, я пошла с ней к доктору – он сам нездоров, однако он принял нас, велел поставить на ночь горчичник на спину; говорит, что это простуда; если не поможет, завтра опять ипекакуану.

Опять смотрел горло, говорит, что оно покрыто белыми прыщиками и что долго надо употреблять йод и кисточку с tanin. Летом советует уехать на серные ванны или, лучше, серные полосканья для горла – но лето еще далеко, когда-то доживем до него – я живу в сильной тревоге – чую что-то недоброе. Когда я вижу, как Лиза вяла, печальна, расслаблена, я чувствую такой ужас, что передать не могу, – как вернулись от доктора, она легла одетая и спит. Я иду ей читать, лишь бы голос не выдал меня.

Я, Герцен, пишу тебе так, я не зову тебя – кто знает, сколько болезней ожидает Лизу, я должна покоряться – я знаю, что ты скажешь, что есть много людей несчастнее меня; вероятно, есть, всякому своя ноша кажется тяжелее, одна надежда, которая не обманет, это та, что эта жизнь имеет же конец. – Прощай.

Все это время я переводила, но с Лизи⟨ной⟩ болезни невозможно – неудачно выдумана жизнь, право. Пишу с вечера к доктору, чтоб завтра заехал, горчичник мало помог, ей очень трудно дышать.

Я чувствую ужасную трусость за ответственность.

Бедная Лиза, неужели и ее...

Суббота[1].

Лиза спала довольно хорошо.

[1] Получив это письмо 12 или 13 февраля (см. XXIX, 33), Герцен сразу же ответил, прося телеграфировать в случае ухудшения самочувствия Лизы. Это письмо неизвестно.

52

14 ⟨февраля 1867 г.⟩
87, Promenade des Anglais.
Pavillon Nice. Alpes Maritîmes

Лизе лучше – доктор надеется, что теперь наступает выздоровление – она встала, но из комнаты не выходит – хотелось бы ей писать к вам, но доктор запрещает. Она скучает, погода ужасная.

Прощай, будь здоров.

Более писать не могу, Лиза не дает.

53

⟨Ницца. Около 19 февраля 1867 г.⟩[1]

Не знаю, что тебе сказать, погода все ужасная, три дня дождь ливмя лил, Лиза не выходит из комнаты, я все средства употребляю, чтоб ее занимать. Прошедшую

ночь я так устала, что перемешала письма, Ог⟨ареву⟩ послала начатое к тебе, – пожалуйста, пошли ему эту записку[2] и объясни мою ошибку.

Насчет твоего приезда я не буду более говорить, делай, как хочешь – в твоем нежелании решиться на что-нибудь я вижу недостаток любви; я убедилась здесь, что Лизе вредно так одиноко жить со мной, что даже мой страх за ее здоровье может наделать много бед, вот почему я прошу тебя не думать более обо мне, а предлагать мне что хочешь для нее одной – я десять лет порчу твою жизнь, теперь не хочу портить еще Лизину с рассвета – предлагай, что думаешь, и будем совещаться, а обо мне не заботься – я крепка все-таки, мне ничего не надо, на моей совести так много, что, когда я буду знать, что ты можешь Лизу видеть, когда хочешь, и что она весела и счастлива, мне будет лучше, где б я ни была.

Ты видишь, мои требования невелики: личных нет, все для Лизы – я не настолько имею эгоизма, чтоб заесть ее жизнь – помоги мне ее устроить, отвечай мне – если ты принимаешь, мы можем видеться и дружески работать. Я так устала морально, что ничего не хочу, мне кажется даже, что нет более любви ни к чему, а только жалость, раскаяние, что, не имея семьи, у меня были дети. – Мне ужасно тяжко – эту тяжесть снимет смерть.

Прощай – думай об Лизе, ее надо спасти, она погибнет со мной, ей мрачно – это не детская жизнь, пощади хоть ее[3].

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена от 15 или 16 февраля, в котором он в третий раз осведомлялся, необходим ли немедленный приезд в Ниццу его самого или Н.А. Герцен (см. XXIX, 37).

[2] Письма Нат. Ал. к Герцену и Огареву, писавшиеся около 18 февраля, остаются неизвестными.

[3] Ответ Герцена от 21 или 22 февраля неизвестен.

54

⟨Ницца.⟩ 24 ф⟨евраля 1867 г.⟩[1]

Лиза здоровее, но она меня беспокоит своим серьезным и печальным видом – она скучает. M-me Bone (единственная моя знакомая в Ницце) то же замечает, надо решиться, Герцен; если *я* единственная причина тому, что Лиза не может жить с тобой, возьми ее и найди кого-нибудь, чтоб меня заменить – я с радостью сделаю эту жертву, если услышу, что и тебе, и Лизе лучше, я не умру, не беспокойся, мое место здесь – я, право, думаю, что мне наказание в том и состоит, чтоб не умирать, а если такое счастие и случится, наконец, неужели ты настолько жесток, что будешь жалеть об нем?

Елена еще писала, очень уговаривает меня вернуться в Р⟨оссию⟩[2]. Мне кажется, она слишком мало думает об трудностях окрестить Лизу; о том, что, может, ее по приезду возьмут в казенное заведенье; наконец, о том, что Лиза никогда не увидит ни тебя, ни Ог⟨арева⟩.

Она пишет, что Сер⟨гей⟩ Ив⟨анович⟩ умер[3]. Последние слова его были: "Огарев, Ог⟨арев⟩".

Сестра тоже огорчена этой смертью. Она говорит, что он остался нам верен и заступался за меня, когда слухи достигли Москвы.

Я не имею храбрости писать об этом Ог⟨ареву⟩ – напиши ему или, лучше, скажи при свиданье.

С⟨атин⟩ в Москве, стало Т[4]. его увидит. – Бедная Тат⟨ьяна⟩ Алек⟨сеевна⟩, чем и где она будет жить?[5]

Насчет Таты что сказать, ей здесь было бы скучно, а Лизе было бы вдвое после ее отъезда[6]. Я жду, чтоб ты вернулся во Флоренцию, чтоб письмо мое не разъехалось с тобой.

Сегодня Лиза повеселее – m-me Bone ходила с ней делать разные покупки, она говорит, что хочет ⟨быть⟩ *красивая* к твоему приезду. Погода все меняется, почти каждый день дождь – о школе нечего и думать, и так все хворают в Ницце.

Напрасно я ждала письма от тебя, чтоб знать, куда писать, мне не хотелось, чтоб письмо лежало без ⟨тебя⟩ во Флор⟨енции⟩.

Школа невозможна по многому, расскажу при свиданье. Я довольна твоим письмом *сегодняшним*[7], я надеюсь, что мы устроим что-нибудь для Лизы. – Прощай, жду тебя.

Когда будешь разговаривать с Шиф⟨фом⟩, расспроси его об пище, что он считает, лучше кофей с молоком, шоколад, чай, сырое или кипяченое молоко. Наш доктор плоховат, вялый, нерешительный.

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена из Венеции, написанное между 18 и 20 февраля и отправленное вместе с письмом к Лизе (см. XXIX, 39).

[2] 5 февраля / 24 января Е.А. Сатина писала Нат. Ал.: "Я столько тебя звала, столько тебя умоляла воротиться, что теперь прихожу в изнеможение... Я вижу тебя в пропасти, подаю тебе руку, а ты ее отталкиваешь и хватаешься за соломку, подаваемую противной стороной ⟨...⟩ Вспомни наше детство, вспомни нашу юность, вспомни и воротись ко мне. Моя нежность, моя любовь заменят тебе многое" (автограф *РГАЛИ*, ф. 359, оп. 1, ед.хр. 259, л. 17–18).

[3] С.И. Астраков умер 5 января / 24 декабря 1866 г. от "воспаления легких и соединившейся с этим чахотки" (там же, л. 18об.).

[4] Вероятно, П.П. Трубецкой. Об отъезде его из Лозанны в Италию Герцен писал сыну 26 августа 1866 г. Очевидно, Трубецкому было дано какое-то поручение к Сатиным (ср. XXIX, 55).

[5] Т.А. Астракова жила в одном доме с братом своего мужа Сергеем Ивановичем. Дом этот позднее был передан ей во владение остальными братьями. См. выше публикацию И.А. Желваковой.

[6] Предложение Н.А. Герцен находилось, по-видимому, в неизвестном письме Герцена от 15 или 16 февраля (ср. XXIX, 37, 39).

[7] Письмо Герцена из Венеции от 21 или 22 февраля, на которое отвечает далее (очевидно, на следующий день – 25 февраля), неизвестно. Он вернулся во Флоренцию 28 февраля. Ответ его от 28 февраля или 1 марта также неизвестен (см. о нем *AO*, 46–47).

55

⟨Ницца.⟩ 1 или 2⟨марта 1867 г.⟩[1]

Извини, что ошибкой написала на простой бумаге. Прощай, кланяюсь всем.

Лиза спит, она не кончила письмо к Ольге, она была в восторге от Ольгиного письма, ужасно рада, что Ольга так слушается ее. Все это время Лиза много говорила забавных вещей, но я почти всегда тотчас их забываю; сегодня поутру она долго мылась и говорит: "J'ai *la noireté* de peau d'Olga, la couleur de chevelure de Tata, le long boucle d'Alexandre, l'envie de commander et de faire de petites taquineries de[91*] дядя". Ольге она написала, что здесь очень весело, потому что ей хочется, чтоб Ольга приехала с Татой: "Ah! Si je les tiens ici, je n'aurai plus besoin d'enfant pour jouer"[92*].

Цвет лица ее начинает поправляться – все говорят, что она выросла, и на улице она слышит иногда большие комплименты.

У меня хватило бы денег до конца марта, но доктор, лекарства и Лизин туалет мешают. Если ты нескоро приедешь, напиши, что мне делать. Я неохотно пойду с векселем к Авиг⟨дору⟩. Я знаю, что он напутает.

Пожалуйста, расспроси Шиффа, нет ли другого средства для Лизиного горла – железы очень велики, ей трудно глотать, а иодий и tanin с кисточкой она с ужасом и со слезами делает, во время ее болезни мы должны были приостановиться – а доктор говорит, что надо делать это, по крайней мере, месяц или более, потом он будет прижигать nitrate d'argent[93*] несколько раз. Это леченье поддерживает меня в лихорадочном состоянии.

Спроси, что́ ей есть поутру, доктор против café au lait[94*], а яйцы, чай ей наскучили, шоколад она пьет вечером.

Не ездии морем, оно очень бурно, опять целую ночь дождь лил, буря страшная[2].

Отвечай об Лиз⟨ином⟩ здоровье[3].

[91*] У меня смуглая кожа, как у Ольги, цвет волос Таты, длинные кудри Александра, склонность командовать и слегка поддразнивать, как у (*франц.*).

[92*] "Ах, если я их здесь удержу, мне не понадобится больше ровесник для игр" (*франц.*).

[93*] ляписом (*франц.*).

[94*] кофе с молоком (*франц.*).

ОЛЬГА ГЕРЦЕН

Фотография Альнари. Флоренция, 1869. На обороте дарственная надпись: "A Mademoiselle Lise. Hommage de l'original O. Herzen 29.4.(18)69. Florence. Merci pour ta chère petite lettre!" ("Мадемуазель Лизе. Привет от оригинала О. Герцен 29.4.(18)69. Флоренция. Спасибо за твое милое письмецо!")

Исторический музей, Москва

[1] Начальные строки автографа (верхний край его поврежден) свидетельствуют, что это второй лист письма, начатого накануне. Первый лист, по-видимому, не сохранился. Год устанавливается по пребыванию Герцена во Флоренции, дни – предположительно – по соотношению с ответом Герцена (неизвестным), который был послан вместе с его запиской к Лизе 4 марта (XXIX, 252, 665), одновременно со 100 фр. (в нем Герцен сообщал о болезни И.С. Тургенева, писал о возможности приезда в мае Таты в Ниццу, прося ответить до 10 марта – см. XXIX, 55, 57). Наст. письмо непосредственно соотносится и с письмом Нат.Ал. от 4 марта (*АО*, 46–47).

[2] Герцен выехал из Флоренции 10 марта в Геную, а оттуда, не найдя места в дилижансе, – ночью 11 марта выехал в Ниццу пароходом. 12 марта он приехал в Ниццу.

[3] Ответ Герцена, посланный вместе с его запиской к Лизе от 4 марта (XXIX, 252, ср. 665), неизвестен.

56

⟨Ницца. 18 или 19 апреля 1867 г.⟩[1]

Один портрет посылаю сегодня Тате, другой в следующем письме, а то толсто[2].

В понед⟨ельник⟩ или во вторник была у Делбека[3], он не знает адреса дамы и просил переждать Святую неделю – опять эти несчастные праздники, гимн⟨астика⟩ и танцы тоже отложены – учиться Лизе не хочется, я не настаиваю, но ей скучно, очень скучно – вчера я была с ней в Jardin des Plantes[95*], она немного играла с детьми, но детей почти нет.

Мари нашла место, в суб⟨боту⟩ она уходит, а кухар⟨ка⟩ приходит – обедать мы будем внизу, так что легче будет нам служить, а если б случилось, что и ты, и Тата в одно время были бы у нас, то можно Тате сделать спальную из старой столовой – весь этаж будет ваш – а нам наверху будет все-таки слишком просторно.

Сегодня Елиз⟨авета⟩ получила письмо из дому, сестра ее лучше и – avis au lecteur[96*] – она мне сказала, что женщина, которую они очень уважали, имела ребенка от молодого человека, с которым живет с тех пор, что муж умер, – и она прибавила: "Ни я, ни мои родные никогда не поклонимся ей". Эти буржуазные, застарелые мненья о святости брака не мы переменим, а может, в таких самолюбивых натурах, как Елиз⟨авета⟩, эти мненья спасают ее от разврата, а они-то одни и составляют ее нравственность и честность.

Мы проходили около Basso, его не было, но я видела, что работают, выделывают рамку[4] – об цветах подумаю, на кладбище такой беспорядок и разбой, что надо посадить растенья, которые совсем не требуют поливки.

Ну, прощай, статья Луи Blanc об войне мне понравилась[5], наконец хоть вожаки понимают и делят народ от правительства, но сколько в этой статье французской ненависти против Англии[6].

[1] Письмо адресовано в Женеву, куда Герцен уехал 14 апреля; отправлено, вероятно, со следующим далее письмом.

[2] Фотографические снимки с Лизы, о которых пишет Нат.Ал., неизвестны.

[3] Ницкий знакомый Герцена еще с 1851 г. (см. о нем XXIX, 167). 16 апреля Нат.Ал. писала, что зайдет к Делбеку завтра, чтоб узнать адрес учительницы музыки для Лизы (*АО*, 41).

[4] Речь идет о мемориальной доске на могиле близнецов (выполнялась в мастерской мраморщика С. Бассо), которая была установлена 2 мая.

[5] В "Былом и думах", говоря о "шаге вперед" во взглядах Блана, о "целом перевороте", обличившемся "при начале последней войны", т.е. австро-прусско-французской войны 1866 г., Герцен указывал на «энергические, полные меткости и истины статьи Луи Блана, помещаемые в "Le Temps"» (XI, 48). Очевидно, одна из них, рекомендованная им, и обсуждается в письме.

[6] Ответ Герцена на это и след. письма, отправленный около 23 апреля, неизвестен.

57

⟨Ницца, 19 или 20 апреля 1867 г.⟩[1]

Лиза пошла на рынок покупать цветы – глаза ее опять начинают желтеть; если не будет лучше – я пойду к Скофие[2].

Соседка молодая, на которую я надеялась для Таты, уезжает через две недели. Мы уже перенесли столовую вниз, это гораздо лучше, жаль, что тебя нет, теперь мы можем поместить, если нужно, Тхор⟨жевского⟩, тебя, Тату и даже еще кого-нибудь – поставили бы вы вещи к Черн⟨ецкому⟩ и приехали бы сюда – не правда ли, пан?

Посылаю тебе свое старое письмо, твое одно получила – с твоего отъезда ниоткуда писем не было. Прощай, погода опять испортилась, холодно и поворачивает на дожди. Я нетерпеливо желаю поставить памятник, беспорядок на кладбище и торг,

---

[95*] Ботаническом саду (*франц.*).

[96*] внимание, читатель (*франц.*).

а поливать, действительно, трудно – вода в огромных резервуарах, а пролезать надо в маленькую дыру – толстый привратник не может – и должен нанимать солдат, вот как запутано. "Колокол" получила[3], письма нет. Прощай[4].

[1] Ответ на первое (неизвестное) письмо Герцена из Женевы – от 15 или 16 апреля (в "Списке несохранившихся и ненайденных писем Герцена" в т. XXIX, 776, № 21, оно датировалось "между 13 и 20 апреля").

[2] Ницкий врач, наблюдавший за здоровьем Лизы.

[3] Лист 239 "Колокола" от 15 апреля.

[4] Ответ Герцена на это письмо и п. 61, отправленный около 23 апреля, неизвестен.

58

⟨Ницца.⟩ 21 ⟨апреля 1867 г.⟩, воскресенье[1]

Лиза выдумала не учиться Святую неделю, как все дети; так как она учится очень неохотно, я приняла с радостью ее предложение – зато мы много читали с ней. Пишу тебе сегодня, может, ты еще не отдал часы, я бы предпочла сделать золотую крышку, по крайней мере, починки было бы меньше – здешний часовщик взял 10 ф⟨ранков⟩ за Лизины часы.

Может, ты прав, что в моем письме просвечивает грусть – я чувствую ее, я вся ей пропитана – но ведь за это ты не можешь сердиться? Что ты говоришь об Альзасе, я принимаю с радостью – надо и можно еще поправить Лизино воспитанье, я думаю лучше в таком случае не посылать письма к m-lle Progher[2]; может, в Альзасе найдется женщина еще ближе к нашим понятиям и симпатичнее ее.

Перечитывая твое письмо к Лизе – я вижу, что тебя грусть давит, а не то, что в письме тебя поражает, вот мне и жаль, что я написала об ней.

От Лизы:

Бумага очень хороша – я напишу Ольге. Скажи папе-Ага, чтоб мне прислал photographie magique[3] – пригласи к нам Ага и Тхорж⟨евского⟩.

Прощай.

Мари ушла, кухарка (правда, немного сумасшедшая, но тихая) работает. Лиза совсем теперь не занимается горничными. Мари так плакала, уходя, что меня тронула, теперь у нас тишина, только море слышно, вчера целый день был проливной дождь – сегодня праздник – мне еще тяжелее. Лиза играет часто в саду, то с одной Мари, то с другой. Уроки рисованья начнутся только после Святой – танцы начинаются послезавтра, но 6 мая, кажется, кончаются, будет слишком жарко – Лиза продолжает ванны через день – от умыванья холодной морской водой ее болезнь (пятна) совсем прошла – фрукты она ест и даже вчера ела ягоды лесные.

Ну, прощай – берегись во всех отношениях, если тебя не будет, еще нужнее будет жить для Лизы и еще противнее. Кланяйся Ог⟨ареву⟩ и всем. Лиза на днях напишет, сегодня не хочется...

Ни от кого писем нет.

Когда увидишь m-me Besson или m-me Chernetsky, можешь ей передать, чтоб дети ее писали ко мне через нее, потому что m-me Besson живет во Франции, а когда они пишут ко мне из Швейц⟨арии⟩, конечно, без штемпеля, то я должна платить 1 ф⟨ранк⟩ за письмо[4].

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена к Нат.Ал. и Лизе, написанное около 18 апреля ("второе" в его нумерации – см. XXIX, 83, 776, № 22, с датой "между 13 и 20").

[2] Письмо к *Прогер*, содержательнице учебного пансиона близ Женевы, Герцен, вероятно, написал около 17 апреля, отправка же его была отложена (текст неизвестен).

[3] "*Волшебного фотографа*" (*франц.*) – так называлась игрушка.

[4] Ответ Герцена от 25–26 апреля на это и след. письма см. XXIX, 86–87.

59

⟨Ницца.⟩ 22 avril ⟨1867⟩, lundi[97*]

Сажусь сейчас тебе отвечать[1], нет, Герцен, не говори с этой барышней об Лизе, во-первых, русские очень редко способны на ту твердую деятельность и правильность, которые мне необходимы для Лизы, вдобавок эта девушка бог знает через какую жизнь прошла. Я об ней много слышала от Воденяпиной, которой она поверила свою историю – нет, Герцен, помогать ей чем хочешь, но не воспитанием Лизы[2].

Братья Жемчуж⟨никовы⟩ ничуть не виноваты – мать увезла ее крошечную, а может, она родилась за границей – воспитывала ее под чужим именем и только года три ⟨назад⟩ сказала ей, что она ее мать, зато девушка, кажется, всем рассказала. Ты понимаешь, как бы я была рада найти русскую, но мне кажется, что надо ждать более верного случая. Если можно, я готова ехать с тобой[3]; если война помешает, надо будет придумать что-нибудь другое. Говорил ли ты с Ог⟨аревым⟩ и с Тхор⟨жевским⟩ об книжной лавке? Не оставляй меня без работы – мне слишком больно жить.

Ну, прощай – дай тоже твою руку – лишь бы время прошло без особых несчастий. – Лизе эти дни весело, она играет с детьми Фау в саду – вчера играла на гулянье несколько часов, а я сидела и смотрела на детей.

От Таты не было еще ответа, добрая m-me Bohne ⟨!⟩написала мне длинное письмо[4], она привыкла к нам, и в каждой строке видна большая симпатия к Лизе.

Говорят, что выставка удивительная[5]. – Старая тетка m-me Fay выразилась так: "On nous ⟨disait?⟩, madame, que l'exposition c'est quelque chose *d'épatant*"[98*]. – Ну, вот и я тебя заставлю улыбнуться – прощай.

Лиза очень рада бумаге, но она теперь, как сумасшедшая, бегает по саду.

Не лучше ли тебе написать Сусловой? На это я даю carte blanche[99*] [6].

[1] Ответ на письмо Герцена от 20 апреля (см. XXIX, 82–83).

[2] 20 апреля Герцен писал Нат.Ал. о русской девушке, "незаконнорожденной сестре" А.А. Жемчужникова, которая могла бы занять место Лизиной гувернантки и учить ее русскому языку; он спрашивал согласия на переговоры с нею. В следующем письме от 26 апреля Нат.Ал. вновь просила "оставить мысль об этой девушке" (*АО*, 45).

[3] Около 18 апреля в неизвестном письме Герцен предлагал Нат.Ал. съездить вместе с ним в Эльзас, чтоб устроить Лизу в страсбургский пансион или найти там для нее гувернантку.

[4] Это письмо Нат.Ал. и ответ Н.А. Герцен неизвестны, так же как и письмо г-жи Бон.

[5] Всемирная выставка в Париже, открывшаяся в конце мая.

[6] Получив наст. письмо, Герцен ознакомил с ним Огарева (см. отклик его в письме к Герцену от 25 апреля – *Ог.* II, 523). Ответ Герцена от 25–26 апреля на это и предыдущее письмо Нат.Ал. см. в XXIX, 86–87.

60

⟨Ницца. 4 мая 1867 г.⟩[1]

Я не знаю, чем ты недоволен, я не могу тебя понять – хочется узнать то будущее, которое от нас зависит; может, это даже не каприз [может, это необходимо].

2 мая, ты уже знаешь, что мы поставили доску[2] – Лиза и Елиз⟨авета⟩ очень много помогали – m-me Rocca, и дочь, и внуки тоже весь день были – столько было участия и доброты, что я и внутренно не упрекнула их, что не оставили меня ни минуты одной, а хотелось – не могу я думать и плакать при людях. Basso я недовольна очень, он уж чересчур небрежен и grand seigneur[100*] – сам не зашел, памятник положили почти совсем лежа, решетка очень нехороша, вдвое выше того, что мы говорили, слишком широка и длинна, надо было вырубать стену и вырезать весь жераниум[101*], чтоб ее поставить, а спереди сделали какие-то подставки, все имеет вид, как будто

[97*] понедельник (*франц.*).

[98*] "Нам ⟨говорили?⟩, мадам, что выставка – это нечто *сногсшибательное*" (*франц.*).

[99*] свободу действий (*франц.*).

[100*] большой барин (*франц.*).

[101*] герань (*франц.* géranium).

это как-нибудь и ненадолго поставлено, надпись concession[102*], и пр. написана черной краской, это в глаза бросается. Если хочешь, пришли мне записку насчет решетки, может, он ее переменит[3]. Сначала работники отказались ставить решетку и просили чтоб вырубили сторону, обращенную к стене, но Basso отвечал, что все вздор, что надо ее поставить. Зачем он берет такие для него ничтожные работы и исполняет их так скверно? Я хотела ему написать учтивую записку, но чувствовала, что слишком сердита.

Лиза здорова пока и довольно весела – сегодня взяла первый урок музыки там, где я ноты брала, ее учит слепой и его сын при мне – а то учителей нет, кроме m-lle Malar, а я боялась, что она будет слишком дорога. Завтра в 9 часов Jenny дает ей урок рисования и ваянья, он мне нравится – тихий такой.

У Делбека была опять два раза, все не знают адреса, я им оставила свой адрес, который они хотели передать этой госпоже. – Уроки Jenny почти не в счет, потому что он только может по воскресеньям.

Ну, прощай – жму твою руку и жду письма. Тате я написала, что лучше, если она приедет в конце мая, а то время, может, слишком мало[4]. Ог⟨арев⟩, верно, получил мою записку и письмо[5]. Я, пользуясь, что С⟨атин⟩ в Москве, написала об деньгах Мельг⟨унова⟩ и велела сказать Т⟨атьяне⟩ А⟨лексеевне⟩, что Якушкина лгунья[6], бедный Сер⟨гей⟩ Ив⟨анович⟩, и он думал это.

Кухарка в самом деле сумасшедшая, иногда пугает меня, рыдает, всех подозревает и говорит в виде комплимента: "Vous n'avez pas l'air d'une Russe, vous étiez trop comme il faut"[103*].

Докт⟨ор⟩ был, я скорей за пивом, за чаем, а он за шляпу!!! Привез записки его сиятельства[7]. А я боюсь, что он сделается inodore[104*], потому что так роскошничает умом в примечаниях, что выдохнется (5 мая).

Сейчас Лиза взяла первый урок у Женни – у посторонних она учится довольно хорошо.

Только что получила твое письмо[8]. Нет, нет, ты меня не понимаешь – тут нет ничего воинственного, мне, право, нужно знать, что ты думаешь, – мне нужно бы тебя видеть, но это невозможно. Приезд Таты не помешает тебе – мы ей устроим спальню в бывшей столовой – или тебе, и весь этаж будет ваш – нужно бы дружески посоветоваться вместе.

Ну, прощай, дай мне свою руку, не хотела бы я тебя мучить, но нужно знать, что делать, что возможно и что нет – Лиза говорит, чтоб ты Тате написал поскорей приезжать[9].

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена, написанное около 30 апреля.

[2] Об установлении памятной доски на могиле близнецов Нат.Ал., очевидно, писала в не дошедшем до нас письме от 3 мая.

[3] 8 мая Герцен послал Нат.Ал. "записку" к С. Бассо (неизвестна – см. XXIX, 90, 777). 10 мая она ответила: "Письмо Бассо я не передам, кое-как устроили решетку; со временем зелень покроет ее недостатки" (*АО*, 50).

[4] Письмо Нат.Ал. к Н.А. Герцен, написанное около 3 мая, неизвестно (см. в письме к Герцену от 29 апреля о предполагаемом приезде Таты – *АО*, 46).

[5] Нат.Ал. переслала через Герцена Огареву вместе со своей запиской апрельское письмо Т.А. Астраковой, адресованное ей и ему (оба письма неизвестны) с описанием последних минут С.И. Астракова. Астракова писала также, что Якушкина (по-видимому, Е.Г., жена Е.И. Якушкина, сына декабриста) передала ей холодный отзыв Герцена о С.И. Астракове, но что она не верит, чтобы Герцен мог так о нем отзываться.

[6] Это письмо Нат.Ал. к Н.М. Сатину неизвестно. 8 мая Герцен писал ей, возмущенный сплетней: "Благодарю тебя сильно за то, что ты вступилась за меня ⟨...⟩ Слова холодного о Сер.Ив. никогда, ни в каком случае – не переходило моих губ" (XXIX, 90). В письме Нат.Ал. к Сатину содержалась также, очевидно, просьба напомнить В.П. Титову, душеприказчику умершего Н.А. Мельгунова, о долге Мельгунова Герцену. Об этом Герцен писал также 20 апреля В.П. Титову и К.К. Павловой (см. XXIX, 83; XIX, 266–267, 278–279, 470–471).

[7] 5 мая Нат.Ал. посетил доктор Бернацкий, каннский знакомый Герцена и Нат.Ал. (см. XXVIII, 52, 60, 62), который привез "Mémoires du prince Pierre Dolgoroukow" (Genève, 1867, t. 1). См. отзыв Герцена о книге – XIX, 218–220.

[102*] приобретенное место погребения (*франц.*).

[103*] "Вы непохожи на русскую, у вас очень порядочный вид" (*франц.*).

[104*] совсем лишенным запаха (*франц.*).

[8] Далее Нат.Ал. отвечает на полученное 5 мая письмо Герцена от 1 или 2 мая (неизвестно).
[9] Ответ Герцена от 8 мая см. в XXIX, 90, 102 (с редакторской датой "17–18 мая"); см. также *АО*, 49–50.

61

⟨Ницца. 11 мая 1867 г.⟩. Samedi[105*]

Сегодня я тебе пишу по странному поводу – мне показалось, что у Елиз⟨аветы⟩ на столе лежало письмо к тебе или к Ог⟨ареву⟩ – так если я не ошиблась, лучше вас предупредить. Я тогда тебе говорила, что она поняла, что, оставляя ей адрес, ты ей таситно[106*] позволяешь жаловаться. Ты был прав относительно Мари, она сделала много зла Елиз⟨авете⟩, – и уничтожила почти все причины держаться за нее. Иногда мне необходимо послать ее с Лизой на гулянье, чтоб иной раз сходить одной на кладбище – я сначала не понимала, почему она просила меня не заходить за ними, оказалось, что Мари познакомила ее с каким-то commis voyageur[107*] – ты понимаешь, что это до меня не касается, и советов моих, конечно, она не примет, но, с другой стороны, ты понимаешь, что я была очень недовольна, что и при Лизе свиданья – Лиза гораздо проворнее все схватывает – и поэтому ей такая обстановка вовсе не годится. Что же делать, я стала реже ходить и раньше возвращаться с кладбища.

Вчера Мари зашла к нам, и вдруг Елиз⟨авета⟩ исчезла с ней без шляпы и вернулась в десятом часу, когда Лиза была уже в постели; сегодня я ей сделала слегка замечанье, сказавши, что надо меня предупреждать; я, действительно, очень устала – каждый день хожу с Лизой. Что со мной, я не знаю еще, но долго я не прослужу так, я это чувствую. Два раза Лиза берет уроки музыки около гулянья, три раза резьбы на дереве и воскресенье поутру у Jenny; теперь надо начать купанье, я не буду купаться, но с Елиз⟨аветой⟩ нечего и думать ее посылать.

Насчет Елиз⟨аветы⟩, если она писала тебе или Ог⟨ареву⟩, я бы хотела только, чтоб вы сказали, что уверены, что я буду к ней снисходительна и справедлива и что так как я одна ее выписывала, вы ей советуете со мной спокойно переговорить и уверены, что я все обдумаю к лучшему; тогда все еще может сладиться. Я думала уже, не оставить ли Елиз⟨авету⟩ у m-me Рокка, пока мы ездим[1], это будет дешевле, а она, я думаю, будет очень рада; а потом увидим, что делать: если Лиза поступит в пансион, конечно, ее не нужно; если мы поедем в Р⟨оссию⟩, я бы взяла ее для Елены, ей она может быть полезна, а нам с Лизой зачем? – Но есть еще у меня одна arrière-pensée[108*], по которой, может, я не могу ни взять ее с собой, ни здесь при себе оставить – но это еще увидится; а пока я нездорова, и сама не могу понять, что со мной. Может, это вздорное письмо, и Елиз⟨авета⟩, понявши, что сама виновата, не пошлет своего письма, ну, а если пошлет, надо немного *ensemble*[109*] хоть для виду.

Ну, прощай, Лиза очень довольна уроками резьбы – это ее очень забавляет и после она может дома продолжать.

Лиза вас обоих целует – прощай еще раз; завтра мы собираемся в лес с Лизой вместо гулянья.

Лицо мое ужасно исхудало, и каждые две недели я так *сильно* больна, что должна бы постоянно лежать – а я постоянно на ногах – служба, жизнь как просолдатская служба. "День да ночь, сутки прочь, к смерти ближе", – говорят солдаты. В одиннадцатом часу я засыпаю, а там проснешься и слышишь час, два, три. Опять забудешься, а там вечно в 5 1/2 на ногах.

Я говорю об моем лице потому, что это замечание посторонних обратило мое внимание.

[1] Нат.Ал. собиралась летом поехать вместе с Герценом в Эльзас.

[105*] Суббота (*франц.*).
[106*] молчаливо (*от франц.* tacit).
[107*] коммивояжером (*франц.*).
[108*] задняя мысль (*франц.*).
[109*] единства (*франц.*).

62

⟨Ницца. 13 мая 1867 г.⟩. Понед⟨ельник⟩[1]

Мне очень совестно, что я встревожила вас таким вздорным письмом, как последнее[2]; я думаю, все это мне показалось и теперь все пришло в порядок. Я сказала Елиз⟨авете⟩, что если во время путешествия она не будет нам нужна, мы можем оставить ее у m-me Рокка – она пришла в восторг от этой возможности. Ей 25 лет, и, конечно, она вправе располагать собой. Как горничной я по-старому ей довольна и не хотела бы с ней расставаться, но для Лизы теперь она вовсе не годится – аминь.

На днях мы снимали ковры; конечно, было довольно сквозного ветру, не знаю, простудилась ли Лиза, но вот два дня лицо ее все распухло, иногда нам кажется, что это укус, – вчера она пролежала в постели все воскресенье, ночью я сидела возле нее, сон ее был ужасно беспокоен, она и говорила, и металась, и опять страшное желанье плакать – от слабости ли это, не знаю, несколько раз она смеялась, а кончился смех ужасным рыданьем – если сегодня лучше не будет, пойдем к Scoffier. На днях я хотела, чтоб она начала купанье, но, кроме опухоли, погода очень изменилась в два последние дни, буря была и гораздо холоднее.

Мы кончили "M-lle Lili"[3] и принялись дочитывать "Les Anglais au Pôle Nord"[4], немного сухо, но Лиза понимает. В субботу мы вдвоем с Лизой посадили последние растения на могиле, теперь только нужно бы часто поливать до зимы, а на будущий год само собой будет расти.

Регтет[5] сделал карточки Елиз⟨аветы⟩ очень плохо и, кажется, не захочет их переделывать, а она этих не хочет. Он немного избалован.

Кажется, я писала тебе, что Лиза очень любит вырезывать на дереве, она взяла только два урока, и сделала на ⟨...⟩[110*] листе плюща. Музыка тоже теперь идет изрядно – танцы закрыты вот уже неделя. Каждый день после обеда, когда жар спадет, Лиза ходит в Jardin des Plantes[111*] и играет до ночи, возвращается поужинать и спать.

Кажется, я сказала тебе все, что до нас касается, ах нет! Забыла одну вещь, m-lle Outerleau написала мне письмо, в котором спрашивает, не хочу ли я взять пансион; я скажу, что думала, что они оставили эту мысль и что, не списавшись с вами, не могу дать ответа. Ну, что ты думаешь? Я думаю, что это невозможно, и католические попы настроят родных против женщины некатолической веры, а положенье наше неоткровенное. Мне кажется, что такие вещи легче вновь заводить и считать на более или менее симпатизирующих людей новым воззрениям[6].

Ну, прощай, покажи Тхор⟨жевскому⟩ письмо этой дамы и скажи, что это то заведенье, которое он нашел в газетах.

Ну, а если б рискнуть, может, родные, видя порядок, свободу и счастливые лица детей, поставят на: –

Не понимаю, почему Л⟨угинин⟩ не спросит письменно, это будет только тяжело обоим[7].

Насчет Шарлотты, я думаю, Саша сделал страшную ошибку[8]; по-моему, или нужно было сделать, как Фогт, или взять ребенка одного, или должно помогать его воспитанию в Англии – но то, что он сделал, – против здравого смысла – ей это дает надежды, которых он не осуществит, ребенка ставит в ложное положенье – а если Саша женится, будет еще труднее.

Ну, прощай.

Письмо Out⟨erleau⟩ у Лизы в комнате, а она спит еще. Я думала, что Елиз⟨авета⟩ писала, потому что видела пакет с подписью, похожей на адрес Огарева, но я не хотела даже взглянуть и предпочла вам написать – будь же покоен, что бы ни было, она не думает, чтоб я могла ее отпустить до моего отъезда из Н⟨иццы⟩, но теперь она не думает об этом – только я повторяю, что она так занята своими любовными историями – что я не имею доверия к ней – каждый вечер она уходит из саду, ничего не сказавши мне – часто у нее ключ, так что то того, то другого нет.

110* В автографе нарисована веточка плюща с тремя листками. – *Ред.*

111* Ботанический сад (*франц.*).

[1] Ответ на письмо Герцена от 9–10 мая (XXIX, 92).

[2] См. предыд. письмо.

[3] В письме от 6 мая Герцен осведомлялся, получила ли Лиза "арифметику Лили", очевидно, посланную им. Речь идет об альбоме с рисунками датского художника Л. Фрелиха и надписями П.-Ж. Этцеля (псевдоним *Сталь*): "L'arithmétique de m-lle Lili". P., 1866.

[4] Под этим названием вышла в Париже в 1866 г. часть 1-я романа Ж. Верна "Путешествия и приключения капитана Гаттераса"; полностью роман опубликован впервые в 1867 г.

[5] Ницкий фотограф; делал фотографические портреты Герцена.

[6] С пансионом Утерло и его хозяйкой Герцен познакомился еще в конце декабря 1866 г., намереваясь устроить туда Лизу (см. XXVIII, 259). Сохранился записанный им адрес: "Pensionat d'Outerleau, 54, Rue de France, à côté de l'Hôtel Helvétique" (*РГАЛИ*, ф. 129, оп. 1, ед.хр. 14, л. 2).

[7] 10 мая, сообщая Нат.Ал., что получил от В.Ф. Лугинина "длинное, печальное письмо и что он опять просит решительного ответа (...) хочет сам спросить еще раз" руки Таты, Герцен добавлял: "Мне его жаль – видно, что дело не поверхностного чувства. Я думаю, что нет ни одного шанса" (XXIX, 92).

[8] 6 мая Герцен известил Нат.Ал. о предстоящем приезде в Женеву Ш. Гётсон, бывшей подруги А.А. Герцена, матери его сына Александра (Тутса); ее и ребенка пригласил Огарев с согласия А.А. Герцена (см. XXIX, 89).

63

⟨Ницца. 17 мая 1867 г.⟩. Vendredi[112*]

Если б ты знал, сколько я писем написала к тебе и изорвала, хоть это было бы доказательство, как мне не хочется тебя мучить[1].

Откровенно я жалею, что вы останавливаете "Колокол" да еще на такое долгое время – пока вы оба живы, этого не должно бы быть, "Кол⟨окол⟩" шел хорошо и в твоем отсутствии; если эта жертва делается для нас, я от нее отказываюсь – и потом ты все меня не понимаешь; это не решает вопросов. Через четыре месяца опять поднимется вопрос: что делать? В последнее время, видя, что m-lle Outerleau в самом деле готова передать пансион, мне очень захотелось его взять, я в этом видела спасенье, выход для Лизы, раз решенья для ее воспитанья ⟨нет⟩. Пойду сегодня поговорить с m-lle Out⟨erleau⟩, но это с моей стороны сумасшествие, в моем положенье это немыслимо. А насчет гувернанты многое очень трудно – поговорим, когда ты приедешь.

На днях против моей воли я сделала два знакомства, одно – это семейство маленькой Мари (которая нам не нравится). Они очень любезны и так настаивали, что грубо бы отвернуться от них, но они слишком религиозны, чтоб это знакомство было прочно или даже приятно, другое – это семейство двоюродного брата Гарибальди. Ты помнишь маленькую смуглую девочку, с которой Лиза часто играла? – Отец очень живой и добродушный человек, она ничего – они нас звали к себе, чтоб с ними посмотреть окрестности по ту сторону порта. – Они говорят, что там и купанья лучше (песок), и славные прогулки. Но худшие жары это июль и август – на это время можно мне вдвоем с Лизой ехать куда-нибудь в горы, а Елиз⟨авету⟩ и вещи оставить у m-me Р⟨окка⟩. M-me Гариб⟨альди⟩ очень молодая и, я думаю, малообразованна, но она мне симпатична тем, что прошла через те же страданья, и хотя у нее двое детей и муж, а следы остались глубокие.

Дня два, три ⟨назад⟩ явилась к нам незнакомая женщина[2], лицо ее очень болезненное и умное, она спросила, правда ли, что зимой Лиза ходила в школу и что я ищу гувернанту, – я сказала, что последнее несправедливо. Она сказала, что знает Дол⟨горукова⟩. Я думала женевского, оказалось – одесского. Через минуту, придя в себя, я спросила: "Но как же князь Дол⟨горуков⟩ мог дать вам эти подробности? – Мы незнакомы". Она улыбнулась: "Я слышала это не от него". Ей почему-то хотелось с нами познакомиться, а Дол⟨горуков⟩ был только предлог. "Я амери⟨ка⟩нка, а вы русские", – и она мне протянула руку. Она приезжала с приятельницей, которая в это время, будто бы, смотрела квартиры. Она сделала на всех странное впечатление. Но хуже, чем на всех, дама подействовала на Rosalie, она мне объясняла долго, что у

[112*] Пятница (*франц.*).

этой дамы в коляске дверь с металлической пуговицей pour attraper les gens[113*], и, соединяя это обстоятельство с тем, что столяр выкрасил дверь в красную краску, она принесет страшные бедствия для женщин, для нас и в особенности для себя.

Уж вот три дня, как она не ходит ⟨за Лизой?⟩[114*], совсем опустилась. Как мне ее ни жаль, но на другую квартиру переводить ее не хочется, я очень нервна против воли, и она иногда пугает меня.

Скажи Ог⟨ареву⟩, что я в Montreux сблизилась с Пог⟨одиной⟩ и уже написала ей об Т⟨атьяне⟩ А⟨лексеевне⟩ и послала письмо тетеньке[3].

Пожалуйста, Г⟨ерцен⟩, не выдавай меня никому насчет моей болезни, кто знает, что может еще случиться. Но окружающие скоро заметят, если уже не заметили[4].

Не покупай Лизе ничего, вместо подарков надо ей купить инструмент, чтоб продолжать резьбу на дереве дома потом[5].

[1] Ответ на письмо Герцена от 12 мая (см. XXIX, 95–96).

[2] Кто именно имеется в виду, не установлено.

[3] 8 мая Огарев в письме к Нат.Ал. осведомлялся: "К какой Погодиной ты хочешь писать и о чем? Разве ты ее знаешь? Разве твои слова для нее что-нибудь значат?" (XXIX, 91). С С.И. Погодиной Нат.Ал. познакомилась в Монтрё, после встреч Герцена с ее мужем М.П. Погодиным 20–23 сентября 1865 г. В неизвестном письме Нат.Ал. просила Погодину помочь Т.А. Астраковой, оказавшейся после смерти С.И. Астракова в бедственном положении, найти работу. Оно переслано через М.А. Тучкову, тетку Нат.Ал., и было вручено Астраковой адресатке, однако Погодины не оказали ей содействия (см. письмо Астраковой к Е.А. и Н.М. Сатиным от конца мая, завершенное 29 мая ст.ст. – автограф *РГАЛИ*, ф. 476, оп. 1, ед.хр. 17, лл. 2, 5).

[4] Намек на беременность. Этим сообщением Герцен был "глубоко потрясен", призывал Нат.Ал. "воскреснуть рождением" (XXIX, 103). Однако она ошиблась в своих предположениях.

[5] Ответ Герцена от 20–21 мая см. в XXIX, 103–104.

64

⟨Ницца. 1 июня 1867 г.⟩. Суб⟨бота⟩

Твой ответ – одни упреки[1], упреки за то, что человек, не зная, что делать, спрашивает, что́ ты предлагаешь, на что Ог⟨арев⟩ согласен[2], я ничего не поняла и прошу тебя поскорей ясно написать.

Насчет Прогер, пожалуйста, не делай более шага, дай мне подумать, не могу ли я иметь кого-нибудь более близкого, – очень тяжело теперь начать дело с посторонней женщиной, и еще раз повторяю, если я должна продолжать жить, как теперь, лучше молчать, чем все раскрывать постороннему лицу, – при свиданье я тебе объясню, что это не облегчает, а, наоборот, делает еще тяжелее положенье. Гариб⟨альди⟩ сказал раз Тате: "Как видно, что вы родственники, как Лиза похожа на вас". Я чувствовала, что у меня сердце дрогнуло и лицо изменилось, Тата отвечала: "Все говорят, что я очень похожа на отца". Если б Тата не знала ничего, эта минута лучше сошла бы с рук – я говорю это относительно Прогер.

Тата очень довольна своей жизнью во Флор⟨енции⟩. Ей хорошо, я считаю, что было бы грешно отрывать ее от ее среды, если она охотно приехала, то надо понять, что весь этот кружок рассыпается и что ей до осени все равно где прожить. Какой же круг я могла бы ей образовать – и где? Для этого надо быть где-нибудь на месте, а где я буду, кто это знает?

К m-me Saffi я не буду писать, она меня оставила – ясно, что после нашего разговора она должна была писать – она мне прислала только раз коротенькую записку – а потом ни строки в шесть месяцев – но я не жалею, что говорила с ней, это был долг, она слишком близко подошла ко мне, чтоб я могла молчать.

Пиши же ради всего, что тебе дорого, время идет – 25-го я должна оставить этот дом – после лучше оставить вещи и ехать на горы – нельзя жить возле Гариб⟨альди⟩[3]. – В июле будет все слишком заметно.

[113*] Чтоб удивлять людей (*франц.*).

[114*] Читается предположительно: чернила расплылись. – *Ред.*

Насчет пансиона, я ни шагу не сделала с тех пор, ⟨как у⟩знала свое положенье, дамы эти[4] сами прислали мне письмо, тогда я пошла к ним и говорила, ничего не обещая. Они сказали, что пришлют мне условия, и не прислали, должно быть, устроили дело с другой. Я верю, что Прогер может вести школу без меня, но что ей за помощь будет женщина в моем положенье? Конечно, узнавши все подробности, никто детей не будет помещать.

Пиши же, пиши, ты меня измучил молчанием – время быстро подвигается, мне надо обдумать и решить, что делать, пожалуйста, не дли – очень жаль, что ты до июля не можешь приехать[5], но, впрочем, и это не важно. – Пойду, может, к Scoffier и расспрошу его, где он советует провести лето и осень, а там – да, мне бы хотелось все обдумать, решить и отдохнуть от этих вопросов.

Ну, прощай, дай твою руку.

А напрасно вы остановите "Кол⟨окол⟩": он хорошо шел и в твоем отсутствии.

Перечти мое письмо, т.е. мое первое письмо[6], и тебе будет больно самому, как жестко ты отвечал на него[7].

Рукой Н.А. Герцен:

1 июня 1867.

Писать буду особо[8], теперь могу только поцеловать тебя и Огарева. Бедный Лугинин, как мне его жаль! Но серьезно его не понимаю, я ожидала наверное, что он приедет сюда, так как не успел ехать во Флоренцию. А выходит, что он ничего не делает. Какая слабость![9]

Твоя Тата Г.

[1] Ответ на письмо Герцена от 29–30 мая (см. XXIX, 108–110).

[2] В письме от 29–30 мая Герцен откликался на письмо Нат.Ал. от 25 мая (*АО*, 60–61, с редакторской датой *1868*) и совместное письмо Нат.Ал. и Н.А. Герцен, приехавшей к ней из Флоренции, от 27 мая (см. его в наст. книге).

[3] Герцен советовал Нат.Ал. "нанять дом возле Гарибальди", т.е. семейства двоюродного брата Дж. Гарибальди (см. XXIX, 109).

[4] *Дамы эти* – Утерло, владелицы пансиона в Ницце.

[5] 29 мая Герцен писал Нат.Ал.: "Время это очень важное для меня и О⟨гарева⟩", имея в виду, с одной стороны, резкий разрыв с "партией" А.А. Серно-Соловьевича, с другой – усиление общественного интереса к "Колоколу", связанное с публикацией в л. 240 от 1 мая "Ответа И.С. Аксакову". «Остановка "Кол⟨окола⟩" будет запросом на to be or not to be ("быть или не быть" (*англ.*)). Она меня может задержать до 1 июля – надобно узнать первый отзыв» (на объявление о приостановке газеты в л. 244–245 от 1 июля; приостановка обосновывалась здесь же, в передовой статье Герцена "1857–1867" (см. XIX, 286–287, 330–331, 486–488, 515).

[6] Письмо от 25 мая (см. *АО*, 60–61).

[7] Н.А. Герцен написала отцу 4 июня (см. ниже).

[8] Очевидно, 30 мая Герцен послал также отдельное письмо к Н.А. Герцен (неизвестно), в котором сообщал о получении из Парижа известия от В.Ф. Лугинина, что тот не может приехать в Ниццу, и, намереваясь отправиться в Россию, просит его о свидании. 3 июня, отвечая на приписку дочери, Герцен писал: "Лугинин для меня загадка – но он очень несчастен ⟨...⟩ Его странная пассия меня не меньше дивит, и я вполне согласен с тем, что ты писала. А жаль его. Чистый человек и chevaleresque ⟨рыцарственный (*франц.*)⟩ – XXIX, 112; см. также 116.

[9] Ответное письмо Герцена к Нат.Ал. от 3 июня неизвестно; в "Списке несохранившихся и ненайденных писем Герцена" (XXIX, 773, № 34) оно ошибочно датировано 4 июня и объединено с письмом Герцена из Монтрё от этого дня. Оно отправлено из Женевы вместе с ответом его Н.А. Герцен, который также не мог быть написан ранее 3 июня (XXIX, 112–113, с редакторской датой: *2–3 июня*).

65

⟨Ницца. 5 июня 1867 г.⟩[1]

Опять сажусь писать к тебе – в конце моего письма опять жесткие слова, но мне хочется тебе объяснить, что откровение – единственная сила против предрассудков; тот, кто прячется, боится их – но я писала второпях, занятая, пораженная судьбой Шарл⟨отты⟩ и ее ребенка[2]. Я ничего не могу делать, мне страшно за нее – пришли поскорей ребенка, если это, в самом деле, так. Пусть после Саша его возьмет, а может, он этого не сделает, может, видя, как мое сердце болит за него, лишенного ла-

ски, любви матери, может, он многое забудет и станет моим другом. Моя любовь к Леле, наша разлука объяснили мне лучше отношение матери к ребенку – пожалуй, улыбайся и не верь, но ты сам увидишь.

А если Ог⟨арев⟩ понял, как тяжело с неравными жить, я готова за ним ходить – если он захочет опять с тобой жить – а Мери делать бы пенсию – но, может, я говорю жесткие вещи, прости: это желанье вас видеть всех соединенных. Через несколько лет, может, и Мейз⟨енбуг⟩ с Ольгой захотят войти в нашу колонию. Пока пиши поскорей, меня мучат твои строки об Шарл⟨отте⟩. Как можно так оставить ребенка – привези или пришли его поскорей. Пиши, не мучь меня. Бедный Ог⟨арев⟩, понимаю, что́ должно быть с ним, когда здесь мне так тяжело. Пиши же.

Деньги получены[3] – merci. Если ты хочешь прислать вещи, можно поместить их у дочери m-me Rocca[4].

[1]Письмо датировано в автографе *4 июня*, а рядом помета: "Я ошиблась" – очевидно, более поздний сигнал об ошибочности поставленной даты. Оно написано 5 июня вечером и отправлено 6 июня, получено в Женеве 8 июня: Герцен цитирует его в письме к Огареву от этого дня (XXIX, 123–124, напечатано с редакторской датой *14–15 июня*).

[2]Письмо служит вторым откликом на полученное в этот день сообщение Герцена в неизвестном письме от 3 июня об исчезновении Ш. Гётсон (31 мая она, как впоследствии выяснилось, – утопилась). Первый ответ Нат.Ал., с советом привезти к ней осиротевшего Тутса, см. в *АО*, 50–51. В конце его она вновь требовала не скрывать их отношений.

[3]3 июня Герцен послал Нат.Ал. и Тате 600 фр. (см. XXIX, 113).

[4]Ответ Герцена от 8 июня неизвестен.

66

⟨Ницца.⟩ 9 июня ⟨1867 г.⟩[1]

На твое хорошее письмо из Montreux[2] я отвечала таким же[3], отдаваясь тебе безусловно; оно было в моем кармане, но я ждала, чтоб изменить, если что нужно; вечером пришло твое холодное, даже враждебное письмо. Я не пошлю тебе своего ответа, он тебе не нужен. Ты упрекаешь, что я тогда не взяла ребенка, разве это одно и то же? Тогда я потеряла всякое доверие к себе, ребенка надо было взять от матери, которая плакала недели, когда ей говорили об этом, теперь, напротив, он один – впрочем, после твоего ответа я никогда не возобновлю этого разговора.

По твоему вопросу об деньгах я вижу, что ты не получил одного письма, писанного в тот же день[4] – разорви его, когда оно придет.

Доверие мое к тебе, которое твое письмо из Montreux было воскресило, побледнело опять, снова мне кажется, что мы только тяжелый долг для тебя, и страстно хочется уладить, чтоб он не давил так тебя. Говори с Прогер об воспитанье, об пансионе, позволит ли ей здоровье принять главную часть на себя и какие условия ее[5]. В сущности, мы ее очень мало знаем, надо во всем договориться, не знает ли она хорошей музыкантши, которая могла бы помогать нам как sous-maîtresse[115*]. Думает ли она, что мы управимся втроем? Завтра я опять пойду к этим дамам, они не прислали мне условий. – Герцен, я лучше принесу все жертвы, но останусь в Н⟨ицце⟩.

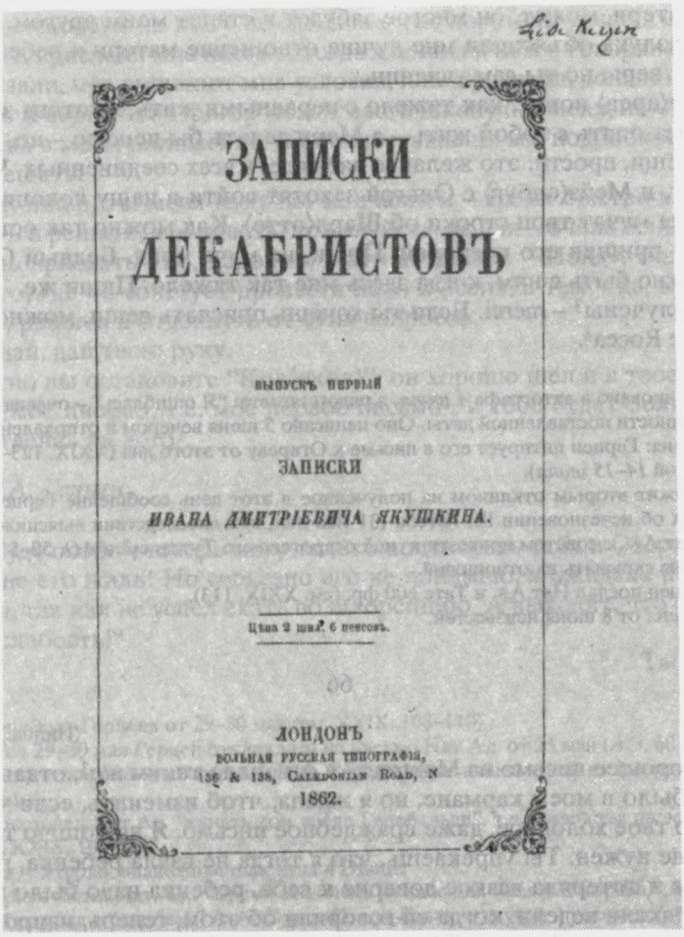
Что мне Генуя, опять новое место, где все чуждо, здесь моя могила, помнишь, когда ты уехал, я сказала Лизе: "Ну, вот мы и одни, Лиза", а она отвечала: "Пойдем на кладбище"[6]. Нет, нам не надо оставлять Ниццу – все же тут что-то родное привязывает.

Не сравнивай Лиз⟨ино⟩ положенье с твоим, ты знал отца и мать с первой минуты, более я ничего не желала – но теперь, может быть, все еще уладится. Только, решившись на пансион, нельзя идти назад, пансион – наш развод, но он лучше для тебя, чем Россия, ты Лизу не совсем потеряешь, а для меня всякое решенье лучше вечного колебанья.

Может, тогда ты перестанешь бояться за Лизу – я не сержусь за это, я сама бо-

---

[115*] младшая воспитательница (*франц.*).


Lisa Herzen

ЗАПИСКИ
ДЕКАБРИСТОВЪ

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ

ЗАПИСКИ
ИВАНА ДМИТРІЕВИЧА ЯКУШКИНА.

Цѣна 2 шил. 6 пенсовъ.

ЛОНДОНЪ
ВОЛЬНАЯ РУССКАЯ ТИПОГРАФІЯ,
138 & 138, Caledonian Road, N
1862.

ЭКЗЕМПЛЯР ПЕРВОГО ВЫПУСКА "ЗАПИСОК ДЕКАБРИСТОВ" (ЛОНДОН, 1862), ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ ЛИЗЕ ГЕРЦЕН
Обложка с владельческой надписью: "Lise Herzen"
Музей Герцена, Москва

юсь за нее. Ну, прощай, я тебе прощаю, что ты то вытаскиваешь меня на берег, то сталкиваешь. Это все без умысла заставлять страдать обреченную на страданье. Ты меня строго, жестоко судишь, но ты мало знаешь мое сердце, мало знаешь, что в нем боли и нерушимой муки.

Напиши мне, что вы решили насчет Ал⟨ександра⟩ III[7], где он будет жить.

Теперь не будем больше шутить нашими надеждами, нашими страданиями, приступим практически к делу Лиз⟨иного⟩ воспитанья, сделаем нужные жертвы. Совесть хоть немного тогда успокоится. Еще, кажется, не поздно, чтоб все уладить. Если хочешь, пришли мне адрес m-lle Прогер – если дело пансиона пойдет на лад, я буду с ней переписываться – но я *требую*, чтоб она ничего не знала[8].

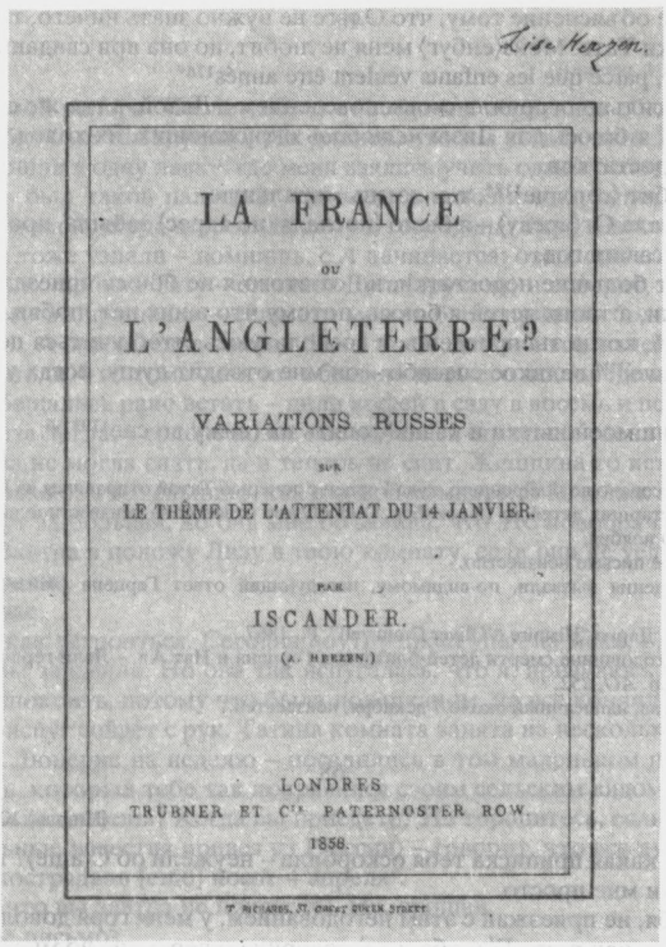
[1]Ответ на неизвестное письмо Герцена из Женевы от 7 июня, в котором он, откликаясь на первое письмо Нат.Ал. от 5 июня (*АО*, 50–51), выражал сомнение в том, что она сможет воспитывать Тутса.

[2]Неизвестное письмо Герцена от 4 июня – очевидно, с призывом к миру, семейному успокоению.

[3]Этот ответ Нат.Ал. от 8 июня, которого Герцен ждал со "странным нетерпением" (XXIX, 120, 122–123), неизвестен: очевидно, он был ею уничтожен после 9 июня.

[4]Имеется в виду предыд. письмо.

[5]Герцен побывал у Прогер между 22 и 24 июня и написал Нат.Ал. тогда же о своих впечатлениях от ее пансиона (письмо неизвестно).


Lise Herzen.

LA FRANCE

OU

L'ANGLETERRE?

VARIATIONS RUSSES

SUR

LE THÈME DE L'ATTENTAT DU 14 JANVIER.

PAR

ISCANDER.

(A. HERZEN.)

LONDRES

TRUBNER ET CIE PATERNOSTER ROW.

1858.

ФРАНЦУЗСКИЙ ПЕРЕВОД СТАТЬИ ГЕРЦЕНА "ФРАНЦИЯ ИЛИ АНГЛИЯ?" (ЛОНДОН, 1858). ЭКЗЕМПЛЯР, ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ ЛИЗЕ ГЕРЦЕН
Обложка с владельческой надписью: "Lise Herzen"
Музей Герцена, Москва

[6]См. письмо Нат.Ал. к Герцену от 16 апреля (*AO*, 40) (с датой 3 сентября 1866 или 1867 г.).
[7]Шутливое прозвище Тутса, сына А.А. Герцена и Ш. Гётсон (третьего Александра в семье).
[8]Герцен ответил на наст. письмо 11 июня (см. XXIX, 120–121), назвав его "невыразимо дурной запиской".

67

⟨Ницца. Около 4 декабря 1867 г.⟩[1]

Вот тебе письмо к Тате[2], Ольге не знаю, что писать, – это трудно, не видавшись так давно. Лиза занимается очень охотно – и довольно мила и умна. Я рада, что ты остаешься дольше во Флоренции – все же тебе лучше, вы хоть друг друга там не боитесь. Я не могу звать ни Ольгу, ни Мейз⟨енбуг⟩. Во-первых, я *их* боюсь, потом, что же переменилось в нашем положенье? Оно все так же натянуто, а я помню ее сцены и ее слова, что она не может жить с нами под одной крышей с этой неистиной внутри.

Я не могу с тобой согласиться, я убеждена, что Саша и Тата не любят Лизу[3]. Холодное отношение к ребенку идет только из нелюбви, следи за Татой, и ты увидишь, как она умеет быть любящей с посторонними детьми. Что Тата и Саша не любят Ли-

зу – вот лучшее объяснение тому, что Ольге не нужно знать ничего, ты можешь прочесть эти строки Тате. Мейз⟨енбуг⟩ меня не любит, но она при свиданье была бы Лизе дороже всех, parce que les enfants veulent être aimés[116*].

Тата меня сильно огорчила своим поведением с Лизой, а где же сцены, которых *все* боятся? Да, я боюсь для Лизы *нелюбовь* окружающих, их холод, потому что он не лечит от недостатков.

⟨Он⟩[117*] губит ⟨сер⟩дце[118*], т.е. жизнь моральную.

Лиза написала Ог⟨ареву⟩ – я было ⟨послала, но адрес⟩ забыла, прости, но ведь немудрено, не писавши год.

Лиза имеет большие недостатки, но от этого я не боюсь приезда Сатиных, они бы мне помогли, а твоих детей я боюсь, потому что в них нет любви.

Ну, прощай, когда ты приедешь, я воспользуюсь, чтоб учиться по вечерам с тобой – за "Cromwell"[4] великое спасибо – он мне отводит душу, когда уж слишком тяжело.

Настали дни моей пытки и казни[5], опять их ⟨вижу во сне[119*]⟩[6].

[1]Письмо адресовано во Флоренцию, куда Герцен с дочерью Татой отправился из Ниццы 17 ноября и где задержался у старших детей до 15 декабря. Оно служит ответом на неизвестное письмо Герцена, написанное около 30 ноября.

[2]Упоминаемое письмо неизвестно.

[3]Эти утверждения вызвали, по-видимому, негодующий ответ Герцена (неизвестен) – см. след. письмо.

[4]Книга Ж.-М. Дарго "Histoire d'Oliver Cromwell". P., 1867.

[5]Речь идет о годовщине смерти детей-близнецов Герцена и Нат.Ал. – Лели-гёрл и Лели-боя (4 и 11 декабря 1864 г.). Ср. *АО*, 252.

[6]Ответ Герцена, написанный около 7 декабря, неизвестен.

68

⟨Ницца.⟩ 10 дек⟨абря 1867 г.⟩[1]

Я не знаю, какая приписка тебя оскорбила – неужели об С⟨аше⟩? Но что же против тебя? Пиши мне просто.

Прошу тебя, не приезжай с этим негодованием, у меня горя довольно. Если б ты слышал сегодня, как m-me Г⟨арибальди⟩ говорила о перемене во мне с твоего отъезда – это правда, без тебя нет силы против стремленья вон из жизни, хотя разумно *я хочу* жить, должна жить, но инстинктом я рвусь к смерти – но зачем я это говорю, нет, нет, в этом письме ни слова об моем здоровье.

Что же я сделала против тебя? Неужели это, что не имею доверия в серьезность С⟨аши⟩? Подумай об его пустой жизни, и ты увидишь, что много правды с моей стороны. Но что же ты, пиши – не спеши отсюда, тебе здесь все-таки лучше – и верь мне: пусть будет тебе хорошо, где бы ни было.

Прощай.

Кланяйся всем – если часы не нужны Ольге, привези их назад. Ог⟨арева⟩ рожд⟨енье⟩ 6 дек⟨абря⟩ и ближе к другому страшному дню[2], Тата все забыла.

[1]Ответ на неизвестное письмо Герцена, написанное около 7 декабря.

[2]Очевидно, Тата в неизвестном письме напоминала Нат.Ал. о близости дня рождения Огарева и годовщины смерти Лёли-боя – 11 декабря. Нат.Ал. же отмечает, что этот день ближе к дню смерти Лели-гёрл – 4 декабря.

116* потому что дети хотят быть любимыми (*франц.*).

117* Край листа оборван. – *Ред.*

118* Читается предположительно: чернила расплылись. – *Ред.*

119* Читается предположительно: чернила расплылись. – *Ред.*

69

⟨Люцерн. 10–⟩12 ⟨июля 1868 г.⟩[1]

Вот тебе мой рапорт. После твоего отъезда мы вернулись обедать. Лиза была голодна, но обед был так хорош и так длинен, что мы устали есть. Играли на бильярде, потом пошли в одну лавку, где меня взялись учить одной работе – мы долго засиделись, день был такой палящий, что ходить невозможно было, – мы медленно возвращались домой, когда встретили даму и господина, лицо знакомое, а имя не помню – они нас тоже узнали – помнишь, с *A* начинается: отец, сын и мать жили в Вене[2]. Она очень полюбила Тату – он знает Долг⟨орукова⟩ и говорит, что поедет к нему после твоего возвращенья – если это может быть приятно больному, но ты об нем не говори... А захожденье солнца было такое, что мы все жалели, что тебя нет.

Они не читали 4-го тома[3], и я им обещала дать его до понедельника. Он хотел зайти, и мы обещались рано встать – пили кофей в саду в восемь и пошли наверх, но, только что Лиза легла, в салоне возле нас началась страшная сцена и продолжалась до десяти. Лиза не могла спать, да и теперь не спит. Женщина то истерически рыдала, то охала громко, и все слышно, как в одной комнате. Я вышла к горничной спросить ее, что тут за больная, но она мне объявила, что это новобрачные – что за дикая жизнь. – Завтра я положу Лизу в твою комнату, если они не уедут. Они остаются еще две недели.

Воскресенье.

Не знаю, как устроиться. Сегодня поутру шкап упал на меня, и, если б не Лиза, меня совсем бы задавило. Но она так испугалась, что я, признаюсь, боюсь за нее, я не могла ее успокоить, потому что была под шкапом, но все кончилось благополучно, если Лизе испуг сойдет с рук. Татина комната занята на несколько дней. Ауэрбахи остались в Люцерне на неделю – поселились в том маленьком пансионе над нашим, помнишь, который тебе так понравился своим сельским видом.

Что же ты не пишешь? Когда вы приедете? Не торопитесь, если это нужно. Ауэрб⟨ах⟩ печальные известия привез из Р⟨оссии⟩ – говорит, что все дурно идет. Европеусы очень пострадали [еще] после 4 апреля[4].

Я думаю, что вы завтра не приедете[5]. Ну, прощай.

Вот и твое письмо[6].

В Belle-Vue едут дети голландского короля – весь первый этаж уже взят ими. Не знаю, что делать, горничная тоже очень боится шкапа, который стоит все так же шатко. Не могу добиться, чтоб его или крепко поставили, или вынесли.

Долгор⟨укова⟩ мне жаль – но этими опасеньями выражается целость его характера и всей его жизни. Я ему не желаю долго так томиться, под конец эта подозрительность может распространиться и на Фогта и, может, на Тхор⟨жевского⟩.

Рукой Лизы:

Je t'embrasse. Ta L i s e[120*]

[1]Письмо написано во время путешествия Нат.Ал. с Герценом и Лизой по Швейцарии (выехали из Ниццы 2 июня; прибыли в Люцерн 4 июля; здесь к ним должна была присоединиться Н.А. Герцен). Оно адресовано в Берн, куда Герцен выехал из Люцерна 10 июля для свидания с умирающим кн. П.В. Долгоруковым – по его просьбе. Письмо начато ночью 10 июля, помета же "12" сделана в день его завершения – в воскресенье.

[2]О знакомстве с Ауэрбахом см. выше.

[3]Имеется в виду т. IV отдельного издания "Былого и дум" ("Отделение первое" его вышло в Женеве, в типографии Л. Чернецкого, 5 или 6 ноября 1866 г.; "Отделение второе" – около 6 февраля 1867 г.; одновременно том вышел отдельной книгой – см. *ЛЖГ* IV, 318, 352.

[4]Петрашевец А.И. Европеус, один из руководителей либеральной оппозиции тверского дворянства (при подготовке крестьянской реформы), приезжал к Герцену в Англию в 1859 г. вместе с женой Эмилией Вильямовной, переводчицей (см. *Тучкова-Огарева*, 150–151 и сообщение И.В. Пороха "У Герцена и Огарева" в конце наст. кн.). В конце сентября 1861 г. она вновь посетила Герцена, а по возвращении в Россию была выслана в Тверскую губ., в имение мужа, за провоз герценовских изданий. О новом аресте "Ев-

[120*] Целую тебя. Твоя Л и з а (*франц.*).

ропеуса с женой и его брата" (П.И.) в связи с покушением Д.В. Каракозова на Александра II Герцен узнал из письма неизвестного корреспондента, которое включил в свою статью "Из Петербурга" ("Колокол", л. 221 от 1 июня 1866 г. – XIX, 84). По постановлению Следственной комиссии под председательством гр. М.Н. Муравьева, Европеусы были высланы под надзор полиции в Вятскую губ., но в марте 1867 г. получили право свободного проживания).

[5]Герцен встретился с дочерью Татой в Берне 10 июля, и вместе с ней вернулся 13 июля в Люцерн; остановились они в Hôtel Belle-Vue, где жила Нат.Ал. с Лизой (см. XXIX, 407, 409; письмо Н.А. Герцен к М.К. Рейхель от 14 июля см. ниже).

[6]Это письмо от 11 июля неизвестно. Очевидно, оно было близко по содержанию к его письму Огареву от этого дня, где описывалась трагедия угасания кн. П.В. Долгорукова, его болезненное недоверие к сыну В.П. Долгорукову (см. XXIX, 406–407).

70

⟨Лион. Около 31 октября 1868 г.⟩[1]

Я писала к тебе длинное письмо из Виши, но не имела храбрости отдать тебе[2], я боюсь тебя сердить и огорчать, а, может, более сержу молчанием – взгляни на меня – на моем лице ты не уловишь дурного чувства, но твои колебанья, трудность понять окончательно друг друга – заставили меня много думать и прийти к решенью изменить форму нашего отношенья. Я очень виновата, что давно не сделала этого, – нам было бы легче – я ничего не прошу, ни на что не жалуюсь – ничего не желаю.

Если когда-нибудь в тебе шевельнется серьезное чувство жалости ко мне, то ты сам протянешь мне руку на то, чтоб найти мне работу – она бы смягчила тупую боль, которая тебе не видна, но которая неразрывна с моим существованием.

Прошу тебя об одном: прими мое решенье, не вызывай новых объяснений – зачем? Мне многого стоило, но я не жалею.

[1]Письмо написано вскоре после отъезда Герцена с семьей из Виши в Лион 22 октября 1868 г. и до отъезда Нат.Ал. с Татой и Лизой в Марсель 2 ноября. Видимо, оно послужило толчком к объяснениям между нею и Герценом перед ее отъездом – 1 или 2 ноября.

[2]Это письмо не сохранилось.

71

⟨Ницца.⟩ 24 ноября 1868

Мне хотелось еще вчера писать к тебе – твои последние слова в последнем письме меня глубоко тронули[1] – если б я могла сделать что-нибудь для твоего спокойствия, конечно, мне бы легче было. Может, в нашей новой жизни найдутся новые, хорошие стороны, которые позволят мне иначе тебе доказать все мое желанье видеть тебя в светлом расположенье. Тата сегодня получила длинные письма от Ольги и Мал⟨ьвиды⟩[2].

Здесь мы начинаем усердно хлопотать об учителях. Фортепьяно нельзя взять до твоего приезда, да и не знаю, брать ли, если неверно, что будут на нем играть. Я хочу взять свою записную книгу и добросовестно рассмотреть, какая разница между жизнью в отеле и жизнью дома. Здесь очень хорошо, пища простая, но сытная – поутру в восемь часов нам дают плохой – *увы*, – кофей с отличным маслом и хлебом. В 11 завтрак – несколько блюд мяса, а в 5 обед – мы сидим в конце стола; около нас старик-француз с женой, очень комические лица, возле Таты застенчивый и больной юноша из Женевы, возле меня игроки из немцев, с которыми я ни слова не говорю – русские на противоположном конце стола – едва видно; наши имена, конечно, давно на доске, но кто может угадать, что это именно мы, мы говорим за столом по-французски и по-англицки, в салоне мы не были – я думаю, этого и не следует. Словом, в этой толпе мы совершенно одиноки и свободны, и ничего неприятного не может случиться, если продолжать ту же жизнь. На доске стоят имена: Будберг, Барклай де Толли, но эти господа, вероятно, обедают в своих комнатах. Хозяева очень услужливы и сговорчивы – может, еще уступят, если узнают, что мы остаемся на всю зиму, – комнаты наши очень теплы: топить не придется, – поутру немного шумно в

сенях, тем лучше, раньше встаем. Тебе, я надеюсь, понравится, – приезжай же в светлом расположенье и верь, что мне очень хочется, чтоб тебе было хорошо, – но если тебе нужно ехать в Париж, то лучше бы ехать из Жен⟨евы⟩ через Париж, – чем через месяц или два опять ехать; лучше теперь отодвинуть наше свиданье. Тхор⟨жевский⟩ пишет, что у m-me Chernetsky начинается gonagre[121*], посоветуй ей мазать иодиновой тинктурой и носить платок, потому что оно долго будет желто.

Что Ог⟨арев⟩, ты мало о нем говоришь в последних письмах[3].

У меня еще 150 фр., но не хватит заплатить за неделю в отеле и на наши издержки, поэтому я думаю отложить платеж до твоего приезда. Записка к Ав⟨игдору⟩ у меня, но без крайности не хочется брать у него денег. Стало, с Елиз⟨аветой⟩ 22 фр. в день – свечи 3 берем у хозяйки, остальные покупаем. Рокки нам очень обрадовались, дети Гариб⟨альди⟩ тоже – привези Нине книжку – она будет рада, потому что очень любит тебя.

Я очень боюсь за мои вещи, говорят, что моль была страшная здесь летом. Лиза начинает охотно шить для кукол, я очень этому рада. Елиз⟨авета⟩ начинает все приводить в порядок. Она нам рассказывает целые легенды об своей жизни у *Rother's* – пышная жизнь без денег – однако ей заплатили, потому что она собиралась идти к консулу.

Лиза тебя целует. Ну, прощай, приезжай, если можешь. Сегодня и вчера дождь.

Рукой Лизы:
Je t'écrirai demain. L i s e[122*]

[1]Отклик на неизвестное письмо Герцена из Женевы от 20 ноября.

[2]Эти письма до нас не дошли.

[3]В ответном письме от 26 ноября Герцен писал: "Очень рад, что ты спрашиваешь об Огар⟨еве⟩. Физически ему недурно. Даже и ум его свободнее – но жизнь мне не нравится. Я утомляюсь у него – и эта бедность. Я опять купил салфетки и всякую дрянь..." (XXIX, 134 – начало письма не сохранилось; ошибочно присоединено публикаторами к письму от 25 июня 1867 г.).

72

⟨Экс-ле-Бен. 13 мая 1869 г.⟩ Четверг[1]

Опять пишу, хотя, собственно, ничего нет особенного. Письмо мое лежало на Лизиной тетради и пристало – я отодрала, но бумага осталась на конверте, и я боюсь, чтоб ты не подумал, что кто-нибудь распечатал.

Лиза познакомилась с дочерью хозяина – теперь ей менее скучно – мы все занятия расписали, от десяти до двух, а после обеда прогулки, игры с девочкой и чтенье. Вчера она ездила на осле и была очень довольна; сегодня я [ходила] взяла ванну – но после что-то голова болела, а может, это от тяжести в воздухе – погода все еще не совсем установилась.

Я писала тебе, что мы можем приехать одни, но я забыла, что белый сундук мне нужен, чтоб уложить книги. Жаль, если ты не приедешь[2], здесь окрестности так хороши, что стоит походить. Одна из главных прогулок – это в монастырь des Chartreux. У них для мужчин постели и сплендидный[123*] отель, но женщин не пускают, оттуда, говорят, вид прекрасный.

Ну, прощай, Толстого я кончила, не могла прежде успокоиться, ты не сердись – это чтенье так кстати пришлось к моему расположенью[3]. Крепко жму твою и Ага руку.

Лиза тебя ждет с нетерпеньем – и она привыкла к тебе, и хотя ей не хочется показать, что скучно со мной, но она говорит, что "чего-то без тебя недостает", – и ест меньше – ей нужны твой смех и удивленье, чтоб поощрять ее. Но здесь, право, очень

[121*] ломота в колене (*франц.*).

[122*] Я тебе напишу завтра. Л и з а (*франц.*).

[123*] роскошный (*от франц.* splendide).

хорошо – так тихо и лесом пахнет – я чувствую, что я необыкновенно добра и грустна – а ты, верно, смеешься, читая эти строки. Ну, прощай, или, гораздо лучше, до свиданья. Попроси Тхоржевского, если будут ко мне письма после тебя – присылать их на твое имя. Спроси у него, до какого месяца заплочен пансион за детей Besson – я буду ему сама посылать. Ну, будет. Ах, нет, постой, об Толст⟨ом⟩ много буду говорить – местами он глубоко понимает жизнь, но я хотела только сказать вздор – подробностей об Тучков⟨ых⟩ он не говорит, мог не знать, это ничего, но об Ив⟨ане⟩ Алек⟨сеевиче⟩ Яковлеве как-то нехорошо помянул, об письме к Алек⟨сандру⟩ I, и говорит, что Алек⟨сандр⟩ I не принял его. Разве это правда? Мне помнилось напротив[4].

Окончательно прощай.

Так всякого дела много, что я не жалуюсь, даже порой время недостает, а все же хочется, чтоб ты был и чтоб его еще меньше хватало. – К тебе писем не было.

Иностранцы начинают приезжать.

[1]Письмо послано из курортного городка Экс-ле-Бена (Франция, в 4 часах от Женевы), куда Герцен привез Нат.Ал. и Лизу из Ниццы 8 мая. Это второе письмо Нат.Ал. после отъезда 10 мая Герцена в Женеву. Первое, написанное 12-го – "в середу" – в ответ на письмо Герцена от 11 мая (XXX, 108–109), неизвестно.

[2]В ответном письме от 15 мая Герцен писал: "Я непременно приеду сам, и для того, чтоб все уладить здесь, останусь до *понедельника*" (Герцен приехал в Экс-ле-Бен за Нат.Ал. и Лизой 17 мая – XXX, 111, 114).

[3]Том V "Войны и мира", вышедший из печати 16/4 марта.

[4]См. об этом эпизоде подробно в работе А.Г. Тартаковского "Переписка И.А. Яковлева с А.И. Михайловским-Данилевским" (кн. 1-я наст. тома).

КАРОЛИНЕ МИШЕЛЬ

Публикация М. М е р в о[124*]

Каролина *Мишель* – француженка-гувернантка Н.А. Тучковой и ее старшей сестры Елены – "весьма образованная и начитанная особа", "достойная личность", по характеристике ее ученицы. Она провела в доме Тучковых восемь лет и была "не только наставницею, но и другом, и осталась им до конца своей жизни" (*Тучкова-Огарева*, 40).

В 1847–1848 гг. Мишель сопровождала Тучковых за границу и вместе с ними возвратилась в Россию. В начале 1860-х годов она обосновалась в Меце, в монастыре, носившем название Сиротский приют, или, точнее, *Приют сироток* (Maison des orfélines).

Наталья Алексеевна в юности страстно любила Мишель и навсегда сохранила эту привязанность. Герцен же и Огарев испытывали к ней обостренно недоброжелательное чувство. Имя Мишель нередко встречается в переписке Герцена, Огарева и их знакомых. Упоминания о ней читатель найдет и в письмах Тучковой-Огаревой, публикуемых выше.

Настоящее письмо написано было после совместного пребывания Натальи Алексеевны в Борнемуте с Герценом, Огаревым, Мейзенбуг и детьми Герцена летом 1864 г. Давний конфликт между нею и Мейзенбуг разгорелся тогда с новой силой. Из переписки Герцена можно получить представление о беспредельно накаленной атмосфере, которая установилась между членами его семьи, Тучковой-Огаревой и воспитательницей Ольги. "Ссоры ⟨...⟩ – писал он, – продолжаются, как следует. Кроме Таты – виноваты все ⟨...⟩ Мальвида поочередно с Nat⟨alie⟩ сходят с ума" (XXVII, 512, 514).

Откровенно недоброжелательные отзывы Тучковой-Огаревой о детях Герцена (особенно об Ольге) в публикуемом письме отчасти объясняются тем, что она нередко испытывала к ним почти враждебное чувство. Известно также, что в этих конфликтах Герцен почти постоянно принимал сторону своих детей, ревниво защищая их, и, по словам Натальи Алексеевны, эта ревность страшно мешала ее расположению к ним. Но и сам Герцен порою судил о своих детях чрезмерно сурово. В уже цитированном выше письме он отмечал, что, "кроме Таты, виноваты все". Даже в самой Тате находил он жесткие стороны, оскорблявшие Мейзенбуг. Что касается Ольги, то Герцен не раз выражал сожаление о том, что она, "мало занимается" – впрочем, подобные упреки он нередко адресовал Саше и Тате.

[124*] Перевел с французского Л.Р. Л а н с к и й.

К Ольге Тучкова-Огарева почти всегда относилась враждебно, и отношения между ними нередко бывали более чем натянутыми. Шалости Ольги, чаще всего остававшиеся безнаказанными, вызывали у нее отвращение; она постоянно опасалась, как бы Ольга не нанесла ее дочери Лизе какого-нибудь увечья. То и дело говорит она о "злых проделках" Ольги со своей собакой и с маленькой Лелей. По словам Натальи Алексеевны, Ольга своего отца, т.е. Герцена, совсем не любила. Как бы то ни было, но в своем "Бедламе..." Огарев, без сомнения, точно воссоздал картинку их семейного быта; Ольга изображена там надоедливой капризницей. Что же касается Саши и Таты, то суждения о них Тучковой-Огаревой хоть и далеко не доброжелательные, все же заключают в себе целую гамму оттенков. В "Исповеди" она пишет даже, что Саша всегда был с нею очень мил и что после того как секрет ее отношений с Герценом был открыт ему "старушкой Фогт", Саша написал Герцену и Огареву весьма трогательное письмо. Однако Огарев в "Бедламе..." показывает нам Сашу, способного не только подразнивать мачеху, но и оскорблять ее.

О старшей дочери Герцена Тате Наталья Алексеевна почти всегда отзывается лучше, чем о других. Она ей ближе остальных его детей. Позже она заявит, что любила ее, как дочь (*АО*, 283–284). После смерти Герцена все они некоторое время будут жить вместе. Кое-какие контакты с Татой она сохранит и после возвращения в Россию (см. ниже в этом же разделе письмо Н.А. Герцен о своих последних встречах со старой мачехой в 1911 г.).

Письмо печатается впервые по автографу *JJSG*.

Перевод с французского:

⟨Лондон⟩ ⟨28 октября 1864 г.⟩ Tunstall House. Warwick Road. Maida Hill[1].

Милый друг, посылайте мне письма, если напишете их до седьмого числа – с отъездом я по разным причинам задержалась[2]...

У меня была мисс Турнер-старшая; она сказала мне, что ее сестра написала ей, будто ноги у Таты[3] так распухают, что пришлось вызвать врача, – это тревожит меня; быть может, у вас есть более обстоятельные сведения?..

Вот уж три дня как м-ль Мейзенбуг уехала с Татой и Ольгой – и в доме тотчас же установилось спокойствие, но эти четыре месяца вогнали меня в самое удрученное состояние, и я постоянно испытываю очень сильное желание жить одной с детьми – мое положение исключительно трудно; без сомнения, я никогда не разлучу ни Огарева с Герценом, ни Герцена с его детьми, но жить вместе с последними – сущая му́ка; бесспорно, что Тата – лучшая из них, но ее эгоизм так силен, что поневоле вас отталкивает; что же до Алекс⟨андра⟩, то это самый необязательный и самый неприятный для ⟨совместной⟩ жизни человек – даже услуги собственному отцу он оказывает с ужасающей неучтивостью; Ольга же – наихудший пример, который можно было бы найти для других детей – лживая, бесцеремонная, наглая, драчливая, ленивая, вечно праздная, непослушная и т.п. Но, пожалуй, хватит об этом.

Прощайте, милый друг, я кончаю, Мари отправилась за Лизой, оставшейся у знакомых, а Леля спит, тяжело дышит и плачет во сне – этого достаточно, чтоб ужаснуть меня.

Прощайте, от всей души целую вас.

Всей душою ваша

Натали

Если что-нибудь случится, я напишу вам насчет ваших двух м⟨алю⟩ток[4], и поверьте, что я о них постоянно думаю.

[1]Адрес, указанный на этом письме, дает возможность определить, что оно написано было в октябре–ноябре 1864 г. Отъезд Мейзенбуг с Татой и Ольгой из Лондона, о котором упоминает Нат.Ал., по-видимому, состоялся 25 октября (см. XXVII, 515). Письмо Нат.Ал., написанное тремя днями позже, надо условно датировать 28 октября.

[2]Известно, что Нат.Ал. отправилась в Париж с Лизой и обоими близнецами 11 ноября (см. XXXVII, 520). Она собиралась заехать в Канн.

[3]*Tama* Сатина – четырнадцатилетняя племянница Нат.Ал., дочь ее сестры Елены.

[4]Вероятно, сиротки, которых Мишель просила где-нибудь пристроить.

А.А. ГЕРЦЕНУ

Публикация Л.Р. Л а н с к о г о

Во второй половине 1869 г. перед Герценом остро встал вопрос о выборе постоянного местожительства для себя и всей семьи. После долгих колебаний он остановился на Париже, где явно ослабевал долголетний правительственный террор и появилась возможность сколько-нибудь спокойно жить и работать, без сделок с совестью и вечной оглядки на всесильную полицию.

Приехав 23 сентября из Брюсселя в Париж вместе с Н.А. Тучковой-Огаревой (уже носившей его фамилию) и их дочерью Лизой, Герцен занялся поисками подходящей квартиры. Здоровье его было сильно подорвано, и все мучительней напоминал о себе диабет. После бесконечной серии неприятных переживаний он испытывал крайнюю потребность хотя бы в кратковременном отдыхе и душевном покое. В Париже Герцен рассчитывал собраться с силами, приступить к исполнению давних творческих планов и изданию собрания своих сочинений на французском языке. Надеялся он и соединить, наконец, под одним кровом разбросанную по Европе семью, словом, начать новый жизненный этап.

Судьба, однако, решительно воспрепятствовала его планам и намерениям, внезапно обрушив на него еще один неожиданный удар, от которого оправиться ему уже не удалось...

В своих воспоминаниях Тучкова-Огарева живо (хотя и с некоторыми неточностями) воспроизвела следующий эпизод, относящийся к 28 октября 1869 г.: "Мы сидели дома в небольшом салоне и почти весело разговаривали о том, что, вероятно, можно будет здесь устроиться ⟨...⟩ Вдруг подали письмо ⟨!⟩ Герцену от его сына, в котором последний говорил, что Наташа очень занемогла и что он просит отца немедленно ехать во Флоренцию. Зная здоровую комплекцию дочери, Герцен недоумевал и послал телеграмму, спрашивая, какая болезнь. В непродолжительном времени он получил ответ, потом сказал: "Лучше бы я узнал, что ее нет на свете". В телеграмме было сказано: "Dérangement des facultés intellectuelles". Ужасная неосторожность сына как будто парализовала его" (*Тучкова-Огарева*, 245; *ЛЖГ*, V, 274).

"Помрачение умственных способностей" – таков русский перевод полученной телеграммы. Психическое заболевание, поразившее любимую дочь Герцена, было вызвано настойчивым "ухаживанием" за ней слепого сицилийца (графа?) Пенизи, всеми средствами добивавшегося ее любви. Герцена ужасала мысль о возможности брака дочери с каким-то "проблематичным" иностранцем да вдобавок неизлечимым калекой, и он потребовал ее немедленного отъезда в Париж. Опасаясь, что добыча ускользает, Пенизи буквально терроризировал перепуганную девушку и довел ее до опасного нервного срыва.

"Историю" с Пенизи Герцен считал одним из самых сильных и мучительных ударов своей жизни, прибавившим "много скептицизма" в его жизненное воззрение (XXX, 229).

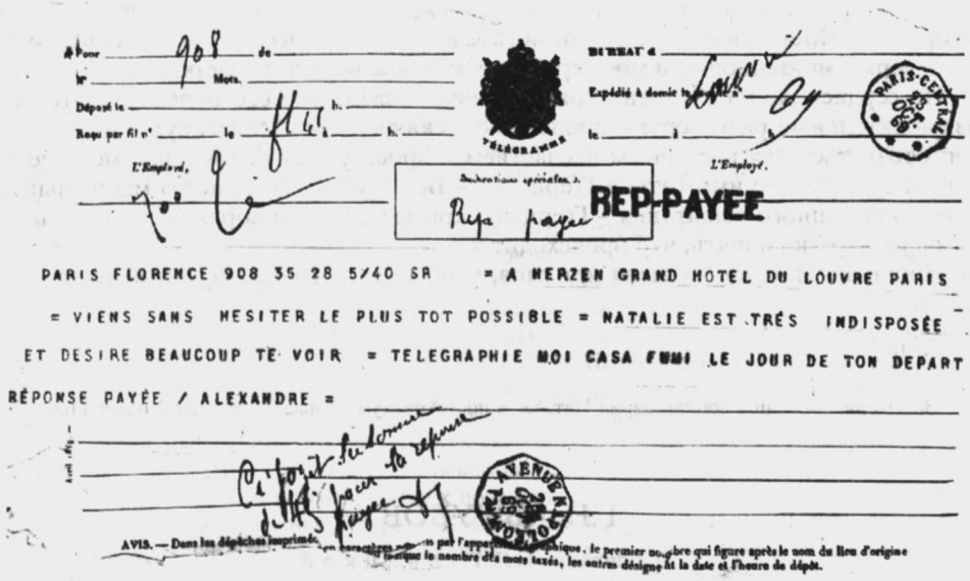
Получив от своего сына-профессора (врача-психолога!) поразительную по бездушию и бестактности телеграмму, Герцен отправил ему запрос насчет состояния ее здоровья и возможности длительного переезда. Александр Александрович ответил отцу: "Она может ехать, но только с сопровождающей". – "Отдаление отсюда было бы даже полезно, – продолжал он. – Это спокойное безумие. Устройся, чтобы провести с ней пару недель в уединенном месте" ("Лит. наследство", т. 41-42, с. 528; уточнено по подлиннику *РГАЛИ – ЛЖГ*, V, 274).

"Сейчас твое второе письмо, – в смятении отвечал ему Герцен, – я в ужасе, не знаю что делать ⟨...⟩ Как мне ехать? ⟨...⟩ Возможно ли, чтоб меня Тата заставила решиться на такую безумную жертву?.. (XXX, 231).

Оставить в беде свою любимицу Герцен не счел возможным и решился немедленно отправиться в путь, хотя отчетливо понимал, что поездка эта будет иметь для него катастрофические последствия...

К письму Герцена Наталья Алексеевна сделала следующую приписку: "... Умоляю, побереги их обоих – помни, что удар может и его убить, это условие, которое все доктора ставят его болезни... Я буду его торопить к вам – как мучительно, больно и страшно за Тату. – Прощай" (XXX, 231).

Герцен "сидел в каком-то оцепенении, бледный и не думал собираться, – сообщает Наталья Алексеевна. – Очевидно нельзя было отпустить его одного, да и сам он сказал "Лучше поедем вместе". Я живо уложила самые необходимые вещи, и мы, расплатившись в отеле и не успев проститься ни с кем в Париже, поехали наудачу на дебаркадер южных дорог, – там поезда ходят часто. Нам пришлось не ждать, а спешить ⟨...⟩ Мы ехали безостановочно. Это было очень тяжело для нас всех, в особенности для ребенка", т.е. для одиннадцатилетней Лизы, которую решено было взять с собой. "Герцен ехал почти всю дорогу молча; внутренняя тревога, нетерпение виделись на его измученном лице", – вспоминала его спутница (там же, 245).



ТЕЛЕГРАММА А.А. ГЕРЦЕНА ОТЦУ О БОЛЕЗНИ ТАТЫ ГЕРЦЕН
(ФЛОРЕНЦИЯ. 28 ОКТЯБРЯ 1869 г.):

"Приезжай без промедления как можно скорее – Натали серьезно больна и очень хочет тебя видеть – Телеграфируй мне Casa Fumi о дне твоего отъезда ответ оплачен. Александр"

Международный институт социальной истории, Амстердам

Из Парижа Герцены выехали 29 октября и на следующее утро прибыли в Марсель с опозданием на три или четыре часа, вызванным крушением какого-то предыдущего поезда, вследствие чего им очень долго пришлось ждать на стуже. В Марселе предстояло сесть на пароход, отправлявшийся в Геную. Передышку сделать не удалось – они не успели даже позавтракать. В пути Герцен сильно простудился и совершенно больным приехал в Геную, где оставил жену и дочь. В зависимости от обстоятельств он должен был решить, везти ли Тату сразу же в Париж или побыть с нею еще некоторое время в Италии. Публикуемое письмо Натальи Алексеевны к сыну Герцен повез с собой. Во Флоренцию он приехал 2 ноября. Встреча с дочерью потрясла его. Всю ночь он не спал, и нервы его "расстроились до слез и рыданья" (XXX, 234). На следующий день он вызвал к себе во Флоренцию Наталью Алексеевну (с Лизой), чтобы совместно ухаживать за Татой.

Приезд Герцена благотворно подействовал на девушку. Герцен не без основания считал, что буквально спас ее. Наталья Алексеевна приписывала, в основном, этот результат себе и тоже была права. "Мой уход увенчался успехом, – вспоминала она: – больная стала поправляться, мало-помалу сон и аппетит возвращались, но я напрасно искала выражения радости на мрачном лице Герцена: он был убит и не имел силы ни верить, ни надеяться на выздоровление любимой дочери. Он жил в каком-то болезненном выжидании..." (*Тучкова-Огарева*, 246).

В Париж Герцен с семьей возвратился только 18 декабря. Казалось, все обошлось благополучно и входит в прежнюю колею... Но он был уже обречен. Жить ему оставалось только месяц и два дня...

Письмо печатается по ксерокопии с автографа *BN*. Впервые опубликовано М. Мерво в *LOAHf*, 323–324.

Черновое

⟨Генуя. 1 ноября 1869 г.⟩

Мы не могли добраться так скоро – а душа изныла от остановок! Пожалуйста, не раздражайся на твоего отца – этот удар его сразил – может, будут опреки ⟨!⟩ – по-моему, лучше не говорить о происшедшем – это потеря сил и времени – если можно,

ускорь их выезд. Истина так страшна, что хочу подняться, чтоб не растеряться окончательно. Может, глупо, что мы приехали, – любовь к Тате и страх за нее заставили все бросить – Мейз⟨енбуг⟩ должна помогать насчет Лизы, чтоб я могла ходить за Татой, – верь в мою любовь, в мое страстное желанье видеть ее здоровой...

Не сердись же на Г⟨ерцена⟩, раздраженье – следствие его болезни... Отстрани раздражительные разговоры – с любовью... скажи то же Мейзенбуг – может этот удар отозваться для нас новым несчастием – проси у Мейз⟨енбуг⟩ для меня ее помощь и дружбу – во имя Таты и Г⟨ерцена⟩. – Без глубокого единства мы не выйдем из этого страшного испытания – Г⟨ерцен⟩ скрывает, как он поражен, но я слишком его знаю, чтоб не понять, что́ происходит в нем.

Прощай, дай руку – у меня нет слов, чтоб тебе выразить весь мой ужас – всю мою боль.

Саше[1]

[1]За это письмо Саша поблагодарил Нат.Ал. в постскриптуме к письму отца от 3 ноября (см. XXX, 237).

Г.Н. ВЫРУБОВУ

Публикация Е.Л. Рудницкой

Имя Григория Николаевича *Вырубова* (1843–1913), видного последователя О. Конта, издателя (совместно с Э. Литтре) парижского журнала "Revue de la Philosophie Positive" – "Сент-Жюста позитивизма", как иронически назвал его Герцен (XXX, 224), – довольно часто мелькает в письмах последних лет жизни писателя. Об их знакомстве, состоявшемся в 1865 г., и о взаимоотношениях писал Н.И. Анциферов в предисловии к публикации писем Вырубова к Герцену ("Лит. наследство", т. 62, с. 55–56). Несмотря на серьезные идейные расхождения, Герцен до конца жизни сохранял с Вырубовым дружеские и деловые связи. Не последнюю роль играл в этом характер Вырубова: "Если б не его добродушие и незлобие, – писал Герцен Огареву в октябре 1869 г., – я перестал бы к нему ходить" (XXX, 224). К Вырубову была расположена вся семья Герцена. Во время его смертельной болезни Вырубов являлся для нее надеждой и опорой. За несколько дней до катастрофического исхода Наталья Алексеевна писала Огареву: "Вырубов более всех принимает участие и помогает" ("Лит. наследство", т. 63, с. 482). Не случайно стал он и одним из душеприказчиков Герцена.

Публикуемые письма относятся к 1870–1871 гг. Он посланы были из Женевы, куда перебралась из Парижа в конце февраля 1870 г. Тучкова-Огарева, и свидетельствуют о полном доверии вдовы Герцена к его молодому другу. Она видела в Вырубове человека, на которого может положиться как в решении личных проблем, так и – главное – в делах, связанных с судьбой литературного наследия Герцена и с увековечением его памяти.

Над французскими переводами произведений Герцена Тучкова-Огарева начала работать в последние годы его жизни. После его кончины она занялась ими особенно усердно. Много времени уделяла она и подготовке к печати его неизданных трудов, а позднее – так называемого "женевского" собрания сочинений, выходившего в 1875–1879 гг. под редакцией Вырубова.

14 февраля 1870 г. старшая дочь Герцена сообщала из Парижа Огареву: "Natalie ⟨...⟩ никогда не выходит, целый божий день сидит – то переписывает, то переводит..." В этой работе участвовал и Вырубов. Он, – продолжала дочь Герцена в том же письме, – "помогает Natalie переводить, и переводит он очень скоро и хорошо" ("Лит. наследство", т. 63, с. 484).

Переводы эти вначале предназначались для парижских периодических изданий. Как видно из публикуемого письма от 21 июля, какая-то часть подготовленного перевода к тому времени уже увидела свет. В отношении остального предпринимались при содействии Вырубова дополнительные усилия. Результатом переводческой работы Тучковой-Огаревой явилась вышедшая в 1871 г. в Женеве на французском языке книга "Письма из Франции и Италии (1847–1852), переведены с русского г-жой Н⟨аталией⟩ Г⟨ерцен⟩. Издание детей автора" (Наталья Алексеевна с 1869 г. носила, как известно, фамилию Герцена). Она участвовала и в подготовке "Сборника посмертных статей Александра Ивановича Герцена", отпечатанного в конце 1870 г. в женевской типографии Л. Чернецкого. На книге указано: "Издание детей покойного". С подготовкой первого собрания сочинений Герцена в издании Георга, несомненно,

связана и обращенная Натальей Алексеевной просьба к Вырубову прислать для необходимых уточнений экземпляр "Недели" с очерками "Скуки ради" – последним подцензурным выступлением Герцена в русской печати. Другая просьба в том же письме – передать И.С. Тургеневу, что рукописи переводов Герцена, с которыми Тургенев собирался ознакомить парижских издателей, пересланы ей Вырубову в Женеву.

Особенно интересны те письма Тучковой-Огаревой к Вырубову, в которых идет речь о делах, связанных с русской революционной эмиграцией в Женеве (с Огаревым, Бакуниным, Нечаевым), о их взаимоотношениях, а также о выпускавшихся ими периодических и непериодических изданиях.

Переезд Тучковой-Огаревой в Женеву был в значительной степени связан с решением старшей дочери Герцена включиться в революционную деятельность и участвовать в воссоздании "Колокола" под руководством Огарева и Бакунина. В "послании" Бакунина к "обеим Natalies", датированном 21 февраля 1870 г., он апеллировал к их долгу во имя продолжения дела Герцена: "Мы все думаем о том, как бы, совокупными силами, продолжить дело Герцена, переведя его, сообразно с потребностями времени и настоящего положения, из теории на практику ⟨...⟩ Мы хотим воскресить "Колокол" – лучший памятник, который можем поставить ему, – помогите нам ⟨...⟩ Делайте с нами вместе русское дело ⟨...⟩ Соберитесь, соберемся все вокруг Огарева, нашего святого старика, лучшего друга Герцена, и будем с общего совета делать каждый, что умеет, что может, для освобождения русского народа" ("Лит. наследство", т. 63, с. 486–487). Лучшим комментарием к посланию служат написанные в те же дни письма самого Бакунина, адресованные Огареву. Бакунин наставлял в этом духе и Огарева. Участие в "Колоколе" "обеих Natalies" (возобновление его было давно задумано им и Нечаевым) и обеспечивало как материальную базу, так и моральный престиж газеты.

Как выясняется из части дневника Н.А. Герцен, опубликованного в "Литературном наследстве" (т. 96, с. 440–460), это письмо Бакунина "к обеим Natalies", было передано ей Огаревым на следующий же день после их приезда в Женеву. Повлиять на Наталью Алексеевну и склонить ее к участию в "Колоколе" не удалось, и она сразу же возвратила письмо Огареву. Во второй половине марта в Женеву приехал Бакунин для окончательного решения вопроса о программе задуманного им издания. Н.А. Герцен оставила в своем дневнике выразительное описание бурных споров, возникших при этом между Нечаевым, Бакуниным и Огаревым и закончившихся, несмотря на упорное сопротивление Огарева, принятием программы, на которой настаивал Нечаев – "издавать газету *пеструю* или *бесцветную*, так, чтоб всех озадачить, чтоб лица всех партий безразлично могли писать в ней[125*] – конечно, с тем, чтобы выражать свое недовольство или свою ненависть против русского правительства" (там же, с. 456). Бакунин уговорил Огарева "попробовать, что выйдет из такого фокуса". К этим записям Н.А. Герцен буквально примыкает первое из публикуемых писем Тучковой-Огаревой, написанное вслед за событиями 25 марта, т.е. за неделю до выхода в свет первого номера "нечаевского" "Колокола".

В отличие от дневника Н.А. Герцен, воссоздававшего события двухмесячной давности, письмо Тучковой-Огаревой – сиюминутное свидетельство о происходившем, во всем его драматизме и психологической достоверности. Сообщая Вырубову о возобновлении "Колокола", она называет эту "партию" "Народной расправой", "которая именует себя революционным обществом...", а Огарева и Бакунина "вместе с маленьким Нечаевым" – "агентами этой партии". Таким образом, она заранее разоблачила лживость подзаголовка, который Нечаев поместил вслед за названием "Колокол", так и не добившись согласия Н.А. Герцен поставить свое имя: "Орган русского освобождения, основанный А.И. Герценом (Искандером)". Тучкова-Огарева была прекрасно осведомлена об отношении Герцена к прокламационной кампании, развернутой Нечаевым, Бакуниным и Огаревым. Прокламации, увидевшие свет уже после кончины Герцена, были в еще большей мере отмечены печатью авантюризма и прямым мистификаторством. За горечью ее возражений явственно проступает реальное положение дел. В оценках и суждениях Тучковой-Огаревой слышится отзвук и герценовского голоса.

Последние месяцы жизни Герцена представляли собой упорное противостояние ложному направлению, на которое нечаевско-бакунинская пропаганда толкала русское революционное движение. "Игра в революцию" – эти слова Герцен не раз с упреком обращал к Бакунину в "Колоколе". "Колокол", как его задумал Нечаев, – это продолжение "игры", и Тучкова-Огарева в целом была права, возлагая ответственность за это главным образом на Бакунина. Отчасти справедлив и ее горький отзыв об Огареве, разделявшем с Бакуниным ответственность за пропаганду, которая была развернута по инициативе Нечаева. Огарев действительно был

[125*] *В печатном тексте опечатка*: в нем. – *Ред.*

ее деятельным участником. Тучкова-Огарева с явной предвзятостью заявляла при этом, что он больше не спорит, не рассуждает, а только "верит и делает". Между тем, дневник Н.А. Герцен достоверно свидетельствует о том, что Огарев отчаянно спорил, а дальнейшая история газеты делает очевидной упорно проводившуюся Огаревым линию на приближение нечаевского "Колокола" к старому "Колоколу", его стремление придать газете последовательно социалистический и революционный характер.

Отзвуки суждений Герцена заполняют все письма Тучковой-Огаревой к Вырубову. "Что сказал бы он?" – Этот вопрос задает она в связи с начавшейся Франко-прусской войной. Мысли Герцена, литературные предприятия и издания, связанные с увековечением его памяти, организация средств, для сооружения надгробного изваяния, воспитание дочери Лизы – и просьба к Вырубову дать совет, опять-таки в ознаменование "той огромной любви, которую питал к ней отец" – этим заполнены обрамленные траурной рамкой листки, на которых пишет вдова Герцена.

Письма публикуются по автографам *ГЛМ*, хранящихся в Институте истории РАН (Москва) и переданных туда профессором Оксфордского университета Е. Лампертом (получены им от зарубежных потомков Вырубова). – Отметим, что в *РГАЛИ* хранятся автографы 6 писем Вырубова к Тучковой-Огаревой за 1875–1876 гг. (ф. 359, оп. 1, ед. хр. 226).

Перевод с французского

1

25 марта 70 г. Пансион Магена.

Franchée du Plainpalais. Женева

Милостивый государь,

Являюсь к вам, чтобы поблагодарить вас за доброе ваше письмо и советы[1]. Опасаюсь за Лизу не вследствие климата, тем более, что мы должны поехать только на лето, а осенью возвратиться, но, как и вы, я испытываю почтение перед пастью льва. За четырнадцать лет отсутствия и свободной жизни в Англии я несколько поотвыкла от бесцеремонности нашего правительства.

Поразмыслю над вашим советом, мне недостает мужества оставить Лизу, у меня нет никого, кому я могла бы ее доверить.

Разделяю ваш взгляд на эмиграцию, но ведь существует столько же партий сколько личностей – и менее всех симпатична мне та, что называется *Народной расправой*, та, что именует себя революционным обществом и издает русскую газету под названием "Колокол". Огарев и Бакунин – агенты этой партии, вместе с маленьким Нечаевым. Александр[2] протестовал частным образом против этого названия, но его не послушали. Неплохо было бы, если б иностранная печать поняла, что истинный Колокол не может более звучать; что поскольку Колокол издается на русском языке, она о нем никогда и понятия иметь не будет, так же, как никогда не узнает и о Бакунине, потому что все его противоречивые брошюры и прокламации предназначены лишь для нас; мне очень хотелось бы увидеть их переведенными на французский язык, и я удивляюсь, что он так мало старается вызвать всеми своими творениями восхищение у западных людей. Сейчас он здесь, и поэтому потребность конспирировать вокруг него усилились – бедный Огарев, он один из самых неспокойных людей. Тяжко пережить тех, кто нам всего дороже, но еще ужаснее пережить самого себя, как это происходит с Огаревым. Он больше не спорит, он больше не рассуждает – он верит и действует... Если бы вы были здесь, я чуть не сказала, что рассмеялась бы, – но нет, это невесело, ведь есть жертвы, и потом, во всем, что делается вокруг меня, я так сильно ощущаю это огромное, это ужасное отсутствие. Он[3] мешал играть в Революцию, как играют дети, готовя куклам обед; но нынче все словно с цепи сорвалось, нет больше сдерживающей руки, нет больше здравого смысла. Бакунин воспользовался этой смертью, об этом говорить ужасно, но это так. – При жизни они не могли овладеть им, они хотят это сделать ныне; они отобрали у него "Колокол", но звонить в него должным образом не сумеют.

Простите эту длинную тираду, она вырвалась невольно. Это Тата и я пожелали, чтобы проведение подписки на памятник было поручено вам; та же мысль была и у

сих господ, но дело в том, что, по нашему мнению, ни Огарев, ни кто другой из семьи не мог бы этим заняться, и потом, кто знает, какова расстановка сил в этом обществе? что же касается женевских эмигрантов, то они друг другу не доверяют[4].

Вы не говорите, чем вы больны, – снова ли горловая болезнь – здесь температура то и дело меняется. Выздоравливайте же поскорей и не выходите из дому с лихорадкой. Жму вам руку, еще раз спасибо.

Н. Герцен

P.S. Тата и Лиза напоминают вам о себе теплым приветом, не приедете ли вы нынешним летом в Швейцарию, мы были бы очень довольны снова видеть вас.

[1] Это письмо Вырубова к Нат.Ал. неизвестно. Очевидно, он советовал ей съездить в Россию, куда ее настойчиво звали родные (см. *АО*, 71–72).

[2] А.А. Герцен.

[3] Т.е. покойный Герцен.

[4] Сбор средств на надгробный памятник Герцену был сосредоточен в руках Вырубова.

2

31 мая 1870 г. Сен-Жан-ла-Тур.
Загородный дом г. Баумгартнера в Сен-Жане.
Женева

Дорогой господин Вырубов,

Припоминаю, что у вас сохранились еще кое-какие связи с русскими: не согласились ли бы вы ознакомить их с приложенным к сему листком, который объяснит вам незаконный арест одного русского и заключение его в тюрьму?[1] Я считаю долгом русских и вообще друзей свободы отдать все, что в их средствах, для процесса, который вскоре будет возбужден этим русским против женевского национального правительства.

Надеюсь, вы не рассердитесь на меня за то, что я к вам обратилась; ведь вам хорошо известно, что я не разделяю мнений г. Нечаева и компании, но в данном случае вопрос этот имеет общий характер, который не может не вызывать у меня интереса.

Не сочтите с моей стороны за нескромность откровенный вопрос к вам – спрошу вас, какова причина задержки публикации наших переводов; мне очень хотелось бы, наконец, увидеть их вышедшими в свет.

Жду с нетерпением вашего ответа по поводу процесса и не сомневаюсь, что он пробудит в вас интерес.

Сердечно жму вам руку.

Всецело преданная вам ваша Н.Г.

P.S. Тата и Лиза все надеются, что вы хоть ненадолго посетите нас нынешним летом, когда Париж станет невозможным для пребывания. Они кланяются вам. Привет от меня г. Спринку, если он еще в Париже. Эта газета "Народное дело" не имеет никакого отношения к упомянутому процессу – у нее к нему такой же интерес, какой в таком случае должен проявлять каждый.

Я все еще не поблагодарила вас за наши вещи – они беспрепятственно прибыли к месту назначения.

[1] Нат.Ал. прислала Вырубову особое Прибавление об аресте и процессе С.И. Серебренникова, которое прилагалось к л. 3 "Народного дела" от 31 мая. Оповещение об этом Прибавлении помещено непосредственно под заголовком. В следующем, 4-м номере газеты была напечатана заметка "Арест Семена Серебренникова в Женеве", вероятно, повторяющая текст, данный в виде Прибавления. Это был рассказ Серебренникова, изложенный им в Объяснительной записке от 25 мая и написанного по настоянию Огарева после освобождения от незаконного ареста. Арестован Серебренников был потому, что его ошибочно приняли за Нечаева. 27 мая агент III Отделения К.А. Романн, втершийся в эмигрантскую среду, доносил из Женевы своему начальству в Петербург, что в этот день он посетил Огарева и застал его в сильном волнении в связи с делом Серебренникова. "Он (...) показывал мне копию письма, написанного им по сему поводу к здешнему президенту Камперио (...), – писал агент. – Это есть резкий протест против женевской полиции, которая основала свои действия на показании шпиона... Получив это письмо, Камперио приходил к Огареву, успокаивал его, прося не придавать важности происшедшей ошибке, но Огарев не

хочет отстать и, конечно, под влиянием Бакунина затевает процесс..." (Р.М. К а н т о р. В погоне за Нечаевым. – К характеристике секретной агентуры III Отделения на рубеже 70-х годов. Второе исправленное и дополненное издание. Л.–М., 1925. С. 79). Аресту Серебренникова посвящена была и специальная брошюра – "Les ours de Bern", в которую включено было письмо Огарева к Камперио (см. "История социально-революционного движения в России 1861–1881". Глава десятая. СПб., 1887, с. 9). Процесс, начатый Серебренниковым, был им проигран.

3

⟨Сен-Жан-ла-Тур. 21 июля 1870 г.⟩.

Милостивый государь,

Вчера я распорядилась послать по вашему адресу через нашего книготорговца брошюру О⟨гарева⟩[1]. Оставьте все эти книги у себя сколько вам понадобится, боюсь только, что вы не скоро их получите, ибо книготорговец предупредил меня, что в настоящее время почта за доставку почти не отвечает.

Вы ничего не говорите о войне; впрочем, что можно о ней сказать? Человеческое безумие ошеломляет, где ему границы? Невольно я еще больше думаю эти дни о том, кто покинул нас так внезапно[2]. Что сказал бы он? Несомненно, он был против всякой войны, но порой он говорил, что Европе необходим толчок, чтобы выйти из своего оцепенения. Вооруженный мир тоже являл собой истинное разложение. Мы не знаем, где Ольга; она сообщила нам о своем отъезде из Эмса; можете себе представить, как мы обеспокоены тем, что она сейчас там.

Я хотела снова поговорить с вами о переводах[3] (немножко боюсь, что вам это уже надоело), я писала Элизе Р⟨еклю⟩[4], но непохоже, чтоб он очень торопился; у него хорошее извинение – его новая женитьба; одним словом, не по мне быть настойчивой со всеми подряд, я неделикатна только с друзьями: итак, если, попросту говоря, вы не можете поместить, разумеется, без вознаграждения, в виде фельетонов в парижских газетах остальные переводы, доставьте мне удовольствие и пошлите их, за исключением "Доктора", *г-ну доктору Косту в Монпелье*. Он еще раз поправит их и сможет поместить в "Liberté de Montpellier". Этого адреса вполне достаточно, я в переписке с г. Костом, и он сам предложил мне отредактировать мои переводы. Я хорошо знаю, что война поглощает все внимание публики, но газеты, тем не менее, вынуждены заполнять место, отведенное для литературных произведений.

Русский, который принес 1700 франков на памятник Герцену, был обрадован, узнав, что вы охотно откликнулись на нашу просьбу.

До свидания, простите за все хлопоты, которые я вам доставляю.

Наталья Г е р ц е н

P.S. Ога⟨рев⟩ и Бак⟨унин⟩ теперь уже протрезвились, да несколько поздно – деньги были самым неудачным образом употреблены. Неизвестно, то ли Нечаев фанатик-подлец, то ли попросту провокатор, вербующий для Сибири.

[1] Брошюра (по существу – листовка "Будущность (Посвящается памяти А. Герцена)". О поступлении ее в продажу сообщалось в № 3 "Колокола" 16 апреля.

[2] Как всегда в подобных случаях, Тучкова-Огарева имеет в виду Герцена.

[3] См. вступительную заметку к наст. публикации.

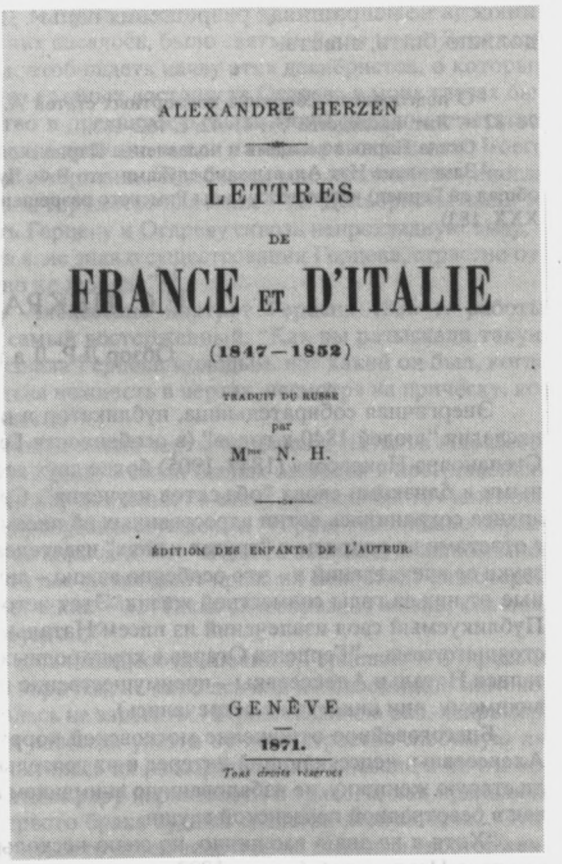
[4] Это письмо остается неизвестным.

4

⟨Женева.⟩ 10 июля 71 г. Пансион Сютерлен,
Quai du Lesonne, 80, Паки́

Дорогой господин Вырубов.

Сердечнейшим образом благодарю вас за пересылку рукописей. Письмо ваше доставило мне большое удовольствие, из него я увидела, что матушка ваша поправилась; в одном из своих писем я осведомлялась у вас об этом, но вы мне ничего не ответили – быть может, письмо затерялось?


ALEXANDRE HERZEN

LETTRES

DE

FRANCE ET D'ITALIE

(1847—1852)

TRADUIT DU RUSSE

par

Mme N. H.

ÉDITION DES ENFANTS DE L'AUTEUR.

GENÈVE

1871.

Tous droits réservés

ГЕРЦЕН. ПИСЬМА ИЗ ФРАНЦИИ И ИТАЛИИ
Французский перевод Н.А. Тучковой-Огаревой. Издание детей автора. Женева, 1871
Обложка
Имя переводчицы скрыто под инициалами "M⟨ada⟩me N.H." ("M⟨ада⟩м H⟨атали⟩ Г⟨ерцен⟩")

Что касается "Сборника"[1], то мы не так уж виноваты, как кажемся, – когда книга эта вышла, Париж был закрыт, – потом я от вас получила несколько строк, прибывших из Намюра и сообщавших мне об отъезде вашем в Россию. Потом Париж был снова закрыт[2], и я не знала о вашем возвращении – позднее русская книга несколько позабылась из-за новых изданий; если бы не эти обстоятельства, вы можете быть уверенны, что получили бы его первым – как имеющий из всех наших друзей больше всех других прав. Письмо мое прибудет несколькими днями раньше "Сборника", который я должна забрать у нашего переплетчика. Через несколько дней мы ожидаем Алек⟨сандра⟩, который едет в Париж с г. Гуго Шиффом, чтобы покончить дела с наследством. Разумеется, вы их увидите – мне вы доставите огромное удовольствие, если скажите им или непосредственно мне свое мнение о воспитании Лизы – для меня это важнее, нежели ее имущественное положение, и надеюсь, что вы простите мое желание узнать ваше мнение; вы не можете, полагаю я, относиться к Лизе с полным безразличием; вы должны были слишком хорошо заметить ту огромную любовь, которую питал к ней отец. Поймет ли она когда-нибудь всю бесконечность своей утраты? – ибо незачем обманываться, я никогда не смогла бы заменить ей его рядом с ней. Я думала провести несколько лет в Германии, чтоб она могла воспользоваться немецкими школами, которые, говорят, там лучше, нежели в любой другой стране, – но боюсь, как бы она не позабыла те четыре языка, которые более или менее знает; в Германии преподавание ведется исключительно по-немецки. Здесь же школы и даже курсы весьма поверхностны, имеешь награды и дипломы, но знаний получаешь мало.

Какое длинное письмо! тысячу раз простите – хочу надеяться, что мы увидим вас осенью, тогда сможем лучше поговорить на эти темы...

Жму вашу руку, Тата и Лиза делают то же.

Н. Герцен

P.S. Огарев чувствует себя неплохо – он ходит намного лучше, чем в прошлом году, но болезнь его продолжается по-прежнему.

Если Тургенев попросит у вас рукописи, чтобы показать издателям, окажите мне удовольствие сказать ему, что вы их мне уже отправили в Женеву. Еще одна просьба: не могли ли бы вы прислать мне "Неделю", где помещены "Скуки ради"? они мне понадобятся для поправок.

Нас навестил Лугинин с женой. Он кажется очень счастливым и утверждает, что

никогда не испрашивал разрешения папы[3]. Доктор Белоголовый тоже женился – вы, должно быть, знаете.

[1] О подготовке "Сборника посмертных статей А.И. Герцена" и вмешательстве Нечаева см. в *АО*, 78–82 и "Лит. наследстве", т. 41–42, с. 162–163.

[2] Осада Парижа немцами и подавление Парижской коммуны версальцами весной 1871 г.

[3] Замечание Нат.Ал. вызвано слухами, что В.Ф. Лугинин будто бы отправился в Рим, чтобы (как сообщал ей Герцен) испросить у папы Римского разрешения (для жены) выйти замуж за православного (см. XXX, 183).

Е.С. НЕКРАСОВОЙ

Обзор Л.Р. Л а н с к о г о

Энергичная собирательница, публикатор и исследователь творческого и эпистолярного наследия "людей 1840-х годов" (в особенности Герцена и Огарева) и их биограф, Екатерина Степановна Некрасова (1847–1905) более двух десятилетий деятельно переписывалась с родными и близкими своих "объектов изучения". Среди разнообразных документов ее личного архива сохранились сотни адресованных ей писем Натальи Алексеевны *Тучковой-Огаревой*[1] с ответами на вопросы о "трудах и днях" издателей "Колокола"[126*]. В основе этих писем – отзвуки ее впечатлений и – что особенно важно – личные суждения Герцена и Огарева, слышанные от них за годы совместной жизни. Этот источник до сих пор оставался малоизученным. Публикуемый свод извлечений из писем Натальи Алексеевны прямо соответствует теме настоящего тома – "Герцен и Огарев в кругу родных и друзей". В обзор включены и мемуарные записи Натальи Алексеевны – преимущественно написанные специально для Некрасовой (по-видимому, они никогда не встречались).

Благоговейное отношение московской корреспондентки к великим спутникам Натальи Алексеевны, неиссякающий интерес к их деятельности и душевной жизни умиляли и радовали старую женщину, не избалованную вниманием и дружеской симпатией и доживавшую свой век в безотрадной пензенской глуши.

"Хотя я не знаю вас лично, но знаю несколько по вашим статьям..." – писала Тучкова-Огарева Некрасовой 4 июня 1892 г., в начале знакомства[3]. "Ваши письма оживляют меня, я живу вашими письмами"[4]... "Ваши ⟨письма⟩ я храню, как святыню ⟨...⟩ Я очень люблю к вам писать – это просто разговор задушевный"[5].

Подобного рода признаниями полны ее письма, особенно в первые годы знакомства.

Отношения установившиеся между обеими женщинами, несмотря на значительную разницу в возрасте (Некрасова была моложе Тучковой-Огаревой на восемнадцать лет), вскоре приобрели исключительную сердечность. Корреспонденток роднило не только преклонение перед памятью Герцена и Огарева, но и общность демократических убеждений[6]. "Вы все говорите, что мои письма хороши, – это не то, это просто сочувствие, отзвук больного сердца на вашу боль"[7]... "Если вы могли назвать радостью знакомство со мной, то мне как же выразиться, когда встречаю хоть в печати сочувствие к добровольным изгнанникам, так радостно-больно, так что любишь того, кто напоминает о них[8]... Благодарю вас за то, что заставляете страдать, переживать вновь"[9]... "Да, вы мне дороги, бесконечно дороги, потому что вы заняты *ими*, постоянно ими, вы любите их, хотя и не знали их; вы хотите, чтоб их любили и помнили, – а как их скоро забыли. Я всегда готова с радостью отвечать на все ваши вопросы"[10]... "Во всех моих поступках и делах мысль о них меня никогда не оставляет, – я живу, дышу по их указанию и радуюсь, когда думаю, что они бы радовались"[11]... "Вы мне так симпатичны любовью к ним"[12]... "Я не дивлюсь нашей близости с вами; согретые одним лучом солнца, мы должны понимать друг друга, – я дивлюсь, что так долго не знала, что вы есть"[13]... "Я люблю, когда вы меня спрашиваете о них, я всегда об них думаю, но зачем же благодарить – это так естественно"[14]... "Почему не позволяют печатать их сочинения? Как скоро их забыли все – напоминайте, это святое дело"[15]... "Вы жалеете, что мы не в одном городе, вы и так мне много облегчаете жизнь, кому же бы я высказала то, что накипает на сердце, – и как бы *они* ценили, если б могли знать все, что вы делаете для меня, – так много, что я даже забываю благодарить"[16]...

«Читая ваше последнее письмо, я еще лучше поняла, какое родство между нами: как вы

[126*] Письма Некрасовой к Тучковой-Огаревой до нас не дошли. Пока известно лишь одно из них – от 6 мая 1903 г., на личные темы[2].

стремились читать "Колокол" и пр., так мы с сестрой, особенно я, чувствовали необыкновенную симпатию к Декабристам – все, что до них касалось, было святыней для меня. Девочкой я мечтала о поездке в Сибирь с моим отцом, чтоб видеть наяву этих декабристов, о которых отец вспоминал со слезами на глазах. Одно из главных достоинств Огарева в моих глазах была его любовь к декабристам»[17]... "Геройство и преданность были моим идеалом с детства. Кроме того, что было в моей натуре, громадное влияние имели на меня рассказы отца моего о декабристах, о их мучениях, беззлобности и терпении. Вдобавок, мне приходилось иногда видеть некоторых из них – и это был праздник, торжество для меня"[18]... "Декабристы были те путеводные звезды, которые указывали путь Герцену и Огареву сквозь непроглядную тьму, – я их чту с детства, это мои святые"[19]... "Сама я, не зная о существовании Герцена, страстно относилась к декабристам, а врагов их страстно не любила"[20]...

Как-то Некрасова прислала Наталье Алексеевне портрет Герцена 1836 г. работы А.Л. Витберга (литографию). Отклик был самый восторженный: "Как вы разыскали такую прелесть? но ваш подарок мне бесценен, я узнала Герцена молодым, вот какой он был, когда Н⟨аташа⟩ его полюбила, – какой взгляд и какая нежность в чертах, несмотря на прическу, которая странна для нас, как прическа декабристов[21]..."

Искренность и эмоциональность – характернейшие черты переписки Натальи Алексеевны с неожиданно обретенным другом. О себе самой, о своих былых ошибках и прегрешениях она судит теперь почти беспристрастно и если порой и делает в своих признаниях тот или иной крен от объективности, то почти всегда в сторону самоосуждения. "И разве все можно оправдать в моей жизни? – замечает она. – Я сама ее порицаю"[22]... "Я много вынесла, слишком много, но разве не я сама виновата во всем? Разве несчастия дают права на симпатии? они скорей возбуждают жалость, а жалость не есть облегчение"[23]... "Такая своеобразная жизнь, как моя, научила меня быть не слишком строгой к другим..."[24]

Некоторых наиболее острых аспектов своих взаимоотношений с Герценом и Огаревым Наталья Алексеевна в письмах Некрасовой, впрочем, не касалась или касалась лишь мимоходом. Особенно болезненных струн она старалась не задевать. Не рассказывала она, например, как мучила Герцена постоянными угрозами навсегда увезти от него страстно любимую им дочь Лизу; как ревновала его к Огареву и пыталась их рассорить; как создавала и почти непрерывно поддерживала вокруг них обоих атмосферу нервозности и тревоги; как проявляла порой по отношению к детям Герцена от первого брака худшие свойства злой мачехи... Этими воспоминаниями Наталья Алексеевна делиться со своей подругой не решалась: восторженная поклонница великих друзей-изгнанников, Некрасова могла не понять... отшатнуться...

По словам Тучковой-Огаревой, Герцен особенно ценил в ней отсутствие ненавистного ему "буржуазного порока" – корыстолюбия. "Деньги, деньги, темная сила", – нередко говаривал он. "Если б вы меня знали, – писала Наталья Алексеевна, – то и не удивлялись бы, что из всех денег, которые прошли через мои руки, всего меньше было употреблено на меня, мои потребности относятся только к нотам, книгам и журналам – остальное мне равнодушно"[25]... "Я думаю, что даже враги мои не упрекнут меня в любви к деньгам. Герцен, шутя, называл меня "Наталья Бессребряная" – и удивлялся, как я мало трачу и никогда не пишу о деньгах..."[26]...

Эта черта сильно импонировала и ее первому мужу: "Огареву нравилось во мне совершенное пренебрежение к деньгам, самоотвержение. Я помню, что раз в Петербурге меня испугал вид его друга Алекс⟨андра⟩ Соколова, которого мучил долг, – я боялась, что с ним случится удар, и просила Огарева дать ему денег на уплату, а мы остались без денег; тогда он смотрел на меня так светло, так, как будто я была та светлая личность, которую он искал на земле, но это все были только минуты"[27].

Принципиальность "бессребничества" Натальи Алексеевны особенно красноречиво проявилась после смерти Герцена и позднее, когда погибла их дочь Лиза и решался вопрос о распределении и перераспределении среди членов семьи наследства, оставленного основоположником рода Герценов:

«Несмотря на просьбы Саши, я ничего не взяла... При дележе хотели положить часть на мое имя, но я не согласилась ⟨...⟩ Говорили: "Если ваша дочь выйдет замуж за человека, который не будет к вам хорош, вы останетесь без средств". – "Это будет такое несчастие, – отвечала я, – которое не облегчится деньгами", и не согласилась»[28]... "Я ничего не хотела взять от детей Герцена. Моя приятельница, графиня Саффи, хотела, чтоб я взяла пожизненную пенсию для раздачи бедным, но я не согласилась: почему же им ⟨самим⟩ не раздавать бедным? А что чужое раздавать?[29]... Дети Г⟨ерцена⟩ предлагали мне дать пожизненное владение частью моей дочери, но я ничего не взяла"[30]... «Когда позже они хотели мне дать щедрую милостыню, я написала: "La famille Herzen n'a pas de devoirs envers moi"...[127*] И там, за

[127*] "Семья Герценов не имеет обязательств в отношении меня" (*франц.*)

границей, и здесь, в России, не деньги делали меня несчастной. Не сумела я сладить с жизнью или с собой[31]...»

Отвечая на расспросы о первой жене Огарева Марье Львовне, Тучкова-Огарева критически оценивает и себя – вторую его жену: "Можно сказать, что обе женщины, избранные Огаревым, не оправдали его ожиданий. Первая ⟨...⟩ была тщеславная провинциальная барышня, которая желала и надеялась блестеть в обществе, пользуясь его родственными связями и большими средствами. Вторая, на шестнадцать лет его моложе, восторженно смотрела на поэта, почитателя декабристов, на друга Герцена, который ставил его выше себя, но и в ней не хватило настойчивости, чтоб принести ему последние жертвы, и в 1857 году они разошлись. Обе не могли надолго подняться до его высокой, любящей, поэтичной натуры, исключительно строгой для себя и снисходительной для всех без исключенья..."[32]

Статьи и публикации Некрасовой о Герцене и Огареве Наталья Алексеевна встречала с обостренным интересом.

«Вы меня бесконечно обрадовали присылкой брошюрки "Юн⟨ошеские⟩ лит⟨ературные⟩ труды Герцена"[33]. Как чтение это воскресило его образ в моей душе, да и она является, как живая. Как мало она жила! Одна эта мысль так тяжела и как все наши жизни были бы лучше при ней – я в этом уверена...»[34]

Она – это первая жена Герцена Наталья Александровна, в прошлом связанная с Тучковой-Огаревой недолговременной, но экзальтированной дружбой (см. выше публикацию писем к ней юной Тучковой). Во всех своих письмах к Некрасовой Наталья Алексеевна отзывается о своей покойной подруге (которую пережила на целых 62 года!) с неослабевающим восхищением. "Вы мне оживили вашей присылкой, Наташин образ ярче воскрес во мне. Она была особенная, и поэтому я ее страстно любила, и она не могла любить наполовину ⟨...⟩ Я вам пришлю ее карточку с Ольгой на руках[35] – но тяжело глядеть на нее, выражение ее лица удручающее – исполнено бесконечной скорби..."[36]

В продолжение нескольких лет (1888–1891) Некрасова печатала в "Русской мысли" двустороннюю переписку Герцена с его невестой (завершению этих публикаций позднее воспрепятствовал А.А. Герцен). Это "невыдуманный", полностью сохранившийся эпистолярный роман, словно прожектором, высветил блистательную личность молодого Герцена, воссоздал его умонастроения 1830-х годов, творческие порывы, возвышенную и пылкую любовь. Публикация явилась и апофеозом юной невесты Герцена Натальи Александровны, его романтической "девы" – незаурядной, богато одаренной, страстной и впечатлительной натуры. Восторженными откликами на эту переписку, о которой Тучкова-Огарева при жизни Герцена, по ее словам, ничего не знала, полны ее письма:

«Начну с того, что благодарю вас много, много за "Переписку"... – Как могут люди пренебрегать ей, когда хотят узнать характеры столь дорогих личностей! Это какое-то тупоумие»[37]... «Тысячу раз благодарю за переписку, жду с нетерпением продолжения – когда она кончится, я дам ее переплести... Я оставлю Оле[38] письмо, в котором скажу, что, если когда-нибудь она полюбит человека, пусть прочтет "переписку" – "эту современную поэму", до которой люди вообще не достигают»[39]... "Это бы должна быть настольная книга для молодежи, для очищения ее перед вступлением в новую жизнь"[40]. ..."Зачем она мне не читала этих писем – она становится все поэтичнее, и я ее, отсутствующую, люблю больше"[41]... "Как я их узнаю в их письмах: она – все та же поэтическая натура, не понятая окружающими, а он, как он верен себе, – тогда и до гроба, самое дорогое в его жизни – мысль об Ог⟨ареве⟩ и об ней... Я так перенеслась в ту эпоху, так сроднилась с их жизнию, мечтами, что на меня напала страшная Sehnsucht[128*], такая тоска по них – ведь я никогда не видела их такими молодыми, и так живо себе представила их, что видела Наташу во сне. Как их жизнь была хороша, особенно ее"[42]... "Получила и прочла переписку с таким же восторгом и жду с нетерпением продолжения. Тысячу, тысячу раз благодарю вас"[43]... "Вы правы, что я более всех обрадуюсь переписке Наташи с А⟨лександром⟩. Я тогда переношусь в светлое время для них и для меня"[44]... "Ах, зачем их нет, их никто не может заменить; так пусто без них – когда читаешь их переписку, следишь за событиями их жизни, они[45] совсем оживают для меня, и мне еще тяжелее их отсутствие, *вечное отсутствие*. Какое страшное слово ⟨...⟩ Не знаю, как вас благодарить за присланную *переписку* – и не знаю, сколько раз я ее перечитала, – или, лучше, не знаю, сколько дней я ее постоянно читаю – постоянно с ними... Если б они перечитали свои письма, никогда бы с ними не было тех мучений, через которые оба они прошли. Нужны ли были эти последние испытания для того, чтоб они узнали друг друга? Это слишком дорого обошлось – ценой жизни"[46]... «Опять пришла тетрадка "переписки" ⟨...⟩ Как за нее благодарить? Благодаря вам я ча-

---

128* тоска (*нем.*).

сто с ними, их Consuela[129*] внимает их любви, – иногда я опять с начала читаю все тетрадки, и тогда я долго, долго с ними – и мне хорошо»[47]... "Одно мне приятно, больше – дорого, что нынче многие поняли из *переписки*, какая особенно поэтическая натура была Н⟨аташа⟩, а прежде я одна понимала. Тургенев возле стоял, и не понял – очень странно"[48]... "Мне всегда было непонятно, почему такой художник имел такую сильную антипатию к поэтической Н.А. Г⟨ерцен⟩ – это удивительно, но это факт. Я спрашивала его после ее кончины – все тот же взгляд остался у него. "Я читал, – говорил он, – в каждой черте ее лица, что все в ней обдуманно"[49]... "Тургенев не любил ее и после смерти говорил, что все ее слова ему казались заранее обдуманными, не находил искренности, естественности ни в чем. Мне кажется, он думал под влиянием московского кружка. Нат⟨алья⟩ Алекс⟨андровна⟩, видя его нерасположение к ней, постоянно дразнила его и ухудшала их отношения. Герц⟨ен⟩ ничего не замечал..."[50] Подчеркнутое внимание, которое Тургенев некогда уделял ей самой, Тучкова-Огарева объясняет так: "В 48 году он меня превозносил до небес, потому что знал очень поверхностно"[51]...

"А мне хотелось бы еще поговорить с вами о переписке: последний оттиск особенно захватывает душу. Как странно, что многие не понимают значения этой переписки, это поэма, и действительная, изящная любовь – а что есть в нашей жизни, если не любовь? Это двигатель всего человеческого, это любовь к отечеству, это любовь к науке, к искусству, к даровитому существу – все любовь, – и в терпенье выносить жизнь – опять любовь... и все и везде любовь – а устают читать переписку, а мне она многое объяснила"[52]... «Я читаю *переписку* в "Новом слове", и признаюсь, всегда перечитываю по несколько раз и отдаю в библиотеку журнал с такой болью, как будто расстаюсь с ними опять. Какая жалость, что нельзя приобрести этих оттисков в "Новом слове" – ваши я храню, как святыню. Зачем Саша так наивно неделикатен, отнял у вас работу, у меня – клад, наслаждение перед смертью?»[53]... "Как же это *переписка* остановилась, оборвалась? это очень неделикатно со стороны Саши, – но в детях ⟨Герцена⟩ много неделикатного – я это не раз испытала. Говорят, будто Павленкову еще не разрешено печатать все, что писал Герцен, – атмосфера стала душнее"[54]... "Не могу не порадоваться вашей конечной задаче – написать его, Герцена, биографию – это будет большое дело, по-моему, очень хорошее дело, пусть их знают и любят – за то, что они так любили истину, родину, мир весь... И последние годы чувствовали, что забыты, – перенести это было нелегко, особенно Герцену"[55].

"Вспоминаешь живо о всех мучительных утратах моих, а эти несчастия – суть моей жизни, – пишет Наталья Алексеевна в 1892 г., – а там далее мелькают изредка светлые, радостные воспоминания, но и они были всегда отравлены сознанием своей вины, которая была не обман, но сознание нанесенного удара близкому, дорогому существу, а поправить все это было невозможно, вот почему наше сближение было грубоко трагическое, и выхода не было..."[56]

Январь 1895 г. – двадцатипятилетие со дня кончины Герцена. "Вы правы. 25 лет прошло, как его не стало! я это соображаю только на несколько мгновений... и опять время исчезает, теряет для меня свое значение"[57]... "Кого хочу назвать, всё нет уже на свете, одна я стою, как памятник былого"[58]... "У меня только осталось: жалость к людям и страх пережить близких. Есть у меня и сознание, что люди могли бы быть не так несчастны, но они не знают – многое перед смертью становится понятно – будем же работать, служить человечеству там, куда нас забросила судьба. Вы, конечно, можете сделать больше, чем я, но и от малого не надо отказываться⟨...⟩ Я не боюсь смерти – там все самое близкое – подвергнуться той же участи, как и они, это счастие, это не смерть..."[59]

Предсмертная болезнь и скоропостижная кончина Герцена – черный рубеж в жизни Натальи Алексеевны. К этой мучительной теме она возвращается неоднократно.

"Болезнь продолжалась только четыре или пять дней. Я ходила за ним, и приходилось хоть сколько-нибудь следить за Татой, которая еще не выздоровела ⟨...⟩ Я была нравственно замучена, стараясь скрыть от Герц⟨ена⟩ то страшное впечатление, которое производила на меня его болезнь... я и дочь свою почти не видала в эти дни!"[60]... "Я была, как убитая, до его кончины, – он видел это, несмотря на мое старание скрыть, и только улыбался, и, когда мог, шутил. О, какие страшные дни и ночи я провела у его постели"[61]... «Герцен, умирая, говорил: "Поедем в Россию", и, казалось, он ничего более не желал»...[130*] "После кончины Герц⟨ена⟩

[129*] Утешительница (*исп.*).

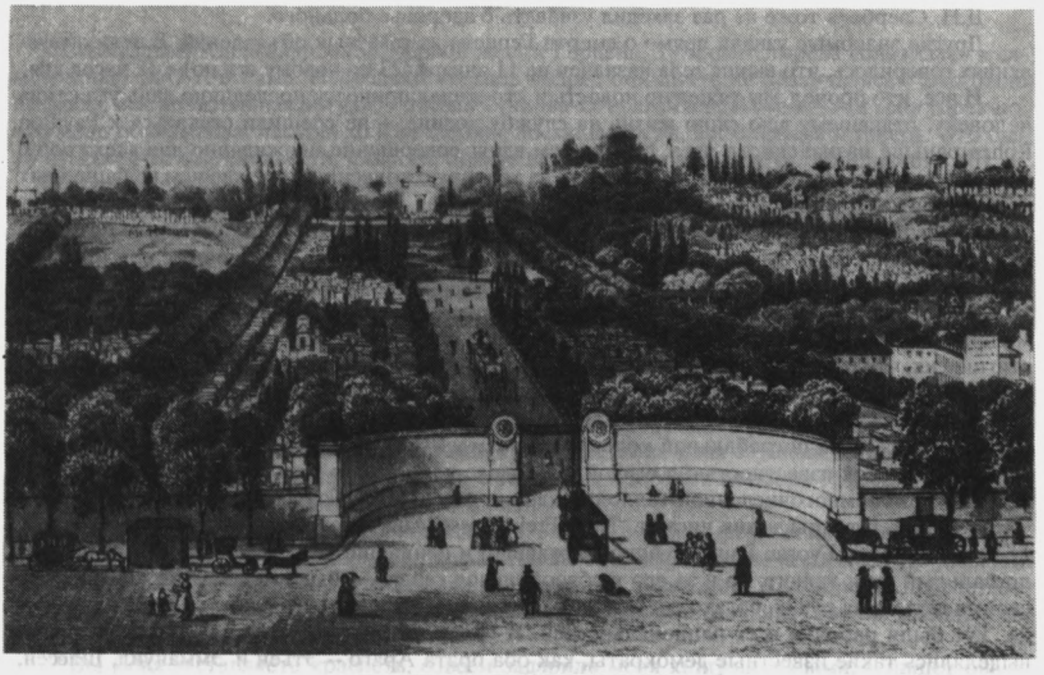
[130*] И в другом письме: "Конечно, Герцен никогда не ездил в Р⟨оссию⟩ и даже не думал об этом кроме ⟨как⟩ в предсмертном бреду. Легенды легко создаются: когда ⟨мои⟩ племянники[62] учились в Москве, у них была гувернанта очень большого роста, которая очень скоро оставила их, т.е. уехала из деревни. Полиция вообразила, что это была я, – ее везде искали, чтоб арестовать, и племянников требовали в полицию, они были очень испуганы (гимназисты еще), их допрашивали, зачем гувернанта так скоро уехала и пр. и куда. Они не знали, чтó отвечать. Вообразили, что я приезжала с поручением, а если б он сам? Для дела он никогда не находил нужным ехать в Р⟨оссию⟩, а для своего личного удовлетворения, конечно, он был бы очень рад, но это было немыслимо..."[63]

ПАРИЖ. УЛИЦА РИВОЛИ
Гравюра неизвестного художника
Из альбома: 50 vues de Paris et Versailles. Paris, s.a.
Справа – дом, где 20 января 1870 г. умер Герцен

были посланы две телеграммы – во Флоренцию и в Женеву, из Флоренции приехал Саша, из Женевы – Тхоржевский. Все собрались в салоне перед выносом. Саша позвал меня, мы вошли в комнату, где лежал Герцен, но его уже положили в гроб – я прижала свое лицо к его холодному лицу – Саша поднял мою голову, снял с пальца отца серебряное венчальное кольцо и надел на мой палец. Уезжая после похорон, Саша мне дал бумагу, по которой я должна была отправить гроб в Ниццу, где он должен был встретить отца с несколькими друзьями и совершить погребение в Ницце. Конечно, Саша мог бы лучше все это объяснить, чем я, но позволит ли время? Итак, я последняя видела этот гроб, в котором заключалась жизнь многих из нас и особенно моя. Все было новое – неприглядное. Мальвида спешила с Ольгой в Италию, радуясь, что они скоро освободились от парижской жизни... Тата мечтала служить революции под руководством Бакунина и Огарева – я никуда не стремилась: не все ли равно чужое ожидало меня в Париже или Швейцарии? Вырубов советовал остаться в Париже для воспитания дочери, – и я хотела остаться, но Саша стал просить меня со слезами на глазах не оставлять Тату одну в страшном женевском пекле – я вспомнила, сколько, по словам Герцена, "должна была загладить... и решила следовать за ней в Женеву"[64] ⟨...⟩ "Я ⟨....⟩ думала о дочери Лизе, которая, как и я, все потеряла с его концом. Дети Герцена, под влиянием Мейз⟨енбуг⟩, представляли шаткий оплот, что́ и оказалось впоследствии"[65]... "Вчера мне принесли ваш рассказ о похоронах. Благодарю, благодарю за него, но, несмотря на всю мою готовность, я не могу ничего прибавить – кроме названных лиц, я не могу вспомнить никого и ничего, да едва ли Тата что-нибудь напишет – ведь внешнее не существовало для нас, мы теряли самое главное жизненное звено. Тата не могла в ту минуту понять все, что она теряла, но все-таки она смотрела мрачно-убито. А дочь моя десяти лет говорила: "Я боюсь, что и ты умрешь, не умирай!" – Гроб не вносили в салон, там собрались все чужие – по-тамошнему не прощались с покойником. Прощались только Саша да я, и то он сказал: "Я жалею, что видел его, это испортило мое прежнее впечатление..."»[66]

Среди газетных вырезок о Герцене в бумагах Некрасовой сохранилась эта ее статья из "Русских ведомостей" от 9 января 1903 г., озаглавленная "Похороны А.И. Герцена (по поводу годовщины смерти)" с многочисленными исправлениями и добавлениями, сделанными ею позднее[67]. Вот наиболее интересные фрагменты:

«11 ⟨/23⟩ января 1870 г., часов в 10 утра, к дому Pavillon Rohan, № 172, на улице Риволи, в



ПАРИЖ. КЛАДБИЩЕ ПЕР-ЛАШЕЗ
Автолитография Фишо
Из альбома: A. Pugin. Paris et ses environs. Berlin, s.a.
На кладбище Пер-Лашез был первоначально захоронен прах Герцена

Париже, подъехала и стала у крыльца просто задрапированная, без перьев и пышных украшений траурная колесница, запряженная всего только в две лошади. Провожатых еще не было видно. Родственники и близкие друзья уже все были в салоне, возле гроба, кто у крыльца, кто в квартире покойного.

В парижских газетах еще накануне появилось поразившее всех своею неожиданностью и внезапностью объявление о смерти Александра Герцена[67]. Это известие многих поразило вдвойне, так как не больше месяца прошло с тех пор, как Александр Иванович успел перебраться на жительство в Париж, и потому об его пребывании здесь знали только весьма немногие, самые близкие друзья, и вдруг газеты извещают, что "*Герцен умер*!", умер в Париже, в Pavillon Rohan! Пришлось добиваться, расспрашивать, узнавать.

Оказалось, что дней семь тому назад после русского Нового года, вечером, числа 17/5 января, Герцен почувствовал недомогание. Не придавая этому серьезного значения, он подумал, не лучше ли будет пройтись, чтобы поразмять члены, и пошел в кафе читать газеты, как это делал каждый день. Но прогулка только утомила его. Он вернулся домой с сильным ознобом и колотьем в боку.

Вскоре у него открылся сильный жар и нестерпимая боль в боку. Тогда Н.А. Огарева, которая была при нем, и старшая его любимица-дочь Тата поняли, что у Герцена воспаление легкого – роковая болезнь для человека, которого уже давно истощал диабет ⟨...⟩ И Герцен сам не раз высказывал уверенность, что он умрет или от паралича или непременно от воспаления легких. Поэтому едва ли возможно приписывать дурной исход болезни тому, что был промах в лечении, какие, казалось, были сделаны знаменитым психиатром Шарко, взявшимся лечить Герцена от воспаления легких, или же отнести его на счет той медлительности, которую проявили окружающие больного в обращении к врачебной помощи: они пригласили доктора только на другой день – 6 января, тогда как воспаление началось с вечера 5 числа. Организм больного был подорван диабетом, потому ему не под силу было справиться с такой серьезной болезнью, как воспаление левого легкого.

О том, что Герцен болен, и болен опасно, в Париже знали очень немногие. Часто навещал больного Вырубов, подолгу оставался при нем, не раз исполняя должность фельдшера. Он все время не переставал настаивать на консилиуме и, наконец, кончил тем, что привез с собой доктора Du Brizet... Но всё уже было поздно и бесполезно.

Д.Н. Свербеев тоже не раз заходил узнавать о здоровье больного.

Другие знакомые узнали прямо о смерти Герцена из газетных объявлений. В этих объявлениях говорилось, что вынос тела назначен на 11 января (23 по новому стилю) в 12 часов дня.

И все, кто прочел эту тяжелую новость и кто желал принести последнюю дань уважения человеку, отдавшему всю свою жизнь на службу родине, – не спешили стекаться к Pavillon Rohan раньше назначенного часа. Между тем вдруг совершенно неожиданно для всех гроб с телом Герцена вынесли на улицу, поставили на траурную колесницу, прежде чем на башенных часах Парижа успело пробить одиннадцать, – и траурная колесница вдруг заколыхалась, двинулась вперед и затем тотчас пустилась быстрой рысью, – совсем неприличной для похоронной процессии. Никто из провожавших, конечно, этого не ожидал. Захваченные врасплох пустились бегом за колесницей, стараясь принудить кучера замедлить шаг. Но кучер был только орудием исполнения воли хозяина процессии, который, в свою очередь, поступал по чужому приказанию... Родные же в это время настолько были погружены в чрезмерное горе, постигшее их, что даже и не заметили всех не собравшихся и всей происшедшей путаницы. А между тем, вследствие такой странной перемены назначенного в газетах часа, многие из желавших проводить Александра Герцена до могилы не успели принять участия в похоронной процессии, и потому за погребальной колесницей знаменитого русского писателя, пользовавшегося европейской известностью и славой, следовала толпа всего только в пятьсот человек, а вслед за этой немногочисленной толпой медленно двигался ряд карет.

«Характер толпы, – как писал в "Neue Freie Presse" дня через четыре один из участников процессии, некто Густав Раш, глубоко уважавший и ценивший Герцена не только за его колоссальный ум и талант, но и за его любвеобильное сердце, – был смешанный; блузники со своими детьми на руках, богато одетые дамы, мужчины разных состояний, женщины из народа. Тут были рабочие всех национальностей. И среди этой разношерстной толпы особенно выделялись такие известные демократы, как оба брата Араго – Этьен и Эммануил, Шассен, Малярдье, Анри Мартен, Ульбах, Мильер».

Из русских, кроме Вырубова, были Свербеев, Ханыков. У всех лиц, составлявших похоронный кортеж, на груди виднелись букетики из красных иммортелей.

В таком виде процессия следовала сперва по улице Риволи в Бастильскую площадь, затем выехала на бульвар принца Евгения[68] и поднялась на площадь La Roquette, а оттуда вышла на улицу, по обеим сторонам уставленную могильными памятниками и изготовленными из бисера венками, – на длинную улицу, которая ведет прямо к знаменитому парижскому кладбищу Père La Chaise. Похоронный поезд свернул вправо к временному склепу, который должен был приютить смертные останки Герцена до тех пор, пока их не перевезут в Ниццу.

Гроб опустили в могилу. Провожавшие столпились вокруг нее; впереди стояли друзья, родные... Между последних нельзя было не заметить двух молодых девушек, одетых в траур, – они горько плакали. То были две младшие дочери Герцена – Ольга Александровна и десятилетняя Лиза. В той же толпе стоял и сын покойного Александр Александрович ⟨...⟩ и ближайший сотрудник покойного по "Колоколу" Тхоржевский, живший в то же время в Женеве ⟨...⟩

Речью Вырубова закончилось печальное торжество[69]. Провожатые засыпали красными иммортелями гроб и только после этого начали расходиться...

Сын Герцена взял на себя сложные хлопоты по перевозу тела отца в Ниццу, на то кладбище, где уже давно покоилась его жена Наталья Александровна и двое детей ⟨...⟩

Могила Герцена не стоит на виду, не бросается в глаза, как могила Гамбетты ⟨...⟩ В левой стороне вскоре же обратит ⟨на себя⟩ внимание посетителей высокий, пышный, темный кипарис, а полевее, невдалеке от него, притянет внимание бронзовая, темносерого цвета статуя Герцена во весь рост, стоящая на высоком мраморном пьедестале с привычным жестом скрещенных на груди рук ⟨...⟩

Хотя статуя и принадлежит работе русского художника[70], но ему не удалось вполне хорошо передать черты великого писателя, благородство лица Герцена, его чудный лоб, его фамильный нос с горбинкой, так же, как вся его духовная сила и мощь в выражении лица, много лучше переданы иностранным художником – Sprink'ом, успевшим сделать снимок (d'après nature[131*], как сказано на сохранившемся экземпляре) с мертвого Герцена[71]. От этого портрета не хочется отрывать глаз: какая красота всей головы! какой лоб! сколько силы ума в выражении лица и сколько красоты в этом спокойном отдыхе смерти утомленного, измученного жизнью борца!!"[72].

131* с натуры (*франц.*).

* * *

С Натальей Александровной, первой женой Герцена, Тучкова-Огарева сблизилась в самом конце 1847 г. в Риме. Несколько месяцев подряд они почти не разлучались. "Это была изящная, исключительная натура, – писала Тучкова-Огарева Некрасовой. – А я себя упрекаю, что мало показывала, насколько я ее люблю, восхищаюсь ей, восхищаюсь и теперь. Это было от какой-то застенчивости, дикости, боязни впасть в немецкую сентиментальность..."[73].

"Вчера я ехала сюда, – вспоминает она в письме, посланном из Старого Акшена почти через полвека после итальянских встреч. – Было нестерпимо холодно, передо мной снег, а на небе звезды, я все глядела и думала о вас и о Наташе и между звездами увидела три звездочки, одна возле другой – вот так: ***. Наташа условилась со мной смотреть на *наши* звездочки и думать друг о друге. В память этого уговора она сделала себе такую печать: из черненого серебра фигурка, изображающая Иоанну д'Арк, а сама печать: Везувий, море, три наших звездочки, а кругом надпись: "Que sais-je?", сомнение, отрицание[132*] ..."[75].

И еще один эпизод, относящийся к этому времени:

«Когда мы жили в Риме, в Наташу влюбился Spini (редактор демократической газеты ⟨"Э́пока"⟩, но он был благородный человек, она была тронута его ухаживанием, и, когда из Парижа хотела ему отвечать на его письма, я мешала, и она меня слушала; я говорила: "Как бы Алекс⟨андру⟩ не было неприятно, лучше не пиши". Я любила их обоих безмерно и потому так говорила, хотя была в жизни очень неопытна...»[76].

«На днях, – сообщает Наталья Алексеевна, – была в очень мрачном настроении, и вдруг мне попались в "Р⟨усской⟩ старине" письма Наташи ко мне (перепечатанные "Из дальних лет")[77], и я ожила, блеснуло на меня солнце сквозь туч. Боже мой! Как хорошо перелететь хоть на мгновенье в дорогое прошлое... Зачем нельзя верить в свидание! как бы мне жилось хорошо, несмотря на все невзгоды!..[78]».

"Вы меня заставляете краснеть, совсем задарили меня книгами, видами, – пишет она в другом месте, – я уж не знаю, за что сначала благодарить: все прекрасно, и вы узнали мою слабость, от видов поднимается в моей душе рой воспоминаний, к которым причастна и Наташа Г⟨ерцен⟩. Это все давно было, а для меня как будто недавно"...[79] "Да, я могла бы многое вспомнить, могла бы передать рассказ Г⟨ерцена⟩ об этой страшной драме, которая убила ее. Но я не могу мимоходом говорить об этом – я ⟨в другой раз⟩ расскажу вам все..."[80]

Наталья Алексеевна болезненно переживала упорное нежелание детей Герцена опубликовать неизданные главы части пятой "Былого и дум", в которых Герцен воссоздал свою семейную трагедию начала 1850-х годов. Она нередко повторяла Некрасовой, что Герцен намерен был напечатать эти главы. Действительно, в одном из предисловий к "Былому и думам" мы читаем: "Всего я не могу еще передать читателям, по разным и общим и личным причинам. Не за горами и то время, когда напечатаются не только выпущенные страницы и главы, но и целый том, самый дорогой для меня..." (X, 9).

"V том "Б⟨ылого⟩ и д⟨ум⟩" я, конечно, знаю, – отвечает она на вопрос Некрасовой, имея в виду именно "Рассказ о семейной драме", – Герц⟨ен⟩ велел мне читать его и Саше и Наташе – Ольге нельзя было, потому что она не понимала по-русски[81]"... "Какая жалость, что V том "Былого и дум" никогда не выйдет на свет. Тут Г⟨ерцен⟩ писал не пером, а душой – но, к несчастию, дети Герцена (направление их мещанское), вероятно, никогда не решатся напечатать его; хотели мне дать копию – и не дали, а мне было не до того"[82]... «Очень хочется прочесть, почему же теперь нельзя печатать V том "Былого и дум" – не понимаю: говорить вполовину хуже, чем все сказать"[83]... "Чего же ждет Саша Г⟨ерцен⟩ ⟨...⟩ неужели все рано? Ее не стало в 52 году, Гер⟨цена⟩ – в 1870-м, а теперь 94-й – чего же ждать?"[84]... "Чего ждут дети ⟨...⟩ ведь 34 года прошло со смерти Герцена и 54 ⟨!⟩ со смерти жены[85] – чего же ждут мещанские дети? чтоб иссяк интерес к нему? об этой истории давно говорят и называют Гервега – чего же еще им надо? Это только предлог, и писем Н⟨аташи⟩ нет уже; кто бережет так прошлое? И никто из литераторов, которые бывают у А⟨лександра⟩ А⟨лександровича⟩, не решаются сказать ему в глаза, что он дурно делает, играя роль петуха с жемчужиной"[86]... "V том должен быть напечатан – этого не хочет Ольга и ее муж. Меня нечего спрашивать, обо мне едва ли поминается в нем – я была в Р⟨оссии⟩, когда произошла история с Г⟨ервегом⟩ и кончина Наташи ⟨...⟩ Я не видала ее с нашего отъезда из Парижа..."[87].

Отвечая на вопросы своей корреспондентки, сильно заинтригованной противоречивыми подробностями нашумевшей истории, Тучкова-Огарева пишет: "Наталья Александровна ⟨...⟩

[132*] "Ее devise ⟨девиз⟩ был: "Que sais-je?" ("Почем я знаю?" (*франц.*)). Это неведение, колебание, большое страдание" (из другого письма"[74]. Русский перевод выражения "Que sais-je?" принадлежит Тате Герцен. – *ЛЛ.*

никогда не уезжала к Гервегу ⟨...⟩ Она звала меня и хотела оставить мне детей и уехать с ним, но это не осуществилось"[88]... "Увлеченная, она хотела поручить мне детей и уехать с Герв⟨егом⟩, но меня не пустили, потом звала Астракову, и последней не удалось исполнить ее желание. Она откладывала, очевидно, объяснение из страха вызвать, может, кровавую бурю; отчасти из гуманности, отчасти из страха потерять то, что было счастием для нее"...[89].

«Когда мы приехали в Лондон, он рассказывал нам о всем бывшем – в продолжении трех ночей, – ему нужно было облегчить себя рассказом об этом ужасном времени, – я помню, как оно сильно повлияло на меня!"[90]... "Герцен говорил про нее: она должна была умереть, она не могла пережить историю с Гервегом, потому что поняла, какое недостойное существо он был, и это ее убило. Да, вам надо все рассказать, и ошибки Г⟨ерцена⟩ еще в Москве, они были отдаленные причины того, чтó с нею было потом, – надо вам передать рассказ Г⟨ерцена⟩ об истории с Гер⟨вегом⟩. Поэтическое создание, редкое между людьми, оно разбилось от прикосновения к грязной действительности, а он, увлеченный всеми сторонами жизни, он забывал о ней, потому что был слишком в ней уверен. После он очнулся и понял, чтó потерял; понял, что гибель неизбежна – и что он будет только свидетелем страшных событий, которых он не в силáх предотвратить. Когда у меня будет время и почувствую потребность говорить о ней, я буду писать прямо на почтовой бумаге для вас. Когда любишь, как я ее любила, то хочется, чтоб ее узнали и полюбили так же. – "Ведь ее уж нет?" – скажете вы, – но для меня все покойники живы, а живые люди кажутся покойниками. Я с ними беседую, с ними думаю»[91]. «Как их жизнь была хороша, особенно ее... И зачем этот союз был разрушен в продолжении нескольких лет? Она думала, что он ее мало любит, – видела, что он слишком увлечен общими интересами; потом он мало высказывал, что было в сердце; он считал это ненужным – а она хотела видеть, чувствовать, что ее безумно любят, – измена Грановской ее сильно огорчала[92]... «Как она его понимала, предсказывала ему, что жизнь его будет особенная, что он призван, избран на подвиг: "Пусть твоя душа будет местом отдохновения для моей души"... Он вглядывался в родную душу, так что его душа отражалась в ней. Ах, зачем их нет, их никто не может заменить, так пусто без них – когда читаешь эту переписку, следишь за событиями их жизни, они совсем оживают для меня, и мне еще тяжелее их отсутствие, *вечное отсутствие,* какое страшное слово...»[93].

Упоминая о мимолетном увлечении Герцена горничной, о котором он рассказывает в "Былом и думах" (IX, 95–100) и в дневнике (II, 260–263), Наталья Алексеевна с горечью пишет о Н.А. Герцен:

"Зачем Александр разбил ее сердце, ее внутренний мир? Нанести такой удар ее любви – ⟨это⟩ не могло пройти без страшных последствий; теперь понятнее всё, хотя мне выбор Гервега остается непонятен, потому что он несимпатичен был"[94]... "Если б она осталась верующая, – предполагает Наталья Алексеевна, – она бы простила Алекс⟨андра⟩, его падение не мучило бы ее годы, и ее собственное увлечение не было бы последствием всего этого..."[95].

В "Замечательном десятилетии" П.В. Анненков упоминает об "ангельской маске" великолепного, блистательного Лоэнгрина, "усвоенной" Гервегом и поразившей воображение Н.А. Герцен[96]. Наталья Алексеевна снимает этот романтический лак и набрасывает, вероятно, гораздо более верный натуре, хотя и недоброжелательный, портрет Гервега 1848 г. – портрет ровесника Н.А. Герцен: "Мы его знали лет 35-ти –немного плешивый, с прямыми и редкими волосами, с длинным, тонким носом, с большими черными, блестящими глазами... что-то в чертах еврейское... Мне он очень не нравился. У него ничего не было открытого, благородного в чертах ⟨...⟩ Все рассказы Герцена о нем были ужасны[133*,98]... "Я удивляюсь, как он мог понравиться такой особенной женщине, как Н⟨аталья⟩ А⟨лександровна⟩. Но у нее много накипело на душе; разочарованная в прямоте, в истинном чувстве Александра, ей хотелось полюбить кого-нибудь, потому ей и показалось, что она любит Гервега, – а это была только ошибка, непонятное увлеченье..."[99].

"Я любила их обоих – и если б я была с ними, я спасла бы ее от Гервега. Ваша знакомая ошибается; ревности у меня никогда не было к памяти такой дорогой личности – это немыслимо – если я была несчастна, то совсем по другим причинам... Я любила слушать, когда он говорил о ней. Я неверующая, но человек любит мечтать, надеяться... иногда я мечтаю и воображаю, как хорошо бы было, если б они могли быть вместе – продолжать небесную любовь, – и мне тогда отрадно думать, что они не страдают друг о друге, а я ... я при ней опять буду ее Consuela, его сестра...".[100]

133* "Gerveg (!) тогда в 1848 г. немного ухаживал за моей сестрой ⟨Еленой⟩, – сообщает Наталья Алексеевна, – и подарил ей свои стихотвор⟨ения⟩ с своим портретом – постараюсь его найти у Н.Н. С⟨атиной⟩. Он представлен молодым..."[97].

Причины "рокового увлечения" Н.А. Герцен П.В. Анненков объясняет в "Замечательном десятилетии" так: "Она была счастлива в муже, в семье, в друзьях – и страдала отсутствием поэзии ⟨...⟩ Она предпочла бы поэтические беды, глубокие несчастия, окруженные симпатией и удивлением посторонних, и минутные упоения – тому простому безмятежному благополучию, которым наслаждалась. Задачей ее жизни сделалось, таким образом, обретение романтизма в том виде, как он существовал в ее фантазии; за ним она и погналась со страстию и неутомимостью искателя волшебных кладов..."[101].

Именно эти строки, сообщенные ей Некрасовой, вероятно, и имела в виду Тучкова-Огарева, когда писала своей корреспондентке: «Я никогда не читала, что́ писал о ней Анненков. Это, конечно, пошлый вздор. Когда я ⟨в 1847 г.⟩ встретилась с Натали, она жаждала любви; вспомните, она говорила о своем возрождении в Италии; конечно, тому способствовало разочарование в А⟨лександре⟩; потом она находила, что он неспособен на такую страстную привязанность, о какой ей мечталось; он слишком был поглощен общими интересами. Говоря о нем, она говорила: "У него отшибленный уголок". Гервег с семьей жил в одном доме с семьей Герцена. Я бы этого не сказала, когда бы не знала от Герцена. Из ее писем я видела, что она сближалась более и более с Гервегом – но до объяснения с мужем она не говорила прямо об этом в письмах. Гервег понял, в каком болезненном душевном настроении она была, воспользовался этим и увлек ее. Только после объяснения Н⟨аташа⟩ поняла, как она была любима А⟨лександром⟩ и какой удар она нанесла ему; вот почему ее раскаянье было такое глубоко прочувствованное, и Герцен находил, что она в его глазах выше стоит, чем до паденья своего"[102]... "Насчет ваших вопросов о жизни Н⟨аташи⟩ я должна отвечать откровенно, что Герц⟨ен⟩ считал за ее страшную вину обман, продолжавшийся два года. А⟨лександр⟩ И⟨ванович⟩ предпочел бы, чтоб она оставила дом и ушла бы к Герв⟨егу⟩, но этого не было, тем более, что Герв⟨ег⟩ жил тоже с женой и с двумя детьми[134*].[103] «Когда мне случалось спорить с Ал⟨ександром⟩, защищая Наташу, он говорил: "Нет, она ужасно виновата, но ее раскаяние и страданья ставят ее для меня выше всех женщин". Я ее защищала тем, что обман этот сделался необдуманно, она, может, желала давно во всем признаться, но боялась разлуки с детьми, не имела на это силы, откладывала из гуманности. Все происходило у Герцена на глазах; он был слишком уверен, что ничего нет, и потому ничего не замечал – никто не осмелился открыть ему глаза – однако он начал перед объяснением замечать насмешливые улыбки окружающих, неодобрительные взгляды на Наташу и пр. Но и после объяснения Наташа долго еще жила под влиянием Герв⟨ега⟩. Тогда Герцен предлагал уехать с Сашей в Америку, а девочек оставить с матерью. Герцен говорил, что запрещение докторов было оставлено Нат⟨ашей⟩[105]. Жаль, что много писем ее ко мне было взято у меня А⟨лександром⟩ А⟨лександровичем⟩, когда я не была в состоянии думать. Там было одно письмо, где она говорит: "Я была в когтях злого демона"[106], – нам с О⟨гаревым⟩ было очень странно получить это письмо, так как мы вовсе не знали, что́ происходило у них... Почему же вы думаете, что А⟨лександр⟩ хотел убить Н⟨атали⟩, разве он не признавал ее свободы? он хотел ее убить потому, что был глубоко оскорблен обманом, длившимся так долго. Герв⟨ег⟩ сделал на умирающую донос, в котором говорил, что она просила у него прощения в рождении Ольги, – Герц⟨ен⟩ спросил ее, она отрицала это, но это объяснение ускорило ее кончину. Через некоторое время после объяснения, когда Герв⟨ег⟩ уехал и Герцены остались одни, было действительно примиренье, и, чтоб его глубже запечатлеть в их сердцах, Гер⟨цен⟩ сказал, что ему хочется побыть с ней вдвоем, вдали от дома и от всех тяжелых воспоминаний; он поехал вперед, потом она приехала к нему в Турин, это он и называет ее возвращением, т.е. нравственным возвращением к нему домой»[107]... «Я не видала ее с нашего отъезда из Парижа... Она звала, чтоб поручить мне детей, но в это время невозможно было получить пачпорта. Она была сильно огорчена этой невозможностью и стала звать Астракову, и той не удалось исполнить Наташино желание. Видно было, что она не винила меня более, потому что карандашом ежедневно писала ко мне – после ее кончины нашли это письмо под ее подушкой – она думала обо мне, беседовала со мной, пока рука могла держать карандаш»[108]... «По боли, которую я чувствую, вспоминая все ее страданья, мне кажется, что это было недавно, – а тому 40 лет: чувства не изнашиваются, они только тупеют – а если б они сохранили всю силу и свежесть, никто бы не перенес – но тут много зависит от физических сил: слабый организм не выдерживает испытаний – и наоборот, а кто может решить, кто более страдал?! ⟨...⟩ Нам она написала в 51 году очень странное письмо, в котором говорит: "Я была во власти злого демона, я вернулась к своему близнецу; когда ему будет хорошо, тогда и я отдохну – теперь я узнала его, его любовь". Это письмо и

134* О жене Гервега Эмме Тучкова-Огарева замечает: "M-me Гервег была истинная немка, вовсе не интересная..."[104]

другое, с припиской Гервега по-русски, Александр Александрович ⟨Герцен⟩ имел неделикатность взять самовольно в моих вещах, в то время когда я была почти помешана и меня спасали от самоубийства...»[109].

"Бедная Наташа, как она умела любить, как никому не дано. И зачем Герц⟨ен⟩ очнулся и понял, чтó потерял, когда было поздно, – восклицает Наталья Алексеевна. – Иногда Герцен говорил, что я должна бы писать о ней, потому что я ее так страстно любила, и понимала, и защищала ее, даже в ее роковом сближении с Герв⟨егом⟩, но, к несчастию, я не поэт и не писательница, не умею выразить то, что хочу, все мне кажется вяло, слабо, недостойно"[110]... "На обман Н⟨аташи⟩ я смотрю иначе, чем Г⟨ерцен⟩. Думаю, что она была увлечена этим дурным человеком и молчала по его желанию и из чувства пощады, гуманности... надо все-таки ⟨иметь⟩ жесткую натуру, чтоб нанести такой удар человеку, который еще любит, свыкся с этим чувством, точно у него все отнимают"[111]... "Я рада, что карточка Наташи вам так симпатична, я должна сказать, что никогда не видала ее такою. Портрет был очень похож в 47 и 48 году – а эта карточка сделана в 51 году, во взгляде сознание своей виновности, тихое отчаяние и смирение перед судьбой – вот что я читаю в выражении ее лица, и потому мне очень больно смотреть на эту карточку"[135*112]... "Как мало она жила! Одна эта мысль как тяжела, и как все наши жизни были бы лучше при ней – я в этом уверена..."[114].

О работе над главами "Былого и дум", посвященными семейной драме, Тучкова-Огарева сообщает: "Вы правы, что с Герц⟨еном⟩ не было никаких тетрадок, ничего, кроме переписки; я входила к нему иногда – часто, когда он писал, и часто он читал мне написанное – а иногда читал вечером вместе с Огаревым. Он брал у меня письма Наташи ко мне и придавал им большое значение – и возвратил все..."[115].

"Я перечитала вашу большую статью о Герц⟨ене⟩ и его жене[116] – она мне очень понравилась, и я вас крепко целую за нее ⟨...⟩ Жаль только, что в вашей статье вкрались ошибки ⟨...⟩ Роды (последние) не были неудачны, напротив, она не заметила, как родила, но она была уже умирающая от острого воспаления в легких – плевриты. Герц⟨ен⟩ рассказывал, что приготовил даже кормилицу, надеясь, что ребенок будет жить, но он умер на третий день[117], и его положили с матерью, он был очень похож на Герцена[136*"118]... "Мы приехали в Лон⟨дон⟩ 3 года после кончины Нат⟨али⟩[121]. У Герц⟨ена⟩ были две картины постоянно перед глазами: она мертвая с ребенком – вся в цветах; другая картина – похороны ее с факелами[122]... А вы думали, что я была при ее кончине – вы, верно, читали "Жизнь за жизнь", эту отвратительную карикатуру[123]...". И много лет спустя, в 1902 г. Наталья Алексеевна с тем же чувством отвращения возвращается к этому "роману". "Мне попалась 1-я часть "Жизнь за жизнь"... Не могу верить, чтоб автор хотел представить Герц⟨ена⟩ и Огар⟨ева⟩. Это какие-то пошлые личности, да и та, которая должна изображать Н⟨аташу⟩, очень пустая особа, не говорю уже о других... Не ошиблись ли, думая, что это писано о них?..."[124].

"Присланный мною портрет Наташи был сделан в 48⟨-м⟩ году для меня неизвестным художником-итальянцем, – сообщает Тучкова-Огарева. – Более Наташиных портретов нет, исключая сдéланного после кончины. Она лежит с младенцем, осыпанная цветами. Он родился за 3 дня до ее кончины. Ее лицо выражает смирение, покорность перед неизбежным и глубокое страдание. Да, я могла бы многое вспомнить, могла бы передать рассказ Г⟨ерцена⟩ об этой страшной драме, которая убила ее, – но я не могу мимоходом говорить об этом – я расскажу вам всё..."[125].

Для своей подруги Тучкова-Огарева в 1894 г. написала следующий "мемуар", озаглавленный "Воспоминания о жизни Н.А. Герцен" (он сохранился в архивном фонде Некрасовой)[126]:

"Я люблю говорить о ней, о ее поэтической натуре, о ее краткой жизни, хотя и больно вспоминать все, что она вынесла, особенно в последний год жизни.

Первые годы ее жизни прошли очень счастливо, она росла в Петербурге у красавицы-матери[127], отец ее ужасно любил, но вдруг отец умирает, мать отправляют в деревню; когда Захарьина проезжала с дочерью через Москву, княгиня Хованская узнала об этом и послала сказать матери, что она желает взять дочь брата к себе на воспитанье. Тогда Наташе было семь

[135*] В статье "Смерть Н.А. Герцен" Некрасова писала: "Наталья Александровна Огарева не раз подтверждает в своих письмах ко мне, что Герцен и после смерти жены не перестал любить свою жену" и делает к этому месту следующее примечание: "Н.А.Огарева с таким интересом и любовью относится ко всему, что касается покойных Герценов, что всегда с готовностью отвечает на все вопросы, которыми приходится довольно часто ее беспокоить"[113].

[136*] "В 3-м томе "Из д⟨альних⟩ л⟨ет⟩" много ошибок, – отмечает Тучкова-Огарева в другом письме. – Например, у Наташи глаза были темно-серые, а не голубые, – это совсем иное..."[119]. Любопытно, однако, что в своих печатных "Воспоминаниях" она сама указала, что у Натальи Александровны были *синие* глаза"[120].

лет. Она была слабенькая, худенькая и нервная девочка. Ей было грустно, тяжело расти одной у княгини в доме, наполненном разных старух-приживалок, которые зорко следили за каждым ее словом, за каждым движением. Никто ее не ласкал, не улыбался ей. Она стала робкая и недоверчивая к себе... Когда ей приказывали выйти в гостиную, она шла с замиранием сердца, приседала перед гостями и становилась за кресло. Княгиня, к которой не раз при ней обращались с вопросом: "Что это за ребенок?" – отвечала вполголоса, на ухо: "Это незаконная дочь моего несчастного брата". Тогда слышались порицания покойного, сожаления о несчастной девочке... Не понимая значения всех слов, сказанных княгиней и ее собеседниками, чутким сердцем девочка догадывалась, что эти сожаления о ней и порицания отца обидны, тяжело ложились на ее детскую душу. Она краснела и опускала глаза, не раз навертывались слезы на ее темно-серые глаза, но она старалась, чтоб не заметили ее смущения – при первой возможности уходила из гостиной и горько плакала, когда оставалась одна. Она была любящая, а ей некого было любить... В ее комнате спала одна из приживалок – летом, когда этот неизменный часовой засыпал, Наташа через окно выходила в сад и припадала к земле, обливая ее горячими слезами и говоря: "У меня никого нет, мне некого любить, будь ты, земля, мне родной матерью – я буду тебя от всей души любить". "Прильну к земле крепко и целую ее и заливаюсь слезами", – говорила мне сама Наташа.

Это было в первых годах ее жизни у княгини, потом она сблизилась с С. Клиентовой, с Емилией ⟨Аксберг⟩, и ей стало сноснее. Она очень восхищалась своим двоюродным братом А⟨лександром⟩ Г⟨ерценом⟩, его необыкновенным умом, но тогда они имели разные взгляды – она была очень религиозна, строга, а он иначе понимал жизнь и смеялся немного над ее пуританизмом. В это время какой-то офицер[128] сватал Наташу и она соглашалась идти за него, но арест брата все изменяет, она вдруг понимает, какая любовь таилась в ее сердце к брату, и едет с Луизой Ивановной в Крутицкие казармы для свиданья с ним. Эту минуту можно назвать их тайной помолвкой, хотя ничего не высказано, но им обоим понятно их предназначение. Когда княгиня узнала о любви Н⟨аташи⟩ к А⟨лександру⟩, она пришла в неописываемый гнев. Стала приискивать нового жениха и скоро нашла какого-то чиновника[129]... Она позвала Наташу для объяснения. Наташа с непонятной твердостью отвечала отказом, тогда княгиня велела ей не выходить из своей комнаты, пока не согласится, а сама через несколько дней собрала семейный совет, перед которым жаловалась на неблагодарность и упрямство своей воспитанницы. Толковали целые часы и решили позвать узницу и расспросить ее о ее намерениях. Н⟨аташа⟩ предстала перед семейным советом, ей изложили жалобы княгини, ее желание, чтоб Наташа вышла за приисканного ею жениха, и требовали от нее ответа. Н⟨аташа⟩ сказала с твердостью, что пойдет только за А⟨лександра⟩ или ни за кого. Княгиня пришла в ужас от ее неблагодарности, полились упреки, жалобы – Н⟨аташа⟩ стояла бледная, измученная и молча выслушивала все обвинения. Наконец, Лев Алексеевич Яковлев (сенатор) сжалился над ней и просил, чтоб ее отпустили в свою комнату и чтоб арест был снят; остальные молчали, боясь оскорбить княгиню, показывая участие к неблагодарной сироте покойного брата.

Вы знаете, как переведенный из Вятки во Владимир Герцен тайно приезжал для свиданья с Наташей и как они так безмерно обрадовались друг другу, что ни о чем не говорили и не делали никаких планов, как потом А⟨лександр⟩ приехал за ней, увез ее с помощью Т.А. Астраковой и Кетчера. Отец Г⟨ерцена⟩ долго сердился на сына за его брак, долго он их стеснял, не давая достаточно денег для самой скромной жизни. Проживали во Владимире той поэтическою жизнью, о которой ей не хотелось говорить даже лучшему другу, так она боялась ее профанировать; они поехали в Петербург. Отсюда Герцен писал к отцу и между прочим рассказал об убийствах, в которых участвовали сами охранители, будочники[130] – весь город говорил об этом, но письмо было вскрыто, и Герцена потребовали к Дубельту. "К отцу пишут только о здоровье, неужели вы этого не знали?" – сказал нравоучительно Дубельт; потом Герцена послали в Новгород...

Наташа, разумеется, делила его участь. От испуга, и страха, новых неприятностей она до времени родила ребенка[131], у которого головные кости не срослись; через год, кажется, уже в Москве, родился опять такой же ребенок[132]; в живых был только один старший сын – прошел еще год, и родился мальчик с необыкновенно красивыми и тонкими чертами; в честь Огарева его назвали Николаем. Ему было около осьми месяцев, когда заметили, что он не слышит. Несмотря на всевозможные консультации и совещания докторов, ребенок рос глухонемым, к великому огорчению родителей, в особенности матери[133].

Тут случилось с Г⟨ерценым⟩ какое-то увлечение к ⟨!⟩ красивой горничной[134]. Г⟨ерцен⟩ ничего не сказал жене, но, стыдясь своего поступка, он держал себя вдали от этой женщины. Последняя была очень оскорблена, что так скоро оставлена. Когда наступил Великий пост, она стала говеть; собираясь к исповеди, она, как водится, пришла просить прощение у всех и у своей госпожи, она упала в ноги к Н⟨аташе⟩ и, обливаясь слезами, просила прощение за связь

с ее мужем. Н⟨аташа⟩ остолбенела, побледнела, поцеловала горничную, простила ее и ласково отпустила в церковь, но с этой минуты в ней сделался переворот: "ей казалось, что не он один, но что и она пала, – они, как Адам и Ева, изгнаны навсегда из рая! В отсутствие А⟨лександра⟩ она постоянно предавалась полнейшему отчаянию: все дорогое, милое прошлое казалось ей потерянным безвозвратно. А⟨лександр⟩ уже сам заговорил о своей вине, чистосердечно просил прощение, она не сердилась, но не могла с этим примириться, в ее глазах А⟨лександр⟩ стал другим, и она стала другая, новая для себя самой. Она плакала ночью, когда была уверена, что никто ее не видит; возвращаясь поздно домой, А⟨лександр⟩ находил под ее подушкой платок, весь смоченный слезами. А⟨лександр⟩ начинал терять терпенье, он негодовал на нее, почему она не может простить и забыть – провести черту, но она не могла этого сделать.

Оправившись, наконец, от этого потрясения, она стала жить в себе, жить для детей, насколько ей позволяло слабое здоровье. После этого удара у нее было еще двое детей: Наташа (Тата) и маленькая Лиза. Последняя умерла до году воспалением в мозгу перед их отъездом за границу[135]. Во время пребывания Г⟨ерцена⟩ и его семьи в Москве, они уезжали всегда летом на дачу, в Соколово или другое место, тогда весь кружок собирался в том же месте, а кто не мог оставить Москву, приезжал по праздникам, но разлад в кружке чувствовался и там: не было прежних доверия любви, было что-то натянутое, все боялись серьезных разговоров, и действительно, они никогда не оканчивались без неприятностей. Чувствовалось, что надо расстаться хоть на время, чтоб глубже всмотреться в себя и в причины разъединения кружка.

Наша семья бывала ежегодно в Москве для свиданья с дедушкой и с тетей Мар⟨ьей⟩ Ал⟨ексеевной⟩. С 42 году я помню, что видала всегда у отца много членов кружка, между прочими Герцена. Помню, что последний приезжал к отцу читать свои статьи и ненапечатанные главы из "Кто виноват?", помню Кетчера, Кавелина, впоследствии Сатина, Грановского. Моему отцу очень нравилась Нат⟨алья⟩ Алекс⟨андровна⟩ Герцен, он познакомил нас с ней, она нас звала, просила навещать, но сама редко выезжала, потому что была очень слаба. Опасаясь за ее грудь, доктора говорили, что ей не следовало бы иметь более детей. У нее было уже шесть человек, а только трое живых. Доктора не задумались произнести над ними свой приговор: "развод"[136]. Оба легко подчинились этому требованию; она – потому что не простила ему, он – потому что чувствовал себя еще свободнее. В таком отношении друг к другу мы находим их в 1848 году. Тогда я не могла понять, на что она намекает, когда она говорила мне наедине: "С Колиного рожденья мне все стало равнодушно. Я живу только для детей, но хотелось бы пожить и для себя, да нельзя:

Аль у Сокола крылья связаны,
Аль пути ему все заказаны?..[137] –

говорила она и писала в своих письмах...

⟨В 1847 г.⟩ Герцен с семьей уезжает за границу (...) Проходит год, и мы начинаем собираться за границу на целый год и проводим почти весь год с семьей Герцена. Дамы его семьи, т.е. Луиза Ивановна Гаг, добрая и бесхарактерная мать Герцена, Марья Каспаровна Эрн (впоследствии г-жа Рейхель) и Марья Федоровна Корш не любили Наташу, а Герцена очень любили; мне кажется, тогда они ей завидовали, за глаза смеялись над ней, считали ее за гордую, самонадеянную и зря счастливую. Я думаю, что это было отчасти под влиянием Елизаветы Богдановны Грановской, которая была сначала так дружна с Н⟨аташей⟩, а потом внезапно изменилась к ней. Эти дамы сторонились меня как личности, преданной Н⟨аташе⟩. Луиза Ивановна, добрая, но недальная, подражала им, Н⟨аташа⟩ все видела, поверяла мне свои замечания, но не обращала внимание А⟨лександра⟩ на эти недружелюбные отношения. Дамы любили ее детей (потому что это были его дети), а Наташа была слишком слаба, чтоб ухаживать за всеми, и потому относилась ко всем трем очень хорошо. Но вскоре все изменилось: мы возвратились в Россию, а с нами и Марья Федоровна Корш. Едва мы оставили Париж, как в нем появилась холера; первая жена ⟨А.⟩ Рейхеля умерла почти при Герцене[138], а через год Марья Каспаровна вышла за Рейхеля. Герцен оставляет невозможный в политическом отношении Париж – он все переезжает и не может избрать себе удобного места, семья его живет в Швейцарии с Наташей, старшим сыном и Татой. Луиза Ивановна поселяется с Колей в Цюрихе, где он посещает училище глухонемых и научается говорить по движениям губ. Старший учитель при этом заведении так привязывается к Коле, что для него оставляет заведение и становится его гувернером[139].

Гервег как изгнанник, гонимый и во Франции, живет у Герцена и почти с ним не разлучается. Он любит беседовать и с Наташей, понимает ее поэтическую натуру и мало-помалу разрушает отношение Н⟨аташи⟩ к мужу; для этой цели он не стесняется клеветать на него. Н⟨аташа⟩ ему верит. Ее незанятая душа, схоронившая первую любовь и просящая нового чувст-

ва, покоряется ему. Он торжествует – признается даже Герцену, что влюблен в его жену, но успокоивает его тем, что он его друг и потому Герцен может ему верить, положиться на него – и Герцен верит, – а Н⟨аташа⟩ молчит. Они переезжают в Ниццу, тогда принадлежавшую еще Италии. Туда собирается отборный кружок изгнанников всех стран Европы, между ними Карл Фогт, еще не женатый тогда; Тесье дю Моте с поразительной красавицей, на которой впоследствии женился, Хоецкий; Энгельсон, странный и очень образованный русский, с женой и Гервег с женой. В это время Наташа думает уехать куда-то с Гервегом, она не перестает звать меня, чтоб поручить детей, но история ареста Огарева, Сатина и отца моего наделала много шума, пачпорта не дают не только нам, но даже самым надежным и действительно больным. Отец мой более не предводитель дворянства, его заменили кандидатом, но он просил Перовского, чтоб его судили, если он сделал что-нибудь незаконное, на это не последовало никакого ответа.

В 1850 г.[137*] у Наташи родится дочь Ольга (m-me Monod). Понемногу в голову Герцена закрадываются какие-то странные сомненья – ему тяжело – он начинает чувствовать, что он один, да где же все, что он любил в жизни, чему он верил? – Огарев и Наташа. Огарев далеко – писать опасно, и письма почти не доходят – а Наташа? и тут он задумывался… Разные мелочи обратили его внимание, подтвердили его мучительные догадки. Наташа приглашает живописца, он делает художественную акварель: дети, Саша, Тата и Коля, играющие в саду[140]. Герцен очень доволен картиной и вниманием Наташи, он воображает, что акварель для него, – но вот акварель окончена, где же она? – он спрашивает. Н⟨аташа⟩ отвечает, что она заказывала ее для Гервега. Не помню, какая случайность обратила еще раз его внимание, осветила ему истину, как в темную ночь молния ярко освещает на мгновение дорогу. Он почувствовал, что чаша полна. Когда все разошлись спать, он остался один в гостиной, долго он просидел неподвижно у открытого окна, думал, мучительно переживал последние годы: "Неужели? – вырвалось у него. – Нет, нельзя оставаться в такой неизвестности", – думал он, отворил дверь в комнату Наташи и позвал ее. Она еще не ложилась: на его зов она обернулась к нему с печальным выражением на лице. Может, она предчувствовала, для чего он ее зовет. Когда она вошла, Герцен ее усадил в кресло у окна и сам сел возле нее. "Наташа, – сказал он, стараясь говорить тихо, – что же это? Мне мучительно тяжело – да неужели это правда? Говори, говори".

Н⟨аташа⟩ отвечала полным признанием. Герцен вскочил в ужасе. "Я хотел ее тотчас убить, – говорил нам Гер⟨цен⟩ в Лондоне, – но она упала передо мной на колени и молила меня: "Александр, оставь мне жизнь для детей, я буду слугой в доме, мне более ничего не нужно"[141].

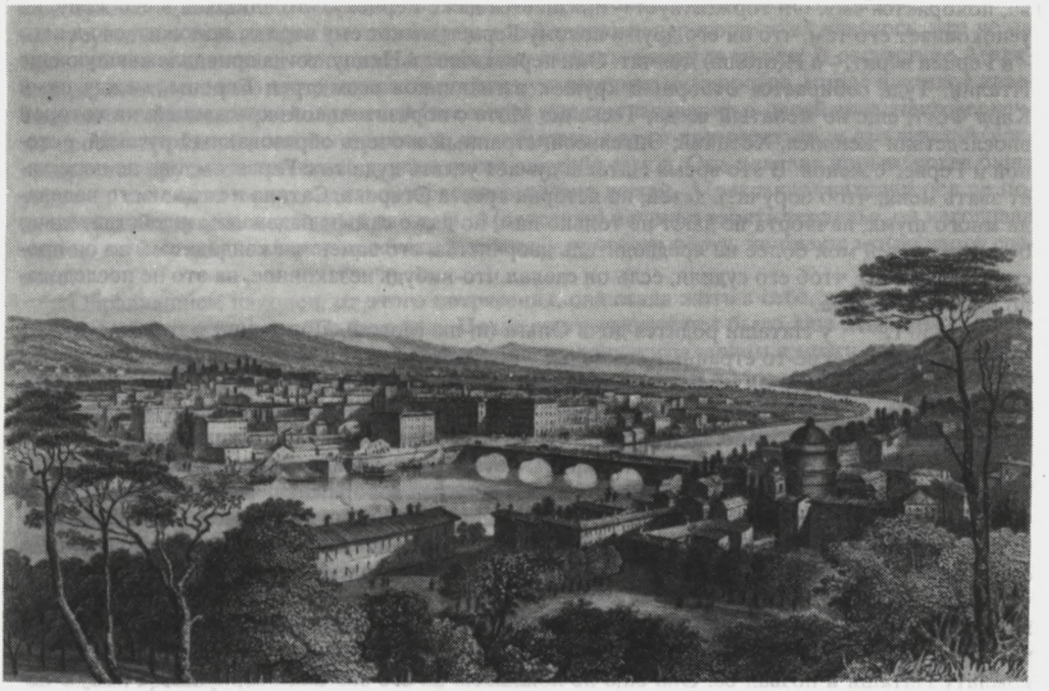
Сначала Г⟨ерцен⟩ говорил, что уедет с сыном в Америку, а она останется с девочками. Он требовал, чтоб Гервег тотчас уехал, хотел с ним драться, но Н⟨аташа⟩ остановила его: "Ты должен жить для детей, – говорила она, – я долго не проживу". Когда Гервег догадался, что было объяснение между Г⟨ерценом⟩ и Наташей, он написал Н⟨аташе⟩ записку, говоря, что хочет покончить с жизнью и застрелиться. Долго Герцен уговаривал Н⟨аташу⟩ написать, что она согласна, ей было страшно дать свое согласие; наконец, она решилась и написала, что для него этот исход самый лучший; тогда Г⟨ервег⟩ отвечал: "Твоя записка пришла слишком поздно, я раздумал…"

Гервег переехал из дома Герцена, но жил все-таки в Ницце; он говорил, что не может уехать, потому что много должен в магазинах, Герцен вызвался все заплатить – их горничная взяла деньги и пошла расплачиваться – потом принесла Герцену расписки из магазинов и сказала: "M-me Эмма (Гервег) приказала взять еще кусок полотна, шерстяной материи и кусок бархата, но я не взяла – ведь вы платите за то, что было прежде взято, зачем же еще набирать?.."

Гервег постоянно тревожил Н⟨аташу⟩ доносами на нее Герцену, клеветами…

Для полного объяснения и примирения Герцен звал Н⟨аташу⟩ в Турин. Сначала он уехал, потом она приехала одна. Это свидание и сближение было как бы более сознательным союзом, чем их брак, – говорил Герцен. Хотя она отдалась всей душой прежнему чувству, но она не могла перенести сознания, что Гервег такой низкий человек и что она могла все позабыть для него. Это убило ее; к тому же тогда стряслась катастрофа, в которой погиб Коля. Вот как это случилось. Луиза Ивановна Гаг жила в Ницце отдельно с Колей, его учителем Шпильманом, племянницей и горничной. Вдруг их вызывает в Париж Марья Каспаровна Рейхель, которая должна была родить в первый раз. Луиза Ивановна поехала всем домом в Париж. Герцен рассказывает это в своих записках. На возвратном пути они сели на пароход в Марселе –

137* *В автографе ошибочно*: 1851. – *ЛЛ.*



ТУРИН

Гравюра неизвестного художника, 1850-е годы

Из книги: Edmond Roche. L'Italie de nos jours. Paris, 1860

недалеко уже от Ниццы, пьяный капитан наехал ночью на их пароход и разрезал его пополам… Англичанин, бывший тоже между пассажирами, описал это страшное происшествие: он был поражен любовью Шпильмана к Коле и принял его за отца ребенка, Шпильман держал в руке канат и кричал горничной подать ребенка, а ребенок 9 ⟨-ти⟩ лет спал внизу, пока они суетились, и Луиза Ивановна кричала: "Спасите ребенка", было уже поздно. Шпильман (надо заметить, очень хороший пловец) все еще держал канат. Англичанин сказал ему: "Что же вы, спасайтесь". Шпильман передал ему канат, говоря: "Без ребенка мне не надо каната". И все пошли ко дну, но по странной случайности, уцелели племянница[142] и горничная[143], которые вовсе не умели плавать. Горничная содержала в Ницце ресторан с мужем (Scoffier) и с сыном. Она не раз повторяла нам этот ужасный рассказ.

Я забыла сказать, что после объяснения Герцена с Н⟨аташей⟩ к нему явилась Эмма Гервег: "Отпустите их, – говорила она, – они так любят друг друга, а я, – говорила она, рыдая, – останусь с вами, буду стараться вас утешить"[144]. Герцен говорил, что в ответ на это предложение он долго, нервно хохотал ей в глаза. "С тех пор, – говорил он, – я не терплю женских слез…" После неожиданной кончины Коли Наташа совсем слегла. "Боюсь встать, – писала она мне. – Увижу море, эту открытую могилу"[145]. В это время маленькая Оля захворала. Наташа, уже больная, вставала к ней ночью и тем ухудшила свою болезнь. У нее сделалось очень серьезное воспаление в боку. За три дня перед кончиной у нее родился сын Владимир, который жил только день: по портрету, где она лежит с ребенком, обложенная вся цветами, ребенок очень похож на Герцена.

Несмотря на страшное происшествие в семье Н⟨аташи⟩, доносы и клеветы на нее не прекращались до самой кончины этой мученицы. Перед смертью она позвала мужа и сказала: "Пожертвуй мщеньем для детей, живи для них. Обещай мне, обещай!.."[146]. Он обещал. Я негодовала на Герцена за то, что он спрашивал ее по поводу доносов и клевет, но Герц⟨ен⟩ мне отвечал: "Мне нельзя было не спрашивать, я остался бы в сомнении". Когда все было окончено и друзья приняли на себя все хлопоты похорон и пр., Герцену принесли записку от Гервега: "Протяните мне руку, как я вам даю свою, на полное примирение, теперь, когда судьба решила участь той, которая нас сделала врагами…" Герцен ничего не отвечал – ему гадко было. Он бы хотел его убить, но он помнил обещание, данное умирающей. Маццини и его дру-

зья обещали судить и наказать Гервега своим революционным судом, но ничего не сделали..."[147].

"В своей записке о Наташе, – писала позднее Наталья Алексеевна Некрасовой, – я пропустила очень важную вещь: умирая, она просила Гер⟨цена⟩, чтоб дети ее *всё* знали, – если скрыть историю с Гервегом, то они не будут знать ее всю, не будут знать ее раскаяния, а дети стыдятся этой истории – вообще они попали в буржуазный круг и тем охладили к себе многих друзей Герцена ⟨...⟩ Следовало бы напечатать V том "Б⟨ылого⟩ и д⟨ум⟩". Это только было мнение одного Герцена, что я должна о ней писать, – он думал, что моя страстная привязанность к ней воодушевит меня, – но я не могла решиться, а теперь поздно и ненужно..."[148].

Среди бумаг Некрасовой сохранилась рукописная копия с письма Т.П. Пассек к Наталье Алексеевне – по-видимому, от января 1886 г. с рассказом о взаимоотношениях Герцена и Н.А. Герцен (Захарьиной), его невесты, а затем жены, которых Пассек знала с раннего детства. Привожу здесь наиболее интересный с биографической точки зрения фрагмент. Копия снята самой Некрасовой. Начало не сохранилось:

"К Наташе у него, я это знаю, до ареста Ага никакого не было чувства, да и редко видались. Людмила стала ревновать его к товарищам – пошли слезы, разлад. Вдруг показалось ему на Девичьем ⟨!⟩ поле, что он друг Наташе, а ей – что она ему, между тем как Наташа была влюблена в это время в юного гусара и ждала предложенья. Он предложил, она согласилась, шили приданое, все шло, как и везде, да вдруг показалось, что Алекс⟨андр⟩ симпатичен, переписка расширила, и пошло дальше и дальше. А в Вятке у Алекс⟨андра⟩ воображаемая любовь к Медведевой – и настрадался же он с нею. Что он в ней любил, не понимаю. Ну, женились они с Наташей, оба люди хорошие, чистые, уверенные во взаимной страсти, им было все ново, все хорошо, ничто между ними не стояло. А Наташа, понятно, увлечена была вся новостью жизни и чувств, а тут и ребенка Бог послал. Так и жили во Владимире, пока ничто не протеснилось между ними: ни наука, ни друзья. Переехали в Москву, в Петерб⟨ург⟩. Наташе ново и круг друзей и их умные беседы, и еще дети, и Огарев с женой. Мало-помалу Наташа почувствовала, что все это протесняется между ею и Алекс⟨андром⟩; ей стало недоставать, казаться одинокою; она по степени своего научного развития не могла глубоко сочувствовать этим интересам, – к этому же несчастные роды, дети родившиеся умирали. Альфонский (доктор) посоветовал им воздержаться от сближенья, так и сделали. Ну и шло; Наташа одна в спальне, Саша в своем кабинете наверху. Избалован с колыбели, все ему спускалось, добрый, простодушный и не привыкший себя сдерживать, – увлекся физически горничной Дашкой, (как ее звали все). Дашка повадилась ходить к нему наверх – и, когда он настаивал, чтоб она больше не путешествовала к нему, она со зла открыла всё Наташе, и пошли убийственные сцены; что́ жизни в них ушло, несмотря на то, что ни Алекс⟨андр⟩, ни Наташа страстно друг друга почти никогда не любили. Понятно, при чистоте взгляда и любви, хотя и не страстной, Наташу этот поступок Саши и огорчал и оскорблял. Поездка за границу, разъединение, хотя едва видимое, с кругом друзей, – все это как⟨-то⟩ глушило болезненность чувств. У Алекс⟨андра⟩ были дни истинного мученья. Но вот они уехали; чего бы лучше, все новое: и Париж, и Рим, и Бакунин, и Прудон, и поляки, и Наполеон. Первое время, видно, и удовлетворяло. Алекс⟨андр⟩ долго был еще в вихре переворотов, новых людей, деятельности, надежд, а Наташе было уже довольно. Натура страстная, она не изжила еще всей надобности страстной, все забывающей привязанности – ей мало было детей и спокойной любви мужа, разделенной между множества иного рода интересов и забот. Все состояние души Наташи видно в ее страстной привязанности к тебе и, наконец, в увлечении к Гервегу. Пускай бы на тебе она остановила⟨сь⟩, ты нежная, юная, благородная, ты влияла бы на нее спасительно. Как это она увлеклась Гервегом, что такое было в нем, что превысило в ней и любовь (не страстную) к мужу, к детям, к долгу – ведь не можем отречься безнаказанно от долга, природой выраженного, я не говорю о долге известных, исторических эпох. А бедная Наташа за это несчастное увлеченье заплатила жизнию и, должно быть, страстными, одинокими мученьями; с каким страданием она делилась между двумя и как долго. Письма ее к тебе – иные хороши. Лучшее в них – привязанность к тебе, полуребенку, сторонняя. Лучшее в них – привязанность к тебе, полуребенку привязанность нежная. А страсть в этих письмах вся в ее внутреннем состоянии, ее разлад с самой собой. А успокоиться, сообразить и понять, излечить никогда ⟨времени⟩ не было, и погибла, бедная. Из ее писем, Натали, надобно и можно сделать выбор таких, что показывают ее взгляд на тебя ⟨...⟩ Ты, Натали, будь покойна: никто не пострадает через меня, и детям ее обидно не будет..."[149]

"Сегодня послала вам копию с письма Т.П. Пассек о Наташе, – сообщала Наталья Алексеевна Некрасовой, – надо вам всех слушать, но мне кажется, что она не понимала Наташу, говорит о ней как о натуре самой обыкновенной – а ведь это совсем не то, – может, многое можно ей упрекать, но все-таки она была совсем особенная – и писала, и говорила, и думала не так, как все другие..."[150]

Этому фрагменту (копия рукой Натальи Алексеевны) предшествует следующий текст: "и как надоедало все это ему, а семейная жизнь, где он так ⟨хотел⟩ отдохнуть, рвалась".

* * *

Об Огареве, своем первом муже, Наталья Алексеевна отзывается в переписке с Некрасовой как о прекраснейшем человеке: она восхваляет его исключительные нравственные достоинства, доброту, гуманность, скромность, незлобивость, подчеркивает, что Герцен "с самого детства и до конца жизни ценил Огарева гораздо более, чем себя"[151]. "Он был во многом почти совершенство на земле"[152]... "Его лицо вам кажется некрасиво, но оно было в высшей степени привлекательно выражением. Он был строг для себя и снисходителен для других, не знаю примера подобного взгляда. Дети А⟨лександра⟩ И⟨вановича⟩ любили Огарева больше отца за его мягкость, гуманность и добродушие. Герцен видел это и радовался любви детей к Огареву..."[153]

Об "Исповеди лишнего человека" Огарева, присланной ей Некрасовой, Наталья Алексеевна отзывается следующим образом: "Как это *его* напоминает: его ширь взглядов, его неумолимая строгость к себе и жажда знания и мучительное чувство, что он лично ничего не успел сделать. Да, в этом очерке много личного. Бедный Огарев, все дарования его не могли пробиться наружу, и он умер, понятый очень немногими!..."[154]

Откликаясь на фельетон Н.И. Васильева из "Нового времени" о М.А. Бакунине, Тучкова-Огарева пишет с возмущением: "Как сказать, что Гер⟨цен⟩ содержал семью Огар⟨ева⟩ – ведь Огар⟨ев⟩ работал постоянно, пока "Колокол" выходил, – ведь он ничего не получал за свою работу, а что получалось, хотя и неправильно, из России, – все брал Герцен, но пусть говорят, ведь всегда люди ошибаются в своих суждениях..."[155]

"О своем детстве он не рассказывал..." – отмечает Наталья Алексеевна"[156]... "Здесь нет никаких старожил ⟨!⟩, которые могли бы что-нибудь рассказать о том времени. Даже нигде не видать могил деда и бабушки Огарева; вероятно, они были похоронены под старой церковью, на месте которой теперь часовня. Эта церковь была построена в честь Екат⟨ерины⟩-мученицы и до сих пор празднуется 24 ноября (Екат⟨ерина⟩-мученица) – день рож⟨дения⟩ Огарева, а 6 декабря его именины"[157]... Мать его после его рождения тотчас умерла. Он родился за два месяца до срока и потому был сначала слабый ребенок. Он лежал в вате – ему делали ванны из рома в продолжении года, а может и более. Кормили с ложки золотой, имевшей форму руки, с мощами внутри"[158]... "Относительно ванн из рому – это не была фантазия его бабушки (со стороны отца), но пр⟨ямо⟩ приказание докторов, которые в то время были невежественны сами"[159]... "Месяцев трех он хватал губку и упивался запахом рома ⟨...⟩ Я все забываю в описании прежнего староакшенского дома сказать вам, что там была образная с негасимой лампадой, с киотом, стены все были покрыты образами, и зеркальная, где стены были из зеркал (мелких). Это была уборная матери Огарева"[160]... "Отец Огарева был настоящий помещик, добрый и не особенно развитой (штатский генерал) – последние десять лет жизни был в параличе; дед Огарева Богдан Ильич был деятельный, выстроил много каменных флигелей, церковь теплую и холодную; постройки и церковь и теперь целы. Отец Огарева держал домашний оркестр (50 муз⟨ыкантов⟩), которые играли ежедневно во время его обеда. Он имел тоже домашних живописцев, и теперь имеется много портретов Огар⟨ева⟩ – ребенком, молодым человеком и женатым. В именье, где жил Платон Богданович, было 500 челов⟨ек⟩ дворни, ткали белые шерстяные шали с бордюром. Доход в старом Акшене поглощался дворней..."[161].

Говоря о Старом Акшене, Нат. Ал. упоминает "место, где Огар⟨ев⟩ писал над прудом ⟨с⟩ кривой березой..."[162].

Огарев, по словам Натальи Алексеевны, "был ужасно нелюдим со своими родственниками"[163]... "Он жил в себе – друзья его мало знали, внешним образом; к родным он странно относился, боялся их, удалялся даже от сестры – правда, она была на семь лет старее и между ними ничего не было общего, кроме безграничной доброты"[164]... "Анна Платоновна[138*] была добрая и очень набожная. Говорят, она вышла за Плаутина по собственному влечению и до конца его жизни любила его. Хотя она правильно не посылала Огареву денег, но привозила несколько раз в Женеву"[165]... "Когда Огарев подрос, то обстановка сестры все более и более становилась ему чуждой ⟨...⟩ Плаутин был военный и игрок и промотал состояние жены. Огарев удалялся от этой среды. Ан⟨на⟩ Платон⟨овна⟩ Плаутина была прекрасная мать и жена, очень религиозная. Это тоже отдаляло от нее Огарева, который давно уже усвоил себе полную свободу мышления. Однако в последнее время пребывания своего в Швейцарии Ог⟨арев⟩ сблизился с сестрой, которая несколько раз навещала его, приезжая нарочно из Петер-

---

[138*] В автографе ошибочно: Богдановна. – *Л.Л.*

бурга. Тогда Ог⟨арев⟩ отдал справедливость ее хорошим качествам"[166]... "Французскому языку он научился еще от сестриных гувернант, по-немецки – от Зонненберга. В Москве у него были учители. По-итальянски и по-английски он выучился позже, руководимый страстным желанием читать Байрона и Шекспира, а по-итальянски – по тем же причинам и по необыкновенной мелодичности языка; он в этом языке усовершенствовался позже в Италии...".[167]

"У Огарева, – пишет Наталья Алексеевна, – не было сводных братьев, а были три незаконных брата: один, немного помоложе Огарева, Маршев[168]. Огарев подарил ему в Акшене тридцать д⟨есятин⟩ земли ⟨...⟩ и двухэтажный дом. Этот господин женился на дочери купца Сергеева в Пензе и был очень несимпатичен Огареву. Он купил с Ог⟨аревым⟩ вместе бумажную фабрику в Сим⟨бирской⟩ губ⟨ернии⟩, потом Ог⟨арев⟩ дал ему 25 т⟨ысяч⟩, чтоб он отказался от нее, хотя он вошел в товарищество без денег. В 1850 г., по желанию губернатора, он подал донос на Ог⟨арева⟩ – после Огарев его видел раз и сказал ему: "Как это вы, Ив⟨ан⟩ Ив⟨анович⟩, решились на донос? ведь это нехорошо!" – "Извините меня, Ник⟨олай⟩ Плат⟨онович⟩, уж очень трудные времена были". Другие братья, Немвродовы, были много моложе Огарева, он платил за их ученье, но ничего особенного не вышло; один был управляющим впоследствии[169] и отказался от помощи Огарева, который давал им по 2000 рублей ассигнациями в год. Когда мы уезжали в 1856 году с Ог⟨аревым⟩ за границу, меньший Немвродов служил в магазине Юнкера прикащиком – я помню, что мы видались с ним довольно часто в Петерб⟨урге⟩. Я заезжала иногда в магазин, чтоб звать его с нами в театр – и, каюсь вам, мне было очень лестно, что простой прикащик мне beau-frère[139*"][170]... "Огар⟨ев⟩ не мог любить отца – между ними даже были неприятности, и отец хотел ему дать только материно наследство, что не очень пугало Ог⟨арева⟩, потому что жили только доходами из Белоомута ⟨...⟩ Отец Ог⟨арева⟩ был недоволен его женитьбой – но вскоре умер. М⟨арья⟩ Л⟨ьвовна⟩ не могла понять, как следовало сблизиться с отцом О⟨гарева⟩ из любви к самому Огареву"[171]... "Последние 10 лет ⟨Петр Богданович⟩ был в параличе... Огарев был хорошим и послушным сыном, но не имел симпатии к отцу"[172]... "Относительно крестьян и дворовых Ог⟨арев⟩ ничего не имел себя упрекнуть – он был с ними почти как с равными, и они это глубоко ценили"[173]... "Хотя отец Огарева и был очень добрый, но Ог⟨арева⟩ возмущал его взгляд на крепостных людей, и это их отдаляло..."[174].

"Между ⟨Н.П. и М.Л.⟩ Огаревыми не было гармонии, и они редко съезжались, а когда съезжались, то только чтоб скрыть перед обществом свой разлад"[175]... «В альбоме конца 30-х годов Марьи Львовны Огаревой я нашла следующее грустное стихотворение Огарева (написано его рукою):

Расплетайтесь, мои кудерьки,
Расплетайтесь, мои русые!
Вам уж больше не кудрявиться,
Вами больше не пленяются.
Было время, что вас чесывали,
Было время, что вас глаживали,
Но теперь уж не глядят на вас,
Теперь некого вам, русые, пленять...

И сердце ее не дрогнуло!.. Да, я правду сказала в "Неделе", только жаль, что они обрезали мои строки, но надо отчаяние, и мужество, и некоторую гордость, чтоб бросить толпе такие слова... – иные забрызжут грязью, другие с ужасом отвернутся: мне все равно, мне все равно. Мне мои покойники, и правда, дороже непонимающих современников...»[176].

"Наконец-то мне прислали вашу рукопись, – сообщает Тучкова-Огарева. – Есть несколько ошибок. Огарев не пил запоем, а любил тогда пить отчасти потому, что вино возбуждало его и он любил писать, но часто не мог уже ничего делать под влиянием излишнего вина. Он мог пить несколько дней, а иногда только день – в Москве и в Петербурге он пил на приятельских вечерах. Любил в возбужденном состоянии играть на фортепьано – я никогда не слыхала, чтоб он играл на скрибке ⟨!⟩ и на гитаре, но, может, в юности – не знаю... Т.П. Пассек много говорит небывалого, например о переломе ноги; она говорит, что это произошло на охоте – тогда как он очень редко ходил с ружьем до 1850 года, а с тех пор никогда, за границей же не имел и ружья"[177]... "Все забываю вам сказать, что у Огарева глаза были не голубые, а серые – это как-то меняет характер всего лица..."[178].

Об Огареве как композиторе Наталья Алексеевна рассказывает своей корреспондентке: «Огарев более всего клал на музыку стихотворения Лермонтова: "Русалка"... "Молитва"...

[139*] деверь (*франц.*).

Н.М. САТИН
Фотография, 1850-е годы
Исторический музей, Москва

"Я, матерь божия"... "На светские цепи"... Из его стихотворений ничего не было им положено на музыку»[179]... "У меня есть несколько его музыкальных сочинений, они мне очень нравятся, но все это в Акшене – всего лучше были его фантазии, которых он никогда не записывал"[180]... "Посылаю вам вальсы и мотивы с словами. Друзья Т.П. Пассек не нашли особенного музыкального достоинства в его произведениях, но они не того искали, надо искать *его душу*. Он любил музыку, любил великих музыкальных мыслителей, как Бетховен, Моцарт, Гейден и пр. Он любил фантазировать, потому что музыка могла выразить, что́ было у него на сердце, но он не считал свое знание за серьезное ⟨...⟩ Теперь вы уж получили ноты и, может, в них разочаровались – мне это будет очень больно, но истина дороже всего – я все-таки буду любить его мотивы, потому что они мне дороги, потому что в них для меня светится его поэтическая душа..."[181].

Так называемый "сатинский долг", т.е. не выплаченная полностью Огареву Н.М. Сатиным (его другом и зятем) крупная сумма за переданное ему имение интерпретируется Натальей Алексеевной следующим образом:

«Огарев обеднял для меня. Жена его не соглашалась на развод. Она имела от него безденежные векселя, которые сумела выпросить у него во время какой-то болезни; векселя эти были в 300 тысяч. Рассердясь на Огарева за его просьбу о разводе, она грозила подать векселя ко взысканию; опасаясь, что имения будут проданы за ничто для удовлетворения этих векселей, Ог⟨арев⟩ решился все продать, но в короткий срок он не мог найти денежных покупателей, тогда он решился убедить моего зятя Сатина купить с ⟨Н.Ф.⟩ Павловым почти все имения. Он оставил орловское для удовлетворения Марьи Льв⟨овны⟩ и казанское. Уезжая в Крым, мы думали уехать совсем за границу к Гер⟨ценам⟩ на английском корабле, но нам это не удалось. Воротясь, мы прожили в Д⟨олгорукове⟩ у отца моего. У Огарева была писчебумажная фабрика (Тальская) ⟨...⟩ Когда она сгорела, Огарев решил не возобновлять ее, а уехать к Гер⟨цену⟩. Прежняя владелица взяла ее за недоплоченные деньги. Орловское имение было взято Авд⟨отьей⟩ Як⟨овлевной⟩ Панаевой за векселя по доверенности от М.Л. Огаревой. Впоследствии Сатин и Павлов, купившие вместе, разделились – Чертково было взято Павловым Николаем Филипповичем. Сатин же присылал деньги за границу, но очень неправильно. Скажу одно, что Сатин очень не хотел купить именья Огарева, он говорил: "Меня будут винить, чернить, я этого не вынесу". Он был очень самолюбивый. Огарев боялся продать Павлову без Сатина»[182]... "Мы узнали от Герцена, что М⟨арья⟩ Л⟨ьвовна⟩ не согласна на развод, а потому решили ехать в Крым и оттуда на английском пароходе ехать без пачпорта в Геную, оттуда в Ниццу, куда звала Ната́ша Герцен"[183]... "В Крыму я заболела серьезно: у меня был острый бронхит, потом носталгия – тогда Огарев решился ехать к моему отцу в именье ⟨...⟩ Английский капитан, еще когда мы были в Одессе, отказался нас взять без пачпорта – и мы уехали в Крым..."[184]

Свое сближение с Огаревым Наталья Алексеевна объясняла особым стечением обстоятельств:

«Когда Герцен уехал за границу, Огарев прожил зиму и лето в деревне – с нами, а иногда один в Акшене – осенью мы уехали за границу, тогда Огарев зимой поехал в Москву – у него была корь, и он чуть не умер, вылечил его Пикулин. Весной он гостил у Сухово-Кобылина,

отца m-me S⟨alias⟩, в подмосковном и там вспомнил детство и сблизился с дамами, потом уехал в деревню к себе – когда мы вернулись из Парижа, помню, что в Москве Гранов⟨ский⟩ сказал, смеясь: "Огаревым завладела какая-то граф⟨иня⟩ Сальяс – она очень напоминает Марию Львовну, охота ему". Мы поехали в деревню и свиделись с Огар⟨евым⟩ – вскоре приехала графиня с детьми[185] и гувернантой»[186]... "Огарев знал семейство Сухово-Кобылина с самого детства – разойдясь с перв⟨ой⟩ женой, он платонически влюбился в среднюю дочь Вас⟨илия⟩ Сухово-Коб⟨ылина⟩[187]. Г-жа Сальяс, уже в разводе с мужем, приехала в деревню к Ог⟨ареву⟩ утешать его, потому что Душа Сух⟨ово⟩-Кобыл⟨ина⟩ вышла за Солового. В сущности, это было лишнее, потому что Огарев не был в отчаянии, ибо очень мало ее знал, но восхищался ее спокойной красотой. Это случилось как раз во время нашего возвращения из чужих краев. Г-жа Сальяс имела с собой двух детей – она часто гостила у нас, с ними и гувернантой, по-видимому была к нам расположена... Я жила под влиянием писем Нат⟨аши⟩ и Гер⟨цена⟩, они писали об Огар⟨еве⟩, желали и как-то предчувствовали нашу симпатию, но все это осталось бы мечтой, если б не было граф⟨ини⟩ Сальяс, – она была уже лет 33-х, а мне было около 19 лет – от ревности ли, она вдруг сказала Ог⟨ареву⟩, что она замечает, что меньшая Тучкова влюблена в него, тогда он стал обращать еще более вниманья на меня и, желая убедиться, правда ли это, сам влюбился... Тогда ему хотелось, чтоб граф⟨иня⟩ поскорей уехала, а она не уезжала[188]. Много тяжелого вынес Ог⟨арев⟩ – наконец, она уехала, стала жить в Москве и вошла в большую дружбу с Грановским. Через год она напечатала первую свою повесть: "Племянница" в отмщение мне – там она старалась выставить меня в дурном свете[189]. Но ведь сама же виновата? зачем обращала внимание Ог⟨арева⟩ на меня?.. Потом уж она стала более и более писать, забыла прошлое и, надо думать, много улучшила свое образование, потому что прежде она имела только светский лоск и болтала по-французски, а разговор ее был бессодержателен. Она нередко спорила с моим отцом и очень выговаривала Огареву, что он не держит ее сторону. Ог⟨арев⟩ оправдывался тем, что был одного мнения с отцом, но графиня не понимала этого. "Дружба важнее мнений", – говорила она, и тут начинался бесконечный спор с Ог⟨аревым⟩ о значении мнений и о значении дружбы..."[190].

Отвечая на вопросы Некрасовой о взаимоотношениях Герцена с ее однофамильцем, поэтом Н.А.Некрасовым (в связи с выходом в свет ее мемуарного очерка "Иван Сергеевич Тургенев, 1848–1870)", Наталья Алексеевна пишет: "Да, Некрасов приезжал ⟨в Лондон⟩, но Герцен не хотел его видеть, не за именье ⟨Огарева⟩, в котором Некр⟨асов⟩ не имел никакого участия. М⟨арья⟩ Л⟨ьвовна⟩ дала доверенность Панаевой, которая передоверила Шаншиеву, получившему за безденежный вексель орловское имение, – всего удивительнее, что Марья Львовна жила христа-ради в деревне у французских крестьян, где и скончалась, а деньги остались у Панаевой и Шаншиева. Когда М⟨арья⟩ Л⟨ьвовна⟩ скончалась, ее бумаги были присланы Огареву, и он понял, что она ужасно нуждалась, – он стал говорить об этом, и это дошло до Некр⟨асова⟩, тогда мы жили в Петерб⟨урге⟩, стараясь получить заграничный пачпорт. Помню живо, что я была одна дома, приходит Тург⟨енев⟩ и говорит: "Мне нужно было видеть Огарева, но так как его дома нет, передайте ему, что Некр⟨асов⟩ просит его не распространяться так о письмах к М⟨арье⟩ Л⟨ьвовне⟩, потому что у него есть письма Огарева, которые он в таком случае представит куда следует." "Это донос! – вскричала я, – и вы, Тургенев, беретесь за такое порученье! и этот человек – ваш друг". Тургенев окинул меня ленивым взглядом и сказал: "Да – я его люблю". Конечно, Герц⟨ен⟩ узнал все это от нас и никогда не мог простить Некрасову. Талант его Герцен признавал, но не любил его длинноты и повторения. Тургенев старался склонить меня на сторону Некр⟨асова⟩ и декламировал мне одной стихотвор⟨ение⟩ Некр⟨асова⟩ к матери, где так глубоко звучит его раскаяние и страданье[191], – и не могу не сознаться, что это сильно подействовало на меня: "Если было такое раскаянье, то он сознавал свои дурные стороны – жалел о многом. Это стихотворенье я никогда не могу читать спокойно"[192]..."Я очень виновата перед вами, заторопилась и забыла ваш вопрос о Некрасове – Герцен навсегда остался при своем мнении о Некрасове: он считал его виноватым совокупно с Авд⟨отьей⟩ Як⟨овлевной⟩ Панаевой относительно средств М⟨арьи⟩ Л⟨ьвовны⟩ и тоже считал подлостью его угрозы Огареву через И⟨вана⟩ С⟨ергеевича⟩ Тургенева и никогда не простил. Мы не знаем, что могло бы последовать при свидании, – Некрасов приехал в Лондон в надежде на это свидание, но Герц⟨ен⟩ резко отказался его видеть..."[193]

Гражданская жена Огарева англичанка Мери Сетерленд, с которой он сошелся вскоре после сближения Герцена с Тучковой-Огаревой, навсегда осталась объектом неослабевающей ненависти Натальи Алексеевны.

"В Лондоне Огарев жил постоянно в одном доме с Герценым, но он нанимал квартеру для какой-то бедной женщины с маленьким сыном, в которой принимал участие или, просто сказать, к которой привык"[194]... "Огарев с ней сблизился ⟨...⟩ несколько времени спустя после нашего объяснения... Я записала его разговор со мной в Каусе, когда он мне признался в том,

что спас женщину из грязной жизни, отыскал ее сына, которого она отдала куда-то, потому что не могла держать при себе... Ог⟨арев⟩ соединил их и создал из них свою семью, но, к несчастию, Ог⟨арев⟩ несчастливо попал"[195]... "В Англии он жил в доме Герцена и только содержал Мери с сыном и навещал их. Сделали ошибку, переселив Мери на континент. Тут Огарев стал жить с ней и прислуги не держал – да и чем же было занять Мери, если не стряпней?"[196]... "После нашего переезда на континент и кончины моих малюток[197], я нигде не находила себе места, и мы, т.е. я и Г⟨ерцен⟩ и моя дочь[198], все ездили, а Огарев, в сопровождении этой женщины и мальчика поселился в Женеве, куда перевезена была и типография Г⟨ерцена⟩"[199]... "При жизни Г⟨ерцена⟩ женщина эта, Мери, держала себя очень скромно – но, когда мы навещали Огарева, она была тут, ей жали руку, с ней мало говорили, а вели беседу по-русски..."[200].

После смерти Герцена Тучкова-Огарева, переехавшая в Женеву, время от времени посещала своего бывшего мужа с Татой или Лизой. «Ог⟨арев⟩ был всегда рад... Он говорил, что, видя нас без Герц⟨ена⟩, его сердце сжималось: "Вы обе такие сиротливые стали", – говорил он...»[201]. Когда Герцен умер, Мери "сняла маску: она никого более не боялась. Она была женщина пьяная и безалаберная – держала деньги в открытом шкапу, наполняла дом разными лицами, которые ей нравились, и постоянно жаловалась на недостаток денег[140*]. Слыша эти жалобы, мы с Наташей хотели наивно взяться уплачивать счета Огарева – но тогда Мери так на нас закричала, что мы спаслись только бегством; после этого я долго не решалась ходить к Огареву"[203]... "После кончины Герцена Мери стала смелее, иногда являлась к нам очень нарядная, с Огаревым; ему было неловко, и жаль его было, она же стала требовательна и недовольна нашим приемом. Прежде один пан Тхоржевский был молчаливым свидетелем, как, рассердясь на всех, она била посуду и уничтожала все в хозяйстве Огарева, – но оба они скрывали эти бури от Г⟨ерцена⟩, а все-таки Г⟨ерцен⟩ каким-то инстинктом понимал ее и не любил"[204]... "Эта страшная женщина пила, била Огарева и хотела раз на собрании русских меня и Тату убить. Нечаев нас спас и увел. Раз в Женеве был сход эмигрантов, и мы с Н⟨аташей⟩ были, Огарев тоже пришел – народу было много – собрание длилось до полночи; вдруг Мери явилась за Ог⟨аревым⟩, она была пьяна, подошла к нам с Н⟨аташей⟩ с поднятыми кулаками; к счастию, незнакомые русские увели ее силой, а один из них проводил нас. Как я радовалась, что уговорила дочь остаться дома. Долго я не могла решиться идти в дом Ог⟨арева⟩, однако он писал, просил прощения за нее. Я пошла"[205]... «Я никогда не ссорилась с Ог⟨аревым⟩ и ходила к нему в Женеве с Герц⟨еном⟩ и после без него, – но после сцены (сделанной Мери) на русском сходе я долго не решалась идти. Ог⟨арев⟩ мне написал, что Мери просит прощения у меня, и Ог⟨арев⟩ отвечает, что никогда Мери не будет дерзка[206]. Я стала опять ходить к нему изредка с Татой или с дочерью, но я только здоровалась с Мери, говорила с Ог⟨аревым⟩ по-русски или с его гостями – и только. Да и о чем же с ней говорить? Она любила говорить только о кушаньях, любила объяснять сны и гадать на карты. А между тем Ог⟨арев⟩ познакомился с ней в 56 ⟨!⟩ г. и не искал иметь на нее влияние – он скрывал ее недостатки, пороки, бешеный нрав и называл ее в письмах "моя кроткая Мери". Пан ⟨Тхоржевский⟩ не благоволил ко всем англичанкам и полагал, что они все, как Мери, а я думаю наоборот: английский характер очень сдержанный, но Мери не получила ни образования, ни воспитанья, она провела жизнь с пьяными, грубыми людьми в ужасных вертепах и не имела исключительной, деликатной натуры. Огарев ее не раздражал и более молчал, глядя своим кротким задумчивым взглядом. Бешенство происходило в кухне»[207]... «Уезжая из Швейцарии, мы пошли с дочерью проститься с Ог⟨аревым⟩. Мери вышла с сердитым лицом и сказала: "Ог⟨арев⟩ не совсем здоров, но я хотела с вами поговорить; если б вы были хорошая женщина, вы бы не приходили болтать с Ог⟨аревым⟩ по-русски, а старались бы вести знакомство со мной, приходили бы пить чай со мной, и я бы к вам ходила". Я встала. "Позвольте нам только пожать руку Ог⟨арева⟩ и проститься с ним, мы уезжаем отсюда". Огарев ходил по своей комнате. Я вышла, простилась с ним. "Зачем, Ог⟨арев⟩, ты позволяешь так обращаться с нами?" Он что-то сказал о недоразумении – и замялся... Мы вышли на лестницу. Мери бросила дверь и закричала мне: "Не показывайте никогда к нам ваше старое, некрасивое лицо". Когда мы сели в колязку, я взглянула на мою дочь, крупные слезы текли по ее щекам. Бедная, она много вынесла. Вот мое последнее свиданье с Ог⟨аревым⟩. А мне кто-то рассказывал, что Мери описывают как добродетельную женщину, которая своим трудом содержала Ог⟨арева⟩. Она готовила ему кушанье и по-

---

140* Огарев, – сообщает Наталья Алексеевна, "получал от Герцена, а впоследствии от его детей столько, сколько получает жалованья президент Швейцарской республики, т.е. 500 ф⟨р.⟩ в месяц. Из письма Гер⟨цена⟩ видно, что Огар⟨ев⟩ платил за квартиру в год 300 ф. Ему легко было жить на эти деньги, а он бедствовал! Вся суть в Мери. Герц⟨ен⟩ это чувствовал, но молчал..."[202].

давала, любила выпить и не умела беречь деньги ⟨...⟩ Ог⟨арев⟩, конечно, ни во что не входил и боялся ее»[208]... "Одна Мери была каким-то мещанским пятном в нашей семье"[209]... «Это далеко не все, что я имею сказать о Мери, и о жизни Ог⟨арева⟩, и о том, что Герцен в письме говорит, как ему "тяжело бывает всегда у Ог⟨арева⟩", и винит в этой жизни Ог⟨арева⟩ себя и меня[210]. В самом деле, почему такая роковая встреча?...»[211]

Тучкова-Огарева обвиняет Мери и в том, что своими придирками, бездушием и клеветой она толкнула на самоубийство Шарлотту Гётсон, возлюбленную А.А.Герцена, мать его сына Тутса, которые прожили в 1867 г. несколько дней у Огарева вблизи Женевы. "В Lancy, тоже за городом, был этот страшный случай с молодой англичанкой Charlotte, которая бросилась в Рону, где она соединяется с Арвой ⟨...⟩ Мери уверила Ог⟨арева⟩, что Шарлотта развращает ее сына Генри, а может быть, она ее немного ревновала. Огарев поверил, сделал замечание Шарлотте – повторил его. Шарлотта полюбила Ог⟨арева⟩, как отца, и ценила отцовское обращение с ней – но тут она пришла в отчаяние – спросила водки и вечером ушла... Мери видела, как она пошла, и не остановила ее. Шарлотта никогда не пила водки и не знала Женевы – куда она пошла?"[212]... "Этот случай ужасно поразил обоих друзей гораздо более, чем Сашу"[213]... "Конечно, Саша, бросив Шарлотту, женщину с сердцем, был первой причиной ее гибели, но, если б ее опять поместили к Чернецким, они бы, может быть, отдалили эту катастрофу"[214]... "Когда несчастная Шарлотта заплатила жизнью за пребывание в продолжении десяти дней в доме Огарева, тогда милый Пан (Тхоржевский) стал говорить с злобой и ненавистью об этой женщине, единственной причине этого самоубийства"[215]... "Одно очень милое ⟨стихотворение Огарева⟩ было писанное на кончину Шарлотты[216], но пока не нахожу его. Тогда Огарев был возмущен хладнокровием которое выказал Саша, когда узнал, что нашли тело этой несчастной молодой женщины"[217]... «Вы недавно напечатали в "Русской мысли" из бумаг Огарева, жаль, что Саша не сообщил вам стихотворение Огарева на смерть Шарлотты ⟨...⟩ Это стихотворение было очень хорошо, и оно есть у Саши. Но он далеко не беспристрастный человек, он давно бы напечатал это стихотворение, если б оно задевало кого-нибудь другого»[218]... "Когда будете в Женеве, взгляните на то место, где Рона и Арва сливают свои воды и долго текут рядом, не теряя своих различных колоритов; Арва с гор течет белая, Рона – темно-синяя. Это место – печальное воспоминание, сюда бросилась в минуту глубокого отчаяния молодая англичанка, увлеченная Александром Александровичем и оставленная им. Она жила в доме Огарева, там пьяная Мери ее стала преследовать ⟨...⟩ Бедная Шарлотта ушла вечером и не возвратилась, оставя своего маленького Тутса. Мери, конечно, клеветала, что Шарлотта с кем-то бежала. Но через несколько лет выплыл ее труп, по ключам в кармане, по ботинке Мери сама, спрошенная полицией, признала Шарлотту. Говорят, что в Роне есть такие глубокие каверны[141*], куда прибивает трупы на несколько лет. А бедный Тутс пашет в Америке и не знает, что сталось с его матерью"[219]...

На просьбу Некрасовой прислать для "Комнаты людей 40-х годов" портреты и фотографии Огарева Наталья Алексеевна отвечала: "Для вашей комнаты я хочу вам дать портреты Огарева и его первой жены молодыми, портрет писан молодым художником[220]; еще, кажется, есть у Саши Герцена портрет Огарева отроком, он очень хорош. Что бы не дать и теперь? Я, признаюсь, так погружаюсь все глубже в прошлое, что мне действительно трудно расстаться с своими воспоминаниями, но ему? Он совсем другой..."[221], а М⟨арья⟩ Л⟨ьвовна⟩, как видите, никогда не была хороша собой...»[222].

Об отроческом портрете Огарева: "Герцен ужасно любил этот портрет – он находился у m-me Salias – где он может быть теперь? или у сына Сальяс, или у М. Гурко – как бы это узнать и через кого действовать? Меня они не любят... а их дядя ⟨А.В.⟩ Сухово-Кобылин жив...»[223]

Как отмечает Наталья Алексеевна, Огарев "во всю жизнь" "мало останавливался на себе". "Поверите ли что трудно было заставить его сделать свою фотографию[224] ⟨...⟩ Без настойчивости Герцена Огарев ни за что не снимал своей карточки ⟨...⟩ Огареву фотографирование было крайне неприятно..."[225]

О памятной медали, выпущенной в 1863 г. (с барельефом Герцена) в Лондоне по случаю десятилетия Вольной русской печати Тучкова-Огарева пишет: "Медаль никто не подносил – Герцен сам заказал в Лондоне на память десятилетия. Почему Огарева на ней нет, хотя они равно участвовали, не помню, – вероятно, Ог⟨арев⟩ не хотел..."[226] (Огарев, надо думать, ссылался на то, что он приступил к работе только через три года после основания типографии.)

"Как хорошо вы придумали праздник в честь Огарева, – пишет Наталья Алексеевна Некрасовой в 1895 г. – от души обнимаю вас за эту мысль, а Герцен, как бы он пожал вашу ру-

---

[141*] пещеры (*франц.* cavernes).

ку, как бы взглянул с своей светлой улыбкой, которая привязывала все сердца к нему, – что это была за улыбка! свет, озаряющий каждого"[227] ..."Как же будут чествовать Огарева без его друга, они были неразлучны; все-таки это хорошо, очень хорошо, и кто бы это думал..."[228]

"Говорила ли я вам, что я послала портрет Ог⟨арева⟩ белоомут⟨ским⟩ крест⟨ьянам⟩, – пишет Тучкова-Огарева в письме от 25 января 1902 г. – Поглядела бы, поклонилась бы хоть издали могиле Огарева – но, видно, мне ее не видать..."[229] "Они сделали сход и благодарили меня за подарок бумагой за многими подписями"[230]... "Вчера я была очень удивлена, получив телеграмму из Рязанской губернии, верхнебелоомутского общества, где они выражают мне свои чувства, – я была очень тронута"[231]... "Сегодня приходится писать вам почти деловое письмо, а я не могу, не расположена; на столе стоят два букета ландышей, это весенний, любимый цветок Огарева, и так мне его напоминают, что мне больно думать, что для него нет ни весны, ни ландышей и что он живет только в моей памяти, он, который думал о счастии вселенной, который постигал труднейшие вопросы науки, и вдруг ему надо довольствоваться таким скромным местом!.."[232]

* * *

О московском дружеском кружке Герцена и Огарева Наталья Алексеевна рассказывала Некрасовой: "Они собирались ежедневно у кого-нибудь из друзей, чтоб свободно потолковать, иногда читать написанное кем-нибудь, ужинали и, разумеется, пили более или менее, но днем они работали все, и я тут ничего не вижу дурного: где же они могли собираться и безопасно говорить, один Огарев злоупотреблял вином, о других нельзя этого сказать ⟨...⟩ Вспомните, что весь кружок состоял из очень занятых людей: иные были профессорами, другие писателями, издателями газет, один Герцен мог бы ничего не делать, но он был деятелен по своей натуре. Огарев был свободней всех, но он мало бывал в Москве, жил то за границей, то в деревне..."[233]

"Когда Герц⟨ен⟩ уезжал в 1847 г., – продолжает Тучкова-Огарева, – весь кружок завидовал и клеветал на него и на Наташу[234]. Особенно к ней изменилась Е.Б. Грановская, эта перемена ужасно огорчала Наташу, но причина осталась тайной; я думаю, зависть"[235]... "Неужели вы не знали, что в конце московской жизни Герц⟨ена⟩, за исключением Астраковых, Грановского и Огарева, все друзья, а главное их жены и сестры, возненавидели Наташу Герц⟨ен⟩. Это одна из причин, повлиявших на поспешность его отъезда за границу. Каждое слово, сказанное Наташей, перетолковывалось, и ему непременно находили преднамерение – образовался вроде тайного иезуитского комитета, главой которого была М.Ф. Корш. Герцен, который, в сущности, был причиной – своими увлечениями – грусти и болезненности Наташи, в тайном комитете являлся жертвой ужасной женщины! но он этого не знал. Так как Наташа была очень слабая здоровьем, то Герц⟨ен⟩ пригласил М.Ф. К⟨орш⟩ (убогую) для Таты, а мать Герц⟨ена⟩ взяла М.К. Ерн – и так отправились за границу. М⟨арья⟩ Ф⟨едоровна⟩ имела дурное влияние на М⟨арью⟩ К⟨аспаровну⟩. Она мне изъявляла большую симпатию и сострадание, потому что видела, что я сблизилась с ужасной женщиной. М.Ф. К⟨орш⟩ была умна, начитанна, любезна, но не вселяла мне доверия – что-то было в ней вкрадчивое, заискивающее и неоткровенное. Мы были почти весь год вместе, а, когда возвращались в Р⟨оссию⟩, М.Ф. К⟨орш⟩ уехала с нами. Мне всегда видно было, что Г⟨ерцен⟩ ее не любил и не удерживал. М⟨арья⟩ К⟨аспаровна⟩ тоже не симпатизировала с Наташей, это понятно, она глядела на нее чужими глазами; потом, может быть, влиял на нее грустный и равнодушный вид Наташи ко всему, ведь не знала причины, убившие ее прежнюю жизнь. Наташа очень огорчалась нелюбовью М⟨арьи⟩ К⟨аспаровны⟩ и в особенности жены Грановского – с последней они были очень дружны, и вдруг произошло охлаждение, как будто без причин, и так и осталось навсегда: М⟨арья⟩ К⟨аспаровна⟩, может быть, вернулась к Наташе в минуту ее кончины, поняв все, что Наташа выстрадала. Спросите ее – увидим, что она вам ответит. Герцен так понимал: женщины кружка ужасно завидовали матерьяльным средствам, доставшимся Гер⟨цену⟩ и Наташе после кончины его отца, – отсюда мнимое неравенство и обидчивость – почему же Астр⟨аковы⟩ этого не чувствовали? потому, мне кажется, что были выше зависти, не придавали такой цены деньгам и искренно любили и Наташу и Г⟨ерцена⟩"[236]... "Относительно М.Ф. Корш скажу вам, что она была очень умная, начитанная, но хитрая... Она не была влюблена в Герц⟨ена⟩, скорей в Грановского, но, вероятно, из зависти очень не любила Н.А. Г⟨ерцен⟩, а последняя и не замечала этого. М⟨арья⟩ Федоровна имела огромное влияние на М⟨арью⟩ К⟨аспаровну⟩, и часто они обе смеялись потихоньку над Н⟨атальей⟩ А⟨лександровной⟩. Когда в бытность нашу в Риме итальянец (журналист) Спини влюбился в Н⟨аталью⟩ А⟨лександровну⟩, меня пуга-

НОЧНАЯ СЦЕНА В СОКОЛОВЕ

Рисунок К.А. Горбунова (карандаш). Соколово, 1845

Под изображением подпись художника: "1) Рейхель, 2) Ев. Корш, 3) Кетчер 4) *Герцен*, 5) Панаев, 6) Анненков, 7) Грановский. Ночная сцена в Соколове в 1845 году К. Горбунов"

Музей Герцена, Москва

"Я сохраняю его ⟨К.А. Горбунова⟩ карикатурный листок, сделанный карандашом и изображающий Г⟨ерцена⟩, Грановского, Корша, Панаева, мою особу и других в ночной беседе, какие тогда часто бывали на обрыве горы, в садовом павильоне" (П.В. Анненков. Литературные воспоминания)

ло ухаживание Спини за Н⟨атальей⟩ А⟨лександровной⟩. Я была так неопытна, что не понимала отношения людские, а М⟨арья⟩ Ф⟨едоровна⟩ могла глумиться над ними даже с цинизмом. Вдали от этого зловредного влияния М⟨арья⟩ К⟨аспаровна⟩ стала очень, очень хорошим человеком, и я очень жалею, что в трудную эпоху моей жизни не обратилась к ней, но я думала, что она относится ко мне враждебно за мою любовь (непоколебимую) к покойной Н⟨аташе⟩, однако после я видела ⟨от нее⟩ сочувствие к себе в тяжелых ударах, посланных мне судьбой или приготовленных мной самой, – ненависти я не видала к себе…"[237]

"Роль М⟨арьи⟩ Ф⟨едоровны⟩ не выяснилась при отъезде Герцена за границу, но, зная дамский персонал кружка, я скажу, что тайно влиять и отделять всех от Н⟨атальи⟩ А⟨лександровны⟩, конечно, должна была М⟨арья⟩ Ф⟨едоровна⟩. Прежде Н⟨аталья⟩ А⟨лександровна⟩ была очень, очень дружна с женой Грановского, и я думаю, что М⟨арья⟩ Ф⟨едоровна⟩ их разъединила – вероятно, намекала на то, что Н⟨аталья⟩ А⟨лександровна⟩ старается влюбить в себя Гран⟨овского⟩, чего, конечно, не было, и заняла сама место Н⟨атальи⟩ А⟨лександровны⟩ в сердце Е.Б. Грановской, – но это было ведено очень искусно. Мар⟨ья⟩ Ф⟨едоровна⟩ была хромая, – когда она вернулась с нами, я постоянно ухаживала за ней, но что-то фальшивое, неистинное чувствовалось – однако тогда я не додумалась, что разъединение дамского кружка с Н⟨атальей⟩ Ал⟨ександровной⟩ – ее работа; конечно, были податливые элементы… М⟨арье⟩ Ф⟨едоровне⟩ передавалось каждое слово, сказанное Н⟨атальей⟩ А⟨лександровной⟩. М⟨арья⟩ Ф⟨едоровна⟩ все объясняла в худшем смысле, и вражда закипела, и мужчины примкнули – Кетчер, даже мой зять ⟨Н.М. Сатин⟩, очень любивший Н⟨аталью⟩ А⟨лександровну⟩. Грановский стоял на меже… Ог⟨арев⟩ и Астраковы остались непоколебимы, но в кружке задевали уже и Ог⟨арева⟩. Их взгляды, т.е. Герцена и Огарева, более всего сходные, сделали, что их смешали, наконец, и Грановский отдалился от Огарева и вскоре умер – это было ужасное горе для Огарева – Грановский что-то имел против меня, хотя очень мало знал меня, но в чем-то обвинял еще в России – в эгоизме; Ог⟨арев⟩ не соглашался…" "Вы удивляетесь, что Н⟨аталья⟩ А⟨лександ-

ровна⟩ радовалась согласию М⟨арьи⟩ Ф⟨едоровны⟩ с ними ехать, но она, бедная знала, что ей физических сил не хватает, чтоб ходить за детьми, и рада была, что М⟨арья⟩ Ф⟨едоровна⟩ взялась за Тату, а М⟨арья⟩ К⟨аспаровна⟩ – за Колю. Луизу Ивановну тоже настроили против Н⟨атальи⟩ А⟨лександровны⟩. М⟨арья⟩ К⟨аспаровна⟩ и М⟨арья⟩ Ф⟨едоровна⟩ были очень хороши для детей – заменяли Н⟨аталью⟩ А⟨лександровну⟩ вполне своей любовью и мягкостью"[238]... "Вы спрашиваете, как я узнала действительный взгляд М.Ф. Корш на Н⟨аталью⟩ А⟨лександровну⟩? – от моей сестры ⟨Елены⟩, которой не стеснялись, и от самой Н⟨атальи⟩ А⟨лександровны⟩, которая очень многое замечала, но выносила все для детей, за которыми силы не позволяли ухаживать – а М.Ф. Корш и М⟨арья⟩ К⟨аспаровна⟩ очень умело и любовно ими занимались. Мне кажется, я вам передавала, что раз Н⟨аталья⟩ А⟨лександровна⟩ сама видела, как М⟨арья⟩ К⟨аспаровна⟩ посылала глухонемого Колю здороваться с родит⟨елями⟩. Она показывала ему, чтоб он поздоровался с отцом, а с Нат⟨альей⟩ А⟨лександровной⟩ не надо: она нехорошая. Ему объясняли тогда всё знаками, ему было четыре года. Н⟨аталья⟩ А⟨лександровна⟩, будто ничего не зная, вошла и села возле мужа; Коля вбежал, поцеловал отца и с торжествующим лицом остановился около него. Нат⟨алья⟩ Ал⟨ександровна⟩ сделала ему знак, чтоб он подошел и поцеловал ее, но он, улыбаясь, покачал головой; тогда Гер⟨цен⟩ обратил внимание на их пантомиму – и показал ребенку, что не будет его целовать, если он не поцелует мать; ребенок стоял на своем, и Герцен поставил его в угол. Это прошло без объяснения с М⟨арьей⟩ К⟨аспаровной⟩, конечно, она делала все это под влиянием М.Ф. К⟨орш⟩. Да, мне кажется, и самая нелюбовь Тургенева к Нат⟨алье⟩ А⟨лександровне⟩ образовалась тоже под влиянием нелюбви моск⟨овского⟩ кружка к Нат⟨алье⟩ А⟨лександровне⟩. Я знаю, что многие сожалели обо мне, что я сошлась с такой нехорошей особой, а дурного ничего не могли о ней сказать... Один Грановский молчал и, может быть, вопреки всем, любил ее и понимал; жена его была лучшим другом Нат⟨альи⟩ А⟨лександровны⟩; вдруг она перешла в молчаливого и негодующего врага. Н⟨аталье⟩ А⟨лександровне⟩ эта перемена была очень тяжела... Она пробовала писать к ней (эти письма должны быть очень интересны; они, вероятно, хранятся у сестры Е⟨лизаветы⟩ Б⟨огдановны⟩ Гран⟨овской⟩, Ю⟨лии⟩ Б⟨огдановны⟩ Шумахер. Кажется, она еще жива). Но на все призывы Натальи Александровны ответы были холодные, уклончивые и короткие. Слыша об истории Нат⟨альи⟩ Алекс⟨андровны⟩ с Гервегом, Е⟨лизавета⟩ Б⟨огдановна⟩ выразилась так: "Я многое прощаю этой женщине за ужасные ее страдания", – так рассказывала мне М.Ф. Корш, повторяя слова Грановской. Но Гранов⟨ская⟩ никогда не порадовала Нат⟨алью⟩ А⟨лександровну⟩ теплой строкой. Ей внушили, вероятно, что Нат⟨алья⟩ А⟨лександровна⟩ имела более чем дружбу к Гранов⟨скому⟩, но это, конечно, вымышлено. Она не могла относиться холодно к тем личностям, которые были ей особенно симпатичны"[239]... "Ответы Шумахер и Щепкиной возмутительны – никогда Наташа не искала играть роль необыкновенно знающей; ее письма показывают, что она сама не знала даже, насколько она поэтическая натура, она отдалялась, когда видела, что не понята, что ее мерят на мещанский аршин. Герцен ее вполне оценил после примиренья и после похорон – во время их жизни в Москве; если он виноват, то в противуположном, что вы увидите из одного письма Т.А. Астраковой, которая любила Наташу более Алекс⟨андра⟩"[240]... "С моего возвращения в Р⟨оссию⟩ в 1848 году узнали о моей дружбе с Н.А. Г⟨ерцен⟩, и в кружке меня приняли холодно, как друга *отверженной*. Клевета, о которой говорит Огарев ⟨...⟩, касается денег, будто бы неделикатно предложенных Силиньке ⟨Кетчер⟩ Наташей. Огареву было так больно и возмутительно, клевета относительно того, будто я говорила, что друзья его разорят... Вы, может, не знаете, что Огарев и Грановский разошлись из-за меня. Все друзья, весь кружок ополчился на меня за мою дружбу к Наташе Герцен, Грановский – под влиянием женщин; они все были против меня, кроме М.Ф. Корш и Астраковой, которую вытеснили из кружка за любовь к Наташе"[241]... "Вы знаете, что весь кружок восстал против Наташи Герцен до их отъезда за границу, отчасти это ускорило отъезд Герцен⟨ов⟩, а когда я сблизилась с Огаревым, то друзья хотели, чтоб мы остались в окрестностях Москвы. Ог⟨арев⟩ не хотел – мы уехали в Крым, и с тех пор на меня поднялись страшные гонения. И Гранов⟨ский⟩ тоже был увлечен против меня; тогда Ог⟨арев⟩ и он перестали видеться, и вдруг едем в Москву, и на последней станции весть о кончине Гранов⟨ского⟩. Это был жестокий удар для Огарева – весть о кончине Гранов⟨ского⟩. Но, может, я вам уже рассказывала об этом"[242]... "Грановский умер 4 октября 1855 года внезапно, разрывом сердца, мы ехали в Москву с Огаревым, моей сестрой и ее детьми – на последней станции мы получили письмо от Сатина, где он извещает о кончине Гранов⟨ского⟩. Это был ужасный удар Огареву; я никогда не забуду, как ему было тяжело перенести эту потерю – вероятно, еще потому, что был с ним в размолвке"[243]... "Я помню этот приезд в Москву, кажется, я вам когда-то писала, что на последней станции было письмо от моего зятя к сестре. "Елена, – писал он коротко, – Грановский умер". Она вскрикнула и повторила: "Умер", – тогда страшно вспомнить, что было с Огаревым, он то рыдал, то, желая подавить свои рыданья, кусал себе пальцы до крови, не говорил, не смотрел ни на кого, и так вплоть до Москвы. Там он ежедневно ездил на могилу Грановско-

го и стал сильно пить"[244]... "Как его оплакивал Огарев!.. мне кажется, только женское сердце способно к такому страданию... Он узнал дорогой о кончине Т⟨имофея⟩ Н⟨иколаевича⟩ и рыдал во всю дорогу – в Москве он каждый день ездил на могилу, и непременно один..."[245]

"Мне очень жаль, что вы не познакомились с Т.А. ⟨Астраковой⟩. Она страстно любила Наташу до конца жизни; в ней она ничего не видела, кроме совершенства, и в ее ошибках находила вину Алекс⟨андра⟩. Наташа осталась для нее и для меня поэтическим идеалом, исполненным любви и скорби. Жизнь, столкновение с людьми разбили ее"[246]... "Она хотела распорядиться, чтоб мне выслали ее бумаги – все дорогие ей портреты сгорели в ее квартире... Поцелуйте за меня Мар⟨ью⟩ Каспаровну. Я благодарна ей за то, что она не судила меня строго, хотя ей бы и можно"[247]... "Вас удивляет, что М⟨арья⟩ К⟨аспаровна⟩ так тепло отнеслась к вашей коллекции[248], но и я и она – мы люди николаевского времени, мы, может быть, глубже чувствуем, потому что обучены молчанию, – мы не похожи друг на друга, она лучше меня, но мы женщины одной эпохи, одного круга – одних понятий. Кланяйтесь ей, скажите ей, что я и ныне играю марш „Scuotti, o Rome, la polvera indegna"[249], под звуки которого мы шествовали впереди колонны республиканцев по духовно оживленному и взволнованному Риму – пожалуй, и теперь бы пошла: на людях и смерть красна, но теперь знаю, что из всего этого ничего не вышло..."[250] ..."Вы мне ставите в пример Марью Касп⟨аровну⟩, но сравните наши жизни: она благоразумно, без страстной любви, вышла за добрейшего, милого Рейхеля – и вся жизнь гладко прошла, почти без несчастий. Ее горе было – смерть Коли (глухонемого), она его ужасно любила, но потом родились свои дети – а о моей жизни нечего и говорить, она была слишком особенная – осложнение было и от Мейз⟨енбуг⟩, постоянно мешавшей сближению детей со мной, и ужасной Мери, к которой Ог⟨арев⟩ привык, которая деспотически им управляла, а в моем мрачном настроении, происходившем от всех этих причин и от того, что я не могла примириться с кончиной маленьких детей... Я не находила места, куда бы приклонить голову. Черствая Мейз⟨енбуг⟩ и после этого страшного несчастья осталась мне непримиримым врагом[251] да и после то же было"[252]... "Я никогда не сомневалась, что ⟨М.К.⟩ вам симпатичнее меня. Она натура цельная – ей хорошо было во всю жизнь; ее не мучила жизнь, как меня. Милый и добрый Рейхель отстранил сына от первой жены, потому что М⟨арья⟩ К⟨аспаровна⟩ боялась, чтоб его недостатки не передались ее детям: никто ее не осуждал за это; она была *всеми* любимая и уважаемая. Ну да это что: всякому своя доля; все вынесено, все выстрадано – а то, что утешало, залечивало раны, давно взято безжалостной судьбой. То, что вы говорите о смерти, я давно слышала от Герцена и других, но почему-то не мирится мой дух со смертью. Какие-то смутные надежды поднимаются иногда, ни на чем не основанные. Я слишком много потеряла, но я и не защищаю этот бред души"[253].

"Вы меня очень обрадовали, передав, что́ М⟨арья⟩ К⟨аспаровна⟩ говорит о моих воспоминаниях[254]. Ей виднее всех, я думаю, говорю ли я правду, а литературного достоинства, конечно, нет и не может быть, потому что таланта не было..."[255].

* * *

Одним из самых болезненных пунктов для Тучковой-Огаревой долго оставался вопрос о ее взаимоотношениях с детьми Герцена от первого брака.

"Возвратясь в Р⟨оссию⟩, я не желала вести переписки с детьми Герцена, потому что это было мне слишком больно, потому что я считаю их виноватыми в страшной кончине моей дочери ⟨Лизы⟩ – кончине, которой заканчивается моя личная жизнь. Мое желанье: пусть зовут меня Огаревой, Герценой, Тучковой, мне все равно – у меня все отняли, и мне лично ничего не нужно. Пусть бранят меня, когда-нибудь правда восторжествует над ложью – я во многом себя сама виню, и вот исповедь моя должна все объяснить – и хоть меня будут винить люди строгие, холодные, не понимающие, что увлечение может быть сильнее рассудка и воли, – а все-таки многие не оправдают, а поймут... Если я желала признанья нашей жизни, то именно для дочери, потому что нельзя было дольше скрывать от нее"[256]... "Дети Герцена не похожи на родителей ⟨...⟩ Иметь такую мать и такого отца и выйти такими обыкновенными, это меня изумляет..."[257].

Говоря о Герцене и Лизе, Наталья Алексеевна замечает: «Это странно, что в *ней* больше его, чем в старших, и он сам это говорил, и дети говорили"[258]... "А Леля была совсем похожа на него лицом – он этих двух страстно любил". "Я влюблен в Лелю", – говорил он, смеясь...»[259].

О старшем сыне Герцена Тучкова-Огарева сообщает: "Саша умен и много знает, и с ним легко, но от него веет холодом, – недаром Герц⟨ен⟩ называл его l'homme aux froides passions[142*]"[260]... "Он стал отца понимать только после его смерти. О России и русских делах

[142*] человеком с холодными страстями *(франц.)*.

Герцен с ним почти не говорил. Саша не оправдал его требований"[261]... "Александр Александрович был всегда очень хорош со мной – он с семнадцати лет мне все поверял, и Герцен этого желал, потому что он через меня давал ему советы, остерегал его, но делал вид, что ничего не знает, и считал это лучшим для их отношений..."[262].

Прочитав в раннем дневнике Герцена (1839) его обращение к рождавшемуся в тот момент сыну – "Тебя, существо неродившееся, тебя, в котором слились два бытия, Александр и Наталия, благословляю тебя, благословляю! Иди в жизнь, иди на службу человечеству, я тебя обрек на трудный путь, иди, благословляю тебя. – Может, погибнешь, но пронесешь чистую душу. – Всею силою отца, всею силою воспитателя, всею силою магнетизма поведу я тебя по пути, не мною избранному для тебя, а богом для человечества" (I, 334), – Тучкова-Огарева писала Некрасовой: "Какое горячее благословение, а в жизни как все вышло не так, как он мечтал; вот почему он всегда говорил мне: "Я не желаю иметь сына, я слишком многого требую – лучше девочка"... Герцен "не желал иметь сына, говоря, что тяжело, когда сын будет самый обыкновенный смертный"...[263] "Саша ⟨...⟩ много изменился во взглядах, после кончины отца; говорят, чтоб получить профессуру в Лозанне, он публично отказался от мнений отца. Герцен был прав, когда говорил, что желает иметь дочерей, и любил их больше: "От сына ждешь, желаешь многого, а выходит на деле не то"»[264]... "К несчастию, Саша Герцен не обладает деликатностью, которой столько было в его родителях и в особенности в матери. Я написала короткий рассказ о его жизни и характере. Вы бы увидали там, как он мог быть неделикатен и жесток, – но я не касалась его отношений ко мне в самое тяжелое время моей жизни... Что-то не пишется, и раздумье берет: да нужно ли это в самом деле?"[265]... "Я не дивлюсь, что вас возмущает поступок Саши, но сердиться на него не стоит – и это тот человек, которого Герцен благословлял на службу человечеству! Впрочем, в его взгляде нет единства, почему же он против напечатанья V тома "Был⟨ого⟩ и д⟨ум⟩"? Почему он меня просил не объяснять причину гонений и страданий?.. Но это будет для вас непонятно"[266]... "У Саши какая-то природная страсть к деньгам, жадность ⟨...⟩ Это противуположность отца"[267]... "Я знаю, что он вырвал хорошие страницы в дневнике отца, а оставил и переписал писанные в мрачные дни ⟨...⟩ И мы не были враждебны друг другу во всю жизнь, но, когда он жил вдали от нас, он подпал под влияние Мальвиды, которая ненавидит меня"[268]. "Саша Герц⟨ен⟩ ничуть не занимался и не занимается делами Италии – он предался отчасти науке, а больше еще семейной жизни"[269]... «Не Саша ли в 3-м томе "Из дальних лет" старался и просил Татьяну Петровну ⟨Пассек⟩ не выпускать из писем ⟨то⟩, что могло бы мне быть неприятно, – он не понимает, что чернить меня – значит унижать отца. Они мещане, оставьте их с их французской благотворительностью, – на что вы пишете к ним, право, не разумею"[270]... "Да, у меня нет копии с пятого тома ⟨"Былого и дум"⟩ – Саша обещал сделать и прислать и не дал – он даже вынул несколько писем его матери ко мне, где были приписки Гервега – вообще он бесцеремонно обращается с вещами других – а между тем он знал, что Герц⟨ен⟩ заставлял именно меня говорить с Татой и читать с ней пятый том – то же он желал сделать и относительно Ольги, но трудно было, так как она стала вовсе не русская и не могла ничего понять по-русски..."[271].

Когда весной 1893 г. Некрасова отправилась в Швейцарию[272] для переговоров с А.А. Герценом о частичной передаче Румянцевскому музею рукописей и других материалов его покойного отца, Тучкова-Огарева была уверена, что он не упустит возможности очернить ее, свою мачеху, в глазах московской посетительницы. 4 мая она писала: "Итак, решено: вы скоро едете, увидите Сашу. Он будет непременно меня бранить, пусть, не защищайте, во всяком отзыве есть доля правды. Если б не было за мной никаких вин, мне бы много легче было пережить прошлое. Мы с ним не ссорились ⟨...⟩ Вообще он больше сердится из денег: он считает, что мой зять[273] остался должен Огар⟨еву⟩, а они ему помогали после кончины отца, и хочется вернуть эти деньги – а дела племянников очень запутаны; стало, я держу себя в стороне от этих дел. Все-таки дети Герцена имеют по 400 000 фр., никто не виноват, что у Саши было 10 человек детей, что он купил виллу во Флоренции дорого, а продал ее дешево. После кончины Герц⟨ена⟩ одно время у него были капиталы всех нас. Ольга и Мальвида его очень чернили, говоря, что он живет отлично, а нам дает мало денег – он нам посылал по 800 фр. в месяц, а сам – говорила Ольга, – купил себе шкапы в 600 фр. Когда он передавал наши капиталы Гуго Шифу, то вышел недочет в несколько тысяч – меня спросили, что делать? – "Пройти молчанием и помнить, что Саша – сын Герц⟨ена⟩". В свободное время я вам напишу краткий очерк жизни Саши, Наташи и Ольги"[274]... "Помните одно: если меня бранят – пусть, если мою дочь – остановите, потому что она была еще ребенок и сестра ему, клевета оскорбит память его отца"...[275] "Если б моя дочь ⟨Лиза⟩ была жива, я бы постояла за себя – ведь Саша Г⟨ерцен⟩ вынудил меня сжечь или отдать ему письмо, которое было писано m-me Garibaldi и должно было оправдать меня, или, лучше, объяснить, – но он боялся совершенно ошибочно, что там есть что-нибудь о нем"...[276].

К старшей дочери Герцена Тате Наталья Алексеевна относилась с гораздо большей теплотой, чем к остальным его детям от первого брака. "Из трех детей Герцена Тата, конечно, лучшая и самая даровитая ⟨...⟩ Из всех она одна любит Россию и сама сколько-нибудь русская"[277]... "Он больше всех любил Наташу[143*] ⟨...⟩ Он надеялся на ум Таты, до ее сумасшествия", "тоже на ум моей старшей дочери ⟨Лизы⟩, моя меньшая ⟨Леля⟩ была ему необыкновенно симпатична живостью, грацией, большим сходством с ним. Ольгу (Monod) он любил меньше, потому что под влиянием Мальвиды она его вовсе не любила и мало-помалу сделалась от нее иностранкой"[279]... "Тата похожа на мать несколько и очень недурна, а я имела неправильные черты, фамильный нос Тучковых, а волосы, правда, носила, как Наташа, и не хотела менять прическу, хотя она ко мне не шла"[280]... "Я тоже бы желала, чтоб вы видели Тату – она славная, талантливая, только ее недоверие к себе – преграда ее талантам, деятельности. Она – олицетворенное сомнение ко всему и ко всем. Слабость ее характера изумительная – кто не стыдится завладеть чужой волей, может ей управлять. Тургенев ее очень мало знал – вероятно, она ему нравилась"[281]... "Наташа очень странное существо. По своей натуре, по симпатиям, она скорее русская, а по слабости характера она дала себя офранцузить, отдала себя в полное распоряжение сестры и зятя ⟨Г. Моно⟩, которых (заметьте) не особенно любила"[282]... "Наташа – лучшая из трех, никогда не выражала своего мнения ни о ком. По-моему, это не заслуга, а доказательство какой-то боязливой осторожности, недоверия и слабости характера, она просто игрушка Моно, который сам коренной буржуа[283]. Я любила Наташу – но бог с ними и с ней... Герцен был прав, не любя людей слабого характера"[284]... Тата мне стоила страшных забот, я ей сберегла не только здоровье, но и рассудок. Прежде она жила в Париже в отдельной квартире около сестры: 76, rue d'Azas[285]"... "После кончины Г⟨ерцена⟩ Наташа была еще в нервном состоянии, а Огарев вызвал ее в Женеву, она ездила на несколько дней и, вернувшись, сказала нам, что хочет жить в Женеве. Саша был еще с нами, он пришел в ужас от этого решенья и со слезами на глазах просил меня оставить мое намерение поселиться для воспитанья дочери в Париже, а ехать с Н⟨аташей⟩ в Женеву, что я и сделала. Тут немало было хлопот, чтоб спасти ее: с слабой головой после помешательства, в котором ей представлялась вся революция, ее Бакунин придумал посылать в горы с революционными поручениями; ее завлекали, чтоб воспользоваться – для революционных соображений, планов – наследством. Наконец, мне удалось убедить ее оставить это дело, и, чтоб жить дальше от этих революционеров, я поселилась с Н⟨аташей⟩ и дочерью в Цюрихе – но мы навещали Ог⟨арева⟩. Потом Наташа оставила нас и уехала в Италию к сестре и Мейзенбуг, которая, к несчастию, не любила, но завидовала ей, потому что Н⟨аташа⟩, кроме ума, имела что-то такое привлекательное, что все знающие ее были от нее в восторге, а Мейзенбуг, старше меня на десять лет, все еще желала *пленять сердца* и не могла простить Н⟨аташе⟩, что ее предпочитали старой и очень некрасивой немке..."[286]

"Тата – какое-то умное, но безгласное существо, – то и дело варьирует свой отзыв о падчерице Наталья Алексеевна. – Если б вы знали, насколько слабость характера ее имела гибельное влияние на самые страшные события моей жизни, а если б знали, то не дивились бы, что перо падает из рук, когда я хочу писать к ней..."[287]

Говоря о Г.Н. Вырубове, питавшем расположение к старшей дочери Герцена, Тучкова-Огарева вспоминает: "Наташа всегда жалела, что у него такое некрасивое лицо, при вьющихся волосах. Он относился к Герц⟨ену⟩ очень хорошо, и Нат⟨аша⟩ нравилась ему, но она ставила выше всего, мне кажется, красоту физическую, потому не вышла ни за Лугинина, ни за Вырубова, за ⟨А.А.⟩ Мещерского бы пошла, он ей нравился, но она боялась его бестактности, – а главное она была существо бесхарактерное, а никто ее не уговаривал. Monod завладел ею очень легко, и она оставила для него меня с дочерью, хотя мы были ей гораздо ближе Ольги – на которую, как и на Мейз⟨енбуг⟩, она жаловалась..."[288]

Только изредка в письмах Натальи Алексеевны, когда она говорит о Тате, появляются теплые, почти материнские нотки. Например:

"В воскресенье меня ужасно взволновало известие о пожаре в благотворительном базаре[289]... И представьте, что мне вообразилось непременно, что Наташа Г⟨ерцен⟩ погибла там – так скверно стало и так жаль ее – и так захотелось ее видеть, чтоб убедиться, что это неправда, – ведь я ее любила, как дочь, и бывают минуты, когда это чувство вспыхивает и прорывается наружу и забывается на мгновение, что пришлось пережить от ее слабости характера. Хотела телеграфировать, писать, и до сих пор ничего не сделала – страшно стало вызывать ее или Monod на переписку – зачем?.."[290]

[143*] В одном из своих писем Наталья Алексеевна делает следующую (неточную) оговорку: "Никто не звал Наталью Александровну Наташей, в детстве все звали ее *Татой* ⟨...⟩ Может быть, ⟨так называл⟩ Пан Тхоржевский, вечно влюбленный в Тату..."[278]

И в другом письме при получении фотографической карточки: "Поблагодарите Наташу за фотографию, целую ее тоже прощальным поцелуем..."[291].

Правда, тут же повторяется навязчивая мысль: "Ей скорей бы сидеть возле меня, чем возле Мейзенбуг, но судьба, судьба и люди![292]. "Крепко целую, а за Наташины фотографии отдельно; и, может быть, это для меня самое дорогое, – ах, как я ее любила, как дочь. Она бы меня никогда не оставила, но ее недостаток – слабость характера ⟨...⟩ Гордость и любовь к свободе не позволили мне управлять Наташей, пусть лучше так"[293]... "С тех пор я поняла, какой страшный порок – бесхарактерность: она доводит до неисчислимых бед"[294]... "Наташа Герцен была мне роднее всех – я сделала, что она полюбила русский язык и нашу литературу, но несчастное влияние Monod перетянуло ее в французский мещанский мир, который был так антипатичен ее отцу"[295]... "Когда-то я любила ее, как дочь ⟨...⟩ но, к несчастию, она неискренна и страшно слабохарактерна – эти две черты я очень не уважаю, от них может произойти много зла"[296]... "Когда бы вы знали, как слабо и эгоистически Тата поступила со мной и какие страшные последствия произошли... Чтоб любить ее ныне, я должна помнить о ее родителях"[297]... "Наташа писала ⟨красками⟩ хорошо, но живопись ее не удовлетворяла, ей хотелось более широкой деятельности"[298]... "И теперь счастья нет в ее жизни, живет около несимпатичной сестры – сам Monod ей вовсе не нравился годы, и она удивлялась выбору сестры, а потом Monod совершенно завладел ею с 1875 году, и я уверена, что она раскаивается в том, что дала такую власть над собой Monod – эта власть заставила ее изменить слову, данному мне около тела ее отца, – слову, данному мне в Париже, – из этого всего вышло для меня разрушение всей моей жизни"[299]... "Если б она не переехала в Париж, многое ужасное не было бы в моей жизни, но... все-таки я ее люблю, она *их* дочь, и если б она захотела взглянуть на русского крестьянина, я с удовольствием приму ее на сколько времени она захочет. Теперь ей легко приехать в Россию"[300]... "Я думала, что Тата никогда с нами не расстанется, но и чувство ее оказалось непрочно, несмотря на то, что от Ольги она видела только обиду и какую-то страшную жадность в мелочах, а я, кажется, на деле ей показала мою любовь. Странно, что она нас оставила для Monod, над которым смеялась и который, по-моему, играл странную роль: женился на Ольге из послушания к Мейз⟨енбуг⟩, а был влюблен в Тату, которая не разделяла это чувство, но все-таки оно льстило ее самолюбию..."[144*] [301].

"Вы спрашивали тогда, – пишет Наталья Алексеевна, – кто Пенизи: тот самый слепой итальянец, который желал жениться на Тате, а она, видя, что отец ее против такого брака и опасаясь, по словам доктора Левье, что Пенизи отравится, сошла с ума"[302]... "Пенизи не сделал себе никакого вреда, а узнав о кончине Герцена, вложил в газету записку: "Вот плоды вашего кокетства. Вы убили вашего отца!". Она, прочитав это, сказала мне: "И я нашла своего Гервега[145*]..."[303].

Герцен мне говорил, что Наташа писала повести в русских журналах. Едва ли это правда: она с моего отъезда русского слова не слыхала и вся ушла в французскую благотворительность – какая участь для русской, для дочери Герцена..."[304] Вы удивляетесь, что Наташа не вышла замуж, а я удивляюсь, что такая способная, даровитая натура не сумела, не могла ни в чем проявиться ⟨...⟩ И употребить всю жизнь на благотворительность в Париже, на сладкую болтовню взаимных учтивостей с французами! – это ужасно – это все от слабости характера, оттого, что Monod ею завладел, – у нее гораздо больше общего со мной, чем с сестрой, ведь в ней была русская струнка, я ее воспитала в ней, но теперь она заглохла"[306]... "Тату лучше не тревожить на мой счет; помощи от нее не приму и к ней не поеду: мы отвыкли друг от друга да и, кроме того, зачем мне ехать, там хорошо, да все чужое, а я хочу умереть дома, т.е. в России..."[307].

Наталья Алексеевна написала мемуарный очерк о Н.А. Герцен, от которого уцелели только разрозненные страницы:

"Я видела ее еще в России, совсем маленькой ⟨...⟩ Позже я видала ее во время нашего путешествия с родителями, тогда малютка Тата казалась энергичным и счастливым ребенком. Впоследствии я увидела ее в Лондоне в 1856 году. Семи лет она лишилась матери (тому прошли годы уже) и имела что-то сиротливое в выражении лица. Я рассказывала о нашем приезде – скажу только, что тогда в доме все внимание было обращено исключительно на малень-

---

144* Как отмечает Наталья Алексеевна, "этот удар" (т.е. психическое заболевание дочери) "имел роковое влияние" на болезнь Герцена.

145* И в другом письме: "В то время я думала о нашей потере, единственным отвлечением от этой мысли был страх за Тату, еще очень больную. В массе газет, присылаемых нам, была газета на ее имя. Когда она ее развернула, выпала записка: "Voilà le fruit de votre coquetterie". Конечно, это было от Пенизи, поздравлявшего ее со смертью убитого ею отца, – я забыла выражения – помню смысл и начало. Это ужасно на нее подействовало, и я боялась повторения болезни – думала о дочери, которая, как и я, все потеряла с его концом..."[305]

кую шалунью Ольгу, а Тата была как бы забыта всеми. Но она была любимицей всех эмигрантов, которые собирались в доме Герцена по воскресеньям. Ее кроткое и приветливое личико привлекало к себе всех этих неудачников жизни... Они отдыхали, глядя на нее: кто бегал по саду, играл с ней в мячик, кто пел ей песни, аккомпанируя на фортепиано. Эмигранты брали Ольгу на руки, шутили с ней, ласкали ее, но она странно отвечала на их ласки, выискивая что-нибудь неприятное для каждого и не пропуская случая сделать им какую-нибудь неприятную шалость. Эмигранты замечали тоже, что она ежеминутно дразнила старшую сестру, смиренно выносившую все от Ольги. Когда Мальвида Мейзенбуг внезапно уехала из дома Герцена и он просил нас переселиться в его дом[308], знакомые наши стали замечать большую перемену в Тате; они мне говорили иногда: "Qu'avez-vous fait, madame, avec Tata qu'elle a une nouvelle expression de figure? Une expression que nous ne lui connaissions pas?"[146*]

Я недоумевала и смотрела вопросительно на Наташу. Она улыбалась мне светлой и счастливой улыбкой.

Слыша не раз от всех тот же вопрос, я спрашивала их, что́ они в самом деле хотят сказать?

– Да она имеет новое лицо, счастливое и свободное выражение, – отвечали они.

Наташа, казалось, любила меня безгранично, так же, как я ее любила; Герцен говаривал иногда: "За Тату я не боюсь, сейчас готов уехать в Америку, ей хорошо с тобой"...

Но тут надо выписать из моего дневника[309].

"Жизнь моя начинала омрачаться, и это повлияло на отношение Таты ко мне. Дети любят свет, а не мрачное настроение.

Когда я уезжала на континент для свиданья с сестрой и ее семейством, Наташа поехала со мной, осталась некоторое время у Марии Каспаровны, потом с братом вернулась в Лондон[310].

Позже, когда я вернулась в Лондон, я нашла в семье новое лицо – miss Reeve, которая была при Наташе в качестве dame de compagnie[147*], она читала и гуляла с ней, но не давала ей никаких уроков. В одно время Наташа занималась много живописью, но так как Ольга уехала с Мальвидой в Италию и ее тянуло туда, не столько к ним, как в Италию, она стала тяготиться miss Reeve, просила меня передать Герцену, что она никогда к ней не привыкнет, что она ей несипатична и пр."[311].

Сохранился еще один фрагмент того же очерка с рядом не известных ранее подробностей:

"В 1856[148*] я застала Наташу 11 лет. Она не умела говорить по-русски, но понимала немного. Мальвида Мейзенбуг ее очень теснила и ласкала одну Ольгу. Я стала ходить укладывать Н⟨аташу⟩ для того, чтоб с ней говорить по-русски. Когда она возвращалась из школы пенья, Мальвида посылала ее обедать в кухню – это мне не понравилось, я боялась лишних разговоров прислуги, которая могла не знать или забыть, что́ можно говорить при ребенке... Н⟨аташа⟩ была любящая, но никем не пригретая. Отец не замечал стесненную жизнь ребенка; пользуясь покровительством Мальвиды, Ольга ее тоже мучила постоянно. В это эпоху Н⟨аташа⟩ была нехороша ⟨собой⟩, но она становилась все лучше, и с моего приезда выражение лица ее изменилось. Я слышала [с удивлением] от коротких знакомых, что лицо ее преобразилось, оно выражало тогда веселую и беззаботную уверенность, что ее любят, что она дома. Отец ее часто говорил впоследствии, когда ее лицо так сияло счастием, что бросалось каждому в глаза: "Я не боюсь за Тату – ей хорошо..." Не знаю, захочет ли Тата рассказать о болезни и смерти отца – в это время она много вынесла насмешек и неприятностей от сестры своей Ольги, которая и мне сказала при ней: "Я удивляюсь тебе, Natalie, как ты оставляешь больного папу на попеченье сумасшедшей". Я оставила больного с Татой, когда ходила ему за рябчиком в Palais Royal, – было вовсе близко от нашей квартиры. Я проходила пятнадцать минут; наша прислуга была итальянка[312], не сумела бы скоро достать, а больному ужасно захотелось поесть рябчика, но оказалось, что он брал в рот, но ни жевать, ни глотать не мог уже. А бедная Тата выслушивала жесткие слова сестры с опущенной головой и с глазами, полными слез..."[313].

К дочери Герцена Ольге Александровне (в замужестве Моно) Наталья Алексеевна относилась с неизменной антипатией.

"Monod – эгоистка, хитрая, она никогда не любила Герцена, и я не могу верить, чтоб она

146* "Что вы, сударыня сделали с Татой, что у нее появилось новое выражение лица? Выражение, которого мы на нем не знали?" (*франц.*).

147* компаньонки (*франц.*).

148* *В автографе ошибочно*: 1855. – *Ред.*

была его дочь. Такое чувство ненависти не бывает у дочери к отцу"[314]... "Герцен считал, что Ольга – его дочь, но что во время беременности у матери было много противоположных чувств, обман и потому она родилась с очень дурными свойствами; я не могу ничего прибавить к этому, только скажу, что всегда была поражена ее сильной нелюбовью к отцу, с пятилетнего возраста и до его кончины"[315]...

О воспитательнице Ольги, "ревнивой и злой" Мальвиде Мейзенбуг Тучкова-Огарева обычно отзывается в письмах к Некрасовой, как мы уже видели, с неослабевающей ненавистью. "Это нечистая натура, меня, конечно, ненавидела ⟨...⟩ Жива ли эта нехорошая женщина?..." – осведомляется она в 1894 г., узнав о публикации в России отрывков из мемуаров Мейзенбуг[316]. И в другом письме: «Когда прочтете "Mém⟨oires⟩ d'une idéaliste", не пришлете ли? мне давно писали из Италии, что меня там ужасно чернят, приятно и внимательно прочесть»[317]... "Как подвигается ваше чтение записок Мейзенбуг? Она давала их читать Герцену, и он говорил, что это очень полезное чтение, потому что он на первых страницах крепко засыпал. Ему приходилось отдавать тетрадь, говоря, что поправлять нечего, все хорошо. Когда вы окончите эти записки, мне очень бы хотелось взглянуть их (!), но я вам скоро их отошлю, добросовестно все прочесть я не берусь, потому что я не верю ее добросовестности, это была очень несимпатичная личность"[318]... «Постараюсь достать "Вест⟨ник⟩ Европы" и прочту, чем она придумала больнее задеть по незажившим ранам. Да, Мейзенбуг – страшное существо, глубоко бессердечное! она может пить из черепа врага! Я не могу ни любить ее, ни уважать: всю жизнь она искала заполонить кого-нибудь и всегда находила, что место занято, тогда она ненавидела невинную причину ее разочарования; так, она ненавидела Наташу Герцен за то, что Грегоровиус ей восхищался[319], madame Stansfield за Маццини и много других...»[320] «Это была очень несимпатичная личность – нельзя описать, как она мучила Тату, ревнуя ее к каждому знакомому и особенно к Грегоровиусу (историку). В то время Тата писала мне в Англию: "Если б можно, я бы ушла к вам пешком..."[321] В отместку за то, что Тата всем нравилась, Мейзенбуг запрещала ей даже играть на фортепьяно. И может ли серьезная и хорошая личность так поступать?..»[322]... "Она ненавидела меня за любовь Герцена. Я бы ей простила эту ненависть, если б она в самом деле любила Герцена, но она влюблялась, как немка, и ухаживала за очень многими и так неразборчива была, что иногда ухаживала и за совершенными дураками, только потому, что они сидели в тюрьме. Герцен очень потешался над ее стараниями увлечь кого-нибудь, и все это оставалось безуспешно и злило ее безмерно..."[323]

Узнав в 1903 г. от Некрасовой о смерти Мейзенбуг, Наталья Алексеевна откликается с полной откровенностью: "Я забыла ответить на ваше *печальное* известие, которое для меня вполне безразлично. Она была *дурной*, бессердечный человек, хотя сентиментальничала и влюблялась на каждом шагу, когда ей было уже под сорок лет ⟨...⟩ Она могла влюбиться в Гер⟨цена⟩, но она влюблялась в каждого – этого я уж вовсе не понимаю – и, постоянно отринутая каждым, она делалась злая и ненавидела тех, которые, не желая этого, мешали ей"[324]... "Я думаю, что до приезда Огарева в Лондон Герцен мог писать Мейз⟨енбуг⟩ письма, в которых иногда выступал его внутренний мир, но потом он ее узнал лучше, смеялся постоянно над ней и не чувствовал себя одиноким при Огареве"[325]... «Она ни разу не подумала, за что она теснит эту кроткую девушку слабого характера, миролюбивую, – чем Тата была виновата, что имела симпатичную наружность, ум и веселость, которые привлекали к ней всех? Герцен понял всю ее вину во время сумасшествия Таты, даже он понял радость мести. Он говорил ей[326] при мне: "Я вам никогда этого не прощу". Ее ответ напоминал ответ Каина. "Разве я обязана беречь взрослую девушку? это ее дело", – говорила она, с трудом скрывая радость. И она может писать о себе как о любящей натуре»[327]... "Сколько подавила ревнивая и злобная Мальвида! Она сделала из Ольги пустую иностранку, и Герц⟨ен⟩ перед смертью понял это, – она мешала соединению семьи – и для чего Герц⟨ен⟩, зная ее неспособность воспитывать, отдал ей Ольгу? Он говорил, когда сердился, что это было сделано мне в наказание, но чем же Ольга виновата?..[328]

"Во-первых, никогда ни за что не могу на вас сердиться, – заверяет Наталья Алексеевна Некрасову в одном из своих писем (1900), – потому что искренне люблю вас; даже не рассердилась бы, если б вы поверили всему тому, что говорит обо мне Мейз⟨енбуг⟩. Я приняла бы это безропотно, как удар судьбы..."[329]

"Эту осень, – сообщает в 1894 г. Тучкова-Огарева Некрасовой, – я читала еще с большим увлечением записки по-французски Марии Башкирцевой[330] – они мне были присланы потому, что особа, прислащая их, знала мою дочь ⟨Лизу⟩ и находила много сходства между этими молодыми существами, талантливыми, умными и так скоро отжившими. Хотя обстоятельства жизни различные были, но одинаково безвыходны. Тяжелы эти воспоминания, но пусть они навсегда будут со мной, я не хочу утратить из этой эпохи моей жизни ни одного слова, ни

одного мгновения, это воспоминание – моя жизнь. Если б у меня было больше покоя и силы воли, я рассказала бы вам все, и вы бы подивились, в каком грубом футляре душа живет, что стенки его не разлетелись от всех ужасов наполнявших его"[331]... "Самое больное место в моей жизни – это воспоминание о кончине моей старшей дочери, но и об этом запишу вам все, потому что вы слишком близко стоите к ним, ко мне, чтоб не слышать от меня всю истину"[332]... "Вы спрашиваете, где похоронена моя дочь? Она была в одной могиле с Герц⟨еном⟩, но потом его вынули из этой могилы и поставили под памятник – маленькие дети по правую сторону, а дочь – по левую сторону от памятника – перемещение сделано, когда я уже вернулась в Россию – вероятно, Наташа Г⟨ерцен⟩ была тогда в Ницце"[333]... "Я посылала деньги в Ниццу г-же Марии Полентимо и хотела бы теперь узнать, положила ли она плиту и железную решетку на могиле моей старшей дочери?"[334]... "Мой троюродный брат (второй и последний) Д⟨еспот⟩-Зенович писал мне о наших могилах, все заросло, и ветки перешли на памятник Герцена; он думал, что это английская могила, а это могила моих детей с английской надписью, а налево старшая дочь, там плита без надписи и без решетки – а я послала все, что нужно..."[335]

МОДЕЛЬ ПАМЯТНИКА НА МОГИЛЕ ГЕРЦЕНА В НИЦЦЕ

Скульптура П.П. Забелло (гипс). ⟨1871–1872⟩

Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится по негативу (Российский государственный архив литературы и искусства, Москва)

Надмогильный памятник Герцена – бронзовая фигура во весь рост – работы П.П. Забелло – вызвал глубокое недовольство у Тучковой-Огаревой, не находившей в нем ни портретного, ни психического сходства с оригиналом. "Памятник поставлен ими же[336] – его делал в Ницце молодой итальянский художник Бало, знавший хорошо А.И. Герцена"[337]⟨...⟩ Признаюсь, мне не нравится вся эта фигура – тут что-то ⟨от⟩ немецкого профессора – и сходства нет. Мне лучше нравился бюст Герцена, сделанный в 58 г. в Лондоне Грассом по заказу книгопродавца Трюбнера..."[338]

* * *

«В 1876 году, когда судьба отняла у меня всё, – писала Наталья Алексеевна, – связь с жизнью была порвана, я искала поступить в больницу в сиделки, в прислуги к больным – меня не принимали – наконец, моя приятельница Georgina Saffi водворила меня в болонскую жен⟨скую⟩ больницу. Тогда отец звал в Р⟨оссию⟩. "Ты можешь, – писал он, – и здесь устроить больницу"[339]. Он выхлопотал мне позволение вернуться – и я поехала. Вернувшись, я нашла отца очень слабым – дела расстроены – мне пришлось заняться делами, о которых я не имела ни малейшего понятия, – но я находила время и для больных. Я служила 11 лет крестьянам всем, чем могла, – и нынче я занимаюсь больными. Отец жил при мне только полтора года – нечего вам говорить, как тяжело хоронить отца[340], а особенно такого, как он был ⟨...⟩ Мы живем уже пять лет с племянниками Сатиными, но дела плохи от неурожаев, и мне приходится каждое лето приезжать и заниматься уборкой хлеба – не для того, чтоб богатеть, а для того,

чтоб именье не было продано с аукциона. Мы обе старые – мне, кроме книг, ничего не надо, но случайно мы взяли ребенка, который нам не совсем чужой, и этот ребенок – большая забота[341]. Мне вспоминается, как я ехала раз одна делить испольную землю крестьянам, окруженная сотней пеших крестьян. Один был немного навеселе. Он сказал мне: "Земля вся твоя, а сила вся наша!" Как многозначительны эти слова, я их никогда не могла забыть...".

Наталья Алексеевна вела беспокойную и труженическую жизнь. Крестьяне из соседних деревень, далекие от элементарного благополучия, говорили ей, что даже их жены не согласились бы поменяться с нею судьбой и вести такую тяжелую жизнь, какую вела их бывшая помещица.

«Вы, конечно, догадываетесь, каково мое отношение к крестьянам, я их люблю, несмотря на все их пороки и слабости, – писала она в 1892 г., – только убийство Станиславского[342] отдаляло меня от них в продолжении нескольких лет, потом меня опять потянуло к ним: мысль, что отчуждением не сделали[149*] их лучшими, взяла верх. – "Кому больше дано, с того больше и спрашивается" – между людьми образованными много ль хороших людей? не те же ли слабости и пороки, только прикрытые каким-то лоском? Эти дикие дети природы – кто же их будет образовывать – священники! Нет, они не могут иметь уважения к священникам, потому что последние к ним безжалостны. У нас два года голод, священники же ничего не хотят терять, берут самовольно 3 рубля за похороны взрослого, 5 рублей за венчанье, 1 рубль в церковь, еще 70 копеек за крестьянина, а там за молебны – кроме денег, берут каравай хлеба, иногда последний в доме. Землевладельцев мало живет в именьях, все больше управляющие, арендаторы. Я переписывалась с Л.Н. Толстым, которого знавала в Лондоне, я надеялась, что он мне поможет относительно крестьян в нравственном и матерьяльном отношении – он не отказался; он просил описание убийства Станиславс⟨кого⟩[343] и замолк, – наше село пришло в большой упадок – тому 3 года был страшный пожар, и до сих пор выстроены только избы, дворов нет – 117 дворов сгорело. Я думала, что с обширными знакомствами и связями Толст⟨ого⟩ ему легко было бы помочь, но он, вероятно, состарился»[344]... «Для меня нет чужого горя, все мое – я только все подбавляю к своему. Прежде я ждала избавления, то есть смерти, с жгучим нетерпением, теперь спокойно жду и думаю: "Пока жива, послужу тем, которым могу в чем-нибудь помочь, облегчить... но умение, знания мои так ограниченны... Что же делать? Все же надо, приходится жить для других, это и есть мое счастие. И крестьяне это чувствуют, они идут ко мне за сочувствием, даже когда не может быть и речи о помощи, – и я думаю о дорогих ушедших[345]; как бы они радовались, видя доверие и любовь ко мне – и зачем нет будущей жизни; здесь бы жить для других, а там, полные пониманья и нравственной чистоты, созерцать и любить друг друга без земных страстей, вот было бы "чудо-прелесть", как говорила Наташа Герцен...»[346].

«Мне страшно думать, что только три года нас отделяют от XX столетия, а как мало сделано в социальном отношении, особенно в Р⟨оссии⟩. Образование сельского населения слишком плохо, а далее в городах какое образование для бедного? Гибнут способности и таланты... Почему русское общество так равнодушно? Что за причина непонятной апатии? ⟨...⟩ Если быть борьбе, то пусть будет она между образованными, она не будет так дика. Знание должно быть, как воздух, для всех...»[347].

«Мы переживаем особенное время, очень захватывающее душу, – писала Тучкова-Огарева в преддверии 1905 г., – я молодею, чувствую прилив энергии, а одна нога в могиле! И все дорогое там, в этом далеком, неизвестном. Тайна жизни отчасти нам открыта, почему тайна смерти остается тайной? Вы сожалеете обо мне, о моем одиночестве. Я ко всему притерпелась. Тот, кто всего лишился, он непритязателен, он довольствуется малым, его радует, когда он может кому-нибудь помочь. Я радуюсь, когда крестьяне долгоруковские приходят ко мне, чтоб вместе прочесть письмо от дорогого существа, – значит, они чувствуют, что я принимаю участие в их радостях и горестях, я болею о тех, которые на войне[348]. Один крестьянин мне сказал: "Я не знаю, как мы без тебя жить будем, ты одна у нас жалеешь обо всех"... Я старалась развить это чувство в них, но оно нейдет далее порога своей избы. Быть может, война переменит и это...»[349].

В январе 1905 г. Некрасова скончалась. Задушевный диалог внезапно оборвался... Наталья Алексеевна тяжело переживала свое новое горе. Ей было семьдесят пять, казалось, близок конец, но и дальнейшие годы оказались до предела насыщенными событиями, которые потребовали от нее огромного душевного напряжения, энергичных действий и исключительной силы воли. Сношений с семьей Герцена она по-прежнему избегала. Только в 1911 г. состоялась – и то не по ее инициативе и почти случайно – встреча со старшей дочерью Герцена,

---

149* *В автографе*: сделались. – *Л.Л.*

пятидесятисемилетней Натальей Александровной, которая вскоре, 23 апреля сообщила об этом своему старому другу Г. Шиффу из Лозанны, где давно уже постоянно жила и куда заехала Наталья Алексеевна. Это письмо-очерк публикуется здесь впервые в моем переводе с французского, по рукописной копии неустановленного лица:

"Вам известно, милый Гуго, как часто я себе задавала вопрос, где теперь находится Натали Огарева, у кого она живет и чем занимается. Я ей несколько раз писала, но ответа не получала[350]. Каждому русскому, который у меня осведомлялся, не может ли чем-нибудь услужить, я отвечала: "Достаньте мне адрес Натали Огаревой. Очень хочется узнать, как она живет". Ответа не было.

Года два тому назад разнесся было слух, что Натали Огарева за границей со своей приемной дочерью, очень больной молодой женщиной лет 22–23-х, политически скомпрометированной, посаженной, несмотря на недомогание, в тюрьму, и получившей во время заключения тяжкую болезнь легких. Говорили, что эти дамы скрываются в Генуе под фамилией приемной дочери. Я написала в Геную письмо до востребования и две открытки; все это осталось без ответа и было мне отослано в Blanc Castel[351] после возвращения моего из Кишинева и Одессы[352]. Тогда я поставила на Натали крест, решив, что мне так и не удастся что-либо узнать о бедной старенькой Натали, уже перешагнувшей за свои восемьдесят лет; в моем воображении она рисовалась совершенно одинокой, подавленной унынием.

Но вот телефонный звонок Ника[353]:

– Приятно ли тебе будет узнать, где теперь Натали Огарева?

– Что за вопрос! Тебе ведь известно, как я старалась достать ее адрес.

– Значит, ты не прочь была бы его получить?

– Полно, не дразни меня, поскорей скажи, что тебе о ней известно.

– Угадай, – ответил Ник, дразня меня и наслаждаясь моим нетерпением.

– Как могу я угадать? В Генуе?

– Нет!

– В Париже или в окрестностях Парижа?

– Нет.

– Пожалуйста, выкладывай, Ник, свою новость, а то я проникнусь уверенностью, что тебе о Натали ничего не известно и что ты только хочешь меня заинтриговать.

И тогда, подчеркнуто медлительно, чтобы вдосталь насладиться моим удивлением, Ник отвечает:

– Так знай же, что... она... в Лозанне.

– В Лозанне?!! – повторила я, широко раскрыв глаза и онемев от удивления.

– Что там с тобой происходит? Как понять твое молчание? Уж не окаменела ли ты от изумления?

– Именно окаменела, – отвечала я. – Но куда же она едет? где живет?

Я не прочь была бы взглянуть на себя со стороны – разинувшую рот, с прижатыми к ушам телефонными трубками.

– Натали Огарева в Круазете, – продолжает Ник, – в клинике доктора Серэ.

– Нет, это невозможно: она нам как-нибудь дала бы знать. Вероятно, здесь какое-то недоразумение, я к ней тотчас же отправлюсь. Однако уже поздно... Отправлюсь-ка я лучше к доктору Серэ, его квартира в городе... Прощай, большущее спасибо за новость. Но как же все-таки тебе удалось узнать? кто тебе сказал?

– Один молодой русский, мой бывший ученик[354], видел Натали Огареву и с ней разговаривал.

– Поразительно!

– Будь любезна, сообщи мне, не откладывая, по телефону, чем закончится посещение доктора Серэ.

– Да, да, разумеется.

– До свиданья!

Отбой, завершающий разговор.

Тотчас же после ужина я отправляюсь к доктору Серэ на авеню Florimont. По дороге я встретила Терезину[355]. Она спросила меня:

– Куда ты так бежишь? Я шла к тебе.

– Пойдем, пойдем поскорее, я все тебе объясню по дороге.

И я ввела ее в курс дела.

– Да, да, – сказал мне доктор Серэ, – в моей клинике находится дама, носящая это имя, то есть у меня не она, а ее дочь; старая же дама сняла две комнаты над бакалейной лавкой Рибери. Она там живет с зятем и ребенком. Им очень тесно, они устроились предельно скромно, но не из чего было выбирать: им хотелось жить поближе к больной, сдавались же только эти комнаты...

Упоминания о *зяте* и *ребенке* меня удивляли все больше и больше – и я уверила себя, что он говорит о совсем другой Огаревой.

– Как же выглядит эта дама? Пожилая она, высокая, полная или же небольшого роста?

– Она невысока, худа и плохо говорит по-французски.

Поскольку Натали по-французски говорила восхитительно, то я перестала сомневаться в том, что здесь какая-то ошибка. Неуверенность все же продолжала меня мучить, и я сказала себе: "Не успокоюсь до тех пор, пока не увижу эту особу собственными глазами".

– Если ты туда поедешь, то и я с тобой поеду, – заявила мне на следующий день Жермена[356]. Отпустить тебя одну я не могу. Не исключено, что мне придется тебя защищать... И, кроме того, присутствовать при таком свидании после 36-летней разлуки! Если окажется, что это *она*, то, сама понимаешь, как мне это будет интересно...

После обеда (а обедают здесь днем) мы отправились вдвоем на Ла Салла, а оттуда электричкой в Круазет – это деревня в нескольких минутах езды поездом в сторону Салла. Воспоминания более чем полувековой давности теснились и множились в моем бедном мозгу пока мы приближались к бакалейной лавчонке, все явственней различимой сквозь деревья, обрамляющие большую дорогу.

Но вот мы, наконец, после часового пути, добираемся от крошечного вокзала Круазет и затем до домика, крыльцо которого усердно подметает приятная на вид женщина.

– Здесь ли живет госпожа Натали Огарева? – спросила я ее.

– Да, сударыня, соблаговолите подняться наверх, – отвечает она, не поднимая головы и не прерывая работы, и это безразличие составляло такой разительный контраст с тем, что во мне в тот момент творилось... Меня это даже несколько покоробило... Ощупью поднялись мы по неосвещенной деревянной лесенке. Пред нами отворилась дверь, мы вошли в осененную навесом кухню и в приоткрытой двери увидели несколько более или менее взъерошенных славянских голов.

– Здесь ли живет Натали Огарева? – спросила я. Ответа не последовало; я повторила свой вопрос по-русски. Тогда от группы отделился молодой человек в русской рубашке, поднялся еще на несколько ступенек вверх и попросил меня (по-русски) следовать за ним. Он открыл дверь на первую площадку; перед нами возникла обширная, очень низкая и чрезвычайно бедно обставленная комната; молодой человек устремился к черной фигурке, склонившейся в дальнем углу этой комнаты и все так же по-русски сказал: "Наталья Алексеевна, вот Наталья Александровна Герцен, которая пришла повидаться с вами".

Черная фигурка приподнялась, и, как только я ее увидела в профиль, всякое сомненье улетучилось: конечно же, это была она, бедная старенькая Натали прошлых времен. Я поспешила к ней, и мы молча обнялись; она показалась мне настолько уменьшившейся в размерах, настолько слабой, сведенной, так сказать, к своему минимуму, что я сочла необходимым поддержать ее, боясь, как бы она не осела, не рассыпалась под грузом своих воспоминаний и волнения! Я подвела ее к стулу.

– Вот Зизи – Жермена Моно, которую ты знала, когда ей было всего лишь несколько недель, – сказала я. – Ты ее помнишь?

– Ну, конечно же, – ответила мне Натали, и я заметила, что подбородок ее безостановочно шевелился, когда она говорила; казалось, она не то жевала, не то ворочала во рту горошину или сухую фасоль; понять ее было нелегко; именно по этой причине д-р Серэ и вообразил, будто она плохо говорит по-французски.

– Теперь у прежней крошки четверо собственных крошек – четыре мальчугана[357]! С каких ты здесь пор, Натали?

– Около двух месяцев.

– Как же ты не дала нам об этом знать?

– Да я и понятия не имела, что ты в Лозанне. Разве ты не живешь в Париже на улице d'Azas, дом 76, с семьей Моно?

Из последнего вопроса я поняла, как мало она о нас знала; ей ничего известно не было ни о переезде семьи Габриеля Моно четверть века тому назад в Версаль, ни о моем переселении в Лозанну – а ведь с той поры прошло целых одиннадцать лет.

– Как и зачем приехала ты в Лозанну? – спросила я.

– Из-за здоровья моей приемной дочери Ольги, которая серьезно больна; она здесь, в клинике. Мы жили в Нерви, близ Генуи, она уже шла на поправку, но при наступлении жары пришлось покинуть Нерви, и врач наш посоветовал нам перебраться сюда. Но тебе необходимо повидаться с Ольгой, или, вернее, ей повидаться с тобой – она так наслышана о тебе и будет в отчаянье, если тебя не увидит, но вот... как устроить это? Она находится там, в клинике, наверху.

– Я зайду с ней подвидаться, – сказала я, – если это может доставить ей хоть малейшее удовольствие. Но расскажи мне теперь хоть немного о себе самой.

И, верная себе как физически, так и в своих душевных порывах, она мне отвечала:

– Что же во мне интересного? Я ничто[150*].

– Пусть так, но меня это интересует, – сказала я. – Где же ты жила?

– Все время в деревне, в нашем именьице – кроме тех немногих лет, когда Ольга лечилась. Моя мама, удочерившая Ольгу, попросила меня поехать с нею в Пензу. Мама скончалась совсем недавно, 96 лет от роду[358]. Умирая, она просила меня не покидать Ольгу – и я ее удочерила; не покидаю ее теперь и нянчу ее четырехлетнего сына[359].

– Как, это *ты* нянчишь его? – спросила я удивленно.

– При нем молоденькая русская няня[360], – отвечала Натали, – но за нею приходится пристально следить; купаю же я его всегда сама.

– Ты сильнее, чем кажешься на вид, – сказала я ей.

– Да, я очень выносliва – возможно, потому, что на свое здоровье совсем не обращаю внимания, выхожу в любую погоду. Я выдержала поездку из России в Нерви – и в каких условиях! – с больной и с ребенком, которого мне время от времени приходилось держать на руках, потому что няне нездоровилось. Ольгин муж[361] тоже выехал, ибо мы *бежали* – ты понимаешь? Узнав, что Ольга посажена в тюрьму и что она больна, я отправилась в дорогу, чтобы добиться ее освобождения, была даже у губернатора (кажется, пензенского)[362] и сказала ему, что освободить ее необходимо, что это варварство – держать в тюрьме подобную больную; вначале он слышать ничего не хотел, но под конец сказал: "Так и быть, освободим ее под залог в 2000 рублей". "Хорошо, – сказала я – вы их получите". 2000 рублей у меня были – все мое состояние. Однако колебаться не приходилось. Я отнесла свои 2000 рублей губернатору и мы тотчас же пустились в путь, конечно, под чужими именами[363].

– Так вот почему мне не удалось вас разыскать, – сказала я ей.

– Ты искала нас?

– Я не раз писала тебе в Геную, но ответа не получала, так же, как во время беспорядков и погромов в Пензе[364], когда написала тебе несколько открыток.

– Этого я не знала. Ничего никогда не получала.

– Как и чем вы здесь живете? – спросила я.

– У Оли есть немножко собственных денег, – этого ей хватило бы, если бы при ней не было ее злополучного мужа – молодого человека, который тебя сюда привел; что за несчастье – ее встреча с ним, это он втянул ее во все эти истории, приведшие под конец к ее аресту. Но ничего не поделаешь, она его любит, к тому же этот мальчуган... Что до меня, то я получаю крошечную пенсию ⟨...⟩ от литературного кружка в Москве (или в Петербурге?)[365]. Это мне устроил Пантелеев, узнавший о моих стесненных обстоятельствах. Вот я и *литератор*, благодаря своим мемуарам[366]. И она залилась смехом, – и получаю 60 франков в месяц. Ты знаешь Пантелеева?

– Пантелеева? Конечно, знаю этого замечательного издателя, публикующего хорошие произведения из убеждения, а не так, как другие, чтоб разбогатеть; лет десять – пятнадцать он провел на каторге в Сибири; кажется, по возвращении в Россию он сделался издателем-идеалистом. В Швейцарию приезжал он не раз и всегда наскоро нас навещал; жена его тоже у нас бывала, когда выезжала за границу; она настолько же толста, насколько он высок и худ, – настоящий Дон-Кихот[367].

– Да, да, это так, – и Натали засмеялась. Мне это было очень приятно, так как, разговаривая с ней, я больше всего боялась пробудить в ее памяти слишком тяжелые воспоминания.

Поскольку я тороплюсь, желая, чтобы небольшой мой отчет дошел до вас 26-го, милый Гуго, то я свела в одну беседу все, что говорилось во время трех или четырех посещений. Первое из них было весьма кратковременно, т.к. я опасалась, как бы волнение не повредило бедной старенькой Натали, которой минуло уже восемьдесят два года. Только постепенно убедилась я, насколько *держит она под спудом* то, что творится у нее внутри, – по крайней мере, в тех случаях, когда дело касается общих вопросов. Увидев меня, она не проявила ни малейшего удивления, ни малейшей радости и даже, наоборот, не сказала ничего такого, что могло бы помочь мне угадать ее мысли и чувства...

В ту минуту, когда мы, после первого посещения, собирались уходить, на площадке появилась высокая и здоровая на вид блондинка.

– Вот Оля, – сказала Натали, у нее нет ⟨...⟩[151*]; она прибежала из клиники, чтобы тебя увидеть.

Молодая женщина пожала мою руку с такой силой, что причинила мне боль; при этом она мне сказала:

150* На этом наш первый визит закончился, чтобы не утомлять Натали.

151* Пропуск слова в копии. – *ЛЛ.*

Н.А. ГЕРЦЕН
С ПЛЕМЯННИЦЕЙ ЖЕРМЕН МОНО

Фотография. Лозанна, 1888. На обороте дарственная надпись Н.А. Герцен племяннику П.А. Герцену: "Al mio caro Pietro. Zia Tata. Lausanne. Octobre 1888" ("Моему дорогому Петру. Тетя Тата. Лозанна. Октябрь 1888")

Музей Герцена, Москва

– Как я рада с вами познакомиться – я о вас столько времени слышу. Муж мой пришел предупредить меня, что вы у мамы, вот я и прибежала… и т.д.

Бедная молодая женщина, она огромного роста, у нее цветущий вид, а она *так больна*!

Славная нянюшка – тоже русского типа, с совершенно русским лицом, живыми карими глазами – дополняла этот разнородный квинтет, в котором из всех пяти человек культурный, просвещенный элемент представляла Натали.

Я, кажется, рассказала вам все, что вам хотелось узнать, милый Гуго; если же не так, то задавайте мне вопросы.

Есть у меня в запасе еще много любопытных подробностей – особенно любопытных для меня самой[368]… Зизи была в восторге от того, что присутствовала при этой встрече после тридцатишестилетней разлуки; мы с ней еще несколько раз приезжали вместе в Круазет. Зизи сфотографировала Натали – мне следовало бы послать вам экземпляр столь характерного снимка"[369].

Упоминаемый в письме четырехлетний мальчик, которого нянчила Наталья Алексеевна, – это ее внучатый племянник и приемный сын, – вернее, сын ее приемной дочери Леша – А.А. Малышев, известный впоследствии акклиматизатор жен-шеня на Кавказе, доктор сельскохозяйственных наук, писатель. Детство его прошло в почти непрерывных скитаниях по Европе с матерью, отцом и "бабушкой" Натальей Алексеевной, а также няней Матрешей. В своей автобиографической книге "Корни жизни. Повесть об одной судьбе" (М., 1986) он сообщает много интереснейших подробностей о тяжких испытаниях, продолжавших терзать Наталью Алексеевну в последние годы ее жизни, уже после смерти Некрасовой. В это время она была, как он пишет, "сгорбленной, небольшого роста старушкой. И без того крупный нос ее стал словно еще больше, опустился к верхней губе, голубовато-прозрачные глаза казались теперь бесцветными и часто слезились. Густая сеть морщин покрывала ее лицо"[370].

После смерти своей приемной дочери Ольги в приснопамятном для русской литературы курортном городке Баденвайлере (1912) Наталья Алексеевна вернулась на родину в самом плачевном состоянии. "Апатия овладела ею, – вспоминает Малышев, – она молча смотрела куда-то невидящим взглядом…"[371].

В 1912–1913 гг. Н.А. Герцен время от времени переписывалась со своей мачехой. Два письмеца ее опубликованы в сборнике "Архив Огаревых" (с. 200). Несколько писем и открыток того времени сохранились в разных архивохранилищах и у самого Малышева…

30 декабря ст.ст. 1913 г. (а по новому стилю уже 1914 г.) Тучкова-Огарева скончалась, пережив Герцена на сорок четыре года. Последние слова ее были, отмечает Малышев: "Берегите Алешу".

Похоронили Наталью Алексеевну за оградой Староакшенской церкви, близ могил ее родителей, сестер, зятя, горячо любимой няни. Через несколько дней из Пензы, по словам мемуариста, прибыли жандармы, которые произвели в доме обыск, перевернули все вещи, бумаги, книги, что-то конфисковали…". В ее "многострадальной, длинной и невероятной по тяжести обрушившихся на нее ударов жизни, – заключает Малышев, – я был последним из тех, кого она по-настоящему любила"…[372].

КОММЕНТАРИИ

[1] *РГБ*, ф. 196. 18–26.
[2] *РГАЛИ*, ф. 359, оп. 1, ед. хр. 249.
[3] *РГБ*, ф. 196, 18, 18, л. 1.
[4] Там же, ф. 196, 18.17, л. 31.
[5] Там же, 18.22, л. 21 об.
[6] Там же, л. 25.
[7] Там же, 18.18, л. 25.
[8] Там же, л. 1–1 об.
[9] Там же, л. 1 об.
[10] Там же, л. 5.
[11] Там же, 18.23, л. 12.
[12] Там же, 18.18, л. 27.
[13] Там же, л. 59 об.
[14] Там же, 18.17, л. 20 об.
[15] Там же, л. 31.
[16] Там же, 18.19, л. 40.
[17] Там же, 18.18, л. 22 об.
[18] Там же, 18.24, л. 36 об.
[19] Там же, 18.20, л. 26.
[20] Там же, 18.18, л. 64 об.
[21] Там же, 18.21, л. 23 об.
[22] Там же, 18.18, л. 24.
[23] Там же, л. 18.19, л. 5 об.–6.
[24] Там же, л. 19.
[25] Там же, 18.23, л. 9.
[26] Там же, л. 26 об. – Отмечу попутно след. подробности о Герцене в письмах Нат. Ал. к Некрасовой: "Герцен не праздновал своих именин, а только день рождения; над именинами Герцен всегда смеялся, говоря, что глупо праздновать их..." (там же, 18.26, л. 43 об.); "Я нашла в бумагах выписку диакона, где сказано, что я родилась 3 октября 1829 г., а 4 октября крещена, а Герцен, бывало, устраивал *2 июля* прогулку в лес, в окрестности Лондона, но внутри я была печальна: лес был не русский" (там же, 18.24, л. 18 об.).
[27] Там же, 18.26, л. 49 об.–50.
[28] Там же, 18.19, л. 14 об.
[29] Там же, 18.18, л. 57.
[30] Там же, л. 59.
[31] Там же, л. 26.
[32] Там же, л. 65 об.–66. – Говоря о второй жене, Нат. Ал. имеет в виду себя.
[33] Оттиск из журнала "Северный вестник", 1895, № 9, с. 89–122.
[34] *РГБ*, ф. 196, 18.20, л. 7.
[35] См. воспроизведение фотографии в книге 1-й наст. тома.
[36] *РГБ*, ф. 196, 18.18, л. 10.
[37] Там же, 18.17, л. 10.
[38] *Оля* – приемная дочь Нат. Ал. Ее родной матерью была Н.Н. Сатина – племянница Тучковой-Огаревой, а отцом, по-видимому, местный крестьянин А.Н.С., сын мельника. Свое отчество Оля получила по крестному отцу (см. И.Д. В о р о н и н. Литературные деятели и литературные места в Мордовии. – Саранская квартира Н.А. Тучковой-Огаревой. Саранск, 1976, с. 93. Автор книги, между прочим, сообщает (с. 93), что в Пензенском областном архиве хранится дело о полицейском надзоре над Тучковой-Огаревой (ф. 5, д. 6219, л. 1–54). Поскольку Оля была рождена вне брака, родственную связь приходилось тщательно скрывать.
[39] *РГБ*, ф. 196, 18.19, л. 4.
[40] Там же, л. 49 об.
[41] Там же, 18.17, л. 6.
[42] Там же.
[43] Там же, л. 5–9 об.
[44] Там же, л. 27 об.
[45] *Они* – т.е. Герцен и его первая жена.
[46] *РГБ*, ф. 196, 18.18, л. 26–26 об.
[47] Там же, 18.19, л. 40.
[48] Там же, л. 45.
[49] Там же, л. 28 об.
[50] Там же, 18.25, л. 20–20 об.
[51] Там же, 18.18, л. 42 об.
[52] Там же, 18.19, л. 6.
[53] Там же, 18.22, л. 21 об.–22.
[54] Там же, 18.17, л. 7 об.–8. Речь идет о семитомном Собрании сочинений Герцена изд. Ф.Ф. Павленкова (СПб., 1905).

[55] Там же, 18.18, л. 25–25 об.
[56] Там же, л. 59. – Нат. Ал. подразумевает свое сближение с Герценом в 1856–1857 г.
[57] Там же, 18.20, л. 23.
[58] Там же, 18.17, л. 31 об.
[59] Там же, 18.20, л. 11 об.
[60] Там же, 18.26, л. 8–8 об.
[61] Там же, л. 1 об.
[62] Братья Сатины – Александр, Алексей, Михаил, Николай.
[63] *РГБ*, ф. 196, 18.18, л. 61 об.–62.
[64] Там же, 18.25, л. 44–45 об.
[65] Там же, л. 5–5 об.
[66] Там же, л. 5–5 об.
[67] См. "Лит. наследство", т. 63, с. 523 и 536.
[68] Бульвар Prince Eugène после падения III Империи был переименован в бульвар Voltaire.
[69] Речь Г.Н. Вырубова над гробом Герцена напечатана в *Л* XXV, 555.
[70] Автор надгробной статуи Герцена – П.П. Забелло.
[71] Литография. Спринка воспроизведена в наст. кн., с. 64. Под *снимком* – имеется в виду не фотография, а рисунок, изображающий Герцена на смертном одре. Под рисунком, вероятно, рукою художника написано по-французски: "С натуры. И Спринк. Париж. 21 января 70 г."
[72] Вырезка хранится в *РГБ*, ф. 69, 13, л. 213.
[73] Там же, ф. 196, 18.25, л. 25; ср. 18.18, л. 24 об.
[74] Там же, 18.23, л. 14.
[75] Там же, 18.18, л. 57.
[76] Там же, л. 19 об.
[77] См. *Пассек* II, 519–548.
[78] *РГБ*, ф. 196, 18.22, л. 34.
[79] Там же, 18.24, л. 31.
[80] Там же, 18.18, л. 3.
[81] Там же, 18.27, л. 3.
[82] Там же, 18.18, л. 4 об.
[83] Там же, л. 8 об.–9.
[84] Н.А. Герцен умерла 2 мая 1852 г.
[85] В 1904 г. исполнилось 52 года со дня смерти Н.А. Герцен.
[86] *РГБ*, ф. 196, 18.27. Намек на мораль басни Крылова "Петух и жемчужное зерно": "Невежи судят точно так: в чем толку не поймут, то всё у них пустяк".
[87] Там же, 18.18, л. 8 об.
[88] Там же, л. 19.
[89] Там же, л. 24.
[90] Там же, 18.25, л. 10.
[91] Там же, 18.18, л. 10–10 об.
[92] Там же, л. 27–27 об.
[93] Там же, л. 27.
[94] Там же, 18–19, л. 4 об.
[95] Там же, 18.18, л. 41 об.
[96] *Анненков*, 326.
[97] *РГБ*, ф. 126, 18.25, л. 9 об.–10.
[98] Там же, л. 9.
[99] Там же, л. 12 об.
[100] Там же, 18.18, л. 28–28 об.
[101] *Анненков*, 326.
[102] *РГБ*, ф. 196, 18.18, л. 23 об.
[103] Эмма, Горас и Ада Гервеги.
[104] *РГБ*, ф. 196, 18.25, л. 14 об.; ср. 18.26, л. 12 об.
[105] См. прим. 136.
[106] Это письмо неизвестно.
[107] *РГБ*, ф. 196, 18.22, л. 42–43 об.
[108] Там же, 18.18, л. 9.
[109] Там же, л. 9–9 об. (см. прим. 106).
[110] Там же, 18.19, л. 6–6 об. И письма Нат. Ал., и мемуары свидетельствуют о ее неоспоримом литературном таланте.
[111] Там же, 18.18, л. 57.
[112] Там же, 18.18, л. 57.
[113] См. сб.: Памяти Белинского. М., 1899, с. 212.
[114] *РГБ*, ф. 196, 18.70, л. 59.
[115] *РГБ*, ф. 196, 18.20, л. 4.
[116] Вероятно, "Герцен и Н.А. Захарьина" (см.: *РМ*, 1893, № 1. С. 98–141).
[117] Младший сын Герцена Володя родился и умер под утро 30 апреля 1852 г. Отмечу, что этим именем, с одобрения отца, А.А. Герцен позднее назвал своего первенца.

[118] *РГБ*, ф. 196, 18.26, л. 14–14 об.

[119] Там же, ф. 196, 18.18, л. 25 об.

[120] *Тучкова-Огарева*, 159.

[121] Огарев и Нат. Ал. приехали в Лондон из России 9 апреля 1856 г., т.е. через четыре (а не три) года после смерти Н.А. Герцен.

[122] *РГБ*, ф. 196, 18.18, л. 19 об. Акварельный портрет Н.А. Герцен на смертном одре (Жюли Масе) и "Похороны Н.А. Герцен на горе Шато в Ницце" (И. Каффи) воспроизведены в "Лит. наследстве", т. 63, с. 705 и 361.

[123] Объемистый "рассказ" Н.И. Утиной (Корсини) "Жизнь за жизнь" был напечатан в "Вестнике Европы" (1885, № 4–6) под псевдонимом *Таль*. Биограф Герцена В.Е. Чешихин-Ветринский назвал его "обработкой", "во многом фантастической", внешних отношений Герцена, его жены и Гервега. "В романе выведены страстно любящие друг друга знаменитый писатель, его жена и модный австрийский романист, друг дома. Некая интригантка, жена близкого друга писателя, рядом хитрых маневров сеет между мужем и женою острую рознь и толкает ее в объятия австрийца, чтобы самой предательски занять ее место". «Роман менее всего может похвастать талантливостью, – заключает биограф, – почему и носит все черты явной, чудовищной сплетни, особенно в отношении фигуры "интригантки", которой приданы некоторые черты женщины, гораздо позднее вошедшей в жизнь Герцена» (Ч. В е т р и н с к и й. Герцен. СПб., 1908, с. 207–208). В последних строках намек на Нат. Ал.

[124] *РГБ*, ф. 196, 18.25, л. 23.

[125] Там же, 18.18, л. 7 об.

[126] Незадолго до того Нат. Ал. сообщала своей корреспондентке: "Я записываю все, что помню, о жизни Н.А. для вас и надеюсь скоро выслать" (*РГБ*, ф. 196, 18.20, л. 43).

[127] Мать Н.А. Герцен – И.А. Захарьина (Фролова). "Это была простая, но еще красивая женщина, на которую Наташа походила, как две капли воды, – писала в своих воспоминаниях Т.А. Астракова под впечатлением о встрече с Фроловой у Герцена в 1840-х годах (к ним она приехала в гости из Шацка, где жила с большой семьей – *Пассек* II, 324). Сама Пассек охарактеризовала ее как "простую бабу, неотесанную" (см. ниже). Герцен был недоволен ее приездами к дочери, но регулярно оказывал Фроловой и ее семье материальную помощь. – Среди ксерокопий различных документов, присланных "Литературному наследству" Институтом социальной истории (Амстердам), находится и упомянутое в "Былом и думах" прошение в Московскую духовную консисторию (от 4 апреля 1838 г.) невесты Герцена, девицы "Натальи Александровой" ⟨т.е. Александровны⟩ Захарьиной, дочери "иностранки Ива́новой ⟨Ивановны⟩ Захарьиной". В нем она сообщает, что родилась 22 октября 1817 г. в приходе Иоанна Богослова и что крещение ее совершено в том же приходе октября 24 числа. "Ныне же, – пишет она далее, – по смерти родительницы при вступлении моем в законный брак, для удостоверения в совершеннолетии, нужно мне о времени рождения и крещения моего метрическое свидетельство. А потому покорнейше прошу Московскую духовную консисторию для прописанной надобности выдать мне оное". Прошение заверено другом Герцена (а потом и Натальи Александровны), Т.А. Астраковой. Прислана редакции "Литературного наследства" и ксерокопия с копии свидетельства Консистории о выдаче запрашиваемого свидетельства насчет рождения Н.А. Захарьиной "в доме генерала Александра Алексеевича Яковлева (т.е. дяди Герцена) от иностранной дворянки Ксении" и о ее крещении, причем восприемником новорожденной Натальи был тот же генерал Яковлев (ее фактический отец). Иностранка Ксения была придумана для того, чтобы более надежно скрыть ее близкую родственную связь с женихом – Герценом, которому она приходилась двоюродной сестрой. Обнаружение этой связи грозило бы не только признанием брака недействительным, но и подвергло бы брачующихся суровому уголовному наказанию.

[128] Вероятно, А.Ф. Снаксарев (ср. *Павленков*, 324).

[129] А.С. Бирюков, чиновник Министерства юстиции.

[130] *будочники* – полицейские солдаты.

[131] Сын Герцена Иван, родившийся и умерший в 1841 г. Назван так в честь И.А. Яковлева (ср. Л.Я. Г и н з б у р г. "Былое и думы" Герцена. ⟨Л.⟩, 1957).

[132] Сын Герцена, также названный Иваном, родился в 1842 г., прожил всего несколько дней.

[133] Коля Герцен; назван так в честь Огарева.

[134] По словам Пассек, горничную звали "Дашкой", т.е. Дарьей (см. ниже).

[135] Дочь Герцена Лика (Елизавета), очевидно, названная так в честь Е.Б. Грановской. Родилась 30 декабря 1845 г.

[136] "*Развод*". Здесь имеется в виду прекращение супружеских отношений.

[137] Из стихотворения А.В. Кольцова "Дума сокола".

[138] Й. Рейхель умерла летом 1849 г. (ср. "Былое и думы" – IX, 45).

[139] Воспитатель Коли – Й. Шпильман.

[140] Акварель художника А. Гийо воспроизведена в т. 61 "Литературного наследства", с. 323; ср. X. 258, 491 и XXIV, 492.

[141] Ср. "Былое и думы" (X, 258–262).

[142] Племянница матери Герцена (его двоюродная сестра) Луиза Суццер.

[143] *горничная* – Л. Меассалер.

[144] Ср. X, 163.

[145] Письмо Н.А. Герцен к Нат. Ал. от 29 февраля 1852 г. в кн. 1 наст. тома.

[146] Ср. X, 258–262.

[147] *РГБ*, ф. 196, 18.25, л. 1–9 об.

[148] Там же, 18.17, л. 29 об.

[149] Там же, 18.21, л. 1–3. *Ага* – прозвище Огарева, часто употреблявшееся в семье Герцена. Встреча с Н.А. Захарьиной произошла в Москве не на Девичьем, а на Ходынском поле. *Людмила* – подруга студенческих лет Герцена, родная сестра В.В. Пассека. *Полина Медведева* – "вятская возлюбленная" Герцена. *Ребенок* – первенец Герцена Саша.

[150] Имеется в виду копия приведенного письма.

[151] *РГБ*, ф. 196, 18.18, л. 16.

[152] Там же, л. 64 об.

[153] Там же, л. 23.

[154] Там же, 18.27, л. 19 об.

[155] Там же, 18.18, л. 47–47 об.

[156] Там же, 18.19, л. 13–13 об.

[157] Там же, л. 13 об.–14.

[158] Там же, 18.17, л. 2 об.

[159] Там же, 18.19, л. 8 об.

[160] Там же, л. 7 об.–8.

[161] Там же, 19. л. 8.

[162] Там же, 18.22, л. 20 об.

[163] Там же, 18.19, л. 25.

[164] Там же, 18.20, л. 8 об. Сестра – А.П. Плаутина.

[165] Там же, 18.17, л. 2–2 об.

[166] Там же, 18.18, л. 67–67 об.

[167] Там же, 18.19, л. 66–67 об.

[168] Побочный брат Огарева – сын крепостной крестьянки, купец второй гильдии *И.И. Маршев* – приобрел в 1847 г. совместно с Огаревым писчебумажную фабрику в Корсунском уезде Симбирской губернии на деньги, данные Огареву взаймы Герценом.

[169] Герцен шутливо прозвал братьев Немвродовых *Навуходоносорами* (см. XXII, 326; *Звенья* I, 107–108).

[170] *РГБ*, ф. 196, 18.20, л. 37–38.

[171] Там же, 18.25, л. 6 об.

[172] Там же, 18.17, л. 2.

[173] Там же, л. 2 об.

[174] Там же.

[175] Там же, 18.25, л. 6.

[176] Там же, 18.23, л. 15 об.–16.

[177] Там же, 18.17, л. 1–1 об.

[178] Там же, 18.26, л. 12 об.–13.

[179] Там же, 18.20, л. 9. Указание не совсем точное. Отдельные романсы Огарев писал и на тексты своих стихотворений (напр., "Я в кибитке валкой еду да тоскую" (см. *ОРО*, 76, № 582).

[180] "У меня несколько его музыкальных сочинений, они мне очень нравятся, но все это в Акшене. Всего лучше были его фантазии, которых он никогда не записывал", – отмечала Нат. Ал. в одном из писем к Некрасовой.

[181] *РГБ*, ф. 196, 18.19, л. 13 об.

[182] Там же, 18.20, л. 16–17.

[183] Там же, 18.17, л. 22–22 об.

[184] Там же, л. 20.

[185] У Е.В. Сальяс де Турнемир было трое детей: сын Женя и дочери Маша и Оля.

[186] *РГБ*, ф. 196, 18.17, л. 25.

[187] Евдокия Васильевна Сухово-Кобылина (Душенька). Ей посвящен цикл лирических стихотворений Огарева 1840-х годов (см. "Лит. наследство", т. 61, с. 604–634).

[188] См. об этом выше в публикации писем Нат. Ал. к Н.А. Герцен и Герцену. Письма Огарева того времени свидетельствуют о том, что Елизавету Васильевну он сильно любил и испытывал неподдельную радость от ее пребывания в его доме.

[189] О "Племяннице" Е. Тур и других ее произведениях см. выше.

[190] *РГБ*, ф. 196, 18.17, л. 29–29 об.

[191] Стихотворение "Рыцарь на час" (1860).

[192] *РГБ*, ф. 196, 18.23, л. 27–27 об.

[193] Там же, 18.25, л. 25.

[194] Речь идет о Мери Сетерленд и ее сыне Генри.

[195] *РГБ*, ф. 196, 18.18, л. 32. Запись о Мери Сетерленд, которую упоминает Нат. Ал., неизвестна.

[196] Там же, 18.26, л. 8 об.

[197] Близнецы Леля-бой и Леля-гёрл, скончавшиеся в Париже в декабре 1864 г.

[198] *Дочь* – Лиза.

[199] Вольная русская типография была переведена в Женеву в 1864–1865 гг.

[200] *РГБ*, ф. 196, 18.18, л. 30 об.

[201] Там же, ф. 196, 18.26, л. 8 об.

[202] Там же, 18.25, л. 49.

[203] Там же.

[204] Там же, 18.18, л. 31.
[205] Там же, л. 13 об. Письма Огарева, на которые Нат. Ал. ссылается, неизвестны.
[206] Это письмо Огарева неизвестно.
[207] *РГБ*, ф. 196, 18.18, л. 2 об.–3.
[208] Там же, 18.18, л. 31 об.
[209] Там же, л. 34 об.
[210] Ср. XXIX, 368, XXX, 80, 153.
[211] *РГБ*, ф. 196, 18.25, л. 49 об.
[212] Там же, 18.26, л. 3 об. Шарлотта Гётсон покончила с собой 1 июня 1867 г.
[213] Там же, 18.18, л. 68.
[214] Там же, 18.25, л. 49.
[215] Там же.
[216] Стихотворение "Безлунною ночью плыл труп по реке". Впервые напечатано в *РП* II, 172 по рукописной копии, снятой Нат. Ал. (см. *Огарев 1956*, с. 764 и 869).
[217] *РГБ*, ф. 196, 18.17, л. 6.
[218] Там же, 18.25, л. 51.
[219] Там же, 18.19, л. 8 об.
[220] Вероятно, речь идет о портрете Огарева и его первой жены, воспроизведенном в книге И.Д. Воронина "Литературные деятели и литературные места в Мордовии" (Саранск, 1976) между с. 256 и 257, л. 2 об.
[221] *РГБ*, ф. 196, 18.24, л. 17 об. Портрет не сохранился. Вероятно, именно он висел на стене кабинета Огарева в Гринвиче и воспроизведен как аксессуар на фотографическом снимке этой комнаты (см. "Лит. наследство", т. 61, с. 569). Этот отроческий портрет (1827–1828) очень нравился Герцену, писавшему в "Былом и думах": "Живописец чудно схватил богатые каштановые волосы, отрочески неустоявшуюся красоту его неправильных черт и несколько смуглый колорит; на холсте виднелась задумчивость, предваряющая сильную мысль; безотчетная грусть и чрезвычайная кротость просвечивали из серых больших глаз, намекая на будущий рост великого духа..." (VIII, 82–83). Сам же Огарев называл этот портрет "отвратительной живописью"; столь же несправедливо оценивал он и свое лицо (см. *Огарев II*, 188–189).
[222] *РГБ*, ф. 196, 18.24, л. 17 об.
[223] Там же, 18.25, л. 2–2 об.
[224] Там же, л. 15.
[225] Там же, 18.22, л. 14.
[226] Там же, л. 14 об.
[227] Там же, 18.20, л. 42.
[228] Там же, л. 10.
[229] Там же, 18.26, л. 15 об.
[230] Там же, 18.25, л. 3 об.
[231] Там же, л. 24.
[232] Там же, 18.25, л. 19.
[233] Там же, 18.26, л. 20 об.
[234] Там же.
[235] Там же, 18.18, л. 10 об.
[236] Там же, 18.25, л. 9–10.
[237] Там же, л. 12 об. – После самоубийства Лизы М.К. Рейхель обратилась к Нат. Ал. со следующим сочувственным письмом: "Милая Наталья Алексеевна! Сию минуту узнала я о вашем страшном горе, у меня нет никаких слов для утешения, да оно в настоящую минуту едва ли возможно, но меня влечет сказать вам, как мне близко и чувствительно ваше несчастье, пожать вам руку, обнять вас, плакать с вами, бедная, милая Наталья Алексеевна. Больше ничего не могу сказать вам, я надеюсь через Тату узнать о вас. Туц пришел домой, и, когда я ему сообщила, он очень опечалился и сидит молча, притих. Обнимаю вас еще раз, всем сердцем сочувствующая М. Р е й х е л ь" (*РГАЛИ*, ф. 359, оп. 1, ед. хр. 255).
[238] *РГБ*, ф. 196, 18.25, л. 13–13 об.
[239] Там же, л. 16–16 об.
[240] Там же, л. 34 об.
[241] Там же, 18.26, л. 49.
[242] Там же, 18.17, л. 32 об.
[243] Там же, 17.26, л. 49 об.–50.
[244] Там же, 18.26, л. 49 об.–50.
[245] Там же, 18.20, л. 21-22.
[246] Там же, 18.18, л. 4.
[247] Там же, 18.25, л. 32.
[248] Имеется в виду коллекция рукописных и иконографических материалов, собиравшихся Некрасовой (легли в основу "Комнаты людей 1840-х годов" Румянцевского музея).
[249] По-видимому, революционный марш или гимн.
[250] 18.24, л. 18–18 об. Нат. Ал., как известно, ходила бок о бок с Герценом, М.К. Эрн-Рейхель и своей сестрой Еленой на революционные демонстрации в Риме в начале 1848 г., см. выше. Рейхель всегда принимала душевное участие в жизни Герцена и его семьи. Именно к ней после смерти своего друга, 24 января 1870 г., в "понедельник вечером", Огарев написал письмо, очевидно, являвшееся ответом на ее запрос о реальности слуха насчет смерти Герцена. Это письмо Огарева не вошло в свое время в заклю-

чительный том "Летописи жизни и творчества Герцена". Приводим его сейчас: "Старый друг Марья Каспаровна, никто тут не виноват. Герцен не хотел, чтобы мне сообщили, что болезнь сколько-нибудь опасна, и, когда мне сообщили неопределенной телеграммой, и я собрался ехать, несмотря на то, что моя сломанная нога не дает мне способа путешествовать, то вслед за той телеграммой получил другую, что уже поздно и он умер. – Тхоржевский поехал, а я жду здесь – когда кто приедет. Все в Париже здоровы; кажется, Тата совсем выздоравливает, если уже не выздоровела. Ее письмы чрезвычайно симпатичны. Что же я вам могу сказать более? Я ни о чем не подумал, потому что и сам недостаточно знал, что и как. За день до смерти Герцен сам писал ко мне две строчки. Я и не ждал, что я его переживу. – Вот все, что могу сказать теперь, предоставляя себе право написать более подробностей, когда их узнаю. – Умер он от pleuresie. – Жму руку Адольфу. – Прощайте" (автограф. *РГБ*, ф. 69, 8.329, л. 1).

[251] Сохранилось письмо Нат. Ал. к Мальвиде Мейзенбуг из Монпелье от 22 декабря 1864 г., которое в какой-то мере опровергает ее постоянный тезис о лютой ненависти, будто бы питаемой к ней Мейзенбуг. Письмо написано вскоре после гибели от дифтерии ее детей-близнецов. Когда заболела Леля, Мейзенбуг предложила приютить у себя мальчика, чтобы предохранить его от заражения, но Нат. Ал. ей отказала; может быть, по этой причине он заболел и умер вслед за сестрой. Об этом идет речь в письме Нат. Ал. (перевод с французского): «Милый, милый друг, да, если бы вы его взяли, то хотя бы он остался жив... О! поверьте мне, я чувствую, что была и для своих детей такой же мачехой, как для Таты и Ольги. Нет для меня утешения... Единственное облегчение, которого жажду, – это иметь возможность показать вам всем, что я вас люблю; что последние мои дни принадлежат вам столько же, сколько Лизе. Не бойтесь меня больше, милый, бедный друг, я уже не та эгоистичная женщина, которую вы знали, я прошла через истинную скорбь, нахожусь в Чистилище, но еще кричу вам: "Больше не бойтесь меня, немножко меня любите, ибо я крайне несчастна... меня не жалейте, ибо это все заслужено мною..." Прощайте, мне хотелось бы видеть вас, я полна нетерпения видеть вас; если же случится, что мы не увидимся более, то простите меня, простите, простите мне все и от всей души; это единственное облегчение, о котором я молю. Навсегда ваша» (Vinant, 198–199; о датировке см. XXVIII, 23, 29 и 283).

Мейзенбуг откликнулась на гибель Лизы (декабрь 1875 г.) длинным письмом, обращенным к Нат. Ал. Приводим его здесь с небольшими купюрами (перевод с французского):

"Я написала бы вам раньше, чтобы горячо поблагодарить за присланный вами портрет Лизы, бедная, бедная Натали, если бы глаза мои не были в последнее время столь плохи – а именно это письмо мне не хотелось бы диктовать. Вам от Нерины известно, что сердце мое не безмолвствовало, хотя уста и молчали, и я совершенно правдиво могу сказать, что лишь немногие так сильно страдали с вами, как я. Мне пришлось сделать над собой неимоверные усилия, дабы не совсем изнемочь, при жалких остатках моего здоровья от невыразимой скорби, – узнав, что́ случилось. Вы знали и никогда не сомневались в том, до какой степени я искренна и как сильно я ее любила с самого ее детства, а увидав ее позднее, уже барышней, во Флоренции, в прошлом году, когда она была здесь, я к ней почувствовала истинно материнскую нежность. Полагаю, что от меня она получала лишь благие советы, и если бы она прислушивалась к моим мнениям, то не оставалась бы во Флоренции, а отправилась бы в Париж, чтобы присоединиться к вам, поскольку я всегда внушала ей понятия о долге по отношению к вам как к первейшему из долгов.

Но стоит ли возвращаться к непоправимому прошлому теперь, когда надлежит лишь оплакивать ее и окружать память о ней ореолом любви и глубоких сожалений? Именно так и живет она в моем сердце, совершенно преображенная и даже облагороженная своей смертью, которая показала, что она жива и обладала поистине героической душой. И не могу вам не признаться, что со времени ее смерти, я почти прониклась уверенностью, что на нашем земном шаре есть нечто такое, что переживет эфемерное наше существование ⟨...⟩ И я уверена, что Лиза живет той жизнью, которой мы, ограниченные своим разумом, заключены в клетку своей узкой индивидуальности, не можем иметь представления ⟨...⟩ Да проникнет эта мысль в ваше сердце и внесет туда смирение пред судьбой и силу надежды. Дочь ваша обладала душой, способной к гигантскому развитию, в ней жили стремления, которые звали к решению великих задач и презирали мелочность обыденной жизни. Так вот, такие души не умирают, что бы ни говорили материалисты; души эти живут, дабы развиваться в бесконечности. Но, бедная Натали, что будете вы делать? Первая моя надежда в отношении вас – вернее, единственная надежда, – что я увижу, как вы уезжаете в деревню к своему отцу, в Россию и к детям своей сестры – по крайней мере, к тем существам, которых вы любите и которых еще могли б окружить заботой, если для вас самой – и это мне очень хорошо понятно – все умерло, и раз вам ничто уже не может принести блага. Однако, судя по тому, что говорит мне Нерина, вы на это не решаетесь. А ведь это ваша родина, это ваш народ, который вы так любили прежде, которому вы еще могли бы принести много добра. Но я понимаю и то, что вам трудно покинуть Ниццу, где смерть удерживает вас более, нежели жизнь в другом месте.

Мне хотелось бы вам сказать еще многое, но сделать это сегодня я не смогу из-за состояния моих глаз. Поверьте, однако, что во глубине души я разделяю вашу муку и что я немедленно явилась бы к вам, если бы не подумала, что мой приход может показаться вам неприятным. Но если бы я могла подумать, что это может быть вам приятно, то написала бы вам снова, ибо в самой глубине души я преисполнена сочувствия к вам. – М а л ь в и д а".

Нельзя не отметить, что в письме к своему другу Ф. Ницше Мейзенбуг сочла нужным безоговорочно заявить, что Лиза покончила с собой "из ненависти к своей матери, демонической натуре, в которой воля выступает в страшной и губительной форме"; эта женщина, по ее словам, "омрачила последние годы жизни Герцена, юность его детей, в особенности Ольги" и жизнь Мейзенбуг. "Ее страшное, ее ужасное влияние достигло крайней точки в гибели ее собственного ребенка" (перевод с немецкого, см.: N i e t z s c h e. Briefwecksel. 2 Abt., Bd. V. B.; N.-Y., 1980).

[252] *РГБ*, ф. 196, 18.25, л. 11.
[253] Там же, 18.27, л. 23–23 об.
[254] См. ниже, с. 615.
[255] См. кн. 1-ю наст. тома.
[256] *РГБ*, 18.18, л. 12 об.–13.
[257] Там же, 18.25, л. 5 об.
[258] Там же, 18.17, л. 9 об.
[259] Там же, л. 9.
[260] Там же, 18.18, л. 68.
[261] Там же, л. 336.
[262] Там же, л. 12 об.
[263] Там же, 19.19, л. 19 об.
[264] Там же, 18.18, л. 39 об.
[265] Там же, 18.21, л. 39 об. Очерк Нат. Ал. о Саше Герцене остается неизвестным. Возможно, он входил в состав ее незаконченных воспоминаний, озаглавленных "Три очерка" и предназначавшихся для печати. Большое место уделено в них пасынку. Младшая дочь Герцена, сыгравшая не совсем благовидную роль в отношении собаки, переименована из *Ольги* в *Берту*. Вот фрагмент из этих воспоминаний:

«Мне хотелось бы описать, насколько смогу, характеры и жизнь детей одного выдающегося писателя. Начну со старшего.

В Лондоне в пятидесятых годах А.А. Герцен был юноша лет 17-ти, от 10 до 15 лет он был необыкновенно хорош собой, как мне говорили и как я видела по портретам: его темно-серые глаза, крутой лоб и разлитое во всех чертах выражение ума, доброты и невинности привлекали к нему всеобщее внимание; но, когда я его увидала, он уже изменился: он был угловат, шея его была слишком длинна, во всем его существе была какая-то нестройность, которая через несколько лет исчезла безвозвратно. А.А. был ровного, веселого характера, ни с кем не имел неприятностей – все принимал легко. Я расскажу случай, показывающий его мягкий характер. Когда они жили еще в Париже (!), раз он пришел к обеду в очень хорошем расположении духа. «Папа, – сказал он отцу, – сегодня я видел великолепную собаку "ньюфаундлендера", купи мне ее, пожалуйста». Говоря это, он ласкался к отцу, как маленький ребенок, но Герцен сначала не соглашался, говорил, что А.А. надо серьезно заниматься и некогда забавляться с собаками. А.А. настаивал. "Послушай, папа, – сказал он, – ты сам посмотри на нее, ты увидишь, что за прелесть, ее сейчас приведут, – я ее не купил, она стоит только сто тридцать франков". – "Как, ее приведут?" – переспросил отец, улыбнулся и ничего более не сказал, как будто соображая и решая что-то в себе самом. Вскоре человек доложил, что собаку привели. "А", – сказал отец и, отсчитав деньги, подал их с улыбкой сыну. Последний был вне себя от радости. Собака была действительно прекрасная. По праздникам он ходил с ней гулять, в свободное время бегал с ней по саду, сестры его тоже играли с собакой, она была необыкновенно добрая и ласковая; сначала боялись, чтоб она не укусила меньшую, любившую дразнить всех, но впоследствии успокоились, глядя на ее умные и добрые глаза. Она имела привычку класть свою большую голову кому-нибудь из семьи на колени, махая хвостом, с такой любовью глядела в глаза своими умными, ласковыми глазами. Однако первые опасения оправдались, месяца два спустя случилось нечто очень неприятное у них в доме: их учительница сидела с старшей сестрой ⟨Татой⟩ в маленьком парлере, где последняя готовила обыкновенно свои уроки, а учительница читала; меньшая играла в саду. Возвращаясь с какой-нибудь лекции, А.А. всегда заходил к нам поболтать немного, всегда с своей собакой. В этот день Берта ⟨!⟩ пришла из саду и стала гладить собаку, но мне помнится, что А.А. ее резко остановил. "Так нельзя мучить собаку, Берта, она тебя укусит", – сказал он. – Едва выговорил он эти слова, как Берта опять наклонилась к собаке, которая взвизгнула и огрызнулась... Это совершилось так быстро, моментально, что, когда я обернулась, по лицу Берты текла кровь, она плакала, в руке ее был цельный грифель; я взяла ее на руки и понесла в кухню, чтоб промыть поскорей ее лицо и удостовериться, что глаза целы. Учительница была очень испугана. А.А. шел за мною и старался оправдать, защитить своего друга. "Наташа, да вы все выслушайте, ведь она воткнула ей грифель в ухо, ведь это невозможно, никто не стерпит, она сама виновата, ведь я ее останавливал, она сама слышала", – говорил он перепуганный.

Узнав от Франца о том, что случилось, ⟨Герцен⟩ сам явился в кухню и тотчас послал за фельдшером близживущим. Осмотрев лицо, отец сказал: "Ну, это еще ничего, могло быть и хуже, но ты видишь, что собак нам нельзя держать". Фельдшер немедленно явился и прижег ляписом рану на лице ребенка; их было две, одна маленькая около носа и под глазом. Вероятно, он предположил, что собака может, бешеная; от прижигания раны оставили след навсегда. Потом Герцен сказал сыну, чтоб он подарил собаку садовнику, который продаст ее в свою пользу. И бедный Саша не возражал, хоть это было крайне неприятно для него. Герцен не был особенно ласков с детьми, и меньше всего с Сашей. Каждый раз, как, сойдя вниз из гостиной, где занимался, он заставал его в маленьком парлере, он очень сердился на сына: "Ты непростительно теряешь время, – говорил резко Александр Иванович, – ты должен много читать в свободное время". – "Иду, иду, – отвечал, улыбаясь, Саша. – Правда, и заниматься-то некогда, – брал чего-нибудь холодного у Франца и опять в омнибус.

Я была у Саши вроде старшей сестры, он любил ⟨со мной⟩ говорить и впоследствии поверять свои скоротечные романы. Иногда Герцен меня спрашивал, о чем мы толкуем с Сашей, – я стеснялась ему дать ответ на этот счет, потому что все говоренное Сашей доверялось мне одной, однако Герцен вывел меня сам из затруднения: "Да я не исповеди от тебя требую, я хочу только объяснить нечто. Во-первых, я догадываюсь, что́ он тебе поверяет, но ты пойми, что это даже очень хорошо для меня ⟨узнать⟩ через тебя" (*РГАЛИ*, ф. 359, оп. 1, ед.хр. 195. Текст подготовлен М.И. Т р е п а л и н о й).

Произошла эта история с собакой не во Франции, а в Лондоне 3 апреля 1859 г. (Так Наталья Алексеевна из-за Ольги "заметала следы".) Герцен упомянул о случившемся в одном из своих писем, особо отмечая, что вследствие досадного происшествия было отменено празднование его дня рождения (см. XXVI, 170).

Другой отрывок из воспоминаний Нат. Ал. также связан с А.А. Герценом и его предполагаемой женитьбой на Эмме Урих (в начале 1860-х годов) и женитьбой на Терезе Феличи (в 1868 г.):

"У Герцена была одна заветная мечта: чтоб сын, когда будет думать о женитьбе, женился на русской, а дочери вышли бы за русских, но не суждено было этой мечте когда-нибудь осуществиться; тут еще я приведу доказательства, что Герцен не был деспотом в своей семье. Первый раз как А⟨лександр⟩ А⟨лександрович⟩, еще очень молодой, вздумал жениться на племяннице К. Фогта, он писал о том своему отцу и просил его согласиться. По вышесказанному о мечте Герцена относительно его детей можно себе представить какой это был удар для него; девушка эта была немка. С другой стороны, Герцен считал сына еще слишком молодым для совершения такого серьезного шага в жизни. Представив все причины против этого брака, Герцен советовал отложить это намерение, но А.А. настаивал; тогда Герцен согласился, сознавая, что нельзя лишить А.А. права решать свою судьбу.

Через несколько месяцев невеста А.А. посетила нас в Лондоне и даже гостила у нас, Герцен встретил ее как близкую и все время обращался с ней, как с дочерью. Я выразила ему мое удивление, но он отвечал мне с своей светлой улыбкой (если б я была живописец, как бы я воспроизвела эту улыбку и как бы она осветила многое для многих). "Мало ли о чем мы мечтаем для близких, – сказал он, – они иначе понимают, и пусть будет иначе, и все должно быть забыто". Никто не мог бы подумать, чтоб он был против этого брака, который впоследствии не состоялся. А.А. отправился с К. Фогтом в морскую экспедицию, продолжавшуюся шесть месяцев, а молодая девица сопровождала своих родителей в Америку, где они прожили год. Эта продолжительная разлука молодых людей кончилась тем, что они забыли друг друга. Через несколько лет А.А. опять задумал жениться; на этот раз на итальянке из народа. Опять Герцену не нравился выбор сына, потому что, по его мнению, самое большое неравенство заключается не только в различии образованья, воспитанья, взглядов, тенденций, но и традиций, передаваемых из поколенья в поколенье; эти мелочи жизни, к которым привыкают с рожденья и которым нельзя научиться в книгах, имеют большое значение в ежедневной жизни.

А.А. настойчиво требовал согласия отца, который опять уступил его желанию. За год до своей женитьбы А.А. каждый вечер читал разные исторические и другие книги своей невесте в присутствии ее родителей. Таким образом он воспитал и образовал ее; впоследствии Герцен ее очень полюбил и удивлялся ее восприимчивости во всем. Деспотический отец в подобном случае не дал бы своего согласия сыну.

Иногда в очень светлом расположении духа Герцен говаривал нам: "Ах вы, бедные мои, как я чувствую, что если б вас всех деспотически вести, вы были бы много счастливее, но это противно моей натуре".

И теперь, после таких страшных испытаний, я, отходящая от сей жизни, сознаю, что он был прав; он мог нас сделать счастливее, если б мы не имели малодушия считать на собственные силы. Это не значит, чтоб я находила хорошим отречение от своей самостоятельности, но он был особенное существо, которому можно было доверить устройство своей жизни и даже жизни детей..." (*РГАЛИ*, ф. 39, оп. 1, ед.хр. 194, л. 4–6).

И, наконец фрагмент третьей статьи "Опыт очерка характера Александра Ивановича Герцена":

"В моей однообразной глуши доходят до меня слухи, будто некоторые личности, принадлежащие образованному обществу, считают Герцена деспотом, угнетавшим семью невозможными требованиями; поэтому с замиранием сердца, но искренне решаюсь моим неумелым пером описать его характер, привычки, наклонности в семейном кругу.

Во второй части моих Записок, которые, по неизвестным для меня причинам, не пропущены цензурой, несколько видны черты великодушной и любящей натуры Герцена.

После воцарения Александра II, в 1856 году, мы приехали в Лондон; мы застали Герцена уже с детьми, при которых была немка Мальвида Мейзенбуг, о которой буду говорить впоследствии. Маленькой Ольге тогда было только пять лет, Наталье Александровне одиннадцать, а старшему Александру семнадцатый год. Так как девочки были малы, Герцен ласкал их, но мало ими занимался. Что касается до А.А., то Герцен обращал тогда уже серьезное внимание на его занятия и требовал, чтоб он не только учился, но чтоб знакомился с литературой в свободные часы. Г. сам много читал вслух по вечерам из русской и французской литературы, а по-немецки и по-английски А.А. читал один. При этом постоянном подталкивании А.А. стал первым на всех курсах, посещаемых им, получал даже серебряные и золотые медали и пр. Но один из его профессоров говорил мне тогда еще, что только при такой настойчивости со стороны Г⟨ерцена⟩ А.А. мог делаться старательным и деятельным учеником.

Г. жил в кругу изгнанников всех стран Европы; надо было иметь много доброты и великодушия, чтоб ужиться с узким эгоизмом иных, с мелким самолюбием других, с приторной добротой немцев и немок; кажется, последнее было всего неприятнее. Не только Герцен выносил их с светлой улыбкой, но даже невидимо помогал многим из них. Между эмигрантами мало было симпатичных, которых Герцен любил, как, например, Ворцеля, Саффи, Таландье...

Наблюдательный и насмешливый ум Герцена не мог не заметить самые малейшие оттенки смешного в окружающих, он постоянно смеялся над ними в глаза и за глаза. Впрочем, насмешка всегда была присуща его натуре: когда находился повод, он смеялся и над близкими, но так добродушно, что мы все сами над собой смеялись, увлеченные его юмором. Помню, что в минуты веселой насмешливости он называл меня "дама в чадре, домовитая хозяйка". Когда я была серьезна или не в духе, он называл меня Иваном Васильевичем Грозным или Людовиком Одиннадцатым. Его характер был преимущест-

венно светлый, открытый, но до того впечатлительный, что в одну минуту мог измениться в самый мрачный. Иногда, возвращаясь домой после обычной прогулки по Лондону в самом светлом расположении духа, он заставал меня или кого-нибудь из домашних невеселым и сразу становился мрачным и даже угрюмым, тогда уж нелегко было переменить его настроение, он говаривал: "Во мне убили все светлое". Отношения Герцена к прислуге были прекрасны: в них никогда не проглядывала барская повелительность. Он говорил со служащими просто, ласково, как старший, но говорил мало, потому что не имел времени для долгих бесед. Прислуга любила и уважала его в высшей степени. Во все время, проведенное мною в Лондоне, я никогда не видала, чтоб Герцен рассердился на кого-нибудь из служащих. Одна привычка была в нем какой-то необходимостью. Как бы рано он ни вставал, в 9 часов утра он пил кофий и любил хороший, крепкий кофий, но пил немного, с полчашки, и отправлялся к своим занятиям, но если по какой-нибудь случайности нам подавали плохой кофий, Герцен звонил с горячностью и говорил с жаром торопливо входящему повару: "Que diable, Jules, vous nous donnez un cafe tout-a-fait impossible"[152*] и уходил в кабинет».

Рассказав о благородном поступке Герцена по отношению к шпиону-эмигранту Нидергуберу (еще до приезда в Лондон Огаревых), Нат. Ал. так завершила свой рассказ: "Чем же мне еще ярче указать на его самоотвержение, на величие его любящей души? Мне, когда я сама сознаю, что недостойна писать о нем, что нужно бы для этого лучшего человека, особенно талантливое перо – однако приходится говорить пока слушают, пока верят" (там же, ф. 39, оп. 1, ед.хр. 192, л.1–8 об.). В этом последнем очерке Нат. Ал. особенно подробно рассказывает о взаимоотношениях Герцена с А.А. Серно-Соловьевичем и о его пребывании в доме Герцена – замке Буасьер близ Женевы.

[266] *РГБ*, ф. 196, 18.22, л. 2 об.

[267] Там же, 18.25, л. 22 об.

[268] Там же, 18.29, л. 11. См. прим. 251.

[269] Там же, л. 23.

[270] Там же, 18.21, л. 17 об.–18.

[271] Там же, 18.25, л. 10.

[272] После поездки Некрасовой в Швейцарию Нат. Ал. писала ей: "Вижу, что Лугано вам понравилось – Герцен знал это место и много раз хотел там пожить, но не пришлось" (*РГБ*, ф. 196, 18.24, л. 20 об.).

[273] Н.М. Сатин.

[274] *РГБ*, ф. 196, 18.18, л. 37–38 об. Шифф стал душеприказчиком несовершеннолетних дочерей Герцена.

[275] Там же, 18.19, л. 11 об.

[276] Там же, л. 6 об.

[277] Там же, 18.18, л. 6 об.

[278] Там же, 18.25, л. 5 об.

[279] Там же, 18.18, л. 36 об.

[280] Там же, л. 25 об.

[281] Там же, л. 43 об.

[282] Там же, л. 42–42 об.

[283] О Г. Моно см. статью М. Мерво в кн. 1-й наст. тома.

[284] *РГБ*, ф. 196, 18.21, л. 18–18 об.

[285] Там же, 18.18, л. 12.

[286] Там же, 18.18, л. 30 об.–31.

[287] Там же, 18.18, л. 11. Нат. Ал. упрекает Н.А. Герцен в том, что она не отдалась целиком воспитанию своей младшей сестры Лизы и не предотвратила тем самым ее самоубийства.

[288] Там же, 18.25, л. 6.

[289] Пожар на "благотворительном базаре" – в центре Парижа (улица Жака Гужона) – произошел 4 мая 1897 г. В огне погибло 132 человека.

[290] *РГБ*, ф. 196, 18.22, л. 22–22 об.

[291] Там же, 18.25, л. 39 об.

[292] Там же.

[293] Там же, 18.24, л. 31–32.

[294] Там же, 18.20, л. 19 об.

[295] Там же, л. 22–23.

[296] Там же, ф. 196, 18.24, л. 20 об.

[297] Там же, 18.17, л. 25 об.

[298] Там же, л. 7 об.

[299] Там же, 18.20, л. 19 об.

[300] Там же, 18.25, л. 6–6 об.

[301] Там же, 18.26, л. 9.

[302] О Пенизи см. ниже, в разделе "Н.А. Герцен (дочь)".

[303] *РГБ*, ф. 196, 18.26, л. 8 об.

[304] Там же, 18.23, л. 11 об.

[305] Там же, 18.26, л. 1.

[306] Там же, 18.19, л. 19 об.

[152*] "Какого черта вы нам даете совершенно невозможный кофий" (*франц.*).

[307] Там же, 18.22, л. 41.

[308] Этот эпизод отражен в переписке Герцена и в мемуарах Мейзенбуг "Воспоминания идеалистки" и в воспоминаниях самой Нат. Ал.

[309] Выписка из дневника к публикуемой рукописи не приложена.

[310] Относится к весне 1860 г. См. выше в наст. разделе публикации Л.Р. Ланского и М. Мерво "Письма Н.А. Тучковой-Огаревой к Огареву и Герцену".

[311] *РГАЛИ*, ф. 359, оп. 1, ед.хр. 191, л. 1–2.

[312] Горничная Герценов Эрминия (Ерминия).

[313] *РГБ*, ф. 196, 18.26, л. 1 об.

[314] Там же, 18.18, л. 49–50. Нат. Ал., вероятно, предполагала, что Ольга родилась от Гервега.

[315] Там же, 18.20, л. 43 об.

[316] Там же, 18.19, л. 4 об. Выдержки из "Мемуаров идеалистки" появились в "Вестнике иностранной литературы", 1894, № 12.

[317] Там же, л. 15–15 об.

[318] Там же, л. 7–7 об.

[319] О Ф. Грегоровиусе и его отношениях с Герценом см. в "Лит. наследстве" т. 96, с. 197–198.

[320] *РГБ*, ф. 196, 18.23, л. 24–24 об. Фрагменты из мемуаров Мейзенбуг напечатаны в "Вестнике Европы", 1900, № 11.

[321] Это письмо неизвестно.

[322] *РГБ*, ф. 196, 18.19, л. 7 об.

[323] Там же, л. 12.

[324] Там же, 18.26, л. 17 об.

[325] Там же, 18.19, л. 5–5 об.

[326] Т.е. о Мальвиде Мейзенбуг.

[327] См. "Вестник Европы", 1900, № 11.

[328] *РГБ*, ф. 196, 18.25, л. 42 об.

[329] *РГБ*, ф. 196, 18.23, л. 27.

[330] Там же, 18.17, л. 1 об.–2 об. Дневник молодой русской художницы М.К. Башкирцевой вышел в Париже на французском языке в 1887 г.

[331] *РГБ*, ф. 196, 18.17, л. 1–1 об., 2 об.

[332] Там же, 18, л. 30–31.

[333] Там же, 25, л. 4 об.

[334] Там же, 18.24, л. 8 об.

[335] Там же, л. 11 об.

[336] Т.е. детьми Герцена.

[337] *РГБ*, ф. 196, 18.18, л. 4. Нат. Ал. не знала, что статую для памятника Герцену изваял П.П. Забелла.

[338] См. воспроизведение этого бюста работы А. Грасса в "Лит. наследстве", т. 96, с. 65 (хранится в Музее Герцена).

[339] *РГБ*, ф. 196, 18.18, л. 5.

[340] А.А. Тучков умер в 1879 г.

[341] Ребенок – незаконнорожденная дочь Н.Н. Сатиной – Оля.

[342] См. след. прим.

[343] Сохранилось семь писем Нат. Ал. к Толстому за 1892–1893 гг. (напечатаны в сб. "Письма Толстого и к Толстому". М.; Л., 1928, с. 190–209), в которых она просила о присылке ей книг и журналов для крестьян своего имения, пострадавших от пожара. По желанию своего корреспондента она сообщила ему подробности о самосуде, устроенном своими крестьянами в 1887 г. над управляющим ее имением А.В. Станиславским и о ходе судебного процесса над ними. Записка Толстого к Нат. Ал. от 6 августа 1892 г. напечатана в т. 66 Полного собрания сочинений Толстого. М., 1948, с. 243.

[344] *РГБ*, ф. 196, 18.18, л. 20 об.–21.

[345] Имеются в виду Герцен, Огарев и Н.А. Герцен.

[346] *РГБ*, ф. 196, 18.24, л. 31–31 об. Нат. Ал. ссылается на Наталью Александровну Герцен, первую жену писателя.

[347] Там же, 18.23, л. 26 об.

[348] Речь идет о Русско-японской войне 1904–1905 гг.

[349] Ср. выше письмо М. Мейзенбуг (прим. 251).

[350] Эти письма неизвестны.

[351] *Blanc Castel* – дом в Лозанне, в котором занимала квартиру Н.А. Герцен.

[352] Н.А. Герцен гостила на юге России в 1898 г.

[353] *Ник* – племянник Натальи Александровны Герцен, внук Герцена, Николай Александрович. Вероятно, назван был *Николаем* (*Ником*) в честь Огарева.

[354] Лицо неустановленное.

[355] *Терезина* – вдова А.А. Герцена.

[356] *Жермена Рист*, рожд. Моно – внучка Герцена (дочь Ольги).

[357] Сыновья Жермены Рист – правнуки Герцена – Леонар, Клод, Ноэль и Марио.

[358] Наталья Аполлоновна Тучкова, урожденная Жемчужникова (умерла в 1894 г.). Годом ее рождения считается 1802.

[359] Алеша Малышев был назван так в честь его прадеда А.А. Тучкова.

[360] *Няня* – Матреша. Впоследствии вышла замуж за незаконнорожденного сына Н.Н. Сатиной Константина (умерла в 1966 г.).

[361] *Ольгин муж* – А.А. Малышев. Ольга Андреевна Огарева познакомилась с ним в 1906 г. (он был тогда студентом Сельскохозяйственного института, она – курсисткой) и вышла за него замуж. 1 июня того же года она была арестована за распространение прокламаций среди крестьян Саратовской и Пензенской губерний и посажена в тюрьму, где у нее начался туберкулезный процесс, вследствие чего она была выпущена под залог. В 1907 г., после рождения сына Алеши, болезнь ее резко обострилась. Наталья Алексеевна увезла ее для лечения в Крым, а потом за границу.

[362] По-видимому, речь идет о саратовском губернаторе С.С. Татищеве.

[363] Обо всем этом подробно см. в книге Малышева "Корни жизни".

[364] Массовые волнения и пожары имели место в Пензе в 1901 г.

[365] Пенсию Нат. Ал., вероятно, получала от Литературного фонда (СПб.).

[366] "Воспоминания" Нат. Ал. вышли первым отдельным изданием в 1903 г. в Москве.

[367] Лонгин Федорович и Серафима Васильевна Пантелеевы.

[368] Дополнительные подробности о встречах с Нат. Ал., вероятно, так и не были записаны.

[369] Судьба этих фотоснимков не установлена.

[370] "Корни жизни" – книга Малышева, уже цитированная выше.

[371] Там же, с. 25.

[372] Там же, с.30.

ДЕТИ

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ГЕРЦЕН

ПИСЬМА А.А. ГЕРЦЕНА ГЕРЦЕНУ, Н.А. ГЕРЦЕН (ЗАХАРЬИНОЙ), ТАТЕ И ОЛЬГЕ ГЕРЦЕН, С.Л. ЛЕВИЦКОМУ, НИКОЛАЮ II, ОГАРЕВУ, Л. ПЬЯНЧАНИ, А.А. ТУЧКОВУ И С. ТХОРЖЕВСКОМУ

ПРИЛОЖЕНИЕ: Объяснительная записка о наследстве Герцена

Статья Л.И. Матюшенко, публикации С.Д. Лищинер, Л.И. Матюшенко, М. Мерво (Руан), И.Г. Птушкиной и И.М. Рудой*

В кругах европейских ученых-естествоиспытателей последней трети XIX – начала XX в. старший сын Герцена Александр Александрович *Герцен* (1839–1906) был известен своими трудами в области физиологии высшей нервной деятельности. Он возглавлял кафедры физиологии сначала во Флорентийском, а затем в Лозаннском университетах. Работы А.А. Герцена как ученого-физиолога, прогрессивная преподавательская и научно-популяризаторская деятельность в крупнейших научных центрах Европы, его связь в 1861–1863 гг. с русским и польским революционными движениями заслуживают внимания и безотносительно к имени и деятельности его отца. Биография А.А. Герцена, нашедшая отражение в переписке его родных, в воспоминаниях людей, близких его семье, самая судьба его как личности также интересны во многих отношениях – в частности, как судьба представителя второго поколения русской революционной эмиграции XIX в.

Однако главная причина нашего интереса к А.А. Герцену, конечно, в том, что он был сыном Герцена.

Известно, какое значение проблема отцов и детей имеет в литературе. Еще большее значение имеют взаимоотношения отцов и детей в реальной действительности, неумолимо, без художественных опосредствований проверяющей нравственные нормы, философские позиции, выносящей социальные и политические приговоры. Говоря в "Письмах из Франции и Италии" о "нравственных переворотах", Герцен подчеркивает, что они "тогда совершаются действительно, когда они делаются истиной около очага..." (V, 39). Ему же принадлежит знаменательное высказывание: "Револ⟨юция⟩ не в револ⟨юцию⟩, пока она не пройдет по детской, etc." (XXV, 67).

Взаимоотношения Герцена со своими детьми, со старшим сыном, в первую очередь, представляют с этой точки зрения очень большой интерес.

* С.Д. Лищинер публикует письмо С.Л. Левицкому; Л.И. Матюшенко – Герцену (п. 3–5), Тате и Ольге Герцен (п. 4–5), Огареву, Л. Пьянчани, С. Тхоржевскому, а также "Объяснительную записку"; И.Г. Птушкина – А.А. Тучкову; И.М. Рудая – Герцену (п. 1–2), Н.А. Герцен (Захарьиной), Тате и Ольге Герцен (п. 1–3).

Перед нами конкретная и документально прослеживаемая история того, как Герцен и Огарев влияли на следующее поколение. В воспитании детей Герцена проходил проверку жизнью его идеал "нового человека". Эта проверка осуществлялась в условиях русской и европейской действительности 1840–1860-х годов, отмеченной взлетом просветительской идеологии, а затем ее кризисом, по-своему ощутимым и в сфере нравственности.

Характерно, что такой важный у Герцена критерий нравственной оценки, как свобода, применявшийся им к лицам, историческим движениям, социальным устройствам, целым эпохам, в 1860-е годы переосмысляется в связи с его переживаниями, вызванными болезнью старшей дочери Таты, ее личной драмой. Кризис просветительских идей нашел отражение и в противоречиях гуманистической этики Герцена и Огарева, позволяющих по-новому ее осмыслить. Именно во взаимоотношениях с детьми, а в еще большей степени в их судьбах, эти противоречия обнаруживают и перспективы дальнейшего развития передовых идей в области нравственности. Некоторые из них через горькие, но плодотворные раздумья успеет наметить сам Герцен.

С первых же часов своего отцовства, даже с ожидания его, и до последних дней, Герцен осознавал значение детей в своей жизни.

Семья, дети помогали Герцену уже в конце 1830-х – начале 1840-х годов преодолевать романтическую абстрактность миропонимания, укрепляя "реальность" его натуры. "В действительную жизнь, в действительное спасение вышел я женитьбой", – признавался Герцен (XXIII, 34). Характерно, что рождение детей существенно сказалось и на мировоззрении его жены – Н.А. Герцен. Вскоре после появления второго сына, Коли, она писала о детях: "Пусть они выйдут *люди*, и не надо мне вечности, о которой я так хлопотала" (XXII, 179).

Если в "Былом и думах" автобиографический герой выступает перед нами во всем богатстве проявлений в нем жизни, если наряду с историческим значением личности и ее свободой важнейшим критерием оценки судьбы человека для Герцена является его счастье или несчастье, то этим своим качеством великая книга русской и мировой литературы в значительной мере обязана и необыкновенной семейной жизни Герцена.

Имея в виду широкого адресата своей книги в настоящем и будущем, Герцен все же обращается с ней в первую очередь к самым близким людям – Огареву, своим детям, друзьям. Не случайно чтение "Былого и дум" станет жизненно важным моментом во взаимоотношениях Герцена с детьми, в их воспитании. Адресованность детям в особенности сказалась на изображении Натальи Александровны и Огарева, на их поэтизации в книге. В этой мысли укрепляет публикуемое в книге 1-й настоящего тома письмо Герцена к сыну от 1 января 1859 г.

Роль детей как читателей его воспоминаний подчеркивает и позднейшая дневниковая запись Герцена, связанная с потребностью закрепить в обобщении гибель своих детей-близнецов. 29 ноября 1868 г. Герцен записывает: "Опять приближается страшная годовщина – смерти детей. Сколько раз хотел я записать для себя – для детей – эти дни, эти ночи, страшное 4 декабря – нет, не могу" (XX, 611).

Герцен был необыкновенным отцом. Неизгладимое впечатление оставляет его портрет с младенцем-сыном[1].

"Что же любовь отца в сравнении с материнской *болью* любви", – спрашивал он в "Былом и думах" (X, 302)[2]. Но он был несправедлив к себе, т.к. сам наделен был даром проникновенной и тревожной любви к детям, которая естественно присуща матери. Это видно хотя бы из письма его к сыну от 1 января 1859 г., где даются столь проникновенные характеристики дочерей, которые могли быть продиктованы именно болью любви, близкой к материнской.

Чувствуя "огромность дела отцовского" (XXII, 33), Герцен сознавал родительские задачи неотделимыми от своих общественных идеалов и борьбы за их осуществление. В одном из писем к М.К. Рейхель Герцен скажет со свойственной его стилю афористичностью: "Дети входят во всё" (XXIV, 278). Очень характерен также контекст, в котором упомянуты дети в письме Герцена к Мальвиде Мейзенбуг от 13 августа 1853 г.: "Есть одна вещь, которую я люблю до безумия в своей жизни, – это независимость ⟨...⟩ И еще дети ⟨...⟩ Единственное, что мне остается, – это еще энергия борьбы, и я буду бороться. Борьба – моя поэзия" (XXV, 89). Поэтому духовная, а затем идейная близость с детьми – одна из первостепенных жизненных установок Герцена.

Детям принадлежит особое место в период духовной и семейной драмы Герцена: в самые страшные дни после июньских событий 1848 г. в Париже порой казалось, что "живого, родного не было ничего, кроме детей" (X, 131). С ними было связано то светлое начало, которое не позволило душе окончательно сломиться: "Вспоминая былое, наших друзей, вспоминая недавние картины римской жизни, возле кроватки спящих детей, или глядя на их игру, душа настроивалась, как прежде, как некогда, – писал Герцен, – на нее веяло свежестью, молодой по-

эзией, полной кроткой гармонии, на сердце становилось хорошо, тихо, и под влиянием такого вечера легче жилось день, другой!" (X, 109).

Свидетельством непрерываемой внутренней связи с детьми, неустанной заботы о них являются и письма Герцена.

Переживая "крах воззрений" после революции 1848 г., Герцен связывает с детьми свои надежды. "Моя будущность переломлена, – писал он жене 20 июня 1851 г. – И вот тут-то и призвание детей, рода – продолжать личный труд, сменить уставшего (...) Но, если и дети пойдут в другую сторону ... это будет моя вина" (XXIV, 185). В этом свете особое значение приобретало посвящение сыну книги "С того берега" – самого любимого своего произведения об этой эпохе.

Долг перед детьми, любовь к детям связывают Герцена с жизнью в самые тяжелые для него дни семейной драмы и болезни Натальи Александровны. В первых дошедших до нас строках Герцена к Огареву и Н.А. Тучковой-Огаревой после смерти жены читаем:"Я существую потому, что мне предстоит выполнить безмерный долг, и я его выполню" (см. книгу 1-ю наст. тома). В этом "безмерном долге" наиважнейшее место занимали дети.

Саше было около восьми лет, когда Герцены уезжали за границу. Самые ранние впечатления его жизни были связаны с Россией, с русской природой. Лето 1843–1844 гг. он провел в Покровском, а следующее – в Соколове. Самим существованием своим сын напоминал Герцену Наталью Александровну и лучшие годы их жизни. Не могли не быть дороги Герцену и другие общие воспоминания. Саша помнил бабушку Луизу Ивановну и дедушку Ивана Алексеевича (публикацию письма последнего к внуку см. в книге 1-й наст. тома), других родных и близких людей. Сам Герцен в детстве слушал рассказы няни о 1812 г., видел и слушал генералов Отечественной войны, был знаком с выдающимися людьми XVIII – первой четверти XIX в., видел Пушкина. Первые семейные привязанности маленького Саши относились к замечательным людям России 1840-х годов. С ним, ребенком, играл Белинский, он, возможно, прислушивался и к прочитанным в их доме для его матери лекциям Грановского.

В преодолении Герценом духовной драмы, наряду с работой теоретической мысли, наряду с сознанием своей роли в революционном движении России, сыграла, таким образом, роль и его любовь к детям, ответственность за их судьбу.

И позднее, во второй половине 1860-х годов, когда намечался новый период в идейном развитии Герцена, дети по-особому связывали его с жизнью. Личность Герцена в этот период выступает наиболее цельной и гармоничной именно в общении с детьми, в его письмах к ним.

Восстанавливая по дошедшим до нас документам историю воспитания и жизненный путь старшего сына Герцена, мы имеем возможность наблюдать одно из направлений, по которому воплощались идеи Герцена, видеть конкретно, что́ ему удавалось и что́ не удавалось, задуматься над причинами его удач и неудач.

Александр Александрович родился 13 июня 1839 г. во Владимире – в самый счастливый период жизни своих родителей. Именно с этим временем ("владимирское житье") в наибольшей степени связаны представления Герцена о полноте жизни. "Он как-то неразделен стал и с тобою, и с нашей любовью, и с самой жизнью", – писал Герцен жене через полгода после рождения сына в момент недолгой разлуки с семьей (XXII, 69).

"Вчера в 12 утра явился на свет Александр Герцен II", – сообщал Герцен А.Л. Витбергу об этом счастливом событии (XXII, 32).

Письма к близким друзьям доносят до нас восторженные чувства отца. В том же письме к Витбергу читаем: "Я плакал, я стоял на коленях перед распятием, я дрожал от страха, и этот страх происходил не от одного вида ее страданий, а от огромности дела отцовского" (XXII, 32–33). Через три дня – Н.И. и Т.А. Астраковым: "Рассказать вам, как было, что я перечувствовал, передумал – не берусь. Минута торжественная, великая, сколько мучений и радости, страданий и восторгов слиты тут вместе, молитва, слеза, улыбка, первое благословение, мысль ответственности" (XXII, 33).

Описывая в "Былом и думах" день появления на свет сына, Герцен и через пятнадцать лет, на чужбине, помнит все подробности происходившего. С точностью художнической памяти он воссоздает то июньское утро 1839 г., когда он выбегал встретить экипаж с доктором: "Все было тихо, едва-едва утренний ветер шелестил в саду, в теплом июньском воздухе; птицы начинали петь, алая заря слегка подкрашивала лист..." (VIII, 386). Герцен воссоздает богатство и драматизм переживаемых им чувств: страх, радость, боль счастья. Это описание Герцен вспомнит незадолго до рождения внука Владимира. А имя его радостно примет как память о городе, с которым были связаны счастливые дни его личной жизни (VIII, 386)[3].

С рождением сына пришло и то понимание роли женщины-матери, ее общественного значения, которое станет неотъемлемой стороной мировоззрения Герцена.

ГЕРЦЕН С СЫНОМ САШЕЙ

Портрет работы А.Л. Витберга (?) (масло). (Петербург, 1840)

Музей Герцена, Москва

"Иди в жизнь, иди на службу человечеству, я тебя обрек на трудный путь, иди, благословляю тебя. – Может погибнешь, но пронесешь чистую душу. Всею силою отца, всею силою воспитателя, всею силою магнетизма поведу я тебя по пути, не мною избранному для тебя, а Богом для человечества" (Герцен. Дневник. 25 июня 1839 г.)

Не случайно страницы "Былого и дум", где Герцен рассуждает о материнстве, являются непосредственным продолжением рассказа о рождении сына.

Герцен пишет о таинстве рождения человека: "Это измученно-восторженное лицо, эту радость, летающую вместе с началом смерти около юного чела родильницы, я узнал потом в Фан-Дейковой мадонне в Римской галерее Корсини" (VIII, 386). "Узнал потом", – т.е. сначала увидел, понял в жизни, в лице матери своего ребенка.

Герцен очень внимателен к росту, развитию своего первенца. "У моего дофина прорезался зуб", – читаем мы в его письме к Д.П. Голохвастову (XXII, 73). Он сообщает друзьям о первых словах ребенка. Герцен постоянно исполнен заботливой нежности к сыну. Когда маленький Саша болел, отец, по свидетельству Н.А. Герцен, "не выходил почти из комнаты все время" (XXII, 87). Маленький сын доставляет радость в трудное время новгородской ссылки. Нежные, теплые чувства открывают нам обращения Герцена к сыну в письмах из Петербурга зимой 1843 г.

Родители едины в сознании своего родительского долга, в своих представлениях о будущем ребенка. За несколько часов до рождения сына Герцен записал посвящение еще не родившемуся существу, обрекающее его на "службу человечества" (IX, 93).

В уже упоминавшемся письме к Витбергу Герцен рассуждает: "Мой сын относится ко мне так, как новое поколение к старому, moi, je donnerai la première impulsion[2*] его верованиям, его убеждениям, я устремлю его к тому или другому, и, следственно, часть судьбы его зависит от меня. Какая ответственность..." (XXII, 33). Очень близко к этому более позднее высказывание Н.А. Герцен: "Сохранить натуру чистой сколько во мне и у меня есть на то возможности, развить ее настолько, насколько есть в ней возможности – и если натура хорошая, это даст толчок целому ряду в поколении, это проведет далеко, далеко вперед струю чистую, живую – какой подвиг выше этого? Может быть громче, блестящее, но не может быть исполненнее любви" (там же).

В идеях о воспитании, в задачах воспитания, как их мыслит Герцен, очевиден просветительский пафос. В письмах и разговорах на эту тему заметно влияние Руссо, социалистов-утопистов, воспитательных романов Гете. Заботясь о раннем чтении, родители помнят и о прогулках и купании в реке. Постоянно отмечают не только ум, смышленность мальчика, но и успехи в физическом развитии.

Публикуемые ниже письма маленького Саши к отцу в Петербург – также существенный штрих к обстановке, в которой воспитывался тогда сын Герцена. Его вежливый поклон слуге Герцена Лаврентию характеризует демократичность семьи. За маленьким Сашей "ходил" и другой слуга Герцена, Матвей (рассказу о нем и его трагической смерти посвящены записи в дневнике Герцена (II, 285) и страницы части IV "Былого и дум" (IX, 102–107). В Покровском Саша играл с крестьянскими мальчиками. Герцен, споря с Грановским о воспитании сына, возражал против приглашения к Саше немца-гувернера. Более принципиальный характер должны были носить разногласия с Витбергом, о которых Герцен упоминает в своей переписке того времени.

Много живых подробностей о раннем детстве Саши мы находим в письмах и "журналах", т.е. дневниках, его матери. Она отмечает в мальчике резвость и ум, сходство с отцом ("Он портрет Александра и лицом, и нравом, и всем" – XXII, 90).

Большое влияние матери Саша испытывал и в первые годы жизни за границей. Со времени отъезда из России младшие дети были рядом с бабушкой, М.К. Эрн и М.Ф. Корш, а Саша, по словам Н.А. Тучковой-Огаревой, "был неразлучен с матерью"[4]. Причиной особого внимания с ее стороны была физическая и нервная хрупкость мальчика; врачи советовали быть особенно осторожными с ним до восемнадцати лет. Близость к матери, в особенности постоянная тревога за его здоровье, способствовали развитию в Саше не только мягкости и душевной тонкости, но и некоторой изнеженности характера.

Под руководством матери осуществлялось первоначальное образование Саши. Именно ее письма содержат живые подробности о занятиях мальчика, его склонностях, интересах, способностях. В пять лет он "говорит немножко по-немецки и читает немножко по-французски" (XXII, 202). У восьмилетнего Саши уже "невероятные успехи во француз⟨ском⟩ языке" (XXIII, 29). В этом же возрасте он начинает учиться рисованию и музыке, а затем и столярному мастерству, фехтованию. Сохранилось письмо Н.А. Герцен, из которого мы узнаем, что занятиями сына в Париже руководила она: "В занятиях Саши я то же, что ключик в часах. Утром он читает или пишет со мной по-русски, играет на фортепьяно, потом Боке-старший остается с ним два часа, в гимнастику он ходит уж один, потом рисованье или Рейхель – а вечером приходит к нему немец – созданье Ж.-Ж. Руссо – говорить с ним по-немецки" (XXIII, 374).

В возрасте около одиннадцати лет у Саши проявляются наклонности к естественным наукам. Основную роль в их пробуждении, очевидно, играл сам Герцен, но и Наталья Александровна также поддерживала эти способности. Так, она обсуждает с наставником Коли И. Шпильманом покупку пособий для занятий естественными науками, просит Герцена купить для Саши рельефные географические карты. "Саша, кажется, будет натуралист и живописец", – пишет Наталья Александровна (XXIV, 165).

В июле 1850 г. мальчик учится рисовать у какого-то "натуралиста", с которым он будет совершать "ученые прогулки"[5]. В дальнейшем в этих занятиях ведущие роли достанутся одному из крупнейших и известнейших физиологов середины XIX в. К. Фогту и образованнейшему другу семьи Герцена польскому публицисту К.-Э. Хоецкому (см. XXIV, 318).

Интересно свидетельство Тучковой-Огаревой о внешнем облике Саши в этом возрасте: "От 10 до 15 лет он был необыкновенно хорош собой, как мне говорили и как я видела по порт-

---

[2*] я же дам первый толчок (*франц.*).

ретам: его темно-серые глаза, крутой лоб и разлитое во всех чертах выражение ума, доброта и невинность привлекали к нему всеобщее внимание"[6].

Герцен придавал особое значение воспитанию в сыне чувства личного достоинства свободного человека. Он присматривается к методам воспитания и системам образования во Франции, Швейцарии. Характерно его замечание о "бездушной стертости воспитания" во Франции (X, 70). С другой стороны, ему импонирует все, что способствует воспитанию свободного человека, развитию индивидуальности. Он будет ценить Лондон за "свободу и религию уважения к лицу" (XXV, 7).

Герцен восхищается детским праздником в Женеве, когда школьников после экзаменов собирают для шествия у статуи Ж.-Ж. Руссо. 2 июля 1849 г. десятилетний Саша участвовал в таком празднике[7].

Идеал свободы – неотъемлемая сторона всех воспитательных задач, которые ставил перед собой Герцен. "Надобно бороться, собою жертвовать..." (XXIV, 178). Вот почему первое, что он будет требовать от свободы, – "зрелость и мужскую твердость характера" (XXVII, 27).

Революционные события 1847–1848 гг. во Франции и Италии, свидетелями которых были Герцен и его семья, усиливали у них революционно-романтические настроения. Это объясняет и восторженно-возвышенные высказывания Натальи Александровны, видящей в своем сыне будущего героя-революционера.

Под влиянием дружбы Герцена с видными деятелями итальянского революционно-освободительного движения Дж. Медичи и К. Пизакане Саша мечтает о борьбе за освобождение Италии. Эта мечта близка к осуществлению в 1860 г. Саша не успел принять участие в военных действиях лишь потому, что армия Гарибальди была распущена после ее победоносных действий на юге Сицилии[8].

После поражения революции 1848 г. Герцен обращает свой взор к России, с нею связывает он надежды на новый революционный подъем. В письмах этих лет, в таком важном документе, как завещание (составленное во Фрибурге), а затем в посвящении сыну книги "С того берега", Герцен ставит главной задачей воспитание в детях любви к России. Если не суждено будет ему самому вернуться на родину, в свободную Россию должны вернуться его дети. Он вспоминает о том, как в Москве он и его друзья-единомышленники сдвигали чаши при крике "*За Русь и святую волю*!" Теперь, сохраняя веру в будущность русского народа, он "завещает этот тост" своим детям (VI, 18).

Связи с русской революционной традицией в воспитании сына приобретают все большее значение. Именно таков смысл празднований памяти 14 декабря. Таков же смысл чтения соответствующих глав "Былого и дум", инсценировки клятвы на Воробьевых горах, ареста, эпизода братания. В сцене клятвы Саша выступал в роли отца, а Тата – в роли Огарева. В сцене ареста, когда Иван Алексеевич надевал образок сыну, Саша чувствовал себя, по его словам, "в положении папы". В последней картине Саша "давал руку" французу, итальянцу и немцу. "Молодая дама стояла за нами повыше и покрывала нас венцом свободы", – рассказывает он о финале спектакля (XXV, 219–220).

В этот вечер 14 декабря 1854 г. отец подарил сыну портреты пяти казненных декабристов – "подарок уже юноше, а не дитяти", – "и полный чести для меня", – замечает Саша (XXV, 220).

Герцен знакомит сына с русской потаенной литературой. Саша читает Пушкина, Грибоедова и Гоголя, произведения своего отца и Огарева[9]. Много русских книг привез с собой Огарев. Большое место в занятиях Саши занимает русская история. Герцен сам дает эти уроки. Известен герценовский замысел детской книжки для изучения всеобщей истории (см. XXII, 99). В одном из писем к жене Герцен признавался, что "писать для Саши" ему "легче, нежели давать уроки" (XXIV, 188). Имея в виду и уроки своим детям, Герцен написал опубликованные впоследствии в "Полярной звезде" "Разговоры с детьми" (см. XIV, 206).

Большое место в общении с детьми занимало чтение вслух (Шиллера, глав "Былого и дум" и др.) Вслух было прочитано и посвящение "С того берега" (см. XXV, 223–224).

Все эти разнообразные и продуманные методы воспитания напоминают времена юности Герцена и Огарева; оба они также во многом учились свободомыслию из книг. Однако в условиях русской жизни после – декабристской эпохи эти формы были оправданны, как и романтическая эстетика в целом. За книгами следовали испытания тюрьмой и ссылкой, идейная борьба. Опыт русского и мирового искусства вливался в опыт собственной теоретической и художественной деятельности. Теперь же в воспитании сына эстетическое начало приобретало характер, граничащий с искусственностью. Читая сыну собственные произведения, Герцен приобщал его к своим идеям, дарил их, но сам по себе этот дар еще не гарантировал развития идей. Более того, такого рода передача идей по наследству в какой-то мере притупляла дальнейший самостоятельный поиск.

Герцен не мог не сознавать этого. Вот почему он возлагал большие надежды на знакомства и живое общение сына с представителями молодого поколения революционной России. Его будут радовать встречи Саши с Н.А. Серно-Соловьевичем и сближение с И.Г. Борщовым. Саша, возможно, был знаком с участником подпольного харьковского кружка Н.И. Раевским, который, вероятно, посещал Герцена в Путнее до отъезда сына из Англии.

Однако в круг лучших людей России, в первую очередь самого Герцена и Огарева, Александр Александрович поначалу вводился тоже "по наследству"[10], подобно тому, как, благодаря отцу, он познакомился с выдающимися людьми Западной Европы. Он присутствовал, при беседе отца с Р. Оуэном[11], общался с Гарибальди, бывал в доме Л. Кошута. В доме отца он встречался с Ф. Орсини, А. Саффи, Дж. Маццини, А. Барбесом, К. Шурцем, практически – со всеми, кто бывал там. Впоследствии А.А. Герцен письменно обращался к В. Гюго.

Эти встречи и знакомства неизбежно ставили молодого человека в исключительное положение. Условия же эмиграции лишали его естественной национальной среды, необходимого общения со сверстниками.

Все усугубилось болезнью и кончиной Н.А. Герцен, вследствие которой семья, уже "оторванная от родины, от своего круга", потеряла "живой центр свой" (XXVIII, 204).

Но незаурядная личность матери, память о ее любви оставили неизгладимый след в жизни сына. В этом коренилась одна из глубочайших основ близости А.А. Герцена не только с отцом, сестрами и Огаревым, но и со всеми, кто помнил и любил его мать, в особенности с М.К. Рейхель и Т.А. Астраковой.

Герцен считал, что образ матери должен соединять его детей в единую семью, сохранять в них представление о "поэзии дома". Из обращений Саши к маленьким сестрам, жившим в то время в Париже у М.К. Рейхель, мы можем видеть, что он этому способствовал. Тате адресованы следующие строки о матери: "Смотри часто на ее портрет и не забывай ее черты" (XXIV, 283).

Очень характерно одно из первых писем Герцена к сыну после отъезда последнего в Швейцарию: "Если поедешь в Ниццу теперь, то постарайся сходить на могилу мамаши один и не бери с собой никого: посторонние рассеивают. Для тебя это посещение должно быть молитвой; так, как в средние века ходили ко гробу Христа, испрашивая сил на жизнь, так и ты, начиная новое существование, разлуку со мной, должен в полном recueillement[3*] посетить Ниццу" (XXVI, 203).

Герцен надеялся, что в дальнейшем сын станет центром семьи. Этим надеждам по разным причинам не было суждено осуществиться. Но память о Н.А. Герцен на протяжении всей жизни Герцена остается неизменной основой его близости с сыном.

Не только с общественным служением своей родине, но и с идеей семьи у Герцена связаны были и усилия, направленные на сохранение его детьми родного языка и традиций русской культуры. Однако и "поэзия дома", в реальных условиях разъединения семьи Герцена, тоже заключала немалую долю романтического эстетизма. Приобщение сына к своей деятельности, наряду с образованием и выбором профессии, было наиболее реальной задачей в их жизни.

Саша много помогал отцу в связи с созданием Вольной русской типографии. Овладев к тому времени в совершенстве английским языком, он помогал отцу вести его английскую корреспонденцию. По его поручению он снимает копии важных писем ("юношей из России" – XXV, 325, Печерина – XXVI, 22), ведет переписку с родственниками и друзьями в России. Он сопровождал по Лондону многих русских, посещавших Герцена. Пятнадцатилетнему сыну Герцен поручает приведение в порядок своих бумаг в случае смерти (XXV, 260). Сын часто сопровождает Герцена при важных визитах. Он присутствует на лондонском митинге, посвященном памяти революции 1848 г., где выступал Герцен[12], на обеде в честь Гарибальди[13]. Вместе с поляками, отцом и Огаревым 9 февраля 1857 г. он несет гроб С. Ворцеля.

Атмосфера политических интересов и деятельности отца, а с 1856 г. и Огарева, играла большую роль в политическом воспитании Саши Герцена.

Герцен уделяет немалое внимание образованию сына. Эмигрантская среда предоставляла благоприятные возможности для домашнего обучения. Учителями сына Герцена были Ж. Доманже, К. Фогт, Э. Гауг, Г. Мюллер-Стрюбинг, Л. Васбентер, Л. Булевский, М. Домагальский, С. Ворцель, Ф. Альтгауз, В.А. Энгельсон, И.И. Савич. Он занимается русским, французским, английским, немецким и латинским языками, русской и всемирной историей, математикой, географией и рисованием. Уроки математики Саше давал и приезжавший в Лондон декабрист А.А. Тучков, отец Н.А. Тучковой-Огаревой (см. ниже письмо к нему Саши

3* сосредоточенье (*франц.*).

от 25 июля 1857 г.) Вместе с отцом Саша посещает в Лондонском университетском колледже лекции Г. Кинкеля по истории искусства.

Однако Герцена не мог удовлетворить такой характер занятий сына. Он находился вне среды сверстников, не было возможности для трудового воспитания, о чем Герцен неоднократно писал.

У Герцена возникала мысль о парижской Политехнической школе для Саши (см. XXV, 301). Он пытался пригласить в воспитатели к нему публициста Ю. Фрёбеля, с которым находил некоторую общность взглядов (см. XXVI, 239), но Фрёбель, вначале принявший это предложение, вскоре отказался от него из-за "крайних убеждений" Герцена[14].

"Я намерен все больше и больше направлять Александра в сторону естествознания, и он имеет наклонность к этим предметам", – пишет Герцен Г. Кинкелю, прося рекомендовать для сына профессора химии и физики[15].

САША ГЕРЦЕН

Рисунок Н.А. Герцен (карандаш). ⟨Сентябрь–октябрь 1849 г.⟩. Приложен к письму Н.А. Герцен Эмме Гервег, ⟨сентябрь–октябрь 1849 г.⟩

Британский музей, Лондон

Саша слушает лекции по химии у знаменитого А.В. Гофмана (ученика Ю. Либиха), стоявшего во главе Лондонского королевского химического колледжа, ставит опыты в химической лаборатории, посещает геологический кабинет, слушает курсы физиологии и физики у Дж. Ланкастера. С конца 1856 г. он занимается в Медицинском институте у А. Девиля, усердно работает в анатомическом театре (возможно, по совету отца, посещавшего когда-то анатомический театр И.Т. Глебова, известного анатома и физиолога, учителя С.П. Боткина и И.М. Сеченова).

В 1857 г. А.А. Герцен стал студентом Лондонского университетского колледжа (основан в 1824 г. по инициативе Дж. Бентама, имел репутацию "безбожного заведения")[16]. Там Александр Александрович в числе других слушал лекции по сравнительной анатомии у профессора Р.-Э. Гранта, с которым Герцен был знаком.

Приписки Саши к сестрам, которые мы находим в письмах отца, обнаруживают в нем наблюдательность будущего ученого-естествоиспытателя. Он работает над книгой "Краткое общепонятное изложение зоологии и сравнительной анатомии беспозвоночных животных"[17]. О стремлении к научно-популяризаторской деятельности свидетельствует и желание Саши показать П.В. Анненкову свою статью, которая "может быть интересна детям или людям, начинающим заниматься естественными науками" (XXVI, 189).

Между тем вопрос о более серьезном естественно-научном образовании сына продолжает беспокоить Герцена. Лондонский университет не удовлетворяет его ни уровнем преподавания, ни составом студентов (в нем учились преимущественно сыновья богатых буржуа, слывшие нерадивыми и развратными – см. XXVI, 144). Кроме того, Герцен ясно видел слабые стороны характера своего сына: недостаточную целеустремленность, склонность к легкомысленным увлечениям, подверженность чуждым влияниям. Он надеялся, что самостоятельная жизнь вдали от дома будет способствовать большей духовной зрелости. По мнению Герцена, сын должен был и здесь пройти испытание такой гранью свободы, как отсутствие постоянной опеки близких.

Вопросы дальнейшего образования сына Герцен обсуждал с К. Фогтом, что нашло отражение в их переписке[18].

Еще в 1854 г. Фогт советовал отдать Сашу в женевскую гимназию. Одновременно он мог бы сдавать экстерном экзамены в Женевской Академии (впоследствии преобразована в университет). В дальнейшем Фогт высказывался в пользу германских университетов, советуя выбрать Вюрцбург или Берлин. Герцен опасался, однако, реакционной политической атмосферы, царившей там, и возможности отрицательного отношения к его сыну.

Когда в августе 1858 г. А.А. Герцен отправился в Женеву к Фогту, вопрос об университете еще не был решен. В ближайших после отъезда письмах нередко идет речь и о Вюрцбурге. Лишь в конце октября вопрос решается в пользу Швейцарии, а именно Берна. 3 ноября Александр Александрович приступает к занятиям на медицинском факультете Бернского университета. Выбор факультета был одобрен Герценом[19].

Общее руководство занятиями А.А. Герцена в Берне осуществлял Ф.-В. Фогт, отец К. Фогта. В его семье Александр Александрович и поселился.

В уже упомянутом письме Саши от 18 мая 1859 г. содержится программа его университетских занятий. В своем ответном письме от 3 июня Герцен четко изложил свои мысли об образовании сына, сохраняющие интерес до настоящего времени.

Со времени отъезда А.А. Герцена на континент и до его возвращения из Швейцарии весной 1861 г. переписка становится главной формой общения отца и сына. Ее значение тем более велико, что, поселившись в Швейцарии, Александр Александрович оказался оторванным от деятельности своего отца и Огарева, лишился общения с людьми, причастными к ней, возможности (и необходимости) говорить на родном языке.

Письма Герцена к сыну в этот период можно рассматривать и изучать не только как ценный источник биографических фактов и историко-культурных реалий. Они представляют собой своего рода литературное произведение, целостное в своей проблематике и форме, напоминающее воспитательный роман в письмах. Герцен дорожит сюжетной связью между своими письмами, постоянно ссылается на предыдущие, напоминает о наиболее важных, просит хранить их и время от времени к ним возвращаться.

В этом отношении немногие известные нам ответные письма Герцена-сына, при всем значении их как биографических документов и звеньев переписки, меркнут на фоне писем отца и отчасти объясняют нередко испытывавшееся Герценом недовольство сыном.

С присущей Герцену свободной манерой общения разговор об учебных занятиях переходит в обсуждение серьезных научных, социальных и политических проблем. При этом пронизывающий все письма герценовский идеал "полного", гармоничного человека позволяет тесно связать вопросы науки, философии, политики с нравственными проблемами. Личности, отвечающей этому идеалу, присуще то обобщение "внутреннего", которое означало, по понятиям Герцена, выход личных чувств и переживаний к общественным проблемам и общечеловеческим идеалам. Это человек борьбы, равно неизбежной и в науке, и в социальной жизни. Открытость общественным вопросам времени и участие в общественной борьбе эпохи – ядро, центр нравственной тяжести личности, тот "грундтон", который и в частной жизни "заправляет" страстями (XXVII, 23), не давая человеку подчиниться им. Такой личности свойственна цельность, основанная на единстве слова и дела, богатство традиций и самобытность, непрерывность внутреннего развития и определенность "национальной физиономии". Ей противостоит своеобразный "антигерой". Его вариации – филистер, гуртовой тип мещанина, рантье послереволюционной эпохи, обыкновенный средний человек, трудолюбивый, вполне добропорядочный и чистый в своей семейной жизни, но лишенный общественных интересов; наконец, почтенный швейцарский профессор, далекий от политики, скованный семейной рамой, которая суживает его понятия, "делающий деньги". Антигерой выступает в письмах Герцена как Warnung[4*] (см. XXVII, 101, 109).

Герцен постоянно отмечает степень близости сына к тому или другому из обозначенных полюсов. Конкретизируя свой идеал, он указывает Саше прежде всего на его покойную мать и на Огарева.

Трудно переоценить воздействие на сына личности самого Герцена и личности Огарева, столь многогранно проявившееся в их письмах к нему.

Приведение к единству, обобщение "внутреннего", у Герцена всегда было результатом колоссальной духовной работы. Он рассчитывал, что переписка будет способствовать такой работе в сыне. "Писать ко мне должно быть для тебя действием почти религиозным – тут исповедь твоего поведения, тут продолжение единственной связи – которая, независимо от всего, ведет тебя...", – писал Герцен 5 ноября 1858 г. (XXVI, 219). Герцен надеялся, что письма к нему сына будут способствовать его сосредоточенности, необходимому прояснению мыслей и чувств. "Я, разумеется, вперед предполагаю святую откровенность и непоколебимое доверие – но вынашивай больше в себе", – советовал он сыну (XXVII, 24). Герцен очень большое значение придавал "приведению к слову" мыслей, чувств, переживаний. В духе традиции передовой русской культуры 1840-х годов он видел в слове не только средство общения, средство воздействия человека на других людей, но и орудие самопознания и самовоспитания. Слово,

---

4* предостережение (*нем.*).

по Герцену, неразрывно связанное с "импровизацией поведения", в известной мере выражало и "эстетику поступков" как одну из важнейших сторон действий человека, о которой Герцен писал сыну позднее (см. XXIX, 148).

Поддерживая в сыне интерес к своей и Огарева деятельности, Герцен регулярно посылает ему "Колокол" и другие издания Вольной русской типографии, делится с ним политическими новостями из России, отправляет вырезки из русских и западноевропейских газет. Он одобряет интерес сына к крестьянскому вопросу, помогает ему собрать материал для статьи о крепостном состоянии в России.

Свою статью "Война" Герцен просит сына перевести на немецкий или французский язык и показать товарищам. Он просит рекомендовать русским студентам книги по естествознанию. Письмо Александра Александровича от 18 мая 1859 г. свидетельствует о его живом интересе к изданию "Колокола", к политическим событиям в Европе. Вполне вероятно, что он знакомил своих товарищей с произведениями отца.

Однако многие письма Герцена пронизывает неудовлетворенность. Он чувствовал, что сын не захвачен его делом; что идеалом его все больше и больше становится семья Фогтов – чистая, трудолюбивая, но далекая от общественных интересов; что его сын чем дальше, тем больше "отворачивается от борьбы" (XXVII, 28). «Мне ⟨...⟩ больно, что "Колокол" – призывающий массы и артиста – мало зовет тебя», – писал Герцен сыну 13 февраля 1860 г. (там же, 18). Саша "заметно перестает быть русским", – с тревогой и болью констатирует Герцен (XXVI, 288).

В начале 1860 г. Герцен мечтает о поездке сына в Россию на год, на два, на три, хотя бы в качестве путешественника-натуралиста, чтоб иметь возможность "присмотреться к иной арене". План этот осуществить не удалось.

Мотив "Warnung" все чаще появляется в письмах Герцена. Так, он всплывает в связи с новым увлечением Саши, приведшим к его помолвке с Эммой Урих, внучкой Ф.-В. Фогта. Герцен опасался раннего брака сына, усматривал в этом браке покой, гавань, которые окончательно отвлекут молодого человека от общественной борьбы. К тому же и со стороны Эммы он не видел "особенной любви" к своему сыну. Не вызывали симпатии и родители невесты – владельцы плантаций и рабов на острове Тринидад. Герцен писал в связи с обсуждением помолвки сына: "Я увидел, насколько чужим я становлюсь для своего сына ⟨...⟩ Мы с Александром не понимаем друг друга, и это ранит мое сердце" (XXVII, 69).

Между тем личные сюжеты переписки Герцена с сыном 1858–1861 гг. и последующих лет, обнаруживают для современного читателя те противоречия в нравственно-этических воззрениях Герцена, углубление которых будет связано с новым кризисом его просветительских идей во второй половине 1860-х годов.

Говоря о "новом человеке", Герцен не раз высказывал свое стремление воспитать в своих детях "образчики иной жизни", т.е. людей исключительных, какими считал и себя, и Огарева, и Наталью Александровну. Однако идеалы порой вступали в противоречие с реальной жизнью, а эстетические цели расходились с социальным опытом.

В марте 1861 г. А.А. Герцен блестяще окончил Бернский университет, получив степень доктора медицины.

"В России идет борьба ⟨...⟩ насмерть", – писал тогда Герцен (XXVII, 25). "Колокол" стал одним из факторов революционной ситуации. В биографии сына Герцена начинается новый этап – время наибольшей близости его к отцу и его революционной деятельности.

После окончания университета А.А. Герцен совместно с К. Фогтом совершил путешествие вдоль берегов Норвегии, на остров Ян-Майен и в Исландию (отправились 29 мая 1861 г. на шхуне "Joahim Hinrich" из Гамбурга)[20]. Александр Александрович выполнял не только научные эксперименты (изучение обитателей морского дна и северных птиц), но и важные поручения отца по налаживанию связей с норвежскими книготорговцами и разведыванию путей распространения изданий Вольной русской типографии[21]. "Что я в твоем путешествии не могу видеть только ученую экспедицию – я думаю, что ты это и сам оправдаешь", – писал Герцен сыну (XXVII, 109).

Это путешествие предварило последующую поездку в Швецию в 1863 г., о которой речь пойдет ниже.

В Гаммерфесте, бывшем главным местом русской торговли, А.А. Герцен общался с русскими капитанами, матросами и купцами. В результате его общения был открыт еще один путь распространения "Колокола".

Северное путешествие, часть которого проходила за Полярным кругом, в целом было серьезной жизненной школой для молодого ученого. Длившееся свыше четырех месяцев, оно

таило и немалые опасности. Шхуна едва не погибла в проливе у острова Ланге, едва выдержала бурю по пути с Ян-Майена к югу Исландии. На суше приходилось прокладывать дорогу среди скал, болот и озер. По свидетельству К. Фогта, написавшего об этом путешествии книгу, "доктор Герцен" не только увлеченно выполнял научные исследования, но и мужественно вел себя в сложных условиях[22].

Вскоре после путешествия, в конце 1861 – начале 1862 г. А.А. Герцен выполняет ответственное поручение отца в Гейдельберге, ставшем к тому времени одним из центров молодой эмиграции. Там предполагалось основать еще одну русскую типографию. Александр Александрович участвовал в сборе средств для нуждающихся студентов, исключенных из российских университетов. Речь на устроенном в его честь обеде в Гейдельберге, с которой он выступал от имени Герцена и Огарева, высказанное ему уважение со стороны представителей молодой России, вызвали у Герцена удовлетворение. 21 декабря 1861 г. он писал сыну: "Желаю, чтоб ты этим путем шел, чтоб я мог всегда и твердо опереться на тебя и тебе завещать часть нашего дела" (XXVII, 203–204)[23].

В этот период вновь выясняются возможности возвращения А.А. Герцена в Россию. Герцен пишет И.С. Тургеневу 2 декабря 1861 г.: "Сын мой больше и больше хочет ехать в Россию. Как бы узнать, что надобно делать и с кем посоветоваться. Само собою разумеется, что об уступках и речи нет" (XXVII, 200).

В 1862–1863 гг. А.А. Герцен – активный участник русского революционного движения. В феврале 1863 г. по предложению заграничного представителя "Земли и воли" А.А. Слепцова он становится членом этой тайной революционной организации. "На него возложены были обязанности связного между Лондоном, Гейдельбергом и Парижем"[24]. Как ответственный член "Земли и воли" А.А. Герцен причастен к деятельности организации в ее помощи польскому восстанию[25]. С этим связано новое посещение Гейдельберга и Карлсруэ. "Там в это время идет сбор денежных средств и мобилизация сил для создания русского легиона в Польше"[26]. Это очевидно из письма А.А. Герцена к молодому ученому-революционеру В.О. Ковалевскому от 7 апреля 1863 г.[27] На основании новых фактов Е.Л. Рудницкая приходит к определенному выводу: "Герцен-младший деятельно сотрудничал с революционной Польшей"[28]. 21 марта 1863 г. А.А. Герцен провожает экспедицию в помощь польским повстанцам, возглавляемую Ф. Лапинским и И. Демонтовичем в порт Саутенд до парохода "Ward Jackson" (см. XXVII, 300). Общность взглядов Герцена и его сына по польскому вопросу подтверждается и письмом А.А. Герцена к С.Л. Левицкому от 8 апреля 1863 г. (см. ниже).

В письме, дошедшем до нас в перлюстрационной копии, А.А. Герцен послал отцу вырезки из газет с публикацией его письма «Редактору "Morning Star"» от 28 февраля 1863 г. Очевидно, эти публикации были осуществлены при деятельном участии Герцена-младшего. Идет там речь и о переговорах с представителями французских газет по поводу дальнейших публикаций этого письма Герцена[29].

Новые сведения о поездках А.А. Герцена в Париж, По и Бордо содержатся в его письмах к сестрам от марта 1863 г. (см. ниже). Хотя в них по конспиративным соображениям и не говорится конкретно, какие именно поручения выполнял А.А. Герцен, некоторые детали не оставляют сомнений в их характере (в По он был принят как "сын звонаря"). Это подтверждается и письмом Герцена к Тате и Ольге от 12 марта 1863 г.: "Саша третьёгодни воротился, исполнив все поручения и съездив еще в Гейдельберг" (XXVII, 297).

В роли заграничного агента "Земли и воли" А.А. Герцен совершает в мае–июне 1863 г. поездку в Швецию, имея поручения от Герцена и Огарева по распространению изданий Вольной русской типографии, организации типографии в Швеции и по связи с деятелями финского демократического движения. Это подтверждается письмом Герцена к Э. Квантену, где говорится, что сын "отличнейшим образом" сможет заменить его, "без досадного замедления" работы над "Колоколом"[30] (см. также письмо А.А. Герцена к Квантену[31]). Факты, относящиеся к политической деятельности А.А. Герцена в Швеции, позволяют судить о значительных ее результатах – и в организации связей с Россией через Финляндию, и в отношениях с финскими демократами, и в организации типографии.

Из писем Огарева к А.А. Герцену мы узнаем, что в руках последнего в мае–июне 1863 г. был не только "шрифт", присланный из Лондона, но и "машина".

В это время А.А. Герцен находится под тайным надзором российской и международной полиции.

Деятельность его в Швеции дальнейшего развития получить не смогла вследствие изменения политической обстановки в России. Поэтому планировавшаяся на июль 1863 г. его поездка в Гаммерфест не состоялась.

Еще во время встречи в Париже, куда по вызову А.А. Слепцова приезжал А.А. Герцен, тот поделился с ним своими "сомнениями, разочарованием в революционном пути изменения

жизненного строя"[32]. Возможно, эти сомнения разделял и А.А. Герцен, но на его деятельности в Швеции это не сказалось. В речи на банкете в Стокгольме он подчеркивал, что выступает "от имени русской молодежи", от имени общества "Земля и воля"[33].

Революционная ситуация в России в революцию не перешла. Весной 1864 г. "Земля и воля" самораспустилась. Герцен уже в апреле 1863 г. не видел в ней не только "готовой силы" революции, но даже ее "живого зародыша" (XXVII, 316).

Это и определило прежде всего отход А.А. Герцена от революционной деятельности. Вместе с тем Герцен, несмотря на успехи сына в Швеции, высказал мнение об отсутствии у него политического таланта (XXVII, 387). Некоторую роль в этом выводе мог иметь конфликт А.А. Герцена с М.А. Бакуниным во время их пребывания в Швеции. В новейших исследованиях подчеркивается, что причины конфликта носили принципиальный характер, отражая в известной степени расхождения в тактике политических действий между Герценом-старшим и Бакуниным. Установлено также, что разжигание конфликта входило в задачи агентов III Отделения в Швеции.

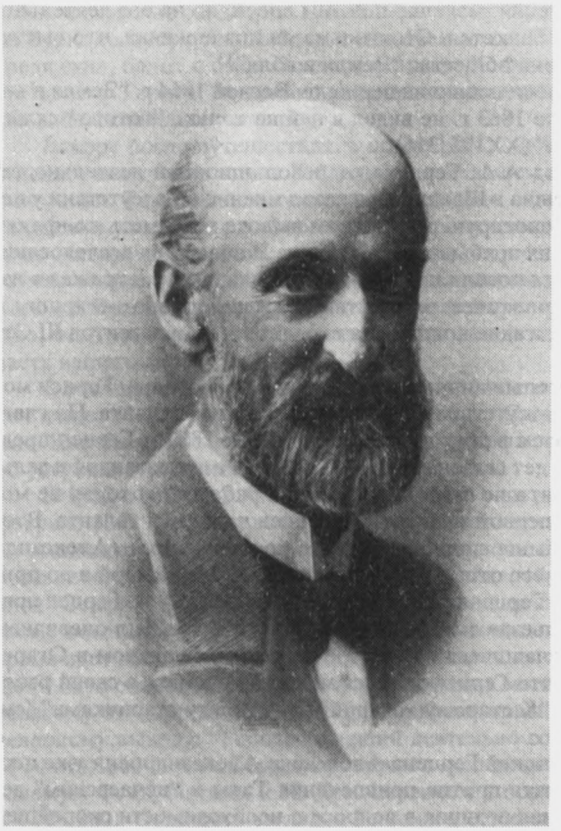
По-видимому, здесь сказались и некоторые личные недостатки А.А. Герцена. Герцен мог учитывать их, формулируя свой вывод об отсутствии у сына политического таланта. Но главную причину такого вывода мы усматриваем в другом. Уже с середины 1863 г. Герцен предвидит, что его дальнейшая деятельность будет связана в первую очередь с пропагандой и дальнейшим развитием революционной теории, а не с организационной работой, которая не может делаться за границей. К выполнению первой задачи А.А. Герцен и не имел таланта. Вторая для него отпадала и по названным выше принципиальным соображениям (Александр Александрович не мог не знать мнение своего отца). Она становилась невозможной и по причине все более осложнявшихся отношений Герцена с "молодой эмиграцией". А.А. Герцен присутствовал вместе с отцом на женевском съезде эмигрантов в конце 1864 г. и был очевидцем этих разногласий. Имели значение и намечавшиеся противоречия между Герценом и Огаревым по тактическим вопросам. Известно, что Герцен делился мыслями с сыном о своей работе над первоначальным вариантом писем "К старому товарищу" – "Между старичками" (см. XXX, 24).

Несомненно, что в соответствии с позицией Герцена Александр Александрович уже после смерти отца будет решительно возражать против привлечения Таты к "нечаевским" делам[34]. Это подтверждает и его решительная позиция в вопросе о необходимости скорейшей публикации писем "К старому товарищу" в "Сборнике посмертных статей Герцена", а также собственного перевода на французский язык этого произведения (приложением к книге "С того берега")[35]. Поторопиться с этими публикациями А.А. Герцена побудило письмо Нечаева от имени несуществовавшей "Народной расправы"[36]. К этому эпизоду, как мы полагаем, относится публикуемая в настоящем разделе записка А.А. Герцена к С. Тхоржевскому от марта или июня 1870 г.

В конце 1863 г. А.А. Герцен принимает решение обосноваться во Флоренции и вскоре становится сотрудником лаборатории физиологических исследований Спеколы – центра естественных наук Италии. Вначале он работает ассистентом известного физиолога М. Шиффа, который возглавлял одновременно кафедру физиологии в Институте высших наук при Спеколе. После отъезда Шиффа в Женеву А.А. Герцен в 1877 г. сменил его на этих постах. В сентябре 1869 г. ему было присвоено звание почетного профессора.

В 1881 г. Государственный совет швейцарского кантона Во пригласил А.А. Герцена возглавить кафедру физиологии в Высшей медицинской школе в Лозанне. В 1891 г., когда Лозаннская Академия была преобразована в университет, он принял участие в организации в нем медицинского факультета и руководил там кафедрой физиологии вплоть до своей кончины 24 августа 1906 г.

Как ученый-естествоиспытатель А.А. Герцен отличался широтой научных интересов. Важнейшие темы его исследований названы им самим в письме к Огареву от 22 сентября 1869 г. (см. ниже). Библиография его трудов, приведенная в посвященном его памяти номере "Revue Médicale de la Suisse Romande"[37], содержит работы, относящиеся к физиологии нервной системы животных и человека, физиологии пищеварения, физиологии высшей нервной деятельности ("психофизиологии"). В статье К. Пико (в указанном выше номере "Revue Médicale...") отмечено, что А.А. Герцен был ученым, выдвинувшим "много новых и оригинальных идей". Мы не располагаем работами, в которых содержался бы компетентный и обстоятельный анализ научных трудов А.А. Герцена в области физиологии. Однако представляется, что некоторые из них могли бы заинтересовать и современных ученых, не говоря уже об историках естествознания. Заслуживает внимания полемика А.А. Герцена и И.М. Сеченова по вопросам физиологии нервной деятельности (ср. А.А. Герцен. "Expériences sur les centres modérateurs de l'action reflex", Турин, 1864, и И.М. Сеченов. "О за-



А.А. ГЕРЦЕН
Фотография. 1880-е годы
Музей Герцена, Москва

держивающих рефлексы центрах" – "Медицинский вестник", № 42, 1864, отдельное издание – СПб, 1866 г.).

Наиболее глубокая из известных нам характеристик научных взглядов А.А. Герцена содержится в обращенном к нему "Письме о свободе воли" Герцена (см. XX, 438–443). Герцен имел в виду и дискуссии по этой проблеме во флорентийском кружке ученых, и уже вышедшую работу сына "Studio fisiologico sulla volontà" (Firenze, 1867).

А.А. Герцен не возвысился до уровня философии своего отца. Его труды, посвященные вопросам высшей нервной деятельности человека, как и философской проблеме свободы воли, остаются в сфере естественно-научного материализма. Этот вывод, по-видимому, можно отнести и к тем статьям "О применениях физиологического объяснения воли к социологии", которые А.А. Герцен называет в вышеупомянутом письме к Огареву от 22 сентября 1869 г.

Широкий резонанс имела научно-популяризаторская деятельность А.А. Герцена. Он был известен как блестящий лектор, одинаково легко говоривший на французском, итальянском, русском, английском и немецком языках. Дар лектора и популяризатора в своем сыне высоко ценил Герцен, присутствовавший на его лекциях во Флоренции. Об одной из таких лекций упоминает сам Александр Александрович и подробно рассказывает его сестра Тата в их совместном письме к Огареву от 12–13 января 1867 г. (см. ниже).

В пропаганде материализма и последовательном атеизме определенно сказались те традиции, в которых Герцен воспитывал сына, как и молодое поколение передовых людей России.

Это особенно выявили столкновения А.А. Герцена с политическими ретроградами и клерикальной партией в науке. Письма А.А. Герцена к Огареву, публикуемые в настоящем томе, дополняют известные нам прежде факты этой борьбы. Весной 1869 г. А.А. Герцен вступил в открытое столкновение с руководителем Спеколы Ф. Парлаторе, занявшим этот пост после смерти в 1868 г. известного итальянского физика и астронома, прогресивного политического деятеля К. Маттеучи. А.А. Герцен читал лекцию, направленную против Парлаторе.

Вместе со своим учителем М. Шиффом он защищал материалистические взгляды в борьбе с другим реакционером – сенатором Р. Ламбрускини. Конкретным поводом для столкновения была лекция А.А. Герцена "О родстве между человеком и обезьянами", прочитанная им 21 марта 1869 г., в которой поставленная проблема трактовалась в духе учения Дарвина.

Эта борьба А.А. Герцена, как и М. Шиффа, получила поддержку Герцена. В целях антиклерикальной пропаганды Александр Александрович вместе с Шиффом, Я. Молешотом и К. Фогтом пытался создать журнал позитивистского направления. Издание его не состоялось, но знаменательна готовность Герцена участвовать в таком журнале.

Герцен гордился выступлениями сына против клерикальной партии. Несомненно, что научные занятия, а затем научная деятельность А.А. Герцена, общение с ним Герцена и Огарева способствовали дальнейшему развитию их философских воззрений. Знаменитое письмо Герцена "О свободе воли" было результатом такого общения.

Как педагог А.А. Герцен, в духе просветительских и утопически-социалистических тра-

диций отца, интересовался прогрессивными методами образования и воспитания. Он посвятил специальную работу эксперименту Р. Оуэна в его школе в Нью-Ленарке[38].

На многие европейские языки была переведена французская брошюра А.А. Герцена "Наука и нравственность"[39].

В рассуждениях о физиологических основах нравственности А.А. Герцен остается в русле современного ему позитивизма. Однако заслуживает внимания трактовка им социального аспекта проблемы. Исходя из понимания человека как общественного существа, А.А. Герцен истолковывает нравственность как искусство соединения индивидуального и социального поведения со свойственными человеку эгоизмом и альтруизмом. Эгоизм вытекает из инстинкта сохранения индивидуума, а альтруизм – из инстинкта сохранения рода. Нельзя не отметить в этой работе и стремление к конкретно-историческому истолкованию нравственности как совокупности правил, которыми руководствуются в своем поведении люди. Правила эти различны в разные эпохи, но " с развитием цивилизации" имеют тенденцию стать всеобщими. В работе используются также понятия совести индивидуальной и корректирующей ее совести коллективной.

Традиция Герцена в этой работе наиболее ощутима в просветительском пафосе автора.

Еще в начале 1864 г., считая в дальнейшем невозможным для сына политическое поприще (XXVII, 425), Герцен указывает ему две области: естественные науки и "где случится, что-нибудь сделать для нашей русской пропаганды" (XXVII, 421).

В июне 1866 г. он обещает прислать во Флоренцию французский перевод своих статей "Из Петербурга" (XIX, 85–88), "Письмо к Александру II" (XIX, 81–82), с тем, чтобы сын "сунул" их в журналы и дал читать знакомым (XXVIII, 190).

Герцен продолжает оказывать влияние на сына своими работами и суждениями о политической обстановке в Европе и России, держит его в курсе своей полемики с Бакуниным по славянскому вопросу.

Из письма Огарева к А.А. Герцену нам известно, что последним, после его посещения Женевы в конце марта – середине апреля 1868 г., была написана не известная пока нам статья или корреспонденция о стачке строительных рабочих. По-видимому, и здесь играло роль влияние Герцена, пристально следившего в конце жизни за социальным движением[40].

Значительным политическим выступлением А.А. Герцена было его открытое письмо во французскую газету "Siècle" от 12 июня 1870 г. (опубликовано 19 июня), направленное против клеветнических выступлений К. Блинда в венской "Neue Freie Presse" от 9 февраля 1870 г., оскорблявших память его отца.

В письмах к А. Леви (от 25 марта, 22 и 28 апреля 1877 г.) А.А. Герцен обнаруживает широкую осведомленность в истории русского революционного движения[41]. В 1890 г. в Париже вышла брошюра А.А. Герцена о положении рабочих в России ("Peuple russe et son gouvernement").

О политических интересах А.А. Герцена, его внимании к внешней политике России свидетельствует и публикуемое ниже письмо его к русскому самодержцу Николаю II от 30 марта 1898 г.

В специальном выпуске "Revue Médicale", посвященном памяти А.А. Герцена (см. выше), К. Пико охарактеризовал его не только как заслуженного ученого, но и как человека высоких моральных достоинств.

Для характеристики А.А. Герцена, каким он был уже после смерти отца, большой интерес представляет его переписка с Огаревым. Ниже публикуются его письма к Огареву от 29 декабря 1874 г. и 24 декабря 1875 г. Свыше ста писем Огарева к А.А. Герцену напечатано в книге 1-й наст. тома).

А.А. был примерным семьянином, отцом большой семьи, вырастил десятерых детей[42], которых нежно любил и мудро воспитывал. Некоторые из них сделались крупными специалистами в разных областях науки.

Представляет интерес и публикуемая ниже "Объяснительная записка" ("Mémoire explicatif"), относящаяся, судя по пометке на ней рукой сына А.А. Герцена Николая, к 1897 или 1898 г.[43]. Мы узнаем из нее не только подробности о судьбе материального наследства Герцена, но, главное, об отношении к этому наследству его детей.

А.А. Герцен поступил в соответствии с завещанием своего отца, предложив разделить все наследство поровну (тогда как по швейцарским законам ему полагались две трети), позаботившись о том, чтобы не только сестры Тата и Ольга, но и Лиза получили равные доли. После смерти Лизы, вопреки пожеланию, высказанному ею в предсмертном письме[44], несмотря на материальные затруднения, испытываемые его многочисленным семейством, он разрешил сложившуюся ситуацию в пользу Таты и Ольги. При этом в "Записке" подчеркнуто, что Тата своей постоянной помощью брату фактически возвращала ему ту часть наследства отца,

которая была получена ею после смерти Лизы. Тата, как известно, выплачивала впоследствии и долю брата, предназначавшуюся для помощи Огареву.

"Записка" интересна и еще в одном отношении: подлинной буржуазной практичностью А.А. Герцен так и не овладел.

Потребности большой семьи вынуждали его изыскивать дополнительные средства к тем, которые он имел от своей преподавательской деятельности[5*], и процентов с капитала, полученного от отца. С этим связана организация им компании по переработке мяса на основе открытого им же способа консервирования (см. ниже комментарий к письму А.А. Герцена Огареву от 29 декабря 1874 г.)[45]. Такого рода деятельность вполне укладывалась в жизненные традиции европейских ученых. Коммерческими делами, например, занимался и К. Фогт. В свое время Герцен сам советовал сыну подумать о каком-нибудь практическом деле (см. XXIX, 258). Поначалу "дело" шло успешно. Однако, рассказывая в "Записке" о материальном положении своей семьи, А.А. Герцен признает свою "органическую неспособность вести дела". Он потерял крупную сумму на продаже виллы. Едва ли не к разорению семьи привела поездка в Новую Мексику (Пеко) сыновей Петра и Николая (вслед за Тутсом), привлеченных рекламой и надеявшихся разбогатеть. Все это вело к постоянному уменьшению основного капитала из наследства Герцена. Однако обстоятельство это по-своему плодотворно сказалось на воспитании внуков Герцена, который не раз говорил об отрицательных последствиях ренты для своих детей[46].

При альтернативе: получение наследства и сопряженный с ним отказ от получения высшего образования или образование за счет ликвидации оставшегося капитала, сыновья А.А. Герцена предпочли "капитал знаний". При этом они отказались в пользу сестер и матери от той доли наследства деда, которая могла им принадлежать. "Я их очень одобряю", – пишет А.А. Герцен. Здесь, по-видимому, были немаловажными пример отца, его отношение к собственным сестрам.

С особым чувством признательности отмечает А.А. Герцен в "Записке" экономию, энергию и самоотверженность своей жены.

Счастливая семейная жизнь А.А. Герцена опровергла многие из опасений отца относительно его женитьбы на Терезине Феличи. Об этом писала и Тучкова-Огарева: "Тут он становится неизменным другом Терезины и отцом и прекрасен в этой роли до конца"[47]. Это подтверждается и публикуемыми ниже письмами А.А. Герцена к Огареву, и письмами Н.А. Герцен, и ее Записками о женитьбе А.А. Герцена на Терезине и Н.А. Герцена на Рашели[48]. Письма и "Записки" Н.А. Герцен позволяют почувствовать ее глубокую привязанность к брату и его семье. "У каждого свое понятие о счастье... пусть он живет себе счастливо по-своему", – писала она отцу 22 марта 1868 г. В этом же письме она высказывает сомнение в справедливости желания отца, чтобы дом Саши стал домом его сестер. Сама она в доме брата была родным человеком. Что же касается Ольги, то здесь завет отца не был выполнен и по причинам, не зависевшим от А.А. Герцена: у нее сложилась собственная семья, а ее отдаление от родных было во многом предопределено влиянием М. Мейзенбуг. Судя по письму Александра Александровича к Огареву от 29 декабря 1874 г., его отношение к семье Моно было теплым (см. ниже). Но позиция Ольги в "денежном споре", возникшем в связи с наследством Лизы, не могла не оставить неприятного следа в душе брата. Спор этот был одним из самых больших огорчений в его жизни.

"Как оценить и взвесить долю, падающую на человека, и ту, которая падает на среду?" – писал Герцен в "Былом и думах", размышляя над судьбой одного из своих современников (X, 316).

Если поставить этот вопрос в отношении судьбы его собственного сына, то ответ будет тоже далеко не однозначным.

В личном "доля", падающая на человека, видится более явственно.

Документы, которыми мы располагали, позволили видеть человеческие качества А.А. Герцена в их сильных и слабых, светлых и теневых сторонах, по-разному отозвавшихся в жизни отца, жизни и судьбе других близких ему людей.

Общественная же судьба А.А. Герцена в бóльшей своей доле была обусловлена социально-исторически. Сначала спад революционного движения в России, а затем продолжающаяся вынужденная оторванность от родины не позволили сыну Герцена продолжить путь отца. И это безотносительно к его способностям и склонностям, к иному масштабу личности. Последнее, однако, тоже имело немаловажное значение. А.А. Герцен был, по сравнению со своим отцом и с Огаревым, обыкновенным человеком. Революционные ситуации активизируют дея-

---

5* Во Флоренции после отъезда М. Шиффа он получал 2000 фр. в год, а в Лозанне – 4000 фр.

тельность таких людей. Так произошло и с А.А. Герценом в период революционной ситуации в России, на коротком отрезке его общего с Герценом и Огаревым политического пути.

В его дальнейшей жизни мы наблюдаем несомненный след идейной и духовной близости с отцом и Огаревым.

Особенно важно отметить заслуги А.А. Герцена в публикации произведений и переписки его отца и Огарева, в согласии передать на родину их архивы (последнее, впрочем, могло быть тогда осуществлено лишь в малой мере)[49].

В начале 1890-х годов А.А. Герцен написал на французском языке (вероятно, заказанную ему) заметку об отце для какого-то французского, швейцарского или бельгийского энциклопедического справочника. Заметка эта проникнута глубоким уважением к Герцену, его общественно-политической деятельности и творчеству. Она имеет чисто фактографический характер, и публикация ее вряд ли была бы здесь целесообразна.

Свидетельством неутраченной связи А.А. Герцена с родиной является переезд в Россию одного из его сыновей – Петра Александровича (еще при жизни отца, в 1897 г.). Заслуги П.А. Герцена, выдающегося врача, возглавившего школу сначала русских, а затем советских хирургов-онкологов[50], позволяет связывать имена деда и внука "больше, чем узами родства[51].

Судьба сына явилась подтверждением и той мысли Герцена, что жизнь не всегда развивается в соответствии с самыми передовыми и прекрасными идеями и теориями. В отношении судьбы своей семьи Герцен не скрывал эту истину ни от себя, ни от детей. Какими бы горькими ни были выводы, у Герцена они всегда вливались в исторически плодотворные раздумья.

Усилия же, которые прилагал Герцен, стремясь воспитать в своих детях "новых людей", идеал общественного борца и гармоничной личности, постоянно одушевлявший его в воспитании сына, принадлежат к непреходящим идейным и нравственным ценностям.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Портрет работы неизвестного художника (1839). См. его воспроизведение в VIII (между с. 384 и 385).

[2] Аналогичные высказывания встречаются и в других сочинениях и письмах Герцена.

[3] См. письма Герцена к своей невестке Терезине в книге 1-й наст. тома.

[4] См. *Тучкова-Огарева*, 57.

[5] См. "Лит. наследство", т. 64, с. 295.

[6] См. выше, с. 275.

[7] Об этом празднике Герцен рассказывает в "Былом и думах" (см. X, 97).

[8] См. об этом в "Лит. наследстве", т. 62, с. 546–547.

[9] Герцен просит для Саши у М.К. Рейхель "Евгения Онегина" и еще "томик-другой" Пушкина. «Еще Пушкина для Саши – тот том, где "Арап Петра Великого" и еще повести»; лучшую новую грамматику русскую ⟨...⟩ и лексикон с русского; "Мертвые души" (XXV, 53, 66, 72, 78).

[10] См. об этом в "Лит. наследстве", т. 64, с. 540.

[11] См. там же, т. 96, с. 48–49.

[12] См. *Мейзенбуг*, 319.

[13] См. XXV, 159.

[14] "Лит. наследство", т. 64, с. 142.

[15] Там же, с. 184.

[16] Там же, с. 57.

[17] Книга вышла в Лондоне в 1862 г., в издательстве Н. Трюбнера.

[18] "Лит. наследство", т. 96, с. 87–175. См. также ниже письмо А.А. Герцена к отцу от 18 мая 1859 г.

[19] К. Фогт советовал также агрономический факультет.

[20] А.А. оставил очерк о своем путешествии – "Сквозь туман" (опубликован анонимно в "Северной пчеле" от 8 марта 1862 г.; см. также: "Una gita a Jan-Mayen" del d⟨ottore⟩ A.H. F⟨irenze⟩, 1870).

[21] См. "Лит. наследство", т. 41–42, с. 82; т. 96, с 369; *Проблемы...*, 507.

[22] См. К. Фогт. Путешествие на Север вдоль Норвежского берега на Нордкап и остров Ян-Майен и Исландию, предпринятое с мая по октябрь 1861 г. д⟨октором⟩ Георгом Бёрне в сопровождении К. Фогта, Г. Гассельгорста, А. Гросслиха, А. Герцена и описанное К. Фогтом. СПб., 1867.

[23] О переменах, происшедших с братом, Тата Герцен сообщила М.К. Рейхель: "Саша вдруг переменился с поездки в Heidelberg – он сделался совсем политическим человеком, втрое больше интересуется русскими делами и вместе с этим ужасно работает, пишет зоологию и два раза в неделю дает нам уроки естественных наук; единственная его мечта теперь – как можно скорее возвратиться в Россию" (XXVII, 212).

[24] См. "Лит. наследство", т. 96, с. 369–370.

[25] Там же, т. 63, с. 128.

[26] Там же, т. 96, с. 370.

[27] Там же, т. 63, с. 140.

[28] Там же, т. 96, с. 370.

[29] Там же, т. 63, с. 128–129.

[30] *ЛЖГ*, III, 474.

[31] См. "Лит. наследство", т. 96, с. 387.

[32] См. запись в дневнике А.П. Сусловой от 22 октября 1863 г. о впечатлении, произведенном на нее А.А. Герценом через полгода: "Это какой-то отчаявшийся юноша" ("Годы близости с Достоевским". М., 1928, с. 65).

[33] *Проблемы...*, с. 511–512.

[34] См. "Лит. наследство", т. 99, с. 413–546.

[35] Для "Сборника посмертных статей" А.А. Герцен написал предисловие, однако оно помещено не было.

[36] См. "Лит. наследство", т. 41–42, с. 163; т. 96, с. 554–555.

[37] 1906, № 9.

[38] "Roberto Owen e lo esperimento di New-Lanark". Firenze, 1870; 1871.

[39] Русское издание – СПб., 1896.

[40] См. "Лит. наследство", т. 64, с. 685–748.

[41] См. *Проблемы...*, 514–517.

[42] От Ш. Гётсон – Александр (Тутс, 1863–1933); от Т. Феличи – Владимир (1869–1945), Алексей (1870–1961), Петр (1871–1947), Ольга (1872–1922), Николай (1873–1929), Нерина (1874–1951), Уго (1875–1957), Нелла (1876–1956) и Эдуард (1877–1936).

[43] Фотокопия этого документа получена редакцией "Лит. наследства" из *BPUG* и передана на хранение в *РГБ*.

[44] См. *АО*, 214.

[45] А.А. и в дальнейшем продолжал заниматься исследованиями в этой области.

[46] Нельзя не упомянуть в этой связи и письмо А.А. к М.К. Рейхель от 3 апреля 1875 г.: "Я бы не желал, чтобы Тутс знал, что я и, следственно, он, может быть, сделается богатым; на меня это не может иметь дурного влияния, я слишком стар и своего житья-бытья не переменю; но на молодого это может очень дурно подействовать" (*РГБ*, ф. 69, 23, 35).

[47] См. выше раздел "Н.А. Тучкова-Огарева".

[48] Сокращенный русский перевод Л.Р. Ланского "Как женился сын Герцена" см. в его публикации: Неизданное... затерянное... забытое... (Из записной книжки литературоведа) // Наука и жизнь. 1974. № 10. С. 125–127.

[49] См. об этом в статье С.В. Житомирской "Судьба архива Герцена и Огарева" ("Лит. наследство", т. 96, с. 549–640).

[50] Имя П.А. Герцена присвоено Московскому онкологическому научно-исследовательскому институту.

[51] См. Б. Шубин и Ю. Грицман. Внук Искандера ("Советская Россия", 1983, 12 декабря).

ГЕРЦЕНУ И Н.А. ГЕРЦЕН (ЗАХАРЬИНОЙ)

Публикация Л.И. Матюшенко и И.М. Рудой

До недавнего времени известно было лишь одно письмо А.А. Герцена к отцу – от 8 марта 1863 г. (опубликовано в т. 63 "Литературного наследства" по перлюстрационной копии) – и две его телеграммы о болезни сестры Таты от 28 и 29 октября 1869 г. (там же, т. 41-42, с. 528; ср. *ЛЖГ* V, 274). Основная масса писем, вероятно, уничтожена самим А.А. Герценом или его наследниками.

Письма, случайно уцелевшие и включенные в настоящую публикацию, относятся к детству, отрочеству и университетской юности Саши Герцена.

В письмах 1846 г. можно наглядно видеть, как воспитывается в семилетнем Саше первое "направление ума и сердца", как рано складывается в нем серьезное отношение к окружающему и внимание к близким. Все домашние живут в этих письмах, даже девятимесячная Лиза, имя которой как будто добавлено позже – может быть, после напоминания матери. В этот круг включен слуга Лаврентий, привязанность к которому поощряется (в отличие от времени, когда сам Герцен был ребенком). Саша, видимо впервые, учится и культуре письма – точно указаны место написания и дата. Атмосфера дома Герцена, пронизанная гуманностью, ощущается в детских и отроческих письмах Саши.

Письма от 6–8 и 9 июля 1851 г. дополняют комментарий к главе "Былого и дум" о свидании Герцена с женой в Турине.

Характерно, что в рассказе о туринской встрече в "Былом и думах" не говорится о письмах сына. Это умолчание неотделимо от самой сути этой встречи. "Нам надобно было еще раз

одним всмотреться друг в друга, выжать друг другу кровь из ран, утереть слезы и, наконец, узнать окончательно, *есть ли* для нас общее счастие – и все это наедине, даже без детей...", – подчеркивает в "Былом и думах" Герцен (X, 272). Упоминание о переписке с детьми противоречило бы поэтическому образу "второго венчания". Однако "дети входили во все", они незримо присутствовали и во время туринской встречи.

Июльские письма Саши к матери уточняют дату этой встречи. Письмо его к отцу уточняет и дату письма к Саше самого Герцена от июня 1851 г.[6*] Из письма от 18 мая 1859 г. нам становится известно о герценовском собрании сатирических стихотворений "на случай". Наконец, выявляется факт опубликования в женевской периодике весной 1859 г. биографии Герцена.

Вскоре после отъезда сына из Англии в Швейцарию (1858) Герцен настоятельно просил его представить будущую программу занятий, подчеркивая, что Саше недостает классического образования, т.е. того общего очеловечения, которое именно и называется humaniora (XXVI, 211). "Я буду шаг за шагом следить за твоими занятиями", – писал ему Герцен (там же, 218). Озабоченный планом и программой занятий Саши, он высказывает свое неудовольствие отсутствием в письмах интересующих его сведений. "Ты ни разу не прислал мне дельного обзора преподавания у вас", – писал он 11 марта 1859 г. Он ждал письма, из которого был бы "виден объем преподавания" и "несколько деталей" (XXVI, 243). В том же письме Герцен обращает "особенное внимание" сына на минералогию и геологию, высказывает свое мнение о его предстоящем путешествии вместе с К. Фогтом в Ниццу (XXVI, 243).

Публикуемое письмо было долгожданным, но не удовлетворившим отца ответом. Герцен был недоволен программой занятий по существу и характером ее освещения. В своем ответе от 27 мая он высказывает принципиальное мнение относительно образования сына и его научных занятий. "Мой совет, – писал он, – общее образование по части естествоведения, самое пространное, предпослать медицине" (XXVI, 269). Существенны при этом и конкретные замечания о роли физики и общей химии. И в последующих письмах Герцен также развивает свои мысли о месте, которое в университетских занятиях сына должны занять физика и математика (см. XXVI, 317).

В публикуемом письме обращают на себя внимание и политические интересы А.А. Герцена: он задает вопросы по поводу выхода "Колокола", ожидает статьи отца о начавшейся войне между Францией, Италией и Австрией. Александр Александрович, очевидно, разделял взгляды Герцена на эту войну. С этой точки зрения интересен эпизод с сатирическими стихами в адрес австрийского правительства, которые он пересылает отцу. Неясно, почему Герцен в своем ответном письме не откликнулся на эти стихи. Возможно, они ему не понравились: грубость выражений не искупала отсутствия столь ценимого им подлинного остроумия.

Письма публикуются по ксерокопиям *ГИМ* с автографов *ИРЛИ* (дар Л. Риста – п. 1, 2 и 4); и по фотокопиям *РГБ* с автографов *BN* (п. 3) и *BPUG* (п. 5). Последнее впервые опубликовано М. Окутюрье в *AAH* (p. 293–294) без строк о вензеле.

1

Москва. ⟨2 октября 1846 г.⟩

Милой Папаша

Обнимаю тебя, мне без тебя скучна[1]. Коля Наташа и Лиза тебя обнимают мне ужасна хотелась рисавать но небыла ключа вчера

скожи Лаврентию что я — ему кланию.

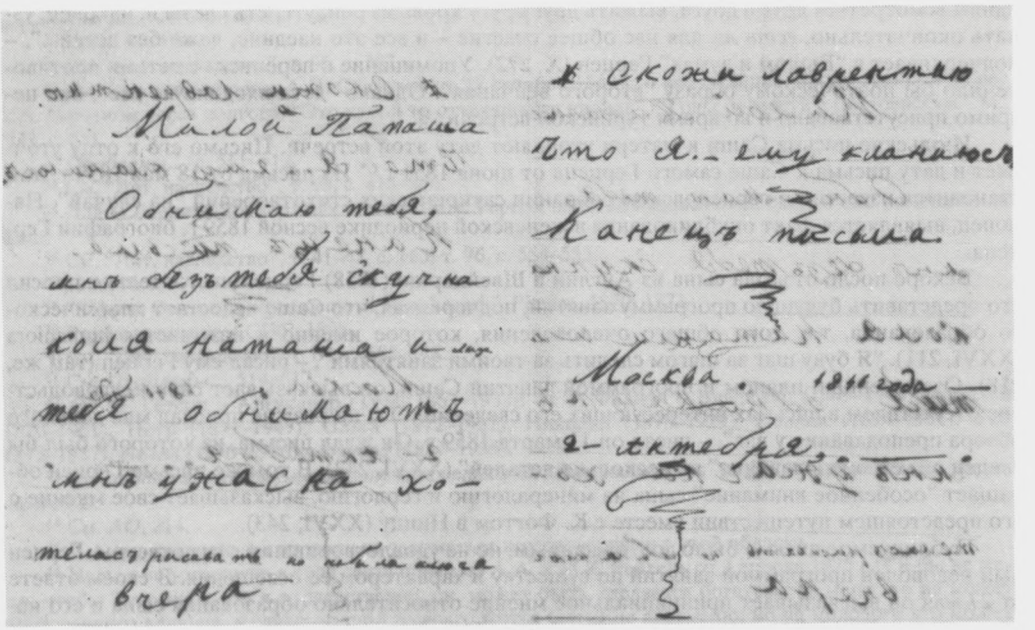
Канец письма.

Москва. 1846 года
2 Актября[2]

[1] Герцен впервые на Сашиной памяти покинул дом: 1 октября 1846 г. он уехал в Петербург. На следующий день, 2 октября, написано это письмо к отцу, Наталья Александровна под этим же числом писала Герцену (см. книгу 1-ю наст. тома).

[2] Герцен ответил письмом 4–5 октября (см. XXII, 237–258).

6* См. XXIV, 191 – здесь оно датируется 8–25 июня; написано ближе к 25 июня.



ПЕРВОЕ ПИСЬМО САШИ ГЕРЦЕНА ОТЦУ
Автограф. Москва, 2 октября 1846 г.
Литературный музей, Москва

2

⟨Москва. 10 октября 1846 г.⟩[1]

Милой Папаша

Мне не хочится не кокога гостинца а хочится книгу с картинками а татке с колкой па книжки. Мне карандаш.

ess-bouquet[7*],

А маме духов.

Кланийся Лаврентью.

А игрушечку вот как приедишь в Москву так дай мае ружё чтоп яго починили. Новой курок

Папе от Саши

очень хочится тебя увидить

Милому Папе

в санк Питирбурги

10 актебря
Горот Москва
1846 года

На 4-й странице рукой Н.А. Герцен:
Папе от Коли и от Саши

[1] Это письмо является ответом на письмо Герцена от 4–5 октября, где есть строки, обращенные прямо к сыну: "Приехали с Лаврентьем и ждем писем от тебя, напиши, какой гостинец прислать тебе, если не будешь шалить" (XXII, 258). Наталья Александровна в тот же день, что и Саша, 10 октября, писала: "Я не поправляю Сашины письма к тебе для того, чтобы не отравить ему удовольствие писать к тебе" (*РМ*, 1904, № 10, с. 37).

[7*] Название духов вписано рукой Н.А. Герцен. – *Ред.*

3

⟨Ницца. 6–8 июля 1851 г.⟩[1]

Милый папа!

Я посылаю тебе с мамашей маленький цветок, который я один нарисовал[2].

Мне очень жаль, что мама не берет меня с собою, но я уверен, что вы скоро приедете[3].

С тех пор, как ты мне писал о телеграфе[4], мне только об нем и снится.

Наша прогулка с Пачелли была очень весела: мы на горе ели яичницу и видели его девочку, она очень мила, но далека иметь силу Ольги.

Вчера человек утопился в море: он очень много ел и пил до опьянения, после пошел купаться и поплыл очень далеко, ему сделалось дурно, и он пошел на дно.

Колья, Шпильман, Луиза[5] и бабушка в Монако.

Целую тебя, будь здоров.

[1] Письмо могло быть написано как утром 8 июля, так и накануне, т.е. 7 или даже 6 июля 1851 г. (первоначально Н.А. Герцен собиралась выехать для встречи с мужем в Турин 7 числа – см. *Л* VI, 422 и "Лит. наследство", т. 63, с. 408).

[2] Рисунок не сохранился. Возможно, это и есть забытая Н.А. Герцен "картинка", о которой Саша писал матери 9 июля (см. след. письмо).

[3] Н.А. Герцен выехала в Турин 8 июля и вернулась в Ниццу вместе с Герценом 15 (или 16) июля.

[4] О покупке Герценом для сына игрушечного телеграфа см. XXIV, 191 и 196.

[5] Луиза Суццер, племянница Л.И. Гааг.

4

⟨Ницца. 9 июля 1851 г.⟩. Середа[1]

Милая Мама!

Когда я сегодня утром встал, то я все что-то чувствовал, как будто у меня что-нибудь недоставало, и, входя в спальню, чтоб видеть, которой час, я увидел Александру Християновну, и мне так сделалось скучно, что и молоко показалось горьким!!![2]

Как это мне жаль, что ты забыла мою картинку для папе, ее прислать нельзя.

Мы получили письмо от Папе и послали его бабушки[3].

Целую Папу и тебя; в будущем письмо будет больше; сегодня у меня нет ничего больше.

Не скучай, милая Мама, будь весела!

Целую еще.

Твой С а ш а

[1] Датируется по содержанию письма, написанного после отъезда Н.А. Герцен из Ниццы в Турин. Наталья Александровна выехала накануне – 8 июля, а не 7 (ср. *ЛЖГ* II, 40 и *Л* VI, 422). 9 июля приходилось именно на среду. Ее ответ от 11 июля см. в кн. 1-й наст. тома.

[2] Дети Герцена остались на попечении А.Х. и В.А. Энгельсонов.

[3] Письмо Герцена к Л.И. Гааг неизвестно.

5

18 мая 1859 г. Берн[1]

Любезный папа,

Вот тебе, наконец, давно обещанный програм занятий[2]: лекций шесть в день, т.е. 6 часов, а предметов 5: Wissenschaftlich Botanik, Geologie, Physiologie, Embryologie и Pharmazeutische Chemie[8*]. Физиология два часа в день. Я хотел тоже слушать патологию, но устроено так, что она читается 3 раза в неделю в одно время с геологией и

[8*] Научная ботаника, геология, физиология, эмбриология и фармацевтическая химия (*нем.* и *франц.*).

три раза в одно время с физиологией; и так я был принужден оставить ее до следующего семестра. Занятия идут своим путем – хорошо.

Вот мой план на будущее. Все те, которые хотят практиковать в Берне или в кантоне, должны держать три экзамена: 1. Maturitäts Examen[9*], где требуется: латинский язык, греческий, арифметика, геометрия, география, история; 2. Propedeutische Ex⟨amen⟩[10*], где требуется: анатомия, физиология, физика, химия, ботаника, зоология, минералогия, словом все части естественных наук; и, наконец, Doktore Ex⟨amen⟩[11*], последний. Но для меня, так как я никогда не буду практиковать в Берне, мне второго экзамена не нужно; я бы не мог его держать – не по недостатку сведений, а потому, что требуется сертификат от первого – а я его не делал. Итак, je le considère comme non-avenu[12*3], все, что нужно знать, я знаю, и могу со следующего семестра начать практический курс медицины. Мне предстоит только один экзамен: последний. После него, коли мне вздумается практиковать где-нибудь в Швейцарии, то мне надо будет выдерживать кантональный Staats Ex⟨amen⟩[13*].

Так вот мой план: я хочу продолжать здесь до доктората; после этого мне непременно надобно в Париж для естественных наук или куда-нибудь, где материалы во всех частях полны[4].

Что же делает "Колокол" со статьей об войне? Я его очень нетерпеливо ожидаю[5]. А, кстати, я нашел маленькую штучку, которую ты можешь прибавить в твое собрание à propos[14*] стихотворений. Австрийское правительство требовало emprunt forcé[15*] деньгами и выдавало только бумаги. Раз нашли где-то под австрийским орлом:

Doppeladler, Wundertier,
Frisst Dukaten, *schleisst* Papier[16*].

На это правительство публиковало, что даст пятьсот T⟨aler⟩ тому, который выдаст автора. На следующий день явилось на стене:

Eh'ich dir den Namen sage:
Antwort'mir auf meine Frage:
Zahlst du wie der Alder speisst
Oder wie der Adler schleisst?[17*]

Ceci mit fin à toutes publications ultérieures de la part du gouvernement[18*].

Вот анекдотик à la Kaufmann[19*] [6].
Нового ничего нету.

Знаешь, что Domengë получил превосходное место? Он редактор du *National Suisse* – одного из самых радикальных журналов – и уже подписал контракт на четыре года в 4000 фр. в год.

Здесь недавно была твоя биография в журналах, из "Konversationslexicon".

Деньги я получил от Фогта[7], очень благодарю за прибавочку – она облегчает путешествие в Ниццу[8]. А как устроимся с 200-ми от Висконти?[9]

Целую вас всех. Прощай.

С а ш а

9* Экзамен на аттестат зрелости (*нем.*).
10*Пропедевтический экз⟨амен⟩ (*нем.*).
11* Доктор⟨ский⟩ экз⟨амен⟩ (*лат.*).
12* я его считаю ненужным (*франц.*).
13* Государственный экз⟨амен⟩(*нем.*).
14* на случай (*франц.*).
15* принудительный заем (*франц.*).
16* Двуглавый орел, чудо-животное,
Жрет дукаты, *гадит* бумагой (*нем.*).
17* Прежде чем я скажу тебе имя,
Ответь на мой вопрос:
Как ты будешь платить: тем, что орел жрет,
Или тем, чем орел гадит? (*нем.*).
18* Это положило конец всем дальнейшим публикациям со стороны правительства (*франц.*).
19* в духе Кауфмана (*франц.*).

Этот вензель[10*] мы употребляем между собой, он значит: "Conventus Fratrum Neo-Zofingiorum vivat, crescat, floreat!"[10*].

[1] А.А. поступил в Бернский университет в октябре 1858 г. (занятия начались 3 ноября); окончил его весной 1861 г. со степенью доктора медицины.

[2] Медицину А.А. изучал под руководством Ф.-В. Фогта, отца К. Фогта, а также, по-видимому, М. Шиффа. Ср. вступительную статью к наст. публикации.

[3] Герцен считал этот курс преждевременным (см. XXVI, 268).

[4] Мнение Герцена о дальнейшем образовании сына, в том числе о возможной поездке в Париж, см. в его ответном письме от 27 мая (XXVI, 268).

[5] "Статья моя *об войне* уже набрана", – писал Герцен 19 мая 1859 г. (XXVI, 267). – Статья "Война" была опубликована в л. 44 "Колокола" от 1 июня 1859 г. (см. XIV, 98–104), впоследствии вошла в цикл "Война и мир" (XIV, 97–115). В этой статье Герцен высказывал свою позицию по отношению к войне между Францией, Италией и Австрией. В письме к сыну от 27 мая он подчеркивал, что "надобно пользоваться этой войной для разрушения Австрии, не делаясь бонапартистом" (XXVI, 269).

[6] Кауфман и М. Шлезингер сначала в Париже, а затем в Лондоне издавали "Lithographische Korrespondenz" (своеобразные бюллетени для печати – ср. XXVI, 260). Кауфман, которого Герцен в "Былом и думах" называет своим приятелем (см. XI, 423), бывал в их доме. О нем и его корреспонденциях нередко упоминается в переписке Герцена 1857–1859 гг. А.А. был лично знаком с Кауфманом (см. XXX, 828) и мог не только читать, но и слышать от него политические анекдоты, в духе которых, выдержаны, по его мнению, посылаемые отцу стихи. Интересно, что Герцен также ссылался на остроты Кауфмана (см. XXVII, 512).

[7] К. Фогт прислал деньги в счет своего долга Герцену (см. XXVI, 260 и "Лит. наследство", т. 96, с. 167).

[8] По-видимому, речь идет об очередной экскурсии вместе с К. Фогтом (ср. XXVI, 246).

[9] Висконти в Ницце продавал издания Вольной русской типографии. Очевидно, Герцен рекомендовал ему получить у него какую-то сумму (см. XXVI, 243, 265).

[10] Расшифровка вензеля ("Да здравствует, растет, процветает союз братьев новозофингенцев" – *лат.*) позволяет предполагать принадлежность А.А. к одной из студенческих корпораций, по-видимому, имевшей отношение к расположенному невдалеке от Берна местечку Zofingue. Отмечу, что А.А., очевидно, не придал значения отрицательному отношению отца к "студенческим комершам и ассоциациям". ("Тут живого нет ничего", – писал Герцен 10 ноября 1858 г. – XXVI, 221). "Не теряй времени на студентские приемы, посвящения", – повторяет он в письме от 17 ноября того же года (там же, 223).

А.А. ТУЧКОВУ

Публикация И.Г. П т у ш к и н о й

С Алексеем Алексеевичем *Тучковым* (1800–1878), членом тайных декабристских обществ, соседом Огарева по пензенскому имению, отцом Н.А. Тучковой-Огаревой, Саша Герцен, вероятно, был знаком с детских лет. Несколько месяцев в 1848 г. Герцены (в том числе и Саша) жили с Тучковыми в Италии и Франции как бы одной семьей.

В 1857 г. Тучков приехал в Англию, чтобы повидаться с дочерью и со своим зятем Огаревым. В дом Герценов в Путнее приехал не чужой, а свой, близкий человек. Публикуемое письмо является несомненным свидетельством этой близости и как бы иллюстрирует слова Герцена, написанные в Париж вскоре после отъезда Тучкова из Англии – перед возвращением в Россию: "Благодарю вас душевно за всю дружбу и любовь не только ко мне – но и ко всем детям" (XXVI, 111).

И дело здесь не только в том, что Тучков занимался с сыном Герцена математикой. Главное, что это был друг Огарева, человек из России. Характерно выразившееся в письме настроение восемнадцатилетнего Саши: "Как бы я желал быть снова с вами, и особенно пожить с вами в России. Надеюсь, что это время еще придет когда-нибудь!"

Можно в известной мере считать это следствием рассказов Тучкова о родине.

Отголосок бесед Тучкова с детьми Герцена слышится и в письме Н.А. Тучковой-Огаревой к родителям о Саше и его сестрах. "Дети только и бредят Россией..." (*ЛЖГ* II, 384). Герцен очень дорожил каждой возможностью действенно воспитывать в детях любовь к родине, и настоящее письмо – выразительный штрих, свидетельствующий о том, как эта любовь воспитывалась.

Теплое чувство к Тучкову навсегда сохранилось в душе А.А. Герцена. В январе 1876 г., уже после трагической гибели сестры Лизы, он охарактеризовал Тучкова как "милого, дорогого, святого старика". "Скажи ему, – писал Александр Александрович Тучковой-Огаревой, – как я его глубоко люблю и уважаю" (*АО*, 226).

Письмо печатается по автографу *РГАЛИ*, ф. 498, оп. 1, ед. хр. 28, л. 1–1 об.

[20*] В тексте рисунок вензеля с латинскими заглавными буквами C, F, N и строчными v, c, f.

⟨Путней. 25 июля 1857 г.⟩[1]

Любезный Алексей Алексеевич,

Я уже не завидую вам в том, что вы в Париже, оттого что, по вашим письмам, там не так хорошо, как я думал. Но я все-таки храню зависть за то, что вы едете в Россию[2]. Как бы я желал быть снова с вами, и особенно пожить с вами в России. Надеюсь, что это время еще придет когда-нибудь!

С вашего отъезда я время провел довольно печально, мне все нездоровилось; наконец теперь я выздоравливаю.

Одна вещь только меня обрадовала, это ваша машинка для визитных карточек. Она печатает отлично, и вместо подписи я сегодня напечатаю свое имя ею.

Как мне жалко, что я не могу более брать уроков математики у вас! Я думаю, что с вами я бы скоро полюбил эту науку, оттого что вы преподаете ее совершенно другим образом, как ⟨!⟩ все профессора.

Погода здесь дурна; ветрено, жарко и тяжело.

Сегодня у нас обед: двое соотечественников и г-жа Meysenbug[3].

Прощайте, целую вас сто раз.

Печатаю пол-имени.

Alexandre

[1] Датируется по непосредственной связи с письмом Герцена к Мальвиде Мейзенбуг от 23 июля 1857 г., в котором он сообщал, что "Алекс⟨андр⟩ нездоров", и спрашивал, не придет ли Мейзенбуг обедать к ним в субботу (которая приходилась на 25 июля). Ср. сообщение Саши: "Сегодня у нас обед: двое соотечественников и г-жа Meysenbug".

[2] А.А. Тучков приехал в Путней около 24 июня и уехал оттуда 18 июля (см. *ЛЖГ*, II, 349, 355). Возвращаясь в Россию, он некоторое время провел в Париже, куда и адресовано публикуемое письмо.

[3] Письмо позволяет установить, что обед, на который Герценом приглашена была Мейзенбуг 23 июля, состоялся (Саша, очевидно, не называет приглашенных по имени из конспиративных соображений. Первый – вероятно, один молодой русский, по словам Герцена, "из новых". ("Мы – старая гвардия, они – представители завтрашнего дня " – XXVI, 108.) Второй (также предположительно) – К.-К. Гофман, профессор Гейдельбергского университета (знакомый брата Мальвиды Мейзенбуг), с которым Герцен встречался еще в Москве. Гофман преподавал в Московском университете в 1840-х годах древнегреческую словесность.

ТАТЕ И ОЛЬГЕ ГЕРЦЕН

Публикация Л.И. Матюшенко и И.М. Рудой

После смерти жены, в условиях эмиграции, в атмосфере все усложнявшихся взаимоотношений с Тучковой-Огаревой, Герцен возлагал на сына большие надежды в соединении семьи. Об этом говорится в письме к сыну от 1 января 1859 г. (книга 1-я наст. тома). Эта тема – одна из важнейших в переписке Герцена с сыном на протяжении 1858–1869 гг., вплоть до последних дней его жизни. Герцен очень большое значение придавал переписке сына с сестрами, с юношеских лет воспитывал в нем заботу о них. Характерно, что именно в связи с отношением Саши к сестрам Герцен разъясняет: "Внимание выражает деятельную любовь" (XXVI, 203). Герцен воспитывает в сыне мужественность и широкую гуманность (см. XXVII, 24). Нередко все письма Саши к сестрам в какой-то мере оцениваются отцом. Следует сказать, что некоторые из известных нам писем и приписок позволяют видеть насколько значительна была роль брата в сохранении у девочек памяти о матери, роль связующего звена в семейных отношениях. Однако чаще Герцен высказывает неудовлетворенность сыном. И хотя упреки были порой несправедливы, опасения Герцена, что со времени женитьбы его сын отдалится от сестер, во многом оправдались. Преподавательская и научная деятельность, заботы о собственной многочисленной семье, в известной мере даже само семейное счастье притупили его внимание к сестре в период общения Таты с Пенизи. Брату не удалось предотвратить и отдаление Ольги. Через несколько лет в его доме трагически прервалась жизнь его младшей сестры Лизы.

Теснее всего А.А. Герцен был связан со старшей сестрой. Во многом это зависело от самой Таты, в характере которой Огарев находил много общего с матерью (см. XXVII, 517). По свидетельству Тучковой-Огаревой, Тата очень тосковала после отъезда брата в Швейцарию (*Тучкова-Огарева*, 136). Известные нам обращения Н.А. Герцен к Александру Александровичу всегда исполнены сердечности, сестринской нежности и теплоты. Она живо интересовалась научной деятельностью брата, читала его работы, следила за его полемикой с клерикальной партией. Именно Тата проницательнее всех родных поняла будущую жену А.А. Герцена Терезину Феличи. Глубокая, сердечная привязанность Натальи Александровны к семье брата не ослабела и после смерти отца, она всегда была в этой семье родным человеком. Дошедший до нас документ, в котором А.А. Герцен рассказывает о наследстве отца и финансовом положении своей семьи (см. ниже), позволяет увидеть, как благородно вела себя Н.А. Герцен в этих вопросах и как существенна была ее материальная помощь семье брата.

Письма к сестрам по-новому характеризуют и Александра Александровича. В отличие от его писем к отцу и даже к Огареву, в письмах к сестрам, а особенно к Тате, он более открыт, более свободен в своих высказываниях.

Письма 1863 г. особенно значительны для характеристики революционной деятельности А.А. Герцена. Письма, помеченные 1863 г. – мартом и 4 апреля, написаны им непосредственно после поездок по делам, связанным с польским восстанием 1863 г., в качестве заграничного агента "Земли и воли".

Отношение А.А. Герцена к польскому восстанию формировалось под влиянием взглядов Герцена и Огарева. В первом письме интересно упоминание о пятичасовом споре в доме С.Л. Левицкого – о Польше и России, который сын Герцена вел с энергией и темпераментом. О содержании спора можно получить представление благодаря письму Александра Александровича к сестрам и М. Мейзенбуг, написанному накануне поездки в Париж, 5 марта (XXVII, 295), и особенно по письму А.А. Герцена к самому С.Л. Левицкому от 18 апреля (см. ниже).

Об этих поездках Герцена-сына в марте-апреле было известно и ранее (см. XXVII, 304). Но становится ясно, что А.А. Герцен ездил не только в Париж, но и в города По и Бордо. Содержание писем, естественно, не позволяет установить, с какими именно поручениями он был отправлен.

Письма 1–3 публикуются по ксерокопиям *ГЛМ* с автографов *ИРЛИ* (дар Л. Риста); п. 4 и 5 – по копиям *РГБ* с автографов *BN*. В п. 3 приписка Герцена.

1

⟨Лондон. Между 11 и 24⟩ марта 1863 г.[1]

Милая Тата, перед отъездом из Парижа я провел очень приятный вечер у Левицких. Он со мною спорил об Польше и России от 6-ти часов до 11-ти. Петрофуф[2] выражал то радость, то злобу своим самодовольным кряхтением; m-me L⟨évitsky⟩ и Флиночка[3] слушали обе стороны, не сводя глаз с нас, и, кажется, сочувствовали гораздо более мне. Флиночка вообще развивается очень быстро, умнеет и хорошеет. Рафа так же молчит; близнецы так же смешны[4]. Серг⟨ей⟩ Львович сделал очень милое открытие, lanternes magiques[21*], так устроенные, что портрет (фотографический), который он отражает на стену, меняет выражение лица: то сердится, то хохочет, то плачет, то зевает, и т.д. – это как-то отталкивающе привлекательно[5].

Здешних веселий я не видел, в субботу был в Париже; во вторник приехал на Victoria av⟨enue⟩ в начале иллюминации, но отправился домой и лег отдохнуть, покуда никого дома не было, а потом голова была полна другим. – Обнимаю вас.

Синк

[1] Датируется по содержанию: А.А. пишет, что "в субботу", т.е. 7 марта, он "был в Париже", вернулся "во вторник", 10 числа, в день иллюминации по случаю приезда в Лондон датской принцессы, невесты принца Уэльского. Об этих торжествах пишет и Герцен (см. XXVII, 296–297).

[21*] волшебные фонари (*франц.*).

[2] *Петрофуф* – П.А. Захарьин, брат жены Герцена, в эти годы помощник С.Л. Левицкого.
[3] *m-me Lévitsky* – Анна Антоновна, жена Левицкого; *Флиночка* – дочь С.Л. и А.А. Левицких, Полина.
[4] *Близнецы* – сыновья Левицких, Владимир и Лев.
[5] В 1858 г. Левицкий открыл в Париже свое фотографическое ателье, считавшееся одним из лучших в Европе. См. о нем: С.Л. Л е в и ц к и й. Из воспоминаний старого фотографа ("Фотографический ежегодник", 1892, с. 175–189); С. М о р о з о в. Первые русские фотографы-художники. М., 1952, с. 13–20; А.А. С ы р о в. Путь фотоаппарата. М., 1954, с. 12.

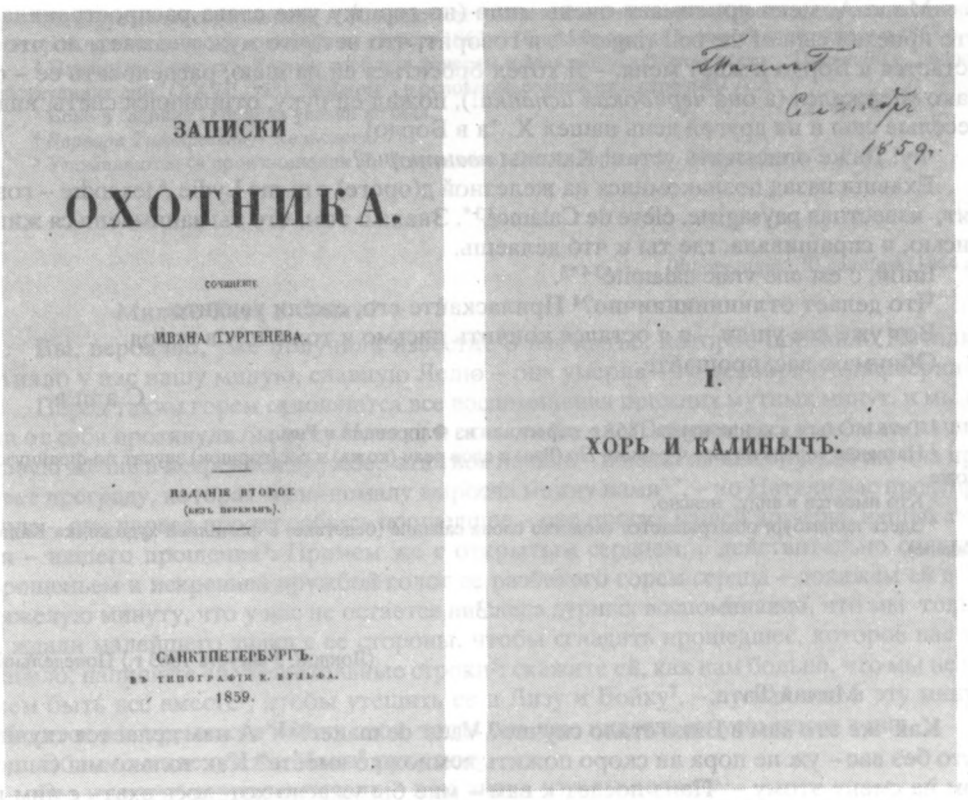
4-го апр⟨еля⟩ 63. Лондон

Милая Тата,

Вот я опять ездил на континент и был еще ближе к вам – но вас не догонишь – вы всё дальше и дальше[1]. Ездил я в городок в Южной Франции повидаться с одним господином; городок же сей называется, смотря по тому, как кто переводит, кожей или горшком[2], и вот что со мной там было. Сидел я 22 часа в вагоне, приезжаю и отправляюсь прямо по адресу, данному мне к моему господину (Say X.); искал, искал, и что же? вижу, что мой 14-й нумер вовсе не дом – а сарай, где живут вовсе не люди – а сено с мышами. Спросил в 13-м, спросил в 15-м – не знают X.'а. Старичок лет 65-ти, мужичок, приблизился и, узнав, чтó я ищу, – повел меня в несколько домов справляться, – не знают. Наконец, старичок предложил мне идти в bureau[22*], где записаны все иностранцы. Нету имени X.'а, но зато я вспомнил, что он знаком с каким-то A., и отыскал имя и адрес m-me A. Старичок меня туда свел, я вхожу, извиняюсь, говорю, что вот ищу X.'а, приятеля... M-me A. говорит, что никогда не слыхала об нем, – оказывается, что это другая m-me A. = и что настоящей m-me A. в горшке вовсе нет. Старичок свел меня в Главный почтамт. Там, наконец, объяснили, что, во-первых, нумера переменены, а, во-вторых, X. переехал туда-то. Ну, слава богу, подумал я – наконец-то! Старичок меня свел и туда; прихожу, звоню, спрашиваю X.'а – мне говорят: "Да, он здесь живет, но уехал..." – "Когда?" – "Вчера". – "Куда?" – "Не знаем". "Надолго?" – "На неделю". Тут меня поразила страшная мысль, что покуда я *сидел* к нему из Парижа (22 часа!), он *сидел* в Париже... Старичок меня свел в Телеграф. Я отправил депешу к знакомому X.'а в Париже, требуя немедленного ответа – ответ пришел: X. n'a pas, que je sache, quitté[23*]горшок (т.е. не вылезал из кожи). Ночь – темнота. Старичок меня свел в гостиницу и даже нес мой недочемоданчик. – Только и оставалось лечь спать. Коль скоро я взял комнату в отеле, старичок мне говорит: "Beng al hongsoir, moungsion"[24*]. А я ему: "Погодите же, ведь я вам еще не заплатил", а он мне: "Ma esque, moungsiou pense que j'abia fait ça pour d'l'argent?"[25*] Je vous laisse à penser comme j'étais foudroyé, habitué que je suis aux Anglais!"[26*] Я ему предлагал со мной ужинать – бутылку вина выпить – он ничего не принял и ушел... Каков старичок-мужичок?

На другой день я опять отправился на квартиру X.'а узнать, не слыхали ли чего-нибудь о нем... ничего! Наконец, хозяйка говорит: "Да были ли вы у m-r B.?" – "Нет". – "Он очень близок с m-r X. – особенно муж старшей дочери m-r B." – соотечественник и большой друг m-r X.". "А как его зовут? – M-r A.". – Тут я догадался, что это-то и есть настоящий *A.*, которого я искал... Я бросился к нему... "M-r et m-me A. sont partis". – "Comment? et m-r X. avec eux?" – "Oui". – "Où sont-ils? – "Nous ne savons pas". – "Et m-r B.?!" – "Il est chez lui". – "Demandez-lui où ils sont et leur adresse; il doit savoir..." – "M-r B. fait dire qu'ils sont à Bordeaux, mais il ne sait pas leur adresse. Voici, pourtant, l'adresse de leur banquier à Bordeaux qui saura la leur"[27*].

[22*] контору (*франц.*)
[23*] X., насколько мне известно, не покидал (*франц.*).
[24*] доброго вечера, сударь (*местный диалект франц. с испанскими вкраплениями*).
[25*] Но разве господин полагает, что я делал все это из-за денег?" (*то же*).
[26*] Я предоставляю вам поразмыслить, как я был потрясен, поскольку привык к англичанам" (*франц.*).
[27*] "Г-н и г-жа A. уехали". – "Как? и г.X. с ними?". – "Да". – "Где они?" – "Мы не знаем". – "И г.Б?!" – "Он у себя". – "Спросите его, где они и их адрес; он должен знать..." – "Г-н Б. велит сказать, что они в Бордо, но он не знает их адреса; вот, однако, адрес их банкира в Бордо, которому будет известен их адрес (*франц.*).


ЗАПИСКИ

ОХОТНИКА.

СОЧИНЕНІЕ

ИВАНА ТУРГЕНЕВА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ
(безъ перемѣнъ).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ К. ВУЛЬФА.
1859.

Тате
Сентябрь
1859.

I.

ХОРЬ И КАЛИНЫЧЪ.

ЭКЗЕМПЛЯР ВТОРОГО ИЗДАНИЯ "ЗАПИСОК ОХОТНИКА" И.С. ТУРГЕНЕВА (СПб., 1859), ПОДАРЕННЫЙ А.А. ГЕРЦЕНОМ СЕСТРЕ ТАТЕ

Титульный лист и один из форзацев с дарственной надписью А.А. Герцена: "Тате Г. Сентябрь 1859 г."

Музей Герцена, Москва

Бросаюсь в телеграф... Требую ответа... Получаю, наконец, депешу от самого Х.'а с его адресом. Бросаюсь на железную дорогу, опаздываю на поезд, телеграфирую (уже с радости): "Ждите – завтра приеду". Надо было опять ночевать. Что же мне вечером делать? Зайду к m-r B. – "M-r B. est sorti". – "Où est-il allé?" – "Au chemin-de-fer". – "Pour quoi?". – "Pour recevoir m-me A., qui revient ce soir". – "Comment? et m-r X. avec elle?" – "Probablement – puisqu'ils sont partis ensemble, ils reviendront ensemble"[28*]. Ну вот счастие, что я опоздал на поезд! Вот было бы *забавно*, если б я уехал!

Через час:

"M-r B. est-il de retour?" – "Oui". – "Et m-me A.?". – "Egalement". – "Et les messieurs?" – "Qui ça?". – "M-r A. et m-r X.". – "Ils sont restés à Bordeaux". – "Pour longtemps?" – "Eh non, monsieur, ils vont ce soir à Paris!" – "C'est impossible! Ce n'est pas vrai..."[29*] – кричу я... – "Mais si, monsieur, m-r A. s'en va dans son pays et m-r X. s'est decidé à l'accompagner jusqu'à Paris"[30*]

"Ну, коли так, – думаю я, – так я ж тебе задам тукманку в Париже, черт тебя побери – мерзавца!" – "Dites à m-me A. que je veux la voir"[31*].

28* "Г-н Б. вышел". – "Куда он пошел?" – "На железную дорогу". – "Зачем?" – "Чтобы встретить г-жу А., которая возвращается сегодня вечером". – "Как? и г.Х. с ней?" – "Вероятно – поскольку они уезжали вместе, они вернутся вместе" (*франц.*).

29* "Г-н Б. вернулся?" – "Да". – "А г-жа А.?" – "Тоже". – "И господа?" – "Какие господа?" – "Г-н А. и г.Х.". – "Они остались в Бордо". – Надолго? – "О нет, сударь, они уезжают сегодня вечером в Париж!" – "Это невозможно! Это неправда..." (*франц.*).

30* "Нет, правда, сударь, г.А. уезжает на родину, а г.Х. решил сопровождать его до Парижа" (*франц.*).

31* "Скажите г-же А., что я хочу ее видеть" (*франц.*).

M-me A. меня принимает очень мило (по горшку уже слава распространилась, что приехал сын of the bell-ringer[32*], и говорит, что нет, что муж уезжает, но что X. остается в Бордо и ждет меня. – Я хотел броситься ей на шею, расцеловать ее – однако удержался (а она *черноокая испанка*!), пожал ей руку, отправился спать, видел веселые сны и на другой день нашел X. 'а в Бордо!

Фу! Даже описывать устал! Каковы *авантюры*?

Ехавши назад познакомился на железной д⟨ороге⟩ с m-me Lydie Alexandre – говорят, известная paysagiste, élève de Calame[33*]. Знала о том, что ты занимаешься живописью, и спрашивала, где ты и что́ делаешь.

Enfin, c'est une vraie calamité[34*3].

Что делает отлиииииииично?[4] Приласкайте его, ежели увидите.

Вот уже все ушли – и я остался кончить письмо и тоже иду в город.

Обнимаю вас, прощайте.

С а ш а

[1] Тата и Ольга в конце марта 1863 г. переехали из Флоренции в Рим.

[2] Название города на юге Франции *По* (Pau) и слов peau (кожа) и pot (горшок) звучат по-французски схоже.

[3] Кто имеется в виду, неясно.

[4] Здесь каламбур: обыгрывается сходство слова calamité (бедствие) с фамилией художника Калама (Calame).

3

⟨Лондон, 3 августа 1863 г.⟩ Понедельник[1]

Милая Тата,

Как же это вам в Вико стало скучно? Vatts de matter?[35*] А нам делается скучновато без вас – уж не пора ли скоро пожить немножко вместе? Как только мы сыщем дом на смену этому – Папа поедет к вам – мне бы ужасно хотелось ехать с ним по многим причинам, да это вряд ли будет возможно... Но если вы останетесь до весны, то я приеду за вами, когда приблизится время вашего возвращения.

Miss Biggs, miss Caroline B⟨iggs⟩, miss Hilditch, miss Soulsby send their kindest regards[36*].

Вчера у нас был grand dîner à la belle étoile[37*2]. Боке рассказывал совершенно новый и оригинальный ряд воспоминаний о комбрейской жизни своего отца и матери[3], кн. Долгор⟨уков⟩ отращивал себе бороду, Варвара Тимоф⟨еевна⟩[4] курила, m-me Diosi удивлялась безобразию Варв⟨ары⟩ Тим⟨офеевны⟩ и своей собственной красоте; Тхоржевский говорил на всё: "Непременно zajee[38*], даю вам слово, это невозможно"... – стало, все было в порядке. – А под конец пришел Чернецкий и, уходя, сказал: "Adieu" и "прощайте".

С а ш а

Ольгу саловайн.

Мали руку пожимайн.

Miss Reeve покланивайс[5].

Рукой Герцена:

3 августа. Писем от вас нет. Мы все здоровы.

Прощайте.

[32*] звонаря (*англ.*).

[33*] пейзажистка, ученица Калама́ (*франц.*)

[34*] В сущности, это истинное бедствие (*франц.*).

[35*] В чем дело? (*искаж. англ.*: What is the matter?).

[36*] Мисс Биггз, мисс Каролина Б⟨иггз⟩, мисс Хилдич, мисс Солсби шлют им свои сердечнейшие приветы (*англ.*).

[37*] Торжественный обед с гостями под открытым небом (*франц.*).

[38*] заеду (*искаж. польск.* zajade).

[1] Датируется по содержанию: А.А. пишет сестрам в г. Вико на остров Корсику, где они находились со второй половины июля до середины августа 1863 г. Понедельник на 3 августа приходился в 1863 г.

[2] Накануне, 2 августа, Герцен сообщил дочерям и Мейзенбуг об этом обеде: "Посылаю ⟨...⟩ афишу действующих лиц" (XXVII, 358). "Афиша", в основном, совпадает с перечнем А.А.

[3] Боке в "афише" Герцена указан не был.

[4] *Варвара Тимофеевна* – Кельсиева.

[5] Упоминаются (в произношении Л. Чернецкого) Ольга Герцен, М. Мейзенбуг и Э. Рив.

4

⟨Флоренция.⟩ 10 декабря ⟨1864 г.⟩[1]

Милые Тата и Ольга!

Вы, вероятно, уже получили известие о несчастье, которое поразило Натали и отняло у нас нашу милую, славную Лелю – она умерла 4-го декабря от дифтерии[2].

Перед таким горем склоняются все воспоминания прежних мутных минут, и мы сами от себя протянули бы руку Натали и сказали бы ей: "Забудем все, что было, начнем новую жизнь в искренней дружбе: эта твоя печаль – и наша печаль, пускай же она прорвет преграду, которая мало-помалу выросла между нами[3]", – но Натали нас предупредила – она первая просит забыть прошедшее – она просит нашей дружбы, нашей любви – нашего прощения[4]. Примем же с открытым сердцем, с действительно сильным прощеньем и искренней дружбой голос ее разбитого горем сердца – докажем ей в эту тяжелую минуту, что у нас не остается ни следа дурных воспоминаний, что мы только и ждали малейшего знака с ее стороны, чтобы сгладить прошедшее, которое нас так давило; напишите ей утешительные строки[5]; скажите ей, как нам больно, что мы не можем быть все вместе[6], чтобы утешить ее и Лизу и Бойку[7], – пускай она в эту минуту убедится в искренности наших слов, тогда она уже никогда не усомнится в них.

Обнимаю вас обеих. Мали[8] руку жму.

Вы мне уже давно не писали – я не знаю, что вы делаете.

Я здоров и еще больше занят, чем когда-либо.

С а ш а

[1] Письмо адресовано в Рим, где Тата и Ольга находились вместе с Мейзенбуг с весны 1863 г. до конца мая 1865 г.

[2] О смерти своей дочери Лели Герцен сообщал старшим детям в письмах от 4 декабря 1854 г. (см. XXVII, 540).

[3] Ссора с Тучковой-Огаревой явилась одной из причин отъезда А.А. из Лондона во Флоренцию (см. XXVII, 522).

[4] Это письмо Тучковой-Огаревой неизвестно.

[5] Сохранился отклик Герцена на эти не дошедшие до нас письма. 8 января 1865 г. он писал Огареву: "Письмами Ольги и Таты я бесконечно доволен" (XXVIII, 11).

[6] 15 декабря 1864 г. Тучкова-Огарева с Лизой переехала из Парижа в Монпелье. Саша вместе с отцом приезжал к ней в начале января 1865 г.

[7] *Бойка* – мальчуган (*от англ.* boy) – второй из близнецов, Алексей, умерший вслед за сестрой (31 декабря).

[8] Уменьшительное имя М. Мейзенбуг.

5

⟨Флоренция.⟩ 22 ⟨февраля 1870 г.⟩[1]

Милая Тата!

Наши здоровья поправляются – я совсем здоров и дети тоже, – одна Терезина медлит. Но все же и ей лучше, и я думаю без неожиданных сюрпризов, ехать через 8 или 10 дней: скажи Гуго[2], чтобы он во всяком случае мне телеграфировал из Парижа тотчас после первого свидания с нотариусом, должен ли я немедленно ехать или могу еще остаться несколько дней. Смотря по его депеше и по здоровью Терезины, я или останусь еще здесь, или поеду прежде к вам, или поеду прямо в Париж и уж после остановлюсь у вас.

Priez Hugo de négocier pour vous le traîté de Satine[3]. Elle est de 2400 frs, donc 600 frs

pour chacun de nous; j'ai pris ces 600 frs ici sur l'argent commun; par conséquent, prenez chacune 600 frs, envoyez 600 frs à Olga[4] et ceux qui étaient à moi, donnez 500 à Ogareff pour le mois d'août et conservez 100 qui lui seront remis en septembre.

Hugo doit se souvenir dans ses arrangements avec monsieur ⟨le⟩ corr⟨espondant⟩ que nous avons encore à payer les 5000 frs à la commune de Châtel, avec interêt 5% depuis février 70, et 5000 frs à la maison Rothschild de London, si la maison de Paris ne les met pas en compte courant.

Sur tout le reste nous sommes d'accord[39*].

Итак, до свидания.

С а ш а

Ежели кому-нибудь хочется или нужно мне телеграфировать, то адрес просто: "Herzen, Bagni Lucca, Italie", qui en a, sans doute, besoin tout de suite[40*].

[1] Месяц и год определяются по содержанию (письмо написано через месяц после смерти Герцена). А.А. должен был приехать в Париж, чтобы включиться в дела по наследству; упоминаются деньги, завещанные Герценом Шательской общине, в Швейцарии, гражданином которой являлся; проценты с этой суммы начислялись с февраля 1870 г. Письмо адресовано в Женеву, куда в феврале 1870 г. переехали Тата с Тучковой-Огаревой и Лизой.

[2] Гуго Шифф вел наследственные дела Таты и Лизы, опекуном которых являлся, и находился, очевидно, в это время в Женеве – по дороге из Флоренции в Париж.

[3] Речь идет об одном из векселей Н.М. Сатина, присланных на имя Герцена в счет его долга.

[4] Ольга и Мейзенбуг находились в это время в Париже.

С.Л. ЛЕВИЦКОМУ

Публикация С.Д. Л и щ и н е р

В "амстердамской коллекции" сохранился черновой автограф письма А.А. Герцена из Лондона к его дяде (двоюродному брату Герцена) С.Л. Левицкому (Левицкий, 1819–1898), известному фотографу, жившему в Париже с 1859 до 1865 г. Письмо это написано 18 апреля 1863 г., в разгар польского восстания. В нем содержится существенный материал для понимания политических взглядов сына Герцена.

Известно, что в феврале 1863 г., во время пребывания в Лондоне члена ЦК "Земли и воли" А.А. Слепцова, сын Герцена вступил в это общество, взяв на себя обязанности его заграничного агента. 4 марта он отправился в Париж и Гейдельберг по делам общества, а 10 марта вернулся в Лондон, "исполнив все поручения", по свидетельству Герцена (XXVII, 295–297). Как можно заключить из письма Александра Александровича к отцу от 8 марта из Парижа, эти поручения были связаны, в частности, с помощью восставшей Польше и популяризацией деятельности "Земли и воли" во французской передовой прессе. Так, благодаря контактам А.А. Герцена с ее представителями в одной из парижских газет в эти дни было перепечатано письмо Герцена и Огарева к редактору "Morning Star" о слиянии "тайных кружков" в России в единое общество вместе с обращением ЦК "Земли и воли" о пожертвованиях (см. XVII, 54–55).

Посылая Герцену вырезку с этой публикацией, А.А. Герцен писал: "Польский вопрос двигаем вперед, и надежды много"; сообщал он и о намеченном деятелем польской эмиграции публицистом К.-Э. Хоецким "собрании на 14 марта" ("Лит. наследство", т. 63, с. 128[41*]). В донесении же агента III Отделения Ю.-А. Балашевича-Потоцкого от 9 марта присутствуют све-

---

[39*] Попросите Гуго договориться о переводе на вас векселя Сатина[3]. Он составляет 2400 фр., стало быть, по 600 фр. для каждого из нас; я взял эти 600 фр. здесь из общих денег; следовательно, возьмите каждая по 600 фр., пошлите 600 фр. Ольге[4], а из тех, которые были моими, дайте 500 Огареву за август месяц[5] и сохраните 100, которые ему будут вручены в сентябре.

Гуго должен помнить в своих сделках с господином корр⟨espондентом⟩, что нам предстоит еще заплатить 5000 фр. Шательской общине с уплатой 5%, начиная с февраля 70 г., и 5000 фр. лондонскому дому Ротшильда, если парижский дом не поместит их на текущий счет.

Во всем остальном мы согласны (*франц.*).

[40*] Герцену, Баньи-Лукка, Италия", у кого, несомненно, в этом срочная надобность (*франц.*).

[41*] Дата письма – в его перлюстрационной копии (Biblioteka Polskiej Akademii Nauk, Kraków; фотокопия *РГБ*).

дения о предшествовавшем "секретном собрании у Хоецкого, состоявшемся 6 марта, в котором участвовали. Герцен-сын и чех Фрич" (см. A. P o t o c k i. Raporty szpiega, t. I. W., 1973, s. 299). Эти сведения вошли и в ответ III Отделения за 1863 г. (*ГАРФ*, ф. 109, оп. 223 /85, ед. хр. 28, л. 329). В тот же день, 6 марта 1863 г., – вероятно, под впечатлением от этой встречи с А.А. Герценом – чешский публицист-демократ И.-В. Фрич писал в Прагу: "*Герцен обещает наверняка восстание в России.* Во всяком случае, там будут волнения" (R. K o s í k, A. G r e b e n i č k o v a. J.V. Fričaa rustí revolucki demokrate. Praha–Moskva, 1953, č. 10, s. 81.

Эти документы очерчивают круг контактов и духовную атмосферу, в которой действовал А.А. Герцен в Париже. В письме его от 8 марта намечена также еще одна линия возможного общения – родственного: "Левицкий хворает". Письмо же к сестре Тате, написанное А.А. Герценом уже по возвращении в Лондон, 24 марта, не только подтверждает факт такой встречи, но и раскрывает преобладающее содержание беседы, вполне естественное в контексте описанной боевой настроенности молодого члена "Земли и воли" (см. предыдущую публикацию, п. 1).

Так обнаруживается отправной пункт принципиальной полемики об истинном и ложном патриотизме – она развертывается в публикуемом письме. Все стадии спора проследить нет возможности, но, во всяком случае, очевидно, что он был продолжен в неизвестном письме Левицкого, на которое отвечал А.А. Герцен. При этом придерживавшийся верноподданических взглядов Левицкий, как можно предполагать, вовлек в орбиту полемики и последние статьи Герцена на эту животрепещущую тему – "Плач", "Бедное русское имя", проникнутые болью и стыдом за родину – "опозоренную мать", которую бесчестят злодеяния царских усмирителей Польши (XVII, 65–69, 117–118; напечатаны в "Колоколе", л. 158 и 160 от 8 марта и 1 апреля 1863 г.). Левицкий возражал, очевидно, утверждая, что не стыдится, а гордится тем, что он русский.

С прямых полемических откликов на эти утверждения начинается настоящее письмо А.А. Герцена, развивающее в боевой, эмоциональной форме идеи подлинно революционного, демократического патриотизма – в противоположность официозному, казенному, не отделяющему любовь к отечеству и народу от преклонения перед царской империей, душительницей свободы своего и других народов. Письмо обнаруживает, таким образом, не только солидарность с ведущими идеями публицистики Герцена, но и их глубинное воздействие на молодого деятеля "Земли и воли"[42*].

В 1970-х годах в одном солидном научном издании было напечатано, будто сын Герцена вступил в общество "Земля и воля" в результате случайного увлечения, "под влиянием общения с Бакуниным", а "Герцен-отец, не видевший в 1863 г. никаких надежд на революцию в России, весьма отрицательно относился к сближению сына с Бакуниным" и т.д. (см. статью Е.Н. Дрыжаковой "Достоевский и Герцен. У истоков романа "Бесы" в сб. "Достоевский. Материалы и исследования. I." Л., 1974, с. 229). Такие утверждения, в которых смещены все акценты, можно в какой-то мере отнести за счет нехватки документальных материалов для характеристики самих взглядов А.А. Герцена в начале 1860-х годов. Тем больше значимость настоящего письма – в соотнесении, разумеется, с известным ранее текстом речи А.А. Герцена на банкете в Стокгольме 28 мая 1863 г. (см. "Проблемы...", с. 507–512). Притом, если в своем публичном выступлении, выражая веру в зреющую в недрах русского народа социальную революцию, А.А. Герцен как бы представительствовал "от имени русской молодежи", от имени редакции "Колокола" и организации "Земля и воля", то здесь, в частном письме, мы имеем дело с заветными убеждениями личности, высказываемыми со всей страстью молодости.

Среди публикуемых в настоящем томе документов есть и другие свидетельства, подтверждающие серьезность политических интересов А.А. Герцена в это время, углублявшихся за годы революционной ситуации под личным и идейным воздействием Герцена и Огарева. Граждански-патриотические устремления молодого доктора медицины стимулировались ростом освободительного движения в России и общением с деятелями революционной демократии, приезжавшими за границу.

Герцен приветствовал это усиление гражданской активности сына. "Я желаю, чтоб ты этим путем шел, чтобы я мог ⟨...⟩ тебе завещать часть нашего дела", – писал он 21 декабря 1861 г. в Гейдельберг (XXVII, 203). И весной 1863 г., в дни, когда развертывался принципиальный спор А.А. Герцена с Левицким, Герцен, подготавливая следующую поездку Александра – в Швецию, с целью расширения революционной пропаганды и заключения союза с финскими демократами, характеризовал его в письмах к деятелю финского освободительного движе-

---

[42*] Шутливый отголосок продолжения этого спора, в котором вероятно и личное участие самого Герцена во время возможной встречи с Левицким в Париже 4 или 5 декабря 1863 г., мы находим в письме его к Левицкому от 28 декабря 1868 г. (см. XXVII, 394).

ПОЛИНА ЛЕВИЦКАЯ
Фотография С.Л. Левицкого. Петербург, 1867
Музей Герцена, Москва

ния Э. Квантену как человека, заслуживающего полного доверия в самых секретных делах и могущего в них отлично заменить его самого (см. "Лит. наследство", т. 96, с. 375–376, 378).

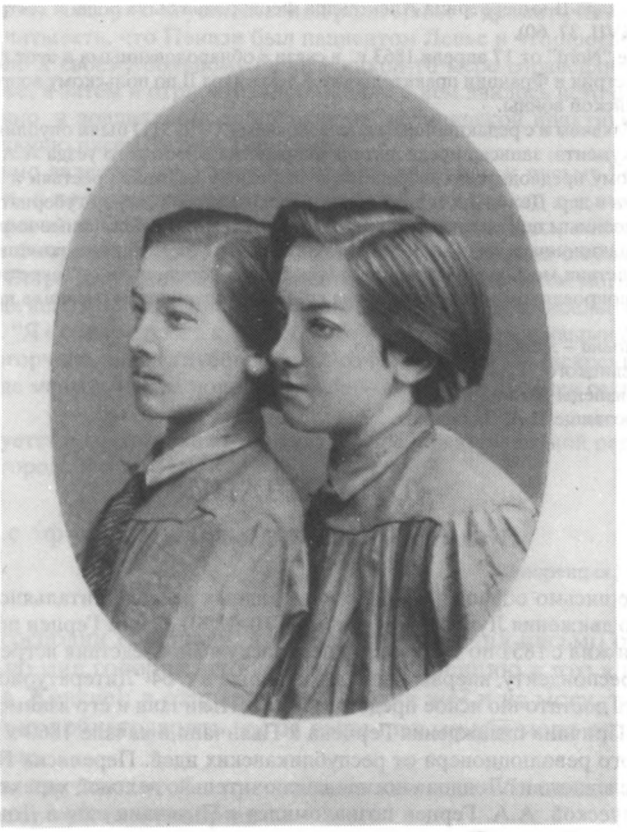
Письмо публикуется впервые по фотокопии *РГБ* с автографа *IISG*.

18-го апр⟨еля⟩ 63. Лондон

Любезный Сергей Львович!

В одном я совершенно с вами согласен – и я горжусь, что я русский. Но что значит быть русским? Значит ли это душой и телом принадлежать и во всем повиноваться гнусному, иностранному, немецкому раку, искажающему историческую роль славянского племени вообще и русского в особенности, отравляющему жизненные силы нашего доброго и простого народа, ведущему его резать и жечь соседа, с которым он жил бы преспокойно, оставляя его устраиваться у себя, как сам знает, – сделавшему, наконец, из русского воина, которого храбрость и хладнокровие в битве до сих пор не могут забыть ни англичане, ни французы, – сделавшему из него пьяного разбойника, дикого зверя, который отказывается от боя (в продолжение 4-х месяцев 120 000 регулярного войска не могут побить несколько кучек невооруженных волонтеров!!! Позор какой!) – и который идет вперед только тогда, когда видит случай безнаказанно ограбить и сжечь какую-нибудь деревушку или какой-нибудь панский дом... Полноте, это не значит быть русским (это значит быть глупым или быть подлецом).

Я горжусь, что я русский, что я не принадлежу к меньшинству той части русских, которые были онемечены п⟨етер⟩ б⟨у⟩ргским правительством, вырваны из народа и



ВЛАДИМИР И ЛЕВ ЛЕВИЦКИЕ
Фотография С.Л. Левицкого. Париж, начало 1860-х годов
Музей Герцена, Москва

сколочены в рамки немецкой сословности и чинов, к тому меньшинству (этой части) ее, которое, наконец, покраснело, почувствуя позор, которому оно предавало и себя, и свою нацию, которое, наконец, поняло потребности, стремления неонемеченной части, т.е. народа, и которое душою и телом предано этому народу, русскому народу, и жертвует собой, для того чтобы избавить несчастный, добрый народ его от немецкой болезни, отравляющей его жизнь, и дать ему развиться свободно, по-своему, так, как он сочтет лучшим, а не так, как сочтут лучшим племянник прусского жандарма под короной[1] и разные – берги и цвейги. Ежели и вы любите в нашей родине то, что *ее*: ее народ, с его желаниями, с его тихой, мирной жизнью, ежели и вам дорого достижение его блага, его мощного развития, то давайте вашу руку – тогда мы оба русские; ежели же вы у нас любите и уважаете одну немчизну – тогда вы не русский, а немец, тогда вам у нас нечем гордиться, а в Пруссии есть чем.

Чего "Nord" испугался? Вчера он уж почти заикнулся о войне[2]. Что говорят у вас об этом?

Осмеливаюсь советовать вам читать в "Колоколе", по крайней мере, *официальные бумаги и факты, доказанные документами*, потому что, вероятно, об гл⟨авных⟩ статьях при вас и упомянуть нельзя. Напр⟨имер⟩: "Молодецкое поведение солдат", № 160[3], "Передняя тешится – полиция тоже", № 161[4] и т.д.

Я не хочу, чтобы ваши дети ошибались на мой счет, и прошу вас поэтому прочесть это письмо всему вашему семейству, и передать с тем вместе нижайший поклон Анне Антоновне[5], Pauline[6] и молодым людям[7] и Петрофуфу[8].

А вам искренняя, глубокая благодарность за портреты.

[1] Мать Александра II императрица Александра Феодоровна была родной сестрой прусского короля Вильгельма I (ср. XVII, 37, 60).

[2] В передовице "Nord" от 17 апреля 1863 г., в связи с обнародованными в этот день ультимативными нотами Англии, Австрии и Франции правительству Александра II по польскому вопросу, говорилось о неизбежности европейской войны.

[3] Под этим заглавием и с редакционным послесловием (XVII, 311) были опубликованы в "Колоколе" от 1 апреля два документа: записка предводителя дворянства Брестского уезда А.А. Вильчевского гродненскому губернскому предводителю дворянства о зверских убийствах крестьян и помещика, грабежах, учиненных казаками в дер. Долбизна, и предписание гродненского генерал-губернатора к местным помещикам – в связи с военным положением возвратиться из городов в собственные имения.

[4] Под этим редакционным заглавием в "Колоколе", л. 161 от 15 апреля, помещена корреспонденция из Москвы о бездействии московской полиции в пресечении воровства и о "секретном спектакле" в Малом театре, – инспирированном министром двора гр. В.Ф. Адлербергом пасквиле на молодое поколение (см. XVII, 329–333).

[5] *Анна Антоновна* – жена С.Л. Левицкого.

[6] Дочь С.Л. Левицкого.

[7] Сыновья -близнецы Левицкого.

[8] Семейное прозвище П.А. Захарьина.

Л. ПЬЯНЧАНИ

Публикация Л.И. М а т ю ш е н к о[43*]

Публикуемое письмо обращено к одному из видных деятелей итальянского национально-освободительного движения Луиджи *Пьянчани* (1810–1890). С ним Герцен познакомился в Англии (где Пьянчани жил с 1851 по 1856 г.), вел переписку и впоследствии встречался. Письма Герцена к этому корреспонденту, впервые опубликованные в т. 64 "Литературного наследства", позволяют составить достаточно ясное представление о Пьянчани и его взаимоотношениях с Герценом в те годы. Причина охлаждения Герцена к Пьянчани в начале 1860-х годов связана с отходом итальянского революционера от республиканских идей. Переписка Герцена с Пьянчани после отъезда последнего из Лондона носила исключительно деловой характер, а потом и вообще стала эпизодической. А.А. Герцен познакомился с Пьянчани еще в Лондоне. Характерно, что в своих письмах к Герцену Пьянчани почти всегда осведомлялся о его детях. Он познакомил Герцена с Ж. Доманже, который стал любимым учителем Саши и отношения с которым сохранил на всю жизнь. Публикуемое письмо свидетельствует о дружеских отношениях Пьянчани с сыном Герцена и о сохранившейся его близости со всей семьей. Сам Герцен во время пребывания во Флоренции в 1867 г., по-видимому, встречался с Пьянчани. Интересно, что обстоятельства его личной жизни явились предметом размышлений Герцена о роли "женского элемента" в семье (наряду с собственной жизнью и жизнью Огарева – XXIX, 24). В публикуемом письме речь идет, по-видимому, о неизвестном нам рекомендательном письме Пьянчани для Ольги и Таты Герцен, находившихся тогда с М. Мейзенбуг в Риме. Причина такого обращения понятна: Пьянчани был уроженцем Рима, провел там детство и юность и пользовался не только известностью, но и популярностью (впоследствии он был первым мэром Рима).

А.А. Герцен рекомендует Пьянчани доктора Э. Левье. Публикуемое письмо подтверждает их дружеские взаимоотношения. Это дает возможность уточнить комментарий к письмам Герцена в 30-томном Собрании сочинений, где Левье упоминается лишь как флорентийский врач, сыгравший двусмысленную роль в истории дочери Герцена Таты с Пенизи. Следует отметить, что Левье подружился с А.А. Герценом еще тогда, когда учился в Берне (они ровесники). С Левье связана поездка А.А. Герцена в Невшатель осенью 1859 г. Он был коллегой А.А. Герцена в лаборатории М. Шиффа, заменял своего приятеля во время его отлучек из Флоренции. Левье принадлежал к кругу Шиффа и А.А. Герцена по общности научных интересов, был предполагаемым участником проектируемого ими журнала (см. XIX, 472). Александр Александрович сотрудничал с Левье и в лозаннский период своей деятельности. Левье лечил его близких: Тутса, Мейзенбуг, Г. Моно. В 1867 г. сам Герцен советовался с ним по медицинским вопросам (XXIX, 40). Вопрос о том, что надо выписать Левье, вставал и тогда, когда Огарев сломал себе ногу (XXIX, 280). В 1869 г. Левье спас жизнь новорожденному внуку Герцена Владимиру. Примечательно, что Герцен послал для Левье второе издание французского перевода "Доктора Крупова" (XXIX, 276). Посылая сыну корректуру "Анти-Крупова", т.е. "Aphorismat'ы", он просит прочитать вслух это свое произведение Мейзенбуг, Тате, Шиффу

[43*] Письмо переведено с французского автором публикации, Л.И. М а т ю ш е н к о.

и Левье (см. XXIX, 292). Говоря о двусмысленной роли Левье в драматической истории Таты и Пенизи, следует учитывать, что Пенизи был пациентом Левье и что просьбы к Тате о мягкости по отношению к своему больному были в какой-то мере справедливы. Раздражение Герцена против Левье, а затем и отрицательное мнение о нем явилось источником страданий для Левье, а возможно, и повлияло на оставление им медицинской практики (см. XXX, 250, 268; ср. ниже публикацию писем Таты к Герцену).

Настоящее письмо является дополнительным комментарием к письму Герцена от конца 1864 – начала 1865 г., в котором говорится о совместной поездке его с сыном в Монпелье к Н.А. Тучковой-Огаревой и Лизе, для чего они должны были съехаться в Женеве (Герцен собирался приехать во Флоренцию, но не смог). После смерти близнецов он был в очень подавленном настроении. Встреча с сыном, как и совместное посещение затем могилы Н.А. Герцен в Ницце, являлись для него моральной поддержкой. Приезд Саши в Монпелье был важен и для Тучковой-Огаревой. "Я съезжу отсюда к Натали, чтобы передать ей живыми словами, как это несчастье нас всех огорчило, и как глубоко мы ей сочувствуем, и как искренно мы забываем все, что могло прежде мешать нашей полной дружбе, – писал А.А. Герцен сестрам (XXVIII, 7).

Письмо публикуется по фотокопии *РГБ* с автографа, представленной редакции "Лит. наследства" Архивом города Рима.

Перевод с французского:

⟨Флоренция.⟩ Via maggio, № 45;
27 дек⟨абря⟩ 1864 г.

Мой дорогой господин Пьянчани, я только что получил письмо от своего отца, где он окончательно мне говорит, что не едет во Флоренцию и что я должен присоединиться к нему в Женеве[1]; я отправляюсь сегодня же[2] и не могу, таким образом, прийти, чтобы лично поблагодарить вас за ваше письмо для моих сестер[3], и потому делаю это письменно.

Пользуясь этим случаем, чтобы представить вам моего близкого друга, доктора Эмиля Левье, о котором я вам говорил.

Я зайду повидаться с вами как только возвращусь, приблизительно через две недели. Пока же дружески жму вам руку.

Преданный вам А. Герцен-сын

[1] Это письмо Герцена из Монпелье, откуда он 27 декабря выехал в Женеву, неизвестно.
[2] А.А. прибыл в Женеву 30 декабря.
[3] Это письмо неизвестно. Тата и Ольга находились тогда в Риме с М. Мейзенбуг.

ОГАРЕВУ

Публикация Л.И. Матюшенко

Из многих источников известно, какое значение имел в жизни детей Герцена Огарев. С сердечным участием и неослабевающим интересом ко всему в их жизни он постоянно был рядом с Герценом, в чем-то даже заменяя им покойную мать. Одно из публикуемых ниже писем (2-е) непосредственно выражает именно такое отношение Александра Александровича к Огареву и объясняет не только "нескончаемую любовь" сына Герцена к Огареву, но и то безграничное доверие, которое внушал ему "Ага". Письма к Огареву содержат подробности научной деятельности и семейной жизни А.А. Герцена и важны для понимания его характера. Письмо это – ответ на известие об исчезновение Шарлотты – матери его малолетнего сына – отмечено особой остротой переживаний, не нашедших, кстати сказать, адекватного отклика у Герцена, который ждал от сына *слов* сожаления о *бедной женщине* (см. XXIX, 142). В письме 5-м Александр Александрович сокрушен горем под впечатлением от гибели младшей сестры Лизы. И в то же время нельзя не отметить чрезмерно благодушного по тону письма 3-го относящегося ко времени тяжелой душевной драмы старшей сестры Таты.

Письма 1 и 3 публикуются по автографам *РГАЛИ*; п. 2 впервые напечатано М. Мерво в *LOAHf*, 291; 4 и 5 публикуются по копиям *РГБ* с автографов *BN*.

1

12 января 1867 г. Via Santa-Monaca, 41. Florence[1]

Мой милый друг Ага, если бы ты знал, как мне стыдно, что я тебе так долго не писал, ты бы не сердился на меня, тем более, что я в самом деле так занят[2] (о чем Тата может свидетельствовать[3]), что едва-едва успеваю доделывать то, что нужно. Работа идет à vapeur forcée[44*], скоро начну писать статью, которая в голове уже почти готова, об новых исследованиях над нервами[4]; на днях я читал публичную лекцию с порядочным успехом. Об этом Тата тебе напишет. Может, через месяц или полтора прочту другую. Посылаю тебе газету, в которой найдешь краткий resumé моей лекции[5]. Я все жду письмо, которое ты уже давно обещал.

Покамест обнимаю тебя крепко, крепко и желаю всего хорошего – a sopra tutto[45*] здоровья. Кланяюсь Тхоржевскому, Мери и Генри.

Твой С а ш а

Рукой Н.А. Герцен:

13 января 1867 г. 41, VIA Santa-Monaca. Firenze

Поздравляю тебя с русским Новым годом, милый, добрый мой Ага. Может быть, ты уже получил письмо Мальвиды к Папаше[6]. Он хотел тебе переслать. Мы праздновали день моего рождения 6-го января[7]. Сашин подарок была его лекция[8]. Ты можешь себе представить наше волнение – или, лучше сказать, мое – Ольга была преспокойна и все говорила с уверенностью: "J'ai confiance en mon frère"[46*]. И в самом деле успех был неожиданный. Битком набитая зала так заинтересовалась, что, когда Саша кончил, сказав, что те, которые всех больше интересуются, могут остаться переспросить, что он готов на все отвечать и повторить опыты, – после долгих рукоплесканий больше половины остались и образовали тесный кружок вокруг нашего худенького "недопрофессорчика"[9].

Я почти ежедневно хожу в Спеколу[10]. По понедельникам и четвергам от 1–2 (если ты когда-нибудь вспомнишь свою толстую Тату в это время) знай, что я сижу и слушаю старого профессора Magrini – в лекции о физике. По вторникам и субботам от 12 – 1 я слушаю лекции prof. ботаники prof. Parlatore. Тут все для меня так ново и ужасно интересно[11]. Особенно низшие растения, как я только что писала Папаше[12]. Потому что я могу наблюдать в микроскоп, который теперь всегда стоит у меня на столе. А рисовать эти штуки очень трудно.

Кроме этого, мы ходим в Спеколу по воскресеньям слушать популярные лекции, как, напр⟨имер⟩, лекцию Dr Herzen-fils[47*] о нервной системе – и сегодня лекцию Шиффа – не знаю, о чем.

К Magrini и Parlatore я хожу одна, вследствие чего меня считают здешние барышни очень "храброй".

Головными болями мы все довольно часто страдаем, и сегодня у меня болит – поэтому прощай, обнимаю и целую тебя – Генри и Мери тоже.

Твоя Т а т а

Мальвида и Ольга тебя целуют.

[1] Ответ на неизвестное письмо Огарева.

[2] "Саша в самом деле работает", – подтверждает и Герцен (XXIX, 20).

[3] Н.А. Герцен в конце сентября 1866 г. приехала во Флоренцию, где с 1864 г. обосновался А.А. Герцен. В 1865 г. он занял в Спеколе должность ассистента у своего учителя, известного физиолога М. Шиффа. С начала ноября того же года во Флоренции поселились также и Ольга Герцен с М. Мейзенбуг.

[4] По-видимому, "Fisiologia del sistemo nervoso".

[5] Следующая лекция (по изложению Герцена – "о продолжающейся жизни или деятельности *перерезанного* и, след., парализованного нерва, после смерти, и, помимо бездействия, нерва непарализованного", – XXIX, 57) была прочитана А.А. 9 марта в присутствии приезжавшего во Флоренцию отца (Герцен находил-

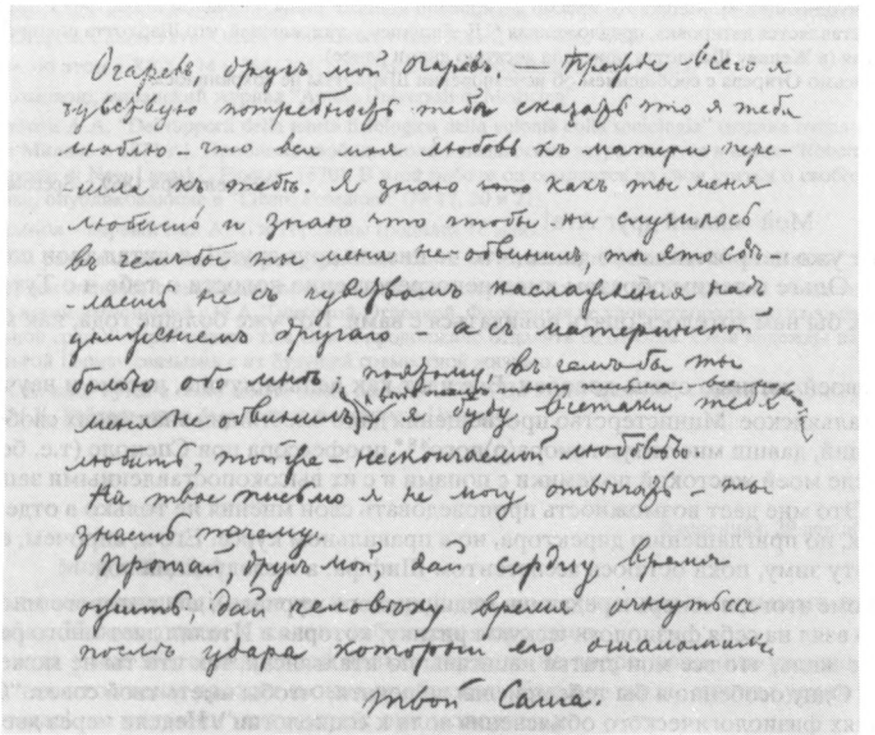
---

[44*] на всех парах (*франц.*)

[45*] прежде всего (*итал.*).

[46*] "Я уверена в своем брате" (*франц.*).

[47*] доктора Герцена-сына (*франц.*).



ПИСЬМО А.А. ГЕРЦЕНА ОГАРЕВУ
Автограф. ⟨Флоренция. Начало июня 1867 г.⟩
Международный институт социальной истории, Амстердам

ся во Флоренции с 18 января по 10 марта). В письме к Огареву от 10 марта Герцен высоко отозвался о лекции сына. Эта лекция была издана отдельной брошюрой: "Fisiologia del sistemo nervoso. Firenze, 1867. Огарев сообщал Герцену о ее получении 27 сентября, сожалея, что не в состоянии прочитать итальянский текст (см. Лит. наследство, т. 39-40, с. 477; ср. XXIX, 21). В какой газете была эта публикация, не установлено.

[6] Несохранившееся письмо от 7 января 1867 г. Герцен переслал его Огареву 11 января (см. XXIX, 16).

[7] Н.А. Герцен родилась 13 декабря ст.ст. 1844 г. Ее день рождения по ошибке отмечался 6 января. Ко дню рождения Таты ждали и Герцена, но он задержался (см. XXIX, 8).

[8] Делать такие подарки было традицией в семье Герцена (ср. XXV, 338).

[9] Вероятно, выражение Герцена.

[10] *Specola* (буквально – обсерватория – *итал.*) – центр изучения естественных наук во Флоренции. Лабораторию физиологических исследований в Спеколе возглавлял проф. М. Шифф, а А.А. был его ассистентом. При Спеколе существовал Институт высших наук – будущий Флорентийский университет.

[11] Интерес к естественным наукам, возбуждаемый в Тате отцом и братом (А.А. давал старшим сестрам уроки зоологии), особенно усилился у нее во время пребывания с Герценом в Швейцарии, где она слушала лекции Стеллы (И.М. Савицкого), который обучал ее физике, физиологии, математике.

[12] Письмо Таты к Герцену неизвестно.

2

⟨Флоренция. Начало июня 1867 г.⟩[1]

Огарев, друг мой Огарев. – Прежде всего я чувствую потребность тебе сказать, что я тебя люблю – что вся моя любовь к матери перешла к тебе. Я знаю, как ты меня любишь, и знаю, что, что бы ни случилось, в чем бы ты меня ни обвинил, ты это сделаешь не с чувством наслаждения над унижением другого – а с материнской болью обо мне; поэтому, в чем бы ты меня ни обвинил – а ведь после твоего письма[2] все может быть – я буду все-таки тебя любить той же нескончаемой любовью.

На твое письмо я не могу отвечать – ты знаешь, почему.

Прощай, друг мой, дай сердцу время ожить, дай человеку время очнуться после удара, который его ошеломил.

Твой С а ш а

[1] В публикации М. Мерво это письмо датировано концом июня – началом июля 1867 г. Более точной представляется датировка, предложенная С.Д. Лищинер,установившей, что Шарлотта покончила с собой 31 мая (в Женеву Шарлотта приехала десятью днями ранее).

[2] Письмо Огарева с сообщением об исчезновении Шарлотты не сохранилось.

3

22 сентября 1869 г. Specola, Firenze

Мой милый друг Ага!

Вот уже непростительно долго, что не писали друг другу[1]; я читал твои письма к Тате[2] и Ольге и таким образом имел непосредственно новости о тебе и о Тутсе.

Как бы нам хотелось опять повидаться с вами. Вот уже больше года, как мы виделись[3].

Я своей жизнью очень доволен. Все идет как нельзя лучше, частно и научно.

Итальянское Министерство просвещения дало блестящий знак своих свободных тенденций, давши мне титул гонора⟨р⟩ного[48*] профессора при Спеколе (т.е. без платы) после моей жестокой полемики с попами и с их высокопоставленными защитниками[4]. Это мне дает возможность проповедовать свои мнения не только в отдельных лекциях, по приглашению директора, но в правильном курсе. Его я, впрочем, еще не начну эту зиму, пока остаюсь ассистентом Шиффа, а в следующий год.

Кроме этого, я теперь в редакции медицинского журнала[5], для которого много пишу, ибо взял на себя физиологическую критику, которая в Италии дает много работы. Как мне жаль, что все мои статьи написаны по-итальянски, так что ты не можешь их читать. Одну особенно я бы тебе прислал до печати, чтобы иметь твой совет: "О приложениях физиологического объяснения воли к социологии". Недели через две будет напечатано общее введение, за которым следуют статьи: воля в юриспрунденции, воля в статистике, воля в педагогии, воля в истории, воля в философии – из которых только три первые написаны; две последние труднее, и надо еще поштудировать[6].

Переходя к частной жизни, я теперь всем совершенно доволен, маленький Володя[7] растет, толстеет, умнеет и очень красив; посылаю тебе не очень удачную карточку его, а превосходную Терезины. Терезина развивается как нельзя лучше – и, как я писал не раз папаше, не только исполняет, но положительно во всем превышает мои надежды. Она теперь принимает живое участие во всех наших разговорах и с быстрым пониманием, ловко отвечает на возражения; многими вещами мы занимаемся вместе и с одинаковым интересом; напр⟨имер⟩, историей, которая всегда была ее любимым чтением, и литературой; у нее очень реальный ум, и она скучает при всяком чтении без *позитивного* содержания (так сказать), например, при сентиментальных вещах и при описаниях couleur de rose[49*], как мемуары Мальвиды[8], одним словом, я ею очень доволен, и не только в умственном, а во всех отношениях.

Теперь и Тата с нами; мы уже с грустью ожидаем времени, когда папаша заедет, чтобы она и Ольга ехали в Париж[9].

Напиши же нам хоть два слова о себе и о Тутсе. Терезина все желает, чтоб мы взяли его к себе, но я с этим не согласен[10].

Обнимаем тебя и целуем его.

С а ш а

Как нравятся тебе карточки? Кланяйся друзьям и М⟨ери⟩ и Г⟨енри⟩.

[1] В разделе "Н.П. Огарев" кн. 1-й наст. тома публикуется письмо Огарева к А.А. от 5 марта 1869 г. Ответ на него неизвестен. Возможно, с этого времени и начинается перерыв в их переписке. На публикуемое письмо Огарев ответил 30 сентября (см. там же).

[2] Тата вернулась во Флоренцию в конце апреля из Ниццы, где некоторое время жила вместе с Тучковой-Огаревой и Лизой.

[48*] почетного (от *лат.* honorarius).

[49*] розового цвета (*франц.*).

[3] Последняя встреча состоялась в конце августа–начале сентября 1868 г. в Нионе, куда съехались Герцен, Огарев, Саша, Тата, Ольга и Мейзенбуг (см. XXIX, 433–436, 438).

[4] См. об этом в XXX, 94 и 364–365, а также в ряде публикаций наст. тома.

[5] Возможно, миланский журнал "Annali Universali di Medicina".

[6] Работа А.А. "Dei rapporti della teoria fisiologica della volontà colla sociologia" (издана отдельной брошюрой в Милане в 1871 г.). Проблема свободы воли в педагогике затрагивается в книге "Roberto Owen e lo esperimento di New-Lanark", Firenze, 1870). В этой работе он ссылается на свои статьи о свободе воли в статистике, опубликованные в "Libero Pensatore" (№ 17, 20 и 21).

[7] *Володя* – первый сын А.А. и Терезины (родился 18 мая).

[8] А.А. разделял мнение отца о первом томе книги М. Мейзенбуг "Mémoires d'une idéaliste".

[9] Герцен мирился с вынужденным пребыванием старших дочерей во Флоренции вследствие своих сложных взаимоотношений с Н.А. Тучковой-Огаревой. Флоренция не удовлетворяла его из-за отсутствия "деятельной среды". Пребывание там Ольги продолжало отдалять ее от отца. Свои надежды на сближение с Ольгой Герцен связывал с их будущей совместной жизнью.

[10] А.А. взял Тутса в свою семью лишь осенью 1875 г. До этого времени, с осени 1873 г., Тутс жил в Берне у М.К. Рейхель, куда был взят из пансиона в Цюрихе.

4

Флоренция, 29 дек⟨абря⟩ 74 г.

Мой милый Ага,

Полузамороженным мозгом и совершенно замороженными пальцами поздравляю тебя с Новым годом и желаю тебе всего хорошего.

Погода у нас жестокая; детей нельзя держать на дворе; зато они ужасно шумят в доме, так что стены дрожат и окна дребезжат. Как мне жаль, что ты уехал так далеко от нас[1], не видавши моих детей; они молодцы, и

Ты, верно б, сам на этот миг
Расцвел на дне души печальной[2].

Недавно я ездил в Париж; видел Ольгу и Моно и их мальчугана[3],и Натали, которая бог знает для чего поехала тоже в Париж[4]. Этот раз мое дело не заставило меня перебираться в Англию[5], а то я заехал бы и к тебе взглянуть на твое житье-бытье. Тата и Лиза здесь и на эту зиму остаются здесь. Лиза очень поправилась и развилась физически и нравственно с тех пор, как она здесь; я считаю для нее большим счастьем, что Натали ее отпустила на некоторое время.

Моя книжка о воле нравится и продается, издатель думает, что будет второе издание[6].

Читал ли ты превосходную книгу Herbert Spenser'a " On the Study of Social Science"?[7] Коли нет, достань ее и напиши мне твое мнение.

Прощай, милый Ага, обнимаю тебя и кланяюсь твоим.

Твой С а ш а[8]

Адрес Мальвиды: M-lle M. Meysenbug. Villa Rubinac. Sorrento près Naples. F. Xaly.

[1] Огарев уехал из Швейцарии в Англию в середине сентября.

[2] Цитата из стихотворения Огарева "Обыкновенная повесть". У Огарева: "Он, верно б..."

[3] Эдуард (вспоследствии Моно-Герцен, р. 24 декабря 1873 г.).

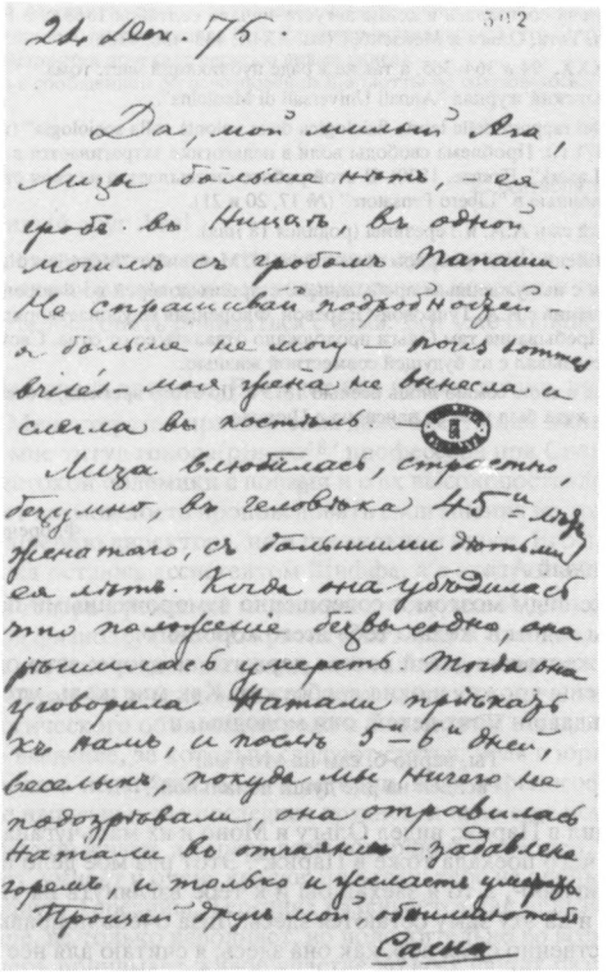
[4] Пребывание Тучковой=Огаревой в Париже связано было с подготовкой издания так называемого "женевского" собрания сочинений Герцена (см. *АО*, 139, 142; "Лит. наследство", т. 63, с. 517).

[5] Поездки А.А. в Англию были связаны с его участием в коммерческой компании, использовавшей открытый им способ консервирования мяса.

[6] Второе издание книги А.А. вышло на французском языке в переводе Ш. Летурно под названием "Introduction à la science sociale". P., 1874.

[7] Точное название этой книги – "The Study of Sociology". Вышла в Лондоне в 1873 г. А.А. отвечал Спенсеру в своей работе "Общая физиология души".

[8] Огарев ответил 14 декабря 1874 г. (см. его ответ в кн. 1-й наст. тома).



ПИСЬМО А.А. ГЕРЦЕНА ОГАРЕВУ
О СМЕРТИ ЛИЗЫ ГЕРЦЕН
Автограф. ⟨Флоренция, 24 декабря 1875 г.⟩
Национальная библиотека, Париж

5

⟨Флоренция.⟩ 24 дек⟨абря⟩ 75[1]

Да, мой милый Ага,

Лизы больше нет[2] – ее гроб в Ницце, в одной могиле с гробом Папаши. Не спрашивай подробностей – я больше не могу – nous sommes brisés[50*] – моя жена не вынесла и слегла в постель…

Лиза влюбилась, страстно, безумно, в человека 45-и лет, жена того, с большими детьми ее лет[3]. Когда она убедилась, что положение безвыходно, она решилась умереть. Тогда она уговорила Натали приехать к нам, и после 5[и] – 6[и] дней, веселых, покуда мы ничего не подозревали, она отравилась[4]. Натали в отчаянии – задавлена горем и только и желает умереть.

Прощай, друг мой, обнимаю тебя.

С а ш а

[50*] мы сокрушены (*франц.*).

[1] По-видимому, ответ на неизвестное письмо Огарева, узнавшего о смерти Лизы из телеграммы А.А.

[2] Лиза Герцен покончила жизнь самоубийством 14 декабря (см. ксерокопию рукописи Л. Риста "Al. Herzen et sa famille" (февраль 1973 г. – *РГБ*, ф. 69.26.72).

[3] Речь идет о Ш. Летурно.

[4] Тучкова-Огарева с Лизой приехали в начале декабря из Цюриха. О днях, предшествовавших трагической гибели Лизы, см. в письме Тучковой-Огаревой Нерине Финокетти (*АО*, 217–225).

С. ТХОРЖЕВСКОМУ

Публикация Л.И. Матюшенко

Записка адресована доверенному лицу и многолетнему помощнику Герцена *С. Тхоржевскому*. Вероятно, она связана с изданием последнего эпистолярного цикла Герцена "К старому товарищу". Это произведение Александр Александрович предполагал издать в виде приложения к книге "С того берега" в своем французском переводе. Одновременно готовился "Сборник посмертных статей" Герцена, также включавший в себя "К старому товарищу". В обоих случаях на опубликование этого произведения Герцена необходимо было согласие Огарева. Вопрос этот долго обсуждался. Толчком к его разрешению, как известно, послужило возмутившее А.А. Герцена письмо С.Г. Нечаева от имени никогда не существовавшего Заграничного бюро общества "Народная расправа". Согласие на первое из вышеупомянутых изданий Огарев дал в письме к А.А. Герцену от 19 июня 1870 г. Тхоржевский был причастен к обоим изданиям (см.: *АО*, 81; *Тучкова-Огарева*, 260).

Печатается впервые по фотокопии *РГБ* с автографа *IISG*.

⟨Март или июнь 1870 г.⟩

Любезный Тхоржевский!

Только что получена записка от Огарева; он говорит, что совершенно согласен с моим предложением; итак, дело скоро пойдет[1].

Весь ваш
А. Герцен

[1] В июле 1870 г. вышла книга: A. Herzen. De l'autre rive. Troisième édition (première édition française). Traduit du russe par Alexandre Herzen-fils. Genève, 1870. В начале октября появился том "Oeuvres posthumes d'Alexandre Herzen". Сборник посмертных статей Александра Ивановича Герцена с портретом автора). Издание детей покойного. В типографии Чернецкого. 1870".

НИКОЛАЮ II

Публикация М. Мерво[51*]

В своем обращении к последнему русскому царю А.А. Герцен восторженно приветствует сделанное Николаем II в 1898 г. предложение о созыве международной конференции по поддержанию мира и сокращению вооружений. Эта инициатива встретила одобрение ряда нейтральных правительств, но наткнулась на сдержанное отношение со стороны Англии, Германии и Франции. Позднейший меморандум царя уточнил его намерения: он имел в виду приостановку роста вооружений, запрет на некоторые виды оружия и взрывчатых веществ, распространение на морские войны оговорок соглашения 1864 и 1874 гг., а также предотвращение международных дипломатических конфликтов.

Эти инициативы, как известно, привели в мае–июле 1899 г. к созыву Международной Гаагской конференции, в которой приняло участие 26 государств.

Сравнивая мирную инициативу Николая II с освобождением крепостных в 1861 г. Александром II, А.А. Герцен ссылается на позицию своего отца в отношении этой реформы, наглядно свидетельствуя тем самым о некоторой наивности своей общественно-политической концепции, сложившейся под влиянием так называемых "либеральных иллюзий". Как и опа-

[51*] С французского перевел Л.Р. Ланский.

сался в свое время Герцен, сын его превратился в "почтенного швейцарского профессора", так и не понявшего, что "благородная и великодушная" инициатива царя имеет весьма ограниченный характер; он упустил из виду и отрицательные аспекты внутренней политики молодого русского самодержца. И как мог он забыть, что Николай II, несколькими годами ранее, при восшествии на престол, ошеломил либеральное общественное мнение своим заявлением, что намерен "охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно", как его "незабвенный покойный родитель" Александр III.

Публикуется по рукописной копии *IISG*; оригинал был отправлен "августейшему адресату" через русское посольство в Берне.

Перевод с французского:

⟨Лозанна. 30 августа 1898 г.⟩

Ваше величество,

Когда депеши, сообщавшие об освобождении крепостных, достигли Лондона, я увидел на глазах моего отца слезы радости и благодарности. Позвольте же сегодня его сыну выразить Вашему величеству со столь же живым волнением свое глубокое восхищение благородной и великодушной инициативой, которую Вы ныне проявили.

Александр Герцен

Лозаннский университет
30 августа 1898 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА О НАСЛЕДСТВЕ ГЕРЦЕНА

Публикация и перевод с французского Л.И. Матюшенко

В публикуемой ниже "Объяснительной записке" ("Mémoire explicatif") А.А. Герцена идет речь об имущественных взаимоотношениях детей Герцена после его смерти и позднее, после самоубийства его младшей дочери Лизы, когда в семье возникла конфликтная ситуация. Поведение А.А. Герцена в этой коллизии и высказанные им взгляды на воспитание и образование своих детей полностью соответствовали нравственным заветам отца. "Записка" позволяет также видеть, какую долю в обеспечении семьи составлял собственный труд А.А. Герцена.

Автограф документа хранится в Женевской публичной и университетской библиотеке. В отличие от большинства других материалов, полученных редакцией "Литературного наследства", этот документ не был опубликован в женевском сборнике 1973 г. "Autour d'Alexandre Herzen".

"Записка" написана рукой А.А. Герцена и занимает семь страниц. Конец последней страницы читается с трудом. Возможно, что "Записка" завершена не была. На полях ее пометы карандашом, по-видимому, сделанные сыном автора, лозаннским профессором Николаем Александровичем Герценом.

Вместе с фотокопией с подлинника редакция "Литературного наследства" получила снимок с машинописной копии под заглавием "Mémoire écrit de la main de papa en 1897 ou 98" ("Записка, написанная рукой папы в 1897 или 98 г."). Она также, по-видимому, сделана Н.А. Герценом. Известно, что именно он, юрист по образованию, единственный из сыновей А.А. Герцена живший в Лозанне, ведал архивом отца.

Документ печатается по фотокопии с чернового автографа *BPUG*.

Перевод с французского:

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

1. В соответствии с завещанием своего отца[1], я имел право оставить за собой дом[2], унаследовав таким образом почти вдвое больше того, чем мои сестры Наталья и Ольга, и предоставить матери Лизы[3], происходящей из достаточно состоятельной семьи, самой выходить из затруднений в отношении себя и своей дочери. – Не сделал я этого по следующим соображениям:

а) Мне казалось несправедливым получить *вдвое больше* того, что причиталось бы моим сестрам.

б) Natalie сказала мне, что в последние годы отец мой не раз выражал надежду, что после его смерти дети *разделят* его наследство *поровну*[4].

в) Я считал особенно необходимым неопровержимо доказать Лизе (и ее матери), что, несмотря на ее неясное юридическое положение по отношению к нам, мы безусловно считаем ее нашей сестрой, равноправной с нами[5].

г) Я хотел, *чтобы мои сестры сделали для Лизы* то же, что и я; вот почему я не отделил непосредственно Лизе половину моего наследства (что было бы тем же самым с финансовой точки зрения), но сделал это *косвенно* (на 2/3) через своих сестер.

д) У меня не было недостатка в советах нескольких друзей, пытавшихся отговорить меня от этого плана, который считали неблагоразумным; они советовали мне установить для Лизы вполне достаточную пожизненную пенсию – равную той, которую имел бы сам и той, которую имели бы мои сестры, но не отказываться от права собственности на дом. Я не захотел их слушать по вышеизложенным мотивам, и наследство моего отца было разделено на три равные части: каждый из нас троих отделил затем *четверть* своей трети для Лизы, и состояние было разделено на 4 равные части.

2. Со смертью Лизы[6] положение коренным образом изменилось:

а) Отчасти из-за моей неспособности вести дела, отчасти из-за покупки виллы, которую друзья, почитаемые мной компетентными, уговорили меня сделать на крайне губительных условиях, – я потерял крупную сумму, и мои доходы чувствительно уменьшились[7].

б) Моя семья быстро разрослась, я имел уже 8 детей; необходимые для семьи расходы росли быстро и существенно; доходов нехватало более.

в) Злосчастная покупка виллы пригвоздила меня к месту и мешала мне искать кафедру, ведь кафедры физиологии вовсе не валяются на дороге[8]; я не мог и думать об этом прежде, чем продам виллу, что обернулось новым бедствием: купив ⟨виллу⟩ в момент громадного вздорожания земель, я должен был продать ее в момент наибольшего падения цен.

г) Результат равного раздела, каким он был в момент смерти моего отца и какого я сам хотел в целях равенства и справедливости, привел, таким образом, к ужасающему неравенству в отношении меня.

Только возвращение мне всей той части отцовского наследства, которую я уступил, могло бы в тот момент спасти меня от полного разорения, поскольку я имел бы тогда доходы, достаточные для того, чтобы не трогать и не истратить мало-помалу оставленный мне капитал. Мне казалось, что пришло время моим сестрам отплатить мне тем же, сделать для меня то, что я сделал для них, короче говоря, вернуть мне состояние Лизы, которое образовалось за мой счет. Сама Лиза и ее мать были того же мнения; действительно, была найдена следующая записка Лизы:

"Я не имею права голоса в этом вопросе, но, тем не менее, хочу сказать, что я думаю относительно денежных дел. Ольга и Тата ни в чем не нуждаются; мне кажется поэтому, что маме следовало бы устроить себе достаточную пожизненную пенсию, а Александр получил бы часть дохода и капитал – впрочем, это не мое дело. *Л.Г.*"[9].

Спустя несколько дней мать ⟨Лизы⟩ написала мне: "Предвосхищая точку зрения Лизы, я написала соответственно Вырубову, чтобы то, что мы с ней имели, принадлежало тебе и твоим детям. Позднее мы нашли письмо Лизы, которое подтверждает все это. Прими этот печальный подарок – мы имели право его сделать – и извини меня еще раз за то, что я так часто несправедливо судила о тебе. *Н.Г.*, урожденная *Т.*".

Я ни на мгновенье не сомневался, учитывая свое положение и положение своих сестер, как и явную волю Лизы и ее матери, что мои сестры просто вернут мне все наследство Лизы, т.е. то, что я уступил из наследства моего отца в их пользу и, главным образом, в пользу Лизы. Поэтому одним из самых больших огорчений в моей

жизни было то, когда я узнал, что они, напротив, настаивали на получении каждая своей доли, 1/3, и хотели мне отдать лишь одну треть этого наследства, т.е. сумму, совершенно недостаточную, чтобы позволить мне не брать каждый год из все уменьшающегося капитала, который у меня оставался.

Некоторые друзья советовали мне стоять на своем, предъявить "завещание" Лизы; Вырубов, в особенности, писал мне много писем в этом духе; моя сестра Наташа сама была в глубине души того же мнения, но, пользуясь советами друга, для которого во всем свете ничего не существовало, кроме ее интересов[10], она также захотела иметь свою часть наследства Лизы. Для меня была лишь такая альтернатива: суд или отказ. Я отказался.

Должен подчеркнуть здесь, что если этот отказ не привел меня к полному разорению, если я смог, несмотря на огромные расходы, которые неизбежны в такой семье, как моя, совсем не делать долгов, расходовать лишь мой движимый капитал и сохранить мою часть (треть) дома, оставленного мне отцом, от которой я отказался по смерти моего отца, то это благодаря непрерывной и существенной помощи, которую мне всегда оказывала моя сестра Наташа, чувствуя, с одной стороны, что наследство Лизы должно было бы быть мне возвращено (особенно в виду пожелания, выраженного Лизой и ее матерью) и видя, с другой стороны, что я совершенно не мог бы выйти из этого положения (воспитать сносно моих детей) с теми средствами, которые у меня оставались, она каждый год мне отдавала свою долю дохода от этого состояния, точно соответствующую *трети* чистого дохода (плата за наем) от дома[52*].

Таким образом, благодаря ей я пользовался до конца двумя третями чистого дохода от дома, о котором идет речь.

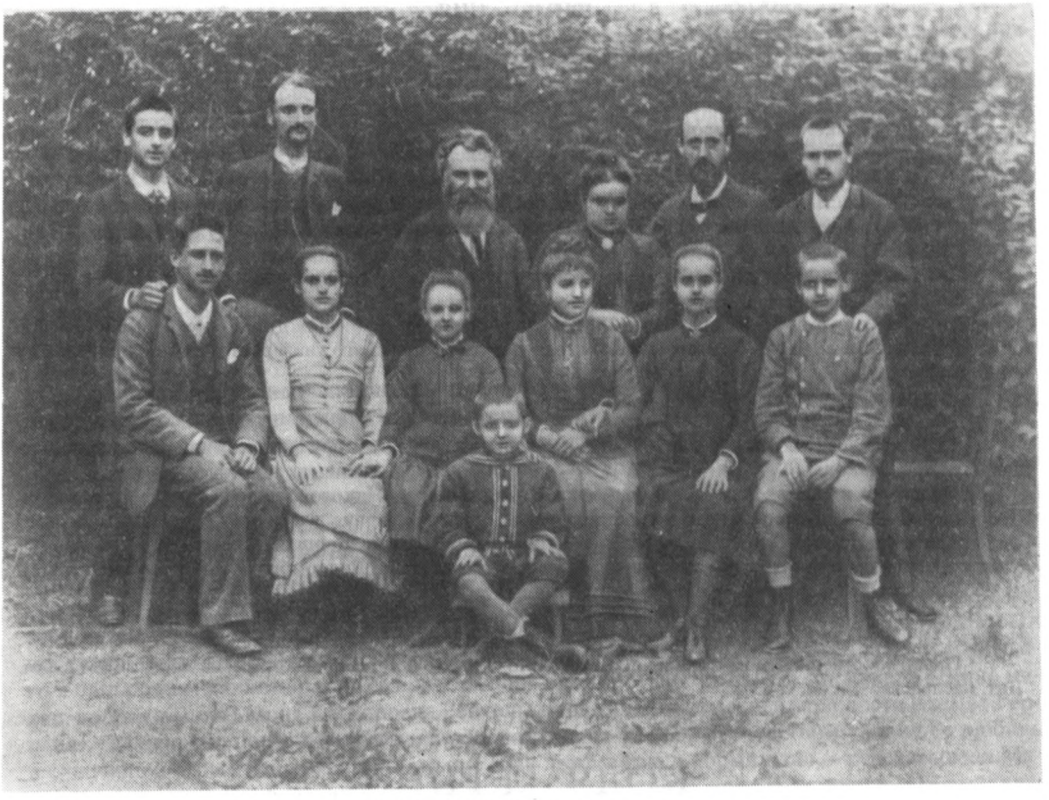
Третья часть дома находится вследствие предшествующих перемещений в руках моей сестры Ольги или ее мужа, моего зятя Габриеля Моно.

3. Благодаря этой помощи моей сестры Наташи и 2000 фр. в год, которые я, в качестве "преподавателя физиологии", стал получать после отъезда Шиффа в Женеву[11], благодаря, позднее, 4000 фр. оклада, которые я получаю в Лозанне и благодаря также и в особенности чудесной экономии, энергии и самоотверженности моей дорогой, дорогой жены, я смог в течение первых лет в Лозанне взять лишь самую малость из моего маленького капитала. Но нужды семьи все возрастали и стали огромными, когда пришлось платить за университетское обучение моих шести сыновей (Александр был в Валломброзе). Я имел тогда регулярно каждый год от двух до трех тысяч фр. дефицита, который я мог восполнить не иначе, как взяв их из капитала, исчезновение которого, по истечении большего или меньшего срока, я предвидел.

Несколько раз я говорил об этом моим сыновьям, и я спрашивал их, что́ они предпочли бы: получить после моей смерти некоторое наследство, которое едва ли и стоило труда получать, отказаться от занятий и овладеть какой-нибудь профессией, которая позволила бы им зарабатывать себе на жизнь, – или же продолжить и завершить их ученье, приобрести таким образом совершенно неотъемлемый капитал знаний, иметь "свободную", доходную профессию, но тогда отказаться от наследства, которое не существовало бы больше, поскольку я вынужден буду истратить для них весь движимый капитал и поскольку дохода с моей части дома было бы едва достаточно, чтобы очень скромно обеспечить их мать и сестер. Все они предпочли эту последнюю альтернативу, и они правильно поступили, я их очень одобряю[12]. Когда меня уже не будет, все они вспомнят, я надеюсь, что, по существу, действуя таким образом, они отказались в пользу своей матери и своих сестер от той части моего наследства, которая могла бы им принадлежать.

Наше финансовое положение, полагаю, во многом объяснялось, быть может, злополучным решением Петра и Николая отправиться искать счастья на Пеко и в легкости, с которой я уступил их желанию, чистейшее безумие которого я никогда себе не простил[13]. Это безрассудное предприятие поглотило за несколько месяцев около

52* Далее три строки в автографе тщательно вычеркнуты. – *Ред.*



А.А. ГЕРЦЕН В КРУГУ СЕМЬИ

Стоят (слева направо): П.А. Герцен (?), А.А. Герцен (Тутс), М. Шифф, Терезина Герцен, А.А. Герцен, Нерина А. Герцен (?). Фотография, конец 1880-х годов
Музей Герцена, Москва

30 тыс. фр. – почти все, что у меня оставалось от недвижимого капитала, – за исключением 4-х или 5 тысяч фр., которые не стоило больше и хранить и которые помогли мне восполнить пресловутый ежегодный дефицит.

Итак, к этому моменту я оставался всего-навсего с моей третью парижского дома; я совершенно не знал, что делать, чтобы оплатить расходы на самое необходимое по хозяйству и занятия моих сыновей, и, конечно, я вынужден был бы влезть в долги или же заложить свою треть дома, если бы счастливый случай не позволил мне выплыть на поверхность и обойти этот камень преткновения: контракт, заключенный с издателем Павленковым[14]. Он приобретал права и исключительные привилегии на издание в России произведений моего отца (за сумму 12 тысяч рублей, уплачиваемых в течение 6 лет, с ежегодным поступлением по 2 тысяч рублей (5000 фр.), из которых на мою долю приходится одна треть, т.е. приблизительно 1800 фр. ежегодно. Эти 6 лет истекут к концу 1899 г. – т.е. как раз к тому времени, когда Гуго начнет свою самостоятельную жизнь, встанет на ноги, когда Ольга завершит свои занятия в Стокгольме и когда Эдуард закончит свои занятия в школе усовершенствования в Льеже. Все мои сыновья станут тогда независимыми, и я смогу, наконец, если буду еще жив, вздохнуть свободнее. А если мне не суждено, быть может, к этому времени находиться в живых, то моя жена и мои дочери смогут жить в скромном достатке, несмотря на исчезновение моей трети, но я совершенно уверен, я знаю, что мой дом им даст 4 тыс. фр. ⟨...⟩[53*]

[53*] Текст в фотокопии плохо читается, и последние несколько слов остаются непрочитанными. – *Л.М.*

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Завещательный акт, составленный Герценом 1 августа 1852 г. в Фрибурге (см. XXIV, 384–389).

[2] Дом в Париже на улице Amsterdam, № 14 (гостиница Hôtel de Havre), полученный Герценом в наследство от матери. В 1851 г. он стоил 135 000 фр. и приносил доход 7 000 фр. ежегодно (см. XXIV, 383).

[3] Т.е. Н.А. Тучковой-Огаревой.

[4] О желании Герцена, чтобы его наследство разделено было поровну между всеми детьми, см. в XXVII, 524 и XXIV, 130.

[5] Равноправность Лизы в наследственных делах Герцен подчеркивал неоднократно. Так, 26 декабря 1867 г. он писал сыну: "Если б я умер – Лизе выделить четвертую часть" (XXIX, 249) и др.

[6] Лиза покончила с собой 21 декабря 1875 г.

[7] Сам Герцен сомневался в выгодности покупки сыном дачи возле Флоренции (см. XXVII, 204; XXIX, 93–94, 204).

[8] А.А. Герцен уехал из Флоренции в 1881 г., получив кафедру физиологии в Высшей медицинской школе в Лозанне, а с 1891 г. – на медицинском факультете Лозаннского университета, где он работал до конца жизни.

[9] Ср. предсмертное письмо Лизы, с. 553.

[10] Речь идет о Г. Шиффе.

[11] М. Шифф уехал в Женеву в 1876 г. А.А. Герцен возглавил кафедру физиологии в Институте высших наук при Спеколе в 1877 г.

[12] Владимир и Петр стали врачами, Алексей – инженером, Николай – профессором-правоведом, Гуго – горным инженером, Эдуард – профессором-химиком (см. хранящуюся в *РГБ* рукопись: Léonard R i s t. Alexandre Herzen et sa famille, февраль 1973 г.). К тому времени старший (Александр, Тутс) уже получил образование в престижном итальянском Лесном институте (г. Валломброза, Аппенинские горы) и стал специалистом по охране вод и лесов.

[13] См. об этом в книге А.А. Герцена-внука: "Le Pécos, ou Quatre mois de séjour à Vaud près Eddy, N.M. (Nouveau Mexique) par A. H e r z e n-f i l s, sous-inspecteur des eauxet forêts". Lausanne, 1892.

[14] Право собственности на издания Герцена было куплено Ф.Ф. Павленковым, начиная с 1894 г. (см. "Лит. наследство", т. 62, с. 831).

КОЛЯ ГЕРЦЕН

ПИСЬМО К М.К. РЕЙХЕЛЬ (ЭРН)

Публикация Л.Р. Л а н с к о г о

13 июня 1839 г., перед появлением на свет своего первенца, Герцен внес в дневник запись, обращенную к новорожденному:

"Тебя, существо неродившееся, тебя, в котором слились два бытия, Александр и Наталия, благословляю тебя, благословляю! Иди в жизнь, иди на службу человечеству, я тебя обрек на трудный путь, иди, благословляю тебя. – Может, погибнешь, но принесешь чистую душу. – Всею силою отца, всею силою воспитателя, всею силою магнетизма поведу я тебя по пути, не мною избранному для тебя, а богом для человечества.

Ее жизнию, твоей жизнию клянусь и присягаю.

Боже, сохрани же их!" (I, 333–334).

Не только старшего сына, но и остальных своих детей Герцен страстно желал видеть в рядах деятельных и убежденных бойцов за свободу всего порабощенного человечества, и сделал все, чтобы воспитать из них передовых, высоконравственных и высокообразованных людей.

После появления на свет первого сына – Александра – супругам Герценам выпало мучительное и затяжное испытание: в течение трех лет у них один за другим умирали новорожденные дети. Вот почему с особенно обостренной тревогой ожидали они в конце 1843 г. нового ребенка. Когда же знаменитый московский врач А.А. Альфонский объявил о рождении совершенно здорового мальчика, Герцен отметил в своем дневнике: "Еще не смею, боюсь надеяться..." (II, 323).

Переписка Герцена этого времени пестрит шутливыми упоминаниями о сыне, названном в честь его ближайшего друга – Огарева – Николаем. "С мальчиком я как-то еще не очень знаком, и он со мною, – писал Герцен, – впрочем, у него начинают развертываться таланты очень рано – чихает и протягивает руки..." (XXII, 168). Отцу вторят окружающие: "Славный мальчик...", "здоровый и прехорошенький собой" ... "В Николеньке есть что-то женское, – записывает Герцен в дневнике, – что за бесконечная кротость в его детских чертах, что за мило-доброе и вечно смеющееся лицо" (II, 396; ср. XXII, 210).

Внезапное заболевание Коли повергает родителей в "судорожное состояние". Герцен расстроен, молчалив, печален. "Странно видеть его таким, – отмечает Е.А. Елагина, – уж привыкли видеть его смеющимся вечно и разговорчивым"[1].

Коля был необыкновенно умен и понятлив, но домашних не переставало удивлять, почему он не отзывается на оклики. Мальчику было уже около года, когда выяснилась причина этого: он был совершенно глух. Общая любовь и нежность к ребенку еще больше возросли, но тревога о его судьбе все сильнее отравляла родителям жизнь. Глухота в то время была редко поправимой бедой: в большинстве случаев от нее до конца жизни не избавлялись и она воспринималась как умственное повреждение. Специальные школы, существовавшие и в Москве, Герцена не удовлетворяли. Разговор пальцами, а не губами он не считал настоящим разговором. Между тем ему известно было, что в Германии и Швейцарии уже делались опыты обучения глухих нормальной речи (см. X, 160), однако рассчитывать на получение заграничного паспорта для себя и своей семьи он не мог, поскольку находился под строгим надзором полиции.

Коля был одарен необыкновенными способностями: "Вечная тишина вокруг него, сосредоточивая его живой, порывистый характер, славно помогала его развитию и вместе с тем изощряла необычайно пластическую наблюдательность: глазенки его горели умом и вниманием; пяти лет он умел дразнить намеренно карикатурно" всех приходивших к ним "с таким комическим тактом, что нельзя было не смеяться" (X, 160).

Строг и суров был дед мальчика – И.А. Яковлев. Колю же он откровенно обожал, баловал без меры и до слез смеялся над выходками шаловливого внука. "Привязанность к этому чудному ребенку была последним светлым лучом в жизни дедушки. Да и кто не любил этого прелестного голубоглазого ребенка! Он скоро замечал особенности каждого и давал знаками свои названия ⟨...⟩ Он сам помогал нам находить знаки, чтоб сообщаться с ним, при этом был послушен и кроток. В нем столько было забавного, оригинального, он занимал всех и каждого и был общим любимцем во всё продолжение его короткой жизни..." Так писала о Коле милая, добрая, умная Мария Каспаровна Рейхель, проведшая часть своей молодости в семье Герцена[2]. Она горячо полюбила Колю, и ребенок каким-то особым чувством уловил ее любовь и отвечал ей страстной привязанностью. "Еще лежа у груди кормилицы, – рассказывала Мария Каспаровна, – он бросал ее, когда я входила, и тянулся ко мне ручонками ⟨...⟩ Я им жила, им наслаждалась, но никогда не отдалялась от той черты, по которой должно было идти воспитание по взглядам его родителей..."[3]

Жена Герцена пишет ему 10 октября 1846 г.:

"А Коля здоров, весел, большею частию, но какое иногда у него бывает грустное личико – сердце обливается кровью – что это? зачем у этого милого существа отнято полжизни, почему оно недокончено, и сколько страданий ему от этого, – вздор, чтоб для него это было все равно, это так неестественно, – впрочем, стоит на его лицо посмотреть иногда. Мне его ужасно жаль, и никогда эта рана не залечится – Альфонский опять уверял, что в Дрездене сделают операцию, – не верю..."[4]

В конце 1846 г. Герцену удалось, наконец, получить заграничный паспорт, и вскоре вся семья, в обшитых мехом санях, отправляется в продолжительный и нелегкий путь. Берлинские врачи-специалисты тщательно обследуют Колю и приходят к выводу, что слышать он никогда не будет. "Это разлагает меня до тла", – пишет Н.А. Герцен московским друзьям (XXIII, 11). Постановка обучения в Берлинском институте для глухонемых Зегерта, в который Герцен собирался устроить сына, также производит на него удручающее впечатление. Осматривают Колю врачи и в Париже, где поселился Герцен с семьей в 1847 г.; они не говорят ничего определенного. Между тем мальчик "становится с каждым днем милее, умен поразительно", о чем пишет Наталья Александровна Т.А. Астраковой в Москву. "Ты не можешь себе представить, что это за чудный ребенок, поразительный ум, грация и доброта, я не надеюсь, чтоб он стал слышать, – мне кажется, все это ему дано в замену" (XXIII, 25, 33).

Осенью бабушка Коли (мать Герцена) Луиза Ивановна вместе с Марией Каспаровной Эрн увозят пятилетнего Колю в Цюрих, где находилось лучшее в Европе учебное заведение для глухонемых. Они решили поселиться там на несколько лет, чтобы дать возможность Коле пройти полный курс обучения.

"Первое время ученье шло медленно, особенно когда учили односложные слова, и я уже начинала бояться за недостаток способности у Коли, но боязнь моя недолго продолжалась; когда он несколько освоился с выговором, он начал быстро подвигаться вперед ⟨...⟩ Все мы и бабушка, и прислуга, и кто бы к нам ни приходил, скоро научились нужному движению губ и вместе с Колей учились запасу тех слов, которые он каждый день выучивал, и могли говорить с ним. Он не только был понятлив, но у него было удивительное чутье для выражения его симпатий ⟨...⟩ Все, чему он учился, он умел тотчас применять к действительности и, несмотря еще

на малый запас слов, который был в его распоряжении, он умел придавать речи более или менее различные оттенки..." – писала полстолетия спустя М.К. Рейхель[5].

Доброту и трогательную наивность ребенка рельефно передает следующий забавный эпизод: однажды после поездки в горы Коля, очень довольный прогулкой, попытался в знак признательности пожать лошадям ноги, говоря: "Благодарю, благодарю". А успехи его в языке дошли до того, что по временам он даже пробовал каламбурить. Узнав, например, что означает слово "водопад", он однажды опустил на пол кусочек хлеба и сказал по-немецки: "Хлебопад".

Наталья Александровна пишет Грановскому о Коле: "Я на его счет совершенно спокойна: что для него делает Машенька ⟨Эри⟩ и Лу⟨иза⟩ Ив⟨ановна⟩, больше сделать нельзя, да и в будущее его мне как-то верится, он всех похожее на Ал⟨ександра⟩" (XXII, 182).

Это свидетельство жены Герцена о физическом и психическом сходстве Коли с его гениальным отцом вполне оправдывает особый интерес к личности этого изумительного ребенка.

20 декабря 1849 г. Герцен с женой приезжают погостить в Цюрих. Они застают Луизу Ивановну и Машу в сборах на экзамен, где должен выступать Коля. Является делегация от училища, которая настоятельно приглашает Герцена. "Коля был восхитителен, – сообщает Герцен, – он меня тронул до слез. Он будет говорить, будет говорить... представьте себе, он уже знает названия всех окружающих предметов" (XXIII, 217).

В "Былом и думах" упоминается о том, что у Коли был тогда приглушенный голос и что он мало обозначал ударения, "но уже говорил очень порядочно по-немецки и понимал всё, что ему говорили с расстановкой..." (X, 160).

Обрадованный очевидными успехами сына, Герцен горячо поблагодарил дирекцию училища и педагогов и, в свою очередь, получил от них самые лестные заверения в уважении и преданности.

Заниматься в этом училище Коле пришлось, однако, только несколько месяцев. После отъезда Герцена цюрихские городские власти узнали, что Колин отец вовсе не граф, как они думали, а социалист, атеист, автор "подрывной книги" "С того берега" и попытались выжить ребенка не только из училища, но и из города различными придирками, требованием паспорта, денежного залога и пр. Герцен рассказал об этом друзьям, в том числе И.С. Тургеневу, связанному с французскими журналистскими кругами, и в парижской прессе появились заметки, обличавшие происки реакционных властей и полиции Цюриха. "Итак, Колю преследуют ⟨...⟩, – писал он в феврале 1850 г., вспоминая, вероятно, о том "трудном пути", на который он с младенчества "благословлял" своих детей ⟨...⟩ – И эти подлецы думают, что, выполняя подобные распоряжения, они что-то выиграют..." (XXIII, 272–273). Швейцарская реакционная пресса попыталась опровергнуть приведенные в газетах факты; тогда в полемику вступил сам Герцен, опубликовавший в парижской газете "Voix du Peuple" две полемические заметки, "Contenti estote" и "Le journal *La Suisse* nie le fait..." (авторство Герцена установлено мною – см. XXX, 493–494, 498). В этих печатных выступлениях Герцен доказал, что шестилетний Коля не был выслан из Цюриха только потому, что за него немедленно внесли крупный залог. "Остается лишь узнать, – едко замечал Герцен, – что было бы предпринято, если бы у родных не оказалось достаточно денег, чтобы выплатить эту сумму..." (XXX, 498).

"Да здравствует Коля! Я в восхищении, мы открыли ему путь к славе, я намерен писать здесь tanto posto о Швейцарии", – заявил Герцен в одном из своих писем из Парижа (XXIII, 278).

Герцену противно было оставлять ребенка в этой "ослиной пещере". В одной из глав "Былого и дум" с подзаголовком "Преследование ребенка" он сообщал, что лучшему учителю цюрихской школы для глухонемых Й. Шпильману он предложил стать воспитателем мальчика. Мать Герцена Луиза Ивановна переехала с этим педагогом и ребенком в Ниццу, где и поселилась (см. X, 161).

В марте 1851 г. Наталья Александровна сообщала в Москву: "Коля, как маленький царек, живет у Л⟨уизы⟩ Ив⟨ановны⟩, их дом несколько шагов от нас, мы видаемся несколько раз в день, у него гувернер отличный человек, любит его и учит его с любовью к ребенку и к ученью, Коля говорит по-немецки, читает, пишет, весел и здоров, как нельзя больше, умен и сметлив поразительно и не изменил своей страсти к Машеньке" (XXIV, 165). Машенька – Мария Каспаровна Эрн уже не живет в Ницце: она вышла замуж за музыканта А. Рейхеля и переехала в Париж. Коля и его бабушка постоянно переписываются с нею. В каждом письме Луиза Ивановна сообщает о необыкновенных успехах Коли во всем, даже в танцах, и о его забавных словечках, заставляющих Герцена и его домашних смеяться, "как сумасшедшие"; пишет, что друзья Герцена "прямо влюблены" в Колю, который "все хорошеет и хорошеет". "Вчера, – пишет в одном из писем Луиза Ивановна, – у нас был большой вечер ⟨...⟩ и Коля был душой общества. Представляешь себе гордость Шпильмана! Александр несколько раз ставил Колю в пример Саше и Тате"[6].

В августе 1851 г. Луиза Ивановна, Шпильман и Коля отправляются в Париж – погостить у Марии Каспаровны. Незадолго до того у нее родился сын, но она продолжает относиться к Коле с неослабевающей любовью…

"Коля был трогательно нежен к моему маленькому, – вспоминала впоследствии Мария Каспаровна, – просил позволения подержать его на коленях и сидел с ним, не шевелясь, повторяя: "Mein Kind"[54*] ⟨…⟩ Его привязанность ко мне была безгранична; однажды у него в Париже болел зуб, и надобно было его выдернуть. Мы отправились с Колей к известному тогда зубному доктору. Коля никак не соглашался на операцию. Я увела его в другую комнату и обещала, что если он согласится дать выдернуть зуб, он может три ночи ночевать у меня. В ту же минуту он согласился, и зуб был вынут. Обещание было исполнено, и последнюю ночь перед отъездом из Парижа он тоже ночевал у меня"[7].

КОЛЯ ГЕРЦЕН
Дагерротип. ⟨1850–1851⟩
Российский государственный архив литературы и искусства
Москва

14 ноября Луиза Ивановна, ее племянница Луиза Суццер, Шпильман, Коля и горничная выехали из Парижа в Ниццу. Путь их лежал через Марсель, где они сели на пароход "Ville de Grasse", предварительно известив об этом Герценов.

В три часа ночи, когда пароход проплывал мимо Йера, невероятный грохот разбудил пассажиров. Оказалось, что двигавшееся в противоположном направлении судно "Ville de Marseille" столкнулось с "Ville de Grasse" и носовой частью раскололо его пополам. Пароход стал быстро погружаться в воду. Шпильман, выскочивший на палубу, успел крикнуть женщинам, чтоб они поскорее одели Колю. Растерявшаяся горничная вынесла ребенка без шапки и обуви. Мальчик был перепуган, его знобило, он повторял: "Мне холодно! Мне холодно!" Когда Луизе Ивановне удалось подняться на палубу, почти никакой надежды уже не оставалось… Но вот со спасательной шлюпки на пароход внезапно бросили веревку; Шпильману удалось завладеть ею. Отличный пловец, он, без сомнения, спас бы свою жизнь, если бы бросился в воду. – "Спасайте ребенка!" – закричала ему Луиза Ивановна. Она поскользнулась, и в ту же секунду огромная волна смыла ее в море. "Давайте сюда Колю", – крикнул Шпильман горничной, но она, оцепенев от страха, не тронулась с места. Тогда Шпильман вынужден был отпустить веревку. Он бросился вперед и схватил Колю на руки. Веревкой воспользовался другой пассажир. В то же мгновенье на палубу налетел пенистый вал, и пароход со всеми оставшимися на нем пассажирами пошел ко дну. "Шпильман вел себя героически, – отметил Герцен, – он погиб за Колю, для Коли"[55*] (XXIV, 212).

Катастрофа глубочайшим образом потрясла Герцена. А Наталья Александровна, которая до гибели Коли уже начала выздоравливать, снова оказалась в плену безнадежной болезни.

Гибель сына и матери Герцена поразила в Москве, по словам его брата Егора Ивановича, "всех без исключения". К нему ежедневно "приезжали и приходили москвичи для изъявления участия, соболезнования и узнания подробностей". Виднейшие представители западноевропейской демократии с глубоким сочувствием восприняли печальную весть о гибели сына их уважаемого собрата.

Это трагическое событие и волнующий подвиг своей матери и Шпильмана Герцен хотел

54* "Мое дитя" (*нем.*).

55* См. подробно об этом в "Былом и думах" (X, 276–282).

увековечить, установив мраморный памятник на берегу Средиземного моря, у Йерского маяка. "Какая группа, – писал он Ж. Мишле, прося его подыскать скульптора для воплощения этого замысла: – моя мать, в момент гибели думающая только о внуке и умоляющая спасти его; юноша, жертвующий собой ради его спасения, и ребенок, прекрасный, как ангел" (XXIV, 211). За работу над проектом взялся французский художник А.-О. Прео. Бонапартистский переворот во Франции и последовавший затем переезд Герцена в Лондон помешали осуществлению этого плана.

Но до нас дошел другой памятник, гораздо более долговечный, чем мрамор, – "Былое и думы", в котором Герцен воссоздал обаятельный облик своего младшего сына, жизнь которого так много обещала и так оборвалась...

В "пражской коллекции" (*РГАЛИ*) и среди бумаг семьи Герцена (*РГБ*) сохранилось немало детских рисунков и писем Коли, адресованных родителям и М.К. Рейхель и относящихся к концу его жизни. Письма написаны детским почерком, по-немецки. Здесь воспроизводится одно из них. В "пражской коллекции" находятся два дагерротипа Коли. Выражение лица его на обоих снимках печально и строго.

Письмо публикуется по автографу: *РГБ*, ф. 69. IX, 283–284.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *ЛЖГ* 1, 302.
[2] *Рейхель*, 31.
[3] *Рейхель*, 30
[4] См. кн. 1-ю наст. тома, с. 550.
[5] *Рейхель*, 66–67.
[6] "Лит. наследство", т. 63, с. 403.
[7] *Рейхель*, 71.

Перевод с немецкого:

⟨Ницца. Лето 1851 г.⟩

Моя любимая Маша,

Маша – сокровище. Я прилежен. Канарейка целует Машу и Морица. Мориц говорит Маше: матушка. Художник нарисовал мой портрет. У бабушки в кофе сахар; сахар делает кофе сладким. Кофе с молоком полезен для здоровья. Я целую Машу.

Коля Герцен

НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ГЕРЦЕН (ТАТА)

ПИСЬМА ТАТЫ ГЕРЦЕН ГЕРЦЕНУ

Статья С.Д. Л и щ и н е р,
публикации Л.Р. Л а н с к о г о, С.Д. Л и щ и н е р, И.Г. П т у ш к и н о й*

Настоящая публикация, в которую вошли 97 писем Н.А. Герцен (Таты) к отцу, охватывает почти все выявленные до настоящего времени эпистолярные обращения к Герцену его старшей дочери[1]. Вне этого обширного цикла было напечатано только одно письмо, одна телеграмма и несколько приписок. Шестнадцать писем появилось в английском переводе.

Публикуемые письма относятся к 1859–1869 гг. Это время становления личности их автора – личности весьма значительной, глубокой, гармоничной, которую отец за два месяца до своей кончины назвал в письме к Тургеневу "самым светлым и прекрасным существом из всей семьи" (XXX, 255). Старшая дочь была наиболее близка Герцену и по своему душевному складу, и по общности "нравственной почвы", и по слагающемуся реалистическому "понятию о жизни" (XXX, 30; XXIX, 335). "Тата не только друг, – писал Герцен, – она очень симпатично понимает мой взгляд на вещи" (XXIX, 515). До сих пор об этом можно было судить лишь по подобным признаниям да по самому строю писем к ней Герцена, затрагивающих главные "*вопросы о жизни*" (XXIX, 344), доверительно распахнутых навстречу многостороннему сочувствию и соразумью адресата. Теперь перед нами уже не монологи, обращенные к невидимому собеседнику, а живой многолетний *диалог*, с годами все более серьезный и значительный. В воссоздании этого диалога, быть может, самая интересная и важная особенность публикуемых писем. От случайных путевых впечатлений четырнадцатилетней девочки до развернутых философских размышлений в последних письмах – перед читателем предстает живой процесс созревания "светлого ума" и "сильного характера" (XXIX, 355, 511–512). Формируются художественные вкусы, углубляется мировидение незаурядного человека, чье развитие все эти годы шло в орбите мощного влияния герценовских взглядов и личности.

При этом интересно наблюдать, как по мере взросления Таты меняются характер и широта воздействия на нее герценовской духовной атмосферы, как с этим воздействием все органичнее и самобытнее смыкаются возникающие у нее собственные интересы, заботы, устремления – многоохватные и вместе с тем целеустремленные. В этом отношении показателен круг чтения дочери Герцена, отраженный в письмах. Здесь находят свое место трагедии Кальдерона – и "Казаки", "Война и мир" Л. Толстого; рядом с Шиллером и Гофманом – "Князь Серебряный" А. Толстого; исторические хроники Шекспира читаются вслед за стихами Леопарди и "Героем нашего времени". Новые произведения русской литературы в центре особого, постоянного внимания девушки. Здесь и "Дым", и "Обрыв", и мемуарный очерк Тургенева о Белинском. Ее интересуют русские журналы "Отечественные записки" и "Вестник Европы". Она просит Герцена сообщать, "что всего замечательнее" в отечественной печати (п. 85).

С углублением исторических и философских интересов Натальи Александровны все явственнее определяется один из их важнейших объектов – узловые революционные моменты в жизни человечества. При этом события такого рода в современности сопрягаются с опытом прежних, подчас далеких во времени битв за свободу. Весной 1863 г. письма наполнены неустанными расспросами о ходе польского восстания, о судьбе знакомых ей лично его участников – А.А. Потебни, Г. Абихта и др., об экспедиции Ф. Лапинского, о подвигах русской девушки Г.Т. Пустовойтовой в рядах повстанцев. И наряду с известиями об актах солидарности с Польшей во Флоренции, в частности о митинге, на котором присутствовала, – Тата сообщает, что читает рассказ о Т. Мазаньелло – неаполитанском рыбаке, возглавившем народное восстание 1647–1648 гг. Увиденный портрет одного из руководителей польских отрядов М. Лянгевича вызывает у нее ассоциации с обликом Пестеля.

---

* Письма 1–8 подготовлены и прокомментированы И.Г. П т у ш к и н о й; п. 9–83 – С.Д. Л и щ и н е р; п. 84–97 – Л.Р. Л а н с к и м.

В письмах обсуждается исторический роман Э.-Ж. Булвер-Литтона "Кола ди Риенцо" (из времен антифеодального восстания в Риме в 1347 г.), передаются восторженные впечатления от чтения "мемуаров г-жи Ролан", участницы революции 1789 г., писанных в парижской тюрьме перед казнью. "Я завидую ее уму и характеру", – признется Тата в письме от 28 декабря 1864 г., а 29-го добавляет: "Характер ее, серьезный, энергичный, великолепен сам по себе". Пристальный интерес девушки привлекают личности Кромвеля, А. Клоотса, Робеспьера, Дантона. С увлечением читает Наталья Александровна новые биографии деятелей Великой французской революции, выпущенные в середине 1860-х годов Ж. Авенелем, А. Бонжаром, Э. Аммелем; внимательно штудирует исторические труды А. Токвиля, Ж. Мишле, Э. Кине, Ж. Кларти, Т. Карлейля, Ф.-О. Минье об этой эпохе[2].

И, разумеется, постоянные ее спутники – книги Герцена, "листы" "Колокола", новые главы "Былого и дум", сначала – напечатанные в "Полярной звезде", а затем и рукописные. Наконец, Герцен поверяет ей самые сокровенные страницы своих мемуаров "Рассказ о семейной драме"... После их чтения, 24 августа 1864 г., Тата писала М.К. Рейхель: "Последнее время я все больше и больше ценю папашину любовь ⟨...⟩ чувствую, как мы сближаемся".

Совершенствуясь в итальянском, Тата переводит на этот язык "Долг прежде всего"; сестре Ольге в июне 1869 г. читает "Кто виноват?", почти каждую фразу растолковывая по-французски. С углублением в главные философские проблемы бытия и мышления приходит черед "Писем об изучении природы".

Произведения Герцена, его суждения – естественные для Таты с детства мерила истины, моральной нормы и эстетического вкуса. Сквозь эту призму воспринимает она явления жизни и искусства. Однако по мере расширения кругозора, эмоционального возмужания – все своеобразнее и самобытнее преломляется строй герценовских идей в ее сознании. Меняется вместе с тем и характер эпистолярного диалога ее с Герценом.

Для раннего этапа переписки показательно письмо от 1–6 января 1863 г. из Флоренции, куда Тата приехала 24 декабря 1862 г. для занятий живописью. Вот как описывает она встречу Нового года в обществе русского искусствоведа А.Ф. Фрикена, друга семьи Герцена: "Достали бутылку шампанского, пили за ваше здоровье, за русскую пропаганду и за мою живопись... Разговаривали ⟨...⟩ особенно о русском, крестьянском деле. Он нам рассказал, что большая часть крестьян желают и надеются, что общину аболируют[2*], все хотят себе купить особые клочки земли; Тургенев[3] мне тоже это говорил о собственных мужиках. – Что ты думаешь, правда или нет?"

Тут характеристичен уже сам круг разговоров в новогоднюю ночь. И в этот час помыслы Таты обращены к России, к ее народной жизни и перспективам. Это тот воздух, каким дышала она в доме Герцена, какой привезла с собой в Италию. Думы о России, расспросы соотечественников, надежда "отправиться" туда, реакционные "ужасы", которые там творятся – и далее постоянная внутренняя тема Таты. Но в названном письме не менее примечательна конкретная информация, которой она спешит поделиться с отцом – новые, неожиданные сведения "о русском крестьянском деле", о состоянии общины. Их Тата стремится осмыслить с помощью Герцена.

В письмах этих дней воссоздается наэлектризованная герценовской мыслью, его "пропагандой" духовная атмосфера в русской художественной "колонии" в Италии – среде "колоколистов", ждущих с нетерпением каждого номера вольной газеты, передающих ее из рук в руки (это круг Н.Н. Ге, П.П. Забелло, М.П. Боткина, Ф.А. Бронникова, Э.Д. Мамонова, А.А. Щедрина и др. русских художников). Благодаря письмам Таты расширяются наши сведения о непосредственных контактах, встречах Герцена с передовыми людьми, деятелями культуры России и Запада, о живом общении его с представителями молодого поколения 1860-х годов, о международном резонансе его деятельности. В круг изучения герценовских связей включаются новые факты и имена: искусствовед и археолог Н.Х. Вендт, сын драматурга А.В. Капнист, офицер-живописец Г.Г. Устинов, ездившие к Герцену в Лондон в годы общественного подъема. Мы узнаем о знакомстве его с немецкими писателями и художниками Л. Шюкингом, К.-А. Линдеманном, А. Фолькмар и др.

Помимо фактографической ценности, особенно интересен подспудный интеллектуальный сюжет этой переписки, ее внутренняя динамика. Вначале структуру писем определяют отчеты об учебных занятиях, прямые обращения за насущными ориентирами в осознании окружающего, строй же писем отца – разъяснения, советы, мягкие (а иногда и строгие) наставления, но всегда исполненные чувства, не скрывающие сомнений, побуждающие к самостоятельной работе ума и сердца. Постепенно их корреспонденция обретает все более широкие рамки свободного обмена мыслями, обобщениями душевного опыта, подчас включает прин-

---

[2*] Упразднят (*от франц.* abolir).

цишальные споры, несогласия в оценке фактов жизни и искусства, приближается к равноправному философскому диалогу. И такие несогласия с новой стороны оттеняют богатство мысли самого Герцена.

Это движущееся соотношение наглядно обнаруживается в эстетических оценках и суждениях Таты. Приехав в Рим в марте 1863 г. для ознакомления с памятниками культуры античности и Возрождения, она обращается к герценовским впечатлениям декабря 1847 г. – к "Письмам из Франции и Италии", ищет те ракурсы, с которых он рассматривал развалины "вечного города", размышляя о величии римского искусства: "Как твои описания хороши ⟨...⟩ я только что перечла письма из Рима. Через несколько минут мы пойдем на Терм Каракаллы, где ты сидел с молодым итальянцем ⟨...⟩. Какое великолепие – люди, верно, сидят на самом том месте, где ты был, с которого видны акведуки, горы, Тиволи, начало Фраскати, остатки стены, а сзади 8.-Pietro[3*] – словом, весь Рим"(п.13).

Благодаря непосредственной ориентации на вкусы Герцена мы из писем Таты подчас узнаем о некоторых неизвестных сторонах и нюансах в его художественных оценках, пристрастиях. Так, после посещения Палаццо Питти во Флоренции она 3 января 1863 г. пишет Герцену: "Не могу я восхищаться прерафаэлитами, настоящими, даже учителем Рафаэля Перуджино и его, т.е. Р⟨афаэля⟩, первыми работами – они все еще слишком похожи на византийские мадонны, которых я просто терпеть не могу. Я знаю, что ты тоже так думаешь, поэтому тебе я это говорю ⟨...⟩ В этих картинках много *наивного*, но мне поздние картины, *ненаивные*, больше нравятся и в тысячу раз симпатичнее".

Такое прямое, иногда несколько упрощенное юношеским восприятием отражение оценок Герцена в более поздних письмах уступает место самостоятельной и последовательной эстетической позиции. Она сложилась, разумеется, в спектре герценовского мировидения, в школе его атеизма и гражданственности, реалистической и демократической эстетики, но не вела к автоматическому совпадению конкретных суждений. Вот, к примеру, какие размышления вызывает у молодой художницы, посетившей в октябре 1866 г. мастерскую Н.Н. Ге во Флоренции, его незаконченная картина "Вестники воскресения": "Что касается до композиции, мне кажется, что слишком мало фигур – главное лицо, Магдалина, вдали в середине картины, а солдаты – в правом крайнем углу. Потом, мне кажется, что в каком бы новом и реальном виде художник ни представлял все эти сюжеты, он мог бы найти интереснее предметы в современных или не до такой степени отдаленных событиях" (п. 52).

Что же это за более интересные предметы, более насущные проблемы? Ответы на этот вопрос мы найдем и в живописных опытах самой Таты (ее "модели" – неаполитанская крестьянка Стелла, старый солдат), и в ее эпистолярных размышлениях. (Кстати и в творчестве Ге этот непосредственный интерес к современности вскоре найдет знаменательное выражение: несколько месяцев спустя он создаст вдохновенный портрет Герцена. А рядом с ним свой лучший живописный портрет отца будет писать Тата).

Как показывают публикуемые письма, Наталью Александровну глубоко волнует воссоздание жизни и быта народа в искусстве, отношений в крестьянской среде, психологических аномалий в характерах, побуждениях, сформированных нуждой и придавленностью, – даже если их изображение лишено художественного совершенства. Прочитав "несколько глав" нового французского романа Эркманна-Шатриана "История крестьянина 1789–1815 гг.", она пишет 22 марта 1868 г.: "Это длинновато по временам, но все-таки очень хорошо как народный рассказ, и некоторые возмутительные сцены нищеты и ее последствий, например ⟨...⟩ как мать радуется, что старший сын вынул хороший билет во время conscription[4*]. Не потому, что он освобождается от солдатской жизни, а потому что его можно сейчас же продать ⟨...⟩ и не умереть с голоду. А вместе с тем она сына ужасно любила, страдала. Сына напоили, он с первого же вечера все прокутил".

Таков суровый драматизм в исследовании жизни социальных низов, глубинный уровень психологической правды, который в глазах дочери Герцена, воспитанной во многом на традициях русской "натуральной школы", насущно необходим для современного художника и делает его произведение содержательным.

Реалистическая верность обстоятельствам, психологическое правдоподобие характеров остается для нее основополагающим критерием и в отзыве об игре известного итальянского трагика Сальвини: "В Гамлете он мне далеко не понравился, его ужасно страстная игра, мне кажется, не идет к северному типу и характеру Гамлета" (п. 70). Та же определенность вкуса сказалась и в суждении об образе Ораса из одноименного романа Жорж Санд ("характер не-

---

3* собор св. Петра (*итал.*).

4* призыва новобранцев (*франц.*).

множко экзажерированный[5*] – это почти карикатура", – пишет она 12 июня 1867 г.). Кстати, в этом случае налицо явное расхождение с известными отзывами Герцена, увидевшего в Орасе "созданный по образу и подобию века" (XII, 333) тип мещанского, потребительского сознания. Это расхождение оттеняет глубину взгляда Герцена. Свойственная ему широкоохватная масштабность соотнесения искусства и действительности позволяла осознавать многообразие возможностей художественного обобщения далеко за пределами простого правдоподобия в воспроизведении натуры..

В том же плане характерен обмен мнений Таты и Герцена по поводу портрета Сен-Жюста (из коллекции Версальской галереи). Получив от отца репродукцию и прося прислать "мало-помалу всю коллекцию", запечатлевшую облик деятелей революции 1789 г., она вместе с тем в письме от 27 марта 1868 г. сетует: "Жаль, видно, что с плохих рисунков сняты фотографии. Во всех чертах что-то такое conventionnel[6*], что трудно судить о характере лица". В ответном письме от 2 апреля Герцен посылает портрет А. Шенье и замечает: "Ты напрасно думаешь, что портреты натянуты – они брали тогда эту позу" (XXIX, 301). Приведенный микродиалог обнаруживает и последовательность реалистических художественных пристрастий Таты, и некоторую их узость (связанную с особенностями мировидения в целом, о которых речь впереди) – на контрастном фоне объективной эстетической позиции Герцена. Одновременно обнажаются корни этой объективности – в неуклонном движении его мысли к конкретному историзму в эстетике, к выработке критериев, не накладываемых извне на стиль живописи определенной эпохи, а извлекаемых из закономерностей самого склада ее сознания, отраженной духовной жизни.

Все чаще в этой переписке обсуждение текущих семейных дел и коллизий также ведет к глубоким общеэстетическим и этическим раздумьям, философским выводам. Один из примеров тому в письмах весны 1868 г., относящихся к предстоящей женитьбе старшего брата Таты – Александра. Герцен не одобрял выбор сына из-за резкого неравенства в развитии его и его невесты, 16-летней работницы-итальянки Терезины Феличи. Тата не раз просила отца "не говорить больше об этом" ("Он верит в свою любовь ⟨...⟩ Пусть он живет себе счастливо по-своему. Что же нам жалеть, если он в самом деле счастлив?" – п. 71). Получив очередное письмо с возражениями, она отвечает: «Ты пишешь: "Счастлив тот, кто приносит в жизнь побольше разума и поменьше увлечений". Можно ли сказать, что тот счастливее? *Спокойнее*, это так. Кто ни в чем не рискует, ничего не теряет, но и ничего не выигрывает. Думаешь ли ты в самом деле, милый папаша, что это спокойствие можно назвать счастьем?» В ответном письме Герцен разъясняет свою мысль: "Я писал не о равнодушии и не о бесстрастии – а о том, что есть уравновешение страстей и разума, до которого все гармонические натуры могут достигать. Все красивое и изящное только и состоит в соразмерности частей – в мере ⟨...⟩ Любовь не должна играть главную роль, а *одну из* главных ролей в жизни. Даже вообще все *личное* должно быть балансировано *общим* – иначе беда" (XXIX, 322).

Так, в этих спорах-соразмышлениях рождаются итоговые выводы Герцена о необходимом сочетании норм социального и эстетического в деятельности человека, об "эстетике поступков" (XXX, 147).

Не менее общезначим соприкасающийся опять-таки с трудными отношениями в семье философский диалог Натальи Александровны с Герценом конца мая–начала июня 1868 г. о свободе воли и причинности в поведении человека, в "процессе мышления". Этот диалог отразил в миниатюре важный момент движения русской материалистической мысли – в ее высших воплощениях – к пониманию объективных законов общественного бытия в противоборстве с фаталистическими или волюнтаристскими выводами позитивизма и идеализма. Искания Таты исходят из материалистических посылок, но, как и у всех участников флорентийского кружка натуралистов во главе с М. Шиффом и А.А. Герценом, не идут далее "белого и серого вещества", физиологического механизма мысли, не дающего достаточных оснований для объяснения и этической оценки поступков личности (см. п. 76)[4]. И бросают дополнительный свет на диалектическую глубину ответных размышлений Герцена, которые на наших глазах снимают эту антиномию, пробиваются к единству детерминизма и свободы воли, ибо мысль движется в категориях общественной природы человека, его мироотношения и социальной активности. Личность свободна выбирать место в общественной борьбе эпохи, в данных исторических обстоятельствах, – полагает Герцен, – но именно и только в борьбе за изменение "стеснительных учреждений" "для всех", а "не как исключение *для себя* ⟨...⟩ Пока исторические формы не заменены другими, люди поневоле ⟨...⟩ живут в них" (XXIX, 344).

5* преувеличенный (*от франц.* exagérer).

6* условное (*франц.*).

ТАТА ГЕРЦЕН
Фотография. Начало 1860-х годов
Институт русской литературы РАН, С.-Петербург

Так, в стремлении оградить созревающий "здоровый" взгляд дочери на жизнь от позитивистских и идеалистических "закраин" формулируется конечная нравственно-философская позиция Герцена-*мыслителя*, фундамент которой – *исторический реализм*. (Вскоре она будет развернуто изложена в предназначенном уже для печати "Письме о свободе воли".)

Столь же явственно проступает в переписке с Татой специфика реалистического видения мира Герценом-*художником*, своеобразие его принципов типизации, эмоционального освещения человеческого характера. В мыслях о коренных свойствах личности родных и близких – о "доктринаризме" сына или разновидностях "идеализма" как пружинах психологии Мейзенбуг и Тучковой-Огаревой – так же неуклонно, как в "Былом и думах", на первый план выдвигаются свойства интеллекта, мировоззренческие определения типа. И в доверительном разговоре с дочерью о "нравственности – деле историческом" ("человек, поступающий сообразно своему понятию о добре и зле, поступает хорошо, и почти всегда под влиянием исторического развития" – XXIX, 354–355) – мы находим ту же принципиальную нераздельность этических и исторических критериев, которая определила высоту реализма в воссоздании и оценке деятелей современности на страницах "Былого и дум".

Рассмотренные сюжеты переписки дают в то же время возможность оценить по достоинству высоту *практической* этики Таты – ее мягкость, ненавязчивую доброту и внимание к близким, постоянное стремление к гармонизации отношений в семье – тот "человеческий такт", который особенно ценил в старшей дочери Герцен. Именно к этому такту, сердечной отзывчивости, "мягкому разуму" (XXIX, 485) обращена "исповедь" Герцена 7 июня 1867 г., посвященная его сложным отношениям с Тучковой-Огаревой (после того, как та 24 или 25 мая

открыла Тате истинный их характер[5]). К Тате устремлены его надежды на восстановление единства семьи ("Вся наша жизнь, – сетует он в своем письме, – как бусы, у которых шнурок порван, рассыпалась. Если б кто-нибудь умел их собрать?... Сумей *ты*" – XXIX, 116).

И Тата, действительно, проявляет в совместных поисках выхода из тяжелой жизненной коллизии наибольшую душевную тонкость, умение прочувствовать позицию каждого из ее участников, учесть психологическое состояние маленькой Лизы, Ольги и пр. Безукоризненно деликатны ее первые прикосновения к больной теме. В письме от 27 мая 1867 г. ее осведомленность и стремление действенно вмешаться, помочь выдает лишь повышенный тон признания, "с каким удовольствием, с какой любовью" занялась бы она Лизой, если бы Наталья Алексеевна "решилась" ей отдать дочь на воспитание. Затем, 4 июня, Тата, ни словом не затрагивая пока ненормальности семейной ситуации в целом, лаконично и определенно выражает свое понимание и сочувствие обострившимся переживаниям Тучковой-Огаревой (особенно обеспокоенной странностью в глазах окружающих своего положения одинокой женщины – в связи с предполагаемой беременностью): "Конечно, ее положение неловко, – а ты никакого плана на устройство жизни не даешь?"

Лишь 12 июня, получив упомянутое исповедальное письмо Герцена, Тата высказала отцу свою оценку всего хода драматических событий прошлого и вызванные им опасения за будущее. Исходя из общих для нее и адресата принципов свободной гуманистической морали, она в этом случае более тонко учитывает психологические нюансы и реальную обстановку жизни близких ей людей. По поводу переданного Герценом мнения Огарева, что истину отношений в семье "скрывать поздно и глупо (Не афишировать и не скрывать)" (XXIX, 115), – она грустно замечает: "Конечно, ужасно жаль, что это не было сделано с самого начала, но жалеть о прошедшем ни к чему не поведет. Как объяснить долгое молчание? – Может быть, Огарев прав и я была бы с ним согласна, если б не было Ольги и Лизы". Тата делится с отцом своими сомнениями, тревогами по поводу наиболее удобного момента, когда следует сообщить каждой из девочек правду, – и обнаруживает при этом тончайшее понимание особенностей возрастной психологии детей, ища наименее болезненный для их душевной жизни выход из трудного нравственного испытания.

И впоследствии роль Натальи Александровны в ходе нормализации отношений в семье была самой активной и благотворной. Один из важных шагов на этом пути отражен в письмах начала ноября 1868 г., когда вновь – с особенной остротой и конкретностью – встал вопрос о том, какую форму должно принять обнародование брака Герцена и Тучковой-Огаревой. Тата озабочена тем, чтобы самым решительным образом изменить "неприятно-тяжелое, неясное положение" последней, устранить тем самым реальные причины постоянного психологического напряжения, обид, ощущения ущемленности ее человеческого достоинства. В письмах от 4 и 9 ноября она настаивает на необходимости для Натальи Алексеевны официально "переменить имя, чтобы все было ясно", – выражая надежду, что этот акт приведет ее к "более ровному расположению духа", сделает ее характер "хотя немного погармоничнее". Забота о внутренней гармонии в развитии характера Лизы заставляет Тату не согласиться и с "мечтой" Герцена о том, чтобы девочка, узнав, кто ее отец, продолжала носить прежнее имя, – что "было бы традицией Огарева" (XXIX, 484). Тата возражает: «Ведь это поставит ее в фальшивое положение, она на каждом шагу должна будет дать объяснение или на каждом шагу говорить неправду ⟨...⟩ Не вредно ли приучать ребенка к неоткровенности, к обману ⟨...⟩ называть отца "дядей", а дядю "отцом"? Не знаю: нельзя предвидеть последствия. Мне кажется, что откровенное отношение лучше».

С той же нежной заботой и вниманием стремится Тата снять с души Герцена горькое сознание растущего отчуждения Ольги, добиваясь неуклонно нового сближения сестры с отцом[6].

Все осознаннее и многостороннее несет старшая дочь Герцена нелегкую душевную миссию сплачивающего, гармонизирующего центра семьи – миссию, в которой так нуждались самые близкие люди – Герцен, Огарев ("Я очень, Тата, во всем надеюсь на тебя", – писал Герцен 7 ноября 1868 г.; а 25 апреля 1869 г., повторяя это, торжественно заключал: «Ты мой Петр, "на котором созижду храм мой..."» – XXIX, 484; XXX, 95). Однако эта объединяющая сердечная работа, которая как нельзя более соответствовала натуре Таты, устремленной к добру и самоотдаче, далеко не всегда оказывалась успешной: центробежные силы коренились не только вовне, в обстоятельствах, но и в несовместимости сложных, изломанных характеров Тучковой-Огаревой и Мейзенбуг.

У юной Таты, принимавшей очень близко к сердцу горести и тяготы семьи, порой опускались руки. Об этом мы узнаем, в частности, из письма Герцена к Огареву от 17 апреля 1868 г., в котором излагается ее несохранившееся письмо – "очень умное": «Она оглядывается кругом и говорит чуть ли не сквозь слезы: "Выхода для всех нас я не вижу – и потому не делаю

ни планов, ни проектов"» (XXIX, 314). При этом Герцен добавляет с надеждой: "Пусть хоть ее спасет *разум* – в нем-то и выход".

Однако в один из таких моментов отчаяния и разум отступил. Это было в октябре 1869 г., во Флоренции, когда слепой музыкант Пенизи, домогавшийся ее руки, прибег к угрозам в случае отказа убить Сашу и Герцена или покончить самоубийством. Обостренное чувство личной ответственности за близких, максимализм требований к себе и своим чувствам диктовали оценку положения как безвыходного. А природная стеснительность ее и вместе с тем недостаток внимания со стороны Саши привели к тому, что Тата оказалась в одиночестве перед сложнейшей жизненной альтернативой. Она психически заболела.

Накануне болезни и обрывается настоящая переписка, – обрывается на тех же характерных нотах: мысль до конца поглощена не собственными, личными ощущениями, а заботой об окружающих. С присущей ей деликатностью Тата протестует против того, чтобы Герцен что-то в устройстве их жизни решал "второпях" из-за необходимости ее "спасать" (п. 96). Она озабочена тем, чтобы мягче, "человечнее" обставить свой отказ Пенизи ("с ним нельзя поступать, как с другими, он больной" – п. 95). Ее думы в последнем известном письме настоящей публикации обращены к будущему объединению семьи в Париже (подготовленному ее постоянными увещаниями, уговорами Мейзенбуг и Ольги), проникнуты жаждой "устроиться так, чтоб всем было по возможности хорошо и чтоб все было гармонично" (п. 96).

Жаждой общей гармонии, чувством личной ответственности за страдания и нужду в мире, желанием действенно помочь людям проникнут и ее взгляд на общественную действительность, отношение к жизни вообще.

Эти лейтмотивы характеризуют и содержание ее потрясенной душевной жизни во время болезни. В нем в фантастически укрупненных формах отражались те же коренные свойства натуры – самозабвенное стремление взять на себя страдания мира, потребность в деятельной любви к ближним и дальним ("надо бы каждой минутой пользоваться ⟨...⟩ что-нибудь да делать для других"). Об этом сохранилось удивительное свидетельство – известное письмо к Огареву уже из Парижа от 7 декабря 1869 г., в котором Тата, вырванная из тисков болезни неотступными заботами отца, внимательным уходом Натальи Алексеевны, рассказывает, как в ее воспаленном воображении претворялись муки "за других" – страдальцев разных эпох истории человечества: "Сколько раз меня убивали, не перечтешь! – и гильотинировали, и вешали, и расстреливали, и на кусочки разрезывали, и отравляли ⟨...⟩ А далеко, далеко была звездочка – начинался новый мир, я хотела всех спасти, всех взять туда с собой"[7].

Именно это острейшее гуманистическое чувство, "понимание всего человеческого" (XXIX, 499), вместе с неуспокоенностью мысли в поисках истины, в построении цельного взгляда на мир – все более убеждало Герцена в необходимости для Таты творческой, писательской деятельности, для которой давала, к тому же, все основания ее многосторонняя художническая одаренность. 28 декабря 1869 г. Герцен писал сыну, что болезнь Таты обличила "внутреннюю разладицу": "Ее мучат мысли и сомнения, сильно и глубоко приведенные, – я не вижу другого выхода как *писание*. Талант ее несомненен – слог и очерки, мысль и выражения... но ей недостает положительного знания языка – это приобретется писавши" (XXX, 290).

"Талант описывать и драматический склад" Герцен заметил у старшей дочери рано – в частности, по ее письмам. И поддерживал своими советами, одобрением, побуждая к неустанному совершенствованию, к расширению "рам" и углублению мысли, к шлифовке языкового вкуса, "естественности" слога (см., например, XXVII, 453; XXVIII, 56; XXIX, 283; XXX, 100). Действительно, наряду с ее живописными и графическими работами, публикуемые письма демонстрируют многогранность творческого дара дочери Герцена. В них уже начиная с самых ранних (см. п. 3, 8), а затем все явственнее – острота глаза художника-живописца предстает в сочетании с чуткостью к "разговорному слову", с выразительностью и глубиной наблюдений. Здесь мы найдем поэтические зарисовки альпийских пейзажей и развернутые драматические сцены-диалоги, очерковые фрагменты, передающие в живой динамике картины римских нравов. Несколькими штрихами подчас схвачены типические черты в характере встреченных соотечественников, мягкий юмор окрашивает описания собственного "дня" и занятий Ольги. Художнический склад мышления сказывается в самом пристратии к таким жанровым переключениям – от письма к сценке-"дню": корреспондентка уверена, что это "лучший способ, чтобы дать живое понятие об образе жизни" (п. 73).

Растущая склонность при этом к прямому обобщению, типизирующий взгляд на окружающих (в чем, думается, наиболее заметны следы воздействия творческой манеры самого Герцена) – ярко проявляется, к примеру, в письме от 1 апреля 1868 г., в описании пикника. Новая знакомая Ушакова, "обстриженная, пресмешная и веселая нигилистка", предстает в нем как "преоригинальное русское явление", а художник Г.Г. Мясоедов, один из современных "странных типов", "оригинал в жанре Базарова", убедительно обрисован в своих утилитаристских

убеждениях и стиле поведения единственной характерной фразой. Столь же выразительно очерчен духовный облик Н.Н. Ге – "пророка", который "все время философствовал и бредил, лежа на траве". Не менее экспрессивны и вместе с тем пластичны мимолетные эскизные портреты молодых музыкантов Вильгельми и Скарлатти (п. 75).

Таким образом, письма Н.А. Герцен (наряду с дневником 1869–1870 гг., с другими, примыкающими к ним собственно творческими опытами, например, драматическими сценами апреля 1869 г. "Фотографии (с оригиналов)"[8] обладают незаурядными литературными достоинствами. И если ее писательская дятельность не получила впоследствии более широкого и полного развития, этому виной, вероятнее всего, не "вялость", которую предполагал Герцен в характере дочери и стремился преодолеть (см. XXX, 95, 100), а, среди других – объективных – причин, – ее предельная требовательность к себе, нравственный и эстетический максимализм, ярко отразившийся и в публикуемой переписке[9].

Письма Н.А. Герцен имеют значительную ценность не только для углубления наших сведений о биографии, контактах, философской эволюции Герцена, но и для выяснения, уточнения многих звеньев текстологической и источниковедческой герценианы. Обе части двухсторонней переписки дошли до нас не полностью. Письма Герцена подчас служат откликом на отсутствующие в данной коллекции и не разысканные до сих пор эпистолярные документы дочери (см., например, XXVIII, 56; XXIX, 259, 278). Но при всех лакунах публикуемые письма Натальи Александровны позволяют установить факт написания и реконструировать содержание немалого числа не дошедших до нас писем Герцена, что дополняет "Списки несохранившихся и ненайденных писем Герцена" в тт. XXVII–XXX его 30-томного собрания сочинений (см. соответствующие справки в *ЛЖГ* III–V).

Еще важнее, что сопоставление с письмами Таты помогает прояснить композицию, датировку, состав текста некоторых известных нам, давно опубликованных ответных писем Герцена и его писем к другим лицам.

Письма Н.А. Герцен публикуются впервые на языке оригинала по фотокопиям и ксерокопиям *РГБ* с автографов *BN* (п. 2–36, 38–60, 62–96) и по автографам *РГАЛИ* – ф. 129, оп. 1, ед. хр. 90 (п.1); ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 455, л. 9–10 об. и 27–28 (п. 37, 61). Отдельные фрагменты из них включены были авторами настоящей публикации в аннотации *ЛЖГ III–V*. Одно письмо Н.А. Герцен, адресованное Огареву и Герцену от 27 февраля 1868 г., процитировано в обзоре Н.П. Анциферова "Старшая дочь Герцена (Тата)" – "Лит. наследство", т. 63, с. 464. В этом же издании, т. 64, с. 724, напечатана телеграмма Таты к Герцену от 25 апреля 1869 г. (ее перевод см. в XXX, 373–374). 19 писем из собрания *BN* напечатаны в переводе на английский язык в книге: "Daughter of a Revolutionary. Natalie Herzen and the Bakunin-Nechayev Circle". Edited with an Introduction by Michael Confino. L., 1974.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]См. текстологическую справку в конце наст. предисловия. В печати появился также ряд приписок Н.А. Герцен к письмам других корреспондентов Герцена; приписки эти нами не учитываются.

[2]См. ниже.

[3]О встрече с И.С. Тургеневым в Париже, по пути в Италию, см. в п. 6.

[4]Здесь уровень философских исканий Н.А. Герцен и флорентийского кружка в целом следует соотнести с возросшим во второй половине 1860-х годов на Западе и в русской демократической мысли воздействием позитивистской социологии с ее прямой зависимостью от законов биологии, открытий дарвинизма. См. об этом: Э.С. В и л е н с к а я. Н.К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х – начала 80-х годов XIX века. М., 1979, с. 60–61.

[5]См. письмо Тучковой-Огаревой к Герцену от 25 мая 1867 г. в книге 1-й наст. тома.

[6]См. п. 95, а также упомянутый выше обзор Н.П. Анциферова, с. 462.

[7]Там же, с. 478 и 479.

[8]Там же, с. 473–477. Сохранилось и несколько других литературно-документальных и мемуарных работ Н.А. Герцен (они в составе "пражской коллекции" находятся в *РГАЛИ*, ф. 2197 – см. "Лит. наследство", т. 63, с. 477 и 488–497).

[9]К примеру, весной 1865 г. она признавалась, что вести дневник, по совету отца, ей мешала, как это ни парадоксально, – жажда полной искренности: "Если писать, так надобно всё – или ничего" (п. 44).

1

⟨Вентнор. 9 или 10 августа 1859 г.⟩[1]

Милый мой Папаша,

Теперь без десяти минут 10, пишу я тебе у Натали, чтобы Огарев взял письмо. Спали мы хорошо, все здоровы. Огарев Лизе купил собачку.

Когда мы тебя оставили, мы все ехали да ехали до Portsmouth, куда мы в 8 часов приехали; нет, в 7. Молодая девушка, которая против меня сидела, была очень смешна. Я думаю, что она была влюблена, потому что все перечитывала одно и то же письмо, то карточки час рассматривала и духи какие-то нюхала, потом вдруг сняла шляпку, сорвала, даже откусила цветы, которые на ней были, и бросила в окно, потом письмо разорвала и бросила, вздохнула и уснула.

В Пор⟨т⟩смуте мы встретили много русских (офицеры, я думаю), несколько были в мундирах и в белых картузах. Море было очень тихо. Когда мы приехали в Рейд, вышла какая-то дама, ей навстречу пришел какой-то мальчик, и она ему сказала: "Bonjour, Саша!", но с нами не говорила. В⟨еликий⟩ к⟨нязь⟩ Константин Николаевич здесь, т.е. в Рейде, с субботы.

Ну, прощай, целую тебя крепко.

Твоя Т а т а

Рукой Н.А. Тучковой-Огаревой:

Лиза очень обрадовалась детям, в особенности Тате. Она все нездорова. Ог⟨арев⟩ подарил ей собаку, которая еще более забавляет больших детей. Если будет квартира в Pelham House, то я перейду туда, дешевле будет вместе жить.

Насчет моего возвращенья в Л⟨ондон⟩, право, ничего не могу сказать, сначала мне очень хотелось скорее к вам, а теперь я очень покойна и терпелива; может, проживу до возвращенья детей...

Ог⟨ареву⟩ очень, очень благодарна за эти дни, это лучшие во все эти последние годы. Мне больно, что я тебя огорчаю и оскорбляю даже издали – кроме покоя и тишины, я ничего не желаю и ни во что не верю – моя жизнь теперь окончена, буду ее длить, насколько возможно, для Лизы...

Пишу и боюсь, нет ли чего оскорбительного для тебя – не верю и себе, но, право, желанье оскорбить тебя или даже кого бы то ни было далеко от моего сердца – в нем нет ни злобы, ничего дурного ни к кому; подождем еще, что́ жизнь пошлет нам; я принимаю все безропотно, с склоненной головой, я знаю, что сама виной всему, что обрушилось на мою голову, и потому склоняю ее кротко и терпеливо перед каждым новым ударом. Прощай...

Твоя N.

[1] Обоснование датировки см. в *ЛЖГ* III, 65.О пребывании Н.А. Тучковой-Огаревой в Вентноре и приезде туда Огарева и Герцена в августе 1860 г. см. выше в наст. книге, в публикации писем Натальи Алексеевны к Огареву и Герцену.

2

⟨Брюссель. 31 мая 1860 г.⟩[1]

Милый мой Папаша,

Пишу тебе из первого отеля, в котором остановились. Море было очень тихо. M-lle Turner и Emily были ужасно больны, Лиза вела себя превосходно, Натали не была больна. Я всю ночь осталась на палубе, совсем одна, с капитаном и steward'ом[7*], и только утром меня немного тошнило. Утро было превосходное, хотя было довольно свежо. Солнце встало около трех часов огненным шаром. В Ostende мы прибыли в шестом часу и прямо отправились на таможню, а с таможни прямо на же-

[7*] коридорным (*англ.*).

лезную дорогу, так что никак не успели прежде написать. Теперь мы ⟨в⟩ Брюсселе в Hôtel des chemins-de-fer[8*].

Как мы сошли с корабля, двадцать или тридцать комиссионеров нас окружили, я, право, думала, что они нас с ума сведут, на всех языках кричат и предлагают то отель, то карету и Бог знает что еще.

На таможне мы должны были заплатить 8 fr. за шелковое платье.

Прощайте, Папаша и Огарев, скоро опять напишем.

Крепко целую вас обоих, и Ольгу обнимите за меня.

Ваша Тата

Четверг

Рукой Н.А. Тучковой-Огаревой:

Мы едем очень хорошо – все были больны, кроме меня. Пасу свое стадо с любовью, все веселы, хотя устали. Прощайте, обнимаю тебя, Огарев, вашу руку, Герцен[2].

[1] Обоснование датировки см. в *ЛЖГ* III, 120. Тата ехала с Н.А. Тучковой-Огаревой в Германию через Брюссель: Тата к Рейхелям, Тучкова-Огарева – для свидания с приехавшей за границу сестрой Е.А. Сатиной.

[2] Герцен ответил 1 июня (XXVII, 58).

3

⟨Дрезден.⟩ 12 июня 1860[1]

Милый мой Папаша,

Ты говоришь, что ждешь описание Dresden'a, много сказать о нем нельзя. Город в сравнении с Лондоном, конечно, игрушка, хотя он больше, чем я ожидала, недавно к нему прибавили еще часть окрестности, так что он разделен на две части, в одной все ново, а в другой все старо, Neu Stadt, Neu Markt[9*] и т.д., потом Alt Stadt, Alt Markt[10*] и т.д. Улицы малы, и в них всегда неприятный запах, но зато у самого нашего дома сад вроде парка, только, по-моему, лучше, потому что больше деревьев, он похож на маленький лес, сад этот называется Groβ Garten[11*], там концерты дают, театр и есть можно. Это, право, удивительно, куда ни повернись, везде сидят немцы и едят во время концерта, в театре и, словом, везде и всегда. Насколько я видела, немцы, кажется, очень бедный и грязный народ.

В воскресенье мы были на довольно высокой горе возле Loschwitz'a (местечко с той стороны Elb'ы), там тоже очень хорошо, хотя в Саксонской Швейцарии лучше. С ⟨тех⟩ пор, что Сатины уехали, немножко скучно здесь; видишь, погода превосходная, хочется гулять, а не с кем, Маша[2] не может детей оставлять, Рейхеля дома нет или он занят, Софья Карловна Руцен, молодая певица, которая тоже живет у Рейхеля, обещалась ходить со мной, но она вечно занята. Впрочем, мы ожидаем сегодня Ста⟨н⟩кевича с женой[3] и племянницей Душей[4], она моих лет, тогда будет повеселей, хотя они только на несколько дней. Ты меня спрашиваешь о Сатиных, ну что же тебе сказать? Леля, старший из мальчиков, напоминает Ольгу, он такой же живой, смуглый и беспокойный, меня очень удивило, что ему позволяют по целым стаканам пива пить и черного кофе после обеда. Тата – старшая из всех, ей теперь минуло десять лет. Она очень тиха и спокойна, чрезвычайно мила и ласкова, но уже слишком серьезна, это ей придает вид маленькой барыни. Коля, второй мальчик, совсем не похож на брата, он тоже довольно тих, третий Саша, тоже тих и на Тату похож, ну, последняя, Маня, т.е. Елена, немножко избалована, как меньшой ребенок, ей около трех лет. Сатина самого я не стану описывать, ты его скоро увидишь.

Лиза Ольгу очень поминает и часто о ней плакала, так что нельзя было при ней об Ольге говорить. Ну, теперь описание здешних ребятишек, Морица[5] нет, он живет у тетки и только в июле приедет, Саша, крестник мой, пресмешной мальчик, он не-

[8*] Железнодорожной гостинице (*франц.*).

[9*] Новый город, Новый рынок (*нем.*).

[10*] Старый город, Старый рынок (*нем.*).

[11*] Большой сад (*нем.*).

ГЕРЦЕН С ДЕТЬМИ – САШЕЙ, ОЛЬГОЙ И ТАТОЙ

Фотография. Лондон, ⟨1856⟩. Внизу дарственная надпись Герцена: "A J. Domangé souvenir d'un ami. 2 Janvier 1857 London" ("Ж. Доманже на память о друге. 2 января 1857 Лондон")

Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится по книге: A. Herzen. Lettres inédites à sa fille Olga. Paris, 1970

красив, у него маленькие голубые глаза и неразрезанные, как у Ольги, только что у него это заметнее, Машу он не слушается, меня он, кажется, очень полюбил, когда он шалит или не слушается, мне стоит ему только слово сказать или даже ⟨подать⟩ знак, и он слушается, потому что я ему вперед сказала, что уеду, если он будет шалить. Потом у него страсть до сказок, он по целым часам сидит и слушает. Ему теперь около семи лет, но он для своих лет удивительно много знает, во-первых, он читает почти без остановки и недавно всего "Робинзона"[6] прочел один и все помнит и обо всем расспрашивает. Скоро будут давать "Цаубер Флёте"[7]. Рейхель обещался свести его туда, так он заставил Рейхеля ему всю оперу несколько раз сыграть и спеть и с большим вниманием сидит и слушает, потом сам перечитывает то, что ему больше всего понравилось. Учиться он очень любит и поспевает.

Учителя рисования еще не нашли, кажется, это довольно трудно, потому что Маша даже перед нашим приездом хлопотала. Но как можно скорее достанем. Рейхель очень тихий учитель, т.е. терпеливый. Ты спрашиваешь, что я читаю, я продолжаю Shakespeare'а читать, а потом я начала "Kater Murr" 'а читать[8], Огарев мне советовал еще в Лондоне.

Надеюсь, но не знаю, хватит ли мне деньги, которые мне дал. Жар ужаснейший, а мне решительно нечего надеть, единственное легкое платье это то, что ты мне купил, но оно еще не сшито, потом мне нужна легкая мантилья и летняя шляпа. Жаль, что не в Лондоне все купили, здесь продают такие гадости, что ужас, надобно все заказывать. Ты мне дал 6£10 s., теперь уже осталось только 5£, остальное пошло на нужное, и глупостей я никаких не покупала.

Однако прощай, я должна играть для Рейхеля, пока С.К. Руцен дома нет. А то вот какие концерты бывают, налево m-lle Руцен играет и поет, в кабинете Рейхель играет, над кабинетом какой(-то) немец тоже играет, а надо мной кто(-то) на скрипке учится.

Крепко всех целую.

Твоя Т а т а[9]

[1] Ответ на письмо Герцена от 7–8 июня (XXVII, 63).

[2] *Маша* – М.К. Рейхель.

[3] Жена А.В. Станкевича – Елена Константиновна, урож. Бодиско.

[4] *Душа* – Евдокия Ивановна Токарева (в замужестве Герье), племянница Е.К. и А.В. Станкевичей, воспитывавшаяся в их семье. Тата подружилась с Душей в Дрездене; после расставания они некоторое время переписывались, однако переписка их вскоре прекратилась. Позднее, в письмах Е.К. Станкевич к М.К. Рейхель из России, Е.И. Токарева в приписках спрашивала: "Что с Татою? Она совсем забыла меня", просила "хоть словечко написать о Таточке" и замечала: "Я Тату, голубчика, так полюбила, что меня огорчает очень, если она забыла" (письма от 11 декабря 1861 г. и 12 марта 1862 г. – автограф *РГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед.хр. 791, л. 27–31). См. также прим. 5 к письму Таты к М.К. Рейхель от 22 декабря 1861 г.

[5] *Морщ* – сын А.Рейхеля от первого брака.

[6] Роман Д. Дефо "Робинзон Крузо".

[7] Опера В.-А. Моцарта "Волшебная флейта" ("Die Zauberflöte").

[8] Роман Э.-Т.-А. Гофмана "Житейские воззрения кота Мурра". В ответ на это сообщение Герцен писал дочери: "Ты можешь и еще что-нибудь Гофмана прочесть – я его с восхищением читал, когда был в твои лета" (XXVII, 67).

[9] Герцен ответил 15 июня (XXVII, 65–67).

4

⟨Дрезден.⟩ 13 июня 1860

Ну вот, Папаша, и Ста⟨н⟩кевичи приехали, она очень обрадовалась, когда увидела меня, но я совсем не узнала, забыла или он переменился. Они оба находят, что я не очень переменилась, один нос горбатый сделался, что я даже говорю, как тогда говорила. Она премилая женщина и очень добрая, жаль, что она так скоро уезжает, они через четыре дни собираются опять ехать, и тем более жаль, потому что с ней племянница ее Душа, совсем моих лет, премилая девушка, тихая и умная, мы уже подружились с ней, поэтому-то жаль, что они не остаются.

Вот у Ста⟨н⟩кевича горничная Наташа, она ее оставляет здесь, она превосходно шьет, не хуже Duval, и белье тоже. M-me Ста⟨н⟩кевич ее очень хвалит и рекомендует; вот, если б ты хотел русского, она сейчас пойдет, она немолода и очень порядочна.

Не слыхали ли вы что-нибудь о Натали? Все письмы я посылала в Heidelberg, poste restante, как она мне велела, и два раза писала, а от них и слуху и духу нет.

Мария Александровна[1] в Париже, знаешь ты это? А где Татьяна П⟨етровна⟩[2], заедет за мной с Сашей или нет? Я тебе, кажется, уж говорила, что Ста⟨н⟩кевичи и не собирались в Англию, они прямо в Москву через Варшаву.

Что ж ты мне не отвечаешь, позволяешь ли ты или нет, чтобы я пожила с Сатиными или нет?[3]

Ну, прощай еще раз, крепко целую тебя, Огарева и Ольгу.

Твоя Т а т а Г.

Кланяйся Jules[4], Tassinari и Katarina[5].

[1] Писательница М.А. Маркович (Марко Вовчок).

[2] Т.П. Пассек. Предполагалось, что Тата вернется в Англию вместе с нею или с братом.

[3] Письмо, в котором Тата спрашивала отца, можно ли ей пожить у Сатиных, остается неизвестным. Герцен отвечал на него 7 июня, но этого вопроса не коснулся. В ответе от 15 июня он писал дочери: "К Сатиным я не думаю, чтоб было полезно тебе потом заезжать, иначе как на самое короткое время. Ты не забывай, что это твое рабочее время, а праздно проводить дни – как вообще путешествующие – для тебя рано" (XXVII, 66).

[4] Слуга в доме Герцена Жюль.

[5] Горничная (см. о ней в письмах Н.А. Тучковой-Огаревой к Огареву).

5

(Дрезден.) 27 июня 1860 г.[1]

Милый мой Папаша,

Конечно, я не забыла о Сашином рождении и писала ему[2].

Я беру три урока рисованья в неделю, учитель не может чаще, он кончает какую-то большую картину. Он начал меня учить прямо красками, то есть под цвет кожи, и двумя красками, как я в Лондоне училась, и, кажется, доволен.

Я получила письмо от Саши, он спрашивает, как ты все устроил, кто заедет за мной, он или Т⟨атьяна⟩ П⟨етровна⟩?

Да, Папаша, мне теперь кажется, бог знает, сколько времени я уехала и тебя да Огарева не видела, никак не могу поверить, что только что три недели минули с отъезда; да, я останусь у тебя адъютантом[3] и надеюсь, что хоть через год мы вместе уедем из Англии.

Благодарю тебя за то, что позволил заехать к Сатиным, они, верно, останутся в Heidelberg, там, говорят, так хорошо, но как это устроится, кто заедет? Саша или кто? Напиши.

Рейхель пробовал мой голос и советует учиться пенью, но находит, что теперь еще рано, надобно хоть год еще подождать.

Он директор здешней Академии и Консерваториума, иногда я хожу и слушаю, как поют; я познакомилась там с премиленькой молодой девушкой, но ужасно далеко живет, так что я ее только в Академии могу видеть, она приготовляется быть певицей, голос у нее хорош. Консерватористы дают праздник каждый год и через две недели опять дадут, *Vogelschieβen*[12*], все стреляют, поэтому так называется. Рейхель приглашен и я тоже; должно быть, будет весело, девушка, с которой я познакомилась, тоже будет.

Я опять была в театре, Рейхель меня больше для музыки берет, чем для самой оперы, потому что актеры плохи, декорации тоже, а оркестр очень хорош, в этот раз я видела "Figaro"[4]. Но, право, немцы так нехорошо играют, что просто отнимают охоту ходить в театр. Figaro был отвратителен, а хуже всех графиня, у нее манеры такие неграцьёзные, она ломается и гримасничает, Сузана была хороша, лучшая дрезденская певица Frau Jannes-Krall, а лучший певец Sihnor, я его видела в "Freischütz"[5], только он чересчур толст, но далек от Голицина.

Третьего дня и вчера была здесь Jahrmarkt[13*], это великое событье в Dresden'e, тогда всем дарится что-нибудь, ну и я отправилась, игрушки так дешевы, что просто смешно, на несколько шиллингов я множество накупила, осчастливила Сашу[6], шесть человек детей, которые в нашем доме живут, и горнишных. Некоторые вещи удивительно дешевы, как например, лучшие места в театре стоят 3 S.

Погода превосходная, уже слишком жарко, но вечером и утром восхитительно хорошо. Здесь довольно поздно ложатся, в 11 или в 12-ом, а встают около 6, чай пьют в половину 8.

Ну, прощай, Папаша, крепко, крепко обнимаю и целую тебя и Ога⟨рева⟩.

Твоя Тата Г.

№ 8, Albrechtgasse.
Dresden

[12*] стрельба птиц (*нем.*).

[13*] ярмарка (*нем.*).

Ольгу поцелуй за меня и скажи ей, что Татьяна Алек⟨сеевна⟩ Астракова прислала ей Кольцова с картиньками, я его с собой привезу.

Кланяйся Бенни, Чернецкому, Т⟨х⟩оржевскому, Жюлу, Tassinari и Катерине да всем знакомым.

Маша кланяется, не может ничего писать, дети нездоровы[7].

[1] Ответ на письмо Герцена от 23 июня 1860 г. (XXVII, 70), в котором он напоминал, что 25/13 июня – день рождения Саши – "и не только рождение, но и совершеннолетие" (ему исполнился 21 год).

[2] Это письмо Таты до нас не дошло.

[3] 23 июня Герцен писал о сыне: "Итак, он из детей перечисляется в Mannsperson'ы ⟨лица мужского пола (*нем.*)⟩. Ну, а ты пока остаешься – при мне адъютантом" (XXVII, 70).

[4] Опера Моцарта "Свадьба Фигаро".

[5] Опера К.-М. Вебера "Вольный стрелок".

[6] Сын М.К. Рейхель – Карл-Александр.

[7] Герцен ответил на это письмо 30 июня (XXVII, 73).

6

15-ого дек⟨абря⟩ 1862.
22, Rue de Choiseul. Paris[1]

Милейший Папаша,

Верно, вы уже все знаете, знаете, что вчера с самого утра за нами пришли Левицкие[2] и нас увезли, что сейчас же после завтрака я должна была лечь у Левицких с ужаснейшей головной болью, сегодня прошло, но зато губа ужасно болит – помнишь, прыщик у меня был, теперь вся нижняя губа распухла, не знаю, гвоздь ли или что-нибудь другое, несмотря на это Левицкий несколько портретов сделал.

Ты, пожалуйста, не сердись на этот раз, письмо будет непорядочное, но что прикажешь – Мальвида только что отослала письмо[3], не сказавши мне, – а теперь все Л⟨евицкие⟩ меня окружают, играют, шумят. Следующая станция будет последняя, оттуда я все подробно опишу. Видела я *Сверчкова*, живописца, Томошевского и Чумакова – со всех снимали фотографии большие в костюмах крестьянских для Свер⟨чкова⟩.

Все, т.е. Левицкие, Галле и Тургенев, нас приняли как нельзя лучше[4].

Петруша[5] опять всем по подарочку.

Не могу больше писать, пожалуйста, извини, Папаша, – читала и перечитывала поутру сегодня, что ты мне в книжке написал еще[6], благодарю и крепко тебя за то целую.

Твоя Т а т а

Все тебе кланяются, особенно Воля[7].

[1] Тата и Ольга 12 декабря выехали из Лондона в Италию (через Париж и Ниццу).

[2] В Париже жил со своей семьей двоюродный брат Герцена фотограф *С.Л. Левицкий* (*Львицкий*). См. выше в наст. кн. письмо к нему А.А. Герцена.

[3] Письмо Мейзенбуг остается неизвестным.

[4] 16 декабря И.С. Тургенев писал Герцену: "А дочки твои прелестные; особенно Татá, такое славное, умное, здоровое и здравое существо! ⟨...⟩ Все наши просьбы не могли убедить m-lle Meysenhug остаться в Париже день лишний – и нам пришлось только пожелать им счастливого пути" (*Тургенев. Письма* V, 77).

[5] *П.А. Захарьин*, брат жены Герцена.

[6] Напутственное письмо Герцена дочерям от 5–10 декабря в записной книжке (XXVII, 267–269, 722).

[7] *Воля* – сын С.Л. Львицкого Володя. Герцен ответил 20 декабря (XXVII, 272).

7

Пятница 19 и чет⟨верг⟩[14*] 20 декабря 1862 г.
Hôtel des Anglais. Nice

Милый Папаша,

Не могу еще опомниться, все не верится, что мы в самом деле в Ницце. Рано поутру мы были на кладбище – гроб я сейчас узнала, по деревьям, и место я еще так живо помнила – цветов теперь очень мало, одни гераниюмы, а деревья очень выросли, их, конечно, надо оставить, они так долго тут стояли, да с самого начала[1]. Ольга во всей дороге была очень умна, ни разу не жаловалась и не делала затрудненья, особенно здесь она была очень мила ко мне; приехавши, я с ней поговорила и просила особенно *здесь* быть милой; видя, что я печальна, она обещала и сдержала слово. Пора тебе, Папаша, приехать – Ницца так меняется! Через сад Maison Douis[2] проходит железная дорога, ее строят – везде строят огромные богатые дома.

С кладбища мы сошли к Рокке, где нас, конечно, приняли как ближайших друзей – там я нашла твое письмо, Папаша, в котором ты упрекаешь[3], но, надеюсь, ты теперь получил мою записочку из Парижа[4] и знаешь, что М⟨альвида⟩ два раза писала и отсылала письма[5], не говоривши ничего, что мне, право, оч⟨ень⟩ нездоровилось, хотя я и была у Левицких. Я там лежала, до Marseille меня мучила моя губа ужасно, в Marseille я *целый* день пролежала – вся левая щека распухла от нарыва – не понимаю, что это было, но после несколько припарков он прорвался, и все стало лучше и лучше, но до сих пор не совсем прошел, и вот я, самая сильная и крепкая, всех больше даю хлопот – теперь у меня насморк, но это ничего. Завтра надобно в 4-том часу встать, чтоб поспеть на дилиженс – так сейчас ⟨?⟩ подроб⟨но⟩ не могу тебе описать – но все припомню и напишу из Флоренции – теперь поздно, а днем мы повсюда были, ходили – все находят, что Ольга очень напоминает мамашу – должно быть, мое сходство совсем прошло…

Прощай, крепко тебя обнимаю и целую, твоя Тата Г.[6]

[1] В своем напутственном письме (см. прим. 6 к п. 6) Герцен писал: "Я хотел, чтоб вы ехали через Ниццу. Я хотел, чтобы, вступая в Италию, в новый отдел жизни, ты посетила нашу могилу, чтоб ты привела туда Ольгу – и вместе, с благоговением поклонилась земле, под которой схоронена ваша мать, цветам – растущим на ней" (XXVII, 269).

[2] Дом Дуйса в предместье Ниццы С.-Элен, в котором Герцен с семьей жил с августа 1851 г. по май 1852 г. В нем умерла Н.А. Герцен.

[3] Это письмо неизвестно.

[4] См. пред. письмо.

[5] Эти письма Мейзенбуг к Герцену неизвестны.

[6] Герцен ответил 24 декабря (XXVII, 273).

8

Четверг. 25 декабря 1862 г.
Флоренция. Hôtel du Nord

Вот мы и во Флоренции, милый, добрый Папаша. Целы и здоровы! Надеюсь, вы получили телеграмм вчерашний[1]. Что вы теперь поделываете? Были мы на почте, но писем от вас нет – один Тхоржевский, бедный, милый, – "Punch" прислал, еще не смотрела. Но теперь, чтобы начать с начала – т.е. с Ниццы: выехали мы в 5 часов утра – Рокка с женой нас провожали и загрузили всякими запасами пирогов, вина, куриц и цветов – наш дилиженс был получше дилиженса из Arcs в Ниццу, в этой были подушки, и места пошире. Ночь была не очень темная, виды чудесные, видели мы восхождение солнца и взгляд назад – на Ниццу – это описать нельзя, да вообще вся "Corniche"[2], хотя нам предсказывали, что так хорошо, это превзошло все ожидания, и день был такой ясный, но, впрочем, здесь это ничего, все дни ясны, от 9 ⟨до⟩ 2–3

[14*] *В автографе описка*: *вместо* суббота – чет⟨верг⟩. – *Ред.*

жарко, прежде и после просто холодно – ночью часто мороз. На границе дилиженс остановился – мы побежали вперед, чтобы согреться, дилиженс нас догнал, и мы очень просто опять сели и поехали, но как бедная Жеоржина[3] испугалась, вы себе представить не можете, она осталась в дилиженсе и думала, что мы пропали. Какое утомительное путешествие – боже мой! До сих пор чувствуем. Я всегда представляла себе, что дилиженсы гораздо лучше омнибусов – а вижу, напротив, вдесятеро хуже – мы себе брали *купе*, а Ж⟨еоржине⟩ место внутри, а внутри так низко, что *я* не могу стать прямо, под ногами солома с блохами, ног вытянуть невозможно, но, несмотря на это, – в этом есть много веселого – и жаль мне будет, если дилиженсы совсем уничтожат – одна радость, когда приезжают и знают, что "вот кончено, можно отдохнуть" – это чего стоит, – потом ночью все вокруг темно, одни спины и уши лошадей, ярко освещенные фонарем дилиженса, и крик "ïou-ю, ю!" делает пресмешной, веселый эффект. Но представь себе, что дилиженс только *раз* останавливается в 24 часа. Это ужасно! Лошадей меняют часто, каждые четверть часа или 20 минут, но это делается так скоро, что пассажиры, особенно дамы, не могут выходить. Выехавши в 5 часов, мы только остановились в 2 – чтобы позавтракать – в гаденьком трактире. Садившись в дилиженс, я уже слышала, что за нами сидят русские, но тут за завтраком я их в первый раз увидела. Старик, старуха, вроде Татьяны П⟨етровны⟩[4], и молодой человек, сын – рыжий, с белыми ресницами и немецким лицом – противный. Сели они и сейчас начали спорить и жаловаться. – "Ну, взгляни, ну, посмотри – лиловое вино, фу, какая гадость! и дилиженс этот противный, все кости болят, просто *курятник*, голова болит, тошно – эка мерзость – а все твоя вина (старуха сыну), мечешься, не хотел вчера посмотреть, говорила ж тебе, пойди, взгляни, расспроси, не пошел – ну пусть – страдай теперь". "Все моя вина, из терпения выводите, уж лучше все брошу, клянусь, никогда не буду больше брать билетов". – Ты понимаешь, что я была в ужасно неприятном положении, понимая все – и вот, что еще лучше, пока мы кончали завтрак, Мальвида побежала вперед, чтоб согреться, думая, что заплатила, а garçon взял с нее денег на одну персону – только кондуктор кричит: "En place, m⟨essieurs⟩ et m⟨esda⟩mes"[15*], а у нас и у Ж⟨еоржины⟩ ни грошу денег нет. Я уверена была, что все заплочено, ухожу, вдруг garçon меня останавливает – я покраснела до ушей, так что сама боялась, чтоб щеки не лопнули, и, не зная, что лучше делать, адресовалась к русской старушке *по-французски* – конечно, все пассажиры разом вынули кошельки, но кондуктор заплатил.

Приехавши в Геную, я опять с ней заговорила, пока ждали багаж, и хотела с ней заговорить по-русски, но имела присутствие духа спросить сперва, остается ли она в Генуе? "Нет (по-французски), мы отдохнем денек или два здесь в Г⟨енуе⟩, а потом на зиму во Флоренцию", – тогда я решилась поговорить по-русски – простилась и отправились все в Hôtel Royal. Это, право, очень порядочный и дешевый отель – тут мы еще поспали, а потом отправились рассматривать дворцы. Количество белого мрамора – это удивительно – внутри, снаружи, потолки, полы – все из белого мрамора – впрочем, ты все это сам хорошо ⟨знаешь⟩, ты же рассказывал[5], – внутри галереи – маленькие, но большая часть семейных портретов – все Van Dyke, Rubens, есть картины, Pâris Bordone головы прехорошие – в первом "Palazzo Durazzo"[6] портрет маленького Durazzo в белом атласном платье, мальчик 4–5 лет Van Dyke'a, – чудо что за картина – во втором "Palazzo Brignole-Sale" большие картины, его же, хозяина верхом и его жены – и везде эти великолепные лестницы и входы из белого мрамора. А некоторые из этих дворцов все покрыты фресками, снаружи не то чтобы очень артистически сделанные, напротив, но некоторые пресмешные, представь себе дом – ни одного камня не видать, всё разные арабески и окны нарисованные, в одно окно выглядывает дама и делает pied de nez[16*] мужчине, который ей кланяется с верхнего этажа – и подобные преоригинальные сцены.

15* "Займите места, г⟨оспод⟩а и д⟨ам⟩ы" (*франц.*).

16* показывает нос (*франц.*).

26-ого декабря 1862

Во дворце "Дожев"[7], нынечный Palais Royal, мы тоже были и собор[8] видели, какое странное здание, не правда ли? Не могу сказать, что мне очень нравилось, помнишь, все белые и черные полосы, внутри и снаружи все мрамор – в старину на этом же месте стоял римский темпель[17*], из него сделали маленькую византинскую церковь, которую все увеличивали и до сих пор увеличивают, но теперь ее всю испортят, потому что передняя внутренняя часть тоже из белого и черного мрамора, а "fond"[18*] будет золоченый и совсем как нынечные церкви, – были мы еще в каком ⟨-то⟩ саду на горе с правой стороны, чудо что за вид на всю Геную. "Gênes la Superbe! La voilà!"[19*], как с гордостью нам говорил милейший laquais de place Hélici[20*]. М⟨альвида⟩ совсем в него влюблена была – в этом саду росли и растут перец, камфара, кофе и разные подобные деревья, потом каскады устроены так, что можно купаться в какой-то гроте, окруженной скалами и растеньями, – все это мы видели в первый день, остались мы *два* дня, потому что корабль[21*] "Principe Umberto" только уезжал во вторник в 10 часов вечера – утром мы поехали на скалу de "Quarto", работники поставили маленький памятник тут – это место, в котором Garibaldi посадил на корабль волонтеров, скрывшихся у Vacchi в Villa Spinola[9]. Воротились мы усталые, и было уже поздно, но не хотелось мне уехать, не побывши на гробу Вильмы бедной[10], и так мы туда отправились – кладбище на горе, вид тоже чудесный на Геную и все ее окрестности, на гробу бедной Вильмы белый камень мраморный, окруженный решеткой, надпись латинская.

Дамы, крестьянки и даже из аристократических семейств почти все носят белые кисейные вуали, это очень красиво, причесываются они, как я, – только вдвое выше, спереди волосы – старухи носят бумажные шали с огромными рисунками птиц и цветов (совсем как бумага в гостиной Crauford'a[11], если припомнишь), эта шаль им служит покроем ⟨!⟩ ночью. Чтоб иметь "сувенирчик" из Генуи, мы купили себе филигрантовые вещицы. М⟨альвида⟩ мне к рожденью подарила брошку, я себе купила на 5 фр. запонки – единственная трата из денег, которые ты мне дал. Ольге М⟨альвида⟩ подарила брошку и себе купила. Вечером в 8 мы были на корабле, выехал он в 11 – в Livorno мы были в 9 ут⟨ра⟩. Но как итальянцы милы, учтивы – премилый народ и улицы совсем не такие вонькие – напротив, гораздо чище и лучше "pavées"[22*], чем в Париже и Лондоне; квартиру мы уже нашли, т.е. Фрикен нашел[12], право, это удивительно, как он все для нас устроил, комнаты взял в отеле, потом выбрал 5–6 квартир, restaurant, из которого нам будут носить обед, словом, все все уж устроено, и мы через четверть часа переезжаем. Квартира премилая, только на 4 этаже – мне это, *конечно, ничего*, напротив, для ф⟨илейных⟩ мясов отлично – план пришлю в следующем письме. И остальное до будущего письма, теперь прощай, обнимаю тебя и крепко целую.

Твоя Тата Г.

Теперь буду Саше писать, если письмо будет слишком толсто, пошлю особо. Что дети? Знаешь, Лизочка моя милая, что я видела мальчика 2 1/2 лет, внука Рокки, нашего повара в Италии, и представь себе, что он уж читает – вот как, и шляпка у него черная, а на ней золотыми буквами написано "Diablotin", чертенок. Мальчики в Ницце много этих шляп носят, у одного написано было "Tapageur"[23*], у другого "Esplègle"[24*] – вот как, Зеночек мой милый – что делает Шарик и что делает Туху[13].

17* храм (*лат.* templum).
18* "фон" (*франц.*).
19* "Генуя Великолепная! Вот она!" (*франц.*)
20* ливрейный слуга с площади Hélici (*франц.*).
21* *Над словом* корабль *в автографе надписано*: пароход. – *Ред.*
22* "мостовые" (*франц.*).
23* "Буян" (*франц.*).
24* "Шалун" (*франц.*).

[1] Эта телеграмма из Флоренции, полученная Герценом 25 декабря (XXVII, 274), остается неизвестной.

[2] *"Corniche"* ("Карниз" – *франц.*) – живописная дорога, вьющаяся между Ниццей и Ментоной по крутому берегу Средиземного моря (ср. V, 73–75; X, 279–280; XX, 603–604).

[3] *Жеоржина* – горничная.

[4] Пассек.

[5] Описание Генуи см. в "Письмах из Франции и Италии" (V, 75–77).

[6] Дворец *Дураццо-Паллавичини*, построенный Б. Бианко; в нем располагается знаменитая художественная галерея.

[7] *Дворец "Дожев"* (дожей) – старинная резиденция дожей, построенная в конце XIII в.

[8] Кафедральный собор XI–XVI вв. Сан-Лоренцо.

[9] *Дворец Спинола*, теперь носящий название "Della Casa"; построен в XV в.

[10] *Вильма* – дочь Л. Кошута, подруга Таты; умерла в Италии 22 апреля 1862 г.

[11] О том, что Герцен изредка бывал в Лондоне в доме английского дипломата Дж. Кроуфорда, дочь которого Джорджина стала женой друга Герцена А. Саффи, свидетельствует Тучкова-Огарева, описавшая подробности свадьбы Кроуфорд с Саффи (*Тучкова-Огарева*, 133–135). *Бумага* – обои (франц. papier).

[12] Живший в Италии русский искусствовед *А.Ф. Фрикен* взял на себя заботу о приехавших во Флоренцию дочерях Герцена. Об этом Герцен просил Фрикена в своем письме от 3 декабря (XXVII, 266–267).

[13] Герцен ответил 31 декабря (там же, 275).

9
ОГАРЕВУ И ГЕРЦЕНУ

1-го января 1863 г. № 22
Lung'arno. Casa Aretina. Firenze

Поздравляю тебя, милый, добрый Ага, и Папаша, ⟨с⟩ Новым годом и хорошим началом, т.е. нашим началом. Мы, кажется, устроились довольно скоро grâce á Fricken[25*] для квартиры и других домашних вещей, "grâce à Gallait et Alexandre gar Ussi"[26*] [1] и "grâce à"[27*] то, что мы твои дочери. M-lle Marianna Giarra[2] остается 2 часа вместо одного; конечно, много болтает, но тем лучше, я уже начинаю немножко понимать.

3 янв⟨аря⟩

Так как у меня ничего не было ему показать, он мне задал рисунок с натуры, на пробу – это так же, как в Брюсселе у Галле, я в первый раз *так* боюсь, что гораздо хуже делаю, но это скоро пройдет. Ussi очень мил и любезен. Но как ты ошибаешься, думая, что у нас голубое небо и жарко[3].

Климат ничем не лучше лондонского и, может быть, даже холоднее – в галереях рисовать *невозможно*, теперь не скоро будет теплее. Не бойся, Папаша, не думай, что это будет потерянное время, я буду целый день рисовать – я уже начала, Юсси мне прислал молодую италианку, премилую девушку, я кое-как с ней болтаю и знаками разговариваю.

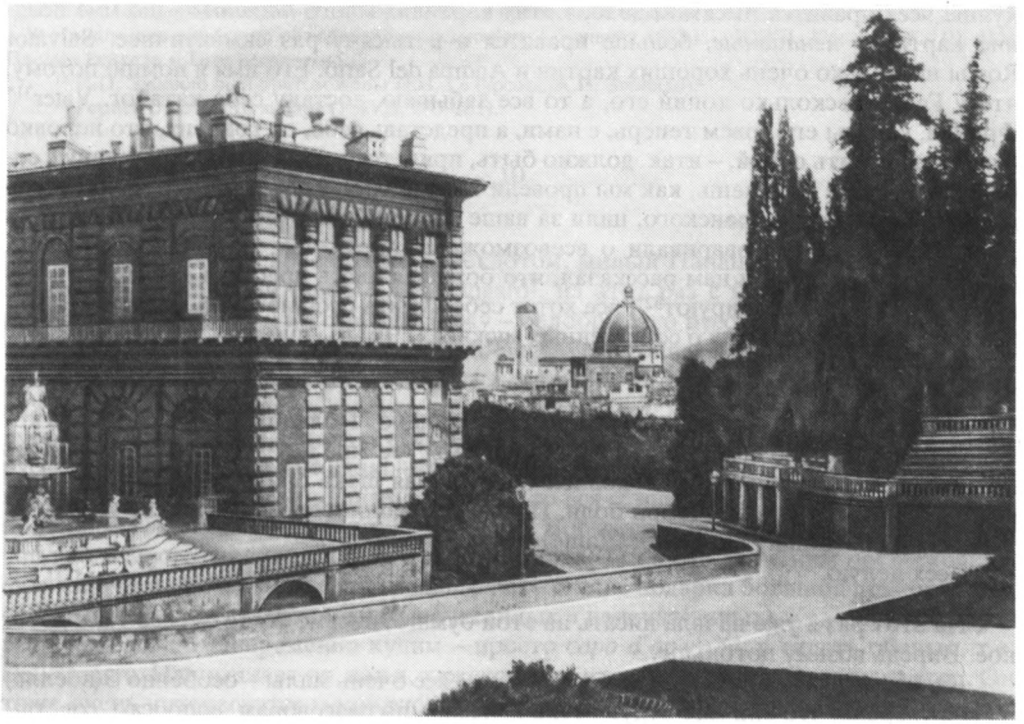
Она, кажется, любимый модель русских дам и девушек, вот сегодня она у русской, которая тоже живет на Lung'arno. Ты уж, верно, испугался – что много русских здесь. Опять говорю, не бойся, мы до сих пор, кроме Фрикена, никого не видели и никого не увидим, кроме Забелла (ты же его рекомендовал)[4], певца[5] и художника Ге (ты скажешь: "Да это уже много – *три*!"). Они придут сегодня вечером.

Фрикен очень серьезно рекомендовал Ге, русского, как *очень* порядочного художника, серьезного человека, готового мне советовать, помогать, уступать даже ателье[6], право это очень приятно; Забелло и певца ты сам рекомендовал, но если они неприятны, нам не нравятся, мы не обязаны их видеть. Успокоился ты, Папаша, или нет? Если ты и этого не желаешь, напиши слово – и этих не будем видеть[7].

[25*] "благодаря Фрикену" (*франц.*).

[26*] "благодаря Галле и Александру гар Юсси" (*франц.*).

[27*] "благодаря тому" (*франц.*).



ФЛОРЕНЦИЯ. ПАЛАЦЦО ПИТТИ
Фотография Дж. Аникини. Конец XIX в.
Из альбома: Ricordi di Firenze. 68 vedute. ⟨Firenze⟩, s.a.

4 часа

Только воротилась из Palazzo Pitti. Ах, какая прелесть! Несколько картин я уже знала по копьям Галле и по собственным: моего друга Рембрандта я видела и Галилея одного, но *не* моего[8]; Рембрандт мой очень напоминает оригинала, но как последний *анпатирован*[9]!

Ну, а потом Мадонна Рафаэля[10]. Помнишь, Шёфт[11] говорил, что оригинал у него, и Саша так восхищался Магдалиной, – взглянул бы он на эту – нетрудно узнать, какая настоящая. *Мне*, если припомнишь, шёфтовская совсем не нравилась – все цвета были так темно-серы, а в этой цвета чистые, теплые – чудесные. Рисунок точь-в-точь тот же – может быть, у Шёфта старинная копья или копья самого Р⟨афаэля⟩, но вряд ли. Потом сколько портретов Тициана, Рубенса, которого я срисовывала с шёфтовской копии. Я вижу теперь, что он очень похож, только, конечно, нехорошо сделан. А propos[28*], Саша ему отдал или нет?

Недостатка в оригиналах не будет – теперь все зависит от меня, я знаю это – и это меня пугает, но надеюсь... Но не согласна я с Мальвидой – опять старая история – не могу я восхититься прерафаэлитами, настоящими, даже учителем Рафаэля Перуджино и его, т.е. Р⟨афаэля⟩, первыми работами – они все еще слишком похожи на византийские мадонны, которых я просто терпеть не могу. Я знаю, что ты тоже так думаешь, поэтому тебе я это говорю, а то я молчу и жду – может, придет время, meine Augen werden aufgehen[29*] – как говорит М⟨альвида⟩. Чего я не понимаю – это что Галле тоже восхищается этими старинными вещами: "Il y a tant de naïveté, de sentiment dans toutes ces figures"[30*]. Он и срисовал одну Мадонну Перуджино – она мне

28* Кстати (*франц.*).
29* мои глаза откроются (*нем.*).
30* "столько наивности, чувства во всех этих лицах" (*франц.*).

лучше всех нравится. В самом деле, в этих картинах много *наивного* – но мне поздние картины, *ненаивные*, больше нравятся и в тысячу раз симпатичнее. Salvator Ros'ы несколько очень хороших картин и Andrea del Sarto. Его имя я помню потому, что у Галле несколько копий его, а то все забываю, достану себе каталог. Vater[31*] Фрикен, как мы его зовем теперь, с нами, а представь себе, он говорит, что неловко будет мне ходить одной, – итак, должно быть, придется всегда брать Жеоржину с собой. Да, ты еще не знаешь, как мы провели Новый год. С одним фатер Фрикеном – достали бутылку шампанского, пили за ваше здоровье, за русскую пропаганду и за мою живопись... Разговаривали о всевозможных предметах, особенно о русском, крестьянском деле. Он нам рассказал, что большая часть крестьян желают и надеются, что общину аболируют[32*], все хотят себе купить особые клочки земли; Тургенев мне тоже это говорил о собственных мужиках. Что ты думаешь, правда или нет?

⟨6 января.⟩ Вторник

Папаша, можешь ли ты прислать нам последнюю "Полярную звезду"? – Та, в которой глава "Oceano nox"; в моих "Былое и думы" ее еще нет[12]. Вчера я целый день пролежала с ессенсой[33*] ⟨от⟩ головной боли. Левая щека опять распухла, все лицо скривилось. Этот раз от зубной боли. Последние ваши письма с Машиным получены[13]. На днях напишу Н⟨атали⟩, С⟨аше⟩ и Аге.

Всех целую. Твоя Т а т а

На этот раз я уже начала писать на этой бумаге, письмо было бы все-таки двойное. Впредь возьму потоньше.

Да, были у нас Забелла, Ге и Кондратьев – все очень милы – особенно З⟨абелла⟩ и *Ге*; я уверена, что они мне будут очень полезны, по разговорам, вопросам, советам и т.д., оба женаты и "pater ⟨!⟩ familias"[34*]. Кондратьев не особенно – но судить еще нельзя – в роде Доманже – нос больше, волос меньше. Послезавтра посетим ателье Ге и З⟨абеллы⟩[14], они двоюродные братья[15].

[1] Во время встречи в Париже 14 или 15 декабря 1862 г. Л. Галле передал Тате рекомендательное письмо к итальянскому художнику *А. гар Юсси*.

[2] *М. Джарра* преподавала Тате и Ольге итальянский язык.

[3] Отклик на слова Герцена в письме от 27 декабря 1862 г.: "Я откровенно счастлив за то, что вы под голубым небом и под гением Буонаротти" (XXVII, 274).

[4] В письме от 24 декабря 1862 г. Герцен рекомендовал Тате посоветоваться со скульптором П.П. Забелло об оформлении могилы Н.А. Герцен в Ницце (см. XXVII, 273 и п. 10). Характеризуя демократические настроения в русском художественном кружке во Флоренции, архитектор Л.В. Даль писал другу в Россию 6 апреля 1860 г. о Забелле: "Это чуть ли не учитель Ге, он считает себя наставником всех русских по части Герцена" (*РГАЛИ*, ф. 179, оп. 1, ед. хр. 34, л. 1–2). *О Забелле* см. подробно в работе Л.Р. Ланского "Странное прощание..." (кн. 1-я наст. тома).

[5] Певца Г.П. Кондратьева рекомендовал Герцену в качестве человека, достойного внимания его дочерей во Флоренции, композитор В.Н. Кашперов (см. XXVII, 267).

[6] Свое знакомство с Татой и Ольгой Н.Н. Ге описал в мемуарах "Встречи" ("Сев. вестник", 1894, № 3, с. 234–235). В ответном письме от 10 января 1863 г. Герцен не советовал Тате работать в "ателье незнакомого Ге" (XXVII, 280).

[7] 27 декабря 1862 г. Герцен писал Мейзенбуг: "Ради бога, как можно меньше знакомых ⟨...⟩ Страна, статуи, картины, алеатико, небо – все хорошо, к черту людей" (XXVII, 274). Откликаясь на эти доводы Таты, он 10 января 1863 г. пояснял: "Когда я был против дельных знакомств? Я писал и говорил – о пустых знакомствах, о потере времени, о русских – праздношатающихся, о политиках без дела" (XXVII, 280).

[8] В 1862 г. Н.А. Герцен сделала копию с портрета Галилея работы неизвестного художника.

[9] Написан пастозно (*от франц.* empâté), т.е. с нанесением на грунт густой пасты-краски.

[10] Очевидно, "Madonna del Impannata" (около 1514).

[11] *Шёфт* – лондонский знакомый семьи Герцена.

[12] Раздел II главы "Oceano nox" ч. V "Былого и дум" был напечатан в "Полярной звезде на 1859 год"; полностью глава опубликована в т. IV отдельного изд. мемуаров в Женеве (1866). Тата говорит о тт. I–III этого изд., вышедших в Лондоне в 1861–1862 гг.

[31*] Отец (*нем.*).

[32*] упразднят (*от франц.* abolir).

[33*] эфирным спиртом (*франц.* essence).

[34*] "отцы семейства" (*лат.*).

[13] Письмо Герцена от 30–31 декабря 1862 г. с приписками Огарева и А.А. Герцена (XXVII, 274–275; в 30-томном изд. ошибочно объединено с письмом от 2–5 января 1863 г. – XXVII, 276; ср. *ЛЖГ* III, 422). Письмо Рейхель к Тате неизвестно.

[14] П.П. Забелло был братом жены Н.Н. Ге (урожд. А.П. Забелло).

[15] Герцен ответил 10 января (XXVII, 280–281).

10

⟨Флоренция.⟩ 2 февр⟨аля⟩ 1863[1]

Я должна начать пресмешным анекдотом, милый Папаша. Третьего дня, т.е. в воскресенье, мы были опять у Dell'Ongaro[2], на этот раз с Ольгой, потому что он очень просил. Входим, и кого же я вижу – белобрысого русского, который с нами в дилиженсе ехал из Ниццы в Геную. Dell'Ongaro его сейчас же подвел ко мне и представил как соотечественника: "M-r Семенев ⟨?⟩ – m-lle Herzen". Я ему сказала, что я, кажется, имела уже честь его видеть, и т.д. Он узнал, долго верить не хотел, что я русская и дочь *того* Герцена, Гер⟨цена⟩-Искандера, – пока не заговорила с ним по-русски. Он автор, чего – не знаю – кажется, по-французски много писал, на вид очень глуп. Фрикен знает ⟨его⟩ по дяде, говорит, что вся семья принадлежит партии "антиколоколистов". Как он попал к Dell'Ongaro, Бог знает. Dell'Ongaro в последние дни вступил в место Фрикена и был нашим cicerone[35*], видели мы с ним превосходные фрески *Andrea del Sarto* в церкви Annunziata[3] – он мне подарил большой портрет свой, списал множество стихотворений, печатанных и непечат⟨анных⟩. Какой у него портрет Гарибальди! Непременно купим – просто *capo d'opera*[36*], и сидеть обещал, т.е. Dell'Ongaro. Напоминает он, как я, кажется, уже писала, Тассинари, но хуже его... Он тоже очень интересуется моим рисованием, анкуражирует[37*]. Нет, Папаша, в своем таланте я не сумневаюсь[4]: трудно бы было после того, как Галле, Юсси и столько других говорили и говорят, что у меня способностей много и в силах, конечно, недостатка нет. Поэтому я и работаю как можно больше, Юсси был опять очень доволен вчера – надеюсь, милый Папаша, ты не пожалеешь, что отпустил меня в Италию. В одном мы тебя не послушались, Папаша, но делать было нечего: т.е. мы назначили день – вечер, по средам, – чтобы принимать гостей, – потому ⟨что⟩ нам, как и тем, которые приходили, было неловко, они все очень скромны; познакомились мы с женами. M-me Ге с сестрой[5] очень приятные, простые дамы, совсем не à la Теплякова[6], напротив, очень понимают, что, приходя так неожиданно, они мешают то чтению, то занятиям, то дома нас не найдут. Что же и им по-пустому бегать? M-me Zabella – швейцарка, очень миленькая. Раз мы у них были, а она здесь еще не была. И что же – в самом ⟨деле⟩ – раз в неделю можно пожертвовать вечером, тем более, что я при них могу продолжать рисовать. Они же все интересуются моей работой. Я все показываю, они критикуют.

О памятнике завтра же поговорю с Забеллой[7]. Он уже делал один большой памятник для того же кладбища, для какой-то русской дамы. Не думай, что я позабыла. Нет. Но не знала, как начать речь, – так мне казалось неловко. Хотя Фрикен читает нехорошо, запинаясь, чтение подвигается, книгу Сисмонди кончили; вчера вечером прочли "Восстание Мазаниело, бедного рыбака", короткий, но очень интересный рассказ[8] – кого, не знаю ⟨...⟩ [38*] [9]

[1] Ответ на письма Герцена от 20 и 24–26 января (XXVII, 282–283 и 283–284).

[2] *Ф. Дель-Онгаро*, итальянский поэт, сподвижник Гарибальди, был знаком с Герценом (см. XXVII, 280; XXIX, 43, 48, 84). Об упоминаемом далее лице см. выше в п. 8.

[3] В церкви Сантиссима Аннунциата (Благовещения: основана в 1250 г.) находятся фрески Андреа дель Сарто "Рождество Богородицы" (1514), "Мадонна дель Сакко" (1525), а также "Проповедь Иоанна Крестителя", "Снятие с креста" и др.

[35*] проводником (*итал.*).

[36*] шедевр (*итал.*).

[37*] ободряет (*от франц.* encourager).

[38*] Конец письма не сохранился. – *Ред.*

[4] 20 января Герцен писал: "У тебя, Тата, слишком много недоверия к силам. Заносчивость нехороша – но веру к себе надобно иметь. Иначе не пойдет и труд..." (XXVII, 282).

[5] Во Флоренции вместе с семьй Ге жила сестра его жены Анны Петровны – Александра Петровна.

[6] Супруги *Тепляковы* посетили Герцена в Лондоне в конце ноября или начале декабря 1862 г. (см. XXVII, 280, 289).

[7] В письме от 24 января Герцен просил Тату "спросить мнение" скульптора насчет памятника на могиле Н.А. Герцен в Ницце. В ближайшие дни Забелло по просьбе Таты сделал керамический эскиз памятника, который не удовлетворил Герцена (см. XXVII, 283, 294, 299, и п. 15). Около 10 января 1865 г. там был установлен памятник по проекту архитектора Я.В. Даля (см. п. 28 и 31).

[8] Возможно, книга: L. S i s m o n d i. Histoire des républiques italiennes du Moyen Age (сокращенное изд.; его Герцен намеревался переводить еще в 1834 г. – см. XXI, 415; XXX, 846).

[9] В несохранившейся части письма, очевидно, Тата осведомлялась, когда Герцен приедет за ними, и просила разрешения на поездку в Рим. В ответном письме от 7 февраля он, в частности, замечал: "Сказать, могу ли я приехать и когда, теперь мудреннее, чем прежде. В Париже – большая дружба с русскими ⟨...⟩ Если очень хочется, поезжайте в Рим", – но не одобрял этой поездки: "Времена мрачные, работать и работать надобно – думать и читать" (XXVII, 289).

11

⟨Флоренция.⟩ 1 марта 1863

Мерси, милый Папаша, за книжку и "Колокола", которые я аккуратно получаю[1] и с Meysenbug прочитываю сейчас же, чтобы передать их как можно скорей здешним русским: они все очень бедны, выписывать не могут, у Vieusseux только один номер, достать его очень трудно. Если ты можешь посылать мне два номера, ты осчастливишь несколько душ. Потом у меня еще несколько просят (тоже чтоб осчастливить кого-то), а именно m-lle Giartà: 1) несколько слов, написанных тобой по-французски; 2) твой портрет, это я сама достану от Левицких; 3) два автографа Осипа Ивановича[2] – у тебя их столько!

О митинге ты, верно, все знаешь от Meysenbug и Ольги – знаешь тоже, что Телеки был[3], нарочно приезжал из Пизы, чтоб присутствовать и молчать, но его упросили, и он сказал коротенькую, но отличную речь (по словам тех, которые ее слышали, я не принадлежу к этому числу, потому что стояла за трибуной). Он велел тебе дружески кланяться и сказать, что часто о тебе думает. Знаешь ли ты, что письмо, которое ты получил от здешнего Комитета, прислано было мне, что я его перевела, но так как Фрикен тут был, я его попросила сделать – ты, верно, узнал его руку[4]. А когда ты думаешь приехать? Чтоб остаться месяц или два или только чтоб нас оторвать из Италии? Скажи-ка, Папаша?

Работаю, работаю, тружусь и мучаюсь.

Твоя Тата Г.

4-ого марта

Очень, очень меня обрадовал "*первый результат*", как ты говоришь; французский "Колокол" и все письма получены и отданы. Разве вы не узнали мою руку, ведь я надписывала адрес на письме Долфи, а ты мне об этом пишешь, как о новости[5].

5-ого марта

Ах, Папаша, если бы ты знал, какой у меня был модель! Старый солдат Наполеона Первого, он с ним был в России и видел, как горела Москва, – ему больше 80 лет, без бороды, весь в морщинах.

Вчера мы были в первый раз в большом аристократическом театре "La pergola"[39*], слышали сестер Маркизио в "Семирамиде"[6]. – Как они пели, просто чудо! В антракте Кашперов Ольгу повел за сцену, она познакомилась с Маркизио и всеми актерами[7].

Теперь еще раз прощайте, всех обнимаю и целую.

Твоя Тата Г.[8]

[39*] "Беседка" (*итал.*).

[1] Ответ на письмо Герцена от 24 февраля (XXVII, 293).

[2] Так в шутку, на русский лад, называли в семье Герцена Дж. Мацини.

[3] В неизвестных письмах Мейзенбуг и Ольги рассказывалось о состоявшемся во Флоренции митинге солидарности с восставшей Польшей. На нем выступил участник венгерской революции 1848 г. *Ш. Телеки* (приятель Герцена еще со времени парижской демонстрации июня 1849 г., затем встречавшийся с ними и в Лондоне – см. XI, 46, 189, 476–477; *ЛЖГ* I, 493).

[4] 25 февраля Герцен получил пересланное через Тату и А.Ф. Фрикена письмо от Дж. Дольфи, возглавившего Флорентийский комитет помощи Польше. Он просил Герцена о содействии в установлении связей с представителями варшавского Временного революционного правительства. Герцен переслал письмо Ю. Цверцякевичу, представлявшему повстанческую Польшу в Лондоне, а его адрес сообщил тотчас Дольфи в ответном письме (см. XXVII, 294, 336; оба письма не сохранились).

[5] Тата отвечает на письмо Герцена от 26–28 февраля. Сообщая о получении письма Дольфи "через Фрикена", Герцен также писал: "Первый результат дел такой, что я полагаю полезным отсрочить вам еще вашу флорентийскую жизнь. Мы говорили ⟨...⟩ до 1 мая – кажется, можно вам прибавить еще месяца два" (XXVII, 294).

[6] Известные певицы *Маркизио* – Барбара (контральто) и Карлотта (сопрано) исполняли главные партии в опере Дж. Россини "Семирамида" (1822).

[7] Композитор *В.Н. Каштеров*, приятель Огарева с конца 1840-х годов, в 1858–1865 гг. жил в Италии, поддерживая переписку с Герценом и Огаревым. В марте 1863 г. во Флоренции была поставлена его опера "Rienzi". В "Колоколе" (л. 160 от 1 апреля) напечатан фрагмент письма "Из Флоренции (23 марта)" о провале спектакля: "Публика *не хотела слушать музыку, сочиненную русским*" (с. 1325, в составе статьи Герцена "Бедное русское имя"; в 30-томном Собр. соч. она ошибочно напечатана без этого заключительного абзаца – см. XVII, 117–118). Об этом же эпизоде сообщается в письме Таты к Огареву от 19 марта (в *BN* сохранился лишь черновик его начала).

[8] Герцен ответил 12 марта (XXVII, 297).

12

⟨Флоренция.⟩ 6-ого марта 1863

Милый Папаша!

Вот я опять прихожу с вопросом о *Риме*[1]. Выслушай-ка меня. Несмотря на то, т.е. уж не говоря о том, что желание растет не по дням, а по часам, надобно бы и об этом подумать, что уехать из Италии, не видевши Рима, даже в своей décadence[40*], было бы грешно, особенно нам, *мне*, ведь я только для искусства приехала. А если ехать позволяешь, лучшего время найти невозможно.

Говорят, одним ехать нельзя. Провожатель готов – m-r Фрикен без того едет в Рим; интересно и взглянуть на разные серемонии[41*] папские. Ты думаешь о работе – неужели это будет потерянное время? У нас в последнее время только об этом и говорили, все знакомые художники удивляются, что ты сумлеваешься в пользе. Позже будет слишком жарко и нездорово – а там, еще позже, Бог знает что́ может случиться, и попадем ли мы когда-нибудь еще в Италию? И без того я должна бы скоро переменить работу – то, что я теперь делаю, это, конечно, единственная хорошая и серьезная дорога, по мнению Юсси, полезнее копирования, но она тоже рассчитана на долгое время, на несколько лет, а не на несколько месяцев. А так как мы здесь только на несколько месяцев, я думаю, что лучше и выгоднее пользоваться тем, что в Англии и нигде, кроме здесь, нельзя достать, т.е. копировать и просто учиться, рассматривая мастеров – ты сам знаешь, как это полезно. Если мы поедем, ведь это будет только на три-четыре недели, чтобы изучить всё, что там есть для изучения, – вдобавок с Фрикеном, который все знает, все "студировал". Потом опять вернемся, и работа по-прежнему, если не лучше. Но теперь время подвигается – решиться надо – пожалуйста, пришли решительный ответ – просто *да* или *нет*[2].

Надеясь получить первое словечко, обнимаю и целую тебя, Огарева, Натали, Сашу и ребятишек.

Твоя Тата Г.

[40*] упадке (*франц.*).

[41*] церемонии (*франц.* cérémonies).

[1] 2 февраля Тата просила у Герцена позволения съездить в Рим.

[2] В ответном письме от 12 марта Герцен писал: "Ты занята исключительно собой и желанием ехать в Рим – смотри, этим путем как бы не развить в себе равнодушный эгоизм (...) В Рим, пожалуй, поезжайте" (XXVII, 297).

13

75. Via S.-Basilio. Piazza Barberini.
27 марта 1863. Рим

Обнимаю и тысячу раз целую тебя, милый Папаша, за то что ты позволил нам ехать в Рим, не будет и это потерянное время, будь уверен, Папа. Приехали мы вчера около пяти часов вечера – об этом расскажу позже. Сегодня мы с утра отправились на Форум, долго там всё рассматривали – подумала я и о вас всех, стоя перед триумфальной аркой Септима С⟨евера⟩. Может быть, кто-нибудь из вас рассматривал в эту минуту картину, висящую в столовой Orsett House[1]. Оттуда отправились мы в Колизей, которого всего больше хотелось видеть, я просто жгла ⟨!⟩[2] от нетерпения скорей увидеть его. День был удивительно хорош – в полдень так пекло, что мы даже искали тени. Колизей был неописуемо грандиозен и хорош, мы остались в нем до пятого часа, не замечая, как время прошло. Люди, особенно крестьянки, все подходили к среднему кресту и целовали его, подконец тоже вошла процессия монахов. И какой вид на окрестности с высшего этажа Колизея – все это опьянительно хорошо – только многое портит гибель иностранцев и еще больше постоянный шум барабана и трубы французских солдатов[3].

Не понимаю, Папаша, отчего Рим тебе не с первого раза понравился? Помнишь, ты говоришь в "Письмах из Франции и Италии", что надобно сперва вжиться. Как твои описания хороши в этих письмах, Папа, я только что перечла письма из Рима[4]. Через несколько минут мы пойдем на Терм Каракалы, где ты сидел с молодым итальянцем и рассуждал о том, как Буанаротти, Раф⟨аэль⟩ и т.д. отделывали ненужные вещи...[5] Вот и воротились мы, посылаем тебе или лучше Саше, он их побережет, цветочки с Колизея и с Термов Карак⟨алы⟩. Какое великолепие – люди, верно, сидят на самом том месте, где ты был, с которого видны акведуки, горы, Тиволи, начало Фраскати, остатки стены, а сзади – S.-Pietro – словом, весь Рим с окрестностями перед вами, когда взлезешь на высшую скалу.

Ну, а о путешествии теперь. Ты знаешь – решено было, что мы поедем во вторник. Так и было – все благополучно устроили и выехали из Флоренции по железной дороге в 7 часов утра[6]. В этот день, Папаша, я, право, была довольна, что тебя не было с нами... Во-первых, перед самым отъездом, после инвентария[42*], Жеоржина прибежала с испуганным лицом. Что такое? Уронила туалетный столик. Лоханка и кувшин в дребезгах. Потом мы чуть-чуть не уехали без моего чемодана. Часть вещей мы оставили в Флоренции у m-lle Giarrà с m-me Cattermole. В вагоне мы забыли релвераки[7] – к счастью, все время было очень тепло – вчера мы их получили.

Ветурино[43*] у нас был отличный, большой, с пятью лошадьми – иногда прибавляли вдруг еще пару, в *Orvieto* мы приехали около 7 часов вечера, я с ужасной головной болью, остальные с ужасным аппетитом. Ты, кажется, не был в этом местечке, оно лежит на возвышении, на скалах, которые трудно отличаются от стен, так что издали все вместе имеет форму крепости и напоминает Königstein в Саксонии.

Остановились мы в каком-то разваленном дворце, который теперь называется отелем. Тут начались серьезные мучения ⟨от⟩ "скакунов"[8]. Меня они не любят и всего меньше мучают – но бедная Ольга в отчаянии. На следующее утро мы осмотрели собор, украшенный барельефами Niccol'a Pisano. Площади были покрыты крестьянами и крестьянками, более или менее одетые в лохмотьях, но не так картинно, как грациозно. Женщины там носят на голове красный суконный платок, который покрывает также часть талии. Это удивительно хорошо. По дороге из Orvieto в

42* сдачи вещей по описи (*итал.* inventario).

43* Здесь: экипаж на далекие расстояния (*итал.* vetturino).

Viterbe мы встречали множество крестьян на ослах – все разодетые по случаю праздника – "именин матери Христа". Иногда двое сидели на бедном звере – мужчины по-женскому, а женщины по-мужски – "*калифуршон*"[44*].

Всего не могу написать сегодня, скажу еще только, что несмотря на то, что все во Флоренции нас пугали "briganti"[45*], – мы ни с кем не встречались, кроме с ⟨1 *нрзб.*⟩ у входа ⟨в⟩ Porto del Popolo – и еще с Щедриным[9] – друг Фрикена, который нам нанял вперед квартиру, очень милую – но дорогую – теперь сезон иностранцев – англичан почти столько же, сколько итальянцев.

Ну, Папаша, видели мы папу – не нашего, должно быть в том же печальном виде, как ты его видел во второй раз[10] – вид у него был ужасно утомленный и истасканный[11].

[1] Вероятно, в лондонском доме Orsett House, где Герцен с семьей жил с середины ноября 1860 г. до конца июля 1863 г., висела картина, изображающая римский Форум и находящуюся рядом с ним Триумфальную арку римского императора Септимия Севера (сооружена в 203 г.).

[2] Очевидно, ошибочно, – вместо "горела".

[3] С 1849 г. Рим находился под французской оккупацией.

[4] См. "Письмо пятое" "Писем из Франции и Италии" (V, 81–86). 6 апреля Герцен так откликнулся на эти строки Таты: "Ты очень хорошо делаешь, что читаешь "Письма из Италии" на месте – это наше свидание в Риме" (XXVII, 304).

[5] В "Письме пятом" передается разговор с "молодым итальянцем" – Л. Спини (см. о нем в "Лит. наследстве" т. 96, с. 217–230). На замечание его о бесполезности римских арок и колонн Герцен возразил: "Вся поэзия жизни состоит из ненужностей. Рафаэль рисовал ненужные картинки, Микель-Анджело делал каменные куклы..." (XXVII, 85–86). *Термы Каракаллы* – величественные здания общественных бань, построенные между 212 и 223 гг., при императорах Каракалле и Александре Севере.

[6] Тата с Ольгой и Мейзенбуг выехали из Флоренции 24 марта и приехали в Рим 26 марта.

[7] *рельвераки* (рельвераки) – плащи.

[8] Вероятно, блохи.

[9] Тата и Ольга общались в Риме с *А.А. Щедриным*, архитектором, двоюродным братом А.Ф. Фрикена.

[10] Папой римским с 1846 по 1878 г. был Пий IX. Герцен видел его дважды в декабре 1847 г. (см. письмо шестое "Писем из Франции и Италии" (V, 90–91).

[11] Отвечая на наст. письмо, Герцен писал 6 апреля "Я очень рад, что вам в Риме так хорошо, смотрите – учитесь – читайте по камням и картинам" (XXVII, 303).

14

6-ого апреля 1863 г.
75, via S-to Basilio. Piazza Barberini. Roma

Нехорошо начался день твоего рождения для нас, милый Папаша. Мальвида никаких усталостей не выносит – сегодня она должна опять остаться в постели, чтоб лишне сил не тратить и быть в состоянии видеть фейерверк вечером. Вчера мы видели, как папа благословлял народ с S-to Pietro[1] На этой огромной площади было столько народа, что прохода почти не было – к счастью, мы еще нашли несколько свободных стульев под аркадой колоннады.

Конечно, часть площади была занята солдатами, но, считая их и остальной народ, – говорят, было около 100 000 человек.

Тут мы очутились в самой середине народа – множество крестьян проходили, нас окружали. Не нахожу я, чтоб они так красивы, как я ожидала, напротив, они меня поразили своей некрасотой и глупым, почти зверским выражением, особенно пастухи, зато иногда встречаются удивительно красивые лица, это правда, но очень редко. Женщины итальянские бывают очень хороши – но гораздо реже, чем ожидала, и костюм теряется; в самом Риме, кроме моделей[46*], никто не ходит в крестьянских платьях; говорят, даже в "campagna"[47*] принимают городское платье, но во всем

[44*] "верхами" (*франц.* califourchon).

[45*] "разбойниками" (*итал.*).

[46*] натурщиц (*итал.* modella).

[47*] "деревне" (*итал.*).

ПАПА ПИЙ IX БЛАГОСЛОВЛЯЕТ НАРОД
Гравюра Гошара по рисунку Э. Байара, 1870-е годы
Из книги: Rudolf Kleinpaul. Rom in Wort und Bild. Band II. Leipzig, 1883

этом они очень грациозны, учтивы и милы. Вот вчера, стоя между народом, мы видели хорошую сцену. Молодая буржуазка подошла, крича, толкая, суетясь, – с ней была девочка пяти или шести лет. Между нашими стульями и колонной проходить было почти невозможно, – однако маленькая девочка прошла, пока мать с кем-то говорила сзади, но, вдруг, увидя, что дитя прошло, она рассердилась, потащила ее назад, дала ей плюху в лицо, говоря: "Как ты смела идти вперед, пройти первой – сперва *я*, а потом ты". Ворча и всех толкая, она прошла, стала впереди, потащила за собой и девочку испуганную – ей самой было хорошо видно, девочка ничего не могла видеть – так возле, на пьедестале колонны, стояли две пребедные крестьянки, старуха и молоденькая девушка, с белыми платками на головах; старуха сжалилась над девочкой и так мило ей уступила место, обняла ее, все время за ней смотрела, это было, право, трогательно.

Ну, а о самой церемонии ты знаешь, она пресмешная[2]. Папу приносят на большом кресле, за ним стоят два дурака с большими веерами из разноцветных перьев, это ужасно смешно, он благословляет народ направо и налево, потом бросает три бумажки "*индульгенции*" – сотни рук поднимаются, чтобы поймать эти бумажонки, которые потом за безумную цену продаются англичанам. (О, Папаша! Только что получили колоссальный букет от Фрикена, по случаю твоего рождения!..) Ну, когда все кончилось, папу унесли, толпа мало-помалу разошлась, мы еще вошли в S-to Pietro и долго там просидели – удивительно, как все пропорции теряются в таком колоссальном удалении. Кто может поверить, что бронзовый катафалк, который стоит в середине над остатками отрубленной головы Св. Петра, – помнишь этот катафалк, сделанный из старинных римских бронзовых колонн, ваз и т.д., – величиной с *Лувра* ⟨!⟩ в Париже, а на вид, конечно, он очень велик, но все-таки никак нельзя этому повер⟨ить⟩. Но это рассчитано и мерено – величина всей церкви не поражает сразу – мало-помалу, сравнивая и рассчитывая, то видишь колоссальность. Напр⟨имер⟩, на пьедесталах колонн катафалка – герба пап: шапка, ключи и три пчелы; издали кажется, как будто бы Ольга легко дотронется до всего этого – подходя, видишь, что и до первой пчелы ей трудно достать – и так все – все теряется. Вечером мы видели S-to Pietro в своем самом блестящем виде. Какая прелесть – освещенный S-to Pierto. На самой площади мы не были, там кроме огненной массы, ничего не видно, говорят. Мы были на M⟨on⟩te Pincio, откуда очень хорошо видно – особенно с одной точки – все кажется одно видение – фонтан, окруженный дерев⟨ьями⟩, которые составляют рамку вида овала, этот огненный собор, который отсвечивается в фонтане, – все делает удивительно хороший эффект – сзади меняют освещение, т.е. прибавляют, тем, по-моему портят: контуры теряются[48*].

[48*] Конец письма, по-видимому, не сохранился. – *Ред.*

[1] В соборе св. Петра папа благословил народ в связи с праздником Пасхи.

[2] Церемония благословения народа папой описана Герценом в письме шестом "Писем из Франции и Италии" (V, 91).

15

75, Via S-to Basilio, Piazza Barberini. Roma.
7 апреля 1863 г.[1]

Как же вы отпраздновали твое рождение, Папаша? Мы вот что делали: все утро пробыли в Capitolio (в галерее картинной – в каменной – были в прошлой неделе – какие там портреты Van Dyke – просто чудо – да много других чудес, ⟨о⟩ которых ты пишешь[2]), оттуда сошли опять на Форум Романум и в Колизей. День был опять превосходный, после обеда (мы обедаем в Restaurant) за нами зашли Боткин[3] – отлично – и Щедрин – двоюродный брат Фрикена; пили мы за твое здоровье "*Orvieto*", как я тебе предсказывала, в *7 часов*, – что́ вы делали в это время? Верно, тоже обедали с Чернецким и Тхоржевским? Ну, girándola, или фейерверк, был великолепный, особенно последняя вещь – одна ракета летела по проволоке с террасы M⟨on⟩te Pincio до Обелиска, разделяясь на несколько частей, которые тоже по проволокам отправлялись к шестам, стоящим кругом площади, зажигали там бенгальский огонь и возвращались к Обелиску – очень артистически устроенному.

Мерси, милый Папаша, за деньги[4]. Мы, конечно, стараемся тратить как можно меньше, но приехали в несчастное время когда все вчетверо дороже, кареты до безумия дороги, хуже Лондона и Парижа (но, говорят, это пройдет с праздником), обеды на дом тоже, поэтому мы ходим в маленький скромный ресторан, здесь обед обходится около двух франков с головы. Ты, Папаша, не заботься и не тревожься о проекте Забеллы, он только сделал маленький гляный эскиз – это равняется рисунку[5].

Здесь газет никаких не получаем, но слух несся, что все покончено – что после взятия Лангевича побили всех инсургентов. По твоему письму видно, что не так[6], – дай бог, чтоб поляки, которых вы провожали, приехали благополучно, – по каким путям они отправились – морем до каких пор?

Что Бак⟨унин⟩ и m-me Бак⟨унина⟩[7]? Всем кланяйся, вас всех обнимаю и крепко целую.

Твоя Т а т а

Боткин и Фрикен вам всем кланяются.

Папаша, скажи-ка, говорил ты о переводе "Corsica" или "Stadt Rom" Gregoroviüs'a?[8] Переведено что́ или нет? Он странный человек, истый немец, и говорит à la Кинкель. Да, à propos – ты никогда не отвечал – как же это Кинкель так часто стал к вам ходить – какой у вас заговор вместе?[9]

[1] Ответ на письмо от 24 марта (см. XXVII, 299–300).

[2] Имеется в виду письмо пятое "Писем из Франции и Италии" (см. V, 82, 84–88).

[3] Живописец, гравер и искусствовед *М.П. Боткин* (встречался с Герценом в Лондоне в 1862 г., а переписывался с 1859 г. – см. XXVI, 240–241).

[4] Герцен сообщал, что накануне отправил дочери и Мейзенбуг (через флорентийского банкира Фенси) 1500 фр., и предостерегал от излишних трат (см. XXVII, 299).

[5] В письме от 24 марта Герцен о́ценил проект памятника на могиле своей жены, предложенный П.П. Забелло, как "казенно-обыкновенный" и добавил: "Зачем же он делал модель – я говорил о рисунке карандашом" (XXVII, 299; см. п. 10). Тата успокаивает его, указывая, что глиняный этюд оплачивается как рисунок.

[6] 24 марта Герцен сообщил дочерям об отправке 21 марта из Лондона морской экспедиции Ю. Демонтовича и Ф. Лапинского в помощь польским постанцам ("мы провожали") и о поражении (19 марта) отряда М. Лангевича, разъясняя: "Но это далеко не значит, что Польша побита" (XXVII, 299).

[7] А.К. *Бакунина* приехала в Лондон из России в первой половине марта; не застав там мужа, поселилась на время у Герцена. М.А. Бакунин же 21 февраля уехал в Швецию для установления контактов с деятелями скандинавского национально-освободительного движения. 1 апреля Бакунина выехала к мужу в Стокгольм.

[8] С немецким историком *Ф. Грегоровиусом* Тата, Ольга и Мейзенбуг познакомились, очевидно, за несколько дней до наст. письма: 5 апреля в его римском дневнике сделана запись о приезде "юных доче-

рей Александра Герцена" (см. *ЛЖГ* III, 478). Вероятно, в несохранившейся части п. 14 Тата, сообщая об этом знакомстве, просила выяснить возможности перевода на английский язык книг Грегоровиуса "Corsica" (Bd. I–II, Stuttgart und Tübingen, 1854) и "Geschichte der Stadt Rom in Mittelalter" (Stuttgart; в 1859–1862 гг. вышли тт. I–IV). О переговорах Герцена с Н. Трюбнером по этому вопросу см. XXVII, 422, 429 и др.

[9] Об отношениях Герцена и немецкого революционного эмигранта *И.-Г. Кинкеля* см. в "Былом и думах" (XI, 152–155) и "Лит. наследстве", т. 96, с. 182–189.

16

⟨Рим.⟩ 13 апреля 1863 г.

Уж который день недоумеваем, чтó это писем нет, Папаша? Наверно, одно потеряно. Надобно попробовать посылать на французском; все жалуются на здешнюю почту.

На прошлой неделе мы были в разных виллах, как ты узнаешь по письму ⟨к⟩ Натали[1], бегали по виллам и дворцам. Какие богатства во всех этих домах, вчера еще мы были в Farnesina, видели фрески Рафаэля "Титан" – видел ли ты их или нет? Сказка о Психее – в второй картине: Амур показывает Психею трем грациям, одна из них – удивительной красоты тело, она поворочена спиной к зрителям; потом Венера, умоляющая Юпитера ее отомстить, тоже очень красива, – она с таким невинным милым видом и выражением подходит (нельзя представить себе, что она просит такую благородную ⟨?⟩ вещь, ты знаешь, она сердится на Психею, потому что та красивее или так же жива, как она). В другой комнате "Triomphe de Galatée" и колоссальная голова, нарисованная разным карандашом Michel Angel'ом, пока он ждал Daniel Volterra, который тут работал и к которому он пришел с визитом, ничего особенного в ней нет, только ее сохраняют как *кюрьезитет*[49*]. "Galatée" Рафаэля – шефдоевер[50*]. Дворец в ужасно опустелом виде; бог знает чтó валяется в этих комнатах: гибель неполированной мебели, карета – словом, всё в ужасном виде. Дворец реставрируют – он теперь принадлежит Франциску II[2].

Был ли ты в галерее Doria (одна из самых богатых), видел ли ты портрет Jeanne de Naples Leonardo da Vinci? Все так восхищаются этой картиной, – не понимаю, почему она *не хочет* мне нравиться. Сама еще не знаю, в чем состоит это – надобно будет опять сходить. Я вообще очень глупа, почти никогда не понимаю красоту вещей с первого раза. Может быть, оттого, что до сих пор так мало видела картин, т.к. в Англии мало ходила по галереям. Папаша, можешь ты мне сказать, кто такой *Вент*? Имя я это хорошо помню, но кто именно это, не припомню. Третьего дни, гуляя в *Villa Borghese*, молодой белокурый человек подошел к Фрикену, которого видел накануне у Боткина, сказал, что ты для него был *отцом* и *спасителем* и он не знает, как оказать свою благодарность; что он занимается *антикваритетами* и будет нашим чичероне, если хотим[3]. Фр⟨икен⟩, не зная, кто такой, отказал, говоря уж не знаю чтó, и, конечно, хорошо сделал. Не тот ли это юноша, который часы проиграл?

14-ого апреля

На сей раз надобно кончить, чтоб отослать письмо – на днях напишу Саше, его письмо я получила третьего дни[4], т.е. 12 числа. Теперь мы начали ходить в *Vatican*, который некоторое время был заперт, и посвятим ему целую неделю. До сих пор мы только видели Braccio Nuovo, в которой знаме⟨ни⟩тый Атлет, утирая пот, статуя. Какой chef d'oeuvre, с него глаз нельзя свести![5] Как раз хорошенько вглядишься – самая красивая *Минерва* тут[6] и столько статуй, которые замечательны, по одной драперии[51*], простой, такой изящной. Жаль, что придется все это покинуть скоро. Я бы охотно выпила бочку целую воды фонтана Trevi (говорят, что кто хочет вернуться в Рим, должен накануне отъезда выпить стакан этой воды).

Ну, прощай, всех вас обнимаю и целую.

Твоя Тата Г.[7]

[49*] редкость (*нем.* Kuriosität).

[50*] шедевр (*франц.* chef d'oeuvre).

[51*] расположенности складок (*франц.* draperie).

[1] Письмо Таты к Тучковой-Огаревой от 7–11 апреля см. ниже в наст. томе.

[2] На вилле Фарнезина сохранились фрески по картинам Рафаэля, выполненные его учениками: "Амур и Психея", "Триумф Галатеи", а также "Галатея и Полифем" Б. Перуцци.

[3] Очевидно, *К.-Х. Вендт*, который много лет провел в Италии, в"занятиях римскими древностями и археологией", впоследствии готовил магистерскую диссертацию "о римских термах" (см. его письмо к В.И. Герье от 27/15 октября 1875 г. – авт. *РГБ*, ф. 70. 38. ед. хр. 77). Как явствует из наст. письма, он посетил Герцена в Лондоне.

[4] Письмо А.А. Герцена от 24 марта и ответ Таты от 14–15 апреля см. в наст. книге.

[5] В *Браччио Нуово*, одной из галерей Пио-Клементинского музея Ватикана, находится римская копия скульптуры Лисиппа IV в. до н.э. "Апоксиомен" (буквально – "соскребающий"), т.е. атлет, очищающий тело от грязи после борьбы.

[6] *Минерва (Афина)* "Полиас" – древнегреческая статуя неизвестного скульптора.

[7] Отвечая Тате, Герцен писал 20 апреля: "Если вам больно хорошо в Риме – так и не торопитесь" (XXVII, 310).

17

№2

41, Via Porta Pinciana, Roma.
7-го мая 1863 г.

Вот я опять принялась за работу, милый Папаша, да, пора. Несмотря на уговаривания Боткина[1] сейчас начать красками, я решилась сделать еще рисунок черным карандашом – если он удастся, начну красками. Так рисую портрет неаполитанки Stella, с типическим итальянским лицом, хотя неправильным. Премилое тихое существо, иногда она вдруг начинает петь, тихоньким, но очень приятным голосом, и поболтать охотница, когда отдыхаем. Я уже всю ее историю знаю, как ее дядя и отец притесняли, насильно в Рим привели; сначала она землю обрабатывала, но от сильных усилий захворала, дядя сделал из нее модель[52*] – потом все пошло хорошо, она вышла замуж, великая княжна Марья (кажется)[2] ей дала 100 скудов в приданое, потому что сын ее рисовал (хотя она ее прежде уговаривала идти в монастырь). Порядок дня мы переменили, как ты, верно, уж знаешь, так как теперь в полдень выходить нельзя, мы в это время обедаем, утром будут ходить модели, после ходим коечто рассматривать. Вечером читаем. Хотя в Риме circulating library[53*] нет, у нас бездна книг: у нашей хозяйки целая библиотека самых разнообразных книг, однако большею частью романов – она около двадцати лет собирала их – т.е. путешественники ей оставляли, ⟨у⟩ нее целый Dickens, Thackeray, Walter Scott и т.д. (Tauchnitz edition). У Боткина русская библиотека, нынче он мне принес том Гоголя и Лермонтова, я перечитываю "Герой нашего времени".

А вот новое, 7-ое, письмо пришло. Ах, Папаша, радость наша! Ты плутуешь, ответ наш, верно, вперед знаешь[3], так же как и я слово в слово предсказала твой ответ насчет Неаполя (однако все-таки надеюсь, что не уедем из Италии, не видавши Неаполя, Помпеи и Геркуланума – это было бы *грех*!). Ты просишь *просто* и *откровенно* ответить, что́, по нашему мнению, полезнее, так буду отвечать, как будто ты ответ еще не угадал.

Очевидно и ясно, как дважды два четыре, что надобно́ еще остаться до весны. Это ты, Папаша, сам видишь, но ты любишь подразнить, поэтому медлил предложить.

Мы между собой и знакомыми давно уж об этом рассуждали – все, начиная от Грегоровиуса и кончая хозяйкой нашего дома, говорят, что ты слишком благоразумен, чтоб сам не видеть, что лучше ничего не выдумаешь. Однако я говорю, как будто ты уже согласился. Надеюсь, что так и будет, и с нетерпением буду ждать ответа – и твоего приезда. Отчего ты, Папаша, все выбираешь такие странные места для rendez-vous[54*] – Милан, Флоренцию, Como и т.д. Все от них бегут – они знамениты своим *невыносимым* жаром от июня до сентября, ты недели не проживешь там, все знатоки Италии советуют ехать в Неаполь или в Sorrento. У тебя, верно, зуб против

[52*] натурщицу (*итал.* modella).

[53*] библиотеки с выдачей книг на дом (*англ.*).

[54*] свидания (*франц.*).

этих городов, а почему? Нам так бы хотелось с ними познакомиться; ты нас представишь – и ты же сам Неаполь очень любишь. Может быть, ты думаешь о расходах? Так ошибаешься: это будет самое дешевое путешествие – езды отсюда 12 часов, все по железной дороге и стоит 5 *скудов*, т.е. побольше фунта с лица!

Обдумай-ка еще хорошенько[4].

Рассуждения и объяснения о том, почему полезно оставаться, предоставляю Мальвиде, а тебе я повторяю просто и откровенно, что *уверена* и чувствую, что оно *будет очень полезно*. И хотя было бы очень сладко видеть тебя в августе, т.е. au mois d'août[55*], надеюсь, что прежде увидимся, августейший Батюшка. Так до свидания, крепко, крепко тебя целую.

Твоя Тата Г.

На этот раз больше писать не могу. Саше прошу переслать как можно скорее письмо мое, он вам потом сам перерасскажет.

Рукой М. Мейзенбуг:

P.S. Nous n'affranchissons pourtant pas, parce qu'on vient de nous dire que les lettres vont plus sûrement d'ici[56*]

Рукой Н.А. Герцен:

7-ое письмо получено. Колоколов *нефр⟨анкированных⟩* нет. Это ужасно досадно, и именно № о Потебне, которого, конечно, хорошо помню[5].

[1] М.П. Боткин.

[2] Вероятно, великая княгиня Мария Николаевна, дочь Николая I, президент Академии художеств.

[3] Отклик на просьбу Герцена в письме от 2 мая высказать свое мнение: "Что полезнее: *ехать в Лондон со мной* или остаться еще?" (в Италии до весны 1864 г.) (XXVII, 320).

[4] В письме от 20 апреля Герцен советовал дочерям и Мейзенбуг провести часть лета "во Флоренции или на даче возле", а затем – с ним вместе "где-нибудь хоть в Сото – погулять месяц-другой" (XXVII, 310).

[5] 27 апреля Герцен выслал дочерям л. 161 "Колокола" и № 18 "Cloche", а 2 мая, отправляя вышедший накануне л. 162 "Колокола", просил ответить: «Получен ли "Колок⟨ол⟩" франц⟨узский⟩ и русс⟨кий⟩? Два листа я нарочно не франкировал. В послед⟨нем⟩ "Кол⟨околе⟩" превосходная статья Ага о смерти нашего Потебни – вы верно его помните?» (XXVII, 321; см. 313). Речь идет о статье Огарева "Надгробное слово" (*Огарев I*, 647–657). С *А. Потебней*, руководителем революционного Комитета русских офицеров в Польше, погибшим 4 марта в рядах польских повстанцев, Тата могла познакомиться в один из первых его приездов к Герцену и Огареву в Лондон (во второй половине июля – августе или в конце сентября 1862 г. – см. *ЛЖГ III*, 364, 386).

18

41. Via Porta Pinciana. Roma.
Суббота, 16-го мая 1863

Как от вас долго писем нет, Папаша, уж не потеряно ли одно? Последнее, 2 мая написанное, получено 7-ого[1]. С тех ⟨пор⟩ я познакомилась с Grant-Duff'ами[2], которые тебя очень любят и уважают. Они несколько дней тому назад воротились из Неаполя, сейчас велели нам сказать, что очень желают познакомиться, мы отправились, нас очень мило приняли и сейчас же пригласили меня съездить с ними в Тиволи[3]. Старушка мне рассказывала, как она уже давно столько слыхала о тебе, и вот, наконец, ты пришел на обед, она "*имела счастье*" сидеть возле тебя и говорит: "He is certainly the most amiable, clever, interesting, etc. man I ever met with"[57*]. Дочь то же самое говорит. Не знаю, помнишь ли ты ее, худенькая, с чересчур английским лицом, но умная и очень милая женщина. Она меня, кажется, полюбила, жаль, что они не остались здесь, – муж ее швейцарский доктор, живут они всегда в Zürich'е. А мать едет прямо в Лондон – и будет у вас – так уж, пожалуйста, прими ее хорошенько и приласкай.

[55*] в агусте месяце (*франц.*).

[56*] Мы не франкируем все-таки, потому что нам сейчас сказали, что так надежнее отправлять отсюда ⟨так⟩ (*франц.*).

[57*] "Он, бесспорно, самый любезный, умный, интересный и пр. человек из всех когда-либо встреченных мною людей" (*англ.*).

МАДОННА ДЕЛЬ САККО
Фреска Андреа дель Сарто, 1525
Церковь Благовещения (Santissima Annunziata), Флоренция
"... превосходные фрески *Andrea del Sarto* в церкви *Annunziata* ⟨...⟩" (Тата Герцен – Герцену. 2 февраля 1863 г.)

В Тиволи нам было очень весело, Грегоровиус был с нами и был чрезвычайно любезен с дочерью, т.е. m-me Obrost. На следующий день она опять заехала за нами, чтобы покататься, но нас не было дома, мы были в нескольких русских студиях с Боткиным; он просил, чтобы мы пошли, потому что они – все "колоколисты" – большею частью очень бедны; один из них был даже крепостным – этот крепостной пишет на зеркалах группы детей – очень мило. Теперь он кончает четвертое зеркало для одной из великих княжон. Но лучший, по моему, живописец из русских, которых мы видели, – Бронников. Если не ошибаюсь, он тоже был крепостным или дворовым, пишет, большею частью, картины с сюжетами из древней римской истории[4].

"Колокол" все еще не получила и боюсь, что уж не буду получать, очень жаль и досадно – какая тут liberté[58*], что тебе пишет Мальвида?[5] Ни одной из твоих книг не пропускают, ни "Пунш". Так что m-r Фрикен должен в Флоренции открыть все наши чемоданы и вынуть все твои сочинения – так досадно.

Сношений между Римом и Флоренцией почти нет – так что нефранкированные письма совсем не отсылаются. Для "Колокола" вот как можно бы устроить: посылать кому-нибудь во Флоренцию, хоть Vieusseux, sous bande[59*] – а они в письме пошлют в Рим – так пропустят, можно попробовать[6] (из Англии в письме будет слишком дорого). Хочешь? А знаешь, старый Vieusseux умер, говорят, это огромная потеря для Флоренции. Его собрания по субботам были самые интересные. Племян-

58* свобода (*франц.*).
59* бандеролью (*франц.*).

ники не могут в этом заступить его места – но книжную торговлю будут продолжать.

Иные говорят здесь, что Лангевич убежал, что он дал слово остаться в городе и не бежать, если ему дадут свободу. Ему дали, а он и убежал, другие – что неправда, что он хотел бежать из тюрьмы, но его поймали опять. А войны, по-видимому, не будет.

Вчера мы были на куполе Св. Петра – оттуда понимают только вышину церкви. Я с Ольгой даже вскарабкалась до шара – у Мальвиды сил больше недоставало (это был хороший экзерсис[60*] для филейных мясов) – и были уж награждены: видели, что батюшка, покойный Николай I, собственноручно написал – что здесь был и за Россию молился[7].

Но какой жар уже теперь – просто ужас: мы немножко опоздали, т.е. возвращались в 12 часу утра – удивляюсь, как у нас удара не было. Не советую тебе, Папаша, приезжать, пока еще так жарко – ты не вытерпишь – и решись уж на Sorrento или Capri – Неаполь[8], вот Grant-Duff'ы только что были и говорят, что непременно надобно там быть, а летом надобно хорошо располагать день, тогда от жара не страдаешь, т.е. (тебе, верно, понравится) вставать в четыре или *три*, если возможно, до жарких часов работать или гулять – в жар спать; вечером, когда уже прохладнее, опять выходить или работать – ведь это отлично!

Теперь я опять начала учить Ольгу – в последнее время она не занималась. Начала очень хорошо, и другие ее учительницы очень довольны. M-lle Bongiorno (или что-то) довольна ее игрой на рояли, сеньорина m-me Flegnaso довольна успехами nella lingua italiana[61*], – вообще она умна, резва, смешна.

Сейчас придет sig⟨nora⟩ Flegnaso, после нее обед, после обеда – модель – *Stella*, поэтому я должна кончить.

Всех крепко, крепко целую.

Твоя Т а т а

Были мы тоже у знаменитого итали⟨анца⟩[9], который на всех выставках выставляет камеи, у него в самом деле удивительно хорошие вещицы, тебе, верно, бы понравились. Все так артистически сделано, просто скульптура в миниатюре. И вот еще благодаря m-me Mac'Grant-Duff я познакомилась у них вечером накануне отъезда с Lehmann'ом[10] – верно, ты о нем слыхал, он хороший немецкий художник, пишет всё италианок, италианцев и Италию да жену свою – молодая, пребогатая шотландка, друг дочери m-me Grant-Duff. Он довольно стар, сейчас предложил свои услуги, если в чем-нибудь может мне быть полезным, пригласил взглянуть на ателье и т.д.

№ 4. 16-го мая. Папаше[11].

[1] См. предыд. письмо.

[2] Мать и сестра английского писателя, члена парламента М.-Э. Грант-Даффа, с которым Герцен был знаком с 1859 г. (см. XXX, 583–584; *Проблемы*, 34–35).

[3] *Тиволи* – местечко близ Рима.

[4] *В.А. Бронников* – сын иконописца из Шадринска. Окончив в 1854 г. Академию художеств с большой золотой медалью, был отправлен за границу пансионером Академии, поселился в Риме; в 1863 г. получил звание профессора исторической живописи.

[5] См. п. 17 и прим. 4 к нему. 27 апреля Герцен писал: «Ужасно жаль, что ты не получаешь "Колокола". Как же это Мальвида пишет, что у вас такая либерте́, что чудо» (XXVII, 313). Это письмо Мейзенбуг к Герцену неизвестно.

[6] В ответном письме от 23 мая Герцен просил: «*Напишите мне*, каких №№ "Колокола" вам *недостает*» (XXVII, 332).

[7] Ср. XIII, 18. Николай I был в Риме в 1845 г.

[8] 31 мая, откликаясь на этот совет, Герцен писал: "Я действительно, может, пропущу главные жары – и поеду к вам, каж⟨ется⟩ в конце августа". Относительно же места встречи он – до окончательного решения – просил дочерей пока "оставаться в Риме" (XXVII, 332, 334).

[9] О ком здесь говорится, не установлено.

[60*] упражнение (*франц.* exercice).

[61*] в итальянском языке (*итал.*).

[10] Имеется в виду немецкий художник *Р. Леманн*, друг Ф. Грегоровиуса и Ф. Левальд (а не его брат А. Леманн, как ошибочно указано в комментарии 30-томного изд. Герцена – ср. XXVII, 333, 769, 949). О жизни Р. Леманна в Риме в 1861–1866 гг. см.: R. L e m a n n. Erinnerungen eines Künstlers. B., 1896, S. 147, 198, 200–203.

[11] Герцен ответил 23 и 31 мая – 1 июня (XXVII, 331–332 и 334–337).

19

⟨9 июня 1863 г.⟩. Вторник. Roma

Милый Папаша, я надеюсь, что вы не совсем ослепли, читая мои письма, – вперед буду писать крупнее, но за это прошу тебя отвечать *пояснее*[1]. В последнем письме я несколько слов совсем прочесть не могла! Верно ль ты сделал, что отложил приезд свой до конца августа? Ты бы не вытерпел жар – но мы до этого время никак не можем остаться в Риме – пусти нас хоть в Капри или в Сорренто, но как-то чтобы мы ехали[2], *туда* же едут друзья Gregor⟨ov⟩ius'a – m-r и m-me Lindemann[3] – он обоих очень хвалит. M-r Lindemann очень хороший пейзажист, m-me L⟨indemann⟩ очень слаба здоровьем, но зато сильна умом и добрым сердцем, у них 12-тилетний сынок, который уже подружился с Ольгой. Вообще круг Ольгиных друзей расширяется, недавно она познакомилась с соседками, две премиленькие девочки, умные и хорошо воспитанные. Я этому очень рада, так она, по крайней мере, во что-нибудь играет, говорит, а то до сих пор к ней ходили всё почти что уличные дети; я, конечно, не говорю это в аристократическом смысле, но все-таки эти совсем необразованные дети не могут быть Ольгины подруги, их гораздо легче притеснять или приказывать и т.д. Хорошего ничего от них не выучишься, а соседки, хотя и принадлежат к небогатым bourgeois, очень хорошо воспитаны; младшим девочкам 12 и 13 лет – они читают Данте с наслаждением и по несколько кантов[62*] знают наизусть и хорошо говорят; видно, что понимают. Все семейство страшно либерально. В воскресенье у них, т.е. во всей Италии, был праздник "La festa del Statuto"[63*] – так как в Риме либералы ничем другим не могут показать свою симпатию, – они, т.е. все *либералы*, остаются дома целый день и дома радуются и пируют; дети же столько об этом наговорили Ольге, что она ни за что не хотела выходить с нами. "Ich habe *geschwören* nicht auszugehen u⟨nd⟩ werde es mich nicht tun – ich will nicht schwarz sein!"[64*] Черными называют здесь реакционеров. Так она у них провела весь полдень, пока мы с Gregorovius'ом и m-r Lindemann были в "Kneipchen"[65*] – Gregorovius приходит время от времени за нами, чтобы идти в "Kneipchen" или trattoria[66*] мы отправляемся пешком в какую-нибудь "Vigna"[67*] с хорошим видом – с ним очень приятно ходить, он всегда рассказывает очень много интересных вещей, только до русских и вообще славян не касайся! Тогда беда – у него немецкая болезнь – т.е. врожденная ненависть к русским, – потом он говорит, что освобождение Польши – гибель России, потому что главные ее сношения с Европой тогда прекращены. "Russland wird dann zu einem asiätischen Reich – es wird keine Fortschritte in seiner Revolution mehr machen"[68*]. Все, что ей останется делать, – это свою азиатскую часть циливизировать, т.е. Сибирию, – она же только к этому и способна, способнее других наций, потому что сама в таком – в полудиком состоянии – и ближе к ней. Скажи-ка мне, Папаша, что из этого правда и что нет?????[4]

"Колокол" мы все еще не получаем – ни одного номера, очень досадно, ничего порядком не знаем. Здесь все журналы противоречутся. Привези с собой портрет

[62*] песней (*итал.* canto).

[63*] "Праздник Статута" (*итал.*).

[64*] "Я поклялась не выходить и не сделаю этого – я не хочу быть черной!" (*нем.*)

[65*] кабачке (*нем.*).

[66*] "трактирчик" (*итал.*).

[67*] Загородный ресторанчик при винограднике (*итал.*).

[68*] "Россия станет азиатской империей – и не сделает больше ни шага вперед в своей революции" (*нем.*).

Пустовойтовой или пришли в письме, так хотелось бы видеть[5]. У Gregorovius'а портрет Лангевича – но совсем не похожий, а визитная карточка, верно с рисунка (менее похожего моих), помнишь ли ты – у нас была песня Пестеля с гравюркой – он представлен молодым нежным красавцем в тюрьме – так и Лангевич походит тут на какого-то молодого белокурого франта с завитыми волосами и крошечными усиками[6]....

Что это за вздор писали об Ольге в русских журналах – в каком и кем писано?[7]

Работа идет так-сяк, начала еще головку "Stella" – на этот раз на полотне пробую, что́ выйдет!" Antonio", Стеллин муж, уж untermalt[69*], но далеко не кончен, хотя Мейзенбуг говорит, что хорошо, я в этом сильно сомневаюсь и недовольна им[8].

В прошлой неделе два дня было потеряно здесь преважным обстоятельством – т.е. ковры у нас сняли в комнатах, а то бы мы решительно были съедены "скакунами"[9] – настоящее мученье – вот раз. Второй день посвящен был "Corpus Domini"[10]. Признаться, я ожидала больше, чем видела, – только один случай был – показывает итальянскую трусость. Когда проезжала лейб-гвардия, лошадь, было, стала на задние ноги – ну, дамы начали визжать, кричать, падать в обморок; мужчины хуже их: стали толкать людей, стоявших на стульях за ними. Мы были на первом ряду, стулья наши пошатнулись, Ольгу и Meysenbug поддержали сзади, я схватила передо мной стоявшего французского солдата за плечи и этим удержалась. Лошадь ничего не сделала, а сами люди опрокинули даму – она очень ушиблась. Meys⟨enbug⟩, кажется, очень перепугалась – ну, а у меня нервы покрепче – ничего, только в первую минуту как поднялся шум, я, право, думала, что будет какая-нибудь демонстрация или кто на папу выстрелили – потому что лошади мы не видели, а только народ, который давился и старался убежать.

Вот прочла я еще роман Bulwer-L⟨ytton⟩ "Cola di Rienzi" – очень интересная книга, что ты против него имеешь? Помнишь, ты мне все говорил не читать его?[11] Конечно, роман его, который я прочла в Bournemouth'е, был чересчур плох – это "Lucrecia" – не Borgia, а так, злая англичанка. "Ernest Maltravers" уж гораздо лучше, и исторические его романы, по-моему, очень хороши, во-первых, верны и интересны.

Ну, прощайте, крепко всех вас обнимаю и целую. Жду ваше мнение о "Stell'e".

Твоя Т а т а

Так как m-r Фрикен более недели тому назад уехал, я твоих поручений, конечно, исполнить не могла[12]. В какую вы глушь едете![13]

В какой день вы бросаете письма на почту? Мы бросаем по средам или субботам. Почта быстрая идет по четвергам и воскрес⟨еньям⟩ рано поутру.

10 июня 1863 г. Середа[14].

[1] Ответ на письмо Герцена от 31 мая – 1 июня, в котором он просил писать "покрупнее": "Мы принуждены твои письма читать под Сашиным микроскопом" (XXVII, 336).

[2] 19 июня Герцен ответил: "Мне хотелось вам показать самому лучшую часть Италии, но так как я всегда уступаю фантазии необходимости и вам в Риме или в его окрестностях оставаться нельзя, то и поезжайте куда хотите" (XXVII, 344).

[3] Немецкий художник К.-А. *Линдеманн* в 1860-е годы преподавал живопись в Риме.

[4] Герцен отвечал 19 июня, что его не удивляет непонимание Ф. Грегоровиусом "русского вопроса и России": "Ограниченность и национализм немцев поразителен. Во всех ужасах, которые теперь делаются, всякий не-немец – да и не-француз – поймет полное разложение петербургских порядков и начало социальной революции" (XXVII, 344).

[5] Сообщениями о дочери русского генерала, участнице польского восстания Генриетте (Анне) Пустовойтовой, адъютантке М. Лянгевича, пестрела в 1863 г. русская и иностранная пресса.

[6] Тата познакомилась с М. Лянгевичем в конце ноября или в начале декабря 1862 г., когда он посетил Герцена в Лондоне (см. XXVII, 289).

[7] 20 / 8 декабря 1862 г. в вып. 49 реакционного петербургского еженедельника "Домашняя беседа" была напечатана, с пометой "Сообщено", анонимная статья "Дочь Герцена в церкви", передающая домыслы о посещении Ольгой летом 1862 г. "в сопровождении пожилой дамы" православной церкви в Париже. Она якобы там "коленопреклоненно молилась" и плакала о своей "несчастной участи – быть доче-

[69*] подмалеван (*нем.*).

рью безбожника" (с. 483–484). В № 7 лондонского "Листка" кн. П.В. Долгорукова от 19 мая 1863 г. помещена его статья "Услужливый дурак опаснее врага", опровергающая "выдумки вралеписца". 23 мая Герцен послал эту статью дочерям в Рим (см. XXVII, 332).

[8] Первый портрет итальянской крестьянки Стеллы, сделанный углем и отправленный в Лондон с А.Ф. Фрикеном в подарок А.А. Герцену ко дню его рождения (25 июня), как и названный здесь второй, неизвестен. Упомянутый далее портрет Антонио также до нас не дошел.

[9] См. прим. 8 к п. 13.

[10] Католический праздник "Тела Господня".

[11] Роман Э.-Дж. Булвер-Литтона "Rienzi, the Last of the Roman Tribunes", L. 1835). Других сведений об отношении Герцена к творчеству Булвер-Литтона не найдено.

[12] 1 июня Герцен просил Тату известить Фрикена, что получил его письмо, и сообщить ему о недоразумении с обращением Флорентийского комитета помощи Польше от 17 апреля по поводу денежных пожертвований (получено лишь 30 мая). В связи с отставкой Ю. Цверцякевича, которому адресовались эти суммы (см. п. 11 и прим. 3 к нему), советовал "выслать деньги" представителю Временного национального правительства в Париже. Герцен поручил также передать Фрикену: "Я продолжаю думать, что ему следовало бы ехать в Россию" (XXVII, 336–337, ср. о том же 289).

[13] 1 июня Герцен сообщил дочерям, что договорился об аренде дома Elmfild House в Теддингтоне (близ Лондона; семья Герцена жила там с конца июня – до середины июля 1864 г.).

[14] Герцен ответил 19 июня (XXVII, 344–345).

20

41, Via Porta Pinciana. Roma.
23-его июня 1863 г.

Должна я тебе описать нашу милую "parlatrice"[70*] – Clotilda Baltrazaar. Во-первых, снаружи тип "of a real old maid – neat, clean, mitteilsam, wrinkled etc., etc."[71*], старушка, т.е. 40 лет, мала ростом, на вид очень тиха, но иногда закипит в ней итальянская кровь, она вдруг вспрыгнет, жестикулирует и так забавно и смешно рассказывает, что до слез хохочем. Во-первых, она страшнейшая "Nera"[72*], т.е. за папу, попов, жезуитов и т.д. иногда она ужасно бранит "i Piemontesi col loro nuovo governa"[73*] – рассказывает, какие они ужасти делают, как народ ими недоволен – а мы молчим – как можно больше – она все горячится, горячится да вдруг вспрыгнет – кулаком воздух начинает бить: "E vero, cara mia, e verissimo, figlia mia"[74*]. Потом престранный голос у нее, обыкновенно высокий, почти дишкант, но как разгорячится или захохочет, голос ее превращается почти что в мужской бас, сухой, такой странный, описать никак нельзя: "Ха, ха, ха" – как будто из пустой бочки. Знает она, конечно, все обычья народа, монастырей и т.д. – обо всем этом мы ее расспрашиваем, она до мельчайших подробностей рассказывает. Сегодня был забавный день, стала она рассказывать, какие жезуиты <!> благодетели, как они учены, честны, *никогда не выходят* из своего заведения...

3 июля

Что это за беспорядок на почте, в самом деле уж из рук вон – четвертое письмо пропадает – всего досаднее Сашино, 3 листа, 12 страниц ему написала к рожденью, письмо было послано в субботу, так 5 дней до 25-ого[1] – два письма к m-me Gallait, письмо к miss Reeve в Неаполь, в Вико к Мамонову остались без ответа. Бог знает, что делается, – *досссссадно*!

Ах, милый Папаша, как мне жаль, что твой план и сюрприз не удается, напиши, по крайней мере, почему[2]. Какой, однако, это милый план был! – Поздравляю вас всех с благополучным переселением[3] – вот и нам скоро придется укладываться и переезжать. Miss Reeve же с радостью нас ожидает[4].

Жар растет не по дням, а по часам – с ним вместе глупость и нетерпение, да мало-помалу показываются и дурные стороны наших милых итальянцев – почти у них

[70*] "ораторшу" (*итал.*).

[71*] настоящей старой девы – опрятна, чиста, общительна, морщиниста, и т.д., и т.д. (*англ.* и *нем.*).

[72*] "Черная" (*итал.*).

[73*] "пьемонтцев с их новым правительством" (*итал.*).

[74*] "Это правда, милая моя, истинная правда, дочь моя" (*итал.*).

у всех главное *деньги* да *деньги*!.. Потом мы ежедневно видим какое-нибудь доказательство их жестокости. Даже брюталите[75*] – матери с детьми, женщины между собой, за безделицу сейчас хватают нож – потом с зверьми – видно, что здесь нет закона против мучения их. О "coltellat'ax"[76*] они говорят, как об укусе блохи; узнала я теперь, что Antonio и Stella отличились в этом искусстве. Крадут (т.е. итальянцы) не хуже англичан: на днях из большого магазина шелка римского дама украла или увезла материи на несколько сотней скудов и пропала.

Работаю все еще над портретом Stella масляными красками – подвигается медленно, но "chi va piano, va sano"[77*].

А что же Саша ни словечка не написал о рисунке, должно быть и ему тоже не понравился?[5]

Да, вот, чтобы не забыть, если войны не будет, m-r Боткин поедет в Россию через месяц или 1 1/2 и спрашивает, нет ли комиссий? Еще у него просьба к Саше. Узнай-ка ты, заказывают ли еще и можно ли достать *большую* коллекцию фотографий с Рафаельских картин в Kensington Museum – закажи и пришли с случаем или *Папашей*. Кинкель может тебе все это объяснить[78*].

M-lle Meysenbug все советует Егору Иванов⟨ичу⟩[6] послать кое-что – я охотно бы сделала, но боюсь: подумают, что это за деньги – да M⟨eysenbug⟩ поэтому и хочет – от этого решиться не могу – выйдет скверно – не правда ли?

На твой вопрос о Ольге я уже отвечала, учу я ее ежедневно, но надобно ее упрашивать и уговаривать, охоты мало – она уж по-итальянски лучше знает, чем по-русски[7].

Adieu, прощайте, кланяемся Теддингтонской слободке.

Ваша Т а т а

Жар, в самом деле, мешает писать. Бедный Abicht![8]

[1] Это письмо Таты к А.А. Герцену до нас не дошло, как и ее письма к Л. Галле, Э. Рив и Э.Д. Мамонову.

[2] Отклик на письмо Герцена от 19 июня, в котором, отказываясь от плана "показать самому лучшую часть Италии", дочерям, он писал о намерении приехать "просто во Флоренцию в сентябре" (см. XXVII, 344).

[3] В письмах от 19, 24 и 27 июня, на которые отвечает Тата, Герцен писал о ходе переселения семьи, Вольной русской типографии, а также Л. Чернецкого с женой и В.Т. Кельсиевой в Теддингтон (см. XXVII, 344, 346, 348–349).

[4] Дочери Герцена, а также Мейзенбуг 7 июля, очевидно, отправились из Рима в Неаполь, где жила друг семьи Эмилия *Рив*. Вторую половину июля они провели в Вико, а в начале августа переехали на о. Капри.

[5] 13 июня Герцен так оценивал портрет Стеллы в письме к Тате: "Мне нравится общность рисунка, но я меньше привык к черному карандашу, чем к краскам" (XXVII, 342). См. также отзыв Огарева – XXVII, 359 и п. 23.

[6] Е.И. *Герцену*, дяде Таты.

[7] 19 июня Герцен спрашивал Тату: "Учишь ли ты Ольгу, и чему? – И особенно, читаешь ли с ней по-русски?", а 27 июня отмечал, что ответа об этом еще нет (XXVII, 345, 349).

[8] 19 июня Герцен сообщил дочерям, что в Варшаве повешен *Г. Абихт*, польский эмигрант в 1858–1859 гг. работавший наборщиком в Вольной русской типографии в Лондоне; в марте 1862 г. он нелегально вернулся в Польшу для участия в подготовке восстания; в ноябре 1862 г. арестован. На его казнь 31 мая 1863 г. в Варшаве Герцен откликнулся в статьях "Подлые!" и "Россиада" ("Колокол", л. 166 и 167 от 20 июня и 10 июля – XVII, 192–193 и 177–178).

21

Рим. Суббота. 27 июня 1863[1]

Поздно вспомнила, что день почты, поэтому успею только наскоро написать записочку. От M⟨альвиды⟩ ты узнаешь подробно наши планы, как мы почти что решились ехать в Вико, между Сорренто и Помпеи.

[75*] зверство (*франц.* brutalité).

[76*] ударах ножом (*итал.*).

[77*] "Тише едешь – дальше будешь" (*итал.*).

[78*] Фотографий самого большого формата – одно стекло, кажется, сломано, поэтому одну возьми поменьше – вся коллекция что-то около 3 ₤.

ЭПИЗОДЫ ИЗ ЛЕГЕНДЫ ОБ АМУРЕ И ПСИХЕЕ
Фрески по картонам Рафаэля, около 1518 г.
Вилла Фарнезина, Рим

"... вчера еще мы были в Farnesina, видели фрески Рафаэля ⟨...⟩ Сказка о Психее – во второй картине: Амур показывает Психею трем Грациям, одна из них – удивительной красоты тело, она поворочена спиной к зрителям, потом Венера, умоляющая Юпитера ее отомстить, тоже очень красива, – она с таким милым видом и выражением подходит ⟨...⟩"
(Тата Герцен – Герцену. 13 апреля 1863 г.)

Неаполь с misse Reeve Везув⟨ий⟩

Вико cen ⟨?⟩ Mamonoff

Ischia
и Corrodi
Schweifel Bach

Sorrento
Capri
Lindemann[2],

потому что это и близко, притом и хорошо и дешево. Там же друзья – Боткины, Мамоновы, живописец с женой, которую Б⟨откин⟩ очень хвалит[3], и с детьми, которые будут с Ольгой играть и по-русски болтать, это ей будет гораздо полезнее всяких чтений. Я читаю с ней ежедневно, она это делает неохотно, по-италиански она уже говорит лучше и скорее, чем по-русски.

Как вы праздновали Сашино рождение?[4] 24-ого числа был здесь большой праздник S-to Giovanni – мы отправились накануне (не Тургенева[5], а именно 24-ого числа), т.е. 23 вечером, в 9 – на площадь церкви S-t. Jean Latran, на которой Rienzi созвал народ, – а в Baptisterio он купался в порфировой ванне Константина[6]. На этот раз, однако, там собрались множество мужиков – продавали они букеты и целые растения чеснока, старый обычай. Нас провожали m-r Боткин и Щедрин – зашли мы там в osteria[79*] и пили за Сашино здоровье, за твое, ваше и т.д. и воротились только во вто-

[79*] кабачок (*итал.*).

ром часу, – 25-ого мы за Сашино здоровье ели мороженое на Piazza d'Espagna у Nazari.

А вы что делали?

Завтра и послезавтра здесь опять большие праздники S-to Pietro и S-to Paulo – завтра опять будет освещен Св. Петр – послезавтра будет *джирандола* – т.е. фейерверк, а 7 июля – прощай, нет, до свидания, Рим, – пойду и выпью стакан acqua Trevi[80*] – чтобы наверное воротиться.

Вот уже четвертый день, что жар так силен, что и купаться бы не нужно, я во сне ничего подобного не видела.

Ну, прощайте, крепко всех целую. Жду письма от Огарева.

Ваша Тата Г.

Не забудь, что 14-ого июля рождение Натали. Кланяйся знакомым.

На обороте: Секрет⟨но⟩. Папаше

[1] Ответ на письмо Герцена от 9 июня (XXVII, 344–345).

[2] Приводимые в автографе географические названия (Неаполь, Везувий, Вико, Сорренто и др.), а также фамилии знакомых, живущих поблизости, в городах, на островах и побережье (Э. Рив, Мамоновы, Линдеманн) помещены Татой вокруг набросанного ею от руки контура Неполитанского залива.

[3] С семьей Мамоновых (художником Эдуардом Дмитриевичем и его женой Ольгой) Тата познакомилась в Риме, где они тогда жили.

[4] А.А. Герцену 2 июня исполнилось 24 года.

[5] Игра слов связана с названием романа И.С. Тургенева "Накануне" (1860).

[6] Эпизоды народного восстания 1347 г. в Риме под руководством К. ди Риенце.

22

12 августа 1863 г.,
Hôtel de m-r Bourgeois. Isola di Capri

Милый Папаша, опять пишу только несколько слов, потому что почта отправляется сегодня, а я еще не успела написать письмо порядочное.

Как мне жаль, что не прямо проехали сюда, т.е. я рада, что видела Vico, но насчет работы, а здесь сейчас человек до полсотни артистов[81*], ты не можешь себе представить, как это весело, и поневоле даже вдвое работаешь. M-lle Volkmar, немецкая женщина-художник[1], с первого дня меня пригласила ходить с нею рисовать – вот и хожу я после обеда с ней, а утром с m-r Lindemann'ом, до сих пор рисую карандашом в Сашином альбоме, кроме них еще штук двенадцать художников, из которых мы только три француза знаем. Все трое очень талантливые: m-rs Fleury, Lionnet et Salomé[2].

Квартерой мы тоже очень счастливы. Весь дом с довольно большими и для Capri чистыми комнатами к нашим услугам. Питание ничего, и все это за три ducat'а в день. Но здесь могут жить только художники – ты можешь приехать, но больше недели вряд ли пробудешь, потому что в это время тебя уже весь Capri будет наизусть знать.

Вот маленький Манфред, Ольгин друг и сын Lindemann'а, пришел за мной.

Прощай, целую всех.

Тата

Напиши, когда приедешь?

Только что получили письма и "Колокол"[3] – мы в последнее время писали очень часто – беспорядок почты не понимаем[4].

[1] По приезде в Неаполь (28 сентября) Герцен познакомился с пейзажисткой и портретисткой Антуанеттой *Фолькмар* (см. о ней подробнее в п. 23).

[80*] воды ⟨фонтана⟩ Треви (*итал.*).

[81*] художников (*франц.* artistes).

[2] В начале 1860-х годов в Италии жили молодые французские художники Т. *Робер-Флёри*, ученик П. Деларош; Ф. *Лионне*, жанрист и пейзажист, ученик К. Коро, и жанрист Э. *Саломе*.

[3] В частности, письмо Герцена от 2 августа, в котором он спрашивал, получен ли л. 167 "Колокола" от 10 июля, и высказывал недовольство недоразумениями с почтой (XXVII, 358, ср. 353).

[4] На наст. письмо Герцен ответил 18 августа (см. XXVII, 365–366). С удовлетворением узнав, что Тата "наладила работу", он разрешил ей задержаться на Капри до 20 сентября.

23

ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ

Hôtel Barba chez m-r Bourgeois. Capri.
Четверг, ⟨13⟩ август⟨а⟩ 1863

Должна я опять начать с описания вчерашнего дня, милые мои, дорогие. Позвольте сперва поболие познакомить вас с госпожой Volkmar – во-первых, она знакомая Грегоровиуса, он хотел ее с нами тоже познакомить, но все не удавалось – а вот случай нас все-таки бросил вместе. Ну-с, она знаменитый женщина-живописец, в маленьком городе Германии, и в самом деле делает очень милые вещицы.

Ну, как я уже писала, она с первого дня объявила мне, что ужасно любит Jugend[82*] и в особенности девушек, хотя сама еще совсем не стара, т.е. на вид она 40 лет, головой меньше меня, горбатенькая, лицом напоминает старую Taylor, которая у нас была, выражением – меньшую дочь Шлезингера, но собой ужасно дурна и говорит, что ей только что минуло 30...?

О тебе, Папаша, она очень много слышала и для тебя швермирует[83*]. Ну, так вот как я провела день. Утром я отправилась рисовать вид города Капри – жар ужасный, мы так загорели, что вряд ли ты нас узнаешь, работали до часу. Он[1] делает премилый вид масляными красками, я рисую карандашом. Манфред и Ольга тут бегают и играют – в кипящем солнце мы возвращаемся к обеду, каждый к себе.

После обеда мы часик спим, потом я отправляюсь с m-lle Antoinette Volkmar опять рисовать, но в этот день было ужасно ветрено, шляпы, бумага, карандаши и мальчик, державший зонтик, – все летело, потому мы решились пораньше кончить и побегать, отослали мальчишку с вещами и пошли по направлению высшей точки, чтобы видеть захождение солнца.

Идем, идем мы "über Rock und Ruin"[84*] по ужасной дороге между стенами, вдруг видим ворота, смотрим – очень красивая villa с удивительно хорошо содержанным садом. Я, как обыкновенно, не хотела войти, но Fr⟨eulein⟩ V⟨olkmar⟩ храбрее и сделала шаг. Красивая девочка, лежавшая на земле, сейчас сказала: "Entrate, entrate"[85*] – и побежала за толстой женщиной, которая тоже стала приглашать: "Favorite, Sig⟨nore⟩ favorite"[86*] – и побежала за длинным, тонким господином, с первого взгляда можно было узнать, что он репрезентант "of Great Britain"[87*].

Ах, не могу хорошенько кончить, ваши письма и "Колокола" пришли[2]. Ах, Папаша, приезжай скорей – как мы тебя дожидаемся! Боже мой, 8 месяцев мы не виделись!! Уж не упрекай больше, Папаша, что мы не последовали тебе, нам самим досадно было, но, Папаша, ты ведь сказал, что план "невозможен", что же было делать?[3] Но будет об этом – забудь и приезжай скорей в Неаполь. Капри ты должен бы тоже посетить, ты себе прéдставить не можешь, что это за прелесть – именно в твоем жанре – т.е. огромные скалы – бесконечное море... Как стараюсь как можно бóльше утомляться, бегая по скалам, чтобы похудеть к твоему прúезду! Здешних знакомых не бойся, мы живем совсем особо, а они с утра до вечера работают – нам нисколько не будут мешать.

[82*] молодежь (*нем.*).

[83*] ⟨тобой⟩ восторгается (от *нем.* schwärmen).

[84*] "мимо скал и развалин" (*нем.*).

[85*] "Входите, входите" (*итал.*).

[86*] "Сделайте милость, суд⟨арыни⟩, сделайте милость" (*итал.*).

[87*] представитель "Великобритании" (*англ.*).

План твоего путешествия очень хорош[4]. Ах, знаю я теперь, с каким волнением ты будешь приближаться и проезжать через эти места – жаль мне очень, что не буду с тобой и что ты с нами не был, когда мы были там.

Надеюсь, что и план швейцарский не будет только "château en Espagne"[88*] – а что вы, в самом деле, бросите хоть на годок Англию[5]. Это всем вам было бы очень здорово после нехорошего воздуха в Elmfield House.

По минутам я так живо вас всех вижу, мне почти кажется, что я с вами разговариваю и мы не расставались. Мерси, милый, добрый мой Ага, за письмо твое длинное, крепко тебя за него целую. Мерси и за замечания о Стелле[6]. Как я уже Саше писала[7], вы не привыкли к рисункам, сделанным одним углем, – их надо издали смотреть, но, несмотря на это, верно, у моего рисунка это уж слишком грубо, если вам так бросается в глаза – теперь увидим, как моя написанная Стелла[8] Папаше понравится и флорентийские рисунки, я несколько взяла с собой, чтобы тебе показать, милый Папаша, но они все, мне кажется, не так докончены, как Стелла, и поэтому, может быть, тебе покажутся тоже очень грубы.

До сих ⟨пор⟩, кроме немножко в Вико, я еще не пробовала ландшафты делать масляными красками, но как же ты можешь думать, что я этим "пренебрегаю", как ты говоришь, милый Ага[9]. Кто может пренебрегать природу, и такую, как здешнюю!!! Нет, всеми силами буду стараться исполнить твою просьбу, когда воротимся в Рим. Ах вы, бедные мои, на воздухе посидеть всем даже не суждено, чаем согреваетесь! Ха, ха, ха, а мы чай бросили, утром пьем молоко, потом все воду со льдом или лимонад, а то жить бы нельзя было. Я во сне не думала и не гадала, что можно до такой степени потеть, как здесь, – хуже Бакунина.

17-ого

Милый Папаша, не понимаю, что́ ты ожидаешь от меня насчет памятника?[10] Ты ведь знаешь, как это затруднительно: во-первых, я теперь художников, т.е. скульпторов, никаких не знаю; потом, если бы ты хоть сколько-нибудь определил, в каком роде ты желаешь и что́ – но так ведь ужасно трудно – ты видишь по примеру Забелла[11].

Не знаю, что́ делать... Теперь, Папаша, попрошу тебя кое-что привезти нам – кружочки означают главные вещи:

① Штучку или две для мозолей.

② Чулки для меня 1/2 дюж⟨ины⟩ на рост Натали en fil d'Ecosse[89*], лучше у Swan and Edgars, и зонт 3 ⟨шил.⟩ 3 п⟨енса⟩ – пара.

3) Моя голубая гарибальд⟨ийская⟩ рубашка и ее пояс.

4) Жеорж⟨инина⟩ тетка тебе даст для нее ботинки, они ей этим путем достанутся даром.

5) Если уж выставлены материи осенние – можно платье – получше – здесь все вдвое, ужасно дорого и скверно, но это слишком хлопотно.

6) Да мои белые русские рубашки – их трое, все в чемодане были.

7) Фотографии Боткина.

Потом благословляю бедную В⟨арвару⟩ Т⟨имофеевну⟩ и кланяюсь ей, барышне[12], Черн⟨ецкому⟩, Тхор⟨жевскому⟩ и всем знакомым. Вас всех обнимаю.

Тата Герцен

Другим напишу на днях – непременно. Ну, Папаша, укладывайся скорей и *будь осторожен* на пути!

Прибавлю только, что англичанин этот был чересчур учтив и корреспондент "Теймса"[13].

[88*] воздушным за́мком (*франц.*).

[89*] фильдекосовые (*франц.*).

[1] К.-А. Линдеманн.

[2] См. прим. 3 к п. 22. Вероятно, к 15 августа, когда Тата продолжила наст. письмо, получены были также л. 168 "Колокола" от 1 августа, письма Огарева – Герцена от 22 июля – 6 августа и Герцена от 8–10 августа (см. XXVII, 359–362).

[3] Эти упреки содержались в письмах Герцена от 17 июля, 2 и 6 августа (XXVII, 353, 358, 361). 8 августа он писал вновь: "Жаль, что вы затруднили переписку, переменяя одно дикое место на другое и ⟨...⟩ разрушили мой план путешествия вашей, по-видимому, не очень удачной поездкой в Неаполь, Вико и пр." (XXVII, 362; ср. 344).

[4] 8 августа Герцен писал, что намерен отправиться через Женеву и Эстрель в Ниццу, оттуда съездить в Монако и Ментону, затем "из Ниццы – в Геную" (XXVII, 362).

[5] О "новом проекте" – переселиться "с будущего лета" всей семьей в Швейцарию "годика на два" – Герцен сообщил Тате 10 августа (XXVII, 362).

[6] Речь идет о письме от 22 июля – 6 августа (XXVII, 359–361). О "Стелле" Огарев писал: "Мне твой рисунок чрезвычайно нравится, т.е. очерк; он правильно и легко сделан; а с тенями я примиряюсь только на известном расстоянии, т.е. шагов за восемь от картины. Ближе тени кажутся грубы".

[7] Это письмо неизвестно.

[8] О втором портрете Стеллы см. в п. 19.

[9] 30 июля Огарев писал Тате: "Ты сделаешь огромную ошибку, если пренебрежешь пейзажем. Краски природы дадут тебе столько понимания фигуры и колорита человека, что ты сама этого не ожидаешь". 6 августа Герцен в своей приписке присоединялся к рекомендациям заняться пейзажем, "чтоб не терять время" (XXVII, 360, 361).

[10] Отклик на замечание Герцена в письме от 10 августа: "А ты все же не пишешь о памятнике" (XXVII, 362).

[11] См. прим. 5 к п. 15

[12] 10 августа Герцен сообщил дочерям, что В.Т. Кельсиева уезжает с дочерью Марией (Милушей) в Константинополь к мужу В.И. Кельсиеву.

[13] Герцен ответил на это письмо 24 и 25 августа, назначив встречу в Неаполе (см. XXVII, 367 и 368).

24

ГЕРЦЕНУ, ОГАРЕВУ И Н.А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ

2-го дек⟨абря⟩ 1863.
St.-Niccolo in Tolentino. Roma

Верно, Папаша уже воротился[1], как и мы, только что мы начали немножко бурно – т.е. путешествие было отлично: мы ехали на "Онисе", на котором ехал Папа с Сашей[2], – море было так тихо, что я премило отобедала, в первый раз – а остальное время проспала. Благодаря рекомендациям Линдеманна мы счастливо прошли границу и таможню.

На станции нас ожидали уже Manfred, Ольгин друг[3], Мамонов и Грегоровиус.

Все было бы отлично, если б квартера не была так дорога. Это нас приводит в отчаяние – все другое хорошо устроилось.

Из плана Lehmann'а ничего не вышло – у него были, кажется, семейные несчастия. Словом, ничего не устроил – поэтому, обдумавши и переговоривши хорошенько, мы решились на следующее: Линдеманн (который знает Папу[4], я это прибавляю, чтобы вы его не перемешивали с Lehmann'ом) сказал, что если я не буду ходить в другой ателье, двух уроков в неделю с ним мало. Если мы хотим, он возьмет меня совсем к себе, будет говорить, что́ делать, заставлять работать у себя и ходить ко мне в галереях. Дело уже начато, сегодня я была у него в первый раз в маленьком ателье возле его – я буду ходить ежедневно – на сколько время хочу – он очень строг для рисования и вообще хочет, чтобы занимались серьезно – чему я очень рада. Хорошо и то, что будет кто-нибудь меня "подогревать". M-lle Volkmar я еще не видела, потому что мы все бегаем, ищем квартеру подешевле и иностранцев, которые бы взяли нашу. Сама по себе она очень мила и хороша (с солнцем, это важная вещь в Италии, потому что тогда не нужно столько топить). Единственный недостаток – это несчастные 50 scudi, т.е. 272 франка в месяц. Это ужасно много[5], но в самом деле не знаем, что случилось, – не по дням, а по часам все становится дороже. Потом Мальвида жалуется на даль – но это было бы ничего. Ежедневно приходится нам, т.е. мне и Ольге, ходить в Ринетту и к Линдеманну и Дидригсону (будущий учитель Ольги). Ходьбы много-много 20 минут, это скучно для прислуги, которая должна так часто ходить взад и вперед, потому что мы никак не можем ходить одни в Риме.

Поздравляю тебя, милый мой Огарев. Надеюсь, что Папаша приедет вовремя, чтоб ты получил мои недорисуночки в день рождения.

Вчера вечером я видела наших русских знакомых[6], они не очень довольны нашими учреждениями, говорят: "Вздор копировать с рисунков Линдеманна – надобно работать дома и с натуры". Мне кажется, совсем напротив, что это будет очень полезно и на его доме я гораздо больше работаю – дома всякие разности могут мешать, а там все тихо[7]. Il n'y a pas de distractions[90*]. Надеюсь весною исполнить твою просьбу в Альбано[8].

Только что получили Папашино письмо из Женевы[9] – телеграм тоже был получен в Ливурне. А он получил ли наш? Отыскал ли он черное белье? Я все положила в середний мешок чемодана.

Ольга теперь сидит с m-r Diedrigson и Manfred'ом. Этот господин норвежец, профессор, ученый, умирающий почти с голода, – знает все Папашины сочинения, очень его уважает, говорит, что все, что он пишет, переводится на датский язык. Он будет ходить ежедневно, оставаться 2 часа и учить Ольгу и Манфреда географии, истории, арифметике и вообще с ними разговаривать. M-me Mamonoff тоже просит, чтобы русские уроки скоро начались.

Ну, прощайте на этот раз.

Крепко всех вас обнимаю.

Ваша Тата Г.

Не правда ли, Папаша, ты никогда не был в переписке с Ке⟨т⟩чером и никогда от него не получал ни писем, ни статей? Пожалуйста, скажи[10].

Не франкируйте писем, неаккуратность почты ни на что не похожа.

Все еще ищем forestier'ов[91*], которые бы взяли квартеру.

4-го декабря 1863 г.[11]

Рукой Мейзенбуг:

Je vous salue de tout mon cœur pour votre jour de naissance, et je voudrais que vous puissiez être ici et vous chauffer à notre soleil qui nous luit si bien dans la chambre que nous n'avons pas besoin de feu.

Adieu. Je vous serre la main ainsi qu'à m-me Ogareff et j'embrasse les enfants[92*].

[1] Герцен вернулся в Теддингтон из путешествия на континент 6 декабря – в день рождения Огарева (см. XXVII, 385–386, 804).

[2] Старшие дети и Мейзенбуг провожали Герцена от Флоренции до Ливорно, откуда 26 ноября он выехал на пароходе в Геную, а затем поездом в Женеву. 28 ноября, дождавшись его телеграммы из Генуи или Турина, дети отправились на пароходе "Aunis" в Чивитавеккью (и оттуда поездом в Рим). А.А. Герцен, проводив их, вернулся во Флоренцию (*ЛЖГ* III, 578–581). 26–28 сентября на том же пароходе "Aunis" плыли Герцен с сыном из Ливорно в Неаполь для встречи с Татой и Ольгой (см. XXVII, 375; XX, 605).

[3] 12-летний сын К.-А. Линдеманна.

[4] Знакомство Герцена с Линдеманном произошло, очевидно, в Неаполе, где Герцен был со старшими детьми и Мейзенбуг с 28 сентября по 13 октября.

[5] 12 декабря, отвечая на это письмо, Герцен писал: "Квартера ваша если удобна и с солнцем, я советую, без новой, еще удобнейшей, не менять" (XXVII, 388).

[6] По-видимому, М.П. Боткина и А.А. Щедрина.

[7] 12 декабря Герцен отвечал: "У Линдеманна учиться хорошо, но я считаю это совершенно недостаточным – без сомнения, надобно еще работать в галереях и с натуры. Вообще не очень подчиняйся одним немецким методам – и работай, работай" (XXVII, 388).

[8] 30 июля Огарев в письме к Тате просил ее нарисовать для него пейзаж в Альбано ("В этой картинке ты испробуешь и силы своей любви, и силы своего таланта". – XXVII, 360).

[9] Письмо Герцена к дочерям, написанное около 30 ноября, неизвестно. В нем Герцен выражал тревогу за них в связи с бурей на перевале Мон-Сени. Вслед за отправкой письма Герцен получил от дочерей телеграмму (неизвестна), что путешествие на "Aunis" было "великолепным" (см. XXVII, 385).

[10] Вероятно, речь идет о Н.Х. Кетчере в лондонский период деятельности Герцена (к его пропаганде Кетчер относился резко отрицательно); об идейном разрыве друзей юности (см. XXV, 16; XXVII, 56, 214; XXVIII, 126).

[11] Герцен ответил 12 декабря (XXVII, 388).

90* Никаких отвлечений (*франц.*).

91* иностранцев (*итал.*).

92* Я вас приветствую от всей души по случаю вашего дня рождения, и я хотела бы, чтобы вы смогли быть здесь и погреться на нашем солнце, которое так хорошо светит нам в комнате, что нам не нужно огня. Прощайте. Жму руку вам, так же как г-же Огаревой, и целую детей (*франц.*).

25

10-ого декабря ⟨1863 г.⟩
№ 63. San-Niccolo in Tolentino. Roma

№ 3

Милый Папаша!

Вы, верно, будете все соединены, когда получите это письмо. По случаю 14 Декабря – всех вас целую, друзьям жму руку – особенно Чернецкому и Тхоржевскому.

Я только что получила письмо от Маши, предлинное и милое[1]. Я совсем не знала, что у них еще родился сынок Макс, которому теперь 10 месяцев, что все здоровы и веселы покаместь, бедные; Рейхеля здоровье совсем поправилось. Только Маша жалуется на тебя, что мало пишешь, – она несколько раз спрашивала тебя о нашем адресе, но ты все забывал отвечать.

ТРИУМФ ГАЛАТЕИ
Фреска Рафаэля (фрагмент), 1515
Вилла Фарнезина, Рим
«... вчера еще мы были в Farnesina ⟨...⟩ "Galatée" Рафаэля – "шефдоевер"» (Тата Герцен – Герцену. 13 апреля 1863 г.)

Что же тебе рассказать о нас? Деятельная жизнь сейчас началась – как только мы въехали в Рим, все шалости и глупости, и "дурацкие шапки" исчезли – сама не знаю, как и почему, – мне самой странно. Должно быть, оттого, что вошли опять в порядок – поэтому ты не отчаивайся, милый Папаша, и не думай, что я вечно такая, какою ты меня видел.

Хожу все к Лидеманну и стараюсь как можно больше работать – он мной доволен до сих пор. Во все время я только нарисовала два маленьких рисунка, не больше этого письма, но зато аккуратные, как фотография.

На днях вечером была m-lle Volkmar; вот что она говорит: пейзажист не может давать советов в писании голов и фигур (хотя я думаю, что он может советовать в копировании), поэтому всего лучше употребить зиму совсем на ландшафт – весной прервать это устройство, т.е. ходить раздва к нему в неделю, а остальное время – с натуры работать (должно быть, с ней). Мне хотелось поговорить и посоветоваться с ней, прежде чем решить совсем дело с Л⟨индеманном⟩, но Мальвида отсоветовала, говоря, что она меня слишком возьмет под свое покровительство. Мне было досадно, но все-таки дело было устроено и решено без нее, поэтому вышло что-то вроде ревности между ней и Л⟨индеманном⟩. Ты помнишь, в Неаполе мы с ней говорили тогда – мы почти решили, что вместе возьмем ателье и вместе будем брать модели, потому что очень дороги они.

Она нас ждала, ждала, вдруг ничего из этого не вышло – должно быть, ей досадно. Но, может, весной устроится.

Знакомых мы видим мало – во-первых, я дома бываю только с 5-ого часа. Верный Грегоровиус приходит иногда вечером, мы заставляем его иногда читать по-английски, – бывает Volkmar да Боткин был раз – в другие вечера мы читали каж-

дый для себя, вчера, однако, я Мальвиде читала вслух "King Richard the II" Shakespeare.

Здоровье Мальв⟨иды⟩ совсем нехорошо – не знаю, действие ли это холода или просто она простудилась – вот третий день она страдает ужасной головной болью, и щека распухла.

12-ого дек⟨абря⟩

Письмо это вы не получите вовремя, но что же делать, прямая почта отправляется только сегодня.

Здоровье Мальвиды поправляется. Ольга, которая на днях нас тоже испугала, теперь совсем здорова – раз утром она проснулась с красными пятнами на обеих щеках. Мальвида сейчас подумала, что это милиер[93*] – да я тоже испугалась, потому что она жаловалась на головную боль.

Послали мы за доктором, и что же вышло? – Что, должно быть, просто укус неприглашенного гостя.

А я покаместь худею – радуйся! Первое слово всех знакомых было: "Поздравляю вас, вы похудели!"

Милый Папаша, если это тебе не слишком трудно, – мог бы ты мне прислать фотографии с бабушкиного и дедушкиного портретов (писаные масляными красками)? Хоть к рождению[2]...

Ну прощай, крепко всех вас еще раз обнимаю.

Твоя толстая Тата Г.

Завтра ровно год, что мы выехали из Лондона[3] – помните, а 24 д⟨екабря⟩ мы въехали в Флоренцию.

Пожалуйста, нумеруйте письма.

С иллюстрациями дело не идет ладно[4], Папаша, не могу.

[1] Это письмо М.К. Рейхель (как и другие ее письма к Тате и Герцену) неизвестно.

[2] Портреты И.А. Яковлева и Л.И. Гааг (маслом на меди, работы И.З. Летунова) были привезены Герцену из России 6 апреля 1862 г., а в конце декабря 1863 г. посланы Саше Герцену во Флоренцию для пересылки Тате (см. XXVII, 394, п. 29; ее день рождения – 25/13 декабря). Вероятно, ею сделаны затем, в 1864 (?) г., копии маслом на холсте, хранившиеся у правнука Герцена Л. Риста в Версале (переданы им в Музей А.И. Герцена в Москве – см. их воспроизведение в наст. томе).

[3] 13 декабря 1862 г. Герцен проводил Тату и Ольгу с Мейзенбуг и горничной Жеоржиной из Лондона (через Париж в Италию). – Ср. XXVII, 270, 272.

[4] Вероятно, Герцен просил Тату иллюстрировать ее письма рисунками.

26

ГЕРЦЕНУ, ОГАРЕВУ, Н.А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ

15-ого декабря 1863. № 63,
S.-Niccolo da Tolentino. Roma. 2° piano

№ 5

Поздравляю вас с моим рождением[1].

Милый Папаша!

Новый план просто чудо![2] Только жаль, что Милан ты выбрал, отчего именно Милан? Верно, от политических обстоятельств зависит – где свободнее. Не знаю почему, но мне кажется, что Милан один из самых прозаичных и неинтересных городов Италии. А когда я отправлюсь в Россию!!!!.. 19 лет, какая я уже старуха, еще год, и пора будет, а то поздно. Как ты думаешь, переменятся обстоятельства, т.е. будет мне возможно ехать или нет?

В прошлое воскресенье мы долго гуляли, т.е. m-lle Volkmar нас пригласила к немецкому "кофью", после которого к ней пришли два художника, скульптор Kopf[3] и какой-то венгерец, говорящий по-русски. M-lle V⟨olkmar⟩ живет у смотрителя Villa

---

[93*] лихорадка с сыпью (*франц.* miliaire).

Mattei, которая с некоторого время принадлежит монастырю и не публична, только этот смотритель дал нам ключи с позволеньем рвать цветы.

Мальвида была в "екстазах" – и в 999 раз сказала, что "вот настоящая вилла, которую ты должен купить".

В самом деле, стоило бы, хоть за один вид. Копф нас пригласил на концерт здешнего "Künstlerverein"[94*].

Мы сделаемся чистыми немцами![4] Однако там не одни немцы, Мамонов член, мы сидели возле его жены и барышни русской Ермоновой.

19-ого декабря[5]

Что же вам рассказать: жизнь наша проходит так монотонно, что рассказывать нечего, – порядок вы, я думаю, уже наизусть знаете. Встаем довольно рано, в 8 уже приходит Дидригсон к Ольге – я в 10-том ухожу к Линдеманну и возвращаюсь в 5-том.

Это вы уже двадцать раз слышали, единственные перемены состоят в том, что вечером к нам приходят иногда кое-кто и да вот вчера я была у Мамоновых, одна (у Мальвиды болели зубы) – они чрезвычайно милые люди, так нами интересуются, т.е. принимают столько участия в наших делах, – она дает мне разные книги; за то я ей даю ваши сочинения. Вчера она мне дала последний роман графа Толстого "Казаки"[6] – ты, верно, знаешь – и статью *Guizot* в "Revue des Deux Mondes" – "Un projet de mariage royal" – о Карле Первом (английском)[7].

Теперь – напишите же, что́ вы думаете об устройствах, что́ вам не нравится и чем вы довольны??? Да, вот у меня два дня свободных, т.е. утром, по понедельникам и пятницам я хожу к Линдеманну только с 2–4 часов, потому что у него другие ученики, – с воскресным даже *три*. По совету Огарева, я стала рисовать целые фигуры, как спящая женщина, наш старый друг Antonio, муж Stella (сегодня был в первый раз)[8]. Мне уже давно хотелось начать, но деньги, несносные деньги, останавливали, но я все-таки решилась брать модели, если б и пришлось платить собственными деньгами.

Потом мне бы очень хотелось хоть раз в неделю брать уроки музыки – я боюсь все забыть, что знала, – одно переигрывание того, что давно знаю, не много служит[9].

Итальянцы начинают заниматься классической музыкой – устраиваются консерты, в которых итальянцы играют квартеты, квинтеты, сонаты и все сочинения Бетховена, Моцарта, Hayden'a и т.д. За это Рим, конечно, должен благодарить иностранцев.

Вы на что решились, остаетесь ли вы в Теддингтоне или еще раз перемените жилище до отъезда?

Как вы соберетесь, мне кажется, это невозможным! Рассказывайте побольше о себе. Хоть ты, Натали, о бибушках[10] и Лизе.

Прощайте, крепко вас всех обнимаю и целую, кланяйтесь знакомым.

Ваша Тата Герцен

20-ого

Сию минуту получила записочку от Саши, он здоров и весел и очень доволен своим образом жизни и Флоренцией[11].

Ольга тоже вас всех обнимает, она, в самом деле, очень занята с приготовлением уроков и не успевает писать вам. Но на днях будут *ваканции*[95*], и она напишет. Нос ее совсем успокоился – она мечтает еще о верховой езде – да, скоро начнется.

Пожалуйста, попробуй присылать "Колокол" (Platenauer[12] сам предложил) да, может, какой-нибудь другой Weekly-paper[96*] для Мальвиды. К ним письма не раскрывают.

94* "Общества художников" (*нем.*).

95* каникулы (*франц.* vacances).

96* еженедельник (*англ.*).

Папа, вот оказия чудесная пересылать мне "Колокол" – на имя Edward Richards (Platenaur'y это не надо писать) chez la Marquise de Dewonshire. Hôtel de Londres. Roma[13].

[1] См. прим. 2 к пред. письму.

[2] Отклик на письмо Герцена от 4–7 декабря, в котором излагался план перевода Вольной русской типографии из Лондона в Лугано: "Мы все переедем туда на лето, а осенью в Милан ⟨...⟩ важная задача климата и деятельности будет решена к общему удовольствию" (XXVII, 386).

[3] Очевидно, немецкий скульптор И. *фон Копф*, с 1852 г. живший в Риме.

[4] В связи с этим сообщением Герцен 24 декабря писал: "У вас что-то много немцев, – нельзя ли сколько-нибудь подальше от них" (XXVII, 390).

[5] Далее Тата отвечает на письмо Герцена от 12 декабря (XXVII, 388).

[6] Повесть Л.Н. Толстого "Казаки" была напечатана в "Русском вестнике", 1863, № 1.

[7] Статья Ф.-П.-Г. Гизо "Проект королевской свадьбы" напечатана в "Revue des Deux Mondes", 1862, 15 июля – 1 октября.

[8] 7 декабря Огарев писал Тате об одном из присланных ею ему в подарок рисунков (не сохранился): "Сидячая сонная женщина мне больше всего и чрезвычайно нравится. Вырабатывай себе genre во всех размерах – и в росте, и в уменьшенной величине" (XXVII, 387). Портрет Антонио также до нас не дошел.

[9] 24 декабря Герцен отвечал: "Уроки музыки бери на особый счет – я тебе пришлю ⟨...⟩ Повторяю, что Линдеманн недостаточен. За модели, что надобно, плати" (XXVII, 390, ср. 389).

[10] Т.е. о Елене и Алексее, младших детях Герцена и Тучковой-Огаревой – "*бибушках*" (от *англ.* baby – ребенок).

[11] Эта "записочка" неизвестна.

[12] *Платенауэр* – близкий знакомый Герцена с первых лет его жизни в Лондоне. В 1863 г. он находился в Риме с сыновьями лорда Девонширского в качестве их воспитателя. Герцен воспользовался возможностью посылать через него дипломатической почтой дочерям в Рим "Кол⟨окол⟩", не пропускавшийся папской почтой впрямую. 24 декабря он писал: «"Кол⟨окол", л. 175 от 15 декабря⟩ и превосходный "Пунш" для пробы посылаю ⟨...⟩ Напиши о "Кол⟨околе⟩", это очень интересно, дойдет ли». В противном случае Герцен советовал попросить "другой адрес у Плат⟨енауэра⟩" (XXVII, 390).

[13] Ответ Герцена и Тучковой-Огаревой от 24 декабря (XXVII, 389–390).

27

24-ого декабря 1863 г.
№ 63. S.-Niccolo da Tolentino. Roma[1]

№ 7

Милый мой Папаша!

Жаль мне, что ты все думаешь, что это от Сашиного присутствия я тогда так дурачилась; уверяю тебя, что не от этого – а потому, что все это время было так праздно. Ты знаешь, меня малейшая вещь рассеивает – а тут мы, как номады, с одного места в другое, тут две недели, там одну, здесь два дня, в Флоренции 3 недели – от нечего делать, от беспорядка, неустроенной жизни, – но если б Саша здесь был с нами, я не говорю для *него*, ему, в самом деле, делать нечего, особенно для естественных наук здесь ничего нет, а антиквитеты[97*] его не очень интересуют – но для *нас* и, может, больше для Ольги, чем для меня, – его присутствие было бы совсем небесполезно, верь мне, Папаша!

Утро. 25 декабря

Повеселее будет этот день[2], чем прошлого года, надеюсь! Утро чудесное, такое веселое (правда, веселее людей – но что же делать?).

В девять часов я думала о вас – вы, верно, просыпались, начинали одеваться и думали о нас. Ольга мне подарила фотографию Колизея, а Мальвида – "Моисея" Микеланджело и материю на белое платье, – когда я его одену? Я уже радовалась, что тогда не купила в Флоренции, потому ⟨что⟩ не было бы случая надеть.

Потом Мальвида все что-то устраивает – столовая заперта – Georgina хлопочет не менее Кало[3], – а Мальвида жалуется на усталь и на то, что начала дело это, – говорит, что было бы гораздо лучше, если б ничего не делала, – что тогда бы денег по-

[97*] древности (от *нем.* Antiquität).

траченных не было, что она тогда бы не простудилась и "dann hätten wir das schöne Wetterchen genossen, so ganz *en famille*"[98*].

Поэтому я подозреваю, что она пригласила наших двух-трех "немецких знакомых".

14/26-ого.

И в самом деле так вышло. Ну вот, вам расскажу в порядке:

7 часов утра.

О л ь г а. Тата, Тата! Komm mal her![99*]

Т а т а (*еще в постели в другой комнате*). Ich bin noch im Bett[100*].

М а л ь в и д а: Komm doch, Tatascha![101*].

Ну, я прихожу, Ольга меня презентует, как я уже сказала, фотографией Колизея, М⟨альвида⟩ – "Моисея". Тотчас после кофе М⟨альвида⟩ пропала в столовую – до двух часов я просидела одна с Ольгой и Манфредом в гостиной и, к несчастью, чувствовала, что голова все тяжелеет, тяжелеет – в третьем часу мы отобедали в траттории. Вернувшись, я должна была лечь – в седьмом часу пришли гости, т.е. m-lle Volkmar, Грегоровиус, Линдеманны и (отгадайте кто еще?) П– – – – –

Я встала, несмотря на головную боль; однако, как только стала на ноги, мне сделось так тошно, что я рассталась с обедом, но все-таки вернулась в гостиную и просидела весь вечер. Бедная Мальвида так хлопотала и трудилась, но судьба не хотела, чтобы все обошлось совсем весело.

Наша старушка-кухарка столько выпила, что была совсем пьяна и ни к чему не годна, – к счастью, пришел молодой Ettore, который очень ухаживает за Georgin'ой, стал помогать всей душой и силой. В 8 ч. двери отворились, и мы увидели очень мило устроенное дерево и комнату, украшенную зеленью, как М⟨альвида⟩ делала в былые годы.

После этого был ужин миленький, на котором, конечно, пили за мое здоровье.

Словом, все могло бы быть очень мило и весело, но, как на смех, у меня разболелась моя глупая голова до такой степени, что не была в состоянии вымолвить слово, ничего не ела и не пила – и опять же в первый раз в Риме. А сегодня все прошло.

Досадно!!!!!

Теперь о занятиях, как я тебе писала в последнем письме[4], я сама вижу, что мне это недостаточно – ходить только к Линдеманну. На первый случай я беру модели два раза в неделю, а третьего дня я написала просьбу principess'e Sciarra[102*] копировать в ее галерее.

Вот почему мы выбрали именно ее галерею – потому что она *приватная*. В ней позволяется только двум людям копировать разом – публике она открыта только по субботам, и тогда не работают.

Для меня это очень важно, особенно чтобы начать, потому что мне было бы ужасно копировать в Боргезе[5], например, там с утра до вечера толпа. Надеюсь, что мне позволят начать около 10-ого января.

Прощайте, друзья мои, мы сегодня вечером будем у Мамоновых, по случаю 26/14 декабря.

Обнимаю и всех крепко целую.

Ваша Тата Г е р ц е н

Кто же у нас был? Старый, добрый Platenauer – он приходит по временам и нас очень забавляет рассказами о жизни, об образе жизни своих Даунширских маркизов[6] – он скоро возвращается в Англию и, верно, будет у вас.

Теперь уж не будем больше писать до будущего года.

Вы что поделывали это время?[7]

98* "тогда бы мы наслаждались чудесной погодой, совсем en famille ⟨по-семейному⟩" (*нем.* и *франц.*).

99* Поди-ка сюда! (*нем.*).

100* Я еще в постели (*нем.*).

101* Приходи же, Таташа! (*нем.*).

102* княгине Шьярра (итал.).

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена, написанное около 18 декабря.

[2] День рождения Таты.

[3] Намек на эпизод из части первой "Былого и дум" – о том, как рьяно готовился камердинер Л.А. Яковлева К.И. Кало к ежегодным празднованиям дня рождения Герцена в годы его детства (VIII, 24–25).

[4] См. п. 26.

[5] Известная картинная галерея Palazzo Borghese (Дворец Боргезе), сооруженная в Риме в конце XVI – начале XVII в.

[6] См. прим. 12 к п. 26.

[7] Ответ Герцена, отправленный, по-видимому, около 31 декабря, неизвестен.

28
ГЕРЦЕНУ, Н.А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ И ЛИЗЕ

2 января 1864.
№ 63. S.-Niccolo da Tolentino. Roma.

№ 10

Начну с анекдотом о Platenauer'е – знаешь ли ты, Папаша, отчего он нам каждый год присылал что-нибудь в Рождество? Несколько лет тому назад, т.е. 7–8 лет, он был у нас вечером, было много русских, говорили о немецком языке, о форме фраз – и о том, что глагола дождаться никогда нельзя. Один из русских сказал, что это очень хорошо, потому что слушатель должен внимательно слушать до конца, – другой сказал, что это знак терпения – и знатное дело, что немцы всех терпеливее. На это ты сказал, что "нет, помилуйте, еще народ существует, который гораздо терпеливее". – Кто же – кто такие? – "Жиды, – ты сказал, – сколько столетий они ждут Verbum[103*] – все не дождались, а терпение не теряют!" – Это привело Platenauer'а в такой восторг, что "il a fait un vœux"[104*] посылать нам безделицы каждый год на Рождество – и до сих ⟨пор⟩ сдержал слово[1] – нынче он боялся, что не удастся, но удалось – если не тебе лично прислать дичи, так нам: Мальвиде зайца, Ольге и мне конфет. – Какой странный человек!

3 января. Воскресенье

Просыпаюсь я сегодня, и что же вижу? – все покрыто снегом!!! Я была в восторге – Мальвида в отчаянии. (Ольга в ночной рубашке и в постели – с Линдой: у Ettore, Georgin'ин друг, открылась собака, крошечная, которую тоже зовут Линдой, он ее уступил Ольге на несколько дней – конечно, он ее этим осчастливил до высочайшей степени.)

Ольга должна была взять сегодня первый урок верховой езды. Даль должен был прийти за нами, но вдруг мы получили записочку, в которой он говорит, что сестра его скончалась вчера вечером и он прийти, конечно, не может – а утром мы его встретили, он был так счастлив, другая его сестра только что приехала – больной было, по-видимому, лучше. Но это, кажется, счастие: она с рождения все была больна – последние 4 года почти все лежала.

Папаша, кто это такое написал эту ужасную, гадкую статью в "Сев⟨ерной⟩ пчеле"?[2] Старалась догадаться – но не могу – я только помню, что Писемский тебе прислал свои сочинения на I⟨sle of⟩ Wight. Но, Папаша, у тебя тоже ужасные выражения – на первой колонне 1443 страницы "Колокола" 15 декабря[3].

Новый год мы встречали очень печально – я была приглашена к Мамоновым, но опять ничего не вышло, и я должна была лечь в 9 от головной боли – всё по праздникам.

7-ого января

Пришли ваши письма № 6[4]. Неужели Лиза это одна написала? Душечка ты моя, Лизочка, не верится мне, что ты такая умница. Пиши мне, мой Лизок, и побольше, и я буду тебе писать.

[103*] Слова, Глагола (*лат.*).

[104*] "он дал обет" (*франц.*).

Лучше я Лизе на особом листе напишу – вы ей отдайте. Всех вас целую.
Ваша Тата Г.

Как уже писала, "Колокол" 15-ого д⟨екабря⟩ получен, "Пунш" тоже.

На днях Platenauer привел к нам вечером одного из своих лордов, высокий до невероятной степени – 18–19 лет. Он очень прост и мил, играл с Ольгой и с собачкой, но зато, кажется, и глуп...

С Далем я еще не успела говорить. Ты понимаешь, что у него довольно забот после приезда одной сестры и смерти другой[5] – к тому Марья Ник⟨олаевна⟩ здесь и по обязанности рассматривает работу всех русских художников[6]. Потом он не может судить без натуры – не лучше ли оставить до вашего приезда?

Натали, ты меня бы очень осчастливила, если б как-нибудь переслала амазонку. Platenauer вам, может быть, даст оказию – Ольгу мы теперь поведем в манеж в первый раз – до сих ⟨пор⟩ нехорошая погода и другие обстоятельства помешали, мне так хотелось весной иногда погулять с ней в компании[7].

[1] В ответном письме от 15 января Герцен так откликнулся на эти строки: "Твой анекдот о Verbe нас с Ог⟨аревым⟩ просто в лоск положил, даже совестно стало – ты понимаешь, что с моей стороны это был просто-напросто каламбур. Бедный и добрейший Пл⟨атенауэр⟩" (XXVII, 417).

[2] Речь идет о корреспонденции "Из Плоцка" с подписью *Св. – Стр.*, напечатанной в "Северной пчеле", № 308 от 19 ноября ст.ст. 1863 г., и содержавшей клеветнические обвинения в инспирировании Герценом польского восстания. Тата прочла выдержки из нее в ответной статье Герцена "Ввоз нечистот в Лондон" ("Колокол", л. 175 от 15 декабря 1863 г. – XVII, 298, 300–301, 468). Автор корреспонденции был ему неизвестен (см. XXVII, 417).

[3] В статье "Ввоз нечистот в Лондон" Герцен с возмущением писал об "антинигилистическом" романе А.Ф. Писемского "Взбаламученное море" (опубликован в "Русском вестнике", 1863, №№ 3–8; в гл. XVI–XX в пасквильном виде представлена деятельность редакторов "Колокола"): «Какой-нибудь экс-рак "Библиотеки для чтения", романист, аферист, драматист, ставит на сцену новую русскую жизнь с подхалюзой точки зрения подьячего ⟨...⟩ делает шаржи на события, от которых еще до сих пор льются слезы, и чертит силуэты каких-то дураков в Лондоне, воображая, что это наши портреты» и т.д. (XVII, 299). Далее в форме пародии на роман описывалось, как его будущий автор, приехав в Лондон в середине июня 1862 г., послал ему на о. Уайт свои сочинения вместе с письмами, полными уверений в любви и уважении (см. XVII, 299–300; *ЛЖГ* III, 323, 324, 326–327). На замечания Таты Герцен 15 января ответил, что Писемский в романе "самым гнусным образом рассказал историю о взятии" на границе П.А. Ветошникова (везшего от Герцена и Огарева в июле 1862 г. их издания и письма, что послужило поводом для арестов в России и "Дела о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами" – см. "Былое и думы", XI, 327–328). "Все догадаются, что это его ⟨Писемского⟩ записка помещ⟨ена⟩ в моей статье. А ты как же думаешь, Тата. что их за такие проделки по головке гладить?" (XXVII, 417).

[4] Письма Герцена, Тучковой-Огаревой и Лизы, написанные около 31 декабря 1863 г., неизвестны. Ответ Таты Лизе от 8 января и Тучковой-Огаревой от 10 января см. далее в наст. томе.

[5] Герцен, вероятно, просил поговорить с архитектором Л.В. *Далем* о заказе ему памятника на могиле Н.А. Герцен в Ницце. 15 января, откликаясь на наст. письмо, Герцен писал: "Жаль Даля, но ты не бойся: именно теперь это было бы для него занятие по душе" (XXVII, 417, с неверным прочтением: "Долг⟨орукова⟩", вместо: "Даля"; см. также XXVII, 436, и п. 32). Памятник по проекту Даля был установлен на кладбище в Ницце, вероятно в присутствии А.А. Герцена, около 10 января 1865 г. (см. *ЛЖГ* IV, 81).

[6] Вел. кн. *Мария Николаевна*, дочь Николая I, была с 1852 г. президентом Академии художеств.

[7] Герцен ответил 15 января (см. XXVII, 417–418).

29

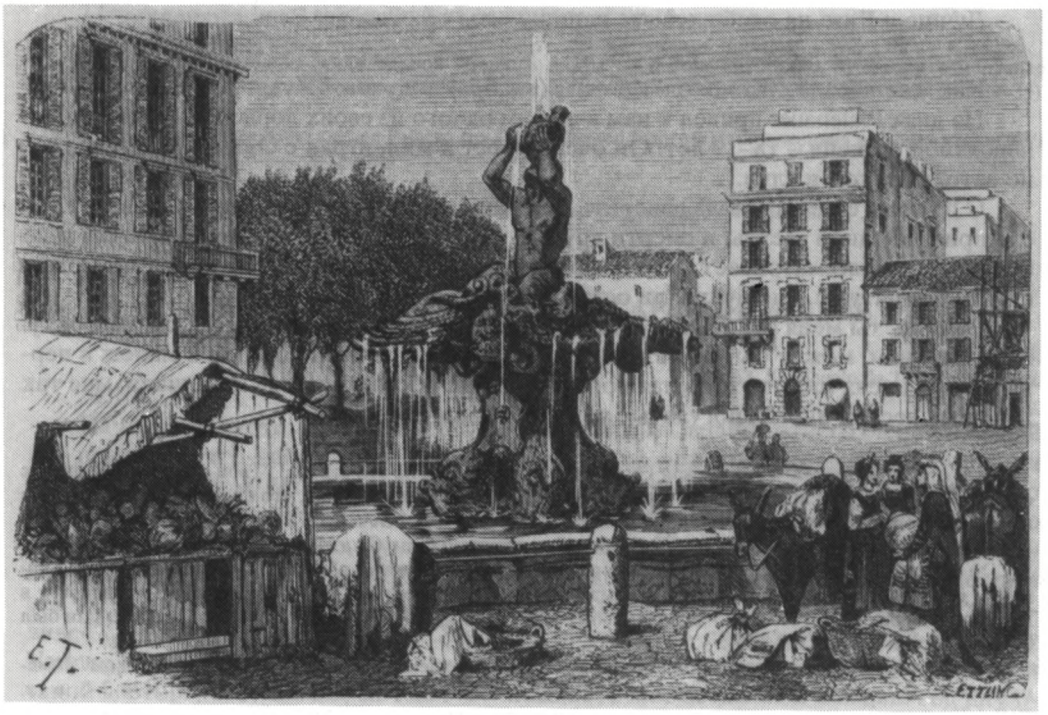
17-ого января[105*] 1864, воскр⟨есенье⟩,
63, S.-Niccolo da Tolentino. Roma

№ 13

Люди добрые, скажите, люди добрые, не скройте, отчего вы пишете, что послали Саше портреты, книги и т.д., а он ничего из всего этого не получал??[1] И отчего вы "Колокол" не присылаете прямо в Рим по адресу Edward Richards – casa of the Marquise de Dewonshire – 24, Belgrave Square[106*] – мы вам уже так часто писали[2]. Они еще не уезжают – все его ждут с нетерпением – и Боткин молодой[3] тебе, между прочим, кланяться велел.

[105*] В *автографе описка*: декабря. – *Ред.*

[106*] Эдуарду Ричардсу – дом маркизы Девонширской, Белгрейвская площадь, № 24 (*итал.* и *англ.*).



РИМ. ПЛОЩАДЬ БАРБЕРИНИ С ФОНТАНОМ "ТРИТОН"
Гравюра Эттлинга по рисунку неизвестного художника, 1870-е годы
Из книги: Rudolf Kleinpaule. Rom in Wort und Bild. Band II. Leipzig, 1883
Возле площади Барберини (ул. Никколо да Толентино) жила Тата Герцен вместе с сестрой Ольгой и М. Мейзенбуг с начала декабря 1863 г. по 12 июня 1864 г.

Ну-с, cher petit Papa[107*], – ты знаешь, что я исполняю твое и собственное желание – я начала копировать в галерее[4]. Холод ужасный, я выхожу оттуда, как ледяная сосулька. Многие говорят, что я нехорошо сделала, что начала именно в такой холод – но кто же об этом думает, когда здоровье, как у меня. Если почувствую, что вредит, – перестану опять на некоторое время – но сумневаюсь, чтобы это имело влияние на меня. Здесь неслыханный холод: в Неаполе солдат-сторож замерз, а здесь фонтан Barberini был покрыт льдом. Завтра начну ходить в академию, о которой я вам, кажется, уже писала, – на Corso, Palazzo Claudio. Там рисуют два часа, каждый вечер с $^1/_2$ 8 до $^1/_2$ 10 с ⟨моделей в⟩ разных костюмах. Модель приходит два вечера сряду. Линдеманн хочет тоже ходить – мы запишемся на первый случай только на полмесяца – на пробу[108*].

Что ты боишься немцев, милый Папаша? Из меня немку, в смешном смысле слова, все-таки не сделают, а некоторые из них очень милы. Напр⟨имер⟩, старая m-me Lehmann, мать живописца, 72-летняя старуха, – такая славная, живая женщина, просто чудо – повсюду бегает, все видит, все ее интересует. На прошлой неделе мы были в Vatican'е вечером, при факельном освещении. Во-первых, мы приехали слишком рано – швейцары[5] услышали, что мы говорим по-немецки (мы приехали с Volkmar'шей и ее знакомой Marie Röre – тоже женщина-живописец) – нас пригласили войти в их залу. Можно было бы подумать, что нас перенесли в одно из прошлых столетий. Сидели на скамьях у большой "скальдины"[109*] (эта штука, как

107* милый Папочка (*франц.*).

108* Из этой академии ничего не вышло, потому что карнавал нынче очень рано начинается и тогда не ходят.

109* "грелки" (*итал.* scaldino).

большой четверугольный поднос, на высоких ножках, полный красными углями, покрытыми золой, чтоб не дымилось) – окруженные этими швейцарцами в дурацком шитье.

В 7 все собрались – между прочими была старушка Lehmann. Это в самом деле было очень красиво – факелы с "ревербером"[110*] дают красноватый цвет статуям – они кажутся живыми. Я дала руку m-me Lehmann, потому что она все-таки устает – потом по случаю Platenauer'а я послала что-то в Англию для нее – поэтому она со мной очень мила – и третьего дни пригласила вечером к себе (совсем не суаре[111*] – были только Бринкманны, милые девушки, о которых я писала Натали[6], да Мальвида со мной). У сына большие гравюры "Stanze" Рафаэля – он их нам показывал, пока одна из нас читала объяснение. Мило придумано, не правда ли? Так их можно гораздо лучше рассмотреть в подробностях и потом покупать оригиналы.

Премилая старушка.

Что у тебя было с ногами, Папаша? Ревматизм или что?[7]

20 янв⟨аря⟩

Милый Папаша, представь себе, какой странный случай. Я встретила у Бринкманнов русское семейство. Сначала с обеих сторон было "mésentendu"[112*] имен – потом кто-то меня назвал. – Русская барышня с такой радостью обернулась ко мне, сказала, что давно желала с нами познакомиться, что тебя знает, т.е. видела тебя на "Aunis", когда ты с Сашей ехал в Неаполь[8]. – Какая-то Владимирова, кажется, помнишь или нет? Замужняя сестра с мужем, их брат да она сама с какой-то дамой (на "Aunis" она была одна с братом и дамой, молоденькая брюнетка).

Только что пришли ваши письма[9]. Лизочку мою крепко, крепко целую за ее. Ждем "Колокол" с нетерпением – тот номер еще не возвращался – он еще не обошел всех[10].

Погода сегодня переменилась, вдруг стало тепло. А то, кажется, везде необыкновенный холод, кроме в России, – там чудесная погода.

Что ты говоришь о Platenauer'е – он так и понял, что это просто каламбур – и именно этот "карамболь" ему и понравился. У него ведь какой-то идеал вроде "Месиаса"[113*] – да мечтает он еще о каком-то конгрессе *всех* народов в Лондоне. Но, нѐсмотря на его idées fixes[114*], он такой необыкновенной доброты человек, такой услужливый – удивительно. Приходит утром сказать, чтобы приготавливали письма, ежедневно почти приносит римский журнал – приходит днем вновь, но, зная, что мы заняты, даже не спрашивает, дома ли мы или нет. Приходит также за письмами Жеоржины – и это не от нечего делать – он очень занят, но так – желание услужить кому-нибудь. Но притом очень строг, должно быть, заставляет своих молодых лордов работать – все семейство ужасно к нему привязано и только с ним что-нибудь делает.

Прощай, целую вас всех

Твоя Тата Г.

Что бедные бибушки? Кланяемся знакомым и друзьям.

Грегоровиус тебе кланяется и спрашивает, не можешь ли дать ему совет – нельзя ли бы устроить что-нибудь с переводом его книги "Rom" с Трюбнером, может быть. Ему уже предлагали перевести ее на английский и француз⟨ский⟩ язык, но невыгодно, а он, кажется, в нехорошем положении. Пожалуйста, отвечай на это скоро[11].

Послано в субботу 22 янв⟨аря⟩ 1864[12]

110* отражателем (*франц.* réverbère).

111* вечерний прием (*франц.* soirée).

112* "недоразумение по поводу" (*франц.*).

113* "Мессии" (*нем.*).

114* навязчивые мысли (*франц.*).

[1] Ответ на письмо Герцена, написанное около 12 января (неизвестно; см. о нем XXVII, 418–419 – № 186, с отнесением к "первой половине января"). В нем сообщалось, в частности, об отправлении на адрес А.А. Герцена во Флоренции портретов Л.И. Гааг и И.А. Яковлева (см. п. 25 и прим. 2 к нему). Тата цитирует русскую народную песню.

[2] См. п. 26. В п. 27, однако, сообщалось о скором отъезде Платенауэра из Рима, и Герцен отправил дочерям л. 176 "Колокола" от 1 января через Флоренцию. 15 января же, получив от Мейзенбуг подтверждение адреса воспитанников Платенауэра в Риме, Герцен послал по этому адресу 3 экз. л. 176 и 2 экз. л. 177 "Колокола", рекомендуя в последнем свою статью "Портрет Муравьева" (XVIII, 34; см. XXVII, 417).

[3] М.П. Боткин.

[4] В галерее Sciarra.

[5] *Швейцарцы* – гвардейцы, охрана папы римского.

[6] Это письмо неизвестно.

[7] Герцен писал сыну в связи с морозами: "У меня разболелась нога до того, что я три дня не мог ни вставать без боли, ни ходить" (XXVII, 415).

[8] 26–28 сентября на пароходе "Aunis" совершила путешествие из Ливорно в Неаполь одновременно с Герценом и Сашей Е.Л. Владимирова (Володимирова) с братом; очевидно, Герцен тогда разговаривал с ними ("Владимирова я помню, – писал Герцен в ответном письме 30 января, – он очень хороший, кажется, молодой человек") (XXVII, 422, см. также 429). Затем Владимировы бывали у Герцена в Лондоне и Женеве.

[9] В частности, письмо Герцена от 15 января (см. XXVII, 417–418). Полученное с ним письмо Лизы неизвестно.

[10] Речь идет о л. 175 "Колокола" от 15 декабря 1863 г., полученном около 2 января (см. п. 28) и отданном для прочтения русским знакомым.

[11] Вопрос о переводе книги Ф. Грегоровиуса "Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter" уже обсуждался Татой и Герценом (см. п. 15). Отвечая на наст. письмо, Герцен обещал поговорить с издателем и книгопродавцем Н. Трюбнером, а 18 февраля он сообщил Тате, что тот написал Грегоровиусу (см. XXVII, 422, 429).

[12] Герцен ответил 30–31 января (XXVII, 422).

30

29 января 1864 г.
63. S.-Niccolo da Tolentino. Roma

⟨№⟩ 15

Милый Папаша, не правда ли, ты не рассердишься, если я немножко повеселюсь во время карнавала пустыми веселиями, – т.е. пойду на бал здешнего Ферейна[115*]. И это совсем не грандиозная вещь – там все очень просто, не публично – и не только немцы – а русские и другие... Чтобы сказать тебе правду, я сначала, когда об этом услышала и знала, что буду приглашена, решилась отказать, вспомнив, что ты всегда был против, и подумаешь, что вот работа брошена... Но меня все так стали просить, и Мамоновы советовали ехать, вся ⟨1 *нрзб.*⟩ – я не устояла и приняла[1].

Кроме этого, у меня еще желание – это познакомиться с этой русской девушкой, о которой я тебе писала, она с вами путешествовала на "Аунисе" – m-lle Владимирова – она на вид так мила – и я только слышу похвалы о ней и о всем семействе. Во-первых, у них Ольгин учитель музыки Раункильде – он их очень хвалит, говорит, что все необыкновенно талантливы и усердно работают, брат[2] даже компонирует[116*] – и вообще через знакомых я слышала, что они чрезвычайно милы и смертельно желают с нами познакомиться.

Они живут очень тихо, и знакомых у них мало – они осматривают да музицируют, а муж сестры – живописец, ученик Ге.

Ну, о работе. Копья идет медленно[3], но говорят "Chi va piano, va sano, chi va sano, va lontano"[4] – увидим – а покамест она отдохнет, потому что во время карнавала галереи заперты. Как уже писала, я теперь бегаю одна по улицам и мало-помалу привыкаю к этому. Да все как хорошо попадает вовремя, теперь m-lle Volkmar кончила работу в галерее, а знакомая ее пожилая женщина m-me Steinhäuser начала копию с Рафаэля в Шиарра, и так как она живет на Piazza Barberini, два шага от нас, я с ней хожу туда... Ах, в самом деле, мне бы хотелось, чтобы все могли хоть разок взгля-

---

[115*] Союза (*нем.* Verein).

[116*] сочиняет музыку (от *нем.* komponieren).

нуть на меня, когда я работаю. Мне самой еще кажется так смешно, что я в галерее, особенно теперь. Какой-то старый англичанин копирует ту же картину. Во-первых, он совсем не похож на британца, высокий, но ⟨с⟩ большой седой бородой, плешивой головой и плохо одет – чрезвычайно учтив: когда я утром прихожу, все уже готово, мольберт, картина моя – все на месте – потом, хотя он сам ужасно пишет, у него страсть поправлять других. В первый день я через некоторое время заметила, что он хочет заговорить, но не смеет. Наконец, решился и вдруг сказал с ужаснейшим английским выговором: "La carne di Tiziano è vivante ⟨2 *нрзб.*⟩ la carne morta"[117*], потом с ужасной быстротой опять отошел, как будто испугавшись своей бодрости ⟨?⟩; притом, уходя, он делает преуморительные, неопределенные движения руками, как будто извиняется, – ужасно смешно.

Пятница – вечер[5]

Ну, вот и прошел бал – вот и карнавал скоро кончится – и все опять войдет в порядок. Бал был чрезвычайно мил – мы очень забавлялись, но подробное описание сегодня не могу послать – скажу только, что Устиновы и Владимировы тут были и я с Влад⟨имировым⟩ очень много танцевала – воротилась домой в $^1/_2$ 5-ого, встала сегодня в 9, в 11 отправилась к Линдеманну, была там до 5-ого часа. На возвратном пути зашла к Бринкманнам поговорить о бале и как мы веселились.

А теперь adieu, прощайте.

Ваша Тата Г.

До сих пор голова не болит[6].

[1] В ответном письме Герцен заметил: "Отчего же ты можешь думать, что мне неприятно то, что ты веселилась, – Alles hat seine Zeit ⟨Всему свое время (*нем.*)⟩. Я не знаю только, хорошо ли это в Риме – когда на карнавальные веселья смотрят с упреком многие из друзей" (XXVII, 429).

[2] Н.Л. Владимиров.

[3] Н.А. Герцен копировала картину "La bella" Тициана в галерее Шиарра (о начале работы см. ее письмо к Н.А. Тучковой-Огаревой от 10 января в наст. томе). Копия не сохранилась.

[4] Итальянская пословица, близкая русской: "Тише едешь – дальше будешь" (буквально: "Кто идет не спеша, идет благополучно; кто идет благополучно – идет далеко").

[5] Письмо закончено в следующую пятницу – 5 февраля.

[6] Герцен ответил 18 февраля (XXVII, 429–430).

31

Фрагмент

⟨Рим. Около 8 марта 1864 г.⟩[1]

...[118*] Ты узнаешь от М⟨альвиды⟩, что "малороссийский красавец" Щ⟨ербачев⟩ здесь был и о чем он с ней разговаривал[2]. Что ты об этом думаешь? Сколько номеров "Колокола" печатается теперь?

Теперь прощайте, крепко вас всех целую, особенно Лизóчка за арифметический урок.

Твоя Тата Г.

В письме к Огареву я его спрашиваю, не получил ли он деньги в Общий фонд от Г.У. из Генуи – послал их Устинов во время твоего путешествия в Италии[3]. Пожалуйста, отвечайте[4].

Рукой М. Мейзенбуг:

Je suis en train de vous écrire une longue lettre par rapport à ma conversation avec Scherbatschev, mais je n'ai pu finir. Vous l'aurez avec la prochaine poste. En attendant je salue tout le monde de tout mon cœur[119*].

[117*] "Тело у Тициана – живое, тело ⟨2 *нрзб*⟩ – мертвое" (*итал.*).

[118*] Начало письма не сохранилось. – *Ред.*

[119*] Я пишу вам сейчас длинное письмо по поводу моего разговора с Щербачевым, но не смогла его окончить. Вы его получите со следующей почтой. Пока же я приветствую всех от всего сердца (*франц.*).

[1] Письмо датируется по непосредственной связи его с письмом Таты к Огареву от 8 марта (о пожертвовании Г.Г. Устинова – см. автограф *РГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 455, л. 6; цитируется в "Лит. наследстве", т. 63, с. 453–455). Они, очевидно, были отправлены вместе.

[2] Это письмо Мейзенбуг неизвестно. См. ниже в письме Таты к Нат. Ал. Тучковой-Огаревой от 13–20 февраля о посещении их молодым Щербачевым.

[3] Это пожертвование в Общий фонд (100 фр.) было получено редакцией "Колокола" в первой половине ноября 1863 г. (о нем объявлено в л. 173 "Колокола" от 15 ноября, под № 3000 – XVII, 316).

[4] Герцен ответил дочери, очевидно, около 13 марта (письмо неизвестно). Одобряя ее дружбу с Е. Владимировой, он спрашивал, "кто Устиновы". В письме содержались также вопросы о получении "Колокола", "Трагедии за стаканом грока", а также о памятнике на могиле Н.А. Герцен (см. XXVII, 447, 919 и п. 32).

32

19 марта 1864 г.

№ 63.S.-Niccolo da Tolentino, Roma

Что это, вы, верно, не получаете письма. Ты, Папаша, спрашиваешь, кто Устиновы, я подробно все рассказала в письме к Натали[1]. M-me Устинова – молоденькая дама 20 лет, сестра Кати Володимеровой – муж ее тот самый У⟨стинов⟩, офицер, который был у вас в Лондоне. Он и она меня не очень интересуют, они только очень добры, балуют меня и очень вас уважают, до смешной степени; напр⟨имер⟩, У⟨стинов⟩ говорит жене: "На что же нам крестить Маню (дочь маленькая – 9 месяцев) – у Герцена тоже дочь некрещеная". Хорошее у меня было предчувствие – я знала, что подружусь с Катей – и в самом деле я вдвое счастливее теперь, мне так хорошо побывать опять между русскими.

Собой Катя нехороша, только свежая, и косы у нее великолепные, такие косы даже здесь бросаются в глаза, все смотрят, но она такая настоящая, простая, милая чисто русская молодая девушка, что я невольно ее полюбила.

(Какие ужасные чернила – писать нельзя.)

Вообще здесь много русских теперь, но не бойся, мы только маленькую часть из них знаем и не будем знакомиться. Вот, кроме Мамоновых и Кати, здесь мы знаем Капнистов – тот самый, который был у нас в Путнее, – он здесь с семейством, жена-старушка больная да две дочери – 18-ти и 15-ти лет[2]. Последняя еще очень дика, но с старшей мы в последнее время встречались – она очень мила собой, стройна, белокура, неправильное, но чрезвычайно милое и симпатичное лицо. Мамонова ее знает с детства и очень ее хвалит. Я только что воротилась с ними из Palais des Césars[3] – представь себе – вот была "компания". Нас было около 15-ти русских: 1) m-me Мамонова, 2) Катя Володимирова, 3) m-me Устинова, 4) m-r У⟨стинов⟩, 5) его брат, трус и, должно быть, меньше зеро[120*], четыре Капниста – это выходит 9. Остальных я не знаю, да сын Жуковского[4] здесь – да бог знает, кто еще. Толстые, тот, который писал "Князя Серебряного"[5], я только что прочла, – с ними Жемчужников, с седыми волосами и с взъерошенной бородой[6].

Но хожу я все только к Кате и Мамоновой. С Бринкманнами знакомство немножко поостыло – да оно никогда не было очень того – они милы, но неинтересны. Старшая, к тому же, теперь влюблена – обручилась она с человеком, которого только три месяца знает, т.е. видела его на вечерах, ей 17, а ему 36 лет. Когда мы первый раз ездили верхом, он ей предложил – она приняла – в октябре будет свадьба, это вроде Alice Milner-Gibson[7].

В занятиях у нас опять перемена. Так как Lehmann ничего не устраивал, мы попросили его хоть кого-нибудь рекомендовать, и рекомендовал он нам молодого итальянца Sig-r Varmutelli, здесь его все хвалят. Я буду ходить два раза к нему, а он раз ко мне в неделю, писать я буду с натуры, как только кончу копию, которая мне уж немножко надоела, – с нетерпением жду конца ее, особенно потому что Мальвида вперед радуется, как дитя, думает уже, где повесить, и т.д. Об "Колоколе" и маленькой трагедии я тебе, Папаша, уже писала, что очень досадно – ничего не полу-

[120*] нуля (*франц.* zéro).

чили[8] – ты пришли через Платенауера. А о памятнике я не виновата, ты мне только велел говорить с Далем – а он несколько дней после смерти сестры уехал – а с Сашей ты мне никогда не велел говорить[9]. Что делается теперь?

Планы твои с Антверпеном и Брюсселем, конечно, не очень приманчивы после первых, т.е. свидания в Италии[10] – но я хорошенько не понимаю, ты ведь не можешь переселиться в Брюссель с типографией – а если без типографии поедешь, так можешь и в Италию на год приехать – а то лето лучше бы в Wales провести, чем Брюсселе, там и Катя В⟨олодимирова⟩ будет. Это я шучу, но, в самом деле, мне кажется, что не стоит оставлять Англию для Брюсселя: город – маленький Париж, погода нехороша, сплетней очень много, хороших людей мало, кроме бедного Галле, никого нет, кажется[11].

[1] Это письмо неизвестно. В наст. письме Тата отвечает на неизвестное письмо Герцена, написанное около 13 марта (см. прим. 4 к п. 31).

[2] По этому свидетельству устанавливается факт посещения Герцена в Путнее, где Герцены жили с сентября 1856 по ноябрь 1858 г., декабристом гр. А.В. Капнистом. См. письма его сына гр. Д.А. Капниста от 29/17 марта 1864 г., У.Д. Капнист от 15/3 февраля и 26/14 мая 1865 г. к В.И. Герье (РГБ, ф. 70, 44, 110, л. 3–4 об.; ед. хр. 114, л. 5–9 об.).

[3] *Дворец Цезарей* – имеются в виду руины Палатинского холма.

[4] *Сын В.А. Жуковского* – Павел Васильевич, художник.

[5] Роман А.К. Толстого "Князь Серебряный" был опубликован в 1863 г.

[6] *Н.М. Жемчужников*, сотрудник "Современника", брат поэтов А. и В. Жемчужниковых, бывал у Герцена в Лондоне в июне 1860 и в июле 1862 г.

[7] С семьей английского государственного деятеля *Т. Мильнер-Гибсона* Герцен и его старшие дети поддерживали дружеские контакты еще в 1850-е годы. 20 июля 1861 г. Тата присутствовала на свадьбе его 16-летней дочери Алисы (см. XXVII, 161).

[8] Вероятно, в несохранившейся части п. 31 Тата сообщала, что л. 179 "Колокола" от 15 февраля и "Трагедия за стаканом грока" не получены. Ее раннюю редакцию Герцен читал Тате в Неаполе между 28 сентября и 12 октября 1863 г. После завершения рассказа 4 февраля он отправил его по почте из Лондона в Рим, на адрес сына, с посвящением Тате "в память ⟨...⟩ свиданья в Неаполе и просьбой известить о получении" (см. XVII, 260; XXVII, 425).

[9] См. п. 28. Возможно, что памятник на могиле Н.А. Герцен был заказан Л.В. Далю А.А. Герценом в конце марта (ср. XXVII, 436).

[10] О "новом плане" всем семейством "ехать в конце мая или начале июня" на год в Антверпен Герцен писал дочерям 18 февраля (см. XXVII, 429). Предположение о Брюсселе содержалось, по-видимому, в неизвестном письме, написанном около 13 марта (см. XXVII, 430, 447). 31 марта Герцен, отвечая Тате, просил: "Пиши и ты подробнее твои желания – верь, что я всё взвешу, в моей любви к вам нет ни эгоизма, ни властолюбия – хочется мне, чтоб наша маленькая колония собралась хоть на год времени, хочется, пожалуй, и отдохнуть... но всякому делу покорюсь" (XXVII, 451).

[11] Герцен ответил 31 марта (XXVII, 449–451).

33

⟨25 или 26 марта 1864 г.⟩[1]
N. 63. S.-Niccolo da Tolentino. Roma

"День в Риме в марте 1864 года"

Маленькая комната, мило убранная (для Рима), веселая, потому что, как только солнце выходит, оно светит в нее. Тата спит – но мало-помалу просыпается от шума карет и омнибусов, которые проезжают под окнами и весь дом трясут.

Т⟨а т а⟩ (*думает*). Неужели уже пора вставать, половина седьмого, поваляюсь еще немножко, потом встану. Что у меня сегодня – да, галерея – ну так. Катю, наверное, не увижу. Как бы это устроить – не зайти ли мне к ней до галереи – в самом деле, скорей оденусь (*вскакивает*) – ой, как больно! – ах, это глупое левое колено – вот скоро месяц с тех пор как натерла, а оно и не думает заживать – нарывает – и бандажи не держатся. Жеоржина, верно, спит еще – пора ей вставать. (*Входит в маленькую комнатку возле.*) Up, Georgina, do be a good girl. I must be off to the gallery, to be quick.

G⟨e o r g i n a⟩. Oh! Let me sleep. You only want to go to your dear Russians. I know and wish they were gone!

ТАТА И ОЛЬГА ГЕРЦЕН
Фотография С.Л. Левицкого. Париж, 1864
Институт русской литературы РАН, С.-Петербург

Т⟨а т а⟩. No, Gey, I know You will be a good girl – up!!![121*]

Т⟨а т а⟩. Кисти не вымыты, ах, досада какая, ну, нечего делать, надобно все в порядок привести.

Входит старушка-кухарка.

М а r i a n n a. Eh! Bella mia, già affeta – ma non dormite mai, perchè? Dormite, dormite, signorina, sino non sarete più bella fresca? Madonna mia, non ho mai, mai, mai visto nessuno che dormi tanto poco.

Т⟨а т а⟩. Shut-up, Marianna, non parlate tanto alto, dormano gli altri.

М⟨а r i a n n а⟩. Poveretti, lasciatele dormire – il sonno fa bene. Come sono belle tutti gli Inglesi, sono tutti rossi e bianchi come voi, nou sono come gli Romani, e brutti Romani tutti neri, neri – non mi piaciano punto; io non sono Romana – io sono di Albano, sono Albanesa.

[121*] Вставай, Жеоржина, будь хорошей девочкой. Мне надо в галерею, поторапливайся.

Ж⟨е о р ж и н а⟩. Ой! Дайте мне поспать, вам бы только ходить к своим дорогим русским, – я знаю, а по мне – так лучше б они уехали!

Т⟨а т а⟩. Ну, Джей, я знаю, ты будешь хорошей девочкой – вставай!!! (*англ.*)

Т⟨а т а⟩. Si, lo so, mi l'avuto già ditto – adesso andate presto a prendere gli ove et date la colazione.

М⟨а r.i а n n а⟩. Mo', mo', ci vado, ci vado[122*]... (*Уходит.*)

Т⟨а т а⟩. Готова, половина восьмого, – успею зайти, только завтрак бы поскорей подали (*за дверью слышится визг и царапанье*). Эх, Линда[2] как нетерпелива. Ну, иди, povera bestia, come stai? ecco, ecco – dove è Olga?[123*]

Собака, как бешеная, прыгает, пока ей не отворят дверь, которая ведет в М⟨альвидину⟩ и Ольгину комнату; как только отворят, с визгом бросается на Ольгину постель и исчезает под одеялом. Слышны поцелуи и ласки. Эта сцена повторяется ежедневно.

Мало-помалу все начинают беспокоиться, Мальвида спешит одеваться и торопит Ольгу, которая все лежит и собаку ласкает.

М а л ь в⟨и д а⟩. Komm, Oli, komm, mein Engelchen, du weisst, daβ junge Mädchen wird gleich kommen.

О l g a. Ja, Mali, gleich, du siehst es, fange schon an. Linda, dear, poveretta, quanto la è bella, siehe, Mali, wie schön ist es, aber sieh doch. Just come here, Tata, look at Linda – dear little thing[124*].

Т⟨а т а⟩ (*из той комнаты*). Yes, she is beautiful, I know, but be quick, else the girl will be here before You are up.

М⟨а l v i d a⟩. Ja, mein Kind, es ist wirklich Zeit, sei doch vernünftig, in drei Jahren wirst du ja ein erwachsenes Mädchen. Komm, mein Kind.

О l g a. Ja, gleich, Mali...[125*]

Между тем Тата и Georgina накрывают стол тут, в спальне, до сих пор так делалось, чтобы не топить столовой, – у них разговор идет шёпотом, чтобы не мешать *репетиции*, которая начинается.

М⟨а l w i d a⟩. Also komm, mein Kind, ziehe dich an und nimm mir die Hauptflusse von Deutschland.

О l g a. Ja, aber heute ist ja die Geschichtsstunde ganz gewiss.

М а l⟨w i d a⟩. So – nun gut dann – was habt ihr gehabt? Ja, ja, wer war oder wie heiss dieser Redner, der das griechische Volk so enthusiafizierte?

О l g a. Es war... es war... Linda, vieni quà, povera vecchia.

М а l⟨w i d a⟩. Nun, Olga...

G e o r g i n a (*mezza voce Tate*). You can be quick when You go to your Russians, I never!

Т⟨а т а⟩. Be quiet, Gey.

G⟨e o r g i n a⟩. Yes, I'll tell all to your Papa in the next letter. I schell write to him.

Т⟨а т а⟩. That letter You always mean to write would be very long, if You were to tell all You mean to say!

[122*] М а р и а н н а. Ну! Красавица моя, уже встали – да вы совсем не спите, почему? Спите, спите, барышня, а то не будет у вас больше ни красоты, ни свежести. Матерь божья, никогда, никогда, никогда не видала я людей, которые так мало спят.

Т⟨а т а⟩. Замолчите, Марианна, не говорите так громко, другие спят.

М⟨а р и а н н а⟩. Бедняжки, пусть спят. Сон полезен. До чего же красивы англичане – все румяные и белые, как вы, а не как римляне и грубые римлянки, все черные-черные – это мне совсем не нравится: я-то не римлянка – я родом из Альбано, я альбанка...

Т⟨а т а⟩. Да, вы уж мне это говорили, а теперь идите поскорее, возьмите яйца и приготовьте завтрак.

М⟨а р и а н н а⟩. Да, да, сейчас иду, иду... (*итал.* и *англ.*).

[123*] бедная зверушка, как поживаешь? Ну, вот, вот – а где же Ольга? (*итал.*)

[124*] Иди сюда, Оля, иди, мой ангелочек, ты знаешь, что барышня сейчас придет.

О л ь г а. Да, Мали, сейчас, ты видишь, я уже начинаю. Линда, дорогая, бедняжка, какая она красивая, посмотри, Мали, какая она красивая, да посмотри же. Поди же сюда, Тата, погляди на Линду – какая милая (*нем.*, *итал.*, *англ.*).

[125*] Да, она прелестна, я знаю, но поторапливайся, иначе барышня придет прежде, чем ты встанешь!

М⟨а л ь в и д а⟩. Да, дитя мое, уже, действительно, время, будь же благоразумна, через три года ты станешь уже взрослой девушкой. Иди же, дитя мое.

О л ь г а. Да, сейчас, Мали... (*англ.*, *нем.*)

G⟨e o r g i n a⟩. Take care, the day will come there now, everything is ready, sit down and eat.

T⟨a t a⟩. There goes the bell. Well, Olga, there is the girl and You are in bed[126*].

О л ь г а (*с испугом*). Mali, was soll ich tun, Mali, bitte, hielf mir.

M⟨a l w i d a⟩. Es ist deine eigene Schuld, mein Kind, ich habe es dir oft genug gesagt – nun also komm schnell – ask the young girl to wait a little, Georgina.

O l g a. Ach, nichts bereitet, mein Ei nicht geschlagen[127*] (*Она и М⟨альвида⟩ бьют себе яйца утром, делают гоголь-моголь*). Tata, schlag es mir, bitte, und thue recht viel Zitrone hinein, sehr viel, und viel Zucker. Mali, bitte, *buttere* mir Brot.

M a l⟨w i d a⟩. Ja, wir werden schon alles bereiten, sei du nur fertig.

T⟨a t a⟩. Und ich muss auch fort. Georgina, bring a little more meat for my sandwichs.

O⟨l g a⟩. Don't take all, leave me also some.

M⟨a l w i d a⟩. Fui, Olga!

O⟨l g a⟩. Aber, Mali, wenn ich es nicht sage, dann giebt Gey alles zu Tata.

T a t a. Ich nehm es ja zum lunch in die Gallery – ubrigens kann ich nicht alles nehmen, sei nur ruhig, es wird genug für alle sein. Gehe nur schnell zum Mädchen...[128*] (*Уходит в свою комнату, вмиг одевается и убегает – у двери стоит Gey.*)

G e y. Naughty Miss, you'll see if I won't write to your Papa and I'll tell him all.

T⟨a t a⟩. Yes, I know but, Gey, come and fetch me do. I don't like going alone – you'll have time.

G e y. No, no, I can't go, go away, run. What time does the close?

T⟨a t a⟩. *Three*[129*].

T⟨a т a⟩. Ну, бегом теперь – вверх, вниз, по Piazza Barberini, по грязному Tritone...

М о л о д о й и т а л ь я н е ц (*мимоходом*). Quanto e carina quella ragazza![130*]

T⟨a т a⟩ (*конечно, делает ⟨вид⟩, как будто бы не слышит, ускоряет шаг*). Несносные они какие, ну, ну – вот еще один идет (*мужчина, проходя, подглядывает под шляпой*: "Angello mio!"[131*]). Знала я, что заговорит, – ну, пускай их – надо ко все-

---

[126*] M⟨a л ь в и д а⟩. Так иди же сюда, дитя мое, оденься и назови мне главную реку Германии.

О л ь г а. Но сегодня же урок истории – совершенно точно.

М а л ь⟨в и д а⟩. Так – ну, хорошо, тогда – что у вас было? Да, да, кто был или как звали того оратора, который так воодушевлял греческий народ?

О л ь г а. Это был... Это был... Линда, иди сюда, бедная старушка.

М а л ь⟨в и д а⟩. Ну, Ольга...

Ж е о р ж и н а (mezza voce ⟨*вполголоса* (*итал.*)⟩ *Tate*). Вы можете поторапливаться, когда идете к своим русским, я же никогда!

T⟨a т a⟩. Успокойся, Джей.

Ж е о р ж и н а. Хорошо, я все расскажу вашему папаше в следующем письме, которое я ему напишу.

T⟨a т a⟩. Это письмо, которое ты вечно собираешься ему написать, видимо, будет очень длинным, если ты, действительно, напишешь все, о чем собираешься ему сообщить.

Ж⟨е о р ж и н а⟩. Берегитесь, такой день придет. А теперь все уже готово, садитесь и ешьте.

T⟨a т a⟩. Звонят. Ну, вот, Ольга, барышня пришла, а ты в постели (*нем., англ., итал.*).

[127*] Мали, что мне делать, Мали, пожалуйста, помоги мне.

M⟨a л ь в и д а⟩. Ты сама виновата, дитя мое, я тебе это достаточно часто говорила. – Ну, теперь иди скорей – попросите барышню подождать немного, Жеоржина.

O⟨л ь г а⟩. Ах, ничего не приготовлено, мое яйцо не взбито (*нем., англ.*).

[128*] Тата, взбей мне его, пожалуйста, и влей в него побольше лимонного ⟨сока⟩, очень много, и очень много сахара. Мали, пожалуйста, *намасли* мне хлеб.

М а л ь⟨в и д а⟩. Да, мы уж все приготовим, будь только ты готова.

T⟨a т a⟩. А мне тоже нужно бежать. Жеоржина, принеси мне еще немного мяса для сэндвичей.

O⟨л ь г а⟩. Все не бери, оставь и мне немножко.

M⟨a л ь в и д а⟩. Фи, Ольга!

O⟨л ь г а⟩. Но, Мали, если бы я этого не сказала, Джей отдала бы все Тате.

Т а т а. Я это беру к завтраку в галерею, – впрочем, я не могу все взять, будь спокойна, хватит для всех. Иди только скорее к барышне (*нем., англ.*).

[129*] Д ж е й. Скверная барышня, вот увидите, я еще напишу вашему папаше и все ему расскажу.

T⟨a т a⟩ Да, я знаю, ну, Джей, ты и за мной, пожалуйста, приди, я не люблю ходить одна – ты успеешь.

Д ж е й. Нет, нет, я не смогу. Идите же скорее, бегите. Во сколько закрывается галерея?

T⟨a т a⟩. *В три* (*англ.*).

[130*] Как мила эта девушка! (*итал.*)

[131*] "Ангел мой!" (*итал.*)

му привыкать – они ведь не пристают, когда видят, что серьезно проходишь. Вот фонтан Треви – сейчас будет Corso. (*Входит во двор Palazzo Sciarra, звонит.*) Верно, мой старый англичанин тут.

Швейцарский лакей отворяет дверь: "Guten Morgen, Fräulein"[132*].

Т⟨а т а⟩. Guten Morgen. Какой наглый вид у него, ужасное лицо (*входит в галерею*). Ну, так и есть, старик уже тут. Кто придет еще сегодня? Надеюсь, старая дама, а то так неловко мне будет, учитель придет, а тут все мужчины. Отчего старик никогда не здоровается, делает ⟨вид⟩, как будто меня не замечает. (*Ставит картину на мольберт.*) Ах, как нехорошо, а Varmutelli был доволен – и М⟨альвида⟩ тоже. Не понимаю, или у них глаза нехороши, или я вглядываюсь в оригинал. (*Начинает работать.*) У меня вышло все так деревянно – драпировка недурна и в цвет я сейчас попала, но тело, руки, шея. Ну, руки и в оригинале нехороши. (*Англик нагибается и своей огромной палитрой покрывает всю картину.*) Ну, если к этому он мне будет закрывать картину, что я буду делать, без того плохо видно под стеклом. Что же это он так стоит? (*Покашливает.*) Не помогает – сейчас скажу ему – нет, совестно (*шумит палочкой по мольберту*), непременно скажу... не могу. Ну, наконец-то отошел.

А н г л и к (*вдруг оборачивается и снимает очки*). That line is not right. You understand English, I know[133*].

Т⟨а т а⟩ (*сконфуженно*). Yes, I do a little[134*]. Откуда это он узнал, что знаю по-английски?!

Старик опять надевает очки и прилежно работает. Молчание. Вдруг он опять снимает очки и оборачивается.

С т⟨а р и к⟩. Do You read Shakespeare?

Т⟨а т а⟩. Yes, I do sometimes[135*]. Какой странный вопрос...

Старик ситирует что-то, потом поспешно надевает очки и принимается за работу.

Т⟨а т а⟩. Ничего не поняла – к чему он очки все снимает.

Та же комедия.

А н г л и ч⟨а н и н⟩. You must know that I am a Reformer, yes, yes, and have wandered a good deal about the world, I'we⟨?⟩ been to America for many years, yes, yes, and preached those people, those Savages, how they ought to leave off their smoking, chewing and spiting – and all about Europe I have been but never been understood, never! They always looked upon me as fool...[136*]

Т⟨а т а⟩ (*про себя*). Да ты, кажется, в самом деле не совсем в порядке.

А н г⟨л и ч а н и н⟩. You must also know that I never touch wine and never smoke[137*] (*Бормочет вполголоса что-то о "humanity" and "civilisation"*[138*].)

Т⟨а т а⟩ (*про себя*). Чтó мне ему отвечать или молчать? Лучше молчать – не хочу начинать разговаривать, а то помешает мне работать.

Через несколько минут:

А н г⟨л и ч а н и н⟩. Have You read *Don Quixot*?[139*]

Т⟨а т а⟩. Что мне ему сказать – я не читала, но знаю, что такое примерно. – Yes, I have[140*].

[132*] "Доброе утро, барышня" (*нем.*).

[133*] Эта линия неверна. Вы ведь понимаете по-английски, я знаю (*англ.*).

[134*] Да, немного (*англ.*).

[135*] Вы Шекспира читаете?

Т⟨а т а⟩. Да, иногда (*англ.*).

[136*] Вам следует знать, что я Реформатор – да, да – и я много странствовал по свету; много лет я пробыл в Америке – да, да – и проповедовал тамошним людям, этим дикарям, чтоб они бросили курить, жевать табак и сплевывать, и по всей Европе я ездил, но никогда меня не понимали, никогда! Они всегда смотрели на меня, как на безумца... (*англ.*).

[137*] Да будет вам известно также, что я никогда не прикасался к вину и никогда не курил (*англ.*).

[138*] "гуманности" и "цивилизации" (*англ.*).

[139*] Вы читали "Дон-Кихота"? (*англ.*)

[140*] Да, читала (*англ.*).

А н г⟨л и ч а н и н⟩: Well, fancy I have been called "Don Quixot"[141*]. I, I (*с амфазой*[142*]) and by a wife!![143*]

Т⟨а т а⟩ (*про себя*): Какой чудак, он в самом деле сумасшедший. Кто он такой? Может быть, жизнь его очень интересна. – Может быть, у него молодость была несчастная. – Бог знает. Во всяком случае, замечание жен⟨щин⟩ы довольно верное: он напоминает Don-Quixot'a.

Дверь отворяется, входят двое итальянцев, которые копируют "Cupunara" Рафаэля. Один из них, белокурый, отпускает бакенбарды à l'anglaise[144*], и вообще в манерах и одежде видно, что цель его быть как можно больше похожим на англичанина.

Т⟨а т а⟩. Ну, они не очень прилежны. Теперь уже 12-ый час. Но что же дама не идет?

Англич⟨анин⟩ кладет кисти и палитру в угол, берет огромную бархатную шаль и выходит большими, мерными, торжественными шагами. Итальянцы смеются над ним. Входит толстенькая старушка и сразу начинает болтать, с ужасной быстротой, с италианцами.

⟨Т а т а⟩. А вот пришла старушка – теперь пусть приходит Varmutelli.

Как голодна и ноги устали, но делать нечего, надобно простоять до пушечного выстрела.

Входит Varmutelli.

V⟨a r m u t e l l i⟩. Bonjour, mad⟨emoiselle⟩.

Т⟨а т а⟩. Bonjour, m⟨onsieu⟩r V⟨armutelli⟩. Ça avance lentement?

M-r V⟨a r m u t e l l i⟩. Non, non, ça va bien, *va bene*, seulement courage plus décidé[145*].

Т⟨а т а⟩ (*про себя*). Ну, он, верно, пальцем что-нибудь сотрет...

V⟨a r m u t e l l i⟩. Cet œil est trop forcé, il faut du noir[146*]. (*Стирает пальцем глаза*) Comme ça, va mieux!

Т⟨а т а⟩. Qui, m⟨onsieu⟩r[147*]. Черт возьми – досадно, все утро я работала над этим глазом, а теперь он мне в миг все стер! Разве не лучше показать карандашом или кистью?

V⟨a r m u t e l l i⟩. Je vous gâte tout, je suis méchant, trop sévère?

Т⟨а т а⟩. Du tout, m⟨onsieu⟩r, il faut être sévère, autrement l'élève ne peut pas faire le progrès. Soyez bien sévère avec moi, surtout pour le dessin, je vous en prie.

V⟨a r m u t e l l i⟩. Qui fait ça?[148*] (*показывает на картину анг⟨личанина⟩*).

Т⟨а т а⟩. Le même vieillard anglais – ce n'est pas une bonne manière de commencer, n'est-ce pas, m⟨onsieu⟩r?

V⟨a r m u t e l l i⟩. Affreux, horrible.

Т⟨а т а⟩. Il a un drôle de système, il n'emploie que trois couleurs – vermillion, bleu et blanc, que pent-on faire avec cela?

V⟨a r m u t e l l i⟩. Et puis le dessein.

Т⟨a t a⟩. Le voilá[149*].

141* Да, представьте себе, меня называли Дон-Кихотом. Меня, меня! (*англ.*)

142* напыщенно (от *франц.* emphase).

143* и кто – жена! (*англ.*)

144* на английский манер (*франц.*).

145* В⟨а р м у т е л л и⟩. Добрый день, бар⟨ышня⟩.

Т⟨а т а⟩: Добрый день, г-н Вармутелли. Что, медленно идет дело? (*франц.*)

Г-н В⟨армутелли⟩. Нет, нет, идет хорошо, идет отлично, только надо посмелее, больше решительности (*франц., итал.*).

146* В⟨а р м у т е л л и⟩. Этот глаз слишком зарисован, надо добавить черного (*франц.*).

147* Вот так, так будет лучше!

Т⟨а т а⟩. Да, сударь (*франц.*).

148* В⟨а р м у т е л л и⟩: Я вам все порчу, я злой, слишком строгий?

Т⟨а т а⟩. Нисколько, сударь, надо быть строгим, иначе ученик не может делать успехи. Будьте со мной строги, особенно в рисунке, прошу вас.

В⟨а р м у т е л л и⟩. Кто делает это? (*франц.*)

149* Т⟨а т а⟩. Тот же старый англичанин. Плохое начало, не правда ли, с⟨уда⟩рь?

В⟨а р м у т е л л и⟩. Ужасно, отвратительно.

Т⟨а т а⟩. У него странная система, он использует только три цвета – киноварь, синьку и белила, что с этим можно сделать?

В⟨а р м у т е л л и⟩. И потом рисунок.

Т⟨а т а⟩. Вот он (*франц.*).

Англичанин возвращается.

V⟨a r m u t e l l i⟩. Prenez de la "terre verte" beaucoup plus, mettez en dans toutes les ombres[150*].

Тата улыбается.

Vous riez, oui, je suis grand ami de la "terre verte", c'est une magnifique couleur pour les demie-teintes. Je vous écrirai "terre verte" en grandes lettres sur le chevalet. Elle sera finie, "votre belle", en deux ou trois jours.

T⟨a t a⟩. Je travaille si lentement, m⟨onsieu⟩r – et puis, je dois céder place à quelqu'un d'autre maintenant, le directeur m'a dit que je devrais faire une pause de 14–15 jours.

V⟨a r m u t e l l i⟩. C'est très désagréable.

T⟨a t a⟩. A vrai dire, je suis contente, m⟨onsieu⟩r, parce que je suis fatiguéle de ma "Belle", une pause me sera très agréable, au contraire[151*].

А теперь поздравляю тебя, милый Папаша, и крепко тебя целую. Дарю тебе мою несчастную "Красавицу"[3] и если хочешь, пришлю продолжение "Дня" в следующем письме, нынче не успею больше написать. Проведи рождение весело. Мы будем, конечно, думать о вас, я постараюсь быть как можно веселее. Но это день, назначенный для Катиного отъезда[4]. Может быть, их погода задержит, надеюсь! Все последнее время была очень нехорошая погода – холод, дождь, ветер непристанные.

Всех целую.

Твоя Т а т а

Хотелось ⟨бы⟩ видеть знакомых, которые будут у вас в этот день[5].

[1] Письмо с поздравлениями Герцену (ко дню рождения 6 апреля) писалось, очевидно, в последнюю субботу марта или накануне (суббота – "день почты"); обещая прислать продолжение описания своего "Дня" в следующем письме, Тата объясняет, что "нынче" не успеет "больше написать". 7 апреля Герцен отвечал: «Сейчас получили твой рассказ вашего дня – от души мы смеялись – он очень мил и забавен. Ты будешь писать des pièces de théâtre ⟨театральные пьесы (*франц.*)⟩ с illustrations à la "Punch" ⟨с иллюстрациями на манер "Punch'a"» (*франц.*)⟩ (XXVII, 453). Продолжение "Дня" было написано в последние дни марта, после 27.

[2] *Линда* – кличка Ольгиной собаки.

[3] Тата послала отцу в подарок выполненную ею копию с картины Тициана "La bella" ("Красавица").

[4] Е. Владимирова с братом намеревались 6 апреля отправиться в Англию, но, очевидно, задержались. В первые дни мая они посетили Теддингтон на пути в Уэльс, но Герцена не застали.

[5] Герцен ответил 6–7 апреля (XXVII, 452–453).

34

⟨После 27⟩ марта 1864. Рим[1]

Продолжение "Дня"

Слышен пушечный выстрел и звон всех колоколов – все бросают работу, учитель прощается. Тата остается одна.

Т ⟨ а т а ⟩ (*про себя*). Вот рада я, уж как устали ноги (*садится, вынимает из кармана "sandwich"*[152*] *и ест. Через несколько минут подходит к окну*).

На противоположной стороне большой кафе "Шиарра" – разные озабоченные лица входят и выходят – у двери останавливаются франты, разговаривают, курят, хохочут, тросточкой играют, смотря в стекло дверей, поправляют шляпу и волосы, кто больше направо наденет, кто налево, а кто *на лоб* по чистой итальянской моде.

[150*] V⟨a r m u t e l l i⟩. Возьмите "зеленой земли" намного больше, наложите ее на все тени (*франц.*).

[151*] Вы смеетесь, да, я большой любитель "зеленой земли", это великолепный цвет для полутеней. Я вам напишу "зеленая земля" большими буквами на мольберте. Она будет окончена, ваша "Красавица", в два-три дня.

T⟨a t a⟩. Я работаю так медленно, с⟨удар⟩ь, и к тому же теперь должна уступить место кому-то другому; директор сказал мне, что я должна сделать перерыв на 14–15 дней.

V⟨a r m u t e l l i⟩. Это очень неприятно.

T⟨a t a⟩. По правде говоря, я довольна, сударь, потому что я устала от моей "Красавицы", перерыв мне будет, наоборот, очень приятен (*франц.*).

[152*] "бутерброд" (*англ.*).

ДОМЕНИКО БОНФАНТИ,
СОЛДАТ НАПОЛЕОНОВСКОЙ АРМИИ

Рисунок Таты Герцен (карандаш, уголь). Флоренция, март 1863 г. На обороте надпись ее же рукой: "Доменико Бонфанти. Возраст 80 лет. Солдат Наполеона I. Наталья Герцен. Март 1863"

Музей Герцена, Москва

Стена у кафе покрыта афишками: во-первых, пьесы, которые нынче будут во всех театрах, отъезды дилижансов, где находится самое лучшее дешевое вино, пятьдесят скуд награды – потерянный лорнет (должно быть с бриллиантами). Но в этот день одна огромная зеленая афишка привлекала все взгляды, она бросилась Т⟨ате⟩ в глаза, как только она подошла к окну.

Т ⟨ а т а ⟩: Что это, неужели старый знакомый – Grande ripresentazione[153*] ... и т.д. Sig⟨no⟩r Blondin![2] Вот куда он заехал. Все останавливаются, смотрят – о, здесь он свое дело сделает!..

А по улице проезжают коляски, полные туристами, в искомканных платьях и шляпах с красным "Murray"[154*] и биноклем через плечо... Старик возвращается.

Т ⟨ а т а ⟩. Хотелось бы мне знать, слыхал ли о Папаше, о "Колоколе" – сяду в уголок, стану читать "Колокол", он, верно, обернется и спросит, что такое... (*Садится и читает, но англичанин с свежей энергией берется за работу, еще больше расставляет ноги, еще больше и чаще подходит к оригиналу, не замечает ни Тату, ни "Колокол", не спрашивает, что это такое, и так Т⟨ата⟩, ничего не узнавши, должна опять приняться за работу.*)

Мало-помалу возвращаются "копиисты" и по-прежнему хохочут и болтают. Т⟨ата⟩ и а⟨нгличанин⟩ работают молча – в два является лакей, вымытый, причесаный и в другой ливрее. Зная, что в это время приходит солнце, он должен опустить сторы, после чего каждый раз анг⟨личанин⟩ с удивлением оборачивается и бормочет что-то. Швейцарский лакей нагло улыбается и подходит ко мне.

Л а к е й. Der wird bin fertig, der da...[155*]

(*Т⟨ата⟩ молчит.*)

Der scheint mir nicht recht klug zu sein, ja, ja![156*]

Т ⟨ а т а ⟩ (*про себя*). Как ему не совестно, ну если старик понимает, однако нет – он так усердно работает, что ничего не слышит.

Л а к е й. Werden Sie noch lange *schaffen*?

Т ⟨ а т а ⟩. Ich weiss nicht, noch einige Tage[157*].

Л а к е й. Die Fürstin geht bald fort und...[158*] (*Слышен звонок, он убегает.*)

* * *

153* Большое представление (*итал.*).

154* "Плюмажем" (*англ.*).

155* Этот вот-вот будет готов, этот здесь... (*нем.*).

156* Этот кажется мне не совсем в своем уме, да, да! (*нем.*)

157* Долго еще будете вы *творить*?

Т ⟨ а т а ⟩. Не знаю, еще несколько дней (*нем.*).

158* Княгиня сейчас выйдет и... (*нем.*).

(Маленькая сценка для Натали, я ей расскажу при свидании.)

Т ⟨ а т а ⟩. Мне этот человек ужасно противен...

А н г ⟨ л и ч а н и н ⟩ (*вдруг снимает очки и оборачивается*). J'admire Your courage. Oh yes! But I am sorry to see such talent and perseverance wasted with such a palet – what colours have You got, colours fit to paint the chesty floor[159*].

Т ⟨ а т а ⟩ (*удивленно*). Why?[160*]

А н ⟨ г л и ч а н и н ⟩. Look at my palet. I make no secret of it, look, see. I use the very colours that Titian used – yes. I have studied him these twenty years... tell me now really and sincerely, don't You laugh at my way of painting?[161*]

Т ⟨ а т а ⟩ (*смущенная*). No, not at all, why should I? No one can judge before the work is finished[162*].

А н г ⟨ л и ч а н и н ⟩. You must, you must having such a palet yourself[163*].

(*Опять поспешно принимается за работу.*)

Т ⟨ а т а ⟩. Не работается больше, пользы больше бы было, если б я пораньше возвращалась и что-нибудь другое дома делала – только что́ подумает Мальв⟨ида⟩ и директор галереи, пожалуй, не будет доволен хотя я, в сущности, больше работаю, чем эти болтуны.

Слышна музыка вдали.

Т ⟨ а т а ⟩ (*про себя*). Французские солдаты пройдут сейчас под стенами. (*Музыка почти под окном.*) Мне выглянуть или нет? Конечно, ничего интересного нет, но это будет маленький отдых. Нет, каждый раз, когда проходят солдаты, я вспоминаю, что женщин упрекают в том, что они любят мундиры; это меня останавливает, да, пожалуй, англик мой какое-нибудь замечание сделает – не пойду. (*Музыка проходит.*) Теперь они уже далеко, он не может подумать, что я хочу только смотреть на мундиры, – отдохну (*подходит опять к окну*). Сцена с утра переменилась, озабоченные лица исчезли, на улице ужасная пестрота, наряды, шляпки, перья, платья с шлейфами, которые подымаются, тащатся по всевозможным визитам. Группа франтов умножилась, и проходу нет от богатых колясок, разных "princip'ов и principess[164*].

Т ⟨ а т а ⟩ (*про себя*). Как наряжаются, друг другу кланяются, – препустой народ! Они бы целый день готовы таскаться по улицам – да наряды!!!.. Но ведь и мне приятнее было бы получше одеваться – но не для того, чтобы расхаживать по Corso, – мне всегда неприятно выходить отсюда в три часа: именно когда нарядные ходят, я всегда запачканная, в рабочем платье – неприятно – особенно когда одна, и знакомых встречаю – не все ведь знают, что я только что из галереи. (*Краснеет и как будто для того, чтоб от самой себя скрыть, смотрит на часы.*)

Ну, слава Богу, уже три, все ушли, кроме англика, – он дольше остается. (*Убирает.*) Вот хорошая выдумка (*подымает крышку черного ящика красок, употребляет его как зеркало – и оправляет волосы и шляпку*). Надобно бы новую шляпку – да платье, пальто: если на то пошло – все старо, а денег нет – фу, стыдно столько думать об одежде (*выходит в сени, лакеи кланяются*).

Т ⟨ а т а ⟩ уходит.

Т ⟨ а т а ⟩. Хорошо, что мне мало приходится идти по Corso. Сейчас поверну направо. Меня дома, верно, ждет записочка от Кати. Она, верно, просит опять, чтобы

159* Я восхищен вашим мужеством, о, да! Но мне досадно видеть, что такой талант и упорство пропадают зря, потому что вы пользуетесь такой палитрой – ну, что у вас за краски, такими красками можно только пыльный пол покрывать (*франц.* и *англ.*).

160* Почему? (*англ.*)

161* Посмотрите на мою палитру. Я ничего не скрываю, смотрите, глядите. Я пользуюсь такими же красками, какими пользовался Тициан, – да! Я двадцать последних лет изучал его... ну, скажите мне теперь честно и искренне, не смеетесь ли вы над моей манерой письма? (*англ.*)

162* Нет, нисколько, с чего бы мне? Нельзя судить о работе, когда она еще не закончена (*англ.*).

163* Вы должны, вы должны пользоваться сами такой же палитрой... (*англ.*)

164* князей и княгинь (*итал.*).

я у них обедала, но нет, это будет, в самом деле, слишком много. Пойду к ним вечером, а то ведь и Мальвида совсем из терпения выйдет – я иногда удивляюсь ее снисходительности – вот уж я не могу жаловаться, что свободы нет... Какой сегодня день? – День "Villa Pamfila Doria" – наверно встречу Волод⟨имировых⟩ – ах, как приятно, именно час. Ну, так и есть – как это я отгадала? Вон эта коляска, да и кучер – кучер уж узнал – для чего же я так краснею, ни на что не похоже, сама чувствую. (*Большая четырехместная коляска проезжает, в ней сидит один В⟨олодимиров⟩, видит Т⟨ату⟩, кланяется, проезжает.*) А покраснела я оттого, что одна и в рабочем платье, и мне кажется все, что самому В⟨олодимирову⟩ как-то неловко и неприятно раскланиваться со мной. Он всегда одет таким франтом – как-то поневоле думаешь об одежде, когда кругом все наряжаются. Не моя вина. Ах, m-me Мамонова! (*М-те М⟨амонова⟩ выбегает из двери, подходит к Т⟨ате⟩ и говорит с ужасной скороговоркой*): Ах, Тата, Наташа, милая моя, как я рада вас видеть, мы вас так редко видим теперь.

Т ⟨ а т а ⟩. Извините, пожалуйста, но я в последнее время...

M-me М ⟨ а м о н о в а ⟩. Знаю, знаю, душенька, у вас молодые знакомые, я для вас рада, забавляйтесь, но так иногда, когда вздумается, заходите к нам, вы нам доставите этим такое удовольствие, так вечером иногда, когда Эммануил (m-r М⟨амонов⟩) дома. Que fait la chère petite Olga? Et m-lle M⟨eysenbug⟩ ... ⟨2 *нрзб.*⟩ de conseilles de votre père rien sur la Pologne, la Russie[165*].

[1] Датируется по соотношению с началом "Дня", отправленным Герцену, очевидно, 26 марта (см. пред. письмо). Настоящее письмо, видимо, сохранилось не полностью (послано было вместе с письмом Таты к Тучковой-Огаревой от 21 мая – см. ниже в настоящей книге).

[2] *Ш. Блонден* – французский эквилибрист-канатоходец, прославился в 1850-е годы как "герой Ниагары" (во время гастролей в Америке не раз переходил по канату через Ниагарский водопад).

35

⟨Рим. Около 26 апреля 1864 г.⟩[1]

Милый Папаша!

Кончила я теперь голову молодого Carminillo[2], которую писала для Кати. Я думаю, тебя обрадует слышать, что я в этот раз в самом деле сама чувствую, что сделала успехи. Работа опять не тонка, это моя слабая сторона, не могу слишком долго над одной вещью работать, когда стараюсь потоньше обделать, то теряю характер. S-r Varmutelli утешает тем, что главное – совсем не отделка кисти, а рисунок, главные массы света, теней и колорит. Колорит этой последней головы немножко бел, но это ничего, потому что я очень наклонна все делать темнее, поэтому sig. Varmutelli мне задал трудную задачу, т.е. написать эту голову на почти белом фонде[166*]. Во всяком случае, если сама голова не всем будет нравиться, я знаю, что, работая над ней, я сделала много успехов. Прежде чем я ее начала, она была уже посвящена Кате – я ей обещала ее. Уезжая, она мне подарила кольцо, а я ей обещала прислать голову, как только кончу. Я теперь дразню этим Мальвиду, та не хочет расставаться с ней и говорит: "Und Катя bekommt Sie nicht so sicher wie zwei Mal zwei vier ist!"[167*] Мне ужасно досадно, что не училась у Varmutelli всю зиму, но что делать, не так легко найти, где раки зимуют! Он уже через две недели едет в Париж, где только что очень выгодно продал свою картину "Une intrigue à Venise"[168*3] кн. Mathilde[4]. Поэтому мне план Флоренции очень нравится[5], там, по крайней мере, m-lle Volkmar и, главное, Усси, который после запонок, наверное, с охотою будет заниматься мной, но Мальвида совсем на это не согласна, ей не хочется раньше прекратить Ольгины уроки, не стоит, говорит она, переезжать на несколько неделей, время это будет для

[165*] Что поделывает милая маленькая Ольга? И м-ль М⟨ейзенбуг⟩... ⟨2 *нрзб.*⟩ советов вашего отца, ничего о Польше, о России (*франц.*).

[166*] фоне (*франц.* fond).

[167*] "И Катя не получит ее, это так же точно, как дважды два – четыре!" (*нем.*)

[168*] "Интрижка в Венеции" (*франц.*).

Ольги совсем потеряно. Между тем и Саше очень хочется, чтобы мы приехали. Мамоновы скоро едут туда. Что ты думаешь, Папаша, нельзя ли бы мне с ними съездить туда, они очень просят, поживу я там с ними или с Сашей возле m-lle Gairrà, пока ты решишь, что делать. М⟨альвида⟩ за мной заедет на возвратном пути. Конечно, я буду там заниматься и познакомлюсь с Муравьевыми, которых Саша очень хвалит. Пожалуйста, отвечай by return of post[169*], если согласен[6].

Вчера мы получили кучу "Колоколов" via Russel, но маленькой трагедии нет[7].

Всех целую.

Ваша Тата Г.

Передай записочку Кате – они будут у вас на днях[8].

[1] Ответ на письмо Герцена от 20 апреля (XXVII, 462–463). Почта из Лондона до Рима шла около шести дней.

[2] Этот портрет до нас не дошел.

[3] Местонахождение этой картины неизвестно.

[4] Принцесса *Матильда* – племянница Наполеона I, дочь короля Голландии, двоюродная сестра Наполеона III, жена известного русского богача кн. П.Н. Демидова. Коллекционировала картины и другие произведения искусства. До женитьбы Наполеона III возглавляла его двор.

[5] 20 апреля Герцен писал Тате и Мейзенбуг о большом общественном резонансе торжественной встречи у него Гарибальди и Маццини 17 апреля. Этот "шум", предполагал он, вероятно, помешает его поездке в Бельгию и предполагавшемуся переселению туда семьи (см. XXVII, 442–443, 453; п. 32). В связи с этим он добавлял: "Пора вам ехать в Флоренцию и ждать финальной резолюции" (XXVII, 463).

[6] 6 мая Герцен отвечал: "Мне очень жаль, но я не могу согласиться на твою поездку во Флоренцию. Если хочешь видеть Сашу – он может приехать или после 29 вы можете там пробыть две недели ⟨...⟩ Нельзя ⟨...⟩ вечно исполнять все свои желания. Жизнь исполнена лишений. Я рад, что мог тебе доставить эти полтора года. Теперь зову тебя домой" (XXVII, 469). А.А. Герцен приехал в конце мая в Рим, чтобы организовать поездку сестер в Англию.

[7] Через *Росселя*, знакомого Платенауэра в Риме, очевидно, была вторично послана Тате "Трагедия за стаканом грока" (см. п. 32).

[8] Герцен ответил 6 мая (XXVII, 469).

36

Воскресенье. 19-ого июня 1864 г.
Sion. Suisse

Вот как здесь смеются над людьми, еще stoppage[170*] – в Como, нас задержали Кашперовы[1], в Luino на Lago Maggiore мы остались лишние сутки от погоды, ужасный дождь. Саша поехал вперед в Арону, чтобы взять места в дилижансе. Ночью погода вдруг переменилась, сделалось ясно, чудесно так, что переезд был просто himmlisch, göttisch[171*].

Приплыли мы к Isola Bella в одиннадцатом часу утра, встретились с Сашей, остались целый день там, чтобы осмотреть острова – главное все-таки виды, на Isola Bella дворец слишком велик – в Isola Madre – сад славный, в нем нельзя гулять без гида. Это очень скучно – но виды везде превосходны. Так как дилижансы были уже все полны, нам пришлось опять же остаться день ⟨в⟩ Ароне – погода отличилась, Италия хотела оставить нам веселое воспоминание о разлуке. Катались мы по озеру – видели старый замок графов Boromes – огромную бронзовую статую свят⟨ого⟩ Карла Боромса – гуляли, а в половине первого ночью мы сели в дилижанс – и сидели до десяти часов вечера следующего дня, сейчас же легли, встали сегодня в 4, чтобы отправиться с первым поездом в Женеву. Поезд отправляется в 5 – мы были на станции в 5 без двух минут, поезд еще тут стоял, а нас не пустили – говоря, по закону запрещено пускать после пяти минут до отъезда поезда. Сколько Саша ни сердился и ни бранил их, нас все-таки не пустили, и вот мы сидим да ждем 11-ти часов – и полуспим от усталости.

169* с обратной почтой (*англ.*).

170* остановка (*англ.*).

171* небесный, божественный (*нем.*).

Поэтому прощайте, крепко вас всех целую. До свиданья – когда? Chi lo sa[172*] – но скоро.

Твоя Т а т а

19-го

Рукой А.А. Герцена:

Мы в Sion (Wallis) после великолепного переезда через Симплон. Вследствие ужасной бури мы потеряли двое суток, но зато потом было прелестно. Но зато мы остались с билетами, но без копейки денег – в Женеве они переночуют и завтра – 20-го – вечером поедут в Париж, где будут 21-го утром. Так кончается мое курьерство[173*] – уж там они тебе сами напишут, как и когда приедут – я думаю, они могут быть в Лондоне 23-го[2].

Из Женевы напишу всем прочим.

С а ш а

Женева. 20-го

Вчера вечером приехали, деньги получили. Сегодня они едут в Париж.

Переезд из Havre в Southampton *12 часов*. Это так нелепо, что они поедут в Дувр.

С а ш а

[1] Старшие дочери Герцена выехали с Мейзенбуг из Рима в Англию через Швейцарию около 12 июня (до Женевы их сопровождал А.А. Герцен). В Комо они гостили в семье В.Н. и А.Н. Кашперовых.

[2] Тата, Ольга и Мейзенбуг приехали к Герцену в Борнемут 24 июня (XXVII, 485). Находились в Англии до 25 октября.

37

36. Via del Corso, III p⟨iano⟩. Roma.

7-ого ноября 1864

Вот мы опять в Риме[1]. Бог знает почему, я нынче не так радовалась возвращаться, как в прошлые раза. Насчет занятий еще ничего не устроено, а квартеру мы нашли дешевле, чем ожидали. 35 скуди в месяц – на Corso, третий этаж. Но мы, в самом деле, счастливы; до твоего письма к Саше мы еще колебались, ехать ли нам сухим путем или морем, но, получивши письмо[2], мы решились ехать в пятницу с пароходом, пошли за билетами, – говорят, все пароходы опоздали; должно быть, по непогоде; пришлось отложить до субботы; в субботу мы услышали, что часть железной дороги между Livorno и Civita Vecchia оборвалась – к счастью, когда никакого поезда не было, но все путешественники должны были вернуться. К морю я, кажется, привыкла, я не была больна, несмотря на то, что море не было очень тихо, Ольга страдала. Но, к счастью, мы не были на море нынче ночью, была такая буря, молния, такой гром; я ничего подобного не слыхивала с тех пор, как Трюбнер со страху присел в Парк Гаузе.

Прощай, посылаю, не оканчивая, чтобы вы не беспокоились.

Всех целую, Тхор⟨жевскому⟩ кланяюсь.

Ваша Т а т а

Твое письмо получили[3], на днях буду писать Огареву[4].

[1] Тата, Ольга и Мейзенбуг вновь уехали из Лондона в Италию 25 октября (см. XXVII, 515, 518). В Ливорно 3 ноября их встречал А.А. Герцен (см. совместное письмо Таты и его к Огареву от 3 ноября – *РГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 455, л. 7–8об.). 5 ноября он отправил их в Рим (куда они прибыли 6 ноября), а сам вернулся во Флоренцию.

[2] Это письмо Герцена, посланное в Ливорно, неизвестно (см. о нем в XXVII, 517, 921, № 217, с отнесением к "концу октября"). Оно написано Герценом около 31 октября и получено старшими детьми 3 или 4 ноября (приходилось на пятницу).

[172*] Кто знает? (*итал.*)

[173*] опекунство (от *лат.* curatura).

[3] Письмо Герцена от 1 ноября (XXVII, 518–519, с датой "2 nov⟨embre⟩, проставленной на следующий день, перед отправкой – см. *ЛЖГ* IV, 45). В нем Герцен выражал, в частности, обеспокоенность состоянием здоровья Огарева.

[4] Это письмо Таты к Огареву, исполненное "истинной любви" и "искреннего участия", неизвестно (см. о нем в п. 38, а также в XXVII, 530). См. ответ Огарева от 26 ноября в книге 1-й наст. тома. До нас дошло ее следующее письмо (начатое 28 ноября). В нем она 30 ноября писала: "Вчера мы получили письмо из Парижа от Папаши ⟨от 24 ноября – XXVII, 530–531⟩. Я с радостью услышала, что твое здоровье поправляется. Смотри же за собой" (*РГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 455, л. 12).

Ответ Герцена, посланный около 17 ноября, неизвестен. См. о нем XXVII, 523, 526, 922 (№ 220, с отнесением ко "второй половине ноября") и п. 38.

38

28-го ноября 1864.

№ 38 № 36. Corso. Roma, III° piano

Ты уже знаешь, милый Папаша, что мои занятия начались хорошо[1]. Леманн сделал для меня исключение и принял в свой ателье, хотя класс не начнется до декабря или до тех пор, пока он не соберет, по крайней мере, семь, восемь учениц. Покуда я одна, я буду работать с гипса, теперь рисую черным карандашом dénudé[174*]. Начинаю работать с 9–12, в первом часу возвращаюсь домой, так как все так близко, завтракаю и опять отправляюсь в ателье до 1/2 4-го или 4. Тут мы гуляем до обеда, т.е. до начала шестого.

Этим образом вечера очень длинные, я учу Ольгу, читаю одна после 9-ти, когда Ольга уложена. Я читаю громко "Charles V"[2]... по временам только приходят Грегоровиус, Линдеманн и сыновья Швабе – они здесь на короткое время.

Письма твои и весть о здоровии Огарева меня очень огорчают, не понимаю его упрямства – т.е. желание быть в уединении понимаю, но Жюль[3] ему не может мешать. Я решилась ему написать письмецо, прося его взять кого-нибудь с собой, не знаю, хорошо ли сделала или нет, потому что я намекала на его здоровие, а до сих пор я никогда с ним не говорила об этом.

Итак, ты думаешь отпустить нас во Флоренцию на будущий год? Неужели мы навсегда рассыпались? Неужели ничего нельзя придумать, чтобы, по крайней мере, *мы*, т.е. ты, с нами был, ты и Ага.

Жизнь наша здесь устроилась лучше, чем я ожидала, дни проходят так тихо, т.е. спокойно и хорошо. Mémoires de m-me Roland[4] я читаю теперь одна, они меня очень интересуют, какая она сама симпатичная женщина, я завидую ее уму и характеру. Покаместь мы прочли только предисловие "Карла V-ого". Оно сухо, но все-таки меня интересует, потому что ужасно хочется знать пояснее историю этого времени.

Natalie я уже писала, к рождению детей 23-его ноября[5] – не бойся, я буду осторожна. И вообще буду избегать рассуждений о щекотливых предметах, потому что ничего не действует. Я не смотрю так строго, как Саша, но что N⟨atalie⟩ разрушает семейную нашу жизнь, это ясно. О жизни ее и М⟨альвиды⟩ в одном доме и думать нечего – со мной одной, может быть, устроилось бы – я снисходительнее других в этом случае.

Мальвиде очень нездоровится, головная боль мучает ее уже вторую неделю.

29-ого

Только что получили ваши письма[6] и искренно радуемся. Молчание долгое нас очень беспокоило. Ты совсем прав в том, что говоришь о N⟨atalie⟩. Если б можно было бы "привить" ей немножно энергии, храбрости и спокойного взгляда на вещи, она была ⟨бы⟩ гораздо счастливее. Я чувствую, что жизнь m-me Roland я недаром читаю, она особенно действует, потому что знаешь, что она это писала в тюрьме, короткое время – до самой последней минуты жизни – потом характер ее, серьезный, энергичный, великолепен сам по себе. Всем кланяюсь, тебя крепко целую.

Твоя Тата Г е р.

Ольга и Мальвида занимаются, будут писать в следующий раз.

[174*] без оболочки (*франц.*).

"ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА НА 1861 ГОД"
С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ ГЕРЦЕНА
ДОЧЕРИ ТАТЕ:
"20 Марта 1861 Tate Orsett house Westb(ourn) terra(ce)"
Музей Герцена, Москва

В этом томе "Полярной звезды" были впервые опубликованы отрывки из VI части "Былого и дум", а также предисловие, написанное для отдельного издания книги

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена, написанное около 17 ноября (см. *ЛЖГ* IV, 51). Видя невозможность совместной жизни старших дочерей с Н.А. Тучковой-Огаревой, Герцен в нем, вероятно, предлагал им обосноваться вместе с Сашей во Флоренции. О своих занятиях Тата писала, очевидно, в неизвестном письме, полученном Герценом в Париже 23 ноября (см. XXVII, 528).

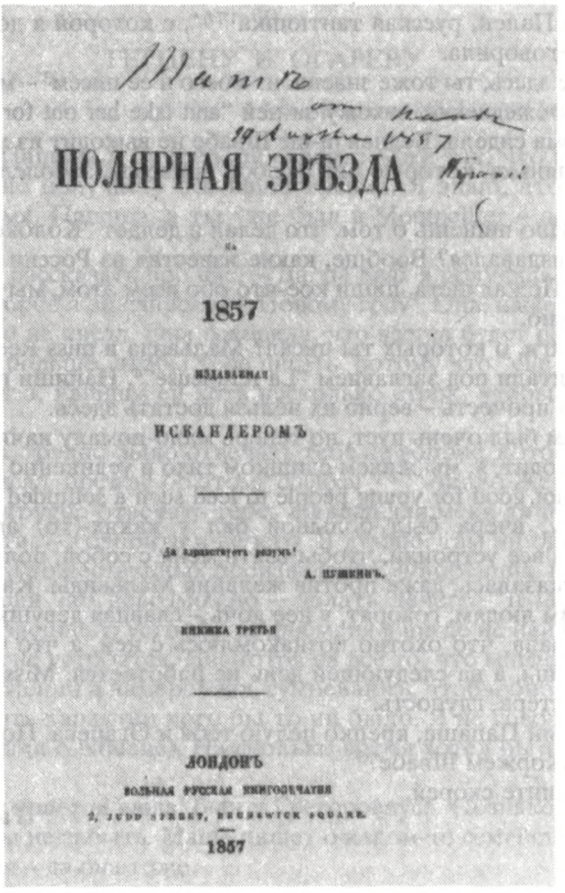
[2] Вероятно, монография Ф.-А.-М. Шенье "Charles-Quint..." (1854).

[3] *Жюль* – слуга Герцена.

[4] Вероятно, в руках Таты было одно из двух парижских изданий 1864 г. Книгу М.-Ж.-Ф. Ролан Герцен цитировал в статье "Березовский" (1867) как свидетельство готовности участников революции жертвовать жизнью, своей и чужой (XIX, 292–293).

[5] Это письмо в Париж к Тучковой-Огаревой ("хорошее", по отзыву Герцена, – XXVII, 531) неизвестно.

[6] Письма Герцена от 24 ноября к Тате и к Мейзенбуг (XXVII, 528–531) и, вероятно, неизвестные письма Тучковой-Огаревой. Герцен писал о ней Тате: "Несчастная женщина и несчастная от себя, этим путем она идет к судорожному помраченью ума, и трудно сказать, что будет, если она не остановится" (XXVII, 531).


Тате
от папы
19 Апреля 1857
ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА
Путней!
НА
1857
ИЗДАВАЕМАЯ
ИСКАНДЕРОМЪ
Да здравствуетъ разумъ!
А. ПУШКИНЪ.
КНИЖКА ТРЕТЬЯ
ЛОНДОНЪ
ВОЛЬНАЯ РУССКАЯ ТИПОГРАФІЯ
2, JUDD STREET, BRUNSWICK SQUARE.
1857

"ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА НА 1857 ГОД"
С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ ГЕРЦЕНА
ДОЧЕРИ ТАТЕ:
"Тате от папы 19 Апреля 1857 Путней"
Музей Герцена, Москва
В этом томе "Полярной звезды" была впервые опубликована III часть "Былого и дум"

39

27-ого января 1865 г.
136, Via Felice. II piano. Roma[1]

Милый Папаша, мне очень жаль, что ты беспокоился о нас, как же это ты так долго ничего не получал; верно, потому, что все путешествуешь. И мы находим, что вы очень редко пишете. Что ты мне пишешь о Лизе, т.е. о дурном влиянии печального расположения духа Natalie, я уже отгадала и писала тебе о том, – но чем помочь?

Саша говорит в последнем письме, что надобно как-нибудь устроить свидание или всем соединиться в Ницце, к концу марта[2]. Если б мы могли быть с Natalie вначале, утешать и помогать ей... (Только что пришел Грегоровиус и тебе кланяться велел "unbekannter Weise"[175*] – другое дело – но теперь, мне кажется, не следовало бы бросить занятия. Для меня это ателье Леманна в самом деле отличное изобретение. Теперь к нам ⟨при⟩соединились еще две барышни, m-lle Oppenheim, племянница Leh-

175* "от лично незнакомого" (*нем.*).

mann'a и графиня Пален, русская тантюшка[176*], с которой я до сих пор ни одного русского слова не говорила.

Что miss Reeve здесь, ты тоже знаешь из моего и ее писем[3] – мы с ней очень дружны, я часто, почти ежедневно, захожу за ней "and take her out for a constitutional"[177*], а то она бы все дома сидела. Бедная m-me Швабе не выходит из хлопот – теперь сын выздоравливает, нянька, которую она с собой привезла, заболела, она за ней ходит, как за сыном.

Папаша, ты мало пишешь о том, что делал и делает "Колокол" все это время, – неужели все еще издавался? Вообще, какие известия из России – о Польше, верно, ни слуху, ни духу. Пожалуйста, пиши кое-что обо всем этом, мы решительно ничего не знаем, это ужасно.

Что это за книги, о которых ты писал? Мальвида и miss Reeve думают, что это то, что они уже читали под заглавием "La religieuse"[4]. Напиши пояснее имена авторов – мы не могли прочесть – верно их нельзя достать здесь.

До сих пор Рим был очень пуст, но теперь мало-помалу начинает наполняться.

Miss Reeve находит, я, мы живем слишком тихо и уединенно для меня: "You *must* see, my child, it is not good for young people to leed such a solituded life"[178*], – и сейчас взялась за работу, вчера был большой бал у каких-⟨то⟩ англичан, знакомых m-me Ш⟨вабе⟩, они все устроили, чтобы взять меня с собой, получили приглашение и т.д., однако я отказалась, даже против желания Мальвиды. Какая радость ехать к совсем незнакомым людям; говорят, у нее дочь – славная девушка, тоже занимается живописью; я сказала, что охотно познакомлюсь с ней, а что балы у незнакомых обыкновенно скучны, а на следующей день не работается. Miss Reeve говорит, что это слабость характера, глупость.

Прощай, добрый Папаша, крепко целую тебя и Огарева. Получил ли он письмо мое, посланное с Жоржем Швабе?[5]

Прощайте, пишите скорей.

Тата Герцен

28-ого января

Семейство Галле, верно, скоро будет в Риме...

Ольгины уроки русского языка были немножко неаккуратны, надобно сделать другое устройство, до сих ⟨пор⟩ она брала их вечером, усталая – после обеда. Когда miss Reeve уедет, все устроится, теперь надобно ей дать немножко время. Она, кстати, тебе кланяется и велела сказать, что жизнь в отелях – *не* ее идеал.

Знаешь ли ты, кто и какой человек русский поп в Брюсселе?

[1] Ответ на письма Герцена от 9–10 и 16 января (XXVIII, 12–13 и 18). В последнем он писал, что "начинает дивиться" их молчанию и беспокоится об их здоровье. Описывая "мрачное отчаяние" Тучковой-Огаревой после гибели 4 и 11 декабря 1864 г. их детей-близнецов, он прибавлял: "Одиночество и угрюмо траурный тон для Лизы вреден. Она капризничает от скуки и в то же время очень умна" (XXVIII, 18).

[2] Это письмо А.А. Герцена неизвестно. Съехаться весной в Ницце предлагал и Герцен в письмах от 9 и 16 января.

[3] Эти письма неизвестны. Э. Рив прйехала в Рим, вероятно, около 20 января. 16 января Тучкова-Огарева просила Тату поблагодарить ее за "дружеское письмо" (XXVIII, 21).

[4] 9 января Герцен рекомендовал дочерям романы Эркмана-Шатриана "Histoire d'un conscrit de 1813" и "Madame Thérèse, ou les Volontaires de 92" (P., 1864): "Ярче картин из времен французских войн мало найдете", – и затем не раз советовал близким читать их (XXVIII, 12, 14, 21, 47). Мейзенбуг же решила, что Герцен рекомендует "Монахиню" Д. Дидро ("La religieuse"; героиню также звали Терезой). 27 февраля Герцен писал ей вновь "о двух повестях необыкновенной красоты", замечая шутливо: "Спутать маркитантку армии Гоша – с монахиней... ma... ma... ma... è troppo forte ⟨но... но... но... это уже слишком (*итал*)⟩" (XXVIII, 36).

[5] Это письмо неизвестно. Ответ Огарева от начала февраля см. в книге 1-й наст. тома.

176* тетушка (от *франц.* tante).

177* "и вытаскиваю ее на улицу погулять" (*англ.*).

178* "Вы *должны* понять, дитя, нехорошо для молодых вести столь уединенную жизнь" (*англ.*).

40
ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ

3-его февраля 1865. 136. Via Felice, II-do ⟨piano⟩.Roma

Милые друзья, Папаша и Огарев, не сердитесь же так, что мы мало пишем[1]. Я уверена, что вы не получаете все наши письма. Я знаю, что послала письмо в Женеву на твое имя, Папаша, а ты уже был в Montpellier – переслали его или нет?[2]

Теперь – что же рассказать про нас? – Да, на днях я получила письмо от Маши, ответ на письмо, которое я ей написала к Новому году[3]. Она, кажется, очень обижается, что ты ей давно не писал. Она говорила, что всегда будет нас любить, но что рука не подымается больше, чтобы тебе писать, потому что "elle ne veut pas être de trop..."[179*] Пожалуйста, напиши ей хоть несколько строк, чтобы убедить, что это вздор[4].

Добрый Папаша, трудно было отвечать тебе на вопрос, который мы не знали. Ты нам ничего не писал прежде об этом "château"[180*] около Женевы[5] – или письмо твое пропало. И трудно отвечать тебе. Женева для меня лично ничуть не приманчива, для искусства – говорить и нечего. Я думаю, там ни одной галереи нет, ни одного собрания художественных произведений. Флоренция, по-моему, в тысячи раз лучше, но если это невозможно – делать нечего: "Il faut se contenter de Genève"[181*]. Лучше здешнего устройства для меня я нигде не найду. Жизнь вместе на долгий срок тоже не устроится. Несмотря на все то, что могло переменить "несчастье" – в расположении и намерениях, сумневаюсь, чтобы оно могло совсем перевернуть, переменить характер кого бы то ни было. Я не говорю о себе, конечно, а об M⟨альвиде⟩ или о N⟨atalie⟩. На сколько время хотел бы ты взять этот дом в Женеве?

Самарин на днях приехал сюда, был у Грегоровиуса. Познакомиться нам с ним или нет?[6] – Да, чтобы не забыть. Маша пишет о каком-то семействе Палеолог[7], все тебе очень кланяются – да она тоже.

(Извини, Папаша, вышла такая путаница с страницами.)

4-ого фев⟨раля⟩

Сижу у Швабе в Hôtel de l'Empire и пишу вам, потому что отсюда посылают письма на большую почту.

Я продолжаю ходить к Леманну, хотя класс как-то не устраивается. "Ich dachte es wäre mehr ernstliches Streben im Leben"[182*]. Но мной он доволен; говорит, что я единственная ученица, "die es ernstlich nimmt"[183*]. Теперь приходит в ателье его племянница m-lle Oppenheim, талантливая девушка, но она еще немного училась, она под моим надзором в ателье, хотя двумя годами старше меня. Она рисует с гипса, m-r Lehmann ей ставит мои рисунки в пример. Писала я вам или нет, что он был чрезвычайно доволен двумя моими рисунками Сенеки[8] – "Sie sind zum Seneka geboren!"[184*], – сказал он, когда я кончила, однако *живопись* не идет так скоро, я начинаю третью головку. Мне досадно, что я не могу скоро работать или наскоро делать эскизы всего на свете, m-lle Oppenheim, девица Lehmann, которые не в состоянии нарисовать большую голову, делают премилые эскизы. Я в этом всегда должна сравнивать себя с быками, которые медленно тащат большую тяжесть, пока лошадка и рысью и галопом бежит и прыгает.

С тех пор как miss Reeve мне посоветовала немножко выезжать, я начала

179* "она не хочет быть назойливой" (*франц.*).
180* за́мке (*франц.*).
181* "Надо удовлетвориться Женевой" (*франц.*).
182* "Я думала, что в жизни больше серьезных устремлений" (*нем.*).
183* "которая занята делом серьезно" (*нем.*).
184* "Вы рождены для Сенеки!" (*нем.*)

принимать приглашения – и пошли они, как по маслу, – вся будущая неделя взята.

Да, я забыла сказать тебе, что встретила у Линдеманна m-r Schücking, известный писатель немецкий, он видел тебя и Гервега в Париже в 1848 году – кланяться велел[9].

На этот раз прощайте, крепко вас целую, кланяюсь Тхор⟨жевскому⟩, Чер⟨нецкому⟩ и т.д.

Ваша Тата Г.

Если ты еще в Париже, попроси Львицкого переслать нам, Мальвиде, Ольге, еще портреты маленьких наших Лелей[10] (на тонкой бумаге без картона). Мы два раза уже писали в Париж. Получил ли ты все? Это третье[11]. Пояс[12] я не получила[13].

[1] Ответ на письмо Герцена от 24–26 января (см. XXVIII, 24–25). Герцен в нем писал, что Тата "скупа на письмы", пишет "наскоро, редко".

[2] 8 января Герцен получил из Женевы пересланные К. Фогтом письма дочерей (неизвестны); был "бесконечно доволен" ими (XXVIII, 11).

[3] Неизвестное письмо М.К. Рейхель служило ответом на письмо Таты от 25 декабря 1864 г. См. ниже.

[4] 9 февраля, сразу по получении наст. письма, Герцен написал Рейхель, прося извинить "глупое молчание" (XXVIII, 31–32).

[5] 26 января Герцен писал Тате: "Женевский дом мне бы очень хотелось занять. Но не могу ни от кого добиться путного ответа – ни даже от Огар⟨ева⟩" (XXVIII, 25). Речь идет о château de la Boissière, подысканном В.И. Касаткиным для семьи Герцена. Во время пребывания в Женеве (28 декабря 1864 г. – 6 января 1865 г.) Герцен осматривал дом. В письме к Мейзенбуг от 24 января он также спрашивал об их намерениях в связи с возможным "решением снять замок близ Женевы" (XXVIII, 24).

[6] Речь идет о Ю.Ф. Самарине. Ответ Герцена на это письмо, написанный, вероятно, в Париже между 8 и 12 февраля, неизвестен, но 27 февраля Герцен писал Мейзенбуг: "Что поделывает ваш Грегоровиус – с этими личностями, забрызганными польской кровью, этими ораторами царизма, вроде Самариных, Чичериных... и прочих Муравьевых?" (XXVIII, 36).

[7] С Евгенией Ивановной *Палеолог*, дочерью владимирского губернатора И.Э. Курутты, и ее мужем Христофором Павловичем, отставным офицером, Герцен познакомился во владимирской ссылке, 1838–1839 гг., а затем знакомство продолжилось в Москве. Семья Палеологов, приехавшая в Дрезден в конце 1864 г. (вместе с Ю.Ф. Курутой, матерью Е.И.), вероятно, находилась там и в конце 1865 г. 22 декабря в письме к Рейхель Герцен передал им поклон (см. XXVIII, 126).

[8] Эти рисунки неизвестны.

[9] Немецкий писатель *К.-Б.-Л. Шюкинг*, описывая в своих мемуарах пребывание в Париже в 1846–1848 гг. и "немецкую литературную колонию" (в нее входили Г. Гейне, Г. Гервег, М. Гартман, К. Грюн, А. Вейль и др.), упоминает о знакомстве с Герценом и М.А. Бакуниным, которые "соприкасались с ней". При этом характеризует Герьега как "человека, глубоко погруженного в свое величие, подобно индийскому факиру, мечтательно и лениво созерцающего свой пуп" (L. S c h ü c k i n g. Lebenserinnerungen, Bd. II. Breslau, 1886, s. 121, 124).

[10] Эти фотографии умерших детей Герцена и Тучковой-Огаревой – Елены и Алексея – неизвестны.

[11] Очевидно, кроме п. 39, в Париж было отправлено дочерьми Герцена еще одно письмо, которое осталось неизвестным.

[12] 26 января Герцен сообщал Тате, что послал с Сашей, уехавшим из Монпелье во Флоренцию 9 января, пояс для нее (XXVII, 25, 59). Пояс был передан Тате с М. Бердушеком, ездившим в Рим в середине апреля.

[13] На наст. письмо, полученное 8 или 9 февраля (см. XXVII, 31), Герцен ответил, вероятно, до отъезда из Парижа, 11 или 12 февраля (см. *ЛЖГ* IV, 96, 97).

41

136. Via Felice. Roma. 22-ого марта 1865[1]

Добрый, милый мой Папаша, виновата я; в самом деле, я чувствую, что последнее время была ужасно рассеянна. Только не сердись, не думай, что я вас забываю, что меньше об вас думаю, нет, я даже часто вижу вас во сне и, когда просыпаюсь, так досадно и жаль, что не могу наяву обнять и расцеловать тебя да всех. Отчасти m-me Schwabe виновата в моем рассеянии, я не видывала женщины подобной, она вмиг готова посадить кого бы то ни было за письменный стол, заставить писать, переписывать или читать – дать груз комиссий и т.д.

Посылаю тебе фотографию мою, сделанную здесь, в Риме, – многие находят, что я очень похожа на Наполеона I, что́, впрочем, не ново, но ново то, что́ Мими Оппейгейм изобрела. Как по-твоему? Здесь всем очень нравится[2].

Как странно, Папаша, несколько часов до получения твоего письма я писала и жаловалась Полине, что нынче у нас никаких русских знакомых нет, что мы попали в немецкий круг и засели там[3].

Так видать, что мы одного мнения, мне тоже досадно[4] – скажу тебе только одно: сумневаюсь, что другие круга лучше. У m-me Schwabe мы встречали много англичан, все ведут такую пустую жизнь, что ни на что не похоже. Утром и днем визиты да визиты, вечером балы и рауты, и всё между собой, сегодня у m-rs So-and-So[185*], завтра m-rs такая-то, послезавтра у Lady ... просто сезон, как в Лондоне.

О русских я судить не могу, потому что решительно никого не знаю, кроме m-lle Капнист[5], которая нынче зимой столько выезжала, что я всего-навсего ее раза два, три мельком видела на минуточку. Она очень много бывает в итальянском кругу, ей это легко, потому что брат ее служит в посольстве[6]. Она бывает на балах у Дорио, Боргезе[7], у всех посланников – другие русские, верно, так же живут – что же общего между нами, к чему знакомиться?

Интересно было бы быть на бале в одном из здешних дворцов, чтобы видеть эффект, залы огромные, великолепные, с этими картинами. Но все это не для нас. Для этого надобны наряды, экипажи и т.д. У немцев все "gemütlich"[186*] и просто; впрочем, у нас и с ними мало общего, я теперь почти никого не вижу, кроме Oppenheim'ов. Дочь очень мила, жива и смешна, характер совсем не немецкий.

Грегоровиус часто ходит, мы даем ему английские уроки, т.е. заставляем его читать "Macaulay's essays" об Индии lord⟨'a⟩ Clive. Он мне за то приносит разные книги читать. Теперь я только что окончила трагедию Calderon'a "Das Leben ist ein Traum". Знаешь ли ты? Все происходит в Польше. Польский король воспитывает своего сына в глуши, в одинокой башне, в лесу, потому что по звездам узнал, что будет тиран и злодей[8] Gregorovius советует прочесть еще два-три Calderon'a, а потом что-нибудь древних греческих поэтов.

Что ты пишешь об Ольге, Мальвида говорит, что никогда тебе не писала, что уроки идут так хорошо; она говорит, что *уроки* сами по себе и учителя хороши, но Ольга все еще так рассеянна, что просто руки опускаются – тем паче, что видно, что она не зависит от mauvaise volonté[187*], она хочет, но не может. Я только что писала Natalie[9], что у нее, т.е. у Ольги, теперь очень милая подруга, которая очень хорошо действует на ее нервы, – Теофания Шюкинг, дочь пятнадцатилетняя господина, который о тебе спрашивал[10]. Но что бы Ольга делала в школе! Даже серьезная Теофания не может удерживать ее за уроком и по временам вспрыгивает от хохота. Теперь их четверо, Ольга, Ерсилия, Женевра и Теоф⟨ания⟩ – все гораздо дальше Ольги, несмотря на то, что италианки никогда прежде не учились по-французски. Что Ага поправляется, меня очень радует. Куда ему писать?

Целую тебя, дружок Папаша.

Твоя Тата Г.

25-ое марта 1865

Рукой М. Мейзенбуг:

Cher ami, si cette lettre vous trouve encore à Paris, je vous prie, pour la première fois, cet hiver, de nous envoyer de l'argent[11]; ce dernier temps nous en avons⟨besoin⟩ plus qu'à l'ordinaire; il y a aussi beaucoup à payer pour les occupations de Tata, puis nous avons fait quelques dĕbauches autour ⟨?⟩ le carnaval, quelques parties avec m-me Schwabe etc. pour

---

185* м⟨исси⟩с такой-то и такой-то (*англ.*).

186* "уютно" (*нем.*).

187* злой воли (*франц.*).

le divertissement des enfants. Enfin on ne pouvait pas tout refuser à aller lorsque toute la jeunesse s'amusait. Bien merci que l'Amérique donne de nouveau l'espérance[12]. Quant aux progrès d'Olga, vous vous êtes trompés: j'ai dit que ses leçons sont excellentes et qu'elle a fait des progrès sous le rapport de la volonté, mais elle ne sait ni lire, ni écrire, ni compter sans fautes, quoique son excellent maître et moi y travaillons chaque jour sans interruption[13]. Ce soir nous allous voir le vieux Haxthausen (Russe) chez Schüking[14]. Nous lisons votre "Thérèse"[15].

Adieu, bientôt ⟨j'écrirai⟩ plus.

Votre "Non-Thérèse"188*[16]

[1] Н.А. Герцен отвечает на неизвестное письмо Герцена, написанное 11 или 12 марта (см. о нем XXVIII, 40, 49, 394 – № 14).

[2] Эта фотография, где Тата "похожа на Наполеона I" неизвестна. Получив 5 апреля в Канне письмо и этот подарок, пересланные С.Л. Левицким из Парижа, Герцен писал ей 10 апреля: "Я давно не хохотал так от души, как над Наполеоном, благодари за меня твою приятельницу и пришли еще экземпляр" (XXVIII, 56). См. ниже письмо Таты к Тучковой-Огаревой, написанное около 20 апреля.

[3] Письмо Таты к П.С. Левицкой, дочери С.Л. Левицкого, в Париж, неизвестно.

[4] 21 марта Герцен писал А.А. Герцену во Флоренцию: "Мне жаль, что Тата слишком много обращается в немецком обществе, я ей писал об этом. Думаю, что все это Швабе тормошит. Ты ей об этом напиши ⟨...⟩ осторожно, чтоб Мальв⟨ида⟩ не обиделась" (XXVIII, 49).

[5] О знакомстве Таты с гр. Александрой Алексеевной *Капнист* см. в п. 32.

[6] Гр. П.А. *Капнист* служил в 1865–1866 гг. младшим секретарем русского посольства в Риме.

[7] Речь идет о балах, устраивавшихся на villa Doria и villa Borghese.

[8] Имеется в виду немецкий перевод знаменитой пьесы испанского драматурга П. Кальдерона "La vida es sueño".

[9] Это письмо неизвестно.

[10] Х.-Б.-Л. Шюкинг.

[11] Получив 5 апреля это письмо, пересланное Левицким из Парижа в Канн, Герцен 7 апреля выслал дочерям и Мейзенбуг в Рим 1600 фр. (XXVIII, 58).

[12] Часть капитала Герцена была вложена в американские процентные бумаги, стоимость которых резко упала во время гражданской войны 1861–1865 гг. Победы северян подняли курс процентных бумаг (см. XXVIII, 40).

[13] Ответ на письмо Герцена от 12 марта, в котором он выражал радость, "что с ученьем у Ольги хорошо". Однако, замечая, что ее "русские письма вселяют ⟨...⟩ скептицизм", спрашивал, читает ли она "бегло", пишет ли "достаточно правильно на каком-нибудь языке" и знает ли "правила арифметики". Только в этом случае "продвижение несомненно" (XXVIII, 40).

[14] С немецким экономистом бар. *А.-Ф.-Л. Гакстгаузеном*, изучавшим социальные отношения в русской деревне, Герцен познакомился еще в России, около 13 мая 1843 г. (см. II, 281–282). 2 апреля 1865 г. Тата писала Тучковой-Огаревой: "Скажи Папаше, что я познакомилась с Haxhausen'ом у Шюкинга, он был очень любезен, рассказывал много о Кавказе ⟨...⟩ У него престранные мистические мысли" (фотокопия *РГБ* с авт. *BN*; ср. *ЛЖГ* IV, 114).

10 апреля Герцен собщил Мейзенбуг, что посылает Гакстгаузену "брошюру" (вероятно, "Essai sur la situation russe" Огарева. Отправлена 13 апреля – XXVIII, 57, 59).

[15] См. п. 39 и прим. 5 к нему.

[16] Герцен ответил Тате и Мейзенбуг 10 апреля (XXVIII, 56–58).

188* Дорогой друг, если это письмо найдет вас еще в Париже, то прошу вас, в первый раз, за нынешнюю зиму, послать нам денег[11]; в последнее время они ⟨нужны⟩ нам больше, нежели обычно; следует также много заплатить за Татины занятия, потом мы сделали некоторые нарушения экономии – в связи с карнавалом, несколько поездок с г-жой Швабе etc. для развлечения детей. Наконец, нельзя же было во всем им отказывать при выезде, когда вся молодежь развлекалась. Хорошо еще, что Америка снова подает надежду[12]. Что же касается успехов Ольги, то вы ошиблись: я сказала, что ее уроки превосходны и что она сделала успехи усилием воли, но она не умеет ни читать, ни писать, ни считать без ошибок, хотя ее превосходный учитель и я работаем над этим каждый день непрерывно[13]. Сегодня вечером мы увидим старого Гакстгаузена (русского) у Шюкинга[14]. Мы читаем вашу "Терезу"[15].

Прощайте, скоро ⟨напишу⟩ больше. Ваша "Н е-Т е р е з а"[16] (*франц.*).

42

Воскресенье. 2 апреля 1865. 136, Via Felice. Roma

Душенька Папаша, поздравляю тебя с рождением и крепко-крепко тебя целую. Надеюсь, что Саша передал тебе вовремя мой "День царствования" m-me Schwabe[1].

Нынче в нашей жизни ничего нет такого смешного, как в прошлом году, ничего характеристического, что же делать? Это писание даст тебе идею (как idée по-русски?) суеты во время царствования Швабе. Если хочешь, я тебе пришлю продолжение. Может быть, ты и портрет мой получишь именно в день рождения – фотография эта на днях была послана в Париж. Не поблагодарить ли Mimi Oppenheim за нее...[2] Если она вас забавляет, я и Natalie пришлю.

О Женеве мы слышали только похвалы со всех сторон – только зиму нахваливают. Мальвида мне только что сообщила план свой – ах да, папаша, неужели это было бы совсем невозможно? На недельку ты бы приехал[3].

Неужели тебе самому не хотелось бы взглянуть опять не только на нас, но на Рим и камни. Забудь, что здесь находятся все газеты, как, н⟨априме⟩р, ⟨в⟩ "Zürcher" или ⟨в⟩ другом ⟨каком-⟩нибудь restaurant в Лондоне. Забудь папу и попов, политику и сивилизацию – на неделю, Папаша?! Как бы ты нас обрадовал – вот был бы праздник – сон – чудесный сон – ты бы отдохнул здесь.

Рим поможет тебе поправиться. Не думай, что я по-немецки восхищаюсь и "schwärme für Rom"[189*]. Нет, но ты понимаешь разницу. На пути здешних прогулок – на каждом шагу бросается в глаза какая-нибудь развалина, угол прегрязной улицы или просто кусочек крыши противоположного дома – все это так ярко освещено, так живописно, что невольно думаешь с досадою о новых симметрических улицах ваших цивилизованных городов.

Прощай, друг Папаша, обнимаю и крепко целую тебя. Думай о нас 6-го апреля[4].

Твоя Тата Г.

Пояс я еще не получила[5].

[1] Эти "сценки" неизвестны. Получив их (видимо, в письме А.А. Герцена) и наст. письмо, Герцен писал Тате 10 апреля, что "очень доволен" последним письмом. "Много смеялся я над твоей статьей – у тебя есть решительный талант именно к этим Genrebilder'ам в литературе и талант разговорного слова (...) Пиши больше, бери рамы пошире, я буду с тобой вместе читать и подчищать". О "Швабином дне" Герцен вспоминал и в письме от 12 августа (см. XXVIII, 56, 91).

[2] См. п. 41, прим. 2.

[3] Очевидно, приглашение Герцену приехать в Рим содержалось в неизвестном письме Мейзенбуг, написанном также 2 апреля (см. о нем в п. 43).

[4] День рождения Герцена.

[5] Герцен ответил 10 апреля (XXVIII, 56–57).

43

⟨Рим⟩ 4 апреля 1865

И мне очень жаль, что я не была с тобой у гроба, друг мой Папаша. Милые наши дитятки – где они теперь? Ты пишешь, что сгубили деревья – как так – неужели они высохли? это было бы ужасно досадно[1].

Да, Папаша, я знаю, что для моего развотия вообще мне гораздо полезнее жить с тобой, да не только для развития; я все-таки не могу быть совсем счастлива так далеко от тебя. В тебе я уверена, я знаю, что ты меня в самом деле любишь, что ты рад, когда я около тебя – поэтому я всего счастливее, когда с тобой. Но не могу скрыть тебе, что я уставала дома от вечных, не знаю, как назвать – "пиков"[190*] – неприятных разговоров – обидчивостей и т.д. Тогда я не видела конца этому. Теперь, верно, все переменилось. С какой любовью и интересом я занимаюсь или могу за-

---

[189*] "мечтаю о Риме" (*нем.*).

[190*] "колкостей" (от *франц.* piques).

ниматься с Лизой, ты видел в Bournemouth'e. Я не только готова опять приняться за дело, но искренне желаю это. Оно доставляет мне удовольствие – и то, что ты называешь "эгоистической nonchalance"[191*] в этом случае, т.е. прошлого года, было больше оскорбленное самолюбие[2].

А теперь прощай – надеюсь, что ты получил мое письмо во-время. Оно было готово, но М⟨альвида⟩ послала свое морским путем, а я сухим. Мне казалось, что ее письмо придет слишком рано[3].

Всех обнимаю и крепко целую.

Ваша Тата Г.

Пояс я еще не получила (6-ой раз). Да, ты спрашиваешь о m-lle de Stein – мне кажется, что Мальвида ее, в самом деле, слишком "обожает". Она лифляндка, 40-летняя девица – уважать ее надобно, потому что она ведет пресерьезную жизнь (я тебе, впрочем, уже писала о ней, разве ты не получал?). Как монашенка, она живет в своей келии, окруженная всевозможными серьезными книгами, – и все читает. По-моему, она в иных вещах слишком резко судит – мужчин она вообще пренебрегает ⟨!⟩, т.к. говорит, что они ужасно испорчены; говорит, что эгоизм и "Fidelkeit"[192*] у них гораздо больше развиты, чем у женщин, – словом, ставит женщину гораздо выше – без исключений[4]. Мальвида ей сочувствует, они вместе сидят да бранят себе вас, бедняжек, – а, в сущности, все-таки любят. А я сижу да слушаю, потом передумываю и не знаю чему верить[5]...

[1] Ответ на письмо Герцена из Канна, написанное около 28 марта (неизвестно – см. *ЛЖГ* IV, 111). В нем Герцен рассказывал, в частности, о том, как перевез из Парижа в Ниццу "два гробика" с останками своих детей Елены и Алексея (22–24 марта) и о похоронах их в Ницце 26 марта (ср. XXVIII, 46, 48–50).

[2] Имеется в виду психологический климат, создававшийся Тучковой-Огаревой в доме Герцена.

[3] Это письмо Таты с упоминанием о новой приятельнице Мейзенбуг неизвестно, как и письма Мейзенбуг о ней к Герцену (см. XXVIII, 48, 53).

[4] В ответном письме Герцен замечал по поводу суждений Штейн: "Каменная монашенка, должно быть, порет вздор. Вообще немецких мнений старайся не принимать" (XXVIII, 59).

[5] Герцен ответил 12 апреля (XXVIII, 59–60).

44

136, Via Felice. Roma. 29-ого апреля 1865 г.

Что это делается на свете, Папаша! Один день слышишь: наследник умер, другой – Линкольн убит, и ужасы в Америке – немедленно после известия, что все кончено[1].

Какие последствия? Начнется ли опять война?

Как ты видишь по Ольгиному письму[2], мы несколько дней посвятили Кампании, были опять в Тиволи, Фраскати, Альбано – да еще в Остии, где еще не были прежде – лес до самого моря – напоминает лес около Пизы – в котором мы гуляли прошлого года[3]. Везде было так хорошо – в Швейцарии я непременно хочу попробовать ландшафт – все говорят, что это гораздо легче – то[4] подвигается слишком медленно или просто остается на одной и той же точке.

По временам я перечитываю, что ты мне записал в книге, – и каждый раз отчаиваюсь, не могу сладить – не могу исполнить того, что ты требуешь и советуешь[5]. Ты говоришь: "Работай". – Я работаю – сначала так аккуратно ходила в студию с 9 до 3 – а вышло ничего – мало и нехорошо – поэтому я хочу попробовать пейзаж – и слышу, что в Женеве отличные учителя[6]. Ты говоришь об Ольге – в некоторых случаях лучше, когда мы совсем одни: она мила. Но как только посторонние являются, она начинает меня дразнить всевозможными способами. Я хоть и молчу, чувствую, что меня сердит и делает что я не в духе. Но, впрочем, это скоро кончится, потому что при вас нельзя будет – а за уроками она не может сосредоточиться, невозможно – поэтому то, что другое дитя, гораздо глупее ее, сделало бы в час, она делает в три, четыре – это еще мало – она по два, по три часа сидит у фортепиано – а выходит, что

191* небрежностью (*франц.*).

192* "распущенность" (*нем.*).

ГЕРЦЕН

Из семейного альбома Герценов. Рисунок Таты Герцен ⟨?⟩ (перо). ⟨Борнемут, лето 1864 г.⟩
Подпись: "Non! Qu'en dites-vous de cette correspodence!!!" ("Нет! Ну что вы скажете об этой корреспонденции!!!")
Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится
по книге: "Русские пропилеи". Том IV. Москва, 1917

играла полчаса – болтает, побежит выглянуть из окна, станет играть с Линдой – следить невозможно. Впрочем, она сама это чувствует и, как говорит, радуется вступить в школу[7]. Потом ты меня просил писать в книге – не могу решиться. Если писать, так надобно все или ничего – как журнал.

Прощай, Папа, я уверена теперь, что метода miss Reeve была бы, конечно, всех лучше, если б можно было ее исполнить. В нашем семействе оно было бы довольно легко, почти так и делается, но не совсем. Она против всяких веселий и рассеяний для детей – с ранних лет приучить их к занятиям, только пускать их бегать, ездить, плавать, но никаких светских рассеяний, до известных лет – они тогда сами полюбят умственные занятия, это, однако, "нечего делать".

Целую тебя и всех вас, друзья. До скорого свидания.

Твоя Т а т а

Уже 29-ое. Может быть, это письмо ты получишь именно второго мая. Тринадцать лет с тех пор, как Мамаша скончалась. Я часто вспоминаю о том, что читала и узнала летом в Bournemouth'e[8]. Когда мы воротимся, ты дай мне опять перечесть. Обнимаю тебя и крепко, крепко целую.

Т.[9]

[1] Наследник русского престола вел. кн. *Николай Александрович* умер в Ницце 24/12 апреля (см. отклики Герцена – XXVIII, 67–69; XVIII, 337–341). 27 апреля в европейских газетах появились сообщения об убийстве в Вашингтоне 14 апреля, через пять дней после капитуляции армии южан, президента Соединенных штатов А. Линкольна. "Какая великолепная смерть!" – писал Герцен 3 мая (XXVIII, 72; ср. 68).

[2] Это письмо неизвестно.

[3] Во время путешествия Герцена со старшими детьми и Мейзенбуг по Италии осенью 1863 г. они (во второй половине октября) останавливались в Пизе.

[4] Т.е. портретная живопись.

[5] Имеется в виду напутственное письмо, написанное Герценом для Таты перед ее отъездом из Лондона в Италию, 5–10 декабря 1862 г.: "Ни таланта, ни любви к искусству недостаточно, – писал Герцен, – чтобы сделаться художником, один труд в соединении с ними может что-нибудь сделать (...) Работа должна господствовать над всем в твоей жизни во Флоренции". Герцен призывал также "теплее сблизиться" с Ольгой (XXVIII, 267–269).

[6] 12 мая Герцен отвечал: "Действительно, по словам Фогта здесь есть великий учитель-пейзажист" (XXVIII, 74). Он имел в виду, вероятно, исторического живописца и пейзажиста Ж.-М. Горнунга. Герцен нанес ему визит в начале июня (см. *ЛЖГ* V, 335).

[7] В связи с предстоящим переездом в Женеву Герцен обсуждает в своих письмах необходимость там регулярных занятий Ольги в "серьезном колледже" или школе (см. XXVIII, 54, 58, 71).

[8] Во время пребывания Таты в Борнемуте, 2 августа 1864 г., Герцен передал ей для ознакомления рукопись "Рассказа о семейной драме" ч. V "Былого и дум", прочитав ей "с каким-то религиозным трепетом" отрывок о "последних минутах" Н.А. Герцен (XX, 606).

24 августа Тата писала Рейхель в связи с этим: «Узнала я многое о прошедшем, о "Былом" в последнее время и все больше и больше ценю папашину любовь к нам, чувствую, как мы сближаемся. Он стал ласковее, хотя смотрит на меня, как на "большую", а не как на ребенка – мы больше вместе, часто вдвоем гуляем» (см. ниже).

[9] Герцен ответил 12 мая (XXVIII, 73–74).

45

16-го мая 65. Флоренция

По просьбе Саши мы приехали даже двумя днями раньше, чтобы присутствовать при празднике Данте[1]. До сих пор мы принимали часть в нем только первый день – вчера и сегодня все так безумно дорого, что мы решились ничего не видеть.

Быстрыми шагами приближаемся к вам – из Рима приехали сюда в 18 часов – зато сделаем здесь паузу маленькую – посетим опять старых знакомых и друзей, живых и писаных – Шифф, Пульские и "company" dei Pitti, Uffizi e C°[2].

Здесь живое общество гораздо разнообразнее римского – в этом отношении кружок знакомых был бы, конечно, вкуснее римского.

Какие Шиффы милые, добрые люди, сказать нельзя – одно их знакомство что стоит – Шифф с Ольгой так мил, каждую минуту ее зовет и что-нибудь показывает или объясняет.

Живем мы, окруженные знакомыми. Напротив Шиффы, так что мы из окон разговариваем, направо Бакунин с женой, налево брат Шиффа[3] и Мамоновы.

У Пульских был огромный праздник в день после нашего приезда. 300 гостей. Саша им ничего не говорил о нашем приезде, мы явились неожиданно – их очень обрадовали. Толпа рассыпалась по залам, террасам и садам, так что не было ни тесно, ни душно. Отличный виолончелист Бекер (германизированный араб Абу-Беку) играл на скрипке, Маркизио[4] пела, лучшие актеры репетировали части Данте – в то же время приготавливался сюрприз в саду, tableaux vivants[193*], освещенные бенгальским огнем.

Имя художника, о котором говорил Линдеманн – Van Mayden, он жанрист, а не пейзажист[5]. От многих слышала, что он отличный человек и художник, у меня к нему рекомендательные письма от Линдеманна, Леманна и Копфа...

Радуйся, Папаша, я начинаю сама видеть, что Рим – чересчур мертвый город – или, может быть, я в счастливую минуту попала сюда. Мне все кажется так интересно, разговоры так живы, разнообразны – и то, что опять между русских, – что я решила, если ты нас опять отпустишь, в случае, что жизнь наша не устроится в Женеве, то надобно ехать сюда.

Мы познакомились здесь с семейством кн. Оболенской, жены губернатора[6].

[193*] живые картины (*франц.*).

Очень хорошие люди, теперь они по дороге в Неаполь, на будущий год возвращаются сюда.

О Дантовском празднике ничего рассказать не могу.

Adieu, прощайте. Вас всех обнимаю и целую, друзья. Кланяюсь. Что здоровье Ага?

Ваша Т а т а

[1] Мейзенбуг писала Герцену, что она с Татой и Ольгой приедет из Рима во Флоренцию (на пути в Женеву) 16 или 17 мая. Однако в связи с предстоявшими там 14–16 мая торжествами, посвященными 600-летию со дня рождения Данте, они, по совету А.А. Герцена, приехали во Флоренцию 13 или 14 мая. По случаю этого юбилея Герцен и Огарев 14 мая отправили телеграмму в Comité du Dante (неизвестна) и 15 мая – написанное Огаревым приветственное письмо в флорентийскую газету "Giovenù" вместе с его стихотворением "Il giorno di Dante" (см. XXVIII, 74, 75, 264–265, 395). Дочери Герцена и Мейзенбуг выехали из Флоренции в Женеву около 28 мая в сопровождении А.А. Герцена и прибыли туда около 1 июня.

[2] Тата называет в качестве своих "писаных знакомых" портреты из флорентийских галерей Питти, Уффици и др.

[3] Гуго *Шифф* – врач.

[4] Вероятно, К. Маркизио.

[5] Отклик на письмо Герцена к Мейзенбуг от 2–3 мая, в котором он писал: "Не знаю, какого художника имеет в виду Л(индеманн), я наведу справки" (XXVIII, 71). Швейцарский художник-жанрист, портретист и анималист Альфред-Жак ван *Муйден* в 1857 г. основал в Женеве Общество друзей искусства. Герцен познакомился с ним, очевидно, летом 1865 г. в связи с поисками учителя для Таты (в "Скуки ради" он писал: «Недаром мне Фан-Муйден говорил: "Чем больше я рисую, тем больше меня занимают лица, одни лица, головы, физиономии; что за неисчерпаемое богатство оттенков выражений", – "и невольных исповедей", – прибавил я» – XX, 445).

[6] Кн. Зоя Сергеевна *Оболенская* (жена московского губернатора кн. А.В. Оболенского), расставшись с мужем, жила с тремя дочерьми в Италии, где подружилась с М.А. Бакуниным и через него вошла в эмигрантскую среду; впоследствии познакомилась с Герценом. Старшая дочь Оболенской Екатерина (с 1866 г. жена А.А. Мордвинова, корреспондента "Колокола" – см. о нем XXVIII, 124) продолжала общаться с Татой и в 1869 г. (см. XXX, 47).

46

ГЕРЦЕНУ И САШЕ

14-го июля 1865. Пятница.
Engstelen-Alp Amt-schreiber-Ratz
von Brienz, bei Meyringen[1]

Сижу и пекусь на солнце, несмотря на то, что два шага от меня лежит снег. Я уверена, что на полвершка похудела со всех сторон, после нашей вчерашней работы; чтобы начать сначала мы в 4^{1}/$_{2}$ были уже на ногах, rendez-vous было в *6* на станции, нас 13 человек:

1. M-r Frölich	1. M-me Андрусская	1. Мальвида
2. M-me Frölich	2. Ольга А.	2. Ольга
3. Lina	3. Володя А.	3. Тата
4. Немка	4. Варя Быкова	4. Надя

и m-me Мечникова.

Начали мы с железной дороги до Туна, впрочем, ты, Папаша, знаешь дорогу до Reichenbach'a и Giessenibach'a – мы продолжали путь по Brien'скому озеру до Brienz'a; тут, пообедавши, уселись кое-как в двух колясках и ехали до Meyringen'a.

Подыматься мы начали ровно в 4. Пять человек несли багаж – к тому же взяли трех лошадей. Все садились по перемене, кроме m-me Мечниковой, Вари, Лины и меня. Лина со мной – мы все составляли avant-garde[194*]. Раз присоединились к нам Варя, Ольга и немка, мы пошли таким быстрым шагом, что все другие отстали.

[194*] передовую линию (*франц.*).

M-me Fr⟨ölich⟩ нам уже говорила, что надобно снять корсеты, что это останавливает кровообращение, мешает и т.д. Не нужно было мне это два раза говорить – я даже предложила всем снять лифы. Через полчаса мы других совсем из виду потеряли, прекрутая дорожка вела лесом, жар ужаснейший – я все подавала пример, как облегчать туалет, сняла рукава, через некоторое время остановилась и предложила, так как мы в лесу, те далеко за нами, никто нас не увидит, снимем и жакетки, детей пошлем avant-gard'ой вперед, если они кого-нибудь увидят, они кликнут – и вмиг мы все очутились в презабавном костюме – большой неглиже или большой туалет, смотря по точке зрения. Что шеи и руки уже бронзового цвета, это само собой разумеется, а кисти рук остались сливочными, потому что мы перчатки не снимали. Дорожка становилась все хуже и хуже, наконец разделилась на две. Куда нам идти? – Ничего, все ведут в одно и то же место, – сказала Лина (начинается, как будто бы мы потерялись – но нет, ничего подобного не было), – только после нескольких шагов я говорю: "Да это ⟨не⟩ дорожка, а просто ручеек – попробуем ту". Тут я поднимаю голову и вижу, что на скале именно перед нами сидит мужская фигура. Т а т а: "*Ах*!" (точно Татьяна, увидевши медведя)[2]. Мы все за куст – и началось – кто он? что такое? мужик или господин? Кажется, художник, вздор! – Я видела мольберт! Как нам пройти! – Ничего, наденемте жакетки и бойко пройдем! – Авось мужик.

Оделись мы опять, подойдя, мы успокоились, увидавши, что это, в самом деле, был только мужик с ведром молока, а не художник с мольбертом.

Надобно спешить – собрание в 3½, еще полчаса. Виды описывать нельзя. Это такое великолепие, что лучше всего молчать. Потокам, каскадам, ручьям конца нет, но главное это массы скал, линии гор и освещения. В седьмом часу первый план, долина, по которой вела наша дорога, и скалы с обеих сторон, были уже совсем в тени. В середине вдали виднелись снежные горы Matterhorn, ярко освещенные заходящим солнцем. Зовут!

Словом, мы ходили с 4 ⟨до⟩ 9, не останавливаясь. Дошли – было уже темно – сели и, казалось, никогда уж не встанем. Однако напились какого-то кипятку, которого нам подали вместо кофе, – *попробовали* сливки и были готовы танцевать.

Нехорошо было то, что пришлось ждать долго в мокрых платьях – мы озябли, а фюреров[195*] все не было. Я заказала себе ножную ванну – десять минут работала чтобы снять ботинки – и только снявши увидела и почувствовала, что ноги все в пузырях. Сегодня поутру я все время с 9 ⟨до⟩ 12 гуляла и разговаривала с Фр⟨ёлихом⟩, он мне очень нравится и Ольгу хорошо понимает.

Всем вам кланяемся, как все те, которые вас знают.

Теперь прощайте, всех целую.

Ах, если б Саша мог приехать! A propos, когда ты едешь, Саша, мне непременно надо знать, и что ты намерен еще делать[3].

Твоя Т а т а

Фрёлих очень жалеет, что тебя нет здесь, Саша. Что Лизок? Вот будет много рассказывать, когда вернемся.

Кланяюсь Тхор⟨жевскому⟩ и Касаткиным.

N. H e r z e n

Aux soins de l'Amtschreiber. Ratz von Brienz.
Engstelen-Alp, bei Meyringen[4]

[1] 12 июля Тата и Мейзенбуг привезли Ольгу в бернский пансионат Фрёлиха (о помещении ее туда Герцен договорился с ним во время пребывания с Ольгой и Мейзенбуг в Берне 22–30 июня – см. XXVIII, 82–86). 13 июля Фрёлихи с ними и еще несколькими ученицами и сопровождавшими их взрослыми, в том числе Надей Мечниковой и ее матерью О.Р. Скарятиной (гражданской женой Л.И. Мечникова), отправились в путешествие по горной Швейцарии.

195* проводников (*нем.* Führer).

[2] *Сон Татьяны* – эпизод из "Евгения Онегина" Пушкина (глава 4-я, строфа XII).

[3] А.А. Герцен выехал из Женевы в Берн 20 июля, чтобы затем отправиться к сестрам в Энгштелен-Альп. Прибыл туда 23 июля вечером, задержавшись из-за дурной погоды у кн. П.В. Долгорукова в Интерлакене. Дети Герцена вернулись с Мейзенбуг в Берн 25 или 26 июля, а в Женеву Тата и Саша приехали 27 или 28 июля.

[4] Герцен ответил 17 июля (XVIII – 80–82 с опиской в месяце: *июня*).

47

23-его, 24-ого июля 1865
Engstligenalp, bei Meyringen

Жду, жду – не дождуся ответа.

Погода меняется, солнце скрывается, сквозь туман ничего не видать, а ответа нет как нет. Мечников приезжает[1], рассказывает такую чепуху, что я ничего не понимаю, – Саша с Лугининым в объятиях Долгорукова, слушает с восхищением пение Лион[2] и наслаждается чистым воздухом Фауль-Горна – причем ждет телеграмма от сестрицы, которая его ждет с нетерпением в тумане на Engstelen-Alp. Не понимаю, в чем дело, только с нетерпением жду ответа.

Рукой А.А. Герцена:

Ну вот и дождалась живого ответа: мой путь до Берна был великолепен, – в Берне на другое утро в 5 часов было тоже совершенно хорошо, но на Тунском озере погода испортилась – в Интерлакене сделалось до того гадко, что не решился ехать дальше и телеграфировал сюда вопрос, не ожидать ли их в Интерлакене. Целый день шел проливной дождь – ответ пришел только вечером, что погода на горах поправляется и чтобы я непременно приезжал. Все воскресенье это действительно была прелестная погода, и я отлично дошел до Engstelen-Alp. Они хотят возвращаться другой дорогой, через Engelberg на 4-хкантонное озеро и через Люцерн в Берн; стало, я потерял ровно сутки и, кроме того, пришел сюда, когда уже нельзя было отправить письма, так что ты получишь письмо двумя днями позже, чем ожидал, да и мы приедем двумя днями позже. Место здесь превосходное – вчера вечер был восхитительный, – сегодня такая ужасная погода, что нельзя носа показать на дворе и невозможно тронуться ни вперед, ни назад, надо терпеливо ждать; даже бедный Мечников, хотевший ехать, застрял.

Я не успел порядком поговорить ни с кем, добился только того, что 1) письмо Мальвиды к тебе было написано, по ее словам, в "мрачную минуту"[3]; 2) что весь alarme[196*] Мечниковых действительно происходит от той знаменитой оплеухи[4], и что m-me Мечн⟨икова⟩ после длинных разговоров с Фрёлихами опять совершенно успокоилась и обещала долго не приезжать больше к Наде, которая совершенно счастлива и всем довольна. Подробности на словах. Сегодня я переговорю со всеми; погода дает на это отличный случай.

Итак, не ожидай нас прежде четверга[5], особенно ежели ты желаешь, чтобы я подробно расспросил Адольфа[6].

Обнимаю всех

С а ш а

Рукой Н.А. Герцен:

Я больше писать не могу об холоде и не хочу, чтобы было кое-что рассказать.

Т а т а

Вчера танцевала на глетчере – брат Мечникова[7] расскажет все – он с нами был. Обнимаю и целую всех.

[1] Л.И. Мечников.

[2] С *О.И. Лион*, дочерью владимирского губернатора И.Э. Куруты, одаренной певицей-любительницей (см. XXII, 63, 92), Герцен познакомился во Владимире в 1838 г. В 1865 г. она поселилась с детьми в

[196*] переполох (*франц.*).

Берне, переписывалась и не раз виделась с Герценом; найдя у Таты голос, рекомендовала учиться пению (см. XXVIII, 100).

[3] Это письмо неизвестно. Возможно, на него Герцен отвечал 17 июля (см. XXVIII, 81–82).

[4] Л.И. и О.Р. Мечниковы, а также Герцен были встревожены, узнав, что Надю (дочь О.Р.) "били" в пансионе (см. XXVIII, 85).

[5] Тата и Саша вернулись в Женеву 27 или 28 июля.

[6] С А. *Фогтом*, профессором гигиены Бернского университета, братом К. Фогта, Герцен и Саша были знакомы еще с 1849 г. (см. XXIII, 154).

[7] *И.И. Мечников* приехал в Швейцарию для встречи со своим старшим братом Л.И. Мечниковым из Гиссена, где занимался зоологией, по-видимому, в начале июля 1865 г. и познакомился с Герценами.

48

31-ого марта[197*] 1866.
Hôtel des Alpes. Montreux[1]

На этот раз я доехала до Votan'а без приключений. Сначала вагон был битком набит молодыми женевцами и хорошенькими американками, так что Пан[2] с завистью смотрел на меня. Но утешь его, они недолго остались, и я очутилась одна одинохонька. В Вевее вошел какой-⟨то⟩ корпулентный[198*] старичок, с картофельным немецким лицом и шершавой шляпой с широкими полями. Вот и всё. Я была так уверена, что Natalie придет на встречу, что ужасно сконфузилась, очутившись одна на станции, – однако не оставаться же мне тут. Отправилась я – и после нескольких шагов увидела черную точку с длинным голубым хвостом, которая изо всех сил бежала мне навстречу. Нетрудно было мне узнать мою Лизочку. Расцеловала я ее, подняла голову – и увидела четырнадцать глаз, устремленных на меня, – пара глаз Natalie, пара miss Turner, две пары обоих Жуковских[3], две пары обоих Ауербахов[4] (так что я сейчас же исполнила поручение Касаткина) да пара Стеллиных[5], который приехал по каким-то делам; от него я узнала новость о Фази[6]. Какой скандал!

Натали торопит. Мы все здоровы. А вы чтó, чтó Жегонь?

Обнимаю и крепко тебя и Ага целую.

Твоя Тата

Как насмех, опять дождь.

[1] 30 марта Тата поехала из Женевы в Монтрё, где жили Тучкова-Огарева и Лиза. Вернулась в Женеву около 25 апреля (XXVIII, 176, 178–180).

[2] С. Тхоржевский, провожавший Тату на вокзал.

[3] Участник русского революционного движения Николай Иванович *Жуковский*, с 1862 г. эмигрант в Лондоне, затем в Швейцарии; весной 1866 г. он и его жена Ада Степановна жили близ Монтре.

[4] Вероятно, Герман Андреевич *Ауэрбах* и его жена Юлия Федоровна, приехавшие в феврале из России (Герцен познакомился с Ауэрбахом 1 марта в Монтрё – см. *ЛЖГ* IV, 237).

[5] Участник польского восстания *И.Ф. Савицкий* (Ян Стелла), эмигрант, в 1865–1866 гг. преподавал в Женеве Тате историю и географию.

[6] Вероятно речь идет об отставке Дж. Фази с поста чина Большого Совета Женевского кантона. Был снова избран в 1868 г. Ср. "Скуки ради" (XX, 481–488).

49

⟨Беризаль.⟩ Понедельник, 9 часов утра.
24 сент⟨ября⟩ 1866
Hôtel de la Poste. на полдороге[1]

Здравствуй, бедный дорогой Папаша,

Ты теперь сидишь в Морже и сердишься на погоду. Ну, нам не лучше тебя. Поневоле сидим в крошечном этом трактирчике и, пожалуй, ночевать придется. Дождик льет, как из ведра, – все ручейки сделались почтенными водопадами, с вче-

197* *В автографе ошибочно*: апреля. – *Ред.*

198* дородный (*франц.* corpulent).

ФЛОРЕНЦИЯ
Акватинта с рисунка Кароччи, 1840-е годы
Из альбома: Vues de Florence et des principeaux villes de la Toscana. Florence, s.a.

рашнего дня переезд невозможен. Но вечер и ночь мы провели хорошо. Мы недолго сидели одни после того, как расстались с тобой. Вошел какой⟨-то⟩ военный швейцарский, учтивый, galant, верно, отполированный во Франции, – сейчас начал с нами разговаривать – словом, чисто светский человек в светло-лайковых перчатках.

В Вильнёве нам пришлось менять вагоны, и остальную часть вечера мы сидели с тремя охотниками, которые едут в Африку на охоту львов. Один из них такой оригинал, что весь вечер нас забавлял. Сначала я его приняла за австрийского офицера. Говоря между собою, эти господа перемешивали английский, французский, немецкий и испанский язык. Я Саше заметила по-русски, что они хотят похвастаться, – вдруг "оригинал" начинает мешать и русские слова в разговор, потом обратился к нам и понемному рассказал всю свою историю, как он ненавидит все сивилизованные страны, какую тоску на него наводят все по моде одетые люди. Мать его была англичанка, отец – русский, он сам вечно путешествует, видел и знал множество людей всех классов, и они ему так опротивели, что он может только жить в диких странах и охотиться за дикими зверьми. Теперь едет во второй раз в Африку на охоту львов.

Не могу кончить, французы едут, надобно отдать письма, продолжение до будущего №. У нас очень забавное общество. Французы – какие-то члены фамилии d'Orbens. Остальные американцы и американки, последние очень милые и образованные девушки.

Прощайте – всех целую.

Т а т а

[1] 23 сентября Н.А. и А.А. Герцены выехали из Женевы во Флоренцию по железной дороге, а затем должны были дилижансом переехать через Симплонский перевал (Герцен провожал их до г. Морж). Однако им из-за ливня пришлось задержаться на станции Беризаль. Письмо закончено "во вторник поутру"

– 25 сентября. 27 сентября, перед отъездом из Беризаля в Домодоссола, они вновь написали Герцену (это письмо неизвестно, получено им 29 сентября – см. XXVIII, 222). О дальнейшем путешествии см. в п. 50–51. Приехали во Флоренцию 29 сентября.

50

⟨Флоренция.⟩ Воскресенье ⟨30 сентября 1866 г.⟩.
41. Via Santa-Monaca[1]

Итак, ты все-таки беспокоился, бедный Папаша, – я вижу, потому что ты телеграфировал сюда[2]. Видно, весть о несчастии дошла до тебя прежде нашего письма.

Nous l'avons échappé belle[199*], это правда. Но все-таки благополучно приехали и здесь нашли всех здоровыми – так что все приключения прошлые очень забавны. Начну с начала. Как мы познакомились с охотниками, я, кажется, уже рассказала. – M-r Wendt с друзьями сел в наш вагон в Vielencur'e и заговорил с нами. В десять часов вечера мы сели в дилиженс и ехали преспокойно всю ночь, в Brieg напились кофе – дождик уже лил, как из ведра, а на полдороге между Brieg'ом и маленькой станцией Berisal мы встретили дилиженс, который возвращался с той стороны гор. Кондуктор нашему кучеру сказал, что он не будет в состоянии проехать. Мы не поворотили сначала, но, доехавши до Berisal'a, в девять часов утра, нам объявили, что надобно подождать несколько часов. Ждали мы до вечера, дождик усилился, нам объявили, что придется ночевать; места было так мало, что сначала хозяйка нам сказала, что Саше и мне придется удовлетвориться одной комнатой. Однако наши охотники, узнав это, сжалились и уступили комнату – устроились кое-как все трое вместе. На следующее утро мы услышали, что и думать нечего ехать до вечера; вечером – что думать нечего ехать до утра, и т.д. – от понедельника до четверга. Первая наша мысль во вторник поутру была телеграфировать во Флоренцию и тебе написать... Француз (мы потом узнали, что это duc de Chartres) взял письмо[3] и депешу – когда они были получены, я не знаю, но посланы были во вторник поутру – из Berisal. В трактирчике, который важно называется Hôtel de la Poste, мы нашли итальянца, который приехал накануне поутру и тоже не мог продолжать путь, и американское семейство. Pater familias[200*] с женой, преумной дочерью, сыном и племянницей. Скоро все познакомились – стали друг друга расспрашивать, откуда, куда, имена и т.д. Многое их удивляло в Европе – несвобода девушек их возмущала, и с трудом мы их убедили, что ужасы, которые делаются в России – правда[4]. После каждого факта, который я рассказывала, они восклицали: "How happy we are to be Americans!"[201*] M-r Wendt, африканский охотник, играл роль шута всего общества. Он ужасно много путешествовал, много видел и презабавно рассказывает.

В середу вечером он предложил сварить пунш на все общество. Принесли огромный котел, рому и красного вина да дюжину яиц – все по очереди били яйца, и вышло ⟨!⟩ превкусный напиток, что-то между жженкой и гогель-могелем. В четверг поутру[5] мы узнаем, что можно ехать. Duc de Chartres вернулся из Brieg'a, рассказал нам, что долина между Sion и Brieg вся под водой. В самом Brieg'е постоянно били в барабан, чтобы сзывать жителей, днем и ночью все работали, строили digues[202*]. Потом все собирались на площади и молились.

Американцы уехали прежде, чем дилижанс приехал, – наконец, в 12-том часу мы слышим, это он подъезжает. Все в восторге бегут вниз – и что же? Прибегает курьер[203*] с вестью, что как только проехали кареты французов и американцев, "il y a eu un nouvel écroulement"[204*] – проехать невозможно. Но терпения больше не было, мы оставаться не могли, объявили, что непременно хотим ехать и собственными глазами видеть, что́ случилось, – так и сделали.

199* Мы счастливо отделались (*франц.*).
200* Отец семейства (*лат.*).
201* "Какое счастье, что мы американцы!" (*англ.*)
202* запруды (*франц.*).
203* посыльный (*франц.* courrier).
204* "произошел новый обвал" (*франц.*).

Около десяти минут езды выше, над нашим трактирчиком, маленькая каскада сделалась огромным водопадом и вместо того, чтобы течь порядком под аркадой, построенной нарочно для нее, вздумала течь через нее по большой дороге, – но к нашему приезду успокоилась. Зато часть дороги была завалена камнями. Дождь, должно быть, размягчил землю, и часть переднего холма упала. M-r Wendt подал пример, он выскочил, засучил рукава и начал помогать работникам – за ним пошли и остальные мужчины, я была единственная дама дилижанса. Я сидела на бревне около дилижанса и с ужасом смотрела на них – маленькие камни не переставали катиться, и я видела целые скалы, которые едва-едва держались, но стыдно было Сашу звать. Через полчаса они очистили край дороги ровно достаточно для того, чтобы с трудом перетащить дилижанс. Но мы перешли как можно скорей пешком. О многих неприятных деталях я не говорю, как, напр⟨имер⟩, когда мы хотели ехать в купе в Berisal, оказалось, что места взяты; к счастью, сумасшедший англик, который взял, с утра отправился пешком до деревни Simplon – и там оказался очень учтивым, уступил нам места. До Domodossola мы доехали без замечательных приключений. Только вода вошла в галереи и набросала столько камней, что мы не знали, как проехать, послали людей вперед вымерить вышину аркад и сравнить с вышиной дилижанса, оказалось, что ровно достаточно места. Но дорога была так неровна, что пришлось снять весь багаж и положить его на особой телеге, а то мы бы двадцать раз перевернулись.

Чувство, что "вот-вот упадем направо – вот-вот непременно упадем влево" – нас не покидало, то Саша невольно совсем опирался на меня, то я на него – прибавь к этому, что у меня сделалась страшная мигрень. Приехавши в Domodossola в 7 часов вечера, я должна была немедля лечь (с тошнотою) – одетая, потому что дилижанс продолжал путь в 2 часа ночи.

Да, одно я забыла, между Simplon и Domodossola, на полдороге, уже смеркало⟨сь⟩, кто-то останавливает дилижанс – мы узнаем бедного маленького италиянца, который с самого воскресения ждал в Berisal. Он показывает билет, говорит, что дошел пешком. Кондуктор, грубый зверь, говорит ему, что здесь не место, что слуги нет, и кричит кучеру: "En route!"[205*]. Сквозь шум колес и крики кучера мы слышали, что кто-то продолжает ругаться, но только на следующий день узнали, в чем было дело. Маленький италиянец пустился бежать за дилижансом, держась за какой-то крючок или за ручку, ругая кондуктора; последний, чтобы от него отделаться, ударил его ногой, громадным сапогом, так что рука была в крови и вся распухла. Бедняга пешком прошел от Berisal до Domadossola.

Не могу кончить – надобно послать письмо – завтра докончу. Все здоровы и веселы. Ольга переменилась очень, к лучшему.

Всех целуем. Ольга очень рада всем подаркам[6].

Тата Г.[7]

[1] Письмо датируется по содержанию и помете о дне недели.

[2] 24 или 25 сентября Герцен написал письмо к Мейзенбуг во Флоренцию с выражением тревоги за Тату и Сашу в связи с обвалами на горных дорогах (до нас не дошло – см. XXVIII, 221, 402 – № 89, с отнесением к 23 или 24 сентября).

[3] Речь идет о п. 49 и посланном вместе с ним из Беризаля неизвестном письме А.А. Герцена от 25 сентября, который писал, что они "находятся посреди Симплона, не имея возможности ехать ни назад, ни вперед" (XXVIII, 222). Герцен получил их 26 или 27 сентября, но еще 25-го узнал из газет о катастрофе с дилижансом на пути из Швейцарии в Италию, телеграфировал в лионскую контору дилижансов запрос, какой дилижанс перевернулся (текст неизвестен, см. XXVIII, 291, 402, № 90), а затем – Ольге и Мейзенбуг, спрашивая, нет ли вестей о Саше и Тате.

[4] Имеется в виду усиление репрессий против демократической молодежи в связи с покушением Д.В. Каракозова на Александра II 16/4 апреля.

[5] 27 сентября.

[6] См. п. 51.

[7] Герцен ответил, вероятно, около 3 октября (письмо неизвестно). – См. п. 52.

[205*] "Трогай!" (*франц.*)

51

Понедельник, 1-го октября 1866
41. Via Santa-Monaca.
Piazza del Carmine. Firenze

Здравствуй, милый Папаша!

Итак, продолжаю – потому что странно, что я вчера ни слова еще не сказала о Флоренции и ее жителях. Но я хотела последовательно рассказывать. – Из Domodossola мы выехали в 2 часа ночи – багаж все еще следовал на телеге. Вся дорога по обеим сторонам состояла из одних болот. В некторых местах вода унесла целые части стен и завалила дорогу кирпичами и камнями. Саша двадцать раз просил кучера остановиться при малейшей опасности, говоря, что мы предпочитаем пешком пройти по опасным местам.

Увидя, что ⟨я⟩ заснула под конец, Саша себе сказал, что ни за что не заснет, и хорошо сделал: дорога становилась все хуже и хуже – вода образовала то дыры, то холмики. В пятом часу мы встретили тележку с тремя мулами, которая совсем завязла. Дилижанс никак не мог проехать, Саша сейчас же вылез и меня вытащил, остальные пассажиры последовали нашему примеру. Долго рассуждали кучера, наконец решились привязать лошадей дилижанса к тележке, вытащили, потом и дилижансу удалось переехать, переваливаясь с боку на бок, – и так нам пришлось около трех или четырех раз выходить.

Я никогда не думала, что наводнение может иметь такие ужасные последствия. Я себе представить не могу, с какой силой текла вода да в ширину всей долины. Жаль, что не видела, должно быть страшное, но великолепное зрелище.

В десятом часу мы были в Ароне, опоздали к первому пароходу – я была очень рада, потому что проголодалась и голова просто кружилась от устали. Поевши, я сейчас легла, а Саша встретил брата женевского Levier[1], дядю Розы, и пошел с ним по разным делам. Когда ты будешь в Ароне, остановись в этом отеле "L'albergo d'Italia" – нас очень хорошо знают. Ты увидишь молодую, хорошенькую сестру хозяина, которую мы прозвали кариатидой. Они нас сейчас узнали, очень мило приняли. Isabella хочет непременно читать твои мемуары; говорит, что столько слышала о тебе от разных путешественников. Пожалуйста, остановись там и скажи, что ты Искандер.

В пять мы сели на пароход, вдруг нас окружила толпа. "Bonjour, vous voilà, hello! How do you do?"[206*] – все общество Berisal'a было тут – со всех сторон расспрашивали: "How did You crop, comment avez-vous passé?"[207*]. В Milano все расстались, "hoping to meet again some day"[208*].

Ночью мы отлично спали в вагоне, а в субботу в 8 часов утра были во Флоренции. Ольга, Levier и Berduschek нас ожидали – все здесь так беспокоились, бедняжки, Бог знает сколько раз были на станции. Боже мой, как мне было странно видеть Ольгу – мы одного роста, теперь едва-едва заметно, что ⟨я⟩ чуть-чуть выше, об занятиях я, конечно, еще судить не могу, знаю только, что она играет гораздо лучше, avec plus de fermeté[209*]. Но характер ее очень переменился – т.е. она более похожа на молодую девушку – видно, что все пойдет ладно, полно и хорошо между нами, в этом я не сомневаюсь. То, что она одна читает, ведь уже громадный шаг для нее; потом она все уроки готовит совсем одна, М⟨альвида⟩ никогда не вмешивается и не помогает. Она почти целый день занята – но все-таки как-нибудь постараюсь устроить чтение с ней, она сама желает. Здоровье бедной Mali все еще нехорошо, в лице она не постарела, но стала еще более боязливее прежнего – и в самом деле очень страдает ужасными головными болями (вот, пока я пишу, Ольга играет Nocturne Фильда).

Ну, прощайте на этот раз. Теперь, милый Папа, я тебя успокоила насчет наше-

---

206* "Добрый день, вот и вы, привет, как поживаете?" (*франц., англ.*)
207* "Как вы ⟨здесь⟩ оказались? Как вы проехали?" (*англ., франц.*)
208* "с надеждой на новую встречу" (*англ.*).
209* с большей уверенностью (*франц.*).

го здоровья и насчет всего физического, дай же успокоить тебя насчет всего морального. Имей же доверье ко мне. Конечно, в этаких обстоятельствах никогда нельзя ручаться вперед – но я себя очень хорошо знаю и знаю, что ничего "опасного" здесь нет, – и будь уверен, что я тебе все откровенно буду писать.

За сим обнимаю и крепко, крепко тебя целую. Чтó здоровье Огарева – чтó планы Natalie[2] – и что делает Каракозочка?[3]

Твоя Т а т а[4]

[1] В Женеве жил отец врача Э. Левье (флорентийского приятеля А.А. Герцена). С "женевским Левье" и его дочерью Розой Герцены, очевидно, были знакомы уже летом 1866 г. (см. XXVIII, 205; *ЛЖГ* IV, 279).

[2] Н.А. Тучкова-Огарева находилась с 31 августа 1866 г. в Женеве.

[3] Так Тата называла Лизу.

[4] Ответ Герцена, написанный, очевидно, в Базеле около 9 октября и отправленный вместе с письмом к Мейзенбуг от этого дня, неизвестен (ср. XXVIII, 225–226).

52

Воскресенье. 7-го октября 1866.
41. Via S.-Monaca. Piazza del Carmini. Firenze

Получили мы обе твои записки, милый Папа, и обе сделали на меня очень грустное впечатление. Первая, написанная, когда ты еще не знал, что мы благополучно доехали, меня очень огорчила, что ты так беспокоился и тревожился о нас, бедный, добрый Папаша[1], – несмотря на то, что мы сейчас же написали[2]. Вторая – уж лучше не говорить о ней[3]. Все ли я причиною неприятностей разных – ведь я стараюсь не быть так небрежной – и все не удается – что же, у меня мозг иначе устроен, чем у других, – или Бог знает чтó! Во всяком случае, мне очень, очень жаль, что я тебе оставила такой скверный сувенир – но дай мне все-таки поцеловать тебя, дорогой Папаша, и постарайся забыть все это.

Ты спрашиваешь об Ольге – я тебе все расскажу откровенно. Я лично ей в самом деле очень, очень довольна, да и в остальном, т.е. в занятьях, видно очень много bonne volonté[210*]. Она ходит ежедневно к Domengé[4], который, по-моему, отличный учитель, я уже несколько раз провожала Ольгу и присутствовала при уроках, он ею доволен и говорит, qu'elle travaille consciencieusement[211*]. Он не строг, но понимает ее характер. Задачи всегда все сделаны. Он сам ей написал разделение времени, сколько часов она должна заниматься – так как она работает еще медленно, все выходит побольше. Для чтения одной ей решительно времени нет теперь.

Встаем мы все рано, в шесть или $6^1/_2$ – в 8 пьем кофе, а до кофе Ольга работает. По вечерам собираются наши знакомые то у нас, то у m-me Шифф – иногда мы остаемся дома. Лица нашего кружка тебе знакомы, если не лично, то по рассказам. Levier-fils[5], Berduschek[6], Blaserna и всевозможные Шиффы – собравшись, мы "музицируем" или читаем; Blaserna очень хорошо читает и объясняет разные итальянские стихотворения. На днях мы прочли некоторые удивительно хорошие вещи Leopardi – а потом я их для него перевела. Может быть, ты помнишь два маленькие стихотворения "L'infi⟨ni⟩to" e "A se stesso". Другое, подлиннее – "Alla sorella Paulina" – все удивительно хороши[7].

Были мы раз тоже в театре – видели опять "Le lion amoureux" Ponsard'a. Domengé – важная особа во Флоренции, имеет всегда ложу к своим услугам или к услугам своих друзей – благодаря ему мы были в Nicolini и видели "Влюбленного льва".

Квартира наша хороша, комнаты для итальянского дома очень "не маленькие" – и для всех вдоволь места. В твоей будущей комнате я себе устрою теперь маленькую мастерскую и опять возьмусь за живопись. Чтобы не разучиться по-русски болтать и видеть русских время от времени, я возобновила знакомство с Ге. Он опять работает над большой картиной, и сюжет опять взят из Библии. Магдалина бежит объ-

210* доброй воли (*франц.*).

211* что она работает добросовестно (*франц.*)

явить, что видела *воскресение* – а на первом плане группа солдат стоит, смеется и рассчитывает деньги получить для того, чтобы не рассказывать, что́ они видели[8]. Картина странная; что касается до композиции, мне кажется, что слишком мало фигур – главное лицо, Магдалина, вдали в середине картины, а солдаты – в крайнем правом углу. Потом, мне кажется, что в каком бы новом и реальном виде художник ни представлял все эти сюжеты, он мог бы найти интереснее предметы в современных или не до такой степени отдаленных событиях.

Теперь вот какой у нас важный вопрос. Ты нам сказал сыскать здесь лучшего учителя пенья. Узнали мы, что дама одна хорошо учит, написали ей – но судьба нас предостерегла, девушка наша Gaetana ее не нашла. В тот же день мы узнаем, что только что приехал знаменитый учитель пенья из Парижа – Panovka. Признаться, я никогда о нем ничего не слышала, да где же и было слышать – но здесь его m-me Sabatier рекомендует всем своим ученицам. Но он господин с придурью и претензиями. Решился Саша сходить к нему – он ему сейчас же объявил, что он приехал сюда на зиму, уроков не ищет, но если кто очень желает, готов учить под следующими условьями: брать непременно три урока в неделю и абонироваться помесячно, – а урок стоит 15 фр. А начать он все-таки должен с того, чтобы испробовать голос и видеть, стоит ли труда заниматься им. Это хорошо, а вместе с тем как страшно будет пробовать. Завтра мы пойдем к нему пробовать голос, чтоб знать, стоит ли вообще заниматься, ну а абонироваться, конечно, никак не можем без твоего согласия. Отвечай же поскорей, что ты советуешь, если ты думаешь, что на это не стоит столько тратить, – можно продолжать одной или с дамой или решиться попробовать хоть месяц с Panovk'ой. Сегодня мы, должно быть, сделали последнюю большую прогулку, т.е. pick-nick – целый день провели в Pratolino – вернулись недавно, а теперь идем спать.

Прощай[9]

[1] Возможно, речь идет о письме Герцена к Мейзенбуг от 29 сентября, в котором он, рассказывая о тревожных днях ожидания вестей от Н.А. и А.А. Герценов (с 25 сентября), писал: "Я устал... exhausted ⟨выдохся – (*англ.*)⟩ – все напасти бьют меня молотом по голове. Я не припомню более ужасного времени, после гибели моей матери, после 1852 и кошмарных декабрьских дней 1864 в Париже" (XXVIII, 221).

[2] См. п. 49.

[3] Это письмо Герцена к Тате, написанное около 3 октября, вероятно, под тяжелым впечатлением от ссоры с Тучковой-Огаревой (см. XXVIII, 222–224), неизвестно.

[4] *Ж. Доманже*, участник революции 1848 г., эмигрант, в 1860-е годы держал во Флоренции "маленький пансион", где Ольга училась французскому языку, арифметике, истории (см. письмо Г. Моно к г-же де Прессансе от 12 марта – *Vinant*, 213–214).

[5] *Э. Левье* (Левье-сын; см. п. 51 и прим. 1 к нему).

[6] *М. Бердушек*, приятель А.А. Герцена.

[7] Стихотворения Дж. Леопарди "L'infinito" ("Бесконечность") и "A se stesso" ("К себе самому") впоследствии перевела А. Ахматова. Полное название третьего – "Sullo nozze della sorella Paolina" ("На свадьбу сестры Паолины").

[8] Тата описывает картину "Вестники воскресения", которая была закончена Н.Н. Ге в 1867 г.

[9] Ответ Герцена неизвестен (ср. п. 53 и прим. 1 к нему).

53

⟨Флоренция.⟩ 9-ого октября 1866

Ну вот, мы только что вернулись от Пановки, и я чувствую, что с новой храбростью, энергией и с новым удовольствием примусь за дело. Милый Папаша, пожертвуй мне эти несчастные деньги, если ты только можешь, – ты мне, право, сделаешь огромное удовольствие[1]. Я тебе писала, что мы по вечерам музицировали – ты знаешь, что́ мне стоит петь при чужих; притом чувство, что я не уверена в своих силах, да то, что я ясно видела, что все ожидают гораздо больше, чем я могу им показать, – все это меня ставило в такое неловкое положение, что я ни разу не спела порядочно ни малейшей вещицы, – руки у меня делались ледяными, голос дрожал и, конечно, никакого выражения не было. Мне нетрудно было видеть, что все ожидали гораздо больше и были desillusionnés[212*] – меня это очень огорчало – я решилась ни

[212*] разочарованы (*франц.*).

одной ноты больше не петь до визита Пановки. Ну, а он был чрезвычайно доволен, сожалел только, что я уже год училась и далеко не у первосортного учителя. А как я боялась – потому что он Саше вперед объявил, что "il faut qu'une élève m'interesse – que je vois qu'il y a du bon terrain à travailler – autrement je laisse tout–vaut mieux qu'on passe autre chose"[213*]. По этому уже видно, как он строг, – и поэтому ты можешь судить, до какой степени я была утешена и рада, когда он мне сказал, что он очень доволен. Мне сама Флоренция со всеми жителями кажется милой и веселой с тех пор. Он мне сказал, что я в один урок выучила то, что многим он не может объяснить в 10 и больше.

Ну, а теперь крепко-крепко тебя обнимаю и целую.

Твоя Тата Г.

Да, вот еще что, я получила на днях очень милое письмо от Стеллы, в котором он говорит только о том, как ему жаль было прекратить уроки[2], и т.д. Переписки мне начинать не хочется, поэтому прошу тебя передать ему, что я ему очень благодарна за письмо и еще раз искренно благодарю за то, что он так трудился для меня.

Какие же окончательные планы Natalie? Что Лизины уроки со Стеллой, интересуется она или нет? Что Пан – все сердится или успокоился с тех пор, как меня нет? Крепко жму ему руку.

И об Огареве напиши кое-что да поцелуй его за меня. Что-то он скажет насчет Пановки? В том, что он первосортный учитель, – и сомнения нет, первых слов его достаточно было для того, чтобы в этом убедиться.

Еще раз прощай, Ольга тебя целует. Как же кончилось дело Каракозова[3] – т.е. всех, которые были замешаны?[4]

[1] 19 октября Герцен писал сыну в связи с "делом о Пановке" Я могу согласиться ⟨...⟩ если Малв⟨ида⟩ того же мнения, то уроки брать можно" (XXVIII, 228). Тата училась вокалу у Г. Пановки до 1868 г., Ольга – до 1869 г.

[2] См. п. 48.

[3] Д.В. Каракозов был казнен 15/3 сентября. Отклики Герцена – в статьях "Приговор Верховного уголовного суда" и "Заговора не было!" в "Колоколе" от 1 ноября (XIX, 144–150).

[4] Ответ Герцена неизвестен.

54

⟨12 ноября 1866 г.⟩ Понедельник[1]
41. Via Santa-Monaca. Piazza del Carmini. Firenze

Да, Папаша, я сама себя спрашивала более двадцати раз – что выйдет из моего учения с Пановкой? Справедливо ли тратить столько время и денег без серьезной цели и не в самом ли деле это аристократический agrément[214*]? Что я во время уроков и приготовлений не теряю время и серьезно работаю, надеюсь, что не нужно это тебе говорить, не до такой же степени я пуста, это было бы грех. Что же выйдет дальше? До твоего письма я уже много думала об этом. Я, кажется, тебе уже писала, что гибкостью моего голоса Пановка все еще доволен – но я холодна, это меня мучает и декуражирует[215*] – а как себя пересоздать? – Ну, ты скоро приедешь, сам должен посмотреть, о⟨б⟩судить, решить или посоветовать. Не откладывай твой приезд, Папаша, так чтоб мы хоть рождение могли вместе провести. Нам ужасно жаль, что план Ниццы исполнится, и Бакст не может равнодушно об этом говорить. А об школе в Milano Natalie больше не думает?[2] Бакст все еще мечтает об этом, но говорит уже о Франции, а не об Италии. Он очень доволен устройством нашей жизни, мы назначили два вечера для собрания нашего кружка́, по понедельникам все приходят к нам, по четвергам собираются у Шиффов, и каждый из профессоров или кто-нибудь из

[213*] "надо, чтоб ученица меня заинтересовала, чтоб я видел, что есть надлежащая почва для работы, – иначе я все бросаю – лучше заняться чем-нибудь другим" (*франц.*).

[214*] способ развлечения (*франц.*).

[215*] приводит в уныние (*франц.* décourager).

других должен по своей части читать лекцию. В прошлый понедельник произошла презабавная сцена. Lieben[3] начал лекцию о химии, середь лекции Berduschek встает, ужасно извиняется, говорит, что ему самому очень жаль, но он не может дольше остаться, что у него rendez-vours в такой-то час и как аккуратнейший из аккуратных немцев он не мог опоздать. Минуты две после того, как он ушел, входит Бакст, лекция продолжается, через четверть часа возвращается Berduschek – ворча, что "неаккуратность ни на что не похожа, я ... много потерял, пол-лекции..." Здесь увидел Бакста ⟨*нрзб*⟩.

Только тут мы заметили, что крошечный Бакст, держа себе боки от смеху, старался спрятаться за кресло – а бесконечный Berduschek (он почти головой выше Саши) открывши его, указал на него, разинул рот и остался в этом положении несколько секунд, как будто остолбенев от удивления и досады. Все сейчас же поняли, в чем дело – что Бакст дал rendez–vous, чтобы отправиться с Berduschek'ом к m-lle Assing, которая принимает по понедельникам; ни тому, ни другому не хотелось идти, но Berd⟨uschek⟩, считая, что "Долг прежде всего", отправился на rendez-vous, а Бакст, который, видно, не совсем обгерманился, пришел к нам, рассчитывая, что Berd⟨uschek'a⟩ уже не будет. В миг все это поняли и подняли шумик, и всеобщее рукоплескание, и "bravo, Baxt!"

Сегодня черед Blaserna, он, верно, нам готовит что-нибудь о физике. Lieben, к сожалению, уже уехал в Рим.

Я теперь с головной болью выздоравливаю от очень сильной простуды, которая от насморка перешла в боль горла, так что я не только не могла петь, но некоторое время не могла даже говорить – точно так же, как я ровно год тому назад простудилась в Лозанне[4].

Представь себе, что мы вещей еще не получали. Однако на днях было сказано в газетах здешних, что теперь начнут перевозить товары через Mont Cénis. Надеюсь, что и наши вещи получим скоро.

Русского у нас ничего нет, не получаешь ли ты что-нибудь, что бы ты мог пересылать нам? Бакст мне говорил о каком-то новом русском журнале, который недавно стал выходить, под заглавием "Женский вопрос", или "Вопрос о женщинах", или "О женском вопросе" – слышал ли ты о нем?[5]

Третьего дни приехали Белинские, остановились только ⟨на⟩ один день[6], теперь уже в Пизе.

А вчера, представь себе мое удивление, вбегает Ольга, покрасневши и смеясь, – я одевалась – и говорит: "Спеши, спеши, miss Solomon[7] в салоне". – Старые, полузабытые, глупые лондонские тени... Эссенция английской глупости, ведь шесть, семь лет она меня не видела, и первые слова после shake-hands'[216*] были: "Oh, ah! How do you do, oh! ah! Very fine morning indeed, yes!"[217*] Адрес наш она получила от Müller-Strübing'a, и ему, бедняжке, удалось, наконец, погулять; месяца три тому назад он был в Италии – тогда, когда никого из нас не было еще во Флоренции. А теперь прощай, крепко тебя целую, что ты нам так мало пишешь, все по несколько строк – и то грустных, недовольных... Чем кончается демонстрация поляков против Ага?[8]

Твоя Тата Г.

Четверг. 15 ноября 1866

Что это женевцы опять нашумели? 14 раненых. Это не шутка[9]. Не заболел ли Касаткин? В чем было дело, видел ли ты?[10]

[1] Датируется по помете о дне недели и соотнесению с датой приписки. Тата отвечает на письмо Герцена от 6 ноября, в котором он писал: "Я очень рад, что твои уроки с Пановкой идут. Имей в виду одно – что если есть успех, то надобно добиваться до больше-возможного совершенства – иначе это будет аристократическая шалость. Ты помнишь, что я тебя обвинял постоянно в неумении сосредоточиться, т.е. в рассеянии – в недостатке выдержки и в бедности труда" (XXVIII, 239).

216* рукопожатия (*англ.*).

217* "Ох, ах! Как поживаете, ох, ах! Не правда ли, очень ясное утро, да!" (*англ.*)

[2] Герцен считал, что более целесообразно Тучковой-Огаревой и Лизе провести зиму не в Ницце, а в Лозанне (см. XXVIII, 223, 234–235). Туда же советовал ехать В.И. Бакст (зимой 1865–1866 гг. он давал уроки Лизе в Монтрё и строил с Тучковой-Огаревой планы организации пансиона в Милане).

[3] См. ниже.

[4] Речь идет, вероятно, о пребывании Таты в начале декабря 1865 г. у Тучковой-Огаревой в Монтрё (см. XXVIII, 121).

[5] Журнал "Женский вестник", основанный в Петербурге А.Б. Мессарош (редактором его был Н.И. Мессарош). Начал выходить в сентябре 1866 г.

[6] *М.В.* и *О.В. Белинские* – жена и дочь критика.

[7] *Miss Solomon* – английская знакомая Герценов.

[8] Герцен 6 ноября писал, что произошла "катавасия", которая может задержать его в Женеве: в этот день, в связи с появлением в л. 229 "Колокола" от 1 ноября статьи Огарева "Продажа имений в Западном крае", было созвано Обществом братской помощи собрание польских эмигрантов, принявшее «Протест поляков против руссификаторства в "Колоколе"». В нем заявлялось об отречении от "фальшивых друзей" – редакторов "Колокола" (см. "Лит. наследство", т. 64, с. 777–778). В связи с этим 7 ноября Герцен написал от имени своего и Огарева обращение "A nos frères polonais" ("Нашим польским братьям" – XIX, 162–165, 425), призывающее покончить с недоразумением (см. *ЛЖГ* IV, 319–320).

[9] Речь идет о выборах 11 ноября в Большой совет Женевы, в которых участвовал и Герцен ("В первый раз выполнил долг подлинного швейцарского гражданина", как он писал Мейзенбуг 15 ноября – XXVIII, 241, 243, 381). Во время выборов произошли столкновения, в которых было ранено 14 человек. Картину такого рода выборов Герцен нарисовал в "Скуки ради" (см. XX, 484–485).

[10] Ответ Герцена, написанный около 18 ноября, неизвестен.

55

26-ого ноября 1866
41, Via S.-Monaca. Firenze

Никогда, видно, не дадут тебе покоя, милый Папаша. Что это опять за скверная история с поляками?

И от Серно-Соловьевича я этого не ожидала[1], ведь все отношения должны быть прекращены между вами и им после этого. Во всем, должно быть, какое-нибудь недоразумение. Но объясни поподробнее, в чем оно состоит... Вот скоро два года, что ты в Женеве, – а не прошло месяца без неприятной какой-нибудь истории – то "людмиловцы"[2], то Касаткин[3], то Долгоруков[4] – типография...

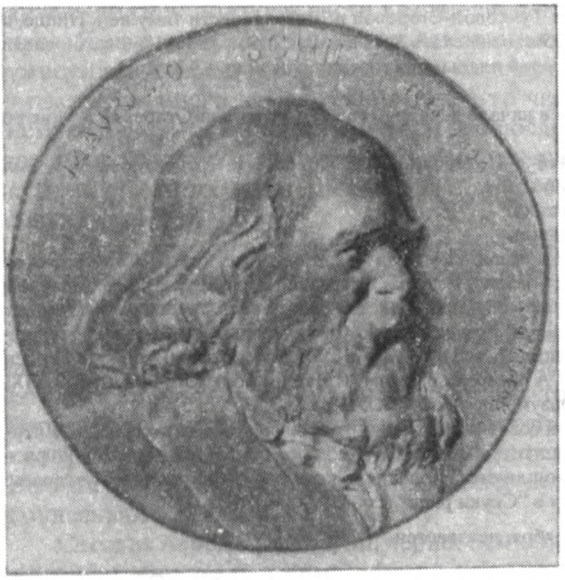
А что всего хуже – это что конца не видать. Приезжай поскорей к нам отдохнуть у нас... Отчего ты М⟨альвиде⟩ пишешь, что это не будет отдых для тебя[5], – нет, будь уверен, мы все хорошо для тебя устроим и сами будем "*умницы*". Приезжай поскорей – забудь тупую Женеву с своими сплетнями.

Мы были в ужасном волнении все последние дни. Многие из профессоров, которые не занимаются естественными науками, а больше политической экономией и в особенности экономией итальянского правительства, очень жаловались последнее время, что приходится платить иностранным профессорам, выписанным чтобы образовать итальянскую молодежь, – молодых профессоров, а они работают себе в уголке для "блага человечества" – и вообще для естественных наук. Это, конечно, всего больше относилось к Шиффу.

Итак, в одно прекрасное утро Шифф был приглашен к министру просвещения, который ему предложил кафедру профессора физиологии в Неаполе. Шифф выпросил себе несколько дней, чтоб обдумать. Представь себе, какая чепуха вышла бы из этого, Шиффы уехали бы в декабре – Саша остался бы здесь совсем без цели или поехал бы в Неаполь – мы остались бы здесь без лучших наших здешних знакомых[6]. Итак, весь кружок был в ужасном волнении в продолжение всей прошлой недели. Но, к счастью, Шифф отказал и хочет, напротив, улучшить здешнее заведение. На год мы обеспечены: корабли будут под рукой – мы не утонем[7]. Теперь отгадай, кто дал вечер сплендидный[218*] в прошлую субботу? – мы засиделись до $12^1/_2$ – Фрикен!!!!..

Он живет на Piazza Pitti; в день въезда короля[8] он пригласил нас, Муравьевых[9], племянницу графини Alma Horte – я не пошла, мне было лучше видно у m-lle

[218*] великолепный (*франц.* splendide).



МОРИЦ ШИФФ
Барельеф работы Гуго Бови (гипс). 1890-е годы. Сверху надпись: "Maurizio Schiff. 1823–1896. Hugues Bovy"
Музей Герцена, Москва

Backofen. Но это дало повод к вечеру – и в самом деле отличился наш Фрикен-Бирибикен. Микроскопические его комнаты в 4-ом этаже так дышали щепетильной чистотой, порядком и уютностью. В первой комнате в величину английского "family bedstead"[219*] – он ухитрился выстроить великолепный буфет – с блестящей посудой – горы конфет, пирожков, сандвичей, мороженого и т.д. и выставить около буфета громадного седого лакея в белом галстуке и белых перчатках. Сам Фрикен, в ужасно хорошем расположении духа, любезничал и острил лучше всех других особ мужского пола. При прощании он с своим формальным поклоном подошел к каждой даме и сказал: "Permettez-moi de vous offrir…"[220*] и каждой из нас поднес бонбониерку.

Наши вещи, наконец, получены. Все в порядке. Только я вижу, что забыла книжку Стеллы, это очень досадно, я хотела попробовать с Ольгой почитать. Можно попросить Пана поискать ее, ты мог бы привезти. Она претоненькая, в темном переплете…

Теперь начинаются публичные лекции, сегодня пойдем слушать Porti Villari[10] – история Флоренции. По воскресеньям начнутся с будущей недели лекции популярные в Спеколе.

Прощай, – когда тебе приготовить комнату, к какому сроку?

Целую Natalie и Лизочку – я им и Огареву писала[11], получили ли мои письма? Пану кланяюсь.

Твоя Тата

Я начинаю знакомиться с молодыми девушками – две мне всего больше нравятся: Berthe Sommier и полуитальянка и полуангличанка Alice Sorrino – но мы видимся очень редко.

Все тебя целуют – М⟨альвида⟩
С⟨аша⟩ и
Ольга.

Саша формально принят[12] *и с будущего декабря будет настоящий ассистент Шиффа*!!![13]

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена, написанное около 18 ноября, в котором он, очевидно, сообщал о продолжающемся инциденте с польской эмиграцией см. п. 54 и прим. 8 к нему), а также о "протесте" А.А. Серно-Соловьевича против статьи Огарева. Герцен отказался напечатать его в "Колоколе" или отдельной брошюрой, и "Протест" был во второй половине ноября (до 29) напечатан по-французски в Женеве, в типографии Пфефера и Пуки (см. "Лит, наследство", т. 67, с. 709–712; т. 41–42, с. 115; *ЛЖГ* IV, 321, 324–325).

[2] *Людмиловцы* – молодые эмигранты, принадлежавшие к кругу Людмилы Петровны Шелгуновой, ставшей гражданской женой А.А. Серно-Соловьевича (наиболее близки к ним были П.И. Якоби, В.А. Голицына и отчасти А.А. Черкесов). Их конфликтные отношения с Герценом, обозначившиеся еще во время эмигрантского съезда в Женеве (29 декабря 1864 – 6 января 1865 г.), обострились в июне–июле 1865 г. в связи с психическим заболеванием Серно-Соловьевича и осложнением его отношений с Шелгуновой.

219* двухспального ложа (*англ.*).
220* "Позвольте мне преподнести вам…" (*франц.*)

Сбежав из больницы, куда она его поместила, Серно-Соловьевич в середине июля несколько дней скрывался в доме Герцена, куда затем друзья вторглись его искать.

[3] Отношения Герцена с В.И. Касаткиным обострились в связи с его участием в делах Вольной русской типографии (после перевода в Женеву в апреле 1865 г. Герцен превратил ее в акционерное предприятие, учредителями-вкладчиками которого выступили, кроме него и Огарева, Касаткин, кн. П.В. Долгоруков, Л. Чернецкий, В. Стрельцов (очевидно, В.Ф. Лугинин). Но акции расходились плохо, и типография, переданная затем (в конце 1866 г.) Герценом в собственность Чернецкого, существовала за счет все новых дополнительных ассигнований со стороны Герцена. Расчеты с Касаткиным по акциям в конце ноября, в ходе которых им были проявлены явная мелочность и бестактность, привели к разрыву.

[4] См. XXVIII, 215; ср. 220 и публикацию письма Огарева к П.В. Долгорукому в кн. 1-й наст. тома.

[5] Это письмо Герцена неизвестно. 19 октября он писал Саше: "У вас жизнь слишком шумна для меня ⟨...⟩ тут нет ничего дурного, она вам по возрасту – но мне тягостна" (XXVIII, 228).

[6] 2 декабря Герцен писал в связи с этим Саше: "Я рассуждений твоих и Таты не делю. Мне кажется, что правительство было вправе переместить Шиффа туда, где 300 студ⟨ентов⟩, я не вижу резона, почему и тебе ⟨...⟩ не ехать в Неаполь ⟨...⟩ Профессура не есть синекюра или почетное звание, а дело общественного воспитания" (XXVIII, 245).

[7] Шутка связана с тем, что по-немецки фамилия Шифф (Schiff) означает *корабль*.

[8] Виктор-Эммануил II перенес свою столицу из Турина во Флоренцию.

[9] Во Флоренции жила жена декабриста А.М. Муравьева – Жозефина Адамовна со взрослыми детьми. С ними поддерживали знакомство не только Тата и Саша: по приезде во Флоренцию, 28 января 1867 г., их посетил Герцен (см. XXIX, 24).

[10] Научные интересы итальянского историка *П. Виллари*,. профессора Флорентийского института высших наук, были связаны в особенности с изучением деятельности Дж. Саванаролы и Н. Макиавелли.

[11] Письмо Таты к Огареву от 22 ноября – см. в *РГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 455, л. 13–14об. (отрывок – в "Лит. наследстве", т. 63, с. 456); названные письма к Тучковой-Огаревой и Лизе неизвестны.

[12] До этого времени А.А. Герцен был ассистентом М. Шиффа в Спеколе без официальной должности и оплаты.

[13] Герцен ответил 2 декабря (XXVIII, 244).

56

6-го декабря 1866.
41, Via Santa-Monaca. Firenze[1]

Напугала тебя Ольга? Как я хохотала, читая ее письмо[2]. – Интересно мне, понравится ли тебе наша жизнь или нет – к сожалению, кружок наш потеряет главных членов к твоему приезду[3]. Теперь все так, как Ольга описала[221*]:

1) *Schiff* – о физиологии;
2) *Blaserna* – о физике;
3) *Berduschek* – об архитектуре – он только раз говорил;
4) *Monod*[4] – о литературе и истории, но и он только раз читал;
5) *Levier* – о ботанике;
6) *Саша* – о физиологии № 2.

До сих пор не было связи между *разговорами* этими, всех занимающихся естественными науками расспрашивают гораздо больше. Blaserna говорит всех больше. Зная, что он скоро уезжает, все хотят как можно больше воспользоваться его присутствием. В воскресенье он дал публичную лекцию в Спеколе о магнетизме звездного шара. Публика была чрезвычайно довольна. Каждое воскресенье популярная лекция, но, кроме этого, курсы по два раза в неделю о разных предметах. Так что ежедневно о чем-нибудь да говорят. Я постараюсь ходить во все эти лекции.

Emile Vogt[5] здесь, он вчера присутствовал при début бедного Levier, – Levier так застенчив, что он боялся этой лекции у нас, как другой боялся бы публичной лекции. Но все обошлось хорошо – несмотря на то, что он часто краснел и говорил: "Oh, mon Dieu, je m'embrouille"[222*]. Теперь я с нетерпением жду début Саши, он очень хорошо объясняет, когда мы одни. Но, видно, одна мысль, что те же лица собираются для того, чтобы *слушать*, его немножко пугает.

Я думаю, что Monod тебе всех больше понравится, он все-таки очень мил, несмотря на восторженные описания Мальвиды (я говорю *несмотря* на это, потому что такие описания портят впечатление обыкновенно). Он ужасно много читал, ничего

221* for external descriptions book, page 4-the ⟨описание наружности см. на стр. 4-й (*англ.*)⟩.
222* "О боже мой, я путаюсь" (*франц.*).

нельзя назвать, чтобы он не сказал: "Oh, je connais cela!"[223*] Он гораздо серьезнее остальных, абстрактнее, не умеет шутить – однако он сегодня нам рассказал презабавный анекдот (он ходит к М⟨альвиде⟩ два раза в неделю, по утрам, брать уроки немецкого языка...), как он приехал вечером в Пизу, прошлого года – и хотел зайти в театр – взглянуть, на что похоже. Пошел искать – наконец, видит большой дом, великолепно освещенный (он очень рассеян, все философствует и забывает настоящее). Он входит, его поразило, что внизу никого нету, что даже билеты продаются на первом этаже. Он всходит по большой лестнице, входит в блестящую залу, в которой двери отворены a deux battants[224*] и видит: толпа народа, дамы *декольте*, мужчины во фраках (Monod был в дорожном платье). Вдруг к нему подходит господин и очень учтиво просит снять пальто и войти. Monod остолбенел и только тут понял, что он совсем ошибся и вошел в частный дом – в котором был вечер или бал.

[225*]1) *Shiff*[6]. – № 1. – *Роста* маленького, постоянный костюм – шуба. Голова – круглая. Громадное количество седых и черных волос, покрывающее почти все лицо.

2) *Blaserna*. – *Ростом* почти меньше Шиффа, полненький, постоянный костюм даже в самые холодные дни – сюртук. Тип жидовский, пребелокурый. Голос маленький, тихонький, симпатичный. Выражение предобродушное, любит смеяться. Итальянская простота и grand genre[226*].

3) *Berduschek*. – *Рост* – равняющийся Blasern'е, поставленному на плечи *Шиффа*. Пребелокурый – прегерманский тип, пренесимпатичные руки, напоминающие лапы ящерицы, преболезненный вид, прежидкая борода, преаккуратное существо, преутомительный... Впрочем, очень хороший человек.

4) *Monod*. – *Рост* – большой. *Голова* чисто французская.

Не могу продолжать, голова слишком болит, успокою тебя только насчет понедельников, о которых говорила Ольга, до сих пор почти никого не было, кроме Фрикена и Муравьевых, – но ты сам поймешь, что это гораздо лучше – назначить такой день и говорить: "Вот мы дома от 2–5" – зато никого не принимать в продолжение всей недели.

Куда вы едете, я ничего не понимаю, Лиза и N⟨atalie⟩ писали, что Ницца слишком дорога – и что, должно быть, ничего не выйдет из этого[7].

№ Насчет белья, Тхоржевский знает, что надобно считать только те вещи, под которыми написано в его книге "nouveau" или "nouvelle"[227*], потому что остальное – тряпье, из них мы взяли 1 скатерть и 12 салфеток – 12 полотенец. Больше ничего[8].

Середа, ⟨12 декабря⟩

Папаша, хотя ты не объясняешь, почему ты можешь только на десять дней приехать теперь, ясно, что лучше подождать, но зато приезжай *непременно* к Новому году и моему рождению[9]. Право, это ты должен устроить. А засим прощай, у меня ужасно голова болит.

Картинка о фенианах в "Пунше" в самом деле ужасно подла.

Рукой А.А. Герцена:

Папа, я никого не встретил, кто бы хотел купить "Б⟨ылое⟩ и д⟨умы⟩" – привези несколько экз⟨емпляров⟩ с собой. На всякий случай прошу тебя прислать мне два экз⟨емпляра⟩ *по почте*[10]. Приезжай, во всяком случае, к Новому году.

Тв⟨ой⟩ С а ш а

[1]Ответ на письмо Герцена от 2 декабря (XXVIII, 244).

[2]Это письмо неизвестно.

[3]Герцен приехал во Флоренцию к детям 18 января 1867 г.

[4]Двадцатидвухлетний французский историк и литератор Г. Моно, впоследствии – муж Ольги Герцен.

[5]На сообщение о приезде во Флоренцию бернского юриста Э. Фогта Герцен откликнулся в письме к Мейзенбуг и Саше от 9 января 1867 г. (см. XXIX, 14).

223* "О, я знаю это!" (*франц.*)

224* настежь (*франц.*).

225* Дополнительные подробности о членах кружка (описание их наружности). – *Ред.*

226* великосветский вид (*франц.*).

227* "новый" или "новая" (*франц.*).

[6]Здесь, вверху стр. 4 автографа, Н.А. Герцен расположила примечания-характеристики членов кружка, перечисленных ею в начале письма, а ниже продолжила его текст.

[7]Это письмо неизвестно.

[8]Отклик на замечание Герцена в письме от 2 декабря: "Никто не знает, что ты взяла с собой из белья" (XXVIII, 244).

[9]Тата отвечает на письмо Герцена к Мейзенбург и детям от 8 декабря, в котором он писал: "Хотите ли вы, чтобы я приехал 25-го на десять дней – только – и чтоб я вновь *вернулся* – после 10 января или, быть может, лучше приехать после праздников" (XXVIII, 246). Письмо (возможно, сохранившееся не полностью) было прислано детям вместе с журналом "Punch".

[10]Еще 6 ноября, сразу по выходе в Женеве "Отделения первого" т. IV "Былого и дум" Герцен спрашивал сына, не может ли тот продать "экз⟨емпляров⟩ пять" ("вся выручка в пользу Тхоржевского" – XXVIII, 238). 8 декабря он вновь писал детям: "Не скрывайте от меня, если никто не хочет Тхорж⟨евского⟩ "Былое и думы" (XXVIII, 246).

57

15-го апреля 1867.
41. Via Santa-Monaca.
Piazza del Carmini. Firenze

Папа, еще раз благодарю тебя за деньги, они сегодня благополучно прибыли. Лизино письмо презабавное – и она уже очень порядочно пишет[1].

Да, жаль, что нельзя устроить жизнь разумнее – но, сколько я ни думаю, я решительно ничего, ничего не вижу. Знаю только, что нам здесь, во Флоренции, очень хорошо – я в самом деле должна признаться, что вряд ли для нас жизнь могла бы лучше устроиться. Такое разнообразие специалистов – или специальностей. Monod с Stephan'ом Sommier читают книгу Comte'а в присутствии Мальвиды. Книга не по силам, да потом, по их собственным словам, слишком сухое чтение для такого большого общества, поэтому они читают себе втроем, а по понедельникам Monod нам делает *резюме* того, что читал.

Я чувствую, что меня этот предмет очень интересует – хотя следовать трудно. Если б он читал для меня одной, можно было бы останавливать, расспрашивать, до тех пор, пока все ⟨станет⟩ ясно в голове – в большом обществе неприятно. Мне бы очень хотелось прочесть какую-нибудь историю философии, не *слишком сухую*[2].

Ты спрашиваешь насчет D-r Zahn и других новоприезжих. D-r Zahn, должно быть, чрезвычайно ученый археолог, но в разговоре немножко тяжел – да что же об нем говорить, он уже уехал[3], мы видели его только два, три раза.

Что касается до Ниццы, Папа, если ты увидишь, что Natalie желает, чтобы я приехала и что я могу быть полезна Лизе, я поеду в конце мая.

Тут глупо ⟨?⟩, что именно в июне Сашино рождение, – словом, это можно будет как-нибудь устроить. Например, я могу ехать в 1/2 июня, остаться до рождения Natalie[4].

Покаместь прощайте, крепко тебя обнимаю и целую.

Твоя Тата Г.

Вчера я ездила верхом с Stephan Sommier на превосходной лошади – очень весело было[5].

[1]Письмо Герцена из Ниццы, написанное около 12 апреля, на которое отвечает Тата, как и письмо Лизы, отправленное вместе с ним, неизвестны.

[2]О какой книге О. Конта идет здесь речь, не установлено. Возможно, что о "Курсе позитивной философии" (1830–1842).

21 апреля Герцен отвечал из Женевы: «Насчет истории философии я тебе говорил, что серьезной книги ты не одолеешь – а поверхностное знание дает фальшивую уверенность и идет больше для внутренней головной прически, чем для дела. Есть у вас мои "Письма об изуч⟨ении⟩ природы" и "Дилетантизм в науке"? – могу прислать. Попробуй. Разумеется, я во многом тогда ошибался» (XXIX, 84).

[3]Об отъезде из Флоренции *И.-К.-В. Цана*, немецкого архитектора, художника и искусствоведа, Герцен в письме от 21 апреля заметил, что рад этому: "Меньше немцев ⟨...⟩ Их ненависть к славянскому и русскому доходит до комизма" (XXIX, 85).

[4]День рождения А.А. Герцена – 25 июня, а Н.А. Тучковой-Огаревой – 14 июля.

[5]Герцен ответил 21 апреля (см. XXIX, 84–85).

58
ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ

23 апреля 1867 г.[1]
41. Via Santa-Monaca, Piazza del Carmine.
Firenze

Хорошо, что тебя нет, милый, дорогой Папаша. В последнее время образ моей жизни опять переменился, т.е. опять побольше суеты и беготни; может быть, ты бы опять сказал, что это "far niente preocupato"[228*] – но зато ты, с другой стороны, был бы доволен, что я делаю больше движения. Начали мы недавно устраивать большие ранние прогулки. Были несколько раз с Monod, с Узиелли и Lafenestr'ом[2], это были важные прогулки, как, напр⟨имер⟩, до Шартрезы, отправились мы в 9 часов утра, вернулись около 2-х. Но, кроме этого, я устроила прогулки с Berthe Sommier и ее братом[3], в шесть часов утра, обыкновенно от 6 ⟨до⟩ 9 или 1/2 10-ого. Возвращаемся мы с множеством цветов. На днях после такой прогулки мне пришлось еще бегать от 12 ⟨до⟩ 1 по Long' Cano, я искала пансион, в котором остановились Белинские – вечером у нас были гости, кузины Monod приехали, очень милые девушки, жаль, что они завтра уже едут. Сидели мы долго, я в 12 легла, не почувствовавши устали. К тому же я несколько раз ездила верхом с Стефеном. Какой он необыкновенно развитой юноша, трудно верить, что ему только 19-ый год. Какое несчастие, что у него глаза болят. Он послезавтра едет в Девон лечиться – проездом будет у тебя в Женеве – семейство остается еще до конца мая, а потом они едут на выставку.

Да, беготни больше тоже оттого что я ежедневно хожу к Бердушеку и его сестре – мы от 1 ⟨до⟩ 3 читаем "Die Kunstgeschichte" von Schnase[4]. Он очень много объясняет, стол всегда покрыт разными атласами, географическими и художественными, рисунками, гравюрами и т.д. Так как мы очень правильно читаем, чтение подвигается быстро и живо.

Я получила письмо от Natalie, она немного пишет, говорит, что, конечно, была бы очень довольна, если я приеду, но что звать не смеет, потому что боится, что я буду скучать[5]. Этого я никогда не боялась, ведь везде человек может так устроиться, чтобы не скучать, как только умеет читать, писать да вообще заниматься. Но для меня главная цель занимать других – и я уверена, что эти три недели пройдут очень хорошо.

Я буду заниматься Лизой, найдется время читать с Natalie, за домом у них, кажется, лесок – с другой стороны море – "Mein Liebchen, was willst du denn mehr?"[6]. Я ей уже отвечала, написала, что приеду в конце мая или в начале июня. И ты, Папаша, не опаздывай, приезжай, как обещал, в конце июня. Насчет лета я тебе серьезно советую даже не пробовать устраивать общую жизнь. К чему это поведет? Только к тому, что лето для всех будет испорчено – я это предчувствую. Нет, пусть Natalie едет в Lausanne или Vevey. А Мальвида в San-Terenzo или в Специю. Верь мне, это всего лучше.

Вот с Огаревым хотелось бы повидаться. Но как это устроить, милый Ага? Одна весть тебя обрадует, я думаю, милый мой Ага, я довольно много играю в четыре руки, некоторые вещи учу, но большей частью разбираю, чтобы познакомиться с разными увертюрами, операми и т.д. С Ольгой я играю "La Grotta di Fingal" Mendelssohn'a[7], жаль, что она еще гораздо медленнее выучивает, чем я, несмотря на то, что на нее жаловаться нельзя, она сама всегда отправляется играть. Всего больше я играю с ее учительницей m-lle Backofen. Этой милой и добрейшей *Бакошке* (как мы ее называем) мы должны быть благодарны за то, что она Ольгу заинтересовала. Удивительно, как она мило обращается с ученицами. Папа мне несколько раз писал, если б можно было найти такую Бакошку для Лизы[8]. Но! Ей, пожалуй, найди! Но

228* хлопотливое безделье (*итал.*).

долго ли она останется? Прощайте, дорогие мои Папаши, обнимаю и крепко вас целую – иду читать "Wilhelm Tell"[9].

Ваша Тата Г.

Кланяйся Пану. М⟨ери⟩ и Г⟨енри⟩ целую.

Я получила письмо от Стеллы – очень печальное[10].

Папаша, насчет сапожника, я боюсь, что придется заплатить – я никак не могу припомнить – он работал для меня, когда мы еще были в Boissière, – 18 fr."[11].

Рукой М. Мейзенбуг[12]:

Villa Montier-Naldini. Poggio Imperiale. Fire⟨nze⟩[13].

[1]Ответ на неизвестное письмо Герцена, написанное между 15 и 18 апреля (см. о нем *ЛЖГ* IV, 382), и на его письмо от 21 апреля (XXIX, 84–85). Наст. письмо Тата передала Герцену со С. Сомье, поехавшим в Женеву 27 апреля.

[2]Приятель А.А. Герцена и член кружка натуралистов во Флоренции; вскоре, 7 июня, вместе с Г. Моно и С. Баумриттером приехал к Герцену в Женеву; от имени кружка вел переговоры с ним и К. Фогтом об издании "позитивно-физикального ревю" (XXIX, 119, 120, 122; издание не состоялось).

[3]С. Сомье.

[4]Книга К. Шназе "Geschichte der bildenden Künste". Изд. 2-е. Т. 1–II. Düsseldorf, 1866–1867.

[5]Это письмо не сохранилось, как и упомянутый далее ответ Таты.

[6]"Милая, чего же тебе еще желать?" – рефрен стихотворения Г. Гейне "Du hast Diamanten und Perlen..." ("У тебя бриллианты и жемчуг...") из цикла "Heimkehr" ("Опять на родине", 1823).

[7]Программная увертюра Ф.-Я.-Л. Мендельсона-Бартольди "Фингалова пещера" (1832).

[8]Эти письма Герцена неизвестны.

[9]21 апреля Герцен писал Тате: «Если ты хочешь читать исторические драмы Шиллера, то их две – и обе chefs-d'oeuvre: "Wilhelm Tell" и "Wallenstein" ⟨...⟩ Принимайся за них сейчас» (XXIX, 84).

[10]Письмо И.Ф. Савицкого (Стеллы) из Страсбурга неизвестно.

[11]Вопрос об этом содержался в письме Герцена от 21 апреля 1867 г. (см. XXIX, 85).

[12]Адрес дачи, снятой на лето А.А. Герценом.

[13]Ответ Герцена, написанный, вероятно, около 2 мая, неизвестен.

59

Фрагмент

Суббота. 27 апреля 1867.
41. Via Santa-Monaca.
Piazza del Carmine. Firenze

Сегодня вечером в 10 часов уезжает Stefan Sommier. Он, бедный, едет в Девон лечиться. Ему ужасно не хотелось ехать – ему здесь было очень хорошо, особенно у Шиффов и у нас, в Девоне он будет ужасно скучать – один, без знакомых. Это было бы ничего, если б он мог заниматься, но глаза не позволяют. Он проездом остановится на день в Женеве, чтобы побыть у тебя – скажи, пожалуйста, чтобы его, во всяком случае, приняли, потому что он даже ночевать не будет в Женеве. У него письма от нас к тебе и Ага – да записка для Пана[1].

Ольга получила твое *красивое* письмо сегодня[2]. Ты ее поздравляешь с знакомством с Гарибальди – но ведь, в сущности, весь визит был ужасно похож на глупую комедию[3]. Если б мы хоть минуточку пробыли с ним наедине – а то что же смотреть, как он сидит, окруженный кружком англичан.

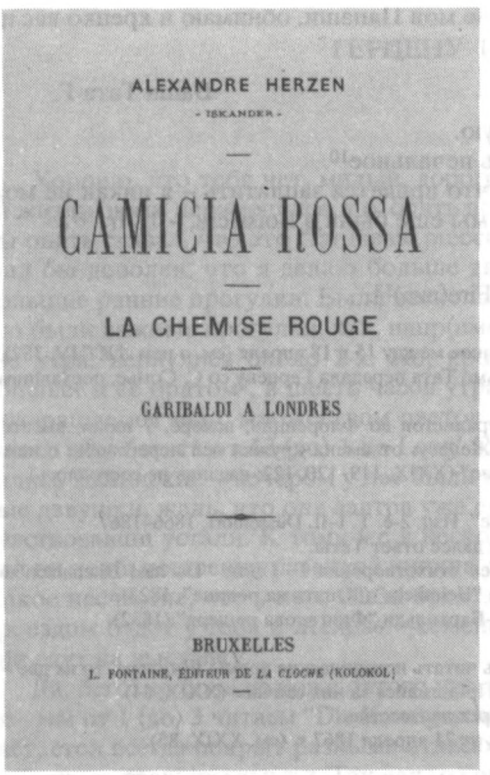
В письме, которое тебе отдаст Стефен Соммье, ты найдешь ответы на все твои вопросы. Между прочим тоже насчет сапожника – боюсь, что если Пан не найдет его *чеки* в пачке счетов, оставленных мною у него, придется заплатить.

Я хочу письмо это сейчас отправить, поэтому тороплюсь. "Пунша" и *письма* твоего, т.е. корен[229* 4]

[1]Письмо 58; другие упомянутые письма неизвестны.

[2]Письмо Герцена от 24 апреля (XXIX, 86) написано на бумаге с красочным видом окрестностей Женевы и с золотым ободком.

229* Конец письма утрачен. – *Ред.*


ALEXANDRE HERZEN

- ISKANDER -

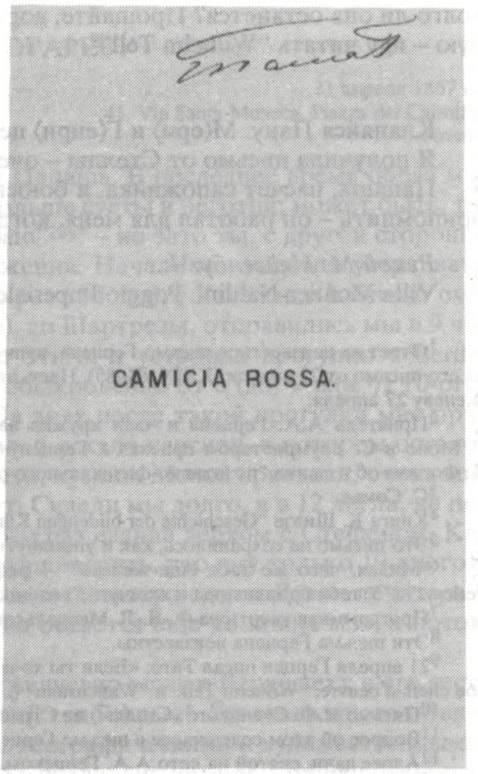
CAMICIA ROSSA

LA CHEMISE ROUGE

GARIBALDI A LONDRES

BRUXELLES

L. FONTAINE, ÉDITEUR DE LA CLOCHE (KOLOKOL)


CAMICIA ROSSA.

ФРАНЦУЗСКИЙ ПЕРЕВОД ГЛАВЫ X ИЗ VI ЧАСТИ "БЫЛОГО И ДУМ" (БРЮССЕЛЬ, 1865). ЭКЗЕМПЛЯР, ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ ТАТЕ ГЕРЦЕН
На шмуцтитуле владельческая надпись: "Тата Г(ерцен)"
Музей Герцена, Москва

[3]По приглашению Д. Уайт-Марио, английской писательницы и подруги Гарибальди, давней знакомой Герцена, Тата и Ольга Герцен посетили Гарибальди во время пребывания его во Флоренции 17 апреля. Гарибальди расспрашивал о Герцене и передал ему поклон (см. "Лит. наследство", т. 63, с. 461; *Vinant*, 224).
[4]Ответ Герцена на это письмо и п. 58, написанный, вероятно, около 2 мая, неизвестен.

60

6-го мая 1867
Villa Montier-Naldini.
Poggio Imperiale. Firenze[1]

Сижу за столиком Berthe Sommier и пишу тебе. Мы теперь уже на даче, но я часто хожу в город и особенно к Соммье, так как они скоро уезжают, – к сожалению, не через Ниццу. Но знаешь ли ты, с кем я, должно быть, поеду? С негритянкой – miss Remond[2]. Она собирается ехать в конце мая, ей все равно ехать, морским или сухим путем; ей, кажется, очень приятно ехать со мной. Отчего ты, милый Папаша, мне как будто с упреком говоришь, что на три недели не стоит ехать в Ниццу. Во-первых, ты мне сам всегда говорил о трех, четырех неделях, а потом я писала это больше из осторожности: пойдет хорошо, я увижу, что Natalie довольна, что я на Лизу имею влияние хорошее, никто мне не помешает дольше остаться. Три-четыре недели – говорится, как "я еду на два, на три дня", а потом выходит неделя если не больше. C'est une manière de dire[230*].

230* Это так говорится (*франц.*).

Здесь у нас на даче очень хорошо, такая разница температуры с городом, что больше поражает, чем разница между Женевой и Montreux зимой. А помнишь, как ты удивлялся?

Насчет Monod что́ тебе сказать – по-моему, тебе совсем не надобно беспокоиться[3]. Пусть Мальвида себе мечтает и строит воздушные замки, на Ольгу это не действует. Monod ведь чрезвычайно тихого, серьезного характера, нечего бояться, чтобы он когда-либо лишнее слово сказал, – и до сих пор, уверяю тебя, что он имеет только хорошее влияние на Ольгу. Уроки давать он продолжает. Если он Ольге и показывает *преферанс*[231*] и часто с ней разговаривает, – право, можно только радоваться этому, его разговоры могут только ее развивать и приучать самой лучше говорить.

7 мая 1867

Да, Папа, уверяю тебя, не беспокойся об Ольге. Я больше раза с ней говорила, она чрезвычайно спокойная натура или, скорей, *неразвитая* натура, неспелая. Она таким детским образом говорит: "Monod мне всех больше нравится, и естественно, что я его люблю, он один со мной разговаривает разумно и мной занимается". Сентиментального ни следа: привязанность ее – всего больше благодарность. Во всяком случае, не бойся, что она думает о будущем, о том, что когда-нибудь выйдет замуж и т.д.

Вот и пришло письмо, которое я ждала от Natalie[4]. Она, как видно, в очень хорошем расположении духа. Письмо такое характеристическое – только N⟨atalie⟩ и могла его написать. Сначала оно очень грустно, она рассказывает, как провела 2-ое мая на кладбище, положила камень, на котором оставлено место для ее имени, потом рассказывает об Астракове, о смерти его, как он все видел Огарева, о бедной Татьяне, которая не знает, что делать, чем жить[5]. А кончает тем, что опять приглашает, говорит, что *все* радуются моему приезду – т.е. Elisabeth[6], Ferret[7] да Лиза. Что всего лучше – это что у них сумасшедшая кухарка, но, несмотря на это, тихая женщина. N⟨atalie⟩ меня успокаивает, однако прибавляет, что, если Саша боится, она возьмет другую – что это не должно иметь влияния на время моего приезда!! – Pierre Rocca[8] третьего дни приехал – Саша его видел.

Нам пришлось именно второго мая переезжать – потому что 1-го был проливной дождь, – я хотела тебе писать, но никак не удалось. Первое впечатление новоселия было чрезвычайно неприятно, пасмурно и печально.

У нас почти в продолжение недели был холод и дождь – да такой холод, что мы сидели в пальто и дрожали, но зато теперь такой жар, что Мальвида в восторге. Вилла наша презабавная, стоит она чрезвычайно мило на холме, маленькая капелла, полупокрытая зеленью, очень прибавляет исторического эффекту, деревья à la Perugino[232*], крутая дорожка, которая ведет к дому, с густыми кустами с левой стороны, а с правой наша "podere"[233*]– виноградник, оливковые деревья – а у подножья холмика течет ручеек и стоят штук двадцать молодых, но больших дубов. А главное, вдали тихие, нежные линии гор – все это очень мило, а при захождении солнца так хорошо, можно бы по целым часам стоять и смотреть, но, к сожалению, солнце устает к вечеру – довольное тем, что нас грело целый божий день, – и торопится поскорее лечь – и ложится зато с такой помпой и роскошью! Наши комнаты чего стоят – все украшены фресками: в большом салоне висит виноград с потолка, небо просвечивает, большая занавесь поддержана колоннами, но с одной стороны развязалась, небрежно упавши, образует самые эффектные складки и показывает вдали озеро, острова, деревья, горы, синейшее небо – чуть ли не Эльдорадо. В столовой, чтобы никто никогда не мог грустить за столом, общество окружено осемью летучими

231* предпочтение (*франц.* préférence).
232* как у Перуджино (*франц.*).
233* "усадьба" (*итал.*).

барышнями, играющими на разных инструментах – в костюме à la madame Tallien, grandeur naturelle[234*].

Однако всего тебе не опишешь, поэтому лучше поскорей перейти к ответам, напр⟨имер⟩ – насчет последней пьесы Alex⟨andre⟩ Dumas-fils[9]. Monod ее принес раз вечером, когда у меня болела голова, и, думая, что это не чтение для молодой девушки, – прочел ее громко М⟨альвиде⟩ и Саше да унес – я у него несколько раз просила, он обещал принести. "Колокол" и твое письмо к Акс⟨ак⟩ову получили и прочли[10], но о влиянии на русских судить не можем, потому что никого не видели. Ге вернулся только на днях[11], мы его еще не видели.

Неужели Катков еще не знает, кто Желудков?[12] Как это они не устали повторять одно и то же, эти старые сплетни о пожаре и обществе в Тульче – непонятно[13].

Твоя карточка последняя мне не нравится – кто ее делал? Не Ferret ли?[14] А что твой оцарапанный глаз? Будет тебе зубы вырывать – прошу покорно ни одного не трогать, не спросивши моего позволения.

Прощай, крепко тебя обнимаю и целую, тебя и Огарева.

Твоя Тата Г.

Пану жму руку – за заплоченный счет благодарю.

Сын Levier был третьего у нас с женой (сестра молодой англичанки Florence Hill, о которой ты сказал, что ей следовало бы пить сыворотку). На вид он не очень интересен. Узнали мы от него, что скоро явится новое издание истории философии отца его[15].

[1]Ответ на неизвестное письмо Герцена, написанное около 2 мая (см. *ЛЖГ* IV, 390–391).

[2]*С.-П. Раймонд* – приятельница Мацини, с которой Герцен познакомился во время пребывания во Флоренции в январе–марте 1867 г., направлялась в Англию через Ниццу–Париж. 11 мая Герцен писал сыну: "Я очень рад, что Тата едет с креолкой", а 12 мая в письме к Тучковой-Огаревой просил принять ее "получше" и советовал передать с ней письмо к А. Саффи или Мацини (XXIX, 94, 96).

[3]Очевидно, Герцен высказывал беспокойство по поводу матримониальных планов Мейзенбуг относительно Ольги и Г. Моно, дававшего ей уроки французской литературы и истории.

[4]Это письмо неизвестно.

[5]Тучкова-Огарева получила около 3 мая письмо от Т.А. Астраковой из Москвы (неизвестно) с описанием последних минут брата ее мужа – С.И. Астракова, умершего 5 января н.ст., повторяя имя Огарева (см. письмо Тучковой-Огаревой к Герцену от 24 февраля).

[6]*Elisabeth* – горничная.

[7]*Ferret* – ницкий фотограф.

[8]Пьер *Рокка* – сын Паскуаля Рокка, повара в ницком доме Герцена (1851–1852).

[9]Герцен, очевидно, спрашивал, читала ли Тата пьесу А. Дюма-сына "Idées de m-me Aubray", поставленную 16 марта в Париже, в театре Gymnase и имевшую шумный успех.

[10]Речь идет о д. 240 "Колокола" от 1 мая со статьей Герцена "Ответ И.С. Аксакову" (XIX, 244–255).

[11]См. п. 61 и прим. 7 к нему.

[12]Под псевдонимом *Иван Желудков* печатал свои статьи в русской прессе эмигрант В.И. Кельсиев.

[13]В августе–сентябре 1865 г. русская реакционная печать во главе с "Московскими ведомостями" М.Н. Каткова развернула кампанию инсинуаций против "Тульчинской агенции Герцена" (колонии эмигрантов, основанной зимой 1863 г. братьями В.И. и И.И. Кельсиевыми в Тульче на Дунае и распавшейся к весне 1865 г.), будто бы виновной в массовых пожарах в России. Герцен тогда же разоблачил эту клевету в серии открытых писем в европейскую прессу и статей в "Колоколе". В феврале 1867 г. в "Варшавском дневнике", а затем в "Голосе" были повторены измышления о принадлежности Герцена к обществу поджигателей. См. их опровержение в его статьях (XIX, 229, 238–240).

[14]Эта фотография Герцена неизвестна. Ее, очевидно, он послал старшим детям с письмом к Ольге от 24 апреля (фотография "одного веселого старичка" – XXIX, 86; см. о ней в "Лит. наследстве", т. 63, с. 764 – "сходства мало").

[15]Это письмо Н.А. Герцен было получено Герценом 10 или 11 мая; 11 мая он писал сыну, что "Татино письмо прочел с большим интересом и удовольствием" (XXIX, 93, ср. 94, 96). Ответ Герцена, написанный, вероятно, 14 или 15 мая, неизвестен.

234* как у г-жи Тальен, в натуральную величину (*франц.*).

61
ОГАРЕВУ И ГЕРЦЕНУ

18 мая 1867. Villa Montier-Naldini.
Poggio Imperiale. Firenze[1]

Милый Огарев, вчера вечером я пела в концерте, это больше soirée musicale[235*]. Ты, может быть, уже слышал имя madame Laussot, Мальвида много о ней говорит. Эта дама очень много занимается музыкой – несколько лет тому назад она была директором "Общества Керубини" здесь, во Флоренции. Вот она недавно вернулась из Рима, видела Листа, привезла с собой его "Pater noster"[236*], кажется, его последнее сочинение[2] – составила хор, меня пригласила петь в контральтах или с контральтами. "Pater noster" очень хорош. После этого m-me Laussot сама играла на фортепиано – трио Бронсарта, ученика Листа, с премилым scherzo – трио для фортепиано, скрипки и виолончели.

Кончили мы "Beatitudine"[237*] Листа – хором без аккомпанемента.

Пишу я только несколько слов наскоро, потому что спешу в город – укладывать вещи, которые остаются. Я, верно, поеду в середу[3]. Железнов принес и отдал 200 fr. Странный человек. Вот самоотверженный – он работает только с мыслью, что без Вазари ни одна страна быть не может[4]. Я ему сказала, что вряд ли купят два, три экземпляра. – "Знаю, знаю, но придет время, может, лет через 50–100, – но непременно придет – и будут читать". Вот как надо трудиться для человечества.

Прощай покаместь, но я до отъезда еще напишу.

Всех целую.

Твоя Тата

Передай это письмо Папаше. "Писем об изуч⟨ении⟩ природы" нет – Папаше хорошо бы прислать нам в Ниццу[5].

Ты, Папа, обещал рассказать какой-то роман – об русском попе und eine ⟨3 *нрзб.*⟩[6].

Ге, наконец, вернулся, ему очень досадно, что он мне не отдал *портрет* до отъезда, но дело в том, что он думал вернуться через неделю, а остался 6 ⟨?⟩ Но портрет остается во Флорен⟨ции⟩ к моим услугам[7].

[1] Вероятно, отклик на неизвестное письмо Герцена, написанное 14 или 15 мая.

[2] Под названием "*Pater noster*" известно несколько произведений Ф. Листа. Одно из них, написанное в 1860-х годах, вошло позднее в ораторию "Христос".

[3] Среда приходилась на 22 мая. Тата приехала в Ниццу к Н.А. Тучковой-Огаревой и Лизе 23 мая.

[4] Художник *М.И. Железнов* несколько лет работал во Флоренции над русским переводом многотомного труда Дж. Вазари "Le vite dei più eccelenti pittori, scultori e architetti" (1568). Том IV перевода вышел в начале 1867 г. в Вольной русской типографии. О связях Герцена и его детей с Железновым см. в *ЛЖГ* IV, 233–234, 372.

[5] В письме от 3 июня Герцен обещал прислать Тате "Письма об изучении природы" (XXIX, 113).

[6] См. письмо Герцена к старшим детям от 21 апреля (XXIX, 85).

[7] В марте–апреле Н.Н. Ге ездил в Вену и был проездом в Женеве. До этой поездки он в феврале–марте написал во Флоренции известный портрет Герцена – "первоклассный chef d'œuvre". Тата в 1868 г. сделала с него копию (см. XXIX, 301, 328).

62

87. Promenade des Anglais. Nice.
Понедельник, 27 мая 1867

Вот я и в Ницце, дорогой мой Папаша[1] – и всех старых знакомых уже видела, старушку Рокка и ее дочь[2], садовника Jean и Claudine, Сезарину и Адельгейт[3]. Как мне приятно вспоминать прошедшее и года детства, я столько помню и так живо...

Об теперешней здешней жизни я много сказать еще не могу. Лизин характер, ко-

[235*] музыкальный вечер (*франц.*).

[236*] "Отче наш" (*лат.*)

[237*] "Блаженны..." (*лат.*)

нечно, очень пострадал от этого несистематического и неестественного воспитания. Что она, несмотря на это, необыкновенно способна и умна, мы все знаем. Я, во всяком случае, займусь теперь больше ее характером, чем просто умом или учением. Впрочем, это все идет вместе. Мы почти не расстаемся, она читает, мы разговариваем и рассуждаем – она меня, кажется, очень любит. Ах! Если бы решилась N⟨atalie⟩ мне ее отдать на воспитание, я уверена, я чувствую, что имею хорошее влияние на нее. И с каким удовольствием, с какой любовью я бы это сделала.

Natalie все повторяет, что для нее выхода нет – пансион или Россия. Она спрашивает, что я об этом думаю, – как я могу серьезно отвечать на первое предложение, когда не вижу возможности исполнения. Ни веры в способности воспитывать, ни в терпение – и где капитал?

Утешься – и у нас ужасная погода была, сегодня только показалось солнце.

Обнимаю тебя крепко, и Ага тоже. Скоро буду опять писать.

Твоя Тата Г.

Пану кланяюсь – Пану и князю[4] – да всем женевским знакомым.

А где ты будешь зимой???

"Пунш" получили – книгу Фогта тоже[5]. А "Письма об изучении природы"?

Рукой Н.А. Тучковой-Огаревой:

На конверте я написала, что Тата приехала – она очень весело путешествовала, но здесь ее встретила тоже дурная погода – Лиза захворала в тот день, так что я одна встретила дилижанс; теперь все прошло, это была головная боль, после рвоты ей сделалось лучше.

Я не получала твоего ответа[6]. Насчет Прогер[7] скажу, что не вижу ни малейшей надобности посвящать ее в мою жизнь, – если можно завести с ней пансион, я готова, *но возможно ли это*? Вот вопрос, если б можно, я бы осталась, но так как я предвижу, что это невозможно, то лучше ехать в Р⟨оссию⟩. Гувернанту я считаю невозможным в моем положенье.

Теперь о ближайшем, деньги у меня еще есть, если ты приедешь к 15, то не присылай, это ненужная потеря. До 4, я думаю, надо переехать, если бы отдали квартиру возле Гариб⟨альди⟩[8], на один месяц можно взять, хотя и это трудно – через месяц будет слишком заметно[9]. Тата мне говорила, что ты потом поедешь на лето с ней к Ольге, стало, самое лучшее для нас ехать в горы вдвоем с Лизой и жить где-нибудь в пансионе после вашего отъезда.

Ну прощай. Кухарку не стоит присылать только на месяц[10], а там мы лучше будем жить в пансионе[11].

[1] Тата приехала в Ниццу 23 мая дилижансом. Она отвечает на письмо Герцена от 25 мая, в котором он откликался на неизвестное сообщение Тучковой-Огаревой об этом, жаловался на холод и пр. (см. XXIX, 104–105).

[2] Вдова П. Рокка и их дочь Мария *Пиачентини*.

[3] Адельгейда *Меассалер*, в 1851 г. горничная Л.И. Гааг, находившаяся вместе с ней во время кораблекрушения, впоследствии владелица гостиницы и ресторана в Ницце.

[4] *Пан* и *князь* – С. Тхоржевский и П.В. Долгоруков.

[5] Возможно, Герцен прислал для Лизы иллюстрированную книгу К. Фогта "Vorlesungen über nützliche und schädliche, verkennte und verleumdete Tiere. Mit 64 Abbildungen in Holzschnitt" (Leipzig, 1864) или ее французский перевод, вышедший в Париже в 1867 г.

[6] Вероятно, ответ на письмо от 25 мая (см. *АО*, 60–61, с редакторской датой *1868*; дата установлена в *ЛЖГ* IV, 406). Ответ Герцена от 29 мая см. XXIX, 108–109.

[7] *Прогер* – содержательница учебного пансиона близ Женевы; Герцен намеревался привлечь ее к воспитанию Лизы (см. XXIX, 82), Тучкова-Огарева же строила планы совместного с ней заведения пансиона (см. также *АО*, 55).

[8] Семья двоюродного брата Дж. Гарибальди, жившая в Ницце.

[9] Тучкова-Огарева предполагала, что беременна.

[10] В ответном письме Герцен объяснил, что "никогда не собирался лето жить" в Сан-Теренцо с Ольгой, а лишь съездить к ней на неделю (XXIX, 109).

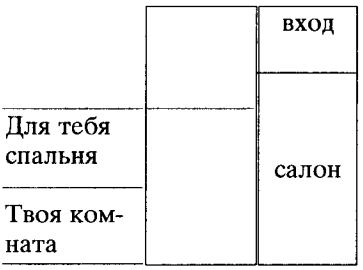
[11] Герцен получил настоящее письмо вечером 29 мая. "Им недоволен. Всю ночь решительно, часов до 5, не спал". Ответил Тучковой-Огаревой 29–30 мая (XXIX, 113; ср. *ЛЖГ* IV, 408–409).

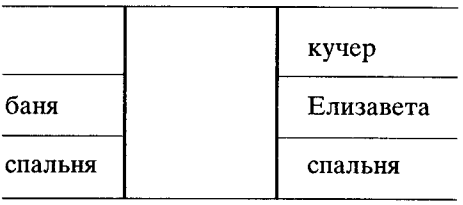
63

⟨Ницца. 4 июня 1867 г.⟩

Рукой Н.А. Тучковой-Огаревой:

Пишу только несколько строк, чтоб ты знал, что мы живы и здоровы. Тата и Лиза купаются каждое утро. Лиза учится плавать с большим старанием и храбростью – Тата учится нырять. Жары начались, но днем мы не выходим – мы устроили себе палатку и сидим в ней – а вечером гуляем. Вчера ходили смотреть квартиру, но не могли узнать о угле, надо идти опять сегодня – а помещенье хорошо: наверху для нас всех, а внизу кухня и две столовые





Кухарка наша честная и добрая женщина, но готовить не умеет: пожалуй, присылай кухарку, только что с ней после делать – когда я поеду на горы, там все пансионы?

Море вдали...

Оставляю Тате место. Я жду твоего письма и поэтому ни о чем больше писать не буду.

Прощай, приезжай поскорей.

Рукой Н.А. Герцен:

4-го июня 1867. Nice

Я прочла последнее письмо Natalie к тебе, дорогой Папаша[1], и повторяю, что я год тому назад говорила в Lausanne. Как мне во Флоренции ни хорошо, ясно, что я сейчас все брошу, если Natalie будет больна, и буду смотреть за Лизой. Но когда идет речь о ее воспитании, о том, чтобы я серьезно взялась за него, – первое условие *plain pouvoir*[238*] и полное доверие. С вечным противоречием на каждом шагу жизнь слишком неприятна и ни к чему почти не ведет.

Мы часто с Natalie разговариваем; она воображает, что у нас совсем противоположный взгляд на воспитание, во-первых – потому что я все-таки держусь больше за порядок, чем она, и говорю, что, по-моему, нехорошо приучать детей делать решительно все, что им вздумается. Как Лиза, qui s'habitue suivre ses instincts en tout[239*]. Положим, мы все согласны, что наказывать нехорошо, – это очень хорошо в теории – а в практике Meysenbug и Natalie доказывают, что этим только портишь характер, – оттого ли, что они слишком слабы или не умеют, это Бог знает![2] Но очевидный факт, что Ольга и Лиза никого не слушаются – что в некоторых случаях характер у них невыносимый. Ольга теперь во многом переменилась, но на Лизу мне иногда больно смотреть. Как можно равнодушно смотреть, как ребенок так дерзко отвечает матери и всем окружающим, или совсем не отвечает на вопросы, повторенные три, четыре раза, или отвечает: "А мне что за дело, что вы это говорите, я все-таки буду делать, что хочу", – говорит и *делает*! (Пока все-таки молчу.)

Когда дошло до такой степени, когда просьбы и слова ничуть не действуют, по-моему, надобно бы все-таки искать другие средства. Я просила Natalie раз попробовать сказать Лизе, что за такие дерзкие ответы ты не пойдешь с нами гулять – по

238* неограниченные полномочия (*франц.*).

239* которая привыкает следовать своим инстинктам во всем (*франц.*).

крайней мере не в Jardin public[240*], где все ее маленькие друзья. "Не хочу, это наказание, старая система", – отвечает Natalie. Но ее система – *отсутствие всякой системы*, которая вместе с неровным, нетерпеливым ⟨нравом⟩ возбуждает только оппозицию.

Теперь я вот что с ней пробую; я ей говорю: "Ты понимаешь, Лиза, что, когда видишь ребенка, милого, веселого, так и хочется с ним играть, с ним заняться, ему сделать удовольствие, сюрпризы, – а когда видишь ребенка, который вечно ворчит, жалуется, всех бранит, – ты, естественно, отдаляешься от него – тебе в голову не приходит желать с ним играть или делать ему разные любезности, на которые он тебе все будет грубо отвечать. Например, Ольга; с тех пор как она переменилась, мне все хочется ей делать разные сюрпризы или с ней заняться и т.д.". Мы одни гуляем. Наконец она мне сказала: "Тата, я хочу перемениться, как Ольга". Теперь она, в самом деле, второй день гораздо умнее; однако сколько это продолжится, не знаю. Постараюсь поддержать. Я ей уже сказала, что мне сегодня так весело, что я другое платье надену, покрасивее. Странно, как эти безделицы действуют на детей.

Целую тебя и Огарева.

Твоя Тата Г.

В одном отношении я согласна с причинами, которые N⟨atalie⟩ дает в объяснение желания ехать в Россию, – *неловко*[3]. Конечно, ее положение неловко, а ты никакого плана на устройство жизни не даешь?

Natalie, думая, что Saffi остаются в Англии, послала альбом Атилио[4] с моей негритянкой[5]. M-lle Reymond еще в Париже. N⟨atalie⟩ ей дала письмо рекомендательное к Лугинину. Не можешь ли ты ему написать – пусть он альбом оставит у себя покаместь. Если m-lle Reymond у него была, конечно[6]. Пусть он у нее возьмет[7].

[1] Очевидно, письмо от 1 июня.

[2] Откликаясь на эти размышления, Герцен писал: "Твоим письмом я очень доволен и целую за него от души. Что ты права насчет Лизы – в этом нет сомнения. Но главное, что надобно, – это иметь влияние на Nat⟨alie⟩". "Фонд дурного в ее натуре идет из двух источников: ревность и необузданность ⟨...⟩ Если ты можешь настолько победить ее, чтобы иметь влияние на Лизу, – это великое дело" (XXIX. 115).

[3] Сразу по приезде Таты Тучкова-Огарева призналась ей в истинном характере отношений в семье, рассказала о своей предполагаемой беременности и о том, что Лиза – дочь Герцена (см. об этом в письме Тучковой-Огаревой к Герцену от 25 мая – *АО*, 61).

[4] *Атилио* – сын Аурелио и Джорджины Саффи. Семья Саффи летом 1867 г. переселилась в Италию.

[5] С.-П. Реймод.

[6] Герцен ответил, что к Лугинину писать теперь не намерен, т.к. тот собирается в Россию ("кажется, теперь он подойдет под амнистию" – XXIX, 116).

[7] Герцен ответил 7 июня (XXIX, 115–116).

64

12-ого июня 1867.
87, Promenade des Anglais. Nice

Ты не понял, дорогой мой Папаша, в каком отношении я написала тебе в предпоследнем письме, что положение Natalie было бы *неловко*[1]. Я хотела сказать, что неловко ей оставаться здесь *одной* – что с этой точки зрения я понимаю ее желание ехать в Россию. Но, кажется, Natalie опять *ошиблась*[2], и опять меньше говорит о России.

Ты говоришь, что пора бы жить открыто. Конечно, ужасно жаль, что это не было сделано с самого начала, но жалеть о прошедшем ни к чему не поведет. Как объяснить долгое молчание? Может быть, Огарев прав, и я была бы с ним согласна, если б не было Ольги и Лизы. Рано им говорить, Папаша, поверь мне. И, по-моему, важнее в отношении Ольги, чем Лизы[3]. Лизе почти бы лучше сказать теперь, важнее было бы, если б она привыкла к правде, бывши еще ребенком, пока ее маленькие подруги, игры и шалости ей не дадут время об этом размышлять. Мне кажется,

---

[240*] Городской сад (*франц.*).

что чем позже, тем хуже, что уже надобно дождаться совершеннолетия мыслей и ума. Может быть, я ошибаюсь. Что ты думаешь? Ни за что бы мне не хотелось сказать Ольге теперь.

До сих пор Natalie со мной очень мила, и весь ее характер как будто бы стал покротче, кроме с Лизой. Конечно, трудно с ней сладить, но чья вина, *кто* виноват? Не могу тебе сказать, как мне больно видеть, как она, т.е. Лиза, на ласковые, тихие просьбы или замечания отвечает гримасой, насмешкой или замечанием: "Ça m'est bien égal ce que tu dis"; "Crois-tu que cela me fasse quelque chose?"[241*]

Она не только теряет почти все грации ребенка, но, право, у нее сердце портится. По минутам я не знаю, что делать.

Мерси за "Blocus", мы читаем его все вместе. Одна и с Natalie я читаю "Horac'a" George Sand'a. Я нахожу его характер немножко ег-зажерированным[242*] – это почти карикатура[4].

ЛИЗА ГЕРЦЕН
Фотография Ферре. Ницца, 1868
Институт русской литературы РАН, С.-Петербург

Об выстреле мы, конечно, давно слышали; знаем, что это должно иметь важные последствия[5]. Эмигранты, однако, объявили, что ничего общего не имеют с этим поляком, а у него самого, кажется, характер не хуже, чем у Каракозова. Что с ним сделают? Здесь была илюминация по этому поводу, как во всей остальной Франции. И вход *нашего сада* был украшен двумя знаменами – для спасения Алек⟨сандра⟩ Ник⟨олаевича⟩!! Но что же бы вышло, если б он попал? Впрочем, молодой человек не думал о будущем, а хотел только отомстить.

Ты пишешь, Папаша, что ты "страстный человек" – живешь только воспоминаниями. Ну, так я "страстная девушка" – потому что я это так хорошо понимаю и тебе сочувствую. Я продолжаю встречать старых знакомых. На днях меня остановила Julie[6] на улице; узнав N⟨atalie⟩, она догадалась, что я *бывшая маленькая Тата*; представь себе, что я ее сейчас узнала. Странный ее нос, *положение зубов* и бородавка с длинными волосами, все у меня ясно осталось в памяти – и я очень обрадовалась этой встрече!

Целую тебя крепко.

Твоя Т а т а

[1] Ответ на письмо Герцена от 7 июня. Откликаясь на п. 63 (Тата называет его "предпоследним", возможно, считая "последним" свое письмо к Огареву от 9 июня – см. *РГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 455, л. 30), Герцен возражал: "Ты говоришь о *неловком* положении. Я думаю, что мы, толкуя много о новом воззрении, – такие же старые люди, как и те, которые не толкуют. Выше всех нас головою Огар⟨ев⟩ – и он

241* "Мне все равно, что ты говоришь"; "Ты думаешь, что это для меня что-то значит?" (*франц.*)
242* преувеличенным (от *франц.* exagérer).

всего дельнее говорит, что скрывать поздно и глупо. (Не афишировать и не скрывать.)" Далее следовала "исповедь" о развитии отношений с Тучковой-Огаревой на протяжении десятилетия и призыв к Тате помочь "собрать" рассыпавшуюся, "как бусы", жизнь семьи (XXIV, 115–116).

[2] Имеется в виду предполагаемая беременность Тучковой-Огаревой.

[3] Тата откликается на слова Герцена в письме от 7 июня: "Пора бы сделать свидание с Ольгой и ей сказать обо всем" (XXIX, 116).

[4] Герцен выслал Тате роман Эркмана-Шатриана "Blocus" (P., 1867) около 10 июня, вместе с неизвестным письмом, на которое она отвечает далее в наст. письме.

[5] Речь идет о покушении на Александра II, совершенном 6 июня в Париже участником польского восстания эмигрантом А.И. Березовским. Березовский был приговорен французским судом к пожизненной каторге.

[6] *Julie* – служанка в ницком доме Герценов в 1851–1852 гг.

65

Вторник. 17-ого декабря 1867.
№ 9. Piazza S.-Felice. Firenze[1]

Записочку твою получили[2]. Да, неожиданно глупо мы расстались – глупо это прощание, сделанное наскоро. Возвращаясь, мы встретили Стефана Соммье, он очень жалеет и тебе кланяется. Кажется, виноваты мы, в день твоего отъезда вышел новый apрasio[243*]. В понедельник у меня была мигрень, всем сказано было, что "понедельника" не будет у нас, поэтому пришла одна m-me Шифф с Гуго и верный Levier. Потом я "Колокол" простудировала[3]. Видишь, когда я одна про себя читаю, мне до 12, до 1 спать не хочется.

Сегодня у нас обедает Линда[4]. Пановке ужасно не хочется, чтобы она дала matinée musicale[244*], но тут необходимость – им буквально нечем жить.

Поэтому я тебе тоже благодарна за то, что ты мне дал подарок деньгами. Мальвида с Пановкой "en cérémonies"[245*] (только, *пожалуйста*, ты не говори и не пиши ей об этом) – он был неучтив, поэтому она не хочет иметь никакого дела с ним, кроме Ольгиных уроков, – и объявила ему, что не будет больше вмешиваться в устроивание Линдиной "matinée". Но чтобы Линда не пострадала от этого или не думала бы, что мы не заботимся о ней лично, мы решились с Мальвидой устроить и подарить ей весь туалет для концерта.

Середа. ⟨18 декабря⟩

Мальвида купила шелк, я заплачу счет портнихе и подарю ей все маленькие аксессуары. Линда в восторге – как ребенок. А Терезине я подарю к Новому году золотые серьги – second hand[246*] [5]. Знакомые m-lle Giarrà устроили лотерею для бедных, дама одна пожертвовала эти серьги, я за них заплатила 17 фр., а они новые стоили больше 30–35. Терезина ходит ко мне три раза в неделю, учиться – т.е. читать по-французски, а для отдыха и по-итальянски. Линде тоже ужасно хочется, пожалуй, можно бы и с ней что-нибудь устроить. Я вчера ее экзаменовала, она читает уже порядочно и многое понимает. Какая она живая и уморительная. Во время всего обеда нас смешила вчера.

Однако прощай, я сегодня отправляюсь покупать салфетки, скатерти и т.д. с m-me Шифф. Все знакомые тебе кланяются. Мещерского мы еще не видели после твоего отъезда[6].

Саша в Спеколе.

Ольга смешна, мила и готовит уроки.

Meysenbug окрепла и пишет мемуары[7]. Я тебя обнимаю и крепко, крепко целую.

Твоя Т а т а Г.

Получил ли ты письмо Огарева, посланное отсюда?[8]

[243*] конфуз (*итал.*).

[244*] музыкальный утренник (*франц.*).

[245*] "в натянутых отношениях" (*франц.*).

[246*] подержанные (*англ.*).

Пиши побольше – что́ собор[9] и деньги твои[10] – здоровы ли? Доволен ли ты вообще Миланом и обедом в Hôtel Cavour в особенности?

Писем для тебя нет.

Вчера Ольга тебе написала[11] poste restante[12].

[1] Герцен с Татой выехали из Ниццы во Флоренцию 17 ноября, приехали туда 21 ноября. Герцен пробыл у детей до 15 декабря, а затем через Милан – Турин – Геную возвратился в Ниццу (27 декабря).

[2] Ответ на неизвестное письмо Герцена от 16 декабря из Милана (см. XXIX, 241; ср. 780 – № 64, где оно фигурирует как письмо к неизвестному с датой "⟨середина декабря⟩").

[3] Очевидно, № 1 французского "Kolokol" (датирован 1 января 1868 г., вышел около 9 декабря 1867 г.).

[4] Линда *Караччиоло* – флорентийская подруга Таты.

[5] О подарке Терезине Феличи, с которой Герцен познакомился в доме детей в конце ноября, он заметил в ответном письме: "Я никогда не выбрал бы для подарка серьги – пустые вещи поддерживают пустые вкусы" (XXIX, 243).

[6] С кн. *А.А. Мещерским*, дальним родственником Тучковой-Огаревой, приехавшим из России, Герцен познакомился в первой половине декабря.

[7] Воспоминания Мейзенбуг (т. I) были напечатаны в типографии Л. Чернецкого; вышли под заглавием: "Mémoires d'une idéaliste (entre deux révolutions), 1830 – 1848", Genève et Bâle, 1869.

[8] Письмо Огарева к Герцену от 13 декабря ("Лит. наследство", т. 39-40, с. 479–480), отправленное во Флоренцию и пересланное Татой в Милан. Получено Герценом 17 или 18 декабря (см. XXIX, 240).

[9] 18 декабря Герцен писал Мейзенбург о Миланском соборе: "После Венеции я еще ни разу не видел такой каменной глупости, как этот огромный мраморный собор. Такой поразительно безумный, бесцельно возвышенный, сталактито-сумасшедший. Да, человек велик только в бессмыслице" (XXIX, 240, см. также 248).

[10] В Турине Герцену предстояли хлопоты по переоформлению итальянских бумаг в банкирской конторе Fidel, Berne et C^nie^, начатому по пути во Флоренцию 19–20 ноября.

[11] Письмо О.А. Герцен от 16 декабря неизвестно. Оно было получено Герценом 19 декабря и очень обрадовало его (см. ответ Герцена Ольге от 19–20 декабря в кн. 1-й наст. тома).

[12] Отвечая на наст. письмо Таты 21 декабря, Герцен сделал несколько замечаний, в частности: "Вы очень рассеиваете ваши силы и средства" (XXIX, 243).

66

25-sth of December 1867.
№ 9. Piazza San⟨to⟩-Felice.
Via Maggio. Firenze[1]

Вот и 25-ое декабря, но мы, конечно, не празднуем мое рождение. Шиффы просто придут с нами поболтать вечером – и Мещерский тоже. Он совсем не пропал; напротив, бывает очень часто и нам очень нравится[2] – такой живой, веселый, всё его интересует. Со мной он хочет верхом ездить, с Ольгой играть в четыре руки, с Сашей рассуждать о "либр арбитр'е"[3] – с Мальвидой о Wagner'е, и т.д.

Опять начались хлопоты, беготня, выдумывание сюрпризов к Новому году. 31-го вечером будем у Шиффов – пожалуйста, думайте о нас! А с бюстом мы решили так – 31-го в 1/2 первого все участвующие должны соединиться у Забеллы в ателье, а в час будут приглашены Шиффы. Domengé сделает маленький speech. Так Забелле не придется переносить бюста – ты знаешь, что он не совсем кончен[4].

С Domengé я говорила об обещанной статье – он сказал, что непременно напишет[5]. Я жду с большим нетерпением, это будет чрезвычайно интересно. Он мне viva voce[247*] много объяснял. Я не понимаю, в чем он с тобой согласен. Мне кажется, что он полон надежд для Франции, он придает такую важность успехам ассоциаций, что, по его мнению, большой переворот неминуем – т.е. "abolition du prolétariat – aussi nous aurons atteint le même but que la Russie avec la commune"[248*].

29-ого дек⟨абря⟩

Бедный Domengé так болен, что он уже три урока Ольгиных пропустил. Прощай на сегодняшний день – обнимаю и целую тебя крепко – поздравляю с Новым годом. Добрый Пан прислал нам "Illustrated London News" к Новому году.

[247*] живым голосом (*итал.*).

[248*] "упразднение пролетариата – так что мы достигнем той же цели, что Россия с общиной" (*франц.*).

Вчера я целый день лежала с ужасной мигренью.

В будущем письме получишь описания всех важных событий:

1) Представление бюста;

2) Праздник у Шиффа – для которого у меня еще ужас сколько работы

3) Линдин концерт, для которого нам тоже приходится много хлопотать.

Кланяйся всем знакомым от Рокки и Адельгейды до m-me Garibaldi[6] и Rocherolle.

Что за ужасы делают фенианы в Англии[7]. Жаль, что невинным приходится страдать.

№ Я получила 12 fr. от Berthe Sommier – очень-очень прошу Natalie доставить их m-me Gillywitto – miss Sommier's compliments[249*] – у них общий сад с café Anglais – Адельгейда знает.

Рукой А.А. Герцена:

Любезный Папа, мне система Огарева так нравится[8], что я тебе пишу сегодня чтобы сказать, что *поздно* и что я напишу завтра – т.е. после нашего праздника и презентации[250*] бюста и т.д. Сегодня же – только для того, чтобы поздравить вас всех с Новым годом и пожелать вам всего хорошего.

Пожалуйста, пошли редактору "Pensée Nouvelle" 20 фр. – от меня – вообрази себе, что я не мог отправить, потому что требовали nom de baptême[251*] редактора, а я не знал, я ему написал, что ты пришлешь.

Мещерский у нас и кланяется тебе; он сегодня встретил Долгорукова, который завтра едет в Рим.

Прощай[9].

[1] Ответ на письма Герцена от 18, 21 и 23 декабря (XXIX, 240–241, 243–244, 246).

[2] 23 декабря Герцен спрашивал Тату: "Ну что же Мещерский пропал?" (XXIX, 246).

[3] Вопрос о свободе воли (франц. libre arbitre) служил предметом многих споров в кружке флорентийских натуралистов. На одном из диспутов между М. Шиффом и Ж. Доманже 24 января присутствовал Герцен. Затем эта проблема обсуждалась не раз в переписке его с Огаревым и сыном, что послужило толчком к замыслу "Письма о свободе воли" (XX, 434–443).

[4] В честь 45-летия М. Шиффа друзья заказали скульптору П.П. Забелло его бюст.

[5] Ж. Доманже, ознакомившись с № 1 "Kolokol", переданным ему Герценом, высказал намерение вступить в полемику на страницах газеты с программными положениями "русского социализма", высказанными в "Prolegomena". 21 декабря Герцен писал Тате: "Напомни Домангаю, что он хотел писать возражение, – это для нас очень полезно" (XXIX, 243). Впоследствии Герцен не раз напоминал об этом обещании, но статья так и не появилась.

[6] Жена двоюродного брата Дж. Гарибальди. С этой семьей Тучкова-Огарева и Тата познакомились в Ницце в мае 1867 г.

[7] В сентябре в нескольких городах Ирландии революционная организация фениев подняла восстания, жестоко подавленные. 13 декабря фении, пытаясь освободить арестованных товарищей, взорвали стену лондонской тюрьмы.

[8] Герцен писал об этой системе" 21 декабря (XXIX, 243).

[9] См. ответ Герцена А.А. Герцену от 4 января 1868 г. (XXIX, 255). Герцен выполнил просьбу сына. См. п. 67.

67

⟨Флоренция.⟩ 12-го января 1868[1]

С русским Новым годом поздравляю!

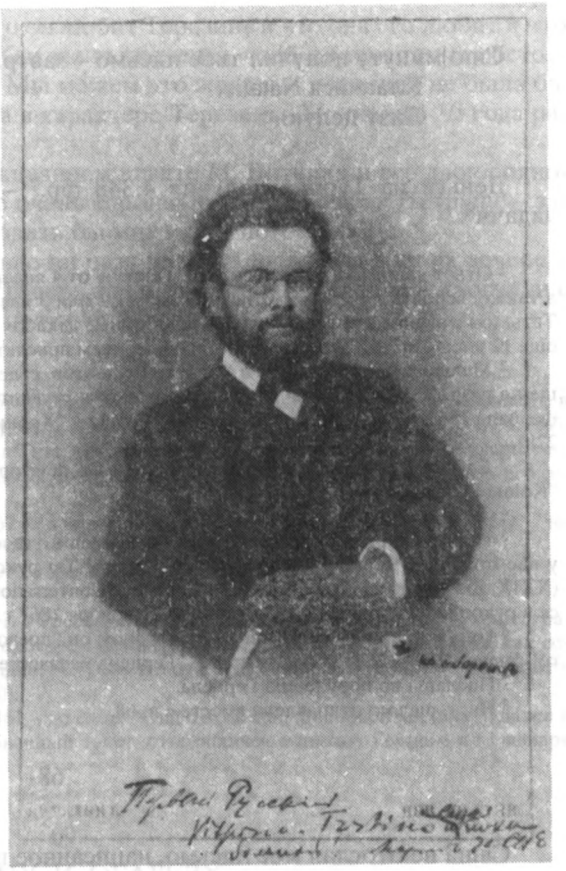
Мерси за деньги, милый Папаша, они всегда полезны – только напоминаю тебе, что 12 fr. Берты я давно употребила на Ольгино черно-шелковое платье, т.е. на отделку. Уезжая, ты мне оставил три счета: 1) за бархатные жакетки, т.е. портнихе, – 18 fr., 2) за альбом большой 26. Да за отделку платья Ольги – так что ты мне должен 44 fr. А если ты мне назначишь что-нибудь для рождения, то пришли все вместе – это проще и лучше.

249* поздравления от мисс Сомье (*англ.*).

250* представления (*франц.* présentation).

251* имя, данное при крещении (*франц.*).

Мещерский ходит часто. Чрезвычайно симпатичный человек. Я лично с ним в очень хороших отношениях – остальные все тоже, но так случилось, что мы больше вместе, чем другие. Мальвида была нездорова, Ольга простужена, Саша все на Спеколе, он раз входит и говорит: "Что это вы все дома сидите – пойдемте погулять". И уговорил меня идти. С тех пор мы уже несколько раз делали громадные прогулки вдвоем – вчера еще были в Шартрезе, по Poggio Imperiale отправились. Чудо как хорошо. У него искры кокетства нет, он никогда не любезничает. Ему не до того, он хочет еще много работать и разные планы имеет. Mais nous sommes sur le bon chemin pour devenir grands amis[252*]. А прогулки делаем совсем как два товарища – он неутомим, постоянно имеет что-нибудь интересное рассказать или меня вы⟨с⟩прашивает. Словом, с ним очень весело и хорошо. 17-ти лет он сидел в крепости по делу петербургских студентов. Всех на свете знает – от Европеуса, Чернышевского, Михайлова, до Усова, Лугинина и т.д. Имя его было в "Колоколе" – после ареста, он помнит[2]. Как жаль, что ему скоро придется вернуться в Германию, может быть через 10 дней или две недели. Тебе он очень кланяется. Статья Огарева к "Колоколе" ему очень нравится[3], ему хочется с ним познакомиться – если он будет в Женеве, я ему дам письмо.



А.А. МЕЩЕРСКИЙ

Фотография Кутилина. Петербург, 1870. Внизу подпись рукой Мещерского: "Первый Русский. Vispino. Tr⟨i⟩stino и еще пока больной! Март ⟨18⟩70 СПб."

Музей Герцена, Москва

Как это Лизочка ни слова мне не написала к рождению? Ни Натали. Целую их и тебя крепко обнимаю, дорогой Папаша.

Твоя Т а т а

Ольга часто простужается. Мальвида все нездорова.

Рукой А.А. Герцена:

Любезный Папа, Domengé был болен и поэтому не мог написать статью, но обещает написать, когда выздоровеет[4]. И я еще не могу дать Чернецкому работы[5] – с тех пор, как ты уехал, мне было совершенно невозможно заняться своей статьей, Шифф взошел в какую-то ярость работы и совершенно неумолим, я возвращаюсь только к обеду, и довольно усталый, потом надо же посидеть и поболтать, и кое к кому сходить, потом праздники, страшный холод и насморк, и, наконец, теперь Matteucci мне буквально *заказал* три публичные лекции, к которым я должен тоже приготовляться, так что прежде месяца не могу ничего обещать.

252* Но мы на надежном пути к тому, чтобы стать большими друзьями (*франц.*).

⟨14 января 1868 г.⟩

Сию минуту получил твое письмо – завтра напишу тебе ответ[6].

Кланяйся Natalie.

Лизу целую.

С а ш а

Деньги из Турина получил 4.348 фр.[7] – а "Pensée Nouvelle" не выдерживает задачи[8].

[1] Ответ на письма Герцена к А.А. Герцену от 4 января и к Н.А. Герцен от 8 января (XXIX, 253, 254), а также, вероятно, на неизвестное письмо от 2 или 3 января с поздравлениями по случаю дня рождения Таты (он считал в эти годы, что она родилась 25 декабря по старому, а не по новому стилю, и прибавлял еще 12 дней – ср. XXVIII, 127 и 139) и обещанием прислать деньги на подарок.

[2] Мещерский упоминался в "Списке студентов, содержавшихся в крепости...", который был помещен в разд. X "Материалов для истории гонения студентов при Александре II" (л. 121 "Колокола" от 1 февраля 1862 г.,с. 1009), а также в статье Герцена "Хроника террора" (л. 141 от 15 августа 1862 г. – XVI, 228).

[3] Работа Огарева "La Russie actuelle et son développement", публикация которой началась с № 1 "Kolokol" от 1 января.

[4] См. п. 66 и прим. 5 к нему.

[5] 4 января Герцен писал сыну: "Что ты думаешь с твоей диссертацией французской – печатать теперь у нас можно, у Чернецк⟨ого⟩ работы не много. Ты рукопись можешь исправить и посылать частями" (XXIX, 255). Речь идет о работе А.А. Герцена "Conversations physiologiques", с которой Герцен ознакомился в рукописи по приезде во Флоренцию 21 ноября 1867 г. (см. XXIX, 236).

[6] Письмо Герцена от 11 января, в котором он "предостерегал" сына от предстоящего "безрассудного" брака (XXIX, 257–259). Ответ А.А. Герцена неизвестен.

[7] Посланы по поручению Герцена.

[8] Наст. письмо отправлено вместе с п. 68.

68

⟨Флоренция.⟩ Вторник. 14-ого января 1868.

Саша не отослал мое письмо, написанное несколько дней тому назад[1], – поэтому прибавляю еще несколько строчек. Во-первых, только что получили "Дым" Тургенева и "Pensée Nouvelle". К чему ты прислал "Дым" – ты, кажется, мне сам говорил, что тебе не нравится?[2]

Мальвида все нездорова, Domengé сегодня в первый раз начнет опять уроки – поэтому мне приходилось долго бывать с Ольгой, ее занимать, учить, читать с ней. Несмотря на то, что она еще такой ребенок, это мне доставляет большое удовольствие – она со мной всегда с радостью учится, старается и чрезвычайно мила. Мне иногда даже больно за Мальвиду – но с точки зрения Ольги я понимаю, что она отдыхает у меня от вечных замечаний Мальвиды, в пользу которых она не верит, хотя знает, что делаются из любви к ней. Несчастные уроки Пановки, благодаря им она вечно слышит: "Не выходи из комнаты, надень что-нибудь на плечи, удерживай кашель" и т.д.

С Терезиной уроки идут так себе, она работает прилежно и внимательно, но задача трудна. Уроки музыки с m-lle Backofen идут хорошо – она с большой легкостью все понимает – но резкого, необыкновенного таланта нет.

Только что принесли твое застрахованное письмо – но Саши дома нет[3].

Еще раз всех целую.

Твоя Т а т а

Благодарю за деньги.

16 января[253*]

Перепутали мы все с письмами, теперь вижу, что Саша не вложил эту записочку. С тех пор и Ольга, и Мальвида уже писали[4], а Саша не знает, как тебе отвечать. Я письмо твое не читала, но Саша мне все рассказал, и я понимаю, что с его точки зрения ему почти невозможно исполнить твой совет[5]. Ведь он уверен (насколько

[253*] *В автографе описка*: дек⟨абря⟩. – *Ред.*

человек может быть уверен) в том, что он любит Терезину и что она его любит и что они вместе будут очень счастливы. Как же ты хочешь, чтоб он при таких обстоятельствах вдруг отретировался бы? – Мы можем это желать – и я лично не была бы против, потому что совсем не уверена в характере Терезины. Но она в 1 1/2 года разовьется, тогда и увидим, что́ делать.

Мальвида тебе рассказала о неожиданном визите М. Боткина и его двоюродного брата. О Левицких, как его дела не очень хорошо идут, все ходят к Петруше – зато Полина поет и делает фурор. Съездить бы мне к ним погостить?[6]

Как мы тихо живем – я решительно ни разу не была ни на бале, ни на вечере – даже к Шиффам ходим очень редко. Теперь единственное развлечение – прогулки с Мещерским, но он скоро уедет. Всех целую еще раз[7].

[1] Имеется в виду пред. письмо.

[2] 11 января Герцен послал для Таты роман Тургенева "Дым", полученный от автора из Парижа, а в следующем письме, от 17 января, писал в шутку, что от его чтения "остается копоть и чад" (см. XXIX, 259). Однако в ответ на наст. письмо Герцен написал Тате 19 января: «"Дым" мне действительно не нравится – но в русской литературе Тургенев все же не такой дюженник, чтоб позволительно было не знать его сочинений» (XXIX, 260).

[3] Письмо Герцена к сыну от 11 января 1867 г., в которое были вложены также деньги для Таты – "на вздор" (XXIX, 257–259).

[4] Письма Ольги и Мейзенбуг к Герцену от 14 или 15 января неизвестны.

[5] Ср. XXIX, 258–259.

[6] По возвращении С.Л. Левицкого в 1865 г. в Россию его двоюродный брат и помощник по фотографическому ателье П.А. Захарьин завел в Петербурге отдельную фотографию. – П.С. Левицкая, как сообщал Герцен 18 января Тхоржевскому (очевидно, получив это известие из письма Мейзенбуг), – "поет в концертах и поступает в оперу" (см. XXIX, 260).

[7] Герцен ответил 19 января (XXIX, 260–261 – до слов: "Она с этой Сандрильоной хороша"); далее в этой публикации следует ошибочно присоединенный текст, относящийся к письму Герцена от 1 января (см. *ЛЖГ* V, 24).

69
ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ

22-ого февраля 1868.
Piazza San(ta)-Pelice, № 9. Firenze

Не бойся, дорогой мой Папаша, Катя ведь никак не может иметь влияние на мой характер[1] – если я ей до сих пор жертвовала больше времени, чем сама желаю, то это не моя вина. Я должна была держать ее далеко от нашего дома и особенно от Ольги. С другой стороны, она далеко не глупая девушка и многое знает, многим интересуется, как я тебе, впрочем, уже писала (если ты получил письмо мое)[2]. Мы кончили "Что делать?" – она с большим вниманием слушала и о многом рассуждала. Конечно, мы во многом противоположных мнений, но это совсем не мешает вместе читать, а напротив. Первые дни я должна была с ней разъезжать по городу, чтобы познакомить ее с магазинами, ей было нужно. А когда я заметила, что она начинает вздор покупать, я просто отказывала сопровождать ее, говоря, что дело дома. Сколько раз я ни предлагала Мальвиде устроить общее чтение у нас вечером – она всегда отклоняла, боясь Катино влияние на Ольгу.

Но Мальвида и Саша несправедливы против Кати, они решительно видят только нехорошие ее стороны. Что она тебе и Natalie не понравилась, еще понятнее – видя и зная ее так мало, вы могли только нехорошие стороны ее узнать.

Вот очень кстати приехали Бердушеки – на неделю. Марта обыкновенно останавливается у Шиффов – а m-me Schiff нездоровится, она просила нас взять Марту. Воспользуюсь этим случаем, чтобы Катю еще меньше видеть, но я устрою с ней чтение "Кромвеля", так как с Мальвидой не подвигается[3]– то она нездорова, то не хочет читать, потому что Ольга не участвует, ей не по силам. А Катя – *испорченная* натура, но совсем не бездарная – с ней можно читать. Насчет Утина тоже думаю, что ты не совсем справедливо судишь, милый Папаша[4]. Здесь он с нами чрезвычайно учтив, но и следа интимности нет – как это тебе вздумалось? Он немножко постарше

Мещерского, но был студентом в то же время, в Петербурге – их вместе арестовали, они вместе сидели в крепости[5]. С тех пор они, однако, 4–5 лет не видались.

Встретились они здесь во Флоренции. Мещерский с самого начала стал его расспрашивать о женевском деле его брата с тобой[6]. Мещерский меня уверял, что Утин с самым большим уважением говорил о тебе, говорил даже, что ты во всем был совершенно прав, а брата своего *просто ругал* (это слова Мещерского). Отчего ты его считаешь врагом?

Утро 24-ого фев(раля)

Дорогой Папаша, только что получили твое письмо с ужасным известием о бедном Огареве[7]. Саша побежал телеграфировать[8], а я хочу немедленно отослать письмо это, чтобы еще и еще раз просить тебя позволить мне съездить к Огареву и за ним ходить, если дело серьезно и продолжительное[9]. Бедный, добрый мой Ага, крепко, крепко тебя обнимаю и целую.

А ты, Папаша, расскажи, как все случилось. Магу, наверно, умеет ходить за больными – но много работы будет ей одной. Во всяком случае, лучше *мне* ехать, чем Саше.

Здесь все здоровы.

Твоя Тата Г.

Ольга целует Огарева и тебя[10].

[1] Тата отвечает на письмо Герцена от 18 февраля, в котором он писал: "Не могу сказать, чтоб я был особенно доволен твоей излишней близостью с Воло(димировой), она пустая и дрянная – ты хотела быть серьезной" (XXIX, 278). Речь идет о Е. Владимировой, вновь приехавшей из России в Женеву, а затем отправившейся через Ниццу во Флоренцию. Герцен предупреждал Тату, что она сделалась "величайшей консерваторкой" (XXIX, 256, 260–263). Видевшись с Владимировой в конце января в Ницце, он был "взбешен" ее "нецеремонностью", намерением поселиться у его детей во Флоренции "на неопределенное время" и требовал, чтобы они, проявив твердость, устроили ее отдельно, в каком-нибудь пансионе. Около 1 февраля Владимирова приехала во Флоренцию и поселилась в пансионе.

[2] Это письмо Таты, написанное около 10 февраля, неизвестно. О нем же, вероятно, вспоминает Герцен в письме от 26 февраля (XXIX, 283).

[3] 16 января Герцен послал Тате "историю Кромвеля" – по-видимому, книгу Ж.-М. Дарго "Histoire d'Oliver Cromwell" (P., 1867 – ср. XXIX, 667). Советуя "прочесть с вниманием" книгу, он писал ей 17 января: "Что за величественные лицы всех главных участников англ(ийской) революции, что за сила и энергия, а восстановленный король – шалопай и воришка, дрянь и папист – казнит их и бьет, как мух хлопушкой, – и стада народа стоят и смотрят. Человечество вырабатывает на мильон негодяев в сто лет одного порядочного человека… кто же уроды – он или стадо?" (XXIX, 259).

[4] Речь идет о *Е.И. Утине*, младшем брате Н.И. Утина. 18 февраля Герцен в письме к Тате предостерегал: "Он хуже своего брата, один из затаенных врагов наших ⟨…⟩ Прошу быть очень осторожным с ним ⟨…⟩ Неужели Мещерс(кий) не раскусил его?" (XXIX, 278). По воспоминаниям кн. П.В. Долгорукова, Е.И. Утин вел в Женеве в мае 1867 г. переговоры с Герценом о печатании в Вольной русской типографии сочинений Чернышевского. Переговоры потерпели неудачу и книги вышли в типографии М.К. Элпидина (см. *ЛЖГ* IV, 64, 97, 395–396).

[5] Е.И. Утин был арестован во время студенческих волнений в Петербурге осенью 1861 г. После освобождения находился под гласным надзором полиции.

[6] О каком именно эпизоде отношений Герцена и Н.И. Утина в Женеве идет речь, точно не установлено. Они были чреваты конфликтами, начиная с эмигрантского съезда 29 декабря 1864 – 6 января 1865 г.

[7] Письмо Герцена к сыну от 21 февраля с известием о несчастном случае с Огаревым (в ночь на 20 февраля он сломал себе ногу) и о своем немедленном выезде к нему в Женеву (XXIX, 280).

[8] Текст этой телеграммы детей Герцена в Женеву неизвестен. В ней выражалось беспокойство о здоровье Огарева и готовность приехать (см. XXIX, 282).

[9] 26 февраля Герцен отвечал: "Теперь ездить незачем. Вот разве летом – другое дело" (XXIX, 282).

[10] Герцен ответил 26 февраля (XXIX, 282).

70

10-ого марта 1868. Середа[1]
№ 9. Piazza S.-Felice. Firenze

Все утихло, милый Папаша!

И теперь Катя, верно, уже в Ницце. Глупая она, не обдумала ничего. Какую приятную жизнь можно было ⟨бы⟩ устроить с ней, если б она была разумнее. И Утин вернулся в Ниццу, Мещерский его так редко видел и имел так мало сношений с ним, что не может судить о нем[2]. Так как профессор Мещерского еще путешествует, он решился остаться еще во Флоренции до конца марта. Ему нужно подробно изучить вторую половину 18-ого столетия, особенно Французскую революцию. Хотелось ему прочесть историю революции Quinet[3]. Он предложил нам читать ее вместе по вечерам. Вот и начали мы на днях. А чтобы факты и числы привести в порядок в моей голове, я одна перечитываю Mignet[4]; несмотря на наше чтение Carlyle и Michelet в Ницце[5], это полезно. Я нахожу, что с Mignet следует начать с Ольгой. Если мы летом будем вместе, я непременно с ней прочту. Я говорю летом, потому что ничего не устроишь путного теперь, она свободна только по минуточкам.

Можешь ты мне сказать, пожалуйста, чьи были, т.е. кто автор этих биографий Danton, Анахарсис Клоца и т.д., которые нам давал читать Касаткин, в Буассьере?[6] Читал ли ты историю революции Quinet – я не помню; но Мальвида говорит, что не очень ею доволен был? Мещерский находит, что много фраз.

На днях я писала в Ниццу. Благодарила Natalie за приглашение которым, конечно, не воспользуюсь теперь[7]. Ты, верно, ей писал, чтобы меня удалить из Флоренции? Лизе я с Катей послала премиленькую брошку. (A propos, вперед благодарю за деньги, которые ты мне обещал, они очень кстати.)

Как мы, однако, тихо провели эту зиму; что касается до *вечеров, раутов* и т.д., решительно ни у кого не бывали. С нездоровьем Мальвиды и m-me Шифф кончились наши *понедельники* и шиффовские *четверги*. У Sommier мы раз обедали, вот и всё – да с Катей я была раз у Ге, в субботу вечером. Никакого общества, никакого кружка не устроишь. То, что я тебе писала о Берлине, конечно, глупо, ведь я сама доказывала Мальвиде, что это вздор. Но она с таким энтузиазмом об этом говорила, потом мне хотелось чем-нибудь отвечать на твой вопрос после первых наших намеков о Германии. Ты писал: "Нельзя же так вдруг ехать в какой-нибудь *Каценеленбоген* – сговоритесь, предложите план". – Тут Monod столько писал о приятном и интересном обществе в Берлине, что я тебе сделала это предложение, чувствуя, что оно неумно и неисполнимо. В самом деле, château en Espagne[8].

Что здоровье Огарева? Хорошо ли за ним смотрят? Посылаю тебе и ему последние свои карточки с *пятнышком* на руке[9]. Нравится вам или нет? Здесь почти все довольны, потому что у меня выражение не такое сердитое, как на других. Пану кланяюсь, пусть скажет, какая поза ему больше нравится – я ему пришлю – ему и Чернецким.

Покаместь обнимаю и крепко тебя целую, Папаша, и тебя, добрый мой Ага.

Ваша Тата Г.

Бедный Бенни![10]

[1] В 1868 г. 10 марта приходилось на *вторник*. Н.А. Герцен ошиблась, очевидно, в дне недели: 11 марта она осведомлялась уже в письме к Огареву (автограф см. в *РГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 456, л. 4), получены ли фотографии, о посылке которых речь идет в наст. письме. На автографе его, ниже даты, пометы Герцена о днях недели.

11 чет⟨верг⟩
12 пятн⟨ица⟩
13 субб⟨ота⟩
14 воск⟨ресенье⟩
15
16

[2] Тата отвечает на письмо Герцена к ней от 26 февраля, а также на письмо его к сыну и Мейзенбуг от 27–28 февраля (XXIX, 282–283 и 283–285). О Е. Владимировой и Е.И. Утине см. в п. 69 и др.

[3] Речь идет о книге: E. Quinet. La Révolution. V. I–II. P., 1865. Герцен читал ее сразу по выходе, в декабре 1865 г.

[4] О чтении с Татой книги Ф.-О. Минье "Histoire de la Révolution française" (P., 1824) Герцен писал сыну еще в ноябре 1859 г. (см. XXVI, 306).

[5] В середине и конце октября 1867 г. Герцен с Татой читали, по-видимому, следующие книги Т. Карлейля и Ж. Мишле: Th. Carlyle. The French Revolution. A History..., v. I–III. L., 1837 (возможно, тт. I и II во французском переводе 1865–1867 гг.); J. Michelet. Histoire de la Révolution Française, v. I–VII. P., 1847–1853).

[6] Вероятно, речь идет о книгах: G. Avenel. Anacharsis Cloots, l'orateur du genre humain, v. I–II. P., 1865; E. Hamme l. Saint-Joust, extrait de la biographie universelle. P., 1863; E. Hamme l. Histoire de Robespierre... P., 1865; A. Bougeart. Marat, l'Ami du peuple, v. I–II. P., 1865. (о них Герцен писал Огареву 26 марта 1865 г. – XXVIII, 51). Возможно, от В.И. Касаткина Герцены получили книгу: A. Bougeart. Danton. Documents authentiques pour servir à l'histoire de la Révolution française. Bruxelles, 1861.

[7] Это письмо неизвестно.

[8] В неизвестном письме от 17 января Тата предложила общую поездку в Берлин. Герцен отвечал 22 января, что об этом можно будет подумать не ранее лета, а затем, в письме от 27 января, добавил, что нужен "план, комбинация" (XXIX, 264 – эти строки и напоминает Тата). В неизвестном письме, написанном около 10 февраля, она вновь, уже подробнее, изложила выдвинутый А. Фолькмар проект переезда Таты с ней в Берлин. 26 февраля Герцен писал, что не отвечал на этот проект, потому что принял его за воздушный замок. "Какой же смысл, кроме желания двигаться? Какая специальность у тебя, которой особенно соответствует Берлин? Если ты хочешь заниматься чем бы то ни было – то еще и во Флоренц⟨ии⟩ и в вашем круге ⟨...⟩ найдется дело" (XXIX, 283).

[9] Одну из этих фотографий, с дарственной надписью Герцену от 7 марта, см. в наст. кн.

[10] Отклик на статью Герцена "Arthur Beni" в № 9 "Kolokol" от 1 марта (XX, 132–133). В ней рассказывалось о ранении *А. Бенни*, находившегося в гарибальдийских войсках в качестве корреспондента английской прессы. А. Бенни был знаком с Герценом и его семьей в Лондоне с 1858 г. Перед присоединением к гарибальдийцам Бенни, вероятно, побывал у детей Герцена во Флоренции: в письме от 28 октября 1867 г. Герцен просил их и Мейзенбуг помочь ему с рекомендациями к итальянским деятелям (см. XXIX, 218). 27 ноября 1867 г. Бенни умер – по-видимому, от заражения крови (см. XXIX, 294).

Ответ Герцена, написанный около 16 марта, неизвестен (см. о нем в п. 71). Герцен откликнулся на наст. письмо также в письме от 23 марта (XXIX, 295; 298; об исправлениях в его тексте см. в *ЛЖГ* V, 44).

71

22-ого марта 1868. Воскресенье[1].
№ 9. Piazza S.-Felice. Firenze

Дорогой мой Папаша, скажи мне, пожалуйста, что ты Саше пишешь? Верно, о Терезине все? На что́? Что же ты хочешь, чтобы он делал теперь? Письма твои он мне не показывал, даже одними намеками о них говорил, но я вижу, что они его очень огорчают[2]. Право, лучше не дотрагиваться больше до этого предмета. Пожалуйста, не думай, что он просил меня писать, нет, я ему даже не говорила, что пишу тебе об этом.

Ты себе, верно, делаешь совсем фальшивое понятие о наших отношениях с Терезиной. Никто не думает о том, невеста ли она или нет, – те, которые догадываются, об этом не говорят, все относятся одинаково к ней, т.е. как в милому ребенку, как к Ольгиной подруге и моей ученице. К нам так мало и редко ходят – да к тому же в ее обращении с Сашей ничего не бросается в глаза. Что же ты от него хочешь? Он счастлив, она мила, резва, учится хорошо, во всем успевает – он верит в ее любовь и в будущее счастье. Не могу сказать, что и я так уверена – но его не разубедишь. А потом, в самом деле, как можно вперед знать? У каждого свое понятие о счастии. Он теперь мечтает о совершенном уединении, о тихой семейной жизни в одиночестве. Я жалею об этом, потому что, по-моему, общество хорошо на него действует и оживляет его. Но теперь дело сделано, к чему его мучить этими рассуждениями, он отретироваться никак не может – да и не хочет – ясно и естественно, когда он верит в свою любовь к ней. Поэтому прошу тебя серьезно, милый, дорогой мой Папаша, не говори больше об этом, не мучь его, пусть он живет себе счастливо по-своему. Что же нам желать, если он в самом деле счастлив? Какой нам вред от этого? Нельзя же серьезно говорить о том, что человек должен бы так или иначе жениться, чтоб устроить home[254*] сестрам. В характере Терезины много хорошего, больших недостат-

[254*] дом (*англ.*).

ков я до сих ⟨пор⟩ не замечала. Никак уж нельзя приписать ей и ее отношениям с Сашей то, что наша жизнь монотоннее теперь, чем прошлого года. Это решительно ни в чем не могло помешать. А помешало просто то, что наш кружок значительно уменьшился, и то, что Мальвида и m-me Schiff постоянно нездоровы.

Итак, еще раз очень, очень тебя прошу: не обижай Сашу, пиши мне, расспрашивай меня обо всем, чтó хочешь, но оставь его в покое, милый Папаша. Что он летом не хочет уезжать[3], именно в то время, когда и нас не будет, тоже естественно. Как же сразу опять оставить Терезину в семействе, в обществе, к которому она уже больше не принадлежит, – все-таки у нее теперь совсем другие интересы. Летом все уезжают, даже любимые ее уроки музыки прекратятся – люди, которые ее окружают, натуры грубые. Нехорошо было бы даже с Сашиной стороны, если б он ее оставил одну летом.

Был у нас третьего дни громадный концерт – в Sala Filarmonica. M-me Laussot устроила. Все было очень удачно. Les Cherubins – т.е. члены нашего "Общества Керубини"[4] – сделали громадные успехи с прошлого раза, благодаря необычайной энергии m-me Laussot. Превосходная женщина, даже Panofka, который был с ней "en cérémonies"[255*] не мог удержаться, встал, сделал ей разные комплименты – и до сих пор все повторяет: "Cette femme a du génie, cette femme a du génie!"[256*] Вот наша программа – покажи Огареву:

1) *Ouverture* avec chœur de O. Nicolai, arrangée p⟨ou⟩r deux pianos. На одном форт⟨е-пиано⟩ играла Berthe Sommier.

2) *Cœur* de Pélenus. "Ave, Maria" – Arcadelt.

3) *"L'Etoile du Soir"* – air du "Tannhäuser" Wagner.

4) *Mottetto* "Iste Dies" p⟨ou⟩r chœur – Cherubini.

Случайно остановилась последняя дочь Керубини, старушка лет 90 – остановилась проездом во Флоренции, ее, конечно, пригласили, принесли кресло особое в концерт, и после *Mottetto* m-me Laussot ей поднесла громадный букет – в память отца.

5) *"La jeune religieuse"* – Schubert.

6) *Allegro, Adagio, Scherzo – Brossard.*

7) *Quatuor* de l'opéra "Fidelio" – *Beethoven.*

8) "*Ballades* du pays de Gallois" – chantées par miss Wyane.

9) *Mottetto* "Giammai, o Signor, ti fascerò" pour chœur – *Bach.*

Все было очень удачно. Ольга m-me L⟨aussot⟩ поднесла большой букет, очень мило.

Вообще теперь начинается музыкальный сезон здесь – концертам конца нет. К тому же Salvini здесь, я уже несколько раз его видела. В Гамлете он мне далеко не понравился, его ужасно страстная игра, мне кажется, не идет к северному типу и характеру Гамлета. Но деньги, деньги! Я сама удивляюсь, как я могу все платить из своей кассы. Себя одеваю (правда, что мне не нужно было необыкновенных туалетов, т.е. бальных и вечерних), за гердеробом Терезины смотрю и сама плачу за разные развлечения, как концерты, театры, верховая езда и т.д. А потом как я хозяйством занимаюсь! Экономничаю, настоящий Necker – конечно, у меня счеты больше в порядке, чем до моего министерства, – а когда что-нибудь *не так* – так из своего кармана приплачиваю.

Mignet я кончила, это читается немножко как лексикон, но здорово. И первый том Quinet мы кончили. Но несмотря на то, что второй том гораздо больше, Мещерский говорит уже, что после этого надобно бы и Tocqueville[5] прочесть – а остается он всего-навсего еще две недели.

Прочла я тоже несколько глав "Histoire d'un paysan" – il y a des longueurs[257*] по временам, но все-таки очень хорошо как народный рассказ, и некоторые возмути-

---

255* "В натянутых отношениях" (*франц.*).

256* "У этой дамы талант, у этой дамы талант!" (*франц.*)

257* "Истории крестьянина" – есть длинноты (*франц.*).

ТАТА ГЕРЦЕН

Фотография Ф. Шембока. Флоренция, ⟨1868⟩. С дарственной надписью на обороте: "Папаше Тата Герцен. 7-аго Марта 1868 Флоренция". Сбоку приписка: "Посылаем Вам последние карточки, других у нас здесь нет"

Музей Герцена, Москва

тельные сцены нищеты и ее последствий, например, когда он рассказывает, как мать радуется, что старший сын вынул хороший билет во время conscription[258*]. Не потому, что он освобождается от солдатской жизни, а потому что его можно сейчас же продать за девять louis-d'or[259*] – и не умереть с голоду – а вместе с тем она сына ужасно любила – страдала. Сына напоили, он с первого же вечера все прокутил. – Читал ты сам рассказ этот или нет?[6]

Ждем продолжение твоего "Дня" – над началом мы очень хохотали. Так и вижу, как ты каждое утро начинаешь баррикадироваться, потом как Пан входит позавтракать, пожаловаться на расстройство желудка. Какой ты все веселый, милый, дорогой мой Папаша[7].

Крепко, крепко тебя обнимаю и целую – и Ага тоже.

Твоя Тата Г.

Пану жму руку, какую же фотографию он себе выбрал?

Как же это ты Саше пишешь, чтобы он подождал – не читал бы нам ответа д-р⟨у⟩ Крупову, пока всего не получит, а мне пишешь, отчего я не прочла?[8] Мы еще не читали – Саша дал Пенизи, который еще не отдал.

Все кланяются тебе, Ольга целует[9].

258* призыва новобранцев (*франц.*).

259* луидоров (*франц.*).

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена к Тате, написанное около 16 марта, и на письмо "всем" ("omnibus") от 16 марта (XXIX, 295–296).

[2] В части письма от 16 марта, обращенной к сыну, Герцен вновь писал, что боится его брака – за него "и за общий покой": "Все быстрые пересаживания и развития – очень трудны" (XXIX, 294; ср. 258–259).

[3] Герцен советовал Саше отложить свой приезд в Женеву к Огареву до лета (см. XXIX, 294).

[4] В 1867 г. во Флоренции возобновило свою деятельность любительское музыкальное "Общество Керубини"; в нем приняли участие и дочери Герцена (см. п. 61).

[5] Речь идет о книге: A. T o c q u e v i l l e. L'ancien régime et la révolution (P., 1856). Отвечая на это сообщение, Герцен писал 30 марта с удивлением: "Чего Мещ⟨ерский⟩ хочет от Токвиля, – очень хорошая книга, но для чтения с Татой я бы никогда ее не выбрал" (XXIX, 299–300).

[6] Роман Эркманна-Шатриана "L'histoire d'un paysan du 1789–1815", ч. 1 которого ("Генеральные штаты") была напечатана в 1868 г. Вероятно, Герцен послал эту книгу дочери (ср. в его письме к Лизе от 3 марта сообщение, что он привезет этот роман в Ниццу для чтения "вместе" – XXIX, 288).

[7] Юмористическое описание своего "неизменного, незыблемого дня" Герцен начал в письме к детям от 16 марта (см. XXIX, 295–296, но в 30-томном изд. эта заключительная часть письма, находящаяся на отдельном листке и имеющая помету "Omnibus" ("Всем". – *лат.*), ошибочно присоединена к его письму от 23 марта. Что она входила в письмо от 16 марта, доказывает наст. ответ Татьи. См. *ЛЖГ* V, 44). Продолжено описание дня в письме Герцена от 28 марта (см. XXIX, 297–298).

[8] Речь идет об "Aphorismata по поводу психиатрической теории д-ра Крупова" (XX, 637–645). Первоначальная редакция написана Герценом между 14 и 20 февраля, в Ницце, а к 27 февраля он – уже в Женеве – перевел ее на французский язык для № 6 "Kolokol" от 1 апреля и читал Огареву и Бакунину ("успех полный", см. XXIX, 276, 282, 284, 285; русский оригинал опубликован в "Полярной звезде на 1869"). 11 марта Герцен писал сыну: "Я тебе пришлю в Specol'y через два дня корректуру "Анти-Крупова" – ты ее сначала прочти и потом сделай сюрприз Мейзенб⟨уг⟩, и Тате, и Шиффу, и Левье – прочти им громко, artistisch" (XXIX, 292). Очевидно, посылая около 14 марта корректуру (не полностью?) Герцен просил сына помедлить с общим чтением. Вопрос же к Тате, видимо, содержался в неизвестном письме, написанном около 16 марта. 23 и 30 марта Герцен вновь спрашивал у Татьи, как "понравился Левиафанский?" (XXIX, 298, 300; см. в *ЛЖГ* V, 46 уточнение состава этих писем). Мнение Татьи о произведении см. в п. 73.

[9] Герцен ответил 28–30 марта (XXIX, 297–300).

72

27-ого марта 1868 года.
№ 9. Piazza S.-Felice. Firenze

Благодарю тебя за портрет S-t. Just'a, милый мой Папаша[1]. Пожалуйста, пришли мало-помалу всю коллекцию, о которой говоришь. Жаль, видно, что с плохих рисунков сняты фотографии. Во всех чертах что-то такое "conventionnel"[260*], что трудно судить о характере лица[2]. "Les derniers Montagnards" мы нашли у Vieusseux[3]. Но так как эта книга довольно большая, я еще подожду и возьмусь за нее, когда кончим Tocqueville'a.

28-ого

Только что провожала Сашу[4] – или, скорей, Терезину, ей хотелось ехать на станцию – бедняжка была так огорчена – не то, что мы. Как мы легко расстаемся несколько раз в год, поневоле привыкаешь, но и поневоле все-таки думаешь: "Увидимся ли мы когда-нибудь опять – что́ может случиться?"

Вернулась я с ужасной мигренью, ничего делать не могу, придется лечь. Посылаю эту записочку, только чтобы видеть, кто первый доедет до Женевы – Саша или письмо.

29-ого

Не удалось мне и этой записочки докончить, потому что так разболелась голова, что должна была лечь.

Как ты все спрашиваешь, какие у нас планы, что́ мы намерены делать летом. О себе я могу только сказать, что желала бы часть лета провести с вами всеми, если вы будете вместе, т.е. Ага, Natalie, Лиза и ты. Но вы сами ничего не решили. Если Огарев останется в Женеве, так я поеду к нему в Женеву, а потом к Natalie и Лизе,

---

260* "условное" (*франц.*).

где бы они ни были. Но часть лета мне бы хотелось тоже остаться с Ольгой, чтобы быть с ней именно когда у нее нет уроков и больше время для чтения[5]. Мальвида не решится выехать из Италии и уж, наверное, не согласится на общую жизнь летом. Съездить повидаться с Огаревым – другое дело. И предлагать нечего общее житье[6]. Здоровие Мальвиды в самом деле очень плохо, она сделалась такой раздражительной в мелочах. Как ей устроить жизнь тише и уединеннее, чем у нас теперь, и то она все жалуется. Вот сегодня она чувствует себя получше и решается, наконец, попробовать съездить в театр, чтобы видеть Сальвини в "Figlio della Selve"[7]. Терезину мы берем с собой, скажи Саше, что я велела спросить мать, хочет ли она прислать "cognato"[261*] за ней вечером или предпочитает ли она, чтобы Терезина спала у нас. Она предпочла первое, но и не была против второго плана.

А теперь прощай, крепко всех вас целую.

Ваша Тата Г.[8]

[1] Ответ на письмо Герцена от 23 марта (см. XXIX, 295, 298; ср. *ЛЖГ* V, 46).

[2] 23 марта Герцен писал: "Здесь появилось несколько карточек с портретов версальской галереи – революционных людей 1792 года", и обещал в следующем письме прислать портрет А. Шенье (XXIX, 298). Отправляя его 2 апреля, он писал: "Ты напрасно думаешь, что портреты натянуты – они брали тогда эту позу" (XXIX, 301).

[3] Герцен в неизвестном письме к Тате, написанном около 20 марта, рекомендовал ей эту книгу Ж. Кларти, изданную в Париже в 1867 г. Герцен читал ее в первой половине января 1868 г. и в этой связи писал Ж. Мишле 3 февраля: "Как величественно ваше прошлое!" (XXIX, 259, 271; ср. XXIX, 300).

[4] А.А. Герцен 28 марта выехал в Женеву в связи с болезнью Огарева. 29 марта вечером его встречали на женевском вокзале Герцен и Тхоржевский (см. XXIX, 299; ср. 297).

[5] 13 апреля Герцен в связи с этим писал: "Если ты в самом деле Ольге полезна – то вряд ли нужно тебе торопиться. Обдумай все хорошо" (XXIX, 307).

[6] Мейзенбуг и Ольга Герцен провели часть лета в приморском поселке Сан-Теренцо (северная Италия), а в конце августа приехали в Пранжен, близ Ниона, где собралась в первой половине сентября на короткий отдых вся семья Герцена и Огарева.

[7] Пьеса Ф. Гальма "Сын лесов".

[8] Герцен ответил 2–13 апреля (XXIX, 301–307).

73

1-ого апреля 1868 года.
№ 9. Piazza San-Pelice. Firenze

Поздравляю тебя, милый Папаша, с днем твоего рождения. А за твое здоровье мы вчера пили, в крошечной траттории, в премилом местечке, две станции от Флоренции, по дороге в Рим. Здешние русские уже давно собирались учредить picnic[262*] и меня пригласить, вчера все это устроилось.

Нас было 10 человек: 2 Ге, 2 Мясоедовых (т.е. мужья с женами), оба брата Каменских, m-lle Ушакова, обстриженная, пресмешная и веселая нигилистка, Забелла, Мещерский и я[1]. Эта m-lle Ушакова – преоригинальное русское явление. Молодая девушка 23–24 лет и уже третий или четвертый год совсем одна путешествует по Европе – по Италии, Швейцарии, Испании. Теперь хочет на короткое время вернуться в Россию, оттуда отправиться в Египет – все это одна, даже без горничной. Конечно, очень богата, так что ей все и легко и удобно, но, кажется, ничем особенно не интересуется, а так веселится. Но не бойся, Папаша, что будет сближение. Я с ней только вчера познакомилась и вряд ли опять увижу, потому что она на днях уезжает. Женевские Утины[2] ее, кажется, хорошо знают. Впечатление она на меня сделала очень неприятное, чересчур ausgelassen[263*], как избалованный ребенок, но не как кокетка. Но если б они сошлись с Катей – вот наделали бы глупостей! Вообще странные типы встречаются в русском обществе.

Например, Мясоедов – такой оригинал, в жанре Базарова. Я с ним тоже на picnic'е познакомилась, мало знаю. Но представь себе, что они, т.е. с женой, живут на

261* "зятя" (*итал.*).

262* пикник (*англ.*).

263* шаловлива (*нем.*).

разных квартирах, несмотря на то, что друг друга очень любят и уважают, говорят друг другу Вы и Григорий Григорьевич, Елиз⟨авета⟩ Н⟨иколае⟩вна, так формально – все это по разным принципам – так, как он за здоровие Ушаковой пить не хотел, говоря: "Что мне за дело до ее здоровия, она мне не полезна и не интересует меня. А в жизни ведь все делается из эгоизма. За женщин вообще, пожалуй, выпью". И Ге остался верен своему характеру – все время философствовал и бредил, лежа на траве, окруженный нами всеми, точно пророк какой-нибудь. Он с таким уважением всегда ко мне обращается, что мне просто совестно – во всех спорах спрашивает мое мнение – и очень хорошо знает, что я почти никогда с ним не согласна. Забавные люди. Забелла был тоже очень весел, вот счастье неожиданное – он получил маленькое наследство – достаточно, чтобы спокойно жить и не заботиться ежедневно о куске хлеба для детей – едет на днях в Россию устраивать дела – а потом, кажется, мечтает об Америке.

Что дела Levier идут хорошо, ты, верно, через Сашу уже знаешь. Третьего дни ночью он только час спал. С кем провел ночь? С любезным князем Петром Влад⟨имировичем⟩ Долгоруким, который страдает, кажется, астмой и вернулся во Флоренцию к Светлому Воскресению. В Неаполе, должно быть, нет церкви русской.

2-ого апреля

Получили твое письмо и Сашин поклон[3]. Жалею вас, вы там жалуетесь на ветер и бизу – а здесь чудо что за погода, так тепло, что, гуляя вчера, я должна была снять маленький свой пальто. Мы все вместе, т.е. Мальв⟨ида⟩, Ольга, Терезина, Мещерский и я, были на Villa Montier – жарились на солнце.

Как мы смеялись, читая твой день, милый мой Папаша[4]. А это в самом деле, лучший способ, чтобы дать живое понятье об образе жизни. Даже в нашей монотонной жизни бывают презабавные сцены. Самые комические роли играют обыкновенно кухарки. Наружность нашей старой Розы ты уже знаешь, ее старое лицо, покрытое морщинами; она испеченное яблоко. Так как теперь я всё заказываю обед – моя верная Роза с такой аккуратностью является каждое утро, в 7-мом часу – тихонько-тихонько отворяет дверь и каждый раз удивляется, что у меня глаза уже раскрыты, и восклицает: "Ah! la mia lepre, non dorme più, il mio serpino ha gli occhi aperti! E pur è tornata tardi dal teatro ieri – dorme, dorme, poverina"[264*]. – Это каждый божий день повторяется. После интродукции, т.е. после этого предисловия, мы приступаем к делу и рассуждаем о том, как всего лучше и дешевле устроить обед. Я ей рассказываю, что пари держала с Сашей, что он все надо мной смеется и говорит, что я ничего не понимаю в счетах, а я хочу ему доказать, что у меня будет все в большом порядке, поэтому я ей обещаю подарок к концу месяца, если мы экономно устроим все – и она преважно приступает к делу. Как только она уходит, я тороплюсь поскорей одеться, часто даже в неоконченном туалете бегу в гостиную, только чтобы выбраться поскорей из моей неуютной комнаты, она такая большая, голая, холодная, окно к северу, свет серый, печальный, а в гостиной с раннего утра уже все так весело, легко, освещено солнцем – другие обыкновенно еще в спальнях, так что у меня тихий приятный получасик остается для чтения, до кофе. And I enjoy very much[265*].

С кофеем начинаются всевозможные хлопоты и суета. Во-первых, с кофе надобно торопиться, потому что Бакошка рано приходит, потом надобно поскорее счеты делать и дать денег Розе, сказать, что́ делать, чтобы она не сидела сложа руки, или черное белье считать с Adelasia или чистое, только что принесенное, и обыкновенно приносят еще разные неожиданные счеты – Begayo, Lataio, Calamajo, Bezzari, Gilli etc., etc.

Когда все это кончено, я опять ищу себе тихий уголочек, на солнце, чтобы спокойно сидеть... Это совсем не так легко, как кажется, хочется остаться в гостиной,

---

264* "Ах, заинька моя, ты уже не спишь, у моей змейки глазки уже открыты! Ты ведь вчера вернулась поздно из театра – спи, спи, бедняжка!" (*итал.*)

265* И мне очень весело (*англ.*).

потому что хорошо и тепло, но тут Ольга играет на фортепиано, я при этом не могу читать. Сядешь к Мальвиде, – уж непременно начнется разговор о чем бы то ни было, а чтение не подвигается; к Ольге тоже нельзя, потому что именно в это время Adelasia делает[266*] ее комнату, так что можно петь "Das Wandern ist der Tata Lüst, das Wandern"[5] до окончания урока Бакошки, т.е. до 10 часов. После этого все успокаивается до завтрака в двенадцать часов – только иногда звонят, приносят записочку, и Adelasia говорит: "Una risposta subito"[267*]. Эта записочка от Мещерского – он спрашивает, расположены ли мы идти гулять в Fiesole, Certosa, Pisa, Livorno. Мальвида[268*] обыкновенно отвечает: "Ach, nein, das ist da nichts für mich, mein Kopf ist schwer und ich bin ganz erkältet, für Olga ist es auch nichts – sie *wird* sich erkälten"[269*]. Поэтому, смотря по тому, день ли это урока Терезины или нет, я принимаю или откладываю прогулку. Но как Мальвида смотрит за здоровьем Ольги, ну, право, почти хуже, чем Natalie с Лизой – я даже дивлюсь терпению Ольги. Иногда я у Ольги в комнате причесываюсь и вижу, как Мальвида при малейшем движении Ольги является и спрашивает: "Ты, верно, слишком громко говорила; не забывай голос, вот теперь, наверное, будешь кашлять; смотри, надевай жакетку, когда будешь проходить через коридор". Во время прогулки не позволяет бегать и прыгать, останавливает на лестнице, когда Ольга хочет пошибче взбежать; никогда она не решится отпустить со мной на пикник куда-нибудь[6].

Всего мне неприятнее сцены, которые почти ежедневно повторяются из-за фортепиано, потому что это развивает такую страсть к собственности. Все у нас под ключом, фортепиано, комната; чтоб достать ключ, надобно час работать, просить, хитрить. Но я решилась не говорить больше об этом. Со временем пройдет, а теперь ведет только к неприятным разговорам – Мальвида сердится[7].

Я сейчас после первого чтения Tocqueville сказала, что это книга ⟨не⟩ для общего чтения, но *одна* читать я могу, до сих пор все понимаю и нахожу, что интересно. И "Левиафанского" с большим интересом прочла, хотя с грустью увидела, что посвящения нет, – Шиффа я с тех пор не видела, мнение его не знаю[8]. – Написано: "1-ère variation"[270*] – значит, будут еще статьи?[9] Чем кончилось дело работников в Женеве?[10]

Однако прощай, крепко тебя целую – думай об нас в понедельник[11].

Твоя Тата Г.

Мещерский только что пришел и кланяется[12].

[1] См. именной указатель к наст. тому.

[2] Николай Исаакович Утин и его жена Наталья Иеронимовна.

[3] Далее ответ на письмо Герцена от 28–30 марта с припиской А.А. Герцена (см. XXIX, 297–298, 299–300, и прим. 1 к п. 72).

[4] 28 марта Герцен продолжил описание дня (см. XXIX, 297–298), начатое в письме от 16 марта.

[5] Перефразируется рефрен из песни "В путь" ("В движенье счастие мое, в движенье"), открывающей вокальный цикл Ф. Шуберта "Прекрасная мельничиха").

[6] В связи с этим Герцен 6 апреля писал Мейзенбуг об Ольге: "Учитывая наступление весны, умоляю вас, позвольте ей бывать на воздухе – даже когда холодно. Я опасаюсь физической Verweichlung ⟨изнеженности (*нем.*)⟩. – XXIX, 305. См. п. 74.

[7] См. прим. 9 к п. 71.

[8] Сообщая дочерям 26 февраля, что "Афоризмата..." поступает в печать, Герцен поручил Тате "спросить М. Шиффа – приятно ли ему будет, если французская публикация выйдет с посвящением ему. Однако, не получив вовремя ответа, напечатал "Aphorismata..." в № 6 "Kolokol" без посвящения Шиффу, о чем сообщил дочерям 23 марта (XXIX, 282, 295). Затем, в "объяснении", заключающем русскую редакцию, напечатанную в "Полярной звезде на 1869" (вышла в середине ноября 1868 г.), он указал, что написал «"рефлексии и контроверзии" прозектора Левиафанского» "собственно для Шиффа" (XX, 118).

[9] Этот подзаголовок во французской публикации поясняется от лица редактора "Kolokol", который,

---

266* *галлицизм*: убирает (fait).

267* "Ответ немедленно" (*итал.*).

268* *В автографе описка*: Матильда. – *Ред.*

269* "Ах, нет, это для меня исключено, у меня голова тяжелая и я совсем простужена, для Ольги это тоже исключено – она простуд*ится*" (*нем.*).

270* "1-я вариация" (*франц.*).

будто бы, переведя с латинского лишь «первую "вариацию", или первый *афоризм*» из присланной "ученым прозектором" тетради, "увидел, что автор его – совершенно сумасшедший", а потому решил ограничиться печатанием лишь этого "вводного афоризма" (XX, 891).

[10] Речь идет о стачке строительных рабочих, начавшейся в Женеве в конце марта (см. о ней в письме Герцена к Тате от 28 апреля – XXIX, 323). Огарев писал А.А. Герцену 9 мая, что стачка окончилась компромиссом (см. кн. 1-ю наст. тома).

[11] 6 апреля – день рождения Герцена.

[12] Герцен ответил 6 апреля (см. его письмо в кн. 1-й наст. тома).

74

18-ого апреля 68.
№ 9. Piazza S.-Pelice. Firenze

Представь себе, что мы твое письмо из Марселя получили только вчера[1], милый Папаша. Я тебе сейчас бы отвечала, но вчера был хлопотливый день – я большею частью была с милым русским семейством Ворониных. Он, кажется, довольно замечательный ботаник, занимается микроскопическими грибами, криптогамами – много писал, как говорит Шифф, к которому он пришел просто как к доктору. Шифф их сейчас же пригласил вечером, и я их там встретила. Жена еще молода, умная, тихая и очень симпатичная особа, насколько могу судить после такого короткого знакомства. Ей было очень приятно с нами познакомиться, она желала как-нибудь встретиться[2].

Живут они почти всегда в Петербурге; она была там во время историй Чернышевского и во время истории Каракозова. Участвовала в устройствах школ, в преподавании. Они дружны с Сусловой[3], потому что Богданова, друг и товарищ Сусловой (они вместе ходили в университет), вышла замуж за брата m-me Ворониной (какого-то Бокова ⟨!⟩ – он умер)[4]. Они рассказывают, что уже столько о нас слышали и видели столько карточек, что им кажется, что мы уже давно знакомы. Неудивительно, они очень хорошо знают Петрушу[5] и Левицких – да Благосветлова. И разные еще у нас общие знакомые. Зимой они были в Ницце, в Villa Pay – несколько раз тебя видели издали. С ними еще молодая девушка, сестра m-me Ворон⟨иной⟩, которая занимается много музыкой, ходит в консерваторию в Петербурге и очень огорчала⟨сь⟩, что Рубинстейн уехал[6].

К сожалению, все эти русские здесь только проездом. Мясоедовы и Ушакова, о которых я тебе писала, уже уехали. Воронины едут завтра.

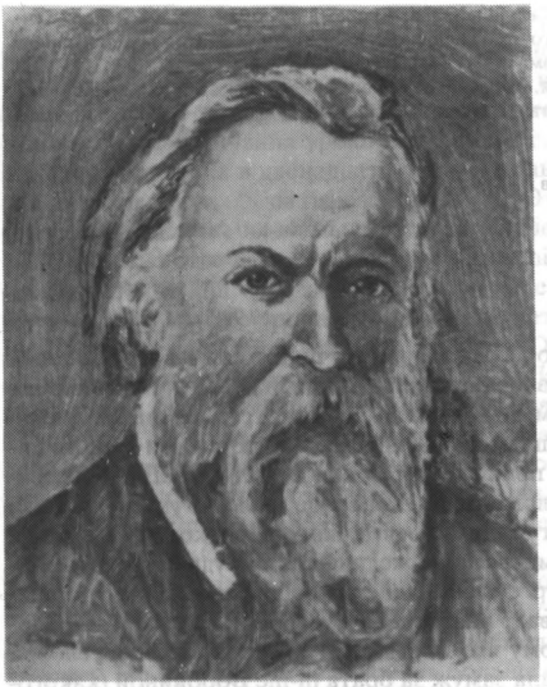
А насчет Кати что ты мне скажешь теперь? Меньше ли она тебе не нравится, чем прежде? Как мило со стороны Natalie, что она позанялась ею, я ей очень благодарна[7]. Видишь, однако, Папаша, что трудно иметь влияние на кого бы то ни было, когда так разно смотрят на обстоятельства, как Мальвида и я или N⟨atalie⟩ и я? Ольгой я все-таки же довольна, как только я ей прочла твое письмо, она готова была сделать все, что я предложила, совсем не запирать фортепиано, или сделать второй ключик – пошла к М⟨альвиде⟩ – которая ей сказала, что это вздор[8]. Конечно, я Ольге объяснила, что она пусть лучше слушается Мальв⟨иду⟩, что мне довольно того, что она сейчас на все согласилась. Напрасно ты сделал М⟨альвиде⟩ замечание за то, что Ольга не гуляет, – она ежедневно выходит на "constitutional"[271*] (по-английски), только на настоящие, хорошие прогулки по окрестностям боится пускать с нами, когда сама не участвует, это презабавно – ну и, конечно, кутает.

Могу ли я быть Ольге полезна и до какой степени, это именно то, что бы мне хотелось исследовать летом – потому что теперь у нее решительно все время занято приготовлением уроков. Может, просто чтением удастся достигнуть больше, чем уроками.

О Саше нечего больше говорить, остается терпеливо ждать, увидим; Бог знает, может, выйдет все лучше, чем ожидаем.

Ты пишешь: "Счастлив тот, который приносит в жизнь побольше разума и поменьше увлечений"[9]. Можно ли сказать, что тот счастливее? *Спокойнее*, это так. Qui

[271*] прогулку (*англ.*).



ГЕРЦЕН
Портрет работы Таты Герцен (масло). 1868
Собрание Жанны Амфу-Моно, Париж. Воспроизводится по книге: A. Herzen. Lettres inédites à sa fille Olga. Paris, 1970

ne risque rien, ne perd rien, mais ne gagne rien non plus![272*] Думаешь ли ты в самом деле, милый Папаша, что это спокойствие можно назвать счастьем? И сам Левиотански⟨й⟩ припоминает и цитирует: "Si la raison dominait le monde, il ne s'y passerait rien"[10].

Если бы ты слышал, что Ге мне часто повторяет: "Что это вы все дома сидите, Нат⟨алья⟩ Алек⟨сандровна⟩, лягушек рассматриваете, книжки читаете, это все очень хорошо, только это можно и в старости делать, а веселиться надобно в молодости. Когда же вы жизнь узнаете, в молодости надобно *жить*".

Мало-помалу я тоже узнаю, как везде, везде любят сплетничать – непостижимо. Вообще обо всех, ну, а что касается до нас, это уморительно, – кажется, я тебе еще не писала. И люди, которые нас совсем не знают и не видели – что им за дело, какой интерес? То говорят, что Саша уже в Риме хотел жениться на Кате (он ее никогда в Риме не видел); то, что Ольга католичка, а я аристократка, прибавляя: "Неудивительно, и отец – аристократ"[11], – что я горда, со всеми говорю de haut en bas[273*], на балах бываю и вообще хожу только к маркизам и баронам... Верно, слышали о единственном бале, на котором я была во Флоренции, у барона Соннино. Сначала меня это все сердило, но невольно кончаешь тем, что засмеешься или не обращаешь внимания.

Цепочку я, конечно, получила, она мне очень нравится, и я тебя еще раз благодарю и целую.

Утин на днях вернулся – с сестрой – m-me Стасюлевич – но у нас еще не был. Видел ли ты статью Mazad'a в "Revue des Deux Mondes"?[12] Monod прислал Ольге книжку Längel'a "Problèmes de l'âme..."[13]

Папаша, отчего ты придаешь такую важность танцам?[14] Что танцевать уметь приятно, полезно для неловких и неуклюжих – это так, но важности я не вижу в этом. Мне неприятно, когда Ольга говорит, что не любит танцевать, потому что это каждому покажается аффектацией – с ее веселым, шаловливым характером это неестественно – и в самом деле своего рода кокетство. Если б она была серьезная, сосредоточенная натура, может быть, она *разумом* дошла бы до того, что танцы глупы, и взяла бы серьезное решение не танцевать. Но так это, конечно, шалость. Однако, пожалуйста, не пиши больше об этом Мальвиде. Она опять скажет, что я сплетничаю, – но мне отвечай подробно.

Терезина пришла – прощай, обнимаю тебя и крепко целую

Твоя Тата Г.

Natalie и Лизочку целую. На днях принесут посылочку на имя Natalie – прошу передать Кате. Это ее поручение – мозаики. Везет их родственник Воронина – кажется, его племянник, я его не знаю[15].

272* Кто ничем не рискует, ничего не теряет, но и ничего не выигрывает! (*франц. поговорка*)

273* свысока (*франц.*).

[1] Тата отвечает на письмо Герцена от 13 апреля (см. XXIX, 307).

[2] *М.С. Воронин* – основоположник отечественной науки о грибах, и его жена Е.Н. (урожд. Быкова) участвовали в демократическом движении 1860-х годов – в частности, в устройстве воскресных школ.

[3] *Н.П. Суслова*, участница студенческого демократического движения, в июне 1865 г. приезжала к Герцену в Женеву. Окончив в 1867 г. Цюрихский университет, она стала одной из первых русских женщин-врачей. Герцен заинтересованно следил за ее судьбой (см. XX, 325–326; XXIX, 486).

[4] Участница кружков разночинной молодежи *М.А. Богданова* (в замужестве – Быкова).

[5] *Петруша* – П.А. Захарьин, брат покойной Н.А. Герцен.

[6] О встрече в Париже (10 апреля) с *А.Г. Рубинштейном* Герцен сообщил Тате 13 апреля (см. XXIX, 307).

[7] 13 апреля Герцен писал Тате, что Тучкова-Огарева подружилась в Ницце с Е. Владимировой и та "дает Лизе уроки" (XXIX, 307).

[8] См. в кн. 1-й наст. тома письмо Герцена к Ольге от 6 апреля, вызванное сообщением Таты об инцидентах с фортепиано. О том, что "необходимо положить конец неуместному чудачеству с роялью и ключом", Герцен тогда же написал Мейзенбуг (XXIX, 305).

[9] См. письмо Герцена от 13 апреля (XXIX, 307). 26 апреля, отвечая на наст. письмо, Герцен разъяснил: "Я писал не о равнодушии и не о бесстрастии – а о том, что есть уравновешение страстей и разума, до которого все гармонические натуры могут достигать. Все красивое и изящное только и состоит в соразмерности частей – в мере ⟨...⟩, все *личное* должно быть балансировано *общим* – иначе беда" (XXIX, 322).

[10] "*Если бы разум господствовал в мире, ничего бы не происходило*". – Тата цитирует сентенцию герценовского персонажа Тита Левиафанского по французскому автопереводу "Aphorismata..." ("Kolokol" от 1 апреля, см. XXIX, 642). Она приписана Герценом "одному французскому писателю"; ср. IX, 252 и 328.

[11] 26 апреля Герцен писал Тате по этому поводу: "Не знаю, кто меня называл аристократом – и тебя тоже, – но конфузиться этим нечего". "Идет это все", по его мнению, от круга женевской "молодой эмиграции" – А.А. Серно-Соловьевича, М.К. Элпидина, М.С. Гулевича, Н.И. Утина, "воображающих, что социализм состоит в том, чтоб им давали деньги⟨...⟩ Все имеющее достоинство, удаляющееся от vulgar, они называют аристократизмом" (XXIX, 323).

[12] Статья Ш. Мазада "Deux années de l'histoire intérieure de la Russie. 1866–1867" была напечатана в "Revue des Deux Mondes" от 1 апреля. 17 апреля Герцен рекомендовал ее Огареву: «Несмотря на пошлое, шляхетски "вестовое" ⟨т.е. в духе газеты "Весть"⟩ окончание – статья очень интересна», а 19-го сообщил ему, что намерен написать о ней "несколько строк" (XXIX, 314, 315, см. статью Герцена "L'article de M. Charles Mazade" в № 8 "Kolokol" от 15 мая (XXIX, 306–309 и 309–312).

[13] Книга A.-A. L a n g e l. Les Problèmes de la Nature, de la Vie et de l'Ame. P., 1868.

[14] Отклик на письмо Герцена от 6 апреля (см. кн. 1-ю наст. тома).

[15] Герцен ответил 26–28 апреля (XXIX, 322–324).

75
Фрагмент

⟨Флоренция.⟩ 17-ого мая ⟨1868 г.⟩[1]

⟨. . . . . .⟩

А после возьму Draper'a – он у Vieusseux[2].

Вчера вечером мы, члены "Общества *Керубини*" и m-me Laussot, дали громадный концерт – очень удачный. Sala Filarmonica была битком набита. Участвовал тоже Wilhelmy – знаменитый виолонист. Молодой человек лет 22 – большой, толстый, с преоригинальным лицом, немножко à la Deville[274*], но белокурый. Он очень хорошо играет. На фортепиано отличался ученик Листа – молодой Sgambati – la poésie personnifiée[275*] – легкое, гибкое тело, длинные каштановые кудри, прозрачно-белое лицо – на верхней губе темноватый пух и (повыше) большие черные глаза с предлинными ресницами и сонно-меланхолически-швермерышим[276*] выражением. Он, впрочем, милый малый – завтра вечером будет у нас. Пусть он послушает Линду.

Несчастное это семейство Caracciolo! Не нынче – завтра они останутся без гроша. Удивительная женщина старшая сестра их Laura. Неинтересная, несимпатичная толстая особа – а сердце какое доброе. Она одна работает, 7-ой год поддерживает все семейство – мать, двух сестер, лентяя-брата и его жену! – Случись, что она один

[274*] похожий на Девиля (*франц.*).

[275*] олицетворенная поэзия (*франц.*).

[276*] мечтательным (*нем.* schwärmerisch).

сезон останется без engagement[277*] – и они все останутся без гроша до *дебю*[278*] Линды. Они все слепо привязаны к этому брату, потому что у него чрезвычайно тихий, любящий, любезный характер, и он далеко не глуп. Вот *он*, до известной степени, погубил себя, делая безумный *salto mortale*[279*]. Женился на 15-летней девочке – которая оказывается дьяволом каким-то. A propos, представь себе, что племянник miss Remond, негритянки, женится на днях – это уморительно!

А теперь прощай, крепко тебя обнимаю и целую – и Лизу и Natalie. Забавно Лиза рассуждает![3]

Твоя Т а т а[4]

[1] Ответ на письмо Герцена от 12 мая (XXIX, 335–337). Начало наст. письма, написанное, очевидно, 15 или 16 мая, неизвестно. Тата в нем, в частности, спрашивала совета, чем заниматься и какие книги читать для самовоспитания, высказывала мнение о "теории" Огарева "по поводу Саши и его брака" (см. XXIX, 343–344, 361).

[2] В письме от 20 апреля Герцен рекомендовал Тате книгу "амер⟨иканского⟩ Бекля" – естествоиспытателя и историка *Дж.-У. Дрепера* "History of the Intellectual Development of Europe" (t. I–II L., 1864). 1 мая вновь "советовал достать" у флорентийского книгопродавца Вьессё эту книгу – "хорошее и здоровое чтение ⟨...⟩ уютнее Бёкля" (речь шла о большей доступности по сравнению с "Историей цивилизации в Англии" Г.-Т. Бокля). – XXIX, 318, 328 (ср. 320).

[3] Отклик на "взрослые" рассуждения Лизы, приведенные Герценом в письме от 12 мая (см. XXIX, 336).

[4] Герцен ответил 23 мая (XXIX, 343–345).

76

5-ого июня 1868.
№ 9. Piazza San-Felice. Firenze[1]

Мальвида, кажется, поторопилась тебе писать о новом плане, т.е. о моем путешествии через Baden[2].

Ничего не решено, разные затруднения, семейство Williams многочисленное, переезжают они Splügen в особой карете – я должна бы ехать одна в дилижансе и ждать день целый в Куаре – пока догонит карета. Тогда уж проще ехать мне прямо в Женеву. Kommt Zeit – kommt Rat (freillch)[280*] – поэтому увидим[3].

Не писала я тебе о плане Мальвиды, потому что ⟨не⟩ хотела слишком рано писать[4]. Как только начала об этом говорить, я собиралась тебе сообщить, Мальв⟨ида⟩ попросила подождать, покуда все будет решено, – а решено было дело, пока я была в Пизе. Когда я вернулась, Мальв⟨ида⟩ ожидала ежедневно твоего ответа[5]. – Что же мне было тут прибавлять? Я очень довольна, что d-r Brandes уговорил ее выехать из Италии – рада для нее лично, что она увидит сестер, несмотря на противоположные воззрения. Может быть, Германия ей так понравится, что она решится остаться подольше. Это было бы очень хорошо для Ольги – и вообще я думаю, что это путешествие будет полезно для Ольги. Смотреть за ней в некоторых отношениях довольно трудно, это так. Но столкновений у них будет мало с *русским обществом* – и с "*Катями*". Они большею частью будут же с сестрами Мальв⟨иды⟩ и вообще останутся в Kreutznach'e не более 4 неделей.

№ Саша послал тебе брошюрку в Женеву[6].

Конечно, Natalie идеалистка в том отношении, в котором ты пишешь, это так[7].

Ты пишешь еще: "Villari сказал тебе вздор – но ведь и на белом и сером веществе далеко не уедешь. Тут не физиология мозга – а физиология общественной истории, частной жизни, – важна социология в общем и изучение страстей в частном"[8]. Я в этом не сомневаюсь, дорогой Папаша, – но начать надобно все-таки же с изучения

277* предложения работы (*франц.*).

278* дебюта (*франц.* début).

279* Здесь: отчаянный шаг (*итал.*).

280* Придет время – придет (разумеется) и решение (*нем. пословица, близкая к русской* "Поживем – увидим"). – *Ред.*

"машины"? Первый и главный вопрос – может ли мысль, явление мысли, процесс мышления быть объяснен путем физиологии или нет? Тут ведь все равно, будь мысль самая глупая – если это будет объяснено, то и самые гениальные мысли будут объяснены тем же путем – не правда ли? И это совсем не значит, что "физиология общественной и частной жизни" менее важна? А, враз говоря, надобно же начать с того вопроса, т.е. с физиологии мозга, ведь это pierre de touche[281*], чтобы с самого начала узнать, с какой стороны человек – с Villari, Domengé и C° или с Шиффом и физиолого-позитивистами – не правда ли?[9] – Это опять вопрос о *libre arbitr'e*. Я прочла все дискуции Сената в Париже о деле *Грение*[10] – Саша принес "Les Débats". Очень забавно – бедный кардиналик Bonnechose – с каким ужасом он делал цитации из лексикона Littré[11].

Мерси за "Louis XVI" Michelet[11] – я читаю его одна, очень интересно – и "Cromwell" чрезвычайно интересен – подвигается хорошо. Не могу сказать, что Cromwell симпатичная личность. *Карл* I, конечно, *ан*типатичен – но умер он хорошо; как религия ему помогла! Странно, что во время этой и Французской революции королевы имели такое влияние и такое скверное влияние на мужей.

За сим прощай на сегодня, обнимаю и крепко, крепко тебя целую – Лизу и Natalie idem[282*].

Твоя Тата Г.

Ольга очень рада ехать.

Рукой А.А. Герцена:

Любезный Папа, Тхорж⟨евский⟩ пишет, что переслал тебе мое письмо[12]. Брошюры я тебе не послал в Ниццу, потому что боялся, что ее не пропустят во Францию[13]. Ты мне не отвечал, читал ли ты "Le Bilan de l'Empire" par Horn?[14]

Обнимаю тебя.

С а ш а

Послано 6-ого, суббота
Терезина ⟨1 *нрзб.*⟩[15]

[1] Ответ на письмо Герцена от 1 июня (XXIX, 353–355).

[2] Очевидно, в неизвестном письме к Герцену, написанном около 22 мая, Мейзенбуг сообщила план своей поездки с Ольгой в Крейцнах. А в следующем предлагала, чтобы и Тата ехала в Швейцарию через Германию с английским семейством Вильямс. 27 мая Герцен отвечал Мейзенбуг: "В конце концов вы могли бы перевезти Тату за Бреннер и волны Крейцнаха, по направлению к Кольмару или Мюлузу" (XXIX, 349; ср. 362; там он намеревался осматривать школы для Лизы).

[3] Тата приехала в Женеву для встречи с Огаревым около 22 июня, а 30 июня отправилась в Берн к Рейхелям. Здесь 10 июля она встретилась с Герценом и 13 июля выехала с ним в Люцерн, где находились Тучкова-Огарева и Лиза (см. *ЛЖГ* V, 97–98).

[4] 27 мая Герцен писал сыну: "Зачем ни ты, ни Тата не написали ни слова об этом проекте? Я ничего не имею против, но Ольге будут большие искушения и на одну Волод⟨имирову⟩ там она найдет сто и одну" (XXIX, 347–348). См. об этом же в письме его к Тате от 1 июня (XXIX, 353–354).

[5] Очевидно, письма Герцена от 26 мая (XXIX, 346–347) – первого отклика на упомянутое письмо Мейзенбуг, в котором излагался план поездки в Крейцнах. О поездке Таты в Пизу около 20–26 мая см. в письме Таты к Огареву от 28 мая (*РГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед.хр. 456, л. 5–7об.; цит. в "Лит. наследстве", т. 63, с. 464–466).

[6] Речь идет о книге А.А. Герцена "Studio fisiologico sulla volontà" (Milano, 1867; вышла, вероятно, весной 1868 г.). 1 июня Герцен в письме к Тате высказал удивление, почему не получил ее. А прочитав 6 июня работу, пересланную Тхоржевским из Женевы, писал сыну 8 июня, что вопрос о "volontà" "разбирать так нельзя – и Конт его отнес к социологии. Ты лучше доказал, что нет *души* - чем уяснил функцию того, что называется *волей*" (XXIX, 362; возражения развернуты в "Lettre sur le libre arbitre"-XX, 434–438; о замысле статьи см. также XXIX, 360, 370).

[7] См. XXIX, 354.

[8] См. письмо Герцена от 1 июня (XXIX, 354).

[9] На эти доводы Герцен ответил 9 июня: "Дело не в том, что изучение начинается физиологией, а в том, что физиологи воображают разрешить своей частной физиологией явления социологические и на это у них сил нет" (XXIX, 364).

281* пробный камень (*франц.*).

282* также (*лат.*).

[10] В мае во французском Сенате, как вспоминал впоследствии Г.Н. Вырубов, развернулись шумные прения "о допущении в медицинском факультете" Сорбонны "диссертации г-на Гренье (Grenier), в которой он отрицал свободную волю" (*ВЕ*, 1913, № 1, с. 97). Герцен послал детям 23 мая "Liberté" с отчетом о начале прений, рекомендуя прочесть (XXIX, 345). Уже 28 мая Тата писала Огареву, что "продолжение истории Грение" они читали в "Journal des Débats" (*РГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед.хр. 456, л. 7об.). Герцен и впоследствии не раз вспоминал с иронией об этих "сенатских решениях философских вопросов" (XX, 579; XXX, 80, 365).

[11] Герцен послал Тате около 31 мая, рекомендуя "читать сейчас", "превосходный том" Ж. Мишле "Louis XV et Louis XVI" P., 1867), завершающий его многотомный труд "Histoire de France au XVIII-e siècle" (XXIX, 355).

[12] Оба письма неизвестны.

[13] 9 июня Герцен писал Тате об этих соображениях Саши: «Посмейся над его юноавторским самолюбием, что он боялся, что ее не пропустят во Францию, и это читая "La Pensée Nouvelle"...» (XXIX, 364; "это" – исправлено по фотокопии *РГБ* с автографа *BN*).

[14] Вероятно, в неизвестном письме около 15 июня А.А. Герцен вновь писал об этой статье венгерского публициста *И.-Э. Горна*, эмигрировавшего во Францию после 1848 г. (был редактором экономического отдела "Journal des Débats"). Герцен ответил 20 июня, что Горн "с тех пор уж написал вторую статью в ответ на нападки" (XXIX, 370).

[15] Герцен ответил 9 июня (XXIX, 364).

77

Вторник. 3-его ноября 68.
Hôtel des Catalanes. Marseille[1]

Надеюсь, что и в Лионе туман скоро рассеялся и тебя успокоил, милый, дорогой мой Папаша. Мы все время видели чистое небо и солнце, подконец даже чересчур жарко было.

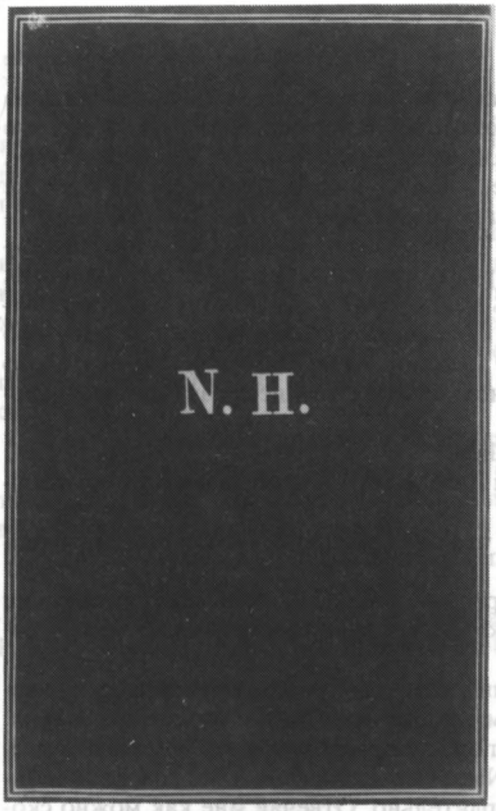
Как здесь скоро ездят в сравнении с Швейцарией и Италией! Так качает, что и думать нечего читать. Сначала сидели двое мужчин с нами в вагоне, оба молчаливые: один пасмурно-задумчиво смотрел все вдаль, другой, несчастный, верно страдает какой-нибудь нервной болезнью, все лицо его искажается поминутно, он постоянно говорит сам с собою и улыбается, светлые глаза смотрят пристально без выражения. Я сама думаю, что он сумасшедший. Но как бедная Natalie беспокоилась, это описать нельзя – постоянно меня дергала и щипала, чтобы обратить внимание мое; хотела менять вагон; в тюнелях она думала, что он бросится на Лизу; как только выйдем опять на белый свет, – что он из окна выпрыгнет. А он, бедняжка, так тихо и спокойно сидел себе в своем уголке. Однако Natalie успокоилась, по мере того, как вагон наполнялся.

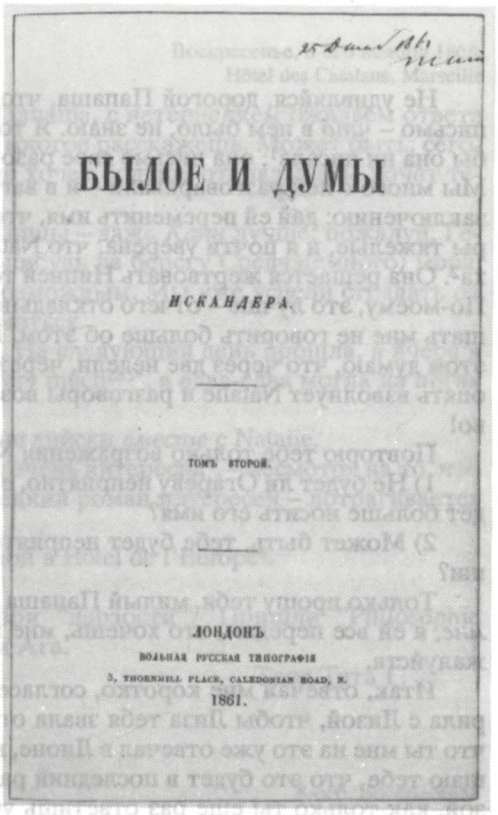
Подконец я познакомилась с молодой английской "*парочкой*". Они меня приняли за англичанку – очень удивились, узнавши, что я не "british subject"[283*]. Молодой "муж" – так долго жил в Испании, что считает себя больше испанцем (или столько же), чем англичанином. Я начала говорить о движении там – он рад, что королеву прогнали, – не верит в их республику[2] – впрочем, занимается он больше птицами, чем политикой. У него коллекция птиц и яиц. Едет он с женой в Рим на зиму, едут они через Флоренцию. Они на вид такие порядочные и любезные, он, m-r Howard Sunders, хлопотал, предлагал нам свои услуги, чтобы достать чемоданы и т.д. – что... что... что я решилась и попросила их передать шитую русскую рубашку Саше, в Спеколе – или просто на почту бросить где бы то ни было в Италии, они приняли с большим удовольствием и хотят непременно *лично* передать Саше...[3] Дело сделано, остается почесать себе лоб – и понадеяться на русский – *авось*!! Они остановились в Hôtel de Noailles, – едой очень недовольны. У нас за вид можно простить многое. Я не помнила да никогда не знала, что Marseille так красиво разбросан по диким скалам; и зелень опять южная, алоэ громадные и сосны. Мы отправились пешком в Parc Borelly сегодня, вдоль по берегу; осмотрели *новорожденный* музей всевозможных антиквитетов[284*] (выкопанных здесь и других). Покаместь музей беден – зато сад хо-

---

[283*] британская подданная (*англ.*).

[284*] древностей (*нем.* Antiquität).





ЭКЗЕМПЛЯР ВТОРОГО ТОМА "БЫЛОГО И ДУМ", ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ ТАТЕ ГЕРЦЕН

Переплет с владельческой монограммой Таты Герцен и титульный лист с дарственной надписью Герцена: "25 декаб(ря) 1861 Тате"

Музей Герцена, Москва

рош, сад, цвет моря, диких скал, Château d'Iff'a и дальних гор – все хорошо. Иностранцы, верно, не останавливаются в Marseille или очень редко, это чувствительно, как и в Лионе.

Прощай – будь спокоен и весел – приезжай к нам скорей – но лучше *не бери* ночных поездов. Обнимаю и от всей души тебя целую, тебя и Папа-Ага – я ему буду писать на днях[4].

Жму руку Пану.

Твоя Т а т а[5]

[1] Первое письмо Таты к Герцену после приезда в Марсель из Лиона, откуда она выехала с Тучковой-Огаревой и Лизой 2 ноября. Герцен же выехал из Лиона 3 ноября в Женеву, куда и адресовано настоящее письмо.

[2] Испанская революция началась 18 сентября. 30 сентября королева Изабелла II бежала из Испании, 18 октября было образовано временное правительство во главе с Серрано. В 1869 г. Учредительные кортесы выработали конституцию, по которой Испания оставалась монархией, но власть короля ограничивалась парламентом.

[3] Речь идет о подарке для жены Саши Терезины – вышитой "русской" (или "гарибальдийской") рубашке. Герцен затем не раз спрашивал в письмах к нему, получена ли "гарибальди" (см. XXIX, 488, 507).

[4] Следующее известное письмо Таты к Огареву начато 16 ноября в Канне и закончено 21 ноября в Ницце.

[5] Герцен ответил 7 ноября (XXIX, 484–485).

78

Середа, 4-ого ноября 1868. Marseille

Не удивляйся, дорогой Папаша, что Natalie не пишет сегодня. Она приготовила письмо – *что́* в нем было, не знаю. Я только серьезно просила ее обдумать все, что бы она ни писала[1]; она письмо свое разорвала и сказала, что завтра напишет другое. Мы много с ней разговаривали – и в вагоне, и здесь – и все же я прихожу к тому же заключению: дай ей переменить имя, чтобы все было ясно, – этим кончатся разговоры тяжелые, и я почти уверена, что Natalie будет в более ровном расположении духа[2]. Она решается жертвовать Ниццей теперь, чтобы сейчас же ⟨со⟩ всем покончить. По-моему, это лучше – отчего откладывать до Цюриха?[3] Она, пожалуй, и будет обещать мне не говорить больше об этом. Но как ручаться? Я предвижу и с ужасом об этом думаю, что через две недели, через 10 дней, может, какой-нибудь взгляд, слово опять взволнует Natalie и разговоры возобновятся. Нет, лучше сразу кончить – право!

Повторю тебе только возражения Natalie:

1) Не будет ли Огареву неприятно, если Лиза будет тебя называть отцом и не будет больше носить его имя?

2) Может быть, тебе будет неприятно, что она (Natalie) будет носить имя мамаши?

Только прошу тебя, милый Папаша, серьезно прошу не писать *ей* об этом, пиши *мне*, я ей все передам, что хочешь, мне кажется, это лучше делать через меня – пожалуйста.

Итак, отвечай мне коротко, согласен ли ты и Ага – чтобы она сейчас же говорила с Лизой, чтобы Лиза тебя звала отцом; чтобы здесь в доме это знали. Я знаю, что ты мне на это уже отвечал в Лионе, но, пожалуйста, повтори это еще *раз* – и обещаю тебе, что это будет в последний раз. Natalie обещала сейчас же говорить с Лизой, как только ты еще раз ответишь утвердительно. Отвечай мне как можно скорей, и пусть Огарев припишет мне[4]. Обнимаю вас обоих и еще раз крепко, крепко целую.

Ваша Тата Г е р.

Еда здесь изрядна, мы плотим за все вместе 22 fr. в день. – В первый день нам подали *булиабес*![5]

Если можешь, привези мне бархатное платье – оно в картоне у Ага. Понравилось ли платье Магу[6].

Целую Тутса[7], всем кланяюсь.

Отвечай скорей, как можно скорей[8].

[1] Это письмо неизвестно.

[2] Речь идет об открытом объявлении гражданского брака Тучковой-Огаревой и Герцена, с тем чтоб она и Лиза взяли фамилию Герцена. В ответном письме Герцен признавался: "У меня была моя мечта, и в моих глазах она была очень поэтична. Лиза никогда не должна бы была менять имени – а знать должна была, что она моя дочь, – это было бы традициею Огарева... но это не удалось. Главное, что я боюсь – это за форму передачи ей, за смущение всех понятий ⟨...⟩ Я очень, Тата, во всем надеюсь на тебя. Я много раз говорил тебе, что я находил в тебе больше такта, пониманья – а может, сочувствия" (XXIX, 484).

[3] О плане Герцена поселиться с весны 1869 г. всей семьей в Цюрихе см. XXIX, 488, и в п. 80. 26 ноября – 1 декабря он ездил в Цюрих, чтобы подыскать для этой цели дом. План не был осуществлен.

[4] 7 ноября Герцен отвечал: "Я согласен на все ⟨...⟩ Прошу тебя об величайшей обдуманности, – старайся иметь мягким разумом влияние на N⟨atalie⟩ – а не спором..." (XXIX, 484–485). Огарев в своем письме к Тате в тот же день предостерегал от "невольной неловкости, которая может на Лизу подействовать так прискорбно, что сразу испортит ее светлую, отроческую жизнь". "Конечно, не в имени моем препятствие! – добавлял он. – Неужели ты думаешь, что *мое* имя для меня дороже, чем *его* имя?" ("Вопр. лит". 1974, № 3, с. 318; см. также XXIX, 487).

[5] Рыбная похлебка с чесноком (bouillabaisse – слово *франц.* провансальского происхождения).

[6] Мери *Сетерленд*, гражданская жена Огарева.

[7] Внук Герцена Александр (*Тутс*), сын Саши и Ш. Гётсон, с мая 1867 г. жил у Огарева.

[8] Герцен ответил 7 ноября (XXIX, 484–485). Ответ Огарева от того же числа см.: Вопр. лит. 1974, № 3, с. 318–319.

79

Воскресенье, 8-ого ноября 1868.
Hôtel des Catalans. Marseille

Первое твое письмо получили[1], милый Папаша, с нетерпением ожидаем ответа на мои записочки[2]. Потом ты говоришь, что многое расскажешь. Может быть, сегодня же получим твой ответ, однако Natalie не хочет больше откладывать, хочет теперь отослать свое письмо[3].

Я опять повторяю, что я очень против Ниццы – даже *Канн* лучше; пожалуй, Генуя – можно же найти теплый уголочек где-нибудь на берегу Средиз⟨емного⟩ моря, кроме Ниццы, – если Marseille окажется невозможным. Мы уже успели страдать от жара первые дни – и с "мистралем" познакомиться.

Накануне у *меня* была ужасная мигрень. На следующий день прошла, а вчера я полтора часа бегала по ветру and enjoyed it very much[285*], я едва-едва могла на ногах стоять.

Лизу я заставляю рисовать и писать по-английски *вместе* с Natalie.

Книгу Foucou мы сегодня кончим, да, она очень интересна[4], – несмотря на то, что ты меня несправедливо потормошил. И немецкий роман интересен – дотрагивается до разных интересных вопросов[5].

Корсет и мелочи я оставила для горничной в Hôtel de l'Europe[6].

Пришли же письмо Мальвидино[7].

Неужели Вырубов не отвечает на твои "дерзости"? Пришли "Philosophie Positive" – когда получишь[8]. Обнимаю тебя и Ага.

Твоя Тата Г.

Кланяйся Пану, Чернецкому и т.д.
NBЖилет у Natalie[9].

8-ого. Воскресенье

Я буду писать[10] завтра[11].

[1] Ответ на письмо Герцена к Тучковой-Огаревой и Тате от 4 ноября (XXIX, 483–484).

[2] На п. 77 и 78 Герцен ответил 7 ноября (см. XXIX, 484–485, а также п. 80).

[3] Это письмо неизвестно. Оно служило также ответом на письмо Герцена от 4 ноября.

[4] Имеется в виду книга *Ф. Фуку* "Histoire du travail. La Nature et l'homme" (P., 1868), которую Герцен читал в Лионе и передал Тате. 4 ноября в письме к сыну он рекомендовал ее Ольге как "очень хорошую вещь" (XXIX, 483).

[5] Вероятно, речь идет о романе Б. Ауэрбаха "Auf der Höhe" (Stuttgart, 1864; см. XXIX, 470).

[6] Отвечая на сообщение Герцена, что эти вещи принесли ему "из Hôt⟨el⟩ de l'Europe" (XXIX, 484, с неверным прочтением: "В Hôt." – см. фотокопию *РГБ*), Тата объясняет, что оставила их горничной во время пребывания в Женеве в конце июня.

[7] О получении этого неизвестного письма Мейзенбуг к Тате Герцен сообщил ей 4 ноября, а 7-го переслал его (см. XXIX, 484, 486).

[8] В статье "Les Russes au Congrès de Berne" Герцен писал, что М.А. Бакунин и Г.Н. Вырубов на Конгрессе «высоко держали наше знамя "Нигилизма"» (XX, 382). Свое недовольство причислением его к "нигилистам" Вырубов выразил в неизвестном письме к Герцену, полученном им в Лионе, и сообщил о намерении полемизировать в "Kolokol". Герцен ответил 3 ноября: "Статью мы, разумеется, поместим – и даже за ответом дело не станет", прося "поторопиться" в связи с предстоящим прекращением "Kolokol" (XXIX, 482). Тата же предполагала, что Вырубов развернет эту полемику в издаваемом им вместе с Э. Литтре журнале "Revue de la Philosophie Positive". 20 ноября Герцен сообщил ей о получении открытого письма Вырубова (см. XXIX, 492). Оно напечатано в № 14-15 "Kolokol" от 1 декабря (р. 232). Ответ Герцена – "Réponse à M.G. Vyrouboff" появился в "Supplément du Kolokol" от 15 февраля 1869 г. (XX, 507–510 и 510–514).

[9] См. XXIX, 484.

[10] Эти две строки дописаны по получении письма Герцена от 7 ноября (XXIX, 485–486). См. п. 80.

[11] Герцен ответил 10 ноября – XXIX, 486–487.

[285*] И весьма им наслаждалась (*англ.*).

80

9-ого ноября 1868 г. Hôtel des Catalans
(улица не нужна, мы на скале[1]). Marseille

Нет, ничего еще не сделано. С Лизой не говорили. У нас все тихо и спокойно. Только на дворе мистраль продолжает буянить. Я никогда ничего подобного не видела. Бедные корабли!.

Я много думала, милый Папаша, о твоем плане, о твоей *мечте* – "пусть Лиза знает, что она твоя дочь, но имени не нужно менять"[2]. Ведь это поставит ее в фальшивое положение, она на каждом шагу должна будет дать объяснение или на каждом шагу говорить неправду? Может быть, это можно было бы сделать, если б она была взрослая – но хорошо ли ставить ребенка в *неясное* положение? Я не думаю, что она будет *страдать* от этого, и никак не могу сравнить это положение с неприятно-тяжелым, неясным положением Natalie (как это делает Natalie).

Что мы имеем общего с людьми, которые не освободились от разных предрассудков? Тем более Лиза – много лет еще пройдут, до тех ⟨пор⟩ пока она будет взрослой и образует себе кружок друзей, симпатичных лиц.

Итак, я не думаю, что она будет страдать, но, Бог знает, не вредно ли приучать ребенка к неоткровенности, к обману, – как это назвать? Потому что она должна будет называть отца "дядей", а дядю "отцом"? Не знаю, нельзя предвидеть последствия. Мне кажется, что откровенное отношение лучше. Ольге можно бы и теперь написать, когда окончательно решимся на что-нибудь, однако я предпочла бы оставить ее в покое до весны или до лета, словом, до ее отъезда из Флоренции. Она все-таки очень рассеянна, – если теперь ей рассказать, это ее еще больше рассеет, отвлечет от занятий. Как бы они ни были *неважны* (ее занятия), а лучше, чтобы она еще несколько месяцев спокойно бы почитала да поиграла бы. Теперь ей не нужно никому давать объяснений. Положим, что мы встретимся в Цюрихе, – все будет сделано до ее приезда – окружающие лица будут новые, у нее и случая не будет отвечать, давать объяснения; все будет сделано до ее приезда. Но, впрочем, об этом успеем поговорить – надобно начать с того, чтобы окончательно решиться на что-нибудь. Ты говоришь, что все это несущественно (т.е. перемена имени). Я с тобой согласна, именно потому, что не вижу, что у нас общего с людьми, не освободившимися от предрассудков. N⟨atalie⟩ смотрит иначе на это, и так как неясное ее положение ее мучит, я думаю, что следует прекратить его, и серьезно надеюсь, что после этого характер ее сделается хотя немножко погармоничнее, – во всяком случае, разговоры эти не повторятся, и это будет большой шаг.

Обнимаю и целую тебя и Ага. Боже мой, что мне отвечать тебе на твои вопросы об искусстве, о пенье, о живописи?[3] Как мне тебя утешить?? *Как* мне развить *страсть* в себе, когда она не врожденная? Петь мне не хочется, а когда я по целым часам рисую, я чувствую какую-то пустоту – какое-то одиночество, которое меня пугает – оставляет меня в каком-то неудовлетворенном состоянии. Отчего? Сама не знаю... Когда я читаю, я никогда это не чувствую. В Виши мне было хорошо, книги, статьи все меня интересовали. Я охотно бы попробовала что-нибудь писать, но еще мало знаю сама. С интересными книгами мне почти везде хорошо. Пожалуйста, не сердись, милый, дорогой Папаша, лучше скажи мне, что делать?

Твоя Тата Г.[4]

[1] Ответ на письмо Герцена от 7 ноября (XXIX, 485), в котором он спрашивал, "отчего нет улицы" в сообщенном Татой адресе.

[2] См. письмо Герцена от 7 ноября (XXIX, 484).

[3] 7 ноября Герцен писал: "Если б, Тата, у тебя немного самодеятельности артистической или другой – да больше мягкости и уменья к слабому – жизнь твоя пошла бы хорошо, да и ты сделала бы страшную пользу Лизе. Что касается до твоего нравственного паралича, не дозволяющего тебе ни рисовать, ни петь, – это мое больное место. Когда же ты проснешься?" (XXIX, 485).

[4] Герцен ответил 12 ноября (XXIX, 490–491).

81

11-ого ноября 1868. Середа.
Hôtel des Catalans. Marseille

Друг мой и дорогой Папаша – ты говоришь, что тебе больно думать о том, что Лиза переменит имя[1]. Уверяю тебя, что я долго думала о всех pro и contra того, что я тебе писала, о "твоей мечте" и о возражениях Natalie. Верю, что тебе больно расстаться с мечтой твоей, – но, мне кажется, это следует сделать, – я уверена, что у нас все пойдет гармоничнее. Я едва смею сказать: "Сделай нам всем эту *жертву*". Это последнее слово как-то пугает и волнует Natalie, его надо избегать.

Все письма получены[2]. Разве ты не увидел по письму N⟨atalie⟩, что это был уже ответ[3]; впрочем, я не все читала. Моя же записочка была уже в конверте с Лизиной[286*], и я думала, что Natalie прибавит, что письма (Мальвидино, Elisabeth и т.д.) получены. Сама я не хотела отвечать тебе немедленно, – поэтому к старой записочке прибавила только: "Завтра буду еще писать". Письма на poste restante мы спрашивали на оба имени[4], получили твое первое и разные другие. А здесь, в отеле, никто нас и не спрашивал – никакой книги нам не приносили, но знают, что Лиза меня называет "кузиной", – значит, N⟨atalie⟩ в качестве тетушки. Ты знаешь, что письма ничего не рискуют в моих руках, – поэтому проще покаместь адресовать на мое имя.

Теперь я хочу тебе все рассказать, как было по получении твоего письма[5]. Я видела, что N⟨atalie⟩ была взволнована и недовольна. Мы вышли на наш бесконечно длинный балкон, чтобы погреться на солнце. "Я предвидела, что из этого ничего не выйдет – теперь он опять не хочет..." – сказала N⟨atalie⟩. Я ей отвечала, что она, верно, что-нибудь не так поняла, что это невозможно. Уговаривала ее, разговаривала, рассуждала, – наконец, попросила ее повторить слова, которыми ты это говоришь. Она мне дала твое письмо прочитать, я сказала, что не вижу никакого противуречья – "где, в чем? Он на все соглашается". Тут начались те же рассуждения без связи и без логики, как в Лионе: "Он говорит, что согласен, но, в сущности, не хочет; значит, это *жертва* – а жертвы не хочу" и т.д. Но к чему же все это повторять? Будет того, что она кончила словами: "Если б он серьезно хотел, давно бы все было кончено, и мы бы об этом не говорили". Я старалась ей объяснить, что *жертва* делается в сущности *всему обществу*, которое еще под влиянием предрассудков; что ты это делаешь так, как бы надел фрак и белые перчатки, – если б пришлось быть на церемонном обеде. Что ты довольно ясно объяснял, что, по-твоему, женщине не нужно принимать имя мужа и т.д., – но так как это удобнее, при теперешнем состоянии развития общества, ты готов сделать эту уступку *обществу*, – и, наконец, спросила ее: "Значит, ты предполагаешь, что он неправду говорит, что он неоткровенно с нами поступает? Папа тебе и мне ясно пишет, что он на все согласен, – ты не веришь; какие тебе надобны еще доказательства? – скажи, я у него попрошу – но, признаться, я никогда не видела, чтобы Папаша с нами неоткровенно поступал". На это N⟨atalie⟩ как-то не нашла, что отвечать, и, помолчав, она сказала: "Если это для него не жертва, если он это не делает à contre cœur[287*] – я на все готова – пусть он приедет, пусть выберет место – и начнем новую жизнь – под другим именем". Расстанься со своей мечтой, дорогой Папаша, верю, верю, что это тебе больно – но неужели разговоры, как в Лионе, не больнее? А в том я *уверена*, что разговоры *не* прекратятся, если мы не решимся сделать переворот и если Лиза не примет твое имя. К тому же она так быстро развивается, так ясно все видит, – какое влияние это может иметь на нее? – т.е. отсутствие всякой гармонии кругом? Как при таких обстоятельствах спокойно взяться за ее воспитание?

Итак, наш разговор с Natalie кончился следующим решением: так как в Марселе, по-видимому, климат ужасный (мистраль этот, признаюсь, не шутка, помилуй, пятый день никто не смеет выходить; вчера я была на почте – и по минутам думала, что придется лечь на землю или схватиться за дерево, за фонарь, – чтобы на ногах

286* Когда принесли твое предпоследнее письмо.
287* против желания (*франц.*).

Л.И. ГААГ И И.А. ЯКОВЛЕВ
Копии Таты Герцен ((1864–1865)) с портретов работы И.З. Летунова (масло; 1820-е годы)
Музей Герцена, Москва

удержаться! Иногда мистраль продолжается от 6 ⟨до⟩ 9-ти дней, – зимой является часто, по словам жителей. Это, право, невыносимо!) – и так как Марсель невозможен, мы едем на несколько дней в Канн погреться. Пиши нам туда (я думаю, проще на мое имя) poste restante. Ты знаешь, как Natalie желает быть в Ницце около 20-ого числа[6]. Из Канна в Ниццу час езды, кажется. Мы можем все ехать туда и дождаться тебя *там*; но если ты предпочитаешь, чтобы мы ждали в Канне (по-моему, это было бы *лучше*, но я совсем не хочу инфлуенсировать[288*]), Natalie готова съездить одна в Ниццу на несколько дней. Как лучше, по-твоему, Папаша? – отвечай скорей.

Так холодно, что я едва чувствую перо в руках; право, невозможно оставаться. Пожалуйста, не сердись, что мы решаемся ехать, и пиши в *Cannes*[7].

Что за место Perpignan? Возможно ли там жить несколько месяцев? Я взяла карту, осмотрела берега Средиземного моря – но, право, не знаю, на что́ решиться. Генуя – кажется, всего разумнее. Как по-твоему? Ты понимаешь, что в Ницце или в Канне мы останемся только до твоего приезда и до решения, где провести зиму. Я собираюсь писать Ага – да не успела. Он скоро получит длинное письмо[8]. С Лизой мы не будем говорить до твоего приезда – но, *пожалуйста*, давай смотреть на это как на *решенное дело* – не будем больше разговаривать об том[9]. Найдем покойный уголочек – всё сделается тихо, спокойно, незаметно – и окажется, что ты недаром попал в Hôtel de la Paix[289*], – пусть это будет предисловие, или сени, ведущие к maisonnette de la paix[290*] – так? Обнимаю и крепко, крепко от всей души тебя целую – тебя и Огарева.

Ваша Тата Г.

[288*] оказывать давление (от *франц.* influencer).
[289*] гостиницу "Мир" (*франц.*).
[290*] домику мира (*франц.*).

За что же Кельсиева опять бранят?[10] С мемуарами Мальвиды надо бы торопиться[11]. Молоденьких идеалисток много еще на свете, может, им понравится – как знать? Хоть бы афишки сделали.

Очень буду рада, если "Былое и думы" выйдет по-французски. Может быть, потребуют и первые тома – надобно будет сделать второе издание. Скопировать портреты я готова[12].

У нас в отеле такой забавный маленький англичанин – рыжая точечка. Я не понимаю, как природа ухитрилась сделать его похожим на m-me Stansfield и miss Turner и дать ему, вместе с тем, улыбку Касаткина! Это нас поразило. Natalie и Лиза продолжают быть моими ученицами в рисовании и english language[291*].

Кланяйся Пану и Чернецким.

Газеты и Лизин журнал тоже получены[13].

[1] Ответ на письмо Герцена от 10 ноября (XXIX, 486–487, до слов: "бабьё здесь"; см. *ЛЖГ* V, 144–145), в котором он писал: "Мне больно, что Лиза переменит имя, мне дорогое. Это обрыв традиции".

[2] Речь идет о получении также писем Герцена от 4 и 7 ноября (XXIX, 483–486; вместе с первым переслано им письмо горничной Елизаветы из Ниццы, а с последним – письмо Мейзенбуг к Тате). Письма от 7 ноября получены 8 ноября, в момент отправления п. 79.

[3] Письмо Тучковой-Огаревой от 9 ноября (*АО*, 57–58) – ответ на неизвестное письмо Герцена к ней от 7 ноября (см. XXIX, 784 – № 126) – было отправлено вместе с п. 80.

[4] 10 ноября Герцен спрашивал: "Как же вы записались в hôtel'e? Я не знаю, как адресовать – да и полагаю, что все же следует спрашивать на имя Nat(alie) Og(areff) письма" (XXIX, 487).

[5] Письмо Герцена к Тучковой-Огаревой от 7 ноября неизвестно (см. *ЛЖГ* V, 142).

[6] 23 ноября – день рождения умерших детей Герцена и Тучковой-Огаревой Елены и Алексея, похороненных в Ницце.

[7] Герцен, получив это письмо, отвечал 13 ноября: "Письмо ваше до того удивило меня, что я не знаю, что и делать. Куда писать. Буду ждать из Канна весть (...) Почему не телеграфировали?" (XXIX, 487; эта часть письма Герцена ошибочно присоединена к письму его от 10 ноября (см. *ЛЖГ* V, 144–145; см. также письмо Герцена от 14 ноября – XXIX, 491).

[8] Письмо Таты к Огареву от 16–21 ноября (*РГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед.хр. 456, лл. 10–11 об.; см. "Лит. наследство", т. 63, с. 467–468, а также прим. 1 к п. 82).

[9] В связи с последовавшей вскоре болезнью Таты (оспа) разговор с Лизой и объявление о браке Герцена и Тучковой-Огаревой были отложены до весны 1869 г.

[10] 10 ноября Герцен писал: "Кельсиева (В.И.) в газетах ругают на чем свет стоит. Пришлю образчик" (XXIX, 486). Возможно, имеется в виду статья Д.Д. Минаева "Для чего иногда люди эмигрируют" в № 27 "Недели". Характеризуя воспоминания Кельсиева "Пережитое и передуманное" (СПб., 1868) как "безбожную спекуляцию", "арлекинаду незрелых рассуждений, юнкерских анекдотов и бездельной болтовни", автор уличал мемуариста в саморекламе; в самом названии книги он усмотрел пародию на "Былое и думы".

[11] О воспоминаниях Мейзенбуг см. в п. 65. 10 ноября Герцен писал, что Л. Чернецкий задержался с печатаньем (см. XXIX, 486).

[12] Сообщая 10 ноября, что "все советуют издавать" "Былое и думы" на французском языке, Герцен прибавил: "Чини карандаш" (XXIX, 486). Речь шла, по-видимому, о копировании портретов родителей Герцена Л.И. Гааг и И.А. Яковлева для иллюстраций к предполагаемому изданию. Эти портреты 1820-х годов, работы И.З. Летунова, с 1864 г. хранились у Таты и уже копировались ею. Летом 1869 г. Герцен вел в Париже переговоры с издателями о публикации французского перевода т. IV "Былого и дум"; несколько глав в переводе автора и авторизованном переводе А.А. Герцена были напечатаны в сентябре 1868 – феврале 1869 г. в №№ 12–15 "Kolokol" и "Supplément du *Kolokol*"). Но этот план осуществлен не был. Первые три тома во французском переводе А. Делаво были изданы в Париже в 1860–1862 гг. под названием "Le monde russe et la Révolution".

[13] Герцен ответил 13 ноября (завершающая часть его письма, начатого 12 ноября) и от 14 ноября (XXIX, 487 и 491–492).

82

(Ницца.) *Суббота вечером*. 21-ого ноября 1868

Я была на почте, чтобы бросить это письмо к Ага[1], – в poste restante нашла твою последнюю записочку – от 17-ого ноября, посланную в Канн[2]. Я , право, думала, что мы очень ясно написали. Из Марселя, накануне отъезда, мы писали *положительно*: "Пиши в Канн"[3]. Из Канна писали, что будем ждать твоего ответа – ехать ли нам в

[291*] английском языке (*англ.*).

Ниццу или ждать тебя в Канне. Только по получении твоей записочки, в которой ты настоятельно просишь нас ехать в Ниццу, мы решились сейчас же ехать в Ниццу[4]. Мне очень, очень жаль, если ты будешь беспокоиться. Я с нетерпением ждала письмо от тебя, хоть словечко в ответ на мое письмо – ты об этом молчишь[5]. – Отчего письмо Natalie нехорошо?[6] Она мне не показывала. Я больше не говорила с ней, после последнего разговора в Марселе, после которого мне казалось все так хорошо – по крайней мере, на хорошем пути. Со мной она всё хороша. И Лиза милее – я продолжаю учить их вместе по-английски. Я и рисование могла бы продолжать, но Natalie мечтала о каком-то немце здесь. Мы его нашли. Лиза будет ходить к нему, в класс, три раза в неделю от 2 ⟨до⟩ 3 1/2, Мысль о детях, о Нини[7] и других, ее развлекает – и ботаника более не занимает.

Одна она читает Mayne Read'a.

Natalie и Лиза будут писать завтра[8] – пора обедать.

Целую тебя.

Твоя Т а т а

Папаше.

Вспомни бархатное платье. Книги из Берлина пришли.

От Саши письмо – из Флоренции[9].

Ты бы прислал мне Ольгино письмо[10].

[1] Наст. письмо является припиской (или продолжением) письма к Огареву от 16–21 ноября, начатого в Канне и законченного в Ницце (авт. *РГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед.хр. 456, л. 10–11 об.; фрагмент напечатан в "Лит. наследстве", т. 63, с. 467–468). Во всяком случае, они посланы вместе, и письмо к Огареву завершается фразой: "Обнимаю и крепко-крепко вас целую – тебя, папа-Ага, и тебя, милый папа-Искандер. Пишите поскорей, мы послали вам адрес, как только приехали".

[2] Это письмо Герцена от 17 ноября, на которое отвечает Тата, неизвестно.

[3] См. п. 81.

[4] См. письмо Герцена от 14 ноября (XXIX, 491).

[5] Вероятно, речь идет о п. 81.

[6] Имеется в виду, возможно, письмо Тучковой-Огаревой от 12 ноября (*АО*, 59); однако 13 или 14 ноября могло быть написано еще одно письмо, не дошедшее до нас.

[7] *Нини Гарибальди*, дочь двоюродного брата Дж. Гарибальди, с которой Лиза подружилась в Ницце.

[8] См. письмо Тучковой-Огаревой от 22 ноября (*АО*, 62), в котором была также приписка Лизы (неизвестна).

[9] Эти письма А.А. и О.А. Герцен не сохранились (о письмах Ольги см. XXX, 595).

[10] Герцен ответил 24 ноября (XXIX, 494–495).

83

24-ого ноября 1868 года.
Pension Suisse. Ponchettes. Nice

У вас биза и холод[1], а у нас вместо того серое небо и дождик – до такой степени, что Natalie не решается посылать Лизу в класс рисования – учитель будет приходить[2].

Покаместь ничего другого не устроили. Время от времени заходят Гарибальди с детьми; из других знакомых мы никого не видели, вследствие чего наша жизнь идет очень хорошо и тихо. Из моего письма к Огареву ты узнаешь, что́ я читаю[3]. Сегодня принесли журналы и брошюрки[4] – вчера я вечером получила письмо Пана[5]. А теперь я только что получила длиннейшее письмо от Ольги и Мальвиды. Одно время у них как-то оживилось: в предпоследнем письме Ольга пишет, что познакомилась с таким-то, и таким-то, и третьим семейством... В сегодняшнем она уже говорит, что они ей все надоели, что она предпочитает дома сидеть.

Письмо ее очень мило – и ум ее будет все-таки *разумный*, несмотря на то, что она будет мало знать. Я вижу, что у нее все-таки время есть на чтение – и по временам жалею, что не могу с ней побыть, посидеть и почитать.

Ты жалуешься, дорогой Папаша, что мы мало пишем, – а, право, я ожидала твои ответы. Например, что касается до Ольги, – ты мне тоже не отвечаешь – согласен ли ты со мной, что лучше с ней не говорить до Zürich'a?[6]

Потом ты спрашиваешь, на *какое* имя адресовать; когда я тебе положительно говорю, что мы *не* будем с Лизой говорить до твоего приезда – да к тому же вообще никакой перемены предпринять нельзя в *Ницце* – это ясно[7]. Поэтому пиши, как хочешь, на имя N. Ogareff или на мое – нам все равно. Ты бы взглянул на наш отель des Catalans, когда будешь в Марселе проездом, – остановись там. Положение так хорошо! Ты увидишь там женщину "Геркулес", – кормилицу Laurina из Bagni di Lucca, которая так ко мне привязалась, потому что я говорила с ней по-итальянски и рассказывала ей, что сама была в Bagni di Lucca. Я была ее секретарем – писала под ее диктовкой ее мужу разные важные советы: что́ делать с такими-то мешками каштанов, что с картофелем, – что́ сказать башмачнику насчет незаплоченных башмаков, как смотреть за детьми и т.д.

Не бойся жителей (русских) нашего дома или пансиона – мы решительно ничего общего не будем иметь. Они совсем на противоположном конце стола, а наши соседи на правом конце – невиннейший женевский больной юноша Kägli и французский старичок-дурачок. Мы совсем отделены от других и никогда их не встречаем. Впрочем, хозяйка готова нас кормить особо за маленькую прибавку. Старик *Chamier* (из Лиона) в Hôtel Méditerranée.

Целую тебя.

Твоя Т а т а[8]

[1] Ответ на письмо Герцена от 20 ноября (XXIX, 492–493).

[2] В ответном письме Герцен писал, что "Лизу не пускает N⟨atalie⟩ в класс – очень дурно", – и просил, "если можно" – устроить (XXIX, 495). В этот же день он писал Тучковой-Огаревой: "Лизу посылай в класс ⟨не⟩пременно ⟨...⟩ от погоды, какая бы ни ⟨была⟩, не отучай" (XXIX, 134; ошибочно присоединено к письму Герцена от 25 июня 1867 г.; см. *ЛЖГ* IV, 426; V, 153).

[3] 21 ноября Тата сообщала Огареву, что кончила "немецкий роман" и "купила себе" "Общественный договор" Ж.-Ж. Руссо для чтения с Тучковой-Огаревой (*РГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед.хр. 456, л. 11).

[4] Герцен известил Тату, что отправил ей в Канн "пачку журналов и две брошюры из Берлина" (XXIX, 492).

[5] Письмо Тхоржевского неизвестно, как и письма от Ольги и Мейзенбуг, о которых речь далее.

[6] См. п. 81.

[7] 26 ноября Герцен отвечал: "Для меня всегда было ясно, что в Ницце не следует ничего переменять. Это бросается в глаза" (XXIX, 495).

[8] Герцен ответил 26 ноября (см. XXIX, 495).

84

Casa Fumi, presso alla Porta Romana. Florence
26-го апреля 1869, вечером

Боже мой, уже сколько раз мне приходилось здороваться, рассказывать и перерассказывать все, что я делала, где была, с тех пор как уехала прошлого года из Флоренции...[1]

Путешествие было великолепное (как ты уже знаешь по телеграмме моей, посланной из Ливорно[2]). Ни тени качки, ни тени тошноты. Я все время была на палубе, то смотрела на берег вдали, то читала. После table d'hôte ко мне подошел почтенный старый италиянец... начал разговаривать, делать всевозможные вопросы – и в себя прийти не мог от удивления, когда узнал, что я совсем одна путешествую... Он всё руки поднимал от удивления – повторял, что совсем к моим услугам: "Ma mi comanda, ma la prego, mi comanda"[292*]. Я его уверяла, что мне ничего не нужно. Он принес мне кофе – я отказала. Потом он меня вдруг спросил: "La sua casa fa il commercio?"[293*]. Вследствие чего я ему дала маленькое понятие о том, кто мой Paternoster[294*] – и кто братец... Кончилось тем, что он мне сделал горы комплиментов и сказал, что если когда-нибудь я или кто-нибудь из моего семейства будут в Катаниа, в Сицилии, – чтоб непременно заехали, даже остановились у него. Все это было очень забавно.

292* "Но распоряжайтесь мною, но, прошу вас, распоряжайтесь мною" (*итал.*).

293* "Ваша семья занимается коммерцией?" (*итал.*)

294* Отче наш (*лат.*).

Въезжая в порт в Генуе, я уже издали увидела озабоченные глаза Пана Тхоржевского. Мы отправились ужинать в cafè della Concordia и решились ехать ночью – было светло, как днем. Никто не был болен, один бледный Пан отличился в последнем 1/4 часе – перед самым Ливорно…

Во Флоренции никто меня не ожидал в воскресенье. Ольгу я встретила на лестнице – она так завизжала, что Мальвида прилетела испуганная, думая, что она ушиблась, упала и т.д. Саши и Терезины дома не было – и они вскрикнули от удивления, когда я отворила им дверь… Но все приняли очень радушно и мило.

К несчастию, у меня разболелась голова, так что я обедать не могла и легла.

Мы никого не видели, а слух о моем приезде распространился; вечером явилась casa Schiff[295*] и двое-трое знакомых.

Сашина квартира чрезвычайно хороша, громадная лестница, светлая, комнаты просторные, высокие – большие окна; мебель хорошая, но многого еще недостает…

Обо всем другом, конечно, не могу еще судить. Вижу только, что Саша счастлив, очень доволен Терезиной. Она очень трудолюбива; радуются все моему приезду – особенно Ольга. Она все еще шаловливо-резва и забавна, у нее много подруг здесь, и девушки гораздо старше ее. Мальвида со мной очень ласкова – с огорчением говорит о переписке, о Генуе, жалуется, что мы все так ужасно неясно пишем или писали, что понять нельзя дело; она с изумлением увидела из моего последнего письма, что мы совсем не будем вместе (т.е. с тобой) летом. Ольге хотелось бы ехать к тебе в Геную, но, по-моему, говоря откровенно, это ни к чему не послужит, кроме удовольствия видеть друг друга. Серьезно я еще с ней не говорила, – вероятно, я так устрою, чтобы раза три обедать здесь у Саши да раза три у Ольги – в неделю…

По-видимому, Флоренция Пану очень нравится, больше всего, что́ он видел до сих пор. Ольга очень довольна духами, платьем, ящичком и т.д. Мальвида находит твой подарок zuuuu reizend[296*]. Саше и Терезине нравится моя robe de chambre[297*] и купленный фуляр – до высочайшей степени.

Гуго Шифф сделался франтом. Пенизи-слепой явился сегодня с визитом ко мне лично. Он теперь переводит "Дым" Тургенева[3]. Мемуары Мальвиды продаются здесь по *6 fr.*, и все-таки хорошо покупают…

Однако прощай, я устала. Кланяйся m-me Rocca, Бабетте – тебя, Nat⟨alie⟩ и Лизу обнимаю и целую.

Помни, Лиза, что ты обещала мне писать и *по-английски*. История о явлении детей "*Муна*" всех забавляет и смешит здесь[4]. Что они делают, помнишь ли ты все имена?

Еще раз крепко, прекрепко целую тебя, дорогой мой Папаша, пиши скорей, рассказывай много – всё.

Твоя Т а т а

Ольга благодарит за 50 fr., но я их оставлю покаместь здесь, а то все уйдет на шалости, – она согласна.

NB Прошу ⟨?⟩[298*]

Иду: N 3, Rue Cassino, 4-ème étage[5].

[1] Тата имеет в виду свой отъезд из Флоренции в июне 1868 г.

[2] В этой телеграмме, лихорадочно ожидавшейся Герценом, Тата сообщала: "Два великолепных переезда. В 11 часов будем во Флоренции" (XXX, 373–374; ответ Герцена – там же, 95–96). Тата выехала накануне из Ниццы через Геную во Флоренцию "по прекраснейшему морю на прекрасном пароходе", как сообщал Герцен, провожавший ее до пристани вместе с Лизой (XXX, 96).

[3] Перевод этот (по-видимому, с французского) издан не был.

[4] *Муна* – Лизина кошка.

[5] Герцен ответил 30 апреля (см. XXX, 99–101).

295* семья Шиффов (*итал.*).

296* слиииишком прелестным (*нем.*).

297* домашний халат (*франц.*).

298* Два полуотрезанных слова. – *Ред.*

85

Четверг, 29-ого апреля 1869[1]
Casa Fumi, 2-do piano, fuori di Porta Romana. Florence

Ужасно мне трудно тебе отвечать, милый, дорогой мой Папаша. Я еще немного говорила с Ольгой – но все-таки вижу, что она еще ребенок и долго останется ребенком. Будет ли она когда-нибудь в состоянии серьезно сосредоточиться на чем бы то ни было? – вопрос.

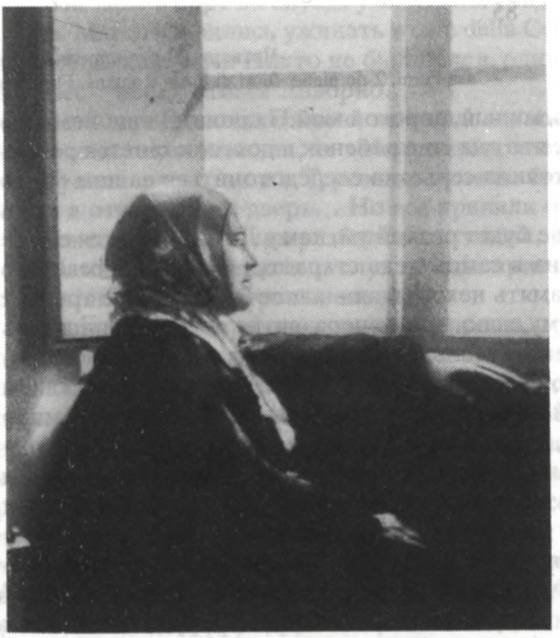
Отличительная черта ее никогда не будет резкий ум, как у Лизы… Дается ей все ужасно трудно, несмотря на то, что она в самом деле старается et qu'elle a beaucoup de bonne volonté[299*]; к тому же у нее память нехорошая – какое-либо ученье требует больших усилий с ее стороны. По-моему, ясно, что ее неразвитие надобно приписать ее страшно детской натуре, а не неумению Мальвиды. До сих пор я никакого серьезного интереса для чего бы то ни было не видела. Она бы с большим удовольствием поехала бы к тебе в Геную – с детской радостью говорит, что это было бы так мило и весело, – а дальше ничего. Я думаю, ты, право, не знал бы, о чем с ней говорить – и не мог бы помочь много ее развитью; ум ее слишком молодой – мне ловче с ним няньчиться в настоящую минуту, чем тебе. Увидим, вот когда Тхоржевский уедет и жизнь наша устроится – всё тебе буду писать.

А с Терезиной пошло, как по маслу. Мы сейчас устроили чтения, один день по-италиянски Историю Макиавелли Флоренции[2] и день по-французски "La terre" Reclus[3]. Не знаю, как пойдет дальше, не будет ли книга слишком трудна, но до сих пор я удивляюсь, как она много помнит и поняла из астрономии Гильмена[4], а в Reclus многое повторяется – она понимает, помнит, внимательно следит и чрезвычайно сосредоточенна. Можно бы учредить чтения вместе мне с ней и с Ольгой – и, может быть, они дольше останутся в голове у Т⟨ерезины⟩, чем у О⟨льги⟩. Серьезно заниматься естественными науками Ольга не будет… Мне кажется, ты Мальвиде слишком резко отвечал. Я ее письмо не читала, как ты знаешь, но по твоему ответу и по ее рассказам знаю, в чем дело[5]. Мальвида сказала, что если б она убедилась, что у Ольги *решительный* талант к пению и что она сделается серьезной певицей, то бы пожертвовала всем остальным и решилась бы даже (comme un grand sacrifice[300*]) ехать туда, где будет Пановка, так как его считает лучшим учителем. Ловить ее на этом, как ты сделал, мне кажется, не следовало. Она Парижа очень боится, потому что думает, что будет ужасно там страдать, – но, убедившись, что Ольге необходимо ехать в Париж, чтобы сделаться певицей, она бы решилась пожертвовать своим здоровьем. На житье же в Париже, без этой цели, М⟨альвида⟩ смотрит как на вещь, вредную для Ольги, потому ясно, что она не торопится жертвовать здоровьем по-пустому. Поэтому дело в том теперь, что надобно ее убедить, ей ясно объяснить выгоды жизни в Париже. Убеди ее в пользу ⟨!⟩ для Ольги этой поездки, и она поедет. Я очень понимаю, дорогой Папаша, что ты "хочешь решительно положить предел отчуждению Ольги", но следует ли для этого ей ехать в Париж – поможет ли это – еще не знаю. Впрочем, дай мне еще пожить здесь, посмотреть… обсудить. Если ты будешь с нами *жить в Париже*, – то для меня ясно, что нам надобно ехать. Но если ты будешь только приезжать из Брюсселя, – нет, Папаша, я далеко не убеждена в пользе этого переселения для нее. Я не говорю о себе, потому что убеждена, что жизнь в Париже мне может быть чрезвычайно полезна. Но для Ольги, без твоего постоянного присутствия, я пользы не вижу.

Конечно, Ольга бы желала петь на сцене, если б могла. Но вперед сказать, достанет ли таланта, сил и т.д. невозможно. Я Пановку еще не видела, – передам тебе все, что он мне скажет… "Давать уроки пенья" – Мальвида (я думаю) не могла ставить это целью жизни Ольги. Не раз и ты, Папаша, напоминал мне о живописи, говоря: "Ты бы продолжала хоть бы для того, чтоб иметь какую-нибудь специяльность, которая в случае нужды может обеспечить кусок хлеба", и т.д. Я предпола-

---

299* и что у нее много доброй воли (*франц.*).
300* как на большую жертву (*франц.*).



МАЛЬВИДА МЕЙЗЕНБУГ
Фотография, ⟨1870-е годы⟩
Из книги: Malvida Meysenbug. Im Anfang war die Liebe. München, 1927

гаю, что Мальвида в этом смысле говорила, что, случись неожиданное разорение, она будет в состоянии заработать достаточно, чтоб жить самостоятельно, давая уроки.

Скоро буду опять писать, но куда? Тхоржевскому Флоренция очень нравится – обедает он то здесь, то у Ольги и очень весел. Нас он балует (или себя тешит, как хочешь), повел нас в оперу и непременно хотел платить – завтра пригласил обедать на Fiesole, но с условием, что *он* будет платить, а то ни за что не поедет. В Венецию он и думать не хочет, чтобы как можно дольше остаться здесь.

Итак, и вы на днях поедете. Пожалуйста, не берите ночных поездов[6]. Знать, что вы где-нибудь на месте тихо живете, так приятно, – а когда знаю, что путешествуете, все беспокоюсь. Пиши скорей, дорогой, милый мой добрый Папаша, – скоро и много.

Обнимаю и целую тебя, N⟨atalie⟩ и Лизу. Кланяйся Рокке и Бабетте.

Твоя Т а т а

(Pour Natalie)[301*]:

Пожалуйста, не забудь Иду, Natalie, пошли ей записочку к Тепляковой.

А вот тебе хорошая новость: Ольгина русская рубашка отлично моется, т.е. *чистится*. Ящик Ольге *очень* понравился. Терезина цветет – она даже потолстела в лице и пышет здоровием. Готовит тебе письмо…

NB. Против головных болей Levier советует мне попробовать пить большое количество молока!!!

Когда ты, Папаша, поедешь в Виши?[7] M-me Garibaldi обещала мне фотографию – свою и детей – спроси у ней и пришли[8].

[1] Ответ на письмо Герцена от 25 апреля (см. XXX, 95–96).

[2] Известный труд Н. Макиавелли "История Флоренции" (1520–1525).

[3] Последняя научная новинка того времени – географическое сочинение Ж.-Ж.-Э. Реклю "Земля" в двух томах (P., 1867–1868).

[4] A. G u i l l e m i n. Le ciel (Notions d'astronomie à l'usage des gens du monde et de la jeunesse). P., 1864.

[5] Излагая содержание адресованного ему неизвестного письма Мейзенбуг, Герцен сообщал Тате: "Она говорит, что в Париж ехать готова – *если Панофка поедет в Париж* – иначе останется до будущей зимы. Стало, здоровье не мешает" (XXX, 95; ср. 96).

[6] Из письма Герцена к Тате, написанного в Шамбери: "Несмотря на твой приказ (за который тебя целую) ⟨…⟩ ночью прискакали из Марселя" (XXX, 98).

[7] "В Виши я не прочь, – писал Герцен сыну, сообщая о своем физическом состоянии и диете, – но желал бы лучше ехать середь лета (хотя могу ехать и в конце мая)" – XXX, 101. Однако позднее он передумал и отказался от лечения в Виши. Это, вероятно, намного сократило его жизнь.

[8] Герцен ответил 30 апреля (XXX, 99–101).

[301*] Для Натали (*франц.*).

86

5-ого мая 1869. Середа. Casa Fumi,
2-do piano, fuori di Porta Romana. Florence[1]

Тхоржевский намерен ехать сегодня вечером и 10-го быть в Женеве[2]. Да, увидим, кто из вас будет аккуратнее. Кажется, ему было весело здесь, – он только все жалуется, что всех денег не может истратить. Мы, каждый по очереди, проводили целый день с ним. Для него главное удовольствие – кататься и потчевать. Раз он завтракал с Мальвидой, на другой день с Ольгой, вчера со мной, сегодня пойдет с Сашей – всё в кафе de Paris. Кататься он любит по городу, вследствие чего мы всевозможные комиссии и покупки делаем с ним, – и заехали к всем русским художникам. Ге все тот же. Обрадовался моему визиту – нашел, что я помолодела. Он получает "Вестник Европы" и "Отечественные записки", будет мне передавать. Но ты мне все-таки же пиши, что́ всего замечательнее…

Несколько дней тому назад явился русский один, чтобы попросить у Саши право перевести все его брошюрки. Он провел вчера весь вечер с нами. Он друг или, по крайней мере, знакомый Милютина и, должно быть, член одной из комиссий, занимающихся устройством крестьянского быта в Польше, – потому что много об этом говорил и рассказывал и жаловался, что здоровье себе совсем испортил – работая. Имя не могу вспомнить. Тип miss Reeve – очки, длинная белокурая борода – он скоро едет в Швейцарью к Милютину, в Vevais. Представь себе, что партьи Ламбрускини и клерикалов хотят собрать подписи и сделать публичную демонстрацию против Саши – т.е. протестовать против такого рода популярных лекций[3]. Но, кажется, дело подвигается с трудом. Все издание брошюрки "Sulla volontà" продано. Во всех возможных журналах являются статьи женщин против Саши, contess'ы, principess'ы[302*] в негодовании – очень забавно.

Но что же ты ничего не пишешь? Vichy? Ведь Шифф велел тебе сказать, что лучше ехать. Когда тебе удобнее?

Насчет Парижа, я, право, еще не знаю, что́ тебе отвечать. Судя по письму Monod, который, наверно, очень и очень желает, чтобы мы "пожили в Париже", – устроиться очень трудно… Маленьких интересных кружков нет, Париж слишком велик для этого, интересные люди слишком заняты, – а бывают большие вечера, "рауты", на которых очень скучно, – сумасшедшие туалеты, разговор невозможный… К тому же, если вести светскую жизнь, вряд ли можно в то же время заниматься чем бы то ни было, – даже порядком читать не будешь в состоянии. Monod прибавляет: "André Léo, Michelet и т.д. вы увидите – много-много – раз в месяц…"[4]

Насчет мебели у Саши stricte nécessaire[303*]. Недоставали некоторые вещи в моей комнате – Саша предлагает, чтобы купила несколько мебели, вместо того чтобы платить пенсьон – вследствие чего я уже ему купила письменный столик для моей комнаты за 35 fr., куплю еще и канапé, туалет. Но если бы тебе вздумалось им сделать подарок, можно бы поставить им в салон "консоль с зеркалом" в салончик – они никогда не решатся купить и потратить 200 или 300 fr. на роскошь. *Чек* на имя Саши я не отдала, жду появления младенца. Когда – вопрос, около 20-го.

Ольге с Мальвидой поместиться у нас в доме невозможно. Всё громадные квартеры и, к тому же, полны – всё важные особы, внизу адвокат *Фуми*, над ним *Кристи*, над Кристи адмирал *Дамико*…

Если они найдут маленькую квартеру вблизи, я могу к ним переехать. Увидим. Об Ольге буду писать после отъезда Тхоржевского[5].

Теперь крепко обнимаю и целую тебя.

Твоя Т а т а

302* графини, княгини (*итал.*).

303* только крайне необходимое (*франц.*).

Терезина очень мила – я думаю, что она может развиться очень хорошо. Шиффы и Пенизи тебе кланяются. Меня огорчает одно... кажется, Гуго Шифф слишком привязан ко мне. Он человек серьезный – не шутится – мне его очень жаль[6].

Целую Лизу и Natalie, буду писать им на днях[7].

Рукой А.А. Герцена:

Ко мне пиши сюда в дом Фуми[8].

[1] Ответ на письмо Герцена от 1–2 мая (см. XXX, 98).

[2] 10-го числа в Женеву собирался приехать и Герцен.

[3] О лекциях А.А. Герцена и завязавшейся вокруг них полемике см. в статье Л.И. Матюшенко "А.А. Герцен", открывающей наст. книгу.

[4] Это письмо Моно неизвестно.

[5] В своем ответе от 3 мая Герцен писал: "За твое письмо очень благодарю, Тата, – пиши еще. О Париже успеем наговориться до 1 октября" (XXX, 103).

[6] Отвечая 11 мая, Герцен заявил по поводу увлечения "младшего Шиффа" Татой: "Конечно, шутить тут нечего, и надобно с самого начала отрезать, как ножом (...) Я его считаю очень хорошим и очень дельным человеком – но неспособным на светлое счастье и, сверх того, чудаком (...) Я вполне верю в твой разум и очень рад, что ты получаешь и в этом больше доверенности ко мне" (XXX, 108).

[7] Это письмо до нас не дошло.

[8] Герцен ответил 11 мая (см. XXX, 107–108).

87

12-ого мая 1869.

Пиши просто: Casa Fumi, 2-do piano, fuori di Porta Romana.
Florence[1]

Мы назначили два дня для русского чтения с Ольгой. Пятнадцатого она с Мальвидой переезжает в прекрасный дом villino della Torre, у самого дома Шиффов, великолепный сад, два шага от Casa Fumi – это будет гораздо удобнее – я буду с Ольгой чаще читать – а когда Терезина совсем поправится после родов, – могу переехать – увидим, чтó лучше.

Покаместь все идет хорошо, по утрам всегда читаю с Терезиной Макиявелли, хотя для меня еще трудно следить или сразу понимать странный, старинный его язык. С Ольгой я вижусь ежедневно, мы вместе гуляем по вечерам. Голос ее очень симпатичен, хотя не силен, он гибкий и мил, но покаместь она поет холодно, без выражения. Но Пановка говорит, что это со временем разовьется, что она должна слышать больше музыки, хороших артистов. Он велел тебе кланяться и сказать, что, если встретитесь, он с большим удовольствием будет долго разговаривать и объяснит тебе, почему на твои вопросы отвечать невозможно – особенно письменно[2].

Мальвидины мемуары[3] все больше и больше продаются – она уже получила две просьбы о позволении печатать, т.е. перевести на немецкий и италиянский язык. Видно, что на молодежь очень сильно и хорошо действует – доказательство: разные письма.

Мальвида послала экземпляр Stuart'y Mill, он ей тоже пишет разные комплименты[4]. Шиффам нравится – Гуго мне так отвечал: "Man kann Malwida nur schätzen wissen und lieben nachdem man ihr Buch gelesen"[304*], к тому он прибавил, что психологический процесс ее развития, освобождения и т.д. его (и Морица Шиффа тоже) очень заинтересовал, несмотря на сентиментальность, auf Frauen und junge Mädchen wird das Buch guten Einflüss haben[305*].

А насчет моей тетрадки, милый Папаша, мне кажется, ты придаешь ей слишком много важности. Что ты заключаешь из этой шалости (записанной, к тому же, второпях) и судишь о моем взгляде на жизнь вообще? Когда мне пришло в голову записать эти смешные сцены или их "фотографировать", было уже поздно, я бы не успела ввести серьезные разговоры, и оставила их в стороне сознательно[5]...

[304*] "Нельзя не ценить Мальвиду и не любить ее после того как прочтешь ее книгу" (*нем.*).

[305*] На женщин и юных девушек эта книга будет иметь хорошее влияние (*нем.*).

14 мая

Странно мне было читать в твоем последнем письме из Женевы, что ты "рад", что я получаю больше "доверенности" к тебе[6]. – *К тебе лично* я всегда имела доверие, дорогой Папаша, и уверяю тебя, что никогда не сделаю какого бы то ни было важного шага, не поговорив и не посоветовавшись с тобой. Какие бы отношения ни были между молодой девушкой и молодым человеком, хоть самая простая и невинная дружба, – их не оставят в покое, начнутся насмешки, намеки (словами или взглядами) – поэтому я предпочитаю вообще молчать и особенно ничего не говорить при N⟨atalie⟩. В ее присутствии я себя никогда не чувствую свободной; когда я говорю с каким бы то ни было мужчиной, несмотря на все то, что ⟨она⟩ говорит об простых отношениях между мужчинами и женщинами, – я не помню, чтобы мне случалось разговаривать две минуты с кем бы то ни было без того, чтобы Natalie ⟨не⟩ сделала насмешливые замечания или двусмысленные намеки (но уж, пожалуйста, не говори с ней об этом). Может быть, она сама не знает, до какой степени это сделалось привычкой у нее, потому что она просто отрицала все, что я ей напоминала, говоря ей, что это мне очень неприятно. В этом отношении я себя чувствую так хорошо и свободно здесь у Саши, – и никогда мне не приходится так бессмысленно краснеть[7].

Насчет Гуго Шиффа не беспокойся – и я *очень* рада, что ты в этом веришь в мой разум. Я ему показываю, что надежды никакой нет, – но он, тем не менее, приходит часто и очень любит со мной разговаривать и рассуждать по целым часам, хотел приходить и читать со мной – до сих пор я отстраняла. В манерах он очень переменился с тем, как ты его видел, одевается порядочно и носит даже *высокую шляпу*[8] – был на вечере у m-me Laussot; уж не знаю, оттого ли, что я была там, или нет. Насчет его характера, может быть, ты прав, может быть и нет. Случилось нам говорить и о ревности – по его словам, он этим не страдает. У него удивительно чистый и благородный характер – и к тому же он очень умен, интересен – от этого мне и жаль его.

Пришли книгу Naquet...[9] Что Тхоржевский рассказывал о Флоренции[10]?

[1] Ответ на письмо Герцена из Экс-ле-Бена от 11 мая (см. XXX, 107–108).

[2] Герцен добивался от Панофки прямого ответа – обладает ли Ольга музыкальным и сценическим талантом и сможет ли выступать на оперной сцене (см. XXX, 95; ср. 99).

[3] Первый том книги Мейзенбуг "Les mémoires d'une idéaliste" (см. об этой книге ниже, в статье С.П. Гиждеу о Мейзенбуг, а также в ряде публикаций наст. тома).

[4] О переписке Мейзенбуг с С. Миллем см. XXX, 382 *Vivant*, 240–241.

[5] Отклик на замечание Герцена по поводу юмористических сценок Таты "Фотографии (с оригиналов"), которыми он был недоволен, несмотря на проявленный дочерью несомненный "талант описывать и драматический склад". Герцен советовал не руководствоваться при передаче действительной жизни "случайной пылью, ногтями, мозолями и черным бельем", "случайно мелким направлением – без выкупа мыслью или общим" (XXX, 100).

[6] См. прим. 5 к п. 86.

[7] Т.е. цилиндр.

[8] В своем ответе от 11 мая Герцен замечал о Г. Шиффе: "Я его считаю очень хорошим и очень дельным человеком – но неспособным на светлое счастье и, сверх того, чудаком; чудаки с сильными страстями могут подыматься до неимоверной тирании (от которой сами страдают еще больше) – все это заставляет отстраниться" (XXX, 108).

[9] Нашумевшая книга А. Наке "Religion, propriété, famille", незадолго до того вышедшая в Париже. В письме к Огареву от 28 апреля Герцен отозвался о ней так: "Радикально – но плохо, сухо, угловато и местами неверно – с другой стороны, есть и бонпринсипные ⟨т.е. хорошие по своим принципам⟩ морали" (XXX, 999). В ответном письме Герцен заявил Тате о книге Наке: «Я его рекомендовать не могу, и лучше читать Бехера "Работничий вопрос"» (XXX, 117).

[10] Герцен ответил 18 мая (см. XXX, 116–117).

88

Папаше

25-ого мая 1869. Casa Fumi, fuori di Porta Romana.
Florence

Милый, дорогой мой Папаша, ты, кажется, был недоволен моим последним письмом; говоришь, что, в сущности, я тебе не отвечала[1]. Что же мне тебе сказать? Теперь я знаю только одно – что мы с М⟨ещерским⟩ в очень хороших, дружеских отношениях. Было время, когда он год тому назад был во Флоренции, в которое он так сильно ко мне привязался, что ему было очень трудно уезжать по временам – потому там он говорил о будущем, т.е. что хочет непременно приезжать к нам время от времени – и он непременно бы приехал в Пранжен, если б финансовые обстоятельства не помешали... Они вообще мешают ему во многом. С моей стороны признаюсь, что он для меня одна из самых симпатичных личностей, которые я когда-либо знала, я его очень люблю и уважаю и имею большое доверье в его советы.

Ему необходимо вернуться в Россию, семейные дела в ужасном беспорядке, – главное, он хочет взяться за какую-нибудь деятельность. До возвращения он очень желал бы видеть меня, но опять-таки не знает, достанет ли капитала, – человек он очень хороший и серьезный[2].

Покаместь прощай, обнимаю и крепко, крепко целую тебя.

Твоя Т а т а

Целую Огарева и Тутса, жму руку Пану Тхоржевскому.

Насчет того, что ты пишешь о Терезине: "Береги от буржуазии", я до сих пор ничего не замечала, – с прислугой она обращается очень хорошо. Отчего ты приводишь в пример m-me Vogt?[3] Делай вопросы точнее, чтоб я могла точнее отвечать... В каком отношении ты думаешь, что Париж может быть полезен Ольге? Следовать за лекциями она еще не может.

[1] Ответ на письма к Тате от 11 мая и к сыну от 21 мая (см. XXX, 107–108 и 119–120).

[2] Отклик на следующее замечание в письме Герцена от 11 мая: "Меня всегда щемило твое абсолютное молчание о Мещер⟨ском⟩ и о сущности твоего отношения ⟨к нему⟩. Сколько раз я ни давал тебе повода – ты ускользала" (XXX, 108).

[3] Завершая свое письмо к сыну от 21 мая, Герцен писал о его жене Терезине: "Все слухи от Таты и Мейзенб⟨уг⟩ очень в пользу развития Терезины. Береги пуще всего ее от той формы мелкого помещничества, которая и есть то, что называется буржуазией. Большая часть пролетариев прямо попадает в нее, получив достаток (m-me Karl Vogt и пр.), я полагаю, что для нее Италия – худшее место для развития. Если бы и она могла с тобой прожить год, может два, в Париже ⟨...⟩ и притом работать бы extra ⟨сверх того (*лат.*)⟩. Только парижская увриерка ⟨работница (*франц.*)⟩ может иногда переходить прямо в образованную женщину, минуя буржуазию (m-me Tessier). Первый пробный камень – отношение к прислуге. Все это я бросаю тебе pêle-mêle ⟨беспорядочно (*франц.*)⟩ для думы" (XXX, 120).

89

2-го июня 1869
Casa Fumi, 2-do piano, fuori di Porta Romana.
Florence[1]

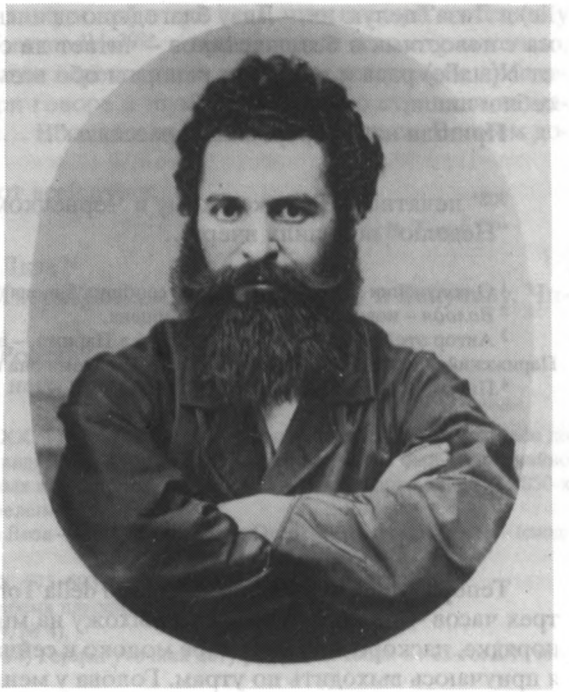
Ты не можешь себе представить, сколько у нас было хлопот в последнее время, дорогой мой Папаша, и после всех этих утомительных проб, после всего этого страдания – мы еще не знаем, будет ли Терезина в состоянии сама кормить Володю[2] или нет. Мало-помалу мы освободились от всех паразитов – levatrice, popatrice, etc., etc.[306*] Саша выучился сам высасывать лишнее молоко у Терезины – сестра ее Асунта кормит Володю. Саша пугается довольно легко, по неопытности, – но, тем не менее, дело нешуточное. Мы призывали d-r Balocchi, специалиста, он приказал немедленно

[306*] акушерки, няньки ⟨?⟩ и т.п., и т.п. (*итал., лат.*).

прикладывать катаплазмы, потому что видел признаки воспаления в груди, – из правой груди молоко совсем исчезло – может быть, удастся кормить *одной* грудью, но надежды мало. Терезину это ужасно огорчает – по минутам она совсем в отчаянии – конечно, и нас тоже огорчает.

Я сплю у Ольги в villino della Torre, но с утра до ночи здесь у Саши, потому что постоянно что-нибудь да нужно, то Терезину причесать, то Володю подержать – он так спокойно лежит у меня на руках, пока я ему русские песни пою, – то помогать купать его… потом Терезине читаю вслух Molière – наконец, все счеты держать в порядке – я едва выхожу. Терезина встала в 12-й день, 14-й и 15-й она не была в состоянии вставать, потому что грудь так болела. Сегодня она прогулялась по всем комнатам, в моем турецком халате, – пригодился он ей. Вспомнила я свои первые прогулки после болезни, но я была *гораздо* слабее – сравнения нет…

Ге живет так далеко, я не успела зайти к нему за книгами, но пойду на днях, пока читаю книгу о работниках в Англии "Les associations ouvrières en Angleterre, Trade-Unions"[3]. Мещерский мне прислал сюда.



ГУГО ШИФФ
Фотография. Флоренция, 1868
На обороте – стихотворение Г. Шиффа, посвященное Тате Герцен (6 января 1869 г.)
Музей Герцена, Москва
"Я получила длинное письмо от него и отличную фотографическую карточку с очень забавным и милым стихотворением" (Тата Герцен – А.А. Герцену. 16/4 января 1869 г.)

Гуго Шифф ходит к нам ежедневно, странный, но очень интересный человек. На днях, разговаривая с ним о тебе, я увидела, что он согласен с тобой, видит необходимость социальной революции; говорили мы тоже о *семействе*. Я ему сказала, что у брата его совсем противоположные мнения, а он мне отвечал: "Ja, ich weiss nicht, was Moritz darüber denkt – ich habe hier Gelegenheit gehabt ihm darüber zu schwatzen"[307*], – итак, представь себе, что живши лет 30 вместе, он не имел случая говорить с братом и не знает его мнения о таком важном вопросе…

Бедный Гуго, он меня ужасно любит! Пеннизи ⟨!⟩ тебе кланяется и часто жалеет, что тебя здесь нет. Он очень печален; вздумалось ему выучиться писать самому, – и попросил он меня "сделать ему удовольствие" и поучить его. Ходит он ко мне два раза в неделю по вечерам… Немножко он уже умел писать, но очень неясно – очень интересно видеть его успехи; он мне готовит много к урокам, всевозможные *палки*, отдельные буквы и, наконец, просто страницу мелкого писания… За это он мне пишет разные "акростихи".

Получили мы письмо от Monod из Парижа – он описывает шум, волнение, лихорадочное ожидание – либеральные выборы[4] и т.д. Вырубов, должно быть, радуется.

Опиши же мне, пожалуйста, как ты себе представляешь нашу жизнь в Париже с Мальвидой, которая решительно не может выезжать по вечерам и ложится в 9 ½?

С нетерпением жду впечатлений Брюсселя. На что вы решитесь?!!! Что N⟨ata-

307* "Да я и не знаю, что Мориц по этому поводу думает – у меня не было здесь случая поболтать с ним об этом" (*нем.*).

lie⟩ и Лиза? целую их, – Лизу благодарю за письмо без писанья, но предпочитаю письма с новостями и без пакетиков – читает ли она книгу, которую я ей подарила? – и от N⟨atalie⟩ рада я получить рапорты обо всем. Целую тебя крепко, крепко, береги себя и пиши.

Пришли нам "Прерванные рассказы".

Твоя Т а т а

308* печатного Тхоржевскому и Чернецкому.
"Неделю" получили вчера...

[1] О получении этого письм Герцен сообщил 5 июня (см. XXX, 127).
[2] *Володя* – новорожденный внук Герцена.
[3] Автор этой книги, изданной в 1869 г. в Париже, – внук французского короля Луи-Филиппа – граф Парижский (также Луи-Филипп). За короткое время она вышла несколькими изданиями.
[4] Письмо Г. Моно неизвестно.

90

9-ого июня 1869.
№ 115, Villino della Torre, Via dei Serragli.
Florence

Теперь я постоянно сплю в Villino della Torre, милый Папаша, и остаюсь здесь до трех часов – т.е. около восьми я выхожу на минуточку к Терезине – узнать, все ли в порядке, наскоро выпиваю свое молоко и сейчас же возвращаюсь домой; этим путем я приучаюсь выходить по утрам. Голова у меня очень редко болит. – С Ольгой я читаю по-русски ежедневно час или два. Читаем мы "Кто виноват?" и подвигаемся, конечно, очень медленно, потому что мне приходится все переводить.

Что ты мне писал о Доманже? в чем же обвиняет его Бакунин, в каком отношении ты его считаешь *нечистым* человеком? Я не вижу, как он мог иметь нехорошее влияние на Ольгу[1]. Ты знаешь, что с некоторых пор и даже всю зиму Ольга брала уроки французского языка не у него, а у m-r Rey. С Доманже она занималась физикой и *историей*, странно! Я ее расспрашивала об этих уроках, они ее не очень интересовали, в последнее время она даже устала от них. С тех пор, как наступил жар, она не ходит больше к Доманже, ему некогда ходить к нам, вследствие чего уроки прекратились и у нее больше времени для чтения. Но ей постоянно нездоровится, то то, то се – верно, Мальвида тебе уже писала; важного я ничего не вижу – но глупо и досадно, и трата времени большая. Я просила тебя прислать "Прерванные рассказы", чтобы читать их с Ольгой, это не к спеху, но все-таки пришли. Я охотно бы осталась некоторое время одна с Ольгой здесь во Флоренции, от жара мы не очень страдаем – к тому же, сад великолепный, стóит Château Boissière, можно по целым часам сидеть в тени под деревьями. Но ты знаешь, как Мальвида "щакотлива" в этом вопросе, она никогда не ездит одна, тем более, что уверена, что Ольге нужны воды минеральные. А бог знает, Папа, может быть, Ольге и было бы хорошо. Ведь ей велено принимать железо. А насчет жизни на водах – я не вижу необходимости следовать примеру других, можно продолжать тихую жизнь – как мы в Ницце. Впрочем, у нас ничего не решено – и я из Флоренции вон не спешу.

Как ты хочешь начать *объяснение* Ольге письменно теперь или при встрече? во всяком случае, мне хотелось бы быть около нее в это время, чтобы она могла свободно со мной говорить и меня расспрашивать. Не могу предвидеть, какое влияние это объяснение будет иметь на нее – у нее все так незрело[2].

Ты бы мне побольше писал о разных движениях в Женеве – ведь ты теперь сам был, видел, что же деятельность Бакунина, – согласен ты еще со своей статьей, писанной против него[3], или переменил свой взгляд? Насколько я могла заметить, Доманже, с своей стороны, смотрит на него как на человека, который любит шум и движение, но *серьезной* деятельности и серьезного влияния иметь не может...

308* Далее отрезана нижняя половина нескольких слов. Текст не поддается прочтению. – *Л.Л.*

Терезина совсем поправилась. Я хожу к ней в три часа, читаю с ней и обедаю у них, в Casa Fumi. Володя – просто enfant modèle[309*] и просыпается только *раз* ночью, днем спит по четырем часам, его иногда переносят на руках, он лежит себе преспокойно в кроватке, к тому же спит при говоре и шуме; раз недавно стреляли из маленькой пушки у самой Porta Romana... Володя и не думал просыпаться. Во всем доме постоянный сквозной ветер.

Обнимаю и целую тебя крепко, от всей души.

Твоя Тата Г.

Где ты теперь? и где N⟨atalie⟩? и Лиза?[4]

Целуя их и Огарева – кланяюсь Тхорж⟨евскому⟩ – Чернецкому и Бакунину. Читаю статью Тургенева о Белинском[5].

Пиши побольше. Что нового из России?

12-ого Сашино рождение – я для него купила софа для террасы[6].

[1] Ответ на письмо Герцена от 18 мая (XXX, 115–116) и на другое, с неизвестной датой, которое до нас не дошло. Отзыв о Доманже заключался, видимо, во втором письме. Герцен всегда был чрезвычайно высокого мнения об умственных и нравственных достоинствах Доманже, с которым дружил еще с 1850-х годов. Вероятно, речь здесь идет о каком-то нелепом недоразумении.

[2] Герцен собирался объяснить Ольге, что Лиза – его дочь, а не дочь Огарева и что они – сестры (сводные).

[3] Серия писем "К старому товарищу" (XX, 575–593).

[4] Герцен, Тучкова-Огарева и Лиза в это время находились в Женеве.

[5] "Воспоминания о Белинском" (*BE*, 1869, № 4).

[6] В ответном письме от 13 июня (XXX, 134) Герцен уточнил дату рождения сына: не 12-го, а 13 июня, т.е. 25 числа н.ст.

91

17-го июня 1869
115, Villino della Torre, Via dei Serragli,
Florence

Милый Папаша, Ольга прочла ваши письма в нашем присутствии[1]. Мальвида была ужасно взволнована, боясь действия на Ольгу; признаться, и я тоже ожидала результатов с нетерпением. К большому нашему удивлению, Ольга все прочла с величайшим спокойствием, потом передала письма Мальвиде и сказала мне, что давно догадывалась, – прибавляя: "Что же это может перемениться, ведь я и без того Лизу всегда любила и смотрела на нее, как на сестру младшую". Но она уверяет, что никогда никого не спрашивала и никаких намеков не делала. По спокойствию, с которым она приняла все это, видно, что она привыкла к этой мысли и находит все естественно, – кроме того, что с самого начала не было открыто всем. Но все это характеры не переменит, поэтому я не вижу больше данных для гармонического житья вместе, чем прежде...

Как вы скажете Лизе? Может, лучше, чтоб она тоже мало-помалу догадывалась. А для себя что Natalie решила, хочет она все еще переменить имя или нет?

"Egalité" мы получаем. Я там прочла об возмутительных последствиях арестации против гревы[310*] работников Пфеффера и Пука. Если все правда, – так это ни на что не похоже, а в Бельгии еще хуже, т.е. поведение солдат на одной станции над гревы или des puddlers[311*], – они ранили, изрубили невинных пассажиров, которые ни в чем не участвовали, перепугали женщин, детей и пр.

Газеты мы читаем, но что же выйдет из всего этого шума в Париже, до сих пор ничего серьезного не видно – как будто только gamins[312*] пошалили...

Мне было бы очень интересно прочесть твои письма или твою полемику с Бакуниным[2]. Какая же польза в его деятельности и единственное последствие? Эти бан-

309* образцовый ребенок (*франц.*).
310* забастовка (*франц.* grève).
311* рабочими-пудлинговщиками (*франц.-англ.*).
312* мальчуганы (*франц.*).

ды рабочих – ведь их всех вышлют. – Да если бы и не выгнали, что значит *уничтожать вещи*? С какой целью?

Мальвида очень желает уехать из Флоренции 1-го июля – куда, не знает, то говорит о местечке около Генуи, то о Riva у озера *Гарда*. Она все жалуется на постоянную тяжесть и боль в голове – надеется, что перемена воздуха ей поможет. На минеральные воды она хочет ехать после и то еще не знает и не совсем решилась. Она и Ольга уверяют, что после Kreuzenach'а. У Ольги месяца *три* не были мигрени.

Саша, Терезина и Володя здоровы. Володю кормят одной бутылкой теперь, он чрезвычайно мил, но худощав...

Обнимаю вас всех, Ольга будет писать завтра, покаместь целую вас от всей души.

Твоя Тата Г.

Получил ли ты письмо от Пенизи?[3]

Присылай "Мазурку" и "Прер⟨ванные⟩ рассказы". Кланяйся Тхор⟨жевскому⟩ и Чернецкому да Благосветлову[4].

[1] Письмо Герцена к Ольге от 13 июня, в котором он сообщил, что Лиза – ее родная сестра и что Наталья Алексеевна, Тата и Ольга образуют *единую семью*, в которой Огарев остается в качестве друга и близкого родственника. "Лиза должна объединить оба наши имени и называться Герцен-Огаревой, – заключал Герцен, – сблизить и слить воедино все наше существование..." Огарев приписал: "Я люблю и всегда любил твоего отца, как единственного брата, который есть у меня на свете. Поэтому я всегда смотрел на его детей, как на своих..." (XXX, 131–132; приписку Огарева см. в кн. 1-й наст. тома).

[2] Имеются в виду письма "К старому товарищу" Герцена (XX, 575–593).

[3] См. прим. 1 к след. письму.

[4] Герцен ответил 22 июня (см. XXX, 138–139).

92

25-ого июня 1869.
Villono de laTorre. 115, Via dei Serragli.
Florence

Вот и вечер этого печального дня, милый, дорогой мой Папаша. Настоящий день рождения Саши, и праздновали мы его очень печально – Володе все хуже и хуже. Вот уже вторая, даже третья неделя, как он не только не толстеет, но худеет, бедное его личико ни на что не похоже, на нем такое выражение страдания, что больно смотреть. Пищеварение его, как будто, совсем испорчено, и сосать почти сил нет. Шифф еще надеется, но, по-моему, очень мало надежды. Несколько дней тому назад Саша поехал за кормилицей в Пистойю; теперь оказывается, что у нее молоко плохо, – завтра меняют...

Саша был очень расстроен и печален целый день. Терезина вряд ли понимает опасность.

Пенизи отослал тебе письмо недавно, ты, верно, получил. Он нам помог разузнать разные разности для Чернецкого – он ему очень советует *не ехать*. Если б он мог устроить какое-нибудь дело с правительством, была бы надежда, но один вряд ли он что-нибудь сделает, особенно не зная языка, – это мешает скоро работать[1].

27-ого

Книги и письмо от 24-го получены[2]. Вчера у нас был ужасно тревожный день. Все думали, что Володя не переживет ночь от 25–26, Саша уж не хотел больше ничего делать: "Для чего его даром мучить, пусть будет тих и спокоен последние минуты". Сам Шифф не знал, что делать, но Levier спас Володю! – Он нашел Володю почти без пульса и холодным, как лед, он немедленно дал ему воды с вином и очень крепкого бульона – и каждые полчаса клистиры из того же бульона. Володя просто умирал с голода – потому что вся пища выходила в таком же виде, в котором входила, – непереваренная. У него недостаток *декстрины*. И так мы целый день его почти насильно кормили крепчайшим консоме, прибавляя время от времени Сиракузского вина. К вечеру он уж как будто потолстел, смотрел лучше и живее, – около

9 часов его выкупали, Levier и m-lle Reymond за ним смотрела ночью – говорят, что спал хорошо, сегодня гораздо лучше – можно надеяться, что совсем выздоровеет...

Мальвида хочет ехать на месяц в Monte Cattini, местечко с минеральными водами. Полтора часа или 2 часа езды по железной дороге от Флоренции. И я с ними поеду, когда Володя совсем выздоровеет, хотя, по-моему, было бы разумнее остаться во Флоренции пока еще так хорошо и свежо...

Покаместь прощайте, обнимаю и крепко вас всех целую – скоро буду опять писать.

Твоя Тата Г.

Как понравится тебе жить в Брюсселе, пиши скорей[3].

Рукой Огарева:

⟨Женева. Конец июня 1869 г.⟩[4]

Вот вам доброе письмо Таты. Эк у них там трудно пошло! Но, впрочем, Левье оказался молодцом. Письмо Ольги ко мне превосходно[5]. Об одном только она упоминает (причем вижу, как ты наморщился) – Пановка едет с ними на воды, потому что не хочет прерывать уроки именно в то время, когда Ольга делает громадные успехи; она поручает мне спросить тебя: позволишь ли ты ей продолжать уроки с Пановкой? Так же и Тутсу она написала письмо, при получении которого он был в восторге.

Тх⟨оржевский⟩ от вас, видно, уже не получит писем; почта же отходит в 5 час⟨ов⟩. Кланяйся Стелле.

Обнимаю вас всех и Лизу целую в шейку.

Нового ничего нет. Работаю для Бак⟨унина⟩, о духовенстве, что потрудней, чем ты думаешь, а мне же хочется им задать перцу[6].

Тутс еще покашливает, но сегодня лучше.

[1] Это "больше длинное, чем дельное", по словам Герцена, письмо Пенизи к нему до нас не дошло, но о его содержании Герцен сообщил дочери 29 июня. Пенизи не советовал переводить типографию из Женевы в Геную. Сообщал он и об уроках, дававшихся ему Татой и "много выполнявших недостатки" его образования (XXX, 143).

[2] Письмо от 24 июня адресовано А.А. Герцену (см. XXX, 141–142).

[3] В том же письме от 24 мая Герцен сообщал, что несколько дней спустя отправится в Брюссель (через Страсбург).

[4] Письмо это дошло до Женевы уже после отъезда Герцена. Огарев переслал его адресату в Брюссель или Страсбург. Приписка представляет собой, в сущности, самостоятельное письмо к Герцену.

[5] Это письмо Ольги к Огареву неизвестно.

[6] Работа в свет не вышла.

93

3-его июля 1869. Villino della Torre.
115, Via dei Serragli.
Florence

Мы остались еще неделю здесь, во Флоренции, потому что не хотелось ехать до выздоровления Володи. Бедняжка, ему гораздо лучше – но все-таки надобно быть ужасно осторожными...

Сегодня суббота, мы хотим ехать во вторник – но *куда* – далеко не решенный вопрос. Не могу не смеяться над Мальвидой – каждый день она является с новым предложением; для ее здоровия следовало бы ехать в Monte Cattini (2 часа от Флоренции), но увы!! там нет ни Пановки, ни моря; с другой стороны, тянет ее в Сестри, около Генуи, туда и Пановка бы поехал, но там минеральных вод нет, – с третьей стороны, ей хочется в Фано (у Адриятического моря), потому что там друг ее m-lle de Stein. Чем это кончится? очень забавно – я не советую и не вмешиваюсь, – но утром и вечером спрашиваю: "Куда мы едем?" И каждый раз слышу новое предложение. Куда бы они ни ехали, я поеду с ними – там я буду больше с Ольгой. С тех пор, как Володя болен, мы мало читали.

Расскажи все о путешествии, о Страсбурге и Стелле и, главное, о Брюсселе, что́ первое впечатление и какие данные для удобной и интересной жизни? Ты хочешь изучать Брюссель до декабря месяца, так мне кажется всего разумнее, чтобы я осталась с Ольгой до тех пор, пока ты решишься, где мы намерены поселиться[1]...

Ты меня просишь время от времени рассказывать кое-что о Шиффах. Конечно, я всего лучше знаю Гуго Шиффа, и чем больше его знаю, тем больше ценю. Он мне многое рассказывал из своей жизни, больше чем кому бы то ни было. С его безграничным доверием ко мне, он сам говорит, что я его лучше знаю, чем кто-либо. В сущности, жизнь его очень печальна, ничего в ней не было отрадного, веселого – единственное приятное воспоминание – ce sont les difficultés vaincues[313*], как приходилось бороться сперва с семьей, потом с нуждой. Одно время от жил с 30-ю франками в месяц! И это когда он имел возможность быть богачом – ему купцы разные делали очень выгодные предложения. Но, я думаю, ты ошибаешься, если думаешь, что он *играет роль* оригинала.

Он, верно, был оригиналом от самого рождения, а после обстоятельства помогли. Молодости у него не было, лет в 18 он был такой же серьезный, как теперь, – а на вечере был в первый раз, когда ему было 22-ой год.

С своими маленькими средствами (денежными) он копит и помогает направо и налево, никогда никому об этом не говорит, кроме ⟨как⟩ мне теперь. Ужасно, ужасно жаль мне его, он по временам так страшно печален[2].

8 июля. Antignano presso Lugano

Вот куда мы попали, дорогой мой Папаша. Я хотела писать, т.е. послать это письмо из Флоренции, но до последнего дня Мальвида не знала, на что решиться, – к тому же у меня была такая сильная мигрень, что я не могла писать. Мальвида выбрала это местечко, потому что Пановка хочет остаться еще несколько неделей в Ливорно – может быть, Ольга будет продолжать уроки, если капиталы ее как-нибудь вырастут от морского воздуха!.. Ей ужасно хочется.

Воздух здесь превосходный, восхитительный, свежий – море великолепное – но вот и все, земная природа уродливая, голая, бесформенная – вряд ли мы решимся здесь остаться. Поместились мы у самого моря в остатке старой крепости. Здесь всего-навсего четыре спальни, а над дверью большими буквами написано: "Albergo del' Antica Fortezza"[314*].

Прощай покаместь – иду осматривать окрестности с Мальвидой и Ольгой, – не найдем ли мы хоть крошечный красивый и тенистый уголочек. Пиши на Сашин адрес.

Обнимаю и крепко, крепко тебя целую, тебя, Natalie и Лизу.

Твоя Тата Г.

На днях писала Маше[3] и послала детям ее виды Флоренции с m-me Schiff. – Она уехала 3-его июля, теперь в Берне, остается там месяц.

О Пенизи я тебе ведь сама писала, что давала ему уроки писанья[4]. Ну, а он как сицилиянец с кипучей кровью, конечно, преувеличивает – может быть, и несознательно ⟨?⟩, потому что ему почти всегда кажется, что всё, что я делаю, хорошо.

Читала я "Обрыв"[5], все надеялась найти что-нибудь интересное, а вышло ровно ничего – просто чепуха[6].

[1] Ответ на письмо к А.А. Герцену от 24 июня, в котором Герцен писал, что во время поездки в Брюссель он и Тучкова-Огарева увидят "Страсбург, Стеллу и другой край" – и что в Брюсселе он будет "изучать почву до декабря, т.е. возможность переезда всей семьи в Брюссель (XXX, 141). Тата, судя по ответу, откликнулась и на не дошедшее до нас письмо к ней Герцена.

[2] Отвечая на этот рассказ Татьи, Герцен писал ей 13 июля: «Все, что ты пишеь о Ш⟨иффе⟩, очень хорошо, – но помни же мой совет и верь, верь моему инстинкту, – "герой не моего романа" – лучше уезжай» (XXX, 147).

313* это побежденные трудности (*франц.*).

314* "Гостиница Старинной крепости" (*итал.*).

[3] Отрывок из этого письма Таты к М.К. Рейхель от 2 июля см. в "Летописи жизни и творчества Герцена" (V, 235). Сообщая о получении в ответ письма Герцена из Базеля, Тата писала: "Через несколько дней он будет в Брюсселе, с нетерпением жду результатов этой поездки – она должна решить, оставаться нам на юге или тоже ехать на север ⟨...⟩ Увидим, как понравится Папаше брюссельская жизнь!" (см. ниже с. 530).

[4] Отклик на уже цитированное письмо Пенизи к Герцену, в котором он утверждал, что Тата давала ему уроки, "много выполнявшие недостатки" его образования. Герцен отозвался об этом утверждении: "Что за вздор" (XXX, 143).

[5] "Обрыв" Гончарова печатался в этом время в "Вестнике Европы".

[6] Герцен ответил на это письмо 13 июля (XXX, 147–148).

94

5-ого августа 1869.

Castello d'Antignano. Antignano presso Livorno[1]

Да, мы довольно заняты, Папаша, – кроме правильного ежедневного чтения Foenisberg'a[2], которое берет все утро, я перед обедом читаю с Ольгой раз по-русски, раз по-английски. С русского надобно ей почти слово в слово переводить... К тому же мы начали заниматься итальянским языком, Пенизи нам дает уроки (сам предложил и просил) два раза в неделю, я делаю ему переводы, с непривычки работа подвигается медленно – но он доволен, кажется, хотя очень строг... Я перевожу "Долг прежде всего" из твоих "Прерванных рассказов", а Ольга – так, что́ попалось, с французского. В последнее время гости немножко разрушили наш порядок. Бердушек приехал дни на три, проститься, он едет в Северную Италью, будет месяца два, три путешествовать; ему заказали какой-то необыкновенный *гид*. Levier был, он всегда поглощен своими альбитами[3] и растениями. Наконец, и Гуго Шифф приехал на день, – но теперь всё опять в порядке.

Неужели в Бельгии так мало свободы, что Fontain'у могла прийти в голову мысль, что вас вышлют за знакомство с Lus ⟨?⟩[4]... Да это ни на что не похоже! А то ужасно досадно, и жаль, если в других отношениях жизнь вам в Брюсселе так нравится. Боюсь, что ты, милый Папаша, в самом деле, не найдешь нигде места, чтобы поселиться навсегда...

Как Пятковский объяснил дело ссоры "Недели"? И как кончились рассказы Нионского?[5]

Слышал ли ты, что бедный Dolfi умер? Говорят, что он как будто с ума сошел; чувствуя сам вдруг, что что-то неладно, он пошел в полицью и попросил, чтобы его посадили в сумасшедший дом, – говорят, что он умер почти беспа⟨мят⟩ный – ужасно![6]

Стюард недавно писал Шиффам, он женится на грузинке или армянке, очень счастлив, осенью будет в Италии – во Флоренции.

От Пана получила письмо, пишет, что все здоровы в Женеве, что он сам ужасно устал и намерен расстаться с Швейцарией, по крайней мере, с Женевой... Бедный, куда же он поедет, что начнет[7]...

Саша мне еще не переслал статейку о Мальвидиной книге, я ему напомнила – но, тем не менее, она распространяется, – знаешь ли ты, что она получила письмо от Стюарда Mill'a, от Michelet; в "Débats" была очень лестная статья...

Уроки с Пановкой устроились только теперь; Ольга отправляется к нему в Livorno сегодня, в первый раз – и берет это письмо с собой, поэтому спешу, но на днях буду тебе еще писать, тебе и Лизе. Мы посылаем письма в Брюссель poste restante, *m-me* et m-lle Ogareff, спросите. Я была бы тебе очень благодарна, если б ты прислал мне денег, мне лично. Жизнь довольно дорога здесь – к тому же, купанье и т.д., еда с квартирой обходятся около 7–8 фр. в день за каждого. Обнимаю и крепко, крепко вас целую.

Твоя Тата Г.[8]

[1] Ответ на письмо Герцена от 29 июля (XXX, 152–153) и, очевидно, на еще одно, не дошедшее до нас письмо.

[2] О какой книге немецкого политика Даниеля фон Фенисберга (Fœnisberg, 1820–1863) идет речь, не установлено.

[3] *Альбиты* – минералы из группы полевых шпатов.

[4] В опубликованных письмах Герцена нет упоминания о предположении бывшего издателя бельгийского "Cloche" насчет возможной высылки из Брюсселя.

[5] С 1 декабря 1868 г. по 6 апреля 1869 г. в петербургском еженедельнике "Неделя" печаталась по инициативе сотрудника этого издания А.П. Пятковского серия очерков Герцена "Скуки ради" (под псевдонимом *И. Ионский*). Вскоре между редакцией и некоторыми сотрудниками, в том числе Пятковским, отношения обострились, и Пятковский попытался наложить вето на печатание статей Герцена в "Неделе", поскольку он считал себя инициатором их публикации. Герцен, однако, Пятковского не поддержал, потребовав, чтобы публикация продолжалась на прежних основаниях. В мае 1869 г. "Неделя" получила правительственное предупреждение и была на полгода приостановлена, причем подготовленная к печати очередная глава "Скуки ради" осталась в редакционном портфеле, а затем бесследно исчезла и до сих пор остается неизвестной. Тата предполагала, что Пятковский, приезжавший весной в Брюссель, а затем в Париж и почти ежедневно встречавшийся с Герценом, разъяснит ему подоплеку этого конфликта, однако Герцен, по-видимому, не обратил внимания на вопрос дочери и на него не ответил.

[6] Ср. XXX, 162–264. О Дж. Дольфи см. подробно в "Лит. наследстве", т. 96, с. 251–253. В письме к Огареву от 9 августа Герцен почти дословно повторил сообщенную ему Татой новость о Дольфи (XXX, 164).

[7] Это письмо неизвестно.

[8] Герцен ответил 9 августа (см. XXX, 163).

95

24-го сентября 1869.
Casa Fumi, fuori di Porta Romana.
Firenze

Папаше

Ведь я не просила денег у тебя, милый Папаша[1], я хотела только знать, кому ты прибавил за меня: Саше или Мальвиде[2]. Покаместь мне ничего не нужно; если все, что у меня есть, уйдет на путешествие, я тебе скажу в Париже и попрошу дать на одежду. Об Ольгином туалете покаместь не беспокойся, в Мюнхен она поехала с приличным гардеробом. В Париже ей надобно будет сделать разные разности да длинные платья. Жизнь не обойдется дешево в Париже, одна квартира что будет стоить.

История вагнеровской оперы просто чудо, комедия! Попались все, не только Мальвида, но Тургенев, m-me Viardot, Liszt. Говорят, что 10 или 15 000 человек иностранцев собрались в Мюнхене[3]...

Жаль мне, что я не была с вами в Голландии, – я знаю только *портреты* Рембрандта – они превосходны; из картин его я ничего не видела. Рубенс для меня тоже слишком жирен, и Терезина с нами симпатизирует, у нее верный взгляд...

Как ты мне пишешь, дорогой Папаша, что Лиза любит Ольгу и Сашу. Это только слова, как она может знать? Не живши вместе, это легко сказать.

Теперь о П⟨енизи⟩. Раз, когда он был опять в ужасном состоянии, в отчаянии, и умолял меня сказать правду, – сказать, не имею ли я ни малейшей любви к нему, я ему сказала правду, отвечая: "Un petit peu"[315*]. Дай мне уехать, пожить в Париже, прежде чем я решусь на что б то ни было. Ищите квартеру и пишите, когда ехать.

Обнимаю тебя, милый, дорогой Папаша, и крепко, крепко целую.

Твоя Т а т а

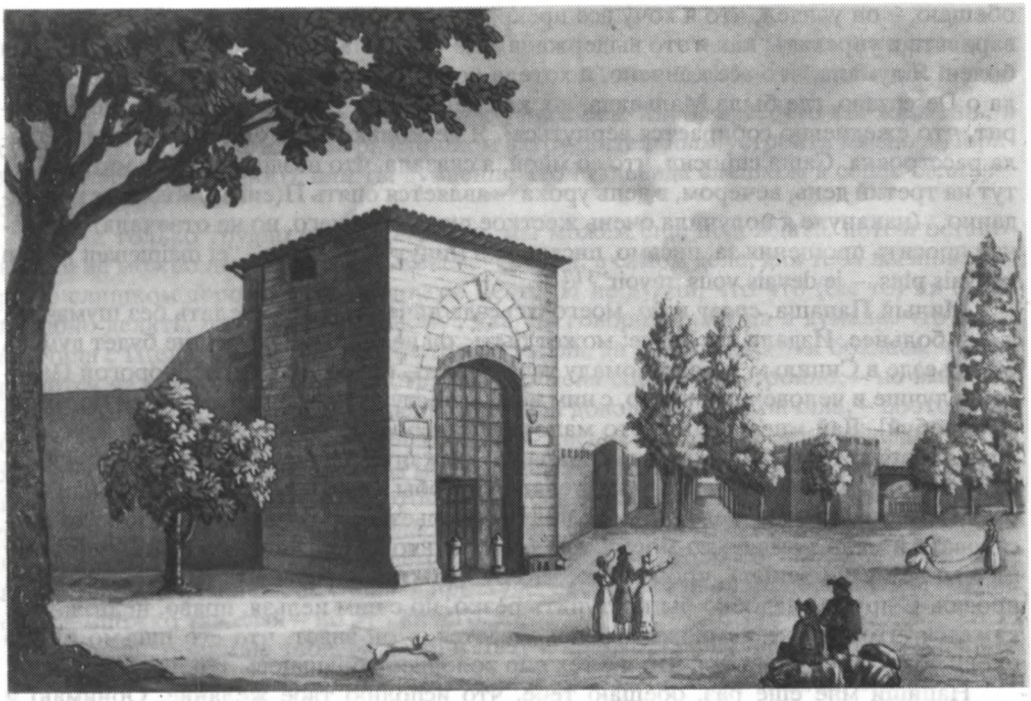
П⟨енизи⟩ остается здесь.

Я не знаю, где второй том французского "Был⟨ое⟩ и думы" – спрошу Ольгу – когда та вернется. Италиянский перевод должен выйти до марта[4], Пен⟨изи⟩ спрашивает, может ли он перевести четвертый том *до* появления его на французском языке, – с корректурных листов, например?..

Ольга писала тебе: Poste restante, Paris, спроси, нет ли писем?..

Саша с утра до вечера на конгрессе медикальном. Ему придется воевать с так называемой важной личностью, римский доктор Бачелли[5].

315* "чуточку" (*франц.*).



ФЛОРЕНЦИЯ. РИМСКИЕ ВОРОТА

Акватинта с рисунка Кароччи, 1840-е годы

Из альбома: Vues de Florence et des principeaux villes de la Toscane. Florence, s.a.

Возле Римских ворот находился дом А.А. Герцена (Casa Fumi), в семье которого Тата Герцен жила в 1869 г.

[1] Вероятно, отклик на несохранившееся письмо Герцена, о котором говорится в прим. 1 к пред. письму.

[2] Ср. письмо от 5 августа. Тата, ссылаясь на дороговизну, просила прислать ей денег.

[3] Речь идет об опере Р. Вагнера "Золото Рейна", премьера которой состоялась в Мюнхене 22 сентября. На первое ее представление Мейзенбуг повезла Ольгу. И.С. Тургенев присутствовал на генеральной репетиции оперы 27 августа. "Музыка и текст равно невыносимы, но вы знаете, между немцами есть такие люди, для которых Вагнер чуть ли не Христос" (*Тургенев. Письма*, VIII, с. 79; ср. 443). 26 октября Тургенев писал сыну Герцена: "Я имел удовольствие видеть мельком в нынешнем году в Мюнхене (во время рейнгольдо-вагнеровского беснования) вашу сестру Ольгу вместе с m-lle Meysenbug; хотел зайти к ним – но не улучил минуты свободного времени – притом же я в тот день уехал. Известите меня о ней – а также о сестре вашей Наталье". В этом же письме Тургенев осведомлялся о Герцене, Огареве и Тучковой-Огаревой (там же, 108).

[4] Итальянский перевод "Былого и дум", изготовлявшийся Пенизи по парижскому (французскому) изданию начала 1860-х годов ("Le monde russe et la Revolution"), в свет не вышел.

[5] См. статью Л.И. Матюшенко об А.А. Герцене.

96

⟨Флоренция.⟩ 2-ого октября 1869

Бедный, дорогой мой Папаша, не пугайся, не преувеличивай ведь – я ничего не обещала, ничем не связана[1]. К чему ты хочешь всем писать? Это только наделает шум. Ни Саша, ни Meysenbug ничего не знают, я ни с кем не говорила – и, как ни мучилась, я наружно была спокойна. В Antignano одна Ольга могла заметить, что я не в самом деле спокойна и весела, – мы были в одной комнате. Здесь Саша был то в Спеколе, то занят конгрессом, уходил до кофе, по временам, вечером возвращался усталый. Когда я сказала П⟨енизи⟩, что я *должна* ехать в Париж[316*], что ничего не

316* Это было *после* получения твоего предпоследнего письма, поэтому не говори, что я сделала противоположное твоему совету...

обещаю, – он увидел, что я хочу все прекратить, то стал и умолять, и просить, уговаривать и упрекать; как я это выдержала и не уступила, сама не знаю, он опять был болен. Я думала, что все кончено, и хотела немедленно уехать из Флоренции, думала о Desenzano, где была Мальвида, но, как нарочно, получила письмо от нее; говорит, что ежедневно собирается вернуться[2]. Я несколько дней оставалась дома – была расстроена. Саша спросил, что со мной, я сказала, что нездоровится и мигрень. А тут на третий день, вечером, в день урока – является опять П⟨енизи⟩ – совсем неожиданно... (накануне я получила очень жесткое письмо от него, но не отвечала). Он начал просить прощения за письмо, писанное в минуту отчаяния – "et maintenant je n'en pouvais plus – je devais vous revoir"[317*].

Милый Папаша, *сразу* и *до* моего отъезда ничего нельзя сделать без шума[318*], и ему больнее. Издали все легче; может быть, он не бросит занятья, не будет думать об отъезде в Сицилью и мало-помалу успокоится – право, это лучше, дорогой Папаша, и лучше и человечнее, право, с ним нельзя поступать, как с другим, – он больной. [Попробуй]. Дай мне кончить это мало-помалу; *обещаю тебе*, что я ничем не свяжусь. Уверяю тебя, что это лучше, Папаша. Пожалуйста, не пиши ни к кому, – выйдет только шум, а если ты все-таки желаешь, чтобы я сразу прекратила, напиши еще раз, и я исполню твое желание, – но подумай серьезно, не лучше ли осторожно действовать и мало-помалу; по-моему, оно решительно лучше, чего ты боишься? Я ему ничего не буду обещать, кроме того, что буду писать и посылать переводы, как он просил. С другим надобно бы поступить резко, но с ним нельзя, право, нельзя. Мне кажется, что он уже немножко успокоивается, – он знает, что его письмо имело очень нехорошее действие, что я с тех пор холоднее обращаюсь. Прощай.

Напиши мне еще раз, обещаю тебе, что исполню твое желание. Обнимаю и крепко, крепко тебя целую.

Твоя Т а т а

Не обвиняй Левье, в чем он виноват?[3] только в том, что он советовал сказать: "Поговорим через год". Но и тут он прибавил: "Конечно, вы не должны ничем связываться". Никакой тут *интриги* нет, что это Тхоржевский выдумал! Левье всеми усилиями старался мне помочь – его не надобно обвинять ни в чем.

Тесье с женой приехали в пятницу, оставили карточки, в субботу вечером они были у нас и были чрезвычайно любезны. Я думала о твоем совете, но они заехали сюда quasi[319*]-секретно, и сегодня же, ⟨в⟩ воскресенье, уезжают рано поутру. Через неделю будут в Париже, он был очень весел, бранил все мои фотографии – сказал, что в Париже сделает сам.

Ма́шины дети благодарят за деньги.

Бедный Егор Иванович, какой печальный конец![4]

Получил ли ты телеграмму мою?[5] И французский "Былое и думы". Я Тхоржевскому писала об этом.

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена. Перепуганный возможностью брака Таты с Пенизи (см. выше ее письмо от 24 сентября), он писал Огареву 29 сентября: "У меня мутится в голове от мысли, что именно Тата – это светлое и гармоническое существо – убьет себя такой нелепостью. Пишу ей сегодня" (XXX, 201). Вероятно, это и есть то взволнованное письмо, которое вызвало публикуемый ответ.

[2] Письмо неизвестно, так же как упоминаемое ниже письмо Пенизи.

[3] Герцен упрекал Левье в том, что он исподволь подготавливал брак Пенизи с Татой. См. ниже публикацию дневника Таты, относящегося к этому времени.

[4] Е.И. Герцен незадолго до того ослеп и совершенно разорился.

[5] Эта телеграмма Таты, так же как упомянутое ниже письмо ее к Тхоржевскому, до нас не дошло.

317* "А теперь я больше не мог выдержать – я должен был вновь увидеть вас" (*франц.*).

318* потому что он опять сразу оставит всё да и уедет – это, конечно, обратит внимание.

319* почти (*лат.*).

97

Середа. 6-ого октября 69.
Casa Fumi, fuori di Porta Romana. Florence

Дорогой Папаша, не понимаю твоего письма к Мальвиде. Что ты желаешь, в сущности? Тебе кажется теперь слишком затруднительным устроить жизнь в Париже, или чересчур дорого, или ты думаешь, что Мальвида слишком à contre-cœur[320*] соглашается?[1].

Если только трудно найти квартеру, мы можем еще подождать, потом остановиться не можно ли у Ага, т.е. в Женеве? А если, в самом деле, для тебя жизнь в Париже слишком дорога, назначь другое место. И не думай, что что ⟨бы то⟩ ни было надобно делать, чтобы меня "спасти", как ты говоришь. Когда я думала, что я все кончила с П⟨енизи⟩, мне было его страшно жаль, да к тому же я так боялась, что он решится на какую-нибудь глупость, что это меня совсем расстроило, – но вместе с тем я чувствовала себя освобожденной и была довольна, что кончила, – поэтому не бойся за *меня* – я все буду холоднее с ним, – письменно еще легче – конечно, но не хотела бы, чтобы ты из боязни за меня торопился, взял квартеру, слишком дорогую или неудовлетворительную, – потом пришлось бы жалеть. Поэтому еще раз *прошу* тебя, не думай, что меня нужно *спасать*, – не решай ничего второпях из-за меня. Но когда все будет готово, мы приедем к вам... К чему уговаривать Мальвиду откладывать теперь? У меня очень сильная простуда, несколько дней нездоровилось, голова еще немножко тяжелая – но это ничего.

Прощай, обнимаю тебя, N⟨atalie⟩ и Лизу и крепко, крепко вас целую.

Ваша Т а т а

Я писала Тхоржевскому о франц⟨узском⟩ "Былое и думы"[2] – он отвечал, что ты собственноручно вынул этот том из моего ящика и взял его с собой в Париж.

Другого у меня нет.

Терезина вас всех целует; гордится, что Саша играет важную роль... Интересуется спорами его с Бачелли на конгрессе. В одному журнале было объявлено, что при открытии новой Спеколы были l'agrégé⟨prof⟩ essore Alex⟨andro⟩ Herzen colla sua *Signora*[321*]. В этот день у меня была мигрень, я не пошла с ними.

[1] Письмо Герцена к Мейзенбуг от 30 сентября (см. XXX, 203–205). Одобряя ее решение приехать с Ольгой в Париж, он в то же время просил и ее и дочь надлежащим образом обдумать этот вопрос, т.е. речь идет не о кратковременном визите, а о долгом проживании во Франции. Только приняв окончательное решение, они должны приступить к поискам квартиры.

[2] Это письмо Таты к Тхоржевскому остается неизвестным.

ПИСЬМА ТАТЫ ГЕРЦЕН Н.А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ

Публикация Л.Р. Л а н с к о г о

Большинство сохранившихся писем Таты Герцен к мачехе написано в 1870-х годах, т.е. уже после смерти Герцена. Публикуемые относятся к числу *прижизненных* (1864–1869). Когда Герцен и Наталья Алексеевна жили под одним кровом, он, без сомнения, знакомился с письмами любимой дочери, обращенными к его жене, и поэтому их можно рассматривать в качестве звеньев общей его переписки. Как и в основном массиве писем Таты к отцу, в них отразились лучшие свойства ее незаурядной личности: искренность, душевная ясность, альтруизм. В этом отношении они заметно контрастируют с письмами адресатки, в которых чаще всего преобладают эгоистические тенденции, подозрительность и нетерпимость.

320* нехотя (*франц.*).

321*агреже (*франц.*) проф⟨ессор⟩ Алекс. Герцен со своей *Супругой* (*итал.*).

Тата долго не выходила и так и не вышла замуж. Наталья Алексеевна вообразила поэтому, что подчерица ее обязана чуть ли не целиком отдаться воспитанию своей младшей сестры, тем более, что при рождении дочки в 1858 г. она полушутя "подарила" ее четырнадцатилетней Тате. Девочка приняла этот "дар" почти всерьез. Сохранилось письмо к ней Натальи Алексеевны от 30 декабря 1864 г., написанное в состоянии полного отчаяния, вскоре после гибели ее детей-близнецов:

"Тата моя, дай мне руку и послушай меня. – Лиза заставила меня перечитывать твое старое письмо, ⟨написанное⟩ после первого путешествия в Италию, в этом письме ты говоришь, что я тебе подарила Лизу; да, Тата, – вспомни про это, прости меня от всей души и прими вновь этот дар, дар последнего моего ребенка, уцелевшего чудом. Возьми ее, люби ее... помни, что она одна... Я чувствую, что не могу выздороветь для нее даже если б я и жила, все равно я не могу ни на что надеяться... Когда она вырастет, ты скажи ей, что я была очень виновата, любовь моя даже к моим детям была какая-то непросветленная любовь, безумная, она разрослась в страшное несчастье; может, с несчастьем я бы сладила – была бы вечно убитой, не склонила бы голову перед нелепой случайностью – но Лиза должна знать, что я кругом виновата! и в их смерти, этого пережить нельзя, пусть она простит меня...

Теперь ты поймешь, почему я тороплюсь с вами соединиться – мне надо только прощение... и уход для Лизы... Но ты не думай, что мой эгоизм до того доходит, чтобы подвергнуть ребенка второму потрясенью... о, нет, все должно сделаться исподволь, по разуму. Сначала я буду тут, тогда она опять привыкнет к тебе, я буду ходить к дорогим могилам, где столько было незаслуженной любви ко мне, – возвращусь опять, взгляну на вас и потом уж уйду... Я бы не хотела, чтоб Лиза меня хоронила, не хочу этого, ей не нужно потрясенья для этого, чтоб помнить меня, – пусть будет здорова и весела; когда будет большая, ты ей расскажи – она простит меня за мою страшную муку...

Гер⟨цен⟩ и Ог⟨арев⟩ одни будут хоронить меня, они уж так много вынесли, что могут проводить виновницу многих горестей в их жизни, – береги их, Тата, Ог⟨арева⟩ много осталось в Лизе, он ее страстно любит, и Гер⟨цен⟩. Тата, окружи его нежностию, которую я не сумела им дать... Он надломился этой смертью и едва ли воскреснет совсем...

Не говори всего, что в этом письме, что-нибудь помешает пониманию – а помни, что это единственный выход, единственный путь к покою...

Когда я тебе дарила Лизу, я тебя так же любила, как новорожденную, я не делила вас... забудем страшные годы, воротимся к этим дням для последних дней... Когда я думаю только, что скоро не увижу больше солнца, цветы, не услышу больше музыки, ничего, что ей так дорого было, о, как мне становится мрачно на душе – варвары люди, которые насильно заставляют жить... Они ведь не могут проникнуть в душу и понять, что там за яд...

Сегодня не пишу к Мейз⟨енбуг⟩, что мне ей сказать: цель, говорит, Лизино воспитанье – ах, Тата, Тата, цепь скинуть поскорей, изгладить мое преступление⟨...⟩

Ну, прощай, пиши мне, вот уж три дня как Герцен уехал. Мы одни; бедная Лиза, она сильно поражена, и натура ее страшно сходна с твоей, вся внутри.

Она стонет и плачет, засыпая, вставая и во сне, – но мало говорит об них... Я думаю, она меня щадит. Когда она узнала о лелиной кончине, она тихо заплакала, как большая, и прижалась ко мне – с этого для она стала говорить с трогательной любовью об мальчике – обманутая сама, я обещала ей скорое свиданье – тогда она просила так его портрет... Ты знаешь все... Взрыв ее горя был, когда Лелю понесли для операции, – Лиза так рыдала, что Мейз⟨енбуг⟩ и я тоже не выдержали – под этим ужасом она согласилась ехать с чужой женщ⟨ино⟩й в чужой дом[1].

А Г⟨ерцен⟩ – знаешь ли ты, что он держал головку ее[2], и кровь ее брызнула на него – пот градом с него катился. Если б ты знала, ты бы осталась с нами.

Твой подарок – самый хороший, самый раздирающий..." (Фотокопия *РГБ* с автографа *BN*)[322*].

"Ах, если бы решилась N⟨atalie⟩ мне отдать ее на воспитанье ⟨...⟩ с каким удовольствием, с какой любовью я бы это сделала", – писала Тата отцу о Лизе в 1867 г., почти через десять лет после получения ее в "подарок", хотя и тогда уже понимала, что воспитывать капризного, испорченного ребенка бок о бок с вечно раздраженной, ревнивой, мизантропически настроенной матерью невозможно. Насколько мучительны и унизительны были для Таты даже элементарные уроки чтения и письма, которые она давала одиннадцатилетней Лизе, видно из ее полуюмористического-полутрагического сочинения "Фотографии (с оригиналов)", написанного в 1869 г. Одна сценка в нем так и называется: "Урок" (*РГАЛИ*, ф. 21. 97, оп. 1, ед. хр. 619; см. выше с. 469).

322* В другом письме, без даты (1862), хранящемся в том же архиве, Наталья Алексеевна писала: "Ну, прощай, моя Тата, вот тебе мое сердце как расписку; ты права, я подарила тебе Лизу, но ты, помнишь ли ты, что ты была моя, – будь опять моей, Тата, и все будет для меня хорошо и дома, как тогда".

Письма публикуются впервые по автографам *РГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 595, л. 1–2об. (п. 1) и по фотокопиям *РГБ* с автографов BN (п. 2–4). См. также "Лит. наследство", т. 63, с. 514–518.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Во время смертельного заболевания дифтерией Лели-гёрл и Лели-боя Лизу взяла к себе писательница Евгения Тур (Е.В. Сальяс де Турнемир).

[2] Дочка Герцена Елена (Леля-гёрл).

1

⟨Середина февраля 1864 г.⟩

N 63, S.-Nicolo da Tolentino. Roma.

Верно, тебе надобно рассказать о бале[1], милая Натали, –

20 февраля. Суббота[2]

эти две строки я написала неделю тому назад. Теперь бал – дело старое, будет с того, что я очень веселилась. А насчет музыки, милая Натали, ты, верно, себе представляешь да думаешь, что у нас ссора была или что?? – ничуть – вот всё дело. Я тебе написала письмо после спокойного разговора с Мейз⟨енбуг⟩. Я до твоего письма делала себе самой упреки и решилась говорить с Рауншильдом, она меня опять остановила отсоветывая – говоря, что ни к чему не поведет, – мне было очень досадно, не скрываю, – но и я раздумала, думая, что оставлю до возвращения, да написала тебе письмо несчастное и откровенно всё рассказала, – кончив, я минутку призадумалась (как будто совесть была чиста). Оставить мне письмо открыто или завернуть, т.е. сложить, – прочтет М⟨ейзенбуг⟩ или нет, да потом самой стыдно стало такой мысли: во-первых, она не прочтет, ну да если прочтет, ведь ничего дурного не сказала, чистую правду, и что в самом деле думаю.

Итак, я письмо оставила *несложенное* на столе – и больше о нем не думала. Только вечером возвращаюсь да замечаю – что-то неладно – лицо обиженное, говорится не совсем свободно да по намекам вижу, что письмо прочитали, – она мне и призналась, говоря, что никогда не делает, но, увидев шесть раз свое имя, не удержалась и с удивлением прочла пространный мой рассказ, что теперь только понимает значение разных намеков Папы и их источник, – что́ делать в таких случаях, особенно не чувствуя себя виноватой? – молчать – пока пройдет буря, – я сказала, что не понимаю, в чем дело и в чем обвинения, в последнем письме написала то, что думаю, и вообще всегда правду говорила; что совесть у меня чиста и грех ей обвинять меня, – да вышла из комнаты. Через четверть часа подали обед, всё уже прошло и шло по-прежнему, хотя меня очень оскорбило предположение, что я выдумываю или неправду пишу, – с тех пор я фортепиано не терпела, да и вам не хотела писать – будет об этом – и вы не беспокойтесь и не говорите больше – это была серая тучка, но она скоро прошла[2].

Теперь рапорт о работе – во время карнавала галереи заперты, поэтому я некоторое время ходила в ателие m-lle Volkmar Röhrs, ее друг, рисовала – я там сгибсовала ⟨!⟩ человечика "Muskelmann"[323*], не знаю, как по-русски, – вот больше недели над ним мучаюсь и еще не кончила. Теперь хожу опять в галерею, директор торопит, говоря, что многие другие просются – по субботам продолжаю ходить к Линдемаппу – только раз в неделю...

На днях приехали Ножин и Steward[3] – ты их не знаешь, но спроси Папашу – трудно найти смешнее пару – Ножин с своей болтливостию и живостию – как начнет говорить и "философствовать", продолжает час, как заведенная машина, – что́ бы он ни говорил, Стюард сейчас обливает холодной водой, своим ленивым ровным голосом. Они, как только приехали, сейчас пришли к нам вечером. Это была просто чудесная комедия. Мальв⟨ида⟩ и я хохотали до слез. Дразнят друг друга и сами удивля-

[323*] "мускулистого человека" (*нем.*).

ются, что соединились, – т.е. Ножин что⟨-то⟩ сказал, Стюард сейчас: "Ну уж, конечно, не моя вина". Н⟨о ж и н⟩: "Как не ваша?" – С т⟨ю а р д⟩ (разговор шел по-французски): "Хотите, я расскажу, как случилось... Ну, я был в Специи...". Н о ж⟨и н⟩ требывает ⟨!⟩: "Нет, нет, дайте мне рассказать – представьте себе, мы год не видались". С т⟨ю а р д⟩: «В Специю я приезжаю из России. Давно хлопотал, чтобы сыскать его дом и неожиданно явиться, – вдруг встречаю его на улице – бегу к нему, а он с своим спокойным голосом протягивает руку и говорит: "Здравствуйте", – как будто бы вчера еще виделись...» – С т⟨ю а р д⟩: "Eh bien, c'est très naturel[324*], отчего человек удивляется? Хотите, я вам объясню". – Н о ж⟨и н⟩ вскакивает: "Несносно! объясняйте, что́ хотите. Я вас не понимаю". – С т ю а р д: "Ну, человек удивляется, когда видит что-нибудь очень приятное и симпатичное или очень неприятное и несимпатич⟨ное⟩, но так как вы на меня не произвели ни первого, ни второго впечатления, с какой стати мне было удивиться?.."

Но cela perd son charme[325*], когда лиц не знаешь.

Теперь прощай, всех целую да Лизу особенно, за письмеца. Книги "Колокола" и "Пунша" получены да портреты; благодарим за все.

Твоя Тата Г е р ц е н

Еще русский был у нас, молодой Щербачев[4].

Plat⟨tenauer⟩ скоро будет в Лондоне и, верно, имеет много оказий – можешь похлопотать об амазонке[5].

Пожалуйста!!

[1] О своем намерении повеселиться на бале во время карнавала Тата сообщила отцу еще 29 января (см. выше ее письмо к Герцену от этого числа). В приписке от 20 февраля (дата приписана позднее на полях) она отметила, что бал, устроенный римским "ферейном", уже кончился.

[2] Письма Н.А. Тучковой-Огаревой и Таты, о которых здесь идет речь, неизвестны. В них сообщалось о том, что Мейзенбуг возражает против решения Таты брать уроки у Ольгиного учителя музыки – см. выше, в письме Таты к Герцену от 29 января 1864 г.: "У Таты с Мейз⟨енбуг⟩ полемика об музыке. Мейз⟨енбуг⟩ вдруг твердо стала против изучения музыки ⟨Татой⟩ – и это оттого, что ищет тишины. Это досадно, но, вероятно, они столкнутся на короткое время..." (XXVII, 421). О том, что Мейзенбуг запирала рояль и не давала Тате ключ от него, упоминается и в ряде публикаций наст. тома, и в письмах самого Герцена.

[3] *Н. Д. Ножин* и *А. Ф. Стюард* (Стуард) – молодые естествоиспытатели, студенты Уейдельбергского университета, революционеры; второй из них – член общества "Земля и воля".

[4] См. примеч. 2-е к п. 31 публикации писем Таты к отцу.

[5] О высылке *амазонки*, т.е. платья для верховой езды, Тата просила мачеху в письме от 2 января (см. выше ее письмо к Герцену от этого числа).

2

9-ого июля 1869.
Locanda della Società. Antignano, près de Livorno

Итак, ты видишь, что мы все-таки решились остаться здесь в Antignano. Но прежде всего позволь тебя поцеловать, Natalie, и поздравить и желать тебе, чтобы жизнь твоя (и наша) устроилась как можно разумнее и приятнее!..[1]

Отчаяние первого дня мало-помалу исчезло, мы помирились с Antignano, после того, как познакомились с большой террасой, на которой мы можем сидеть целый день, в тени, у самого моря. Воздух чудесный, Ольга даже жаловалась, что слишком свежо сегодня утром. Купальная у наших ног, как m-me Georges от Maison Robinée... Словом, нам здесь довольно хорошо, и мы наняли комнаты до конца августа. Поэтому пишите прямо сюда в Antignano...

Я, право, буду тебе очень благодарна, Natalie, если ты мне время от времени будешь присылать рапорты, как недавно из Женевы[2].

Ну так дай мне знать поскорей, что ты думаешь о Брюсселе. Как вы путешествовали? Не было никаких приключений с вами, как прошлого года в Альзасе? В Besançon'е?

[324*] Что ж, это вполне естественно (*франц.*).

[325*] это теряет свое очарование (*франц.*).

Ты знаешь, как Володя был болен, бедняжка. Как мы с ним мучались! Что это за нежные создания, эти ребятишки. Все нам показывали такое участье, сама старушка Шифф приходила, то купать, то нянчить Володю, и молодая m-me Шифф, словом, подконец, нас было слишком много. Саша отправился всех просить не приходить – и я осталась главной нянькой, дневной. Теперь, кажется, все идет ладно.

Мне кажется, вам не писали, какой у нас был сюрприз около недели тому назад в villino della Torre. Ранò поутру я была в самом большом неглиже, как вбегает Adelasia, наша старушка, зеленая от испуга, – она дрожала, как сухой лист на ветре, и все кричала непонятные слова. Наконец, я ее немножко успокоила, усадила в кресло и поняла, что, войдя в столовую на rez-de-chaussée[326*], она нашла окны и шкап отворенные настежь, последний был пуст, а в нем береглось *серебро*, и серебро не наше, а m-me Schiff. Итак, этот неожиданный гость, выпивши четверть бутылки абсента (Шифф велел Ольге пить по ложечке в день), взял преспокойно скатерть, салфетки, даже кухонные тряпки, и в них завернул 6 серебряных вилок, четыре больших лòжек и 4 маленьких – после чего исчез, – как явился, – т.е., всего вероятнее, в окно!

Теперь adieu – прощайте – обнимаю и целую вас всех, будьте здоровы и довольны.

Тата Г.

Какие новости из России – что пишет Тата Сатина? Что же ты мне не присылаешь фотографию свою? Мне бы очень хотелось.

А ты, Лизок, что же ты мне ни словечка никогда не напишешь? А мне так хочется иногда знать, что ты делаешь, какие у тебя уроки, как тебе нравится Брюссель; умница ли дядя[3] или он сердится иногда за то, что пробка слишком крепко сидит в бутылке? – приходится ли тебе его утешать? Попробуй мне рассказать что-нибудь.

Как мы бы хорошо купались, если б ты была здесь, – море такое хорошее.

Целую тебе обе щеки, будь умна и мила.

Скажи дяде в ухо – что финансовые дела Мальвиды и Ольги в довольно печальном виде.

Тата Г.

[1]Н.А. Герцен поздравляет свою мачеху с "легализацией" ее положения, т.е. с "официальным" признанием ее женой Герцена, чего она так долго добивалась.

[2]Это письмо-рапорт Нат. Ал. из Женевы неизвестно.

[3]*Дядей* Лиза привыкла называть Герцена.

3

23-ого[327*] сентября 1869,
Casa Fumi, fuori di Porta Romana,
Firenze

Видишь, милая Natalie, все устроилось отлично, мы все едем к вам в Париж. Я сейчас решилась по получении Папашиного письма[1] и ждала только Ольгиного ответа, чтобы тебе писать. Она и Мальвида возвращаются на днях, чтобы устроить и разобрать вещи – чтó брать, что оставить.

Итак, ищите квартеру и пишите, когда ехать; что Папаша ни говори о здоровии Мальвиды, я знаю, что она слаба и страдает. Надобно найти и устроить ей теплую, тихую комнату, чтоб она могла спокойно заниматься, продолжать мемуары и ложиться хоть в *8* или *9* часов вечера. Нельзя ли бы устроиться в окрестностях Парижа? Или это затруднительно и сложно зимой? Судя по тому, что мне говорят, мы не найдем квартеры, удобной для нас, платя меньше 8–10 000 frs в год. Это ужасно!

Посылаю тебе карточку свою и портрет твоей работы, за которую еще раз те-

[326*] нижнем этаже (*франц.*).

[327*] *Возможно чтение*: 29-го. – *Ред.*

бя благодарю и целую. Я тебе покажу новый genre работы, может быть, тебе понравится. M-me Шифф нам показала, как вышивать по кисее, – мило и нетрудно...

Продолжаешь ли ты перевод с немецкой книги? Я буду тебе помогать, если ты не кончила, а если кончила, приготовь что-нибудь другое. Без тебя я не могу, я все-таки плохо знаю языки. Хотелось бы мне продолжать заниматься италиянским языком – в Париже. Тебе не хочется ли? Можно бы вместе.

Где мои зимние вещи? Уложенные в *серый* чемодан – в Париже, нужно будет – и бархат пригодится, может быть...

До свидания, Natalie, обнимаю и крепко тебя целую...

Так как ты решилась сделать портрет, ты решишься сделать и другой. Фотография не удалась, я пойду с тобой и устрою получше..

Еще раз тебя целую.

Т а т а

Как тебе нравится Володя? Что, Лиза будет ходить в школу или учиться с учителями?[2]

[1]Не дошедшее до нас письмо Герцена, о котором он сообщал Огареву: "Я писал Тате, чтоб она ехала, если хочет, сюда и советовал ей удалиться от истории Пенизи" (XXX, 201; ср. "Список несохранившихся и ненайденных писем Герцена" – XXX, 463, № 47, где датируется: "До 29/17 сентября 1869 г.", из публикуемого письма явствует, что оно должно быть отнесено к 17 или 18 числу – ср. *ЛЖГ V*, 256).

[2]Ответ Натальи Алексеевны неизвестен.

4

Casa Fumi. Porta Romana. Firenze
12-го октября 1869

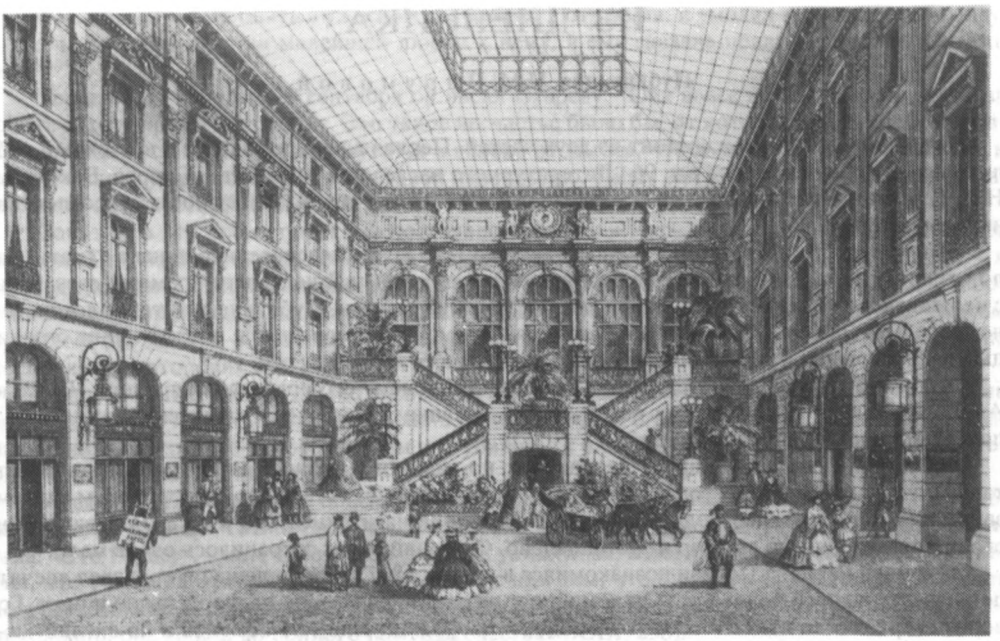
Ждем окончательного приказа!

Ты спрашиваешь, милая Natalie, как случилось, что вдруг все решились ехать к вам[1]. Дело в том, что это совсем не сделалось *вдруг*; может, вам так показалось издали, но, в сущности, мы не переставали об этом говорить и *до* отъезда в Antignano, и в самом Antignano. Я видела, что Ольга не только не прочь, но желает ехать к вам; что задерживает ее только действие северного климата на здоровие Мальвиды. Я стала Ольгу подкреплять, а Мальвиду уговаривать... Не знаю, как устроится наша жизнь, но, по-моему, необходимо сойтиться и стараться всеми силами устроиться так, чтоб всем было по возможности хорошо и чтоб все шло гармонично. Я это постоянно повторяла. Впрочем, Мальвида со мной согласна; натурально, что она желала, чтобы Папаша поселился окончательно где-нибудь. Чтобы удовлетворить *и Папашу и Мальвиду*, я сделала все усилья, чтоб вас уговорить спуститься немножко на юг. Видя, что ничего из этого не выйдет, что Папа не решится пожить в Италии, хоть на пробу, – что ему так хорошо на севере, я стала работать в другую сторону, т.е. уговаривать Мальвиду ехать к вам. Папашины письма Ольге я пересылала, прибавляя всегда, что, по-моему, наш долг ехать непременно к вам – что *я* поеду во всяком случае; тогда Ольга решилась и написала вам, – поэтому тебе показалось, что все сделалось вдруг, милая Natalie, – а в самом деле все это длится месяцы и годы.

Вчера вечером я объяснилась с П⟨енизи⟩ и все кончила. – Что́ он намерен делать, не знаю – потому что он ушел ужасно взволнованный и торопливо. Но будьте уверены, что *все кончено*, и пусть бедный Папаша совсем успокоится... Может быть, он просто решится остаться в дружеских отношениях, как разумный человек, как Гуго Шифф. *Я* сама сильно сомневалась, что он решится на "глупость". Конечно, я называю глупостью *то*, что он мне говорил о самоубийстве, – я знала (хотя он сам мне не говорил об этом), что у него был постоянно яд под рукой. Я хотя и не совсем верила, но все-таки же минутами казалось, что сицилиянская кровь на всё способна, и я страшно боялась[2].

Natalie, не лучше ⟨ли⟩ выбрать другое место для соединения, нежели Париж? что же делать; все показали *ваше* volonté[328*] – но доходы от этого не увеличиваются. Ясно, что жизнь в Париже невозможна с нашими средствами, – ну попробуем *юг* –

[328*] волеизъявление (*франц.*).



ПАРИЖ. GRAND HÔTEL DU LOUVRE (ВНУТРЕННИЙ ДВОР)
Литография неизвестного художника, 1860-е годы
Из альбома: Paris moderne. Grand Album representant les Vues et les Monuments les plus curieux de Paris ⟨...⟩. Paris, s.a.
В Grand hôtel du Louvre Герцен жил в августе 1869 г.

хочешь? Попробуем Италью, – а когда получим имение из России, тогда поселимся в Париже. Ах, если б не эта глупая исторья П⟨енизи⟩ – я стала бы опять просить вас и всеми силами уговаривать попробовать Флоренцию. Виллы просто прелесть и к тому же оканчивают теперь громадную новую прогулку вокруг всего города – ломают стены, чтоб увеличить столицу[3]. Понимаю, что Папашу не может вполне удовлетворить жизнь здесь, это ясно – но что же делать, если Париж оказывается невозможным с нашими требованиями и средствами? Флоренция и Неаполь, конечно, лучше Ниццы или Женевы – не правда ли? Но Турин и Милан ужасны.

Попробуем, пожалуйста, милая Natalie. Поговори серьезно с Папашей. Может быть, П⟨енизи⟩ уедет – может быть, будет так тихо и разумно себя держать, что мне не нужно будет уезжать. Но, а если Папаше очень хочется провести зиму в Париже, несмотря на то, что жизнь так дорога, – пусть он знает, что мы совсем готовы и ждем только его знака, – если для всех невозможно – то я одна поеду к вам и, пожалуйста, не думай, что меня пугает "фальшивое положение", я и не думала об этом. Обнимаю и целую вас всех крепко.

Ваша Т а т а

13-ого окт⟨ября⟩ 69

(28-ого *рождение Мальвиды.*)

Папаша спрашивал о Мещер⟨ском⟩. Я долго не имела известья, потому что пропустила срок – т.е. долго не отвечала ему. Он уехал из Alexanderbad'a – я не знала, куда писать, и была уверена, что он давно в России. Но Саша получил депешу от него из Hamburg'a, он спрашивает, где я, – мы отвечали, что покаместь здесь. Должно быть, я скоро получу письмо от него[4].

[1]Ответ на неизвестное письмо Нат. Ал.

[2]См. ниже предисловие Н.М. Пирумовой к дневниковым записям Таты от осени 1869 г.

[3]Флоренция была тогда столицей объединенной Италии.

[4]Письмо Герцена с запросом об А.А. Мещерском неизвестно. Не сохранилась и переписка, о которой упоминается в этом абзаце.

ИЗ ДНЕВНИКА

Публикация Н.М. Пирумовой

Дневник Н.А. Герцен состоит из двух частей. Первая воспроизводится в настоящей публикации. Вторая помещена в т. 96 "Литературного наследства", в работе «Огарев, Бакунин и Н.А. Герцен-дочь в "нечаевской истории" (1870 г.) ». И та и другая запись носят ретроспективный характер[1].

В течение трех дней (26, 30 июля и 1 августа 1869 г.) последовательно и, надо думать, мало отклоняясь от фактов, Н.А. Герцен изложила ход событий недавнего времени, связанных с неожиданным признанием в любви к ней итальянца Пенизи. Публикуемый текст логически не завершен. Запись обрывается на четырнадцатом листке оригинала; последующие страницы 15–20 вырваны – возможно, автором дневника или же Герценом.

Кто же был новым претендентом на ее руку и почему его притязания привели Наталью Александровну к психическому расстройству, ставшему наиболее трагическим событием в последние месяцы жизни Герцена?

27-летний сицилиец, граф (?) Пенизи был, по-видимому, разносторонне образован, богат, талантлив и слеп. В 1860-х годах он жил во Флоренции, писал статьи по естественным наукам, занимался историей, переводил Тургенева и Герцена на итальянский язык... Издавал ли он свои произведения, до сих пор не установлено. Сведений о нем сохранилось очень мало.

С семьей Герцена Пенизи познакомился в начале 1867 г. На Герцена он произвел впечатление незаурядного человека. "Он компонист, играет превосходно на фортепьяно и поет. Говорит сверх своего языка – совсем свободно – по-франц⟨узски⟩, по-немецки и по-английски – пишет (т.е. диктует) стихи и статьи, знает все на свете, естественные науки, историю и пр. Я еще такого чуда не видывал – его водит человек по улицам; очень красиво одет..." – так писал он Огареву 6 февраля 1869 г. (XXIX, 28–29).

Часто встречаясь с Пенизи, Тата не подозревала о его чувствах и скептически относилась к его любезностям. "Сицилиянец с кипучей кровью", который "конечно, преувеличивает – может быть, и несознательно ⟨?⟩", – так охарактеризовала дочь Герцена своего поклонника и его чувство к ней[2]. Да и не слепой музыкант, а князь А.А. Мещерский занимал ее в то время (и позже). Герцен же в мае 1869 г., так же как и его дочь, еще ничего не знавший о притязаниях Пенизи, был весьма обеспокоен возможным браком ее с Гуго Шифом.

Герцен писал дочери 11 мая 1869 г.: "Важнейшее в твоем письме, разумеется, то, что ты писала о Шиффе-jun⟨ior'e⟩. Конечно, шутить тут нечего и надобно с самого начала отрезать, как ножом. Я его считаю очень хорошим и очень дельным человеком – но неспособным на светлое счастье и, сверх того, чудаком; чудаки с сильными страстями могут подыматься до неимоверной тирании... (от которой сами страдают еще больше) – все это заставляет отстраниться, – я вполне верю в твой разум и очень рад, что ты получаешь и в этом больше доверенности ко мне. Меня всегда щемило твое абсолютное молчание о Мещерск⟨ом⟩ и о сущности твоего отношения. Сколько раз я ни давал тебе повода – ты ускользала" (XXX, 108).

Но Тата писала о Шиффе и молчала о Мещерском именно потому, что в первом случае ее не связывало собственное чувство. "Отрезать", как хотел отец, она не спешила из-за жалости к Шиффу – человеку милому, деликатному да к тому же другу ее брата Саши, у которого и жила она во Флоренции в то время. На вопрос о Мещерском ей все же пришлось ответить. "Теперь я знаю только одно – что мы с М⟨ещерским⟩ в очень хороших, дружеских отношениях. Было время, когда он год тому назад был во Флоренции, в которое он так сильно ко мне привязялся, что ему было очень трудно уезжать по временам ⟨...⟩ С моей стороны признаюсь, что он для меня одна из самых симпатичных личностей, которые я когда-либо знала, я его очень люблю и уважаю и имею большое доверье в его советы"[3].

А вот что писала по этому поводу Е.С. Некрасовой Н.А. Тучкова-Огарева. "Я думала, что они поженятся, потому что Н⟨аташа⟩ говорила ⟨...⟩ что Мещерский один ей нравился; я думаю, что она не вышла за него только благодаря нерешительному своему характеру – нужно было ее подталкивать, а я не сделана для этой роли да и не была убеждена в ожидаемом ею счастье"[4].

Предположение Огаревой представляется вполне основательным. Именно нерешительность Таты и недоверчивость ее к своему и чужому чувству стали причиной ее возможного отказа Мещерскому. Таков был фон, на котором возникли ее сложные отношения с Пенизи. В них опять же сыграли роль нерешительность ее характера и жалость к больному.

Уже после того, как последняя известная нам запись в дневнике была сделана, Тата в страхе, что отказ ее погубит Пенизи, продолжала видеться с ним. 24 сентября она писала от-

цу: «Раз, когда он был опять в ужасном состоянии, в отчаянии, и умолял меня сказать правду, сказать, не имею ли я ни малейшей любви к нему, я ему сказала правду, отвечая: "Un petit peu"[329*]».

Герцен был напуган. 29 сентября он писал Огареву: "Она вовсе не прочь идти замуж за слепого, хотя прямо не говорит. Это такое несчастье было бы, от которого и без диабета лопнут последние силы ⟨...⟩ У меня мутится в голове от мысли, что именно Тата – это светлое и гармоничное существо – убьет себя такой нелепостью. Пишу ей сегодня. И что тут делал Саша – как он допустил?" (XXX, 201).

Занятый в это время поисками постоянного жилья в Париже, Герцен стремился скорее вывезти Тату из Флоренции. Она же (6 октября) писала отцу о Пенизи: "Небойся за *меня*, – я все буду холоднее с ним, – письменно еще легче – конечно, но не хотела бы, чтобы ты из боязни за меня торопился, взял квартеру, слишком дорогую или неудовлетворительную, – потом пришлось бы жалеть. – Поэтому еще раз *прошу* тебя, не думай, что меня нужно *спасать*, – не решай ничего второпях из-за меня".

Это письмо Таты к отцу было последним перед ее болезнью. Успокаивая отца, надеясь на свои силы и в то же время живя постоянно в напряжении и страхе из-за настойчивых притязаний Пенизи, грозящего самоубийством или убийством близких ей людей, – она все больше теряла контроль над своим рассудком.

Месяц спустя Герцен так описал Огареву ход событий: «Когда Пенизи увидел, что надежды нет, он написал Тате и Саше самые дерзкие письмы, с угрозами. Тата тут же Саше сказала: "Это Гервег", – но, глубоко обиженная и униженная, совсем растерялась. Пенизи ее уверил, что у него на откупу убийцы, связанные с ним тем, что он знает их злодейства и может погубить (пожалуй, это и правда), – и от страха за Сашу и Гуго Шиффа, который себя вел великолепно, она дошла до полного помешательства» (XXX, 238).

Получив одну за другой три телеграммы от сына с известием о состоянии Таты, Герцен немедленно выехал во Флоренцию. Его заботливость самым благотворным образом повлияла на психику дочери.

Как только путешествие стало возможным для Таты, Герцен выехал с ней в Геную. 20 ноября он писал Огареву: "В разговорах Тата касается всего, – побаиваюсь, – у меня есть письмо к ней Мещер⟨ского⟩ – тоже боюсь отдать. Он же уехал в Россию. Может, он-то бы и спас ее. Бедная – зачем расточила силы свои, зачем запуталась... и зачем не бежала ко мне или я не был с ней?" (XXX, 259).

Все происшедшее было последним ударом для Герцена: "Меня эта история сильно потрясла. Это стоит кораблекрушения Луизы Иван⟨овны⟩ – всего 52 года – и тех минут, когда я держал Лелю под ножом оператора. Удара этого я вовсе не ждал – напротив, я готовился в Париже к работе. Не знаю, скоро ли слажу с собой – но теперь не могу ничем заниматься, старею мыслью" (XXX, 266). Это выдержка из письма к сыну от 29 ноября. Несколько раньше он писал Огареву: "Этот удар действительно не по силам..." (XXX, 240). Трагическое значение для Герцена истории с Пенизи, охарактеризованного Татой как "Гервег", как бы подтверждало мысль о сопряжении концов и начал, к которой не раз обращался Герцен в последние годы.

Текст дневника печатается по фотокопии *РГБ* с автографа *BN*. Впервые опубликовано на английском языке в кн. М. Конфино (см. ниже прим. 1).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]См.: "The Daughter of a Revolutionary, Natalie Herzen and the Bakunin – Nechayev Circle". Edited with an Introduction by Michael C o n f i n o. L., 1974, p. 416.

[2]Письмо Таты к Герцену от 3–8 июля (см. его выше в наст. разделе – п. 93).

[3]Там же, п. 88.

[4]*AO*, 308.

329* "чуточку" (*франц.*).

⟨Флоренция.⟩ 26 июля 1869

В каком я затруднительном положении! Что мне делать, с кем посоветоваться? Не успела я успокоиться насчет бедного Гуго, как приходится еще больше беспокоиться насчет бедного П⟨енизи⟩. У него не та крепкая, но смирная натура, как у Гуго; южная кровь в нем кипит. Бог знает, не в самом ли деле он сойдет с ума или, пожалуй, хуже что случиться!

А как припомню, ведь я решительно ни в чем не могу себя обвинить! Он всегда был чрезвычайно любезен со мной, но все его замечания я принимала за глупые комплименты. Как мне было верить, прошлого года, напр⟨имер⟩, что он в самом деле жалеет, что я уезжаю из Флоренции. Мне в голову не приходило, что он говорил серьезно, и думала я про себя: "Охота ему по-пустому столько слов тратить. Ну что же, соврет мне раз шесть, семь – не больше, видели его во время всего сезона, что́ ему за дело, тут ли мы или нет?"

Когда я вернулась в конце апреля в нынешнем году, меня немножко удивило, что он явился сейчас же на следующий день и говорил, как рад, что вернулась. Это, как и все любезности и лестные замечания, которые он мне делал, – я принимала с внутренней насмешливой улыбкой в убеждении, что это все итальянское фразерство, которое большая часть итальянцев считает необходимым для разговора с женщинами. Я его даже останавливала по временам, среди речи, говоря ему шутя: "Вот, вот является опять итальянец!"

Давно уже он просил меня позаняться им; в первый раз, больше двух лет тому назад, он, полушутя, попросил меня дать ему уроки английского языка (я, шутя, обещала); однако время от времени он ⟨то⟩ напоминал мне мое обещание, то спрашивал, не соглашусь ли я дать ему уроки в немецком или русском языке.

30 июля

Постоянно гости; кто мог это ожидать здесь в Antignano? А между тем мне трудно продолжать: едва нахожу время. А отказывать нельзя, когда кто-нибудь часа 3–4 и больше проездит, чтобы повидаться с нами. Положение хуже, чем в городе: гость остается непременно целый день.

Итак, несмотря на то, что П⟨енизи⟩ меня просил позаняться им и что мне даже хотелось исполнить его просьбу, потому что мне было как-то жаль его, тем не менее, я все отстраняла, выдумывала разные предлоги, потому что распространяли разные слухи. Все говорили: будьте осторожны во всех возможных отношениях – и так хорошо напугали Мальвиду, что она боялась его часто пускать в дом. В нынешнем году я была самостоятельнее, живши у Саши, – да и гости могли приходить, не боясь мешать Мальвиде спать. Раз вечером П⟨енизи⟩ меня опять попросил учить его, в этот раз писанию. Мне хотелось быть ему хоть в чем-нибудь полезной; я знала, что он часто меланхоличен, печален, – словом, я приняла, радуясь, что я могу сделать что-нибудь для него. Меня интересовали его работы, он мне приготавливал множество ⟨палочек и букв⟩ всякого рода, а в конце прибавлял несколько строк в виде письма, с разными любезностями, которые я опять-таки же принимала за фразерство, принимала их с улыбкой и повторяла ему, что это "Итальянец..." На него столько наклеветали, что я решительно не знала, верить ему или нет, но большей частью не верила.

Наконец, раз вечером, он мне передал большое письмо, прося меня прочесть в его присутствии. Я попросила позволить мне прочесть одной на досуге – он не согласился: я должна была читать при нем.

1 августа

Содержание легко отгадать, но все-таки я очень удивилась, потому что не предполагала, что он уже больше полутора года любит. В письме этом он мне рассказывал, как страдал, когда я стала так холодно обращатья с ним после истории с Катей ⟨Володимировой⟩, и как страдал, когда я подружилась с М⟨ещерским⟩, когда я уехала, когда заболела и, наконец, когда скоро после болезни услышал, что я выхожу замуж.

Чтение этого письма было ужасно мучительно – я не знала, что делать. С моим обыкновенным недоверием и особенно к нему, после всех сплетен, я просто не верила тому, что он мне говорил и писал, – по крайней мере, вполовину не верила. Отчасти мне было жаль его, но вдруг мне приходило в голову сомнение: не комедия ли все это? Жена ему нужна, я попалась под руку кстати, вот он и выдумывает разные разности, чтобы убедить меня, что он страстно влюблен. Или он думает о нашем состоянии? Эти вопросы, сомнение вообще, меня ужасно мучали; однако я видела, что ⟨он⟩ страдает, и не могла верить, что все – выдуманная роль. Середь письма я приостановилась и хотела что-то сказать. По моему спокойствию он ясно видел, что я могу только отрицательно отвечать; поэтому он мне не дал время сказать слово, а стал просить не отвечать.

– Ради бога, не отвечайте, я знаю ответ, пощадите меня, нет, нет, умоляю вас не отвечать!

В тоне его было столько страдания и отчаяния, что я опять подумала, что, может, все это правда. В конце письма он меня тоже просил не отвечать, если ответ отрицательный. Вследствие чего мое молчание было само по себе ответ. Кто-то вошел в это время, и мы продолжали урок: он успел меня умол⟨и⟩ть "être bonne"[330*], как ⟨бы⟩ говоря, не отталкивать его, позволить ему приходить, видеть меня по-прежнему; я обещала, что не переменюсь; сказала, что если он хочет присутствовать при чтении на следующий день, то может прийти к нам в Villino della Torre. Он не пришел; я его два дня не видела. Узнала, что он был у Саши и был в таком состоянии, что Саша ничего не мог понять, думал, что он сошел с ума. На третий день я была в Casa Fumi; Володя был болен, Levier приходил несколько раз в день[1]. Он подошел ко мне в этот раз, сказал, что ему нужно поговорить со мной наедине; я, конечно, удивилась, испугалась – думала, что, может, дело идет о Володе – но вместе с тем как-то неясно предчувствовала, что, может быть, он заговорит о Пенизи. И в самом деле, он серьезно и с очень озабоченным видом спросил меня, извиняясь за нескромный вопрос, не было ли что-нибудь между мной и Пенизи на днях?

– Отчего вы это спрашиваете?

– Пожалуйста, извините, вы знаете, что я никогда не вмешиваюсь в дела других, но, видя П⟨енизи⟩ в таком состоянии страшном, я считал долгом друга прийти и расспросить вас, надеясь понять, в чем дело и нельзя ли как-нибудь помочь ему.

– Неужели он в самом деле болен? Если б вы знали, как он меня удивил на днях. Он вам ничего сам не рассказывал?

– Нет, ничего сначала, но я догадался – нетрудно было догадаться, что он неравнодушен был к вам; иногда я его даже дразнил намеками, но он всегда протестовал, уверял, что все вздор, что мне кажется, и прекращал разговор.

– Третьего дня вечером он мне дал длинное письмо и заставил меня прочесть в его присутствии, помните, когда вы взошли во время нашего урока.

– Помню. Ночью, именно после этого письма, я долго работал; вижу, что у него все горит свечка; был уже третий час, я побежал к нему; он разбирал бумаги, сжег множество, другие клал в кучу, потом останавливался, сидел молча в таком мрачном отчаянии, что я стал серьезно беспокоиться. Вопросов моих он не слышал или не хотел отвечать, а повторял, как будто про себя: "Можно ли так ошибаться?"

– Но, боже мой, что же это значит? Левье, уверяю вас, что никогда ни словом, ни движением, ни намеком не обманула его, т.е. не анкуражировала[331*] его, – да вы сами подумайте – вы знаете, что после всего того, что я слышала о нем, после истории с Катей, я одно время имела почти отвращение к нему и была ужасно холодна к нему. Но как не жалеть его в его несчастном положении?

– Уверяю вас, что это все клеветы и что в Катиной истории он не виноват.

– Ну да я сама не была уверена, кто из них был виноват, и мало-помалу преодолела свое чувство, стала по-прежнему учтиво-любезна с ним. А уроки я согласилась да-

---

330* быть доброй (*франц.*).

331* поощряла (от *франц.* encourager).

вать ему, потому что в самом деле жалела его, – вам нéкогда было; потом я, серьезно, не подозревала, что он неравнодушен ко мне, мне было приятно быть ему полезной.

– Однако, кажется, он хоть немножко надеялся.

– Это невозможно, Левье! Я тут совсем не виновата: помилуйте, я ему отказываю во всем – он меня просил гулять с ним, то верхом ездить, то давать мне уроки – и то, скорее, для того, чтобы другие об этом не говорили, чем для него, потому что я ни секунды не подозревала, что у него серьезное чувство ко мне. Все его комплименты и фразы мне надоедали, я их принимала за итальянское пустословие и часто его останавливала, смеясь над ним. Боже мой, если б я минуту одну подозревала, что часть этого – истина, ведь я не стала бы его мучить. Ради бога, скажите мне откровенно, уверены вы, что все это истина, что тут следа нет комедии? Я так привыкла сомневаться и не доверять, особенно ему.

– Помилуйте, какие тут шутки? Я две ночи сидел у него, боясь отходить от постели, Бог знает, что б с ним было. Я от роду ничего подобного не видел, и, если мы его не успокоим, дело может кончиться плохо. Скажите мне, для него нет никаких надежд? Я не знал, чем его успокоить ночью, стал уверять его, что он, верно, ошибся, обещал вас лично спросить.

– Что я могу вам отвечать, вы теперь знаете: не могу же я ему обещать что бы то ни было, зная, что я ничего не чувствую и никаких вероятностей не вижу.

Л ⟨ е в ь е⟩. Что я с ним начну? По крайней мере, будьте добры с ним, как вы были до сих пор, он вас умоляет не отталкивать его.

Я. Да я и не думала отталкивать его и тем больше буду снисходительна и осторожна теперь, что знаю и начинаю верить, что это серьезное чувство. Пусть он приходит по-прежнему.

Ясно, что этот разговор меня ужасно взволновал: мне было так больно думать, что он до такой степени страдал, он, который без того так мрачен и несчастен; я была так сердита на себя за легкий тон, с которым я принимала, и вполовину только слушала, чтó он мне говорил по временам; я себе представляла его страдания и едва могла удержаться от слез. Это мучительное состояние продолжалось еще несколько дней, пока Левье мне не сказал, что ему надобно дать решительно крошечный луч надежды, чтобы его оправить.

Л ⟨ е в ь е⟩. А то я не знаю, что из него выйдет: все дела он свои бросил, вчера пропустил важнейшее заседание в министерстве; вы понимаете, что это не может продолжаться.

Я. Что же я ему скажу, что я могу ему обещать, не обманывая его?

Л ⟨ е в ь е⟩. Он болен, за ним надобно смотреть, как за больным ребенком. Малейший знак симпатии с вашей стороны его оживит, а это необходимо! Его убивает отсутствие всякой надежды, сознание, что чтó бы он ни сделал, чтó бы ни сказал, ничего не переменится.

Я. Да чем же я могу помочь?

Л ⟨ е в ь е⟩. Скажите, например, что хотя вы теперь ничего не чувствуете, что, может быть, когда поближе познакомитесь, через год, два, три, даже четыре – для него время решительно ничего не значит – может быть, тогда переменится многое, или, пожалуй, скажите ему, что через год будете с ним опять говорить об этом.

Я. Вот последнее я бы скорее могла сказать. Но скажите мне откровенно, вы не думаете, что это пройдет само по себе?

Л ⟨ е в ь е⟩. De tout autre j'aurais dit *oui*, mais de lui comme je le connais – *non*[332*], – отвечал мне Левье после молчания. Потом прибавил: – Но отчего вы имели и имеете такое дурное мнение о нем? Уверяю, что это клеветы, мне больно видеть, что вы им верите; я хочу, чтобы вы непременно узнали его как он в самом деле, а не как его представляют. Это слишком несправедливо...

[1]*Володя* – новорожденный сын А.А. Герцена. В 1869 г. он тяжело болел. Его вылечил, или, вернее, спас, Левье.

332* О всяком другом я сказал бы *да*, но о нем, насколько я его знаю, – *нет* (*франц.*).

ПИСЬМА ТАТЫ ГЕРЦЕН М.К. РЕЙХЕЛЬ

Статья И.Г. Птушкиной,
публикации С.Д. Лищинер и И.Г. Птушкиной

Письма старшей дочери Герцена Натальи Александровны ближайшему другу семьи писателя Марии Каспаровне Рейхель охватывают большой период. Первые письма (чаще всего в составе писем отца) относятся к 1853 г., последнее известное письмо написано в 1911 г. (Мария Каспаровна умерла в 1916 г.), то есть их переписка продолжалась почти шестьдесят , а может быть и более, лет.

Письма дочери Герцена, самого близкого к нему человека из всей семьи, к Рейхель содержат исключительный по важности материал, раскрывающий не только внутренний мир Натальи Александровны, но и освещающий события жизни Герцена, его взгляды, его характер, его взаимоотношения с детьми.

Более шестидесяти писем Натальи Александровны, являющиеся приписками к письмам Герцена, вошли в тридцатитомное собрание сочинений писателя. Они относятся в основном к пятидесятым годам, и только несколько из них к шестидесятым годам XIX в.

Письма, публикуемые в настоящем томе (а их сохранилось в "парижской коллекции" около 120), писались главным образом, когда Наталья Александровна жила уже вдали от отца, а потом и после его смерти. В настоящей публикации полностью печатаются письма за десять лет, всего 21 письмо за 1859 – январь 1870 г. Последнее, заключающее публикацию (от 23 января 1870 г.), – письмо с сообщением о кончине Герцена.

Судя по сохранившимся в парижской коллекции письмам Натальи Александровны к Рейхель, наиболее интенсивная переписка шла между ними в первые годы после смерти Герцена (в коллекции *BN* 10 писем 1870 г., 12 писем 1871 г., 12 писем 1872 г., 6 – 1873 г.). Затем их переписка становится, по-видимому, менее регулярной (в коллекции сохранилось за каждый последующий год от одного до пяти писем; только за 1904 г. – 9 писем; писем за 1891–1897 гг. нет ни одного).

Однако очевидно, что письма Н.А. Герцен дошли до нас далеко не полностью: в "парижской коллекции" отсутствуют, например, письма с сообщениями о смерти Огарева и гибели Лизы Герцен, об отъездах в Россию Н.А. Тучковой-Огаревой и сына А.А. Герцена Петра Александровича. Правда, некоторые вести доходили до Рейхель таким образом: Наталья Александровна посылала ей свои письма к другим лицам, просила Марию Каспаровну их прочитать, а потом отослать по назначению. Несмотря на то, что до наш дошли не все письма Н.А. Герцен к Рейхель, их сохранившийся комплекс дополняет представление о разных сторонах жизни Герцена, вносит важные детали, отражает влияние герценовской мысли, герценовского дела на старшую его дочь и создают ее неповторимый и привлекательный облик.

Пожалуй, не было у Таты после смерти матери женщины-друга более близкого, чем Мария Каспаровна. Именно ей поручил Герцен своих малолетних дочерей после кончины жены. С тех пор Тата ощущала особенную привязанность к Марии Каспаровне. "Я очень мало встречала женщин, – писала она 13 июля 1868 г. Рейхель, – с которыми я бы столько симпатизировала, как с тобой, с которыми я чувствую, что могла бы говорить откровенно и с доверием – кажется, ты даже единственная!" А в одном из более ранних писем она так объясняла Марии Каспаровне внешнюю сдержанность своих писем к ней: "Часто, особенно, когда меня что-нибудь огорчало, мне так хотелось тебе писать и все рассказать, но в этом останавливало меня то, что я не могла послать тебе письмо, не показавши Папаше, а часто мне не хотелось, чтобы он его читал, потому что речь шла бы о самом Папаше и об других людях. Теперь я могу тебе писать, и если ты хочешь, если тебе это не надоест, я с охотой буду писать о себе, об нас всех и об нашем житье" (письмо от 10 декабря 1861 г.).

Если вспомнить слова матери о том, что Тата – "натура несообщительная", если учесть, как далека была она от двух других женщин – Н.А. Тучковой-Огаревой и М. Мейзенбуг, которые долгое время были рядом с Татой (о них она писала, что они – "единственные женщины в нашем интимном кружке – ни с одной, ни с другой я не могу быть близкой, я, которая так готова, так желала и желаю привязаться и любить"), то письма Таты к Рейхель приобретают особую значимость. Именно в них дочь Герцена стремилась быть открытой, откровенной, хотя удавалось ей это далеко не всегда.

Переписка Таты с М.К. Рейхель при жизни Герцена была не очень регулярной. Ей часто приходилось извиняться перед Марией Каспаровной за свое долгое молчание. Так, например, после письма от 18 сентября – 7 октября 1862 г. проходит целый год, и в следующем письме от 29 октября 1863 г. она оправдывается перед Марией Каспаровной: "Уж столько времени

прошло, как я тебе не писала ⟨...⟩ что никак не решалась начать письмо, и теперь краснею, бравши перо ⟨...⟩ Если бы хоть побранила меня за лень – но нет, в последнем письме даже не намекаешь, а потом перестаешь совсем писать, этим я очень наказана, но заслужила". Наталья Александровна неоднократно отмечала, что она "не охотница до писания писем", но тем не менее письма к Марии Каспаровне шли, хотя и не очень частые. Потребность отвести душу, спросить о новостях в семье Рейхель, событиями жизни которой Наталья Александровна не могла не интересоваться заставляли ее браться за перо, наполнять его очередными извинениями и уверять своего старшего друга в неослабеваемом внимании к ней и ее детям.

Касаться реального содержания писем, которые полностью печатаются в настоящей публикации, вряд ли имеет смысл. Все они в той своей части, в которой освещают события жизни самого Герцена, использованы в соответствующих томах "Летописи жизни и творчества А.И. Герцена", книгах III–V. В настоящей статье-обзоре целесообразнее раскрыть посмертную судьбу писателя, как она отразилась и развивалась в событиях жизни его старшей, самой любимой дочери.

Год, предшествующий смерти Герцена, был для Таты ужасным годом. Пережив психический стресс, а потом и душевную болезнь из-за истории с Пенизи, она с трудом возвращалась к нормальной жизни. Для Герцена же болезнь дочери стала чудовищным, а, может быть, и смертельным ударом. Приехав к больной дочери во Флоренцию, Герцен в письме к Огареву от 6 ноября 1869 г. писал: "Эти дни принадлежат к самым скучным и тяжелым, к самым убивающим все силы – так, как смерть Коли и Луизы Ив⟨ановны Гааг⟩, 2 мая 1852 и 4 дек⟨абря⟩ в Париже"[1]. Особенно угнетало Герцена то, что история с Пенизи раскрыла такие стороны натуры Таты, которых он в ней не подозревал. Герцен так писал об этом Огареву: "Все дело я изучил теперь, как адвокат, от доски до доски, – по письмам, мемуарам, по длинному описанию Мейз⟨енбуг⟩ и пр. ⟨...⟩ Без сомнения, на первом плане виновата без всяких оправданий Тата – она хитрила со всеми ⟨...⟩ и наказана через край"[2]. 10 ноября 1869 г. Герцен подробно описал Рейхель историю, вызвавшую болезнь Таты. Она поправлялась сравнительно быстро и выздоравливавшую и приходящую в себя от потрясения дочь Герцен увез из Флоренции. По дороге в Париж они проехали итальянскими городами Специя, Генуя, провели неделю в Ницце и через Марсель и Лион приехали 18 декабря 1869 г. в Париж. Всю дорогу Герцена не покидали раздумья по поводу только что пережитой истории с Татой, которая как бы свидетельствовала о крахе его системы воспитания детей. 2 декабря 1869 г. в письме к сыну Александру он делает такой вывод: "Будущее ужасает меня – при всех усилиях я сомневаюсь, чтоб я мог провести струю нового воздуха – в старое воспитание, христо-буржуазное, прикрытое новой фразеологией"[3]. А в следующем письме к сыну, 4 декабря 1869 г., Герцен делает страшное признание: "Я ничего не жду, ни в кого не верю. Я даже не особенно желаю долгого продолжения жизни"[4]. Анализируя поступки Таты, связанные с ее драмой, Герцен делал беспощадные и, очевидно, не совсем справедливые выводы. "Последнее событие отняло у меня последние веры в лица. – Мог ли я ждать от Таты того рода двуличий и лжи, в которые она запуталась до чего – ты знаешь"[5], – писал Герцен Огареву 10 ноября 1869 г. Герцен был слишком суров, оценивая так поведение Таты в истории с Пенизи, но один безусловный вывод можно было сделать из происшедшего: : дочь Герцена сформировалась в человека достаточно скрытного, самостоятельного, готового самой платить за допущенные ошибки. Скрытность Таты проявилась в том, что в письмах к Рейхель она ни словом не обмолвилась о своем увлечении Пенизи.

Приехавшую в Париж с отцом, Н.А. Тучковой-Огаревой и Лизой Наталью Александровну ожидал новый удар. Через день после смерти отца Тата написала Рейхель: "Папаши больше нет ⟨...⟩ Я потеряла то, что мне было всего дороже на свете. – Он сам не знал, до какой степени я его любила, как меня мучило то, что его огорчало, как я насильно была весела, чтобы он думал, что я счастлива".

Со смертью отца начиналась для дочери Герцена совершенна другая жизнь. Переезжая из Парижа в Женеву для встречи с Огаревым, который по состоянию здоровья не смог приехать в Париж не только для того, чтобы проститься с умирающим другом, но и проводить его прах, Наталья Александровна не могла даже предвидеть, что в Женеве ее ждут новые испытания. Из первых же писем к Рейхель, посланных ей после смерти Герцена, становится ясно, что теперь главной заботой Натальи Александровны станет собирание и сохранение архива отца и мемориальных вещей, с ним связанных[6].

Сохранившееся письмо к Рейхель из Женевы с датой 10 февраля 1870 г. (слова в этом письме: "Сейчас спешу на станцию" говорят о том, что она именно в этот день выехала в Париж[7]) очень коротко, не содержит почти никакой информации. Н.А. Герцен благодарит Рейхель за какие-то пересланные письма, просит ее какую-то "картиночку хорошенько завернуть и послать (с ложечкой и салфеточкой) в Женеву" и обещает написать "об остальном" из Па-

ДОЧЕРИ ГЕРЦЕНА – ТАТА И ОЛЬГА

Дагерротип на слоновой кости. (Лондон, февраль 1854 г.)

На раме дарственная надпись Герцена Е.Б. Грановской: "Лизавете Богдановне. 17 августа и прощайте. – До свиданья"

Музей Герцена, Москва

рижа. Однако письма из Парижа в сохранившейся коллекции нет (вероятнее всего, Тата не выполнила своего обещания), а следующее письмо, от 1 марта 1870 г., снова послано из Женевы, куда Наталья Александровна успела вернуться вместе с Н.А. Тучковой-Огаревой и Лизой. В этом письме сообщалось: "Ты, верно, удивишься, милая моя Маша, когда узнаешь, что я опять в Женеве; на этот раз я приехала с Лизой и ее матерью. Хотим мы пожить около Огарева, который стареет быстро, пожить здесь несколько месяцев – может быть, совсем поселиться"[8]. Далее Тата рассказывает о том, что А.А. Герцен и С. Тхоржевский поехали в Ниццу "провожать гроб" с телом Герцена (захоронение состоялось там 20 февраля 1870 г.)[9]. Из этого же письма известно, что Наталья Александровна попросила Рейхель переписывать сохранившиеся у нее письма Герцена к ней (прежде всего эта просьба касалась писем Герцена, относящихся "до истории Герв⟨ега⟩" ("мы, дети, должны все знать, он этого желал"). Позднее, когда Н.А. Герцен поставила перед собой задачу собрать в семейном архиве письма Герцена ко всем адресатам, она забрала все письма отца к Рейхель к себе, сначала думая, что только для копирования, а затем и вовсе не возвратила их Рейхель[10].

Вероятнее всего, после мартовского письма в переписке Натальи Александровны и Рей-

хель наступает трехмесячный перерыв. Следующее сохранившееся в коллекции письмо датировано 6 июня 1870 г. Сознательно не сообщая в нем подробностей о своем участии в "нечаевской" истории, Тата передает в письме то чувство смятения, в котором она находилась к тому времени.

После опубликования фундаментальной работы С.В. Житомирской и Н.М. Пирумовой «Огарев, Бакунин и Н.А. Герцена-дочь в "нечаевской" истории»[11] здесь нет необходимости снова возвращаться к освещению этой темы. Однако сохранившиеся письма Н.А. Герцен 1870 г. позволяют дополнить эту публикацию некоторыми деталями, а главное, представив выдержки из писем к Рейхель, передать то тревожное настроение, в котором пребывала Тата из-за того, что позволила вовлечь себя в "нечаевскую" авантюру. В упомянутом письме от 6 июня 1870 г. она писала (письмо цитируется с некоторыми сокращениями): «(...) Я все это время была в таком беспокойном расположении духа, что почти никому толком не писала. Бакунин знает, в чем дело, и мог кое-что тебе рассказать, если ты его обо мне расспрашивала. Я теперь по временам удивляюсь, что опять не заболела! – Бросили мне пыль в глаза, рассказали разные небылицы; частью я поверила, потому что представить себе не могла, что талант *лжи* можно довести до такого совершенства, – ну и увлеклась я, правда, на очень короткое время, – не личностью, а *делом* одним – но скоро увидела, что чуть-чуть не попала в болото (...) Теперь мне очень бы хотелось от *тебя* слышать, как смотрят в Берне на дело Нечаева и особенно на дело Серебренникова (соотечественник твой, он сибиряк, крестьянин бывший из Иркутска), т.е. мнение ваше и разных Вогтов (!). Бакунин писал, что они советуют как можно больше об этом шуметь, распространять брошюры, статьи и главное хлопотать о процессе, – и что сами они взялись за дело с большим жаром, – верно ли это? – Пожалуйста, не удивляйся, милая моя, что я переспрашиваю тебя, но, entre nous soit dit[333*], я по опыту знаю, что Б(акунин) иногда не прочь представлять факты то в том, то в другом свете, смотря по тому, как выгоднее.

Не раз я уж собиралась к тебе, Маша, с тех пор как мы здесь, в Женеве, не с простым визитом, я, чтоб убежать из Женевы, чтобы разом освободиться от глупых историй, в которых я запуталась или, лучше сказать, меня запутали (как и много других, эксплуатируя их честность и слишком доброе сердце). – Голова у меня кружилась по временам, и я думала: "Поеду поскорей к доброй моей Маше, отдохну немножко там". Natalie мне помогала и тоже уговаривала ехать, но вдруг все обстоятельства переменились, и я освободилась не уезжая; – осталась у меня только сильная ненависть против людей, которые проповедуют иезуитскую фразу: "*Цель оправдывает все средства*" – и на *практике* доказывают или *показывают*, что они в этом убеждены».

В процитированном письме скорее передавалось внутреннее состояние Н.А. Герцен, ее душевные переживания; понять же, в чем конкретно состояло ее участие в "нечаевском" деле, Рейхель из этого письма, конечно, не могла. Видимо, в ответ на ее вопрос, чем вызвана такая тревога, осторожная Наталья Александровна в следующем письме (от 16 июня 1870 г.) замечает: "Не могу я ничего объяснить тебе письменно..." А в другом письме, начало которого не сохранилось, а поэтому не имеет даты, Наталья Александровна писала, осмысляя свой опыт, почерпнутый к этому времени из" нечаевской" истории: "Будь *очень* осторожна со всеми новыми русскими. Помни, между ними вырабатывается новый тип нечаевцев, или *иезуитских революционеров*, которые готовы на все возможные гадости для достижения их цели – т.е. революции в России. Для этого они позволяют себе самым наглым образом *лгать*, читать чужие письма, красть бумаги, ключи и т.д. В России они заставляют людей отдавать им страшные суммы денег, *пугая их*, что донесут на них в Третье отделение. – Это *факты* Маша, просто возмутительно"[12].

Известно, что Н.А. Герцен тщательно сохраняла в своем архиве документы, относящиеся к "нечаевской" истории, но в следующих письмах 1870–1871 гг. "нечаевская" история отходит на второй план[13]. Другие события захватывают Наталью Александровну, и это прежде всего события начавшейся Франко-прусской войны.

Война всегда была для дочери Герцена ненавистна. Человек исключительно гуманный и чуждый всякому насилию, она, предвидя саму даже возможность возникновения войны, писала 26 мая 1866 г. Рейхель (тогда ожидалась война Пруссии и Италии с Австрией): "Значит, скоро Европа будет опять вся в крови. Ужасная эта война! Здесь многие желают и с нетерпением ее ждут. А чем больше я слышу и думаю о войне, тем гаже, отвратительнее и страшнее она мне кажется. Человек становится хуже дикого зверя, миллионы людей убивают друг друга, большею частью сами не зная, с какой целью, и не думая о последствиях, о страданиях близких после каждой смерти, каждой раны..."

333* между нами говоря (*франц.*).

Теперь, когда другая война разразилась, Н.А. Герцен внимательно следит за ходом "безумной войны" между Францией и Пруссией (причем симпатии ее явно на стороне французов), а затем и за событиями Парижской коммуны.

Но прежде чем привести содержащиеся в письмах к Рейхель отклики Н.А. Герцен на эти события, обратим внимание на одно место из письма от 2 октября 1870 г., касающиеся М.А. Бакунина. Давно знавшая его, близко общавшаяся с ним в Женеве во время "нечаевской истории", она получила перед его отъездом из Женевы слова благодарности "за беспристрастное участие", которое принимала "во всех этих неприятных делах" (письмо от 16 июля 1870 г.)[14]. Уже из Локарно Бакунин 2 августа обратился к Н.А. Герцен с просьбой сообщать известия о военных действиях идущей Франко-прусской войны, поскольку в Женеву "известия о военных действиях доходят посредством телеграфа тотчас же", а в Локарно "через дня два": "Всякий раз, когда случится что крупное, французы ли вошли в Германию и поколотили немцев, немцы ли во Францию и поколотили французов ⟨...⟩ какая-либо новая держава: Россия, Австрия, Дания, Италия, Англия приступила к войне ⟨...⟩ телеграфируйте мне ⟨...⟩ да как можно точнее и подробнее"[15]. Сам же Бакунин уже в сентябре оказался во Франции, в Лионе, куда поспешил, чтобы принять там участие в революционных событиях. Об этом эпизоде из бурной революционной деятельности Бакунина и его новом поражении рассказала Н.А. Герцен в упомянутом выше письме: «Уезжая, Бакунин мне оставил оригинал своего завещания, дорогая моя Маша, и просил тебе переслать, – что с ним делать, ты сама знаешь. Ты верно уже слышала, что и как он бунтовал народ в Лионе; удалось им (т.е. ему и полдюжине ультрарадикалов) быть хозяином Hôtel de Ville[334*] в продолжении семи часов! – Но рано обрадовались – народ стал не доверять, говорить, что Бог их знает, пожалуй "*прусские шпионы*"! Это не шутка при теперешних обстоятельствах – пришлось им всем поскорей бежать. Говорят, что Бакунин теперь в Марселе, хочет делать *репетицию*[335*] – но выйдет ли прок из всего этого, вопрос. Каждый день приходится удивляться невежеству и равнодушию французов».

Первый отклик о событиях Франко-прусской войны содержится в письме от 8 октября 1870 г. В нем Наталья Александровна писала: "⟨...⟩ У Фогта сильная мигрень – что не помешало ему очень энергически высказать свое мнение о Б⟨акунине⟩ и о сумасшедших rouges[336*] Франции. Да и в самом деле, они, пожалуй, больше вредят теперь, перепугали буржуазию, которая без них, может быть, осталась бы и защищала бы родину. – Да, ужасное положение – и исхода предвидеть нельзя, – разорение обеих стран, нет, Пруссия не разорится, но лучшую часть народонаселения потеряет – это еще хуже ⟨...⟩ Бедные Шарлоки! Карл Фогт предсказывает ужасную реакцию и милитаризм в Германской империи ⟨...⟩".

Итак, подошла первая годовщина со дня смерти Герцена. Конечно, Мария Каспаровна не могла забыть трагическую дату. Получив от нее письмо, Наталья Александровна ей отвечала 24 января 1871 г.: "Мерси, милая, дорогая, добрая моя Маша, за то, что вспомнила обо мне 21-го числа и написала мне. – И я в это время много думала о тебе, больше, чем ты предполагаешь, может быть, потому что с 14-ого числа (ровно год после того, как Папаша занемог) я опять принялась за переписывание Папашиных писем к тебе. Как он тебя любил и уважал, милая Маша! Эти письма – клад, потому что вряд он кому бы то ни было писал в таком количестве и так откровенно, особенно в самые тяжелые минуты своей жизни.

Огареву он писал часто, когда они расставались, но эти разлуки не длились; письма его к Огареву скорее деловые записки, исключая какую-нибудь дюжину. Все, что было на душе, оставлялось до свиданий и разбиралось viva voce[337*]".

"Сколько он страдал! – заключает Наталья Александровна. – И как обманчива была его живость, его внешняя веселость; ведь те, которые его мало знали, считали его самым веселым и беззаботным человеком в мире, в частной жизни".

Но Н.А. Герцен не оставляют волнения, тревоги, думы в связи с продолжающейся Франко-прусской войной. В этом же письме от 24 января 1871 г. она сообщает Рейхель о получении письма от ее старшего сына, своего крестника, Александра, и радуется его отношению к одержанным прусской армией победам: "Письмо его меня очень обрадовало, и я, признаться, боялась, что он сделается *слепым* немецким патриотом, но вижу, что ошиблась и что он может критически относиться к соотечественникам". И далее она заключает: "⟨...⟩ И право, как можно хладнокровно читать подробности о беспощадной жестокости и безумного грабежа, *pillage*[338*] этих немцев, которые гордятся тем, что они самый образованный народ. Видно,

---

334* ратуши (*франц.*).
335* повторение (*франц. répétition*).
336* красных (*франц.*).
337* "живым голосом", т.е. в устном разговоре (*лат.*).
338* разбое (*франц.*).

развитие мозга мало действует на сердце". Доброта, отзывчивость и сердечность Таты проявляется особенно ярко, когда, узнав о "большой бедности" человека не столь ей близкого, она замечает в том же письме: "⟨...⟩ пока пруссаки не совсем уничтожили наш дом в Париже, надобно пользоваться, давать всем, которые пострадали от этой безумной войны"[16].

В Женеве Наталья Александровна стала свидетельницей тех бедствий, которые принесла война простым людям. В письме от 17 марта 1871 г. она сообщала Рейхель, зная, что найдет отклик в ее сердце: "У нас опять биза, вьюга ⟨...⟩ точно в декабре! Несмотря на это бесконечные поезда, битком набитые франц⟨узскими⟩ internés[339*], проезжают под окнами нашими, толпы людей всевозможных возрастов и классов выбегают, кричат, шумят, махают платками – и даже подают хлеб, сыр и т.д.".

В письмах Н.А. Герцен нашло отражение и ее отношение к революционным событиям в Париже, к судьбе участников Парижской коммуны. А когда ей стало известно, что среди восставших были давние знакомые ее отца, в частности, братья Ж.-Ж.-Э. и М.-Э. Реклю (первый из них присутствовал на похоронах Герцена в Париже), симпатии ее явно оказались на стороне восставших. 17 апреля 1871 г. Н.А. Герцен писала Рейхель: "В здешних газетах я нашла, что в числе инсургентов, взятых в плен версальцами, находятся братья Reclus, наши хорошие знакомые, – чрезвычайно благородные, честные и развитые люди. Elisée Reclus довольно знаменит своими учеными работами. – Факт, что они участвовали в восстании, мне опять вселяет доверие в парижское движение и опять приходит в голову – не преувеличивают ли версальцы нарочно *ужасы*, которые рассказываются о парижском терроре? Братья Reclus совсем не *ultra rouges*[340*], они знают Бакунина, но не сочувствуют с его *мерами*. Неужели и их расстреляют! В самом деле, человек – самый жестокий и злой зверь".

Спустя несколько месяцев, когда Парижская коммуна была разгромлена и расправы над ее участниками продолжались, Н.А. Герцен еще определеннее сформулировала отношение к происходящим событиям. В июльском письме (от 9–21) 1871 г. она написала Рейхель: «⟨...⟩ Все шло по-старому, своим порядком, в частной жизни, а за этим – такие ужасы, что волосы дыбом стоят, т.е. в общественной жизни. – По-моему, Коммуна поступила нелепо, уничтожая Тюльери, – насчет остальных ужасов, о которых столько кричат и говорят, не надобно спешить судить, Бог знает, что выдумывают насчет этой несчастной Коммуны. – Я знаю лично несколько из ее членов и знаю, что они не допустили бы никаких excès[341*]. Все, что говорится о *petroleuses* и *petroleurs*[342*] – тоже выдумки; они уничтожали дома, которые им мешали защищаться. Но всем *антисоциалистам* и буржуа выгодно чернить это движение да доказывать, что члены Коммуны больше ничего – как шайка разбойников и échappés des bagnes[343*] – кажется и Саша твой склонен на них так же смотреть. – А то, что заставляет волосы дыбом стать – это теперешнее поведение версальцев. – Тут мы наверное знаем, что безжалостно расстреливают мужчин, женщин и даже *детей* – я знаю это по рассказам *очевидцев*. – Потом официальный их[344*] журнал объявляет: "Застрелены такой-то или такая-то" – а я *наверное* знаю, что они живы и здоровы и что им удалось бежать. – Что же это доказывает? – Что на их место расстреляли *невинных*».

Кстати, в этом же письме Н.А. Герцен высказывала мысль о том, что именно революционные события во Франции сыграли решающую роль в полученном отказе русского правительства в возвращении в Россию (о получении официального отказа, без всякого объяснения причин, сообщалось Рейхель ранее, в письме от 17 мая 1871 г.)[17]. Теперь же, 9 июля 1871 г., Н.А. Герцен писала: "Сначала мы все еще надеялись, что впустят в Россию, несмотря на отказ – но после истории Коммуны в Париже и думать нечего. – В России тоже пойдет реакция..."

Пристальное внимание и активный интерес к общественно-политической жизни в Западной Европе, – к тому, что Герцен называл "общим", характерны для Натальи Александровны в первый период после смерти отца. Одновременно никогда не ослабевал ее интерес и к событиям в России. Судя по письмам к Рейхель, она внимательно читала доходившие до нее русские газеты и журналы (в ее письмах упоминаются "Неделя", "Дело", "Русская старина", "Вестник Европы"). Определялся же ее интерес прежде всего тем, что так или иначе было непосредственно связано с именем Герцена, посмертной судьбой творчества.

Когда в февральской книжке журнала "Русская старина" за 1886 г. была напечатана пер-

---

339* интернированными (*франц.*).

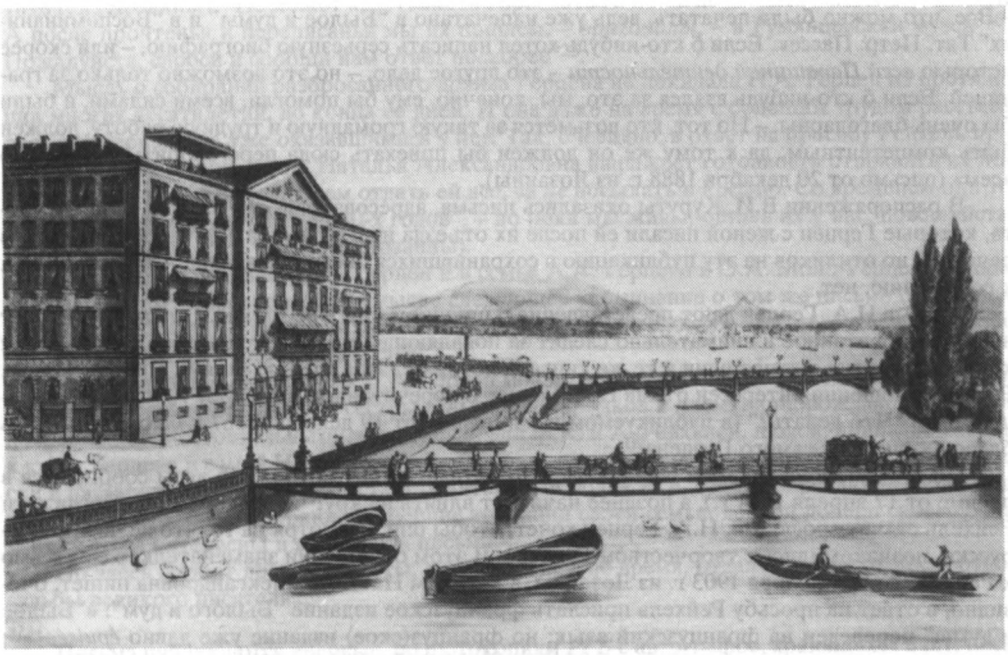
340* ультракрасные (*франц.*).

341* эксцессов (*франц.*).

342* *поджигательницах* и *поджигателях* (*франц.*).

343* беглых каторжников (*франц.*).

344* Т.е. версальцев.



ЖЕНЕВА. ОТЕЛЬ "DES BERGUES"
Картина неизвестного художника (масло), 1860-е годы
Коллекция отеля "Des Bergues", Женева
В отеле "Des Bergues" Герцен жил с семьей в 1849 г. В 1867 г. он жил вблизи этого отеля (набережная Монблан, 7) вместе с дочерью Татой

вая глава третьего тома воспоминаний Т.П. Пассек "Из дальних лет", Н.А. Герцен, сожалея, что не может послать Рейхель журнала ("Если можешь, достань этот № и следующие; m-me Шумахер могла бы тебе прислать"), в письме от 14 марта 1886 г. из Парижа поделилась с Рейхель своими впечатлениями от появившейся публикации: "Сама Тат⟨ьяна⟩ Петр⟨овна⟩ почти ничего не рассказывает, а печатает письма Огарева и между прочим письмо одно *твое*. Что – это *без* твоего позволения?"[18]. Узнав о том, что Пассек намеревается опубликовать якобы имеющуюся у нее копию пятой части "Былого и дум" с рассказом о семейной драме Герцена, Н.А. Герцен в возмущением замечала: «Как Тат⟨ьяна⟩ Петр⟨овна⟩ *смеет* печатать это без нашего позволенья? Не сказав даже ничего об этом *нам – детям*? – Это было бы просто подлость, – и все еще не верится. Может быть, это только слухи. И она хвастается, чтоб побольше покупали ее "Воспоминания"». Наталья Александровна спрашивала Рейхель, не передала ли она Пассек – при последней их встрече в Берне – копию этой рукописи Герцена и просила: "Черкни словечко поскорее об этом, пожалуйста ⟨...⟩ это *очень важно* для нас". Очевидно, получив ответ от Рейхель, что рукописи у Пассек нет, Н.А. Герцен в следующем письме к ней, от 27 марта 1886 г., писала: «Я тоже успокоилась немножно по прочтении "Старины"». Она просила Рейхель написать Пассек, что та "неделикатно поступает, не прося *позволенья* печатать письма, тем более, что она все путает в объяснениях": "Напомни ей, что никакой рукописи ты ей не читала, а печатать чтоб то ни было из Папашиных бумаг без нашего позволения было бы подло".

О серьезном внимании Н.А. Герцен к любой возможной публикации, посвященной Герцену, свидетельствует, в частности то, как откликнулась она на полученное от Рейхель известие о намерении Владимира Ивановича Куруты, сына И.Э. Куруты (владимирского гражданского губернатора, близкого знакомого Герцена во время его ссылки во Владимир) осуществить публикацию находящихся в его распоряжении "36 писем Папаши и Мамаши" и написать биографию писателя. Наталья Александровна была знакома только с сестрой В.И. Куруты – О.И. Лион и не могла понять из неизвестного письма Рейхель, в каких отношениях находился В.И. Курута с Герценом и как в его распоряжении оказались письма родителей. Она расспрашивала об этом Рейхель и высказывала свое отношение к возможности появления биографии отца: «Ты совсем справедливо замечаешь, что *полная* биография *невозможна* пока в России.

– Все, что можно было печатать, ведь уже напечатано в "Былое и думы" и в "Воспоминаниях" Тат. Петр. Пассек. Если б кто-нибудь хотел написать серьезную биографию, – или скорее историю *всей Папашиной деятельности* – это другое дело, – но это возможно только за границей. Если б кто-нибудь взялся за это, мы, конечно, ему бы помогли, всеми силами, и были бы очень благодарны. – Но тот, кто возьмется за такую громадную и трудную работу, должен быть компетентным, да к тому же он должен бы приехать сюда переговорить с нами обо всем» (письмо от 20 декабря 1888 г. из Лозанны).

В распоряжении В.И. Куруты оказались письма, адресованные его матери – Ю.Ф. Курута, которые Герцен с женой писали ей после их отъезда из Владимира. Они-то и появились в печати[19], но откликов на эту публикацию в сохранившихся письмах Натальи Александровны, к сожалению, нет.

Письма Н.А. Герцен дают представление о широком круге ее чтения. Она перечитывает некогда прочитанное и внимательно следит за появляющейся новейшей литературой. Порой корреспондентки читают одни и те же книги, а потом делятся впечатлениями о прочитанном. В этом отношении интересен отзыв Н.А. Герцен о перечитанном ею в 1867 г. романе Чернышевского "Что делать?" (в публикуемом нами письме от 19 декабря 1867 г.), который очень близок к оценкам самого Герцена[20].

По просьбе Рейхель, она посылает ей "Мертвые души" Гоголя (об этом сообщается в письме от 17 апреля 1871 г.), а позднее начинает влиять на круг чтения ее детей. Когда дети Рейхель стали взрослыми, Н.А. Герцен хочет, чтобы они, несмотря на то, что не читают по-русски, познакомились с творчеством Герцена. В этом отношении знаменательно ее письмо к Рейхель от 2–4 ноября 1903 г. из Лозанны, в котором Наталья Александровна пишет, очевидно, в ответ на просьбу Рейхель прислать французское издание "Былого и дум": «"Былое и думы" переведен на французский язык; но француз⟨ское⟩ издание уже давно *épuisée*[345*]; мы годы искали даром у разных антикварьях[21]. Мой франц⟨узский⟩ екземпляр в Париже; спрошу у Саши, – может быть, он решится расстаться с ним на некоторое время и послать Алексу[22]. – Я понятия не имела о том, что Алекс не читал "Былое и д⟨умы⟩"; мне казалось, что он, как *сын твой*, должен знать все сочиненья Папашины, – забывая, что он не знает по-русски».

Из отзывов Н.А. Герцен о произведениях русской литературы существенным представляется ее отклик на роман Л.Н. Толстого "Анна Каренина" в письме к Рейхель от 30 сентября 1885 г. из Парижа. Несомненно, что речь в письме идет о чтении вышедшего в 1885 г. французского перевода романа, поскольку в семье младшей дочери Герцена Ольги по-русски тоже не читали. Н.А. Герцен писала: «Мы тоже здесь читаем "Анну Кар⟨енину⟩" – удивительный человек этот Л. Толстой. Как он знает человеческую душу, – и как описывает. Я его ужасно люблю как автора. – Мы давно уже думали, что он кончит тем, что с ума сойдет. Ведь он под конец только религиозную чепуху писал. – Сжигал свои прежние работы и стал сапоги шить, говорят. – Перевод "Анны Кар⟨ениной⟩" хорош, но только это не он сам переводил, а M-me Богомолец, хорошая наша знакомая, дочь виноторговца Dépret в Москве, у которого жила несколько лет m-lle Michel[23] после того, как она оставила Тучковых».

Упоминаемое в письме Н.А. Герцен издание "Анны Карениной" – это первое двухтомное французское издание романа, которое вышло в Париже в 1885 г., в издательстве Hachette, при этом имя переводчика в книге указано не было. Настоящим письмом Н.А. Герцен устанавливается, что на французский язык роман Толстого перевела А. Богомолец. Авторство ее подтверждается и самой переводчицей, так как десять лет спустя, 24 февраля 1895 г., она написала Толстому из Парижа, что переводит с русского не только на французский, но и на шведский язык и спрашивала совета писателя, что бы еще из его произведений, ей перевести[24].

Готовая откликнуться сочувственным словом на всякую боль близкого и дальнего человека и прийти на помощь, Н.А. Герцен спрашивала Рейхель обо всех знакомых в России, страдала, что не может помогать всем нуждающимся. Она с большим сочувствием относилась к судьбам друзей из московского кружка Герцена. Получив от Рейхель известие о кончине Н.Х. Кетчера (1886), она так отозвалась на это печальное сообщение: "Смерть Кечера ⟨!⟩ я узнала через ⟨А.А.⟩ Мещерского. Да, один ⟨Е.Ф.⟩ Корш остается теперь; да Татьяна ⟨Алексеевна⟩ Астракова, жива ли она?" (письмо от 14 ноября 1886 г. из Лозанны).

Получив же от Рейхель сведения о том, что Кетчер передал А.В. Станкевичу сохранявшиеся у него письма Герцена, пишет, что ей и А.А. Герцену "ужасно бы хотелось видеть и прочесть письма Папашины" и обращается к Рейхель с просьбой (в письме от 6 октября

345* распродано (*франц.*).

1898 г. из Лозанны): "Не может ли Станкевич прислать их нам и позволить нам их переписать? А после прочтенья и переписанья мы их пошлем, – *оригиналы*, – в Румянцевский музей[346*]. Пожалуйста, спроси и сообщи нам ответ поскорее"[25].

Мысль о собирании разбросанного архива Герцена не покидала Н.А. Герцен на протяжении многих десятилетий, до конца ее дней. И она даже на время с большим трудом расставалась с материалами, уже оказавшимися у нее. Так, очевидно, в ответ на просьбу Рейхель прислать письма Герцена к ней, Наталья Александровна выражает готовность отправить их Марии Каспаровне – но с условием отдать ей все, «а *не* посылать в Россию. Со временем они тоже попадут в "комнату людей 40-х годов", – но пока мы живы, оставь их у нас, пожалуйста» (письмо от 2–4 ноября 1903 г. из Лозанны).

Бережно сохранялись Н.А. Герцен и в семье А.А. Герцена и О.А. Моно-Герцен мемориальные вещи. Интересно в этом смысле следующее упоминание о том же письме от 2–4 ноября 1903 г.: "У Саши бронзовая рука Мамашина, а у меня гипсовая. Маску ее я возьму к себе, когда ты захочешь с ней расстаться"[26].

По сохранившимся письмам Н.А. Герцен можно проследить не только события ее долгой жизни, но и жизней ее брата и сестры Ольги, племянников и племянниц, рождавшихся и становившихся самостоятельными, судьбу сыновей М.К. и А. Рейхелей, людей, принадлежавших к кругу Герцена и самой Натальи Александровны, многочисленных знакомых, живших в России и на Западе. Из этих писем встает обаятельный облик Н.А. Герцен, преданной своим родным и близким, олицетворяющей лучшие традиции своей семьи, верной дочери своего отца. И этим тоже интересны и важны эти письма.

Но здесь встают другие сюжеты, наступает другое время, отдаляющееся от посмертной судьбы великого писателя...

Письма публикуются впервые, по фотокопиям *РГБ* с автографов, хранящихся в *BN*, письма 1–8 подготовлены и прокомментированы И.Г. П т у ш к и н о й, письма 9–21 – С.Д. Л и щ и н е р.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] XXX, 239. 4 декабря 1864 г. умерла дочь Герцена и Тучковой-Огаревой Елена (Лёля-гёрл).

[2] Письмо от 8 ноября 1869 г. (XXX, 240).

[3] XXX, 270.

[4] XXX, 274.

[5] XXX, 242.

[6] О роли Н.А. Герцен в собирании и хранении рукописного наследия Герцена см.: С.В. Ж и т о м и р с к а я. Судьба архива Герцена и Огарева ("Лит. наследство", т. 96).

[7] Ср. прим. 4 к публикации дневника Н.А. Герцен ("Лит. наследство", т. 96, с. 461).

[8] *РГБ*, ф. 69. 24.14, л. 3 (здесь и далее все письма Н.А. Герцен цитируются по фотокопиям с автографов *BN*; в дальнейшем, для того, чтобы не перегружать статью ссылками, шифры, как правило, не указываются; все фотокопии хранятся в *РГБ*, ф. 69. 24. 11–27).

[9] См. *ЛЖГ* V, 307.

[10] Подробно об этом, с использованием неопубликованных писем Н.А. Герцен к Рейхель, см.: С.В. Ж и т о м и р с к а я. Указ. соч. ("Лит. наследство", т. 96, с. 557–558). Не используются в настоящем обзоре в основном и те места из писем Н.А. Герцен, в которых она касается вопроса о публикации пятой части "Былого и дум" с рассказом о семейной драме Герцена, поскольку они также полностью вошли в работу Житомирской.

[11] "Лит. наследство", т. 96, с. 413–546.

[12] *РГБ*, ф. 69. 24. 19, л. 11–12 (здесь письмо отнесено к августу 1873 г., однако оно скорее могло быть написано в 1870 или 1871 г.).

[13] Есть два важных упоминания о С.Г. Нечаеве. В письме Н.А. Герцен от 8 октября 1870 г. содержится следующий отзыв об изданном в Лондоне Нечаевым и В. Серебренниковым № 1 журнала "Община": «Natalie мечтает (пока *entre nous* (между нами – *франц.*)) о России, и я все больше и больше об этом думаю. Но–но, отличился Нечаев и С-ie, напечатал один № журнала "Община", в котором требует от Огарева и Бакунина какие-то деньги – и чтоб переслали через *мое* посредство, так как я *заведую их кассой*. Это только милая шутка, чтоб отомстить за то, что, раскусив их, я отшатнулась с ужасом. Авось пройдет незаметно в России, да надеюсь, никто не поверит, – знают, какие они мастера во лжи». В письме к Рейхель от 9 июля 1871 г. Н.А. Герцен сообщала: "Вчера мы получили русские газеты с полным отчетом о процессе Нечаева. Зная, как это тебя интересует, я тебе пришлю, как только здесь все прочтут. – Ловкий малый, нечего сказать, – в убийстве Иванова он сильно участвовал, как ты увидишь".

[346*] Или им, Станк(евичам) отошлем, если они предпочитают. – *Прим. Н.А. Герцен.*

[14] "Лит. наследство", т. 96, с. 542.

[15] Там же, с. 546.

[16] В письме от 7 февраля 1871 г., давая Рейхель отчет о финансовом состоянии семьи ("В 1870 году каждый из нас получил около *9000 фр.*") и получаемых доходах, Н.А. Герцен заметила: "В нынешнем году получим скорее меньше, чем больше, вследствие войны, – парижский дом ничего не дает. Конечно, я не все употребляю на себя; ты ведь знаешь, что я сравнительно довольно просто одеваюсь, неприхотлива и т.д.".

[17] Подробности об обстоятельствах этого готовящегося и несостоявшегося отъезда в Россию см.: С.В. Житомирская. Судьба архива Герцена и Огарева ("Лит. наследство", т. 96, с. 558–560).

[18] Текст воспоминаний Пассек, который имеет в виду Н.А. Герцен, см.: Пассек II, с. 461–466.

[19] В.И. Курута осуществил эту публикацию писем Герцена и его жены. См.: В. Курута. Из материалов для биографии Александра Ивановича Герцена (РМ, 1889, № 5, ⟨отд. 2⟩, с. 1–16; № 6, ⟨отд. 2⟩, с. 1–19).

[20] Аннотацию письма Н.А. Герцен см. *ЛЖГ* IV, 503. Об отношении Герцена к роману см. в *ЛЖГ* III, IV (по указателю), а также: Г.Н. Антонова. Роман "Что делать?" в оценке Герцена (сб. "Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы", вып. 9. Саратов, 1983, с. 57–73).

[21] Несомнённо, что Н.А. Герцен имеет здесь в виду трехтомное французское издание "Былого и дум", перевод которого был осуществлен А. Делаво: "Le Monde russe et la Révolution. Mémoires de A. Hertzen", ⟨t. 1⟩, P., 1860; ⟨t. 2⟩, P., 1861; ⟨t. 3⟩, P., 1862 (см. *ЛЖГ* III, 98–99, 213, 303).

[22] Старший сын Рейхель Карл Александр, которому в это время уже было 50 лет (род. в 1853 г.).

[23] *Каролина Мишель* – в 1840-е гг. гувернантка сестер Н.А. и Е.А. Тучковых (о ней см. *АО*, с. 304).

[24] Письмо А. Богомолец к Л.Н. Толстому не опубликовано; хранится в Отделе рукописей Государственного музея Л.Н. Толстого (сообщено Л.В. Гладковой).

[25] Поисками бумаг Н.Х. Кетчера ранее занималась Е.С. Некрасова; она узнала, что его архив передан А.В. Станкевичу (см. "Лит. наследство", т. 96, с. 578), однако получить его ей не удалось. Очевидно, что именно эти сохраненные Кетчером письма Герцена оставались в собрании Станкевича, за границу не посылались и были переданы в "Комнату людей 40-х годов" Румянцевского музея только в 1922 г. Е.В. Герье, дочерью племянницы Станкевичей Е.И. Герье (урожд. Токаревой, "Души" – см. прим. 6 и п. 6 наст. публикации) и историка В.И. Герье (см. "Записки Отдела рукописей" Госуд. библиотеки им. В.И. Ленина, вып. 37, М., 1976, с. 209–210).

[26] Все упомянутые "мемории" хранятся теперь в фондах *ГЛМ*, куда поступили из "пражской коллекции" (см. А.И. Герцен, Н.П. Огарев и их окружение. Книги. Рукописи. Изобразительные материалы. Памятные вещи. Материалы из собрания Госуд. литературного музея. Каталог. М., 1992, с. 102).

1

⟨Фулем. 14 июня 1859 г.⟩[1]

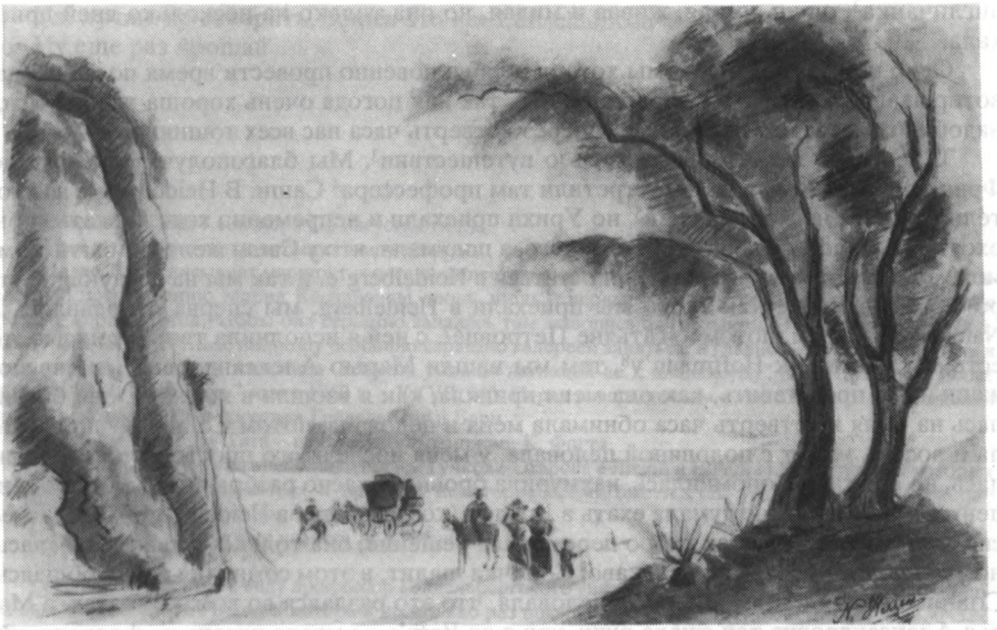
Милая моя Маша,

благодарю тебя много раз за описание Дрездена[2]. У нас тоже хорошо, очень большой сад и не очень далеко от Лондона[3], но одно все это портит, погода, погода здесь прескверная, правда, что зимы у нас не было, но зато и лета нет, небо все густо-серыми тучами покрыто, и третьего дня такая гроза была прямо над нами, что мы каждую минуту думали, что дом наш развалится, надеюсь, что осень будет зато получше.

Вот через два месяца Саша приедет[4], скоро его рождение будет, но мы ему подарки приготовим для приезда, потому что довольно трудно посылать. В апреле было папино рождение[5], мы, то есть я и мой учитель музыки[6], представляли сцену из "Bourgeois-Gentilhomme" Molière[7], а потом в другой комнате была приготовлена цыганская палатка, мы все оделись цыганами и мужиками и несколько песни выучили, но что в этот вечер ничто не шло по-русски, после этого мы пошли обедать, и вдруг нам неожиданный десерт принесли, это нам наш италианский повар[8] сюрприз сделал, подают высокий пирог, из *нуги* сделанный. Папа сказал мне снять верхнюю часть, я "отбила", и из пирога куча маленьких птиц улетела. Так мы этот день очень весело провели, и гости только в первом часу разошлись.

Ну, прощай, милая Маша, я должна кончить, потому что мы едем портреты делать[9].

Много раз вас всех целую.



ДОРОГА БЛИЗ НИЦЦЫ

Копия Таты Герцен (7 сентября 1859 г.) с акварели Э. Браше (1850), принадлежавшей Н.А. Герцен (матери)

Музей Герцена, Москва

"Как привязана я к этому уголку земли" (Тата Герцен – М.К. Рейхель, 19 декабря 1867 г.)

[1] Датируется по непосредственной связи с письмом Герцена к М.К. Рейхель от 14 июня 1859 г., с которым и было отправлено. См. XXVI, 274.

[2] Письмо Рейхель, на которое отвечает Тата, неизвестно, как и другие ее ответные письма (за исключением письма от 24 января 1870 г. – см. прим. 2 к п. 21 наст. публикации). Семья Рейхель в начале июня 1857 г. переехала из Парижа в Дрезден (см. XXVI, 96, 100–101), где А. Рейхель занял должность капельмейстера певческой капеллы.

[3] Герцен с семьей переехал из Путнея в Фулем (Percy Cross, Park House) 24 ноября 1858 г. – XXVI, 225, 227. См. *Тучкова-Огарева*, 142–143; *ЛЖГ* II, 454.

[4] А.А. Герцен приехал из Берна (Швейцария) в Фулем между 10 и 16 августа 1859 г. и пробыл в Англии до 29 сентября 1859 г. – См. *ЛЖГ* III, 66, 75.

[5] О праздновании дня рождения Герцена в 1859 г. см. также в его письме к Рейхель от 6–7 апреля 1859 г. (XXVI, 252). См. *ЛЖГ* III, 31.

[6] В это время уроки музыки Тате давал А. Таландье. См. XXVI, 252, XXX, 824.

[7] О представлении на дне рождения Герцена сценки из "Мещанина во дворянстве" Мольера см. также XXX, 824.

[8] Речь идет о В. Тассинари, который был нанят поваром в дом Герцена по рекомендации Дж. Маццини в феврале 1859 г. и рассчитан 30 августа 1861 г. См. XXVI, 237; XXVII, 163; *Тучкова-Огарева*, 143.

[9] Очевидно, в этот день была сделана фотография Герцена с дочерьми Татой и Ольгой, которая хранилась у Рейхель. – См. "Описание изобразительных материалов Пушкинского Дома, VII", М.-Л., 1962, с. 60, № 319. Воспроизведена: "Лит. наследство", т. 96, с. 681.

2

Рукой Герцена:

Это фейерверк из нашего дома.

Рукой Н.А. Герцен:

⟨Борнемут.⟩ 8 сентября 1860

Милая моя Маша.

Благодарю тебя за записочку. Да, я очень весело провела именины[1] и много подарков получила. У нас в доме теперь две молодые девушки моих лет. Marie – молодая немка семнадцати лет, она за Олей смотрит и занимается с ней, другая –

англичанка[2], очень умная, живая и милая, но она только на несколько дней приехала.

Одно не удалось вчера, мы хотели необыкновенно провести время после обеда, вотирывали голосами и все решили, что, так как погода очень хороша и море тихо, надобно покататься, мы пошли, и через четверть часа нас всех тошнило.

Теперь что же тебе рассказать о путешествии[3]. Мы благополучно доехали до Франкфурта, там ночевали, встретили там профессора[4] Саши. В Heidelberg'е мы хотели остаться несколько дней[5], но Урихи приехали и непременно хотели ехать, я бы охотно осталась, но делать было нечего, я подумала, что у Саши желание быть с Эммой[6] еще сильнее моего желания остаться в Heidelberg'е, и так мы на следующее утро уехали в Берн. Как скоро мы приехали в Heidelberg, мы сперва отправились к Natalie и Сатинам, потом к Татьяне Петровне[7], с ней я исполнила твою комисью, то есть мы поехали к Hoffmann'у[8], там мы нашли Марью Александровну[9], ты не можешь себе представить, как она меня приняла, как я взошла в комнату, она бросилась на меня и четверть часа обнимала меня и целовала, потом Соничка[10] прибежала и восемь минут с половиной целовала, у меня после этого просто голова кружилась, но все-таки я опомнилась, нахмурила брови и ужасно разбранила Соничку. Миленькая Соничка и не думала ехать в Лондон (когда я была в Heidelberg'е), когда я ее спросила, отчего она так скоро переменила решение, она только лукаво улыбалась, но так лукаво у–у…у… как лукаво; Соничка шалит, в этом сомнения нет. Прощаясь, Соничка меня с таким шумом поцеловала, что эхо раздался во всех комнатах, а Марья Александровна так сжала руку, что я до Bern'а не могла играть на фортепиании. У Татьяны Петровны я осталась только час или два, она мне очень понравилась, такая добрая и ласковая, и я очень желаю, чтобы она приехала[11]. Саша и Володя[12] были у портного, когда я у них была, поэтому я с ними не познакомилась, только ⟨несколько⟩ минут их видела, а вот с кем я в это время познакомилась, то есть покуда они платья заказывали, с котенком Т⟨атьяны⟩ П⟨етровны⟩, белый флорентинский котенок.

Ну, что же, как все знакомые? Во-первых, кланяйся Юлии[13] и скажи ей, что я уже… употребила один листочек, а остальные хранятся у меня. Во-вторых, что Зебеки? Спроси Юлию, находит ли она, что Johannes на меня походит, кланяйся им всем. Что Neumann? Приходил он тебе надоедать или нет? А если увидишь случайно Шöнгера, кланяйся ему. Уж лучше я тебе напишу имена всех, которым ты должна кланяться. Маленькой Бöтхер, знаешь, моей, а не Сашиной, m-lle Ромберг, m-lle Шенк, Амалии, Кристел, Герману, Ричелу[14]. Напиши мне, здоровы ли все, вот еще Кутецам, но ведь ты их не увидишь.

Тебя, милая Маша, Рейхеля и детей тысяча раз обнимаю и целую. Как подвигается симфония Рейхеля?

Твоя Тата Г.

Не получала ли ты писем из России?.. Нет ли для меня записочки от Души?[15]

Да, я забыла сказать тебе, что это вид Bournemouth'а и что последний дом налево не Engel's Nest, как ты пишешь, а наш Eagles Nest.

Рукой Герцена:

Лунина получил – несмотря на aviso[347*], что его посылать не нужно[16], и письмо потом. За все мертвецки благодарю.

Рукой Н.А. Герцен:

Но уж какие мечты у нас теперь, ты себе и представить не можешь, все Италья да Италья, Неаполь да Garibaldi, а мы живем в большом доме в Неаполе, из всех окон превосходные виды, Неаполитанский король совсем исчезает… один Garibaldi…

[347*] предупреждение (*итал.*).

Уж лучше не говорить, боюсь это все Luftschloβbau[348*].
Ну еще раз прощай.

Твоя Т а т а

Eagles Nest.
Bournemouth.
Hampshire.

[1] Именины Таты 7 сентября (26 августа ст.ст.).

[2] Имя этой англичанки остается неизвестным.

[3] Далее Тата описывает маршрут своего путешествия после отъезда из Дрездена, где она жила у Рейхелей, по приглашению Марии Каспаровны, июнь, июль и первые дни августа 1860 г. Посылая дочь в Дрезден, Герцен хотел, чтобы она серьезно занялась там живописью и музыкой. Об этом он писал Рейхель 19 мая 1860 г.: "...вас попрошу особенно серьезно галереей заняться, и главное – пригласить очень и очень хорошего учителя живописи. Рейхеля умоляю нагайкой ее к клавикорду" (XXVII, 50; см. также письмо к Н.М. Сатину от 7 июня 1860 г. – XXVII, 61). Перед возвращением в Англию, в сопровождении брата Александра, Тата посетила Гейдельберг и Берн.

[4] Кого имеет в виду Тата – неизвестно. Возможно, К. Фогта.

[5] В Гейдельберге в это время находилась Тучкова-Огарева с Лизой и Е.А. и Н.М. Сатины, у которых Тата должна была остановиться и пробыть некоторое время (см. XXVII, 78), однако, по желанию А.А. Герцена, они тут же выехали в Берн.

[6] Эмма *Урих*, в это время невеста А.А. Герцена.

[7] Т.П. Пассек.

[8] Очевидно, имеется в виду профессор Гейдельбергского университета *К.К. Гофман*, с которым Герцен был знаком еще в России и который несколько раз посещал Герцена в Путнее (см. *ЛЖГ* II, 320–322, 357).

[9] Тата познакомилась с украинской писательницей *М.А. Маркович* (псевд. Марко Вовчок, 1834–1907) во время ее приезда в Англию в августе 1859 г., когда Маркович бывала в доме Герцена в Фулеме. К этому времени Герцен прочитал Тате "Украинские народные рассказы Марка Вовчка" (XXVI, 278), а затем выступил в "Колоколе" в защиту этих "изящных в своей сельской свежести" рассказов в статье «"Библиотека" – дочь Сенковского» (л. 71 от 15 мая 1869 г. – XIV, 266–271). Герцен внимательно следил за творчеством писательницы, считал, что ее "Червонный король" – "гениальная вещь" (см. XXVII, 45, 47).

[10] Софья Карловна *Рутцен* (Руцен), с которой Тата познакомилась в Дрездене (см. в наст. томе письмо Таты к Герцену от 12 июня 1860 г.).

[11] Т.П. Пассек побывала в Англии только в конце августа 1861 г. и встречалась с Герценом в Торки (см. *ЛЖГ* III, 239–241).

[12] Александр Вадимович (1836–1866) и Владимир Вадимович (1841–1880) *Пассеки* – сыновья Т.П. Пассек.

[13] *Юлия* и перечисляемые далее лица: Зебеки (Забеки), Johannes, Neumann, Шöнгер, Бöтхер, m-lle Ромберг, m-lle Шенк, Амалия, Кристел (Chirstel), Герман, Кутец – знакомые Таты в Дрездене из окружения Рейхелей.

[14] Эрнст Фридрих *Ричель* (1804–1861), немецкий скульптор, выполнивший по просьбе Герцена бюст Т.Н. Грановского. См. XXVI, 283, 468; XXVII, 85, 613.

[15] *Душа* – Е.И. Токарева (см.в наст. томе прим. 4 к письму Таты к Герцену от 12 июня 1860 г.).

[16] Имеется в виду статья декабриста М.С. Лунина "Взгляд на тайное общество в России (1816–1826)", напечатанная ранее в переводе с французского Н.А. Мельгунова в "Полярной звезде на 1859", кн. V. Герцен просил Рейхель не торопиться с присылкой уже ненужного ему "оригинала Лунина", а 6 октября 1860 г. снова повторил, что оригинал "вовсе не нужен теперь" (см. XXVII, 93, 100).

3

Eagle' Nest.
Bournemouth.
Hampshire.

⟨Борнемут.⟩ 21 октября 1860

Милая Маша!

Вот что вышло из Сашиных планов, он все-таки не устроил по-своему[1]. Я остаюсь в Англии и в скучном Лондоне всю зиму и, может, весною тоже, Ольга едет с m-lle Meysenbug в Париж на четыре или пять месяцев[2], и так как я не могу жить одна с Папой и с Огаревым, то с нами будет жить эта англичанка, о которой Папа писал и я тебе говорила, что она небыкновенно умна и развита, miss Reeve[3]. Вперед не

[348*] воздушный замок (*нем.*).

могу знать, будет ли приятно с ней жить, я с ней никогда не говорила. На вид она тип steifer[349*] англичанки, во-первых, она далеко не молода, ей должно сорок лет, острый, преострый нос, крошечные глаза и притом очки, притом всегда пресмешно одета, однако я не должна над ней смеяться. Надеюсь, что зиму я не по-пустому с ней проведу.

Об Ольге я хотела тебе рассказать, правда, что она все еще шалунья, это плохо, но она с моего приезда гораздо умнее стала ко мне, не дразнит и не надоедает, напротив, короткая разлука и то, что воротилась в длинном платье, так подействовала на нее, что sie hat vielmehr Respekt[350*] ко мне, чем к Мари и даже m-lle Meysenbug, ей она просто в лицо говорит, что не будет ее слушаться, но ко мне она очень мила. При том она престранный ребенок, она ежедневно играет на песке, здесь, возле, недалеко от нашего дома у моря, здесь тут она познакомилась с какой-то девочкой своих лет и с ней все рассуждает о религии, та, англичанка, конечно, воспитана совершенно религиозно и рассказывает Ольге, все, что знает, что "God is a ghost"[351*] и что очень нехорошо работать по воскресениям, теперь у Ольги страсть все спрашивать, конечно, иронически, правда ли, что "God is spirit"[352*], тогда она всегда поднимает глаза к небу, потом опускает к полу так, что, право, невозможно не хохотать, потом все останавливает нас, говоря: "Ах, Мари, как ты громко смеешься, ведь сегодня воскресение, не надобно смеяться". Вчера она нас пресерьезно призвала в уголок и показала на паука. "Вот паук работает воскресенье, es ist eine Sünde"[353*]. Она со мной учится по-русски и, право, удивительно хорошо. Все такая же маленькая, худенькая и чрезвычайно хорошая собой, постараюсь достать ее портрет и переслать тебе, чтобы ты могла себе хоть сколько-нибудь ее представить. A propos de portraits[354*], Папа сделал отличный собственный портрет с Огаревым, маленький[4] в роде наших, то есть моего и Сашиного, и Саша тоже еще два разных сделал, но все гораздо лучше дрезденских.

А знаешь что, Катерина, горничная, которая платье мое разрезала, представь себе, что она уж совсем с ума сошла, говорит, что все ее знают, весь свет бунт против нее устроивает и боится выходить из дому.

Что мой маленький Сашенок[5], расцелуй его за меня и показывай иногда портрет, чтоб он не так скоро забыл. Что он все еще хорошо учится? Что он читает?

Начинает ли Ernst[6] говорить? И как маленький Адолф[7] все такой же слабый?

Благодарю тебя за Душино письмо[8] и попрошу тебя переслать эту записочку, которую я вложила, когда будешь писать в Россию. Как это несчастно, что у тети Леши[9] такое слабое здоровье, и чахотка к тому же, как мне ее жаль, бедная.

Что? взяла ты билеты на "Шиллерлоттери"?[10] Не нужно присылать номера, ты сама как хочешь раздели, мы не будем ссориться за них. Что же тебе прислать, право не знаю, пересылка труднее всего, да и обещала я тебе? Кажется, знаешь, что я оставила в Дрездене, то есть у тебя, две пары коричневых ботинок, вот дай их, они все-таки лучше желтых атласовых башмаков. Помнишь? – это шалости, однако я право не знаю, что тебе послать?

А теперь прощай, целую тебя и вас всех.

Твоя Т а т а

Что Зебеки? Кланяйся им. Амалии и Christel viele Grüße[355*]. Папа уже уехал, теперь он ищет дом в Лондоне[11]. И так пиши опять в Alpha Road[12].

M-lle Meysenbug кланяется вам.

349* чопорнее (*нем.*).
350* у нее скорее уважение (*нем.*).
351* "Бог есть дух" (*англ.*).
352* "Бог есть дух" (*англ.*).
353* это – грех (*нем.*).
354* Кстати, к портретам (*франц.*).
355* много приветов (*нем.*).

[1] А.А. Герцен приехал в Лондон вместе с Татой 21 августа 1860 г., провел конец августа и сентябрь в Борнемуте, на о. Уайт, и покинул Англию 4 или 5 октября (см. *ЛЖГ* III, 139, 140, 155). Вероятно, Тата надеялась уехать вместе с ним на континент.

[2] Отъезд Ольги и М. Мейзенбуг в Париж состоялся только 28 ноября 1860 г., по расчетам Герцена, "на 4 месяца", но они пробыли там до июля 1861 г. и возвратились обратно в Лондон 9 или 10 июля вместе с ездившим в Париж Герценом. – См. *ЛЖГ* III, 227.

[3] Эмилия *Рив* (умерла в 1865 г.). О начале знакомства с ней Герцен вспоминал в письме пятом "Писем к путешественнику" (XVIII, 374–375). О своем решении пригласить Рив – "женщину гениального ума" – воспитательницей к Тате Герцен сообщил Рейхель в письме от 6 октября 1860 г. (XXVII, 100). Свою программу воспитания дочери Герцен изложил в письме к Рив от 20 сентября 1860 г. (XXVII, 95–98).

[4] Эта фотография, сделанная в Лондоне у братьев Майер (Mayer, Brother) между 3 и 5 сентября 1860 г. (см. *ЛЖГ* III, 146–147; воспроизводится в наст. томе). Герцен считал, что этот портрет – его и Огарева – "превосходнейший", и послал его Рейхель 9 декабря 1860 г. (см. XXVII, 105, 561).

[5] Старший сын Марии Каспаровны – *Карл Александр Рейхель*.

[6] *Эрнст Рейхель* – второй сын Марии Каспаровны.

[7] Возможно, так Тата называет родившегося в апреле 1860 г. сына Рейхель Макса (см. XXVII, 40).

[8] Это письмо Е.И. Токаревой неизвестно.

[9] Е.К. Станкевич.

[10] Через день после возвращения в Англию, 23 августа 1860 г., Тата в приписке к письму Герцена просила Рейхель взять по два лотерейных билета для себя, А.А. Герцена и Э. Урих и прислать их номера (см. XXVII, 91), а 27 ноября спрашивала Рейхель: "Напиши мне, что выиграли наши билеты, – может быть, белые атласные башмаки или нет?" (XXVII, 117). См. в наст. публикации п. 4.

[11] Герцен уехал из Борнемута в Лондон на поиски нового дома 18 октября 1860 г. (см. *ЛЖГ* III, 160). Около 28 октября дом был нанят по адресу: Orsett House, Westbourne Terrace, Paddington.

[12] По адресу 10, Alpha Road, Regent's Park в Лондоне семья Герцена жила с 25 мая 1860 г. до переезда в Orsett House между 16 и 18 ноября (см. *ЛЖГ* III, 117, 168).

4

⟨Лондон. 9 января 1861 г.⟩

Милая моя Маша.

Благодарю тебя за длинное письмо и поздравляю с *нашим* новым годом, да еще посылаю тебе Сашин портрет[1], потому что у нас их множество, а дрезденские нехороши. Ты моего *маленького* Сашу расцелуй за милое письмо, я сегодня никак не успею ему написать, я вообще очень занята целый день. А теперь бедная Лиза очень нездорова, мы еще не знаем, что у нее будет, коклюш или корь[2].

Холод ужасный[3], вот уже третья неделя, что Серпентина[4] совсем замерзла, здесь это неслыханное дело. В будущую неделю будет большая ярмарка на реке, если мороз продолжится. Но как бедные здесь страдают, это ужас. Они ежедневно проходют под нашими окнами и поют свои песни. Несчастные садовники, лодочники и раб⟨отники⟩ дока. – Мы тоже, хотя сравнительно это конеч⟨но⟩ ничего, да все-таки страдаем от холода, дома здесь так ужасно построены, что в комнате холод почти чувствительнее, чем на дворе.

Письмо Души я только что получила[5], даже не успела его прочесть, а теперь должна кончить записочку эту, потому что сейчас будет учитель[6].

Так прощай, крепко тебя и всех целую.

Твоя Т а т а

Кланяйся Зебекам; что она, бедная старушка?

А что Шиллерлотери?[7] Что же наши билеты? ничего не выиграли?

Скажи, пожалуйста, Рейхелю, что учитель мой музыки Янза очень мной доволен; находит, что успеваю. Но зато я все это время ровно ничего не делала в рисовании, в субботу и завтра у меня будет в первый раз учитель[8].

[1] Очевидно, речь идет о фотопортрете А.А. Герцена 1861 г. (воспроизведен в "Лит. наследстве", т. 64, с. 552–553; *ЛЖГ* III). Обоснование датировки наст. письма см. в *ЛЖГ* III, 179.

[2] 11 января 1861 г. Герцен писал сыну о болезни Лизы: "...сегодня решится, коклюш или корь", а к 15 января Лиза поправилась: "У нее была лихорадка ⟨...⟩ до сих пор ни кори, ни коклюша нет" (XXVII, 128).

[3] О "страшных морозах", стоявших в это время в Лондоне, Герцен писал сыну. См. XXVII, 128.

[4] Серпентина (англ. The Serpentine) – узкое искусственное озеро в Гайд-Парке, сделанное в 1730 г. на месте извилистого, змеевидного русла бывшей речки Westbourne.

[5] Это письмо неизвестно.

[6] Очевидно, Тата имеет здесь в виду упоминаемого ниже в письме учителя музыки чешского эмигранта, музыкального педагога *Леопольда Янса* (Янза, Jansa, 1795–1875).

[7] См. п. 3 в наст. публикации.

[8] Имя учителя рисования Таты в это время остается неизвестным.

5

12 июня ⟨1861 г. Лондон⟩[1]

Милая моя Маша!

Поздравляю тебя, хотя поздно, с твоим Рейхельком[2]. Здоров ли он, как называется, какого пола?

Ты, пожалуйста, не сердись на меня за то, что я так редко пишу, и не принимай это за знак, что я никогда о вас не думаю.

Вот уже больше года прошло с моего приезда в Дрезден, как время летит, а теперь опять собираюсь немножко покутить, в Париж, в этот раз[3]. Какая у меня нехорошая память, я почти все забыла, т.е. самого Парижа, только улицу, в которой мы жили, как будто сквозь туман вижу[4]. Как я люблю путешествовать, ты не поверишь. Однако в Париже мы дольше недели не пробудем.

Я, кажется, тебе не писала после нашего праздника 10-ого апр⟨еля⟩[5], но Папа верно тебе писал, что князь Голицын маленькую симфонью сочинил именно для праздника. Как только она выйдет, мы тебе пришлем экземпляр[6], тогда ты можешь составить себе понятье о нашем доме с иллюминацией, потому что на обертке нарисовано все.

Мы отправляемся искать дачу в Richmond'е или около Richmond'а[7], поэтому прощай, крепко, крепко целую тебя, *нового*, Рейхеля, моего Сашку, словом всех вас.

Твоя Тата Г.

Кто крестил *нового*? – Поправился Адолф?[8] –

Кланяйся Зебекам.

Еще благодарю тебя за письмо Душино[9], которое ты мне прислала с портретом, портрет очень нехорош.

[1] Год, когда написано письмо, устанавливается на основании упоминания Таты о том, что "больше года прошло" со дня ее приезда в Дрезден (это произошло 1 или 2 июня 1860 г. – XXVII, 58).

[2] Сын Рейхель родился в мае 1861 г., и Герцен поздравил ее 28 мая (XXVII, 154); прожил этот ребенок недолго: в декабре 1861 г. он заболел (XXVII, 201) и вскоре умер (см. письмо Герцена к Рейхель от 12 декабря – XXVII, 203). Судя по письму Таты к Рейхель от 10 декабря 1861 г., к этому дню уже было получено известие о смерти младенца.

[3] Тата выехала в Париж с Герценом около 21 июня 1861 г., а возвратились они 9 или 10 июля (см. *ЛЖГ* II, 220, 227).

[4] Тата вспоминает время, когда она жила вместе с сестрой Ольгой в Париже у Рейхель, которая забрала их к себе после смерти Н.А. Герцен (см. *ЛЖГ* II, 87). Дочери Герцена прожили у Рейхелей около года и приехали к отцу в Лондон в сопровождении А. Рейхеля 30 апреля 1853 г. (*ЛЖГ* II, 142).

[5] 10 апреля 1861 г. в доме Герцена состоялся праздник в связи с провозглашением в России манифеста об освобождении крестьян (см. *ЛЖГ* III, 197–198).

[6] Имеется в виду сочиненная кн. Ю.Н. Голицыным симфония "Фантазия освобождения", которая вышла из печати во второй половине июня 1861 г. Сообщая о ее предстоящем появлении в л. 91 "Колокола" от 1 мая, Герцен отмечал, что кн. Голицын «написал для нашего праздника освобождения крестьян превосходную фантазию для оркестра, составленную из: "Вниз по матушке по Волге", "Ах вы сени, мои сени" и "Славься" из оперы Глинки. Последний мотив накануне шел бы царю освободителю, но 10 апреля звучал "Марсельезой"» (XV, 87).

[7] Дача в Ричмонде снята не была, и семья Герцена провела лето в Торки (графство Девоншир), куда уехали сначала Тучкова-Огарева с дочерьми Герцена, а 24 августа 1861 г. сам Герцен.

[8] Здесь Тата, очевидно, имеет в виду мужа Марии Каспаровны – Адольфа Рейхеля.

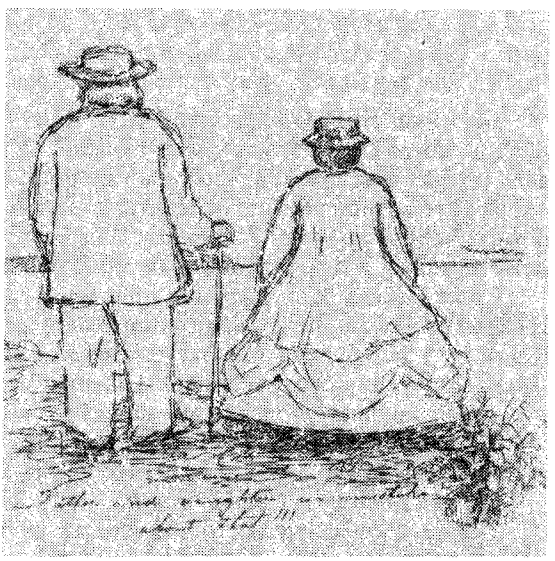
[9] Письмо Е.И. Токаревой неизвестно.

6

1. Delamere Street
Westbourne Terrace
Paddigton.

⟨Лондон.⟩ 10-го декабря 1861

Как мне жаль, милая моя добрая Маша, что я не могу быть с тобой, утешать, помогать тебе за детьми смотреть, насколько могу. Как мне жаль бедного маленького Адолфа[1]. А у Натали родились двое детей, ты верно уже знаешь. Девочка и мальчик[2]. Во время ее болезни я за Лизой смотрела, заменяла ей Натали. Она очень избалованный ребенок, так что трудно сладить с ней. Теперь все вошло опять в порядок. Натали и дети здоровы.



ГЕРЦЕН И ТАТА ГЕРЦЕН НА ПРОГУЛКЕ

Из семейного альбома Герценов. Рисунок Таты Герцен (?) (перо). ⟨Борнемут, лето 1864 г.⟩ Внизу подпись: "Father and daughter no mistake about that!!!..." ("Отец и дочь, ошибки быть не может!!!...")

Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится по книге: Русские пропили. Том IV. М., 1917

«Он стал ласковее, хотя смотрит на меня как на "большую", а не как на ребенка – мы больше вместе, часто вдвоем гуляем» (Тата Герцен – М.К. Рейхель, 21 декабря 1865 г.)

Я недавно видела Соничку Рупен[3], она так мило и с такой радостью приняла меня, и мне тоже было очень приятно ее видеть. Но от нее я услышала, что ты ей раз написала, что не знаешь, люблю ли я тебя или нет! Милая Маша, и ты могла в этом сомневаться? Отчего ты это думаешь, не оттого ли, что я тебе редко пишу, но, милая Маша, по этому, право, судить нельзя, ты знаешь, что я не охотница до писанья писем, но часто, особенно, когда что-нибудь меня огорчало, мне так хотелось тебе писать и все рассказать, но в этом останавливало меня то, что я не могла послать тебе письмо, не показавши Папаше, а часто мне не хотелось, чтобы он его читал, потому что речь шла бы о самом Папаше и об других людях. Теперь я могу тебе сама писать, и если ты хочешь, если тебе это не надоест, я с охотой буду тебе все писать о себе, об нас всех и об нашем житье. Хочешь? – Маленькую гребенку твою я всегда ношу с собой, как скоро Лиза видит, что я чешусь или так вспомнит, она прибегает и просит: "Тата, Таточка моя, расскажи мне, кто тебе подарил гребенку?" Тогда я начинаю и рассказываю ей, что это мне подарила Маша, такая высокая добрая дама, у которой много детей, тогда я ей описываю всех детей подробно, так что она их всех знает, со всеми знакома и очень ими интересуется.

Теперь придется скоро проститься, милая моя Маша, обнимаю тебя и крепко, крепко целую также, как и детей и Рейхеля.

Твоя Тата Г.

5 декабря были Папины именины, конечно, они прошли очень тихо, я подарила ему картинку и сыграла первую Бетховенскую сонату для фортепиано и скрипки. Шестого было рождение Огарева, но мы его почти не праздновали.

Саша теперь в Берне, оттуда он поедет в Heidelberg и воротится к моему рожденью 25-ого[4], зато здесь был Саша Пассек, но он уже уехал, всего только пять дней пробыл в Лондоне.

Если ко мне будешь писать, конечно, пиши в Delamere Street, мне будет очень приятно.

[1] См. в наст. публикации прим. 2 к п. 5.

[2] Дети Герцена и Тучковой-Огаревой, близнецы Алексей (Леля-бой) и Елена (Леля-гёрл) родились 23 ноября 1861 г. При регистрации 2 января 1862 г. их отцом был назван Огарев, «издатель русской газеты "Колокол"» (см. "*РП*" IV, 272; *ЛЖГ* III, 273). См. в наст. публикации письмо Таты от 25 декабря 1864 г. и прим. 1 к нему.

[3] Ученица А. Рейхеля С.К. Рутцен (Руцен) приехала в Лондон в феврале 1861 г., где продолжала свое музыкальное образование (см. письмо Герцена к Рейхель от 13 августа 1861 г. – XXVII, 168). Судя по письму Таты к Рейхель от 19 февраля 1862 г., Рутцен бывала у Герцена в Orsett House (XXVII, 212).

[4] А.А. Герцен уехал из Лондона около 4 декабря 1861 г. в Берн, Гейдельберг, Карлсруе; к 25 декабря не вернулся, а возвратился только во второй половине января или начале февраля 1862 г. после путешествия по Норвегии (см. *ЛЖГ* III, 267, 281; XXVII, 210).

7

⟨Лондон.⟩ 22 декабря 1861

Да, милая моя Маша, я знаю, что и Коля уже умер[1], но я папашину записочку получила, когда свое письмо уже отослала[2]. Соничка[3] была здесь на днях, расспрашивала о тебе. Она сказала, что тебе уже писала или будет писать.

Я хотела тебе раньше отвечать, но никак не успела. Мы теперь выучиваем секретно маленькую пьесу Коернера "Die Gouvenante" [4] и так как свободного времени у меня немного, я тебе в этот раз не могу много писать.

Саша Пассек был здесь, т.е. приехал 5-го дек⟨абря⟩, остался дней пять и уехал в Париж, он сказал, что через три недели будет у матери[5]. Больше я ничего не знаю. Когда ты к ней будешь писать, кланяйся всем.

А мой Саша, брат, теперь в Heidelberg'е и воротится только к Новому году, от этого и отложили праздник, мое рождение до 30-ого.

Как мне странно, что мне уже семнадцать лет, никак не верится. Однако так, хотя мне и неприятно, мне кажется, что время слишком скоро проходит.

Душе я напишу к Новому году[6].

Теперь прощай, милая Маша, крепко целую вас всех.

Твоя Тата Г.

1. Delamere Street
Westbourne Terrace
Paddington

[1] Вероятно, речь здесь идет о смерти сына Рейхель (см. прим. 2 к п. 5 наст. публикации).

[2] Имеется в виду п. 6 наст. публикации.

[3] С.К. Рутцен (Руцен) – см.. прим. 3 к п. 6 наст. публикации.

[4] Речь идет о пьесе немецкого писателя-романтика Карла Теодора Кёрнера (Körner, 1791–1813) "Гувернантка".

[5] Т.П. Пассек.

[6] Было ли написано это письмо Таты Е.И. Токаревой (в замужестве Герье) неизвестно, но, судя по ее письму к Н.А. Герцен от 11 ноября 1913 г. из Москвы в Лозанну, их юношеская переписка вскоре прекратилась. Е.И. Герье писала Н.А. Герцен: «...позвольте мне ⟨...⟩ еще раз напомнить Вам о себе и о нашей встрече в дни нашей ранней юности в 1860 г., весною, в Дрездене, куда вы приезжали к М.К. Рейхель. Встреча б⟨ыла⟩ короткая, но она оставила во мне глубокий след и настолько живой воспоминание, к⟨а⟩к будто это б⟨ыло⟩ недавно, и я снова вижу Вас такою, к⟨ак⟩ Вы были на *карточке*, присланной Вами тогда же из Лондона с подписью: "Милой моей Душе от Таты. Август 1860 г." – Переписка наша прекратилась довольно скоро; шло время – и я т⟨оль⟩ко слышала о Вас со стороны. Но в 1883 г., когда мы проводили зиму в Баден-Бадене и почти ежедневно видались там с Пав. Вас. Анненковым, я от него унала, что Вы в Париже, живете у сестры, и когда он поехал навестить совсем уже больного Тургенева, я написала Вам и просила его вручить Вам письмо – и ждала. Но он вернулся не т⟨оль⟩ко без ответа, а к⟨а⟩к мне показалось, будто неохотно об этом говорил. – Мне было грустно. Но кто знает, м.б. это мое письмо почему-нибудь не б⟨ыло⟩ передано. И вот я пытаюсь *еще раз напомнить Вам* о былом» (*РГБ*, ф. 69. 25. 6). На это письмо Н.А. Герцен ответила 6 декабря 1913 г. В нем она писала: «Как мне не помнить "милую Душу"?! Ведь и у меня хранится фотография Ваша, которую Вы мне дали в Дрездене в 1860 г. Я и Марья Каспаровна Рейхель, – мы не раз вспоминали Вас. Мне кажется невозможным, чтобы я не ответила на Ваше письмо, если бы я его получила. Анненкова я в Париже не видела в 1883 г., значит он мне не передал ⟨...⟩ Марья Каспаровна Рейхель с некоторого времени живет в Лозанне, у сына *Алекса*, которого Вы видели в Дрездене, когда ему было 6–7 лет, и который теперь важная личность здесь (Juge fedéral ⟨федеральный судья⟩ – *франц.*). М.К. уже очень стара, ей за 90 лет, но ум и сердце остались молодыми, только память слабеет, к несчастью ⟨...⟩ Читали Вы "Воспоминания М.К. Рейхель", изданные Л.Э. Бухгеймом в Москве?» (автограф *РГБ*, ф. 70. 39. 93; здесь же хранится фотография Н.А. Герцен 1860 г., упоминаемая в письме Е.И. Герье).

8

Tower Cottage
Shanklin
Isle of Wight

18 сентября 1862 г.

Извини меня, милая добрая Маша, что я тебе так долго не отвечала. Как только я получила твое первое письмо, я сейчас же уселась отвечать, но мне помешали, я все откладывала дня ото дня. С тех пор были и Левицкие здесь[1], и я была в Cowes – у Натали[2], возвратилась в Лондон, а теперь на Isle of Wight в Shanklin'e, премилое местечко, недалеко от Ventnor'a. Gallait, знаменитый живописец[3], здесь с семейством – жена и две дочери, одна моих лет, Amélie, а другая, Marie, Ольгиных. Ольга и Meysenbug с некоторых пор у них гостят, живут. M-me Gallait и m-lle Meysenbug – друзья. – Нас, т.е. Сашу и меня, тоже пригласили, но мы приехали только две недели тому назад и взяли себе маленькую квартиру и живем себе здесь, а кушаем у Gallait. Мы все время купаемся, плаваем, бросаемся с лодки в море, ездим верхом, но, конечно, даем всего больше времени рисованью. – Они меня пригласили приехать к ним на месяц или на два в Брюссель[4], до путешествия в Италью[5] – теперь, в эту минуту, я с ужасным нетерпением жду Папашиного ответа. Позволит он или нет? – Что это было бы для меня очень полезно, в этом сомнения нет – но боюсь, боюсь, что Папаша не позволит.

Они страшно богаты, у них, говорят, дом в роде дворца в Брюсселе, другой в Париже.

⟨Лондон.⟩ 25-ого сент⟨ября⟩

Опять пролежало письмо, но теперь я знаю – Папаша позволяет[6], я через неделю уезжаю в Брюссель (теперь я опять в Лондоне) и так рада, что сказать не могу тебе – досадно мне то, что в моем отсутствие уехала miss Biller – а теперь, когда будет случай переслать портфельчик.

Теперь я целый день укладываю и убираю – в Брюссель я еду на месяц только, это решено, теперь остается еще вопрос об Италии – если Папа позволит – я в Лондон не ворочусь; тогда Папа переедет из Orsett House – в этом случае надобно, чтобы все мои вещи были в порядке, и ты понимаешь, что хлопот немало – если же он не отпустит, я ворочусь в Лондон.

⟨Брюссель.⟩ 7-ого окт⟨ября⟩

Поверишь ли ты, милая Маша? Я в Брюсселе, да, да, в этом дворце, о котором столько слышала, и так счастлива, все так добры, Amélie так мила; m-me Gallait как мать ко мне. Мы третьего дни приехали. Я останусь здесь до 1-ого ноября, а что после этого будет, сам Бог не знает.

Вы, кажется, переехали, я вашего нового адреса не знаю, но надеюсь, что письмо все-таки дойдет. – Пиши мне поскорей, милая добрая Маша, крепко тебя целую и твоих детей.

Твоя Тата Герцен

Что здоровье бедного Рейх⟨еля⟩.

Адрес мой: M-me Gallait,
N 72 rue des Palais
Bruxelles

[1] После долгого перерыва отношения Герцена с двоюродным братом, известным фотографом *Сергеем Львовичем Левицким* (Львовым-Львицким, 1819–1898) и его семьей возобновились при встрече в Париже. Здесь Левицкий сделал его фотопортрет (по словам Герцена, "превосходный"). Левицкие побывали в Лондоне в августе 1862 г., куда С.Л. Левицкий приезжал на Всемирную выставку. О взаимоотношениях Герцена с Левицким см.: С.Д. Лищинер. Письмо А.И.. Герцена к С.Л. Левицкому ("Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз.", 1962, т. XXI, вып. 2, М., 1962, с. 140–142); В.Г. Зимина и Г.И. Довгалло. Из переписки А.И. Герцена. (Новые материалы) – ("Записки Отдела рукописей" Гос. б-ки им. В.И. Ленина, вып. 37. М., 1976, с. 213–214 и 217).

[2] Лето 1862 г. Тучкова-Огарева с Лизой и близнецами проводила на о. Уайт, сначала в Вентноре, а

затем 16 июня 1862 г. Герцен перевез ее с детьми в Коус, куда на некоторое время в июле приезжала Тата с А.А. Герценом (см. XXVII, 246, 249).

[3] Луи *Галле* (1810–1887), бельгийский живописец, уроки у которого брала Тата по инициативе М. Мейзенбуг (XXVII, 249).

[4] Тата уехала в Брюссель с семьей Л. Галле 4 или 5 октября 1862 г. (см. далее в наст. письме, продолженном уже в Брюсселе, упоминание о том, что они приехали в Брюссель "третьего дни", т.е. 5 октября). Тата пробыла в Брюсселе до 18 ноября 1862 г. (см. *ЛЖГ* III, 399).

[5] Судя по этим словам Таты, вопрос об ее поездке в Италию был к этому времени решен: после возвращения из Бельгии она вместе с Ольгой, М. Мейзенбуг и горничной Жеоржиной 12 декабря 1862 г. выехала через Париж в Италию (см. *ЛЖГ* III, 408).

[6] Герцен разрешил дочери поездку в Брюссель, так как придавал большое значение ее занятиям живописью и общению с Л. Галле. 15 октября 1862 г. он писал ей в Брюссель: "Жаль мне, если твое пребывание в Брюсселе слишком скоро должно прекратится. Лучшего руководства ты не можешь иметь. Пользуйся, друг мой, и работай до устали (...) После ты можешь продолжать везде, где есть галерея" (XXVII, 255).

9

Четв⟨ерг⟩, 29-ого октября 1863.
Casa Bernato; Bagni di Lucca[1]

Уж столько время прошло с тех пор, как я тебе не писала, милая добрая Маша, что никак не решалась начать письмо, и теперь краснею, бравши перо – но путь новостей через Лондон слишком длинен и медлен, мне хочется о тебе самой опять услышать что-нибудь и тебе рассказать кое-что. Если бы хоть побранила меня за лень – но нет, в последнем письме даже не намекаешь, а потом перестаешь совсем писать, этим я очень наказана, но заслужила.

Однако повторяю, что все-таки часто о тебе думала, и вот Саша мне советовал теперь послать тебе все мои начатые письма, в доказательство – одно еще из Лондона, другие из Ниццы и Флоренции[2], но стыдно, они уже слишком залежались и стары – расскажу тебе только о Ницце, тебе верно будет приятно. Ты уж знаешь, что наши планы и надежды сбылись, что мы давно в Италии, что я опять видела Ниццу (твое последнее письмо ко мне еще адресовано в Лондон).

Почти с самого нашего отъезда из Ниццы[3] мне все хотелось опять побыть там, увидеть опять места, где играла с Колей и привыкла быть с Мамашей или просто видеть ее.

Я так часто об этом думала и старалась припомнить малейшие событья и местечки, что в самом деле многое помню, все, что могло остаться в памяти ребенка, безделицы, которые большие, т.е. взрослые не замечают. Как ты мне рассказывала, что помнишь, как шляпа твоего брата улетела и упала в воду. Ты мне рассказывала, не правда ли?

Так ты можешь себе представить, с каким биением сердца я приближалась к Ницце, к сожалению, это было ночью, я ничего узнать не могла, только город мне показался гораздо больше, чем я ожидала, и в самом ⟨деле⟩ с тех пор много построили и многое переменилось, последний наш дом там, Maison Douis[4], увеличили, прибавили этаж, сад испорчен, через него будет проходить железная дорога, но верхняя часть и вход не тронуты, и сливовые деревья, под которыми (я так ясно помню) я с Ольгой сидела и тебя ожидала...

Maison Sue[5] осталось как было, даже садик мой особый, не трогали с тех ⟨пор⟩, садовник Jean и жена его Claudine все еще там живут, нас сейчас узнали и с трогательной радостью и участием расспрашивали обо всем и обо всех. Какая разница с англичанами! В Англии, где прислуга не здоровается с барином и никогда никакого участия не берет, кроме тех, может быть, которые уж двадцать, тридцать лет в каком-нибудь доме, и то после разлуки не посмеет первая протянуть руку и shake hands[356*].

А тут Claudine меня сейчас обняла и расцеловала и видно, что с искренней радостью, не думая, что могло бы мне не понравиться и что я обижусь, что бы каждая ан-

---

[356*] пожать руку (*англ.*).

гличанка подумала. О поваре нашем Рокка, которого ты верно помнишь, и его жене и дочери[6] и говорить нечего, они смотрели на нас как на собственных детей, постарели, конечно, все, дочь, моих лет, уже вышла замуж и мать двух мальчиков. Добрые люди, они живут недалеко от кладбища, все время ухаживали за цветами, на мамашиной могиле, раз или два в год нам писали и присылали по цветочку.

Была я и на могиле – и, Боже мой, как все живо вспомнила, последние дни, последний день, утро, когда мне Папа сказал и меня привели поцеловать – похороны и отъезд. – На кладбище я сейчас узнала место по деревьям (надписи до сих пор нет, но теперь Папаша хочет заказать памятник). Они очень выросли, но я и место помнила, в левом углу – тогда она была одна – теперь их много, и много русских.

Но надобно рассказать тебе тоже, что мы теперь делаем, поэтому надобно продолжать путь. Во Флоренцию мы приехали 24-ого декабря, следственно, накануне моего рождения, которое я провела очень печально, несмотря на то, что была в Италии, день был печальный и дождливый, комнаты наши в отеле так темны и unheimlich[357*]. Но это скоро прошло, началась новая жизнь – занятия и окружения – хотя мы жили очень уединенно, нельзя было не познакомиться с некоторыми людьми. Профессор Усси ходил ко мне давать советы и поправлять рисунки – и посылал мне модели. – Итальянскому языку мы скоро выучились – и так три месяца скоро прошли. – Но в это время я еще потеряла друга и товарища, эта милая, добрая девушка, о которой я тебе писала, Johanna Kinkel. И печальная эта новость пришла так неожиданно, несколько дней после ее последнего письма ко мне, что я глазам не верила, бедная девушка, 17 лет – рано это – и такая умная, полная надежд.

В последнем письме она мне пишет, что была больна (тогда скарлатин был очень силен в Лондоне, и Лизочка Огарева была тоже больна), но что выздоровела и идет гулять – вот эта несчастная прогулка ее и погубила, она слишком рано вышла и в феврале, через несколько дней умерла в беспамяти... и вот я опять без подруги моих лет – а какие мы планы вместе строили, гадали, что с нами будет через десять – двадцать лет, как будем стараться всегда вместе быть – ни разу нам не приходила мысль о возможности смерти одной из нас, хотя обе много примеров имели от семьи. – Счастливые те, которые верят в бессмертие души, по временам я им завидую, отчего они горюют, они знают, что друзья и родные для них не потеряны, что они скоро с ними опять увидятся и будут счастливы на веки веков. Итак, похоронили бедную Иоанну возле своей матери, которая тоже называлась Иоанной и умерла года три прежде дочери ужасной смертию – ты, верно, знаешь[7].

В конце марта мы поехали в Рим, думали пробыть там месяц, но остались три с чем-то. Рим я очень полюбила. Частью от воспоминаний, не собственных, конечно, – многие места я знала уже по рассказам Папаши и Натали. Веселую жизнь вы вели тогда![8] – Ну, а потом сам по себе город так богат, что в год или больше даже его не узнаешь порядком. Папаша, занимавшийся единственно и исключительно политикой, особенно в последнее время, не понимает, как можно там жить – и, конечно, для него это было бы невозможно, цензура очень строга, журналов мало, следственно, и новостей меньше... Но нам это не так необходимо, и мы очень хорошо провели все время.

В начале июля жар стал невыносим, все уезжали, и мы решились тоже и поехали в Неаполь, да остались тоже около трех месяцев, не в самом Неаполе, а в окрестностях, месяц в Vico Equense возле Sorrento, пять недель на острове Capri, видели знаменитую голубую Гротту, потом воротились в Неаполь дожидаться Папаши. Он приехал 28-ого сент⟨ября⟩, привез с собой Сашу нам в сюрприз. Ты можешь себе представить нашу радость. Я ведь после Парижа никогда не уезжала на такой долгий срок. Рада я и за Папашу, что он хоть немножко отдохнет и рассеется, однако он все больше и больше вживается в эту уединенную и свободную жизнь в Англии, ничто ему не нравится за границей. Неаполем он был очень недоволен, да в самом деле жизнь там и неаполитанцы ужасно пусты, город сам прозаичен (конечно, не гово-

[357*] неприютны (*нем.*).

рю о чудесных видах и богатейшем музее), а за город ехать нельзя, разбойники опаснее, чем когда-либо. Папаша хотел видеть Флоренцию, но боявшись знакомых, он хотел некоторое время провести совсем тихо с нами, поэтому мы поехали в Пизу, оттуда сюда, в Bagni di Lucca, а послезавтра едем в Флоренцию на три недели.

Около 22-ого нояб⟨ря⟩ мы опять расстанемся. Папаша с Сашей поедут в Лондон, а мы в Рим – поэтому пиши, пожалуйста туда "poste restante". Не надоела ли я тебе, добрая Маша? Хотелось бы мне еще многое рассказать, но оставлю до будущего раза. Прости же меня за долгое молчание и напиши мне, как вы поживаете и какие новости от тети Лёши[9].

Папаша, все наши кланяются.

Твоя Тата Герцен

Была ли у вас m-me Теплякова – не передала ли она вам портфель и маленький альбом, который я посылала Саше моему?[10]

Мы уже во Флоренции.

6 ноября.

Рукой Герцена:

9 ноября

Вот мы в каких Палестинах и собираемся назад в Лондонские туманы и кланяемся от души вам всем.

Пер е фис[358*].

[1] Письмо написано во время путешествия Герцена со старшими детьми и Мейзенбуг по Италии: 13 октября 1863 г. они выехали из Неаполя в Ливорно, а через несколько дней – оттуда в Пизу и Лукку.

[2] Эти письма неизвестны.

[3] Рейхель увезла семилетнюю Тату (вместе с полугодовалой Ольгой) из Ниццы к себе в Париж вскоре после смерти Натальи Александровны – 22 мая 1852 г. (см. *ЛЖГ* II, 87).

[4] Герцены жили в доме Дуйса (в предместье Ниццы С.-Элен) с 12 августа 1851 г.

[5] Дом Сю Герцены снимали в 1851 г., с начала февраля до 12 августа.

[6] В замужестве – М. *Пьячентини*.

[7] Иоанна *Кинкель*, жена немецкого эмигранта в Лондоне историка Г. Кинкеля, покончила жизнь самоубийством 15 ноября 1858 г., выбросившись из окна своей квартиры (см. XXVI, 223, 224; *Тучкова-Огарева*, 103–104). В 1856 г. она давала уроки музыки и пения Тате.

[8] Речь идет о пребывании в Риме Герцена и его семьи, которую сопровождала Рейхель, – с 28 ноября 1847 г. до 5 февраля 1848 г. В середине декабря они встретились здесь с семейством А.А. и Н.Ап. Тучковых, приехавших в Рим из России с дочерьми Натальей и Еленой. Далее они путешествовали вместе. После поездки в Неаполь они вернулись в Рим 2 марта 1848 г. и участвовали в уличных манифестациях восставшего народа. Герцены уехали в Париж 28 апреля 1848 г. (см. *ЛЖГ* II, 422, 425–428, 439–449).

[9] Е.К. *Станкевич*.

[10] Сыну Рейхелей Карлу Александру (родился в июле 1853 г.; при его крещении в мае 1856 г. Тата была заочно объявлена его крестной матерью – см. XXV, 348–350; XXVI, 18, 61, 75).

10

Brianston House. Bournemouth. Hampshire
24 августа 1864 г.

Мы опять в Bournemouth'е[1], милая Маша, в этом милом местечке, в котором провели осень четыре года тому назад, после моей поездки в Дрезден. Живется здесь хорошо, по крайней мере *мне* хорошо, хоть и грустно подчас.

Узнала я многое о прошедшем, о "Былом", в последнее время[2] и все больше и больше ценю Папашину любовь к нам, чувствую, как мы сближаемся. Он стал ласковее, хотя смотрит на меня как на "большую", а не как на ребенка – мы больше вместе, часто вдвоем гуляем. Потому и расставаться становится труднее, тяжелее, а я дома работать не могу – конечно, нельзя сказать, что время совсем потеряно, я читаю, играю на фортепианах, иначе развиваюсь, меня все рассеивает, дети, разгово-

[358*] Отец и сын (*франц.* père et fils).

Н.А. ТУЧКОВА-ОГАРЕВА И ТАТА ГЕРЦЕН С ДЕТЬМИ АЛЕКСЕЕМ И ЕЛЕНОЙ (ЛЕЛЯ-BOY И ЛЕЛЯ-GIRL)

Из семейного альбома Герценов. Рисунки Таты Герцен (?) (перо). (Борнемут, лето 1864 г.)

Вверху – Тата Герцен и дети; подпись: "Les petits diables sont des anges" ("Дьяволята, ставшие ангелами"). В середине – Н.А. Тучкова-Огарева и дети; подписи: "Les petits anges apercoivent N(atali) et deviennent denouveau des petits diables" ("Ангелочки замечают Н(атали) и вновь превращаются в дьяволят"); "Natalie cherche ses petits diables" ("Натали ищет своих дьяволят"). Внизу – портрет неизвестного; подписи: "Romson"; "Simpleton Esq-re" ("Рамсон"; Семплетон эск(вай)р")

Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится по книге: Русские пропилеи. Том IV. Москва, 1917

ры, я не могу достаточно концентрироваться на живописи, я чувствую, что хоть зиму я должна проводить в месте, в котором все интересуются всеми этими вещами, быть в среде художников.

Ведь мы здесь в Англии ни одного художника не знаем, и с расстояниями лондонскими все так трудно, в год раз соберемся пойти посетить какую-нибудь галерею. Поэтому всего вероятнее, что мы, m-lle Meysenbug, Ольга и я, опять будем зимовать в Риме. Сначала нас останавливало то, что эта – уединенная – жизнь Ольге больше вредит, чем приносит пользы, она по-старому очень умна, но рассеянна и еще ужас-

ный ребенок – т.е. неразвита – "très enfant" и "enfant terrible"[359*] – особенно когда мы втроем, потому что, зная слепую любовь Мальвиды, которая ее даже часто заставляет быть несправедливой, она ставит все по-своему, не слушается и с этой страстью дразнить (наследствие Папаши) она меня иногда доводила до того, что я проклинала Италию, Рим и нашу "trinité"[360*] – а делать ничего я не могла...

31-го августа

Это письмо было начато до вчерашней записочки. Я хотела тебе подлиннее написать, а тут Папаша спешил, я и прибавила несколько слов в его записке[3].

Однако не делай себе слишком ужасную картину Ольгиных шалостей – ведь большей частью виноваты взрослые, а не дети. То, что она еще так "enfant" – может быть, счастие, учиться она очень не любит, и вообще минуты не может просидеть на одном месте. Главное ее удовольствие – лазить по деревьям в мужеском платье, верховую езду она, как и я, очень любит, мы часто ездим вместе. Черты ее очевидно меняются, она становится все больше и больше похожа на Сашу. – Она очень грациозна, *когда хочет*, очень мила и забавна, комична. Натура талантливая, но сладить с ней ужасно трудно. Здесь я взялась немножко за Лизу, попробовала исполнять материнские должности, она спала со мной, я ее одевала, раздевала, учила – последнее мне доставляло, да еще доставляет большое удовольствие, потому что она ребенок умный и со мной учится охотно, признаться, я ее не мучила сухими вещами, а так, рассказываю что знаю, рисуя ей карты, и читаю ей. Дети Огарева все умны. Близнецы ужасно забавны, ты не можешь себе представить двух натур более противоположных – физически и нравственно. Во-первых, к большому стыду Н⟨атали⟩, я нашла, что они говорят только по-английски, кое-что понимают по-русски, но не говорят ни слова. Так как они оба *Лёли*, чтобы различать, их называют Лёля-*boy*[361*]и Лёля-*girl*[362*]. – Девочка больше, сильнее, живее, бегает, шумит, покою не дает, тиран Natalie, смуглая – и гораздо больше похожа на мальчика, чем брат, который очень тих, серьезен, всегда один играет – маленький "мизантроп" – и волосы у него почти белые, однако они к другу очень привязаны, хотя Папа говорит, что когда они вырастут и будут вместе жить, она будет ему говорить: "Мы близнецы, родились вместе – заплати мои долги!"

Странно и досадно видеть, как таких милых ребятишек можно портить слепой любовью или неразумной любовью, не знаю, как назвать, потому что Natalie портит их так же, как Мальвида Ольгу, и хотя у них характеры такие противоположные: М⟨альвида⟩ вечно тихая, терпеливая, а Natalie нетерпеливая, и вспыльчивая – обе от любви несправедливы и результат их воспитания один и тот же.

Но я верно надоела тебе этими подробностями, милая Маша, – они не могут тебя интересовать как меня. А меня они мучают, потому что, как бы я ни любила этих двух женщин, все что-то мешает совсем искренно сближаться.

Прощай, крепко-крепко тебя целую и еще прошу не сердиться и не думать, что я тебя больше не люблю, когда от лени не пишу.

Твоя Тата Герцен

Мы одни остались, в этом большом пустом доме странно печально, к тому же погода дождливая. Папаша и Огаревы уже в Лондоне, в Tunstall House, Maida Hill.

Крепко жму руку Рейхелю и целую детей, особенно моего Сашу. Нет ли новостей из России?

Не слыхать ли что-нибудь о Marichen[4]? Пора ей возвратиться.

Ты верно получишь письмо в день именин моих, напиши мне словечко или просто подумай о нас, а я выпью за ваше здоровье.

359* "совсем дитя" и "дитя ужасное" (*франц.*).

360* "троицу" (*франц.*).

361* мальчик (*англ.*).

362* девочка (*англ.*).

[1] Тата с Ольгой и Мейзенбуг приехала из Италии в Борнемут, где проводила лето семья Герцена, 24 июня. Выехали обратно в Рим 25 октября.

[2] 2 августа Герцен передал Тате для чтения рукопись "Рассказа о семейной драме" ("In side") из ч. V "Былого и дум", а перед этим "с каким-то религиозным трепетом" прочел ей отрывок "о последних минутах" Натальи Александровны (см. XX, 606; *ЛЖГ* IV, 26).

[3] Речь идет о письме Герцена к Рейхель от 28 августа, к которому Тата сделала свою приписку с датой "29 августа" (см. XXVII, 509–510).

[4] Мария *Фомм*, гувернантка детей Герцена в 1852–1854 гг. По-видимому, в 1863–1864 гг. она была в Китае (см. XXVII, 335).

11

25-ого дек⟨абря⟩ 1864 г.
36. Corso. Рим.

Поздравляю тебя, милая моя Маша, с Новым годом, желаю тебе провести его как можно лучше и весело.

Вот третье рождение, которое я провожу далеко от "своих". – Первые два были уже довольно печальны, третье еще мрачнее. Я думала, что Папаша довольно страдал и перенес в своей жизни, что по крайней мере на старости лет все кругом будет весело и утешать его – но я ошиблась, по-видимому. Ты, может быть, еще не знаешь, что случилось, что мы потеряли наших милых маленьких близнецов – Лелю-Девочку и Лёлю-Мальчика[1], о которых я тебе, кажется, много рассказывала. Natalie хотела провести зиму в Париже. Папаша был там только проездом, он собирался в Женеву, хотел осмотреться там, думал о переселении и вообще хотел отдохнуть немножко от работы, английского воздуха и хлопот, которые ему дали нездоровья Огарева. Вместо этого, Леля-девочка простудилась, доктора говорили, что ничего; когда было слишком поздно, они узнали, что это *дифтерия*, болезнь в горле, сделали операцию, но ребенка не спасли. Ровно неделю позже, 10-ого – дек⟨абря⟩ скончался мальчик. Natalie, в отчаянии, почти в безумии, бежала из Парижа с Лизой, они в Montpellier. – Что бедный Папа перенес и перестрадал, сама Natalie говорит, что это изумительно. Он все время ходил за детьми, которых он, конечно, любил не меньше своих.

Огарев приехал только 6-ого дек⟨абря⟩, в день своих именин и рождения, Тхоржевский его провожал, потому что здоровие все плохо – он не может помогать, напротив, за ним надобно смотреть. Когда мальчик умирал, с ним сделался припадок. На следующий день после отъезда Natalie в Montpellier они получили от нее телеграмм, что Лиза тоже заболела. Огарев рвался туда, но Папа не пустил, он не перенес бы 17 часов железной дороги, сам поехал – к счастию, Лизу спасли, благодаря, должно быть, быстрой перемене климата. Бедная Natalie! Она, которая жила одной любовью к своим детям, – что она будет делать? Любовь к Лизе ее поддержит, да, без этого она бы давно погибла. – Теперь я не знаю, где они все – завтра получим письма. Папа собирается в Ниццу с маленькими трупами, их положат около мамаши.

И вот сижу я одна-одинехонька на скамейке и пишу тебе. Мальвида с Ольгой в Святом Петре[2], но меня не интересует больше Пий IX и его благословение, прошлого года достаточно видела. Прислуга и хозяйка в церквях, одна Линда со мной, Ольгина собачка, да множество цветов кругом, знакомые прислали с поздравлением, а половину я сама купила, чтобы сделать сюрприз М⟨альвиде⟩ и О⟨льге⟩ он очень удался, потому что я заказала *три* горшка, как будто один для меня, они и не подозревают, что это от меня.

Ты что делала все это время? – Помнишь ты праздник и елку твою в Париже?[3] Уже двенадцать лет прошло с тех пор, но я хорошо все помню – и куклу с сарафаном и богатой "garde-robe"[363*], маленький комод, "das Buch der Welt"[364*], еще существует. Припоминаю все мои *рождения* и вижу, что чем дальше назад, тем веселее все было.

[363*] "гардеробной" (*франц.*).

[364*] "книга мира" (*нем.*).

Расскажу тебе, как мы живем теперь. Все очень тихо и уединенно. Я хожу в ателье Rudolf'a Lehmann'a с 9 – 12, возвращаюсь позавтракать и обыкновенно опять работаю до трех. До сих пор я была одна, класс начнется 2-ого января – тогда у нас будут живые модели. Успехами своими я не так довольна, как бы хотелось быть – хотя работаю довольно усердно, летние месяцы проходят в путешествиях и других "занятиях". Вечера наши длинны, мы учим Ольгу, потом я читаю громко им одна до 11. Порядок этот разрушен время от времени визитами Грегоровиуса, unser Hausfreund[365*], может быть, ты о нем уже слышала, он пишет *огромную* историю Рима и довольно знаменит своими маленькими вещицами "Römische Bilder", "Corsica", "Gräber der Papste"[4] и т.п. Да обыкновенно мы раз в неделю ходим к Линдеманну, прошлогодний мой учитель, у них устроились музыкальные вечера.

Ольга все тот же ребенок, живой, грациозный, умный, но рассеянный до высочайшей степени, ленивый и шаловливо-непослушный. Однако Маль⟨вида⟩ выдумала хорошую вещь теперь – два раза в неделю приходят к нам две итальянские девочки Ersilia и Genevra. С первой Ольга уже давно дружна, с последней недавно познакомилась. Они обе удивительно умны и страшно любят учиться, может быть оттого, что редко случается, они принадлежат к средней буржуази, учителей брать не могут, а в школах, кроме читать и писать, ничего не учат. Уже не говоря о самих детях, которые в восторге, родители тоже очень благодарны, а в Ольге это мало-помалу развивает самолюбие, желание постараться, потому что они обе гораздо внимательнее ее. Удивительно талантливый народ, умный, понятливый, что бы можно из него сделать! Но попы и иезуиты его губят и держат в невежестве.

Однако прощай, милая Маша, крепко целую тебя, Сашу и всех вас – пиши мне поскорей. Мы переехали, адрес наш: 36. Via Felice.

Roma. II-do piano.

Твоя Тата Герцен

Какие известия из России? Что Маволинка, тетя Лёша и Душа?[5] Всех целую.

По последним письмам я узнала, что Огарев вернулся в Richmond, чтобы лечиться, Папа и Саша в Женеве, остальные в Montpellier.

M-lle Meysenbug и Ольга кланяются.

[1] Младшая дочь Герцена и Тучковой-Огаревой Елена (Лёля-girl) умерла в ночь с 3 на 4 декабря, а сын Алексей (Лёля-boy) – 11 декабря, также от дифтерии.

[2] По случаю рождества.

[3] Тата и маленькая Ольга после смерти матери жили у Рейхель в Париже с мая 1852 до конца апреля 1853 г.

[4] Речь идет о многотомном труде немецкого историка Ф. Грегоровиуса "Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter" (Stuttgart; в 1859–1862 гг. вышли т. 1–4). Книга "Corsica" (Bd. 1–2, Stuttgart und Tübingen) опубликована в 1854 г., а затем выпускались ее сокращенные издания. Тата упоминает также, очевидно, следующие работы: "Figuren, Geschichte, Leben und Scenerie aus Italien" (Leipzig, 1856); "Die Grahmaler der romischen Päpste. Historische Studie" (Stuttgart, 1857). Эти "чудесные и поэтические брошюры Грегоровиуса о Корсике, Италии, Риме" отмечены Герценом уже в 1857 г. как заслуживающие переводов на русский язык (см. XIII, 102).

[5] Имеются в виду М.Ф. Корш, Е.К. Станкевич и Е.И. Токарева.

12

21 декабря 1865. Château Boissière[1].
Route de Chêne. Genève

Давно ты не имела прямых известий от нас, милая Маша, а знать хочется, как поживаем, что поделываем – поэтому без длинных предисловий, дам тебе хоть издали понятие обо всем. Во-первых, представь себе, что ты приехала в Женеву, уже десять минут сидела в Tram-way (американские омнибусы, на рельсах), кондуктор звонит, кучер останавливается перед большими воротами: "La grande Boissière, madame"[366*] – ты входишь в ворота, идешь по большой аллее, заборы по обеим сторонам – неожи-

[365*] нашего друга дома (*нем.*).

[366*] Большой "Буассьер, госпожа"! (*франц.*)

данно направо опять явились ворота и показался огромный старый двухэтажный дом, не обыкновенный четыр⟨ех⟩угольный модный ящик, как водится теперь, а немножко украшен; в середине дверь, под большой колоннадой, над этой колоннадой вторая, или длинная терраса, украшенная архитравом, что ей придает вид греческого храма.

Ты, как все приходящие в первый раз, направилась бы к большой передней двери, которая всегда заперта зимой; но положим, что по необыкновенному какому-нибудь случаю она отворена – ты отворила бы стеклянную дверь и вошла бы в большую четверугольную комнату с ужасно скользким каменным полом, на вид опустелая, холодно, неуютно в ней. Направо, над печкой, ниша, в ней стоит Наполеон I, перекрестивши руки, в треугольной шляпе, и грозно смотрит в левый угол, на бюст Грановского. Это летняя столовая. Что тебе делать? Три двери, направо, налево и вперед. А везде тишина – но вдруг раздается лай собак, во всевозможных тонах – нетрудно услышать, что лают с правой стороны. – Ты стучишься, отвечают только лаем – ты отворяешь дверь и мигом окружена m-me Линдой (Ольгина собака) и ее щенятами. Видно, ты ошиблась, потому что это спальня, тоже заброшенная, холодная (бывшая Сашина). Затворяешь дверь, думаешь: попробую прямо пойду – стучишься, молчание. Входишь – большой салон. Во всех углах стоят статуи, на пьедесталях, большие столы в середине, несколько книг на них валяются, фортепиано стоит – но и тут холодно и как будто никто не живет. Два окна и стеклянная дверь в сад, вид на большой сад и горы. – Направо, налево двери, что делать? Про⟨ходишь⟩ опять направо – отворяешь дверь – и что же, темнота! Все ставни закрыты, но благодаря свету, вошедшему с тобой в дверь, ты видишь на вид бесконечную залу футов в 54. И тут ниши, в них стоят Венеры, Амуры, Бахусы... Люстры висят. – Ты затворяешь опять дверь, начинаешь думать, что ошиблась, что это дом допотопный, необитаемый. – Входишь налево в дверь, и тут никого нет. – На стенах обои представляют небывалые тропические растения, напоминают они столовую Виллы Ливии, жены Августа, в Prima Porta около Рима, только что там видно, что художник получше изучил природу – что же делать, не пошло искусство вперед. – Однако тут висят другие художественные произведения, во-первых, аллегорическая картина, прозрачные фигуры летят, носят "Колокол", над ними сияет Звезда, внизу Хаос...[2] Копии разные висят, головы Рембрандта, Галилея, "Bella di Tiziano"[3]. – Поэтому все-таки узнаешь, что в герценском доме – и в столовой. – Однако выходишь – сени, лестница – идешь наверх – дверь отворена направо – видна кухня, но тоже не употребленная. На дверях номера, точно в Hôtel'e[367*] – стол, стулья, диван, шкап, все на месте, в порядке, два окна на большую террасу – но никого нет; входишь в следующую, больше первой, два окна и стеклянная дверь на террасу – мебели мало, но стоит кровать, значит спальня, тоже необитаемая, входишь в третью, окна тоже на террасу, тоже кровать стоит, и тоже видно необычная. Если бы ты не вышла из терпения и продолжала бы путь свой на той стороне, ты увидала бы еще две комнаты, – значит, на одной стороне второго этажа 5 необит⟨аемых⟩ комнат. – Но тебе это надоело, ты вышла в коридор, вошла в комнату противоположной стороны, тут повеял приятный теплый воздух – мебель красивая, в середине большой круглый стол, на нем книги, бумаги, журналы, цветы, карандаши и т.д., полки с книгами, на камине бюст Пушкина, этрусская ваза... У окна стоит, на нем тоже бумаги, книги – и микроскоп. В одном углу мольберт, начатый портрет "Искандера"[4] – тряпки, шкатулка, ключи. Направо две ступеньки и дверь в спальню; налево дверь в будуарчик крошечный, в котором столик с цветами, диванчик, скамейка и вицгармониумчик. Вот где Таты зимуют. Да; наконец-то ты нашла, где я, тут-то я и провожу целый божий день.

Что делаю? Превратилась опять в "Schoolgirl"[368*] – хотя знаешь, что я скоро совершеннолетняя; большая часть утра, конечно, проходит в рисовании, недавно Папашин портрет сделала, маленький профиль[5] – сходство обыкновенно удается. – Те-

367* гостинице (*франц.*).

368* "школьницу" (*англ.*).

перь собираюсь начать "*серьезный*", большой портрет – соседки нашей m-me Касаткиной[6], масляными красками, конечно... Благодаря m-me Лион, которая уговорила меня брать уроки пения, я теперь и этим занимаюсь. Голос мой иногда, даже часто, блуждает, и ad libitum[369*] превращается из soprano в contralto. Дело в том, что я часто простужаюсь, и после одной, очень сильной простуды, у меня, в самом деле, голос переменился. Я, конечно, ни при ком не решаюсь петь – я учусь из чисто семейно-эгоистической цели – доставляю удовольствие Папаше, Огареву и себе – а там, дальше мне все равно. Если б оно мне не стоило ужасных усилий, я, пожалуй, и пела бы, но для меня это удовольствие превращается тогда в мучение. Естественно, что я в моем, почти монашеском, одиночестве, не могу отделаться от "самолюбиво-застенчивой неловкости". – Кроме этого, ходит ко мне поляк, учит[7], рассказывает всевозможные возможности, касающиеся до естественных наук. – Ужасно интересно. Ну, потом почитаю, попишу, да с Папашей поболтаю и оглянуться не успею – как пора прыгнуть в постель...

Итак, ты видишь, что я по-старому одна-одинехонька. Ольга с m-lle Meysenbug и Сашей во Флоренции. M-lle M(eysenbug) не могла выдержать здешнего климата, перед которым и мое железное здоровье должно было склониться. – Потом и для Ольги, может быть, там удастся усадить ее за занятия. – Зная ее характер и порядок дома нашего, ты понимаешь, что здесь это было почти невозможно. – Natalie – все еще не приходит в себя – и не придет – жизнь ее кончена. Несчастье прошлогоднее ее совсем погубило. Ее поддерживает чувство долга относительно Лизы, а то бы она давно не жила.

Бедная, замученная – самою собой, что всего хуже, она вместо того, чтобы стараться забыть, хоть рассеяться, она окружается всеми детскими вещами, кроватками, никогда не ложится в постель – спит, ест кое-как, как попало – ей все равнодушно, она с нетерпением ждет смерти. – Мне ее ужасно жаль, а помочь не могу. Боясь свирепой зимы и бизы, она тоже уехала с Лизой – они в Montreux. Часто кто-нибудь из нас – по очереди – ездит к ним. Там-то я и простудилась[8], но зато доброе дело сделала, т.е. устроила учение Лизино. – Такого живого, умного ребенка оставить без занятия – беда. – Она же к тому, не то что мы, учится славно и с любовью. – А мы все так поздно развиваемся, что труда не стоило бы – на такое короткое время.

И переписка моя уменьшилась значительно – Полина Левицкая теперь в России, Mimi Oppenheim, прелестная живая девушка, с которой я подружилась в Риме, последовала примеру всех девушек, с которыми я сближалась – умерла. В Англии я никого не оставила.

Осталась одна Катя[9] и "старинные друзья" – как ты, добрая моя Маша. – По этому поводу Саша получает целые томы – с иллюстрациями и разным вздором – под заглавием "Колокольчика"[10] – он право добрый малый, несмотря на то, что мой брат; я его очень люблю. – С женевками сходиться я не могу, что у нас общего? Это свело бы меня только в их светскую жизнь и визитничество. – Русских здесь много, но большею частью не хотят или не могут с нами знакомиться, а эмиграция – как все другие – если состоит из 10 человек, образует столько же или 11 партий. Главные недруги, женевские "Монтекки и Капулетти" – это "Буассиерцы" и так называемые "Людмиловцы", во главе у которых Герцен и m-me Шелгунова[11]. И странны нынешние молодые русские, женщины, как и мужчины. Ты, верно, встречала когда-нибудь и знаешь каких-нибудь нигилистов. – Это хотя и глупое название, они сами себе его дают. Это отсутствие всяких форм, которое доходит до неграциозности, странно поражает нас – "отсталых". – Итак, живу я самой эгоистической жизнью. – Единственное доброе дело, это, может быть, одно то, что мое присутствие приятно Папаше.

Он все тот же, живой, веселый, и, кажется, мной доволен, поэтому и мне хорошо. – Бедный Огарев слабеет, здоровье его плохо, но и он тот тихий, добрый, ласковый индивид. Что с нами будет по окончанию срока найма квартиры, не знаю. – Здесь мы во всяком случае не останемся. – Папаша привык к большим городам, естественно, что вечные здешние сплетни ему надоели. – И дом для нас не годится

369* свободно (*лат.*).

больше, он в самом деле пустой себе почти стоит... Куда полетим, не знаю, Папа, кажется, думает так устроить, что я с ними останусь, жить будем где-нибудь в Vevey, Montreux, Lugano, на юге Франции, в Мезопотамии или в Каннах. Но мне нехорошо, боюсь одичать. Во всяком случае, буду ездить навещать Ольгу и Сашу во Флоренции по временам. – Там знакомых много.

Теперь расскажи ты мне о себе и своих – что Саша? Все еще трудно с ним сладить? – Что Эрнест и незн⟨ак⟩омый? Рейхеля и твое здоровие? Благодарю и целую тебя за карточку – хотя фотография нехороша, по ней ничего не узнаешь[12].

Следовала ли ты за делом "пожаров" и обвинениями против Папаши?[13] – Видишь, что все бывшие друзья отпадают... Однако Тургенев на днях прислал опять поклон и сказать велел, что надеется, что они все-таки по-старому...[14] Меня это очень обрадовало, сама не знаю, почему. – Все-таки жаль видеть, как люди, некогда дружны и интимны, мало-помалу совсем отдаляются друг от друга, потом, он все-таки же приятный, несмотря на разные странные прихоти. А Анненков? Боткин? – Анненкова я встретила в Париже года 1 $^1/_2$ тому назад. По отношению ко мне он оказался тот же старый друг – с тех ⟨пор⟩ ни слуху, ни духу о нем. А Боткина Папа недавно встретил совсем неожиданно в Montreux. Папа к нему подошел, он как будто замялся, что-то пробормотал... На следующий день они только раскланивались[15].

ГЕРЦЕН

Рисунок Таты Герцен. Женева, 1865

Национальная библиотека, Париж

"... недавно папашин портрет сделала, маленький профиль – сходство обыкновенно удается" (Тата Герцен – М.К. Рейхель, 21 декабря 1865 г.)

[1] Старшие дети Герцена приехали с Мейзенбуг из Италии в Женеву около 1 июня 1865 г. Туда же ранее, 11 апреля, переехал из Лондона Огарев, а 17 апреля прибыли из южной Франции (Канна, Ниццы – через Марсель, Лион) Герцен с Тучковой-Огаревой и Лизой. Вся семья поселилась в снятом Герценом Буассьере (château Boissière) – "старинном швейцарском замке с террасами" (см. *Тучкова-Огарева*, 216–217). Однако попытка Герцена вновь объединить семью потерпела неудачу: Тучкова-Огарева не сумела и теперь ужиться со старшими детьми Герцена. Еще в июле Ольга была помещена в учебный пансион Фрёлиха в Берне, а когда выяснилась, что состояние дел там неудовлетворительное, она с Мейзенбуг 1 ноября уехала вновь во Флоренцию, куда еще около 27 августа вернулся Саша. 17 или 18 сентября покинула дом и сама Тучкова-Огарева, поселившись с Лизой в Монтрё.

[2] Картина А.П. Боголюбова «Апофеоз "Полярной звезды" и "Колокола"», написанная в Париже в 1859 г., а в июне 1860 г., присланная "русскими художниками" в подарок Герцену. Она хранилась в семье Л. Риста до 1970 г., когда была передана им в Музей А.И. Герцена (Москва). См. XXVII, 18, 21, 70; Е.Ф. Юнге. Воспоминания. М., ⟨1913⟩; С. Макашин. Дар правнука Герцена ("Лит. газета", № 99 от 15 июля 1970 г., с. 6).

[3] Копии с "Автопортрета" Рембрандта и с портрета Галилея работы неизвестного художника были сделаны Татой в октябре–ноябре 1862 г. во время обучения в Брюсселе у художника Л. Галле. "Красавицу" Тициана Тата копировала в галерее Шиарра в Риме в январе–марте 1864 г. (см. XXVII, 271; письма Таты к Герцену от 29 января и 25 или 26 марта 1864 г. – в наст. томе).

[4] По-видимому, портрет Герцена "в серой блузе" (воспроизведен в *ЛЖГ* IV, по копии, экспонируемой в Музее А.И. Герцена; оригинал – в собрании Н. Риста, Франция).

[5] Возможно, речь идет о карандашном рисунке, воспроизведенном в *ЛЖГ* IV; оригинал – в *BN*.

[6] Этот портрет Е.А. Касаткиной неизвестен.

[7] Польский эмигрант И.Ф. *Савицкий*, участник восстания 1863 г. (конспиративное имя – Ян Стелла).

[8] Тата гостила в Монтрё у Тучковой-Огаревой с 2 по 8 декабря, в дни памяти ее умерших близнецов (см. XXVIII, 121).

[9] Е. Владимирова.

[10] Эти письма Таты к Саше Герцену не сохранились.

[11] Л.П. *Шелгунова* познакомилась с Герценом в феврале 1859 г. в Лондоне, куда приехала "специально на поклон" к нему с мужем Н.В. Шелгуновым и М.Л. Михайловым (см. XXVI, 327; Н.В. Шелгунов, Л.П. Шелгунова, М.Л. Михайлов. Воспоминания, М., 1967, т. 1. с. 108, 122–127; т. 2, с. 97–98; *ЛЖГ* III, 23–24). Однако поселившись в 1863 г. в Женеве и сблизившись с А.А. Серно-Соловьевичем, она заняла затем в "молодой эмиграции" позицию, наиболее враждебную Герцену (см. XXVII, 556, XXVIII, 81, 105, 112).

[12] Эта фотография Рейхель неизвестна.

[13] В связи с "пожарами в Северо-Западном крае" в августе 1865 г. была развернута русской официозной прессой кампания клеветы против Герцена. Она была начата статьями "Виленского вестника" от 17 августа и "Русского инвалида" от 18 августа об участии в поджогах "агенции Герцена в Тульче", была подхвачена "Московскими ведомостями", но в ней участвовали также славянофильский "День", либеральные газеты "Голос", "СПб. Ведомости". Опровержения Герцена см.: XVIII, 405–409, 417–425, 429–431, а также: С. Лищинер. Неизвестное письмо А.И. Герцена в бельгийской газете ("Вопросы истории", 1987, № 4, с. 184–189).

[14] Поклон и предложение возобновить "долголетнюю дружбу" было передано И.С. Тургеневым через М.В. Авдеева, который приехал в Женеву около 6 ноября. Авдеев встретился с Герценом между 13 и 17 ноября. – См. Н.А. Островская. Воспоминания о Тургеневе ("Тургеневский сборник", Пг., 1915, с. 63–76); *ЛЖГ* IV, 193–194, 197.

[15] Герцен встретил В.П. Боткина в Веве 17 или 18 сентября, а затем вновь – 20 сентября (см. XXVI-II, 104; ср. письмо Боткина к И.С. Тургеневу от 18 октября ("В.П. Боткин и И.С. Тургенев. Неизданная переписка". М.–Л., "Academia", 1930, с. 221–222).

13

26 мая 1866 г.
N 7. Quai Mont Blanc. *Genève*

Не могу тебе сказать, как мне было больно читать твое письмо, дорогая моя Маша. Мне было больно, совестно, досадно, стыдно, что я живу в Boissière, в таком удобстве – в то время как тебе тесно, нехорошо – неудобно! Что бы я не дала, чтобы променяться тогда! Чтобы полететь и хоть чем-нибудь помочь тебе – за детьми смотреть. – Когда же тебе будет покойно – когда же ты отдохнешь?

Вечная тревога, вечные хлопоты, то дети больны, то Рейхель... Хотела я тебе еще из Boissière писать, как только получила твое письмо, хотела предложить и просить тебя погостить у нас. – Постаралась бы я тебя побаловать. Вот было бы хорошо в большом саду, на бархатном лугу под старыми деревьями... Но пришел срок сдачи дома и мы расстались с ним – променяли его на квартиру в городе, где завели свое хозяйство *вдвоем* с Папашей[1]. Огарев в горах, лечится льдом и довольно успешно.

Здесь уже лишнего уголка не найдешь – даже верный наш Пан Тхоржевский должен нанимать себе комнату в соседстве. Две спальни, салон, столовая, – что следует для прислуги – вот и все. Зато вид какой! На озеро и Mont Blanc – и вечером чудо как хорошо и тихо – бесконечное число огоньков отсвечиваются в озере. И здесь я часто остаюсь совершенно одна (как теперь напр(имер)), когда Папаша уезжает на несколько дней в Lausanne к Natalie и Лизочке. Но для меня это не ново – дни так же быстро, незаметно проходят, особенно когда погода нехороша, сидишь себе – занимаешься и вот уже вечер – зато мне хорошо на дворе – досадно, что не с кем гулять (когда Папы нет).

Однако погуляла я пять неделей в Montreux[2]. Расставшись с Boissière, я поехала к Natalie, хотела у них погостить неделю, а осталась больше месяца. Жили мы в Hôtel des Alpes, Veytaux – около Chillon, подальше Montreux. Наши "коопенсионеры", большею частью англичане, были чрезвычайно любезны ко мне – к тому же приехал родственник Natalie[3], с которым мы катались по озеру, гуляли и лазали по горам – словом, очень хорошо провели время. Пожалуйста, не выдумывай себе тут романа. Стоит девушке упомянуть мужское лицо и дело кончено – роман готов, все всем ясно, все всё знают – когда ничего нет! Родственник Natalie почти так же несчастен, как она сама – недавно потерял жену, которую страстно любил, и дочку, после рождения которой жена умерла.

Я прочла странную фразу в твоем письме к Папаше, милая моя Маша. Ты его как-будто с ужасом и с удивлением спрашиваешь: "Неужели вы ее готовите в старые

девы?", говоря обо мне. – Тебе, может, странно покажется, что я тебе скажу, но это правда, что семейная жизнь меня не очень привлекает.

Здесь, в Швейцарии, статис(ти)кой доказано, что большей частью девушки выходят замуж от 15, 16–18 лет – и еще больше, после 25 лет. – Должно быть, и в других странах так, и это очень естественно. До 18 лет девушка может еще мечтать – se faire des belles illusions[370*] броситься в объятья первого встречного, ввязаться на всю жизнь, не обдумывая, что делает – и то это может случиться скорее здесь и во Франции, да вообще в Европе, скорее чем в России теперь – где девушки благодаря оклеветанному "нигилизму" гораздо раньше умственно развиваются и стараются быть самостоятельными. Конечно, и между ними найдутся ветренные, но от другой причины – это хвастовство или "bravade" – чтобы доказать, что они "эмансипированные". – После 18 лет девушка начинает рассуждать, on devient plus difficile[371*]. Ранняя эта эпоха прошла для меня очень тихо и мирно – теперь я уже *difficile* и, признаться тебе, милая Маша, не знаю, мало ли людей я вижу или трудно меня удовлетворить, но я не встречала человека, который бы мне нравился во всех отношениях – уж конечно, я не говорю о наружности, или это мне не то, чтобы совершенно равнодушно, но все-таки же, по-моему, одна из последних вещей. А может быть, я холодная натура – как мне это неприятно, а я все-таки должна сознаться, это должно быть так... Неприятно отказывать, а что же делать, когда чувствуешь, что все не *то*. Еще прошлого года, летом, пришлось отказать. Самой было досадно и больно. Молодой русский, такой хороший, умный, серьезный, занимающийся естественными науками (по моему, *большое качество*)[4]. Папа его очень полюбил. Но все не то. Ум – почти-что слишком практический, или как бы это сказать. – Я не ищу идеализма, сохрани Бог, это мы предоставляем немцам, n'en deplaise à Reichel[372*], но напр(имер), видно было, что искусства для него не существует, несмотря на все желание понять, оценить – во всем просвечивал *утилитаризм* и оскорблял. – На будущую зиму я поеду опять в Италию, на этот раз опять во Флоренцию. Мы ожидаем Сашу[5]. Он хочет видеть Огарева, который путешествовать не может. Поживет здесь, а потом мы вместе поедем во Флоренцию к Ольге и Маль(виде).

Я останусь – Папа вернется и будет жить в квартире с Огаревым. Весьма может быть, что я до этого сделаю маленькую прогулку в *Como* с Папашей, чтобы посетить Гарибальди. Главная квартира волонтеров будет там.

Значит, скоро Европа будет опять вся в крови. Ужасная эта война! Здесь многие желают и с нетерпением ее ждут. А чем больше я слышу и думаю вообще о войне, тем гаже, отвратительнее и страшнее она мне кажется. Человек становится хуже дикого зверя, миллионы людей убивают друг друга, большею частью сами не зная, с какой целью, и не думая о последствиях, о страданиях близких после каждой смерти, каждой раны... Прочти будущий "Колокол" – увидишь ты, как и в России хорошо жить теперь. В самом деле, волосы дыбом стоят при чтении этих *ужасов*[6].

Несчастный этот Каракозов, хорошую услугу он сделал России этим выстрелом. Арестам конца нет – все знакомые арестованы и в руках Муравьева – это достаточно, чтобы знать, что их пытают. Каракозов, ясно, фанатик – и никакого тут заговора не было – но как же не воспользоваться таким случаем, чтобы "очистить Россию".

Вот как они принимаются за дело – взят студент Бельгин – велят ему припутать к делу Николая Утина, молодой эмигрант, который себе преспокойно и тихо здесь живет. Бельгин лгать не хочет – его потчуют нагайкой. – Он предпочел смерть *лжи* и повесился ночью. Что делают с Каракозовым, ты узнаешь из "Колокола". Впрочем, кажется, и это будет напечатано. Что Станкевичи и Душа? Где они?

Обнимаю и крепко, крепко тебя целую, дорогая Маша, тебя и твоих всех. Что делает мой Шушка – все собирается в Америку или успокоилась "кровь горячая, молодецкая"?

Твоя Тата Герцен

370* строить себе прекрасные иллюзии (*франц.*).

371* становится более разборчивой (*франц.*).

372* не в обиду Рейхелю (*франц.*).

[1] Герцены переехали из Château Boissière на новую квартиру в начале апреля, до 5. Огарев поселился в пригороде Женевы Petit Lancy.

[2] Тата была в Монтрё с 30 марта до конца апреля, а около 2 мая Тучкова-Огарева переехала с Лизой в Лозанну.

[3] А.Н. *Жемчужников*, двоюродный брат Тучковой-Огаревой, приехал из России по ее приглашению (см. XXVIII, 174, и в наст. томе письмо Тучковой-Огаревой к Герцену, написанное между 2 и 4 декабря 1865 г., а также *АО*, 38).

[4] Речь идет о В.Ф. *Лугинине*, давнем знакомом Герценов. В 1862 г. он, занимаясь химией в Гейдельберге и активно участвуя в организации там русской студенческой читальни, неоднократно приезжал к Герцену в Лондон. После перевода Вольной русской типографии в Женеву он стал (под именем В. Стрельцова) одним из ее пайщиков. Здесь он особенно сблизился с семьей Герцена и в конце июля или начала августа 1865 г. просил руки Таты (см. *ЛЖГ* IV, 151–152). Несмотря на отказ, Лугинин еще долгое время не оставлял надежды на изменение ее решения. 22 или 23 сентября 1866 г. Герцен сообщал Мейзенбуг, что Лугинин "снова просит руки Таты" ("честнейший, чистейший человек, настоящий рыцарь"). Попытки подобных объяснений предпринимались Лугининым вплоть до отъезда в Россию осенью 1867 г. (см. XXVIII, 125, 232, 234, 237; XXIX, 91).

[5] А.А. Герцен приехал из Флоренции в Женеву 20 августа. 23 сентября он вместе с Татой отправился вновь во Флоренцию.

[6] Все материалы, помещенные в л. 221 "Колокола" от 1 июня, были так или иначе связаны с террором в России после выстрела Д.В. Каракозова 16(4) апреля в Александра II. В письме далее пересказываются факты, вошедшие в статью Герцена "Из Петербурга" (ср. XIX, 84–85).

14

9-ого мая 1867 года.
Villa Montier-Naidini.
Poggio Imperiale. Firenze

Не могу тебе сказать, милая, добрая моя Маша, как меня обрадовало известие, что вы в самом деле в Берне. Я, хотя покаместь не собираюсь в Швейцарию, но мне все-таки приятно знать, что ты не "out of reach"[373*] – как говорится по-английски. Жаль только ,что début[374*] такой печальный, пожалуйста, напиши мне поскорей хоть строчку, чтоб я знала, выздоровел ли Эрнест бедный.

А на наш счет что тебе рассказать, почти не знаю, откуда начать. Мне бы хотелось около тебя сесть и долго, долго болтать, рассказать тебе, живо представить, как мы приятно и мило провели эту зиму. Какая разница с прошлой зимой в Женеве! – И там мне было хорошо, я даже очень любила одинокую эту жизнь с Папашей и с Огаревым. – Но нынче зимой в другом роде было хорошо, живей, разнообразнее, *атмосфера* была моложе. Чтобы ты имела об этом понятие, я тебе расскажу немножко подробно – ведь тебе это не будет скучно, не правда ли? – Главные центры были "Casa Schiff" и "Casa Herzen"[375*].– Шиффа в Берне все знают, и не любят за странный и оригинальный характер, но он тем не менее превосходный человек, Папаша его очень высоко ценит, Саша, можно бы сказать, его почти обожает, но это такое глупое выражение. Ты, может быть, не знаешь, что Саша его официальный помощник. Жена Шиффа очень умная и симпатичная женщина, двухлетняя их дочка – моя живая куколка. – Ребенок очень ко мне привязался. – Теперь у нее была корь, так она только со мной остается спокойна, когда матери нужно идти со двора. Еще в доме странное существо, это Hugo Schiff, химик, он еще оригинальнее старшего брата. Полумизантроп, чрезвычайно умный, хитрый. – Все над ним смеются и дразнят его, несмотря на это, за нелепые манеры.

Приехавши во Флоренцию, я уже нашла довольно большой кружок – состоящий большей частью из молодых профессоров, которые во время вакаций обыкновенно группируются около Шиффа. Несколько из них были из Палермо – и вследствие разных беспокойств и холеры университет был закрыт, а они гораздо дольше остались. (Вперед тебе говорю, не ожидай никакого романа, его и в этот раз не будет.) – У каждого были свои занятья, поэтому всего выгоднее было видеться в назначенное вре-

373* "вне досягаемости" (*англ.*).

374* начало (*франц.*).

375* "Дом Шиффа" и "Дом Герцена" (*итал.*).

мя. Назначили мы два вечера, и всю зиму без исключения собирались по понедельникам у нас, а по четвергам у Шиффов. – Каждый раз по очереди один из кружка читал лекцию, о чем хотел. Так как у нас тут были физиологи, физики, химики, ботаники, молодой француз Monod – 22-летний профессор истории и литературы – разнообразия было довольно.

В этом отношении я могу сказать, что это была самая приятная зима, которую я когда-либо провела. Я чувствую тоже, как контакт с разными этими личностями мне был полезен, как жизнь в симпатичном, серьезном кружке больше развивает, чем одиночество – cela dégourdit[376*]. Я тут уж не говорю больше о себе – но вообще так должно быть. – А пожалуй, это можно бы и обо мне сказать, несмотря на то, что я очень хорошо вижу, насколько Папаша выше всех здешних "голохвастиков"[1].

Днем я почти ежедневно ходила в музей – слушать лекции. Ты видишь, что естественные науки играли большую роль. – Саша несколько раз отличился популярными, публичными лекциями. Папаша был им очень доволен[2].

17-ого мая 1867

Нет, всего не расскажешь на четырех страницах, позволь мне взять второй лист. – Папаша к нам приехал на несколько неделей, посетил, кстати, и Венецию[3], именно во время карнавала. Отличились венецианцы, отпраздновали освобождение, говорят, карнавал был великолепный. – И Папашу побаловали, всюду приглашали, пили за его здоровье, именно в это время Гарибальди поехал в Венецию. – Папашу очень мило принял – ведь они старые друзья. – Теперь он в Женеве, с Тхоржевским и Огаревым.

Где мы все будем летом, никто не знает – где-нибудь на берегу Средиземного моря, по всей вероятности... Теперь мы, *флорентинцы*, уже не во Флоренции, Via Santa Monaca, а на даче Villa Montier-Naldini, Poggio Imperiale.

Взяли мы дачу на два месяца – но я в конце мая уеду. – Еду я в Ниццу, чтобы побыть у Natalie и Лизочки. Может быть, я могу быть в чем-нибудь полезна. Совершенное это одиночество и печальный, мрачный характер Natalie не могут хорошо действовать на живую натуру ребенка. Я детей занимать умею, итак, поеду ее порассеять, поучить и т.д.

Останусь я месяц или два, к тем порам приедет Папаша и я с ним вернусь к Саше, Ольге и Мальвиде.

Ольга, несмотря на то, что судя по летам она могла бы быть *барышней взрослой* – все еще ребенок – бегает, прыгает себе в коротеньких платьях. В характере ее я нашла большую перемену к лучшему. – Работает она не очень прилежно – но за фортепиано теперь всегда садится охотно. – Она всегда резва, грациозна, забавна, остра и хороша собой, без малейшей аффектации и без малейшего кокетства. Натура у нее не гармоническая, тем не менее чрезвычайно привлекательная. – Дети, подруги ее сейчас очень любят. Со мной она очень мила. – Сашу мы видим очень мало, несмотря на то, что вместе живем. Он много работает, целый день от 8 – ⟨до⟩ 5–6 в Спеколе у Шиффа. Теперь он готовится к публичной лекции, которую должен читать в воскресенье.

Бедная Мальвида постоянно страдает, то головной болью, то то, то се, но она все та же добрая, тихая, характером она моложе меня, все видит в розовом цвете.

А мне хотя и было хорошо, и теперь хорошо – все как будто что-то недостает – никакой серьезной цели нет.

Положим, что собственное воспитание цель – это очень хорошо, очень интересно, но меня не удовлетворяет – мне бы хотелось быть полезной для других, хоть в чем-нибудь. – Но как – укажи мне.

Отчего вы годом раньше не переехали, как мне легко бы было тебя посещать, с какой радостью я бы это делала. Ну, может быть, удастся и теперь как-нибудь – chi lo sa![377*]

[376*] это отогревает (*франц.*).

[377*] кто знает! (*итал.*)

В ОКРЕСТНОСТЯХ НИЦЦЫ
Рисунок Н.А. Герцен (карандаш). ⟨1850–1851⟩
Международный институт социальной истории, Амстердам

В начале июня явится к тебе m-me Шифф, она едет в Германию, на короткое время остановится в Берне.

Она тебе многое об нас и всей нашей здешней жизни расскажет – обо всем можешь ее расспросить. Она очень умная женщина, она у нас как дома, приходит к вам с ребенком и с девушкой и ночуѣт – сколько угодно, и мы у нее как дома. Называет она меня обидным именем – "Dickarchen"[378*], часто делает замечания: "...Dickarchen, это нехорошо, и то непрактично" и т.д. Ты увидишь и дочку их – чудо что за милый, умный ребенок.

Однако прощай, пожалуйста, отвечай поскорей – поболтаем хорошенько. – А теперь обнимаю тебя и крепко, крепко целую – и всех твоих детей. Жму руку Рейхелю – он как, доволен Швейцарией?

Твоя Тата Г е р ц е н

Где m-me Лион, если она еще в Берне, пожалуйста, кланяйся ей и ее семейству от меня. Она меня так мило приняла прошлого года[4].

Старушке Фогт жму руку, да Адольфу Фогту, его жене и ребятишкам.

Что делают Фрёлихи?

[1] *Голохвастики* – по-видимому, так называл Герцен в шутку сыновей Д.П. Голохвастова: Павла, молодого историка и писателя, с которым он встречался в Женеве в 1865 г., и Дмитрия, деятеля московской конституционной оппозиции 1866 г. (о драматургии первого и ораторских талантах второго он отзывался с похвалой). Тата это каламбурное обозначение распространила на молодых ученых флорентийского кружка, группировавшихся вокруг натуралистов Спеколы (Музей естественных наук).

[2] Герцен, гостя у детей во Флоренции, присутствовал на публичной лекции А.А. Герцена по физиологии нервной системы 9 марта 1867 г. "Успех Саши, – по его отзыву, – полный и заслуженный" (XXIX, 52, 53, 57).

[3] Герцен приехал во Флоренцию 18 января и уехал обратно в Ниццу к Тучковой-Огаревой и Лизе 10 марта. Впечатления от посещения Венеции (с 18 по 27 февраля) отразились в его очерке "Venezia la bella", вошедшем в ч. VIII "Былого и дум". О чествовании его венецианцами во время карнавала, встречах с Гарибальди 26 и 27 февраля см. XXIX, 47–50, XI, 468–472.

[4] Речь идет о давней знакомой Герцена О.И. *Лион* (дочери владимирского губернатора И.Э. Куруты). С ее приездом в Швейцарию в 1865 г. возобновились дружеские отношения двух семейств. Одаренная певица-любительница, она нашла у Таты голос и настоятельно советовала заниматься вокалом. В письмах 5, 7 января, 1 марта 1866 г. Герцен выражал намерение отпустить Тату на неделю – две в Берн к Лион; поездка могла состояться также в конце июля или начале августа 1866 г. (см. XXVIII, 134, 139, 198).

15

19-ого дек⟨абря⟩ 1867
№ 9, Piazza San-Helena.
Palazzo Guidi. Firenze

Папаша уехал[1], и, как всегда после его отъездов, все кажется – так тихо, пусто. Это посещение оставило нам, и всему нашему кружку, еще более приятное впечатление, чем все прошедшие. Он был в таком хорошем, светлом расположении духа –

[378*] Возможно, дикарка ⟨?⟩ – *Ред.*

и по-старому молод и весел. Грустно, досадно и глупо, что нам приходится постоянно расставаться. – Пора бы привыкнуть, мы уже так давно путешествуем – но не могу – невольно думаешь прощаясь – "может быть, это навсегда, бог знает, что может случиться" ...А Огарева я теперь уже больше года не видела. Все лето я провела в Ницце с Natalie и Лизочкой – поехала на три, на четыре недели, а осталась пять месяцев.

Ты не можешь себе представить, милая моя Маша, как я привязана к этому уголку земного шара, с каким удовольствием я узнавала и места, и лица, и вид – я все так живо помню. Лет пять тому назад мы, проезжая, остановились на день.

Но в этот раз я все осмотрела, всех отыскала. Представь себе, что вся наша прислуга там осталась. Папашу узнавали на улице и его останавливали, расспрашивали о нас – видно было, что осталась большая привязанность. У кого лавочка, у кого трактирчик, а у Адельгейды (помнишь, бабушкина девушка, которая была на пароходе во время несчастия?) кафе и громадный Hôtel du Luxembourg – один из самых больших отелей в Ницце, это много значит. Ницца очень переменилась – теперь это пребогатый и "fashionable"[379*] город. Она тебя и Рейхеля очень хорошо помнит и кланяется вам. – Семейство Рокки до того к нам привязано, что просто совестно.

В ОКРЕСТНОСТЯХ НИЦЦЫ
Рисунок Н.А. Герцен (карандаш). (1850–1851)
Международный институт социальной истории, Амстердам

Помнишь, меня в былые годы купала молодая девушка Марианна – у старушки-матери ее был один деревянный домик (чтобы одеваться и раздеваться). Теперь она разбогатела, не один домик у нее, а двадцать павильонов – "Grand établissement de bain de mer m-me Georges"[380*]. Я сначала к ней ходила и не думая, что это та же старушка. Разговаривая с ее мужем, открылось, что мы старые знакомые, что они нас всех очень хорошо помнят.

Все эти пять месяцев я провела чрезвычайно тихо и одиноко, Natalie дика, не любит ни с кем знакомиться, общества в Ницце никакого нет – особенно летом – все бегут от жару. Но цель моя, ехавши в Ниццу, была позаняться Лизой, сделать перемену в однообразной жизни Natalie, поэтому мне до знакомств и общества дела не было. Я детей очень люблю, люблю ими заниматься и их учить – я тебе не раз писала, как я Лизу люблю и с каким удовольствием я даже взялась бы ее воспитывать. Но я увидела, что при таких обстоятельствах это решительно невозможно. Она необыкновенно умна и понятлива, но очень избалованна. Так что в присутствии ее матери с ней сладить нельзя.

Ольга очень переменилась к лучшему – особенно со мной она очень мила, – вечно резва, жива, всех смешит, маленький плут и прехитрый плут и очень мила собой – ничто ее не беспокоит и не тревожит. Живем мы очень тихо, с светским обществом никаких сношений не имеем, а удовлетворяемся нашим маленьким интимным

379* фешенебельный, модный (*англ.*).
380* "Большое заведение морских купален г-жи Жорж" (*франц.*).

кружком. Так, как и в прошлом году, мы все собираемся по четвергам у Шиффов, а по понедельникам все приходят к нам – и каждый по очереди делает лекцию. Естественные науки, конечно, играют самую важную роль.

По середам вечером я хожу к m-me Lambert – презамечательная, умная и энергическая женщина, которая очень серьезно занимается музыкой и старается возбудить у итальянцев интерес к серьезной немецкой музыке, устраивая хоры и Singverein[381*]. Я пою с контральтами, послезавтра будет наш концерт, виолон⟨че⟩лист Вильгельми, о котором ты, может быть, слышала, будет у нас играть. Я его еще не слышала. В остальные вечера мы сидим спокойно дома, у Мальвиды глаза очень плохи, я ей и Ольге читаю.

Роман Чернышевского я в Ницце перечитывала – ты совсем права – многое в нем странно, смешно и неестественно, но зато сколько дельного![2] Недаром оно имело такое громадное влияние на молодежь в России. Случалось мне встречать нигилистов и нигилисток (хотя это глупое слово – трудно им самим объяснить, отчего они так называются. В последнее время это сделалось обидным словом в России, потому что все нехорошее им приписывали). Небрежность или презрение, которое они показывают к внешним формам, им очень вредит – но многое у них дельного. Однако прощай – поздравляю тебя и всех вас с Новым годом и крепко целую.

Твоя Тата

Кланяйся Фогтам и Лионам от нас. Прошу Рейхеля передать поклон старому моему другу Бакунину, когда он его увидит в Vevey. – Огарев мне писал, что устраивается свидание.

[1] 21 ноября 1867 г. Герцен приехал вместе с Татой из Ниццы во Флоренцию. Выехал обратно в Ниццу 15 декабря через Милан–Турин–Геную.

[2] Впечатления Таты от чтения "Что делать?" созвучны отзывам Герцена, также перечитавшего роман в Ницце (в начале июля он был издан в Женеве, в типографии М.К. Элпидина, и по просьбе Герцена прислан ему С. Тхоржевским около 27 июля). 8 августа он писал Огареву: "Это очень замечательная вещь – в нем бездна отгадок и хорошей и дурной стороны ультранигилистов. Их жаргон, их аляповатость, грубость, презрение форм, натянутость, комедия простоты, и – с другой стороны – много хорошего, здорового, воспитательного ⟨...⟩ Но, боже мой, что за слог, что за проза в поэзии (сны Веры Пав.), что за представитель семинарии и Васильевского острова" (XXIX, 167–168; см. также 159, 160, 163, 185).

16

13-ого июля 1868.
Hôtel Belle-Vue. № 25.
Lucerne.

Посылаю тебе только несколько слов, милая, добрая, дорогая моя Маша – чтобы ты знала, что мы благополучно приехали в проливной дождь и благополучно *забыли зонтики* в вагоне, когда выходили в Олтене. – Потом хотелось тебя еще поблагодарить за твой милый прием; уверяю тебя, что я очень, очень приятно провела время у тебя[1]. Как я рада была тебя увидеть, да всех вас, мне и не нужно говорить. Я очень мало встречала женщин, с которыми я бы столько симпатизировала, как с тобой, с которыми, я чувствую, что могла бы говорить откровенно и с доверием – кажется, ты даже единственная!

Здесь чудо как хорошо, что касается до природы, вида и даже комфорта в Hôtel'e. Перед окнами у меня Пилат треугольный, озеро и церковь. Окрестности лучше бернских, насколько судить могу.

Когда и куда вы едете? Кто, т.е. какое общество получило венок в Зонтурге?

Тхоржевский еще с нами, надобно идти к нему – поэтому прощай на этот раз. – Обнимаю и крепко тебя целую, тебя, Рейхеля и детей,– особенно доброго моего крестника. Что, подвигается его французское чтение – нравится ли ему или нет?

Фогтам кланяюсь.

Твоя Тата Г.

381* певческое общество (*нем.*).

Толстеет ли Эрнест?
Шумит ли Мах? Отрыгает ли Moritz? Улыбается ли m-r Burk?

[1] Тата гостила в Берне у Рейхель с начала июля 1868 г. 10 июля в Берн приехал и Герцен из Люцерна, по просьбе умирающего кн. П.В. Долгорукова, для прощального свидания с ним. 13 июля Герцен вернулся с Татой в Люцерн, а 14 июля туда приехал из Берна С. Тхоржевский (см. XXIX, 409), поэтому можно предположить, что все письма или его заключительные абзацы написаны не 13, а 14 июля.

17

15 сентября 68.
Château de Prangins près Nyon.
Canton de Vaud.

От всего сердца благодарю тебя за твое доброе последнее письмо, милая моя Маша. Хотелось мне все дождаться "окончательного решенья", чтобы тебе все рассказать. – Но несмотря на то, что мало-помалу все разъехались[1], что одна Ольга и m-lle Мейзенбуг остались с нами, т.е. с m-me Огаревой, Лизой и мной – мы еще ничего не знаем. Папаша уехал сегодня в Париж, – это верно тебя удивит, но дело в том, что доктор Боткин там, папаша едет с ним консультироваться о здоровье, через несколько дней мы узнаем результат и "окончательное решение". – В каком "*вирваре*"[382*] мы были здесь все время. Всё приезды, отъезды, ожидания. – Как я была счастлива, что хоть на короткое время были опять все вместе! Конечно, долго бы не могло продолжаться, этот образ жизни – отсутствие всяких регулярных занятий – но на короткое время было очень хорошо. Отчего ты не исполнила твое желание? – Приехала бы ты, провела бы два–три дня с нами, ну, хоть *день*. – Это тебя бы освежило, нас бы осчастливило! – На m-elle Meysenbug ты не сердись, милая Маша, она не так виновата, как ты думаешь. Я им написала торопиться, немедленно приезжать, потому что папаша через неделю будет в Karlsbad'e (я так думала тогда). – Они сейчас же приехали и прямо в Prangins. *Никто* об этом ничего не знал в Берне – а в Цюрихе они совсем неожиданно встретили друга флорентийского, доктора Levier – доехали вместе с ним до Bern'a, может быть, он распространил слух о их приезде.

Однако прощай, хочу еще ребятишек твоих милых поблагодарить за письма их. – Скоро буду опять тебе писать, верно из Лиона.

Обнимаю и крепко, крепко целую тебя и Рейхеля.

Твоя Т а т а

На обороте:
Маше.

[1] В замке Пранжен, близ Ниона (Северная Швейцария) собрались на отдых летом 1868 г. вся семья Герцена и Огарев. Герцен с Тучковой-Огаревой, Татой и Лизой приехали 13 августа, затем Герцен привез из Женевы Огарева, в конце августа приехали Мейзенбуг и Ольга, а в начале сентября – Саша с женой Терезиной из Флоренции.

18

12-ого декабря 1868.
Pension Suisse. Nice.

Вот мне был сюрприз, дорогая моя Маша, я, толстюшка Тата, заболела![1] Я, маленький Геркулес, вдруг так слаба, что не могу себе сама ногти стричь! Я по минутам верить не могла: "Неужели это *я* больна – нет, не может быть!"

Натали ходит за мной с большим усердием – да, она и старушка Рокка! Я рада, что по крайней мере заболела в Ницце – давно знакомые, добрые лица и досуг вспоминать давно, давно прошедшие годы.

Я была так похожа на plum-pudding[383*], что Папа меня бы не узнал, по его соб-

[382*] суматохе (*нем.* Wirwarr).
[383*] рождественский пудинг (*англ.*).

ственным словам, если б он вперед не знал, что *я – я*. Он приехал в худшую минуту[2], когда меня всего больше мучила сыпь во рту и в горле. – Теперь я быстро белею и поправляюсь. – Жаль только, что Ольга так далеко живет от нас – так бы хотелось на нее взглянуть и с ней поболтать по временам. Но надобно быть разумной – не хочу развлекать ее от занятий.

Прощай на сей раз – крепко обнимаю и целую тебя, дорогой друг мой Маша, и Рейхеля доброго и ребят своих поцелуй от меня.

Твоя Тата Г.

Спроси, пожалуйста, Егора Ивановича, неужели он не получил длинное мое письмо с рассказом о Терезине?[3]

Рукой Герцена:

Ну вот вам и рапорт о том, что все состоит благополучно – только нужна тройная осторожность. Затем мы и тут.

Прощайте.

[1] Тата, приехавшая в Ниццу с Тучковой-Огаревой и Лизой, с 1 декабря была больна оспой.

[2] Герцен, получив в Женеве в ночь на 2 декабря телеграмму Тучковой-Огаревой о болезни Таты, 3 декабря выехал через Марсель в Ниццу и 4 декабря приехал туда.

[3] Это письмо Таты к Е.И. Герцену неизвестно.

19

2-ого июля 1869.
Villens Della Torre.
115. Via dei Serragli. Florence

Давно я ничего не слышала прямо от вас, милая, добрая моя Маша. На последние письма мои из Ниццы ответов я не получила. Однако недавно узнала от Папаши, что вы все здоровы.

А у нас здесь сколько хлопот было! Сперва появление Володи[1], потом хлопоты с кормилицами, а главное его болезнь. Бедный наш Володя – пищеварение его вдруг совсем испортилось, и он чуть-чуть не умер в день рождения Саши, т.е. 25-ого июня, Levier его спас.

Но не стану рассказывать, подробности ты узнаешь через m-me Schiff, которая хочет сама передать тебе это письмецо и Ольгин портрет[2]. Он хорош, но не совсем, она совсем не такая смуглая. На фотографии у нее вид цыганки. Теперь она моего роста, может быть, со временем будет побольше. – Насчет ее характера я могу только повторить то, что говорила тебе прошлого года, что она чрезвычайно мила, несмотря на то, что полуребенок и не очень развита. Мы стоим в очень хороших отношениях.

Сначала я жила у Саши в доме, мы образовали очень мирный и гармонический *трио*. – Впрочем, – обо всем расспроси m-me Schiff, она славная женщина, мы образуем почти одну семью с Шиффами.

От Папаши я получила сегодня письмо из Базеля[3] – через несколько дней он будет в Брюсселе, с нетерпением жду результатов этой поездки – она должна решить, оставаться нам на юге или тоже ехать на север.

Сама не знаю, что лучше – во всяком случае ужасно жаль расставаться с Италией. Увидим, как понравится Папаше брюссельская жизнь!

Мы уезжаем через несколько дней (т.е. Мальвида, Ольга и я) куда еще не знаю, в какую-нибудь деревушку около Флоренции, – поэтому пиши, пожалуйста, на имя Саши, т.е. на его адрес:

Casa Fumi. 2-do piano fuori di Porta Romana.
Florence.

За сим обнимаю и крепко, крепко вас всех целую.
Пиши обо всех.

Твоя Тата Г.

Кланяйся Фогтам – от нас.
Терезина и Саша тебя целуют.

[1] Сын А.А. Герцена Владимир родился 18 мая 1869 г.

[2] Вероятно, фотопортрет, хранящийся в *ГИМ* (Москва) и воспроизведенный в "Лит. наследстве", т. 63, с. 469, с датой "конец 1860-х гг.". Он был сделан во Флоренции в конце апреля 1869 г., одновременно с фотографией, которая отправлена Ольгой Лизе 29 апреля (костюм, прическа идентичны – ср. "Лит. наследство", т. 64, с. 663).

[3] Очевидно, письмо Герцена от 29 июня (см. XXX, 142–143).

20

6 октября 1869.
Casa Fumi fuori Porta Romana.
Florence

Бедный Егор Иванович, вот что такое человек. Такая печальная жизнь и такой конец! Не понимаю, как он мог дойти до этого, его просто обобрали, значит?[1]

Письмо твое, дорогая моя Маша, я сейчас же послала Папаше в Париж, он, верно, тебе скоро напишет[2]. Я все лето оставалась в Италии. Была во Флоренции до июля, потом поехала на полтора месяца в Antignano около Livorno, с m-lle Meysenbug и Ольгой, наслаждалась морским купаньем, ни разу не страдала мигренью, которая меня обыкновенно так мучает. Вдруг m-lle M⟨ейзенбуг⟩ получает известие, что в Мюнхене делают громадные приготовления для представления Вагнеровой оперы "Rheingold"[3]. В два дня все было уложено и приготовлено. – Мальвида с Ольгой улетели в *Мюнхен*, да к счастью и совсем случайно попали на последнюю репетицию, а то так бы и уехали, не видавши "Rheingold". – Рейхель верно следил за всей этой историей в Мюнхене и смеялся да радовался, покуривая трубку. Я не осталась, отпустивши "молодежь", а приехала сюда – к Саше – и все время наслаждаюсь его счастьем. Терезина так мила и умна, Володя, или *Волдырчик*, как его называет Папаша – так здоров и красив; Саша отличается на конгрессе и в разных статьях, брошюрах и т.д. – Il est la bête noire des bêtes noires[384*], и вообще всех *не*прогрессистов и начинает быть важным лицом здесь.

Папаша в Париже с Natalie и Лизой, ищет квартиру и зовет нас, т.е. m-lle M⟨eysenbug⟩, Ольгу и меня. – Ужасно жаль расставаться с Италией теперь и особенно с Сашей и его милым хозяйством, но что же делать, хочется и с Папашей побыть.

Очень рада, что у вас все идет хорошо, что все здоровы и веселы – всех вас обнимаю и целую от всей души, в особенности тебя, милая, добрая моя Маша. – Благодарю Сашу за длинное письмо и за бабочку; очень рада, что хорошо работает, – постараюсь заехать к вам хоть на минуточку.

Твоя Тата Г.

Кланяйся Фогтам от нас.

Рукой А.А. Герцена:

9-го окт⟨ября 18⟩69
Флоренция

Любезная Маша, посылаю тебе наши фотографии[4], по которым ты увидишь, что мы не очень больны, и можем всем желать, чтоб они не были больнее нас. Наша жизнь идет по-прежнему как нельзя тише и милее. Скоро уезжает Тата, и тогда наш дом несколько опустеет, но зато Володя скоро начнет болтать и таскаться по комнатам.

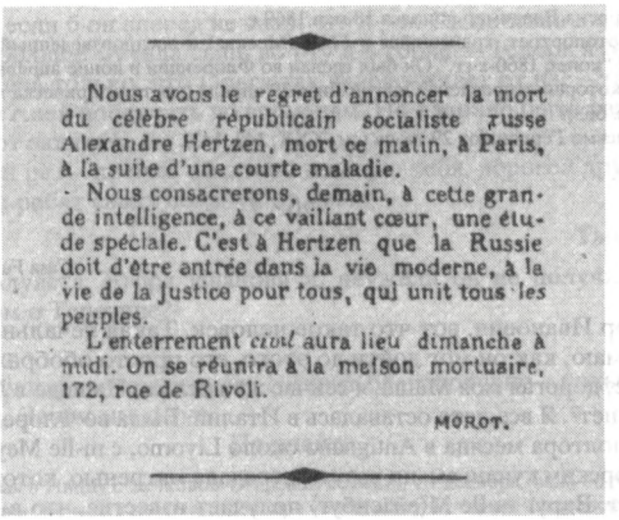
Как печально то, что ты пишешь о Ег⟨оре⟩ Ив⟨ановиче⟩. Как бы помочь? Мне кажется, очень трудно. Ну, ежели Папаша и даст раз, два, три – положим, 100 руб. Что же будет потом?

Тата сейчас отправила твое письмо Папаше; он еще на это не отвечал; мне кажется, что родные в России, которые в 10 раз богаче нас, должны бы помочь[5]. Им же это во всех отношениях гораздо легче.

Обнимаю тебя от себя и от Терезины; Рейхелю, детям и Фогтам дружеский поклон.

С а ш а

[384*] Он – объект ненависти для всех ненавистников (*франц.*).



Nous avons le regret d'annoncer la mort du célèbre républicain socialiste russe Alexandre Hertzen, mort ce matin, à Paris, à la suite d'une courte maladie.

Nous consacrerons, demain, à cette grande intelligence, à ce vaillant cœur, une étude spéciale. C'est à Hertzen que la Russie doit d'être entrée dans la vie moderne, à la vie de la justice pour tous, qui unit tous les peuples.

L'enterrement *civil* aura lieu dimanche à midi. On se réunira à la maison mortuaire, 172, rue de Rivoli.

MOROT.

СООБЩЕНИЕ О СМЕРТИ ГЕРЦЕНА

"С прискорбием сообщаем о смерти знаменитого русского республиканца-социалиста Александра Герцена, скончавшегося сегодня утром в Париже после непродолжительной болезни. Завтра мы посвятим этому великому уму, этому мужественному сердцу специальный очерк. Герцену Россия обязана вступлением в современную жизнь, в жизнь всеобщей справедливости, которая объединяет все народы.

Гражданские похороны состоятся в воскресенье в полдень. Сбор возле дома покойного, 172, улица Риволи"

Газета "La Marseillaise". Париж, 23 января 1873 г.

[1] Тата отвечает на несохранившееся письмо Рейхель, передававшей известия из России о том, что Е.И. Герцен "совсем ослеп", разорен; последний из его домов, заложенных ранее, "будет продаваться" за долги и что "помогла этому разорению" З.Н. Голохвастова (см. XXX, 211, 212; "Лит. наследство", т. 63, с. 428–429).

[2] Герцен обсуждал в ответном письме к Рейхель от 9 октября возможность помощи брату и, в частности, просил Рейхель написать Т.П. Пассек, чтобы та передала Е.И. Герцену деньги, взятые ею взаймы у Герцена в Лондоне в 1861 г. (см. XXX, 214–215).

[3] Премьера оперы Р. Вагнера "Золото Рейна" состоялась в Мюнхенском оперном театре 22 сентября 1869 г.

[4] Возможно, речь идет о фотографиях Саши и Терезины, которые воспроизведены в *ЛЖГ* V.

[5] Вероятно, имеются в виду сыновья Д.П. Голохвастова, двоюродого брата Е.И. Герцена, – П.Д. и Д.Д. Голохвастовы.

21

23 января 1870
Pavillon Rohan. 172. Rue Rivoli.
Paris

Как мне начать, дорогая моя Маша? Может быть, ты уже знаешь из газет[1].

Папаши больше нет – он умер в пятницу 21-ого в 3-ем часу, ночью. – Я потеряла то, что мне было всего дороже на свете. – Он сам не знал, до какой степени я его любила[2], как меня мучило то, что его огорчало, – как я насильно была весела, чтобы он думал, что я счастлива.

Всех вас обнимаю и крепко, крепко целую.

Тата Герцен

Мы все здесь, кроме бедного Огарева. Саша опоздал – видел только тело. Куда поедем и когда, не знаю[3]. Пиши сюда.

[1] Первые сообщения о смерти Герцена появились в парижских, швейцарских, английских газетах 22 и 23 января 1870 г. (см. "Лит. наследство", т. 63, с. 537–538; *ЛЖГ* V, 304–306; *Л* XXI, 564, 575; *Л* XXII, 147–148). 23 января Рейхель писала Огареву из Маттенгейма (в окрестностях Берна): "Вчера читала в газетах, что Александр Иванович очень болен, сегодня, что его более в живых нет. Скажите, ради бога ⟨...⟩ верить ли этой ужасной новости? Я уже давно ничего не знаю ни о нем, ни о состоянии Таты. Не думала я, что о близком человеке придется из газеты узнать" ("Лит. наследство", т. 63, с. 532).

[2] Вечером 24 января, отвечая на наст. письмо, Рейхель писала Тате: "Как горько подтверждение того, что я уже из газет знала; я все не верила, писала Саше и Огареву, чтоб узнать истину ⟨...⟩ Друг мой, я знаю, как ты любила папу, и первая моя мысль была забота о тебе: как ты перенесешь этот удар, и потому я несказанно благодарна тебе, что ты сама написала". Она вспоминает о "последнем письме", полученном от Герцена (датировано 22–23 ноября 1869 г. – см. XXX, 260–261): "Он пишет мне о тебе, что ты его очень любишь и веришь ему. Из этого ты можешь видеть, что он знал о твоей любви к нему" ("Лит. наследство", т. 63, с. 532–533).

[3] Уже в начале февраля Тата, приехав к Огареву в Женеву, навестила Рейхель в Берне.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА ГЕРЦЕН (МОНО)

ПИСЬМА ОЛЬГИ ГЕРЦЕН ОГАРЕВУ

Статья и публикация С.П. Г и ж д е у и И.А. Ж е л в а к о в о й*

Из всех старших детей Герцена судьба Ольги складывалась поначалу, пожалуй, наиболее неблагополучно. Она совсем не помнила матери (умершей, когда ребенку было всего полтора года) и неустроенность семейной жизни Герцена, от которой мучительно страдали все члены семьи, с особенной болью отразилась в сознании Ольги, лишенной материнской заботы. Сильнее всего она привязалась к Мальвиде Мейзенбуг, когда та вошла в семью Герцена (1853), и тяжелее всех пережила ее временный уход в 1856 г. – после приезда Огаревых. Н.А. Тучкова-Огарева не смогла заменить детям Герцена мать. Особенно болезненно сложились ее отношения с Ольгой. Тереза Пульская, довольно близко в эти годы наблюдавшая жизнь семьи, отметила в своем дневнике "дикость бедной маленькой Ольги", "бедную маленькую, заброшенную Ольгу"[1].

В конце концов, полностью отданная Герценом на попечение Мейзенбуг, Ольга обрела подобие семьи, но ценой постепенного отдаления от отца. С Ольгой, после их отъезда в 1862 г. с Мейзенбуг в Италию, Герцен встречался не часто и не подолгу. Тем не менее он никогда не переставал заботиться о ее воспитании и образовании; правда, нередко он вынужден был ограничиваться указаниями и советами в письмах к Мейзенбуг и к ней самой. Известно, что попытки Герцена объединить семью и определить Ольгу в какое-либо учебное заведение не привели ни к чему, и вплоть до самого замужества (6 марта 1873 г.) Ольга оставалась с Мейзенбуг.

Со своим мужем Г. Моно Ольга впервые встретилась в 1866 г. во Флоренции, куда тот приехал отдохнуть после окончания высшего учебного заведения. В январе 1866 г. Моно познакомился с А.А. Герценом, а тот, в свою очередь, познакомил его с Мейзенбуг и Ольгой. И через год – Ольге было только семнадцать лет – она стала невестой Моно.

Герцен узнал Моно в том же 1866 г. как одного из участников кружка молодых людей, куда входил и Саша. В этом кружке возник план издания "позитивно-физикального", по характеристике Герцена, журнала (XXIX, 118). Герцен не только положительно отнесся к этому плану, но и собирался принять участие в задуманном органе. Издание это не состоялось; не реализован был возникший тогда же план выпуска в свет "Колокола" на французском языке при участии Моно.

Поначалу у Герцена сложилось о Моно самое благоприятное мнение: "благороднейший человек", "человек очень дельный, умный и образованный" (XXIX, 124). Но вскоре он заметил в нем черты консерватизма, которому, разумеется, не сочувствовал. О помолвке Ольги с Моно Герцен не знал, но догадывался о возможности этого брака и не хотел его: "Он⟨Моно⟩ – вовсе ей ⟨Ольге⟩ не пара – и будет умный, честный консерватор" (XXIX, 212). Незадолго до смерти, после свидания с Моно, Герцен писал Мейзенбуг: "Я видел Моно – он славный человек, но, поверьте, он доктринер и консерватор... *то, что было в зародыше, – пускает ростки*. Это не мешает ему быть, как я сказал, очень славным человеком" (XXX, 211). Здесь, в Париже, после того как туда приехала Ольга с Мейзенбуг, Герцен понял, что брак Ольги и Моно, по всей вероятности, совершится: "Ольге не миновать Monod, – писал он сыну 13 декабря 1869 г. – Впрочем, после последнего несчастья[2] я всем даю свободу, хотя искреннее жалею, что все пойдут вразброд и не в Россию" (XXX, 281).

Характеристика, которую давала Тата Герцен будущему мужу сестры, близка к герценовской. В письме к М.К. Рейхель от 14 июня 1872 г. Тата рассказывала: "Я буду присутствовать при встрече Ольги и Мальвиды с матерью Моно и помогать им не уступать, если этим фанатическим протестантам вздумается делать глупые требования как, например, брак в церкви, крещение детей и т.д. Ольга не должна уступать. Я думаю, что она будет

---

* Письма перевели: с немецкого – С.П. Г и ж д е у, с французского – И.А. Ж е л в а к о в а, Е.В. М о р о з о в а и Л.Р. Л а н с к и й (п. 7).

счастлива с этим молодым человеком, у него чрезвычайно кроткий, любящий характер. В мнениях он, по-моему, недостаточно красен, но Ольга равнодушна к этому"[3].

Моно происходил из протестантской семьи (дядя его Ф.-Ж. Моно был крупным деятелем французской реформатской церкви), но сам он рано отошел от всякой церковности. Любимый ученик Ж. Мишле, он придерживался умеренно-консервативных взглядов, однако показательно, что позднее, в пору "дела Дрейфуса", расколовшего всю Францию на два лагеря: "антидрейфусаров" – клерикалов, националистов, реакционеров – и "дрейфусаров" – людей свободомыслящих и прогрессивно настроенных, Моно оказался среди последних. Он стал крупным ученым-историком, многие годы преподавал в Высшей нормальной школе и в Сорбонне, был автором ряда трудов по историографии и истории средневековой Франции, одним из издателей известного научного журнала "Revue Historique".

В приведенном выше письме Таты к М.К. Рейхель любопытна не только характеристика Моно, но и упоминание о том, что Ольге безразличны общественно-политические взгляды ее будущего мужа. Действительно, Ольга, в общем, была далека от общественных интересов. Став женой и матерью, она замкнулась в кругу семьи – все, что не касалось ее мужа, детей, а затем внуков, как видно, мало ее волновало. В одном из писем Мейзенбуг цитируются слова Ольги из письма к ней: "Я чувствую, с каждым днем я все больше становлюсь твоим ребенком, твоим созданием. Вероятно, я могла бы стать чем-то другим, больше дочерью своего отца, но я хочу быть твоей дочерью, женой, матерью в высшем, идеальном смысле слова, и по моим детям будут судить о том, какова была их мать" (из письма к приятельнице Мейзенбуг – А. фон Штейн-Ребеккини от 3 июня 1877 г.[4]). Таким образом, уход в семью, в семейную жизнь, как видно из публикуемых писем, был для Ольги актом сознательного и убежденного выбора.

Счастливый брак Ольги должна была признать и не любившая ее Тучкова-Огарева, говорившая о "честной натуре Моно". В письме к Лизе, бывшей во Флоренции у Саши, она писала, стараясь быть объективной: "Я рада, что ты хорошо встретилась с Мальвидой, – у меня нет энергии ненависти, да и за что? Но Моно, желаю, чтобы ты с нею, с Мейзенбуг, не бранила, это уже нечестно с ее стороны, он всегда был тот же, и прежде она его считала за идеал и весь роман его с Ольгой сама написала. Верь мне, Лиза, если когда-нибудь ты будешь так счастлива как Ольга, я не буду видеть дурное в человеке, который составляет твое счастие..."[5]

Тата, жившая летом 1875 г. вместе с семьей Моно, писала Рейхель: "Ольгины дети премилы, она отличная мать, дети почти что слишком поглощают все ее внимание"[6].

Однако жизненная позиция Ольги вовсе не значила, что она превратилась, как считала Тучкова-Огарева, всего лишь в "милую самодовольную куклу"[7], что ей безразлично все, относящееся к отцу, что она не хочет знаться с его друзьями. Ольга оставалась связанной с братом и сестрой, а также с Огаревым – как видно из публикуемых ниже писем. Огарев никогда не оставлял надежду на "деятельную жизнь" Ольги, верил, что из ребячливой и рассеянной она превратится в саму "серьезность". И Ольга, еще не обремененная семейными заботами, в какой-то мере не чуждалась в юные годы научных и даже общественных интересов (посещала лекции Г. Шиффа, интересовалась деятельностью Дж. Гарибальди). Сразу же после смерти отца она попробовала всерьез взяться за русский язык, помня, конечно, какое большое значение он придавал этой стороне ее воспитания. Тата писала Рейхель об Ольге из Флоренции 9–12 января 1873 г.: "Сначала мы были очень много вместе, правильно занимались, т.е. читали по-русски целый час ежедневно (Гавриил Эдуардович[8] очень желает, чтобы Ольга выучилась)"[9].

Занятия русским языком, очевидно, прекратились после рождения детей. Однако ощущение внутренней связи с отцом для Ольги имело несомненное значение. Е.С. Некрасова, собиравшая материалы о Герцене и Огареве для Румянцевского музея, во время своего пребывания в Париже в 1893 г. встретилась с Ольгой у Таты; при общем разговоре Ольга старалась подчеркнуть, что в ее детях сходство с покойными родителями высказалось сильнее, чем в детях брата, – у брата все дети итальянцы, ни у кого нет сходства с русскими[10].

Старший сын Ольги Александровны Эдуард официально присоединил к своей фамилии фамилию деда. "Моя мать была страстно привязана к своему отцу, именно она научила меня страстно любить вашу милую родину", – писал Моно-Герцен из Парижа в Москву в конце 1950-х годов[11].

В следовании своим жизненным принципам Ольга была последовательна и тверда – и в этом сказался ее характер, который, как считала Мейзенбуг, она унаследовала от отца.

Немалую роль в жизни Ольги сыграли ее многолетние дружеские отношения с Огаревым, беззаветно любившим детей своего друга. Как и Герцен, он остро осознавал

опасность отлучения Ольги от русской традиции и делал все возможное, чтобы вовлечь ее в круг общественных и творческих интересов демократической России. Отцовская привязанность "папы Аги" к дочери друга, его деятельное участие в нелегкой судьбе Ольги – девочки и подростка – не остались безответными и нашли в ней сердечный отклик. Свидетельство тому – их сохранившаяся переписка.

Публикуемые письма дочери Герцена к Огареву охватывают десять лет. Два из них написаны Ольгой-ребенком по-русски, остальные по-немецки и по-французски. Шесть писалось еще при жизни ёе отца, к ним примыкает письмо, посланное Ольгой адресату после кончины Герцена (оно было опубликовано Л.Р. Ланским[11] и в настоящей публикации повторяется). Завершают публикацию четыре письма, связанных с замужеством Ольги[12].

При всей своей скромности, публикуемые письма дочери Герцена достаточно точно отражают основные моменты ее жизни – ребенка, подростка, задумывающегося над своим будущим, а затем невесты, жены, матери, гордой новым положением и не устающей делиться подробностями своего счастья с близкими ей людьми и прежде всего с другом отца и ее другом – Огаревым.

Письма, кроме п. 1 (впервые напечатанного М. М е р в о в *LOAHf* 317–318 по автографу *BN*), публикуются по автографам "пражской коллекции" (*РГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед.хр. 459, п. 2–11).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] "Лит. наследство", т. 64, с. 422.

[2] Герцен имеет в виду болезнь своей старшей дочери, Таты, в результате преследования ее слепым сицилийцем Пенизи, добивавшимся ее руки. См. об этом в пред. публикациях.

[3] *РГБ*, ф. 69. 24. 18, л. 16.

[4] "Briefe an und von M. Meysenhug". Herausgegeben von Bertha Schneider. B., 1920. S. 57.

[5] *РГАЛИ*, ф. 129, он. 1, ед. хр. 166, л. 14; письмо от 22 сентября 1874 г.

[6] *РГБ*, ф. 69. 24. 20.

[7] *АО*, 173.

[8] Так Тата шутливо называет на русский лад Габриеля Моно, подобно тому как Герцен называл Мейзенбуг *Мальвидой Филиппьевной.*

[9] *РГБ*, ф. 69. 24. 19.

[10] Там же, ф. 196. 7. 19.

[11] Письмо к Л.Р. Ланскому от 2 мая 1958 г. (*ГЛМ*, ф 22, оп. 1, ед. хр. 46).

[12] "Лит. наследство", т. 63, с. 530–531 (обзор «Отклики на смерть Герцена по материалам иностранной печати и "пражской коллекции"»).

1
ОГАРЕВУ И ГЕРЦЕНУ

⟨Рим. Апрель. 1863 г.⟩[1]

Мой Милый Ага,

Я не хочу быть больше музыканкой хочу писать как Папа в *Колоколе*. Ну зачем ты мне так долго не писал? Мне права Рим, очень нравится, как не любить города с такими богатствами. Я бы хотела чтобы Папа нас еще аставил три месяца и потом бы желала чтобы мы возвратились в Лондон и потом через год чтобы он поехал с нами в Италию, но с тобой и Натали с Лизе, но конешна Туту[2] с Саше. Я хочу описать тебе наше устройство дня: Я встаю вседа перая в шесть, Тата в семь, Жоржина в 3/4 осмава и Мальвида в восемь. В двенадцать Фрикен приходит за нами и мы идем ланширавать[2*] после это мы идем осмотрет разны штуки. В шесть обедам, до семи, в девять лажусь спать * ..... * ..... * ..... * ..... * .... Я права не знаю что мне больше нравится до сих пор я думаю Sant Pietro и Колизей сих пор. Ты не знаешь что я могу немношко парларе италиано[3*], и я могу сама идти в лавку и спрость что нужно. Тата должнабы рисавать крестиана молодая с белом платкоми на голова и уголной и краснами юбками. Вот Милый Ага цветочки о Рима. Ну Милый Ага Я хачу тебе сказать мойа секрет, это что я бы хотела возвощаца у меня

[2*] завтракать (от *франц.* luncher).

[3*] говорить по-итальянски (*итал.* parlare italiano).

ОЛЬГА ГЕРЦЕН
Фотография. Флоренция, ⟨апрель 1869 г.⟩
Исторический музей, Москва

как говорить германки heim ve[4]*, но не скажи нехто. Что делает моя Лиза и Моя милая девочка и твой малчик[3]? Скажи Торжевским чтоб он обнямил Тутушка 1 003 раза за меня. Ну Прощай Милый Ага твоя, Ольга Г е р ц е н. Милый Папа здевтой и Прощай Милейший Папа в мирья.

О.Н.

[1] Приблизительная дата устанавливается по связи с письмами Таты к Герцену от 6,7 и 13 апреля 1863 г. (см. выше). Ольга упоминает здесь о намерении сестры нарисовать молодую итальянскую крестьянку. О начале работы над портретом крестьянки Стеллы Тата известила отца в письме от 7 мая (сестры приехали в Рим 24 марта).

[2] *Туту* – собачка Ольги.

[3] Речь идет о близнецах Леле-бое и Леле-гёрл.

2

⟨Рим.⟩ 24 а⟨преля?⟩ 1864

Милый Ага,

Зачем ты мне никогда не пишешь. Я сделал тебе маленькую композицию, но только Тоника, унтер-доминанте унд обер-доминанте[1].

Здесь Блондин[2], я его в первый раз видела как он человека переносил и как он в мешке ходил по веревке, но я не боюсь за него, потому что он не может упасть.

Милый Ага, я бы хотела возвратиться в Англию на лето, а зимой возвратиться в Италию, потому что здесь лучше жить и хорошие уроки и мои друзья Ерсилия, Жюлия и Манфред etc. Манфред учится по-латынски, и я тоже так бы хотела тоже учиться, пожалуйста, спроси Папу, позволит ли он мне учиться.

[4]* тоска по родине (*нем.* Heimweh).

Вчера я была у доктора Ергарта с Мали[3], потому что я не слыхала, я была глуха одним ухом, и он мне вычистил ухо и сделал операцию без крови и дал материю для головной боли, и теперь я могу слыхать и голова не болит.

Прощай, мой милый Ага, завтра пишу к Натали. Твоя О л ь г а, поцалуй Лизу, 100 000 за мнойю.

[1] *Унтердоминанта* и *обердоминанта* – устаревшие наименования главных аккордов тональности – субдоминанты и доминанты. Построение этих трех аккордов отличается простотой.

[2] *Блондин* (Блонден) – французский акробат.

[3] *Мали* – Мальвида Мейзенбуг.

3

Перевод с немецкого:

⟨Рим. Апрель – начало мая 1865 г.⟩[1]

Мой дорогой Ага,

Итак, мы скоро снова увидимся и будем жить вместе, это нас очень радует. Но если мы как-нибудь снова вернемся в Рим, ты должен будешь отправиться с нами, здесь так хорошо.

Я очень стараюсь рассказать тебе что-нибудь интересное; у меня сейчас милые этюды Штефана Хеллера и вторая тетрадь Черни и пьесы Шульхоффа. По теории я не очень продвинулась, потому что Ренкильде приходит всего один раз.

Дорогой Ага, я решила быть в очень хороших отношениях с Лизой, но она тоже должна быть хороша со мной? Все говорят, что она очень мила, и мы все на это надеемся.

Как ты поживаешь, дорогой Ага, надеюсь, что хорошо.

Нам бы хотелось всем отсюда уехать, становится слишком жарко, скажи Папе, чтобы он нас поскорее увез.

Пожалуйста, давай мне в Женеве уроки по теории[2], хорошо?

До свидания, у меня нет времени.

Твой друг Ольга Г е р ц е н

[1] Судя по содержанию письма , оно написано незадолго до переезда, в конце мая, Мейзенбуг с Татой и Ольгой из Рима (через Флоренцию), в Женеву, где собрались к тому времени Огарев, Герцен и Н.А. Тучкова-Огарева с Лизой.

[2] Имеется в виду теория музыки.

4

Перевод с немецкого:

Фано. 22 октября 1867 г.

Мой добрый дорогой Ага,

Вот теперь снова прошло лето, и мы не повидались. Мне так жаль, что ты не был с нами в Венеции. Мы могли бы вместе так наслаждаться. Уверяю тебя, что я никогда еще так не наслаждалась летом. На всю мою жизнь это останется прекраснейшим местом в мире, и мои самые сладостные мысли будут связаны с ним. Как жаль было покидать такое божественное место. Мы теперь тоскуем о нем. Мы чувствуем это вдвойне, вероятно, оттого, что после роскоши мы узнали бедность. Теперь мы в совсем маленьком местечке, где можно наслаждаться только морским воздухом. Одна лишь работа составляет здесь все наше удовольствие.

В Фано нет ничего примечательного, это очень маленький рыбацкий поселок. Если бы нам предстояло оставаться здесь надолго, то следовало бы основать здесь школу для немногих детей, которые бегают здесь, ничем не занятые. Как много добра можно было бы делать здесь именно бедным. Люди здесь в большинстве ничем не заняты, тут совсем мало торговли, кафе заполнены с утра до вечера.

Через восемь дней мы вернемся во Флоренцию. Я очень рада буду вновь приняться за свои занятия. В музыке я, конечно, очень отстала, потому что в Венеции почти совсем не играла. Но я *пела* у Панофки. Он утверждает, что после года серьезных занятий я могла бы стать хорошей певицей. Эту зиму он проведет во Флоренции.

Мали хочет, чтоб я снова брала у него уроки. Как ты поживаешь, дорогой Ага? Ты совсем ничего о себе не сообщаешь. Видел ли ты во время конгресса Гарибальди? Газеты пишут, что конгресс плохо удался, правда ли это?[1]

С любовью обнимаю тебя и надеюсь скоро тебя увидеть.

Любящая тебя всегда

твоя О л ь г а

Сердечный привет ⟨1 *нрзб*⟩.

Известно ли тебе что-нибудь новенькое о Линде?

[1] В сентябре 1867 г. в Женеве состоялся Конгресс Лиги мира и свободы . Герцен на этот Конгресс не поехал. 16 сентября он писал Огареву: "Конгресс провалился – и это можно было предвидеть по неопределенности и разношерстности" (XXIX, 200).

5

П е р е в о д с ф р а н ц у з с к о г о:

26.2.68. Флоренция

Мой любимый Ага,

Печальное известие, которое сообщил нам Папа, глубоко меня огорчило[1]. Этот случай мне показывает, как я тебя люблю и как мне тяжело знать, что ты страдаешь. Боже мой! Почему же только хорошие люди должны страдать? Есть столько дурных, которые этого заслуживают, но нет! как раз они-то и ограждены, а люди, которые хотят лишь блага для всех, люди, для которых труд – высшее счастье, должны страдать. Насколько мир еще несовершенен! Как мне хотелось бы быть рядом с тобой, ухаживать за тобой, угождать малейшим твоим желаниям! Ты ведь знаешь, что единственное мое стремление – стать сиделкой. Я так любила бы моих пациентов и так была бы любима ими. Папа пишет, что ты должен будешь пролежать месяца два; два месяца проходят быстро; разве не прошли быстро те два года, что мы не виделись? Но когда страдаешь, как ты, то кажется, что время еле-еле движется.

Попроси Тхор⟨жевского⟩ от меня, чтобы он хорошенько за тобой ухаживал.

Я только что кончила с Мальвидой читать книгу Ренана о жизни Иисуса[2]. Как могли не любить такого человека; как трогательна его кончина, какой великий человек; а ведь он не думал, что его смерть и его последние слова будут воздействовать на людей более 1800 лет! Евреи тоже не думали, что за распятие одного человека их будут ненавидеть в течение веков. Хотелось бы мне знать, не будут ли нас тоже за что-нибудь ненавидеть через 1000 лет? Например, те, кто выступает теперь за папство. Но оставим будущее. Подумаем о настоящем.

Целую тебя от всей души, мой горячо любимый Ага, поверь мне, что для меня самым большим удовольствием и счастьем было бы быть возле тебя.

Преданная тебе Ольга Г.

[1] В ночь с 19 на 20 февраля в результате несчастного случая Огарев сломал себе ногу. Впервые Герцен сообщил об этом в письмах Н.А. Тучковой-Огаревой (см. XXIX, 281) и М. Мейзенбуг от 23 февраля 1868 г. Последнее письмо и упоминается Ольгой.

[2] Чтение Ольгой известной книги Э. Ренана "Жизнь Иисуса", предложенное Мейзенбуг, Герцен не одобрял (см. XXIX, 299, 305, 313).

6

Перевод с немецкого:

23 ⟨февраля⟩, вторник, 1869 г. Флоренция

Мой дорогой Ага,

Твое письмо доставило мне много радости! Ты, действительно, любишь меня так, как ты мне пишешь? Думаешь ли ты, что тебе не будет слишком трудно поехать на озеро Комо или на Луганское озеро? По желанию Папаши все там встретятся. Кто знает, согласится ли Папаша, чтобы я сюда вернулась следующей зимой? Меня это очень огорчило бы, я веду здесь деятельную жизнь, я никогда не выхожу из дома без разумной цели; если я вообще выхожу, то всегда только для того, чтоб узнать что-нибудь новое. Например, каждый четверг мы ходим к Шиффам – сам Шифф читает нам лекции. В последний раз он говорил о гибели мира, с научной точки зрения, в результате постепенного превращения всех видов движения в теплоту. Каждую среду я хожу к госпоже Лоссо в певческий кружок, где поется чудесная музыка будущего[1].

Каждую субботу к нам приходят Герцены, и мы тоже занимаемся чем-нибудь серьезным. Остальные вечера мы спокойно сидим дома или выходим всей семьей. На балы или в театр – Боже упаси! Теперь даются общедоступные концерты, но Флоренция в этом отношении еще очень отстала. Как раз сейчас я играю гавот Баха – я нахожу его бесконечно прекрасным – и наряду с этим музыку Вагнера из "Мейстергзингеров" – ничего лучшего пожелать нельзя. Панофка должен приехать в конце этого месяца – мне очень жаль, если я не смогу воспользоваться этим, но у нас нет денег. Панофка сказал, что из меня вышел бы толк.

Перевод с французского:

Кстати, дорогой Ага, не будешь ли ты так любезен прислать мне "Элементарный курс гармонии, практической и теоретической для игры на фортепиано" Пьера и Вольфа. Существуют три книги. У меня есть первая, и, таким образом, мне надо достать две последние – 2-ую, гармония с модуляциями – и 3-ю, гармония и модуляции, прелюдии, аккомпанемент к мелодии и т.п., и т.п. ... Прости, что обременяю тебя этим поручением, но эту книгу возможно найти только в Женеве[2].

Прощай мой дорогой Ага, нежно обнимаю тебя от всего сердца, любящая тебя,

твой друг О л ь г а.

Тысяча поцелуев Тутсу, я хочу написать ему в один из ближайших дней – мои наилучшие пожелания ⟨1 *нрзб.*⟩ – ждем с нетерпением Пана!

[1] Так в то время обычно называли музыку Вагнера.

[2] Ноты вскоре присланы. См. с. 670.

7

Перевод с французского:

⟨Париж. 27(?) января 1870 г.⟩

Дорогой, горячо любимый Ага! Сколько событий может произойти за шесть дней!! Кто мог бы подумать, когда мы покидали Италию, что идем навстречу папиной смерти.

Для меня это страшный удар, для меня, никогда не видевшей смерти, – я с трудом понимаю, что́ со мною сталось. Никак не могу привыкнуть к отсутствию отца. Уверяю тебя, что я всегда считала его бессмертным. Мне остается лишь крепко обнять тебя – ты знаешь, что я люблю тебя так сильно, как если б ты был моим отцом. Прощай. Люблю тебя. Твоя О л ь г а

8

Перевод с французского:

⟨Париж. Апрель 1873 г.⟩[1]

Дражайший мой Ага,

Пользуюсь случаем, чтобы послать тебе весточку и подтвердить свою любовь. Мы так часто говорим о тебе – дорогой, дорогой Ага.

Напиши нам в нескольких словах, что тебя порадовала наша женитьба.

Вот уже месяц как мы в Париже – улица Assas, 76 в прелестной солнечной квартирке с великолепным видом на Люксембургский сад. Мы очень счастливы. Габриель много работает. Я всерьез занимаюсь моим маленьким хозяйством, в котором все идет, как по маслу.

Мы тебя очень нежно целуем.

Твои дети Ольга и Габриель, которые тебя очень любят.

[1] Дата, указанная неизвестной рукой, подтверждается сообщением о замужестве Ольги. Ее свадьба с Г. Моно состоялась 6 марта 1873 г.

9

Перевод с французского:

⟨Париж.⟩ 6 июня 1873 г. улица Assas, 76

Мой дорогой и любимый Ага,

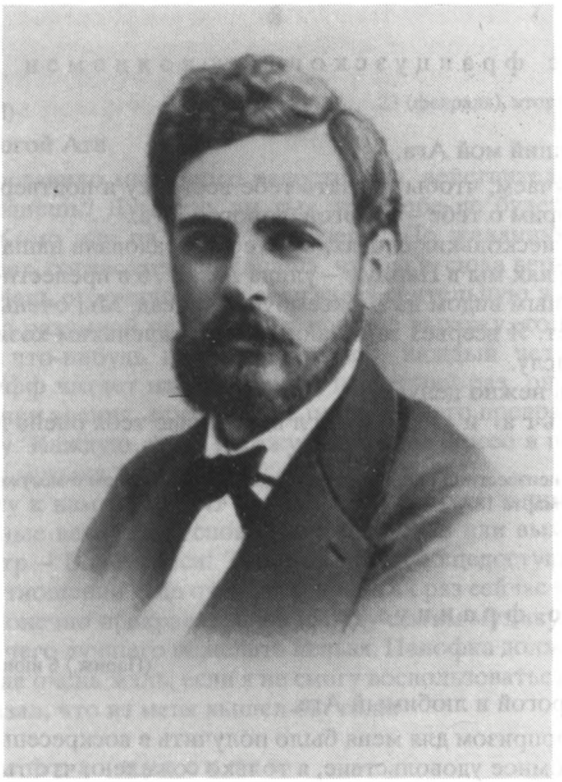
Настоящим сюрпризом для меня было получить в воскресенье твое письмо. Оно доставило мне огромное удовольствие, я только сожалею, что ты теряешь свое драгоценное время на этот глупый процесс[1]. И меня еще очень огорчает то, что ты снова болен. Впрочем, время столь безумно, что весь мир в той или иной степени болен. Надеюсь, что Лизин нарыв не вызовет тяжелых осложнений. Я рада, что наконец-то получила от них известия. Я написала Натали из Ниццы и не получила никакого ответа. Тата тоже не смогла бы мне всего сообщить, так как и она тоже ничего не получала. Возможно, Натали сердится на меня – ничего не понимаю. Лиза могла бы найти свободную минутку, чтобы написать мне несколько строк. Прошу тебя, будь так любезен и передай это письмецо Лизе. Да, дорогой Ага, я думаю, что именно мы пошлем тебе всю ⟨сумму⟩, незачем отправлять ее сначала в Италию, ибо твое местопребывание ближе всего к нам. Я сделаю все возможное, чтобы ты регулярно все получал. Через 6 недель у Габриеля будут каникулы, и мы поедем сначала на несколько недель в Гавр, затем отправимся повидать Мальвиду и Тату в Германию или в Швейцарию. Я был предпочла Швейцарию, потому что тогда я смогла бы увидеть и обнять тебя[2].

Итак, до свидания, до скорой встречи, не забывай меня,

преданная тебе Ольга

Привет Мери и Генри, сердечные пожелания от моего мужа.

[1] Речь идет о судебном процессе по взысканию с Огарева денег по векселю Н. И. Сазонова (см. письмо Огарева А.А. Герцену от 17 мая в кн. 1-й наст. тома). Отметим также письмо Моно к Огареву от 3 ноября 1873 г., в котором он просит извинения за задержку с присылкой очередного "пособия".В заключении своего письма Моно писал: "Ольга чувствует себя очень хорошо, она рассчитывает написать вам снова и посылает вам тысячу нежных дружеских слов. Сердечно любящий вас Г. Моно" (там же).



ГАБРИЭЛЬ МОНО
Фотография, 1873
Из книги: Malvida Meysenbug. Im Anfang war die Liebe. München, 1927

10

Перевод с французского:

⟨Октябрь–ноябрь 1873 г.⟩[1]

Мой дорогой, любимый Ага.

От всего сердца благодарю тебя за фотографию. Она доставила мне поистине огромное удовольствие. Очень хороша, очень похожа, спасибо, спасибо тысячу раз.

Мальвида в Германии, в Баварии, в Байрейте у Вагнеров. Она, конечно, рада будет получить от тебя весточку – адрес именно этот, другого не нужно. Ты не разволновал бы меня, если бы выразил радость от того, что у меня скоро будет ребенок. Я непременно хочу, чтобы ты меня поздравил. Мы ждем появления этого дорогого маленького существа в декабре месяце – ты можешь себе представить наше счастье. Я очень надеюсь, что по этому случаю Тата приедет к нам в Париж. Я могу тебе сообщить также, что Терезина ждет шестого ребенка. Она не теряет времени.

[1] Письмо датируется по содержанию. Сын Ольги и Г. Моно – Эдуард, впоследствии Моно-Герцен, родился в декабре.

Прощай, мой дорогой Ага. Спасибо, что вспоминаешь иногда свою маленькую Ольгу, которая тебя так нежно любит.

Мои сердечные пожелания Мери и Генри.

Через несколько дней мы будем в Париже – 76, улица Assas.

Мой милый муж посылает тебе тысячу приветов.

11

Перевод с французского:

27 августа 1874 г. Гавр

Дражайший мой Ага,

Меня глубоко огорчает, что ты снова болен. Мне кажется, что женевский климат тебе, действительно, не подходит. Если бы ты приехал в Париж, то мы бы за тобой, по крайней мере, там ухаживали, хотя я не сомневаюсь, что Мери делает это очень хорошо; просто, в Париже ты будешь не так одинок.

Мы в Гавре уже полтора месяца, и это полезно для малыша, он теперь чудный восьмимесячный ребенок – очень крепкий, здоровый и всегда веселый. Говорят, что он развит не по возрасту. Он очень хорошо говорит "папа", и, когда его тетушка Тата была здесь, каждую минуту он говорил: "Тата, Тата", от чего Тата была вне себя от радости.

Дорогой Ага, ты не подозреваешь, насколько я счастлива, счастлива, прежде всего, оттого, что у меня есть горячо любимый муж, и потом от радости, которую мне доставляет мой дорогой сыночек. Я не могу пожаловаться ни на того, ни на другого и не могу нахвалиться ими. Я тебе говорю обо всем этом, потому что знаю, что ты меня очень любишь.

Мы вернемся в Париж в следующий понедельник и пробудем там до 8 сентября, стало быть ты можешь по-прежнему писать – улица Assas, № 76. Ждем более приятных новостей о твоем здоровье.

Мы будем во Флоренции около 12 сент⟨ября⟩. Ты можешь себе представить, как не терпится мне увидеть мою добрую Мальвиду и показать ей маленького Эдуарда. Где ты будешь в октябре. Вернувшись из Флоренции, я хотела бы тебя повидать.

Я тебя очень нежно целую. Твоя О л я

Тысяча дружеских приветов от Габриеля и столько же Мери.

Что делает Пан?

Где он?

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА ГЕРЦЕН

ЛИЗА ГЕРЦЕН

Статья и публикация И.А. Желваковой*

Лиза – дочь Герцена и Н.А. Тучковой-Огаревой. Ее личность, судьба и трагический конец не остались без внимания выдающихся современников. Одним из первых откликнулся на самоубийство Лизы И.С. Тургенев. Обращаясь к П.В. Анненкову из Парижа 27 декабря 1875 г., он писал: "Имею вам сообщить новость печальную и странную: дочь Герцена и Огаревой – Лиза, дней десять тому назад во Флоренции отравилась хлороформом – после ссоры с матерью и чтобы досадить ей. Это был умный, злой и исковерканный ребенок (17 лет всего!) – да и как ей было быть иной, происходя от такой матери! Она оставила записку, написанную в шутливом тоне, – нехорошую записку ⟨...⟩ Удивительное дело, как наша молодежь легко расстается с жизнью: не выдержал экзамена – или с кем-нибудь поссорился – или просто скучно стало – ну и пулю в лоб или яду стакан! ⟨...⟩ Я не полагаю, чтобы Огарева долго пережила свою дочь. Какая, однако, трагическая судьба всего этого семейства!"[1]

В свою очередь, Достоевский, много размышлявший в ту пору о природе участившихся самоубийств молодых людей, посвятил этому событию специальную главу в "Дневнике писателя" за октябрь 1876 г. Еще 3 июня того же года К.П. Победоносцев писал Достоевскому "об одном странном и неразгаданном самоубийстве", случившемся в семье Герцена, которое он ошибочно отнес не к Лизе, а к Ольге. Достоевский "постарался как-нибудь разгадать" "странность" этого события, чтоб на чем-нибудь "остановиться и успокоиться"[2]. Выполнить свой замысел в полней мере ему не удалось ни в окончательной редакции "Дневника", ни в более распространенной, подготовительной[3]. Достоевский не располагал тогда необходимыми данными. Все они восходили к "смутным газетным известиям", сообщенным Достоевскому Победоносцевым, и к его передаче рассказа Тургенева о предсмертной записке самоубийцы. Относя вслед за Победоносцевым происшествие к Ольге, а не к Лизе, Достоевский ничего не знал ни о ее отношениях с Ш. Летурно, ни о ее возрасте. Он полагал, что самоубийце было не семнадцать лет, а двадцать три или двадцать четыре года. Эти неверные сведения не соответствовали психологической ситуации происшедшей катастрофы и не давали нужных критериев подхода к их анализу. Все же великий психолог Достоевский, искавший корни трагедии в самом начале человеческой жизни, кое-что разгадал в драме младшей дочери Герцена. «Сознательного сомнения, так называемых вопросов, – считал Достоевский, – вероятнее всего, не было в душе ее; всему она, чему научена была с детства, верила прямо, на слово, и это вернее всего. Значит, просто умерла от "холодного мрака и скуки", с страданием, так сказать, животным и безотчетным, просто стало душно жить, в роде того, как бы воздуху недостало. Душа не вынесла прямолинейности безотчетно и безотчетно потребовала чего-нибудь более сложного...»[4]

Предлагаемый очерк о дочери Герцена и Тучковой-Огаревой отчасти устраняет недостаток сведений о ней в биографических публикациях о Герцене и его семье. Помимо известных источников, в нем использованы и ранее неизвестные, в частности присланные правнуком Герцена ныне покойным Л. Ристом из Франции, а также неопубликованные материалы, хранящиеся в *РГАЛИ* в фондах Герцена (129), Огарева (359) и в "пражской коллекции" (2197).

Начнем с событий, сопутствовавших рождению Лизы и во многом определивших ее жизнь, характер и судьбу.

4 сентября 1858 г. Герцен извещал сына Александра: "Сегодня в 5 часов, родилась маленькая девочка..." (XXVI, 204). Через два дня он сообщил сыну, что "Елизавета Николаевна ведет себя хорошо..." (там же). Таким образом, даже в самом факте рождения Лизы, объявленной дочерью не Герцена, а Огарева, уже заключалась тайна, которую "по общему соглашению и ввиду русских родных" (XXX, 215) долгое время знали лишь трое.

---

* Включенные в публикацию французские письма переведены на русский язык ее автором И. А. Желваковой.

Эту тайну строго скрывали от русских друзей и знакомых. Скрывали ее от врагов, готовых использовать любые средства для дискредитации своих политических противников; скрывали от детей, чтобы не осложнять и без того тяжелой атмосферы в доме Герцена; скрывали и от самой Лизы, называвшей Герцена "дядей", а Огарева "папой Агой".

Лиза появилась на свет именно в то время, когда семья Герцена фактически распадалась. Искренние намерения Тучковой-Огаревой заменить мать детям своей умершей подруги, обернулись ревностью, ожесточением, враждебностью, даже ненавистью, ею посеянной, и фактическим отторжением детей от отца. Саша, как и подобает взрослому человеку, начал "новое существование" – уехал в Швейцарию учиться. "Это целая революция в моей жизни", – писал Герцен незадолго до рождения Лизы (XXVI, 199). "Не клеилось" и с Ольгой. Было решено "снова попробовать" М. Мейзенбуг в качестве воспитательницы. К чему привело ее влияние, известно – она "отчуждила" от Герцена его дочь Ольгу. "Семья свелась на одну Тату", – горестно замечал Герцен, вынужденный в конце жизни признать, что "жизнь частная – погублена" (XXX, 34). Будущее ужасало его.

Лиза с самого рождения оказалась в "плену" у матери. Отныне почти вся их совместная жизнь с Герценом обратилась в постоянную "войну" за Лизу и вокруг Лизы. Редкие перемирия не в силах были сгладить той накаленной страхом и ревностью атмосферы, в которой подрастала их дочь, страстно любимая обоими. Горькие признания Герцена о "страшной", "раздирающей" судьбе объясняются, в частности, особенностями характера и воззрений Натальи Алексеевны, психическим состоянием, в котором она пребывала с самого рождения дочери. Наталья Алексеевна, несмотря на желание проникнуться общественными интересами Герцена и Огарева, вся была "обращена на личное" (XXVII, 248) и требовала от отца Лизы невозможного – целиком сосредоточиться на ее семье, отречься от собственных детей. Она всегда хотела бо́льшего, чем Герцен мог дать. В 1866 г., после очередного разрыва, она ревниво писала ему: "Чего я хотела? Чтобы ты с нами был так же, как с ними, – ты не мог или не хотел..."[5]. Трагический конфликт взаимного непонимания усугублялся с годами все возрастающей мнительностью и постоянным самоуничтожением Тучковой-Огаревой, ее верой в свою мученическую роль: "Мне на роду написано причинять горе тем, кого я люблю", – писала она[6]. Даже великодушный, всепрощающий Огарев не мог не сказать своей бывшей жене: "Бедная, томящаяся страдалица – сколько ненужных мучений ты приносишь себе и всему окружающему..."[7]. Герцен говорил с Тучковой жестче, считая, что она любит быть несчастной и недостаточно любит, чтоб другие были счастливы.

Лиза подрастала, и Герцен все больше привязывался к этому необыкновенному ребенку. "Ясное дитя", – говорил о Лизе Огарев[8]. Письма Герцена 1859–1860 гг. полны тревогой и заботой о своей дочери.

Из-за вечных угроз Натальи Алексеевны вернуться на родину с ребенком в письма Герцена закрадывается страх, что его разлучат с Лизой. При каждом расставании, даже недолгом, у него все тот же вопрос – заметила ли девочка его отсутствие. "Что́ Лиза – поминает ли она дядю?" (XXVII, 63).

С 1864 г. в письмах Тучковой-Огаревой, адресованных Герцену, появляются маленькие записки и приписки Лизы к "дяде". Девочка не называет отцом того, чьи заботы, печаль и счастье – его дочь Лиза.

В июле 1859 г. Наталья Алексеевна с восьмимесячной Лизой впервые уехала из дома Герцена. За ними в Вентнор последовал Огарев, тщетно пытавшийся смягчить непонимание, возникшее между Герценом и Натальей Алексеевной. В мае 1860 г. Тучкова-Огарева уже рассматривала свой отъезд в Германию как окончательный разрыв с Герценом. Но Герцен не представлял себе жизни без дочери и шел на любые компромиссы, лишь бы не потерять Лизу. В конце декабря того же года Наталья Алексеевна вернулась, но узел противоречий затягивался все туже. В сентябре 1861 г. Герцен писал Огареву: "Я иногда смотрю на Лизу – и задыхаюсь от горя. Даже досадно, что она так мила. Опять были уж сборы в Россию" (XXVII, 177).

Рождению близнецов Алексея и Елены 23 ноября 1861 г. не смягчило Наталью Алексеевну, их смерть от дифтерита (в декабре 1864 г.) окончательно сломила ее. В доме поселился мрак; угрюмо-траурный тон стал основным в жизни Лизы. Ожесточение и комплекс вины, беспредельная мнительность, вечные претензии и упреки все чаще проявлялись у Натальи Алексеевны – близким приходила даже в голову мысль о ее психической болезни. Она поддерживала себя в безвыходном отчаянии, как считал Герцен, а Огарев заклинал ее опомниться, – не отравлять жизни детей и Лизы[9].

Лиза росла, постоянно слыша от матери мрачные сентенции о смерти, самоубийстве, горе. "Бедная ⟨...⟩, – писала сама Наталья Алексеевна Герцену о дочери 6 января 1866 г., – ее детство многого лишено, она растет, цветет, как цветок на кладбище" (см. выше в наст. книге). Та же мысль варьировалась и в ее письмах к Огареву.

Герцен считал, что Наталья Алексеевна не воспитывает, а занимается "душевредительством ребенка" (XXIX, 181). Надо спасти Лизу во что бы то ни стало, в ней "сила огромная", утверждал он, считая необходимым все подчинить ее воспитанию и образованию. Это, по мнению Герцена и Огарева, была "единственно важная вещь". Герцен словно предчувствовал, что Лиза "не вынесет той атмосферы плача и отчаяния, в которой она живет" (XXVIII, 20). Несмотря на заверения Натальи Алексеевны, что "Лиза учится хорошо довольно с нею"[10], ей менее всего подходила роль воспитателя и наставника. Да и чему она могла научить Лизу? Нерегулярные занятия, беспорядочное чтение, случайные учителя да к тому же постоянные разъезды... Лиза все больше отрывалась матерью от Герцена, который должен был довольствоваться записочками от дочери с обращением "дорогому дяде".

Семейная тайна была постоянной пыткой и для Герцена, и для Натальи Алексеевны. Он страдал от невозможности легализовать эти отношения. Она же, страстно желавшая этого, страдала от "нерешительности" Герцена. Надо пожертвовать многим, считал Герцен, чтобы "разрушенным домом не задавило детей" (XXVII, 432). Он все еще надеялся собрать семью под единым кровом. "Надо свыкнуться с безвыходным положением, – утверждала Тучкова-Огарева в письме от 15 октября 1865 г., – когда нет крепкого, ничем не сокрушимого союза между отцом и матерью, у ребенка нет семьи. Верю, что тебе тяжела разлука с Лизой ⟨...⟩ Оставим все *непоправимое*, будем заботиться о будущем Лизы..."[11] Однако ее слова расходились с делом, с поступками. Между тем, девочка быстро развивалась. "Лиза умнеет, – сообщала Наталья Алексеевна Тате о пятилетней дочери, – но она, как ты, с виду светла и открыта, а глубока и скрытна" (XXVII, 425). В четыре года у нее уже "политические интересы". Лиза, как бы бессознательно пропитывалась атмосферой, окружавшей ее отца. Тучкова-Огарева свидетельствовала: «Не имея русской азбуки, я сделала ей азбуку на картонных четыреугольниках, чтоб она могла сама составлять слова ⟨...⟩ Ну что сложить, Лиза? – спросила я. "Земля и воля", – отвечала она, ничуть не позируя»[12]. Известен разговор Герцена с Лизой, мечтавшей о поездке в Россию и ее рассуждения о царе:

"Я говорю: да ты лучше подари Алекс⟨андру⟩ Ник⟨олаевичу⟩[13] что-нибудь.

– О нет, я его напою пьяным – и, когда он будет лежать, выстрелю в него" (XXVII, 439).

С детства Лиза была приобщена к истории (восьмилетняя девочка видела Гарибальди, разговаривала с Гюго, который восхищался ею, русский революционер В.И. Бакст давал ей уроки и т.д.). Герцен стремился привить Лизе свои политические симпатии, воспитать на героических образцах. В 1865 г., послав девочке открытку с изображением памятника Вильгельму Теллю, Герцен писал: "Его надобно любить, как Гарибальди" (XXVIII, 91). Домашние и друзья с удовольствием повторяли высказанное Лизой намерение посылать статейки в "Колокол"[14].

"Она изумительный ребенок, – Герцен не сдержал своего восхищения Лизой в письме к М. Мейзенбуг от 28 февраля 1866 г., – ее способности исправляют беспорядочное и лихорадочное воспитание, у нее столь сильный интеллект и она все так легко запоминает, что просто поразительно. Если бы здравое влияние – можно было бы многого достичь" (XXVIII, 160).

Герцен постоянно заботился о воспитании Лизы, стремился привить ей любовь ко всему русскому. Когда-то он много сил потратил на приобщение старших детей к чтению на русском языке. Теперь он во что бы то ни стало стремился сделать Лизу *русской*, возлагая на нее большие надежды. Лиза (как и Тата), по мнению Герцена, несла на себе печать большого морального единства с ним.

В сохранившемся каталоге книг, принадлежавших Лизе[15], – русские сказки и русская грамматика, "Басни" Крылова и "Стихотворения" М.Л. Михайлова. Герцен сам читал дочери русские книги (например, "Детство" Толстого) и не мог себе представить, что Лиза станет "иностранкой", не знающей ни его сочинений, ни сочинений Огарева. Вот почему им поддерживалась постоянная традиция – дарить детям все книги, сошедшие с вольного станка. Свои "Стихотворения" 1857 г. издания Огарев подарил Лизе, когда ей исполнилось... одиннадцать дней. В Музее Герцена хранится этот уникальный экземпляр с дарственной надписью Огарева: "Лизе от Ага. 15 сентября 1858 года". Несколько позднее в "библиотеку" Лизы попадут два выпуска "Записок декабристов", изданные Вольной типографией, и другие русские книги.

"Лиза развивается колоссально...", "бедный ребенок – хочу и не могу ничего сделать для ее развития" (XXIX, 488, 495), – пишет Герцен в 1868 г. Он видит, как пагубное влияние матери отражается на характере Лизы – она нервна, развязна, строптива, в ней много фантазий и сумасбродства. Вечная тревога за дочь и боязнь ее потерять делали невыносимой жизнь Герцена в последние годы. "В Россию, хочу в Россию, должна в Россию – здесь ты ничего *не хочешь* устроить, *не можешь*". Или: «"Сейчас, сию минуту – заводить пансион..." – На это сво-

дится все» (XXIX, 300), – писал Герцен о Наталье Алексеевне Огареву. Полный разрыв или официальное житье вместе – вот чего требовала Наталья Алексеевна, и в конце концов Герцен должен был согласиться на второе. 10 ноября 1868 г. он писал Наталье Алексеевне из Женевы: "Natalie, я решительно безусловно согласен на все, что ты желаешь" (XXIX, 487).

В 1869 г. Герцен должен быть уступить настояниям Натальи Алексеевны – она приняла его фамилию (которую носила до возвращения в Россию в 1876 г.) и младшим дочерям – Ольге и Лизе – был раскрыт семейный секрет. О своем решении упорядочить положение своей "гражданской жены" и их дочери Лизы Герцен сообщил М.К. Рейхель: "Хотя я никогда с вами об этом не говорил – но, я полагаю, вы знаете, что Лиза – моя дочь ⟨...⟩ Ог⟨арев⟩ первый знал все – все было откровенно и чисто, и наши отношнеия скорее теснее сблизились от общего доверия, чем потряслись. Но мне подконец стало тяжело, что вы и пять, шесть близких людей – или не знаете или думаете, что я не доверяю, скрываю. Вот почему я и пишу об этом" (XXX, 215).

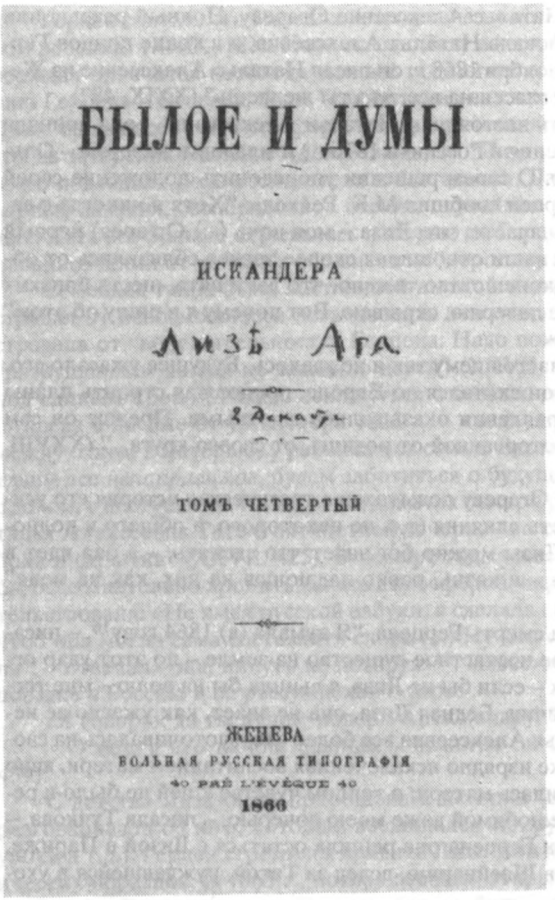
Рассечь трагический узел Герцену по-настоящему так и не удалось. Будущее ужасало его. Стремясь спасти детей "на краю бездны", он скитался по Европе, продолжая строить планы соединения семьи. Его усилия в этом направлении оказывались тщетными. Прежде он сам как-то признавался: "Такова судьба семьи, оторванной от родины, от своего круга..." (XXVIII, 204).

В одном из последних писем Герцена к Огареву подытожена трагическая история его усилий: "Ни Мейз⟨енбуг⟩ не позволит мне иметь влияния (т.е. не некоторого, а общего и полного) на Ольгу, ни N⟨atalie⟩ на Лизу ⟨...⟩ Из Лизы можно бог знает что сделать, – а она идет в старой колее. Итак, в детях главная казнь – и казнь, равно падающая на них, как на меня" (XXX, 271).

Наталья Алексеевна тяжело пережила смерть Герцена. "Я думала ⟨в⟩ 1864 году[16], – писала она Т.А. Астраковой, – что я была самое несчастное существо на земле – но этот удар оглушил, отнял понимание о прошлых ударах – если бы не Лиза, я вышла бы на волю – мне тесно и душно в жизни, и нет искупающих причин. Бедная Лиза, она не знает, как ужасно ее несчастие" (см. выши, с. 63-64). Теперь Наталья Алексеевна все более сосредоточивалась на своих отношениях с дочерью. Однако Лиза, уже изрядно искалеченная воспитанием матери, явно не любила ее. Более того, она просто стыдилась матери; о теплом чувстве к ней не было и речи. "Если мне суждено быть непонятой и нелюбимой даже моею дочерью, – писала Тучкова, – чего же ждать от других?"[17] После похорон Герцена она решила остаться с Лизой в Париже, но обстоятельства вынудили их переехать в Швейцарию, вслед за Татой, нуждавшейся в уходе после тяжкой болезни[18].

Последний год своей жизни Лиза жила с Татой. В августе 1874 г. Тучкова-Огарева впервые отпустила их в Италию, с условием, что через месяц они отправятся в Париж. Но сестры прочно обосновались во Флоренции, где в ту пору жил с семьей сын Герцена Саша. Наталья Алексеевна, поверившая в благотворность перемены обстановки для Лизы, отнюдь не приветствовала ее сближения с флорентийским кружком своего пасынка, помня, как печально отозвалось оно на Ольге, отдалив ее от отца. Это сближение казалось Наталье Алексеевне пагубным и для развития Лизы как *русской*. Она никогда не забывала о желании Герцена видеть своих детей русскими, а не иностранцами. В письмах к Тате и Лизе этой поры Наталья Алексеевна настаивала на русском направлении в образовании дочери и давала многочисленные советы о круге чтения и занятий – впрочем, не слишком рассчитывая на успех своих внушений. Публикатор переписки Лизы и Натальи Алексеевны М.О. Гершензон воспроизвел ее избирательно, выбрав лишь письма, важные для истории взаимоотношений матери и дочери. Кроме того, отбор этот был продиктован темой публикации – "Лиза Герцен и Летурно". При чтении сохранившихся писем Лизы к матери 1874–1875 гг.[19] ощущаешь какую-то принужденность. Лиза пишет как будто только по необходимости, каждое письмо это требуемый матерью отчет – отчет о здоровье, занятиях, знакомых, о жизни в доме Саши, о посещении театров, музеев и галерей и, конечно, о чтении. Почти в каждом письме (скорее всего только на словах) Лиза подчеркивает, что точно следует советам матери, например в выборе книг, предпочтительно русских. 16 сентября Лиза пишет Наталье Алексеевне (по-французски): «Я рылась в книгах Александра и некоторые взяла для себя – маленького Лермонтова в красном переплете, прелестного Полежаева, Некрасова и "Горе от ума"». 8 января 1875 г. она сообщает: «Я прочитала m-me Ханыков[2*] стихи из "Онегина": *Я вас люблю, чего же боле*, она была очень удивлена, что я знаю русские стихи, но, к сожалению, я не злоупотребляю русским; говорят, что бегло говорю я только по-французски»[20].

[2*] В подлиннике фамилия Ханыковой приводится по-русски. – *Ред.*


БЫЛОЕ И ДУМЫ

ИСКАНДЕРА

Лизѣ Ага

2 Декабрь

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

ЖЕНЕВА
ВОЛЬНАЯ РУССКАЯ ТИПОГРАФІЯ
40 RUE L'EVÊQUE 40
1866

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ОГАРЕВА ЛИЗЕ ГЕРЦЕН НА ЧЕТВЕРТОМ ТОМЕ "БЫЛОГО И ДУМ":
"Лизе Ага 2 Декабря"
Музей Герцена, Москва

Среди упомянутых ею сочинений также "Нос" Гоголя и "Первая любовь" Тургенева; Лиза читает с Татой и с женой Саши Терезиной "Историю Франции" Ж. Мишле и "Историю революции" Т. Карлейля, С. Милля и Ж. Санд. В одном из писем она недоуменно спрашивает мать, что та имеет против чтения "Исповеди сына века" А. де Мюссе. В выборе книг для чтения Наталья Алексеевна следует Герцену. В его строгой системе русского образования (чтение – не развлечение, а работа мысли) нет места пустым романам, часто привлекающим юного читателя. Предпочтительны книги, влияющие на общественное, нравственное воспитание, оттачивающие вкус, прививающие любовь к большой литературе. Наталья Алексеевна пишет Лизе: "Читать романы скорей вредно в твои годы, располагает к мечтательности, отдаляет от здоровой реальности – серьезное чтение сделается скучным для тебя"[21].

При чтении писем и сохранившихся литературных опытов Лизы убеждаешься в ее незаурядности, чувствуешь ее твердый, но своевольный характер. Мнения независимы, оценки самостоятельны, замеченный с детства общественный темперамент Лизы еще ярче проявлен в письмах этой поры. Выдающиеся лица, политические события, прошлые исторические эпохи неизменно интересуют ее.

22 ноября 1874 г. Лиза пишет матери: "Я хотела бы иметь письмо, подписанное Гарибальди, где он рассказывает или подтверждает совершенно добровольно, что немцы во Франции творили подлости, что они бросали за решетку даже случайно попавших в ряды вольных стрелков[22] ⟨...⟩ Если подобного рода письмо уже есть у Гарибальди[23] в Ницце, то не сможет ли он одолжить его на некоторое время; что касается меня, то ничто не доставило бы мне большего удовольствия в данный момент, чем иметь, пусть даже на один день, письмо, подписанное им и рассказывающее о подобных фактах"[24].

В письме от 18 марта 1875 г. Лиза сообщает матери о политическом событии, заинтересованной участницей которого она стала: "В самом большом театре Флоренции Ле Пальяно днем состоялся митинг. В театре, совершенно темном, было более двух тысяч человек. Только сцена была освещена, там находился президент рабочей ассоциации Пичини. Александр[25] ⟨...⟩ вышел через кулисы под руку с итальянской девушкой, очень красивой, которую он вел так, как ведут певицу, до самого председательского места ⟨...⟩ Потом была произнесена речь, скорее сентиментальная, затем было высказано много дельных вещей"[26].

Несмотря на несистематичность занятий, обрывочность знаний и разбросанность интересов, несомненны незаурядные способности девушки, замеченные еще Герценом, и ее явный литературный дар. Сохранилась небольшая тетрадка с воспоминаниями Лизы о Риме, написанными по-французски в 1875 г.[27] Это первые впечатления человека, попавшего в "столицу мира". Лизу интересует все – гигантские руины и величественные памятники возвышения и падения Рима. Мощный каскад водопадов в Тиволи заставляет ее размышлять "о силе человеческих страстей". Лизу потрясают красота и величие "вечного города": "Я пройду по земле, по которой проходили герои древности, я пройду под их триумфальными арками, вся история грандиозного города оживет на глазах ⟨...⟩ в самой истинной, в самой живой форме".

Сохранившиеся литературные опыты Лизы 1873–1875 гг. наивны, подражательны, но они свидетельствуют, тем не менее, о ее начитанности. Таковы рассказ "Sans issue" ("Без выхода"), в котором герои стремятся освободиться от тирании семьи, и повесть "Le bonheur malgré le mariage" ("Счастье, несмотря на брак")[28]. Лизу особенно занимали проблемы брака, семьи, идеи свободной любви и мечты об идеальном избраннике. Повесть "Счастье, несмотря на брак" написана под влиянием Пушкина и Тургенева. Главный ее герой – Рудин едет в Акшено, чтобы получить отцовское наследство. Здесь он встречает своего давнего друга Алексея Сонина и знакомится с его невестой Ольгой. Лиза развертывает онегинский сюжет, где и письмо влюбленной в Рудина старшей сестры Ольги, мечтательной героини, походящей характером на пушкинскую Татьяну ("Я вам пишу..."), и лихорадка любви страдающей героини, и скучающий на деревенском балу Рудин...

Образ Татьяны в контексте лизиной жизни вовсе не случаен. Пушкинская героиня, "без памяти влюбленная в Онегина", появляется в ее письме к Ш. Летурно – французскому ученому, в которого она была влюблена: "Но если мне кажется, что я не увижу вас, или я не знаю заранее часа, я не только не могу решительно ничем заниматься, но я грежу наяву, почти как Татьяна в поэме Пушкина..."[29] Воспитанная матерью в сравнительно смелых представлениях о браке и любви, Лиза достаточно своевольно распоряжалась собственной судьбой, своими симпатиями и антипатиями. Характерно ее высказывание в одном из писем к матери: "Когда я чего-нибудь сильно хочу, я не люблю, чтобы мне в этом отказывали"[30]. Лиза разделяла и идеи женской эмансипации, проповедуемые матерью. Так, в письме от 15 сентября Наталья Алексеевна писала дочери: «Я всегда мечтала, что ты будешь воспитана скорей как мальчик; заметь, мужчины гораздо меньше сентиментальны и трагичны; они берут жизнь, как она есть. Если серьезно подумать, то, к сожалению, справедливо, что буржуазное счастие лучше поэтического несчастия черезо всю жизнь. Теперь открылись новые дороги для женщин: она или может быть специалисткой и жить вне семейной жизни или, имея ровное образование с мужчинами, выйти замуж d'égal à l'égal[3*]. Это уже выше буржуазного счастия. Это может быть высокопоэтично, этого-то я желаю, мечтаю для тебя...»[31]

В письмах Тучковой и Лизы преобладает настойчивый мотив: "Я бы хотела жить, чтоб видеть, что Лизу любят..." (письмо Натальи Алексеевны к Огареву от 21 декабря 1864 г. – XXVII, 551). "Я хотела бы, чтобы меня любили..."[32].

Все возрастающая неприязнь к матери (порой даже больше – ненависть), душевное одиночество, необузданный эгоизм, постоянная мысль о смерти вместе со страстной потребностью жить и любить готовили для впечатлительной, своенравной, изломанной девушки трагическую развязку. Не знающие преград чувства были обращены на уже немолодого сорокачетырехлетнего, женатого человека. Парадоксально, что Ш. Летурно, известный ученый, психолог, автор работ "Физиология страстей", "Эволюция брака и семьи" и др., не принял достаточно серьезно увлечение шестнадцатилетней девушки и взял на себя роль ее духовного наставника. Это поставило его перед трагической альтернативой, навязанной ему Лизой, – или *его* любовь или *ее* смерть. Неразрешимость подобной ситуации и привела к фатальному концу.

Еще В.П. Полонский в своем предисловии к публикации переписки Лизы и Летурно отмечал "трагический гиперболизм"[33] совсем еще юной девушки, который проявился в ее талантливых, и страстных письмах к своему избраннику. Из этой переписки до сих пор в печати появилось только восемь писем Лизы к ее корреспонденту[34].

Ниже впервые публикуется в переводе с французского два неизвестных письма Летурно к Лизе (ранее было опубликовано семнадцать) и одно ее письмо к Летурно.

Впервые имя Летурно появляется в письме Лизы к матери от 8 ноября 1874 г.[35] Несмотря на настояния Натальи Алексеевны приехать к ней в Париж, где, по-видимому, ее ждет "умственная, деятельная и даже веселая жизнь"[36], Лиза предпочитает оставаться во Флоренции и среди прочих доводов в пользу своего решения приводит следующее: "Сабатье, Летурно, Ханыковы, Серрати и другие мне очень нравятся, они образуют интеллигентный и приятный кружок, в то время как я не знаю, что меня ждет в Париже; потом дети[37] милы, – жалко их покидать; наконец, я достаточно люблю Александра, в то время как Моно мне более чем безразличен; об Ольге я не знаю ничего"[38]. В действительности желание Лизы остаться в Италии, главным образом, вызвано было ее знакомством с Летурно, состоявшимся, очевидно, в конце октября – начале ноября 1874 г.

Письмо от 3 декабря того же года предшествует всем до сих пор появившимся в печати письмам Летурно к дочери Герцена, – оно свидетельствует, как и прочие его послания, ранее опубликованные, о большом участии, принятом им в воспитании и образовании Лизы, а также о расположении к ней:

3* на равных (*франц.*).

"⟨Флоренция.⟩ 3 декабря 1874 г.

Мадемуазель, поскольку вы непременно желали, чтоб я был в некотором роде вашим духовным наставником, посылаю вам первый список из шестнадцати сочинений, которые, думаю, было бы полезно прочитать в указанном порядке. Как только я составил свой каталог, мне в голову пришла очень простая мысль: пока вы будете читать шестнадцать указанных сочинений, у меня, верно, найдется время поразмыслить над новым списком и основательно оформить его.

Сочинения, названия которых я вам посылаю, образуют своего рода энциклопедию, и, когда вы их прочтете, хорошенько усвоите, вы будете, конечно, гораздо более ученой, чем девять десятых ваших современников любого пола, не исключая подписавшегося под этим письмом, который, вопреки высоким обязанностям, на него возложенным, остается, тем не менее, вашим весьма смиренным и, разумеется, покорным слугой.

Я сейчас обнаружил ваше милое письмо, по возвращении из недолгого путешествия, которое я должен был совершить в Ливорно. Не могу ответить вам сегодня, но завтра, думаю, у меня выдастся время написать вам маленькую присягу на верность. Как все старые люди, мы имеем постоянную привычку морализировать по поводу всего на свете, что впрочем, приносит слишком мало пользы и нам самим и всем прочим. До свидания. Письмо будет послано м-ль *Л.Г.*, будут указаны только инициалы"[4*].

Второе письмо послано Летурно 7 июня 1875 г. из Флоренции в Рим, куда в конце апреля Лиза отправилась вместе с Татой и Мейзенбуг. В письме упоминаются жена Летурно Люси и их дети; Нерина Финокетти, знакомая Тучковой и Лизы (именно к ней обращено письмо Натальи Алексеевны после гибели дочери)[39]; Никитина, знакомая семьи Летурно; неизвестный нам флорентийский знакомый Лизы (капитан), а также А.А. Герцен, заведший в это время предприятие по консервированию мяса:

«Флоренция. 7 июня 1875 г.

Я вам не ответил еще по нескольким причинам, ибо наш брат-мужчина – человек особенный, никогда не руководствуется только одним доводом.

Начнем с того, что ваше первое письмо было адресовано не мне, и, если уж быть справедливым, то муж не обязан отвечать на письма, обращенные к его жене. Потом, мы еще все время готовились к отъезду, который так и не состоялся. Нам было очень тяжело прервать соединяющую нас нить. Девочки были больны; они и до сих пор еще болеют, потом у г-жи Никитиной была легкая пневмония, и, начав ее лечить, я не мог и не могу еще сейчас внезапно ее бросить.

Наконец, и это гораздо серьезнее – волнующие предупреждения заставили меня послать новый письменный запрос, результатов которого я все еще жду. Здесь речь вовсе не о задержке – сама поездка под угрозой, по крайней мере, для меня. Впрочем, это должно решиться через несколько дней, и я вам сообщу окончательный результат.

Наконец, я вам не написал еще по другой причине, а она-то самая серьезная – страшная апатия, которой я подвержен, приняла в последние дни особенно большие размеры. Мои буддистские убеждения подкрепляются приятным образом. Как раз вчера, когда я получил ваше последнее письмо, я был погружен в глубокое раздумье о Нирване, и вы меня не вывели из этого состояния, а как раз наоборот. Нет ничего более печального чем голова сорокалетнего мужчины: она седа так же снаружи, как и внутри. Но эти вещи такой вулканчик, как вы, представить себе не можете, да к тому же они совершенно неинтересны.

Среди всех подробностей, которые вы мне сообщаете о вашем новом существовании, я не вижу ни слова о ваших новых занятиях, я хочу сказать – о ваших серьез-

---

[4*] Далее перечисляется шестнадцать сочинений по естествознанию, а также физико-математических и исторических разных западноевропейских авторов – в том числе Гумбольдта, Дарвина, Бокля и пр. – *Ред.*

ных занятиях. Чем вы заменили легкое чтение, математикой Мерло и скромной книгой по физике вашего слуги?

Нужно работать и работать с *новым* рвением, ибо прежнее немного поубавилось. Совершенно очевидно, что, имея честь носить такое имя, как ваше[40], не следует проводить свою жизнь в праздности, подобно пансионерке из "птичьего монастыря".

Наш маленький флорентийский кружок распался после вашего отъезда. Кто уезжает, кто готовится к отъезду. "Мажента"[41] вошла недавно в порт Вальпарайсо. Капитан яростно старается ее оттуда вывести. Он надеется, что через месяц она, наконец, бросит якорь в Неаполитанском заливе. Если все устроится таким образом, он отправится на географический конгресс в Париж и, конечно, воспользуется этой поездкой для ученых бесед по этнологии с м-ль Татой. Человекоубийства, которые она беспрестанно совершает (я имею в виду не этнологию)[42], взывают к мести. Я надеюсь, что однажды какой-нибудь *осторожный* и *хладнокровный* человек возьмется ее наказать, как она того и заслуживает. Нерина с возмущенным видом и перекошенным лицом утверждает, что ей гораздо лучше. Позавчера она пришла просить меня сказать ей много неприятных вещей о жестоком предмете – причине ее мучений. Именно это и есть те самые вещи, которые моя природная доброта не позволяет делать, но несколько добрых советов я ей дал. Ваш брат чувствует себя лучше. На днях он упомянул в разговоре со мной о консервированном мясе только три раза за два часа[43]. Все изнашивается, все проходит, все улаживается скорее к лучшему, чем к худшему. Я вас покидаю на этом философском размышлении, о своем отъезде извещу вас, если он состоится.

Преданная дружба. Естественно, я его[44] тоже обнимаю. Между двумя столь холодными существами, как мы, это не вызывает взаимных чувств».

Неизвестное ранее письмо Лизы датировано 3 октября 1875 г. Его начало – страстное и нетерпеливое – еще раз подтверждает несомненный литературный дар дочери Герцена. Написанное в период интенсивнейшей переписки с Летурно (сохранилось шесть писем, посланных им Лизе в сентябре, и четыре – в октябре 1875 г.), это последнее из девяти известных нам писем Лизы к тому же адресату. По-видимому, письмо не было отправлено, ибо подлинник сохранился среди семейных бумаг Л. Риста, внука О.А. Герцен (моно).

Летурно долго не был во Флоренции, в августе он находился в Париже, затем в Гранвиле, Сен-Бриё, Оре. В начале октября он в Руане, оттуда переезжает в Париж (где в ту пору жила Тата, расставшаяся с Лизой и ее матерью, которые, отправились на Юг – в Ниццу и Сан-Ремо. Осенью они вновь во Флоренции). Упоминаемые в письме лица: *Джилиоли* – знакомая Лизы и супругов Летурно; Нерина – *Финокетти*. Приводим текст письма в переводе с французского. На бумаге штемпель с девизом "Всегда и повсюду":

«(Флоренция.) 3 октября 75 г.

Как! ни одной строки! где вы? что вы? подайте признак жизни, ваш бедный юный друг в отчаянии от вашего молчания, ни одного ласкового слова!! Если бы вы знали, как я страдаю от сознания, что вы в том же городе, что и Тата, вы не знаете, как я ревную, – это сущая мука. Но хватит об этом, я уже представляю себе вашу презрительную гримасу. Как видите, неудивительно, что я говорю одно и то же, чувствую одно и то же, потому что вопреки прекрасной игре слов Александра – постоянна в своем непостоянстве.

Моя любовь к вам не уменьшилась ни на волосок. В конце концов, баста! – как говорит Нерина. Кстати, о сей последней, я никогда до конца не могла понять, что́ произошло у них с Татой, но это серьезнее, чем я думала. Уверяю вас, что их письма – трагикомический шедевр, его безнадежность подчас так забавна! (Возможно – подобное вы уже читали.) Она должна приехать повидаться со мной, и к тому же, поскольку наши письма встретились, случилась только одна неожиданность: она теперь в Пастуро, откуда мне пишет (дословно): "Если вас подстерегают какие-либо опасности и т.д., то я приеду сегодня же, даже если мне придется путешествовать в третьем классе". Это забавно, забавно, забавно, не так ли? Интереснее моя переписка с сестрой Джилиоли, я люблю ее еще больше; судя по письмам, она, действитель-

ЛИЗА ГЕРЦЕН
Фотография Ф. Шардонне. Ницца, ⟨1875⟩
На обороте дарственная надпись Лизы Герцен Мальвиде Мейзенбуг: "Pour la chère m-lle Malvida" ("Дорогой м-ль Мальвиде")
Музей Герцена, Москва

но, очень мила, очень забавна (когда этого хочет, но не как Нерина) и очень счастлива, это истинное утешение.

Я познакомилась со многими лицами, старалась изучить на них психологию, и я вас уверяю, что мои занятия были крайне неблагоприятны для рода человеческого. Я знаю только двух людей, которые мне очень симпатичны здесь (но все же не совсем), в настоящее время оба в Сан-Ремо. Мужчина и женщина. Первый – по фамилии Сангинетти; если память мне не изменяет, это имя выгравировано на медной табличке, ниже вас этажом, на вилле Монтебелло; это первая, если не сказать главная, причина моей симпатии. Этот корсиканец был моим соседом по табльдоту и очень меня забавлял. Моя вторая симп⟨атия⟩ – больше первой, это родственница г-жи Гираб⟨альди⟩, о которой я вам уже говорила. Мама не любит ее и дуется на меня, потому что я ничего не имею против нее. Действительно, у этой бедной Макс муж грубиян и…, который, как говорят, ей изменяет, но мне об этом она никогда не говорила, я не имею верных доказательств, и к тому же это не мое дело… Мама говорит, что это доказывает мою испорченную натуру, и вот что я хотела бы от вас услышать – чтобы вы мне сказали, кто прав, кто виноват. Бедная Макс, я ее жалею: 1-е – она умирает от скуки, 2-е – она кокетка, 3-е – и вот худшее из всего: она знакома с некоторыми добродетельными женщинами. Но почему же ей быть такой, ведь они получили компенсацию за свою вынужденную скромность – право судить и выносить приговор тем, кто, если можно так выразиться, и без того немыслимо несчастен. Так как ее очернили в моих глазах, я взяла ее сторону: "Я никогда не обманывала, это мне отвратительно, но, во-первых, ничего не доказано, и мне кажется, что надо быть полностью уверенной в ее поступке, чтобы говорить о нем с такой резкостью. Все вы, женщины, жестоки! В каждом ее поступке вы видите только плохое. Мне немного известны эти разговоры, но я в них не участвую, предупреждаю вас об этом. Я говорю это от себя, но если она кого-то страстно любит, то, в конце концов, она в этом совершенно не раскаивается. Наконец, мораль всего этого такова: мама считает, что у меня порочные чувства, поскольку женщина, которая, по слухам, изменяет своему мужу, не внушает мне никакого отвращения". Сразу скажите мне ваше мнение; впрочем, я забываю, что вы редко отвечаете на вопросы.

В Риме ли вы или в Ницце? Увижу ли я вас скоро?

Ваша до гробовой доски.

Л. Герцен»[45]

Увлечение Лизы беспокоило всех близких, но удержать ее от переписки и встреч с Летурно, от посещения его семьи никто не мог. Тата считала Летурно и, вероятно, не без оснований, фальшивым и нравственно нечистым человеком. Наталья Алексеевна искала выхода, совето-

валась с друзьями. Но все было тщетно. Лиза, как когда-то пожаловалась Тучкова-Огарева, уже исключила мать из своей жизни. К зиме Летурно возвратился во Флоренцию, и Лиза снова стала видеться с ним.

Восстанавливая события тех дней, Наталья Алексеевна писала Нерине Финокетти: «По приезде во Флоренцию я сильно захворала. *Она* тотчас сказала мне: "Теперь я без предупреждения пойду к Летурно; это будет очень забавно". Я попробовала сказать, что лучше было бы позвать его к нам, но она настаивала ⟨...⟩ Я принуждена была уступить и дала ей записочку к Летурно, прося тотчас передать ее ему. Она вернулась очень взволнованная и сказала, что Летурно советует не оставаться во Флоренции или, по крайней мере, уехать через несколько дней, что необходимо как можно скорее повидать Александра и спросить его мнение. Она взяла извозчика и поехала на виллу. Летурно пришел ко мне и, казалось, был обеспокоен ее отсутствием, боясь, чтобы у нее не вышло неприятного разговора с братом ⟨...⟩ Пришел Александр, мы разговаривали втроем. Он, казалось, был доволен нашим приездом и предложил провести две недели у него на вилле, чтоб осмотреться. Если бы мы тотчас уехали в Форли, а оттуда – в Рим, все было бы спасено, – но я слепо шла к гибели»[46].

21 декабря 1875 г. на флорентийской вилле А.А. Герцена Лиза написала свое предсмертное письмо к родным.

Вот текст ее письма (в переводе с французского и с небольшими уточнениями по копии, сделанной А.А. Герценом и хранившейся в архиве Л. Риста – Версаль):

"Как видите, дорогие друзья, я попыталась совершить переезд раньше, чем следовало бы. Может быть, мне не удастся совершить его – тогда тем лучше, мы будем пить шампанское по случаю моего воскресения, я не буду жалеть об этом, – напротив. Я пишу эти строки, чтобы просить прощения за неприятности и хлопоты, которые я причиняю вам; кроме того, я хочу просить вас: постарайтесь, чтобы те же лица, которые провожали нас на вокзал при нашем отъезде в Париж, присутствовали на моем погребéнии, если оно состоится, или на банкете по случаю моего воскресения (исключая Шиффов).

2-е. Если меня будут хоронить, пусть сначала хорошенько удостоверятся, что я мертва, потому что если я проснусь в гробу, это будет очень неприятно.

3-е. Прошу, чтобы те мои вещи, которые пригодны к употреблению, употреблялись. Я нахожу глупым хранить или выбрасывать вещи, которые годятся.

4-е. Я не имею голоса в семейном совете, но все же хочу высказать мое мнение о денежных делах. Ольга и Тата ни в чем не нуждаются; поэтому мне кажется, что мама должна устроить себе пожизненную пенсию (не такую скупую, какая у нее была в Париже), а Алекс⟨андру⟩ досталась бы часть дохода вместе с капиталом. Впрочем, это меня не касается.

Addio, привет и братство.

Л.Г."[47]

Н.А. Тучкова-Огарева писала А.А. Герцену в письме, до сих пор не появлявшемся в печати, в ответ на соболезнования – его и жены Терезины:

"Саша,

Я любила вас и скрывала это и думала, что вы меня ненавидите, все видела в дурном свете – теперь исполнилось последнее наказание, ты подал руку и Терезина как самые близкие – простите меня, в эти дни ужаса я поняла слишком поздно ваше сердце. Ваши слова могли бы залечить много ран, но я преступна в ее кончине, дайте преступнику найти покой – время – время. Прощайте, обнимаю тебя и Терезину, пока буду помнить, буду знать, чем вы были для меня в эти страшные дни[5*].

Я одна повинна в смерти моей дочери, у меня была склянка с хлороформом, она об этом не знала. Когда переезжали, склянку принесли в ее комнату. Я напрасно ее искала. Она взяла ее, сказав мне, что отдаст брату; вышла, вернулась, уверив меня, что бросила ее в клозет – она рассказала ⟨все⟩ так подробно, что я ей поверила. Через 2 недели она воспользовалась моим отсутствием – заперлась и использовала хло-

[5*] Далее по-французски (перевод автора публикации). – *Ред.*

роформ, чтобы лишить себя жизни; я одна виновата, и если бы меня покарали смертью, я нашла бы ее справедливой и благодарила моих судей.

Натали Герцен

Если я не попаду на похороны, то попрошу, чтобы нам обеим перерезали сонные артерии, прежде чем положить нас в гроб"[48].

28 декабря 1875 г. А.А. Герцен писал о своей мачехе Н.Н. Сатину, прося сопроводить ее в Россию: «Со времени смерти Лизы она находится в таком отчаянии и изнеможении, что жалко смотреть. Несколько раз она пыталась покончить с собой, чтобы стать, по ее выражению, "*как ее дочь*". Мы помешали ей исполнить это намерение, прежде всего, физически, наблюдая за нею ночью и днем, а потом и морально, доказывая ей, что у нее осталось еще два долга: сопровождать свою дочь для погребения в Ниццу, а затем вернуться в Россию к ее старым родителям, которые будут счастливы иметь ее возле себя ⟨...⟩ Она уступила этим доводам и ухватилась за эти две идеи. Первая осуществлена – Лиза похоронена в той же могиле, где папа. Теперь Натали ждет лишь своего возвращения в Россию»[49].

В тот же день Саша отправил Наталье Алексеевне два чемодана с Лизиными вещами и шкатулку с ее письмами, оставив у себя на время письма Летурно и письма Таты к Лизе, в которых надеялся найти объяснение трагедии и оправдание Летурно. "С его письмами в руках я могу его защищать и спасти, насколько моя совесть допускает", – объяснил он[50].

В Россию Тучкова-Огарева вернулась в августе 1876 г. Она везла с собой многие принадлежащие ей бумаги из семейного архива Герцена-Огарева, в том числе Лизину переписку, появившуюся в печати полвека спустя, усилиями М.О. Гершензона[51].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *И.С. Тургенев. Письма*, XI, 177–178.
[2] Ф.М. Достоевский. Дневник писателя за 1876 год. – Полное собр. соч. в 30 т. Т. XXIII. Л., 1981, с. 145–146 и 324–326.
[3] "Лит. наследство", т. 86, с. 85–86.
[4] Ф.М. Достоевский. Цит. изд., с. 145–146 и "Лит. наследство", т. 86, с. 85–86.
[5] *АО*, 37.
[6] Там же, с. 222.
[7] "Лит. наследство", т. 63, с. 510.
[8] *АО*, 100.
[9] См.: "Лит. наследство", т. 63, с. 510.
[10] *АО*, 41.
[11] Там же, 31–32.
[12] Там же, 256.
[13] Имеется в виду Александр II.
[14] *АО*, 35.
[15] *РГАЛИ*, ф. 129, оп. 1, ед.хр. 141.
[16] Подразумевается смерть близнецов Елены и Алексея.
[17] *АО*, 256.
[18] См. выше в наст. кн. "Письма Н.А. Тучковой-Огаревой к Е.С. Некрасовой".
[19] *РГАЛИ*, ф. 359, оп. 1, ед.хр. 231.
[20] Там же, л. 21 об. и 73.
[21] *РГАЛИ*, ф. 129, оп. 1, ед.хр. 166, л. 12.
[22] Речь идет о Франко-прусской войне 1870–1871 гг.
[23] Двоюродный брат Дж. Гарибальди.
[24] *РГАЛИ*, ф. 359, оп. 1, ед.хр. 166, л. 59–59 об.
[25] Александр – сын Герцена.
[26] *РГАЛИ*, ф. 359, оп. 1, ед.хр. 166, л. 149–150.
[27] Там же, ф. 129, оп. 1, ед.хр. 146.
[28] Там же, ед. хр. 142–143.
[29] *АО*, 154.
[30] Там же, 167.
[31] *РГАЛИ*, ф. 129, оп. 1, ед.хр. 166, л. 9 об. – 10.
[32] *АО*, 222–223. Слова, сказанные Лизой Терезине.
[33] Там же, 7.
[34] *АО*, 148–181.
[35] *РГАЛИ*, ф. 359, оп. 1, ед.хр. 231.
[36] *АО*, 136.
[37] Дети А.А. Герцена.

[38] *РГАЛИ*, ф. 359, оп. 1, ед.хр. 231.

[39] *АО*, 217–225.

[40] Имеется в виду имя Герцена.

[41] Название парохода. Его капитан (имя его не установлено), вероятно, входил во флорентийский кружок А.А. Герцена.

[42] Вероятно, ехидный намек на многолетнюю дружбу Таты с князем А.А. Мещерским, секретарем Российского Географического общества. Заметим, что Тата старалась уберечь Лизу от опасного влияния Летурно, последний исподволь настраивал девочку-подростка против старшей сестры и брата Александра.

[43] Речь идет об А.А. Герцене.

[44] Кто имеется в виду, неясно.

[45] *ИРЛИ*, поступление 1983 г., № 59.

[46] *АО*, 219.

[47] Письмо впервые напечатано Гершензоном в переводе с французского (*АО*, 214).

[48] См. прим. 52.

[49] См. *АО*, 214–215; ср. прим. 52.

[50] Там же, 216.

[51] Некоторые документальные материалы, связанные с личной трагедией Лизы, остались у А.А. Герцена; от него они перешли к Тате, а затем к ее любимому племяннику Л. Ристу, подарившему их впоследствии своей двоюродной сестре – Наталье Петровне Герцен. В настоящее время письмо Лизы к Летурно, копия ее предсмертного письма и записка Н.А. Тучковой-Огаревой к А.А. Герцену хранятся в *ИРЛИ* (поступление 1983 г., № 59).

ДРУЗЬЯ

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ КИРЕЕВСКИЙ

ЗАПИСКА И.В. КИРЕЕВСКОГО К ГЕРЦЕНУ

Публикация Ю.В. М а н н а

Публикуемая ниже записка – единственное свидетельство эпистолярного общения Герцена с Иваном Васильевичем *Киреевским* (1806–1856). При всем своем лаконизме она несет на себе отблеск их личных встреч, обмена мыслей и споров в самом начале 1840-х годов. Постараемся же конкретнее представить себе историко-литературный контекст этой записки.

Впервые Герцен появился в московском доме А.П. Елагиной, матери братьев Киреевских, незадолго до 18 ноября 1842 г. (см. II, 242). Здесь он встретился со "вторым Киреевским", т.е. с Киреевским-младшим, Петром Васильевичем. С Иваном Васильевичем Герцен к этому времени, видимо, уже был знаком[1] и, конечно, имел представление об исповедуемых им взглядах – социально-политических, философских, литературных. Эти взгляды И.В. Киреевский довольно энергично пропагандировал и отстаивал в различных московских салонах, а в 1839 г. он изложил их в статье "В ответ А.С. Хомякову". Статья не предназначалась для печати, но вместе с работой Хомякова "О старом и новом" (на которую отвечал Киреевский) получила широкую известность и способствовала формированию славянофильства как течения. Герцен, возвратившийся из Новгорода в Москву в июле 1842 г. и заставший "оба стана на барьере" (IX, 152), имел уже все основания видеть в Киреевском одного из вождей славянофильской партии.

Посещения Герценом дома Елагиной создали почву для более тесных и регулярных контактов обоих литераторов. Дневниковая запись Герцена от 23 ноября 1842 г. фиксирует встречу с Киреевским, состоявшуюся накануне, – причем по характеру записи видно, что дело не обошлось без спора, весьма откровенного и резкого (см. II, 244–245). По своему умственному складу, как считает Герцен, Киреевский родственен Белинскому: он человек "экстремы", фанатически преданный своим убеждениям, не боящийся крайних выводов. Отмечена безупречная честность Киреевского; его воззрения – результат долгого и мучительного внутреннего процесса. Да и не только внутреннего: Герцен помнит о каре, обрушившейся на Киреевского (запрещении в 1832 г. "Европейца"). "Человек этот глубоко перестрадал вопрос о современности Руси, слезами и кровью окупил разрешение..." "Вопрос о современной Руси" вводит в самый центр славянофильской доктрины Киреевского, и Герцен отмечает ее сложность, неортодоксальность: с одной стороны, утопичность позитивной программы ("разрешение нелепое"), с другой, – сугубо критическое, отнюдь не примирительное отношение к современным расейским порядкам ("знает гнусность настоящего"), что так выгодно отличает Киреевского и от представителей официальной идеологии и от умеренных либералов типа М.А. Дмитриева. Логика спора довела «до "Отечественных записок"», т.е. до Белинского: Киреевский отозвался о них "с негодующим презрением"; Герцен принялся защищать – но тут направление разговора переменилось[2].

В дальнейшем Герцен неоднократно бывал у Елагиных[3]. Во время этих визитов он не мог не встречаться и с Киреевским (одна из таких встреч, 21 февраля 1843 г., отмечена в письме Е.А. Елагиной к А.А. Елагину[4]). Виделись они, конечно, и в других московских домах.

Время общения Герцена с Киреевским совпало с его работой над циклом статей "Дилетантизм в науке" (там же, 328), начатым весной 1842 г. (III, 324). В течение 1842 г. были написаны три статьи, в конце января следующего года Герцен принимается за четвертую, завершающую статью и заканчивает ее в марте. Можно сказать, что работа над этими статьями (по крайней мере, двумя последними), в которых концентрированно выражены философские и эстетические идеи Герцена, протекала на фоне его встреч и бесед с Киреевским. Отзвуки этих бесед можно услышать в герценовских статьях. С другой стороны, содержание последних становилось предметом споров и обсуждения.

Исследователи, кажется, еще не обратили внимания на одно интересное совпадение: 23 марта 1843 г. Герцен вносит в дневник следующую запись: "Что за прекрасная, сильная личность Ивана Киреевского! Сколько погибло в нем, и притом развитого! Он сломался так, как может сломаться дуб. Жаль его, ужасно жаль. Он чахнет, борьба в нем продолжается глухо и подрывает его. Он один искупает всю партию славянофилов" (II, 273). Но именно эта дата – "23 марта, 1843" – стоит и под заключительной статьей цикла "Дилетантизм в науке", последние строки которой обращены именно против настроений подавленности и отчаяния: "Вера в будущее – наше благороднейшее право, наше неотъемлемое благо (...) И эта вера в будущее спасет нас с тяжкие минуты от отчаяния; и эта любовь к настоящему будет жива благими деяниями" (III, 88). Трудно сказать что́ писалось раньше – строки из дневника или заключительные абзацы статьи, но, во всяком случае, и то и другое принадлежит одному контексту, находится в одном русле размышлений, словно перед автором "Дилетантизма в науке" маячил образ "сломленного" Киреевского.

Дневниковая запись от 23 марта сделана, очевидно, под влиянием недавней встречи с Киреевским. Спустя несколько дней состоялась еще одна встреча, во время которой происходил "длинный разговор о философии". Позиции спорящих изложены в дневниковой записи Герцена от 5 апреля. Наука, по мнению Киреевского, "чистый формализм, самое мышление – способность формальная, оттого огромная сторона истины, ее субстанциальность, является в науке только формально и, след., абстрактно, не истинно или бедно истинно. Философия не может решить свою задачу, не достигнет примирения и истины, потому что ее путь недостаточен etc., etc. Слово есть также формальное выражение, не исчерпывающее то, что хочешь сказать, а передающее односторонно". Далее Герцен формулирует свою точку зрения в споре: "Конечно, наука par droit de naissance* абстрактна и, пожалуй, формальна; но в полном развитии своем ее формализм – диалектическое развитие, составляющее органическое тело истины, ее форму – но такую, в которую утянуто само содержание" (II, 274).

Следует отметить, прежде всего, что герценовская запись касается самой сути гносеологической теории Киреевского. Действительно, Киреевский считал логическое знание недостаточным, неадэкватным истине, неспособным обнять ее полно и всесторонне, а потому нуждающимся в дополнении и коррекции. Он не отвергал полностью роль логического и рационального познания, но полагал, что оно должно быть надстроено, так сказать, познанием сверхлогическим и сверхнаучным, в котором бы наряду с умом участвовали все способности души. Эта точка зрения наметилась еще в публикациях Киреевского в "Европейце" (1832), усилилась в упоминавшейся выше работе "В ответ А.С. Хомякову", но особенно полное отражение получила уже в более поздних трудах: "Обозрение современного состояния литературы" (1845), "О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению в России" (1852), "О необходимости и возможности новых начал для философии" (1856). Упомянутый "длинный разговор о философии" явился вехой на пути к этим трудам: в споре с Герценом Киреевский, видимо, заострил и развил свою позицию.

Но, с другой стороны, и Герцен выразил точку зрения, уже достаточно четко наметившуюся в его работах. В первой статье из цикла "Дилетантизм в науке" он писал, что "духу человеческому, искусившемуся на всех ступенях лестницы самопознания, начала раскрываться истина в стройном наукообразном организме и притом в живом организме. За будущность науки нечего бояться" (III, 8). Речь шла не просто о познании, но именно о познании научном, осуществляемом в диалектико-логических, категориях. Во второй статье, озаглавленной "Дилетанты-романтики", Герцен подошел к той же проблеме с исторической точки зрения: три эпохи – классическая, романтическая и новая – представляют три различных типа сознания, а значит и тип отношения к истине. Современный тип объединяет сильные стороны двух предыдущих, его отличает тенденция к строгой наукообразности; неслучайно ярчайшим симптомом нового сознания Герцен считает появление гегелевской "Логики": "В этих нескольких печатных листах, писанных трудным языком и назначенных, кажется, исключительно для школы, лежал плод всего прошедшего мышления, семя огромного, могучего дуба" (III, 39).

Обе статьи уже были напечатаны к моменту встречи Киреевского и Герцена[5], возбудили всеобщее внимание и, скорее всего, послужили поводом или, по крайней мере, одним из поводов для упомянутого спора. Но во время последнего Герцен, как видно из его записи, развил свою мысль, изложив ее в итоговой, почти афористической форме. Его точка зрения опирается на Гегеля, согласно которому, философия "замещает представления мыслями, *категориями* или, говоря еще точнее, *понятиями*"[6], Киреевский же, со своей стороны, считая такое

---

* *Здесь*: по своей природе (*франц.*).

понятийно-логическое развитие философии недостаточным, видел в Гегеле предельное выражение нежелательной тенденции[2*].

Через несколько дней после упомянутого спора – в первых числах мая – произошла еще одна встреча. Герцен прочитал Киреевскому и Хомякову заключительную статью цикла. "Большой эффект и рукоплескания" (II, 281), – отметил Герцен в дневнике. Следовательно, статья не просто понравилась, но вызвала горячее одобрение, пробудила чувство солидарности. После обнаружившегося разномыслия и резких споров это может показаться нелогичным. Но никакой нелогичности не было.

В своей статье, озаглавленной "Буддизм в науке", Герцен выступил против внешнего, механического, формального отношения к процессу познания: "Формалисты науку *изучают* как нечто внешнее; до некоторой степени они могут усвоивать себе ее остов, ее выражения, полагая, что они приняли в себя ее животворную душу". Но истинный путь познания не таков. "Науку надобно прожить, чтоб не формально усвоить ее себе ⟨...⟩ Прострадать феноменологию духа, исходить горячею кровью сердца, горькими слезами очей, худеть от скептицизма, жалеть, любить многое, много любить и все отдать истине – такова лирическая поэма воспитания в науку" (III, 67–68). Достаточно вспомнить, какое значение придавал Киреевский личному, субъективному моменту в знании, чтобы представить себе, как близки ему показались эти слова.

Герцен далее писал: "Надобно так усвоить себе книгу, чтоб выйти из нее ⟨...⟩ Наука живому передается жизненно, формалисту – формально" (III, 78). И.В. Киреевский скажет вскоре почти в тех же словах: "Живое рождается только из жизни"[8].

Однако к "лирической теме" о личном моменте в познании Герцен подошел со *своих* позиций, удерживая основное ядро *своей* гносеологической теории. Это видно хотя бы из утверждения о том, что "в науке истина, облеченная не в вещественное тело, а в логический организм, живая архитектоникой диалектического развития, а не эпопеей временного бытия; в ней закон – мысль исторгнутая, спасенная от бурь существования, от возмущений внешних и случайных" (III, 75). Значит, само отношение науки к личному моменту двойственно. Наука глубоко лична по субъективному, страстному, заинтересованному, поддержанному всей жизнью отношению к истине, по характеру ее добывания и открытия. Но она нелична, точнее даже надлична, по своему логическому аппарату, по самому способу своего развития, по внутреннему своему устроению и функционированию. Для Киреевского же, с его теорией "гиперлогического" знания, обе грани личного момента соприкасались и переходили одна в другую[9].

Таким образом, статьей "Буддизм в науке" отмечена точка наибольшего сближения взглядов Герцена и Киреевского при *одновременном* сохранении дистанции. Это был подлинный контрапункт – философский, гносеологический, – сообщавший драматизм отношениям обоих литераторов[10].

Едва ли Киреевский (а также Хомяков), рукоплескавший Герцену, не заметил разделявшей их дистанции. Однако при том, что Киреевский умел отдавать должное и сторонникам противоположных взглядов, он, видимо, вполне оценил сам момент сближения.

Сходство-различие проявилось и в оценке перспектив новейшей философии. В статье Герцена говорилось о недостаточности учения Гегеля перед лицом современных требований, выдвинувших "мысль о деянии" (III, 73), – и это перекликалось с упреками немецкому мыслителю со стороны Киреевского. Однако Киреевский видел вину Гегеля в предельном развитии принципа опосредованно-логического знания; Герцен же считал это не только величайшей заслугой немецкого мыслителя, но и необходимой предпосылкой последующего перехода философии в дело. Острие критики он обратил против правых гегельянцев, не чувствующих потребности этого выхода в жизнь, – выхода, подготовленного всей предшествующей философией. Соответственно – сходно и в то же время различно – оценивался поворот Шеллинга к философии откровения. В статье "Буддизм в науке" Герцен (по-видимому, к большой радости Киреевского) с долей сочувствия и одобрения высказался об этом факте, однако вовсе не из тех соображений, что его оппонент. Киреевский приветствовал нового Шеллинга за отход от гегелевского рационализма в сторону новой, положительной философии. Герцен также видел в этом симптом возникновения в "германской атмосфере" более практического умонаправления, но самого факта отхода от гегелевского спекулятивного метода не одобрил (поэтому он говорил о *ренегатстве* Шеллинга, хотя и называл это событие "важным и многозначительным" – III, 74).

2* Еще одна деталь к упомянутому "разговору о философии". В письме к Хомякову от 15 июля 1840 г. Киреевский отмечал: "Мысль моя та, что логическое сознание, переводя дело в слово, жизнь в формулу, схватывает предмет не вполне... Живя в этом разуме, мы живем на плане, вместо того, чтобы жить в доме..."[7] Отсюда видно, насколько точно передавал Герцен точку зрения своего оппонента.

В связи с оценкой немецкой классической философии нужно упомянуть еще одно имя, поскольку оно фигурирует в интересующей нас записке Киреевского. Это И.-Г. Фихте. Как уже давно замечено, "в отличие от Бакунина и в известной мере Белинского, Герцен не знал фихтеанского периода в своем развитии"[11], хотя придавал немалое значение философии Фихте. По-видимому, то же самое можно сказать о Киреевском. У обоих русских мыслителей Фихте включался в перспективу новейшего философского движения, выступавшую, однако, в неодинаковом свете.

У Герцена в "Дилетантизме в науке" Фихте вместе с Гете, Шиллером, Кантом – зачинатель нового периода европейского сознания, то есть не классического и не романтического, а современного, который был увенчан Гегелем. Уже после завершения цикла, летом 1844 г., Герцен внимательно перечитал брошюру Фихте "Die Bestimmung des Menschen". Работа Фихте, написанная в 1800 г., носит переходный характер – от периода субъективного идеализма к идеализму объективному, и эта особенность была уловлена и отмечена в дневниковой записи Герцена около 4 июля 1844 г. (см. II, 362; кстати, это единственное упоминание Герценом конкретного сочинения Фихте – "О назначении человека"). Затем, в "Письмах об изучении природы" (1844–1846) Герцен конкретизировал перспективу: Фихте – мыслитель, продолживший усилия кантовской критической философии (III, 114); отсюда возможность параллелей: Кант – Мирабо, Фихте – Робеспьер ("премилое сравнение" Э. Кине, по словам Герцена, – III, 117). Как продолжатель Канта, а затем субъективный идеалист ("*не* = *я* пало под ударами Фихте..."), он бесконечно расширил "власть разума" (III, 303) и тем самым подготовил объективный идеализм Шеллинга, а затем Гегеля. Такова, по Герцену, главная перспектива. Упоминал Герцен еще Фихте (в "Дилетантизме в науке" и в "Письмах об изучении природы") как пример философа, не замыкавшегося в научной сфере и в час опасности для отечества, бросившего "на время книгу" (III, 53); Герцен подразумевает "Reden an die deutsche Nation" (1807–1808), в которых Фихте призывал к освободительной борьбе против наполеоновского нашествия).

Некоторые пункты герценовской интерпретации Фихте должны были быть близки Киреевскому – в частности, отношение к патриотическому поступку немецкого философа. Совпадала и общая оценка Фихте в перспективе новой философии. В статье "Девятнадцатый век" Киреевский рассматривает его как философа, подготовившего (наряду со Спинозой, Лейбницем, Кантом) философию тождества Шеллинга. В последней – субъективный идеализм Фихте был снят, объят более высоким синтезом, который, правда, начинает уступать место новой, "положительной" философии того же Шеллинга[12]. В 1840-е годы в свете этого итога Киреевский так оценивает весь классический период немецкой философии: "Из системы Канта развилась одна, отвлеченная сторона в системе Фихте" – сторона субъективного идеализма; Шеллинг в философии тождества "развил противоположную сторону" – объективную; наконец, Гегель "силою своей необыкновенной, громадной гениальности" развил "законы логического мышления" "до последней полноты и ясности результатов и тем дал возможность тому же Шеллингу доказать односторонность всего логического мышления"[13]. От Канта через Фихте и Шеллинга (периодов философии тождества и трансцендентального идеализма) к Гегелю устанавливается последовательная перспектива, что, в общем, совпадает и с точкой зрения Герцена; однако у Киреевского эта перспектива заостряется в антигегелевском духе. Все это нашло законченное выражение в статье Киреевского "Обозрение современного состояния литературы"; интерес к книге Фихте, о которой шла речь в записке Киреевского к Герцену, как бы предваряет написание упомянутой статьи.

В конце 1843 г. обозначилась еще одна знаменательная веха в общении Герцена и Киреевского. Герцен "пробежал" первую книжку "Европейца" и был поражен прочитанным. Около 21 декабря он записал в дневнике: "Статьи Ив. Киреевского удивительны; они предупредили современное направление в самой Европе, – какая здоровая, сильная голова, какой талант, слог... и что вышло из него. Деспотизм его жал, жал, и он сломился, наконец. Сломился как благородная натура, – он не изменил своему направлению, а бросился в самый темный лес мистицизма и там ищет спасенья" (II, 321).

В первой книжке "Европейца" (1832) были опубликованы следующие произведения Киреевского: начало статьи "Девятнадцатый век", начало "Обозрения русской литературы за 1831 год", рецензия "Несколько слов о слоге Вильменя" и «"Горе от ума" – на московском театре". Хотя Герцен оценил общий дух написанного Киреевским, да и всего журнала в целом, но, несомненно, главное его внимание привлек "Девятнадцатый век": именно здесь содержалась общая принципиальная характеристика современного состояния европейской умственной жизни.

Оценка Герценом развивается под знаком контраста: Киреевский прежний и теперешний. Контраст понятен в контексте их общения: после многочисленных и острых споров с од-

ним из вождей славянофильской партии Герцен внимательнее присмотрелся к его трудам десятилетней давности и нашел в них много близкого себе. Близкого не только в частностях, но и в общей идеологической ориентации. Герцен не отрицает преемственности между ранним Киреевским и Киреевским 1840-х годов, но он ощущает перспективу да и саму структуру мысли, не совпадающие со славянофильским типом мышления. Ощущает иную, откровенно европейскую перспективу просвещения. "Как до сих пор все просвещение наше заимствовано извне, как только извне можем мы заимствовать его и теперь, до тех пор, покуда поравняемся с остальною Европою. Там, где *общеевропейское* совпадается с нашею *особенностью*, там родится просвещение истинно русское, образованно-национальное..." – говорилось в рецензии «"Горе от ума" – на московской сцене»[14], которую тоже, видимо, "пробежал" Герцен.

Тем временем продолжалась полемика "позднего" Киреевского с Герценом. В 1845 г. в первых трех номерах обновленного "Москвитянина", перешедшего под его редакцию, Киреевский публикует "Обозрение современного состояния литературы". В этой программной статье явственно слышны отклики предшествующих бесед и споров с Герценом. Как выразился Э. Мюллер, Герцен и Огарев даже выступают "тайными партнерами в диалоге"[15].

Как бы подхватывая мысль о сближении образованности с жизнью, высказанную в заключительной статье "Дилетантизма в науке", Киреевский пишет о всеобщем практическом умонаправлении, о "журнализме" современной литературы. После подробной характеристики состояния культуры в главных европейских странах, он приходит к выводу: "Отдельные западные народности, достигнув полноты своего развития, стремятся уничтожить разделяющие их особенности и сомкнуться в одну общеевропейскую образованность"[16]. В этих словах определенное подтверждение верности Киреевского своим прежним, "европейским" убеждениям (ср. выше в цитате из Герцена: "Не изменил своему направлению..."). Критик по-прежнему против провинциализма, отгороженности России от европейской культуры; он против механического восстановления допетровских начал русской жизни, считая эту задачу неисполнимой и утопичной; он за интеграцию западноевропейской и русской культуры в одно общечеловеческое просвещение. Однако вклады той и другой стороны неравноценны: Запад, по Киреевскому, обнаружил несостоятельность своего одностороннего, чисто логического и рассудочного миропонимания; поэтому именно Россия должна внести во всеевропейское просвещение животворящее начало "православно-словенской" образованности.

Продолжил Киреевский и спор с Герценом (разумеется, не только с ним), относительно "Отечественных записок", рассматривая этот журнал как антипод "Маяка". Как "Маяк" во всем преследует цель одностороннего, доморощенного просвещения, так "Отечественные записки" будто бы преследуют цель одностороннего просвещения западного. Полемическое задание делает вывод Киреевского чересчур уж некорректным: не мог же он не видеть, что по уровню "Отечественные записки" и рептильное, полуанекдотическое издание С.А. Бурачека просто несопоставимы.

В свою очередь и Герцен сказал свое новое слово в споре. В статье «"Москвитянин" и вселенная»[17] он отметил выдающиеся достоинства стиля и манеры "Обозрения" («во всем "Москвитянине" не было подобной статьи»), верность и глубину обрисовки "современного состояния умов в Европе", но решительно не согласился с главной идеей о том, что "славянский мир может обновить Европу своими началами" – "вывод бедный", странный и ниоткуда не следующий!" (II, 137).

На этом полемика двух литераторов не закончилась. Отзвуки ее можно было бы проследить и в работах Киреевского 1850-х годов, а с другой стороны, в "Письмах об изучении природы" и в последующих произведениях Герцена. Своеобразным эпилогом этих споров явилась замечательная эпитафия Киреевскому в части четвертой "Былого и дум".

Публикуемая ниже записка в какой-то мере освещает личные отношения Киреевского и Герцена. Несмотря на разномыслие, Киреевского с кругом Герцена связывали нити глубокой симпатии. 2 мая 1844 г. Киреевский писал А.С. Хомякову: «Ты пишешь, что противники издают "Галатею". Кто же эти противники? Неужели ты так называешь Грановского и проч.?»[18]. С "уважением и любовью" отзывался Киреевский о Герцене, о чем последнему сообщил Грановский[19]. Сравнительно недавно стало известно письмо Киреевского к Грановскому[20]. В параллель к этому факту следует поставить и публикуемую ниже записку Киреевского к Герцену, свидетельствующую о их дружественных отношениях.

Записка Киреевского печатается впервые по фотокопии *РГБ* с автографа *IISJ*.

ГЕРЦЕН

Автолитография К.А. Горбунова, 1845. Слева литографированная подпись: "С нат⟨уры⟩ и на кам⟨не⟩ К. Горбунов 1845". Внизу дарственная надпись Герцена С.Н. Кетчер: "Серафиме Николаевне от Герцена 1846 Январь 3"
Исторический музей, Москва

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ср. *ЛЖГ* I, 264.
[2] См. также "Лит. наследство", т. 79, с. 58.
[3] *ЛЖГ* 1, 271, 273 и 275.
[4] "Лит. наследство", т. 79, с. 57.
[5] *ОЗ*, 1843, № 1 и 3.
[6] Г.-В.-Ф. Г е г е л ь. Энциклопедия философских наук. Т. I. Наука логики. М., 1957, с. 87.
[7] И.В. К и р е е в с к и й. Критика и эстетика, М., 1979, с. 362.
[8] И.В. К и р е е в с к и й Полн. собр. соч., т. 1., М., 1911, с. 67.
[9] Ср.: Wilhelm G o e r d t. Vergöttlichung und Gesellschaft. Studien zur Philosophie von Ivan Kireevskij. Wiesbaden, 1868, s. 143.
[10] Ср.: Eberhard M ü l l e r. Russischer Intellekt in europäischer Krise. Ivan Kireevskij (1806–1856). Köln, 1966. s. 234–235. Мюллер рассматривает этот эпизод лишь как факт сближения обоих литераторов, но это лишь одна сторона медали. См. также новую работу Э. Мюллера: И. В. Киреевский и немецкая философия ("Вопросы философии", 1993, № 5). Далеко не точно.
[11] См. Л. П и п е р. Мировоззрение Герцена. Историко-философский очерк. М.-Л., 1935, с. 99.

[12] И.В. Киреевский. Критика и эстетика, с. 85–86. Мюллер отметил, что Киреевский критикует Фихте в шеллингианских категориях (E. Müller. Op. cit., s. 178).

[13] И.В. Киреевский. Критика и эстетика, с. 271.

[14] Там же, с. 119.

[15] E. Müller. Op. cit., s. 26.

[16] И.В. Киреевский Критика и эстетика, с. 173.

[17] *ОЗ*, 1845, № 3.

[18] И.В. Киреевский Поли. собр. соч., т. II. М., 1911, с. 233.

[19] "Т.Н. Грановский и его переписка", т. II. М., 1897, с. 259.

[20] Письмо Киреевского к Т.Н. Грановскому от февраля (?) 1844 г. (И.В. Киреевский. Избранные статьи. М., 1984, с. 314–315); впервые опубликовано В. Сахаровым в "Вопросах литературы" – 1979, № 11, с. 252–255).

⟨Москва. 1843 – первая половина 1844 г.⟩[1]

Примите усерднейшую мою благодарность vom Herzen zu Herzen[2], и за статью[3], и за нянюшек. За первую вам будет обязано потомство вообще, а за вторых мое в особенности[4].

Надеюсь видеться с всеми завтра у матушки[5] и прошу позволенья до тех пор подержать Fichte[6] и пр.

Душевно вам преданный И. Киреевский

[1] В *ЛЖГ* 1, 281 настоящая записка Киреевского предположительно датируется январем–маем 1843 г., временем наиболее частых встреч Герцена с И.В. Киреевским. Не исключено, однако, что она была написана осенью 1843 г. или в первой половине следующего года, когда Герцен продолжал бывать в доме Елагиной (летом Киреевский обычно уезжал из Москвы в Долбино, а ко второй половине 1844 г. посещения Герценом салона Елагиной стали, действительно, редкими).

[2] См. *ЛЖГ* 1, 264. Vom Herzen zu Herzen (от сердца к сердцу. – *нем.*) Киреевский обыгрывает буквальное значение фамилии Герцена – Herzen.

[3] Речь идет о статье из цикла "Дилетантизм и наука" (*ОЗ*, 1843, № 1, 3, 5, 12). Оттиски этих статей Герцен дарил своим знакомым. Возможно, что здесь подразумевается последняя, четвертая статья цикла, столь понравившаяся Киреевскому (см. выше).

[4] Малолетние дети Киреевского – Катя, Маша и Вася.

[5] То есть в салоне Елагиной.

[6] Какое именно произведение Фихте имеется здесь в виду – неизвестно. По всей вероятности, это упоминаемая выше Герценом брошюра "Назначение человека" (1-е изд.: "Die Bestimmung des Menschen". Dargestellt von Johann Gottlieb Fichte. B., 1800. Совр. изд.: Lpz., 1976).

ТАТЬЯНА АЛЕКСЕЕВНА АСТРАКОВА

ФРАГМЕНТЫ ВОСПОМИНАНИЙ

Публикация И.М. Рудой

Мемуарные фрагменты друга семьи Герцена Т.А. Астраковой до настоящего времени известны были лишь частично по книге Т.П. Пассек "Из дальних лет", куда введены были, возможно, в переработанном виде главы 30, 39 и 42, и по автографу Пушкинского дома, опубликованному А.Н. Дубовиковым в т. 63 "Литературного наследства". Настоящая публикация дополняет эти источники материалами из личного архива Т.А. Астраковой, полученными сравнительно недавно Государственным литературным музеем.

Первый фрагмент в большей своей части посвящен жизни московского кружка Герцена 1840-х годов и имеет в рукописи заглавие "Воспоминания Т.А. Астраковой о Наталье Александровне Герцен". Второй небольшой отрывок печатается под условным названием "Кунцево": содержание его также относится к московскому периоду жизни Герцена. Последний фрагмент – автобиографическая заметка о рождении и детстве Т.А. Астраковой. Он условно озаглавлен "Мои детские годы". Этот документ многое объясняет в мировосприятии человека, так близко стоявшего к скамье Герцена.

Фрагмент, открывающий публикацию представляет собой авторизованную копию, снятую с утраченного или еще не обнаруженного подлинника близким знакомым Астраковой – В.В. Антушевым, но приведенное выше заглавие вписано рукой самой Астраковой.

28 ноября 1887 г. Антушев писал Татьяне Алексеевне: «Прочел с большим интересом и удовольствием, хотя трудно разбирал карандаш на 1-м и 2-м листах (...) позавидовал легкости и правильности вашей речи (...) Желая посильно помочь вам в механической части труда, я переписал остальное: посмотрите, так ли и годится ли. В таком роде готов служить и дальше.

Два пассажа я уже читал, если не ошибаюсь, в печати: 1-й, о посещении Герцена с гостями Иваном Алексеевичем и 2-й – о вынимании из кармана лоскутков вместо платка... Что бы вам выпросить для просмотра другой экземпляр "Из дальних лет"?»[1]

Воспоминания предназначались для третьего тома книги "Из дальних лет". В архиве Астраковой сохранились письма к ней Пассек, в которых она побуждала Татьяну Алексеевну продолжить работу над воспоминаниями. Впервые Пассек писала ей об этом 2 июня 1885 г.: «Пишу помаленьку третью часть моих воспоминаний из "Дальних лет" (...) Если пожелаете, дорогая Татьяна Алексеевна, присоединить к моему изданию что-нибудь свое (...) я с удовольствием помещу»[2]. Через месяц в письме от 9 июля Пассек снова просила Астракову писать воспоминания о Н.А. Герцен и добавляла: "А я их помещу среди своих, *как полученные от вас*, не изменяя, как собственные ваши, и вы, конечно, и верно, и честно, и с чувством вашей любви к памяти Наташи – напишите, это ей памятник нравственный будет воздан (...) Кто знает, кто скажет *интимное*, думаю, кроме вас, самое истинное Наташи, даже и ее муж не знал..." И далее о будущей книге: "Эта III часть пусть будет дань дружбе и прошедшему и дань истине". 30 июля того же 1885 г. она спрашивала Астракову: "Не знаете ли вы что-нибудь из последних дней жизни Наташи, уже больной? Она к вам, кажется, писала чуть ли не до последней минуты своей".

В октябре 1887 г. публикация материалов третьего тома в "Русской старине" была закончена, и Пассек приступила к подготовке отдельного издания. В этой связи она обратилась к Астраковой с письмом от 23 октября 1887 г.; в нем она сообщала о своих рабочих планах и снова обращалась с просьбой написать и послать ей дополнительные мемуарные материалы. Она писала Татьяне Алексеевне: "Сбиралась я много работать по заказу Семевского, относительно которого я тебе писала, и тебя просила писать все, что знаешь и что припоминаешь от первого дня твоего знакомства и сближения с Герценом и его кругом, характеристику лиц, составлявших этот круг, каждого отдельно, их семейный быт, их цели, их съезды и праздники в Москве и в деревне как в Покровском, так и в имении Дивова. Ты была в этом кругу одним из умных и беспристрастных членов этого круга, замечательного по своему развитию и стремлениям, выразившим дух этого времени. Я бывала тоже там по дружбе моей с главными представителями этого круга, но редко, не обращая даже внимания на их деятельность, так она казалась мне обыкновенна, а ты была там как умный и зоркий наблюдатель. Следовательно, ты можешь более, чем кто-нибудь, сделать верный очерк лиц и своеобразной деятельности этих личностей. Если ты что-нибудь сделала по части этого труда (...) то немедленно вышли, что́ есть готовое". Через неделю, в письме от 30 октября, Пассек продолжала убеждать Астракову: "Я тебе предлагала, друг сердечный, написать без всякой системы, а как вспомнишь, очерки всех личностей круга Александра Герцена, ты беспристрастный их судья всегда была и останешься. Круг их тебе близко знаком, и ты каждого из них отдельно понимала и понимаешь. Ты была беспристрастной, умной свидетельницей и их сближения, и их распадания, их пиров и внутренней жизни в Покровском и в Соколове. Можешь сделать прекрасный очерк Наташи. Ты сделаешь его с любовью и живо, потому что она жива в душе твоей. Не знаю, как удастся тебе Александр. Эту личность во всех его оттенках нелегко уловить. Против Кетчера ты, кажется, восстановлена, Огарев, Сатин и Грановский легко дадутся, Анненкова совсем не знаю, хорош может выйти Щепкин. Луизу Ивановну и Ивана Алексеевича вызови на свет, сколько можешь. Ты их можешь осветить со своей точки зрения, с какой их еще никто не видал. Представь их и за их обедами и ужинами, с их лекциями на дому, с философскими прениями и с их целями. Все это под твоим живым и простым пером окрасится свойственным ей колоритом, и ты почувствуешь свежую жизнь, уйдя в этот близкий тебе мир, ушедший куда-то, а ты эти тени лиц, вещей и личности воскреси, с любовью прижми к сердцу и передай миру".

Ранее из письма Астраковой к Н.А. Тучковой-Огаревой было известно, что еще 24 ноября 1887 г. она отправила Пассек "несколько почтовых страничек"[3].

Подтверждая, с некоторым опозданием, получение посланного "конверта", Пассек писала Астраковой 11 декабря 1887 г.: «Дорогая Татьяна Алексеевна, конверт с бумагами получила – спасибо вам, родная, все очень просто, дельно и хорошо – войдет в мои записки 3-й части "Из дальних лет". Два анекдота – об Иване Алексеевиче и Кетчере уже были в первых частях напечатаны, остальное пойдет. Пишите, друг мой, подробнее, о их товарищеском круге, последовательном развитии их деятельности, дружбы и как происходили их пиры, и ваша дружба с Наташей. В дневнике Александра имеется довольно подробный ход их жизни, в продол-

жении жизни в Москве, когда произошла у Александра история с горничной. Я думаю – тебе все это близко было видно. Сделай хотя легкие очерки – характеристики всех известных тебе лиц».

Посланные Пассек "несколько почтовых страничек", по-видимому, и были публикуемыми нами воспоминаниями (первый фрагмент). Трудно теперь судить, почему переписанное Антушевым осталось в бумагах Астраковой. Возможно, Пассек получила или автографическую рукопись Астраковой, или копию, снятую Антушевым. Но сопоставление с текстом третьего тома "Из дальних лет" показывает, что Пассек по каким-то причинам не воспользовалась присланными ей материалами.

Для самой Астраковой работа над воспоминаниями о 1840-х годах стала главным делом ее уходящей жизни. Все свои поздние годы Татьяна Алексеевна жила этими воспоминаниями о прошлом, с гордостью осознавая свою причастность к кругу людей сороковых годов. Одна из корреспонденток, М.В. Елагина, писала ей 29 июля 1885 г.: "Ну как же не завидовать, что вы жили в 40-х годах. Сердце билось горячо, не заглушалось мелочами и эгоизмом"[4].

Далее в письме приводятся слова Герцена о задатках писательского дарования Астраковой, которые не противоречат известным фактам и дополняют их живой интонацией: "Ваши письма доставляют им ⟨т.е. родным Елагиной⟩ *большое наслаждение*; прав был Герцен, находя, что в вас есть жилка писательницы"[5].

Астракова хотела написать о прошлом, о Герцене, но, главное, о самом дорогом для нее – о Наталье Александровне. Благоговение перед ней, преданность ее памяти сопровождали всю жизнь Астраковой. В письме, помеченном Астраковой как "1-е письмо от Елагиной", читаем: "Жена Герцена, Наталья Александровна, всегда светила мне как поэтический, светлый, идеальный образ женщины. Ее портрет, который я видела у вас, и ваши рассказы о ней еще более оживили мне ее образ, и я рада, что познакомилась с ее другом" (22 июня 1885 г.). Судя по письмам Елагиной (явно продолжавшим откровенные разговоры между обеими), Астракова стремилась в своих воспоминаниях представить высокий образ Натальи Александровны очищенным от "вины" и "клеветы". "Я счастлива, – писала Елагина 29 июня, – что напоминаю вам Наталью Александровну. Дай Бог мне и душой несколько походить на ее светлую, ангельскую душу, к которой не пристало ни одно пятно ⟨...⟩ я никогда не винила ее, и если бы в ее жизни и было бы увлеченье и паденье, то оно всецело бы клало вину на Герцена". В письме от 29 июля М.В. Елагина, видимо, повторяет основную идею мемуаров, определенную для себя Астраковой: "Если бы вы написали свои воспоминанья о тех людях, которых вы так близко знали, о Герцене, его жене, Огареве и т.д. ⟨...⟩ вы могли бы восстановить память Натальи Александровны". Через год Елагина (к этому времени она стала Бэер) писала: "Мне так бы хотелось, чтобы память о жене Герцена была *вполне* очищена от клеветы, ведь многие, не зная истины, винят ее, но, с другой стороны, я понимаю вас, что тяжело выносить на люди святыню свою"[6].

Вспоминая о Наталье Александровне, Астракова, очевидно, не могла не говорить о положительном влиянии на ее духовное развитие ближайшего московского окружения Герцена. С этим Елагина не согласилась. Она писала Татьяне Алексеевне (18 октября 1890 г.): "И все-таки скажу, что жену Герцена они все, весь кружок, сделали несчастной, отняли у нее веру ⟨...⟩ Можно не верить в Бога, но зачем же в страстную пятницу устраивать оргии?" И в письме от 7 января 1891 г.: "Вы меня не поняли, Натальи Александровны Герцен не было в оргии, но я возмущалась, что они все были и что их понятья смущали чистую душу жены Герцена".

Многими из своих сомнений и колебаний Астракова делилась в эти годы с Н.А. Тучковой-Огаревой. На одно из подобных писем Наталья Алексеевна отвечала (28 января 1886 г.) прямо и откровенно: "Из любви к Наташе не держите под спудом все прекрасное, симпатичное, поэтичное... она была моим единственным идеалом между женщинами. У вас какая-то китайская любовь, которая окружает стеной любимое существо, – но неужели человечество так жалко, что кроме вас, меня и Таты никто ее не оценит?"[7]

Но, несмотря на увлечение мемуарной работой, Астракова не исполнила всего, о чем ее просила Пассек и чего она сама хотела. Не исключено, что важной причиной могло быть постепенно накопившееся недовольство тем своеволием, с которым Пассек обращалась с мемуарами Астраковой. Свою роль, очевидно, сыграло и критическое суждение на этот счет Таты Герцен. В письме от 8 января 1888 г. Е.К. Корсакова писала Татьяне Алексеевне, повторяя содержание посланного ей, но не полученного письма: "Я вам в нем отвечала на ваш вопрос: стоит ли вам что-нибудь написать из своей жизни для г-жи Пассек. Я вам выражала мнение Н⟨атальи⟩ А⟨лександровны⟩ и свое, что не стоит, потому что г-жа Пассек – человек недобросовестный и вашу статью, пожалуй, переделает по-своему. И вам от этого ничего, кроме неприятностей, произойти не может"[8].

МОСКВА. ДОМ И.А. ЯКОВЛЕВА В БОЛЬШОМ ВЛАСЬЕВСКОМ ПЕРЕУЛКЕ ("СТАРЫЙ ДОМ")
Гравюра И.Н. Павлова, 1919
"Творчество", 1920, № 1

В публикуемых фрагментах имеются некоторые повторения ранее известного материала (отмечены ниже в примечаниях). О Герцене мемуаристка пишет сравнительно немного; она подчеркивает его стремление к общению, к "изъявлению" в слове. Но основное внимание в воспоминаниях уделяется Н.А. Герцен, особенностям ее личности, характера, духовных интересов. Как известно, Наталья Александровна тяжело переживала разочарование в московских друзьях. Именно в этом Астракова видела основную причину "расстройства нервов" Натальи Александровны; успокоение жена Герцена искала и находила в любви и заботах о своих детях. В воспоминаниях подчеркивается и такая черта характера Натальи Александровны, как неприятие светской "рассеянной жизни".

Возможно, что второй фрагмент ("Кунцево"), рассказывающий о жизни и духовных стремлениях московских друзей Герцена, был задуман как противопоставление деятелям 1880-х годов – эпохи, которую уже не в состоянии была понять Астракова. 25 февраля 1889 г. она писала Наталье Алексеевне: "Люди, самая жизнь, интерес к жизни, все так изменилось, так непохоже на прежнее, что становишься в тупик – да уж полно, было ли это все, что мы пережили?!"[9]

Подводя в конце 1880-х годов итоги пережитому, Астракова возобновила работу над своими автобиографическими записками, очевидно, не предназначавшимися для печати. В письме (не сохранилось) к Тучковой-Огаревой она писала, что предполагает оставить ей свои мемуары[10]. Перед автором вновь встала задача – избежать повторений в рассказе (известно, что многие обстоятельства собственной жизни Астраковой описаны ею в повести "Воспитанница". – "Современник", 1857, № 10). Можно предполагать, что все то "тяжелое и страшное", о чем она упоминала в письме к Пассек от 14 февраля 1884 г.[11] и что не вошло в повесть, наполнило бы теперь страницы ее воспоминаний. В архиве Татьяны Алексеевны сохранилось только начало этих записок; их содержание дополняет известные нам факты о первых годах ее жизни. Испытания, выпавшие на ее долю в детстве, многое объясняют в ее характере и судьбе и делают более близкой и понятной личность человека, бесконечно преданного семье Герцена.

Тексты печатаются по автографам *ГЛМ*: РОФ и ф. 248, оп. 3, ед.хр. 34.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *ГЛМ*, ф. 248, оп. 1, ед.хр. 84; ср. *Пассек* II, с. 95–96 и 273–274.
[2] Здесь и далее письма Пассек цитируются по подлинникам *ГЛМ*, ф. 248, оп. 2, ед.хр. 39.
[3] "Лит. наследство", т. 63, с. 546.
[4] Здесь и далее письма М.В. Елагиной (Бэер) цитируются по подлинникам *ГЛМ*, ф. 248, оп. 2, ед.хр. 1; там же М. В. сообщала, что в семье хранят "как святыню" письма В. А. Жуковского к ее бабушке М. А. Протасовой.
[5] Ср. XXVI, 142.
[6] Письмо от 30 июня 1886 г.
[7] *ГЛМ*, ф. 248, оп. 1, ед.хр. 77.
[8] Там же, оп. 2, ед.хр. 19.
[9] *РГБ*, ф. 69.9.24.
[10] См. ответное письмо от 23 марта 1888 г. в *ГЛМ*, ф. 248, оп. 1, ед.хр. 79.
[11] "Лит. наследство", т. 63, с. 542.

I

ВОСПОМИНАНИЯ Т.А. АСТРАКОВОЙ О НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ ГЕРЦЕН

1

Первое время по возвращении Герценых в Москву ⟨...⟩ их кружок был более интимным. Их окружали: мать Герцена Луиза Ивановна (добрейшее существо, вполне немка и порядочно бестолковая, а подчас и капризная); потом выписанные в Москву в дом Ивана Алексеевича мать с дочерью Эрн[1] ⟨...⟩ Впоследствии в Москву из Вятки приехала Медведева[2] с двумя дочерьми и сыном ⟨...⟩ В числе этих лиц бывал и Кетчер, но бывал так, чтобы не знал об этом Иван Алексеевич, который не мог равнодушно слышать его имя. Размолвка Кетчера с Яковлевым произошла по поводу женитьбы Герцена, когда Кетчер явился к нему ходатаем о браке, но старик наговорил ему много неприятного, и Кетчер не стерпел и ответил ему тем же[3]. Все время и впоследствии, когда Герцены живали в Москве, даже в особом доме[4], Кетчер всегда избегал, чтобы не попасться на глаза Ивану Алексеевичу. Помню, я, как раз сидели мы у Герценых. Нас было много, в том числе – Катя, меньшая дочь Наташиного отца, которую не терпел Иван Алексеевич и приказывал, чтобы ее не было в его доме. (Несмотря на запрещение, Луиза Ивановна скрывала ее у себя, так как 15-тилетней девочке некуда было деваться[5].) Вдруг вбегает дочь Эрн с возгласом: "Иван Алексеевич идет!"... Все встрепенулись: Кетчер с Катей в два прыжка, впотьмах, потому что это было вечером зимою – очутились на мезонине и притаились там. Я туда ушла за ними, и мы там долго смеялись над Кетчером, который на цыпочках ходил по комнатам, так как он имел привычку всегда быть на ногах. Но к нам, тоже тихонько, вбежала дочь Эрн и сказала, что все боятся, что шаги Кетчера услышит Иван Алексеевич, – и мы его усадили. После ухода старика мы сбежали вниз и узнали, что, по-видимому, старик был недоволен, заставши у Герценых гостей, и, несмотря на то, что все встали при его появлении и раскланялись, он никому не ответил даже кивком, всех оглядел с ног до головы, кликнул Герцена и, подходя к каждому из окон, которые все были снаружи закрыты ставнями и, по-старинному, приперты болтами, пропущенными внутрь комнаты и припиравшимися затычками, указывал на них, как на опасность для ребенка (Шушки, сына Герцена), которого он любил по-своему и заботился о нем, – что он может подойти к окну и что в незаметные скважины может на него надуть и пр., и пр., и приказал этим серьезно заняться. Затем сказал вслух, при всех, что пора бы дать покой ребенку, так как уже пора ему спать, а не с гостями сидеть. И затем, не взглянув ни на кого, отправился домой, куда Герцен должен был почтительно проводить его до кабинета, где он его задержал довольно долго. По возвращении Герцена все оживились и много потешались над Кетчером. Надо заметить, что в числе гостей был Огарев, с которым Ив⟨ан⟩ Алексеевич был знаком, но и он остался будто незамеченным Иваном Алексеевичем[6].

Первое время, когда Герцены только что приехали в Москву, я встречала у них известного г. Бакунина. Его личность неприятно поразила меня: его бледное мато-

вое лицо, курчавые черные волосы и бесстрастное какое-то выражение в лице вовсе не гармонировали с тем предупредительно-ласковым обращением, с которым к нему относились хозяева. По временам я вглядывалась в группу, и мне казалось, что Бакунин, не обращаясь ни к кому особенно, говорил таким решающим тоном, который не допускал ничьих возражений: его поза, его манера говорить указывали на то, что "я говорю, а вы должны слушать". И надо заметить, что слушатели были усердные: Герцен стоял против него и, казалось, боялся проронить слово; Кетчер, по обычаю, имея чубук в зубах, раскачивался на одном месте с ноги на ногу и, повидимому, тоже слушал внимательно. Один мой муж, казалось, был занят своими мыслями и по временам подходил к ним. Между тем Наташа мне говорила вполголоса, что это замечательного ума человек, и жалела, что Шушка мешал нам вслушиваться в речь Бакунина, чего, признаться, я вовсе не разделяла с нею: мне казалось, что лекция Бакунина продолжалась с час, и я обрадовалась, когда он взял шляпу и, не особенно любезно простившись с присутствовавшими, ушел. С тех пор я более не встречала Бакунина, и вскоре он исчез из России[7]. В бытность Герценых в Москве, как по приезде их из Владимира, так по возвращении их после из Новгорода, знакомство их все более и более расширялось. Герцен то сам примыкал к кружкам, то около него составлялись кружки; он всегда играл роль отмеченной личности, но Наташа была в полном смысле домоседка: первое недолгое время, которое она была в Москве, она была вся поглощена уходом за своим Шушкой, который был очень слабенький ребенок, а при этом ей было много труда уберечь его от непрошенных воспитателей, из которых главными были дедушка Иван Алексеевич и бабушка Луиза Ивановна, которые (кроме других) как предъявляли свои требования от Наташи относительно воспитания ребенка, так не оставляли в покое и самого ребенка. Это последнее обстоятельство очень огорчало и озабочивало Наташу. Но вот они уехали в Петербург, и там Наташа уже беззаветно отдалась воспитанию сына и уходу за своим мужем. Я говорю – уходу, потому что Александр был избалован в домашней жизни, конечно, Наташей (как впоследствии его избаловали нравственно все его поклонники). Она озабочена была, когда ему нужно встать, умыться, одеться и, наконец, снабжала его всем нужным, когда ему следовало идти на службу в департамент: она ему подавала и верхнее платье, и шляпу, и перчатки, и носовой платок! Иначе он непременно мог что-нибудь из этого забыть. Не могу забыть рассказа Наташи о его проказах. Раз, в то время, когда он торопился выйти на службу, Шушка что-то расплакался, и Наташа убежала к нему, забывши, что не всем снабдила своего супруга... Через небольшой промежуток времени вбегает Александр, расстроенный, рассерженный, и кричит Наташе: "Что ты со мной сделала! Что ты сделала!" – повторяет он, Наташа, ничего не понимая, просит его успокоиться и сказать толком, в чем она провинилась. Обозначилось, что, торопясь уйти, Герцен вспомнил, что ему жена не положила в карман платок, и вот он схватывает со стола что-то белое, сует в карман и уходит. На Невском встречает Савича (профессора) и, в жару разговора, вынимает платок из кармана и – *о ужас*! – из рук у него сыплются полотняные лоскуточки!.. Герцен растерялся, Савич, заметя его смущение, наскоро простился и ушел, а Герцен воротился домой и сделал сцену ни в чем не повинной Наташе[8].

2

Наташа полюбила петербургскую жизнь. Она хозяйничала (хотя и не очень серьезно), ухаживала за ребенком и Александром и в то же время училась. Господь ее знает, когда она успевала заниматься серьезно чтением и науками, так что она собственным умом и старанием достигла такого обширного умственного развития, какого, быть может, ни одна женщина не могла достигнуть, учившись серьезно у ученых педагогов. В свободное от службы и общества время, хотя урывками, Александр помогал, конечно, много ей в этом, а также общество более или менее ученого люда тоже много способствовало ее развитию, как научному, так и нравственному образованию. Она была серьезна и не любила глупой болтовни, а также не лю-

И.И. ПАНАЕВ И Е.Б. ГРАНОВСКАЯ
Рисунок К.А. Горбунова (карандаш). Соколово, 1845
Внизу подписи Н. А. Герцена-внука: "Панаев", "М-me Грановская"
Музей Герцена, Москва

била разыгрывать из себя ученую даму, и потому женского знакомства она почти не имела. Она была замечательно скромна и обладала необыкновенным тактом, как в своем поведении, так и в обращении с другими. Умные мужчины уважали ее, женщины же как будто остерегались при ней произносить свое решительное слово, хотя она ничем не выказывала перед ними своего превосходства (да она его и сама не сознавала в себе). Иногда она возмущалась, когда Александр глупо острил (что он любил иногда делать): ей казалось, что такой умный человек не должен унижать себя, говоря пошлости для потехи других. Она этого не любила и в тех личностях, которых уважала: это ее коробило, и она готова была расплакаться. Странно, что с такой рассудительностью, с таким серьезным взглядом на людей она имела страстно увлекающийся характер: раз полюбивши личность, она долго не могла разглядеть в ней что-нибудь дурное; ну, а если наступало разочарование, она страшно страдала, и на нее жалко было смотреть. Я несколько раз бывала свидетельницею ее отчаяния и слез. Она уж ничего не говорила при этом; бывало, пожмет крепко-крепко руку и закроет лицо... Ужасно горько было ее видеть в таком состоянии, а это с ней нередко случалось. Вот почему она страдала впоследствии постоянно расстройством нервов. Я не буду тут рассказывать о том ужасном случае в Петербурге (об этом писал и сам Герцен и другие), когда пришли за Александром жандармы, когда разбиралось все дело, когда, благодаря А.Г.[3*] Строганову, Герцена отослали служить только в Новгород с воспрещением бывать в столицах. Все это время бедная Наташа носила

[3*] *В копии Антушева ошибочно*: С.Г. – *Ред.*

И.И. ПАНАЕВ И М.С. ЩЕПКИН
Рисунок К.А. Горбунова (карандаш). Соколово, 1845
Внизу подписи Н. А. Герцена-внука: "Панаев", "Щепкин"
Музей Герцена, Москва

смерть в сердце, тем более, что она была беременна. Бедный ребенок спас мать своим ужасным страданием и смертью, но что стоило Наташе перенесть еще и это несчастье, – один Бог знает!..[9]

Наконец, они были возвращены в Москву. Наташа была неузнаваема, – это была какая-то прозрачная тень – и совершенно ко всему безучастна. Но она была снова беременна, за нее боялись и пригласили акушерку Армфельд и акушера Рихтера[10]. Ребенок родился в припадках. Я до сих пор слышу раздирающий крик малютки и вижу искаженное конвульсиями его лицо. Он прожил, кажется, 42 часа, и все это время Наташа не позволяла его уносить от себя далеко, – он лежал в соседней комнате. Наконец, страдания прекратились, он умер[11]. Когда я подошла к Наташе, она сказала только: "Ты слышала, видела его страдания? Мне его не показали... Он умер, и хорошо!.." Голос ее задрожал – и она отвернулась. "Господи! – думалось мне, – за что такое наказание ей!"

Долго она боролась с горем, долго длилось выздоровление, но – увы! – и это принесло горькие плоды. Рихтер, навещая ее уже почти здоровую, сказал ей (догадался голубчик!), что если она опять к концу года сделается беременной, то он не ручается за ее жизнь[12]. Это он сказал ей одной, а она не сказала этого даже мужу. И, когда она почувствовала себя снова беременной, то заметно стала тосковать, раздражаться, плакать. Александр, понятно, перепугался и, не зная причины, упросил ее пригласить доктора. Пригласили Арк⟨адия⟩ Ал⟨ек⟩сандровича Альфонского. При посещении больной он долго не понимал причины такого страшного расстройства всей нервной системы, но он так умел расположить всегда к себе больного, вкрасться в его

доверенность и выпытать от него сокровенное, что Наташа не выдержала и призналась, что она страдает от страха – умереть родами. Альфонский изумленно взглянул на нее, потом расхохотался (все это я слышала после от нее) и потом с сердцем вскричал: "Под суд бы таких господ надо, как сметь болтать то, чего не знаешь!" Затем Арк⟨адий⟩ Ал⟨е⟩кс⟨андрович⟩ еще усерднее принялся за лечение Наташи, которое требовало не столько медикаментов, как нравственного влияния. Он настроил мужа, настроил всех окружающих, как вести себя при больной, чтобы она видела, что никто не боится за ее жизнь. Постоянное общество мужа и близких, их веселые лица, частое катанье на воздухе и пр. совершенно оживили Наташу, и все вздохнули свободно. А перед этим, когда Альфонский начал лечить ее, и он заставлял тоже, чтобы она была окружена близкими людьми и чтобы ей читали что-либо интересное, – то эта проба не удалась, так как при долгом разговоре или чтении всегда у Наташи делалась истерика и она рыдала до беспамятства.

Наконец, нас известили, что у Герценых родился сын Николай[13] и что как ребенок, так и мать совершенно здоровы; но уже при родах не было ни Рихтера, ни Армфельд, а брали другую, менее знаменитую личность, рекомендованную Альфонским.

Понятно, что после всего, что пережила и выстрадала Наташа, в ее организме остались болезненные задатки, и тем более, что она не всегда прибегала за советом к доктору, стараясь как-нибудь перемогаться. Так она поступала, чтобы не тревожить Александра: он, узнавши, что она обращалась к доктору, решительно терялся: он не отходил от нее, беспрестанно спрашивал, что она чувствует, не хуже ли ей, не съездить ли за доктором и т.д., не позвать ли Кетчера. На последнее охотно соглашалась Наташа, так как присутствие Кетчера рассеивало несколько Александра, который верил, что, если бы было что-либо серьезное, то Кетчер сам съездил бы за Альфонским. Но и это не всегда помогало, так как Герцен не верил в знание Кетчера, а потому снова впадал в сомнение и снова приставал с расспросами к Наташе. Это иногда ее до того раздражало, что она старалась как-нибудь упросить его съездить с каким-либо поручением к Грановским и к другим, чтобы сколько-нибудь ей успокоиться и отдохнуть. А отдых ее состоял в заботе о детях.

Поживши в Москве, у Герценых составился свой интимный и, так сказать, единомыслящий кружок, состоящий из Кетчера, Грановского, Корша, позднее – Редкина, Кавелина. По временам появлялись Огарев, Сатин; позднее – проф⟨ессор⟩ Крюков, Мих⟨аил⟩ Сем⟨енович⟩ Щепкин. Все эти лица составляли самый тесный кружок и собирались часто у Герцена. В этом кружке всегда принимала участие и Наташа. Она любила беседовать более всего с Грановским и Огаревым, так как по светлому уму и скромному характеру они оба ей более нравились, хотя она уважала и остальных. Грановский привез к ней свою жену, Елизавету Богдановну, с которой она подружилась и полюбила ее всей душой. Затем познакомились с нею жена и сестра Корша. Первая была добрая, тихая женщина, вторая удивляла Наташу своим блестящим умом, хотя не была ей особенно симпатична[14].

Тогда в Москве было много ученых здравомыслящих кружков, но они распадались на два лагеря: в одном все были ярые славянофилы, и этот кружок был самый обширный. Другие – западники. Третий кружок, самый модный, состоял из ученых дам, известных под названием *синего чулка* и составлял как бы примиряющее звено между вышеназванными кружками. О Герцене заговорили во всех кружках, все пожелали иметь его у себя на литературных вечерах; и, когда он начал у них появляться, все были от него в восторге, и в особенности дамы. Конечно, дамы первые не замедлили узнать о жене Герцена и, узнавши, что она очень умная, образованная женщина, начали приставать к Герцену познакомить ее с ними. Понятно, что приличие требовало Наташе сделать ко всем первый визит, и Герцен предложил ей это; но Наташа отклонила эту честь, говоря, что, во-первых, она чувствует себя все еще нездоровою, во-вторых, что она не усвоила себе так светских приемов, которые требуются в известных кружках, и что она будет скорее смешна в светском салоне, чем интересна, и что все любезности, которые ей будут рассыпать светские барыни, ее бу-

дут настолько конфузить, что и Александру будет за нее стыдно. Герцену не нравился отказ Наташи: он любил, уважал ее, знал, что она, по образованию и, пожалуй, уму, стоит выше всех синих чулков, и что она, его жена, может стать центром всякого кружка, и что все ее заметят. Это ему льстило, и он начал настаивать. Но Наташа сказала решительно, что она останется тем, что она есть, и ни за что не променяет свою тихую семейную жизнь на суетные визиты и что для нее довольно того дорогого ей интимного кружка, которым он окружил ее прежде. "Что же я отвечу, – говорил с отчаянием Герцен, – на все их любезные желания с тобой познакомиться?" – "Очень просто, – ответила Наташа, – скажи, что я еще не оправилась от своей нервной болезни и что мне предписано исключительное спокойствие. Авось, они поймут и отстанут".

Но барыни не унимались. Ховрина (сестра тогдашнего обер-полицмейстера Лужина) приехала сама с визитом; но в это время Наташа страдала зубной болью и к ней никого не подпускали, даже близких. Другие мало-помалу, действительно, перестали мучить Герцена вопросами о его жене.

Но вот раз сидим мы с Наташей в ее будуаре вдвоем, и вдруг ей докладывают, что приехала Марья Алексеевна Тучкова. Пришлось принять. Это была девушка (пожилая) – сестра бывшего генерал-губернатора. И как же я удивилась, увидав точно старшую родную сестру Наташи! Та же скромность, та же доброта, тот же ум и та же симпатичность во всех приемах. Она нас обворожила своею простотою. И точно мы обе свиделись с нею после долгой разлуки, а не в первый раз. Впоследствии и я коротко была знакома с доброй Марьей Алексеевной, и она меня любила до самой своей смерти. По ее отъезде мы долго говорили о этом визите, который доставил Наташе отрадные минуты, и она сказала: "Как странно! А мне кажется, что ведь это так и должно было быть!"

II
⟨КУНЦЕВО⟩

4*беззаветно, так чисто, так поэтично, как наслаждались когда-то мы, старики! А разве это не правда! Боже мой, как 50 лет назад мы выплясывали мазурки, какие па выделывали в кадрили и прочее. Этому посвящались вечера, но зато утро мы читали с толком и наслаждением Пушкина, Грибоедова и других. Мы с жадностью перехватывали тогдашнюю "Полярную звезду" – Мы задумывались над "Думами" Рылеева. А в 40-х годах мы еще под веселый час в домашнем кругу и пели и танцевали... Танцевал даже Грановский! Герцен![15] А прогулки на дачи: в Кунцево, в Давыдково – да ведь мы, как дети, радовались, попавши в густой лес, или в заросший овраг, или, взойдя на гору, отдавались совершенно восторгу, глядя на бесконечную даль, покрытую зеленью и лесами.

Да, мы жили с людьми, но мы не бежали и от природы – в ней для нас был отдых...

III
⟨МОИ ДЕТСКИЕ ГОДЫ⟩

Смотрю на будущность с боязнью,
Смотрю на прошлое с тоской
И, как преступница пред жизнью,
Устала думать головой...[16]

С самого дня моего рождения я уже была обречена на горькую жизнь. Отец приехал рассерженный и, выпивши, вышвырнул мою мать со мною на руках за дверь и не приказал попадаться на глаза. О причине этого звериного поступка долго рассказывать; прибавлю одно, что моя мать ни в чем не была виновата, и только самодурство отца погубило ее и меня. Мать моя не была обвенчена с моим отцом и принад-

4* Начало не сохранилось. – *Ред.*

лежала ему (по тогдашним порядкам) по верящему письму[5*], что было равносильно крепости.

Когда я родилась (это было за несколько дней до приезда отца), моей матери было всего лет 20-ть, и отец знал отлично, что я по праву его собственное дитя, но он не почувствовал ко мне родительской любви и возненавидел меня. Что выносила моя мать, продолжая жить у своего господина уже в простых работницах (у нее были отобраны все наряды, и ее облекли почти в рубище), но мать не жалела о своем прежнем барстве – она всю нежность, всю любовь сосредоточила на мне и лелеяла меня как только могла.

Отец, узнавши про эти чувства матери к своему ребенку, начал придумывать разные мученья для матери. Он надзирал за ее работами и приказывал меня выбрасывать за дверь, где я, конечно, рыдала, а мать со слезами мыла полы!.. и т.д., и т.д. Одним словом, кажется отец только и думал как бы пожесточее мучить нас обеих и достигал этого. Но злоба его не была удовлетворена еще, и он придумал казнь... нечеловеческую казнь – казнь изверга! Он продал мать за бесценок (верст за 500), а меня отнял у нее и хотел утопить, но те господа, на чье имя была куплена моя мать, взяли меня к себе. Тогда мне было всего 3 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Прасковья Андреевна Эрн приехала в Москву в сентябре 1837 г. (см. XXI, 203), ее дочь Мария Каспаровна (впоследствии Рейхель), – по-видимому, в 1835 г. для поступления в пансион, по окончании которого, в 1838 г., она поселилась в доме И.А. Яковлева.

[2] "Вятская возлюбленная" Герцена Прасковья Петровна Медведева переехала с детьми в сентябре 1839 г.

[3] См. "Былое и думы" (VIII, 359–360).

[4] В так называемом "тучковском доме" (ныне Сивцев Вражек, 27) теперь находится Музей Герцена. Неясно, где именно на время этого отпуска поселился Герцен с семьей (в "Летописи..." это не отмечено). Вероятнее всего, также в "тучковском" доме. Ср. со сказанным Астраковой ранее: "Поселились в маленьком доме Ивана Алексеевича, который он для них, кажется, купил и отделал" (*Пассек* II, 93); см. еще в письме Н.А. Герцен к Ю.Ф. Куруте от 16 апреля 1840 г.: "Большей частью сижу дома, или, лучше сказать, перехожу из дома в дом" (т.е. из "большого" дома, где жил Яковлев, в стоящий рядом "тучковский" – *РМ*. 1889, № 5). Возможно, что и второй отпуск в сентябре–октябре 1841 г., Герцены прожили либо в "большом" доме (XXII, 113), либо в "тучковском" (*Пассек* II, 93 и 98; "Лит. наследство", т. 63, с. 579).

[5] Е.А. Захарьина (впоследствии Селина) приехала вместе с семьей Герцена из Владимира (XXII, 73–74); Герцен писал, что ей в это время было девятнадцать лет (точные даты ее жизни неизвестны).

[6] Ср.: *Пассек* II, 95–96. Здесь поведение Яковлева обрисовано более резко. В отличие от ранее сказанного, среди гостей присутствует Огарев (приехал в Москву около 14 сентября 1839 г. и поселился на Арбате, № 31, невдалеке от Герцена. Жил в Москве до лета 1840 г.).

[7] В *ЛЖГ* 1, 213, вероятно ошибочно, указано, что Герцен познакомился с М.А. Бакуниным между 7 и 10 декабря 1839 г. в Петербурге. Это должно было произойти несколько раньше, судя по настоящему эпизоду.

[8] Ср. *Пассек* II, 273–274.

[9] В Новгороде умерла дочь Герцена Наталья (24 декабря 1841 г.).

[10] Ранее Астракова называла имя Брока (*Пассек* II, 280–281).

[11] Ребенок, названный Иваном, родился в ночь с 29 на 30 ноября, умер 5 декабря 1842 г.

[12] Ср. выше памятную записку Н.А. Тучковой-Огаревой в обзоре Л.Р. Ланского "Письма Н.А. Тучковой-Огаревой к Е.С. Некрасовой").

[13] Коля Герцен родился 30 декабря 1843 г.

[14] В сохранившемся черновом отрывке далее следует: "несмотря на то, что Александр ценил достоинства в М.Ф. и глубоко уважал эту личность" (*ГЛМ*, ф. 248, оп. 3, ед.хр. 35).

[15] Ср. в письме Герцена Огареву от 5 апреля 1868 г.: "Я никогда не танцевал" (XXIX, 303; ср. VIII, 50).

[16] Ср. начало стихотворения Лермонтова (1838):

Гляжу на будущность с боязнью,
Гляжу на прошлое с тоской
И, как преступник перед казнью,
Ищу кругом души родной...

[5*] Помещик, имеющий право иметь у себя крепостных, записавши человека, на свое имя купленного кем-либо не из дворян, будто передавал ему по верящему письму ее ⟨в⟩ услужение.

МАРИЯ КАСПАРОВНА РЕЙХЕЛЬ

ПИСЬМА М.К. РЕЙХЕЛЬ Е.С. НЕКРАСОВОЙ

Статья Н.Я. Эйдельмана, публикация и комментарии Э.А. Павлюченко

Письма М.К. Рейхель к ее московской корреспондентке Е.С. Некрасовой написаны через много лет после смерти Герцена, но все душевные силы этой уже старой женщины, сохранившей прекрасную память, были сосредоточены на годах дружбы с ним. "Она теперь уже старушка, ей много лет, – отметила в своей записной книжке Некрасова, встретившись с Рейхель в 1901 г., – но она поражает своей бодростью и силой"[1]. Летом 1912 г. Р.В. Иванов-Разумник писал М.К. Лемке: "Говорил со старухой Рейхель – все помнит, как вчера было"[2].

Цепкая "мемуарная" память Марии Каспаровны подкреплялась герценовскими документальными материалами, находившимися в ее руках. При сопоставлении воспоминаний Рейхель, напечатанных отдельной книжкой, и тех, что рассыпаны по ее многочисленным письмам, во многих случаях следует отдать предпочтение последним: в них Рейхель более органична, раскованна.

Юность М.К. Эрн-Рейхель довольно подробно описана в ее опубликованных воспоминаниях, и письма добавляют лишь некоторые частности, порою, однако, существенные для понимания общих мотивов.

Мария Каспаровна родилась в Тобольске. Хотя мать увезла ее с Иртыша в 1834 или 1835 г.[3], она до конца дней называла себя "сибирским медведем" и оставалась горячей патриоткой Сибири, тем более, что родственники продолжали жить в том краю, а брат Н.К. Эрн, дослужился до должности иркутского вице-губернатора[4]. Письма Марии Каспаровны к земляку-сибиряку В.И. Семидалову, близкому знакомому Некрасовой, полны интереса к родным местам. Вполне вероятно, что Сибирь была и темой ее бесед с Герценом, неоднократно писавшем о будущем развитии азиатской России.

Неплохое домашнее образование Маша Эрн получила в основном благодаря учителям-ссыльным. Семья жила небогато, а после кончины отца – стесненно, хотя и относилась к привилегированной касте. Перебравшись в Вятку (где брат Гаврила Каспарович служил чиновником особых поручений при известном по "Былому и думам" губернаторе-самодуре К.Я. Тюфяеве), семья Эрн познакомилась и сблизилась со ссыльным Герценом. Именно Герцен дает совет везти способную девочку в Москву для обучения в пансионе, а в декабре 1835 г. с рекомендательными письмами не только к отцу, но и к матери Герцена семья Эрн отправляется во вторую столицу.

Отныне сильнейшие впечатления и привязанности, сохранившиеся до конца дней, соединят Марию Эрн с Москвой: "Она же мне второе отечество, я в ней выросла, и в ней живут дорогие мне воспоминания"[5]. Посетив Москву спустя более полувека, Мария Каспаровна легко восстановила по памяти план домов, где жили отец Герцена, сам Александр Иванович и его дети[6].

Вообще дети Герцена многократно фигурируют в письмах Рейхель. В первом письме к Семидалову Мария Каспаровна соглашается с мнением М.К. Лемке о том, что смерть маленьких детей Герцена являлась следствием грубых обычаев деспотизма: "Во время отсутствия Герцена из квартиры явился жандарм требовать его в тайную полицию. Жена Герцена была перед разрешением и была испугана. Ребенок родился и прожил только несколько дней. Герцен был выслан в Новгород, где родилась девочка, которая после нескольких дней умерла. Следующий мальчик родился в Москве и также скоро умер. Пятый мальчик остался в живых, но остался глухонемым и, по словам профессора Фогта, отца теперешнего, к которому обратились за советом, и у этого ребенка была вода в голове, вследствие чего нерв слуха был разрушен. Вы, надеюсь, поймете и лучше объясните мой неумелый рассказ и как доктор увидите, какое влияние имело рождение (это был второй ребенок, Александр Александрович уже существовал) ребенка в Петербурге, умершего скоро вследствие испуга матери, на следующих детей"[7].

Живые портреты отца Герцена И.А. Яковлева и его окружения, нарисованные в опубликованных записках Рейхель, можно дополнить по ее письмам. В частности, там несколько раз повторяется мотив раскаяния в том, что прежде о "старом господине" она "думала хуже, нежели теперь". Из писем к Некрасовой мы узнаем, что у Яковлева "всей прислуги было человек до 20-ти", что известный по "Былому и думам" и опубликованным запискам Рейхель по-

вар Спиридон в день своих именин в декабре ("Спиридон – солнца поворот") "всегда приносил вкусное печенье из черного хлеба. В то время слуги приносили господам что-нибудь вроде и получали денежный подарок"[8]. В одном из писем Рейхель припомнила, как она в присутствии Яковлева вступилась за молодую крепостную горничную, обиженную домашним доктором, и Иван Александрович не сделал ей за это замечания.

Скромность Рейхель не позволяла ей, конечно, прямо сказать, что в кругу родных и друзей Герцена ее очень любили: "Моя мать говаривала, что первое счастье, когда любят людей, этим счастьем я пользовалась, и это мое первое неоцененное богатство"[9].

Старик Яковлев пробовал "устроить счастье" Маши Эрн, предлагая ей выйти замуж за его поверенного Г.И. Ключарева. Мария Каспаровна отказалась – она уже находилась под сильным влиянием возвратившегося из ссылки Герцена и его друзей. Тата Герцен, переписывая "папашины мысли" вскоре после его смерти, признавалась: "Как он тебя любил и уважал, милая Маша!"[10]

Рейхель понимала, что не могла быть равной в кругу Герцена по недостаточности образования; что особенной близости между ею ("незаметная, робкая") и женою Герцена ("окруженная, можно сказать, поклонением, любовью") не было[11]. Но Наталья Александровна пишет ей из Парижа 5 июля 1847 г.: "Так часто вспоминаю тебя, Маша, да вспоминаю еще, когда хочется бежать подальше или в незнакомую улицу, а духу одной и не хватает"[12].

Впрочем, при известной склонности к идеализации былого, Рейхель не скрывает, что ее особая близость к семье Герцена основывалась на ее "страстной привязанности" к маленькому Коле, глухонемому ребенку[13]. Н.А. Герцен, в связи с рождением дочери Ольги, рекомендует "новую ниццарку" и сообщает Рейхель из Ниццы: "Тата спрашивает, русская она или итальянка, и собирается учиться у нее по-итальянски; одна-то она, бедняжечка, не будет тобою холена и балована"[14]. Семнадцатилетняя Тата в письме к Рейхель от 10 декабря 1861 г. признается, что часто, особенно когда ее что-нибудь огорчало, ей сильно хотелось писать к Рейхель "и все рассказать"[15].

Особенно близка была Рейхель, кроме Герценов, с Грановскими, Щепкиным, Коршами, хорошо помнила Белинского, меньше успела узнать Огарева. До конца дней ей трудно было перечитывать Гоголя, помня о том, как прекрасно его читал вслух Герцен; за дружбу и сочувствие Рейхель особенно ценит и любит московских женщин[16]. Что Грановский в конце 1846 – начале 1847 гг. специально читал лекции для Н.А. Герцен, М.Ф. Корш и М.К. Эрн уже было известно; оказывается, при этом Мария Каспаровна "каждый раз вечером записывала на память и, уезжая, оставила Т.А. Астраковой" свои записки[17]. Если бы эти конспекты обнаружились, они стали бы, конечно, важным документом по истории женского образования в России.

В письме к дочери Е.Ф. Корша – Марии Евгеньевне – от 27 января 1910 г. Рейхель как бы подводит итог своим отношениям с московским кругом Герцена: "Я инстинктивно поняла, что́ это были за люди; в моей горячей к нему привязанности и их оценке я не поступлюсь ни перед кем, и теперь память о них и сочувствие к Герцену, к которому я ближе стояла, живет в сердце и оживляет меня тем, что я от них наследовала мою старость"[18].

Как в своих печатных воспоминаниях, так и в письмах Рейхель много места уделяет совместному путешествию с Герценами в Европу в 1847 г. и последующим событиям, определившим судьбы тех, кто покидал Москву. Каждый год Мария Каспаровна вспоминает 19 января – день их отъезда из Москвы, уточняя, кстати сказать, данные Герцена, который ошибочно "ставит его на 21-го"[19].Так же хорошо Рейхель помнит имена провожавших, уточняя или обогащая тот краткий перечень, что печатался в ее записках[20]. Наиболее полный список тех, кто провожал Герцена, и тех, кто отправлялся с ним до Черной грязи, включает семнадцать имен[21]. Рейхель, забывая К.Д. Кавелина, Астраковых и В.П. Боткина, прибавляет (предположительно) Софью Карловну Корш, Н.М. Сатина, а также свою мать, П.А. Эрн.

Вслед за Герценом Рейхель считает причинами его отъезда плохое здоровье жены и известные "недоразумения во взаимных отношениях кружка"[22]. Зная множество подробностей, старинный друг Герцена не желает опускаться до разбора личных мотивов, нехотя отвечает на вопросы своих корреспондентов об этих материях и постоянно стремится представить главные, "высокие черты" герценовского круга.

Так, она решительно возражает против мнения Е.С. Некрасовой об "иезуитстве" М.Ф. Корш, будто бы весьма критически относившейся к жене Герцена. Признавая, что "отчуждение было и на это были основания", Рейхель замечает своей корреспондентке: "Я не желаю ни критиковать, ни осуждать, особенно в мои лета после долгой жизни, ее опытов, когда взгляд делается яснее, чище, человечнее, когда все мелкое отпадает и только ценное, духовное стоит на часах"[23].

Среди рассказов Рейхель о путешествии 1847 г. выделяются по своему значению строки, посвященные матери Герцена, Луизе Ивановне Гааг. Ее энергия, жизнерадостность, интерес к новым местам, стремление помочь нуждающимся – все это достаточно полно представлено в биографической заметке Н.Д. Эфрос[24]. Рейхель оставила нам живые детали, основанные на непосредственном общении с матерью Герцена, на анализе ее писем: "Во все продолжение нашей разлуки Луиза Ивановна часто писала ко мне истинно с материнским чувством; по-видимому, она скучала обо мне и торопилась сообщать мне, как близкому человеку, все, что происходило у нее и что занимало ее"[25]. Сообщая, что у потомков Герцена находится портрет Луизы Ивановны, "писаный масляными красками", Рейхель замечает: "Она была очень красива"[26]. Незадолго до того Мария Каспаровна послала в Россию "двойной" фотопортрет – ее с Л.И. Гааг, сделанный в Женеве в 1847 г.[27]

Рейхель дополняет известные прежде сведения о заграничном путешествии подробностями о его маршруте и участниках[28]. К начальному периоду путешествия относятся самые радостные, непринужденные строки писем жены Герцена. "Ах, Марья Каспаровна, хорошо здесь, и жаль, что тебя нет; пахнет живым духом, ну да еще это будет, – пишет она 20 марта 1847 г. из Брюсселя. – А кабы ты тут была, побегали бы мы; когда я хожу с Александром, так это как дитя с няней. А помнишь, как мы бегали на воле?"[29]

Положительное влияние Рейхель на развитие Коли Герцена было столь велико, что М.Ф. Корш, сопровождавшая Герценов в путешествии, восклицает: "Ну, Марья Каспаровна, советую вам, моя сударыня, как приедете в Москву, искать место директрисы воспитательного дома. Вы на Коле доказали ваше уменье"[30].

Приближение и начало революционных бурь 1848 г., совместное с Герценом путешествие в Италию и Францию представлены в письмах Рейхель несколькими живыми черточками, которых недостает в соответствующих главах ее воспоминаний: "В Италию Луиза Ив(ановна) и я с Колей съехались с Герценьми в Ницце, мы из Швейцарии, они из Парижа, и поехали вместе в Рим. Т(учко)вых, насколько помню, встретили в Риме. Кто были женщины, которые шли с народной толпой? Да мы, грешные..."[31]

Известия о событиях 9 января 1905 г. в России вызвали по ассоциации следующее воспоминание Рейхель (в письме к М.Е. Корш от 27 января 1905 г.): "Я в Париже была в 1848 в июньские дни, на горе были баррикады и лилась кровь. Пушечные выстрелы тоже слышались... Все это было в очень отдаленных от нас кварталах, но от ужасных впечатлений, от боли – отдаление нас не спасло. Это было, когда я еще не была замужем. От всего этого остается на душе осадок, которого никакими рассуждениями не выкуришь"[32].

В 1850 г. Мария Каспаровна выходит замуж за А. Рейхеля, немецкого музыканта, друга М.А. Бакунина. В письме к Т.А. Астраковой от 13 ноября того же года она живо, остроумно рассказывает о своем венчании и о внимании к ней двух Александров – Герцена-отца и Герцена-сына: " Венчанье наше происходило при звуках карабинерской музыки и при съедении страсбурского пирога, все это, политое шампанс(ким) и моими слезами, потому что это перед самым моим отъездом. Оба Саши, и старый и малый, показали мне столько любви (...) Большой, – как отец, нет, лучше как друг в полном значении этого слова, – сердце так полном этим воспоминанием, истиной, что я имею дружбу этого человека – за что, ей-богу, не знаю, я знаю только, что я его бесконечно люблю и верю, что он меня очень любит. Ну вот все это и захотелось мне вам сказать, как человеку, которому все, что до меня касается, не есть все равно"[33].

Замужество вызывает у Марии Каспаровны противоречивые мысли о столь любимом Коле Герцене и о предстоящей разлуке с ним. "Вы спрашиваете, – пишет она незадолго перед тем Астраковой, – какие у меня данные на любовь к Коле, да ровно никаких, я люблю его без дна и покрышки, потому что моя любовь к нему так и разрослась в настоящем, что оно одно принадлежит ей. Полюбила я его потому, что любить хотелось, потому что когда он на свет пришел, для меня света не было. Вы знаете мою жизнь и знаете, что не удалась она, сердечная, ведь уж надо перед собой в этом признаться и уж годочков-то прошло-таки"[34].

Марии Каспаровне трудно расстаться с Колей. Впрочем, она надеется, что Коля ее не забудет, а письма Натальи Александровны укрепляют эту надежду: "Колька сильно утешает себя надеждой твоего скорого возвращения или тем, что сам поедет за тобой"[35].

И после свадьбы интерес Рейхель к семье Герцена не слабеет. 14 июня 1851 г. она пишет Астраковой из Парижа о Герцене: "Покамест Италия для здоровья всем на пользу послужила, исключая Александра, который от головы там очень страдает; теперь он на время здесь, а мне то и на руку"[36].

Герцен в этом и ряде следующих писем именуется уже без фамилии и отчества – очевидно, вследствие возможности перлюстрации писем.

В этот период разворачивается личная и духовная драма Герцена: крушение европейских революций и торжество реакции, переход на положение изгнанника-эмигранта, гибель мате-

М.К. ЭРН (В ЗАМУЖЕСТВЕ РЕЙХЕЛЬ)
Рисунок К.А. Горбунова (карандаш). 7 августа 1845 г.
Слева подпись художника: "К.Г. 1845. Полдень 7-аго Августа"
Российский государственный архив литературы и искусства, Москва

ри и сына Коли во время кораблекрушения в Средиземном море, мучительная любовь Натальи Александровны к Гервегу, ее смерть 2 мая 1852 г. "Деспотизм государства, деспотизм случая", – так определяет Рейхель в письме к Семидалову роковые обстоятельства, преследовавшие семью Герцена[37].

В "Отрывках из воспоминаний" Рейхель толкует о семейной драме Герцена с предельной сдержанностью; на соответствующие вопросы Некрасовой и других корреспондентов отвечает нехотя, опасаясь оскорбить память дорогих людей. Она решительно оспаривает предположение, будто Ольга не дочь Герцена[38], Гервега же аттестует как "исчадие ада"[39]. Узнав, что один из биографов Герцена, Чешихин-Ветринский, полагает, будто Н.А. Герцен "покинула мужа и детей ради Гервега", Рейхель энергично протестует: "Как можно так поверхностно говорить о таком важном эпизоде в жизни Гер⟨це⟩ных... Развязка этого узла стоила Наталии Александровне жизни"[40]. Даже на дистанции полувека Мария Каспаровна переживает прошедшее, как сегодняшнее, и не имеет простых, однозначных ответов.

Именно в самые темные для Герцена месяцы 1851 и 1852 гг. Рейхель и ее муж оказывают ему неоценимую помощь и поддержку, выполняя различные поручения и просьбы. Мария Каспаровна приезжает из Парижа в Ниццу, присутствует при последних минутах Н.А. Герцен, забирает дочерей Герцена к себе, пока его жизнь за границей не устроится. "Во всей Европе (и Австралии), – пишет ей Герцен 2 февраля 1852 г., – у меня нет человека, к которому бы я имел более доверия, как вы ⟨...⟩ Огарев в России, и вы здесь" (XXIV, 230).

Письма Рейхель к Т.А. и С.И. Астраковым дополняют психологическую картину трагических событий в семье Герцена живыми, горестными, дружескими впечатлениями. Ее письма 1852 г. еще и тем интересны, что могут быть сопоставлены с рассказами Рейхель о тех же событиях, записанных полвека спустя. Не сообщая никаких откровенных подробностей драмы, Мария Каспаровна через Астраковых информирует о случившемсяне только московских друзей, но и Огарева, с которым Татьяна Алексеевна в пере-писке; то, что "не поддается письму", она рассказывает Н.П. Боткину[41], уезжавшемув Россию.

В те годы бывали периоды, когда Герцен писал Рейхель ежедневно; из 368 его писем за 1853–1856 гг., вошедших в 30-томное Собрание его сочинений, ровно половина" (184) адресована Рейхелям[6*]. "После разрыва с Гервегом, – пишет Рейхель Семидалову 18 марта 1907 г., – Н⟨аталья⟩ А⟨лександровна⟩ еще переписывалась с ним с согласия А⟨лександра⟩ И⟨вановича⟩, чтоб разлучиться пристойно. Но Г⟨ерве⟩г не был так благороден и писал под конец так, что его письма не открывались и были брошены в огонь. У меня, к сожалению, из этого времени писем А⟨лександра⟩ И⟨вановича⟩ не сохранилось, а они были бы так ценны. Из времени его лондонского пребывания, особенно в начале, когда дети, Тата и Ольга у меня были почти с год, у меня много писем А⟨лександра⟩ И⟨вановича⟩ и все время потом до моего отъезда в Дрезден; немногие из этих писем я поместила в моих записках, остальные я все отдала Нат⟨алье⟩ Ал⟨ександро⟩вне. В них много интересного, – да что может от Герцена быть неинтересным? Еще есть длинное письмо к Гауку (!), которое А⟨лександр⟩ И⟨вановичъ⟩ дал мне переписать и сохранить, оно также передано мною Алек⟨сандру⟩ Ал⟨ександро⟩вичу[42]. Это когда он узнал об отношении к Г⟨ервегу⟩"[43].

С первых месяцев объявления Герцена вне закона в России, Рейхель становится посредницей между ним и российскими друзьями и родственниками, с которыми "государственному преступнику" опасно переписываться прямо. В 1852–1853 гг. она получала постоянные московские известия от Е.И. Герцена. Интересным мемуарным документом, дополняющим печатные записки, является описание пребывания в Париже на квартире Рейхель московского друга и великого актера М.С. Щепкина[44].

В своих воспоминаниях Рейхель слегка коснулась лишь первых лет вольного герценовского книгопечатания. Ее повествование останавливается на 1855 г. – накануне переезда Рейхель из Парижа в Дрезден. Пройдет несколько десятилетий, пока исследователям на станут ясны обширные контуры полезной деятельности Рейхель для Вольной русской типографии – той деятельности, которая позволила Герцену назвать ее "начальником штаба вольного русского слова" и воскликнуть: "Ах, боже мой, если б у меня в России вместо всех друзей была одна Марья Каспар⟨овна⟩ – все было бы сделано" (XXV, 77).

Через посредство Рейхель (в Париже) и Астраковых (в Москве) шла замаскированная переписка Герцена с Огаревым. Призывая своего верного друга Марию Каспаровну быть особенно осторожной, Герцен с годами все больше пользовался ее адресом как основной опорой для связи с Россией, прежде всего с Москвой. Без преувеличения можно сказать, что основные сведения о Москве, попадавшие в "Колокол", шли в первые годы вольного книгопечатания из старого московского круга – через Рейхель. С ее помощью постоянно "конспирировали" П.В. Анненков, Н.А. Мельгунов, К.Д. Кавелин, М.Ф. Корш и многие другие важные корреспонденты вольной печати. Сообщения Герцена в письмах к Рейхель часто имеют полуконспиративный или конспиративный смысл. Количество потаенной информации, шедшей через Дрезден в Лондон, было столь велико, что Герцен даже попросил Марию Каспаровну сделать каталог приходящих к ней бумаг[45].

"Портрет и письмо ваше, – пишет Рейхель Астраковой 27 мая 1853 г., – равно и другое, недавно полученное, препроводила тотчас по назначению и прилагаю ответ, – что ваши комиссии тотчас исполняются, в этом не имейте сомнения, только если сама не тотчас напишу, в этом простите". Возможно эти строки, как и некоторые другие, относятся к связям Герцена с Огаревым через Рейхель и Астракову. 22 мая 1853 г. Рейхель просит, между прочим, передать Огареву, что она согласна насчет того, о чем Герцен ее просил, т.е. "насчет совершения путешествия по его плану", – очевидно, она готова была съехаться с Огаревым в какой-либо точке Европы и передать письмо или поручение Герцена, или же организовать встречу обоих друзей. Начавшаяся Крымская война пресекла этот план.

Рейхель выполняла ряд герценовских комиссий в Париже, Дрездене и в других местах, где имя Герцена считалось опасным. Кроме того, как видно, она регулярно сообщала Герцену о своих многолетних встречах и беседах с приезжавшими в Дрезден русскими, и многое из этой информации было использовано вольной прессой. Перечитывая много лет спустя письма Герцена из Лондона, она замечает, что там "начинается работа и заводится типография – друкарня, как он называет. Он пишет обо всем, сурьезном и вседневном, и между проглядывает шутливое. Я могу назвать этот период древней историей, когда у него никого не было, чтоб высказываться без принуждения. После приезда Огаревых[46] это должно было перемениться, имея вблизи такого близкого человека, потом расширялась и его деятельность, но забыта я не была"[47].

[6*] В книге 1-й наст. тома напечатано еще десять писем Герцена к М.К. Рейхель – *Ред.*

Сохранилось 337 писем Герцена к Рейхелям, относящихся ко времени действия Вольной русской типографии, – и не дошло до нас ни одного ответного послания Рейхель, хотя их содержание часто можно определить по сохранившемуся тексту Герцена. По-видимому, исчезновение множества писем близкого человека не случайно: Герцен, скорее всего, после использования уничтожал послания Рейхелей, чтобы не подвергать друзей лишнему риску.

Значительные эпистолярные материалы из архива Рейхель – автографы писем к ней М.Ф. Корш, Л.И. Гааг, Е.И. Герцена, детей Герцена, А.В. и Е.К. Станкевичей, Е.С. Некрасовой, А. Фогта и др. – все это после кончины Марии Каспаровны соединилось с "герценианой" "пражской коллекции"[48]. Письма Рейхель к Герцену, если б они сохранились, должны были бы находиться у детей Герцена (ведь Мария Каспаровна отдала Тате Герцен и все имевшиеся у нее письма Александра Ивановича). В этом случае они неминуемо попали бы в научный оборот. Однако писем Рейхель к Герцену нет, и это – один из косвенных показателей особого их характера.

С другой стороны, "секретный архив" Рейхель состоял не только из герценовских писем, и тем важнее, интереснее заметить в сохранившейся переписке Марии Каспаровны отдельные подробности о ее участии в великом предприятии Герцена и Огарева.

По письмам Рейхель видно, какими реликвиями она располагала и что передавала Некрасовой для "комнаты людей 40-х годов": кроме изображений Герцена и его детей, маска и рука Н.А. Герцен, гипсовые[49]; портреты Щепкина, Бакунина, Карла Фогта, ее портрет, рисованный К.А. Горбуновым; кроме того, по ее сообщению, Тата Герцен делала "со всех снимки для себя"[50].

Чрезвычайно интересны сведения о корректурных листах "Полярной звезды" с посвящением Рейхель: Герцен еще до выпуска очередного тома альманаха регулярно посылал Марии Каспаровне (иногда и другим лицам – например, Н.А. Мельгунову) корректурные листы уже набранных статей. Благодаря пересылке листов, важные материалы "Полярной звезды" начинали движение к читателю порою на несколько месяцев раньше выхода тома в целом. Рейхель не указала Некрасовой,какое количество листов у нее имелось, но, очевидно, их было немало[51].

Любопытен и сообщаемый Рейхель факт о посвящении ей, сделанном Герценом на корректурных листах. Такого текста в герценовском собрании сочинений нет. Наиболее естественной представляется гипотеза, что Герцен надписал Рейхель корректуру "Былого и дум" – произведения, украшавшего каждый том "Полярной звезды". В одном из писем Рейхель к О.И. Лион находятся следующие строки: "В каком году напечатаны последние "Былое и думы", не умею вам сказать; те, которые у меня, я все имею еще от самого А⟨лександра⟩ И⟨вановича⟩ его лондонского издания, у меня есть даже корректурные листы, которые он мне присылал перед напечатанием"[52].

Очень вероятно, что Герцен посылал также Марии Каспаровне листы, к появлению которых она имела отношение. Не к этим ли материалам относится любопытное признание Рейхель о том, что у нее хранится записка П.Л. Пикулина, который тоже снабжал типографию через нее. Как известно, старый московский приятель Герцена и Рейхель, доктор Пикулин летом 1855 г. совершил рискованное путешествие в Лондон и доставил Герцену ценнейшие материалы, с которых начиналась вторая книга "Полярной звезды": запрещенные стихотворения Пушкина, Лермонтова, Рылеева и других поэтов[53]. Поскольку он ехал через Вену, Герцен и Рейхель маскировали его в письмах псевдонимом *Венский*. Герцен постоянно советовался с Рейхель по поводу обеспечения безопасности корреспондента, они оба сильно волновались.

Радостная весть о благополучном возвращении Венского прибыла от Рейхель вместе с какими-то новыми нужными Герцену материалами. 25 сентября 1855 г. Герцен отвечал Рейхель: "Само собою разумеется, что ваше письмо с приложением произвело в Вентноре, т.е. в моей норе, радость несказанную. – Итак, сошло с рук. Вот вам и алгвазилы. Очень, очень благодарю за скорую присылку. Теперь вы, должно быть, получите через некоторое время адрес купца, к которому я могу относиться по книжным делам" (XXV, 301). А еще через пять дней Рейхель исполняет очередное герценовское задание – просит у Пикулина новые материалы (см. XXV, 304). Через неделю, 6 октября 1855 г.: "Не забудьте моих комиссий в Россию. Как всегда, все, что оттуда, немедленно сообщайте" (XXV, 305).

Первые корректурные листы второй книги "Полярной звезды" с давно знаменитыми, но запрещенными в России и впервые публикуемыми стихами Пушкина, Рылеева, Лермонтова были особо знаменательным подарком Герцена, напоминающим и о помощи Рейхель и об успехе Вольной типографии. Позже Пикулин еще не раз передавал через Рейхель материалы для Герцена.

Кроме не отысканных до сего дня листов "Полярной звезды", Рейхель, естественно, обладала и другими изданиями вольной печати. 1 мая 1907 г. в письме к М.Е. Корш сообщается:

«У меня Радищев еще лондонского издания, и в той же книге – записки князя Щербатова, яркого поклонника старины, который возмущен до глубины души "вольными" нравами века Екатерины. Перед обоими предисловие написано Герценом великолепно»[54]. В другом письме, к Семидалову от 3 мая 1907 г.: "У меня два экземпляра кн. Щербатова и Радищева, оба лондонского издания с предисловием Искандера (...) Один экземпляр я еще имею от Г(ерце)на, а другой от кого-то остался. Это бы хорошо для музея, но не знаю, можно ли посылать. Н(аталья) А(лександровна) пишет, чтоб я ей переслала, что она с другими вещами уложит. Как вы думаете? Есть у меня также два экземпляра стихотворений Огарева, тоже лондонского издания"[55]. Нынешнее местонахождение обоих этих изданий из библиотеки Рейхель неизвестно.

Рейхель помнит, что она всегда была в курсе российских и герценовских дел, "получая регулярно *Колокол*"[56]. Мария Каспаровна постоянно интересуется общественными вопросами и признается, что разделяет многие идеи Герцена, в том числе его взгляд на общину; следуя не "букве", а духу герценовского учения восьмидесятилетняя соратница Герцена справедливо находит, что "насколько Г(ерцен) мог ошибаться в форме, вера его в будущность, в развитие спасла его, лишь бы не останавливалось"[57].

В то же время важные оттенки идеологической борьбы 1860-х годов и связанные с этим изменения в отношениях между Герценом и его друзьями – все это не всегда доступно или понятно Марии Каспаровне. Она искренне удивляется сообщениям Некрасовой, что их общий старинный московский друг Е.Ф. Корш "так ожесточен был" против Герцена[58]. Между тем, разрыв с московским кругом произошел в 1861–1863 гг. в связи с тем, что Корш, Кетчер и другие из прежних приятелей сочувствовали репрессиям властей, усилившимся после студенческих волнений 1861 г., петербургских пожаров 1862 г. и польского восстания 1863 г.

Не понимая всего, Рейхель сочувствует Герцену во всем, сохраняет как в своих записках, так и в письмах живые черты Герцена и его круга. Она припоминает, между прочим, характерные герценовские словечки; не скрывает, что Герцен "не был музыкален"; о знаменитом портрете работы Н.И. Ге пишет, что, когда она в первый раз увидела этот портрет, он не сделал на нее "настоящего впечатления: сходство удивительное, но колорит уж слишком энергичный". "В последнее мое пребывание в Лозанне, осенью прошлого года, – добавляет она, – я с портретом этим более примирилась"[59].

Последние годы жизни Герцена менее знакомы Марии Каспаровне, многого она не знала, но ее суждения о конфликте Герцена с "молодой эмиграцией", о сложной домашней ситуации, которую не утаил от нее ее великий друг, – по-герценовски широки и непредвзяты[60]. Она разделяет герценовскую настороженность к анархизму, но в то же время не соглашается с упрощенным взглядом Н.А. Тучковой-Огаревой на М.А. Бакунина[61].

За первые десятилетия после смерти Герцена сохранилось сравнительно немного писем и мемуарных документов Рейхель. Однако в последние годы XIX–начале XX в. она очень много пишет о нем. Этому способствовал, конечно, общественный подъем в России, постепенное снятие запрета на имя и сочинения Герцена. В 1890–1900-е годы в России издаются первые тома герценовских сочинений, публикуются мемуары и материалы Тучковой-Огаревой, Н.А. Белоголового и некоторые другие. Особое внимание, не всегда доброжелательное, вызывают у Рейхель воспоминания хорошей знакомой – Т.П. Пассек. В письме к А.А. Герцену от 24 января 1887 г. Рейхель писала, очевидно, о просьбе Пассек предоставить ей материалы для подготовляемых записок: "Препровождаю сейчас полученное мною письмо от Татьяны Петровны и предоставляю тебе судить о ее выводах и особенно о выписке из какого-то журнала, которая уже никак не отзывается чистотою. Так как я не знаю, где Тата в настоящее время, то прошу тебя переслать ей письма Пассек"[62].

Выходят биографические очерки Чешихина-Ветринского, Батуринского и др., активно принимаются за исследование жизни и творчества Герцена Е.С. Некрасова, М.К. Лемке. Все это стимулировало родственников и немногих его друзей, доживших до посмертного "возвращения" Герцена на родину, к новым рассказам и публикациям.

В 1898 г. Рейхель, жившая постоянно в Берне, посетив Москву, "отыскала дом Ивана Алексеевича, отца Герцена, и погуляла в саду, который с небольшими переменами остался тот же". "Можете себе представить, – пишет она О.И. Лион 16 сентября 1898 г., – с каким трогательным чувством видела я места, где провела молодость, после пятидесяти одного года отсутствия – целая жизнь прошла между"[63].

Она узнала и "старый дом", где подолгу жила в гостях у И.А. Яковлева, и соседний, тоже яковлевский "Тучков дом", вспоминала давние прогулки по Арбату и Поварской. Со своей невесткой, урожденной Шумахер ("Юшей"), Рейхель ездила к ее родным в Рязанскую губернию; мать Шумахер, Юлия Богдановна, родная сестра жены Грановского – ее старинная приятельница; она с мужем были "единственные в живых того времени", которых Рейхель видела теперь[64].

Н.А. ГЕРЦЕН (ТАТА) И М.К. РЕЙХЕЛЬ
Фотография. Лозанна, 1900-е годы
Музей Герцена, Москва

Еще до поездки в Москву и особенно после нее личность Марии Каспаровны и ее рассказы все больше притягивали исследователей и почитателей Герцена. Она становится как бы представительницей Герцена среди новых поколений. Престарелая женщина (у нее четверо детей, девять внуков) восхищает собеседников и корреспондентов своей памятью, языком. По свидетельству Л.Э. Бухгейма, "первое, что поражает в ней, – это прекрасная московская речь, речь Сивцева Вражка, Плющихи, глухих переулков Арбата или Поварской, где еще доживают дворянские гнезда, но не Таганки, не Ильинки, где московский говор окрасился типичной купеческой складкой"[65].

В письмах Рейхель встречаются такие старинные, иногда прелестно неправильные обороты и галлицизмы, как "переходя сегодня через улицу, ветер понукал меня"; "а на дворе буянит то солнце à la весна, то буря со снежным ураганом"; "исхудала до скелетства"; "вы, милая, так много утепляете меня вашими сообщениями"; "поехать, не зная местности и к чужим людям, неловко и рискантно". Мария Каспаровна удивляется новому обороту – "перебои сердца", радуется сибирскому словечку "вышка" (чердак), решительно настаивает на том, что надо писать не "семья Герценов", а "семья Герценых".

В письмах к О.И. Лион от 3 марта 1897 г. Рейхель говорит: «Вы пишете о Некрасовой, которая года три-четыре и ко мне письменно обращалась, а последним летом я познакомилась с одной русской барышней, которая была у меня спрашивать об А⟨лександре⟩ И⟨вановиче⟩, потому что и она хочет заняться его биографией. А⟨лександр⟩ И⟨ванович⟩ сам говорит и свидетельствует о своей необыкновенной личности в "Былое и думы" и разных других сочинениях – сколько глубины, ясной правды везде, и если есть оттенок, который иногда грусть наводит, то это не могло быть иначе ради обстоятельств и жизни тяжелого опыта. Конечно, такой человек – общее достояние, и я не удивлюсь, что за него многие берутся – но трудно, очень трудно»[66].

Позже Рейхель заметит: "Я очень счастлива и благодарна судьбе, что, потеряв старых друзей в России, мне удалось встретиться с сочувствующими в более молодом поколении, и кому я обязана этим? Екатерине Степановне ⟨Некрасовой⟩ большею частию, потом А.И. Г⟨ерцену⟩. Из-за него мы начали переписываться с нею, и в ней я нашла драгоценную для меня симпатию"[67].

Последним толчком, возможно, побудившим Рейхель начать записки, были "Материалы к биографии Герцена", которые ей прислала О.И. Лион[7*]. Благодаря свою корреспондентку за это совершенно неизвестное ей издание, Рейхель писала: "Вы можете себе представить, с каким интересом я читала их. Такие материалы очень ценны, ваше семейство и вы сами очевидец и современница и принимали такое горячее участие в тогдашних событиях его жизни. Как далеко отодвинулось это время... Многие, насколько знаю, собирались писать биографию Г⟨ерцена⟩, и недавно читала ответ Огаревой Смирнову, напечатанный ею в "Неделе" № 47;

7* См. ниже прим. 1 к п. 6. – *Ред.*

по-видимому, он тоже писал о Г(ерцене) и вызвал неудовольствие этой дамы за неправильную оценку двух друзей[68]. Меня тоже раз спрашивали, не возьмусь ли я за биографию, но такая задача мне не по силам. Впрочем, сам Г(ерцен) в своих "Былое и думы" остается живым памятником самого себя. Конечно, это не исключает, что на него и со стороны посмотреть можно. Если б печать у вас не так была ограничена, то, вероятно, гораздо больше было бы и сказано"[69].

Размышлениям Рейхель о Герцене постоянно способствовала и Некрасова. Работа над записками Рейхель идет параллельно революционному подъему в России, за жизнью которой Мария Каспаровна внимательно следит. Ей интересны и премьеры Художественного театра, и "чудесный голос Шаляпина". Непривычная к "новому искусству" (куда попадают и Чайковский, и Леонид Андреев, и футуристы), она высоко ценит Чехова[70]. Интерес Рейхель к Л.Н. Толстому постоянен. В письме А.А. Герцену от 24 января 1887 г. она хвалит статью П.Л. Лаврова об авторе "Войны и мира". Смерть этого "великого бойца за все человеческое" она воспринимает как "общий траур". "Какая великая скорбь идет по нашей земле, какой подъем всех сердец и какой свет во мраке...", – взволнованно пишет она М. Корш[72].

Высказывания Рейхель о России свидетельствуют о широком, прогрессивном, нравственном взгляде, о сильном влиянии "герценовской выучки", о том, что "духовная сторона не состарилась". Рейхель горячо переживает голод в России. Узнав о самоуправстве российской администрации, восклицает: "*Колокол* бы на них!"[73] Тем не менее, она верит в прогресс, пусть и нелегкий: "Как ни тянут назад темные силы, тяготение к свету сильнее. Для жизни нет дороги вспять"[74].

И постоянно – в семейном и общественном быту – спутником и советником Рейхель является Герцен.

Она все время общается с его потомками. Старший сын Герцена пишет ей из далекого путешествия, обсуждает семейные дела. В 1870-х годах малолетний внук Герцена "Александр III" (Тутс) живет в семье Рейхелей. Н.А. Герцен (Тата) пишет Марии Каспаровне 15 октября 1874 г.: "Живя у тебя, он не у чужих, а у одного из самых близких членов нашего семейства – можно бы даже сказать у самого близкого. Ближе тебя у нас никого нет"[75]. Постоянно интересует Марию Каспаровну Петр Александрович, внук Герцена, ставший знаменитым врачом, и его переезд в Россию. "Дети Герцена, – замечает Рейхель в письме к О.И. Лион, – мне дороги и близки, как мои собственные"[76]. Позднее она сообщает той же корреспондентке: "Наталье Александровне, т.е. Тате Герценой, я вчера писала и передала ваш поклон. Я ее летом видела, она такая же обаятельная и очень хорошо сохранилась, несмотря на свои *за* пятьдесят лет, и всегда от нее веет теплом и чувством. Она настоящая дочь Александра Ивановича. Сестра ее Ольга уже бабушка и все еще хорошенькая – старший сын женат"[77]. В.И. Семидалову: "Нат(алья) Ал(ександровна) еще свежа и жива, несмотря на свои 67 лет, она, как большое солнце, везде греет и любит и светит. Какое она бесконечно прекрасное существо!"[78]

Наступает последний этап работы Марии Каспаровны над мемуарами: московский издатель Л.Э. Бухгейм печатает их в 1909 г. Несколько ее писем, сохранившихся в архиве издателя, любопытны для истории записок.

Бухгейм не всегда удачно редактирует текст Рейхель. Мария Каспаровна далеко не со всеми его замечаниями и переделками согласна. Так, она противится, но без успеха, заглавию "Отрывки из воспоминаний М.К. Рейхель и письма к ней А.И. Герцена": «Насчет заглавия думаю вместо "письма к ней" поставить "из писем к ней". Если сказать письма, то это предполагает, что нет других, так как они далеко не все. Остальные сохраняются у Натальи Александровны и могут только *со временем* по ее усмотрению выйти в свет»[79]. К письму Бухгейму Рейхель прилагает целый список возражений. Весьма любопытно и следующее письмо к издателю от 22 февраля 1909 г.: "Многоуважаемый Лев Эдуардович! Получив присланные вами листки, я тотчас принялась за работу сличать напечатанное с моею рукописью. Вы, как видно, большой стилист и стараетесь меня выпрямить, но я должна сказать вам, как вам это ни трудно, что несогласна с этим, и ваши поправки меня неприятно затрогивают, особенно когда вы иногда вместо моих Sätze[8]* ставите другие, что меняет тот смысл, который я думала выразить, и даже мои строки о Коле вы не оставили нетронутыми. Говорю вам это потому, что желаю ясности в отношениях. Не забывайте, что между теперешним временем и тем, когда я сказанное переживала, прошли два поколения, мы тогда и иначе выражались и, наверное, иначе чувствовали, теплее, и потому оставьте меня, старуху, такою, какая я есть, не придавая ей нового лоску. С истинным уважением М. Р е й х е л ь"[80].

Семидалову Мария Каспаровна тогда жалуется: "Бухгеймом я недовольна, он печатает отрывки из моих воспоминаний и ужасно поправляет мой текст, даже вставляет другое вместо моего. Он просит позволить печатать, не присылая мне корректур, так как это берет мно-

---

[8]* выражений (*нем.*).

го времени, и это могло бы быть так сделано, если б он печатал, не поправляя, и ничего не меняя, а в последней уже ими поправленной корректуре, сличая с моим текстом, я нашла множество поправок и переделок и протестовала в письме к нему. Наталья Александровна, с которой я во всем совещаюсь, берет мою сторону, она уже сама писала ему, что не надобно ничего менять"[81].

Однако, узнав (от Семидалова), что ее поправки поставили издателя в "неловкое положение", Мария Каспаровна просит Бухгейма: "Ради бога, не перепечатывайте ничего и продолжайте". Несколько позже все-таки добавляет: "В местах, где я упоминаю о сердечном отношении, я желаю выражать его моим языком. Надеюсь, что вы поймете меня. Прошу вас, будем же просто относиться"[82]. В результате издатель учел почти все просьбы Рейхель (кое-что уже внес в список опечаток).

Книга была снабжена портретами Рейхель, Коли Герцена, Бакунина. Между тем из писем к Бухгейму видно, что предполагался и портрет Герцена, но в книжке его не оказалось – вероятно, последовали цензурные запреты. Однако Бухгейм вложил портрет Герцена в несколько посланных Рейхель экземпляров – и это ее очень обрадовало: "Я себя точно дома чувствовала"[83].

В конце концов Рейхель осталась довольна своей книжкой. Через несколько месяцев издатель прислал Марии Каспаровне благоприятные рецензии из "Русских ведомостей" и, очевидно, предлагал продолжить издание герценовских писем. Рейхель отвечала, что письма нужно было бы просмотреть с Натальей Александровной. «Насчет вашего вопроса я думаю вообще с этим лучше подождать, – продолжала она, – и время года неподходящее, не соответствует и настроение общества. Так как я сама получаю "Р(усские) в(едомости)", то могу следить за трудным ходом обстоятельства»[84]. А Тата Герцен писала Рейхель: "Как бы мне хотелось папашины письма перечитать с тобой, особенно письма к тебе, вместе легче вспоминать и ставить числа"[85]. 8 апреля 1912 г. Н.А. Герцен сообщает Марии Каспаровне о своем желании вместе с нею "написать все имена на старинных портретах 40-х годов, разобрать письма некоторые и т.д."[86]

После выхода своих записок почти девяностолетняя Рейхель продолжала работать и размышлять о Герцене. В письмах к М.Е. Корш она откликается на его столетний юбилей: "Теперь собираются и в России чествовать день рождения Александра Ивановича (...) Я счастлива, что доживаю до этого дня" (26 марта 1912 г.). "Не могу тебе сказать, сколько я вижу здесь внимания, теплого отношения ко мне, и даже издали, из России, оказали мне честь быть выбранной почетным членом кружка имени Герцена в Петербурге. Я получила от него письмо с извещением моего выбора, подписанное президентом кружка Максимом Ковалевским. Оно писано по-французски. Вероятно, не предполагали, что я еще знаю по-русски. Я отвечала и благодарила по-русски! Нет, не забыла и люблю мой язык страстно" (15 апреля 1912 г.)[87].

В мае 1912 г. Рейхель пишет Семидалову: "Много мы здесь слышали и читали о 25-том русского марта, о праздновании в России, в Ницце и Париже, и вы можете себе представить, как это все было близко и интересовало. Я получила книгу об юбиляре из Москвы, и теперь мы ее читаем, я вслух Наталье Ал(ександровне), у нее самой глаза болят. Это книга, вышедшая в Петербурге в день юбилея"[88].

В это время потомки Герцена и Рейхель ожидают приезда из России М.К. Лемке, подготавливающего первое полное собрание сочинений и писем Герцена. Возможно, в связи с этим и гостила у Н.А. Герцен в Лозанне Мария Каспаровна.

"Взяла на себя переписать все письма Александра Ивановича ко мне, – пишет Рейхель М.Е. Корш 10 августа 1912 г. – Если они когда-нибудь будут напечатаны, ты увидишь, как я, такая маленькая букашка, близко стояла к нему и пользовалась его доверием"[89].

Осенью 1912 г. в связи с приездом Лемке Рейхель неоднократно наезжала в Лозанну, как "единственная свидетельница прошлой русской жизни" Герцена. Сохранилось любопытное письмо Н.А. Герцен к Лемке после его отъезда в Россию: «С Марьей Каспаровной вот какая была история: она поскользнулась и упала – ушиблась, конечно. Это ее сильно потрясло. Когда я узнала об этом, я побежала к ней с вашим письмом и показала ей то, что вы об ней пишете. Это вернуло ей хорошее настроение. Но она все-таки проворчала, улыбаясь: "Он меня обижает... Мне еще нет 90-а лет! Лишь в апреле минет 90..."»[90]

Переписывание Марией Каспаровной писем Герцена, вероятно, позволяет ответить на вопрос о происхождении тетрадей с копиями герценовских писем из "Пражской коллекции"[91].

И в 1913 г. Рейхель встречает свое девяностолетие читающей, мыслящей. 6 мая она пишет "дорогому земляку" Семидалову: «Наталью Александровну вижу не так часто, как бы хотелось, она так многим нужна. А в тот вечер, когда вы были, она просидела целый вечер, и я

наслаждалась. Вчера она принесла мне очень интересную вещь, с которой, по всем вероятностям, вы уже знакомы, а именно январский нумер "Вестника Европы", в котором воспоминания Вырубова. Я так и впилась, но еще не все кончила. Мне редко приходится читать что-нибудь из русских изданий, а тут какое содержание и встреча с давно пережитым и так явно и живо, как будто было недавно»[92].

Почти в каждом из писем Рейхель видны благородные идеи, сложившиеся много десятилетий прежде: идеи демократизма, антимилитаризма, исторического оптимизма.

"Если русские не любят никаких чужих, кого же они любят? Значит, только самих себя. Это очень узко, и недальновидно, и жалко, вследствие этого и приходится переживать такое трудное время. Но, к счастию, и не все чувствующие себя русскими идут по этой дороге, не так ли?"[93]

"Теперь, – писала Рейхель М.Е. Корш 5 августа 1909 г., – аутомобиль можно иметь, как извощика, а вот в недавнем времени и летать можно будет. Очень мне страшным кажется, что все эти приобретения движимости мечтают употреблять для военных целей, как будто для человеческого духа только и работы, чтобы достигать как можно лучшим способом делать нападения. Мне кажется, что это извращение духовного направления"[94]. "Да, война теперь всех заполонит. Меч обнажен и занесен, и все говорят об ужасной, жестокой войне. Озвереют люди!"[95]

Вскоре мировая война прерывает переписку Рейхель с родиной.

Мария Каспаровна умерла 20 августа 1916 г., за полгода до второй русской революции, на девяносто четвертом году жизни. Она, писавшая о себе: "Я, как сухой лист, забывший упасть осенью", – пожелала своим друзьям и землякам "дожить до самого для нас дорогого, Воскресения отечества"[96].

Пройдя в юности великую школу Герцена, она до конца повторяла: "Состарилась я, но еще остаюсь довольно тепла, чтоб удивляться, любить и учиться"[97].

Письма Рейхель к Некрасовой печатаются по автографам, хранящимся в *РГБ*, ф. 196. 19. 37–40. – Выдержки из многих писем опубликованы Л.Р. Л а н с к и м в его обзоре "Письма М.К. Рейхель к Е.С. Некрасовой" (ежегодник "Памятники культуры. Новые открытия". М., 1977, с. 73–79).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *РГБ*, ф. 196.7.22, л. 23об. – 24.

[2] М.Г. В а н д а л к о в с к а я. М.К. Лемке – историк русского революционного движения. М., 1972, с. 74.

[3] *Рейхель*, 12.

[4] Там же. 10.

[5] См. п. 4.

[6] См. п. 7.

[7] *ТГОМ*, ф. Г. Н. Потанина, ед. хр. 19. (12 писем к В. И. Семидалову).

[8] См. п. 1, 7 и др.

[9] *Прометей* I, 176.

[10] Автограф. *РГБ*, ф. 69.24.11.

[11] См. п. 13.

[12] *РГБ*, ф. 69.22.34.

[13] См. п. 13.

[14] *РГБ*, ф. 69.20.10.

[15] Там же, ф. 69.24.11.

[16] См. п. 28.

[17] См. п. 24.

[18] *Прометей* I, 197.

[19] См. п. 24.

[20] См. п. 21.

[21] "Лит. наследство", т. 63, с. 559.

[22] *Рейхель*, 41.

[23] См. п. 12, 15.

[24] "Лит. наследство", т. 63, с. 410–415.

[25] *Рейхель*, 72.

[26] См. п. 4.

[27] См. п. 3.

[28] См. п. 26 и 31.

[29] *РГБ*, ф. 69.22.29.

[30] Там же, ф. 69.22.34 (письмо к Рейхель Н.А. Герцен и М.Ф. Корш от 26 июня 1847 г.).

[31] Ср. *Рейхель*, 54, 60.

[32] *Прометей* I, 176.

[33] И.А. Желвакова. Дом в Свицевом Вражке. М., 1982, с. 161.
[34] *ГЛМ*, ф. 248.
[35] *РГБ*, ф. 69.20.10.
[36] *ГЛМ*, ф. 248
[37] *ТГОМ*, п. 4, б.д.
[38] См. п. 26.
[39] См. п. 27.
[40] *ТГОМ*, ед. хр. 19.
[41] Брат Василия Петровича Боткина.
[42] См. XXIV, 242–259 (перевод с французского Л.Р. Ланского).
[43] *ТГОМ*. Письмо б.д.
[44] См. п. 11.
[45] См. об этом в работах Л.Р. Ланского: "Век нынешний и век минувший" (Прометей 1, 188–194); «Начало издания "Колокола" и его первые корреспонденты» (сб. "Революционная ситуация в России". М., 1970, с. 186–187, 193); "Колокол" и его корреспонденты (сб. "Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг.". М., 1974, с. 180–181, 183); "Колокол" и его корреспонденты (июль–октябрь 1858 г.)" – Сб. "Эпоха Чернышевского. Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1978, с. 39, 48, 56.
[46] Приезд в Лондон (в 1856 г.).
[47] См. п. 27.
[48] См. "Лит. наследство", т. 63, с. 863.
[49] См. п. 17.
[50] См. п. 33.
[51] См. п. 3.
[52] *ИРЛИ*, 9931. Письмо от 19 декабря 1899 г.
[53] См. Н. Эйдельман. Тайные корреспонденты "Полярной звезды". М., 1966, с. 25–30.
[54] *Прометей* I, 186.
[55] *ТГОМ*, п. 2.
[56] См. п. 23.
[57] См. п. 30.
[58] См. п. 12.
[59] *ИРЛИ*, ф. 9931. Письмо к О.И. Лион от 3 марта 1897 г.
[60] См. п. 19, 23, 30 и др.
[61] См. п. 30.
[62] *РГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 611.
[63] *ИРЛИ*, 9931.
[64] Там же.
[65] *Прометей* I, 198–199.
[66] *ИРЛИ*, 9931.
[67] *ТГОМ*, п. 4, б. д.
[68] Имеется в виду В. Д. Смирнов (псевд. Е. А. Соловьева), автор книги "Жизнь и литературная деятельность Герцена". СПб., 1897; 2-е изд. 1905; вышла в серии "Жизнь Замечательных людей" Ф. Ф. Павленкова.
[69] *ИРЛИ*, 9931. Письмо к О.И. Лион от 19 декабря 1899 г.
[70] См. п. 23.
[71] *РГАЛИ*, ф. 2197. оп. 1, ед. хр. 611.
[72] *Прометей* I, 197.
[73] См. п. 29.
[74] См. п. 24.
[75] *РГБ*, ф. 69.24.20.
[76] *ИРЛИ*, ф. 9931. Письмо от 4 января 1898 г.
[77] Там же, письмо от 8 января 1899 г.
[78] *ТГОМ*. Письмо от 14 марта 1912 г.
[79] *ИРЛИ*, ф. 611, ед. хр. 25. Письмо к Бухгейму от 8 февраля 1909 г.
[80] Там же.
[81] *ТГОМ*. Письмо 4 к Семидалову, б.д.
[82] *ИРЛИ*, ф. 611, ед. хр. 25. Письма от 10 и 21 марта 1909 г.
[83] Там же. Письмо от 14 апреля 1909 г.
[84] Там же. Письмо от 16 июля 1909 г.
[85] *РГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 777. Письмо от 5 января 1907 г.
[86] Там же.
[87] *Прометей* I, 195.
[88] *ТГОМ*. Письмо 11 к Семидалову – Вероятно, книга В.Я. Богучарского "А.И. Герцен".
[89] *Прометей* I, 200.
[90] *ИРЛИ*, ф. 661, ед. хр. 297, л. 15–15об. Письмо от 20 ноября 1912 г.
[91] Ср. "Лит. наследство", т. 61, с. 300.
[92] *ТГОМ*. Письмо 12-е к Семидалову от 6 мая 1913 г.
[93] Там же, п. 9 к Семидалову от 3–4 апреля 1909 г.
[94] *Прометей* I, 195.
[95] Там же, 201–202.
[96] *ТГОМ*. Письмо к Семидалову от 18 марта 1907 г.; письмо 1, б.д.
[97] *Прометей* I, 179.

1

14/2 ноября 1892.
Königstrasse, 8. Bern

Милостивая государыня Екатерина Степановна!

Мне очень жаль, что я не могу отвечать на все вопросы ваши, а именно:

1) Об Машеньке Корицко я решительно ничего не знаю; должно быть, она до моего времени бывала у Яковлевых[1].

2) Дом Ивана Алексеевича Яковлева стоял во Власьевском переулке, это тот "старый дом", который воспет Огаревым[2] и в котором провел свою молодость Ал.Ив. Герц⟨ен⟩. Когда меня привезли в Москву, в то время, когда Ал⟨ександр⟩ Ив⟨анович⟩ после Перми был переведен в Вятку, Иван Алекс⟨еевич⟩ уже жил в Сивцевом Вражке (Старая Конюшенная) на углу Голицынского переулка, большой дом с террасой во всю его длину. Старый дом стоял тогда пустой, впоследствии жила там моя покойная мать.

3) Дом Алексея Алекс⟨андровича⟩ (Химика) стоял на Тверской, насколько помню[3].

4) Об Петре Алекс⟨андровиче⟩ Захарьине я уже много лет ничего не слыхала – может быть, знает о нем Сергей Львович Львицкий (сын Льва Алексеевича, сенатора). Они когда-то вместе фотографировали.

5) Об Емилии Мих⟨айловне⟩ Аксберг я тоже не знаю; вероятно, она была еще до моего времени гувернанткой Нат⟨альи⟩ Ал⟨ександровны⟩. Наталья Алекс⟨андровна⟩ была семью годами старше меня, в молодости это делает большую разницу.

6) Наверное не могу вам сказать, воспитывалась ли я совсем на счет Ивана Алексеевича, я только знаю, что он прибавлял к фортепианным урокам после выхода моего из пансиона, где я только с небольшим два года училась. Благо же несколько раз выговорено, что я воспитана на средства Ив⟨ана⟩ Ал⟨ексеевича⟩, то пускай так и останется. Это ничего не переменит в моей благодарной памяти, которую я храню о нем. Тогда, во время оно, я не так понимала, но после, вспоминая о нем, я вполне оценила его доброе расположение ко мне. Вы, вероятно, знаете кое-что о недоступности старика, который умел пилить людей словами, я же никогда ни грубого, ни сердитого слова от него не слыхала, хотя иногда и противоречила, чего он вовсе не любил. Пока Ал⟨ександр⟩ Ив⟨анович⟩ был в Вятке, он всегда говорил, что он и моя мать поменялись, его сын у нее в Вятке, а я у него. Я помню как не раз, взяв меня за плечи, он представлял меня знакомым и даже грозной княгине Марье Алексеевне[4] как свою воспитанницу. Хоть невесело жилось тогда у старика молодой девушке, все-таки доброе воспоминание всплывает наверх, потому что он был истинно добр ко мне и доверял мне разные дела, как, например, держание в порядке его бумаг, за что он называл меня своим архивариусом. Простите, что заболталась, но мне так хотелось почтить память старика.

Очень вам благодарна за присылку писем Нат⟨альи⟩ Ал⟨ександровны⟩. Странно, что я ничего не помню об Александре Григорьевне – вероятно, когда Гер⟨це⟩ны переехали в Москву, сношения между подругами молодых лет были уже прекращены[5].

Катинька (Екатерина Александровна Захарьина, потом жена профессора Селина) была, точно, сестра Нат⟨альи⟩ Ал⟨ександровны⟩ от другой матери[6]. Когда я уезжала из Москвы с матерью в Тамбов на свадьбу брата Гавр⟨илы⟩ Касп⟨аровича⟩, Иван Алексеевич взял Катиньку к себе на мое место. Позже мы были обе вместе у него в доме.

С уважением и преданностью готовая к вашим услугам

Мария Рейхель

[1] М. Корицко упоминается в письме невесты Герцена Н.А. Захарьиной к Герцену из Москвы от 23–28 апреля 1836 г. (*Павленков* VII, 84–87).

МОСКВА. ДОМ А.А. ЯКОВЛЕВА НА ТВЕРСКОМ БУЛЬВАРЕ (НЫНЕ ДОМ 25)
Гравюра И.Н. Павлова, 1919
"Творчество", 1920, № 1
В этом доме 25 марта 1812 г. родился Герцен, а 22 октября 1817 г. его будущая жена Н. А. Захарьина

[2] Стихотворение Огарева "Старый дом", написанное в конце 1839 – начале 1840 г. (см. *Огарев* 1856, 97–98). 88–89).

[3] В этом доме родился Герцен и пятью годами позднее его жена (Тверской бульвар, теперь д. № 25).

[4] М.А. Хованская, тетка Герцена и его жены.

[5] Е.С. Некрасова прислала Рейхель свою публикацию "Наталья Александровна Герцен в переписке с Александрою Григорьевной Клиентовою. 1834–1840". (*РС*, 1892, № 3, с. 771–792).

[6] Матерью Н.А. Герцен и Е.А. Селиной была А.И. Захарьина (Фролова).

2

25 июня 1901 г. Bern.
Marzilistrasse, 22-b

Многоуважаемая madame Некрасова!

Прежде всего прошу извинить меня, что не называю вас по имени; я запомнила ваше отчество. Я очень рада была получить от вас прямое известие, вчера я воротилась из Лозанны, из дорогого мне семейства Герценых и была там, когда Александр Александрович получил ваше письмо.

Как я вам благодарна за подробности о Румянцевском музее, т.е. его особенности, комнате для людей 40-х годов[1]. У меня есть несколько портретов Герцена, но все они, вероятно, уже находятся в музее, мои только тем отличаются, что они подписаны его рукою, иногда с шуткой или посвящением. Есть у меня его бюст, сделанный, кажется мне, в Лондоне. Есть корректурные листы "Полярной звезды" с посвящением мне, которые я хочу передать Наталье Александровне, потому что их содержание, вероятно, пока еще запрещено в России. Что до портретов Бакунина (Михайла)[2] касается, у меня их несколько, и я с удовольствием передам вам некоторые; мне 78 лет, и я должна думать о своем конце.

Сию минуту приходил ко мне какой-то молодой человек и просил меня дать ему позволение обновить могилу Бакунина, т.е. вновь позолотить надпись на мраморной доске. Так как я каждый год плачу безделицу, чтоб содержали в порядке, то обрати-

лись ко мне за позволением. Молодой человек назвал себя почитателем Бакунина. У меня есть также портреты его брата Павла, свободомыслящего человека, который недавно умер, но для позволения дать их, если вы этого желаете, я должна обратиться к его жене, которая живет в Крыму и с которой я переписываюсь.

Завтра я уезжаю на несколько дней из Берна, но 1 июля возвращусь и тогда могу переслать вам портреты Бакунина. Вот еще что: я знала от Станкевича Александра Владимировича, который живет в Москве в Чернышевском переулке, что у него сохранялись письма Герцена к его друзьям из-за границы. Он говорил мне, что хочет отдать их в Румянцевский музеум. Вспомнил ли он это, я не знаю[3].

Каких книжек Герцена, печатавшихся в Лондоне, вам недостает? Но разве можно поместить их в музей? Теперь хоть и позволено издавать Герцена в России, но, как говорил мне Алекс⟨андр⟩ Александрович, наряжена целая комиссия, чтоб их просматривать и *просеивать*, – много ли останется!

От 1-го до 18-го июля я остаюсь в Берне, после, может быть, уеду, но это еще не решено.

Сердечно желаю вам пользы от вашего пребывания в Швейцарии и прошу вас никак не думать, что вы меня беспокоите, я очень рада помогать вам, если б была на то возможность с моей стороны. Преданная вам Мария Р е й х е л ь.

[1] В 1897 г., при самом активном участии Е.С. Некрасовой, в Московском Румянцевском музее открылась "Комната людей 40-х годов", ставшая, по существу, первым в России музеем освободительного движения. См. о нем подробно в "Лит. наследстве", т. 96, с. 574–586.

[2] М.А. Бакунин был другом покойного мужа Марии Рейхель, А. Рейхеля, в доме которого сохранились некоторые бакунинские вещи и материалы.

[3] А.В. Станкевич своего обещания не выполнил. Находившиеся у него материалы поступили в "Комнату людей 40-х годов" через много лет после смерти владельца – в 1920-е годы.

3

3 июля 1901 г.
Bern.
Marzilistrasse, 22-b

Многоуважаемая Екатерина Степановна!

Вчера получила ваше письмо и начала разыскивать, чем я могу служить вам. Только еще не успела все приготовить для отправки, нужно идти в город и запастись картоном для больших фотографий, их три: Герцен, сидящий облокотившись[1]; он же с двумя его дочерьми[2], эту последнюю я получила из Данцига через сестру моего мужа. В ней только старшая дочь менее удачна. Третья фотография с усопшего[3]. Из маленьких прилагаю его же вместе с Огаревым[4]. Я нахожу эту очень удачной; есть еще у меня Герц⟨ен⟩, облокотившийся на балюстраду, но этот, кажется, у вас есть – если же нет, я могу вам прислать и его[5]. Вы думаете, что мне тяжело расставаться с этими дорогими портретами, – конечно, так – но мне 78 лет, и уже недолго ими наслаждаться, а после меня уже трудно вам будет их получить. Есть еще у меня кабинет-формат, Герц⟨ен⟩ с скрещенными руками, но этот уж оставлю, пока жива, у себя, он подписан: "От неизменного друга М.К.Р.". Я же знаю, что он у вас есть[6].

Посылаю вам три портрета Михайла Бакунина, 1 Кавелина, 1 Грановского и еще Марьи Федоровны Корш. Она принадлежала к этому кругу и пользовалась любовью и уважением всех их. Посылаю также, я думаю, единственный портрет Луизы Ивановны, матери Герцена. Я не помню, чтоб она еще снималась. Этот делан в Женеве в 1847 г., и так как я себя стереть не могу, то и должна остаться на портрете[7]. Ребенок – это маленький Коля Герцен, который ездил с бабушкой и мною[8]. Я этого ребенка страстно любила, он был глухонемой, но чрезвычайно интеллигентный и ласковый. Он погиб вместе с бабушкой в Средиземном море, когда они возвращались из Парижа, куда приезжали видеться со мною, в Ниццу. Это было в 1851 г.[9*] Он на этом портрете очень неудачно вышел, он был чрезвычайно красивый ребенок.

[9*] *В автографе ошибочно*: 1850. – *Ред.*

Бакунин похоронен в Берне, куда в 1875 г. он приехал больной ⟨за⟩ две недели перед смертью, ему уже трудно было помочь, организм разлагался. У него здесь никого из родных нет, я же плачу такую безделицу, о которой говорить не стоит. Брат его Павел жил последние годы в Крыму около Ялты, там и скончался. Его портрет, очень хороший, у меня есть, но прежде мне нужно иметь позволение его жены. Пожалуйста, сообщите мне ваш московский адрес, чтобы я могла тогда послать вам его, не называя имени. Жена Павла Бак⟨унина⟩ живет и теперь в Крыму[9].

Я остаюсь в Берне до 18-го июля, после еду с моим сыном Александром и его семьею недели на две, на три в Wallis, еще не знаю имени места; но письма лучше всего адресовать в Берн, мне всегда перешлют.

Долго ли вы останетесь за границей? Хотелось бы переслать вам дагерротип Александра Ивановича и Натальи Александровны, деланные в Ницце, но никак не найду и не вспомню, куда я их упрятала, моя память решительно отказывается служить[10]. Впрочем, портрет Нат⟨альи⟩ Ал⟨ександровны⟩ был помещен в альбоме пушкинского юбилея[11]. Я боюсь, что и то, что вам посылаю, у вас уже есть, тогда потрудитесь возвратить; если же желаете хранить сами, то прошу принять от меня. Корректурные листы я передала Наталье Александровне, я уже ей в последнюю мою бытность в Лозанне об них говорила[12]. Вам же было бы трудно провезти их через границу, они довольно объемисты.

Мне очень жаль, что и этот раз не пришлось с вами видеться. Вот и Наталья Александровна пишет, что очень желала видеть вас лично, о многом переговорить. Она тоже собирается уехать на летнее время около половины июля.

Кончаю уже 4-го июля и постараюсь попасть на почту, чтоб отправить портреты, а на дворе опять дождь, "размокропогодилось", как говаривал Герцен, лето не обещает постоянной погоды, она и вам много испортила. Теперь позвольте пожать вам руку в знак нашего, хотя и не личного, но симпатичного знакомства и во имя тех интересов, которые нас соединяют.

С искренним приветом вам преданная Мария Р е й х е л ь.

[1] См. воспроизведение этой фотографии 1861 г. в "Лит. наследстве", т. 62, с. 43 и т. 63, с. 167.
[2] См. там же, т. 96, с. 681.
[3] См. там же, т. 63, с. 525.
[4] См. там же, т. 61, с. 179.
[5] См. там же, т. 63, с. 317.
[6] См. XXVIII, 4.
[7] Дагерротип, на котором сняты мать Герцена и Рейхель с Колей на руках, опубликован в *Звеньях* VIII, 63.
[8] Из-за слабого здоровья матери, Н.А. Герцен, Коля за границей находился на попечении бабушки и Марии Каспаровны (до ее замужества).
[9] Наталья Семеновна Бакунина собирала и хранила семейный архив Бакуниных.
[10] Речь может идти о дагерротипах Герцена, воспроизведенных в "Лит. наследстве", т. 61, с. 29 и 113, и его жены (воспроизведен там же, т. 64, с. 35).
[11] Портрета Н.А. Герцен в альбомах пушкинских юбилеев нет.
[12] См. предисловие к наст. публикации.

4

14/1 июля 1901 г. Берн.
Marzilistrasse, 22-b

Многоуважаемая Екатерина Степановна! Вчера получила ваши открытки с видами из России и портретом Л.Н. Толстого; я тотчас отгадала, что они присланы вами; благодарю вас сердечно за удовольствие, которое вы мне доставили. Рада очень иметь и портрет Толстого, у меня его не было.

Я обещала послать вам карточку А.И. Герцена, а теперь мне жаль расстаться с нею, и потому прошу вас простить мне, если я не сейчас сдержу слово, позже вы ее все-таки получите.

В Крым мне еще не удалось написать, мы через три дня уезжаем, и нашлось довольно дела и приготовлений. Мы едем в Wallis на довольно высокое место Champex,

где, говорят, очень красиво вблизи еще более высоких гор. Я очень люблю природу; эту сторону Швейцарии я совсем не знаю и ничуть не против на старости лет с нею познакомиться. Наталья Александровна будет 15–16-го июля вблизи вас и очень рада с вами видеться.

15-го. Вчера не удалось кончить, а теперь уже вечер, и я спешу кончить. Днем никак не удается, и я особенно посвящаю вечера, если есть что писать, а теперь пока еще длинный день и немного вечера остается. У нас довольно жарко, а я трудно переношу жар. Очень мне жаль слышать, что ваше здоровье так малоудовлетворительно, всем сердцем желаю вам хоть сколько-нибудь поправиться на горном воздухе.

Вы спрашиваете, как я в Москву попала, скажу вам несколько о себе.

Я очень маленькой осталась от отца, умер он в уездном городе Тобольской губернии Тара. Родилась я в Тобольске. После смерти отца мы переехали на житье в Тобольск, где я и оставалась до 12-тилетнего возраста. Школы для девочек тогда там не было, я училась дома, брала частные уроки. Братья мои, один после другого, оставили Сибирь, исключая одного, который уехал дальше в Сибирь, сначала в Красноярск, потом в Иркутск. Брат Гаврило Касп⟨арович⟩ и пасынок моей матери уехали в Тверь, и последний умер от холеры в ее первое посещение в России.

Мать моя решилась оставить Сибирь, и мы поехали к брату Гавриле в Вятку. В Вятке тоже не было школы и не было еще ссыльных, у которых я могла бы брать уроки. В Вятке же был в это время Александр Иванович Герцен, и он советовал свезти меня в Москву и отдать в пансион. И повезли меня мать моя и брат, рабу божию, в Москву. Разумеется, Ал⟨ександр⟩ Ив⟨анович⟩ дал письмо к отцу и матери[1]. Там нас очень хорошо приняли по рекомендации любимого сына, мы же привезли от последнего живые вести. Мать моя и брат скоро уехали, поместив меня в пансион, из которого каждые две недели Луиза Ивановна за мной присылала, а через другие две недели, т.е. в другое воскресенье, я гостила у родственницы. Вот таким образом я привилась к семье Ал⟨ександра⟩ Ив⟨ановича⟩ и скоро перестала быть чужою. Старик Иван Алексеевич был ко мне всегда добр, и я никогда не слыхала от него худого слова. Тогда я еще мало умела ценить, но позже я это вполне осознала и дорого чту его память. Луиза Ивановна меня даже баловала и так привыкла ко мне, что не желала расстаться. У меня теперь сохраняются ее письма из Ниццы после моего замужества, которые она писала мне в Париж, в них столько неподдельной привязанности, что, после стольких лет читая их, я всегда тронута[2]. А ведь этому уже полвека!

Знаете ли вы, что я три года тому назад была в Москве, к сожалению, очень короткое время проездом. Я ехала к моей старинной приятельнице Юлии Богдановне Шумахер в ее имение Рязанской губернии. Она сестра Елизаветы Богдановны Грановской, которую я тоже очень любила. Юлия Богдановна и я, мы последние могикане из того времени. В Москве я могла только поклониться праху Грановских и еще других из того времени. Все они собраны вместе[3]. Еще посетила я тот дом, где столько лет прожила, в Сивцевом Вражке, в Старой Конюшенной. В дом я не могла взойти, хозяев не было дома, но погуляла в саду, который мало переменился. Очень было грустно, но в то же время не без тихой радости[4].

Из присланных вами видов мне особенно нравится вид Москвы, она же мне второе отечество, я в ней выросла, и в ней живут дорогие мне воспоминания.

Адрес мой все тот же в Берне. Письма мне будут пересылать. Мы только на две с половиной недели едем. 4–5 авг⟨уста⟩ начинается школа. Сердечно вам преданная Мария Р е й х е л ь.

Насчет снимка могилы Огарева, едва ли есть что[5]. Есть еще портрет Луизы Ив⟨ановны⟩ у Герц⟨ены⟩х, как мне пишет Тата, писанный масляными красками[6]. Она была очень красива. У Таты, вероятно, есть карточка m-lle Meysenbug.

[1] Это письмо Герцена неизвестно.

[2] См. Н.Д. Э ф р о с. Из писем Л.И. Гааг ("Лит. наследство", т. 63, с. 393–415).

[3] Похоронены на Пятницком кладбище.

[4] См. ниже в наст. книге работу "Герцен в Москве".

[5] Фотографический снимок могилы Огарева в Гринвиче см. в "Лит. наследстве", т. 61, с. 635; о перенесении праха Огарева в Москву см. "Лит. наследство", т. 96, с. 704–714.

[6] Портрет Л.И. Гааг опубликован в "Лит. наследстве", т. 63, с. 395.

5

9 августа ⟨1901 г.⟩.
Берн, Marzilistrasse, 22-b

Многоуважаемая Екатерина Степановна!

Надобно торопиться ответить вам, чтоб застать вас еще в Chartres. Завтра жду посещения из Германии одной дорогой мне родственницы, и во время оного писать будет трудно.

Вы пишете мне об Егоре Ивановиче Герцене небывалые истории, я до конца его жизни с ним переписывалась, мы были в очень дружеских отношениях и были кумовьями, крестными отцом и матерью одного из детей Александра Ив⟨ановича⟩[1]. Егор Иванович очень ценил это духовное родство. Через Татьяну Петровну Пассек я знала о его трудных обстоятельствах, но сама не могла ему материально помочь, потому что во все время моего замужества средства наши были чрезвычайно ограниченны[10*]. У Егора Ив⟨ановича⟩ не было своих детей, и, я что-то смутно помню, он не мог иметь их. С ним жила и ходила за ним до его смерти вторая дочь Медведевой Софья – может быть, он ее усыновил. Но она не была замужем. Старшая ее сестра Людмила вышла замуж после нашего отъезда, и я об ней ничего не знаю. Какие же дети могли наследовать от побочной дочери Егора Ив⟨ановича⟩? Уверяю вас, что это сказки. Точно так же, как несколько времени тому назад писали, что в Париже умер Егор Львицкий, брат Герцена[2], с разными подробностями на эту тему.

Я вам сейчас не могла ответить, я так устала все эти дни от перемены воздуха, что ни на что не годилась, а нашла письма, которые ждут ответа. Хорошо заноситься за облака, а опустишься – не сразу привыкнешь внизу.

Вы мое геройство очень увеличиваете; правда, что Champex лежит на высоте 1465 метров, из них надобно вынуть более 400 метр⟨ов⟩, где лежит Martigny-Bourg да еще маленькое пространство до les Vallettes, которое я в экипаже проехала. Так что всего оставалось сойти 800–900 метр⟨ов⟩.

Я слышала, бывши в Лозанне, что Петр Ал⟨ександрович⟩ Герцен имеет намерение принять русское подданство; он, не знаю наверное, в какой больнице врачом, а чтоб остаться на этом месте, нужно быть русским. Ему, впрочем, отвечали, что он русский; если дед его принял швейцарское гражданство, то для России это не имеет значения, потому что она не признает перехода в другую национальность, не дав на это позволения, а последнее может быть разрешено только по воле государя. Герцен же этого позволения не спрашивал.

Конечно, очень жаль, что внуки незнакомы с произведениями их знаменитого деда, только один из них знает по-русски[3], но еще не настолько, вероятно, чтоб понимать вполне печатаное и особенно сильный, рельефный, полный богатого содержания язык Александра Ивановича. Вот когда-то бывали пророки, а Герцен был ясновидящий, в его словах светилась правда и сила убеждения и какая гуманность!

Мать внучат, хоть и прекрасная, образованная женщина, но итальянка, по-русски не знает[4], дети все родились в Италии, итальянский язык их Muttersprache[11*].

Но дети воспитаны в духе Герцена, все вышли хорошими людьми, хорошо учились и теперь почти все на своих ногах. Я с молодым поколением мало знакома, но время от времени имею об них известия через Наталью Александровну. Вы правы, что все это семейство мне близко и родственно. Нат⟨алья⟩ Ал⟨ександровна⟩, вероят-

[10*] Иногда помогала Нат⟨алья⟩ Ал⟨ександровна⟩ Герцен. Ал⟨ександра⟩ Ив⟨ановича⟩ уже не было на свете.

[11*] родной язык (*нем.*).

но, сама пожалеет, что не попадет к вам, она сама ведет хозяйство, и ей, верно, трудно отлучиться; очень может быть, что она должна была отпустить девушку, на которую могла положиться, ради болезни в семействе последней; по крайней мере, она этого боялась, когда я была в Лозанне.

За карточку Румянц⟨евского⟩ музея очень вас благодарю, я его, по крайней мере, снаружи видела, бывши в Москве.

Сегодня в "Неделе" опять другие известия о графе Толстом, что он еще лежит, но скоро позволят сидеть в кресле – ходить же еще не будет в состоянии. Буду вас искать с его портретом, сама же буду, вероятно, в черном платье и в круглой шляпе с большими полями. Только не удивитесь дурную собой старуху увидеть. Об гостинице в Люцерне не умею вам ничего сказать.

[1] Е.И. Герцен и Мария Каспаровна в конце 1844 г. крестили Тату Герцен.

[2] Возможно, речь идет о двоюродном брате Герцена, известном фотографе С.Л. Львицком, умершем в 1898 г.

[3] Имеется в виду Николай Александрович Герцен.

[4] Жена А.А. Герцена, Терезина, урожденная Феличи.

6

10 августа ⟨1901 г.⟩

Сегодня получила от Нат⟨альи⟩ Ал⟨ександровны⟩ карточку, которая прогулялась в Champex, где Нат⟨алья⟩ Ал⟨ександровна⟩ пишет, что у нее до сих пор ни одной свободной минуты не было, так много было посещений. В сентябре она меня приглашает приехать, но едва ли мне можно будет. В сентябре приедут Курута, которые желают со мной видеться. Курута – это брат m-me Лион. Курута-отец был во Владимире губернатором, когда Герцен был переведен из Вятки во Владимир и где он женился. Все семейство Куруты было как нельзя более радушно к Герценым. Кое-что напечатано из переписки Куруты Юлии Федоровны с Герценым[1]. Она была во втором браке Курута – тот, который обещает приехать, – ее сын. С Ольгой Ивановной Лион я была очень хорошо знакома и переписывалась с нею[2]. Она умерла год тому назад.

Вы спрашиваете о третьей Саше – не Боборыкина ли?[3] Мне что-то смутно помнится. Портрет Егора Ив⟨ановича⟩ я вам прилагаю. Медведеву я, конечно, знала.

Портрет Е⟨гора⟩ Ив⟨ановича⟩ не могла найти, а сегодня нет времени больше искать, приложу вам в другой раз. А теперь надобно кончить, еще надобно кое-что приготовить. С искренним приветом вам и вашей сестрице

ваша М. Р е й х е л ь

[1] Переписка была частично опубликована сыном И.Э. Куруты, Владимиром Ивановичем, в 1889 г. (*РМ*, № 5–6 – "Из материалов для биографии Александра Ивановича Герцена").

[2] Письма Рейхель к О.И. Лион за 1888–1899 г. хранятся в *ИРЛИ*.

[3] А.А. Боборыкина, близкая подруга Н.А. Захарьиной, невесты Герцена.

7

⟨Берн.⟩ 26 августа ⟨1901 г.⟩

Милая Екатерина Степановна!

Уж очень я замешкалась (сибирское выражение) написать вам ответ на все ваши вопросы и сообщения. А вот что я вспомнила касательно "дочери" Егора Ивановича.

У Натальи Александровны[1] была еще сестра Софья, которая воспитывалась в воспитательном доме с братом Павлом, если не ошибаюсь, оба носили фамилию Захарьиных. Софья по окончании курса поступила в одно семейство гувернанткой и после некоторого времени вышла замуж за сына этого семейства[2]. Близко я всего

МАТЬ ГЕРЦЕНА Л.И. ГААГ
Дагерротип, 1840-е годы
Исторический музей, Москва

этого не знаю, потому что была уже за границей. Мне что-то помнится, что этот господин застрелился. Софья приехала к Егору Ивановичу с маленькой дочкой и жила у него до своей кончины, она умерла молодою. Вот эту дочку Егор Иванович и воспитывал. Что было дальше, мне неизвестно. Софью Александровну я немножко знала и посещала ее изредка еще в воспитательном доме. Если найду какие известия в старых письмах, из которых некоторые еще сохранились, сообщу вам.

Дом княгини Хованской, Марьи Алексеевны, был на Поварской. Иван Алексеевич прежде, нежели переехал в Сивцев Вражек, жил во Власьевском переулке, в доме, который после назывался *старым* и который воспет был Огаревым. В этом доме, который стоял пустой, жила потом моя мать и я с нею, прежде нежели я переселилась в дом Ив⟨ана⟩ Ал⟨ексеевича⟩ в Сивцевом Вражке. Эти оба дома сообщались дворами. Ворота в старом доме никогда не отворялись, и двор зарос травою. В Сивцевом Вражке стоял рядом еще небольшой одноэтажный дом с мезонином, купленный позже Иваном Алексеевичем у генерала Тучкова и который потом всегда назывался Тучков дом. В этом последнем и жил Александр Иванович Герцен, в нем родились: Коля (глухонемой), Тата, т.е. теперь Наталья Александровна, и Лиза. Последняя скончалась нескольких месяцев жизни, еще до отъезда за границу. После смерти Ив⟨ана⟩ Ал⟨ексеевича⟩ Герцены перешли жить в большой дом, в котором осталась и я у них. Луиза Ивановна перешла в Тучков дом и пригласила мою мать жить с нею.

Очень, очень благодарю вас за портрет Толстого. Мне не удалось никого видеть из русских художников, когда я в 1898 г. была в Москве, галерея Третьякова была заперта. Я знаю нескольких только по именам, и имя Репина мне знакомо. Теперь столько новых влечений и токов, которые делают странное впечатление или – просто сказать – не делают его вовсе.

Вот я вам нацарапала план дома Ив⟨ана⟩ Ал⟨ексеевича⟩, не ручаюсь за размеры, но комнаты были так расположены[3]. Это первый этаж, внизу уже под бывшей террасой начинались помещения для мужской прислуги, кухня, прачечная etc. Всей прислуги было человек до 20-ти.

Кажется, я ничего не забыла, на что вам желательно иметь ответы, если же забыла, то спрашивайте опять. У меня пока еще маленькие гости, и я все еще не везде поспею. Я думаю, лишнее спрашивать: нравится ли вам пребывание в Лугано, – там должно быть *больно* хорошо, и я могу только желать, чтоб вы еще больше поправились.

У нас было несколько жарких дней, вчера была гроза, а сегодня ее непременный след – дождь, и я с детьми под ливень попала. С сердечным приветом вам и вашей сестрице

ваша М. Р е й х е л ь

[1] Наталья Александровна – жена Герцена.

[2] Софья Александровна Захарьина, в замужестве Семичева. По предположению Л.Р. Ланского, она послужила прототипом матери Бельтова в романе Герцена "Кто виноват?" (см. сб. "Памятники культуры. Новые открытия". М., 1977, с. 74).

[3] Приложенный к письму план дома И.А. Яковлева опубликован в "Лит. наследстве", т. 63, с. 582.

8

4-го сентября 1901. Берн.
Marzilistrasse, 22-b

Милая Екатерина Степановна!

Ну, если и у вас такая погода, как здесь, не придется вам много Лугано насмотреться, буду лучше надеяться, что у вас лучше, что часто так бывает. У нас не только переменно, но постоянно идет дождь. Мне очень жаль, что не могу вам начертить план "Тучкова дома". Герцен жил в нем дольше, нежели в том, которого план я вам послала.

Деревню или местечко, где Г⟨ерцен⟩ натурализировался, я совсем не знаю[1]. Один из сыновей Александра Александровича был там, когда справлял военную повинность, и его там любезно приняли. В Лондоне жил Герцен в различных домах. На его письмах ко мне стояли адреса – письма я отдала все после его смерти Наталье Александровне[2]. Я думаю, с тех пор многое в Лондоне переменилось и вам трудно будет получить желаемое. На все это может вам лучший ответ дать Нат⟨алья⟩ Ал⟨ександровна⟩, точно так же и об Огареве. Она видела его перед кончиной в Лондоне.

Биография Бакунина написана и аутографизована, но почерк ужасный, я только начало слышала; мне Фогт прочитал. Писал ее Nettlau (Неттлау), который несколько раз бывал у нас, расспрашивал Рейхеля о Бакунине и переписал его письма, которые у нас есть. Эти письма уже не раз переписывали. А тот человек, который приходил ко мне просить позволения обновить могилу Бакун⟨ина⟩, оказался анархистом[3]: по приезде моем в Берн я нашла у себя довольно толстый куверт с анархистской газетой, в которой печатается биография Бакунина. Но я оставила без ответа, я не симпатизирую анархистам да и плохо их знаю. Могилу Бак⟨унина⟩ они не обновили, но положили огромный венок с черными лентами, на которых золотыми буквами было напечатано посвящение от бернских анархистов. Теперь они собирают деньги, чтоб поставить Бак⟨унину⟩ памятник.

Представьте, какие письма Б⟨акунина⟩ теперь в моих руках. Они писаны к сестре Рейхеля из крепости Кёнигштейн в Саксонии, где он содержался в 1849 г.; в одном он ждет, чем решится его участь, а в другом извещает, что он приговорен к смертной казни[4].

Биографию Б⟨акунина⟩ Неттлау прислал ⟨К.⟩ Фогту, чтоб положить ее в архив. Последние письма, те, об которых я говорю, только недавно в моих руках. Фогт присоединил их к биографии – таким образом они сохранятся для потомства.

У меня все еще гостит внучек, он только спит у меня, днем большею частью в другом доме, но так как у его двоюродного брата теперь школа, то он чаще у меня, и я заставляю его немного работать, чтоб он не забыл пройденное в школе. В том месте Германии, где он будет жить, ваканции продолжаются до половины сентября. У нас тоже не все обстоит благополучно, у моего сына в Лангентале довольно серьезно болен старший мальчик, и неспокойно на сердце.

К сожалению, не могу вам выслать портрет Егора Ивановича. Я несколько раз пересмотрела все мои альбомы, и ума не приложу, куда карточка девалась; должно быть, она выпала, и теперь надо предоставить случаю, когда она найдется. Тогда пришлю вам ее непременно.

Я еще не имею прямого известия о помолвке Нерины Герцен[5]. Она очень любит детей и уже имеет навык как учительница детского сада. Если она чувствует симпатию к своему жениху, то и обязанность, которую она берет на себя, будет ей легче исполнить. У меня есть старинная приятельница, которая была четвертой женою известного художника скульптора Ричеля, творца памятника Лютера в Вормсе. От всех прежних жен остались дети и одна дочь ее самой. Все дети были к ней сильно привязаны, и она до сих пор, уже восьмидесятилетняя, в близких с ними отношениях. К сожалению, мы далеко живем друг от друга, но она и ее сестра сохранили до сих пор и ко мне теплую дружбу. Я никогда не желала богатства, тем не менее я чувствую себя богатой тем, что судьба доставила мне встречи с прекрасными людьми, за что я не могу быть довольно благодарной.

Теперь позвольте пожелать вам покойной ночи, уже половина 12-го. Надеюсь, что ваша сестрица[6] поправилась, передайте ей и m-me Смирновой[7] мой сердечный привет. Желаю вам всем побольше голубого неба, нежели такого, покрытого облаками, которые высоко над нами, грешными. Вам преданная М. Р е й х е л ь

[1] Община Шатель округа дю Ляк Фрибурского кантона в Швейцарии (см. "Былое и думы" – XI, 174–184).

[2] Дочь Герцена. Большая часть этих писем вошла в 30-томное собрание сочинений Герцена. Остальные см. в кн. 1 наст. тома.

[3] Личность неустановленная.

[4] Письма позднее опубликованы полностью М. Неттлау в дополнении к его известной биографии Бакунина; в отрывках – Ю.М. Стекловым, см.: "Собр. соч. и писем М.А. Бакунина, т. IV. М., 1935, с. 20–21, 98 (из писем к Матильде Рейхель от 16 января, 16 февраля и 11 мая 1850 г.).

[5] Нерина Герцен (внучка Герцена) вышла замуж за Г. Эрмана в 1901 г.

[6] Анна Степановна Некрасова.

[7] *Смирнова* – московская приятельница Е.С. Некрасовой.

9

17 сентября ⟨1901 г.⟩, вечер. Bern. Marzilistrasse, 22-b

Милая Екатерина Степановна!

Очень благодарю вас, что еще раз написали перед отъездом, а я было совсем собралась ехать к Наталье Алекс⟨андровне⟩ и завтра думала ехать, но и на этот раз пришлось отказаться, погода после нескольких часов хорошей опять испортилась, целое послеобеда сегодня ⟨во⟩ вторник идет дождь. Очень мне хотелось съездить в Plan des Dames[1], как мне редко чего-нибудь хочется, но не судьба.

Знаете ли, что я очень рада, что вы не нашли портрета Орсини, зачем ему в одну раму с Герценым? Вы, может быть, на меня за это покоситесь, но то, на что Орсини пошел[2], вероятно, не имело сочувствия Г⟨ерцена⟩. Пожалуй, не жаль бы было Наполеона III, но жаль Орсини как человека, шедшего пролить кровь, для меня это печальное геройство. Последнее доходит до того, что даже убийство невпопад, как последнее со стороны анархистов, восхваляется[3]. Но американцы не шутят, они теперь до того озлоблены, что им придется спасаться, а куда? Таким гостям никто не рад. Вот и нашу соотечественницу куда-то спрятали, чтоб народ ее не разорвал, ведь это она своими речами повлияла на убийство Кинлея[4].

Конечно, все обстоятельства настоящей общественной жизни далеки от осуще-

ствления идеалов, и за последними никто теперь не гоняется, были бы карманы полны; в Америке это доходит до чудовищных размеров, и понятно, что одна крайность порождает другую, как анархизм, только борьба последнего не заслуживает ни сочувствия, ни уважения. Вы правы, что многое забывается, но, я думаю, это только на время; те светлые идеи, за которые боролись и погибали великие люди духа, не пропадут, раз они проложили дорогу, и всегда есть люди, которые берегут священный огонь.

А вот что у нас в России делается, это душу горем наполняет, множество губерний стоят на пороге голода, горят города, деревни – горят леса и торф. Мне говорил один господин, который долго жил в России, любит ее и следит за ней со всеми происшествиями, что и Пенза выгорела и люди спасались в поле. Бедная m-me Огарева, не пришлось ли и ей потерпеть?[5]

Ко всем этим несчастиям наша правительственная среда еще подбавляется, – если и приходит помощь, то обыкновенно оказывается, когда беда свое уже сделала. Даже частную помощь берет правительство в свои руки и тем обессиливает и тормозит ее. Сколько тут слепоты и жалкой опеки, которые мешают индивидуальному развитию. Ну, будет с вас моих разглагольствований.

Вследствие свежей погоды я нажила себе злой ревматизм, по-немецки Hexenschuss[12*]. Вы теперь несколько климатов здешних попробовали, вот Швейцария маленькая, а сколько различных климатов. Если вам опять придется побывать здесь, вы будете знать, какой из них вам больше помогает. "Неделю" я больше не получаю – в редакции какой-то беспорядок. Я обыкновенно абонировалась на журнал и книжки и посылала деньги за полгода. Из книжек получила только одну генварскую, спрашивала в редакции, никакого ответа не получила; просила знакомую даму в Петербурге справиться, и ей дали какой-то смутный ответ. За вторую половину года я не абонировалась, за неявку книжек они могли бы посылать мне журнал во второй половине.

Теперь кончаю и желаю вам и вашей сестрице еще хороших дней в Лугано и доброго пути на родину.

С сердечным поклоном ваша М. Р е й х е л ь

[1] Горная круча близ Шамони, где груда камней напоминает женщину, погибшую во время урагана.

[2] Ф. Орсини 14 января 1858 г. произвел в Париже покушение на Наполеона III.

[3] Написано под впечатлением от убийства польским анархистом президента США Мак-Кинли (1901).

[4] В причастности к убийству была заподозрена известная русско-американская анархистка Эмма Гольдман, эмигрировавшая в США из России в 1880-х годах.

[5] Упоминание об этих событиях см. выше в обзоре Л.Р. Ланского "Письма Н.А. Тучковой-Огаревой к Е.С. Некрасовой".

10

20-го/6 февраля ⟨1902 г.⟩.
Берн. Marzilistrasse, 22-b

Милая, многоуважаемая Екатерина Степановна!

Очень благодарю вас за тетрадь об Огареве[1], я с большим интересом читала о немногом, что можно об нем сказать. Я Огарева лично немного знала еще в молодости, личность его была чрезвычайно симпатична. Вы стараетесь спасти, насколько можно, память этого замечательного человека, и благо вам! Вы знаете, какие идеалы он носил в себе и как потом верил в предмет своей избранной, и будь Марья Львовна[2] другой женщиной... Разочарование было слишком сильно и не могло не пагубно подействовать на эту мягкую натуру. Его судьба трагическая, но, несмотря на его несчастную склонность к алкоголю, он сохранил свои благородные инстинкты. Я и Марью Львовну видала в Париже еще до моего замужества, ух, какое отсутствие всего женственного и какой грубый цинизм. У меня лежит на столе томик стихотво-

[12*] буквально: ведьмин прострел (*нем.*).

рений Огарева, какой протест в его стихах и как все поэтично, так идет в душу. Да, он был поэт во всем смысле этого слова. Я берегу его память как близкого по душе человека.

Вы говорите, что Наталья Александровна[3] слишком ушла в семью, а разве этого мало? В этой, теперь уже многочисленной семье она, так сказать, с самого начала поддерживала священный огонь, влияла и имеет до сих пор благотворное влияние. Впрочем, оно не ограничивается семьей, и уже одно ее обаятельное существо, редкое, в высокой степени нравственное, действует благотворно. Она настоящая, достойная дочь Герцена, и отец уже тогда провидел ее и любил ее. Мне сдается, если б у меня была дочь, я не могла бы больше любить ее, нежели мою дорогую Тату, как мы ее называем. Я до сих пор не переслала ей ни "Студентку на войне"[4], ни тетрадку об Огареве. Жду известий, когда Тата воротится в Лозанну.

Вы более моего au courant[13*] событий и знаете более моего, напр⟨имер⟩, о болезни m-lle Мейзенбуг. Мы с Татой не часто переписываемся, но иногда она дает мне заглянуть в ее переписку с родными, из которой я узнаю об них всех. Посылаю вам портрет Павла Александровича Бакунина, я получила на это позволение его жены. Перепишу вам его некролог, который я, вероятно, перевела на немецкий из "Недели"[5]. "Недели" я более не получаю, она же и существовать перестала[6], но буду получать "Новое дело"[7], которое выходит на ее место. Пишут здесь, что Лев Николаевич сурьезно болен и что он в Крыму[8]. Сын мой давал мне читать несколько нумеров цюрихской газеты, где об нем многое сообщают, его свет светит далеко за рубежом русской границы.

Александр Владимирович Станкевич, точно, стар, он, вероятно, не моложе меня, здоровья не припас и избалован покойной жизнью. Жена его чрезвычайно умная женщина и когда-то ко мне очень расположенная, теперь вследствие разрушительных припадков уже не в сознании, насколько знаю. Я теперь редко об них слышу.

Кончивши писать вам и переписав некролог, начала искать портрет Павла Ал⟨ександровича⟩ Бак⟨унина⟩. Оказывается, что он очень велик для письма, т.е. для письма обыкновенной величины. Как теперь быть, я в большом затруднении. Как вы думаете, могу ли послать его в большом куверте, во всякую другую страну я бы не задумалась – но в России не знаешь, как быть. Прилагаю вам пока небольшой, сделанный, вероятно, любителем.

Очень меня заботит, что вы все хвораете, и я удивляюсь, что вы при этом так деятельны. Погода и у нас чересчур переменчива. Выпал было снег и думали, ну вот, наконец, зима, а теперь опять тает. А вам надо здоровье для ваших занятий, авось принесет вам весна побольше крепости. С сердечным приветом вам и вашей сестрице ваша М. Р е й х е л ь

Знаете ли вы, что Огарев половину своих крестьян освободил?[9]

[1] Публикация Некрасовой "Николай Платонович Огарев. Раннее детство" из сб. "Под знаменем науки". М., 1902.

[2] *Марья Львовна* – первая жена Огарева.

[3] Речь идет о Тате Герцен.

[4] Под таким названием в 1898 г. в "*Русской мысли*", № 6–7 Некрасова опубликовала письма своей сестры Варвары Степановны, которая в группе первых женщин-врачей приняла участие в русско-турецкой войне за независимость Болгарии.

[5] К письму приложен текст некролога на немецком языке.

[6] "*Неделя*" издавалась в 1866–1901 гг.

[7] "*Новое дело*" – ежемесячный литературный журнал, издававшийся в Петербурге с января по декабрь 1902 г.

[8] У Толстого было воспаление легких; врачи опасались за его жизнь.

[9] В с. Верхний Белоомут Рязанской губернии в 1840 г. См. об этом подробно: Е.Л. Р у д н и ц к а я. Огарев в русском революционном движении. М., 1969, с. 77–81.

[13*] в курсе (*франц.*).

11

15/2 марта ⟨1902 г.⟩. Берн.
Marzilistrasse, 22-b

Вы не только милая, но *самая* милая Екатерина Степановна! Как вы меня балуете, присылаете мне все, что знаете для меня интересно будет. Я получила "Курьер"[1] и тотчас принялась за него. Большое вам спасибо.

При этом случае расскажу вам, что я кое-что слышала из 2-й части "Мертвых душ", которая уцелела. Во время оно приезжал в Париж Михайло Семенович Щепкин с Погодиным[2]. Он не знал ни слова по-французски. Погодин уезжал, а Щепкину хотелось еще остаться в Париже. У меня в то время была лишняя комната после отъезда детей Герцена, обеих девочек, к отцу. После смерти матери и пока Герцен устроился в Лондоне, они жили у меня в Париже. Я предложила Михайлу Семеновичу переехать ко мне, что он и исполнил, жил у меня, носил в поле халата моего тогда капельного сына, приговаривая: "Славный немец!"[3]. Ну-с, вот он пригласил в одно прекрасное утро русских важных людей[4] и читал отрывок из второй части "Мертвых душ", чем и я насладилась. Муж мой уезжал в то время в Германию видеться со своими.

Да, великий писатель был Гоголь. В России Александр Иванович все читал вслух и, когда намеревался делать это, всегда велел и мне приходить слушать, что меня всегда влекло. Некоторые вещи у меня и теперь есть Гоголя, но его всегда хочется читать с кем-нибудь вместе, муж по-русски не знал, и из детей никто не знает, да вообще надо быть русским, чтоб им вполне наслаждаться, потому что всю эту прелесть нельзя передать на другой язык.

Портрет, сделанный Ивановым, кажется мне лучше других, а в портрете гимназиста есть что-то египетское из прежних давнишних изображений, что-то горячее, внутреннее. Лицо сестры Гоголя симпатично, особенно глаза[5].

Стихов Огарева к Тате я не знала[6]. У нее, точно, большой талант был к живописи, она даже одно время с Ге занималась. Почему она бросила, не знаю, это очень жаль. Только не идет к ней то место, где Ог⟨арев⟩ говорит: "А если займешься ... ты жизнью пустой ежедневной"... Нет, ее жизнь не пуста и не ежедневна, у Таты человеческий талант. А почему вы думаете, что у великих людей должны непременно быть великие дети; если возьмем знакомые примеры, то это выходит напротив.

Очень, очень благодарю вас за вырезку из "Харьк⟨овских⟩ губ⟨ернских⟩ вед⟨омостей⟩". Значит, все-таки есть надежда[7]. Я никак не знала, что такое грудная жаба, спрашивала нашего доктора, отличного гигиеника Адольфа Фогта. Насколько он мои объяснения понял, говорит, что это астма в соединении с сердцем. Оно так и выходит по вырезке, но еще присоединился плеврит и воспаление легких; это ужасно трудное состояние, и трудно доверять надежде.

Вы желаете карточку моего мужа; к сожалению, у меня нет маленькой, мы не часто портретировались. Но Рейхель, конечно, в письмах Герцена упоминается, он ведь не русский и не идет потому в собрание русских людей. У меня точно есть сын-музыкант, скрипач, и очень отличный скрипач; он уже несколько лет в Америке, в настоящую минуту в Детройте учитель в тамошней консерватории[8]. Я говорю: в настоящую минуту, а в самом деле не знаю и нахожусь в большой тревоге, потому что долго не имею от него известий, а он мне довольно часто пишет.

А теперь и без того есть чем тревожиться, у нас тут новый sport: беганье на sky, т.е., по-нашему, вероятно, лыжи. Недавно двое молодых людей провалились в трещину ледника и погибли, а вскоре затем молодой доктор, только начавший практику и которого мы лично знаем, тоже погиб. У последнего осталась мать и, по-видимому, без средств, должна сама зарабатывать. Как сына ни жаль, но примешивается чувство горечи за его легкомыслие. Мать его вдова профессора. Сегодня именно восьмой день, что он отправился в горы, его ищут, ищут и до сих пор не находят, много выпало снегу да и погода злая.

Вам хочется иметь Энгельсона[9], но ведь он последнее время относился к Герцену враждебно.

В Москве живет певица Ал.Мих. Светловская, которая хорошо знает моего сына Макса, она много с ним пела, она настоящая артистка, музыкантша, сын мой очень ценил ее. Я с ней в 1898 г. в Москве познакомилась и слышала ее мощный, прекрасный альт.

Есть ли у вас карточка Щепкина? Вот его надобно поместить вблизи Герцена. Я еще пороюсь в моих фотографиях, может быть могу вам и еще кого доставить. Чем же мне благодарить вас за ваше милое внимание, самая милая Екатерина Степановна? Вот вы и об невестке спрашиваете, ей лучше совсем, только за нее всегда приходится бояться, у нее года три тому назад был плеврит, и каждую зиму он напоминает о себе. Климат в Лангентале не из самых лучших. Всем сердцем кланяюсь вам и сестрице и всего более желаю вам обеим здоровья. У нас уже через две недели Святая, а у вас после нас еще четыре недели позже[10]. Вот поди, найдись в таком противоречии. Ваша М. Рейхель

16. Наконец имею известие от сына в Америке, он писал брату сюда. По-видимому, письма ко мне затерялись.

[1] "Курьер" – ежедневная газета "политики, литературы и общественной жизни". Издавалась в Москве в 1897–1904 гг. Речь идет о гоголевских материалах (в связи с пятидесятилетием со дня его смерти).

[2] М.С. Щепкин приехал в Париж в августе 1853 г. После четырехдневной поездки к Герцену в Лондон он вернулся в столицу Франции и некоторое время жил в доме Рейхелей.

[3] Второй сын М.К. Рейхель Карл–Александр, родившийся в 1853 г.

[4] Имена присутствовавших на этом вечере точно не установлены. Возможно, это были русские аристократы Н.Н. Муравьев-Амурский, гр. В.К. Сиверс, А.М. Дондуков-Корсаков, гр. А.П. Толстой, а также Ланберг (см. Т.С. Г р и ц. М.С. Щепкин. Летопись жизни и творчества. М., 1966, с. 516).

[5] Рейхель имеет в виду портрет Гоголя, написанный А.А. Ивановым в 1841 г. (воспроизведен в "Лит. наследстве", т. 58, с. 623), а также гравюру 1827 г., изображающую Гоголя-гимназиста (воспроизведена в кн.: И. З о л о т у с с к и й. Гоголь. М., 1979). О какой из сестер Гоголя идет речь, неясно.

[6] "С утра до ночи" (Посвящается Тате)", см.: *Огарев* I, 404–406.

[7] Речь идет о болезни Толстого.

[8] Макс Рейхель.

[9] Имеется в виду фотография В.А. Энгельсона для "Комнаты людей 40-х годов".

[10] Католическая и православная Пасхи.

12

25/12 апреля 1902. Берн.
Marzilistrasse, 22-b

Милая Екатерина Степановна!

Письмо ваше получила и за ним портрет Успенского Г. У меня теперь несколько портретов, последний при его последнем романе, только что переведенном на немецкий язык: "Drei Menschen", который подарил мне мой сын Александр к моему рождению. В восьмидесятый ⟨!⟩ десяток вступила, не думала я, что так заживусь.

И начала я мой новый год с больной ногой, теперь несколько лучше, но еще плохо могу ходить. Очень мне жаль слышать, что вы всё хвораете; я хочу надеяться, что весна вас поправит; она и у вас, как слышу из Москвы, настала. У нас переход всегда быстро делается, после двух-трех теплых дождей точно волшебным жезлом махнуло, все зазеленело и начало цвести, особенно груши пышно цветут. Я, по крайней мере, могу через улицу в сад моего сына пройти, теперь же и время тюльпанов, которые роскошно распустились. Вы тоже доктурствуете и пишете о новом средстве, мне оно незнакомо, я только антипирин знаю. Я вообще с лекарствами не на короткой ноге теперь, наш доктор, хотя и отличный диагностикер и врач, но преимущественно гигиеникер и воспитал нас в этом духе. Он тоже старичок, одних лет со мною, приходит теперь мою ногу массировать и бинтовать. Он брат известного профессора Карла Фогта[1].

Из названных вами умерших литераторов мне только один знаком: Глеб Успенский, и его я очень почитаю и очень благодарю вас за портрет. О Л.Н. Т⟨олстом⟩ и здесь часто известия тоже противуречащие, сегодня читала, что ему лучше; будем надеяться, что на этом остановится.

Теперь хочу горячо заступиться за Марью Федоровну Корш. Откуда у вас такие известия, что она влюблена была в Гер⟨цена⟩ и потому ненавидела его жену, это не имеет ни капли основания. Я коротко знала М⟨арью⟩ Ф⟨едоровну⟩, любила ее и теперь люблю, она была не только умный , но и теплый человек и самый благородный характер. Сам Грановский относился к ней с глубокой дружбой. Милая моя Маволинька, как мы называли ее, не думала я, что мне за нее копье сломить придется[2].

То, что вы говорите о свидании с Евг⟨ением⟩ Фед⟨оровичем⟩ Корш, что он против Г⟨ерцены⟩х так ожесточен был, это мне ново. О Кетчере я знаю, что он в последнее время жизни ругал Г⟨ерце⟩на, за что? не имею ни малейшего понятия. А он был друг дома, приходил почти каждый день, и от него я уже бы никогда не ожидала, что он так круто повернет. Правда, он был женат на очень доброй, но и очень ограниченной женщине, которая многого недопонимала[3]. Что покойная Н⟨аталья⟩ А⟨лександровна⟩ была незаурядная женщина, это совершенно справедливо, но таких эпитетов, о которых вы пишете, нельзя приложить к ней. И уж, конечно, они не выходили из уст Марьи Фед⟨оровны⟩. Отчуждение было, и на это были основания. Вы, конечно, странным найдете, что я только недавно узнала вполне характер Н⟨атальи⟩ Ал⟨ександровны⟩. Два-три года тому назад было помещено, если не ошибаюсь ⟨Милюковым⟩ в "Русских ведомостях" под заглавием "Die Liebe bei zwei Idealisten von 30-er Jahrens". По-русски, кажется, что-то вроде переписки между А.И. Г⟨ерценым⟩ и Н.А. Захарьиной. Я все это довольно длинное перевела на немецкий язык для себя. Тут много из писем Н⟨атальи⟩ А⟨лександровны⟩ и из дневника Г⟨ерцена⟩. Тут так много интимного, что больно читать в печати; явно нумера с этим содержанием присылала мне Тата. Я эти дни опять перечитала и была вновь содержанием этой драмы потрясена. Вам непременно нужно прочитать это, прежде нежели вы что-нибудь напишете. Постарайтесь достать "Русские ведомости", ведь так, кажется, называется журнал[14*], который в Москве выходит? Я никак не могу догадаться, кто дал Милюкову письма и из дневника Г⟨ерце⟩на. Я, к сожалению, нумеров не записала[4]. Это было напечатано после моей поездки в Россию, она состоялась в 1898 г. Значит, или в 98-м или 99-м было напечатано. Все это было мне знакомо, но не в такой полноте и подробности.

М.Ф. КОРШ

Рисунок К.А. Горбунова (карандаш). 7 августа 1845 г. Справа подпись художника: "Утро 7-аго Августа К.Г."

Российский государственный архив литературы и искусства, Москва

"Я коротко знала М⟨арию⟩ Ф⟨едоровну⟩, любила ее и теперь люблю, она была не только умный, но и теплый человек и самый благородный характер" (М.К. Рейхель – Е.С. Некрасовой. 25/12 апреля 1902 г.)

Пересматривая еще раз письма, о которых говорю выше, нашла заметку, что один № газеты от 4-го ноября. Только год не назначен.

То, о чем Анненков писал, мне незнакомо, он, кажется, что-то набрешил[5]. Черкните по карте, получили ли вы это письмо. У вас там что-то непокойно[6].

14* газета (*франц.* journal).

Луиза Ив⟨ановна⟩[7] была добрая женщина, и отношение к Н⟨аталье⟩ А⟨лександровне⟩ было хорошее. Вы увидете в том, что напечатано, что Н⟨аталья⟩ А⟨лександровна⟩ была более нежели незаурядная, и было бы ее воспитание не так ограничено и бессердечно, не так лишено жизненных интересов, как бы вышло всё иначе и сколько бы горького опыта возможно было избегнуть. А теперь можно только закончить словами Г⟨ерце⟩на, которые стоят в конце всей этой истории[8].

М⟨арья⟩ Е⟨вгеньевна⟩ ⟨Корш⟩ ничего этого не знает, слышала, может быть, коечто, что с обыкновенной точки зрения предосудительно, а потом вы, верно, знаете ту игру, где несколько сидят вместе, первому расскажут историю на ухо, он также на ухо должен рассказать соседу, и так далее, и конец выйдет неузнаваемо.

Уже поздно поздравить вас с праздником, послезавтра наша Святая ⟨неделя⟩. Я надеюсь в этот день слышать знаменитую H-molle Messe Себастиана Баха.

У нас трехдневный музыкальный праздник ради обновления нашего собора, которому соорудили, наконец, готическую башню, которой ему недоставало. Лидертафель и четырехголосный хор Цецилиенферейн соединились, чтоб исполнить этот трудный и колоссальный opus. Оркестр очень увеличен, и будут исполнять в самом соборе и с органом; у нас нет такой большой концертной залы, и потому оратории исполняются в церквах. Всем сердцем желаю вам и сестрице здоровья. Ваша М. Р е й х е л ь

[1] Профессор Адольф Фогт.

[2] На отношение Некрасовой к М.Ф. Корш могла повлиять Н.А. Тучкова-Огарева (см. выше ее письма к Некрасовой).

[3] Н.Х. Кетчеру и его жене Серафиме Герцен посвятил целую главу в "Былом и думах" (см. IX, 223–255).

[4] Публикация «Любовь у "идеалистов тридцатых годов". А.И. и Н.А. Герцен» в газете "Русские ведомости", 1896, № 276, 282, 289, 305, 335, 345. Переписка Герцена с невестой была уже известна Некрасовой и даже частично публиковалась ею (см. выше комментарии к обзору писем Тучковой-Огаревой к Некрасовой).

[5] См. П.В. А н н е н к о в. Идеалисты 30-х годов (*BE*, 1883, № 3–4).

[6] В России это было время массовых демонстраций и стачек.

[7] Мать Герцена.

[8] Слова Герцена о Наталье Александровне: "Бедная страдалица – и сколько я сам, беспредельно любя ее, участвовал в ее убийстве!" (X, 314).

13

12 мая (28 апреля 1902.)
Берн. Marzilistrasse, 22-b

Я не имею никакого повода не доверять вам, милая Екатерина Степановна, скорее не доверяю бумаге и частию самой себе, ведь очень трудно писать, особенно о таком лице как Н.А. Г⟨ерцен⟩, жизнь которой заключает в себе столько необыденного.

Моя близость к этой семье основывалась на моей страстной привязанности к ее маленькому Коле, глухонемому ребенку, которого я любила не менее моих потом собственных детей и который был долго на моих руках сообща с бабушкой Л⟨уизой⟩ И⟨вановной⟩. Вследствие этого я была своим человеком. Я была лет на семь моложе Н⟨атальи⟩ А⟨лександровны⟩. Мы были всегда в хороших отношениях, и был бы грех с моей стороны не признавать этого. Положения наши были различные, она, окруженная, можно сказать, поклонением и любовью, а я ⟨...⟩ незаметная, робкая. Мудрено ли, что между нами не выработалось особенной близости. Но если б не так рано пришла для нее смерть, я уверена, что после много пережитого мы стали бы ближе друг к другу – это мое частное убеждение.

Я неосторожно употребила выражение "не без основания" в отношении М⟨арьи⟩ Ф⟨едоровны⟩. Я думаю просто, что различный склад характеров произвел некоторое отчуждение, но никак не перерыв отношений, к тому же М⟨арья⟩ Ф⟨едоровна⟩ скоро возвратилась в Россию. Мне хотелось послать вам несколько строк Н⟨атальи⟩ А⟨лександровны⟩, но у меня их нет; вероятно, были приписки в письмах А⟨лександ-

ра⟩ И⟨вановича⟩ ко мне. Письма эти я все передала Наталье Александровне – Тате, которая теперь возвратилась в Лозанну.

Перебирая старинные письма, я нашла и письма Егора Иван⟨овича⟩. Я совсем запомнила, что они еще сохранились. Потому спрашивайте меня, что вам еще знать хочется, моя память ужасно слабеет. Именно в первом письме Е⟨гора⟩ И⟨вановича⟩[1], которое я развернула, есть целая страница – приписка от сестры Н⟨атальи⟩ А⟨лександровны⟩ Софьи Семичевой, которая пишет, что ждет разрешения от бремени – вот именно эта ее дочка, которую вы принимали за дочь Е⟨гора⟩ И⟨вановича⟩. Софья Александровна находилась у Е⟨гора⟩ И⟨вановича⟩ в то время и, если хорошо помню, сама она вскоре скончалась. Егор Ив⟨анович⟩ воспитывал маленькую. Письмо это от 1853 года – вот какая древность, но какое тепло навевают еще эти старые строки. Мы с Е⟨гором⟩ И⟨вановичем⟩ были очень дружны и к тому же кумовья – Тата наша общая крестница.

Щепкина карточку пришлю вам погодя; я думаю, так лучше.

Не знаю, жива ли еще моя старая знакомая Александра Владимировна Щепкина, жена Николая Щепкина-сына. Я познакомилась с ней здесь за границей. В последний мой приезд в Москву она была в отсутствии.

Однако пора кончить, а то вы устанете читать. У нас ужасная погода – то, было, тепло сделалось, все начало роскошно цвести, и вдруг холод, дождь, снег и злые, злые утренники. Кончится это, вероятно, тем, что плоды пострадают. А какие беды на свете делаются – вулканическое разрушение города на Мартинике, 30 000 человек погибло сожженных и залитых лавою. Страшно вздумать!

Сердечно вам и сестрице кланяюсь. Ваша М. Р е й х е л ь

[1]Письмо Е.И. Герцена до нас не дошло.

14

19/6 июня 1902. Берн

Милая Екатерина Степановна! Вы, я думаю, уже на меня рукой махнули за мое молчание, а между тем я много о вас думала и молча. Прежде всего, позвольте мне выразить вам мое сочувствие к тому тяжелому ощущению, которое вас поразило; я, хотя и не знаю настоящей причины, но гадаю и печалюсь. Благодарю вас за все присылки, вы меня трогаете вашим вниманием. Особенно интересно о Гоголе и в то же время тяжело читать; спасая свою собственную душу, он опустил возможность спасти много других.

Какое интересное лицо Соловьева, я очень благодарю за портрет. Я некоторые вещи его читала в «Книжках "Недели"» и ценю и уважаю его как цельную личность, но не могу следовать направлению[1].

Если я из Берна уеду, то никак не ранее половины здешнего августа, я жду в июле моего сына из Америки, он всего только на один месяц приедет и останется почти до половины августа (здешнего стиля). Если я после его отъезда куда уеду, то никак не далее Langenthal, час езды от Берна, в семью сына Эрнста, который там адвокатствует. Оттуда меня всегда можно достать или уведомить, никакого другого адреса не нужно, кроме m-me Reichel. Schweiz, Langenthal. Kanton Bern. Лангенталь только местечко, но торговый центр с несколькими фабриками. Все поезда, исключая Blitzzug[15*], там останавливаются, и сообщение с Берном несколько раз в день. Но пока я ни о каких поездках думать не могу ради больной ноги, которая уже несколько недель держит меня в узде и затрудняет движение.

Портрет, т.е. карточку Щепкина Михайла Семеновича, я вам пришлю; может быть, вы получите таковую же и Рейхеля. Вы получите ее, если Юл⟨ия⟩ Богд⟨ановна⟩ Шумахер наберет столько сил, чтоб приехать в Москву из деревни. Я ей писала и спрашивала, не согласится ли она пожертвовать. Она большая почитательни-

15* скорого поезда (*нем.*)

ца Рейхеля. Все ее портреты в Москве, и она никому не может поручить найти нужное.

А почему я молчала – во-первых, заложила ваше письмо и только недавно нашла его; в нем вы упомянули о m-me Пассек, я за нее тотчас принялась[2]. Читали ли вы все, она беспрестанно возвращается к А⟨лександру⟩ И⟨вановичу⟩. Для меня эти записки имеют захватывающий интерес. Многое рассказывается еще до моего времени, но это многое было мне по изустным рассказам сильно знакомо – эту зарю юности А⟨лександра⟩ И⟨вановича⟩ и ее самой отношение к нему. Сколько тут задатков, сколько живой поэзии – и на фоне старческая фигура Ивана Алексеевича, которая своими тормозами еще более выделяет светлые образы. Да, странный был старик, в мое время он уже был сдержаннее, хотя подчас и надо было считаться с его капризными сторонами. Я люблю старика и берегу ему в душе благодарную память, он по-своему был добр ко мне и не раз это доказывал вниманием ко мне.

Пассек я знала хорошо лично еще в России, она была у меня в Дрездене и заезжала ко мне в Берн. Есть и вещи, к которым я у ней не симпатизирую, – ну да бог с ними.

Клиентовой я не знаю, даже не помню, что о ней когда-либо слышала, да и немудрено – ведь этому уже лет за шестьдесят. Пассек симпатично отзывается об Н⟨а-талье⟩ А⟨лександровне⟩. То, что она из Астраковой приводит, уже показывает грустное настроение Н⟨атальи⟩ А⟨лександровны⟩[3]. Обо всем этом больно думать, когда заглянешь в прошедшее, и еще больше говорить в письме.

О⟨гаре⟩ва, вероятно, не по своей вине прекратила печатание стихов[4]. Они, впрочем, у меня есть, изданные еще в Лондоне. В письмах Егора Ивановича едва ли будет для вас много интересного. Его главный интерес был в музыке, и особенно в военной. Хотя братья были в хороших отношениях, но Е⟨гор⟩ И⟨ванович⟩ стоял на другой почве. С ним мы были кумовья и в большой дружбе.

Еще одно слово об М⟨арии⟩ Ф⟨едоровне⟩. Вы что-то иезуитское к ней применили, не знаю – по каким сообщениям, но подобное сообщение, уверяю вас, не согласуется с верными взглядами. Очень и мне жаль, что не удалось видеться с вами, ну не судьба! С искренним приветом вам и сестрице. Ваша М. Р е й х е л ь

[1]Рейхель имеет в виду философа В.С. Соловьева.

[2]Речь идет о воспоминаниях Т.П. Пассек "Из дальних лет". Еще в 1870-х годах Рейхель помогала ей в работе над ними (см. "Лит. наследство", т. 63, с. 578–583 и ряд публикаций наст. тома).

[3]См. *Пассек* II, 324–330.

[4]В 1899 г. Тучкова-Огарева задумала издать стихотворения Огарева отдельной книгой, однако этому помешал конфликт с издательницей О.Н. Поповой (см. "Лит. наследство", т. 96, с. 588).

15

20/7 июня ⟨1902 г.⟩

Еще раз перечитала ваше письмо. Вы так настоятельно желаете знать об отношении Н⟨атальи⟩ А⟨лександровны⟩ к М⟨арии⟩ Ф⟨едоровне⟩ и характере последней. Я решительно ничего позитивного не могу сказать; насколько помню, это отношение было в конце не то, каким оно было вначале, но неприязненного, критического, иезуитского оно не имело. Я часто замечала, что жизнь вместе ведет к разочарованиям, какие факты этому способствовали в данном случае, не умею назвать. Может быть, в характере Н⟨атальи⟩ А⟨лександровны⟩ недоставало откровенности, может быть, внутреннее состояние ее духа давало повод к неверным заключениям. У меня много писем М⟨арии⟩ Ф⟨едоровны⟩. Так сердечно писать не может фальшивый человек. Но, повторяю, таких эпитетов, о которых вы пишете, уста М⟨арии⟩ Ф⟨едоровны⟩ не могли произносить. Я именно теперь просматривала многие из ее писем и стою крепко за ее душевные теплоту и прямоту. Наконец, ошибки, недостаток симпатии доступны всякому, но нельзя же за это карать. Вам непременно хочется пьедестала, как будто он увеличивает достоинства. Я с тяжелым чувством говорю вам все это, я не желаю ни критиковать, ни осуждать, особенно в мои лета после долгой

жизни, ее опытов, когда взгляд делается яснее, чище, человечнее, когда все мелкое отпадает и только ценное, духовное стоит на часах. Семья Г⟨ерцены⟩х мне родная, хоть сношения очень редки – но родство и симпатия крепки прожитым. Теперь будет с вас, и потому кончаю. Ваша М. Р е й х е л ь

16

29-е генваря ⟨1903⟩

Послезавтра день нашего, т.е. Герц⟨ены⟩х и моего, отъезда из Москвы и расставанья на Черной Грязи, 56 лет!![1]

Милая Екатерина Степановна!

Спешу уведомить вас, что получила тетрадку о истории русской словесности и журнал с вашей статьей о похоронах А.И. Г⟨ерцена⟩[2]. Первая не только меня, но и моего сына с женою и дочерью очень интересовала, и я с гордостью переводила все титулы и членочества Дашкиной[3], "и мы видали виды"[4].

Ваш артикль[16*] я читала одна с душевным участием, для меня эти подробности были новы, ведь я узнала о смерти Г⟨ерцена⟩ из здешних газет, и сердце отказывалось верить, что это могла быть правда. Сегодня я отправила газету к Тате, сообщив ваше желание о дополнении, и спрашивала, что значило и какому приказу повиновался кучер, увозивший тело прежде назначенного времени и топча уважение к смерти вопреки всем приличиям[5].

Теперь прошу прощение у Анны Степановны, что я не упомянула о чае; вспомнила, когда уже письмо было запечатано. И не в одной этой вине должна признаться, но и в моем варварском безвкусии, я чай тотчас заварила, русский чай такая редкость – и не могла его пить. Теперь, зная, что это цветочный чай, я буду мешать его с моим плебейским, который я выписываю из Гамбурга и в котором никакой чайный цветочник не заблудится. Я еще когда-то в Москве имела случай пробовать очень дорогого китайского сорту, но со вкусом не могла сладить. Ну, простите великодушно и верьте, что я сердечно благодарна за милое внимание Анны Степановны.

Я так и знала, что если из моих воспоминаний, что выйдет, то для вас главный интерес составят известия о Г⟨ерце⟩не. Я, может быть, много потеряла из фальшивого представления, чтоб не показаться, что хочу подняться, хоть на цыпочки, через мое знакомство с Г⟨ерценым⟩, и частию из боязни не быть в состоянии уметь говорить о такой личности. Но я так много дружбы и доверия Г⟨ерце⟩на ко мне и к моему мужу испытала, что малодушие не у места, и потому буду говорить wie nur der Schnabel gewachsen ist[17*].

В 1867 г., когда мы переехали из Дрездена в Берн, Г⟨ерце⟩н был в Женеве; я не тотчас его уведомила, потому что двое моих детей занемогли скарлатиной. Г⟨ерце⟩н, не зная этого, был недоволен, что я о своем приезде не писала ему и потому просила подождать с его посещением у нас. После он приехал и писал потом, как он был доволен: "У вас, я ужасно рад, что был у вас, у вас светло, чисто (т.е. в нравственном смысле), у вас работа....только зачем вы выписали г-на... от точно таракан, попавший в решето и не находящий выхода..."[6]

Этого господина я не выписывала, он проживал одно время в Берне. Впрочем, его жена была из семьи того семейства, в котором Г⟨ерцен⟩ и его жена нашли такой радушный прием во Владимире, с нею я оставалась в дружеских отношениях до конца ее жизни. А таракан еще жив, уж очень старенький, летом он посетил нас здесь. Разве такая верность не заслуживает уважения?[7]

Я еще не поблагодарила вас за вашу готовность помогать мне – только я начала с начала, т.е. с моего детства и пребывания в Сибири, что еще уцелело. Дайте руку. Вам и А⟨нне⟩ С⟨тепановне⟩ сердечный привет. Ваша М.Р.

16* статью (*франц.* article).

17* как Бог на душу положит (*нем.*)

А вот чуть не забыла о чадре сказать и поблагодарить. Я ею очень довольна, и она красуется на головке большого кресла и прильнула к нему, как золотая тучка на груди старого лермонтовского утеса[8].

[1]Отъезд Герцена из Москвы за границу приходился на 19/31 января 1847 г.

[2]Статья Некрасовой в "Русских ведомостях", № 9 от 9 января 1903 г. См. выше ее перепечатку (с авторскими дополнениями и исправлениями) в обзоре писем Н.А. Тучковой-Огаревой к Некрасовой (с. 236–238). См. также с. 773–776.

[3]Ошибочное написание фамилии известной общественной деятельницы и писательницы XVIII в. Е.Р. Дашковой.

[4]Из стихотворения Пушкина "Гусар".

[5]Гроб с телом Герцена был увезен на час раньше назначенного срока по распоряжению полицейских властей, опасавшихся массовых манифестаций (см. "Лит. наследство", т. 63, с. 537).

[6]Рейхель неточно цитирует письмо Герцена от 6 июля 1867 г. Вместо "г-на..." следует читать "Лионов" – см. XXIX, 141 и след. прим.

[7]Тверской помещик С.М. Лион, живший в 1860-е годы в Швейцарии, и его жена О.И. Лион, урожденная Курута.

[8]Ссылка на стихотворение Лермонтова "Утес".

17

⟨Берн.⟩10 февраля 03/28 генваря ⟨1903 г.⟩

Милая Екатерина Степановна!

Бесконечно благодарю вас за присылку интересных статей в газетах, особенно самого Л.Н. Т⟨олстого⟩ о войне и мире[1].

Спешу передать вам ответ Таты; она пишет, что не может дополнить желаемого вами. В конце 1869 г. она была сурьезно больна, доктор приходил в генваре еще для нее – так что ей, пишет она, только в самую последнюю минуту сказали, что отец опасно болен. Впрочем, говорит она, это было так неожиданно, все прошло так страшно быстро, что нечего рассказывать; я, т.е. Тата, "все-таки расспрошу Мальвиду (m-lle Meysenbug), Габриеля, Сашу и Ольгу".

Если это правда, что вы пишете, что только на другой день позвали к Ал⟨ександру⟩ Ив⟨ановичу⟩ доктора, страшно об этом вздумать, что время, может быть, вовремя захватить болезнь было пропущено. Лучше не позволять себе об этом думать. В "Освобождении", пишет Тата, ничего не напечатано из 5-го тома "Былое и думы". Александр Александрович послал редактору маленькую главу предисловия, в котором речь идет только о 1848 г.[2] Они в Лозанне[3] ужасно радуются, что отцом их больше и больше занимаются; Мальвида все об этом говорит теперь и радуется, что еще дожила до этого.

Мне вспомнилось, что у меня есть маска и рука Натальи Александровны, гипсовые, если вы желаете, я могу прислать вам, когда барышня Фелицына возвратится; это надобно с оказией прислать, чтоб лучше доехало[4]. Вы спрашиваете о Фелицыной, я только недавно с ней виделась, она приходила ко мне два воскресенья тому назад. Она ужасно занята, целый день в клинике, живет от меня довольно далеко. Она мне хорошее впечатление оставила, я просила ее зайти опять по возможности, но именно ко мне зайти нельзя, а надобно нарочно придти, я живу очень в стороне от городского движения.

Тата ужасно занимается моими воспоминаниями; прислала мне большой пакет бумаги с линиями и великолепную лампу, чтоб я могла светлее видеть. Это был настоящий сюрприз, мой сын принес лампу, когда я была занята в кухне, и зажег ее. Тата спрашивает, далеко ли я и до какого пункта дошла, а я уж очень начинаю бояться за мои старческие сообщения, что они выйдут очень hausbacken[18*], как говорят немцы. Но я обещала продолжать и следую совету моего сына[5]: "Пиши, что тебе вздумается".

Я пересмотрела, что было написано, теперь надо собирать, что еще есть в памяти, но чувствую, что подряд едва ли сумею, уж очень я стара, весною мне стукнет во-

[18*] доморощенными (*нем.*).

семьдесят, и этот стук я очень чувствую[6].

Вы говорите о Драгоманове, как о живом, он уже несколько лет, что умер. Я сегодня получила русский ответ из Женевы на мой вопрос о брошюре, о которой вы желаете знать. Этот господин очень извиняется, что так долго не ответил, он везде справлялся, но брошюры этой никто не знает.

Я еще не поблагодарила вас за "Былые люди"[7]. Это мне было уже знакомо и даже по-русски, а не в переводе. Горького очень знают и за границей. Последнее, что знаю, это "Трое", но от этих трех я отшатнулась и только с трудом могла прочитать до конца. Симпатичная черта Горького это находить "человека" и в сильно неприглядной оболочке; но в "Трое" уже такое полное безотрадное явление, что под конец и просыпающаяся совесть не выкупает. Может быть, я ошибаюсь, но не могу преодолеть отвращения. Конечно, нельзя писателю, и особенно такому талантливому, законы предписывать или просто указывать – главное в том, чтоб он благодетельно действовал на развитие и будил сознание.

КОЛЯ ГЕРЦЕН
Дагерротип. Конец 1840-х годов
Российский государственный архив литературы и искусства, Москва
"Моя близость к этой семье основывалась на моей страстной привязанности к ее маленькому Коле, глухонемому ребенку, которого я любила не менее потом моих собственных детей и который долго был на моих руках сообща с бабушкой Л(уизой) И(вановной)" (М.К. Рейхель – Е.С. Некрасовой. 12 мая/28 апреля 1902 г.)

Не знаю, читаете ли вы по-немецки, теперь в Германии огромный успех имеет Френсен. Я читала два его романа с возрастающим интересом, это что-то такое особенное, поэтическое, несмотря на обыкновенные явления, ну тут все – и природа и люди захватывают, глубоко заставляют вдуматься.

У нас была несколько времени хорошая зимняя погода, днем ясное солнце, ночью мороз. После одного растаявшего снега, выпал другой. Молодежь предается зимним удовольствиям, бегань на коньках, катанью, т.е. у нас в спуске на салазках. На нашем Гуртен даже пробуют ski[19*] бегать, а в Грюндельвальд[8] это уже настоящий спорт, так много иностранцев. А мои ноги не позволяют много ходить, особенно теперь, когда днем сильно тает и делает дорогу грязною.

Теперь прощайте, милая Екатерина Степановна, и вы, Анна Степановна, дайте обнять вас обеих. Ваша Мария Р е й х е л ь

Все ваши листки приходят в исправности и интересуют вашу покорнейшую. Будьте здоровы.

[1]Можно предположить, что речь идет о "Солдатской памятке" и "Офицерской памятке" Толстого, впервые напечатанных в 1902 г. ("Свободное слово", № 74).

[2]В книге 1-й "Освобождения" (Штутгарт, 1903), под ред. П.Б. Струве напечатаны «Отрывки из "Былого и дум"»: "1848" и "1852".

19* на лыжах (*франц.*)

[3]В Лозанне жили Н.А. Герцен (Тата) и ее брат А.А. Герцен с семьей.

[4]Гипсовые маска и рука Н.А. Герцен хранятся в фондах Государственного литературного музея в Москве (см. "Лит. наследство", т. 63, с. 766).

[5]Сын Рейхель Алекс (Карл-Александр).

[6]Рейхель пишет о работе над своими воспоминаниями, которые были опубликованы в 1909 г. (см. предисловие к наст. публикации).

[7]Имеется в виду рассказ М. Горького "Бывшие люди", впервые напечатанный в журнале "Новое слово", 1897, № 10–11.

[8]Горные вершины в Альпах, близ Берна.

18

27-го/14 февр⟨аля 1903 г.⟩, вечер.
Берн. Marzilistrasse, 22-b

Милая Екатерина Степановна!

Сейчас вынула вашу карту из ящика, а на письмо ваше еще не ответила. Два дня тому назад пришли и "Бакинские известия"[1] вот из какой дали через вас.

В вашем письме я не поняла, о каком пятне вы говорите: снять с *него* или с *нее* пятно перед будущим поколением. Пожалуйста, объясните мне это. Г⟨ерце⟩н не был со мною скрытен, я многое знала, только об своем отношении к Ог⟨аревой⟩ никогда не писал, и даже, когда родились дети, они были названы детьми Ога⟨ре⟩ва. Только в последнем времени, незадолго до смерти, когда я уже давно знала, он писал мне об отношении к Н.А. О⟨гаревой⟩[2]. Но я ни о каком пятне не знаю.

Об болезни Г⟨ерце⟩на я тоже слышала, что при диабете воспаление в легких чрезвычайно опасно. Ах, как это все больно вспомнить. Мне неизвестно, что Нат⟨алья⟩ Алекс⟨еевна⟩ напечатала[3]. Вы напрасно думаете, что дети Г⟨ерце⟩на не довольно интересуются воспоминанием об отце. Нет, нет, это не так. Но ведь у них много дела, занятий, да и нельзя вспомнить напоказ. Если вы знаете в каком нумере "Предисловие", я могу его, вероятно, получить здесь; я иногда покупала "Освобождение". Но как переслать? Разве не отберут на границе?

Мои воспоминания очень туго подвигаются, надобно бы было раньше начать, теперь память очень изменяет... Как же сравнивать то, что я могу написать, с вашей статьей, где только о Г⟨ерце⟩не говорится. А теперь меня многое очень беспокоит и нет нужного спокойствия.

Мой внук, о болезни которого я вам писала, до сих пор не на ступени выздоровления, уже седьмая неделя, что он в постели. Только что позволил доктор встать, как опять является жар. Инфлюенца, pleuresie[20*], Blinddarm[21*] – воспаление одно после другого. Ему 15 лет, но он ужасно вытянулся, и переработает ли он все это? – а он такой хороший мальчик. Потом от моего сына из Америки долго нет известий, таких длинных пауз в нашей переписке не бывало. Здесь ужасно много в последнее время смертных случаев, и это странно, потому что с половины генваря здешнего у нас почти постоянно хорошая погода, сначала было довольно холодно, а теперь только по ночам морозит, днем же большею частию солнце и кроткий воздух, снег почти стаял. Местами и здесь грязно, где лед тает. Мне любопытно знать, чем весна наградит, ведь и здесь так, самое лучшее время весны и расцвета обыкновенно ескамотируется[22*] до самого длинного дня.

Вы меня очень печалите, что с вашим здоровьем и особенно Анны Степановны не идет как бы следовало; здоровье – первое благо, и я бы от всего сердца желала, чтобы оно было вашей собственностью. Мне тоже иногда недомогается, но ведь я уж очень древняя, и немудрено, что там и тут какой-нибудь винтик в машине развинтится.

Меня очень радует, что ваша статья такое распространение находит и так часто перепечатана[4]; вот теперь бы и надобно еще больше известий о Г⟨ерце⟩не помещать, чтоб интерес не ослаб. Если б можно было его самого говорить заставить, т.е. в печати.

[20*] плеврит (*франц.*)

[21*] слепая кишка (*нем.*)

[22*] похищается (от *франц.* escamoter).

Вы спрашиваете о Френсене. Если вы не свободно читаете по-немецки, то для вас многое было бы потеряно. Это совершенно, можно сказать, на альтруистической подкладке. Очень сурьезно, но прекрасно.

Письма ваши и другие я не истребляю, это старая привычка, после меня будет чем печку топить. Пожалуйста, будьте здоровы. Сердечно кланяюсь вам, обнимаю. Ваша Р е й х е л ь

[1]9 января 1903 г. в "Бакинских известиях" была напечатана публикация Е.С. Некрасовой "Интересный документ об А.И. Герцене".

[2]См. письмо Герцена от 9 октября 1869 г. (XXX, 215).

[3]Некрасова, регулярно переписывавшаяся с Н.А. Тучковой-Огаревой, знала о скором выходе в свет ее воспоминаний (отдельной книгой опубликованы братьями Сабашниковыми в мае 1903 г.); до этого Огарева печатала свои воспоминания о Герцене в "Русской старине" (1890, № 10, с. 1–80, 1894, № 9, с. 63–100; № 10, с. 1–45; № 11, с. 1–26; № 12, с. 1–27) и в "Северном вестнике" (1896, № 2, с. 82–99; № 3, с. 107–120; № 4, с. 41–49).

[4]Вероятно, статья о похоронах Герцена (см. прим. 2 к п. 16).

19

16-го/3 марта 03.
Bern. Marzilistrasse, 22-b

Милая Екатерина Степановна!

Благодарю вас за пояснение – только слово "пятно" слишком жесткое, пятно предполагает более или менее грязь, и я надеюсь, что имя дорогого нам человека не имеет с нею ничего общего. Положим, это был грех, но грех можно простить, искупить[1]. *Отнять* тоже не идет. Мне говорил один заслуживающий доверия человек (не Тата), что *она* была *Евой*, и потому слово отнять уже нельзя приложить[2]. Конечно, это не снимает тени с имени Г⟨ерцена⟩ – не только виноватый поступок против друга, но и против детей. Я не знаю, как принял Ог⟨арев⟩ это начало новых отношений. Г⟨ерцен⟩ и Н⟨аталья⟩ А⟨лексеевна⟩ открылись ему тотчас, это я знаю от самого Г⟨ерцена⟩. Они еще некоторое время оставались жить вместе, Ог⟨арев⟩ был сотрудником и давал свое имя детям Натальи Алексеевны. Я не думаю, что Г⟨ерцен⟩ был счастлив, уже во время лондонской жизни бывали неровности. Тата еще очень молоденькой, почти девочкой, бывала посредницей и своим кротким существом действовала на Н⟨аталью⟩ А⟨лексеевну⟩ и установляла согласие. Это я тоже знаю от верного человека, очевидца. Потом я читала – не знаю, в "Русской старине" или "Русской мысли"[3] – письма Г⟨ерцена⟩ к Ог⟨ареву⟩, где он пишет, что не может понять характер Н⟨атальи⟩ А⟨лексеевны⟩. Эти письма дал Ог⟨арев⟩ Тане, т.е. Татьяне Петр⟨овне⟩ Пассек, когда она приезжала за границу и когда О⟨гарев⟩ жил в Женеве. Читала я эти письма между 79 и 86 годами, я помню, в какой квартире мы тогда жили и именно с 1879 до 1886 г. Дети ⟨Герцена⟩ просили меня тогда писать Пассек, чтоб она прекратила печатание этих интимных писем, но мои повторяемые просьбы не имели действия. Пассек была вечно в затруднении средств и давала эти письма в печать, вероятно, за хорошую плату. Она на том стояла, что эти письма дал ей сам Ник, что она с ними может делать, что хочет. Знал ли он, что давал?

Из всего этого видно, что accord parfait[23*], выражаясь музыкально, недоставало, и Г⟨ерцен⟩ *искупал*. Но, вступив в непрямое, но деликатное отношение, он должен был выдержать. Потом надо знать, в каких обоюдных отношениях были Ог⟨арев⟩ и жена, симпатии уже, вероятно, не было, иначе *она* не могла бы так скоро броситься в объятия другого; говорят, что это случилось очень скоро после приезда О⟨гаревы⟩х в чужие края. Если это так, то и О⟨гарев⟩ не принял, вероятно, сильно к сердцу – хотя равнодушно принять нельзя бы было, без боли. Но мало людей, которые были бы так способны к abnégation[24*], как О⟨гарев⟩, и немало пришлось ему на долю разочароваться. Ах, как это грустно, как больно, и не нашелся для него ангел-хранитель, который уберег бы его от его несчастного недостатка[4].

[23*] полного аккорда (*франц.*).

[24*] самоотречению (*франц.*).

Прошу вас все, что тут писала, принять только для вас.

Листки газет получила, не зная того, другого писателя, не могу судить насколько права графиня Толстая, но все-таки думаю, что есть правда в ее словах[5]. Одни подробности грязи и человеческих недостатков, по-моему, не могут действовать ни устрашающе, ни поднимающе, одна красота подымает; но, может быть, для России полезно подымать покрывало и над грязью и вызывать к ней отвращение *с горем* пополам.

Сегодня кончаю с сердечным приветом вам и А⟨нне⟩ С⟨тепановне⟩. Ваша Р е й х е л ь

У нас весны еще нет, до сих пор по ночам морозило, днем солнце. Сегодня заволакивает, и, если будет дождь, все начнет распускаться. Это делается здесь быстро, точно волшебством.

[1]Речь идет о взаимоотношениях Герцена с Тучковой-Огаревой.

[2]Под "*Евой*" (т.е. искусительницей) здесь подразумевается Тучкова-Огарева, которой принадлежала инициатива сближения с Герценом.

[3]Письма Герцена к Огареву публиковались в *РС* (1886, № 11–12 и 1887, № 10).

[4]Намек на пристрастие Огарева к спиртному.

[5]В "Новом времени", № 9673 от 7 февраля 1903 г. было опубликовано письмо С.Л. Толстой с отрицательной оценкой рассказа Л.Н. Андреева "Бездна".

20

2 апреля/20 марта 03.
Bern. Marzilistrasse, 22-b

Милая Екатерина Степановна!

Как мне благодарить вас за ваше милое постоянное внимание, за частую память обо мне присылкою разных журнальных листков, которые я обыкновенно тотчас глотаю, и особенно теперь, когда мне сурьезно с некоторого времени нездоровится, всякое теплое изъявление много добра делает. Вот вы меня и с Андреевым[1] познакомили, конечно, по такой маленькой статейке судить нельзя, но при всей фантазии и очень недурному изложению она не затрогивает, в ней недостает непосредственного общения автора с содержанием и чувствуется что-то деланное и как будто холодное. То ли дело у Горького, который сам положил персты в раны.

Посылаю вам два письма Ог⟨арева⟩, которые я после долгого искания, наконец, нашла, третье письмо пришлю в следующий раз. Вы раз желали иметь что-нибудь, писанное покойной Натальей Александровной; перебирая письмеца моего незабвенного глухонемого Коли Герцена, я нашла маленькую приписку Нат⟨альи⟩ Ал⟨ександровны⟩ ко мне в Париж в начале моего замужества и строчки две самого Г⟨ерце⟩на. Это было писано в 1851 году, когда Луиза Ивановна приехала с Колей и его учителем ко мне в Париж[2]. На возвратном пути эти последние погибли, а в мае 1852 г. Нат⟨алья⟩ Ал⟨ександровна⟩ скончалась. Если вы желаете, я могу прислать вам этот листочек, после меня он все равно потеряется, дома беречь не имеет смысла, стоя на пороге ухода из жизни. Есть еще письмо Михайла Семеновича Щепкина ко мне, после его отъезда из Парижа, где он несколько времени у меня останавливался[3].

Как ваше здоровье и Анны Степановны? Не знаю, как у вас, у нас после солнечных весенних дней пришла холодная полоса, и надобно было опять приняться за топку. На горах, и даже довольно спускаясь вниз, выпало много снегу, даже наш Гуртен был одно утро покрыт снегом. Этот внезапный переход нехорошо действует на организм. Мой сын нажил себе сильный катар. Я немного выхожу, но только на короткие расстояния, на длинные недостает сил. Внук мой все еще не совсем здоров, вот уже более двух месяцев со времени заболевания, но как только пробовал вставать, являлась лихорадка. Последнее время он должен был оставаться в постели по совету доктора, чтоб восстановить настоящую температуру. Я еще не могу совсем быть спокойной. Пробовала сама съездить на день в Лангенталь, но так утомилась, что от дальнейших путешествий пока отказываюсь.

Таня в письме Ог⟨арева⟩ – это Татьяна Петровна Пассек.

3 апреля.

Это письмо было уже запечатано, когда пришло ваше. Я рада, что еще не отправила и могу вам на некоторые вопросы ответ держать. Генерал Ераков это не личность, а символическое выражение. Юлия Карловна это сестра m-me Корш Софьи Карловны, тогда еще незамужняя, хорошенькая собой девушка, которой эти господа куры строили[4]. Хорошенькое личико всегда привлекает.

Засядко был молодой человек, которого Г⟨ерце⟩н отличал и принимал в последнее время перед отъездом. Засядко провожал с другими друзьями до Черной Грязи. Не в долгом времени после он умер. Об остальных не могу дать вам ответа – или не помню или совсем не знаю. Катарашка не Кондрашка ли? Если последнее, то "Кондрашка хватит" – опасность удара; конечно, это употреблялось в шутку. Против красавицы вы поставили иероглиф, которого не пойму. Я напишу в Лозанну, может быть там будут знать. Когда Г⟨ерцен⟩ жил в доме Гагариной? После их приезда из Новгорода, когда родился четвертый ребенок, который так же скоро умер, как два предшествовавших[5]. Следующий, пятый, ребенок родился в конце декабря 1843 г. Это был Коля, который впоследствии оказался глухонемым. Старший из всех, лозаннский профессор, родился в 1839 г. Коля родился уже в так называемом Тучковом доме, который Иван Алексеевич купил после смерти генерала Тучкова, однофамильца Ог⟨арев⟩ой.

В мое последнее короткое пребывание в Москве я посетила большой дом, в котором провела несколько лет, и так была заполнена воспоминаниями, что забыла взглянуть на Тучков дом, который стоял возле. В этот, т.е. большой дом, перешли Г⟨ерцы⟩ны после смерти Ивана Алексеевича и прожили месяцев восемь до отъезда за границу. Этот дом стоит на углу Гагаринского переулка и Старой Конюшенной[6]. В мое время была большая терраса во всю длину дома, теперь она, вероятно, составляет часть комнат. Несмотря на эту перемену, я дом тотчас узнала, не помню теперь имени переулка, который ведет с Арбата прямо в ворота[7], и я уже с Арбата узнала дом. Могла только погулять в большом саду, который мало переменился, хозяев не было дома, и я не могла быть внутри. Забыла и об старом доме осведомиться, где жила моя мать и я некоторое время. Он стоял совсем во дворе, воротами во Власьевский переулок[8]. Дворами оба дома сообщались.

Письма Г⟨ерце⟩на к Ог⟨аре⟩ву даны m-me Пассек самим Огаревым. Кто дал письма Нат⟨альи⟩ Александровны в печать, недоумеваю, но, вероятно, ваше предположение верно[9]. Кто дал Милюкову из Дневника, что в "Рус⟨ских⟩ вед⟨омостях⟩" напечатано было?[10] Я недавно перечитывала эту потрясающую драму, которую наскоро перевела на немецкий. Вероятно, тоже Ог⟨аре⟩ва – ни от кого кроме он не мог получить, хотя и этому трудно верить, дневник, вероятно, остался в руках сына[11]. Теперь насчет отношения Г⟨ерце⟩на к Ог⟨аре⟩вой надобно ему самому оставить слово, он, вероятно, будет сам говорить о нем в ненапечатанной части Дневника. Он обязан отвечать не только самому себе, но и потомству. Ужасно горько думать, зачем все это так было. Из вашего письма вижу, что я не все читала, что было напечатано в "Р⟨усской⟩ ст⟨арине⟩", и вашей статьи о Вятке тоже не видала[12]. Обнимаю вас и Анну Степановну.

Ваша М. Р е й х е л ь

От сына из Америки уже не раз имела известия.

[1] Имеется в виду писатель Л.Н. Андреев.

[2] См. XXIV, 201.–Учитель – Й. Шпильман.

[3] Письмо М.С. Щепкина к Рейхель из Петербурга от 7/29 октября 1853 г. напечатано в "Голосе минувшего", 1913, № 8, с. 216.

[4] О Софье Карловне Корш (урожденной Рейссиг) см. выше в письмах Н.А. Тучковой к Н.А. Герцен.

[5] В доме Е.С. Гагариной в М. Власьевском пер. в Москве Герцен с семьей поселился в июле 1842 г.; 30 ноября родился и 5 декабря умер его сын Иван. См ниже в этой книге статью "Герцен в Москве".

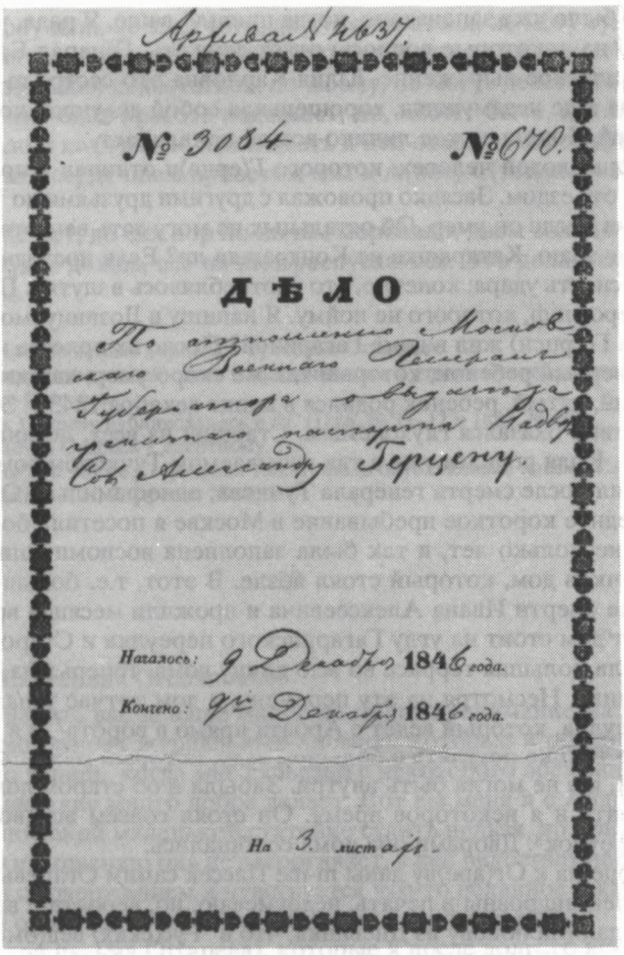
[6] Ошибка: этот дом стоит на углу М. Власьевского пер. (ныне ул. Танеевых) и Сивцева Вражка.

[7] Колошин переулок.

[8] Этот дом не сохранился.

[9] Письма Некрасовой неизвестны, и по этой причине не удается установить, кого она имела в виду.

[10] См. работу П.Н. Милюкова "Любовь у идеалистов тридцатых годов" в "Русских ведомостях", 1896, № 276, 282, 289, 305, 335, 345.


Архивъ № 1837.

№ 3084 №670.

ДѢЛО

По отношению Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора о выдачѣ заграничнаго паспорта Надвор. Сов. Александру Герцену.

Началось: 9 Декабря 1846 года.

Кончено: 9 Декабря 1846 года.

На 3. листахъ.

ДЕЛО "ПО ОТНОШЕНИЮ МОСКОВСКОГО ВОЕННОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА О ВЫДАЧЕ ЗАГРАНИЧНОГО ПАСПОРТА НАДВОР(НОМУ) СОВ(ЕТНИКУ) АЛЕКСАНДРУ ГЕРЦЕНУ"
Обложка. 9 декабря 1846 г.
Центральный исторический архив г. Москвы

[11] Дневник Герцена 1842–1845 г. (II, 201–323) был впервые напечатан Г.Н. Вырубовым в т. I женевского Собрания сочинений Герцена в 1875 г. Рукопись его хранилась у редактора и поступила в *ИРЛИ* только в 1913 г.

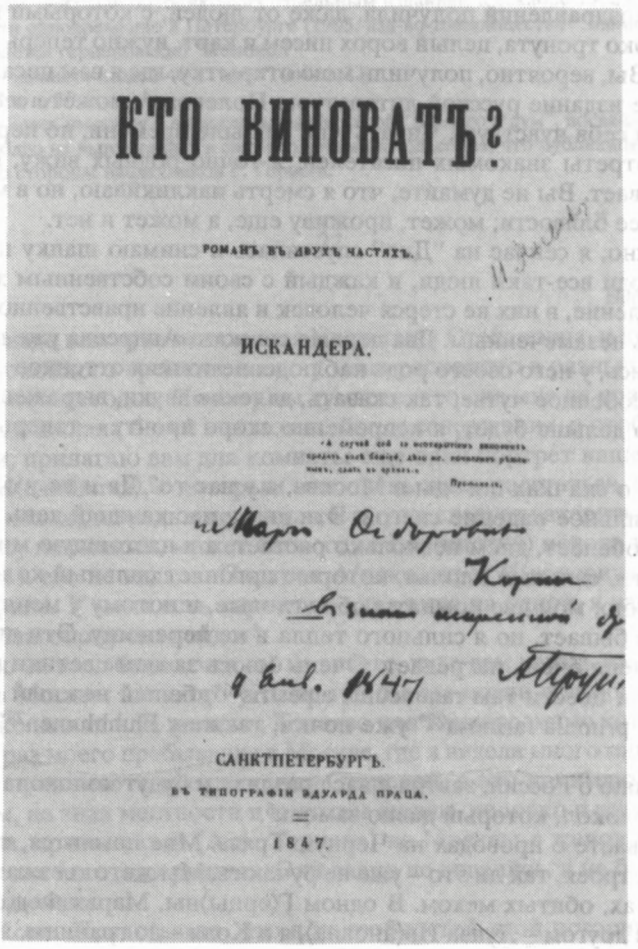
[12] Статья Некрасовой "Гѣрцен в Вятке" была напечатана в сборнике "Почин", вып. 1. М., 1895.

21

18/5 апреля 03.
Берн. Marzilistrasse, 22-b

Милая, дорогая Екатерина Степановна!

Как вы меня огорчили известием о болезни Анны Степановны и вашего собственного нездоровья и в то же время тронули вашим теплым чувством ко мне. Спасибо вам, я умею ценить это, ах, если б у меня была возможность доставить вам здоровье, в сильном желании недостатка нет, но что наши желания? Желаешь и в то же время чувствуешь, что бессилен привести в исполнение; я только знаю, что полно вам сочувствую.



КТО ВИНОВАТЪ?

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ИСКАНДЕРА.

Марии Федоровне Корш
в знак искренней др
9 янв. 1847

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.
1847.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ГЕРЦЕНА М.Ф. КОРШ
НА ПЕРВОМ ИЗДАНИИ РОМАНА "КТО ВИНОВАТ?"
"Марии Федоровне Корш в знак искренней др⟨ужбы⟩ 9 Янв⟨аря⟩ 1847 А. Герцен"
Российская государственная библиотека, Москва

Ваше письмо пришло как раз после отъезда Таты, она была так мила, что приезжала из Лозанны к моему рожденью на несколько часов. Это все равно не удалось бы поговорить с нею о занимающих нас с вами интересах. Но когда их лозаннские празднества кончатся[1], я буду писать и спрошу, какие отношения обоих друзей были *после*. Прилагаю вам последнее письмо Ог⟨арева⟩, из которого увидите, что он сильно чувствовал горе[2].

Вскоре после вашего письма пришли и книги; как вы меня балуете и как вы милы, слов нет довольно спасибить. Прелестные карты меня сильно радуют, и та, на которой лес Шишкина, – особенно; наконец-то хоть одного русского художника я имею в руках.

Очень хорошенький пейзаж прислал мне старший сын А.А. Герцена из Италии, на такой же серой бумаге. Он жил мальчиком некоторое время у нас, а теперь в Италии forestier'ом[25*] [3].

[25*] лесничим (*франц.*).

Я столько поздравлений получила, даже от людей, с которыми не переписываюсь, что я глубоко тронута, целый ворох писем и карт, нужно теперь на все отвечать и благодарить. Вы, вероятно, получили мою открытку, где я вам писала, что сын мой подарил мне все издание русской литературы Полевого[4], можете себе представить, какой богатой я себя чувствую. Читать еще не было времени, но пересматривая иллюстрации, портреты знакомых писателей, я точно родных вижу, и такое родное чувство охватывает. Вы не думайте, что я смерть накликиваю, но в мои лета нельзя не чувствовать ее близости; может, проживу еще, а может и нет.

Ну-с, конечно, я сейчас на "Дно" спустилась и снимаю шапку перед Горьким[5]. Эти бывшие люди все-таки люди, и каждый с своим собственным характером, несмотря на их падение, в них не стерся человек и явление нравственного начала – Луки – не осталось незамеченным. Два первые рассказа Андреева уже прочла, они мне по душе пришлись, у него своего рода наблюдение тонких оттенков очень грустных. Это какое-то особенное чутье, так сказать, далекие звуки, выражение русской грусти. Увижу, что дальше будет, я непременно скоро прочту – теперь надобно очень делить время.

Вы пишете о скачках погоды в Москве, а у нас-то? Да и не у одних нас, везде, даже на Юге, сильное падение снегов. Эти дни у нас каждый день продолжительный снег, все побелеет, днем несколько растает, а в настоящую минуту, когда пишу, падают опять сильные клочья, которые погоняет сильный холодный ветер. Я топлю, как зимою; мои две комнаты обе угловые, и потому у меня никогда настоящего тепла не бывает, но я сильного тепла и не переношу. Эти дни и солнца мало, а то оно у меня очень нагревает. Очень боюсь за мои цветики в саду у сына, у меня уже начали цвести там ranunculus alpestris[26*], белый нежный цветок, настоящий горный. У primula farinosa[27*] уже почки, также у Fluhblumen[28*], это аурикулы разных цветов.

Пишу и думаю о России, завтра у вас праздник и будут колокола звонить, и помнится другой колокол, который давно замолк[6].

Вы спрашиваете о проводах на Черную Грязь. Мне помнится, что было провожающих девять троек, так ли это – уже не ручаюсь. Мы же, отъезжающие, ехали потом в двух возках, обитых мехом. В одном Г⟨ерцы⟩ны, Марья Фед⟨оровна⟩ Корш и Саша с Татой, в другом – Луиза Ив⟨ановна⟩, я и Коля – до границы, вероятно, и бывшая кормилица, потом няня Таты с нами. А, может быть, и в другом возке, не помню. Уезжали 19-го генваря по старому стилю 1847 г. Из провожавших тоже всех не помню, были Грановские, Корши, вероятно, и Софья Карловна, Мельгуновы, Засядка, Юлия Богдановна, тогда еще Мюльгаузен. Последнюю я спрошу о всех, у нее такая отличная память. Сатин тоже провожал, тогда еще неженатый. Если Юл⟨ия⟩ Богд⟨ановна⟩ вспомнит больше, сообщу вам. Разумеется, что моя мать тоже провожала.

Прилагаю и письмо Щепкина с лоскуточком строчек (их два) Нат⟨альи⟩ Александр⟨овны⟩ и его самого. Сегодня другого листа не беру, ради вложенных. Фотографию получила тоже, какая это комната?[7] Г⟨ерцен⟩ хорош. Грановс⟨кого⟩ узнала, другие бюсты мне незнакомы. У меня бюст Гран⟨овского⟩ есть. Чей женский бюст? Я не знала, что Дневник напечатан[8]. Это я все у Таты спрошу. Ну а пятый том[9] – вероятно, в нем будет то, о чем я думаю. О всем спрошу. Дайте обнять вас обеих. Ваша М. Р е й х е л ь.

[1] Вероятно, речь идет о каких-то городских торжествах.

[2] О каком письме Огарева идет речь, неясно.

[3] Тутс (Александр) – внебрачный сын А.А. Герцена.

[4] По-видимому, "История русской словесности с древнейших времен до наших дней" П.Н. Полевого в 3-х томах, 12-ти выпусках, с иллюстрациями (СПб., 1900).

[26*] альпийские лютики (*лат.*).

[27*] первоцвета мучнистого (*итал.*).

[28*] летучего цвета (*нем.*).

[5] Пьеса "На дне" впервые опубликована отдельным изданием в декабре 1902 г. в Мюнхене (на русском языке) и почти одновременно в Петербурге (1903, изд-во товарищества "Знание").

[6] Подразумевается герценовский "Колокол".

[7] Речь идет о "комнате людей 40-х годов" (см. п. 22).

[8] См. прим. 11 к п. 20.

[9] Пятый том. Здесь имеются в виду главы части пятой "Былого и дум", посвященные семейной драме Герцена. Они долго не выпускались в свет его детьми из опасения, что публикация может вызвать ответные действия со стороны наследников Г. Гервега.

22

23/10 мая ⟨1903 г.⟩.
Берн. Marzilistrasse, 22-b

На многое надо вам ответить, милая Екатерина Степановна, и нужно бы для этого несколько покойного времени, а оно у меня расколото в разные стороны. Начну с комнаты сороковых годов. Почему вы думаете, что она мне не нравится, я ее очень ценю, и берегу, и желала бы ей как можно более содержания, и чтоб не остаться при одном желании, прилагаю вам для комнаты еще один портрет нашего незабвенного А⟨лександра⟩ И⟨вановича⟩, с которым мне очень жаль расстаться, я его очень люблю, и он очень похож, но ведь я не вечная, и ему не следует затеряться. Бюсты в комнате я не нахожу похожими, может быть один Бел⟨инский⟩ похож, когда он был моложе, но таким я его не видала. Портрет А⟨лександра⟩ И⟨вановича⟩ похож, особенно один в профиль. У меня есть карточка – два лица на одной, я вам и его пришлю, когда первый благополучно дойдет[1].

Мне ужасно за вас обидно, что вы не знаете, куда вам уехать на лето, неужели не найдется около Москвы никакого уголка, где бы вы могли пользоваться воздухом, – напр⟨имер⟩, Сокольники или, не знаю, Кунцево или Кусково, мимо которого я проезжала в последний раз моего пребывания в Москве, где я видела много маленьких домиков.

Что вы не принимаете предложения Огаревой, я это понимаю, поехать с больным человеком, не зная местности и к чужим людям, неловко и рискантно. В Лозанне теперь гости, приехал сын ⟨А.А. Герцена⟩ из Москвы с женою[2], а последняя из Кишинева, где она посетила родных. Они давно не видались, и не будет недостатка в взаимных сообщениях.

Теперь о Коле. Представьте, что я подробностей этой истории уже не помню, только, мне кажется, "National" пересолил[3]. Французы, по крайней мере тогдашние, так мало знали, чтó у других делается. Вы называете Швейцарию свободной, тогда она еще менее свободной была, нежели теперь, да и теперь один в поле не воин, потом подумайте, какое тогда было время после всеобщей политической лихорадки. Швейцария – маленький кусочек, а кругом все большие, ей было очень нужно быть осторожной. Рефюжье[29*] было в ней немало, а наше, т.е. Луизы Ив⟨ановны⟩ и мое, цюрихское пребывание обращало на себя внимание как иностранок[4]. Многие из вышеупомянутых бывали у нас, и хотя мы были только зрительницами, уже одно это противуречило принятым понятиям. Я нисколько не противуречу узости этих понятий, но этому надобно противупоставить боязнь самосохранения кусочка. Если б вы знали, какой строгий регимент держали незадолго патриции, да они и теперь держатся в стороне и на нас смотрят свысока.

На меня нашел последнее время столбняк, и я долго ни строчки не писала. Вы советуете не смущаться, а я перед силой *того* слова, не могу не чувствовать своей немощи. Я теперь перечитываю из "Б⟨ылого⟩ и д⟨ум⟩" с высоким наслаждением. Какой необыкновенный талант, да что талант, это гениально. Я все-таки буду продолжать, когда буду чувствовать себя лучше. Мое нездоровье, чтоб вы знали, какое оно, это катар de la vessie[30*], и оно очень неприятным образом напоминает о себе. Горячие сидячие ванны сначала действовали хорошо, силы немного поднялись, а то ни за что не хотелось взяться, ко всякому движению, к всякой работе нужно было прину-

---

[29*] беженцев (*франц.* réfugiers).

[30*] мочевого пузыря (*франц.*).

ждать себя. Теперь нападки опять повторились, а мой доктор, сын профессора, уехал на лето как Kurarzt[31*] – я ему писала.

Юлия Богдан⟨овна⟩ Шумахер еще менее моего помнит, кто на Черную Грязь провожал, но на некоторые другие вопросы она ответила. Никол⟨ая⟩ Карлов⟨ича⟩ Вейт она не знает. Василий Романов⟨ич⟩ (я не помню, что на вашем листке было это имя) был тогда женихом Юлии Карловны[5]. Красавица К. была жена профессора Крылова, звали ее Любовь Федоровна, и у нее, действительно, были чудесные глаза.

Я еще вам не сказала дальше о рассказах Андреева. Нет, это что-то больное, натянутое, просто за душу тянет. Последнего рассказа еще не читала. У меня теперь так много чтения, а глаз не больше; один знакомый принес Лескова, потом моя "Русская словесность"[6]. Жизнь – это высокий идеал и в то же время отрицание жизни. Зато я порадовалась, какой здоровый оценок у Тол⟨стого⟩ о некоторых литературных произведениях, тут слышен живой человек и удивительный человек.

Я знаю, что Лавра – монастырь, но именно слово "лавра" мне кажется не русским и не славянским. Может быть, это будет объяснено в "Русской словесности", но я еще до сих пор этого названия не встречала. Я подвигаюсь медленно и нахожусь только во втором выпуске. За карточку Репина и за другую русских авторов оченно благодарю. Горького уже знаю, о Шаляпине и его чудесном голосе слышала, у него приятное, открытое лицо. Андреев красив, но немного pincé[32*]. Из других мне неизвестных мне понравился Чириков – вот он, кажется, что-нибудь скажет и рассмешит. А я смех ценю, хотя, увы, теперь так редко приходится смеяться. Все это у меня хранится вместе, и чествуется, и время от времени пересматривается.

Внучек мой был очень плох и все еще в постели, но по-немножку, медленно идет лучше. Я знаю, какая это коварная болезнь. Рейхель был ею болен в Дрездене, и болезнь и выздоровление взяли более году времени. Надобно за грудь у юноши опасаться, чтоб не осталось непоправимых следов; он страшно изнурен. Я раз на день ездила, видела его, он ужасно худ, бледен, и так за него страшно.

У нас, наконец, тепло недавно стало и чувствуется желание устранить теплую одежду. С ужасной быстротою все распустилось, и мой балкон уже уставлен растениями. Ах, если б опять немного ног завоевать.

Об Мейзенбуг я вырезку из газеты[7] получила от М.Е. Корш. Видите, какая она даровитая и выдающаяся была. Я ее очень мало лично знала и, совестно сказать, даже не читала. А теперь прощайте, обрадуйте меня известием, что вы нашли, куда ехать на лето. Обнимаю вас и сестрицу. Ваша М. Р е й х е л ь.

Давно хотела вас спросить, знаете ли вы "Прерванные рассказы" Искандера? Эту книгу он посвятил мне, и при книге очень хороший портрет. Мне хочется списать вам посвящение:

"Марии Р.....

...Итак вы думаете, что все-таки печатать, несмотря на то, что одна повесть едва начата, а другая не кончена... Оно в самом деле лучше, ненапечатанная рукопись мешает, это что-то неудавшееся, слабое, письмо, не дошедшее по адресу, звук, не дошедший ни до чьего слуха.

Позвольте же вам и посвятить эти поблекшие листья, захваченные на полдороге суровыми утренниками. Нового вы в них не найдете ничего; все вам знакомо в них – и оригиналы бледных копий, и молодой смех былого времени, и грусть настоящего, и даже то, что пропущено между строк.

Примите же их, как принимают старых друзей после долгой разлуки, не замечая их недостатков, не подвергая их слишком строгому суду.

Лондон, 31 декабря 1853[8]".

При этой книге портрет больше обыкновенных карт, лицо очень сурьезное, грустное.

31* лечащий врач (*нем.*).

32* чопорен (*франц.*).

[1] См. воспроизведение этой фотографии в "Лит. наследстве", т. 64, с. 651; *ЛЖГ* IV, вклейка.

[2] Внук Герцена, профессор медицины П.А. Герцен и его жена Елена, урожденная Зоти.

[3] В парижской газете "National" от 21 февраля 1850 г. была напечатана заметка о преследованиях глухонемого Коли Герцена цюрихскими властями. См. об этом в "Былом и думах" (X, 160–162), а также XXX, 493–494.

[4] В 1849 г. Рейхель вместе с матерью Герцена поселилась в Цюрихе, где в школе для глухонемых детей обучался Коля.

[5] *Юлия Карловна* – сестра жены Е.Ф. Корша.

[6] Имеется в виду указанная выше книга П.Н. Полевого.

[7] Один из некрологов М. Мейзенбуг в связи с ее кончиной 26 апреля 1903 г.

[8] См. XII, 133.

23

14/1 сентября 03.
Bern. Marzilistrasse, 22-b

Милая, дорогая Екатерина Степановна! Пора, наконец, сказать вам, что я не только получила, но и прочитала "Воспоминания" Огар⟨евой⟩-Туч⟨ковой⟩[1]. Если вас они так интересуют, то вы можете себе представить, с каким интересом я их читала. Хотя я не жила вблизи Г⟨ерцена⟩, но мне там много знакомого, личности, иные только по имени, события. Получая аккуратно "Колокол", я была au courant[33*]. Потом сам Г⟨ерцен⟩ довольно часто сам сообщал. Все это в "Воспоминаниях" и о самой личности Г⟨ерцена⟩ очень ценный материал, и тем более, что до сих пор так мало было печатной речи в России о такой необыкновенно замечательной личности. Кому и можно более рассказать столько как не Огар⟨евой⟩, стоявшей к нему так близко, и надобно отдать ей справедливость, что она рельефно пишет. Мне очень жаль слышать, что она попала с изданием в дурные руки[2]. Я буду еще перечитывать, в Лангентале читала только урывками. Есть вещи, которые мешают, не все ясно и, так сказать, прозрачно, – вы поймете, о чем я говорю, и говорю это только для вас. Если подумаешь, что целое поколение прошло после смерти Г⟨ерцена⟩, будет ли это теперешнее так им интересоваться? Все-таки я уверена, что книга Ог⟨аревой⟩ будет читаться. Из его современников едва ли кто еще есть, Г⟨ерце⟩ну было бы теперь за 90 лет. Не знаю, знают ли в Лозанне[3] воспоминания. Н.А. Г⟨ерцен⟩ путешествует в настоящее время в Германии, она поехала повидаться с племянницей, профессоршей Ерман в Мюнстер ⟨?⟩ На днях я получила от нее карту из Нюрнберга.

Мне на многое надо отвечать в ваших письмах; во-первых, меня очень интересовало то, что вы пишете о Урюпинской, я не имела понятия о казацкой жизни и порядках, восхищаться трудно. Одной дешевизной удовлетвориться нельзя.

Об медали я не имею никаких сведений, но если она уже есть в комнате 40-х годов, то понятно, что сын желает владеть ею, пока жив[4]. Его нельзя назвать частным лицом, как выразился г-н Эльвениц. Если мне удастся видеться с Н.А. Г⟨ерцен⟩, я переговорю с ней, но я мало на свидание надеюсь. И об дублетах спрошу; может быть, не было оказии. Вот сейчас вижу приписку на стороне вашего письма, чтоб я об этом не говорила с Г⟨ерцены⟩ми. Значит, надо вас слушаться.

Я ездила во второй раз недели на три в Лангенталь, пробуду до конца этого месяца здесь, и если будет во мне там надобность, то поеду опять туда. Меня неохотно пустили, хотя я никакой существенной помощи не приношу, разве только дать матери больного возможность подышать воздухом. Больному в целом лучше, хотя беспокоящие симптомы не совсем перестали. Скверно, что после теплых, даже жарких дней начала здешнего сентября, погода вдруг повернула на холод и дождь, вчера и сегодня целый день шел последний не переставая; может, и теперь идет, на дворе ночь.

Я думаю, что наше нынешнее лето не было бы благоприятным для Анны Степановны, у нас его совсем не было, мало тепла и ужасно много сырой погоды. Както вам придется испытать Бородинское пребывание, если начало было малоблагоприятно. Легенда, вами рассказанная, очень интересна; уже читая "Воспоминания", я поняла, почему вы в Бород⟨инский⟩ монаст⟨ырь⟩ поехали[5].

[33*] в курсе (*франц.*).

Вы спрашиваете, читала ли я Чехова; некоторые вещи знаю, из небольших, и ценю его. Теперь имею случай знакомиться с Лесковым, которого совсем не знала и читала некоторые его рассказы с удовольствием; он так метко рисует русские нравы и их особенности, граничащие иногда с дикостью; надеюсь, теперь уже более в прошлом, так как и он сам уже прошлое. Только мне очень надо сдерживаться в чтении ради глаз, которые сильно устают. Портрет Короленко получила и вчера "Курьер" о Тургеневе. Я не могу сказать, чтобы эти статьи в прозе мне очень нравились, а тут еще так много мистического.

Вы спрашиваете, подвигается ли мое писанье – очень давно оно лежит без продолжения. У меня нет доверия к себе самой да и материал мой, мне кажется, не может быть интересным. Может быть, одно то, что я набросала из жизни в Москве в доме Ивана Алексеевича Яковлева, об нем самом и матери А⟨лександра⟩ И⟨вановича⟩, о которой Н.А. О⟨гарева⟩ едва-едва упоминает.

Она, т.е. Н⟨аталья⟩ А⟨лексеевна⟩, вообще очень аристократична. Потом о тех, кого знала из кружка Г⟨ерцена⟩, мужчин и женщин, Грановских, Коршей, Н.А. Г⟨ерцен⟩ и об том влиянии, которое оно на меня имело и дало направление моим взглядам и жизни. Я дошла до итальянского пребывания и тут остановилась. Может быть, если б я только этим одним могла заняться, что-нибудь ⟨бы⟩ и вышло, но у меня есть другие нужные занятия, время очень делится и не довольно устойчиво для оного занятия. Потом старость, старость, плохая память и совсем другая обстановка. После моего замужества я только иногда на короткое время видела Герцена, а во время десятилетнего пребывания в Дрездене ни разу. Зато, когда мы перебрались в Швейцарию, он был в Женеве и тотчас приехал к нам. В "Воспоминаниях" очень тяжелое впечатление делают беспрестанные разъезды, где он искал постоянного места для пребывания и уже с тяжелым недугом.

Вы еще упоминаете или, лучше сказать, намекаете, что я могла бы заработать и иметь более возможности удовлетворять некоторым вкусам. Нет, чтоб брать, надобно за это дать, а у меня последнего: первой, другой объелся... знаете ли, это сибирская поговорка. Вы мне тоже сибирское слово напоминаете, называя вашу квартиру *вышкой*; насколько помню, так зовут в Сибири чердак.

На сегодня прощайте. Завтра буду продолжать.

15-го. Вы пишете, что желудок Анны Степановны плохо переваривает – жена доктора в Лангентале, того самого, который лечит Ганса, лежала 14 месяцев в постели. Она уже прежде много страдала желудком и потом слегла, исхудала до скелетства, и никто не надеялся из всех, которые ее посещали, что выздоровление возможно; но это чудо свершилось, понемногу начали сажать ее в кресло, и т.д. Теперь она встает и не только самостоятельно двигается, но каждый день ездит к сестре сидеть в саду. Все время болезни до сих пор она никакой другой пищи не принимает, кроме молока, иногда немного овощей из легких сортов. Молоко пьет часто. Если А⟨нна⟩ С⟨тепановна⟩ другой пищи не переносит, надо оставаться при молоке, при его единственном и частом употреблении. Докторша употребляла иногда апельсины. Молоко чрезвычайно питательно, если оно даже и единственная пища.

У нас и сегодня дождь и холод, не хочется топить начинать, вероятно, надо будет сдаться.

Вечером или, лучше сказать, около вечера был у меня мой единственный посетитель, русский швейцарец, как я его называю. Он долго жил в России и хорошо говорит по-русски, и он для меня единственная оказия говорить по-русски. Он любит Россию и сообщает мне, что́ об ней узнает из газет или личных свиданий с русскими, которые тут проезжают и с которыми он был знаком. Как волка ни корми, он все в лес глядит, так и я, проживши более пятидесяти лет за границей, так же люблю Россию и так же мне все близко к сердцу, что до нее касается, и поневоле болит иногда это старое сердце. Вот и вы, милая Екатерина Степановна, так много утепляете меня вашими сообщениями, и я не могу довольно благодарить вас.

В "Воспоминаниях" говорится о 3-м томе записок Т.П. Пассек[6]. Мне надо справиться в Лозанне; вероятно, там есть – я об этом томе не имею понятия.

Вы спрашиваете меня о той моей внучке, которая уехала в Лозанну, это семнадцатилетняя дочь моего сына Александра, или Алекса, как его здесь называют, и который здесь профессором частию и в то же время chef[34*] отделения für die Rechtspflege und Gesetzgebung[35*] в Министерстве юстиции. Молодая девушка в Лозанне в пансионе, откуда она будет посещать école supérieure[36*]. В этом пансионе она будет пользоваться и английским языком, которому она уже и здесь училась и понимает, читая, но еще не достигает легкости разговора. Стоить это будет более тысячи франков один пансион. Когда Тата Г⟨ерцен⟩ воротится, она будет по возможности видаться с Мими. Они далеко друг от друга живут. Летом гостила у меня другая внучка, 22-х лет, из Гамбурга, дочь моего пасынка[7], очень милая девушка.

За что побранило "Новое время" "Воспоминания"? Не по нутру было не только вспоминать, но и признавать. Обнимаю вас и А.С.

Ваша М. Рейхель

[1] "Воспоминания" изданы отдельной книгой в Москве в мае 1903 г.

[2] В письме от 24 июня 1903 г. Тучкова-Огарева жаловалась Некрасовой на издателей Сабашниковых и М.О. Гершензона, готовившего ее "Воспоминания" к печати (см. "Лит. наследство", т. 96, с. 595, а также с. 275 наст. книги).

[3] Имеются в виду сын Герцена Александр и дочь Наталья.

[4] Памятная медаль к десятилетию деятельности Вольной русской типографии в Лондоне поступила в *ГАРФ*, а оттуда в *РГАЛИ* вместе с другими материалами "пражской коллекции" (см. "Лит. наследство", т. 63, с. 789).

[5] В воспоминаниях Тучковой-Огаревой упоминается Спасо-Бородинский монастырь, основанный вдовой А.А. Тучкова (дяди мемуаристки), погибшего в Бородинском сражении. Лето 1903 г. Некрасова провела в Бородине.

[6] Третий том "Из дальних лет" Т.П. Пассек вышел в Петербурге в 1889 г.

[7] Сын А. Рейхеля от первого брака – Мориц Рейхель.

24

6 октября 03. Bern.
Marzilistrasse, 22-B

Наконец, принимаюсь отвечать вам, милая Екатерина Степановна, и постараюсь исполнить все обстоятельно по пунктам. Что до медали касается, я знаю только, что Лу⟨ги⟩нин – близкий человек семьи Г⟨ерцены⟩х и сам Г⟨ерце⟩н отличал его. Потом сын П⟨етр⟩ А⟨лександрович⟩[1] пользовался в начале своего пребывания в России в имении Луг⟨инина⟩ его гостеприимством. Я знаю это поверхностно, может быть А⟨лександр⟩ А⟨лександрович⟩ считал себя обязанным. Об дублетах напишу Н⟨аталье⟩ А⟨лександровне⟩ непременно и сообщу вам результат.

Вы мне слишком много доверяете в моих воспоминаниях, мне нужно бы было писать раньше, когда еще память была свежее, а теперь сколько разных черт улетучилось. Одна русская студентка уговаривала меня давно уже писать мои записки и, даже уехав в Россию, продолжала увещевать меня, да еще как лестно, вот ее слова:

"Вы так много чувствовали, думали, видели и слышали как, может, десятки людей вместе взятых. Вы можете теперь всецело отдаться прошлому, и надо бы вам попробовать этим заняться. Говорю вам все это, ибо на себе испытала нравственное влияние вашей личности. Я знаю, что это дело нелегкое, но как это важно, чтобы молодежь услышала, что живут еще люди, которые сумели прожить жизнь на высоте своих нравственных идеалов и вера в них, т.е. в идеалы, не исчерпалась невзгодами длинной жизни – много и очень много есть чему нужно у вас поучиться" и т.д.[2]

Эти строки меня очень тронули, но писать я не начала, мой муж был долго болен, годы, тут уж не до записок было. После его смерти я не вдруг нашлась, мы жили 45 лет вместе – и вдруг одиночество. Пока завязались нити и нашлись интересы, время шло и уходило. Потом я начала набрасывать, но между были длинные паузы, я и теперь не отказываюсь продолжать. Я знаю, что все сказанное о Г⟨ерцене⟩ име-

[34*] начальник (*франц.*).

[35*] судопроизводства и законодательства (*нем.*).

[36*] высшую школу (*франц.*).

ет интерес, но именно память несвежа, потом моя жизнь пошла другим руслом, я жила с немцами. Этим я не хочу сказать, чтоб моя русская внутренность затерлась, нет, то влияние, которое на меня подействовало, осталось для меня святым, нетронутым. Много было других интересов, которые были на другой почве, именно музыкальной.

Муж мой был настоящего музыкального закала, и я, хотя не особенно музыкально одаренная, научилась у него более понимать и ценить. Вся семья моего мужа была выше общего уровня, а сам он стоял головою выше как Künstler[37*] (нет русского слова), как человек.

Ну вот обещалась отвечать вам по пунктам да и заболталась. Письма А⟨лександра⟩ И⟨вановича⟩ я тотчас отдала, давно уже, Н⟨аталье⟩ А⟨лександровне⟩. Я боялась, что, если умру, они пропадут, так как из моих никто не знает по-русски. Пожалуйста, не присылайте III-го тома Пассек, он мне не нужен.

А вот видите ли? чья память изменяет, моя или А⟨лександра⟩ И⟨вановича⟩, я всегда помнила, что наш отъезд из Москвы состоялся 19 генваря ст⟨арого⟩ стиля, а он ставит его на 21-го. И в других пунктах мое *помнится* не всегда согласуется с его рассказами. Как же мне не бояться, что я навру?

Кто читал нам лекции? Никто другой, как сам милый Тимофей Николаевич Грановский; к сожалению, они недолго продолжались, наш отъезд положил им конец. Я потом каждый раз вечером записывала на память и, уезжая, оставила Т.А. Астраковой.

Юлия Карловна была сестра Софьи Карловны Корш, жены Евгения Федоровича Корш. Я забыла, какие они урожденные, и имя жениха Ю⟨лии⟩ К⟨арловны⟩, т.е. фамилию, не помню[3]. Ю⟨лия⟩ К⟨арловна⟩ первого мужа потеряла, вышла потом опять замуж. Все это я вам узнаю. Пожалуйста, не мучьтесь, что газету назад отправила, мне это никакого труда не стоило, я только завернула и поручила женщине бросить в ящик. Да если б и потрудилась, беды в этом нет, ведь я не богдыхан. Вы гораздо более даете себе труда для меня.

Ваше сообщение в предпоследнем письме и фельетон я с надлежащим вниманием читала, и все, что в последнем говорится, очень справедливо[4]. Несчастное стечение обстоятельств, домашняя жизнь, деспотизм отца и жизнь в учебном заведении с другой перспективой пришлись клином и не позволили нормально развиваться. Только за что погибла мать, которая всегда старалась умиротворить и потакать дурным вкусам, может быть, последнее и было причиною. Мне кажется, что человек, совершающий преступление, не бывает в ту минуту нормален, точно перед ним задвигается сознание последствий. Впрочем, подобные вещи везде случаются. Вы правы, что страшно за людей в виду таких возможностей, а между тем одним наказанием не поправить и не отстранить повторений. Благодаря многочисленным трудам знающих людей надобно сознаться, что прогресс есть, как ни тянут назад темные силы, тяготение к свету сильнее. Для жизни нет дороги вспять.

Я теперь понемногу иду вперед в истории русской литературы, и она чрезвычайно интересует меня. Какой гигант был Петр Первый, сколько краеугольных камней он заложил и каких людей произвела его эпоха. Уже один Ломоносов со своей необыкновенной и многосторонней ученостью, талантами и пламенным желанием толкать вперед. Кажется, самому делается теплее, читая о нем. А после Сумароков первый литератор quand-même[38*], даже на наши глаза смешной Третьяковский ⟨!⟩ – все они расчищали почву. Потом академик Мюллер[5], собиратель драгоценных рукописей, историограф, проживший десять лет в Сибири для ее изучения. Как меня приятно задели все сибирские захолустья, которых имена мне еще знакомы, где он везде собирал рукописи, изучал нравы и местность. Даже есть его письмо из Тобольска, города, где я родилась, на немецком языке. Жду когда воротится Алекс, который в отсутствии, чтоб он мне прочитал, сама не разберу, писано оно в 1734 году. Алекс маракует в старых шрифтах.

37* художник (*нем.*).

Что до Лескова касается, я тех вещей не знаю, о которых вы пишете, но к тем немногим, которые были в моих руках, мне нужно было понукать себя, а один рассказ с бесчисленным количеством глав: "*Смех и горе*" я было начала, но не могла продолжать.

А вот что чуть было не забыла, А⟨лександр⟩ А⟨лександрович⟩ прислал мне книгу "Осво⟨божде⟩ние", где есть письма Н⟨атальи⟩ А⟨лександровны⟩ и А⟨лександра⟩ И⟨вановича⟩[6]. Первые тяжелого содержания, другие очень печального. Я еще очень мало читала, я иногда просто в отчаянии, сколько работы для глаз и как ее осилить, а поступиться не хочется. Вот и теперь надо перестать.

У нас все еще тепло, сегодня был такой чудный закат солнца, запад, как в зареве; должно быть, на высотах вид был великолепный. Мы же живем в преисподней, на берегах Аары да и она съежилась, хотя по ночам бывают дожди.

Если я что забыла, простите и повторите вопрос, сегодня не могу более. Обнимаю вас обеих. Ваша М. Р е й х е л ь.

[1] Сын А.А. Герцена.

[2] По предположению Л.Р. Ланского, здесь цитируется письмо Е.Ф. Литвиновой, автора "Нелегальной семьи" (см. выше, с. 554), т.к. в этих ее дневниковых записях встречаются схожие характеристики М.К. Рейхель, с которой она встречалась за границей в 1870-х годах.

[3] См. п. 26.

[4] О каком фельетоне идет речь, не выяснено.

[5] Правильное написание – Мюллер Герард-Фридрих.

[6] См. прим. 2 к п. 17.

25

⟨Берн.⟩ 24 /11 октября ⟨1903 г.⟩

Милая Екатерина Степановна!

Недаром мне чуялось, что у вас нехорошее случилось; какой испуг, могу себе представить, и особенно трудность помочь. Я бы не послушалась Анны Степановны и уже в первый раз послала бы за доктором. Всем сердцем желаю, чтоб опять повторилось, чтоб Анна Степановна могла укрепиться и сил набраться.

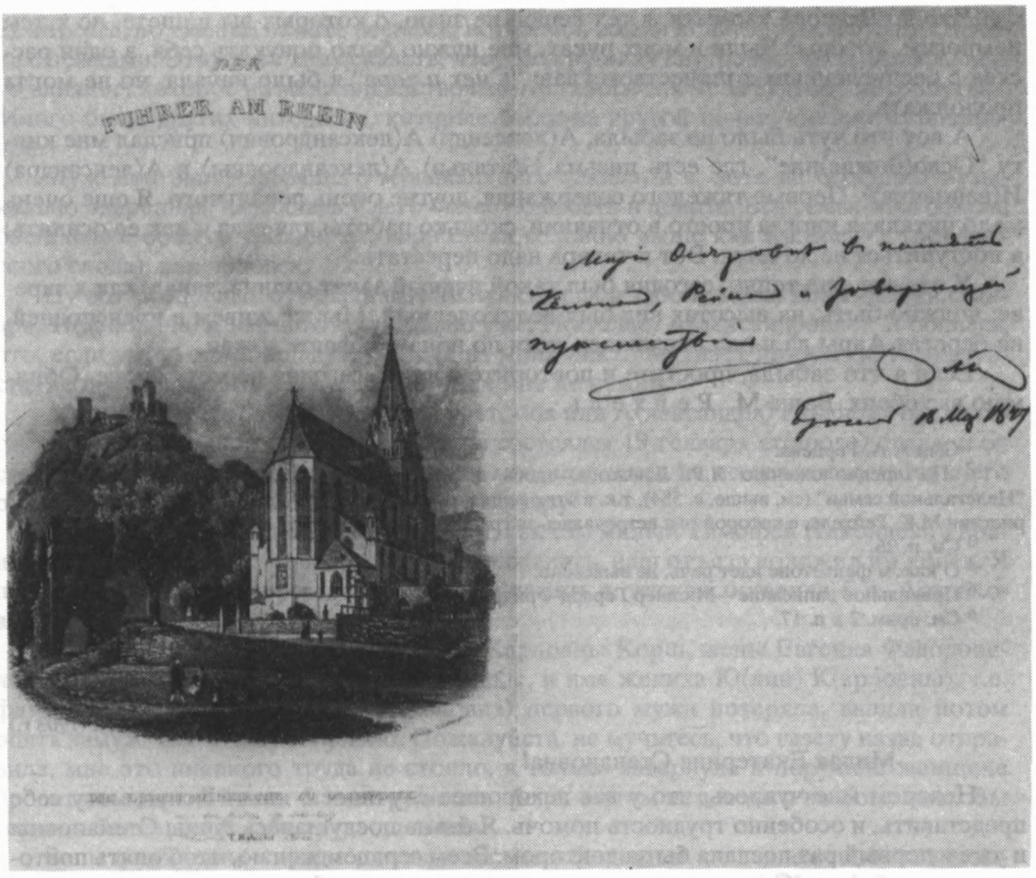
Хочу вам сейчас же ответить. То, что вы пишете о продаже картины, сделало мне тяжелое впечатление, но я тут постараюсь найти circonstances atténuantes[39*]. Может быть, были затруднительные финансовые обстоятельства; такой большой семьей без больших средств трудно вывернуться, не одно воспитание, надобно потом помогать, на собственные ноги поставить, пока не было у сыновей достаточных средств устроиться[1]. Я знаю, что одному сыну долго не везло[2]. Я не знаю, продано ли что, это было бы мне очень жаль и очень грустно. Большой портрет А⟨лександра⟩ И⟨вановича⟩ масляными красками, писанный Ге, очень ценная и дорогая по своему значению вещь[3]. Не знаю, копия ли с нее или другие портреты находятся уже давно в России, все работы Ге. Портрет Нат⟨альи⟩ Ал⟨ександровны⟩ писан не Татой, если вы о том говорите, какой масляными красками писан. Тата еще не могла тогда рисовать, ей было только восемь лет при смерти матери. Но портрет, ею писанный, отца в профиль, очень хорош, и тот находится в ее спальной, значит, сохранен[4]. Остальное очень, очень грустно. Об дублетах я Н⟨аталью⟩ А⟨лександровну⟩ спрашивала, она ответила, что их у нее оказалось очень мало, но она теперь фотографии заказала, и, когда будут готовы, она пришлет их в музей.

И она уговаривает меня писать, и мой сын недавно опять заставлял продолжать. Я теперь опять работаю, но за раз не могу много писать, глаза очень устают. Вот вы хвалите мою память, а если вам когда-нибудь придется читать меня, вы увидите, какие скачки она делает, чтоб оставить пустое место.

Насчет "Ос⟨вобожде⟩ния", может быть я могу прислать, когда все прочитаю, там есть надрывающие душу страницы А⟨лександра⟩ И⟨вановича⟩. Только очень

[38*] несмотря ни на что (*франц.*).

[39*] смягчающие вину обстоятельства (*франц.*).



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ГЕРЦЕНА М.Ф. КОРШ НА КНИГЕ А. ВАЛЬДЕКА "ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО РЕЙНУ" (БОНН, 1844):
"Марии Федоровне в память Кёльна, Рейна и товарищей путешествия А.Г⟨ерцен⟩. Брюссель 18 Мар⟨та⟩ 1847"
Российская государственная библиотека, Москва

скоро прочитать не могу. А⟨лександр⟩ И⟨ванович⟩ не только в числах нашего отъезда со мной расходится, но он и упущения делает, когда пишет, что его мать с Колей и Шпильманом уехала из Цюриха, а я-то? разве я не вместе ехала?

И ехал с нами еще один господин, с которым я бы никак не желала быть в обществе, а именно Гервег. Что до 19 или 21-го касается, это можно узнать в точности, есть, кажется, у Алекса такой календарь, в котором за много лет узнать можно, в какой день такое или такое число падает, если знать день. А мы уезжали в воскресенье[5]. Об письмах я напишу Тате, если они с нею, попрошу прислать мне. Не умею сказать вам, через какую заставу мы уезжали. Черная Грязь была первая станция по дороге в Тверь, большой тракт, мы Тверь проезжали. Об положении дома кн. Хованской тоже не могу вам разъяснить; если б у меня был план Москвы, я бы, может быть, еще нашлась, когда-то он и был у меня. Мы жили в Старой Конюшенной и, когда идти от нас на Поварскую, то дом угловой был на левой руке[5]. Вот все, что могу сказать. Об карточке Карла Фогта постараюсь еще напомнить, может быть из Женевы получить можно. Двойная А⟨лександра⟩ И⟨вановича⟩ будет вам, и дагерротип ниццкой пришлю. Памятник его в Ницце терпеть не могу, лицо какое-то verdriesslich[40*], чего у него никогда не было.

40* угрюмое (*нем.*).

На этой неделе я ездила на день в Лангенталь, впечатление было тяжелое, наружность Ганса не обещает хорошего, встает он только часа на два, на три. Моральное настроение недурно, но худ он страшно. Я ничего не могу сделать, кроме того, чтоб проводить энергично мое мнение ради перемены воздуха. Доктор против того, чтоб его трогать, я этого не понимаю – или уже он так плох, что нельзя ничего предпринять? Бедная мать в тоске и беспокойстве, и уже видны на ней самой следы внутренней боли. Когда я дома и работаю, тогда еще ничего, а когда устанут глаза и надобно дать им отдохнуть, находит такая тоска, что не знаешь, куда деваться. Вы говорите об Нерви, но для этого нужны большие средства, которых недостает. Здесь больше за горный воздух.

На сегодня перестаю, уже поздно, а я еще немножко пациент. Съездивши в Лангенталь, я простудилась, и меня порядком прихватило à la influenza[41*], я ей сейчас хины в отпор. Погода самая подходящая к инфлюэнце, дождь день и ночь и тепленькая вероломная температура. Сегодня к вечеру, кажется, холод обещает, а это было бы лучше.

25-го. Victoria![42*] Мой сын отыскал в календаре день нашего отъезда, и на воскресенье падает 19-го генв⟨аря⟩, а не 21-го. Приписываю только эти строки. Я только что воротилась от детей, и у меня в комнате свежевато, и надобно убираться в постель. Сегодня утром был порядочный иней и потом солнечный день. Чтоб не забыть – портрет Натальи Александровны, писанный масляными красками, сделан был еще в Москве живописцем Рейхелем, который был женат на дочери декабриста Юшневского. Где родился А⟨лександр⟩ И⟨ванович⟩, т.е. в каком доме, этого я уже не могу сказать ни о нем, ни об Н⟨аталье⟩ А⟨лександровне⟩. А теперь покойной ночи!

26-го. Вчера думала, что мне совсем хорошо, а ночью мучил кашель. "Стара, плофа", как говаривал А⟨лександр⟩ И⟨ванович⟩. Посылаю вам двояшку, теперь не будет вам никаких, я все свои альбомы пограбила.

Ах, хоть и хочу писать, а посмотришь сколько на свете угнетающего происходит; все, что скажешь сам, кажется так малозначительным и как-то мало идет к настоящему. Ну, взялся за гуж, не говори, что не дюж. Ваша М.Р.

С письмами поступаю по вашему желанию.

Я сейчас пересмотрела гипсовые вещи, у меня не только рука, но и самой Н⟨а–тальи⟩ А⟨лександровны⟩ маска есть, которую надеюсь тоже переслать[6].

[1] Речь идет о материальном положении сына Герцена – Александра Александровича. Ср. с. 320–324 наст. кн.

[2] Имеются в виду, вероятно, Тутс или Володя.

[3] Известный портрет Герцена работы Н.Н. Ге (написанный художником для самого себя в 1867 г.), находится в Третьяковской галерее; в семье Герцена хранился второй экземпляр, сделанный для Герцена Ге, и копия с него, сделанная Татой.

[4] См. репродукцию с этого портрета в "Лит. наследстве", т. 62 (фронтиспис).

[5] Ср. *ЛЖГ* I, 380.

[6] В этом не сохранившемся доме Н.А. Герцен жила у княгини М.А. Хованской в детстве и юности, до замужества.

[7] См. прим. 4 к п. 17.

26

19-го/6-го ноября 03.
Берн. Марцили⟨штрассе⟩ 22-b

Письмо ваше получила и начну с ответом на ваши вопросы.

1. Через какие города мы проезжали? Помню Тверь, Псков, потом Ригу. В Петербург не заезжали, – и Тауроген[1].

2. Егор Иванович был, конечно, в числе провожатых, и моя мать.

3. Свербеевых не помню, чтоб провожали; наверное, нет.

4. Гер⟨це⟩н, насколько помню, музыке не учился[2] , и думаю, что он не был от на-

[41*] нечто вроде инфлуэнцы (*франц.* и *итал.*).

[42*] Победа! (*лат.*).

туры музыкален, что под этим словом понимается. Зато Егор Иванович был горазд в музыке.

5. Засядка не был поверенным в делах Ивана Алексеевича и не имел с ним сношений. Поверенным по делам был чиновник Григорий Иванович Ключарев, честный, порядочный человек[3]. Засядка был еще очень молодой человек. Женихом Нат⟨альи⟩ Ал⟨ександровны⟩ он не был. Ключарев был некрасив собою и косил глазами. Иван Алекс⟨еевич⟩ все уговаривал меня выйти за него замуж и хотел дать мне приданое. Ключ⟨арев⟩ был уже в летах и вообще не обладал качествами, чтоб понравиться молодой девушке.

Вы пишете, что Н.А. О⟨гарева⟩ заступается за крестьян, это должно само собою подразумеваться, если на это есть возможность. Она не изменила преданиям отца и последующей жизни. Мне вспоминается один случай еще при жизни Ив⟨ана⟩ Ал⟨ексеевича⟩, что и я вступилась за молодую крепостную горничную в присутствии Ивана Ал⟨ексеевича⟩, которой домашний доктор не довольно уделял внимания, когда у ней начались ночные поты. Я ему так сильно выговаривала за его беспечность, что он обиделся и перестал ездить, чему весь дом порадовался. А Иван Алекс⟨еевич⟩ мне никакого замечания не сделал.

Отчего Н.А. О⟨гарева⟩, как вы пишете, живет бедно? Ведь у ней осталась земля, т.е. принадлежавшее ей по наследству имение отца[4]. А родные?[5]

Вот видите, как чествуют в России композитора Чайковского[6], этому я радуюсь, хотя сама не восхищаюсь им. Его имя известно за границей, и его вещи исполняются. Что я его не понимаю, это, вероятно, моя вина, если тут вина есть, я никак не могу найтись в новом направлении музыки. Недавно соблазнил меня мой сын пойти с ним в наш театр слушать "Волшебную флейту" Моцарта. Это такая волшебная музыка, такое богатство содержания музыкального. Я много лет не слыхала ее и чуть не расплакалась от умиления.

Наш новый театр отделан прелестно, и декорации хоть куда. Нам нужно было идти пешком при скверной погоде, зато и устала я, и всю неделю сижу дома, потому что в такую погоду и носу высунуть нельзя. Неделю тому назад я провела несколько дней в Лангентале и воротилась с тяжелым сердцем. На выздоровление юноши нельзя надеяться, он хотя и встает на несколько часов, но очень слаб и в продолжении этих нескольких часов ложится на chaise longue[43*] отдохнуть. Мать Ганса – мученица, она все делает, чем только может облегчить и утешить больного. К счастью, он не подозревает своего состояния, и надобно делать над собою усилия, чтоб не показать виду заботы и огорчения. Я боялась, что эта скверная погода ухудшит его состояние, но, по-видимому, он не чувствует себя хуже. Вчера и сегодня я получила от него две открытки, которые для меня, как реликвии. Вы поймете, что все мое теперешнее настроение смурное. Последнее, о чем я писала, были печальные события, катастрофа, смерть и опять смерть, я опять переживаю тогдашние ощущения, как будто это было недавно.

Почему я не хочу писать о романе Н⟨атальи⟩ А⟨лександровны⟩? Я боюсь, что не могу говорить об этом довольно объективно. Как я впоследствии ни помирилась, нельзя же мне не прощать, когда он простил. Но все еще есть остаток ressentiment[44*] за это непонятное увлечение, за грех против такого человека, такого мужа. Это психологическая задача. Я была свидетельницею многого, и вы поймете, как это меня грызло. У меня есть документ, который сам А⟨лександр⟩ И⟨ванович⟩ дал мне списать и беречь, где он пишет о том, когда узнал об этом несчастном заблуждении[7]. Я узнала, о чем прежде догадывалась, от других, и, по-видимому, что-то вкралось в моих письмах туда. А⟨лександр⟩ И⟨ванович⟩ догадался и писал уже открыто, это было после их примирения. Какой человек, что мог опять подать руку и сердце, мог спасти, а его мимолетное заблуждение она годы не могла переработать. Видите ли, когда вы меня все о Н⟨аталье⟩ А⟨лександровне⟩ спрашивали, я не могла прямо ответить, пото-

---

43* шезлонг (*франц.*).

44* злопамятства (*франц.*).

му что не знала, насколько вам самим обо всем известно было. Она была несчастная женщина, потеря многих детей, потом эта вспышка, которая грозила ей отдалить ее от оставшихся, и опять потеря, страшная, страшная болезнь ее, и конец она искупила страданиями! Я не могу избавиться от боли, зачем это было, зачем эти люди не были счастливы, когда так много задатков для обоюдного счастия было? У меня нет ненависти в характере, но Гервега я ненавидела. Я уже не любила его, когда он еще оставался у нас, т.е. у Луизы Ивановны, в Цюрихе, в нем было что-то sournois[45*], непрямое, подластивающееся. Это была змея подколодная.

Я еще не могу читать Чехова, хотя и пробовала, оставлю до пока буду спокойнее. Вы и другие правы, что никто так не пишет как Г⟨ерце⟩н, но разве много таких богатых натур, такого всеобъемлющего понимания и такого темперамента, остроумия, поэзии. Письма Луизы Ив⟨ановны⟩ много в себе не заключают и писаны без ортографии. Она часто сообщала о их вседневной жизни, о наслаждении природой, но есть и о разрыве с Герв⟨ег⟩ами. Но правды она, к счастию, не знала[8].

20-го.

Это было писано вчера, сегодня получила письма Г⟨ерцена⟩, пока еще не все. Они очень драгоценны, в них отражается Г⟨ерцен⟩, как в зеркале. Вы говорите, что Ольга Александровна – дочь Гервега, я этого факта не признаю. Она очень похожа на бабушку, мать А⟨лександра⟩ И⟨вановича⟩.

21-го

Вчера не могла более писать, мне было не совсем по себе, а, главное, пришли письма Г⟨ерцена⟩, и я принялась за просматривание их. Но еще они далеко не все, хотелось бы вам кое-что из них сообщить, но моя женщина кончила свою работу и уходит, она возьмет письмо с собою, чтоб бросить в ящик, сама еще боюсь выходить. Еще хочу ответить на ваши вопросы об m-me Корш (Софье Карловне). Она урожденная Рейссиг (Reissig). Юлия Карловна по первому мужу называлась Неймарк, а по второму Крюгер. Теперь, кажется, я на всё ответила, спрашивайте далее. А пока до будущего свидания на бумаге будемте переносить скверную погоду по силам, желаю вам и А⟨нне⟩ С⟨тепановне⟩ побольше последних. Теперь буду больше писать, благо надо сидеть дома. Обнимаю вам обеих. Ваша М. Р е й х е л ь

Газеты получила с портретами Брандукова и Чайковского. Первый теперь принужден еще пребывать здесь, жене его делали тяжелую операцию, и она еще не поправилась. Бранд⟨уков⟩ мой старый знакомый, я его вижу редко, он почти не выходит.

[1] Герцены и их сопровождающие приехали в Тауроген 31 января/12 февраля 1847 г.

[2] Герцен в детстве некоторое время учился музыке у И.И. Экка (см. *ЛЖГ* 1, 32).

[3] Ключарев вел дела Герцена до и после его отъезда за границу.

[4] О жизни Тучковой-Огаревой в деревне после возвращения в Россию см. выше, в ее письмах к Некрасовой.

[5] Имеются в виду племянница Тучковой-Огаревой Н.Н. Сатина и ее родня.

[6] В 1903 г. отмечалось десятилетие со дня смерти П.И. Чайковского.

[7] Речь идет об увлечении Н.А. Герцен Г. Гервегом. Скорее всего, Рейхель сообщает Некрасовой о письме Герцена к Э. Гаугу от марта 1852 г. (см. XXIV, 242–259).

[8] См. письма Л.И. Гааг к Рейхель в "Лит. наследстве", т. 63, с. 393–409 (публикация Н.Д. Эфрос).

27

⟨Берн. Конец ноября 1903 г.⟩

Можете читать это после или совсем не читать.

Милая Екатерина Степановна!

Часть писем Г⟨ерце⟩на, которые я получила, писаны ко мне в 51 и 52 годах. Я была подавлена вновь бездной страданья и несчастий, о которых идет речь. Я беру назад, что я называла в последнем письме ressentiment, я преклоняюсь перед этими

[45*] притворное (*франц.*).

людьми, прошедшими через пытку и огонь страданий душевных и телесных; что Н⟨аталья⟩ А⟨лександровна⟩ из последних перенесла – почти невероятно, что это было возможно. Тогда я узнавала это не вдруг; теперь же, читая все зараз, я ужаснулась. Вы спрашиваете, читала ли я пятый том "Б⟨ылого⟩ и д⟨ум⟩", но для меня там ничего нового быть не может, я все знаю из писем Г⟨ерцена⟩ ко мне. Он писал часто обо всем с полным доверием. Есть несколько строк карандашом от нее, где она говорит: "Твоя душа – мера в суде. Что до меня касается, несмотря каков он – до гроба та же к тебе"[1].

Вы иногда говорите, что я часто защищаю детей ⟨Герцена⟩ или не делаю того и сего из Bückling[46*] к ним. Поймите, что дети Г⟨ерце⟩на мне дороги и близки, как мои собственные. Еще при жизни Н⟨атальи⟩ А⟨лександровны⟩ она и он совещались, куда с детьми в случае их смерти. Их мысли останавливались на Наталье Алексеевне и мне, но первая была далеко, я в Париже, значит, ближе, и не раз заклинает Г⟨ерцен⟩, чтоб мы не уезжали из Парижа, и прибавляет, шутя, что он нам своей визы не даст. Мы тогда думали не оставаться в Париже во время регимента[47*] третьего Наполеона, где недоставало воздуху сколько-нибудь свободно дышать. Из этих писем Г⟨ерце⟩на нельзя передавать, т.е. выписывать, но они должны со временем сделаться достоянием архива, как Румянцевский музей, как источники для этой тяжелой эпохи жизни Г⟨ерцы⟩ных. Тот третий[2] – исчадие ада; когда его жертва ускользнула, он растерзал ее преследованиями и клеветой. Да, вот какие люди бывают, лицо человека и душа злого духа. Когда-нибудь дойдет и до вас эта глубоко драматическая история, а может быть, что вы и теперь много знаете. Карл Фогт очень близко стоял к А⟨лександру⟩ И⟨вановичу⟩, особенно в это время, я непременно доберусь до его портрета и пришлю его для музея Р⟨умянцевского⟩. Хотите ли я вам пришлю и мой портрет, рисованный Горбуновым[3], он в один день нарисовал Нат⟨алью⟩ А⟨лександровну⟩, Марью Федоровну ⟨Корш⟩ и меня. В одном из писем Г⟨ерце⟩н называет меня последней могиканкой того круга[4], и мне пришло в голову опять примкнуть к нему. Незадолго до смерти Нат⟨альи⟩ Александровны Г⟨ерцен⟩ просил меня приехать в Ниццу; уезжая после оттуда, я везла к себе Тату и Ольгу. Ольгу я мало знаю, тогда она была еще маленькая, позже редко случалось встречаться с нею. Но Тата всегда оставалась близкою и до сих пор. В ней более всех от отца, и вышла бы она замуж, у ней, верно, были бы дети отцовского наследия. Из молодого поколения я мало кого знаю.

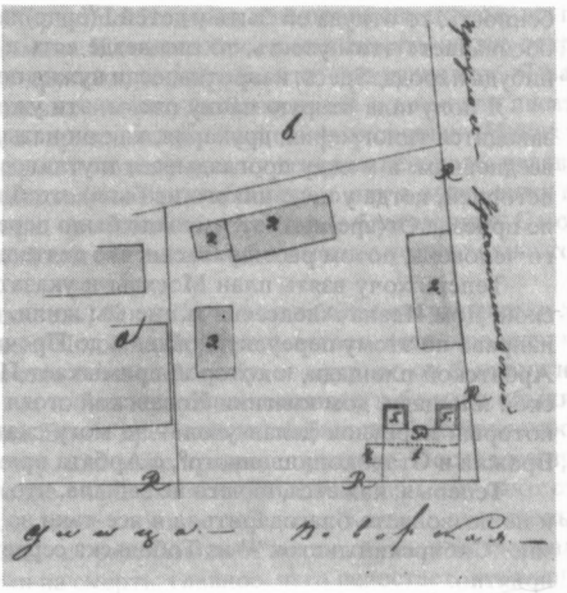
Вчера и сегодня светит солнце и, наконец, отдыхаешь от этих бурных, мокрых дней.

3 декабря. Милая Екатерина Степановна! Начало этого письма было уже довольно давно написано, не хочу ни переписывать, ни переменять, а хочу сейчас ответить на ваше только что полученное письмо. Подлости и низости я никогда не могу извинять, а по вашему письму этой низости дал волю А⟨лександр⟩ А⟨лександрович⟩ своим неосторожным даванием в грязные руки таких интимных писем, о которых вы пишете[5]. Позволите ли вы мне переговорить об этом с Нат⟨альей⟩ Александровной? Этому, т.е. такому печатанию, по крайней мере в будущем, надо стараться поставить преграду. Ваше обвинение против А⟨лександра⟩ А⟨лександровича⟩ очень веско, я не могу принять его à la lettre[48*] – была большая неосторожность отдавать малоизвестному лицу. Письмо Ог⟨арева⟩ к Грановскому, где не только о Н.А. О⟨гаревой⟩, но и о друзьях невыгодно говорится, очень важно, мало ли что можно сказать близкому человеку иногда, может быть, в излишнем возбуждении – но давать этому гласность, больше нежели неделикатно[6]. И потому надобно это разъяснить, другого средства я не вижу, как прямо спросить об этом, и потому я этот раз письма вашего не разорву. Я думаю, что мой голос будет иметь вес в семье Г⟨ерцены⟩х, дружба отца ко мне, а моя к нему уж и подавно обязывает меня относиться к ним прямо и откровенно. Да

46* угодливости (*нем.*).
47* правления (*нем.* Regiment).
48* буквально (*франц.*).

вы все в собирательном говорите: дети Г⟨ерце⟩на. Из них только один А⟨лександр⟩ А⟨лександрович⟩ является действующим лицом. Ольга, я думаю, тут не при чем, она, кажется, и по-русски мало знает. Муж ее прекрасный человек чисто благородного характера.

Что до Нат⟨альи⟩ Александр⟨овны⟩ касается, то я ручаюсь, что она не дала своего согласия давать того письма, где об обвинениях и подозрениях друзей на Н.А. О⟨гареву⟩ говорится. Да и сами эти обвинения и подозрения кажутся мне призрачными. Я ничего достоверного об этом не знаю, слышала только, что встреча с Н⟨атальей⟩ А⟨лексеевной⟩ не была симпатична. Я перебирала теперь много писем Марьи Федоровны; в одном говорится, что после смерти Грановского Н⟨аталья⟩ А⟨лексеевна⟩ была менее раздражительна.



МОСКВА. ПЛАН ВЛАДЕНИЯ М.А. ХОВАНСКОЙ (УГОЛ ПОВАРСКОЙ И КРЕЧЕТНИКОВА ПЕРЕУЛКА)
Чертеж, 1843
Центральный исторический архив научно-технической документации г. Москвы
В доме кн. М.А. Хованской воспитывалась и жила до замужества Н.А. Герцен (Захарьина)

Об вашем письме не беспокойтесь, я его никому не покажу. Что Гер⟨шен⟩зон хочет печатать о нелегальности соединения Н⟨атальи⟩ А⟨лексеевны⟩ с Огар⟨евым⟩, я могу только сказать на это, что он скот, и за то, что он камнем бросает, он заслуживает, чтоб и его забросали, и я уверена, что найдутся люди, которые это сделают. И в этой низости Г⟨ершен⟩зона никто из нас здесь не виноват. Насчет того, чтоб притянуть А⟨лександра⟩ А⟨лександровича⟩ к суду, было бы трудно ради различных мест жительства; впрочем, я в это не мешаюсь.

Статей Батуринского[7] я не читала. Если он перепечатывает из "Б⟨ылого⟩ и д⟨ум⟩", этого, думаю, тоже запретить нельзя ради давности написанного и изданного. Тут мог бы прежде сам издатель протест изъявить – но после прошествия тридцати лет все vergährt[49*].

Вы говорите, что Наталья Александровна, моя Тата, заботится только о своих племянниках, а разве этого мало, – когда у нее собственной личной жизни не создалось, она не об одном их материальном или физическом благоденствии заботилась, она помогала их образованию, их духовной пище. Я в Тату верю, она всего менее заботится о себе. Если Ольга Алекс⟨андровна⟩ не желает, чтоб печатался 5-й том, я не знаю по какой причине, но ваше предположение о ее рождении ошибочно. Гер⟨це⟩н считал ее своею дочерью и в одном из писем говорит, что у нее во многом проявляется его натура. Насколько это верно, я судить не могу, потому что совсем ее не знаю. Вы спрашиваете о ненавистном мне Гервеге. Да, он жил у нас в Цюрихе после отъезда Нат⟨альи⟩ Алекс⟨андровны⟩ в Париж к мужу. Нат⟨алья⟩ Александр⟨овна⟩ оставалась у нас в Цюрихе в то время, как А⟨лександр⟩ И⟨ванович⟩ и Л⟨уиза⟩ И⟨вановна⟩ ездили в Париж по денежным делам. Сам Г⟨ерце⟩н выписал, насколько помню, этого господина для общества Н⟨аталье⟩ А⟨лександровне⟩. Я уходила на целый день в школу с Колей. Это была большая ошибка со стороны А⟨лександра⟩ И⟨вановича⟩. Герв⟨ег⟩ мне никогда не нравился, потом я еще мало знала по-немецки.

Что вы называете швейцарским характером? Если есть какая-нибудь его осо-

49* сошло на-нет (*нем.*).

бенность, то откуда ей быть у детей Г⟨ерце⟩на. Они не здесь росли. Может быть, вы обозначаете этим узость, то она везде есть и не одна отличительная черта какого-нибудь народа. Здесь, напротив, если нужна помощь, то она приходит со всех сторон.

Я получила вторую пачку писем, эти уже из Лондона, где начинается работа и заводится типография, друкарня, как он называет. Он пишет обо всем, сурьезном и вседневном, и между проглядывает шутливое. Я могу назвать этот период древней историей, когда у него никого не было, чтоб высказываться без принуждения. После приезда Ог⟨аре⟩вых[8] это должно было перемениться, имея вблизи такого близкого человека, потом расширялась и его деятельность, но забыта я не была.

Теперь хочу взять план Москвы и указать улицы, по которым идти до Поварской. Дом Ивана Алексеевича, где мы жили, стоял в переулке Сивцев Вражек. Идя направо по этому переулку, дойдешь до Пречистенского бульвара, оттуда налево до Арбатской площади, к которой примыкает Поварская. Идя по Поварской с Арбатской площади, дом княгини Хованской стоял на левой стороне и был угольный, но который переулок делал угол – не могу сказать. Наш дом стоял на углу Сивцева Вражка и Староконюшенного[9], с Арбата прямо в ворота[10].

Теперь я, кажется, ничего не забыла, что ответить было нужно. Теперь, хоть вы и не позволяете благодарить, а я все-таки за ваше такое милое внимание прислать мне "Сибирский листок"[11] из Тобольска сердечно благодарю, мне это было сладко и приятно.

Вчера и сегодня у нас морозик, и снегу немного выпало, а то уж чересчур много было мокроты. Мой внук сравнительно недурно перенес туманы и дождливую погоду, а дальше? Надежда и страх – всё вместе. Обнимаю вас и Анну Степановну, не волнуйтесь, это ни ей, ни вам не впрок пойдет. Ваша М. Р е й х е л ь .

[1] Приписка к письму Герцена от 18/6 февраля 1852 г. (см. XXIV, 234–235).

[2] Гервег.

[3] Рисунок К.А. Горбунова (1845) хранится в *РГАЛИ*. См. его воспроизведение в "Лит. наследстве", т. 63, с. 421.

[4] Письмо Герцена от 1 января 1852 г. (см. XXIV, 223).

[5] Некрасова, вероятно, выражала недовольство тем, что А.А. Герцен передал М.О. Гершензону подлинники ряда писем Герцена (ср. "Лит. наследство", т. 96, с. 586 и след).

[6] О каком письме Огарева идет речь, не установлено.

[7] Книга "А.И. Герцен, его друзья и знакомые" В.П. Батуринского до выхода в свет отдельным изданием (1904) печаталась в виде статей в журнале "Вестник всемирной истории".

[8] Имеется в виду приезд Огаревых в Лондон в 1856 г.

[9] Неточно: Малого Власьевского переулка.

[10] См. в наст. томе работу С.К. Романюка "Герцен в Москве".

[11] "Сибирский листок" – тобольская газета, издававшаяся в 1901–1916 гг.

28

4 генваря ⟨1904⟩ / 22 декабря ⟨1903 г.⟩ Берн.
Marzilistrasse, 22-b

Милая, дорогая Екатерина Степановна!

2 генваря я воротилась из Лангенталя и прежде нежели успела отвечать на ваше письмо от 23 ноября, как по приезде принесли ваше письмо от 15 дек⟨абря⟩ и книгу Ватур⟨инского⟩[1], еще лежали на столе две газеты, которые я только теперь просмотрела. С которого конца начать благодарить вас, вашей доброте и милому вниманию нет ни конца, ни начала. Только в то же время я очень сурьезно должна протестовать, что вы столько тратите денег на меня, ведь книга Бат⟨уринского⟩ очень ценная. Только освобожусь от ответов на несколько писем, примусь читать. А читать есть чего много.

Буду теперь отвечать на все ваши соображения и вопросы.

Погода и у нас была милая, а теперь уже несколько недель холод, снегу мало, кой-где только лежит тоненькой корой. А последние дни с здешнего нового года даже солнце является, мы его очень давно не видали.

Об отъезде Герц⟨еных⟩ (я говорю Герценых, мне кажется правильнее говорить

Г⟨ерце⟩ных, так как именительное Г⟨ерце⟩ны. Поэтому я не понимаю, почему вы говорите Гер⟨це⟩*нов*). Я скажу, что́ помню. К сожалению, и моя память не все сохранила, одни впечатления заменялись другими, и подробности улетучивались. Я вам, вероятно, и теперь безалаберное письмо напишу, в Лангентале я не могла писать, мне уже туда пересылали письма, а по приезде сюда я нашла их несколько. Никак не могу найти ваше предпоследнее письмо и потому возьму теперь последнее, недавно полученное. Благодарю вас несказанно за все ваши желания, в них я опять вижу ваше прекрасное, горячее сердце, а знать, что такое есть – великое благодеяние. С моей стороны не менее сердечных желаний вам обеим, если б возможно только было тотчас исполнение.

Что вам о моем бедном внуке сказать? Я нашла его еще более исхудавшим в лице и с ужасно серьезным выражением. Но он каждый день встает, хотя и должен часто прилечь, чтоб отдохнуть. Мы очень боялись, как будет елка, но он был при ней и радовался на подарки свои и других и был несколько оживлен и больше обыкновенного остался дольше после ужина. В мое пребывание он был вообще более сообщителен и или смотрел на игры сестер, или даже принимал участие. Последнее проявление болезни – дурное пищеварение очень его ослабило, но теперь ему дают стерилизованное молоко, которое оказывает хорошее действие. Кашель значительно уменьшился, и ночи лучше. И сказать ли? рассказывают много случаев выздоровления больных, обреченных докторами на смерть; главное, чего недостает, это воздух. Генварь еще очень длинный месяц; в феврале бывают уже очень солнечные, теплые дни. Всю гнилую погоду больной перенес относительно недурно. Его мать, бедная, настоящая мученица, опять надеется, далеко не всякая мать способна на такое самоотвержение, как она, и потому самомалейший признак улучшения дает ей новые силы и новую надежду. В самом Лангентале были случаи выздоровления. Боюсь и я надеяться, боюсь и совсем отчаиваться.

Карточек с изображением картин из Третьяковской галереи я не получила. Бывши в 1898 г. в России, мне не удалось видеть эту галерею, она была заперта. Не посылайте мне портрет Г⟨ерце⟩на; если он дурен, я лучше хочу не видать его. Уже первый портрет у Бат⟨уринского⟩ дурен, какое-то вытянутое, безжизненное лицо. У меня есть гравюра этого портрета, сделанного в первое пребывание Г⟨ерцена⟩ за границей. Памятник его ужасен, лицо не его, а кого-то очень verdrieβlich[50*], и как дурно сделана одежда, с обоих боков точно короткая драпировка. Понять не могу, кто решил поставить такое изображение[2]. Я надеюсь,что Фелиц⟨ына⟩ скоро кончит с экзаменом, только сейчас ли она поедет, сомнительно. Карла Фогта получила от Н.А. Г⟨ерцен⟩ и приложу его к этому письму.

Еще гостинец открыла я на столе моем, воротившись: несколько нумеров "Тобольского листка"[3], присланные Семидаловым; пожмите ему руку за такое внимание и скажите ему, что я чрезвычайно рада хоть издали иметь раз прямое сношение с человеком из моей дальней родины. Меня все интересует, что до Сибири касается; и за границей об ней пишут и мой знакомый швейцарец присылает мне разные об ней сведения, которые он находит в журналах. И я радуюсь слышать, что Семидалов такой горячий поклонник Г⟨ерце⟩на.

Что до писем последнего касается, я, как начну, не могу оторваться от них. Вы пишете, что история с Гервегом известна в России. Я вам приведу одно место из письма, где он сам не боится гласности. Разумеется, что я буду приводить, что возможно, из писем, ведь это самый главный интерес. Что до Экка касается, все это было до моего времени, т.е. до моего приезда в Москву, и потому я не могу разъяснить вам этого.

Из Таурогена мы, точно, пересаживались в прусские дилижансы, возки же уехали назад, ведь нас провожали Зонненберг, Татьяна, бывшая кормилица Таты, и старый слуга. Возками, вероятно, распорядился Егор Иванович в Москве. Кетчер с Серафимой или без нее был в числе провожатых. Вероятно, и Силинька, как мы звали Серафиму, тоже была на проводах, наверное сказать не умею.

[50*] угрюмого (*нем.*).

Вы только в последнем письме писали об инциденте должного быть заседания любителей рус⟨ской⟩ слов⟨есности⟩. Что молодежь поступила самовольно, это так, но чего же было пугаться членам администрации до такой степени, чтоб все последующие заседания отменить? "Колокол" бы на них! История с Герье тоже не в меру, мне кажется, что Герье поступил правильно, имея намерение возвратить деньги тому, от кого получил на курсы. Я не знаю ближе, что и как, и не могу судить. Но поступок студентки некрасив, и я думаю, что такие выходки более портят, нежели помогают. Такими тяжеловесными протестами нельзя воспитывать и нельзя развивать[4].

Вы меня в прошлом письме, кажется, спрашивали, можно ли напечатать письмо М.С. Щ⟨епкина⟩[4]. Я думая, что в нем ничего не прямого нет, я предоставляю это вашему усмотрению, но денег за него получать не желаю, и с этим поступите, как желаете. Насчет печатания пятого тома, думаю, есть другая причина. Вероятно, еще жива жена Г⟨ерве⟩га, которая может наделать неприятности[5].

Нашла ваше письмо. Но сегодня уже поздно, буду завтра дописывать. Я несколько вечеров сряду поздно ложилась, а это чувствуется.

5-го

Простите, ради бога, я опять напачкала чернильных пятен. Хотела еще больше писать, но моя помощница опять больна, вместо нее приходила дочь, и мне нужно было более указывать, что много времени взяло. Только одно прибавлю, что я московских женщин ценю, и люблю в памяти, я много дружбы и сочувствия имела от них. А теперь пока прощайте до свидания на бумаге.

Ваша М.Р.

[1] Книга В.П. Батуринского "А.И. Герцен, его друзья и знакомые" в противоречии с годом, указанным на титульном листе (1904), вышла в свет еще в 1903 г. (ценз. разрешение 8 июля 1903 г.). См. рецензию на нее в "Русских ведомостях" от 17 ноября 1903 г. Ср. также прим. 7 к п. 27.

[2] Речь идет о скульптуре П.П. Забелло на могиле Герцена в Ницце. Памятник заказан был А.А. Герценом.

[3] Имеется в виду "Сибирский листок". См. прим. 11 к пред. письму.

[4] См. прим. 3 к п. 20.

[5] Печатанью тома пятого "Былого и дум" (точнее, глав о семейной драме Герцена) препятствовали его дети. См. об этом в ряде публикаций 1-й и 2-й кн. наст. тома.

29

14/1 генваря 1904 Берн

Милая, дорогая Екатерина Степановна!

Сейчас получила вашу карту от 29-го декабря. Она ужасно долго шла. Спешу сообщить, что присланные вами карты из Третьяковской галереи я все нашла, когда начала разрезывать книгу, вами присланную. Но, прежде всего, сегодня наш русский Новый год, и позвольте обнять вас и А⟨нну⟩ С⟨тепановну⟩. Если б я только могла колдовать, чтоб доставить вам здоровья, о котором вы пишете такие нехорошие известия! Всем сердцем желаю, чтоб вы обе поправились. А мне так много надо благодарить вас и особенно за книгу Бат⟨уринского⟩. Я еще далеко не все прочитала, но что читала, всё с большим интересом. Многое мне знакомо, то, напр⟨имер⟩, что в посмертном издании есть. Наконец, сам Г⟨ерцен⟩ является явно в печати, это большой шаг вперед. Дальше, что просматривала, напр⟨имер⟩, что Г⟨ерцен⟩ говорит о книге Тургенева "Отцы и дети", для меня ново и еще более разъясняет смысл этого романа. Я его очень люблю и несколько раз читала. Взгляд Г⟨ерцена⟩ на художество я переводила сыну. Только Г⟨ерцен⟩, говоря о мещанстве, подразумевает, думаю, Запад. У нас этого нет, т.е. Tiers état[51*], может быть можно поставить на место чиновничество. Наши мещане, как было прежде, были только не крепостные. Я не знаю, как теперь в России, в мое время еще очень на касты разделялись. Вообще время принесло много новых форм, и в жи-

[51*] третье сословие (*франц.*).

вописи немало хороших вещей. Я, конечно, знаю только то, что здесь можно видеть, и между швейцарскими художниками есть замечательные. Теперь временно выставлены произведения недавнего умершего Сегантини, о котором много говорят. Не знаю, достанет ли у меня ног идти взад и вперед в Музей, трам в ту сторону не ездит пока, к тому же испортилась погода, после довольно долгого периода холодного времени и сухой дороги задул Föhn[1], от которого все тает; переходя сегодня через улицу, ветер понукал меня. Мне все время было нужно много отвечать на праздничные письма и карты, так что я совсем замоталась и потому не могла писать вам. С одной стороны, болезнь внука гнет ко дну, бывают иногда минуты тяжелой безнадежности и опускаются руки; с другой стороны, я получала и еще теперь получаю много знаков внимания, которое не может не трогать. Сегодня и от Нат⟨альи⟩ Александровны получила открытку с поздравлениями к нашему Н⟨овому⟩ г⟨оду⟩ и несколько задушевных строк. Внуку моему и его матери то близко к отчаянию, то опять немного менее худо. Сам он все еще не знает своего состояния, но иногда уже плачет от страшной слабости и недомоготы, и тогда уже чересчур тяжело, зная и видя это. Я воротилась 2-го генваря по здешнему стилю, чтоб видеть еще дочь Алекса, которая приезжала к праздникам и должна была возвратиться в Лозанну.

Сегодня получила от вас два рассказа Л.Н. Т⟨олстого⟩, только еще не прочитала, у меня сегодня было много дела, надобно было прибирать комнату, у меня будет скоро визит одной дамы. Вчера пришла газета о посещении Брайана, у Л.Н. Т⟨олстого⟩[2], интересны будут стенографические сообщения. Сам артикль[52*], я нахожу, написан уж очень подобострастно. "Новое время" я вам тотчас же по прочтении отправила, там было много для меня интересного, я читаю не только помеченное синим карандашом, но заглядываю и около. Прежде, когда существовала "Неделя" и ее книжки, там были разные отделы об новых открытиях, о нашей и иностранной литературе, теперь мне всего этого недостает. Сибирская газета меня очень интересует, была бы я богата, или хоть только побогаче, нежели теперь, я могла бы моей родине быть полезна, и с какой бы охотой.

Несмотря на то, что большая перемена против прежнего, есть еще многие темные места и мели. Я недавно имела случай видеться с одной молодой девушкой швейцарской, которая провела четыре года в Восточной Сибири далеко за Иркутском. Она была в семье инженера при постройке жел⟨езной⟩ дор⟨оги⟩. Она говорит хорошо по-русски и много мне сообщила. Что говорят журналы о книге Бат⟨уринского⟩ и говорят ли? Правда, что теперь только и речи – будет ли война или нет, и здесь поминутно противуречащие известия в ту или другую сторону, так что не знаешь, чему верить, и не без тревожного чувства.

Чтоб не забыть сказать, благо об этом вспомнила: у меня нет портретов Н⟨а–тальи⟩ А⟨лександровны⟩ и Марии Федоровны Корш.

15-го. Сегодня принес почтальон утром ваше письмо с картами. Я села, взявши loupe[53*], и долго рассматривала, какие прекрасные вещи. Какое вы мне наслаждение доставили, милая, добрая Екатерина Степановна, я уж не знаю – как благодарить вас, ведь я только теперь через вас знакомлюсь с русскими художниками, по именам знаю некоторых только. Кому отдать предпочтение, все в своем роде хороши. Васнецова, наконец, вижу, его картина делает такое цельное впечатление. "Христос" Крамера очень хорош. Да я всем долго любовалась, одной менее других: Лебедева "К сыну". Какие лица на "У жел⟨езной⟩ дороги"; каждое живо и типично, и "Осень" и на Генисар⟨ском⟩ озере прелесть. Теперь буду часто смотреть. Письмо не кончила с приготовлениями. А на дворе буянит, то солнце à la весна, то буря со снежным ураганом. Прощайте. Целую вас и А⟨нну⟩ С⟨тепановну⟩. Здоровья бы вам. Ваша М. Ф е й х е л ь.

[1] Фён (*нем.*) – сухой и теплый ветер, дующий с гор в долины.

[2] У. Брайан посетил Толстого 5 декабря 1903 г.

52* статья (*франц.* article).

53* лупу (*франц.*).

30

29-го / 16 генваря ⟨1904 г.⟩.
Берн. Marzilistrasse, 22-b

Милая, дорогая Екатерина Степановна!

Давно пора ответить вам на ваше письмо, которое я получила на прошлой неделе, но тогда у меня гостила одна близкая особа, потом я хотела прежде, нежели писать вам, кончить книгу Батуринского, за подарок которой не могу довольно благодарить вас.

Я читала ее, мало сказать, с интересом, но с сердечным участием и душевной грустью ради трагической судьбы Герцена.Сколько страсти, сколько сил положил он на осуществление идеалов, которым верил, и куда все это делось – после высокой ступени, на которой стоял, сколько пришлось ему слышать нареканий и чуть не презрения со стороны молодого поколения, в Женеве. Но сила его и тут ему не изменила, он нашелся в понимании, в разгадке, почему все так было. Читая все это, так страшно тяжело было. Это все мне малоизвестно было, с 1857 по 1867 я жила в Дрездене – и только в 1867 мы переехали в Берн, когда Герцен находился в Женеве за два года до его смерти, и виделись только раза три на короткое время. О его смерти в начале 1870 г. я узнала из газет.

Письма Тургенева чрезвычайно интересны, я из них еще более научилась уважать его именно за его отношение к Г⟨ерцену⟩. Он, точно был ему преданный друг и почитатель, во многом хотя не согласный в мнениях, но со здоровыми, опытными взглядами. Мне было ужасно больно, ради различия взглядов дошло до разрыва, хотя последний все-таки не мог быть окончательным между людьми честных стремлений, и я была права, что они еще встретились и виделись дружески. Не могу не сказать, что личность Огарева бледнеет, он как будто тень без тела, – где поддержка, где твердая опора? Я должна признаться, что Тургенев гораздо более вносит почвы. Мне кажется, что Огареву лучше бы было остаться в России, которую так любил, с ее природой, с своей задумчивой и вдумчивой музой. Лондон не шел к нему, ни он к Лондону. Но судьба тасует людей по-своему. Идеальная дружба Герцена и Огарева, так восторженно начавшаяся еще в детстве, стремилась уменьшить расстояние – "вместе вошли в жизнь, – писал мне раз А⟨лександр⟩ И⟨ванович⟩ из Лондона, – вместе и выйдем"[1].

А идеалы Г⟨ерцена⟩? Наслышавшись от него об общине, я сама в нее верила, сама я не была с ней знакома, потому что не видела ее вблизи, а теперь, по-видимому, оказывается, что она не ведет к развитию, а способствует, скорее, к застою. Насколько Г⟨ерцен⟩ мог ошибаться в форме, вера его в будущность, в развитие спасла его, лишь бы не останавливалось, а что это так, я вижу из присылаемых вами печатных листов – сидел же Илья Муромец сорок лет сиднем и начал вдруг ходить; пожелаем ему, чтоб ноги его окрепли, у него еще не прошли богатырские замашки – но чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. Подчас тоска берет, когда кажется, что на свете все не той дорогой идет, и сколько катастроф, крушений, пожаров, землетрясений и колоссальной людской гибели, а присмотришься – ростки молодой травки новых горизонтов пробираются к жизни – мы, дескать, еще поживем. Простите мое разглагольствование, уж такой стих нашел.

Теперь позвольте мне не послушаться вас и русской грамматики в склонении имени Герцена. *Тогда*, в мое время, всегда говорили Герцены, Герце*ных*, к Герце*ным*, и мне кажется, что я изменю тому старому времени и всему его содержанию, столько для меня ценному, если примусь говорить Герце*нов*; это мне чуждо, и на этом оставьте уж меня быть консерваторкой. В остальном вашем грамматическом уроке я соглашаюсь и признаю. Я, впрочем, заметила не раз, что язык меняется и принимает другие формы; напр⟨имер⟩, прежде писали: тон – тоны, а теперь пишут тон – тона, и так везде в схожих словах.

На прошлой неделе была годовщина смерти Г⟨ерце⟩на, и мы с Татой перекликнулись, а послезавтра годовщина нашего отъезда из Москвы 19/31 генваря 1847 г. 57 лет!

Большое спасибо за все ваши пожелания, но чудо не совершается, хотя больной внук еще жив, но безмерно слаб. Этот меч Дамоклеса все еще висит над головой, к этому сознанию не привыкнешь и головы не спасешь.

Вы пишете о сходстве Петра Алекс⟨андровича⟩ с портретом деда у Батуринского. Это меня удивляет, я его когда-то видала в Лозанне, но тогда этого сходства не было. Я с вами не согласна, чтоб не оставлять внукам что-нибудь из воспоминаний, – пускай и они кое-что хранят, а то совсем забудут. Живущим в России есть же теперь случай побольше познакомиться с личностью деда через книгу Батур⟨инского⟩. А браслетик Мальтийского ордена мне очень знаком[2], я часто в Москве его нашивала, Луиза Ивановна давала мне носить его. Зачем это кресло Боткина, этого сибарита и эгоиста, в Москву везут? Это Василья Боткина. Я другого брата, Николая, знала, более сердечного, хотя и менее ученого. Портрет Таты, О⟨гаре⟩вой с Олей у меня есть, я не нахожу его удачным[3].

Я не помню как звали слугу, провожавшего нас до границы, что-то вроде Архипа или Антипа. Лаврентий был камердинером Ивана Алексеевича. Медведеву не помню, чтоб она была на проводах, едва ли, скорее и вернее, что нет. Бакунин никогда не сидел в Солов⟨ецком⟩ монас⟨тыре⟩, а в Шлиссельбурге сидел[4]. Ог⟨арева⟩ односторонне и резко о нем отзывается; положим, он частию дает к этому повод, но Бакун⟨ин⟩ был такая необыкновенная личность, которая никак не укладывается в обыкновенные рамки жизни. Г⟨ерце⟩н, несмотря на недостатки Бак⟨унина⟩, или, можно сказать, за излишество стремлений, прекрасно и верно его характеризует. Я его знала, а Рейхель еще больше меня, они прежде нашей женитьбы путешествовали и жили вместе. Рейхель сознавал себя обязанным ему в развитии, а Бак⟨унин⟩ любил Рейхеля, как брата. Он здесь похоронен, и, посещая могилу Рейхеля, я захожу и на мог⟨и-лу⟩ Бак⟨унина⟩. Теперь я реже бываю, от меня далеко, а для меня возможность движения уменьшается, часто чувствую тяжесть в членах и должна принуждать себя к движению.

Я опять давно не писала, и подчас крадется мысль, что не за свое дело взялась, – но намерения совсем не оставила. Мне нечего стыдиться того, что я не имею доверия к себе, где-то Г⟨ерце⟩н сознается в том же; уж если такого человека с такой мощью посещали такие мысли, то мне и подавно позволительно.

До сегодняшнего дня у нас были для нашего климата сильные морозы, доходило до 17-ти° по Цельсию. Я топила изо всех сил, но до тепла не дотапливалась и мерзла. Домики, где мы живем, новые, построены с довольно тонкими стенками из кирпича, и печки новомодные. Швейцарцы привыкли к прохладе, а я, сибирский медведь, должна бы уже по натуре холод переносить, но выходит наоборот. Сегодня оттепель.

Кажется, я на все ваши вопросы ответила, спрашивайте, спрашивайте и далее, со мной не нужно церемониться. Получили ли вы фотографию Карла Фогта, которую я вам послала? У меня, кажется, есть писулечка Венского (Пикулина)[5], и ее поищу и пришлю вам; он тоже снабжал типографию через меня. Потом у меня хранятся: письмо Г⟨ерце⟩на после гибели Коли и Луизы Ив⟨ановны⟩[6], последнее письмо Луизы Ив⟨ановны⟩ перед отъездом из Марселя[7], письмо ее племянницы[8] и письмо Г⟨ерце⟩на к Гауку [повест⟨вующее⟩ о фамильной драме[9]]. Все это должно быть послано после меня в "Комнату 40-х годов". Г⟨ерце⟩н дал мне сам списать письмо к Гауку[10]. На сегодня кончаю, урочный час прошел дня божия. Покойной ночи вам обеим.

Ваша М. Р е й х е л ь

30-го генв⟨аря⟩. "Мороз и солнце, день чудесный"[11]. Только без красавицы. Ночью был мороз, а теперь солнце светит. Забыла сообщить и благодарить за ассирийского царя; что сказать? Это очень постная сказка, хотя и очень хорошие указания содержит. Что-то еще хотела сказать, да вот не последовала сейчасу и сегодня не вспомню. Об съезде Пирогова[12] читала, ведь, вероятно, на нем, т.е. к нему, и ехал Семидалов. Поклонитесь ему, вот вспомнила, что он что-нибудь из Тары хотел добыть, очень благодарю за такое внимание. В Таре похоронен мой отец Каспар Ива-

нович Эрн, в Сибири его называли Карпом. Несмотря на то, что мне было 4 года, когда он скончался, я помню местность, где жили, и место, где отец покоится. Вероятно, теперь и следа не осталось. Затем обнимаю вас и Анну Степановну.

Ваша М. Р е й х е л ь

[1] Ср. VII, 267–270 и VIII, 84.

[2] Мальтийский орден, или орден иоаннитов (орден родосских рыцарей). Вероятно, у Л.И. Гааг это было просто украшение.

[3] См. воспроизведение этой фотографии в "Лит. наследстве", т. 63, с. 511.

[4] М.А. Бакунин был заключен в Алексеевский равелин Петропавловской крепости в 1851 г. и пробыл там до 1857 г.

[5] Это письмо П.Л. Пикулина неизвестно.

[6] См. XXIV, 208–209.

[7] Это письмо до нас не дошло.

[8] Племянница Л.И. Гааг Луиза Цабель.

[9] См. XXIV, 242–259.

[10] Текст, о котором идет речь, упоминается в пред. прим.

[11] Начало стихотворения Пушкина "Зимнее утро" (1829).

[12] Пироговские съезды созывались с 1885 г. Обществом русских врачей в память Н.И. Пирогова. В январе 1904 г. в Петербурге состоялся IX съезд.

31

7 марта / 23 февраля ⟨1904 г.⟩. Берн

Милая, дорогая Екатерина Степановна! Сегодня пришло ваше письмо и "Р⟨усские⟩ в⟨едомости⟩" и сегодня же хочу отвечать вам. Мне чуялось, что вы трудное время переживаете, я так часто о вас думаю с вашей дорогой больной и вижу из вашего письма, что я не обманывалась. Теперь насчет поездки на Юг – если она будет возможна – Крым, Кавказ, Сочи, это тот же Юг, как и в Европе, только другие условия. Для пребывания в первых местах, насколько знаю, оставляют много желать для удобства. В Сочи, например, три разные климата, морской, южный и лесной, у меня около Сочи живет знакомая дама, которая в Петербурге все была больна, а теперь здорова. Но ехать туда очень затруднительно, сообщения слишком неудобны. У дамы там своя вилла. Растительность чудная, фрукты в изобилии, а леса каштановые, дубовые... Морской воздух, говорят, очень целителен. Правда, что дорога, куда ни езди, очень далека и вам одним с А⟨нной⟩ С⟨тепановной⟩ трудно пускаться. Буду ждать, что Семидалов с доктором решит.

Я уже знаю, что Петр Александрович[1] уезжает или теперь уже уехал в Манчжурию. Жена его не едет с ним, ее отговорили-да, кажется, ее и взять не хотели. Представьте, как еще имя Герцена живет в памяти рус⟨ских⟩ людей. Как только узнали, что внук его едет на войну, пожертвования посыпались в его отряд, как из рога изобилия, даже начали посылать к нему в дом. Это известие меня осчастливило.

Я же теперь выписываю многое из писем Ал.Ив. Г⟨ерцена⟩, где он очень часто жалуется, что друзья молчат и как будто не симпатизируют его деятельности, а вот какой он себе памятник воздвигнул. Он даже идет до обвинения в трусости. Я стараюсь выбирать возможное для печати и вообще стараюсь продолжать. Мой сын спрашивал меня перед отъездом, скоро ли я кончу, – наверное не знаю, но меня точно кто толкает не выпускать теперь дела из рук.

Полно вам черта на стене малевать, вы уже о войне в Индии упоминаете, сохрани бог, чтоб до этого дошло, и теперь уже какие чуть не непреодолимые трудности, и первая из них – страшно далекие расстояния, ужасный холод, снег и трудность довольно пищи иметь. Теперь много и об Японии пишут, у Алекса есть толстая книга об Японии, ученая, с самыми разными глубокими исследованиями. Они, т.е. японцы, гораздо старше нас, русских, и гораздо раньше нас выработали нравственные понятия; удивляться надобно, как это все старо и как теперь еще над этим работать нужно.

Фельетон получила. Очень жаль Семидалова, если назначение состоится; я тоже трудно переношу жар; должно быть, это сибирское свойство, но и холод не люблю. Дальний Восток, я уже извещала, что получила, насчет карт – у нас их теперь

при газетах, как особенную douceur[54*] прилагают, и потому не посылайте мне, у меня всегда на столе Манчжурия и Корея обретаются.

Вот как мало я знаю русский музыкальный мир, имя Бракамберг[2] мне совершенно незнакомо.

Приходится мне вам нашу route[55*] объяснить. Почему прошло много времени между получением паспорта и отъездом, сказать не умею. Мы ехали все вместе до Берлина[3]. Оттуда, т.е. из Берлина, Луиза Ивановна, Коля и я с девушкой-немкой уехали раньше в Вюртемберг, в маленькое местечко, если не ошибаюсь, в Вайблингем, где у Луизы Ивановны были родственники. Герцены еще остались в Берлине и уехали потом в Париж и жили в avenue Marigny. Мы, Луиза Ивановна, Коля и я поехали в Париж весною, думаю в апреле, остановились сперва в отеле, потом переехали в rue Miromesnil. Из Парижа Луиза Ивановна и я с Боткиным Николаем Петровичем и его женою ездили в Лондон недели на две, Коля оставался у матери. Воротившись из Лондона, Луиза Ивановна, ее брат[4], Коля, я и девушка Адельгейда[5] отправились в августе в Швейцарию и после посещения швейцарских городов и бернского Оберланда остановились в Женеве, где и ждали известий, когда Герцены оставят Париж, – они из Парижа, мы из Швейцарии и съехались в Ницце. Брат Л⟨уизы⟩ И⟨вановны⟩ уже из Парижа уехал к себе. Вот вам остов всего путешествия –из Ниццы поехали все вместе в Рим, где и провели зиму, были в Неаполе, а потом опять все поехали в Париж.

Вы спрашиваете о матери Ганса, она безутешна и совсем подавлена горем, которое близко к отчаянию. Все говорят о Гансе, что он перестрадал, но это плохое утешение, видя как страдает мать, как она убита. Лишь бы физический организм выдержал, во время болезни сына она забывала себя, а теперь и эта физическая сторона заставляет себя чувствовать, у ней все болит. Много надобно времени, чтоб ей стало легче.

Вы пишете о корсаковской болезни[6]. Насколько понимаю, это касается психиатрии. У нее, т.е. у m-me Фогт[7], начал сперва желудок, сильные боли, недостаток аппетита и сна. А теперь она хотя и жалуется, но, видимо, ей не так скверно, аппетит есть, и сон лучше. В этой огромной больнице Diakonissen-Anstalt Salem хороший уход. M-me Фогт не подозревает, что она не дома. При ней всегда кто-нибудь; работать она не может и скучает, если одна. А теперь у них в семье тоже печальный случай, молодая девушка на вид ничего и, кажется, все разумно, но она страдает какими-то представлениями, вроде hallucinations[56*], от которых не может освободиться, и тут, вероятно, мозг виноват. Обещанный знакомый моего брата еще не являлся.

Прочитала отмеченное в "Р⟨усских⟩ в⟨едомостях⟩" и очень довольна и даже удивляюсь, как многое дельно и внятно сказано, лишь бы уши были. Как вспомнился старый знакомый и все его речи[8].

От моего сына было сегодня известие из Вероны (Verona). В Brescia еще был снег, теперь и на Юге холодно было. Алекс уже двое суток идет по Адриатическому морю и только послезавтра приедет на Корфу. Это уже Греция. Ну, прощайте, милая Екатерина Степановна, сегодня очень грустно, было письмо от Паулы[9], и стоишь тут перед этим горем и чувствуешь себя жалким и беспомощным. Обнимаю вас и А⟨нну⟩ С⟨тепановну⟩.

Ваша М. Рейхель

[1] Внук Герцена, врач. Жена его – Е. Зотти.
[2] Имеется в виду композитор П.И. Бларамберг.
[3] Рейхель описывает свою поездку за границу вместе с Герценами в 1847 г.
[4] Вероятно, Готлиб Гааг (см. XXIV, 384).
[5] Адельгейда *Меассалер* – горничная Л.И. Гааг.
[6] Правильно – "корсаковский психоз", описанный психиатром С.С. Корсаковым.
[7] Жена А. Фогта.
[8] О каких материалах из "Русских ведомостей" идет речь, неясно.
[9] *Паула* – невестка Рейхель.

[54*] сладость (*франц.*).
[55*] дорогу (*франц.*).
[56*] галлюцинаций (*франц.*).

32

⟨Берн.⟩ 17-го/4 октября ⟨1904 г.⟩

Милая, дорогая Екатерина Степановна! Сегодня получила от Таты присланную вами тетрадку Н.П. О⟨гарева⟩[1]. Трогательно и очень грустно. И Тата пишет, что это ее очень интересовало и тронуло: "Всего дорогого нашего "Ага", как мы его называли, узнаю тут". В начале прошлой недели я воротилась из Лозанны, и бог знает от чего напала на меня такая слабость, что ни на что не годна. Я даже через улицу боюсь перейти и сама готовить не могу. Дети присылают мне обед. Много мы говорили с Татой о прошлом и пятую главу "Б⟨ылого⟩ и д⟨ум⟩" я читала; они там удивлялись, что ее я не знала. Это потрясающая история, и сколько мне ни было из нее знакомо, она вновь потрясла меня. Я этого мнения, что печатать ее еще рано, и еще одно обстоятельство говорит за это. Ольге М⟨оно⟩ вся эта гер⟨вегов⟩ская история неизвестна, и муж ее не желает выводить из ее неведения. На этот раз я познакомилась с Ольгой, я ее почти совсем не знала. Она ужасно похожа на бабушку, я просто с удивлением смотрела на нее. Мы очень радушно встретились, Ольга сделала мне хорошее впечатление, и мы тотчас были как давно знакомые. А что меня особенно радовало, это их обоюдное отношение как мужа и жены.

Я сегодня очень скверно пишу, сижу на диване низко, а стол высок. А то я почти целый день лежу, так доктор советовал. У Моно болен сын, Ольга и сестра Моно уже несколько месяцев с ним в Валлиси, в sanatorium "Монтана". Ольга приезжала в Лозанну запастись зимним платьем. "Монтана" на 1500 метров вышины.

Теперь об Тате: это такое неподражаемое существо, гуманное, любящее, лишь бы другим было хорошо. Как она мила была ко мне, точно родная дочь.

Представьте, что я узнала об m-me Герих, написала ей из Лозанны и сегодня получила здесь ответ, где она чуть не восторженно радуется, что нам пришлось еще хоть письменно встретиться. Если вам есть возможность узнать, пришли ли в музей портреты А⟨лександра⟩ И⟨вановича⟩ и Нат⟨альи⟩ Ал⟨ександровны⟩ два дагерротипа. Я послала их через Л.Ф. Пант⟨елеева⟩, но он не мог отдать их сам, а поручил другому. Я вам буду очень благодарна. А теперь дайте обнять себя вашей *М.Р.*

[1] Публикация Некрасовой "Н.П. Огарев. Исповедь лишнего человека" (*РМ*, 1904, № 8, с. 1–18).

33

22/9 октября 04. Берн.
Marzilistr⟨asse⟩, 22-b

Милая, дорогая Екатерина Степановна!

Простите меня за промах. Что меня побудило воспользоваться оказией, это то, что портреты дагерротипные под стеклом. К вам адресовать – не знала, будете ли вы в городе. Хорошо, что вы все-таки об них заботитесь. А мой промах еще дальше идет, мне бы прежде следовало Тате отдать, она делает со всех снимки для себя. Я видела все, что у нее есть, а такого портрета, как этот дагерротип, у нее нет, а этот портрет очень хорош. На все ваши вопросы отвечать не могу, помню только, что портреты были сделаны в Ницце. Наталья Александровна держит маленькую Ольгу. Ольга родилась в Ницце 20-го ноября 1850 года. По всем вероятностям Луиза Ив⟨ановна⟩ привезла мне эти портреты в Париж в 1851 году, в котором и были сняты портреты. А⟨лександр⟩ А⟨лександрович⟩ говорил мне, что отослал переписку А⟨лександра⟩ И⟨вановича⟩ и Ог⟨арева⟩, которая должна быть очень интересна и объясняет много из их общежития, над которым мы с вами так ломали головы. А⟨лександр⟩ А⟨лександрович⟩ прислал мне эти письма по означенному адресу, думая, что так вернее. Если б вы знали, как меня все волновало в прошедшем, как все опять вставало в памяти, в которой никак не уживаются странные сближения, и не ради себя, а ради будущего.

ОЛЬГА МОНО (ГЕРЦЕН)
Фотография. Париж, 1896
Российская государственная библиотека, Москва
"Она ужасно похожа на бабушку, я просто с удивлением смотрела на нее"
(М.К. Рейхель – Е.С. Некрасовой. 17/4 октября ⟨1904⟩ г.

Я все еще не отделалась от моей слабости, проба перейти через улицу мне повредила. Доктор надеется на питание, когда придет аппетит, теперь он уже начинает показываться. Я большей частию лежу и решительно ни на что не способна, но обо мне заботятся, особенно часто приходит Мими – внучка. Простите за каракули и дайте обнять себя. Семидалову-земляку большой поклон.

Ваша М.Р.

ВЛАДИМИР АРИСТОВИЧ ЭНГЕЛЬСОН

ПИСЬМА В.А. ЭНГЕЛЬСОНА ГЕРЦЕНУ

Публикация И.Г. П т у ш к и н о й

Герцен познакомился с Владимиром Аристовичем Энгельсоном (1821 –1857), очевидно, в декабре 1850 г. в Ницце, куда Энгельсон эмигрировал вместе со своей женой Александрой Христофоровной после разгрома кружка Петрашевского, членом которого Энгельсон был.

Вскоре между Герценом и Энгельсоном установились тесные дружеские отношения; постепенно Энгельсон стал своим человеком в доме Герцена.

Характеризуя свои отношения с Энгельсоном, Герцен писал о них в "Былом и думах": "Человек, о котором идет речь, был мне близок, был мне дорог, он первый обтер глубокие раны, когда они были свежи, он был моим братом, моей сестрой. *Она* ⟨А.Х. Энгельсон⟩, вряд зная ли, что делает, отдалила его от меня. Он стал моим врагом..." (X, 334).

Герцен подробно рассказал историю своих отношений с Энгельсоном и его женой в главе "Энгельсоны" (части пятой "Былого и дум" – "Русские тени").

Существенно дополняют эту главу письма Энгельсона к Герцену, охватывающие 1852–1855 гг. Два из них опубликованы в *Л* VII, 72 – 74, 76 – 78 Девятнадцать писем Энгельсона, автографы которых хранятся в Российской государственной библиотеке,частично были опубликованы в *Л* XIII–XIV, и, полностью, в издании: В. Э н г е л ь с о н. Статьи. Прокламации. Письма (М., 1934).

Публикуемые письма, связанные с семейной драмой Герцена, печатаются по фотокопиям *РГБ* с автографов *IISG*. Аннотации к ним см. в *ЛЖГ* II, 102 и 121.

1

⟨Генуя.⟩ 15 июля ⟨1852 г.⟩[1]

Посылаю вам 2 письма вам, одно Тесье[2]. Скажите только, куда послать портрет Маммели, и Медичи[3] немедленно его отправит. Он говорит, что если картина его еще не вполне готова, то надобно бы поместить в ней Биксио, брата знакомого вам англичанина. Это, однако ж, преувеличено, будто Пезотти живого разрезали. Он сам в тюрьме удавился.

Сегодня я устал, оттого не пишется.

Зачем я вас зову все сюда возвратиться? – это ведь только блажь с моей стороны, мне самому придется (и без дела с мерзавцем[4]) съездить в августе в Швейцарию – книг почитать, прохладой насладиться, молока попить. Здесь я от жара совсем высох.

Медичи просит Эдмонда не наказывать итальянцев переводом, который он грозится сделать, книги нашего генерала. А заглавие, придуманное Эдмондом ко 2-й части или к отдельной главе 2-й части, имеющей заключать в себе прокламацию, – богатейшее! Не поглупел Эдмонд Васильевич![5] Кланяемся много ему и Саше; перед Сашей я извиняюсь, что я не отвечал на его письмо особо – ей-богу, некогда было...

Авось вечером, перед отправлением этого письма, получу что-нибудь от вас (последнее ваше от 10-го и 11-го)[6]. Я писал вам 10-го, 11-го, 12-го и 13-го...

Получил я ваше письмо от 13-го. Если генералу хочется, то, пожалоста, не щадите его и стреляйтесь.

Скажите Эдмонду, что каждое его слово заставляет меня его более и более признавать братом мне.

Что это, Боже мой! значит, что на имя Тесье пришло письмо с надписью "Très pressante"?[57*]

[57*] "Очень срочно" (*франц.*).

Если неделю отныне от вас не будет писем, я поеду вас отыскивать или ваш труп. – За отомщение можете положиться на полковника[7], как на Эдмонда...

Говорить больше нечего. Вот возвращусь в Албаро, сообщу письмо ваше Медичи – он шибко взбесится на генерала, на которого он и без того и зуб имеет крепкий. (Это остается между нами.) А, впрочем, что же! слава Богу! все идет, как нужно: "оплеуха дана[8] – прокламации не будет – Орсини отходит (ловко!) в сторону – ну и слава Богу! А двум смертям не бывать, одной не миновать[58*].

[1] Герцен с сыном и М.-Э. Тесье дю Моте уехали из Генуи 20 июня 1852 г.; Энгельсон с женой оставался в Генуе до конца августа (см. XXIV, 332). Письмо Энгельсона адресовано, вероятно, в Люцерн.

[2] Энгельсон пересылал Герцену письма, полученные на его имя в Генуе. О чьих письмах идет речь, остается неизвестным.

[3] С *Дж. Медичи* Герцен познакомился в Женеве в конце августа 1849 г., а сблизился в 1852 г., когда находился в Генуе (см. X, 76–78; XXIV, 286).

[4] Имеется в виду Г. Гервег.

[5] Очевидно, "мемуар" "генерала" Э. Гауга, написанный в защиту Герцена от клеветы Гервега. К.-Э. Хоецкий (Эдмонд), вероятно, намеревался перевести этот документ на итальянский язык, однако Герцен был против его распространения, просил Гауга не печатать его, а, получив от Гауга тетрадь с этим "мемуаром", перед отъездом в Лондон сжег ее (см. X, 309 – 310).

[6] Это письмо Герцена к Энгельсону остается неизвестным.

[7] *Полковник* – прозвище Энгельсона.

[8] Речь идет о пощечине, данной Гаугом Гервегу (см. X, 305 – 307).

2

⟨Генуя.⟩ 16 ноября ⟨1852 г.⟩

Долго писал я вам длинное письмо, всё уговаривая вас дать вашему мемуару более широкий объем. Я писал, – писал, – перечитал, нашел, что я вместо простого дружеского письма незаметно увлекся в сочинение литературной статейки, в которой я пресериозно излагал вам вещи, столько же вам присущие, сколько мне самому; зная, что нет ничего неприятнее, чем видеть разглагольствования вместо простого дружеского слова, я с досадой сжег произведение моего тщеславия. На другой день я получил письмо от Т⟨есье⟩, который пишет мне об вас: "Il écrit *ses* mémoires. Le pluriel l'a emporté sur le singulier, et je suis heureux, comme vous pouviez l'être, de cette victoire grammaticale"[59*]. Следовательно, мне и нечего было петь вам на эту тему. Только два слова об этом. – Вы, я уверен, понимаете, что мне, которому ваша память, быть может, дороже вашей дружбы, чрезвычайно важно [было], какую *форму* вы дадите своей записке. – Русский, и притом именно москвич с ног до головы, вы (так, по крайней мере, мне кажется; поправьте, если я ошибаюсь) – вы желали или желаете еще и теперь, чтоб мерзавец был "выдан" вам "головой" тем миром, к которому он себя причисляет. Поэтому вы имели намерение написать нечто вроде обвинительного акта, жалобной деловой записки, адресованной к старшинам того мира. Тут еще нет ничего дурного, но лишь если такой ваш мемуар не будет напечатан, если он останется между несколькими людьми, а не выйдет в большой свет. – Публично же обращаться как к судьям к таким людям, у которых нет власти, нет силы, чтоб приводить в исполнение свои приговоры, – это только ставить их в затруднительное положение и обнаружить их бессилие еще раз. (Не сообщайте моих слов генералу, он, пожалуй, перетолкует их в дурную сторону.) Притом же вы писали в Женеву, что, когда В.* вас спросил: подчинитесь ли вы приговору, который положит суд? – вы отвечали, что вы не хотите связывать себя этим приговором[1]. – От этого мира вы, я думаю, ожидаете только одно: отлучение мерзавца[2] от общества. – Это одна цель, но у нас еще другая: реабилитация памя-

58* *В конце письма зачеркнуто*: Но лучше не тотчас, не теперь с генералом стреляться – не в Швейцарии. – *Ред.*

59* "Он пишет *свои* мемуары. Множественное число взяло в нем верх над единственным, и я счастлив, как вы могли бы быть счастливы этой грамматической победой" (*франц.*).

ти жертвы[3] и заклеймение памяти мерзавца. Обе эти цели вместе могут быть достигнуты вашим пером. Но, чтоб заклеймить его навеки веков, надобно начертать его поступок на пирамиде с широким основанием, т.е. надобно описать мерзавца в творении, имеющем какой-либо общеисторический интерес и которое не забывается две недели спустя после выхода из печати[4]. – В таком сочинении вы адресуетесь к большой публике, где подле друзей ваших стоят и ненавистники ваши и огромное число равнодушных. Поэтому было бы неосторожно начать в rebus medi-is[60*]; пусть читатель сам запомнит тот эпизод, который вы хотите, чтоб остался в памяти, а для этого, прежде всего, не надобно дать понять читателю, что вы желаете обратить его внимание именно на такой-то пункт.

За содержанием, материалом у вас дело не станет: нетрудно relever[61*] общую сторону этой комедии двух русских с двумя [немецкими] европейскими[62*] существами 19-го века. Этого хватило бы на интереснейшую драму. – Но я знаю, вас съедает нетерпение, вы торопитесь, а такое сочинение требует времени. Да лучше редко или поздно, да метко, чем второпях, да неудачно. К тому же, вы не будете в проигрыше оттого, что еще полгода или год пройдет до выхода ваших мемуаров: мерзавец успеет, между тем, ознаменовать себя еще какою-нибудь плутнею против новых своих приятелей, – я разумею этого Вилле. Уж и так вон бородач ниццкий[5] писал мне следующие слова: "О Джорджо! браво, брависсимо! если б я вам рассказал его штуку, я уверен, что вы расхохотались бы, как сумасшедший, но это не годится передавать письменно". – Должно же быть, что он что-либо выкинул, и не во вред нам, а себе (пот ому что иначе не было бы чему смеяться). Зная натуру бородача, я, после его отказа рассказать мне, в чем состоит новый подвиг мерзавца, не могу расспрашивать его (бородача). Вообще показывать, что мерзавец нас занимает, – нельзя большей части наших приятелей, которые готовы видеть в такой préoccupation – un manque de dignité[63*]. Я скажу только, что не нужно о нем теперь заботиться.

Благодарю вас за ваш зов в Лондон. Теперь мне туда переселиться разорительно: я нанял квартиру до мая. Живу я настоящим анахоретом, эти дни меня измучила лихорадка, – всё мое развлечение состоит в пистолетной стрельбе, теперь я учусь стрелять левой рукой, и идет удачно; потом буду учиться фехтовать. Читаю несколько, хандрю, сплю страшно много, но дурно, а не на что мне жаловаться! – Пожалоста, не умирайте, хоть из вежливости против просящих вас о том друзей. Александра[6] вам кланяется. Франсуа[7] и я тоже Саше.

[1] Вероятно, речь идет о не дошедшем до нас письме к К. Фогту. Кто *В.**, не установлено.

[2] См. прим. 4 к п. 1 наст. публикации.

[3] Подразумевается Н.А. Герцен, покойная жена Герцена.

[4] Это мнение Энгельсона совпало с решением Герцена, начавшего работу над "Былым и думами" (см. *ЛЖГ* II, 118).

[5] Лицо невыясненное.

[6] А.Х.Энгельсон, жена автора письма.

[7] *Франсуа* – повар в семье Герцена.

[60*] заурядных обстоятельствах (*лат.*).

[61*] представить в ярком цвете (*франц.*).

[62*] Боюсь сказать: немецкими, – генерал рассердится. – *Прим. Энгельсона.*

[63*] озабоченности – отсутствие достоинства (*франц.*).

МАЛЬВИДА МЕЙЗЕНБУГ

ПИСЬМА МАЛЬВИДЫ МЕЙЗЕНБУГ ТЕРЕЗЕ ПУЛЬСКОЙ И ОГАРЕВУ

Статья и публикация С.П. Г и ж д е у

Мальвида Мейзенбуг прожила долгую жизнь, которая почти целиком уместилась в рамках XIX в. Мейзенбуг не принадлежит к великим представителям этого века, но в каждом эпизоде ее жизни, в каждой написанной ею строке удивительно ярко проявился этот век с его противоречиями и с его верностью самому себе.

Она родилась 28 октября 1816 г. в Касселе, столице Гессен-Касселя – одного из многочисленных карликовых немецких государств, которые были социальным и политическим анахронизмом в Европе уже в XVIII в. – и тем более в начале XIX в. На протяжении XVIII в. в этих государствах, казалось, ничего не менялось. После грандиозных потрясений периода Великой Французской революции и Наполеоновских войн в курфюрстве Гессен-Кассель все как будто вернулось на свои места: в Кассель, который ненадолго стал столицей одного из эфемерных королевств, созданных Наполеоном, где королем был брат Наполеона Жером, – снова возвратился старый курфюрст – и жизнь потекла на первых порах по прежнему руслу. Мальвида видела еще старого курфюрста и запомнила, как он проезжал в карете мимо их дома в военном мундире эпохи Фридриха II, в треугольной шляпе и в парике с косичкой, гротескное воплощение немецкого "ancien régime"[64*] – дореволюционных порядков. Вскоре старого курфюрста сменил на престоле его сын, которому верой и правдой служил отец Мальвиды К.-Л.-Г.-Ф. Ривалье – он получил от молодого курфюрста дворянское звание (и связанную с этим фамилию фон Мейзенбуг) и дослужился до должности министра.

Мальвида – последний ребенок из десяти – получила традиционное воспитание для девочек ее круга – ее учили дома чтению, письму, музыке, рисованию; она любила читать и увлекалась античными героями. Казалось, жизнь этой девочки, не отличавшейся выдающимися талантами, должна была сложиться как обычно складывалась жизнь девочек из привилегированных кругов. Но, несмотря на Реставрацию, многое в окружающей атмосфере изменилось, и эти изменения чувствовались даже в провинциальных немецких углах. Некрасивая внешность, заставившая Мальвиду отказаться от надежды нравиться в "свете", ее исключительная чуткость к тому, что носилось в воздухе, твердый и решительный характер и какие-то другие, не поддающиеся учету причины, определили ее иной, не похожий на обычный жизненный путь. Идеи Просвещения и Великой французской революции – идеи освобождения человека продолжали жить и в эпоху Реставрации. Они по-своему были развиты и трансформированы романтиками, вошли в романтическую концепцию мира как представление о самоценности человеческой личности и о ее внутренней свободе, об исключительном значении внутреннего опыта человека.

Годы интенсивного духовного формирования девушки совпали с пробуждением общественных интересов, подавленных наступившей после разгрома Наполеона реакцией. Мальвиде было четырнадцать лет, когда произошла Июльская революция во Франции, нашедшая отклик и в Германии; с этого момента она, по ее словам, начала читать газеты. Она рано осознала себя как личность – и рано начала отстаивать свой внутренний мир. На смену несколько экзальтированной религиозности (которая была в духе времени, в духе религиозных исканий романтиков) приходят сомнения – и это приводит постепенно к отходу Мальвиды от церкви, от всякой официальной религиозности. Увлечение искусством, горячее и искреннее, приводит ее к осознанию нравственного его значения – идеи Шиллера об "эстетическом воспитании" были существенными слагаемыми того комплекса просветительских и романтических идей, которые витали в воздухе. У Мейзенбуг одновременно пробуждается и крепнет интерес к социальным вопросам; на первых порах это находит выражение в занятиях благотворительностью. Конечно, немало дам из общества в эту пору занималось благотворительностью, но Мейзенбуг делала это более истово и убежденно, чем было принято.

Интересу Мейзенбуг к общественным вопросам способствовало ее увлечение сыном пастора Теодором Альтгаузом, свободолюбиво настроенным молодым публицистом-демократом, резко отличавшимся и образом мыслей и общественным положением от прежних знако-

64* "старого режима" (*франц.*).

МАЛЬВИДА МЕЙЗЕНБУГ
Фототипия с рисунка Франца Ленбаха, 1885
Из книги: Malvida von Meysenbug. Der Lebensabend einer Idealistin. Berlin, 1898

мых и друзей Мальвиды. Круг ее общения меняется – серьезность и целеустремленность интересов отвращают ее от светского общества.

Общественный климат в Германии изменился к середине 1840-х годов – резко возросли оппозиционные настроения среди широких слоев населения. В предгрозовой атмосфере кануна европейских революций властителями дум становятся радикальные публицисты и мыслители, писатели "Молодой Германии", о которой Герцен, изведав крах своих социальных надежд и иллюзий 1840-х годов, спустя много лет писал с изрядной долей иронии: она "*теоретически* освобождала отечество и в сферах чистого разума и искусства покончивала с миром преданий и предрассудков" (XI, 444).

Мейзенбуг разделяла эти настроения, и, когда в феврале 1848 г. во Франции вспыхнула революция, сердце Мальвиды, по ее собственным словам, забилось от радости. Ее восторженные настроения в начальный период революционных событий были сродни таким же настроениям широких демократических кругов в других странах Европы, сродни мыслям и чувствам Герцена и его друзей.

Семья Мейзенбуг оказалась во Франкфурте в то время, как там собрался предпарламент, и Мальвиде удалось проникнуть на заседание в церковь Св. Павла (женщин туда не допускали) и незамеченной наблюдать за происходящим. Мальвида целиком захвачена событиями, вместе с друзьями она принимает участие в различных собраниях, читает книги по социальным вопросам. Тем труднее ей становится в кругу родных – мать, сестры и братья (отец к этому времени уже умер) отнюдь не разделяют ее воодушевления – и Мальвида смело покидает семью и уезжает в охваченный революцией Берлин. Здесь она вращается в кругу радикально настроенных людей, знакомится с общественными деятелями (с некоторыми из них она встретится снова уже в Лондоне, в эмиграции).

Подавление революции и наступление контрреволюции Мейзенбуг переживает тяжело. Во время Дрезденского восстания в мае 1849 г. – это была последняя вспышка революционных событий в Германии – Мейзенбуг с волнением и надеждой следит за событиями. В один из таких дней мучительного ожидания исхода Дрезденского восстания, она, сидя над колыбелью племянника (ей пришлось вернуться к родным в Кассель), думала о том, что отчаянная борьба, которая идет сейчас, быть может, решит судьбу и этого ребенка. В память об этом часе, проведенном у колыбели, Мальвида пишет статью (которая стараниями друзей была помещена в демократической газете) – "Клятва женщины", клянясь воспитать среди женщин мстителей за порабощенную свободу, чтоб они, в свою очередь, могли воспитать поколение свободных людей.

Мейзенбуг окончательно покидает семью; одно время она (как и Герцен) думала о переезде в Америку – туда звал ее видный участник революции Ю. Фрёбель. Тогда же Мальвида узнает, что в Гамбурге открыта Высшая школа для женщин, ставившая своей целью дать им образование, которое могло бы обеспечить экономическую самостоятельность. Идеи женской эмансипации, ширившиеся и крепнувшие на протяжении XIX в., были близки Мейзенбуг.

Мальвида отправляется в Гамбург – это было началом ее самостоятельной жизни, независимой от семьи, куда она больше никогда не вернулась. Мальвида осталась учиться и рабо-

тать в школе (во главе ее стоял знаменитый педагог К. Фребель). Одновременно она вела просветительскую деятельность среди рабочих. За последние годы, в первую очередь под влиянием революционных событий, Мейзенбуг значительно развилась – она прочла Фейербаха, которого раньше не решалась открыть "из-за атеизма"; теперь она не нашла там ничего такого, что ее испугало бы. "Больше прежнего я сблизилась с рабочим классом. Мне становилось все яснее, что будущее принадлежит ему; к чисто *политической* революции я стала равнодушна"[1].

В условиях наступившей реакции существование гамбургской школы становилось невозможным – ее пришлось закрыть, и Мейзенбуг уехала в Берлин.

Знакомства Мейзенбуг, связи с рабочими делали ее подозрительной в глазах полиции. Произведенный у нее обыск решил дело – она задумала эмигрировать в Англию. Это был по тому времени необычайно смелый шаг – одинокая женщина уезжала в чужую страну, где у нее не было ни родных, ни друзей.

Мейзенбуг вспоминает, что как-то в Гамбурге ее друг – рабочий принес ей прочесть книгу и так отозвался об авторе ее: "Это – один из наших"[2]. То была книга Герцена "С того берега", только что вышедшая на немецком языке в издательстве Гофмана и Кампе. Когда Мейзенбуг покидала Германию, одна из ее любимых учениц подарила ей эту книгу, произведшую на нее большое впечатление. Мейзенбуг взяла книгу с собой в Англию. "Перечитывание этих пламенных строк приносило мне большое утешение"[3], – вспоминала она. Так впервые Мейзенбуг узнала о Герцене.

В Лондоне, куда Мейзенбуг прибыла в конце мая 1852 г., она прежде всего отправилась в дом одного из немецких политических эмигрантов Г. Кинкеля, с которым была знакома только по переписке и с которым, как и с его женой Иоганной, у Мейзенбуг сразу же установились дружеские отношения.

В конце августа 1852 г., через три месяца после Мейзенбуг, в Лондон приехал Герцен с сыном, оставив дочерей у М.К. Рейхель. В сентябре Герцен познакомился с Кинкелем, а в ноябре встретился в его доме с Мейзенбуг. Вспоминая позднее о своей первой встрече с Герценом, Мейзенбуг писала: "В тот вечер у меня было отрадное сознание того, что в мою жизнь вошел выдающийся человек, с которым у меня имелось много общего"[4].

Взаимная симпатия быстро сблизила Герцена и Мейзенбуг – оба чувствовали себя в Лондоне одинокими[5]. Они начинают встречаться и переписываться. Вскоре между ними устанавливаются прочные дружеские отношения. В августе 1853 г. Герцен писал ей: "Однажды в разговоре с вами я сказал, что лишь с вами я беседую не только откровенно ⟨...⟩, но о самых интимных вещах" (XXV, 89). "Самые интимные вещи" – это не только подробности семейной драмы Герцена, но и мысли и настроения, которые он скрывал от окружающих, подобные той вспышке отчаяния, о которой он писал Мейзенбуг 26 августа того же года: "Да, временами буря, бушующая в груди, доводит меня до удушья; о, как хотелось бы тогда иметь друга, руку, слезу – так много хотелось бы сказать – и я брожу тогда по улицам, я люблю Лондон ночью, когда я совсем один, – я брожу себе, брожу... как-то на днях я был на Waterloo Bridge[65*], кругом ни души, я присел... словно сорокалетний юноша, и на сердце у меня было очень тяжело..." (XXV, 101).

Рассказывая о себе, о своих настроениях и размышлениях, Герцен ждал от Мейзенбуг столь же откровенных признаний: "Вы обещали мне, давно уже, рассказать некоторые эпизоды из своей жизни. Я всегда боюсь начинать разговор в этом роде. Испытываешь ощущение, будто касаешься рукой трепещущего и совсем горячего сердца. Своим вопросом я боюсь причинить боль – в письменном виде все это гораздо легче (видите, какая трусость!); итак, я задаю вам вопрос в письменном виде и прошу вас сдержать слово" (XXV, 89).

В дошедших до нас письмах Герцена к Мейзенбуг, датированных 1853 г., он неоднократно противопоставляет ее душевной молодости свою разочарованность и неспособность к непосредственным порывам чувств, а Мейзенбуг пытается внушить Герцену надежду и веру в поступательное развитие человечества. В своем ответе[6] на письмо от 26 августа 1853 г. (процитированное выше) она "попыталась противопоставить ⟨...⟩ его скептицизму взгляд, согласно которому жизнь – не просто рождение и смерть без всякой цели, кроме как обновление, не игра холодной необходимости или случая, который после мгновений иллюзии любви, красоты и духа снова погружает нас в небытие материи. Даже если признать, что индивидуальное развитие привязано к организму и исчезает вместе с ним, развитие сознания в целом становится чем-то конкретным, духом, парящим над миром и устремленным к новым идеалам, совершенным произведениям искусства бытия, к которому прошлые эпохи проло-

---

[65*] мосту Ватерлоо (*англ.*).

жили путь, и таким образом, после ожесточенной борьбы и страдания, восстанавливается единство жизни"[7].

На это письмо Герцен отвечал в свою очередь: "Странная вещь, я очень близок к вашей точке зрения, и все же есть разница. Нет, любовь, счастье, дружба, преданность – не иллюзии, однако они преходящи, и жизнь тоже. Я был *очень счастлив*, я познал ту ясность, о которой вы говорите, я чувствовал себя в этом мире хорошо, как дома, – и вот конец, хронического благополучия не бывает. Для личности все кончено. Не для народа, не для среды – и вы видите *экономию* природы, а я остаюсь активной действующей силой" (XXV, 107).

Глубина трагических переживаний Герцена и более поверхностно-оптимистический взгляд Мейзенбуг – не только следствие разных масштабов их личностей, но и свидетельство их принципиальных идейных расхождений, которые дадут себя знать позже: реалистически трезвые и мудрые взгляды Герцена уже и тогда противостояли прекраснодушной вере Мейзенбуг в конечное торжество абсолютной гармонии. Но возможно также, что в своих письмах Герцену, в разговорах с ним при начале их знакомства Мейзенбуг придерживалась и некой "педагогической установки" (это проявлялось позже в ее отношениях с Ницше и другими в большей степени) – она скрывала собственные сомнения и пыталась помочь Герцену преодолеть его скептицизм.

Мейзенбуг, однако, не только словами хотела помочь Герцену, перед которым остро встал вопрос о восстановлении семьи и воспитании детей. И здесь ее помощь оказалась неоценимой. Мейзенбуг с самого начала горячо приняла к сердцу заботы Герцена, связанные с детьми. Благодарный, он писал ей 25 июня 1853 года: "Дружба ваша *деятельна*, только такую дружбу я и понимаю, только на такую я способен ⟨...⟩ Пассивную дружбу можно найти повсюду, дружбу умозрительную ⟨...⟩ Горячо благодарю вас поэтому за то, что вы напомнили мне о существовании иной симпатии, более человечной и более личной среди той vacuum horrendum[66*], которой мы окружены в мире" (XXV, 75).

30 апреля 1853 г. в Лондон приехали дочери Герцена. Он заранее договорился с Мейзенбуг об уроках музыки Тате (Мейзенбуг начала в Лондоне давать уроки). Герцен писал Рейхель: "Учительница у Таты будет очень умная, я ее коротко знаю – m-selle Майзebug, кажется, она из Берлина, собой безобразна, но совершенно свободное и развитое существо" (там же, 65); "Она необыкновенно умна и очень образованна" (там же, 123); "Durch und durch"[67*] благородное существо" (там же, 214). Но, конечно, уроки музыки не могли решить проблему воспитания детей. Герцен был в крайне затруднительном положении. Мейзенбуг рассказывает: «Однажды вечером я проходила мимо дома Герцена, и так как не была у них утром, то зашла посмотреть, что делают дети. Я застала Герцена вместе с детьми в столовой и заметила, что у него расстроенный и печальный вид. Когда я уходила, он пошел вслед за мной и вдруг разразился слезами, говоря, что его домашняя жизнь не налаживается, что он не может заниматься детьми, что его дом – это развалина, и повторял несколько раз: "Я этого не заслужил, я этого не заслужил". Меня глубоко потрясло его душевное состояние»[8].

Видя положение Герцена, Мейзенбуг решила взять воспитание в свои руки и для этого переехать к нему в дом. В ответ на ее предложение Герцен пишет с дружеской прямотой и откровенностью: "Я боюсь вас пригласить, боюсь не пригласить. В моей душе такое недоверие, такой скептицизм, что я опасаюсь всего... Я вас тоже боюсь и клянусь – еще более боюсь вашего отдаления". Но Герцен склонен все же попробовать и заключает письмо словами: "Давайте же попытаемся, – не связывая себя обязательствами ни с той, ни с другой стороны" (5 октября 1853 г.)[9].

Вопрос был решен 5 ноября, когда Мейзенбуг переехала в дом Герцена. Она вошла в этот дом в качестве полноправного члена семьи и никогда не жила в нем на положении гувернантки ("гувернанткой" – называет ее в своих воспоминаниях Н.А. Тучкова-Огарева). "Familie der freien Wahl", "семья по свободному выбору" – так довольно точно определяет Мейзенбуг свое положение относительно Герцена и его семьи[10].

Сразу же после переезда Мейзенбуг в его дом Герцен писал: "Я ею через край доволен..." (XXV, 128); "Польза от Мейз⟨енбуг⟩ – очевидна, в особенности она имела огромное влияние на Сашу" (XXV, 149). Несколько позднее, опять в письме к Рейхель: "В нравственном отношении ее житье сделало много. Я Тату не узнаю – так она переменилась к лучшему и со мной стала гораздо ближе" (XXV, 212). Но в этом же письме Герцен указывает и на то, что ему кажется недостатком в подходе Мальвиды к детям: "Дисциплины держать не умеет".

Известные разногласия в вопросах воспитания между Герценом и Мейзенбуг, таким образом, обозначились довольно скоро. В одном из писем к самой Мейзенбуг Герцен подчерки-

---

66* ужасающей пустоты (*лат.*).

67* насквозь и насквозь (*нем.*).

вает все то хорошее, что она принесла с собой. "Я *вполне* согласен также с вашей теорией и практикой *в вопросах нравственного воспитания и обучения детей* ⟨...⟩ Неизмеримо хорошее, что вы внесли в нашу разрушенную семью, состоит не только в том, что вы очистили окружающую нас атмосферу, но и в том, что вы ввели дух здоровья и независимости" (XXV, 199–200). Но остается еще одна важная сторона воспитания, продолжает Герцен, – дисциплина, внешнее поведение, умение вести себя, слушаться, знакомство с практической стороной жизни; в неумении достичь этого – недостаток воспитательной системы Мейзенбуг. Позже этот недостаток Герцен будет связывать с идеалистической непрактичностью Мальвиды, с "хватанием звезд", как он выразится.

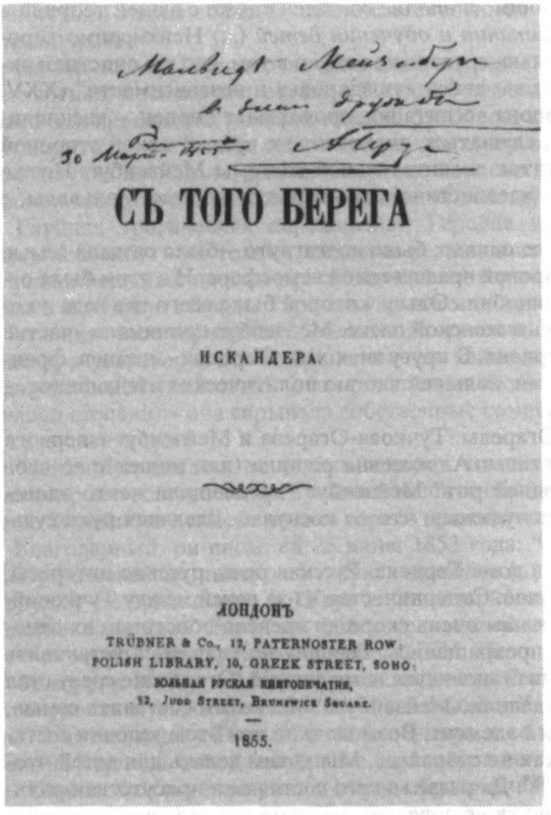
Несмотря на разногласия, самое главное, однако, было достигнуто – была создана семья, где дети воспитывались рядом с отцом в здоровой нравственной атмосфере. И в этом была огромная заслуга Мейзенбуг. Особенно она полюбила Ольгу, которой было всего три года и которая, не помня матери, особенно нуждалась в женской ласке. Мейзенбуг принимала участие в жизни всей семьи, разделяла интересы Герцена. В кругу знакомых Герцена – немцев, французов, поляков, итальянцев, венгров, англичан, большей частью политических изгнанников, – Мейзенбуг была своим человеком.

В апреле 1856 г. в Лондон переехали Огаревы. Тучкова-Огарева и Мейзенбуг с первого же взгляда не понравились друг другу. Наталья Алексеевна решила (как пишет с ее слов Т.П. Пассек), что "бесцветные глаза, большой рот" Мейзенбуг "предвещали нечто зловещее"[11]. Мейзенбуг потом вспоминала: ей почудилось, что ее коснулась "ледяная рука судьбы"[12].

С приездом Огаревых все изменилось в доме Герцена. Русская речь, русские интересы, русские воспоминания заслонили все остальное. Соперничество из-за детей между Тучковой-Огаревой и Мальвидой, различный подход к ним очень скоро до предела обострили их отношения. Недоразумения и столкновения не прекращались; Герцену не удавалось установить нормальную обстановку, и совместная жизнь становилась немыслимой. Огарев же сразу стал на сторону жены, считая, что необходимо удаление Мейзенбуг. "Мы хотим составить семью, – писал он Герцену, – но тут является чуждый элемент. Возможно ли при этом условии составить семью? – ответ: просто невозможно, как ни старайся... Мы хотим делать для детей что-то будто доброе, будто хотим дать им home[68*]. Да разве мы его составим в присутствии разъединяющего начала? Разве теперь уже Оленька не доведена, не знаю как, до того, что избегает здороваться и прощаться с Натали? Разве ты не видишь удвоенных стараний Мальвиды привязать к себе исключительно детей и таким образом поставить преграду сближению с нами?.. Разве ты думаешь, что с твоей стороны неблагодарно сказать дружески и благородно, что тебе нельзя с целью составить семью раздвоить детей и навлечь на них самих все маленькие мученья домашней распри, ревности и противуположности стремлений к людям, от которых дети зависят? Она, т.е. Мальвида, конечно, настолько благородна, чтобы понять это и устраниться, хотя не настолько благородна, чтобы начать самой с того, чтобы отойти и сделать это действительно"[13].

Герцен был готов последовать настоятельному совету друга; его письмо к Мейзенбуг от 30 мая 1856 г., где он писал: "Поступите так, как вам подскажет ваше сердце" (XXV, 351) – заставило ее решиться. Она оказалась настолько благородна, "чтобы отойти и сделать это действительно". В тот же день в отсутствие Герцена она покинула его дом. По воспоминаниям Мейзенбуг, когда она спешно уходила, слуга-итальянец сказал ей: "Не уходите, это принесет несчастье дому!"[14]. Мира и спокойствия, во всяком случае, уход Мальвиды герценовскому дому не принес. Тучкова-Огарева не стала матерью детям, "дать им home" не смогла. И это стало очевидно очень скоро и для нее самой, и для всех остальных. 12 октября 1857 г. она записала в дневнике (предназначавшемся ее сестре Елене Сатиной): "И живу я больше, чтобы не огорчать вас, чем для счастия детей, я не могу их оставить, но если бы смерть решила дело, это было бы не худо для них, другая, может быть, более бы их любила, исключительно бы жила ими, а я живу не ими, а для них"[15]. Обстановка в доме Герцена становилась все тяжелее для всех, и прежде всего для детей. В старости, уже после смерти Герцена, Огарев, вновь думая об отношении Тучковой-Огаревой к детям, записал: "Вспоминая ее отношение к Ольге Герцен ⟨...⟩ и многие другие, я не могу видеть в Н⟨аталье⟩ А⟨лексеевне⟩ правдивой и добросердечной натуры"[16]. Сама Тучкова в минуты раскаяния записывала в дневнике: "Прощайте, дети, перед вами я серьезно виновата, и знаю теперь, что никогда не заглажу своей вины, – я слишком слабое, эгоистическое существо"[17]. В другие же минуты она, пытаясь оправдаться в своем отношении к детям, считала, что отрицательную роль сыграло ревнивое отношение к своим детям Герцена; он делался почти невменяемым, если ему чудилось, что кто-то их оби-

68* дом (*англ.*).


Мальвидѣ Мейзенбугъ
въ знакъ дружбы
30 Марта 1855 А. Герцъ

СЪ ТОГО БЕРЕГА

ИСКАНДЕРА.

ЛОНДОНЪ
TRÜBNER & Co., 12, PATERNOSTER ROW.
POLISH LIBRARY, 16, GREEK STREET, SOHO.
ВОЛЬНАЯ РУССКАЯ КНИГОПЕЧАТНЯ,
32, Judd Street, Brunswick Square.
1855.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ГЕРЦЕНА МАЛЬВИДЕ МЕЙЗЕНБУГ НА ПЕРВОМ РУССКОМ ИЗДАНИИ КНИГИ "С ТОГО БЕРЕГА"

"Мальвиде Мейзенбуг в знак дружбы. Ричмонд, 30 Марта 1855. А. Герцен"

Музей Герцена, Москва

жает. Конечно, то, что ей приходилось скрывать от детей свои отношения с Герценом, также не могло не сказаться отрицательно на взаимоотношениях в семье.

После ухода Мейзенбуг ее дружба с Герценом не прервалась. В тот же вечер 30 мая 1856 г., когда она ушла, Огарев с Сашей пришли к ее друзьям Альтгаузам, где она нашла пристанище на первое время, и принесли ей письмо Герцена, в котором он сожалел, что она так внезапно покинула его дом и выражал свою "безграничную дружбу" (XXV, 352). 5 июня Герцен снова писал Мальвиде: "Останемся друзьями, искренними друзьями" (XXVI, 8), а Рейхель сообщил: "История нашей разлуки с Мейз⟨енбуг⟩ окончилась хорошо – ее благородный характер взял верх" (XXVI, 10).

Мейзенбуг очень тяжело переживала свой уход из герценовского дома[18] – она теряла семью, с интересами которой сроднилась; лишилась повседневного общения с таким значительным и глубоко симпатичным ей человеком как Герцен; наконец, расставалась с горячо любимой Ольгой, которой она отдала всю свою нерастраченную материнскую любовь. Она была на грани самоубийства, но справилась со своим отчаянием. Приобщившись благодаря Герцену к русской культуре, Мейзенбуг переводит на немецкий и английский языки русских писателей. Заслуга ее в пропаганде сочинений Герцена в Германии велика – в ее переводе немецкий читатель впервые познакомился с "Былым и думами" по мере того, как появлялись на русском языке отдельные части этого произведения, они издавались в немецком переводе гамбургским издательством Гофман и Кампе ("Aus den Memoiren eines Russen", 1855–1859, в четырех книгах). Переводила она и другие труды Герцена.

Мейзенбуг и Герцен продолжают встречаться и переписываться. В письмах к ней Герцен касается деловых вопросов, связанных с ее переводами; делится с ней тем, что волнует его в ту пору, – новостями из России о готовящейся крестьянской реформе; рассказывает об общих знакомых, о своих впечатлениях от манчестерской выставки и т.д.

Многое связывало Герцена с Мейзенбуг, но многое и разделяло. Еще в 1854 г. – меньше, чем через год после начала совместной жизни, – в обстоятельном (уже цитированном выше) письме, посвященном вопросам воспитания, Герцен замечал: "Несмотря на то, что для нас дороги и священны одни и те же вещи, несмотря на личную симпатию, мы все-таки антиподы" (XXV, 201). "Дороги и священны" им были идеи личной и общественной эмансипации, равноправия женщин, вера в разум, идеи поступательного развития человечества, свобода от религиозных догм и сословных предрассудков. Им обоим была присуща вера в самоценность человеческой личности. "Антиподами" они были потому, что Герцен искал практических путей осуществления этих "священных идеалов"; трагический опыт поражения революции 1848 г. обратил его к реальной действительности, освободил от многих иллюзий, в то время как Мейзенбуг осталась на позициях прекраснодушного идеализма 1840-х годов. Разочарование в революции 1848 г. сделало еще более беспочвенным ее идеализм; принципы разума, свободы, прогресса были для нее нравственными постулатами, а не вопросами общественной практики. Несмотря на расхождения, Герцен называл Мейзенбуг своим "близким другом" (XXVI, 305).

В рекомендательном письме к Ж. Мишле он характеризует ее как человека, "отличающегося своими радикальными взглядами и бесстрашной логикой" (XXVI, 303). В то же время в письме к ней он подчеркивал: "Все ваш вечный идеализм, действительности вы совсем не видите" (XXVI, 300). Непонимание действительности, неумение и упорное нежелание считаться с нею, разрыв между высокими идеалами и практикой – вот, пожалуй, содержание, вкладываемое Герценом в понятие "идеализм", в котором он упрекал "Мальвиду Идеаловну", как он называл ее шутя. «Ваш идеализм, или, лучше сказать, ваша склонность увлекаться, состоит в том, что вы очень хорошо умеете оценить "die schönen Möglichkeiten"[69*] – и этого вам достаточно, вы принимаете завязь за плод» (XXVII, 55).

Обстановка в доме Герцена – в особенности после рождения Лизы (1858) – складывалась самым неблагоприятным образом. Попытки снова привлечь Мейзенбуг к участию в воспитании детей одновременно с Тучковой ни к чему не привели[19]. Герцен все больше сомневался в воспитательных талантах обеих женщин: "Ни Nat⟨alie⟩, ни Мейзенб⟨уг⟩ не могут, никогда не научатся воспитывать детей. Все делают они, чтобы их портить", – жаловался он Огареву (XXVI, 287). Своими сомнениями Герцен делится с Рейхель, просит у нее совета, имея в виду Тату (в это время Ольга жила, в отсутствие Тучковой-Огаревой, с Мейзенбуг у приятельницы последней, Швабе): "Да, entre nous soit dit[70*], при всем благородстве своем и хорошем направлении – она ⟨Мейзенбуг⟩ не много сделает для большой девушки. Что же мне делать?" (XXVII, 58). Спустя некоторое время, продолжая делиться с Рейхель своими заботами о воспитании детей, Герцен пишет: "Я хочу заниматься воспитанием Таты сам. А Ольге Мейзенбуг очень полезна" (XXVII, 88). И Герцен отпускает Ольгу с Мальвидой в Париж на зиму 1860–1861 г. А в декабре 1862 г. он вынужден отправить дочерей вместе с Мальвидой – дома ничего не налаживается – в Италию, на неопределенный срок. Но Ольга уже больше не вернулась к отцу... Герцен не оставлял надежды объединить семью – где-нибудь в Швейцарии, в Турине, в Ницце, в Брюсселе, наконец, в Париже – и предпринимал попытки к этому, но все они ни к чему не привели. Лишь короткое время ему удавалось иногда пожить вместе, и то чаще с Татой, чем с Ольгой. Герцен никогда не переставал интересоваться воспитанием дочерей, старался сблизить старших детей между собой и всех их с Лизой. Так, он настаивает, чтобы Саша, живший одновременно с сестрами в Италии, как можно больше общался с ними, интересовался ими. Но дети не всегда ладили между собой, не ладила и Тата с Мейзенбуг. М е й з е н б у г "просится в Рим с Ольгой, без Таты ⟨...⟩, – жаловался Герцен Огареву. – Она ничего не понимает в Ольгином воспитании – любит ее и плачет и спазмует" (XXVII, 509).

Герцен старался противостоять тенденциям в воспитании Ольги, которые он считал отрицательными и, прежде всего, отчуждению ее от русской культуры, русского языка, мучился тем, что Ольга отдаляется от него. В мае 1860 г. (Ольга в это время, как уже упоминалось, жила с Мальвидой у Швабе), он настоятельно советует Мейзенбуг: «Перед вами большая задача – укрепите ум Ольги, спасите его от этого хаотического рассеяния, пусть она станет положительной – ей не нужен скептицизм, нужны размышления, упорядоченные занятия, соблюдение правил поведения ⟨...⟩ Чтобы это сделать (укрепить дух), надо начинать не со сложного, а с элементарного, с механизма памяти. Я утверждаю, что ничего не ⟨будет⟩ достигнуто, если вам не удастся научить ее читать плавно и писать по-человечески, – это должно быть взято с бою, должно стать привычкой – а потом уже всякие философии и эстетики ⟨...⟩ Исходя из теории "der schönen Möglichkeiten"[71*], вы полагаете, что Ольге надо дать необыкновенное воспитание. Так и я думал о всех детях – было время. Будьте глубоко уверены, что нет на свете ничего хуже, чем "заранее обдуманное необыкновенное"» (XXVII, 55–56). Отсутствие трезвого учета реальности в образовании Ольги возмущало Герцена, к этому он не раз возвращался в своих письмах к Мальвиде. "Спросите у самой себя, оставив в стороне историю, искусства, географию и т.д., во-1-х, читает ли она в настоящее время бегло на каком-либо языке? во-2-х, пишет ли она достаточно правильно на каком-нибудь языке? в-3-х, знает ли она сложение и 3 остальные правила арифметики?" (XXVIII, 40).

В разговорах с Герценом и в письмах к нему Мейзенбуг отстаивала свою правоту в вопросах воспитания. Не располагая ее письмами к Герцену, мы можем судить об этом по косвенным данным. Так, например, Огарев писал Герцену (5 июня 1865 г.): «У меня лежит письмо к тебе от Мальвиды в "n" листов. В нем есть много правды, подмеченной обиженным самолюбием, и много основной лжи, происходящей из того же источника. Уверенная, что она может воспитывать, она сердится на неудачу и обвиняет тебя в разных колебаниях и нерешительностях. Последнее имеет долю правды, потому что, несмотря на кажущуюся решительность, в

69* "прекрасные возможности" (*нем.*).

70* между нами говоря (*франц.*).

71* "прекрасных возможностей" (*нем.*).

тебе много нерешительности, мешающей тебе и другим, но она не может заметить, что большая доля в неудачах воспитания относится к отсутствию у ней практического такта и таланта воспитательницы – и этого ей никогда не объяснишь»[20].

Но, как видно, не все и не всегда в воспитании и образовании Ольги вызывало неудовольствие Герцена. Приехав к детям во Флоренцию, он сообщает Огареву: "Ольга действительно очень грациозно развивается. Она была бы великим источником – *ресурсом* для Лизы. Даже Мейзенб⟨уг⟩ ничего бы не имела против. Но страх перед N⟨atalie⟩ всех леденит" (22 января 1867 г. – XXIX, 22); и через три дня ему же: "Я здесь всеми доволен. Ольга, действительно, умна и жива и очень развилась..." (XXIX, 23).

Тем не менее, не все удовлетворяло Герцена – Мейзенбуг давала Ольге односторонне гуманитарно-эстетическое образование, то есть такое же, какое получила сама. А Герцен считал это несовременным (и твердил об этом из письма в письмо): "К чему этот ненужный груз индусских поэм, который невозможно переварить?" (XXIX, 130). Или: "Классическое воспитание отжило свой век. Можно, должно прочесть Гомера и Магабарату – но это чтение не должно быть *на первом месте*, есть другое, которое развивает в гораздо большей степени – надо эмансипироваться от Олимпа – как мы уже эмансипировались от Голгофы" (XXIX, 139). Или: "Основывать *современное* воспитание на слабой одаренности и на филологии, по-моему, ошибочно. Конечно, лучше было бы изучать медицину или вообще что-либо положительное" (XXIX, 177). Герцен не понимал, зачем нужно возить Ольгу в Германию на представление вагнеровских опер[21] или тратить большие деньги на учителя пения (бросать деньги в "бездну Панофки"[22], как он выражался), если Ольга не собирается стать певицей? Систему образования и воспитания Ольги он в последние годы жизни определил довольно точно – воспитание "христо-буржуазное, прикрытое новой фразеологией" (XXX, 270). В результате в Ольге сложился немецко-artistisch, аристократический взгляд (XXX, 288).

Из всех детей Герцена в последние годы к отцу ближе всего была Тата. И она, конечно, видела, как ему хотелось объединить детей хотя бы на короткое время. Огареву она рассказывает в письмах, как ей захотелось сделать отцу сюрприз: уговорить приехать на лето в Ниццу (где она в это время жила с отцом, Тучковой-Огаревой и Лизой) Ольгу с Мальвидой. Этот план испугал Тучкову-Огареву, но Тата ее уговорила и объяснила, что Ольга ведь уже не ребенок, что ее собственный нрав переменился к лучшему и что следует это сделать для папаши. Наконец она согласилась". Теперь надо было ждать ответа от Мейзенбуг. "Ну, вот я и получила ответ от Мальвиды, отказ, – пишет она Огареву. – Она говорит, что долго колебалась, но недоверье взяло верх ⟨...⟩ Мне ужасно жаль, я почти уверена, что это короткое время все прошло бы очень хорошо – очень жаль"[23].

Мейзенбуг продолжала воспитывать Ольгу как умела и как хотела. Отчуждение от отца становилось почти неизбежным, и Мейзенбуг нанесла Герцену один из самых тяжелых ударов, которые уготовила ему судьба в последние годы жизни.

Из письма Герцена к Мейзенбуг от 15 декабря 1868 г.: «Год тому назад вы писали мне: "*Еще один год* – и я возвращаю вам Ольгу vollendet..."[72*] – и пр., теперь же вы просите еще два, три года... через два, три года, если она не остережется, то выйдет замуж – è finita la commedia[73*] – внутренней слитности со мной. Какое несчастье, что она покинула дом, – однако я никогда не полагал, что она в самом деле уйдет навсегда" (XXIX, 515).

Через два месяца, в феврале 1869 г., Герцен захотел, чтобы Ольга приехала к нему без Мейзенбуг – это была очередная попытка предотвратить отдаление дочери, постараться сблизиться с ней. И как раз эта попытка обнаружила, как далека Ольга от отца. Она ответила отказом (вероятно "недоверие взяло верх" – недоверие ее и Мальвиды к Тучковой-Огаревой), нанеся отцу "жестокий удар" (XXX, 37). Герцен тут же рассказал Огареву всю историю своего приглашения и Ольгиного отказа: "Ольга пишет, что она готова *повиноваться* – но что Мейзенб⟨уг⟩ для нее мать и что подвергнуть ее беспокойству разлуки она не желает. Что если она отвыкла от родительского дома – *вина не ее*. Чем справедливее эта пилюля, тем ее труднее было проглотить – но я осилил и отказался от приглашения ⟨...⟩ Итак – милая незнакомка, она никогда не узнает ни повести о своей матери, ни кто я, ни того, что я мог бы привести в свою реабилитацию" (XXX, 39). Через два дня в письме к сыну Герцен пишет о том же: "Итак ⟨...⟩ Мейз⟨енбуг⟩ достигла своей цели – совершенно отчуждила Ольгу – даже незнанием русского языка. Мне это очень больно. Я многого не сумел сделать, в многом жизнь запутал. Но в нелюбви к вам, в каких-нибудь требованиях на вас – меня трудно обвинить ⟨...⟩ Я не хочу больше ее приезда" (XXX, 40–41). Самой Ольге Герцен писал в те же дни: "Быть может ⟨...⟩ впоследствии, т.е. после моей смерти, в сердце твоем окажутся пустоты... И сам я ос-

---

[72*] окончательно сложившейся (*нем.*).

[73*] окончена комедия (*итал.*).

танусь каким-то чужедальним другом... довольно расплывчатым, довольно незнакомым... Предположим, вина за это полностью лежит на мне, но итог от этого для тебя будет не менее горьким" (кн. 1-я наст. тома).

Ставя этот трагический эпизод в связь со всеми теми сложностями, которые возникали у него в отношениях с остальными детьми – Сашей, Татой и Лизой,– Герцен подводил печальный итог: "В детях главная казнь – и казнь, равно падающая на них, как на меня" (письмо Огареву от 2 декабря 1869 г. – XXX, 271).

Мейзенбуг старалась оправдать перед Герценом свое поведение в отношении Ольги. Она не раскаивается, что держала Ольгу в отдалении от отца: «Ваша бродячая жизнь не сделала бы из нее то, чем она стала... Когда вы заговорили о том, чтобы снова соединить вокруг вас вашу семью, я ведь ответила только: "Обоснуйтесь где-нибудь, создайте home для ваших дочерей, и я вам вновь вручу Ольгу"». Поддержав Ольгу в ее отказе ехать к отцу, Мальвида, по ее словам, думала лишь о том, чтобы не прерывать ее занятий, и готова была отпустить позднее. Возвращаясь к вопросу об отношениях Ольги к отцу, Мальвида спрашивала: "Почему же сомневаетесь, вы в том, что она вас любит и почитает?.. Но сделайте и вы что-нибудь для Ольги, образовав и развив ее – однако не бросайте на ее юную душу отблески всех несогласий времен ее детства, скептицизм и груз чудовищных жизненных осложнений". Отвечая на слова Герцена в его письме к ней ("Вы никогда не собирались – я уверен в этом – взять на себя роль Немезиды по отношению ко мне". – XXX, 37), она заканчивала свое письмо: "Спасибо, если вы не верите в то, что я хочу явиться орудием Немезиды; было даже время, когда вы предполагали во мне намерение быть орудием примирения, это было ближе к истине. Но, любезный друг, вы сами являетесь своей Немезидой" (XXX, 337–338).

Однако Герцен не оставил мысли съехаться с детьми. И самое тяжелое, как оказалось, было еще впереди. Когда, наконец, Ольга с Мейзенбуг приехали в Париж к Герцену, он окончательно понял, насколько дочь для него стала теперь чужой. "Она чужая, она никого не любит, кроме Мальвиды", – с отчаянием повторял он в письмах. "Теперь уже жалею, что выписал Ольгу и Мальвиду" (XXX, 288). "Я кончу тем, что предложу или ехать назад – или нанять особо здесь квартиру" (XXX, 291). Но Герцен не успел ничего предпринять – через месяц его не стало.

Мейзенбуг, конечно, понимала, какую роковую роль она сыграла во взаимоотношениях отца с дочерью, и после смерти Герцена не раз возвращалась к этому мучившему ее вопросу. В 1893 г. – ровно через двадцать три года после смерти Герцена – она пишет Ольге, что выше всего в жизни – выше таланта, знаний – сила характера, и добавляет: "И это ты получила в наследство от своего отца, в этом ты похожа на него, ты взяла самое хорошее от него. И, когда в своих письмах он так часто жаловался, что ты о нем ничего не знаешь, он ошибался: ты сродни ему в глубочайшей и благороднейшей сердцевине его существа, и кто знает, не испытывает ли сейчас бессмертная часть его от этого утешения во всей полноте и чистоте?"[24]

В последний год его жизни критическое отношение Герцена к Мальвиде резко усилилось. Это было связано, конечно, в первую очередь, с отдалением Ольги. Герцен боялся отдаления всех детей – поэтому он так не хотел ранней женитьбы сына, так упорно боролся с Тучковой-Огаревой за Лизу. Был ли Герцен в это время всегда справедлив в своих высказываниях о Мейзенбуг? Тот страх, который, по словам Герцена, всех "леденил" перед Натальей Алексеевной, был больше других свойствен Ольге – из старших детей Герцена Тучкова не любила больше всех именно ее. И здесь следует учесть свидетельство Таты: когда из участников семейной драмы остались в живых только она и Ольга, она писала М.К. Лемке (в связи с изданием собрания сочинений и писем Герцена): «Я забыла вас попросить, чтобы вы во всех письмах моего отца выпускали те места, где говорится о m-lle Meysenbug в том смысле, что она не хотела отдать Ольгу и препятствовала ей вернуться к отцу. Вы понимаете, что на самом деле все было гораздо сложнее. Французы говорят: "Cherchez la femme"[74*]. Я бы сказала в данном случае: "Cherchez[75*] Наталью Алексеевну". Вы ведь знаете, сколько дисгармонии она породила в нашей семье своею близостью к моему отцу. Ольга сама не хотела вернуться домой, зная, что тут около папаши находится Наталья Алексеевна»[25].

В свое оправдание Мейзенбуг могла бы привести и то, что она спасла Ольгу из невозможной семейной обстановки и ей в значительной мере Ольга обязана тем, как благополучно сложилась ее судьба в отличие от остальных дочерей Герцена. Да и в какой мере могла Мейзенбуг, немка, скоро совсем забывшая русский язык, жившая с Ольгой вне русской среды во Франции, в Италии, в Швейцарии, воспитать Ольгу русской, близкой по духу отцу? Мейзенбуг не была ведь "гувернанткой"; лишенная собственной семьи, она отдала всю свою любовь

74* "Ищите женщину" (*франц.*).

75* Ищите (*франц.*).

Ольге – любила ее материнской, во многом слепой и ревнивой любовью. Герцен добровольно поделился своими правами на дочь с Мальвидой, он писал ей в сентябре 1865 г.: "Ольга принадлежит вам в той же мере, как и мне, ее судьба представляется мне неотделимой от вашей"[26]. Герцен был достаточно прозорлив и справедлив по отношению к Мейзенбуг, чтобы понимать, что сознательное и бессознательное, вольное и невольное переплетаются в ее отношении к Ольге (Ольгу Мейзенбуг "совсем отчуждает и сознательно и бессознательно" – XXX, 3) и что "нет чувства более эгоистического, чем любовь... всякая любовь – отцовская, братская, половая", – как писал он самой Мальвиде (XXVIII, 209).

Иногда, в минуты великого горя, Герцен бывал и не вполне справедлив в отношении Мейзенбуг. «Ну, милая идеалистка, – писал он Огареву 27 декабря 1868 г., когда его недовольство Ольгой и Мальвидой достигло крайних пределов, – она отомстила мне за выход из дома в 1856 году ⟨...⟩ Тихо и кротко опуская пухлые глаза, Мейз⟨енбуг⟩ мягко ненавидит все наши самые дорогие воззрения и спасает от них Ольгу – в старую колею, а сама без ума была от "Vom anderen Ufer"» (XXX, 288–289). Конечно, много изменилось и для Герцена с конца 1840–начала 1850-х годов, когда было написано "С того берега", когда они только познакомились с Мейзенбуг. Сам тип идеалиста 1840-х годов – то есть духовный тип человека передовых, демократических кругов, который сложился в период общественного подъема кануна революции – с его иллюзиями и беспочвенными надеждами – стал теперь для Герцена чужд и неприемлем. Мейзенбуг, писал он, "пущена, как волчок без компаса, по морю по океану всех мнений. Везде благородная, везде в идеализме сороковых годов" (XXIX, 148). В письме от 12 мая 1868 г. Герцен спрашивает Тату: "Знаешь ли ты, отчего при всей противуположности характеров, – столько нетерпимости в N⟨atalie⟩ и Мальв⟨иде⟩?" И объясняет: «Оттого, что обе – идеалисты ⟨...⟩ "Жизнь и люди их обманули" – они не могут примириться с этим. А ведь жизнь и люди их не обманывали, они просто *не могут* дать того, что с них угодно требовать» (XXIX, 335). И через две недели, продолжая эту тему, снова сравнивает Тучкову и Мейзенбуг: "У Мальв⟨иды⟩ идеализм книжный, экзальтация общими тенями – без анализа, без желания ясности. У N⟨atalie⟩ – оставшиеся без малейшего разбора русско-молодые экзальтации сороковых годов" (XXIX, 354).

"Храбрость истины и примирения в истине" (XXVI, 73), свойственные Герцену, умение всегда смотреть в глаза правде, заставляли его остро чувствовать в других боязнь полной ясности, склонность ко всякого рода иллюзиям; он с раздражением писал об "идеалистическом тупомудрии Мейзенбуг, ее нравственной слепоте и хватании звезд" (XXX, 249). "Ты знаешь, что Мальв⟨ида⟩ с открытыми глазами ничего не видит", – жаловался он сыну (XXIX, 348).

Неудивительно, что Герцену не понравились "Воспоминания идеалистки" (первая часть вышла без имени автора в женевской типографии в конце 1868 г. на французском языке)[27]: «Записками ее я не совершенно доволен, – писал Герцен, – она очень ярко обделала свою семью – папашу и мамашу. Много идеализма» (XXIX, 365)[28]. "Очень ярко" – это не похвала, а порицание и значит: без теней, идеализированно. И то же самое повторял он и самой Мейзенбуг: "Вы озаряете все таким сильным блеском, что совсем не остается теней![29] Черту за чертою я узнаю ваш идеализирующий характер. Вы его сохранили, и это отлично – чтобы золотить пилюли жизни" (XXIX, 377). Сам Герцен решительно отвергал любые "золочения пилюль".

Первые же отклики читателей и прессы на "Воспоминания идеалистки" были благоприятны. "Я рад, что ее Записки имеют успех – но мнения моего не могу изменить", – писал Герцен (XXX, 100–101)[30].

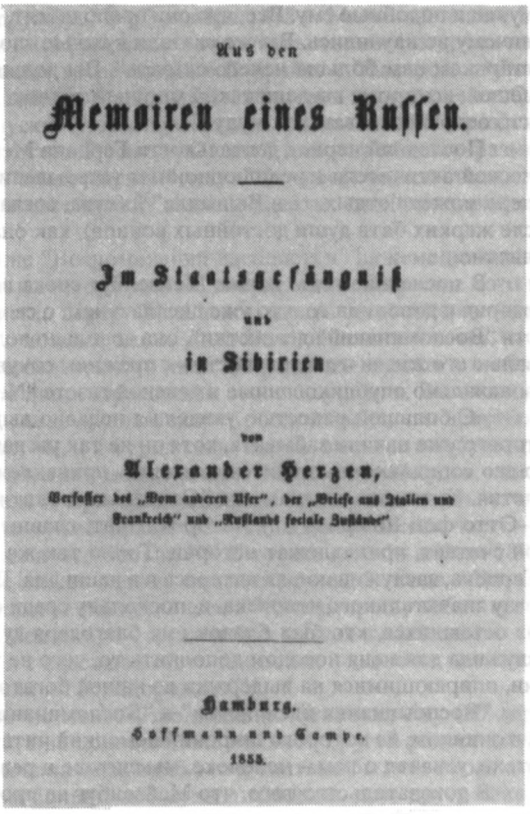
Мейзенбуг считала конец 1850-х –начало 1860-х годов неким рубежом, началом нового периода своей жизни. Заключительная глава "Воспоминаний идеалистки" называется: "Дитя, художник, философ", Мальвида как бы подводит в ней итог "ученических" и "страннических" лет и говорит о том, к чему она пришла. "Дитя" – это, конечно, Ольга, забота о которой отныне стала средоточием ее жизни, смыслом ее существования. "Философ" – это Шопенгауэр, учение которого именно в эти годы приобрело популярность, – оно стало для довольно широких слоев европейской интеллигенции выражением разочарования в революции, в общественной активности. "Художник" – это Рихард Вагнер, искусство которого стало для Мейзенбуг воплощением искусства вообще. Когда Мальвида познакомилась в 1855 г. в Лондоне с Вагнером, он не был признанным композитором – громкая слава его была еще впереди, и Мейзенбуг оказалась среди первых, оценивших его искусство, одним из первых его горячих адептов[31].

Искусство заняло в жизни Мейзенбуг особое место. Как уже говорилось, она рано и решительно отошла от всякой церковности и всю жизнь прожила свободной от религиозных догм, от религиозной обрядности. Согласно ее желанию тело ее было кремировано и прах предан земле без всяких религиозных обрядов. Но всю жизнь она, по существу, оставалась ре-

лигиозным человеком. Мейзенбуг скорее с удовлетворением, чем с удивлением или тем более негодованием, передает слова некой русской дамы, которая, прочитав "Воспоминания идеалистки" воскликнула: "Господи, да вы же религиозная натура!"

Мейзенбуг принадлежала к довольно широко распространившемуся в XIX в. типу людей "верующих без бога", для которых слова Ницше "бог умер" означали лишь смерть бога любой положительной религии и которые населили пустующие небеса некой заменой бога, неким Абсолютом. Для них продолжала существовать абсолютная, метафизическая инстанция, которая могла называться, скажем, Идеалом и была суммой вечных нравственных истин. Важнейшую роль при этом играло Искусство с большой буквы, искусство как замена религии, как воплощение Абсолюта.

Мейзенбуг все больше сближалась с Вагнером и его второй женой, дочерью Ф. Листа – Козимой; она стала вскоре своим человеком в доме Вагнера в Байрейте. Живя в очередной раз здесь, Мальвида описывает в письме к Ольге вечер в доме Вагнера: Вагнер играет на рояле, Мальвида с Козимой, сидя рядом, слушают; Мальвида, наклонясь к Козиме, шепчет ей: "Это и есть новая религия!" – "Это мое глубочайшее убеждение, – комментирует она свои слова Ольге. – Храмом же, где мы должны собираться для просветленного созерцания мистерии жизни, должен стать театр будущего, о котором мечтает Вагнер"[32].


Aus den

Memoiren eines Russen.

Im Staatsgefängniß

und

in Sibirien

von

Alexander Herzen,

Verfasser des „Vom anderen Ufer", der „Briefe aus Italien und Frankreich" und „Rußlands sociale Zustände"

Hamburg.

Hoffmann und Campe.

1855.

"БЫЛОЕ И ДУМЫ". ПЕРВОЕ НЕМЕЦКОЕ ИЗДАНИЕ. ПЕРЕВОД М. МЕЙЗЕНБУГ (ГАМБУРГ, 1855)

Титульный лист

Книга содержит две первые части "Былого и дум", вышедшие отдельным изданием ("Тюрьма и ссылка". Лондон, 1854). Имя переводчицы не указано. Заглавие изменено ("Из воспоминаний русского. В тюрьме и Сибири")

Эстетическое идолопоклонство восторжествовало в душе Мейзенбуг – зачатки этого относятся еще к ее юности, оно было заложено в ее тогдашнем шиллеровско-романтическом отношении к искусству – уже после ухода из дома Герцена, где общественные и политические интересы доминировали над всеми остальными.

Важно, однако, отметить, что влияние личности Герцена, его идей, его деятельности, несмотря ни на что, продолжало сказываться до последних лет жизни Мейзенбуг – общественные интересы никогда не переставали волновать ее; человек широкий и открытый, она, с тех пор как в четырнадцать лет впервые стала читать газеты, продолжала интересоваться общественными и политическими событиями. И, уйдя из дома Герцена, продолжала оставаться в курсе его деятельности и сочувствовать ей[33]. В круг ее знакомых по-прежнему входили знакомые, друзья и соратники Герцена по эмиграции, по политической борьбе. Мейзенбуг была осведомлена о спорах Герцена с Бакуниным, и ее сочувствие было целиком на стороне Герцена (она была знакома с содержанием писем "К старому товарищу" еще до их публикации[34]). Герцен писал ей: "Бакун(ин), взбешенный против меня за то, что я не занимаюсь вместе с ним демосоцией, – пишет Огареву: «Герц(ен) меня крайне огорчает. Он, который отважно вел за собою других, стал нерешительным – он напоминает "Maultier – er sucht im Nebel seinen Weg"»[76*] (XXIX, 489 – стих из "Песни Миньоны" Гете). Получив вскоре за этим письмом последний номер "Kolokol", где было помещено письмо Герцена Огареву о прекращении этого издания, Мейзенбуг писала Герцену: «Почетнее уйти вот так, чем упрямо продолжать, как Ба-

76* "Мула – он ищет в тумане свой путь" (*нем.*).

кунин и подобные ему. Все, что они преподносят, – это старые, обветшалые идеи и фразы, они ничему не научились. Вы же сказали нужные слова: "Молодое поколение идет своим путем – старикам нам больше нечего сказать". Вы должны теперь, как мудрец, наблюдать за ходом вещей, которому вы дали такой мощный толчок, и с улыбкой снисхождения пройти мимо тех, кто относится к вам как мулу»[35].

Последний период деятельности Герцена Мейзенбуг рассматривала как отказ от политической активности и революционных устремлений, считая, что Герцен свое дело сделал и теперь может "отдыхать в Валгалле"[36] (куда, согласно германской мифологии, собираются после жарких битв души достойных воинов), как она писала ему в только что процитированном письме.

В последние годы жизни Мейзенбуг снова вернулась к воспоминаниям о Герцене и, повторив и дополнив то, что уже писала о нем, о своих отношениях с ним во второй и третьей части "Воспоминаний идеалистки", она довольно подробно, опираясь на "Былое и думы", рассказала о его жизни и деятельности – с прежним сочувствием и симпатией. Эти воспоминания, первоначально опубликованные в венской газете "Nene freie Presse" (см. прим. 6), начинались так:

«С большой радостью увидела я недавно вышедшую книгу, посвященную человеку, которого уже начали забывать, хотя он не так уж давно ушел из жизни и хотя он – если говорить о его социально-политических идеях – принадлежит к величайшим мыслителям нашего столетия. Книга эта озаглавлена "Социально-политические идеи Александра Герцена"; автор ее – Отто фон Шпербер ⟨...⟩ Автор говорит, главным образом, об идеях Герцена, которые, как он считает, принадлежат истории. Точно так же, как принадлежит истории и сама личность Герцена, заслуживающая интереса и в наши дни. Дружба может добавить и другие черты к образу значительного человека, и, поскольку среди современников я, быть может, единственная из оставшихся, кто был близок ему благодаря духовной и душевной симпатии, книга эта послужила для меня поводом дополнить то, чего не хватает в ней, собственными воспоминаниями, опирающимися на выдержки из нашей богатой переписки"[37].

"Воспоминания идеалистки" и "Воспоминания об Александре Герцене" стали основным источником, из которого широкий немецкий читатель черпал сведения о великом русском деятеле, узнавал о нем – человеке, мыслителе и революционере[38].

В доказательство того, что Мейзенбуг на протяжении всей своей жизни оставалась верна демократическим идеалам юности и продолжала интересоваться общественными проблемами, можно привести и другие факты. Так, в период дела Дрейфуса Мейзенбуг пишет письмо Э. Золя после его выступления в защиту Дрейфуса, выражая, подобно всем прогрессивно мыслящим людям, полное одобрение его позиции. Во время Англо-бурской войны симпатии Мейзенбуг, как и всей европейской демократии, на стороне буров; она просит едущую к ней в Рим Ольгу привезти портреты бурских генералов. Мейзенбуг, правда, сочувствовала объединению Германии "сверху", которое проводил Бисмарк (за что заслужила со стороны Герцена прозвище "Мальвиды Бисмарковны"), но ведь этому объединению сочувствовали многие отнюдь не реакционно настроенные люди, в том числе ряд деятелей революции 1848 г. Впрочем, когда началась Франко-прусская война 1870 г., Мальвида, несмотря на сочувствие Бисмарку и свой немецкий патриотизм, прусский милитаризм осуждала. "Заверяю вас, – писала она жене Мишле, – что после Седана я больше не испытываю симпатии к воинственной Германии, угрожающей Парижу, как и к официальной Франции ⟨...⟩ продолжающей следовать традиции Империи"[39].

После смерти Герцена Мейзенбуг продолжала жить с Ольгой, которая стала в это время невестой Г. Моно. Когда же в марта 1873 г. Ольга вышла замуж, Мейзенбуг осталась одна – она не считала возможным жить вместе с молодой семьей и тяжело переживала свое добровольное одиночество. Ее звали к себе в Байрейт Козима и Рихард Вагнеры, но Мальвида, в конце концов, предпочла поселиться одна в Риме. Пока позволяли силы и возраст (вплоть до 1894 г.), она много времени проводила в Париже и Версале в семье Моно.

Но еще раньше, в мае 1872 г., в Байрейте произошла встреча, сыгравшая важную роль в жизни Мейзенбуг. Она познакомилась с таким же, как и она, страстным поклонником Вагнера – двадцативосьмилетним профессором классической филологии Базельского университета Фридрихом Ницше. Они еще раньше слышали друг о друге от Вагнеров. Козима писала Ницше (18 сентября 1870 г.) о Мейзенбуг, как об одном из самых верных друзей их семьи ("Она духовно свободный человек, на редкость хороший и одаренный"[40]), а Мальвиде советовала прочесть только что вышедшую (1871) и мало кому известную книгу "Рождение трагедии из духа музыки". (Тогда же в Байрейте Ницше познакомился с Ольгой и подарил ей на память свою фотографию с надписью: "Мадемуазель Ольге Герцен – отвергать все посредственное и жить смело всей полнотой прекрасного".)

Знакомство постепенно перешло в дружбу. Уже 3 ноября 1872 г. Мальвида пишет Ницше: "Я не хотела бы, чтобы вы исчезли из моей жизни, в которую вы вошли так дружественно и так значительно"[41]. Мейзенбуг и Ницше встречаются в Байрейте у Вагнеров, в Мюнхене, в Базеле, обмениваются письмами. Ницше посылает Мейзенбуг свои произведения. Она с увлечением читает один за другим выпуски "Несвоевременных размышлений", разделяет взгляды Ницше и усваивает его терминологию. Посылая Ольге "Несвоевременные размышления", она поучает ее в письме вполне в "ницшеанском" духе: "Не человеческое стадо должно увеличиваться, а число избранных, которые служат высоким целям, стоящим перед человечеством"[42].

В 1876 г., когда вышло полное издание "Воспоминаний идеалистки" на немецком языке, Ницше тут же прочел их. Они произвели на него огромное впечатление. Описание того воскресного дня, когда в полном одиночестве на берегу Женевского озера он дочитывал их, напоминает идиллию в духе Руссо (которого позднее он так не любил!); Ницше кажется, что он никогда до того не переживал такого благословенного дня: "Ощущение чистоты и любви не покидало меня, и природа в тот день была лишь отражением этого ощущения. Вы стояли передо мной как лучшая часть меня самого, самая лучшая, скорее ободряя меня, чем пристыжая: так стояли вы перед моим внутренним взором, и я мерил свою жизнь, взяв вас за образец, искал, чего мне в себе не хватает... Ваша книга для меня, однако, более строгий судья, чем, вероятно, были бы вы сами. Что должен делать мужчина, чтобы не быть вынужденным, читая вашу повесть, казнить себя за отсутствие мужественности? – спрашиваю я себя часто.– Он должен поступать точно так же, как вы, и ничего больше!"[43] В тот же день 14 апреля 1876 г., окончив это письмо к Мейзенбуг, Ницше пишет одному из своих друзей, Э. Роде: «Читал ли ты только что вышедшие три тома "Воспоминаний идеалистки"? Очень прошу тебя – прочти. Это жизнь нашего друга фрейлейн фон Мейзенбуг – зеркало для каждого настоящего человека, в которое смотришься и со стыдом и с надеждой стать таким же; я давно не читал ничего подобного, что бы так перевернуло меня и так оздоровило"[44].

Получив письмо Ницше, Мейзенбуг не менее взволнованно отвечала ему (30 апреля 1876 г.): "Дорогой друг! Если бы моя книга не принесла мне никакой другой радости, кроме вашего последнего письма, я бы благословила ее за одно это и считала бы, что этого достаточно, чтоб оправдать ее написание. Нам больше нет нужды говорить друг другу какие-то слова – мы знаем, что́ мы значим друг для друга и будем значить вечно"[45]. В том же письме Мейзенбуг предлагает Ницше поселиться вместе, хотя бы на год, и пригласить также молодого друга Ницше, студента Базельского университета А. Бреннера. Было решено поселиться в Сорренто, сняв виллу Рубиначчи; к ним присоединился еще один знакомый Ницше – философ П. Ре. Самому младшему из мальвидиных "мальчиков", как их называл живший в отеле неподалеку Вагнер, было двадцать лет, самому старшему – тридцать два. Совместная жизнь длилась, однако, недолго – с октября 1876 г. до апреля 1877 г., когда уехали Бреннер и Ре, затем в начале мая сразу сорвался и уехал Ницше; последней оставила Сорренто в июне Мейзенбуг.

Для всех четверых месяцы, проведенные в Сорренто, были счастливым временем – об этом они писали тогда же в письмах и вспоминали позднее. Дни их складывались обычно так: первую половину дня каждый проводил по своему усмотрению, потом все вместе гуляли, а вечером читали, беседовали; в девять часов расходились по своим комнатам. Читал вслух чаще всего Ре (Мальвида почти всю жизнь страдала глазами, Ницше мучили головные боли). Читали античных писателей – Геродота, Фукидида; читали Вольтера, французских моралистов XVII–XVIII вв. и современных французских авторов; читали Евангелие; курс лекций Я. Бурхгардта по культуре Греции (записи слушателей Бурхгардта), который Ницше комментировал. Из писем Ольги Мальвида узнает, что во Франции вышел французский перевод романа Тургенева "Новь", и просит ее прислать: "Мы все здесь являемся его поклонниками и охотно прочли бы"[46]. Ницше, Ре, Бреннер читают "Былое и думы" Герцена, читают с "восхищением". "Ницше удивляется, – пишет Мальвида Ольге, – какую богатую жизнь прожил папа, как все в его восприятии художественно преображено. И я всегда говорила папе, что он художник"[47]; "Я рада, что Ницше и Ре его так почитают. Все, что у меня было здесь из его произведений, я им дала, и еще рассказываю им"[48]. 21 января Мейзенбуг отметила годовщину смерти Герцена – она приготовила пунш, и в молчании они выпили в память Герцена.

Но Ницше не впервые читал "Былое и думы" – он прочел их уже в августе 1872 г. и тогда же писал Мейзенбуг: "Я обратил внимание своих друзей на это произведение; читая его, я стал с гораздо большей симпатией, чем прежде, судить о многих отрицательных тенденциях, и даже отрицательными я не должен был бы их называть... Ибо такая благородно-пламенная и стойкая душа не могла бы жить только отрицанием и ненавистью"[49].

Однажды речь зашла о невесте для Ницше – он был старший из трех неженатых мужчин – шутили на эту тему, смеялись, но, как видно, вполне серьезно Мальвида назвала в качестве возможной невесты Тату Герцен. Ницше в письмах к сестре обсуждает эту кандидатуру: по своему духовному складу она вполне подходит для него, считает Ницше, но вот ей тридцать лет (Тате на самом деле тогда было тридцать три – она родилась в один год с Ницше), и это является препятствием[50].

Для Мейзенбуг Сорренто осталось воплощением ее идеала некоего "светского монастыря", который она представляла себе так: собравшийся в прекрасном уголке круг одинаково мыслящих людей, каждый из которых обладает полной свободой заниматься собственным делом и одновременно возможностью наслаждаться в этом обществе высшими радостями духовного общения и, по желанию, действовать в более широком кругу, не приходя в "слишком тесное соприкосновение с миром".

Время пребывания в Сорренто – период наибольшей духовной близости Мейзенбуг и Ницше – и начало их расхождения. Ведь именно в Сорренто Ницше писал "Человеческое, слишком человеческое" – произведение, положившее начало новому периоду в развитии его философии. До опубликования этой работы Ницше читал из нее Мальвиде, и она не советовала ему торопиться с публикацией, считая, что здесь еще много "незрелого" (но именно в этой-то работе Ницше созрел!). Между прочим, неудовольствие Мальвиды вызвали высказывания Ницше против женщин.

В 1878 г. 1-я часть этой книги вышла: на экземпляре, подаренном Мейзенбуг, Ницше написал стихотворное посвящение: "Разве ничего не осталось здесь от аромата Сорренто // И здесь лишь дикая горная природа, // По-осеннему чуть теплая и лишенная любви? // В этой книге только часть моего *я*, // Лучшую же часть приношу я на алтарь той, // Кто был мне другом, матерью, врачевателем".

Посвящение это – элегически-грустное – говорило о том, как мучительно Ницше расставался со своим недавним прошлым, с тем духовным миром, воплощением которого служила "идеалистка" Мейзенбуг. Позднее в своей духовной исповеди "Ecce homo" он писал о "Человеческом, слишком человеческом": «Это памятник кризисного состояния... почти каждая фраза здесь – выражение одержанной победы; я освобождаюсь от всякого *чуждого* моей природе. Чужд же мне идеализм, заглавие говорило: там, где *вы* видите идеальное, я вижу – человеческое, увы, только – слишком человеческое!.. Это памятник суровой самодисциплины, с ее помощью я сразу покончил в себе самом со всем наносным: высоким жульничеством, "идеализмом", "высокими чувствами" и прочими бабьими штуками...»[51].

А Мальвида, прочтя "Человеческое, слишком человеческое", писала Ольге: "Это нечто большое и удивительное, хотя и не полностью созвучное мне"[52]. Пропасть между Ницше и Мальвидой росла с каждым годом; Мейзенбуг, казалось, не замечала этого, а Ницше, беспощадно издеваясь над духовным миром Мальвиды, разрывая все связи с ним, продолжал тянуться к ней, одновременно удивляясь ее слепоте! Ницше писал ей: "Я иду вперед, выше, продолжайте верить мне!" (14 марта 1879 г.)[53]. Она отвечала ему: "Вы стремитесь к высокой цели... Трогательно и прекрасно думать об одиноком путнике, который трудным путем решительно устремляется к высотам, на которых дышится чистым эфиром духа!" (28 марта 1879 г.)[54].

В ответ на жалобу Ницше "Я снова *одинок* – и, говоря по правде, никогда не был так одинок... Нет никого, кто хотел бы идти моим путем" (ноябрь 1883 г.)[55], Мейзенбуг утешает его (8 ноября 1883 г.): "То, что вы не находите никого, кто хотел бы идти с вами, не должно вас удивлять: ибо пути необычных людей всегда одиноки..."[56]. Мальвида точно заворожена трагическим одиночеством Ницше, его одинокими борениями и не хочет замечать *содержания* и *целей* этой борьбы.

Вокруг Ницше все теснее сжималось кольцо одиночества и отчуждения, а Мейзенбуг успокаивала его, не понимая или делая вид, что не понимает его ужаса перед логикой собственной мысли, перед тем, что он считал своей миссией.

В марте 1884 г. Ницше писал Мейзенбуг: "Это выражение *моей* человечности – сохранять молчание касательно моих последних намерений и, кроме того, еще и вопрос благоразумия и самосохранения. Всякий убежит от меня, догадайся он только, какого рода обязательства вытекают из моего образа мыслей!.. И – вы! и вы тоже, мой глубокоуважаемый друг!.. *Возможно*, что для всех грядущих поколений я – рок, и *очень возможно*, что в один прекрасный день я онемею – из человеколюбия!!!"[57]

В последний раз Мейзенбуг виделась с Ницше в мае 1883 г. в Риме, но переписка продолжалась и еще обсуждались даже проекты совместной жизни, подобной той, которую они вели в Сорренто.

Мейзенбуг читала все произведения Ницше, которые он ей посылал, но что она вычиты-

ОЛЬГА МОНО (ГЕРЦЕН)
Барельеф К. Фонк-Брентано (гипс), 1890
Музей Герцена, Москва

вала из них? Ницше писал 25 марта 1886 г. Овербеку: «Честная Мальвида, которая благодаря своей розовой поверхностности всегда на протяжении всей жизни держалась на поверхности, написала мне однажды, к моему горчайшему удовольствию, что она различает в моем "Заратустре" "контуры светлого храма", который я построю на этом фундаменте. Можно умереть со смеху, но я как раз доволен, что никто не подсматривает и не замечает, что за "храм" я строю!»[58]

Действительно ли Мейзенбуг так долго не понимала истинный смысл философии Ницше? Что преобладало в ее отношении к Ницше и его идеям – "идеалистическое тупомудрие", выражаясь словами Герцена, неумение видеть вещи в их истинном свете, не поддаваясь влиянию собственных иллюзий, желаний, упований? Переоценка "der schönen Möglichkeiten" – "прекрасных возможностей", говоря опять-таки словами Герцена? Или "педагогическая" установка – надежда удержать Ницше в пределах общего для них когда-то строя мыслей, не оттолкнуть его и тем самым попытаться сохранить свое влияние на него? Симпатия и жалость к одинокому страдающему человеку? Широта и терпимость к чужой мысли? Завороженность образом человека, верного своим убеждениям и идущего своим путем, чего бы это ни стоило?

Но, так или иначе, настал все же момент, когда Мейзенбуг поняла, что ей не по пути с Ницше, и решительно разорвала с ним. Предлогом – нам кажется именно предлогом, а не главной причиной – послужила работа Ницше "Случай с Вагнером", которую он послал ей в сентябре–октябре 1888 г., сразу же после ее выхода. В этой работе, направленной против вагнеровского искусства (а Мальвида продолжала боготворить Вагнера до конца жизни), оно объявлялось воплощением декаданса. В работе повторялись нападки на идеализм, столь популярный, по словам Ницше, со времен Гегеля и Шопенгауэра в Германии. Нет ничего прекрасного самого по себе – "прекрасное в себе" это такая же химера, как и весь идеализм"[59], – писал Ницше в этой работе, которую он послал "идеалистке" Мейзенбуг!

В ответ Мейзенбуг отправила "очень злое" письмо (по словам сестры Ницше, Э. Ферстер-Ницше; само письмо до нас дошло не полностью), в котором она разрывала отношения с ним.

Однако Ницше еще раз взялся за перо и написал Мейзенбуг последнее письмо. Оно написано так, как будто он никогда не считал ее "лучшей частью своего я", как будто в Сорренто она не была его "другом, матерью, врачевательницей": «Я постепенно порвал почти все отношения с людьми из чувства отвращения к тому, что меня принимают за нечто другое, что я есть на самом деле. Теперь очередь дошла и до вас... Вы "идеалистка" – я же считаю идеализм лживостью, ставшей инстинктом, упорным нежеланием смотреть в лицо действительности. Вы никогда не понимали ни одного моего слова, не понимали ни одного моего шага»[60].

– "Упорное нежелание смотреть в лицо действительности"– разве не в этом упрекал Мальвиду и Герцен?

Все двенадцать лет – с октября 1888 и до самой смерти Ницше в августе 1900 г. – Мейзенбуг, как видно, не делала попыток увидеть его, но, когда до нее дошло известие о его смерти, она послала на его могилу веточку лавра, сорванную в Сорренто, в знак примирения.

Мейзенбуг – убежденная идеалистка и демократка – не смогла принять в Ницше очень многого. Ее коробили черты вульгарного материализма и позитивизма в философии Ницше, та прямолинейная и плоская зависимость духовного и "идеального" от физиологии, которая дает себя знать в его философских построениях. Она не могла принять ницшеанского обожествления "жизни". Для Мейзенбуг жизнь должна была искать оправдания в духе, для Ницше дух должен был оправдываться перед "жизнью". Мейзенбуг не принимала его противопоставления "избранных личностей" "человеческому стаду", "морали господ" – "морали рабов". Конечно, и Мальвиде не чуждо было представление о "толпе" и "элите", но для нее духовная элита не была отгорожена непереходимой чертой от остальных людей – ни в социальном отношении, ни в расовом, ни в каком другом. Путь к совершенству, путь к вершинам духа, по ее представлению, открыт каждому.

После смерти Ницше Мейзенбуг опубликовала статью-воспоминание о нем; она рассматривала ее как "памятник на далекую могилу", которую в этой жизни больше не сможет посетить. В этой статье четко выражена концепция Мейзенбуг. Ранний Ницше для нее и был "истинным" Ницше – это "совершеннейший идеалист", благородный поборник высоких духовных идеалов, подобно ей боровшийся за право идти своим путем. Все его последующее развитие, продолжает она, было *заблуждением*, переходной фазой – на пути к высшему. Не умри он духовно так рано – он вернулся бы к просветленному и умудренному идеализму ранних лет! Наступила бы третья фаза в его развитии – окончательная, где он предстал бы очищенным от всех "заблуждений" и "ошибок". Свою статью о Ницше Мейзенбуг оканчивает словами: "Героический страстотерпец, усталый борец может теперь отдохнуть, а ранний Ницше, кротко улыбающийся в своей первичной гармонии, будет жить века"[61].

Мейзенбуг оказалась удивительно плохим пророком. Сам Ницше значительно лучше понимал, какого рода слава уготована ему в веках. В "Ecce homo" он писал: "Я знаю свою судьбу. С моим именем будет связано воспоминание о чем-то чудовищном, о таком кризисе, которого еще не знали, о глубочайших коллизиях совести, о принципах, направленных против всего, во что до сих пор верили, чего требовали, что считали священным"[62].

Мейзенбуг порвала с Ницше в октябре 1888 г., а в мае 1889 г. потеряла еще одного друга, человека несравнимо меньшего масштаба, чем Ницше, дружба с которым и не была столь близкой и столь длительной. Александр фон Варсберг был богатым аристократом, состоящим на австрийской службе, писателем и ценителем искусств. Он был одинок, тяжело болен туберкулезом. Мейзенбуг переписывалась с ним, бывала на его вилле в Венеции. В последний раз она приехала к нему, когда он умирал.

Мы не будем касаться истории отношения Мейзенбуг и Варсберга – нам лишь важно остановить внимание на том, что в жизни Мейзенбуг выработалась устойчивая "модель" отношений. К ней тянулись мужчины, лишенные семьи, в трудный период своей жизни или находящиеся по той или иной причине в конфликтных отношениях с окружающим миром, ищущие сознательно или бессознательно понимания, опоры, – и Мейзенбуг неизменно оказывалась верным и надежным другом, сестрой, воплощением "бессмертной Антигоны", если употребить выражение Ромена Роллана. Ее дружба была всегда "деятельна", как писал ей когда-то в начале их знакомства Герцен. И она никогда не оставалась поэтому долго одна...

С Роменом Ролланом Мейзенбуг познакомилась летом 1889 г., когда она осталась вдруг одна, потеряв Ницше и Варсберга. Познакомилась она с ним (ему было тогда 23 года, а ей 73), учеником Г. Моно по Высшей нормальной школе, в доме Моно, приехав в очередной раз к Ольге. Осенью того же 1889 г. он прибыл в Рим, чтобы собрать материалы для своей работы по истории европейской оперы, и постучался в двери квартиры Мейзенбуг на улице делла Польвериере, где она прожила до самой смерти. Дружба, завязавшаяся этой осенью между ним и Мальвидой и продолжавшаяся до последних ее дней, сыграла важную роль в жизни Рол-

лана. Навсегда сохранил он благодарную память о своем "римском друге", и после ее смерти он не раз по различным поводам говорил, писал, думал о ней. Он вспоминал о ней в страшные для всего европейского человечества годы первой мировой войны – она была для него в это время одним из воплощений "вечного сестринского начала", – и к этому сестринскому началу обращался он, стараясь пробудить в "женщинах Европы" "братский долг сострадания, взаимной помощи, единения между всеми человеческими существами" (статья "Бессмертная Антигона"). Он говорил, сколь многим он сам обязан женщинам – "если в этой буре я смог сохранить свою непоколебимую веру в братство народов, свою любовь к любви и презрение к ненависти" – это заслуга женщин. Роллан называет двух: свою мать и "великую женщину Европы, чистую идеалистку, Мальвиду фон Мейзенбуг, чья светлая старость была подругой моей юности"[63].

В 1926 г. Роллан напечатал свои воспоминания о Мейзенбуг (отрывок из тогда еще не опубликованной книги "Внутреннее путешествие"). Он перепечатал их под заголовком "Amor. Pace" в книге "Внутреннее путешествие" в 1942 г. – в страшные дни, когда бóльшая часть Европы была под гитлеровским сапогом. Они составили часть главы "Друзья" в полном издании "Внутреннего путешествия", вышедшем уже после смерти Роллана.

В Риме Роллан провел около двух лет – это было время наиболее интенсивного общения между ним и Мейзенбуг. Они встречались очень часто – иногда ежедневно, а в промежутках успевали еще и писать друг другу. Роллан уходил – и Мейзенбуг садилась и писала ему, договаривая то, что не успела сказать во время встречи; иногда она писала ему дважды в день. После отъезда Роллана из Рима она писала ему почти каждую неделю – и получала ответ. Теперь они встречались редко – в Версале, Париже, куда Мейзенбуг ездила, пока хватало сил; в Риме, когда туда приезжал Роллан. Последнее их свидание состоялось в 1902 г., меньше чем за год до смерти Мейзенбуг. Последнее письмо Роллана к ней Мальвида читала 24 апреля 1903 г., а умерла она 26 апреля. Всего они написали друг другу около тысячи пятисот писем.

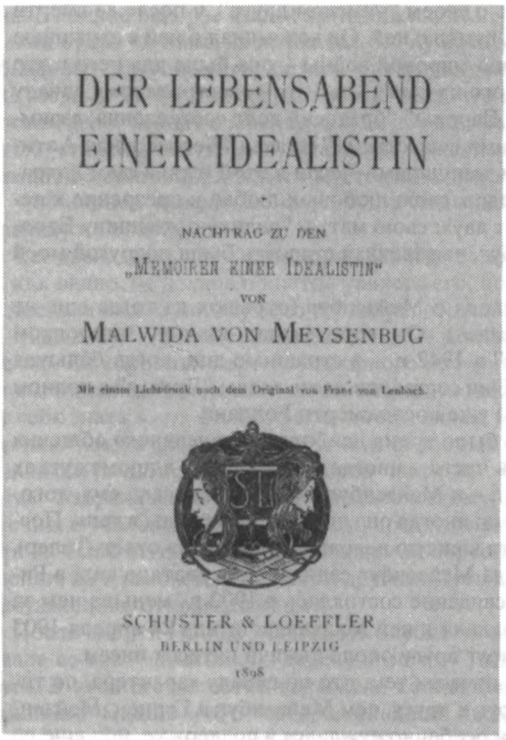
Такая интенсивность общения объясняется отчасти тем, что по складу характера, по типу человека Мейзенбуг и Роллан были ближе друг к другу, чем Мейзенбуг и Герцен, Мейзенбуг и Ницше; отчасти же тем, что юноша Роллан особенно нуждался в поддержке, ибо еще не нашел себя, своего пути в жизни. А Мейзенбуг уже на склоне лет стремилась в последний раз быть полезной, поделиться всем, чем могла: духовным опытом, богатыми воспоминаниями, мыслями, к которым пришла в конце жизненного пути. У нее было ощущение, что она передает в надежные руки эстафету от великого прошлого – великой культуры XIX в.; за плечами Мальвиды стояли революционеры 1840-х годов, стояли Герцен, Маццини, Вагнер, Ницше, стояла старая Германия философов, поэтов и музыкантов – ведь Мейзенбуг была отчасти современницей и Гете, и Бетховена, и Гегеля! (Напомним, Мальвиде было одиннадцать лет, когда умер Бетховен; пятнадцать лет, когда умер Гегель, и шестнадцать, когда умер Гете.) "Я постиг тайну языка старой Германии благодаря великому Глухому (Бетховену)... благодаря глазам Мальвиды, столь красноречивым в молчании", – вспоминал Роллан[64].

Слово, сказанное и написанное, играло в жизни Мейзенбуг огромную роль: она любила вести бесконечные беседы, была исправной корреспонденткой; не будучи одаренной писательницей, написала много статей, воспоминаний, писала даже рассказы, роман и стихи. Но главное, что написано было ею, – огромное количество писем.

Слово для Мальвиды означало веру в необходимость и возможность общения между людьми. Мейзенбуг не подозревала о том, чтó стало бичом XX в., – о некоммуникабельности. Общение было для нее главным, она имела великое множество знакомых и друзей, а слово являлось наиболее совершенным средством общения. Ее никогда не мучило "невыражаемое", "невысказанное". Будучи дочерью XIX в., она строго проводила границу между тем, о чем следует говорить, и о чем не следует, что достойно быть выраженным и что недостойно.

Мейзенбуг писала слишком многословно и пространно, с современной точки зрения ее стилю не хватает точности, гибкости и выразительности, однако слова, сочетания слов, которыми она пользуется, – это общее достояние: так писали, так говорили ее образованные современники. Мейзенбуг, как видно, не мучилась поисками "единственно точного слова", она легко писала и говорила не только по-немецки, но и по-французски, по-английски, по-итальянски.

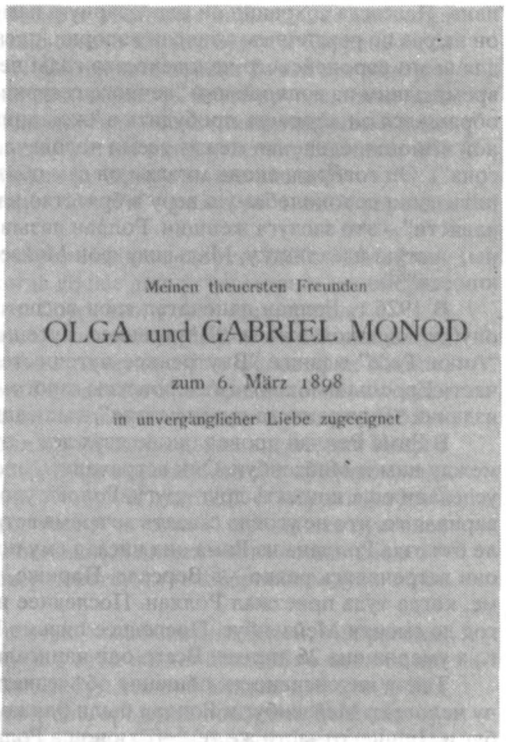
В комнате Мейзенбуг, где она принимала Роллана, стоял рояль, взятый напрокат для него, а у окна с видом на Колизей бюст кумира Мальвиды – Вагнера. Обычно посещения складывались из того, что Роллан играл – Баха, Бетховена, Вагнера. После игры на рояле, обычно продолжавшейся около часа, Роллан садился в угол дивана, наступало молчание, когда каждый думал о своем; потом "без вступления" начинала говорить Мейзенбуг; Она много рассказывала Роллану о Герцене, Вагнере, Ницше, Маццини ("Дни изгнания в Лондоне спокойно разворачивались передо мной, лишенные туманов, или вечера на вилле Ванфрид", так назы-


DER LEBENSABEND
EINER IDEALISTIN

NACHTRAG ZU DEN
„MEMOIREN EINER IDEALISTIN"
VON
MALWIDA VON MEYSENBUG

Mit einem Lichtdruck nach dem Original von Franz von Lenbach

SCHUSTER & LOEFFLER
BERLIN UND LEIPZIG
1898


Meinen theuersten Freunden
OLGA und GABRIEL MONOD
zum 6. März 1898
in unvergänglicher Liebe zugeeignet

КНИГА МАЛЬВИДЫ МЕЙЗЕНБУГ "ВЕЧЕР ЖИЗНИ ИДЕАЛИСТКИ"
(БЕРЛИН, 1898; НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ)
Титульный лист и посвящение: "Моим дражайшим друзьям Ольге и Габриэлю Моно к 6 марта 1898 с неизменной любовью посвящается"

валась вилла Вагнера в Байрейте). "Она прожила всю жизнь рядом с героями и чудовищами духа, с их тревогами и падениями; все они открывались ей, почти все любили ее, – и ничто не затемнило ясности ее мыслей". По словам Роллана, она видела больше, чем написала в своих "Воспоминаниях", она умела хранить "секреты полувека", добавляет Роллан, но ему она рассказывала о Маццини, Ницше и Вагнере больше, чем захотела написать. "Это здесь я узнал тайну великих людей, великих Побежденных"[65].

Мейзенбуг оказала огромную нравственную поддержку Роллану в начале его творческого пути, она верила в его писательскую одаренность и сумела укрепить в нем веру в самого себя, в правильность избранного им поприща. Роллан сознавал это: "Вы мне дали сознание своих сил, вы вселили в меня веру в мое дело... Ваше сердце откликалось эхом на мое; я чувствовал, что у меня все основания быть таким, каков я есть, чувствовать то, что чувствую, и если другие не понимают меня, то прав я, а не они"[66].

Прочтя первый акт ранней драмы Роллана – один из его первых писательских опытов – Мейзенбуг писала ему: "О милый, хороший друг, я должна сказать вам: вы – большой писатель. Предоставьте мне эту радость быть первой, кто вам это говорит"[67]. Она, действительно, была первой, столь высоко оценившей его талант. Тогда же Мальвида поделилась с Ольгой: "Он – писатель первого ранга, я сейчас кое-что прочла его и полна восхищения"[68]. С помощью Моно Мейзенбуг пыталась привлечь внимание французских литературных и театральных деятелей к драматическим опытам Роллана. Роллан делился с Мейзенбуг своими писательскими замыслами – одной из первых Мальвида узнает о замысле романа "Жан-Кристоф" (первый том этого романа вышел, когда Мальвиды уже давно не было на свете). Роллан писал Мейзенбуг: "Когда я создаю какую-нибудь сцену или какой-нибудь персонаж, я обычно думаю: мой римский друг, полюбит ли она это, достойно ли это ее?"[69]

Прочтя "Воспоминания идеалистки", Роллан просит Мальвиду продолжать их: "Ваша жизнь – замечательный пример для всех, важно, чтобы он стоял перед глазами вечно"[70].

Жизнь Мейзенбуг как пример и образец для молодого Ницше (вспомним его письмо Мальвиде после прочтения ее "Воспоминаний") и юного Роллана заставляют еще раз поду-

мать об атмосфере либеральной Европы XIX в., которой они оба дышали, в которой оба выросли и воплощением которой была для обоих Мальвида.

С гордым сознанием своей ответственности Мейзенбуг писала Ольге: "Роллан уверял меня, что если бы не встретил меня, то был бы законченным мизантропом. Может быть, это моя последняя задача на земле – сохранить для жизни и для ее истинного назначения эту прекрасную натуру и этого истинного гения"[71].

Свою задачу Мейзенбуг исполняла самоотверженно и ревностно. У нее было чувство, что в будущее она посылает как бы частицу самой себя. После окончания срока пребывания Роллана в Риме она, выпуская его в широкую жизнь, обставила это как своеобразное посвящение. Она отправилась с ним в Байрейт на вагнеровский фестиваль. Они вдвоем побывали на могиле Вагнера, она ввела Роллана в дом Вагнера. Вечерами они ходили на вагнеровские спектакли. Мейзенбуг сидела рядом с Ролланом на представлении "Парсифаля" и с волнением наблюдала, как в третьем акте по лицу Роллана текли слезы, – они были для нее залогом того, что он пойдет верным путем, унося с собой ее благословение. А Роллан, позднее, пройдя уже бóльшую часть жизненного и творческого пути, мысленно обращался к Мальвиде: "Друг, хорошо ли исполнил я то, что ожидала ты от меня?"[72]

В последние годы Мейзенбуг болела (у нее был рак); умирала она тяжело, но мужественно и достойно, окруженная любящими ее людьми, с которыми добровольно связала свою жизнь, – Татой Герцен, Ольгой и Габриелем Моно, их детьми, сохранившими, подобно Роллану, навсегда благодарную память о ней. Последние слова она, по воспоминаниям Моно, произнесла по-итальянски: "amor, pace" ("любовь, мир") – те самые слова, которыми в 1942 г. Роллан озаглавил свои воспоминания о "римском друге".

Страницы ее воспоминаний, письма и статьи рассказывают о важнейших моментах духовной истории XIX в., воплощенных в конкретных живых людях, в их судьбах и отношениях, в людях, великих и не великих, сознательно или бессознательно творивших эту историю своей повседневной жизнью. Она оказалась нужной столь разным людям, что, вероятно, лишь в ее сердце они могли встретиться так естественно. Сама она ничего не определила в духовной истории своей эпохи, но была одним из тех "волосяных проводников исторических течений" (пользуясь выражением Герцена), без которых нельзя себе представить ход исторического времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Мейзенбуг*, 178.

[2] Там же, 223.

[3] Там же, 226.

[4] Там же, 227.

[5] Рассказывая о своем знакомстве с Герценом, Мальвида писала матери (21 апреля 1853 г.): "Но не думай, что у нас друг к другу какой-либо иной интерес, кроме дружеского, постепенно родившегося из глубочайшего уважения" ("Deutsche Revue", 1908, Juli–März, S. 201). Если у Герцена отсутствие "какого-либо иного интереса, кроме дружеского", не вызывает сомнений, то чувства Мальвиды, возможно, были более горячими (ср. XXVI, 10).

[6] Автографы писем Мейзенбуг к Герцену до нас не дошли; некоторые из них она цитирует или пересказывает в "Воспоминаниях идеалистки" и в "Воспоминаниях об Александре Герцене", впервые опубликованных в венской газете "Neue Freie Presse", 1894, 21, 22, 28 и 29 сентября и затем вошедших (с некоторыми изменениями) в третье издание ее книги "Stimmungsbilder".

[7] M.v. M e y s e n b u g. Stimmungsbllder. B. und Lpz., 1900, S. 351.

[8] *Мейзенбуг*, 253.

[9] *Известия ОЛЯ*, 1970, № 4, с. 340.

[10] Живя в доме Герцена, Мейзенбуг не получала никакого денежного вознаграждения и продолжала давать уроки на стороне; плата за них и составляла ее личные средства.

Вскоре после переезда к Герцену Мейзенбуг писала матери: "Герцен один из самых благородных и умных людей, которых я когда-либо встречала. Теперь, когда я стала участницей его семейной жизни и поверенной его сокровенных мыслей, я могу сказать с полным основанием, что́ я думаю: мало таких людей, как он". Далее она говорит о "беспредельной доброте и глубокой человечности" Герцена ("Deutsche Revue", Op. cit., S. 204).

[11] *Пассек* II, 551; см. также выше обзор Л.Р. Ланского. "Письма Н.А. Тучковой-Огаревой к Е.С. Некрасовой".

[12] *Мейзенбуг*, 341.

[13] "Лит. наследство", т. 39-40, с. 371.

[14] *Мейзенбуг*, 351.

[15] *РП* IV, 189.

[16] *АО*, 100.

[17] *РП* IV, 208.

[18] См. ниже письмо Мейзенбуг Т. Пульской, написанное сразу же после ухода (см. ниже).

[19] Т. Пульская записала в это время в своем дневнике: "Вчера утром со мной простилась Мальвида, она уезжает в Истбурн, потому что не может ужиться с г-жой Огаревой. Мне это понятно, как и то, что мучительно оторваться от семьи..." ("Лит. наследство", т. 64, с. 422).

[20] "Лит. наследство", т. 39-40, с. 406.

[21] Мейзенбуг с детства приобщала Ольгу к творчеству Вагнера. Десятилетняя Ольга была с нею в 1860 г. в Париже на том представлении "Тангейзера", на котором французская публика освистала Вагнера. Мейзенбуг была глубоко возмущена публикой, а маленькая Ольга, с детской непосредственностью выражая чувства Мальвиды, кричала "A la porte!" ("вон!") свиставшим и шумевшим молодым французам (*Мейзенбуг*, 506).

[22] *Г. Панофка* – учитель пения. См. о нем в ряде публикаций наст. тома.

[23] "Лит. наследство", т. 63, с. 462.

[24] M.v. M e y s e n b u g. Im Anfang war die Liebe. Müncheh, 1926. S. 255.

[25] "Лит. наследство", т. 63, с. 844.

[26] Эти слова из не дошедшего до нас письма Герцена к Мейзенбуг она цитирует по-французски (Герцен писал ей как правило по-французски) в немецком письме к своей приятельнице ("Briefe an und von M. v. Meysenbug", B., 1920. S. 18–19). Аналогичные высказывания можно найти и в его письмах, дошедших до нас, например: "Повторяю вам, что я облекаю вас всей материнской властью в отношении Ольги – как сейчас, так и в будущем" (XXVIII, 98).

[27] "Mémoires d'une idéaliste entre deux révolutions de 1830 à 1848". Они составили затем 1-ю часть вышедших уже после смерти Герцена (в 1876 г.) полностью на немецком языке "Memoiren einer Idealistin". Значительно позднее, в 1898 г., вышел "Вечер жизни идеалистки" ("Lebensabend einer Idealistin"), который мыслился автором как "дополнение" к "Воспоминаниям идеалистки" и был посвящен Ольге и Г. Моно к двадцатипятилетию их свадьбы.

[28] Огареву "Воспоминания идеалистки" тоже не очень понравилось, о чем догадывалась Мейзенбуг. Живя в Женеве, где печатались эти "Воспоминания", Огарев мог бы читать корректуру, но, как пишет он в письме к Герцену, Мейзенбуг "не хочет меня беспокоить корректурой или сердится за то, что не нашла во мне большого сочувствия к увражу..." ("Лит. наследство", т. 39-40, с. 100). С оценкой отца не согласилась Н.А. Герцен; она писала Рейхель 7 марта 1872 г.: "Продолжай "Мемуары М⟨альвиды⟩". Ты увидишь, что она взялась за практическую деятельность и сколько ей пришлось бороться со своим семейством. Она хоть для этой одной борьбы заслуживает уважения. Потом, несмотря на то, что говорил папаша, анализ и описание родных ее, переходных состояний и разных фазисов ее умственного развития имеют, по-моему, довольно большой интерес с психологической точки зрения" (*РГБ*, ф. 69.27.17, л. 12–13).

[29] Вопрос о правильном распределении "света" и "теней" для Герцена был важен – он думал над ним давно, когда писал "Былое и думы": "Если б не было темной стороны, – светлая была бы бедна" (XXVI, 147).

[30] Благоприятным был и первый, по всей вероятности, отклик на "Воспоминания идеалистки" в России. В февральской книжке журнала "Беседа" 1871 г. (статья "Один из типов развития современной германской женщины") анонимный рецензент, подробно пересказав содержание "Воспоминаний", писал: "Заслуга этой книги заключается в ее достоинствах с психологической стороны, в правдивости изображений и в честности симпатий и убеждений... Книга эта представляет ясную картину той борьбы, которую мы ежедневно выносим против гнета воспитания, привычек и других условий, из которых сложилась наша жизнь" (с. 14). Для рецензента Мейзенбуг – "одна из ранних поборниц свободы женщин" (с. 15).

[31] Мейзенбуг вспоминает, как однажды в доме Герцена (это было уже в Париже, в последние недели жизни Герцена) за столом речь зашла о Вагнере; среди присутствующих был и И.С. Тургенев. «У Тургенева накопилось множество критических замечаний против Вагнера, так как он был полностью под обаянием итальянской и французской музыки. Между ним и мной разгорелся оживленный спор, я с успехом защищала Вагнера – человека и художника, на что Герцен мне потом заметил: "Хорошо, когда тебя защищают друзья"» (M. v. M e y s e n b u g. Stimmungsbilder, S. 382).

[32] M. v. M e y s e n b u g. Im Anfang war die Liebe, op. cit., S. 19–20.

[33] Давая Мейзенбуг рекомендательное письмо к Ж. Мишле, когда она уезжала в Париж в ноябре 1859 г., Герцен, между прочим, писал, что она может сообщить ему "подробности о нашей славянской пропаганде" (XXVI, 305).

[34] Мейзенбуг и Бакунин с самого начала невзлюбили друг друга. Герцен писал: "В своей взаимной ненависти они дошли до того, что стали испытывать друг к другу нежность" (XXVII, 518–519).

[35] M. v. M e y s e n b u g. Stimmungsbilder, S. 377.

[36] Ibid.

[37] "Neue Preie Presse", 1894, 21. IX.

[38] Немецкий исследователь Рейснер высказал предположение, что статья "Русский патриот" ("Ein russischer Patriot"), опубликованная в журнале "Gartenlaube", 1861, S. 758–761, также принадлежит Мейзенбуг (E. R e i s s n e r. Alexander Herzen in Deutschland. B., 1964, S. 37–39).

[39] Цит по *Vinant*, 254.

[40] N i e t z s c h e. Briefwechsel, 2. Abt., Bd. II, B.–N.-Y., 1977, S. 244.

[41] Ibid., Bd. IV, 1978, S. 120.

[42] M. v. M e y s e n b u g. Im Anfang war die Liebe, S. 63.

[43] N i e t z s c h e. Op. cit., Bd. V, 1980, S. 148.

[44] Ibid., S. 150.
[45] Ibid., Bd. VI / 1, 1980, S. 317.
[46] "Briefe an und von M.v. Meysenbug", Op. cit., S. 119.
[47] Ibid., S. 114.
[48] Ibid., S. 117.
[49] N i e t z s c h e. Op. cit., Bd. III, 1978, S. 4.
[50] Op. cit., Bd. V, S. 227. В ответном письме Элизабет Ницше не возражает против кандидатуры Таты: "Она прекрасная девушка, но это, конечно, не Ольга" (op. cit., Bd. 6/1, S. 573).
[51] N i e t z s c h e. Samtliche Werke, Bd. VI. "Deutscher Taschenbuchverlag de Gruyter", 1980, S. 322.
[52] M. v. M e y s e n b u g. Im Anfang war die Liebe, S. 129.
[53] N i e t z s c h e. Briefwechsel, Op. cit., Bd., V, S. 394.
[54] Ibid., Bd. 6/II, S. 1061–1062.
[55] Ibid., Bd. I, 1981, S. 453.
[56] Ibid., Bd. II, 1981, S. 406.
[57] Ibid., Bd. I, S. 489–490.
[58] Ibid., Bd. III, 1981, S. 162.
[59] N i e t z s c h e. Sämtliche Werke, op. cit., Bd. VI, S. 50.
[60] N i e t z s c h e. Briefwechsel, 3. Abt., Bd. V, 1984, S. 457.
[61] Malwida v. M e y s e n b u g. Individualitäten. B. und Lpz., 1901, S. 41.
[62] N i e t z s c h e. Sämtliche Werke, op. cit., Bd. VI, S. 365.
[63] Р. Р о л л а н. Собр. соч., т. XVIII. Л., 1935, с. 119–120.
[64] R. R o l l a n d. Voyage intérieur. P., 1959, p. 149.
[65] Ibid., p. 144–152.
[66] "Cahiers Romain Rolland" I. Choix de lettres à Malwida von Meysenbug, P., 1948, p. 90.
[67] Romain R o l l a n d. Malwida v. M e y s e n b u g. Ein Briefwechsel. 1890–1891. Stuttgart, 1932.
[68] M.v. M e y s e n b u g. Im Anfang war die Liebe, S. 224.
[69] "Cahiers Romain Rolland" 1, op. cit., p. 202.
[70] Ibid., p. 114.
[71] M.v. M e y s e n h u g. Im Anfang war die Liebe, S. 226.
[72] Romain R o l l a n d. Voyage intérieur. P., 1942, p. 240.

ТЕРЕЗЕ ПУЛЬСКОЙ[77*]

Письма Мальвиды Мейзенбуг адресованы Терезе Пульской (1819–1866), жене венгерского политического деятеля, активного участника революции 1848–1849 гг. Ференца Пульского, эмигрировавшего вместе с семьей после поражения революции в Англию. Мейзенбуг познакомилась с Пульской еще в Германии при случайных обстоятельствах (см. ее "Воспоминания идеалистки", с. 140–141). Затем она снова встретилась с Пульской в 1852 г. в Англии. 27 января 1853 г. Мейзенбуг писала матери: "Один из домов, где я очень охотно бываю, – это дом Пульских. Госпожа Пульская – одна из благороднейших женских натур, которые я только знаю" ("Deutsche Revue", 1908, Bd. 1, S. 203). Пульские принадлежали к кругу близких лондонских знакомых Герцена (см. "Лит. наследство", т. 64, с. 419–424). В 1860 г. они переехали в Италию и обосновались в Турине. Получив амнистию, Пульский с семьей в 1867 г. возвратился в Венгрию.

Письма публикуются впервые по автографам Гос. библиотеки им. Сеченьи (Будапешт).

Перевод с немецкого:

1

⟨Лондон. Начало июня (?) 1856 г.⟩[1]
9, Omega Place, Alpha Road, St.-Johns Wood

Дорогой друг,

Я уже давно написала бы вам, давно уже побывала бы у вас, если бы не случилось одно печальное событие, которое все изменило. Я уже больше не у Герцена. Друзья, приехавшие из России, это его старые друзья, друзья молодости, это та женщина, которой умирающая Герцен поручила детей, но которая тогда не смогла приехать. Теперь она приехала, и притязания с двух сторон, без всякой личной симпатии, привели к мучительным конфликтам, которым я положила конец, потому что я ви-

[77*] Перевод с немецкого С.П. Г и ж д е у.

дела, что естественные притязания были подкреплены воспоминаниями, языком и общей родиной, и я не хотела этому мешать. Вы можете себе представить, как мучительно это для меня; меня связывала с этой семьей глубокая любовь, и только сейчас я начала видеть плоды своих трудов. Но я никого не обвиняю, Герцен был моим другом и остался им, я его глубоко уважаю и чту и, что бы ни принесло будущее, он всегда найдет во мне верного друга. И я прошу вас именно так представлять это дело, если где-нибудь о нем зайдет речь.

Как только буду в состоянии, я приду к вам, ибо, я надеюсь, мы останемся друзьями.

Ваша М а л ь в и д а

[1] Письмо написано, очевидно, сразу же после ухода Мейзенбуг из дома Герцена (30 мая 1856 г.) в результате столкновений с Н.А. Тучковой-Огаревой и той ситуации, которая сложилась в доме Герцена вскоре после приезда Огаревых (см. *Мейзенбуг*, 340–352; XXV, 350–354 и XXVI, 7, 8, 10; письма Тучковой-Огаревой к Е.С. Некрасовой в первом разделе наст. книги).

2

Париж, 8 июня⟨1861 г.⟩[1] 4, rue d'Alger.

Дорогой друг, ваше письмо очень меня обрадовало. Я давно и горячо желала услышать что-нибудь от вас, т.к. известия через вторые руки были скупы и недостаточны. За несколько дней до вашего письма приехала Швабе[2] и рассказала viva voce[78*]. Она еще застала меня здесь, потому что Ольга была довольно серьезно больна, и это задержало наш отъезд. Она, слава Богу, снова здорова, это была maladie de croissance[79*], и она сильно вытянулась после нее, и нравственно она замечательно изменилась и развилась в эту зиму, будучи почти единственным предметом моих забот. Теперь мы ждем Г⟨ерцен⟩а, который нас увезет отсюда, так как Н⟨аполеон III⟩ недавно дал разрешение ему на въезд во Францию и в Париж tant ce qui lui plaira[80*]. Вы можете себе представить, как он доволен вновь обретенной свободой передвижения, и я вместе с ним, потому что я втайне надеюсь, что изгнание на далеком острове тем самым постепенно придет к концу. С тех пор, как я снова на континенте, Англия для меня – настоящее изгнание, и все мои симпатии, и прежде всего мое здоровье, требуют континента, юга. Ваше предложение, которое Ш⟨вабе⟩ устно сделала мне, с этой точки зрения было бы очень привлекательно, как вы можете себе представить, хотя у меня возникают очень большие сомнения. Во-первых, я, как и вы, совсем не в восторге от планов Ш⟨вабе⟩, поскольку у меня есть в отношениях с ней достаточный опыт; 2) я должна была бы, помимо денег на дорогу, получить совершенно твердо гарантированное место, ибо у меня нет состояния, благодаря которому я могла бы жить, и при моем слабом здоровье не могу позволить себе довериться таким неопределенным проектам; 3) мне было бы тяжело, было бы несправедливо с моей стороны снова бросить Ольгу, после того как я с трудом наверстала то, что было упущено в отношении ее, а это бедное существо привязалось ко мне и любит меня так, как только дано ей природой;4)[81*] чтобы что-то делать в Неаполе, необходимо было бы знать не только итальянский, который мне нетрудно снова изучить, но и неаполитанское наречие, необходимое для общения с народом. Наконец теперь, когда после смерти Кавура, все снова стоит под вопросом, подобные планы будут отодвинуты. Тем не менее, прошу вас написать мне со всей серьезностью еще раз, как только вы узнаете что-то более определенное. Я верю вашему трезвому суждению больше, чем доброму, но совершенно слепому энтузиазму Ш⟨вабе⟩. В таком трудном положении, в котором находится Неаполь, подобное грандиозное возрождение может быть делом многолетней работы, и хотя я убеждена, что начать следует, я думаю, тем не ме-

---

[78*] здесь: непосредственно (*итал.*).

[79*] болезнь роста (*франц.*).

[80*] когда вздумает (*франц.*).

[81*] *В автографе ошибочно*: 3. – *Ред.*

нее, что положение иностранок было бы очень трудным. Вам я поверила бы, тем не менее, что она может всего добиться и дела пойдут, если она захочет. Я приняла бы в этом гораздо большее участие, если бы Г⟨ерцен⟩ мог бы переехать туда с семьей, тогда у меня была бы твердая опора и достаточно времени, чтобы принять участие в делах, которые, конечно, живо интересуют меня, благодаря моим симпатиям к Италии. Итак, дорогой друг, я доверяюсь в этом вашему трезвому взгляду и вашему доброму участию. Прозондируйте же, благоприятна ли обстановка для Г⟨ерцена⟩ и его работы, которую он не оставит. Теперь, когда он может свободно ездить по Франции, его нетрудно будет, мне кажется, убедить переменить местожительство. Как было бы хорошо, если бы мы снова встретились там! Поэтому я хотела бы еще кое-что вам посоветовать. Я знаю, что мы с вами единственные, кто знает личную тайну нашей доброй Ш⟨вабе⟩. Все в жизни, конечно, бывает, но дело это представляется мне несколько фантастическим. Постарайтесь, чтобы эта добрая женщина не оказалась в смешном положении, меня бы это огорчило. Если бы все было так, как она представляет себе, то она оказалась бы в более подходящем для себя положении, чем сейчас, и я ей этого желаю от всей души, но у К., я боюсь, может наступить разочарование, ибо хотя она и очень рада, но и очень беспорядочна, и я не могу себе представить, чтобы она подходила такому человеку. При всех случаях я бы хотела, чтобы она не выглядела смешной, что неизбежно случится, если она ошиблась и дело получит огласку, ибо насмешники здесь и в Англии еще до поездки говорили, что она едет с определенным намерением.

Я очень тихо прожила зиму, но мне здесь очень хорошо, и успехи Ольги доставляют мне радость. Я очень рада, что у вас в семье все благополучно. Ш⟨вабе⟩, несмотря на то, что я шесть раз ее спрашивала, так и не сказала мне, по своей рассеянности, что же у вас теперь – трилистник девочек, или стало еще больше мальчиков? Мне очень жаль бедную Вильму[3]. Прощайте, дорогая, тысячу приветов вашим от

О л ь г и и вашей М а л ь в и д ы

[1] Зиму 1860–1866 гг. Мейзенбуг провела с Ольгой в Париже. Они уехали из Англии 28 ноября 1860 г., а Герцен поехал за ними в Париж около 21 июня 1861 г. и 9 или 10 июля привез их в Лондон. По приезде Герцен писал сыну: "Ольга необыкновенно развилась" (XXVII, 161).

[2] С женой (а затем вдовой) богатого английского банкира, немкой Швабе (Салис-Швабе) Мейзенбуг познакомилась в Гамбурге незадолго до своего переезда в Англию и прожила в ее доме (в Англии) некоторое время. Зиму 1859–1860 гг. она провела с ее семьей в Париже. В начале лета 1860 г. Мейзенбуг вместе с Ольгой поселилась у Швабе, которая занималась широкой просветительской и благотворительной деятельностью. В 1870-х годах в Неаполе существовал созданный ею частично на собственные средства "Фрёбелевский институт", готовивший руководительниц детских садов; при институте был детский сад. Вероятнее всего, в письме речь идет о работе Мейзенбуг в этом институте или аналогичном заведении.

[3] *Вильма* – дочь Л. Кошута – тяжело болела (умерла в 1862 г.), Герцен писал Ф. Пульскому 29 апреля 1862 г.: "Мы с искренним прискорбием узнали о несчастии с бедной Вильмой. Смерть ее глубоко опечалила Тату" (XXVII, 219).

3

⟨Торки. 31 августа 1861 г.⟩[1]

Дорогой друг, я получила вашу записку с приветами через госпожу Ш⟨вабе⟩ и давно ответила бы, если бы не надеялась, что за этим последует более подробное известие. Я знаю, впрочем, как вы заняты, и решила поэтому ждать, пока у вас не выпадет свободного часа, чтобы больше узнать о вашей жизни и тех делах, которые вас интересуют. Как я уже писала вам, у меня больше доверия к вашим спокойным и ясным суждениям, чем к смутному оптимизму нашей доброй Ш⟨вабе⟩. Она трудится, как обычно, жертвуя собственным здоровьем, над осуществлением своего плана, но я не думаю, что она достигнет значительных результатов, т.к. время энтузиазма в отношении итальянских дел в Англии уже прошло, и, конечно, можно было бы не без основания сказать то же, что Бичер-Стоу (во время своих триумфов) писала из Америки герцогине Соутерлендской, that she had better look to her slaves at home[82*] Дело

[82*] чтоб она лучше поглядела на своих домашних рабов (*англ.*).

должно быть сделано в Италии и итальянцами, возрождение народа не может быть привнесено извне. Мы живем здесь на прекрасном морском берегу, только для меня здесь недостаточно тепло, и еще хотелось бы улететь вместе с птицами на юг. Мысль о еще одной английской зиме наполняет меня ужасом. Даже в Париже в тысячу раз лучше. Передайте самый сердечный привет всем своим от Таты, Ольги и меня и вспоминайте иногда о вашем друге М а л ь в и д е.

[1] Это письмо представляет собой неопубликованную приписку к письму Герцена от 31 августа 1861 г. из Торки, адресованному Ф. Пульскому. Заканчивая его, Герцен писал: "Горячо приветствую вас от всего сердца и передаю перо мадмуазель Мейзенбуг – она хочет написать госпоже Пульской, которую прошу не забывать меня" (XXVII, 176).

4

№ 22 rosso Lung'Arno.
Флоренция, 16 янв⟨аря⟩ 1863 г.

Дорогой друг, теперь, когда я так близко от вас, я не могу противостоять желанию послать вам весточку и услышать о вас. После того как я вам писала прошлым летом из ⟨1 *нрзб*⟩, события при Аспромонте[1] и их последствия наступили с такой скоростью, что меня не удивило отсутствие ответа от вас. Вы можете себе представить, с каким сочувствием я о вас думала. Затем было принято решение о нашей поездке, и с 24 декабря мы здесь. К сожалению, мы не проезжали через Турин, потому что Герцен считал время года неподходящим для переезда через Альпы. Мы поехали через Марсель вдоль всего берега и проделали прекрасное путешествие[2]. В Генуе мы посетили могилу Вильмы, о которой Тата и я сохранили светлые воспоминания. Здесь мы встретили одного русского друга[3], который помог нам быстро устроиться, что нам самим не удалось бы так легко, ибо я одна с двумя девочками и с английской прислугой, которая не понимает ни слова по-итальянски. Мы очень мило устроились, у нас хорошая квартира, – правда, высоко, но зато просторно, с красивым видом на Арно и на холм; еду мы получаем из ресторана, и очень хорошую, завтрак и чай готовит наша прислуга. Основное занятие Таты – живопись – уже на полном ходу. В Англии мы познакомились с сеньором Усси, директором здешней Академии и прекрасным художником, он обещал нам помощь и советы и сдержал свое слово: он уже несколько раз был у нас, наставлял Тату, хотя он и не дает уроков. С Ольгой еще не все устроилось, как бы мне хотелось, но она уже берет уроки музыки, что для нее главное, и уроки итальянского, и я надеюсь найти и все остальное, чего недостает, чтобы иметь самой больше досуга и заняться тем, что мне дороже всего, т.е. литературным трудом; давать уроки мне больше не хочется, как ни охотно я занимаюсь воспитанием и слежу за образованием девочек. Италия, которую я вижу впервые, оказалась для меня тем, что я ждала: мне здесь неописуемо хорошо, ибо хотя действительность тут, как и повсюду, безрадостна, прошлое и природа дают возможность отдыха и утешения. Во дворце Питти, перед статуями Микеланджело и перед собором начинаешь ясно понимать, что благородные люди, стремившиеся создать идеальную жизнь, всегда были одиночками и что вообще прогресс всегда был чем-то весьма относительным. Это не способно врачевать раны современности, но, как всякая истина, и эта истина успокаивает.

К сожалению, Гарибальди за несколько дней до нашего приезда уехал из Пизы. Я так радовалась, что увижу его. Поскольку мы так близко друг от друга, я твердо надеюсь увидеть вас. Г⟨ерцен⟩, правда, ограничил наше пребывание здесь шестью месяцами, но я надеюсь, что он его продлит. Если у вас есть здесь интересные знакомые и вы захотите дать мне рекомендации, я буду вам очень благодарна. Но прежде всего дайте знать о себе и о своих. Тата и Ольга шлют сердечные приветы. Я пишу на-авось, так как мисс Рив написала мне, что вы переехали, но не дала вашего нового адреса. Тысячу приветов

Ваш друг М.

[1] При Аспромонте 27 августа 1862 г. войсками правительства Виктора-Эммануила был рассеян направлявшийся к Риму отряд Гарибальди, а сам он ранен и взят в плен.

[2] Подробности об этом путешествии см. в письмах Н.А. Герцен к отцу в наст. книге.

[3] Имеется в виду А.А. Фрикен. Герцен просил его в письме от 3 декабря 1862 г. помочь устроиться дочерям и Мейзенбуг (см. XXVII, 266).

5

22 rosso Lung'Arno.
Флоренция, 11 марта ⟨1863 г.⟩

Дорогой друг!

Я давно уже собиралась написать вам, но время проходит так быстро, что я не делаю и половины того, что хотела бы, и боюсь, время нашего отъезда так быстро наступит, что в сердце останутся только regrets[83*] и немного светлых воспоминаний. Если посвятить себя изучению прошлого этой прекрасной страны, то нескольких месяцев не хватит для этого. Только начинаешь понимать это и смутно ощущать значительность того, что здесь открывается созерцанию человеческого духа, золотые плоды благороднейшего развития в великолепных сосудах. И, когда видишь Флоренцию, хочется увидеть еще и Рим, и Неаполь, и Сицилию! Не удивляйтесь, дорогая, моей способности к наслаждению в такое трудное время. Это не то наслаждение, которому предается счастливый человек в упоении восторга, это тихое утешительное созерцание прекрасного, которое открывает уставшей от внешней борьбы душе чаемую отчизну, покой, подобный тому, которого искали первые христианские аскеты, когда они уходили от раздоров этого мира, чтобы погрузиться в созерцание вечного. Я невероятно боюсь возвращения в туманную Англию, в эту промышленную свободу машин, где капитал утопает в безвкусной роскоши, а бедный рабочий умирает голодной смертью; где свободный народ собирается на митинги и выражает свои симпатии страждущим народам, а правительство продолжает неуклонно проводить самую трусливую политику. Здесь хотя бы голубое небо и золотое солнце улыбаются и для бедных и для богатых и фиалки, и цветы, и золотые яблоки Гесперид существуют для всех. Здесь, по крайней мере, некогда существовало время, наполненное искусством, когда политическая свобода была лишь почвой для благороднейших идеальных цветов человеческого духа, и как это целительно действует на мою душу, я не могу вам описать. Если вы в мае приедете, то, я надеюсь, мы еще, во всяком случае, будем здесь, и для меня будет немалой радостью увидеться снова с вами и порадоваться развитию и успехам ваших детей. О своих я могу сказать только хорошее: Тата очень хорошая девушка, она усердно занимается под руководством сеньора Усси и посвящает все свое время живописи. Ольга по-прежнему моя любимица, очаровательное существо, исполненное талантов и грации, но она нуждается в особом воспитании, ибо она не принадлежит к натурам, с которыми можно сладить при помощи обычной дисциплины. В некоторых простейших вопросах она еще очень отстала, но я стараюсь всячески сохранить ее своеобразие, чтобы все, что она делала, шло от нее самой; надеюсь, после великого терпения и множества трудных часов мои старания вознаградятся. Как, увы, непрочно все в этом мире, мы еще раз совсем недавно убедились, узнав о глубоко огорчившей нас смерти Иоганны, старшей дочери Кинкеля. Она была близким другом Таты и любила ее, как дочь. Она так великолепно развилась и была в расцвете своей юности, в расцвете жизни, а в январе заболела скарлатиной и умерла от этого[1]. Для бедного Кинкеля это очень тяжело. Вы можете себе представить, как горячо я принимаю к сердцу судьбу поляков[2]. Во всяком случае я надеюсь, что прежнее печальное положение уже не повторится, хотя и успех не соответствует тем жертвам, которые были для этого принесены. Да, если бы Венгрия, если бы Пруссия восстали одновременно! Король Пруссии, во всяком случае, достоин тех унижений, которые выпали на его долю; я хотела бы,

[83*] сожаления (*франц.*).

чтоб их было больше. О Швабе я только знаю, что она была у Герцена в Лондоне с целью договориться о польском митинге, который она хочет организовать! Она стала lady patronesse[84*] угнетенных народов. О мисс Рив у меня были только однажды сведения из Неаполя. Дело со школами[3] с самого начала казалось мне несколько рискованным, как могут друзья позволять себе такое! За письмо к фрейлейн Ассинг я вам очень благодарна, я ее знала еще по Германии и здесь лишь обновила знакомство. Прощайте, дорогая, тысяча приветов всем вашим.

Ваш старый друг М а л ь в и д а

[1] Иоганна Кинкель умерла 3 февраля 1863 г.
[2] Письмо написано в период восстания в Польше.
[3] Как видно, речь идет о благотворительно-просветительских начинаниях Швабе.

ОГАРЕВУ

Мейзенбуг с дружеской симпатией относилась к Огареву, о чем свидетельствуют и публикуемые ниже письма. Она сблизилась с Огаревым, войдя в семью Герцена и став второй матерью его дочери Ольге. Впервые Мейзенбуг услышала о нем от Герцена, который так часто и подробно рассказывал о своем друге, что по временам ей казалось, будто она знает Огарева лично. Потом состоялось и действительное знакомство с ним в лондонском доме Герцена. По словам Мейзенбуг, Огарев с самого начала внушил ей "искреннюю глубокую симпатию и безграничное сострадание": она увидела в нем одну из жертв николаевской эпохи (М е й з е н б у г, 343). "Он принужден был наблюдать, как вместе с юностью постепенно исчезают его исключительное своеобразие, высокая духовность, одаренность и громадное состояние, не оставляя в мире внешних видимых следов" (M.V. M e y s e n b u g. Memoiren einer Idealistin. B. und Lpz, s.a, Bd. II, S. 309). В своих высказываниях о нем Мейзенбуг последовательно создает образ Огарева – жертвы, человека отъединенного от окружающих (в том числе и своей болезнью), погруженного в себя, по своей натуре больше художника, чем политика, выражающегося себя, прежде всего, стихами. Огарев для нее – одна из самых "трагических натур".

Письма печатаются впервые с автографов *РГАЛИ*, ф. 359, оп. 1, ед.хр. 104, лл. 1–17.[85*]

Перевод с немецкого:

1

(Женева 27 или 28 октября 1865 г.)[1]

Дорогой друг, ваш подарок и ваше стихотворение[2] для меня – драгоценное завещание, и я добросовестно выполнила бы его, если бы мне суждено было пережить вас. Но это может и не случиться, так как я твердо уверена, что и мои дни сочтены. Однако тот, с кем это случится первым, будет помнить о другом. И в сердце Ольги вы занимаете, по меньшей мере, то же место, что и ее отец. Я боролась с собой, задавая себе вопрос – имею ли я право уехать; мне казалось эгоизмом искать для себя чего-то лучшего, в то время как вы все здесь в большей или меньшей мере страдаете. И мне в последнее время было здесь так хорошо, так спокойно, и мой идеал – прожить несколько лет всем вместе, наблюдая, как растут дети, – казался мне снова возможным. Но страх, что моя мозговая болезнь может превратиться в хроническую и сделать меня неспособной к какой-либо работе, заставляет меня уехать, а затем и надежда, что там начальное воспитание Ольги может быть завершено без помех.

[84*] дамой-покровительницей (*англ.*).
[85*] Перевод с немецкого (п. 1–8) и французского (п. 9) С.П. Г и ж д е у.

ЖЕНЕВА. ВИД С НАБЕРЕЖНОЙ "DES BERGUES"
Литография Огюста Вианда. Середина XIX в.
Из альбома: Pierre Bouffard. Génève. Images du passé. – Images du present. Bâle, 1970

Но я питаю в сердце тайную надежду; подобно тому как наш прошлый отъезд стал сигналом к тому, что вы все покинули далекие туманы[3] и приехали сюда, так и на этот раз Ольга и я уезжаем подобно передовому отряду, чтобы подготовить вам путь. Да, пусть нас всех не оставляет надежда, и сделаем все, чтобы создать последнее прибежище, где мы все – старики и среди нас Натали, чью больную душу мы постараемся излечить, – будем наблюдать, как расцветает молодая жизнь в иных условиях, чем наши, и поэтому иначе, чем у нас, но прекрасно и заманчиво.

Это прибежище должно быть в Италии; и у меня есть план, в котором нет ничего невыполнимого, совершенно реалистичный, я в свое время предложу его на всеобщее обсуждение. И для этого мы постараемся себя сохранить, вы и я. Мир, общие интересы, как и должно быть, долго занимали нас, и мы не можем больше от них отрешиться, но и личное должно получить свои права. Однако для этого вы должны несколько больше управлять собой, и я с полной серьезностью, накануне разлуки, оставляю вам рецепт, которым вы должны воспользоваться.

Вы больше не должны работать ночью, ни в коем случае, вы должны этого добиться. Восемь, четырнадцать дней, даже недели вы должны вынести мучения бессонных ночей в постели, но не уступать и до полуночи ложиться спать, рано вставать, даже если при этом вас придется будить; работать по утрам и гулять во второй половине дня. Два месяца подобного режима, и вы станете спать, лучше чувствовать себя и, может быть, даже на годы вновь обретете силы и здоровье. Разве это не стоит попытки? У вас столько энергии, направьте ее сюда и заставьте природу слушаться, ее можно заставить, ибо она охотно идет правильным путем. Мне это известно слишком хорошо: два, три дня засидишься за полночь или даже поработаешь – и на

четвертый день уже нечего и думать о сне и мучаешься, не будучи в состоянии заснуть. Да, питание тоже должно быть изменено, вы должны есть в середине дня после утренней работы, а вечером только что-нибудь легкое. Но в отношении сна и еды вы должны внести перемены. Порвите с прежними привычками, потом станет легче. Я оставляю эти предписания как свое завещание и прошу вас об этом серьезно. Жизнь в целом едва ли стоит того, чтоб особенно стараться сохранить ее, но ради нескольких человек, которых любишь и чтишь, ради юных, которым можно советовать и помогать, стоит постараться. И, снова обретя здоровье, мы весною создадим новое пристанище.

Я пишу это потому, что мне трудно об этом говорить, и потому, что я хотела бы, чтобы этот рецепт был у вас перед глазами и вы поступали в соответствии с ним.

[1] Датируется по содержанию. Весной – летом 1865 г. Герцен предпринял очередную попытку соединить семью в Швейцарии, куда приехали Наталья Алексеевна с Лизой, Тата, Мейзенбуг с Ольгой и он сам; здесь жил и Огарев. Однако попытка (из-за поведения Н.А. Тучковой-Огаревой) не удалась, и все разъехались снова. Мейзенбуг с Ольгой вернулись в Италию.

[2] 28 октября – день рождения Мейзенбуг, в связи с чем Огарев прислал ей подарок и стихотворение (оно нам неизвестно).

[3] В декабре 1862 г. Мейзенбуг с Ольгой и Татой уехали из Лондона в Италию (см. выше письмо Мейзенбуг к Т. Пульской от 16 января 1863 г.)

2

〈Женева. 29 октября 1865 г.〉
Воскресенье вечером[1]

"Все быстротечное – символ, сравненье"[2].

И как же все они, бедные, мучатся, пытаясь удержать быстротечное, остановить преходящее, заполнить пространство и время, будто это больше, чем просто понятия, повсюду создавать нечто неподвижное, короче – превратить символ в "достижение". Это то, что нас так трогает, когда "огни просвечивают сквозь туман", когда мы думаем о всех поглощенных заботами, мучающихся из-за куска хлеба, изнывающих от своей ограниченной любви; это глубокое человеческое сострадание к миллионам бабочек-однодневок, которые в полусне своего частного бытия воспринимают краткие мгновения своего существования как залог вечности. Насколько благороднее, проницательнее и одухотвореннее были и в этом отношении греки, которые на Олимпийских играх, слушая Эсхила и Софокла, наслаждаясь созерцанием идеальных образов Фидия, героически сражаясь и беседуя на высокие темы, наполняли свою жизнь содержанием, только и дающим чувство вечности, а затем спокойно или величественно сходили в Гадес, царство теней, стихийных сил. Понимание того, что в преходящем заключается значение жизни, и заставляло этих идеальных юношей стремиться к радости и красоте, нас же, живущих в менее благоприятных условиях, это понимание приводит к отречению – правда, не к холодному, бездеятельному смирению, а к тому благородному настроению души, которое делает нас способными действовать, сочувствовать и помогать.

О Боже, я пишу вам целую диссертацию, а хотела лишь от всего сердца поблагодарить, "но это своими напевами сделали ваши стихи"[3]. О дне моего рождения было бы лучше забыть, подобные празднества годятся только для юных, но когда путь уже быстро идет под гору, они напоминают слишком сильно о прошлом. Я, к сожалению, чувствовала себя совсем плохо и устремилась в объятия большого ребенка, который меня очень разумно лечит.

Я рада, что вы тоже за итальянский план[4]. Независимо от того, что он желателен для моего здоровья и от головных болей детей, я знаю также, что это было бы лучшим средством раздуть в Тате пламя просыпающегося воодушевления. В туманном Лондоне это слишком трудно, а жизнь, которая в юности хоть раз не была бы воодушевлена каким-либо идеалом, слишком пуста и неприглядна.

Моя дружба с Лизой необычайно расцвела. Вчера утром она вместе с бонной на

минуту зашла ко мне в комнату и сказала: "I have no time to stop, I must go about in various di-rections"[86*].

С сердечным приветом

М. Мейзенбуг

[1] В конце октября 1865 г. воскресенье приходилось на 29 число.

Мейзенбуг с Ольгой уехали 1 ноября из Женевы во Флоренцию. Уже из Флоренции Мейзенбуг писала 12 ноября своей приятельнице Августе фон Штейн-Ребеккини: "Я с Ольгой с пятницы, 3-го числа, здесь. Наше расставание было прекрасно и одновременно печально; вечером, накануне нашего отъезда, мы пошли на дивное место, где снежные горы горели в вечернем сиянии, а в то же время луна серебрила волны быстрой Роны. Там мы долго сидели вместе, трое мужчин: Герцен, Огарев и пожилой превосходный поляк, который у них живет (С. Тхоржевский), обе девочки (Тата и Ольга) и я, и молчали, Огарев – он очень музыкален – тихо напевал Адажио из C-moll'ной симфонии Бетховена, эту возвышенную мелодию отречения в шопенгауэровском смысле, и мы все чувствовали, что вряд ли опять соберемся все вместе. Для меня это было прощанием с краем по ту сторону Альп, со всем, что мое сердце там любило, ибо я уверена, что обрела свое последнее пристанище, и мы все были близки к убеждению, что один из нас недолго еще будет с нами, – Огарев, который сам это чувствует. Он одна из самых трагических натур, которых мне приходилось встречать, а какое у него сердце и какой ум!.. С грустью я оставляю мою толстую Тату, с которой мы в последнее время еще больше сблизились; я никогда ее не любила так, как сейчас, когда она впервые в жизни сознательно предпочла долг всему остальному, привлекательному, и благодать этого первого акта, означающего ее человеческую зрелость, войдет в ее жизнь. Ей вообще хорошо, отец и Огарев серьезно занимаются ею, руководят ее чтением, и в этой суровой жизни она созреет и станет женщиной, на которую можно будет положиться" ("Briefe an und von Malwida v. Meysenbug", herausgegeben von Berta Schleicher. B., 1920, S. 22).

[2] Цитата из заключительного восьмистишия "Фауста" Гете.

[3] Перифраза двух последних строк стихотворения Гейне "Не знаю, что значит такое..." ("Возвращение", 2). У Гейне: "Und das hat mit ihrem Singen die Lorelei getan"; у Мейзенбуг!: "das haben mit ihrem Singen Ihre Verse mir getan".

[4] Имеется в виду план поселиться всей семьей в Италии.

3

Фрагмент

(Флоренция. Начало 1866 г.?)[1]

[87*]...Но, повторяю, не подумайте, дорогой друг, что я предаюсь ипохондрическому унынию. Напротив, моя достаточно здоровая натура в большинстве случаев оказывается в такой степени победительницей, что лишь немногие замечают, как часто я глубоко страдаю. И я наслаждаюсь божественно прекрасной страной со всей прежней, а может быть и с еще более горячей любовью, пришедшей с годами. Сегодня я много часов провела в нашем садике, а прогулки по прелестным холмам, которые окружают прекрасную долину Арно, я совершаю ежедневно и немножко даже занимаюсь ботаникой, потому что луга уже сейчас украсились множеством цветов. И знакомств у меня по моим потребностям достаточно, в особенности благородная и милая госпожа Шифф служит мне истинной опорой.

Только музыкальных наслаждений нельзя требовать от Италии, она совершенно незаслуженно считается страной музыки. Когда-то, может быть, и было так, но не теперь. Немецкие музыканты пытаются повсюду произвести реформу, но это удается с трудом. К сожалению Шольц, который давал уроки Ольге, не смог здесь завоевать положения и вскоре уезжает. И я не знаю еще, что буду делать с Ольгой. Мне доставляет большое огорчение то, что при действительной одаренности, она так нерадива в своих занятиях музыкой. Но ничего не остается как продержаться tant bien que mal[88*] до того, пока она не будет получать от нее радости. Я заканчиваю это длинное послание и еще раз рекомендую вам бром. Это, конечно, паллиатив, но пренебрегать им не следует. Всем домочадцам сердечные приветы, вам же salut et amitié[89*].

М.

[1] Дата определяется предположительно, по упоминанию о первых признаках весны (ср. след. письмо).

[86*] У меня нет времени остановиться, я должна ходить взад и вперед в разных направлениях (*англ.*).

[87*] Начало письма отсутствует. – *Ред.*

[88*] кое-как (*франц.*).

[89*] Привет и дружбу (*франц.*).

4

Флоренция. 6 марта ⟨1868 г.⟩[1]

Дорогой друг, поскольку я не могу сама приехать к вам, больному, решаюсь послать вам хотя бы свою фотографию; я сфотографировалась, уступая общему желанию. Фотографию Ольги вы тоже получите, мне будет сделано несколько отпечатков, потому что первая дюжина сразу же была разобрана. В мыслях я ежедневно с вами. Через Устинова мы получили устно подробные сведения. Бедный Ага, как вы должны были страдать! Счастье еще, что дело идет к весне, это облегчает всякую болезнь. Если бы вы были здесь! У нас уже целый месяц весна, весь февраль, и в полдень можно уже держать открытыми окна и радоваться прекрасному воздуху в комнатах. Ольга и я, мы ходим каждый день в виноградники на окружающих холмах и возвращаемся с грудой цветов, с анемонами всех расцветок, фиалками таких размеров и с таким ароматом, каких не бывает на севере и т.д. Эти весенние прогулки обладают чем-то волшебным, больше чем на севере, потому что здесь природа не умирает, она представляется нам ребенком, который после короткого сладкого сна просыпается с улыбкой и снова начинает свою веселую игру, в то время, как на севере природа, действительно, превращается в труп и лишь после долгих мучительных усилий возвращается к недолгой жизни. И эти прекрасные простые прогулки на великолепном воздухе, который веет на наших холмах, вдвойне целительны теперь для Ольги после бурного сирокко, который пронесся над нами благодаря присутствию фрейлейн Володимировой. Нет, подобные искусственно взвинченные натуры не подходят к нашему простому, ясному образу жизни, и мне хотелось бы держать Ольгу подальше от них до того времени, пока ее характер не окрепнет и не будет достаточно вооружен, чтобы противостоять манящим впечатлениям подобного рода[2]. Мы можем сказать этой ослепленной девушке лишь то, что говорит в поэме Пушкина старый цыган чуждому светскому человеку: "Уходи в свой мир, мы не ненавидим тебя, мы не преследуем тебя, но у нас нет с тобой ничего общего"[3].

Музыкальное развитие Ольги протекает хорошо. Ее игра с каждым днем приобретает большую тонкость и выразительность; она только сейчас приступила к Бетховену, и, я думаю, с полным основанием; она обладает для этого необходимой техникой и может целиком сосредоточиться на понимании. Панофка в высшей степени доволен ее голосом, и развитие ее голоса, действительно, представляет очень большой интерес; полностью оценить это может лишь тот, кто, подобно мне, был свидетелем этого с самого начала и до конца. Из детского писка, который нельзя было назвать голосом, выработалось теперь очень приятное сопрано, обладающее диапазоном в две октавы и плавно переходящее из одного регистра в другой, причем ни один тон не уступает другому в силе и полноте.

Занятия Панофки направлены, главным образом, на то, чтобы сделать связь регистров голоса столь незаметным и красивым, чтобы создалось впечатление непрерывного ряда звуков. В этом, по его мнению, заключается тайна великих старых мастеров пения; хотелось бы надеяться, что у правительства хватит ума и денег сделать его директором консерватории и он сможет тогда развивать те прекрасные голоса, которые во множестве встречаются в Италии, и передать свой метод учителям, ибо в Италии, действительно, больше нет учителей пения. Он утверждает, что через год, когда Ольга полностью закончит свое образование, она будет обладать таким же голосом, как его ученица Линда, о которой вы, конечно, слышали и которая, хотя она того же возраста, что и Ольга, но как южанка уже полностью сформировалась, тогда как Ольга все еще ребенок. Ольга, конечно, очень воодушевлена этим успехом и хотела бы полностью посвятить себя пению. Мне бесконечно жаль, что занятия вскоре должны будут прекратиться, потому что та сумма, которую я на это предназначила, вскоре кончится, и у меня нет возможности их продолжать. Как охотно я способствовала бы также выработке у Ольги сознания того, что, по крайней мере, в одной области ею достигнуто нечто значительное, ибо во всем остальном учеба дается ей так трудно, – а это очень поднимает человека в его собственных глазах и дает ему уверенность в себе.

Прощайте на сегодня, дорогой друг, пусть эти строки найдут все в таком хорошем состоянии, какое только возможно в данных обстоятельствах. Мысленно я с вами.

С участием и симпатией

ваш друг М а л ь в и д а[4]

[1] Год и месяц уточнены в соответствии с содержанием. Мейзенбуг ошибочно пометила письмо *6 февраля* вместо *6 марта*. В своем письме она отмечает: "У нас уже целый месяц весна, весь февраль". Несчастье с Огаревым – перелом ноги – произошел в ночь с 19 на 20 февраля.

[2] К Кате Володимировой Герцен также относился отрицательно ("Она пустая и дрянная" – XXIV, 278) и не хотел, чтобы дочери с нею сближались.

[3] "Цыганы" (1824).

[4] Огарев ответил на это письмо 13 марта (см. кн. 1-ю наст. тома).

5

Отель Бельвю, Мюнхен, 16 июня ⟨1868 г.⟩[1]

Дорогой друг, сердечно благодарю за ваши строчки, полученные мной еще во Флоренции, и за труд, который вы собираетесь вложить в "М⟨емуары⟩ и⟨деалистки⟩". Этого я никак не ожидала, и это меня очень тронуло; если же вы находите эту вещь слишком незначительной для печати, скажите мне вполне искренно.

Я, действительно, снова на родине спустя 16 лет! Наше путешествие через Бреннер было великолепно. Можно, в самом деле, сказать, что Альпы уже больше не разделяют. В четверг вечером, в 10 часов, мы выехали из Флоренции и были утром в 10 часов в Вероне; осмотрев замечательный амфитеатр, мы в 2 часа дня снова выехали и на следующее утро, в субботу, в 6 часов, были в Мюнхене. В первый день здесь было очень холодно, так что я раскаялась в своем решении расстаться с итальянским солнцем. А теперь чудесно, свежее, чем в Италии, поэтому и менее утомительно. Я хотела проехать Мюнхен и направиться в Крейцнах, где сейчас мои сестры, но, как я выяснила в первый же день, здесь Вагнер, и 21-го будет даваться его новая опера "Мейстерзингеры". Я сразу же отправилась к нему[3], он встретил меня самым сердечным образом и дал нам билеты на все репетиции этой недели и таким образом возможность основательно познакомиться с этим грандиозным произведением, а госпожа фон Бюлов, дочь Листа и жена дирижера, пригласила нас на первое представление в свою ложу. В воскресенье вечером мы уже смотрели в театре "Летучего голландца", раннюю оперу Вагнера, которую я еще не знала и которая поэтому меня очень интересовала. Поскольку я прежде всего хотела, чтобы Ольга от этого путешествия получила музыкальные импульсы, то ничего лучшего нельзя было и пожелать. В понедельник, вторник и сегодня мы уже присутствовали на репетициях III акта, и обе пришли в восторг. Да, это мастерское произведение, высочайшее художественное создание нашего времени. Здесь Вагнер решил все задачи, замечательный юмор, поистине шекспировский, возвышенная серьезность, очаровательная поэзия, драматическое действие с симфонической музыкой, лирико-элегические мелодические роли – все в целом обладает таким единством, что ничего не вынешь, и при этом все захватывающе устремлено к концу и все живет в целом. Исполнение будет исключительным, так как привлечены лучшие силы, а Вагнер и Бюлов разучивают все с участниками представления. Если ничто не помешает, то в пятницу будет генеральная репетиция, а в воскресенье – первое представление. Да, такое может быть создано и представлено только в Германии. Италия выглядит, напротив, весьма убого, с искусством там обстоит совсем неважно. Вообще Мюнхен очень нравится нам, особенно Ольге, это большой, просторный, чистый город с роскошными зданиями и с большим количеством зелени. Поскольку мы так заняты музыкой, мы мало что видели, только вот вчера были в церкви св. Людвига и смотрели "Страшный суд" Корнелиуса, который, конечно, нельзя даже сравнить с М. Анджело в Сикстинской капелле, а потом в Старой Пинакотеке, где много прекрасных нидерландцев. Искусство прошлого для нас на этот раз имеет второстепенное значение, меня интересует прежде всего великое и значительное нашего времени, и это – оперы Вагнера.

После первого представления мы уедем в Крейцнах, куда день пути. Гуляя в тишине, среди прекрасной природы с помощью ванн мы по возможности наберемся сил для новой усердной работы зимой. Ольга очень возбуждена, и, если пережитое здесь явится для нее импульсом к упорным художественным стремлениям, то моя цель достигнута.

Поскольку я не знаю, где Герцен и не находится ли Тата уже на пути к вам, то прошу вас вместе с сердечными приветами сообщить сведения о нас. До 22-го нам можно писать сюда. После – Крейцнах, до востребования. Прощайте, дорогой друг, Ольга вас обнимает, я сердечно жму руку.

Ваша М.

[1] Год устанавливается по содержанию письма. Мейзенбуг отвечает на письмо Огарева от начала июня (см. кн. 1-ю наст. тома).

[2] Имеются в виду "Мемуары идеалистки" ("Memoires d'une idéaliste"), рукопись которых была отправлена в Женеву, где решено было печатать ее в типографии Чернецкого.

[3] Знакомство Мейзенбуг с Вагнером относится еще к периоду ее пребывания в Лондоне.

6

11, via del Porto S.-Spirito
Флоренция, 9 марта ⟨1869 г.⟩[1]

Дорогой друг!

Я давно должна была уже написать вам и поблагодарить за доброе письмо, которое доставило мне так много радости, но много всякого бумагомарания, которое навалилось на меня именно в это время, плохое состояние головы и глаз и мои занятия с Ольгой отнимали у меня – положительно и отрицательно – так много времени, что до сих пор я не могла добраться до стола. Вчера пришло ваше письмо к Ольге. Как могли вы подумать, что я что-то против вас имею, тогда как испытываю к вам самую искреннюю дружбу, даже истинное благоговение. Я считаю вас – и очень часто говорю это Ольге – единственным настоящим мудрецом во всем нашем кругу, который разрешил полностью великую жизненную загадку истинного самоотречения, активного смирения, и я стремлюсь изо всех сил уподобиться вам. Ваша готовность помочь мне необычайно трогает меня. Это исключительно вина Черн⟨ецкого⟩ или Тхор⟨жевского⟩, если вам перестали посылать корректуры[2], я просила, ибо вы обещали мне свою помощь. А теперь книга родилась и должна, как все, что отваживается войти в мир явлений, идти своим путем навстречу своей судьбе. Я не думаю, что все будет особенно удачно, потому что Георг не проявляет достаточно интереса к тому, чтобы способствовать ее распространению. Ни один книготорговец в Италии, например, ее еще не имеет, и здесь, где об ней прошел слух благодаря одному или двум экземплярам, которые я подарила, интерес к ней был так велик, что она хорошо продавалась бы, ибо в здешнем большом книжном магазине Лешера ее часто спрашивают, Лешер утверждает, что просил ее, но до сих ничего не получил. И в Париже до сих пор ее нельзя было купить, как мне писал Моно. Впрочем, я могу быть довольна тем впечатлением, какое она произвела здесь, в особенности, – что и было моей целью – среди молодых девушек, вызвав живую симпатию. Недавно я получила от неизвестной роскошный букет с запиской: "A l'Idéaliste comme signe de la plus profonde vénération"[90*]. Я стала интересоваться и узнала, что это от молодой девушки, которая прочла книгу уже три раза. Сожалею, что дала книгу Георгу, а не взяла все в свои руки; думаю так было бы лучше.

Будьте добры сказать Тхоржевскому (если он еще в Женеве), чтобы он из оставшихся у него экземпляров один послал по адресу: г-же Лауре Мейзенбуг. 13, Theaterplatz, Ганновер, и еще *три* мне сюда. Ольга тысячу раз благодарит вас за два выпуска "Учения о гармонии", которое она получила. Я хотела бы, чтобы она изучила гармонию, я мало ценю голую виртуозность при отсутствии подлинной музыкальности. Панофка снова здесь и останется до конца мая. У Ольги есть 50 фран-

[90*] "Идеалистке в знак глубочайшего уважения" (*франц.*).

ОГАРЕВ
Фотография. Женева, 1867
Исторический музей, Москва

ков, которые ей сверх всего подарил отец и 10 франков от ее месячных денег, у меня 60 франков, которые я со своей стороны отложила в Сиене весной и которые я отдаю, и, таким образом, у нас будут в течение месяца уроки пения. Мне нравится и кажется верным, что Ольга приносит ради этого жертвы, покупая одним платьем меньше. Если Панофка после месяца занятий по совести сможет сказать, что развитие таланта Ольги оправдывает дальнейшие жертвы, мы это его мнение сообщим Герцену и обсудим с ним дальнейшие шаги. Мне кажется, это имеет большое значение, по крайней мере, в чем-то одном добиться каких-нибудь достижений, и, если Ольга достигнет чего-либо в пении, это доставит радость всем ее родным. Алекс⟨андр⟩ и Тер⟨еза⟩ в добром здравии и хорошем настроении. Прощайте же на сегодня, как раз сейчас Ольга разучивает чудесный ноктюрн Шопена. Заверяю вас в своей неизменной дружбе.

Ваша М. Мейзенбуг

Привет Тутсу

[1] Дата уточняется по содержанию.
[2] Речь идет о корректуре "Mémoires d'une idéaliste". В дальнейшем имеется в виду эта же книга.
[3] См. выше в наст. кн. письмо Ольги к Огареву от 23 февраля 1869 г.

7

Париж. 3 февраля ⟨1870 г.⟩[1]

Дорогой друг,

Каждый день собиралась написать вам и каждый раз не могла решиться, ибо что я могу сказать вам? В юности легко проливаешь горючие слезы и так же легко снова начинаешь улыбаться, потому что веришь в будущее и ожидаешь новый обещаный, вопреки могилам, день. В старости же раны не заживают и, испытав невосполнимые потери, уже влачишь жизнь, как бремя, как долг, и больше не находишь утешения и надежды. Мы оба не могли представить себе, что переживем его, вспоминая о том, чтó я испытывала, когда у его смертного ложа[2] завершилась наша восемнадцатилетняя дружба, я понимаю, чтó должны чувствовать вы, чья дружба обладает совсем иными правами, чем моя. Да, это жестоко, дорогой Ага, и я могу сказать вам, что мне тяжелее всего за вас. Надеюсь, что вам совместно с Татой и Алексом[3] придет хорошая идея, как организовать свою будущую жизнь. Я не представляю себе, как можно объединить все эти различные интересы. До сих пор я придерживалась своего первоначального плана, т.е. прожить здесь с Ольгой возможно проще до конца весны, чтоб она снова принялась за работу, а это до настоящего времени не удавалось, и потом, после пребывания где-нибудь на лоне природы, вернуться осенью во Флоренцию, куда стремится Ольга и где мы, по крайней мере, будем вместе с Алексом.

Мне кажется, если Натали и Тата посвятят себя, прежде всего, заботам о русском издании, им лучше всего остаться около вас вблизи Женевы. Если Тата еще там, передайте ей привет и скажите ей, что здесь все обстоит благополучно.

Прощайте на сегодня, остаемся друзьями пока нам суждено еще жить.

Ваша верная М. М е й з е н б у г[4]

[1] Год определяется по содержанию письма. Отклик на кончину Герцена.
[2] Имеется в виду Герцен.
[3] *Алекс* – А.А. Герцен-сын.
[4] На это письмо Огарев ответил 6 февраля (см. кн. 1-ю наст. тома).

8

24, via de principe Amadeo avanto alle guardie Daziarie.
Флоренция. 6 декабря ⟨1871 г.⟩[1]

Дорогой друг, уже давно мы не имели непосредственных сведений друг о друге, но я часто думаю о вас, и сегодня, в день вашего рождения, в доказательство этого шлю вам привет от старого, надежного друга. Только это нам и остается, ибо у нас с вами нет будущего, и идеалы, в осуществимость которых мы некогда верили, рассеялись частью как бесплодные тени. Только две вещи остались реальными и неизменными: с одной стороны, несовершенство жизни, а с другой – мечта об избавлении от него. Для нас, которым сон жизни скоро перестанет сниться, для нас, к счастью, это избавление близко, и если бы не Ольга, я бы хотела, чтобы скорее наступил день, который принесет это избавление.

Ольга и я устроили себе здесь нечто вроде дома, он весьма мил и уютен. Лучше иметь какое-то постоянное пристанище, где можно обосноваться и где можно заняться чем-то длительным, ибо вечные скитания не ведут ни к чему хорошему ни молодых, ни стариков. Ольга снова начала заниматься пеньем, и я надеюсь, что ей когда-нибудь удастся спеть для вас в Женеве. Как часто я думаю, слушая ее милый голос, ее соловьиное искусство: если бы Герцен мог это услышать, – он, сомневавшийся, что из ее пения может что-нибудь получиться. Кроме того, она занимается фи-

зиологией и анатомией, и, если ее склонности не изменятся, то через два или три года, когда ее здоровье укрепится, она сможет заняться наукой.

Александр живет на собственной земле и вскоре, как я думаю, станет настоящим сельским хозяином. Мне кажется, здесь он полностью окажется в своей среде и не только будет управлять собственным имением, но и делать добро вокруг, как уже сейчас, когда у него возник план устроить школу для крестьян, живущих на его земле и поблизости. Дети у него прекрасные, настоящие рафаэлевские ангелочки с темными глазами южан. Я постоянно думаю о том, почему Герцену не суждено было до всего этого дожить – это, вероятно, примирило бы его со многим, если б он увидел этих очаровательных потомков, носящих его имя.

Знакомы ли вы с мадам Андре Лео, писательницей, которая сейчас живет в Женеве? Я б охотно снабдила ее рекомендациями к вам, потому что она вам несомненно понравилась бы.

Мне хотелось бы, чтобы вы побывали на вилле у Алекса, вам там, несомненно, понравилось бы; там совсем не жарко, сегодня даже во Флоренции снег по щиколотку, а наверху холодно. Там можно было бы повидаться в спокойной обстановке и доказать вам на деле свою дружбу, что трудно сделать издалека.

Желаю вам всего хорошего, помните о своем старом друге М а л ь в и д е[2].

[1] Год устанавливается по содержанию письма.
[2] Огарев ответил на это письмо 19 декабря 1871 г. См. кн. 1-ю наст. тома.

9

Перевод с французского:

31 декабря 1872. Флоренция

Дорогой друг,

Годы проходят, унося с собой без снисхождения все, что жизнь нам давала. Только одного они не уносят, это нескольких истинных дружеских привязанностей, которые нам дано было испытать и которые мы испытываем и сейчас. Их мы возьмем с собой, когда отправимся в великое путешествие, из которого уже не возвратимся. Так мы оба, дорогой друг, мы почти все потеряли, но дружба осталась, и эта дружба побуждает меня пожать вам руку в канун наступающего Нового года. Пусть он, по крайней мере, найдет нас в добром здравии. Это одна их тех вещей, в которых больше всего нуждается старость. Я вот уже два месяца сижу дома и должна держать вытянутой правую ногу, потому что я сильно ушибла колено, и, так как это очень чувствительное место, я достаточно настрадалась. Теперь мне немного лучше, и я надеюсь, что скоро смогу выходить, так как мне очень не хватает чистого воздуха. Но этот Новый год для меня очень грустен в другом отношении, потому что он уведет от меня Ольгу, которая в марте выходит замуж. Мне очень тяжело остаться без нее и окончить свои дни без той, которая была лучом солнца на протяжении стольких лет. Я совершенно не представляю себе, что я буду делать, когда она уедет; мне останется только умереть. Только бы она была счастлива, и это, кажется, так и будет, потому что она любит своего будущего мужа, но во Франции, где все так неустойчиво, где все внезапно может перемениться, какие могут существовать гарантии для счастья человека, которого любишь? Но она этого решительно хочет, и судьба ее должна свершиться.

Тата целиком занята детским садом, который мы здесь основали. Она ходит туда каждый день и занимается с шестьюдесятью детьми, которые его посещают, и для нее очень хорошо, что у нее есть такое полезное и приятное занятие. У Александра и его семьи все обстоит хорошо. А как вы, дорогой друг? Надеюсь, что у вас все хорошо. Передайте привет Мери и Генри, я еще раз жму вам руку.

Ваш старый друг М а л ь в и д а

СОРАТНИКИ И ПРОТИВНИКИ

ПИСЬМА ГЕРЦЕНУ ПОЛЬСКИХ ДЕМОКРАТОВ

С. ВОРЦЕЛЯ, А. ГУРОВСКОГО, Г. ДЕМБИНСКОГО, Т. ЛАПИНСКОГО, И. ЛЕЛЕВЕЛЯ, Л. МЕРОСЛАВСКОГО, Ц.-К. НОРВИДА, Ю.Б. ОСТРОВСКОГО, Р. РАЧИНСКОГО, Ю. ЦВЕРЦЯКЕВИЧА и В. ЧАРТОРЫСКОГО

Публикация Л.Р. Ланского[91*]
Вступительные заметки и комментарии В. и Р. Сливовских (Варшава)

Ц.-К. НОРВИД

Циприан-Камиль Норвид (1821–1883) – выдающийся польский поэт, прозаик, драматург, художник и скульптор. В 1849 г. он поселился в Париже, где встречался с Герценом, Прудоном, Бакуниным, И.С. Тургеневым, Мицкевичем, Шопеном. Норвид не принадлежал к какой-либо партии и, являясь противником буржуазного строя, отрицал, тем не менее, революционное насилие; все свои надежды он возлагал на постепенную историческую эволюцию и моральное усовершенствование. В декабре 1852 г. Норвид уехал в Америку и пробыл там полтора года. Болезнь, непрекращающаяся нужда и тоска по родине довели его до психической депрессии. Следы ее явственны в публикуемом письме, написанном в приступе отчаяния. Было ли оно отправлено и был ли получен ответ Герцена – неизвестно.

Финансовая помощь князя М. Любомирского помогла Норвиду выбраться из постылой ему страны; в июле 1854 г. он был уже в Лондоне. Встречался ли он там с Герценом, не установлено. Позицию Герцена и Огарева в польском вопросе до и после восстания 1863 г. Норвид не одобрял, о чем заявил в памятной записке о задачах польской прессы, написанной им по просьбе посланника польского Национального правительства в Англии (см. C. Norwid. Pisma wybrane, t. 1V. W., 1968, s. 482).

При жизни Норвид признан не был, терпел крайнюю нужду и умер в приюте Св. Казимежа для польских сирот и ветеранов в предместье Парижа. Только в XX в. он приобрел почетную известность как писатель-новатор, психолог и гуманист.

Письмо печатается по ксерокопии с автографа *PAN* (Варшава). Впервые опубликовано Ж. Пшесмыцким на языке оригинала в кн.: C. Norwid. Pisma do dziś odszukane, t. VIII. W., 1937, s. 149–153. Несколько строк из письма процитировано в русском переводе М.Я. Поляковым ("Огонек", 1962, № 14, с. 10); другой фрагмент – в 1963 г. (*Проблемы...* 370–371). Полностью русский перевод публикуется здесь впервые.

Перевод с французского:

⟨Нью-Йорк. Декабрь 1853 г.⟩[1]

Милостивый государь,

Обстоятельства, заставляющие меня написать вам это письмо, настолько исключительны, что самое письмо покажется вам неожиданностью... Начинаю с того, что фамилия моя Норвид и что я имел удовольствие быть вам представленным у госпожи Гервег на улице Cirque, № 10 в 1848 и 49 гг.; что я имел честь входить в число ближайших друзей этого дома, посещавшегося тогда лицами, более или менее из-

[91*] Все публикуемые письма перевел с французского (одно с английского) Л.Р. Ланский.

вестными своими либеральными тенденциями и трудами[2]. У меня как у деятеля совсем мало заслуг, но высшим порядком вещей предопределено было, что мне придется принять на себя часть *неблагоприятных* обстоятельств, которыми отмечено было либеральное дело, поскольку я был, так сказать, последним из приемных детей истинных солдат свободы.

– Это звание (значение которого мне, надо сказать, известно) недостаточно заметно, чтоб оно могло предоставить мне помощь каких-либо организаций, и вот почему мне надобно укрыться под сенью воспоминаний о прежних знакомствах и личных связях.

– Надеюсь – верю и почти убежден: вскоре все, что только есть молодого среди тех, кто эмигрировал в Америку, вынуждено будет сблизиться с Европой... Никто из нас, в своих нравственных глубинах не может рассматривать это положение (даже самое выгодное) как нечто устойчивое... и вовсе не вследствие растительного чувства *филопеизма*[92*] который столько раз смешивали с *патриотизмом*, а вследствие чувства долга, призывающего нас не только к идее, но и к corpus delecti[93*] этой идеи, к месту, даже к самой арене борьбы. Никто из нас никогда не станет без всяких усилий свободным и, следовательно, не сможет даже *целиком* располагать своей энергией, если предварительно не добьется независимости, – а независимость для страны или для человека – это лишь оценка зависимости, это лишь ее осуществление на деле.

– Вот почему нет ни малейшей возможности достичь независимости путем промышленной и коммерческой деятельности, вот почему труд может процветать и быть свободным лишь у независимой нации, ибо запас энергии, приобретенной в борьбе, служит затем основанием и краеугольным камнем для храма процветания... Страны, не наслаждающиеся независимостью, прислали на Всемирную выставку[3] лишь немного изделий, а между тем это страны, наиболее приспособленные к развитию коммерции и промышленности вследствие богатств сил и сырья. Вот о чем и славяне имеют совсем не те представления нежели другие, более счастливые народы, – их представления о Национальности – вовсе не геральдические забавы, это абсолют и побудительная причина их последующей деятельной силы на иных поприщах. Никто из этих "*бедняков*", на которых богатые мира сего смотрят, как на тупиц, а представители порядка, теоретики смотрят, как на людей, лишенных здравого смысла, – никто из них никогда не способен будет затеять какое-нибудь коммерческое предприятие, спекуляцию, промышленное дело и вести его благоприятным образом... почему же? Это, в сущности говоря, люди, нравственность которых подтверждена их жертвами и лишениями, которых приучили к тяжкому, весьма тяжкому существованию, – почему же не предпочли они заняться каким-либо прибыльным промыслом? Это, изволите ли видеть, вопрос (извините за выражение), *вопрос, непостижимый не только для богатых златом, но и для богатых умом,* – увы! я полагаю, что народ, который достиг такой степени развития национальности, что уже воспринимает социальный вопрос во всем его объеме, – это народ, противоположный всем остальным, и что национальность его, начиная с песчинки и кончая разумом и интуитивными способностями, должна рассматриваться как общее социальное знамя, – что национальность его, наконец уже очистилась от случайных предрассудков, – что она свята – не в том смысле, который отличает ее от других, а в том, что простирает ее ниц пред Всемогущим, обнимая воедино все дело страждущего человечества. Вот, милостивый государь и брат, это вещи неизвестные и которые, быть может, не могут быть поняты народами, чья независимость уже произвела гармонию, а гармония произвела уже наслаждение, а наслаждение это является для них тем, чем для нас является страдание. Отправляясь от этой точки зрения, нам и свободному, законно счастливому и законно наслаждающемуся народу чрезвычайно трудно будет понять друг друга. Говорю вам это заранее, дабы ознакомить вас с на-

92* любви к стране (от *греч.* philo и *франц.* pays).
93* совокупности признаков (*лат.*).

шим положением и нашим бессилием в Америке, – говорю вам, что

Независимость производит
энергию *труда*, производит
гармонию, производит
наслаждение
.....

Отсутствие независимости производит
небрежение трудом, производит
дисгармонию, производит
мученичество
.....

Теперь благоволите сочетать наслаждение с мученичеством!

И все же человек – человек.

Вот, милостивый государь и брат, что́ будете вы видеть каждый раз, когда речь зайдет о соучастии Америки в наших интересах, то есть нашей незаинтересованности.

Отмечаю для вас несколько пунктов на стратегической карте идеи и духа в том деле, которое касается этих местных отношений.

Прошу вас также поверить мне заранее, насколько развитие этого заслуживает и насколько необходимо мне доверие ваше к тому, что представляет собой главную суть письма.

Я позволил бы себе даже сказать вам нечто большее и заблаговременно, что и сама того не зная, Америка станет скорей на сторону самодержавия, ибо, говорю вам это заблаговременно, что, сама того не зная, она до этого будет доведена общей системой своего развития. Я говорю не о людях, ибо говорю о политике, – люди, быть может, порой и будут против, – но какое это имеет значение? – я говорю о том, что́ они могли бы сделать, а не о том, что их противопоставило бы бездействию, – ибо вы знаете, что противопоставление бездействию – еще не действие, – а между тем время не медлит.

Вот, милостивый государь и брат, общая картина нашего нынешнего и нашего будущего бессилия в Америке.

Американцы всегда будут великодушны и щедры по отношению к Кошуту, но только беда может заставить Кошута[4] укрыться здесь.

Итак, – после всего сказанного – особенно я, последний из приемных детей истинных солдат свободы, не считаю, что смогу найти возможность приложить свои силы и свою жизнь к общему делу путем размышлений об исполнении своего долга к своим ближним.

– На помощь Европы я уже не рассчитываю, поскольку письма оскверняются всякого рода тайными полициями.

– Не могу я слишком рассчитывать и на свое искусство, которое едва дает мне возможность сводить концы с концами... – У меня нет уже моих весьма богатых и весьма влиятельных друзей – с той поры, как я вознамерился разделить нищету с побежденными, я не в состоянии – как уже говорил вам – найти общий язык с теми, кто рассматривает пропаганду как сто́ящее дело.

И вот мне пришла в голову мысль попросить вас, вас, русского, вас, мало занятого делами, – мне пришла в голову мысль попросить вас не забыть обо мне в случае, если вам будет возможно, благодаря некоторым связям, *облегчить мне переезд отсюда в Англию, – где я попытался бы перейти на надлежащее поле деятельности*... Ваши связи обширнее, чем мои, ваши идеи я до известной степени разделяю – впрочем, прошу вас лишь не забыть об этом обращении откровенной души, искреннего друга свободы и поляка. – Мой адрес: Через посредничество Централизации[5]. Привет.

Ц. Норвид

[1] Дата установлена Ю.В. Гомулицким, знатоком творчества Норвида и издателем его произведений (см.: C. N o r w i d. Pisma wszystkie. W., 1971, s. 174).

[2] В салон Эммы и Г. Гервегов Норвида ввел приятель Герцена К.-Э. Хоецкий. Здесь Норвид и познакомился с завсегдатаями этого салона – Герценом и И.С. Тургеневым, а также с многочисленными представителями немецкой и французской революционной демократии.

[3] Всемирная выставка 1853 г. в Нью-Йорке. Норвид работал на этой выставке в качестве художника-оформителя.

[4] Л. Кошут в 1848 г. стоял во главе Венгерской революции; в 1849 г. руководил борьбой Венгерской республики против австрийских и царских войск.

[5] Местом пребывания Централизации (Главного управления Польского демократического общества) с 1849 г. был Лондон, куда после поражения революции 1848 г. переехала из Парижа большая часть этой организации. Членами Централизации в это время были С.-Г. Ворцель, А. Жабицкий и Л. Зенкович.

С.-Г. ВОРЦЕЛЬ

Станислав-Габриель *Ворцель* (1799–1857) – выдающийся деятель левого крыла польского национально-освободительного движения, социалист-утопист, политический эмигрант, главный редактор газеты "Demokrata Polski" – органа Польского демократического общества. Герцен познакомился с ним в 1847 г. в Париже и тесно сблизился после переезда в Лондон. Он высоко ценил Ворцеля и как человека, и как страстного пропагандиста польско-русского революционного союза. Перу Ворцеля принадлежит восторженная статья о Герцене "Революционные идеи в России", появившаяся в брюссельской газете "Nation" (1853, № 319 и 320, 13 и 14 XI). Проникновенный некролог "Смерть Станислава Ворцеля" был напечатан Герценом в "Полярной звезде на 1857 год" и затем выпущен отдельной брошюрой на французском языке (XII, 437–443). О трагической судьбе Ворцеля подробно рассказывается в "Былом и думах" (XI, 131–149; ср. XX, 293–294); см. также книгу: B. L i m a n o w s k i. Stanisław Worcell. W., 1947.

По словам Герцена, Ворцель помогал ему самым деятельным образом в создании Вольной русской типографии. Типография эта вначале была объединена под одной кровлей с типографией Централизации. Печальные подробности о распрях и противоречиях между окружением Ворцеля и Герценом, вызвавших необходимость разделить обе типографии, изложены в "Былом и думах" (XI, 142–143).

Письма печатаются по фотокопиям с автографов *BPUG*. Впервые опубликованы М. О к у т ю р ь е на языке оригинала в *AAH*, 259–269.

П е р е в о д с ф р а н ц у з с к о г о:

1

Суббота, утро, 16 декабря 1854 г.
35, Hunter Str⟨eet⟩, Brunswick Sq⟨uare⟩

Любезный друг,

Мы не сразу ответили на ваше письмо к Жабицкому[1], так как нам надобно было сначала посоветоваться по этому вопросу, гораздо более важному на деле, чем кажется. Если бы речь шла лишь о расчленении и разделе обеих типографий, а также о переводе вашей в другое помещение, то все это не имело бы особого значения, не вызвало бы затруднения и отнюдь не повлекло бы за собой отсрочки, ибо что касается помещения, то пять шиллингов квартирной платы в неделю не могли бы стать поводом для сколько-нибудь серьезных возражений; хранение же под рукой шрифтов вашей типографии для нас несущественно – и потому, что мы ими не пользуемся, и потому, что не извлекаем из них материальной выгоды. Есть, однако, другое соображение – нравственной, общественной значимости; соображение, в одинаковой степени охватывающее наше польское дело, так же как ваше русское дело, или, верней, наше общее польско-русское дело; соображение, которое берет верх над всеми другими соображениями вследствие нынешних событий[2] и того громкого отзвука, который мы вместе придали нашим взаимоотношениям. То, что было единожды так решено и провозглашено[3], не должно было и не могло быть когда-либо расторгнуто без важных и весьма важных побуждений общественного характера. Скажем вам искренне, ибо искренность – это долг, особенно между друзьями, поскольку это долг

даже по отношению к противникам, что если бы не эти соображения, то поведение вашего печатника[4], человека, к которому вы привыкли и который, действительно, может быть вам чрезвычайно полезен, но в нашем доме чрезвычайно неудобен, – заставило бы нас давно уже обратиться к вам с тем предложением, которое вы нам делаете сегодня. И если мы его все же не сделали, то, как мы думаем, лишь потому, что руководствовались все теми же соображениями общественного характера, и мы постараемся доказать вам это при первой же нашей встрече, которая, несмотря не затруднения, связанные с нашими делами и отсутствием денежных средств, необходима и не может не состояться вскоре же; вы откажетесь от своего проекта тем более охотно, что, по нашему убеждению, трудность мало-помалу сама собой разрешится, и не в ущерб делу, как это получилось бы теперь, а в пользу того дела, коему мы служим сообща.

Благоволите ответить нам возможно скорее.

С разрешения Централизации

С. Ворцель

[1] *А. Жабицкий* – польский революционный эмигрант, член Централизации, соредактор Ворцеля в газете "Demokrata Polski", наборщик. Упоминаемое письмо к нему Герцена о намерении переместить Вольную русскую типографию остается неизвестным.

[2] Речь идет о Крымской войне.

[3] Подразумевается открытое письмо Герцена «В редакцию "Польского демократа"», написанное в связи с основанием Вольной русской типографии в Лондоне. Герцен сообщал в этом документе, что Централизация Польского демократического общества в целях облегчения дела пропаганды братски протянула ему руку (XII, 72–79).

[4] "Печатником" Вольной русской типографии был поляк Л. Чернецкий. См. о нем подробно в "Лит. наследстве", т. 63, с. 250–268.

2

⟨Лондон. 16 декабря 1854 г.⟩[1]
Суббота, вечер

Любезный Герцен!

Леон З⟨енкович⟩[2] только что сказал мне, после того как я отправил вам свое письмо, что в отсутствие Жабицкого Чернецкий привел двух мужчин, дабы унести типографию; он уже часть ее упаковал и собирался унести, когда Зенк⟨ович⟩, возвратившись, помешал ему сделать это до получения от вас ответа. Я хотел сразу же отправиться в Ричмонд, но не смог сделать этого вследствие одышки и нехватки времени. Так вот, завтра поутру я приду к вам обедать, пока же настоятельно прошу вас дождаться этой встречи.

Итак, до свидания.

Всецело преданный вам – и с крайней поспешностью –

Станислав

[1] Дата устанавливается по связи с предыдущим письмом.

[2] *Л. Зенкович* – польский революционный эмигрант, участник восстания 1830–1831 гг., публицист, член Централизации. Зенкович был убежденным противником польско-русского революционного союза и враждебно относился к Герцену. В свою очередь, Герцен не любил Зенковича и считал его влияние на Ворцеля крайне вредным.

3

Лондон, 18 декабря 1854 г.
35, Hunter Str⟨eet⟩, Brunswick Sq⟨uare⟩

Любезный мой друг,

Сегодня должны вы получить два наших субботних письма[1]. Поразмыслите над актом возобновленного братания, который сегодня должен быть провозглашен нами, в форме ли ответа или как-нибудь иначе, – но так, чтоб его можно было опубликовать без заметных признаков огорчения[2].

Но я еще должен был написать вам о Линтоне[3]. Он просит меня предоставить ему на время фотографию Маццини, снятую Делла Рокка. Отправьте ему ее возможно скорее по почте, Brantwood, near Coniston, Windermere. Он срочно в ней нуждается и возвратит вам ее в целости, как только снимет копию. Усердие и преданность этого друга заслуживают того, чтобы для него было сделано всё, ибо нет ничего такого, что он отказался бы сделать для нас (в том числе и для *вас*).

Он спрашивает меня еще о значении слова "Бюзансе" – в следующем выражении из речи Виктора Гюго, которую он переводит. Говоря о Франции, В. Г⟨юго⟩ говорит:

"Хлеба не хватает. Нечто вроде Бюзансе тлеет под народным пеплом и разбрасывает то там, то сям искры"[4].

Я прочел ответ Зенона[5] в "Leader"[6]. Вы совершенно правы: ответ этот восхитителен – и я совсем помирился бы с ним, если б он захотел воспользоваться разрешением, которого просит:

"Let us refrain from sowing division among our democratic ranks by unfair insinuation towards our fellows democrats"[94*]

Искренно преданный вам С. В о р ц е л ь

[1] См. предыдущие письма.

[2] На эту просьбу Герцен ответил через четыре дня, 22 декабря. Его письмо сохранилось только в черновике и, возможно, не было отправлено. Герцен писал в нем "дорогому гражданину Ворцелю", имея в виду, что письмо его будет предано гласности: "Вы уже знаете от гражд⟨анина⟩ Жабицкого, что перемещение Русской типографии было вызвано чисто экономическими соображениями. Позвольте же мне еще раз повторить вам это. Ничто не изменилось в наших отношениях – только у нас теперь две типографии вместо одной". Далее Герцен заверял своего корреспондента, что русским революционерам необходимо теснее сплотиться с представителями "республиканской и социальной Польши" (XXV, 220–221; см. также: "Лит. наследство", т. 61, с. 226).

[3] Переписка В.-Дж. Линтона с Ворцелем опубликована в ст.: S. K i e n i e w i c z. From the polish correspondence of William J. Linton – "Annali" (Milano), 1960, p. 172–225.

[4] Из речи В. Гюго на о. Джерси 29 ноября 1854 г. по поводу 24-й годовщины польского восстания. *Бюзансе* – французский промышленный городок в департаменте Эндр; в январе 1847 г. там была произведена кровавая расправа над восставшими рабочими.

[5] *З. Свентославский* – политический эмигрант, член Польского демократического общества, один из создателей "Lud Polski". Жил на о. Джерси, где владел типографией (в ней, между прочим, печаталась газета "Homme" Ш. Рибейроля, в которой публиковались статьи Герцена).

[6] В газетах "Leader" от 22 апреля и "Morning Advertiser" от 24 апреля появились статьи, в которых Герцен обвинялся в панславизме и связях с русской полицией. О прочитанном им в рукописи "горячем отпоре" – "превосходной статье" З. Свентославского, написанной в его защиту, – Герцен упоминает в письме к Л. Пьянчани от 4 мая ("Читая ее, мы хохотали, как сумасшедшие ⟨...⟩ В ней такая глубина и такой священный гнев, которых ему не простят" – XXV, 177). Эта статья Свентославского до сих пор не найдена. Несколько позже Свентославский издал брошюру "The Cause of the Slavians" (см. XXV, 425; XXX, 507–509, 652; *AAH*, 265). Герцен писал о ней: "Один голос раздался, энергично протестуя против этой несправедливости – то был голос одного из тех, кто имеет право ненавидеть нас, – голос поляка ⟨...⟩ На глазах моих были слезы, когда я читал брошюру Свентославского..." (XXX, 508). Судя по тому, что статья вызвала у Герцена совершенно иную реакцию, чем брошюра, вряд ли можно думать, что брошюра представляла собой перепечатку статьи из "Leader". С обоими печатными выступлениями Свентославского до сих пор нам ознакомиться не удалось.

4

⟨Лондон.⟩ 27 января 1855 г. 35, Hunter Str⟨eet⟩, Brunswick Sq⟨uare⟩

Любезный Александр,

Спасибо за ваши упреки, как мало они ни были заслужены[1], – спасибо, потому что свидетельство любви, в какой бы форме оно ни проявлялось, – это истинный подарок для старца, от коего род людской, хотя старец этот по мере остающихся сил старается быть ему полезным, день ото дня все более и более отстраняется. Итак, я

94* "Позвольте нам воздержаться от сеяния раздора в наших демократических рядах посредством безобразной инсинуации по адресу наших товарищей-демократов" (*англ.*).

на вас ничуть не сержусь за то, что вы несправедливо отнеслись к моей дружбе: совсем наоборот; и все же мне необходимо объяснить вам, как это у вас получилось. Я поступил не как друг, говорите вы. Но, боже мой, если б я не считал вас своим другом, то разве мог бы я к вам прошлый раз обратиться? И мог ли б я в этом сомневаться, после того, как вы представили мне новое доказательство? Всему, однако, есть границы, за пределами которых личные отношения меняют свою природу, и никто, пожалуй, не мог бы постигнуть верней, чем вы, во что превращается дружба, когда она становится бременем. Таким бременем для вас бывал я слишком часто, чтобы подвергать нашу дружбу этому риску. Так поговорим же откровенно. Я еще не расквитался за полученные от вас материальные одолжения. Быть может, вы о них позабыли или считаете незначительными. Это очень мило с вашей стороны, и я благодарю вас за это; но я-то их не позабыл, и, утратив надежду, которую основывал на обещаниях улетучившегося Любомирского[2], я предпочел бы делить лишения своих сотоварищей риску чрезмерно отяжелять весы наших личных отношений, перевешивая одну чашу оказанными мне одолжениями. Вы полагаете, что два фунта стерлингов, предложенных мне вами (и полученных мною), не перегрузят этих весов. И вот я без колебаний принимаю их, зная, насколько вы всегда готовы были услужить тем, кого любите и уважаете, и, зная также, что я из их числа, потому что вы говорите мне это и потому, что я сознаю, что это мною заслужено. Однако я не мог быть компетентным судьей в отношении границ, диктовавшихся вашими собственными денежными средствами, и вот почему я не взял на себя инициативы.

Впрочем, разве есть у меня чисто личные потребности? – Вот трудность, упущенная вами из виду. Солидарность моих политических связей при том положении, в котором находится Централизация, превращает нас в Общину; в этом, скажем напрямик, есть нечто от коммунизма. Личности наши настолько отождествляются с машиной, приводимой нами в движение, что от нее зависим мы, а она – от нас и от наших возможностей упорствовать до конца на посту, где мы поставлены. То, что получает один из нас, дает возможность другим продолжать дело, и если пять фунтов стерлингов, которые вы ссудили мне прошлый раз в Ричмонде, послужили непосредственно для внесения квартирной платы моей хозяйке, то только потому, что Централизации необходимо было, чтоб она получила эту частичную плату. К счастью, два последних фунта стерлингов, явившихся так кстати в минуту нужды, были предложены мне простосердечно, откровенно, без всяких условий. И потому я смог употребить их на удовлетворение своей наиболее неотложной нужды – сыграть на аграрном законе и стать *раздавателем благ,* и вот мы уже все на несколько дней сняты с мели.

Я хотел бы прийти повидаться с вами, но не знаю, найдется ли у меня для этого свободное время. Ни одного дня не проходит без того, чтобы что-нибудь не помешало[95*].

Я не прочел статьи в "Athenœum" от 6 января[3]. Постараюсь достать ее.

Вот мы уже обвинены нашими друзьями из[96*] Бредфорда в том, что являемся виновниками раздела обеих типографий; вам, как и Ледрю-Роллену, отказывают в деятельном участии на митинге 29 ноября[4]. В нашем распоряжении есть ваше письмо для ответа им[5], и если я говорю вам об этом, то только из-за причудливого характера обвинения и потому, что я предвидел комментарии, которые будут сделаны.

Примите же мой искренний, братский и дружеский привет.

Всем сердцем преданный вам
С. Ворцель

[1] Отклик на неизвестное письмо Герцена.

[2] Князь *М. Любомирский* – польский магнат, живший в Лондоне, Брюсселе и затем в США. После возвращения в Европу он поселился в Турине. Благодаря своим обширным связям и финансовым возмож-

---

95* *Далее зачеркнуто*: Сегодня я даже не имею достаточно времени, чтобы продолжать ⟨чтение?⟩ статьи.

96* *Далее зачеркнуто*: Галифакса

ностям он оказывал помощь польским эмигрантам и "польскому делу", но сам нередко бывал вынужден "улетучиваться" от кредиторов.

[3] В лондонском критико-библиографическом журнале "Athenaeum" (№ 1419, от 6 января 1855 г.) была напечатана анонимная рецензия на "Тюрьму и ссылку" Герцена (английский перевод "Былого и дум" назывался "My Exile in Siberia"). В рецензии содержалась сочувственная оценка деятельности Вольной русской типографии ("см.: Л. Л а н с к и й. Газетные и журнальные вырезки в архиве Герцена. – "Лит. наследство", т. 63, с. 805).

[4] Польская эмиграция ежегодно отмечала торжественными митингами годовщину польского восстания 29 ноября 1830 г. На митинге 1853 г. Герцен произнес блестящую речь, в которой провозглашал необходимость сближения русских и польских революционеров (XII, 126–132). В 1854 г., незадолго до очередного митинга, он получил от Ворцеля записку, в которой тот извещал его, что, в связи с начавшейся Крымской войной, Централизация намерена придать очередному митингу "иной цвет, т.е. более патриотический и менее революционный, чтобы привлечь к себе симпатии англичан". "Не Герцен, не Ледрю-Роллен и Пьянчани будут говорить, а большей частью англичане", – писал Ворцель. На это Герцен ответил, что "приглашение *не говорить* на митинге" он получил и с тем большей охотой его принял, что "оно очень легко" (XI, 141–142). Тот факт, что Герцен не выступил на митинге, вызвал раздражение среди молодых радикальных поляков (вероятно, их-то Ворцель и называет "нашими друзьями из Бредфорда").

[5] Уже упоминавшееся письмо Герцена к Ворцелю от 22 декабря 1854 г. (черновик), в котором он заверял поляков, что раздел типографии вызван чисто экономическими причинами.

5

⟨Лондон.⟩ Четверг, 11 декабря 1856 г.
35, Hunter Str⟨eet⟩, Brunswick Sq⟨uare⟩

Любезный Александр,

Прежде чем поблагодарить вас за предложение, содержащееся в вашей записке, предложение, которое для меня является драгоценнейшим свидетельством вашей дружбы[1], я дал себе 24 часа на размышления о допустимости и последствиях принятого решения и, несмотря на это, не мог прийти ни к какому другому заключению, кроме того, к которому мы пришли во время нашей устной беседы[2]. Видите ли, чтобы постичь смысл ваших дружеских намерений, мне вовсе не требовалось, чтоб они были яснее выраженными. Звучание вашего голоса, бросаемые вами взгляды, ваше лицо сказали мне об этом достаточно много, не оставили неосвещенным для меня ни одного уголка вашего прекрасного сердца, и полученное от вас письмо лишь подтвердило то, что было мне знакомо ранее. С моей стороны, возможно, была известная недоговоренность, требовавшая дополнений, которые не могли быть сделаны письменно[3]. Быть может, при свидании строго с глазу на глаз мы и сумели бы разрешить в дружеской беседе чрезвычайно сложную задачу, но только вдумчиво рассмотрев все данные. Вам пришлось бы для этого узнать кое-какие обстоятельства, вам неизвестные, о которых хочу вам поведать. Придите же ко мне на днях утром, если сможете, чтобы свидеться наедине; мы разопьем тогда вместе стаканчик вашего кларета[4] и набросаем основу плана, который, вырвав меня из положения, ставшего невыносимым, быть может, даст мне возможность еще на несколько лет вернуться к жизни.

Со вчерашнего дня я чувствую себя лучше, и, если это улучшение продлится еще несколько дней, встреча наша обретет все условия, необходимые для успешного ее завершения. Приходите же, оставайтесь часок-другой, не в субботу (день урока[5]), а завтра, или в воскресенье, или в понедельник, или когда сможете; всегда между 11-ю и 2-мя. Но мне следует все же признаться: я мало надеюсь на вполне удовлетворительный результат. Сегодня утром я бросил взгляд в зеркало и смог лишь улыбнуться, увидев там почти незнакомый мне печальный образ. Даже вопросы, которые позавчера, несмотря на видимое улучшение, задал мне мой врач, ободряющими мне не показались. Если предчувствия эти осуществятся, бóльшая часть трудностей, связанных с моим положением, исчезнет. Сиделка здесь или бромптонская больница меня в таком случае полностью устроят.

Большое спасибо за кларет. Я его отведаю во время обеда.

Вот что я нашел в "Atlas"[6] по поводу Блеквуда[7]: «The recent *Confession of an*

Opium Eater hardly comes up to what the title leads us to expect, altough it is a tale of "burking". The conclusion is most important»[97*].

Об этом ли сочинении говорит ваш корреспондент[8]? Сочинение *де Куинси*, о котором я говорил, пользуется сложившейся много лет назад репутацией, поставившей его в уровень с лучшими писателями того времени – *Вильсонами, Мурами, Брумами, Вальтерами Скоттами, Колриджами* и пр.

Искренне обнимаю вас.

Всецело преданный вам Ст. В о р ц е л ь

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена, предложившего тяжело больному Ворцелю переехать к нему.

[2] Герцен навестил Ворцеля в первых числах декабря (XI, 144–145).

[3] Ворцель непродолжительное время гостил у Герцена, однако прожить у него в доме несколько месяцев, как предложил ему Герцен, он наотрез отказался (см. XI, 144–145).

[4] *Кларет* – французское вино.

[5] Ворцель давал частные уроки математики и физики, в том числе и сыну Герцена.

[6] "Atlas" – политическая и литературная газета, издававшаяся в Лондоне Л. Кошутом.

[7] *Дж. Блеквуд* – английский издатель. Вероятно, имеется в виду объявление о предстоящем выходе в свет второго издания книги "Confession of an English Opium-Eater", автором которой был Т. де Квинси.

[8] И.С. Тургенев, который в письме от 6 декабря горячо рекомендовал Герцену эту книгу, не назвав, однако, ее автора (см.: И.С. Т у р г е н е в . *Письма* III, с. 45). 25 декабря Герцен ответил, что после получения письма Тургенева он тотчас же приобрел "Opium-Eater'a" и что это, действительно, "превосходная книга" (XXVI, 60).

И. ЛЕЛЕВЕЛЬ

Иоахим *Лелевель* (1786–1861) – известный польский историк, участник восстания 1830 г., живший затем в Брюсселе на положении эмигранта. В "Былом и думах" Герцен охарактеризовал Лелевеля как "лучшего из лучших, сохранившего в дряхлом теле молодое сердце и юный, кроткий, детски чистый, голубой взгляд" (XI, 147; ср. XV, 111; XXVI, 303).

Приступив в 1855 г. к изданию альманаха "Полярная звезда", Герцен обратился к ряду выдающихся западноевропейских деятелей – Гюго, Мишле, Блану, Прудону, Мацини и Лелевелю – с просьбой поддержать его инициативу и принять участие в новом органе. Это письмо Герцена к Лелевелю от конца июля 1855 г. не сохранилось. Ответ Лелевеля, публикуемый ниже, пришел слишком поздно и не попал на страницы "Полярной звезды", о чем Герцен информировал читателей в редакционной заметке, помещенной на последней странице альманаха, и обещал опубликовать его в следующей книжке (XII, 570). Обещание, однако, выполнено не было.

В 1859 г. Герцен навестил Лелевеля в Брюсселе.

Письмо печатается по фотокопии с автографа *BPUG*. Впервые опубликовано в неточном польском переводе самого автора: L e l e w e l. Polska dzieje i rzeczy jej, t. XX. Poznań, 1855, s. 625–627; ср.: L e l e w e l. Listy emigracyjne, t. V. Kr., 1956, s. 228. С этого издания был сделан также неточный русский перевод в кн.: "Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей", т. II. М., 1958, с. 606–607. На языке оригинала опубликовано М. О к у т ю р ь е в *AAH*, 257–259.

П е р е в о д с ф р а н ц у з с к о г о:

⟨Брюссель. 6 августа 1855 г.⟩

Милостивый государь и дорогой наш собрат,

Вы напоминаете мне о незабвенном дне 6 августа, годовщину которого вы вскоре отметите, воскресив "Полярную звезду"[1], и выражаете уверенность в нашем непременном участии.

Решив развернуть знамя борьбы за нашу и вашу вольность[2] во времена нашей независимости в Варшаве, мы принесли дань уважения вашим жертвам[3]. Павшая под вашим братоубийственным мечом (простите сие роковое выражение!), наша

97* «Недавно вышедшая "Исповедь потребителя опиума" вряд ли соответствует тому, что заглавие дает нам право ожидать, хоть это и рассказ о "душегубстве". Вывод же в высшей степени важен"» (*англ.*).

эмиграция отмечала годовщины их мученической гибели[4]. Когда Бакунин открыто объявил о своих принципах и о своей миссии – это было здесь, в Брюсселе, на торжественном собрании[5], – мы провозгласили братский договор между русскими и поляками.

На этом собрании мы напомнили отдельные исторические факты – как поляки, находясь на вершине своего могущества или же повергнутые в прах и угнетенные, не раз призывали русских к свободе, к братскому единению. Быть может, тогда они не были расположены выслушивать и понимать друг друга; быть может, претензии королей и царей с той и другой стороны вставали как непреодолимые препятствия. Но братские симпатии все же пускали ростки в духе и чувстве обеих наций.

Вы напоминаете мне достойное восклицание одного из Наполеонов: "Я хочу иметь в Польше лагерь, а не форум"[6]. Вы полагаете, что на Западе желают восстановить Польшу, дабы превратить ее в лагерь. Дорогой собрат! Позвольте мне опровергнуть это последнее утверждение. Нынешний Запад и не помышляет о восстановлении Польши; он даже глубоко враждебен ее восстановлению. Не помышляет он уже и о превращении ее в лагерь; он не способен к этому и понимает, что лагерь ни к чему не приведет. Опытом доказана уже недостаточность этого средства.

Я знаю многих из своих соотечественников, убаюкивающих себя, к несчастию, этими безумными иллюзиями. Они себе повторяют: "Запад вынужден будет восстановить Польшу", не понимая, что тот, кто действует не добровольно или из личного побуждения, искренним быть не может: он предаст. Свободная Польша для запада была бы еще более страшным пугалом, нежели система завоеваний какого-нибудь царя.

И, тем не менее, от этих завоеваний Запад может быть предохранен лишь форумом в Польше: уничтожением иностранного владычества, деспотизма и учреждением форума свободы и братства у всех славян. Так вот, Польша может достойным образом возродиться лишь собственными силами и исходя из собственного принципа. Только революции способны создать для нее благоприятные условия. Тогда-то вы, русские братья, должны будете вершить общее дело; и мы будем вершить вместе с вами это общее дело, когда вы подымете знамя гражданского равенства и свободы.

Горести наши оплакиваются; говорят, что и русские страдают, что и они несчастны. Мы охотно сознаемся в своих горестях и страданиях, но в сочувствии мы не слишком-то нуждаемся, пока мы надеемся, пока мы действуем с полным убеждением, что наши усилия принесут свои плоды. Хотя развязка и отодвигается, торжество, не вызывает сомнения.

Я в слишком преклонном возрасте, чтобы рассчитывать увидеть это: потому-то я утешаю тех (из ваших соотечественников), которые предаются чрезмерному отчаянию, говоря, что мы трудимся не для себя, а для будущих поколений. Дорогой собрат! Утешайте же, внушайте бодрость своим соотечественникам; защищайте наше общее дело, подавайте добрые советы, упорствуйте в своей любви к свободе и в непоколебимой воле достигнуть ее.

Привет и горячая братская любовь.

Лелевель

6 августа 1855 г.
Брюссель

На обороте:
Господину Александру Герцену
Cholmondeley Lodge, Ричмонд. Лондон

[1] Герцен в письме к Лелевелю указал неверную дату казни декабристов: переводя число с нового стиля на старый, он, по рассеянности, не вычел, а *прибавил* двенадцать дней к дате; отсюда и ошибочное указание на титуле "Полярной звезды", которую Герцен хотел выпустить именно в этот печально памятный день (см. XII, 318).

[2] "*За нашу и вашу вольность*", – надпись, появившаяся на польских знаменах 25 января 1831 г. во время манифестации в часть декабристов в Варшаве. Этот прославленный лозунг (его автором был сам Лелевель) находился в польском и русском начертаниях и на знаменах, которыми польская армия встречала в том же году русские войска, перешедшие границу Царства Польского.

[3] Манифестация в честь декабристов была организована "Патриотическим обществом" (см. пред. прим.).

[4] Намек на церемонию в память декабристов, устроенную в Брюсселе 25 января 1834 г. польскими эмигрантами под председательством Жоттрана, редактора "Courrier Belge" (см. письмо Лелевеля к В. Петкевичу от 26 января 1834 г. – L e l e w e l. Listy emigracyjne, t. 1. Kr., 1948, s. 236.

[5] 14 февраля 1848 г. в Брюсселе на польско-бельгийском банкете в годовщину казни Ш. Конарского Бакунин выступил с речью (о ее содержании см.: Ю. С т е к л о в. Михаил Александрович Бакунин..., ч. 1. М., 1920, с. 153). Возможно, что он выступал и на торжественном заседании, посвященном второй годовщине Краковского восстания 1846 г., 22 февраля 1848 г. На этом заседании выступал и К. Маркс (см.: К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. IV, с. 488–494), и Лелевель. Свою точку зрения на взаимоотношения России с Польшей Бакунин высказал и в речи, произнесенной в Париже 29 ноября 1847 г.

[6] Выражение Наполеона I, обращенное к графу Л. Нарбонну-Ларá. Герцен привел его в воззвании "К нашим", напечатанном в кн. 1 "Полярной звезды": "Поляки желают, чтоб мы были *свободны*, а мы – чтоб Польша была *независима*. И желаем этого искреннее многих западных друзей ее. Они хотят восстановить Польшу *против* России, хотят сделать из нее "лагерь, а не форум", как сказал Наполеон Нарбонну, и защититься ее славянской грудью от нас. Мы хотим Польшу свободную и самобытную для того, чтоб не было, наконец, никакой причины раздора с Европой" (XII, 298). Возможно, Лелевель имеет в виду именно это место из воззвания Герцена.

А. ГУРОВСКИЙ

Граф Адам *Гуровский* (1805–1866) – польско-американский публицист, политический эмигрант, автор книг о России. Прошел сложную и путаную идейную эволюцию от крайне левого крыла эмигрантских организаций до восхваления николаевской России и в то же время деятельно выступал против рабства негров в США. В одном из своих писем (1850) Герцен охарактеризовал Гуровского как шпиона русского правительства (XXIV, 70). Гуровскому посвящена монография: P. S t a s i k. Adam Gurowski. 1805–1866. W., 1977. См. о нем также в *Л* IX, 430 и в "Лит. наследстве", т. 62, с. 742.

Письмо 1-е печатается по фотокопии с автографа *BPUG*. Впервые опубликовано М. О к у т ю р ь е на языке оригинала в *AAH*, 269–270; п. 2 публикуется здесь впервые Л.Р. Ланским по автографу *РГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед.хр. 228, л. 1. (ранее было им проаннотировано в "Лит. наследстве", т. 62, с. 742).

1

П е р е в о д с а н г л и й с к о г о:

⟨Нью-Йорк. 23 декабря 1858 г.⟩

Милостивый государь,

С удовлетворением узнал я из вашей торжественной декларации в недавнем номере "Cloche", что мое утверждение в "New York Evening Post" от 19 октября, будто вы продали своих крепостных, было ошибочно[1].

Для вас еще, впрочем, открыта благоприятная возможность (и я решаюсь выразить надежду, что время вами упущено не будет и что вы воспользуетесь этим случаем) проиллюстрировать собственным примером великолепную филантропию, выдающимся адвокатом которой вы являетесь, – и незамедлительным освобождением своих крепостных и распределением среди них в справедливых пропорциях земель, ими прежде обрабатывавшихся, и даровав им другие привилегии, зависящие от вашей власти, и в то же время подтвердить искренность своих собственных заверений и довести идею освобождения до той степени, до которой императору в его благотворительных поползновениях никогда и не снилось достичь.

Г у р о в с к и й

Нью-Йорк, 23 дек⟨абря⟩ 1858 г.

Надеюсь, что вы опубликуете в "Cloche" это мое искреннее искупление своей вины[2].

Александру Герцену
Лондон

[1] В газете "New York Evening Post" от 19 октября 1858 г. было напечатано открытое письмо Гуровского к издателю, в котором он охарактеризовал Герцена и Н.И. Тургенева как "крикливых филантропов", выказавших "истинную свою сущность, *продавая собственных крепостных*", которых им следовало бы освободить самим. А они, проповедуя освобождение крестьян, клеветнически заявлял он, живут в свое удовольствие за границей "на деньги, *вырученные от этой продажи*". Получив по почте вырезку из газеты, Герцен ответил на инсинуацию Гуровского листовкой "Клевета" (на английском и французском языках) приложенной к "Колоколу" (Гуровский в своем письме называет издание Герцена по-французски – "Cloche"). В ней он опроверг утверждения Гуровского, заявив, что ни разу в жизни не продал ни одного крепостного (см. XIII, 395–397).

[2] Письмо Гуровского в "Колоколе" опубликовано не было.

2

New York, 13 (office of the *Tribune*).
28 d⟨écem⟩bre 1858

Pour couper court à l'insidieuse et officieuse ingérence des divers attiseurs, je m'empresse, monsieur, de vous adresser les explications suivantes.

Le 21 d⟨écembre⟩ l'*Evening Post* publia un seul paragraphe – extrait de la *Cloche* (19 n⟨ovem⟩bre), dans lequel vous refutez une assertion faite par moi antérieurement sur votre compte dans un des numéros du dit journal.

C'était le paragraphe contenant la déclaration de n'avoir jamais vendu, engagé etc. vos serfs.

A cette déclaration j'ai repondu par la lettre ci-incluse publiée dans l'*Evening Post* le 24 décembre. Seulement le 27 du même mois apparemment les mêmes individus trouvèrent bon de publier en entier votre déclaration ci-dessus mentionnée.

Je regrette vivement de n'en avoir pas eu connaissance avant la publication de ma seconde lettre. Si j'eusse connu les détails contenus dans la *Cloche*, votre nom n'eut pas été mentionné dans ma première.

Partisan ardent des émancipations, et avant tout panslaviste, je considère l'émancipation sociale et économique du peuple russe – si même de prime saut incomplète – comme le plus grand progrès de notre époque. C'est pourquoi j'ai lancé une accusation contre ceux qui sous divers aspects me paraissent vouloir entraver l'accomplissement de cette mesure.

Voilà toute ma justification. Sa publicité dépend entièrement de vous.

Gourowski

Je n'affranchis pas la présente, car ne sachant pas votre adresse je crois une lettre non affranchie plus sûrement remise.

Внизу листа:
M-r Alex⟨andre⟩ Herzen etc.

Перевод с французского:

Нью-Йорк, 13 (редакция "Tribune").
28 д⟨ека⟩бря 1858 г.

Дабы пресечь коварное и лицемерно-услужливое вмешательство разного рода подстрекателей, спешу, милостивый государь, направить вам нижеследующие объяснения.

21 д⟨екабря⟩ "Evening Post" опубликовал лишь один абзац – извлеченный из "Колокола" (от 19 н⟨оя⟩бря), в котором вы опровергаете ранее сделанное мной на ваш счет утверждение в одном из номеров вышеназванной газеты.

Это был абзац, в котором содержится заявление, что вы никогда не продавали, не закладывали и т.п. своих крепостных.

На это заявление я ответил прилагаемым письмом, опубликованным "Evening Post" 24 декабря. Только 27 числа того же месяца, по-видимому, те же личности сочли нужным полностью опубликовать вышеупомянутое ваше заявление.

Живо сожалею, что не ознакомился с ним до публикации моего второго письма.

Если бы я знал подробности, содержащиеся в "Колоколе", имя ваше не было бы упомянуто в моем первом письме.

Страстный сторонник всяческих освобождений и прежде всего панславист, я рассматриваю социальное и экономическое освобождение русского народа – поначалу даже и неполное – как величайший прогресс нашей эпохи. Вот почему я выступил с обвинением против тех, кто в разных отношениях, как мне кажется, намерен помешать исполнению этой меры.

Вот все мое оправдание. Его публикация полностью зависит от вас.

Г у р о в с к и й

Я не франкирую настоящее письмо, ибо, не зная вашего адреса, полагаю, что нефранкированное письмо будет вручено с большей надежностью.

Внизу листа:
Г-ну Алекс⟨андру⟩ Герцену и т.д.

Г. ДЕМБИНСКИЙ

Генрик *Дембинский* (1791–1864) – видный участник польского восстания 1830–1831 гг. (временно исполнял обязанности главнокомандующего). После разгрома восстания эмигрировал во Францию. Вместе с Ю. Бемом сражался на стороне венгерских повстанцев в 1848–1849 гг., занимая важнейшие посты начальника штаба, а затем главнокомандующего армии. Поражение восстания заставило его искать убежища в Турции; ультимативное требование Николая I выдать ему Дембинского и его сотоварищей и категорический отказ султана Абдулы-Меджида чуть не послужили поводом для русско-турецкой войны (см. упоминание об этом в статье Герцена "La Russie" – VI, 231 и 519). В 1851 г. Дембинский возвратился во Францию, где оставался до конца жизни; как и многие другие польские эмигранты, он почти постоянно находился в труднейших материальных условиях.

Письмо печатается по фотокопии с автографа *BPUG*. Впервые опубликовано М. О к у т ю р ь е на языке оригинала в *AAH*, 271–272.

П е р е в о д с ф р а н ц у з с к о г о:

Париж, rue de l'Oratoire du Roule, 13.
31 июля 1860 г.

Милостивый государь,

Вот уже скоро год, как я должен был бы доставить вам письмо, которое имею честь писать вам сегодня, поскольку цель его – выразить вам чувство живейшей моей признательности за то, что вами сделано для меня или в мою честь.

Вы понимаете, милостивый государь, что я собираюсь говорить о медали, которую вы для меня дали выбить.

Поскольку откровенность – основа моего характера, признаюсь вам, что главной причиной вышеупомянутого опоздания является то, что господин Потоцкий[1], передавший мне сей драгоценный сувенир, указал мне как способ доставить это письмо вам на одного из моих соотечественников, с которым я не знаком лично, но который, по его словам, входит в состав ассоциации, известной под польским наименованием "Centralizacja"[2]; не принадлежа ни к какой партии, я тем самым являюсь противником всякой партии, рассматривая к тому же эту партию как одну из вреднейших и пагубнейших; я же не хотел доверить своего письма, так сказать, незнакомцу; однако аксиома утверждает: "Скажи мне, кто тебя посещает, и я скажу тебе, кто ты". Несколько дней тому назад один из ваших соотечественников[3] был у меня и сообщил мне адрес вашего английского книгопродавца[4], и из этих-то рук вы получите, надеюсь, сие письмо.

Снова возвращаюсь к чести, которую вы мне оказали, дав выбить эту медаль. Она мне доставила весьма ощутимую радость, особенно как доказательство того,

что честный и исполненный жертвенности образ действий оценен людьми с благородным сердцем – даже если они наши противники, ибо в смысле цели или возможности для будущего, я полагаю, события не обещают ничего хорошего, по крайней мере на то время, когда я еще смогу активно действовать, имея перед собой ту широкую цель, которую, как я предполагаю, вы преследуете; несмотря на это, я вам чувствительно признателен за сие явное доказательство ваших добрых намерений по отношению ко мне. Если вы хотели произвести посев, поверьте мне, зерно попало не на бесплодную почву. Благоволите, прошу вас, принять вместе с моей благодарностью и выражение истинного уважения и глубокой почтительности.

Генерал Генрик Д е м б и н с к и й

На обороте:
Господину Александру Герцену
(Англия)

[1] Вероятно, Ю. Балашевич-Потоцкий, с 1859 г. штатный агент-провокатор III Отделения; его целью было всячески противодействовать польскому освободительному движению и препятствовать сближению деятелей польской революции с Герценом и Огаревым. Большие надежды в своей "деятельности" этот ловкий и удачливый агент возлагал на Дембинского, чье доверие сумел завоевать, выдавая себя за представителя несуществующей патриотической организации. При этом он оказывал генералу значительную материальную поддержку (счета за выплаченные им Дембинскому суммы он пересылал для оплаты в III Отделение). Обращает на себя внимание тот факт, что в одном из писем Балашевича-Потоцкого к Дембинскому от 23 июля 1861 г. также идет речь о какой-то медали, на которой будто бы выгравировано имя Балашевича (т.е. самого Потоцкого). Отвечая на вопрос Дембинского, кто это такой, Потоцкий уверял своего корреспондента, будто Балашевич – это "один из превосходнейших пропагандистов нашего дела", который "распространял сочинения Герцена и прославил его" ("Raporty szpiega", opracowal R. Gerber, t.1.W. 1973, s. 81). Упоминание в связи с этой "медалью" фамилии Герцена дает повод предполагать, что в письме идет речь об аналогичной медали. В переписке Герцена за 1859 и следующие годы нет никаких следов того, что по его инициативе были выбиты какие-то меморативные знаки в честь польских деятелей. Этот не лишенный интереса эпизод нуждается, разумеется, в дополнительных разысканиях.

[2] О каком подлинном или мнимом члене Централизации говорится далее, неясно.

[3] Личность этого русского установить не удалось.

[4] Н. Трюбнер, лондонский издатель Герцена.

Л. МЕРОСЛАВСКИЙ

Людвик *Мерославский* (1814–1878) – польский генерал, участник восстания 1830–1831 гг., в апреле–мае 1848 г. сражался в Познани во главе польских повстанцев; в мае 1849 г. он принял на себя командование революционной Баденской армией, действия которой закончились полным поражением. К. Маркс в письме к Ф. Энгельсу от 16 октября 1856 г., характеризуя Мерославского, отметил как преобладающее в нем чувство – "ненависть к России" (К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 29, с. 61–62). Мерославский выступал против создания русско-польского революционного союза. Во время восстания 1863 г. он был назначен диктатором, но сразу же по прибытии в Польшу его малочисленный отряд был разбит царскими войсками.

Публикуемое письмо, по-видимому, адресованное К. Фогту и А.А. Герцену, несомненно, предназначалось для самого Герцена, вследствие чего оно и включено в эту подборку.

В статье "Frisant la question polonaise" (1868) Герцен писал, вероятно, о публикуемом ниже письме:

"Я никогда не имел удовольствия быть представленным г. Мерославскому ⟨...⟩ и все наши взаимоотношения ограничиваются одним весьма любезным письмом, с которым он ко мне обратился после появления моих статей "Vivat Polonia!" и "Mater Dolorosa" – письмом, на которое я ответил несколькими словами симпатии и уважения" (XX, 292). Эти "несколько слов" Герцена, обращенных к Мерославскому, остаются неизвестными.

Письмо печатается по фотокопии с автографа *BPUG*. Впервые опубликовано М. О к у т ю р ь е на языке оригинала в *AAH*, 272–273.

Перевод с французского:

⟨Париж.⟩ 7 мая 1861 г.

Милостивые государи,

Крайне огорчен невольным недоразумением, которое мешает мне расцеловать сына нашего благородного и прославленного Герцена. Я видел в Берне этого милого ребенка, этот цветок, пустивший ростки на нескольких могилах после явной гибели всех наших надежд[1]; судите же, как огорчен я тем, что лишен возможности увидеть в нынешнем удалом юноше опровержение этих мучительных воспоминаний и утешение! Пусть он, по крайней мере, знает это и пусть передаст своему благородному отцу, что только новая гекатомба 8 апреля[2] смогла помешать мне сжать его в своих объятиях. Автор "Vivat Polonia!" и "Mater Dolorosa" поймет это мрачное препятствие, памятный знак которого я присоединяю к сим нескольким строкам искреннего извинения. Не можете ли вы, впрочем, отложить хотя бы на день свой отъезд и щедро почтить меня своим вниманием, зайдя еще раз завтра утром, чтобы устно принять выражение моей искренней и признательной дружбы?

Всецело преданный вам Людвик Мерославский

[1] Дата ошибочно обозначена в автографе: *7 апреля*. Она уточняется нами по содержанию: К. Фогт и Саша Герцен проезжали в начале мая 1861 г. через Париж, направляясь в Лондон, где должно было начаться их путешествие в Норвегию и Исландию. В Лондоне им предстояла встреча с Герценом. Упоминаемая в письме статья Герцена в защиту Польши "Mater Dolorosa" была напечатана в "Колоколе" 1 мая 1861 г.; следовательно, в письме от 7 апреля она не могла еще быть известна Мерославскому.

Мерославский мог видеть десятилетнего сына Герцена в Берне только осенью 1849 г. Называя его "цветком, пустившим ростки на нескольких могилах после явной гибели всех наших надежд", т.е. надежд на успех революции, он намекает на гибель при кораблекрушении бабушки и брата Саши Герцена – Коли (1851), а также на смерть его матери (1852), т.е. в период, последовавший за революциями 1848–1849 гг.

[2] См. статью Герцена "10 апреля 1861 и убийства в Варшаве" (XV, 65–67), а также след. письмо.

Ю.-Б. ОСТРОВСКИЙ

Юзефат-Болеслав *Островский* (1803–1871; псевдоним *Ибус*) – плодовитый польский писатель, участник восстания 1830–1831 гг., политический эмигрант. В конце 1830-х годов был изгнан из Франции, однако в 1844 г. возвратился и стал работать переводчиком в полицейской префектуре – возможно, являясь одновременно осведомителем о польской эмиграции. В своих донесениях в III Отделение его штатный сотрудник Ю. Балашевич-Потоцкий часто упоминает об Островском, называя его своим агентом, однако документальные доказательства этого не обнаружены. Умер Островский в Мо под Парижем, где скрывался во время Парижской коммуны, опасаясь разоблачения и кары за свое сотрудничество с французской полицией.

Публикуемый ниже документ был опубликован как открытое письмо (на польском языке) в газете "Dziennik Poznański" (№ 61 от 12 июля 1861 г.). Этой публикации предшествовало изложение статьи "Петербургский университет" из "Колокола" (л. 102 от 1 июля 1861 г.) – о студенческих волнениях в связи с панихидой по жертвам варшавской резни 27 февраля – со следующей вступительной заметкой: "Господин Ю.-Б. Островский, литератор, польский эмигрант, известный своими прежними резкими выступлениями, обратился от имени польских изгнанников в Париже со следующим адресом к известному русскому публицисту Александру Герцену..."

Письмо печатается по фотокопии с автографа *BPUG*. Впервые опубликовано М. Окутюрье на языке оригинала в *AAH*, 274–276.

Перевод с французского:

⟨Париж. 24 мая 1861 г.⟩

Милостивый государь,

Узнав о вашем благородном негодовании, вызванном кровопролитиями в Варшаве 27 феврлая и 8 апреля 1861 г., которые, как вы сами утверждаете, были с таким вероломством задуманы и так жестоко осуществлены, мы сочли своим долгом

выразить вам свое уважение и политическую признательность. Предлагаем вам братскую любовь нашу[1]...

Вы заслуживаете ее, милостивый государь, ибо мы видим и приветствуем в вас первого русского, требующего для Польши полной справедливости, совершенной ее независимости, ее исторических границ, ее отделения от России, – но, поверьте нам, отделение это – не для взаимной ненависти, а для взаимного понимания и для свободного, почетного объединения. Мы не видим сколько-нибудь серьезного повода, который мог бы разделить свободную Россию и независимую Польшу.

Вы совершаете, милостивый государь, дело, в высшей степени патриотическое. Рабство, навязанное Польше, – это рабство и для самой России. Принимая принцип восстановления Польши, вы закладываете прочный фундамент искреннего согласия между обеими странами и в то же время освобождения славянских народов, подчиненных германскому и оттоманскому господству. Да не покинет вас никогда сие святое внушение!

Россия и Польша, предоставленные самим себе, освобожденные от равно угнетающей их власти, легко найдут связь, которая объединит в будущем их славные судьбы. Пока же, в этот самый момент, из России делают палача, вызывающего презрение и проклятье человечества, а из Польши – жертву, жертву хоть и святую и бессмертную. Вы любите Польшу, милостивый государь, и она гордится этим. Россия подхватит вашу инициативу: на это мы надеемся, в этом мы не сомневаемся.

Что нас особенно в вас пленяет – это вызвышенность вашего ума, это чудодейственная твердость вашего характера, это чистота, святость вашей совести. Пред зрелищем этих отвратительных казней, замысленных истинно дьявольским духом, вы, ни минуты не колеблясь, признали и провозгласили, что прежде всего, в благородно понятых интересах России, необходимо спасти Польшу; что освобождение Польши – это начало освобождения для самой России. Как и в 1854 г.[2], вы советуете ныне своим русским братьям: "Не стреляйте в поляков – делая это, вы стреляете в самих себя, в свою родину: польское дело священно – воюя против него, вы совершаете преступление; уж лучше умрите".

В 1831 г. мы боролись за свою независимость, в то же время мы боролись и за освобождение России, воодушевленные убеждением, что, оказавшись бок-о-бок со свободной Польшей, деспотическая власть, давящая Россию, неизбежно падет. Русские солдаты прочли на наших знаменах слова: "За нашу и вашу вольность", яркое доказательство нашей любви и нашей преданности свободной России. Эту миссию мы продолжаем в 1861 г. Наши варшавские братья, мученики, пошли на смерть, призывая к независимости нашей родины, отвергая всякую ненависть к заблуждающимся русским солдатам. Они отказались убивать тех, кто подвергал их истязаниям...

Великолепно понял Польшу тот варшавский работник, который через несколько минут после кровопролития 8 апреля предложил хлеба русскому солдату, обессилевшему от голода, хотя с оружия его еще стекала невинная кровь. Жертвоприношение и прощение!

Наш призыв 1831 г., наше мученичество в 1861 г. не бесплодны. Есть русские, великодушные и исполненные героизма, которые предпочитают скорей подвергнуться расстрелу, уничтожить самих себя, нежели убивать поляков, мужчин, женщин, детей, коленопреклоненных в молитве[3]. Поляки восхищаются этими русскими, почитают их имена и провозглашают их своими братьями. Россия и Польша уже имеют общих мучеников и общую веру. Из этого грозного, но божественного единения родится свобода России и Польши.

Продолжайте же, милостивый государь, свою безгранично великую и святую миссию: рассчитывайте на наше добросовестное участие и – уверяем вас – вы можете рассчитывать на добросовестное участие всей Польши. Это, впрочем, ее долг, это закон ее истории – идеи, создавшей польскую национальность. Польша обладает ясным и возвышенным сознанием того, что́ она совершает.

Мы допускаем, что в развитии этого великого принципа независимости Польши

и ее будущего союза с Россией, союза, свободно на себя взятого и спасительного для обеих стран, быть может, встретятся известные трудности. Однако мы твердо верим, что взаимная добросовестность наших стран, что согласованность великих славянских интересов, что непоколебимая воля создать братский союз сведут на нет эти трудности, гораздо меньшие, нежели принято думать. Обратитесь, милостивый государь, к нашей истории: она скажет вам, что мы никогда и никого не обманывали, не предавали; что тем народам, которые сами пожелали свободно к нам присоединиться, мы предоставляли или почтительно сохраняли у них то, что сами любили и что страстно любим, – свободу. Надейтесь, милостивый государь, на полную преданность нашу великим и законным интересам русского народа. Вы знаете, что́ говорят о нас. Мы привыкли делать больше, чем обещаем. Мы просим у вас, у русского народа, доверия. Мы заслуживаем его – мы его достойны.

В самом деле, как создавались союзы литовцев, рутенов и пруссаков с Польшей в XIV и XV веках? Свободно, благородно. У нас просили покровительства, освобождения, политического союза, братства – и все это мы давали. Ни своих братьев, ни своей крови мы не щадили. Завоевания, насилия, предательства никогда не было! Всегда любовь и преданность. В предстоящем России и Польше будущем, которое должно исправить все, мы не откажемся от этих чувств. Мы, скорей, еще усилим их.

Примите же, милостивый государь, уверения в нашем уважении и братской любви. Мы просим вам передать наши чувства привязанности и преданности вашим друзьям в России и, как мы надеемся, искренним друзьям Польши.

Ж.-Б. Островский

Париж, 24 мая 1861 г.

[1] Статьи Герцена "Vivat Polonia!" и "Mater dolorosa" по поводу кровопролития в Варшаве вызвали волну частных и коллективных писем к автору от поляков самой различной политической ориентации. "Правительство нас еще раз сблизило, – вспоминал Герцен в 1868 г. – Перед выстрелами по попам и детям, перед свистящими пулями, поражающими распятия, поражающими женщин в трауре (...) – все вопросы и споры были позабыты. Со слезами на глазах написал я целую серию статей, доставивших мне столько выражений симпатии со стороны поляков..." (XX, 295–296).

[2] Намек на листовку Герцена "Вольная русская община в Лондоне. Русскому воинству в Польше", датированную 25 марта 1854 г., и на его статью "Польско-русский революционный союз" (XII, 201–204 и 206–213).

[3] Вероятно, отклик на самоубийство гвардейского ротмистра барона Корфа, отказавшегося дать команду стрелять в безоружную толпу, или на самоубийство полковника Я. Пейкера, якобы протестовавшего таким образом против расстрелов 8 апреля 1861 г.

Р. РАЧИНСКИЙ

Рогер *Рачинский* (1819–1864) – сын известного историка, издателя и мецената Э. Рачинского. Участник познанского восстания 1848 г. После поражения его поселился на юге Франции.

Письмо печатается по фотокопии с писарского списка *BRUG*. Впервые опубликовано Г. Верешицким по авторизованной копии в "Przegląd Historyczny", 1957, № 2, s. 234-264 (см. *ЛЖГ* III, 451–452) и позднее в *ААН*, 277–285, с ошибочно указанным годом: 1864).

Перевод с французского:

Познань. 22 февраля (1863 г.)[1]

Милостивый государь,

Давно уже хотелось мне написать вам и стать к вам поближе, дабы выразить то уважение и признательность, которые испытываю за великое дело, предпринятое вами в России, так же как за исполненное справедливости и благородства отношение к Польше, кое вы всегда проявляли. К сожалению, подобное изъяснение моих чувств явилось бы не чем иным, как бесполезной и ничтожной демонстрацией вслед-

ствие состояния умов у меня на родине, где великая идея действенного согласия между Польшей и Россией еще не проникла в сознание. Отдельные личности допускали возможность в обозримом будущем союза польской свободы и русской революции, однако убеждениям их не хватало решимости и доверия[98*]. Теперь же, напротив, я полагаю, что момент этот наступил, ибо для многих умов положение прояснилось. Сделанный мною шаг уже не явится чисто личным выступлением, ибо могу вас заверить, что немалое число энергичных людей, из тех, чей патриотизм отличается особой самоотверженностью, полностью согласны с тем, что надобно договориться с Россией и искать безопасность, силу и, наконец, будущее в федерации славянских свобод. Правда, то, о чем я вам говорю, происходит в провинции, находящейся под германским игом[2], и полезный опыт особенно наглядно выявил позор, пренебрежение и нищету, которые приносит с собой германское владычество, ибо могу вас заверить, что результаты этого владычества таковы, что нам кажется предпочтительней даже режим самого императора Николая и что можно узреть нечто вроде относительного благополучия в том применении, которое цари дали Сибири и кнуту. Но мне еще известно, и это не подлежит сомнению, что наиболее мыслящая и сильная часть руководителей Королевства Польского все сильней и сильней склонялась к тому, что необходимо договориться с вашими друзьями и с вами.

Сочувственные слова, произнесенные "Колоколом" в тот момент, когда наши повстанцы сражались с вашими солдатами, с несчастнейшими из ваших собратий, конечно, не пропали даром[3]. Ведь только в тревоге опасности и отчаянья, а также пред лицом неодолимых препятствий по-настоящему распознаешь и испытываешь своих друзей. И только во время бури, когда души раздирает скорбь, должно совершать посев идей, если хочешь, чтоб они приобрели страстный, живой, то есть революционный, характер и чтобы, выйдя из состояния литературных отвлеченностей, они, подобно богам, обрели свою мощь.

Я искренен во всем, вплоть до сокровеннейших тайников своей мысли, и[99*] хочу высказать перед вами с полнейшим чистосердечием. Только то, что делается с полной искренностью, обладает силой и основательностью, как вы любите говорить; повстанческое движение вскоре прекратится, это почти не вызывает сомнений, и никого оно не всколыхнет; тем не менее, мы считаем, что ему необходимо оказать поддержку. Мы обязаны поддерживать его, чтобы поддержать во всем мире честь и влияние нашей нации и чтобы закалить ее изнутри. Даже если ничего действенного произвести нам не удастся, то благовиднее будет почтить некоторыми жертвоприношениями тех, кому вскоре предстоит умереть. Этим мы их не спасем, у нас даже нет уверенности в том, что мы сможем за них отомстить. И только вы, ваши друзья, ваша партия, уже так много сделавшие для нашей общей свободы, только вы сможете совершить нечто решающее для нашего будущего.

Любая демонстрация с вашей стороны явится великим историческим прецедентом, принципом, взятым на вооружение революцией. Если бы возможно было создать русский отряд, как мал бы он ни был, чтобы знамена обеих наций обрели наконец возможность развернуться бок-о-бок в общем порыве, то это явилось бы решающим шагом[4]. Мы далеки от того, чтоб оспаривать ту предельную трудность, которую для представителей народа-завоевателя составляет присоединение к движению покоренных народов; это полная противоположность тому, что естественным образом должно иметь место; поэтому-то мы не можем настаивать на подобного рода действиях, ибо дух веет по собственной воле, а вы ведь не Государственный совет, который функционирует в определенный час и по своему усмотрению при помощи послушных ему орудий. Тем не менее, если революционному делу надобно созреть для взрыва, то совсем не так обстоит с демонстрациями, чье влияние на людей всегда было сильней и решительней, чем влияние слов, потому что демонстрации эти имеют в себе нечто от неоспоримой искренности действия и представляют собой,

98* Далее в автографе зачеркнуты две строки. – *Ред.*

99* Далее в автографе зачеркнуто несколько слов. – *Ред.*

так сказать, говорящие действия, а это ведь не только пропаганда мысли, но и пропаганда действия.

Мне кажется, я совершенно отчетливо вижу, что день вашего торжества и в то же время вашего величайшего испытания уже недалек; польское движение, как я думаю, является предзнаменованием этого. Все виды агитации в Польше прямо соответствуют развитию революционных настроений. Положение наше особенно невыносимо, и поэтому нам предстоит первыми испытать на себе воздействие всеобщего революционного возбуждения; в этом отношении мы схожи с особого рода больными или же с теми жаворонками, чье пенье слышится уже в феврале, но кого неизбежно настигнут и убьют морозы. Нынешнее восстание напоминает мне, в частности, восстание 1846 г., которое потерпело крушение вследствие полнейшего бессилия, не найдя и малейшего отклика в мире[5], а ведь за ним, тем не менее, последовало великое февральское потрясение[6]; на этот раз судороги Польши не возвестят нам о потрясениях ни во Франции, ни в Германии; в этих странах теперь совершенно отсутствуют необходимые элементы[100*]. Вполне очевидно, что в русском и славянском мире зреет революционное движение, на этот-то восточный полюс нашего социального мира вскоре переместится очаг революции.

И другие явления предвещают нам русско-славянскую революцию: таково, между прочим, сближение Франции и России[7], которое я рассматриваю как нечто вроде просачивания революции в санкт-петербургский кабинет; всякое сближение подобного рода – это революционное знамение; оно должно служить и великим основанием для надежды всякому поляку, способному сколько-нибудь шевелить мозгами. Германский союз с Россией – это порабощение, смерть для Польши; разрыв этого союза – жизнь.

Хотя мне и неизвестно в достаточной мере внутреннее состояние России, я вижу императора, говорящего своей гвардии, что она пригрела предателей на своей груди[8]; мы видим митрополита, который защищает применение палочных ударов, опираясь на тексты Писания[9]; и, наконец, как мне кажется, можно предположить, что революционная партия, придя к власти, могла бы осыпать множеством легко осуществимых благодеяний армию, так же как народ, не дезорганизуя этим общество и государство. Из всего этого следует, что помешать себе верить в этот ритм революционного движения, предвещающий, как мне кажется, наступление решительного часа, я не могу. Не думаю, чтобы живой наш интерес к этому делу заставлял нас смешивать пульсацию нашего собственного сердца с мощными и медленными биениями всеобщей жизни. Истины эти – следствие наблюдений и такта, и, по моему мнению, они устанавливаются совершенно независимо от личных взглядов; мне кажется, что я мысленно вижу средства и движущие силы нашей победы, но мне кажется также, что именно тогда для вас и для всех людей доброй воли начнутся трудности, поистине огромные, поистине органичные.

Ближайшая опасность, которая касается нас непосредственно, – это вооруженная борьба между армиями русской революции и свободной Польши, ибо неотвратимый удар этот грянет, и он может погубить все, если мы не сделаем всего необходимого, чтоб его предупредить, если мы не придем к согласию и если не будем с самого начала идти рядом. Попытаемся же спасти, ибо это возможно: вы – свою вольность и свою честь, мы – свою жизнь и свое бытие.

Отталкивающий пример революционного движения 1848 г., так, как он проявился в отношениях Польши с германской демократией, не должен пропасть даром: до 48 г. либералы и демократы протягивали нам руку, теперь же они ненавидят нас, и мы ненавидим их, в свой черед, одной из тех национальных ненавистей, которые, в известной мере, сокрушают все человеческие связи. В то же время именно вооруженная борьба в Великом княжестве Познанском покончила с этим потоком страстей. Происходившие там сражения, несмотря на свое ничтожное стратегическое значение, имели гораздо более высокий нравственный смысл, нежели тот, что им

[100*] Далее зачеркнуто несколько слов. – *Ред.*

обычно придают. Именно там приостановилось всеобщее революционное движение и его идеальный душевный подъем[101*]; именно там революция впервые породила рознь и стала рушиться в междоусобицах личных страстей. Не следует также забывать, что эта продолжавшаяся месяц война против поляков возвратила реакционным силам средство действовать, дав для этого и предлог, и армию. Вот почему генерал Мирославский совершил столь громадную ошибку, почти преступление против революции, от которой им были получены полномочия, когда, загнанный в тупик своей велеречивой нерешительностью, он дошел до оправдания борьбы, столь явно противоречившей всем интересам революции, которая нуждалась в дальнейшем развитии[10].

Нет сомнения в том, что, если бы все это произошло между русскими войсками, признавшими революционное правительство, и польскими комитетами, вскоре оказавшимися в окружении многочисленных ватаг повстанцев, – возможно, последняя надежда нашей свободы и даже самые плоды русской революции неизбежно там погибли бы.

От этого могла бы выиграть только Германия, которая, в известном смысле, исчерпала все идеи человечества лишь для того, чтоб от них с полным знанием дела отречься. Почти несомненно, что Пруссия уже собиралась воспользоваться нынешним злополучным восстанием, чтобы предложить свое вмешательство русскому правительству, которое пока еще недостаточно трусливо, недостаточно безумно и, наконец, недостаточно слабо, чтобы принять его. Однако, если бы мы вступили в бой с вами после вашей победы, мы, вероятно, были бы разбиты и, быть может, снова подверглись бы разделу; судьба русской демократии не приобрела бы этим особой славы, ибо все традиции продолжительной тирании, все инстинкты, все влияния, противоречащие свободе, вновь закалились бы в этой борьбе с Польшей и ваша демократия, вероятно, попала бы под новое ярмо, под власть одного из тех истощающих разочарований, которые, надолго заклепывают кандалы народов.

Итак, нас необходимо выслушать, нам необходимо совместно заниматься пропагандой общей свободы и федерации славян. Практически это не может означать чего-либо другого, кроме соглашения между Россией и Польшей; тогда, вступив в действие, мы станем как бы республиканцами накануне республики, ибо естественно, что сторонники наиболее передовой идеи делаются хозяевами положения, когда события полностью доказали их правоту. Вот тогда-то и придется им возглавлять взрыв народного воодушевления; именно благодаря им народы смогут стать свободными, поскольку именно они подчинят свои обиды и слепые влечения своей крови – страсти к идеалу и осмотрительности. Необходимо постоянно владеть собою и уметь себя побеждать, чтобы стать свободным. Демократия вовсе не обязана быть справедливой и не обязана быть рассудительной; современные демократии полностью погубили себя именно тем, что благодушно верили в преемников Руссо. Первые впечатления и первые наставления могут оказать решающее влияние на омолодившиеся народы. Великодушие и мудрость славянской демократии будут в значительной мере зависеть от того идеала, который вскоре ей покажут, так же как и от первых страстей, которые в ней удастся пробудить. Не окажется ли, впрочем, что идеал этот совпадает с осторожностью, что условия великодушия и условия силы находятся здесь в полном соответствии? Не сможем ли мы сказать, что революция и политика, столь долго находившиеся в раздоре, встретились, наконец, и объединились: "Obviam irunt et osculatatae sunt", как говорит псалмопевец[11].

Принципы нашего союза представляются мне в следующем виде: автономия Польши и Литвы, союз которых должен уважаться потому, что он – по меньшей мере для нас – исторический образец нового союза, знамение, под коим мы надеемся побеждать. Важность исторической традиции не может не признаваться участниками общественного движения, ибо всякий великий порыв к будущему имеет известную исходную точку в минувшем; каждая плодотворная революция должна в некотором отношении являться возрождением.

[101*] Далее зачеркнуты две с лишним строки. – *Ред.*

Трудность, стоящая или, вернее, стоявшая между нами, – это русацкие области. Разномыслие в этом вопросе такого рода, что вероятно, невозможно было бы установить какое-либо прямое соглашение между обеими странами; но русакам – и я посмею сказать, что это большое счастье, – никакого дела нет ни до ляха, ни до московита[12]. Не в меньшей мере надлежало бы отрицать важность польского элемента и польской традиции в этом крае, если бы в споре шла речь лишь о вас и о нас, но ведь народная масса состоит из рутенов, а они ведь еще проникнуты воспоминаниями о славе запорожцев; кроме того, есть еще пылкая и образованная молодежь, которая разделяет те же чувства и сможет стать головой этого тела. Итак, можно допустить следующие две вещи: 1) что рутены отныне уже способны изъявлять свои желания и 2) что они, действительно, хотят быть независимыми. Если это так, их независимость или хотя бы их автономия соответствовала бы всем вашим принципам, а это, полагаю, было бы в конечном счете в наших общих интересах. Если русаки оказались неспособными к самоуправлению, пусть это будет доказано на фактах; до той поры они сохраняют свое право в соответствии с принципом, что каждый должен считаться способным пользоваться своими правами, пока не будет доказано противное. Если Польша потеряет при автономии русаков часть своего исторического права 1772 г.[13], то зато ею восстанавливается ее национальное право на нерушимых основаниях, и она, сверх того, получает отважных союзников вместо прежних врагов; она, наконец, возвысится до того сознания силы, которого ей всегда не хватало, вступив в великий поток действенных идей и социального развития нашего века.

Конфедерация эта для начала должна была бы быть трехчленной, подобно союзу, проектируемому скандинавами; надобно быть втроем, чтоб образовать, как говорится, коллегию, то есть общество. Вдвоем никогда не создашь ничего, кроме семейного союза, а удачные союзы такого рода, как вам известно, исключительно редки и даже, может быть, совсем невозможны. Итак, хорошо было бы, если бы мы с самого начала нашли форму социального союза, союза мужественного. Независимость членов должна быть, однако, полной, ибо только в религиозном уважении свободы и автономии каждого найдем мы гарантии и подлинную силу, любовь этого союза. Не только законодательство и финансы, но и армии должны быть отдельные, чтобы лишить всякого предлога для подозрений или трений. Союз был бы дипломатическим и военным, и при нем был бы центральный конгресс, призванный решать вопросы, имеющие общий интерес.

Федеральная республика не имеет в себе ничего невозможного, это единственная практическая или, по меньшей мере, практикуемая форма республики, единственная, которая не дает парламенту роковой иллюзии неограниченности самовластья. Если бы вы, однако, захотели основать наследственную власть[102*], то я, со своей стороны, нахожу, что президент Славянской федерации, великий князь киевский, король польский, царь российский – в последовательности дат и в обратной последовательности мощи – выглядел бы совсем неплохо в мировом порядке вещей.

Все наши проклятия сошли бы на нет, если бы вы помогли нам отвоевать те области, которые от нас были оторваны. Что до меня, то я умру, защищая союз на этих условиях, ибо я убежден, что моя родина не сможет существовать в качестве сильной и обеспеченной безопасностью державы, если она взята будет как бы в тиски между национальными ненавистями Германии и России. Мы очень долго боролись с естественным ходом всех европейских интересов. Итак, вместо того, чтобы подобно античному рабу, вертеть ничтожное по силе колесо, утратив возможность поддерживать конкуренцию с теми, кто использует могучие силы природы, нам следует создать обширное политическое сооружение на вечных и глубоководных течениях, и они-то заставят нас заняться настоящим, поистине мощным трудом.

Вам слишком хорошо известна история славянских народов, чтобы не знать, чем явилась битва при Грюнвальде и Танненберге, положившая конец нашествия тевтонских рыцарей Пруссии и ливонских меченосцев около 1400 года[14]. Успех этот вы-

---

[102*] Далее в автографе почти полностью зачеркнута одна строка. – *Ред.*

звал немедленное присоединение Литвы к Польше, то был первый ее плод. Это была единственная окончательная и плодотворная победа, одержанная славянами над немцами за тысячу с лишним лет; она спасла Литву и Польшу от неотвратимой гибели; без нее не Познань, а, вероятно, Москву немцы пытались бы в настоящее время огерманивать. Именно этому победоносному союзу той эпохи Литва и Польша обязаны тремя или четырьмя веками свободы, свободы дворянской и анархической, если хотите, но, тем не менее, счастливой и достойной быть примером для многих. Не таким ли образом, впрочем, свобода и начиналась в античном мире и создала свои великие представительные формы в новые времена? Что до нас, то Грюнвальд и Танненберг должны стать нашим военным кличем и сигналом для сбора в Польше. Ваши общественные идеи слишком практичны и слишком разумны, чтобы вы не могли допустить, точно так же, как и мы, что нам необходимы общие победы, чтобы позабыть нанесенные нам оскорбления и чтобы наши народы научились полагаться друг на друга как добрые и честные союзники. По правде говоря, только господствующая буржуазия посмела присвоить святой победе низкое наименование успеха.

Немец со своей бережливостью и гибкостью, нередко приобретающими низменные свойства, может до известного предела обойтись без могущества и, несмотря на это, развить свои духовные способности и характер, эрудицию, хитрость, терпеливость. Совсем не так обстоит дело со свободой славянской; нам необходимо могущество, чтобы жить свободно, чтоб иметь досуг и вдохновение, без которых невозможно развитие нашего национального духа; без могущества для нас нет свободы; надобно, как достаточно верно указывает нам тривиальная, но производящая сильное впечатление песня, либо пасти свиней, как рабы, либо господствовать во всем великолепии своих гражданских прав. В то же время, учитывая благородство и задушевность нашего племени, чего только нельзя от него ждать, если оно в один прекрасный день вступит на пути идеала, глубокого и вместе с тем проникнутого разумом, ибо наш союз, если он искренен, обладает всеми характерными чертами этого идеала, в нем все его преимущества и даже его престиж. Судьба всех славянских народов в нравственном и политическом отношениях зависит от согласия между Польшей и Россией; это явилось бы переворотом в союзе народов, переворотом, исполненным великодушия и мудрости, поскольку он начал бы с того, что восторжествовал бы над всеми искушениями зависти и раздора. Итак, я считаю, что он создан для пробуждения энтузиазма и душевных сил, быть может более предпочтительных, нежели те, что были порождены великой революцией XVIII века. Подумайте же, милостивый государь: ведь без этих широких взглядов, которые, так сказать, отрывают нас от самих себя, невозможно по-настоящему поднять глубокие народные массы. С отрицанием и ненавистью, как бы священны они ни были, никак не избежать раздоров и наступления реакции, если в тебе нет положительного огранизующего принципа, основанного на чувстве, противоположном алчности и злопамятству: на идее, проникающей и объединяющей сердца.

Если бы великий князь Константин и маркиз Велепольский обладали бóльшим тактом, умом и великодушием, они могли бы подготовить – в административных и монархических формах – Федерацию и примирение обоих народов[15]. Они вписали бы прекрасную страницу в историю, и их дело пережило бы даже их власть, подобно тому как реформы Тюрго были приняты революцией[16], и они могли бы смягчить и изменить ее течение, если бы прервать ее ход им не удалось.

Я написал статью в этом смысле для "Revue Contemporaine" от 15 октября и поручил отправить ее вам, но не уверен, что она дошла до вас[17].

В ней я защищал принцип федерации Польши и России в умеренной и дипломатической манере, отталкиваясь от мысли, что гольштейнско-романовское правительство[18] могло и хотело исправиться; но, как кажется, эти монархи неисправимы, поскольку самый либеральный член всей фамилии[19], прибывший в Варшаву, чтоб установить там хотя бы справедливость милосердия, если не свободу, вскоре убедился в необходимости прибегнуть к мерам, которые не только бесчестны, но и проти-

воречат всем принципам политической цивилизации и о которых можно было сказать, что они – наиболее несправедливое дело, совершенное в наш век. Если наше правительство поведет себя так же в России, то совершенно очевидно, что судьба его вскоре решится. Quem medicina non sanat, ferrum et igmis sanat[20].

Не думаете ли вы, что было бы полезно основать в Брюсселе или в Лондоне польскую газету, которая действовала бы в вашем духе и твердо придерживалась бы союза с вами, предусмотрительно положив в основу преобладание мысли над действием? Если вы считаете, что это было бы делом полезным, мы попытаемся – мои друзья и я – воплотить в жизнь этот проект. Просим вас объясниться, насколько можно откровеннее, с другом, который должен отвезти вам это письмо[103* 21].

Имею честь быть, с глубоким уважением, милостивый государь, вашим преданным слугой.

Роже Рачинский

[1] Дата приводится по авторизованной копии, опубликованной Верешицким. В автографе *BPUG* ее нет.

[2] Рачинский говорит здесь о Великом княжестве Познанском.

[3] См. прим. 1 к пред. письму.

[4] Идея "русского легиона", о котором мечтали М.А. Бакунин и Огарев, так и не осуществилась, хотя в рядах восставших воевало много русских.

[5] Речь идет о Краковском и Галицийском восстаниях 1846 г. Они подготовлялись как общепольское освободительное восстание, но в результате мер, принятых русскими, прусскими и австрийскими властями, восстания произошли лишь на части территории и были быстро подавлены.

[6] Революционные события 1848 г. во Франции, а затем в других странах Западной Европы.

[7] После заключения Парижского трактата 1856 г. началось сближение России и Франции, продолжавшееся до польского восстания 1863 г. (см. сочинение Герцена "La France ou l'Angleterre?" (XIII, 209–253).

[8] Александр II гневно осудил русских офицеров, обратившихся с письмом по польскому вопросу в редакцию "Колокола".

[9] По поводу ультрареакционных выступлений митрополита Филарета Герцен высказался в статье "Смерть Пиотровского, доносы Филарета, инквизиция на всех парах", помещенной в л. 133 "Колокола" от 15 мая 1862 г. (XVI, 102–103). А в л. 135-136 от 1 и 15 июня была помещена присланная из России статья "Филарет и розги".

[10] Л. Мерославский, освобожденный мартовской революцией из Моабитской тюрьмы, возглавил восстание 1848 г. в Великом княжестве Познанском; закончилось оно очередным поражением повстанцев.

[11] В переводе :"Сретятся и облобызаются" (*лат.*). Из псалма 84, ст. 11 ("Милость и истина сретятся, правда и мир облобызаются").

[12] *Русаки... рутены... русацкие области* – ходовые в польской литературе того времени термины, обозначающие украинские земли и украинцев, подобно тому, как *лях* означал поляка, а *московит, москаль* – русского.

[13] Т.е. границ, существовавших до первого раздела Польши.

[14] Окружение и разгром войск немецкого Тевтонского ордена польско-литовско-русской армией около деревень Грюнвальд и Танненберг произошло 15 июля 1410 г.

[15] Великий князь *Константин Николаевич* был назначен наместником Королевства Польского в июне 1862 г. Маркиз *А. Велепольский* назначен был одновременно гражданским правителем; оба они не могли предотвратить восстания и, конечно, не только из-за отсутствия "такта, разума и великодушия".

[16] *А.-Р.-Ж. Тюрго* – выдающийся французский экономист, министр финансов при Людовике XV; провел ряд прогрессивных реформ, которые после его вынужденной отставки были отменены; их, однако, осуществила Великая буржуазная революция 1789–1793 гг. Сравнение с Тюрго здесь не выдерживает критики, так как положение в Королевстве Польском накануне восстания 1863 г. ничем не напоминало ситуации, сложившейся во время деятельности Тюрго перед революцией 1789 г.

[17] Статья Рачинского "Le marquis Wielopolski et les réformes du gouvernement russe en Pologne" ("Revue Contemporaine", 1862, № 9-10). В ней он развивал более сжато мысли, высказанные в публикуемом письме.

[18] Так же, как Герцен и многие другие противники царизма, Рачинский подчеркивал, что династия Романовых, в сущности, прекратилась после смерти Елизаветы Петровны и под этим названием продолжала существовать династия Гольштейн-Готорпов.

[19] Рачинский говорит здесь о наместнике польском, великом князе Константине Николаевиче.

[20] "Кого не излечит медицина, того излечат железо и огонь" – неточное изречение из "Афоризмов" Гиппократа. В подлиннике: "Quae medicamenta non sanant, ferrum sanat, quae ferrum non sanat, ignis sanat" ("Чего не излечивают лекарства, излечивает железо, чего не излечивает железо, излечивает огонь". Ср. у Герцена: XVI, 204).

[21] Кто этот друг Рачинского, установить не удалось.

[103*] *В копии, опубликованной Верешицким, далее следует текст*: Посылаю вам это письмо дважды, двумя различными оказиями. – *Ред.*

Ю. ЦВЕРЦЯКЕВИЧ

Юзеф *Цверцякевич* (Сверцякевич, 1822–1869; псевдоним – *Гард*) – журналист, эмигрант левой ориентации. В 1862 г. агент польского Центрального комитета в Пруссии, а затем главный агент его в Париже. Организовал приобретение и отправку оружия для повстанцев. В результате интриг и провокаций агента III Отделения Ю. Балашевича-Потоцкого был в 1862 г. арестован французской полицией. Поддерживал сношения с Герценом, принимал участие в морской экспедиции 1863 г. на пароходе "Ward Jackson", о которой рассказывается в "Былом и думах" (XI, 378–390). После провала польского восстания поселился в Женеве, где жил в крайней нищете и через несколько лет умер в припадке умопомешательства. Ему было адресовано известное письмо Герцена от 22 октября 1862 г. с изложением его позиции по готовящемуся польскому восстанию (XXVII, 257–260).

Письмо печатается по фотокопии с автографа *BPUG*. Впервые опубликовано М. О к у т ю р ь е на языке оригинала в *AAH*, 285–287).

П е р е в о д с ф р а н ц у з с к о г о:

Брюссель, 16 августа 1863 г.

Дорогой господин Герцен,

По сведениям, которые я здесь собрал и по всем вероятиям, письма, полученные вами из Парижа, исходят от некоего графа Огинского, друга Будберга; он проживает в русском посольстве и служит ему в качестве шпиона, а также является корреспондентом Бакунина под именем Абракадабра[1]. Что же касается варшавского письма, то об этом я узна́ю позже, не сомневайтесь. Не могу еще освоиться с мыслью, что письмо это поступило от нынешнего Нац(ионального) правительства, несмотря на то, что его действия и подробности о них, кои я здесь узнал, сильно говорят за это предположение. Согласно новостям, до меня здесь доходящим с разных сторон, недовольство правительством и его глупостью – *всеобщее*. Говорят о предстоящей смене его[2] (но ни слова об этом). Не верьте, что Мерославский хоть сколько-нибудь замешан в этих замыслах, хоть он и не прочь будет ими воспользоваться и кое-что о них знает. Он теперь в Льеже, где пережевывает новые прожекты лондонской экспедиции[3]. Кажется, Слайт (возможно, насчет фамилии я ошибаюсь), недавно арестованный в Лондоне и возглавлявший набор добровольцев для Польши, работал на него.

Если перемена в Варшаве совершится, то придется нашему союзу выдвинуть преемников помощнее. Какими новостями вы располагаете, какими надеждами?..

Нет ли у вас прокламации, распространяемой русскими из Москвы, которые призывают поляков к прекращению братоубийственной войны? От кого исходит эта прокламация?[4] Не можете ли вы прислать мне ее со всеми подробностями? Тогда я на нее отвечу, и надеюсь, что вы не откажете моему письму в месте на столбцах вашей газеты.

С нетерпением ожидаю вашего ответа. Верьте мне, мы переживаем чрезвычайно важный кризисный момент, от которого зависит наше будущее.

Пожмите руку г. Огареву и благоволите принять уверения в высочайшем моем уважении.

Преданный вам Юзеф Ц в е р ц я к е в и ч

На обороте:
Г-ну Герцену

[1] Провокационные письма к Герцену и другим русским эмигрантам присылал не граф Огинский, а агент III Отделения Ю. Балашевич-Потоцкий, ставивший своей задачей рассорить Герцена с польскими революционными кругами. "Меня просят не вмешиваться более в дела Польши", – писал Герцен по этому поводу (XXVII, 341 и 779–780). Упоминаемый в письме барон *А.Ф. Будберг* – русский посол в Париже с 1861 г.

[2] Речь идет об умеренном Национальном правительстве К. Маевского, просуществовавшем с 14 июня по 17 ноября. Как и предвидел Цверцякевич, левое крыло "красных" в правительстве вскоре снова взяло верх.

[3] После ряда военных поражений в феврале 1863 г. Л. Мерославский бежал из Царства Польского. В Льеже он занимался приобретением оружия для повстанцев.

[4] "Воззвание русских патриотов к польским братьям" было напечатано в Москве 17/29 июля 1863 г. Оно призывало поляков прекратить "братоубийственную войну" и обещало, что царь простит "преступление восстания".

В. ЧАРТОРЫСКИЙ

Князь Владислав *Чарторыский* (1828–1894) – сын князя Адама Чарторыского, известного польского политического деятеля, главы повстанческого правительства 1830–1831 гг., фактический руководитель так называемого Отеля Ламбер, центра консервативно-монархической эмиграции в Париже. 15 мая 1863 г. Чарторыский был назначен главным дипломатическим представителем национального правительства за границей и добивался дипломатической поддержки восставшей Польши со стороны европейских держав. Во время своего пребывания в Лондоне в марте 1861 г. встретился с Герценом и сделал об этом запись в дневнике (см.: W. G z a r t o r y s k i. Pamiętnik 1860–1864. Protokoły posiedzeń Hotelu Lambert. W., 1960, s. 38). Письмо Герцена к В. Чарторыскому от 27 декабря 1864 г. см. в книге 1-й наст. тома.

Письмо печатается по фотокопии с автографа *BPUG*. Впервые опубликовано М. О к ю т ю р ь е на языке оригинала в *AAH*, 287–288.

П е р е в о д с ф р а н ц у з с к о г о:

Париж. 27 августа 1863 г.

Дорогой мой господин Герцен,

Мой соотечественник г. Валигурский[1] приехал, чтобы провести некоторое время в Лондоне. Ему очень хочется познакомиться с вами; кроме того, он намерен попросить у вас об одной любезности относительно русских газет, которые вы, вероятно, получаете.

С удовольствием даю ему эту рекомендательную записку к вам, убедительно прося вас не отказать ему в своих добрых услугах. Надеюсь, вы меня извините за то, что я делаю это; думаю все же, что и вам самому приятно будет поговорить с г. Валигурским, хорошо знающим Польшу и человеком достойным.

Благоволите, дорогой мой Герцен, принять выражение моей преданности.

Вл. Ч а р т о р ы с к и й

На обороте:
г. Герцену

[1] М.Я. *Валигурский* – банковский служащий в Познани. Как представитель партии "белых" пытался в 1862 г. предотвратить начало польского восстания. Был назначен секретарем иностранного отдела Национального правительства. Вначале находился в Вене, затем в Париже, а с конца августа 1863 г. в Лондоне, откуда систематически присылал корреспонденции в Отель Ламбер, а также в английскую прессу о ходе восстания в Польше. Письмо свидетельствует о продолжавшихся контактах Отеля Ламбер с Герценом. После поражения восстания Валигурский возвратился в Великое княжество Познанское. Был редактором газеты "Dziennik Poznański" и депутатом прусского сейма.

Т. ЛАПИНСКИЙ

Теофил (Феофил) *Лапинский* (1827–1886) – офицер польской армии, затем участник венгерской революции 1848–1849 гг. "Лапинский был в полном смысле слова кондотьер. Твердых политических убеждений у него не было никаких. Он мог идти с белыми и красными, с чистыми и грязными (...) Россию и все русское он ненавидел дико, безумно, неисправимо" – писал Герцен в "Былом и думах", где Лапинскому и его деятельности посвящена целая глава (XI, 384–390). В 1863 г. Лапинский был командиром неудавшейся экспедиции на пароходе "Ward Jackson", отправленном из Англии на помощь польским повстанцам; затем он находился в Англии и Швейцарии. В 1878 г. Лапинский возвратился в Галицию, поселился во Львове и умер там, всеми забытый. Статья В. Тренина "Полковник Лапинский и его мемуары", напечатанная в т. 41–42 "Литературного наследства", воссоздает своеобразный облик этого деятеля 1860-х годов.

Письмо печатается по фотокопии с автографа *BPUG*. Впервые опубликовано М. О к ю т ю р ь е на языке оригинала в *AAH*, 288–289.

Перевод с французского:

(Женева. 11 ноября 1868 г.)

До сих пор я не мог поблагодарить вас и возвратить ту ссуду, которую вам угодно было мне дать, и вот я снова осмеливаюсь обратиться к вашей доброжелательности. Видите ли, положение мое стало столь ужасным, что если я не обрету себе спасителя в человеке с вашим умом и душой, то могу считать, что настал последний час мой. Во время своего пребывания в Женеве я все влачу жизнь, исполненную лишений, питая вполне обоснованную надежду, что вскоре плодами своего труда смогу оплатить свои обязательства и выйду из нищеты. Вопреки всем моим ожиданиям ответ из книжной лавки Кампе в Гамбурге, словно удар грома, сокрушил все мои надежды. Кампе, который до сих пор принимал все мои работы, отказывается издать эту под предлогом, что она слишком передовая, и просит меня о другой, более приспособленной, по его мнению, к нынешним интересам Германии[1]. Я нахожусь теперь, однако, в таком положении, что не только не могу работать, по той причине, что, не имея денег, уже два дня лишен даже определенного местожительства, но и потому еще, что, будучи вынужден заложить свои последние вещи, я дошел до предела страданий от холода и пр., – и в довершение несчастья мои вещи, заложенные за незначительную сумму в 34 фр. и стóящие в семь или восемь раз больше, будут потеряны, если я не выкуплю их сегодня же, ибо срок их залога уже истек позавчера. Претерпевая столь ужасное бедствие, я обратился к г. Патеку, но я ему совершенно неизвестен, и он просит у меня рекомендации от Чарторыских, с которыми я нахожусь в самых дурных отношениях со времени последнего восстания. Кроме того, я приведен в сильнейшее уныние тем, что тружусь на стезе, которой до сих пор следовал и которая до сих пор принесла мне лишь тысячи огорчений и страданий и где я не нашел, в конечном итоге, ни малейшей помощи, – поэтому я принял твердое решение: в случае, если переживу нынешнее свое положение, то буду искать иное направление. Если бы мне только удалось найти средство заполучить обратно свои вещи и добраться до Вены, я мог бы оттуда отправиться в Галицию, где у меня есть именьице, ныне управляемое в высшей степени бесчестным образом моим зятем. Я продал бы это именьице (за 12 или, быть может, за 15 000 фр.) и поехал бы в Болгарию, где, как мне кажется, можно быть кое в чем полезным, особенно когда знаешь эту страну так хорошо, как знаю ее я. И дабы сделать возможной для себя эту поездку в Вену, я набрался смелости и обращаюсь к вам за помощью. Чтобы выручить мои вещи и для поездки мне понадобилась бы сумма в сто франков. Но, если сумма эта покажется вам слишком значительной, умоляю вас соблаговолить помочь мне 34 фр., чтобы получить возможность выручить мои вещи. Я оставлю себе лишь самое необходимое, продам остальное и смогу поехать. Поверьте мне, милостивый государь, что, кроме вечной моей благодарности – потому что я вам буду буквально обязан жизнью, – я сделаю все для меня возможное и уверен, что смогу возвратить вам свой долг до Нового года. Не очень-то пристойно просить у вас денег взаймы и предлагать вам свои услуги, но, будучи теперь совершенно свободным и не имея никаких обязательств пред кем бы то ни было, прошу вас, если моя скромная особа может быть хоть сколько-нибудь полезна для дела, которое вы защищаете, располагать мною. Я вам буду признателен тем более, что в настоящее время представляю собой как бы корабль без мачт и без руля, не зная, в какую сторону направиться. Без вашей помощи, милостивый государь, я чувствую себя сейчас совершенно погибшим; я не знаю даже, где проведу ночь и не следует ли мне искать себе жилища в вечности. Я позволю себе прийти к вам через час и прошу отнестись снисходительно к предпринимаемому мною шагу[2].

Благоволите принять, милостивый государь, выражение моего глубочайшего уважения.

Т. Лапинский

Женева, 11 ноября 1868 г.

Я принял решение написать заранее это письмо, ибо мне невозможно было бы объяснить вам устно все свои горести.

[1] В издательстве "Hoffmann und Kampe" (Гамбург) вышли две большие книги Лапинского: "Der Feldzug der ungarischen Hauptarmee im Jahre 1849" (1850) и "Die Bergvölker des Kaukasus und ihr Freiheitskampf". Bd. I–II (1862). О каком новом своем сочинении говорит здесь Лапинский, не установлено.

[2] Как отнесся Герцен к просьбе Лапинского, неизвестно. 26 ноября он сообщил старшей дочери из Женевы: "Лапинский украл у Сверцякевича последнее пальто и деньги – и скрылся, а Сверц⟨якевичу⟩ есть нечего" (XXIX, 495).

Приложение:

ГЕРЦЕН И ПОЛЬША

Обзор В. и Р. Сливовских[104*]

В биографии Герцена так называемый "польский вопрос" занимал весьма важное место. Многие лучшие и наиболее выразительные страницы его художественных произведений, воспоминаний и публицистики посвящены польской проблематике. Являясь важной составной частью мировоззрения Герцена, его взгляды на польский вопрос постоянно эволюционировали под воздействием конкретных исторических событий. Однако в общей системе его убеждений одно оставалось неизменным: глубочайшая уверенность, что каждая нация имеет право на политическую независимость, на борьбу с чужеземным игом. При этом Герцен считал, однако, необходимым, чтобы национальная борьба гармонически сочеталась с борьбой за социальное освобождение, чтоб она не осложнялась национальной ненавистью и предрассудками. Это убеждение было свойственно ему с молодых лет. Сочувственно откликнулся Герцен на польское восстание 1831 г.; как с личными друзьями и верными союзниками, встречался он в годы ссылки с подвергшимися репрессиям польскими заговорщиками и повстанцами, в частности с П. Цехановичем (I, 123–130). За свободную и независимую демократическую Польшу великий русский революционер боролся до последних дней жизни.

В пестром хороводе друзей, знакомых, посетителей и корреспондентов Герцена во все время его зарубежной деятельности мы неизменно встречаем поляков. Его отношение к большинству из них полно доброжелательности, хотя порой окрашено немалой дозой скептицизма, столь характерного для склада ума Герцена[1].

Еще в России Герцен увлеченно читал стихи и лекции великого Мицкевича, а также философские труды А. Цешковского и откликался на них в своем дневнике. В 1849 г. он имел возможность лично познакомиться в Париже с Мицкевичем, а еще до того, в 1847 г., с видным политическим деятелем А. Бернацким. На страницах "Былого и дум" Герцен впоследствии воссоздал эти встречи, обобщив свои впечатления от незаурядных представителей польской демократии. Знакомство с некоторыми поляками перешло в приятельские отношения (например, с К.-Э. Хоецким)[2].

Самые близкие связи с польскими соратниками по борьбе завязались, однако, у Герцена в лондонский период его жизни. Здесь он тесно сблизился с С. Ворцелем, с которым, вероятно, эпизодически встречался ранее, в Париже. В лондонском доме Герцена появились Л. Чернецкий и С. Тхоржевский. С самого зарождения Вольной русской типографии и до конца жизни Герцена они не расставались с ее создателем – и в лучшие, и в самые мрачные для него времена.

Не случайно, что еще в самом начале издательской деятельности Герцена его внимательный взгляд останавливался на группе польских демократов и что именно они, члены Польского демократического общества, оказались его непосредственными помощниками при создании Вольной русской типографии и даже первыми в ней

[104*] Эта статья, специально написанная в конце 1980-х годов для т. 96 "Лит. наследства" ("Герцен и Запад"), по ряду причин в него не попала и была напечатана авторами (во французском переводе) на страницах парижского журнала "Cahiers du monde russe et soviétique", 1986, № 2. Публикацию предоставленного нам ранее текста статьи, которая в большинстве своих аспектов не устарела, мы сочли вполне целесообразной. – *Ред.* Перевод с польского А.Г. Пиотровской.

наборщиками; на них Герцен мог опереться в тот начальный период своей деятельности, когда до него не доходили еще голоса с родины. И главное: польские эмигранты предоставили в распоряжение Герцена каналы, по которым поддерживались постоянные нелегальные связи с Российской империей. Первыми распространителями печатных изданий Герцена на его родине были также поляки, например Ю. Ольшевский[3]. Они же стали первыми жертвами репрессивных мер царских властей, вступивших в ожесточенную борьбу с распространением вольного слова.

Сосуществование – под общей кровлей и на общем "балансе" – двух типографий, русской и польской (причем расходы, в основном, ложились на одного Герцена), было недолговременным – с мая 1853 до декабря 1854 г. Тем не менее, факт этот имел не только символическое значение. Это было ясно самому Герцену и польским деятелям, и прежде всего беспредельно уважаемому и любимому им С. Ворцелю, который в первые, самые трудные месяцы поддерживал Герцена, целиком отдаваясь устройству типографии. Он улаживал всякого рода формальности, устанавливал отношения с книготорговцами, высылал заказы, жил интересами типографии. Вместе со своим русским другом Ворцель установил типографскую машину, радуясь первым напечатанным листам[4]. Среди них была и прекрасная листовка Герцена "Поляки прощают нас", написанная 20 июля 1853 г. и напечатанная по-польски в сентябре того же года[5]. Листовка была проникнута верой в скорое восстановление свободной, демократической Польши. Это был ответ на обращение Центрального комитета Польского демократического общества к русскому народу в связи со вступлением царских войск в Придунайские княжества.

Рождение первых воззваний не обошлось без трений и обид. Герцен обвинял представителей польского Центрального комитета в том, что они не учли его замечаний, касавшихся, в значительной мере, католической ориентации польского документа, и отказался перевести его на русский язык. Нетрудно установить, какие аспекты воззвания противоречили мировоззрению Герцена, которому чужда была всякая религиозная символика. Он был убежден, что фразеология, характерная почти для всей польской патриотической печати того времени, не могла вызвать сочувствия в русском обществе. Однако это расхождение не имело определяющего значения: в тексте воззваний есть немало общих положений, а заключительные абзацы обоих документов заключают в себе один и тот же призыв "за нашу и вашу вольность"[6].

Этот же исторический призыв Герцен повторит в своей речи на торжествах по случаю 23-й годовщины польского восстания 1830 г., а также на митинге, устроенном чартистскими деятелями в годовщину февральской революции 1848 г. К этим проблемам он вернется и в листовке "Вольная русская община в Лондоне. – Русскому воинству в Польше" и в статье "Польско-русский революционный союз", напечатанной по-польски в июне 1854 г. на страницах газеты "Demokrata Polski". В этих двух публикациях четко определялась позиция Герцена во время Крымской войны; в них подвергалась осуждению политика николаевской России. Герцен призывал прогрессивные силы России воспользоваться вызванным войной ослаблением самодержавия для выступлений против правительства и предлагал революционный русско-польский союз, целью которого должно было являться социальное и политическое освобождение обоих народов. Русский солдат не должен брать на себя роль угнетателя других народов, заявлял Герцен. "Освобождение Польши – половина освобождения России. Свободная Варшава – смерть для императорского Петербурга", – писал он тогда (XII, 213). Девять лет спустя, перед польским восстанием 1863 г. и после него, он повторит тот же тезис. Выступления Герцена по кардинальным вопросам русско-польских отношений создали ему большую популярность как среди польских эмигрантов, так и в самой Польше, снискав издателю "Колокола" заслуженную славу защитника польского дела.

Однако не вся деятельность Герцена и не все его выступления встречали одобрение в среде польской эмиграции. Принятое им в 1854 г. решение о разделе находившихся под одним кровом русской и польской типографий вызвало особенно

большое неудовольствие. Ворцель, как и другие члены Центрального комитета, пробовал отговорить Герцена от этого шага, лишавшего поляков существенной материальной помощи. Публикуемое выше письмо Ворцеля к Герцену от 16 декабря 1854 г. добавляет несколько немаловажных штрихов к тому, что мы до сих пор знали лишь по тексту "Былого и дум" (XI, 142–143) и по письму Герцена к Ворцелю от 22 декабря того же года (XXV, 220–221). В своем письме Ворцель выразил убеждение, что раздел типографий может отрицательно сказаться "на общем польско-русском деле". И Герцен, не видевший возможности оставить типографию в обремененном долгами доме, который был снят на имя Л. Зенковича, все же написал под влиянием Ворцеля объяснение, предназначенное для публикации, заверяя поляков, что раздел типографий вызван чисто экономическими причинами и что он по-прежнему убежден в необходимости еще теснее сплотиться в общем деле "маленького меньшинства русских революционеров" и представителей республиканской и социальной Польши (см. XXV, 221).

Несмотря на все заверения, отношения Герцена с деятелями Польского демократического общества (исключая самого Ворцеля) после этого инцидента испортились. Это не только объяснялось финансовыми недоразумениями, о которых Герцен вспоминал впоследствии в "Былом и думах", но имело и более глубокие причины: Герцен не одобрял антирусской "митинговой" деятельности, которую стала проводить польская эмиграция после начавшейся Крымской войны, не верил в возможность дипломатического вмешательства европейских держав в защиту независимости Польши. С другой стороны, многие из его высказываний того времени вызывали сильное недовольство в польском (да и не только в польском) обществе. Либеральные иллюзии Герцена, связанные с личностью Александра II и проводимыми им реформами в начале нового царствования, воспринимались деятелями польского освободительного движения с большим скептицизмом, а порой и с раздражением. Но в резкой полемике, разгоревшейся в польской эмигрантской прессе, нельзя видеть лишь проявление польского национализма; хотя националистические нотки нередко звучали в этих публикациях, однако не они главенствовали в полемике.

Против иллюзий редакторов "Колокола" в отношении Александра II выступил (в газете "Demokrata Polski") анонимный автор статьи "Отношение русских к крестьянской проблеме", доказывая свой основной тезис: "Для того, чтобы прогресс под любым предлогом победил в России, хотя бы под предлогом освобождения крестьян, необходимо сначала свергнуть царизм и произвести отделение Польши"[7].

В 1858 г. З. Милковский, впоследствии писавший под псевдонимом Т.-Т. Ежа, начал на страницах той же газеты "Demokrata Polski" полемику с "символом веры" "Колокола"[8], утверждая, что перемены на русском троне ничего не изменили в положении Польши, и выразил сомнение в уместности открытых писем к царю и царице по поводу воспитания наследника престола. По его мнению, обличение и разоблачение злоупотреблений властей – явно недостаточная задача для революционного органа, так как основной целью должно быть не улучшение царизма, а его свержение. "Секрет того, что Муханов зол на Польшу, повторяем, не в том, что он Муханов, а в том, что он царский чиновник, наместник царизма ⟨...⟩ Царизм и польский дух – это две противоречащие друг другу идеи, соединение которых должно привести к борьбе за уничтожение друг друга". За этим следовал важнейший вывод: дело не в том, чтобы царские чиновники в Польше стали лучше, а в том, чтобы их *совсем не было*: "Простая замена чиновников" ничего не решит: она лишь отвлечет общественное мнение от его истинных задач и обязанностей[9].

Эта позиция в известной мере совпадала с позицией революционно-демократического "Современника" Добролюбова и Чернышевского в их полемике с Герценом в середине того же года.

Таким образом, газета "Demokrata Polski" присоединилась к другим голосам, критиковавшим программу "Колокола" за его либеральные иллюзии и колебания, определяя тем самым позицию польской демократии. Смысл этих выступлений не вызывал сомнений: в них решительно выдвигался вопрос о необходимости сверже-

ния царизма и восстановления самостоятельного польского государства. Выступления эти были направлены против самых слабых мест герценовской программы.

На статьи "Demokrata Polski" Герцен не отвечал, зато он вступил в полемику со статьями, появившимися в журнале "Przegląd Rzeczy Polskich", издававшемся в Париже С. Эльжановским[10]. Ответом на эти публикации был целый цикл статей Герцена, объединенных затем под общим названием «Россия и Польша. Ответы статьям, напечатанным в "Przeglądzie Rzeczy Polskich"» (XIV, 7–59). В этом цикле статей издатель "Колокола" изложил свою концепцию по национальному вопросу вообще и польскому в особенности. Он по-прежнему провозглашал право наций на самоопределение, право решать, оставаться ли им единым организмом или же полностью отделиться, и заявлял, что поляки, как и другие народы, имеют неотъемлемое право на государственное существование независимо от России. В дискуссии Герцен старался сохранять умеренность; при этом он защищал русский народ от огульных характеристик, искажавших его истинную сущность и намерения. Герцен утверждал, что борьба за свободу в Российской империи не сводится к польскому вопросу; что польская проблема является лишь одним из ее аспектов, а главным содержанием остается освобождение крестьян с землею. Отвечая за статью "Прогрессивная русская мысль и ее отношение к польским задачам", которую он назвал "замечательной статьей о наших мнениях", Герцен утверждал: "*Спору*, собственно, между нами нет, а есть огромные недоразумения, происходящие от разных начал, от которых мы идем" (XIV, 36). Далее он развивал идею славянской федерации на развалинах самодержавного режима, с опорой на крестьянскую общину. Свое последнее, пятое письмо из цикла "Россия и Польша" Герцен закончил призывом к взаимному познанию народами этих стран своих судеб в прошлом и настоящем, прежде чем ими будет принято окончательное решение о дальнейших взаимоотношениях. Письмо это датировано 25 марта 1860 г.

Кровавые события в Царстве Польском и реакция Герцена на резкое изменение там политики русского самодержавия – от уступок к репрессиям – отодвинули на задний план недавнюю полемику и заглушили в сознании большинства поляков прежние разногласия, усилив симпатию к благородному "защитнику Польши". Популярность Герцена среди поляков увеличивалась буквально с каждым днем. Его новые публикации в "Колоколе" по польскому вопросу вызывали всеобщее восторженное одобрение.

Кровопролития в Варшаве резко изменили тон публикаций "Колокола". В патетических статьях "Vivat Polonia!" и "10 апреля и убийства в Варшаве", "Mater Dolorosa" и др., прославивших мученичество Польши и обошедших всю европейскую прессу, перо Герцена достигло вершин выразительности, соединив в себе пафос и иронию, яркость формы и глубину содержания. Энтузиазм поляков, вызванный этими блестящими и подкупающе искренними статьями, был понятен – они волновали все сердца. Отовсюду Герцен получал в это время многочисленные адреса с сотнями подписей поляков и выражениями горячего одобрения. Успех герценовских изданий в Польше с той поры значительно возрастает, они становятся частью польской пропаганды; во время обысков, производившихся в Царстве Польском, полиция постоянно обнаруживает их то в виде печатных изданий, то в виде рукописных копий[11].

Об этой популярности изданий Герцена свидетельствует и распространение в 1861 г. "Молитвы русского" ("Гимна русских") в виде листовки и публикация ее в ряде органов польской печати: в львовском "Dziennik Literacki" и в "Demokrata Polski". В этом "гимне" был следующий припев:

Мольбу к тебе возносим: ниспошли нам,
Господь, побольше Пестелей и Герценов![12]

Обращенные к Герцену адреса "польских дам" и краковских участников тайных обществ, польских эмигрантов из Франции и ряд личных писем жителей всех трех частей разделенной Польши[13] давали Герцену большое моральное удовлетворение. В письме от 15 августа 1861 г. к К.-Э. Хоецкому, который писал в это время биогра-

фию Герцена для "Panthéon Parisien", он сообщал, что получил от поляков "600 подписей отовсюду" (XXVII, 171), и выразил желание, чтобы Хоецкий не забыл упомянуть об этом в своем очерке. Герцен считал также необходимым публично заявить о своей благодарности в письме к издателю "Przegląd Rzeczy Polskich" за то "большое число писем коллективных и частных", в которых выразилось самое "горячее братское сочувствие" (XV, 113). До издателя "Колокола" доходили и неприязненные голоса. 13 мая 1861 г. Герцен сообщал М.К. Рейхель: "Мелюзга меня бранит за статьи о Польше, – я с своей дороги не сойду ни на шаг – это знамя донесу. И всякое событие в России показывает, что я прав" (XXVII, 152).

Но не к каждому выступлению в защиту Польши Герцен присоединял свой голос. Он отказался, например, от участия в большом митинге, организованном польскими эмигрантами из Отеля Ламбер (центра консервативно-монархической эмиграции в Париже) с целью привлечения общественного мнения к защите Польши. Ответ Герцена, посланный В. Чарторыскому, не оставляет сомнения о том, что он ни в коем случае не собирался поддерживать своим авторитетом польскую аристократию; при этом он, однако, подчеркивал, что никогда не выступит против каких-либо акций, предпринятых во имя независимости Польши (см. XXVII, 156–158)[14].

Отказ от участия в этом митинге, организованном деятелями Отеля Ламбер, не означал, однако, отказа Герцена от сотрудничества с лагерем Чарторыских. Наоборот, незадолго до восстания 1863 г. и во время этого восстания контакты Герцена с Чарторыскими как будто даже укрепляются[15]. Надо сказать, что контакты эти всегда имели чисто тактический характер; обе стороны отдавали себе отчет в том, что у них разные цели и не только разные, но и даже противоположные исходные позиции; однако в этот период и те и другие считали более полезным для общего дела взаимно оказывать конкретные услуги. Осенью 1861 г. и в начале 1862 г. роль "связного" между Отелем Ламбер и Герценом исполнял З. Йордан. Его посредничеством Герцен пользовался, когда считал нужным поместить во французской прессе, прежде всего в газете "Opinion Nationale", постоянным сотрудником которой был Йордан, нужную информацию, а также при пересылке в Царство Польское печатных изданий Вольной русской типографии. В январе 1862 г. Йордан приехал к издателям "Колокола" в Лондон на официальные переговоры о сотрудничестве. Отель Ламбер надеялся использовать влияние Герцена для предотвращения преждевременного восстания в Польше. Сторонником усиления сотрудничества с Герценом был и Ю. Клячко, кстати сказать, автор первой польской заметки о Герцене, появившейся анонимно в 1851 г. в познанской газете "Goniec Polski"[16]. Издатели "Колокола" были заинтересованы в укреплении связей с Россией через Турцию и в использовании каналов, которыми располагали Чарторыские для нелегальной пересылки изданий Вольной русской типографии; Отель Ламбер мог содействовать и помещению в европейской, и, прежде всего, французской прессе, в частности в "Journal des Débats", материалов о России, подготовленных Герценом и Огаревым. Изредка Отель Ламбер предоставлял Герцену и свои дипломатические каналы. Как явствует из сохранившейся переписки, услуги эти они оказывали друг другу на всем протяжении восстания 1863–1864 гг. Лучше всего реализовалась та часть заключенного в январе 1862 г. соглашения, которая относилась к пересылке герценовских изданий. Йордан вел также переговоры с книготорговцами из Копенгагена о доставке морякам с русских кораблей печатных изданий Вольной русской типографии и о пересылке их через Балканы и Турцию на Кавказ и в южную Россию. Благодаря этому "Колокол" и другие издания Герцена доходили до русских старообрядцев-некрасовцев в Добрудже, тогда принадлежавшей Турции. При посредничестве Л. Гадона, будущего секретаря В. Чарторыского, был установлен контакт и с их главарем – казаком-некрасовцем О. Гончаровым.

Если отношения издателей "Колокола" с Отелем Ламбер диктовались конъюнктурными и тактическими соображениями, то развивавшемуся параллельно сотрудничеству с польской демократической "левицей" они придавали основное значение, видя в нем одно из главных условий успеха освободительной борьбы России и Польши.

В начале 1860-х годов Герцен, располагавший обширной информацией (как известно, он имел тайных корреспондентов и среди поляков[17]), был твердо уверен, что Польша вместе с Россией находится накануне неизбежных перемен. На первый план выдвигался вопрос о польско-русском революционном союзе, в создании которого основная роль принадлежала Герцену, Огареву и Бакунину. Напечатанные на страницах "Колокола" в форме листовок Вольной русской типографии заявления подготавливали почву для этого союза, воздействуя на общественное мнение обоих народов, устраняя вековые предрассудки, недоверие и подозрительность.

Драматические события этого переломного в истории России и Польши периода и все, что связано с ним в биографии Герцена, уже служили предметом исследований советских и польских историков[18]. За время, отделяющее нас от появления сенсационных документов "пражской коллекции", напечатанных вместе с дополнительными материалами из других иностранных и советских собраний в томах 61–64 "Литературного наследства", были произведены многочисленные исследования источников, позволившие всесторонне осветить историю создания русско-польского союза, преодолевавшихся трудностей, неизбежных ошибок и достигнутых результатов. Эти исследования и неизданные документы, появившиеся в сборниках "Революционная ситуация в России"[19], в сборниках, издаваемых Институтом славяноведения и балканистики АН СССР[20] и в польско-советском издании "Восстание 1863 года. Материалы и документы"[21], весь богатейший материал комментариев к 30-томному Собранию сочинений и публикации во многочисленных научных журналах не только дали множество новых фактов, но и позволили вернее и полнее поставить и решить главные проблемы русско-польских связей. Этот материал помог по-новому прочитать и самого Герцена, а также выпускавшиеся им издания. Важным событием в изучении польского вопроса явился выход в свет главнейших документов в переводе на польский и русский языки[22]. Собраны и обработаны мало известные прежде разрозненные материалы по теме "Герцен в польском общественном мнении и литературной критике"[23]. Эти богатые документальные источники были использованы в ряде обобщающих работ – коллективных монографиях[24], в биографии Герцена, написанной авторами настоящей статьи[25], а также в "Летописи жизни и творчества А.И. Герцена", скрупулезно отмечающей каждый факт его биографии, каждое его выступление в печати[26].

Для выяснения вопроса о русско-польском революционном союзе важное значение имела публикация материалов о провокационной деятельности Ю. Балашевича-Потоцкого и о его роли в разжигании конфликта между обеими сторонами[27]. Об этом было известно уже более столетия – с того времени, когда в 1875 г. этот агент III Отделения был разоблачен его секретарем А. Бутковским; часть материалов по этому вопросу М.К. Лемке опубликовал в т. XV редактировавшегося им "Собрания сочинений и писем" Герцена; о "деятельности" этого агента писали Я. Ивашкевич[28], Е.В. Борейша[29], И.М. Белявская[30]. Несмотря на это, исследователи еще до недавнего времени допускали ошибки, принимая провокационные письма агента за достоверные свидетельства, что приводило к далеко идущим ошибочным выводам. Если и теперь такого рода аберрации встречаются у историков, располагающих богатым арсеналом архивных материалов, то можно ли удивляться охваченному сомнениями Герцену, предполагавшему, что "подложные письма" – это интрига "белых", предпринятая с целью сорвать его сотрудничество с "красными"[31]. Подозревая в провокационной деятельности некоего Огинского, связанного с русским посольством в Лондоне, Герцен не исключал и того, что присланное будто из Варшавы письмо на бланке с печатью Национального комитета – подлинное. Зерно сомнения было брошено умело, со знанием ситуации и психологии договаривающихся сторон. Оно ограничивало деятельность, вызывало подозрения, чувство обиды, горечь... Видимо не случайно, Герцен в июле того же года отказался дать рекомендательные письма в Варшаву[32].

Несмотря на то что провокационное происхождение ряда писем к Герцену и другим деятелям русской эмиграции вскоре стало известно, оно все же оставило непри-

ятный осадок. Между тем Герцену становится все яснее неизбежность поражения польского восстания. Он ищет ошибки в собственных действиях и в деятельности Бакунина и Огарева. Настроения эти живо отразились в письме к Бакунину от 1 сентября 1863 г., в котором он определил польское дело как "*не наше дело* – хотя и правое относительно" и предостерегал от совершения дальнейших ошибок, советуя "эклипсироваться и поработать в тиши" (XXVII, 372). Как представлял себе Герцен работу "в тиши", свидетельствует лишь сравнительно недавно ставшее известным предисловие его к польским запискам Ч. Пирсона[33]. О своих сомнениях по "польскому вопросу" он высказывался только в кругу близких друзей. Когда же Герцен выступал публично, то вновь и вновь предрекал "будущий союз для новой жизни обоих народов" (XVIII, 296). Письмо Герцена к И.С. Тургеневу, подводившее итог его раздумьям о пройденном пути и выражавшее убеждение в правильности избранной им позиции, заканчивалось столь часто цитировавшимися словами: "Мы спасли честь имени русского – и за это пострадали от рабского большинства" (XXVII, 455).

Гораздо меньше знаем мы о контактах Герцена с поляками во второй половине 1860-х годов. Поражение польского восстания не могло не сказаться на этих отношениях – ведь надежды, которые с ним связывали, не принесли ожидаемых результатов. Герцен болезненно воспринимал несправедливые обвинения по своему адресу, будто он "подстрекал" поляков к вооруженному выступлению, а в критический момент от них отступился. Вскоре произошло еще одно острое столкновение с польскими революционными эмигрантами в связи с ошибочной формулировкой в статье Огарева "О продаже имений в Западном крае". Резкие критические замечания по этому поводу испортили немало крови Герцену[34]. Возмущение польской эмиграции было в какой-то мере оправданно. Не случайно с протестом против статьи Огарева выступил А.А. Серно-Соловьевич в листовке "Question polonaise. Protestation contre le *Kolokol* d'un Russe" в газете "Niépodległość"[35] Однако вывод, к которому пришли Серно-Соловьевич и польские деятели, будто издатели "Колокола" изменили свои прежние взгляды на польский вопрос, был несправедлив. Герцен стремился доказать это в листовке "Нашим польским братьям", подписанной им и Огаревым (XIX, 164–165). Она была затем опубликована в переводе на польский язык Ю. Токаржевичем[36].

Реакция на статью Огарева не была чем-то неожиданным; в ней выразилось то, что в течение нескольких лет назревало в польском общественном мнении. Ответом на шовинизм части русского общества явилось усиление антирусских настроений в отдельных польских кругах, польский национализм. В дискуссиях, которые велись польской эмигрантской печатью по поводу причин поражения восстания, не раз возвращались к вопросу о польско-русском союзе, причем высказывалось необоснованное мнение, будто этот союз ничего не дал и, более того, ничего не мог дать Польше. Об этом писала, например, в 1865 г. газета "Wytrwałość", издававшаяся в Брюсселе В. Сабовским, характеризуя союз, заключенный с редакторами "Колокола" как "мечту, которую нельзя простить, и как ошибочный политический шаг".

В одном из своих донесений Балашевич-Потоцкий уверял, что статья эта появилась под его влиянием и что ему принадлежат ее антигерценовские акценты[37]. Надо думать, что это отвечало действительности. Однако подобная статья никогда не появилась бы, если бы не представился подходящий момент.

Следующие годы еще более отдалили Герцена от поляков. Только группа, связанная с газетой "Gmina", издававшейся Ю. Токаржевичем и Ю. Бжезинским, оставалась ему в какой-то мере близкой. Идеи славянской федерации и общинного социализма, которые провозглашал этот орган, не имели, однако, отклика у эмигрантов. Кроме газеты "Gmina", чья деятельность, однако, в это время была в значительной степени эфемерной, ни одна из эмигрантских группировок не находила общего языка с Герценом: правое крыло – вследствие националистических предрассудков и различия в мировоззрении; левому же крылу были ближе ученики Чернышевского – "молодая эмиграция", с которой у Герцена установились обостренные, а порой и открыто враждебные отношения. Поэтому его контакты с польскими деятелями, например с Я. Домбровским, имели чисто личный характер.

Сторонники Л. Мерославского всегда были решительными противниками союза с революционной Россией. После неудачи польского восстания 1863 г. они возобновили свои атаки против издателей "Колокола" (и в этом опять-таки немалую роль сыграл провокатор Балашевич-Потоцкий). Чаще всего обвинения их сводились к тому, что Герцен, Огарев, Бакунин, а также представители "Земли и воли" будто бы подстрекали поляков к восстанию, уверяя, что готовы к борьбе, и обещая поддержку, а затем в критический момент помощи этой не оказали. Тезис этот очень часто повторялся, его выдвинул еще в 1863 г. небезызвестный Д.К. Шедо-Ферроти – правительственный агент и автор антигерценовских брошюр, и официальная историография воспользовалась им, представляя Герцена, с одной стороны, как "польского агента", а в другой – как ренегата, который мифом о своем могуществе подстрекал поляков к восстанию. Тем обиднее было Герцену, когда тезис этот время от времени появлялся в польской эмигрантской периодической печати и в брошюрах. На одну из таких брошюр, "Lettre du général Mieroslawski au major Brazewicz" (Genève, 1868), Герцен счел необходимым ответить статьей в "Kolokol", отвергая ложные обвинения, будто бы он хотел захватить "верховное руководство польским восстанием" (XX, 290–293). Полемика эта продолжалась на страницах газеты "Peuple Polonais", находившейся в орбите влияния Мерославского[38].

Во второй половине 1860-х годов тон большинства польских высказываний о Герцене имел явно вызывающий, а то и прямо враждебный характер. "Niepodległość" и "Głos Wolny" постоянно твердили, что "гораздо больший вред приносит делу обманчивая вера в помощь русских конспираторов, революционеров и нигилистов, чем в помощь европейских государств". Об "измене" русских революционеров писал и Ю.И. Крашевский[39].

Мнение о двойственной роли, которую будто бы сыграли издатели "Колокола" в период польского восстания 1863 г., имело широкое распространение не только при жизни Герцена, но и после его смерти. Участник польско-русских переговоров 1862 г. А. Гиллер, которого трудно подозревать в особом пристрастии к Герцену, счел своей обязанностью высказаться по этому поводу в письме к Крашевскому от 13 марта 1877 г.: «Герцен и Огарев не конспирировали в России, – писал он. – Из Лондона они распространяли революционные принципы среди своего народа ⟨...⟩ При посредничестве поляков Герцен установил связи с этим обществом ⟨т.е. "Землей и волей"⟩ ⟨...⟩ Неправда, будто Герцен, Бакунин и нынешние заговорщики подстрекали поляков к восстанию. Неправда и то, что они будто бы предали поляков. Не предал ни один из тех даже, кто не помогал полякам. Палачи и угнетатели вербовались из русских либералов, разновидности национал-либералов. Заговорщики – настоящие революционеры – не заслуживали того упрека, какой им позднее делался, будто из подстрекателей они стали палачами»[40].

Нет ничего удивительного в том, что Герцен был глубоко обижен и рассержен несправедливыми обвинениями польских демократов: "Польскому делу мы принесли, что могли, далее нам приходится повторять одно и то же. Мы горды тем, что за него лишились нашей популярности, части нашей силы; мы горды той бранью, той клеветой, той грязью, которую бросали в нас за Польшу ярыги патриотизма и *содержанцы* III Отделения", – писал он в ноябре 1863 г. в статье "В вечность грядущему 1863 году" (XVII, 296).

Однако самоотверженному борцу за общее дело поляков и русских трудно было примириться с тем, что на него клевещут недавние союзники. В один из таких тяжелых моментов у него вырываются полные скорби и желчи слова о том, что роль, которую он, Огарев и Бакунин сыграли в польском вопросе, была "колос⟨сальной⟩ ошибкой" и что из-за "соверш⟨енной⟩" неспособности, отсталости, тупости этой доблестной и глупой нации" издатели "Колокола" "сгубили свое положение" (XXIX, 88). По мнению некоторых близоруких исследователей, это горькое признание зачеркивает все заслуги Герцена перед "польским делом". Одни цитируют его как доказательство "отступничества" Герцена, другие стыдливо умалчивают о нем, чтобы не нарушить "благообразия" образа Герцена. Ни терзавшие Герцена сомнения в пра-

вильности своей позиции по польскому вопросу, до, во время и после польского восстания 1863 г., ни несправедливые упреки, брошенные им в адрес "поляков" вообще и конкретных личностей в частности, нисколько не снижают благородной и мужественной роли в польском вопросе великого друга и защитника Польши.

О том, насколько Герцен стоял выше мелочных обид, свидетельствует его статья 1867 г. "Мазурка", опубликованная в предпоследнем, 243-м листе "Колокола" (XIX, 270–272). Это блестящее выступление Герцена в защиту раздавленной Польши было перепечатано польской демократической прессой, в том числе и неприязненно к нему относившейся газетой "Glos Wolny"[41].

В эпистолярном наследии Герцена переписка с поляками занимает место, далеко не пропорциональное тому значению, какое он придавал польскому вопросу. Из 3000 без малого писем (к 236 адресатам), опубликованных в 30-томном Собрании сочинений, только 116 писем обращено к польским адресатам, и этих адресатов – всего семнадцать. Если же принять во внимание, что из этого числа 78 писем адресовано постоянным сотрудникам Вольной русской типографии, которые считались почти членами семьи, – С. Тхоржевскому (75 писем) и Л. Чернецкому (3 письма), то круг известных нам польских корреспондентов Герцена сведется к 15 личностям (35 писем). По ряду источников удалось установить, что в разное время Герценом было послано еще 24 не дошедших до нас письма к 13 польским адресатам (не считая Тхоржевского и Чернецкого)[42]. Общий итог, как мы видим, исключительно скромен. Этот удивительный на первый взгляд факт, по-видимому, можно объяснить, с одной стороны, тем, что польская корреспонденция в большей своей части касалась строго конспиративных дел и сразу же уничтожалась, а с другой стороны, потерями, которые польские рукописные собрания понесли в годы второй мировой войны.

Столь же фрагментарный характер имеет эпистолярный архив польских корреспондентов Герцена, по-видимому, по тем же причинам. До середины 1980-х годов было известно, кроме записок к Герцену Тхоржевского и Чернецкого, около 20 таких писем – к ним относятся письма Ю. Токаржевича (самые интересные из них опубликованы в "Литературном наследстве")[43]. Публикуемые в книге 1-й наст. тома три письма Герцена к польским корреспондентам – Б. Залескому, В. Чарторыскому и шестнадцать писем к Герцену польских эмигрантов еще больше вводят нас в круг дел и проблем, волновавших создателя Вольной русской типографии и его польских друзей, союзников, просителей, доброжелателей и недоброжелателей.

В числе корреспондентов Герцена присутствуют наиболее известные польские деятели той эпохи, которые – в зависимости от своих убеждений и исторического момента – с надеждой или опасением взирали на великого представителя революционной России и пытались установить с ним непосредственные контакты.

Не случайно польский мемуарист М. Модзелевский, участник восстания 1863 г., сосланный в Сибирь, записал в своем дневнике, что во времена его молодости, в 1860-х годах, было "два царя – Александр II и Герцен, один – официальный, другой – духовный"[44].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] R. Łużny. Polacy we wspomnieniach Hercena ("Polska Akademia Nauk. Oddzial w Krakowie". Sprawozdania, styczeń-czerwiec. Kr., 1963).

[2] См.: *Звенья* II, 369–382; "Лит. наследство", т. 61, с. 280–281; Z. Markiewicz. Les rélations de Charles-Edmond Chojecki avec Herzen et les émigrés 1849–1867 ("Annali dell Istituto Universario Orientale". Sezione Slava. Napoli, 1964, p. 127–136); Л. Ланский. Из переписки Герцена и о Герцене ("Вопросы литературы", 1975, № 4, с. 199–209).

[3] См.: А.М. Орехов. Дело Юзефа Ольшевского (Сб. "Русско-польские революционные связи 60-х годов и восстание 1863 года". М., 1962, с. 479–505).

[4] См. об этом в "Былом и думах" (XI, 131); *Мейзенбуг*, 260–261; M. Akielewicz. O potrzebie przymierza między Polską, a Rosją rewolucyjną ("Demokrata Polski"), 1862, № 32–36, 3.V–26.VI).

[5] См.: З. Покровская. Еще один перевод... ("В мире книг", 1974, № 12, с. 82).

[6] S. Worcell, A. Żabicki, L. Zienkowicz. Rewolucyjny obowiązek Rosji. Odezwa Centralizacji TDP ("Demokrata Polski", 1853, № 20, 15.VIII, s. 77–79; русский перевод: "Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей", т. III. М., 1958, с. 569–575).

[7] "Demokrata Polski", 1858, № 34, 31.VIII.

[8] "Liberalizm i liberaliści" ("Demokrata Polski", 1859, № 43); "Złudzenia" ("Demokrata Polski", 1859, № 46, 28.II); "Od kolebki przez życie", t. II. Kr., 1936, s. 248–249.

[9] "Demokrata Polski", 1859, № 46, 28.II.

[10] "Aleksander Herzen i wolna Drukarnia w Londynie" ("Przegląd Rzeczy Polskich", 1858, 10.XI, s. 1–35); "Postępowa myśl rosyjska wobec zadań polskich" (ibid., 1859, 14.XII; 1860. 28.I. Статья анонимная, датированная 29.XI 1859).

[11] Эти копии сохранились в ряде польских архивов (Рукописный отд. Библиотеки *PAN* (Краков) и др.); в архивах Львова и Вильнюса разыскания произвела Д.Б. Кацнельсон (см. ее статью "Произведения А.И. Герцена в рукописных копиях польских повстанцев (1861–1864)" в сб.: "Славянские страны и русская литература". Л., 1973, с. 68–87).

[12] Ср. Д.Б. К а ц н е л ь с о н. Образы русских революционеров в польской повстанческой поэзии 1861–1864 гг. (сб. "Из истории русско-славянских литературных связей XIX в.". М.-Л., 1968, с. 190–197).

[13] Эти адреса появились и в польской прессе того времени (см. XVI, 234); "Dziennik Poznański", 1861, № 158, 12.VII; "Лит. наследство", т. 64, с. 770–771; "Русско-польские революционные связи 60-х годов..." с. 35–37, 40–42 и 45).

[14] T. K o b e r d o w a. Polityka czartoryszczyzny w okresie powstania styczniowego. W., 1957, s. 50.

[15] H. W e r e s z y c k i. Stosunki Hotelu Lambert z Hercenem i Bakuninem w przededniu powstania styczniowego ("Przegląd Historyczny", 1957, № 2, s. 234–269).

[16] "Listy z Paryża" ("Goniec Polski", 1851, № 215, 19.IX; перепечатка: J. K l a c z k o. Pisma z lat 1849–1851, zebrał dr. B. Erzepki. Poznań, 1919, s. 209–214); см. книгу 1-ю наст. тома.

[17] См.: "Лит. наследство", т. 62, с. 686–689.

[18] См.: И.М. Б е л я в с к а я. А.И. Герцен и польское национально-освободительное движение 60-х гг. XIX в. М., 1954; Ю. К о в а л ь с к и й. Русская революционная демократия и январское восстание 1863 г. в Польше. М., 1953; В.А. Д ь я к о в, И.М. М и л л е р. Революционное движение в русской армии и восстание 1863 г. М., 1966; С.М. Ф а л ь к о в и ч. Идейно-политическая борьба в польском освободительном движении 50–60-х гг. М., 1966; A. L e ś n i e w s k i. Bakunin a sprawy polskie w okresie Wiosny Ludów i powstania styczniowego 1863 r. Łódz. 1962; G. K u r p i s o w a. Aleksander Herzen a emigracja polska w latach 1847–1870. Gdańsk, 1964; S. K i e n i e w i c z. Powstanie styczniowe. W., 1972, s. 272–277; более подробно о дальнейших исследованиях в этой области говорится в докладе С. Кеневича: "Rewolucyjny sojusz polsko-rosyjski w dobie powstania styczniowego" (сб. "Związki rewolucjonistów polskich i rosyjskich w XIX w. "Wroclaw-W.–Kr.-Gdańsk, 1972, s. 111–124).

[19] В 1960–1968 гг. вышло пять томов: "Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи". М., 1960; "Русско-польские революционные связи 60-х годов..."; «К столетию героической борьбы "за нашу и вашу свободу"». М., 1964; "Революционная Россия и революционная Польша (вторая половина XIX в.)". М., 1967; "Связи революционеров России и Польши XIX–начала XX в.". М., 1968. О результатах исследований на эту тему см. доклад И.С. Миллера: "Prace radzieckie o polsko-rosyjskich stosunkach rewolucyjnych XIX w. Stan badań. Potrzeby. Perspektywy", а также выступления в прениях ("Związki rewolucjonistów polskich i rosyjskich...", s. 7–32).

[20] До 1985 г. вышло двадцать пять томов этого монументального издания, начатого в 1961 г. томом "Показания и записки о польском восстании 1863 г. Оскара Авейде". Материалы по интересующей нас проблеме, основанные на первоисточниках, вошли не только в два тома, специально посвященных польско-русскому революционному сотрудничеству в период восстания 1863 г., но и в другие тома, освещающие общественное движение в Литве, Белоруссии и на Украине; в них перепечатаны материалы из подпольной прессы и воспроизведены документы повстанческих организаций.

[21] На польском языке вышел том, подготовленный Л. Базыловым и М. Вежховским, под названием "Herzen o powstaniu styczniowym" (W., 1958). Самые интересные тексты включены в т. III составленного И.С. Миллером и И.С. Нарским сборника "Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей", а также в сборники "Русско-польские революционные связи..." из указанной выше серии "Восстание 1863 года. Материалы и документы". Отдельные выступления польских авторов еще до того были опубликованы в переводе на русский язык в герценовских томах "Лит. наследства" (см. т. 64, с. 767–768 и др.).

[22] "Współpraca polskich i rosyjskich sił postępowych w polskiej prasie emigracyjnej i konspiratorskiej lat 1859–1864" ("Z dziejów współpracy rewolucyjnej Polaków i Rosjan w 2 połowie XIX w." Wroclaw, 1956, s. 9–70); Р. С л и в о в с к и й. Герцен глазами поляков. (Проблемы... с. 370–392); F. S i e l i c k i. Herzen w Polsce ("Slavia Orientalls", 1971, № 1, s. 69–79).

[23] F. S i e l i c k i. Dziewiętnastowieczni rewolucjoniści rosyjscy w Polsce miłdzywojennej. – I. Aleksander Herzen ("Przegląd Humanistyczny", 1970, № 2, s. 149–155); W. Ś l i w o w s k a. Aleksander Herzen (сб. "Plsarze i krytycy. Z recepcji nowożytnej literatury rosyjskiej w Polsce". Wroclaw-W. – Kr.-Gdańsk, 1975, s. 139–170).

[24] И.С. М и л л е р и Т.Ф. Ф е д о с о в а. Очерки революционных связей народов России и Польши 1815–1917 (сб. "Революционная ситуация в России 1861–1864". М., 1976, с. 130–189, там же библиография).

[25] Wi.R. Ś l i w o w s c y. Aleksander Herzen. W., 1973 (там же библиография).

[26] *ЛЖГ* I–V.

[27] A. P o t o c k i (J. B a ł a s z e w i c z). Raporty szpiega. Wybór, opracowanie i studium wstępne R. Gerbera, t. I–II. W., 1973.

[28] J. I w a s z k i e w i c z. Niebezpieczny prowokator. Mniemany hrabia Albert Potocki ("Kurier Literacko-Naukowy", dodatek do "Ilustrowanego Kuriera Codziennego", 1928, № 53).

[29] См. "W kręgu wielkich wygnańców (1848–1895)". W., 1963, s. 491–493 и по указателю.

[30] См. "Лит. наследство", т. 64, с. 767[105*].

[31] См. также (ниже) письмо Ю. Цверцякевича к Герцену от 26 июня 1863 г.

[32] См. письма Герцена к Т.К. Сондерсу и Ч.Г. Пирсону (публ. и прим. Дж. Трегенза) в сб. "Проблемы...", с. 27 и 30; XXX, 581–593 и 700–704.

[33] С.Д. Л и щ и н е р. Неизвестное предисловие Герцена к очерку Ч.-Г. Пирсона о Польше (*Известия ОЛЯ*, 1975, вып. 2-й, с. 144–157); о н а ж е. Статья А.И. Герцена о польском восстании в "Daily News" (сб. "Памятники культуры. Новые открытия 1975". М., 1976, с. 86–97).

[34] См.: "Обращение к польским демократам", публ. Я. Черняка ("Лит. наследство", т. 61, с. 133–136); «Протест польских эмигрантов против издателей "Колокола"», публ. И.М. Белявской ("Лит. наследство", т. 64, с. 774–778); см. об этом и в упоминаемой выше книге Г. Курписовой "Alexander Herzen a emigracja polska w latax 1847–1870" (см. прим. 18), s. 38–125, а также: J.W. B o r e j s z a. Emigracja polska po powstaniu styczniowym. W., 1966, s. 334–345.

[35] "Niepodległość", 1866, № 12, 30.IX.

[36] "Do braci Polaków!" ("Gmina", 1867, N. 5–6, 30.V, s. 24). См. также статью: J. T o k a r z e w i c z. Ogarew o szlachcie polskiej na Litwie ("Gmina", 1866, № 3, 30.XI, s. 11). О Е. Токаржевиче см.: сб. "Radykalni demokraci polscy", opracowała F. Romaniukowa. W., 1960, а также "Лит. наследство", т. 62, с. 575–581.

[37] A. P o t o c k i (B a l a s z e w i c z). "Raporty szpiega", op. cit. s. 7.

[38] А. Щ е с н о в и ч (A. S z c z e s n o v i c z) – автор статьи, которая появилась в "Peuple Polonais" 15 мая 1868 г., установил контакты с А.А. Серно-Соловьевичем, открыто провозглашавшим, хотя с иных позиций, чем польская сторона, лозунг "Сначала отделение, а позже братский союз" (Герцен даже подозревал, что упомянутая статья была написана Щесновичем и Серно-Соловьевичем совместно). См.: "Лит. наследство", т. 41-42, с. 111–115.

[39] J.I. K r a s z e w s k i. Z roku 1867. Rachunki przez Boleslawite. Poznań, 1868, s. 64–88; "Tydzień Polityczny, Naukowy, Literacki i Artystyczny" (Drezden), 1871, № 1, 1.I, s. 6–8. Нельзя не отметить, что в январе 1871 г., через год после смерти Герцена, Крашевский почтил его память статьей, исполненной высочайшего уважения (в связи с появлением в печати тома его посмертных сочинений).

[40] "Русско-польские революционные связи 60-х годов...", т. II, с. 529–530.

[41] "Głos Wolny", 1867, № 143, 10.VIII.

[42] Это были: одно письмо к С. Ворцелю, одно письмо к З. Йордану, три письма к Ю. Клячко, одно письмо к А. Корвин-Кохановскому, одно письмо к О. Корвин-Вержбицкому, три письма к Вл. Мицкевичу, одно письмо к неизвестному польскому адресату, три письма к К. Островскому, одно письмо к Р. Пиотровскому, три письма к А. Сохновскому, четырнадцать писем к К.-Э. Хоецкому, одно письмо к Ю. Цверцякевичу, одно письмо к В. Чарторыскому, одно письмо к Л. Зенковичу. Ср. письмо Герцена к Чарторыскому в кн. 1-й наст. тома.

[43] Кроме упомянутых уже обращений-адресов, нам известны лишь разрозненные письма поляков к Герцену, опубликованные в т. 62 "Лит. наследства": Паулины Вильконской, Анджея (а не Владислава) Неголевского и Ю. Токаржевича, а также аннотация письма А. Гуровского (см. его полный текст выше) и в т. 64 – фрагмент перлюстрированного письма А. Милевского. Перепечатанное в этом разделе письмо К.-Ц. Норвида к Герцену впервые появилось в его собрании сочинений. Четыре из них были известны ранее: И. Лелевеля в польском переводе с оригинала и в русском – *неточном* – с этого текста, письмо Р. Рачинского с авторизованной копии, сохранившейся в архиве Чарторыских в Кракове, опубликованной Г. Верешицким в 1957 г., и Ю.-Б. Островского – в польском переводе опубликовано при жизни Герцена в газете "Dziennik Poznański" (1861, № 158, 12.VII, s. 3).

[44] M. M o d z e l e w s k i. Lata 1861–1863. Biblioteka Jagiellońska. Rkps 60, s. 243.

[105*] В XXVII том 30-томного Собрания сочинений Герцена (1963) введены подготовленные по перлюстрационным копиям 5 писем, связанных с польским восстанием 1863 г.: два к В.И. Касаткину (с. 300–302) и по одному к А. Сохановскому (302–303), Р. Пиотровскому, С.Л. Левицкому (307–308) и Н.Д.(?) (312–313). Целесообразность этого решения опротестовал на заседании редакционной коллегии (1962) член текстологической комиссии этого издания Л.Р. Ланский, доказавший, что перечисленные письма представляют собой фальшивки, изготовленные агентом III Отделения, поляком-провокатором Ю. Балашевичем-Потоцким. Аргументация Л.Р. Ланского может быть в основном сведена к следующим положениям. В письмах содержится ряд утверждений, противоречащих четкой позиции Герцена, считавшего польское восстание в данных условиях крайне вредным для русской демократии и общественного движения. От какого бы то ни было участия в нем он решительно отказывался. После ареста Чернышевского и Н.А. Серно-Соловьевича вследствие неосторожного упоминания о них в одном из писем Герцена, он стал в своей переписке придерживаться строжайшей конспирации. Между тем, письма, о которых идет речь, наполнены сведениями о деятельности польских и русских революционеров, в них отдаются чуть ли не боевые приказы инсургентам и русским участникам, поощряется их активность, раскрываются планы провинциальных отделений "Земли и воли", звучат невозможные под пером Герцена заверения, что польское восстание явится "зарею для нашей свободы" и т.п. Стиль писем, несмотря на попытки имитировать динамизм герценовской эпистолярной манеры, скован и явно вторичен, чувствуется, что автор не русский, а поляк. Поскольку именно на этих письмах в основном базировалась и еще базируется влиятельная концепция об активном участии Герцена в польском восстании, редакционная коллегия не решилась на изъятие их, и они были напечатаны в основном разделе тома без всяких оговорок. Так же поступила и редакционная коллегия "Летописи жизни и творчества Герцена". Настоящее примечание должно послужить напоминанием о необходимости подвергнуть строгому анализу эти приписываемые Герцену письма и окончательно решить далеко немаловажный вопрос о их подлинности. – *Ред.*

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

ГЕРЦЕН В МОСКВЕ

Сообщение С.К. Романюка

Герцен родился в Москве 25 марта/6 апреля 1812 г. в доме своего дяди Александра Алексеевича Яковлева на Тверском бульваре (ныне № 25). Этот хорошо сохранившийся до нашего времени дом (в нем теперь помещается Литературный институт им. А.М. Горького) был приобретен А.А. Яковлевым по купчей, датированной 25 августа 1811 г.[1], за 5000 р. у С.Б. и Д.Б. Островских, наследников московского обер-полицмейстера Б.П. Островского, преданного в 1785 г. Екатериной II суду за взятки. Возможно, что дом на Тверском бульваре был построен именно при нем.

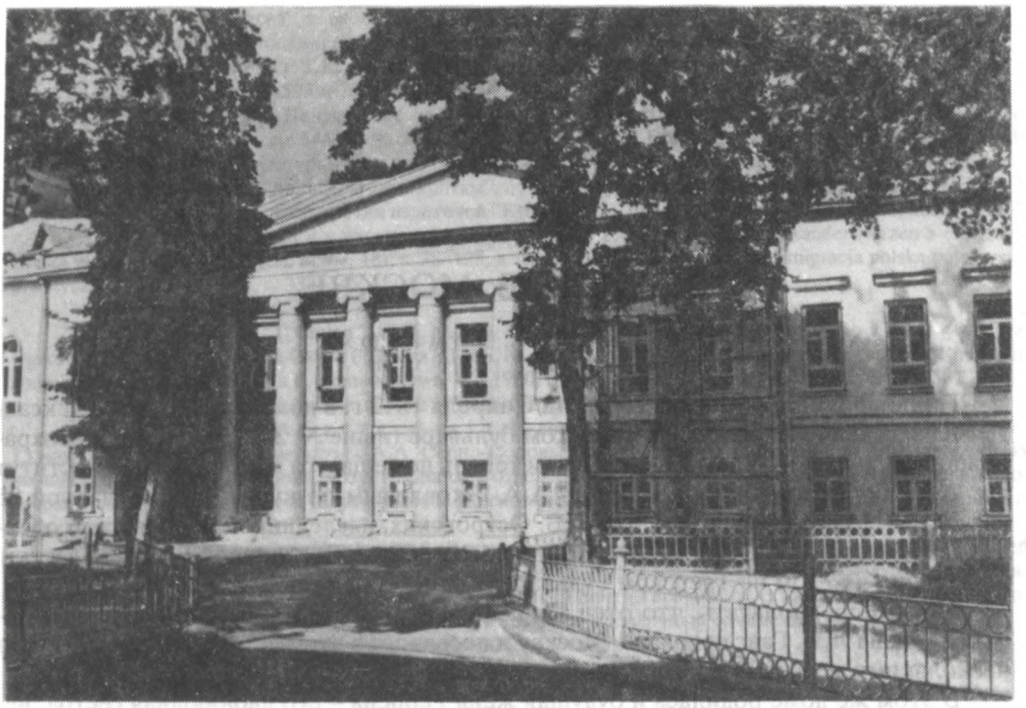
Можно предполагать, что отец Герцена И.А. Яковлев вместе с будущей матерью Герцена Л.И. Гааг приехал в Москву и поселился в этом доме осенью 1811 г. или несколькими месяцами позже – зимой следующего, 1812 г.

В этом же доме родилась и будущая жена Герцена – его двоюродная сестра, незаконорожденная дочь А.А. Яковлева – Н.А. Захарьина. Она писала 4 апреля 1838 г. Герцену во Владимир: "Александр, приходило тебе когда в голову это? Вообрази, мой друг, мы родились с тобой в одном доме, в одной церкви, говорят, крещены, может, в одной купели. Только сегодня я сделала открытие, что у нас в доме есть старушка, которая все это знает" (*Павл.*, 556). "Ты ошибаешься, – отвечал ей Герцен, – думая, что я не знал, что родился в одном доме с тобою, в доме твоего отца ⟨...⟩ В Вятку привезли раз множество картин от Дациаро, перебирая их, я встретил Тверской бульвар и тот дом, наш дом. Я на фронтоне надписал твое имя и мое..." (XXI, 355).

В метрической книге церкви св. Иоанна Богослова, к приходу которой принадлежал дом на Тверском бульваре (церковь сохранилась, она примыкает к зданию театра им. А.С. Пушкина), есть запись о рождении Н.А. Захарьиной: "Октября 22-го 1817 года в доме Генерала Александра Алексеевича Яковлева от приезжей иностранки Ксении родилась Наталия дочь Александрова Захарьина благородная крещена того ж октября 24-го восприемники Александр Алексеевич генерал Яковлев, восприемница генералша Елисавета Алексеева Голохвастова"[2].

В той же метрической книге находятся записи о рождении братьев и сестер Н.А. Захарьиной. Так, 19 августа 1819 г. датирована запись о рождении Петра Захарьина "от приезжей иностранной дворянки Ксении"[3], 11 апреля 1821 г. – Екатерины[4], 26 мая того же года – Павла[5], 11 марта 1823 г. – Марии[6], 4 июля 1824 г. – Марфы[7]. У всех, кроме Петра, имя матери указано не было – они родились у некоего "приезжего иностранного дворянина Александра Захарова Захарьина".

Из всех детей А.А. Яковлева, метрики которых сохранились, только у Натальи Александровны, старшей дочери, восприемницей была член семьи Яковлевых, сестра Александра Алексеевича, Е.А. Голохвастова. Остальных же детей крестили либо дворовые, либо малолетние дети "иностранного дворянина" Захарьина, либо А.А. Яковлев. Итак, крестной матерью Натальи Александровны была ее тетка. Вероятно, именно поэтому она одна из всех детей А.А. Яковлева была взята после его смерти в дом другой своей тетки, княгини М.А. Хованской. В связи с этим соображением достоверность рассказа Т.П. Пассек[8] о том, что причиной оставления Наташи Захарьиной в доме М.А. Хованской было то, что она "не отходила от княгини" и



МОСКВА. ДОМ Н.А. НЕБОЛЬСИНА (НЫНЕ САДОВО-КУДРИНСКАЯ, 15)
Фотография, 1980-е годы
Собрание С.К. Романюка, Москва
В доме Н.А. Небольсина в 1814–1817 гг. жил И.А. Яковлев с семьей

имела печальный и трогательный вид, вызывает сомнение. Впрочем, обе причины могли сопутствовать друг другу. Вероятно, объяснение Герцена (в "Былом и думах"), что Хованская привезла Наташу к себе в Москву "и оставила у себя" потому, что "ребенок восьми лет поразил ее своим грустно-задумчивым видом", имело второстепенное значение.

Через несколько дней после вступления французской армии в Москву Яковлевы сделали попытку переселиться в дом на том же Тверском бульваре, принадлежавший П.И. Голохвастову – мужу сестры И.А. Яковлева (нынешний № 13), но так как он уже был охвачен огнем, то семья перебралась в сад этой усадьбы за главным домом. Но, как сообщил сын Голохвастова, Дмитрий Дмитриевич в 1874 г.[9], семья И.А. Яковлева нашла кратковременный приют в доме сестры бабки Герцена – княжны А.Б. Мещерской. Ее усадьба находилась на углу Большой и Малой Бронной улиц. От главного дома усадьбы сохранились лишь фундамент и часть стен. Современный адрес его – Большая Бронная улица, д. № 6. На плане этого участка, снятого в 1802 г.[10], в центре усадьбы показаны одноэтажные каменные палаты, а за ними сад, граничивший с садом владения П.И. Голохвастова. В этом доме, по словам Натальи Александровны, она впервые увидела Герцена: "Тот день, когда я тебя видела в первый раз с папенькой и с Егор⟨ом⟩ Ив⟨ановичем⟩ в доме княж⟨ны⟩ Анны Бор⟨исовны⟩, так же ясен и теперь, как тогда" (*Павл.*, 53). О саде этой усадьбы Герцен писал в 1837 г.: "Я вспомнил, как еще в том доме, где жила княжна Анна Борисов⟨на⟩, ты меня много раз водила в сад, кормила смородиной; ты была тогда ребенок – прелестный ребенок..." (XXI, 185). И Герцен, и Пассек, описывая этот дом, упоминали о том, что Хованская занимала флигель, находившийся с левой стороны от главного здания усадьбы.

В 1813 г. усадьба Мещерской перешла к Хованской, ее племяннице, по купчей, а в сентябре 1833 г. она продала ее Д.П. Голохвастову[11]. Старинный особняк был в

МОСКВА. ДОМ Е.М. ЕРМОЛОВОЙ (НЫНЕ ВОЛХОНКА, 18)
Фотография, 1980-е годы
Собрание С.К. Романюка, Москва
В доме Е.М. Ермоловой в 1817–1819 гг. жили И.А. Яковлев с семьей и его брат Л.А. Яковлев

1883 г. значительно перестроен для еврейского молитвенного дома банкиром Л.С. Поляковым[12] и еще раз переделан в 1953–1957 гг.[13]

Из дома Мещерской Яковлевы в те же сентябрьские дни 1812 г. перебрались в усадьбу князя П.И. Одоевского, главный дом которой выходил в Камергерский переулок (сейчас в этом неоднократно перестраивавшемся доме помещается Московский Художественный театр (№ 4); ее сад выходил на Тверскую площадь узким клином, рядом с алтарями церкви Космы и Дамиана в Шубине (здание церкви сохранилось, Столешников пер. № 2).

После изгнания французов Яковлев с семьей возвращается в "белокаменную".

Т.П. Пассек сообщает, что "Иван Алексеевич, по приезде в Москву, нанял вместе с братом своим сенатором Львом Алексеевичем большой дом в приходе Рождества в Путинках"[14]. М.К. Лемке повторяет это утверждение: "Переехав из с. Глебовского в Москву в 1813 г., И.А. Яковлев нанял себе вместе с братом Львом дом в приходе церкви Рождества Пресвятой Богородицы в Путинках, одной из самых ярких достопримечательностей Москвы". Далее он добавляет, что "по отсутствию каких бы то ни было других, более точных указаний, определить место этого дома ныне не представляется возможности" (*Л* XII, 170). Это мнение проникло в последующие труды о Герцене[15].

Поиски упоминаний о семье Яковлевых в документах, относящихся к приходу церкви Рождества в Путинках (церковь сохранилась – бывшая Малая Дмитровка, ныне ул. Чехова, № 4) не дали положительных результатов. Пришлось обратиться к обширному комплексу архивных документов – исповедных, метрических, маклерских, квартирных книг по различным полицейским частям и церковным приходам Москвы за 1813–1814 гг.

В первый раз имена отца и дяди Герцена встретились в маклерской книге Пресненской части Москвы за 1814 г. В нее был внесен текст договора о найме дома пол-

ковника Н.А. Небольсина: "1814 года ноября 15-го дня я нижеподписавшаяся действительная статская советница Авдотья Силверстова дочь Небольсина по договоренности дала сие условие господам действительному камергеру и кавалеру Льву и гвардии капитану и кавалеру Ивану Алексеевичам Яковлевым в том, что дала я Небольсина в наем каменный дом состоящей в Москве в Пресненской части 1-го квартала под № 81-м вверенный мне от племянника моего полковника и кавалера Николая Андреевича Небольсина с имеющеюся во оном мебелью и с принадлежащими ко оному дому службами, как-то конюшнею, каретным сараем, кухнею, прачишною, все сие без исключения... сроком на девять месяцев, щитая с заключения сего ценою за четыре тысячи рублей государственными ассигнациями"[16]. Следующий документ о найме этого дома датирован сентябрем 1816 г. – братья Яковлевы сняли его с 1 сентября 1816 г. по 1 мая 1817 г.[17]

Дом Н.А. Небольсина сохранился – его современный адрес: Садовая-Кудринская ул., № 15. Большой участок, на котором он стоит, в конце XVIII в. принадлежал обер-прокурору (впоследствии министру коммерции, видному масону), князю Г.П. Гагарину. Возможно, что при нем в 1780–1790-х годах и был построен главный дом усадьбы. На плане 1792 г.[18] изображен главный дом, стоящий торцом к "проезду подле Земляного города" (нынешняя Садовая-Кудринская), позади него находился обширный сад с несколькими прудами.

В 1811 г. усадьба перешла к гвардии полковнику, потом московскому гражданскому губернатору Н.А. Небольсину. Пожар 1812 г. обошел эти места, и дом остался цел. Вдова Небольсина в декабре 1848 г. продала усадьбу сыну Ф.В. Ростопчина, графу Андрею Федоровичу. Он устроил на втором этаже этого дома картинную галерею. В 1852 г. участок перешел к княгине С.С. Щербатовой, а с 1882 г. в доме помещалась Софийская детская больница. Сейчас здесь находится Городская детская клиническая больница им. Н.Ф. Филатова. Весьма вероятно, что Герцен в "Записках одного молодого человека" описал именно этот дом: "До пяти лет[19] я ничего ясно не помню, ничего в связи... Голубой пол в комнатке, где я жил; большой сад, и в нем множество ворон" (I, 259). Необходимо сказать, что ни на одном другом городском участке, где жили Яковлевы, не было такого большого сада, как здесь.

О семье Яковлевых, живших в этом доме, сохранились также записи в метрической книге церкви св. Ермолая, что на Козьем болоте, к приходу которой принадлежал дом Небольсиной. Так, 18 апреля 1815 г. "в доме Госпожи Неболсиной живущего по найму Господин⟨а⟩ Иван⟨а⟩ Алексеевич⟨а⟩ Яковлев⟨а⟩ дворового человека Василья Карпова у него родилась дочь Пелагея..." Восприемницей ее была мать Т.П. Пассек – "госпожа Наталья Петровна Кучина"[20], а 28 ноября 1816 г. сына того же Василия Карпова крестили "генерал Лев Алексеичь Яковлев" и мать Герцена "мамзель Луиза Иванова"[21].

С 30 июля 1817 г. Яковлевы нанимают у генерал-майорши Е.М. Ермоловой "каменный трехэтажный дом и со всеми ко оному принадлежностями весь без исключения, как-то флигерь в один этаж, в коем кухня с приспешною, тремя особенными комнатами и с чуланами, второй особенный корпус в два этажа, в котором каретной сарай и конюшня на 13 стойлов, в верху над оным для кладки сена и в другом отделении анбар с 4-мя закромами и с жилою комнатою и особенный погреб..."[22] Главный дом этого владения на Волхонке – № 18, сейчас в нем Институт русского языка Российской Академии наук, а в 1944–1992 гг. помещалась редакция "Литературного наследства"*. Ермолова приобрела его в апреле 1814 г. и позднее, 22 декабря 1831 г., он был продан для Московской губернской гимназии. Этот дом изображен на картине художника А.П. Боголюбова из собрания И.С. Зильберштейна, изображающей закладку храма Христа-Спасителя (1839), переданной в Музей личных коллекций при Музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. В 1880-х годах к левому крылу дома была сделана пристройка, выходящая на угол Пречистенского (ныне Гоголевского) бульвара. Напротив дома в то время, когда там жил Герцен, находился

* С 1944 по 1986 г. редакция занимала комнату на первом этаже (№ 1), а затем, до 1992 г., на втором (№ 29).

древний Алексеевский женский монастырь, основанный митрополитом Алексием в XIV в. в местности южнее Остоженки и переведенный сюда в 1547 г. В 1839–1883 гг. на его месте был построен храм Христа-Спасителя, первоначально предположенный к постройке на Воробьевых горах.

Яковлевы живут на Волхонке с августа 1817 г. по август 1819 г.[23] Они упоминаются как в исповедных, так и в метрических книгах церкви Ржевской Божьей матери, что у Пречистенских ворот. Здесь есть записи от 26 декабря 1817 г. о том, что "у живущаго ⟨...⟩ Льва Алексеевича Яковлева дворового человека Константина Дмитриева родилась дочь Татиана..."[24] Этот "Константин Дмитриев" – не кто иной, как К.Д. Толочанов, трагическая смерть которого в 1821 г. так запомнилась Герцену (VIII, 45, 46). В этом же доме 17 июля 1818 г. отмечено и другое происшествие: "умре в доме генерал-майорши Елизаветы Михайловны Ермоловой у живущего в оном господина гвардии капитана Ивана Алексеевича Яковлева утопший нечаянно в колодце дворовый его человек Василий Петров 20 лет..."[25]

В октябре 1819 г. братья Яковлевы переезжают в каменный двухэтажный дом тайной советницы Е.Н. Левашовой на Покровке[26]. Дом сохранился (ныне № 1). Бок о бок с ним находилась усадьба родителей Тютчева. Участок Левашовой был не очень велик, он занимал территорию между двумя переулками – Армянским и Девятинским и выходил на Покровку. Главный дом был построен, вероятно, в 1740-х годах княгиней М.С. Голицыной[27] и дошел до нашего времени в хорошей сохранности. В 1744–1789 гг. владельцами усадьбы были Хитрово, в 1798–1839 гг. Левашовы, с 1839 по 1908 г. – купеческая семья Корзинкиных.

В исповедных ведомостях церкви Космы и Дамиана на Покровке за 1820 г. записаны по дому Левашовой "живущие по найму действительный камергер Лев Алексеич Яковлев 56 ⟨лет⟩, капитан гвардии Иван Алексеич 55 ⟨лет⟩, их воспитанники Георгий 25 ⟨лет⟩, Александр 9 ⟨лет⟩ Ивановы"[28]. Когда братья жили вместе, писал Герцен, "хозяйство было общее, именье нераздельное, огромная дворня заселяла нижний этаж..." и "общая прислуга состояла из тридцати мужчин и почти стольких же женщин" (VIII, 23, 41). Можно сравнить эти данные с данными исповедных ведомостей. В ведомости за 1820 г. у Яковлевых перечислены двадцать два человека дворовых, а за 1821 г. тридцать девять человек, включая женщин и детей.

В последний раз Яковлевы совместно нанимают дом 1 октября 1821 г. – они заключают контракт со статской советницей А.Н. Мусиной-Пушкиной на наем деревянного дома на каменном фундаменте с ледником, амбаром, конюшней и прочим[29]. Несохранившийся двухэтажный дом, с низким первым этажом и высоким деревянным вторым был расположен по красной линии Денежного переулка, невдалеке от Арбата и приходской церкви Троицы (теперь – ул. Веснина, № 17). В этом доме И.А. Яковлев с семьей жил до переезда в собственный дом. Здесь, вероятно, и произошло самоубийство К.Д. Толочанова, о котором Герцен пишет в "Былом и думах", но в метрических ведомостях церкви Троицы на Арбате запись о его смерти не обнаружена.

После раздела имущества между братьями Л.А. Яковлев поселился отдельно от Ивана Алексеевича – 11 января 1823 г. он получил подтверждение – "данную" – покупки с аукциона дома коллежского асессора, архитектора И.Л. Мироновского на Арбате[30] (современный № 24, дом не сохранился). После переезда Л.А. Яковлева на Арбат «мы приехали одни на нашу большую квартиру, опустевшую и мертвую, – пишет Герцен в "Былом и думах" о доме в Денежном переулке. – Вскоре потом и отец мой купил тоже дом в Старой Конюшенной» (VIII, 28).

И.А. Яковлев приобрел дом в Большом Власьевском переулке, в приходе церкви св. Власия, что в Старой Конюшенной, у отставного поручика А.П. Румянцева по купчей, заключенной 7 августа 1823 г., за 10 000 рублей ассигнациями[31]. Нынешний адрес этого несохранившегося дома – Б. Власьевский переулок, № 14. Это был тот "старый" дом, который неоднократно вспоминался и Герценом и Огаревым[2*].

[2*] М.К. Лемке сообщает, что дом был куплен "до 1835 г." (*Л* XII, 180); в *ЛЖГ* I указан год приобретения – 1824 (с. 33). Этот год назван в письме Герцена к Ю.Ф. Куруте от 6 сентября 1839 г. (XXII, 40).

Дом показан на плане 1806 г. в усадьбе князя П.П. Шаховского[32]; в 1870-х годах он увеличивается пристройками справа и слева, а перед ним по красной линии Б. Власьевского переулка строится жилое здание. "Старый" дом по литературным данным был сломан вскоре после того, как он был сфотографирован в 1912 г.[33] На фотографии, многократно воспроизводившейся в печати, изображен фасад дома, которому, очевидно, в 1870-х годах был придан новый декор, и он стал совсем не похож на дом, который, по выражению Т.П. Пассек, напоминал фабрику.

Незадолго перед тем отец "Ника" статский советник П.Б. Огарев приобрел большой дом у Никитских ворот – купчая с Д.Н. Бантыш-Каменским была заключена 1 августа 1823 г.[34] Дом был выстроен, очевидно, в первой половине XVIII в. В начале XIX в. он принадлежал князю Я.И. Лобанову-Ростовскому, потом Д.Н. Бантыш-Каменскому. Известен рисунок его фасада, относящийся к 1834 г., когда им владела А.П. Плаутина, сестра Н.П. Огарева. В 1860-х годах фасад был переделан, и на доме надстроен третий этаж. Его нынешний адрес – Большая Никитская, № 23/16, на нем со стороны Никитского бульвара помещена мемориальная доска.

В этом доме мальчиком жил Огарев вместе с гувернером К. Зонненбергом. Как вспоминал Герцен, «когда Нику было лет пятнадцать, Карл Иванович завел было лавку, но, не имея ни товара, ни покупщиков и растратив кой-как сколоченные деньги на эту полезную торговлю, он ее оставил с почетным титулом "ревельского негоцианта"» (VIII, 93). Объявление о его торговом начинании появилось в "Московских ведомостях" (1829 г., № 11 от 6 февраля, с. 530): "Карл Зонненберг честь имеет известить Почтеннейшую Публику, что он открыл у Никитских ворот в доме Г-на Огарева магазин сукон, косметических и других товаров. В сем магазине продаются: настоящая Кельнская вода (одеколонь), духи, помада, по пурри, померанцевая вода, мыло и пр., и пр.; все сии вещи получаются им с самых лучших заведений. Желая заслужить благосклонность Почтеннейшей Публики, он поставит себе в непременную обязанность иметь в своем магазине самые свежие и лучшей доброты товары и продавать их по умеренным ценам".

Позднее И.А. Яковлев приобрел себе еще один особняк в той же Старой Конюшенной. Этот дом – "большой", как его называли, – расположен на углу Малого Власьевского переулка (теперь ул. Танеевых) и Сивцева Вражка (современный его номер – 25/9). По словам самого Герцена, это произошло в 1830 г. (VIII, 94), а М.К. Лемке в своих комментариях приводит 1835 год (*Л* XII, 180). По обнаруженному тексту купчей крепости покупка состоялась 13 апреля 1833 г.: "Генерал(а) от инфантерии обер-камергера вдовствующая супруга Екатерина Петрова дочь Растопчина продала гвардии отставному капитану и кавалеру Ивану Алексееву сыну Яковлеву" участок вместе со строениями за 30 000 р. ассигнациями[35]. По словам М.К. Рейхель, этот дом был обведен галереей (см. выше ее письма к Е.С. Некрасовой).

Именно в этом доме был арестован Герцен в ночь на 21 июля 1834 г.; отсюда он был препровожден под арест. Вот как передает Герцен этот эпизод в главе IX "Былого и дум", когда полицмейстер Ф.И. Миллер обращается к нему: "Я вас попрошу покаместь одеться: вы поедете со мной. – Куда? – спросил я. – В Пречистенскую часть, – ответил полицмейстер успокоивающим голосом..." (VIII, 180).

По традиции местом тюремного заключения Герцена считается дом под № 22 на Пречистенке. Именно это утверждается в одном из лучших путеводителей по Москве, изданных еще до революции[36]. Фотография дома приведена в т. 62 "Литературного наследства" с соответствующей подписью (с. 255). Однако в 1834 г. здание Пречистенской полицейской части, или, как оно иногда называлось, "съезжий двор" и "частный дом", находилось не на Пречистенке, а неподалеку, в Штатном переулке (ныне Кропоткинский переулок, № 23) – это здание находится сейчас на территории Института судебной медицины им. В.П. Сербского. Двухэтажный каменный дом в Штатном переулке, принадлежавший действительной статской советнице А.А. Комбурлей, был в январе 1818 г. продан казне для устройства съезжего двора Пречистенской части[37], который и находился там без перерыва до 1917 г.[38]

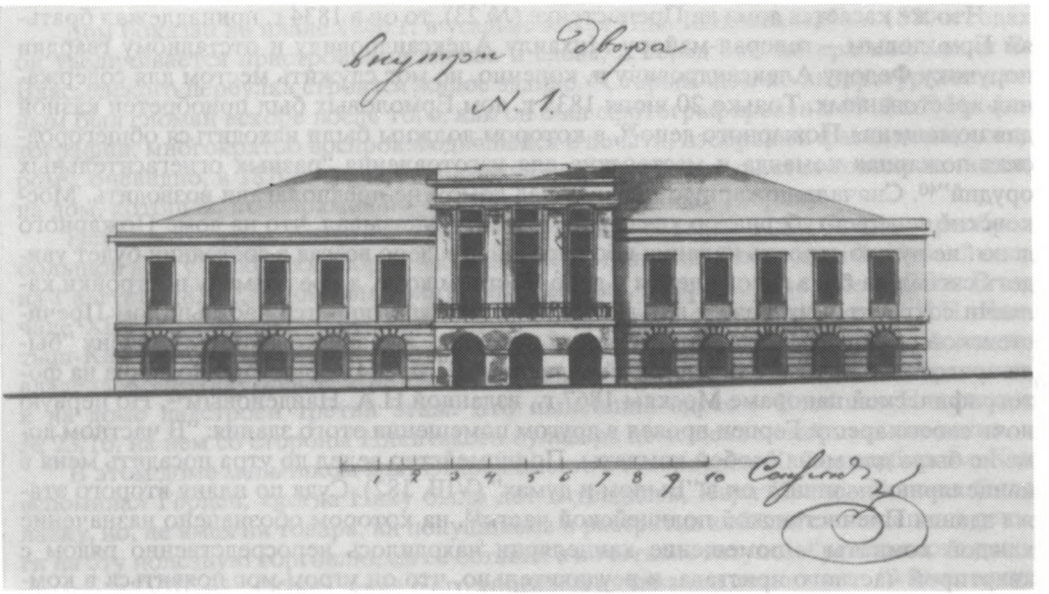
Что же касается дома на Пречистенке (№ 23), то он в 1834 г. принадлежал братьям Ермоловым – генерал-майору Михаилу Александровичу и отставному гвардии поручику Федору Александровичу и, конечно, не мог служить местом для содержания арестованных. Только 20 июня 1835 г. дом Ермоловых был приобретен казной для помещения Пожарного депо[39], в котором должны были находиться общегородская пожарная команда и мастерские для изготовления "разных огнегасительных орудий"[40]. Сначала пожарную каланчу над домом не предполагали возводить. Московский генерал-губернатор князь Д.В. Голицын указывал, что на доме Пожарного депо "не нужно строить каланчи ибо часовой при депо всегда в состоянии будет увидеть сигнал на близ находящемся к депо Частном доме, а чрез отмену постройки каланчи сократятся издержки для депо"[3* 41]. Здесь упоминается частный дом Пречистенской полицейской части в Штатном переулке, где арестованному Герцену "была приготовлена комната под самой каланчой" (VIII, 184) – она хорошо видна на фотографической панораме Москвы 1867 г., изданной Н.А. Найденовым[42]. Но первую ночь своего ареста Герцен провел в другом помещении этого здания: "В частном доме не было для меня особой комнаты. Полицмейстер велел до утра посадить меня в канцелярию", – пишет он в "Былом и думах" (VIII, 182). Судя по плану второго этажа здания Пречистенской полицейской части[43], на котором обозначено назначение каждой комнаты – помещение канцелярии находилось непосредственно рядом с квартирой частного пристава, и неудивительно, что он утром мог появиться в комнате, где провел ночь Герцен и где арестант был свидетелем красочной сцены, разыгранной с содержательницей публичного дома и "полпивщиком". Эта комната помещалась в середине здания, и окно ее было обращено в сторону обширного незастроенного двора полицейской части. Герцен вспоминал в "Былом и думах": "Я видел в окно, как приехал наш дворецкий и привез мне подушку, одеяло и шинель. Он просил о чем-то унтера, вероятно, о позволении взойти ко мне. Это был седой старик, у которого я ребенком перекрестил двух или трех детей. Унтер грубо и отрывисто отказывал ему. Один из наших кучеров стоял возле. Я им закричал в окно. Унтер засуетился и велел им убираться. Старик кланялся мне в пояс и плакал..." (VIII, 182).

В метрических книгах сохранилось несколько записей о крещении Герценом детей дворецкого, "дворового служителя Спиридона Федорова". Так, 17 июня 1820 г. у Федорова родилась дочь Агриппина, восприемником при крещении был "воспитанник господина Яковлева Александр Иванов"[44]; 3 декабря 1821 г. у того же Спиридона Федорова родился сын Николай – "восприемником был воспитанник Александр Иванов Герцен"[45]; 27 июля 1824 г. "в доме Гвардии отставного Капитана Ивана Алексеевича Яковлева у дворового его человека Спиридона Федорова родилась дочь Ольга ⟨...⟩ восприемником был коллежский регистратор Александр Ивановичь Герцен"[46] и, наконец, 31 июля 1828 г. сына Спиридона Федорова крестил "Губернский Секретарь Александр Ивановичь Герцог" ⟨!⟩ вместе с "канцеляристом Сергием Львовичем Левитским" и "Губернского Секретаря дочерью Татианою Петровною Кучиной"[47].

Из Пречистенского частного дома в Штатном переулке Герцена возили на допросы в дом обер-полицмейстера на Тверском бульваре. Однажды по пути сопровождавший его квартальный поручик Борзов завез Герцена в дом отца – произошло это 7 августа 1834 г. Полицейский Борзов, как говорилось в приказе по московской полиции от 26 августа 1834 г., был отрешен от должности "с преданием суждению за упущение по службе"[48]. Несколько раньше по московской полиции был отдан другой приказ: "Определяется в Штат Полиции Брантмейстером отставной Поручик Иван Скаредка, который и назначается в Сретенскую часть"[49] – это назначение и явилось "тридцатью сребрениками", выплаченными за провокационную пирушку 8 июля 1834 г., которая была устроена этим полицейским агентом.

В начале сентября 1834 г. Герцена переводят из здания Пречистенской полицейской части в Крутицкие казармы (1-й Крутицкий переулок, № 4-а), в которых он и

3* Впоследствии каланча все-таки была построена – в ноябре 1835 г. для нее производилась склейка деревянных щитов[42].



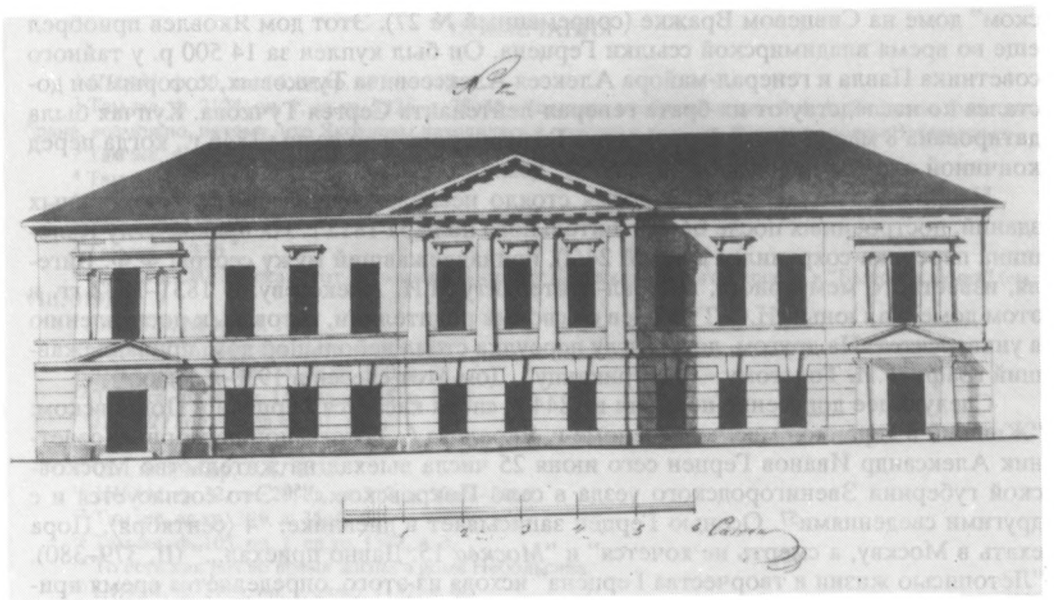
МОСКВА. ДОМ Е.Н. ЛЕВАШОВОЙ НА ПОКРОВКЕ
Чертеж фасада, 1834
Центральный исторический архив научно-технической документации г. Москвы
В доме Е.Н. Левашовой в 1819–1821 гг. жил И.А. Яковлев с семьей

будет находиться во время следствия. Казармы были расположены в зданиях бывшего Крутицкого архиерейского дома, с XV в. резиденции митрополитов Сарских и Подонских. В 1788 г. епархия была упразднена, и часть строений передана в военное ведомство.

Следственная комиссия, судя по словам Герцена в "Былом и думах", заседала в доме князя С.М. Голицына: "Комиссия собиралась в библиотеке князя Сергия Михайловича" (VIII, 207). Там же и объявили приговор 31 марта 1835 г. Всех осужденных собрали "к князю Голицыну" (VIII, 210). Председатель следственной комиссии князь С.М. Голицын владел тогда домом, находившимся в Малом Знаменском переулке (ныне № 1); во дворе сохранился перестроенный и надстроенный дом.

Герцен был отправлен в ссылку, из которой он в 1838 г. тайно приезжает в Москву для свидания с Н.А. Захарьиной. Она жила тогда в доме, принадлежавшем М.А. Хованской, который находился на Поварской улице, почти на углу с Трубниковским переулком[50] (здесь в 1911–1914 гг. был выстроен по проекту архитектора Л.В. Стеженского большой доходный дом, № 29). Тогда на участке (план 1834 г.), по красной линии Поварской улицы, стоял небольшой одноэтажный деревянный дом с мезонином, уничтоженным в 1843 г. В нем жила Н.А. Захарьина, сюда приехал Герцен ранним мартовским утром 1838 г.: "Вот Поварская, – дух занимается, в мезонине, в угловом окне, горит свечка, это ее комната..." (VIII, 363).

После ссылки Герцен ненадолго приезжает в Москву в 1839 и 1840 гг., а через два года, в июле 1842 г., поселяется в "первопрестольной столице" до самого отъезда из России в январе 1847 г. Первоначально он останавливается, по сведениям М.К. Рейхель[51], в доме княгини Е.С. Гагариной в Малом Власьевском переулке (ул. Танеевых, № 6–12; дом не сохранился). В деле о надзоре за Герценом мы читаем: "Пречистенский частный пристав доносит, что состоящий под секретным надзором полиции надворный советник Александр Иванов Герцен 13-го числа настоящего августа месяца, прибыв из Новгорода в Москву, остановился на жительство той



МОСКВА. ДОМ А.П. ПЛАУТИНОЙ НА НИКИТСКОЙ УЛ.
(НЫНЕ УГОЛ УЛ. ГЕРЦЕНА И СУВОРОВСКОГО БУЛЬВАРА)
Чертеж фасада, 1834
Центральный исторический архив нучно-технической документации г. Москвы
В этом доме прошли детство и юность Огарева. Ныне дом очень сильно перестроен

же части 4 квартала в доме г. Яковлева, за коим надзор поручено иметь квартальному надзирателю Яворовскому"[52] [4*]. Возможно, что сразу после приезда Герцен поселился в доме отца, но позднее переехал в дом кн. Гагариной поблизости. Только так, пожалуй, можно объяснить расхождение в датах между временем возвращения Герцена с семьей в Москву (14 июля) и донесения полицейского пристава (13 августа) – если считать, что М.К. Рейхель не ошиблась, называя первым местом жительства Герцена по его приезде – дом Е.С. Гагариной.

Полицейские агенты в Москве регулярно сообщали о передвижениях Герцена, но надо сказать, что их датировки в некоторых случаях существенно расходятся с датами, приводимыми самим Герценом в дневнике. Так, 14 июня 1843 г. он записывает о переезде в Покровское: "Третьего дня мы приехали сюда..." (II, 285). Пречистенский же частный пристав 12 июля сообщает московскому обер-полицмейстеру Л.М. Цынскому, что "живший в вверенной ему части в доме княгини Гагариной состоящий под секретным надзором полиции надворный советник Александр Иванов Герцен 12 числа настоящего, т.е. июля, месяца выехал в имение свое, состоящее Московской губернии Звенигородского уезда в село Покровское, во время же жительства его здесь предосудительного за ним ничего замечено не было"[53].

"С 26 в Москве", – записывает Герцен в дневнике 9 сентября 1843 г. (II, 305). Полиция в этом случае точно отметила его приезд – московский вице-губернатор извещал обер-полицмейстера: "Получив донесение звенигородского исправника, что состоящий под надзором полиции надворный советник Александр Герцен 26 минувшаго августа отправился из Звенигородского уезда на жительство в Москву, я имею честь уведомить о сем ваше превосходительство"[54].

В сентябре этого года Герцен с семьей поселяется в так называемом "тучков-

---

4* Это был тот Яворовский, который арестовал Герцена в 1834 г. и которого Герцен звал "Я – воровский" (*Пассек* II, 78).

ском" доме на Сивцевом Вражке (современный № 27). Этот дом Яковлев приобрел еще во время владимирской ссылки Герцена. Он был куплен за 14 500 р. у тайного советника Павла и генерал-майора Алексея Алексеевича Тучковых, которым он достался по наследству от их брата генерал-лейтенанта Сергея Тучкова. Купчая была датирована 8 мая 1839 г.[55] В этом доме Герцен прожил до весны 1846 г., когда перед кончиной отца он переехал в "большой" дом.

Напротив этих домов в то время стояло несколько деревянных одноэтажных зданий, построенных после опустошительного пожара 1812 г. На правом углу Калошина переулка сохранился дом (№ 24/2), принадлежавший мужу сестры Ф.Ф. Вигеля, известного мемуариста, генерал-лейтенанту И.И. Алексееву. В 1831–1832 гг. в этом доме жил юный И.С. Тургенев со своими родителями, готовясь к поступлению в университет. На другом, левом углу переулка стоял небольшой дом, принадлежавший графу Ф.И. Толстому – "Американцу". Дом этот снесен в 1930-х годах.

Следующее донесение полиции в 1844 г. снова касается Герцена в Покровском: "Живший в веренной мне части в доме г. Яковлева ⟨...⟩ отставной надворный советник Александр Иванов Герцен сего июня 25 числа выехал на жительство Московской губернии Звенигородского уезда в село Покровское..."[56] Это согласуется и с другими сведениями[57]. Осенью Герцен записывает в дневнике: "4 ⟨сентября⟩. Пора ехать в Москву, а смерть не хочется" и "*Москва* 15. Давно приехал..." (II, 379–380). "Летописью жизни и творчества Герцена" исходя из этого, определяется время приезда писателя – "сентября около 10"[58]. В полицейском донесении сообщается, возможно, более точная дата приезда: "Сего сентября 12-го числа Московской губернии Звенигородского уезда из села Покровского прибыл на жительство отставной надворный советник Александр Иванов Герцен..."[59]; по сообщению же звенигородского исправника, Герцен "выехал из Звенигородского уезда в Москву 6 числа сего сентября"[60].

С большим опозданием пристав Пречистенской части отреагировал на отъезд Герцена в следующем году – он сообщил в своем рапорте от 25 июня 1845 г., что Герцен "вчерашнего числа выехал на лето на дачу г. Дивова Московского уезда близ Черной Грязи..."[61], а он еще 12 июня отправил из Соколова письмо Краевскому.

Из Соколова Герцен вернулся в конце сентября – начале октября[62], а в полицейском рапорте было сообщено, что "состоящий под секретным надзором надворный советник Александр Иванов Герцель ⟨!⟩ и штаб-лекарь коллежский асессор Кеччер ⟨!⟩ выехали на жительство в Москву 6 числа сего сентября"[63], но о его приезде в Москву было сообщено только 6 октября ⟨!⟩: "Александр Иванович Герцен прибыл вчерашнего числа Московского уезда из дачи г. Дивова, что близ Черной грязи..."[64]

В 1846 г., после смерти (6 мая) отца, Герцен с семьей переселяется в "Большой дом". Он начинает хлопотать о заграничном паспорте, и для этого ему приходится отправиться в Петербург. По различным причинам отъезд его задержался, и он смог выехать только 1 октября 1846 г. Перед тем пристав Пречистенской части сообщил обер-полицмейстеру И.Д. Лужину, что "состоящему под секретным надзором надворному советнику Александру Иванову Герцен согласно предписания господина московского полицмейстера 2 отделения от 25 апреля 1845 г. за № 119, последовавшего по предписанию вашего превосходительства того же года за № 145, выдано 29 сего сентября за № 702 свидетельство на один месяц для проезда в С.-Петербург..."[65]

Из Петербурга Герцен, вероятно, выезжает 1 октября[66]. О времени его возвращения в Москву свидетельствует донесение полиции, где говорится, что он "прибыл из С.-Петербурга сего 22 октября и остановился ⟨...⟩ в своем доме..."[67]

Это были последние месяцы жизни Герцена в России. Получив заграничный паспорт, он с семьей 19 января 1847 г. покидает Москву. Запоздалой реакцией полиции является сообщение полицмейстера о том, что 31 января им дано знать частным приставам об "освобождении Герцена от полицейского надзора..."[68] В этот день Герцен пересек границу николаевской России.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *ЦИАМ*, ф. 50, оп. 14, ед.хр. 451, л. 140об.
[2] Там же, ф. 2124, оп. 1, ед.хр. 2326, л. 78об. – Фамилия внебрачных детей А.А. Яковлева была выбрана, возможно, потому, что Яковлевы находились в родстве с древним боярским родом Захарьиных.
[3] Там же, л. 96об.
[4] Там же, л. 109.
[5] Там же, л. 110.
[6] Там же, л. 125об.
[7] Там же, л. 130.
[8] *Пассек* I, 280. Рассказ этот, возможно, восходит к рассказу самого Герцена в "Былом и думах" (см. VIII, 319).
[9] РА, 1874, № 4, стб. 1058.
[10] *ЦАНДТ*, Арбатская часть, ед.хр. 582.
[11] *ЦИАМ*, ф. 50, оп. 14, ед.хр. 500, л. 38.
[12] Там же, ф. 54, оп. 140, ед.хр. 25, л. 1–15.
[13] *ЦАНДТ*, оп. 10, ед.хр. 81, 82.
[14] *Пассек*, I 109.
[15] См., например, *ЛЖГ* I, 31.
[16] *ЦИАМ*, ф. 32, оп. 20, ед.хр. 312, л. 50об.–51об.
[17] Там же, ед.хр. 301, л. 35об.
[18] Там же, ф. 105, оп. 1, ед.хр. 1332, л. 3.
[19] То есть как раз во время жизни в доме Небольсина.
[20] *ЦИАМ*, ф. 2124, оп. 1, ед.хр. 1132, л. 48.
[21] Там же, л. 156 об.
[22] Там же, ф. 32, оп. 20, ед.хр. 383, л. 59–59об.
[23] Там же, ед.хр. 385, л. 52.
[24] Там же, ф. 2125, оп. 1, ед.хр. 1132, л. 48.
[25] Там же, л. 52.
[26] Там же, ф. 32, оп. 20, ед.хр. 270, л. 57.
[27] С.К. Р о м а н ю к. Улица Чернышевского ("Вопросы истории", 1980, № 11, с. 183).
[28] *ЦИАМ*, ф. 203, оп. 747, ед.хр. 967, л. 418.
[29] Там же, ф. 32, оп. 20, ед.хр. 313, л. 30.
[30] Там же, ф. 50, оп. 14, ед.хр. 515, л. 137.
[31] Там же, ф. 50, оп. 14, ед.хр. 485, л. 212об.
[32] *ЦАНДТ*, Пречистенская часть, ед.хр. 359, л. 1.
[33] См., например, Н. А н ц и ф е р о в. Литературная Москва 30–40-х годов XIX века. Литературные экскурсии по Москве. М., 1948, с. 121. Однако дом сломан был, вероятно, в 1920-х годах, судя по сообщению в журнале "Творчество" (1920, № 1, январь, с. 35): "К сожалению, в настоящее время дом этот, так тесно связанный с именами Герцена и Огарева, находится в полном забросе и обречен, по-видимому, на уничтожение". В этом же номере журнала помещена гравюра И.Н. Павлова, изображающая "старый" дом (с. 6).
[34] *ЦИАМ*, ф. 50, оп. 14, ед.хр. 485, л. 208об.
[35] Там же, ф. 50, оп. 14, ед.хр. 499, л. 130.
[36] "По Москве". М., 1917, с. 338.
[37] *ЦИАМ*, ф. 50, оп. 14, ед.хр. 474, л. 21об.; ф. 46, оп. 52, л. 1, 74.
[38] "Вся Москва на 1917 год". М., 1917, стлб. 41 (1-й пагинации), стлб. 694 (4-й пагинации).
[39] *ЦАНДТ*, Пречистенская часть, ед.хр. 232.
[40] *ЦИАМ*, ф. 1286, оп. 2, ед.хр. 216-а, л. 117.
[41] Там же, ф. 46, оп. 8, ед.хр. 3518, л. 169.
[42] Там же, л. 202.
[43] Там же, ф. 1488, оп. 2, ед.хр. 900, л. 5.
[44] Там же, ф. 2122, оп. 1, ед.хр. 981, л. 75об.
[45] Там же, ф. 203, оп. 745, ед.хр. 233, л. 61об.
[46] Там же, ед.хр. 248, л. 449об.
[47] Там же, ед.хр. 271, л. 165.
[48] Там же, ф. 46, оп. 8, ед.хр. 4702, л. 147.
[49] Там же, л. 119.
[50] *ЦАНДТ*, Арбатская часть, ед.хр. 111.
[51] *Рейхель*, 29.
[52] *ЦИАМ*, ф. 46, оп. 1, ед.хр. 210, л. 3.
[53] Там же, л. 5.
[54] Там же, л. 7.
[55] Там же, ф. 50, оп. 14, ед.хр. 512, л. 267об.
[56] Там же, ф. 46, оп. 1, ед.хр. 210, л. 10.
[57] *ЛЖГ* I, 308.
[58] Там же, 315.

[59] *ЦИАМ*, ф. 46, оп. 1, ед.хр. 210, л. 12.
[60] Там же, л. 13.
[61] Там же, л. 22.
[62] *ЛЖГ* I, 344.
[63] *ЦИАМ*, ф. 46, оп. 1, ед.хр. 210, л. 26.
[64] Там же, л. 27.
[65] Там же, л. 28.
[66] В *ЛЖГ* I приводится дата – 14 октября (с. 370).
[67] *ЦИАМ*, ф. 46, оп. 1, ед.хр. 210, л. 29.
[68] Там же, л. 38.

МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ЧЛЕН КРУЖКА ГЕРЦЕНА

Сообщение М.К. П е р к а л я

"Ты меня спрашиваешь, зачем я живу в Одессе? Разве это от меня зависит? Я долго боролся с упрямою волею отца, но она победила. Впрочем, я надеюсь, что мое затворничество не будет продолжительно: еще год, и я полечу туда, где указывают мне цель ум и сердце. До тех пор я буду жить мечтами; письма твои будут освежать мой сиротеющий дух, в них я нахожу тот голос и те звуки, которые мне издавна милы. Они, однако ж, слишком редки; из всех моих товарищей только ты не забываешь меня"[1].

Так начиналось письмо, отправленное Герцену из Одессы 18 августа 1834 г.

До адресата письмо не дошло: за месяц до этого Герцен был арестован и вскоре предстал перед Следственной комиссией по обвинению в вольнодумстве. В руках полиции оказались также и его друзья и знакомые – Огарев, Н.М. Сатин, В.И. Соколовский, И.А. Оболенский и другие – всего двадцать человек. При аресте были захвачены рукописи художественных и публицистических произведений, письма, программа издания журнала и другие материалы.

Власти были убеждены, что раскрыто тайное общество. Было отдано распоряжение – подвергать перлюстрации все поступающие на имя арестованных письма. 1 сентября московский почт-директор А.Я. Булгаков передал в руки следователей копию письма, посланного к Герцену из Одессы.

В этом перехваченном письме не было ничего "крамольного", ничего такого, что могло бы дать основание для обвинения автора письма или его корреспондента в принадлежности к тайному обществу. По своему характеру оно не отличалось от большинства других писем, отобранных при аресте. Но перепуганные следователи все же сумели обнаружить в этом дружеском послании "опасное вольномыслие".

Было установлено, что письмо написано М.М. Иваненко, служившим в канцелярии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора М.С. Воронцова. В Одессу был послан секретный запрос о политической благонадежности этого чиновника. Одновременно Герцену пришлось дать показания о характере своих отношений с Иваненко. На допросе 1 ноября 1834 г. Герцен заявил: "В 1831 или 1832 году познакомился я с Моисеем Михайловичем г. Иваненкою, выпущенным из благородного пансиона, который около сего времени уехал в Одессу, где служил при военном генерал-губернаторе графе Воронцове; переписки я с ним не имел, но несколько раз писал к нему, не помню вообще о чем; но последние два письма состояли в просьбе к нему прислать статью в предполагаемый мною Альманах на 1835 год; он обещал прислать и о сем писал, кажется, два раза. Прочих писем не припомню" (XXI, 427–428).

В своих показаниях Герцен, разумеется, постарался преуменьшить степень своей близости с автором письма, но перлюстрированный документ красноречиво свидетельствовал о дружбе и единомыслии обоих молодых людей. Иваненко называл в числе своих ближайших друзей Н.И. Сазонова, Н.М. Сатина и Огарева (двое из них находились под арестом), сетовал на то, что они не пишут, и выражал готовность "тремя письмами отвечать на их одно".

Как видно из письма, Герцен делился с Иваненко своими творческими планами, в частности, он сообщил о подготовленном им к печати сокращенном переводе книги В. Кузена "Доклад о состоянии народного образования в некоторых странах Германии и особенно в Пруссии". В список друзей и знакомых, которым Герцен собирался преподнести экземпляры своего издания, он включил и Иваненко (XXI, 591). Печатанье этой книги началось незадолго до ареста, но в свет она так и не вышла.

Судя по письму Иваненко, Герцен в не дошедшем до нас письме изложил некоторые мысли о роли Германии "в обновлении человечества", занимавшее его в то время; высказал свое отношение к Н.А. Полевому и его журналу "Московский телеграф", запрещенному в апреле 1834 г. При этом Герцен, видимо, упрекнул своего корреспондента в неумении "отдать должной справедливости Полевому". Объясняя свою точку зрения, Иваненко привел отзыв о Полевом издателя "Одесского вестника" М.П. Розберга и добавил от себя: «Я скажу о нем (т.е. о Полевом. – *М.П.*), чтó ты сказал о Кузене: *мы ушли далее*. Познакомившись без постороннего посредства с образцовыми иностранными писателями, мы увидели шаткость мнений "Телеграфа", неосновательность его суждений; он ни одного автора не понял вполне, не объяснил, как должно. Он кричал о Вильмене и ставил его наряду, если не выше, Шлегеля, у него Барант изображен гигантом, Геерен изуродован. Итак, Полевой был для нас каланчою, вечем новгородским, он первый зазвонил в колокол нравственной независимости. Но звонарь остался при колокольне, а сильные пошли вперед. Вскоре в университете явились: Василевский, Павлов, Давыдов, Надеждин, которых понятия были выше его понятий. Впрочем, Полевой будет всегда иметь право на наше уважение и признательность: он, по крайней мере, любил родину, он желал ей просвещения и деятельно оному способствовал. Запрещение "Телеграфа" – точно, потеря для нашей литературы: как журналист он превосходен. К чему только он брался за "Историю русского народа"?».

Иваненко откликнулся на просьбу Герцена прислать материалы для задуманного им альманаха: "Я продолжаю трудиться для вашей книги, не знаю только, в состоянии ли буду доставить тетрадь in folio толщиной в ладонь".

В конце письма Иваненко просил, чтобы кто-нибудь из их общих друзей выслал в Одессу запрещенное цензурой собрание сочинений А. Мицкевича, вышедшее в Париже в четырех томах[2]. Это было опасное поручение. Распространение запрещенных для ввоза в Россию изданий сурово преследовались. В июне 1834 г. для принятия мер против продажи не пропущенных цензурой книг по "высочайшему повелению" был образован особый комитет, куда вошли шеф жандармов, министры просвещения, юстиции, внутренних дел, управляющий III Отделением[3].

Этим письмом, несколькими упоминаниями об Иваненко в переписке Герцена и Огарева и краткой биографической справкой в статье Ф.Ф. Майского "Юность Лермонтова"[4] исчерпывались сведения об этом члене кружка Герцена и Огарева.

В Российском государственном историческом архиве удалось обнаружить новые материалы об Иваненко. Они значительно расширяют наши представления об идейных связях Герцена в 1839-х годах.

Моисей Михайлович *Иваненко* родился 4 августа 1813 г. в селе Остролучье Киевской губернии. Его отец, Михаил Моисеевич Иваненко, был почетным попечителем Александровского училища в Екатеринославле, затем, в 1837–1844 гг., – попечителем Екатеринославской гимназии[5].

4 декабря 1826 г. Иваненко был определен в Московский благородный университетский пансион полным пансионером. Вместе с ним в пансионе обучались и два его брата – Андрей и Александр. 11 марта 1830 г. Московский пансион, как известно, посетил Николай I, и вскоре последовал "высочайший указ" о преобразовании пансиона в гимназию. Иваненко продолжал учиться в этом учебном заведении, и 6 ноября 1831 г. ему был вручен аттестат, удостоверявший, что он, "быв в 1827 году принят в пансион и обучавшись в оном искусствам, языкам и наукам, по утвержденному постановлению в пансионе преподаваемым, *с отличным прилежанием, благородным поведением и похвальными успехами*, окончил полный курс учения. В быт-

ность свою на публичных актах был награжден разными призами и двумя серебряными медалями. Ныне же по законченном испытании согласно с начертанными для сего правилами, на основании высочайшего его императорского величества указа от 14 февраля 1818 и от 29 марта 1830 годов, удостоен и высшим начальством утвержден в праве на чин *двенадцатого класса*...[6]

Августа 6 дня. Дан в Москве ноября 6-го дня 1831 года"[7].

Среди сорока шести воспитанников XII выпуска (несостоявшегося из-за преобразования пансиона) мы находим имена Лермонтова, Андрея и Моисея Иваненко[8]. Таким образом, более полутора лет (с 1 сентября 1828 г., когда Лермонтов был принят в пансион, и до 16 апреля 1830 г., когда он подал прошение об увольнении) Иваненко и Лермонтов учились вместе. Успехи их дважды одновременно отмечались на торжественных актах. 6 апреля 1829 г. по случаю девятого выпуска Московского благородного пансиона среди отличившихся воспитанников был назван Лермонтов, награжденный призами[9]. В этот же день за успехи в учении получил награду и Иваненко[10]. 29 марта 1830 г. на торжественном собрании в пансионе Лермонтов был награжден книгой[11], а Иваненко получил серебряную медаль с именем[12].

Прямых указаний на их знакомство мы не находим ни в дошедшей до нас переписке, ни в мемуарной литературе. Однако известно, что Лермонтов и Иваненко не только учились под руководством одних и тех же учителей, но и были членами литературного общества пансиона. Не приходится сомневаться в том, что они знали друг друга.

В Благородном пансионе, в кружке С.Е. Раича, усиленно изучалась английская романтическая поэзия, особенно творчество Т. Мура. Иваненко и Лермонтов отдали дань этим литературным интересам. В 1829 г. Лермонтов начал учиться английскому языку и уже через несколько месяцев читал в подлиннике Байрона, Скотта, Мура. В 1830–1832 гг. Лермонтов усиленно переводит Байрона в стихах и прозе, создает ряд "байронических" стихотворений. Сильное впечатление на Лермонтова оказывает и поэзия Мура.

Иваненко, как и Лермонтов, хорошо знал английскую литературу и также увлекался Байроном и Муром. По поручению Раича Иваненко написал работу "Характер слога и сочинений Томаса Мура" и на торжественном акте в Благородном пансионе произнес на английском языке речь на эту тему[13].

В 1829 г. в журнале "Атеней" была напечатана анонимная заметка "Нечто о Муре" и прозаический перевод трех его стихотворений: "Испанская песня", "Встреча кораблей" и "Вечерний выстрел"[14]. «Всем известен певец "Ирландских мелодий" и "Любви ангелов" ⟨...⟩, – читаем мы в заметке. – Воображение поэта равно питается прелестями своего идеала и воспламеняется делами политическими. Прихотливая муза его бич сатиры покидает для того, чтобы бряцать на лире. Политическая его поэзия понятна всего более для наблюдателей непрестанного хода дел английского правительства; но другие произведения имеют общую занимательность».

Публикация не осталась незамеченной. Высказывалось предположение, что и заметка и перевод принадлежат М.М. Иваненко[15]. Как установлено В.А. Мануйловым, Лермонтов, внимательно следивший за "Атенеем", впервые познакомился со стихотворением "Вечерний выстрел" именно по этой публикации. Тогда же (а не в 1841 г., как считалось ранее) Лермонтов пишет стихотворение "Ты помнишь ли, как мы с тобою...", представляющее собой перевод "Вечернего выстрела". Произведенное Мануйловым сличение двух переводов – прозаического (Иваненко) и стихотворного – подтверждает этот вывод[16].

6 ноября 1831 г. на торжественном акте по случаю окончания гимназии Иваненко выступил с докладами на английском языке "О важности английского языка" и на итальянском – "Об итальянской эпической поэме"[17]. Оба эти выступления характеризуют его как страстного поклонника романтической поэзии.

Еще в гимназии или вскоре после ее окончания Иваненко познакомился с Герценом и, как мы видели, вошел в его дружеский круг. Иваненко мог, таким образом, стать связующим звеном между Лермонтовым и Герценом.

ГЕРЦЕН
Портрет работы А.А. Збруева (масло), 1832
Фотокопия, принадлежавшая семье Пассек
Музей Герцена, Москва
Оригинал портрета хранится в Историческом музее (Москва)

В начале 1830-х годов пути Лермонтова, Герцена и Огарева не раз соприкасались как в стенах Московского университета, где они одновременно учились (Герцен на физико-математическом отделении, Лермонтов и Огарев – на нравственно-политическом), так и за пределами университетских аудиторий[18]. 16 марта 1831 г. произошла нашумевшая "маловская история", описанная Герценом в "Былом и думах". В этой демонстрации участвовали и Герцен, и Лермонтов, и Огарев.

Были ли Герцен и Лермонтов знакомы? Высказывания Герцена о Лермонтове как будто позволяют положительно ответить на этот вопрос. В письмах, дневнике, публицистических статьях, в книге "О развитии революционных идей в России" и в "Былом и думах" содержится немало оценок личности и творчества Лермонтова. В его поэзии Герцен слышит голос эпохи, находит ярчайшее поэтическое выражение настроений поколения 1830-х годов – поколения, к которому принадлежал и сам Герцен.

Герцен говорил о Лермонтове как о своем современнике, единомышленнике и товарище. Общеизвестна характеристика поэта в книге "О развитии революционных идей в России" (1850). Читая ее, невозможно отрешиться от мысли, что Герцен передал здесь то, что лично видел. Сознание его как бы воссоздает "печальную мысль" Лермонтова, его смелые высказывания "без всякой пощады и прикрас"; ему известны страдания и мужественная душевная борьба поэта, его грустное прощание и мрачные предчувствия перед отъездом на Кавказ.

Вопрос о связях Герцена и Лермонтова неоднократно привлекал к себе внимание литературоведов. В работах Л.Н. Бродского, М.И. Гиллельсона и других исследователей вскрыты идейные связи и общность мироощущения этих двух выдающихся современников[19]. Однако попытки установить, имелись ли между ними какие-либо личные контакты, не привели к результативному выводу. Представления о личности и настроениях Лермонтова складывались у Герцена в результате его общения с кругом их общих знакомых. К их числу, безусловно, принадлежал и М.М. Иваненко.

После окончания гимназии Иваненко переехал в Одессу и 8 января 1833 г. был зачислен в штат канцелярии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора М.С. Воронцова[20].

В Одессе Иваненко сблизился с М.П. Розбергом, профессором истории и русской словесности Ришельевского лицея, издателем "Одесского альманаха на 1831-й год", редактором газеты "Одесский вестник" и еженедельного приложения к ней "Литературные листки". Розберг играл заметную роль в культурной жизни Одессы. Его лекции и статьи, по словам современников, оказали "большое влияние на очищение и развитие русского языка в Одессе", усилили "жажду к русскому чтению"[21].

В цитированном выше письме к Герцену Иваненко писал, что общение с Розбергом доставляет ему "приятные минуты"[22].

Розберг привлек Иваненко к сотрудничеству в "Литературных листках", выходивших в 1833–1834 годах. Программа этого издания не отличалась особой широтой. В отделе "Науки" печатались материалы по истории, географии, статистике, естествознанию. Здесь были опубликованы, например, статьи "Об эпохах творчества и критики", "Взгляд на некоторые события всемирной истории", "О содержании, форме и значении изящнообразовательных искусств", "Теория света", "Разбор мнений опытных физиков об атмосферных явлениях" и пр. Печатая научные статьи, редакция, по ее словам, заботилась о том, чтобы они "не отзывались сухостью, односторонностью и направлением излишне техническим, а были легки и приятны".

Отдел словесности заполнялся стихотворениями и отрывками из прозаических произведений. В 1833–1834 годах в "Литературных листках" печатались произведения А.И. Подолинского, А.И. Полежаева, А.А. Совинского, А.С. Стурдзы, В.П. Теплякова, Н.Г. Тройницкого, В.Н. Щастного и других.

Большое место в этом издании занимали переводы западноевропейских писателей – Гюго, де Виньи, Ж.-П. Рихтера, Бальзака, Нодье, Дюма, Ламенне, Гете, Мицкевича и др. Большинство переводов принадлежало самому редактору "Литературных листков". Оценка переводческой деятельности Розберга содержится в анонимной статье "Литературная летопись Одессы" (в "Одесском альманахе на 1840 год", в котором, кстати сказать, были напечатаны стихотворения "Узник" и "Ангел" Лермонтова): "Сам г. Розберг ограничивался только ролью переводчика. Впрочем, он владел мастерски языком, и его переводы были образцом изящной прозы, что также капитал в литературе, особенно юной. Этот капитал дал тотчас и проценты. Вокруг Розберга образовался целый кружок переводчиков, не просто ремесленников, но дилетантов литературы..."[23] В числе сотрудников "Одесского вестника" и "Литературных листков" автор статьи называет и Иваненко[24]. Ему принадлежат переводы нескольких произведений: "Дон Жуан"[25], "Два гуртовщика"[26], "Товия Гуарнерий"[27]. Возможно, что в "Литературных листках" печатались и другие, анонимные, переводы Иваненко. С 1835 г. издание "Литературных листков" прекратилось. Научные статьи и переводы западных писателей после этого стали изредка появляться в "Одесском вестнике"[28].

После прекращения "Литературных листков" деятельность Иваненко получила новое направление. В 1835 г. он дважды ходатайствовал перед Главным управлением цензуры о разрешении издавать журнал.

Первое прошение – об издании журнала "Одесское обозрение" – было подано в Одесский цензурный комитет в марте 1835 г. К прошению были приложены про-

грамма издания, "Свидетельство от начальства о поведении" и аттестат об "ученых сведениях" Иваненко[29].

Планируемое издание отвечало потребностям развивавшегося в культурном и экономическом отношениях Юга России. Официальный "Одесский вестник", выходивший два раза в неделю на русском и французском языках, и "Листки, издаваемые обществом сельского хозяйства Южной России"[30], не в состоянии были удовлетворить эту потребность.

Новый журнал ставил перед собой более широкие задачи. Он призван был объединить силы местных литераторов и ученых в едином органе. Редакция приглашала к сотрудничеству и столичных писателей. Программа предполагаемого журнала была сформулирована Иваненко следующим образом: «С 1-го июля текущего года, если средства позволят, а в противном случае с 1-го января будущего 1836 года предполагается издание в Одессе журнала ученого и литературного под названием "Одесское обозрение". Главная цель сего журнала – знакомить читателей с Новороссийским краем; в подобном журнале сей край, столь малоизвестный и между тем столь заслуживающий быть известным, до сих пор чувствовал недостаток. Обзор Новороссийского края не ограничится каким-нибудь односторонним наблюдением; он обнимет жителей и землю, успехи образования и развитие народного богатства. Издатель и его сотрудники будут делать наблюдения свои на самих местах; для сего они предпринимали и впредь будут предпринимать поездки по всему пространству Новороссии. Как ход и успехи просвещения в России и прочих европейских государствах имеют влияние на развитие самого Новороссийского края и рассматривать это частное развитие от общего невозможно, не вредя полноте картины, то в состав журнала войдет также постоянный отчет о ходе и направлении просвещения вообще». В журнале намечалось пять основных отделов "без определенного разделения на части": "Науки", "Отечественная словесность", "Иностранная словесность", "Критика и библиография", "Смесь". Периодичность издания – две книжки в месяц.

В программе "Одесского обозрения" указывалось, что в издании будут участвовать "все одесские литераторы и ученые". "Сверх того, – писал Иваненко, – редакция приглашает и других русских писателей украшать сей журнал своим трудом"[31].

Как видно из программы, главное место в журнале должна была занять русская и иностранная литература и критика; отделу "Науки" отводилась второстепенная роль. В программе подчеркивалось, что научные статьи, "не входя в частные, подробные ученые рассуждения, будут содержать одни основные понятия...".

Заслуживает внимания стремление издателя освещать "местный материал" в связи с состоянием науки и просвещения в России и в странах Западной Европы. В программе предлагалось не часто встречавшееся в журналистике новшество – поездки сотрудников по Новороссийскому краю для сбора материалов – нечто вроде сети корреспондентов.

29 марта 1835 г. попечитель Одесского учебного округа Н. Покровский направил прошение Иваненко вместе с программой "Одесского обозрения" и другими документами в Главное управление цензуры. Оттуда 8 мая 1835 г. последовал категорический отказ: "Главное управление цензуры не находит удобным умножать число повременных изданий, не изъявило согласия на просьбу г. Иваненки. С. У в а р о в"[32].

В середине 1835 г. Иваненко приехал в Москву. Своих друзей он не застал – Герцен, Огарев, Сатин уже находились в ссылке. Об их судьбе Иваненко узнал от Н.Х. Кетчера и от других оставшихся на свободе друзей. Кетчер же в не дошедших до нас письмах к Герцену и Огареву сообщил о приезде Иваненко. Так возобновились прежние связи. В целях конспирации друзья не упоминали в письмах фамилии Иваненко, называя его "Моисеем", "Moses", "И". Так, в письме к Герцену от 29 августа 1835 г. Огарев писал: "Кандидат уехал, Moses в Москве; оба выросли душою"[33].

В декабре 1835 г. Иваненко вторично подал прошение о разрешении ему выпускать периодическое издание под названием "Новороссийский журнал"[34]. При этом

ему удалось заручиться поддержкой влиятельного Воронцова, который в своем представлении в Министерство народного просвещения от 13 декабря отметил обширные познания будущего издателя. "Постоянные занятия Иваненки в продолжении нескольких лет, – писал Воронцов, – доставили ему возможность собрать множество любопытных сведений о Новороссийском крае. К сему присоединяется содействие многих других сведущих и ученых людей". Издание "Новороссийского журнала" губернатор назвал "предприятием весьма полезным".

К отношению Воронцова была приложена написанная Иваненко программа "Новороссийского журнала". В новом проекте иначе планировался отдел науки: "Сведения о науках, в настоящем их состоянии, ученые исследования о России, в особенности о Новороссийском крае. Теоретическое описание практических способов к усовершенствованию земледелия, фабрик, торговли, промышленности и проч.".

В отделе "Изящная словесность" предполагалось публиковать "оригинальные и переводные из лучших иностранных журналов статьи, в прозе и в стихах, повести, живописные путешествия по Крыму, Бессарабии и проч." Планировались также отделы "Критика" и "Смесь".

Надо думать, что эти изменения были сделаны не без воздействия Воронцова. Ходатайство губернатора, однако, не помогло: 23 декабря 1835 г. Главное управление цензуры на представление Воронцова ответило отказом.

По поводу принятого решения министр народного просвещения С.С. Уваров в официальном письме известил Воронцова, что Главное управление не может разрешать издание новых журналов без "высочайшего соизволения" и что прошение Иваненко может быть представлено царю лишь в том случае, если Воронцов согласится "засвидетельствовать благонадежность издателя в нравственном отношении"[35].

По-видимому, Воронцов не счел возможным взять на себя ответственность за "нравственность" Иваненко, тем более, что незадолго до того им был получен секретный запрос об Иваненко из "высочайше" учрежденной Следственной комиссии, рассматривавшей дело о молодых вольнодумцах, к числу которых мог принадлежать будущий издатель "Новороссийского журнала".

Попытка Иваненко основать журнал совпала с аналогичными издательскими планами его московских друзей. Известно, что еще в конце 1832 или в начале 1833 г. членами герценовского кружка было задумано издание художественно-публицистического альманаха. Инициатива принадлежала В.В. Пассеку, которому удалось привлечь к участию в издании широкий круг авторов. Кроме Пассека, Герцена, Огарева, Сатина, в альманахе должны были участвовать М.П. Погодин, Н.Ф. Павлов, Н.С. Теплова, М.А. Максимович и др. К началу 1833 г. была собрана большая часть предназначавшихся для издания материалов. Подготовленный к печати альманах дважды представлялся в цензуру – в апреле и в мае 1833 г. Издание в свет не вышло.Т.П. Пассек, принимавшая участие в подготовке издания, сообщает в своих воспоминаниях: «"Альманах" был составлен хорошо, хорошо переписан, но цензура так много изменила, что он оставался неизданным»[36].

Через год, в феврале 1834 г., когда более четко определилось направление общественных и научных интересов Герцена и его друзей, созрел план издания научного и литературного журнала. До нас дошел написанный Герценом документ под условным названием "Программа и план издания журнала" (I, 59–61), представляющий собой проект издания и одновременно изложение взглядов кружка Герцена и Огарева. Программа журнала отличалась энциклопедической широтой. Проект этот также осуществлен не был.

Идея издания журнала владела друзьями и в годы ссылки, о чем свидетельствует письмо Огарева к Н.Х. Кетчеру от 27 декабря 1837 г[37].

Здесь изложен интересный проект издания научного и литературно-художественного журнала. Возвращаясь к "Программе..." в 1834 г., Огарев развивает и дополняет первоначальный план: помимо научных и литературных статей, в журнале должны печататься "индустриальные статьи" отечественных "хозяев и промышлен-

МОСКВА. ЗДАНИЕ ПРЕЧИСТЕНСКОЙ ПОЛИЦЕЙСКОЙ ЧАСТИ В ШТАТНОМ ПЕРЕУЛКЕ (НЫНЕ КРОПОТКИНСКИЙ ПЕР., 23)

Фотография. Начало 1910-х годов

"Альбом зданий, принадлежащих Московскому городскому общественному управлению". Том I. Москва, 1913

В Пречистенской полицейской части с 21 июля по 5 сентября 1834 г. содержался под арестом Герцен

ников". Для этой части журнала Огарев считал возможным использовать иностранные технико-индустриальные издания[38].

Между журнальными проектами Огарева и Иваненко прослеживается определенная связь. Примечательно, что Огарев возвращается к мысли о журнале как раз в те дни, когда решается судьба "Новороссийского журнала". По-видимому, в не дошедшем до нас письме к Огареву Кетчер сообщил об Иваненко и его журнальных проектах и письмо Огарева от 27 декабря 1835 г. явилось откликом на это сообщение.

Возможно, что сведения о журнальных проектах Иваненко дошли и до находившегося в ссылке Герцена. В письме к Кетчеру от 22 ноября 1835 г. Герцен писал: "Моисей в Москве ли? Пожми его руку" (XXI, 56).

О дальнейшей судьбе Иваненко известно немного. Несколько строк о нем мы находим в письме Огарева к Герцену от 27 сентября 1844 г. из Берлина[39]. В 1848 г. в "Отечественных записках" был напечатан рассказ Иваненко "День в Новороссийских степях"[40]. Сохранилось письмо Иваненко к А.А. Краевскому от 1 августа 1847 г. по поводу этой публикации[41].

В конце 1840-х годов Иваненко жил в Москве; он был секретарем отделения Московского дамского попечительства о бедных[42].

Сохранил ли Иваненко верность свободолюбивым устремлениям юности? Как он отнесся к деятельности своих друзей – издателей "Полярной звезды" и "Колокола"? Ответы на эти вопросы могут дать лишь дополнительные разыскания. Тогда же можно будет сделать и окончательные выводы насчет его политической эволюции. Но и приведенные материалы доказывают, что интересы Иваненко развивались в том же направлении, что и интересы Герцена. Стремление Иваненко, Герцена и Огарева издавать журналы, в программе которых было немало общего, говорит о том, что они чутко улавливали потребности эпохи и стремились основать издания, способные служить рупором передовой научной и общественной мысли.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Это письмо М.М. Иваненко опубликовано Л.Р. Ланским в его комментариях к 30-томному Собр. соч. Герцена (XXI, 594–596).

[2]Речь идет об издании: "Poezye Adama Mieckiewicza, z portretem autora. "W., t. I–IV. P. 1828–1832. Тома I–III были в России "запрещены для публики", т. IV – "безусловно" (см.: "Алфавитный список книгам на польском языке, запрещенным цензурою иностранной безусловно и для публики с 1830 до декабрь месяц 1852 года включительно". СПб., 1853, с. 16).

[3]"Дело по отношению генерал-адъютанта графа Бенкендорфа о обнаружившейся торговле запрещенными книгами" (*РГИА*, ф. 772, 1834, ед. хр. 699).

[4]"Труды Воронежского гос. университета, т. XIV, вып. II. Материалы по истории русской культуры". Воронеж, 1947, с. 242– 243.

[5]"Дело по отношению Екатеринославского гражданского губернатора об утверждении надворного советника Иваненко почетным попечителем Екатеринославской гимназии" (*РГИА*, ф. 733, оп. 78, 1835–1836, ед.хр. 216, 303, 388). В семье Иваненко было шестеро детей: Моисей, р. 1813; Андрей, р. 1814; Александр, р. 1815; Екатерина, р. 1817; Елизавета, р. 1818 и Анна, р. 1820.

[6]Далее следуют ссылки на указы разных лет о праве на гражданскую и военную службу.

[7]*РГИА*, ф. 772, оп. 1, ч. 1, ед. хр. 779, л. 3 (копия).

[8]Т. Л е в и т. Литературная среда Лермонтова в Московском благородном пансионе ("Лит. наследство", т. 45–46, с. 233).

[9]В.А. М а н у й л о в. Летопись жизни и творчества М.Ю. Лермонтова. М.-Л., 1964, с. 27.

[10]"Моск. ведомости", 1829, № 33, 24 апреля, с. 1559.

[11]В.А. М а н у й л о в. Указ. соч., с. 31.

[12]"Моск. ведомости", 1830, № 36, 3 мая, с. 1644.

[13]"Речи и стихи, произнесенные в торжественном собрании Университетского благородного пансиона, по случаю выпуска воспитанников, окончивших курс учения, 1830 года марта 29 дня. При сем отчет пансиона за 1829 год". М., 1830, с. 37–42; "Дамский журнал", 1830, № 17, с. 60.

[14]"Атеней", 1829, № 17, с. 495–497. Ценз. разрешение 1 июля 1829 г.

[15]В.А. М а н у й л о в, М.И. Г и л л е л ь с о н, В.Э. В а ц у р о, М.Ю. Лермонтов. Семинарий. Л., 1960, с. 146–147. См. также: В. В а ц у р о. "Ирландские мелодии" Томаса Мура в творчестве Лермонтова ("Русская литература", 1965, № 3, с. 184–192); "Лермонтовская энциклопедия", с. 323–324.

[16]В.А. М а н у й л о в. Заметки о двух стихотворениях ("Ученые записки Ленинградского гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена", 1948, т. 67. Кафедра русской литературы, с. 82–87). Предположение исследователя, что и прозаический перевод "Вечернего выстрела" принадлежит Лермонтову, вызвало возражения (см.: М.Ю. Лермонтов. Семинарий, с. 146–147). О переводе этого стихотворения см. также: "Лермонтовская энциклопедия", с. 585–586.

[17]"Речи, разговор и стихи, произнесенные в торжественном собрании первой Московской гимназии, по случаю выпуска благородных воспитанников, окончивших курс учения, 1831 года ноября 6 дня. При сем отчет Первой гимназии за 1831 год". М., 1831, с. 34–37, 38–41.

[18]Автор статьи "Московский университетский благородный пансион" ошибочно утверждает, что Огарев, как и Лермонтов, был воспитанником пансиона ("Лермонтовская энциклопедия", с. 290). Получив домашнее образование, Огарев был зачислен 28 января 1832 г. вольнослушателем на нравственно-политическое отделение Московского университета (Н.Г. Т а р а к а н о в. Н.П. Огарев. Эволюция философских взглядов. М., 1974, с. 49). Но и до этого Огарев посещал университетские лекции сначала на физико-математическом, а затем на юридическом и словесном отделениях (В.П. Г у р ь я н о в. К студенческой биографии Н.П. Огарева (по новым материалам) – "Вестник Московского университета". Серия обществ. наук, 1953, вып. 2, с. 165–167). Связующей нитью между Лермонтовым и Огаревым могла служить Е.П. Ростопчина, с которой Лермонтов познакомился в начале 1830-х годов и посвятил ей стихотворения "Крест на скале" (1830) и новогодний мадригал "Додо" (1831). В эти же годы с Ростопчиной сблизился и Огарев. По свидетельству Пассек, у него находились рукописи ненапечатанных стихотворений Ростопчиной (*Пассек I*, 350). О знакомстве Лермонтова и Огарева с Ростопчиной см. также: С. С у ш к о в. Биографический очерк ("Сочинения гр. Е.П. Ростопчиной", т. 1, СПб., 1890, с. XIV и XXXIX); "Декабристы. Сборник материалов". Л., 1926, с. 15.

[19]См.: Н.Л. Б р о д с к и й. М.Ю. Лермонтов. Биография, т. 1. 1814–1832. М., 1945, с. 260–296; М. Г и л л е л ь с о н. Лермонтов в оценке Герцена (Сб.: "Творчество М.Ю. Лермонтова". М., 1964, с. 364–394); М.И. Г и л л е л ь с о н, Е.Н. Д р ы ж а к о в а, М.К. П е р к а л ь. А.И. Герцен. Семинарий. М.-Л., 1965, с. 232–234; "Лермонтовская энциклопедия", с. 111.

[20]*РГИА*, ф. 777, оп. 1, ч. 1, 1835, ед. хр. 779, л. 2. Отметим, что в официальных печатных источниках ("Месяцослов и общий штат Российской империи на 1835 год" и "Новороссийский календарь, издаваемый П.М. 1835 год") служба Иваненко в канцелярии Воронцова не зафиксирована.

[21]А. С к а л ь к о в с к и й. Участие Одессы в подвигах на поприще наук, отечественной истории и словесности ("Сын отечества", 1842, № 6, отд. V, с. 33, 36).

[22]Возможно, знакомство Иваненко с Розбергом состоялось еще в Москве, в 1829 г., когда Розберг, закончив Московский университет, некоторое время сотрудничал в "Атенее" (см., например, перевод статьи "Открытие Пифагора" – "Атеней", 1829, ч. 1, март, с. 556–590). Как уже говорилось, в этом журнале в 1829 г. была напечатана заметка Иваненко "Нечто о Муре" и перевод трех стихотворений Мура.

[23]"Одесский альманах" на 1840 год". Одесса, 1839, с. 28. Издателем альманаха был Д.М. Княжевич, его помощником – Н.И. Надеждин.

[24]Участие Иваненко в "Одесском вестнике" в 1832 и 1833 г. не выявлено.
[25]"Лит. листки", 1833, № 12, с. 95–98; № 13, с. 103–105.
[26]Там же, № 14, с. 110–113; № 15, с. 117–121; № 16, с. 125–128.
[27]Там же, № 27, с. 235–242.
[28]Например, "Отрывки из соч. Сильвио Пеллико" ("Одесский вестник", 1835, № 43, 25 мая).
[29]«Дело о дозволении губернскому секретарю Иваненко издавать журнал "Одесское обозрение"» (*РГИА*, ф. 772, оп. 1, ч. 1, ед. хр. 779, 7 л.). В "Деле" сохранилось следующее свидетельство: "Служащий в штате канцелярии г-на Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора, губернский секретарь Моисей Михайлов сын Иваненко во время служения своего в канцелярии, с 8-го января 1833 года по настоящее число, отличался хорошим поведением, доброю нравственностию и усердием к службе. О чем приятным долгом считаю сим свидетельствовать. 15-го марта 1835 года. Правитель канцелярии статский советник Ф а б р" (л. 2).
[30]С 1841 по 1917 г. издание выходило под названием "Записки общества сельского хозяйства Южной России".
[31]*РГИА*, указ. дело, л. 4–5.
[32]Там же, указ. дело, л. 7.
[33]*Огарев* II, 274. Кандидат – это, по-видимому, Н. Сазонов. См. также письмо Огарева к Кетчеру от середины 1835 г. (там же, с. 272). В комментариях к этому изданию отечество Иваненко указано неверно.
[34]«Дело по отношению Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора о дозволении губернскому секретарю Иваненко издавать "Новороссийский журнал"» РГИА, ф. 772, оп. 1, ед. хр. 838, л. 4.
[35]*РГИА*, указ. дело, л. 4.
[36]*Пассек* I, 442.
[37]*Огарев* I, 274–277.
[38]Об этом проекте Огарева см.: Е.И. З е й л и г е р - Р у б и н ш т е й н. Н.П. Огарев о воспитании и народном образовании. М., 1968, с. 35.
[39]*Огарев* II, 374.
[40]*ОЗ*, 1848, № 5, отд. 3, с. 34–48.
[41]*РНБ*, ф. 73 (А. Бильбасова), № 2. л. 1.
[42]"Адрес-календарь жителей Москвы. Составлен ⟨...⟩ К. Нистремом". 1850, ч. 1. Календарь чиновников служащих". М., 1849, с. 358.

"ВЫСОЧАЙШАЯ РЕЗОЛЮЦИЯ" АЛЕКСАНДРА II

Сообщение И.В. П о р о х а

Создание Герценом (в феврале 1853 г.) Вольной русской типографии явилось логическим следствием всей его предшествующей общественно-литературной и антиправительственной деятельности. Вместе с тем это выдающееся событие в истории русского освободительного движения показывает, какое огромное значение придавал Герцен бесцензурной печати в борьбе против крепостничества и самодержавия. "Основание *русской типографии* в Лондоне, – писал Герцен 20 мая 1853 г., – является делом наиболее практически революционным, какое русский может сегодня предпринять в ожидании исполнения иных, лучших дел" (XII, 79).

Царское правительство сразу же поняло, какого грозного и опасного противника оно обрело в лице Герцена-издателя. Показательно в этом отношении официальное обращение шефа жандармов гр. А.Ф. Орлова к министру народного просвещения А.С. Норову от 24 июня 1853 г. Сообщая, что "изгнанник Герцен учредил недавно в Лондоне русскую типографию с целью печатать в оной возмутительные сочинения", он предписывал Норову "обратить на это особенное внимание цензурных комитетов, так как в оные, в числе книг, привозимых из-за границы, могут быть представляемы и помянутые злонамеренные сочинения". Одновременно Орлов "отнесся к гг. министру финансов и генерал-губернаторам пограничных губерний империи, прося их распоряжений к обращению строжайшего внимания на привозимые в наши пределы русские книги и к воспрепятствованию ввоза таковых книг, печатанных в означенной типографии"[1].

И во все последующие годы, вплоть до самой смерти Герцена, его издательская деятельность постоянно являлась объектом преследований царского правительства, особенно усилившихся с момента выхода "Колокола".

Герцену пришлось преодолеть немалые трудности, прежде чем он завоевал ши-

рокое признание как редактор-издатель и установил связь с многочисленными корреспондентами из России. Наиболее тяжелыми были для Герцена два первых года существования лондонской типографии, когда между ним и Россией была воздвигнута китайская стена молчания. Страстные призывы "лондонского изгнанника" оставались безответными. Николаевский режим лишил людей дара речи. И только с конца 1855 г. долгожданный сочувственный отклик долетел до берегов Англии. Нескончаемым потоком вскоре потекли в Лондон к Герцену корреспонденции из России, которые позволили ему и Огареву наладить издание "Колокола", принесшего Вольной русской типографии наибольшую популярность. Как считал сам Герцен, с "Колокола" началась "настоящая серьезная пропаганда" (XXVII, 171).

В борьбу против "Колокола" сразу же включились важнейшие государственные учреждения: III Отделение вместе с корпусом жандармов, Государственный совет, Министерства внутренних дел, юстиции, народного просвещения, иностранных дел, финансов, а также Главное управление почт и телеграфов.

"Колокол" и другие издания Вольной русской типографии строго преследовались в России. Александру II даже удалось добиться их запрещения в Пруссии, Саксонии, во Франкфурте-на-Майне, Париже, Риме и Неаполе. В борьбе против Герцена и его изданий царское правительство не гнушалось никакими средствами. Оно подчас готово было воспользоваться услугами явных авантюристов. Известны имена некоторых из них, предлагавших за определенную плату нанести ущерб Вольной русской типографии и ее изданиям (Г. Михаловский, Ю. Мейер). Предательство Михаловского, служившего приказчиком в лондонском книжном магазине Трюбнера, было печатно разоблачено Герценом в листе 4 "Колокола" от 1 октября 1857 г. В заметке "От издателя" Герцен писал: "Удостоверясь, что некто *Михаловский*, занимавшийся делами по книжной торговле г. Трюбнера, предлагал русскому правительству доставлять рукописи и письма, присылаемые для нашей лондонской типографии, и считая должность корреспондента русского правительства несовместимой с делами нашей типографии, – мы взяли все меры, чтоб отстранить Михаловского от всякого участия в делах..." (XIII, 49; ср. 64–65).

Любопытные сведения об осведомленности Герцена относительно предательства Михаловского содержатся в письме к Мальвиде Мейзенбуг от 14/2 октября 1857 г. "У нас, – писал Герцен, – была длинная история: обнаружили одного шпиона, который хотел получить от русского правительства 100 фунтов за мои письма и т.п. Едва письмо Горчакова успело дойти до Петербурга, как я получил оттуда 3 предостережения" (XXVI, 129). Разоблаченный Герценом Михаловский был обезврежен[5*].

Другой добровольный провокатор, некто Иосиф, или Юлий Мейер, в своё время "надул" А.М. Горчакова, когда тот был посланником в Вене. Такой метод добывания денег пришелся по вкусу авантюристу, который вторично поймал на герценовскую приманку теперь уже наместника Царства Польского генерал-адъютанта М.Д. Горчакова. Об этом В.А. Долгоруков сообщил 13 января 1858 г. министру иностранных дел А.М. Горчакову. В этом официальном послании с грифом "Весьма секретно" читаем: "Вследствие сношений моих с наместником Царства Польского об известном вашему сиятельству Генрихе Михаловском, который вызывался открыть нашему правительству лиц, занимающихся переводом фальшивых кредитных билетов и распространением сочинений Герцена, – генерал-адъютант князь Горчаков сообщил мне ныне, что он получил по почте из Кале письмо от имени некоего Мейера, который, выражая совершенное знание о помянутом предложении Михаловского, вызвался также сделать надлежащие указания по означенным предметам и отправиться для этого в Краков и Познань, ежели ему даны будут необходимые к тому денежные средства; что, найдя изложенные в этом письме обстоятельства заслу-

---

[5*] Выполняя поручение III Отделения, русский поверенный в Лондоне барон Николаи навел справки и в официальной депеше – от 12/24 ноября 1857 г. сообщил: "Михаловский – характера подозрительного, некогда он сообщил точные сведения об Ольшевском... Я буду его иметь в виду. Подробности же с парижским курьером"[2].

живающими внимания, он, г. генерал-адъютант Горчаков, приказал отправить к Мейеру 300 таллеров, адресуя оные по указанному им адресу в г. Кёльн; что после того никаких сведений от него и даже уведомления о получении тех денег не получено, а между тем, по конфиденциальному дознанию, оказалось, что он 28 ноября писал кёльнскому почт-директору, прося его все письма, которые будут там получены на имя его, Мейера, из России и Царства Польского пересылать в Лондон, вследствие чего письмо с помянутыми 300 таллерами отправлено туда 2 декабря н.ст. Заключая из сего, что лицо, именующееся Юлием Мейером, может иметь только целью обман и в таком случае, вероятно, принадлежит к числу неблагонадежных людей, проживающих в Англии, и имеет лишь ввиду извлечение собственных выгод, я считаю долгом сообщить о вышеизложенном вашему сиятельству..."

Горчаков в ответном послании от 15 сентября 1858 г. сообщал: "Я полагаю, что этот Мейер, называющий себя Юлием, есть тот же самый Иосиф Мейер, который в 1854 г. обещаниями своими открыть план заговорщиков, выманил несколько денег от меня в Вене и от III Отделения соб⟨ственной⟩ его имп⟨ераторского⟩ величества канцелярии. Этот человек, подписывающийся одинаково *И.М.*, составил себе, как кажется, ремесло из фальшивых доносов"[3].

В то время как шеф жандармов и министр иностранных дел выясняли вопрос о возможности воспользоваться направленными против Герцена предложениями явных авантюристов, придворный историограф, автор известной книги "Восшествие на престол императора Николая" М.А. Корф и министр внутренних дел С.С. Ланской получили из Лондона письма, в которых обещалось за солидную плату нанести невосполнимый урон Вольной русской типографии и оказать содействие царскому правительству в аресте ее руководителя.

Вот письмо к Корфу от 9 января 1858 г.:

«Милостивый государь!

Вольная русская типография в Лондоне под управлением Герцена в будущем месяце начинает печатать разбор вашей книги о восшествии на престол покойного государя-императора.

Не знаю, останется ли какое-нибудь черное слово в русском языке, которое не подпадет под станок при этом сочинении, а надо заметить, что книга эта чуть ли не лучшая из всего написанного Герценом; один в ней недостаток – это чересчур чрезмерное употребление брани против коронованного покойника, после него первое место занимаете вы как сочинитель; вот почему я обращаюсь именно через вас к правительству со следующим предложением.

По сношениям моим с Герценом я имею возможность легко уничтожить его типографию, сплавив все до одной литеры в одну общую массу. После этого он не будет иметь ни возможности, ни охоты закупать подобную провизию в России и во второй раз привозить ее в Англию[6*], а в Берлине[7*], как вы знаете, ни "Колокол", ни "Полярная звезда", ни разбор книги вашей, вероятно, печататься не будут.

Если правительство согласится выдать мне 800 фунтов стерлингов вскоре после уничтожения типографии и вышлет мне 100 фунтов на издержки, то есть на уплату наличными двум людям, которые управляют станком, то я по получении от правительства слова, денег и письма, исполню мною предлагаемое в двухнедельный срок.

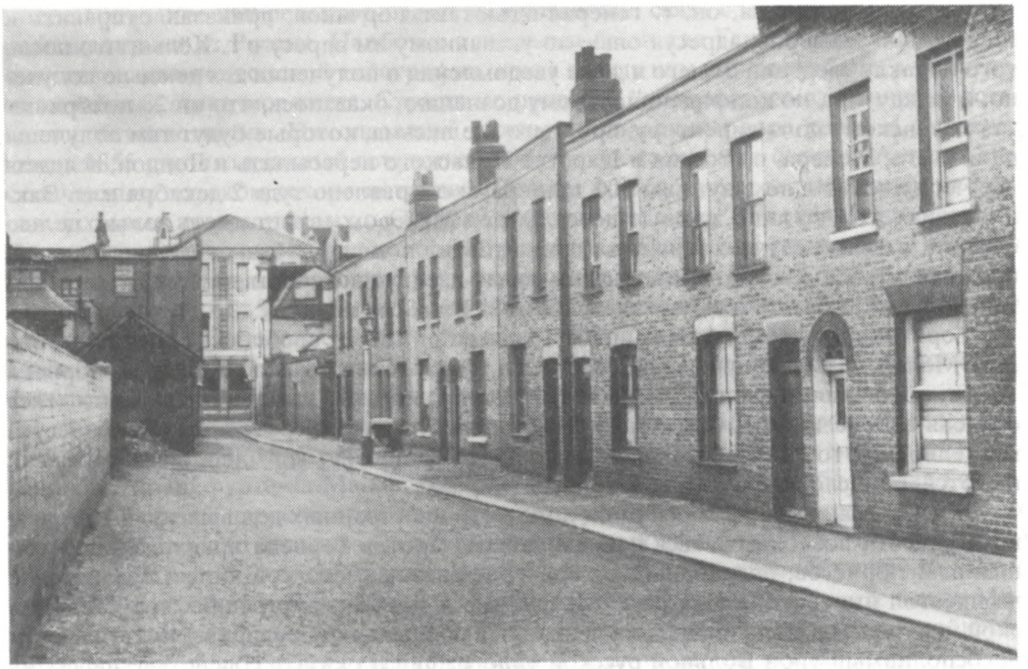
Пишите мне, если правительство найдет нужным, не через посольство, а прямо по адресу, который я прилагаю, и, если можно, поскорее, это даст возможность остановить "Полярную звезду", которая теперь печатается.

Ваш покорный слуга Альберт Ч е р н и ц к и й.

Мой адрес: Mr. Kent, 14, Queen Street. Plymouth, for M-r. Chernitzky»[4].

6* Автор письма не знал, что Герцен приобрел шрифт для типографии через членов польской Централизации у известного парижского издателя Дидо: шрифт этот был отлит перед Крымской войной по заказу императорской Академии наук в Петербурге (см. XXV, с. 389). – *И.П.*

7* В Европе только в Берлине есть русская типография.



ЛОНДОН. БАРРОУЗ ХИЛЛ
Фотография, 1857
Литературный музей, Москва
Здесь размещалась Вольная русская типография

Получив это послание, Корф немедленно переадресовал его шефу жандармов В.А. Долгорукову с сопроводительной запиской, в которой писал:

"Милостивый государь, князь Василий Андреевич!

Сейчас полученное мною письмо с подписью из Портсмута имею честь препроводить сие на зависящее усмотрение и распоряжение к Вашему сиятельству вместе с двойным конвертом, в котором оно было принесено в Публичную библиотеку. Его подал там неизвестный человек, сей час удалившийся.

С моей стороны считаю долгом присовокупить только в опровержение одного из показаний писавшего письмо, что русские типографии существуют теперь, сколько мне известно, также в Карлсруэ, в Лейпциге, в Берлине и в Париже. По крайней мере, во всех этих городах печатаются книги на русском языке"[5].

В сопроводительной записке Корфа обращает на себя внимание то обстоятельство, что письмо из Плимута он получил не по почте, а через посредника. Это, скорее всего, может говорить в пользу предположения, что у анонимного автора письма были связи с Россией.

15 января 1858 г. Долгоруков доложил Александру II письмо из Плимута. Русский венценосец проявлял явно повышенный полицейского свойства интерес к Герцену и его деятельности.

В начале марта 1858 г. был дан новый импульс этому интересу. Неизвестный корреспондент, и опять же из Плимута, повторил в принципе предложение, содержавшееся в письме к Корфу, но расширил его. Теперь он адресовал свое обращение министру внутренних дел С.С. Ланскому.

В письме говорилось:

«Издатель газеты на русском языке "Колокол" г. Герцен (Искандер) отправляется 14/26 апреля будущего месяца в одно из государств материка Европы по делам своего имения, заключающимся в деньгах, где пробудет около 16–18 дней и будет

стараться о распространении там "Полярной звезды", "Голосов из России" и проч.

Отпечатанную книгу "Император Николай по поводу книги барона Корфа" пошлют скоро секретно транспортом в Россию.

Никто, кроме меня, не знает, кто повезет транспорт, потому что я буду отправлять его; никто, кроме меня, не знает и не будет знать, куда поедет Искандер, а как я ему недруг и, как я уверен, правительство страны, куда он едет, охотно выдаст его правительству русскому со всеми его революционными идеями, то я предлагаю указать место, день и час, когда и куда он отправится, указать его квартиру там и указать транспорт революционных книг, кто и куда повезет его, если я получу от правительства не через посольство (я не хочу гласности), а прямо на мое имя в Плимут семьдесят фунтов стерлингов к будущему 14 апреля русского стиля или несколько дней позже.

Я обращаюсь к вам, ваше высокопревосходительство, потому, что вы вторично циркуляром 28 октября 1857 заботились о непровозе подобных книг в Россию[8*] и ожидаю вашего ответа, от которого будет зависеть совершенное прекращение революционных сочинений. Мой адрес: M-r Newritskey, 2, Adelaide Road, Plymouth»[6].

Предложения некоего Невритского (скорее всего, имя это вымышленное) показались руководителям III Отделения, а впоследствии и Александру II, весьма заманчивыми. 8 марта Долгоруков написал своему начальнику штаба А.Е. Тимашеву: "Прошу вас прислать мне завтра к 9 1/2 часам утра дело с письмами, которые были получены князем Горчаковым и бароном Корфом насчет сочинений и типографии Искандера. Господин министр внутренних дел прислал мне письмо к нему, адресованное Неврицким.

Оно написано, сколько я могу припомнить, тою самою рукою, которою писано письмо к барону Корфу". На письменном распоряжении Долгорукова помета, сделанная красным карандашом рукой А.Е. Тимашева: "Исполнил"[7].

На следующий день, 9 марта, Долгоруков для памяти сделал запись, адресованную тому же Тимашеву: "Переговорить о прилагаемых письмах во вторник, так как, вероятно, завтра мы видеться не успеем. Оба письма, по моему мнению, писаны одним и тем же лицом"[8].

Следствием переписки и устного обмена мнениями между Долгоруковым и Тимашевым о Герцене и его типографии явилось письмо начальника штаба корпуса жандармов к негласному агенту III Отделения Я.Н. Толстому, скорее всего санкционированное самим Александром II. Шумный провал Михаловского и циничный обман Мейера, естественно, кое-чему научили руководителей III Отделения. Они решили быть более осмотрительными и, прежде чем дать согласие на предложение из Плимута, захотели навести справки о возможных авторах писем, а также о реальности их обещаний. Кроме того, они опасались "ловушки" – провокации со стороны Герцена, меряя всех людей на свой полицейский аршин.

15 марта 1858 г. Тимашев писал Толстому:

«Милостивый государь Яков Николаевич! Министр внутренних дел и барон Модест Андреевич Корф доставили к шефу жандармов письма, полученные ими из Англии от неизвестных им лиц. Сходство почерка и особенности предложений, в них заключающихся, дают повод предполагать, что они писаны одним и тем же лицом. По почерку есть основание подозревать, что они писаны Николаем Платоновичем Огаревым, сотрудником Герцена[9*].

Препровождая при сем в подлиннике оба письма, я, по поручению князя Василия Андреевича, покорнейше прошу вас, милостивый государь, сообразить как средства к разысканию лиц, их писавших, так и меру возможности осуществить сделанные ими предложения.

[8*] О циркуляре С.С. Ланского автор письма мог узнать из статьи Герцена "Ложный донос на нас и безграмотный циркуляр о наших книгах", опубликованной в л. 10 "Колокола" от 1 марта 1858 г. (XIII, 204–205). – *И.П.*

[9*] Это предположение было грубейшей ошибкой и в то же время грязной клеветой на Огарева. – *И.П.*

При исполнении возлагаемого на вас поручения необходимо соблюсти всевозможную ловкость и осторожность, имея ввиду, что упомянутые письма могут быть написаны по внушению самого Герцена с целью поставить правительству нашему, так сказать, ловушку и дать тему для статьи в "Колоколе".

Князь Василий Андреевич, полагая, что по осторожности, которую необходимо соблюсти в этом деле, вам нужно самим отправиться в Лондон и Плимут, поручил мне при сем препроводить к вам 150 голландских червонцев с тем, что если к израсходованию их не представится надобности, по возлагаемому на вас поручению, вы оставите их у себя в счет суммы, отпускаемой вам на содержание.

Для соображения вашего считаю нелишним сообщить, что в прошлом декабре месяце некто Jul. Meyer предлагал письменно свои услуги наместнику Царства Польского для указания пути, которым доставляются в Россию сочинения Искандера, испрашивая в вознаграждение 300 червонцев. Деньги эти были ему высланы, но с той поры не было о Мейере никаких более известий.

Присовокупляя к сему, что о последующем князь Василий Андреевич будет ожидать вашего донесения, имею честь удостоверить вас, милостивый государь, в совершенном моем почтении и преданности»[9].

Пока письмо-запрос Тимашева за № 586 от 15 марта 1858 г. шло в Париж, 22 марта через фельдъегеря в Петербурге был получен ответ Я.Н. Толстого на предшествующее обращение к нему начальника штаба III Отделения:

«Ваше превосходительство, милостивый государь Александр Егорович!

В ответ на письмо вашего превосходительства от 1 марта за № 540[10*], имею честь донести, что русская брошюра, о которой вы изволите упоминать, "заключающая очерк в саркастическом духе лиц, участвовавших в Крымской кампании", должна быть, как я полагаю, та же самая, которую я имел честь препроводить к господину генерал-адъютанту Долгорукову и которая напечатана в Лейпциге в двух частях под заглавием: "Русский заграничный сборник": 1-ая – "Немцы и Дунай"; 2-ая – "Журнал Севастополя". Сии две брошюры отправлены на имя князя Василия Андреевича 1/13 марта.

Вскоре после того появилась еще одна брошюра из того же источника проистекающая: "Письмо к наставнику его императорского высочества государя наследника", которая отдана мною также в посольство для отправления с первым курьером. Я полагаю, что не стоило отправлять этой книжки по почте, потому что она давно уже была известна как произведение Погодина и ходила в рукописи в России.

В заключение имею честь доложить вашему превосходительству, что все русские книги заграничного издания отправляются мною немедленно к его сиятельству; если же в посольстве нет оказии или таковые не предвидятся в скором времени, в таком случае я отправляю по почте. Впрочем, в некоторых случаях, по встречающимся препятствиям, высылка книжек замедляется а именно, некоторые из них, будучи запрещены французским правительством, в продажу здесь не поступают, а потому я принужден выписывать их из Лондона, что сопряжено также с большими затруднениями; те же, которые можно купить здесь тайно, продаются втридорога против цены, определенной Герценом, также весьма высокой. Отправление же по почте брошюр большого формата, как-то: "Полярная звезда", "Голоса из России", обходится также дорого и доходит неверно. По сие время все брошюры и листки, напечатанные в Лондоне и Лейпциге, отправляемы были мною в свое время к его сиятельству и впредь будут с надлежащею исправностью»[10].

На письме резолюция Тимашева: «Просить о высылке еще одного экземпляра книги Герцена, написанной по поводу сочинения барона Корфа "Восшествие на престол императора Николая I"»[11].

Трудно сказать, получил ли автор последнего письма из Плимута какое-либо подтверждение интереса к его предложениям со стороны III Отделения. Во всяком

[10*] Текст этого письма до нас не дошел, но о его содержании можно судить по ответу Я.Н. Толстого.– *И.П.*

случае в середине апреля 1858 г. в ведомстве Долгорукова появилось еще одно письмо из Плимута, отправленное 31 марта, в котором говорилось:

«Издатель журнала "Колокол" г-н Герцен, пишущий пасквили против императорской фамилии, отправляется из Лондона на материк Европы по своим денежным делам и для распространения там русских сочинений, издаваемых в Лондоне; он повезет с собою в числе прочих в большом количестве "Император Николай по поводу книги барона Корфа" с целью отправить эти сочинения в Россию секретным путем.

Находясь в сношениях с Герценом, я предлагаю канцелярии его величества указать день, пароход и место, куда он поедет и где он неминуемо будет выдан русскому правительству, если мне вышлют 70 фунтов стерлингов. Так ⟨как⟩ я должен быть в Лондоне к отъезду Герцена через пятнадцать дней, а письмо это будет не позже 10-го, попрошу канцелярию его величества, буде мое предложение будет признано достойным внимания, дать знать мне по телеграфу, ожидать ли мне удовлетворительного ответа или нет»[12].

Вероятно, одновременно в Петербурге был получен ответ из Парижа от Толстого на запрос Тимашева от 15 марта за № 586. Письмо-отчет Толстого датировано 29 марта / 10 апреля, а получено в Петербурге только 16 апреля. По всей вероятности, Толстой ждал верной оказии для его пересылки. Привожу полный текст этого любопытного документа:

«Ваше сиятельство, милостивый государь, князь Василий Андреевич!

Предписание вашего сиятельства, переданное мне господином генералом-майором А.Е. Тимашевым, я имел честь получить и в тот же день в кратких словах известил его превосходительство о немедленном отъезде моем в Лондон. Хотя впоследствии, обдумав основательнее сущность этого обстоятельства, я убедился, что в настоящее время крайней необходимости не предстоит спешить отъездом моим в Англию, ибо *книга против барона Корфа* печатается уже 2-м изданием, "Полярная звезда" вышла на днях, и 12-й № "*Колокола*" тоже.

Теперь же приемлю смелость изложить вашему сиятельству собственное мнение мое по предмету возложенного на меня поручения:

Во-первых, предложение, сделанное барону Модесту Андреевичу Корфу из Портсмута от 9-го января, не заслуживает, по моему суждению, никакого внимания, потому что книга Герцена давно уже вышла и отправлена в великом множестве экземпляров в Бельгию, в Германию, а оттуда, вероятно, в Россию. Способ же к уничтожению издания сплавлением типографии Герцена во всех отношениях, мне кажется, недостойным уважения как вандалическое, насильственное средство, не сообразное с возвышенными чувствами благодушного государя нашего. Если бы подобное покушение приведено было в действие, Герцен имел бы полное право обратиться к суду, а так как всякое посягательство на собственность, а наипаче истребление оной, по законам английским относится к криминальному разряду, последствия такого поступка были бы самые пагубные. Сверх того, истребление типографии Герцена нимало не прекратило бы печатание русских книг. В самом Лондоне заведена другая русская типография поляком Свентославским. В Париже тоже существуют несколько станков и русские литеры отлиты в надлежащем количестве у Фирмена Дидо в императорской типографии и, наконец, у иезуитов, где недавно напечатаны книги Мартынова.

Третье предложение об указании мест проезда и пребывания Герцена в предполагаемой им поездке, также не может иметь никакой цели, не представляя возможности в исполнении оной. Мы видим ясный пример в ничтожестве всех мер, принятых для арестования Маццини; целая Европа несколько лет сряду ловит его, и все усилия до сих пор были тщетны. К тому же, я полагаю, что великодушное и прямыми путями всегда действующее правительство наше не согласится приступить к способу, не соответствующему прямоте его деяний, не свойственному достоинству могущественной державы и подвергающему Россию навлечь на себя негодование Европы и даже поколебать наши мирные сношения с Англией.

Впрочем, по моему крайнему разумению, мне кажется, что даже если бы Герцена выдали России, то наше правительство нашлось бы в большем затруднении, недоумевая, что́ с ним делать?

Касательно же почерка писем к барону М.А. Корфу и С.С. Ланскому, нельзя полагать, чтобы они писаны были Огаревым[11*], а вероятно Черницким ⟨!⟩, который в письме своем к барону Корфу дал свой адрес на имя Кента для передачи Черницкому. Это мнение тем более похоже на правду, что, как мне известно, при типографии Герцена находится поляк этого имени, знающий совершенно русский язык. В прошлом году их было двое – он и Михаловский; сей последний по подозрению в измене был изгнан из дома Герцена. Что же относится до Огарева, я не полагаю, чтобы он решился предать своего сотрудника. Огарев имеет хорошее состояние, значительные капиталы переведены им в Лондон; следовательно, невероятно, чтобы он просил денег для приведения в исполнение поступка, подвергающего его не только нравственному порицанию, но и наказанию как преступника. Он называет Герцена другом, живет с ним вместе, издает совокупно с ним "Полярную звезду" и пр. А жена Огарева воспитывает дочерей Герцена. Итак – вероятно ли, чтобы Огарев решился давать таковые предложения и просить денег? Если же почерк двух писем, действительно, сходствует с почерком Огарева, то это должно быть с его стороны западня, в которую намерен поймать нас. Он и Герцен жаждят ⟨!⟩ найти случай, чтобы в "Колоколе" предать посмешищу русских агентов.

Что же касается до указания путей, коими доставляют в Россию сочинения Герцена, я считаю это дело совершенно справедливым. Всякое государство имеет полное право принимать предосторожности против ввоза возмутительных сочинений, тем более, что оно действует к отвращению беззаконных, пагубных и вероломных попыток. Я имел случай в 1850 г. доносить начальству по сему предмету, когда издан был "Катехизис восстания", сочиненный Христианом Островским; эта брошюра напечатана была в числе 100 000 экземпляров, большая часть коих отправлена была книжным торговым домом Мелина, в Брюсселе находящимся, в Россию. Жиды провозили их тайно на многих пунктах пространной границы западной России, охранение которой по обширности почти невозможно. Мне неизвестно, были ли приняты меры для прекращения этого беззаконного ввоза.

До сведения моего дошло, что Герцен желает отправить сына своего в Россию, а потому начинает видимо смягчать слог статей своих в издаваемых им брошюрах и газетах.

В заключение имею честь донести, что все эти предложения кажутся мне попытками, чтобы только выманить деньги и обмануть, что́ здесь в Париже весьма часто делается и выражается французскими словами "faire du chagrin"[12*]. Явным доказательством мошенничества и в этом случае служит поступок Jul. Meyer с наместником Царства Польского.

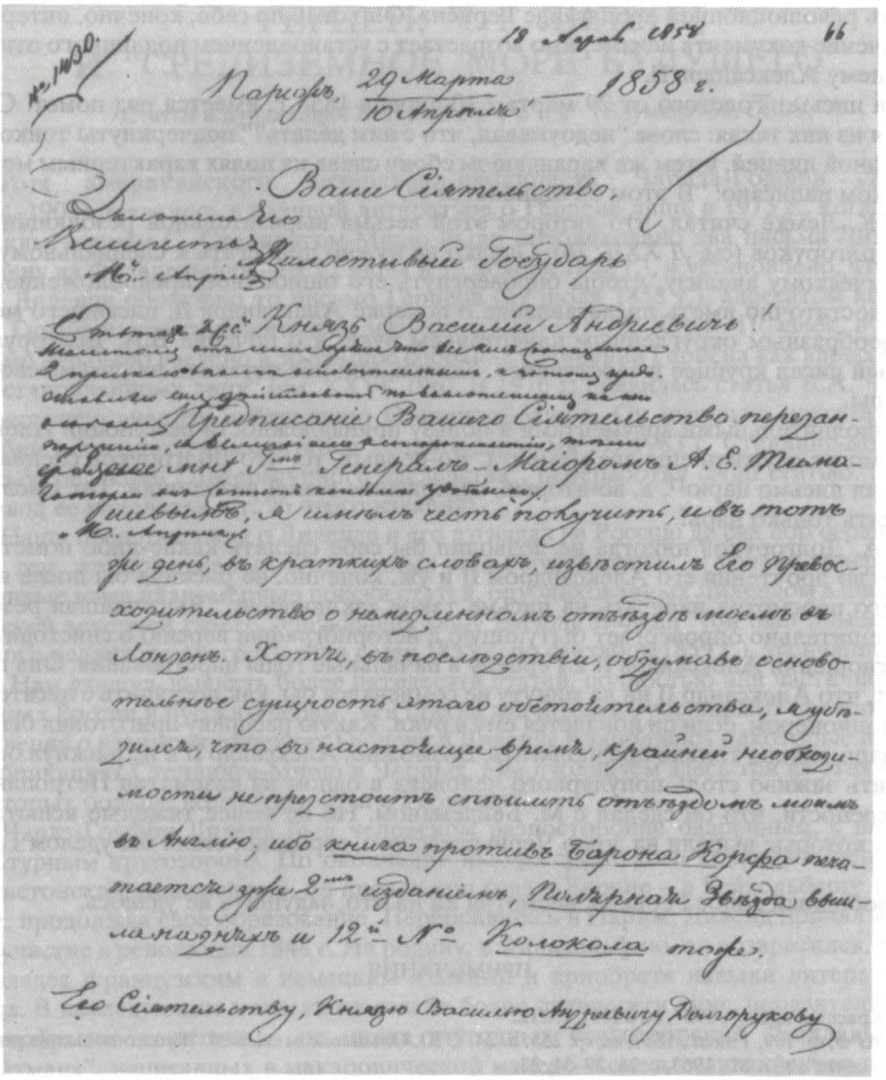
Я всепокорнейше прошу ваше сиятельство извинить смелость мою в изложении моего мнения. Я думал, что долг мой повелевает мне откровенно повергать на усмотрение начальника все то, что я полагаю справедливым, полезным и благоразумным. Впрочем, полагаясь на волю вашего сиятельства, я буду ожидать подтверждения приказания вашего, дабы приступить к исполнению. Между тем, я поручил одному верному агенту отобрать сведения в Брюсселе, по коим можно будет узнать, посредством какого книготорговца и какими путями провозятся книги Герцена и других в этом роде писателей в Россию, и думаю, что я должен буду сам вскоре отправиться в Брюссель, а может быть и в Лондон, о чем буду иметь честь в свое время донести вашему сиятельству.

С глубочайшим почтением и беспредельной преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейший слуга Я. Т о л с т о й»[13].

На письме помета рукой Долгорукова: "Доложено его величеству 16 апреля", и

[11*] Сбоку карандашная помета: "См. дело № 67/1849, ч. 4-я". – *И. П.*

[12*] "причинять огорчение" (*франц.*).



ДОНЕСЕНИЕ Я.П. ТОЛСТОГО кн. В.А. ДОЛГОРУКОВУ
О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФИИ
Париж, 29 марта/10 апреля 1858 г. Лист первый
Государственный исторический архив Российский Федерации, Москва

на отдельном листке для памяти им же сделана надпись: "Отвечать действительному статскому советнику Толстому от меня прямо, что все им сообщенное я признаю вполне основательным и потому предоставляю ему действовать по возложенному на него любому поручению с величайшей осторожностью, теми средствами, которыми он сочтет наиболее удобным"[14].

Естественно, что это письменное распоряжение могло быть отдано только после согласования сути дела с Александром II.

Информируя своего начальника штаба о выезде в Париж вечером 17 апреля одного из высокопоставленных сановников, В.А. Долгоруков писал А.Е. Тимашеву: "Ответ мой Толстому я желал бы послать через него и потому прошу заготовить оный и доставить мне для подписания в течение завтрашнего дня 17 апреля"[15].

На этом закончилось дело, связанное с авантюристическими предложениями по-

мешать революционной пропаганде Герцена. Оно само по себе, конечно, интересно, но значение документа неизмеримо возрастает с установлением подлинного отношения к нему Александра II.

На письме Толстого от 29 марта / 10 апреля 1858 г. имеется ряд помет. Самая важная из них такая: слова "недоумевал, что с ним делать?" подчеркнуты тонкой карандашной линией, и тем же карандашом сбоку слева на полях характерным мелким почерком написано: "В этом он ошибается"[16].

М.К. Лемке считал, что автором этой весьма выразительной резолюции был В.А. Долгоруков (см. *Л* XXII, 74). Однако не нужно прибегать к специальному графологическому анализу, чтобы опровергнуть его ошибочное предположение. Для этого достаточно иметь представление о почерке Александра II, писавшего мелко, со своеобразным округленным начертанием букв, и о почерке В.А. Долгорукова, который писал крупнее и заостреннее. Кстати, они оба оставили на письме свои автографы.

Дополнительными аргументами в пользу принадлежности резолюции Александру II могут служить еще два момента. Во-первых, то, что Долгоруков специально доложил письмо царю[17], а, во-вторых, содержание самой резолюции. Так имел право писать только царь!

В.А. Долгоруков никогда не позволил бы себе сделать какие-либо пометы на письме до прочтения его Александром II и уж, конечно, не рискнул бы после высочайшего просмотра написать на письме такое заключение. "Высочайшая резолюция" решительно опровергает бытующую в историографии версию о снисходительном отношении Александра II к Герцену в начальные годы царствования. Она показывает, что Александр II ни на минуту не сомневался бы, как поступить с писателем-революционером, если он попадется ему в руки. Какую расправу приготовил бы Герцену царь, можно только предполагать. Возможно, Александр II и не рискнул бы похоронить заживо столь популярного человека в одном из казематов Петропавловской крепости, что он сделал с М. Бейдеманом. Но не менее тяжелые испытания, чем те, которые выпали на долю Чернышевского, вероятно, стали бы уделом Герцена.

Свободный голос Герцена, несмотря ни на что, задушить не удалось.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] "Красный архив", 1937, № 2 (81), с. 212.

[2] *ГАРФ*, ф. 109, 1 эксп., 1857, ед.хр. 255, л. 24. О Ю. Ольшевском см. в сб. "Русско-польские революционные связи", т. 1. М., 1963, с. 26, 29–31, 33.

[3] *ГАРФ*, ф. 109, 1 эксп., 1857, ед.хр. 255, л. 40–40об., 41–41 об.

[4] Там же, л. 51–51 об.

[5] Там же, л. 41.

[6] Там же, л. 52–52 об.

[7] Там же, л. 49–49 об.

[8] Там же, л. 50–50 об.

[9] Там же, л. 53-а–53-а об.

[10] Там же, л. 61–62.

[11] Там же, л. 61.

[12] Там же, л. 58–59 об.

[13] Там же, л. 66–69 об.

[14] Там же, л. 66.

[15] Там же, л. 65 об.

[16] Там же, л. 67 об.

[17] Александр II очень внимательно читал послание Я.Н. Толстого, о чем свидетельствует его вторая надпись "Весьма правдоподобно", находящаяся слева сбоку против слов "Выманить деньги и обмануть" (там же, л. 69).

ГЕРЦЕН, Ч.-Г. ЛИЛЕНД И "СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ БУДУЩЕГО"

Статья и публикация В. Э д ж е р т о н а (Блумингтон, США)[13*]

Имя американского литератора-публициста Чарлза-Годфри *Лиленда* (1824–1903) появилось в научной литературе о Герцене лишь в 1973 г., когда швейцарским ученым С. Стеллингом-Мишо было опубликовано два письма Лиленда к Герцену из Филадельфии – от 22 июня и 13 ноября 1858 г.[1], и установлено, что именно к Лиленду обращено то письмо Герцена (от июля 1858 г.), адресатом которого Л.Я. Гинзбург предположительно назвала в 1953 г. Г.-Ч. Кэри[2]. Позднее, в 1962 г., письмо это было введено в 30-томное собрание сочинений Герцена как адресованное "неустановленному лицу" (см. XXVI, 196). В 1976 г. появилась статья В.А. Черных, подвергшего анализу публикацию Стеллинга-Мишо. Он исправил некоторые его ошибки и дополнил комментарии новыми данными[3]. В 1983 г. Стеллинг-Мишо, по просьбе редакции "Литературного наследства", переработал свою статью. Русский перевод ее напечатан в т. 96 этого издания[4].

Наши представления о Лиленде и его взглядах на Россию до сих пор ограничивались тем, что содержалось в названных выше публикациях, и только теперь предпринятые нами планомерные поиски статей, опубликованных Лилендом в филадельфийской вечерней газете "Philadelphia Daily Evening Bulletin" (он был помощником главого редактора этого издания с мая 1855 г. по сентябрь 1859 г.), увенчались успехом. Нам удалось выявить более пятидесяти статей, полностью или частично посвященных России и русским делам. Эти статьи значительно расширяют прежние представления о взаимоотношениях Герцена и Лиленда и заполняют некоторые пробелы в публикациях Стеллинга-Мишо и Черных. Мы публикуем здесь три из этих статей, в которых больше всего говорится о Герцене[14*].

Чарлз-Годфри Лиленд был человеком разносторонне одаренным, с широким культурным кругозором[5]. По окончании нью-джерсийского колледжа (теперь это Принстонский университет), он провел три года в Европе – в Гейдельберге и Мюнхене, продолжая свое образование. Перебравшись в Париж, Лиленд принял некоторое участие в революции 1848 г. На родину, в Филадельфию, он возвратился, свободно владея французским и немецким языками и приобретя навыки литературного труда. В последующие полвека он создал более пятидесяти книг, поразительных по разнообразию тематики – от цикла шуточных стихотворений "Баллады Ганса Брейтмана", написанных в макаронической манере – смесью английского и немецкого, до серьезных исследований по цыганской культуре и цыганскому языку, на котором он выучился говорить свободно.

О Герцене Лиленд, по-видимому, впервые узнал от его издателя Н. Трюбнера, который в 1855 г. приезжал в США, чтоб установить сношения с американскими издателями и писателями. Знакомство Лиленда и Трюбнера перешло в дружбу. Трюбнер издал в Европе, по меньшей мере, восемь книг Лиленда. Как указала биограф Лиленда Пеннел, переписка их составила бы целую книгу[6].

Первое письмо Лиленда к Герцену от 22 июня 1858 г., опубликованное Стеллингом-Мишо, начинается словами: "Любезный сэр, с большим удовольствием узнал я от г. Трюбнера, что вы с одобрением отнеслись к моей статье о вашей последней брошюре". В своей женевской публикации Стеллинг-Мишо высказал предположение, что здесь имелась в виду статья, посвященная брошюре Герцена "La conspiration russe de 1825". Но упомянутый исследователь Герцена Черных указал на ошибоч-

---

13* Статью В. Эджертона и статьи Лиленда перевела с английского М.И. П е р п е р.

14* Вот перечень остальных статей, в которых упоминается в той или иной связи Герцен: "Herzen on France and Russia" ("Philadelphia Daily Evening Bulletin"; опубликована в русском переводе в "Лит. наследстве", т. 96, с. 676–678); "More Folly" (там же, 1858, 4.X); "The Real Point of View" (там же, 1858, 27.X); "Literary Intelligence" (там же, 4, XII).

ность такого утверждения. В действительности, речь шла в письме о большой анонимной рецензии Лиленда на другую брошюру Герцена, а именно на "La France ou l'Angleterre?", опубликованной американским журналистом в газете "Philadelphia Daily Evening Bulletin" 23 апреля 1858 г. под заглавием "Herzen on France and Russia". Далее Лиленд писал Герцену: "Надеюсь, что и другая статья о вас в той же газете также сможет заслужить ваше столь высоко ценимое мною одобрение".

Что же это за "другая статья"? Ни Стеллинг-Мишо, ни Черных не разъяснили этого. Обращение к ответному письму Герцена Лиленду (XXVI, 196) и к комплекту "Philadelphia Daily Evening Bulletin" позволяет ответить на этот вопрос. 21 июня 1858 г., т.е. за день до того как Лиленд сел писать Герцену, в "Philadelphia Daily Evening Bulletin" появилась его статья "Alexander Herzen" (статья публикуется здесь в русском переводе). Довольный и даже гордый тем, что Герцен "с одобрением" отнесся к его статье "Herzen on France and Russia", Лиленд, очевидно, выслал ему свою статью "Александр Герцен" тотчас же после опубликования.

Однако в письме Герцена, о котором идет речь, русский автор благодарит Лиленда за "обе" его статьи. Значит, Лиленд послал ему не только статью "Александр Герцен", но еще какую-то, написанную ранее. Чтобы попытаться определить, что это за вторая статья, обратимся к началу письма Герцена. "Много лет назад ⟨...⟩, – читаем мы здесь, – я указывал ⟨...⟩ что Россия и Америка сходятся затылками, и осмелился утверждать, что Тихий океан – Средиземное море будущего. Надо мной смеялись – все это казалось слишком парадоксальным. Ваше письмо и обе ваши статьи служат для меня доказательством того, что у вас по ту сторону Атлантического океана иначе расценивают положение вещей" (XXVI, 196–197). Эти слова позволяют с достаточной уверенностью назвать вторую статью Лиленда, приложенную к его первому письму Герцену. Это была статья "Great Prowing Russia" ("Великая растущая Россия"), напечатанная в газете "Philadelphia Daily Evening Bulletin" 27 ноября 1857 г. Главная мысль этой статьи поразительно совпадает с цитированными выше словами из письма Герцена: "В Сибири развиваются муниципальные учреждения, а по прославленной реке Амур регулярно ходят пароходы, построенные в Америке. В городе на берегу реки строятся гостиницы и кафе. Всё свидетельствует, что правительство намерено не жалеть трудов, чтобы превратить его в антитезу города Сан-Франциско ⟨...⟩ Все в трудах, все заняты, все стремятся создать новую богатую торговую страну на основе мануфактуры и коммерции. Каково будет лет через двадцать положение и взаимоотношения западного берега Соединенных Штатов и восточного берега России? Есть что-то поразительное в самой мысли о двух таких громадных молодых и растущих государствах, как Америка и Россия, на своих новых землях повернувшихся лицом друг к другу через самый большой в мире океан".

Лиленд поместил в своей газете три статьи, относящихся к проблеме общих интересов России и Америки на Дальнем Востоке. Это "Великая растущая Россия" – в номере от 17 ноября 1857 г., "Китай и Россия" – в номере от 6 апреля 1858 г. и "Еще об Амурском крае" – в номере от 3 июня 1858 г. Вероятно, Герцену могла быть послана последняя из этих статей: в ней обстоятельнее, чем в двух других, разрабатываются темы, интересовавшие Герцена, и она была одним из последних выступлений американского публициста на эти темы. Лиленд вряд ли стал бы посылать старую статью.

В своем втором письме к Герцену от 13 ноября 1858 г. Лиленд выразил сожаление, что "разнообразные занятия и постоянный деловой водоворот" не позволили ему аккуратно высылать Герцену экземпляры всех своих статей. По поводу прилагаемого извлечения из "влиятельной на Западе немецкой газеты" Лиленд сообщает: "Я уверен, что мой ответ на это будет прочтен еще несколькими тысячами читателей, именно тех читателей, на которых вам хотелось бы оказывать влияние".

Ссылаясь на данные, полученные от Р. Брубакера, заведующего библиотекой Чикагского Исторического общества, Стеллинг-Мишо безоговорочно утверждал, что речь здесь шла о выходившей в Чикаго на немецком языке газете "Illinois Staats-Zeitung", все комплекты которой за 1850-е годы погибли при большом чикагском по-

жаре 1871 г. Из обнаруженных ныне статей Лиленда в "Philadelphia Daily Evening Bulletin" выясняется, что и Брубакер и Стеллинг-Мишо ошибались: за семнадцать дней до цитируемого письма к Герцену Лиленд опубликовал статью, озаглавленную "Истинная точка зрения", в которой критиковалась не чикагская "Illlnois Staats-Zeitung", а другая немецкоязычная газета, выходившая в городке Сент-Луисе, – "Anzeiger des Westens", или, как Лиленд называет ее по-английски, "Western Advertiser". Лиленд продолжает здесь увлеченно призывать Россию и Америку к сотрудничеству в освоении бассейна реки Амур.

В том же письме Лиленд выразил Герцену свою благодарность за перевод и публикацию его памятной записки об Амурском крае, а также редакционной статьи. Упомянутая "записка" – это обращение Лиленда к директорам Общества колонизации берегов Амура (в Петербурге). Полный текст ее опубликован в статье Черных[7]. В своих воспоминаниях Лиленд пишет об этом документе так:

«Я ⟨...⟩ переписывался с русским – Искандером, или Александром Герценом, который на целый век опередил свое время. Он был истинным вдохновителем уничтожения крепостного права в России, как это еще покажет история. Я написал когда-то большую статью, в которой советовал русскому правительству открыть для иностранцев золотые рудники Урала ⟨...⟩ Герцен перевел статью на русский язык (я располагаю одним экземпляром перевода), 20 000 экземпляров ее циркулировало по России. Царь прочел ее. Герцен писал мне: "Она будет отложена лет на сорок, а потом, быть может, правительство сделает из нее свои выводы". Тихий океан станет Средиземным морем будущего»[8].

Редакционная статья, упомянутая Лилендом во втором письме, опубликованном Стеллингом-Мишо (от 13 ноября 1858 г.), это, конечно, "Наш западный сосед"[9]. Она появилась в "Philadelphia Evening Dally Bulletin" 8 октября 1858 г. Несколько цитат из нее Герцен использовал в своей статье "Америка и Сибирь" (XIII, 398–401), впервые появившейся в л. 29 "Колоколе" от 1 декабря того же года. Эти факты позволяют предположить, что в последние месяцы 1858 г. Герцен и Лиленд обменялись несколькими письмами, не дошедшими до нас или пока еще не обнаруженными. В промежуток между 8 октября, когда в Филадельфии вышла статья "Наш западный сосед", и 13 ноября, когда Лиленд поблагодарил Герцена за издание ее русского перевода, он, надо думать, послал Герцену непосредственно или через Трюбнера экземпляр своей статьи и получил извещение о том, как воспользовался ею Герцен (отсюда не следует, конечно, что Герцен опубликовал перевод статьи "Наш западный сосед": он только процитировал некоторые места из нее в своей статье "Америка и Сибирь").

Из этого письма Лиленда с благодарностью за перевод и публикацию "памятной записки об Амурском крае" следует, что между 12 августа и 13 ноября им было получено от Герцена сообщение о готовящейся публикации "записки". Приведенная выше цитата из воспоминаний Лиленда с предсказанием Герцена, что "записку об Амурском крае" положат под сукно "лет на сорок", скорей всего, относится именно к этому не известному нам письму Герцена.

Черных отмечает, что обнаружить сведения о распространении "записки" в России ему не удалось; не нашлось и документального подтверждения заявлению Лиленда, что 20 000 экземпляров ее попали в Россию и что сам царь читал ее. Черных приводит указание П.Н. Беркова из "Библиографического описания изданий Вольной русской типографии в Лондоне"[10], что листок с "запиской" Лиленда был «приложен к № 11 "Объявлений о русских книгах"», которые, в свою очередь, являются приложением к л. 29 "Колокола" от 1 декабря 1858 г., но отмечает при этом, что Берков не сообщил, на основании каких данных им это установлено. Черных не принимает на веру и утверждение Лиленда, будто сам Герцен перевел его "записку", поскольку известно, что Герцен с английского не переводил[11].

Два документа из архива Лиленда в Историческом обществе штата Пенсильвания позволяют уточнить дату "записки". Во-первых, это дневниковая запись Лиленда от 12 августа 1858 г. о том, что в письме к Трюбнеру он порекомендовал ему дать

совет Амурской компании возбудить в печати "золотую лихорадку", дабы привлечь калифорнийцев к освоению территорий по берегам Амура. Во-вторых, это письмо Трюбнера от 7 января 1859 г., в приписке к которому он говорит: "Прилагаю первую корректуру вашего письма на русском языке". Приложенный корректурный листок описан в статье Черных (с указанием разночтений). Последний склонен согласиться с Берковым, что "записка" Лиленда «является приложением к 29-му листу "Колокола" от 1 декабря 1858 г.»[12]. Однако письмо Трюбнера (с приложением гранки) написано было только 7 января 1859 г., т.е. через месяц с лишним после выхода л. 29 "Колокола", а, следовательно, "записка" появилась еще позднее.

Восторженное одобрение Лилендом предсказания Герцена о тесном сотрудничестве Америки и России на Дальнем Востоке через "Средиземное море будущего" отражает причудливое смешение старомодного экспансионизма XIX в. и нового, прогрессивного интернационализма. На экспансионистское прошлое своих стран Герцен и Лиленд смотрели с поразительным единодушием. "Мы обсуждали судьбу Амурского края, – вспоминал Лиленд, – когда Россия незаметно, во время Крымской войны, присоединила его[13], и заявляли, что в будущем там возникнет Антисанфранциско и нам надо радоваться тому, что Россия захватила этот край, поскольку его процветание станет нашим процветанием, а его спрос – нашим рынком"[14]. Герцен же в своей статье "Еще вариация на старую тему" писал: "Никакая сила не удержит североамериканцев, с их избытком сил, пластицизма, неутомимости, от присоединения Центральной Америки и Кубы. В то время как в Европе разваливается Венеция, нищает Рим, вянут небольшие города Италии и Испании за недостатком капиталов и рук, за ленью и недостатком деятельности, – где-нибудь в Калифорнии, в Гондурасе и Никарагуе в несколько лет пустыни превращаются в поля, починки в города, степи исчерчиваются железными дорогами, капиталы избыточествуют и неугомонная сила республики хватает все далее и далее ⟨...⟩ Если б я не был русский, я давным-давно уехал бы в Америку" (XII, 427–428 и 433). Кажется, ни Лиленду ни Герцену не приходило на ум, что свои национальные стремления есть и у народов Центральной Америки, и у китайцев, и у японцев, и у других азиатских народов, превосходящих древностью своих культур обе молодые могучие страны.

Экономические воззрения Лиленда и Герцена были совершенно различными. Лиленд был глубоко убежден, что лучшим основанием для созидания благоденствующего и в то же время свободного общества является капитализм с развитой промышленностью, а Герцен столь же твердо был уверен, что достигнуть этого можно наилучшим образом через социализм. "Свобода, – утверждал Лиленд, – это естественный продукт промышленности и активно используемого капитала, люди начинают ценить ее ⟨...⟩ после того как приобрели *собственность*, о которой надо заботиться. Свобода следует за законностью, а законность подразделяется на права людей и права вещей, права же эти бывают более всего развиты у людей, имеющих промышленность или, хотя бы, частную собственность"[15]. По мнению же Герцена, "величайшая идея, развитая Северными Штатами, – чисто англосаксонская, идея самоуправления, т.е. сильного народа с слабым правительством, самодержавия каждого клочка земли без централизации, без бюрократии, с внутренним, нравственным единством. Как Америка будет относиться к социальным стремлениям – трудно сказать; дух товарищества, ассоциации, предприятий сообща чрезвычайно в ней развит; но ни общего владения, ни нашей артели, ни сельской общины нет; личность соединяется с другими только на известное дело, вне которого ревниво отстаивает полнейшую независимость" (XII, 429).

Несмотря на различия в социально-экономических воззрениях между сторонником капитализма Лилендом и социалистом Герценом было немало общего в глубоком уважении обоих к гласности, к демократической свободе, защищенной законом, и к признанию взаимно благотворного сотрудничества Америки и России. Из публикуемых ниже трех статей Лиленда две – ⟨"Александр Герцен" ⟩ и "Общинно-демократический принцип в России" – особенно красноречиво свидетельствуют о глубоком уважении их автора к издателю "Колокола". Вторая из этих статей заслуживает вни-

мания еще и потому, с каким восхищением отзывается Лиленд о русских крестьянах, проводя параллель между крестьянской общиной, подробно охарактеризованной Герценом, и сходами жителей поселков и городков в аграрной Новой Англии, которыми осуществляется самоуправление американцев.

Положительное отношение Герцена к Америке особенно отчетливо выражено в его статье "Америка и Сибирь", которая начинается большой цитатой из статьи Лиленда "Наш западный сосед". По мнению Герцена, Америка и Россия «преизбыточествуют силами, пластицизмом, духом организации, настойчивостию – не знающей препятствия, обе бедны прошедшим, обе начинают вполне разрывом с традицией, обе расплываются на бесконечных долинах, отыскивая свои границы, обе с разных сторон доходят через страшные пространства, помечая везде свой путь городами, селами, колониями – до берегов Тихого океана, этого "Средиземного моря будущего"» (XIII, 400). Особенное восхищение у Герцена вызывали в Америке "федеральная демократия, с самозаконностию каждого местечка, каждого избирателя" и "простое, жизненное, здоровое отношение американского ума к вопросам государственным и экономическим", которое "совершенно соответствует понятию демократической республики" (там же, 400–401).

Эту свою статью Герцен завершил следующими оптимистическими утверждениями: "Имя Муравьева, Путятина и их сотоварищей внесено в историю, они вбили сваи для длинного моста... через целый океан. Во время мрачных европейских похорон, где каждый что-нибудь оплакивал, они с одной стороны, американцы – с другой сколачивали *колыбель*!" (XIII, 403). Надежды Герцена и Лиленда на расцвет экономических и культурных контактов между Восточной Сибирью и Западной Америкой еще не осуществились, но нельзя забывать, что в прошлое ушло лишь одно столетие с четвертью из того будущего обеих стран, которое они предрекали. Полное осуществление их мечты еще впереди.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Sven Stelling-Michaud. Correspondance de Herzen avec le publiciste américain Charles Godfrey Leland (*AAH*, 309–324).

[2] "Лит. наследство", т. 61, с. 242–247.

[3] В.А. Черных. А.И. Герцен и американский публицист Ч.-Г. Лиленд (сб. "Проблемы истории общественной мысли и историографии". М., 1976, с. 189–200).

[4] С. Стеллинг-Мишо. Герцен и американский публицист Ч.-Г. Лиленд ("Лит. наследство", т. 96, с. 669–678).

[5] Главных источников биографических сведений о Лиленде два: его воспоминания (Ch. G. Leland. Memoirs. N.Y., 1893; цит. в публикации Стеллинга-Мишо) и двухтомная работа о нем: Elisabeth Robins Pennell. Charles Godfrey Leland, v. I–II. Boston and N.Y., 1906.

[6] См. E.B. Pennel. Op. cit., v. II, p. 37. Превосходный анализ взаимоотношений Герцена и Трюбнера см. в исследовании Черных "Из истории вольной русской печати (А.И. Герцен и Н. Трюбнер. Первый период сотрудничества)" – сб. "Эпоха Чернышевского. Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг.". М., 1978, с. 61–77).

[7] В.А. Черных. А.И. Герцен и американский публицист Ч.-Г. Лиленд. Цит. изд., с. 192–194.

[8] Ch. G. Leland. Memoirs. Op. cit., p. 237.

[9] Большие выдержки из статьи "Наш западный сосед" опубликованы (в русском переводе) в "Лит. наследстве", т. 96, с. 676.

[10] П. Берков. Библиографическое описание изданий Вольной русской типографии в Лондоне, ч. II. М.-Л., 1935, с. 156–157.

[11] В.А. Черных. Цит. изд., с. 194–195.

[12] Там же.

[13] Имеется в виду Айгунский договор между Россией и Китаем, подписанный в мае 1858 г. Им устанавливалась принадлежность России левого берега Амура от реки Айгунь и до устья. Колонизация Приамурья была начата по инициативе генерал-губернатора Восточной Сибири гр. Н.И. Муравьева (Муравьева-Амурского) в 1850-е годы.

[14] Ch. G. Leland. The True State of the Case ("Philadelphia Daily Evening Bulletin", 1858, 10.11).

[15] Ch. G. Leland. The Real point of View ("Philadelphia Daily Evening Bulletin", 1858, 27.X).

1
⟨АЛЕКСАНДР ГЕРЦЕН⟩[1]

Тайные пружины истории, скрытые движущие силы великих событий выявляются редко, а жаль, ибо подобное разоблачение могло бы послужить для всех наиполезнейшим уроком. Кем-то сказано, что никогда не написано было ни одной точной автобиографии, так как не являлся еще на земле человек, который решился бы рассказать всю правду о себе. Владыки земные – хоть из тщеславия – обычно имеют столь же сильные побудительные причины для сокрытия правды, как и обыкновенные люди. Мы полагаем, однако, что приоткрываем тайную пружину одного из значительнейших политических событий нашего времени, утверждая, что предпринятое императором Александром ⟨II⟩ освобождение русских крепостных должно быть в большой степени приписано непосредственному влиянию сочинений одного выдающегося человека, а именно ГЕРЦЕНА, более известного как *Искандер*, последнее произведение которого мы подробно разбирали на наших страницах[2]. Герцен – один из тех глубоких мыслителей, которые постигли истинные тенденции века, один из тех универсальных умов, которые возвышаются над слабостями как консерваторов, так и либералов и с непоколебимой твердостью следуют своему идеалу истины.

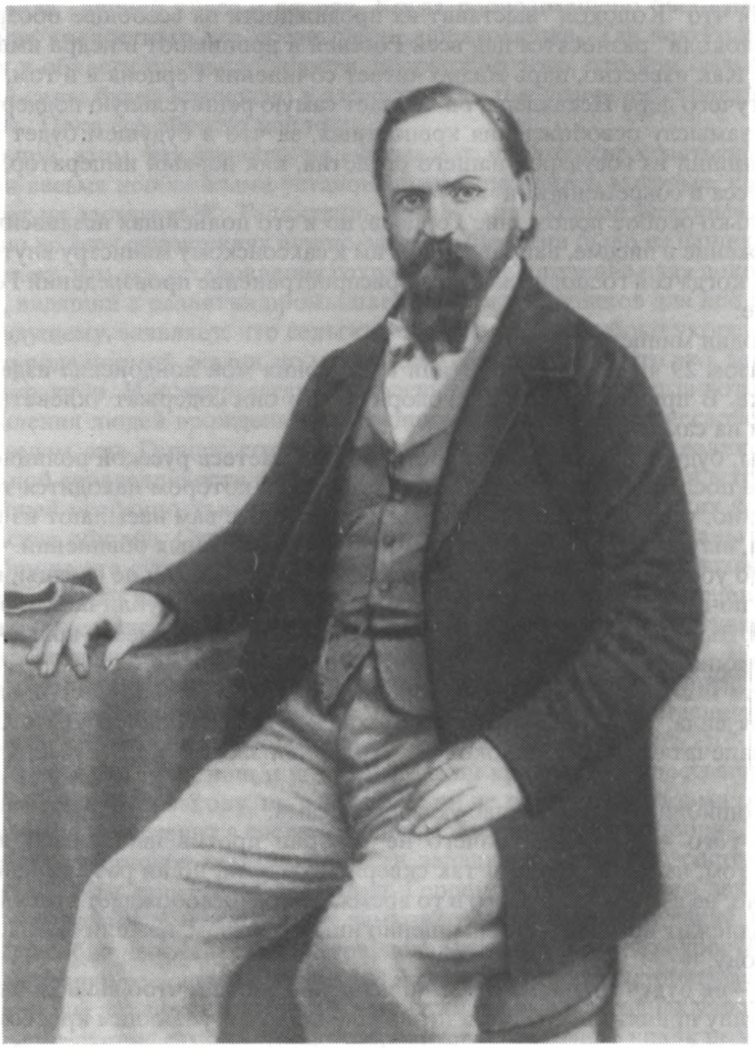
Великое движение русских реформ имеет огромную важность для всего мира. Россия занимает одну шестую часть обитаемой поверхности земного шара и без малейших признаков разъединения своих земель и народов мало-помалу заполняет всю эту территорию новыми миллионами жителей. И в самом деле, поскольку она посвятила себя промышленному развитию, постоянному поощрению мануфактур и *протекционизму*, то, расширяясь, она непрерывно упрочивает и создает новые источники национального могущества и, что́ еще важнее, национального чувства. Россия сходна с Соединенными Штатами и ни с кем больше; она в положении растущего исполина, чьи умственные силы увеличиваются вместе с его мощью. Англия, Германия и Франция сами по себе весьма неплохи, но они не могут надеяться на приумножение сил, разве только удастся что-нибудь извлечь из чужеземных источников. А где же пределы Соединенных Штатов и России? Самодовольный Джон Булль и тщеславная Франция третируют и нашу и вашу страны как провинциалов, как parvenus[15*], но заглянем в будущее: с каким трепетным страхом взирают они на двух исполинов, безмерно, беспредельно громадных, между которыми им остается только в ужасе копошиться, всецело завися от них. А источником жизненной силы как одного, так и другого исполина является промышленное развитие, протяженность железных дорог и безграничные производительные силы.

Герцен – человек, который, по-видимому, постиг и растолковал всем мыслящим умам России тот великий факт, что сила страны – в развитии промышленности, а война, и слава, и мундиры – все это нелепости прошлого, лохмотья средневековья. Он издает в Лондоне газету на русском языке под названием "Колокол", выпускаемую знаменитым Трюбнером, хорошо известным по его трудам об американской старине. Эта лондонская русская печать в последнее время приобрела важное значение, которое нельзя переоценить. Во всей России мыслящие люди теперь глубоко возбуждены, глядя вперед на исполненное мощи будущее, на великую партию прогресса, и Герцен тайно руководит ею, император же в какой-то мере содействует этому, явно отдавая себе отчет в том, что прогресс может лишь укрепить ограниченную или конституционную монархию, тогда как феодально-крепостническая система обречена на гибель промышленно-капиталистическим развитием.

Русские книги, выпускаемые Трюбнером, сочинения и газета Герцена в настоящее время получили *огромное* распространение в России: они являются злободневнейшими событиями настоящего времени и в самом деле чрезвычайно интересуют всех в этой стране. Мы узнали об этом от одного авторитетнейшего лица,

---

[15*] выскочек (*франц.*).



ГЕРЦЕН
Фотография. Лондон, 1850-е годы
Институт русской литературы РАН, С.-Петербург

чей опыт и положение ручаются за непогрешимость его суждений. Оно заявило нам, что «Александр Герцен сделал для социального возрождения колоссальной Российской империи больше, чем кто-либо из еще живущих людей. Своим влиянием он, прежде всего, обязан "Колоколу", который оказывает огромное воздействие на общественное мнение. Хотя открыто ввозить "Колокол" в пределы Империи запрещено, газета эта с присвоенным ею эпиграфом "Vivos voco", т.е. "Зову живых", имеет широкое распространение. Копии ее статей пролагают себе путь через тысячи нетерпеливых рук, производятся в огромном числе и передаются из одной области в другую. По всем частям Российской империи рассеяны анонимные сотрудники "Колокола", передающие свои корреспонденции в Лондон самыми таинственными путями. Чрезвычайно велико влияние Герцена на русских студентов, которые смотрят на него, как нам говорили, словно на "полубога"[3]. Влияние его таково, что он, по сути дела, собственной властью осуществляет в России свою, так сказать, тайную политику. Чиновники-лихоимцы нередко возвращают награбленное при одном лишь на-

меке на то, что "Колокол" выставит их продажность на всеобщее обозрение. Ведь звуки "Колокола" разносятся над всей Россией и проникают в недра императорского дворца. Как известно, царь жадно читает сочинения Герцена и в том, что вышло из-под могучего пера Искандера, он черпает самую решительную поддержку своему великому замыслу освобождения крепостных, за что в будущем будет прославлен как величайший из государей нашего столетия, как первый император, усвоивший дух прогресса и современности».

Не только особое положение Герцена, но и его полнейшая независимость получили отражение в письме, направленном им к саксонскому министру внутренних дел, в Дрезден, когда сей господин запретил распространение произведений Герцена у себя в стране:

«Господин министр,

Приказом 29 января вы запретили в Саксонии мои лондонские издания на русском языке. В приказе вашем вы говорите, что они содержат "клеветы на правительство и на самое лицо государя".

Что вы, будучи саксонским министром, занимаетесь русской полицией – это естественное последствие того жалкого состояния, в котором находится теперь ваше отечество; но, усердно исполняя приказания, которые вам насылают из канцелярии Горчакова, вы ничего не потеряли бы, не повторяя ложных обвинений.

Я имею убеждения, которые, весьма вероятно, с вашими не сходны, я служу моей родине по-своему, восполняя сколько могу недостаток публичности в ней моими изданиями. Вы можете это находить преступным, но вы не имеете права – не вызвав с моей стороны ответа – публиковать, что я печатаю *клеветы*.

Чистота моих намерений очень хорошо известна в Петербурге – и на ней-то основана моя сила. Я вызываю русско-саксонское правительство указать хоть *одну* клевету, напечатанную в "Колоколе", "Полярной звезде" или "Русских голосах", – *хоть одну*!

Были ошибки – мы их тотчас указывали сами.

Сверх того – я никогда ничего не говорил против нынешнего императора; я жалел о том, что Александр II так скверно окружен; но ни разу не нападал на него. Конечно, не я стану хулить его в то время, как он освобождает крестьян. Его имя уже принадлежит истории – и совершенно иным образом, нежели имена его товарищей по трону.

Затем – не будучи злопамятным – я искренно желаю, чтоб вы получили Анну на шею, и прошу принять вперед мои поздравления с наступающим крестом.

А. Герцен

10 февраля 1858».

Из всего сказанного нами явствует, что Герцен – один из истинных героев нашего времени – гений, одаренный отвагой... и во многих отношениях заслуживающий симпатии со стороны всех тех, кто верит в свободу, промышленное развитие и социальный прогресс.

2
ОБЩИННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП В РОССИИ

Из всех стран на земле ни одна столь резко не отличается от великого европейского сообщества и от Америки, как Китай. Простой и достаточно разумный в большинстве своих отличительных свойств, он совершенно непостижим в силу своего полнейшего несходства с нами.

На полдороге между Китаем и западным миром лежит другая страна, Россия, которая вполовину менее таинственна, чем Китай. В последнее время она стала гораздо открытей, и возможности узнать, чем она на самом деле отличается от нас, всё возрастают. Известно, что Россия до недавнего времени по своим социальным условиям напоминала средневековую Европу. Население ее разделялось на крепостных,

малочисленный средний класс и дворян. Когда провозглашено было предстоящее освобождение крепостных, все чрезвычайно обрадовались. Так как Россия быстро развивается в области промышленности, достаточно ясно, что чем больше свободной рабочей силы будет вовлечено в это развитие, тем успешнее страна будет прогрессировать. Пока все обстоит неплохо.

Однако при этом, как правило, не учитывают, что русские крестьяне обладают некоторыми весьма необычными установлениями, изменить которые, кажется, ничто не может их заставить[16*]. Талантливый Александр Герцен, который, вероятно, знает Россию во всех отношениях лучше, чем кто бы то ни было из наших современников, полагает, что эти установления сохранятся еще в течение ряда поколений. Если человек, видящий в развитии промышленности и работников для нее путь к счастливому будущему, заявляет, что сельская община столь глубоко укоренилась, что стала своего рода нормой жизни, то мы можем быть уверены, что это, действительно, важный фактор. И консерваторы, и красные социалисты всегда готовы объяснять устремления людей врожденными принципами; этот подход несвойственен таким мыслителям, как Герцен, которые истинный путь к решению великой проблемы социальной справедливости для всех видят в развитии личности и в труде.

Важнейшей особенностью социального устройства жизни русских крестьян является сельская община. Судя по трудам Герцена, которым мы обязаны этими сведениями, община эта существует в России с незапамятных времен, и схожие формы ее обнаружены у всех славянских племен. У сербов, болгар и черногорцев она сохранилась в еще более чистом виде, чем в России. Сельская община выступает как своего рода "нравственная личность", она предписывает любой "закон". Во всем, что касается ее внутренних дел, она ответственна за всех и за каждого и представляет собой единство, совершенно невероятное для американца, общественную единицу, единство всего, что относится к общественным и семейным делам ⟨...⟩[17*]

Как ни невежественен, нищ и угнетен русский крепостной крестьянин, в одном он не уступит ничего ни закону, ни помещику: он не поступится своими общинными правами и ничего не изменит в системе общины. Немало русских дворян, особенно в прибалтийских губерниях, пытались ввести западноевропейскую систему частной собственности. "Эти попытки, – поясняет Герцен, – обыкновенно заканчивались убийством помещиков и поджогом их замков". Каков бывает русский крестьянин или на что способна человеческая натура, доведенная до безумной ярости, показало введение Александром военных поселений, когда царь приказал брать деревни приступом. Крестьяне убивали своих детей, чтобы избавить их от новых учреждений, самое свирепое угнетение самого сурового правительства в мире никак не может угнетать сельскую общину.

Стоит подумать о том, что с отменой крепостного права царским манифестом будет освобождено почти двадцать пять миллионов крестьян, которые сохранят социализм русской сельской общины, представляющий собой удивительный объект для политико-экономического изучения. Вся Европа некогда находилась в схожих условиях. Законы Рима, затем феодальный строй уничтожили общину. Феодализм постепенно уступил место новому порядку вещей – личной свободе и соответствующему переустройству общества. Во время всех этих перемен Россия оставалась неизменной, и вот, оказывается, в XIX в. эта огромнейшая европейская империя все еще сохраняет такое установление как сельская община.

Лучшие авторитеты заявляют, что русские крестьяне проявляют исключительный здравый смысл и ум в устройстве дел своей общины. Этот факт обещает очень много в будущем. Это значит, что в практическом самоуправлении русские превосходят немцев и французов. Не так давно был у нас случай заметить, что истоки американской республики и присущее ей благоразумное управление могут быть прослежены на собраниях сельских коммун Новой Англии, где без лишних споров и с по-

---

16* Речь идет о крестьянской общине. – *В.Э.*

17* Далее цитируется и излагается статья Герцена "La Russie" (VI, 200–202).

разительным тактом решаются общие дела поселка. Мы слышали от людей, ничего не знающих о русских общинах, что именно *умение вести собрания городских жителей*, иначе говоря, муниципальное самоуправление, перенесенное в сельскую местность, отличает американца от всех на свете и помогло развитию у него демократического таланта. Это поймет всякий, кому доводилось наблюдать поразительную сметку, проявляемую в Соединенных Штатах при устройстве новых городов самым справедливым и толковым образом. Каким бы сверхреспубликанизмом ни отличались правительственные лица и учреждения, подчиненное им население может оказаться в условиях самого ужасного социального деспотизма, если муниципальная законность не будет демократичной.

Мы полагаем, что существующее устройство народной сельской жизни в России дает ей надежды на будущее. Народ этой страны не утратил своих сил. Он еще не развит, но обладает замечательной энергией для дальнейшего роста своей демократии. Возможно, что образование и участие в промышленной деятельности страны станет залогом такого быстрого и целеустремленного прогресса, о котором и не догадываются те, кто смотрит сейчас на русский народ сверху вниз.

3
ЛИТЕРАТУРНАЯ НОВОСТЬ[5]

В нашем распоряжении давно уже находятся корректурные листы одного из замечательнейших политических документов, когда-либо издававшихся на каком-нибудь языке, – листы поистине увлекательной книги, которую будут читать пока сохранится интерес к историческим сочинениям. Мы имеем в виду тайную автобиографию российской императрицы Екатерины ⟨II⟩ – произведение, безусловно, подлинное и изобилующее, с начала до конца, самыми интимными подробностями и самыми доверительными личными признаниями, какие только можно себе вообразить[6]. "Исповедь" Руссо принято считать идеалом безграничной откровенности, но в этом отношении императрица его перещеголяла. Что же касается легкости изложения и того жизнеподобного стиля повествования, которое воссоздает перед нами мельчайшие подробности обстановки и характера, то весьма трудно было бы отыскать какую-нибудь биографию или роман, которые превзошли бы названные мемуары. Причина этого отчасти заключается в полной непринужденности, с которой книга написана, и, более того, в поразительной непосредственности восприятия и цепкой памяти императрицы, или, правильнее сказать, великой княгини, потому что записки эти относятся к тому времени, когда она была еще великой княгиней.

Подлинность этой автобиографии несомненна. В смертный час императрицы рукопись лежала на ее письменном столе, с которого ее переместили, вероятно, без особенно внимательного просмотра, в государственный архив, и там она много лет пролежала в безвестности, вместе с другими документами. Извлекаем из бостонской газеты "Post" несколько замечаний о ней, позволив себе внести в них кое-какие поправки.

«Некто снял точную копию мемуаров распутной императрицы; копия эта передана была в руки некоего г. Герцена, русского миллионера, который несколько лет тому назад бежал под защиту Англии, предварительно вложив свое состояние в британские государственные бумаги, а теперь ведет неутомимую борьбу против российского деспотизма. Издаваемая им на русском языке газета тайно продается во многих тысячах экземпляров среди русских, рассеянных на территории Франции и Германии, а также среди русских в России. Этот г. Герцен, естественно, ухватился за эти мемуары как за новое орудие и новый предмет для своей пропаганды, фирма же Трюбнера и К°, субсидируемая золотом бывшего русского подданного, решилась выпустить книгу на французском языке. Екатерина, как свойственно ее полу, делает ряд интимных разоблачений, и одно из них ужаснейшим образом затрагивает честь императорской фамилии. Она недвусмысленно заявляет, что ее супруг, царь, не являлся "тятенькой" ее детей. Это смелое признание Екатерины, разумеется, обидно для царя; но она на-

крепко "заклепывает" это признание, назвав имя подлинного отца наследника престола (Павла), а отсюда следует, что царствующая династия Романовых незаконна и неправомерно узурпирует трон. В России могут не обращать на это особенного внимания, даже если это и правда, а не мстительная *утка*, но немало других царствующих домов ⟨Европы⟩ вошло в родство с Романовыми, так что можно ожидать всеобщего возмущения "в высочайших кругах", особенно в Германии, где родословные ценятся даже выше, чем понюшка табаку. Книга эта, несомненно, послужит одной из главнейших тем для зимнего суесловия; она может привести к официальным переговорам и требованию императора выдать Герцена, а также повесить, колесовать и четвертовать бесцеремонного Трюбнера и К°».

Те, кто прочтет все вышесказанное, должны иметь в виду, что хотя Герцен – реформатор и враг политических злоупотреблений, он вовсе не является врагом русского правительства, насколько это касается нынешнего царя. Его взгляды прогрессивны, и они во всех отношениях идентичны взглядам Александра[18*], к которому он неизменно относится с глубочайшим уважением. Герцен выступил первым за освобождение крепостных на разумных и диктуемых промышленностью основаниях, ибо он понимает, что наступило время, когда промышленность настолько ушла вперед, что для дальнейшего капиталистического развития необходима свобода. Взгляды Герцена отличаются типично американским практицизмом и деловитостью; в самом деле, среди крупных, гениальных европейских писателей ни один, пожалуй, не понимает и не ценит Америку так, как Герцен, который ждет от нас столь многого и относится к нам с такой теплой верой. Многие понимают уже, что взгляды Герцена разделяются царем, проникшимся решимостью освободить крепостных под влиянием сочинений Герцена, в которых необходимость освобождения постоянно доказывается самым четким образом с политико-экономической точки зрения. Его теория очень ясна. Доходы и преуспеяние государства возрастают соответственно с используемым в нем капиталом. Чем свободней рабочие, тем больше растут средства производства. Быть умственным руководителем, мыслящим философом, твердо, логически доказывающим необходимость освобождения двадцати миллионов человеческих существ, – разве это не титанический подвиг?

Как и все, кто отстаивает философию современного промышленного прогресса, Герцен придает исключительное значение истории, причем не столько ее объективной, внешней и малоподвижной государственной стороне, сколько ее внутренней жизни и социальным обличениям. Подобно Маколею, он ищет побудительные причины событий. *Такой* автор, пишущий о национальных реформах, настолько же отличается от старомодных ученых историков, насколько современные медики, изучающие анатомию в ее мельчайших подробностях, отличаются от живших до Везалия врачей, которым запрещалось рассекать человеческое тело. Вот почему Герцен переводит и тщательно издает произведения, подобные автобиографии Екатерины, так же как он выпускает пикантные и блистательные по своим достоинствам воспоминания княгини Дашковой[7]. Добросовестно излагает и разъясняет он самые важные моменты русской истории по исследованиям *внутренней, сокровенной стороны жизни* – иногда собственной, иногда чужой, как в данном случае. Нет теперь на свете человека, который бы так хорошо знал и понимал Россию в ее прошлом и настоящем, как он. Герцен полностью и чрезвычайно глубоко сроднился с нею; он знает, из чего она выросла, знает и старые тайны императорской фамилии, понимает испорченность дворянства, подлость чиновников, действительное значение и скрытые возможности развития крепостных. Его русская газета "Колокол", печатающаяся в Лондоне, обладает поразительной силой воздействия – несравненно большей, нежели признает наш коллега из бостонской "Boston Post". "Колокол" в России читают повсюду; это единственная независимая русская газета. Постоянно читают ее и император и министры. Читает ее в университетах вся "Молодая Россия" – все без исключения. Запретный плод всегда сладок!

[18*] Имеется в виду Александр II. – *Ред.*

Автобиография Екатерины заслуживает внимания и по другим причинам, кроме упоминавшихся. В раскрытой перед нами главе мы видим личность веселую, отнюдь не злоумышленную, утомленную дворцовым этикетом, и женщину, измученную супругом, легкомыслие и неверность которого так велики, что это трудно себе вообразить. Мелкие домашние досады, отягчающие коронованную главу, показаны здесь с несколько забавной точностью, так что мы можем убедиться и в том, насколько сходны императрицы, великие княгини и князья по своим привычкам, чувствам, манерам с прочими прилично воспитанными дамами и господами и как мало стирается это сходство с церемониальными формальностями дворцового этикета.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Статья "Александр Герцен" ("Alexander Herzen") напечатана в "Philadelphia Daily Evening Bulletin" 21 июня 1858 г.

[2]Лиленд ссылается на свою статью "Герцен о России и Франции", опубликованную в той же газете 23 апреля 1858 г. (см. ее русский перевод в "Лит. наследстве", т. 96, с. 676–687).

[3]Источник этих двух цитат о Герцене неизвестен, но упоминание несколькими строками выше имени Трюбнера и утверждение, что сведения о Герцене получены от "авторитетнейшего лица", позволяют мне с уверенностью предполагать, что этим лицом был Трюбнер и что эти данные извлечены из разговоров с ним или из его писем, а не из какого-нибудь печатного источника.

[4]Статья "Общинно-демократический принцип в России" напечатана в "Philadelphia Daily Evening Bulletin" 15 сентября 1858 г.

[5]Статья "Литературная новость" напечатана в той же газете 4 декабря 1858 г.

[6]"Записки Екатерины II" ("Mémoires de l' Impératrice Catherine II, écrits par elle même ⟨...⟩ 1744–1758)" были выпущены Н. Трюбнером в декабре 1858 г. (с предисловием Герцена), но еще до того он послал отпечатанные листы книги Лиленду. В неопубликованном письме от 7 января 1859 г., хранящемся в архиве Пенсильванского исторического общества, Трюбнер просил Лиленда прислать экземпляр его статьи о "Записках", сообщая, что издал две тысячи экземпляров, из которых 1600 уже разошлись.

[7]См. XII, 361–443 и 558–560.

У ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА

Сообщение И.В. П о р о х а

После окончания Крымской войны и заключения Парижского мирного договора (1856) установились нормальные дипломатические отношения России с европейскими государствами. Вскоре отменен был запрет на выезд за границу, и из России на Запад хлынул поток путешественников. По данным III Отделения в Европу в 1856 г. выехало 6032 человека, в 1858 г. – 17 243, в 1859 г. – 26 303, в 1860 г. – 70 044[1]. До 1863 г. число путешественников все возрастало и возрастало.

20/8 июля 1857 г. Герцен писал И.С. Тургеневу: "Русских бывает бездна – военных и штатских, с усами и с бородой, – но все являются с поклоном в Путней" (XXVI, 106). В сентябре 1858 г. он сообщал М.К. Рейхель: "Количество русских таково, что я, наконец, должен был назна́чить два дня в неделю: *среду* и *воскр⟨есенье⟩* в три часа – для любезных незнако́мцев" (Там же, 208).

Вспоминая в 1864 г. о бесчисленном количестве посетителей в предшествующие годы, Герцен в "Былом и думах" очень образно повествовал: "Ни страшная даль, в которой я жил от Вест-Энда – в Путнее, Фуламе... ни постоянно запертые двери по утрам – ничего не помогало. Мы были в моде. Кого и кого мы не видали тогда!.. Как многие дорого заплатили бы теперь, чтоб стереть из памяти, если не своей, то людской, свой визит... Но тогда, повторяю, *мы были в моде,* и в каком-то гиде туристов я был отмечен между достопримечательностями Путнея" (XI, 297).

Были, конечно, и приятные визиты. Но немногие из тех, кто видел Герцена, оставили описания своих встреч с ним и Огаревым. Данное обстоятельство придает особое значение каждому рассказу лиц, побывавших в гостях у издателей "Колоко-

ла", газеты, пользовавшейся в конце 1850–начале 1860-х годов огромной популярностью в России.

Одной из таких встреч, запечатленных в нескольких источниках, стало посещение Герцена и Огарева во второй половине сентября 1861 г. Э.В. Европеус, Е.Э. Толмачевой и М.П. Тиммерманом. Сведения об этом визите попали, вероятно, случайно, в III Отделение. Впрочем, есть во всем случившемся и элемент предопределенности.

В борьбе с распространением изданий Вольной русской типографии усердствовало не только III Отделение. Министр финансов А.М. Княжевич рассылал грозные циркуляры по таможням, находившимся в его ведении, предписывая строго следить за всеми, кто возвращался из-за границы для изъятия у них запрещенной литературы.

В поле зрения чиновника Вержболовской таможни некоего Турбина 4/16 октября 1861 г. попала Эмилия Вильямовна Европеус. Бдительному таможнику, награжденному за проявленное усердие по службе, показался подозрительным внешний вид молодой, миниатюрного роста женщины. Он решил подвергнуть ее обыску. И, как сообщалось в донесении от 5/17 октября шефу жандармов В.А. Долгорукову, у Европеус "под платьем находились два мешка на ременном поясе, опиравшемся на плечи, и в мешках этих найдены запрещенные в России журналы и книги на русском и французском языках, запечатанные и распечатанные письма числом 39..."[2]

«Среди книг оказались:

1. "Правда о России" – два тома.
2. "Голоса из России" (три части – 1, 8 и 9).
3. "За пять лет", части 1 и 2.
4. "Былое и думы" в двух частях (вторая часть – неполная).
5. "Полярная звезда". Сочинение Искандера – 2 книги.
6. "С того берега" – 1 книга.
7. "Окончательное решение крестьянского вопроса" Н.А. Серно-Соловьевича – 1 книга.
8. "Колокол" – 21 лист, "Под суд!" и "Будущность".
9. Сочинения князя Юрия Голицына и много книг на французском языке»[3].

Европеус была отправлена под охраной в Петербург. Из тридцати девяти личных писем, отобранных у нее, особенно заинтересовали III Отделение "пять писем, запечатанных, на имена: секретаря 5-го департамента Сената Шишкина, астронома Казанского университета Эверсмана, Владимира Александровича Толмачева в Пермь, пензенского помещика Сатина и Владимира Полибина (Владимир Полибин – капитан в Инспекторском департаменте). Письма эти, – как было установлено при допросе Европеус, – она получила для передачи; что же касается книг, то, по ее объяснению, она купила их в книжной лавке в Лондоне с целью прочесть их дома"[4].

В канцелярии у Цепного моста, где размещалось III Отделение, Европеус расспрашивали, разумеется, о ее посещении Герцена и Огарева (что рассматривалось как политическое преступление). На допросе она "объяснила свое знакомство с помянутыми изгнанниками случайностью или просто любопытством"[5]. Впоследствии об этом инциденте с Европеус стало известно Н.А. Тучковой-Огаревой, которая рассказала о нем в своих воспоминаниях: "Возвращаясь однажды в Россию после краткого пребывания в Англии, она была арестована и отправлена в Петербург, в III Отделение[6]. Там ее допрашивали:

Была ли она в Англии?

Была, – отвечала она.

Не была ли у Герцена?

Конечно, была, – отвечала г-жа Европеус.

Почему была у Герцена?

Потому что он известный, даровитый писатель Как же быть в Лондоне и не видеть Герцена? – прибавила она наивно.

Разве она не знает, что он государственный преступник?

Никогда не слыхала, – был ответ, – а слышала, что он умный, ученый, даже обедала у него и считала это за большую честь, за большое счастие...

Так ее и выпустили, наконец[7].

Тогда приезжало много русских, особенно весной и летом"[8].

В гостях у Герцена Европеус была не одна. Одновременно к нему приехали Е.Э. Толмачева и М.П. Тиммерман, с которыми Европеус познакомилась во время совместного проживания в одной из берлинских гостиниц, а позднее, в Париже, они все вместе встречались с П.В. Долгоруковым.

Конечно, эти русские путешественники не принадлежали к числу выдающихся посетителей Герцена – таких, например, как Л.Н. Толстой, Н.Г. Чернышевский, Н.А. Серно-Соловьевич. Но, вместе с тем, они были людьми, далеко не ординарными и довольно известными в среде русской интеллигенции (особенно Толмачева).

Громкий общественный резонанс получило ее чтение 27 ноября 1860 г. стихотворного текста из "Египетских ночей" Пушкина на литературно-музыкальном вечере в Перми[9]. Подробный и очень сочувственный рассказ об этом вечере был напечатан в № 36 "С.-Петербургских ведомостей" 14 февраля 1861 г. – в статье "Из путевых заметок от С.-Петербурга до Иркутска", подписанной инициалами *М.Т.*, за которыми скрывался Михаил Тиммерман. Автор подчеркнул высокую эмоциональность чтения Толмачевой, во время которого "все лицо ее изменялось беспрестанно, принимая то нежно-страстное, то жгучее, то неумолимо суровое, то горделиво вызывающее" выражение.

Информация о чтении Толмачевой на литературно-музыкальном вечере в Перми "Египетских ночей" вызвала оскорбительный и бестактный фельетон "Русские диковинки" П.И. Вейнберга, опубликованный в № 8 редактируемого им журнала "Век" 22 февраля 1861 г. под псевдонимом *Камень Виногаров*[10]. Пóшло иронизируя по адресу Толмачевой, Вейнберг писал: «Русская дама, статская советница, явилась перед публикою в виде Клеопатры, произнесла предложение "купить ценой жизни ночь ее", и как произнесла!» Предлагая Толмачевой прочесть стихотворение Пушкина: "Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем (!)", Вейнберг заявлял: "При чтении его можно еще лучше принимать вызывающее выражение и делать еще более выразительные жесты! Уж коли эмансипироваться, так до конца! Зачем же останавливаться на полдороге?"

Фельетон заканчивался обращением к женщинам: "Долой всякую стыдливость, долой женственность, долой светские приличия; вас приглашает к этому г-жа Толмачева..."

Сокрушительную отповедь Вейнбергу дал М.И. Михайлов, незадолго до того выступивший с развернутой и обстоятельной статьей в трех книжках "Современника", где горячо ратовал за эмансипацию женщин[11]. В № 51 "С.-Петербургских ведомостей" от 3 марта 1861 г. он напечатал публицистический отклик под названием «О мерзостях г. Вейнберга. Безобразный поступок "Века"». Михайлова поддержали Н.В. Шелгунов, В.С. Курочкин и ряд других литераторов при общем сочувствии демократической печати.

Любопытные, хотя и полицейски-тенденциозные сведения о Толмачевой содержатся в официальной справке, составленной для III Отделения, штаб-офицером корпуса жандармов Пермской губернии подполковником Комаровым. В ней говорится: "Евгения Эдуардовна Толмачева[12] – жена председателя Пермской казенной палаты статского советника Толмачева, урожденная Эверсман, дочь умершего профессора Казанского университета, получила превосходное и серьезное образование, но с ранних лет, находясь в обществе учителей и профессоров Казанского университета, получила ложное направление. Впоследствии, увлекшись теориями французских публицистов Прудона и Мишле, во что бы то ни стало желала сделаться эмансипированной, применяя теории указанных авторов к собственной жизни. В молодости обладала замечательной наружностью, в 1847 и следующих годах жила в г. Оренбурге, где пользовалась особым вниманием графа Василия Алексеевича Перовского, муж ее в то время занимал должность начальника штаба Башкиро-Мещерякских войск. В

1856 г., по смерти графа Перовского[13], Толмачев переменил военную службу на гражданскую, вскоре после того получил место председателя казенной палаты в г. Калуге, а оттуда в 1860 г. был переведен в г. Пермь. Г-жа Толмачева не пользуется уважением в обществе за высокомерие и резкость своих идей"[14].

В той же справке III Отделения дается краткая характеристика спутника Толмачевой Тиммермана.

«Г-н Тиммерман, – читаем в документе, написанном подполковником Комаровым, – как кажется, воспитанник второго кадетского корпуса, за какую-то шалость или леность, в котором году достоверно не знаю, но прежде Крымской кампании, был выслан юнкером на Кавказ, где вследствии раны потерял правую руку, произведен был в прапорщики с отчислением по армии и, состоя под покровительством Комитета о раненых, назначен был приставом к Шамилю в г. Калугу, где имел случай познакомиться и сойтись с г-жой Толмачевой. По переводе Толмачева в Пермь, Тиммерман вышел в отставку и приехал в Пермь, где в ожидании места жил в течение 6-ти месяцев на квартире у Толмачева. По влиянию г-жи Толмачевой муж ее заставил выйти в отставку чиновника по особым поручениям, при нем состоявшего г-на Кочевского (ныне секретарь 7-го округа корпуса жандармов), и на место его определил Тиммермана, но по отъезде жены своей за границу тотчас уволил его, и Тиммерман отправился за границу и, как кажется, в настоящее время находится вместе с г-жой Толмачевой в Лондоне; он же автор статьи, помещенной в 36 № "Санкт-Петербургских ведомостей" за 1861 г., возбудившей огромную журнальную полемику, во главе защитников г-жи Толмачевой стоял Михайлов, помещающий свои статьи в "Современнике".

Тиммерман характера неспокойного, недовольный настоящим положением дел, выражался резко, общество пермское посещал редко и в короткое время своей службы успел приобрести полное нерасположение своих товарищей»[15].

Донесение Комарова датировано 19 ноября 1861 г. В это время Толмачева и Тиммерман, действительно, еще находились за границей, в Швейцарии. Выехали они в Европу летом того же года и не одновременно (Толмачева уехала в конце мая – начале июня и в деревушке Гейс ждала Тиммермана, сумевшего получить заграничный паспорт лишь 29 июля). Из Гейса они отправились вместе через Берлин в Париж, который произвел на них весьма неприятное впечатление. "Жандармы, полиция, шпионство, трусость и страх, нет свободы прессы, нет свободы слова, лица сумрачные у граждан, глупо самодовольные у солдат; грубость, наглая невежливость взамену услужливости и вежливости, бывшей когда-то синонимом французов. Париж, – писал Тиммерман 12 октября н. ст. И.И. Шишкину, – строится, мусор, мусор во всем, в словах, на улице, в законодательстве, в журналах. Но при всем этом мусоре недовольство растет, негодование глухо бродит в массе"[16].

Далее Тиммерман сообщил своему адресату о встрече с П.В. Долгоруковым и высказал свое мнение о книге последнего "Правда о России". "Политического значения, – писал Тиммерман, – она иметь не может, невзирая на все желание автора дать ей это значение". Тиммерман считал конституционные рецепты Долгорукова непригодными для России.

Приехав в столицу Англии и узнав, что Герцен находится в Торквее, в семидесяти верстах от Лондона, Европеус, Тиммерман и Толмачева написали ему письмо, в котором изъявили желание его видеть. В ответ сразу же пришло приглашение приехать. Любезное согласие принять русских путешественников могло быть вызвано тем, что Герцен уже встречался с Европеус и ее мужем, приезжавшими в Лондон, по всей видимости, в конце 1858–начале 1859 г., когда семья Герцена жила в Фулеме[17].

Очень лестную характеристику Европеус дала Н.А. Тучкова-Огарева, которая писала о ней: "Мне нравились в ней сдержанный английский характер и теплое чувство к родине ее мужа, что очень редко встречается в иностранках. Именно по этому чувству к России она относилась с большой симпатией и благоговением к Герцену"[18].

Герцен не только пригласил к себе Европеус и ее спутников – он через Тхоржев-

ского прислал в подарок ей и Толмачевой экземпляры "Былого и дум", а также "Полярной звезды". Вместе с тем Герцен уведомил адресатов, что Огарев находится в Лондоне. Европеус и Тиммерман не упустили возможности нанести Огареву визит; а вечером старый друг Герцена пришел к ним в гости и очень понравился Тиммерману. "Сколько теплого, умного, благородного в этой личности! Он видимо грустит, – писал Тиммерман. – Он так печально, безнадежно улыбается, когда ему говорят о возможности возврата на родину"[19].

На следующий день русские путешественники отправились в Торквей, где их уже ожидал Герцен. "Три дня, три счастливых дня провели мы в семействе Герцена", – с восторгом сообщал Тиммерман своему адресату. По его наблюдениям, "Герцен крепкий боец, он не улыбается так грустно, как Огарев, в этом человеке железная воля, пламенная вера"[20].

Кроме того, в письме сообщались любопытные дополнительные детали о Ю.Н. Голицыне. Они, вероятно, восходят к устному рассказу Герцена о распрях Голицына со своими слугами, насыщенному подробностями, которые не вошли в более поздний текст "Былого и дум" (см. XI, 313–324). При прощании Герцен подарил гостям свои книги.

Встречи и общение с Герценом и Огаревым произвели на Тиммермана столь сильное впечатление, что он не мог не поделиться своими чувствами с близкими друзьями. Одновременно с письмом к Шишкину Тиммерман написал своему сослуживцу по армии капитану В.И. Полибину – офицеру Инспекторского департамента Военного Министерства[21], рассказал о посещении руководителей Вольной русской типографии в Лондоне.

В этом письме Тиммермана, естественно, кое-что совпадает с его письмом к Шишкину. Но при этом оно содержит важные сведения, которых в другом письме нет.

Приводим его здесь целиком[22]:

«Милый Владимир Иванович!

Письмо это посылаю с мадам Европеус, которая, совершив с нами путешествие в Англию, возвращается в Россию. В Англии мы провели полторы недели, из которых три дня были у Герцена[23] в Торквее и Девоншире, а остальные дни в Лондоне в среде русских изгнанников. Личность Огарева напомнила мне вас своим тихим, задумчивым смехом. Три дня, прожитые в Торквее, останутся долго в моей памяти, таких дней немного в жизни: все эти дни с одиннадцати часов утра до двух часов ночи мы были с Герценом; его разговор увлекателен, сам он человек с сильной, непреклонной волей, это одна из тех личностей, которая поведет массу за собой, его одушевленная речь увлечет всех, взглянитесь ⟨!⟩ пристально в его портрет, он очень похож, я узнал его по портрету, когда он встретил нас на дебаркадере, и увидите, что такие люди не останавливаются ни перед чем. Огарев более симпатичен, как говорит моя спутница, и с сим я согласен, но энергии и воли, бесспорно, более в Герцене. Один будет думать, делать выводы, другой будет действовать, они контраст, но их обоих нельзя не любить.

Герцен был рад нашему посещению, не потому только что мы русские, не потому только, что наш приезд был данью уважения к нему, нет, он нас полюбил за то, что мы есть. Мой разговор с ним чрезвычайно характеристичен, в нем Герцен высказался весь. Разговор, конечно, был о России, я высказал, из каких элементов состоит наше общество. "Нет, нет, – сказал он, – я не верю, не хочу верить". Это был порыв человека, сознающего истинность другого, но упорно отстаивающего свое упование. Мне было грустно за Герцена: тогда я только понял автора "С того берега"; он не противоречит себе, он просто двойственен; в кабинете – мыслитель, вне его – человек, страстно любящий родину, верующий в ее блистательное будущее, он нам подарил книги на прощанье и меня крепко, крепко обнял. Я не забуду этих дней. У Огарева в Лондоне был весь русский кружок, все печальные, все жаждущие возвращения на родину. Через несколько минут мы были со всеми ими, как со старыми хорошими знакомыми. Отчет обо всем этом я отдам при свидании, а теперь скажу

несколько слов о себе, я здоров, счастлив, живу очень мирно и покойно, желаний у меня нет, да, виноват, я желаю быть консерватором настоящего моего положения. В Швейцарии так хорошо, я бы хотел, чтобы меня забыли все, кроме вас, конечно, чтоб ни один звук с родины не возмущал моего покоя. Кстати о родине: что делает тетка, вернулась ли она из Пскова? Вы знаете, что в Петербурге я ее не видел, нет ли известий о дяде моем Николае Антоновиче? Брат мой Александр должен был у вас быть по приезду своем из Пскова от тетки; уведомьте, ежели был. Похлопочите у Сиверса о моем пансионе, вытребуйте бумаги, какие надо, из Перми. Скажите, пожалуйста, что́ наш Комитет (о раненых) так же подл, как прежде, или благодаря вашей бомбардировке сделался лучше? Все бумаги от меня смело подписывайте за меня, как это было во время моего пребывания в Перми. Пока мне ничего не нужно, но мне бы хотелось по приезде в Петербург жить в нем долго, а в нем я думаю быть в конце марта. Здесь нет книг, кроме тех, которые мы получили от Герцена и Огарева, а потому, будьте добры, вышлите на имя Толмачевой журнал "Время" за нынешний год, не франкируя его... Вот и все... – *М.Т.*».

К письму приложена коротенькая записка, адресованная брату Александру:

«Милый друг Саша, посылаю тебе книгу Герцена "С того берега". Я думаю, она будет тебя интересовать. Он мне подарил ее. Писать много некогда, сейчас иду провожать мадам Европеус, она едет домой в Тверь. Признаться, мне немного завидно: как ни хорошо здесь, а в России лучше. Прощай, мне бы очень хотелось, чтобы вы уговорили мать переехать за границу, я что-то боюсь, чтоб у вас не было каких-нибудь волнений, положим больших не будет, но ты знаешь, как мать от всего тревожится. Главное меня конфузит то, что (великий князь) Константин Николаевич нанял себе на 14 лет дом на острове Уайт и купил другой в Венеции. Он хитер и, вероятно, что-нибудь предчувствует...»[24]

Казалось бы все описанное представляет собой лишь частный случай, эпизод жизни Герцена, Огарева и их гостей. Но нет: это нагляднейшая иллюстрация взаимоотношений "лондонских пропагандистов" с симпатичными им людьми.

Письма Тиммермана живо (а подчас фотографически) передают обстановку жизни Герцена и Огарева. Они отчетливо передают и общественно-политическую атмосферу, окружавшую в начале 1860-х годов обоих руководителей Вольной русской типографии.

После возвращения Толмачевой и Тиммермана в Россию (в марте 1862 г.) за ними установлен был негласный полицейский надзор[25]. Евгения Эдуардовна поселилась в Петербурге на Итальянской улице, № 67, а Михаил Петрович – на Невском проспекте, № 100. Вскоре Толмачева поступила приказчицей в книжный магазин Н.А. Серно-Соловьевича[26]. Незадолго до ареста владельца магазина она, 15 июня 1862 г. выехала с дочерью Софьей в Казань к своей матери. Ее муж в это время возбудил перед начальником III Отделения кн. В.А. Долгоруковым ходатайство о лишении Евгении Эдуардовны прав материнства и о передаче девочки отцу. Свою просьбу он мотивировал тем, что опасается "вредных последствий влияния его жены на находящуюся при ней малолетнюю дочь"[27]. Но этим Толмачев не ограничился. Он подал официальное прошение о расторжении брака со своей женой.

9 сентября 1862 г. В.А. Толмачев вновь направляет в III Отделение на имя начальника штаба корпуса жандармов А.Л. Потапова следующую бумагу, в которой пишет: "Моя единственная и покорнейшая просьба к вашему превосходительству во время бытности моей в Петербурге, чтобы понудить жену мою к выезду в Казань, где она, находясь под надзором родной своей матери, могла еще образумиться. Неожиданный отъезд из Казани, продолжающая переписка с г. Тиммерманом и снова по приезде ее в Петербург сношения с Серно-Соловьевичем и другими, неизбежно повлекут ее как потерянную женщину, а меня – как мужа, к страшной ответственности перед правительством"[28].

В начале 1863 г. умерла малолетняя дочь Толмачевых Софья, что ускорило решение вопроса о разводе, которого настоятельно требовал сановный супруг[29]. Бра-

коразводные притязания Толмачева очень напоминают развитие аналогичных событий, описанных Толстым в "Анне Карениной".

В марте 1863 г. Толмачева, вероятно, переехала в Ростов-на-Дону, куда за ней последовал Тиммерман. На этом следы их теряются. А жаль! Евгению Эдуардовну и Михаила Петровича нельзя не отнести к числу весьма незаурядных людей, и дальнейшая судьба их не может не вызывать интереса.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]*ГАРФ*, ф. 109, оп. 223, ед. хр. 20–25.

[2]Там же, ф. 109, 1 эксп., оп. 5, ед. хр. 395, л. 2–2 об. Сведения о задержании Европеус на Вержболовской таможне и отправке ее в Петербург в III Отделение приведены также в комментариях *Л* XI, с. 339–341 в публикации Б.П. Козьмина "К истории эмиграции 1860-х годов" ("Красный архив", 1931, № 6, с. 148–153), в статье И.В. Смолина "Царизм в борьбе в вольной печатью Герцена" ("Ученые записки ЛГПИ им. Герцена", 1947, т. 61, с. 59), а также в *ЛЖГ* III, 246–247.

[3]Там же, л. 11.

[4]Там же, л. 13–13 об.

[5]Там же, ф. 95, оп. 1, ед. хр. 186, л. 39.

[6]Герцену сообщили об аресте Европеус, и он опубликовал об этом информацию в л. 112 "Колокола" от 15 ноября 1861 г. под названием "Война с дамами" (см. XV, 286).

[7]По приказу Александра II Европеус была подвергнута "полицейскому надзору с обязательством ее иметь безвыездное жительство в имении ее мужа, находящемся в Тверской губ." (*Л* XI, 340).

[8]*Тучкова-Огарева*, 151.

[9]О литературно-музыкальных вечерах начала 1860-х годов см.: Ф.А. Литвина. Литературные вечера – одна из форм просветительской деятельности разночинцев (сб. "Некоторые вопросы отечественной истории в трудах В.И. Ленина". Казань, 1971, с. 115–127).

[10]См. об этом: П.И. Вейнберг. Безобразный поступок "Века" ("Ист. вестник", 1900, № 5, с. 472–489); ср. *ИРЛИ*, ф. 62, оп. 2, ед. хр. 37; П.Д. Боборыкин. Воспоминания. За полвека, т. I. М., 1969, с. 191–193.

[11]М.И. Михайлов. Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе ("Современник", 1860, № 4, 5, 8).

[12]Сбоку против фамилии Толмачевой В.А. Долгоруковым написано: "Принять все это к соображению для общего очерка тех тайных связей и сношений, которые имеются у нас в виду. 30 ноября 1861 г." (л. 89). В данном случае он подразумевал наблюдения за посетителями Герцена.

[13]В действительности Перовский умер в 1857 г.

[14]*ГАРФ*, ф. 109, 1 эксп., оп. 5, 1861, ед. хр. 395, л. 89–89 об. – Некоторые данные о Толмачевой приведены в книге: М.К. Корбут. Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина за 25 лет, т. 1. Казань, 1930, с. 189, 207.

[15]*ГАРФ*, ф. 109, 1 эксп., оп. 5, 1861, ед. хр. 395, л. 89 об.–90.

[16]Там же, л. 13 об. – Полностью письмо Тиммермана к историку И.И. Шишкину от 1/13 октября 1861 г. из Лозанны опубликовано Б.П. Козьминым в "Красном архиве", № 6, с. 149–152.

[17]*Тучкова-Огарева*, 150–151.

[18]Там же, 151.

[19]Б.П. Козьмин. Указ. соч., с. 150.

[20]Там же, с. 151. В публикации Козьмина искажено слово *боец*; в его тексте оно прочтено как *более* (*ГАРФ*, ф. 109, 1 эксп., оп. 5, 1861, ед. хр. 395, л. 15 об.).

[21]На запрос III Отделения "служащий в инспекторском департаменте Военного министерства" капитан Полибин дал следующие сведения о находящемся за границей Тиммермане: "Тиммерман, коллежский регистратор, служил в Куринском пехотном полку, уволен из оного подпоручиком в 1859 г., быв потом помощником пристава при Шамиле в Калуге, а после того поступил на службу в Пермскую казенную палату. Полибин знаком с Тиммерманом по службе в Куринском полку. Толмачевой Полибин не знает, но ему известно, что Тиммерман, состоя на службе в Пермской казенной палате, был хорошо знаком в доме председателя палаты действительного статского советника Толмачева, который женат (на ней)" (там же, л. 57 об.).

[22]Отрывки из этого письма с текстовыми погрешностями были опубликованы М.К. Лемке в комментариях к статье Герцена "Война с дамами" (*Л* XI, 339–340; ср. *ЛЖГ* II, 251).

[23]Лемке назвал только месяц, в котором Европеус и ее спутники посетили Герцена – сентябрь (*Л* XXII, 316). Можно точнее датировать визит названных лиц к Герцену – а именно – второй половиной сентября.

[24]*ГАРФ*, ф. 109, 1 эксп., оп. 5, 1861, ед. хр. 395, л. 10–12 об.

[25]Там же, л. 89.

[26]Там же, л. 107.

[27]Там же, л. 101.

[28]Там же, л. 120.

[29]Там же, л. 134.

НЕИЗВЕСТНОЕ ИЗДАНИЕ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФИИ

Сообщение Е.Л. Рудницкой

4 апреля 1866 г. Петербурге, у решетки Летнего сада, вольнослушатель Московского университета, член Ишутинской организации Д.В. Каракозов стрелял в Александра II. Только случай спас жизнь императора.Так, впервые в истории России было произведено открытое политическое покушение на главу государства с целью революционного переустройства существующего строя на новых социальных основах. Эхо этого выстрела глубоко отозвалось не только в сознании современников; его отзвуки проходят через все русское революционное движение последующих лет, вплоть до 1 марта 1881 г., когда был приведен в исполнение смертный приговор, вынесенный царю революционерами. Террористическая струя почти не обнаруживая себя, продолжала свое подземное существование, обретала все бóльшую силу и, наконец, полностью возобладала в политических установках "Народной воли". Но одновременно этот метод революционной борьбы вызывал и самое решительное неприятие. Не боясь вызвать гневного осуждения революционной молодежи, слово решительного осуждения террора открыто произнес Герцен.

Выстрел Каракозова поставил перед русским революционным движением совершенно новую для него проблему. Реакция на это событие складывалась из решения основных вопросов: допустим ли террористический метод как средство революционной борьбы вообще и насколько каракозовский выстрел был связан с деятельностью революционного подполья – вытекал ли он из этой деятельности, был ли ею обусловлен, или же должен рассматриваться как изолированное действие одиночки?

Первым откликом "Колокола" на событие 4/16 апреля 1866 г. была статья Герцена "Иркутск и Петербург", открывавшая лист 219 от 1 мая 1866 г. Выстрел 4 апреля Герцен квалифицировал как "безумие", как действие "какого-то фанатика". Только в деятельности самих народных масс, в возрастании их исторической активности видел он силу исторического прогресса. Пафос статьи Герцена – в разоблачении правительственных репрессий против революционного лагеря. Статья "Иркутск и Петербург" имеет подзаголовок – "5 марта и 4 апреля 1866" (5 марта – ошибочно названная Герценом дата смерти Н.А. Серно-Соловьевича, умершего в Иркутске 14 февраля 1866 г. – см. XIX, 58–65).

Когда Герцен писал статью "Иркутск и Петербург", никаких официальных сведений о стрелявшем в царя человеке в печати еще не появлялось. Герцен задержал завершение статьи до их поступления. 13/25 апреля в русских газетах было названо имя Д.В. Каракозова. О нем было сказано только, что он "саратовский помещик". Не входя ни в какие комментарии по поводу сословной принадлежности стрелявшего, Герцен, начиная с первой статьи и во всех выступлениях по поводу события 4 апреля, последовательно стоял на позиции полного отрицания связи террористического акта с русским освободительным движением в целом. Герцен отрицал и связь между действием Каракозова и тайным обществом, членом которого он был. Несколько приглушая это утверждение в передовой "Колокола" от 15 июля 1866 г., Герцен писал: "Покушение 16(4) апреля *не было следствием заговора*, давно обдуманного и далеко распространенного, а делом небольшой кучки людей..." (XIX, 114). Когда в русской прессе был опубликован официальный отчет о результатах работы Верховной следственной комиссии по делу Каракозова, в котором излагались цель и средства деятельности "организации" ишутинцев, Герцен нашел в нем подтверждение того, что раздуваемая председателем комиссии Муравьевым-вешателем, подхваченная официозной печатью легенда о "великом заговоре" есть правительственная ложь.

Отвергая террор как средство революционной борьбы и рассматривая выстрел Каракозова изолированно от общего хода русского революционного движения, редакция "Колокола" заявляла о своей солидарности с программой этого движения,

которое выступило против существовавшего в стране социально-политического строя. Герцен видел в действовавших тогда революционерах прямых продолжателей борьбы, возглавлявшейся "Землей и волей", потерявшей вследствие правительственного террора своих самых выдающихся представителей.

"Письмо к императору Александру II" по поводу выстрела Каракозова, помещенное в л. 221 "Колокола" от 1 июня 1866 г., было четвертым и последним обращением Герцена к российскому самодержцу. Два его первых письма, относящихся ко второй половине 1850-х годов, когда правительство открыто заявило о взятом им курсе на реформы, подготовке отмены крепостного права, имели своим теоретическим основанием идею "самодержавной революции". Уходя своими корнями в петровские преобразования, эта идея – итог движения общественной мысли последекабристского периода в поисках наиболее приемлемого пути общественного развития России.

Она явилась результатом учета реальной исторической ситуации, осознания нравственной ответственности за судьбы страны. Отчетливо понимая, что революция и реформа решают одни и те же задачи, Герцен вплоть до начала 1860-х годов отдавал все же предпочтение (хотя и с известными колебаниями) реформаторскому пути, позволявшему избежать кровавых катаклизмов с их совершенно непредсказуемыми социальными последствиями.

Письма к Александру II 1865 и 1866 гг. отражают известный сдвиг в позиции Герцена, вызванный разочарованием в реформах, проводимых царизмом, и сочувствием к движению разночинной интеллигенции, развернувшемуся после отмены крепостного права.

И если в предыдущем письме от 22 мая 1865 г. Герцен еще счел возможным, хотя и чисто демонстративно, призывать Александра II примкнуть к лозунгу Земского собора, то теперь обращение Герцена связано с одним единственным моментом, который составлял подлинный смысл и предыдущего письма. Это был призыв к человеку, обладавшему неограниченной властью, прекратить разгул "белого террора". Насколько Герцен сам уже не рассчитывал на добрую волю Александра II (о чем он счел нужным дать понять читателям), свидетельствует помещенное сразу же вслед за "Письмом к императору Александру II" "Напоминание", текст которого гласил: "Мы просим наших читателей – утром вставая и вечером ложась спать, вспоминать, что дело о выстреле 4/16 апреля не будет судиться публично" (XIX, 83). Между тем, в предыдущем листе "Колокола", в заметке под названием "Вот вам и гласный суд" сообщалось, что царем отклонено обращенное к нему ходатайство С.-Петербургской думы о гласном суде над Каракозовым.

Непосредственным дополнением к "Письму" являлась и следовавшая затем статья Герцена "Из Петербурга". В нее было включено полученное редакцией письмо из России с описанием неистовства реакции, массовых арестов, а также допросов и истязаний, которым подвергался Каракозов. Герцен клеймил проклятием и позором не только Муравьева, правительство и его "полиции", но и все "консервативно-либеральное" дворянство, бросившееся в объятия реакции и забывшее и о своих олигархических притязаниях, и о своих либерально-конституционных проектах. Собственную жизненную задачу Герцен видел в "обличении перед миром исторического преступления, совершавшегося в России", в "подкреплении и утешении несчастного молодого поколения, идущего на мученичество за свою святую любовь к истине, за свою юную веру в Россию". "Мы, старики, – продолжал он, – станем у изголовья гонимых, отирая пятны клеветы и благословляя погибающих провозвестников *будущей* России" (XIX, 84–88).

Подтверждением того, что "Письмо к императору Александру II" и статья "Из Петербурга" составляли единое идейно-тематическое целое, является их публикация отдельным изданием в виде брошюры на французском языке. Издание это оставалось неизвестным, оно не учтено ни в одном из справочников. На титульном листе читаем: «"Lettre adressée à l'Empereur de Russie par Alexandre Herzen". Genève, Imprimerie Russe, Pré-l'Evêque, 40. 1866». К заглавию в брошюре сделана сноска:

"Cette lettre et la correspondance de Pétersbourg qui la suit ont paru le l-er juin 1866 dans le *Kolokol*. Cette feuille du journal russe a été envoyée par la poste à l'Empereur"[19*]. Вторая сноска находится на этой же странице, она относится к словам о преследовании и унижении властями ни в чем не повинных людей: "Voyez la correspondance de Pétersbourg qui suit la lettre"[20*]. Текст заметки "Напоминание", напечатанный в "Колоколе" между обращением к царю и "Письмом из Петербурга" в брошюре, с меткой "NЗ', без заглавия, помещен в самом ее конце, сразу же за подписью Герцена под письмом.

Таким образом, отдельным изданием этих материалов, предназначенным западному читателю, Герцен подчеркнул (и дважды специально сказал об этом в примечаниях) их нераздельность. Опубликованные в виде брошюры, они отчетливо выявили ограничительный смысл обращения к царю; центр тяжести переносился на разоблачение царизма. Особо очевидным делался и подлинный смысл этого выступления, таким, как он был задуман Герценом.

Список изданий Вольной русской типографии теперь пополняется еще одним названием. Брошюра "Lettre adressée à l'Empereur de Russie" дает представление о сложной эволюции, через которую прошли политические воззрения Герцена в 1860-е годы, в период сосредоточенных философских поисков последних лет его жизни.

ГЕРЦЕН В ЖЕНЕВЕ

Сообщение И.И. Сиволап-Кафтановой

Швейцарии повезло больше, чем другим странам Западной Европы: благодаря своему нейтралитету, она прожила последние полтора столетия с наименьшими утратами – не воевала, ее города не подвергались бомбардировкам и артиллерийским обстрелам; многое в ней осталось таким, каким было во времена Герцена. Но и в Швейцарии рука современного человека все активнее разрушает историческую сердцевину древних городов. Тем не менее, в Женеве все еще сохранилось довольно много памятных мест, связанных с Герценом. Дома, в которых он жил или бывал пока в основном еще устояли в стремительном азарте перестроек, которым охвачен весь мир. Объясняется это тем, что, будучи человеком состоятельным и не скупым, он всегда предпочитал селиться в дорогих, просторных и добротно возведенных зданиях.

В 1849 г., в связи с предполагаемым переездом Герцена и его семьи из Парижа, Огарев писал ему: "А вы-то, счастливцы, сбираетесь в Женеву, мое любимое место. Я рад за вас: это мирный уголок, куда весело приехать семьею и жить про себя" (*РП* IV, 88).

У Герцена отношение к этому городу было более сложным. В его сочинениях и переписке сохранилось немало доброжелательных отзывов о Женеве, о ее природе, политическом и социальном строе. Нередко попадаются все же и гораздо более жесткие, но почти всегда справедливые оценки. Швейцарию часто посещали русские – политические деятели, дипломаты, художники, писатели, учащаяся молодежь. До нас дошло множество путевых заметок о природе Швейцарии, так поражавшей русских путешественников, зарисовки пейзажей и городских достопримечательностей. Но редко кто останавливался на политической жизни этой маленькой республики, упорно отстаивавшей свою политическую систему. В окружении великих монархических держав – Франции, Австрии, немецких княжеств и королевств – это было делом нелегким. Герцен, пожалуй, был чуть ли не единственным крупным русским политическим мыслителем середины XIX в., подвергшим проницательному анализу

[19*] Публикуемое письмо и корреспонденция из Петербурга, которая следует за ней, помещены в "Колоколе" от 1 июня 1866 г. Этот лист русской газеты был отправлен по почте императору – (*франц.*).

[20*] См. корреспонденцию из Петербурга, которая следует за письмом (*франц.*).

прошлое Швейцарии в историческом и социальном аспектах. Мы имеем в виду главным образом блистательные суждения Герцена в "Былом и думах", в статьях и переписке его зрелых лет.

В конце жизни Герцен снова обратил взгляд на Швейцарию и в очерках "Скуки ради. – Альпийские виды" развил и суммировал взгляды на Швейцарию в целом и на Женеву в частности (XX, 648–659).

Герцен досконально знал Женеву – город, в который его часто приводила судьба. Однако встречи эти приходились на трудные, порой даже трагические для него времена.

1849 г. Об этом периоде Герцен сказал: "Это был дурной год" (XXIV, 186). Горькие впечатления от поражения недавней революции, начало крушения семейного счастья. Именно здесь, в Женеве, жена Герцена особенно сблизилась с его другом Г. Гервегом. Тесный, сумрачный, замкнутый кольцом средневековых укреплений, город не обладал тогда ни значительными архитектурными памятниками, ни музеями. Этот центр мрачного кальвинизма вскоре, однако, должен был, по замыслу приятеля Герцена, президента Женевского кантона Дж. Фази, преобразиться в красивый, светлый и современный город. Герцен сразу же освоился с нехитрой планировкой старой Женевы.

В день приезда Н.А. Герцен, сопровождаемой Гервегом, Герцен начал показывать им город, обращая внимание на все интересное, – эта прогулка втроем, оставившая глубокий след в их памяти, отняла у них не более двух часов...

Жизнь Герцена в это время шла неровно, нестройно, но в ней были светлые дни: «За них я обязан величественной швейцарской природе. Даль от людей и изящная природа имеют удивительно целебное влияние. Я по опыту писал в "Поврежденном": "Когда душа носит в себе великую печаль, когда человек не настолько сладил с собою, чтобы примириться с прошедшим, чтобы успокоиться на понимании, ему нужна и даль и горы, море и теплый, кроткий воздух. Нужны для того, чтобы грусть не превращалась в ожесточение, в отчаяние, чтоб он не зачерствел...» (X, 108–109).

Незабываемы страницы "Былого и дум" о поездке Герцена и Гервега в Церматт, долгие раздумия и сложные душевные движения на фоне суровых Альп. Жизнь в это время жестоко преследовала Герцена, швейцарская природа полностью спасти не могла, а Женева, так же как и Цюрих, развеяла миф о швейцарской свободе. Герцен стремительно покинул эту страну.

В *1851 г.* Герцен снова приехал из Ниццы в Швейцарию для оформления бумаг о "натурализации" в кантоне Фрибург. Снова на короткое время ему стало лучше, но не столько от природы, сколько от общения со своими новыми согражданами из деревушки Шатель-сюр-Мора (Муртен)[1]. Этот краткий период закончился приездом в Женеву, где, встретившись в кафе с Н.И. Сазоновым, Герцен узнал, что его мучительная семейная драма супругами Гервегами превращена в "общеевропейскую сплетню".

1852 г. Время разъездов Герцена по Швейцарии в связи с организацией "общественного суда" над Гервегом. Снова Женева, в которой покоя он так и не нашел.

Затем двенадцать лет отсутствия...

1864 г. В канун нового 1865 г., сразу же после потери детей-близнецов, Герцен приезжает в Женеву на встречу с представителями "молодой эмиграции". Этими переговорами он разочарован. Тяготы семейной жизни действуют на него угнетающе.

1865–1866 гг. Более полутора лет проводит Герцен в Женеве. Сюда из Лондона перевезена им типография "Колокола". С "молодой эмиграцией" возникла открытая вражда. Семейные отношения обострились.

1868 г. В конце февраля Огарев сломал ногу. Обеспокоенный Герцен срочно приезжает к нему и живет в Женеве более двух месяцев.

Герцен проводит часть лета в городке Нионе (двадцать километров от Женевы). Он часто посещает столицу Женевского кантона.

1869 г. В середине мая Герцен вызван Огаревым для переговоров с Бакуниным и Нечаевым. Около месяца продолжается обсуждение сложившихся взаимоотношений.

Да, "счастливых созвездий" при встречах с Женевой нет. И все-таки город нравится Герцену своей природой (несмотря на незавидные климатические условия), комфортом и главное достаточно тесной связью с Россией. В 1865 г. Герцен писал: "Я в Париже и Женеве узнаю в три дня больше новостей из России, чем все мы в месяц узнаем их в Лондоне" (XXVIII, 44). Огорчало Герцена, правда, обилие русских (особенно молодых эмигрантов, подчеркнуто враждебно к нему относившихся). Поэтому в каждый приезд у Герцена возникала надежда на наступление лучших дней; казалось, что этот город можно будет выбрать местом постоянного жительства, хотя часто возникала мысль и о Цюрихе. Однако в Цюрихе середины 1860-х годов не было того накала политической и социальной борьбы, каким славилась Женева.

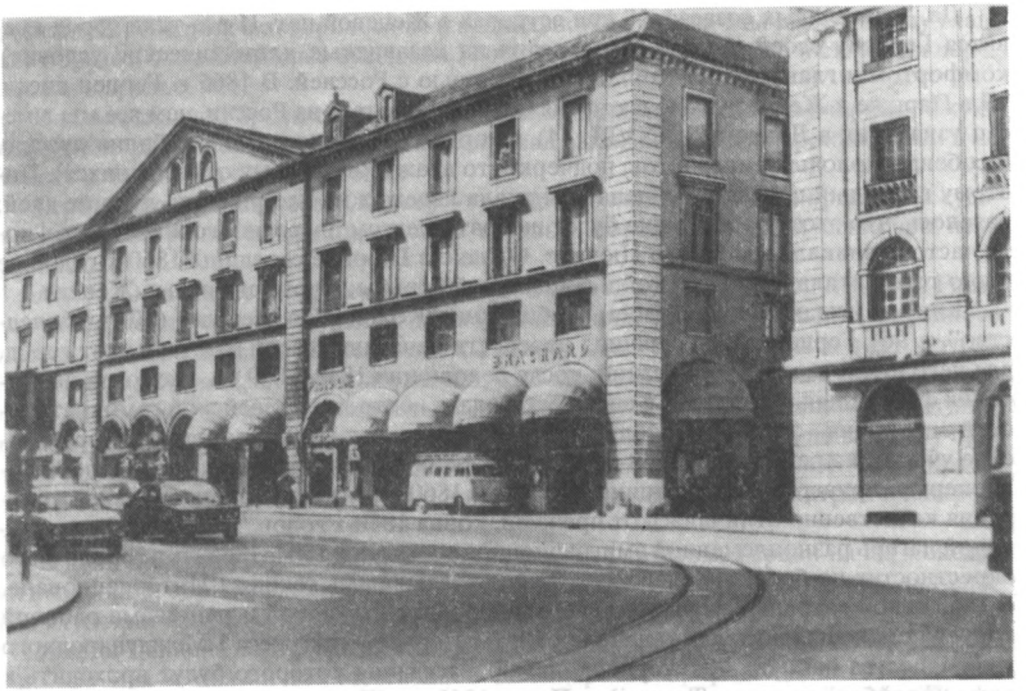
Как мы уже отмечали в своем сообщении «"Колокол" в Женеве» ("Лит. наследство", т. 96), Герцен в 1864 г. решил перенести печатанье своей газеты в этот город, для чего имелось много оснований: после революции 1848–1849 гг., несмотря на старания федеральных властей, Женева оставалась центром европейской демократической эмиграции – здесь жили польские повстанцы еще с 1830 г., немецкие и французские участники революции 1848–1849 гг., сторонники Кошута, итальянские революционеры – приверженцы Маццини. Однако в 1860-х годах интернациональная эмиграция качественно отличалась от прежней, конца 1840-х годов. Тогда это был кочующий лагерь разноплеменной эмиграционной толпы, а в 1864–1865 гг. в городе и его окрестностях по берегу Женевского озера складывались секции I Интернационала. В 1866 г. по центральным улицам впервые пройдет с музыкой и знаменами рабочий кортеж, оповещая жителей о начале работы Первого конгресса I Международного товарищества рабочих ("Интернационала"), заседания которого будут проходить к кафе "Трайбер" на улице Terrassière. После 1863 г. в Женеве заметно увеличился поток польской и русской революционной эмиграции.

Итак, переезд в Женеву казался желательным. В демократической атмосфере этого города легче дышалось. Здесь можно было надеяться на численное увеличение как читателей "Колокола", так и числа корреспондентов.

Переезд типографии в Женеву был сложным делом, требовавшим от Герцена и его помощников много сил. К 17 апреля 1865 г. вся редакция была в сборе. Первые впечатления были очень приятны. Радовала даже погода, хотя в городе, расположенном в низине между Альпами и Юрской грядой, хорошая погода бывает не особенно часто. Наверно и сама Женева, сильно изменившая с 1849 г., понравилась Герцену. Тогда, в первый приезд, это был, как уже упоминалось выше, маленький средневековый городок, окруженный мощными военными бастионами, которые заставляли его уныло расти вверх. 15 сентября 1849 г. (во время пребывания Герцена в Женеве) было принято постановление о сносе фортификаций – началось бурное строительство великолепных зданий на улицах, расчищенных от средневековых дворов и всякого рода закоулков. Особенно преображались набережные, являющиеся и теперь украшением города.

Строительство железной дороги сделало ненужной контору дилижансов, в которой прежде бывал Герцен. Новое здание железнодорожного вокзала было построено в 1858 г. Сюда-то и прибыл в 1864 г. Герцен. И потом с вокзалом Корнавэн и его перронами будут связаны все его многочисленные переезды по Швейцарии. Возвращаясь, Герцен каждый раз выходил на просторную и ошеломляюще красивую улицу Mont-Blanc, где в хорошую погоду видна шапка вечных льдов могучего альпийского гиганта. Уже возведен был мост Mont-Blanc, еще теснее соединивший старый и новые кварталы, строится еще один мост – Coulouvrenière, который вскоре свяжет районы Saint-Gervais и Plainpalais. С 1850-х годов закованный в серый камень город стал насаждать зеленые газоны, парки, сады и скверы. Превращение Женевы в современный, просторный город должно было импонировать Герцену. Казалось, что жизнь и работа хорошо наладятся.

Помещение под "Вольную русскую типографию", которой здесь, как и в Лондоне, руководил Л. Чернецкий, нашли рядом со знаменитой рабочей улицей – Terrassière на Pré-l'Evêque, № 40. Об этом помещении В.И. Касаткин писал Огареву



ЖЕНЕВА. УЛИЦА КОРРАТЕРИ, 10
Фотография И.И. Сиволап-Кафтановой, 1980-е годы
Собрание И.И. Сиволап-Кафтановой, Москва
В 1860-х годах в этом доме находился книжный магазин Георга, где продавались издания Вольной русской типографии

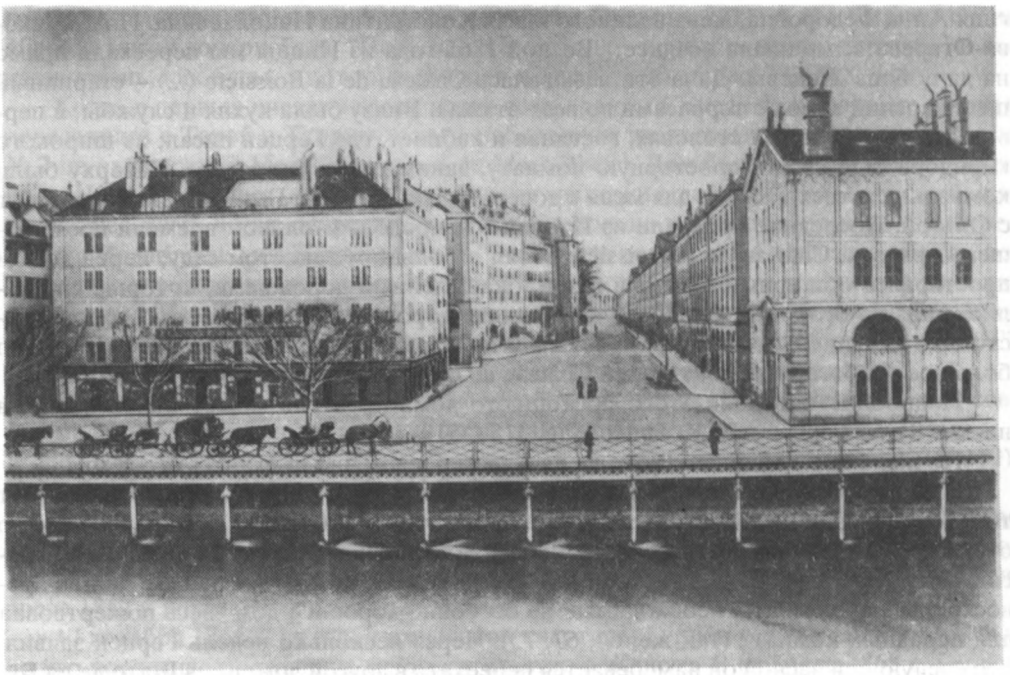
24 марта 1865 г.: "Квартира для типогр⟨афии⟩ Ч⟨ернецкого⟩ имеется в виду поблизости – пять комнат за 500 фр. в год" ("Лит. наследство", т. 63, с. 248). С этим адресом будет связана вся издательская деятельность "Колокола" не только герценовской поры, но и потом, после смерти Герцена, когда "Колокол" попал в другие руки. До смерти Чернецкого типография помещалась по этому адресу. Дом простоял без изменений до января 1980 г., когда был снесен.

Сам Чернецкий поселился невдалеке – в самом начале улицы Pré l'Evêque. Снимая для себя дом в Женеве, Герцен хотел собрать там всех и даже разместить типографию с Чернецким (см. XXVIII, 11). Но Чернецкий был женат, и поэтому ему решили снять небольшую квартиру отдельно от типографии (там же, 65). Нужно заметить, что, переехав в Женеву, Чернецкий сразу же "натурализовался". Это прошло легко, и, основываясь на его опыте, Герцен рекомендовал так же поступить Огареву (там же, 51). Если б Огарев тогда послушался этого совета, то федеральное правительство не смогло бы в 1874 г. выслать его – совсем больного и старого – незадолго до смерти из любимой им Женевы.

Хлопотливые переговоры Герцена с женевскими властями насчет получения права проживать в Женеве и выпускать там "Колокол" изложены в нашем сообщении «"Колокол" в Женеве». Герцену в это время часто приходилось бывать в женевской мэрии, которую он посещал в 1849 г., когда по указанию всесильного диктатора Дж. Фази ему был выписан паспорт.

Расположенное в центре старого города на улице Hôtel-de-Ville, являющейся продолжением самой древней улицы Grand'rue, по которой некогда расхаживали легионеры Юлия Цезаря, здание мэрии было существенно реконструировано только в 1970-х годах. До этого же помещение, где выдавались документы юридического характера, находилось в тех же комнатах нижнего этажа, что и в середине прошлого века.

О сдаче на комиссию печатной продукции типографии Чернецкого договори-



ЖЕНЕВА. УЛИЦА КОРРАТЕРИ. ПОЧТА
Фототипия. Начало 1870-х годов
Собрание И.И. Сиволап-Кафтановой, Москва

лись с известным издателем и книгопродавцом Г. Георгом, незадолго до того переехавшим со своей фирмой из Базеля. По правилам немецкого языка его фамилия произносится Георг, в франкоязычной Женеве она переиначена была на французский лад – Жорж. 1 июня 1865 г. Герцен писал, что "склад журналов" будет у него и под его управлением (XXVIII, 79). И хотя с Георгом установились прочные деловые отношения, сам Герцен продолжал принимать горячее участие в распространении "Колокола", в переговорах с книгопродавцами, беря на себя эти дополнительные хлопоты. Нужно сказать, что с Георгом одновременно сложились и дружеские отношения. На адрес его книжного магазина по улице Corraterie, № 10 долгие годы посылались для Герцена корреспонденции из России. Книжный магазин Георга сыграл положительную роль и в последующем русском революционном движении.

Совсем недавно этот магазин, один из крупнейших книжных магазинов Женевы, перестал существовать. С 1857 г. он считался университетским магазином, но ассортимент книг в нем был рассчитан не только на студентов. Здесь богатейший выбор изданий, научных, политических, искусствоведческих. На улице Corraterie есть еще два магазина Георга – в домах 5 и 19. Дом 10, куда Герцен приходил потолковать с Георгом, сохранился, но в нем теперь расположен другой магазин.

Сам Герцен на этот раз жил в мало знакомой ему стороне города, на улице под названием Route de Chêne – она ведет из Женевы в автономное тогда предместье Шен-Бужери. Она образована от слияния улиц Terrassière и Pré-l'Evêque. Это очень близко от типографии.

Дом, в котором поселились Герцен с семьей, Огарев и Тхоржевский, называется Château de la Boissière, или Grande Boissière. Снял это великолепное здание для Герцена известный библиограф и революционер В.И. Касаткин, который обосновался тут же, во флигеле на дворе. Контракт был заключен с 1 апреля 1865 г. до 1 апреля 1866 г. В этом 30-комнатном изящном дворце незадолго до того жила великая кня-

гиня Анна Федоровна, жена великого князя Константина Николаевича. Н.А. Тучкова-Огарева вспоминала позднее: "Весной 1865 года из Ниццы мы переехали прямо на дачу близ Женевы. Дача эта называлась Château de la Boissière ⟨...⟩ – старинный швейцарский замок с террасами во всех этажах. Внизу была кухня и службы, в первом этаже – большая столовая, гостиная и кабинет, где Герцен писал; из широкого коридора был вход в просторную комнату, занимаемую Огаревым. Наверху были комнаты для всех нас, т.е. для меня с дочерью, для Натальи Герцен и для Мейзенбуг с Ольгой. Последние приехали из Италии в непродолжительном времени после нашего приезда. Château de la Boissière стоял в большом тенистом саду; перед домом простирался обширный зеленый газон, окаймленный дорожками, которые спускались вниз до огорода; за садом шла большая дорога в Женеву; по этой дороге, несколько раз в день, омнибусы проезжали из Каружа в Женеву[21*], и это составляло большое удобство для обитателей Château de la Boissière" (*Тучкова-Огарева*, 216).

Подробное описание этого роскошного дома читатель может найти выше, в письме Таты Герцен к М.К. Рейхель (с. 518 – 519).

По желанию Герцена в Шато де ля Буасьер временно съехалась его семья.

В первый день дом показался великолепным, и, по словам самого Герцена, "тут только жить да похваливать, всем места через край" (XXVIII, 63). Но через неделю отзывы были уже не столь восторженны: "Дом хорош, – пишет Герцен, – т.е. красив, но не совсем удобен". Он уточняет: "Бесполезные комнаты в нашем Palazzo превосходны", а "комнаты необходимые не особенно хороши"; дом "весь пожертвован для парадных комнат" (так же, 64, 67, 73). Через несколько недель Герцен заявил, что следующей весной он намеревается переехать в другой дом, т.к. в Шато де ля Буасьер обнаружились крупные недостатки. Прекрасен и сад и окрестности, но расположение комнат ему совсем не нравится. И пусть каждые четверть часа перед воротами проезжает омнибус, дом все же слишком на отлете (там же, с. 70–71). Однако контракт подписан, и хочешь – не хочешь придется прожить здесь целый год.

Герцена, наверно, смущало и другое. В этом старинном элегантном особняке, где приятно было принимать местную администрацию (так, 11 мая Герцен принял в нем представителей женевских властей и договорился с ними об узаконении Вольной русской типографии в Женеве), принимать бедствующую русскую "молодую эмиграцию" было неловко. Безусловно, это чувствовал и сам Герцен.

Причин для разногласий между Герценом и "молодой эмиграцией" было много. Его жизнь в "палаццо" не вызывала одобрения у молодежи, жившей чаще всего в нищете. Приходили "молодые эмигранты" к Герцену редко. Тучкова-Огарева запомнила один-два визита Л.И. Шелгуновой. Она держала для эмигрантов пансион, называвшийся среди своих "Людмиловка". Наверно, там потом не особенно одобрительно говорили о "роскоши" в доме Герцена. Эмигранты бывали только в парадных залах, а не в комнатах верхнего этажа, тесноватых для многочисленной семьи и родных (до нас дошел план дома, см. XXVIII, 76). Но в приемных покоях, конечно же, разночинные гости чувствовали себя неловко. Когда по вынужденным обстоятельствам как-то вечером к ним попал больной, издерганный неудачами А.А. Серно-Соловьевич, то, оставшись ночевать по настойчивому приглашению Герцена, он почувствовал сильнейшее смущение от своего жалкого костюма и утром незаметно исчез из дому, чтобы приобрести бумажные воротнички и нарукавники... Об этом сообщает Тучкова-Огарева (с. 219 – 220 ее "Воспоминаний").

Молодой Герцен утверждал: "Богатство – это свобода" (XXI, 302), но в "Буасьерке" он не был ни счастлив, ни свободен. Зимой почти все разъехались... Здоровье Огарева ухудшалось, не ладились типографские дела. Герцен часто уезжает из опостылевшей Женевы, которая стала казаться ему пеклом сплетен, ездит в Лозанну и Монтрё... А Огарев мечтал поселиться в одиночестве и нашел себе квартирку в пригороде Женевы Ланси. Тучкова-Огарева об этом последнем этапе жини в Château de la Boissière вспоминала: "Жизнь их не налаживалась, работалось плохо, не было то-

---

[21*] Тучкова-Огарева здесь ошиблась: Ronte de Chêne вела в Аннемас, а не в Каруж. – *И.С.-К.*

го, что англичане называют home"[22*] (*Тучкова-Огарева*, 221). А сам Герцен очень образно писал дочери Тате: "Переезд из Буассеры – положил новую черту ⟨...⟩ и вся наша жизнь, как бусы, у которых шнурок порван, рассыпалась" (XXIX, 116).

Когда в первых числах апреля истек срок аренды Château de la Boissière, Герцен переселился с Татой и Тхоржевским в небольшую трехкомнатную квартиру в доме № 7 по набережной Mont-Blanc (Quai du Mont-Blanc). Дом был новый и совсем близко от Hôtel des Bergues – чуть-чуть в сторону знакомого района Паки́. Герцену бывало уютнее жить в уже знакомых местах – не только в Женеве, но и во Фрибурге (отель "Zoehringen") и в Цюрихе (отель "Baur"), где позже, даже после его смерти, останавливались члены его семьи. Из новой квартиры был почти тот же вид на величественный Мон-Блан, на озеро, на Рону, на островок Руссо с памятником "великому женевскому гражданину". Этот островок Руссо почти так же "купался в озере", только теперь справа под его новыми окнами. Старые места притягивали...

Однако и здесь в 1866 г. счастье не улыбнулось Герцену. Он писал: "Я снял совсем маленькую квартиру. Главный штаб: там будут жить Тхоржевский и Линда ⟨...⟩ Я же, взяв Тату и season ticket[23*], сажусь в вагон – и катаюсь" (XXVIII, 173). Упомянутая здесь *Линда* – собачка Оли Герцен.

И снова все не ладилось. В конце сентября 1866 г. в квартире на Quai du Mont-Blanc были написаны отчаянные строки: "Я устал ... exhausted[24*] – все напасти бьют меня молотом по голове. Я не припомню более ужасного времени, после гибели моей матери, после 1852 и кошмарных декабрьских дней 1864 в Париже" (там же, 221).

17 декабря 1866 г. из своей женевской квартиры Герцен уехал в Ниццу. Это было его последнее постоянное местожительство в Женеве. В феврале 1868 г. Герцен проведет полтора месяца в квартире С. Тхоржевского по адресу: бульвар Plainpalais, № 7 (ныне бульвар Georges-Favon, № 7). Этот приезд был связан с болезнью Огарева, который сломал ногу. Александр Иванович очень тревожился о здоровье старого друга и поспешил в Женеву.

Дальнейшие приезды Герцена были связаны с отелями и пансионами. Но и потом, как и в 1865–1866 гг., эти встречи с Женевой не происходили "под счастливым созвездием".

Памятные места... Когда-то, в феврале 1847 г., когда Герцен посетил берлинский университет, он написал, что при виде вестибюля, по которому "ходили Фихте и Гегель", у него "невольно что-то задвигалось в душе" (XXIII, 9). Те же чувства рождаются и в Женеве, когда мы не только видим прекрасно сохранившийся Château de la Boissière, но и слышим разноязычный гомон ребятишек "Интернациональной школы", разместившейся сейчас в этом здании.

Можно пожалеть, что снесен дом № 40 по улице Prĕ-l'Evêque, где в скромном помещении печатался грозный первенец русской нелегальной революционной печати – "Колокол". Хочется надеяться, что остальные памятные места, связанные с жизнью и деятельностью Герцена в Женеве – и в других местностях Швейцарии – сохранятся надолго...[3]

ПРИЛОЖЕНИЕ

РЕПОРТАЖ ИЗ ШВЕЙЦАРИИ

[1] История "натурализации" Герцена во Фрибургском кантоне Швейцарии (деревня Шатель близ города Мора) достаточно хорошо известна по "Былому и думам" и переписке Герцена. Это один из наиболее ярких эпизодов в истории русско-швейцарских связей середины XIX в. Герцен с симпатией вглядывался в своих новых соотечественников, немецко-швейцарских крестьян, восхищаясь их трудолюбием и гостеприимством, напоминавшим ему радушие вятских крестьян. Он не мог не заметить, что его новое "родовое гнездо" имело два названия: *Бург* и *Шатель*. Да и сам город, около которого оно расположилось, также обладал двумя названиями: Морá (по-французски) и Муртен (по-немецки). Дело в том, что именно здесь, по этой территории, проходит языковая граница между романдской Швейцарией и ее немецкоязычной территорией. В 1850-х годах деревушка Шатель состояла из двух–трех десятков крестьянских домиков и школы, в которой размещалась почта, а также нечто схожее с мэрией.

[22*] домашним уютом (*англ.*).

[23*] сезонный билет (*англ.*).

[24*] выдохся (*англ.*).

Сейчас деревушка Шатель уже не существует, она стала частью г. Морá (Муртена). В архиве этого города я обнаружила книгу регистрации актов гражданского состояния – правда, не первую, а вторую ее часть (Bürger-Registre II, 1929), где зарегистрирована семья уже не Герцена, а его сына.

Отмечу, что с 26 июня по 3 октября 1973 г. в одной из самых замечательных и старинных библиотек Западной Европы – Женевской публичной и университетской библиотеке – проводилась выставка "Вокруг Александра Герцена", устроенная проф. Ф. Монье при участии проф. С. Стеллинга-Мишо (теперь уже покойного). На выставке представлены были автографы Герцена, его личные вещи, изобразительные материалы, книги. Все это собрание было приобретено библиотекой у наследницы внука Герцена Николая Александровича, профессора Лозаннского университата, жительницы города Аарау г-жи Этель Нагель в 1967 г. (см. "Лит. наследство", т. 96, с. 625). Позднее эпистолярные материалы этого собрания, полные глубокого интереса, были выпущены в Женеве под редакцией С. Стеллинга-Мишо отдельным сборником, названным "Autour d'Alexandre Herzen" ("Вокруг Александра Герцена") и почти полностью переизданным в русском переводе на страницах тома 96-го "Лит. наследства" и отчасти в настоящей книге ("Письма Герцену польских демократов").

Экспозиция, пользовавшаяся большим успехом, состояла из шести разделов: "Герцен и его близкие", "Герцен и Женева", "Герцен и Карл Фогт", "Герцен и Достоевский", "Герцен и Карлейль" и "Книги".

Отдел периодики Женевской библиотеки, называющийся "Зал Монье", украшен портретом Герцена работы Таты Герцен (1867, холст, масло). Из этикетки мы узнаем, что это не подлинник, написанный во Флоренции (см. его воспроизведение в т. 62 "Лит. наследства") и не авторское повторение, а копия художницы Клеманс Биоде (Biaudet).

Я выразила желание ознакомиться с тыльной стороной холста, и дирекция библиотеки любезно пошла мне навстречу – картина была снята со стены. На холсте была сделана регистрационная запись по-французски и по-русски: «*Александр Иванович Герцен-Искандер*, Александр Иванович Герцен, Москва 1812 – Париж, 1870. Оригинал Натали Герцен, 186... Копия снята мадемуазель Клеманс Б и о д е. 1909. Даритель – г-жа Этель Нагель. "Аарау"». Далее к своему удовольствию я обнаружила дарственную (русскую) надпись Таты Герцен, обращенную к ее любимому племяннику Н.А. Герцену в день его тридцатипятилетия:

"Дорогому моему Ник.
Zia ⟨Тетушка (*итал.*)⟩ Тата 5-го июня 1908 г."

Подлинник портрета всегда висел на почетном месте в лозаннской квартире Таты. Вероятно, Николай Герцен, боготворивший своего прославленного деда, просил ее снять для него копию. Сама Тата уже сделать авторского повторения не могла, ей было под семьдесят, живопись она бросила лет тридцать назад. Вследствие этого снять копию она поручила посторонней художнице. Дата *1909*, по-видимому отмечающая завершение работы над копией, не совпадает с *дарственной надписью*. Если это не описка художницы, то, может быть, она продолжала еще несколько месяцев трудиться над уже подаренной работой.

В 1976 г. во время беседы с проф. С. Стеллингом-Мишо по поводу недавней выставки он передал мне экземпляр описи ее экспонатов. Отмечу особо несколько их них: золотые часы Герцена, металлическую булавку для галстука, украшенную изображением венецианского льва с колонны на площади Св. Марка и полотняный портфель коричнево-серого цвета.

О золотых часах проф. Монье сообщил мне следующее: на их внутренней крышке выгравировано по-французски: "Андре Лиоде. Площадь де Берг, № 8 в Женеве. Стрелка. Восемь рубинов". Часы заводились ключиком; им же переводились стрелки. Надо думать, что они куплены были в магазине самого часовщика рядом с отелем де Берг, где в 1849 г. длительное время жил Герцен.

Т.П. ПАССЕК О "ДОКТОРЕ КРУПОВЕ"

Сообщение М.К. П е р к а л я

"Доктор Крупов" принадлежит к числу наиболее значительных и в то же время недостаточно изученных произведений Герцена 1840-х годов. Повесть постоянно привлекает к себе внимание исследователей, однако ее творческая история до сих пор остается неясной, что объясняется почти полным отсутствием источников.

Рукопись "Доктора Крупова" неизвестна. В письмах Герцена работа над повестью не отражена. Единственное упоминание мы находим в письме Герцена к жене от 8 октября 1846 г., когда она давно уже была закончена. На завершающей стадии работы Герцен интенсивно переписывался с Белинским и, как видно из ответных писем критика, делился с ним творческими планами. К сожалению, эти письма тоже неизвестны (*Белинский* XII, 254–255).

Из писем Белинского мы знаем, что "Доктор Крупов" предназначался для альманаха "Левиафан". Подготовка этого издания началась в конце 1845 г., когда Бе-

линский принял окончательное решение отказаться от сотрудничества в "Отечественных записках". Сообщая об этом Герцену 2 января 1846 г., он просил прислать для публикации в альманахе его сочинения и прежде всего вторую часть романа "Кто виноват?" (там же, 255). Ссылаясь на свои обязательства перед Краевским, Герцен ответил на это вежливым отказом, но в то же время обещал написать для "Левиафана" новую повесть (см. XXII, 443). "Времени мало ⟨...⟩ Чтобы ты успел написать новую повесть – невероятно, даже невозможно", – отвечал Белинский (*Белинский*, XII, 256). Но Герцен вскоре подтвердил свое обещание, предложив для альманаха два произведения – "Сороку-воровку" и "Доктора Крупова". "Мысль записок медика – прекрасна", – писал Белинский 19 февраля в ответ на не дошедшее до нас письмо Герцена, в котором он поделился с ним замыслом произведения. Позднее, извещая Герцена о получении рукописи "Доктора Крупова", Белинский назвал повесть "превосходной вещью" (там же).

Издание "Левиафана" не состоялось, и "Доктор Крупов" был напечатан в "Современнике".

Цензурная история повести также остается неясной. Никаких документальных материалов о прохождении повести в цензуре до сих пор не обнаружено. В письме к жене из Петербурга от 8 октября 1846 г. Герцен сообщал: «"Записки д-ра Крупова" пропущены с небольшими выпусками"» (XXII, 261). Это единственное упоминание о "Докторе Крупове" не дает оснований утверждать, что повесть прошла цензуру в 1846 г. (см. IV, 332 и XXII, 421). В письме речь идет, скорей всего, не об официальном цензурном разрешении, а лишь о предварительном просмотре повести цензором. Герцен посетил цензора Петербургского цензурного комитета А.В. Никитенко. О радушном приеме, оказанном ему, упоминается в том же письме. Возможно, что Никитенко при встрече ознакомился по просьбе Герцена с рукописью "Доктора Крупова" и высказал свое компетентное мнение о возможности ее опубликования "с небольшими выпусками". Почти через год после этой встречи повесть увидела свет в "Современнике" (цензурное разрешение 31 августа 1847 г.).

Купюры, сделанные цензурой, были, по-видимому, весьма значительны. Т.Н. Грановский, прочитавший повесть еще в рукописи до ее опубликования, обратил внимание на то, что в "Современнике" она напечатана "с большими выпусками" ("Лит. наследство", т. 62, с. 92). Публикуя "Доктора Крупова" в сборнике "Прерванные рассказы" (1854), Герцен сделал следующее примечание: «Этот небольшой отрывок был помещен в "Современнике" 1847 года с значительными пропусками, сделанными цензурой. Мы его печатаем теперь в настоящем виде» (IV, 239). Этот авторский комментарий вызывает новые вопросы. Неясно, располагал ли Герцен за границей при подготовке "Прерванных рассказов" первоначальной рукописью и по ней восстановил текст или же на основании первопечатного текста создал новую редакцию повести. При сопоставлении обеих редакций лондонский вариант представляется более совершенным. Однако, печатая в 1854 г. повесть "в настоящем виде", Герцен по неясным причинам опустил важные в идейно-художественном отношении детали, имевшиеся в "Современнике".

В условиях почти полной неразработанности вопроса важнейшее значение приобретают воспоминания Т.П. Пассек "Из дальних лет", напечатанные в 1882 г. в основанном ею журнале "Игрушечка" – еженедельном иллюстрированном издании для детей старшего возраста[25*]. Пассек опубликовала здесь отрывок из "Доктора

25* Под редакцией Т.П. Пассек журнал выходил в 1880–1887 гг. Программа утверждена была Главным управлением по делам печати 16 ноября 1879 г. (*РГИА*, ф. 777, оп. 3, ед.хр. 85). Первый номер журнала вышел 3 февраля 1880 г. По прошению Пассек 4 декабря 1882 г. издателем журнала был утвержден И.А. Пашков (там же, л. 29-а). Пассек сохранила за собой общую редакцию. В марте 1883 г. цензурой была запрещена предназначавшаяся для "Игрушечки" статья Пассек "Сон в весеннюю ночь", в которой рассказывалось о встрече Гарибальди с Герценом и Огаревым (там же, л. 13, 30, 31). В январе 1886 г. за публикацию "тенденциозных статей" журнал был исключен из числа изданий, рекомендованных Министерством народного просвещения (там же, л. 50). 13 ноября 1887 г. в звании редактора "Игрушечки", по ходатайству Пассек, была утверждена А.Н. Тюфяева-Толиверова (там же, л. 64).

Крупова" под названием "Рассказ Саши". Ему предшествует обширное предисловие, в котором Пассек вспоминает об истории написания публикуемого произведения и раскрывает реальный прототип его центрального героя Левки (№ 9, с. 265–283). Напечатанные в малоизвестном детском журнале, воспоминания Пассек не обратили на себя внимания герценоведов, не учтены в библиографии и оказались забытыми.

В предисловии к "Рассказу Саши" Пассек вспоминает о времени, проведенном с семьей И.А. Яковлева летом 1827 г. в селе Покровском. В этом имении, принадлежавшем братьям И.А. и Л.А. Яковлевым, Герцен бывал неоднократно. Каждое посещение Покровского оставляло в его жизни глубокий след. В июне 1843 г., вспоминая о двух предшествующих посещениях Покровского, Герцен записал в дневнике: «Каждая безделица в этом доме и в окольных местах напоминает мне меня в разные эпохи моей жизни; я нашел надпись, сделанную мною в 1827 году, и другую – в 1838. Какая поэма, роман, какой ряд событий и видоизменений между этими годами! ⟨...⟩ В 1827 я был пятнадцати лет, идеи древнего республиканизма бродили в голове, я верил непреложно, что "взойдет заря пленительного счастья"; тут, в этой комнатке, лежа на этом диване, я читал Плутарха, и свежее, отроческое сердце билось» (II, 286–287).

О своей жизни в Покровском в разные годы Герцен рассказал и в "Былом и думах" (IX, 100–101). Эту часть мемуаров Пассек широко использовала в предисловии к "Рассказу Саши". Почти дословно воспроизводит она описание барского дома и окружающего его ландшафта – зеленого луга, обнесенного решеткой; ветхой, покосившейся церкви; запруженной реки, на которой с давних пор собирались поставить мельницу; проселочной дороги, проходившей через село и пропадавшей во ржи. Вслед за Герценом Пассек пишет о нравах покровских крестьян. Упоминает она и о старом камердинере Л.А. Яковлева Кашинцове, сосланном на житье в Покровское "за какую-то ничтожную вину" и всю остальную жизнь мечтавшем увидеть своего барина "в кавалериях и регалиях".

Вместе с тем, рассказ Герцена дополняется в воспоминаниях Пассек интересными подробностями. В ее памяти сохранилась во всех деталях картина приезда семьи в имение: "Наступил июнь. Наконец после долгих сборов мы едем в Покровское до осени ⟨...⟩ С нами привезено было человек десять прислуги и на подводах всякой всячины. В четырехместной карете ехали отец и мать Саши, еще не старая, очень добрая женщина, Саша и я; в коляске – брат Саши, Жорж, старше его на несколько лет, и няня Вера Артамоновна; за коляской шла просторная бричка с четырьмя горничными девушками, тарантас с поваром Спиридоном Федоровичем и поваренными принадлежностями да подводы, верхом навьюченные пожитками ⟨...⟩ По приезде нашем в Покровское все скоро было устроено и размещено по принадлежности. Дед[26*], постоянно всем недовольный, нездоровый, тотчас удалился в свою спальню и лег в постель отдохнуть..."

Пассек вспоминает, что летом 1827 г. в Покровское дважды приезжал Л.А. Яковлев ("Сенатор"), "человек чрезвычайно добрый и всегда в забавном расположении духа". Его приезд вносил оживление в однообразную жизнь семьи. "Даже дед, – пишет Пассек, – постоянно всем и всеми недовольный, не бранил никого. К общему сожалению, сенатор пробыл в Покровском только три дня. Он, как всегда, куда-то спешил – в сенат, в институт, где был попечителем, в опекунский совет, в какие-нибудь ученые заседания, на бале он оставался не более получаса, в театре – одно или два действия". Вторично "Сенатор" приехал в Покровское вместе с Г.И. Ключаревым, поверенным в делах братьев Яковлевых. Кроме них, в Покровском некоторое время гостили К.И. Зонненберг и домашний врач И.А. Яковлева А.А. Иовский.

Рассказывая о жизни в Покровском, Пассек вспоминает, что она и Герцен "много читали, много готовили сочинений" для учителя русского языка И.Е. Протопопова.

26* И.А. Яковлев. – *Ред.*

Сильное влияние на юного Герцена произвела встреча с жившим в Покровском пастушонком Алешей. Этот четырнадцатилетний мальчик, считавшийся глупорожденным, по свидетельству Пассек, послужил прототипом образа Левки в повести "Доктор Крупов". Пассек пишет: «Одной из любимых прогулок наших было ходить на село в то время, когда догоняли с поля скотину. Сидя на завалинке около старостиной избы, мы с наслаждением вслушивались в звук пастушеского рожка, вслед за которым медленно вступало в село стадо и расходилось по своим дворам. Их встречали женщины и дети с длинными хворостинами в руках. Пастух, хлопая бичом, шел за стадом, к нему добровольно пристал мальчик лет четырнадцати – круглый сирота, считавшийся глупорожденным, звали его Алешей. Белокурый, бледный, худой, с добродушно-беззаботным выражением лица, Алеша шел всегда за стадом, играя на берестовом рожке какую-то однообразную, успокоительную мелодию. Приюта постоянного у Алеши не было, крестьяне поочередно пускали его к себе ночевать и кормили за то, что он иногда помогал пастуху при стаде; впрочем, помощь от него была невелика, большей частью он уходил в поле. В лесу, в поле он был у себя, дома: в поле знал он лучшие места для скота, в лесу – где было больше грибов и ягод; плавал он в реке, как рыба, по деревьям лазал, как белка, ловко доставал гнезда с маленькими птичками – иных, не трогая с места, кормил. Птиц он любил страстно, но еще больше любил собак, а собаки, точно чувствуя это, ласкались к нему. Приходя ночевать в избу, он всегда спешил уйти в подклеть или на огород. Говорил очень мало и плохо. Все крестьяне жалели бедного мальчика, но, считая его глупорожденным, полагали как бы долгом издеваться над ним, даже ребята находили удовольствие издеваться над ним, бросать в него каменьями из-за угла. Алеша молча вставал с места, на все оскорбления как-то детски пожимал плечами и, встряхивая головой, уходил куда-нибудь ⟨...⟩ Нрава Алеша был тихого, кроткого, никогда не раздражался шутками над ним, большей частью жестокими, взрослые, натешившись над ним, надразнивши его дураком, слабоумным, отходя, довольные собой, говорили: "Не надобно обижать Алешу, – он юродивый, божий человек"».

Пассек вспоминает, что она и Герцен жалели несчастного мальчика, ласково говорили с ним, угощали лакомствами, иногда давали денег, с которыми Алеша не знал, что делать, и обыкновенно отдавал их хозяевам той избы, в которой ему приходилось ночевать. Постепенно Алеша привык к ним и при встрече останавливался в ожидании ласкового слова или гостинца. Алеша, добавляет Пассек, страстно мечтал о медной трубе, которой хотел бы заменить свой берестовый рожок, и при каждой встрече просил купить ему медную трубу.

Так выглядел прототип Левки.

Создавая образ Левки в повести "Доктор Крупов", Герцен, разумеется, не стремился к точному воспроизведению конкретной личности. Некоторые обстоятельства жизни Алеши вообще не нашли отражения в рассказе Герцена. В то же время безродный сирота, лишенный пристанища, скитающийся из избы в избу, наделен стройной биографией, его характер детально разработан. "Натура восприимчивая и впечатлительная, – писал Белинский о Герцене в связи с "Доктором Круповым", – автор сохранил в памяти своей многие образы, поразившие его еще в детстве. Легко понять, что выводимые им лица не суть чистые создания фантазии, это скорее мастерски обделанные, а иногда и вовсе переделанные материалы, целиком взятые из действительности" (*Белинский* X, 326).

Глупорожденный крестьянский мальчик, подвергающийся гонениям и издевательствам, оказывается выше окружающих его "нормальных" людей – к такому выводу Герцен подводит читателей.

По свидетельству Пассек, мысль о "родовом, хроническом безумии", которую проповедует доктор Крупов, впервые возникла в сознании Герцена именно в Покровском как результат его раздумий о судьбе пастушонка Алеши. Пассек пишет: "Видя, как не только крестьяне, но и наши дворовые считали вправе оскорблять и обижать Алешу, – мы с Сашей долго не могли придумать, что за странное наслаждение находят они унижать, мучить это смирное, невинное существо, никогда

не сделавшее вреда; наконец Саша стал объяснять это тем, что все эти люди не в полном разуме, только на свой лад, и сердятся на Алешу за то, что он глуп по-своему".

Заключительная часть предисловия к "Рассказу Саши" представляет особый интерес для выяснения творческой истории "Доктора Крупова".

В литературе о Герцене считается установленным, что повесть была написана в необычайно короткий срок. На основании писем Белинского и авторских датировок "Сороки-воровки" и "Доктора Крупова" В.А. Путинцев приходит к следующему заключению: «Две недели отделяют "Сороку-воровку" от другой повести Герцена – памфлетических записок "Доктора Крупова"... Белинский торопил с присылкой повести, и Герцен, закончив "Сороку-воровку", тотчас принялся за "Крупова"». Объясняя исключительную интенсивность творческой работы Герцена (кроме повестей для "Левиафана", Герцен готовил к печати вторую часть романа "Кто виноват?"), В.А. Путинцев высказал предложение, что идейный замысел "Доктора Крупова" давно отложился в сознании Герцена, и это позволило ему написать произведение в столь короткий срок (В.А. Путинцев. Герцен-писатель. Изд. 2-е. М., 1963, с. 118).

Из воспоминаний Пассек выясняется, что не только замысел произведения давно возник в сознании Герцена, но и сам текст будущей повести в первоначальном варианте был написан после возвращения из Покровского. Пассек пишет: «Все это[27*] подало мысль Саше написать очень милый рассказ, по возвращении нашем из Покровского, о жестокости и несправедливости бесчеловечного обращения с глупорожденными и помешанными. Спустя несколько лет он был напечатан в расширенном виде в одном из наших журналов. Мы помещаем в "Игрушечке" рассказ Саши о глупорожденном Алеше, под именем Левки, в его первоначальном виде».

Далее в журнале следует "Рассказ Саши".

Долгое время воспоминания Пассек "Из дальних лет" пользовались репутацией недостоверного источника. Исследования А.Н. Дубовикова утвердили значение ее труда как серьезного источника для изучения жизни и творчества Герцена и Огарева. Не вызывает сомнений и достоверность воспоминаний, напечатанных в "Игрушечке". Свидетельство Пассек может служить достаточным основанием для включения рассказа о сельском пастушонке Алеке в составленный Л.Р. Ланским обзор "Неизвестные произведения и неосуществленные замыслы Герцена" (XXX, 840–900). Остается неясной лишь заключительная фраза предисловия к "Рассказу Саши" – о том, что произведение Герцена печатается в "первоначальном виде".

Публикация в "Игрушечке" продолжила широко проводившуюся Пассек популяризацию произведений Герцена в русской подцензурной печати. Отрывок из "Доктора Крупова" под названием "Левка" вошел в изданную в 1866 г. книгу "Для чтения. Сборник повестей, рассказов, стихотворений и популярных статей для детей всех возрастов. Составлено и издано Е. Лихачевой и А. Суворинной". Совет Главного управления по делам печати в феврале 1866 г. вынес постановление "о неудобствах распространения этой книги". Министром народного просвещения вскоре было разослано секретное предписание попечителям учебных округов, чтобы книга "к употреблению" в учебных заведениях не была допущена ("Красный архив", 1940, № 1 (98), с. 251).

Благодаря Пассек одно из лучших художественных произведений Герцена стало доступным для русских читателей 1860-х годов.

27* Имеются в виду обстоятельства, связанные со встречей с Алешей. – *М.П.*

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Римская и арабская цифры (в скобках) представляют собой ссылку на тома и страницы 30-томного Собрания сочинений Герцена издания Академии наук СССР, 1953–1966.

АО – "Архив Н.А. и Н.П. Огаревых". Собрал и приготовил к печати М. Гершензон. М. – Л., 1930.

Белинский I–XIII – В.Г. Б е л и н с к и й. Полн. собр. соч., т. I–XIII. М., 1953–1959.

Братская помощь... – Сб. "Братская помощь пострадавшим в Турции армянам". М., 1897.

ВЕ – журнал "Вестник Европы" (СПб.).

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации (бывш. *ЦГАОР*, Москва).

ГИМ – Государственный исторический музей (Москва).

ГЛМ – Государственный литературный музей (Москва).

Звенья – сб. "Звенья". Сборники материалов и документов по истории литературы и общественной мысли XIX в., т. I–IX. М. – Л., 1932–1952.

Известия ОЛЯ – журнал "Известия литературы и языка Академии наук СССР" (Москва).

ИРЛИ – рукописное отделение Института русской литературы Российской академии наук (СПб.).

Л I–XXII – А.И. Г е р ц е н. Полн. собр. соч. и писем / Под ред. М.К. Лемке, т. I–XXII. Пг., 1951–1925.

ЛЖГ I–V – "Летопись жизни и творчества А.И. Герцена. 1812–1870, т. I–V. М., 1974–1990.

Мейзенбуг – М. М е й з е н б у г. Воспоминания идеалистки. Пер. с немецкого Н.А. Макшеевой. М. – Л., 1933.

НПГ – сб. "Неизданные письма А.И. Герцена к Н.И. и Т.А. Астраковым". К печати приготовил Л.Л. Домгер. Нью-Йорк, 1957.

Огарев I–II – Н.П. О г а р е в. Избранные социально-политические и философские произведения, т. I–II. М., 1952–1956.

Огарев 1956 – Н.П. О г а р е в. Стихотворения и поэмы. Большая серия Библиотеки поэта. Л., 1956.

ОЗ – Журнал "Отечественные записки" (СПб.).

ОРГ – "Описание рукописей А.И. Герцена". Составили А.В. А с к а р я н ц и З.В. К е м е н е в а. Изд. 2-е. М., 1952.

Павл. – "Сочинения А.И. Герцена и переписка с Н.А. Захарьиной". В семи томах, т. VII. СПб., изд. Ф. Павленкова, 1905.

Пассек I–II – Т.П. П а с с е к. Из дальних лет. Воспоминания, т. I–II. М., 1963.

Проблемы... – Сб. "Проблемы изучения Герцена". М., 1963.

РА – журнал "Русский архив" (Москва).

РАН – Российская академия наук.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (бывш. *ЦГАДА*, Москва).

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (бывш. *ЦГАЛИ*, Москва).

РГБ – Российская государственная библиотека (бывш. *ГБЛ*, Москва).

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив (Москва).

РГИА – Российский государственный исторический архив (СПб.).

Рейхель – М.К. Р е й х е л ь. Отрывки из воспоминаний и письма к А.И. Герцену М.К. Рейхель. М., 1909.

РМ – журнал "Русская мысль" (Москва).

РНБ – Российская национальная библиотека (бывш. *ГПБ*, СПб.).

РП I–IV – сб. "Русские пропилеи", т. I–IV. М., 1915–1917.

РС – журнал "Русская старина" (СПб.).

с. а. – секретный архив

ТГОМ – Томский государственный объединенный историко-архивный музей, фонд Г.Н. Потанина.

Тургенев. Письма – И.С. Т у р г е н е в. Полн. собр. соч. и писем в 28 томах. М. – Л., 1961–1968.

Тучкова-Огарева – Н.А. Т у ч к о в а - О г а р е в а. Воспоминания. М., 1959.

ЦАНДТ – Центральный архив научно-технической документации г. Москвы.

ЦИАМ – Центральный исторический архив г. Москвы.

AAH – Сб. "Autour d'Alexandre Herzen". Documents inédits publiés par M. Vuilleumier, M. Aucouturier, S. Stelling-Michaud et M. Cadot. Genève, 1973.

BN – Bibliothèque Nationale (Paris).

BPUG – Bibliothèque publique et universitaire (Genève).

CMRS – журнал "Cahiers du monde russe et soviétique" (Paris).

HOBL – "Herzen, Ogarev, Bakounine. Lettres inédites. Introduction et notes par M. Merveau. P., 1975.

IISG – Internationaal Instituut voor Sociale geschiedenis (Amsterdam).

LHO – Alexandre H e r z e n. Lettres inédites à sa fille Olga. Introduction et notes par A. Zviguilsky. P., 1970.

LOAhf – Lettres inédites à Alexandre Herzen-fils. Introduction et notes par M. Mervaud, P. – Mont-Saint Aignan, 1978.

PAN(W.) – Polska Akademia Nauk (Warszawa).

Vinant – G. V i n a n t. Un esprit cosmopolyte au XIX siècle. Malwida de Meysenbug (1816–1903). Sa vie et ses amis. P., 1932.

УКАЗАТЕЛЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ*

I. ПОРТРЕТЫ ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА

ЖИВОПИСЬ, РИСУНОК, СКУЛЬПТУРА

Герцен. Портрет раб. А.А. Збруева (масло). ⟨Москва⟩, 1832. Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится по фотокопии (МГ) – II, 725

Герцен. Рис. А.Л. Витберга (итал. кар.). Вятка, декабрь 1835 г. Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится по фотокопии (ИРЛИ) – I, 512

Герцен. Рис. А.Л. Витберга (итал. кар.). Вятка, между 29 сентября и 10 октября 1836 г. МГ (ранее – Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, Москва) – I, 14

Герцен. Рис. Х.Я. Рейхеля (итал. кар.). Новгород, 1842. РГБ – I, 165

Герцен. Рис. Х.Я. Рейхеля (кар.). ⟨Новгород⟩, 1842. Копия. Местонахождение оригинала и копии неизвестно. Воспроизводится по фотокопии (ИРЛИ) – I, 610

Герцен. Рис. Таты Герцен (перо). ⟨Борнемут, лето 1864 г.⟩. Из семейного альбома Герценов. Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится по кн.: "Русские Пропилеи". Том IV. М., 1917 – II, 405

Герцен. Рис. Таты Герцен (перо). Женева, 1865. BN – II, 521

Герцен. Портрет раб. Таты Герцен (масло). 1868. Собр. Жанны Амфу-Моно, Париж. Воспроизводится по кн.: Herzen A. Lettres inédites à sa fille Olga. Paris, 1970 – II, 450

Герцен на смертном одре. Рис. Ж. Спринка (кар.). Париж, 21 января 1870 г. ИРЛИ – II, 64

Герцен. Модель памятника на могиле в Ницце. Скульптура П.П. Забелло (гипс). ⟨1871–1872⟩. Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится по негативу (РГАЛИ) – II, 263

Огарев. Рис. Х.Я. Рейхеля (итал. кар.). Новгород, ⟨январь–июнь⟩ 1842 г. РГАЛИ – I, 554

Огарев. Силуэт раб. неизв. художника (черная аппликация, тушь, кар.). 1847 или 1848 г. С дарств. надписью Огарева Е.В. Салиас де Турнемир. МГ – II, 18

Огарев. Рис. неизв. художника (кар.) с гравюры М. Леммеля (1858). Отобран при обыске у студента А.Ф. Ергина в июне 1862 г. ГАРФ – I, 278

Огарев. Рис. Таты Герцен (перо). ⟨Борнемут, лето 1864 г.⟩. Из семейного альбома Герценов. Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится по кн.: Русские Пропилеи. Том IV. М., 1917 – I, 458

ГРАВЮРЫ И ЛИТОГРАФИИ

Герцен. Автолитография К.А. Горбунова. Москва, 1845. С дарств. надписью Герцена С.Н. Кетчер, 3 января 1846 г. ГИМ – II, 560

Герцен. Литография. Л. Ноэля. Париж, сентябрь–октябрь 1847 г. (с дагерротипа 1847 г.). МГ – I, 84

Герцен. Литография (с фотографии 1857 г.). ИРЛИ – II, 79

Огарев. Гравюра М. Леммеля (с фотографии 1857 г.). В кн.: Стихотворения Н. Огарева. Лондон, 1858. Фронтиспис – I, 440

ФОТОГРАФИИ

Герцен. Дагерротип. ⟨Париж⟩, 1847. ГИМ – II, 13

Герцен. Фото Клоде. Лондон, ⟨1852–1853⟩. МГ (дар г.г. Л. и Э. Ристов и Н.П. Герцен) – II, 141

Герцен. Фото. Лондон, 1850-е годы. ИРЛИ – II, 747

Герцен. Фото Э. Каржá. Париж, 1862. ИРЛИ – I, 436

Герцен. Фото Л. Стращака. Брюссель, начало сентября 1869 г. С дарств. надписью Герцена ⟨В.А. Крылову?⟩. Париж, октябрь 1869.г. МГ – I, 240

Герцен. Фото. Конец 1860-х годов. ИРЛИ – II, 167

Огарев. Фото. Женева, 1867. ГИМ – II, 671

Огарев. Фото. Женева, ⟨конец сентября – начало октября⟩ 1873 г. Пересъемка, сделанная в московской фотографии О. Ренара. МГ – I, 416

ГРУППЫ

Герцен, Корш Е.Ф., Рейхель Х.Я.; Ночная сцена в Соколове (изображены: Герцен, Анненков П.В., Грановский Т.Н., Кетчер Н.Х., Корш Е.Ф., Панаев И.И., Рейхель Х.Я.). Рисунки К.А. Горбунова (кар.). Соколово, лето 1845 г. МГ (первый рисунок – дар г-на Л. Риста и Н.П. Герцен) – I, 619; II, 255

Герцен с сыном Сашей. Портрет раб. А.Л. Витберга ⟨?⟩ (масло). ⟨Петербург, 1840⟩. МГ – II, 283

---

* Указатель составила Т.Г. Динесман.

Герцен на прогулке с дочерью Татой; Герцен, его дочери Ольга и Тата, М. Мейзенбуг. Рисунки Таты Герцен (перо). ⟨Борнемут, лето 1864 г.⟩. Из семейного альбома Герценов, Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводятся по кн. "Русские Пропилеи". Том IV. М., 1917 – I, 217; II, 509

Герцен с детьми – Ольгой, Сашей и Татой. Фото. Лондон, ⟨1856⟩. С дарств. надписью Герцена Ж. Доманже. Лондон 2 января 1857 г. Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится по кн.: Herzen A. Lettress inédites à sa fille Olga. Paris, 1970 – II, 339

Герцен, Огарев и Н.А. Тучкова-Огарева. Фото. Лондон, 1857. ИРЛИ – II, 38

Герцен и Огарев в кругу семьи. Изображены: Герцен, и его дети – Ольга, Саша и Тата; Огарев, Н.А. Тучкова-Огарева. Фото. Лондон, 1857. ИРЛИ – II, вклейка

Герцен и Огарев. Фото бр. Майеров. Лондон, сентябрь 1860 г. (вклеено в экземпляр "Былого и дум" (том второй. Лондон, 1861), подаренный Герценом дочери Тате, – см. ниже: Книги с дарств. надписями Герцена и Огарева

Герцен и Огарев. Фото бр. Майеров, Лондон, 1861. МГ – I, вклейка

Герцен и Огарев. Фото бр. Майеров. Лондон, июнь 1861 г. ИРЛИ – II, 95

Герцен, Огарев, М.А. Бакунин. Фототипия. Лондон, 1877. ГЛМ – I, 297

II. АВТОГРАФЫ ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА

ГЕРЦЕН

"Былое и думы". Часть пятая ⟨"Inside"⟩. 1853–1860. Обложка; титульный лист; начало главы первой – "Из журнала женщины"; "Post-scriptum"; начало главы седьмой – "1852"; начало главы восьмой – ["Смерть"]; начало главы третьей – "Кружение сердца". IISG (Амстердам) – I, 58, 61, 65, 67, 70, 75, 106

"К старому товарищу". Письмо первое. Ницца, 15 января 1869 г. РГАЛИ – I, 388

"С того берега". 1855. Титульный лист. BPUG – I, 30

"Цех ученых" – третья статья цикла "Дилетантизм в науке". Ноябрь 1842 г. ГАРФ – I, 157

Письмо сыну Александру. 1 января 1859 г. IISG (Амстердам) – I, 352

Письмо С.И. Астракову. ⟨Фулем⟩. 19 мая 1859 г. ГЛМ – II, 51

Письмо дочери Ольге. ⟨Лондон. 9 января 1863 г.⟩. Собрание Марио Риста, Версаль. Воспроизводится по кн.: Herzen A. Lettres inédites à sa fille Olga. Paris, 1970 – 1, 211

ОГАРЕВ

Письмо Ольге Герцен. Декабрь 1862 г. ИРЛИ – I, 483

Письмо Н.А. Шевелеву. 9 марта ⟨1869 г.⟩ ГАРФ – 1, 256

Письмо Т.П. Пассек. Женева, 26/⟨14⟩ января ⟨1873 г.⟩. РГАЛИ – I, 491

III. ДОКУМЕНТЫ, СВЯЗАННЫЕ С ЖИЗНЬЮ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА

Квитанция, выданная пермским гражданским губернатором в подтверждение того, что Герцен доставлен в Пермь. 29 апреля 1835 г. ЦИАМ – I, 504

Уведомление шефа жандармов А.Х. Бенкендорфа министру имп. двора П.М. Волконскому о переводе Герцена во Владимир. 16 ноября 1837 г. IISG (Амстердам) – 1, 518

Дело "По отношению московского генерал-губернатора о выдаче заграничного паспорта надвор⟨ному⟩ сов⟨етнику⟩ Александру Герцену". 9 декабря 1846 г. Обложка. ЦИАМ – II, 610

Донесение Я.П. Толстого кн. В.А. Долгорукому о деятельности Вольной русской типографии. Париж, 29 марта/10 апреля 1858 г. ГАРФ – II, 739

Телеграмма А.А. Герцена отцу о болезни Таты Герцен. Флоренция, 28 октября 1869 г. IISG (Амстердам) – II, 225

Сообщение о смерти Герцена. Газ. "La Marseillaise", Париж, 23 января 1873 г. – II, 532

IV. КНИГИ

КНИГИ С ДАРСТВЕННЫМИ НАДПИСЯМИ ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА

Былое и думы. Часть первая. Лондон, 1861. В книгу вклеена фотография Герцена и Огарева (раб. бр. Майеров, Лондон, сентябрь 1860 г.) с дарств. надписью Герцена дочери Тате, 17 сентября ⟨1860 г.⟩ МГ (дар г-на Л. Риста и Н.П. Герцен) – I, 53

Былое и думы. Том второй. Лондон, 1861. С дарств. надписью Герцена дочери Тате, 21 декабря 1861 г. МГ (дар г.г. Л. и Э. Ристов и Н.П. Герцен) – II, 455

Былое и думы. Том четвертый. Женева, 1866. С дарств. надписью Огарева Лизе Герцен, 2 декабря ⟨1866 г.⟩. МГ (дар г-на Л. Риста и Н.П. Герцен) – II, 548

Кто виноват? СПб., 1847. С дарств. надписью Герцена М.Ф. Корш, 9 января 1847 г. РГБ[2*] – II, 611

[2*] Сообщено И.Г. Птушкиной.

Кто виноват? Лондон, 1859. С дарств. надписью Герцена дочери Тате, б.д. МГ (дар г-на Л. Риста и Н.П. Герцен) – I, 24

Полярная звезда на 1857 год. Лондон, 1857. С дарств. надписью Герцена дочери Тате, 19 апреля 1887 г. МГ – II, 397

Полярная звезда на 1861 год. Лондон, 1861. С дарств. надписью Герцена дочери Тате, 20 марта 1861 г. МГ (дар г-на Л. Риста и Н.П. Герцен) – II, 396

С того берега. Лондон, 1855. С дарств. надписью Герцена М. Мейзенбуг, 30 марта 1855 г. МГ (дар г-на Л. Риста и Н.П. Герцен) – II, 644

Стихотворения Н. Огарева. Лондон, 1858. С дарств. надписью Огарева дочери Герцена Тате, б.д. МГ (дар г-на Л. Риста и Н.П. Герцен) – I, 440

Hugo V. Notre Dame de Paris. V. I. Bruxelles, 1835. С дарств. надписью Герцена Н.А. Захарьиной, 1836. Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится по негативу (ГЛМ) – I, 19

Waldeck A. Der Führer am Rhein. Bonn, 1844. С дарств. надписью Герцена М.Ф. Корш, 18 марта 1847 г. РГБ[3*] – II, 620

ПУБЛИКАЦИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА

Дилетанты и цех ученых. – Отеч. записки, 1843, № 5 – I, 172

Цех ученых. – ⟨Герцен А.И.⟩ Раздумье. (Разные вариации на старые темы). М., 1870 – I, 183

Тате Г⟨ерцен⟩. – Стихотворения Н.П. Огарева. Т. I. М., 1904 – I, 453

⟨Мечников Л.И., Огарев Н.П.⟩. Землеописание для народа. ⟨Изд. Элпидина. Женева⟩, 1868. Брошюра издана анонимно; выходные данные на титульном листе (Москва, 1868) и ценз. разрешение вымышлены. ГАРФ – I, 315

ПЕРЕВОДЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ГЕРЦЕНА

Aus den Memorien eines Russen. Hamburg, 1855 (Былое и думы, ч. I–II. Первое немецкое издание. Пер. М. Мейзенбуг) – II, 649

Camicia Rossa. Bruxelles, 1865 (Былое и думы, ч. VI, гл. X. Пер. на франц. яз.). Экземпляр, принадлежавший Тате Герцен. МГ (дар г.г. Л. и Э. Ристов и Н.П. Герцен) – II, 426

La France ou l'Angleterre? Londre. Trübner et C-ie. 1858 (Франция или Англия? Пер. на франц. яз.). Экземпляр, принадлежавший Лизе Герцен. МГ (дар г.г. Л. и Э. Ристов и Н.П. Герцен) – II, 217

Lettres de France et d'Italie. Génève, 1871 (Письма из Франции и Италии. Пер. на франц. яз. Н.А. Тучковой-Огаревой) – II, 231

ИЗДАНИЯ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФИИ

Записки декабристов. Вып. 1. Лондон, 1862. Экземпляр, принадлежавший Лизе Герцен. МГ (дар г.г. Л. и Э. Ристов и Н.П. Герцен) – II, 216

Объявление об издании анонимной брошюры "Вероисповедание духовных христиан" (Женева. Вольная русская типография, 1865). – Прибавление к 200 листу "Колокола", 15 июля 1865 г. – I, 252

V. ПОРТРЕТЫ РОДНЫХ, ДРУЗЕЙ И ДРУГИХ СОВРЕМЕННИКОВ ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА

Анненков П.В. Рис. К.А. Горбунова (кар.). Соколово, лето 1845 г. МГ (дар г-на Л. Риста и Н.П. Герцен) – I, 632

Анненков П.В. – см. Раздел I (Группы): Ночная сцена в Соколове

Астраков С.И. Фото М. Шерера и Б. Набгольца. Москва, ⟨1861⟩. МГ – II, 58

Бакст В.И. Фото Л. Хаазе, 1866. С дарств. надписью Бакста Лизе Герцен, 30 января 1866 г. МГ – II, 174

Бакунин М.А. Рис. Э.А. Дмитриева-Мамонова (кар.). ⟨Флоренция⟩, 1864. ГЛМ – I, 366

Бакунин М.А. – см.: Раздел I (Группы) и Раздел VII (Рисунки Н.А. Герцен)

Бонфанти Доменико – см.: Раздел VII (Рисунки Татьы Герцен)

Гааг Л.И. Дагерротип, 1840-е годы. ГИМ – II, 592

Гааг Л.И. – см.: Раздел V (Группы) и Раздел VII (Рисунки Таты Герцен)

Гервег Георг. Рис. Э. Зигмунд (кар.), ⟨1843⟩. Из кн.: Georg Herwegh's Briefwechsel mit seiner Braut, Stuttgart, 1906 – I, 97

Герцен А.А. (Саша). Первая елка Саши Герцена. Акв. неизв. художника. 26 декабря 1841 г. МГ (дар г-на Л. Риста и Н.П. Герцен) – I, 606

Герцен А.А. (Саша). Фото. Лондон, 1858. МГ – I, 359

Герцен А.А. (Саша). Фото, 1880-е годы. МГ – II, 292

Герцен А.А. (Саша) – см.: Раздел I (Группы); Раздел V (Группы); Раздел VII (Рисунки Н.А. Герцен)

Герцен А.А. (Тутс) – см.: Раздел V (Группы)

Герцен А.А. (Ляля-boy) – см.: Раздел V (Группы); Раздел VII (Рисунки Таты Герцен)

Герцен В.А. – см.: Раздел V (Группы)

Герцен Е.А. (Леля-girl) – см.: Раздел V (Группы); Раздел VII (Рисунки Таты Герцен)

Герцен Е.А. (Лиза). Фото Франсиса. Лондон, 1862. ИРЛИ – II, 87

3* Сообщено И.Г. Птушкиной.

Герцен Е.А. (Лиза). Фото Ферре. Ницца, 1868. ИРЛИ – II, 433
Герцен Е.А. (Лиза). Фото, нач. 1870-х годов. РГАЛИ – II, 145
Герцен Е.А. (Лиза). Фото Ф. Шардонне. Ницца, ⟨1875⟩. С дарств. надписью Лизы Герцен М. Мейзенбуг, б.д. МГ (дар г.г. Л. и Э. Ристов и Н.П. Герцен) – II, 552
Герцен Е.А. (Лиза) – см.: Раздел V (Группы) и Раздел VII (Рисунки Таты Герцен)
Герцен Н.А. Портрет раб. Х.Я. Рейхеля (масло). Новгород, 1842. МГ (дар г.г. Л. и Э. Ристов и Н.П. Герцен) – I, 542
Герцен Н.А. Рис. неизв. художника (итал. и цветн. кар.), 1848. Принадлежал Н.А. Тучковой-Огаревой. ИРЛИ – I, 83
Герцен Н.А. Рис. Э. Гервег (кар.). ⟨Париж, апрель 1850 г.⟩. С дарств. надписью Э. Гервег Коле Герцену. МГ (дар г-на Л. Риста и Н.П. Герцен) – I, 112
Герцен Н.А. Дагерротип. Ницца, 1850. ГИМ – I, 48
Герцен Н.А. – см.: Раздел V (Группы)
Герцен Н.А. (Тата). Фото. Лондон, 1858. МГ – I, 444
Герцен Н.А. (Тата). Фото, нач. 1860-х годов. ИРЛИ – I, 333
Герцен Н.А. (Тата). Фото Ф. Шембока. Флоренция, ⟨1868⟩. С дарств. надписью Таты отцу, 7 марта 1868 г. МГ – II, 444
Герцен Н.А. (Тата) – см.: Раздел I (Группы); Раздел V (Группы); Раздел VII (Рисунки Н.А. Герцен; Рисунки Таты Герцен)
Герцен Н.А. (Коля). Дагерротип. Конец 1840-х годов. РГАЛИ – II, 605
Герцен Н.А. (Коля). Дагерротип. ⟨1850–1851⟩. РГАЛИ – II, 327
Герцен Н.А. (Коля) – см.: Раздел V (Группы)
Герцен Н.А. (внук Герцена) – см.: Раздел V (Группы)
Герцен Нерина А. – см.: Раздел V (Группы)
Герцен (Моно) О.А. Фото бр. Алинари. Флоренция, 1869. С дарств. надписью О.А. Герцен сестре Лизе, Флоренция, 29 апреля 1869 г. ГИМ – II, 205
Герцен (Моно) О.А. Фото. Флоренция, ⟨апрель 1869 г.⟩. ГИМ – II, 537
Герцен (Моно) О.А. Фото. Флоренция, ⟨1872–1873⟩. Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится по кн.: Meysenbug M. Aus den Memorien einer Idealistin. Berlin, 1963 – I, 222
Герцен О.А. (Моно) Фото. ⟨Флоренция⟩, январь 1873 г. Из кн.: Herzen A. Lettres inédites à sa fille Olga. Paris, 1970 – I, 486
Герцен (Моно) О.А. Барельеф К. Фонк-Брентано (гипс). 1890. МГ (дар г-на Л. Риста и Н.П. Герцен) – II, 653
Герцен (Моно) О.А. Фото. Париж, 1896. РГБ – II, 635
Герцен (Моно) О.А. – см.: Раздел I (Группы); Раздел V (Группы)
Герцен О.А. (внучка Герцена) – см.: Раздел V (Группы)
Герцен П.А. – см.: Раздел V (Группы)
Герцен Терезина. Фото. ⟨Флоренция⟩, 1868. Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится по кн.: Herzen A. Lettres inédites à sa fille Olga. Paris, 1970 – I, 377
Герцен Терезина. Фото. Флоренция, конец 1860-х годов – I, 245
Герцен Терезина – см.: Раздел V (Группы)
Грановская Е.Б. Рис. К.А. Горбунова (кар.). Соколово, лето 1845 г. МГ (дар г-на Л. Риста и Н.П. Герцен) – II, 568
Грановский Т.Н. – см.: Раздел I (Группы); Раздел V (Группы)
Кетчер Н.Х. – см.: Раздел I (Группы); Раздел V (Группы)
Корш Е.Ф. – см.: Раздел I (Группы)
Корш М.Ф. Рис. К.А. Горбунова (кар.). Соколово, 7 августа 1845 г. РГАЛИ – II, 599
Левицкая П.С. Фото С.Л. Левицкого. Петербург, 1867. МГ (дар г-на Л. Риста и Н.П. Герцен) – II, 310
Левицкий В.С. – см.: Раздел V (Группы)
Левицкий Л.С. – см.: Раздел V (Группы)
Мейзенбуг Мальвида. Рис. Лауры Мейзенбуг (кар.). Конец 1840-х годов. Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится по кн.: Meysenbug M. Aus den Memorien einer Idealistin. Berlin, 1963 – I, 205
Мейзенбуг Мальвида. Фото, 1850-е годы. Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится по кн.: Herzen A. Lettres inédites à sa fille Olga. Paris, 1970 – I, 470
Мейзенбуг Мальвида. Фото, ⟨1870-е годы⟩. Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится по кн.: Meysenbug M. Im Anfang war die Liebe. München, 1927 – II, 466
Мейзенбуг Мальвида. Рис. Франца Ленбаха, 1885. Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится по кн.: Meysenbug M. Der Lebensabend einer Idealistin. Berlin, 1898 – II, 640
Мейзенбуг Мальвида – см.: Раздел I (Группы); Раздел VII (Рисунки Таты Герцен)
Мещерский А.А. Фото Кутилина. Петербург, 1870. МГ – II, 437
Моно Габриэль. Фото. 1873. Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится по кн.: Meysenbug M. Im Anfang war die Liebe. München, 1927 – II, 542
Моно Габриэль. Фото. 1873. Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится по кн.: Herzen A. Lettres inédites à sa fille Olga. Paris, 1970 – I, 495
Моно Жермен – см.: Раздел V (Группы)
Моно О.А. – см. Герцен (Моно) О.А.
Огарева М.Л. Рис. Н.В. Майера (кар.). ⟨Пятигорск⟩, 1838. МГ – I, 597

Панаев И.И. Рисунки К.А. Горбунова (кар.). Соколово, лето 1845 г. МГ (дар г-на Л. Риста и Н.П. Герцен) – II, 568, 569
Панаев И.И. – см.: Раздел I (Группы); Раздел V (Группы)
М-me Пачелли – см.: Раздел VII (Рисунки Н.А. Герцен)
Рейхель (Эрн) М.К. Рис. К.А. Горбунова (кар.). 7 августа 1845 г. РГАЛИ – II, 576
Рейхель (Эрн) М.К. Рис. К.А. Горбунова. Соколово, 1845. МГ (дар г-на Л. Риста и Н.П. Герцен) – II, 632
Рейхель (Эрн) М.К. – см.: Раздел V (Группы)
Рейхель Х.Я. – см.: Раздел I (Группы)
Сатин Н.М. Фото, 1850-е годы. ГИМ – II, 250
Тургенев И.С. – см.: Раздел VII (Рисунки Н.А. Герцен)
Тучков А.А. Фото Г. Мана. Пенза, 1873. МГ (дар г-на Л. Риста и Н.П. Герцен) – II, 150
Тучкова Е.А. – см.: Раздел V (Группы)
Тучкова-Огарева Н.А. Фото Осбера. Париж, 1860-е годы. МГ – II, 159
Тучкова-Огарева Н.А. – см.: Раздел I (Группы); Раздел V (Группы); Раздел VII (Рисунки Таты Герцен)
Феличи Терезина – см. Герцен Терезина
Фогт Карл. Рис. г-жи Фогт (кар.). ⟨Женева, 1870-е годы⟩. BPUG – Воспроизводится по журналу: "Musées de Génève". № 147, 1974 – I, 384
Фогт Карл – см.: Раздел VII (Рисунки Н.А. Герцен)
Хоецкий Карл – см.: Раздел VII (Рисунки Н.А. Герцен)
Шевелев Н.А. Фото из следственного дела Н.А. Шевелева. ГАРФ – I, 263
Шифф Гуго. Фото. Флоренция, 1868. На об. стихотворение Г. Шиффа, посвященное Тате Герцен (6 января 1869). МГ (дар г-на Л. Риста и Н.П. Герцен) – II, 471
Шифф Мориц. Барельеф раб. Гуго Бови (гипс). 1890-е годы. МГ – II, 420
Шифф Мориц – см.: Раздел V (Группы)
Щепкин М.С. Рис. К.А. Горбунова (кар.). Соколово, лето 1845 г. МГ (дар г-на Л. Риста и Н.П. Герцен) – II, 569
Энгельсон А.Х. – см.: Раздел V (Рисунки Н.А. Герцен)
Энгельсон В.А. – см.: Раздел V (Рисунки Н.А. Герцен)
Эрн М.К. – см.: Рейхель (Эрн) М.К.
Яковлев И.А. Портрет раб. неизв. художника (масло). Нач. 1840-х годов. МГ – I, 500
Яковлев И.А. – см.: Раздел VII (Рисунки Таты Герцен)

ГРУППЫ

Герцен А.А. (Саша), Герцен Н.А. (Коля) и Герцен Н.А. (Тата). Акв. К.А. Горбунова. ⟨Москва⟩, 1845. Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится по негативу (РГАЛИ) – II, 33
Герцен А.А. (Саша) и Герцен Н.А. (Тата). Дагерротип, 1851. МГ – I, 658
Герцен А.А. с женой Терезиной. Фото М. Темпести. Флоренция, 1868 – I, 393
Герцен А.А. в кругу семьи. Фото, конец 1880-х годов. Изображены: Герцен А.А., Герцен А.А. (Тутс), Герцен Н.А. ⟨?⟩, Герцен П.А. ⟨?⟩, Герцен Терезина, Шифф М. и др. МГ – II, 323
Герцен А.А. и Герцен Е.А. (Леля-boy и Леля-girl). Рисунки Таты Герцен (перо). ⟨Борнемут, лето 1864 г.⟩. Из семейного альбома Герценов. Местонахождение оригиналов неизвестно. Воспроизводятся по кн.: Русские Пропилеи. Т. IV. М., 1917 – II, 109, 187
Герцен Н.А. с дочерью Ольгой. Дагерротип. Ницца, 1851. ГИМ – I, 660
Герцен Н.А. (Тата) и Герцен О.А., Рис. Н.А. Герцен (кар.). ⟨Ницца⟩, 1852. МГ (дар г-на Л. Риста и Н.П. Герцен) – I, 195
Герцен Н.А. (Тата) и Герцен О.А. Дагерротип. ⟨Лондон, 1854⟩. С дарств. надписью Герцена Е.Б. Грановской. 17 августа ⟨1854?⟩. МГ – II, 495
Герцен Н.А. (Тата) и Герцен О.А. Фото С.Л. Левицкого. Париж, 1864. ИРЛИ – II, 384
Герцен Н.А. (Тата) и Моно Жермен. Фото. Лозанна, 1888. С дарств. надписью Н.А. Герцен П.А. Герцену, октябрь 1888 г. МГ – II, 268
Герцен Н.А. (Тата) и Рейхель М.К. Фото. Лозанна, 1900-е годы. МГ – II, 580
Дети А.А. Герцена. Фото. ⟨Флоренция, 1876⟩. Изображены: Александр (Тутс), Алексей, Владимир, Нерина, Николай, Ольга, Петр. МГ – I, 429
Левицкие В.С. и Л.С. Фото С.Л. Левицкого. Париж, нач. 1860-х годов. МГ (дар г-на Л. Риста и Н.П. Герцен) – II, 311
Панаев И.И., Кетчер Н.Х., Грановский Т.Н. Рис. К.А. Горбунова (кар.). Соколово, лето 1845 г. МГ (дар г-на Л. Риста и Н.П. Герцен) – I, 620
Рейхель М.К., Герцен Коля и Гааг Л.И. Дагерротип. Женева, 1847. ГИМ – I, 190
Тучкова (в замуж. Сатина) Е.А. и Тучкова-Огарева Н.А. Дагерротип, 1847. Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится по фотокопии (МГ) – II, 7
Тучкова-Огарева Н.А., Герцен Н.А. (Тата) и Герцен О.А. Фото. Лондон, ⟨1857⟩. С дарств. надписью Н.А. Тучковой-Огаревой Е.А. Сатиной, б.д. ИРЛИ – II, 133
Тучкова-Огарева Н.А. с дочерью Лелей. Фото, ⟨1862–1863⟩. ГИМ – II, 104
Тучкова-Огарева Н.А. и Герцен Н.А. (Тата) с детьми Алексеем и Еленой. Рис. Таты Герцен (перо). ⟨Борнемут, лето 1864 г.⟩. Из семейного альбома Герценов. Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится по кн.: Русские Пропилеи. Т. IV. М., 1917 – II, 515
Тучкова-Огарева Н.А. с дочерью Лизой. Фото Л. Стращака. Брюссель, 1869. МГ – II, 182

VI. АВТОГРАФЫ ЧЛЕНОВ СЕМЬИ И ДРУГИХ СОВРЕМЕННИКОВ ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА

Герцен А.А. (Саша). Первое письмо отцу. Москва, 2 октября 1846 г. ГЛМ – II, 298
Герцен А.А. (Саша). Письмо Огареву. ⟨Флоренция, нач. июня 1867 г.⟩ IISG (Амстердам) – II, 315
Герцен А.А. (Саша). Письмо Огареву о смерти Лизы Герцен. ⟨Флоренция, 24 декабря 1875 г.⟩. BN – II, 318
Герцен Е.А. (Лиза). Письмо Огареву. ⟨Монпелье, 28 декабря 1864 г.⟩. IISG (Амстердам) – II, 117
Герцен Н.А. Конверт письма дочери Тате. ⟨Турин⟩, 12 июля 1851 г. ИРЛИ – I, 672
Мишле Жюль. Некролог Герцену. Париж, 23 января 1870 г. IISG (Амстердам) – II, 125
Тучкова-Огарева Н.А. Письмо Огареву. Монпелье, 28 декабря 1864 г. IISG (Амстердам) – II, 115
Яковлев И.А. Письмо внуку Саше. ⟨Москва⟩, 8 февраля 1845 г. BN – I, 538

VII. РИСУНКИ И ЖИВОПИСНЫЕ РАБОТЫ ЧЛЕНОВ СЕМЬИ ГЕРЦЕНА

РИСУНКИ Н.А. ГЕРЦЕН[4*]

Саша Герцен (кар.). ⟨Сентябрь–октябрь 1849 г.⟩. Британский музей, Лондон. – II, 287
Саша Герцен (кар.). ⟨Ницца⟩, 1850–1851. МГ – I, 562
Тата Герцен (кар.). Париж, 19 апреля 1850 г. МГ – I, 576
Тата и Ольга Герцен (кар.). ⟨Ницца⟩, 1852. МГ – I, 195
Бакунин М.А. (кар.). ⟨Париж⟩, 1848–1849. МГ – I, 558
M-me Пачелли (кар.). ⟨Ницца⟩, 1850–1851. МГ – I, 136
Тургенев И.С. (кар.). Париж, 1850. МГ – I, 79
Фогт Карл. (кар.). ⟨Париж⟩, 1849–1850. МГ – I, 141
Хоецкий Карл Эдмон (кар.). ⟨Ницца⟩, 1850 – I, 135
Энгельсон А.Х. (кар.). ⟨Ницца⟩, 1850. МГ – I, 537
Энгельсон В.А. (кар.). ⟨Ницца⟩, 1850. МГ – I, 131
Ницца: ⟨Вид с берега⟩; Предместье Сант-Элен (вид из окна дома Дуйса, где Герцены жили в 1851–1852 гг.) (кар.) ⟨1851⟩ МГ – I, 145; II, 199
Ницца. Два рисунка (кар.). ⟨1850–1852⟩.IISG (Амстердам) – I, 119, 120
В окрестностях Ниццы. Два рисунка (кар.) ⟨1850–1851⟩.IISG (Амстердам) – II, 526, 527

РИСУНКИ И ЖИВОПИСНЫЕ РАБОТЫ ТАТЫ ГЕРЦЕН

Герцен (перо). Женева, 1865. BN – II, 520
Герцен (масло). 1868. Собр. Жанны Амфу-Моно, Париж. Воспроизводится по кн.: Herzen A. Lettres inédites à sa fille Olga. Paris, 1970 – II, 450
Рисунки из семейного альбома Герценов (перо). ⟨Борнемут, лето 1864 г.⟩: Герцен с дочерью Татой на прогулке; Огарев; Алексей и Елена Герцены (Леля-boy и Леля-girl) – два рисунка; Герцен; Герцен, его дети Ольга и Тата и М. Мейзенбуг на прогулке; Н.А. Тучкова-Огарева и Тата с детьми Алексеем и Еленой. Местонахождение оригиналов неизвестно. Воспроизводятся по кн.: Русские Пропилеи. Т. IV. М., 1917 – I, 217, 458; II, 109, 187, 405, 509, 515
Доменико Бонфанти, солдат наполеоновской армии (кар., уголь). Флоренция, март 1863. МГ (дар г-на Л. Риста и Н.П. Герцен) – II, 390
Лиза Герцен (масло). 1867. Собр. Жанны Амфу-Моно, Париж. Воспроизводится по кн.: Herzen A. Lettres inédites à sa fille Olga. Paris, 1970 – I, 449
Н.А. Тучкова-Огарева (тушь, кар.). Лондон, 18 июля 1859 г. РГАЛИ – II, 71
Л.И. Гааг. Копия с портрета раб. И.З. Летунова (масло). ⟨1864–1865⟩. МГ (дар г.г. Л. и Э. Ристов и Н.П. Герцен) – II, 460
И.А. Яковлев. Копия с портрета раб. И.З. Летунова (масло). ⟨1864–1865⟩. МГ (дар. г.г. Л. и Э. Ристов и Н.П. Герцен) – II, 460
Дорога близ Ниццы. Копия с акв. Э. Браше (1850), принадлежавшей Н.А. Герцен. 7 сентября 1859 г. МГ (дар г-на Л. Риста и Н.П. Герцен) – II, 503

VIII. МЕМОРИАЛЬНЫЕ ВЕЩИ СЕМЬИ ГЕРЦЕНА[5*]

Рисунок А.Л. Витберга (кар.), подаренный им Герцену (Вятка, 1837). МГ – I, 548
"Вышитая портфель". Подарок П.П. Медведевой Герцену (Вятка, 1838). МГ – I, 39
Бювар Н.А. Герцен. МГ – I, 602
Игольник, подаренный Колей Герценом матери. МГ – I, 669
Перчатка Коли Герцена, снятая им в ночь гибели 16 ноября 1851 г. МГ – I, 125

IX. ДОКУМЕНТЫ СОВРЕМЕННИКОВ ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА

Показания Н.А. Шевелева. Из следственного дела Шевелева, 1870. ГАРФ – I, 269

[4*] Все перечисленные далее рисунки Н.А. Герцен (за исключением первого и четырех последних) принесены в дар Музею Герцена в Москве г-ном Л. Ристом и Н.П. Герцен.

[5*] Все перечисленные далее мемории принесены в дар Музею Герцена в Москве г-ном Л. Ристом и Н.П. Герцен.

X. КНИГИ И НОТЫ, ПРИНАДЛЕЖАВШИЕ СЕМЬЕ ГЕРЦЕНА

ДРУГИЕ ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СОВРЕМЕННИКОВ ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА[6*]

Греч Н.И. Русская азбука. СПб., 1846. С дарств. надписью Н.А. Герцен дочери Тате. Ницца, 1851. МГ – I, 569

Кольцов А.В. Стихотворения. СПб., 1846. С дарств. надписью И.С. Тургенева Н.А. Герцен. Париж, 12 апреля 1850 г. МГ – I, 665

Песни русского народа, собранные (...) М. Бернадским. СПб., (1848). Принадлежали семье Герцена. МГ – II, 43

Тургенев И.С. Записки охотника. СПб., 1859. С дарств. надписью Саши Герцена сестре Тате. Сентябрь 1859 г. МГ – II, 305

Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны в 1812 году. Часть III. СПб., 1839. Здесь (гл. III) опубликована "записка" И.А. Яковлева о его встрече с Наполеоном – I, 530

Салтыков-Щедрин М.Е. Дневник провинциала в Петербурге. Глава VIII. – "Отеч. записки", 1872, № 10 – I, 324

Fain, baron. Manuscrit de mil huit cent douse, contenant le précis des événements de cette année (...). Bruxelles, 1827. Здесь (гл. VI) содержится рассказ о встрече Наполеона с И.А. Яковлевым – I, 524

Foucou Felix. Histoire du travail. Paris, 1868. Книга, рекомендованная Герценом дочери Ольге – I, 230

Hegel G.W. Phänomenologie des Geistes. – Hegel G.W. Werke. B. II. Berlin, 1832 – I, 151

Meysenbug M. Der Lebensabend einer Idealistin. Berlin, 1898. Книга посвящена Г. Моно и О.А. Моно (Герцен) – II, 656

XI. ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСКУССТВА, УПОМЯНУТЫЕ В ПЕРЕПИСКЕ ГЕРЦЕНА С ДОЧЕРЬЮ ТАТОЙ

Андреа дел Сарто. Мадонна дель Сакко. Фреска, 1525. – Церковь Благовещения, Флоренция – II, 359

Рафаэль. Эпизоды из легенды об Амуре и Психее. Фрески по картонам Рафаэля, ок. 1518 г. Вилла Фарнезина, Рим – II, 365

Рафаэль. Триумф Галатеи. Фреска, 1515 (фрагмент). Вилла Фарнезина, Рим – II, 371

XII. ПАМЯТНЫЕ МЕСТА И ВИДЫ

РОССИЯ

Владимир. Литография, 1830-е годы. ГИМ – I, 592

Москва. Дом Астраковых на Плющихе. Фото, 1930-е годы. ГЛМ – II, 26

Москва. Дом Е.С. Гагариной в М. Власьевском пер. Фото, 1940-е годы. ГЛМ – I, 178

Москва. Дом Е.И. Ермоловой на Волхонке; Дом Н.А. Небольсина на Садово-Кудринской ул. Фотографии, 1980-е годы. Собр. С.К. Романюка, Москва – II, 712, 713

Москва. План владения М.А. Хованской (угол Поварской ул. и Кречетникова пер.), 1843; Дом Е.Н. Левашовой на Покровке, Дом А.Н. Плаутиной на Б. Никитской ул. Чертежи фасадов, 1834. Центр. историч. архив научно-технич. документации г. Москвы – II, 625, 718, 719[7*]

Москва. Дома И.А. Яковлева: в Сивцевом Вражке (ныне Музей Герцена); угол Сивцева Вражка и М. Власьевского пер. ("Большой дом"), в Б. Власьевском пер. ("Старый дом"); Дом А.А. Яковлева на Тверском бульваре. Гравюры И.Н. Павлова, 1919. Из журн. "Творчество", 1920, № 1 – I, 615, 628; II, 565, 586

Москва. Крутицкий монастырь. Проект реставрации П.Д. Барановского. 1950-е годы. Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится по негативу (ГЛМ) – I, 9

Москва. Пречистенская полицейская часть в Штатном пер. Фото, нач. 1910-х годов. Из "Альбома зданий, принадлежащих Московскому городскому общественному управлению". Т. I. М., 1913 – II, 729

Москва. Тверская застава. Литография, 1830-е годы. ГЛМ – I, 585

Петербург. Застава на Московской дороге. Грав. Гобера с рис. А.М. Горностаева, 1834. МГ – I, 586

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА

Англия

Гринвич: Вид со стороны Темзы; Вид на Лондон из Гринвича. Гравюры Шаванна. 1850-е годы. Из альбома: "Views of Mighty London, its Public Buildings, Streets, Parks, etc." London, s.a. – I, 424, 463

Лондон. Барроуз-хилл, где располагалась Вольная русская типография. Фото, 1957. ГЛМ – II, 734

6* Перечисленные далее книги и ноты, принадлежавшие семье Герцена, принесены в дар Музею Герцена в Москве г-ном Л. Ристом и Н.П. Герцен.

7* Сообщено С.К. Романюком.

Италия

Неаполь. Гравюра бр. А. и Э. Руаргов. Из кн.: Malte-Brun C. Abrégé de Gëographie universelle physique, historique, politique, ancienne et moderne. Paris, 1842. – I, 640

Ницца. Гравюра, 1850-е годы. Из кн.: Roche E. L'Italie de nos jours. Paris, 1860 – I, 225

Ницца – См. Раздел VII (Рисунки Н.А. Герцен)

Рим. Замок св. Ангела и собор св. Петра. Гравюра, 1840-е годы. ГЛМ – I, 635

Рим. Площадь Барберини. Гравюра Эттлинга, 1870-е годы. Из кн.: Kleinpaule R. Rom in Wort und Bild. B. II. Leipzig, 1883 – II, 378

Рим. Собор св. Петра. Гравюра Ле Пети. Из кн.: Malte-Brun C. Abrégé de Géographie universelle physique, historique, politique, ancienne et moderne. Paris, 1842 – I, 199

Турин. Гравюра, 1850-е годы. Из кн.: Roche E. L'Italie de nos jours. Paris, 1860 – II, 246

Флоренция: Общий вид; Римские ворота. Акватинты с рис. Кароччи, 1840-е годы. Из альбома: Vues de Florence et de principeaux villes de la Toscana. Florence, s.a. – II, 411, 479

Флоренция. Палаццо Питти. Фото Дж. Аникини. Конец XIX в. Из альбома: Ricordi di Firenze. 68 vedute. ⟨Firenze⟩. s.a. – II, 347

Франция

Париж. Вандомская площадь и ул. Мира. Литография, 1840-е годы. МГ – I, 628

Париж. Елисейские поля. Гравюра Прово, 1850-е годы. ГЛМ – I, 650

Париж: Елисейские поля – Вид на Триумфальную арку; Панорама Сены; Ул. Риволи. Гравюры неизв. художника. Из альбома: 50 vues de Paris et Versailles. Paris, s.a. – I, 91, 235; II, 236

Париж. Отель "Grand Hôtel du Louvre". Литография, 1860-е годы. Из альбома: Paris moderne. Grand Album represantant les vues et les monuments les plus curieux de Paris ⟨...⟩. Paris, s.a. – II, 487

Париж. Кладбище Пер-Лашез. Автолитография Фишо, 1840-е годы. Из альбома: Pugin F. Paris et ses environs. Berlin, s.a. – II, 237

Швейцария

Женева. Отель "Des Bergues". Картина неизв. художника (масло), 1860-е годы. Коллекция отеля "Des Bergues". Женева – II, 499

Женева. Вид с набережной "Des Bergues". Литография О. Вианда, Сер. XIX в. Из кн.: Bouffard P. Génève. Images du passé. Images du present. Bâle, 1970 – II, 665

Женева: Набережная в Паки. Литография по рис. К. Мюллера, 1840-е годы; Общий вид. Литография, 1855; Набережные Роны. Литография, 1865. BPUG. Воспроизводятся по кн.: Bertrand P., Bergholz C. Génève. hier et aujourd'hui. 1960 – I, 398, 653, 305

Женева: Улица Каруж; Улица Пре Л'Эвек; Улица Корратери. Фотографии Ф. Буассонá, конец 1890-х годов. Из кн.: Fatio G. Génève ă travers les siècles. Génève, 1900 – I, 286, 373, 409

Женева. Вид с набережной Монблан. Гравюра Кс. Валлă по рис. Э. Кихлера, 1873. Из кн.: Schwitzerland: its Scenary and People. London, 1881 – I, 404

Женева. Общий вид. Цв. литография, 1860-е годы. Музей изобразит. искусств. им. А.С. Пушкина, Москва – I, 479

Женева. Ул. Корратери. Фототипия, нач. 1870-х годов. Собр. И.И. Сиволап-Кафтановой, Москва – II, 765

Женева. Ул. Корратери (книжный магазин Георга). Фото И.И. Сиволап-Кафтановой. Собрание И.И. Сиволап-Кафтановой, Москва – II, 764

Лозанна. Гравюра. Из кн.: Marmier X. Voyage en Suisse. Paris, 1862 – II, 193

XIII. СОБЫТИЯ. КАРИКАТУРЫ. БЫТ

Чтение манифеста 19 февраля 1861 г. Гравюра, 1861. ГЛМ – I, 338

Карикатура на социальное устройство николаевской России. Рис. неизв. художника (кар.). Из семейного альбома Герценов. IISG (Амстердам) – I, 335

Парижские зарисовки. Цв. литографии П. Гаварни, 1840-е годы. МГ – I, 645

Папа Пий IX благословляет народ. Гравюра Гошара по рис. Э. Байара. 1870-е годы. Из кн.: Kleinpaule R. Rom in Wort und Bild. B. II. Leipzig, 1883 – II, 354

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Составила М.И. Трепалина

Абдул-Меджид, султан II 686
Абель Карл (Abel K.) I 570
Абихт Генрих (Abicht H.) II 329, 364
Абракадабра – см. Балашевич-Потоцкий Ю.А.
Абрамов Иосиф Абрамович – см. Шевелев Н.А.
Абу-Беку – см. Беккер Ж.
Август (Augustus), римск. император II 519
Августин Блаженный (Sanctus Aurelius Augustinus) I 159, 177
Авдеев Михаил Васильевич II 120
Авейде Оскар (Awejde O.) II 709
Авенель Жорж (Avenel G.) II 330, 442
Авигдор Юлиус (Avigdor J.) II 204, 221
Агапий (Агафий), дьякон – см. Гончаренко А.
Адама́-Зильстра́ Ирина (Adama-Zylstra J.) I 188, 207
Адельгейда – см. Меассалер А.
Адлерберг Александр Владимирович I 249, 250
Адлерберг Владимир Федорович I 249, 250; II 312
Айвазовский Иван Константинович I 658
Аксаков Иван Сергеевич I 186, 254, 519; II 28, 41,42, 46, 50, 56, 214, 428
Аксаков Сергей Тимофеевич I 37
Аксберг Эмилия (Емилия) Михайловна (Emilie) I 591, 592; II 243, 585
Акулина, прислуга I 619, 620
Алекс – см. Герцен А.А.
Алекс – см. Рейхель К.-А.
Александр I (Александр Павлович) I 325, 333, 334, 498, 499, 501, 502, 521–523, 525, 526, 529, 531–534, 537; II 222
Александр II (Александр Николаевич) I 247–250, 252, 263, 266, 268, 274, 286–288, 291, 306, 307, 316, 325, 336–339, 346, 365, 367, 476, 517; II 109, 188, 189, 196, 197, 311, 312, 319, 413, 433, 434, 438, 524, 554, 702, 708, 732–740, 746, 748, 749, 751, 758–761
Александр II, папа римский I 241
Александр III (Alexandre III) – см. Герцен А.А. (Тутс)
Александр Николаевич, вел. кн. – см. Александр II
Александр Север (Alexander Severus) II 354
Александра Федоровна, императрица I 248, 250; II 312
Александров Василий Максимович I 405, 407; II 126, 127
Александрова – см. Александровская В.В.
Александро́вич – см. Шевелев Н.А.
Александровская (урожд. Чирикова, по второму мужу Богемская) Варвара Владимировна I 284
Алексеев И.И. II 720
Алексеева (урожд. Вигель), жена И.И. Алексеева II 720
Алексий, святой, митрополит II 715
Алеша, пастушонок II 771, 772
Алинари (Alinari), фотограф I 232; II 205
Альтгауз Теодор (Althaus T.) II 639
Альтгауз Фридрих (Althaus F.) I 460; II 286
Альтгауз Юлиус (Althaus J.) I 460
Альтгаузы (Althaus) II 644
Альтман Владимир Владимирович I 149
Альфонский Аркадий Алексеевич I 547, 550, 613, 617, 620, 641; II 247, 324, 325, 569
Алябьев Александр Александрович II 179
Амалия, знакомая Таты Герцен II 504–506
Амберни (Amberni), адвокат I 406, 407, 410, 412, 413, 461
Аммель Е. II 330
Ампер, генерал I 313
Амфу(Анфу)-Моно Жанна (Amphoux-Monod J.) I 210, 449, 484, 487; II 450
Андреа дель Сарто (Andrea del Sarto) II 348, 349, 359
Андреев Леонид Николаевич II 581, 608, 609, 612, 614
Андрусская Ольга II 407
Андрусская, мать В. и О. Андрусских II 407
Андрусский Владимир II 407
Аникини Дж. (Anichini G.) II 347
Анисов Иван I 290
Анисова Варвара Ивановна – см. Шевелева В.И.
Анисова, жена И. Анисова I 262, 290
Анна Иоанновна, императрица I 331
Анна Петровна, дочь Петра I I 330
Анна Федоровна, вел. кн. II 766
Анненков Иван Васильевич I 339
Анненков Николай Николаевич I 182
Анненков Павел Васильевич I 50, 54, 63, 78, 79, 81, 90–92, 102, 359, 407, 440, 442, 444, 584, 586, 591, 621, 622, 627, 629, 631–633, 646, 657; II 9–11, 15, 16, 91, 240, 241, 255, 270, 287, 510, 521, 563, 577, 599, 600
Аннета (Annette) – см. Тучкова А.А.
Антонио (Antonio), итал. крестьянин II 362–364, 373, 374
Антонова Г.Н. II 502
Антонович Максим Алексеевич II 175
Антося – см. Бакунина А.К.
Антушев Владимир Васильевич II 26, 151
Антушев Владимир Владимирович II 26, 562, 563
Антушева Наталья Сергеевна II 26
Анучин Дмитрий Гаврилович I 266
Анфантен Бартелеми-Проспер (Enfantin B.-P.) I 16
Анциферов Николай Павлович I 79, 191, 590, 652; II 226, 336, 721
Апраксин Петр Иванович, гр. I 517
Аракчеев Алексей Андреевич, гр. I 49, 51, 52, 334, 515, 523, 525, 529, 531, 532, 537
Аристотель II 55
Аркушевский I 265
Армфельд, акушерка II 569, 570

Арндт Николай Федорович I 511–514, 536
Арним (урожд. Брентано) Анна Элизабет фон (Беттина; Arnim A.-E. von; Brentano) I 54
Арсеньев Константин Иванович I 517
Арсеньев Константин Константинович I 316, 319, 321, 323
Архип (Антип), слуга II 631
Ассинг Людмила (Assing L.) II 418
Астраков Владимир Иванович I 630, 638, 639; II 49, 61, 153
Астраков Михаил Иванович II 42, 61, 153
Астраков Николай Иванович I 197, 559, 578, 581, 582, 584, 591, 594–605, 607–609, 613–615; 625; II 24, 25, 204, 282, 428, 567
Астраков (Остраков) Сергей Иванович (Сергей) I 549, 589, 621, 624, 627, 628, 629, 636–639, 641, 642, 646–649, 651, 652, 654, 655, 657–659; II 5, 19, 21, 24–64, 120, 141, 142, 144, 145, 148, 152, 153, 203, 204, 209, 213, 427, 428, 576
Астракова Татьяна Алексеевна (Таня; псевд.: Белевская) I 84, 197, 200, 201, 529, 539, 546, 559, 577–659, 661, 662, 665–667, 669–671; II 5, 15, 16, 19, 24–64, 131, 138–141, 144–148, 150–154, 203, 204, 209, 213, 240, 241, 243, 256, 257, 271, 282, 286, 342, 427, 428, 500, 547, 562–577, 602, 618
Астраковы I 549, 579, 581, 583, 587, 596, 598–600, 607, 629, 636, 651, 673; II 24–26, 30, 32, 37, 40, 144, 151, 254, 574, 577
Асунта – см. Феличи А.
Ауэрбах Бертольд (Auerhach B.) II 457
Ауэрбах Герман Андреевич ("Бах", "Шауербах") I 233, 234; II 186, 410
Ауэрбах Юлия Федоровна I 233, 234; II 186, 410
Ауэрбахи II 219
Ахматова (наст. фам. Горенко) Анна Андреевна II 416
Ашинов (Рашинов) Василий Романович I 549; II 614
Ашинова (Рашинова; урожд. Рейссиг) Юлия Карловна II 15, 16, 609, 614–618

Баадер Франц Ксавер фон (Baader F.-X. von) I 152
Бабетта (Babette) горничная II 464, 466
Баденге – см. Наполеон III Луи-Бонапарт
Базен Франсуа-Ашиль (Bazaine F.-A.) I 418
Базылов Л. II 709
Байар (Бейяр) Эмиль (Bayard E.) II 354
Байрон Джордж Ноэл Гордон (Byron G.-N.-G.) I 87, 165, 178, 202, 203, 417, 434; II 249, 724
Бакофен ("Бакошка"; Backofen) II 420, 424, 438, 447
Бакст Владимир Игнатьевич I 212, 213, 370, 371; II 68, 119, 120, 171–180, 183, 184, 191, 197, 198, 417–419, 546
Бакунин Михаил Александрович I 35, 36, 97, 149, 150, 152, 183, 184, 204, 237, 238, 242, 252, 254, 269, 270, 272, 273, 276–280, 283, 294, 296–300, 306, 310, 339, 341, 343–348, 351, 353, 357, 360–366, 368, 371, 372, 379, 380, 385–387, 389, 391, 399, 405, 412, 413, 456, 457, 459–461, 558, 559; II 12, 13, 68, 106, 107, 112, 113, 126, 227–230, 236, 247, 248, 259, 291, 293, 309, 355, 368, 400, 406, 407, 445, 457, 472, 473, 475, 488, 489, 496–498, 501, 528, 559, 566, 567, 572, 578, 579, 582, 586–588, 593, 594, 631, 632, 649, 650, 658, 674, 683, 684, 696, 697, 705–707, 709, 762
Бакунин Николай Александрович I 281
Бакунин Павел Александрович II 587, 588, 596
Бакунина (урожд. Квятковская) Антонина Ксаверьевна (Антося) I 278, 296, 344, 346, 459; II 355, 406
Бакунина Наталья Семеновна II 588, 596
Балабанов Марко (см. также Нечаев С.Г.) I 269, 275–277, 279, 343
Балашевич – см. Балашевич-Потоцкий Ю.-А.
Балашевич-Потоцкий Юлиан-Альберт (Балашевич-Потоцкий; Balaszewicz-Potocki J.-A; псевд.: Абракадабра) I 357; II 308, 309, 686–688, 697, 705–707, 709, 710
Бало (Balo), художник II, 263, 278
Балтазар Клотильда (Baltazaar C.) II 363
Бальер Гюстав-Жерме (Baillière G.-G.) I 408, 409; II 185
Бальзак Оноре (Balzac H.) II 726
Бантыш-Каменский Дмитрий Николаевич II 716
Баранов Эдуард Трофимович I 249, 250
Барановская (урожд. Тимлер) Екатерина Карловна I 270
Барановский Петр Дмитриевич I 9
Барант Амабль(Эмабль)-Гильом-Проспер барон де Брюжьер (Barant A.-G.-P. baron de Brugière) II 723
Барбаросса – см. Фридрих I Барбаросса
Барбес Арман (Barbès A.) II 286
Барбье Жюль-Поль (Barbier J.-P.) I 222
Барбье Огюст-Анри (Barbier A.-H.) I 202
Барни Жюль-Ромэн (Barni J.-R.) I 307
Бартенев Петр Иванович I 54, 514, 515, 517, 520, 536
Бассо Серафен (Basso S.) II 206, 208, 209
Батуринский Василий Павлович II 579, 625–628, 630, 631
Баумриттер С. (Baumritter S.) II 425
Бауэр I 309
Бах Иоганн Себастьян (Bach J.-S.) II 443, 540, 600, 655
Бахметев Алексей Николаевич I 499
Бахметев Николай Николаевич I 500, 535
Бахметев (Бахметьев) Павел Александрович I 272, 343
Бачелли (Bacelli) II 478, 481
Башкирова Мария Константиновна II 262, 276
Беба – см. Шифф Б.
Бедо Мари-Альфонс (Bédeau M.-A.) I 87
Безак Александр Павлович I 186, 187
Безобразов Николай Александрович I 367
Безродные I 281
Бейдеман Михаил Степанович II 740
Бейст Фридрих (Beust F.), гр. II 748
Бейст, гр. I 292
Беккер Жан (Абу-Беку; Becker J.) II 406
Беккер Иоганн Филипп (Becker J.-Ph.) I 357
Белевская – см. Астракова Т.А.
Белинская (рожд. Орлова) Мария Васильевна II 418, 419, 424
Белинская (в замуж. Бензис) Ольга Виссарионовна II 418, 419, 424
Белинский Виссарион Григорьевич I 49, 149–155, 181, 184, 185, 441, 442, 553, 614, 622; II 49, 270, 282, 329, 473, 556, 559, 574, 613, 768, 769, 771, 772
Белла (Bella), няня II 196
Беллини Винченцо (Bellini V.) I 603
Беллини Р. I 222
Белоголовый Николай Андреевич II 232, 579

Бельгии, студент II 523
Белявская Ирина Михайловна II 705, 709, 710
Беляев Кузьма Васильевич I 316, 317, 341
Бем Юзеф (Иосиф; Bem J.) II 686
Бенда Б. (Benda B.), швейцарский книгопродавец I 293, 345
Бенкендорф Александр Христофорович I 49, 505–519, 536, 596, 603; II 730
Бенни Артур Уильям (Benni A.-W.) II 342, 441, 442
Бентам Джереми (Bentham J.) II 287
Беранже Пьер-Жан (Beranger P.-J.) II 99, 163
Берг Федор Федорович I 268, 290
Бердушек Марта (Berduschek M.) I 228, 229, 403; II 424, 439
Бердушек Мориц (Berduschek M.) II 400, 414–416, 418, 421, 422, 424
Бердушеки (Berduschek) II 439
Березовский Антон Иосифович II 396, 433–434
Берков Павел Наумович II 743, 745
Берна Георг II 295
Бернадо (Bernado) – см. Бернацкий А.П.
Бернард Матвей Иванович II 44
Бернацкий Алоизий Проспер (Бернадо; Bernacki A.-P.; Bernado) I 192, 229, 230; II 209, 700
Бертани Агостино (Bertani A.) I 129
Бессон Жозефина (Besson J.) II 165, 194, 196, 197, 200, 222
Бессон Розали (Besson R.) II 165, 177, 194, 196, 200, 222
Бессон (Besson), цветочница II 123, 165, 177, 194, 197, 200, 207, 222
Бестужев (псевд. Марлинский) Александр Александрович I 247
Бестужев-Рюмин Михаил Павлович I 334
Бетховен Людвиг ван (Beethoven L.van) II 120, 178, 250, 373, 443, 509, 655, 667, 668
Бехер Эрнст (Bevcher E.) II 469
Беше (Bevchet) I 193
Бжезинский Ю. (Brzezinski J.) II 706
Бианко Бартоломео (Bianko B.) II 346
Бибиков Петр Алексеевич II 177, 178
Бибикова Анна Ивановна (псевд.: Евгений Лунский) I 459
Биггс (Биггз) Каролина (Biggs C.) II 306
Биггс (Биггз; урожд. Ашерст) Матильда (Biggs M., Ashurst) I 191, 192; II 306
Биксио II 636
Бильбасов А., II 731
Биоде Клеманс (Biaudet C.) II 768
Бирон Эрнст Иоганн, гр. I 331
Бирюков Александр Сергеевич II 243, 271
Бисмарк Отто фон Шёнхаузен (Bismark O. von Schönhausen) II 650
Бичер-Стоу Гарриет (Beecher Stowe G.) II 661
Благовещенский А. I 347
Благоволина Юлия Павловна I 539, 577, 578
Благосветлов Григорий Евлампиевич II 449, 474
Блазерна (Blaserna), итал. профессор II 415, 418, 421, 422
Блан Луи-Жозеф-Жан (Blanc L.-J.-J.) I 49, 213; II 206, 682
Бларамберг (Бракамберг) Павел Иванович I 633
Блеквуд Джон (Blackwood J.) II 681, 682
Блинд Карл (Blind K.) II 293
Блонден (Блондин) Шарль (Blondin Ch.) II 537, 538
Блудов Дмитрий Николаевич I 52, 499, 506–508, 513–517, 595, 596
Боборыкин Петр Дмитриевич II 124, 758
Боборыкина Александра Александровна II 591
Бобула Ян Непомук (Bobula J.-N.) I 271, 325, 336
Бови Гуго (Bovy H.) II 420
Богданова (в замуж. Быкова) Мария Арсеньевна II 449–451
Богданович Модест Иванович I 519, 521, 526, 527, 536
Боголюбов Алексей Петрович II 521, 714
Богомолец А. II 500
Богомолов Федот Иванович I 332, 333
Боград Владимир Эммануилович I 150, 184
Богучарский Василий Яковлевич II 585
Бозе Е. (Bose E.) I 222
Бойка – см. Герцен Алексей А.
Бойтс, владелец пансиона I 414
Боке Жан-Батист (Bocquet J.-B.) I 634; II 19, 21
Боке Камилл (Bocquet C.) II 19, 21
Боке (Bocquet), мать II 306
Боке (Bocquet), отец II 306
Бокль (Бёкль) Генри Томас (Buckl H.-T.) II 55, 452, 550
Боков (ошибочно: Быков) Петр Иванович I 270, 341
Бологовский Дмитрий Николаевич I 499, 500
Болотин, купец I 279, 283
Болотов Андрей Тимофеевич I 536
Бомарше Пьер-Огюстен-Карон (Beaumarchais P.-A.-C.) I 498; II 20, 22
Бон (Bone, Bohne), знакомая Тучковой-Огаревой II 203, 208
Бонапарт – см. Наполеон III
Бонжар Альфред (Bongeart A.) II 330, 442
Бонфанти Доменико (Bonfanti D.) II 390
Бонфис (Bonfils) I 125, 134, 136, 560–563, 566, 669
Борейша Ежи В. (Borejsza J.-W.) II 705, 710
Борздо – см. Борзобогатый В.
Борзобогатый (Борздо) Владислав I 309
Борзов, полицейский II 717
Борис Годунов, царь I 330
Бороздин А.П., редактор I 428
Борщов Илья Григорьевич II 286
Боссак – см. Гауке Ю.
Боссон (Bosson), гувернантка II 161
Боткин Василий Петрович I 80, 152, 154–156, 179, 182, 207, 407, 587, 591, 629; II 60, 122, 521, 522, 574, 584, 631
Боткин Михаил Петрович II 330, 355–359, 364, 368, 370, 371, 377, 380, 439
Боткин Николай Петрович I 192–195, 200, 631, 633, 634, 638, 641; II 576, 631, 633
Боткин Сергей Петрович II 60, 287, 529
Боткин, двоюродный брат М.П. Боткина II 107
Боткина Екатерина Николаевна I 631, 633, 634
Боткины I 638
Ботхер (Botcher) знакомая Таты Герцен II 504, 505
Бракамберг – см. Бларамберг П.И.
Брандуков Анатолий Андреевич II 623
Брандукова, жена А.А. Брандукова II 623
Брайян Уильям Дженнингс (Bryan W.-J.) II 629
Браун, знакомый Л. Чернецкого II 129
Браше Э. (Brachet E.), художник II 503
Бреннер Альфред (Brenner A.) II 651
Бринкманны II 379, 381, 382
Бродский Николай Леонтьевич II 726, 730
Брока Поль (Broca P.), франц. хирург II 572
Бронзарт (Бронсарт) фон Шеллендорф Ганс (Bronsart von Schellendorf H.) II 429
Бронников Федор Андреевич II 330, 359, 360

Брубакер Роберт (Brubaker R.) II 742, 743
Брум Генри (Brougham H.) II 682
Бруно Джордано (Иордано) (Bruno G.) I 161, 172
Бруссе Франсуа-Жозеф-Виктор (Brousset F.-J.-V.) I 169
Брут Марк Юний (Brutus M.-J.) I 109
Буало Никола (Boileau N.) I 170
Буассонна Ф. (Boissonnas F.), фотограф I 305–308, 348, 373, 409
Будберг Андрей Федорович II 697
Буковецкий (Bukowiecki) I 271
Булвер-Литтон Эдуард Джордж Чарлз (Bulwer-Lytton E.-G.-Ch.) II 330, 362, 363
Булгаков Александр Яковлевич II 722
Булевский Людвиг (Bulewski L.) II 286
Булич Николай Никитич II 49
Буль Джон (Bull J.) II 746
Буль Людвиг (Bull L.)
Буонаротти – см. Микеланджело Б.
Бурда Э. II 191
Буркова Вильгельмина Ивановна (Мина) I 249, 250
Бурхардт Якоб (Burchardt J.) II 651
Бутков Владимир Петрович I 207
Бутковский Александр II 705
Бухгейм Лев Эдуардович II 510, 580–582, 584
Быков (Боков) II 449
Быкова Варя II 407
Бышинский I 309
Бэкон Фрэнсис (Bacon F.) I 179
Бюлов Ганс фон (Bulow H. von) II 669
Бюлов Козима фон – см. Вагнер К.
Бюнико (Bunico), адвокат I 567

Вагнер (в первом браке Бюлов фон) Козима (Wagner K.; Bulow von) II 649, 650, 669
Вагнер Николай Петрович II 56, 57
Вагнер Рихард (Wagner R.) I 142, 143, 148, 239–241, 430; II 435, 443, 479, 531, 532, 540, 646, 648–650, 653, 655–658, 669, 670
Вагнер (Wagner) II 542, 651
Вазари Джорджо (Vasari G.) II 429
Ваксель Платон Львович I 490
Валентино (Valentino), итал. крестьянин I 451
Валерио Лоренцо (Valerio L.) I 560–565, 567, 568, 672, 677
Валигорский В. (Waligorski W.) I 242
Валигурский Мечислав Ян (Waligorski M.-J.) II 698
Валла Кс. (Valla X.) I 404
Валуев Петр Александрович II 175
Вальдек А. (Waldeck A.) II 620
Вандалковская Маргарита Георгиевна I 536; II 583
Ван Дейк (Фан Дейк) Антонис (van Dyck A., van Dijck A.) II 283, 344, 355
Вармутелли (Varmutelli), художник II 382, 387–389, 392
Варсберг Александр фон (Warsberg A. von) II 654
Васбентер Л. (Vasbenter L.) II 286
Василевский Дмитрий Ефимович II 723
Василий Карпович, крепостной II 714
Василий Петрович, крепостной II 715
Васильев Н.И. II 248
Васнецов Виктор Михайлович II 629
Вассали-Майор, домовладелец I 328
Вацуро Вадим Эразмович II 730
Вебер Карл Мария (Weber K.-M.) II 342
Веденяпин Алексей Васильевич II 179
Веденяпин Аполлон Васильевич II 179
Веденяпина (Воденяпина) II 178, 179, 185, 186, 208
Бежховский М. II 709
Везалий Андреас (Vesalius A.) II 751
Вейзе Христиан (Weise Ch.) I 474
Вейль Александр (Weil A.) II 400
Вейнберг Петр Исаевич II 754, 758
Вейсберг Елизавета Николаевна II 163
Вейсберг, дочь II 163
Вейт Николай Карлович II 614
Велёпольский Александр (Wielopolski A.) II 695, 696
Вельтман Александр Фомич I 618
Вендт К.-Х. (Вент; Wendt K.-Ch.) II 330, 356
Венский – см. Пикулин П.Л.
Вентури Карло (Venturi C.) II 189
Вентури Эмилия – см. Гоукс-Вентури Э.
Вера Артамоновна, няня Герцена I 529; II 44, 282, 770
Веревкин Федор Николаевич I 47
Верешицкий Г. (Wereszycki H.) II 690, 696, 709, 710
Верн Жюль (Verne J.) II 212
Верницкий Александр (Wernizki A.) II 309
Веспино – см. Мещерский А.А.
Ветошников Павел Александрович II 108, 168, 377
Вианд Огюст (Viande A.) II 665
Виардо (урожд. Гарсиа) Полина (Viardot P., Garcia) II 15, 478
Вигель Филипп Филиппович II 720
Виктор Эммануил II (Vittorio Emmanuele II) II 421, 663
Виланд Кристоф Мартин (Wieland K.-M.) I 98
Виленская Эмма Самойловна II 336
Вилкошевский (Вилькошевский) Йозеф I 308, 309, 348
Вилкошевский (Вилькошевский) Этьен (Стефан) I 308, 309, 348
Виллари Паскуале (Villari P.) II 420, 421, 453
Виллих Аугуст (Willich A.) I 102
Вильгельм I (Wilhelm I), король вюртембергский I 101
Вильгельм I Гегенцоллерн (Wilhelm I), король прусский II 109, 311, 312, 663
Вильгельм II (Wilhelm II), гессен-кассельский курфюрст II 639
Вильгельми Август (Wilhelmi A.) II 336, 451, 528
Вильгельми (Wilhelmi), прусск. жандарм I 316
Вильконская Паулина (Wilkońska P.) II 710
Вильконский (Wilkoński), знакомый Н.А. Шевелева
Вильма – см. Кошут В.
Вильмен Абель-Франсуа (Villemain A.-F.) II 559, 723
Вильсон (Уилсон) Джон (псевд.: Кристофер Норт; Wilson J., Ch. North) II 682
Вильчевский Александр Антонович II 312
Вильямс (Williams), англ. семья II 452, 453
Винан Габи (Vinant G.) II 168, 274, 416, 426, 469, 658
Винокур Григорий Осипович I 7, 54
Винценгероде Фердинанд Федорович I 523, 528, 532
Виньи Альфред-Виктор (Vigny A.-V.) I 210, 220; II 726
Висковатов Н.А. I 152
Висконти (Visconti), книгопродавец I 110, 191, 567; II 123, 300, 301
Витберг Александр Лаврентьевич I 10, 11, 14, 22, 54, 499, 512, 548, 581, 604, 605; II 233, 282–284
Витберги I 550
Виттенштейн Петр Христианович, св. кн. I 522

Вихерский Феликс I 308
Вишневский I 309
Владимиров (Володимеров) Николай Львович II 196, 379–381, 392
Владимирова (Володимерова) Екатерина Львовна (Катя) I 217, 222, 224, 450–452, 454; II 196, 379, 380, 382, 383, 389, 391, 392, 439–441, 446, 449–451, 453, 490, 491, 520, 522, 668, 669
Владимирова (Володимирова), сестра Владимировой Е.А. – см. Устинова
Владимировы (Володимеровы) II 380, 381, 392
Вовчок Марко – см. Маркович М.А.
Воге Леонс (Vogué L.) I 137
Вогт К. – см. Фогт К.
Войт Николай Карлович I 549
Волконские I 50
Волконский Николай Сергеевич, кн. I 50
Волконский Петр Михайлович, св. кн. I 499–501, 517, 518
Волконский Сергей Григорьевич, кн. I 207, 208, 532, 533, 537
Володин Александр Иванович I 149–185
Володя – см. Курута В.И.
Волховский Николай Григорьевич I 281
Вольская Клементина I 263–266, 268
Вольский Виталис Людвигович I 263–266, 268, 288
Вольтер (наст. имя и фам. Анри-Мари-Франсуа Аруэ; Voltaire; Arouet A.-M.-F.-A.) I 99, 166, 178, 238, 343, 498; II 651
Воля – см. Левицкий В.С.
Воробьев Сократ Максимович I 645, 649
Воронин Иван Дмитриевич II 269, 273
Воронин Михаил Степанович II 449–451
Воронина (урожд. Быкова) Е.Н. II 449–451
Воронцов Михаил Семенович, кн. I 498; II 722, 726, 728, 731
Воронцов Семен Романович, гр. I 499, 535
Воронцова Екатерина Семеновна, гр. I 499
Ворцель Станислав Габриель (Worcell S.-G.) I 49; II 34, 39, 276, 286, 674, 677–682, 700–702, 708, 710
Вотье (Vautier), г-жа I 222
Врублевский Валерий (Wrublewski W.) I 308
Вуд Чарлз (Wood Ch.) I 422, 423, 484–485
Вуд (Wood), жена Ч. Вуда I 423
Вырлина Александра (Саша) I 581, 604
Вырубов Григорий Николаевич I 77, 78, 184, 229, 230, 452; II 5, 226–232, 236–238, 259, 270, 321, 322, 454, 457, 583, 610
Вырубова, мать Г.Н. Вырубова II 230
Вяземский Петр Андреевич, кн. I 420

Г., гр. II 41, 44
Гааг Готлиб II 633
Гааг (Гаг) Луиза Ивановна (Генриетта-Луиза) I 59, 61, 62, 76, 105–107, 109, 110, 121, 122, 124, 126, 144, 189, 190, 192, 194, 195, 498, 500, 510, 511, 529, 555–558, 562, 563, 573, 586, 600, 601, 617, 622, 623, 630, 633, 634, 636, 638, 646, 653, 656, 662, 670, 671, 673; II 24, 27, 31, 44, 88, 164, 243–246, 256, 271, 282, 284, 299, 325, 326, 372, 380, 430, 460, 461, 489, 494, 527, 563, 566, 567, 573, 575, 576, 578, 587–590, 592, 600, 605, 608, 612, 613, 615, 616, 620, 625, 631–634, 688, 711, 714, 767, 770
Гавриил Эдуардович – см. Моно Г.
Гаг Луиза Ивановна – см. Гааг Л.И.
Гагарин Гавриил Петрович, кн. II 714
Гагарина Екатерина Семеновна I 178, 549, 614; II 609, 718, 719
Гадон Любомир (Порай) (Gadon L.; Porai) I 242; II 704
Газан, капитан I 122
Гайдн Франц Йозеф (Гейден; Haydn F.-J.) II 250, 373
Гакстгаузен Август Франц Людвиг (Haxthausen A.-F.-L.) II 402
Галахов Иван Павлович I 628, 629, 646
Галахова (урожд. Боуэн) Элиза (Bowen E.) I 628, 629
Галилей Галилео (Galilei G.) I 161, 172, 440, 451, 452; II 347, 348, 519, 521
Галле Амели (Amélie; Gallait A.) II 511
Галле Луи (Gallait L.) I 444, 445; II 342, 346–349, 364, 383, 512, 521
Галле Мари (Gallait M.) II 511
Галле (Gallait), жена Л. Галле II 363, 511
Галле (Gallait), семья II 398, 512
Гальваньо Джованни Филиппо (Galvagno G.-F.) I 557, 558, 560–562, 566, 568
Гальм Ф. (Хольм) Фридрих (наст. имя и фам. Мюнх-Беллингхаузен Элигиус Франц Йозеф; Halm F.; Münch-Bellingbausen E.-F.-J.) II 775
Гамбуцци Карло (Gambuzzi C.) I 278, 344
Гандольфи Джованни Батиста (Gandolfi G.-B.) I 399, 400, 402, 418, 419, 426; II 129, 130
Ганешин С.В., моск. фабрикант I 520
Гарибальди (урожд. Ривейре де Сильва) Анита (Garibaldi A.; Riveire de Silva) I 137
Гарибальди Джузеппе (Garibaldi G.) I 49, 129, 137, 226, 296, 346; II 97, 98, 214, 221, 286, 345, 349, 393, 425, 426, 430, 436, 462, 504, 523, 525, 526, 535, 539, 546, 548, 554, 662, 663
Гарибальди Нини (Garibaldi N.) II 221, 462
Гарибальди Роза (Garibaldi R.) I 137
Гарибальди (Garibaldi), двоюродный брат Дж. Гарибальди II 212–214, 430, 436, 462, 552, 554
Гарибальди (Garibaldi), жена двоюродного брата Гарибальди II 212, 218, 258, 259, 426, 466
Гарибальди (Garibaldi), дети Дж. Гарибальди I 137
Гарибальди (Garibaldi), дети двоюродного брата Дж. Гарибальди II 466
Гаркушевский, знакомый Н.А. Шевелева I 258
Гартман Мориц (Hartmann M.) II 400
Гассельгорст Г. (Gasselgorst) II 295
Гауг Эрнст (Haug E.) I 32, 56, 57, 58, 67, 68, 79, 111, 129, 130, 132, 134, 138–144, 147, 148, 196, 200, 204; II 286, 577, 623, 631, 637
Гауке (Галка; Босак) Юзеф (Hauke-Bosak J.) I 278
Гаяр (Гейяр) Наполеон (Gaillard Napoleón) I 312, 313
Ге (урожд. Забелло; Забела) Анна Петровна I 278, 343; II 349, 350, 446
Ге Николай Николаевич I 63, 278, 343; II 330, 331, 336, 346, 348–350, 380, 415, 416, 428, 429, 441, 446, 447, 467, 471, 579, 597, 619
Гебер Жак – см. Эбер Ж.
Гегель Георг Вильгельм Фридрих (Hegel G.-W.-F.) I 149–156, 159, 164, 166, 171, 176, 177, 179, 184, 251; II 557–559, 561, 653, 655
Гедеонов Александр Михайлович I 549
Геерен Арнольд Герман Людвиг (Heeren A.-H.-L.) II 723
Гей-Люссак Жозеф-Луи (Gay-Lussac J.-L.) I 169
Гейден – см. Гайдн Ф.Й.
Гейне Генрих (Heine H.) I 73, 98, 99; II 400, 425, 667
Геккер Фридрих (Hecker F.) I 102

Гельмгольц Герман Людвиг (Helmgolz H.-L.) I 364
Генрих VIII (Henry VIII), король Англии I 160
Георг – см. Гервег Г.
Георг, г-жа – см. Гервег Э.
Георг Жорж (Georg G.) I 208, 328, 389, 390; II 130, 226, 230, 670, 764, 765
Гераков Павел Константинович I 337
Герард (Гебгардт) Иван Карлович I 347
Герасимов, жанд. полковник I 289
Герберт – см. Спенсер Г.
Гервег Адда (Herwegh A.) I 116, 656, 658; II 241, 270
Гервег Георг (Е.Ф., Егор Федорович; Herwegh G.) I 29, 31, 43, 45, 47, 48, 52, 57, 58, 67, 69, 72–78, 80, 96–117, 126–133, 138–143, 147, 192–195, 198, 200, 201, 427, 540, 541, 554–556, 575, 586, 588, 589, 629, 646, 649, 651, 656, 660–662, 664, 665, 670, 671; II 23, 120, 139, 149, 150, 156, 177, 178, 239–242, 244, 245, 247, 256, 258, 260, 278, 400, 489, 495, 576, 577, 613, 620, 623, 625–628, 636–638, 677, 762
Гервег Горас (Herwegh H.) I 115, 116, 644, 646, 656, 658; II 241, 270
Гервег (урожд. Зигмунт; Зигмунд) Эмма (Георг, г-жа; Herwegh E.; Siegmunt; Siegmund) I 72, 73, 97–105, 107–116, 126–128, 132–134, 138, 142, 143, 147, 192, 194, 541, 555, 556, 569, 589, 628, 629, 646, 651, 654, 656; II 10, 19, 21, 241, 245, 246, 270, 287, 625, 674, 677, 762
Гервеги (Herwegh), дети I 72, 103, 192
Гервеги (Herwegh) I 644, 656, 663; II 10, 623
Герих, г-жа II 634
Герман, дрезд. знакомый Таты Герцен II 504, 505
Герман Николай Семенович I 322
Геродот II 651
Герцен Александр Александрович (Алекс, Александр II, Саша, Синк, Шушка) I 61,62, 76–80, 83, 85, 88, 89, 116, 121, 134–138, 144, 186, 188, 192, 193, 198–204, 206, 209–212, 220–223, 225–233, 237, 238, 244–246, 316, 350–435, 438, 443, 444, 451, 453–457, 459, 461, 462, 464, 465, 473, 474, 481, 482, 484–487, 490, 492, 495, 496, 538–541, 544–550, 552–554, 556, 557, 559, 560, 563–565, 567, 568, 570, 571, 574, 578, 580–583, 598–603, 606–608, 610–621, 624, 627, 630, 636–638, 641–644, 646, 649, 651, 652, 654, 657, 658, 664, 671–677; II 5, 12, 14, 19, 21, 22, 24, 27, 33, 34, 36, 41, 42, 44–46, 50, 53, 55, 57–60, 62, 63, 69, 70, 76, 78, 80, 82, 84, 89, 92, 94, 100–102, 108, 110, 111, 116, 119, 120, 127–131, 135, 141, 144–151, 153, 156, 161, 190–195, 201, 202, 211, 212, 214, 217, 218, 223–226, 228, 229, 231, 233–236, 238, 239, 241, 242, 244, 245, 247, 253, 257–259, 261, 270, 272, 275, 276, 280–324, 326, 332, 335, 339–342, 345, 347–349, 351, 356, 357, 362–366, 368–370, 372–374, 377, 379, 380, 383, 393–398, 400, 402, 403, 406–423, 425, 427–429, 434–440, 442–451, 453–457, 461, 462, 464, 466–471, 473–481, 485, 487–495, 500–507, 509–521, 523–525, 529–536, 541, 544, 545, 547–551, 553–555, 566, 567, 573, 575, 577, 579, 581, 591, 593, 604, 606, 611–613, 615, 617, 619, 621, 624–626, 628, 633, 636–638, 641, 642, 644–648, 661, 671–673, 682, 687, 688, 738, 768, 774–776
Герцен Александр Александрович (Александр III, Тутс, Alexandre III) I 360, 361, 363–365, 367–370, 372–385, 387–390, 392, 394, 395, 397, 398, 402, 403, 405, 407, 408, 410, 414, 420–421, 425, 428, 429, 431, 450, 451, 453–457, 459, 464, 486, 487; II 127, 128, 145, 153, 211, 212, 216, 217, 253, 273, 294, 296, 312, 316, 317, 322–324, 345, 456, 467, 470, 475, 540, 581, 611, 612, 621
Герцен Алексей Александрович (Бой, Бойка, Леля-бой; Lela-boy) I 68, 211, 212, 364, 437, 446, 447, 465, 472–474; II 61, 64, 67, 68, 104, 107, 109–111, 114, 118–120, 131, 136–138, 152, 159, 167, 168, 176, 187, 189, 206, 218, 238, 252, 257, 263, 272, 274, 281, 307, 313, 351, 373, 374, 398, 403, 404, 482, 483, 509, 510, 515–518, 521, 537, 545, 554, 762
Герцен Алексей Александрович, внук I 389–391, 401, 429; II 296, 324
Герцен Владимир Александрович, сын I 134, 137; II 242, 246, 270
Герцен Владимир Александрович, внук I 238, 244, 246, 384, 385, 389–392, 429, 455, 457; II 62, 63, 282, 296, 312, 316, 317, 324, 467, 471–475, 485, 486, 491, 492, 530, 531, 621
Герцен Гуго (Уго) I 426, 427; II 296, 324
Герцен Егор (Георгий) Иванович (Жорж) I 497, 498, 500, 510, 511, 513, 515, 529, 530, 536, 594, 628–630, 638; II 44, 327, 364, 480, 530–532, 577, 578, 590–592, 594, 601, 602, 621, 622, 627, 712, 770
Герцен Елена Александровна (Дыка, Леля, Лелягерл, Lela-girl) I 68, 211, 212, 367, 437, 445–447 465, 472–475; II 61, 64, 67, 68, 104, 106, 107, 109–111, 113, 114, 116–120, 135–138, 149, 152, 158, 160, 167, 168, 176, 177, 185–187, 189, 190, 206, 215, 218, 223, 238, 252, 257, 259, 263, 272, 274, 281, 313, 351, 373, 374, 398, 403, 404, 472, 483, 521, 537, 554, 762
Герцен (урожд. Зоти) Елена Михайловна (Лота) II 613, 632, 633
Герцен Елизавета Александровна (Лиза, Лика; 1845) I 550, 551, 553, 623; II 244, 271, 592
Герцен Елизавета Александровна (Зеночек, Каракозочка, Лиза) I 62, 77, 78, 199, 202, 211–215, 218–221, 223, 225–227, 229, 230, 232, 235–238, 240, 243, 350, 356, 365, 367, 368, 370, 371, 373–375, 380–382, 386, 387, 391, 392, 394, 395, 397, 398, 401, 402, 407, 412, 414, 417, 419–423, 425, 426, 437, 440, 443, 445–455, 461, 462, 467, 469, 473–476, 483–488, 494, 495; II 9, 28, 49, 50, 52–55, 57, 69, 74–78, 80–92, 94, 96–105, 109, 110, 112–114, 117–124, 128–130, 134, 137, 144–146, 149, 151, 152, 156–164, 166–177, 179–182, 184–191, 193–213, 215–220, 222–224, 228, 229, 231, 233, 236, 238, 252, 257, 260, 262, 263, 272–274, 277, 293, 294, 301, 302, 307, 308, 316–322, 324, 334, 337, 338, 345, 376, 377, 379–381, 383, 397, 398, 404, 408, 410, 414, 417, 419–424, 427, 429–433, 437, 438, 441, 445, 448, 450, 451, 453–461, 463–466, 468, 472–478, 481, 483–486, 493–495, 505, 507–509, 511, 513, 516, 517, 520–522, 525–527, 529–531, 532–537, 541, 544–555, 645–647, 666, 766
Герцен Иван Александрович (1841) I 25, 44, 581, 604, 606, 617; II 241, 569–570, 572, 573
Герцен Иван Александрович (1842) I 611, 612, 617; II 271, 574, 609
Герцен (урожд. Захарьина) Наталья Александровна (Наташа, Natalie) I 10–23, 25, 30, 32–34, 39–46, 48, 49, 52, 54, 57–60, 62–70, 73, 74, 76, 78, 80, 82–85, 87–92, 105–122, 124–127, 129–133, 135–138, 141–143, 145–147, 188, 189, 191–196, 199–203, 224–226, 231, 244, 350, 358, 362, 364,

368, 438, 483, 484, 511–514, 516, 535, 538, 539–677; II 5–25, 27, 29–34, 37, 65, 66, 69, 71, 92, 94, 97–99, 104–106, 108, 135, 141, 144, 149–151, 153–156, 199, 234, 235, 238, 239, 242–247, 251, 253, 254, 256, 258, 259, 262, 264, 269, 270, 272, 276, 280–289, 296–298, 303, 304, 313, 315, 324–326, 343, 348, 350, 377, 382, 383, 405, 406, 451, 456, 493, 499–501, 510, 512, 514, 517, 545, 563–572, 574, 576–578, 585, 587–588, 591, 592, 609, 619, 621–625, 629, 631, 633, 634, 659, 688, 711, 712, 718, 762, 768, 775

Герцен Наталья Александровна (1841) I 582, 605, 606, 611, 617; II 569, 572, 573

Герцен Наталья Александровна (Наташа,Тата, Таташа) I 24, 53, 62, 76–79, 81, 88, 89, 92, 94, 109, 122, 134, 135, 137, 138, 188, 189, 191, 193, 195, 198–200, 202–205, 208–210, 212, 215–220, 222–224, 226, 227, 229–233, 235–241, 244–246, 347, 350, 356, 360–362, 364, 365, 368, 371–374, 378–392, 394, 395, 397, 398, 400–403, 405–408, 410–412, 414, 417, 418, 420, 422–431, 433, 435, 437–465, 473–477, 482–487, 493, 496, 539, 547, 550–553, 555–557, 559, 564, 565, 568, 569, 571, 574, 576, 577, 619–621, 623, 625–627, 629, 634, 636, 637, 639, 643, 646, 647, 651, 652, 654, 656–658, 664, 671–677; II 14, 22, 25, 27, 32, 33, 37, 42–44, 50, 52, 53, 56–63, 65, 68–72, 75, 76, 78–81, 84, 85, 88, 92, 94, 96, 101, 105, 106, 108–113, 118–124, 127, 129, 131, 134, 135, 137–140, 142, 144–146, 151, 153, 160, 168–172, 174, 175, 177, 178, 181, 184, 187, 189–194, 200, 203, 204, 206, 208, 209, 213–215, 217–220, 222–229, 231, 233, 235–237, 239–241, 244, 245, 252, 255, 256, 258–263, 265–268, 271, 273–277, 280, 281, 284–286, 291–298, 302–309, 312–317, 320–323, 326, 327, 329–538, 541–543, 545–548, 550–555, 564, 574, 577–582, 586, 589–594, 596–599, 601, 603, 604, 606, 607, 611, 615–621, 624, 625, 630, 634, 638, 641, 642, 645–648, 652, 657, 658, 661–663, 666, 667, 670, 672, 673, 738, 766–768

Герцен Наталья Петровна, правнучка I 482; II 555, 774–779

Герцен (в замуж. Корназ; Cornaz) Нелла I 428; II 296

Герцен (урожд. Куросад) Нелли Юльевна II 768

Герцен (в замуж. Эрман; Erman) Нерина Александровна (Нелла) I 421, 429; II 153, 274, 296, 542, 594, 615

Герцен Николай Александрович (Коля), сын I 59, 61, 76, 89, 110, 112, 120–122, 124, 125, 189, 190, 192, 194, 538, 550, 551, 553, 559, 563, 564, 567, 568, 570, 574, 586, 616, 617, 622, 623, 627, 629, 630, 633, 636, 637, 639, 643, 646, 654, 656, 662, 664, 670–672, 675, 676; II 23, 24, 27, 30, 31, 33, 56, 164, 243–245, 256, 257, 271, 281, 284, 297–299, 324–328, 495, 512, 570, 573, 575, 576, 581, 582, 587, 588, 592, 600, 605, 608, 609, 612, 613, 615, 620, 625, 631, 633, 688

Герцен Николай Александрович ("Русский", le Russe), внук I 56, 410–412, 429; II 265, 276, 293, 294, 296, 320, 322–324, 591, 607, 768

Герцен (в замуж. Моно; Monod) Ольга Александровна (Оля) I 62, 109, 122, 133, 135, 138, 188, 189, 195, 198–200, 203, 204, 206, 208–241, 246, 350, 356, 362, 364, 369–375, 378, 385, 386, 391, 398–400, 402–405, 407, 408, 410, 411, 415, 417, 418, 420, 422, 425, 426, 429–431, 443–447, 449–451, 453–457, 461, 463, 465, 467, 473, 474, 477, 478, 480–482, 493–496, 556, 557, 559–561, 564, 568, 572, 652, 659, 660, 671, 672, 674–676; II 25, 32, 37, 38, 42–44, 46, 48, 50, 52, 57–62, 65, 66, 69, 70, 72, 75, 76, 80, 83, 85, 94, 108–111, 113, 114, 116, 120, 121, 123, 127, 128, 133–135, 142, 144, 146, 151, 161, 165, 166, 170, 181, 185, 191, 192, 204, 205, 207, 215, 217, 218, 220, 222, 223, 230, 234, 236, 238, 239, 241, 245, 246, 258–262, 274–276, 278, 280, 293, 294, 299, 302, 308, 312, 314–317, 320–322, 330, 334, 335, 338–340, 342, 343, 345, 348–355, 360–366, 369–370, 372–378, 380, 383–386, 389, 392–396, 398, 400–402, 404, 406–408, 413–418, 420–422, 424–440, 442–444, 446–453, 457, 462–479, 484–486, 495, 501, 503, 505–508, 510–512, 514, 516–521, 523, 525, 526–531, 534–545, 547, 549, 551, 553, 574, 576, 577, 581, 597, 604, 623–625, 631, 634, 635, 641, 643–651, 653, 654, 656–673, 738, 762

Герцен Ольга Александровна, внучка I 400, 401, 404, 407, 429; II 296

Герцен Петр Александрович (Пьер) I 395–397, 401, 429; II 268, 294–296, 322, 324, 494, 581, 590, 613, 615, 617, 619, 631–633, 768

Герцен Серж I 601

Герцен (урожд. Феличи; Felici) Терезина I 188, 223, 224, 231, 232, 234, 244–246, 376–382, 384, 385, 387, 389–395, 397, 398, 404, 408, 410–415, 417, 419, 421, 424–429, 431–434, 450, 451, 455, 456; II 62, 63, 128, 265, 276, 278, 294–296, 303, 307, 316, 317, 322, 323, 332, 434, 435, 438, 439, 442, 443, 445–448, 450, 455, 464–466, 468, 470–474, 478, 481, 529–532, 542, 548, 553, 554, 590, 591, 671

Герцен Эдуард Александрович I 431; II 296, 323, 324

Герцен-Моно Э. – см. Моно-Герцен Э.

Герцены, дети I 33, 34, 73, 81, 85, 87, 88, 103, 107, 109–111, 113, 119–122, 129, 130, 135, 136, 194, 201, 229, 365, 465, 492, 540, 541, 543, 545, 547, 551, 555, 556, 559–561, 563, 565, 566, 568–573, 575, 576, 586, 589, 622, 623, 627, 637, 640, 642, 648–650, 654, 657, 658, 660–662, 664, 666, 670, 671; II 5, 15, 22, 26, 28, 34, 40, 42, 52–54, 62, 65–69, 71, 74, 82–85, 90, 92, 96, 99, 102, 105, 107, 108, 110, 112, 116, 138, 142, 144–146, 150, 154, 156, 161, 165, 166, 181, 187, 193, 222, 226, 231, 233, 235, 239–241, 244, 245, 247, 248, 256, 259, 274, 276, 280, 281, 301, 307, 312, 319, 320, 493, 495, 517, 546, 547, 565, 573, 574, 578, 581, 606, 623–626, 642, 643, 645, 647, 659, 664

Герцены, дети А.А. Герцена I 356, 394, 399, 408, 410–415, 417, 419–420, 424–426, 428, 430, 431–434, 492; II 144, 145, 293, 322, 323, 535, 590, 673

Герцены, семья I 89, 126, 145, 178, 217, 364, 529, 561, 568, 644, 660; II 9, 11, 15, 24, 27, 43, 92, 94, 173, 224, 226, 241, 244, 264, 273, 281, 312, 315, 329, 334, 353, 363, 383, 400, 565, 576, 580, 590, 603, 612, 624, 627, 633, 643, 644, 647, 660, 671, 675

Герцены, семья А.А. Герцена II 303, 323, 606, 673, 768

Герцены, семья И.А. Яковлева – см. Яковлевы

Гершензон Михаил Осипович I 186, 360, 430, 433, 663; II 65, 68, 69, 138, 547, 554, 617, 625, 626

Герье Владимир Иванович II 357, 383, 502, 628

Герье (урожд. Токарева) Евдокия Ивановна (Душа) II 338, 340, 502, 504, 505, 507, 508, 510, 518, 523

Гете Иоганн Вольфганг (Goethe J.-W.) I 9, 21, 54, 93, 98, 99, 164, 175, 176, 178, 179, 182, 203, 210, 216, 559; II 284, 559, 649, 655, 667, 726

Гётсон Шарлотта (Hetson Ch.) I 355–357, 360, 365, 367–369, 372–376, 378, 389, 390; II 211, 212, 214, 215, 253, 273, 296, 316, 456
Гиждеу Сергей Павлович I 188, 204–206; II 469, 534–543, 639–673
Гизо Франсуа-Пьер-Гийом (Cuizot F.-R.-G.) II 374
Гийо (Гюйо) Жак (Guiaud J.) I 572, 573; II 271
Гиллельсон Максим Исаакович II 726
Гиллер Агатон (Giller A.) II 707
Гильдич Э. (Hildisch), врач I 395, 396
Гильмен А. (Guillemin A.) II 465, 466
Гильтербрандт (Гильдербрандт) Федор Андреевич I 511–513, 517, 525, 536
Гинзбург Лидия Яковлевна I 7–54, 76, 80, 184, 528, 537, 587, 591; II 271, 741
Гиппократ II 696
Гладкова Людмила Викторовна II 502
Глазенап Сергей Павлович I 428
Глебов Иван Тимофеевич II 287
Глен Александр фон (Glehn A. von) I 325, 484–487
Глинка Борис Григорьевич I 546, 547
Гобер (Gaubert), гравер I 586
Гогарт Вильям (Hogart W.) I 444
Гоголь Николай Васильевич I 323, 348; II 84, 285, 357, 500, 548, 574, 597, 598, 601
Голенищев-Кутузов Павел Иванович, кн. I 499
Голицын Владимир Михайлович, кн. I 536
Голицын Дмитрий Васильевич, кн. I 510, 518; II 717, 719
Голицын Сергей Михайлович, кн. I 510, 517; II 718
Голицын (Голицин) Юрий Николаевич, кн. II 341, 508, 753, 756
Голицына (рожд. Зайцева; по второму мужу Якоби) Варвара Александровна, кн. II 164, 420
Голицына Мария Сергеевна, кн. II 715
Голлач Август, аптекарь I 265
Головачев, моск. педагог II 165
Головин Иван Гаврилович I 128, 558–560, 565, 567, 570, 572, 574, 577
Голохвастов Дмитрий Дмитриевич I 367, 519–521, 523, 529, 530–533, 536; II 526, 532, 712
Голохвастов Дмитрий Павлович I 51, 52, 497, 521, 523, 529, 535, 536, 605, 607; II 283, 526, 532, 712
Голохвастов Николай Павлович I 502, 503, 505, 506, 525
Голохвастов Павел Дмитриевич I 520, 536; II 526, 532
Голохвастов Павел Иванович I 530, 532; II 712
Голохвастова (урожд. Яковлева) Елизавета Алексеевна I 532; II 711, 712
Голохвастова Зинаида Николаевна II 532
Голохвастовы I 520, 535
Голуа-Лардеш (Goloy-Lardèche) I 216, 218
Голуховский Агенор (Goluchowski A.) I 253
Гольбейн (Хольбейн) Ханс Младший (Holbein H.) I 441
Гольдман Эмма II 594, 595
Гольдсмит Исидор Альбертович I 428
Гольцев Виктор Александрович I 79
Гольштейн-Готорны (Golstein-Hottorn) (династия) II 696
Голынский Александр Викентьевич I 373; II 201
Гомер I 151, 164
Гомулицкий Юлиуш В. (Gomulicki J.-W.) II 676
Гончаренко Андрей (о. Агапий; Агафий) I 275, 343, 351, 402, 403, 405
Гончаров Иван Александрович II 477
Гончаров Осип Семенович I 242; II 704
Горбунов Кирилл Антонович I 580, 581, 604, 619, 620, 622, 632; II 33, 34, 255, 568, 569, 576, 578, 624, 626
Горн Игнатий Эдуард (Horn I.-E.) II 454
Горностаев Алексей Максимович I 586
Гортунг Ж.-М., художник II 406
Горчаков Александр Михайлович, кн. I 249, 250, 314; II 110, 732, 733, 735, 748
Горчаков Михаил Дмитриевич I 249, 250; II 732, 733
Горький Максим (наст. имя и фам. Пешков Алексей Максимович) II 605, 606, 608, 612, 614
Гоукс-Вентури (урожд. Ашерст) Эмилия (Вентури Э.; Hawkes-Venturi; Ashurst) II 120
Гофман Август Вильгельм (Hoffmann A.-W.) II 287
Гофман Карл Карлович II 302, 504, 505
Гофман Эрнст Теодор Амадей (Hoffmann E.-T.-A.) II 329, 340
Гофман (Hoffmann), издатель II 641, 644, 700
Гош (Ош) Луи-Лазар (Hoche L.-L.) II 398
Гошар (Gauchard), гравер II 354
Гранка – см. Грановский Т.Н.
Грановская (урожд. Мюльгаузен) Елизавета Богдановна I 585, 591, 613, 614, 616–618, 629, 633, 634, 637–639, 641; II 19, 26, 56, 240, 244, 254–256, 271, 495, 570, 579, 589
Грановский Тимофей Николаевич (Гранка) I 39, 49, 152, 154, 181, 540, 545, 546, 548, 552, 569, 570, 583, 585, 591, 616, 618–620, 622–626, 629, 634, 636, 638, 640, 641, 651, 654, 657, 668; II 19, 21, 47, 56, 93, 244, 251, 254–257, 282, 284, 326, 505, 519, 561–563, 570, 571, 574, 579, 587, 612, 624, 625, 769
Грановские I 85, 583, 616, 624, 625; II 49, 574, 589, 612, 616
Грант Роберт Эдвард (Grant R.-E.) II 287
Грант-Дафф Монстюарт Эльфинстон (Grant-Duff M.-E.) II 360
Грант-Дафф (Grant-Daff), жена Грант-Даффа М.-Э. II 358, 360
Грант-Даффы (Grant-Duff) II 309, 358, 360
Грасовский (Грацовский), врач I 274, 275
Грасс Андреас Филипп (Grass A.-Ph.) II 263, 277
Грегорио Константино (Константин) (Gregorio C.) I 197
Грегоровиус Фердинанд Адольф (Gregorovius F.-A.) II 262, 276, 355–357, 359, 361–362, 367, 369, 371, 375, 379, 380, 395, 397, 399–401
Грекова Ирина Афанасьевна II 93
Грение (Гренье; Grenier) II 453, 454
Греч Николай Иванович I 569
Грибоедов Александр Сергеевич II 285, 571
Грив Александр Иванович I 565, 567
Григорьев Алексей Львович I 349
Григорьев Аполлон Александрович I 182, 185
Гризи Джулия (Grisi G.) I 226
Гриц Теодор Соломонович II 598
Грицман Юрий Яковлевич II 296
Гров Вильям Роберт (Grove W.-R.) II 55
Гросслих А. II 295
Гросул Владислав Якимович I 343
Грот Яков Карлович I 270
Грофье (Grofier), директор тюрьмы I 311
Грудзинская Иоанна, гр. I 334
Грюн Карл (Grün K.) II 400
Губарев, казак I 265
Губер Федор Иванович I 548

Губер Эдуард Иванович I 150, 152, 184
Гуго – см. Шифф Г.
Гулевич Мария Ардалионовна I 234
Гулевич (Зрачков, Дальмер, Dalmer) Михаил Семенович I 234, 235, 488; II 451
Гумбольдт Александр (Humboldt A.) I 99, 142; II 550
Гуно Шарль (Gounod Ch.) I 221, 222
Гурвич С.Д. – см. Лицинер С.Д.
Гурко М. – см. Салиас де Турнемир М.А.
Гуровский Адам (Gurowski A.) II 674, 684–686, 710
Гурьянов Василий Петрович II 730
Гюго Виктор-Мари (Hugo V.-M.) I 12, 19, 147, 210, 460, 562, 563; II 67, 97, 98, 106, 286, 546, 679, 726
Гюго Шарль-Виктор (Hugo Ch.-V.) I 563; II 682
Гюйо – см. Гийо Ж.

Давид (David), женев. корректор I 478
Давыдов Александр Петрович I 303–306, 423, 424, 464, 486, 487
Давыдов Денис Васильевич I 502, 503, 526, 527, 533
Давыдов Иван Иванович II 723
Даль Владимир Иванович I 333, 340, 342
Даль Лев Владимирович II 348, 350, 376, 377, 383
Дальмер – см. Гулевич М.С.
Дальский (Dalski), участник Парижской коммуны I 308, 309
Дамико (Damico), адмирал II 467
Данила, слуга I 623
Данте Алигьери (Dante A.) I 338; II 361, 406, 407
Дантес (д'Антес) Жорж-Шарль, барон Геккерн (Dantès; d'Anthès G.-Ch.; Heckern) I 129
Дантон Жорж-Жак (Danton G.-J.) II 330, 441, 442
Дантю Эдуард-Анри-Жюстен (Dentu E.-H.-J.) I 235
Дарвин Чарлз Роберт (Darwin Ch.-R.) I 234; II 178, 292, 550
Дарго Жан-Мари (Dargaud J.-M.) I 223; II 218, 440, 454
Дарья (Дашка) ⟨?⟩ – см. Катерина, горничная в семье Герцена
Дашкова Екатерина Романовна, кн. I 331, 498; II 603, 604, 751
Девиль Амедей-Франс (Deville A.-F.) I 196; II 49, 50, 78, 79, 97, 287, 451
Декандоль Альфонс (de Candolle A.) I 625, 626
Декарт Рене (Descartes R.) I 179
Де Куинси (Де Квинси) Томас (De Quincey T.) II 682
Делавинь Жермен (Delavigne J.) I 364
Делаво Анри (Ипполит; Delaveau H.) I 235, 253; II 461, 502
Деларош Поль (Delaroche P.) II 367
Делбек, ницкий знакомый Герцена II 206, 209
Делла-Рокка II 679
Дельвиг (в замуж. Викулина) Александра Ивановна I 621
Дельвиг Андрей Иванович I 621; II 48
Дельвиг Антон Антонович I 499; II 179
Дель-Онгаро Франческо (Dell'Ongaro F.) II 349
Дембинский Генрик (Dembiński H.) II 674, 686, 687
Демерт Николай Александрович I 315, 324
Демидов Анатолий Николаевич, кн. Сан-Донато II 393
Демидова Матильда – см. Монфор М. де
Демонтович Юзеф Блажей (Demontowicz J.-B.) I 361, 362; II 290, 355
Депп Ф.Ф., врач I 611
Державин Гаврила Романович I 166, 178
Деспот-Зенович Александр Иванович II 263
Деспот-Зенович (урожд. Тучкова) Мария Алексеевна II 16, 29, 57, 58, 63, 161, 213, 244, 571
Дефо Даниель (Defoe D.) II 340
Джарá Марианна (Giarra M.) II 346, 348, 350, 352, 393, 434
Дженкинс Эдвард (Jenkins E.) I 415
Дженни (Женни), горничная II 75, 76, 78, 83
Джилиоли II 551
Джон сэр (John Sir) – см. Пальмерстон Г.-Дж.-Т.
Джорца Паоло (Giorza P.) I 222
Диан I 283
Дидо Фирмен (Didot F.) II 733
Дидригсон (Diedrigson) II 369, 370, 373
Дидро Дени (Diderot D.) I 498; II 398
Диккенс Чарлз (Dickens Ch.) I 459; II 45, 129, 357
Динесман Татьяна Георгиевна I 6; II 774–781
Дицген Иосиф (Dietzgen J.) I 357
Дмитриев Иван Иванович I 499, 502, 503, 517, 526, 535
Дмитриев Михаил Александрович II 556
Дмитриева (урожд. Кушелева; в замуж. Тимановская) Елизавета Лукинична I 399
Дмитриев-Мамонов Эммануил Александрович II 366
Добржанский (Добрянский) Адольф I 336, 338
Добролюбов Николай Александрович I 33, 300; II 36, 702
Добрянский – см. Добржанский А.
Довгалло Галина Ивановна II 511
Довиат (Dowiat), знакомый Герцена I 94, 95
Долгоруков Алексей Алексеевич, кн. I 498
Долгоруков Василий Андреевич, кн. I 207; II 100, 101, 732–739, 753, 757, 758
Долгоруков Владимир Петрович, I 489; II 220
Долгоруков Петр Владимирович, кн. I 252, 294, 341, 350, 369, 452, 488, 489, 535; II 164, 165, 186, 212, 219, 220, 306, 363, 409, 419, 421, 430, 436, 440, 447, 529, 754, 755
Дольфи (Долфи) Джузеппе (Dolfi G.) II 350, 351, 477, 478
Домагальский Михаил (Domagalski M.) II 286
Доманже Жозеф-Жан-Мари (Домангай; Domangé J.-J.-M.) I 223, 227–229; II 286, 300, 312, 339, 415, 416, 435–438, 453, 472, 473
Домбровская (урожд. Згличинская) Пелагия (Dombrowska P.) I 309
Домбровский Ярослав (Domhrowski J.) I 306–310, 312, 347; II 706
Домгер Людвиг-Л. (Domher L.-L.) II 25
Домерг А. (Domergue A.) I 536
Дондуков-Корсаков Алексей Михайлович, кн. II 598
Достоевский Федор Михайлович I 45, 49, 50, 204–206, 325, 335, 339, 355, 356; II 155, 158, 296, 309, 544, 554, 768
Дохтуров Дмитрий Сергеевич I 499
Драгоманов Михаил Петрович II 605
Дрейфус Альфред (Dreyfus A.) II 535, 650
Дрепер Джон Уильям (Draper J.-W.) II 452
Дроздовский I 309
Дрыжакова Елена Николаевна II 309, 730
Дубельт (Дуппельт) Леонтий Васильевич I 42, 188, 549; II 243
Дубовиков Алексей Николаевич I 54, 191, 357, 490, 492, 520, 531, 536, 537; II 24, 151, 562, 772
Дуйс (Douis), домовладелец I 31, 123, 144, 145; II 343, 513, 514
Дурасов Егор Александрович I 499
Дуров Сергей Федорович I 335

Дýша – см. Герье Е.И.
Дьяков Владимир Анатольевич I 340; II 709
Дю Бризе (Du Brizet), франц. врач II 237
Дюков Петр Андреевич I 339, 349
Дюма Александр-отец (Dumas A.-pere) I 95; II 726
Дюма Александр-сын (Dumas A.-fils) II 428
Дюссожье Марк (Dussogier M.) I 555, 556

Европеус Александр Иванович II 219, 220, 437, 755
Европеус Павел Иванович II 220
Европеус Эмилия Вильямовна II 219, 220, 753–758
Европеусы II 219, 220
Егор Федорович (Е.Ф.) – см. Гервег Г.
Егоровна – см. Жеоржина, горничная
Екатерина, св. великомученица II 248
Екатерина II, императрица I 188, 248, 250, 331–333, 497–499, 508, 515, 516, 536; II 711, 750, 751
Елагин Алексей Андреевич II 556
Елагина (урожд. Юшкова, по первому мужу Киреевская) Авдотья Петровна II 556, 562
Елагина Елизавета Алексеевна II 325, 556
Елагина Мария Васильевна II 564, 566
Елизавета (Elisabeth), горничная II 200, 201, 206, 208, 210, 211, 221, 427, 428, 431, 459, 461
Елизавета Петровна (Елизавета), императрица I 330, 331, 515; II 696
Елисеев Григорий Захарович II 175
Елпидин Михаил Константинович – см. Элпидин М.К.
Емеля, крепостной I 572
Енгель – см. Энгельсон В.А.
Енюша – см. Корш Е.Е.
Ергарт (Ergardt), врач II 538
Ергин Александр Федорович I 278
Ермолов Алексей Петрович I 502, 503
Ермолов Михаил Александрович II 717
Ермолов Федор Александрович II 717
Ермолова Елизавета Михайловна II 713–715
Ермонова II 373
Ерсилия (Ersilia) II 401, 518, 537
Е.Ф. – см. Гервег Г.

Жабицкий Антоний (Żabicki A.) II 677–679, 708
Жак (Бонне Жакопо; Jacques; Bonnet Jacopo), слуга I 211
Жандр, поручик I 264
Жанна д'Арк (Иоанна д'Арк; Jeanne d'Arc) II 239
Жаннета (Jeannette), горничная Гервегов I 115
Жан Поль (наст. имя и фам. – Рихтер Иоганн Пауль Фридрих; Richter J.-P.-F.) I 164, 167; II 726
Желвакова Ирина Александровна I 186, 187, 350, 438, 442, 465, 482–488, 537; II 5, 24–64, 144, 151, 204, 274, 534–555, 584
Железнов Михаил Иванович II 429
Желудков Иван – см. Кельсиев В.И.
Жеманов Семен Яковлевич I 291, 293–296, 299, 300, 302, 304–306, 308, 345, 347
Жемчужников Алексей Михайлович II 383
Жемчужников Аполлон Аполлонович II 208
Жемчужников Аполлон Николаевич II 169, 170, 175, 185, 186, 522, 524
Жемчужников Владимир Михайлович II 383
Жемчужников Николай Аполлонович II 170
Жемчужников Николай Михайлович II 382, 383
Жемчужникова (урожд. Колокольцева) Надежда Дмитриевна II 170
Жемчужниковы, братья II 208
Женевра (Genevra) II 401, 518
Женни – см. Дженни, горничная
Женни (Jenny), преподаватель рисования II 209, 210
Жеоржина (Джей, Егоровна, Жоржина; Georgina), горничная I 212; II 103, 344, 346, 348, 352, 368, 372, 374–376, 379, 383, 385, 386, 512, 536
Жеребцова (урожд. Зубова) Ольга Александровна I 188, 189, 498–500, 514, 517, 535, 548, 552
Жером Бонапарт (Jérome Bonaparte) II 639
Житомирская Сарра Владимировна I 54, 63, 71, 76–79, 104, 140, 149, 159–185, 347, 535, 590; II 28, 296, 496, 501, 502
Жихонь Ф., польский эмигрант I 411, 412, 414
Жорж – см. Герцен Е.А.
Жоттран Люсьен-Леопольд (Jotterand L.-L.) II 684
Жуковская (урожд. Зиновьева) Ада Степановна II 410
Жуковский Василий Андреевич I 78, 166, 178, 415, 417, 434, 499, 517; II 382, 383, 566
Жуковский Николай Иванович I 269, 270, 282, 284, 296, 345, 385, 386, 426, 488; II 177, 178, 185, 186, 410
Жуковский Павел Васильевич I 78, 81; II 382, 383
Жюли (Julie), служанка I 565; II 433, 434
Жюлия (Giulia), подруга Ольги Герцен II 537
Жюль (Jules), слуга I 445, 674, 676; II 103, 133, 178, 277, 340–342, 395, 396
Жюльвекур Поль (Julevécourt P.) I 192

Забелло (Забела) Александра Петровна II 349, 350
Забелло (Забела) Пармен Петрович I 278, 344, 430; II 238, 263, 270, 330, 346, 348–350, 355, 368, 435, 436, 446, 447, 628
Закревский Арсений Андреевич I 278
Залеский Бронислав (Zaleski B.) I 188, 243, 244; II 708
Залесский, таможенный чиновник I 346
Замятин Александр Гаврилович I 517
Засядко Дмитрий Александрович I 546, 551; II 609, 612, 622
Захарьин Александр Захарович II 711
Захарьин Павел Александрович II 592, 711
Захарьин Петр Александрович (Петруша, Петрофуф) I 545, 548, 552, 598–600; II 13, 15, 33, 303, 304, 311, 312, 342, 439, 449, 451, 585, 711
Захарьина (урожд. Фролова) Аксинья Ивановна (Ксения) I 49; II 242, 271, 586, 711
Захарьина (в замуж. Селина) Екатерина Александровна (Катинька) I 598–601; II 566, 572, 585, 586, 711
Захарьина Елена Александровна (?) I 628, 629
Захарьина Мария Александровна II 711
Захарьина Марфа Александровна II 711
Захарьина Наталья Александровна – см. Герцен Н.А.
Захарьина (в замуж. Семичева) Софья Александровна II 591, 592, 593
Захарьины, боярский род II 721
Збруев Алексей Алексеевич II 725
Звигильский Александр (Zviguilski A.) I 188, 204–208, 211–241, 244–246
Зебеки, знакомые Таты Герцен II 504–508
Зегерт II 325
Зедергольм Карл I 185
Зенкович Леон (Zienkowicz L.) II 677, 678, 708, 710
Зигмунт (Зигмунд; Siegmunt; Siegmund), отец Э. Гервег I 105

Зигмунт Эмма – см. Гервег Э.
Зизи – см. Рист Ж.
Зильберштейн Илья Самойлович II 714
Зильберштейн Яков Аркадьевич I 147
Зимина Валентина Григорьевна I 539–577, 612
Золотусский Игорь Петрович II 598
Золя Эмиль (Zola E.) II 650
Зонненберг Карл Иванович I 549; II 249, 627, 716, 770
Зубков Василий Петрович I 57
Зубов Платон Александрович, гр., фаворит Екатерины II I 188, 498
Зубов Платон Александрович I 238
Зубова Вера Сергеевна – см. Плаутина В.С.
Зябловский, священник I 265, 346

Иван Иванович, корреспондент Н.А. Шевелева I 277, 279
Иван Осипович II 143
Иваненко Александр Михайлович II 723, 730
Иваненко Андрей Михайлович II 723, 724, 730
Иваненко Анна Михайловна II 730
Иваненко Екатерина Михайловна II 730
Иваненко Елизавета Михайловна II 730
Иваненко Михаил Моисеевич II 723
Иваненко Моисей Иванович II 722–731
Иванов Александр Андреевич II 597, 598
Иванов Иван Иванович I 279, 306, 344, 437; II 501
Иванов Степан, крестьянин II 165
Иванов Федор, крестьянин II 165
Иванов-Разумник (наст. фам. Иванов) Разумник Васильевич II 573
Ивашев Василий Петрович I 44, 192, 629
Ивашева (урожд. Ле-Дантю; Le Dentu) Камила Петровна I 44, 629
Ивашкевич Ярослав (Iwaszkiewicz J.) II 705, 709
Игнатий – см. Худяков И.А.
Ида II 466
Ижболдин Иван Алексеевич (Сибулдин) I 268, 318–323, 348
Ижболдина Анна Николаевна I 318, 322
Изабелла II (Izabel II), исп. королева II 455
Иисус Христос I 98, 293, 299, 342, 345, 364, 392, 544, 656; II 28, 59, 135, 170, 286, 353, 479, 539
Иловайский Иван Дмитриевич I 8, 523, 528
Иловайский, монах I 275
Ильинская, домовладелица I 271, 284
Ильяшенко, знакомый Н.А. Шевелева I 267
И.М. – см. Мейер Ю.
Иноземцев Федор Иванович I 618
Иоанн VI Антонович, император I 331
Иоанн Богослов, св. апостол и евангелист I 18, 345, 364, 546; II 271
Иоанн (Иван) IV Васильевич Грозный I 329, 330; II 276
Иоанн Креститель II 349
Иовский Александр Алексеевич II 770
Ионин А. I 313
Иосиф (библ.) I 382, 383; II 100
Иосиф III (Joseph III) римско-герм. император I 241
Ираклий – см. Стасов В.В. (?)
Итенберг Борис Самойлович I 185
Иуда Искариот I 19, 342
Ишутин Николай Андреевич II 197, 759

Йордан Зыгмунт (Jordan S.) I 242; II 704, 710

Кавелин Константин Дмитриевич I 183, 546, 552, 553, 627–630, 634, 638; II 13–16, 19, 35, 36, 75–78, 244, 570, 574, 577, 587
Кавелина (урожд. Корш) Антонина Федоровна I 553, 629, 638, 641
Кавелины I 585, 628, 634, 641
Кавеньяк Луи-Эжен (Каваньяк, Cavaignac L.-E.) I 29, 87
Каверин Павел Никитич I 499
Кавур Камилло Бенсо (Cavour C.-B.) II 660
Кадо Мишель (Cadot M.) I 208
Каин (библ.) II 262
Калам Александр (Calame A.) II 306
Калидаса I 216
Калинка Валериан (Kalinka W.) I 242
Кало Карл Иванович II 374, 376
Кальдерон де ла Барка Педро (Calderon de la Barca P.) II 401, 402
Камель, домовладелец I 549
Каменский Михаил Федорович II 446
Каменский Федор Федорович II 446
Кампе Юлиус (Campe J.), издатель II 641, 644, 699, 700
Камперио Филиппо (Camperio F.) I 438; II 230
Канкрин Валерий Егорович I 352, 392
Кант Иммануил (Kant I.) II 559
Кантор Рувим Моисеевич I 341; II 230
Капинос Станислав Владимирович I 350, 488–491
Капнист Александра Алексеевна II 382, 401, 402
Капнист Алексей Васильевич II 330, 382, 383
Капнист Дмитрий Алексеевич I 314
Капнист Мария Алексеевна II 382
Капнист Петр Алексеевич II 401, 402
Капнист Ульяна Дмитриевна II 383
Капп Фридрих (Каппенок; Kapp F.) I 574
Каппель Софья Федоровна I 548
Капцевич Петр Михайлович I 499
Каракалла (Caracalla), римский императора II 352, 353
Каракозов Дмитрий Владимирович I 252, 262, 267, 268, 300, 302, 321, 322, 476; II 188, 196, 197, 220, 413, 417, 433, 449, 523, 524, 759, 760
Карамзин Николай Михайлович I 166, 178, 499
Караччиоло Лаура (Caracciolo L.) II 451
Караччиоло Линда (Caracciolo L.) I 222, 223; II 434–436, 451, 668
Караччиоло (Caracciolo), брат Линды Караччиоло II 451, 452
Караччиоло (Caracciolo), жена брата Л. Караччиоло II 452
Каржа Этьен (Carjat E.) I 436
Карл I (Charles I), англ. король II 373, 453
Карл V (Charles V) II 395
Карл XII (Karl XII), шведский король I 362
Карл XV (Karl XV), шведский король I 361, 362
Карл Альберт (Carlo Alberto; Charles Albert) I 221, 222
Карлейль Томас (Carlyle T.) I 45; II 330, 441, 442, 548, 768
Карлушка – см. Рейхель К.А.
Карлье Пьер (Carlier P.) I 92
Карнаухова Мария Григорьевна I 339, 346, 349
Кароччи (Carocci), художник II 411, 479
Карре М. (Carre M.) итал. либретист I 222
Карус Карл Густав (Carus K.-G.) I 153
Касаткин Виктор Иванович I 234, 258, 342, 368; II 164, 400, 410, 418, 419, 421, 441, 442, 461, 710, 763, 765.

Касаткина Елизавета Васильевна I 233, 392, 396, 397; II 520, 521
Касаткина Ольга Викторовна I 456, 457
Касаткины II 186, 408
Кассий (Cassius) I 108
Катаев Иван Матвеевич I 557
Катерина? (Даша?), горничная в семье Герцена I 613; II 240, 241, 244, 247
Катерина, горничная II 102, 340, 341, 506
Катилина Луций Сергий (Catilina L.-S.) I 95
Катков Михаил Никифорович I 149, 152, 217, 236, 237, 241, 253, 254, 266; II 197, 198, 428
Катя – см. Владимирова Е.Л.
Кауфман (Kauffmann), издатель II 300, 301
Каффи (Кафи) Ипполито (Caffi I.) II 271
Каховский Петр Григорьевич I 334, 535
Кацнельсон Дора Борисовна II 709
Кашенцов Андрей Степанович II 770
Кашкин Николай Сергеевич I 158
Кашперов Владимир Никитич II 348, 350, 351, 393, 394
Кашперова (урожд. Бекетова) Адель Николаевна II 393, 394
Квантен Эмиль (Quanten E.) I 360, 361; II 290
Кевелев (Kewelew) – см. Шевелев Н.А.
Кедровский, семинарист I 347
Кейкуатов Владимир Андреевич I 317, 318
Кельсиев Василий Иванович (Вадим) I 217, 218, 243, 251, 254, 255, 291, 328, 342, 345, 355; II 106, 107, 166, 369, 428, 461
Кельсиев Иван Иванович II 428
Кельсиева (урожд. Щербакова) Варвара Тимофеевна II 106, 107, 166, 306, 307, 364, 365, 369
Кельсиева Мария Васильевна (Малуша, Маруся, Милуша) II 106, 107, 165, 166, 368, 369
Кельсиевы II 106
Кемниц (Kemnitz) таможенный чиновник I 264
Кемпе Федор Карлович I 318
Кеневич Стефан (Kieniewicz S.) II 679, 709
Керрос Альфред I 313
Керубини Луиджи (Cherubini L.) II 429, 443, 445
Керубини (Cherubini), дочь Л. Керубини II 443, 451
Кесслер Карл Федорович I 336
Кетчер Николай Христофорович (Кешка, Папенька-рыцарь) I 14, 22, 51, 118, 146, 149, 150, 152, 158, 181, 238, 239, 544, 548, 549, 552, 579, 583, 589, 591, 593, 595–597, 600, 605, 609, 611, 615, 617–620, 622, 623, 628, 629, 634, 636, 641, 648, 649, 659; II 19, 130, 243, 244, 250, 370, 500, 502, 563, 566, 567, 570, 579, 600, 601, 627–629, 731
Кетчер Серафима Николаевна (Силенька) I 51, 540, 549, 622, 641, 648, 649; II 256, 560, 599, 600, 627
Кетчеры I 585, 649
Кешка – см. Кетчер Н.Х.
Кикуатов Б. – см. Шевелев Н.А.
Кикуатова, помещица, кн. I 349
Кине Эдгар (Quinet E.) I 150; II 330, 441–443, 559
Кинкель Иоганн Готфрид (Kinkel J.-G.) I 227; II 287, 355, 356, 364, 641, 663
Кинкель (урожд. Моккель) Иоганна (Kinkel J.; Mokkel) II 513, 641
Кинкель Иоганна (Kinkel J.) II 513, 663, 664
Кинлей – см. Мак-Кинли У.
Киреевская Екатерина Ивановна (Катя) II 562
Киреевская Мария Ивановна (Маша) II 562
Киреевский Василий Иванович (Вася) II 562
Киреевский Иван Васильевич I 158; 180; II 556–562
Киреевский Петр Васильевич II 556
Кирилловы I 262
Кирова Кира Эммануиловна II 98
Клапка Дьердь (Klapka G.) I 254, 255, 340, 341
Кларти Жюль (Claretie J.) II 330, 446
Клаэр (Klaer), прусск. жандарм I 316
Клевенский Митрофан Михайлович I 340, 346
Клиентова (в замуж. Лаврова) Александра Григорьевна I 594; II 243, 586, 602
Клоде (Claudet), фотограф II 141
Клоотс (Клотц) Анахарсис (Cloots A.) II 330, 441, 442
Ключарев Григорий Иванович I 627, 628; II 574, 622, 623, 770
Клячко Юлиан (Klaczko J.) I 242; II 709, 710
Кноп Карл Германович I 279–281, 284, 285, 287–289, 304, 306, 345
Княжевич Александр Максимович I 249, 250; II 753
Княжевич Дмитрий Максимович II 730
Ковалевский Владимир Осипович II 290
Ковалевский Максим Максимович II 582
Ковальский Юзеф (Kowalski J.) II 709
Ковелев Миклош – см. Шевелев Н.А.
Козенц Энрико (Cosenz E.) I 49, 129
Козлов Иван Иванович I 605
Козьмин Борис Павлович I 343, 344, 458, 489; II 758
Кола ди Риенцо (Cola di Rienzo) II 365, 366
Коллини (Collini), певец I 222
Коллович (Колович) Дмитрий Викентьевич I 287
Колокольцев Григорий Дмитриевич I 432
Колридж Самюэл Томас (Coleridge S.-T.) II 682
Колтынин – см. Шевелев Н.А.
Колумб Христофор (Columbus Chr.) I 175
Кольцов Алексей Васильевич I 665; II 21, 271, 342
Коля – см. Н.А. Герцен
Коля – см. Сатин Н.Н.
Комаров, подполковник II 755
Комарова, г-жа II 162–164, 166–168, 170, 175
Комаровский Евграф Федорович I 498, 500, 535
Комбурлей Анна Андреевна II 716
Конарский Шимон (Konarski Sz.) II 684
Кондратьев Геннадий Петрович II 348
Кони Анатолий Федорович I 316, 317, 319–323, 339
Конради, петерб. чиновник I 322
Конради (Konradi), прусский майор I 315, 322
Константин Николаевич, вел. кн. I 249, 250; II 337, 695, 696, 757, 766
Константин Павлович, вел. кн. I 334, 497, 525, 527, 535
Конт Огюст (Comte A.) I 353; II 226, 423, 453
Конти (Conti), друг А.А. Герцена I 426
Конфино Майкл (Confino M.) II 336, 489
Коперник Николай (Kopernik M.) I 175, 536
Копф Иосиф фон (Kopf J. von) II 372–374, 406
Корбут Михаил Ксаверьевич II 758
Корвин-Вержбицкий Отто Юлий Бернгард (Korwin-Wierzbicki O.-J.-B.) II 710
Корвин-Кохановский Александр Афанасьевич II 710
Корицко Мария II 585
Корзинкины, домовладельцы II 715
Корнелий Непот (Cornelius N.) I 49
Корнелиус Петер фон (Cornelius P. von) II 669
Кёрнер Карл Теодор (Körner K.-T.) II 510
Коро Камиль (Corot C.) II 367

Короленко Владимир Галактионович II 616
Корсаков Григорий Александрович – см. Римский-Корсаков Г.А.
Корсаков Михаил Семенович I 346
Корсаков Николай Дмитриевич I 316, 324, 325
Корсаков Сергей Сергеевич II 633
Корсаков Е.К. II 564
Кортов Филат, знакомый Н.А. Шевелева I 282
Корф Модест Андреевич, барон I 517; II 733–738
Корф, ротмистр, барон II 690
Корш Александр Евгеньевич (Саша) I 193, 636; II 20, 21
Корш Валентин Федорович I 182
Корш Евгений Евгеньевич (Енюша, Женя) I 631, 634; II 19, 21
Корш Евгений Федорович I 193, 547, 549, 553, 585, 617, 619, 623, 633–635; II 16, 19, 21, 255, 500, 570, 574, 599, 615, 618
Корш Мария Евгеньевна II 574, 575, 578, 581–583, 614
Корш Мария Федоровна I 36, 90, 192, 193, 545, 546, 548, 551, 553, 627, 626–631, 633, 635, 636, 638–641, 643–647, 652, 664; II 10, 15, 19–21, 26, 35, 40, 41, 47, 48, 151, 244, 254–256, 284, 518, 570, 573–575, 577–579, 587, 599, 600, 602, 611, 620, 625, 629
Корш (рожд. Рейссиг) Софья Карловна I 646; II 15, 16, 19, 21, 570, 574, 609, 612, 615, 618, 623
Корш Федор Евгеньевич (Федя) I 628, 629, 635, 642, 645
Корши I 540, 547, 553, 583, 624, 633, 635–636; II 574, 612, 616
Коссидьер (Косидьер) Марк (Caussidière M.) I 100
Кост Л., франц. врач (Coste L.) I 394, 395; II 120, 127, 128, 230
Костомаров Николай Иванович I 329, 340; II 191, 192
Костенька – см. Наталья Константиновна
Кох, любовница Луи-Наполеона I 127
Кочевский II 755
Кочубинский (Коцюбинский) Александр Александрович I 349
Кошелев Алексей Иванович I 186
Кошут Вильма (Kossuth W.) II 345, 346, 661, 662
Кошут Лайош (Kossuth L.) II 286, 661, 676, 677, 682
Кошуты (Kossuth) II 76, 83
Краевский Андрей Александрович I 50, 154–156, 171, 177, 182, 255; II 720, 729, 769
Крамер (Кремер?), русск. художник II 629
Крассовский, женев. револ. эмигрант I 269
Крашевский Юзеф-Игнаций (Kraszewski J.-I.; псевд.: Болеславит; Boleslawit) II 707, 710
Кристел (Christel) II 504, 505
Кристи (Christi) II 467
Кристи ⟨?⟩ (Christi?), секретарь австр. консульства I 274
Кромвель Оливер (Cromwell O.) I 223; II 218, 330, 439, 440, 453
Кроуфорд Джон (Crawford G.) II 345, 346
Крылов Виктор Александрович I 240
Крылов Иван Андреевич II 546
Крылов Никита Иванович I 182, 553, 585, 634, 636, 638; II 614
Крылова (урожд. Корш) Любовь Федоровна I 553, 585, 634, 636, 638; II 614
Крюков Дмитрий Львович II 570
Ксанф, рабовладелец, хозяин Эзопа I 154
Ксенофонт I 164
Кугельман Людвиг (Kugelmann L.) I 357
Кузен Виктор (Cousin V.) II 723
Кузен (Cousin), владелица париж. отеля I 556
Кулибин Иван Петрович II 25
Куракин Александр Борисович I 498
Курганов Семен Васильевич II 32
Курлов Александр Никанорович I 263
Курман Людвиг Иванович I 263
Курочкин Василий Степанович II 754
Курписова Геновева (Kurpisowa G.) II 709, 710
Курута Владимир Иванович (Володя) I 54, 553; II 499, 500, 591
Курута Иван Эммануилович I 13, 219, 553, 579; II 400, 409, 526, 591
Курута (урожд. Каппель) Юлия Федоровна I 13, 553, 579, 590–591, 598, 605, 614; II 400, 500, 572, 591, 715
Куруты I 593
Кутецы, знакомые Герценов II 504, 505
Кутилин, фотограф II 437
Кутузов Михаил Илларионович I 501, 528
Кутюр Тома (Couture T.) I 90
Кучина Татьяна Петровна – см. Пассек Т.П.
Кэри Генри Чарлз (Carey H.-Ch.) II 741

Лаврентий, слуга I 545, 548, 621, 622; II 284, 296–298, 631
Лавров Петр Лаврович I 149, 181–185, 253, 348, 352, 405, 425, 427, 428, 430, 432, 433, 435, 496; II 581
Лагарп Фредерик-Сезар (La Harpe F.-C.) I 333
Лазарев, изобретатель I 391, 394–397
Лазари де, подполковник I 341
Ламартин Альфонс (Lamartine A.) I 73, 95, 101
Ламбрускини Рафаэле (Lambruschini R.) I 237, 238, 284; II 292, 467
Ламенне Фелисите-Робер (Lamennais F.-R.) II 726
Ламперт Евгений (Lampert E.) II 228
Ланберг, париж. знакомый М.С. Щепкина II 598
Лангевич Мариан – см. Лянгевич М.
Ланкастер Дж. (Lancaster J.), профессор II 287
Ланский Леонид Рафаилович I 6, 188, 191, 195, 198, 203, 204, 207, 208, 210, 237, 243, 244, 246, 247, 251–350, 375, 377, 405, 409, 451, 465, 482, 512, 514, 516, 535, 544, 550, 613, 622, 663, 673; II 5–22, 24, 56, 65–131, 152, 154, 222–226, 232–279, 296, 319, 320, 324, 328, 329, 348, 421, 481–487, 489–534, 536, 572, 583, 584, 593, 595, 619, 657, 674–699, 708, 710, 730, 772
Ланской Петр Петрович I 268
Ланской Сергей Степанович II 733–735, 738
Лапинский Теофил (Феофил; Lapiński T.) I 361; II 290, 329, 355, 674, 698–700
Лафенестро (Фенестро; Lafenestro), итал. натуралист II 424
Лебедев Клавдий Васильевич II 629
Лебединцев, директор гимназии I 263
Левальд Фанни (Lewald F.) I 218, 219; II 361
Левассёр Пьер-Эмиль (Levasseur P.-E.) I 323, 465, 469, 472
Левашев Николай Васильевич I 324, 325
Левашева (урожд. Решетова) Екатерина Гавриловна I 597, 598
Левашева Евдокия Николаевна II 715, 718
Левашевы II 715
Леви Арман (Lévy A.) II 293
Левицкая (Львицкая) Анна Антоновна (Lévitsky, m-me) II 303, 304, 311, 312

Левицкая (Львицкая) М.Л. II 112, 113
Левицкая (Львицкая) Полина Сергеевна (Полина, Флиночка, Pauline) II 63, 64, 112, 113, 303, 304, 310–312, 401, 402, 439, 520
Левицкие (Львицкие) II 111, 112, 304, 343, 350, 439, 449, 511
Левицкий (Львицкий) Владимир Сергеевич (Воля) II 303, 304, 311, 312, 342
Левицкий (Львицкий) Егор Сергеевич II 590, 591
Левицкий (Львицкий) Лев Сергеевич II 303, 304, 311, 312
Левицкий (Львицкий) Сергей Львович I 361; II 63, 112, 113, 280, 303, 304, 308–312, 342, 384, 400, 402, 439, 511, 585, 591, 710, 717
Левье Роза (Levier R.) II 414, 415
Левье Эмиль (Levier E.) I 222, 226, 228, 229, 376, 378, 404, 455, 457; II 260, 312, 313, 415, 416, 421, 428, 434, 445, 447, 466, 474, 477, 480, 491, 492, 529, 530
Левье (Levier), жена Э. Левье II 428
Левье (Levier), брат Э. Левье II 414, 415, 475
Левье (Levier), отец Э. Левье II 415
Ле-Дантю Камилла Петровна – см. Ивашева К.П.
Ледрю-Роллен Александр-Огюст (Ledru-Rollin A.-A.) I 49, 95; II 680, 681
Лейбниц Готфрид Вильгельм (Leibniz G.-W.) I 164, 173, 176, 180; II 559
Лелевель Иоахим (Lelewel I.) II 674, 682–684, 710
Лелива (Leliva), знакомый Огарева I 254, 341
Лёлорнь д'Идевиль Луи-Франсуа (Lelorgne d'Ideville L.-F.) I 502, 522, 523
Леля – см. Сатин А.Н.
Леманн Анри (Lemann H.) II 361
Леманн Рудольф (Lemann R., Lehmann R.) II 360, 361, 369, 378, 379, 382, 395, 397, 399, 406, 517
Леманн (Lemann, Lehmann), жена Р. Леманна II 360
Лемке Михаил Константинович I 44, 56, 66, 79, 147, 346, 451, 501, 512, 513, 516, 521, 524, 529, 531, 544, 556, 576; II 107, 573, 579, 582, 583, 647, 705, 713, 715, 716, 740, 758
Леммель М. (Lämmel M.), гравер I 278, 440
Лемуань (Лемуан; Lemoine), париж. знакомая Герцена I 192, 193
Ленбах Франц (Lenbach F.) II 640
Ленц Эмилий Христианович II 35
Лео Андре (Léo A.; наст. имя Леони Шансе; Champseix) I 481; II 467, 673
Леонардо да Винчи (Leonardo da Vinci) II 356
Леонтина (Lèontine), париж. гризетка I 74, 80, 127
Леопарди Джакомо (Leopardi G.) I 202; II 329, 415–416
Леопольд (Leopold), герцог Баденский I 101
Ле Пети А. (Le Petit A.; Lepetit A.), гравер I 199
Лермонтов Михаил Юрьевич I 7, 13, 15, 54, 202, 386, 387, 551, 552, 583, 612, 634; II 6, 129, 130, 249, 357, 547, 572, 578, 604, 724–726, 730
Лесков Николай Семенович I 181, 185; II 614, 619
Лесовский Степан Степанович I 290
Лесток Иоганн-Германн, гр. I 331
Летунов Иван Захарович I 601; II 372, 460, 461
Летурно Люси (Letourneau L.) II 318, 550
Летурно Шарль (Letourneau Ch.) I 414; II 67, 69, 317–319, 544, 547, 549, 550, 552–554
Летурно (Letourneau), дети II 318, 550
Лёшер Рихард (Lescher R.) II 670
Лжедмитрий I I 329
Либерский Иосиф Антонович I 289
Либих Юстус (Liebig J.) II 287
Ливия Друзилла (Livia Drusilla), жена Августа, римского императора II 519
Ливрие, знакомый Н.А. Шевелева I 307
Лиленд Чарлз Годфрид (Leland Ch.-G.) I 6; II 741–752
Лили II 162, 163
Лина (Lina), ученица бернского пансиона II 407, 408
Линда – см. Караччиоло Л.
Линдеман (Линдеманн) Карл (Lindemann K.; Lindemann-Frommel K.) II 330, 361, 365, 366, 369–371, 373–375, 378, 381, 395, 400, 406, 407, 483
Линдеман Манфред (Lindemann M.) II 361, 366, 367, 369, 370, 375, 537
Линдеман (Lindemann), жена К.-Х. Линдемана II 361, 375
Линкольн Авраам (Lincoln A.) II 404, 405
Лиоде Андре (Liodet A.) II 768
Лион (урожд. Курута) Ольга Ивановна I 218, 219; II 409, 499, 520, 526, 578–581, 584, 591, 604
Лион С.М., помещик I 218, 219, 604
Лион, семья I 218, 219; II 528
Лионне Феликс (Lionnet F.) II 366, 367
Лисип, древнегреч. скульптор II 357
Лист Ференц (Liszt F.) I 99; II 428, 451, 649, 669
Литвина Ф.А. II 758
Литвинова Елизавета Федоровна I 413, 414; II 130, 544, 617, 619
Литтре Поль-Максимилиан-Эмиль (Littré P.-M.-E.) I 353, 452; II 226, 457
Лихачева Елена Осиповна II 772
Лицинер (Гурвич) Софья Давыдовна I 188, 208, 241, 350–435, 438–464, 488, 489; II 5, 154–221, 280, 308–312, 316, 329–336, 511, 513–533, 710
Лобанов-Ростовский Алексей Борисович, кн. I 536
Лобанов-Ростовский Яков Иванович, кн. II 716
Лов (Лоу) Гудсон (Lowe H.) I 125
Лозинский Мелентий Платонович I 429, 430
Лойола Игнатий (Loyola I.) I 344
Ломоносов Михаил Васильевич I 331; II 618
Лонгинов Михаил Никифорович I 520
Лопатин Герман Александрович I 252, 341
Лористон Жак (Lauriston J.) I 522, 528
Лоссо (Laussot), хозяйка муз. салона II 469, 540
Лохвицкий Александр Владимирович I 316, 319, 321
Лугинин Владимир Федорович (Стрельцов В.) I 78, 369, 467; II 107, 162, 190–192, 211, 212, 214, 231, 232, 259, 409, 421, 432, 437, 523, 524, 617
Лугинин Федор Николаевич I 621
Лугинина (урожд. Полуденская) Варвара Петровна I 621
Лугинина, жена В.Ф. Лугинина II 231, 232
Лужин Иван Дмитриевич II 571, 720
Луи (Lois), приятель Тутса Герцена I 453
Луи-Филипп (Louis-Philippe), граф Парижский II 472
Луи-Филипп (Louis-Philippe), франц. король II 472
Луиза (Louise), горничная I 92, 93, 122, 560; II 93, 94, 123, 561
Луиза – см. Цабель Л.
Луиза Ивановна – см. Гааг Л.И.
Лука, св. апостол и евангелист I 277, 299, 347, 648
Лунин Михаил Сергеевич II 504, 505
Лункевич, польский эмигрант I 308
Лутковские I 281
Львицкая Анна Антоновна – см. Левицкая А.А.

Львицкая Полина Сергеевна – см. Левицкая П.С.
Львицкие – см. Левицкие
Любаша, прислуга II 143
Любомирский Марцелий (Lubomirski M.) II 674, 680
Людвиг II (Ludwig II), король Баварии I 250
Людмила – см. Пассек Л.В.
Людовик XI (Louis XI), франц. король II 276
Людовик XIV (Louis XIV), франц. король I 312
Людовик XV (Louis XV), франц. король II 454
Людовик XVI (Louis XVI), франц. король II 453, 454
Лютер Мартин (Luther M.) I 171, 177, 180
Лянгевич (Лангевич) Мариан (Langiewicz M.) II 329, 355, 360, 362

М. – см. Мерчинский В.
Маволинька – см. Корш М.Ф.
Маевский Кароль (Majewski K.) II 697
Маевский, знакомый Н.А. Шевелева I 265
Мазад Шарль (Mazade Ch.) II 450, 451
Мазаньелло Т. (Masaniello T.) II 329, 349
Майер (Mayer), братья I 53; II 95, 507
Майер (Майор) Франсуа-Исаак (Mayor F.-I.) I 378, 381, 392, 450, 456, 457, 477, 478; II 184
Майков Аполлон Николаевич I 247, 250
Майков Николай Аполлонович I 250
Майкова Евгения Петровна I 250
Майльс (Май; Mails, My), мисс I 467; II 76
Майор – см. Майер Ф.-И.
Майский Ф.Ф. II 723
Макасина – см. Рейхель М.К.
Макашин Сергей Александрович I 5, 6; II 521
Макашина Мария Степановна I 18, 20
Макиавелли Николо (Machiavelli N.) II 421, 465, 466, 468
Мак-Кинли (Кинлей) Уильям (McKinley W.) II 594, 595
Мак-Магон Патрис (Mac-Mahon P.) I 312, 352, 412
Маколей Томас Бабингтон (Macaulay T.-B.) II 451
Макс, родственница г-жи Гарибальди II 552
Макс – см. Рейхель М.
Максимович Михаил Александрович II 728
Маледжи (Malegi), знакомый Н.А. Шевелева I 253
Малѝ – см. Мейзенбуг М.
Малуша – см. Кельсиева М.В.
Мальт-Брюн (Мальт-Брун; Мальт-Брен; Malte-brun V.-A.) Виктор Адольф I 198, 199
Малышев Александр Иосифович II 265–268, 279
Малышев Алексей Александрович (Алеша) II 265–268, 276, 279
Маммели (Mammeli) II 636
Мамонов Эдуард Дмитриевич II 330, 363–366, 369, 373, 392
Мамонова Ольга II 365, 366, 370, 373, 382, 392
Мамоновы II 365, 375, 376, 380, 382, 393, 406
Мамонтовы I 285
Ман Г., фотограф II 150
Мандзони Алессандро (Manzoni A.) I 210, 220
Манихен (Maniquine) – см. Фомм М.
Манн Юрий Владимирович II 556–562
Мануйлов Виктор Андроникович II 724, 730
Манфред (Manfred) – см. Линдеманн М.
Марат Жан-Поль (Marat J.-P.) II 442
Мари (Marie), ницкая подруга Лизы Герцен II 212
Мари (Marie), горничная I 446, 447, 674; II 83, 112, 114, 117–119, 158–161, 206, 207, 210, 223, 504, 506
Марианна (г-жа Жорж, m-me Georges), владелица морских купален в Ницце II 527
Марианна (Marianne), кухарка II 384, 385
Марий Гай (Marius G.) I 226
Марио – см. Шифф М.
Марио Альберто (Mario A.) I 226
Марио Джованни (наст. имя и фам. Де Кандиа Джованни Маттео; Mario G.; De Candia) I 226
Мариучи (Mariucci), знакомый Герцена в Ницце I 191
Мария Александровна, императрица, жена Александра II I 247, 249, 250, 602; II 196
Мария Магдалина, св. равноапостольная II 331, 347, 415, 416
Мария Николаевна, вел. кн. II 357, 358, 377
Мария Федоровна, императрица, жена Павла I I 248, 250, 525
Марк, св. апостол и евангелист I 649
Маркизио Барбара (Marchisio B.) II 350, 351
Маркизио Карлотта (Marchisio C.) II 350, 351, 406, 407
Маркович Афанасий Васильевич II 93
Маркович (урожд. Вилинская) Мария Александровна (псевд. Марко Вовчок) I 61–63; II 93, 340, 341, 505
Маркс Карл (Marx K.) I 158, 347, 355, 357, 399; II 684, 687
Маркузе И.К., стенограф I 317, 319, 401
Мартьянов Петр Алексеевич I 295, 346; II 106, 107
Мартынов Иван Матвеевич II 737
Марцинковский Филипп Васильевич I 283
Марченко, капитан I 283
Маршев Иван Иванович II 249, 272
Маршева (урожд. Сергеева) II 249
Марья Алексеевна – см. Хованская М.А.
Марьяна, прислуга I 559
Масанов Иван Филиппович I 343
Масе Жюли (Масé J.) II 271
Матвей Савельевич, камердинер Герцена I 45, 571; II 284
Мате – см. Матьё Ж.
Матильда (Mathilde), принцесса – см. Монфор М. де
Матреша, няня II 367, 368, 376
Маттеучи Карло (Matteucci C.) I 228, 380, 381; II 292, 437
Матфей, св. апостол и евангелист I 346
Матьё (Мате) Жак (Mattieu J.) I 193
Матюшенко Людмила Ивановна I 188, 198–203, 538; II 58, 280, 308, 312–324, 468, 479
Маццини (Мадзини) Джузеппе (Осип Иванович; Mazzini G.) I 30, 31, 49, 129, 402, 432, 433, 465, 469, 482; II 97, 98, 119, 130, 163, 184, 189, 246, 262, 286, 350, 351, 393, 428, 503, 655, 656, 679, 682, 737, 763
Маша – см. Рейхель М.К.
Меассалер Адельгейда (Meassaler A.), горничная I 122, 123; II 246, 271, 327, 429, 430, 436, 527, 633
Медведев Петр Алексеевич I 24
Медведева Людмила Петровна II 590
Медведева Прасковья Петровна (Pauline P.) I 15, 16, 24, 39; II 37, 247, 272, 566, 572, 590, 631
Медведева Софья Петровна II 590
Медведевы, дети I 24; II 37, 566
Медели Николай Васильевич I 249, 250
Медисис (Медиси) Надин де (Medicis N.) I 244
Медичи Джакомо (Medici G.) I 129; II 285, 636, 637

Мезенцов Николай Владимирович I 262, 280, 281, 284, 285, 287, 288, 290, 341, 343, 345, 347
Мейер Юлий (Иосиф; И.М.) II 732, 733, 735, 736, 738
Мейербер Джакомо (Meyerbeer G.; наст. имя Якоб Либман Бер; Beer) I 364
Мейзенбуг Вильгельм фон (Meysenbug W. von) I 640
Мейзенбуг (урожд. Ганзель) Иоганна фон (Meysenbug J. von; Gansel) II 640, 657
Мейзенбуг (Ривалье) Карл Филипп фон (Meysenbug K.-F. von; Rivalier) II 639, 640
Мейзенбуг Лаура фон (Meysenbug L. von) II 670
Мейзенбуг Мальвида фон (Мали, Мальвида Филипповна, Meysenbug M. von) I 62, 188, 198, 204, 206, 208, 210, 212, 214–222, 224–241, 350, 351, 403, 404, 408, 411, 423, 430, 438, 443, 445–447, 450, 451, 456, 465–485, 487; II 5, 62, 63, 65, 69, 70, 76, 78, 80–84, 88, 94, 101, 102, 105, 109, 110, 119, 123, 127, 128, 132, 148, 165, 168, 173–175, 215, 218, 220, 222, 223, 226, 236, 257–262, 274, 276, 281, 294, 295, 302, 303, 306–308, 312–314, 316, 333–335, 342, 343, 345, 347, 348, 350, 351, 353, 355, 358–360, 362, 364, 369–376, 378, 379, 381, 383, 385, 386, 391, 392, 394, 395, 398–404, 407–409, 413–417, 419–425, 427–429, 431, 434, 435, 437–439, 441–443, 445–450, 452, 453, 457, 459, 461–470, 472–479, 481–484, 486, 487, 490, 494, 505–507, 511, 512, 514–517, 520, 521, 524, 525, 528, 529, 531, 534–539, 541–543, 545– 547, 550, 552, 589, 596, 604, 614, 615, 639–673, 708, 732, 766
Мейзенбуг Отто фон (Maysenbug O. von) II 640
Мейзенбуг фон (Meysenbug von), семья II 640
Мейнадье I 522, 528
Мельгунов Николай Александрович I 129, 194, 562, 563, 647; II 209, 505, 578
Мельгуновы II 612
Мендельсон (Мендельсон-Бартольди) Феликс (Mendelssohn-Bartholdy F.) II 424, 425
Меншиков Александр Сергеевич I 502
Мерво Мишель (Mervaud M.) I 188, 197, 198, 202, 247–250, 350, 357, 370, 401, 409, 435–465, 480, 482, 484, 485, 487, 492; II 5, 56, 65–69, 73, 74, 96, 97, 108–118, 123–127, 129–131, 222, 223, 280, 313, 316, 319, 320, 536
Мерославский Людвик (Mierosławski L.) I 362, 364; II 674, 687, 688, 693, 696, 697, 707
Мерчинский В. (M., Merczyński W.) I 488; II 194, 195, 197
Мерчинские II 194
Мессарош Анна Борисовна II 419
Мессарош Николай Ипполитович II 419
Меттерних (Меттерних-Виннебург) Клеменс (Metternich-Winneburg K.) I 87, 334
Меццакапо Карло (Mezzacaro C.) I 49, 129
Мечников Илья Ильич II 409, 410
Мечников Лев Ильич I 254, 255, 269, 270, 286, 287, 291, 296–306, 309, 325–327, 340, 345–347, 410, 411; II 408–410
Мечников Николай Ильич I 297, 304
Мечникова Надежда Львовна (Надя) II 407–410
Мечникова – см. Скарятина О.Р.
Мещерская (урожд. Тучкова) Александра Павловна, кн. II 166
Мещерская Анна Борисовна, кн. II 712
Мещерский Александр Александрович, кн. (Веспино) I 406; II 130, 259, 434–438, 440, 441, 443, 445– 448, 470, 471, 487–490, 500, 555
Микеланджело (Микель-Анджело) Буонарроти (Michelangelo Buonarroti) II 352, 353, 374, 662, 669
Милевский А. (Milewski A.) II 710
Милковский Зигизмунд (Miłkowski Z.; псевд.: Теодор Томаш Еж) II 702
Миллер Герард Фридрих II 618, 619
Миллер Илья Соломонович II 709
Миллер Федор Иванович II 716
Милль Стюарт Джон (Mill S.-J.) I 353; II 468, 469, 477, 548
Милорадович Михаил Андреевич I 500, 535
Милуша (Малуша) – см. Кельсиева М.В.
Мильн-Эдвардс Генри (Milne-Edwards H.) II 57
Мильнер-Гибсон Алиса (Milner-Gibson A.) II 382, 383
Мильнер-Гибсон Томас (Milner-Gibson Th.) II 383
Мильнер Фотерджиль (Milner Fotergil G.) Дж. I 428
Милюков Александр Петрович II 79
Милюков Павел Николаевич II 599, 609
Милютин Николай Алексеевич I 247, 249, 250, 337; II 162, 467
Минаев Дмитрий Дмитриевич II 461
Минтон (Минс), врач, друг М.А. Бакунина I 361
Минье Франсуа-Огюст (Mignet F.-A.) II 330, 441–443
Мирабо Виктор-Рикети (Mirabeau V.-R.) I 171, 177, 180, 444; II 559
Мироновский Иван Львович II 715
Мисси – см. Пульская П.
Мительский, участник Парижской коммуны I 309
Михаил Николаевич, вел. кн. I 249, 250
Михаил Павлович, вел. кн. I 334
Михайло, кучер II 132
Михайлов Михаил Ларионович (Илларионович) II 162, 437, 522, 546, 754, 755, 758
Михайловский Николай Константинович II 336
Михайловский-Данилевский Александр Иванович I 6, 50, 497–537; II 222, 336
Михаловский Генрих II 732, 735, 738
Михалыч – см. Сатин Н.М.
Михелет Карл Людвиг (Michelet K.-L.) I 151, 153
Михельсон Иван Иванович I 333
Мицкевич Адам (Mickiewicz A.) II 723, 726, 730
Мицкевич Владислав (Mickiewicz W.) II 674, 700, 710
Миша – см. Сатин М.Н.
Мишель Каролина (Michel C.) I 643, 668, 669; II 5, 6, 9, 15, 20, 21, 22, 65, 75, 76, 89, 93, 97, 112, 113, 116, 143, 190, 222, 223, 500, 502
Мишель (Michel), семья I 287
Мишле (урожд. Миаляре) Адель (Michelet A.; Mialaret) II 650
Мишле Жюль (Michelet J.) I 45, 57, 192–195, 329, 331, 487, 488; II 441, 442, 446, 453, 454, 467, 477, 535, 548, 645, 650, 682, 754
Мишо (Michaux), ботаник I 379
Модзалевский Борис Львович I 535
Модзелевский М. (Modzelewski M.) II 708, 710
Молешот (Молешотт) Якоб (Moleschott J.) II 292
Молинари Густав (Molinari G.) I 308, 309
Мольер Жан-Батист (Molière J.-B., наст. фам. Поклен; Poquelin) I 251, 574; II 471, 502, 503
Моно Бернар (Monod B.) II 634
Моно Габриель (Гавриил Эдуардович; Monod G.) I 213, 214, 350, 400, 403, 415, 419, 420, 422, 423, 425, 429–432, 437, 461, 462, 465, 484–488, 492–496; II 127, 131, 239, 259, 260, 266, 296, 312, 317, 416, 421–428, 441, 450, 467, 468, 471, 472, 525,

534–536, 541–543, 549, 604, 634, 650, 654, 656, 670, 673
Моно Фредерик-Жоэль-Жан-Жерар (Monod P.-J.-J.-G.) II 535
Моно Фанни (Monod P.) I 487; II 634
Моно (Monod), мать Г. Моно II 534
Моно (Monod), семья II 266, 294
Моно (Monod), дети II 535
Моно-Герцен Эдуард (Monod-Herzen E.) I 419, 484, 485, 488; II 144, 153, 317, 542, 543, 581
Монфор Матильда де (Montfort M. de) II 392, 393
Монье Филипп (Monnier Ph.) II 768
Мордвинов Александр Александрович II 407
Мордини Антонио (Mordini A.) I 116, 129, 133
Морозов Сергей Александрович II 304
Морозова Елена Викторовна II 534
Мортье Эдуард-Адольф (Mortier E.A.) I 522, 529, 531, 537
Моцарт Вольфганг Амадей (Mozart W.-A.) II 250, 340, 342, 373, 622
Мошенская Лидия Олеговна I 210
Мрочковский Валериан (Mroczkowski W.) I 345
Муйден (Мейден) Альфред Жак ван (Mayden A.-J. van) II 406, 407
Мур Томас (Moore Th.) II 682, 724
Муравьев Александр Михайлович II 421
Муравьев Михаил Николаевич ("Вешатель"), гр. I 249, 250, 489; II 220, 400, 523, 759
Муравьев Николай Валерьянович I 320, 323
Муравьев (Амурский) Николай Николаевич, гр. I 249, 250; II 745
Муравьев-Апостол Сергей Иванович I 334
Муравьева (урожд. Бракман) Жозефина Адамовна II 421
Муравьевы II 393, 419, 422
Муромцев Аркадий Алексеевич I 268
Мурчисон (Мерчисон) Родерик Импи (Murchison R.-I.) I 142
Мусина-Пушкина Анастасия Николаевна II 715
Муханов Николай Алексеевич I 249, 250
Муханов Павел Александрович I 249, 250; II 702
Мюзикано (Musicano), фотограф I 432, 433
Мюллер К. (Muller K.), художник I 398
Мюллер Эбенхард (Muller E.) II 560–562
Мюллер – см. Миллер Г.-Ф.
Мюллер-Стрюбинг (Штрюбинг) Герман (Müller-Strübing H.) I 32; II 83, 84, 286, 418
Мюльгаузен Богдан Карлович I 624
Мюльгаузен Юлия Богдановна – см. Шумахер Ю.Б.
Мюссе Альфред де (Musset A. de) II 548
Мясников Александр Константинович I 282, 316–320, 323, 401
Мясниковы I 262, 271, 276, 316–319, 322–325, 342, 347, 401
Мясоедов Григорий Григорьевич II 335, 446, 447
Мясоедова Елизавета Николаевна II 446, 447
Мясоедовы II 449

Набгольц Богдан II 58
Нагель Этель (Nagel E.) II 768
Надеждин Николай Иванович II 723, 730
Надлер Василий Карлович I 524, 537
Надсон Семен Яковлевич II 140
Найденов Николай Александрович II 717
Наке Альфред (Naquet A.) II 469
Наполеон I Бонапарт (Napoléon I Bonaparte) I 54, 164, 169, 196, 333, 500, 502, 503, 506, 510, 519–534, 537; II 247, 350, 390, 393, 401, 402, 519, 639, 683, 684
Наполеон III Луи-Бонапарт (Napoléon III Louis Bonaparte) (Баданге, Badengné Людовик) I 29, 94, 127, 197, 207, 311, 348, 391; II 97, 98, 393, 594, 595, 660
Наполеон Жозеф-Шарль-Поль Бонапарт (Napoléon J.-Ch.-P. Bonaparte)
Нарбонн (Набонн-Лара) Луи (Narbonne-Lara L.) I 522; II 684
Нарский Игорь Сергеевич II 709
Нартов Андрей Андреевич I 535
Наталья Кирилловна II 30
Наталья Константиновна (Костенька), няня I 572, 573
Наташа, горничная Станкевичей II 340
Н.Д., польский корреспондент Герцена II 710
Небольсин Николай Андреевич II 712, 714
Небольсина Авдотья Сильверстовна II 712, 714
Неведомский Василий I 288
Неверов Январий Михайлович I 152
Невритский (Неврицкий; Newritskey) II 735
Невский Александр Ярославович I 536
Неголевский Анджей (Niegolewski A.) II 710
Некрасов Николай Алексеевич I 298, 347, 546, 623; II 21, 175, 251, 547
Некрасова Анна Степановна II 593–595, 602, 603, 605, 606, 608–610, 613–615, 619, 626, 632, 633
Некрасова Варвара Степановна II 596
Некрасова Екатерина Степановна I 8, 77, 79, 190, 375, 422, 544, 549, 613, 652, 663, 667; II 5, 6, 8, 9, 13, 21, 26, 64, 98, 126, 128, 142, 149–151, 153, 154, 158, 232–279, 421, 488, 489, 502, 535, 554, 572, 573–635, 657, 660, 716
Немвродов Григорий Васильевич II 249, 272
Немвродов Петр Васильевич II 249, 272
Нерон (Nero) I 160
Несслер (Nessler), преподавательница музыки II 194
Неттлау Максим (Nettlau M.) II 593, 594
Нефтель Василий Федорович I 366, 367, 445, 446, 450, 451; II 119
Нечаев Сергей Геннадьевич (см. также Баладанов М.) I 247, 269, 275–277, 279, 282, 285–288, 296, 298, 300, 310, 341, 343–345, 347, 348, 353, 385–387, 389, 460, 461; II 68, 126, 227–230, 232, 252, 291, 319, 488, 489, 496, 501, 762
Нечкина Милица Васильевна I 46
Никитенко Александр Васильевич II 769
Никитин Фома Степанович I 275, 277
Никитина, знакомая Ш. Летурно II 550
Никифор, слуга I 636, 638, 658, 659; II 36, 37, 48, 50, 61
Николадзе Николай Яковлевич I 346, 487
Николаи Николай Павлович, бар. II 732
Николаи Отто (Nikolai O.) II 443
Николай, святитель, архиепископ Мирликийский I 686
Николай I I 44, 49, 52, 247, 248, 250, 325, 334–336, 468, 497, 500–502, 504–506, 508, 511, 513–515, 517, 519, 527, 535; II 98, 189, 358, 360, 377, 691, 733, 736, 737
Николай II II 280, 319
Николай Александрович, вел. кн., наследник-цесаревич II 405
Николай Иванович, рев. эмигрант I 273, 276–280, 283, 304, 305, 343, 344
Николай Михайлович, вел. кн. I 498

Николай Николаевич, вел. кн., сын Николая I I 249, 250
Никон, русский патриарх I 330
Нина (Nini) – см. Саффи Дж.
Ницше Фридрих (Nietszche F.) II 274, 642, 649–659
Ницше Элизабет – см. Форстер-Ницше Э.
Новак Анджей (Nowak A.) I 188, 242, 243
Новиков Евгений Петрович I 349
Новиков Николай Иванович I 332
Нодье Шарль (Nodier Ch.) II 726
Ножин Николай Дмитриевич II 483, 484
Норвид Циприан Камиль (Norwid C.-K.) II 674–677, 710
Нордштрём Якоб (Нордстрём; Nordström J.) I 361, 362
Норов Авраам Сергеевич II 731
Ноэль Альфонс-Леон (Noel A.-L.) I 84, 638; II 16

Оболенская (в замуж. Мордвинова) Екатерина Алексеевна, кн. I 270; II 407
Оболенская (урожд. Сумарокова) Зоя Сергеевна, кн. II 406, 407
Оболенский Алексей Васильевич, кн. II 406–407
Оболенский Дмитрий Дмитриевич, кн. I 536
Оболенский Евгений Петрович, кн. I 499
Оболенский Иван Афанасьевич, кн. II 722
Оболенский Петр Николаевич, кн. I 499
Оброст (урожд. Грант-Дафф; Obrost; Grant-Daff) II 354, 360
Овен – см. Оуэн Р.
Овербек Франц (Overbeck P.) II 653
Огарев Богдан Ильич II 248
Огарев Платон Богданович I 383; II 52, 248, 249, 716
Огарева Анна Платоновна – см. Плаутина А.П.
Огарева (рожд. Безобразова) Анна Сергеевна II 248
Огарева (урожд. Баскакова) Елизавета Ивановна II 248
Огарева (урожд. Рославлева) Мария Львовна (Marie) I 10, 12, 21, 22, 43, 44, 80, 581, 591, 596, 597, 600, 603, 644–646, 648, 649, 651; II 8, 22, 27, 234, 247, 249–251, 253, 595, 596
Огарева Наталья Алексеевна – см. Тучкова-Огарева Н.А.
Огарева (в замуж. Малышева) Ольга Андреевна II 149, 153, 154, 234, 264–269, 276, 279
Огинский, гр. II 697
Одоевский Петр Иванович, кн. II 713
Озеров Владимир Михайлович I 308, 310, 348, 391, 399, 401, 405, 408, 410–413, 422–427, 429, 432, 433; II 123, 131
Озеров Петр Иванович I 500
Озерова Александра, жена В.М. Озерова I 422
Окен (наст. фам. Оккенфус) Лоренц (Ocken L., Ockenfus) I 153
Околович, польск. эмигрант, участник Парижской коммуны I 308
Оконьский (Okoński), издатель русско-польск. словаря I 265
Оксман Юлиан Григорьевич I 208, 490
Окунев Григорий Николаевич I 312, 314
Окутюрье Мишель (Aucouturier M.) I 198, 537; II 297, 677, 682, 684, 686–688, 698
Олсуфьев Захар Дмитриевич I 500
Ольшевский Юзеф (Olszewski J.) II 701, 708, 732, 740
Оннора Л. (?), комиссар париж. полиции I 314, 315
Оппенгейм Мими (Oppenheim M.) II 397, 399, 401, 403, 520
Оппенгеймы (Oppenheim) II 401
Орехов Александр Михайлович II 708
Орлис Я. I 336, 349
Орлов Алексей Григорьевич I 331, 332
Орлов Алексей Федорович, кн. I 188, 189, 249, 250, 552; II 731
Орлов Владимир Григорьевич, гр. I 499
Орлов Григорий Григорьевич, гр. I 332
Орлов Иван Никанорович I 280, 281, 283–285, 325
Орлов Михаил Федорович, гр. I 57, 535
Орлов-Давыдов Владимир Петрович I 367
Орловы I 188
Орсини Феличе (Orsini F.) I 49, 61, 116, 118, 122, 126, 128, 129, 131–134, 140, 143, 222, 566; II 286, 595, 637
Орсини (Orsini), жена Ф. Орсини I 566, 596
Осбер (Osbert), фотограф II 159
Осип Иванович – см. Маццини Дж.
Оскар (Oskar), принц, впоследствии II, король Швеции I 362
Остраков С.И. – см. Астраков С.И.
Островская (в первом браке – Грибовская) Наталья Александровна II 522
Островский Александр Николаевич II 24
Островский Борис Петрович II 711
Островский Дмитрий Борисович II 711
Островский Сергей Борисович II 711
Островский Юзефат Болеслав (псевд.: Ибус; Ostrowski J.-B., Ibus) II 674, 688–690, 710
Оуэн Роберт (Owen R.) II 55, 56, 286, 293
Офелия – см. Энгельсон А.-Х.

П – см. Полощ.
Паварен (Pavarin), банкир I 405, 406
Павел I I 250, 325, 333, 334, 497, 499; II 751
Павел Сергеевич, дьякон I 17, 43
Павленков Флорентий Федорович I 12, 17, 18, 19, 42; II 235, 271, 323, 324, 584, 776
Павлов Иван Николаевич I 615, 624; II 565, 586, 721
Павлов Михаил Григорьевич II 723
Павлов Николай Филиппович I 188, 246, 492; II 250, 728
Павлова (урожд. Яниш) Каролина Карловна II 209
Павлюченко Элеонора Александровна I 188–197, 574, 585–636
Падлевский Зыгмунт (Padlewski Z.) II 106
Паж – см. Сатина Е.А.
Палагея, служанка I 547
Пален Константин Иванович I 288, 325
Пален, графиня II 398
Палеолог (урожд. Курута) Евгения Ивановна II 400
Палеолог Христофор Павлович II 400
Палеолог, семья II 399, 400
Палкин К.П., влад. ресторана в Петербурге I 267
Пальмерстон Генри Джон Темпл (Джон сэр; John Sir; Palmerston H.-J.-T.) I 469, 471, 472
Пальмье (Palmier), париж. врач I 358, 364, 365, 565, 573
Пан – см. Тхоржевский С.
Панаев Иван Иванович I 545–547, 620; II 255, 568, 569
Панаева (урожд. Брянская, во втором браке Головачева) Авдотья Яковлевна I 545, 550, 552; II 13, 15, 250, 251

Панин Виктор Никитич, гр. I 247, 249, 250, 557, 558
Панофка (Пановка) Генрих (Panofka; Panovka H.) I 206, 222, 223, 232, 233, 236, 237, 239; II 416–418, 434, 438, 443, 465, 468, 469, 475, 477, 539, 540, 646, 658, 668, 670, 671
Пантелеев Лонгин Федорович II 267, 279, 634
Пантелеева Серафима Васильевна II 267, 279
Панчулидзев Александр Алексеевич II 8, 27
Папенька-рыцарь – см. Кетчер Н.Х.
Парви Ежи (Parvi J.) I 243
Парлаторе Филиппо (Parlatore F.) I 228, 381; II 292, 314
Паскевич-Эриванский Иван Федорович I 87, 502
Пассек Александр Вадимович (Саша) II 93, 504, 505, 509, 510
Пассек Вадим Васильевич I 136, 155, 196, 197, 611, 612, 618; II 272, 728
Пассек Владимир Вадимович (Володя) II 103, 504, 505
Пассек Людмила Васильевна II 272
Пассек Петр Богданович I 499, 535
Пассек Петр Петрович I 499
Пассек (урожд. Кучина) Татьяна Петровна (Таня) I 54, 196, 197, 350, 406–414, 417, 420, 426, 430, 485, 489–492, 497, 500, 503, 510, 511, 520, 524, 527, 529–534, 536, 537, 558, 589–591, 594, 596, 612, 617, 622; II 5, 9, 13, 21, 22, 25, 93, 103, 128, 131, 138–141, 143, 146, 149–152, 154, 247, 249, 250, 258, 271, 340, 341, 344, 499, 500, 502, 504, 505, 510, 532, 562, 563, 565, 572, 579, 590, 602, 607–609, 616–618, 643, 711, 712, 714, 716, 717, 719, 721, 728, 731, 768–772
Пассеки I 57
Натек II 699
Пачелли (Paccelli) I 133; II 299
Пачелли (Paccelli), жена I 136, 563
Пашков Ипполит Александрович II 769
Пашковская (Paszkowska), жена Пашковского I 309, 311, 313
Пашковский (Paszkowski), польск. эмигрант I 309
Пащенко М.,елисаветоград. полицмейстер I 281
Пезотти (Pesotti), итал. революционер II 636
Пейкер Иван Федорович (Ян) II 690
Пелагея Васильевна, крепостная II 714
Пенизи (Пинези; Penisi), флорент. знакомый Герценов I 382, 385, 455–457, 459; II 224, 260, 276, 302, 312, 313, 444, 464, 468, 471, 474–480, 486–491, 494, 536
Пеннел Элизабет Робинс (Pennel E.-R.) II 741
Пентифрий – см. Потифар
Перевощиков Дмитрий Матвеевич II 35, 55, 56
Переселенков Степан Александрович I 357, 432, 434, 442, 456
Перикл I 545
Перкаль Марк Константинович I 361; II 722–731, 768–772
Перовский Василий Алексеевич II 754, 755, 758
Перовский Лев Алексеевич II 245
Перпер Мира Иосифовна II 741–752
Перрон (Perron), тюремный служитель I 310, 311
Перуджино Пьетро (наст. фам. Ваннучи; Vannucci; Perugino) I 441; II 331, 347, 427
Перуцци Бальдассаре (Peruzzi B.) II 357
Перфильев С.В., жанд. начальник I 513
Пестель Павел Иванович I 334; II 329, 362
Петр, св. апостол II 334, 354
Петр I I 247, 325, 329–331; II 618, 760
Петр III (нем. принц Карл Петр Ульрих), рос. император I 331–333; II 750, 752
Петр, фельдшер II 143
Петрарка Франческо (Petrarca F.) I 197
Петрашевский (Буташевич-Петрашевский) Михаил Васильевич I 335; II 636
Петров, штабс-капитан I 264
Петров, сын штабс-капитана Петрова I 264
Петрово-Соловово II 251
Петрово-Соловово (урожд. Сухово-Кобылина) Евдокия Васильевна (Душенька) II 103, 104, 251, 272
Петрофуф – см. Захарьин П.А.
Петруша – см. Захарьин П.А.
Печерин Владимир Сергеевич II 286
Пианори Джованни (Pianori G.) I 49
Пиачентини (Piacentini) Мария II 429, 430, 513
Пизакане Карло (Pisacane C.) I 49, 129; II 285
Пий IX (Pie IX) I 641, 642; II 232, 353, 354, 355, 362, 374, 517
Пико К. (Picot C.) II 290, 293, 296
Пикулин Павел Лукич (Венский, Пикуша) I 629; II 34, 40, 41, 250, 578, 631, 632
Пилат (Понтий, или Понтийский) I 364
Пиле Леон (Pillet L.) I 122, 123, 571
Пиле, владелица пансиона II 162, 175
Пименов Дмитрий Иванович I 535
Пинаев Михаил Трофимович I 345
Пиотровская Астра Генриховна II 700–710
Пиотровский Руфин (Piotrowski R.) II 710
Пипер Леонид Орестович II 562
Пирогов Николай Иванович II 631, 632
Пирсон Чарлз Генри (Pearson Ch.-H.) II 706, 710
Пирумова Наталья Михайловна I 347; II 487–492, 496
Писарев Дмитрий Иванович I 182, 185
Писарек Генрик (Pisarek H.) I 242
Писемский Алексей Феофилактович II 376, 377
Питкевич Валерьян (Pietkiewicz W.) II 684
Пичини, президент флорент. раб. ассоциации II 548
Платенауэр (Platenauer), знакомый Герцена II 373–377, 379, 380, 383, 393, 484
Платон I 164, 177
Плаутин Сергей Федорович II 248
Плаутина (урожд. Огарева) Анна Платоновна I 238, 405, 420, 422, 426, 432, 462; II 248, 249, 272, 716, 718
Плаутина (в замуж. Зубова, гр.) Вера Сергеевна I 417; II 131, 719
Плетнев Петр Александрович I 78
Плетнева Александра Васильевна I 78
Плеханов Георгий Валентинович I 346
Плотицын Максим Кузьмич I 255, 342
По (?) I 619
Победоносцев Константин Петрович II 544
Поглубко Константин Александрович I 343
Погодин Михаил Петрович I 251, 340; II 164, 165, 213, 597, 728, 736
Погодина (урожд. Сейсмонд; по первому мужу Бэль) Софья Ивановна II 164, 213
Подолинский Андрей Иванович II 726
Покровская Зоя Арсеньевна II 708
Покровский Н., попечитель Одесск. учебн. округа II 727
Полевой Николай Алексеевич I 592; II 723
Полевой Петр Николаевич II 612, 615

Полежаев Александр Иванович I 67; II 547, 726
Поленова (урожд. Львова-Львицкая; Левицкая) Софья Львовна (Sophie) II 114, 116
Полентино Мария II 263
Полибин Владимир Иванович II 753–756, 758
Полина (Pauline) – см. Левицкая П.С.
Полонский (наст. фам. Гусев) Вячеслав Павлович II 69, 549
Полощ. (?) II 174, 175, 178
Полуденская Мария Ивановна I 616, 619–621, 629, 646, 653, 654
Полуденские I 616, 620, 621, 628, 629
Полуденский Александр Петрович I 616, 620, 629
Полуденский Михаил Петрович I 629
Полуденский Николай Александрович (Коля, Николенька, Николя) I 616, 620, 628, 629, 646, 653, 654
Полуденский Сергей Петрович I 627, 629
Поляков Лазарь Соломонович II 713
Поляков Марк Яковлевич II 674
Попов Алексей Алексеевич I 347
Попов Андрей Николаевич I 537
Попов А.Я. I 347
Попова Ольга Николаевна II 602
Порох Игорь Васильевич II 219, 732–740
Порт (Porte), врач I 392, 394, 400, 408
Постников К.А. – см. Романн К.-А.И.
Постников Николай Васильевич – см. Романн К.-А.И.
Потанин Григорий Николаевич II 583
Потапов Александр Львович II 757
Потебня Андрей Афанасьевич I 441; II 106, 107, 329, 358
Потемкин Григорий Александрович I 165, 332
Потехин Алексей Антипович II 175
Потифар (искаж. Пентифрий) (библ.) I 382, 383
Потоцкий (Potocki) – см. Балашевич-Потоцкий Ю.
Прево д'Экзиль Антуан-Франсуа (Prévost d'Exiles A.-F.) II 22
Прео Антуан-Огюст (Preault A.-A.) I 194; II 328
Прессансе Элиза-Франсуаза-Луиза (Pressensé E.-F.-L.) II 416
Прово (Provost), гравер I 650
Прогер (Progher) содержательница пансиона II 207, 213–216, 430
Протасова (в замуж. Мойер) Мария Андреевна II 566
Протопопов Иван Евдокимович II 770
Прудон Пьер-Жозеф (Proudhon P.-J.) I 32, 57, 195, 201, 346, 404; II 16, 247, 674, 682, 754
Прянишников Илларион Михайлович I 296, 346
Прянишников Михаил, отец И.М. Прянишникова I 265, 346, 348
Прянишникова, мать И.М. Прянишникова I 346
Птушкина Инна Григорьевна I 55–148; II 5, 65, 69–71, 280, 301, 302, 329, 493–512, 636–638
Пугачев Емельян Иванович I 325, 333
Пуки (Pouquis), женев. типограф II 420, 473
Пульская Поликсена (Мисси; Pulska P.) II 83
Пульская (урожд. Вальтер) Тереза (Pulska T.) II 80, 83, 84, 534, 639, 658–664, 666
Пульский Ференц (Pulski F.) II 83, 659, 661, 662
Пульский Чарли (Pulski Cs.) II 83
Пульские II 80, 81, 83, 406
Пупонька – см. Энгельсон А.Х.
Пуппо – см. Ро-Понти
Пустовойтова Генриетта (Анн) Теофиловна II 329, 362
Путинцев Владимир Александрович II 772
Путятин Евфимий Васильевич II 745
Пушкин Александр Сергеевич I 11, 16, 58, 110, 129, 166, 178, 180, 202, 418, 448, 459, 498, 499, 583, 601–612, 642, 672, 677; II 129, 285, 295, 519, 549, 571, 578, 632, 668, 754
Пфеффер (Pfeffer), женев. типограф II 420, 473
Пшесмыцкий Зенон (Przesmycki Z.) II 674
Пьянчани Луиджи (Pianciani L.) II 280, 312, 313, 679, 681
Пятковский Александр Петрович II 477, 478

Рабкина Нина Абрамовна I 536
Рагозин Александр Иванович I 284
Рагозин Виктор Иванович I 271, 284
Рагозин Евгений Иванович I 270, 271, 273, 282, 283, 341, 343
Рагозин, родственник А., В. и Е. Рагозиных I 270, 343
Рагозина (урожд. Шипова), жена А.И. Рагозина I 284
Радецкий Йозеф (Radetzki J.) I 87
Радикато ди Марморито А. (Radicato di Marmorito A.) I 560, 561, 563, 566, 572
Радищев Александр Николаевич I 332; II 579
Раевский Н.И. II 286
Раевский Ф.В., священник I 341
Разин Степан Тимофеевич I 325, 330
Раич Семен Егорович II 724
Райе Пьер-Франсуа (Rayer P.-F.) I 93
Раймонд (Реймонд) Сарра-П. (Raymond, Remond S.-P.) II 426, 432, 452, 475
Ралли-Арборе Земфирий Константинович (Ralli-Arbore Z.) I 426, 488
Распайль Франсуа-Вежан (Распаль, Распай; Raspail F.-V.) I 169; II 16
Раункильде (Рауншильд), учитель музыки II 380, 483, 484, 538
Рафаэль Санти (Raffaello Santi) I 441; II 331, 352, 356, 357, 364, 365, 371, 380, 388
Рачинский Рогер (Raczyński R.) II 674, 690–696, 710
Рачинский Эдвард (Raczyński E.) II 690
Раш Густав (Rasch G.) II 238
Рашель Элиза (Rachel E.; наст. имя Элиза Рашель Феликс; Félix E.-R.) I 88
Рашинов (Ашинов) Василий Романович – см. Ашинов В.Р.
Рашинова Юлия Карловна – см. Ашинова Ю.К.
Ре Поль (Rée P.) II 651
Ребильо (Ребийон, Ребийо; Rebillio, Rebillion), префект париж. полиции I 92
Реверден (Reverdin), женев. банкир I 398
Ревуненков Владимир Георгиевич I 362
Редкин Петр Григорьевич I 152, 549, 642; II 570
Редкина (урожд. Гарве) Елизавета Эдуардовна I 642
Рейнгардт И.И., композитор I 420
Рейнгорд, акушерка I 626
Рейсер Соломон Абрамович I 485
Рейснер Эбенхардт (Reissner E.) II 658
Рейссиг Юлия Карловна – см. Ашинова Ю.К.
Рейтерн Михаил Христофорович I 270
Рейхели (Reichel) I 195, 380, 452; II 88, 453, 494, 503, 505, 514, 577, 578, 598, 600
Рейхели, дети II 257, 476, 480, 500, 504, 509, 511, 516, 528, 530

Рейхель Адольф (Reichel A.) I 189, 191–193, 196, 201, 203, 211–219, 560, 570; II 19, 21, 255, 257, 274, 326, 338–341, 371, 501, 503–505, 508, 509, 511, 516, 521, 523, 527, 528, 530, 531, 575, 587, 597, 601–603, 614, 617, 618
Рейхель (Reichel), сын М.К. Рейхель, ум. в младенчестве – II 508, 509
Рейхель Александр (Сашка № 4, Reichel A.) I 193; II 327, 338, 339, 349, 506–508, 594, 595
Рейхель Ганс (Reichel H.) II 594, 606, 608, 614–616, 621, 627, 629, 633
Рейхель Елена (Reichel E.) II 47
Рейхель Ида (Reichel I.) II 257, 271
Рейхель Карл-Александр (Алекс; Reichel K.-A.) I 192, 217, 218; II 341, 342, 500, 502, 510, 513, 523, 588, 597, 598, 604, 606, 608, 617–620, 629, 632, 633
Рейхель Маврикий (Мориц; Reichel M.) II 257, 328, 338, 340
Рейхель Макс (Reichel M.) I 217, 218, 372, 507, 508, 530; II 597, 598
Рейхель (урожд. Эрн; Ерн) Мария Каспаровна (Мария Кашперовна, Маша; Reichel) I 30–32, 36, 56–58, 62, 64, 77, 81, 121, 126, 129, 188–197, 200, 201, 203, 217–219, 380, 390, 391, 397, 401–403, 410, 412, 414, 426, 428, 443, 452, 460, 491, 497–499, 511, 529, 535, 536, 538, 546, 549, 551, 558–560, 565, 567, 568, 570, 571, 619, 622–624, 629, 630, 632, 636, 646, 654–656, 658, 659, 673; II 24, 26–28, 30–34, 44, 45, 47, 57, 70, 71, 89, 93, 98, 145, 220, 244, 245, 254, 256, 257, 261, 273, 274, 284, 286, 295, 296, 317, 324–326, 328, 330, 338–340, 342, 348, 349, 371, 372, 399, 400, 406, 476, 477, 480, 493–535, 547, 566, 572–635, 641, 644, 645, 658, 704, 716, 718, 719, 721, 753
Рейхель Матильда (Reichel M.) II 593, 594
Рейхель Мими (Reichel M.) II 617, 629, 635
Рейхель Паула (Reichel P.) II 598, 615, 621, 627, 629, 633
Рейхель Христиан (Карл Христиан Филипп) Яковлевич I 165, 542, 554, 610, 619; II 621
Рейхель Эрнст (Reichel E.) I 217, 218, 507, 508, 522, 530; II 601
Рейхель (урожд. Юшневская) II 621
Реклю Жан-Элизе (Réclus J.-E.) I 244; II 230, 465, 466, 498
Реклю Эли (Réclus E.) I 244; II 498
Рембрандт Харменс ван Рейн (Rembrandt Harmenz van Rijn) II 347, 478, 519, 521
Ремюза Шарль-Франсуа-Мари, гр. (Remusat Ch.-F.-M.) I 314
Ренан Жозеф-Эрнест (Renan J.-E.) II 539
Ренар Отто (Renard O.), фотограф I 415, 416
Ренкильде – см. Раункильде
Репин Илья Ефимович II 592, 614
Рибейроль (Рибероль) Шарль (Ribeyrolles Ch.) I 27; II 679
Рибери (Riberi), бакалейщик II 266
Рив Эмилия (Reeve E.) II 55, 56, 98, 261, 306, 307, 363–366, 398, 399, 405, 467, 505, 507, 662, 664
Ривалье Карл Филипп – см. Мейзенбуг К.-Ф.
Рид Томас Майн (Reld T.-M.) II 462
Римский-Корсаков Григорий Александрович II 31, 133
Рист (урожд. Моно) Жермена (Зизи; Rist G., Monod) I 569; II 266, 268, 276
Рист Клод (Rist C.) II 276
Рист Леонар (Леонард; Rist L.) I 357, 442, 465, 482, 665; II 44, 266, 276, 297, 303, 319, 324, 544, 551, 553, 555, 774–779
Рист Марио (Rist M.) I 210, 211, 471, 472; II 266, 276
Рист Ноэль (Rist N.) I 210; II 266, 276, 521
Рист Эмиль II 775–778, 780
Рихтер Ж.-П. – см. Жан Поль
Рихтер, акушер II 569
Ричард II (Richard II), англ. король II 372
Ричардс Эдвард (Richards E.) II 374, 377
Ричель Эрнст Фридрих (Richel E.-F.) II 93, 504, 505, 594
Ро (Ру) Огюст (Roud A.) I 357; II 296
Робер-Флёри Тони (Robert-Fleury T.) II 366, 367
Робеспьер Максимилиан (Robespierre M.) II 330, 442, 559
Рогасский, полковник Парижской коммуны I 308
Роде Эрвин (Rohde E.) II 651
Родичев Федор Измайлович I 430
Роза (Rose), кухарка II 447
Розанова Сусанна Абрамовна I 537
Розберг Михаил Петрович II 723, 726
Розен Андрей Евгеньевич, барон I 456
Розен Григорий Эпидонович, тюремный врач I 288
Розенберг, врач I 283
Розенблюм Николай Германович I 207
Рожицкий, польск. революционер I 253
Ройе Клеманс-Огюст (Royer C.-A.) II 178
Рокка Паскуале (Rocca P.) I 68, 114, 115, 122, 147, 571, 576, 675; II 200, 343, 345, 428
Рокка Пьер (Rocca P.) II 427, 428
Рокка (Rocca), жена П. Рокка II 164, 200, 201, 208, 210–212, 215, 343, 429, 430, 436, 464, 466, 513, 529
Рокка Мария – см. Пиачентини М.
Рокка (Rocca), семья II 221, 527
Ролан (Ролан де Ла Платьер) Жанна-Мари (Rolan de La Platiere J.-M.) II 330, 395, 396
Роллан Ромен (Rolland R.) II 654–657, 659
Роллан (урожд. Куро) Антуанетта-Мари (Rollan A.-M; Courot) II 655
Романенко Александр Степанович I 27
Романн Карл-Арвид Иоганнович (полиц. кличка – Постников Николай Васильевич; А.Ф. Романн, К.А. Постников) I 252, 282, 294, 341, 346; II 229
Романов Михаил Федорович, царь I 925
Романовы, династия II 696, 751
Романюк Сергей Константинович I 6, 535; II 626, 711, 722
Ромберг II 504, 505
Ро-Понти (Пуппо; Raux-Ponti), владелица пансиона I 285, 303–305, 325, 345
Рор Жан-Жоффруа (Rohr J.-G.) I 197
Роскина Наталья Александровна I 488
Рославлева Мария Львовна – см. Огарева М.Л.
Россель (Russel), женев. врач II 393
Россини Джоаккино (Rossini G.) II 351
Ростопчин Андрей Федорович II 714
Ростопчин Федор Васильевич, гр. I 522, 525; II 714, 716
Ростопчина Евдокия Петровна, гр. II 730
Ростопчина Екатерина Петровна, гр. II 716
Ротшильд Джемс (Rothschild J.) I 106, 559; II 44, 112
Ротшильд Лионель Натан (Rothschild L.-N.) I 193; II 34, 308
Рошфор Виктор Анри (Rochefort V.-H.) I 451
Руарг Адольф (Rouargue A.) I 640
Руарг Эмиль (Rouargue E.) I 640

Рубенс Питер Пауэл (Rubens P.-P.) II 347, 478
Рубинштейн (Рубинстейн) Антон Григорьевич II 449, 451
Руге Арнольд (Ruge A.) I 180
Рудницкая Евгения Львовна I 346, 350, 357, 405, 442, 465–482; II 5, 24, 25, 226–232, 290, 596, 759–761
Рудой Инна Матвеевна I 6, 539, 577–659, 673–677; II 280, 296–308, 562–573
Румянцев А., семинарист I 347
Румянцев Алексей Петрович II 715
Румянцев Николай Петрович I 525
Руссо Жан-Жак (Rousseau J.-J.) I 166, 178, 498; II 284, 285, 651, 693, 750
Рутцен (Руцен) Софья Карловна (Соничка) II 338, 340, 504, 505, 509, 510
Рылеев Кондратий Федорович I 247, 334; II 129, 130, 571, 578

Сабатье (Sabatier), член флорент. кружка А.А. Герцена II 549
Сабатье (Sabatier), учительница музыки II 416
Сабашниковы Михаил Васильевич и Сергей Васильевич II 607, 617
Сабовский Владислав (Sabowski W.) II 706
Савицкий Иван Михайлович (Ян Стелла) I 213, 370, 371; II 181, 195–197, 315, 410, 417, 420, 425, 475, 476, 521
Савич Алексей Николаевич II 567
Савич Иван Иванович I 486, 487; II 286
Савонарола Джироламо (Savonarola J.) I 206; II 421
Сажин Михаил Петрович (псевд.: Арман Росс) I 345, 347, 405, 408
Сазонов Николай Иванович I 14, 45, 46, 58, 74, 97, 117, 126, 127, 193, 197, 406, 407, 409–411, 413, 461, 517, 542, 543, 575, 579, 591, 621, 628, 629, 631, 634, 636; II 10, 722, 762
Сазонова Елизавета Ивановна I 618, 620, 621, 628–630, 633, 634, 638
Салиас де Турнемир Андре (Salias de Tournemir A.), гр. II 251
Салиас де Турнемир Евгений Андреевич II 251, 253, 272
Салиас де Турнемир (урожд. Сухово-Кобылина) Елизавета Васильевна (Сальяс; Salias de Tournemir, Sailhas; псевд.: Евгения Тур), гр. I 446–448; II 18, 20–22, 103, 104, 113, 158, 160, 251, 253, 483
Салиас де Турнемир (в замуж. Гурко) Мария Андреевна II 251, 272
Салиас де Турнемир (в замуж. Жукова) Ольга Андреевна I 251, 272
Саломе Эмиль (Salomé E.) II 366
Салтыков Михаил Александрович I 499, 517
Салтыков-Щедрин (наст. фам. Салтыков) Михаил Евграфович I 78, 79, 253, 316, 323, 324, 339, 341; II 27
Сальвини Томмазо (Salvini T.) II 331, 443, 446
Самарин Юрий Федорович I 186, 364; II 399, 400
Сангинетти, знакомый Лизы Герцен II 552
Санд (Занд) Жорж (наст. имя Дюпен Аврора; в замуж. Дюдеван; Dudevan; Sand G., Dupin A.) I 16, 58, 85, 110, 127, 449, 656, 658; II 331, 433, 548
Санковская Екатерина Александровна I 552
Сатин Александр Николаевич (Саша) II 24, 39, 235, 270, 338
Сатин Алексей Николаевич (Леля) I 407–412, 414, 417, 419, 669; II 24, 31, 39, 63, 127, 129, 130, 135, 144, 170, 183, 235, 270, 338
Сатин Константин II 279
Сатин Михаил Николаевич II 153, 183, 235, 270
Сатин Николай Михайлович (Михалыч) I 61–63, 82, 83, 85, 145, 152, 158, 200, 356, 391, 395, 407, 408, 410, 412, 415, 417, 419, 426, 435, 437, 492, 546, 548, 552, 600, 623, 625, 628, 629, 634, 636, 651, 659, 666, 667; II 19, 23, 24, 30, 36, 39, 40, 55, 56, 85, 93, 100, 112, 130, 131, 140, 153, 166, 168, 170, 180, 188, 195, 203, 209, 213, 244, 245, 250, 255, 256, 258, 268, 307, 308, 338, 505, 563, 570, 574, 612, 623, 722, 727, 728, 753
Сатин Николай Николаевич (Коля) II 39, 183, 235, 270, 338, 554
Сатина (урожд. Тучкова) Елена Алексеевна (Паж; Hélène) I 90, 409, 421, 426, 443, 462, 493, 494, 635, 642, 643, 646, 649, 651, 652, 654, 657, 658, 664, 666–669; II 5–10, 14–17, 21–25, 29–31, 35, 36, 39, 42, 45–48, 52, 54, 55, 57, 61–63, 71–75, 81, 84, 86, 91, 93, 94, 98, 100, 101, 111, 131–139, 142, 146, 151–153, 168–170, 175, 180–184, 186–189, 191, 194, 195, 198–200, 202–204, 210, 213, 222, 223, 233, 240, 256, 261, 268, 338, 502, 505, 514, 643
Сатина Мария Николаевна (Маня, Елена) I 407–412, 417, 419; II 127–130, 153, 169, 170, 183, 338
Сатина Наталья Николаевна (Тата, Таташа) I 669; II 24, 31, 63, 72, 81, 87, 109, 131, 132, 135, 151, 153, 154, 169, 170, 183, 223, 240, 262, 276, 485
Сатины, дети II 47, 52, 63, 74, 85, 86, 111, 144, 147, 149, 151, 152, 170, 180, 181, 256, 258, 263
Сатины I 356, 395, 443, 462, 464; II 36, 37, 41, 80, 88, 89, 91, 101, 102, 144, 147, 181, 188, 189, 218, 229, 261, 338, 340, 504
Саффи Атилио (Saffi A.) II 432
Саффи Аурелио (Saffi A.) I 201; II 120, 166, 167, 171, 184, 192, 276, 286, 346, 428, 432
Саффи (урожд. Крауфорд) Джорджина (Нина, Nini; Saffi G.; Crauford) II 120, 146, 166–168, 171, 172, 178, 179, 185, 191, 213, 233, 263, 346, 432
Саша (наследник) – см. Александр II
Саша – см. Сатин А.Н.
Св.-Стр., автор корреспонденции в "Сев. Пчеле" II 377
Сведенборг (Шведенборг) Эммануэль (Swedenborg E.) I 160, 174
Свентославский Зенон (Świętosławski Z.) II 679, 737
Свербеев Дмитрий Николаевич I 502; II 238
Свербеевы II 621
Сверчков Николай Егорович II 342
Святловская Александра Владимировна (Светловская Ал. Михайловна) II 598
Сгамбати Джованни (Sgambati G.) II 541
Сегантини Джованни (Segantini G.) II 629
Сезарина (Cesarina), прислуга II 429
Селастенник Гавриил Корнеевич I 504
Селиванов Илья Васильевич I 643; II 16, 143
Селин Александр Иванович II 585
Селина Екатерина Александровна – см. Захарьина Е.А.
Семевский Михаил Иванович I 79, 490, 491, 520, 529; II 140–142, 563
Семен Федорович, молоканин I 277, 280
Семенев (?), литератор II 349
Семидалов Вениамин Иванович I 189; II 573, 579, 581–583, 584, 627, 631, 632, 635

Семичев II 591
Семичева Софья Александровна – см. Захарьина С.А.
Семичева, дочь С.А. Семичевой II 592, 601
Сенека Луций Анней (Seneca L.-A.) II 399
Сен-Жюст Луи (Saint-Just L.) II 226, 442
Сен-Сир Лоран-Гувион (Saint-Sire L.-G.) I 522
Сергеев, купец, отец жены И.И. Маршева II 249
Серебренников Владимир, студент I 290; II 501
Серебренников Семен Иванович I 389, 390, 392, 398, 410; II 229, 230, 496
Серно-Соловьевич Александр Александрович I 269, 270, 293, 300, 343, 346, 347; II 106, 107, 111, 163, 164, 214, 277, 419–421, 706, 708, 766
Серно-Соловьевич Николай Александрович II 108, 168, 286, 451, 522, 753, 754, 757
Серрати (Serrati), член флорент. кружка А.А. Герцена I 549
Серэ, врач II 265, 266
Сесили (Cècile), подруга Лизы Герцен II 192
Сетерленд (Сатерленд) Генри (Генрих; Sutherland H.) I 256, 257, 368, 369, 371–380, 382, 384–386, 394, 397, 399–405, 407–414, 417–419, 425–427, 431, 432, 435, 437, 450, 452, 456, 457, 461, 481, 482, 486, 487, 492–495; II 62, 63, 128, 130, 131, 251–253, 272, 314, 316, 425, 541, 543, 673
Сетерленд (Сатерленд) Мери (Mary; Sutherland M.) I 47, 368, 369, 371–382, 384, 385, 389, 392, 394, 397, 399–403, 405–414, 417–419, 421–433, 435–438, 450, 453, 456, 457, 461–463, 465, 481, 482, 486, 487, 493–495; II 62, 63, 99, 126–128, 130, 131, 174, 215, 251–253, 257, 272, 314, 316, 425, 440, 456, 541–543, 673
Сеченов Иван Михайлович I 369, 372; II 287, 290
Сибулдин – см. Ижболдин И.А.
Сиверс Владимир Карлович II 598
Сиверс II 757
Сиволап-Кафтанова Инна Ивановна II 761–768
Силенька – см. Кетчер С.Н.
Симеон Богоприимец I 588
Симон Людвиг (Симон Триерский; Трирский; Simon L.; S. von Trier) I 106
Симонович Аделаида Семеновна II 161
Синк – см. Герцен А.А., сын
Сисмонди Жан-Шарль-Леонар-Симон де (Sismondi J.-Ch.-L.-S.) II 349, 350
Скалон Аркадий Владимирович I 183
Скальковский Аполлон Александрович II 730
Скаретка (Скаредка, Скарятка) Иван Павлович II 717
Скарлатти (Scarlatti), музыкант II 336
Скарятин Владимир Дмитриевич II 179
Скарятина (Смоленская; в гражд. браке Мечникова) Ольга Ростиславовна I 296; II 407–409
Скворцов Андрей Ефимович I 150
Скороспелова Валентина Александровна I 536
Скотт Вальтер (Skott W.) I 166, 178, 210, 216, 219, 220, 526, 527, 533, 558; II 682, 724
Скоффье (Скофие; Scoffier), врач II 206, 207, 211, 214
Скриб Эжен (Scribe E.) I 221, 222, 364
Слайт, помощник Л. Мерославского II 697
Слепцов (Провансов) Александр Александрович II 290, 308
Сливовская Виктория (Śliwowska W.) I 188, 243; II 674–710
Сливовский Рене (Śliwowsci R.) I 188, 243; II 674–710
Смирнов В.Д. (наст. фам., имя и отч. Соловьев (Андреéвич) Евгений Андреевич II 580
Смирнова, приятельница Е.С. Некрасовой II 594
Смит (Smith), домовладелица I 422, 484, 485
Смолин И. II 758
Снаксарев Афанасий Иванович I 17, 19, 54; II 243, 271
Соболь Татьяна Юрьевна II 5, 9, 26, 106, 118, 130–154
Совинский А.А., автор стихов II 726
Соколов Александр Иванович II 233
Соколов Николай Васильевич I 351, 399, 405, 408, 412, 413; II 128
Соколовский Владимир Игнатьевич II 722
Сократ I 164
Солдатенков Козьма Терентьевич I 258
Соловьев Владимир Сергеевич II 601, 602
Соловьев Сергей Михайлович I 629
Солсби (Soulsby), подруга Таты Герцен II 306
Сомов, владелец гостиницы I 321
Сомье (Соммье) Берта (Sommier B.) I 232; II 420, 424, 426, 436, 443
Сомье (Соммье) Стефан (Sommier S.) II 423, 424, 434
Сомье (Sommier), семья II 441
Сондерс (Сэндерс) Томас Колетт (Saunders T.C.), бар. II 710
Соннино (Sonnino), бар. II 450
Сорде, часовщик I 379
Сорокин Виктор Васильевич I 629
Сорокин, купец I 279, 283
Софокл II 666
Софья, служанка II 186
Сохновский Александр II 710
Спенсер Герберт (Spenser G.) II 317, 424
Сперанский Михаил Михайлович I 499, 502, 503
Спешнев Николай Александрович I 335, 574
Спини Леопольдо (Spini L.) II 19, 254, 353
Спиноза Бенедикт (Spinoza B., d'Espinoza) I 179; II 559
Спиридон Федорович, повар II 574, 717, 770
Спринк Иоганн (Sprink J.) II 64, 229, 238, 270
Стааль Карл Густавович I 44, 510, 517, 519
Станиславский Алексей Васильевич II 149, 278
Станкевич Александр Владимирович I 192–195, 629; II 340, 500–502, 578, 587, 596
Станкевич (урожд. Бодиско) Елена Константиновна (тетя Леша) I 192, 193, 195; II 338, 340, 506, 507, 514, 518, 578, 596
Станкевич Николай Владимирович I 49
Станкевичи II 93, 340, 523
Стасов Владимир Васильевич (Ираклий(?)) II 106, 107
Стасюлевич (урожд. Утина) Любовь Исааковна II 450
Стеженский Леонид Васильевич II 718
Стеклов (наст. фам. Нахамкис) Юрий Михайлович II 594, 684
Стелла, неаполитан. крестьянка II 331, 357, 360, 362–364, 368, 369, 373, 536, 537
Стелла – см. Савицкий И.Л.
Стеллинг-Мишо Сван (Stelling-Michaud S.) II 741–743, 768
Стенсфилд Каролина (Stansfield C.) II 262, 461
Степан Малой I 332
Стефани, венг. демократ I 307
Стращак Леон (Straszak L.) I 240; II 182
Стрельцов В. – см. Лугинин В.Ф.
Строганов Александр Григорьевич, гр. II 568

Строганов, гр. I 257
Струве Глеб Петрович I 499, 535
Струве Петр Бернгардович I 186; II 605
Струговщиков Федор Федорович I 44
Струков Петр Ананьевич I 281
Стуарт (Стюард, Steward) Александр Федорович I 369; II 483, 484
Стурдза Александр Скарлатович II 726
Стюарты (Стуарты; Stuart, Stewart), королевская династия в Шотландии I 196
Суворина Анна Ивановна II 772
Суворов Александр Васильевич I 333
Сульман Август (Зольман; Sohlman A.) I 364
Сумароков Александр Петрович II 618
Суслова (в замуж. Розанова) Аполлинария Прокофьевна II 158, 296
Суслова (в замуж. Эрисман, по второму мужу Голубева) Надежда Прокофьевна I 228–229; II 171, 172, 176, 184, 191, 208, 449, 451
Сухово-Кобылин Александр Васильевич II 253
Сухово-Кобылин Василий Александрович II 250, 251
Сухово-Кобылина Евдокия Васильевна – см. Петрово-Соловьево Е.В.
Сухозанет Николай Онуфриевич I 249, 250, 492
Суццер Луиза – см. Цабель Л.
Сушков Сергей II 730
Счесни, прусск. полиц. советник I 315
Сыров Александр Андреевич II 304
Сысоев Павел Иванович I 318–323
Сычев Алексей Н., крестьянин, отец О.А. Огаревой II 269
Сю (Сюйо; Sue), домовладелец I 31, 144, 220, 565, 567; II 514, 515
Сюарес Андре (Suarès A.) I 204

Таландье Альфред (Talandier A.) I 459, 460; II 127, 276, 502, 503
Талейран-Перигор Шарль-Морис (Talleyrand-Périgord Ch.-M.) I 343
Тальен (урожд. Кабаррюс; позднее де Шиме, кн.) Тереза (Tallien; Cabarrus; de Chimay T.) II 428
Тальма Франсуа-Жорж (Talma F.-G.) I 31
Тальони Поль (Taglioni P.) I 222
Тараканов Николай Григорьевич II 730
Тардье (Tardieu), учитель Саши Герцена I 634
Тарле Евгений Викторович I 521, 537
Тартаковский Андрей Григорьевич I 50, 238, 496–537; II 222
Тассинари Валериано (Tassinari V.) I 386; II 102, 340, 342, 349, 503
Тассо Торквато (Tasso T.) I 197
Тата – см. Герцен Н.А., дочь
Тата – см. Сатина Н.Н.
Татищев С.С., сарат. губернатор II 267, 279
Татьяна, св. мученица I 638
Татьяна, кормилица и няня Таты Герцен II 627
Теккерей Уильям Мейкпис (Thackeray W.-M.) II 357
Телеки Шандор (Teléki S.) I 244; II 350, 351
Телль Вильгельм (Tell W.) II 546
Темпести Мариано (Tempesti M.) I 393
Тенар Луи-Жак (Thénard L.-J.) I 169
Теплова Надежда Сергеевна II 728
Тепляков Виктор Григорьевич II 726
Теплякова, жена II 349, 350, 466, 514
Тесье дю Моте Мари-Эдмон (Tessié du Motay M.-E.) I 31, 122, 131, 138–143, 194, 200; II 245, 480, 637
Тесье дю Моте (Tessié du Motay), жена I 194; II 470, 480
Тиберини, итал. певец I 222
Тизенгаузен Карл Карлович I 610
Тик Людвиг (Tieck L.) I 191
Тимаев, переводчик I 349
Тимашев Александр Егорович I 249, 250, 328; II 735, 736, 739
Тиме Карл Иванович I 152, 153
Тимерман (Тиммерман) Михаил Петрович II 754–758
Тимирязев Василий Аркадьевич I 415
Титов Андрей Александрович I 515, 536
Титов Владимир Павлович II 209
Тихменев, знакомый М.А. Бакунина I 278
Тициан (Тициано) Вечеллио (Tiziano V.) I 439, 443; II 347, 381, 389, 391, 519, 521
Тишкин Григорий Алексеевич I 185
Товяньский Анджей (Towiański A.) I 348
Токарева Евдокия Ивановна – см. Герье Е.И.
Токаржевич Юзеф (Tokarżewicz J.) II 706, 708, 710
Токвиль Алексис (Tocqueville A.) II 330, 443, 445, 448
Толмачев Владимир Александрович II 753–758
Толмачева (урожд. Эверсман) Евгения Эдуардовна II 753–758
Толмачева Софья Владимировна II 757
Толочанов Константин Дмитриевич II 715
Толочанова Татьяна Константиновна II 715
Толстая (урожд. Берс) Софья Андреевна I 38; II 608
Толстая (урожд. Миллер) Софья Андреевна, гр. II 382
Толстой Александр Петрович, гр. II 598
Толстой Алексей Константинович, гр. II 329, 382, 383
Толстой Лев Николаевич, гр. I 11, 36–39, 45, 50, 54, 204, 210, 238, 356, 357, 520, 529, 537; II 120, 138, 158, 188, 189, 221, 222, 276, 329, 370, 374, 500, 502, 546, 581, 588, 591, 592, 596, 598, 604, 614, 629, 754, 758
Толстой Петр Александрович, гр. I 523
Толстой Федор Иванович ("Американец"), гр. II 720
Толстой Федор Павлович, гр. I 490, 491
Толстой Яков Николаевич II 735, 736, 738–740
Толстые I 50
Томошевский (Томашов-Бонча Юлий Осипович ?) II 342
Томсет, переплетчик I 463
Трегенза Джон-М. (Tregenza J.M.) II 710
Тренин Владимир Владимирович II 698
Трепалина Марина Ивановна II 275, 782–811
Трепов Федор Федорович I 268
Третьяков Павел Михайлович II 592
Триерский Симон – см. Симон Л.
Троицкий Михаил Петрович I 285, 287, 288
Тройницкий Александр Григорьевич II 726
Троян Екатерина Андреевна I 183
Трубецкая (урожд. Гудович) Анна Андреевна, кн. I 208
Трубецкая (урожд. Лаваль) Екатерина Ивановна, кн. I 44
Трубецкая, кн. II 22, 191
Трубецкие, род I 198, 669
Трубецкой Николай Иванович (псевд.: Olgherdowich M.), кн. I 188, 207, 208
Трубецкой Павел Петрович (Т.), кн. II 203, 204
Трусов Антон Данилович I 298, 345, 399

Трюбнер Николаус (Trübner N.) I 394, 437, 486, 487; II 129, 263, 295, 356, 379, 380, 686, 687, 732, 741, 743, 744–746, 750–752
Тур Е. – см. Салиас де Турнемир Е.В.
Турбин, таможенный чиновник II 753
Тургенев Иван Сергеевич I 37, 45, 50, 54, 55, 63, 78, 79, 81, 90, 93, 100, 146, 204, 207, 578, 653, 665, 666; II 7–15, 19, 20, 22, 57, 141, 142, 151, 205, 227, 231, 235, 251, 256, 259, 290, 305, 326, 329, 330, 342, 348, 365, 366, 438, 464, 473, 478, 479, 488, 510, 521, 522, 544, 548, 549, 554, 616, 628, 630, 651, 658, 674, 677, 682, 706, 720, 753
Тургенев Николай Иванович I 208, 501; II 685
Тургенев Сергей Сергеевич II 13, 15
Тургенева (урожд. Лутовинова) Варвара Петровна II 13, 15
Турнер Иоганна (Turner J.) II 88, 120, 164, 166, 169, 173, 174, 179–181, 184–186, 189, 223, 337, 410, 461
Турнер (Turner), сестра И. Турнер II 223
Тутс – см. Герцен А.А., внук
Тучков Александр Алексеевич II 617
Тучков Алексей Алексеевич, отец Н.А. Тучковой-Огаревой I 90, 412, 413, 422, 435, 436, 462, 464, 465, 493–495, 635, 643, 651, 659, 666; II 5–9, 12, 14, 18, 19, 21–23, 30, 31, 36, 37, 39–41, 47, 65, 73–75, 80, 81, 91, 101, 107, 111, 120, 128, 137, 138, 143–147, 150, 186, 190, 233, 244, 245, 250, 251, 263, 268, 276, 280, 286, 301, 302, 514, 720
Тучков Алексей Алексеевич, дед Н.А. Тучковой-Огаревой II 19–21, 30, 35, 101, 120, 244
Тучков Павел Алексеевич II 14, 28, 59, 60, 100, 101, 720
Тучков Сергей Алексеевич II 720
Тучков, генерал, домовладелец II 592, 609
Тучкова Анна Алексеевна (Аннетта, Annette) II 6, 134, 268
Тучкова Е.А. – см. Сатина Е.А.
Тучкова (урожд. Нарышкина) Маргарита Михайловна II 617
Тучкова Мария Алексеевна – см. Деспот-Зенович М.А.
Тучкова (урожд. Жемчужникова) Наталья Аполлоновна I 643; II 5, 6, 8, 47, 50, 74, 75, 80, 81, 111, 137, 142, 147, 149, 153, 169–170, 175, 176, 268, 276, 514
Тучкова-Огарева Наталья Алексеевна (Герцен, Огарева, Тучкова; Натали, Консуэла, Natalie, Consuela) I 6, 32, 34, 35, 47, 60–62, 69, 76–80, 83, 85, 88–91, 146, 188, 199–203, 208, 214, 215, 217, 229, 230, 234, 237, 238, 242, 243, 353, 356, 360, 362, 365, 367–369, 371, 373–375, 380–382, 386, 387, 389, 390, 394, 395, 397, 399, 400, 403, 405, 406, 408–414, 417, 419–422, 426, 429, 435, 437, 438, 442, 443, 445–450, 452, 454, 455, 459–462, 464, 465, 472, 475, 483, 484, 487, 488, 490, 492–494, 529, 536, 539, 541, 554, 555, 591, 613, 629, 635, 636, 640, 642, 643, 646, 647, 649, 651, 652, 654, 655, 657–671; II 5–279, 282, 284, 285, 294–296, 301, 302, 307, 308, 313, 316–322, 324, 333, 334, 336–338, 340, 346, 348, 351, 356, 357, 363, 368–370, 372, 373, 377, 379, 381, 382, 392, 395–400, 402–404, 410, 415–417, 419, 421–439, 441, 445, 448–464, 466, 469, 472–474, 476, 479, 481–488, 494, 496, 501–505, 508–511, 513–515, 517, 518, 520–522, 524–527, 529–531, 534–536, 538, 539, 544, 550, 552–555, 563, 564, 572, 579, 595, 600, 604, 607–609, 613, 615–617, 622–625, 631, 642, 643, 645, 646, 648, 657–660, 665, 666, 672, 738, 753, 755, 758, 766, 767
Тучковы I 90, 634, 636, 639, 646, 648, 649, 659; II 6, 9, 10, 21, 139, 140, 142, 152, 222, 244, 301, 554, 575
Тхоржевский Станислав (Пан; Thorżewski S.; Thorjevski) I 77, 211, 215, 216, 228–232, 234–238, 245, 246, 254, 257, 269–271, 286, 290, 294, 297, 341, 346, 349, 376, 377, 379, 382, 383, 386, 387, 401, 403, 408, 410–412, 414, 415, 421, 426, 450–452, 454–457, 459, 460, 462, 478, 483, 493, 494; II 112, 119, 128, 129, 161, 195, 198, 207–209, 212, 220, 221, 222, 236, 238, 252, 253, 259, 274, 280, 291, 306, 314, 319, 342, 343, 355, 368, 371, 394, 400, 408, 410, 417, 420, 422, 423, 425, 428, 430, 435, 439, 441, 444, 446, 453, 457, 461–467, 469, 470, 472–475, 477, 480, 481, 495, 517, 522, 528, 529, 537, 539, 543, 667, 670, 700, 708, 755, 765, 767
Тьер (Тиер) Адольф (Thiers A.) I 291, 308, 314, 323, 324, 391, 412
Тьерри Огюстен (Thierry A.) I 45
Тэн Ипполит (Taine H.) I 394
Тюрго Анн-Робер-Жак (Turgot A.-R.-J.) II 695, 696
Тютчев Федор Иванович II 155
Тюфяев Кирилл Яковлевич I 49, 51, 52, 504, 506, 508, 513, 514, 517; II 573
Тюфяева-Толиверова Александра Николаевна II 769

Уайт-Марио Джесси (White-Mario J.) I 226; II 426
Уваров Сергей Семенович, гр. I 52; II 727, 728
Уваров, гр. II 44
Узиелли II 424
Уоддингтон Патрик (Waddington P.) I 207
Урих Эмма (Urich E.) II 94, 101, 276, 289, 504, 507
Урихи (Urich), шурин и сестра К. Фогта II 276, 289, 504, 505
Усов Степан Александрович II 59, 60, 437
Успенский Глеб Иванович II 175, 598
Усси А. – см. Юсси А.
Устинов Григорий Григорьевич II 330, 379–382, 668
Устинова (урожд. Владимирова), жена Г.Г. Устинова II 196, 379, 380, 382
Устинова Мария Григорьевна (Маня) II 382
Устиновы II 196, 381
Утерло (Outerleau), владелицы пансионата II 211, 212, 214
Утин Евгений Исаакович II 439–441
Утин Николай Исаакович I 224, 237, 299, 300, 324, 345, 350, 351, 399, 410, 411, 488; II 440, 446, 448, 450, 451, 523
Утина (урожд. Корсини) Наталья Иеронимовна (псевд.: Таль Н.А.) II 154, 271, 446, 448
Утины II 185
Ухтомский Алексей Алексеевич I 356, 357
Ушакова II 335, 446, 447, 449

Фабр, чиновник II 731
Фавр Жюль (Favre J.) I 313–314
Фази Джемс (Fazy J.) I 410, 411; II 410, 762, 764
Фалькович Светлана Михайловна II 709
Фан-Дейк А. – см. Ван-Дейк А.
Фау (Fay), домовладелица II 208
Федоров Борис Михайлович I 182
Федоров Николай, крепостной I 718
Федорова Агриппина, крепостная II 717
Федорова Ольга, крепостная II 717

Федосова Тамара Федоровна II 709
Федотов, домовладелец I 268
Федя – см. Корш Ф.Е.
Фейербах Людвиг (Фиербах; Feuerbach L.) I 152, 154, 155, 178, 180, 300, 347; II 641
Фекла Егоровна, няня сестер Тучковых II 24, 45, 46, 136, 268
Фелицына II 604, 627
Феличи Асунта (Felici; Felice A.) II 470
Феличи Терезина – см. Герцен Т.
Феличи (Felici; Felice), мать Т. Феличе II 446
Фенестро – см. Лафенестро
Фёнисберг Даниэль (Foenisberg D.) II 478
Фенси, банкир II 355
Феодор Иоаннович, царь I 330
Феоктистов Сафоний Поликарпович I 289
Фердиновский – см. Фрязиновский
Феррарис Амалия (Ferraris A.) I 222
Ферре Теофиль-Шарль-Жиль (Ferré Th.-Ch.-G.) I 310, 311
Ферре (Ferret), фотограф II 211, 212, 427, 428, 433
Фидий, II 666
Филарет (Дроздов), святой, митрополит московский и коломенский II 690, 696
Филатов Нил Федорович II 714
Филд (Фильд) Джон (Field J.) II 414
Филиппеус Константин Федорович I 315
Филиппович (урожд. Гарденина) Лариса Дмитриевна I 153, 154
Финокетти Нерина (Finochetti N.) II 319, 550, 551, 553
Фихте Иоганн Готлиб (Fichte J.-G.) I 164; II 559, 562
Фишо (Fichot), художник II 237
Флиночка – см. Левицкая П.С.
Флокон Фердинанд (Flocon F.) I 102, 103
Фогт Адольф (Vogt A.) I 93, 202, 218, 397; II 410, 411, 527, 579, 598, 599, 601, 634
Фогт Карл (Вогт; Фок (№ 47), Фохт; Vogt K.) I 126–128, 130, 132–137, 140, 141, 143, 194, 198, 368, 383, 384, 394, 395, 410, 415, 450, 557–565, 568, 570–573, 651, 658, 659, 673, 675; II 57, 59, 101, 130, 158, 160, 161, 188, 211, 219, 245, 276, 284, 286–290, 292, 295, 297, 300, 301, 400, 406, 410, 425, 430, 470, 497, 505, 573, 578, 593, 598, 620, 624, 627, 631, 638, 687, 768
Фогт (урожд. Фоллен) Луиза (Фохт; Vogt L.; Follen) I 368, 383; II 100, 101, 223, 256
Фогт Филипп Вильгельм (Vogt F.-W.) II 288, 289, 301
Фогт Эмиль (Vogt E.) II 421, 422
Фогт (Vogt), жена А. Фогта II 526, 633
Фогт, невестка К. Фогта I 384
Фогты (Vogt) II 94, 101, 289, 528, 530, 531
Фок № 47 – см. Фогт К.
Фоллен (Фоллениус) Август Адольф (Follen A.A., Follenius) I 99
Фолькмар Антуанетта (Volkmar A.) II 330, 366, 367, 369, 371, 372, 375, 378, 380, 392, 442, 483
Фома, св. апостол I 292, 301, 345, 662, 670
Фома Степанович – см. Никитин Ф.С. I 277
Фомм Мария (Манихен, Maniquine, Marichen) I 204, 205; II 70, 516, 517
Фонвизин Денис Иванович I 498
Фонк-Брентано Клодина (Fonk-Brentano C.) II 653
Форстер-Ницше Элизабет (Forster-Nietzsche E.) II 652, 653, 659
Франк Альбер (Franck A.) I 191, 193, 196, 565
Франсис, фотограф II 87
Франсуа, повар I 121, 122, 137, 561, 675; II 275, 638
Франц Иосиф I (Franz Joseph I), австр. император II 109
Франделина (Franzeline), прислуга I 382
Франциск II (Francois II) II 356
Фрёбель Фридрих (Fröbel F.) I 385
Фрёбель Юлиус (Fröbel J.) II 287, 640
Фрёлих Густав (Fröhlich G.) I 369; II 407, 408
Фрёлих Лоренц (Frölich L.) II 212
Фрёлих (Fröhlich), жена Г. Фрелиха II 407, 408
Фрёлихи (Fröhlich) II 409, 526
Френсен Густав (Frensen G.) II 605, 607
Фридрих I Барбаросса (Friedrich I Barbarossa), герм. король и император I 221, 222, 241
Фридрих Вильгельм II (Friedrich Wilhelm II) I 331; II 639
Фридрих-Вильгельм III (Friedrich Wilhelm III), прусский король I 250
Фридрих Евгений (Friedrich-Eugen), принц Вюртембергский I 250
Фрикен (Fricken) Алексей Федорович I 234; II 330, 345, 346, 348–356, 362, 363, 419, 420, 422, 536, 662, 663
Фрич Иозеф Вацлав (Frič J.-V.) I 361; II 309
Фукидид II 651
Фуку Феликс (Foucou F.) I 229, 230; II 457
Фуми (Fumi), адвокат II 467, 468
Фурье Шарль (Fourier Ch.) II 177, 178
Фуше Адель (Foucher A.) I 12
Фэн (Фен) Агатон-Жан-Франсуа (de Fain A.-J.-F.) I 502, 503, 505, 521, 523–526, 528, 529

Хаазе Л. (Haas L.), фотограф II 174
Ханыков Николай Владимирович II 238, 549
Ханыкова II 547, 549
Хеллер Штефан (Heller S.) II 538
Хенриета (Henriette), дочь садовника II 119
Хилдич (Hilditsch), знакомая Таты Герцен II 306
Хитрово, владелица моск. усадьбы II 715
Хлебников П.А. I 428
Хованская Мария Алексеевна, кн. I 13, 17, 18, 20, 42, 44, 49, 54, 499, 578, 589, 594, 596, 609, 632, 634; II 242, 243, 586, 592, 620, 621, 625, 626, 711, 712, 718
Ховрина (урожд. Лужина) Мария Дмитриевна II 571
Хоецкая Мария (Chojecka M.) I 192, 193
Хоецкий Карл Эдмунд (Эдмонд Васильевич; Chojecki K.-E.; псевд.: Шарль Эдмон; Charles Edmond) I 31, 116, 122, 126, 132, 135, 136, 138, 140, 141, 143, 192, 193, 573, 574, 577, 675; II 245, 284, 308, 309, 636, 637, 677, 700, 703, 704, 708, 710
Хомяков Алексей Степанович I 158, 180; II 556–558, 561
Христос – см. Иисус Христос
Христофор (Емаусский), епископ I 347
Худяков Иван Александрович (псевд.: Игнатий) I 271, 299, 341, 469; II 168, 197

Цабель (Суццер) Луиза (Zahel L.; Suzzer) I 121, 123, 124, 193, 556, 557, 574; II 246, 271, 298, 299, 327, 631, 632
Цамперини Фердинандо (Zamperini F.) I 379, 380
Цан Иоганн Карл Вильгельм (Zahn J.-K.-W.) II 423
Цветков Григорий Павлович I 290
Цвярцякевич Юзеф (Свярцякевич; псевд.: Гард; Czwierzakiewicz J.; Gard) I 369; II 351, 363, 674, 697, 710
Цезарь Гай Юлий (Caesar G.-J.) I 116, 185; II 764

Целебровский Макар I 318
Цеханович Петр II 700
Цешковский Август (Cieszkowsky A.) II 700
Цицианов Д.Е. I 499
Цынский Лев Михайлович I 96; II 719, 720
Цюрлинден (Zürlinden), адвокат I 392, 410

Чаадаев Петр Яковлевич I 155, 246
Чайковский Петр Ильич II 581, 622
Чапман Джон (Chapman J.) I 370
Чарторыские (Czartoryscy) I 311; II 699, 710
Чарторыский Адам (Czartoryscy A.) I 242; II 698
Чарторыский Владислав (Czartoryscy W.) I 188, 242, 243; II 674, 698, 704, 708, 710
Чебышев Николай Дмитриевич I 307
Чебышев Пафнутий Львович II 35
Чевкин Константин Владимирович II 41, 42
Челлини Бенвенуто (Cellini B.) I 449
Чемадуров Яков Яковлевич I 339, 343
Черкасский Владимир Алексеевич I 186, 187
Черкесов Александр Александрович I 233, 234; II 420
Черкесова (урожд. Ивашева) Вера Васильевна I 233, 234
Чернецкая Марианна (Louis, mrs; Czerniecka M.) I 367, 400, 401, 454–456, 464; II 174, 190, 222, 365
Чернецкие (Czerniecki) II 184
Чернецкий (Czerniecki), брат Л. Чернецкого I 368
Чернецкий Людвиг (Czerniecki L.) I 212, 253, 255, 262, 269, 272, 280, 286, 287, 290, 325, 328, 341, 349, 365, 367, 373, 379, 383, 385, 395, 398, 400, 401, 459, 460, 464, 481, 482; II 68, 119, 206, 207, 226, 253, 306, 319, 342, 355, 364, 368, 371, 400, 421, 435, 438, 441, 457, 461, 472–474, 648, 670, 678, 700, 708, 763, 764
Черни Карл (Карел) (Czerny K.) II 538
Черницкий Альберт (Chernitzky A.) II 733
Черных Вадим Алексеевич II 741–745
Чернышев Александр Иванович I 527
Чернышевские Михаил и Александр, сыновья Н.Г. Чернышевского I 270
Чернышевский Николай Гаврилович I 33, 270, 272, 292, 293, 300, 341, 345–348, 361; II 36, 42, 108, 156, 168, 437, 440, 449, 500, 528, 584, 702, 706, 710, 740, 754
Черняк Яков Захарович II 710
Чехов Антон Павлович II 581, 616
Чешихин-Ветринский (Чешихин) Василий Евграфович II 271, 576, 579
Чириков Евгений Николаевич II 614
Чичерин Борис Николаевич II 400

Шаванн (Chavanne), гравер I 424, 463
Шаляпин Федор Иванович II 581, 614
Шамиль II 755
Шаншиев Николай Самойлович II 251
Шарвади (Сарвади) Фридьеш I 244
Шарко Жан-Мартен (Charcot J.-M.) II 52, 237
Шаховской Петр Петрович II 716
Шацилло К.Ф. II 187
Швабе, англ. банкир II 661
Швабе (Салис-Швабе; Schwabe), вдова банкира Швабе I 62, 412, 448; II 94, 395, 398, 400–403, 645, 660, 661, 664
Швабе Жорж (Schwabe G.) II 398
Швабе (Schwabe), сыновья Салиас-Швабе II 395, 398
Шведенборг – см. Сведенборг Э.
Шеве (Chevé), содержатель ресторана I 102
Шевелев Александр, отец Н.А. Шевелева I 262
Шевелев Евгений Николаевич (Женя) I 257, 272, 273, 281, 286–288, 290, 291, 342
Шевелев Николай Александрович (Абрамов Иосиф Абрамович, Александрович, Ковелев Миклош, Кикуатов Бенедикт (Венедикт), Колтынин, Шиманский, Шумеев Никанор (Никифор) Леонидович, Oscar Michel) I 251–349
Шевелева (урожд. Анисова) Варвара Ивановна I 253, 254, 258, 262, 266–268, 271, 272, 274, 275, 290, 291, 310, 318, 320, 321, 325, 327–329, 336
Шевелева Надежда Николаевна (Надина) I 271, 281, 285, 286, 290, 291, 303–305, 336
Шевелевы, семья I 271, 286, 287, 341, 362
Шевченко Тарас Григорьевич I 243
Шевырев Степан Петрович I 152
Шедо-Ферроти Д.К. (наст. имя Фиркс Федор Иванович; Shedo-Ferroty) II 707
Шекспир Уильям (Shakespeare W.) I 115, 151, 191, 592; II 249, 329, 340, 372, 387
Шелгунов Николай Васильевич I 181; II 522, 754
Шелгунова (урожд. Михаэлис) Людмила Петровна I 269; II 164, 420, 421, 521, 522, 762
Шеллинг Фридрих Вильгельм (Schelling F.-W.) I 8, 152, 153, 171, 179, 180; II 558, 559, 562
Шембок Ф. (Schemboche), флорент. фотограф II 444
Шенк II 504, 505
Шенлейн Иоганн (Schénlein J.) I 99
Шенье Андре-Мари (Chenier A.-M.) II 332, 446
Шеппинг Мария Петровна I 628, 629
Шереметев Петр Сергеевич, гр. I 535
Шерер Мартин (Scherer M.) II 58
Шеснович А. (Szczesnovicz A.) II 710
Шёфт, знакомый семьи Герценов II 347
Шиерра (Sciarra), кн., владелица картинной галереи II 375, 380
Шиллер Фридрих (Schiller F.) I 20, 98, 164, 176, 210, 215, 216, 592, 599, 600; II 285, 329, 425, 559, 639, 649
Шилов Алексей Алексеевич I 339, 346, 349
Шильдер Николай Карлович I 536
Шиманский – см. Шевелев Н.А.
Шипова – см. Рагозина
Шифф Берта (Беба, Beba; Schiff B.) I 217, 218
Шифф Гуго (Schiff H.) I 387, 390; II 153, 204, 231, 258, 267, 268, 277, 307, 308, 316, 322–324, 406, 407, 434, 464, 468, 469, 471, 474, 476, 477, 486, 488–490, 524, 530
Шифф Марио (Schiff M.) I 226
Шифф (Шиф) Мориц (Schiff M.) I, 206, 212, 226, 232, 353, 365, 368, 370, 371, 373, 376, 380, 381, 386, 404, 410; II 290, 292, 301, 312, 314, 315, 324, 332, 406, 419–422, 436, 437, 445, 448, 449, 453, 467, 468, 471, 524, 525
Шифф (Schiff), мать М. Шиффа I 217, 218; II 485
Шифф (Schiff), жена М. Шиффа I 217, 218, 226, 454; II 415, 434, 439, 441, 443, 476, 485, 486, 524, 526, 530, 667
Шифф (Schiff), дочь М. Шиффа II 524, 526
Шиффы (Schiff) II 415, 417, 435, 439, 464, 468, 476, 525, 528, 530, 540, 553
Шишкин Иван Иванович II 611
Шишкин И.И. II 753, 755, 756, 758
Шишкин Николай Павлович I 349
Шишков Александр Семенович I 526, 531, 537
Шлегель Август Вильгельм (Schlegel A.W.) I 191; II 723

Шлезингер М. (Schlesinger), берлинский книгопродавец II 301
Шлезингер (Schlesinger), дочь М. Шлезингера II 367
Шмиды I 281
Шназе Карл (Schnase K.) II 424, 425
Шнейцхоффер Жан-Мадлен (Schneitzhoeffer J.-M.) I 552
Шнеур Яков II 162, 163
Шольц (Scholz), врач II 667
Шомбург (Шомшильд; Schaumbourg; Schomschild), банковский служащий I 196, 559
Шомшильд – см. Шомбург
Шонгер II 504, 505
Шопен Фредерик (Chopin Fr.) II 671, 674
Шопенгауэр Артур (Schopenhauer A.) II 648, 653, 667
Шпербер Отто фон (Sperber O. von) II 650
Шпильман Иоганн (Шпилинька; Spielmann J.) I 121, 124, 189, 191–193, 558, 564, 565, 570, 577, 670, 673; II 244, 246, 271, 284, 299, 326, 327, 620
Шроппы (Schropp) I 558, 559
Штайн-Ребеккини Августа фон (Stein-Rebecchini A. von) II 404, 475, 535, 667
Штар Адольф Вильгельм (Stahr A.-W.) I 218, 219
Штраубе Е. (Straube E.), книгопродавец I 364, 372
Шу, домовладелец I 384
Шуберт Франц (Schubert F.) II 443, 448
Шубин Борис Моисеевич II 296
Шувалов Иван Иванович, гр. I 331
Шувалов Николай Петрович, гр. I 515
Шувалов Петр Андреевич, гр. I 263, 268, 273, 284, 285, 291, 316, 346
Шувалов Петр Иванович, гр. I 515
Шувалова Екатерина Петровна, гр. I 515
Шуйский, петерб. участник рев. движения I 348
Шульхофф (Schulhoff), композитор II 538
Шумахер (урожд. Мюльгаузен) Юлия Богдановна II 236, 499, 579, 589, 601, 614
Шумахер ("Юша"), невестка М.К. Рейхель II 579
Шумеев Никанор – см. Шевелев Н.А.
Шумеев Никанор Леонидович I 285
Шурц Карл (Schurz K.) I 472, 473; II 286
Шюкинг Теофания (Schücking T.) II 330, 401
Шюкинг Хевин (Schüking H.) II 330, 400–402

Щастный В.Н. II 726
Щедрин Александр Аполлонович II 330, 355, 365, 370
Щедрин М.Е. – см. Салтыков-Щедрин М.Е.
Щепкин Дмитрий Михайлович I 655, 657, 687
Щепкин Михаил Семенович I 58, 553, 622; II 35, 564, 570, 574, 577, 597–598, 601, 608, 609, 612, 628
Щепкин Николай Михайлович II 601
Щепкина (урожд. Станкевич) Александра Владимировна II 601
Щепкины I 648
Щербаков (Шаранов, Щербачев) Алексей Яковлевич I 232, 233, 269, 294, 306, 347, 349; II 381–382, 484
Щербатов Алексей Григорьевич I 552
Щербатов Михаил Михайлович, кн. II 579
Щербатова Софья Семеновна, кн. II 714
Щербачев – см. Щербаков А.Я.

Эбер Жак (Hebert J.) I 183
Эверсман Эдуард Александрович II 753, 754
Эверсман, жена Э.А. Эверсмана II 757
Эдмон Шарль – см. Хоецкий К.-Э.
Эйдельман Натан Яковлевич I 191, 341; II 573–585
Эйхенбаум Борис Михайлович I 54
Экк Иван Иванович II 623, 627
Элпидин (Елпидин; Эльпидин) Михаил Константинович I 252–254, 269–271, 273, 275, 276, 279, 280, 282, 286–288, 291, 293, 296, 298, 299, 301–308, 315, 327, 341, 343–347, 413, 426, 489; II 440, 451, 528
Эльжановский Северин (Elzanowski S.) II 703
Эльсниц Александр Леонтьевич I 426
Эмилия, прислуга II 88, 92, 93, 337
Энгельс Фридрих (Engels Fr.) I 158, 180, 357; II 684, 687
Энгельсон (урожд. Штевен) Александра Христиановна (Офелия, "Пупонька") I 68, 126, 134, 138, 542, 556–562, 564, 566, 568, 569, 571–574, 576, 673–677; II 245, 299, 636–638
Энгельсон (Вейтберг) Владимир Аристович (Енгель, полковник) I 31, 45, 49, 57, 58, 68, 74, 116, 117, 122, 126–128, 130, 132, 134, 138–141, 143, 542, 556–558, 560–562, 564–569, 571–574, 673–677; II 158, 245, 286, 299, 597, 598, 636–638
Энгельсоны I 50, 125, 133; II 155, 179, 636
Эрдон (Эрдан) Андре-Александр-Якоб (Erdane A.-A.-J.) I 237
Эркман-Шатриан (Erkmann-Chatrian), совместный псевдоним Эмиля Эркмана и Шарля Луи Гратьена Александра Шатриана I 210, 214, 215; II 331, 398, 434, 445
Эрманн Г. (Ermann) II 594
Эрминия (Ерминия; Hermini), горничная II 261, 278
Эрн Гаврила Каспарович II 573, 585, 589
Эрн Егор Каспарович II 589
Эрн Каспар Иванович (Карп) II 589, 631, 632
Эрн Мария Каспаровна – см. Рейхель М.К.
Эрн Николай Каспарович II 573
Эрн Прасковья Андреевна I 189, 558, 559, 622, 654, 655; II 566, 572, 573, 574, 585, 589, 592, 609, 612
Эрнест – см. Рейхель Э.
Эссен Петр Кириллович I 500
Эсхил I 164; II 666
Эттлинг (Ettling), гравер II 378
Этцель Пьер-Жюль (Hetzel P.-J.; псевд.: Сталь; Stahl) II 212
Эфрос Наталья Давыдовна I 191, 673; II 575, 590

Юлия, знакомая Таты Герцен II 504, 505
Юман, париж. портной I 101
Юнге (урожд. Толстая) Екатерина Федоровна II 521
Юрасов Николай Иванович I 282
Юрлова (урожд. Нечаева) Нина Николаевна II 143
Юсси (Усси) Александр гар (gar Ussi A.) II 346, 349, 351, 513, 662, 663
Юсупов Николай Борисович, кн. I 498, 517
Юшневский Алексей Петрович II 621

Яворский Яков Андреевич II 719
Языков Владимир Николаевич I 320
Языкова Елизавета Петровна I 44, 628, 629
Якоби Павел Иванович I 433, 434; II 420
Якоби Борис Семенович II 35
Яковлев Александр Алексеевич I 49, 536, 578, 580, 593; II 242, 243, 271, 566, 711

Яковлев Алексей Александрович ("химик") I 580; II 585, 586
Яковлев Иван Алексеевич I 6, 50, 188, 189, 238, 497–538, 545, 580, 581, 589, 601, 614, 615, 624, 625, 655; II 52, 222, 282, 285, 372, 380, 460, 461, 563, 565–567, 572–574, 579, 585, 589, 593, 602, 609, 616, 626, 631, 711–716, 718, 720, 770
Яковлев Лев Алексеевич I 498, 499, 502, 504, 506, 507, 511, 513, 526, 531, 532, 535, 593, 596; II 243, 376, 585, 713–715, 770
Яковлев Михаил Александрович I 508–510, 515, 536
Яковлева (урожд. кн. Мещерская) Наталья Борисовна II 712
Яковлевы I 189, 520, 528–530, 532, 534, 535; II 585, 711–715, 718
Якушкин Евгений Иванович II 209
Якушкин Иван Дмитриевич I 499
Янушкин Павел Иванович I 267
Якушкина (урожд. Кнорринг) Елена Густавовна II 209
Янковский, помещик I 414, 426
Янса Леопольд (Янза; Jansa L.) II 507, 508
Ярнович (Жерновик) Иван Мане (Jarnovic J.-M.) I 160
Ярошевич Антон Осипович I 251, 281–284

Abicht G. – см. Абихт Г.
Adelasia, служанка II 447, 485
Akielewicz M. II 708
Alexandre Lydie, художница II 306
Alinari – см. Алинари
Amberny – см. Амберни
Amélie – см. Галле А.
Arcadelt Jacob II 443
Avenel G. – см. Авенель Ж.

Backofen – см. Бакофен
Bailliére G. – см. Бальер Г.-Ж.
Ballocchi, врач II 470
Basso S. – см. Бассо С.
Berduschek M. – см. Бердушек М.
Bergholz César I 286, 398, 653
Berne, франц. банкир II 435
Bertrand Pierre I 286, 394, 653
Besson – см. Бессон, цветочница
Biller, miss, знакомая Татьи Герцен II 511
Blaserna – см. Блазерна, итал. профессор
Bone (Bohne) – см. Бон, знакомая Тучковой-Огаревой
Bongiorno, учительница музыки II 360
Bonnechose Henry-Marie-Gaston, de II 453
Borejsza J.-W. – см. Борейша Е.-В.
Bouffard Pierre II 665
Bongeart A. – см. Бонжар А.
Brandes, врач II 452
Brossard Sébastien, de II 443

Calame A. – см. Калам А.
Carer, врач II 162
Carminillo II 392
Caroline II 178
Cattermole, m-me II 352
Chamier II 463
Charcot J.-M. – см. Шарко Ж.-М.
Chardon, врач I 400
Charles Albert – см. Карл Альберт
Charles Edmond – см. Хоецкий К.Э.
Charles-Robert I 336
Charlotte – см. Гетсон Ш.
Christel – см. Кристел
Claudine, жена садовника II 429, 512
Clémentine, служанка II 200
Confino M. – см. Конфино М.
Craimier Charles I 308

Dalmer – см. Гулевич С.М.
Daniele da Volterna – см. Ricciarelli D.
Denrée, содержательница отеля I 313, 314
Déprès, моск. виноторговец II 500
Diosi, m-me II 306
Douis – см. Дуйс, домовладелец
Dubois, дантист II 103
Du Brizet – см. Дю Бризе, франц. врач
Duval, портниха II 340

Edgars, владелец торговой фирмы II 368
Elisaheth – см. Елизавета, горничная
Emilie – см. Аксберг Э.М.
Emily – см. Эмилия, прислуга
Emma, m-me – см. Гервег Э.
Ercmann – см. Эркман-Шатриан
Ernst – см. Рейхель Э.
Ersllia – см. Ерсилия
Erzepki B. II 709
Ettore, слуга II 375, 376

Fatio Guillaume I 305, 373, 409
Ferret – см. Ферре, ниццкий фотограф
Fidel, франц. банкир II 435
Flegnaso, учительница итал. языка II 360
Fomm M. – см. Фомм М.
Francoeur I 448, 449

Gaetana, служанка II 416
Gallait – см. Галле
Gandolfi G.-B. – см. Гондольфи Дж.-Б.
gar Ussi A. – см. Юсси А.
Gessmann, гувернантка I 385
Giarra – см. Джарра М.
Gillywritto, m-me, знакомая Татьи Герцен II 436
Giotti (Giotto di Bondone) I 441
Glehn A. von – см. Глен А. фон
Goerdt Wilhelm II 561
Goldsmith Moritz I 383
Goloy-Lardèche – см. Голуа-Лардеш
Granvllllers, врач II 123
Grebeničkova II 309
Guyot (Guiaud) Jacques I 109

Hammel Ernest II 442
Hatson Ch. – см. Гетсон Ш.
Henry – см. Сетерленд Г.
Hill Florence II 428
Hoffmann – см. Гофман, издатель
Horn J.-E. – см. Горн И.-Э.
Horte Alma, гр. II 419

Jannes-Krall, дрезд. певица II 341
Jean, садовник II 429
Jenny – см. Женни, преподаватель рисования
Johannes, знакомые Татьи Герцен II 504, 505
Joséphine – см. Бессон Ж.

Kägli II 463
Katarina – см. Катерина, горничная
Kieniewicz – см. Кеневич С.
Klaczko J. – см. Клячко Ю.

Kleinpaul Rudolf II 378
Knopf Charles – см. Кнон К.Г.
Kosik Karel II 309
Kurpisowa G. – см. Курписова Г.

Lafenestro – см. Лафенестро
Langel Auguste II 451
Laura – см. Караччиоло Л.
Laurina, кормилица II 463
Laussier, певец I 457
Laussot – см. Лосco
Leland Ch.-G. – см. Лиленд Ч.-Г.
Lemann K. (Lehmann) – см. Леманн Р.
Lemann (Lehmann) – см. Леманн, жена Р. Леманна
Lemoine, m-me – см. Лемуань (Лемуан)
Leśniewski Adam II 709
Levier E. – см. Левье Э.
Lieben, знакомый А.А. Герцена II 418
Limanowski Bolesław II 677
Lindemann K.-X. – см. Линдеманн К.-Х.
Lindemann – см. Линдеман, жена К.-Х. Линдемана
Lupny R. II 708

Macé J. II 186, 187
Malar, m-lle, учительница II 209
Marichen – см. Фомм М.
Marie – см. Огарева М.Л.
Markiewisz Z. II 708
Mary – см. Сетерленд М.
Massine, комиссар полиции I 311
Mayor – см. Майер Ф.И.
Meils (Mils, Myls), горничная Герценов II 69, 70
Modzelewski M. – см. Модзалевский М.
Monod E. – см. Моно-Герцен Э.
Müller E. – см. Мюллер Э.
My, miss – см. Майлс (Май), мисс

Nelly II 190, 196
Neumann, знакомый Таты Герцен II 504–505

Obrost – см. Оброст
Olgherdowich M. – см. Трубецкой Н.И.
Oppenheim M. – см. Оппенгейм М.
Oscar Michel – см. Шевелев Н.А.
Outerleau, m-lle – см. Утерло

P. – см. Медведева П.П.
Parlatore F. – см. Парлаторе Ф.
Pelenus II 443
Piquet, семья I 378
Poma, m-lle I 378
Porte – см. Порт
Portugal, m-lle, воспитательница детского сада 450
Progher – см. Прогер
Pugin August II 237

Raux-Ponti – см. Ро-Понти, владелица пансиона
Reeve E. – см. Рив Э.
Remond – см. Раймонд С.-П.
Rey, учитель франц. языка II 472
Ricciarelli Daniele (Daniele Da Volterna) II 356
Rienzi – см. Кола ди Риенци

Rist L. – см. Рист Л.
Rocca P. – см. Рокка П.
Rocca – см. Рокка, жена П. Рокка
Roche Edmond I 225; II 246
Rocherolle II 436
Rolan J.-M. – см. Ролан Ж.-М.
Rörs Marie II 372, 483
Rosalie, служанка II 212–213
Rosalie – см. Бессон Р.

Salias, m-me – см. Салиас де Турнемир Е.В.
Sanders Howard II 454
Schaller J. I 562
Schneider Bertha II 536
Schücking G. – см. Шюкинг К.-Б.-А.
Schurz K. – см. Шурц К.
Schützele, переплетчик I 315, 327
Schwabe – см. Швабе
Sciarra – см. Шиарра
Scoffier – см. Скоффье
Scoffier, сын II 246
Scofier II 246
Siegmund E. (Siegmunt) – см. Гервег Э.
Sielicki Franciszek II 709
Sihnor, певец II 341
Śliwowski R. и W. – см. Сливовские Р. и В.
Smith – см. Смит, домовладелица
Solomon, miss, знакомая Герценов II 418, 419
Sommier B. – см. Сомье Б.
Sommier S. – см. Сомье С.
Sophie – см. Поленова С.Л.
Sorrino Alice II 420
Sprink J. – см. Спринк И.
Star – см. Штар А.-В.
Stasik Florian II 684
Stein – см. Штайн-Ребеккини А. von
Steinhäuser, художница II 380
Steward – см. Стуарт А.Ф.
Sue – см. Сю, домовладелец
Swan, владелец торговой фирмы II 368
Szafi I 426

Tant Michel II 186
Tassinari V. – см. Тассинари В.
Taylor II 367
Tessier – см. Тесье дю Моте М.Э.
Tessier, m-me – см. Тесье дю Моте, жена

Varmutelli – см. Вармутелли
Vieusseux Jean Pierre II 350, 359, 360, 445, 451
Vinant Gaby II 168, 274, 416, 426, 469, 658
Visconti – см. Висконти
Volkmar A. – см. Фолькмар А.

Wendt, охотник II 411–413
Wereszycki H. – см. Верещицкий Н.
Wllliams – см. Вильямс
Wood Charles – см. Вуд Чарлз
Wood, жена Ч. Вуда I 423

Z., неустановленное лицо I 481, 482
Žabicki A. – см. Жабицкий А.
Zienkowicz L. – см. Зенкович Л.

СОДЕРЖАНИЕ

НАТАЛЬЯ АЛЕКСЕЕВНА ТУЧКОВА-ОГАРЕВА

ПИСЬМА Н.А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ

С.И. И Т.А. АСТРАКОВЫМ (С ВКЛЮЧЕНИЕМ ПИСЕМ И ПРИПИСОК ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА), Г.Н. ВЫРУБОВУ, ГЕРЦЕНУ, А.А. ГЕРЦЕНУ, Н.А. ГЕРЦЕН (ЗАХАРЬИНОЙ), МАЛЬВИДЕ МЕЙЗЕНБУГ, ОГАРЕВУ, КАРОЛИНЕ МИШЕЛЬ, Е.С. НЕКРАСОВОЙ, Т.П. ПАССЕК И Е.А. САТИНОЙ

Публикации И.А. Желваковой, Л.Р. Ланского, С.Д. Лищинер, М. Мерво, И.Г. Птушкиной, Е.Л. Рудницкой и Т.Ю. Соболь 5

Н.А. ГЕРЦЕН (ЗАХАРЬИНОЙ) И ГЕРЦЕНУ

Статья и публикация Л.Р. Ланского 5

С.И. И Т.А. АСТРАКОВЫМ (С ВКЛЮЧЕНИЕМ ПИСЕМ И ПРИПИСОК ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА)

Статья и публикация И.А. Желваковой 24

ОГАРЕВУ И ГЕРЦЕНУ

Статья М. Мерво, публикация и комментарии Л.Р. Ланского и М. Мерво с участием И.Г. Птушкиной (п. 1,2) 65

Т.А. АСТРАКОВОЙ, Т.П. ПАССЕК И Е.А. САТИНОЙ

Обзор Т.Ю. Соболь 131

ГЕРЦЕНУ

Статья и публикация С.Д. Лищинер 154

КАРОЛИНЕ МИШЕЛЬ

Публикация М. Мерво 222

А.А. ГЕРЦЕНУ

Публикация Л.Р. Ланского 224

Г.Н. ВЫРУБОВУ

Публикация Е.Л. Рудницкой 226

Е.С. НЕКРАСОВОЙ

Обзор Л.Р. Ланского 232

ДЕТИ

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ГЕРЦЕН

ПИСЬМА А.А. ГЕРЦЕНА

ГЕРЦЕНУ, Н.А. ГЕРЦЕН (ЗАХАРЬИНОЙ), ТАТЕ И ОЛЬГЕ ГЕРЦЕН, С.Л. ЛЕВИЦКОМУ, НИКОЛАЮ II, ОГАРЕВУ, Л. ПЬЯНЧАНИ, А.А. ТУЧКОВУ И С. ТХОРЖЕВСКОМУ

ПРИЛОЖЕНИЕ: ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА О НАСЛЕДСТВЕ ГЕРЦЕНА

Статья Л.И. Матюшенко, публикации С.Д. Лищинер, Л.И. Матюшенко, М. Мерво (Руан), И.Г. Птушкиной и И.М. Рудой 280

ГЕРЦЕНУ И Н.А. ГЕРЦЕН (ЗАХАРЬИНОЙ)

Публикации Л.И. Матюшенко и И.М. Рудой 296

А.А. ТУЧКОВУ

Публикация И.Г. Птушкиной 301

ТАТЕ И ОЛЬГЕ ГЕРЦЕН

Публикации Л.И. Матюшенко и И.М. Рудой 302

С.Л. ЛЕВИЦКОМУ

Публикация С.Д. Лищинер 308

Л. ПЬЯНЧАНИ
Публикация Л.И. Матюшенко ... 312

ОГАРЕВУ
Публикация Л.И. Матюшенко ... 313

С. ТХОРЖЕВСКОМУ
Публикация Л.И. Матюшенко ... 319

НИКОЛАЮ II
Публикация М. Мерво ... 319

ПРИЛОЖЕНИЕ: ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА О НАСЛЕДСТВЕ ГЕРЦЕНА
Публикация Л.И. Матюшенко ... 320

КОЛЯ ГЕРЦЕН

ПИСЬМО К М.К. РЕЙХЕЛЬ (ЭРН)
Статья и публикация Л.Р. Ланского ... 324

НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ГЕРЦЕН (ТАТА)

ПИСЬМА ТАТЫ ГЕРЦЕН ГЕРЦЕНУ
Статья С.Д. Лищинер, публикации Л.Р. Ланского, С.Д. Лищинер и И.Г. Птушкиной ... 329

ПИСЬМА ТАТЫ ГЕРЦЕН Н.А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ
Публикация Л.Р. Ланского ... 481

ИЗ ДНЕВНИКА
Публикация Н.М. Пирумовой ... 488

ПИСЬМА ТАТЫ ГЕРЦЕН М.К. РЕЙХЕЛЬ
Статья И.Г. Птушкиной, публикации С.Д. Лищинер и И.Г. Птушкиной ... 493

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА ГЕРЦЕН (МОНО)

ПИСЬМА ОЛЬГИ ГЕРЦЕН ОГАРЕВУ
Статья и публикация С.П. Гиждеу и И.А. Желваковой ... 534

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА ГЕРЦЕН

ЛИЗА ГЕРЦЕН
Статья и публикация И.А. Желваковой ... 544

ДРУЗЬЯ

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ КИРЕЕВСКИЙ

ЗАПИСКА И.В. КИРЕЕВСКОГО К ГЕРЦЕНУ
Публикация Ю.В. Манна ... 556

ТАТЬЯНА АЛЕКСЕЕВНА АСТРАКОВА

ФРАГМЕНТЫ ВОСПОМИНАНИЙ
Публикация И.М. Рудой ... 562

МАРИЯ КАСПАРОВНА РЕЙХЕЛЬ

ПИСЬМА М.К. РЕЙХЕЛЬ Е.С. НЕКРАСОВОЙ
Статья Н.Я. Эйдельмана, публикация и комментарии Э.А. Павлюченко ... 573

ВЛАДИМИР АРИСТОВИЧ ЭНГЕЛЬСОН

ПИСЬМА В.А. ЭНГЕЛЬСОНА ГЕРЦЕНУ
Публикация И.Г. Птушкиной ... 636

МАЛЬВИДА МЕЙЗЕНБУГ

ПИСЬМА МАЛЬВИДЫ МЕЙЗЕНБУГ ТЕРЕЗЕ ПУЛЬСКОЙ И ОГАРЕВУ
Статья и публикация С.П. Гиждеу ... 639

СОРАТНИКИ И ПРОТИВНИКИ

ПИСЬМА ГЕРЦЕНУ ПОЛЬСКИХ ДЕМОКРАТОВ

С. ВОРЦЕЛЯ, А. ГУРОВСКОГО, Г. ДЕМБИНСКОГО, Т. ЛАПИНСКОГО, И. ЛЕЛЕВЕЛЯ, Л. МЕРОСЛАВСКОГО, Ц.-К. НОРВИДА, Ю.-Б. ОСТРОВСКОГО, Р. РАЧИНСКОГО, Ю. ЦВЕРЦЯКЕВИЧА И В. ЧАРТОРЫСКОГО
Публикация Л.Р. Лянского, вступительные заметки и комментарии В. и Р. Сливовских ... 674
Ц.-К. НОРВИД ... 674
С.-Г. ВОРЦЕЛЬ ... 677
И. ЛЕЛЕВЕЛЬ ... 682
А. ГУРОВСКИЙ ... 684
Г. ДЕМБИНСКИЙ ... 686
Л. МЕРОСЛАВСКИЙ ... 687
Ю.-Б. ОСТРОВСКИЙ ... 688
Р. РАЧИНСКИЙ ... 690
Ю. ЦВЕРЦЯКЕВИЧ ... 697
В. ЧАРТОРЫСКИЙ ... 698
Т. ЛАПИНСКИЙ ... 698
ПРИЛОЖЕНИЕ: ГЕРЦЕН И ПОЛЬША
Обзор В. и Р. Сливовских ... 700

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

ГЕРЦЕН В МОСКВЕ
Сообщение С.К. Романюка ... 711
МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ЧЛЕН КРУЖКА ГЕРЦЕНА
Сообщение М.К. Перкаля ... 722
"ВЫСОЧАЙШАЯ РЕЗОЛЮЦИЯ" АЛЕКСАНДРА II
Сообщение И.В. Пороха ... 731
ГЕРЦЕН, Ч.-Г. ЛИЛЕНД И "СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ БУДУЩЕГО"
Статья и публикация В. Эджертона (Блумингтон, США) ... 741
У ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА
Сообщение И.В. Пороха ... 752
НЕИЗВЕСТНОЕ ИЗДАНИЕ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФИИ
Сообщение Е.Л. Рудницкой ... 759
ГЕРЦЕН В ЖЕНЕВЕ
Сообщение И.И. Сиволап-Кафтановой ... 761
Т.П. ПАССЕК О "ДОКТОРЕ КРУПОВЕ"
Сообщение М.К. Перкаля ... 768
СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ ... 773
УКАЗАТЕЛЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ
Составила Т.Г. Динесман ... 774
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ
Составила М.И. Трепалина ... 782

Литературное наследство

Том 99

ГЕРЦЕН И ОГАРЕВ
В КРУГУ РОДНЫХ И ДРУЗЕЙ

Книга вторая

Утверждено к печати
Институтом мировой литературы
им. А.М. Горького РАН

Заведующая редакцией
"Наука–культура" *А.И. Кучинская*
Редактор *В.Г. Шитарева*
Художественный редактор *Н.Н. Михайлова*
Художник *Э.Л. Эрман*
Технический редактор *Г.П. Каренина*
Корректоры *Н.П. Гаврикова, Н.П. Круглова, Е.Л. Сысоева*

Набор и верстка выполнены в издательстве
на компьютерной технике

ИБ № 845

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 07.08.1997
Формат 70 × 108 $^{1}/_{16}$. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл. печ. л. 71,4 + 0,1 вкл. Усл. кр.-отт. 73,4. Уч.-изд. л. 85,8
Тип. зак. № 135

Издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Сибирское издательско-полиграфическое
и книготорговое предприятие "Наука"
630077, Новосибирск, ул. Станиславского, 25

Заключительный раздел книги — "Публикации и сообщения" — содержит в себе разнообразные биографические и мемуарные материалы. Отметим обстоятельную работу "Герцен в Москве", в которой на основе архивных документов пересматривается и обновляется чуть ли не бóльшая часть адресов Герцена в Москве 1810—1840-х годов.